

А.Х. ШЕУДЖЕН

АДЫГИ

А.Х. ШЕУДЖЕН

Без адыгов Кавказ – не Кавказ.

И. В. Сталин

АДЫГИ

В двух томах
Том II

ОАО «Полиграф-ЮГ»
Майкоп 2022

УДК 94 (470.621)
ББК 63.3 (2Рос.Ады)
Ш 52

Рецензенты:

Ачмиз Казбек Гучипсович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований;

Хагуров Айтеш Аюбович

доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Адыгея и Кубани,
ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Ш 52 Шеуджен А.Х. Адыги. В 2-х томах. Том II. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2022. – 868с.

В книге на строго документальной основе изложены узловые моменты расселения и миграции адыгских племен в историческом прошлом. Рассмотрены проблемные вопросы становления и развития адыгской государственности, трансформации религиозных верований у адыгов, возникновения письменности, развития работоторговли в исторической Черкесии, а также изменчивости географических названий Северного Кавказа. Монография знакомит читателей со многими зачастую малоизвестными широкой читательской аудитории аспектами истории адыгов.

Рассчитана на школьников-старшеклассников, студентов, молодых ученых, учителей школ и преподавателей вузов, а также для всех, кто интересуется прошлым и настоящим своей любимой малой родины – Земли адыгов.

ISBN 978-5-7992-1032-8
ISBN 978-5-7992-1034-2 (Том II)

© Шеуджен А.Х. 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ к второму тому диалогии «Адыги»	18
НА ПУТИ К ОБРЕТЕНИЮ АДЫГСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	19
1. Первые попытки создания государства адыгов	19
1.1. От античности к средневековью	19
1.1.1. Древнейшие государственные образования предков адыгов – хаттов и касков	19
1.1.1.1. Хаттское царство: легенда о Великом Адыгском государстве	19
1.1.1.2. Каску – древнее государство предков адыгов на Ближнем Востоке	22
1.1.2. Синдское государство	24
1.1.2.1. Археологический материал с поселений и городищ синдов как источник знаний о Синдском государстве	24
1.1.2.2. Было ли присоединение Синдики к Боспорскому царству «добровольным»?	25
1.1.2.3. «Синдо-меоты долго еще играли активную роль в греческом государстве...»	25
1.1.3. Племенные союзы предков адыгов	26
1.1.3.1. Зихский период: процесс консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности	26
1.1.3.2. От Зихского племенного союза – к Зихской конфедерации	27
1.1.3.3. Касожский союз племен: «Они не допускают назначить над собой царя, который объединил бы их»	29
1.1.3.4. Западные адыги и Аланское племенное государство	30
1.1.4. «Иналово государство» на Земле адыгов	30
1.1.4.1. Инал VIII столетия – «глава сагинов, легендарный предок всех княжеских династий Адыгеи и Кабарды»	31
1.1.4.2. Инал XIV столетия – мамлюкский султан?	32
1.1.4.3. Судьба потомков князя Инала	34
1.1.4.4. От князя Инала – к Идару и далее – к «верховному князю Кабарды» Темрюку Идаровичу	36
1.1.5. Усилия князя Темрюка по созданию централизованного государства адыгов	38
1.1.5.1. Новые попытки создания государственности Черкесии	38
1.1.5.2. Князь Темрюк – «истинный рыцарственный представитель черкесского народа»	38
1.2. Конец XVIII – начало XIX вв.: «Черкесские племена заключили между собой тесный союз...»	40
1.2.1. Народные собрания – прообраз адыгской государственности	40
1.2.1.1. «Для обсуждения и определения общих дел и предприятий созываются народные собрания...»	41
1.2.1.2. «Решения всеобщего Хасэ имели силу закона и были обязательными для исполнения на территории всей Черкесии»	41
1.2.1.3. «Хасэ» являлись сословно-представительными собраниями феодальной эпохи и выполняли ряд важных политико-управленческих функций	43
1.2.1.4. «Начиная с 40-х гг., – народные собрания делались гораздо чаще и вызывались энергическими действиями со стороны русских...»	44
1.2.1.5. «Замечательный своими последствиями дефтер 1841 г.»	45
1.2.1.6. «Большое Адагумское народное собрание» (1848 г.)	46
1.2.2. Взаимоотношения адыгов с Англией	47
1.2.2.1. Активизация деятельности английских эмиссаров на Северо-Западном Кавказе	47
1.2.2.2. «Декларация независимости Черкесии»	48
1.2.2.3. Зов о помощи: «Обращение черкесов к народам Европы»	50
1.2.2.4. «Независимая Черкесия» по-английски: проект создания Черкесского государства, независимого от России	52
1.2.2.5. «Великолепной монархине Англии – это смиренное послание адресовано ее слугами-черкесами...»	53
1.2.2.6. «Какую же помощь англичане оказали горцам, в течение многих десятилетий сражавшимся с Россией? – Практически никакую»	54
1.2.2.7. «Англичане прекрасно понимали всю безнадежность ситуации горцев и преследовали исключительно свои собственные цели»	55
1.2.2.8. Уркарт: «Тысячи и тысячи людей в полной мере оценили нравственные качества и доблестный героизм черкесов»	56
1.2.3. Усилия набов Шамиля по объединению черкесов в единое государство	57
1.2.3.1. Хаджи Мухаммед: «Средства для достижения единства адыгов видел в идеях ислама»	57
1.2.3.2. «Неуважение наба к вековым обычаям народа отталкивали адыгов от Сулеймана-эфенди»	57
1.2.3.3. Мухаммед Амин: «Цель – соединить в один союз весь закубанский народ»	59
1.2.3.4. Так все-таки создал ли Мухаммед Амин «основу военно-теократического государства в Черкесии»?	62
1.2.3.5. Сефер-бей Заного: еще одна попытка объединения горцев	63
1.2.4. «Великий Меджлис вольности черкесской» (<i>Лъэгэ шъхьартIуни зэIукI</i>): первое исламское государство адыгов	65

1.2.5. Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в дореволюционный период	66
1.2.5.1. «Земля Черноморского войска» («Черномория», Кубанская область)	66
1.2.5.2. Введение «военно-народной» формы управления в районах, населенных горцами	67
1.2.5.3. «Вместо военных округов в Кубанской области вновь организованы уезды»	68
1.2.5.4. Кабарда и Ставрополье	69
1.2.5.5. Границы Нальчикского округа с начала XX в. до 1917 г.	70
2. Нелегкий выбор: горцы Северного Кавказа в поисках путей самостоятельного развития своих народов	70
2.1. «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей»	70
2.2. Идея образования «Независимой Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана» под покровительством Турции	72
2.3. Нагуч Юсуф-паша: «Англия и Америка все нам дадут, все выстроят...»	73
2.4. Деятельность эмигрантских организаций по «освобождению горских народов Северного Кавказа»	74
2.5. Конец XX в.: Идея объединения всех республик Северного Кавказа в «Единое независимое конфедеративное государство» вновь востребована?	74
2.5.1. От «Ассамблеи» – к «Конфедерации горских народов Кавказа»	74
2.5.2. «Новое – хорошо забытое старое»?	75
2.5.2.1. «Нас манили свободой, а заковали в кандалы зависимости...»	75
2.5.2.2. «Способствовать вытеснению России из Закавказья и Северного Кавказа путем создания Исламской конфедерации Северного Кавказа»	76
2.5.3. Попытка «реанимации» старого лозунга: «Великая Черкесия от Черного до Каспийского моря...»?	77
3. Трудный путь к национальной автономии адыгских народов: основные вехи	79
3.1. «Калейдоскоп» административных преобразований на Северном Кавказе	80
3.2. Административно-государственные преобразования на Кубани	82
3.3. От Горской секции и Горского исполкома – к образованию автономной области и далее республики: административные преобразования в Адыгее	83
3.4. Становление национальной автономии Кабарды и Черкесии	88
3.4.1. Кабарда	88
3.4.1.1. На пути к национальной автономии Кабарды	88
3.4.1.2. Президент А.Б. Каноков: «Нам есть, чем гордиться и к чему стремиться!»	94
3.4.2. Становление государственности Черкесии	96
4. Автономия западных адыгов становится реальностью	97
4.1. Адыгя в составе Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР)	97
4.2. Первые съезды трудящихся адыгов: «В срочном порядке подготовить вопрос о выделении горцев Кубани и Черноморья в автономную область»	97
4.3. ВЦИК РСФСР: «Выделить территорию, населенную адыгейцами, ...и образовать из таковой Черкесскую (Адыгейскую) автономную область»	98
4.4. Во главе Адыгеи	99
4.4.1. Чрезвычайный комиссар по делам горцев при Кубанской советской республике	99
4.4.2. Первые секретари Адыгейского обкома КПСС	102
Голодович Казимир Янович	102
Газов Леонид Петрович	103
Черноглаз Иосиф Моисеевич	104
Цехер Арон Абрамович	105
Кириллов Гавриил Георгиевич	106
Хакурате Шахан-Гирей Умарович	106
Мовчан Андрей Васильевич	107
Елин Дмитрий Гаврилович	108
Чекаловский Федор Григорьевич	109
Кругликов Михаил Маркович	110
Ермаков Антон Петрович	110
Кривенко Леонид Михайлович	110
Давыдов Михаил Прокофьевич	111
Каде Халид Баткериевич	112
Чундоков Ибрагим Сагидович	113
Берзегов Нух Асланчериевич	114
Хут Малич Салихович	115
4.4.3. Президенты (Главы) Республики Адыгея	116
Джаримов Аслан Алиевич	116
Совмен Хазрет Меджидович	117
Тхакушинов Асланчерий Китович	118
Кумпилов Мурат Каральбиевич	119
4.5. Провозглашение Республики Адыгея – осуществление вековой мечты адыгов	119
4.6. Государственные символы адыгских республик	121

4.6.1. «Титулярник» и «Гербовник»: эволюция древней адыгской символики в русской государственной геральдике	121
4.6.1.1. «Титулярник» XVI-XVII вв.: «Черкасские земли» в царском титуле и русской государственной геральдике	121
4.6.1.2. Кабардинские эмблемы в родовом гербе князей Черкасских	122
4.6.2. Конституция: Основной Закон Республики Адыгея	123
4.6.3. От племенного флага – к Государственному Флагу Республики Адыгея	124
4.6.3.1. «Санджакъ» – боевое походное знамя адыгов в XVIII-XIX вв.	124
4.6.3.2. <i>Бэракъ</i> : белые, красные, голубые, пестрые обрядовые флажки и флаги в быту адыгов	125
4.6.3.3. «Автоном джегу»: праздник возвращения на родину старинного шапсугского знамени	126
4.6.3.4. Национальный флаг черкесов – флаг Д. Уркарта?	128
4.6.3.5. «Государь император... всемилостивейше соизволил пожаловать кабардинцам знамя»	129
4.6.3.6. «Почетное знамя кабардинцев» на фронтах первой мировой войны	131
4.6.3.7. Штандарты Черкесского полка на службе Сирийского правительства: память о потерянной родине	131
4.6.3.8. «Слышен гам, да не там!»: правда о Государственном Флаге Республики Адыгея	132
4.6.4. Государственный Герб Республики Адыгея	134
4.6.5. Государственный Гимн Республики Адыгея	134
4.6.6. Государственные символы Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик	136
4.6.6.1. Кабардино-Балкария	136
4.6.6.2. Карачаево-Черкесия	136
4.7. Шапсугский национальный район: к истории вопроса	136
4.7.1. Краткие сведения по истории причерноморских шапсугов	136
4.7.1.1. «Шапсугское племя по многочисленности своей, – самое сильное между черкесскими племенами...»	136
4.7.1.2. Малая (Причерноморская) Шапсугия в свидетельствах очевидцев и современников	137
4.7.2. Образование Шапсугского национального района	139
4.7.2.1. «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»: объективные трудности и искусственные препоны на пути автономизации шапсугов	139
4.7.2.2. Процесс пошел: «...Считать целесообразным выделение территории, населенной шапсугами, в особый Шапсугский район»	141
4.7.3. Нелегкий путь к возрождению: судьба шапсугского аула <i>Шпоикъу</i>	146
4.7.4. Воссоздать национальную автономию причерноморских шапсугов	147
4.7.4.1. «Поступить с этим народом честно – отдать им то, что принадлежало им»	147
4.7.4.2. В чем же причина обострения «шапсугской проблемы»? мнение публициста	148
4.7.4.3. Реализация мер по национально-культурному и социально-экономическому развитию причерноморских шапсугов	149
4.8. К предыстории Армянского национального района: черкесо-гаи на Кубани	150
4.8.1. «Ты дал испытать народу Твоему жестокое...»: гонения на армян в историческом прошлом	150
4.8.1.1. «Нужно знать историю многострадального армянского народа, чтобы понять суровые веления этой судьбы»	151
4.8.1.2. У истоков: Урарту – древнейшее армянское государство	152
4.8.1.3. Армения в раннем средневековье	153
4.8.1.4. «Как будто мраком был объят весь свет...»: преследования армян татаро-монголами и Тамерланом	154
4.8.1.5. «Армения снова обагрется кровью»: гонения на армянский народ со стороны Персии	154
4.8.1.6. «Верхи армянские стали вести пропаганду против Турции о необходимости освобождения турецких армян»	155
4.8.1.7. Резня 1915 г.: «...чудовищное истребление и изгнание из Турции армянского населения»	156
4.8.1.8. Геноцид – «армянская фантазия» или исторический факт?	156
4.8.1.9. «Защитить армянское население от насилия грузинских войск...»	157
4.8.1.10. И.В. Сталин о возвращении СССР отторгнутых Турцией армянских городов Карс и Ардаган	158
4.8.2. К истории появления черкесо-гаев на Кубани	159
4.8.2.1. Петр I: «Стараться всячески призывать на Кавказ армян...»	159
4.8.2.2. Черкесо-гаи: кто они такие?	160
4.8.2.3. К вопросу о времени появления черкесо-гаев на Северо-Западном Кавказе	161
4.8.2.4. К истории заселения армянами Черноморского побережья Кавказа	163
4.8.2.5. Роль генерала Засса в переселении армян в Ермэлхъабл	164
4.8.2.6. «Армянский аул» (Армавир) – первое поселение черкесо-гаев на Кубани	165
4.8.2.7. Память о черкесо-гаях: старинные названия околотков и кварталов Армавира	166
4.8.3. «Пользовались благорасположением коренного населения...»: взаимоотношения черкесо-гаев с адыгами	167
4.8.3.1. «Черкесы приняли их ласково и дали у себя убежище...»: отношение горцев к армянам на Кубани	167

4.8.3.2. Кавказская война и «черкесские армяне»: документы свидетельствуют	168
4.8.3.3. «Количество полученных армавирами орденов служит лучшим показателем их военных заслуг»	168
4.8.3.4. «Черкесо-гаи замкнули на себе всю внутреннюю торговлю на Кубани»	169
4.8.3.5. «Главный источник торговых доходов армянина представлял торг людьми»?	171
4.8.3.6. «Армяне состоят аталыками всех знатных, влиятельных и наиболее сильных черкесских князей»	171
4.8.3.7. «Влияние армян на господствующие в горах классы глубоко и всесторонне...»	172
4.8.3.8. «Исход» черкесо-гаев с адыгских земель во время Кавказской войны	173
4.8.4. Традиционный уклад и материальная культура черкесо-гаев	173
4.8.4.1. Штрихи к укладу черкесо-гаев: «Семья загромождена национальными наслоениями другого народа»	174
4.8.4.2. <i>Ясверы</i> : пережитки рабства у черкесо-гаев	175
4.8.4.3. Земледельческая культура армян на Северном Кавказе	175
4.8.4.4. Амшены и хемшилы: своеобразные этнические группы армян на Кубани	176
4.8.5. Религиозные верования черкесо-гаев на Кубани	178
4.8.5.1. Память об исторической родине: языческий культ в Великой Армении	178
4.8.5.2. «Имеют небольшое понятие о вере...»: христианско-языческие верования черкесо-гаев	180
4.8.5.3. «Хранить, как святыню...»: древний христианский колокол из Абадзехии	181
4.8.5.4. «Черкесы... никогда не мешали армянам отправлять богослужение по правилам григорианского вероисповедания»	182
4.8.5.5. «С христианскою верою тесно соединен был весь внутренний уклад армянской жизни»	183
4.8.5.6. «Армяне, оставаясь искренне верующими христианами, совершенно утратили обрядовую сторону религии»	183
4.8.6. Проблемы образования Армянского национально-территориального района	183
4.8.7. Наши дни: к строительству в Майкопе Армянского национально-культурного и религиозного центра	185
4.9. Адыгя в составе Южного федерального округа	186
4.9.1. Организация Южного федерального округа	186
4.9.2. Реорганизация Южного федерального округа в собственно Южный и Северо-Кавказский федеральные округа	190
ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ АДЫГОВ В НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ	192
1. Предания о происхождении адыгского народа	192
1.1. У истоков: к родословной первых адыгских князей, по преданиям кабардинцев	193
1.1.1. От хана Ларуна до князя Инала	193
1.1.2. «Кес – родоначальник всех черкесских князей»	193
2. Версии о происхождении адыгов: калейдоскоп научных и псевдонаучных мнений	194
2.1. «Предки адыгов – выходцы из Аравии, Египта и Ближнего Востока»?	194
2.1.1. «Аравийская» версия	194
2.1.1.1. «Кабардинцы имеют неясное убеждение, почитая себя пришельцами из Аравии...»	194
2.1.1.2. «Черкесы ведут свой род от двух братьев: Чер и Кес, вышедших из Аравии из племени курейш»	195
2.1.1.3. «Родословие» Чера и Кеса, в изложении Измаила Атажукина	197
2.1.1.4. «Инал рассматривается князьями Большой и Малой Кабарды как их общий предок»	198
2.1.2. «Крымская» версия	198
2.1.2.1. «Прародина» кабардинцев – Крым?	198
2.1.2.2. Версии об «исходе» кабардинцев из Крыма и переселении их на Кавказ	199
2.1.2.3. «Следы» пребывания черкесов в низовьях Дона и в Крыму, сохранившиеся в местной топонимике	199
2.1.3. «Аравийско-крымская» версия	201
2.1.4. «Египетская» версия	202
2.1.4.1. «Народ кабардинский родом выходцы из столичного града Египта»	202
2.1.4.2. «Он вывел нас и отцов наших из земли Египетской»	202
2.1.4.3. «Египетско-крымская» версия	203
2.1.5. «Турецкая» версия	204
2.1.6. «Кабардинцы и черкесы произошли или от Кабарды, сына Тамбия, или от Черкеса, сына Альхо, вынужденных покинуть Египет»	205
2.2. Были ли у адыгов «славянские корни»?	205
2.2.1. Запорожские казаки – потомки «пятигорских черкесов»?	205
2.2.1.1. «Новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона»	206
2.2.1.2. «Масштабное переселение адыгских крестьян в соседние славянские земли»	207
2.2.1.3. «Днепровская, или Украинская Черкесия»: к средневековой эмиграции черкесов в Северное Причерноморье	208
2.2.1.4. «Черкасы, казаки и касоги суть разные имена одного и того же народа»	209
2.2.1.5. Некоторые этнографические параллели между запорожскими казаками и черкесами	211

2.2.1.6. Х.М. Совмен: «Казачество – результат масштабной черкесской эмиграции с предгорий Кавказа»	212
2.2.1.7. «Борьба царизма против адыгов осуществлялась при активном участии в ней казаков – или близких соотечественников горцев»	213
2.2.2. «Курская» версия	214
2.2.2.1. «Первые казаки – сброд из черкес горских, в княжение Курском в XIV столетии явились...»	214
2.2.2.2. «Татарский баскак Курского княжества переселил часть ... черкас с Кавказа под Курск»	214
2.2.3. «Рязанская» версия	215
2.2.4. Адыги-анты – славянское племя?	215
2.2.4.1. «Указание на связь, существовавшую между прародителями черкесов прародителями славян»	215
2.2.4.2. «Предания народа о своем антском происхождении – недостоверны»?	217
2.3. «Свежо предание, да верится с трудом»	217
2.3.1. Адыги-кабардинцы – «потомки амазонок»?	217
2.3.1.1. Геродот: «На Меотийском озере... амазонки высадились на берег и начали опустошать страну скифов»	218
2.3.1.2. Страбон: «Низвергающийся с гор Мермадалис протекает страну амазонов и впадает в Меотис (Азовское море)»	219
2.3.1.3. Академик П.С. Паллас: «Сообщение об амазонках не может быть отнесено ни к одному народу Кавказа, кроме черкесов...»	220
2.3.1.4. Дах Шапсугская: юная предводительница «амазонок» XIX столетия	221
2.3.2. «Хазарская» версия	221
2.3.3. Кабардинцы – «потомки Чингис-хана»?	222
2.3.4. «Греческая» версия	222
2.3.5. «Генуэзская» версия	223
2.3.6. «Лебедия» раннесредневековое государственное образование венгров на Кубани?	224
2.4. Родина адыгов – Черноморское побережье Кавказа?	225
2.4.1. Версия о переселении части адыгских племен со своей «прародины» – побережья Черного моря	225
2.4.2. Фальсификация длиною в век: «Черноморское побережье Черкесии – «исконно грузинская территория»?	226
2.4.2.1. «Помочь грузинским крестьянам двинуться с семьями на поселение в богатой стране Черкесии»: взгляд из XIX столетия	226
2.4.2.2. XX век: «Историческое обоснование» претензий Грузии на Черноморское побережье от Сочи до Новороссийска	227
2.4.2.3. И вновь муссируют тезис: «Черноморское побережье до Анапы – исконно грузинская территория»	229
3. Краткие итоги	229
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ У АДЫГОВ	231
1. Язычество у предков адыгов	231
1.1. У истоков религиозных верований адыгов	231
1.1.1. Бронзовый век: формирование языческих воззрений	232
1.1.2. Эпоха железа: «Когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам...»	232
1.2. Пантеон языческих богов у предков адыгов	233
1.2.1. «Главнейшие» божества и покровители у адыгов	233
1.2.1.1. Тха, Тхашхо, Псатхъ: вера в «единого и всемогущего Бога, творца всего сущего»	234
1.2.1.2. Шибле, Яллия, Анцва: «Гром и молния почитаются черкесами с величайшим благоговением...»	235
1.2.1.3. Созерис, Тхагелидж, Джаджа: божества-покровители изобилия, плодородия и земледелия	237
1.2.1.4. Мерием (Мерисса): Мать Великого Бога, покровительница земледелия и пчеловодства	241
1.2.1.5. Тлепш: «Великий бог железа и огня, покровитель кузнецов»	242
1.2.1.6. Ахын, Емиш, Пшишан: покровители крупного и мелкого рогатого скота	243
1.2.1.7. Ханцегуаш: «Лопата-княгиня», покровительница дождя	244
1.2.1.8. Кодес (Кордес): божество моря и рек, покровитель рыбаков	245
1.2.1.9. Зейгутх, Аушэдж: покровители наездников	245
1.2.1.10. Сосруко (Саусрок): нарт, причисленный к «лику святых»	246
1.2.2. «Другие боги вытеснили прежних...»	247
1.2.3. Языческие празднества и обряды	250
1.2.4. «Следы» древних языческих божеств на географической карте Черкесии-Адыгеи	253
1.3. Адыги-«друиды»: культ священных деревьев	255
1.3.1. «Друидизм – религия, состоявшая в почитании природы...»	255
1.3.2. Языческие божества леса	255
1.3.2.1. Мезгуаше: покровительница лесов, плодов и трав	255
1.3.2.2. Мзыгтха: «Хозяин леса и диких животных, бог охоты»	256
1.3.3. Экологические аспекты языческих воззрений адыгов-друидов	256

1.3.3.1. Дерево-богиня Жыг-гуацэ: «Древо познания» и «Древо жизни» как отождествление природы и человека	256
1.3.3.2. <i>Pangiassan</i> : «Самое знаменитое дерево, чтимое черкесами до поклонения»	257
1.3.3.3. Священные рощи: «молитвенное место» горцев, прообраз современных заповедных мест	258
1.3.3.4. «Следы» языческого почитания священных рощ у адыгов сохранились почти настоящего времени?	260
1.3.3.5. «В обычай адыгов входило сохранение деревьев...»:	261
1.3.3.6. «Поразительно ревниво оберегают они деревья...»: армянский автор о культе деревьев у черкесов и абхазов	262
1.3.3.7. «Добрые» и «злые» деревья	262
1.3.4. Погребальный культ у предков адыгов	263
1.3.4.1. «Души предков»: древний похоронный обряд у адыгов-друидов	263
1.3.4.2. «На похоронах «великих» (знатных) лиц употребляется очень странное жертвоприношение...»	264
1.3.4.3. Воздушное погребение: «остаточное явление исконного друидического похоронного обряда у адыгов...»	265
1.3.4.4. «Со смертью моей пусть и обширный курган, и высокий насыпят ахейцы...»	266
1.3.4.5. «Гробницы умерших называют вечными домами, так как в преисподней проводится бесконечный век»	266
2. Адыги и христианство	268
2.1. Обращение адыгов в христианскую веру	268
2.1.1. «Первые вестники христианства... на территории Кубани у причерноморских зихов и босфоритян»	268
2.1.2. Роль Византии в утверждении христианства у горцев Северо-Западного Кавказа	269
2.1.2.1. «Христианство было вторым этапом в истории черкесской религии»	269
2.1.2.2. Тмутаракань: «Крупнейший форпост христианской проповеди среди касогов»	270
2.1.3. «Император Юстиниан обратил милостиво внимание на адыгов и стал прилагать старания к обращению их в христианство»	270
2.1.4. «В те времена народ черкесов отличался набожностью, твердою верою...»	271
2.2. Под сенью креста («джур»): христианские памятники на Земле адыгов	272
2.2.1. Крест – символ только христианства или «древнейший универсальный символ единства жизни и смерти»?	272
2.2.2. «О проникновении к адыгам различных христианских традиций свидетельствуют кресты разнообразной формы...»	273
2.2.3. «И ныне видны развалины храмов христианских во многих местах в стране черкесов...»	274
2.2.4. Шоанинский храм: «удивительный памятник раннего христианства на Земле адыгов»	276
2.3. Насажение Грузией христианской веры у адыгов	277
2.4. Римский папа и адыги: попытка обращения Черкесии в католическую веру	278
2.4.1. Начало деятельности католических миссионеров по распространению своего вероучения	278
2.4.2. «Черкесы внутри страны не имеют ни истинных (католических) обрядов, ни письма, но имеют...экстравагантный образ жизни»	279
2.4.3. «Генуэзцы нанесли в Тамани и Зихии огромный вред православию...»	280
2.5. Распространение христианства в Западной Алании	281
2.5.1. «Распространение христианства в горах Кавказа шло настолько успешно, что здесь была учреждена особая епархия – Аланская...»	281
2.5.2. «Цари Алании первыми приняли христианскую веру, которая стала государственной...»	282
2.5.3. Епископ Феодор: «Аланы – христиане только по имени...»	282
2.6. Христианство – официальная религия в Черкесии	283
2.7. Упадок христианской веры на Северо-Западном Кавказе	284
2.7.1. «Христианская вера пришла в упадок, ...морское побережье впало во мрак невежества и варварства»	285
2.7.2. «Одичавшие христиане»: языческо-христианский культ, сохранившийся у предков адыгов	286
2.7.2.1. «И Господа они чтили, и богам своим они служили...»	286
2.7.2.2. Культ черкесов: «машинальное соблюдение смеси из языческих и христианских обрядов»	287
2.7.2.3. «Верования адыгов представляли собой причудливую смесь христианства и язычества»	287
2.7.2.4. «Принятие адыгами христианства носило поверхностный и формальный характер»	289
2.7.2.5. «Смешанный языческо-христианский культ просуществовал у адыгов вплоть до вытеснения его религией Мухаммеда»	290
2.7.2.6. Культ Аус Георга («Греческого Иисуса») – результат своеобразного «наложения» христианских богов на языческие	291
2.7.3. «Култ креста... сохранился и в послехристианских народных верованиях адыгов»	291
2.7.3.1. «Зихи (адыги) поклонялись кресту и присваивали ему магические свойства»: своеобразный возврат к язычеству?	291
2.7.3.2. Култ креста у адыгов в конце XVIII – начале XX столетия	292
2.7.3.3 «Уважение адехе к изображению креста весьма сильно»	293

2.7.4. Ритуальное поклонение огню у предков адыгов.....	294
2.7.4.1. «Первобытный культ огня... борется на Кавказе с христианством»	294
2.7.4.2. Ритуал зажженной свечи: еще один языческо-христианский пережиток у черкесов?	296
3. Адыги и ислам	298
3.1. Мусульманская религия на Северо-Западном Кавказе: к вопросу о начале исламизации адыгов.....	298
3.1.1. Этапы принятия адыгами ислама	298
3.1.2. Попытки проникновения мусульманских верований на Северо-Западный Кавказ в эпоху средневековья	299
3.1.3. Была ли «насильственная исламизация» адыгов в результате турецко-крымской экспансии?	299
3.1.4. «Христианская вера у черкесов стала постепенно угасать, и на смену ей пришло магометанство...».....	301
3.2. «Переходный период»: от христианства к исламу	302
3.3. Борьба ислама против христианства.....	303
3.3.1. Соперничество двух религий у адыгов в начале XIX в.	303
3.3.2. «Борьба Креста с Луною»: ислам против пережитков христианства и язычества	304
3.3.3. «Крест против Полумесяца»: натухайцы против шапсугов	305
3.4. От ислама – вновь возврат к языческим культам?.....	305
3.4.1. «Они считают себя мухаммединами, хотя на деле не более чем язычники...»	306
3.4.2. «Адыги решались противопоставить формально принятому исламу собственные языческие культы»	307
3.4.3. Черкесы в ожидании «конца света»: удивительное смещение мусульманских и христианских воззрений	308
3.5. Адыги и мюридизм.....	310
3.5.1. Под знаменем «газавата»: начало проникновения идей мюридизма в Черкесию	310
3.5.2. Дефтер 1841 г.: первые попытки восстановить суд шариата у адыгов	310
3.5.2.1. Шариат и тарикат: «Учение это, возникшее в Дагестане и Чечне, мало-помалу проникает к черкесам».....	310
3.5.2.2. «Мы хотим помочь всем неурядицам нашего края и не делать зла друг другу»	311
3.5.2.3. «Шариат во многом способствовал сплочению черкесского общества в борьбе за независимость»	312
3.5.3. Деятельность эмиссаров Шамиля по укреплению мусульманской веры у адыгов.....	313
3.5.3.1. Хаджи Мухаммед и Сулейман-эфенди у черкесов: «...число сторонников мюридизма в особенности растет между простым народом»	313
3.5.3.2. «Идеи мюридизма – в жизнь!»: миссия Мухаммеда Амина	314
3.5.3.3. «За воровство – отрубление правой руки...»: суд шариата у адыгов	314
3.5.3.4. «Мюридизм не привился к закубанцам...»	315
3.5.3.5. Отход адыгов от мюридизма	316
3.6. Укрепление позиций ислама на Северо-Западном Кавказе	316
3.7. Ислам в Адыгее в советский и «постсоветский» период: от упадка к возрождению	318
3.7.1. Первые послереволюционные годы: «Для нас, мусульман, Коран и шариат... дороги»	318
3.7.2. Антирелигиозная и антицерковная политика властей в период «воинствующего атеизма»	319
3.7.2.1. «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам расстрелять, тем лучше»	319
3.7.2.2. Гонения против мусульманской религии и духовенства	320
3.7.3. «И вознаградил их Аллах садами...»: возрождение ислама в адыгских республиках	320
3.7.3.1. Республика Адыгея	321
3.7.3.2. Кабардино-Балкарская республика.....	322
3.7.3.3. Карачаево-Черкесская республика.....	324
3.8. Президент Тхакушинов: «Необходимость уважительного отношения к чувствам верующих любых конфессий...».....	324
3.8.1. Религиозные деятели адыгских республик – против насилия и экстремизма.....	324
3.8.2. Укреплять межконфессиональный союз Адыгейской епархии РПЦ и Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края	324
3.8.3. «Вера очищает душу...».....	325
АДЫГИ И РАБСТВО.....	327
1. Черкесия: «Во все времена рынок рабов...».....	327
1.1. Черноморское пиратство: «часть захваченного населения обращали в рабов»	327
1.1.1. Торговля рабами-черкесами в античные времена.....	327
1.1.1.1. Саниги-гениохи-садзы: у истоков черноморской работорговли	327
1.1.1.2. «Гениохи склонны к убийству и людоедству и ведут разбойничий образ жизни...»	328
1.2. «Весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок»: торговля рабами-черкесами в средние века	329
1.2.1. «Позорная страница в истории итальянского присутствия на Северном Кавказе: работорговля, всемерно поощряемая Генуей»	330
1.2.1.1. «Татарские феодалы... нашли в итальянских колонистах хороших партнеров работорговле»	331

1.2.1.2. «Поддерживаемая генуэзскими официальными властями, работорговля на Кавказе приобрела широкий размах».....	331
1.2.2. Турция и Крымское ханство – основные потребители «живого товара» из Черкесии	332
1.2.2.1. Крымское ханство – главный поставщик невольников из Черкесии	333
1.2.2.2. Черкесия представляла собой «как бы рудник для добывания рабов для турок»	334
1.2.3. «И сами черкесские феодалы занимались продажей своих соплеменников иноземным купцам».....	335
1.2.3.1. «На цене рабов сказывались три фактора: этническое происхождение, пол и возраст...».....	335
1.2.3.2. «Рабство у адыгов в то время носило «домашний» характер...».....	336
1.2.3.3. «Черкесские беи и племена находятся в постоянной вражде между собою и, с целью захвата рабов, производят набеги...»	337
1.2.3.4. «Черкесские князья и уздени не брезговали хищениями девушек и детей у своих же единоплеменников».....	339
1.2.3.5. «Для захвата людей в неволю адыгские феодалы активно занимались на Черном море пиратством».	339
1.2.3.6. «Адыгские торговцы и турецкие контрабандисты вывозят из Черкесии ежегодно до 4000 невольников и невольниц».....	340
1.3. Англия и Франция – «конкуренты» Турции в торговле рабами-черкесами.....	341
1.4. «Кавказ – рассадник пашей»	341
1.4.1. «Облагородив тип турка-оттомана, черкесы внесли живую струю и в государственное управление».....	341
1.4.2. Военная эмиграция черкесов в Османскую империю	342
1.4.3. Черкес Осман-паша Оздемир-оглу: «первый и ...последний османский полководец, прошедший через все адыгские земли»	342
1.4.4. «Каждый третий османский паша в этот период был уроженцем Кавказа»	343
1.4.5. Кантемир: «Черкесы исстари обладают самыми высокими должностями при Османском дворе...»	346
1.4.6. Девушки-черкешенки: «лучший товар для невольничьих рынков Турции, Египта и Европы»	348
1.4.6.1. «Примесь этой (черкесской) прекрасной крови смягчила уродливость татарского типа...»	348
1.4.6.2. «Девушки и девочки кавказских племен, замечательные красотой, ...наполняли гаремы султана и знатных пашей»	348
1.4.6.3. Легенда о «райской жизни» в турецком рабстве: судьбы рабынь-черкешенок	349
1.4.6.4. Айше-Фатма Султан: удивительная судьба черкесской ханши («Большой царицы»).....	351
1.4.6.5. «Покоря сердца своей красотой, умом и неподражаемым сочетанием кротости и страстности...»: черкешенки в странах Европы	351
1.5. Роль России в прекращении вывоза рабов из Черкесии.....	353
1.6. Позорная статистика торговли «живым» товаром из Черкесии.....	354
2. Мамлюки и черкесские династии в Египте.....	355
2.1. Мамлюки: кто они такие?	355
2.2. Система военного рабства – основа мощи исламских государств	356
2.2.1. Наемничество как одна из форм миграции населения Черкесии в период средневековья	356
2.2.1.1. Институт наемничества в раннем средневековье	357
2.2.1.2. Черкесские воины-наемники на службе у турецкого султана	357
2.2.1.3. Военные миграции наемников-черкесов на территории России, Украины и Польши.....	358
2.2.1.4. «Тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять...».....	359
2.2.2. Походы на Москву: черкесы в составе золотоордынского войска	359
2.2.3. «Система военного рабства является институтом, который не сопоставим ни с чем иным вне сферы ислама»	360
2.3. Черкесские (мамлюкские) династии в Египте и Сирии	361
2.3.1. Правление «бахритской» (тюркской) династии	361
2.3.2. К власти в Египте приходит «бурджитская» (черкесская) династия мамлюков	361
2.3.3. Черкес Баркук: путь от простого свинопаса до султана Египта	362
2.3.3.1. Восхождение к трону	362
2.3.3.2. «О народ мой! Разве не у меня власть над Египтом...?»	363
2.3.3.3. «Правитель горского типа, он отказался от азиатского низкопоклонства»	363
2.3.3.4. Баркук-государственник: к созданию Черкесского ксенократического государства со столицей в Каире.....	364
2.3.3.5. Черкесская (мамлюкская) кавалерия: «О, Аллах! Пошли нам победу!»	364
2.3.3.6. Черкесы Баркука против Тамерлана	365
2.3.3.7. Междоусобная борьба в Египте: «Фарадж обрушил на головы черкесских сподвижников своего отца пытки, казни...»	366
2.3.3.8. Роль черкесских султанов в создании боеспособного морского флота в Египте	366
2.3.4. «Период правления султанов Бурджи стал временем монопольного господства черкесов в Египте»	367
2.3.4.1. «Бурджитская» (черкесская) династия мамлюков достигла своего расцвета...»	367
2.3.4.2. Мусульманский Ренессанс: «эпоха богатства, процветания и великолепия черкесских мамлюков»	368
2.3.4.3. «Египет – прекрасная телица, но погибель от севера идет, идет...»: первые османо-мамлюкские войны.....	368

2.3.5. «Закат» многовекового правления черкесов-мамлюков в Египте	369
2.3.5.1. «Османский» период в истории мамлюков	369
2.3.5.2. Наполеон и черкесы-мамлюки	370
2.3.5.3. Закономерный финал: «По всей стране начались репрессии против мамлюков»	371
2.4. Роль черкесских (мамлюкских) династий в истории и культуре арабских государств	372
2.4.1. «Воины-мамлюки покончили с крестоносцами и отразили нашествие татар»	372
2.4.2. Адыги в арабских странах: «Мы, черкесы, никогда никому не покорялись...»	373
2.4.3. «Татарский эмир имел только один недостаток – он не был из племени <i>«людей»</i> , то есть не был черкесом...»	375
КУЛЬТУРА И БЫТ АДЫГОВ	376
1. Материальная культура	376
1.1. «Живые памятники культуры народа»: ремесла и кустарные промыслы	376
1.1.1. «Все, что употребляет адыг, производится дома»	377
1.1.2. Кузнечное производство. Искусство художественнойковки	377
1.1.3. Оружейное производство: «Главная роскошь у черкесов состоит в их оружии»	379
1.1.4. Ювелирное искусство: «Черкесы имели искусных золотых дел мастеров»	379
1.1.5. Золотошвейное производство: «Украшения из золотых и серебряных нитей поражают своим совершенством»	380
1.1.6. Прядильно-ткацкое и шорное производство	381
1.1.7. «Я и стрелы, я и лук, и телега я, и плуг»: изделия из дерева	381
1.1.8. Добыча и использование полезных ископаемых	382
1.1.8.1. Использование подземных богатств Адыгеи в дореволюционный период	382
1.1.8.2. Эксплуатация полезных ископаемых в советское время	383
1.1.9. Особенности национальной одежды	384
1.1.9.1. «Одежда черкесов наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов»	386
1.1.9.2. «Черкеска... являлась тем компонентом одежды, на котором монтировалась вся экипировка адыгского всадника»	389
1.1.9.3. «И снимут с тебя одежды твои, возьмут наряды твои...»	390
1.1.9.4. Не только покорить, но и «раздеть» черкесов: «Александр II высочайше повелеть соизволил...»	390
1.1.9.5. «Верните нам родной казачий мундир и не хороните нашу казачью славу и честь под азиатской одежиной»	391
1.1.9.6. «Уж больно хороша ваша адыгейская форма!»	392
1.1.9.7. «Природную красоту черкешенок подчеркивало великолепие национального женского костюма»	392
1.1.9.8. «Женщины-черкешенки гордятся своим стройным станом и носят особый род корсета»	395
1.2. Земледельческая культура у адыгов	397
1.2.1. «Большая часть населения Черкесии жила земледелием...»: этапы становления и развития земледельческой культуры на Кубани	398
1.2.1.1. «Земледелие у меотских племен было плужным, массовым и по своей технике высоким»	398
1.2.1.2. Земледельческая культура адыгов в период средневековья	399
1.2.1.3. Сельскохозяйственное производство в XVIII-XIX вв.	399
1.2.1.4. Крестьянская реформа 1861 г.: «Хлебопашество в Кубанском казачьем войске находится почти в первобытном состоянии»	402
1.2.1.5. Земледелие у адыгов в конце XIX – начале XX вв.	404
1.2.1.6. Развитие аграрного производства в Адыгее после 1917 г.	406
1.2.1.7. Военные годы и восстановление народного хозяйства	409
1.2.1.8. Ускорение темпов развития аграрной отрасли во второй половине XX в.	409
1.2.1.9. Кризисное состояние аграрного производства с распадом СССР	410
1.2.1.10. Прогноз ученого: этапы развития аграрного производства в Адыгее на ближайшую и отдаленную перспективу	411
1.2.2. Сельскохозяйственные культуры, возделываемые в Черкесии	411
1.2.2.1. «Эта земля производит огромное количество хлеба»	412
1.2.2.2. Возделывание проса в Черкесии: «Оное заменяет им хлеб...»	413
1.2.2.3. Ячмень	414
1.2.2.4. Пшеница	414
1.2.2.5. Рожь	416
1.2.2.6. Овес	416
1.2.2.7. Кукуруза	417
1.2.2.8. Садовые культуры	418
1.2.2.9. Овощные и технические культуры	422
1.2.3. Сельскохозяйственные орудия как элемент земледельческой культуры горцев	423
1.2.3.1. Земледельческие орудия в нартском эпосе	424
1.2.3.2. <i>Шуанэ</i> : мотыга	424
1.2.3.3. <i>Пхъэлаш</i> : передковое пахотное орудие, «тяжелый плуг»	425
1.2.3.4. <i>Пхаашажи</i> : горный («легкий») плуг, рало	427

1.2.3.5. <i>Лъэшъу</i> : борона-волокуша.....	428
1.2.3.6. Серп- <i>гъулчъ</i> и коса- <i>шэмэдж</i> : орудия для уборки хлебов.....	429
1.2.3.7. <i>Юныр</i> : обмолот хлебов.....	431
1.2.3.8. Сооружения для хранения зерна.....	432
1.2.3.9. Помол зерна.....	433
1.2.3.10. «На достаточно высоком уровне была техника хозяйствования».....	434
1.2.4. Системы земледелия у адыгов: «Плодородные земли на каждом шагу возбуждали наш восторг».....	436
1.2.5. <i>Шыхъаф</i> – взаимопомощь при выполнении сельскохозяйственных работ.....	438
1.3. Особенности традиционной национальной кухни.....	440
1.3.1. «Черкесы умеренны и скромны в пище и в употреблении напитков».....	440
1.3.2. «Здесь большинство довольствуются растительной диетой и молоком»: пища черкесов в свидетельствах современников.....	442
1.3.3. Напитки алкогольные и безалкогольные: «Черкесы пить не любят; обычный их напиток – вода с медом».....	445
1.4. Поселения и жилища у адыгов.....	447
1.4.1. <i>Хъабл</i> и <i>къуадж</i> : основные типы поселений у адыгов.....	447
1.4.2. Жилища черкесов: «Общий их вид приятен... и содержатся в чистоте».....	449
1.5. Народная медицина адыгов.....	451
1.5.1. У истоков традиционной медицины: «Черкесские врачи лечили такие болезни, которые не могли вылечить лучшие русские доктора».....	451
1.5.2. Особенности народной медицины адыгов.....	453
1.5.2.1. «Адыгские народные целители чаще всего используют лекарственные растения, животные и минеральные средства».....	453
1.5.2.2. На страже здоровья горцев и казаков: минеральные грязи и целебные источники.....	455
1.5.2.3. Использование минеральных вод в наши дни.....	456
1.5.3. «Корчий ходэ, людэй зводэ...»: малярия как фактор, препятствующий колонизации Северо-Западного Кавказа.....	456
1.5.3.1. «Веками выработанная у горского населения система гигиенического режима для предупреждения от лихорадок».....	457
1.5.3.2. Доктор И.И. Пантюхов: «Горцы принимали против этого заболевания (малярии) различные гигиенические меры».....	458
1.5.3.3. «Черкесы ушли, и страна быстро одичала, ...малярия стала безраздельно царить в этом крае».....	459
1.5.3.4. «Несомненная эффективность» посевов риса и посадок эвкалиптов в борьбе с малярией на Кубани.....	461
2. Духовная культура адыгов.....	462
2.1. Устное поэтическое творчество.....	462
2.1.1. Пословицы и поговорки: голоса из далекого прошлого.....	462
2.1.2. Нартский эпос.....	464
2.1.2.1. «Нартский эпос – один из величайших памятников мировой культуры».....	465
2.1.2.2. Архаический эпос «Нарты»: «прошлое адыгов и во многом их будущее».....	465
2.1.2.3. «Становление этого жанра изначально было связано с изображением реальных событий и лиц».....	466
2.1.3. Народные сказания и сказки.....	467
2.1.3.1. Народные сказания.....	468
2.1.3.2. Адыгейские сказки.....	468
2.2. Музыкальная культура адыгов.....	469
2.2.1. Песни и хохи адыгов: свидетельства минувших эпох.....	470
2.2.1.1. Жанровое разнообразие песенного искусства адыгов.....	470
2.2.1.2. Героические и величальные песни.....	471
2.2.1.3. Песни исторические.....	473
2.2.1.4. Обрядовые песни.....	474
2.2.1.5. <i>Гыбзы</i> : плачевые песни, причитания.....	478
2.2.1.6. Трудовые песни адыгов.....	479
2.2.1.7. Аграрные хохи.....	482
2.2.2. Певцы-сказители: «Положение <i>джегуако</i> в обществе было уникальным».....	485
2.2.3. «Музыкальный инструментарий адыгов... своими корнями уходит вглубь тысячелетий».....	486
2.2.4. Танцевальное творчество адыгов.....	487
2.2.5. День сегодняшний: развитие музыкальной культуры в Адыгее.....	488
2.2.5.1. Каплан Туко: «Искусство остается вечным...».....	488
2.2.5.2. Видные деятели культуры и искусства – потомки адыгских махаджиров.....	489
2.3. Художественное творчество адыгов.....	490
2.3.1. «Немалый вклад в сокровищницу адыгской живописи...».....	490
2.3.2. Михаил Шемякин-Карданов: «Адыг, плывущий на гребне жизни».....	491
2.4. <i>Адыгэ хабзэ</i> – кодекс чести у адыгов.....	493
2.4.1. <i>Адыгэ хабзэ</i> : «визитная карточка адыгской культуры, индикатор адыгского (черкесского) этноса».....	493
2.4.2. Л.Я. Люлье: «Эти обычаи (адыгэ хабзэ) становятся могущественнее всяких законов».....	494

2.4.3. Адыгэ хабзэ, как квинтэссенция духовного единства всех адыгов: адыгейцев, кабардинцев и черкесов	496
2.4.3.1. Адат и шариат	496
2.4.3.2. «Куначество было весьма важным обычаем между всеми горцами, а в особенности между черкесами»	496
2.4.3.3. «Связь по аталычеству почитается у черкесов священной...»	497
2.4.3.4. Аманатство: «плохо скрываема форма заложничества»?	500
2.4.3.5. «Странный закон кровомщения, плодящий взаимную ненависть на целые столетия»: кровная месть у предков адыгов.....	500
2.4.3.6. «Оскорбление чести у черкесов всегда разрешалось поединком».....	503
2.4.3.7. Своеобразие свадебных обычаев у адыгов.....	503
2.4.3.8. «В адыгской семье сохранялся строгий этикет поведения всех ее членов»	505
2.4.4. Адыгагъэ-«адыгство»: совокупность принципов и норм адыгской этики	507
2.4.4.1. «Первейшею добродетелью почитают гостеприимство...»	508
2.4.4.2. Гора Старости в черкесских преданиях: трансформация отношения предков адыгов к пожилым людям.....	508
2.4.4.3. «Глубокое уважение к старшим по возрасту» как неотъемлемая составная часть адыгагъэ	509
2.4.5. Народная мудрость, уходящая своими корнями в далекое прошлое	511
2.4.5.1. Афоризмы из адыгского этикета.....	511
2.4.5.2. Крылатые выражения из свода адыгской этики (адыгагъэ, адыгство)	511
2.4.5.3. «Аутлизмы»: цикл афоризмов академика М.Г. Аутлева.....	511
2.5.»Черкешенки – самые красивые и обаятельные во всем мире»: требования адыгэ хабзэ к моральному облику девушек	515
2.5.1. «В Черкесии сохранялся в чистом виде тот стандарт красоты, каким гордилась Эллада...»	515
2.5.1.1. «Черкесы – это отличающийся необычайной красотой народ...»: два диаметрально противоположных мнения об адыгах.....	516
2.5.1.2. «Ты средь женщин несравненна!»: калейдоскоп мнений о красоте черкесских девушек	518
2.5.1.3. Пыжьагъэдэхэ: церемония выбора королевы красоты	521
2.5.2. «Прекрасный пол у черкесов далеко не осужден, как у турок, на вечное затворничество»	521
2.5.2.1. «Черкесские девушки отнюдь не были обречены на заточение»: свобода в общении их с гостями-мужчинами	521
2.5.2.2. «Девушки отличались раскрепощенным нравом, но без налета вульгарности».....	523
2.5.2.3. «Черкесские девушки были очень целомудренны, несмотря на предоставленную им свободу».....	523
2.5.3. «Излюбленным времяпрепровождением адыгских девушек были танцы и присутствие на военизированных играх и скачках».....	524
2.5.3.1. «Девушки выказывали в своих танцах всю прелесть их форм и необыкновенную гибкость их стройных талий»	524
2.5.3.2. «Я видел множество всадниц-черкешенок с колчаном за плечами и с луком в руке, которые мчались галопом...»	525
2.5.4. «Красота девушек была итогом неустанной заботы матери о правильном физическом развитии дочерей».....	525
2.5.4.1. «Забота о женской красоте, начиная с младенческого возраста».....	525
2.5.4.2. «Вырастить дочерей без каких-либо изъянов, в соответствии с представлениями об идеальном телосложении»	526
2.5.4.3. «Трудолюбие, умение хорошо работать считалось первым достоинством черкесских девушек после красоты»	527
2.5.4.4. Воспитание черкесской княжны или дворянки в аталычестве: первый шаг к достойному браку	528
2.5.5. «Следы» матриархата сохранились у адыгов до наших дней?	529
2.5.5.1. «За женщиной оставляют старшинство»: матриархат у адыгов.....	529
2.5.5.2. Цыхубз пцэрыхъ хуцанэ: «концентрированное выражение рыцарского отношения к женщине»	530
2.5.5.3. «Немалым авторитетом пользовалась в семье жена главы семьи гуацэ-тхъэмадэ – «Княгиня дома».....	531
2.5.5.4. К взаимоотношениям супругов: «Обычно обхождение мужа с женой скромно и деликатно»	531
2.5.5.5. «Даже к бедной униженной женщине... черкесы относятся с очень большой внимательностью»: обычай почитания женщин	532
2.5.5.6. «Сила женщины – в ее слабости».	533
2.5.5.7. «Женщина бросается в середину толпы сражающихся и останавливает кровопролитие»: древний обычай «заступления» женщин	534
2.5.5.8. «Немаловажным у черкесов был и обычай «усыновления» иноплеменника, искавшего защиты и покровительства»	534
3. Приоритет адыгов в различных областях знания, культуры, общественной и военной сфере	535
3.1. Черкесский «Иван Сусанин»	537
3.2. Канал Волго-Дон: «черкесский проект»?	538

3.3. «Великий князь всея Руси»: Симеон Бекбулатович на российском престоле.....	539
3.4. Адыг Г. Хут – придворный садовник царя Алексея Михайловича, первый «строитель огородных садов» в Измайлово	539
3.5. Первый генералиссимус России – адыг.....	539
3.5.1. Михаил Алегукович Черкасский.....	540
3.5.1.1. «Своей честностью заслужил всеобщую любовь...»	540
3.5.1.2. Кто все-таки был первым российским генералиссимусом: князь Черкасский или боярин Шеин?	541
3.5.2. Шамиль-паша, имам Чечни и Дагестана: штрихи к портрету «объединителя Кавказа».....	542
3.5.3. Махмуд Шеквет-паша, еще генералиссимус с Кавказа	542
3.5.4. Сталин Иосиф Виссарионович, Генералиссимус Советского Союза.....	543
3.6. Кабардинец Килар Хаширов: первое восхождение человека на Эльбрус	543
3.6.1. К истории современного названия горы Эльбрус	543
3.6.1.1. Предание о великане на горе Эльбрус – «кабардинском Прометее».....	543
3.6.1.2. Эльбрус: кабардинская «Гора счастья» или же карачаевское «Селение барса»?	544
3.6.2. Восхождение	544
3.6.2.1. К предыстории «чисто научной» экспедиции.....	544
3.6.2.2. Восхождение на вершину Эльбруса	546
3.6.2.3. «Килар Хаширова чествовали особо, как единственного, кто достиг заветной вершины...».....	546
3.6.3. Кто же ты, Килар Хаширов?	548
3.6.3.1. Так кто же первым поднялся на Эльбрус: кабардинец Килар Хаширов или мифический «карачаевец Хыйса Муссаевич Хачиров»?.....	548
3.6.3.2. Килар Хаширов – достойный сын кабардинского народа	548
3.6.4. Памяти Килар Хаширова.....	549
3.6.4.1. Дальнейшая судьба первовосходителя на Эльбрус и его потомков.....	549
3.6.4.2. «Память об этом человеке достойна того, чтобы передаваться последующими поколениями»	550
3.6.4.3. «Народу лишь служба, бессмертие постиг»: памяти кабардинца Килар Хаширова.....	551
3.7. Черкесские «корни» некоторых великих людей средневековья: гипотезы и факты	551
3.7.1. Леонардо да Винчи: внебрачный сын черкесской невольницы?	551
3.7.2. Кардинал Карло де Медичи: сын рабыни-черкешенки Магдалены	552
3.7.3. «Был ли предок Христофора Колумба одним из черкесских князей, принявших католицизм?»	552
3.8. Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон: «Да, моя прапрабабушка – черкешенка!».....	553
3.9. «Народной медицине адыгов оспопрививание было известно задолго до того, как оно стало достоянием научной медицины»	554
3.9.1. Гельвеций: «Сколько детей оспопрививание вырвало из когтей смерти!»	554
3.9.2. «Старухи-черкешенки для сохранения красоты производили девочкам прививки оспенного гноя посредством укалывания...»	555
ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ У АДЫГОВ.....	557
1 «Язык – душа народа»	557
1.1. Место языка адыгов в кавказской семье языков.....	557
1.2. «Странный язык черкесов сложнее, чем 147 языков разных народов...»	558
1.3. Гипотеза о родстве абхазо-адыгских языков с древним (вымершим) хаттским языком.....	559
1.4. «Черкесский язык ...не схож ни с одним языком в мире, за исключением венгерского...»	562
1.5. <i>Шэкһуабзе</i> : «тайный язык» черкесских феодалов	563
1.5.1. «Кабардинцы имеют секретный язык, на котором между собой говорят только князья и дворяне».....	563
1.5.2. Табуированные имена промысловых зверей в «тайном языке» охотников.....	564
1.6. «У черкесов велико стремление к русскому языку и русскому образованию»	564
1.7. Роль адыгских языков в общественно-политической и культурной жизни РА, КБР и КЧР.....	565
2. Основные этапы создания адыгской национальной письменности.....	566
2.1. «Преступно было налагать оковы на вольный язык вольного народа»	566
2.2. Сведения о «начатках» адыгской письменности в древности и средневековье.....	566
2.2.1. Расшифровка древнейших эпиграфических памятников ранне-бронзового века	566
2.2.1.1. «Загадочные нечитаемые знаки Северного Причерноморья»	566
2.2.1.2. Серебряные сосуды из майкопского кургана Ошад	567
2.2.2. «Из древней тьмы звучат лишь письмена»: эпиграфические памятники античности	567
2.2.3. Голоса из средневековья	568
2.2.3.1. Расшифровка эпитафии, нанесенной на ковше XIII в.	568
2.2.3.2. Галонифонтибус (1401): «Черкесы имеют свой собственный язык и свою письменность».....	568
2.3. Попытки создания адыгской письменности в дореволюционный период	569
2.3.1. Арабский шрифт или русская кириллица: что брать за основу адыгской письменности?.....	570
2.3.2. «Первые проекты адыгского алфавита»	571
2.3.2.1. Натуюко Магомед Шеретлуков.....	571
2.3.2.2. Хан-Гирей	571
2.3.2.3. Умар Хапхалович Берсей.....	572

2.3.3. Шора Ногмов: «Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо»	572
2.3.4. Дальнейшее развитие работ по созданию алфавита и грамматики адыгского языка	573
2.3.4.1. Разработка алфавита и грамматики адыгейского языка	573
2.3.4.2. Новая азбука кабардинского языка, подготовленная «группой адыгов»	574
2.4. Создание письменности для адыгов после установления советской власти	574
2.4.1. А. Бекух и С. Сиюхов: создатели адыгейского алфавита на арабской основе	575
2.4.1.1. Ахмед Бекух	575
2.4.1.2. Сафербий Сиюхов	576
2.4.2. Использование русской графики при создании письменности для адыгов	576
2.4.3. Трудности при переводе адыгейского языка с латинского на русский алфавит	577
2.5. Развитие современной адыгской лингвистики	577
2.5.1. От «Кабардинской азбуки Шеретлокова – до современных трудов в области адыгской лингвистики и языкознания	577
2.5.2. Потомки адыгских махаджиров: вклад в развитие адыгского языкознания	578
3. Долгий путь к всеобщей грамотности	581
3.1. Дореволюционный период	581
3.1.1. Первая школа на Кубани: «знаменательное событие в культурной жизни степного края на окраине Русского государства»	581
3.1.2. У истоков: становление школьного образования у адыгов	581
3.1.3. «Просвещать инородцев... составляет задачу величайшей политической важности»	582
3.1.4. Школьное образование в пореформенный период	583
3.1.4.1. Школьное строительство до революции в Адыгее	583
3.1.4.2. Открытие школьных заведений в Кабарде	586
3.1.4.3. Проблема преподавания местных языков при царизме: от «обязательного» требования изучения – до его необязательности	589
3.1.4.4. Роль общественных организаций, способствовавших развитию народного просвещения адыгов до революции	590
3.1.4.5. Баксанское культурное движение: новый импульс в деле просвещения адыгов	591
3.2. Развитие школьного образования в годы советской власти	591
3.2.1. Переход от мусульманских школ – к светскому образованию	591
3.2.2. «Адыгейский феномен»: ликвидация неграмотности – одна из первоочередных задач культурной революции	592
3.2.2.1. Трудности на пути национального образования адыгов	592
3.2.2.2. «Определен курс на ликвидацию культурной отсталости крестьянской адыгейской массы»	592
3.2.2.3. «За букварь засели и стар и млад, особенно усердно взялись за учебу черкешенки»	593
3.2.2.4. Ликбез в Адыгее: «Грамотный, обучи неграмотного!»	593
3.2.2.5. Малич Аутлев – «ликвидатор неграмотности»	594
3.2.2.6. Итоги «беспрецедентной» кампании по ликвидации неграмотности	594
3.2.2.7. Школа в а. Хатукай: судьба первых выпускников	595
3.2.3. Дальнейшее развитие школьного строительства в Адыгее	596
3.2.4. Развитие школьного образования в годы советской власти в Кабардино-Балкарии	596
3.2.5. Стремление адыгов к сохранению и обогащению родного языка	597
3.2.6. Эдепсукайская средняя школа: взгляд через годы	598
3.2.6.1. «Наставникам, хранившим юность нашу, ...не помня зла, за благо воздадим»	598
3.2.6.2. «Школьные годы чудесные...»	603
3.2.7. Люди и судьбы: «Далеко разошлись дороги выпускников нашей школы...»	623
3.2.7.1. «По-разному сложились их судьбы»: жизненные пути одноклассников – выпускников 1969 г.	623
3.2.7.2. 60 лет спустя: судьба первых выпускников Эдепсукайской школы	625
3.2.7.3. Выпускники Эдепсукайской школы 1956 г.: дружеская встреча	631
3.2.7.4. «Никто из наших одноклассников не подвел учителей, родителей...»: 18-й выпуск школы в 1969 г., – 40 лет спустя	632
4. Становление и развитие национальной литературы и искусства	633
4.1. У истоков адыгского литературного творчества	633
4.2. Адыгское русскоязычное просветительство: этапы развития	634
4.2.1. Первый этап – первая половина XIX в.	634
4.2.2. Второй этап просветительского движения – пореформенный период	637
4.2.3. Третий этап просветительства – конец XIX – начало XX в.	639
4.3. Развитие национальной литературы в советский период	643
4.4. Мастера художественного слова: адыгские писатели и поэты	648
5. Научный потенциал Адыгеи: «Стремление к знанию есть священная обязанность каждого мусульманина»	668
5.1. «Нарождение новой, народной интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране»	668
5.2. Наши дни: центры научной мысли в Адыгее	669
5.3. Адыгская (Черкесская) Международная академия наук	670

5.4. Общественные организации в Республике Адыгея	671
5.6. «Черкесское зарубежье»: ученые, писатели, публицисты – потомки адыгских махаджиров	672
АДЫГИ: РЫЦАРИ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ	682
1. У истоков: «впечатляющие достижения» спортсменов-адыгов.....	682
1.1. «Адыги показывали свою силу и удаль на самых престижных спортивных соревнованиях древности»	682
1.2. Уникальные сведения о «славных черкасских борцах» в средневековых летописях и былинах	683
2. «Не посрамить памяти своих славных предков...»	684
2.1. Спортивные игры и состязания, пришедшие из глубины столетий	684
2.1.1. «Огромное значение в физическом воспитании горцев играли знаменитые адыгские (черкесские) игрища»	684
2.1.2. «Немало элементов спортивных соревнований включали в себя адыгские празднества...»	685
2.2. «Спорт воспитывает мужественных людей»	686
2.3. На службе большого спорта	686
2.4. «Кто есть кто» в мире спорта: созвездие имен, прославивших народ и родину адыгов	687
2.4.1. «Сиянием звезд спортивных озарена земля...»	687
2.4.2. «Нет, не перевелись еще адыгские рыцари!»: спортивные достижения зарубежных адыгов	691
СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ ЧЕРКЕСОВ-АДЫГОВ В СТРАНАХ МИРА	695
1. «И рассеет тебя по всем народам от края земли до края земли»: черкесская диаспора в странах мира	695
1.1. Этапы формирования адыгской диаспоры за рубежом	695
1.2. «Он тот, кто рассеял вас по земле»: проблемы расселения адыгов за рубежом	696
1.2.1. «День разделения – срок их всех...»	696
1.2.2. Черкесская диаспора в современной Турции	698
1.2.3. Проживание адыгов в странах Ближнего Востока, Европы и США	700
2. «Who is who»: Кто есть кто в черкесском зарубежье	703
3. «Родина у человека одна...»: письма, написанные кровью	709
4. Сохранить единство адыгского народа как этноса	710
5. «О, Родина, прими сынов своих ...»	711
5.1. Проблемы возвращения адыгов на свою историческую родину	711
5.2. Насколько реальна репатриация миллионной черкесской диаспоры в Адыгею?	712
5.3. Мэфэхьабл («Счастливый аул»): возвращение адыгов из Косово	713
5.3.1. «Первые ласточки»: потомки махаджиров возвращаются на свою историческую родину	713
5.3.2. Меры по реализации государственной политики Республики Адыгея в области репатриации зарубежных черкесов	713
5.3.3. Первые группы косовских адыгов на земле предков	714
5.3.4. Рождение аула Мэфэхьабл	715
6. Укреплять сотрудничество с соотечественниками за рубежом	717
6.1. «Адыгская диаспора, безусловно, испытывает потребность в духовном наследии предков»	717
6.2. Международная Черкесская ассоциация: укрепление связей адыгской диаспоры с исторической родиной	717
6.2.1. I Всемирный (международный) черкесский конгресс в г. Нальчике	718
6.2.2. II Конгресс МЧА в г. Майкопе	719
6.2.3. III конгресс Международной Черкесской ассоциации в г. Черкесске	719
6.2.4. IV конгресс МЧА в г. Краснодаре	720
6.2.5. V конгресс Международной Черкесской ассоциации в г. Нальчике	720
6.2.6. VI конгресс МЧА в г. Нальчике	721
6.2.7. Деятельность Международной Черкесской ассоциации сегодня	721
6.3. «Зов Родины...»	722
ОНОМАСТИКА И ТОПОНИМИКА: К ИСТОРИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	
ЗЕМЛИ АДЫГОВ	723
1. «Века отзвучали, а слову и жить, и звучать...»	723
1.1. Имена и родовые фамилии предков адыгов, пришедшие из глубины столетий	723
1.1.1. Источники пополнения «банка» древних имен и фамилий у народов, имевших свою письменность ..	723
1.1.2. Имена адыгов, сохранившиеся в нартских сказаниях, песнях, средневековых письменных источниках	724
1.1.2.1. Нартский эпос	724
1.1.2.2. Имена предков адыгов, упоминаемые в старинных народных песнях	725
1.1.2.3. Имена адыгов в генуэзских нотариальных актах и записках миссионеров	728
1.1.2.4. Родовые фамилии адыгов в «разветвлении отраслей малых племен-кланов»	728
1.1.3. Родовая фамилия <i>Шоджэн</i> : ретроспективный взгляд в прошлое	729
1.1.3.1. «Дерево держится корнями, а человек – родственниками»: к понятиям родословие и генеалогия	729
1.1.3.2. «Все члены одной [черкесской] фамилии составляют между собою тесный союз»	730
1.1.3.3. «Фамилия <i>Шоджэн</i> произошла от священников-шогеней»: у истоков рода Шеуджен-Шогеновых	731
1.1.3.4. Шеуджен-Шогеновы-Шовгеновы: галерея портретов	733
1.1.3.5. Быть достойными памяти предков	737
1.1.3.6. Трагическая военная судьба рода Шеуджен-Шовгеновых	739
1.1.3.7. «Собрать всю энергию Шеуджен-Шогеновых и направить ее на благородные дела»	742

1.2. Названия племен и народов, сохранившиеся в веках на географической карте Адыгеи	744
1.3. В названиях аулов – память о далеких предках адыгов	750
1.3.1. «Имя аулу дает человек»: родовые имена (фамилии) владельцев аулов в Адыгее	750
1.3.2. «Дай Бог, чтобы ты не забыл о нашем роде-племени»	752
1.3.3. Полузабытые имена адыгов: владельцы кабардинских аулов в 1744 г.	755
1.3.4. «Самый полный перечень населенных пунктов Большой Кабарды» накануне «исхода» адыгов в Турцию (1859 г.)	756
1.4. Имена и родовые фамилии предков адыгов, сохранившихся в географических названиях	756
1.5. «Могильные тени великих забвений и ратной судьбы...»	769
1.5.1. Курганы рассказывают	769
1.5.2. «Поведай о могилах наших предков...»	771
1.5.3. «Поляна, где волки съели Хатуука»	772
1.6. Имена предков адыгов – владельцев кошей, стойбищ для скота и мест для таврения	773
1.6.1. Адыгские тамги (тавро): память о предках-владельцах скота	773
1.6.2. Имена предков адыгов в названиях кошей и стойбищ для скота	773
1.7. Земледельческая тематика в старинных географических названиях Северо-Западного Кавказа	774
1.8. Аул Егерухай – своеобразный «заповедник» старинных географических названий	777
1.9. Вернуть исконные географические названия – память о прошлом Земли адыгов	778
1.9.1. «Не пора ли стереть столь ненавистные горцам имена с географической карты?»	778
1.9.2. «Восстановить историческую справедливость...»	780
1.9.3. «Назрела необходимость принятия специального закона об охране исторических названий»	781
2. Древние и средневековые названия географических объектов Черкесии-Адыгеи	781
2.1. Топонимика – «летопись Земли»	781
2.1.1. Значение топонимики для истории, картографии и языкознания	781
2.1.2. Смена народов на территории Северо-Западного Кавказа за исторический период	782
2.2. Древние и средневековые названия морей, окружающих историческую Черкесию	782
2.2.1. Черное море – «Ахын»	782
2.2.2. Азовское море – «Море меоты»	787
2.2.3. Керченский («Черкесский») пролив	790
2.2.4. Каспийское море – «Задний залив Меотийского озера»?	792
2.3. Древние и средневековые названия рек, протекающих по территории исторической Черкесии и прилегающих районов	796
2.3.1. К «родословной» Кубани: «Река Меоте, вытекающая из горы Гипания и впадающая в Меотийское озеро»	796
2.3.2. Белая: «Богиня оленей»?	802
2.3.3. «Терек воет, дик и злобен...»	803
2.3.4. Кума: «Песчаная река»	803
2.3.5. Волга: «Большая Нартовская река»	804
2.3.6. Дон: «Меотидская река Танаид»	806
2.3.7. Днепр-Славутич: «Новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона»	807
2.4. Черкесские горы: «Приветствую тебя, Кавказ седой...»	808
2.5. Подведем итоги... ..	810
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	812
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	814
Приложение. МАТЕРИАЛЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА над убийцами Моса и Гошевной Шовгеновых, проходившего в а. Хакуринохабль с 13 по 19 января 1926 года	858

ПРЕДИСЛОВИЕ

к второму тому дилогии «Адыги»

Очевидное – это то, чего никогда не видишь, пока кто-нибудь не сформулирует это достаточно просто.

Калил Гибран «Песок и цена»

Мы никогда не поймем, куда нам идти, пока не уясним, как мы здесь оказались.

Патриарх Кирилл

В первом томе дилогии «Адыги» систематически излагается материал по происхождению и расселению адыгов в историческом прошлом. Это описание дано в виде самостоятельных разделов:

1. Адыги: происхождение и расселение в историческом прошлом;
2. Расселение племен Северо-Западного Кавказа в эпоху раннего железа;
3. Миграции племен зихов-касогов-черкесов. Средневековая Черкесия;
4. Черкесия перед угрозой нашествия и поглощения со стороны могущественных соседей: расселение и численность адыгов в XVIII в.;

5. Положение Черкесии перед началом Кавказской войны (первая треть XIX в.);
6. «Гибель Черкесии» в Кавказской войне: царское самодержавие против адыгского народа;
7. Махаджирство: «Великий исход» адыгов в Турцию;
8. «Кровавая статистика»: итоги Кавказской войны и «исхода» адыгов в Турцию;
9. Земля адыгов в пореформенный период: геноцид продолжается?;
10. Земля адыгов в годы Советской власти.

Второй том дилогии «Адыги» включает главы:

1. На пути к обретению адыгской государственности;
2. История происхождения и расселения адыгов в народных преданиях;
3. Религиозные верования у адыгов;
4. Адыги и рабство;
5. Культура и быт адыгов;
6. Язык и письменность у адыгов;
7. Адыги: рыцари спортивных состязаний;
8. Современное расселение черкесов-адыгов в странах мира;
9. Ономастика и топонимика: к истории собственных имен и географических названий земли адыгов.

Я отдаю себе отчет, что никакая книга, независимо от ее объема, не может полностью охватить историю адыгов – аборигенов Кавказа живущих здесь многие тысячелетия. Как справедливо заметил И.В. Сталин «Без адыгов Кавказ – не Кавказ». Поистине «нельзя объять необъятное», но я попытался «прикоснуться к необъятному». Насколько мне удалось осуществить это, судить читателям – по сути, новым действующим лицам.

В заключение приведу слова великого английского химика Уильяма Рамзая (1825): «Достойно сожаления, конечно, если случается обнародовать нечто неточное. Тем не менее, я осмеливаюсь думать, что случайная ошибка простибельна... Непогрешимым быть невозможно, а в случае ошибок найдется всегда большое число друзей, которые быстро их исправят». Тем, кто хочет обратить повышенное внимание лишь на недостатки книги, нелишне напомнить слова нашего знаменитого соотечественника Д.И. Менделеева: «Критическая способность у многих из нас развилась таким образом, что часто налегает на одни недостатки, вовсе умалчивая о достоинствах. Она показывает, что русскому критику все хорошее кажется естественным, как естественно, например, иметь волоса на голове. Оттого об этом и не упоминается»

НА ПУТИ К ОБРЕТЕНИЮ АДЫГСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА АДЫГОВ

Принято считать, что установление государственности адыгов относится к началу 20-х гг. XX столетия – созданию в Краснодарском крае Адыгейской автономной области (с 1992 г. – Республика Адыгея в составе Российской Федерации). Однако собранные материалы свидетельствуют, что первые попытки создания адыгской государственности восходят к самым отдаленным временам: древнейшие государственные образования предков адыгов – хаттов и касков (III-II тысячелетия до н. э.). Синдское государство (V в. до н. э.), Зихская конфедерация (середина I тысячелетия н. э.), государство князя Инала, государственные образования Тукара (XIII в.) и главного князя Черкесии Эльжеруко Коноко (XV в.), попытка князя Темрюка создать централизованное государство адыгов (XVI в.), усилия набов Шамиля (Хаджи Мухаммед, Сулейман-эфенди, Мухаммед Амин) по объединению всех черкесских племен и созданию своего собственного государства, и, наконец, «Великий Меджлис вольности черкесской» (1861) – по сути, первое исламское государство адыгов.

1.1. От античности к средневековью

1.1.1. Древнейшие государственные образования предков адыгов – хаттов и касков

Хатты сыграли выдающуюся роль в образовании во II тысячелетии до н. э. могущественного Хеттского царства, формировании его политической и религиозной систем, развитии высокой культуры.

Адыгская (черкесская) энциклопедия (2006).

По данным археологии, во III-II тысячелетиях до н. э. древние предки адыгов, убыхов, абхазов и абазин занимали обширную территорию, которая охватывала центральные и западные части Северного Кавказа, все восточное и южное побережье Черного моря, а также значительную часть Малой Азии. По мнению ученых, на всей этой территории в это время проживали племена, непосредственно принадлежавшие абхазо-адыгской языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским. Племенные названия предков меотов, (кешак, кашка, каскон) и абхазов (абешла, апсилы) были известны задолго до греков, ассирийцев, хеттов, египтян. Одними из древнейших предков абхазо-адыгов, чьи имена до нас дошли, являются многочисленные племена хаттов и касков, проживавшие в III-II тысячелетиях до н. э. в Малой Азии. В народной памяти сохранились легенды и предания о древнейших адыгских государствах.

1.1.1.1. Хаттское царство: легенда о Великом Адыгском государстве

Когда очевидцы молчат, рождаются легенды.

И. Эренбург (1945).

Издревле об этой земле (Адыгее) складывались удивительные легенды...

Э.А. Шеуджен (1995).

Среди адыгов бытуют разные сказания, в которых повествуется о том, будто бы еще 4000 лет назад сильные пра-меотские племена с побережья Меотского (*Хы МыутIэ*) и Черного (*Хы ШIуцIэ*) морей совершали военные походы в Переднюю Азию; они владели обширной территорией, начиная с Закавказья до Арзрума, северных районов Сирии, Багдада, Басры, Алеппо, Коние, Трапезунда. Было время, когда они распространяли свои владения до Египта; имели свои города, такие как Каркемыш и столицу – Хатусас, у них была своя иероглифическая письменность (Нанкуев Д.Я., 2010). Помимо этих сказаний, имеются и письменные источники, в какой-то степени подтверждающие эти сведения.

В газете «Гъуазэ» («Путеводитель»), издававшейся на адыгском языке в начале XX в. в г. Константинополе, была приведена следующая информация: «В глубокой древности существовало Великое Адыгское государство под названием Хатуовского, или Хаттского (видимо, от адыгского *хэт* (*хетт*) – «странствующий»). В какие века Хатуун из родной страны Кавказа пришли в Малую Азию – пока нам неизвестно. Но древние египтяне писали о Хатуунах еще до нашей эры за 4000 лет. В древней Гилдани нашли камень с надписью, подтверждающей, что Хатууновым вождем Уор Хатуом была завоевана страна Гилдани в 3750 г. до н.э. Хатууны владели обширной территорией, начиная с юга Кавказа до севера Сирии, Багдада, Басры, Трапезунда, Арзрума. Было время, когда они распространяли свои владения до Египта. Эти сведения встречаются и в других письменных источниках, например в книге «История Кавказа» Цунатоко Мэтгизета. Сведения о долгом пребывании и владычестве Хатуун в Передней Азии, Анатолии (Турции) имеются и в книге Цаго Нури «Адыгэм итхыд» («История адыгов»), изданной в Баксане в 1918 г.»

Примечательно, что приведенная выше легенда (а то, что это именно легенда, – сомнений нет), тем не менее, находит определенное подтверждение в археологических памятниках, письменных источниках и даже в эпосе адыгов, – в сказаниях и песнях, посвященных хеттам, или хаттам – «прародителям» адыгов (Об этих «родственных связях» Н.А. Тернавский, 2006, пишет так: «Абхазо-адыгские народы являются если не прямыми потомками хаттского этнического сообщества, то их наследниками в культуре и языке»).

Связи Северо-Западного Кавказа и Анатолии (Малой Азии) носили интенсивный характер на всем протяжении исторического периода. Многие исследователи истории Турции отмечают, что в древнейшую эпоху, в IV-II тыс. до н. э., территория Малой Азии была заселена племенами, этнически родственными современному абхазо-адыгам. Автохтонное население Малой Азии именовалось хаттами¹, как и центральная часть этой страны – Хатти (Максидов А.А., 2003).

На рубеже III–II тысячелетий до н. э. хатты находились на стадии сложения ранней государственности. У них уже были отдельные хорошо укрепленные города. Важнейшим из них был Хатти, располагавшийся на труднодоступном горном плато близ современной турецкой деревни Богазкой. Хаттские города возглавляли военные вожди, которые в ряде документов называются царями. Так, например, в документах, относящихся к 2236–2200 гг. до н. э., упоминается царь Хатти – Памба, имя которого сравнивают с современными абхазскими именами Памба и Пемба.

В течение длительного периода, начиная с конца III тысячелетия до н. э. (возможно, еще раньше), в области расселения хаттов происходит активное проникновение чужезычных племен, которые в настоящее время обычно называют хеттами. И если в начале II тысячелетия до н. э. здешние цари еще носили хаттские имена, то постепенно к середине XVII в. до н. э. хаттский язык был вытеснен и ассимилирован индоевропейским – неситским (хеттским). И хотя в это время основное население Древнехеттского царства состояло из тех же хаттов, они уже успели забыть свой язык и восприняли новый неситский (хеттский).

От хаттов они заимствовали название страны (так, город Хатти они именовали Хаттуса (Хаттусас, Хатусас), а себя – «людьми страны хатти» или хаттуси), целый ряд элементов системы государственного управления – названия высших должностных лиц страны (в том числе царский титул и такие понятия, как «царица» и «царевич»), многие религиозные обряды, имена хаттских богов и т. д. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 86).

По мнению ряда исследователей, в том числе А.А. Максидова (2003), хеттоязычное население *не считало хаттов чужим народом* и воспринимало историю хаттов как свою собственную. По данным Г.А. Меликишвили, Хеттское царство образовалось в условиях абсолютного господства в политической и военной сферах автохтонов-хаттов, но не неситов. Необходимо отметить, что большинство городов-государств, которые на рубеже III–II тысячелетий до н. э. и вплоть до XVIII в. до н. э. вели борьбу за доминирование в Хатти, были основаны именно хаттами. Это такие города, как Пурусханда, Каниш, Амкува, Куссара и др.

В эту борьбу были вовлечены и города неситов. Она завершилась победой Куссара во главе с правителем по имени Питхана; известен и его преемник Анитта (1790–1750 гг. до н. э.). Это политическое образование с центром в Куссаре историк Г.А. Меликишвили характеризует как хаттское. Династы Куссары захватили крупнейшие анатолийские центры – Несу, Каниш, Хаттусас, Пурусханду и Цалпу. Анитта дважды победил правителя Хаттусаса Пиуста. *Затем столицей Хаттской (Хеттской) империи становится Хаттусас*, – это произошло при династии по имени Лабарна, годы правления которого датируются историками около 1680–1650 гг. до н. э. При этом Хаттусас (Хаттуса, Хатти) и регион нынешнего Майкопа являлись на всем протяжении III тыс. до н. э. двумя наиболее важными цивилизационными центрами древней протоабхазо-адыгской общности (Максидов А.А., 2003). Некоторое представление о столице Хеттского государства можно получить из следующего описания:

В 1906 г. при раскопках у деревни Богазкой в Турции археологи обнаружили расположенную высоко в горах Хеттскую столицу город Хатусас (Хаттусас). На воротах акрополя в городе рельефно вырисовываются на фоне мощных каменных колонн два огромных льва. У входа в разрушенный дворец – два мощных сфинкса со львиными телами и женскими головами. Барельеф на царских воротах изображает царя в шлеме, увенчанном рогами. Расположенный высоко в горах, город Хатусас, столица хеттов, представлял собой мощную крепость. Обширная территория, была защищена многочисленными башнями, поставленными вершинами, и окружена колоссальной оборонительной стеной, которая тянулась от башни к башне, от вершины к вершине, спускалась вниз в долину и снова поднималась вверх. «Самая замечательная часть городской стены, – отмечал Людвиг Курциус, сотрудник археолога Гуго Винклера, – это сооружение на горе Джер Капу (1242 м над уровнем моря). Здесь, на самом высоком месте акрополя, был сделан большой вал с укрепленными склонами, двойной стеной и башнями, к которым вели лестницы. От середины возвышенности начинался облицованный камнями туннель длиной около 70 м, шириной 2,4 м и около 3 м высотой, который вел во внутреннюю часть

¹ Для справки. В Хеттском царстве выделяют три периода: Древнее (XVIII–XVI вв. до н.э.); Среднее (XV в. до н.э.) и Новое (XIV–XIII вв. до н.э.). Царство существовало на территории Малой Азии и состояло из трех основных областей: 1) Страны Хатти-Хеттов в северной и центральной областях Малой Азии; 2) Лувии – на юго-западе и 3) Палы – на северо-востоке Малой Азии («Мифы народов...». Т. 2. С. 590).

города. Ученые нашли этот туннель (он уже был известен археологам, посетившим эти развалины ранее) таким грязным и разрушенным, что сначала могли передвигаться в нем только ползком».

Европейские хетты за тысячелетие до основания Рима уже строили сооружения, подобные которым и сейчас еще можно встретить в Турции. При раскопках города Хатусаса нашли совершенно целую клинописную табличку – письмо фараона Рамзеса из Египта царю хеттов Хетасару. Гуго Винклер расшифровал клинопись. В этом письме речь шла о заключении мирного договора между египтянами и хеттами после битвы в 1295 г. до н. э. при Кадеше на р. Оронте в Северной Сирии, в результате которой египтяне одержали победу над хеттами. Несмотря на то, что эту битву фараон назвал «великой», она не имела столь решающего значения, поскольку спустя 15 лет, в 1280 г. до н. э. был заключен союз с хеттским царем (Церен Э., 1966; Нанкуев Д.Я., 2002).

Можно утверждать, что именно хатты создали самую передовую цивилизацию Малой Азии. Будучи подчинены пришельцами-хеттами, они сыграли выдающуюся роль в образовании во II тысячелетии до н. э. могущественного Хеттского царства, формировании его политической и религиозной системы, развитии высокой культуры. Через несколько столетий Хеттское государство разрослось до границ Египта.

События тех далеких времен так отражены в кавказском фольклоре:

Хъэтитэуи тятэжхэр
Лъэпкъыжъмэ ащыщхэу
Тхыдэжъмэ къауатэ.
Хетты – наши деды
Из древнейших племен (являющимися)
Былины рассказывают.
Хъэтитмэ япшыгъошхо,
Хышхо кыбым щыналоу,
Църылоу зеубгъу.
Царство хеттов огромное,
За большим морем известное,
Славясь, расширяется.
Ягъупакъи Мысырым
Хъэтит нагъэсы.
Рамсэсэуи япачыхъым
Ар ымыдэу зао къешы.
Свою границу до Египта
Хетты доводят.
Рамзес – король Египта,
Недовольный этим войну начинает.
Хъэтитмэ яшIэныгъэ
Бгъу пстэумкIи лъагъэкIуатэ.
Ешит (Мысыр) пачыхъэу фираунэ Рамсэсри,
Хъэтитмэ ар къакIуи
ЗэлIу тхылыи зэдаш
Благъэ тIури зэрэшIыгъ.
Хетты свои знания
Во все стороны продвигают
Король Египта, Фараон Рамзес,
К хеттам прибывает.
Соглашение заключают вместе,
Обе стороны породнились...

Поражает упоминание в этой старинной адыгской песне имени фараона Рамзеса II (Рамсеса), жившего в Древнем Египте в 1317-1251 гг. до н. э. Сколь живуча сила памяти народной!...

Многочисленные указания о хеттах (хатах) содержатся и в священных книгах Ветхого Завета, время написания которых датируется серединой I тысячелетия до н.э.: «Потомству твоему даю Я землю сию ...*Хеттеев*, Ферезеев, Рефаимов...» (Книга Бытие, 15: 18-20). Эту же мысль можно встретить в Книге Иисуса Навина (1; 3-4): «Всякое место Я даю вам. От пустыни и Ливана ... всю землю *Хеттеев*». Об этом древнем народе упоминается и в Книге Моисея, где говорится о том, как великодушно поступили хетты, предоставив овдовевшему Аврааму возможность жить у них, и как «Авраам встал и поклонился народу земли той... И говорил сынам *Хеттовым*: «Я у вас пришлец и поселенец» (Бытие, 23; 4-10). Или еще: «И жили сыны Израилевы среди Хананеев, *Хеттеев*, Аморреев...» (Книга Судей, 3; 5).

Здесь уместно отметить, что древнее имя *хатти* до сих пор сохранилось как основа названия одного из адыгских племен *хъаткъуай* – «хатукай» от этноосновы *хъат* – «хатт». К этому же ряду относятся, кроме аула Хатукай, также селения Хатажукай и Хатлукай. С древним самоназванием хаттов связаны, видимо, и многочисленные адыгские фамилии, как *Хъэтэ* – «Хата», *Хъэткъуэ* – «Хатко», *Хъэту* – «Хату», *Хъэтай* – «Хатай», *Хъэтыкъуэ* – «Хатуко» и т. д. Можно встретить в Адыгее и такие имена: Хату Кушу, Хату Кушук, Хату Байзет, Хату Борис и др. Дополняет этот перечень фамилий Н.И. Сообцокова (2010. С. 338): Хатит, Хатукай, Хатужуко, Нехат, Хатков. Относительно последней фамилии писательница приводит поговорку,

рассказанную одной из представительниц рода Хатковых, – поговорку, пришедшую из глубины тысячелетий, напоминающую нам о легендарных предках адыгов – хаттах:

Ствол кизила ножом не порань;
На дочери хаттов не женись:
Ибо легендами она овеяна,
А на поясе меч всегда,
Книгу держит в руках,
Не накрыв стол, никогда не отпустит.

С именем хаттов следует соотнести и названия «дежурного по войску» – Шухъэтий (*шу* – «всадник» + *хъат*), зафиксированного Хан-Гиреем; организатора и церемониймейстера адыгских обрядовых плясок и игр – Хатияко, ХъэтыякIуэ (*хъат* + *кIуэ*), который по своим обязанностям весьма напоминает «человека жезла» – одного из главных участников ритуала и праздников в царском дворце Хеттского государства. Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что хатты принимали участие в формировании древней истории адыгского этноса, и легенда о Древнем Адыгском государстве уж не столь «легендарна»...

Интересен и следующий факт, приведенный в работе Э.Т. Кумыкова (1996) и непосредственно относящийся к данному вопросу. Этика и практика взаимоотношений адыгов (черкесов) свидетельствует о том, что при встрече черкеса с незнакомым ему соотечественником, старший по возрасту обязательно уточняет у младшего: «*Хэттха уарей?*» (что дословно означает: «Вы из хеттов? Ты хетт?». Желая дать утвердительный ответ и тем самым подтвердить свое хеттское происхождение, собеседник отвечает на этот вопрос, называя свою фамилию. В других случаях, например, при проходах в дальние края одного из членов семьи, старший родственник желает: «*Хетт жегъыа!*» (дословно: «Делай так, чтобы о тебе говорили, что ты хетт!»).

1.1.1.2. Каску – древнее государство предков адыгов на Ближнем Востоке

Вождь касков Пыххуньяс... стал править «по обычаю царской власти».

Е.И. Крупнов (1946).

Одними из древнейших предков абхазо-адыгов, чьи имена до нас дошли, являются многочисленные племена хаттов и касков, проживавшие в III-II тысячелетиях до н. э. в Малой Азии.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006. С. 81).

Согласно одной из гипотез, прямыми предками адыгов и абхазов могли быть многочисленные и воинственные племена – кашки (каска)-абешлайцы, известные в хеттских, ассирийских, урартских исторических источниках на протяжении почти II и начале I тысячелетия до н. э. Они жили вдоль южного побережья Черного моря от устья р. Галис по направлению к Западному Закавказью, включая и Колхиду. Каски играли важную роль в политической истории Анатолии и Малой Азии в целом.

С этой точки зрения несомненный интерес представляет такой распространенный в древности у адыгов вариант зачина песни, в которой упоминалась «священная, или золотая Анатолия», где проживали племена кашков-абешлайцев:

Уа, дэ ди Тхъэ, Тхъэшхуэ,
Анэдолэ – дышэ кьуэладжэ.
«О, наш Тха, Тха великий,
Анатолия – золотая долина».

Видимо, эта формула возникла как отголосок хаттского периода адыгской истории, – предполагает Б.Х. Бгажноков (2007. Вып. VI. С. 317).

Дополняет информацию о местоположении касков (кашков) Р.Ж. Бетров (1991). Как отмечает историк, к северу от хаттов вплоть до побережья располагалась обширная страна касков, говоривших на родственном хаттскому диалекте. На северо-востоке земли касков доходили до сектора Трабзон-Батуми, т. е. фактически граничили с Западным Кавказом. Страна касков была преимущественно горной. Из своих горных твердынь они совершали частые нападения на страну Хатти и на сменявшую ее Хеттскую державу. Хетты в многочисленных хрониках называют касков «кочевниками» и «свинопасами», но здесь надо иметь в виду, что эти прозвища были порождены враждебными к ним племенами.

Первоначально каски не имели централизованного государства и их общественное устройство являлось клановым. Хеттские документы («Анналы Суппилиуму I», «Анналы Мурсили II») сообщают, что у касков «*правление одного не было принято*». Борьба с касками не утихала на протяжении всего периода существования Хеттской империи (около 1750-1200 гг. до н. э.). Горцы не довольствовались небольшими пограничными набегами, но и неоднократно угрожали самой столице хеттов – городу Хаттусас. В свою очередь, военные экспедиции хеттов в страну Каска на какое-то время сдерживали набеги касков (Бетров Р.Ж., 1991).

Многие крупнейшие специалисты по древней Анатолии, в том числе Г.А. Меликишвили и Г.Г. Гиоргадзе, указывают на сходство племенного названия *каска*, известного по хеттским и ассирийским

текстам, со средневековым этническим названием абхазо-адыгов. Так, само имя *каска* (*кашка*) сопоставляется с древним названием адыгов – *касоги* (*кашаги* – *кашаки* – древнегрузинских хроник, *гашик* по-древнеармянски, *кашак* (*кашах*) – арабских источников, *касахи* по-гречески (у византийцев), *косоги* – древнерусских летописей). Сохраняется этот термин и в языках некоторых современных народов. Например, грузины-сваны и сегодня именуют адыгов *кашаг*, а осетины до настоящего времени называют кабардинцев термином *кашаг* (*кашкон*) (Бетрозов Р.Ж., 1991). Другим же названием касков, относящимся к самому восточному из каскейских племен – *апешла*, по данным ассирийских источников, было «*абешла*» или «*апешлапцы*», которое совпадает с древним названием абхазов (*апсилы* – по греческим источникам, *апишлк* по-древнеармянски, «*апишлы* – древнегрузинских летописей), а также с их современным самоназванием – *апсуа* (*апиуа*) (Максидов А.А., 2003).

Но когда и каким образом малоазийские племена касков оказались на Северо-Западном Кавказе, где в дальнейшем шло сложение абхазского и адыгского этносов? По мнению авторов «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006), в III тысячелетии до н. э. в Малой Азии в результате формирования классового общества и активного проникновения индоевропейцев – неситов происходит относительное перенаселение, что создало предпосылки передвижения части населения в другие области. Группы хаттов, а также касков не позже III тысячелетия до н. э. значительно расширили свою территорию в северо-восточном направлении. Они заселили все юго-восточное побережье Черного моря, включая Западную Грузию, Абхазию и далее на севере до Прикубанья. Следы такого расселения документируются также и географическими названиями абхазо-адыгского происхождения (Супса, Ачкава, Акампсис, Арипса, Апсарей, Синопэ и др.), распространившимися еще в те далекие времена в приморской части Малой Азии и на территории Западной Грузии («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 86).

По свидетельству хеттских источников, до XVII в. до н. э. у касков еще не было централизованной царской власти. Но уже в конце XVII в. до н. э. в источниках есть сведения, что ранее существовавшие порядки у касков изменил некий *вождь Пиххуньяс*, который «стал править по обычаю царской власти». Каскам удалось создать мощный союз, состоявший из 9-12 близкородственных племен. Документы Хеттского царства этого времени полны сведениями о постоянных набегах касков. Им даже одно время (в начале XIV в. до н. э.) удалось захватить и разрушить город Хатгусу.

В верховьях р. Галис (ныне р. Кызыл-Ирмак в Турции) каски основали могучее государство Каску. Часть ученых считает, что абхазо-адыги являются потомками переселившихся на Кавказ из Малой Азии кашко-абешлайских племен. Другие же, по-видимому, справедливо полагают, что областью расселения абхазо-адыгов (к которым принадлежали абешла и кашка) с древнейших времен являлся весь Западный Кавказ и прилегающие районы Малой Азии вдоль Черноморского побережья и в глубь этой территории.

Свидетельством тесных связей древнего населения Западного Кавказа с Малой и Передней Азией, с цивилизациями Древнего Востока являются памятники Майкопской археологической культуры второй половины III тысячелетия до н.э., а также монументальные каменные гробницы-дольмены, относящиеся также к этому тысячелетию. На связи с древневосточными цивилизациями указывает и найденная вблизи г. Майкопа так называемая «Майкопская», а также «Сухумская» плитки с нанесенными на них письменными текстами. Знаки этих текстов обнаруживают определенное сходство как с письменами, найденными в г. Библе в Финикии (XIII в. до н.э.), так и со знаками хеттской иероглифической письменности, датируемыми II-I тыс. до н. э. (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 116-117).

В XII-XI вв. до н. э. анатолийский анклав протоабхазо-адыгов прекращает свое существование. Причины крушения Хеттского царства и Каскского союза племен связываются с экспансией так называемых «народов моря», чья этническая принадлежность не выяснена до сих пор. В историографии не раз высказывалось мнение о миграции остатков хаттов, касков и апешла в ареал племен майкопской культуры; в не меньшей степени вероятны ранние миграционные потоки с Западного Кавказа в Анатолию. Вероятно, хаттское доминирование в Анатолии было обеспечено устойчивой связью с «майкопцами», т. е. непрерывным миграционным процессом, связывавшим Западный Кавказ с Малой Азией. Этот тезис вполне подтверждается тем, что киммерийцы в первой половине I тысячелетия до н. э. регулярно вторгались в Центральную Анатолию через Северо-Восточное Причерноморье, а исходный плацдарм киммерийцев располагался именно на Западном Кавказе (Максидов А.А., 2003).

К середине I тысячелетия до н. э. набеги киммерийцев вынудили оседлое население левобережья р. Пшиз племени хаттов, пракеркетов Причерноморья, касков покинуть Закубанскую равнину и, частью уйдя под защиту горных ущелий и лесов, а частью перевалить через хребет и расположиться среди родственных колхов-апсуа, в стране Апсны; частью же перейти в Малую Азию к родственным постхеттским племенным образованиям (Ловпаче Н.Г., 2009).

1.1.2. Синдское государство

В конце VI – начале V вв. до н. э. самое большое племя меотов – синды, населявшие Таманский полуостров и Черноморское побережье, включая территорию современной Анапы, создали первое рабовладельческое государство на Северном Кавказе и одно из древнейших государственных образований на территории бывшего СССР под названием «Синдика».

1.1.2.1. Археологический материал с поселений и городищ синдов как источник знаний о Синдском государстве

Погребальный обряд и характер могильных сооружений синдов указывают на тесную связь с эпохой бронзы. Следовательно, речь может идти о последовательном и едином развитии населения, проживавшего на данной территории, от эпохи ранней бронзы до эпохи железа.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Начиная с VI в. до н. э., на территории будущей Синдики, куда входили, кроме синдов, и другие местные племена, возникают городские центры и становится известен целый ряд сельских поселений, в частности, Краснобатареиное, Раевское и Семибратное городища. Из них наиболее значительным и хорошо изученным является Семибратное городище, расположенное в низовьях Кубани, на ее левом берегу, в 12 км к западу от ст. Варениковской. Около последнего городища находится много курганов, называвшихся в народе «Семь братьев», самые большие из которых достигают высоты 13-15 м. Этим же именем называли городище археологи. Семибратное городище возникло во второй половине VI в. до н. э., а в начале V в. до н. э. было обнесено мощной каменной стеной с прямоугольными башнями и пристенными лестницами. Толщина стен – 2,5 м, высота достигала 6 м. Все это было сооружено в соответствии с требованиями античной фортификации. В облике оборонительных сооружений и археологическом материале с синдских поселений и городищ ощущается несомненное греческое влияние. Принято считать, что Семибратные курганы являлись захоронениями членов синдской царской династии, а одноименное городище – их резиденцией. По другим же данным, с чем согласны большинство ученых, столицей Синдского государства в V в. до н. э. был город Синдик или Синдская гавань, которую неоднократно упоминают античные авторы. Большинство исследователей Синдскую гавань отождествляют с поздней Горгиппией, которая возникла в IV в. до н. э. на месте современной Анапы.

Наиболее раннее захоронение синдской племенной знати, относящееся к концу VII или началу VI в. до н. э., обнаружено в кургане у Цокурского лимана. Вместе с погребенным найдены бронзовая секира-молот, бронзовые наконечники стрел, бляшка с изображением двух сцепившихся барсов, а также привозной греческий кувшин («Родосская ойнохоя»). Очень важными для решения вопроса о происхождении синдов являются могильники у хуторов Рассвет и Красная Скала недалеко от Анапы. Здесь выявлены разные типы погребальных сооружений: грунтовые погребения под круглыми каменными выкладками; каменные гробницы в курганах; каменные ящики. Более трети всех захоронений сопровождалось оружием, главным образом мечами-акинаками, копьями и ножами.

Курганы, связанные с захоронениями знатных синдов, раскапывались частично еще в дореволюционное время. Захоронения совершены в прямоугольных гробницах из сырца или камня с деревянными перекрытиями, внутри которых иногда устанавливался деревянный саркофаг. Обнаружен обильный и богатый инвентарь, состоявший из оружия (мечи, копья и панцири, украшенные золотым полумесяцем и изображением головы Медузы), драгоценной посуды из золота, серебра и бронзы, а также украшений. В курганах есть и остатки погребальных колесниц, а также погребения от 6 до 12 упряжных коней. Многие предметы имели греческое происхождение. Часть курганов была сооружена в V в. до н. э., остальные позже – в IV в. до н. э. Но главное в том, что погребальный обряд и характер могильных сооружений указывают на тесную связь с эпохой бронзы. Следовательно, речь может идти о последовательном и едином развитии населения, проживавшего на данной территории, от эпохи ранней бронзы до эпохи железа («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 76; 98-99).

1.1.2.2. Было ли присоединение Синдики к Боспорскому царству «добровольным»?

Вмешательство Боспорских царей во внутренние дела Синдики, связанное со стремлениями расширить границы своего царства, привело к потере синдами своей политической самостоятельности. В IV в. до н. э. Синдика вошла в состав Боспорского царства.

Б.М. Керефов, Т.Б. Керефов (2005. Вып. I).

Активная восточная политика Боспорского государства привела к присоединению Синдики в середине IV в. до н. э. к Боспору. С этого времени Синдика потеряла свою независимость и стала составной частью Боспорского царства, управляемой специальными наместниками.

А.В. Твердый (2009).

С расширением греческой экспансии, горцы, жившие на территории Таманского полуострова, вошли в состав рабовладельческого Боспорского царства. Установлено, что задолго до этого верхушка синдской знати была тесно связана со Спартокидами, что подготовило включение Синдики в состав Боспора. Это произошло в начале IV в. до н. э. во время правления на Боспоре Левкона I (389–349 гг. до н. э.). При этом царю Боспорское государство сильно увеличилось. Были присоединены тореты, дандарии, псессы, фатеи и другие меотские племена, обитавшие на Тамани и в низовьях Кубани, что, однако, не лишило их определенного статуса автономии. Левкон I имел титул «архонта Боспора, Феодосии и царя синдов, торетов, дандариев и псессов». В IV–III вв. до н. э. Боспорское царство династии Спартокидов уже представляло собой полиэтническое государство со своеобразной греко-варварской культурно-территориальной и этнической общностью (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

Впрочем, некоторые авторы сомневаются в «добровольности» вхождения Синдики в Боспорское царство: «Едва ли оно было добровольным. Недавно появился новый документ, недвусмысленно указывающий на враждебный характер политики только что пришедшего к власти на Боспоре Левкона I по отношению к Синдике. В 1985 г. на окраинах Семибратного городища была обнаружена посвятельная надпись Левкона I, нанесенная на постаменте статуи, текст которой гласит: «Принесший обет Левкон, сын Сатира, архонт, Фебу Аполлону поставил тому, что в Лабрите. Владыке же города лабритян я, помогающий после сражения и победы над Феодосией, указал Октамасад: «Уводи к себе от Синдов обоих сыновей и уничтожь смертоносную дружбу Царя Синдов – ведь враждебен доводящий царство до тяжелейшего [поражения (?)»». Судя по источнику, датируемому 389 г. до н. э., на месте нынешнего Семибратнего городища в то время находился город Лабрита, правитель которого Октамасад имел дружеские отношения с царем Синдики. Правда, автор публикации и перевода текста Т.В. Блаватская считает, что этот союз со стороны Октамасада носил вынужденный характер и был вызван разгромом царства лабритян царем синдов, потребовавшим от покоренного владыки Лабриты выдать в заложники двух своих сыновей. Однако такое толкование представляется несколько произвольным. Не исключено, что мы имеем дело с одним из ранних свидетельств проявления института аталычества. Как бы то ни было, приведенный текст надписи прямо указывает на вмешательство Левкона I во внутренние дела Синдского царства. Вполне возможно, что принесенный Левконом I обет был связан и с ликвидацией самостоятельности Синдики («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 99).

1.1.2.3. «Синдо-меоты долго еще играли активную роль в греческом государстве...»

Племенная верхушка Синдики втягивалась в торговые операции, вступала в браки с греческой аристократией, перенимала некоторые элементы эллинской культуры. В свою очередь, сближение с ними отразилось на мировоззрении, традициях, художественном вкусе и погребальном обряде греческой знати.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Столицей Синдики был город Синдик, или Синдская гавань. Есть основание считать, что в последней четверти V в. до н. э. в Синдике сложилось государство. Именно в этот период здесь появились серебряные монеты с надписью «Синдон».

А.В. Твердый (2009).

Несмотря на то, что Синдика оказалась в подчинении Боспорского царства, синдо-меоты долго еще играли активную роль в греческом государстве. В частности, династия Спартокидов, господствовавшая на Боспоре, являлась, по мнению М. Артамонова и Е. Крупнова, древнеадыгской. С включением Синдики в состав Боспора элементы греческой культуры стали проникать в самые широкие слои синдского общества. Отмечается и активное проникновение представителей местной племенной знати в греческие города, располагавшиеся на азиатской части Боспора. Эта племенная верхушка втягивалась в торговые операции, пере-

нимала некоторые элементы эллинской культуры и даже вступала в браки с греческой аристократией. В свою очередь, сближение с синдами отразилось на мировоззрении, традициях, художественном вкусе и даже погребальном обряде греческой знати («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 99).

Рассматривая взаимоотношения синдов с греческими правителями, Б.М. Керевов и Т.Б. Керевов (2005. Вып. I) отмечают, что синдо-меотская аристократия находилась в тесных не только дипломатических, но и брачных связях с боспорскими царями. Например, вельможа и богач Сопей (что близко к названию древнеадыгского племени «Собай») выдал свою дочь за сына боспорского царя Сатира I (433-398 гг. до н. э.), получив при этом высокую должность наместника (*Исократ*, XVII). Дочь же самого Сатира I стала второй женой синдского царя Гекатея (*Полиен*, VIII, 55). Из этого факта следует, что во времена Сатира синды и другие меотские племена были независимыми от боспорского правителя, а синды же имели и своего царя. Стремление Сатира породниться с царем синдов Гекатеем, выдав за него свою дочь, свидетельствует и о том большом значении, которое придавали боспорские правители установлению прочных связей с Синдикой.

Синды стояли на довольно высоком уровне социально-экономического развития. Основой хозяйства являлись земледелие и скотоводство, в городах развивалось ремесло, большой удельный вес в экономике имела торговля. Земледелие было пашенным.

Основными культурами являлись пшеница, ячмень и просо, обуглившиеся зерна, которых были обнаружены при раскопках синдских поселений. Благоприятные физико-географические условия и соседство античных колоний способствовали распространению виноградарства и виноделия (находили винодельни в Горгиппии). Наряду с земледелием довольно хорошо было развито скотоводство – разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней и лошадей. Известно было и птицеводство. Существенное место в хозяйственной жизни синдов занимало и рыболовство, имевшее значение регулярного промысла. Орудиями лова были сеть и крючки. Города являлись центрами ремесла и торговли (Твердый А.В., 2009).

Через Синдскую гавань и города Боспорского государства поступали товары из материковой Греции, с островов Эгейского моря, из малоазиатских центров и других мест. Боспорские рабовладельческие слои постепенно втягивали в круг своих торговых интересов господствующий слой синдов. Имеется немало свидетельств того, что до присоединения к Боспору синдские цари стали чеканить свои серебряные монеты с надписью «Синдон». На монетах эмблемами служили различные изображения: голова Геракла, зерна, голова коня и сова.

Расцвет Боспора длился относительно недолго. Античный рабовладельческий мир охватил глубокий социально-экономический и политический кризис. С середины III в. н. э. начались нашествия диких кочевников – готов, а вторжение гуннов, разрушивших в 80-х гг. IV в. все поселения и города на Таманском полуострове, – наносит последний удар по Боспорскому царству, в том числе и по Синдике, государственность которой была навсегда потеряна («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 98-99).

1.1.3. Племенные союзы предков адыгов

К началу VI в. на территории Северо-Западного Кавказа, заселенной адыгами, сложилось несколько политических объединений, представлявших независимые союзы отдельных общин и племен, из которых наиболее известны Зихская и Касожская конфедерации, Аланское племенное государство, а также Абазгский племенной союз, возникший на территории современной Абхазии, – в него вошли, кроме абхазов, и некоторые племена, жившие в юго-западных районах Кубани.

Некоторое представление о племенных союзах предков адыгов и абхазов можно получить из трудов византийского императора Константина Багрянородного (X в.): «От Укруха до р. Никопсис (близ Джубги), на которой стоит соименный реке город, простирается область Зихия (Сихия, Закия); длина ее 300 миль. Выше Зихии лежит земля, называемая Папагией, а выше этой страны лежит так называемая Касахия (Казария или Кашакия, т. е. страна касахов–кашаков. – Авт.). Выше Касахии находятся Кавказские горы, а за горами земля Аланская. У берегов Зихии лежат острова, возделанные и заселенные зихами, на которых зихи спасаются при набегах алан. От конца Зихии, т. е. от р. Никопсиса, побережье занимает земля Авазгия (Абхазия) до города Сотиируполя на протяжении 300 миль».

1.1.3.1. Зихский период: процесс консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности

Период, начинающийся с VI в. н.э., можно назвать зихским. Верхняя хронологическая граница зихского, или средневекового периода – XV в., т. е. зихская эпоха продолжалась около 1000 лет – с 500 по 1500 г.

С.Х. Хотко (2008).

В начале нашей эры родственные проадыгские племена начали объединяться вокруг приморского племени зихов. Совершался процесс консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности. К X в. н. э. адыги, как народ с единым языком и культурой, в общих чертах сложился.

Уже с первой половины X в. письменные источники считали адыгов единым народом, населявшим значительные территории от Таманского полуострова на западе и до Абхазии на юго-востоке, на севере до Приазовья и р. Кубань (Кудаева С.Г., 2007).

Особенно усиливается влияние племени зихов на Северо-Западном Кавказе, начиная с I в. до н. э. В первые века н. э. оно неизменно фигурирует как одно из наиболее воинственных. Даже великий Митридат не смог преодолеть их сопротивление и пройти по территории зихов – он был вынужден обогнуть на кораблях этот участок побережья. Со временем зихи подчиняют себе все остальные этнотерриториальные союзы на пространстве между Анапой и Гагрой – керкетов, ахеев, гениохов, ряд более мелких (Хотко С.Х., 2008).

К югу от Зихии идут интеграционные процессы, завершившиеся к V в. созданием Абазгии и Аписилии – двух основных апсуязычных образований. Усиление Зихии было облегчено внезапным вытеснением синдов готами-тетракситами в III в. и меотов гуннами в конце IV в. Завоеватели не удержались по разным причинам – в том числе и потому, что были увлечены грандиозными проектами нападений на Рим.

Пережив нашествие гуннов, зихи не потеряли своей самостоятельности и положения среди других племен. Более того, по мнению Н.Г. Ловпаче (2009), «...это племя от гуннского нашествия даже выиграло. Они (зихи) сохранив силы и достоинство, стали сильнее и влиятельнее всех адыгских племен. Еще в позднемеотское время, по свидетельству анонимного перипла Черного моря, приписываемому Псевдо-Арриану и относящемуся к V в. н. э., зихи имели царя, вассального по отношению к Риму. Историк, в частности, писал: «У зихов царь Стахемфлас; и он получил престол от тебя». Подобных сведений в отношении народов северо-западного склона Кавказского хребта нет. Превратившись к началу VI столетия в главную силу на территории Северо-Западного Кавказа и всего прилегающего к нему Закубанья, зихи, объединенные под авторитарной властью и покрывшие своим этнонимом живших до этого в античное время на побережье племена гениохов, ахеев, керкетов, торетов и частично синдов, получили возможность объединить и закубанских адыгов».

Поэтому период, начинающийся с VI в. (можно даже сказать с 500 г.), можно назвать зихским, – в источниках VI в. уже не упоминаются ни керкеты, ни гениохи, ни ахеи, ни синдо-меоты. Зихская эпоха в истории Северо-Западного Кавказа может быть названа также и эпохой средних веков именно в применении к нашему региону. Верхняя хронологическая граница зихского, или средневекового периода – XV в., т. е. зихская эпоха продолжалась около 1000 лет – с 500 по 1500 г. (Хотко С.Х., 2008).

1.1.3.2. От Зихского племенного союза – к Зихской конфедерации

В первые века нашей эры наиболее крупным племенем, занимавшим значительную территорию Черноморского побережья, были зихи, которых позднейшие авторы (Интерпиано и др.) отождествляют с адыгами.

Н.В. Анфимов (1978).

Одно из крупнейших этноплеменных образований адыгов возникло вокруг зихов. Племя зихов, известное с I в. до н. э., выступило в качестве консолидирующего ядра родственных племен Северо-Кавказского Причерноморья.

Н.А. Тернавский (2006).

К аборигенам Северо-Западного Кавказа, как было отмечено выше, наряду с другими меотскими племенами, относились зихи.

ЗИХСКИЙ ПЛЕМЕННЫЙ СОЮЗ. В первые века н. э. зихи, объединенные в союз племен, занимали Черноморское побережье от р. Шахе (древнее название Ахеунт) и приблизительно до южной границы современного Анапского района. Этот племенной союз включал в свой состав собственно зихов, исконной территорией которых был участок морского побережья между р. Шахе и современным Туапсе; племенную общность ахеев, древних обитателей побережья между современными Туапсе и Геленджиком; и общность эвдусиан, занимавших, по данным конца V в. (Псевдо-Арриан), побережье между современными Геленджиком и Анапой. На юге Зихская конфедерация граничила с родственной адыгам абазязычной общностью санигов, которые к началу VI в. были, по Л.И. Лаврову, инкорпорированы (лат. *incorporatio* – «включение в свой состав, присоединение») также предками абазин – абасгами (Гадло А.В., 2010).

В отличие от других меотских племен, зихи менее всего пострадали от гуннского нашествия, поскольку их территория оказалась в стороне от волны гуннов, прорвавшейся через Таманский полуостров в Крым.

Укрепление политического значения зихов среди других соседних и родственных племен началось еще в самом начале нашей эры. Этому в немалой степени способствовало то, что зихи, как и ряд других племен, сумели установить союзнические отношения с овсами-аланами.

Как свидетельствуют письменные источники, в том числе грузинская летопись «Картлис Цховреба», союзнические войска овсов (аланов), джиков (зихов) и дзурдзуков в 72 г. н. э. с согласия и поддержки иберов (грузин) прошли через Дарьяльское ущелье и вторглись в пределы Парфянского царства и Армении. Историк Иосиф Флавий (I в. н. э.) пишет, что «они стали опустошать многолюдную и наполненную всяким

скомом страну, причем никто не осмеливался им противиться». Как указано в «Картлис Цховреба», они «захватили множество пленных и, преисполнившись всякого добра, ушли».

Племя зихов, известное с I в. до н. э., выступило в качестве консолидирующего ядра родственных племен Северо-Кавказского Причерноморья. Как отмечают Б.М. Керевов и Т.Б. Керевов (2005. Вып. I), начало этнополитической консолидации адыгских племен под главенством зихов нашло отражение в посвященных надписях боспорского царя Савромата I (93-123 гг. н. э.), где территория, населенная ими, именуется как «Страна псеханов», – слово, видимо, происходит от адыгского «псыхъуэ» / «псухо» («речная долина») – традиционно крупная административно-территориальная единица у адыгов.

Определенную роль в дальнейшем усилении влияния зихов на соседние племена сыграло и то, что во II в. н. э. их вождь Стахемфак установил связь с римлянами и признал себя подданным римского императора. В ту эпоху непрерывающихся передвижений племен важно было иметь поддержку со стороны могущественных покровителей, какими были тогда римляне. Занимая относительно небольшое пространство вдоль восточного берега Черного моря между современными Гагрой и Туапсе, при поддержке Рима зихи теперь стали претендовать на сопредельные земли. Первыми их жертвами стали готы-тетракситы – остатки некогда могущественного Готского союза, разгромленного в IV в. н. э. гуннами. Спустя век, зихи победоносно завершили войну с готами, что дало им возможность раздвинуть границы своих владений до современного Геленджика.

В V-VI вв. зихи продолжают расширять свою территорию на Черноморском побережье. Некоторое время они даже владели Матрегой (современная Тамань), являвшейся главным портом и торговым центром Северо-Западного Кавказа. Подчиняя и включая в свой союз местные племена ахейцев, керкетов, евдусиан, зихи вытесняют оттуда в VII в. готов-тетракситов, а к началу VIII в. в состав зихского объединения вошли и территории сагинов на побережье, включая дельту Кубани.

В V-VI вв. возникло государственное образование под названием *Зихия*, объединившее местные племена, готов и некоторые другие этнические группы. Об этом, в частности свидетельствовал Прокопий Кесарийский: «...По берегу же Понта Евксинского (Черного моря) утвердились зехи (зихи)». Расширение зихами своей территории и подчинение ими других многочисленных племен лучше всего отразил один из древних авторов V в. н. э., – Псевдо-Арриан. Он писал: «От Старой Ахэи (ныне Туапсе) до старой Лазики (устье р. Ничепсухо) и затем до р. Ахэунта прежде жили народы, носившие имена: инниохи (гениохи), кораксы, колики, меланхлены, колхи и лазы, а ныне живут зихи... От гавани Пагра (возможно, нынешний Новороссийск) до Старой Ахэи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи».

«Влияние зихов, – отмечает Н.Г. Ловпаче (2009), – ощущается в этот период и в окрестностях Майкопа. В Курджипском могильнике, исследованном П.А. Дитлером в начале 60-х гг. XX в., найден железный кинжал т. н. зихского типа. Кинжалы этого типа, как правило, имели на верхней части лезвия два парных выступа, а на самом лезвии с обеих сторон – кровостоки. Зихские кинжалы подобного типа обнаружены почти на всех памятниках Закубанья V-VI вв., даже на правом берегу Пшиза (Пашковский могильник № 1), а также в горах Адыгеи (Хаджох). Однако наибольшее количество их найдено в северо-восточном Причерноморье (Борисовский могильник в г. Геленджике, Агойский, Небугский), а больше всего в могильнике Абрау-Дюрсо близ Новороссийска). *Факт находок зихских кинжалов в могильниках Пашковском, Ленинхабльском, Псекупском (Новоказанукай), Курджипском, Хаджохе – говорит о военно-политическом влиянии зихов среди адыгов Закубанья. Как видно, они диктовали военную моду*».

Что же касается вассальной зависимости зихов от римлян, то она была чисто символической и носила формальный характер. Именно об этом свидетельствуют более поздние письменные источники. Так, тот же Прокопий Кесарийский в середине VI в. н. э. писал, что «...в древности этим зихам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем не повинуются римлянам».

Так постепенно адыгское объединение, возглавляемое зихским племенем, к середине VI в. н. э. достигло района Нижней Кубани, поглотив многие племена, в том числе родственных им ахеев, а к VII в. включило в свой состав и другие, более мелкие адыгские племена, обитавшие на Черноморском побережье вблизи Кубанской дельты. Византийский летописец Феофан, живший во второй половине VIII – начале IX в., упоминает «Зикхию» как значительную страну на восточном берегу Черного моря.

Таким образом, уже с середины VI в. н. э. предки адыгов входили в большое племенное объединение зихов. Об этом же свидетельствуют и другие данные. В частности, известно, что в VI в. зихи приняли христианство. Районы, занятые зихами-адыгами, были разделены на епархии, а таковых в Зихии известны четыре: в Фанагории, Таматархе (позднее Тмутаракань, Тамань), Зихополисе и в городе Никопсе. Больше того, в VIII-IX вв. списки православных епархий, подчиненных константинопольскому патриарху, называют «зихскими»: Боспорскую (Керченскую), Сугдейскую (Судакскую), а также Херсонесскую (в Крыму). Несомненно, что существование подобных церковных списков свидетельствует о значительной роли зихского племенного союза в Северо-Восточном Причерноморье («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 102-103).

ЗИХСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ. Согласно сведениям византийского императора-историка Константина Порфирородного, Адыгея в X в. делилась на три области – Зихию, Папагию и Касахию. Но границы этих областей трудно уловимы. Общая территория ограничивалась на западе Таманским полуостровом, на восто-

ке р. Большая Лаба, служившей, видимо, пограничной рекой с Аланией. Зихия Причерноморская и будущий Большой Шапсуг, тому времени, судя по отрывочным сведениям европейцев, были демократичными и не имели главного князя (Ловпаче Н.Г., 2009).

Поскольку Зихский племенной союз не мог объединить все родственные абхазо-адыгские племена, в конце I тысячелетия н. э., после стабилизации обстановки, зихи вновь предприняли попытку консолидировать племена адыгов путем создания Зихской конфедерации. Политическим и религиозным центром Зихии и зихской епархии был, по Н.Г. Ловпаче (2009. С. 180), несомненно, город Никопсия (Никопсис), располагавшийся близ современного города Туапсе.

Историки отмечают, что, несмотря на то, что *зихскому племенному союзу не удалось осуществить до конца объединение племен* Северо-Западного Кавказа, зихи сыграли большую роль в истории адыгов. Уже с VI-VII вв. предки адыгов становятся известными под собирательным именем «зихи». И много позже, в XIII-XV вв. западноевропейские авторы термином «зихи» обозначали *всех* адыгов.

Все это говорит, скорее всего, о том, что сознание принадлежности к единой этнической общности у предков современных адыгов возникло в период возвышения зихов. Именно тогда они – как одно из адыгских племен – дали свое название всему адыгскому массиву. Имя зихов сохранилось не только в виде отдельных фамилий, но и в самоназвании адыгов. До сих пор абхазы называют адыгов *а-зыху, а-дзыху* (в абхазском языке *дз* соответствует адыгскому *д*). Следует отметить также, что ряд ученых разделяют мнение о том, что «зиги-зихи», «зигои» античных и византийских авторов – есть искаженная передача древнего самоназвания адыгов (адыгэ) («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 102-103).

Все новым и новым попыткам создания адыгского политического объединения способствовали война с Хазарским каганатом и его окончательный разгром Русью. В конце X – начале XI вв. в орбите его влияния оказалась Тмутаракань (адыг. Тамтаракай), где располагался адыгский епархиальный центр – Зихская архиепископия (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

Значительное расширение территории зихов в I тысячелетии н.э. отражало объективный процесс объединения местных племен, живших тогда от Тамани до р. Джубги, свидетельствовало о создании союза племен причерноморских адыгов. Тем не менее, как было отмечено выше, Зихский племенной союз не сумел объединить все население Северо-Западного Кавказа. Рядом с ним возникли два других союза племен: Касожский (касоги) на севере, во внутренних районах Кубани, и Абазгский (абазги) на юго-востоке.

1.1.3.3. Касожский союз племен: «Они не допускают назначить над собой царя, который объединил бы их»

На северном склоне Большого Кавказа в горах и предгорьях, прорезанных притоками Кубани, сложилась Касожская конфедерация.

А.В. Гадло (2010)

Первое упоминание о касогах (варианты: косоги, касахи, кешеки, кашаки, косогдианы, касози и т. д.) относится к VIII в. По некоторым данным, это название адыгам дали аланы. К X в. «Страна Касахия» достигала на востоке течения р. Лабы, где граничила с Аланией. По Н.Г. Ловпаче (2009. С. 180), «Касахия объединяла племена махошей, бесленеев, абазин и егерухайцев и управлялась князьями Канжоуа. Центром этой страны был город Касек на р. Гупс, где была в наличии мощная крепость, христианские церкви, часовни, каменотесные и гончарные мастерские и даже изделия местного стеклоделия».

Археологические памятники касогов сохранились с раннего средневековья в горной части Северо-Западного Кавказа и предгорьях левобережья Кубани. Часть касогов номинально была подчинена хазарам. Судя по сообщению царя Хазарии Иосифа, касоги платили ему дань. Хазарам приходилось постоянно заботиться об охране своих территорий и отражать набеги воинственных адыгских племен. Возможно, этими причинами объясняется появление на правом берегу Кубани аланских поселений, которые служили своеобразным заслоном от касогов.

КАСОЖСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ. Как отмечает А.В. Гадло (2010), «...на северном склоне Большого Кавказа в горах и предгорьях, прорезанных притоками Кубани, сложилась Касожская конфедерация. Их соседями на юге, в верховьях Лабы и Зеленчуков, была абазоязычная общность брухов, а в районе перевалов, лежащих у истоков Кубани, – сваны. На востоке соседями касогов были «овсы» («аланы» византийских и армянских источников), которые владели центральной частью предгорий Северного Кавказа от междуречья Урупа и Лабы до низовьев Сунжи. На севере соседями касогов были адыгские общности, входившие в Сагинскую конфедерацию, – «верхние сугды».

Кстати, характеризуя касогов («касаков», «кашаков»), арабский автор X в. Масуди объяснял относительную слабость этого союза тем, что «...они не допускают назначить над собой царя, который объединил бы их». Эту же мысль о необходимости иметь сильного правителя высказал в свое время еще Геродот. Его слова относились, правда, к скифам, но их вполне можно было применить и к адыгам: «Если бы они имели общего повелителя, которому бы повиновались, то, по моему мнению, они были бы самым сильным народом из всех».

существующих на Земле; но у них всегда такие раздоры между собой, что никогда не дойдут они до того, чтобы соединиться всем и избрать одного общего властелина» (Цит. по: Кереев Б.М., Кереев Т.Б., 2005. Вып. I).

На основании изложенного выше, многие авторы приходят к выводу, что племена, жившие в горах и предгорьях Закубья, а также племена Черноморского побережья Кавказа к X в. уже сложились в адыгейскую народность с единым языком, имевшим ряд племенных диалектов. В дальнейшем зихи, а позже касоги становятся известными в письменных источниках под именем черкесов. Название же «адехи» или «адиги» впервые встречается, по П.У. Аутлеву, в книге арабского автора Масуди «Промывальни золота» (943 г.).

АБАЗГСКИЙ ПЛЕМЕННЫЙ СОЮЗ возник на территории современной Абхазии, – в него вошли, кроме абхазов, и некоторые племена, жившие на Черноморском побережье Кавказа и в юго-западных районах Кубани.

1.1.3.4. Западные адыги и Аланское племенное государство

Аланы – одно из сильнейших и наиболее долго фигурировавших на исторической арене сарматских племен.

«Мифы народов мира» (Т.2. 1992. С. 449).

Адыги и абазги (предки абхазов) составляли основу так называемых асов-овсов – западных аланов. Аланский племенной союз поставлял множество солдат, особенно всадников, в византийскую армию.

А.А. Максидов (2003).

X-XI вв. – время расцвета феодальной Алании, создания на довольно обширной территории единого Аланского государства, объединявшего западные и восточные аланские племена. Феодалы и потомки бывшей родоплеменной знати, ведущие происхождение от наиболее сильных родов, эксплуатировали крестьян-общинников и отчасти патриархальных рабов. С развитием аланского общества появились города – центры ремесла и торговли. В начале X в. аланы приняли христианство, и к середине этого столетия была создана Аланская епархия. Этот период знаменуется полной ликвидацией даже той условной зависимости от Хазарского каганата, которая и раньше была незначительной (Твердый А.В., 2009).

Наивысшего могущества Аланское государство, включавшее территории современных Отрадненского, Мостовского и Лабинского районов, достигло в XI в. До настоящего времени в горных ущельях сохранились следы аланских поселений. На террасированных склонах иногда встречаются заброшенные поливные каналы, многочисленные остатки дорог и разрушенных временем аланских каменных жилищ. Одно из таких аланских городищ, датируемое IX-XIII вв., находится в районе нынешнего х. Ильич (Отрадненский район).

О «Земле алан», по которой протекает «Русская река» – Кубань, – сообщает средневековый историк Идриси (XII в.): «Река Русийа (орфография автора сохраняется. – Авт.)... Это большая река, вытекающая с высот гор ал-Кабк (Кавказ). Далее она течет на север и пересекает землю ал-Ланийа (т. е. землю алан). На ней нет известных городов, но по обоим ее берегам – населенные деревни и обильные посевы. Затем эта река течет на запад до тех пор, пока не впадает в Море ан-Нитаси (Черное море). По ней плавают небольшие лодки, которыми пользуются для перевозки легких вещей из числа товаров и припасов, переправляемых из одного места в другое».

Во второй половине XII в. начинается распад государственного образования алан. В так называемом «Аланском послании епископа Феодора» от 1240 г. говорится, что народ аланов «рассечен» на много отдельных частей; древняя граница простиралась от Кавказских гор до Иверии; они любят выселять от себя «переселенцев» небольшими группами, в результате чего «наполнили» едва ли не всю Скифию и Сарматия (Максидов А.А., 2003).

В этот период Алания, как и соседние кавказские объединения, была охвачена феодальной раздробленностью. Сказалась слабость Аланского государства, несовершенство государственной машины, отсутствие централизованного аппарата и юридических норм. Распавшаяся на ряд мелких феодальных владений, враждующих между собой, Алания оказалась сравнительно легкодоступной обрушившемуся на нее страшному врагу – полчищам татаро-монголов (Твердый А.В., 2009).

1.1.4. «Иналово государство» на Земле адыгов

Адыгская устная историография, переплетенная с преданиями арабо-турецкой письменной традиции, делала попытки определить время правления легендарного Инала. Шора Ногмов, передавая предание о восстании против сыновей Инала, говорит, что его «установления» держались до 1427 г., т. е. датирует правление Инала концом XIV – началом XV в. Ссылаясь на Ш. Ногмова, позднейшие авторы принимали в общих чертах его хронологическую ориентацию, полностью доверяя ему как лучшему знатоку адыгской истории. В пользу определения Ш. Ногмова имелись два важных довода. Во-первых, согласно родословным князей Черкасских XVII в., тесть Ивана Грозного Темрюк Идарович (Айдарович), известный с 1558 г. как «большой» князь Кабарды, приходился праправнуком (по другим версиям — правнуком) Иналу, т. е. отстоял от него на четыре-пять поколений, что вполне может составлять от 100 до 150-ти лет.

Но есть и другой Инал, – это имя носил мамлюкский султан Египта, происходивший из черкесских рабов, правивший с 1453-го по 1461 г., т. е. в период, близкий периоду, определенному Ногмовым. Именно

этого Инала арабо-турецкая промусульманская часть предания вероятнее всего и считает предком адыгских аристократов, приписывая ему или его отцу и деду длительные странствия, в результате которых он оказывается на Северном Кавказе в районе Таманского полуострова (Гадло А.В., 2005. Вып. I).

И, наконец, в адыгской историографии, наряду с Иналом XV в., упоминается еще один Инал, живший, по преданиям, в VIII столетии. О нем, как и о других его «однофамильцах», можно найти сведения все в той же «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова. Некоторые авторы считают, что к 60-80-м гг. VIII в. было создано адыгское государство во главе с Иналом, родоначальником адыго-кабардинских княжеских родов (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

1.1.4.1. Инал VIII столетия – «глава сагинов, легендарный предок всех княжеских династий Адыгеи и Кабарды»

Князь Инал пользовался в народе большим уважением, и подданные нарекли его великим и мудрым и любили его, как отца...

Ш. Ногмов (1861).

Вполне достоверными представляются устные предания адыгов об истории возникновения их собственного первого раннесредневекового политического объединения. Героем этих преданий неизменно выступает правитель Страны адыгов Инал, легендарный предок всех княжеских династий Адыгеи и Кабарды...

А.В. Гадло (2005. Вып. II).

«Несмотря на то, что предания об Инале дошли до нас в большинстве своем в литературной обработке, которая была предпринята в XVII-XVIII вв. с целью связать генеалогии адыгских аристократических родов с общей историей арабского мира и ислама, – пишет А.В. Гадло (2005. Вып. II), – в них сохранился целый ряд фактов, заслуживающих пристального внимания, как отражение несомненно реальных ситуаций интересующей нас эпохи. Наиболее полно предания об Инале были собраны Ш.Б. Ногмовым, и поэтому его версию мы считаем наиболее достоверной и предпочтительной».

Очередная попытка объединения адыгских родоплеменных групп относится, по А.В. Гадло (2005. Вып. II), к 60-80-х гг. VIII в. Инициатива объединения принадлежала этно-территориальной общности сагинов (искаженное греческое наименование адыгской общности «шегаков» или «хегаков»). В то время сагины занимали юг современного Анапского района, левобережье Кубанской дельты и часть Закубанской равнины, тянувшейся от начала дельты на восток. Византийские источники VIII-XII вв. называют сагинов «сугдами» и «согдианами» и различают «нижних», приморских сугдов, обитавших вблизи дельты на землях древней Синдики, и сугдов «верхних», живших выше дельты в степном Закубанье. Кубань отделяла сагинов (сугдов) от кочевников – утигуров, которым принадлежала вся Приазовская низменность вплоть до Дона. В первой половине VI в. утигуры также представляли конфедерацию племен и территориальных групп. Среди них ведущее положение принадлежало кочевавшим по правобережью Кубани и вдоль степных рек Приазовской низменности булгарам.

Сагины после завоевания хазарами Тамани и Крыма вынуждены были признать вассальную зависимость от Хазарского каганата. Глава сагинов князь Инал, по преданию, родоначальник адыго-кабардинских княжеских родов, опираясь на поддержку хазар, сумел на время подавить сепаратизм общин и племен Северо-Западного Кавказа и провел реформы, направленные на укрепление их единства. Инал, согласно преданиям, принадлежал к пятому или шестому поколению одной аристократической семейной группы, захватившей в свои руки власть над приморской частью Сагинской конфедерации. Род Инала некоторые составители адыгских родословных считали в земле шегаков пришлым и возводили его предков к мифическим правителям Аравии.

Несомненный интерес представляет тот факт, что в памяти адыгов сохранились сведения об этих событиях тысячелетней (!) давности (VIII в.). Так, в 1825 г. кабардинцы, жалующься на Ермолова, писали начальнику Главного штаба Кавказских войск Дибичу, что кабардинские князья и народ родом из Египта, что переселение состоялось «тому назад годов 1093», т. е. в 732 г. Далее в жалобе указано: переселение состоялось спустя 150 лет после Магомета (т. е. около 782 г.) (Бейтуганов С.Н., 2007).

Согласно Ш.Б. Ногмову, Инал, унаследовав от своих предков по отцу верховную авторитарную власть в земле шегаков (сагинов), начал борьбу за объединение всех адыгских племен и общин. Дружины шегаков служили ему в этой борьбе опорой. Однако, возможно, он располагал также и силами, приданными ему каганатом. В пользу этого предположения свидетельствуют материалы поздней группы погребений могильника Дюрсо (район Новороссийска), где обнаружены бесспорные следы пребывания в конце VIII – первой половине IX в. на коренной адыгской территории компактной военизированной общности, явно передвинувшейся к югу от Кубани с севера из степей Хазарии. Поддержали Инала и некоторые протоабазинские общины, обитавшие на юге принадлежавшей адыгам (зихам) части Черноморского побережья (Аше и Шаше).

Первый удар Инал нанес по тем адыгским аристократическим родам, которые некогда были клиентами его собственного рода и входили в возглавляемую сагинами-шегаками конфедерацию, но при его слабом

отце отложились и начали проводить самостоятельную политику, включая набеги на соседей и земли, находившиеся под непосредственной юрисдикцией каганата, что, разумеется, вызывало ответные действия, разорявшие и ослаблявшие адыгов. Жестоко расправляясь с непокорными, не щадя ни старшин, ни рядовых общинников, Инал восстановил пошатнувшийся было престиж своего рода и создал адыгским группам, населявшим северные, прикубанские районы, условия относительно спокойного существования.

Следующим шагом к объединению стало подчинение юга и горных районов, где укрылись противники Инала и возникла коалиция враждебных ему племен. Инал разбил выступившие против него дружины горцев и принудил горные общества принести ему присягу на верность. 10 из 30-ти захваченных им «главных начальников» (старшин. – **Авт.**) были казнены. Последними в объединение вошли горные общества, населявшие пограничные с Абасгией земли, среди которых были не только адыги, но и протоабазинские группы, пытавшиеся опереться на Абхазское царство. Однако правитель Абхазии, связанный с каганатом, их, видимо, не поддержал.

Поход Инала на юг закончился миром с Абхазией, заключенным на р. Бзыбь. В грузинской хронике «Матиане Картлиса» сохранилось предание о том, что правитель Абасгии (Абхазии) Леон II был обязан своим утверждением над конфедерацией абасгских племен помощи хазар. Усмирение горных обществ, населявших пограничные между создаваемым Иналом объединением и Абасгией районы, несомненно, было выгодно молодому Абхазскому государству, важнейшей частью которого была Абасгия.

Мир на Бзыби был последним политическим актом Инала. Смерть настигла его в верховьях Бзыби, где он и был погребен в земле, принадлежавшей много позже, в XIX в., абхазскому обществу Псху.

В памяти потомков он остался не только как правитель-воин, силою оружия и дипломатии объединивший разрозненные племена и общины адыгов, но и как реформатор внутренней структуры адыгской общности, как мудрый законодатель. Ему приписывалось создание института «сорока судей», вероятно, игравшего роль совета страны – периодически собиравшегося административно-политического органа, известного в истории других народов Северного Кавказа, который, согласно Ш.Б. Ногмову, продолжал функционировать до 1427 г.

Подводя итоги объединительной деятельности Инала, А.В. Гадло (2005. Вып. II) особо отмечает тот факт, что именно он объединил адыгские племена и общины в составе одного политического образования, что имело исключительное значение для адыгской общности. Это был решительный шаг в направлении этнической консолидации адыгов и сложения раннесредневековой адыгской народности. Не случайно политическое сплочение адыгов запечатлелось в исторической памяти всех адыгских племен. Более того, по существу, именно с этого времени за адыгской общностью утверждается общий этноним, которым соседние народы обозначают всех адыгов вне зависимости от занимаемого той или иной конкретной группой района.

Таким образом, завершает свое эссе А.В. Гадло (2005), – «генеалогическое предание адыго-кабардинцев связывает Инала с наименованием того этнополитического образования, которое вырисовывается на Северо-Западном Кавказе благодаря отрывочным свидетельствам источников VIII–XII вв. и которое не фиксируется источниками более позднего времени (XIII–XV вв.)». К середине IX в. «Иналово государство» распалось. Арабский географ Ал-Масуди (умер в 956 г.) отмечал раздробленность у адыгов-кашаков, а император Константин Багрянородный (около 950 г.) называет Зихию в Восточном Причерноморье и Касахию в Прикубанье уже как совершенно самостоятельные области (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

1.1.4.2. Инал XIV столетия – мамлюкский султан?

Род Инала некоторые составители адыгских родословных считали в земле шегаков пришлым и возводили его предков к мифическим правителям Аравии.

А.В. Гадло (2005).

...Так гласит легенда, но ведь Инал – мамлюкский султан – погиб в Египте и никогда не возвращался в Черкессию. В предании речь идет, возможно, о другом предводителе мамлюков.

Р.Ж. Бетров (1991).

Выше была приведена, в трактовке А.В. Гадло (2005. Вып. II), версия жизнеописания князя Инала, принадлежавшая Ш.Б. Ногмову, который, в свою очередь, основывался на адыгских преданиях. Князь Инал, «по Ногмову», – мудрый и мужественный «правитель-воин, глава сагинов», объединительная деятельность которого датируется концом VIII в.

Но наряду с этим, имеется и другой взгляд на период жизни и деятельности этой легендарной личности. Основываясь опять же на адыгских преданиях, но уже других, некоторые исследователи предполагают, что «...политику объединения черкесов проводил князь Инал в XV столетии – бывший предводитель мамлюков и затем вернувшийся на родину из Египта». Об этом, в частности, говорит К.Ф. Дзамихов (2008): «Существует и арабо-турецкая версия, согласно которой интересующая нас личность и мамлюкский султан ал-Ашраф Сайф ид-дин Инал из черкесов, правивший в Египте с 1453-го по 1461 г., одно и то же лицо».

Как отмечают авторы книги «История многовекового...» (2007), с приходом к власти в Каире черкесской династии бурджитов (1382-1517) связи между Черкесией и Мамлюкским султанатом стали интенсив-

ней. Особое значение приобретают они во второй половине XIV в., в связи с приходом к власти в Черкесии князя Инала, прапрадед которого Араб-хан, по одной из версий, был выходцем из Египта и относился к знатной мамлюкской фамилии адыгского происхождения. Многочисленные и широко известные предания и документы рисуют подробную картину объединения адыгских и абазинских княжеств и владений под властью этого князя, нареченного Святым, – Инал нэху.

Судя по всему, как правитель Черкесии Инал выдвинулся в последней трети XIV в. Это был период «великой смуты» в Золотой Орде, которой подчинялась в то время значительная часть Черкесии, и, прежде всего Кабарда. После убийства ханом Золотой Орды Бердибеком (1357–1359) своего отца Джанибека (1342–1357), власть в Золотой Орде была поколеблена и усилились сепаратистские тенденции, на политическую сцену вышли не только чингизиды, но и темники Мамай и Хаджи Черкес. Одновременно с ними и внешне казалось бы с такими же, но по содержанию принципиально иными целями действовал князь Инал. Он выполнял роль, аналогичную той, какую выполнял Иван Калита на Руси, – роль «собираателя» разрозненных адыгских владений и земель.

Инал объединил разрозненные адыгские племена и установил власть княжеского дома Иналовичей на обширном пространстве всего Северного и Юго-Западного Кавказа, начиная от р. Бзыбь, впадающей в Черное море, до Прикаспийских степей, прилегающих к устью Терека. Большое влияние имел Инал и на черкесских жителей Крыма. Здесь со времен его прадеда Араб-хана и еще раньше адыги жили в южной части полуострова в долине Черкес Тюз (Черкесская долина), где протекала река Кабарда и находилась крепость Черкес-кермен.

К обозначенной датировке становления «державы» Инала подводит относящийся к 1753 г. документ, в котором об этом сообщают три кабардинских князя – Магомет Кургокин, Касай Атажукин, Кара-Мурзы Алеев. В письме, адресованном императрице Елизавете Петровне, они связывают воедино время князя Инала, хана Джанибека (правда, называя его ошибочно Крымским ханом) и абазинского владетеля Хаджи Ахмеда, поселившегося в Черкесии на северных склонах Кавказа. В документе сказано: «Во время... Инала в Крыму ханом был Джанбек-хан и с того времени вышеупомянутые абазинцы наши суть». Кроме того, Фредерик де Монпере, Л.Я. Люлье и другие известные кавказоведы первой половины XIX столетия полагали, основываясь на неизвестных нам источниках (видимо, на адыгских преданиях), что князь Инал «царствовал» в начале XV в. Это ориентиры, по которым можно с некоторой долей вероятности считать, что время правления родоначальника адыгских княжеских фамилий приходится на последнюю треть XIV и начало XV в.

Столицей Черкесии и резиденцией самого Инала стал укрепленный город Шанджир, построенный дедом Инала Абдан-ханом между реками Псиф и Напиль на развалинах древней Синдики, главного города Синдского государства. Описывая остатки этого города в примечаниях к книге Я. Потоцкого, Г.-Ю. Клапрот пишет: «Там еще можно встретить стены и рвы диаметром приблизительно в половину немецкой мили; они тянутся на восток до Псифа и на запад до Нефила. Эта постройка имела четыре выхода, наподобие римского лагеря. На севере, со стороны кубанских плавней, есть ряд холмов, которые можно принять за фортификации» («История многовекового...», 2007).

В работе А.И. Абдокова (1990) приводится интересное предание о родоначальнике адыгского народа – Инале, записанное у закубанских кабардинцев. В кратком изложении оно звучит следующим образом. Было время, когда у кабардинцев не было пши (князей) и народом управляли тлякотлеши (дворяне). Никто никого не слушал, каждый жил, как он хотел. Из-за отсутствия единства адыги сильно страдали от нападения татар и ференджей (генуэзцев). Наконец, из Мсыра (Миср, Египет) пришел князь Инал и объединил адыгов. Все тлякотлеши начали слушаться его. Объединенные под властью умного Инала, адыги победили татар и прогнали их за Тен (Дон) и Индыль (Волгу). После этого Инал начал воевать с ференджами (иноземцами-европейцами. – Авт.). Война с ними была трудной, т.к. они жили в каменных крепостях, построенных на адыгской земле. Они нападали на адыгов, захватывали скот и детей и прятались опять в крепостях. Иналу удалось разрушить все их крепости, за исключением Хумарана (ныне сел. Старая Хумара), построенного на берегу Псыжа (Кубани). Долго простоял Инал с войсками под стенами огромной крепости, много адыгов сложило свои головы у ее ворот. Но Инал был настойчив. Он не отступал, хотя давно прошел срок, когда он должен был через горы повести свои войска на помощь своему тестю Шаше в стране Мудавей (Абхазии). В конце-концов ференджи были разгромлены конным отрядом Кабарды Тамбиева. Обрадованный Инал создал четырех сыновей от первой жены и объявил: «Отныне все земли, которыми управляют Тамбиевы, я называю Къэбэрдей. Имя такого человека, как Кабарда, нельзя предать забвению». Инал из похода в Мудавей, где и находится его могила.

[Комментируя данное предание, А.И. Абдоков сообщает: «Легендарный родоначальник адыгских князей Инал, по преданию, пришел из Египта. Но известно, что среди египетских султанов периода господства черкесских мамлюков встречается имя Инал, который действительно был султаном в 1453 г.». Как отмечают авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии (2006. С. 447), в арабских хрониках, в перечне всех мамлюкских султанов, действительно встречается имя: *Ашраф Сайф ад-Дин Инал*, который правил Египтом в 1453-1461 гг.]. И далее А.И. Абдоков (1990) пишет: «Праправнук Инала – Темрюк был старшим князем Кабарды во второй половине XVI в., т. е. через 100 лет. Если исходить из этого, можно допустить, что прапрадедом Темрюка был именно этот мамлюкский султан Инал. Последний был очень быстро свергнут со-

перниками и, возможно, вернулся на родину, где и стал родоначальником кабардинских князей...». Однако, это далеко не единственное свидетельство о легендарном родоначальнике адыгского народа.

По народным преданиям, Инал был щедро одарен природой: он имел все качества великих и добродетельных людей. Под его твердым и благоразумным управлением прекратились смуты и беспорядки между адыгами. Благоразумие, прямодушие и высокие дарования приобрели ему любовь и уважение адыгских племен. Это расположение еще более усилилось, когда *египетские переселенцы окончательно соединились с туземцами, приняв их веру и язык*. Мудрые постановления упрочили возникающее спокойствие. Этот образ правления продолжался до 1427 г. Он был именован святым, и впоследствии вошла в употребление поговорка «Дай, Боже, Иналов день!».

Первая жена Инала была дочерью абазинского князя Ашева. Резиденция Инала, по сообщению В.М. Аталикова, находилась между реками Непил и Псиф (т. е. среди темиргоев. – **Авт.**). После покорения Абхазии он скончался смертью праведника. Могила его на р. Дзибе (Бзыбь), известная и до сих пор, носит по-абазински название Инал-Кубе, т. е. «Иналова могила» (Абдоков А.И., 1990). Широко известна и бухта Инал на Черноморском побережье.

Интереснейший документ, связанный с родословной Инала-мамлюка, приводит О.Л. Опрышко (2007): «Инал – родоначальник кабардинских и черкесских князей, который, согласно легенде, бытовавшей в княжеско-дворянской среде адыгов, пришел на Северный Кавказ из Египта. Судя по поколенной росписи кабардинских князей, это произошло в XV столетии. *Вполне возможно, что князь Инал мог быть одним из храбрых мамлюков, вернувшимся на родину после долгих лет пребывания на чужбине. Имя же его люди могли ассоциировать с другим Иналом – «султаном египетским»*. И подтверждением для данного предположения может служить документ, составленный в начале XIX в. в Архиве Министерства иностранных дел России и ныне хранящийся в Центральном историческом архиве Москвы:

«...В третьей части Родословной книги под названием «Историческое и генеалогическое показание о магометанских и языческих владетельных домах с самого их происхождения по нынешние времена, с возможною подробностью начертанное и нужными доказательствами снабженное чрез Иоганна Людвиг Левина Гебгарда, профессора при Королевской Рыцарской Академии в Лüneбурге, 1731 г.» о египетском султани Инале и о его сыне преемнике престола в оной книге на таблице, изображающей вторую династию египетских султанов из мамелюков черкасских, которые Борджитскими прозваны, написано:

«§ 62. *Инал из Черкасской земли сделался султаном под названием Меле Ал Аишаф Абульназия...*: 857-го (т. е. в марте 1453 г.) помогал Якову королю Кипрскому против сестры его Шарлотты... умер 80-ти лет в 865 г. (от Рождества Христова – 1460 г.).

§ 63. Мелек Муайед Шегабеддин Абулфатал Ахмет в султаны избран был незадолго пред кончиною своего родителя (Инала), лишен был престола от злобных мамелюков за благоверие в 665 г. (т. е. в 1460 г.)» (Опрышко О.Л., 2007).

И далее в этом документе, вышедшем из Архива Министерства иностранных дел России, приводится родословная кабардинских князей (род Талостановых и Гилахстановых) от «египетского султана Инала», согласно которой князь Темрюк является его праправнуком.

Князю Иналу удалось в какой-то степени сломить сепаратизм ряда феодалов и объединить значительную часть населения. Но единство Кабарды сохранялось недолго... (Бетров Р.Ж., 1991).

1.1.4.3. Судьба потомков князя Инала

Сыновья Инала не сумели сплотиться, и попытка Инала возвести в закон передачу власти над объединением от отца старшему сыну потерпела крах.

А.И. Абдоков (1990).

Общая генеалогия Иналовичей – потомков князя Инала – запутана и многовариантна, но все сводится к одному: многочисленные потомки Инала, ...дробясь по мере умножения на роды и династии, к XVIII в. составили несколько княжеских кланов.

А.В. Сивер (2007. С. 45).

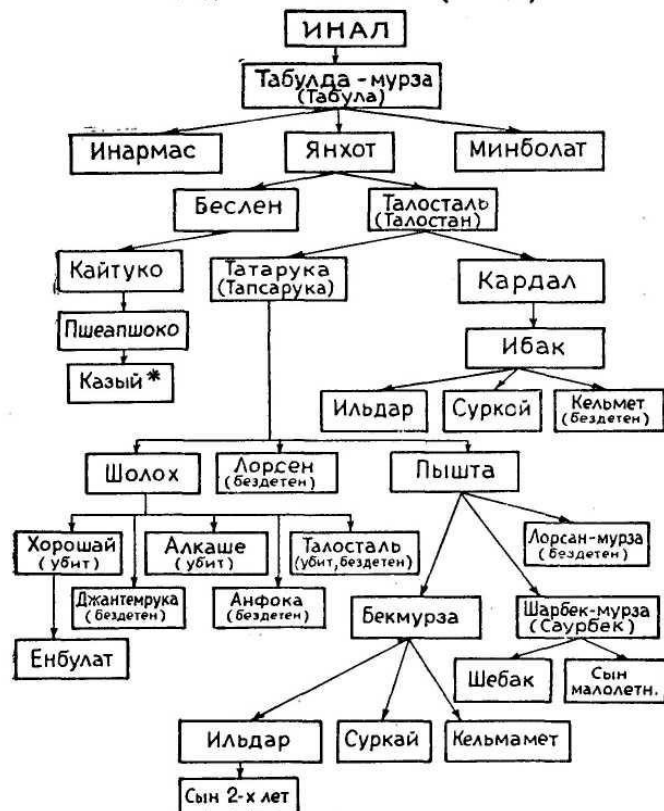
Период политического объединения адыгов был недолгим. Согласно преданиям, сразу же после смерти Инала начались восстания покоренных им племен и общин, которые не хотели мириться с главенством сагинов-шегаков. «Когда же исполнятся дни твои, и ты почнешь (т. е. умрешь. – **Авт.**) с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твоё, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его», – говорится в библейских текстах (2-я книга Царств, 7; 12). Но сыновья Инала не сумели сплотиться, и попытка Инала возвести в закон передачу власти над объединением от отца старшему сыну потерпела крах.

Здесь уместно остановиться на потомках князя Инала. Он три раза вступал в брачный союз и оставил после себя *пять сыновей*: от первой жены *Жайхота*, от второй – *Миньболат* и *Беслема*; а от третьей –

Родословная кабардинских князей и мурз XVII века

(По книгам А. И. Лобанова-Ростовского и А. М. Пушкина)

МАЛАЯ КАБАРДА Род Талостановых (XVII в.)

* Казый Пшеапшонов – прадед князя Александра Бековича-Черкасского

Занн и Хотокый. Один из братьев, Занн, отделился со своим народом; потомки его и доньне занимают те же места и называются «занно» (общество Занн, или Жане, расположенное на р. Пшиш близ его владения в р. Кубань; в настоящее время оно слилось с обществом Гатюкой, живущим при слиянии р. Белой и р. Кубани). Потомки Хотокоя также отделились, ныне зовутся хатохоевцами (хатукаевцами?). Болотоко же, которого адыгейский народ зовет «князь из князей», остался со своим народом на прежнем месте жительства; его народ до сей поры удержал прежнее название кемиргой. Кемиргоевцы, иначе кемгуй или темиргоевцы, населяли раньше пространство между Кубанью и Лабой, при слиянии этих рек, а потом часть их перешла за среднюю часть р. Белой (Абдоков А.И., 1990).

Несомненный интерес представляет тот факт, что у того же А.И. Абдокова, причем, в той же самой его работе, встречаем несколько иные имена родных сыновей князя Инала, причем их число сократилось до *четырех*: «После смерти отца сыновья поделили между собой адыгскую землю. Старшему *Табульде* достались земли к востоку от Псыжа, куда входила и территория, которая была названа Иналом «Кабардой». Второму сыну *Беслану* достались земли между Псыжем и Лабой, третьему – *Чемругу* – от Лабы до Пшиша, а дальше до моря получил земли младший сын *Жанэ*. С тех пор те земли были названы Бесланей, Чемругой и Жаней. А Табульда не посмел заменить данное отцом название «Кабарда». Вот откуда и пошло название Къэбэрдей (Абдоков А.И., 1990).

Как отмечают авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 725-726), этноним *беслъэней* производят от личного имени *Беслъэн* (Беслан) – имени одного из потомков князя Инала, родоначальника кабардинских князей. Бесленевцы именовали себя по имени и другого потомка Инала – Каноко (*Къанокъуэ*), делясь при этом на две отрасли: *Шолэхъухэ* и *Бэчмырзэхэ*.

После смерти Инала его сыновья Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш (у К.Ф. Дзамихова имена сыновей несколько отличаются от других исследователей. – **Авт.**) разделили Черкессию на уделы:

Унармеса и Кирмиша... После смерти Инала подвластные решительно не хотели повиноваться сыновьям его... Между ними начались раздоры.

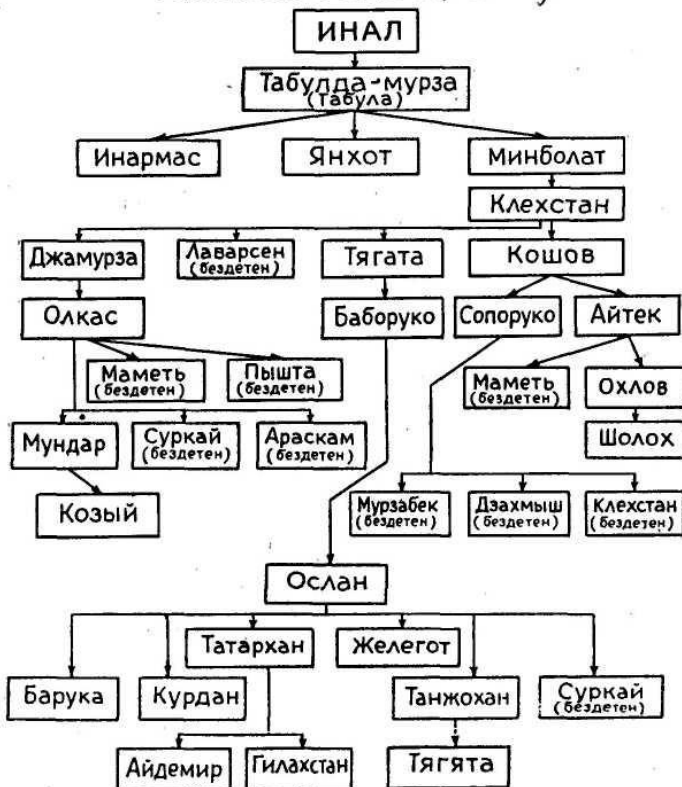
Как отмечает А.В. Гадло (2005. Вып. II), связанные через обычай аталычества с различными территориальными группами, а, возможно, получив их еще при жизни отца в ленное владение (нем. *Lehen* – «земля и доходы, источником которых являлась эксплуатация зависимых крестьян»), сыновья Инала разделились. Один из них, вероятно, старший, остался на родовых землях в низовьях Кубани, а другие возглавили племенные группировки, населявшие равнинную часть Закубанья. Горцы восстановили древнюю независимость, а обитатели южных районов побережья, в том числе коренной территории зихов, вместе с протоабхазскими группами, присоединились к Абхазии. Свидетельство о том, что северная граница Абхазии дошла до р. Нечепсухо, а старый епархиальный центр зихов стал пограничным селением, – имеется в своде грузинских летописей и в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (около 950 г.).

В конце-концов, сыновья Инала разделились на три части: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое (Темиргой), а остальные ушли в Кабарду. От этих-то сыновей Инала производят свое родоначалие нынешние кабардинские, кемиргоевские (темиргоевские) и бесленевские князья. В частности, из потомков адыгейских князей в кемиргоевском племени княжили три брата. Их звали Болотоко,

Родословная кабардинских князей и мурз XVII века

(По книгам А. И. Лобанова-Ростовского и А. М. Пушкина)

МАЛАЯ КАБАРДА Род Гиляхстановых (XVII в.)

Примечание: Желегот после крещения – князь Иван, был женат на дочери русского князя Алексея Долгорукова

«один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду». Потомки Инала правили жаневцами и хегаками (Зановы), темиргоевцами (Болотоковы), хатукаевцами (Хатуко-еzy или Керкиноковы), бесленеевцами (Коноковы), кабардинцами (Казыевы, Идаровы, Шогенуковы, Мисостовы, Жамболатовы, Бекмурзины, Атажуковы, Гиляхстановы, Таусултановы и др.). Бжедугами и махашевцами правили представители самостоятельных княжеских династий, происходивших по преданию от четырех братьев – Черчана (бжедугами-черченеевцами), Химиша (бжедугами-хамышеевцами), Богорсоко (мохошевцами) и Бастеко (частью бжедугами, осевшей у Черного моря на реке Вепсне) (Дзамихов К.Ф., 2008).

Общая генеалогия Иналовичей – потомков князя Инала – запутана и многовариантна, но все сводится к одному: многочисленные потомки Инала, как и Рюриковичи, дробясь по мере умножения на роды и династии, к XVIII в. составили несколько княжеских кланов. В Большой Кабарде это были Атажукины, Мисостовы, Джамбулатовы-Бекмурзины и Джамбулатовы-Кайтукины. В Малой Кабарде – Таусултановы (Талостановы) и Гиляхстановы (Гтлахстановы).

Отдаленные потомки Инала на русской службе дали начало родам князей Черкасских, Бековичей-Черкасских, Алегучевых, Мансуровых, Куденетовых и Кудашевых. Первые четыре фамилии были отнесены к числу «природных князей», т. е. приравнены к Рюриковичам, Гедиминовичам, Багратионам и Чингизидам. Кроме

ме того, свой род к Иналу возводили и некоторые княжеские кланы других адыгских племен, – это не считая родов, «угасших» вследствие разнообразных причин (Сивер А.В., 2007. Вып. VI. С. 45).

Несмотря на недолговечность созданного Иналом политического образования, память о нем в течение столетий сохранялась среди адыгов. Потомки Инала составили особый привилегированный клан. Высшую иерархическую ступень в нем в ходе борьбы с каганатом, начатой адыгами после распада созданного Иналом союза, занял авторитарный глава этнотерриториальной общности темиргоевцев (кемиргойцев), присвоивший себе титул «князь из князей». Однако и темиргойцы, населявшие междуречье Лабы и Кубани, долго не могли восстановить политическое единство адыгской общности, чему князь Инал отдал все свои силы, всю свою жизнь (Гадло А.В., 2005. Вып. II; 2006. Вып. III).

1.1.4.4. От князя Инала – к Идару и далее – к «верховному князю Кабарды» Темрюку Идаровичу

От третьей жены у Инала было два сына: Унармес и Кирмиш... От Кирмиша остался сын Идар. По приверженности и добродетелям все находили в нем сходство с князем Иналом.

А.И. Абдоков (1990).

В конце XV в. на политической сцене Кабарды появляется князь Идар, еще один внук или правнук Инала. Несомненно, Ш. Ногмов излагает канву реальных событий, когда пишет о том, что Идар вместе с бжедугскими князьями Эльжером и Эльжеруко Хамишевыми пришел из Западной Черкесии в Кабарду с большим войском, чтобы защитить своего двоюродного брата Тохтамыша и его сыновей от притеснений со стороны князей по линии первой жены Инала и, прежде всего, от Талостана Жанхотова, На подступах к Центральной

Кабарде к войску Идара присоединяется помимо Тохтамыша, внук от второй жены Инала Каноко Берсланович, также недовольный политикой, проводимой Талостаном. В сражении на правом берегу Баксана, близ горы Кызбурун, войско Идара одержало верх и князь Талостан погиб в нем, хотя со стороны победителей погибли также князья Богарсоко, Тохтамыш, сын последнего Калиш, и др. (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

В народных песнях адыгов сохранились строки, посвященные этой битве:

Мужественный Эльжер Хамишев,
доблестный князь Идар и князь Эльжеруко были неумолимы.
Храбрость малочисленной дружины бжедугских всадников,
подобно невидимой чуме, нагоняет ужас на души противников.
А косой Коноко, не желая войны,
удалился со многими кабардинцами...

В результате Идар победил, и кабардинцы «обязывались его почитать за старшего князя и во всем ему повиноваться».

Сопоставление данных фольклора с генеалогическими картами позволяют считать, что все это происходило на рубеже XV-XVI вв., хотя отдельные детали излагаемых Ш. Ногмовым событий нуждаются в уточнениях и в подтверждениях источниками. Например, нуждается в проверке утверждение, согласно которому Идар, получив в Кабарде свой удел, был признан еще и верховным князем, хотя об этом свидетельствует родословная А.И. Лобанова-Ростовского (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II). Что же касается земель княжества Идарей, то они включали в себя плодородные равнины по обоим берегам среднего и нижнего течения двух рек: Черека и Терека. По своей величине Идарей был самым большим княжеством Восточной Кабарды, простиравшимся от берегов Черека до Каспийского моря.

Хотелось бы отметить следующий аспект проблемы. Признавая за народными преданиями определенную историческую достоверность, А.В. Гадло (2005. Вып. II), тем не менее, сомневается в правильности датировки тех или иных исторических событий: «Главой адыгов во время войны с ними тмутараканского князя Мстислава Ш.Б. Ногмов называет потомка Инала по имени Идар. Идар, по Ногмову, – «внук» Инала от самого младшего сына – Кирмиша. Но этот герой в «Истории» Ш.Б. Ногмова действует неправдоподобно долгое время. Кроме походов на Тмутараканское княжество и Хазарское царство (а ведь это X столетие! – **Авт.**), он участвует в войне между адыгскими князьями, потомками Инала, в результате которой часть адыгов из Прикубанья переселилась на восток на территорию современной Кабарды (XIII-XV вв.). Затем он сам совершает поход на ушедших из Прикубанья адыгских князей и, перебив часть их, переселяется на кабардинские земли в Центральное Предкавказье, где добивается признания его старшим князем. Потомком Идара в третьем поколении («внуком») Ш.Б. Ногмов называет тестя Ивана Грозного, «большого князя» Кабарды, Темрюка (XVI в.)». Впрочем, подобные «нестыковки» характерны и для биографов родоначальника адыгских князей Инала, который, по разным источникам (вернее, по разным трактовкам тех или иных источников), жил и в VIII, и в XIV (XV) столетиях.

Князь Идар прожил недолго и умер, как пишет Ш. Ногмов, своей смертью. По преданию, у него было шесть сыновей: Темрюк, Биту, Желегот, Камбулат (Канбулат), Ельбазд и Кидиршоко (Впрочем, по А.И. Абдокову (1990), число детей у него было намного меньше: «После своей смерти Идар оставил двух сыновей – Питу и Маретихо...»). Но в любом случае, кабардинский князь Темрюк (он же: Темрюк Маремшаович Идаров) является прямым потомком князя Идара («История многовекового...», 2007).

В начале XVI в. правителем Кабарды становится Беслан Тучный, оставивший заметный след в ее истории, как успешный полководец и политический реформатор. Это был сложный для восточных адыгов период, когда им пришлось отстаивать позиции Кабарды в борьбе с Крымским, Астраханским, Казикумыхским, Кайтагским ханствами. Сплотившись под властью Беслана и других влиятельных князей, кабардинцы сумели устоять перед натиском своих противников. В 1518 г. сокрушительное поражение потерпели в Кабарде войска крымского царевича Бахадыр-Гирея, а в 1523 г. в сражении с кабардинскими войсками погиб его отец, крымский хан Мухаммед-Гирей (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

После Беслана Тучного все заботы по содержанию и защите обширных земель княжества легли на князя Темрюка. Это была нелегкая задача. Идария была плохо защищена от нападений как с севера, так и с юга. Особенно слабыми были ее границы в нижнем течении Терека, где с большим трудом удавалось отражать нападения ногайцев Большой Орды и Шамхала Тарковского. Причем, именно здесь находились, по видимому, доставшиеся при разделе княжества поселения князя Темрюка и его братьев – Желегота и Ельбазда, – в то время как Биту, Канбулату и Кидиршоко были отведены земли в Центральной Кабарде, главным образом, в междуречье Терека и Черека.

1.1.5. Усилия князя Темрюка по созданию централизованного государства адыгов

1.1.5.1. Новые попытки создания государственности Черкесии

Татары (Мангу-хан и Кадан) пошли на черкесов и убили государя тамошнего по имени Тукар.

Рашид-ад-Дин (1237).

По данным некоторых авторов, и в позднем средневековье в Черкесии эпизодически возникали своеобразные государственные образования (в I половине XIII в. государя Тукара, а в конце XV в. – главного князя Черкесии Эльжеруко Коноко). Когда татаро-монголы вторглись в земли адыгов, живших к западу от алан, захватчики встретили с их стороны упорное сопротивление. О кончине адыгского предводителя сообщают арабские летописи. В частности, персидский историк Рашид-ад-Дин отмечал, что в 1237 г. татары (Мангу-хан и Кадан) «...пошли походом на черкесов и убили государя тамошнего по имени Тукар». При этом историк особо отметил мужественное сопротивление горцев захватчикам.

Неоднократные попытки объединения Черкесии под властной рукой сильного монарха предпринимались и позже – в течение XVI-XVII вв. В этот период из родовых старшин («*тамадэ*», «*тхъэматэ*») постепенно выростала феодально-родовая знать. Однако единого объединяющего начала у адыгов не было. «Черкесы не имеют никаких своих общих правителей, – писал академик Гюльденштедт, – и их округа не связаны друг с другом какими-либо правильными отношениями». Дополняет эту мысль Ян Потоцкий (1798): «То, что мне о ней (Черкесии) говорили, настолько необычно, что с трудом мог поверить, что существуют страны с подобным управлением. Но эта страна существует, и вот она перед моими глазами по другую сторону Терека».

Да, адыги в прошлом не имели государственности и письменности, однако, как пишет один из путешественников, проживший среди них три года, «...можно было только изумляться порядку, царившему между ними, которым могут похвалиться немногие другие страны, имеющие письменные законы и сложную систему правосудия» (Цит. по: Половинкина Т.В., 2006. С 14).

Однако все эти и подобные попытки объединения и создания государственности у адыгов носили эпизодический характер и, разумеется, не могли оказать заметного влияния на ход адыгской истории. Имя же выдающегося общественно-политического деятеля Темрюка Идарова олицетворяет собой, по образному выражению К.Ф. Дзамихова (2008), «события эпохальной важности».

1.1.5.2. Князь Темрюк – «истинный рыцарственный представитель черкесского народа»

Главным содержанием политики, проводимой Темрюком Идаровым, было создание централизованного государства... В конце XVI – начале XVII в. Кабарда была самым крупным политическим объединением на всем пространстве между Черным и Каспийским морями.

Б.Х. Бгажноков (2005. Вып. II).

С момента тесного сближения и заключения союза между Кабардой и Россией (1557 г.) Темрюк Идаров, опираясь на русские военные отряды, проводил различные мероприятия для государственного объединения адыгских земель.

К.Ф. Дзамихов (2008).

Князь Темрюк, по мнению историка В.А. Потто (1885), был крупным реформатором, предпринявшим конкретные практические шаги по объединению раздробленных адыгских земель, а также являлся инициатором заключения военно-политического союза между Кабардой и Россией в середине XVI в. Имя главного князя Кабарды Темрюка Идарова и его авторитет были в XVI в. широко известны не только среди самих адыгов, но и за пределами Северного Кавказа. Сближения и союза с ним искали влиятельные фамилии других народов – аварские, астраханские, ногайские, кумыкские, балкарские, карачаевские, а также крымские татары.

Князь Темрюк приходился праправнуком родоначальнику кабардинских князей – легендарному Иналу. По утверждению В.А. Потто, это был «*истинный рыцарственный представитель черкесского народа*». Народные сказания сохранили для потомства прекрасную черту его характера, напоминающую русского витязя Святослава. «Князь Темрюк Идаров, – говорится в них, – никогда не пользовался выгодами нечаянного нападения и всегда заранее объявлял войну, посылая сказать своим врагам: «Иду на вас!». В преданиях и песнях, посвященных Темрюку Идарову, он описывается как отважный воин, который утверждал «справедливость и законы рыцарской чести своего народа».

Как было отмечено выше, по преданию, у князя Идара было шесть сыновей. Что же касается земель княжества Идарей, то они включали в себя плодородные равнины по обоим берегам среднего и нижнего течения двух рек: Терека и Черема. По своей величине Идария в середине XVI в. была самым большим княжеством Восточной Кабарды, простиравшимся от берегов Черема до устьев Терека («История многовекового...», 2007). Князь Идар прожил недолго и умер, как пишет Ш. Ногмов, своей смертью. После него, в 20-30-х гг. XVI сто-

летия все заботы по содержанию и защите обширных земель княжества легли на плечи его старшего сына – Темрюка, которого избрали верховным князем Кабарды, по-видимому, в 1540-х гг., после смерти Беслана Тучного.

Это была нелегкая задача. На первый взгляд, Кабарда казалась в этот период вполне сложившимся и сильным государством, с хорошо сбалансированной и последовательной внешней политикой. Однако вполне реальной и опасной для горцев была непрекращающаяся угроза нападения со стороны Крымского ханства и Османской Порты. Идария была плохо защищена от нападений как с севера, так и с юга. Особо уязвимыми были ее границы в нижнем течении Терека, где с трудом удавалось отражать нападения ногайцев Большой Орды и шамхала Тарковского. Причем именно здесь находились, по-видимому, поселения князя Темрюка и его братьев Желегота и Ельбазда, доставшиеся им при разделе княжества. Трем другим братьям – Биту, Камбулату и Кидиришоко – были отведены земли в Центральной Кабарде, главным образом, в междуречье Терека и Черема.

Все это происходило в условиях, когда у Кабарды не было надежной поддержки извне и ее раздирали внутренние противоречия в самой стране, связанные с борьбой за власть между князьями нескольких княжеских уделов: Кайтукою, Талостанея, Геляхстанея, Идарея. Ответственность, возложенная на князя Темрюка, многократно возрастает после избрания его верховным князем Кабарды. Видимо, оно состоялось в 1540-х гг. после смерти Беслана Тучного.

В сложное и трудное для Кабарды время, когда страну раздирали феодальные противоречия и она регулярно подвергалась нападениям внешних агрессоров, Темрюк Идаров проявил себя как мудрый и дальновидный государственный деятель. Будучи верховным кабардинским князем, он правильно оценил сложную внутреннюю и внешнюю обстановку, в условиях которой к середине XVI в. оказалась Кабарда. Лучше, чем кто-либо другой, сознавая масштабы внешних угроз, Темрюк Идаров предпринимает беспрецедентные меры с целью внутренней консолидации и упрочения внешнеполитических позиций Кабарды («История многовекового...», 2007).

Но в долгосрочной перспективе все эти меры не могли служить гарантией безопасности Кабарды. *Темрюк Идаров хорошо понимал, что лишь союз с Россией может укрепить позиции Кабарды не только во всей Черкесии, но и в отношениях с соседними государствами и народами.* В начале 50-х гг. XVI в. Темрюк все больше и больше склоняется к альянсу с Московским государством, в не меньшей степени нуждавшемся в сильных союзниках на Кавказе.

В течение 1552-1561 гг. между Кабардинским и Московским государствами происходит обмен посольствами, ведутся переговоры. Итогом переговоров становится военно-политический союз, известный со времен Древней Греции и Рима, как симмахия. В случае надобности и по мере возможности каждая из сторон обязывалась оказывать друг другу военную помощь в борьбе с внешними врагами и нести в этих целях военную службу на территориях союзного государства (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II; «История многовекового...», 2007). В дальнейшем этот взаимовыгодный союз двух равноправных партнеров еще более укрепился за счет брака государя всея Руси Ивана Грозного с дочерью князя Темрюка княжной Кученей (Гоашаней, Гуашаней), которая и стала новой московской царицей Марией Темрюковной.

Действия князя Темрюка были направлены на установление власти князей Идаровых над всей Кабардой и создание на этой почве централизованного монархического государства. Чтобы еще больше продвинуться в этом направлении и укрепить свои позиции в борьбе со своими противниками, в конце 1566 г. он посылает в Москву к Ивану Грозному своего сына Мамстрюка с просьбой поставить крепость в устье реки Сунжи при ее впадении в Терек: («...де пришед к Темрюку-князю город поставили и Темрюк де в городе сел, а хошет де с московскими людьми итти на Сибока и на Канука»). Очень быстро, в течение нескольких месяцев, крепость была возведена, хотя это вызвало резкое недовольство Турции.

Строительство крепости на р. Сунже значительно повышает политическую роль княжества Темрюка Идарова как внутри Кабарды, так и на всем Северном Кавказе. Через Идаровых, в «вотчине» которых была построена эта крепость, Россия стала контролировать «Астраханский путь», идущий из Центральной Азии на Ближний Восток и в Закавказье. Тем самым княжество Идаровых стало мощным препятствием, сдерживающим агрессию Турции и Крымского ханства на Кавказе. В 1569 г. эти государства организовали крупнейший военный поход против Астрахани, стремясь взять реванш за падение Астраханского и Казанского ханств, открыть путь в Центральную Азию и одновременно создать плацдарм для нанесения удара через Дербент по Сефевидскому Ирану. Но он не достиг своей цели. Значение княжества Идаровых было продемонстрировано в разгроме отступавших турок и крымцев. Примечательно, что в отместку за неудачу Астраханского похода Девлет-Гирей в 1570 г. сжег Москву («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.121-123). В 1588 г. уже после смерти Темрюка и Ивана Грозного, возводится еще одна очень большая крепость на левом берегу реки Тимянки в дельте Терека в нескольких километрах от Каспийского моря. Численность русских стрельцов в этой крепости достигала в разное время от 500 до 2000 человек, не считая казаков (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

В период княжения Темрюка область влияния адыгов значительно расширилась. В 1570 г., по словам русского посла в Турции И. Новосильцева, Темрюк Идаров утверждал, что «...землю по Терке по реке и до моря (Каспийского. – Авт.) – его, Темрюкова, и зверь бил, и рыбу ловил». Тот факт, что в то время на востоке Черкесии достигала побережья Каспийского моря, подтверждают практически все авторы XVI – начала XVII в.

В конце 1570 г. князь Темрюк умер от старых ран, полученных в бою. Народ надолго сохранил память о нем: *Хахуэу ди пчышхуэ палэр, зэдилэмэ лыхуу цэджацэр дилэжкым* – «Нет более доблестного героя храброго витязя нашего, князя Темрюка».

Суммируя все, о чем сказано выше, можно признать, что, главным содержанием политики, проводимой Темрюком Идаровым, было создание централизованного государства. Продолжателями этой политики стали после смерти Темрюка его сын Мамстрюк, братья Биту и Канбулат (Следует отметить, что определенную роль в осуществлении этой политики сыграли и его дочери, выданные замуж в «чужие земли» – Гуашаней (Гуашэней, Гоашаней), – за русского царя Ивана Грозного, Алтынчач – за астраханского царевича Бекбулата и Малхоруб – за наследника Большой Ногайской Орды Тинехмата; а ближайшая родственница князя Темрюка – Айше – за крымского хана Девлет-Гирея (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II); «История многовекового...», 2007).

Дальнейшую судьбу потомков князя Темрюка – брата и сыновей – прослеживает В.С. Бесланев. Согласно его изысканиям, после смерти Темрюка Идаровича (Идарова) старшим князем Кабарды в 1588 г. был избран его родной брат Канбулат. Как отмечают русские летописи, от имени старшего князя Кабарды «...Мамстрюк-князь да Худенек-мурза Канбулатов сын Черкасской и черкасы Елбуздук со товарищи» присягнули на верность русскому царю Федору Ивановичу (1588 г.). Спустя год скоропостижно умер старший князь Кабарды Канбулат Идаров, так и не закончив срок княжения. В 90-х гг. XVI в. старшим князем попытался стать Мамстрюк Темрюков, которого «государь пожаловал княжеством Кабардинским», но в 1600 г. Казый Пшеапшоков из рода Кайтукиных убил Мамстрюка и его брата Даманука, а население их аулов увел за Кубань. В 1616 г. князь Куденек Канбулатович, из рода Идаровых, был пожалован в Москве «княжеством Кабардинским». Интересно, что и знаменитый род Бековичей-Черкасский также восходит, по В.С. Бесланеву, к князю Темрюку и далее вглубь времен – к самому Иналу.

Как пишет А.В. Казаков (2006), эти потомки (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи) с середины XVI в. ориентировались на Россию. С этого периода представители этих родов выезжали на службу в Россию и стали известны как Черкасские. В ранге служилых князей они вошли в существовавшую властную российскую иерархию, участвовали в политической жизни русского общества и занимали высокое положение при дворе и армии. Из Черкасских вышли воеводы, руководители приказов и коллегий, военные и государственные деятели, в том числе генералиссимус – главнокомандующий армией и великий канцлер, губернаторы и командующие армиями. В разное время 12 представителей рода Черкасских входили в состав Боярской думы – высшего государственного органа России.

Племянники Темрюка – Куденек (Куденет), Сунчалей, Пшимахо – втягиваются в бесконечные войны с другими князьями Кабарды, используя для этого, то есть не по своему прямому назначению, условия военно-политического союза с Россией. Тем не менее, в целом политика, которую проводили Идаровичи вплоть до своего раскола, была достаточно конструктивной. Она способствовала улучшению международного положения Кабарды и усилению ее позитивного культурно-политического влияния на все народы Кавказа (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

Впрочем, некоторые другие авторы не столь высоко оценивают объединительную деятельность Темрюка Идаровича, его усилия по созданию централизованного адыгского государства. Так, Р.Ж. Бетров (1991) пишет: «Во второй половине XVI в. старший князь Темрюк Ильдорович вновь сделал попытку объединения Кабарды, но безуспешно. Более того, в конце XVI в. центробежные силы даже усилились, что в итоге привело в XVII столетии к разделению кабардинских земель на Большую и Малую Кабарду. Таким образом, – заключает историк, – в XVIII-XIX вв. (как, впрочем, и раньше) в политическом отношении Черкесия не представляла цельного государственного образования, а распадалась на ряд феодальных княжеств и областей. Верховными владельцами на подвластной территории обычно выступали князья. Обладая реальной властью, именно они определяли решения племенных сходов (народных собраний).

1.2. Конец XVIII – начало XIX вв.: «Черкесские племена заключили между собой тесный союз...»

1.2.1. Народные собрания – прообраз адыгской государственности

В одном из столичных музеев Иордании посетители имеют возможность в числе других художественных картин познакомиться с той, на котором изображено всеобщее Хасэ (народное собрание) адыгских народов, которое обычно созывалось для принятия решений по основополагающим моментам народной жизни, объявлению или прекращению войн. В самом центре картины изображены 12 старцев – 12 представителей основных народностей. По большому кругу заседают старейшины основных (могущественных) родов адыгских племен.

Решения всеобщего Хасэ имели силу закона и были обязательными для исполнения на территории всей Черкесии. Гарантом этого являлся непререкаемый авторитет старцев. Нарушивший решение всеобщего хасэ адыгов изгонялся, народ проклинал его; при этом позор отступника падал и на членов его семьи, на родственников («Радетели земли...», 2001. С. 6).

1.2.1.1. «Для обсуждения и определения общих дел и предприятий созываются народные собрания...»

Для обсуждения и определения общих дел и предприятий созываются народные собрания, более или менее значительные, смотря по важности дел или предприятий и по обширности той части народонаселения, до которой они касаются.

«Исторический обзор Терека...» (1851).

О предыстории возникновения у адыгов такой своеобразной формы народного самоуправления, как межплеменные собрания – хасэ, довольно-таки исчерпывающе рассказывается в сборнике трудов дореволюционных авторов «Исторический обзор Терека...» (1851), результаты исследований которых приводятся в кратком изложении.

...До занятия русскими войсками северо-восточного берега Черного моря некоторые [черкесские] общества, казалось, близки были к совершенному распадению от внутренних раздоров и кровопролитий, но пришествие наше [царских войск] погасило в них вражду, и вдруг, по решимости необъяснимой в неблагоустроенном народе, *все племена черкесские и убыхи, заселяющие прибрежный край, поклялись прекратить междоусобия, единодушно соединить силы для сопротивления нашему оружию*, не заводить с нами никаких сношений, политических и торговых, без общего согласия; преследовать нарушителей этой клятвы и налагать штрафы на менее виновных из них. Хотя с того времени многое изменилось в отношениях наших к народонаселению; некоторые значительные лица и фамилии с нами сблизились, другие покорились, меновая торговля постепенно развивается и вообще замечен успех в сближении с нами горцев, но всякий раз, когда противная партия находит свои выгоды и возможность восстать против нас народ и поднять преследование на наших приверженцев, она опирается на первое народное постановление, скрепленное клятвой, как на закон, определяющий неизменно отношения к нам народа.

Единство происхождения, религии, нравов и обычаев, военные предприятия и народные совещания подерживают единство в народе, не имеющем соединительных начал гражданского благоустройства. После занятия нами берега [Черного моря] самые отдаленные части народонаселения, бывшие прежде редко между собою в сношениях, сблизились, и недостаток гражданской связи заменился в народе связью политическою.

Для обсуждения и определения общих дел и предприятий созываются народные собрания, более или менее значительные, смотря по важности дел или предприятий и по обширности той части народонаселения, до которой они касаются. Ветви Кавказского хребта, направляющиеся к Черному морю, разделяют прибрежный край на части и народонаселение на общества. Народное собрание одного общества, т. е. жителей одного речного бассейна или участка земли, не разделенного на части трудными естественными препятствиями, составляется из депутатов, посылаемых от фамилий, или, как принято их называть, из старшин. Поголовные собрания могут быть только в фамилиях и малых обществах. Два, три и более общества и целое племя высылают на общие народные собрания депутатов, избранных обществами. Для этих сходбищ нет ни определенных мест, ни положенного периодического времени. Общая потребность, направление умов и влияние людей, пользующихся народным доверием по личным своим достоинствам и подвигам, или по хитрым и своекорыстным проискам, бывает обыкновенно поводом к созыву собраний. Собрания эти более имеют вид совещательный, для соглашения всех мнений и окончательного определения всех подробностей дела, и хотя они пользуются некоторою степенью условной власти, которая доставляет им право преследовать неисполнителей своих определений и налагать на них штрафы, но, не имея никаких материальных средств для понуждения народа не только к тому, что не согласуется с его желанием, но и к мерам, принимаемым с равнодушием, они ограничены общественным мнением.

Народные собрания сходятся иногда для суда лиц или семейств, обвиняемых в измене народу. Если обвинение окажется справедливым, то обвиняемых и семейства их присуждают к продаже в неволю, а иногда – первых и к смертной казни, и имущества их предают разграблению. Как в этом, так и в подобных случаях, хотя обвиняемые могут быть под защитой своих фамилий, но народное собрание найдет средства исполнить свое решение страхом или силою оружия других фамилий, если оно представляет мнение союза нескольких фамилий против одной («Исторический обзор Терека...», 1851).

1.2.1.2. «Решения всеобщего Хасэ имели силу закона и были обязательными для исполнения на территории всей Черкесии»

Предприятия получают твердость через совещание, и по совещанию веди войну.

Книга притчей Соломоновых (20; 18).

В половине 30-х гг. (XIX в.) черкесские племена заключили между собой тесный союз, в условиях которого было поставлено: прекратить все междоусобные распри, не входить с русскими ни в какие отношения...

Н. Карлгоф (1853).

Как отмечает А.К. Чемсо (2002), на межплеменных собраниях, участившихся в конце XVIII – начале XIX вв., происходило сближение между членами различных племен, возникали союзы (*блягага*), заключа-

лись договоры и соглашения (*маслагат*). Таким образом, эти собрания (*хасэ*) и мирские сходы (*зэ́лукIэ*), по сути, являлись попыткой объединения племен для отражения агрессии извне. По словам Л.Я. Люлье (1857), они «...носили названия от мест, в которых собирались. В частности, в XVIII в. было создано 5 таких собраний: Джуре-закуо-тхареуо, Псикетоко-тхареуо, Заипсинь-тхареуо, Абинь-тхареуо и ПэкIэтныкьо зэфэс».

«ПэкIэтныкьо зэфэс» (1796 г.). В отличие от «аристократических» племен, организация власти у шапсугов, абадзехов и натухайцев носила ярко выраженный «демократический» характер. Здесь были сильны позиции народных собраний, на которых решались важные вопросы общественно-политической жизни. Одним из первых таких народных собраний был проведенный «в присутствии шапсугских дворян и просто-го народа» съезд, называемый черкесами «ПэкIэтныкьо зэфэс», который подвел итоги Бзюкской битвы (1796 г.). Сам съезд был знаменит тем, что впоследствии долгие десятилетия решались дела и судьбы людей только на основании принятых решений данного съезда. Например: за украденную лошадь, если вор не вернет ту же самую, с него полагалось взыскивать семь лошадей. В случае возврата той же лошади одну еще в придачу. За убийство дворянина надо было платить 30 голов (лошадей, коров) или же их стоимость, за простолюдина – 28 голов. Таким образом, цена крови простолюдина была приближена к цене представителя знати. Примечательно, что в принятых решениях сохранялась незыблемость традиций покровительства, гостеприимства и других морально-этических норм адыгэ хабзэ (Чемсо А.К., 2002. С. 15-16).

«Хауо-хясъ» (1822 г.). В конце XVIII столетия и в начале XIX в. народные собрания происходили нечасто. По словам Л. Люлье, в памяти народа сохранилось несколько таких собраний, получивших название от мест, на которых были созваны. В частности, собрание «Хауо-хясъ» («Хауце-хясъ») происходило в 1822 г. и следствием его было введение суда по шариату. Следующая попытка была предпринята в начале 30-х гг., когда было создано «Великое свободное собрание», а далее число народных собраний намного увеличилось (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 158).

Ноябрь 1830 г. Обращает на себя внимание собрание, которое шапсугские и натухайские старшины созвали в ноябре 1830 г., куда пригласили представителей от крестьян. На собрании сразу же разгорелась острая дискуссия между сторонниками Турции и сторонниками России. Большинство высказывалось за принятие российского подданства. Но ни одной из сторон не удалось достигнуть главного: повести за собою крестьянские массы, а без них принять то или иное решение адыгская знать не решалась.

В 1834 г. на собрании абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи заключили военно-политический союз в целях объединения вооруженных сил. В этот период был выдвинут проект создания единой политической организации Западной Черкесии. Проект предусматривал превращение народных собраний в постоянно действующие органы власти, создание регулярных вооруженных сил, введение четкой системы административно-территориального управления (Кудаева С.Г., 2007).

В феврале 1835 г. шапсугские и натухайские старшины и дворяне под давлением народных масс вынуждены были созвать народное собрание для выработки тактики по отношению к России. Во время собрания английский капитан Лайонс передал старшинам письма Сефер-бея с призывом к восстанию и непокорности России. Он обещал им скорую помощь со стороны Турции и Англии. Поверив этим обещаниям, собрание постановило продолжить борьбу с Россией. Вмешательство западных держав и Турции привело к обострению позиции сторон в черкесском вопросе. Царизм между тем наращивал военные силы на Северо-Западном Кавказе, что вызывало озабоченность адыгов, стремившихся заручиться помощью соседних государств (Панеш А.Д., 1999. С. 85-86).

В период Кавказской войны каждая группа адыгов присылала выбранных на общих собраниях делегатов в Анапу (до взятия царскими войсками это был центр края); из этих делегатов выбирались военные начальники, послы, судьи. Для проведения боевых операций избирался общий вождь. Внешние сношения и вся дипломатическая служба находились в руках Сефер-бея Заноко. Кроме главнокомандующего на общем собрании выбирались военные начальники для каждой провинции, которые имели отряды по 100 всадников. Отдельные военачальники имели по несколько сот и даже тысяч воинов. Так, например, князь Пшикуй Ахеджаков имел 6 тыс. всадников (Панеш А.Д., 1999).

Летом 1838 г. на р. Адагум было организовано очередное собрание адыгов, на котором провозгласили создание союза для борьбы против царских войск. Собрание приняло следующие решения: «1) действовать единодушно и утвердить союз присягой; 2) пригласить в союз покорных России адыгов, а в случае отказа угрожать им истреблением; 3) преследовать явных и тайных сторонников России». В дальнейшем роль народных собраний в общественно-политической жизни адыгов еще больше возрастала.

1.2.1.3. «Хасэ» являлись сословно-представительными собраниями феодальной эпохи и выполняли ряд важных политико-управленческих функций»

Будет у вас священное собрание; смиряете тогда души ваши и никакого дела не делаете.

Книга Числа (29; 7).

Одной из важнейших функций народных собраний была организация борьбы за независимость против войск царской России. На хасэ заключались договоры между различными адыгскими субэтническими группами о совместных военных действиях, ... разрабатывались действия против явных и тайных сторонников царизма.

А.Ю. Чирг, Н.Х. Женетль (2006).

Определенный интерес представляет эссе А.Ю. Чирга и Н.Х. Женетля (2006) о причинах столь высокой популярности такого общадыгского демократического общественного института, как народное собрание. По мнению авторов, адыгские народные собрания – «хасэ» являлись сословно-представительными собраниями феодальной эпохи и выполняли ряд важных политико-управленческих функций. Они созывались для решения важнейших вопросов жизни общества, проблем войны и мира. Один из современников описываемых событий отмечал: «Все частные дела некоторой важности, как, например, – спор двух семейств о земле, спор об убийстве важного человека, о похищении из знатного дома жены или дочери, и дела общественные, как то: о войне или мире с соседственным народом или о покорности русским, разбираются и получают решения в народных собраниях» (Колюбакин Н., 1846).

Адыгские хасэ имели демократический характер. Так, Ф. Дюбуа де Монпере отмечал: «Мы видим, таким образом, что нет больших республиканцев, чем черкесы, несмотря на законы феодализма, которые весьма четко делят этот народ на касты. Сам князь (в «аристократических» племенах. – Авт.) обязан всегда советоваться со своим собранием по всем вопросам, не касающимся внутренних дел его семьи и его хозяйства». Отдельное лицо могло повлиять на решения народного собрания не благодаря своему происхождению и социальному положению, а вследствие своих личных качеств. Дж. Лонгворт (1839), посетивший Черкессию в 1839 г., в своей книге «Год среди черкесов» писал по этому поводу: «Возраст, опыт, доблесть и красноречие имеют должный вес и влияние, и хотя они приспособлены и облачены в одежды, отвечающие предрассудкам народа, они превращают своих носителей в непререкаемых выразителей общественного мнения». С мнением Лонгворта согласуются слова К.Ф. Сталя, также утверждавшего, что на народных собраниях можно было возвыситься благодаря удаливству, храбрости и другим личным качествам. Красноречивого, храброго и разумного человека называли *млегубзыгъ* – «язык народа». Дж. Белл отмечал, что феодалы не пользовались на собраниях никакими преимуществами.

Хасэ занимались разрешением не только важнейших внутричеркесских проблем, но и ведали вопросами внешней политики. Одной из важнейших функций народных собраний была организация борьбы за независимость против войск царской России. На хасэ заключались договоры между различными адыгскими субэтническими группами о совместных военных действиях, обсуждались меры в отношении агентов российской разведки, разрабатывались действия против явных и тайных сторонников царизма.

Не существовало определенного места или времени для проведения заседаний хасэ. Они созывались по мере необходимости. Собрания проходили под открытым небом, в священных рощах, в местах, памятных какими-нибудь важными событиями. Дж. А. Лонгворт (1839) вспоминал: «Когда мы подъехали к дому нашего кунака, взглянув налево, я начал понимать, что из себя представляет палата Национального собрания Черкесии – превосходная дубовая роща, полностью очищенная от подлеска, в тенистой и прохладной сени которой вокруг поросших мхом стволов, служивших как бы опорами массивной крыше из листвы, сидели на дерне *тхаматы*, или старейшины, по-видимому, захваченные серьезными дискуссиями. Оружие было снято, повсюду виднелись лошади, привязанные к сучьям деревьев, под седлом и взнузданные» (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

1.2.1.4 «Начиная с 40-х гг., – народные собрания делались гораздо чаще и вызывались энергическими действиями со стороны русских...»

Начиная с 40-х гг., – народные собрания делались гораздо чаще и вызывались энергическими действиями со стороны русских... Черкесы начинают убеждаться, что единство при сопротивлении русским даст им большие силы, и потому... явилась идея о единстве и общем интересе.

Н.Ф. Дубровин (1871).

Непокорные племена решились твердо отстаивать свою независимость и, образовав между собой тесный союз, стараются привлечь на свою сторону и племена покорных черкесов.

С. Эсадзе (1914).

В 40-х – начале 50-х гг. XIX в. Северный Кавказ представлял собой сложный клубок переплетения внешнеполитических и социально-экономических внутренних противоречий. Сохранялись напряженные отношения между Россией и Турцией, поддерживаемой Англией и другими государствами Западной Европы. Почти непрерывно то в одной, то в другой области края вспыхивали социальные конфликты. Все это придавало определенный колорит и оказывало свое прямое или косвенное воздействие и на ситуацию на Северо-Западном Кавказе и, что немаловажно, – во многом способствовало активизации деятельности таких форм народной государственности, как «хасэ» – по сути, сословно-представительных собраний адыгов (Панеш А.Д. (1999. Вып. 1).

«Учреждение, с одной стороны, Лабинской линии, а с другой, постройка ряда укреплений по берегу Черного моря, – пишет Н.Ф. Дубровин (1871, С. 158), – породили большое беспокойство между непокорными черкесскими племенами, жившими за р. Лабою и по восточному берегу Черного моря. Начиная с 1840 г., между этими племенами проявляется лихорадочная деятельность и народные собрания учащаются. Черкесы начинают убеждаться, что единство при сопротивлении русским даст им большие силы, и потому до сих пор чуждые друг другу и даже враждебные общины начали заключать между собою союзы и договоры, явилась идея о единстве и общем интересе. Междоусобная вражда или ослабела или совсем прекратилась; никакой важный вопрос не разрешался уже старшинами без народного собрания. Последние почти всегда имели главнейшею целью принятие мер для общей безопасности; при этом предусматривалось уничтожением воровства и хищничества устранить поводы к внутренним раздорам и вражде». Как сообщали российские источники, «...закубанские черкесы еще с 1837 г. начали заключать между собою союзы, как лучшее средство успешных против нас действий». Этот же факт подтверждает Н. Карлгоф: «В половине 30-х гг. (XIX в. – **Авт.**) черкесские племена заключили между собой тесный союз, в условиях которого было поставлено: прекратить все междоусобные распри, не входить с русскими ни в какие отношения...

Народные собрания – хасэ ведали также сношениями с Турцией и западноевропейскими державами. Адыгские представители пытались добиться у них помощи в неравной борьбе с царизмом. Так, по данным российской разведки, в начале 40-х гг. на народном собрании было принято решение направить в Константинополь представителей адыгов с просьбой оказать им военную помощь. Народные собрания также решали вопросы преодоления бедствий чрезвычайного характера, таких, как голод и эпидемии». Но для того, чтобы такие союзы между адыгскими племенами стали прочными, нужна была другая организация общества.

Дополняет эту информацию барон К.Ф. Сталь, (1849): «По коренному обычаю черкесов, каждое сельское общество (*хабль*), каждая община (*псухо*), каждый народ (*чилле*) совершенно самостоятельны, никому не подчиняются, управляют сами собой на мирской сходке, судятся на народном суде по адату (обычаю) или по шариату. Общее народное собрание (*за-уча* или *джеме*) имеет более целью разрешение спорных вопросов между обществами или принятие мер для общей безопасности, т. е. все вопросы о войне и мире. Важнейшими народными собраниями в последнее время были:

1841 г. Собрание абазехов, шапсугов, убыхов, вордан, цахе, ахучипси и абзах у Меакопы и на Пшехе в 1841 г., вследствие которого был заключен союз между этими народами против русских и устроено у абазехов пять народных судов (*мегкеме*). Главную роль играл на этом собрании, в числе прочих, старшина Ташав-хаджи Дунакай. Собрание это длилось несколько месяцев.

1846 г. На р. Марухе в 1846 г. было созвано народное собрание беглых кабардинцев, которые учредили у себя народный суд (*мегкеме*). Главным деятелем и «языком народа» был здесь хаджи Трам.

1847 г. Собрание абазехов на Пшехе в 1847 г., на котором решено все пять народных судов, учрежденных с 1841 г., слить в одно общее абазехское мегкеме. Главным деятелем и *языком народа* был здесь Зеккерия Хатко, абазехский старшина, пользующийся у абазехов огромным влиянием».

В результате ряда десантных операций царские войска летом 1840 г. заняли все укрепления горцев на побережье. Однако сломить до конца сопротивление причерноморских адыгов не удалось. Начались переговоры между убыхами, шапсугами, натухайцами и абадзеками с целью организации новых совместных выступлений против царских войск. В 1841 г. адыги провели народное собрание, на р. Пшехе, целью которого

было разработать наиболее эффективные меры защиты Земли адыгов от притязаний царских колонизаторов. Принимая во внимание исключительно важную роль этого собрания и принятого на нем дефтера (программный документ, политическое обращение, заявление. – **Авт.**) в становлении адыгской государственности и «устройства религиозных и мирских дел», остановимся на нем несколько подробнее.

1.2.1.5. «Замечательный своими последствиями дефтер 1841 г.»

И есть ли какой великий народ, у которого были бы такие справедливые постановления и законы, как закон сей?

Второзаконие (4; 8).

Дефтер, ставший своеобразной программой борьбы адыгов за свою независимость, ...был составлен в духе шариата и требовал прекращения всяких связей с русскими. Однако религиозные лозунги были лишь прикрытием для стремления адыгов к политической консолидации.

А.Д. Панеш (1999).

Принятие этого дефтера (договора) народным собранием черкесов и убыхов не случайно относится к началу 40-х гг. XIX в. По мнению генерала К.Ф. Сталя (1900), «...учреждение Лабинской линии породило большое беспокойство среди народов, живущих за р. Лабой и по восточному берегу Черного моря. Однако не только Лабинская линия беспокоила черкесов и убыхов. Открытое наступление царских войск, нарушения переговоров, ужесточение карательных действий (особенно после отставки генерала Н.Н. Раевского) усилили стремление убыхов, «демократических» черкесских племен к объединению (Здесь и далее выделено нами. – **Авт.**)».

«С 1840 г. у этих народов были постоянные собрания, имевшие целью принять меры для общей безопасности», – писал другой современник. Главной целью собрания было «устройство политических дел». Как пишет Н.Ф. Дубровин (1871. С. 158-159), «...абадзехи, шапсуги, убыхи и многие другие поколения решили составить между собою союз, которым положить основание всему относящемуся к религиозным и мирским делам. Собравшись на р. Пшехе в 1841 г., они связались между собою присягою и после нескольких месяцев прений и переговоров, издали дефтер, замечательный своими последствиями».

«Слава Богу! – сказано в этом народном постановлении, – который нас сотворил, показал нам свое величие и возвысил нас над другими животными! Слава Богу, который дал нам все средства жить счастливо на этом свете и получить награду в другом мире! Слава указавшему нам истинный путь спасения, веру истинную свою, через пророка своего и посланника Магомета. Слава Богу, который есть защитник наш и спаситель в день воскресения!...». И далее в дефтере особо подчеркивается: «Никто не должен предупреждать русских о сборе партии черкесов для набега в русские пределы. Кто донесет и оттого будет причинен вред партии, – тот должен заплатить; если доносчик свободного сословия, 200 коров, а крестьянин 100 коров и, сверх того, штраф 30 туманов. Кто перейдет к русским и будет служить им, то такие лица, как враги своего края, не будут иметь, ни они сами, ни их родные, никакого права на наше сострадание». И далее: «Положено давать убежище всем беглым и выходцам из России; мусульманам, пришедшим для помощи против врагов черкесского народа, оказывать всякое содействие, обращаться с ними дружески и, если нужно, то, для устранения всякого недоверия, выдавать таким союзникам своих детей в аманаты». В заключение была приложена присяга о взаимной защите в случае вторжения, в которой сказано, что «...как только русские войска вступят в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, куда потребует опасность; те, которые не имеют оружия, не изымаются (т. е. не освобождаются) от восстания».

«Таковы главные статьи дефтера, положившего, можно сказать, начало образованию общего союза разнообразных поколений черкесского народа и их соседей, – завершает свое эссе Н.Ф. Дубровин (1871. С. 158-159). Одним из важнейших постановлений этого акта было прекращение торговых и всякого рода других сношений с русскими и воспрещение вести отдельному обществу переговоры с русскими, без согласия всех остальных союзных племен».

Комментируя этот документ, авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 509) обращают внимание на то, что первый пункт дефтера гласит: «Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата». Однако ссылки на шариат носили, в сущности, тактический характер, рассчитанный на противопоставление двух религиозных полюсов – исламской Турции и христианской России. Дефтер создан еще до появления первого наиба Шамиля в Западной Черкесии, т. е. в период, когда шариат еще не получил сколько-нибудь широкого распространения среди убыхов и западных черкесов (особенно шапсугов и натухайцев), никогда не отличавшихся религиозным фанатизмом. Главным в дефтере, ради которого он, собственно, и был создан, является пункт, согласно которому принимается общая присяга взаимной защиты в случае вторжения царских войск: «Как только русские войска войдут в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, где опасность требует». По свидетельству К. Сталя, присягнув дефтеру, входящие в союз народы строго выполняли свое постановление. Взаимная вражда мгновенно исчезала. Дефтер положил «первое начало для образования союза» убыхов, черкесов и части джигетов. Дефтер 1841 г. способствовал консоли-

дации убыхов и западных черкесов в борьбе за независимость и в какой-то мере подготовил почву для Адагумского собрания 1848 г., разработавшего основы административного устройства убыхов, шапсугов, нутухайцев и абазехов («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 509).

Оценивая значение этого дефтера, ставшего своеобразной программой борьбы адыгов за свою независимость, А.Д. Панеш (1999. Вып. 2) пишет: «Документ был составлен в духе шариата и требовал прекращения всяких связей с русскими. Однако религиозные лозунги были лишь прикрытием для стремления адыгов к политической консолидации».

1.2.1.6. «Большое Адагумское народное собрание» (1848 г.)

И сказала все собрание: «Да будет так», потому что это дело всему народу казалось справедливым.

1-я книга Паралипоменон (13; 4).

Черкесы согласились на Адагумском собрании предоставить народному собранию власть над народом и ввести у себя то, чего у них недостает для установления единства и порядка, а именно: учредить администрацию и земскую полицию.

Н. Карлгоф (1860).

Большое народное собрание состоялось на р. Адагум в 1848 г. В нем участвовали абазехи, шапсуги, нутухайцы и убыхи. Оно продолжалось целый год (с февраля 1848 г. по февраль 1849 г.), до прибытия за Кубань шейха Магомет Амина, агента Шамиля, которому Адагумское собрание передало свою власть. Цель этого общего народного собрания была очень обширная. Здесь высказывались с большой подробностью и точностью те же самые идеи, которые в первый раз выразились на народном собрании у Меакопы в 1841 г. Целью народного собрания было образовать общий союз всех черкесских племен. На Адагумском собрании, которое пыталось действовать как правильная организованная власть, решено учредить настоящую военную силу, конных *муртазиков* (стража при суде и общинных старшинах), назначив из поголовного налога по 60 руб. серебром жалованья каждому из муртазиков. Народы, приступившие к союзу, должны были разделиться на участки. В каждом участке 40 присяжных старшин должны были наблюдать за исправностью наряда. Муртазики должны были разделяться на сотни, каждая со своим значком. Народное собрание решило прервать всякие сношения с русскими и строго преследовать «мирных».

По сообщению Карлгофа, «...черкесы согласились на Адагумском собрании предоставить народному собранию власть над народом и ввести у себя то, чего у них недостает для установления единства и порядка, а именно: учредить администрацию и земскую полицию. Для выполнения этого намерения они положили принять следующие меры:

а) признать постановления народного собрания обязательными для всех обществ и принуждать силой к повиновению те из них, которые будут уклоняться от исполнения его повелений;

б) для доставления народному собранию материальных средств к тому, чтобы постановления его уважались, образовать и отдать в его распоряжение постоянное ополчение на содержании народа;

в) разделить народ на общины, каждую по 100 дворов, и поручить управление общинами избранным, или старшинам, которых обязать присягой исполнять распоряжения народного собрания и представлять ослушников и преступников на его суд. Для поддержания власти старшин назначить в распоряжение их некоторое число мутазагов (муртазиков) («Русский вестник». 1860. № 16. С. 544).

«На Адагумском собрании было высказано много идей, – пишет К.Ф. Сталь (1900), – свидетельствующих о практическом уме черкесского народа; но для приведения этих идей в исполнение не нашлось ни одного человека, который бы мог твердой рукой управлять народом. Слиянию черкесов в одно целое надолго препятствовать будут сильно развитая самостоятельность общин и аристократический элемент, который не хочет отказаться от своих вековых преимуществ. Собрание Адагумское то собиралось, то расходилось, то распадалось на отдельные собрания; наконец, в январе 1849 г. Магомет Амин, агент Шамиля, пробравшись из Чечни, появился у шапсугов, и Адагумское народное собрание передало власть в его руки».

И далее К.Ф. Сталь приводит основные решения Адагумского собрания: «Народное собрание состоит из всех вольных людей народа. Рабы на эту мирскую сходку не допускаются. Конно-вооруженный народ собирается преимущественно во время подножного корма, на условленном месте, на кургане или в урочище, освященном обычаем. Собрание назначает уполномоченных своих между эфенди и старшинами. Когда избранные уполномоченные старшины обсудят и решат предложенный вопрос, старший между ними по летам и почету сообщает собранному у подножия кургана народу, чем решено дело. Если народ согласен с решением старшин, то подают Коран, и народ пообщинно присягает исполнять свято это решение. После присяги эфенди составляет акт (*дефтер*), присутствующие прикладывают к нему печати (*мухор*) или пальцы, смоченные в чернилах, и с этого времени дефтер имеет обязательную силу. У народов, имеющих князей, тоже бывают собрания, и очень часто. Это в народном духе: черкесы любят много говорить и слушать красноречивые речи своих *тлегузыхов*» («Кавказ. Адагы горских народов...». Вып. IV. 2010).

1.2.2. Взаимоотношения адыгов с Англией

1.2.2.1. Активизация деятельности английских эмиссаров на Северо-Западном Кавказе

Говорят слова пустые, клянутся ложно, заключают союзы; за то явится суд над ними, как ядовитая трава на бороздах поля.

Книга пророка Осни (10; 4).

Англия была единственной державой, которая серьезно интриговала в черкесских делах...

Осман-бей (1855)

8 июля 1833 г. в Ункяр-Искелеси был заключен договор между Турцией и Россией. Россия окончательно присоединила к себе Черноморское побережье Кавказа. С заключением этого договора еще сильнее активизировали свою деятельность на Северо-Западном Кавказе английские агенты. Центром их антирусской деятельности стало английское посольство в Константинополе.

УРКАРТ. Первым британским агентом в Черкесии был Д. Уркарт (Д. Уркварт), известный под псевдонимом Дауд-бей, – секретарь английского посольства (по словам К. Маркса, «известный поклонник Турции»). С его именем связана активная деятельность британских агентов в Черкесии в 30-х гг. XIX в. В 1833 г. по заданию лорда Пальмерстона Д. Уркарт побывал на Ближнем Востоке и пришел к выводу о необходимости проникновения английского капитала в этот регион. Связь Уркарта с Министерством иностранных дел Великобритании тщательно скрывалась. В Стамбуле Уркарт устанавливает связь с черкесскими эмигрантами, лично знакомится с Сефер-беем, который представлял себя в качестве официального лица «от адыгских народов». В июле 1834 г., с согласия английского посла в Стамбуле Понсонби и с рекомендательным письмом натухайского князя Сефер-бея, вместе с капитаном Лайонсом он отправился в Черкесию и Абхазию. В Черкесии, передавая адыгам их национальный флаг, он призывал горцев к всеобщему восстанию против русских, обещая им всяческую помощь от Англии и других европейских держав (Панеш А.Д., 1999. С. 107).

Уркарт вынашивал идею создания адыгского «правительства» проанглийского толка. Дело создания единой государственной системы Черкесии осложнялось тем, что не только Англия, но и Турция подкупали адыгейских князей, стремясь к созданию «правительства» из «своих» людей, чьи интересы были враждебны народу. В частности, антирусскую деятельность среди адыгов в те годы проводили Сеид-Ахмед-паша, Али-бей и Сефер-бей Зан.

Английские дипломаты то и дело информировали свое правительство о ненависти местного населения к русским. Так, один из британских консулов сообщал: «Народы Закавказья упрямее, чем когда-либо, относятся к русским с ненавистью. Русские гарнизоны в фортах Сухум-Кале, Пицунде, Бамборах, Гагре и Геленджике, а также во многих других не рискуют выходить за их редуты». Одновременно английские агенты на Кавказе пытались по-новому организовать борьбу горцев с Россией – создать так называемое «Центральное правительство, которое будет координировать и направлять к одной цели усилия отдельных племен, силы которых до сих пор были разрознены, а потому бесплодны».

Наряду с разведывательной деятельностью, Уркарт развернул среди западных адыгов широкую агитацию, призывая их к всеобщему выступлению против России. При этом он обещал им военную помощь со стороны Англии и других европейских держав. Возвратившись в Стамбул, Уркарт составил подробный отчет о пребывании в Черкесии и передал его Понсонби. Он одобрил отчет Уркарта, сказав, что его визит станет началом больших событий.

Трехдневное пребывание Уркарта в Черкесии в 1833 г. явилось началом активизации политики Англии на Кавказе. В своих донесениях и отчетах в Министерство иностранных дел лорд Понсонби заявлял, что Англия должна выступить в «защиту» Черкесии и что для этого достаточно будет только посылки английского флота в Черное море. Особенно бурную деятельность развернул Уркарт. В 1835 г. он становится секретарем британского посла в Константинополе. Вокруг Уркарта сформировался круг единомышленников и помощников. Помимо А. Хая, прекрасно знавшего Кавказ и владевшего множеством языков, на службе у Уркарта находились английские офицеры, которые направлялись в Черкесию в качестве военных инструкторов. Уркарт также занимался изданием журнала «Portfolio», в котором публиковал статьи, направленные против России и ее политики на Кавказе (Панеш А.Д., 1999. С. 107).

Несомненный интерес с точки зрения взаимоотношений адыгов с английскими эмиссарами представляет народное собрание на р. Адагум, состоявшееся спустя несколько лет, в 1838 г. Организованное при активном содействии англичан, на нем было провозглашено создание союза для борьбы против царских войск. Собрание показало, что отношение адыгов к Англии во всей Черкесии не было одинаковым. Когда черкесские отряды достигли р. Убина, старшины решительно отказались содействовать англичанам. Несмотря на это, эмиссарам все же удалось сформировать общее ополчение, которое вступило в боевые действия на р. Саше с царскими войсками и имело успех.

ДЖЕМС БЕЛЛ. Находясь в Черкесии и поддерживая адыгов в их борьбе за независимость, Дж. Белл и другие английские эмиссары ожидали от своего правительства большей военно-политической активности.

По мнению Белла, Англия играла роль пассивного зрителя, и что она могла бы сделать больше, чтобы в противостоянии горцев России произошла развязка.

Белл опасался, что в течение короткого времени России удастся покорить Черкессию, и тогда пострадают «наиболее жизненные интересы Англии». Белл был убежден, что разрешение черкесской проблемы в пользу России «привело бы к падению Персии и Турции и поставило бы «в опасность владычество» Англии «в восточной части Индии». Однако английский эмиссар видел и другое – тенденцию сближения Черкесии с Россией. Англичане были не в силах остановить этот процесс. При всех трудностях и противоречиях русско-адыгские отношения не были сплошным военным противостоянием. Они во многом зависели от конкретной военно-политической обстановки.

Белл не был уверен в том, что среди адыгов сохраниться проанглийская политическая ориентация. Он выражал недовольство пассивностью Англии на Кавказе, «желаемую политику которой он видел в решительных военных действиях на восточном берегу Черного моря, а не в эффектных угрозах, которых придерживался в английском внешнеполитическом курсе лорд Пальмерстон».

В Черкесии периодически вспыхивали недовольства в отношении англичан. Обеспокоенный этим, Белл отмечал, что он не видит в этом крае осуществления данных англичанами обещаний. «Великие события» на Северо-Западном Кавказе английскому эмиссару виделись в перспективе военных действий против России.

Между тем британский кабинет был верен своему курсу и «не спешил к развязыванию «большой войны», начало которой английские эмиссары в Черкесии так старательно торопили своими усилиями». *Лондон по-прежнему придерживался тактики использования освободительного движения адыгов в своих интересах* (Панеш А.Д., 1999. С. 217).

1.2.2.2. «Декларация независимости Черкесии»

Высшее и прекраснейшее в человеческой природе – любовь к родной земле, ощущение свободы и независимости...

И. Гете (1749-1832).

Горцы равно гнушаются подданничества султану и нам (России); домогаются они только свободы...

Н.Н. Муравьев, генерал (1841).

В начале 30-х гг. XIX столетия, в связи с крайне тяжелыми обстоятельствами, сложившимися в ходе Кавказской войны, руководители адыгских племен объединились и выработали, с участием английских эмиссаров Уркарта и Пальмерстона, «Декларацию независимости Черкесии», которую затем разослали правительствам ряда европейских и азиатских стран. Этот акт, по словам В.М. Аталикова, имел значительные последствия в международной дипломатии. «Декларация» была опубликована в тот же год в различных зарубежных изданиях.

В ней кавказские горцы, борющиеся за свою независимость, обращались к Англии, Турции и другим европейским державам с просьбой о помощи против «русской агрессии». Этот документ, как отмечает А.Д. Панеш (1999. С. 107), «представлял собой своеобразную реакцию Англии на Ункяр-Искелесский договор, заключенный между Россией и Турцией. Добиваясь отмены этого договора, британский кабинет решил нанести политико-дипломатический удар не только по России, но и Турции, становившейся непослушной Лондону. [Впрочем, вопрос о происхождении «Декларации независимости Черкесии» в настоящее время является дискуссионным. А.Х. Касумов считает, что подлинным автором этого документа является Д. Уркарт. В свою очередь, в сборнике документов, посвященном проблемам Кавказской войны, указано, что «Декларация была выработана руководителями адыгских субэтносов». Как бы то ни было, по мнению А.Д. Панеша (1999. С. 107), этот документ «был использован Англией в политических целях»].

«Нельзя без волнения читать строки этого документа, проникнутые свободолобием, благородством и достоинством», – пишет В.Х. Пшемурзов (2003). Ниже приведен оригинальный текст «Декларации...», переведенный из одного английского издания и практически не известный сегодняшним адыгам:

«Жители Кавказа не являются подданными России и даже не состоят в мире с нею, но уже в течение многих лет втянуты в войну с нею. Эту войну они ведут без посторонней помощи. Они никогда не получали помощи или поддержки ни от какого государства. В то время, как султан, как духовный глава магометанства, осуществляет свое верховенство в этих областях, жители побережья Черного моря, исповедующие эту веру, предоставлены сами себе в своей защите, и за последнее время Порты неоднократно предавала их и оставляла их без помощи. Один паша открыл ворота Анапы московскому золоту, говоря черкесам, что русские пришли, как друзья, чтобы поддержать султана против восставших вождей Арменистана. Другой паша снова предал их и бросил их страну за одну ночь. С тех пор черкесы неоднократно посылали депутации к султану, выражая преданность и прося помощи, однако их встречали холодно. С таким же успехом они обращались к Персии и, наконец, к Мехмету Али, который принял их преданность, но отказал в помощи.

Во всех этих случаях депутатам от Черкесии поручалось сказать тем, кто, будучи на расстоянии, не знал, как тяжело давление России, как враждебна она к их обычаям, вере и счастью всех людей – иначе зачем бы черкесы так долго

воевали против нее? – как вероломны были ее генералы и жестоки ее солдаты, – что это ни в чьих интересах, чтобы черкесы были уничтожены. Напротив, это в интересах всех – поддержать черкесов. Сотни тысяч московитских войск заняты войной против нас, карауля и блокируя нас, чтобы затем воевать с вами. Сотни тысяч людей рассеяны по нашим бесплодным землям и крутым скалам, которые воюют с нашими отважными горцами, чтобы затем заполнить наши богатые равнины и поработить наших подданных и нас самих. Наши горы были оплотом Персии и Турции; без поддержки они могут стать воротами в обе эти страны, ибо сейчас они только прикрытые для них. Они являются дверью в дом, закрыв которую можно защитить только одно сердце. Но, более того, наша кровь, черкесская кровь, течет по венам султана. Его мать – черкешенка; его гарем состоит из черкешенок; его рабы – черкесы; его министры и генералы – черкесы. Он вождь нашей веры, а также нашего народа; он владеет нашими сердцами, и мы предлагаем ему свою приверженность. Всеми этими связями мы требуем у него сочувствия и поддержки, и если он не захочет или не сможет защитить своих детей и подданных, то пусть думает о крымских ханах, потомки которых находятся среди нас.

Таковы были слова наших депутатов, как им было поручено говорить, но они не были услышаны. Но так не было бы, если бы султан знал, как много сердец и мечей он мог возглавить, если бы он перестал быть другом московитов.

Мы знаем, что Россия не единственное государство в мире. Мы знаем, что есть государства более великие, чем Россия, которые, будучи достаточно могущественными, настроены благожелательно, которые просвещают невежественных, которые защищают слабых, которые не дружат с Россией, но скорее враждуют с нею, и которые являются не врагами, а друзьями султана. Мы знаем, что Англия и Франция являются первыми нациями на земном шаре, и были великими и могущественными еще тогда, когда русские в маленьких лодках пришли к нам и попросили у нас разрешения ловить рыбу в Азовском море. Мы думали, что Англия и Франция несколько не интересуются таким простым и бедным народом, как мы, но мы не сомневаемся, что эти мудрые нации знают, что мы не русские, и, хотя мы плохо обучены и не имеем артиллерии, генералов, дисциплины, кораблей или богатств, что мы честный и мирный народ, когда нас не трогают, но что мы по веской причине ненавидим русских и почти всегда бьем их. Далее, мы с бесконечным оскорблением узнали, что наша страна отмечена на всех европейских картах как часть России; что договоры, о которых мы ничего не знаем, подписаны Россией и Турцией, которая хочет передать русским этих воинов, от которых Россия трепещет, и эти горы, где никогда не ступала ее нога; что Россия говорит Западу о том, что черкесы являются ее рабами или дикими бандитами и дикарями, к которым не может быть проявлено снисхождение, и никакой закон не может их обуздать.

Мы торжественно выражаем протест перед небесами против таких бабьих хитростей и обманов. Мы отвечаем словом на слово, и оно истинно против фальши. В течение 40 лет мы победно выступали против нападений с оружием в руках; эти чернила, как кровь, которую мы пролили, провозглашают нашу независимость; и здесь мы прилагаем печати людей, которые не знают ничего более высокого, чем решение их страны, людей, которые не понимают утонченных аргументов, но которые знают, как использовать свое оружие, когда русские приходят со своей протянутой рукой. Какая сила может изгнать нас отсюда? Наша верность предложена султану, но если он в мире с Россией, он не может принять ее, так как Черкесия воюет с нею. Наша верность – это добровольное чувство; он не может продать ее, потому что он не покупал ее.

Пусть такая великая нация, как Англия, к которой обращены наши взоры и простерты наши руки, не думает о нас вообще, если мы несправедливы. Пусть она не открывает свой слух хитростям русских, пока она не закрывает его от мольбы черкесов. Пусть она судит по делам о народе, который называют диким и варварским, и о его клеветниках.

Нас 4 миллиона, но, к несчастью, мы разделены на множество племен, языков и вер; у нас разные обычаи, традиции, интересы, союзы и раздоры. У нас также никогда не было единой цели, но мы имели подобие правительства и обычай подчинения и командования. Вождь, избираемый каждым племенем во время войны, обладает всеми полномочиями, и наши князья и старшие управляют соответственно обычаям каждой местности с большим авторитетом, чем в великих государствах вокруг нас; но поскольку у нас нет единого вождя, мы, правя на всем востоке, всегда избираем вождем чужеземца. Так, мы добровольно подчинились господству крымских ханов, а затем султану Константинополя, как вождям нашей веры.

Россия, когда она захватывала часть нашей территории и где-то одерживала верх, пыталась низвести нас на положение рабов, завербовать нас в свою армию, заставить нас проливать наш пот и нашу кровь для ее обогащения, воевать вместо нее, поработать ей других, даже наших соотечественников и единоверцев. Поэтому между нами выросла ненависть, и кровопролитие не прекращается, иначе мы уже давно были бы покорены московитским вождем.

Было бы печальной и долгой историей рассказывать вам о ее жестокости, нарушениях ею клятв и обещаний; как она окружила нашу страну со всех сторон, отрезав нас от предместий, необходимых для жизни; как она прервала нашу торговлю; как она предала ножу наемных убийц последние остатки наших домов и оставила нас без вождей, которым мы бы подчинились; как она уничтожает целые племена и селения; как она подкупила вероломных агентов Порты; как она привела нас к нищете и загнала нас к ненависти и раздражению против всего мира ужасами, которые не допустила, в то время, как своей ложью она опозорила нас в глазах христианских наций Европы.

Мы потеряли племена, которые раньше могли собирать сотни тысяч воинов под своими знаменами, но мы наконец объединились все как один в ненависти к России; 200 тыс. человек только из нашего города подчинены ей в этой долгой схватке; из оставшихся ни один не служит России добровольно. Много детей было похищено, а дети знати были взяты заложниками, но при первой же возможности они бегут в свою страну. Среди нас есть люди, которые пользовались благосклонностью, уважением и ласками императора, но которые предпочли этой благосклонности опасности их родной страны. Среди нас есть тысячи русских, которые предпочли наше варварство цивилизации их страны. Россия построила крепости на нашей земле, но они не обеспечивают безопасности дальше, чем достигают их ружья; 50 тыс. русских недавно вторглись к нам, и они были побиты.

Только оружием, а не словами может быть захвачена эта страна. Если Россия покорит нас, то сделает она это не оружием, а пресечением наших коммуникаций и использованием Турции и Персии так, как будто они уже принадлежат ей; сделав море непроходимым, как будто оно уже принадлежит ей; блокадой нашего побережья; уничтожением не только наших судов, но и судов тех государств, которые приходят к нам; отвращением нас от рынка необходимой нам продукции; запрещением нам получать соль, порох и другие военные припасы, которые необходимы нам для жизни; лишением нас

надежды. Но мы независимы, мы воюем, мы побеждаем. Представитель императора, который представляет нас Европе как своих рабов, который отмечает на карте нашу страну как свою, недавно открыл коммуникации с черкесами, но не для прекращения восстания, а для того, чтобы вывести отсюда 20 000 человек, захваченных нашими людьми, и уговориться насчет обмена пленными. Кто имеет силу, чтобы освободить нас?» (Цит. по: «Проблемы Кавказской войны...», 2001. С. 27-30).

Представляет интерес трепетно-священное отношение адыгов к этому документу. По словам Э.Спенсера, «Декларацию независимости», переведенную на турецкий, каждый черкесский князь и аристократ носил с собой, независимо от того, может он читать ее или нет, и относился к ней с таким же благоговением, как турки к Корану». Завершить настоящий раздел хотелось бы словами этого же автора, которыми он объективно характеризует немалые потенциальные возможности ОБЪЕДИНЕННОЙ Черкесии: «Ни один вождь никогда не смог объединить их (черкесов) всех под своей властью. Если бы все черкесы когда-то были объединены в сильное государство одним правителем, обладающим хотя бы средними способностями, они были бы непобедимыми перед атаками России или любого другого захватчика».

1.2.2.3. Зов о помощи: «Обращение черкесов к народам Европы»

Он развернул его передо мной, и вот свиток испитан был внутри и снаружи, и написано на нем: «плач, и стон, и горе».

Книга пророка Иезекииля (2; 10).

Мы независимы, мы воюем, мы побеждаем...».

Из «Декларации независимости Черкесии»

В фондах факультета романо-германской филологии Кабардино-Балкарского госуниверситета сохранилась последняя работа рано ушедшего из жизни филолога Х.И. Шидова по переводу сборника черкесских песен, собранных и записанных анонимным составителем из Германии в первой половине XIX в. Среди этих песен, неизвестных до настоящего времени даже специалистам по адыгскому фольклору, обнаружен поэтический вариант «Декларации независимости Черкесии», датированной началом 30-х гг. XIX в. Из поколения в поколение, из уст в уста этот песенный текст главного официального документа черкесов передавался народными сказителями, с тем, чтобы сегодня отдаленные потомки авторов приведенной ниже песни получили уникальную возможность познакомиться с этим маленьким поэтическим шедевром, пришедшим к нам из глубины столетий:

«Обращение черкесов к народам Европы»

Мы боремся за самое высшее благо,
Которое создано Всевышним,
За право и свободу боремся мы.
Послушайте наш зов о помощи:
Свобода воспитала нас и пусть
Сопровождает нас до смерти,
Она сияет нам, как утренняя звезда,
Горит, как вечерний закат.
Свобода – это очи мира
И свет всей жизни, –
И потому – несчастье, если потухнет пламя,
И закроется красивый глаз!...
Тогда будет мрак вокруг нас,
И холодно, и страшно будет,
И силы всех живых существ
Отнимет власть шайтана;
Тогда могучие крылья
Гордого Аара² будут скованы,
А в жилах кровь застынет,
Не успев раскинуться;
Тогда бег реки будет вялым,
Затеряется в черном песке,
Цветы не будут благоухать,
Земля пустыней станет;
И жаворонок не взлетит
Высоко к небесам,
И гордое мужское слово
Не будет гордо так звучать.
Свобода – это очи мира
И свет всей жизни,
И потому – несчастье, если потухнет пламя,
И закроется красивый глаз!...

² Аар – возможно (?) от Аарра, – в древнеарабской мифологии божества плодородия, света и Солнца.

Уже минуло много лет,
 Как без всякого повода
 Преследует нас белый царь жестоко,
 Чтобы отнять это благо;
 То, чего нет у его продажных сынов,
 Что отсутствует на его родине,
 Не может он никогда терпеть
 У других народов.

Московитянин – это коршун,
 Который разрывает нас
 Острыми когтями; это облако,
 Которое садится ядовитой росой;
 Это – рысь в засаде,
 Вынюхивающая добычу;
 Змея, обвившая с жадностью
 Ростки Дерева Жизни.

От одного свободного дуновения
 Московит бледнеет,
 Он страшится того, что жар
 Растопит холодную империю царя;
 Поэтому он плетет сети из стали
 Вокруг этого дуновения свободы,
 И гневно рычит потому, что его боевое оружие
 Не оказалось таким, как он думал. –

Иначе что же могло его сюда
 На Кавказ привести?
 Действительно, не наша ж бедность,
 Которую он осмелял:
 Так как горы наши настолько грубы,
 А наших полей урожай
 Насколько скуден, что, несмотря на слухи,
 Напрасно ищет его у нас.

Нет, жажда власти, жажда власти
 Привела сюда царя,
 И зазывные глаза ее,
 Ее слова влекут к сражению;
 И только ей обязан он, и он извивается,
 Как раб, пред ней в пыли.
 И этому кровавому чудовищу
 Принесет он свое сердце на растерзание. –

Народы, мы еще свободны! И грудь
 Полна отваги,
 И в венах наших все еще
 Течет пурпурно кровь;
 Еще блестит в руках и шашка,
 Блестит кольчуги сталь,
 Еще не смеет враг делить
 Обед Отчизны нашей.

Аллах велик, кто знает, вдруг! –
 Кто знает, что нас ждет?
 Позор?
 И ночь проглотит день? –
 А вдруг удар извечный топора
 Проникнет в сердцевину дуба?
 А может, черные облака
 Проглотят яркую звезду? –

И ни оружие, ни железо тут ни причем,
 Черкес не сдастся,
 Но золото врага уже
 Поколебало многих наших;
 Сладки и гладки речи русских,
 А на доверчивость они
 Коварной местью отвечают,
 С насмешкой, хитростью коварной.

И как огромная змея, окутывают
 Войска врага
 Землю наших отцов, а мы же –
 Изгнанники в родной стране.

Так как все туже, с каждым днем
Жестокое кольцо вахтерши³,
А может, ах! – Вдруг голод нас
Низвергнет в пасть ее. –

Тогда народы, бдите, бдите!
Змея не знает сытости –
Беда нам,
Всем беда!

И если вы когда-нибудь пожертвуете гордостью,
Внемлите зову нашему:
Мы боремся за то счастье,
Которым Бог нас одарил!

Свобода – это очи мира
И свет всей жизни, –
И потому – несчастье, если потухнет пламя,
И закроется красивый глаз!...

1.2.2.4. «Независимая Черкесия» по-английски: проект создания Черкесского государства, независимого от России

Англия разработала проект создания на Кавказе единого государства под названием «Черкесия», включающего всю территорию Северного Кавказа. Государство это предполагалось передать под протекторат либо Турции, либо Англии.

А.Д. Панеш (1999).

Имея в виду свои далеко идущие планы, Англия стала вынашивать мысль о создании единого государства черкесов, независимого от России. Как уже отмечалось выше, Черкесия считалась подданной Турции, но фактически черкесы всегда были независимые. Отсюда и вытекала идея Пальмерстона о создании «Независимой Черкесии». Английский эмиссар Д. Уркарт также вынашивал идею создания адыгского правительства проанглийского толка и превращения Черкесии в «буферное» государство между Россией и Османской империей. Об этом писал и Дж. Лонгворт (1839): «Для черкесов, которые столь долгое время были фактически независимыми, настало время создать свое собственное, свободное правительство со всеми присущими ему обязанностями».

Дополняет эту информацию А.Д. Панеш (1999). Как отмечает историк, после Крымской войны наибольшую активность в кавказском вопросе проявляли Англия и Турция. Англия разработала проект создания на Кавказе единого государства под названием «Черкесия», включающего всю территорию Северного Кавказа. Государство это предполагалось передать под протекторат либо Турции, либо Англии. Кроме того, проектом предусматривалось отторгнуть от России все Закавказье, раздробить Грузию «наподобие дунайских княжеств и под протекторатом Англии и Турции организовать отдельные княжества: Грузию, Мингрелию, Имеретию, Гурию, Армению. Возвратить Ирану и Турции те части, которые были присоединены к России Гюлистанским и Адрианопольским трактатами» (Панеш А.Д., 1999. С. 183).

В английской печати появились заявления, где говорилось о том, что «граница России на Кавказе должна проходить к северу от Терека и Кубани». По вопросу использования освободительного движения кавказских горцев в войне против России у участников антироссийской коалиции было единое мнение. Накануне и во время войны союзное командование прилагало большие усилия для установления связи с руководителями освободительного движения. Особенно большие надежды возлагали союзники на Шамиля и его наиба Мухаммед Амина.

В связи с этим в Англии и Франции была развернута огромная идеологическая работа. Через прессу и литературу политики и дипломаты всячески превозносили борьбу горцев за свою независимость. Громко заявляя о «защите» независимости горцев, они в сущности проводили свою агрессивную политику на Кавказе и прикрывали вооруженную и идеологическую интервенцию против кавказских народов, против России. «Кавказ это вавилонская башня фанатизма, и для удаления русских из Закавказья необходимо западным цивилизаторам подать руку помощи кавказскому пророку и, подчинив все Закавказье Турции, поставить над ним валия или султанского наместника в лице Шамиля», – сообщала во время Крымской войны английская и французская пресса.

³ «Кольцо вахтерши» (т. е. «кольцо охранника») – имеется в виду блокада Черноморского побережья Кавказа с моря, которая осуществлялась царскими военными кораблями с целью отрезать Черкесию от Турции, предотвратить поступление из этой страны оружия, а также вызвать среди горцев голод.

Однако кавказские народы проявляли полное равнодушие к интересам союзников. Англичане и французы видели явное нежелание горских народов воевать против России. Это обстоятельство послужило причиной изменения форм и методов англо-французской дипломатии. Новый (после февраля 1855 г.) военный кабинет Пальмерстона лицемерно заявил, что Англия «искренне желает независимости Черкесии», и от имени турецкого султана направил адыгам многообещающую декларацию: *«Освободить в этой войне с Россией земли Черкесии – есть цель и пожелания моей Высокой Порты и моих сердечных союзников правительств Англии и Франции»*. Но адыги не поддались обману, им уже были известны «маневры дипломатии» Турции и западных держав (Панеш А.Д., 1999. С. 195)

1.2.2.5. «Великолепной монархине Англии – это смиренное послание адресовано ее слугами-черкесами...»

Пусть Ваше Величество, персоне которой надлежит прекрасными качествами – мудростью и милосердием – соизволит принять это скромное послание от наших племен. Наша судьба зависит от высокой воли Вашего Величества.

Из петиции адыгов королеве Виктории (1856).

Адыги решились отстаивать самостоятельность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам.

А.Ю. Чирг (2002).

С целью объединения горцев, Уркарт и Лайонс прилагали большие усилия к тому, чтобы адыги приняли «национальный обет», под которым понималось клятвенное обещание о вечной вражде и войне против русских, а также против тех горцев, которые будут вступать в мирные переговоры с Россией. Во время встречи со старшинами и дворянами они посоветовали им «объединиться с другими горцами под одной властью и под общим знаменем» и принять «национальный обет». Позже англичане пытались объединить натухайцев и шапсугов с абхазами и другими горцами и отправить от их имени делегацию в Англию с просьбой о помощи и покровительстве.

Однако затея с «национальным обетом», вопреки ожиданиям его авторов, не получила широкого распространения среди адыгов, – горцы уже не верили английским обещаниям. Многим черкесам стало ясно, что их обманули и предали. Один из приближенных Сефер-бея говорил, что горцы, обманутые Уркартом, не могут больше сопротивляться России и вынуждены сдаваться. Из Черкесии и Абхазии поступали сведения, что местное население все более ясно понимает, что обещанная англичанами военная помощь – миф. Это ярко подтвердилось и во время событий зимы 1839-1840 гг., когда из-за неурожая и политики царских властей на побережье вспыхнуло стихийное восстание, которое было потоплено в крови, а англичане так и не пришли на помощь восставшим.

Во время Крымской войны 1853-1856 гг. одной из важнейших целей Великобритании было отторжение всех бывших турецких владений от России. При этом англичане собирались воевать на Кавказе по своему излюбленному принципу – чужими руками. Они рассчитывали на турецкую армию и в большей степени – на активность кавказских горцев. В марте 1855 г. Сухум был занят турецкими войсками, причем действовали они под фактическим руководством англичан и в их интересах. То, что они прикрывали свои намерения идеей создания «Независимой Черкесии», сути дела не меняет. Не интересы горцев англичане имели в виду, а свои собственные – экономические и политические. В июне того же года англичане добились у султана указа (фирмана) о независимости черкесов. Естественно, речь шла о «независимости» под протекторатом Турции, на которую они имели громадное влияние и которую Англия пыталась сделать своей полуколонией. К концу 1855 г. военные действия были фактически прекращены. Требования Англии о «независимости» Черкесии оказались явно невыгодными Франции. Нашлись и другие противоречия. Несмотря на сравнительную неудачу на мирных переговорах в Париже, англичане не оставили надежду отеснить русских за Кубань. При этом война из открытой перешла в тайную.

Летом 1856 г. черкесские вожди, чьи надежды на независимость рухнули с Парижским трактатом, видя новую подготовку России к продолжению завоевания Черноморского побережья, составили петицию английской королеве с просьбой о помощи, где они «...рассказывали о плачевном положении, в каком они оказались, и покорнейше просили о могущественном вмешательстве Вашего превосходительства в их пользу». Принимая во внимание определенный исторический интерес к этому документу, ниже приводится подготовленное горцами прошение к английской королеве, текст которого впервые обнародовал турецкий писатель, потомок черкесских махаджиров Н. Бэрэдж (1996):

«Послание королеве Англии, царствующей королеве, высокочтимой властительнице, владычице провинций и короны, великолепной монархине Англии – это смиренное послание адресовано ее слугами-черкесами.

Мы немало претерпели от беззаконий русских, но ложь, которую они возводят на нас, еще более оскорбительна ввиду того, что они утверждают везде, будто от одного моря до другого вся территория черкесских провинций им передана

Высокой Портой; что им даны заложники и что вся страна всецело в их власти, что под их владычеством находятся племена Черкесии, как рабы, покорные их высшим приказам; что они давно уже завоевали страну, окружив ее крепостями. Таким образом они стараются возвеличить себя в глазах других держав; между тем ясно, как день, что все их утверждения ложны...

В ответ на заявления русских, ваши покорные слуги-черкесы торжественно заявляют, что никогда от начала Оттоманской державы она не завоевывала нас военной силой... И если это так, то таким же образом Высокая Порта могла бы нас отдать России? Если они настолько дружны, то она могла бы ей уступить какую-нибудь из стран, находящихся под ее властью; но она не имела ни власти, ни права отдать нашу.

Что же касается крепостей, которые построили русские, то они нам не приносят ни пользы, ни вреда... Мы расположены быть в дружбе с нашими соседями, но ни в коем случае не русскими подданными. Мы надеемся, что Бог не допустит, чтобы мы были покорены ими... и Он поможет нашим племенам до самого конца поддерживать войну против русских и с Его всемогущей помощью никогда не быть ими подчиненными.

Если же оттоманское правительство примет наше соглашение, то мы тотчас же добровольно подчинимся ей и ее приказам на следующих условиях:

- 1) чтобы она совершенно прекратила захватывать и продавать нас в рабство;
- 2) что она снабдит нас пушками, солдатами и боеприпасами и прочим военным снаряжением, посылая нам также денежные средства и помогая и честно нас поддерживая; и тогда мы ей подчинимся. Позвольте ей прислать нам также офицеров, чтобы мы могли всерьез начать войну с русскими... По окончании войны мы возместим османскому правительству все издержки, которые оно понесет...

Сефер-бей, наш министр, имеет распоряжение представить нашу скромную петицию Вашему Величеству и Оттоманскому Императору и мы поступим в соответствии с тем, что будет сделано и сказано им. Пусть Ваше Величество, персону которой наделена прекрасными качествами – мудростью и милосердием – соизволит принять это скромное послание от наших племен. Наша судьба зависит от высокой воли Вашего Величества».

Но к этому призыву горцев англичане отнеслись весьма странно. В июле 1857 г. министр иностранных дел Великобритании писал де-Редклиффу: «Как бы мы не могли сожалеть о горькой судьбе, какая может постигнуть черкесов, мы не можем требовать у английского народа нести бремя и жертвы войны с Россией, которая была бы начата только для того, чтобы помочь народу Черкесии...». Побуждаемые англичанами, горцы, боровшиеся за свою свободу и независимость, были просто обмануты. Такая позиция английского правительства в дальнейшем сыграла немаловажную роль в махаджирстве. Действительно, в течение полувека английские агенты подталкивали горцев на борьбу против России, обещая им военную помощь. Казалось, во время Крымской войны эта цель была так близка, – и вот результат! Оказалось, что в данный момент англичанам просто невыгодна конфронтация с Россией. Судьба горцев была предрешена – их земли были захвачены царскими войсками, подавляющее большинство адыгского народа было изгнано в Турцию. В 1862 г. адыгский меджлис вновь обратился к Англии, Франции и Турции с просьбой о помощи, но и этот призыв оказался безответным. Тем не менее, горцы не сложили оружия и продолжили борьбу (Панеш А.Д., 1999. С. 217)

В апреле 1864 г. посол Великобритании в Константинополе Г. Бульвер-Литтон сообщил лорду Расселу, что направляет ему очередную петицию черкесов на имя королевы Виктории. Учитывая, что по известным причинам петиция эта совершенно не известна широкому читателю, приведу небольшую выдержку из нее. Черкесы просили королеву: «Вот уже более 80 лет, как русское правительство беззаконно домогается покорения и присоединения к своим владениям Черкесии. Русские безжалостно режут наших детей, беспомощных женщин и стариков, которые попадают к ним в руки. *Но мы не покорялись тирании русского правительства, рискуя нашими жизнями, продолжали бороться.* Но в последний год или два русские в широком масштабе развернули ожесточенные атаки против нас как с моря, так и с суши. Мы поэтому взываем к посредничеству и драгоценной помощи британского правительства и народа, для того, чтобы отразить жестокие атаки русских на нашу землю и спасти нашу страну и наш народ...».

А. Тания считает, что этот документ выглядит «довольно странно», поскольку горцы «составили эту петицию в униженных тонах, – они фактически соглашались с потерей своей независимости». На мой же взгляд, строки этого послания, наоборот, пронизаны чувством собственного достоинства и гордости за свой народ, лучшие представители которого «не покорялись тирании русского правительства и продолжали бороться».

1.2.2.6. «Какую же помощь англичане оказали горцам, в течение многих десятилетий сражавшимся с Россией? – Практически никакую»

Беды, которые обрушились на черкесов, можно справедливо отнести на счет их собственного упрямого патриотизма и свирепости.

Нэпир, лорд, английский посол в России (1860).

Адыги ...верили их (Англии, Франции и Турции) суровую, доброту, их обещаниям помощи, но проходили годы, десятилетия, и те посулы превращались в дипломатические хитросплетения, а помощь была такой незначительной, что ее едва хватало, чтобы не потерять адыгам веры в свои силы.

Исхак Машбаш, адыгский писатель.

Какую же помощь англичане оказали горцам, в течение многих десятилетий сражавшимся с Россией? – Практически никакую. Более того, английский посол в России лорд Нэпир заявил, что «...беды, которые

обрушились на черкесов, можно справедливо отнести на счет их собственного упрямого патриотизма и свирепости». Эти слова дают, пожалуй, самую яркую характеристику английской внешней политике тех лет. Жесткую, но справедливую оценку позиции англичан, обманувших чаяния адыгов о создании собственной государственности, дал Исхак Машбаш. Он отмечал, что чем крупнее, сильнее человек, тем он добрее, честнее. Так думали адыги и о великих державах – Англии, Франции и Турции, когда те выступали на защиту Черкесии, ее народа. Верили их сердоболию, доброте, их обещаниям помощи, но проходили годы, десятилетия, и те посулы превращались в дипломатические хитросплетения, а помощь была такой незначительной, что ее едва хватало, чтобы не потерять адыгам веры в свои силы.

Историк А.Д. Панеш (1999) приводит оригинальный текст записки барона Розена от 13 августа 1837 г., в которой говорится следующее: «...Появление английских эмиссаров между черкесами, кроме материального пособия, доставленного ими, не могло принести нам другого вреда, ибо и без их присутствия и подстреканий, черкесы без сомнения не изъявили бы добровольно покорности. Убеждением к сему служит то, что почти все племена Кавказа, даже самые маловажные, приведены к покорности не иначе, как силою оружия, после неоднократных разорений и опустошений их земель.

Ложные обещания этих иностранцев, так льстившие народному духу, могли быть приняты с радостью и ободрить на некоторое время народ; но два года тщетных ожиданий обнаружили ничтожность сих обманщиков... ныне английские эмиссары, как я известился, не только не пользуются тем уважением, с которым прежде были приняты, но даже находятся под надзором.

Если бы от влияния этих иностранцев зависело сопротивление черкес, то в прошлом (1836) году, когда они еще более верили и надеялись на пособие их, должно бы было ожидать упорнейшего сопротивления...». Комментируя эту записку, А.Д. Панеш (1999. С. 118) пишет: «Из этого документа видно, что причины освободительного движения адыгов были связаны отнюдь не с деятельностью английских эмиссаров, а с колонизаторской политикой царизма». Однако, как мне кажется, приуменьшать или вообще отрицать провокационное влияние английских эмиссаров на мировоззрение горцев и их отношение к русским – неправомерно...

1.2.2.7. «Англичане прекрасно понимали всю безнадежность ситуации горцев и преследовали исключительно свои собственные цели»

Англия не «симпатизировала» Черкесии – она противостояла России и в этом смысле конфликт на Кавказе был ей как нельзя более выгоден потому, что путем посылки дешевых припасов черкесам англичане продлевали сроки Кавказской войны...

А.А. Епифанцев (2010).

Развивает эту столь болезненную для адыгов тему А.А. Епифанцев (2010), который не без основания утверждает, что практически все действия английских эмиссаров были направлены отнюдь не на действенную помощь черкесам. Идея о том, что Англия «симпатизировала» Черкесии, – пишет он, – как минимум, по-детски наивна. Англия не «симпатизировала» Черкесии – она противостояла России и в этом смысле конфликт на Кавказе был ей как нельзя более выгоден потому, что путем посылки дешевых припасов черкесам англичане продлевали сроки Кавказской войны и создавали ситуацию, которая вынуждала русские войска находиться на Кавказе, а не где-то в Средней Азии, либо на Дальнем Востоке, где они неминуемо столкнулись бы с войсками английскими (Епифанцев А.А. 2010. С. 258).

И далее публицист развивает эту мысль: «Англичане прекрасно понимали всю безнадежность ситуации горцев и преследовали исключительно свои собственные цели. Ни победа, ни поражение черкесов не были в интересах Англии. Наиболее благоприятным исходом событий для Туманного Альбиона являлась ситуация, при которой русские войска были бы скованы на Кавказе и вынуждены были бы только усиливать свою группировку.

Пока русские полки стояли на Кубани, Тереке и Белой, Санкт-Петербург не мог перебросить их на Амударью, Мургаб, Тигр, или Пяндж, где они вошли бы в зону английских интересов и стали бы угрожать жемчужине Британской короны – Индии (как, кстати, впоследствии и случилось!).

Таким образом, задачей Англии было поддержание ситуации перманентного полу-поражения России и полу-победы горцев. Помогая адыгам, ни Турция и ни Англия не дошли и изначально не хотели дойти до прямой военной помощи. Даже в момент наибольшего обострения ситуации – во время Крымской войны, когда английские и французские войска стояли совсем рядом с Кавказом, когда дальнейшая судьба России на юге была неочевидна, а вопрос совместного выступления с горцами просто витал в воздухе, ни Англия, ни Турция не только не предоставили черкесам прямой военной помощи, но и, наоборот, требовали от адыгов переправить в Крым 20 тыс. прославленной адыгской конницы (Епифанцев А.А. 2010. С.78).

1.2.2.8. Уркарт: «Тысячи и тысячи людей в полной мере оценили нравственные качества и доблестный героизм черкесов»

Все, кто ступил на эту землю (Черкесии), от капитана до юнги, были очарованы красотой этой земли, внутренним настроением этих людей, столь не характерным для нашего времени, и гостеприимством, которое они нам оказали.

Дэвид Уркарт, английский посол (1838).

Приведенные ниже выдержки из выступления английского посла Уркарта 23 мая 1838 г. в г. Глазго в какой-то степени дополняют наше представление о взаимоотношениях Черкесии с Англией в середине XIX столетия, о международной политике последней (зачастую двучленной применительно к кавказским горцам), а также несколько приоткрывают историю создания национального флага Черкесии:

Речь посла Великобритании в Турции Дэвида Уркарта

Являясь своего рода представителем Черкесии в этой стране, хочу поблагодарить Вас за оказанную честь и понимание, которое вы выразили к судьбе этого новорожденного государства. Необходимо отметить, что до недавнего времени Черкесия ассоциировалась с романтическими сказаниями, храбрыми мужчинами и грациозными женщинами. Без сомнения, Черкесия и по сей день остается такой, но она перестала быть загадкой для тысяч и тысяч людей, которые в полной мере оценили нравственные качества и доблестный героизм черкесов. Я не могу выразить словами чувство восхищения и душевной привязанности, которое внушают мне эти люди, и, более того, я хочу сказать, что не я один испытываю подобные чувства. Когда наши суда пришвартовались у берегов Черкесии, все, кто ступил на эту землю, от капитана до юнги, были очарованы красотой этой земли, внутренним настроением этих людей, столь не характерным для нашего времени, и гостеприимством, которое они нам оказали. Двое британцев в течение целого года жили среди черкесов (по словам России, – «отъявленных бандитов и воров»), и их симпатия к этим людям, их оценка росла с каждым месяцем пребывания на этой земле.

Численность черкесского населения колеблется от трех до четырех миллионов человек, и заставить их вступить в войну могли лишь крайние обстоятельства. У черкесов не существует никакой военной системы, у них нет пунктов сбора, нет представительства или какой-либо формы высшей власти: у них нет связи с зарубежными державами, нет дипломатического корпуса, нет запасов оружия и, наконец, у них нет военного флага. Отсюда возникает вопрос: как, каким образом им удалось сохранить свою независимость, расстроить планы своих противников, дать отпор хорошо подготовленному агрессору? Дети черкесов воспитываются по спартанским принципам, на благо общих целей, в строгой дисциплине ума и тела, оттачивая силу воли, сдержанность и выносливость. Они являются достойным обществом. Ребенок, вверенный воспитателю, не может вернуться домой, не подтвердив свою доблесть каким-нибудь бравым поступком.

Свое желание посетить Черкесию я почувствовал после того, как сделал следующие умозаключения: сопротивление, оказанное черкесами России, объясняется их высокими моральными качествами и понятиями чести и славы. Я понял, что раскрытие секрета России нужно искать на Кавказе, где в большей степени присутствуют элементы, необходимые как для сохранения величия Англии, так и для сохранения благосостояния всего человечества. Именно эти убеждения и заставили меня отправиться в это путешествие. Я высадился на этой земле один, без оружия, я увидел эту прекрасную землю и через 24 часа уже сидел на вершине холма, а у моих ног шумела Кубань. И совершенно непроизвольно с моих уст слетели слова: «Вы ведь уже не дикие племена, а народ, вы – черкесы, и вокруг вас лежит великая и прекрасная Черкесия».

Но, как известно, каждой стране, каждому государству нужна своя эмблема, свой национальный символ, который должен обязательно ассоциироваться с именами великих людей этой страны, с ее принципами, существовавшими с древних времен, и который обязательно должен найти свое отражение в символике. Я считаю, что флаг Черкесии должен быть зеленым. Зеленый – это цвет, который обволакивает их горы, это цвет, который обозначает мусульманскую веру. На зеленом фоне я расположил скрещенные между собой стрелы и увенчал их россыпью звезд, которые ассоциируются с их свободой и одновременно воспевают величие небес. Язык этого флага доходит до самого сердца и поэтому он понятен всем.

В Причерноморье рождается новая нация. Если мы не можем возродить новый мир, мы возрождаем новую нацию, нацию, которая призвана быть стражами ворот в Азию. Через весь Кавказ простирается огромный вал длиной в 6000 миль, к востоку от которого простираются Гималаи, а к западу расположена Европа, которую защищают Карпаты. Единственные пути, по которым Европа может попасть в Индию, проходят через Кавказ, через территорию, которая принадлежит черкесским племенам. Римская империя и Персия посчитали необходимым закрыть эти ворота в целях безопасности. Несмотря на соперничество, которое существовало между этими двумя великими империями, они все же объединились для того, чтобы встать на защиту независимости Черкесии. Сейчас народ этой страны испытывает трудные времена, и поэтому он обращается к Вам с призывом о помощи. Мне, как истинному англичанину, патриоту своей страны, стыдно за тех, кто подчинился влиянию русского правительства, кто принял его ложь. Русский крейсер захватил английское судно «Виксен», которое направлялось к берегам независимой Черкесии для того, чтобы вести торговлю с этим народом, и сейчас над этим побережьем нависла русская военная угроза. Если бы с незапамятных времен Черкесия подчинялась России, то круиз «Виксена» к черкесскому побережью считался бы грубым нарушением прав и законов Российской империи, но Черкесия – это независимое государство, и никто не имеет права вмешиваться в ее интересы, в ее торговлю с другими странами.

Вы спрашиваете, что мы можем сделать для того, чтобы защитить Черкесию? Я отвечу Вам словами тоста, за который вы только что выпили: «Защищайте свои права, закрепленные в договоре», – перестаньте укреплять могущество России вашим бесчестием, перестаньте унижать Черкесию вашими позорными поступками, оплатите за пиратский захват вашего судна. На берегах Черкесии я научился ценить силу Англии во взаимодействии общечеловеческих интересов с ее процветанием. Именно здесь я смог оценить влияние британской торговли на честность ее принципов и ее влияние на судьбу малых государств. Таким образом, для Англии нет более важного вопроса, чем независимость угнетенных народов. Что касается борьбы черкесского народа, я беру на себя смелость провозгласить следующий лозунг: «Союз торговых интересов Великобритании в защиту своих прав» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 343-345).

1.2.3. Усилия наибов Шамиля по объединению черкесов в единое государство

Адыги Северо-Западного Кавказа в борьбе с царизмом не раз пытались создать политические союзы. Для прочности подобных союзов необходимо было иное устройство общества. Задача общественного переустройства являлась потребностью времени. Однако процессы консолидации в адыгском обществе тормозились отсутствием единства в политической ориентации. Попытку объединения адыгов в рамках мусульманского государства, на основе исламских идей предприняли наибы Шамиля.

1.2.3.1. Хаджи Мухаммед: «Средства для достижения единства адыгов видел в идеях ислама»

Политическая система, существовавшая в имамате Шамиля, не совсем подходила к условиям общественного строя закубанских адыгов. Тем не менее, посланник Шамиля Хаджи Мухаммед энергично стремился к политическому объединению всех адыгов. В первую очередь, начал большую работу среди абадзехов.

А.Д. Панеш (1999. С. 146).

Первым официальным посланником Шамиля на Северо-Западном Кавказе был Хаджи Мухаммед. Он появился среди абадзехов в мае 1842 г. в сопровождении группы эфендиев из Дагестана и Чечни. По свидетельству Ф.А. Щербины, «...это был энергичный и ревностный последователь Шамиля, не умевший, однако, считаться с действительным положением дел». Хаджи Мухаммед энергично взялся за насаждение принципов ислама. В своей пропаганде он руководствовался шариатом, декларируя религиозное и социальное равенство. Наиб Шамиля также взялся за организацию постоянных вооруженных отрядов. Он посетил аулы темиргоевцев, хатукаевцев и бжедугов. После этого он сумел увести в горы многих жителей бжедугских аулов.

Очевидец так пишет об этой инициативе Хаджи Мухаммеда: «Он подал старшинам мысль придать силу народному собранию содержанием при нем постоянного ополчения, которое следовало собрать требованием постановки от каждых 60-ти дворов по одному всаднику. Мысль эту начал он приводить в исполнение, но с малым успехом, частью от неготовности народа, а более по своему корыстолюбию, допустившему брать откупы вместо всадников...» («Исторический обзор Терка...», 1851).

Эмиссар Шамиля постепенно убеждался в том, что адыги сумеют отстоять свою независимость тогда, когда между ними будет согласие. Средства для достижения согласия и единства адыгов Хаджи Мухаммед видел в идеях ислама. Хаджи-Магомет находился у западных адыгов всего два года, но его идеи, по мнению одного из офицеров царской армии, постепенно «привились и затянули покорение Западного Кавказа на 18 лет». Наibu Шамиля удалось добиться определенных успехов в решении такой важной задачи, как усиление малочисленной и невлиятельной прежде у закубанских адыгов партии мусульманского духовенства, значение которого было поднято в народе. Главный успех Хаджи-Магомета заключался в том, что в Черкесии ускорились процессы исламизации. Тенденция к политической централизации также получила новое развитие.

Тем не менее, попытки Шамиля установить тесные связи с западными адыгами с помощью Хаджи Мухаммеда не увенчались успехом. Наиб не сумел понять социальных, экономических и политических особенностей западно-адыгских обществ, а его стремление внедрить шариат по шамилевскому образцу оказалось преждевременным. Западные адыги плохо воспринимали идеи мусульманской религии. Трудности, с которыми встретился первый наиб Шамиля, были обусловлены тем, что на Северо-Западном Кавказе ислам еще не получил широкой поддержки среди адыгов. А так как «мюридизм был связан с идейным материалом ислама», то он мог утвердяться там, где массы уже восприняли эту религию (Панеш А.Д. (1999. Вып. 1).

1.2.3.2. «Неуважение наива к вековым обычаям народа отталкивали адыгов от Сулеймана-эфенди»

Предлогом учреждения ополчения горские старшины приводят надобность иметь всегда в готовности вооруженный сбор для противодействия нашему (русскому. – Авт.) оружию, предположение преследовать дворянство за вступление с нами в переговоры без согласия народа.

«Исторический обзор Терка...» (1851).

Прямолинейность и неуважение наива к вековым обычаям и понятиям народа отталкивали адыгов от Сулеймана-эфенди.

Панеш А.Д. (1999. Вып. 1).

Как справедливо отмечает А.Д. Панеш (1999. Вып. 1), весьма сильное влияние на положение западных адыгов оказывало движение горцев Чечни и Дагестана. В начале апреля 1845 г. на Северо-Западном Кавказе появляется второй наиб Шамиля Сулейман-эфенди. По мнению Ф.А. Щербины, это был «...ученый

мусульманин, превосходно знавший Коран и мусульманское право». Перед ним стояла более сложная задача. Наряду с распространением среди западных адыгов исламских идей, ему было поручено собрать ополчение из черкесов и послать его в помощь Шамилю.

Здесь следует отметить следующее немаловажное обстоятельство. Впервые предложение о том, чтобы «...придать силу народному собранию содержанием при нем постоянного ополчения, которое собрать требованием постановки от каждых 60-ти дворов по одному всаднику», – высказал Хаджи Магомет, эмиссар Шамиля, живший между натухайцами и шапсугами в 1842-1843 гг. После его смерти эта мысль была на время оставлена, но в 1845-1847 гг. опять возобновились совещания о введении этой меры. Нельзя сомневаться, – пишут очевидцы, – что в учреждении постоянного ополчения скрывается тайное желание честолюбивых или своекорыстных людей употребить его, как орудие, для собственных видов. Ополчение может состояться преимущественно из людей беспокойного духа, недостаточных и бездомных, а такой сброд легко склонить на содействие всякому предположению, удовлетворяющему его своеволию и корысти. *Предлогом учреждения ополчения горские старшины приводят надобность иметь всегда в готовности вооруженный сбор для противодействия нашему (русскому. – Авт.) оружию*, предположение преследовать дворянство за вступление с нами в переговоры без согласия и уполномочения народа, и доставление средств народному собранию настоятельно приводить в исполнение свои решения против ослушников народной воли («Исторический обзор Терека...», 1851). В первое время Сулейман-эфенди, развернув тайную пропаганду идей ислама, имел некоторый успех в организации военной помощи имаму. Шамилю необходимо было использовать территорию Кабарды для проникновения в Закубанье.

В первых числах апреля 1845 г. на р. Убин произошло совещание между шапсугами и натухайцами, на котором решался вопрос о пополнении шамилевского ополчения воинами-адыгами. Работа по формированию ополчения проводилась и среди абадзехов и убыхов. Особенно большую активность проявили сторонники Шамиля, прибывшие из Кабарды. В конце апреля 1845 г. на р. Адагум на большом собрании шапсугов и натухайцев было решено выставить в помощь Шамилю по 10 всадников от каждого аула. Сбор всадников был назначен на 15 мая недалеко от аула Сельмена Хамбайшука. Сулейман-эфенди требовал поставки ополчения и от бжедугов, темиргоевцев, хатукайцев и адамийцев, но добиться от них согласия ему так и не удалось.

Несмотря на это, Шамиль прилагал все усилия для того, чтобы распространить влияние имамата на западных адыгов. Сулейманом-эфенди было получено письмо от Шамиля, в котором имам призывал закубанских адыгов активизировать борьбу с Россией. В письме также сообщалось о победах, одержанных в сражениях с царскими войсками. Несомненно, это письмо было использовано наибом для усиления пропаганды исламских идей. Победы, одержанные горцами под руководством имама, должны были вдохновить адыгов и укрепить авторитет его наиба. Однако достичь больших успехов в пропаганде идей ислама среди западных адыгов Сулейману-эфенди не удалось.

Прямолинейность и неуважение наиба к вековым обычаям и понятиям народа отталкивали адыгов от Сулеймана-эфенди. В стремлении распространить идеи ислама он пытался ввести духовный суд и провозгласить равенство всех мусульман. Однако постановления духовного суда во многом противоречили веками сложившимся понятиям народа о взаимных отношениях, правах собственности. Тем не менее, Сулейман-эфенди сумел увлечь за собой определенную часть «демократических» народов. Действия Сулеймана-эфенди, как и Хаджи-Мухаммеда, были направлены на осуществление планов Шамиля по совместному выступлению против политики царизма на Северном Кавказе. Средством для решения этой задачи являлась проповедь идей ислама.

В 1845 г. Сулейман-эфенди с большим отрядом адыгов направился к р. Белой. Однако соединиться с Шамилем отряду не удалось. После этой неудачной попытки собрать ополчение, наиб 3 августа 1845 г. покинул Закубанский край, но вскоре возвратился обратно. Сулейман-эфенди вновь обратился к шапсугам и натухайцам с воззванием двинуться в помощь Шамилю. Состоявшееся собрание шапсугов и натухайцев решило выставить отряд для соединения с имамом. Это встревожило царские войска. Узнав о намерениях адыгов, начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Серебряков выступил 8 августа 1845 г. с большим отрядом. Два дня он вел переговоры с адыгами, а 10 августа к нему явились восемь старшин и объявили, что не изменят своего решения отправиться на помощь к Шамилю, но после коротких стычек с царским отрядом, адыги отказались от похода и разошлись по домам (Панеш А.Д., 1999. Вып. 1).

1.2.3.3. Мухаммед Амин: «Цель – соединить в один союз весь закубанский народ»

Объединительная деятельность Мухаммеда Амина смогла расположить к себе большинство адыгов...

Е. Фелицын (1884).

В конце января 1849 г. Мухаммед Амин выступил на большом народном собрании и объявил свою цель, которая состояла в том, чтобы соединить в один союз весь закубанский народ.

А.Д. Панеш (1999).

В ходе упорной борьбы за независимость против агрессии царской России адыги испытывали настоятельную потребность в объединении своих сил. Определенное место в деле ликвидации политической раздробленности Черкесии отведено исламу. К середине XIX в. черкесское общество уже созрело для создания своего мусульманского государства. Большую роль в этом деле сыграл Мухаммед Амин – очередной посланник Шамиля на Западный Кавказ, «наместник Черкесии», как было высокопарно указано в фирмане турецкого султана.

По сообщению архивных источников, адыги сами обращались к Шамилю с просьбой прислать к ним своего наиба. Так, в донесении некоего есаула Мистулова командующему Баталпашинским участком полковнику Круковскому говорится: «Лазутчики дали мне знать, что до 60 человек почетных азиатцев из абадзехов, кабардинцев и бесленеевцев намерены отправиться к Шамилю в Чечню, с письмом от старшин закубанских народов. В партии, отправляющейся в Чечню, находятся между много известными лицами князь Тембулат Кайтукин, старшина Шумаф, Закирей Хатуков, Умар Маргушев, Закирей Адуш-Моков, Магомет Докшуков и Магомет Атажукин...». Впрочем, в последующих донесениях говорится о том, что число членов делегации резко сократилось: «По изменившимся обстоятельствам, из числа 60-ти азиатцев, с письмом к Шамилю отправились только 8, в числе которых кабардинцы Аджи Ашабов, Якуб Итухов и Закирей Идриев, абадзех Аджи Шумаф и чеченский эфенди Салих...».

А.Д. Панеш (1999. С. 146) приводит текст письма генерала Воронцова генералу Чернышеву от 8 ноября 1847 г., в котором, в частности, говорится: «В исходе сентября закубанцы отправили было к Шамилю депутатов с просьбой прислать к ним в наибы кого-либо из приближенных в нему чеченцев или лезгин, дабы распространить учение шариата и управлять ими в военных действиях против нашего правительства». После нескольких попыток абадзехским депутатам удалось пробраться к Шамилю и изложить свою просьбу. Шамиль ответил отказом, ссылаясь на то, что нет достойного человека, способного выполнить такую сложную миссию. Однако, видя, что абадзехи настойчивы в своем желании иметь у себя наиба, имам предложил своему секретарю Мирзе Амир-Хану поехать в Закубанье, но тот отказался. Желание взять на себя столь ответственное дело выразил присутствовавший во время переговоров Мухаммед Амин.

Мухаммед Амин был известен в Дагестане под своим настоящим именем – Магомет Асиялов. При рождении он получил имя своего приемного отца Магомета, который вместе с тем дал ему прозвище по имени своей матери Ассии (Ассияло, Ассиялов). Шамиль в письмах своему наibu в Закубанье всегда писал: «Нашему Магомету верному» (по-арабски Амин означает «верный, надежный»).

Мухаммед Амин родился в 1818 г. в Дагестане. Ему было 11 лет, когда он потерял отца и с того времени начал вести скитальческую жизнь. В детстве его учителем был дядя Даитбек, а затем Абдурахман. В 1834 г. Мухаммед Амин поступил в число мюридов Шамиля и оставался постоянно при нем до назначения наибом к западным адыгам. По описанию А.К. Казембека, не раз принимавшего у себя знаменитого горца, это был «по наружности брюнет, мужчина стройный, плотный, довольно высокого роста; имеет физиономию приятную, привлекательную, всегда с предупредительной улыбкой». Следует отметить, что Мухаммед Амин основательно готовился к своей миссии в Черкесию. Два года он изучал предания, поверья, обычаи, религиозные верования, вообще образ жизни черкесов (Панеш А.Д., 1999. Вып. 1).

В 1848 г. состоялось большое собрание на р. Адагум, в котором приняли участие абадзехи, шапсуги, натухажцы и убыхи. Совещания продолжались в течение целого года (с февраля 1848 по февраль 1849 г.), до прибытия за Кубань агента Шамиля – Мухаммеда Амина. Были приняты следующие решения: «признать постановления народного собрания обязательными для всех обществ и принуждать силой к повиновению те из них, которые будут уклоняться от исполнения его повелений; для доставления народу материальных средств к тому, чтобы постановления его уважались, образовать и отдать в его распоряжение постоянное ополчение, на содержании народа и, наконец, разделить народ на общины, каждую по 100 дворов и поручить управление общинами избранным ими старшинам, которых обязать присягой исполнять распоряжения народного собрания и представлять ослушников и преступников на его суд». Для поддержания власти старшин, в распоряжение их представлено было несколько конных *муртазаков* (некто в роде стражи. – Авт.). Каждому муртазаку назначено из поголовного налога по 60 руб. содержания.

Народное собрание решило прервать всякое сношение с русскими и строго преследовать своих мирных единоплеменников. Здесь было высказано много мыслей, свидетельствовавших о практическом уме

черкесов; но здесь же обнаружилось, что нет среди черкесов ни одного человека, который бы мог захватить власть в свои руки и силою своего ума и твердости управлять народом. Адагумское собрание то расходилось, то снова собиралось, то распадалось на несколько отдельных кружков. Как следствие, постановления его не были приведены в исполнение. Сильно развитая самостоятельность общин и аристократический элемент, не желавший отказаться от своих вековых преимуществ; препятствовали слиянию черкесов в одно целое (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 160-161).

Принявший участие в народном собрании, Мухаммед Амин огласил цель своих действий: объединение сил всех адыгов в один союз для сохранения независимости Черкесии. Даже его враги признавали энергию и настойчивость Мухаммеда Амина. Так, в послании князя Воронцова военному министру Чернышеву от 11 мая 1850 г. говорилось: «В продолжение всей зимы Мухаммед Амин употреблял большие усилия, чтобы соединить против нас враждебные племена Закубанского края. Меры агента Шамиля отличались особой предусмотрительностью, твердою волею и замечательною настойчивостью в исполнении делаемых им постановлений...» В целях сближения со знатью Мухаммед Амин даже женился на сестре темиргоевского князя Карабека Болотокова.

О том, с какими трудностями столкнулся Мухаммед Амин в своих усилиях по объединению сил адыгов в борьбе с царскими колонизаторами, рассказывают А.Ю. Чирг и Н.Х. Женетль (2006). Когда весной 1850 г. наиб Мухаммед Амин потребовал от бжедугов присоединиться к общеадыгскому союзу и принести присягу ему на верность, – отмечают историки, – феодалы отказались исполнить это требование. Между тем зависимые сословия решительно встали на сторону Мухаммеда Амина. В одном из документов российской администрации того времени подчеркивалось: «...Бжедугские князья и дворяне сохраняют истинную верность русским и все надежды свои возлагают на наше пособие, но простой народ более расположен в пользу Магомета Амина, обещающего свободу». В другом документе говорится о том, что такая же картина наблюдалась и в Абадзехии: *«Старшины абадзехские и люди поумнее чувствуют всю тягость власти Магомета Амина, но боятся высказываться, опасаясь преследования, простой же народ сильно предан Магомету Амину»*.

Здесь следует отметить, что с 1857 г. в абадзехском обществе постепенно начала формироваться группа старшин, оппозиционно настроенная к Мухаммед-Амину. Среди них были Нагой Берзекоев и Хаджи-Ислам Хаджимаков, имевшие огромное влияние на абадзехов. Они выступили с призывом не подчиняться наibu Шамиля и вступить в переговоры с русским правительством для заключения мира. Абадзехи давно выражали готовность к переговорам с русскими, но при условии, что на их земле не будут возводиться военные укрепления. Однако переговоры не состоялись, война продолжалась. Войска наступали, занимали адыгские земли, строились новые укрепления (Панеш А.Д., 1999).

Более подробно освещается вопрос о взаимоотношениях бжедугов и абадзехов с Мухаммед Амином в работе А.Д. Панеша (1999. С. 146): «В апреле 1850 г. наиб Шамиля предпринял ряд попыток распространить свое влияние на бжедугов. Нужно заметить, что отношения наиба с бжедугами складывались весьма сложно и противоречиво. Расположенные вблизи русских укреплений, бжедуги находились под сильным влиянием России. Это обстоятельство вынуждало Мухаммед Амина действовать осторожно. В отличие от абадзехов бжедугская знать все еще сохраняла владельческие права над крестьянами. Учитывая это обстоятельство, наиб вступил в переговоры с князьями и дворянами. 25 апреля 1850 г. в а. Габукай произошла встреча бжедугской знати с уполномоченным Мухаммед Амина. Наиб понимал, что на этом этапе нужно было оставить сословные привилегии бжедугской знати. Опираясь на них, наиб рассчитывал укрепить свои позиции. Политика лавирования и обещаний принесла успех Мухаммед Амину. Бжедугские князья Джанклыш Хаджемукоев, Индар Крымчериеко и Науруз Шуманокоев перешли на сторону наиба. Из черченеевской знати первыми дали присягу Мухаммед Амину Аладжукоев Ахеджаков, Магомчери Ахеджаков, Эльдар Эльбуздок и Пшимаф Кунчукоко. Однако многие князья отказались признать власть наиба и переселились на правый берег р. Кубани.

Отношение бжедугов к наibu менялось в зависимости от складывавшейся военно-политической обстановки. Основным фактором здесь являлось применение военной силы командованием царских войск в случае признания бжедугами власти Мухаммеда Амина. Дальнейшие события показали, что царские генералы не раз подвергали бжедугов опустошительным нападениям только за то, что их князья поддерживали Мухаммед Амина. Так, 24 августа 1859 г. был сожжен дотла а. Шенджий, а половина жителей истреблена» (Панеш А.Д., 1999. С. 146).

Но далеко не всегда победы царских войск были столь очевидными. Весной 1850 г. Мухаммед Амин принимал энергичные меры для переселения хатукаевцев и темиргоевцев вглубь адыгской территории. В начале мая наиб со своим отрядом переправился на правый берег р. Белой с намерением увлечь за собой бесленеевцев и кабардинцев. Чтобы помешать планам Мухаммеда Амина командование Лабинской линии направило в этот район отряд под командованием полковника Ягодина. Отряд Ягодина был атакован черкесами. В разгар боя на помощь русскому отряду прибыли две сотни казаков, возглавляемые Максимовичем и Кикнадзе. Казаки должны были ударить в тыл Мухаммед Амину. Адыги, разгадав эти замыслы, изменили тактику боя и две казачьи сотни, оказавшись в окружении, были уничтожены. Адыги потеряли в этом бою более 13 чел. Об этом сражении Мухаммед Амина с царскими войсками вспоминал в своем рапорте в 1856 г. генерал Козловский, который писал, что *«в 1850 г. Мухаммед Амин уничтожил две сотни Ставропольского казачьего полка на Лабинской линии»*.

В начале 1852 г. внимание военного командования на правом фланге Кавказской линии было обращено на абадзехов, среди которых особенно были прочны позиции Мухаммед Амина. 21 января 1852 г. генерал Евдокимов с большим отрядом казаков и солдат двинулся к урочищу Кошхо, где располагались абадзехские общества Тфишебс и Анчокохабль. Казачья кавалерия атаковала аулы по р. Пшекоц. Горцы оказывали сопротивление, но вынуждены были отступить. *Дальнейшее движение отряда все же было остановлено абадзехами.* В приказе князя Воронцова по отдельному Кавказскому корпусу от 15 февраля 1852 г. было отмечено, что причиной наступления царского отряда на абадзехские общества явилась «поддержка этими обществами политики Мухаммед Эмина» (Панеш А.Д., 1999. С. 159).

Историки 20-30-х гг. XX в. весьма объективно освещали вопрос об усилиях, предпринятых наибом Шамиля, говоря современным языком, по демократизации общества и объединению сил горцев перед лицом вторжения войск царской России. Так, Я.Н. Раенко-Туранский писал в 1927 г., что «...Магомет Амин, опираясь на массы крестьянства и ремесленников, открыто возбудил народ против дворян, князей и султанов и потребовал от последних, чтобы они присягнули на Коране перед народом в том, что они отказываются от всех старинных прав и признают остальное население равноправным с ними». Современные исследователи М.М. Блиев и В.В. Дегоев (1994) верно пишут, что социальной опорой Мухаммеда Амина были тфокотли: «Соединив в своей персоне политического и религиозного владыку, он казался тфокотлям... творцом едва ли не самого разумного общественного порядка» (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

В течение 1849-1850 гг. на земле абадзехов происходят серьезные изменения в политическом устройстве общества. Эти изменения завершили процесс эволюции политического строя, начавшийся еще в конце XVIII в. и, по сути, привели к созданию исламского государства на Северо-Западном Кавказе. При Мухаммеде Амине существовал особый меджлис (собрание), в который входили наиболее надежные и преданные ему люди: абадзехский старшина Хаджи Кассей Джандаров, старшина Берсебей, Абдулла Исмаил-эфенди, Хаджи-Заде, Мухаммед-эфенди, Кумык Хануко и Ибрагим Хан Оглу.

Прежде всего, было создано постоянное войско с железной дисциплиной. В донесениях русских лазутчиков с тревогой сообщалось: «Магомет Амин достиг невероятной покорности абадзехов. Каждое его повеление исполняется свято, а ослушников или действующих против него он карает самовластно...». Была создана стройная система государственного управления. Территория Западного Кавказа, на которой Мухаммед Амин развернул деятельность, была ограничена течением р. Лабы, средним и нижним течением Кубани и берегом Черного моря от устья р. Кубани до границ Абхазии. Мухаммед Амин произвел перепись населения абадзехских аулов, разделив его на общины, в каждой по 100 дворов. Управление общинами было возложено на старшин, избранных народом. Были образованы 4 округа, в которых находились центральные органы управления под названием «*мягкеме*». Округа представляли собой аулы, обнесенные вокруг рвами и плетнями и вооруженные двумя орудиями; они имели башни и бастионы из двух рядов плетня, засыпанных в середине землей.

Управление мягкеме состояло из одного муфтия и трех кадиев. Муфтий являлся начальником округа, а кадии составляли его совет. В их руках соединились административная и судебная власть. Первые мягкеме были устроены на реках: Белая, Апчас, Пшиш и Псекупс. По свидетельству адыгских источников, всего в Абадзехии было построено 12 мягкеме.

В распоряжении начальника округа находилась конная стража из муртазек. В каждом мягкеме находились мечеть, суд, духовное училище, яма для заключения преступников и противников нового порядка. Мягкеме и его стража находились на содержании народа. Народ обязан был содержать в постоянной готовности с каждого двора по одному всаднику, которые не имели права отлучаться из аулов без дозволения и должны были являться на сборные пункты по первому призыву. Для важнейших предприятий требовалось по 2 и более всадников со двора, а иногда созывалось и поголовное ополчение.

В мягкеме все вопросы разрешались по шариату. Духовными судьями были эфенди. Решение *хукума* (духовного суда) исполняли муртазеки. Разбирали дела клеветников, воров и т. д. В случае опасности созывалось всеобщее народное ополчение. Предателей, шпионов в пользу царской армии, лишали жизни, а ворах отрубали руки. Несмотря на принятие столь суровых мер, — отмечает Е. Фелицын, — объединительная деятельность Мухаммеда Амина смогла расположить к себе большинство адыгов. Первоначально политическая система, создаваемая Мухаммед Амином наподобие имамата Шамиля, не охватывала всей территории западных адыгов. Но в дальнейшем эта система распространилась на соседние племена и охватила большую часть территории Черкесии.

Довольно суровый режим, устанавливаемый наибом Шамиля, тем не менее, принес свои плоды. Результатом усилий Мухаммед Амина являлось то, что в Черкесии «*не стало прежнего разъединения племен и бессвязной малой войны*». По мнению вице-адмирала Серебрякова, адыги готовы были теперь «не для набега и добычи отдельными партиями по произволу частных предводителей, а к ведению войны политической совокупными силами по общему плану» (РГВИА, Ф. 38, оп. 7, д. 209, л.111).

Деятельность Мухаммед Амина в Черкесии была многогранной, стержнем его политики являлось объединение адыгов. Успехи его в этом деле были значительны. Объединительная политика наиба Шамиля привлекла внимание высших военных чинов на Кавказе, которые в своем рапорте военному министру отмечали, что «...у адыгов раньше не было того единства, которое существует теперь, не было у них предво-

дителей, подобных Шамилю и Мухаммед-Амину, которые бы следили за ходом внешних событий и умели бы собрать большие силы для известной цели» (Панеш А.Д., 1999. С. 155).

В ноябре 1859 г., Мухаммед Амин был вынужден капитулировать вместе со всеми абадзехами, с которыми поклялся «на вечные времена» быть верным русскому царю. Генерал-фельдмаршал А. Барятинский в приказе по войскам (27 ноября 1859 г.) писал по этому поводу: «Вы покорили главное грозное племя Западного Кавказа: 100 тысяч абадзехов и самого Мухаммед Амина». Интересна дальнейшая судьба «верного» наиба Шамиля. После его сдачи русским войскам, Мухаммед Амин получил от царя ежегодную пожизненную пенсию и был отпущен на жительство в Турцию. *«Имею сильное желание служить ему [русскому императору] и телом и сердцем в деле усмирения черкесов и в приведении их к покорности великому государю, чтобы он остался доволен мною»*, – не без подобоострастия писал Мухаммед Амин русскому посланнику в Стамбуле незадолго до своей смерти.

Государственное образование Мухаммеда Амина просуществовало до 1859 г., когда Шамиль капитулировал. Наibu Мухаммеду Амину, который стремился установить в Черкесии порядки наподобие политического строя имамата Шамиля, тем не менее, *не удалось объединить под своей властью все адыгские земли*.

1.2.3.4. Так все-таки создал ли Мухаммед Амин «основу военно-теократического государства в Черкесии»?

Ставленник Шамиля, Магомет Амин, пробовал было водворить зачатки государственности у абадзехов, но не имел успеха...

М.И. Венюков (1880).

М.М. Блиев и В.В. Дегоев (1994), на основании анализа ряда документов, показали, что Мухаммед Амин сумел создать основу военно-теократического государства в Черкесии.

А.Д. Панеш (1999).

Мухаммед Амин начал свою деятельность в условиях охватившего адыгское общество социального противоборства. В это время в Закубанье происходило движение крестьян-тфокотлей против своей феодальной знати. Наиболее острые формы эта борьба обрела у шапсугов, натухайцев и абадзехов. В такой обстановке Мухаммед Амин склонялся сначала на сторону адыгских феодалов, пытавшихся с помощью очередного наиба Шамиля вернуть утерянные привилегии и власть над своими крепостными и рабами. Адыгские тфокотли отвернулись от Мухаммеда Амина, увидев в нем защитника угнетавших их феодалов. Тогда наиб, поняв реальную ситуацию, начал лавировать между противоборствующими сторонами. Своими обещаниями дать свободу крестьянам от власти князей и дворян он склонил к себе значительную часть народа. В то же время он поддерживал мелких феодалов, надеясь на их помощь в борьбе с Россией и рассчитывая на их военные силы, необходимые для удержания в подчинении адыгских тфокотлей. Социальная политика Мухаммеда Амина привела к потере им поддержки адыгских князей и дворян, что ослабило его шансы на дальнейшую консолидацию адыгов в борьбе за независимость.

А.Д. Панеш (1999) обращает внимание на то, что объединительная деятельность Мухаммеда Амина неоднозначно оценивается различными историками. В частности, в исторической науке нет единства взглядов по такому важному для данной темы вопросу, как сущность созданного Мухаммедом Амином аппарата власти. Длительное время в историографии господствовала точка зрения, согласно которой Мухаммед Амин не сумел создать никакой государственности у адыгов. Так, М. Венюков (1863) писал, что Мухаммед Амин был лишь посредником между абадзехами: «Он был первосвященником, судьей, предводителем при набегах, но и только, не более. Власти общественной, государственной, несмотря на военную организацию своих муртазагов и на устанавливавшиеся им штрафы – поборы с преступников, он не имел». М.М. Блиев и В.В. Дегоев (1994) в этой связи отметили противоречия в суждениях М. Венюкова: «В приведенной оценке явно допущено логическое противоречие: М.И. Венюков отрицает наличие власти констатацией ее признаков. Посредничество, военное предводительство, идейное влияние – это есть не более, чем средства власти». Свой вывод М.И. Венюков повторил и в 1880 г.: «Ставленник Шамиля, Магомет Амин, пробовал было водворить зачатки государственности у абадзехов, но не имел успеха».

Схожую позицию занимал М.В. Покровский, утверждавший, что Мухаммеду Амину «...не удалось создать прочной адыгейской государственности в рамках монархически-теократического режима». Более того, он утверждал даже, что в то время у адыгов не существовало социально-экономических предпосылок для возникновения централизованного государства. Точку зрения М.В. Покровского разделяет О.В. Матвеев, который, среди прочего, ссылается на известное высказывание графа Н.И. Евдокимова о том, что Мухаммед Амин был лишь посредником между адыгами, но не главой черкесского народа.

Но существует в историографии и противоположная точка зрения. В записках генерала, А.И. Барятинского, где говорится о том, что наиб образовал у адыгов конфедерацию: «Прочное утверждение

наших войск в земле абадзехов, заложением Майкопа, произвело сильное впечатление на горцев. Абадзехи в этой части края составляют господствующую силу, увлекавшую окрестные мелкие племена. Перенесение войны в их землю было первым ударом в голову конфедерации, основанной Мегмет-Амином (Мухаммед Амином)». Я.Н. Раенко-Туранский (1927) характеризовал Мухаммеда Амина как организатора адыгского государства: «...Магомет Амин – сторонник демократического устройства и самостоятельной национальной организации адыгского государства, опиравшийся на прогрессивные элементы и боровшийся за нацию». Ж. Хавжоко (1996) также считал, что Мухаммед Амин сумел создать государственность в Черкесии. Такой же точки зрения придерживаются А.М. Магомеддаев (1998), Ф. Тотоев (1998), Иззет Айдемир (1998). Значительный вклад в исследование данной проблемы внесли М.М. Блиев и В.В. Дегоев (1994), которые, на основании анализа ряда документов, показали, что Мухаммед Амин сумел создать основу военно-теократического государства в Черкесии (Панеш А.Д., 1999. С. 168).

По мнению Хавжоко Шаукат Муфти (1994), «первые шаги посланца Шамиля Мухаммед Амина были весьма успешны. Он проводил большую часть своего времени в поездке по стране, окруженный тысячами друзей и последователей, призывал людей сопротивляться русским. Он очень сурово наказывал изменников и перебежчиков». Так, Мухаммедом Амином были расстреляны Джаучето Бракей (Баракай), Даур Кымчерий, князь Багурсоков и др. Первые успехи Мухаммеда Амина в деле преобразования общественного строя абадзехов были обусловлены широкой поддержкой народа, выражавшего свою готовность к переменам. Реформаторская политика шамилевского наиба явилась своеобразным продолжением усилий народного собрания шапсугов, абадзехов и натухайцев, проходившего в 1847 г. Тогда попытка консолидации сил освободительного движения закончилась неудачей. Меры Мухаммеда Амина по организации внутреннего порядка носили объединительный и поэтому позитивный характер. Реформы наиба укрепляли позиции ислама в Черкесии, но в то же время способствовали политической консолидации западных адыгов. Успехам Мухаммеда Амина способствовало и то, что он старался не нарушать вековых обычаев адыгов, стал более осторожно подходить к правам сословий.

Определенный интерес представляет мнение А.Д. Панеша (1999) о том, что удалось и что не удалось сделать Мухаммеду Амину в процессе его объединительной деятельности, и в чем причины его неудачи. В частности, историк отмечает, что процессы политической консолидации в Черкесии при Мухаммеде Амине имели свои особенности. Реальный ход этих процессов показал, что стремление наиба Шамиля использовать в целях объединения ислам принесло некоторые результаты. Однако мусульманская религия не смогла в полной мере выполнить функции политической консолидации всех адыгов. Ее позиции оказались недостаточно прочными и сильными из-за особенностей их социально-экономического строя, в котором переплетались феодальные и архаичные патриархальные институты. Надо иметь в виду, что дух свободы и независимости черкесов противоречил строгим принципам теократического государства. Трудно не согласиться с Х.Ш. Муфти, который, анализируя причины неудач наиба Шамиля, писал: «Таким образом, он натолкнулся на сильное сопротивление нации, чьим высшим идеалом были личная свобода и свободная, ничем не скованная жизнь» (Панеш А.Д., 1999. С. 168).

1.2.3.5. Сефер-бей Заноко: еще одна попытка объединения горцев

Сефер-бей задался целью соединить под своей властью разрозненные силы адыгов... Он претендовал на роль предводителя всего черкесского народа и полагал, что этого можно добиться с помощью Османской империи. Опираясь на адыгскую знать, он выступал против социально-политического курса Мухаммеда Амина.

А.Д. Панеш (1999).

Сефер-бей Заноко, он же: Север-бей Зан-Уко, или Зан-оглу (1789-1859 гг.) происходил из адыгского княжеского рода племени хегайков, владевшего имениями в окрестностях Анапы и уничтоженного чумой в 1812 г. По данным Е.Д. Фелицына (1904), он в раннем детстве был продан родителями в рабство в Турцию в наказание за свой буйный и неумный нрав. Позже учился в Одессе, где получил хорошее образование в Рихельевском лицее. В дальнейшем он находился на русской военной службе в качестве юнкера 22-го егерского полка. Поссорившись с полковым командиром, Сефер-бей бежал в Турцию. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Сефер-бей находился на Западном Кавказе, стремясь поднять горцев против России. Потеряв всякую надежду стать единоличным правителем Черкесии, он уехал в Турцию, где достиг чина полковника и звания паши. Тайно возвратившись на родину в 1830 г. в сопровождении 20 турок, Сефер-бей задался целью соединить под своей властью разрозненные силы адыгов. В достижении этой цели он опирался на поддержку княжеско-дворянской знати. Но проводя свою линию, Сефер-бей неизбежно становился на пути наиба Шамиля – Мухаммеда Амина, искавшего социальную опору в многочисленном классе тфокотлей.

Интересно проследить взаимоотношения Сефер-бея с Мухаммед Амином. В конце 1856 г. царское командование начало военные действия против отрядов Сефер-бея, которые находились в то время в Ново-

русской. 3 ноября русские войска под командованием полковника М.А. Цакни вышли к городу, но Сефер-бей, не приняв боя, скрылся в ущелье Неберджай.

Незадолго перед этим из Турции вернулся наиб Мухаммед Амин, которого турецкий султан утвердил «наместником Черкесии» и возвел в звание генерала турецкой армии. Сефер-бей, возмущенный предпочтением, которое было оказано Мухаммеду Амину турецким правительством, отказался признать власть своего соперника. Разногласия между Сефер-беем и Мухаммед Амином возникли по вопросу об идеологии освободительного движения западных адыгов. Идейной основой политики шамилевского наиба являлся мюридизм, ориентированный на создание адыгского мусульманского государства. Сефер-бей видел путь к консолидации адыгов не в исламе, а в сохранении традиционной общественной системы. Решающая роль при этом отводилась адыгским вождям. В результате развернувшейся между ними борьбы дело дошло до вооруженных столкновений. В январе 1857 г. сын Сефер-бея Карабатыр нанес поражение отрядам Мухаммед Амина у р. Туапсе. Войска Сефер-бея, поддерживаемые артиллерией польского волонтера Теофила Лапинского, несколько раз предпринимали попытки перейти Кубань и подойти к Екатеринодару, но эти попытки не увенчались успехом. Обосновавшись после этого в одном из натухаевских аулов близ Анапы, Сефер-бей продолжал призывать адыгов к войне с «неверными».

Несколько слов о взаимоотношениях Сефер-бея с английскими эмиссарами. Перед британскими агентами в Анапе была поставлена задача сформировать по крайней мере 6-тысячную черкесскую конницу. Вооружение и снаряжение этого корпуса английская армия брала на свой счет. Турецкое правительство предложило Сефер-бею оказать всевозможное содействие англичанам, Сефер-бею были хорошо известны настроения своих соотечественников, не желавших воевать ради захватнических интересов Турции и западных держав. Даже некоторые адыгские князья, ранее ориентировавшиеся на Турцию, проявляли недоверие к туркам, англичанам и французам.

«Союзникам решительно не удалось сформировать партию конных черкес для посылки в Крым, – докладывало российское командование военному министру. – Англичане возили в лагерь союзников под Севастополь Карабатыра, сына Сефер-бея, с пятью старшинами; их принимал какой-то английский генерал; им показывали свои укрепления, батареи, работы в траншеях, весь лагерь и, отпуская обратно, приглашали и других горцев посещать лагерь союзников. Впечатление, произведенное на Карабатыра и его товарищей, было не в пользу союзников; они рассказывают народу о громадности сил русских под Севастополем, о болезнях в войсках союзников, об огромных потерях в их делах... Общее же мнение в народе, что в настоящее время, когда русские оставили их в покое, нет надобности воевать с ними».

Командующий Кавказским корпусом генерал Н.Н. Муравьев писал: «Горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго, и введение порядков, которых они не могли ожидать от наших врагов, столько же было для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль имел к соперникам нового рода едва ли не большее отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители союзники, хотя бы то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности» (Панеш А.Д., 1999. С. 195).

Подводя итоги взаимоотношений Сефер-бея с турками и западными союзниками, А.Д. Панеш (1999. С. 173) пишет: «В годы Крымской войны надежды англичан и француз на Сефер-бея не оправдались, князь остался верен своему народу. В 1855 г. когда англичане потребовали от него уступить половину Анапы, Сефер-бей, имеющий целью выгоды родного края, решительно отказал им в этом, объявив, что Анапа принадлежит черкесам. Сефер-бей Занок действовал в интересах адыгов, но в стремлении к независимости надеялся на помощь союзных войск. Ставка адыгского князя на Англию и Францию в годы Крымской кампании имела определенные политические мотивы, главным из которых являлось стремление использовать противников России в достижении свободы для собственного народа». И далее историк заключает: «Попытка Сефер-бея стать во главе адыгов при поддержке Турции не принесла успеха. В равной степени не оправдались и его расчеты на помощь Англии, Франции и Австрии во время Крымской войны».

Около 30 лет боролся Сефер-бей против царской администрации; все турецкие и английские агенты, действовавшие на Северо-Западном Кавказе, имели на руках рекомендательные письма Сефер-бея. Примечательно, что он был одним из активных организаторов контрабандной торговли, особенно работорговли, на восточном берегу Черного моря. В декабре 1859 г. он умер. Так завершился жизненный путь Сефер-бея – героя освободительной Кавказской войны и, в то же время – контрабандиста-работорговца.

Разумеется, Сефер-бей был не одинок, настраивая черкесов на борьбу против царизма. В 1833 г. русскими властями была отмечена активная антирусская деятельность турецкого подполковника Али-бея, а также Сеид Ахмеда. Кстати, они оба также являлись крупными работорговцами – вывозили черкешенок на невольничьи рынки Османской империи. Али-бей, как и Сефер-бей, «...советовал старшинам шапсугов и натухайцев, чтобы они не покорялись русским и не имели бы с ними никаких сношений». При этом турецкие агенты уверяли шапсугов, абадзехов и убыхов, будто в Коране отыскивали «пророчество», по которому они никогда не будут подвластны России, если станут защищать свою независимость, молиться и уважать мусульманское духовенство (Панеш А.Д., 1999. С. 168).

1.2.4. «Великий Меджлис вольности черкесской» (*Лъэгэ шъхьартIуицэ зэIукI*): первое исламское государство адыгов

И сражайтесь на пути Аллаха...

Коран. Сура 2; 245.

Но ни от чего не избавит вас ваше собрание, если оно и многочисленно.

Коран. Сура 8; 19.

В среде самих адыгов предпринимались попытки объединения в условиях военного времени. На реках Белой и Пшехе абадзехи и некоторые другие племена приняли решение о прекращении распри и объединении усилий для борьбы с русскими. Этот союз оказался весьма непрочным. Подобная попытка была предпринята на исходе войны, в 1856 г. – так называемый Сочинский меджлис. Впрочем, и это собрание не привело к появлению государственности у адыгов («История Кубани...», 2004).

Более успешная попытка создания государства адыгов была предпринята в 1861 г. После окончания войны в Чечне и Дагестане и пленения Шамиля царское командование направило крупные силы для окончательного покорения Черкесии. Отобранные у горцев земли немедленно заселялись казачьим населением, а адыгов теснили дальше, вынуждая их покориться. А.И. Барятинский так и писал военному министру в 1860 г.: «Единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространств нашим вооруженным казачьим населением по обеим сторонам хребта». Этот план с особой жестокостью приводили в исполнение ген. Евдокимов, вошедший в историю как палач-истребитель адыгских народов.

Нависшая угроза побудила адыгов к единению. 13 июня 1861 г. в долине р. Сочи состоялся съезд («Народное собрание») представителей прибрежных адыгов, шапсугов, абадзехов и убыхов, образовавший «Чрезвычайный Союз горцев». Съезд наделил «Союз горцев» верховной государственной властью. Был создан также Меджлис из 15 чел. как высший исполнительный и распорядительный орган. «Великий Меджлис вольности черкесской» (*Лъэгэ шъхьартIуицэ зэIукI*), по сути, адыгское государственное образование с присущей ему административной системой. Своим главным назначением оно имело борьбу с колониальной политикой царской России. Руководителем Меджлиса, названного «великим и свободным заседанием» стал Хаджи Керендук Берзек. В его состав вошли 15 человек, в т. ч. видные адыгские деятели Карабатыр Заноко, Измаил Баракай-ила-Дзиаш, Биш-Хасан-Эфенди, Ибрагим-ага и другие («Исторический очерк о горских народах...», 2006). Подвластная Меджлису территория Закубанья была разделена на 12 округов, создан аппарат управления и введены налоги, построены здания суда, молельни и куначки. Каждые 100 дворов должны были выставять по 5 всадников для создания постоянного войска. Государство горцев возникло в целях обороны от внешнего вторжения. В основе Меджлиса лежал принцип коллегиального принятия решений и выборности его членов (в отличие от государства Мухаммеда Амина).

О возникновении Черкесского государства были поставлены в известность Турция, Россия, Англия и Франция. В августе 1861 г. руководители Меджлиса в обращении к английскому консулу в Сухуме Диксону обрисовали тяжелое положение, в котором тогда находилась Черкесия, подчеркивая тот факт, что «действия их согласны с правами человечества и свою независимость они сохраняют уже 80 лет ценою крови...» (Панеш А.Д., 1999. С. 212). И далее в обращении говорилось: «Генерал Евдокимов окружил наш край многочисленными войсками с 3-х или 4-х сторон, намереваясь уничтожить нас. Случай этот заставил Меджлис собрать против этого генерала 15 000 самых отборных всадников. Между тем, мы ему объявили, что черкесы в настоящее время, отыскивая средство быть вольными, довольствуются тем, чем владеют, и никому никакого вреда не делают, и действия их согласны с правами человечества, и свою независимость они сохраняют 80 лет ценою крови».

Это послание показывает, что стержнем политики адыгского государства являлось убеждение в исконном праве черкесов самостоятельно определять свою судьбу и быть независимыми от других народов. Информировав штаб Кавказской армии о действиях Меджлиса, генерал Н. Коллюбакин вынужден был признать: «Очевидно было, что противу войск генерала Евдокимова, решающих, можно сказать, судьбы Кавказа, соединились одушевленные беспримерным единомыслием, все живые силы непокорных земель». Первоначально члены Меджлиса пытались решить конфликт между царской Россией и Черкесией мирным путем. Как сказано в Коране: «...нет греха на них, чтобы они устроили между собой согласие. Ведь согласие – лучшее» (Сура 4, 127). При встрече с Александром II в 1861 г. Меджлис обратился к нему с готовностью принять подданство России с условием, что прибрежные адыги будут оставлены на своих местах и будут прекращены военные действия. Царь отверг это предложение, предоставив им выбор: или выселиться с гор на заброшенные места Кубанской равнины, или переселиться в Турцию. В ответ на это Меджлис обнародовал призыв к «священной войне» с неверными; военные действия возобновились.

О роли и значении объединительных идей у адыгов сообщал и Л.В. Симонов (1907): «Столь долгая и упорная борьба черкесов с русскими свидетельствует, что мы имеем дело не с маленькими и разъеди-

ненными во всех отношениях республиками. Нет, бывшие наши враги не были ничтожны в своем значении для нас. Подразделенные на небольшие республики, горцы имели общественный строй и порядок, охраняемые силою тех или иных жизненных условий; в частности, важные общественные интересы не решались без воли народа и совещаний».

1.2.5. Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в дореволюционный период

С 1792 г., т. е. со времени переселения на Кубань запорожских казаков, в административном плане Северо-Западный Кавказ, включая Черноморское побережье, составлял отдельную административно-территориальную единицу – «Землю Черноморского войска».

«История Кубани...» (2004).

1.2.5.1. «Земля Черноморского войска» («Черномория», Кубанская область)

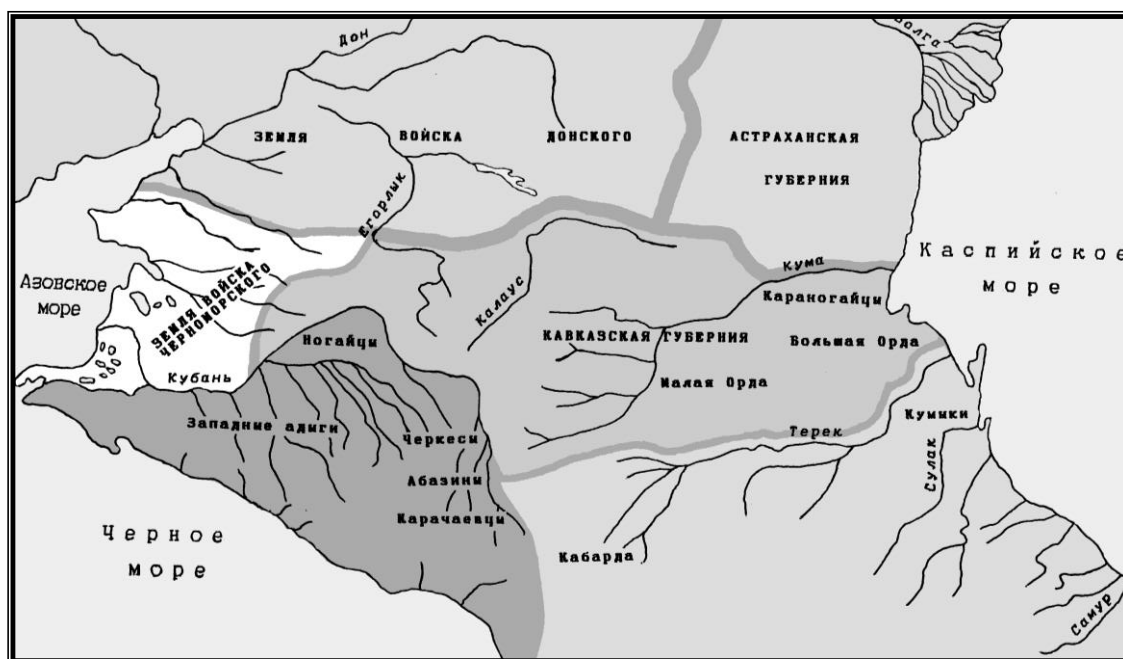
С 1792 г., т. е. со времени переселения на Кубань запорожских казаков, в административном плане Северо-Западный Кавказ, включая Черноморское побережье, составлял отдельную административно-территориальную единицу – «Землю Черноморского войска», подчиненную таврическому губернатору. Местное управление определялось «Учреждением об управлении губерний» и Жалованной грамотой Екатерины II от 30 июля 1792 г., а также составленным войсковой старшиной документом – «Порядком общей пользы» (1794), закреплявшим ведущее положение казачьей «аристократии» во всех отраслях жизнедеятельности войска. Высшая местная власть сосредоточивалась в руках Войскового правительства, во главе которого стояли атаман, судья и войсковой писарь. Черномория делилась на 5 округов: Екатеринодарский, Фанагорийский, Бейсугский, Ейский, Григорьевский. Управление в округах осуществляли окружные правления, наделенные полицейскими функциями («История Кубани...», 2004).

В 1796 г. – Черномория вошла в состав Ростовского уезда Новороссийской губернии, Войсковое правительство преобразовалось в Войсковую канцелярию с правами губернского правления («История Кубани...», 2004).

С 1802 г. – по военной части Черноморское войско подчинялось Военной коллегии, по гражданской – Сенату («История Кубани...», 2004).

В 1820 г., – «в силу военной необходимости», Черномория была подчинена начальнику Отдельного Кавказского корпуса А.П. Ермолову с присоединением к Кавказской губернии (с 1827 г. – Кавказской области) («История Кубани...», 2004).

В 1842 г. – было утверждено «Положение о Черноморском войске», в соответствии с которым Черномория по военной и гражданской части подчинялась Департаменту военных поселений, непосредственно на Кавказе – командиру Отдельного Кавказского корпуса. В административном отношении Черномория делилась на 3 округа – Таманский, Екатеринодарский и Ейский с окружными правлениями («История Кубани...», 2004).

Административное деление Северного Кавказа. 1801 г.

1.2.5.2. Введение «военно-народной» формы управления в районах, населенных горцами

8 февраля 1860 г. – Правительственным указом, подписанным Александром II, пространству между Каспийским и Черным морями от Главного Кавказского хребта до низовий Дона и Астраханской губернии дано официальное наименование «Северный Кавказ». Вместо Правого и Левого флангов Кавказской линии учреждались соответственно Кубанская и Терская области. В Кубанскую область вошли земли Правого крыла Кавказской линии – Черномории, Черноморской береговой линии, Старой линии, а также Закубанье, т. е. от северо-восточного берега Черного моря до верховьев р. Малки («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 119-120).

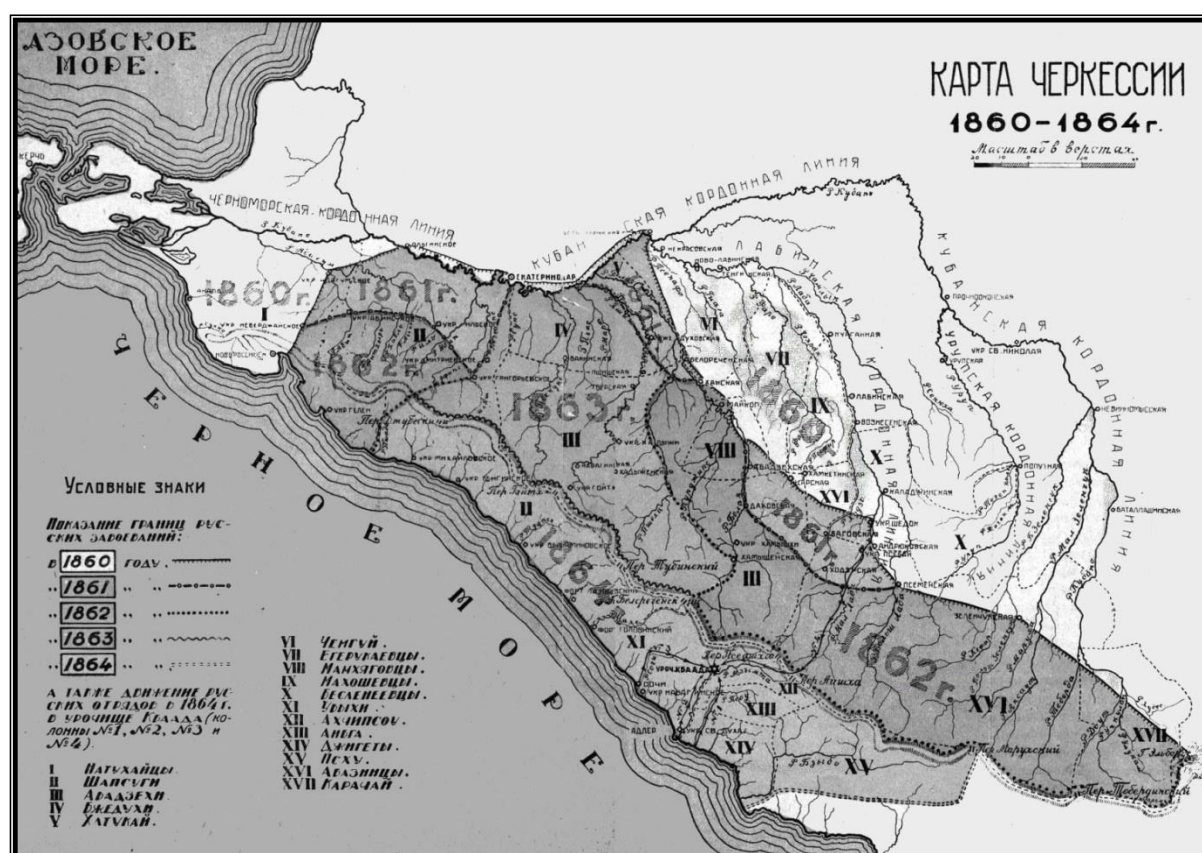
Окончательно границы Кубанской области сложились к 1864 г. На севере область граничила с территорией Войска Донского, на востоке и юго-востоке – со Ставропольской губернией и Терской областью, а на западе имела выходы к Черному и Азовскому морям. Область разделили на 5 уездов – Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Майкопский и Темрюкский. Позже учредили еще два – Закубанский с центром в Горячем Ключе и Кавказский с центром в Армавире.

Более детально основные вехи административно-территориальных преобразований на Кубани в конце 60-х гг. XIX в. приводятся в работе Н. Шахназаряна (2008). В частности он пишет: «В 1860 г. линии упразднили и образованы Кубанская, Терская и Дагестанская области. Кубанская область первоначально включала землю Войска Черноморского и черкесское Закубанье. А после окончания Кавказской войны в районах, населенных горцами, была введена «военно-народная» форма управления. Начальниками военно-народных округов были назначены военные офицеры».

Военно-народное управление, по Н. Шахназаряну (2008), – совмещало в себе несколько противоречивых тенденций:

– Военно-народная система являлась формой унификации управления горскими территориями/ населением (окончательно ликвидированы ханства и вольные горские общества) и первым шагом к введению гражданского управления по общеимперскому образцу.

– Военно-народное управление являлось формой административно-территориального размежевания одной категории населения (горцы) и других (казаки и «нетуземное» гражданское население). Тем самым данная модель продолжила практику использования этнических («племенных») групп как объектов военно-стратегического воздействия, но теперь – как объектов внутреннего администрирования в мирное время (табл. 40).

Карта Черкессии 1860–1864 г.

Таблица 40 – Административное деление Кубанской области (конец 60-х гг. XIX в.) (Шахназарян Н., 2008).

Уезды Кубанской области	Площадь, кв. верст	Население, тыс. чел.	Основные народности (этнические группы)
Ейский	10839	119,3	Русские и малороссы / казаки
Темрюкский	9430	83,3	Малороссы / казаки
Екатеринодарский	10392	178,8	Малороссы / казаки, адыги (бжедуги, шапсуги)
Майкопский	15529	147,9	Русские / казаки, адыги (темиргоевцы, шапсуги)
Баталпашинский	15136	132,6	Русские / казаки, карачаевцы, абазинцы, адыги (кабардинцы, бесленеевцы), ногайцы
Закубанский	7623	36,7	Русские / казаки
Кавказский	10115	133,1	Русские / казаки

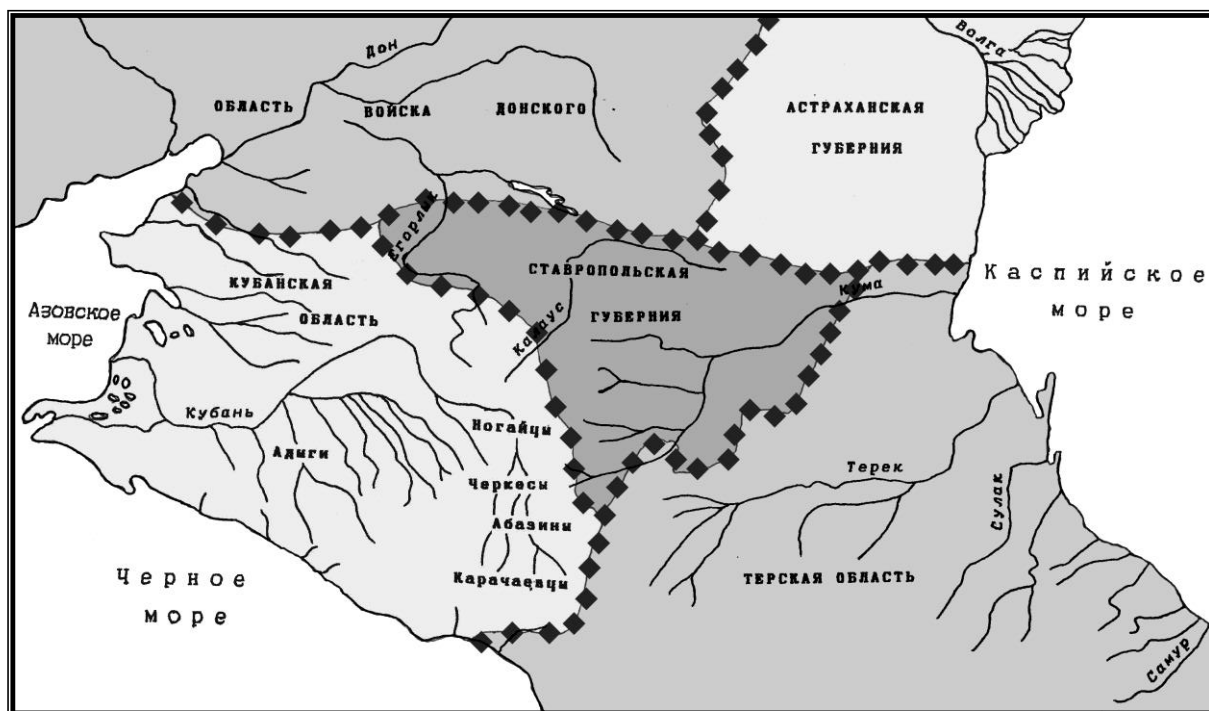
19 ноября 1860 г. Черноморское казачье войско и 6 линейных бригад Кавказского войска объединили и дали новому формированию название «Кубанское казачье войско». При этом атаман одновременно был и начальником Кубанской области. Была выстроена вертикаль власти от областных органов управления до станичных. Низовую ступень администрации составляли станичные (поселковые) атаманы и станичные сходы. По свидетельству историков, лишь на этом уровне еще остались осколки прежних казачьих вольностей («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 119-120; Мазурик В.К., 1997; Кудеева С.Г., 2007. С. 249; Савельев А., 2010).

1.2.5.3. «Вместо военных округов в Кубанской области вновь организованы уезды»

1865 г. – утверждено «Положение о Кавказском горском управлении». Кубанская область была разделена, вместо уездов, – на 5 «военно-народных округов»- Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский и Эльбрусский. Западные адыги вошли в состав Псекупского и Лабинского округов, а восточные адыги (черкесы и кабардинцы), абазинцы, ногайцы и карачаевцы вошли в состав трех остальных округов.

10 марта 1866 г. До 1866 г. Черноморское побережье не входило в состав военных земель. В марте 1866 г. был образован Черноморский округ, к которому в 1868 г. присоединили земли Шапсугского берегового батальона, впрочем, вскоре упраздненного («История Кубани...», 2004. С. 138).

1871г. – вместо военных округов были вновь организованы уезды. Адыги Псекупского округа вошли в Екатеринодарский уезд, Лабинского – в Майкопский, Зеленчукского и Эльбрусского – в Баталпашинский уезд; остальные – в Ейский и Темрюкский уезды. Областным центром являлся г. Екатеринодар. К этому времени в Кубанской области насчитывалось 86 756 чел. (ГАКК, ф. 452, оп. 1, д. 1036, л. 411, 557; Кудеева С.Г., 2007).

Административное деление Северного Кавказа. 1914 г.

1876 г. – в Кубанской области было учреждено еще два уезда – Закубанский и Кавказский.

1888 г. – с этого года уезды Кубанской области стали именоваться отделами. Большинству из них оставили прежние названия, а вместо Закубанского появился Лабинский отдел с центром в пос. Армавир. Центром же Кавказского отдела вместо него стала ст. Кавказская. Таким образом, в Кубанской области было семь отделов: Ейский, Екатеринодарский, Майкопский, Темрюкский (в 1910 г. переименован в Таманский), Лабинский, Кавказский и Баталпашинский. Хотя Черноморское побережье не вошло в область (в административном плане оно числилось в составе Закавказья), отдельный Черноморский округ подчинялся все же начальнику Кубанской области. Позже этот округ стал самостоятельной Черноморской губернией со столицей в Новороссийске («История Кубани...», 2004. С. 138).

1896 г. – «с целью более эффективного освоения западного побережья Черного моря», Черноморский округ был преобразован в Черноморскую губернию с центром в г. Новороссийске («История Кубани...», 2004. С. 138).

1.2.5.4. Кабарда и Ставрополье

Территория степного Предкавказья за последние 200 лет неоднократно подвергалась административным изменениям. До 1785 г. Предкавказье входило в состав Астраханской губернии, в 1785-1847 гг. – в состав Кавказской области, которая затем была преобразована в Ставропольскую губернию, территория которой постепенно сокращалась за счет передачи земель Терской области. В 1839 г. Ставропольская губерния была изъята из управления Кавказским краем. В настоящее время в Ставропольском крае живут свыше 80 национальностей, русские составляют более 85 % населения, но их численность на протяжении последних десятилетий неуклонно снижается. Коренные народы Ставрополья – карачаевцы и черкесы, проживающие в районе Кавказских Минеральных Вод. С XVI в. на территории края компактно проживают ногайцы – тюркский, ранее кочевой народ. С начала XIX в. компактно проживают на востоке и северо-востоке Ставропольского края туркмены, переселившиеся с Мангышлака.

Основные вехи становления государственного устройства Кабарды в дореволюционный период приводятся ниже:

1557 г. – заключение военно-политического союза между Кабардой и Россией («История многовекового...», 2007).

1774 г. – согласно договору между Россией и Турцией, Кабарда включена в состав Российского государства.

1785 г. – до этого года степное Предкавказье (в границах нынешнего Ставропольского края) входило в состав Астраханской губернии, а с 1785 г. – вошло в состав Кавказской области, которая затем была преобразована в Ставропольскую губернию, территория которой постепенно сокращалась за счет передачи части земель Терской области.

1839 г. – Ставропольская губерния была изъята из управления Кавказским краем.

1 апреля 1858 г. – вместо упраздненной приставской системы, было учреждено «военно-народное управление» Центр Кавказской линии был преобразован в Кабардинский округ. При этом Малая Кабарда вошла в состав Военно-Осетинского округа. Кабардинский округ состоял из Черекского и Баксанского участков. К Черекскому участку относились кабардинские селения, лежащие по правую сторону р. Шалушки до р. Уруха, а к Баксанскому – кабардинские селения по рекам Чегему, Куркужину, Баксану и Малке («История многовекового...», 2007. С. 607).

8 апреля 1860 г. – введено новое административно-территориальное деление Кавказского наместничества. Указом Александра II, вместо Кавказской линии утверждено новое название – «Северный Кавказ» (Савельев А., 2010).

3 мая 1860 г., согласно приказу наместника Кавказа князя Барятинского, после упразднения Кавказской линии, на базе ее левого фланга образована Терская область, в состав которой входили 8 округов, в том числе Кабардинский («История многовекового...», 2007. С. 607).

30 декабря 1869 г. – включение Кабарды и Балкарии в состав Георгиевского округа. Согласно утвержденному «Положению о Кубанской и Терской областях», Терская область получила новое административное деление. В состав учрежденного Георгиевского округа вошли бывший Кабардинский округ, г. Георгиевск и слобода Кисловодская. Административным центром округа стала слобода Нальчик («История многовекового...», 2007. С. 610.).

1876 г. – упразднен Георгиевский округ. В образованный тогда же Пятигорский округ вошли Кабарда и балкарские общества («История многовекового...», 2007. С. 612).

1882 г. – создание Нальчикского округа. Вновь образованный Нальчикский округ включал в себя собственно территорию Большой Кабарды с расположенными в ее границах русскими поселениями. В состав второго участка вошли 5 горских обществ и окружной административный центр – слобода Нальчик. При этом Малая Кабарда в Нальчикский округ не вошла и была передана в Сунженский отдел Терской области («История многовекового...», 2007. С. 612).

1905 г. – Терская область была разделена на отделы: Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский. Произошло воссоединение Большой и Малой Кабарды (Варивода Н.В., 2005).

1.2.5.5. Границы Нальчикского округа с начала XX в. до 1917 г.

По «Положению управления Кубанской и Терской областями» необходимо было составить подробное описание границ округов. В связи с этим начальник Нальчикского округа дал соответствующее распоряжение начальникам участков. На основании представленных данных он в свою очередь составил подробное описание окружных административных границ. Согласно этому описанию, приведенному в работе А.Г. Кажарова (2005. Вып. II), «...Нальчикский округ южною и западною частями прилегает к Главному Кавказскому хребту, с востока и северной стороны граничит с Баталпашинским отделом Кубанской области, Пятигорским и Сунженским отделами (имеется в виду до присоединения Малой Кабарды к Нальчикскому округу. – Авт.) и Владикавказским округом Терской области». Что касается детального очертания границ Нальчикского округа, то оно выглядело следующим образом:

С запада, с вершин Эльбруса, граница идет через вершину г. Бечасын по хребту г. Бермамыт к его вершине, отделяя земли карачаевцев Кубанской области от общественных кабардинских пастбищ и надела Хасаутского общества. Далее граница шла от г. Бермамыт по дороге до р. Кумы.

Граница, отделявшая Нальчикский округ от Пятигорского отдела, проходила по линии следующих топографических отметок. С севера она начиналась от верховьев р. Подкумка и шла по ее течению до балки Улу-Черок, затем по р. Бабугой-кол до соединения ее с р. Эшкаконом. Далее граница доходила до кургана Этопси-хо через верховья рек Эмноко и Элкуши. Потом спускалась к р. Кич-Малке и шла до р. Экипцоко, а от нее через старый Жинальский пост до верховьев р. Джицу. От соединения последней с р. Псыншоко граница доходила до соединения рек Золка и Этока через соединения рек Псыншоко и Золка. От этого пункта по Пятигорской дороге направлялась к соляному озеру до каменного столба. Ниже этого озера граница спускалась по направлению к р. Этока, а отсюда до р. Золка, по скотопроегонной дороге до р. Малая Золка и от нее до р. Малка и сел. Ашабово. Далее граница между Нальчикским округом и Пятигорским отделом от сел. Ашабово проходила по р. Малка до соединения ее с р. Баксан. Затем граница шла до впадения р. Малка в р. Терек, где начинались земли Малой Кабарды, располагавшаяся между реками Терек, Курп и Эльхотовским аулом.

С юго-востока граница Нальчикского округа шла по землям частных собственников Среднего Уруха. Отсюда граница поворачивала вверх по Хазны-Су до соединения ее с р. Лыхмей-Су, далее шла по ущелью Лыхмей-Су на вершины гор Сукан-Баши, Карлытау, отделяя общество Балкарское от Дигории. Таковы внешние границы Нальчикского округа в начале XX в.»

При этом данные по размерам территории существовавшего тогда Нальчикского округа у различных авторов расходятся. В частности, в монографии Ж.А. Калмыкова приводится цифра 1 089 411 десятин. Она учитывает и размеры территории Малой Кабарды. В 1900 г., по данным царской администрации, территория Нальчикского округа составляла 1 026 130 десятин. Если к этой цифре прибавить хотя бы площадь земель, занятых малокабардинскими сельскими обществами, исчисляемых в 79 00 десятин, то цифра, приводимая Ж. Калмыковым, оказывается немного заниженной. Более приближенными к реальной действительности, по-видимому, следует считать данные Ч.Э. Карданова, который приводит цифру в 1 095 249 десятин. Эта же цифра приводится в более поздней справке, представленной в 1927 г. отделом землеустройства в облизполком, как размер территории Кабарды и Балкарии до революции (Кажаров А.Г., 2005. Вып. II).

2. НЕЛЕГКИЙ ВЫБОР: ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОИСКАХ ПУТЕЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СВОИХ НАРОДОВ

Народы Северного Кавказа свержение царизма, а затем победу социалистической революции приняли с большим энтузиазмом как спасение от полного уничтожения. Но путь к созданию собственной автономии, а затем и суверенной республики был у адыгов долгим и трудным.

2.1. «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей»

Союз горцев Кавказа объединяет все горские племена Кавказа, ... и имеет целью обеспечение мирного сосуществования всех народов Кавказа и России, сплочение горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод...

Из Политической платформы Союза Объединенных горцев Кавказа (1917 г.).

5-6 марта 1917 г. – на совещании представителей горской интеллигенции во Владикавказе принято решение о целесообразности объединения всех горских народов и создании в ближайшей перспективе «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», основной целью которого было создание национально-территориальной автономии в составе Российской Федеративной Демократической республики.

Предполагалось, что эта автономия будет провозглашена на Всероссийском Учредительном собрании (Тетуев А.И., 2006; «История многовекового...», 2007).

1 мая 1917 г. во Владикавказе был созван I съезд представителей горских народов Кавказа и образован так называемый СОГК – «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», принявший программу и Конституцию «Союза». Лояльный к Временному правительству, «Союз горцев» являлся законодательным и исполнительным органом на всей территории Терской, Кубанской и Дагестанской областей. По примеру других народов России, основным политическим вопросом программы стояло преобразование России в Федеративную республику, в которую «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» вошел бы как отдельное государство («Исторический очерк о горских народах...», 2006. С. 25). Временный ЦК Союза горцев (с сентября 1917 г. – «Горское правительство») возглавили 17 чел. от Кубанской области и Черноморской губернии, Дагестана и Терской области, Ставропольской губернии и Абхазии («История многовекового...», 2007. С. 612).

Открывая съезд, в своей вступительной речи председатель Временного ЦК объединенных горцев Б.А. Шаханов заявил: «Братья горцы! Более 50 лет назад царизм задушил свободу горцев Кавказа. 25 августа 1859 г. пал Гуниб. Наш незабвенный народный герой имам Чечни и Дагестана Шамиль был пленен и сослан в Калугу доживать свои дни под надзором полиции. 5 лет спустя, 21 мая 1864 г. в другой части нашего горного края, на побережье Черного моря пал Ахчип (Ахчипсу, Красная Поляна. – Авт.), последний свободный аул черкесов. Что за этим последовало вам хорошо известно...

Но вдруг произошло чудо. В марте 1917 г. российский пролетариат и революционная армия в союзе с русской интеллигенцией освободили народ от оков, опутывавших нас. И вот мы на нашем горском съезде, первом в истории наших народов съезде, объединившем все горские племена от Черного до Каспийского морей, свободно организуемся в союз для закрепления нашей свободы и устройства нашей жизни на разумных широко демократических началах» («Исторический очерк...», 2006).

На Съезде была принята Конституция Союза горцев, статья 1 которой гласила: «Союз горцев Кавказа объединяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркмен Ставропольской губернии, является членом Кавказского мусульманского союза и имеет целью, обеспечение мирного сосуществования всех народов Кавказа и России, сплочение горцев для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, проведения в жизнь демократических начал и защиты общих дел всех горских племен – политических, социальных и культурно-национальных интересов».

Из Политической платформы Союза объединенных горцев Кавказа, принятой на съезде 7 мая 1917 г.:

1. Цель учреждения съезда:

Союз горцев Кавказа объединяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркменов, является членом Кавказского мусульманского союза и имеет целью обеспечение мирного сосуществования всех народов Кавказа и России, сплочение горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, проведения в жизнь демократических начал и защиты общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных интересов.

2. Основные задачи союза: упрочение свобод.

Признавая себя нераздельной составной частью великого Российского государства, горцы, как для общего блага их родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный революционный период ставят во главе всех задач упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства. Но кроме внутреннего гнета, нам угрожает еще более страшный гнет извне. Поэтому для осуществления великих задач упрочение свободы и счастья народа, горцы считают необходимой борьбу с внешним врагом, угрожающим завоеванной свободе, до достижения почетного мира без аннексий и контрибуций.

3. Борьба с реакцией, анархией и объединение.

Вместе с тем горцы на своем Красном знамени свободы начертали борьбу всеми силами с возможной реакцией против нового строя и анархией. Свободные сыны гор, так дорого продавшие когда-то свою независимость самодержавной и чуждой для них в то время России, сумеют с еще большей энергией и мужеством отстаивать свободу и счастье новой демократической теперь родной для них России, ставшей из злой мачехи дорогой матерью для всех своих сынов без различия национальностей и вероисповеданий. Для сознательного же отстаивания нового строя горцы сплываются в одну могучую организацию, так как только в единении и организации сила...

Один из докладов съезда был посвящен аграрному вопросу: «До настоящего времени горцам не оказывалось никакой агрономической поддержки. Не было никаких источников, откуда можно было бы черпать земледельческий и экономический опыты.

По своим климатическим условиям, горский край разнообразен, и приемлемы все виды сельскохозяйственных мероприятий, где могли бы приложить свои знания специалисты-агрономы. Зерновые и пастбища, садоводство, производство молока, скотоводство, в частности коневодство и пчеловодство, сыроварение, маслобойни, – все это требует сегодня умелых руководителей, которых у нас нет. Нужны специальные школы, опытные поля, образцовые фермы, кустарное производство. Эта последняя отрасль, сыгравшая столь важную роль в жизни русского народа, нашла бы большой отклик среди горцев. Производство высококачественных и разнообразных тканей, ковров, серебряных изделий для военного обмундирования приносит большие доходы. В этих отраслях мы далеко отстаем. Все это заброшено. Кустарное производство очень важно для малоземельных горцев. Созданные органы автономного правительства должны использовать опыт последних 50-ти лет русских провинций. Всероссийские съезды давно отмечают значительный экономический и моральный вклад кустарного производства, надомного труда во многих местах нашей Родины...» («Исторический очерк...», 2006; Кушхабиев А.В., 2007. С. 134-135).

20 августа 1917 г. – во Владикавказе создан «Юго-Восточный Союз», куда вошли казачество Дона, Кубани, Терека, Астрахани, горские народы Северного Кавказа и Дагестана, калмыки, ногайцы и туркмены Астраханской и Ставропольской губерний (Кушхабиев А.В., 2007. С. 134-135).

20 сентября 1917 г. в дагестанском селении Анди (а затем – во Владикавказе) прошел II съезд горских народов Кавказа. Наряду с горцами Терской области и Ставрополя, в нем принимали участие горцы Кубани – кабардинцы, карачаи, бжедуги, бески, шапсуги, абазины, натухайцы, абхазы («Исторический очерк о горских народах...», 2006. С. 27).

20 октября 1917 г. во Владикавказе был подписан «союзный договор» и учрежден «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» (ЮВС). В «Союзном договоре», в частности, указывалось: «Союз ставит своей целью достижение скорейшего учреждения Российской демократической федеративной республики с признанием членов союза отдельными ее штатами». В Юго-Восточный Союз вошли: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское казачьи войска, горцы Северного Кавказа, Дагестана, а также некоторые степные народы Астраханской и Ставропольской губерний.

8 ноября 1917 г. – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана провозгласил на Северном Кавказе Горскую Республику «в границах горских территорий Терской и Дагестанской областей» (Не смешивать с более поздней Горской Автономной Советской Социалистической Республикой – ГАСССР!), а его ЦК взял на себя функции правительства. При этом был взят курс на создание многонациональных государственных образований. Провозглашение и попытка проведения в жизнь принципов федерализма «Союзом объединенных горцев» представляются особо значимыми, если учесть, что ВКП(б) тогда еще не имела четкой позиции относительно федеративного характера государственного устройства России (Тетуев А.И., 2006). Состоявшийся в Сухуми I съезд абхазского народа принял решение о присоединении Абхазии к Северо-Кавказскому Горскому государству, т. е. «Союзу объединенных горцев Кавказа» (Опрышко О.Л., 1993).

16 ноября 1917 г. в Екатеринодаре было сформировано Объединенное правительство Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, в состав которого вошел и Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Главной целью Союза объединенных горцев было создание на Северном Кавказе, включая Абхазию, национально-территориальных автономий в составе России. (Тетуев А.И., 2006; Кушхабиев А.В., 2007. С. 134-135).

28 ноября 1917 г. – принята «Декларация» Объединенного правительства Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, в которой, в частности, отмечалось: «Признавая Демократическую Федеративную Республику наилучшей формой государственного устройства России и гарантируя своим членам полную независимость их внутренней жизни, Юго-Восточный Союз обязуется содействовать им всеми союзными средствами в подготовке их внутреннего устройства, как самостоятельных штатов будущей Российской Демократической Федеративной Республики». Однако с изменением политической ситуации в северокавказском регионе, происходит постепенная переориентация Юго-Восточного казачье-горского союза с России на Турцию...

2.2. Идея образования «Независимой Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана» под покровительством Турции

Северо-Кавказское объединение горцев должно сконструировать особое государство под покровительством Турции.

С. Гулия (1918).

11-26 мая 1918 г. – была созвана Батумская мирная конференция (г. Батум тогда находился на турецкой территории. – Авт.). Конференция проходила под председательством министра юстиции Оттоманской империи Халыл-бея и при участии Германии, Закавказской Федеративной республики (Грузия, Армения, Азербайджан) и Союза горцев Кавказа. На конференции обсуждался вопрос об образовании Северо-Кавказской Республики – «Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана» (РГСКД). Объявлено о ее независимости и отделении от Советской России. В состав этой республики вошли: Адыгея, Кабарда, Абхазия, Осетия, Чечено-Ингушетия, Дагестан, а также объединенная Карачаево-Балкария. Новое государство занимало территорию от Черного до Каспийского моря. При этом границы этой республики были определены следующие: на западе – Черное море, на востоке – Каспийское море, на юге – граница с Закавказьем, на севере – те же границы, которые имели районы Дагестана, Терской и Кубанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. Примечательно, что представители Абхазии особо отметили, что «...Абхазия не желает входить в группу закавказских народов, а относит себя к Северо-Кавказскому объединению горцев, которое должно сконструировать особое государство под покровительством Турции». В Декларации об объявлении независимости горцев Северного Кавказа, в частности, говорилось:

«Нижеподписавшиеся полномочные представители Объединенного Союза горских народов Кавказа имеют честь довести до сведения всех правительств следующее: Народы Кавказа в надлежащей форме организовали Учредительное Собрание, которое в мае и в сентябре объявило о создании Объединенного Союза горских народов Кавказа

и вверило исполнительную власть нынешнему правительству, состоящему из нижеследующих членов. Ввиду полной анархии в России и пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом за всеми народами бывшей царской России свободно создавать свою политическую будущность, правительство Объединенного Союза горцев Кавказа приняло следующую резолюцию:

Союз горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство.

Территория нового государства будет иметь своими границами: на севере те же самые границы, какие имели области и провинции Дагестана, Терек, Ставрополя, Кубани и Черного моря в бывшей Российской империи; на Западе Черное море, Востоке Каспийское море, на юге границу, подробности которой будут определены по соглашению с Закавказским правительством...

В связи с изложенным нижеподписавшиеся заявляют, что с сего дня провозглашается независимое государство Союза Объединенных горских народов. Подписи: Абдул Меджид Чермоев, Хайдар Баматов».

В ответ на эти шаги, нарком по иностранным делам РСФСР Г. Чичерин в ноте Германии выразил решительный протест Советской России против действий «Правительства объединенных горцев», против того, что «...это правительство объявило себя самостоятельным государством, простирающимся от Черного моря до Каспийского». Примечательно, что несколько лет спустя, в 1925 г., тот же нарком Г. Чичерин, обращаясь к разуму северокавказских народов, восклицал: «Привет вам, горные орлы Северного Кавказа, привыкшие издавна умирать за жен, за детей и за горные ущелья и ныне сумевшие славно пронести красное знамя трудящихся через величайшие испытания господства белогвардейцев и дворян. Многоязычный Дагестан с его неприступными высотами, глубокими ущельями и древними памятниками, доблестная Осетия, мужественная Ингушетия, и вы, непобедимые адыге, и страна героических боев Чечня, и упорный в труде Карачай, – привет вам, вольнолюбивые народы, в нашей республике свободного труда и свободных национальностей...».

8 июля 1918 г. – представители Горской республики подписали с Османским правительством Договор о дружбе, согласно которому Турция признает независимость Горской республики и обязуется выполнять принятые обязательства относительно политических устремлений народов Северного Кавказа. Аналогичный договор об установлении дружественных отношений был заключен и с императорским Германским правительством, которое обязалось прийти на помощь правительству Горской республики вооруженной силой, если последнее этого попросит для обеспечения мира и спокойствия в своей стране.

Советское правительство отказалось признавать РГСКИД и резко выступило с нотой протеста против политики Турции и Германии в вопросе национально-политического устройства горских народов Северного Кавказа, заявив, «что против узурпации власти этой кучкой советская власть будет выступать самым решительным образом» («Исторический очерк...», 2006; Опришко О.Л., 2007; Кушхабиев А.В., 2007. С. 134-135).

2.3. Нагуч Юсуф-паша: «Англия и Америка все нам дадут, все выстроят...»

Нужно требовать от Советской власти все то, что принадлежит горцам, в момент, когда РСФСР еще не признана иностранными государствами; можно получить это только сейчас, пока РСФСР бессильна; ...Англия и Америка все нам дадут, все выстроят...

Нагуч Юсуф-паша (1921).

...Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии.

И.В. Сталин (1921).

...С установлением в северокавказском регионе Советской власти, жизнь внесла свои коррективы в создание протурецкого государства горцев «от Черного моря до Каспийского», и Северный Кавказ в конечном счете вошел в состав Российской Федерации. Тем не менее, мысль об образовании «Независимой Горской Северо-Кавказской Республики» и позже время от времени посещала умы некоторых наиболее радикально настроенных горцев. Приведу несколько примеров.

8 марта 1921 г. – в Краснодаре состоялся II съезд трудящихся адыгов Кубани и Черноморья. Адыги в целом понимали задачи и цели Советской власти и поддерживали ее. Вместе с тем, на съезде высветили себя и крайние националисты во главе с членом Горской секции Нагуч Юсуф-пашой, возвратившимся из Турции в 1912 г. Они стремились всячески помешать созданию адыгейской государственности, ратовали за «Независимую Северо-Кавказскую республику», которая, по их мнению, должна была включать всю территорию, принадлежавшую адыгам до 1800 г. Они требовали возвращения на Северный Кавказ тех черкесов, которые в прошлом вынуждены были уехать в Турцию и страны Ближнего Востока. Юсуф Нагуч заявил, что «...нужно требовать от Советской власти все то, что принадлежит горцам, в момент, когда РСФСР еще не признана иностранными государствами; можно получить это только сейчас, пока РСФСР бессильна; у нас будет все за наше богатство, нам Англия и Америка все дадут, все выстроят». В то время эта идея была

направлена фактически на то, чтобы помешать созданию автономной области, отторгнуть Адыгею от РСФСР. Как писал И.В. Сталин, «...национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии». Поэтому не случайно адыги-делегаты съезда отвергли тогда это предложение.

2.4. Деятельность эмигрантских организаций по «освобождению горских народов Северного Кавказа»

В 1921 г. в Константинополе бывшими правителями северокавказских национальных округов при режиме Деникина был создан «Национальный комитет освобождения горских народов Северного Кавказа».

А.В. Казаков (2005. Вып. II).

24 мая 1919 г. – по требованию командования деникинской Добровольческой армии, вторгшейся в начале февраля 1919 г. на территорию Северного Кавказа, *распущен парламент «Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана» (РГСКиД)* (Кушхабиев А.В., 2007. С. 134-135).

1921 г. – в Константинополе бывшими правителями северокавказских национальных округов при режиме Деникина был создан «Национальный комитет освобождения горских народов Северного Кавказа». Эта организация известна и под другими названиями: «Комитет освобождения горских народов Северного Кавказа» (КОГНСК), или «Горский монархический центр» (ГМЦ). В «Центр» (или «Комитет») входили генералы – выходцы с Северного Кавказа: председатель – Яков Габаев (он же Бета Хабаев, осетин); секретарь и «товарищ» председателя – князь Тембот Бекович-Черкасский (он же Федор, кабардинец); кубанские черкесы Клыч Султан-Гирей (он же Султан Келеч-Гирей) и Улагай (из документов не видно, о ком идет речь – о генерале *Сергее Улагае или полковнике Кучуке Улагае*); дагестанец Михаэль Халилов (он же Микаэл Халил-паша) и др.

ГМЦ поддерживал тесные связи и, по существу, являлся северокавказским филиалом находившегося во Франции Высшего монархического союза (ВМС). После вывода в 1923 г. из Турции войск Антанты, большинство членов «Комитета освобождения горских народов Северного Кавказа» перебралось в Европу и «Комитет» («Центр»), самостоятельную деятельность прекратил (Казаков А.В., 2005. Вып. II).

1922 г. – на территории Турции организован «Комитет освобождения Азербайджана и горцев Северного Кавказа», северокавказская составляющая которого вскоре распалась на две новые организации: 1). «Совет объединенных горцев Северного Кавказа» под руководством генерала Хабаева, куда вошли генералы и офицеры: Бекович-Черкасский, Халилов, Улагай, Султан Клыч-Гирей и др.; 2). «Горский комитет», в составе: Ахмед Цаликов (осетин), Пшемахо Коцев (кабардинец), Висан-Гирей Джабагиев (ингуш) и других бывших деятелей Горской республики (Казаков А.В., 2005. Вып. II).

К середине 20-х гг. XX столетия деятельность разного рода эмигрантских «советов» и «комитетов освобождения горцев Северного Кавказа» пошла на убыль и затем совершенно прекратилась.

2.5. Конец XX в.: Идея объединения всех республик Северного Кавказа в «Единое независимое конфедеративное государство» вновь востребована?

2.5.1. От «Ассамблеи» – к «Конфедерации горских народов Кавказа»

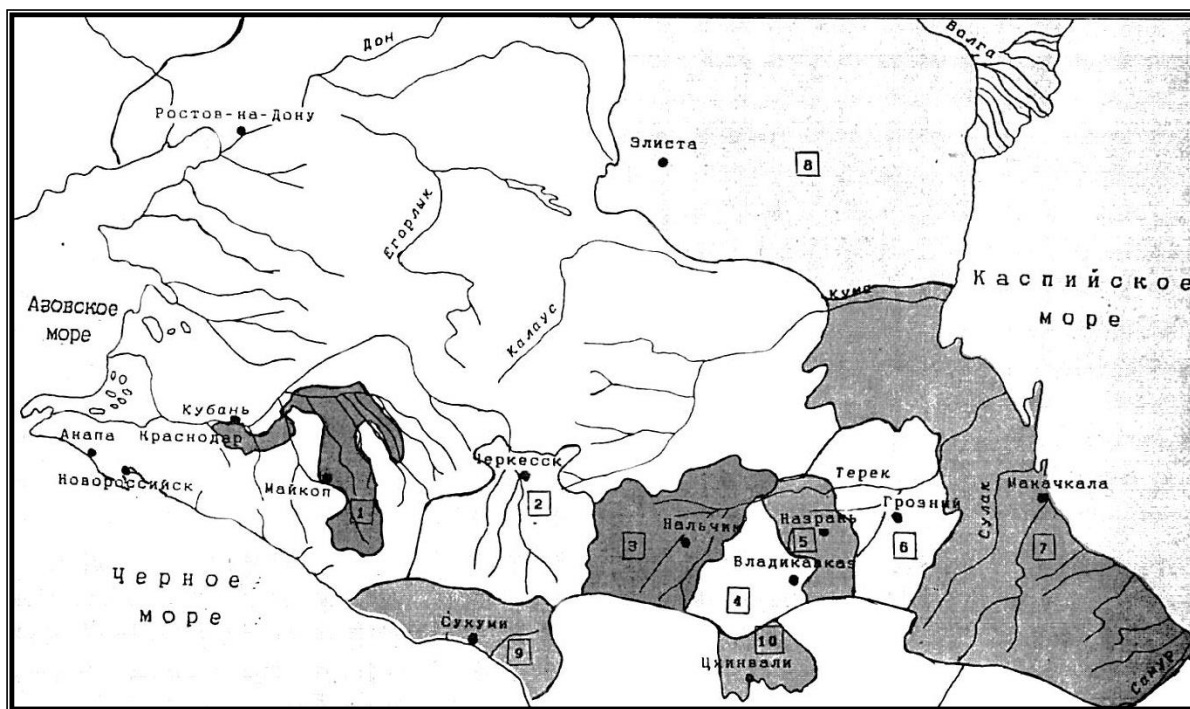
Ассамблея горских народов Кавказа (АГНК) ... ставила целью объединение всех республик Северного Кавказа, а также Республики Абхазия в единое независимое конфедеративное государство.

А.В. Кушхабиев (2007).

Упомянутая выше идея образования так называемой «Независимой Горской Северо-Кавказской Республики» была востребована много позже, в самом конце XX столетия. В кратком изложении предыстория этого вопроса выглядит следующим образом.

1989 г. В этом году на съезде в г. Сухуми была создана «Ассамблея горских народов Кавказа» (АГНК) – организация, представлявшая объединение общественно-политических организаций ряда северокавказских народов: адыгейцев, шапсугов, черкесов, кабардинцев, абазин, абхазцев, аварцев, даргинцев, ингушей, кумыков, лакцев, лезгин, осетин, чеченцев. Эта организация ставила целью объединение всех республик Северного Кавказа, а также Республики Абхазии в единое независимое конфедеративное государство (Кушхабиев А.В., 2007. С. 270).

2 ноября 1991 г. – «Ассамблея горских народов Кавказа» преобразована в «Конфедерацию горских народов Кавказа». Председателем КГНК был избран Юрий Шанибов (Кушхабиев А.В., 2007. С. 270); «История многовекового...», 2007. С. 642).

Современная карта-схема республик Кавказа: 1 — Адыгея, 2 — Карачаево-Черкесия, 3 — Кабардино-Балкария, 4 — Северная Осетия, 5 — Ингушетия, 6 — Чечня, 7 — Дагестан, 8 — Калмыкия, 9 — Абхазия, 10 — Южная Осетия

3-4 октября 1992 г. — на Чрезвычайном съезде горских народов Кавказа в г. Грозном «Конфедерация горских народов Кавказа» переименована в «Конфедерацию народов Кавказа» (КНК) — в связи с предоставлением казачеству Северного Кавказа права на вступление в это объединение («История многовекового...», 2007. С. 642; Кушхабиев А.В., 2007. С. 270).

1995 г. — «Конфедерация народов Кавказа» (КНК) прекратила свою деятельность — горцы Северного Кавказа отказались от этой идеи (Кушхабиев А.В., 2007. С. 270; «История многовекового...», 2007. С. 642).

2.5.2. «Новое — хорошо забытое старое»?

2.5.2.1. «Нас манили свободой, а заковали в кандалы зависимости...»

Если царство разделится само в себе, — не может устоять царство то...

Евангелие от Марка (3; 24).

Можно сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка...

Ю. Бондарев (1992).

Сильнейший удар по экономике Адыгеи, как и всей стране, был нанесен так называемой «горбачевщиной» с ее известными общественно-политическими последствиями, — последствиями, которые еще многие годы и десятилетия в будущем наверняка будут скорбным набатом отзываться на жизни и судьбе наших потомков. Уж не о грядущем ли приходе нашего «союзного» президента возвещала тысячелетия назад Библия: «И восстанет в то время Михаил, царь великий, и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени...» (Книга пророка Даниила, 12; 1). Разумеется, это случайное совпадение, но совпадение, которое заставляет о многом задуматься.

Распад СССР стал реальностью. Разрушена могучая держава, которая была способна противостоять самым сильным странам в мире. Нарушено геополитическое равновесие в мире, — об этом с тревогой говорят даже те, кто ратовал за расчленение СССР на десятки мелких государств — «удельных княжеств». Распад страны неминуемо повлек за собой социальные и межнациональные конфликты «перестроечных» и «постперестроечных» лет, переросшие в локальные гражданские войны в отдельных республиках бывшего Союза, появление «горячих точек» в ряде районов нашего многострадального Кавказа.

Здесь уместно привести стихотворение Галины Ким, написанное, что примечательно, — сразу же после событий августа 91-го. Вряд ли можно в нескольких строчках лучше изобразить трагические последствия «конца эпохи» — развала нашей любимой родины СССР:

Струится солнце,
Пуская блики,
Сменяются маски,
Но плачут лики.

В предсмертных муках
Хрипит Добро,
И в пляске дикой
Кружится Зло.

Конец эпохи:
Трещит по швам,
Плывет над миром:
«И Аз воздам!».

Своеобразную оценку «вклада» Горбачева в сложившуюся ситуацию дала газета «Правда Москвы» (1996, № 24, февраль): «Нам обещали перестройку, а выдали перестрелку. Нас призывали к обновлению, а привели к вымиранию. *Нас манили свободой, а заковали в кандалы зависимости*».

Кандалы зависимости... И это не просто слова. Все четче просматривается превращение нашей некогда великой и могучей державы в своеобразную колонию, сырьевой «придаток» Запада. Впервые далеко идущие планы развала СССР были сформулированы еще в 1945 г. главой ЦРУ США Алленом Даллесом: «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания».

Спустя полвека эта доктрина стала реализовываться на практике. С этой точки зрения интересно и полезно привести выдержку из опубликованного секретного доклада Президента США Б. Клинтона (Вашингтон, 24 октября 1995 г.), в котором более чем откровенно сформулированы цели Запада по дальнейшему развалу России и дается своеобразный сценарий дальнейшего развития событий, – нашего с вами будущего: «Последние десять лет наша политика в отношении СССР и ее союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. ...Мы добились того, что собирався сделать президент Трумэн с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получим сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать. Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще не достаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач: *расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление нужных нам режимов в оторвавшихся от России республиках*».

2.5.2.2. «Способствовать вытеснению России из Закавказья и Северного Кавказа путем создания Исламской конфедерации Северного Кавказа»

Способствовать вытеснению России из регионов Закавказья, Северного Кавказа и акватории Каспийского моря путем создания нового государственного образования – Исламской конфедерации Северного Кавказа.

**«К созданию Исламской конфедерации»
(«Кубанские новости», 1996, 7 сент.).**

Приведенный выше кощунственный план предполагаемого развала России дан, так сказать, крупными мазками. Более детально он проработан в другом документе, текст которого российским журналистам удалось приобрести у западных спецслужб и опубликовать в газете «Правда», откуда он позже был перепечатан в «Кубанских новостях» (1996, 7 сентября). В нем уже конкретно говорится о том, что ожидает наш многострадальный Кавказ в ближайшем будущем. Четко сформулирована цель вмешательства Запада во внутренние дела краев и республик Северного Кавказа – субъектов Российской Федерации: «Способствовать вытеснению России из регионов Закавказья, Северного Кавказа и акватории Каспийского моря путем создания нового государственного образования – Исламской конфедерации Северного Кавказа». На первом этапе планировалось осуществить полный вывод российских войск из Чечни (уже осуществлен! – Авт.), причем предусматривалось придать этому процессу унизительный характер бегства. На втором этапе предполагалось распространение «освободительной» борьбы на территорию ряда республик Северного Кавказа: Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи.

Так, в Адыгее, согласно западным сценариям, планировалось «...сформировать 3 крупные банды – в районах Кавказского заповедника, Майкопа и Шапсугского водохранилища. Общая их численность может составить 14000 чел. Причем адыгейцев из них будет не более половины. Остальные – чеченцы, абхазы, азербайджанцы, русские, украинцы, прибалты, а также иностранцы: афганцы, арабы и турецкие граждане кавказского происхождения». Интересно, что Главное разведывательное управление Генштаба Турции

предполагало направить в Адыгею не менее 180 действующих офицеров турецкой армии, которые должны были находиться там под видом наемников. Еще около 40 турецких офицеров планировалось послать в Карачаево-Черкессию, примерно 70 – в Кабарду...» и т. д. И, наконец, к завершающему, пятому этапу западные «доброжелатели» планировали полное отторжение Северного Кавказа от России.

Как отмечает М. Лобанов, уже в открытую в США требуют уничтожения целых поколений российских граждан. Так, заместитель госсекретаря Тэлботт в своем выступлении в Колумбийском университете (см. «Независимая газета», 1996, 27 ноября) прямо заявил: «Чтобы завершить процесс, идущий сейчас в России, люди, привыкшие работать по-советски, должны уйти со сцены (выделено нами. – Авт.). Необходимо, чтобы ушли те, кто полон горечи по поводу того, что потеряла Россия в период между 1989-1991 гг.: политическую и экономическую систему, четверть территории и половину населения государства, центром которого была Россия. На смену этим людям должно прийти новое поколение (судя по всему, так называемое «поколение пепси» с его явно прозападной ориентацией. – Авт.), проникшееся пониманием того, что приобрела Россия за последние несколько лет, что можно назвать: «Свобода».

Хотелось бы надеяться, что дальнейшее развитие нашей страны пойдет не по американскому сценарию, – у многонационального населения России, в т.ч. жителей адыгских республик хватит мудрости и сил сохранить территориальную целостность и независимость нашей Родины.

2.5.3. Попытка «реанимации» старого лозунга: «Великая Черкесия от Черного до Каспийского моря...»?

«Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки», – Абуталиб сказал.

Расул Гамзатов. «Мой Дагестан».

Я черкес, но мне не нужна супербанановая республика под названием «Великая Черкесия». Я говорю и думаю по-русски и отлично знаю, как западные спецслужбы раздувают проблемы с Олимпиадой на Кавказе.

И. Гашиков, зам председателя Гордумы Черкесска (2010).

Как справедливо подчеркивает Т. Алоев (2009), чудес в исторической науке, по всей видимости, не бывает. С конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века у многих появилась иллюзия, что снятие идеологических препон – цензурных ограничений печальной памяти агитпропа и крайлито, – приведет к невиданному развитию адекватного исторического сознания. Но все произошло, как говорится, с точностью наоборот: в итоге пышно расцвели этноцентрические мифы о «превосходстве» той или иной народности над другой, что в конечном счете привело к вспышке сепаратизма, «параду суверенитетов», обострению межнациональных конфликтов и даже локальных войн на территории бывшего СССР.

В последнее время вновь вернулись к идее почти вековой давности о «воссоздании «Великой Черкесии» от Черного до Каспийского моря». Специальный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Дарья Асламова пытается разобраться в этом вопросе. Не соглашаясь с автором и его собеседниками по ряду принципиальных моментов, тем не менее, для полноты картины, рискнем привести отдельные выдержки из этой публикации:

«После развала Советского Союза мечта об объединенной «Великой Черкесии» вновь взволновала умы адыгов, расселенных в четырех «коммунальных квартирах» Российской Федерации вперемешку с другими народами, – в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгее и в Краснодарском крае. Плененные старой химерой, они мало занимались практической стороной вопроса: как же создать «Великую Черкессию», не ущемляя интересов соседних народов? Но под обаяние миража попала не только часть российских адыгов, а и многочисленная (около полутора миллионов) богатая и влиятельная черкесская диаспора, проживающая почти в 50 странах мира, готовая спонсировать и разогревать местные амбиции.

В ноябре 2008 г. в Черкесске прошел Чрезвычайный съезд черкесского народа, на котором впервые был поднят главный для черкесов вопрос – объединение Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в одну республику. Но в официальную декларацию съезда этот вопрос удивительным образом не попал.

«В 2008-м был солидный съезд, максимально легитимный, – говорит заместитель председателя городской думы г. Черкесска Иналъ Гашиков. – Но приехали агрессивно настроенные братья из Кабардино-Балкарии и Адыгеи и испортили нам съезд. У нас есть проблема: мы так дальше жить не можем в республике. А они приехали и начали нести: единая Черкесия, геноцид черкесов на земле Олимпиады. Я говорил адыгейцам: ребята, ...вам там хорошо живется, вот и живите, а у нас наши проблемы. Но кто меня слушал? И съезд поддержал жесточайшую резолюцию об объединении черкесов, которая насторожила Москву».

«Нам обещали: мы вам все сделаем, только не трогайте Конституцию, – говорит председатель Черкесского общественного движения «Адыгэ Хасэ» Мухаммед Черкесов. – Но больше у нас веры нет, и в июне новый съезд потребовал восстановления черкесской автономии. Мы что, не имеем права на самоопределение? Мы будем за него бороться. Вы думаете, если этот нарыв не вскрывать и замазывать, он рассосется?» «Может, и рассосется, – замечаю я. – Если его не ковырять». «Но за 20 лет не рассосался! И вы не смеете приносить меньшинство в жертву большинству».

Противоположное мнение у карачаевского журналиста и политолога Бориса Урусова: *«Июньский съезд черкесов и требование автономии – это шантаж власти и попытка ее расшатать»*. Это месть за то, что наш парламент не пустил в Совет Федерации черкесского крупного бизнесмена Вячеслава Деревя. Его кандидатуру прокатили. Семья Дерев полностью финансирует деятельность черкесского движения «Адыгэ Хасэ» и контролирует его. Все национальные вопросы провоцируются местной элитой, а идеи разделения КЧР витают в среде интеллигенции, а не в народе». «Приезжали сюда на съезд мальчишки из Майкопа и Нальчика, – дополняет его депутат-карачаевец Абдуллах Токов. – Легко проследить, что эти люди не раз посещали США, где черкесская диаспора зажгла их идеей – «Великая Черкесия до границы с Абхазией». На съезде 2008 г. черкесы напрямую говорили: «Почему мы боимся войны? Абхазия воевала и смогла сделать собственное государство. А мы чем хуже? Нас больше, и мы сильнее».

Пример Абхазии сильно вдохновил черкесов. «Черкесская автономия – это блеф, – уверен зампред гордумы Черкесска Иналь Гашоков. – Но мы должны были какой-то жупел поднять, чтоб нас, черкесов, услышали. Я пытался всех остановить: не надо требовать автономии – и стал врагом номер один. Со мной сейчас никто не разговаривает, но я понимаю условия игры. Ведь ясно, что прецедент невозможен. Если черкесы получат автономию, пойдет цепная реакция по Кавказу. Но мы не можем больше ждать, когда нас кто-то услышит».

«Чего же хотят черкесы?», – спрашивает корреспондент. И отвечает: «Невозможного. Заур Дзеукожев, зампредседателя общественного движения «Черкесский конгресс» из Адыгеи, рисует мне карту Объединенной Черкесии в составе России: лучшая половина Краснодарского края, включая все Черноморское побережье, Адыгея, половина Карачаево-Черкесии, половина Кабардино-Балкарии, солидный кусок Ставропольского края, включая знаменитые курорты Ессентуки, Минводы, Пятигорск, Кисловодск. По замыслу, «Великая Черкесия» должна выйти к Черному морю и получить общую границу с родственным абхазским народом.

«Это наши исторические территории, которые Россия обязана предоставить черкесам согласно резолюции ООН 2007 г. о коренных народах, – говорит Заур. – Россия, правда, эту резолюцию не ратифицировала, но сути дела это не меняет. И не пытайтесь выставить меня экстремистом. Мы согласны на то, чтобы быть частью России». «А что же делать остальным народам, проживающим на этой территории?» – спрашиваю я. «Да пусть живут. Никто их не трогает». – «А если они не хотят жить в «Великой Черкесии?» – «Мало ли что! Коренной народ здесь мы!» – «Но для изменения границ, согласно закону, нужен референдум во всех регионах, на которые вы претендуете. Ясно, что такой референдум вы проиграете!» – «Да плевать нам на референдум! Нам не нужны три республики, – мы хотим жить в одной. И Россия должна решить наш вопрос».

«Хорошо, предположим невозможное! – говорю я. – Все четыре субъекта согласились на создание «Великой Черкесии», или же Россия, положим, изменила Конституцию в угоду черкесам. Где гарантия, что это новое мощное образование останется лояльным России, а не начнет собственную игру?» – «Мы благодарный народ!» – «Но вы уже нам гадите. Вы обратились к враждебной Грузии с просьбой признать геноцид черкесов, вы выступаете против Олимпиады в Сочи!». «У нас свои национальные интересы, и если мы в составе России, это не значит, что мы ваша собственность, – заявляет Заур Дзеукожев. – Мы обратились к Грузии не для того, чтобы признать нашу независимость, а чтобы признать геноцид».

«Великая Черкесия» глазами современных националистов (по: Асламова Д., 2010).

Здесь уместно процитировать Обращение руководства «Черкесского конгресса» Адыгеи к правительству Грузии, которое размещено на одном из сайтов Интернета: «...18 лет назад во время грузино-абхазской войны 1992 – 1993 гг. мы были по разные стороны баррикад, гибли с обеих сторон, на радость сторонним провокаторам, кавказцы. В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭТОЙ ВОЙНЫ НЕ ВЫИГРАЛИ КАК ГРУЗИНЫ, ТАК И ЧЕРКЕСЫ, – В ВЫИГРЫШЕ ОКАЗАЛАСЬ РОССИЯ!!! ТАК ДАВАЙТЕ ЖЕ ВМЕСТЕ ВЫНЕСЕМ УРОК С ТЕХ ПЕЧАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ, РАЗОРВЕМ ЭТУ ПОЛИТИКУ «РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ», БУДЕМ САМИ СОБОЙ УПРАВЛЯТЬ, А НЕ БЫТЬ УПРАВЛЯЕМЫМИ СО СТОРОНЫ!» Эти пламенные строки, нарочно выделенные аршинными буквами авторами Обращения «Черкесского конгресса» Адыгеи к правительству Грузии, – оставляют мало надежды на то, что «Великая Черкесия» будет на стороне России.

«Я черкес, но мне не нужна супербанановая республика под названием «Великая Черкесия», – говорит зампред городской Думы Черкесска Иналь Гашоков. – Я говорю и думаю по-русски и отлично знаю, как западные спецслужбы раздувают проблемы с Олимпиадой на Кавказе. И знаю, что фонд «Джеймстаун», поддерживающий упертых «американских» черкесов, – типичная организация, субсидируемая ЦРУ».

«Я два года назад был в Америке, был в Гарварде, на конференциях в Калифорнии, – рассказывает член общественного движения «Хасэ» Кабардино-Балкарии Ибрагим Яганов. – Поездил, поговорил с земляками и понял, что нас хотят использовать, как 150 лет назад. Тогда были разборки между Россией и Турцией, и мы чуть не сгнули, а сейчас между Россией и Америкой. То, что осталось от нас, может опять сгнуться. Ничего хорошего для нашего этноса я не увидел и уехал. Туда теперь поехали по той же программе ребята из Майкопа, и им ту же рубашку примеряют. У меня иллюзий нет: Кавказ как территория всегда будет под чьим-то колпаком. Если не российским, так турецким или американским. А я по-турецки не говорю. У меня образование и менталитет – российские, и я мечтаю о развитии своей нации в пределах России. Одно для меня ясно: если русские не займются черкесским вопросом, им очень скоро займются другие...».

Этими словами, заставляющими о многом задуматься, и завершается публикация Дарьи Асламовой (2010).

Попытка обособить основные устремления адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев) относительно создания своего *единого* государства («от моря до моря») сделана А.А. Епифанцевым (2010). По его мнению, которое, впрочем, автор настоящей книги не может разделять по принципиальным соображениям, «...на вызовы нового времени адыгский мир ответил, если и не национальной идеей, то уж во всяком случае национальным планом, состоящим из 3-х пунктов.

На первом месте стоит репатриация адыгов – возвращение на Кавказ нескольких миллионов потомков тех черкесов, которые когда-то покинули свои земли, и их интеграция в российское адыгское общество – это, по мысли сторонников идеи, позволит черкесам вернуть свое бывшее этническое доминирование на Северном Кавказе и опять стать самой влиятельной нацией на своих исторических землях.

Вторым пунктом идет объединение трех адыгских республик РФ в один субъект федерации – «Великую Черкессию», что объединит ныне разорванные этнические территории и создаст единое административное черкесское пространство на Кавказе.

И третье – над всем этим, как тень отца Гамлета, витает вопрос признания геноцида. Именно признание геноцида в этой триединой формуле должно выступить локомотивом, движущей силой, тем побудительным фактором, который сдвинет вопрос с мертвой точки и в конечном счете обеспечит реализацию первых двух факторов» (Епифанцев А.А. 2010. С. 313-314).

Впрочем, оставим приведенные выше сомнительные предположения, высказанные почему-то от имени всех адыгов, – на совести их авторов. Большинство жителей адыгских республик не разделяют «благие» пожелания «сочувствующих» друзей адыгского народа, а также высказывания националистов. Они живут в контексте настоящего времени, с учетом реалий сегодняшнего дня и не видят свое настоящее и будущее вне Российской Федерации. И это, пожалуй, самое главное.

3. ТРУДНЫЙ ПУТЬ К НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ

В территориально-административном отношении Адыгея около 70 лет была неразрывно связана с Краснодарским краем (а бывший Шапсугский национальный район связан и сейчас). С этой точки зрения представляет интерес проследить трансформацию административных преобразований как в Краснодарском крае (Кубанская область – Кубанская республика – Кубано-Черноморская советская республика – Северо-Кавказский край – Азово-Черноморский край – Краснодарский край), так и в Адыгее, Кабарде и Черкесии, что должно облегчить понимание событий, относящихся к советскому периоду развития адыгских народов.

1917 г. стал переломным моментом в истории народов, населявших Кубано-Черноморье, которые получили возможность самостоятельного политического, экономического и культурного развития. Национально-государственное строительство на Кубани активно развернулось после завершения Гражданской войны и происходило в исключительно сложных условиях. Отсутствие национального отряда пролетариата, малочисленность партийных организаций, несовершенство административного управления, – все это не могло не сказаться на создании и дальнейшем функционировании новых административно-территориальных образований (Ржавин А.А., 1999. С. 122-125).

3.1. «Калейдоскоп» административных преобразований на Северном Кавказе

Характерные черты административно-территориальных преобразований: волюнтаризм социалистических «экспериментаторов» и их зависимость от политической конъюнктуры...

Д.Х. Мекулов (1992).

25-31 января 1918 г. – I съезд народов Терека. Съезд решительно выступил за народную власть и за неразрывную связь горских народов с Советской Россией. Был избран Терский народный Совет, принявший решение созвать II съезд народов Терека 15 февраля 1918 г. («История многовекового...», 2007).

4 марта 1918 г. – на II съезде народов Терека, проходившем в Пятигорске, было объявлено о признании власти Совета Народных Комиссаров. Затем делегаты продолжили свою работу во Владикавказе, откуда спешно эвакуировалось по Военно-Грузинской дороге в Тифлис Терско-Дагестанское правительство и ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Там, во Владикавказе, в те же мартовские дни, провозглашается Терская Советская Республика («История многовекового...», 2007).

Май 1918 г. – III съезд народов Терека (Опрышко О.Л., 2007).

Июль 1918 г. – создана Северо-Кавказская республика, призванная, по мнению специалистов, закрепить давние экономические и административные связи между отдельными областями Северного Кавказа. Но кратковременность ее существования и государственно-правовая оценка как «края, где установлена власть Советов», указывали на вынужденный характер такого рода объединений. Да и сами официальные резолюции съездов Советов того времени единодушны в определении целей создания новых республик: «Для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний Социалистической революции и Советской власти... необходимо самое тесное объединение всех советских республик между собой и самая тесная связь с центром». В этом отношении особого внимания заслуживает вопрос о практической необходимости предоставления каждому народу Северного Кавказа в 1918-1920 гг. государственной самостоятельности (Хлынина Т.П., 1999. Вып. 1).

18-21 августа 1918 г. – IV съезд народов Терека во Владикавказе, заслушавший доклад Г.К. Орджоникидзе «Об объединении республик Северного Кавказа» (Опрышко О.Л., 2007).

Октябрь 1920 г. – на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа были определены конкретные меры по автономизации. В его резолюции признавалось необходимым создание «горских автономных республик, входящих в состав РСФСР» (Тетуев А.И., 2006).

16-17 ноября 1920 г. – очередной Съезд народов Терека в г. Владикавказе, провозгласивший образование Горской АССР. Выступая с докладом на Съезде, И.В. Сталин, в частности, сказал: «Сегодняшний съезд созван для того, чтобы объявить волю Советского правительства об устройстве жизни терских народов... Давая вам автономию, Россия, тем самым возвращает вам те «вольности», которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели, царские генералы... Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии... Советское правительство дает вам автономию не в трудную минуту, а в минуту громких успехов на полях сражения, в минуту полного торжества над последним оплотом империализма в Крыму... Делая так, Советская власть хочет сказать, что она вполне доверяет вам, товарищи горцы, что она доверяет вашим способностям самоуправляться».

Вместе с тем, автономия Горской республики, по словам вождя, «является политической и, конечно, советской». Он убедительно говорил, что «весь смысл автономии в том, чтобы она втянула горцев в управление своей страной... так, чтобы во всех органах управления стояли ваши люди, знающие ваш язык, ваш быт», что автономия «должна вас научить ходить на своих собственных ногах» – и в этом цель автономии. Правда, обозначенные подобным образом, смысл и цель могли быть реализованы скорее не в территориальной автономии горцев, а в национально-территориальной автономии каждого из народов региона (Тетуев А.И., 2006; «История многовекового...», 2007).

20 января 1921 г. – ВЦИК РСФСР принял постановление: «О Горской Автономной Социалистической Республике». Создание Горской АССР мотивировалось необходимостью «объединения материальных и духовных ресурсов горских народов Северного Кавказа для социалистического строительства» в условиях продолжавшейся Гражданской войны в Крыму и Закавказье.

По мнению одного из авторитетных исследователей проблем национально-государственного строительства в РСФСР Н.Ф. Бугая, сам факт провозглашения подобной автономии имел, прежде всего, «огромное значение в эмоциональном воздействии на сознание масс, способствовал заметному росту авторитета советской власти». Завершение Гражданской войны на Северном Кавказе (март 1920 г.) потребовало создания такой автономии, посредством которой успешно решались бы задачи «привлечения горских народов к управлению страной». Такой формой государственности должна была стать многонациональная автономия, чей статус оценивался руководством Наркомнака как «более высокий» (Хлынина Т.П., 1999. Вып. 1; Тетуев А.И., 2006).

16-22 апреля 1921 г. – Учредительный съезд Советов Горской АССР во Владикавказе, завершивший всю организационную работу по созданию автономии горцев Северного Кавказа избрал руководящие органы республики. В административно-территориальном отношении Горская АССР делилась на шесть округов: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский. Столица Горской АССР – г. Владикавказ, а также г. Грозный с нефтяными промыслами выделялись в отдельные административные единицы, подчиненные непосредственно ЦИК и СНК Горской АССР. Съезд принял резолюцию по земельному вопросу, согласно которой ЦИК и Наркомат земледелия были обязаны «в спешном порядке урегулировать земельные отношения между округами и народностями, входящими в состав ГАССР, на уравнительных началах», т. е. первоочередной задачей признавалось решение земельного вопроса в соответствии с постановлениями II и III съездов народов Терека в 1918 г. (Кажаров А.Г., 2006. Вып. III. С.294; «История многовекового...», 2007. С. 621-623; Кармов А.Х., 2008. Вып. VII).

14 ноября 1923 г. – Кавказская секция Госплана по районированию признала желательным разделить весь Северный Кавказ на 11 округов, из которых 5 являются собственно округами, а 6 автономными областями и республиками. Черноморскую губернию признавалось целесообразным разделить между Кубанским и Майкопским округами (Тетуев А.И., 2006).

13 февраля 1924 г. – образован Юго-Восточный район с экономсоветом, утвержденный окончательно как Юго-Восточный край, в который вошли, после упразднения Горской АССР, все территориальные образования на Северном Кавказе, за исключением Дагестана (Тетуев А.И., 2006). В частности, Юго-Восточный край делился на 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в г. Ростове-на-Дону: области – Донская и Кубано-Черноморская; 2 губернии – Ставропольская и Терская; 4 национальные автономные области – Карачаево-Черкесская, Адыгейская, Чеченская, Кабардино-Балкарская; а также автономные города – Грозный и Владикавказ. Они, в свою очередь, делились на административные единицы уездного масштаба – 30 округов (7 русских, 23 национальных) 12 отделов, 8 уездов, 1 национальный район (Туркменский) в Терской губернии.

Комментируя эту очередную нежизнеспособную попытку центральной власти «урегулировать» ситуацию на Северном Кавказе, Т.П. Хлынина (1999. Вып. 1) пишет: «Организованный в 1924 г. Юго-Восточный край объединил Донскую и Кубано-Черноморскую области, Ставропольскую и Терскую губернии, 4 автономные области и ГАССР. Юго-Восточный край, созданный на экономической основе, являлся одной из немногих попыток правящего режима отказаться от увязки решения национального вопроса с территориальными проблемами. Но и она оказалась малоэффективной. Включенные в него автономные области требовали непосредственного подчинения Центру и усматривали в любом промежуточном механизме, в частности, в краевом исполнительном комитете, ущемление собственных национальных прав».

2 июня 1924 г. Президиум ВЦИК принял постановление о районировании Юго-Восточной области (края), согласно которому вместо Кубано-Черноморской области на ее территории было образовано 4 округа.

16 октября 1924 г. – вместо Юго-Восточной области (края) был образован Северо-Кавказский край, с центром в г. Ростове-на-Дону, в составе 11 округов и 4-х автономных областей (Тетуев А.И., 2006).

10 января 1934 г. – Северо-Кавказский край разделен на Азово-Черноморский край и собственно Северо-Кавказский край.

В Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону вошли районы бывших Донской и Кубано-Черноморской областей, а также Адыгейская автономная область. В крае были выделены Северо-Донецкий округ (состоящий из 27 районов); 104 района, из них 6 национальных районов: Шапсугский, Калмыцкий, Греческий, Ванповский (немецкий), Армянский, Мясниковский (армянские районы); 6 автономных городов (Краснодар, Новороссийск, Сочи, Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты) и Адыгейская автономная область (состоящая из 5 районов).

В состав Северо-Кавказского края с центром в г. Пятигорске вошли Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чеченская, Ингушская, Карачаевская и Черкесская автономные области и территория нынешнего Ставрополя.

7 сентября 1937 г. – ЦИК СССР постановил: выделить из состава Азово-Черноморского края Ростовскую область; переименовать Азово-Черноморский край в Краснодарский край и перенести центр края в г. Краснодар. При этом в Краснодарский край вошли 13 городов, 71 район и Адыгейская автономная область («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 564).

13 мая 2000 г. Южный регион Российской Федерации полностью вошел в Южный Федеральный округ, включающий в себя республики: Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чечня, дагестан; Краснодарский и Ставропольский края; Астраханскую, Волгоградскую и Ростовскую области.

19 января 2010 г. – Южный федеральный округ был разделен на два – собственно Южный и Северо-Кавказский федеральный округ, в который вошли республики: Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня, Северная Осетия-Алания, Дагестан, а также Ставропольский край. В составе Южного федерального округа остались: Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области, а также республики Калмыкия и Адыгея («Российская газета», 2010, 21 янв. С. 1-2; «Аргументы и факты», 2010, № 4. С. 12).

3.2. Административно-государственные преобразования на Кубани

Краснодарский край территориально наследует границы дореволюционной Кубанской области, принадлежавшей Кубанскому казачьему войску. Кубанское казачество формировалось на основе переселенного на Кубань запорожского казачества, т. е. в основном украинцев, а также донских казаков, и пополнилось впоследствии как за счет русских, украинцев, так и представителей других народов. Территория – 76 тыс. км². Население – 5006,7 тыс. человек. В составе населения Краснодарского края преобладают русские (славяне), они составляют около 85%. Компактно на территории Краснодарского края проживают армяне. Небольшими компактными группами (по 2-3 тыс. человек) проживают в крае немцы, греки; в 70-90-е гг. прошлого столетия стали складываться места компактного проживания крымских татар, турок-месхетинцев, чеченцев, аварцев и других народов Дагестана. Государственный устав Краснодарского края принят в 1993 г., губернатор края – Александр Николаевич Ткачев.

Основные этапы административно-государственных преобразований на Кубани с 1917 г. приводятся ниже:

Март 1917 г. – Временный Кубанский областной гражданский комитет разослал инструкции в центры отделов о выборах гражданских комитетов, причем их проведение возлагалось на казачью администрацию («История Кубани...», 2004. С. 138; 181).

9-18 апреля 1917 г. – I съезд представителей населенных пунктов Кубани в Екатеринодаре, избравший Кубанский областной Совет как высший орган гражданской власти. На съезде присутствовало около 1000 делегатов. Съезд подтвердил полномочия избранных ранее гражданских комитетов как органов новой власти. Вместо Временного Кубанского областного исполнительного комитета на основе представительства от казаков, иногородних и горцев съезд 16 апреля избрал Кубанский областной совет из 136 человек и исполком (по два представителя от казаков и иногородних от каждого отдела и четыре от горцев). («История Кубани...», 2004. С. 138, 181-182).

1 февраля 1918 г. – в Армавире состоялся I съезд Советов Кубанской области, который провозгласил советскую власть по всей Кубанской области. В состав Кубанского облисполкома вошел М. Шовгенов.

10-13 марта 1918 г. – I съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоявшийся в Новороссийске, принял решение образовать Черноморскую Советскую республику.

30 марта-1 апреля 1918 г. – II съезд Советов, состоявшийся в Екатеринодаре, провозгласил образование Кубанской Советской республики в составе Российской федерации (с центром в г. Екатеринодаре) и высказался за объединение ее с Черноморской республикой.

18 мая 1918 г. избран Черноморский губернский исполнительный комитет, из состава которого был сформирован Комиссариат из 5-ти чел. («История Кубани...», 2004. С.138; 184).

28 мая-1 июня 1918 г. – III Чрезвычайный съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Кубанской области и Черноморской губернии, по предложению Г.К. Орджоникидзе, принял решение объединить обе республики в одну и создать Кубано-Черноморскую Советскую социалистическую республику. Съезд, в частности, отмечал, что «...в лице адыгейцев революция теперь имеет своих союзников, верных до последнего дыхания».

14 июня 1918 г. – на Съезде крестьянских и казачьих депутатов Кубани созданные ранее крестьянско-казачьи союзы были преобразованы в Советы крестьянских и казачьих депутатов («История Кубани...», 2004. С. 184).

5-7 июля 1918 г. – I Северо-Кавказский съезд Советов, состоявшийся в Екатеринодаре, рассмотрел вопрос об объединении всех республик Северного Кавказа в единую Северо-Кавказскую Советскую республику (с центром до августа 1918 г. в Екатеринодаре, а позже – в г. Пятигорске). В состав республики входили бывшие Кубанская и Терская области, Ставропольская и Черноморская губернии.

5 декабря 1918 г. – Кубанская Рада, в соответствии с «Временным положением об управлении Кубанским краем», преобразовала Кубанскую область в Кубанский край. С этого времени и до конца марта 1920 г. Екатеринодар считался краевым центром («История Кубани...», 2004. С. 138; 194).

20-24 мая 1920 г. – I съезд рабочих, трудовых казаков, крестьян и горцев Кубано-Черноморской области, состоявшийся после разгрома белогвардейцев, объявил о восстановлении советской власти на Кубани.

22 декабря 1920 г. – Екатеринодарский городской Совет переименовал г. Екатеринодар в г. Краснодар, «воздав этим должное признание Красной Армии, освободившей город».

6-18 января 1921 г. в Краснодаре – I съезд Советов Кубано-Черноморской области («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 461).

С 1924 по 1930 г. г. Краснодар был центром Кубанского округа и одновременно – Краснодарского района. А после ликвидации округов, с 1930 по сентябрь 1937 г. оставался районным центром в составе Северо-Кавказского, а с 1934 г. – Азово-Черноморского края («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 490).

27 апреля 1925 г. принято решение Северо-Кавказского крайисполкома о выделении армян Майкопского округа в самостоятельный Армянский район, «ввиду их малой культурности и бедственного экономического положения», о чем информируется Административная комиссия ВЦИК РСФСР (Ржавин А.А., 1999. С. 122).

7 августа 1925 г. – Президиумом Северо-Кавказского крайисполкома утверждено создание Армянского национального района (Ржавин А.А., 1999. С. 122).

22 октября 1925 г. – Административная комиссия ВЦИК РСФСР постановила: «Выделить Армянский национальный район в составе Гойтхского, Гунайского, Кубано-Армянского и Черниговского сельсоветов Майкопского округа, а также сельсовета Садового Кубанского округа» (Ржавин А.А., 1999. С. 123).

16 октября 1924 г. – образован Северо-Кавказский край, с центром в г. Ростове-на-Дону. Входящая в этот край Кубано-Черноморская область состояла из 4-х округов: Кубанский, Армавирский, Майкопский и Черноморский.

Август 1930 г. – в связи с проведением нового районирования Северо-Кавказского края, были ликвидированы Кубанский, Армавирский, Майкопский и Черноморский округа и преобразованы в районы.

10 января 1934 г. – в соответствии с постановлением ЦИК СССР, Северо-Кавказский край разделен на Азово-Черноморский край (с центром в г. Ростове-на-Дону) и собственно Северо-Кавказский край (с центром в г. Пятигорске).

7 сентября 1937 г. ЦИК СССР постановил: выделить из состава Азово-Черноморского края Ростовскую область; переименовать Азово-Черноморский край в Краснодарский край и перенести центр вновь образованного края в г. Краснодар.

22 августа 1953 г. – Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Краснодарском крае были упразднены 24 района, в том числе и Армянский, территория которого была распределена между Туапсинским и Апшеронским районами (Ржавин А.А., 1999. С. 122-124).

1993 г. – принят Государственный Устав Краснодарского края.

3.3. От Горской секции и Горского исполкома – к образованию автономной области и далее республики: административные преобразования в Адыгее

Ввиду неправильной постановки на местах власти, горцам-адыгам приходится искать спасение на основе самоопределения путем создания республики, автономий...

Из резолюции II съезда трудящихся горцев Кубани и Черноморья (2-8 марта 1921 г.).

Выделение территории с черкесским населением в автономную область является в современной политической обстановке на Кубани необходимым условием.

Из решения Комиссии ВЦИК РСФСР (12.07.1922 г.).

Впервые вопрос о создании государственности адыгейского народа в форме областной автономии был поставлен в Кубано-Черноморье сразу же после Февральской революции 1917 г. В начале 20-х гг. (1920-1922 гг.) XX столетия этот вопрос, столь актуальный для проживавших здесь горцев, постепенно перешел в практическую плоскость.

Показательным в этом отношении явился поиск и различных форм самоуправления адыгских народов Кубанской области. В своем развитии он прошел несколько этапов: от «национальных ячеек содействия Кубано-Черноморскому областному отделу» в лице Мусульманской секции, Горской секции и Горского исполкома – до образования в 1922 г. Адыгейской автономной области. Устоявшиеся в региональной литературе суждения о планомерном расширении функций административного аппарата будущей области представляются авторам монографии «История многовекового...» (2007) малоубедительными. Повышение статуса органов национального самоуправления и расширение сферы их компетенции вызывались к жизни силой и течением обстоятельств. Путь к обретению национальной государственности адыгов был сложен и труден:

Апрель 1917 г. – I съезд представителей населенных пунктов Кубани в Екатеринодаре, избравший Кубанский областной Совет как высший орган гражданской власти. Съезд выявил серьезные противоречия между казаками и иногородними по различным вопросам. Представители горцев выдвигали требования самоуправления Адыгеи, надеясь добиться его в союзе с казачьей верхушкой и при поддержке новой власти («История Кубани...», 2004. С. 138; 181-182).

Январь 1918 г. – установление Советской власти в г. Майкопе.

8 апреля 1920 г. – Кубано-Черноморский ревком на своем заседании, «с целью активизировать советское строительство среди адыгов», постановил: «Организовать при подотделе по национальным делам отдела Управления Секцию по мусульманским делам, а ее заведующим назначить Мишуриева». Секция развернула активную работу среди более чем 100 тыс. горцев-черкесов Майкопского, Екатеринодарского, Баталпашинского отделов и Туапсинского округа. Но для решения задач, стоящих перед адыгами, секционные рамки оказались малы (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

11-15 августа 1920 г. – I съезд трудящихся адыгов (I съезд горцев Кубано-Черноморской области) – очередной шаг на пути национально-государственного строительства и создания органов самоуправления адыгов. Он состоялся в Екатеринодаре (Краснодаре), где присутствовали 84 делегата от Екатеринодарского, Майкопского, Баталпашинского, Лабинского отделов и Туапсинского округа. Обсудив ряд политических и хозяйственных вопросов, I съезд горцев Кубани и Черноморья принял постановление об образовании при

Кубано-Черноморском ревкоме Горской секции. Однако витавшая в воздухе идея организации на Северном Кавказе Горской республики и все более увеличивавшееся число ее сторонников, предопределили решение Кубчерревкома «...о признании нежелательности выделения Горской секции в самостоятельную административную единицу на правах отдела с подчинением во всех отношениях Кубчерревкому» («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82; Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

16 ноября 1920 г. – в резолюции I-го съезда трудящихся горцев Майкопского отдела, в частности, отмечается: «Пусть отдельская власть как можно скорее установит такое равновесие, чтобы горское население считалось, как и все граждане трудовой Советской России. Горское население очень часто подвергалось различным незаконным давлениям со стороны представителей власти. Съезд просит отдельскую власть оградить население от ненужных беспокойств и насилия, а также по возможности ставить в аулах работников от горского населения, более пригодных для общественной работы и стоящих, безусловно, на стороне советской власти. Со своей стороны съезд дает обещание от имени всех трудящихся горцев Майкопского отдела исполнять все распоряжения советской власти» («История сельского хозяйства...», 1994; Хлынина Т.П., 1999. Вып. 1).

Декабрь 1920 г. Кубано-Черноморский областной ревком рассмотрел вопрос о горцах Кубани и Черноморья и вынес постановление, в котором их выделение в самостоятельную административно-территориальную единицу в принципе признавалось «желательным».

2-8 марта 1921 г. – II съезд трудящихся горцев Кубани и Черноморья, проходивший в Краснодаре, рассуждал следующим образом о необходимости национально-государственного устройства горских народов: «Ввиду неправильной постановки на местах власти, горцам-адыгам приходится искать спасение на основе самоопределения путем создания республики, автономий...». На съезде особо отмечалось: «Признавая в принципе создание областной Черкесской автономии в будущем целесообразным и находя политику эту неосуществимой в данный момент, признать необходимым организовать Горский исполком для управления горским населением с подчинением его облисполкому – по горизонтали и Наркомнацу – по вертикали». Горский исполком по правам приравнивался к губернским исполкомам. В целях установления более тесной связи с центром, Горский исполком имел своего представителя в Наромнаце в Москве. Под руководством председателя исполкома Даута Гетекулова, а позже – большевика Шахан-Гирея Умаровича Хакурате Горский исполком провел ряд мероприятий, целью которых являлось укрепление советской власти в аулах. В июне 1921 г. группа из членов Горского исполкома была направлена с разъяснительной работой «по вопросам, связанным с организацией Горского исполкома и информацией о задачах советского строительства» в аулы («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82; Ржавин А.А., 1999. Вып. 1; Половинкина Т.В., 2006).

25 мая 1921 г. – постановление Кубанского областного комитета ВКП(б) «о необходимости выделения горцев Кубани и Черноморья в отдельную национально-территориальную единицу» (Половинкина Т.В., 2006).

31 мая 1921 г. – состав Горского исполкома утвержден Кубано-Черноморским областным исполкомом «на правах отдельского, подчинявшегося областному» («История сельского хозяйства...», 1994).

1 июля 1921 г. – на пленарном заседании Горского исполкома констатировалась «необходимость выделить все горское население области в одну административную единицу, ...причем, эта необходимость обуславливалась не только особенностями местного и бытового уклада горцев, но и постоянным вмешательством Кубчерисполкома». Но довести до конца идею автономии горцев-адыгов пока не удавалось («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82).

13 июля 1921 г. – принято постановление Кубано-Черноморского облисполкома о выделении горцев из Кубано-Черноморской области в самостоятельную национальную автономию.

19 сентября 1921 г. – на заседании Президиума Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета выступил Ш.-У. Хакурате: «Вмешательство соответствующих отдельных исполкомов в работу Горского исполкома в аулах, главным образом, в области земельной, крайне вредно отражается на работе Горского исполкома...». Далее Ш.-У. Хакурате отмечал, что для расширения функций административного аппарата власти на местах, вовлечения все большего числа представителей коренной национальности в его работу Горский исполком делал все возможное. Организовывалась конкретная экономическая и культурная помощь аулам; укрепление советской власти осуществлялось в формах, соответствовавших национально-бытовым особенностям народов; создавались функционировавшие на родном языке органы власти и управления народным хозяйством, суды, школы, культурно-просветительские учреждения. Мусульманская, Горская секции и Горский окружной исполком стали первыми шагами национально-государственного строительства в Адыгее (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

6 декабря 1921 г. – на пленарном заседании Горского исполкома был впервые решен положительно вопрос о «целесообразности выделения адыгейцев в самостоятельную автономную область» и внесен на рассмотрение очередного III съезда трудящихся горцев (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

7-12 декабря 1921 г. – На III съезде трудящихся горцев (III съезд Советов горских депутатов Кубани и Черноморья) был частично разрешен вопрос об автономии адыгов. Предпринял определенные усилия в этом направлении и Президиум Кубчерисполкома. В подчинение Горского окружного исполкома вошло горское население (адыги), проживающие на территории Краснодарского и Майкопского отделов, а также

Туапсинского отдела Черноморского округа. Съезд предложил Горскому окружному исполкому завершить разработку вопроса о предоставлении горцам автономии: «В срочном порядке разработать вопрос о выделении горцев Кубани и Черноморья в автономную область, после чего принять меры к возбуждению соответствующего ходатайства перед центром» («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82; Ржавин А.А., 1999. Вып. 1; Половинкина Т.В., 2006).

16 декабря 1921 г. – Президиум Кубчерисполкома реорганизовал Горский исполком в Кубано-Черноморский горский окружной исполнительный комитет, – высший административный орган, объединивший под своим началом все аульские исполкомы горцев Кубано-Черноморской области. В его подчинение вошло горское население (адыги), проживавшее на территории Екатеринодарского, и Майкопского отделов, а также Темрюкского и Туапсинского отделов Черноморского округа. К этому времени на территории, подчиненной Горкисполкому, проживали более 100 тыс. адыгов, а также 25 тыс. русских и украинцев («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82).

5 января 1922 г. – Горский исполком обратился в Наркомнац РСФСР с предложением «выделить адыгов в автономную область» («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82).

26 января 1922 г. – Коллегией Наркомата по делам национальностей отмечена «целесообразность выделения адыгов, проживающих на левобережье р. Кубани, в автономную область».

12 июля 1922 г. – Комиссия ВЦИК РСФСР, детально ознакомившись со всеми материалами, документами, побывав почти во всех населенных пунктах, где проживали черкесы, пришла к заключению, что «выделение территории с черкесским населением в автономную область является в современной политической обстановке на Кубани необходимым условием». В справке указывалось, что «...черкесское население проникнуто идеей Советской власти не в меньшей мере, чем коренное русское население; ...географические условия вполне позволяют установить конфигурацию автономной Черкесской области; ...не вызывает сомнений и реальная возможность обслуживания автономной Черкесской области контингентом работников черкесов» (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

15 июля 1922 г. – Председатель Горского исполкома обратился с докладной запиской во ВЦИК РСФСР с просьбой о выделении в автономную область. В ней, в частности, отмечалось, что «...мотивов и данных к выделению в автономную область у кубанских черкесов несколько не меньше, чем у уже выделившихся в такую кавказских народностей: абхазцев, аджарцев, кабардинцев, карачаевцев, черкесов и т. д.» (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

27 июля 1922 г. – Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление № 120 об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области: «1. Выделить из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территорию, ныне населенную черкесами (адыгейцами), с включением в нее чересполосных селений и хуторов с юртовыми землями и лесами, входящими в эту территорию, и образовать из таковой Черкесскую (Адыгейскую) автономную область...». В нее первоначально входили 3 округа: Псекупский, с центром в а. Тахтамукай; Фарсский и Ширванский, состоявшие из 42 волостей.

В то же время налицо была видна половинчатость решения вопроса о национально-государственном обустройстве адыгов. Так, из 52 адыгейских аулов с населением более 100 тыс. чел. в автономную область вошли только 45 аулов с населением 68 тыс. чел. Нерешенным оставался вопрос о причерноморских шапсугах (адыгах), оставшихся за пределами автономной области («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82; Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

Таким образом, к июлю 1922 г. на территории исторической Черкесии в местах компактного проживания былого многочисленного адыгского населения были созданы три автономии – адыгейцев, кабардинцев (с центром в г. Нальчик) и черкесов (с центром в г. Баталпашинске, ныне Черкесск).

10 августа 1922 г. – пленум Горского исполкома в своем постановлении записал: «До созыва Черкесского (Адыгейского) областного съезда Советов принять на себя всю полноту власти в образованной автономной Черкесской (Адыгейской) области с переименованием Кубано-Черноморского Горского исполнительного комитета в Черкесский (Адыгейский) областной исполнительный комитет» («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82; Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

24 августа 1922 г. – ВЦИК РСФСР постановил переименовать Черкесскую (Адыгейскую) область в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область, что вызывалось необходимостью устранить путаницу в ведомствах Карачаево-Черкесской и Черкесской (Адыгейской) автономных областей.

Таким образом, в структуре Кубано-Черноморской области стала функционировать Адыгейская (Черкесская) автономная область, органы власти которой осуществляли руководство национальными процессами в области, устанавливали контакты с областными, краевыми органами и с центром, в первую очередь через свое представительство при Наркомнаце, а затем – при ВЦИК. Областные органы власти нового государственного образования занимались мобилизацией рабочих, крестьянских масс на восстановление экономики области, в первую очередь сельского хозяйства, проявляли заботу об улучшении материального и культурного уровня крестьянства («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82).

7-10 декабря 1922 г. – в а. Хакуринохабль состоялся I областной съезд Советов Адыгеи. Председателем Адыгейского облисполкома избран Шахан-Гирей Хакурате.

24 октября 1923 г. – Постановлением ВЦИК, вместо трех административно-территориальных округов создано два. Территория Ширванского округа поделена между Псекупским и Фарским округами; вместо 42 волостей стало 19.

12-19 декабря 1923 г. II областной съезд Советов Адыгеи.

13 февраля 1924 г. – согласно постановления ВЦИК РСФСР, Адыгейская (Черкесская) автономная область вошла непосредственно в состав сначала Юго-Восточного, а затем (16 октября 1924 г.) – Северо-Кавказского края (Половинкина Т.В., 2006).

2 июня 1924 г. – после проведения районирования Юго-Востока, постановлением Президиума ВЦИК Адыгейская автономная область вместо 2-х округов стала включать в себя 5 районов (Джиджихабльский, Натырбовский, Преображенский, Хакуринохабльский, Тахтамукайский). В частности, в Тахтамукайский район входили: Афипсипский, Лакшукайский, Новобжегокайский, Пчегатлукайский, Старобжегокайский, Шенджийский и Тахтамукайский сельсоветы.

2 сентября 1924 г. принято постановление президиума Адыгейского областного исполнительного комитета за подписью председателя облисполкома Ш.У. Хакурате «Утвердить районирование Адыгейской автономной области... Вся область делится на 5 районов и 32 сельсовета» («Радетели земли...», 2001. С. 63).

Декабрь 1924 г. – состоялся III съезд Советов Адыгеи.

Ноябрь 1925 г. – районный центр из а. Джиджихабль перенесен в а. Понежукай, в связи с чем Джиджихабльский район стал носить название: Понежукайский.

1928 г. – Адыгейская (Черкесская) автономная область переименована в Адыгейскую автономную область. До 1936 г. центр ААО находился в г. Краснодаре (Половинкина Т.В., 2006).

11 марта 1929 г. – Президиумом ВЦИК утверждено решение Адыгейского облисполкома от 7 февраля 1929 г. об образовании, «в ходе укрупнения», 3-х районов вместо 5-ти. Таким образом, с этого времени административное устройство ААО выглядело следующим образом: 1) Красногвардейский район, включавший территории бывшего Преображенского района и Терновского сельсовета Понежукайского района; 2) Псекупский район – территории бывшего Понежукайского и Тахтамукайского районов, с центром в а. Понежукай; 3) Шовгеновский район – за счет территории Натырбовского и Хакуринохабльского районов.

Август 1930 г. – в связи с проведением нового районирования Северо-Кавказского края, Майкопский округ ликвидирован и преобразован в район.

10 января 1934 г. – Северо-Кавказский край разделен на Азово-Черноморский край (с центром в г. Ростове-на-Дону) и собственно Северо-Кавказский край (с центром в г. Пятигорске). При этом Адыгейская автономная область вошла в состав Азово-Черноморского края.

28 декабря 1934 г. – Президиум ВЦИК принял постановление о разукрупнении районов Азово-Черноморского края, в том числе и ААО. В соответствии с этим, на территории существовавших ранее Красногвардейского, Псекупского и Шовгеновского районов Адыгеи образованы следующие районы: 1) Кошехабльский, 2) Красногвардейский, 3) Псекупский (Понежукайский), 4) Шовгеновский, 5) Тахтамукайский.

13 февраля 1936 г. в соответствии с постановлением ВЦИК, Тахтамукайский район был переименован в Хакуратинский район, а а. Тахтамукай стал именоваться сел. Хакурате.

10 апреля 1936 г., согласно постановлению ВЦИК, к Адыгейской автономной области были присоединены: г. Майкоп, Гиагинский район и Ханский сельсовет. Центр Майкопского района переносится в ст. Тульскую; район же переименовывается в Тульский и остается в составе Азово-Черноморского края. Центр Адыгейской автономной области переведен из г. Краснодара в г. Майкоп.

26 октября 1938 г. – Указом Президиума ВС РСФСР, Хакуратинский район ААО получает свое прежнее название – Тахтамукайский, а сел. Хакурате – а. Тахтамукай.

21 февраля 1940 г. – в составе Адыгейской автономной области был образован Майкопский район, с центром в г. Майкопе.

7 декабря 1956 г. – «с целью укрупнения», были ликвидированы районы: Шовгеновский – его территория вошла в состав Гиагинского, Кошехабльского и Красногвардейского районов; Теучежский – его территория вошла в состав Тахтамукайского района.

5 августа 1957 г. – Указом Президиума ВС РСФСР, Тахтамукайский район был переименован в Октябрьский, а а. Тахтамукай – в а. Октябрьский. В прежних границах восстановлены Теучежский и Шовгеновский районы.

1 февраля 1963 г. – в соответствии с административно-организационными «инициативами» Н.С. Хрущева, в Адыгейской автономной области создаются 4 «сельских» района: Гиагинский, Красногвардейский, Шовгеновский, Теучежский, а также 1 «промышленный» район: Тульский. Таким образом, перестают существовать Майкопский, Кошехабльский и Октябрьский районы.

12 января 1965 г. – административное деление ААО возвращается к прежним формам. Упразднен Тульский «промышленный» район; «сельские» районы Гиагинский, Красногвардейский, Теучежский и Шовгеновский вновь преобразованы в обычные районы; дополнительно образованы Кошехабльский и Майкопский районы.

Административная карта Республики Адыгея

27 июля 1976 г. – центр Теучежского района переведен в г. Адыгейск.

25 апреля 1983 г. – образован Октябрьский район за счет части территории Теучежского района.

2 октября 1990 г. – принято решение президиума Совета народных депутатов о повышении государственного-правового статуса Адыгейской автономной области («По ленинскому пути», 1990, 2 октября; «Радетели земли...», 2001. С. 219).

5 октября 1990 г. – внеочередная сессия Адыгейского облсовета провозгласила Адыгейскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Апрель 1991 г. – Адыгея вышла из состава Краснодарского края и перешла в непосредственное подчинение Российской Федерации.

3 июля 1991 г. – на заседании Верховного Совета Российской Федерации принят Закон о преобразовании Адыгейской автономной области в Адыгейскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР (Половинкина Т.В., 2006).

22 декабря 1991 г. – первым Президентом Республики Адыгея избран А.А. Джаримов.

17 января 1992 г. – Съезд народов Республики Адыгея принял присягу Президента А.А. Джаримова.

17 марта 1992 г. – 1-я сессия Верховного Совета Республики Адыгея утвердила Гимн, Флаг и Герб республики.

24 марта 1992 г. – принят Закон, в соответствии с которым вместо прежнего названия «Советская Социалистическая Республика Адыгея» она стала именоваться «Республика Адыгея».

Март 1992 г. – в Краснодаре при главе администрации Краснодарского края открыто постоянное представительство Республики Адыгея («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 750).

Апрель 1992 г. – Республика Адыгея подписала Федеративный договор России и стала полноправным субъектом РФ.

14 марта 1995 г. – состоялся II съезд народов Республики Адыгея, посвященный акту подписания Конституции РА.

12 января 1997 г. – на второй срок Президентом Республики Адыгея избран А.А. Джаримов.

13 января 2002 г. – на выборах Президента Республики Адыгея победил Хазрет Меджидович Совмен, набрав более 62,84 % голосов избирателей. В 2007 г. добровольно ушел в отставку.

13 декабря 2006 г. На X заседании Государственного Совета-Хасэ РА в Майкопе рассмотрен вопрос: «О наделении А.К. Тхакушинова полномочиями Президента РА». Текст представления огласил Полномочный представитель Президента РФ в ЮФО Д.Н. Козак. В тайном голосовании приняли участие 53 депутата. Результаты голосования: 50 – «за», 1 – «против» и 2 бюллетеня оказались недействительными.

13 января 2007 г. Асланчери Китович Тхакушинов официально вступил в должность Президента Республики Адыгея.

12 декабря 2011 г. А.К. Тхакушинов переизбран на должность Президента на второй срок.

10 января 2017 г. в должность главы Республики Адыгея вступил Мурат Каральбиевич Кумпилов.

3.4. Становление национальной автономии Кабарды и Черкесии

Схематично основные этапы образования национальных автономий кабардинцев и черкесов в советское время можно наметить следующим образом:

3.4.1. Кабарда

3.4.1.1. На пути к национальной автономии Кабарды

К'эр к'эж'ло, ж'эж'ыр м'эк'лож'эб'ы – «Новое приходит, старое уходит».

Адыгская пословица.

Ввиду отсутствия определенной экономической связи Кабарды с остальной частью Горской АССР, ...поставить перед Горским ЦИКом и Горсовнаркомом вопрос о выделении Кабарды в автономную область.

Из решения заседания Кабардинского окрисполкома и парткома ВКП(б) от 21 мая 1921 г.

Кабардино-Балкария расположена в самом центре Северного Кавказа, у подножия Большого Кавказского хребта. На ее территории расположена самая высокая вершина Европы – Эльбрус. В настоящее время в составе республики входит 7 городов, 9 районов.

20 января 1921 г. ВЦИК принял декрет об образовании Горской Автономной Советской Социалистической Республики, в состав которой самостоятельными округами вошли Кабарда и Балкария. 1 сентября 1921 г. была образована Кабардинская автономная область в составе РСФСР. В 1922 г. была создана единая Кабардино-Балкарская автономная область, в 1936 г. она преобразованная в КБ АССР.

Кабардинцы и балкарцы получили единую национально-государственную автономию в советское время, хотя принадлежат к различным языковым группам – адыго-абхазской и тюркской. Создание единой республики было обусловлено естественно-географическими причинами и длительным историческим взаимным сосуществованием, практической невозможностью разделения этнических территорий. В 1944 г. балкарцы были репрессированы и выселены в Среднюю Азию и Казахстан, откуда получили возможность вернуться в 1957 г.

Территория Кабардино-Балкарии – 12,5 тыс. км². Административное деление: 7 городов, 9 районов. Население – 785,5 тыс. человек. Основную массу населения составляют три народа: кабардинцы (около 50 %), русские (32 %), балкарцы (10 %). Столица – г. Нальчик. Конституция Кабардино-Балкарской республики принята в 1994 г. Главой в настоящее время является Арсен Баширович Каноков.

Основные этапы становления государственности кабардинского народа представлены ниже:

20 июля 1917 г. – Кабардино-горский съезд в Нальчике, на котором представители крестьянства делали характерные заявления, что они «...хотят спокойствия и могут сочувствовать лишь той партии, которая установит порядок». Съезд заявил, что вся земля должна быть передана «в общенародное достояние» и поддержал лозунг «Признание прав всех племен и народностей России на самое широкое самоопределение». Эти положения сопровождалась оговоркой: «Признать недопустимым самоуправные захваты земель до Учредительного собрания как действия, могущие привести к анархии и гибели революции» («История многовекового...», 2007).

18-23 марта 1918 г. – I народный съезд Кабарды и Балкарии (I съезд народов Нальчикского округа) – одобрил все решения II съезда народов Терека, проходившего 4 марта 1918 г.; провозгласил советскую власть в Кабарде и Балкарии и избрал Нальчикский окружной народный Совет в составе 30 чел., в том числе: 18 кабардинцев, 6 балкарцев. Членами Нальчикского окружного Совета – высшей власти Кабардино-Балкарии – были М. Фанзиев, Х. Бесланеев, А. Текужев, А. Шевцов, Х. Мамбетов, Я. Кушхов, Д. Занкишиев, Ц. Жилехажев, А. Кругов и др. Съезд одобрил Декрет о земле, принятый III Всероссийским съездом Советов, и обратился к трудовому народу Нальчикского округа с призывом активно бороться за быстрое повсеместное установление Советской власти (Опрышко О.Л., 2007; «История многовекового...», 2007. С. 618).

6 августа 1918 г. – IV съезд Нальчикского окружного народного Совета. В разгоравшейся Гражданской войне съезд провозгласил политику «временного нейтралитета». 16 августа образован Кабардинский национальный Совет и было принято решение о формировании Кабардинского полка («История многовекового...», 2007. С. 618).

9-12 сентября 1918 г. – V съезд Нальчикского окружного народного Совета, продолживший политическую линию, провозглашенную IV съездом народного Совета. Провозгласил «вооруженный нейтралитет по отношению к враждующим сторонам в Терской области – к восставшим казакам и советской власти» (Опрышко О.Л., 1993, 2007; «История многовекового...», 2007. С. 620).

16-18 декабря 1919 г. – VI съезд трудящихся Нальчикского округа, на котором рассматривался вопрос об организации власти «на основах Конституции РСФСР» («История многовекового...», 2007. С. 620).

20 января 1921 г. – ВЦИК РСФСР издал Декрет об образовании Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР) в составе РСФСР. Провозглашение Горской АССР вело к расчленению

бывшего Нальчикского округа на три части, так как этим Декретом предусматривалось образование в составе Горской АССР Кабардинского округа из северной части бывшего Нальчикского округа, Балкарского округа – из южной. Что касается его западной части, то она отходила Карачаевскому округу с обоснованием: «...в целях строго планомерного удовлетворения... нужд трудового населения Большого и Малого Карачая», что делалось бы за счет отчуждения кабардинских земель. Подотдел землеустройства Терского областного земельного отдела признавал, что причины обострения отношений между двумя округами связаны с отменой аренды и что спорная «земля... является достоянием кабардинцев». Но данное обстоятельство не считалось «существенным для разрешения вопроса в пользу кабардинцев» («История многовекового...», 2007).

16-22 апреля 1921 г. – Учредительный съезд Советов Горской АССР (Владикавказ), завершивший всю организационную работу по созданию автономии горцев Северного Кавказа («История многовекового...», 2007).

21 мая 1921 г. – на объединенном заседании Кабардинского окружного исполкома и парткома ВКП(б) рассматривался вопрос о выделении (выходе) Кабарды из Горской АССР в самостоятельную автономную область. Президиум Кабардинского окрисполкома принял решение: «Ввиду отсутствия определенной экономической связи Кабарды с остальной частью Горской АССР, поручить т. Калмыкову поставить перед Горским ЦИКом и Горсовнаркомом вопрос о выделении Кабарды в автономную область... В случае отклонения последними этого ходатайства вопрос перенести на обсуждение высших органов власти РСФСР». В последующем рассмотрение его было продолжено на съезде Советов кабардинского округа 10-13 июня 1921 г., на партийных, комсомольских, советских и профсоюзных собраниях, сельских сходах и митингах.

Таким образом, кабардинский народ сам непосредственно ставил вопрос о создании своей национальной государственности – автономной области. Высказывалось даже мнение о необходимости самоопределиваться не в форме административной автономии, а политической, т. е. вместо автономной области создать автономную республику. Такое предложение было признано преждевременным в силу «неподготовленности кабардинского народа к самоопределению в форме АССР ни с точки зрения экономического, ни политического, ни культурного развития» («История многовекового...», 2007. С. 621-623).

2 июня 1921 г. – заседание Президиума Гороблпарткома, обсудившего вопрос «Об автономии Кабарды». Президиум Горского облпарткома постановил: «1. Выделение Кабардинского округа из состава Горской республики не имеет ни экономических, ни политических оснований. 2. Это выделение, идущее вразрез с желанием центральной власти, внесет раскол в среду народов РСФСР и окончательно подорвет существование Автономной Горской республики» («История многовекового...», 2007. С. 621-623).

11-13 июня 1921 г. – IV съезд Советов Кабардинского округа в Нальчике рассмотрел вопрос: «О выходе Кабарды из состава Горской АССР». В работе съезда принимали участие представители Горского обкома партии. На съезд прибыло 140 делегатов от 63 селений Кабарды и города Нальчика. Был приглашен и народный комиссар по делам национальностей при СНК РСФСР И.В. Сталин, находившийся на отдыхе в Нальчике. Не имея возможности по состоянию здоровья принять участие в его работе, он 12 июня прислал съезду приветственное письмо, в котором, в частности, отмечалось: «Председателю съезда Советов Кабардинского округа тов. Калмыкову. Передайте мой горячий братский привет делегатам съезда и скажите им, что я, к большому своему сожалению, не могу принять участие в работе съезда ввиду обострившейся болезни. Передайте членам съезда, что, несмотря на невозможность присутствовать на съезде, я душой с ними, с делегатами Кабарды, и желаю им полного успеха в нынешнюю трудную минуту, когда народы великой Советской Федерации переходят к хозяйственному строительству, а маленькая Кабарда, отдавая дань общей строительной работе, старается, кроме того, выделиться в автономную область и теснее связаться с Центральной Россией для успешной борьбы за свое хозяйственное преуспевание. От всей души желаю вам, товарищи, дружной работы и полной победы на хозяйственном фронте» (Цит. по: Кажаров А.Г., 2006. Вып. III. С. 308; Кармов А.Х., 2008. Вып. VII. С. 48).

На открытии съезда Б.Э. Калмыков заявил: «Мы сейчас должны обсудить вопрос о выделении Кабарды из Горской республики в автономную область. Коммунистическая фракция внесла предложение съезду: ввиду того, что это вопрос крайне важный, его нужно обсудить всесторонне, чтобы было больше демократизма, чтобы было ясно, что это выделение исходит от самих трудящихся, что это их воля и не диктуется сверху... Мы хотим, чтобы ваше мнение знали и представители Горской республики».

После этого на съезде выступили 20 ораторов. Все они от имени сельских обществ, делегировавших их на съезд, заявили о желании выделения Кабарды из Горской АССР в автономную область. В постановлении съезда указывалось, что он выражает «твердую и неуклонную волю всех без исключения трудящихся Кабарды», что с единодушным решением кабардинского народа полностью согласны «представители проживающего в Кабарде русского, немецкого, еврейского и осетинского населения».

Делегаты заявили, что Кабарда выделяется в автономную область для того, чтобы «сблизиться с пролетариатом России, с крестьянством России». Съезд, выражая «твердую неуклонную волю всех без исключения трудящихся Кабарды», имея в виду, что «ни одного голоса возражения не раздавалось» и «экономическое прикрепление Кабарды к ГССР губительно отразится на восстановлении разрушенного крестьянского хозяйства Кабарды», единогласно постановил: «Просить высшие органы власти РСФСР и Горской АССР о

выделении трудящихся Кабарды и находящегося среди них иногороднего населения в Кабардинскую автономную область. Поручить президиуму съезда и окружному исполнительному комитету Советов немедленно представить обстоятельный доклад по этому решению в высшие органы власти РСФСР и Горской АССР» (Кажаров А.Г., 2006. Вып. III. С.294, 308, 312; «История многовекового...», 2007. С. 621-623).

20-22 июня 1921 г. – Пленум Горского областного комитета партии во Владикавказе обсудил вопрос «О выделении Кабарды в автономную область». Пленум обязал облпартком и Совнарком Горской АССР «...бороться и дальше против выделения Кабарды в автономную область». К точке зрения областного комитета партии присоединились Горский ЦИК и СНК Горской АССР. На своем совместном заседании 22 июня 1921 г. они постановили: «Считать выделение Кабардинского округа крайне нежелательным по политическим и экономическим причинам, могущим привести к развалу Горской АССР» («История многовекового...», 2007).

3 июля 1921 г. – Пленум Кавбюро ЦК РКП(б), проходивший в Тифлисе под руководством Г. К. Орджоникидзе и С.М. Кирова, одобрил выделение Кабарды в автономную область. В его постановлении, в частности, говорилось: «Заслушав председателя Кабардинского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов т. Калмыкова, с одной стороны, и представителей Горской республики: т. Дзедзиева от Горского парткома, т. Гацулаева от Совнаркома, т. Смирнова от ГорЦИКа, Кавбюро ЦК РКП, считаясь с волеизъявлением кабардинской трудящейся массы о выделении Кабарды из Горской республики, согласно: 1) постановлению исполкома от 21 мая, 2) парткома Кабарды от 10 июня, 3) съезда Советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов Кабарды от 10-13 июня, 4) общепартийного собрания Нальчикской организации от 17 июня, считает невозможным принудительно заставить Кабарду оставаться в составе Горской республики».

Кавбюро утвердило временный орган советской власти – Ревком Кабарды в составе Б. Калмыкова (председатель), Ф. Фаддеева, А. Кокожева, М. Ткаченко, А. Павловича, И. Котова и Д. Прохорова. Ревкому было поручено подготовить Учредительный съезд Советов «для окончательного сконструирования органов власти Кабардинской автономной области».

Весь процесс формирования территории Кабардинской АО летом-осенью 1921 г., как отмечает Т.П. Хлынина (1999. Вып. 1), «...проходил в жарких спорах с представителями Горской республики. Вопрос о границах рассматривала межведомственная комиссия, в работе которой принимали участие представители заинтересованных сторон. Как впоследствии вспоминал Б. Калмыков, на карте, представленной «горской» стороной, «мы совершенно не нашли Кабарду». Оказалось, что «Горская республика причислила Зольские пастбища к Терской губернии, Малую Кабарду – к Осетии». Но в конечном счете ВЦИК утвердил ту территорию, которую заявляло руководство Кабарды» (Кажаров А.Г., 2006. Вып. III. С. 315; «История многовекового...», 2007. С. 621-623).

3 августа 1921 г. Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М.И. Калининым принята делегация Кабарды, состоявшая из 14 чел. во главе с Б.Э. Калмыковым, направленная во ВЦИК для обсуждения вопроса об автономии Кабарды («История многовекового...», 2007. С. 621-623).

1 сентября 1921 г. – ВЦИК РСФСР, заслушав по предложению Наркомнаца РСФСР сообщение «О Кабардинской автономной области», постановил: «...Выделить из территории Горской АССР автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР». В соответствии с данным постановлением, Кабарда выделилась из Горской АССР в составе Баксанского, Нальчикского, Урванского и Мало-Кабардинского округов. Территория Кабарды была определена в рамках административной границы 1917 г. с включением в ее состав ст. Пришибской, Котляревской и Александровской. Облисполком Кабарды получил права губернского исполкома. При Наркомнаце РСФСР было создано представительство Кабардинской автономной области. Организационное образование Кабардинской АО было завершено позже, на учредительном съезде Советов Кабардинской области в конце ноября 1921 г. Так Кабарда впервые была провозглашена полноправным субъектом РСФСР со статусом автономной области. Кабардинский народ обрел национальную государственность (Тетуев А.И., 2006; «История многовекового...», 2007. С. 621-623; Калмыков Ж., Дзамихов К., Думанов Х. и др., 2009).

25-30 ноября 1921 г. – Учредительный съезд Советов Кабардинской автономной области в Нальчике. Кроме делегатов съезда и многочисленных гостей, в его работе приняли участие командующий Северо-Кавказским округом, член ВЦИК и ЦК РКП(б) К.Е. Ворошилов, командующий Первой конной армией С.М. Буденный, член Военсовета Северо-Кавказского военного округа А.С. Бубнов и военный комиссар Терской губернии А.М. Беленкович. Съезд закончил свою работу 1 декабря 1921 г. избранием Исполнительного комитета Кабардинской автономной области. В состав облисполкома вошли: Б.Э. Калмыков, Х.Т. Карашаев, Ф.И. Фаддеев, Н.А. Катханов, А.Х. Кокожев, Д.П. Шекихачев, М.И. Ткаченко, Л.Т. Бозиев, И.Н. Боровицкий, З.Б. Мидов, Х.Ж. Кошоков, А.П. Кругов, М. Сокуров, К. Максидов, М. Хаджиев, Х. Пачев и др., всего 30 чел. В президиум облисполкома были избраны Б. Калмыков (председатель), Ф. Фаддеев, Н. Катханов, И. Боровицкий, З. Мидов, А. Павлович, А. Кокожев, М. Ткаченко и Н. Манжуло («История многовекового...», 2007; Кармов А.Х., 2008. Вып. VII).

6 января 1922 г. – на заседании Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей (НКН) РСФСР, на котором рассматривался вопрос о Кабарде и Балкарии, присутствовали только три чле-

на Коллегии: Карклин, Павлович, Ибрагимов; представители от Кабарды – Калмыков, Балкарии – Энеев, Карачая – Алиев, черкесов – Гутякулов, а также отделов представительств. Поскольку не было наркома – И.В. Сталина и достаточного количества членов самой Коллегии, это заседание считалось неправомочным (Кармов А.Х., 2008. Вып. VII).

9 января 1922 г. – Коллегия Наркомнаца РСФСР собралась практически в полном составе. Присутствовали: Сталин, Карклин, Павлович, Ибрагимов, Султан-Галиев, Бройдо, Клиnger и представители заинтересованных сторон. На этом заседании принято решение о порядке формирования облисполкома: «Съезды Советов Кабарды и Балкарии избирают на общих основаниях, каждый в отдельности, свои собственные исполкомы, которые составляют на паритетных началах из своих представителей объединенный Кабардино-Балкарский облисполком...» (Калмыков Ж., Дзамихов К., Думанов Х. и др., 2009).

16 января 1922 г. Президиум ВЦИК РСФСР постановил: «Образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосредственно связанную с РСФСР, выделив для сего из состава Горской Автономной Республики территорию, занимаемую ныне балкарцами, и объединив Балкарию с Кабардой». В этом же году образовались Карачаево-Черкесская и Чеченская автономные области.

При решении вопроса о выделении Балкарии из Горской АССР и объединении ее с Кабардинской АО были приняты во внимание следующие обстоятельства. Территориальная и экономическая общность двух разных народов, – вот тот объективный фактор, способствовавший их объединению, что отодвинуло этнический признак на второй план. Кроме того, Нальчик являлся единым политическим, экономическим и культурным центром Кабарды и Балкарии (ЦГА КБАССР, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 29; Тетуев А.И., 2006; «История многовекового...», 2007. С. 621-623).

9 июля 1922 г. – заседание Кабардинского областного комитета партии с участием представителей Балкарского оргбюро РКП(б) и окрисполкома. Дело в том, что проведение в жизнь постановления Президиума ВЦИК от 16 января 1922 г. затянулось до конца 1922 г. по разным причинам, – некоторые руководители Балкарского округа (В. Кучумов, М. Энеев) в это время неожиданно изменили свое прежнее решение и подняли вопрос о выделении Балкарии в самостоятельную область. В результате обсуждения данного вопроса на заседании Кабардинского областного комитета ВКП(б) было признано, что «балкарские трудовые массы склонны более сотрудничать с кабардинским народом, чем выделиться в автономную область» («История многовекового...», 2007. С. 621-623).

10 июля 1922 г. – решение Коллегии Наркомнаца РСФСР о нецелесообразности выделения Балкарии в отдельную автономную область: «Полагая, что главной причиной возникающих трений между Кабардой и Балкарией является земельный вопрос, ...признать выделение Балкарии из объединенной Кабардино-Балкарской автономной области нежелательным и не соответствующим развитию экономических и культурных сил как Балкарии, так и Кабарды» (Калмыков Ж., Дзамихов К., Думанов Х. и др., 2009).

17 августа 1922 г. Кабардинский обком и Балкарское оргбюро утвердили Положение по объединению Кабарды и Балкарии. Оно предусматривало образование единого областного исполкома, состоящего на треть из кабардинцев, на треть из балкарцев и на треть из русских («История многовекового...», 2007. С. 621-623).

6-9 декабря 1922 г. – I областной съезд Советов в г. Нальчике окончательно оформил объединение Кабарды и Балкарии в единую автономную область в составе РСФСР. Он обсудил вопросы экономического развития области, здравоохранения, народного образования и избрал объединенный Кабардино-Балкарский облисполком из 30 чел. под председательством Б. Калмыкова. Заместителями председателя облисполкома стали М. Энеев и Ф. Фаддеев («История многовекового...», 2007. С. 621-623).

1925 г. – казачьи станицы в Кабардино-Балкарии выделены в особый Казачий округ.

5 декабря 1936 г. – Кабардино-Балкарская автономная область преобразована в Кабардино-Балкарскую Автономную Советскую Социалистическую республику – КБА АССР, площадью 12,5 тыс. кв. км (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; Половинкина Т.В., 2006).

Март 1944 г. – в ЦК ВКП(б), в связи с депортацией балкарцев (37 406 чел.), рассмотрен вопрос о ликвидации Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической республики и преобразовании ее в Кабардинскую АССР.

8 апреля 1944 г. – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической республики в Кабардинскую АССР» (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; «История многовекового...», 2007).

24 ноября 1956 г. – постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов», в котором отмечалось, что принятые ранее меры по реабилитации репрессированных народов недостаточны. Исходя из этого, ЦК КПСС постановил: «Восстановить национальную автономию калмыцкого, карачаевского, балкарского и чечено-ингушского народов. В этих целях... преобразовать Кабардинскую АССР в Кабардино-Балкарскую АССР в составе РСФСР...» («История многовекового...», 2007).

9 января 1957 г. – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», в котором, в частности, говорилось: «В целях создания необходимых условий для национального развития балкарского народа Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию балкарского народа.
2. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР.
3. Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР» и статью 2 Указа от 28 апреля 1956 г. в части запрещения балкарцам возвращаться на прежнее местожительство».

Указ был утвержден Верховным Советом СССР и приобрел силу закона 11 февраля 1957 г. Необходимые изменения в соответствующие статьи Конституции РСФСР были внесены Законом Верховного Совета РСФСР от 15 марта 1957 г. (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; Тетуев А.И., 2006).

28 марта 1957 г. – Закон Верховного Совета КБ АССР «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР». Принятием этого Закона завершился конституционный процесс восстановления автономии балкарского народа. Руководство работой по осуществлению всех мер, связанных с преобразованием Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, возлагалось на Совет Министров Кабардинской АССР, с включением в его состав представителей балкарского населения (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; Тетуев А.И., 2006; «История многовекового...», 2007).

30 января 1991 г. – III сессией Верховного Совета КБ АССР принята Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики. Преамбула Декларации содержала ссылку на «...неотъемлемое право кабардинской и балкарской наций, всего народа республики на самоопределение». Декларация закрепляла универсальный демократический принцип народовластия, устанавливая, что «граждане республики всех национальностей составляют народ Кабардино-Балкарии» и что «народ Кабардино-Балкарии является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в республике».

Примечательно, что зачастую непродуманные законодательные акты, принятые в центре, положили начало росту сепаратистских настроений – «параду суверенитетов» республик и автономий в стране. Вслед за Кабардино-Балкарией, о суверенитете и повышении статуса заявили все остальные северокавказские национальные образования, включая две существующие тогда автономные области – Адыгейскую и Карачаево-Черкесскую, входившие, соответственно, в Краснодарский и Ставропольский края (Гугова М. Х., 2005. Вып. I; Тетуев А.И., 2006; «История многовекового...», 2007).

Июль 1991 г. – Верховным Советом Российской Федерации приняты Законы, подтверждающие легитимность (лат. *legitimus* – «законность») преобразования автономных областей в республики и выход их из состава краев.

5 января 1992 г. Первые президентские выборы в КБР. Избрание В.М. Кокова Президентом Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики. Учреждение поста президента в Кабардино-Балкарии произошло на основе решения Верховного Совета Кабардино-Балкарии. Решение было встречено крайне негативно со стороны балкарского национального движения: тогда многим казалось, что учреждение президентства приведет к доминированию кабардинцев и ущемлению прав балкарского народа. Тем не менее, выборы состоялись, и президент был избран («История многовекового...», 2007. С. 643).

10-14 января 1992 г. – I Съезд кабардинского народа принял решение о «восстановлении Кабардинской Республики», что не увязывалось с итогами президентских выборов, проведение которых в кабардинских населенных пунктах фактически означало приверженность идее единства Кабардино-Балкарии. Для реализации данного решения была создана новая общественно-политическая организация – Конгресс кабардинского народа (ККН). Кроме того, были выработаны положения о статусе Съезда и ККН, которые подчеркивали, что до решения вопроса о национально-государственном устройстве КБССР, на ее территории будет действовать Конституция и принятые законы (Тетуев А.И., 2006; Такова А.Н., 2007. Вып. VI. С. 202-203).

6 февраля 1992 г. – на заседании Верховного Совета КБССР одобрены решения I Съезда кабардинского народа и образована комиссия по выработке механизма реализации решений Съездов балкарского и кабардинского народов. Для определения границ между будущими Кабардой и Балкарией исполнительные органы Съездов – Национальный Совет балкарского народа (НСБН), и Конгресс кабардинского народа (ККН) создали две независимые экспертные комиссии из числа ученых-историков, которые должны были представить доклады о границах между будущими республиками к августу 1992 г. Уже в конце февраля лидеры кабардинского национального движения на заседании Совета «Адыгэ Хасэ» приняли заявление, в котором критиковалась создающаяся система власти в республике, говорилось, что недавно избранный президент КБР восстановил старые номенклатурные принципы подбора кадров и вернул основной состав рескома КПСС от республики к власти.

Несколько позже позиция власти по отношению к решениям Съездов меняется. Начинается борьба власти против созданного ей же самой «двоевластия», быстро забываются обещания поддержать решения

Съездов и способствовать их реализации. Именно невыполнение властью своих обещаний послужило причиной проведения в апреле 1992 г. II Съезда кабардинского народа (Такова А.Н., 2007. Вып. VI. С. 202-203).

7 февраля 1992 г. Верховным Советом Кабардино-Балкарской ССР принято постановление «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны», считающее массовое истребление адыгов и их насильственное выселение с исторической родины в Османскую империю актом геноцида, тягчайшим преступлением против человечества. 21 мая – День памяти адыгов (черкесов) – жертв Русско-Кавказской войны – считать нерабочим днем («История многовекового...», 2007. С. 643).

8 марта 1992 г. – постановлением Верховного Совета из названия республики исключены слова: «советская» и «социалистическая»; Кабардино-Балкарская ССР переименована в Кабардино-Балкарскую Республику – КБР (Гугова М. Х., 2005. Вып. I; Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

31 марта 1992 г. подписание Кабардино-Балкарской Республикой Федеративного договора, который юридически закрепил реально существующую разнотипность субъектов Российской Федерации (суверенные республики в составе РФ, края, области, а также национально-территориальные – автономные области и автономные округа). Все субъекты Федерации формально равноправны, имеют одни и те же права и полномочия, несут равные обязанности в социальной, экономической и культурной областях. Федеративный договор сыграл историческую роль, найдя форму сохранения государственного единства России в условиях нарастания сепаратистских настроений в ряде регионов страны («История многовекового...», 2007. С. 644).

25 апреля (15 мая) 1992 г. – II Съезд кабардинского народа, прошедший в два этапа. Первый этап был проведен 25 апреля, но из-за болезни своего лидера Ю. Калмыкова Съезд не пошел дальше эмоциональных дискуссий и не принял ни одного решения. На нем поднималось много вопросов, среди них основными являлись: вопрос о государственных языках; вопрос о формировании национальной гвардии, поставленный еще на I Съезде; вопрос о создании во всех населенных пунктах республики института полномочных представителей Конгресса кабардинского народа (ККН) при главах администраций. Однако активное обсуждение этих вопросов не привело к принятию каких-либо официальных решений.

Второй этап II Съезда кабардинского народа прошел 15 мая 1992 г., его руководителем являлся Ю. Калмыков. На нем было официально заявлено о нецелесообразности проведения референдума по вопросу о сохранении единства республики, на чем настаивала действующая власть, так как еще раз подтверждалось положение, что Съезд является высшим выразителем интересов кабардинского народа. Было еще раз подтверждено требование разработать нормативные акты по определению границ между Кабардинской Республикой и Республикой Балкария к 1 августа 1992 г. (указывалось, что граница должна проходить по положению на 1863 г.)

Таким образом, II Съезд подтвердил свою политическую позицию, нацеленную на раздел республики, хотя и оговаривал, что воссоздание должно осуществляться исключительно политическими средствами, в рамках Конституции КБР и действующих законов (Такова А.Н., 2007. Вып. VI. С. 202-203).

19 ноября 1992 г. – постановлением Верховного Совета Кабардино-Балкарской республики одобрены решения I и II Съездов кабардинского народа. Однако комиссия Президиума Верховного Совета КБР не смогла принять решение по определению этнических границ территорий вновь образуемых республик по причине отсутствия согласия по этому вопросу между экспертными группами Конгресса кабардинского народа и Национального Совета балкарского народа (Тетуев А.И., 2006).

28 ноября 1992 г. – проведен III Съезд кабардинского народа, на котором отмечалось, что власть пошла по отношению к национальным движениям по пути конфронтации. Был повторен тезис о необходимости воссоздания Кабардинской Республики и возвращении ей земель, отторгнутых в пользу сопредельных республик в 1944 г. Принятие окончательного решения о границах между будущими Кабардой и Балкарией было отложено на неопределенный срок. Вновь был поставлен вопрос о статусе кабардинского языка. Было предложено сделать кабардинский язык государственным (после воссоздания Кабардинской Республики) ориентировочно к 1 января 1995 г. (Такова А.Н., 2007. Вып. VI. С. 211).

1992 г. – Договор о дружбе и сотрудничестве Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Правовой основой для его заключения стала часть 2 статьи III Федеративного договора, которая гласит: «Республики в составе Российской Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, соглашений с другими республиками, краями, областями, автономными областями, автономными округами Российской Федерации, если это не противоречит Конституции и законам РФ, настоящему Договору...». Главная цель заключения этих договоров – укрепление горизонтальных связей между субъектами РФ и взаимовыгодное экономическое и культурное сотрудничество между сторонами («История многовекового...», 2007. С. 645).

21 июля 1994 г. – Парламент Кабардино-Балкарской Республики признал «утратившим силу» постановление Верховного Совета Кабардино-Балкарской республики от 19 ноября 1992 г., которым были одобрены решения I и II Съездов кабардинского народа, вступившие в противоречие с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Кабардино-Балкарской Республики (Тетуев А.И., 2006).

12 января 1997 г. – переизбрание В.М. Кокова Президентом Кабардино-Балкарской Республики на второй срок (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; «История многовекового...», 2007. С. 648).

1 сентября 1997 г. – принятие Конституции Кабардино-Балкарской Республики, что явилось завершающим этапом конституционно-правового закрепления итогов политической трансформации на пути от советской к современной государственности КБР («История многовекового...», 2007).

14 декабря 1997 г. – выборы в Парламент КБР, подтвердившие устойчивость политического компромисса этнических элит. Несмотря на достаточно высокий уровень конкурентности – 220 зарегистрированных кандидатов на 72 места в обеих палатах – выборы прошли гладко. В общей сложности сразу же было избрано 39 кабардинцев, 14 балкарцев, 16 русских и 2 чел. иных национальностей («История многовекового...», 2007).

13 января 2002 г. – переизбрание В.М. Кокова Президентом Кабардино-Балкарской Республики на третий срок (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; «История многовекового...», 2007. С. 648).

28 сентября 2005 г. – назначение на пост Президента Кабардино-Балкарской республики А.Б. Канокова. 27 сентября на рассмотрение Парламента КБР было внесено заявление В.М. Кокова о его отставке с поста Президента республики по собственному желанию. 28 сентября депутаты парламента приняли отставку В.М. Кокова. На внеочередном заседании высшего законодательного органа Кабардино-Балкарии все 105 депутатов единогласно проголосовали за утверждение А.Б. Канокова в должности Президента КБР сроком на 5 лет («История многовекового...», 2007. С. 650).

Сентябрь 2010 г. переизбрание А.Б. Канокова Президентом КБР на второй срок.

26 сентября 2018 г. в должность Главы Кабардино-Балкарской республики вступил Казбек Валерьевич Коков.

3.4.1.2. Президент А.Б. Каноков: «Нам есть, чем гордиться и к чему стремиться!»

Я не отказался от амбициозной цели – вывести Кабардино-Балкарию в число процветающих регионов России, поэтому буду делать все, что в моих силах, чтобы цель была достигнута.

А.Б. Каноков, Президент КБР.

Принимая во внимание несомненный интерес, который должны вызвать у читателей адыгских республик опубликованные ниже документы, привожу их практически без всяких купюр:

Обращение

Президента КБР А.Б. Канокова по случаю празднования 90-летия государственности Кабардино-Балкарской Республики:

«Сегодня мы отмечаем знаменательную дату – 90-летие государственности Кабардино-Балкарской Республики! Кабардино-Балкария сегодня – это стремительно развивающийся субъект Российской Федерации. Республика демонстрирует положительную социально-экономическую динамику, а по многим важным показателям занимает передовые позиции в Северо-Кавказском федеральном округе: Кабардино-Балкария исключена из списка высокودотационных регионов, успешно развивается агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, другие отрасли экономики, в муниципальных районах и городах создаются новые производства, в том числе благодаря привлекаемым отечественным и зарубежным инвестициям, а, следовательно, создаются новые рабочие места. Планомерно идет реконструкция социально значимых объектов образования, здравоохранения, спорта, культуры и отдыха. Вместе с тем, впереди еще предстоит напряженная работа по решению далеко не простых задач. Но я уверен в успехе, в том, что мы сумеем решить любые задачи, преодолеть любые трудности, потому что для этого сегодня имеются все необходимые условия. Прежде всего, это наш мудрый и трудолюбивый многонациональный народ, который превыше всего ценит мир и согласие.

Кабардино-Балкарская Республика издавна славится умелыми тружениками и организаторами производства, учителями и врачами, яркими представителями творческой интеллигенции, видными политиками, общественными и религиозными деятелями, выдающимися спортсменами, талантливей и незаурядной молодежью. Поэтому у нас, получивших в наследство бесценный дар – возможность жить и процветать на нашей благодатной земле, есть только один путь – к развитию и созиданию на благо родного края!

Друзья, нам есть, чем гордиться и к чему стремиться! Уверен, вместе мы преодолеем любые препятствия на пути к общему светлому будущему! Считаю нашим основным долгом сохранить и преумножить это поистине бесценное достояние, крепить единство и сплоченность, повышать потенциал народа Кабардино-Балкарии.

Поздравляю всех жителей Кабардино-Балкарии с нашим праздником – Днем Республики! Желаю каждому дому мира и согласия, каждой семье – здоровья, счастья и благополучия!

А.Б. Каноков, Президент Кабардино-Балкарской Республики» («Литературная Кабардино-Балкария», 2011, № 5. С. 3).

В предпраздничные дни А.Б. Каноков дал интервью представителям средств массовой информации, в котором остановился на достижениях КБР и задачах, стоящих перед республикой в ближайшем будущем. Привожу некоторые извлечения из этого интервью:

«Арсен Баширович, 1 сентября будет праздноваться 90-летие государственности Кабардино-Балкарской Республики. Декрет ВЦИК 1921 г., согласно которому была образована Кабардинская автономная область, положил начало современной форме национальной государственности КБР, основанной на политическом и экономическом единстве Кабарды и Балкарии. Что дало, по Вашему мнению, такое объединение народам республики?»

Прежде всего, для наших народов прошедшие десятилетия государственности Кабардино-Балкарии — это переход от патриархально-феодального уклада к современному национально-государственному образованию в составе Российской Федерации, превращение аграрного края с кустарным способом производства в экономически развитый индустриально-аграрный регион. Это и восхождение от культуры, основанной преимущественно на фольклоре, до высокопрофессионального искусства, получившего всероссийское, да и всемирное признание. И, наконец, самое значимое, неоценимое достижение обоих этносов за эти годы — восхождение от сплошной неграмотности к высокому уровню образованности, явившейся прочной основой достижений во всех областях жизнедеятельности республики.

Учет интересов представителей всех национальностей, для которых Кабардино-Балкария стала родным домом, является высшим приоритетом в проведении современной государственной национальной политики. Мы и впредь будем бережно хранить созданный оптимальный климат в межнациональной среде. У наших народов хватило мудрости веками жить в добром мире, согласии и добрососедстве, и никому не будет позволено посягать на это бесценное историческое достояние.

Есть ли что-то из опыта этих прошедших 90 лет, что сейчас незаслуженно забыто, утрачено?

Опыт мирного сосуществования народов и конфессий. Не могу сказать, что он утрачен, этого, к счастью, не произошло, благодаря мудрости большей части населения республики удается сохранять стабильность в общественных отношениях, однако нет-нет, да и возникают попытки посеять рознь между людьми, когда речь заходит о спорных вопросах.

Очень важно не забывать родной язык, национальные обычаи и традиции, поскольку они аккумулируют в себе главные духовные ценности, на которых воспитываются каждые последующие поколения. Когда мы отдаляемся от нравственного опыта предков, перестаем следовать главным принципам человеческого общежития и сосуществования, тогда и возникают сложности. К примеру, если с малых лет ребенка не научить дружить со своими сверстниками разных национальностей, то вряд ли и зрелым годам такой человек будет способен к толерантному поведению.

На кабардино-балкарской земле проживают представители около 100 национальностей. В этой связи понятно, как важен для нас межконфессиональный и межнациональный мир. Поэтому мы стараемся приобщать свою молодежь к этим неоспоримым ценностям. Широкое распространение получил в республике, а в нынешнем году перешагнул ее границы и стал межрегиональным, молодежный проект «Куначество». В его основе лежит старинный обычай гостеприимства и братства. Он был широко распространен у народов Северного Кавказа и имел своей целью установление и поддержание добрососедства между представителями разных этносов. В рамках проекта молодые люди — старшеклассники — на время покидают родной дом и проживают в семьях соседствующих национальностей — кабардинцев, балкарцев, русских, чеченцев, осетин, ингушей. Так они налаживают более тесные контакты, доверительные отношения, приобщаются к культуре и обычаям другого народа. Куначество ценно тем, что учит взаимоуважению людей разной этнической принадлежности, и толерантности. Такой обычай не должен уходить из нашей бытности.

С какими социально-экономическими показателями Кабардино-Балкария подходит к своему юбилею и каковы основные направления ее дальнейшего развития?

К 2011 г. валовой региональный продукт республики увеличился в сопоставимых ценах на 3,5 % к уровню предыдущего года и составил 73,1 млрд. руб. При этом хочу отметить, что положительный вклад в рост экономики внесли промышленное производство, сельское хозяйство, торговля. ... На фоне роста экономики наблюдается рост показателей, характеризующих уровень и качество жизни населения. Денежные доходы на душу населения составляют 11 309,2 руб. в месяц. Демографическая ситуация характеризуется ростом рождаемости на 2,9% и снижением смертности на 4,3 % по сравнению с прошлым годом.

Конечно, и в ближайшие годы мы не должны сбавлять темпы развития экономики. В последнее время они были поступательными, но нужен ускоренный темп, прежде всего в соответствии с приоритетами, заложенными в Стратегии развития Кабардино-Балкарской Республики до 2030 г. Ускоренное и устойчивое социально-экономическое развитие может быть обеспечено за счет таких приоритетных направлений деятельности в республике, как: производство продуктов глубокой переработки сельскохозяйственного сырья, спортивно-оздоровительный туризм, высокотехнологичное производство строительных материалов, развитие промышленности, электроэнергетика, развитие и поддержка малого предпринимательства. Наряду со всем вышесказанным, нравственное оздоровление, культурное развитие, возрождение духовности были и остаются в числе приоритетных направлений нашей социальной политики.

Вас, как президента, безусловно, не может не беспокоить общественно-политическая ситуация в республике.

Скажу больше, решение общественно-политических задач является для меня приоритетным. Речь идет, прежде всего, об укреплении доверия общества к власти, расширении взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества, налаживании открытого диалога между ними. Определенные шаги в этом направлении сделаны. Два года назад создана и успешно функционирует Общественная палата КБР. В июле создан Общественный совет при президенте республики в целях содействия укреплению институтов гражданского общества, совместного поиска решений по актуальным вопросам, затрагивающим интересы всех жителей республики. Особое внимание уделяется работе с молодежью.

Есть ли в Вашей жизни вопрос, задача, решить которую для вас – дело чести?

Я не отказался от амбициозной цели – вывести Кабардино-Балкарию в число процветающих регионов России, поэтому буду делать все, что в моих силах, чтобы цель была достигнута...» («Литературная Кабардино-Балкария», 2011, № 5. С. 5-9).

3.4.2. Становление государственности Черкесии

В 1922 г. была создана Карачаево-Черкесская автономная область, которая в 1926 г. разделена на Карачаевскую АО, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район, населенный казаками. В 1928 г. Черкесский национальный округ был преобразован в Черкесскую автономную область с присоединением к ней Баталпашинского района и некоторых других казачьих территорий. В годы Великой Отечественной войны (1943 г.) Карачаевская АО была упразднена, а все карачаевцы высланы в Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь. В 1957 г. автономия карачаевцев была восстановлена, но не в виде самостоятельной области, а в форме объединенной Карачаево-Черкесской АО. В 1991 г. она была преобразована в республику. Территория – 14,1 тыс. км². Административное деление: 4 города, 8 районов. Столица – г. Черкесск. Население – 431,3 тыс. человек. По данным последней переписи, русские составляют 40,6%, карачаевцы – 33,7, черкесы – 11,0, абазины – 4,6, ногайцы – 3,1% населения республики. Столица – г. Черкесск. Конституция Карачаево-Черкесской республики принята в 1996 г.

Ниже обозначены основные вехи становления государственности Черкесии:

26 ноября 1921 г. – на съезде горцев Баталпашинского отдела (территории преимущественного расселения черкесов) обсуждался вопрос о будущей автономии карачаевского и черкесского народов. Представители многих русских станиц и карачаевских селений отказались войти в состав области, мотивируя свое решение сложностью ее национального состава и невозможностью при таком положении дел правильно решать насущные вопросы. Тем не менее, спустя 2 месяца, объединенная область карачаевского и черкесского народа была создана (Хлынина Т.П., 1999. Вып. 1).

12 января 1922 г. – создана объединенная Карачаево-Черкесская автономная область. До ее образования Карачаевский округ входил в состав Горской республики. Необходимость выделения карачаевского и черкесского народов в самостоятельное государственное образование обосновывалась руководством страны стремлением ликвидировать «фактическое национальное неравенство народов» (Хлынина Т.П., 1999. Вып. 1; Половинкина Т.В., 2006).

13 февраля 1924 г. – согласно постановления ВЦИК РСФСР, Карачаево-Черкесская автономная область вошла непосредственно сначала в состав Юго-Восточного, а затем (с 16 октября 1924 г.) – Северо-Кавказского края (Половинкина Т.В., 2006).

26 апреля 1926 г. – в соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР, Карачаево-Черкесская автономная область упразднена, – «из-за постоянно возникавших межнациональных трений и потребности в самостоятельном развитии населявших ее народов». Вместо объединенной Карачаево-Черкесской АО были образованы две административные единицы – Карачаевская автономная область и Черкесский национальный округ (Хлынина Т.П., 1999. Вып. 1; Половинкина Т.В., 2006).

1928 г. – Черкесский национальный округ преобразован в Черкесскую автономную область (Хлынина Т.П., 1999. Вып. 1; Половинкина Т.В., 2006).

1937 г. Черкесия вошла в состав Ставропольского края.

2 ноября 1943 г. – ликвидирована Карачаевская автономная область; выселено 68327 карачаевцев.

24 ноября 1956 г. – принято постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов», в котором отмечалось, что принятые ранее меры по реабилитации репрессированных народов недостаточны. Исходя из этого, ЦК КПСС постановил: «Восстановить национальную автономию калмыцкого, карачаевского, балкарского и чечено-ингушского народов. В этих целях... преобразовать Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР» (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; Тетуев А.И., 2006); («История многовекового...», 2007).

9 января 1957 г. – принят Указ Президиума Верховного Совета СССР: «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область, площадью 14,1 тыс. кв. км» (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; Тетуев А.И., 2006; Половинкина Т.В., 2006).

Июль 1991 г. – Карачаево-Черкесская автономная область преобразована в Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР (ныне – Республика Карачаево-Черкесия) (Половинкина Т.В., 2006; Тетуев А.И., 2006).

1992 г. – состоялся республиканский референдум, подтвердивший территориальную целостность Карачаево-Черкесии (Асламова Д., 2010).

Ноябрь 2008 г. – в Черкесске состоялся Чрезвычайный съезд черкесского народа, на котором впервые был поднят вопрос об объединении Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в одну республику. Но в официальную декларацию съезда этот вопрос не попал (Асламова Д., 2010).

4. АВТОНОМИЯ ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

4.1. Адыгея в составе Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР)

Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа Советской горской автономии...

И.В. Сталин (1921).

Измученные веками истории и мачехой-судьбой, терзаемые злодеяниями – самодержавными царскими сатрапами-палачами, помещиками и князьями, горцы отныне свободны и освобождены от тяжелых испытаний и пыток истории навсегда.

**Из Декларации Учредительного съезда Советов
Горской автономной республики (1921).**

Октябрьская революция, покончившая с самодержавием, открыла для народов бывших национальных окраин возможность выбора путей самостоятельного развития своих народов. «Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов», – декларировалось в Обращении Совета народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (1917 г.). С укреплением советской власти на Северном Кавказе усилилась тяга горских народов к созданию собственной государственности. Этническая «периферия» с пониманием приняла постановление ВЦИК РСФСР в начале 20-х гг. о государственных образованиях в виде автономий. В условиях многонационального Северного Кавказа признание политической независимости малых народов явилось важнейшей предпосылкой экономического и культурного строительства.

14 сентября 1920 г. на Северный Кавказ был направлен И.В. Сталин «...для руководства определения во всех деталях нашей политики на Кавказе вообще, а горцев в особенности». Его первоначальные взгляды на «сосуществование» горцев и казаков были изложены в направленном 30 октября сообщении в ЦК: «Казачество необходимо выделить из состава Терской области в отдельную губернию, ибо *сожительство казаков и горцев в одной административной единице оказалось вредным, опасным*». Но уже на II съезде народов Терской области в ноябре 1920 г. во Владикавказе, позиции вождя несколько изменились: «Автономия означает не отделение, а *союз самоуправляющихся горских народов с народами России*. Этот союз есть основа Советской горской автономии». 20 января 1921 г. постановлением ВЦИК было провозглашено образование Горской автономной Советской Социалистической республики (ГАССР), в состав которой первоначально вошли административные округа: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Балкарский, Карачаевский, Кабардинский. В округах, вошедших в состав ГАССР, проживало: в Кабардинском и Балкарском – 177 984 чел, из них в Кабардинском – 116 098; в Карачаевском и Баталпашинском – 150 000 чел.

В документах тех лет отражено стремление горцев к национальному самоопределению. Так, в Декларации, провозглашенной Учредительным съездом Советов Горской автономной республики (апрель, 1921 г.) говорится: «Измученные веками истории и мачехой-судьбой, терзаемые злодеяниями – самодержавными царскими сатрапами-палачами, помещиками и князьями, горцы отныне свободны и освобождены от тяжелых испытаний и пыток истории навсегда». Но путь к национально-государственному оформлению политической независимости адыгейского народа – созданию автономии – имел свои особенности и трудности. В полном составе Горская АССР просуществовала не более года. Возросшее национальное самосознание горцев привело к выделению из этого искусственно созданного «конгломерата» народов «своих» областей и республик (как сейчас говорят, начался «парад суверенитетов»). Первоначально статус автономий получили территории, населенные восточными адыгами: Кабарда (1 сентября 1921 г.) и Черкесия (12 января 1922 г.).

4.2. Первые съезды трудящихся адыгов: «В срочном порядке подготовить вопрос о выделении горцев Кубани и Черноморья в автономную область»

Только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет право насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезать права.

И.В. Сталин (1921).

...Не питая никакого недружелюбия к черкесскому населению, выражаем свое торжественное желание быть одним из краевых звеньев Черкесской автономной области в великом мире нашей Советской республики.

Из Обращения жителей хутора Большой Сидоров (1920).

11 августа 1920 г. в Краснодаре состоялся I съезд, а 8 марта 1921 г. – II съезд трудящихся адыгов Кубани и Черноморья. Адыги в целом понимали задачи и цели советской власти и поддерживали ее. Вместе с

тем, на съезде высветили себя и крайние националисты, стремившиеся всячески помешать созданию адыгейской государственности, ратовали за «Независимую Северо-Кавказскую республику», которая, по их мнению, должна была включать всю территорию, принадлежавшую адыгам до 1800 г. На съезде был избран Горский исполком, по сути, прообраз будущей национальной государственности адыгов, его председателем стал Даут Гутекулов, а позже – Ш.У. Хакурате. В состав исполкома также вошли: Мишериев Козбеш, Цей Нах, Наврузов Ибрагим, Сиюхов Сафербий, Бжассо Асланбек, Намитоков Измаил, Готагогу Меджид.

На съезде был поставлен вопрос о выделении черкесам (адыгам) самостоятельной автономии. Предварительно был проведен, как сказали бы сейчас «социологический опрос» жителей русских станиц и хуторов, расположенных чересполосицей между адыгейскими аулами. Население 16 волостей выразило свое желание войти в состав автономной области. Так, жители хутора Большой Сидоров записали в протоколе-обращении: «Беря в расчет свое близкое географическое положение к новообразуемой области (Адыгеи), не питая никакого недружелюбия к черкесскому населению, выражаем свое торжественное желание быть одним из краевых звеньев Черкесской автономной области в великом мире нашей Советской республики». Результаты опроса обобщил Ш.У. Хакурате: «Мотивов и данных к выделению в автономную область у кубанских черкесов несколько не меньше, чем у уже выделившихся в таковую кавказских народностей: абхазцев, аджарцев, кабардинцев, карачаевцев и т. д.».

7-10 декабря 1921 г. состоялся III областной съезд Советов горских депутатов Кубани и Черноморья. Съезд предложил Горскому исполкому «...в срочном порядке подготовить вопрос о выделении горцев Кубани и Черноморья в автономную область, после чего возбудить соответствующее ходатайство перед центром».

4.3. ВЦИК РСФСР: «Выделить территорию, населенную адыгейцами, ...и образовать из таковой Черкесскую (Адыгейскую) автономную область»

Аллах сделал для вас землю подстилкой, чтобы вы ходили по ней дорогами широкими.

Коран. Сура 71; 18(19).

У ребенка – молодой Адыгейской автономной области есть брат – русский народ, и есть ласковая внимательная мать – это Советская власть. Пусть же вырастет наш ребенок сильным и красивым – на пользу Республики.

Из резолюции I областного съезда Советов Адыгеи (1922).

С учетом мнения адыгов – делегатов съездов горцев Кубани и Черноморья, Президиум ВЦИК РСФСР принял следующее постановление № 120 от 27 июля 1922 г.:

1. «Выделить из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территорию, ныне населенную черкесами (адыгейцами) с включением в нее чересполосных селений, хуторов и *образовать из таковой Черкесскую (Адыгейскую) автономную область* в составе трех следующих округов:

а) Псекупский округ: аулы из Краснодарского отдела: Псейтук, Хаштук, Панахес, Афиписип, Ново-Бжегокай, Старо-Бжегокай, Козет, Тахтамукай, Шенджий, Лакшукай, Тугургой, Тлюстенхабль, Шаханчрийхабль, Гатлукай, Пчегатлукай, Вочепший – с центром в а. Тахтамукай.

б) Ширванский округ: аулы из Краснодарского отдела: Шабанохабль, Эдепсукай-I и II, Казанукай, Джиджихабль, Нечерзий, Тауйхабль, Кончукохабль, Понежукай, Нешукай I и II, Ассоколай, Габукай, Адамий, Джамбечи, Пшикуйхабль; волости: Курго-Терновская, Ивановская, Николаевская, Еленовская, Преображенская, Ново-Севастопольская, Белая, без станицы Рязанской; из Майкопского отдела аулы: Бжедухабль, х. Черногорский, Нижне-Назаров, Богомоллов, Поповичев, Кушев, Богарсуков, – с центром в а. Адамий.

в) Фарсский округ: из Майкопского отдела аулы: Ульский, Пшизовский, Хатажукай, Хакуринохабль, Мамхег, Егерухай, Джерокай, Хачемзий, Кошехабль, Блечепсин, Ходзь, с. Штурбино; Натырбовская волость: хутора: Дукмасов, Безладный, Нестерков, Игнатъев, Звездилин, Русальский, Вольный, – с центром в а. Хакуринохабль.

Председатель ВЦИК М. Калинин, секретарь ВЦИК А. Енукидзе, Москва, Кремль, 27 июля 1922 г.».

24 августа 1922 г. область была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) АО, а в 1928 г. ВЦИК отменил, во избежание путаницы, и это последнее наименование. Земля адыгов надолго получила название «Адыгейская автономная область». В мае 1923 г. ВЦИК РСФСР утвердил границы ААО. Она располагалась узкой полосой шириной от 10 до 40 верст по левобережью р. Кубани и Лабы, занимая около 2300 кв. верст. На территории области проживало около 112 тыс. чел.

Область неоднократно изменяла границы, происходило внутреннее районирование. В 1923 г. по новому административному делению область была разделена вместо трех – на два округа: Псекупский, куда входило 5 волостей (Ново-Бжегокаевская, Тахтамукаевская, Лакшукаевская, Понежукаевская и Габукаевская) и Фарсский, объединяющий 8 волостей (Белая, Хатукаевская, Джамбечиевская, Хакуринохабльская, Егерухаевская, Блечепсинская, Натырбовская и Ходзинская).

Таблица 41 – Административно-территориальное деление Адыгейской автономной области (1926 г.)

Район	Количество населенных пунктов, шт.	Численность населения, чел.
Тахтамукайский	126	21 337
Понежукаевский	66	17 933
Преображенский	75	27 435
Хакуринохабльский	63	28 048
Натырбовский	21	19 417
Итого:	351	114 170

успехом – был создан Шапсугский национальный район. Административным центром Адыгеи был утвержден г. Краснодар. Однако местонахождение областного центра в г. Краснодаре, т. е. вне пределов Адыгейской автономной области, создавало определенные затруднения. В результате административно-территориального переустройства структура области к концу 1926 г. выглядела следующим образом (табл. 41). В 49 аулах области тогда проживало 57952 чел. адыгской национальности (по другим источникам, в пределах области проживало 50821 адыгов).

1936 г. был отмечен важным событием в жизни адыгейского народа. С 10 апреля г. Майкоп стал административным центром ААО. Заметно была расширена территория области. К Адыгее были присоединены Гиагинский район и Ханский сельсовет. С 1936 г. область состояла уже из 6 районов; на их территории действовали 54 сельсовета и 1 городской совет.

Сейчас мало кто знает, что до 1924 г. ААО напрямую входила в состав Российской Федерации. С 1924 г. она стала входить в Северо-Кавказский край; с 1934 г. – в Азово-Черноморский край. В 1937 г. при разукрупнении Азово-Черноморского края, ААО включается в состав Краснодарского края. За это время в государственно-правовом отношении автономная область постепенно утрачивала свой статус, что значительно сдерживало экономическое и культурное развитие народа. Такая участь постигла и Черкесскую, а затем и Карачаево-Черкесскую АО. Кабардинцы же, проживающие в Кабардино-Балкарской республике, получив самостоятельность, оказались более защищенными в правовом отношении, чем Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области с их «усеченной» автономией в составе краев.

4.4. Во главе Адыген

Советская власть – благодатный огонь сошедший на Землю адыгов.

А.Х.. Шеуджен.

Рассматривая становление и развитие государственности Адыгеи — сначала автономной области в составе Северо-Кавказского (Краснодарского) края, а позже самостоятельной республики — полноправного субъекта Российской Федерации, нельзя не вспомнить тех, кто все эти годы много делал и делает для улучшения социально-экономического положения жителей, для того, чтобы наша многонациональная Адыгея развивалась динамично и бесконфликтно. В разные годы высшие государственные и партийные посты в области (республике) занимали самые различные люди, но всех их объединяло чувство патриотизма, любви к своей Родине и своему народу, стремление сделать его жизнь богаче и счастливее.

4.4.1. Чрезвычайный комиссар по делам горцев при Кубанской советской республике

В книге *«Высочайшая миссия»*, вышедшей в Праге, Мос Хакарович Шовгенов (Шеуджен) назван «великим адыгейским большевиком», а газета *«Правда»* назвала его «отважным революционером».

Мос Хакарович заслужил долгую память, признательность современников и потомков, уважение и любовь народа всей своею короткой, но яркой жизнью, самоотверженной, беззаветной борьбой за свободу и счастье людей труда, за идеалы революции. П.У. Аутлев и Е.И. Салов (1989) пишут: «Выходец из крестьян, глубоко усвоивший цель и задачи пролетарского освободительного движения, горячий патриот и верный, последовательный интернационалист-ленинец, цельная, глубокая натура, личность, оставившая заметный след в истории революционной борьбы, в строительстве новой жизни в Адыгее – таким нам представляется портрет М.Х. Шовгенова». Родился он 8 мая 1876 г. в а. Шхашефиж (ныне а. Урупский Успенского района Краснодарского края) в семье крестьян Хакара и Тхачас Шовгеновых. В 1887-1891 гг. учился в двухклассной школе в ауле Бибердовском (ныне а. Эльбурган в Карачаево-Черкесии). И там впервые приобщился к азам русской грамоты. В те времена научиться читать и писать по-русски для подростка из трудовой горской семьи было пределом образованности.

Шовгенов
Мос Хакарович

Недолгая радость школьного познания закончилась, и Мос оказался в роли обычной тогда для грамотного, но бедного молодого горца. Нанялся продавцом в мануфактурный магазин, принадлежавший армавирским предпринимателям - братьям Алывердовым. В то время село Армавир (с марта 1914 г. – город) по концентрации торговых и промышленных заведений занимало второе место на Кубани после г. Екатеринодара. В 1891 г., когда М. Шовгенов нанялся на работу к Алывердовым, в Армавире действовали 207 торговых точек и 37 промышленных предприятий. Находясь на пересечении торговых дорог, Армавир становился в регионе средоточием социальных и экономических противоречий: богатства и бедности, роскоши и нищеты, вседозволенности и бесправия, произвола и протеста против него. По свидетельству современника, Армавир представлял собой «очень бойкое торговое место», растущее «не по дням, а по часам», чему способствовало его расположение при железной дороге. В этом тугом узле развивавшихся капиталистических отношений на юге России оказался молодой Мос Шовгенов (Аутлев П.У., Салов Е.И., 1989).

Оживленную торговлю жатвенными сельскохозяйственными машинами в те годы вел в Армавире склад сельхозмашин, принадлежавший Чикагской фирме Мак-Клачей, а в Баталпашинске (ныне – г. Черкесск) столь же бойко торговала швейными машинами другая американская компания «Зингер». Иностранные и отечественные предприниматели состязались, кто больше выжмет из 16-тысячного в ту пору трудового населения Армавира. Чтобы заполучить низкооплачиваемых «туземцев» – специалистов по машинам, американские предприниматели направили в 1894 г. Моса Шовгенова за океан, в Чикаго. Три года он учился на далеком атлантическом побережье в технической школе и лишь в 1897 г. вернулся домой специалистом со средним образованием – электромехаником. И еще шесть лет после возвращения из Америки Мос Шовгенов работал на армавирском складе Мак-Клачей техником на сборке жатвенных машин. Сравнивая заработок рабочих-земляков с тем, сколько за тот же труд получали американские сборщики, он убеждался, что предприниматели бессовестно греют руки на незнании российских «варваров», за одинаковый труд выплачивают здешним пролетариям в три, а то и в четыре раза меньше, чем американцам.

Начало века ознаменовалось в России подъемом рабочего освободительного движения. Самые высокие волны стачек прокатывались по силовым линиям железных дорог, создавая напряженное поле, в котором должна была родиться гроза революции. Как раз в ту предгрозовую пору, в 1902 г., Мос Шовгенов включился в революционное движение армавирских рабочих. Боевым крещением для него стало участие в ноябрьской забастовке рабочих чугунолитейного завода. Пожалуй, Мос Шовгенов был первым из адыгов, кто вместе с русскими братьями по классу запел «Варшавянку», «Марсельезу».

Пролетарский взгляд на жизнь, приобретенный М. Шовгеновым во время учебы в Америке и в армавирских рабочих буднях, помог ему разумом и сердцем принять правду российских социал-демократов и понести ее товарищам по классу. В тревожные и волнующие дни забастовки Мос Шовгенов становится агитатором-трибуном, вышедшим из народной массы. Зажигательно воспламеняясь рабочей правдой, он разъяснял армавирским пролетариям содержание и смысл листовок Донского Комитета РСДРП, распространенных по линиям кавказских железных дорог: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода».

Во время нарастания пролетарского освободительного движения, в 1903–1905 гг., М. Шовгенов умело использует в интересах революции свою новую должность агента по продаже швейных машинок компании «Зингер». Бывая в разных городах, станицах, аулах и селах, он распространял листовки армавирской группы Кубанского комитета РСДРП среди рабочих, горских крестьян и казаков. Прокламации развозил, пряча их под чугунной рабочей доской швейной машины.

Начало первой русской революции застало М. Шовгенова на армавирской мельнице Зейналова. К тому времени фирме, где он работал прежде, стало известно о неблагонадежности бывшего чикагца и ему пришлось уволиться из компании. На мельнице он стал агентом по продаже муки. И эту должность, используя недавний опыт, Мос Шовгенов мастерски употребляет в интересах нелегальной революционной деятельности. Разъезды по ближней и дальней округе обеспечивали ему широкое поле для распространения освободительных идей. М. Шовгенов становится убежденным пропагандистом ленинского учения о рабоче-крестьянской революции. И как у всякого настоящего революционера, слова у него не расходились с поступками. В сентябре 1905 г. он участвовал в новой стачке армавирских рабочих.

В обстановке нарастания революции, характер Моса Шовгенова раскрывался новыми гранями. Товарищи по борьбе ценили в нем трезвый ум, горячую увлеченность делом, смелость, убежденность и самоотверженность. Поражение первой российской революции вынудило М. Шовгенова покинуть Армавир, скрыться от царских ищек. В 1907–1914 гг. Мос Хакарович жил в своем родном ауле. Занимался земледелием. Заботливо скрывал, давая им надежный приют, тайно приезжавших к нему участников революции. Когда началась первая мировая война, он покинул а. Шхашефиж и возвратился в г. Армавир, где по заданию большевиков он открыл в лагере Урупского полка табачную лавку и под ее вывеской развернул среди сол-

дат революционную агитацию. М.Х. Шовгенов призывал урущев к осуществлению на практике лозунга партии большевиков о превращении грабительской бойни в войну классовую, гражданскую – против собственных помещиков и буржуазии. Разъезжая по аулам и станицам Кубани, он говорил, обращаясь к адыгейцам, черкесам, абазинцам, карачаевцам и ногайцам: «Вашими врагами являются «ваши» же богатеи, князья и султаны, а не русские рабочие и крестьяне, они ваши друзья и братья. Не идите к богачам, князьям, а идите к русским рабочим и крестьянам – они вам дадут свободу».

О результатах работы М.Х. Шовгенова среди кубанских горцев красноречиво свидетельствуют его слова, сказанные в связи с победой Февральской революции в России: «Горцы увидели, что Кубань зашевелилась, и они своим чутким сердцем почувствовали яркое солнце свободы, равенства и братства, и всей душой, душой отважных орлов Кавказа, примкнули к рядовым революции. Однако, – писал Мос Хакарович, смело глядя в лицо реальности, – пришедшие к власти богачи их обманули. Только Великий Октябрь принес горцам реальное счастье: «Горцы Кубани, отбрасывая раз и навсегда различие национальностей и названия крестьянин, горец и казак, смело протягивают руку всему русскому трудовому народу и твердо верят, что лишь в скорейшей контактной работе с трудящимися всего мира – залог победы над капиталистическим миром... Да здравствуют трудящиеся всех стран! Да здравствует Власть Советов!».

К Октябрю 1917 г. Мос Хакарович Шовгенов вырос в авторитетного, признанного вожака трудящихся-горцев, стал одним из самых стойких и последовательных проводников ленинских идей и планов на Северном Кавказе. Руководители кубанских большевиков верили в Моса Хакаровича как в своего надежного соратника, готового до конца стоять за дело революционного освобождения.

В феврале 1918 г., сразу после I съезда Советов Кубани, Мос Шовгенов был кооптирован в состав Кубанского облисполкома, во главе которого стоял Ян Полуян. Работая в составе исполнительного органа Советской власти – по существу в рабоче-крестьянском правительстве Кубани – Мос Хакарович своей решимостью и преданностью делу революции оправдывал доверие партии. 14 марта Моса Хакаровича направили в Екатеринодар, а уже через неделю назначили чрезвычайным комиссаром по делам горцев при Кубанском военно-революционном комитете. Положение в те дни на Кубани было предельно сложным. Острое, конфликтное взаимодействие многих социальных сил давало чрезвычайно пеструю картину противоборства революции и контрреволюции. Силы реставрации: помещики, капиталисты, зажиточное казачество и горская верхушка, белое офицерство – монархисты и кадеты – перегруппировавшись, попытались перейти в наступление. Их знаменем стал царский генерал Корнилов. В Советское правительство Кубани поступали тревожные сведения. Корниловцы прорвались на левый берег, в Адыгею.

В то время комиссариат, во главе которого стоял Мос Шовгенов, решал две основные задачи: вел коммунистическую пропаганду среди горцев и мобилизовал их на борьбу против врагов Советской власти. Под непосредственным руководством наркома по национальным делам М. Шовгенова работники комиссариата М. Мамижев и Г. Шовгенова организовали черкесский кавалерийский полк, который влился в ряды Красной Армии. Одновременно Мос Хакарович, хорошо зная проблемы аульской бедноты, искал и находил возможность решать элементарные социальные задачи, улучшать жизнь трудящихся. Комиссариат принял экстренные меры, чтобы оказать материальную помощь трудящимся горцам, пострадавшим от корниловских и других контрреволюционных банд.

Из воспоминаний старосты а. Эдепсукай-И Хуху Хатужуковича Шеуджена: «Поехал в город Екатеринодар (ныне Краснодар) и встречался с комиссаром по горским делам при Кубанском ревкоме – Мосом Хакаровичем Шовгеновым. На вопрос: «Какой стратегии нам, адыгам, придерживаться?» Мос Хакарович ответил: «Что нам дало царское самодержавие? Уничтожило наш народ, устроило самый настоящий геноцид, следы крови наших предков еще не высохли на земле адыгов. Ни в коем случае нельзя поддаваться ни на какие провокации Клыч-Гирея и других царских сатрапов. Они в англо-французской обозе хотят уничтожить нашу страну и превратить в колонию. Переворот, совершенный большевиками победит и надолго устоит. Передайте своим аульчанам, чтобы они не поддавались лживым лицемерным словам Клыч-Гирея». По возвращении домой рассказал о совершившемся в стране перевороте, цели, преследуемой большевиками, и позиций, которых следует придерживаться аульчанам. Одни прислушались к совету Моса Шовгенова и заняли для себя правильную позицию, тем самым спасли свою жизнь. Другие поддались призывам Клыч-Гирея не пропустить «красных» через реку Пшиш и отправились в а. Габукай с саблями и вилами, где их постигла неминуемая смерть от наступавшей Красной армии».

Деятельность народного комиссара отличалась поистине государственным подходом к решению очередных задач Советской власти. В труднейших условиях военного времени, при явном недостатке, а то и попросту отсутствии материальных средств, комиссариат во главе с М. Шовгеновым находил возможность заниматься вопросами просвещения. Под его непосредственным руководством в 1918 г. были изданы на адыгейском языке газеты «Красная Кубань» и «Букварь». Они положили начало не только советской адыгейской литературе и журналистике, но и более широкому и глубокому явлению непреходящей исторической ценности и значению – культурной революции в аулах.

При всей напряженной работе, что выпала на долю руководителя комиссариата, Мос Шовгенов успевал принимать непосредственное участие в борьбе с контрреволюцией. Призывая земляков храбро сражать-

ся за народные интересы, подавал горцам личный пример мужества и самоотверженности в защите Советской власти от ее врагов. Во второй половине мая 1918 г., когда первая волна интервенции достигла границ Северного Кавказа, он оставил комиссариат на помощников, а сам выехал на фронт. Участвовал в боях под Батайском, которые закончились разгромом оккупационных частей кайзеровской Германии, восстановлением прерванных связей региона с Советской Россией. В том же тревожном мае, когда на Кубани уже вовсю бушевало пламя гражданской войны, народный комиссар организует подготовку к изданию первой адыгейской азбуки, но выпустить в свет ее едва удалось. Экономическое и культурное развитие края прервалось. Вся деятельность Советов, исполкомов и партийных комитетов Кубани была подчинена теперь задачам беспощадной войны против наступавшей контрреволюции. 31 мая окончилась деятельность М.Х. Шовгенова на посту наркома Кубани по национальным вопросам. С этого дня и по 16 августа 1918 г. он занимал ответственный пост комиссара Черкесского кавалерийского полка. Дни и ночи проходили в боях с белогвардейской Добровольческой армией А.И. Деникина, наступавшей на Кубань при поддержке Англии и Франции.

Позже адыгейские всадники из Черкесского кавалерийского полка влились в бригаду легендарного героя гражданской войны Ивана Кочубея. В крепком рукопожатии соединялись при встрече руки комбрига Кочубея и комиссара Шовгенова, русского и адыгейца, как живой символ братства защитников революции, борцов за Советскую власть. Никто в ту пору еще не знал, что одна судьба выпадет на долю обоих – лицом к лицу с ненавистными врагами, в волчьем кольце белогвардейцев принять смерть, но остаться навсегда верными трудовому народу (Аутлев П.У., Салов Е.И. *Борцы за власть советов в Адыгее*. – Майкоп, 1989. С. 7-45).

4 августа 1918 г. после занятия Добровольческой армией города Екатеринодара, Мос Шовгенов по заданию партии оставался вместе со своей женой Гошевной в Адыгее для подпольной работы. 29 августа 1918 г. банды султана Клыч-Гирея схватили Моса Шовгенова в а. Хатажук и перевезли его в а. Хакуринохавль, где зверски расправились с ним. Такая же участь постигла и жену Гошевной Индаровну Шовгенову (Дагужиеву). 11 сентября 1918 г. она была умерщвлена теми же белобандитами (Приложение).

В свою документальную повесть Л.Ю. Плескачевский и А.И. Шеуджен «Мос Шовгенов» (Майкоп, 1984) завершают следующими словами: «Мос и Гошевной Шовгеновы погибли в расцвете лет, отдали жизнь за свою свободу и счастье своего народа, за торжество ленинских идей, за нерушимое братство всех трудящихся нашей великой Родины. Им не довелось дожить до светлых дней победы над врагами, увидеть торжество идей, за которые они боролись. Но имена их навеки остались в сердцах тружеников-адыгов. Уничтожив героев физически, враги не в силах были истребить светлую память о них. Мос и Гошевной шли в строю победителей рядом с живыми, которые несли знамя революции и социализма, подхваченное из их рук...».

Спустя четыре года после гибели Моса и Гошевной Шовгеновых адыги получили автономию и начали строить новую жизнь. Теперь они учатся на своем языке, пишут, издают свои книги и газеты. Верно говорят, что, не зная прошлого, трудно оценить настоящее и построить будущее.

«13 августа 1918 г., – пишет Н.Ш. Чеучев, – ЦИК Северо-Кавказской республики обратился к населению края, в котором сообщалось, что враг на подступах Екатеринодара. 14 августа был дан приказ об эвакуации города. 16 августа 1918 г. в Екатеринодаре выходит последний номер (№ 97) «Прикубанской правды». «Под городом уже грохочут пушки. Жестокий и беспощадный враг окружает его. У нас мало патронов, мало снарядов. Мы вынуждены отступать», – писала она. 18 августа объявляется, что Екатеринодар на осадном положении. В тот же день, в Москву к Ленину идет депеша Крайкома Северо-Кавказской республиканской партийной организации о том, что в Екатеринодаре и вообще в тылу белых оставляется группа надежных подпольщиков. В их числе находились Мос и Гошевной Шовгеновы» (Чеучев Н.Ш. *Гошевной Шовгенова*. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1990. – 89 с.).

4.4.2. Первые секретари Адыгейского обкома КПСС

Голодович Казимир Янович

С организацией в 1922 г. Адыгейской автономной области, во главе областной партийной организации (первоначально – Организационного бюро РКП(б) Адыгейской автономной области) был избран Казимир Янович Голодович (23.09.1922-07.06.1923). Родился в 1893 г. в г. Львове, поляк, до революции – австрийский подданный, после 1917 г. принял советское гражданство. Работал печатником, в кооперативе, после революции был хозяйственником, политработником. Член РКП(б) с 1913 г. В Красной армии прошел путь от командира отряда до начальника политотдела Армии. 23 сентября 1922 г. был назначен первым секретарем Организационного бюро РКП(б) Адыгейской автономной области. Именно на него легли наиболее сложные и ответственные организационные вопросы по подбору и расстановке кадров во вновь организованной автономной области. Много внимания уделял сохранению национальной самобытности, культуры и просвещения коренного населения; был одним из инициаторов создания автономии шапсугов. Пост первого секретаря Оргбюро РКП(б) Адыгейской автономной области занимал до 7 июня 1923 г., после чего был назначен инструктором Краснодарского крайкома РКП(б). Несколько позже, с 5 февраля 1924 г. был переведен управляющим Краснодарской конторой Юго-Восточного отделения Доброфлота, а с 12 мая 1924 г.

Газов
Леонид Петрович

направлен в распоряжение Донского комитета областного ВКП(б). Спустя месяц стал работать в Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ), с октября 1925 г. – инструктором во внешнеэкономической организации. Позже три месяца работал в отделе махорки ВСНХ, а с декабря 1925 г. – в Табаксоюзе. Осужден 27.02.1938 по статье: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 09.03.1938 г.

Газов Леонид Петрович

Новым первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б) был назначен энергичный, высокообразованный организатор народного хозяйства Леонид Петрович Газов. Он родился в 1898 г. в с. Курбатове Рязанской губернии, в семье сельского священника. В 1918 г. окончил гимназию в г. Рязани; в этом же году вступил в партию большевиков. Ушел добровольцем в Красную Армию. В должности комиссара полка 10-й армии воевал на Дону, в Ставрополе, на Кубани, в Закавказье; служил в политотделе 32-й дивизии 11-й армии. В 1921 г. был направлен в Дагестанский комитет партии заведующим оргинструкторским отделом. В 1922-1923 гг. работал в Юго-Восточном бюро ЦК ВКП(б) в г. Ростове-на-Дону.

С 7 июня 1923 г. по 12 декабря 1926 г. Л.П. Газов работал первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б), вместе с Шахан-Гиреем Умаровичем Хакурате, который был тогда председателем Адыгейского облисполкома. К сожалению эти два руководителя, каждый из которых был действительно незаурядной личностью, тем не менее, не смогли сработать вместе, расходясь в решении национального вопроса, а также путях дальнейшего развития Адыгейской автономии. Для того, чтобы эти разногласия не углубились и не переросли в межнациональную конфронтацию, отразившись тем самым на морально-психологическом климате всей Адыгейской партийной организации, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял решение о целесообразности перевода Л.П. Газова на другую работу.

В фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области (ф.7, оп.1, д.613, л.1) сохранились ранее засекреченные документы, раскрывающие процедуру снятия Л.П. Газова с должности первого секретаря Адыгейского обкома партии. Специально направленный в Адыгею представитель Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) И. Невский, присутствовавший на областной партконференции, сообщает в своей докладной записке, направленной в адрес первого секретаря бюро Северо-Кавказского крайкома А. Андреева (стиль и орфография документа сохраняются. - Авт.): «Только накануне моего отъезда я узнал, что на мою обязанность кроме доклада и общего проведения партийной конференции, возлагается не очень приятная миссия: снять старого секретаря областкома (т. Газова) и провести нового (т. Черноглаза). Конференция заняла всю неделю, от воскресенья до воскресенья. То, что я увидел на Адыгее-Черкесской конференции, может быть сформулировано следующим образом: тов. Газов опирается и хочет опираться на русскую часть парторганизации, против черкесской ее части, вольно или невольно покровительствует нездоровым колонизаторским тенденциям русской части организации».

И далее в записке приводится стенограмма эмоционального выступления Л.П. Газова на партийной конференции: «Я и сам уже давно думаю уехать из Адыгеи, т. к. давно здесь работаю. Решение крайкома как бы предвосхищает мои собственные намерения, но я не могу обойти молчанием форму отзыва. Со мною не поговорили, не предупредили, а просто взяли за шиворот и выбросили из организации, как ненужную вещь! Я спрашиваю: За что? Что я сделал за время своей работы в Адыгее, чтобы заслужить такое обращение со мной». Свое возмущение такой формой освобождения его от занимаемой должности Л.П. Газов высказывал и в частной беседе с И. Невским: «О том, что крайком меня снимает, я узнал случайно из выписки, полученной мной от Кубанского окружкома ВКП(б), где последний просит крайком передать меня в его (окружкома) распоряжение. Эту выписку Кубанского окружкома я получил в бытность свою в Москве, на XV конференции (имеется в виду Всесоюзная партийная конференция ВКП(б), 26 октября - 3 ноября 1926 г. – Авт.). На обратном пути в Адыгею я заехал в Ростов. Ни один человек из орготдела крайкома ВКП(б) не смог сказать ничего другого, кроме того, что «Вас снимают потому, что Вы там давно работаете». Я считаю форму снятия меня абсолютно неприемлемой и категорически возражаю против нее!».

Завершая свою докладную записку, представитель Северо-Кавказского крайкома И. Невский пишет: «После обсуждения, конференция единогласно, при шумных рукоплесканиях, избрала т. Черноглаза в обком. Выводы: 1) На самом деле т. Газов не хотел уезжать из Адыгеи и вел в соответствии с этим политику бездействия, которая могла бы дать в конечном счете провал решений крайкома о его отзыве и о назначении т. Черноглаза. 2) Поскольку в Адыгейской парторганизации существуют некоторые недоговоренности и некоторая натянутость между двумя национальными частями, постольку многие поняли снятие Газова как результат происков черкесской группы, в частности, Хакурате. Из этого они делали такой вывод, что нужно во что бы то ни стало оставить Газова в Адыгее, как защитника «угнетенных русских». 14 января 1927 г. И. Невский»...

Черноглаз
Иосиф Моисеевич

С декабря 1926 по май 1927 гг. Л.П. Газов работал инструктором Кубанского окружкома ВКП(б), а с июня 1927 по 1937 г. был направлен в органы ОГПУ-НКВД в г. Москве; с июля 1937 г. работал начальником управления НКВД по Кировской области. В мае 1938 г. был назначен исполняющим обязанности секретаря оргбюро ЦК ВКП(б) по Краснодарскому краю. На 1-й краевой партконференции в июне 1938 г. избран первым секретарем Краснодарского крайкома ВКП(б), одновременно являлся первым секретарем Краснодарского горкома партии (избран 29 мая 1938 г. на I пленуме горкома ВКП(б). 17 января 1939 г. Л.П. Газов отозван в г. Москву, в распоряжение ЦК ВКП(б) (ЦДНИКК. ф.1774-а, оп.1, д.98, л.81-82). В.Н. Солошенко (2000), поднявший огромный пласт архивных источников, отмечает, что «... по своей натуре Л.П. Газов был весьма деятельным руководителем. Его нередко можно было видеть на возрождающихся заводах и фабриках, колхозных полях, в учебных аудиториях... С Газовым можно было работать, порой он не жалел ни себя, ни подчиненных, энергичный был и требовательный, всегда умел подставить плечо... Газов любил творчески одаренных людей, нередко бывал на различных концертах и сам, уложив свободное время, был не прочь спеть народные песни». Всего полгода находился он на посту первого секретаря Краснодарского крайкома

партии, но даже за этот короткий период ему удалось много сделать для благоустройства краевого центра и других населенных пунктов. Со своими предложениями по благоустройству г. Краснодара, Улучшению водоснабжения, развитию энергетической базы, строительству жилья, административных зданий, а также железнодорожного моста через Кубань, Леонид Петрович обращался не только к председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову, но и лично к И.В. Сталину. Свою записку он заканчивал словами: Крайком ВКП(б) просит Вас, товарищ Сталин, товарищ Молотов, рассмотреть поднимаемые нами вопросы и оказать помощь Краснодарскому краю». Внимательно ознакомившись с запиской, вождь счел указанные предложения достаточно аргументированными, и соответствующая помощь краю была оказана. С именем Л.П. Газова связано начало строительства Краснодарской ТЭЦ мощностью 100 тыс. кВт, высоковольтной линии передач Новороссийск-Крымская-Краснодар напряжением 110 кВ, завода измерительных приборов в г. Краснодаре.

Много внимания уделял первый секретарь и развитию сельского хозяйства, однако вследствие крайне неблагоприятных погодных условий 1938 г., урожайность зерновых по краю резко снизилась (до 16,1 ц/га), что стало одной из причин последующего снятия Л.П. Газова с должности. В начале января 1939 г. в г. Краснодар прибыла комиссия ЦК ВКП(б) во главе с А.А. Андреевым, которая пришла к выводу, что «Краснодарский крайком партии неудовлетворительно руководил развитием промышленности и сельского хозяйства». В последовавшем затем постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) было отмечено, что Л.П. Газов, как «не обеспечивший руководства Краснодарской парторганизацией, снят с должности и отозван в распоряжение ЦК ВКП(б)».

В феврале 1939 г. Л.П. Газов назначается заместителем управляющего делами, а в марте 1942 г. – управляющим делами Народного Комиссариата текстильной промышленности СССР. После войны, в марте 1946 г. был переведен на должность начальника ХОЗУ Минтекстильпрома СССР; позже работал начальником ХОЗУ Минлегпрома СССР; до 1959 г. – начальником ХОЗУ Минсредмаша СССР. С августа 1959 г. Леонид Петрович – персональный пенсионер союзного значения.

Леонид Петрович Газов был награжден двумя орденами «Трудового Красного Знамени» (1951, 1954), орденом «Красной Звезды» (1937), орденом «Знак Почета» (1944), а также шестью медалями, в том числе: «За оборону Москвы» (1944), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945). «В память 800-летия Москвы» (1948), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1975), «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1985); ему вручен Памятный знак «50 лет пребывания в КПСС» (1982). Умер в ноябре 1987 г.

Черноглаз Иосиф Моисеевич

После Л.П. Газова первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б) был избран Иосиф Моисеевич Черноглаз. Родился 31 января 1894 г. в еврейской семье в городе Могилёве. В партии большевиков с 1919 г. (партбилет № 145428), в царской армии рядовым на фронте находился с января до декабря 1915 г., в плену находился с декабря 1915 г. по март 1918 г., в Красной армии не служил, специальность счетовод-конторщик (ф. 7, оп. 1, с.х. 905, с. 184). В 1925-1930 гг. – член Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В период с 12 декабря 1926 г. по 9 июля 1929 г. он был первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б); в 1929-1930 гг. – секретарем Ингушского обкома партии. 2 февраля 1930 г., вместе с инструктором Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Н.И. Жуковским, был убит в ингушском селении Галашки. Партийная комиссия, назначенная для рассмотрения мотива и обстоятельств этого убийства по прямому указанию Генерального секретаря ВКП(б) И.В. Сталина, установила, что они погибли от рук террористов-баталхаджинцев, членов мусульман-

ской секты в Ингушетии. Следствием установлено: 3 февраля 1930 г. после агитационных выступлений в предгорных селах Галашки и Даттых, машина Иосифа Черноглаза попала в засаду под Галашками. Хотя одна засада была у выезда с села Алхасты и вторая по середине дороги до Галашек, первые две засады не смогли ничего сделать. Иосиф Черноглаз был убит и обезглавлен неким Бесаевым и Дзейтовым. Голова Черноглаза так и не была найдена, и его похоронили без неё. По обвинению в организации этого убийства был арестован бывший секретарь Ингушского областного комитета ВКП(б) Идрис Зязиков. Вместе с ним были арестованы его жена Жанетта и все друзья и родственники. Был так же арестован и расстрелян работник ЧК Хашиев Халмурза Темербиевич. Он был обвинён в том, что непосредственно дал информацию о передвижении Черноглаза. Идриса Зязикова обвиняли в «моральной и политической подготовке» убийства своего преемника. Обвиняемые назвали мотивами убийства Иосифа Черноглаза проводимую им политику в Ингушетии. Подсудимые, в том числе и Идрис Зязиков, были приговорены к расстрелу. После личного вмешательства Григория Орджоникидзе и Анастаса Микояна приговор Идрису Зязикову был заменён десятью годами лишения свободы. Других расстреляли.

Цехер Арон Абрамович

Цехер
Арон Абрамович

На посту первого секретаря Адыгейского обкома ВКП(б) И.М. Черноглаза, в свою очередь, сменил Арон Абрамович Цехер. Родился он в 1895 г. в небольшом местечке под Киевом, в семье рабочего-маляра. Затем семья переехала в г. Козлов Тамбовской губернии. В 1908 г. окончил приходскую 3-х классную школу. В 1910 г. за революционную деятельность семью высылают из Тамбовской в Саратовскую губернию под надзор полиции.

С 1914 г. А.А. Цехер учится в техническом училище, работает на Железной дороге старшим рабочим-табельщиком, десятником на заводе в г. Пензе. Одновременно занимается революционной деятельностью, за что в 1916 г. попадает в тюрьму, откуда был освобожден после Февральской революции. Член РКП(б) с марта 1917 г., партбилет № 0529737. О своей работе в первые послереволюционные годы А.А. Цехер рассказывает в автобиографии (стиль и орфография автора сохраняются. – **Авт.**): «До Октябрьской революции начинаются колебания у группы партийцев, и в день Октябрьской революции я с этой группой вливаюсь в большевистскую организацию. Начинается период моей исключительно почти

партийной работы: фабричный, заводской, железнодорожный, береговой райкомы партии. Все происходит в г. Саратове: член губкома, член губисполкома, председатель всяких секций в Горсовете, член Коллегии Наробраза, председатель многих комиссий по ликвидации восстаний, бандитизма (Антоновский, Поповский, Закулинский, Сапожковский и т. д. – Имеются в виду банды в Саратовской губернии. – **Авт.**). Начпостав на Юго-Восточном фронте, – в общей сложности 1,5 года. Председатель комиссии по восстановлению Советской власти и партийной организации в уездах. В 1922 г. перебрасываюсь ЦК РКП(б) в Ярославскую организацию, где работаю заведующим орготделом партийного комитета. Осенью 1922 г. перебрасываюсь в Туркестан, где работал в качестве заведующего Агитпропа ЦК КП(б) Туркмении...». В период 1925-1927 гг. Арон Абрамович Цехер работал заведующим отделом агитации и пропаганды Томского губкома партии; в а с 1927 г. по 16 июля 1929 г. – в г. Ростове-на-Дону, заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по массовой работе; несколько позже был направлен на «укрепление» Адыгейского обкома ВКП(б).

Процедуру назначения нового руководителя Адыгейской областной партийной организации можно проследить по следующим документам. На заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), которое вел первый секретарь А.А. Андреев, протокол № 22 от 12 июля 1929 г., было отмечено: «*Слушали:* Просьбу тов. Черноглаз. *Постановили.* В связи с подачей тов. Черноглаз заявления о посылке его на учебу, отозвать его в распоряжение Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Вопрос о кандидатуре первого секретаря Адыгейского обкома отложить, поручив Орграспредотделу договориться на этот счет с Адыгейским обкомом ВКП(б)». Несколько позже, 17 июля 1929 г., на заседании бюро крайкома (протокол № 23) вновь был поднят этот вопрос: «*Слушали:* О секретаре Адыгейского обкома. *Постановили:* Удовлетворить просьбу Адыгейского обкома ВКП(б) об откомандировании в их распоряжение тов. Цехера А. для руководящей партийной работы в Адыгейской А.О.». В период с 17 июля 1929 по 2 августа 1931 г. А.А. Цехер работал первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б). Одновременно VI-й и VII-й Северокавказскими краевыми партийными конференциями (1930 и 1931 гг. соответственно) Арон Абрамович был избран членом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

С июня 1931 г. по февраль 1934 гг. А.А. Цехер работал первым секретарем Дагестанского обкома ВКП(б); с 10 марта 1934 г. по сентябрь 1937 г. – вторым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана. На его личном

деле сохранилась скупая надпись: «Второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Цехер А.А. снят с работы, исключен из партии и арестован. Основание: протокол ЦК КП(б)Узб. от 7 сентября 1937 г., № 26. Исключен из состава членов ЦИК СССР за контрреволюционную антисоветскую деятельность. ЦК 54/362 от 20 октября 1937 г.». (ЦДНИРО, ф7, оп. 1, д. 860, л. 164, 167; Д. 873, л. 3; д. 655, л. 8; д. 929, л. 7; д. 979, л. 242).

Кириллов Гавриил Георгиевич

Менее года, пост первого секретаря Адыгейского обкома ВКП(б) занимал Гавриил Георгиевич Кириллов. Такая быстрая сменяемость руководящих кадров объяснялась сложной политической обстановкой в стране в те годы и необходимостью оперативной перестановки руководителей на наиболее важные, ключевые, «горящие» участки работы. Тем не менее, каждый из них внес свою лепту в становление и развитие молодой Адыгейской автономной области.

Гавриил Георгиевич Кириллов родился 1901 г. в с. Большой Карай Саратовской губернии. Образование начальное. Член РКП(б) с 1919 г. До августа 1930 г. работал председателем Кубанского окружного Совета профсоюзов. С августа 1930 по август 1931 г. ответственный секретарь областного комитета ВКП(б) Ингушской автономной области. Со 2.08.1931 по 17.06.1932 ответственный секретарь Областного комитета ВКП(б) Адыгейской автономной области. В последующем – начальник отдела сельхоззаготовок Воронежского облисполкома. Арестован 26 июля 1933 года по обвинению в «контрреволюционной агитации». Тройкой при ОГПУ Северо-Кавказского края 11 декабря 1933 г. приговорен к 3 годам лишения свободы.

Хакурате Шахан-Гирей Умарович

Шахан-Гирей Умарович Хакурате родился в 1883 г. в адыгском ауле Хаштук. В 1905 г. окончил Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу и непродолжительное время работал в Кубанской войсковой сельскохозяйственной школе. За революционную деятельность в 1906 г. его арестовывают и затем высылают за пределы области. Спустя два года вернулся на Кубань и стал работать фельдшером, сначала на нефтеперегонном заводе, а затем в имении Абрау-Дюрсо. В 1918-1920 гг., когда на Кубани свирепствовали белогвардейцы, он активно помогал красным партизанам, сражавшимся против денкинцев. По его инициативе и непосредственном участии в лесу под Новороссийском был создан госпиталь для лечения больных и раненых партизан. Весной 1920 г., после освобождения Кубанской области Красной Армией, Ш.-Г. Хакурате был принят в партию большевиков; тогда же добровольно вступил в ряды Красной Армии и проходил службу в 1-й Конной армии. После демобилизации в 1921 г. он возглавляет партийную организацию совхоза «Абрау-Дюрсо, а затем работает заместителем председателя Горского исполкома. В июле 1921 г. был назначен председателем Горского исполкома, действовавшего на правах отдела Кубчероблисполкома. Возглавляемый им Горский исполком в то время вел большую работу по формированию и укреплению местных органов власти, развитию промышленности и сельского хозяйства в горских районах Кубано-Черноморской области, а также по подготовке условий для образования Адыгейской автономной области. Уже в этот начальный период становления советской власти на Кубани, как подчеркивает М.Г. Аутлев (2000), Шахан-Гирей Хакурате проявил незаурядные способности государственного деятеля. В октябре 1922 г., после образования Адыгейской (Черкесской) автономной области Ш.-Г. Хакурате был назначен председателем исполкома областного Совета; с 17 июня 1932 г. – первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б). За заслуги в ликвидации бандитизма в Адыгее был награжден орденом Красного Знамени (1924).

Будучи председателем Адыгейского облсовета, и позже, возглавляя партийную организацию области, Ш.-Г. Хакурате много сделал для подъема национального самосознания адыгов, подготовки национальных кадров. Так, по его инициативе, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 26 июня 1930 г. принял развернутую программу экономического и культурного развития национальных областей северокавказского региона. В ней предусматривались следующие мероприятия: «...подготовить кадры специалистов для развивающейся промышленности национальных областей из рабочих и бедняцко-средняцких слоев, решительно вовлекать националов в промышленность с тем, чтобы обеспечить прочную базу для укрепления пролетарского руководства в национальных областях, обеспечить в ближайшие 2 года численное преобладание рабочих-националов в промышленности автономных областей, в городах Краснодаре, Владикавказе и Грозном организовать курсы для горцев по подготовке к поступлению на рабфаки, увеличить число горцев в учебных группах Майкопского лесного техникума». По инициативе Шахан-Гирея Умаровича и его непосредственным участием в г. Краснодаре были созданы Адыгейское национальное издательство и периодическая печать, Адыгейский музей, Дом культуры, а осенью 1932 г. – Адыгейский учебный городок им. А.А. Андреева, который в то время объединял педагогический техникум, совпартшколу, кооперативную, сельскохозяйственную, театральную, а также среднюю 9-летнюю опытно-показательную школу. Директором учебного городка была назначена К.С. Батурина, старая революционерка, беззаветно любившая своих питомцев. Немало сделал Ш.-Г. Хакурате и для строительства Адыгейского консервного комбината в пос. Яблоновском, а также трамвайной линии к нему, проложенной от городского парка до моста через р. Кубань, на которую он до-

Хакурате
Шахан-Гирей Умарович

бился необходимых ассигнований. Будучи членом ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР, он вел прием граждан, лично вникал в проблемы города. Сам же он, судя по рассказам современников, жил очень скромно, занимал с матерью две маленькие комнаты в одноэтажном доме, воспитывал сирот-племянников от рано умершего старшего брата.

Самые тесные связи поддерживал Ш.-Г. Хакурате с краснодарской интеллигенцией. Совместными усилиями строилась адыгейская государственность, готовились национальные кадры. Так, при Краснодарском педагогическом институте в 1932 г. был открыт набор в адыгейскую группу литературного факультета, а в 1934 г. – химико-биологического; ученые из ОЛИКО (Общества любителей изучения Кубанской области), в частности, Б.М. Городецкий, участвовали в разработке материалов по истории и дальнейшему развитию Адыгеи; известные медики профессора П.И. Бударин, В.Я. Анфимов, К.Д. Вачнадзе оказывали помощь Адыгейской областной больнице. Среди друзей Ш.-Г. Хакурате был герой гражданской войны, председатель Азово-Черноморского «Рисотреста» Д.П. Жлоба, стоявший у истоков кубанского рисосеяния.

Шахан-Гирей Хакурате скончался 5 октября 1935 г. в Кремлевской больнице в г. Москве, а 10 октября в Краснодаре состоялись его похороны. Тысячи жителей г. Краснодара встречали поезд с телом Хакурате; во время похорон ул. Красная и площадь возле здания на углу ул. Ворошилова (Гимназической), где размещался тогда Адыгейский облисполком, были заполнены массой народа: с ним прощалось все население города. Вспоминая те траурные дни, М.Г. Аутлев (2000) с нескрываемой болью пишет: «Я был свидетелем прихода траурного поезда из Москвы в Краснодар. От вокзала гроб с телом Хакурате был доставлен в актовый зал Адыгейского педагогического техникума, где он был выставлен для прощания трудящихся со своим Шахан-Гиреем. Траурная процессия протянулась тогда от нынешней ул. Хакурате по ул. Красной до педагогического техникума. Шли рабочие Краснодара, крестьяне окрестных аулов и станиц, шли гигантской колонной по 12 человек в ряду; шли и мы, студенты. На груди Хакурате алел орден Красного Знамени. Мы даже не знали, что он был награжден тогдашней высшей наградой СССР. Хакурате был скромн. Он таким родился, таким и прошел свой короткий жизненный путь. Он прожил всего 52 года, но остался навсегда ярким примером честности, порядочности, трудолюбия, принципиальности. Он любил свой народ... Хакурате был человеком высокой культуры. В основе ее было глубокое знание адыгского этикета (*адыгагъ*) Он был настоящим интернационалистом. Его друзьями были и русские, и адыги, и представители других национальностей. Все это можно было видеть по нескончаемой колонне прощавшихся с ним горожан и крестьян окрестных станиц и аулов...». Горсовет принял постановление об увековечении памяти славного сына адыгейского народа Ш.-Г. Хакурате: его именем были названы одна из улиц города и Краснодарская фельдшерско-акушерская школа.

Мовчан Андрей Васильевич

После Ш.Г. Хакурате первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б) был избран Андрей Васильевич Мовчан (23.10.1935-07.11.1937), работавший до этого вторым секретарем обкома. Родился он в 1897 г. в с. Горбы Горбовской волости Кременчугского уезда Полтавской губернии (позже – Глобинского района Харьковской области УССР). Выходец из крестьянской семьи.

Как он сам пишет в автобиографии, «Жили бедно, – как говорится, перебивались с хлеба на квас. ... семья состояла из 7 человек. Отец имел 1/2 га пахотной земли и никаких средств производства (инвентаря). Отец уходил на заработки, плотничал; мать на отработки у кулаков». С 13 лет стал трудиться, сначала батраком по найму у кулаков, мальчиком в литейном цехе 2-го механического завода в с. Горбы, учеником плотника. В 1911 г. окончил церковно-приходскую школу в с. Горбы, в 1912 г. там же – первое отделение двухклассной школы. В мае 1916 г. А.В. Мовчан был мобилизован в царскую армию, воевал рядовым в 404 Камышинском полку, был ранен».

С ноября 1917 г. А.В. Мовчан служил в Красной Армии красногвардейцем. И вновь ему слово: «В начале ноября месяца я записался в боевую дружину и сейчас же выехал на станцию Христоновка и в начале декабря я прибыл в г. Кременчуг и поступил в красногвардейский отряд Кулиша Трофима, в бомбометную команду. В этом отряде я пробыл до начала марта 1918 г., затем заболел сыпняком. Отец забрал в родное село, где я в сельской больнице и дома пролежал до июля месяца. В результате болезни я получил острую форму ТБЦ, которым страдал вплоть до 1928 г. С июля 1918 г. поступаю чернорабочим на Военно-химическом заводе в с. Глобино Кременчугского уезда. С декабря 1918 г. вступил в партизанский отряд Овсиенко...». Позже, по декабрь 1919 г., А.В. Мовчан служил сначала милиционером в с. Горбово, а затем красноармейцем в караульном и маршевом батальонах. Член ВКП(б) с 1920 г., партийный билет № 0373593.

Мовчан
Андрей Васильевич

В 1920-1921 гг. работал помощником волостного военрука в с. Горбы; позже был назначен секретарем Горбовского волостного партийного комитета КП(б)У, заведующим организационно-инструкторским отделом Кременчугского уездного парткома КП(б)У. С марта 1923 г. был назначен председателем райисполкома (с. Кишенка Кременчугского уезда).

С января 1924 г. А.В. Мовчан практически полностью переходит на партийную работу: секретарь райкома КП(б)У, заместитель заведующего, а затем заведующий оргинструкторским отделом Кременчугского окружкома партии, заместитель председателя Черкасского окрисполкома, секретарь Черкасского райкома КП(б)У. В сентябре 1931 г. Андрей Васильевич поступает на Курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). Не доучившись на курсах полгода, в мае 1932 г. он был отозван в распоряжение ЦК партии, где был назначен инструктором организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б), а позже, в 1934 г. – ответственным инструктором Политуправления Наркомата путей сообщения СССР. С января 1935 г. А.В. Мовчан – второй секретарь, а с 23 октября 1935 г. (по некоторым другим источникам – с марта 1936 г.) – первый секретарь Адыгейского обкома ВКП(б), одновременно – первый секретарь Майкопского горкома партии.

К сожалению, время пребывания его на этом посту было коротким. 4 ноября 1937 г. ЦК и крайком ВКП(б) приняли решение освободить А.В. Мовчана от занимаемой должности первого секретаря обкома Адыгеи, как «не оправдавшего доверие партии».

В материалах его личного дела есть характерная запись: «Мовчан А.В., первый секретарь Адыгейского обкома, снят с работы, отозван в распоряжение крайкома партии за то, что проглядел буржуазных националистов, пробравшихся в бюро обкома, где он был секретарем, оказался не способным и в дальнейшем настоящему развернуть и возглавить борьбу против буржуазных националистов». И уже 17 ноября 1937 г. он был осужден и «...признан виновным в том, что он являлся участником контрреволюционной буржуазно-националистической организации, существовавшей в Адыгейской автономной области с 1922 г.».

Елин Дмитрий Гаврилович

7 ноября 1937 г. Пленум Адыгейского обкома ВКП(б) одобрил решение ЦК и ВКП(б) об освобождении А.В. Мовчана от занимаемой должности и избрал Первым секретарем Дмитрия Гавриловича Елина. Биография его похожа на биографии его сверстников – поколения, чье детство совпало с Гражданской войной. Родился 27 мая 1907 г. в г. Туле, в рабочей семье. Его отец работал слесарем на Оружейном заводе: умер в 1919 г. Дмитрий Гаврилович свою трудовую деятельность начал 12-летним подростком. С апреля 1919 г. по март 1921 г. он ученик слесаря на заводе «Социалист» в г. Туле; с апреля 1921 г. по сентябрь 1922 г. работал пастухом в дер. Долбтово Паченского уезда; с октября 1922 г. по октябрь 1924 г. – ученик слесаря ФЗУ при Оружейном заводе в г. Туле; с ноября 1924 г. по октябрь 1925 г. – секретарь Черemoшенского райкома комсомола Тульской губернии; с ноября 1925 г. по апрель 1926 г. Д.Г. Елин секретарь Корытского волкома комсомола Орловской губернии. С мая по сентябрь 1926 г. – заместитель секретаря Лаптевского райкома комсомола Тульской губернии. Член ВКП(б) с июня 1926 г. В этом же году он поступил учиться на Тульский рабфак, который окончил в сентябре 1929 г. Два года (с сентября 1929 по февраль 1931 гг.) учился в Плано-экономическом институте в г. Москве. С марта 1931 г. по апрель 1933 г. Дмитрий Гаврилович работал преподавателем и завучем совпартшколы в г. Коломне; с апреля по октябрь 1933 г. – слушатель Особого сбора пропагандистов РККА. После окончания курсов (октябрь 1933 г. – сентябрь 1935 г.) он был назначен политработником 6-го полка связи РККА. В период с сентября 1935 г. по сентябрь 1937 г. был слушателем Экономического института Красной профессуры в г. Москве (ЦДНИКК. ф. 1774-в. оп. 1. д.2306; Солошенко В.Н.. 2000).

7 ноября 1937 г. Д.Г. Елин утвержден в должности первого секретаря Адыгейского обкома ВКП(б), одновременно являлся первым секретарем Майкопского районного комитета ВКП(б). Однако на этом посту Дмитрий Гаврилович оставался недолго. О причинах своего снятия он сообщает в автобиографии (стиль и орфография сохраняются – Авт.): «В 1938 г.. по донесениям начальника Управления НКВД по Адыгейской области, обвинившего меня в том, что я мешал власти вести борьбу с врагами, я был освобожден ЦК ВКП(б) от этой работы. После моих подробных объяснений ЦК ВКП(б) я был полностью реабилитирован, а начальник НКВД по Адыгейской области был осужден как провокатор и враг...». 20 мая 1938 г. Д.Г. Елин на короткий срок был переведен директором парткурсов Ленинского партийного учебного городка в г. Геленджике.

О своей дальнейшей деятельности Дмитрий Гаврилович так сообщает в автобиографии: «С 1938 г. я руковожу строительством и пуском Краснодарского завода измерительных приборов (ЗИП). В декабре 1941 г. я эвакуировал этот завод в г. Омск, где он по приказу Наркома электропромышленности СССР объединялся с другим заводом, а я назначаюсь директором Свердловского завода № 694...» С марта 1942 г. Д.Г. Елин работал директором Верх-Исетского кабельного завода.

Елин
Дмитрий Гаврилович

В 1942-1943 гг. Дмитрий Гаврилович был курсантом Высших курсов политсостава. С марта 1943 г. – в действующей Красной армии: воевал на Брянском фронте заместителем начальника политотдела 1863-й стрелковой дивизии, в 1944-1945 гг. – на 1-м Белорусском фронте, заместителем командира полка по политчасти 25-й стрелковой дивизии. После окончания войны работал сначала управляющим Краснодарским сыртрестом Министерства мясной и молочной промышленности СССР (январь-декабрь 1946 г.), затем возглавлял Тульский областной отдел местной промышленности (декабрь 1946 г. – январь 1950 г.). С февраля 1950 г. по январь 1951 г. Дмитрий Гаврилович – слушатель Тульской областной двухгодичной партийной школы; затем, по декабрь 1952 г. – секретарь партийного бюро Тульского партинститута. С февраля 1953 г. – слушатель Института повышения квалификации преподавателей в г. Туле.

Д.Г. Елин избирался депутатом Верховного Совета СССР (1937-1946 гг.). За мужество, проявленное во время Великой Отечественной войны, был награжден двумя орденами «Красного Знамени» (1944, 1945), орденом «Отечественной войны» I степени (1945), а также медалями: «За боевые заслуги» (1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (1945), «За освобождение Варшавы» (1945), «За взятие Берлина» (1945).

Чекаловский Федор Григорьевич

Чекаловский
Федор Григорьевич

Дмитрия Гавриловича Елина на посту первого секретаря Адыгейского обкома ВКП(б) сменил Федор Григорьевич Чекаловский, имевший опыт работы в районных и краевых партийных структурах. Родился 26 мая 1898 г. в г. Екатеринодаре, по происхождению – из рабочей семьи. Рано остался без родителей – мать умерла в 1904 г., а отец, чернорабочий коммунальных предприятий, – в 1907 г. Федор окончил церковно-приходскую школу в г. Екатеринодаре в 1909 г. Свою трудовую деятельность он начал учеником и подмастерьем на кондитерских фабриках Смолина в г. Екатеринодаре и Телетникова в г. Кропоткине, где работал с 1909 г. до призыва в армию. С 1916 г. – рядовой Горной артиллерийской дивизии на Кавказском фронте; с апреля 1918 г. по март 1919 г. – красноармеец 1-й Кубанской артиллерийской бригады; с марта 1919 г. по май 1921 г. – старшина 33-й Кубанской стрелковой дивизии. В апреле 1919 г. Федор Григорьевич вступил в партию большевиков. С мая 1921 г. в течение года он был курсантом военно-политических курсов при Толмачевском институте в г. Ленинграде, после окончания которых назначался на различные ответственные военные и партийные посты: политрук батареи артиллерии 37-й стрелковой дивизии СКВО (апрель 1922 г. – ноябрь 1927 г.), военком конной артиллерийской дивизии 5-й кавалерийской дивизии СКВО (ноябрь

1927 г. – ноябрь 1929 г.); военком 35-го артиллерийского дивизиона 5-й Кавказской дивизии (ноябрь 1929 г. – декабрь 1930 г.); ответственный секретарь дивизионной парткомиссии (1930-1932 гг.); комиссар 22-го артиллерийского полка 22-й Краснодарской дивизии СКВО (1932-1933 гг.). С января 1933 г. по апрель 1934 г. Ф.Г. Чекаловский работал начальником политотдела Незамаевской МТС Павловского района Азово-Черноморского края, а в период с апреля 1934 г. по январь 1935 г. – начальником политотдела Кутейниковской МТС Леоно-Калитвинского (Чертковского) района Азово-Черноморского края. Позже он занимал ответственные посты в районных, областных и краевых партийных структурах: второй секретарь Алексеево-Лозовского РК ВКП(б) Азово-Черноморского края (январь 1935 г. – февраль 1937 г.), первый секретарь Лабинского райкома ВКП(б) (март 1937 г. – ноябрь 1937 г.), заведующий отделом руководящих партийных органов Краснодарского крайкома ВКП(б) (ноябрь 1937 г. – июнь 1938 г.). В период с 1 июня 1938 г. по 2 февраля 1940 г. Ф.Г. Чекаловский был первым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б) и одновременно – первым секретарем Майкопского горкома партии (ЦДНИКК, ф. 1774-В, оп. 1, д. 8585).

С февраля 1940 г. по июль 1941 г. Ф.Г. Чекаловский работал третьим секретарем Винницкого обкома КП(б)У, откуда был направлен слушателем Высших курсов усовершенствования политсостава (г. Москва). После окончания краткосрочных курсов, с сентября 1941 г., служил членом Военного Совета Орловского военного округа, а с декабря 1941 г. по октябрь 1945 г. – членом Военного Совета Южно-Уральского военного округа. После окончания Великой Отечественной войны он был переведен заместителем командующего Бакинским военным округом по тылу (октябрь 1945 г. – сентябрь 1946 г.) заместителем командующего 7-й Гвар-

дейской армии Закавказского военного округа (сентябрь 1946 г. – апрель 1948 г.). Заместителем командующего 38-й армии по тылу Прикарпатского военного округа (апрель 1948 г. – апрель 1949 г.). В 1949 г. генерал-майор в отставке Ф.Г. Чекаловский ушел на заслуженный отдых. Будучи пенсионером, работал в г. Черновцы (УССР) управляющим трестом Укрглавлхлеб, управляющим облторгбазой Главтекстильбыта (1949-1953 гг.).

Награжден орденами «Красного Знамени», «Красной Звезды», «Орденом Ленина», а также медалями: «За победу над Германией». «30 лет Советской Армии и Флота» Умер 29 сентября 1962 г.

Кругликов Михаил Маркович

Кругликов
Михаил Маркович

В период с 02.02.1940 г. по 07.05.1941 г. пост первого секретаря Адыгейского обкома ВКП(б) занимал Михаил Маркович Кругликов, пользовавшийся большим авторитетом и имевший опыт работы в партийных органах власти. М.М. Кругликов родился в 1903 г. В партию большевиков вступил в 1927 г. С 6 февраля по 2 июня 1938 г. работал третьим, а с 2 июня 1938 г. по декабрь 1939 г. – вторым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б), одновременно исполняя обязанности секретаря обкома по кадрам. Позже М.М. Кругликов был рекомендован на должность первого секретаря Адыгейской областной партийной организации (протокол заседания бюро обкома № 93 от 19 декабря 1939 г.; постановление VIII пленума ОК ВКП(б) от 2 февраля 1940 г.). 16.3.1940 г. Михаил Маркович Кругликов за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве и в особенности за перевыполнение плана по урожайности зерновых и технических культур, а также за достижение высоких показателей по животноводству награжден орденом Трудового Красного Знамени. Освобожден от занимаемой должности решением VI пленума Адыгейского обкома ВКП(б) 7 мая 1941 г.

В годы Великой Отечественной войны областная партийная организация мобилизовала всех жителей Адыгеи на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками как на фронте, так и в тылу врага, а после освобождения области – на самоотверженный труд, направленный на приближение победы над врагом. Во время войны главным лозунгом жителей Адыгеи, как и всей страны, было: «Все для фронта, все для Победы!». Немалый вклад в приближение Дня Победы и восстановление народного хозяйства внесли руководители областной партийной организации, первые секретари Адыгейского обкома ВКП(б) А.П. Ермаков (07.05.1941-28.03.1943), Л.М. Кривенко (28.03.1943-10.02.1945) и М.П. Давыдов (10.02.1945-07.03.1949).

Ермаков Антон Петрович

Антон Петрович Ермаков родился в 1896 г. в дер. Лутошкино Краснинского района Воронежской области. Трудовую деятельность начал батраком, затем грузчиком в Москве, кузнецом на Коломенском машиностроительном заводе. С 1920 г. – в рядах Красной Армии, в 1921 г. вступил в партию большевиков. В 1926 г. окончил двухгодичную военно-политическую школу в г. Смоленске и продолжал службу в армии до 1933 г. Демобилизовался с должности военкома полка. В 1933-1935 гг. – начальник политотдела Павловской МТС. В 1935-1940 гг. работал вторым, затем первым секретарем Павловского райкома ВКП(б). С сентября 1940 г. – второй секретарь Адыгейского обкома ВКП(б), а в апреле 1941 г. утвержден в должности первого секретаря обкома, одновременно являлся первым секретарем Майкопского горкома ВКП(б).

В период оккупации Краснодарского края в августе 1942 г. Антон Петрович находился в партизанских отрядах Адыгеи, а с 11 сентября 1942 г. был отозван в Южный штаб партизанского движения, с января 1943 г. он – начальник 4-го отделения Южного штаба партизанского движения. С апреля 1943 по февраль 1953 г. работал секретарем партколлегии при Краснодарском крайкоме ВКП(б); в феврале-мае 1953 г. – заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов крайкома; с мая 1953 г. по декабрь 1961 г. – председатель парткомиссии при Краснодарском крайкоме КПСС. А.П. Ермаков был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны; медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Умер 3 декабря 1965 г. (ЦДНИКК, ф.1774-В, оп.1, д.2384; оп.17, д.146; ф.4372, оп.1, д.96; д.50; ф.9896, оп.1, д.2, л.1).

Кривенко Леонид Михайлович

Леонид Михайлович Кривенко родился в августе 1907 г. в с. Александровка Донской (ныне – Ростовской) области в крестьянской семье. Отец погиб в первую империалистическую войну на турецком фронте. После окончания в 1917 г. трехклассной сельской школы работал пастухом, а с 1920 г. – переписчиком в Александровском волисполкоме. С декабря 1920 г. по июль 1921 г. – воспитанник детдома в Ростове-на-Дону. В июле 1921 г. Л.М. Кривенко работал в военно-цензурном отделении особого отдела Кавказской ар-

Кривенко
Леонид Михайлович

мии в Тифлисе (Тбилиси), регистратором в Закавказской ЧК. В период с 1922 по 1928 гг. – член ВЛКСМ. В 1923 г. он был агентом по сбору госналогов в Александровском волысполкоме; затем – секретарем комитета общественной взаимопомощи в Азовском районе Донского округа, помощником монтера на электростанции в г. Азове.

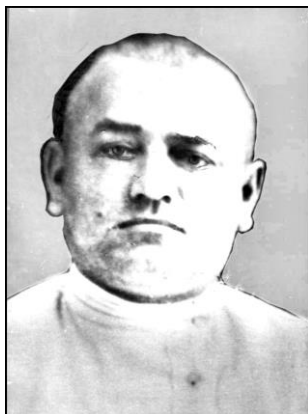
В период 1926-1936 гг. Леонид Михайлович – на комсомольской, партийной, советской и хозяйственной работе в г. Азове и Новобатайске (председатель Бюро юных пионеров РК ВЛКСМ, заведующий общим отделом РК ВКП(б), заведующий организационным отделом потребкооперации, затем – Азовского райколхозсоюза, ответственный секретарь Азовского райисполкома, начальник водного транспорта рыбного комбината (г. Азов), председатель Ново-Батайского сельсовета, инструктор Азовского РК ВКП(б). Партстаж – с ноября 1930 г., партийный билет № 3923725.

В 1937 г. он окончил краевые годичные курсы марксизма-ленинизма в г. Геленджике. В 1937-1939 гг. работал инструктором, заведующим отделом агитации и пропаганды горкома ВКП(б) в г. Сочи. С октября 1939 г. по февраль 1941 г. – заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды Краснодарского крайкома ВКП(б). с февраля 1941 по март 1943 г. – первый секретарь Армавирского горкома ВКП(б). В период временной оккупации Кубани с августа по декабрь 1942 г. командовал Армавирской группой партизанских отрядов, а также, как он отмечает в своей автобиографии, «возглавлял руководство районного и городского комитетов партии, находившихся при партизанских отрядах». В декабре 1942 – январе 1943 гг. был на лечении в госпитале г. Тбилиси.

С 28 марта 1943 г. по 10 февраля 1945 г. Л.М. Кривенко – первый секретарь Адыгейского обкома ВКП(б). Впоследствии работал первым секретарем Сочинского горкома (1945-1949 гг.), Темрюкского райкома (1949-1952 гг.). В 1947 г. он окончил 9-ти месячные курсы руководящих партийных работников ВПШ при ЦК ВКП(б), а в 1952 г. с отличием окончил исторический факультет Майкопского учительского института. В период с февраля по апрель 1952 г. Леонид Михайлович работал заведующим отделом рыбной промышленности Краснодарского крайкома КПСС, заместителем председателя Краснодарского крайисполкома (апрель 1952-март 1957 гг.), заведующим краевым отделом социального обеспечения (1957-1961 гг.), начальником краевого курортного управления профсоюзов (1961-1963 гг.). Умер 29 августа 1969 г.

В разные годы Л.М. Кривенко избирался членом бюро Азовского райкома ВКП(б), Сочинского горкома партии и Краснодарского крайкома ВКП(б): был участником 18-й Всесоюзной партийной конференции (1941). Награжден орденом Красного Знамени (1944), а также медалями «За оборону Кавказа» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945). «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1946) (ЦЦНИКК, ф. 1774-А, оп. 1, д.3959; оп. 18, д. 125).

Давыдов Михаил Прокофьевич

Давыдов
Михаил Прокофьевич

Михаил Прокофьевич Давыдов родился 15 ноября 1901 г. в с. Кораблине Рязанской губернии, в рабочей семье. Образование: окончил церковно-приходскую школу, политические клубные курсы работников РККА, полтора года учился заочно в Ленинградском КомВУЗе, сдал экстерном экзамены за полную военную школу, окончил специальные курсы директоров школ повышения квалификации колхозных работников. Свою трудовую деятельность Михаил Прокофьевич начал чернорабочим аптекарско-парфюмерного предприятия в г. Казани (1915-1917 гг.). С марта по ноябрь 1918 г. – товарищ председателя Кораблинского культурно-просветительного кружка молодежи; затем – секретарь Кораблинской комсомольской ячейки. С октября 1919 г. по март 1920 г. М.П. Давыдов – заведующий орготделом Рязанского губкомла. В 1920 г. вступил в партию большевиков. С марта 1920 г. по январь 1933 г. находился в рядах РККА (красноармеец, политрук, член полевой рабоче-крестьянской инспекции армии, секретарь партбюро полка, начальник клуба, инструктор политотдела, ответственный секретарь дивизионной партийной комиссии 6-й стрелковой дивизии).

После демобилизации, в период с января 1933 г. по октябрь 1936 г. был начальником политотдела Степнянского зерносовхоза в ст. Куцевской; с октября 1936 г. по февраль 1937 г. – слушателем курсов директоров школ повышения квалификации колхозных работников; с февраля по май 1937 г. – директором Новороссийской школы повышения квалификации колхозных работников. Позже он занимал ответственные посты в районных, областных и краевых партийных структурах: первый

секретарь Туапсинского райкома ВКП(б) (июнь 1937 – апрель 1938), заведующий промышленно-транспортным отделом Краснодарского крайкома ВКП(б) (апрель-июнь 1938); второй секретарь Краснодарского горкома партии (июнь 1938-март 1941). С марта по июль 1939 г. М.П. Давыдов вновь работал директором Новороссийской школы повышения квалификации колхозных работников, а в период с августа 1939 г. по ноябрь 1941 г. – директором Новороссийского сельскохозяйственного колхозного техникума. 9 ноября 1941 г. был назначен военкомом 7-го полка 3-й Кубанской казачьей дивизии; воевал на фронте почти до окончания Великой Отечественной войны. До начала 1945 г. был первым секретарем Анапского районного комитета ВКП(б). С 10 февраля 1945 г. (по другим данным – с 19 декабря 1944 г.) – первый секретарь Адыгейского обкома ВКП(б); 7 марта 1949 г. ушел с этого поста «по состоянию здоровья» (ЦДНИКК, ф.1774-В, оп.1, д.2254). Депутат Верховного Совета СССР 2 созыва. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени. Умер в 1967 г. в г. Рига.

Каде Халид Баткериевич

Каде
Халид Баткериевич

Немалый вклад в восстановление разрушенной войной экономики Адыгеи внес Халид Баткериевич Каде. Родился 3 марта 1909 г. в а. Афипсип, воспитывался в трудолюбивой крестьянской семье, рано познал нелегкий труд хлебороба; уже с 11 лет Халид начал свою «трудовую биографию». До 1929 г. работал в своем крестьянском хозяйстве, в 1929 г. вступил в колхоз. Член ВКП(б) с 1931 г. С 1931 по 1933 гг. служил в Красной Армии, после демобилизации поступил в Краснодарскую Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, окончив которую был направлен на работу заведующим парткабинетом Тахтамукайского РК ВКП(б). С апреля 1936 г. по июнь 1938 г. стал работать заместителем директора по политчасти Тахтамукайской МТС. Здесь он в полной мере проявил свои профессиональные знания и незаурядные организаторские способности, благодаря чему коллектив МТС скоро стал одним из передовых в Адыгее. В июне-сентябре 1938 г. Х.Б. Каде работал инструктором Адыгейского обкома ВКП(б).

...Трудное это было время. Трудное и героическое. Начиная с 30-х годов, коллективизация в Адыгее набирала темпы. Трудящиеся-горцы понимали, что лишь совместным, коллективным трудом можно предотвратить послевоенную разруху, нищету, голод, добиться успехов в хозяйственном строительстве. Как образно заметил в свое время Сулхан Саба Орбелиани, «можно сломать одну стрелу, но целую связку стрел нельзя и согнуть, – ведь вся сила в единении». Это же утверждает и адыгская народная мудрость: «Іэхьогъум хэкӀырэ мэлыр тыгъужьым ешхы» – «Овцу, ушедшую из отары, съедает волк». Коллективизация в Адыгее и на Кубани сталкивалась с большими трудностями. Враги не брезговали никакими клеветническими измышлениями, чтобы запугать людей и не допустить их в колхозы. От слов они переходили к делу: уничтожали запасы посевного материала, поджигали амбары, выводили из строя машины и механизмы. Погибли от рук кулаков комсомольцы Дзепш Кочасок из а. Тлюстенхабль, Махмуд Казнев из а. Хатажукай, коммунист Батырбий Куижев из а. Мамхег и многие другие. Но, несмотря на все это, крестьяне поняли и приняли необходимость объединения своих сил, и колхозное движение набирало темпы. Немаловажный вклад в колхозное строительство внес и Халид Баткериевич Каде. Активное участие принимал он и в «культурной революции» в Адыгее. До 1917 г. практически все адыги, как другие народы национальных окраин бывшей Российской империи, были неграмотны. Так, по данным переписи 1897 г., грамотность среди адыгейцев составляла всего 7 %, черкесов – 3,8 %, среди кабардинцев – 3,4 %. Поэтому одной из первоочередных задач культурной революции явилась ликвидация неграмотности населения. По всей Адыгее была развернута сеть ликпунктов (пунктов по ликвидации неграмотности). В результате самоотверженной работы, неграмотность в области была в считанные годы ликвидирована, и к 1937 г. грамотность населения здесь достигла 97,3 %. Заслуживает внимания, что Халид Баткериевич был в те годы руководителем одного из пунктов по ликвидации неграмотности в а. Афипсип, о его успехах сообщала областная и краевая пресса.

Незаурядный организаторский талант молодого специалиста, его внимание к людям, стремление в трудный момент прийти к ним на помощь были замечены, и в мае (по другим источникам – в сентябре) 1938 г. Х.Б. Каде был назначен председателем Адыгейского облисполкома, где он работал до декабря 1939 г. С января по март 1940 г. был вторым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б). С этой должности освобожден 31 марта 1940 г. в связи с выездом на учебу (Солошенко В.Н., 2000). В 1941 г. Халид Баткериевич был призван в действующую Красную Армию и прошел славный боевой путь от Сталинграда до Праги, принимая участие в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны. Сталинградская битва, Курская дуга, форсирование Днепра, Яссо-Кишиневская операция, – таковы основные вехи боевого пути Х.Б. Каде.

Он был одним из участников пленения фельдмаршала Паулюса в Сталинграде. В память об этом событии Халид Батчериевич передал в музей Красной Армии в Москве кортик, принадлежавший начальнику штаба паулюсовской армии генерал-лейтенанту Шмидту. Войну Халид Батчериевич закончил начальником организационно-инструкторского отдела политотдела 7-й Гвардейской армии в звании подполковника. Затем он получил назначение служить начальником политотдела оккупационных войск в Австрии, но отказался и уехал восстанавливать разрушенное войной хозяйство Адыгеи.

После демобилизации, в 1945 г., Х.Б. Каде был направлен в Высшую партийную школу, в г. Москву, по окончании которой, в январе 1947 г., он назначается вторым секретарем Адыгейского обкома ВКП(б), а в августе 1948 г. – председателем Адыгейского облисполкома. Спустя год, 16 марта 1949 г., 5-й пленум Адыгейского обкома ВКП(б) избрал Халида Батчериевича первым секретарем областной партийной организации. На этом ответственном посту он проработал до 8 февраля 1954 г. («Адыгейская правда», 1949, 11 марта).

Следует помнить, что именно эти годы были одними из самых тяжелых в жизни страны в целом и Адыгеи в частности. Ведь война и временное пребывание оккупантов на Северном Кавказе нанесли огромный ущерб Адыгее. Большинство предприятий, колхозов, совхозов, МТС, жилого фонда, школ и больниц было разрушено и разграблено, суммарный ущерб Адыгейской автономной области составил около 1 млрд. рублей. И немалый вклад в дело восстановления народного хозяйства и строительство новых промышленных и сельскохозяйственных предприятий Адыгеи внес Х.Б. Каде.

О своей первой встрече с первым секретарем Адыгейского обкома КПСС вспоминает Н.А. Берзегов (2000): «Произвел он на меня самое доброе впечатление. Помню, сидел он в кресле спокойно, уверенно, в военном кителе цвета хаки с отложным воротничком, говорил хрипловатым голосом, слегка улыбался. На груди у него значок депутата Верховного Совета СССР, набор орденов колодок. Беседуя, задал вопрос, кем доводится мне бывший председатель Адыгейского облисполкома Кунчук Хасанович Берзегов. Я ответил – двоюродный брат моего отца. Он тепло отозвался о нем, сказал, что таким дядей можно гордиться. Добавил непринужденно: «Умный и порядочный человек».

В 1955 г. Х.Б. Каде был переведен в аппарат Краснодарского крайкома КПСС на должность заведующего отделом промышленных товаров; в 1956 г. избирается председателем крайкома профсоюзов рабочих пищевой промышленности, а 15 октября 1958 г. после тяжелой болезни он скончался. Трудовой и боевой путь Халида Батчериевича отмечен высокими правительственными наградами: орденом Трудового Красного Знамени, двумя боевыми орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I степени и Знак Почета, многими медалями («Единство», 1998, 22 декабря; «Советская Адыгея», 1999, 4 марта).

Чундоков Ибрагим Сагидович

Чундоков
Ибрагим Сагидович

После Х.Б. Каде областную партийную организацию возглавлял Ибрагим Сагидович Чундоков (08.02.1954-25.03.1960), занимавший до этого (IX-1952 – II-1954) пост председателя Адыгейского облисполкома. Родился 12 июля 1906 г. в адыгейском ауле Тугургой

С 1938 г. – на общественной и политической работе. В 1938–1965 гг. – главный инженер, директор маслозавода (Кабардино-Балкарская АССР), заместитель народного комиссара – министра пищевой промышленности Кабардино-Балкарской-Кабардинской АССР, заместитель председателя Исполнительного комитета Областного Совета Адыгейской автономной области, председатель Исполнительного комитета областного Совета Адыгейской автономной области, 1-й секретарь Областного комитета КПСС Адыгейской автономной области, заместитель председателя Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета, секретарь Краснодарского краевого комитета КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 4-го и 5-го созывов. Награжден орденом Ленина и медалью «За трудовую доблесть».

Как пишет М.Г. Аутлев (2000), Ибрагим Сагидович был «...одним из замечательных и подлинных коммунистов. С приходом Ибрагима Сагидовича сразу оздоровилась атмосфера человеческих отношений, стало больше открытости, а главное, как-то все упростилось,

все доступнее стали властные коридоры». И далее М.Г. Аутлев вспоминает эпизоды из жизненного пути Ибрагима Сагидовича и делится своими впечатлениями о встречах с ним: «Родом он был из а. Тугургой. Один из его предков по материнской линии происходил из простых шапсугских крестьян, носивших фамилию Улагай, по их сюзерену (т. е. господину). Лишившись рано отца, Ибрагим рос полусиротой, не имея ни братьев, ни сестер. Это была единственная семья, носившая фамилию Чундоков. Рос он при матери, а когда

пришло время, поступил в новый, только что открывшийся в Краснодаре Всесоюзный институт маслянично-маргариновой промышленности (ВИММП). После окончания института был направлен в Кабардино-Балкарию, где проработал до 1954 г. Высококультурный, по-настоящему интеллигентный человек, И.С.Чундоков был подлинным коммунистом ленинского типа. Запомнились мне такие черты его характера, как скромность, отзывчивость, добропорядочность и принципиальность. К нему тянулись все. Его простота и доступность были естественными. Люди верили ему...». Ибрагим Сагидович Чундоков внес немалый вклад в восстановление и послевоенное развитие народного хозяйства Адыгеи. 24 марта 1960 г. III пленум Адыгейского обкома КПСС освободил И.С. Чундокова от обязанностей первого секретаря областной партийной организации «в связи с переходом на другую работу» («Адыгейская правда», 1960, 26 марта).

Берзегов Нух Асланчериевич

Берзегов
Нух Асланчериевич

До настоящего времени с благодарностью и признательностью вспоминают жители Республики Адыгея Нуха Асланчериевича Берзегова, проработавшего на посту первого секретаря Адыгейского обкома КПСС около четверти века (25.03.1960–19.12.1983).

Н.А. Берзегов родился 30 ноября 1925 г. в а. Бжедугхабль Красногвардейского района Адыгейской автономной области. В 1943 г., после окончания Бжедугхабльской средней школы, 17-летним юношей ушел добровольцем на фронт, где воевал вначале солдатом, позже – командиром отделения, помощником командира взвода противотанковой роты, комсоргом батальона 223-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта, пройдя славный боевой путь от Кубани до Австрийских Альп. Ратный подвиг воина из Адыгеи был отмечен многочисленными боевыми наградами.

В 1946 г. Н.А. Берзегов поступил на исторический факультет Майкопского учительского института, который окончил в 1948; затем работал учителем истории, директором средней школы в а.Ходзь; завучем и учителем истории в Адамиевской средней школе Красногвардейского района; при этом одновременно учился в Краснодарском педагогическом институте, который окончил в 1951 г. Принимая во внимание его организационные способности, высокий профессионализм, трудолюбие, настойчивость в достижении поставленной цели и обостренное чувство ответственности за порученное дело, молодого специалиста назначили сначала заведующим областным отделом народного образования, а затем доверили ответственный пост заместителя председателя Адыгейского облисполкома, после чего он был назначен секретарем Адыгейского обкома КПСС. А 28 марта 1960 г. на областной партийной конференции 35-летний Н.А. Берзегов был избран первым секретарем Адыгейского обкома партии. Возглавляя около четверти века областную партийную организацию, он в полной мере оправдал доверие своих товарищей по партии, доверие всех жителей Адыгеи. За эти годы им было немало сделано для подъема промышленного и сельскохозяйственного потенциала области, много внимания уделялось и социальной сфере.

Отдавая должное организаторским способностям Н.А. Берзегова, как руководителя областной партийной организации, справедливости ради следует подчеркнуть, что этот подъем экономики области, улучшение жизни ее населения был бы невозможным без самоотверженной работы тысяч тружеников, которые в тяжелейшие послевоенные годы, не жалея своих сил и здоровья, восстанавливали от разрухи родную Адыгею, делали ее краше и счастливее. Следует с благодарностью вспомнить и тех, кто в так называемые «годы застоя» укреплял экономику области, строил здесь прекрасные дома, заводы, фабрики, музеи и театры, – все то, чем гордятся сегодня жители нашей республики и что так радует глаз наших гостей. Кстати, Нух Асланчериевич, как говорится, «на дух» не принимал этого слова и всегда возмущался, когда его слышал, – ведь в экономике Адыгеи, повторял он, ни о каком «застое» говорить не приходилось. Наоборот, как он вспоминал в одном из своих интервью, «...именно в годы второго этапа послевоенного развития в Адыгее планомерно наращивался экономический потенциал. Причем, шел этот процесс без скачков и перепадов, только в гору. Увеличивалась урожайность полей, продуктивность ферм, как бы заново создавалась строительная индустрия, транспортные коммуникации, животноводческие комплексы, промышленное птицеводство. И это все, представьте, в те «застойные годы»...

С именем Н.А. Берзегова связаны и ощутимые положительные изменения в социальном развитии области, повышении материального и культурного уровня жизни трудящихся. Много внимания уделял он проблемам развития и обустройства г. Майкопа, как административного, научного и культурного центра Адыгеи. При его содействии и активной поддержке были построены такие крупные предприятия, как завод «Точрадиомаш», редукторный завод и целлюлозно-картонный комбинат, шпагатно-веревочная и канатная фабрика, были полностью реконструированы и значительно расширились производственные мощности станкостроительного завода им. М. Фрунзе, заводов «Промсвязь» и «Станконормаль», пищекомбината Ро-

спотребсоюза, что позволило к концу 80-х гг. удвоить объем производства и вывести Майкоп в число одного из крупнейших промышленно развитых городов Краснодарского края. В эти же так называемые «застойные» годы были построены в Майкопе областная и городская больницы, семизэтажное здание Дома быта, крытый рынок, Дом радио, прекрасные здания Дворца искусств и Дома правительства, проложен в город групповой водопровод, появилось троллейбусное движение и другие жизненно важные для жителей объекты, украсившие областной центр и придавшие ему облик современного благоустроенного города.

Нельзя не отметить и заслуги Н.А. Берзегова как крупного ученого-экономиста, разрабатывающего проблемы повышения интенсификации сельскохозяйственного производства. В 1968 г. он заочно окончил Кубанский сельскохозяйственный институт, а в апреле 1969 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «Интенсификация земледелия в колхозах Адыгейской автономной области». Автор около 50 научных и публицистических работ, в том числе: «Советская Адыгея шагает вместе со своей страной» (1967); «Главный хлеб Адыгеи» (1968); «Адыгея под знаменем Ленина» (1970); «В братской семье народов» (1972); «В дружной семье братских народов» (1982), «Дороги моей судьбы» (2000).

Жизненные обстоятельства так сложились, что в декабре 1983 г. Н.А. Берзегов был вынужден был уйти с поста первого секретаря Адыгейского обкома КПСС. Он ушел, но оставил зримый след в новых промышленных и перерабатывающих предприятиях, жилых массивах, дорогах, водоводах, объектах искусства и культуры в г. Майкопе и других населенных пунктах Адыгейской автономной области, а главное, оставил свой добрый след в памяти людей.

С 1983 по 1989 гг. Нух Асланчериевич стал работать на дипломатическом поприще – Генеральным консулом в г. Варне (Болгария), где он достойно представлял нашу Родину – Советский Союз. Ту самую некогда великую и могучую державу, о которой он с гордостью говорил: «Я счастлив, что всю свою жизнь в меру своих сил и способностей служил родному Отечеству с гордым названием – СССР». С 1989 г. Нух Асланчериевич находился на пенсии, а в 2002 г. умер.

Н.А. Берзегов – почетный гражданин городов Руссе (1984) и Шумен (1989) в Болгарии. Награжден двумя орденами «Красной Звезды», орденом Отечественной войны I степени; орденами Ленина, Октябрьской революции, Дружбы народов, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени; а также 18 медалями, в том числе: «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Кавказа», «За освобождение Болгарии», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За освобождение Чехословакии», «За взятие Вены», «За трудовую доблесть», «Слава Адыгеи» (посмертно); отмечен 8 благодарностями Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. «Отличник народного просвещения РСФСР» (1955), награжден 12 медалями ВДНХ СССР (Шеуджен А.Х., Трахов Э.М., Шеуджен Б.Е. Земли адыгов достойный сын. – Краснодар: 1999. – 25 с.).

Хут Малич Салихович

Хут
Малич Салихович

С 19 декабря 1983 г. по 31 декабря 1988 г. пост первого секретаря Адыгейского обкома КПСС занимал Малич Салихович Хут. Родился он 9 мая 1932 г. в а. Джиджихабль Теучежского района Адыгейской автономной области, в семье крестьянина. Трудовую деятельность начал в 1950 г. участковым агрономом Теучежской МТС. В 1951-1956 гг. учился в Кубанском сельскохозяйственном институте. В 1956-1961 гг. работал старшим агрономом, заместителем председателя колхоза «Октябрь» Теучежского района; главным агрономом, заместителем начальника и начальником инспекции по сельскому хозяйству Теучежского райисполкома. Член КПСС с 1958 г. После окончания в 1963 г. аспирантуры ВНИИ масличных и эфиромасличных культур, работал помощником первого секретаря Адыгейского обкома КПСС, заместителем начальника областного управления производства и заготовок сельхозпродуктов, заведующим сельскохозяйственным отделом Адыгейского обкома КПСС. С 1968 по 1979 г. работал председателем Адыгейского облисполкома, а в 1979-1983 гг. – заместителем председателя Краснодарского крайисполкома.

19 декабря 1983 г. М.С. Хут был избран первым секретарем Адыгейского обкома КПСС. В трудные годы так называемой «перестройки» он прикладывал все свои усилия для того, чтобы как-то смягчить разрушительные последствия экономического беспредела, который усилиями «псевдодемократов» и «прихвизаторов» стал захлестывать нашу страну. Много внимания уделял он и проблеме межнациональных отношений, сохранению мира и спокойствия в многонациональной Адыгее, за что ее народ бесконечно благодарен Маличу Салиховичу.

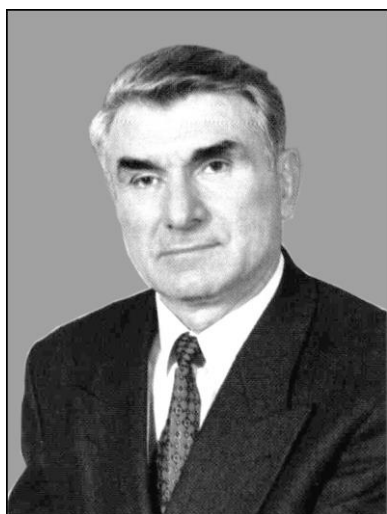
М.С. Хут – кандидат экономических наук; являлся депутатом Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, неоднократно избирался депутатом краевого и областного Советов народных депутатов; был делегатом XXIV, XXV и XXVII съездов КПСС. Умер 1 января 1989 г.

«На всех участках, которые ему поручались, М.С. Хут трудился с большой энергией, целеустремленностью и настойчивостью. Ему были присущи высокая требовательность, личная скромность, повседневная забота о нуждах людей. Этим он снискал глубокое уважение коммунистов, трудящихся края и области», – отмечается в некрологе, который подписали М.С. Горбачев, Е.К. Лигачев, Г.П. Разумовский, И.К. Полозков, Н.И. Кондратенко, А.А. Джаримов, М.С. Тлехас и другие видные государственные и партийные деятели («Адыгейская правда», 1989, 4 января). Заслуги Малича Салиховича Хута высоко оценены Советским государством. Он был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и многочисленными медалями.

19 января 1989 г. первым секретарем Адыгейского обкома КПСС избран **Аслан Алиевич Джаримов** (позже – председатель Совета народных депутатов ААО, Президент РА).

4.4.3. Президенты (Главы) Республики Адыгея

Джаримов Аслан Алиевич

Джаримов
Аслан Алиевич

Особое место в ряду государственных и партийных деятелей, стоявших в разные годы во главе Адыгеи, занимает первый Президент Республики Адыгея Аслан Алиевич Джаримов. Он родился 8 ноября 1939 г. в а. Егерухай Кошехабльского района в семье крестьянина. Трудовую деятельность начал в колхозе «Путь к коммунизму». После окончания Кубанского сельскохозяйственного института работал агрономом-семеноводом, старшим экономистом Кошехабльского райсельхозуправления, аспирант кафедры экономики сельского хозяйства Кубанского сельскохозяйственного института, начальник планово-экономического отдела управления сельского хозяйства Адыгейского облисполкома, заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом Адыгейского обкома партии, директор Адыгейской областной государственной сельскохозяйственной опытной станции. В последующие годы занимал должности заведующего сельхозотделом, а затем – секретаря Адыгейского обкома КПСС по сельскому хозяйству. Работал секретарем Краснодарского крайкома КПСС по агропромышленному комплексу. 19 января 1989 г. был избран первым секретарем Адыгейского обкома КПСС, а в марте 1990 г. – председателем Совета народных депутатов Адыгейской автономной области. В январе 1992 г. А.А. Джаримов, в результате все-

народных выборов, стал первым Президентом Республики Адыгея. В 1985 г. он окончил Академию общественных наук. Был народным депутатом СССР, Совета Федерации. Доктор экономических наук, профессор.

Одной из главнейших задач А.А. Джаримов считал проведение экономической реформы в республике. Не случайно в одном из своих выступлений он особо подчеркнул: «Для нас главным должен стать лозунг: «Меньше политики, больше экономики». Под его руководством были разработаны и осуществлялись «Программа стабилизации экономики в период перехода к рынку», «Программа неотложных мер по оздоровлению экономики республики до 2000 г.», другие долговременные и целевые программы. Но важнейшим направлением своей деятельности А.А. Джаримов считал обеспечение мира, стабильности, межнационального согласия в Адыгее, укрепление дружбы с русским народом: «Все народы на земле – соседи, – подчеркивал Аслан Алиевич, – вместе мы сильны. Моя республика и Россия – понятия неразрывные». Эта же мысль прозвучала и в его выступлении 19 марта 1995 г.: «Новую Конституцию мы получили из рук Российской Федерации, из рук великого русского народа – великодушного, доброго, способного объединять вокруг себя все 150 наций и народностей, проживающих на просторах России». Много усилий прикладывал А.А. Джаримов к мирному разрешению грузино-абхазского конфликта, оказанию помощи братскому абхазскому народу. Не случайно в те тяжелые дни Председатель Верховного Совета Абхазии В.Г. Ардзинба особо подчеркнул, что «...если Джаримов выставит свою кандидатуру на пост Президента Абхазии, то все жители республики с радостью отдадут свои голоса за него. Он у нас пользуется безграничной любовью и популярностью».

Награжден орденами «Знак Почета», «Дружбы народов», «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалями «Слава Адыгеи», «Герой труда Кубани». Также награжден орденом «Честь и Слава» I и II степени – высшей наградой Республики Абхазия. Лауреат международной премии «За содействие миру на Кавказе».

Совмен Хазрет Меджидович

Совмен
Хазрет Меджидович

13 января 2002 г., по результатам всенародного голосования, Президентом Республики Адыгея избран Хазрет Меджидович Совмен. Он родился 1 мая 1937 г. в а. Афипсип Тахтамукайского района Краснодарского края в многодетной семье – Меджида и Гоцефиж.

Служил на Черноморском флоте. Окончил Ленинградский горный институт. Работал на Крайнем Севере, в арктической зоне Краснодарского края (остров Большевик), на золотодобывающих предприятиях Чукотки, Магаданской области, где освоил профессии бурильщика, машиниста бульдозера, высококвалифицированного поискового рабочего, мастера, инженера.

В 1963 г. избран заместителем председателя, а в 1966 г., в возрасте 29 лет его избирают председателем золотодобывающей артели «Восход». Позднее возглавлял крупнейшую в СССР золотодобывающую артель «Союз» (Магаданская область). С 1980 г. направлен в объединение «Енисейзолото», где он возглавил артель «Полюс», которая под его руководством превратилась в одну из крупнейших в мире золотодобывающих компаний. Четвертый год подряд «Полюс» становится победителем конкурса на звание «Лучшее Российское предприятие». За 16 лет это предприятие добыло и сдало государству значительное количество золота, причем разработки велись одновременно в

Северо-Енисейском, Туруханском и Мотыгинском районах Краснодарского края, а также на о. Большевик в Северном Ледовитом океане.

После преобразования артели в ЗАО «Золотодобывающая компания «Полюс» занимал пост президента компании. В 1983 г. артель «Полюс» приступила к освоению Олимпиадинского месторождения, одного из крупнейших в России. Большой вклад внес Х.М. Совмен в освоение крупнейшего в России Олимпиадинского золоторудного месторождения, расположенного в совершенно необжитом районе Крайнего Севера. Его усилиями этот комбинат был построен всего за 21 месяц вместо проектных 5-ти лет и обеспечивает добычу золота 10 т в год, с возможным последующим увеличением до 15 т. Не случайно в феврале 1999 г. Совмен объявлен победителем конкурса руководителей предприятий минерально-сырьевого комплекса страны. В январе 2000 г. президент РФ Владимир Путин направил Хазрету Совмену личную благодарность за эффективную работу, умение инициативно действовать в непростых условиях, за помощь стране в пополнении казны. В 2000 г. ЗАО «Полюс» – победитель конкурса на звание «Лучшее российское предприятие» входит в тройку лучших золотодобывающих компаний мира. В декабре 2000 г. и в декабре 2001 г. по итогам ежегодных конкурсов среди предприятий цветной металлургии компания «Полюс» признана победителем в номинации «За наиболее высокую финансовую эффективность».

Развивая промышленную базу золотодобычи, Хазрет Меджидович не забывал о людях, которые трудились здесь в тяжелейших условиях. Вот только несколько строк из наградных документов на его имя: «Х.М. Совмен организовал в районах Крайнего Севера строительство более 200 км автомобильных дорог, профтехучилища, больниц, хлебозавода, завода по производству сантехнических изделий...», – а еще жилые дома, школы, магазины, детские учреждения, другие объекты социальной сферы.

С января 2002 г. Х.М. Совмен – Президент Республики Адыгея. В 2007 г. добровольно ушел в отставку. В настоящее время занимается благотворительностью («Золотые купола Хазрета Совмена», 2009).

Х.М. Совмен – доктор технических наук, автор изобретений в золотодобывающей отрасли. Награжден орденами «Знак Почета» и «За заслуги перед Отечеством» II и III степени, медалями «Слава Адыгеи» и «Герой труда Кубани», орденом «Честь и слава» I степени за значительный вклад в становление мира и дружественных отношений на Кавказе, а также многими почетными наградами министерств и ведомств СССР и Российской Федерации, общественных организаций страны. 8 октября 2009 г. Х. Совмену присвоено звание «Почетный гражданин Краснодарского края» («Золотые купола Хазрета Совмена», 2009).

Тхакушинов Асланчерий Китович

Тхакушинов
Асланчерий Китович

13 января 2007 г. в должность Президента Республики Адыгея официально вступил Асланчерий Китович Тхакушинов. Он родился 12 июля 1947 г. в а. Уляп Красногвардейского района Адыгейской автономной области (ныне Республика Адыгея) в семье колхозника. Окончил Уляпскую среднюю школу, а затем поступил и окончил очно-филологический и заочно факультет физического воспитания Адыгейского государственного педагогического института.

С 1971 по 1983 г. работал на руководящих должностях в системе физической культуры и спорта Адыгеи. В январе 1983 г. назначен директором профессионально-технического училища №3 г. Майкопа, а затем – генеральным директором профессионально-технических и средних специальных учебных заведений области. В 1986 г. в Институте грузинской литературы им. Шота Руставели АН Грузинской ССР защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме: «Идейно-художественная проблематика поэм в адыгейской советской литературе». С февраля 1993 г. – ректор вновь образованного высшего учебного заведения – Майкопского государственного технологического института (ныне – университета); профессор кафедры философии и социологии. В 1995 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова

защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора социологических наук по теме: «Социокультурная среда и отражение социальных процессов в художественной литературе». Учёное звание доцента присвоено в 1995 г., профессора – в 1996 г.

А.К. Тхакушинов автор теоретического курса «Социология» и учебного пособия «Социология литературы и социология культуры: от Плеханова к Веберу». Монографии: «Общественные процессы и их отражение в адыгейской поэзии. Опыт социологического анализа» (1994), «В зеркале социологии» (1995), «Социология литературы и вопросы зарождения новописьменного адыгейского художественного слова» (1995), «Реформа и социокультурная среда» (1996), «Культура и власть» (1997) и др. Всего им опубликовано более 300 научных работ: монографий, учебных пособий и статей («Адыгская (черкеская) энциклопедия», 2006. С. 1063).

Неоднократно избирался депутатом Майкопского городского Совета народных депутатов XIX, XX, XXI созывов, депутатом Адыгейского областного Совета IX созыва, депутатом Верховного Совета-Хасэ Республики Адыгея I созыва, занимал пост председателя Комитета по науке, образованию, культуре и делам молодёжи. В Совете Представителей Госсовета РА Асланчерий Китович возглавлял Комитет по гуманитарным вопросам. На выборах 12 марта 2006 г. Асланчерий Китович вновь становится депутатом Государственного Совета-Хасэ Республики Адыгея по одномандатному избирательному округу №7 Красногвардейского района. 12 апреля 2006 г. Асланчерию Китовичу Тхакушинову вручён партийный билет политической партии «Единая Россия».

Асланчерий Китович является Почётным гражданином Майкопа, Красногвардейского района и а. Уляп. Благодарные земляки – жители аула и администрация Уляпского сельского округа переименовали улицу Советская, на которой родился и вырос А.К. Тхакушинов, в улицу имени профессора Асланчерия Китовича Тхакушинова. Он избран действительным членом Российской академии образования (РАО).

12 декабря 2011 г. Асланчерий Китович Тхакушинов переизбран на должность президента на второй срок.

За годы работы получил признание своих заслуг на республиканском, российском и международном уровнях: Заслуженный учитель РФ, Заслуженный деятель науки Кубани, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Чеченской Республики, действительный член (академик) восьми академий России, в том числе Российской академии образования, Российской академии естественных наук, Адыгской Международной академии наук, Академии социальных наук РФ, Международной академии информатизации и др. Международным биографическим центром Кембриджа (Англия) провозглашен Человеком Года в области образования (1998). С декабря 1998 г. – заместитель генерального директора Международного биографического центра Кембриджа по Европе. С 1997 г. – председатель Конгресса интеллигенции Адыгеи.

А.К. Тхакушинов обладатель высшей национальной общественной награды нашего государства – медали Петра Великого «За заслуги в деле возрождения науки и экономики России», почётного диплома Российского фонда человеческих измерений «Ренессанс» – «Человек на своем месте» и многих других. Он награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством II, III и IV степеней; медалями «Слава Адыгеи» и «Герой труда Кубани».

Кумпилов Мурат Каральбиевич

Кумпилов
Мурат Каральбиевич

Мурат Каральбиевич Кумпилов родился 27 февраля 1973 г. в ауле Уляп Красногвардейского района Адыгейской автономной области. В 1994 г. окончил Ростовский-на-Дону институт народного хозяйства по специальности «Экономика предприятий и предпринимательская деятельность». В 1993–1994 гг. работал инженером по снабжению и сбыту в хозяйственной ассоциации «Промагрос» (г. Ростов-на-Дону). С 1994 г. занимал должность главного ревизора-контролера Красногвардейского отделения федерального казначейства. В 1997–2002 гг. работал в Красногвардейском районе Республики Адыгея: главный ревизор районного отделения казначейства, руководитель районного отделения казначейства, руководитель инспекции Министерства РФ по налогам и сборам по Красногвардейскому району. В 2002–2008 гг. работал заместителем, а затем руководителем Межрайонной ИФНС по Республике Адыгея; в 2008–2016 гг. – Премьер-министр Республики Адыгея. В сентябре 2016 г. Мурат Каральбиевич избран депутатом, а в октябре того же года возглавил Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея.

12 января 2017 г. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина назначен временно исполняющим обязанности Главы Республики Адыгея. 10 сентября 2017 г. депутатами Государствен-

ного Совета-Хасэ РА избран Главой Республики Адыгея.

Мурат Каральбиевич Кумпилов награжден орденом Почёта.

4.5. Провозглашение Республики Адыгея – осуществление вековой мечты адыгов

Рассматривая путь, пройденный Адыгеей, следует признать, что ее вхождение в состав Северо-Кавказского, затем Азово-Черноморского, а с 1937 г. – Краснодарского края имело положительное значение. Благодаря поддержке и помощи представителей других национальностей за сравнительно короткий исторический период Адыгея преодолела многие трудности и вышла на современный уровень развития экономики и культуры, накопила значительный интеллектуальный, духовный и кадровый потенциал. Вместе с тем, возросшее национальное самосознание адыгского народа, стремление к обретению подлинной независимости и самостоятельности, не могли не привести к дальнейшему повышению статуса адыгской автономии – провозглашению Республики Адыгея.

Как отмечал первый Президент Республики Адыгея А.А. Джаримов, «...автономной области нельзя было сохранить свое самобытное лицо в составе административно-территориальной единицы – края, который, в свою очередь, сам во многом зависит от центра. В этих условиях *постановка вопроса о повышении статуса автономной области до суверенной республики как самостоятельного субъекта федерации была совершенно оправданной*». С этой точки зрения несомненный интерес представляет следующий документ от 2 октября 1990 г., согласно которому Адыгейская автономная область была преобразована в Адыгейскую Автономную Советскую Социалистическую Республику:

*Решение Президиума Совета народных депутатов о повышении государственно-правового статуса
Адыгейской автономной области и предложениях к заключению Федеративного договора*

Повышение государственно-правового статуса автономной области – есть необходимое условие дальнейшего социально-экономического развития, создания достойной жизни ее населения, сохранения культуры, традиций всех народов, проживающих в области.

Основываясь на Конституциях СССР и РСФСР, Законе СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» и поручении Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 июля 1990 г., президиум решил:

1. Внести на внеочередную сессию областного Совета народных депутатов вопрос о повышении государственно-правового статуса путем признания ее самостоятельным субъектом федерации РСФСР и выработке условий нового Федеративного договора с учетом изменившегося статуса области, обеспечивающего ее политический и экономический суверенитет.

2. Провести обсуждение вопроса о повышении государственно-правового статуса Адыгейской автономной области на сходах граждан, в трудовых коллективах, по месту жительства, на сессиях сельских и поселковых Советов, городских, районных Советов народных депутатов, на заседаниях постоянных депутатских комиссий облсовета до 1 октября.

3. Утвердить мероприятия по подготовке данного вопроса к рассмотрению сессии облсовета.

Председатель областного Совета народных депутатов – А. Джаримов» («По ленинскому пути», 1990, 2 октября; «Радетели земли...», 2001. С. 219).

5 октября 1990 г. внеочередная сессия Адыгейского облсовета провозгласила Адыгейскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Данный акт отвечал демократическим преобразованиям в нашей стране, курсу государства на децентрализацию, расширению прав и свобод республик. Позже была принята Декларация о государственном суверенитете Республики Адыгея. В соответствии с решением II съезда народных депутатов РСФСР, Адыгея в начале 1991 г. вышла из состава Краснодарского края и перешла в непосредственное подчинение Российской Федерации. Повышение статуса Адыгеи было предопределено всем предыдущим ходом исторического развития, установившихся добрососедских отношений между русским и адыгейским народами. Нельзя забывать также, что лидеры автономной области, начиная с Ш. Хакурате, Х. Каде и кончая Н. Берзеговым, М. Хутом, А. Джаримовым, а также руководители Краснодарского края заложили в свое время надежный фундамент для цивилизованного перехода Адыгеи на новую ступень государственности. Процесс этот, в отличие от многих других регионов страны, проходил на основе взаимной договоренности, мирно и доброжелательно. В апреле 1991 г. было подписано совместное заявление президиумов исполкомов Краснодарского крайсовета и Адыгооблсовета, в котором, в частности, говорилось: «Мы считаем, что повышение государственно-правового статуса области – объективная реальность, закономерный итог совершенствования национальной политики». А.А. Джаримов выразил уверенность, что и впредь дружба и согласие между Кубанью и Адыгеей будут главными факторами взаимодействия, – ведь недаром гласит адыгейская пословица: «Добрый сосед ближе дальнего родственника».

3 июля 1991 г. на заседании парламента Российской Федерации был принят Закон, закрепивший факт преобразования ААО в республику, входящую в Российскую Федерацию:

ЗАКОН

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О преобразовании Адыгейской автономной области в Советскую Социалистическую Республику Адыгея в составе РСФСР»

В соответствии с решением областного Совета народных депутатов Адыгейской автономной области, руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и Конституцией РСФСР, Верховный Совет РСФСР постановляет:

Статья 1. Преобразовать Адыгейскую автономную область в существующих границах в Советскую Социалистическую Республику Адыгея в составе РСФСР.

Статья 2. Назначить выборы в Верховный Совет Советской Социалистической Республики Адыгея в порядке и сроки, установленные Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Статья 3. Верховному Совету Советской Социалистической Республики Адыгея подготовить и принять Конституцию (Основной закон) республики в соответствии с Конституцией РСФСР и Декларацией о государственном суверенитете РСФСР.

Председатель Верховного Совета РСФСР Б. ЕЛЫЦИН.

Москва, Дом Советов РСФСР. 3 июля 1991 г. («Радетели земли...», 2001. С.218).

2 декабря 1991 г. прошли выборы Президента и Верховного Совета Республики Адыгея. Значительным событием в современной истории адыгов явился состоявшийся 17 января 1992 г. в Майкопе Съезд народов Республики Адыгея, который принял присягу первого Президента республики – Аслана Алиевича Джаримова.

17 марта 1992 г. состоялась 1-я сессия Верховного Совета РА. Она утвердила Гимн, Флаг и Герб Республики Адыгея. 24 марта 1992 г. был издан Закон, в соответствии с которым республике присваивалось новое наименование. Отныне вместо принятого названия – Советская Социалистическая Республика Адыгея она стала именоваться – Республика Адыгея. И, наконец, в апреле 1992 г. она подписала Федеративный Договор России и стала полноправным субъектом Российской Федерации. Важным шагом дальнейшей интеграции адыгских народов явился подписанный 25 июля 1997 г. в г. Нальчике Договор об образовании Парламентской ассамблеи трех братских республик – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Подлинным гимном вновь провозглашенной Республике Адыгея звучит эмоциональное стихотворение известного адыгейского поэта Хамида Беретаря, которое так и называется: «Гимн пою республике»:

Долго мы ждали часа свободы,
Через невзгоды веру несли,
Чтобы на древнем стяге народа
Снова двенадцать звезд расцвели.
О, Адыгея! Гор твоих лики –
Каждый снегами скрытый утес –
Стали едины долей великой
И не удержат солнечных слез.
Это мечта нам путь свой открыла,
Это пришел к нам радостный миг –
Это Отчизна вольно ступила
В мир, о котором грезил адыг!
Тесной семьей дружеских наций
Общие беды мы победим.
С братьями сможем по-братски обняться –
Все, обогретые солнцем одним!

13 января 2002 г. – Президентом Республики Адыгея избран Хазрет Меджидович Совмен, набрав более 62,84 % голосов избирателей. С 2007 г. эту должность занимает Асланчерий Китович Тхакушинов.

4.6. Государственные символы адыгских республик

Каждое государство имеет и свято чтит свои символы – Конституцию, Государственный Флаг, Герб и Гимн. Не являются исключением и адыгские народы. Особенно большую роль в сословно-политической, военной и обрядовой атрибутике предков адыгов играли знамена. И это не случайно. Земля адыгов издавна привлекала внимание завоевателей – от древнейших киммерийцев, скифов и гуннов до татаро-монголов, крымских ханов и турецких султанов. И всегда, отправляясь в поход, адыгские воины брали с собой знамена («санджакъ») – символ чести и воинского мужества, символ родного племени, символ Родины.

Не меньшую известность и распространенность имели и гербы, отдалёнными «прародителями» которых, по мнению исследователей, являлись северокавказские тамги (тавро). По В.П. Пожидаеву, эти тамги («дамага») у кабардинцев – «родовой знак собственности и фамильный герб своего рода, в прежние годы являлся принадлежностью только привилегированных фамилий, – каждому адыгейскому роду соответствовала своя тамга». С этой точки зрения наиболее известны гербы рода князей Черкасских, запечатленные в царском титуле и русской государственной геральдике XVI-XVII вв. («Титулярник» и «Гербовник» Российской империи). Современные же Государственные Гербы и Гимны Адыгеи, Черкесии и Кабарды – свидетели совершенно новых исторических реалий в жизни адыгских народов.

Конституциями адыгских республик закреплены основные нормы и правила установления и использования государственных символов. Так, в разделе III, (статья 58) «Конституции Республики Адыгея» отмечается:

«1. Республика Адыгея имеет государственные символы: Флаг, Герб, Гимн. Порядок официального использования государственных символов устанавливается – законом Республики Адыгея.

2. Государственные органы, общественные организации, должностные лица и граждане должны уважать государственные символы Республики Адыгея. Надругательство над государственными символами Республики Адыгея преследуется по закону».

4.6.1. «Титулярник» и «Гербовник»: эволюция древней адыгской символики в русской государственной геральдике

4.6.1.1. «Титулярник» XVI-XVII вв.: «Черкасские земли» в царском титуле и русской государственной геральдике

Примечательно, что приведенные в гербе «Кабардинские земли» (XVII в.) перекрещенные стрелы, направленные остриями вверх, в сочетании со звёздами известны в качестве эмблем в адыгской символике, – они присутствуют на черкесских знамёнах первой половины XIX в.

Е.В. Пчелов (2007. С. 52).

Самый первый геральдически оформленный полный титул московского царя (в XVII в.) включал в себя названия 33 земель. Подписываясь как «владелец 33 земель», царь всея Руси заявлял и отстаивал свои права на эти земли перед другими государями, зачастую имевшими на них свои виды. Так, в частности, обстояло дело с титулом «Кабардинские земли Черкасских (т. е. Черкасских) и Горских князей». После заключения русско-кабардинского военно-политического союза в 1557 г. прошло несколько десятилетий, прежде чем эти названия появились в титуле московского царя Федора Ивановича. Геральдическое же воплощение этого титула окончательно оформилось лишь к 1672 г., когда он был представлен соответствующим гербом в «Большой государственной книге – «Титулярнике» (Пчелов Е.В., 2007. С. 52).

Герб «Кабардинские земли»
из «Титулярника» 1672 г.

Герб «Черкасских и горских князей»
из «Титулярника» 1672 г.

Задолго до этого, 23 сентября 1586 г. к царю Фёдору Ивановичу прибыло посольство от кахетинского царя Александра II (из «Иверские земли Александра царя», В то время в русских документах кахетинский царь именовался «Грузинские земли начальником Александром князем Иверским», причем связь с Закавказьем осуществлялась тогда через кабардинские земли. С ноября 1605 г., во время правления нового русского царя Дмитрия Ивановича (он же – Лжедмитрий I) кавказская часть царского титула приобрела более полный вид: «государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей».

Ко второй половине XVII в. явственно наметились тенденции нового понимания царского кавказского титула: понятие «Иверская земля» как бы отделялось от «Карталинских и Грузинских царей», а «Кабардинская земля» – от «Черкасских и Горских князей». В полной мере такое изменение проявилось в эмблемах «Титулярника». Здесь «Черкаская» часть титула представлена следующими эмблемами.

Герб «Кабардинские земли» – щиток с полумесяцем, обращенным вправо (влево от зрителя), за ним две перекрещенные стрелы остриями вверх, между ними три шестиконечные звезды (с длинными и острыми концами).

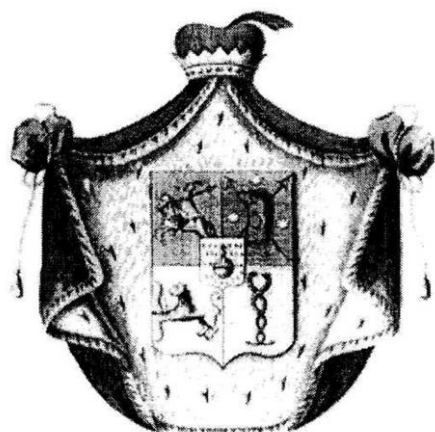
В свою очередь, герб «Черкасских и Горских князей»: всадник в бурке, скачущий вправо (влево от зрителя) и держащий на правом плече копьё, направленное против движения коня.

Примечательно, что приведенные в первом гербе («Кабардинские земли», XVII в.) перекрещенные стрелы, направленные остриями вверх, в сочетании со звёздами известны в качестве эмблем в адыгской символике (правда, в более позднее время) – они присутствуют на черкесских знамёнах первой половины XIX в. Возможно, эти эмблемы бытовали и раньше, в том числе и в роде князей Черкасских, представители которого в какой-то степени могли оказать влияние на создание кабардинской эмблемы «Титулярника» (Пчелов Е.В., 2007. С. 52).

4.6.1.2. Кабардинские эмблемы в родовом гербе князей Черкасских

Центральный щиток княжеского герба занимает изображение золотой державы в горностаевом поле в знак «владельческого происхождения князей Черкасских и брачных союзов их с порфириноносным поколением» (брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной и Бориса Черкасского с Марфой Романовой).

Е.В. Пчелов (2007. С. 56-58).

Герб князей Черкасских

Официальное утверждение герба потомков кабардинских князей – Черкасских – состоялось при Павле I, когда создавались первые тома «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» (Пчелов Е.В., 2007. С. 52). В апреле-мае 1798 г. несколько представителей рода князей Черкасских обратились с прошением на Высочайшее имя и с письмом к обер-прокурору 3-го Департамента Сената Козодавлеву, на которого было возложено составление «Общего Гербовника», с просьбой внести их герб в число *княжеских* гербов Российской Империи. При этом они представили описание и рисунок своего родового герба, изображение которого и было впоследствии утверждено. Щит герба разделён на несколько частей: «В верхней правой части (т. е. в левой от зрителя. – **Авт.**) в красном поле скачущий черкес на белом коне с золотой сбруей, в золотой епанче и с копьём на плече из того же металла означает воинские издревле подвиги князей Черкасских» (в описании утверждённого герба указано, что на всаднике княжеская шапка с пером). Так к тому времени выглядел титульный герб «Черкасских и Горских князей».

«В верхней левой части (в правой от зрителя. – **Авт.**) в голубом поле колчан с серебряным полумесяцем; из-под щита видны две стрелы, крест на крест положенные, в промежутках три звезды того ж металла на память, что князья Черкасские были владельцами и Кабардинской земли». Это титульный герб «Кабардинские земли», центральный щиток которого понят как «колчан» (в описании утверждённого герба центральная фигура названа щитом красного цвета, на рисунке герба это действительно боевой щит изогнутой формы). Как видим, для первой части своего герба Черкасские взяли титульный герб, соимённый их фамилии, а для второй герб Кабардинский, означающий их владения. Так северокавказские титульные гербы вошли в родовой герб князей Черкасских.

Любопытно описание третьей и четвёртой частей герба: «В третьей части (нижней правой) в серебряном поле лев, из лука стреляющий, объясняет преимущественное искусство черкесов в пускании стрел и храбрость предводительствовавших ими князей их». Внешний вид этой эмблемы весьма своеобразен (в описании утверждённого герба лев «натурального цвета»). В четвёртой части (нижней левой) ещё более загадочная фигура «в золотом поле две сплетшиеся между собой змеи головами вверх, приняты в герб потому,

что сие изображение в Египте употребляемое, служило всегда клеймом для горских народов» (в описании утверждённого герба змеи обозначены как два *змия* (мужской род) «натурального цвета», на рисунке герба концы змеиных хвостов изображены в виде стрел). Судя по всему, здесь речь идёт о предке князей Черкасских – Инале («Инал-мурза»), который якобы в середине XV в. был султаном в Египте. О том же султанском происхождении свидетельствовала и помещённая «над щитом украшенная драгоценными камнями корона, имеющая вид чалмы с сизым пером».

Более загадочна фигура четвёртой части герба князей Черкасских. В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» сообщает о наличии у русских дворянских родов особых знаков, которые он именует «ясаками», но которые можно называть и «тамгами». Наименования некоторых таких знаков Татищев приводит в своём тексте. Среди других он упоминает и тамгу князей Черкасских «Кабарда». Комментируя это сообщение, О.И. Хоруженко (2006) предположил, на основании вышеприведённого описания герба Черкасских, где фигура в четвёртой части названа «клеймом для горских народов», что изображение двух перевитых змей и представляет собой геральдизированный вариант родовой тамги Черкасских.

Наконец, центральный щиток княжеского герба занимает изображение золотой державы в горностаевом поле в знак «владетельного происхождения князей Черкасских и брачных союзов их с порфиноносным поколением». Примеры таких союзов, о которых настойчиво напоминают Черкасские, – это брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной и Бориса Камбулатовича Черкасского с Марфой Никитичной Романовой (Пчелов Е.В., 2007. С. 56-58).

Герб князей Черкасских был внесён во вторую часть «Общего Гербовника» (№ 9), утверждённую Павлом I 30 июня 1798 г. Спустя около века, в 1882 г., элементы гербовника князей Черкасских вошли в Большой герб Российской империи.

4.6.2. Конституция: Основной Закон Республики Адыгея

Вся власть в Республике Адыгея принадлежит ее многонациональному народу. Носителем суверенитета и источником государственной власти в Республике является народ.

Конституция Республики Адыгея (раздел I, ст. 2).

В преамбуле Основного Закона Республики Адыгея провозглашено: «Законодательное Собрание (Хасэ) — Парламент Республики Адыгея, исходя из высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями, утверждая права и свободы человека и гражданина, гражданский мир и согласие, веру в добро и справедливость, основываясь на Конституции Российской Федерации, принимает Конституцию — Основной Закон Республики Адыгея».

Напомним читателям первые, основополагающие статьи этого поистине исторического документа — документа, к которому адыги шли долгие десятилетия и, более того, столетия. Итак, раздел I. «Основы конституционного строя»:

Статья 1

1. Республика Адыгея — Адыгея является демократическим правовым государством в составе Российской Федерации.
2. Суверенитет Республики Адыгея определяется Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Адыгея и Федеративным договором.
3. Наименования Республика Адыгея и Адыгея равнозначны.

Статья 2

1. Вся власть в Республике Адыгея принадлежит ее многонациональному народу. Носителем суверенитета и источником государственной власти в Республике является народ.
2. Народ Республики Адыгея осуществляет власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.
3. Никто не может присваивать власть в Республике Адыгея. Захват власти или присвоение властных полномочий являются тяжким преступлением и преследуются по закону.

Статья 3

1. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина — обязанность всех органов государственной власти и должностных лиц Республики Адыгея.
2. Республика Адыгея гарантирует равноправие граждан во всех областях политической, экономической, социальной, духовной и культурной жизни.
3. Взаимное уважение, добровольное и равноправное сотрудничество всех слоев населения, граждан всех национальностей составляют социальную базу Республики Адыгея.

Статья 4

Статус Республики Адыгея определяется Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Адыгея и не может быть изменен без ее согласия.

Территория Республики Адыгея целостна и неделима.

Статья 5

1. Равноправными государственными языками в Республике Адыгея являются русский и адыгейский языки.

Статья 6

1. Конституция Республики Адыгея имеет прямое действие на территории Республики и обладает высшей юридической силой, за исключением вопросов, добровольно переданных ею в ведение Российской Федерации, а также вопросов, относящихся к совместному ведению Российской Федерации и Республики Адыгея в соответствии с Федеративным договором и Конституцией Российской Федерации.

2. Республика Адыгея признает верховенство Конституции Российской Федерации на своей территории.

3. Законы и иные нормативные правовые акты, принимаемые в соответствии с компетенцией Республики, не должны противоречить Конституции Республики Адыгея. В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом Республики Адыгея, принятым вне пределов исключительного ведения Российской Федерации и совместного ведения Республики Адыгея и Российской Федерации, действует нормативный правовой акт Республики Адыгея.

4. Законы и иные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы и иные нормативные правовые акты не применяются.

5. Составной частью правовой системы Республики Адыгея являются общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации... («Конституция...», 1995).

4.6.3. От племенного флага – к Государственному Флагу Республики Адыгея

Присмотритесь внимательнее к национальному флагу Республики Адыгея. Двенадцать звездочек на нем – двенадцать племен некогда могущественной Великой Черкесии, с древних времен расселенных по территории Северного Кавказа от низовьев Дона до границ с Абхазией и от Азовского моря до низовьев Терека. Как писал Хамид Беретарь в своем стихотворении «Гимн пою республике» («Адыгэ макъ», 2001, 5 окт.):

Долго мы ждали часа Свободы,
Через невзгоды веру несли,
Чтобы на древнем стяге народа
Снова двенадцать звезд расцвели.

Проследим же кратко историю Государственного Флага Адыгеи, уходящую вглубь столетий...

4.6.3.1. «Санджакъ» – боевое походное знамя адыгов в XVIII-XIX вв.

Поднимите знамя на открытой горе, возвысьте голос...

Книга пророка Исайи (13; 2).

*Знамя вылазки святое,
Разметавшей вражьи строи,
Выше гор родимых знамя...*

А. Блок (1880-1921).

Флаг издавна вошел в жизнь человека как священный символ верховной власти правителя. С ним шли на битву, с ним ходили на триумфальные шествия. И он же падал к ногам победителя в случае поражения. Как отмечает Х. Яхтанигов (1993), знамена играли большую роль в сословно-политической, военной и обрядовой атрибутике адыгов. В свое время Русское государство посылало стяги черкесским князьям, как символ боевого содружества, с элементами подданничества («...воеводам для похода и для службы, посылали в Астрахань князьям черкесским»). Аналогично поступало и Крымское ханство по отношению к адыгским владельцам протурецкой ориентации. Вот почему в начале XIX в. бесланевский князь Бек Хануков (Коноков) имел при себе «...султанское знамя, около коего в военное время собираются все подвластные ему народы». И в том, и в другом случаях знамена выступали как символ союза или вассалитета, как сигнал к военному походу. Сохранился документ 1641 г., где сказано: «Пришли с тылу на твоих государевых на кумыцких и на черкесских людей, которые были под знаменем у Кельмамета (Келемета) Куденетовича Черкасского...». Этот же метод собирания дружины имелся у адыгов более позднего времени – первой половины XIX в., когда в апреле 1840 г., «...при совещании на р. Убинеж решено... от каждой речки должно быть поставлено 15 всадников под своим особым значком», т. е. под тамгой того или иного владельца удела (*псухо*).

При этом каждое черкесское племя имело свое знамя. Были знамена красного, белого и зеленого цветов, белый с красными полосами и т. д. Слова О.В. Милорадовича: «Каждый кабардинский князь, выступая в поход, подымал свое знамя, украшенное родовою тамгой», – можно отнести и к остальным адыгам, в том числе к западным. Так, уже в документах, относящихся к 1810 г. сохранились сведения о том, что «...13 января у Ольгинского кордона переправилась значительная партия горцев, имела два красных и два белых знамени». О том, что во время военных походов предки адыгов использовали белые флаги, сообщает А. Куек (2010).

Боевое походное знамя на Руси до XV в. называлось стягом, адыгами до начала XIX в. оно называлось *санджакъ*. Это слово перешло в адыгейский язык из тюркского и означает: «...стяг предводителя, владельца удела, владельца княжества с изображением его феодально-родового тавра». В свою очередь, *сэнджакъцѣт* – стяговник (знаменосец). У адыгов он избирался только из феодального сословия бесленуорк (*беслѣэн уэркъ* – «княжеские уорки»).

Овладение стягом противника или же потеря своего стяга всегда играли большое тактико-психологическое значение. С особым почетом, например, воспевается герой кабардинской народной песни

«Кашкатаовская битва» Уардшао Анзоров, поразивший вражеского стяговника-знаменосца. Хан-Гирей упоминает о рыцарской гибели бжедугского воина по имени Биярках, сложившего голову, ринувшись в середину врагов «с развевающимся в руках знаменем». Как здесь не вспомнить меткое замечание Петра I: «Кто у знамени присягал единожды, тот у одного до смерти стоять должен» (Цит. по: Победители. Т. 2. С. 1). И наоборот, потеря племенного знамени, по сути, свидетельствовала о поражении горцев. Так, в архивных материалах имеется информация, что «...26 мая 1840 г. объединенные натухайско-шапсугские отряды терпят поражение от царских войск под Абинским укреплением и оставляют на поле боя два знамени – натухайского и шапсугского народов» (Оба эти знамени Грузия возвратила Адыгее в 1926 г.).

По Б.Х. Бгажнокову, у бжедугских подразделений знаменосцами были: у черченеевцев – «уорки из рода *Хьакъуи*», а у хамышеевцев – «уорки из рода *Льэцц/эрышэ*». Что же касается упомянутого Хан-Гиреем Биярха (*Бэракъыхь* – «знаменосец»), то он был «из рода *Хьакъуи*, о нем и сейчас помнят потомки этого рода. Во все времена стяг племени, рода с помещенным на нем гербом (тамгой или тавром) считается символом чести. Не случайно у адыгов сохранилась пословица: *Дамыгъэм лыгъэиэщ* – «Тавро обладает мужеством».

4.6.3.2. *Бэракъ*: белые, красные, голубые, пестрые обрядовые флажки и флаги в быту адыгов

У адыгов было много различных знамен: каждая этническая группа, род имели свой стяг.

А. Кук (2010).

Наряду с боевым походным знаменем (санджак), у адыгов было и другое знамя с другими обрядовыми функциями. Оно имело тюркское название байрак (*бэракъ*), хотя общее название знамени у адыгов – *нып*. Знамя было неизменным атрибутом на любом празднике адыгов: на свадьбе, при рождении ребенка, на конных соревнованиях, в походах и т. д., сопровождая горцев до самой смерти.

Свадьба. Флаг, вывешенный на крыше дома, где проживал неженатый молодой человек, был знаком того, что ему пора жениться (Сообцокова Н.И., 2010). Как отмечает Т.Я. Чунтыжева (1998), дом, где проводили свадьбу, в прошлом, вплоть до начала текущего столетия, причерноморские горцы специально выделяли, повесив на крыше белый флаг с вышитым полумесяцем и звездочкой внутри. Позднее, при советской власти, после победы над белогвардейцами, белый флаг было запрещено вывешивать, и он был заменен красным, продолжая, впрочем, выполнять функции «свадебного» флага. В день свадьбы на крыше дома вывешивали два красных флага. А над свадебным караваном всегда развевался белый флаг, окаймленный красной полосой, иногда на нем ставили фамильный знак – тамгу.

Этот же автор сообщает, что наиболее ценным подарком для гостей на свадьбе у причерноморских шапсугов считались так называемые *дэжъые быракъ* – «фундучные флаги». Многочисленные красивые узоры на них были составлены из ореха фундука (на каждый из них шло до 350 орехов); эти флаги украшались кисточками из разноцветных материй.

Во время избрания на свадебном торжестве «королевы игрища», *хатияко* (распорядитель) ставил рядом с ней флаги, и все присутствующие еще до объявления *хатияко* уже понимали, что именно эта девушка являлась победительницей конкурса красоты (Сообцокова Н.И., 2010).

Конные скачки. Своеобразное спортивное состязание всадников «для овладения флагом с зеленой каймой» было издавна характерно на горских свадьбах. Флаг «с каймой», как отмечает З.М. Налоев (2009), как правило, использовался на празднествах, призванных выявить наиболее храбрых, ловких и метких джигитов. Замечательный знаток адыгской этнографии и фольклора Али Шогенцуков в своей поэме «Камбот и Ляца» следующим образом описывает подобное празднество:

На вершине Кызбуруна
Знамя праздничное плещет.
Знамя выбрано мишенью:
Значит, празднество открыто.
Здесь по первому движенью
Видят меткого джигита.
Вот стреляет юный воин...
То – Камбот. Четыре ока
За стрелком следят в то утро...
Вот он, витязь кабардинский,
Вот герой стихов и здравниц,
Вот он, всадник исполинский,
Вот он, доблестный красавец!
Смерть врагам – его отвага...
Он иголку в древке стяга
Выстрелом одним сбивает,
Краем бурки, как магнитом,
На лету иголку ловит...

Рождение ребенка. На доме новорожденного вывешивали флаги: при рождении мальчика – красный (хотя некоторые ученые считают, что это мог быть и белый флаг. – **Авт.**), при рождении девочки – пестрый, «чтобы она была красивой, как пестрое полотно» (Кук А., 2010).

Дополняет эту информацию Н.И. Сообцокова (2010): «Флаг красного цвета сообщал о том, что в семье родился мальчик. Красный цвет – цвет жизни, цвет силы, цвет героики. Вывешивая красный флаг в честь родившегося мальчика, желали ему стать в будущем героем. Флаг пестрого цвета вывешивался, когда в семье рождалась девочка. Разноцветье было знаком духовного богатства, многих талантов. Вывешивая пестрый разноцветный флаг в честь девочки, ребенку желали вырасти доброй, красивой, умной, красноречивой, обходительной, умелой рукодельницей и, конечно же, счастливой».

Взаимопомощь (ШПыхьаф). Вывешивали флаг, чаще всего белый, и во время *шпыхьаф* – своеобразного «субботника» по оказанию помощи односельчанину в постройке дома. Флаг, вывешенный во время пахоты, показывал, что пора менять волов. Если флаг был поднят возле полевого стана, он созывал пастухов на обед.

Похороны. На крыше дома с умершим от холеры в Кабарде поднимали черный флаг, предупреждая тем самым об эпидемии. Стяги устанавливали и на могилах погибших воинов. «Множество украшающих могилы надгробных флагов обыкновенно белого, красного или голубого цвета трепещут на высоких шестах», – писал очевидец в середине XIX в. И далее автор разъясняет: «Здесь схоронены лучшие и самые храбрейшие люди Черкесии, погибшие в долгой, отчаянной борьбе» (Налоев З.М., 2009; Кук А., 2010).

4.6.3.3. «Автоном джегу»: праздник возвращения на родину старинного шапсугского знамени

Первое празднование образования Адыгейской автономной области в ауле Афипис в 27 июня 1926 г. вошло в историю адыгов как «Автоном джегу»... Этот день вошел в историю и как день возвращения национально-освободительного знамени шапсугов.

А.Ю. Және (1990).

О судьбе старинного знамени шапсугов и его возвращении на историческую родину рассказывает Аслан Және (1990). Передаем в кратком изложении эту интереснейшую информацию, дополняющую наши представления о героическом прошлом шапсугского народа.

Первое празднование образования Адыгейской автономной области 27 июня 1926 г. в ауле Афипис вошло в историю адыгов как «Автоном джегу» и первый спортивно-массовый праздник. Некоторые его участники живут в нашем районе и с их помощью были восстановлены многие интересные факты.

Этот день вошел в историю и как день возвращения национально-освободительного знамени шапсугов. О существовании этого знамени из поколения в поколение передавались легенды, воспоминания отцов и дедов. Но почти никто не знал точно о его судьбе. После Великой Октябрьской социалистической революции знамя шапсугов было обнаружено в г. Тбилиси и возвращено законным владельцам.

Интересна и поучительна судьба шапсугского знамени. Появилось оно на исторической арене в начале XVIII столетия (между 1821-1840 гг.), когда народы Северного Кавказа были охвачены войной с царским самодержавием. Покорив хатукайцев, бесленев, абадзехов и многие другие племена Черкесии, царские войска вступили в Шапсугию. И тогда народ ее поднялся на борьбу за свободу, национальную независимость и суверенитет.

Для борьбы стотысячного племени шапсугов необходим был консолидирующий символ, и шапсуги его создали. Знамя представляло собой материал коричневого цвета с двумя рукавами и рисунками. Коричневый – цвет гор. Красная суконная полоса, пересекающая его, – цвет солнца. Два рукава были зелеными – цвет родных лесов и полей. Окантованы на конце рукава мелкими рисунками. Каждый из них нес свою информацию – рассказывал о победах и поражениях племени.

По преданию, к созданию знамени приложили руку такие именитые шапсуги как Алвчерий Платоков, Науцук Және, Кизбеч Тугужеко, возглавлявшие борьбу за независимость.

В дни осады Абинского укрепления знамя было захвачено царскими войсками. Некоторые прогрессивно настроенные русские военачальники, участвовавшие в сражении, относились с особой симпатией к черкесам, ценили их мужество, отвагу. Поэтому они старались сохранить захваченную атрибутику. Так знамя шапсугов попало в город Тбилиси – в музей покоренных племен и народов Северного Кавказа.

К 1864 г. царские войска после упорных и кровопролитных боев, наконец, одолели шапсугов. Результатом колонизаторской политики явилось переселение их с гор на необжитые прикубанские равнины. В 1864 г. был образован аул Афипис, затем аулы Хаштук, Псейтук, Панахес.

После образования Адыгейской автономной области, в июле 1922 г., старики-шапсуги обратились к председателю облисполкома Шиханчерию Умаровичу Хакурате с просьбой найти и вернуть им знамя отцов и дедов.

Ш.У. Хакурате был известным революционером на Северном Кавказе. Его хорошо знали по совместной революционной работе С. Орджоникидзе, А. Микоян. Им он и передал просьбу земляков. В начале 1926 г. Хакурате получил письмо от ученых и научных сотрудников Тбилисского музея, в котором сообща-

лось, что полученное шапсугское знамя они нашли. Ими высказывалась готовность передать реликвию народу, которому она принадлежит.

В этом же году Шиханчерий Умарович поручил своему другу Асланбечу Бжассо найти в Адыгее человека, который бы помнил, хоть по рассказам, что представляет собой шапсугское знамя. Ему и было поручено организовать поездку за ним. А. Бжассо энергично взялся за дело, побывал в Малой (Причерноморской) и Большой (Прикубанской) Шапсугии, встретился с людьми, что-либо помнящими от отцов и дедов о знамени. К сбору информации также приступили знатоки истории Адыгеи Шалих Натхо из аула Хаштук, работавший учителем в ауле Псейтук, писатель и драматург Ибрагим Цей из аула Шенджий, соратник Ш.У. Хакурате по подпольной революционной борьбе Тухтух Мет из аула Афипсип, Ахмед Хатхе, Махмуд Хуажев, Рахмет Чухо, Довлетчерий Схаляхо и многие другие.

За короткий период они опросили сотни знатоков истории, составили словесный портрет знамени, нарисовали. Когда сбор информации был закончен, тут же передали материалы Ш.У. Хакурате. Через некоторое время решили снарядить для поездки в Тбилиси Асланбека Бжассо и Тухтуха Мет.

«Шиханчерий Умарович сопровождал нас до самого перрона, – вспоминает Асланбек Бжассо. – Поехал бы с вами и я с большим удовольствием, говорил он, – не терпится посмотреть на родное знамя, но дел невпроворот».

«В Тбилиси нас встретили тепло и радушно, – вспоминает далее Бжассо. – Было много интересных встреч со знатными людьми, учеными. Находясь под впечатлением встреч, увозя с собой реликвию, мы с Тухтухом не спали почти все трое суток, которые были затрачены на дорогу обратно. Доехали вечером в Краснодар. Здесь нас ждал не менее торжественный прием. Встречать нас приехали представители почти всех аулсоветов Адыгеи. Все хотели посмотреть на знамя, но Шиханчерий Умарович успокоил их. Мы развернули знамя и в сопровождении более двухсот всадников доставили знамя шапсугов в облисполком, сдали его на хранение. Вечером, когда мы, усталые, но счастливые собрались у Шиханчерия Умаровича, он нам рассказал, какую работу провели в эти дни, чтобы достойно представить народу знамя, и пригласили представителей со всех аулов и населенных пунктов Адыгеи. На следующее утро привезли вместе с Ш.У. Хакурате шапсугское знамя в аул Афипсип. С нами были еще Ибрагим Цей и Махмуд Хаджеку. На открытом поле за околицей аула народу собралось видимо-невидимо. Люди ждали нашего возвращения с нетерпением. Подвели лошадей, и мы с Тухтухом Мет и Махмудом Хаджеку сели на лошадей, развернули знамя и поехали на поляну, где тысячи людей ждали нас. Не успели мы пройти и сотни шагов по земле шапсугов, стоящий меж нами по праву старшинства Тухтух сделал на своей руке надрез, окропил знамя кровью. Такова была традиция. Когда мы дошли до поляны, кровь капала не только с локтя руки, но и с древка знамени.

Вскоре начался митинг. Мы поднялись на трибуну вместе с членами облисполкома. Митинг открыл председатель облисполкома Ш.У. Хакурате. Он сказал о значении возвращения шапсугского знамени Советской властью, которая делает все необходимое, чтобы мы жили в огромной стране дружной семьей. Затем слово было предоставлено одному из уважаемых людей области, учителю Псейтукской школы Шалиху Натхо. Он рассказал о рождении и происхождении знамени, о его историческом значении. После выступили Ибрагим Цей, Махмуд Хуажев, Довлетчерий Схаляхо, Ахмед Хатхе.

Потом началось празднество, подобного которому адыги не видели давно. Огромная равнина была украшена со всех сторон флагами. Посередине массы людей начали свои выступления танцоры, музыканты, исполнители народной песни, выступили артисты из Краснодара. В трех местах состязались любители адыгейского танца. На праздник были приглашены лучшие гармонисты области – Паго Белемгот из аула Хатажукай, Чатиб Тхуго из Лакшукай, Ибрагим Джамирзе из Афипсипа, их сопровождали лучшие трещоточники: Алубачир Кадруко из Псейтука, Вирам Абредж из Шенджия, Махмуд Шеуджен из х. Казазов, Айдамир Шеуджен из аула Вочепший. Среди *камылтицэ* были такие виртуозы, как Вирам Коджешао из Панахеса, Ибрагим Шеуджен из Вочепшия, Хаджумар Шеуджен из пос. Октябрьского.

Праздник продолжался три дня и все три дня танцевали: днем на поляне, вечером в ауле. А в перерывах показывали свое мастерство наездники. На третий день Шиханчерий Умарович подвел итоги праздника. Всех победителей вывели в круг, представили участникам, потом наградили ценными подарками. Среди гармонистов победителями были признаны Паго Белемгот, Ибрагим Джамирзе и Чатиб Тхуго, лучшими трещоточниками стали Алубачир Кадруко и Вирам Абредж, среди *камылтицэ* – Вирам Коджешао. Лучшие танцоры – Махмуд Чесебиев, Ерестем Негуч, Гучипс Непсо, среди женщин – Чебехан Ачмиз, Зульфия Тугуз, Тао Пчегатлук, Минхан Тугуз. Ценные подарки получили Рахмет Схаляхо, Фатимет Хатхе и Чебехан Негуч.

Самой очаровательной была признана Аминет Схакумидова из а. Псейтук, самой скромной, воспитанной и гостеприимной Зульфия Зази из Старобжегокая. На скачках победу одержал Сафербий Схаляхо из Афипсипа. На конно-спортивных играх лучшими были Исхак Ачмиз и Сафербий Ачмиз...».

Вспоминает Махмуд Шумафович Хакурате (ему тогда было 17 лет): «Когда праздник закончился, знамя оставалось у Мет Тухтуха несколько дней. Потом было решено передать его музею, который тогда готовил Ибрагим Наурзов. Он по происхождению был кумук, плохо говорил на адыгейском, но нашу историю знал хорошо. В 1936 г., когда столицу Адыгеи перевели в Майкоп, туда и было отдано шапсугское знамя. Хакурате очень переживал за судьбу знамени, он всегда говорил, что надо эту реликвию беречь, чтобы подрастающее поколение знало больше о судьбе своего народа.

В 1957 г. Кабардино-Балкария отмечала 400-летие воссоединения с Россией. Когда об этом узнал бывший первый секретарь обкома КПСС И.С. Чундоков, он, посоветовавшись с первым секретарем крайкома КПСС Сусловым, позвонил Хрущеву, и тогда все решилось. Мол, кабардинцы празднуют такую дату, а почему в Адыгее не отметить такое событие? Идея понравилась, и в 1957 г. Адыгея отмечала вместе с Кабардино-Балкарией свое воссоединение с Россией. Вся область готовилась к этой знаменательной дате, в том числе и музей. Работник областного музея И.П. Петров был не только хорошим художником, но и большим любителем истории адыгейского народа. Он готовил тогда три отдела, рассказывающих о полной драматизма истории адыгейского народа. В трех комнатах располагались экспозиции: быт и культура Адыгеи, адыгские просветители, а также праздник в ауле Афиписип в честь шапсугского знамени. Но все эти материалы были уничтожены, сожжены и И.П. Петров не вынес этого, вскоре умер. А работница музея Л.И. Лебедева во время уничтожения материалов истории Адыгеи вынесла и спрятала у себя дома шапсугское знамя. Она его хранила более 10 лет, затем возвратила в областной музей. В настоящее время знамя хранится в запасниках музея.

Сохранилась одна фотография праздника возвращения шапсугского знамени. Ее для потомков сохранил тогда еще студент пединститута Нальбий Чеучев. Он случайно попал в бригаду студентов, которая помогла сотрудникам областного музея уничтожить «хлам», как тогда говорили об уникальных исторических материалах. Он спрятал эту фотографию и хранил почти 20 лет. Когда стало более спокойно – возвратил в музей.

Сохранился еще один документ. Газета «Красное знамя» (ныне «Вольная Кубань») от 28 июня 1926 г. писала: «...Невзрачное на вид, скучное (!?) полотнище имеет большое историческое значение. Нынешние шапсугские аулы – остаток 100-тысячного племени шапсугов, ушедшего под давлением самодержавия в Турцию во время покорения Кавказа в 1864 г. Уже третий день празднуют они торжественно в ауле Афиписип Адыгейской автономной области передачу им облисполкомом шапсугского знамени, которое было отбито во время осады Абинского укрепления».

Память народа бережно хранит все, что связано с героическими страницами борьбы за свободу и независимость. К числу таких сокровенных знаков истории относится и шапсугское знамя. О многом оно может поведать. Каждый флаг – это живая легенда, увлекательный рассказ о былом и сегодняшнем. Такова судьба шапсугского знамени...» (Жане А.Ю., 1990; «Радетели земли...», 2001. С. 67-72).

4.6.3.4. Национальный флаг черкесов – флаг Д. Уркарта?

*Поднимай, поднимай знамя высокое!
Вооружайся! Вооружайтесь все, аттехей!
Охраняй долину, охраняй долину,
Очаг и дом, прощай, прощай!...*

Черкесская народная песня.

Несомненно, национальный флаг 1830 г. был и остается самым дорогим символом нашего единства. Мы горды тем, что он сегодня является официальным Государственным стягом Республики Адыгея...

Асфар Кук (2010).

С 30-х гг. XIX в. царизм начал прямое завоевание западнокубанских земель, в соответствии с предписанием Николая I: «Усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных». В этот период, в пору максимальной централизации адыгских племен в борьбе с царизмом, стал широко известен национальный флаг черкесского единства, символ «Объединенной Черкесии». По П.У. Аутлеву, этот флаг был подарен черкесам шотландцем Д. Уркாரтом, причем оно представляло собой «...зеленое знамя с пучком стрел и звездным кружком на нем»... Вместе с тем, К. Маркс, со ссылкой на венгерскую газету «Пештский Ллойд», утверждал, что во время Кавказской войны черкесский флаг – флаг Пророка и символ верховной власти – был зеленого цвета, но на нем изображен *белый меч с полумесяцем и звездой* (о стрелах ни слова!). Для объективности привожу соответствующую выдержку из этой публикации, помещенную в статье К. Маркса «Предатель в Черкесии»: «Вам известно, что Мехмед-бей (Бандья) согласился на предложения вождей и депутации черкесских племен и принял пост главнокомандующего. Князя, дворяне и депутация от народа поклялись на Коране повиноваться ему, а сегодня (25 марта 1857 г.) депутация от черкесского собрания принесла флаг Пророка, являющийся символом верховной власти (Сам флаг зеленого цвета, и на нем изображен белый меч с полумесяцем и звездой). Царит большое возбуждение; черкесы решили добиться полной независимости или погибнуть в борьбе за достижение этой цели. Ожидают, что к маю в военных действиях смогут участвовать 150000 чел.». Тем не менее, по мнению большинства исследователей, флаг объединенной Черкесии представлял собой полотнище из зеленого шелка, на котором над тремя перекрещенными стрелами расположены 12 звезд. Три стрелы, по мнению некоторых авторов, символизировали три самых древних адыгских княжеских рода: Зан, Айтек и Болотоко, а звезды означали объединение 12-ти наиболее значительных этнических групп адыгов: абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, жанеевцы, кабардинцы, махошевцы, натухайцы, темиргоевцы, убыхи, хакучинцы, хатукаевцы и шапсуги.

Изображение флага было опубликовано в книге Э. Спенсера «Путешествие в Черкесию», побывавшего у адыгов в 1830 г. Там же приводится «Декларация о независимости Черкесии», с которой черкесы обратились к европейским странам за поддержкой в борьбе против царизма.

Историк Р. Трахо в своей книге «Черкесы», которая вышла в свет в Мюнхене в 1956 г., пишет: «...В этот период (около 1834 г.) черкесы подчинились «Великому свободному собранию». Вся страна была разделена на 12 округов. Правительство послало во главе с Исмаилом Зеушем посольство в Турцию, Францию и Англию и объявило всеобщую мобилизацию. Символом черкесского единства служил национальный флаг 1830 г. зеленого цвета с тремя скрещенными стрелами и 12 звездами по количеству основных племен и округов объединенной Черкесии...».

Не лишены интереса воспоминания очевидца, присутствовавшего на церемонии вручения черкесам их национального знамени: «Храбрый вождь Хирсис-Султан-Оглу развернул прекрасное национальное знамя, которое он только что получил из Стамбула, отделанное прекрасными руками черкесской княжны, занимающей высокий статус в Турецкой империи. При виде долгожданного национального флага тысячи мечей взлетели в воздух, и один всеобщий продолжительный вопль радости вырвался из необъятной толпы. Никогда до сей поры не было большего проявления энтузиазма, ни решимости защищать их Отечество. Так как общая угроза, проснувшись в их сердцах, впервые вызвала чувство необходимости единения, каждый мужчина во всей стране поклялся никогда не покоряться русским, не входить с ними в торговые отношения, не поддерживать никаких связей с ними под любым предлогом. Постоянная вражда, которая до сих пор существовала между вождями и племенами, была прекращена; и тех черкесов, которые до настоящего времени разоряли территории друг друга, теперь можно было видеть рука к руке, объединенных теснейшими узами братства». И далее очевидец сообщает: «Когда бы они (черкесы) ни делали вылазку, национальное знамя всегда несут во главе части, и на каждой всенародной ассамблее оно выставляется на самом видном месте. Энтузиазм этого самого вспыльчивого народа после всеобщего принятия национального символа превышает воображение. Это обстоятельство, действительно, дало прирост моральной силы и уверенность в справедливости их дела, что русским будет крайне трудно их победить...» (Спенсер Э., 1830).

В советское время это знамя единственный раз участвовало во всенародных адыгских торжествах в 1926 г. в а. Афиписип, по случаю празднования годовщины образования Адыгейской автономной области. В настоящее время, с провозглашением республики, этот флаг объявлен Государственным Флагом Республики Адыгея.

4.6.3.5. «Государь император... всемилостивейше соизволил пожаловать кабардинцам знамя»

Даруй боящимся Тебя знамя, чтобы они подняли его ради истины.

Псалтырь (59; 6).

Всемилоостивейше жалуем кабардинским жителям почетное знамя, которое... повелеваем хранить оное, как знак Монаршего нашего внимания...

Николай I, император (2 марта 1844 г.).

Малоизвестный факт: в самый разгар Кавказской войны император Николай I «всемилостивейше пожаловал» кабардинскому народу знамя. Как отмечает С.Н. Бейтуганов (2007), несомненно, что в период, когда кабардинцы не вели активных действий на стороне России, это «монаршее соизволение» было продиктовано каким-то серьезным политическим обстоятельством, которое не нашло сколько-нибудь достаточного отражения в исторической литературе.

28 февраля 1843 г. генерал-майор Голицын направил рапорт генерал-лейтенанту Гурко, в котором, в частности, было сказано: «Я получил на днях прошение Временного суда, оно ясно обнаруживает готовность почетнейших людей Кабарды доказать на деле правительству преданность...» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 252).

Информируя об отзыве царя по этому поводу, наместник императора на Кавказе барон Нейдгардт извещает начальника Центра Кавказской линии Голицына: «Господин военный министр в отзыве от 21 прошлого (1843 г.) сентября... сообщает мне, что государь император во внимание к засвидетельствованию моему о постоянном усердии и преданности кабардинских жителей... всемилостивейше соизволил пожаловать кабардинцам знамя». Ниже приведен оригинальный текст Высочайшей грамоты на пожалование знамени, обнаруженной С.Н. Бейтугановым (2007) в госархиве КБР:

«Божиею милостию Мы, Николай Первый, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая, – нашим верноподданным кабардинским жителям

Постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия противу враждебных горцев, оказываемые кабардинскими жителями, обратили на себя особенное наше благоволение. В ознаменование коего Всемилоостивейше жалуем кабардинским жителям почетное знамя, которое, препровождая при сем, повелеваем хранить оное, как знак Монаршего нашего внимания, и в случае надобности, употреблять при ополчении против неприятельных империи нашей народов. Пребываем императорскою нашею милостию к кабардинским жителям благосклонны.

Подлинную подписал – Николай Первый
2 марта 1844 г.».

Под этим текстом, опубликованным В.Н. Кудашевым, подписано: «Высочайшая грамота 2 марта 1844 г. кабардинскому народу при пожаловании ему почетного знамени». Подпись под текстом не соответствует содержанию царской грамоты. В ней говорится о почетном знамени, которое препровождается «при сем», т. е. вместе с грамотой. В этом случае все становится на свои места: знамя пожаловано, как и писал Нейдгардт, 21 сентября 1843 г., а Высочайшая грамота подписана Николаем I позже – 2 марта 1844 г.

По повелению Нейдгардта, Голицын объявил в Кабарде, что император Николай пожаловал «кабардинским жителям» знамя. Голицын изо всех сил старался придать этому событию помпезный характер, и он во многом преуспел. Деятельность его по организации и проведению торжественных мероприятий изложена им в рапорте Нейдгардту от 14 декабря 1843 г.

Датой «всенародного празднества» было выбрано 6 декабря – день тезоименинства Николая I. К этому дню было приурочено празднование события, подобного которому не было в истории русско-кабардинских отношений. Голицын прежде всего собрал всех членов Кабардинского временного суда и сообщил им «о благоволении императора», а они сделали эту весть достоянием всего народа. В Нальчик были вызваны представители всех аулов Кабарды. На этой встрече они решили «ознаменовать событие, глубоко врезавшееся в благодарных сердцах жителей всей страны, народным празднеством».

День 6 декабря был избран как наиболее подходящий повод «для изъявления пред лицом всех горских народов, прилегающих к Кабарде, признательности ее к обожаемому монарху». По заранее составленному плану в Нальчик стали съезжаться «бесчисленные толпы кабардинцев и старшин прочих племен со свитою». Среди приглашенных «старшин других народов» Голицын называл чегемцев, балкарцев, дигорцев и, особо заметим, малокабардинцев. И далее он в своем рапорте отмечал: «Приглашенные размещались частью в форштате, а частью в Вольном ауле... Князья, уздени, приглашенные гости в количестве 300 чел. были приняты мною в зале, где танцевали европейские танцы и лезгинку. С 9 до 10 ч вечера продолжался фейерверк. Всего в торжестве участвовало более 7 000 человек. Торжество продолжалось три дня» (Ист. вестн. ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2005. Вып. II).

Наступило 6 декабря 1843 г. Совершили молебен, и состоялся военный парад. Затем князь Голицын переправился через р. Нальчик, к Вольному аулу, где «более чем на квадратную версту расположены были массы гостей». Начальник Центра Кавказской линии поздравил их с царской наградой. Это сообщение было встречено «кликами восторга, потрясающими всю окрестность». Кабардинцы, гордящиеся своим гостеприимством, в тот памятный день удивили гостей. Голицын далее докладывал Нейдгардту: «Мед, пиво, хлеб и разные яства, изготовленные на азиатский манер сорока поварами кабардинскими, присланными князьями, в продолжение трех суток приводили в изумление всех присутствующих неимоверным изобилием своим». «Благоволение» императора к кабардинскому народу должно было «иметь полезное влияние на горские народы». Уверенный в своем предположении, Голицын так заключил свой рапорт Нейдгардту: «Кажется, я успел в этом...».

Последующие события подтвердили правоту князя Голицына. Еще 19 ноября он доложил командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Гурко: «Кабардинцы, принимая с чувством пламенной благодарности... знак к ним монаршей щедрости, усиленно (усиленно) просят ходатайства моего о дозволении отправить в Санкт-Петербург депутацию от кабардинского народа для принесения у подножия престола Всеподданнейшей благодарности за оказанную им милость». 1 декабря 1843 г. Гурко доложил об этой просьбе императору. Военный министр 13 декабря сообщил Гурко, что «император... дозволил отправить в Санкт-Петербург депутацию от кабардинского народа». Причем министр указывал и срок прибытия в столицу – «в течение января, к бракосочетанию Ея Императорского Высочества великой княгини Александры Николаевны».

В первых числах января 1844 г. началась подготовка депутации к отъезду. Владельцы всех аулов Кабарды и другие почетные лица, в том числе и горцы, съезжались в Нальчик «для присутствования при отъезде депутации». Как было отмечено выше, Николай I вручил депутации знамя и грамоту 2 марта 1844 г. Сначала это знамя доставили в Тифлис. По приказанию Нейдгардта Голицын за ним туда направил своего адъютанта штабс-капитана Данилова и корнета Тлостаналиева. Приняв знамя, они 25 апреля 1844 г. доставили его в Нальчик. Тем временем Голицын распорядился, чтобы «достойным образом принято было благодарною Кабардою новое доказательство Высочайшего Благоволения государя императора». Он вызвал в Нальчик недавно вернувшихся из столицы империи членов депутации. В Нальчик явились и все владельцы аулов. 3 мая они «расположились огромным лагерем против крепости на правом берегу реки Нальчика».

В «достопамятный день» 4 мая 1844 г., как назвал его Голицын, «в девятом часу пополудни кабардинцы собрались в доме начальника Центра, где вручено им... знамя». После церемонии вручения знамени «началось шествие до места, назначенного для парада и прочтения Высочайшей грамоты». Для участия в параде была назначена рота, которая встретила знамя троекратным «ура», отдавая честь в установленном порядке. Потом аудитор управления начальника Центра Кавказской линии огласил содержание грамоты. Его перевод текста грамоты «произвел в кабардинцах восторг невыразимый». После завершения чтения грамоты раздались три ружейных залпа. Они «сменились пушечными выстрелами в числе 101-го, продолжавшимися во все время прохождения церемониальным маршем войска мимо знамени». Завершением всех церемоний в связи с пожалованием знамени кабардинскому народу явилось его установление в доме начальника Голицына на специально приготовленном почетном месте (Бейтуганов С.Н. (2007).

Если уж речь зашла о «всемилодивейше пожалованном» Николаем I кабардинскому народу знамени, нельзя не отметить следующий неприглядный факт. В 1998 г. вышла в свет книга М.О. Будая «Шаг к истине. Эльбрус между адыгами и карачаевцами», кстати, переполненная всевозможными измышлениями и выпадами не только против адыгского, но и русского народа. В ней М.О. Будая на стр. 43 утверждает, что «...в 1844 г. русский царь Николай I награждал черкесов (адыгов) почетным знаменем *за их противостояние жителям Кавказа, за их вооруженную защиту интересов России*» Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 422-423). Думается, этот вывод, не учитывающий исторических реалий того сложного и во многом противоречивого времени, слишком уж категоричен в оценках и в комментариях не нуждается...

4.6.3.6. «Почетное знамя кабардинцев» на фронтах первой мировой войны

Долго ли мне видеть знамя, слушать звук трубы?...

Книга пророка Иеремии (4; 21).

Кабардинское знамя хранится на квартире начальника округа. В Турецкую войну Кабардинский полк брал его с собою. Полагаю, взять нужно и теперь...

Из телеграммы подполковника Клишбиева генералу Чернозубову (14.08.1914 г.).

Несколько слов о дальнейшей судьбе этого столь памятного для кабардинцев знамени. Спустя около 70 лет, во время первой мировой войны, под этим штандартом воевал «Кабардинский полк», в котором служил князь Федор Николаевич Бекович-Черкасский.

Как сообщает О.Л. Опрышко (1993), в связи с формированием Кабардинского конного полка возникла необходимость в его знамени. 13 августа 1914 г. начальник штаба Терского казачьего войска генерал-майор Чернозубов шлет из Владикавказа в Нальчик начальнику округа подполковнику С.К. Клишбиеву телеграмму: «Где хранится Кабардинское знамя? Может ли быть взято Кабардинским полком или необходимо ходатайствовать о новом?».

Нет сомнений, что в телеграмме генерала речь шла о «почетном знамени», пожалованном 2 марта 1844 г. императором Николаем I «верноподданным кабардинским жителям». В Высочайшей грамоте, данной по этому поводу, говорилось, в частности, о том, что император повелевает «...в случае надобности, употреблять [это знамя] при ополчении против неприятельных империи нашей народов». Это значило, что «почетное знамя» в случае войны могло быть использовано как полковой стяг.

Подполковник Клишбиев на следующий день, 14 августа, направляет генералу Чернозубову ответную телеграмму: «Кабардинское знамя хранится на квартире начальника округа. В Турецкую войну Кабардинский полк брал его с собою. Полагаю, взять нужно и теперь...». К сожалению, заслуживающих доверия сведений о дальнейшей судьбе этого знамени не сохранилось (Опрышко О.Л., 1993).

4.6.3.7. Штандарты Черкесского полка на службе Сирийского правительства: память о потерянной родине

На полотнище из зеленого шелка золотой нитью вышита надпись на черкесском: «Yapeqhe tcerques!» («Черкесы, вперед!»); сверху ее обрамляют 7 звезд, символизирующих 7 основных черкесских племен, и внизу: «Tcerques chiv sevtinme ya qur» («Черкесский полк легкой кавалерии»).

Из описания штандарта Черкесского полка (1920).

Если уж речь зашла о черкесских знаменах, уместно вспомнить, что отдаленные потомки махаджиров, служившие в «черкесских полках» тех или иных иностранных государств, во время военных действий сражались под «своим» знаменем, являющимся для них символом потерянной родины. С этой точки зрения представляет интерес сообщение о штандартах Черкесского полка, находившегося на службе Сирийского правительства в 1920-1946 гг.

В настоящее время черкесский штандарт находится в Париже, в престижном зале знамен Музея Армии. Как подчеркивает Мишель Сапен-Линьер (2008), он «по праву достоин этой чести». На квадратном полотнище из зеленого шелка, обрамленном золотой бахромой, с одной стороны золотой нитью вышита надпись на черкесском: «Yapeqhe tcerques!» («Черкесы, вперед!»); сверху полукругом ее обрамляют семь звезд, символизирующих семь основных черкесских племен, и внизу: «Tcerques chiv sevtinme ya qur» («Черкесский полк легкой кавалерии»). Все четыре угла знамени украшены вышивкой. С другой стороны – надписи уже на французском: «Полк Черкесских эскадронов», а также в два столбца зафиксированы главные победы Черкесского полка на службе Французского и Сирийского правительств в первой половине XX столетия: Хаджилар, Джебель-Друз, Калаат-Джендаль, Меджд-эль-Шемс, Катана, Джебат-эль-Хашаб, Гута, Маараба, Антиливан, Дариджа.

Государственный Флаг Республики Адыгея

папские цвета: две горизонтальные полосы по верху знамени – желтая и белая.

Кроме знамени, во время боев черкесы часто использовали вымпелы – двуконечные, зеленого цвета, с каймой из плоского светло-желтого галуна и знаком различия Черкесского полка в центре; обрамление в виде двух кистей из золотой нити. Эмблема представляла собой всадника в парадной форме (черкеска черного цвета с ложными патронами, белый капюшон-башлык), мчащегося галопом, вписанного в полумесяц диаметром 5 см, на котором надпись: «Черкесский полк». На эмблеме крест «За боевые заслуги» с шестью пальмами (Мишель Сапен-Линьер, 2008).

4.6.3.8. «Слышен гам, да не там!»: правда о Государственном Флаге Республики Адыгея

Когда напрягут стрелы, пусть они будут, как переломленные...

Псалтырь (57; 8).

Несомненно, национальный флаг 1830 г. был и остается самым дорогим символом нашего единства. Мы горды тем, что он сегодня является официальным Государственным стягом республики...

А. Куек (2010).

В Конституции Республики Адыгея (раздел III, ст. 59) четко регламентировано изображение Государственного флага Республики Адыгея, который «...представляет собой прямоугольное полотнище зеленого цвета, на котором изображены 12 золотых звезд и три золотые перекрещенные стрелы, направленные наконечниками вверх. Отношение длины флага к его ширине – 2:1».

К 450-летию военно-политического союза Черкесии и России в Москве была издана книга «Сокровища культуры Адыгеи». Состав местных авторов, редакционной комиссии солидный, книга добротная, но, к сожалению, она имеет определенные недостатки, в частности, касательно предыстории появления у адыгов своего национального Флага.

Расставляет точки над «i» в этом спорном вопросе ведущий научный сотрудник Адыгейского регионального института гуманитарных исследований, кандидат филологических наук, председатель Адыгейского республиканского общественного движения «Самгъур» Асфар Куек (2010), которому мы и предоставляем слово. В кратком изложении его аргументы выглядят следующим образом:

«На 9-й странице упомянутой книги говорится: «...12 звезд [Государственного Флага РА. – Авт.] означают 12 черкесских племен, а три стрелы – три древнейших адыгских княжеских рода. Стрелы также ассоциируются с богом кузнецов Тлепшем. Зеленый цвет полотнища символизирует ислам...». (Примечательно, что такое же утверждение приводится и в работе известного ученого А.Д. Панеша, 1999. С 88: «С 30-х гг. XIX в. народы Закубанья выступали под черкесским флагом из зеленого шелка, на котором над тремя поперек изображенными стрелами располагалось 12 звезд. Три стрелы символизировали три самых древних адыгских княжеских рода: Зан, Айтек, Болотоко, а звезды означали объединение 12 областей наиболее значительных этнических групп адыгов...»).

«Слышен гам, да не там!» – не без сарказма восклицает А. Куек. «Да, – говорит он, – нарту Тлепшу, богу кузнечного ремесла, заказали три стрелы, способные поразить трех нартвов на земле, в воздухе или воде. Они могли преследовать цель, где бы она ни находилась, и всегда поражали ее. Адыгский витязь, когда был не на войне, обычно носил с собой три стрелы в колчане. Стрелы вверх означают мир, а их связка – единение. Они не имеют никакого отношения к княжеским родам.

Что касается цвета флага, адыги всегда говорили: «Огур ихъуантІэу, уцыр къаихъоу» – синее небо и зеленая весенняя трава. Зеленый цвет – это цвет весны, а не ислама. Ни христианства, ни ислама еще не было, когда адыги видели в зеленом цвете жизнь. Не надо связывать вместе то, что не может быть связано...

И далее А. Куек пишет: «Учитывая, что государственный символ республики Адыгея – национальный флаг 1830 г. – до сих пор вызывает вопросы, хотелось бы остановиться более подробно на нем.

Стяг с изображением 12-ти пятиконечных звезд и трех перекрещенных стрел принято выводить из исторической ситуации XIX в. Подробное его описание приводится в книгах дневниках Э. Спенсера «Путешествие в Черкесию» (1830) и зарубежного историка Р. Трахо – книге «Черкесы» (Мюнхен, 1956).

Данный флаг практически не был известен ни общественности, ни в научных кругах. Первый раз я увидел его в цвете в конце 80-х. Это было время эмоционального подъема адыгского народа, время возрождения его самосознания. Накануне открытия учредительного съезда Адыгэ хасэ силами энтузиастов был сделан настоящий адыгский стяг – точная копия флага 1830 г., цветное изображение которого было помещено в книге Эдмонда Спенсера (1830).

Настал час, и люди до отказа заполнили зал городского дворца культуры. «...И вот над сценой справа встрепенулось и поплыло легкое зеленое полотнище, всколыхнувшее золотыми звездами, – писала газета «Гъуазэ» в апреле 1991 г. – Флаг ожил. Он, казалось, дышал ветрами времени – самой истории, готовый взвиться высоко над головой, всколыхнуть, окрылить. Так оно и произошло. Сидевшие в зале мгновенно встали – в едином порыве восторга и волнения. Долго же ждали этой минуты адыги! У многих на глазах были слезы. Наш флаг обращен к нашей памяти и совести. Он зовет адыгов к дружбе, миру и солидарности, взывает к борьбе за свободу во имя павших и живых, во имя справедливости...». То, как знамя было встречено в зале, живо напомнило мне (т. е. А. Куеку), как оно было встречено адыгами в далеком 1830 г. Об этом прекрасно написано в книге Эдмонда Спенсера «Путешествие в Черкесию».

После того памятного дня вскоре я (А. Куек. – **Авт.**) привез из Анкары небольшую плакетку с изображением штандарта хаттских царей и показал ее коллеге, известному ученому Нурбию Ловпаче. Этот штандарт удивительно напоминал национальный адыгский флаг, что побудило нас, ученых, написать об этом статью. В ней, на наш взгляд, вполне аргументировано мы выдвинули версию, что основные компоненты нашего флага имеют непосредственную связь с хаттским штандартом. Ведь существует же научная версия, что часть далеких предков черкесов – это выходцы из Хаттского государства... И еще. По информации Эдмонда Спенсера, флаг 1830 г. был изготовлен «прекрасными руками черкесской княжны, занимавшей высокое положение в Турецкой империи...». Данный факт отрицает попытку некоторых историков, утверждающих, что он якобы был изготовлен английским разведчиком Д. Уркартом.

Несомненно, национальный флаг 1830 г. был и остается самым дорогим символом нашего единства. Мы горды тем, что он сегодня является официальным Государственным стягом Республики Адыгея, хотя нужно отметить, что произошло это нелегко и не без сопротивления определенной части населения.

В 2010 г. исполняется 180 лет национальному флагу адыгов. Он был символом борьбы за свободу в XIX в. и сегодня служит нам, напоминая о том, что выше единства и любви к своему Отечеству ничего нет. Прошли годы, но дух необходимого единения не потерял свою актуальность. Исторический флаг адыгов, став символом Адыгеи, призывает сегодня к дружбе, сплоченности, толерантности (лат. *tolerantia* – «терпимость к чужим мнениям и верованиям»). – **Авт.**) и взаимопониманию весь многонациональный народ республики. Но он еще остается и символом всего адыгского мира. Поэтому сейчас национальное знамя зеленого цвета с тремя скрещенными стрелами и 12 звездами вновь популярно не только в Адыгее, но и в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, среди причерноморских шапсугов, а также у нашей диаспоры за рубежом», – завершает свое эссе А. Куек (2010).

Для полноты картины обратимся к оригинальному мнению К.К. Хутыз и Э.А. Шебзуховой (2007) о причинах размещения на национальном знамени черкесов именно трех стрел, не больше и не меньше. По мнению историков, «...у адыгов существовал природоохранный экологический знак в виде трех перекрещенных стрел. Они изображены на Государственном Флаге Республики Адыгея. Одни ученые считают, что корни символа уходят в далекое прошлое, и увязывают их со стрелами нартского кузнеца Тлепша, другие идут еще дальше, увязывая их с геральдикой хеттов, третьи воспринимают их как явление более позднее, изображающее единство и союз 12-ти адыгских племен».

«Следует согласиться с тем, что три стрелы в разные времена носили разную нагрузку. Но почему стрел только три, а не больше и не меньше? – размышляют авторы. Что явилось первичной их основой? Ответ на эти вопросы, нужно искать в еще более глубокой древности».

В представлении древнего человека животный мир классифицировался в три мира «Средний мир», «Верхний мир», «Нижний мир». По той же древнехеттской традиции дикие животные «Среднего мира» объединялись под общим названием «животные богов». Верующие и поныне считают, что овцы, олени, лани, козы, лошади, верблюды, медведи являются избранниками Бога. Количество населения регулировалось наличием животного мира. И бережное, рачительное отношение к ним было насущным условием сохранения жизни людей. Первобытные охотники добывали зверя столько, сколько было необходимо для еды. Трём животным мирам соответствовало и три стрелы. Охотник имел право брать на охоту только три стрелы. Первой он мог добыть зверя из «Среднего мира», второй – из «Верхнего мира», третьей – из «Нижнего мира». Эта мысль подтверждается и народными преданиями адыгов. Опытные охотники говорили, что надо беречь дикий жи-

вотный мир, строго соблюдать правила охоты, что еще с давних пор охотникам разрешалось брать на охоту три стрелы. Одной стрелой охотник мог подстрелить одного бегущего зверя (к примеру, оленя, козу или тура), второй – одного летающего (фазана или дрофу) и третьей – одного плавающего (гуся или утку).

Интересно, что это предание сохранилось и у зарубежных адыгов. По рассказу жителя Турции Шебзуха Руата, записанного кандидатом исторических наук М. Джандар, адыги брали с собой только три стрелы и имели право добывать одного летающего, одного плавающего или одного идущего по земле животного. С полной уверенностью можно сделать вывод о том, что три стрелы обозначали первоначально экологический природоохранный знак» (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007). Дальнейшие изыскания позволят подтвердить (или опровергнуть!) эту версию.

4.6.4. Государственный Герб Республики Адыгея

Герб – род щита с изображением на нем знаков, присвоенных государству, городу, дворянскому роду и пр.

Даль В. Словарь живого великорусского языка.

Государственный Герб
Республики Адыгея

Государственный Герб Республики Адыгея, утвержденный 24 марта 1992 г., представляет собой круг, сверху обрамленный лентой с надписью «Республика Адыгея» на русском и адыгейском языках. В середине ленты – большая звезда, с боковых сторон – листья дуба, клена (слева), золотистые колосья пшеницы, початки кукурузы (справа). Круг замыкается аббревиатурой слов «Российская Федерация» – буквами «РФ», над которыми изображен национальный стол – *анэ* с хлебом и солью.

В середине круга – главный герой нартского эпоса Саусрыко на огненном летящем коне. В руке всадника – пылающий факел, который богатырь похитил у богов для блага людей. Лучи от этого огня рассыпаются по небосводу двенадцатью звездочками. Изображение адыгского стола подчеркивает гостеприимство адыгейцев и устойчивость их жизненного уклада. Включенные в опоясывающую герб гирлянду колосья пшеницы, початки кукурузы, просо, листья клена, дуба символизируют богатство флоры республики.

Находящаяся в верхней средней части ленты большая звезда олицетворяет единство многонационального населения Адыгеи. («Конституция Республики Адыгея». Раздел III, статья 60; Гугова М.Х., 2006. С. 859; «Сокровища культуры...», 2007. С. 8).

4.6.5. Государственный Гимн Республики Адыгея

В Конституции Республики Адыгея (Раздел III, ст. 61) говорится: «Текст Государственного гимна Республики Адыгея утверждается Законом Республики Адыгея».

Адыгэ Республикэм и Гимн

*ГуццЫхэр – Мэцбэшлэ Исхъакъ
Орэдэшъор – Тхъабысэмэ Умар*

Тихэгъэгу класэу тигупсэр
Адыгэ чыгушъ, терэл.
Зы бын-унагъоу лъэпкъыбэр
Щызэгурьшоу щэрэл.

Жьыу:

Шпум факIу, лъыкIуат,
Республикэу тиунэ дах.
Егъэхъу, зыIэт,
Республикэу тигугъэ лъаг –
Уилъэпкъы хьышъэр фэлъуат.

Дунаим ичIыпIэ шIагъор
Нахьыжмэ тэ кытфыхах,
Ахэмэ ялIыгъэ – шIагъэ
ЛIэшIэгъумэ кыызIэпах.

Жьыу:

Хьэзабмэ уахэмытыжъэу
Уитыгъэ нэфи пшъхъашыт.
Россием зыкIэ ушышъэу
Ащ гукIи ушышъхъафит.

Жьыу:

Тэ тыщыІэфэ – егъашІэм!
ТичІыгоу тыгур шыІэшт,
Тиуашъуи, тыгъи бэгъашІэ
Тфэхъоу тикІасэу тиІэшт.

Жъыу.

Гимн Республики Адыгея

*Слова И. Машбаши
Музыка У. Тхабисимова*

Славься, живи Адыгея,
Милая сердцу страна,
Наши народы согрела
Добрым согласьем она.

Припев:

Солнечный край,
Республика – наш общий дом,
Крылья взметай,
Республика, крепни трудом, –
Светлая наша мечта.

Предками выбрано было
Дивное место для нас,
Мужество, мудрость и силу
Дал нам от дедов Кавказ.

Припев.

Гордо, с душою свободной,
Вместе с Россией иди,
Солнце твое над тобою,
Бури невзгод позади.

Припев.

Небо родное и нивы
Будут навеки в сердцах,
Будут для нас, пока живы,
В нашей судьбе и делах.

Припев.

Несколько иной вариант перевода на русский язык приводится в книге А.Ш. Бузарова, Т.П. Варшаниной, Н.В. Кабаяна Н.В. и др. (1995. С. 8):

Гимн Республики Адыгея

*Слова И. Машбаши
Музыка У. Тхабисимова*

Земля адыгская – милая сердцу страна.
Наша душа – пусть живет, –
Пусть будет согласие всегда
В единой семье народов.

Припев:

Иди к добру, двигайся дальше,
Республика – наш счастливый дом.
Поднимайся, расправляй крылья,
Республика – наша высокая мечта,
Умножай славу народов своих.

Одно из прекрасных мест мира
Нашими предками выбрано для нас.
Их мужество, их отвагу
Века передают друг другу.

Припев.

Все тягости у тебя позади,
И солнце твое над тобой.
Ты – частица России славной,
И сердцем в ней ты свободна.

Припев.

Пока мы живы – вечно
Земля будет в нашем сердце.
И вечны будут для нас
И солнце родное, и небо.

Припев.

4.6.6. Государственные символы Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик

4.6.6.1. Кабардино-Балкария

Государственный ФЛАГ Кабардино-Балкарской Республики представляет собой полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: верхней – сине-голубого, средней – белого, нижней – зеленого цвета. В центре полотнища – круг, пересеченный сине-голубым и зеленым полем; на сине-голубом поле – стилизованное изображение горы Эльбрус в белом цвете. Отношение ширины флага к его длине – 2:3 (Гугова М.Х., 2006. С. 864).

Государственный ГЕРБ Кабардино-Балкарской Республики представляет собой изображение золотого (желтого) орла в червленом (красном) поле щита; глаз орла – лазоревый (синий, голубой). На груди орла – малый пересеченный щит, вверху – и изображение серебряной (белой) горы с двух вершинами в лазоревом (синем, голубом) поле, внизу – золотой (желтый) трилистник с продолговатыми листьями в зеленом поле (Гугова М.Х., 2006. С. 863).

4.6.6.2. Карачаево-Черкесия

Государственный ФЛАГ Карачаево-Черкесской Республики представляет собой прямоугольник в соотношении: длина к высоте 2:1. Государственный флаг КЧР образован из трех цветов: светло-синий, зеленый, красный. Цвета расположены в трех горизонтальных, равных по ширине полосах: светло-синяя – сверху, зеленая – посередине, красная – снизу. В середине зеленой полосы, во всю ее ширину, расположен светлый круг (кольцо), в котором восходящее из-за гор солнце с пятью широкими сдвоенными и шестью тонкими и короткими лучами (Карданова А.Х., 2006. С. 866).

Государственный ГЕРБ Карачаево-Черкесской Республики имеет круглую геральдическую форму. В центре композиции стилизованный силуэт Эльбруса, окруженный ветвями и цветами рододендрона. Внизу герба дата – 1922. Год вписан в форму, напоминающую чашу. Вверху, в малом круге, две буквы «РФ» – Российская Федерация.

В цветном изображении фон желтый, символизирующий солнечную Карачаево-Черкессию. Эльбрус – белого цвета, означающего вечность, силу, величие. Эльбрус расположен в синем круге. Синий цвет означает вечное небо и чистые воды (Карданова А.Х., 2006. С. 866).

4.7. Шапсугский национальный район: к истории вопроса

Весьма кратко, схематично мы рассмотрели историю становления государственной независимости адыгов как нации, – от полного бесправия – к «усеченной» автономии, а от нее – к созданию независимой Республики Адыгея. Насколько трудно протекает в наше время процесс создания собственного национально-территориального образования, можно судить по истории малой этнической общности – причерноморских шапсугов, по их попытке воссоздать свою «малую родину» – Шапсугский национальный район.

4.7.1. Краткие сведения по истории причерноморских шапсугов

4.7.1.1. «Шапсугское племя по многочисленности своей, – самое сильное между черкесскими племенами...»

Шапсугское племя по многочисленности своей, – самое сильное между черкесскими племенами...

Султан Хан-Гирей (1837).

В XVIII–XIX вв. шапсуги были самым многочисленным адыгским племенем. Занимаемая ими территория делилась на Большую и Малую Шапсугию. Большая Шапсугия граничила на западе с нутхайцами по р. Адагум и Главному Кавказскому хребту, а на востоке и юго-востоке – с владениями бжедугов и абадзехов. Малая Шапсугия («Малый, или Приморский Шапсуг») была расположена по южному склону Кавказского хребта. На Черноморском побережье она занимала территорию от р. Джубги до р. Шахе. На северо-западе граничила с нутхайцами по р. Джубге, а на востоке владения Малой Шапсугии соприкасались с абадзехами по линии Главного Кавказского хребта («Шаги к рассвету...», 1986. С. 392).

Шапсуги принимали активное участие в борьбе адыгов с набегами крымских татар. В 1724 г. на р. Пшад они разбили напавших на них татар, а их предводителя хана Девлет-Гирея взяли в плен. Шапсуги сохранили свою свободу и политическую независимость и от Крымского ханства, и от Османской империи (Турции). Покровительство, которое оказывали им султаны и ханы, они принимали в той степени, в какой считали это удобным для себя.

Исчерпывающе полно описывает происхождение и размещение племени шапсугов Султан Хан-Гирей (1837): «Шапсугское племя в наше время (начало XIX в.), по многочисленности своей самое сильное между черкесскими племенами, при водворении своем в горах состояло из пяти только союзных родов, или *тдлако* (которых я буду называть кланами), бывших под предводительством Абата. Эти кланы именовались: Кобли, Схопте, Севотох, Натхо и Нетдахо. Они разделились на две части, и первые три клана водворились на речке Шапсхо и были основателями шапсугского племени, которое, как полагают, от названия этой речки приняло

нынешнее свое наименование. Впоследствии народонаселение в шапсугском племени до такой степени увеличилось от присоединившихся к нему жителей равнин, что оно принуждено было занять обширное пространство гор и ущелий и, наконец, и выдвинуться к северным покатолям и равнинам.

При быстром приращении населенности шапсугского племени оно образовало три главных союза, или соприязненчества: первый из них, состоящий ныне, кажется, более чем из 30-ти кланов, известен под общим названием Кобли; второй — Хохо-Севотох, а третий — Схапте. В каждом из последних двух союзов считается не менее 20-ти кланов. Названия этих союзов доказывают, что народные предания об их основателях не суть вымыслы».

Описывая земли черкесов в конце XVIII – начале XIX в., И.Ф. Бларамберг (1840) писал: «Племя шапсугов – самое могущественное среди всех черкесских племен, оно постоянно укреплялось за счет притока новых беженцев, которые здесь получают права гражданства и ассимилируются. Шапсуги гордятся тем, что они свергли иго своих князей и узденей; они известны своей непримиримой ненавистью к русским и упорным нежеланием поучиться или жить в мире с Россией. Благодаря этим качествам они пользуются у своих соотечественников славой непобежденных. Их политическое влияние на другие черкесские племена очень велико» (Цит. по: Хутиыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

«До образования своей самобытности, – пишет Л.Я. Люлье (1857), – натухажцы и шапсуги, в числе прочих племен Черноморского побережья, из коих главное племя было гоаие, занимало следующие места: а) натухажцы в урочище Тагапс, в верховьях долины Псезюе или Псезюапе; б) шапсуги в урочищах Айсейниб и Бебе-колайге, в той же долине Псезюе. В это время оба эти народа состояли только из пяти коренных отраслей: 1) надхо, 2) нетахо, 3) кобле, 4) схапете, 5) сотох. Первые две (надхо и нетахо) вошли впоследствии в состав натухажцев, а последние три – шапсугов. Впоследствии племя гоаие вошло тоже в состав натухажцев».

По Ш. Ногмову (1861), «...из множества племен адыгов, живущих за Кубанью, кягхе, или нынешние шапсуги, обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот. Убежища эти служили оградой от беспрестанно ожидаемого врага».

В XIX в. (до 1864 г.) шапсуги были самой многочисленной группой адыгского этноса. По некоторым данным, их число доходило до 400 тыс. чел. Численность причерноморских шапсугов отдельно не фиксировалась. Однако имевшие место во второй половине XIX в. обследования территории их недавнего проживания показали, что она была густо населена.

4.7.1.2. Малая (Причерноморская) Шапсугия в свидетельствах очевидцев и современников

*И я вам поведаю весть –
Ее извлеку я на свет,
Как жили шапсуги здесь...*

А. Гадагатель.

Древнейшая история причерноморских шапсугов неразрывно связана с историей и культурой народов этой группы, имеющих общее происхождение и являющихся аборигенами Западного Кавказа. Еще в X столетии византийский император Константин Багрянородный упоминал проживавшую на Черноморском побережье общину Сапакси (Шапакси). Существует предположение о связи этого адыгского (зихского) термина с шапсугской общностью.

Первое же упоминание в письменных источниках этнического термина «шапсуги», близкого по написанию к современному, относится к 1725 г. В русских документах сведения о шапсугах (в форме шапсо, сапсых) появляются в 40-х гг. XVIII в. В западноевропейских источниках название племени шапсугов (шапсик, шапсык) впервые встречается в записках К. Пейсонеля (1762).

Столетием раньше, в 1666 г., турецкий автор Эвлия Челеби описывал и соседнее с ними племя прианапских шагаков (хакучи), которые, как впрочем, и гуайе, имели непосредственную связь с причерноморскими шапсугами. Как отмечает Т.В. Половинкина (2006), хакучи – население верховий рек Аше и Псезуапсе (Псышу), локальная группа (общество) шапсугов; в русских военных документах – собирательное имя, под которым были известны все укрывавшиеся в лесах коренные жители побережья (южных склонов гор). Хакучи этнически составляли единое целое с шапсугами, их язык представляет собой говор шапсугского диалекта.

Связь с шапсугами имела и этническая группа гуайе. В XVIII в. гуайе были еще многочисленны и обитали в долине Псышу и некоторых ближних к ней с северо-запада рек. По свидетельству источников, слились с шапсугами, поэтому в первой половине XIX в. редко упоминаются как особое подразделение адыгов. В XIX в. гуайе соединились с шапсугской фамилией Коблевых и впоследствии стали Коблевыми. Практически все источники XVIII-XIX вв. подчеркивают близкородственные связи шапсугов и с натухажцами – соседней на северо-западе адыгской племенной группой (Половинкина Т.В., 2006).

Согласно сведениям многочисленных источников прошлого, шапсуги – аборигены Причерноморья широко и безуспешно занимались земледелием. Так, автор 1842 г., к примеру, свидетельствует, что на пространстве побережья между реками Туапсе и Псезуапсе «береговые горы изобильно покрыты на скатах распаханными нивами, означающими плодородие земли и довольно сильное поселение; особенно от Лазаревского к

Головинскому (русские военные укрепления соответственно в устьях рек Псеуапсе и Шахе. – **Авт.**) скаты гор почти сплошь, от верха до низа, запаханы нивами с разнородным хлебом». И добавляет: «Рабочие на них редко видны днем. Вообще горцы здесь обрабатывают поля свои и убирают хлеб по ночам, избегая неприязненных от проходящих (русских. – **Авт.**) судов». Причерноморским шапсугам издавна были известны основные системы земледелия – подсечная и чередование культур. Широко применялись удобрения, орошение и террасирование горных склонов. Горцы возделывали разнообразные сорта проса и кукурузы, пшеницу и ячмень, овес, лен и коноплю, а также табак. Высокого уровня развития достигло садоводство. Шапсуги разводили различные виды и сорта плодовых деревьев с применением обрезки и прививки. Большое место в хозяйственной жизни шапсугов занимало виноградарство и виноделие (Половинкина Т.В., 2006).

Дополняет эту информацию о Малой (Причерноморской) Шапсугии А.П. Берже (1858): «Участок малых шапсугов прилегает к восточному берегу Черного моря и граничит с севера с Главным хребтом, а с юга – с р. Шахе, за которой живут убыхи». Источник 1860 г. также подтверждает, что приморские шапсуги жили «на южном склоне хребта – между р. Шахе, землей убыхов, р. Джубга и землей натухаевцев».

Много позже С. Эсадзе (1914) отмечал: «Шапсуги – самый многочисленный народ, занимали богатый край между реками Шахе и Пшадою на южной стороне Главного хребта и между реками Супс и Адагумом, на северной стороне хребта. Между предводителями их прославились Шеретлуков и Казбич. На берегу Черного моря у них было несколько мест, которые служили пристанями для турецких мелких судов: Туапсе, Джубга и Пшада. Получая от турок оружие, соль, железо, шапсуги продавали им почти исключительно рабов: мальчиков и девочек. Одной из древнейших фамилий Шапсугии была фамилия Аббатов, и предки их когда-то считались предводителями шапсугского племени. Отец их пользовался большим уважением в народе; дети были отданы на воспитание в чужие аулы, и поэтому они были названы: Бесленей Аббат и Убых Аббат. Натухайцы жили за Абином, вплоть до Новороссийска, Анапы и впадения Кубани в Черное море».

В период массового переселения адыгов в Турцию (1858-1864 гг.) в устье р. Туапсе возник один из последних на Кавказе рынков рабов. Кроме работорговли, некоторые авторы выделяют и другие «характерные» черты шапсугов. Так, П.Г. Бутков писал в 1869 г.: «Главнейший промысел шапсыхов есть разбой. Они хищничают у черноморских казаков; грабят приезжающих в Анапу и не щадят таким образом ни черкес, господству владельцев подлежащих, ни турецких подданных, у Анапы им попадающихся».

Учитывая, что последние два высказывания принадлежали русским (царским) источникам, зачастую предвзято относящимся к горцам («хищникам»), приведу высказывание «нейтрального» иностранного автора 1839 г. – Ф. Дюбуа де Монпере, подтверждающую пиратские «деяния» шапсугов: «Река Тапсе, или Туапсе, вливается в море в углублении залива рядом с аулом Мамай, – главным прибежищем черкесских пиратов. У мамайских шапсугов есть две большие галеры, на которые они могут посадить до 120 человек...». Разумеется эта информация относилась не ко всему племени, а к отдельным его представителям. Большинство же шапсугов занимались обычными мирными делами, – растили хлеб, разводили скот.

Невосполнимый урон некогда могущественному шапсугскому племени нанесла Кавказская война и последующая за ней вынужденная эмиграция в Турцию. Только за 1835-1858 гг. погибло 40 тыс. шапсугов (последние годы войны до 1864 г. не учтены). В свою очередь, «исход» этого племени в Турцию составлял по меньшей мере около 150-160 тыс. чел. От причерноморских шапсугов остались буквально считанные единицы (табл. 42).

Одним из основных населенных пунктов причерноморских шапсугов издавна является г. Туапсе. Здесь уместно вспомнить, что в свое время даже ставился вопрос о перенесении столицы Советской Адыгеи в этот город. Так, в постановлении Оргбюро РКП (б) Адыгейской АО от 5 февраля 1923 г. говорилось: «Ввиду раздробленности черкесских племен... создать Единую Адыгейскую (Черкесскую) Советскую Социалистическую республику с центром в г. Туапсе» (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

Интересно происхождение названия г. Туапсе. Некоторые авторы необоснованно утверждают, что «...слово Туапсе произошло от персидского, что означает «персик». Другие исследователи переводят название этого города и реки как «Две души» (*mly* – «два» + *nse* «душа»). По К.Х. Меретукову «...реке дали наименование, потому что в верховьях она начинается слиянием двух рек – Пшенахо (Псынэф) и Чилепси (Чылтэпсы). После встречи двух рек, эти воды долго текут, не смешиваясь. Поэтому Туапс: *mly* – «два» и *psy* – «река», т. е. «Двуречье».

«Биография» Туапсе уходит вглубь веков. Уже на карте «Восточное Черноморье в IV-II вв. до н.э.» в устье реки Туапсе отмечен населенный пункт Топсиди. Топсиду упоминает и византийский автор V в. н.э. Псевдо-Арриан. На венецианских, генуэзских и каталонских картах XIII-XV вв. на том же месте показан населенный пункт, который историк Ф. Брун отождествлял с Туапсе-Кодошем. О нем же писал в середине XVIII в. К. Пейсонель. В одном из центров Шапсугии – Туапсе побывал в 1833-1834 гг. и французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере. Перечисляя приморские черкесские племена, он упоминал и шапсугов: «Первое племя находится вблизи Анапы и называется шегакки, или «морские жители», их граница доходит до Суджук-Кале (Новороссийск), где маленькая речка отделяет их от второго племени натухаджей, это племя распространяется вдоль морского берега до р. Пшада. За Пшадом и Абином начинается третье и главное черкесское племя – шапсуги, занимающие берег на расстоянии 95 верст, начиная от Пшада до аула Мамай. Шапсугов – 200 тысяч. Вдоль морского берега за ними следуют убыхи, которые от Мамай распространяются до села Фагурка».

Таблица 42 – Статистика вырождения (и возрождения) племени шапсугов

Год	Количество шапсугов, чел.	Источник	Примечания
<i>Большая и Малая Шапсугия (всего)</i>			
до 1830	300 000	Г.В. Новицкий	«в т.ч. 150 000 только мужского пола»
1835	200 000	Н. Дубровин	
1858	160 000	А.П. Берже	«За 1835-1858 гг. погибло 40 000 шапсугов»
1871	4 983	Е. Фелицын	«В Кубанской области осталось 4983 чел., - после гибели в Кавказской войне и выселения 150-160 тыс. чел. в Турцию»
1882	3 381	Всероссийская перепись	
<i>Причерноморские шапсуги (бывший Туапсинский округ)</i>			
1891	731	Сведения аульных обществ	«Жили в оставшихся 3-х шапсугских аулах: Лыготх, Кичмай и Тхагапш»
1897	1 938	Всероссийская перепись	Учены шапсуги, проживавшие между Туапсе и Сочи
1900	2052	Е. Кондратенко	«На Черноморском побережье проживало: русских – 20 265, черкесов (шапсугов) – 2052 чел.»
1921	5 000	Всесоюзная перепись	«Расселены в 10 шапсугских аулах 5 000 чел.» (по другим данным – 8000 чел.)
1926	3 733	М.Г. Аутлев	«Живут в аулах Туапсинского и Лазаревского районов»
1937	3 000	«Шапсугия», 26.06.96	«Проживают в Шапсугском национальном районе»
1940	4 000	«Паспорт шапсугского нац. района» (1940)	
1992	10 000*	М.Б. Беджанов	«Проживают в пределах бывшего Шапсугского национального района»
2011	3 839	«Комс. правда», 2011, 20 дек.	По данным переписи-2011.

*Численность в 1992 г. 10 000 – сомнительна.

В 1831-1838 гг. практически все побережье, принадлежавшее ранее причерноморским горцам (нату-хайцам, убыхам, шапсугам), было уже охвачено царскими укреплениями: Ново-Троицкое – у устья Пшады, Михайловское (устье р. Вулан), Тенгинское (р. Шапсухо), Навагинское (р. Сочи), Головинское (р. Шахе), Лазаревское (р. Псеуапс) и др. К этому же времени (12 мая 1838 г.) относится и памятная для шапсугов десантная операция царских войск к устью р. Туапсе, в результате которой было возведено укрепление Вельяминовское. Этот фортпост колонизаторов в самом сердце Шапсугии сыграл немаловажную роль в дальнейшей трагической судьбе причерноморских шапсугов.

По данным первой Всеобщей переписи Российской империи (1897), в Черноморской губ. (Новороссийский, Туапсинский и Сочинский округа) проживало 1938 шапсугов. Близкая этому цифра встречается и в приложении к «Этнографической карте Черноморской губернии», составленной Е. Кондратенко: «...в 1900 г. на Черноморском побережье Кавказа (в основном, в пределах бывшего Шапсугского национального района. – Авт.) проживало: русских – 20 265, черкесов – 2052 чел.» (Ворошилов В.И., 2007).

4.7.2. Образование Шапсугского национального района

Вскоре после установления Советской власти на Кубани, в 20-х гг. XX столетия, в составе Черноморского округа был создан Шапсугский национальный район с 5000 черкесского населения, и Армяно-Хадзыженский национальный район с 7000 армян в составе Майкопского округа. Однако путь к своей самостоятельности национальные меньшинства проходили нередко драматично.

4.7.2.1. «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»: объективные трудности и искусственные препоны на пути автономизации шапсугов

Конституция РСФСР, провозгласившая свободу самоопределения, дала и нам, шапсугам, свободу; поэтому я предлагаю объявить Шапсугию Советской республикой.

Юсуф Нагуч (1922).

Истинной причиной противодействия местных органов власти созданию шапсугской государственности было то, что в 1920-х гг., как и прежде, считалось политически нецелесообразным и даже опасным представлять шапсугам (и адыгам вообще) выход к морю.

Т.В. Половинкина (2001).

Архивные изыскания, проведенные в Национальном архиве Республики Адыгея, Государственном архиве Краснодарского края, Центре документации новейшей истории Краснодарского края, Центре документа-

ции новейшей истории Ростовской области, а также привлечение обширного фактографического материала, приведенного в работе Т.В. Половинкиной (2001); Ржавина А.А. (1999. Вып. 1) и других исследователей, дают основания выделить следующие этапы становления государственности причерноморских шапсугов:

Декабрь 1920 г. – Кубано-Черноморский областной ревком рассмотрел вопрос о горцах Кубани и Черноморья и вынес постановление, в котором их выделение в самостоятельную административно-территориальную единицу в принципе признавалось «желательным».

25 мая 1921 г. – Областной комитет РКП(б) вынес постановление о необходимости выделения горцев Кубани и Черноморья в отдельную административно-территориальную единицу.

31 мая 1921 г. – Кубано-Черноморским облисполкомом утвержден состав Горского исполкома.

7 июля 1921 г. – I съезд шапсугов Причерноморья (г. Туапсе), одобрил вхождение шапсугов в Горскую автономию.

13 июля 1921 г. – принято постановление Кубано-Черноморского облисполкома о выделении горцев из области в самостоятельную национальную автономию.

19 сентября 1921 г. – Горский исполком рассмотрел направленное ему Кубано-Черноморским облисполкомом письменное предложение Туапсинского райисполкома о выделении из своего состава населенной шапсугами Красноалександровской волости для передачи ее Горскому исполкому. В своем заключении пленум Горского исполкома указал на необходимость вхождения в автономию всех аулов Туапсинского отдела, образовав из них отдельный район.

7-12 декабря 1921 г. – на III съезде трудящихся горцев (III съезд Советов горских депутатов Кубани и Черноморья) был частично разрешен вопрос об автономии адыгов. В работе III съезда приняли участие и представители шапсугов. В подчинение Горского окружного исполкома вошло горское население (адыги), проживающие на территории Краснодарского и Майкопского отделов, а также Туапсинского отдела Черноморского округа («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82; Ржавин А.А., 1999. Вып. 1; Половинкина Т.В., 2006).

26 января 1922 г. – Постановлением Коллегии Наркомата по делам национальностей, «выделены в Черкесскую (Адыгейскую) автономную область» лишь те адыги, которые проживали на левобережье р. Кубани. Окончательное решение было за Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, но исход вопроса уже был предreshен.

17 марта 1922 г. – в преддверии постановления ВЦИКа, Исполком Кубано-Черноморской области в присутствии председателя Туапсинского отдела, рассмотрел заявление жителей 1, 2, и 3-го Красноалександровских аулов об отказе подчиняться Горскому окрисполкому и входить в Черкесскую (Адыгейскую) автономную область, – они требовали оставить их в Туапсинском отделе (с мая 1922 г. – район). Президиум «указал» Горскому окрисполкому на «недопустимость» его действий, которые «в корне нарушают принцип национального самоопределения граждан и их волю».

27 июля 1922 г. – Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области: «Выделить из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территорию, ныне населенную черкесами (адыгейцами), с включением в нее череполосных селений и хуторов с юртовыми землями и лесами, входящими в эту территорию, и образовать из таковой Черкесскую (Адыгейскую) автономную область». Вместе с тем, оставался нерешенным вопрос о причерноморских шапсугах (адыгах), оставшихся за пределами автономной области. Шапсугам во вхождении в Адыгейскую автономную область было отказано, мотивируя территориальной удаленностью их от кубанских адыгов («История сельского хозяйства...», 1994. С. 81-82; Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

4 сентября 1922 г. – поскольку шапсугов, проживавших на побережье Черного моря, не удовлетворила позиция властей, для обсуждения сложившейся ситуации в Туапсе был созван III съезд причерноморских шапсугов. В первую очередь, делегаты отменили постановление своего предыдущего съезда о вхождении в Адыгейскую автономную область. Одновременно съезд единодушно проголосовал за создание Шапсугской автономной Советской республики, которая должна была занимать всю территорию Туапсинского и Сочинского округов с границей на западе по р. Пшад. Председательствовал на съезде Мус Аллало, секретарем съезда был Юсуф Нагуч.

Наиболее полно дух и настроение делегатов съезда выразил Юсуф Нагуч. Он отметил, что шапсугам издавна принадлежала Черноморская губерния, с территории которой они насильственно были изгнаны царскими захватчиками. Он напомнил также о том, что шапсуги с древнейших времен были знакомы с формами народной демократии. Им же был оспорен факт невключения в Адыгею причерноморских горцев по мотивам их отдаленности от этой области. В связи с этим он предлагал, опираясь на Конституцию РСФСР, провозгласившую свободу самоопределения народов, объявить район шапсугов Советской республикой, которая на договорных началах вошла бы в РСФСР. Ю. Нагуч полагал, что республика будет пользоваться правом законодательства и территорией Туапсинского и Сочинского округов с границей по р. Пшад. Достоянием предполагаемой республики объявлялись города, железные дороги, порты, земля, леса, горы и прочее. Насильственно выселенные из края шапсуги уравнивались в правах с теми, кто оставался на территории республики.

В постановлении съезда, принятом по предложению Юсуфа Нагуча, говорится:

1). «Шапсугия – советская республика, часть РСФСР. Отныне Шапсугия – советская республика, управляемая Временным исполнительным комитетом, избранным на настоящем съезде, – существует.

2). Шапсугская республика занимает территорию Туапсинского и Сочинского округов, с границей на западе по р. Пшад (по данным Т.В. Половинкиной, 2001, в это время здесь проживало 50 тыс. чел. – **Авт.**).

3). Шапсугская республика пользуется правом законодательства.

4). Шапсугская республика в делах военных, финансовых, юстиции, внутренних, просвещения распоряжается самостоятельно, без ограничения.

5). Находящиеся на территории Шапсугской республики города, железные дороги, телеграф, порты, земля, леса, горы и проч. являются достоянием Шапсугской республики.

6). Шапсуги, насильно выселенные из края, должны пользоваться всеми правами шапсугов, ныне живущих на территории шапсугов.

7). Нешапсуги, ныне живущие на территории Шапсугской республики, имеют право и впредь жить на общих основаниях.

8). После утверждения этой республики центральной властью РСФСР Шапсугская республика входит на договорных началах в РСФСР».

На съезде был сформирован Временный исполнительный комитет Шапсугской республики. III съезд принял предложение Юсуфа Нагуча об образовании Шапсугской Советской Социалистической республики на указанных принципах и поручил ему и делегату Али Нагучу принять необходимые меры для положительного решения вопроса в соответствующих инстанциях (Половинкина Т.В., 2006).

Стремление к самостоятельности шапсугов нередко воспринималось (да и сейчас зачастую воспринимается – **Авт.**) как проявление национализма. Отсутствие должного внимания со стороны властей зачастую приводило к тяжелому экономическому положению шапсугских аулов. Руководство Адыгейской автономной области считало необходимым оказание культурной помощи шапсугскому населению, снабжение аулов литературой и газетами на черкесском языке. Как раз образование Шапсугского района и должно было позволить исключить национальные трения, способствовать укреплению сотрудничества с другими народами.

4.7.2.2. Процесс пошел: «...Считать целесообразным выделение территории, населенной шапсугами, в особый Шапсугский район»

Образование Шапсугской республики как самостоятельной, считать нецелесообразным... Признать создание из Туапсинского и Сочинского районов Шапсугского кантона (района) с непосредственным подчинением Адыгейскому облисполкому.

Из постановления Оргбюро РКП(б) Адыг-Черкесской автономной области (5.02.1923).

Признать принципиально возможным выделить шапсугский народ в автономную область, поручив комиссии, едущей для обследования Адыгейской (Черкесской) области, обследовать положение также шапсугских народностей.

Из протокола Наркомата по делам национальностей РСФСР (23.02.1924 г.).

Как говорится, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Долгих два года пролегло между решением майкопских властей о «целесообразности образования Шапсугского национального района», и его утверждением краевыми партийными и советскими органами. Но, во всяком случае, как сказал бы М.С. Горбачев, «процесс пошел».

Нельзя не отметить и следующий факт. Краевые органы долго возражали против предоставления шапсугам своей самостоятельности. С того момента, когда об «автономистских настроениях» шапсугов стало известно окружным и областным властям, ими была организована и активно проводилась «глубокая внутренняя работа по разложению подобных тенденций». Аналогичная работа осуществлялась и по линии Туапсинского районного исполкома. Настойчиво внедрялась мысль о нецелесообразности создания шапсугской автономии в любой ее форме: политической (государственной) или административной. Всячески внушалось, что автономия принесет народу лишь вред по причине его малочисленности и бедности. Говорилось также, что содержание аппарата (руководства) окончательно разорит шапсугов, так как потребует введения дополнительных налогов. Встать на ноги самостоятельно, без посторонней помощи, они якобы не смогут, а право на нее потеряют.

Истинной же причиной противодействия органов советской власти всех мастей созданию шапсугской автономии, по мнению Т.В. Половинкиной (2006), было то, что «...в 1920-х гг. (как и прежде) считалось политически нецелесообразным и даже опасным предоставлять шапсугам (и адыгам вообще) выход к морю, тем более согласиться с возвращением кавказских изгнанников».

5 февраля 1923 г. Одним из первых откликов на решение III съезда шапсугов было заседание Оргбюро РКП (б) Адыгейской автономной области. Интересы шапсугов Туапсинского и Сочинского районов на этом заседании представлял Джамбулет Нагуч, выступивший с докладом. От имени делегировавшего его народа, он обратился с просьбой к Оргбюро РКП(б) и Президиуму областного комитета поддержать перед Наркомнацем и ВЦИК решение об образовании Шапсугской республики. Был также рассмотрен вопрос о присоединении армавирских и баталпашинских черкесских аулов к Адыгее и Суворово-Черноморского юрта Анапского района к Туапсинско-Сочинскому округу.

После длительного и довольно бурного обсуждения Оргбюро РКП(б) Адыго-Черкесской автономной области, рассмотрев доклад представителя Шапсугской республики Юсуфа Нагуча, признал:

а) «Образование Шапсугской республики как самостоятельной, считать нецелесообразным ввиду того, что такой акт разделяет черкесскую нацию на несколько обособленных народов, что может пагубно отразиться на культурном и экономическом развитии адыгейского народа в целом.

б) В вопросе выделения Туапсе-Сочинского района из территории Кубано-Черноморской области полностью согласиться, и как форму административно-хозяйственного самоуправления признать создание из Туапсинского и Сочинского районов Шапсугского кантона (фр. *canton* – «округ, мелкая административно-территориальная единица. – Авт.), с непосредственным подчинением Адыгейскому облисполкому;

в) Принимая во внимание историческое прошлое шапсугского племени как действительно революционно-демократическое, всегда боровшееся со своими и русскими деспотами и никогда не имевшего в своих рядах князей и дворян, признать необходимым перенести центр Советской Адыгеи в г. Туапсе...».

Получило одобрение и предложение о выделении Суворово-Черноморского юрта Анапского района в самостоятельную волостную единицу с непосредственным подчинением исполкому Шапсугского кантона. Оргбюро РКП(б) высказалось также за присоединение армавирских и баталпашинских черкесов к Адыгейской АО в виде отдельных кантонов.

Обращают на себя внимание и другие принятые решения. В частности, в одном из них отмечалось: «Ввиду раздробленности черкесских племен на несколько автономных единиц и принимая во внимание все вышесказанное, признать административной лучшей формой управления кантонные объединения племен, из них создать Единую Адыгейскую (Черкесскую) Советскую Социалистическую республику с центром в г. Туапсе. Рекомендовать произвести деление на следующие шесть кантонов: 1. Шапсугский. 2. Псекупский. 3. Ширванский. 4. Армавирский. 5. Фарсский. 6. Баталпашинский». Мнение Оргбюро РКП(б) было решено передать на рассмотрение ЦК ВКП(б) и Наркомнаца (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

21 марта 1923 г. Для определения границ автономии, выделения ее центра и включения в ее состав Туапсинского и Сочинского районов, населенных шапсугами, в Адыгею прибыл представитель Наркомнаца. По этому вопросу состоялось внеочередное заседание Оргбюро РКП(б) Адыгейско-Черкесской автономной области, на котором для ведения официальных переговоров с представителем Наркомнаца от имени фракции облисполкома и Оргбюро РКП(б) создавалась специальная комиссия в составе Заёмы и Айсы Чамокова. Комиссии поручалось выработать всесторонне обоснованный проект образования автономии «на экономических принципах и наметить окончательно областной центр».

Какое же решение было принято в заключении? Газета «Экономическая жизнь» (14 ноября 1923 г.) сообщала, что Кавказская секция Госплана по районированию признала желательным разделить весь Северный Кавказ на 11 округов, из которых 5 являются собственно округами, а 6 автономными областями и республиками. При этом Черноморскую губернию, с ее шапсугским населением, признавалось целесообразным разделить между Кубанским и Майкопским округами.

Январь 1924 г. – в связи с активизацией сторонников организации Шапсугской Советской республики, было выдвинуто альтернативное предложение о выделении шапсугов в «свой» административно-территориальный район с включением в него 10 аулов в пределах их границ (но без выхода к морю), с подчинением Черокрисполкому (Половинкина Т.В., 2006).

7 февраля 1924 г. – состоялось заседание президиума Кубчероблисполкома, рассмотревшее вопрос «О шапсугах». После обсуждения данного вопроса президиум Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета принял следующее постановление:

«Считая положение народа шапсугов тяжелым, признать необходимым оказание им реальной поддержки. Для более правильного выявления нужд шапсугов и разрешения вопросов помощи им, созвать IV съезд трудящихся шапсугов». Президиум принял также решение о дополнительном наделении шапсугов землей из лесных полей и прилегающих к аулам государственных земель. Кроме того, было принято решение выделить в распоряжение шапсугов юртовые леса и предоставить им право на бесплатное пользование лесными пастбищами.

Постановлением предусматривалась также прокладка дорог в районе аулов, организация школ первой и второй ступени. В связи с этим Кубано-Черноморский областной отдел народного образования обязан был по согласованию с облоно Адыгейской АО обеспечить шапсугские школы национальными кадрами. Предполагалось также организовать больницу с местонахождением по указанию съезда шапсугов и Дома крестьянина для шапсугов в Туапсе.

Не хватало подготовленных кадров. На обращение Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета о выделении для работы среди шапсугов Черноморья двух черкесов-коммунистов Адыгейская организация РКП(б) ответила отказом. «В Адыгейской организации, – читаем в письме, – нет кадров, которых можно было бы выделить без ущерба для области».

23 февраля 1924 г. – в г. Москве, на заседании комиссии Наркомата по делам национальностей РСФСР с ходатайством об утверждении постановления III шапсугского съезда выступил представитель шапсугского народа Юсуф Нагуч. В итоге комиссия решила «...признать принципиально возможным выделить шапсугский народ в автономную область, поручив комиссии, едущей для обследования Адыгейской (Черкесской) области, обследовать положение также шапсугских народностей».

3 августа 1924 г. – на заседании бюро Юго-Восточного крайкома ВКП(б) рассматривался вопрос «О шапсугах в Новороссийском округе» (прот. № 9). Было принято постановление: 1) «Считать целесообразным выделение территории, населенной шапсугами, в особый Шапсугский район, с подчинением его Черноморскому исполкому. 2) Считать возможным нахождение районного центра шапсугов в г. Туапсе» (ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 17, л. 7).

21 августа 1924 г. – на заседании бюро Юго-Восточного крайкома ВКП(б) вновь рассматривался вопрос о причерноморских шапсугах, причем было сформулировано следующее разъяснение (прот. № 25): «Дать директиву по партийной и советской линии о точном соблюдении принятого крайкомом постановления, не допуская ни в коем случае выделения шапсугов в самостоятельный округ (имеется в виду автономная область или республика, на чем первоначально настаивали шапсуги. – Авт.)» (ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 17, л. 78).

26-29 августа 1924 г. – Поскольку предложение о создании Шапсугской автономной Советской республики не было поддержано краевыми властями, IV съезд шапсугов Причерноморья, проходивший 26-29 августа 1924 г. в г. Туапсе, провозгласил образование Шапсугского национального района. К моменту созыва IV съезда был обвинен в антисоветской деятельности и арестован последовательно отстаивавший решение шапсугского вопроса Юсуф Нагуч. Некоторые из делегатов вновь выдвигали предложение о представлении шапсугам, насчитывающим всего несколько тысяч человек в составе Кубано-Черноморской области, полной автономии. Однако при обсуждении и утверждении повестки дня представители крайисполкома добились подмены вопроса о самоопределении шапсугов всего лишь вопросом о «районировании» – создании Шапсугского национального района. Но поскольку предложение о создании Шапсугской автономной Советской республики не было поддержано краевыми властями, IV съездом шапсугов Причерноморья был провозглашен Шапсугский национальный район.

30 августа 1924 г. – на заседании президиума Черноморского окружного исполкома Юго-Восточной области утверждено создание провозглашенного IV съездом шапсугов Шапсугского национального района. В него были включены 10 шапсугских аулов и два промежуточных славянских селения. Первоначально в него вошло 8 аулов: Карповка (Куйбышевка, ныне а. Агуй-Шапсуг), Псыбэ, Большое Псеушхо, Малое Псеушхо, 2-й и 3-й Красноалександровские аулы (ныне Калеж и Лыготх соответственно), Наджиги и Кичмай. Два аула – 1-й Красноалександровский и Божьи Воды (Хаджико и Тхагапши) от вхождения в район отказались. Руководящим органом района был утвержден (тем же постановлением окружного исполкома) революционный комитет в составе: Боус Айдамир – председатель, Аллало Мус, Кадиев Юсуф, Коблев Погош и Гуляев (имя не установлено, в 1925 г. – председатель Туапсинского районного исполкома) – члены ревкома. Полномочия ревкома действовали до очередного съезда советов Шапсугского района.

Центром Шапсугского района был определен г. Туапсе, территориально в него не входивший, Ревком размещался в г. Туапсе, в доме № 1 по улице Парижская Коммуна. Была создана комиссия по выделению аулов из Туапсинского в Шапсугский район, которую возглавил член Черноморского окружного исполнительного комитета Бондаренко.

«Анализ имеющихся в нашем распоряжении документальных источников, – пишет Т.В. Половинкина (2006), – позволяет сделать вывод о том, что инициатива выделения шапсугов из Туапсинского района в национально-административную единицу (район окружного подчинения) принадлежала краевым властям и рассматривалась ими как альтернатива вхождению шапсугов Причерноморья в Адыгейскую автономную область, созданию Шапсугской республики, провозглашенной на III шапсугском съезде 4 сентября 1922 г.».

23 сентября 1924 г. – на Малом президиуме крайисполкома был рассмотрен вопрос о территориальном устройстве шапсугского населения, проживавшего в Черноморском округе. Был утвержден протокол IV съезда шапсугов, выделен самостоятельный Шапсугский национальный район, в который включались несколько аулов, принадлежавших ранее Туапсинскому району. В частности, крайисполком принял постановление: «Утвердить выделение 8 аулов Туапсинского района, населенных шапсугами, в самостоятельный Шапсугский район, входящий в состав Черноморского округа, и оказать необходимую максимальную поддержку шапсугскому народу в деле его культурного и хозяйственного развития». В ведение района отводилась также часть территории с. Георгиевского и Трудовой колонии, а также дополнительно передавались: аулу Кичмай – с/з «Зубова щель», урочище Суэтх; аулу Божья Вода – урочища Афай и Гуарек; аулу Красноалександровскому – урочища Пхазадак, Чигирисам, Ботохабль, Бжев, Капссога, Мухортову поляну, уча-

сток Голубев; аулу Псеушхо – часть урочища Пхзадак, урочище Тибга, Мачмез, Шиблеск; урочище Голубе Воды разделялось между Большим и Малым Псеушхо по усмотрению Шапсугского ревкома.

Октябрь 1924 г. – принимая во внимание позицию некоторых аулов Красноалександровского сельсовета «...не входить в организуемый Шапсугский район и отказаться от подчинения последнему», в октябре в этот район прибыла совместная комиссия Черноморского окружного и Северо-Кавказского краевого исполкомов с длинным названием: «По выяснению целесообразности исключения аулов 1-го Красноалександровского и Божьи Воды из Шапсугского ревкома и по проверке проведения в жизнь постановления Черокрисполкома по шапсугскому вопросу». Комиссия отметила, что за два месяца существования Шапсугского района ничего не было сделано для улучшения жизни коренного населения: в связи с отсутствием необходимых ассигнований не начато землеустройство и дорожное строительство; район так и не вошел в краевую систему потребкооперации; школы намечалось открыть лишь к 1 ноября, причем учителя были подобраны только из русских; шапсуги были по-прежнему лишены прав на пользование лесами и пастбищами.

Комментируя позицию жителей а. Красноалександровского о «невхождении» в Шапсугский национальный район, Т.В. Половинкина (2001) объясняет ее тем, что предоставление адыгам самостоятельности на практике происходило формально, чисто декларативно. Более того, как отмечает исследователь, «...как оказалось, и не все шапсуги приветствовали идею собственной государственной автономии, считая ее провокационной, – настолько еще сильно было недоверие к новой власти. Подобная реакция была характерна и для других народов бывшей Российской империи, в том числе и кавказских».

15-18 ноября 1924 г. – I съезд Советов Шапсугского национального района одобрил решение Черноморского окружного исполкома о выделении шапсугов в самостоятельный район. Однако сами шапсуги осознавали нежизнеспособность созданного нового административно-территориального образования в тех границах и на тех условиях, которые были определены краевыми органами власти.

Конец ноября 1924 г. – Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР утверждено решение IV съезда шапсугов от 29 августа 1924 г. и постановление президиума Черноморского окружного исполкома Юго-Восточной области от 30 августа 1924 г. об образовании Шапсугского национального района.

Январь 1925 г. – по состоянию на 1 января 1925 г., в Шапсугский национальный район с центром в городе Туапсе входили 5 сельских советов: Карповский (Куйбышевский; в 1926 г. из него был выделен Псыбинский сельсовет), Псеушховский, Кичмайский, Красноалександровский, Кармир-Астаховский (с центром в сел. Головинка). Численность населения района, проживающего в 14 населенных пунктах, составляла 3 730 чел., объединенных в 506 хозяйственных дворов, – в том числе 3 366 шапсугов, 361 русских.

Шапсугский национальный район подчинялся непосредственно Черноморскому исполкому в г. Новороссийске. Специфика района состояла в том, что он не представлял собой единого целого. При этом почти вся приморская полоса (в том числе с. Лазаревское) и горные селения, заселенные адыгами, в Шапсугский национальный район не входили, оставаясь в составе Туапсинского района. С момента своего образования Шапсугский национальный район неоднократно подвергался административно-территориальным преобразованиям.

17-23 марта 1926 г. – состоялся II съезд Советов Шапсугского национального района. Председателем райисполкома избран Мурат Хушт.

Июнь 1930 г. – ввиду отсутствия единого административного центра, жители аулов и Шапсугский районный исполнительный комитет поставили вопрос о переносе центра района из Туапсе в более удобный населенный пункт. В ответ на эти просьбы, Черноморский окружной исполнительный комитет вынес решение о перемещении административного центра Шапсугского национального района в Красноалександровский аул (а. Калеж), располагавшийся на территории этого района.

30 сентября 1930 г. Президиумом Северо-Кавказского крайисполкома утверждено решение о переносе центра Шапсугского района из г. Туапсе во 2-й Красноалександровский аул, но и этой мерой проблему решить не удалось. Оказалось, что такое решение было принято против желания всех шапсугов. Несколько позже крайисполком вынужден был констатировать то, что в Красноалександровском ауле «полностью отсутствовали необходимые хозяйственные условия для нормального функционирования райцентра».

17 октября 1930 г. – в ответ на просьбу Шапсугского райисполкома крайкомом было принято решение перенести районный центр из Красноалександровского аула в пос. Совет-Квадже (территория бывшего частновладельческого участка Голубева). Району передавались около 200 га свободных земель для поселения на них трудоспособного населения Псебинского аулсовета.

Ноябрь 1931 г. – по постановлению Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета, территория Шапсугского района увеличилась за счет присоединения к Кичмайскому сельсовету русских сел Скобелевки и Рождественки Солох-аульского сельского совета Сочинского района. Присоединение было вызвано территориальным и экономическим тяготением сел к соседнему Кичмаю. Таким образом, с этого времени в Шапсугский национальный район входили 8 сельских советов: Кармир-Астаховский, Карповский, Кичмайский, Красноалександровский, Лазаревский, Псебинский, Псеушховский, Совет-Квадже.

1931 г. – Президиум ВЦИК утвердил решение Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета о переносе райцентра из Красноалександровского аула в пос. Совет-Квадже. Но и на новом месте ощущались сложные условия для нормальной жизнедеятельности национального районного центра.

14 января 1934 г. – ликвидирована территориальная разобщенность Шапсугского национального района. По ходатайству Шапсугского райисполкома, Азово-Черноморский крайисполком принял решение о передаче с. Лазаревское и Лазаревского сельского совета, входивших в Туапсинский район, Шапсугскому району. Президиум крайисполкома принял постановление: «Учитывая, что с. Лазаревское находится при железнодорожной станции, где проходит вся хозяйственно-оперативная работа Шапсугского района, и что с. Лазаревское своей территорией, вклиниваясь в Шапсугский район, создает чересполосицу с его основной частью территории, ходатайство Шапсугского РИКа удовлетворить, передать с. Лазаревское в Шапсугский район и перевести центр последнего в с. Лазаревское».

1934 г. – происходит дальнейшее территориальное расширение района, – организуется вместе с Лазаревским сельским советом и Марьинский сельский совет.

21 сентября 1935 г. – Президиумом Азово-Черноморского крайисполкома расформирован Туапсинский район.

Октябрь 1935 г. – в связи с расформированием Туапсинского района, Шапсугскому национальному району передается дополнительно еще один сельский совет – Макопсинский, ранее входивший в подчинение Туапсинскому району, расформированному в сентябре 1935 г. К этому времени в Шапсугский район входила береговая полоса от г. Туапсе до пос. Головинка. Население его составляло около 6,5 тыс. чел., хозяйственных дворов насчитывалось 1136.

В начале-середине 30-х гг. XX столетия, по данным Р. Трахо, территория Шапсугского национального района включала в себя «...14 шапсугских (черкесских) селений: Красноалександровский, Божьи Воды, урочище Голубева дача, пос. Мухортово, аулы Большой и Малый Псеушхо, а. Наджиги, Кичмай, Карповский, Ципке, Псебес и др., с населением около 8 тыс. черкесов (по другим источникам, меньше – 5 и даже 3 тыс. чел. – Авт.). Туапсе – порт и известный курорт. В окрестностях Туапсе имеются курорты: Макопсе, Небуч, Аше, Лоо, Магри, Агрия и др. Население занимается здесь главным образом табаководством».

Отношения русских и адыгов Причерноморья складывались на равноправии и уважении друг к другу. Вместе с тем, постепенно началась деформация сложившихся норм и принципов национальной политики, что самым негативным образом сказалось на судьбе причерноморских шапсугов:

25 апреля 1940 г. – решением краевых органов власти восстановлен Туапсинский район, которому из Шапсугского национального района переданы населенные шапсугами Куйбышевский (бывший Карповский) и Псыбинский сельские советы. Эта мера привела к заметному сокращению численности черкесского населения Шапсугского района. Включение в Шапсугский район сельских советов преимущественно с армяно-русским населением, а также вывод из него сельских советов с черкесским населением привело фактически к ликвидации его национального статуса. В результате преобразований адыги составили около половины из общей численности района 6,5 тыс. чел., т. е. не более 3000 чел.

18-26 мая 1941 г. По указу Президиума Верховного Совета РСФСР, к семи сельсоветам Шапсугского района были присоединены этнически смешанные Лооский, Солох-Аульский и Волконский (Волковский) сельские советы, в основном, с русским населением, а также часть колхозов, подчинявшихся до этого Социнскому горсовету. Таким образом, территория Шапсугского района удвоилась.

1 октября 1942 г. – согласно паспорту Шапсугского национального района, по состоянию на 1 октября 1942 г., его территория составляла 1 433 кв. км. 10 сельских советов объединяли 98 населенных пунктов: Макопсинский, Больше-Псеушховский, Красноалександровский, Лазаревский, Марьинский, Кичмайский, Солох-аульский, Кармир-Астаховский, Лооский и Волковский. При этом численность населения достигала 17,6 тыс. чел. (6 340 мужчин и 11 315 женщин), причем шапсугов насчитывалось не более 4 000 чел. Все население было сельским.

1943 г. – бюро Шапсугского районного комитета ВКП(б) при двух голосах против (заведующего земельным отделом райисполкома А.М. Хлечас и секретаря райкома комсомола М.П. Хушт – оба шапсуги) приняло постановление о переименовании Шапсугского района в Лазаревский. Судьба района была решена.

24 мая 1945 г. – Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, Шапсугский район был ликвидирован и переименован в Лазаревский. Вместе с изменением названия, он был фактически приравнен к обычным районам края, без учета специфики национальных особенностей. Все это самым отрицательным образом сказалось на развитии горского населения: закрылись школы и классы по изучению родного языка, многие дети утратили родной язык и т. д. (Ржавин А.А., 1999. Вып. 1).

Апрель 1989 г. – создано национально-культурное общественное объединение шапсугов – общество «Адыгэ Хасэ», позже получившее название «Хасэ (общественный парламент) шапсугского народа». Печатный орган объединения (с 1991 г.) – газета «Шапсугия» (Половинкина Т.В., 2006).

1 декабря 1990 г. – представители шапсугов Причерноморья на своем I съезде поставили вопрос о воссоздании Шапсугского национально-территориального района на исторической родине шапсугов (от

пос. Новомихайловский на северо-западе до пос. Головинка на юго-востоке). Были приняты соответствующие документы (Декларация и Резолюция), сформирован Оргкомитет. Декларацию съезда поддержал Верховный Совет РСФСР, однако реализована она не была.

19-21 мая 1991 г. – I Всемирный (международный) черкесский конгресс, проходивший в Нальчике, рассмотрел, в частности, проблему восстановления Шапсугского национального района. Конгресс направил обращения в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР с просьбой о восстановлении Шапсугского национального района как самостоятельного субъекта РСФСР (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV. С. 393-394).

29 ноября – 2 декабря 1991 г. – в Лазаревском районе г. Сочи проходил II съезд шапсугов, объявивший себя учредительным и провозгласивший воссоздание Шапсугского национального района на территории от пос. Головинки (Сочи) до пос. Ново-Михайловского Туапсинского района. Шапсуги заявили также о преобразовании своего съезда в постоянно действующий Конгресс шапсугского народа. Избран исполком Конгресса во главе с Р. Гвашевым.

28 мая 1994 г. – состоялся III съезд шапсугов, который на основе объединения общественной организации «Адыгэ Хасэ» и Конгресса шапсугского народа создал единый орган самоуправления шапсугов – Съезд, на котором была принята развернутая «Программа национального развития шапсугской этнической общности».

30 сентября 1995 г. – состоялся Чрезвычайный съезд шапсугского народа, посвященный Закону РФ «О правовом статусе коренных малочисленных народов России».

24 марта 2000 г. – постановлением Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г. шапсуги включены в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», что распространяет на них действие конституционных норм и всего федерального законодательства, а также ратифицированных Российской Федерацией документов международных организаций в области защиты прав коренных малочисленных народов.

Март 2002 г. – по предложению председателя общества «Адыгэ Хасэ», очередной шапсугский съезд постановил «...считать нерациональным путь разрешения проблем национально-культурного и социально-экономического развития причерноморских адыгов-шапсугов через восстановление Шапсугского национального района».

4.7.3. Нелегкий путь к возрождению: судьба шапсугского аула *ШШоикъу*

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что оно, уходя, не умело убрать своих последствий.

В.О. Ключевский (1898).

История нашего аула, как и история народа, сложна, противоречива и, к сожалению, мало изучена.

Мурдин Тешев (1996).

8 июня 1996 г. в а. ШШоикъу (Б.Псеушхо) Туапсинского района состоялось большое торжество. Гостями праздника – Дня аула были делегации от всех аулов и поселков Причерноморской Шапсугии. На нем, наряду с другими, выступил старожил аула, почетный председатель Хасэ шапсугского народа Мурдин Тешев. В своем эмоциональном выступлении он, в частности, рассказал о прошлом своего аула, восстановленном по крупицам по воспоминаниям старейших его жителей. Хотелось бы надеяться, что и читатели с интересом ознакомятся с историей этого маленького прибрежного аула, в судьбе которого, как в капле воды, отразилась трагическая история всех причерноморских шапсугов: от сильного и многочисленного племени в XVIII – начале XIX вв., до практически полного уничтожения его в ходе Кавказской войны и, наконец, – до постепенного возрождения шапсугов как этноса, – возрождения, которое совершается буквально на наших глазах. Итак, слово Мурдину Тешеву...

Нам известно, – рассказывает он, – что мы, шапсуги, являемся аборигенами этих мест, что эти земли являются нашей исторической Родиной, своими корнями уходящей в тысячелетия до нашей эры. В одной Шапсугии к началу Кавказской войны проживало более 1 млн. чел. (эта цифра применительно к шапсугам преувеличена. – Авт.). Предки сегодняшних жителей нашего аула до их изгнания в 60-х гг. XIX столетия проживали в ареале нынешней территории в урочищах Ньюжый, Кубышь, Пчыякъу, Хъакуай, Пхъэздакъу, Кокуай, Шыблэс и др. Около 126 лет тому назад наши отцы, деды и прадеды правдами и неправдами сумели возвратиться в прежние места жительства. В числе возвратившихся были Хагуровы, Коблевы, Шхалаховы, Нибо, Тешевы, Ачмизовы, Чунтыжевы, Напсо, Хушт и Коджешау. Несмотря ни на какие запреты, их потянула обратно ностальгия по Родине: родные очаги, могилы предков, любовь к родной земле. В первые годы возвращения трудно было восстанавливать стертый с земли аул, приходилось все начинать с нуля. Потребовались десятилетия тяжелейших усилий и труда, сопряженных с неисчислимыми утратами, чтобы заново возродиться.

Октябрьскую революцию адыги восприняли положительно. Основы государственного устройства, заложенные в первой Конституции, и особенно национальная политика воспринимались как залог и гарантия

национального возрождения. Вместе с улучшением жизни росла и численность шапсугов, в том числе и нашего аула. В сохранении и возрождении народа исключительно важную роль сыграл адыгский этикет. Постепенно пришло время, когда не стало уже хватать свободных земель, появилась необходимость поиска новых мест жительства. По этой причине еще в конце XIX в. от нашего аула Шпоикъу отпочковывается аул Наджиги, а затем уже в 30-х гг. – Цыпка (ЦӀэпс).

В 1924 г. был создан Шапсугский национальный район, при котором жители достигли наивысшего расцвета. Шапсуги приобщились к знаниям, к культуре других народов. Родители вместе с детьми преодолевали безграмотность, в аулах строились школы, клубы, открывались избы-читальни, выписывались газеты, растили национальные кадры. Первыми учителями в ауле стали Коблев Ибрагим Лалухович, Напсо Ибрагим Нухович, Напсо Мадим Солохович, Тешев Хасан Багогушевич. Первым директором новой школы стал Боус Кадыр Исакович из аула Калез, причем в школе тогда училось без малого 300 детей. В 1930 г. в ауле был создан колхоз. В те годы возделывали табак, кукурузу, картофель, овощи, занимались садоводством, птицеводством, пчеловодством. Все перекося, связанные с коллективизацией, раскулачиванием, поиском несуществующих врагов, нанесли огромный урон, что в немалой степени сказалось на демографическом состоянии шапсугского народа.

Шапсуги сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Они принимали участие в освобождении поработанных народов Европы и в штурме рейхстага. Боевая слава шапсугов оценена по достоинству. Они дали двух Героев Советского Союза: директора нашей школы, уроженца а. Большой Кичмай Ачмизова Айдамира Ахмедовича и выпускника этой же школы Тхагушева Исмаила Халаловича. Наш соотечественник Шхалахов Аскербий Махмудович удостоился чести стать участником Парада Победы на Красной площади. Только наш маленький аул проводил на войну 110 своих сыновей и дочерей, из которых пали на поле боя 58 человек, причем половина из них не успели еще создать семьи. Есть у нас в ауле и своя Степанова. Это – Чебахан Шхалахова, проводившая на фронт 9 сыновей, из которых лишь 3 возвратились домой. Это то, что было и чем гордится шапсугский народ.

Наш аул гордится и тем, что среди выпускников нашей школы есть академики, доктора и кандидаты наук, профессора и даже генерал. Только за последние годы высшее образование получили 133 человека, что говорит об интеллектуальном потенциале аула. Из нашего селения вышли крупные организаторы производства: Чунтыжев Мадин Ахмедович – заместитель Председателя правительства Республики Адыгея по экономическим вопросам, Чунтыжев Аюб Салихович – начальник крупнейшего объединения «Карагандауголь» и др. Достойный вклад в изучение истории края внес Тешев Мадин Камболетович, чье открытие древнейшего археологического памятника «Псынако-1» имеет мировое значение...

Остановившись на трудностях последних лет, связанных с демократизацией нашего общества, Мурдин Тешев закончил свой рассказ словами, в которых проявляется вся мудрость и гражданская зрелость адыгского народа: «На этом трудном переломном пути единство и сплоченность народов России является непременным условием для выхода из кризисной ситуации. Основа этого – взаимопонимание, взаимоуважение, взаимотерпимость, стабильность межнациональных отношений». К этим словам простого адыга нечего добавить. Как говорится, «глас народа – глас Божий».

4.7.4. Воссоздать национальную автономию причерноморских шапсугов

4.7.4.1. «Поступить с этим народом честно – отдать им то, что принадлежало им»

Скажи: Кому принадлежит земля и кто на ней, если вы знаете?

Коран. Сура 23; 86.

Всему свое время. Время разрушать, и время строить, время разбрасывать камни, и время собирать камни.

Библия. Книга Екклесиаста (3; 1-3).

Провозглашение Республики Адыгея, – отмечает А.В. Кушхабиев (2006), – обусловило дальнейший импульс национального самосознания. Своей государственности потребовали шапсуги, проживающие на Черноморском побережье Краснодарского края. В основном, местами их компактного проживания здесь сейчас являются: Агойский, Вельяминовский, Георгиевский сельские округа, а также а. Псыбэ, пос. Новомихайловка и пос. Небуг. Начали они с требования своего печатного органа. Просьба их была удовлетворена, обществом «Адыге Хасэ» была учреждена газета «Шапсугия». Требования о своем печатном органе постепенно переросли в требование воссоздать национальную автономию причерноморских шапсугов. В частности, представители шапсугов на своем I съезде 1 декабря 1990 г. поставили вопрос о воссоздании Шапсугского национально-территориального района на исторической родине шапсугов от пос. Головинка Лазаревского района до пос. Ново-Михайловский Туапсинского района Краснодарского края. Принятие этого решения получило широкую поддержку адыгских, абхазских и других народов Северного Кавказа. Но из-за отсутствия на федеративном уровне Закона о национально-территориальных районах реализовать данное решение не удалось. 19-21

мая 1991 г. в Нальчике проходил I Всемирный (международный) черкесский конгресс, который рассмотрел, в частности, проблему восстановления Шапсугского национального района. Руководство Краснодарского края отрицательно отнеслось к шапсугской проблеме, в связи с чем Конгресс направил обращения в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР с просьбой о восстановлении Шапсугского национального района как самостоятельного субъекта РСФСР (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV. С. 393-394).

Несколько позже, в конце ноября – начале декабря 1991 г. в Лазаревском районе г. Сочи проходил II съезд шапсугов, объявивший себя учредительным и провозгласивший воссоздание Шапсугского национального района на территории от пос. Головинки (Сочи) до пос. Ново-Михайловского Туапсинского района. Шапсуги заявили также о вхождении в Конфедерацию горских народов Кавказа и о преобразовании своего съезда в постоянно действующий Конгресс шапсугского народа. Избран исполком Конгресса во главе с Р. Гвашевым. 28 мая 1994 г. состоялся III съезд, который на основе объединения общественной организации «Адыгэ Хасэ» и Конгресса шапсугского народа создал единый орган самоуправления шапсугов – Съезд. Почетным председателем Хасэ шапсугского народа избран Мурдин Тешев. На съезде была принята развернутая «Программа национального развития шапсугской этнической общности». Спустя год, 30 сентября 1995 г. состоялся Чрезвычайный съезд шапсугского народа, посвященный Закону РФ «О правовом статусе коренных малочисленных народов России».

Почему шапсуги решили воссоздать существовавший с 1924 по 1945 гг. свой национальный район? – спрашивает публицист. Разумеется, это не «тирания меньшинства». На самом деле шапсуги – за образование национального района в составе Краснодарского края, как культурно-национальной автономии. С пониманием к этому отнеслись и в администрации Краснодарского края и в правительстве Российской Федерации.

В краевых и федеральных органах понимают, что игнорирование стремления национального меньшинства к автономии может привести к обострению межнациональных отношений, росту напряженности в регионе. Именно на этом пытаются спекулировать отдельные экстремисты даже из числа адыгов, пытаются толкнуть шапсугов на обострение вопроса. Нашлись и некоторые «доброжелатели» из соседних регионов (например из Чечни), пытавшиеся «консультировать» и призывать шапсугов к «полной самостоятельности». Основная же масса шапсугов осознает сложившиеся реалии и не поддается на провокации. Республика Адыгея поддерживает желание шапсугов восстановить Шапсугский национальный район.

Поддерживает это справедливое требование и кубанское казачество. Как подчеркивает потомственный казак Г. Вивчарь (1996), «...Считаю, что надо удовлетворить требования шапсугов, восстановить их национальный район. Если мы – демократы, то сделать это мы должны; *поступить с этим народом честно – отдать им то, что принадлежало им* (выделено нами. – Авт.)».

С этой точки зрения несомненный интерес представляет обращение шапсугов в Комиссию ООН по правам человека и ответ западных правозащитных организаций:

Из выступления Генерального секретаря Международной Черкесской ассоциации А. Охтова на 53-й сессии Комиссии ООН по правам человека, от 24 марта 1997 г.

До 1945 г. Лазаревский район существовал как Шапсугский национальный район – черкесская территория. Однако, в нарушение ст. 5 «Декларации по правам человека, принадлежащего к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам», этот статус национального района ликвидировали (упразднили). Сейчас черкесы не могут добиться возвращения этого статуса. Шапсугов (черкесов) осталось всего 10 тыс. Все они проживают в Лазаревском и Туапсинском районах Краснодарского края. В нарушение ст. 4 п. 3 «Декларации по правам человека, принадлежащего к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам», шапсуги (черкесы) не имеют возможности преподавать детям на родном языке или пользоваться своей культурой. Из-за недостатка радио-, телепередач на родном языке это коренное население рискует раствориться в русскоязычной среде» («Черкесское зарубежье», 1998, № 4. С. 2).

Из Обращения Организации Непредставленных Народов (ОНН) Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину:

«Рассмотрев Обращение Международной Черкесской Ассоциации и считая необходимым восстановление исторической справедливости по отношению к народу черкесов (адыгов), я имею честь от имени Руководящего Комитета Организации Непредставленных Народов (ОНН) обратиться к Вашему Превосходительству, Президенту Российской Федерации Борису Николаевичу Ельцину, с просьбой решить следующие вопросы:

...Воссоздать Шапсугский национальный район на территории Краснодарского края Российской Федерации, ликвидированный в 1945 г.» («Черкесское зарубежье», 1998, № 4. С. 2).

4.7.4.2. В чем же причина обострения «шапсугской проблемы»? мнение публициста

После вспышки напряженности деятельность Адыгэ Хасэ и шапсугских лидеров претерпела ряд изменений: ...центр тяжести переместился из политической в общественную и культурную области.

А.В. Сивер (1999).

Так называемый «Шапсугский вопрос» состоял, по мнению А.В. Сивер (1999), в стремлении адыгских политических групп, объединенных в общественный парламент – Адыгэ Хасэ, восстановить существовавший

в 1924-1945 гг. Шапсугский национальный район (или даже образовать национальную республику) с центром в пос. Лазаревское на территории Краснодарского края. Проектирующиеся в 1990 г. пределы Шапсугии охватывают территорию, на которой адыгское (шапсугское) население составляет незначительное меньшинство. Данное обстоятельство является одним из основных препятствий на пути реализации идеи национально-территориальной автономии Шапсугии. Шапсугия находится в пределах курортной зоны федерального значения. Кроме того, неочевидная траектория распространения и развития такого «восстановительного» прецедента явно ограничивает местные краевые власти в готовности пойти навстречу шапсугам. Это – противоречия вокруг территориального состава Адыгеи, стремящейся усилиями адыгской политической элиты данной автономии к выходу из Краснодарского края и получившей в 1990 г. статус национальной республики. В районах с преимущественно русским населением выдвигаются требования о сохранении этих районов в пределах края.

С середины 1990-х гг. проекты и риски движения суверенитета Адыгеи за рамки российского национально-государственного строительства сходят на нет. Однако политическая конструкция самой Адыгеи испытывает напряжение, связанное с противоречием между статусом республики как национально-государственного образования и этнической структурой населения, в составе которого титульная группа как «носитель национальной государственности» составляет абсолютное меньшинство (Сивер А.В., 1999; Цуциев А.А., 2006. С.84).

I съезд причерноморских адыгов (1 декабря 1990 г., пос. Лазаревское) вновь провозгласил создание Шапсугского национального района как субъекта РФ «в границах традиционного расселения шапсугов от пос. Головинка Лазаревского района г. Сочи до пос. Новомихайловский Туапсинского района (включительно)» (строки из Декларации, принятой на съезде). Созданное в Сочи «Интердвижение» в 1992 г. провело опрос мнения населения Лазаревского района. В целом было декларировано негативное отношение к воссозданию Шапсугского национального района. Шапсуги ответили встречными протестами и митингами (Сивер А.В., 1999. С. 8-9).

Между тем, шапсугская проблема оказалась в фокусе внимания Краснодарского краевого Совета народных депутатов, возглавляемого тогда А.М. Ждановским. В 1991-1992 гг. регулярно проводились совещания по шапсугской проблеме с участием руководства края, районов, а также шапсугского движения. Прошли представительные слушания с участием председателя оргкомитета по воссозданию Шапсугского района М.Х. Чачух, вице-президента Конфедерации горских народов Кавказа от Шапсугии Р.И. Гвашева, председателя «Адыгэ Хасэ причерноморских шапсугов» М.Ш. Тешева, президента Всемирной черкесской ассоциации Ю.Х. Калмыкова, председателя народного форума Абхазии С.Шамба, а также руководства Краснодарского крайсовета. По итогам слушаний были выработаны компромиссные направления решения проблемы. Однако реальных подвижек в решении шапсугской проблемы не наступило. После этой вспышки напряженности деятельность Адыгэ Хасэ и шапсугских лидеров претерпела ряд изменений: сам Шапсугский район теперь мыслится как часть Краснодарского края; центр тяжести переместился из политической в общественную и культурную области.

В проекте «Программы национально-культурного и социально-экономического возрождения шапсугской этнической общности» (1992 г.) было выделено четыре основных направления: топонимия (восстановление традиционной адыгской топонимии Черноморского побережья); народное образование (интегрированное изучение родного языка); сохранение и развитие культуры (восстановление и защита исторической правды о шапсугском народе, сохранение и развитие *адыгагэ*, проведение гастрелей национальных культурных коллективов); сочетание традиционного уклада жизни с новыми формами хозяйствования (изменение принципов формирования бюджета) (Сивер А.В., 1999). (Шахназарян Н., 2008. С. 22-23).

4.7.4.3. Реализация мер по национально-культурному и социально-экономическому развитию причерноморских шапсугов

Одна из причин социального дискомфорта адыгов – то обстоятельство, что ни в одном краевом законе или местном нормативно-правовом акте не отражен факт проживания в Краснодарском крае коренной малочисленной этнической общности причерноморских шапсугов.

М.Х. Чачух (2003).

В начале 1990-х гг. была создана новая организация – Адыгэ Хасэ (общественный парламент) причерноморских шапсугов (пос. Лазаревское). Организация ставила одной из своих главных задач восстановление упраздненного Шапсугского национального района (Сивер А.В., 1999. С.8). Председатель Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов Маджид Харунович Чачух выступил с речью на семинаре по теме «Российские и международные механизмы защиты национальных меньшинств», проведенном в Анапе Советом Европы и Московским центром межнационального сотрудничества. Семинар-совещание было посвящено проблеме реализации в России Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств, ратифицированной РФ в 1998 г. (Шахназарян Н., 2008).

М.Х. Чачух тезисно изложил свое видение проблем причерноморских шапсугов: «Постановлением Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г. шапсуги включены в Единый перечень

коренных малочисленных народов Российской Федерации, что распространяет на них действие конституционных норм и всего федерального законодательства, а также ратифицированных Российской Федерацией документов международных организаций в области защиты прав коренных малочисленных народов».

В последние годы органами государственной власти Краснодарского края и органами местного самоуправления городов Сочи и Туапсе, Лазаревского и Туапсинского районов совместно с Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов были предприняты конкретные меры по национально-культурному и социально-экономическому развитию коренной малочисленной этнической общности причерноморских шапсугов:

- приобретены национальные костюмы для ансамбля «Шапсугия» центра адыгской культуры в пос. Лазаревское;
- восстановлены разрушенные дома культуры в аулах Наджиги и Малый Кичмай, выполнен частичный ремонт сельских клубов в аулах Большой Кичмай, Тхагапш, Хаджи ко, Калез, Шхафит;
- завершено строительство спортивно-культурного комплекса в ауле Агуй-Шапсуг;
- проведены газовые магистрали к аулам Большой Кичмай, Ахинтам, Малый Кичмай;
- построен автомобильный мост в ауле Тхагапш.

Ежегодное, начиная с 1999 г., выделение в краевом бюджете целевых финансовых средств позволило уделить внимание первоочередным социальным нуждам жителей ряда сельских населенных пунктов, оказать финансовую поддержку печатному органу шапсугов – газете «Шапсугия», организовать в пос. Лазаревское работу корреспондентского пункта «ТВ-Шапсугия» ГТРК Республики Адыгея, провести целый ряд разных культурных и спортивных праздников» (Чачух М., 2003. С.78-79). Далее М. Чачух констатирует, что предпринимаемые меры не дают ожидаемого эффекта. Напротив, среди шапсугов усиливается социальная депрессия, смертность продолжает устойчиво (на 50 %) превышать рождаемость, что ставит проблему физического выживания самих носителей культуры.

Причиной этих процессов М.Чачух считает отсутствие у шапсугов возможностей адаптации к новым социально-экономическим условиям при одновременном отчуждении их от традиционных форм хозяйствования. Председатель Адыгэ Хасэ назвал в качестве еще одной причины социального дискомфорта адыгов то обстоятельство, что *ни в одном краевом законе или местном нормативно-правовом акте не отражен факт проживания в Краснодарском крае коренной малочисленной этнической общности причерноморских шапсугов*. М.Х. Чачух отметил, что не склонен называть перечисленные явления дискриминацией, скорее – проблемами, над которыми следует работать сообща (Сивер А.В., 1999. С.8; Шахназарян Н., 2008).

Еще в 1992 г. свое мнение по «шапсугскому вопросу» высказывал первый президент Республики Адыгея А.А. Джаримов: «Вопрос о воссоздании Шапсугского национального района стоит объективно. Само время потребовало восстановления исторической справедливости. Это логично, исходя из национальной политики нашего времени и новых законов России. Тем более, вопроса о выходе его из состава края никто не ставит, – мы стоим на позиции незыблемости существующих границ. Но кто-то упорно навязывает самые нелепые слухи и пытается разыграть «национальную карту». Этот яд способен разрушить самую крепкую дружбу. Мне бы хотелось, чтобы этот вопрос был решен и решен здесь, в крае, а не на уровне Москвы. Ведь у нас одна родина – Россия и Кубань. А в родном доме можно решить любые проблемы» («Вольная Кубань», 1992, 11 января). Этими словами, а также надеждой на скорое решение так называемого «шапсугского вопроса», хотелось бы закончить краткий экскурс в трагическую историю причерноморских шапсугов.

4.8. К предыстории Армянского национального района: черкесо-гаи на Кубани

Взаимоотношения адыгов и армян имеют давнюю историю. Начиная с XII-XIII вв., армянские колонии стали образовываться в Крыму, а несколько позже – и на Земле адыгов. С окончанием Кавказской войны и изгнанием оставшихся в живых горцев в Турцию, царское правительство планировало заселить «освободившиеся» от адыгов земли другими переселенцами: естонцами, поляками, греками, немецкими колонистами и т. д. Среди этих народностей немаловажная роль отводилась и армянам. На нелегкой судьбе этого народа хотелось бы остановиться подробнее.

4.8.1. «Ты дал испытать народу Твоему жестокое...»: гонения на армян в историческом прошлом

Все ужасы преследований прежних столетий продолжались под владычеством мусульман, которые хотели подчинить крест верующего армянина и самым жестоким образом затрудняли ему свободное выполнение религиозных обрядов.

«Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898).

«Армянская нация с давних времен должна была бороться за свою самостоятельность и за веру, – пишут авторы сборника «Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898). – Восточные властелины и западные завоеватели неоднократно опустошали страну около озера Ван и Ноевой горы. Все ужасы преследований

прежних столетий продолжались под владычеством мусульман, которые хотели подчинить крест верующего армянина и самым жестоким образом затрудняли ему свободное выполнение религиозных обрядов. Колокола, созывавшие армянских христиан на молитву в издревле почитаемый монастырь, были запрещены. Но благочестивый страдалец находил выход из этого положения. Он не благовестил, но подавал знак к общей молитве посредством стука в доску, или же верующие собирались к заранее условленному времени. Нельзя не удивляться той преданности, с которой армянская нация сохранила у себя христианскую религию при самых затруднительных и ужасающих обстоятельствах! Осмотрев древние монастыри и познакомившись несколько с их историей, изумляешься стойкости, с которой они противостояли всем невзгодам. Все они окружены высокими стенами и снабжены крепкими воротами; это обстоятельство явно доказывает, что здесь рядом с почитанием единого Бога необходимо было нести службу Марсу.

Непоколебимая вера, выносливая энергия в приобретении материальных богатств вместе со здоровой, бережливой семейной жизнью – вот те силы, которым армяне обязаны своим спасением и процветанием даже в таких обстоятельствах, которые повлекли бы за собой совершенную гибель другой народности.

Хотя армяне, подобно евреям, также рассеяны по всему свету, но они не утратили своего отечества. Во времена гонений армянин брал свой посох и уходил в дальние края, тогда как сосед его, грузин, также принявший христианство, в этом случае действовал иначе: последний оставался в своих долинах или же спасался в ближайших горах, когда преследования становились невыносимыми. Рожденный в стране высокой, откуда он с детства привык смотреть вдаль, армянин без страха отправлялся в дальнейшее странствование, когда его к этому вынуждали обстоятельства. Когда вследствие притеснений со стороны властителей армяне выселялись целыми массами, то они спланивались еще теснее, соблюдали древние обычаи и сохраняли верную память и преданность родине...» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 30).

Обращает на себя внимание следующая довольно-таки объективная характеристика армянского народа, сделанная дореволюционным автором: «Армяне – загадочный народ, умевший сохранить в течение не веков, а тысячелетий свое имя, свои предания, свои особенности быта, владычествующий над своими победителями и завоевателями везде, где только не живет он, силой своей предприимчивости и настойчивости... Торговая предприимчивость и смелость их оборотов ставит их на равную доску с самыми искусными торговыми нациями Европы и Америки. Они не жалеют денег на основательное обучение детей своих за границей всякой специальности, которая может принести практическую выгоду и которая близка их интересам... Немудрено, что при этих практических свойствах армянина, эта нация торговцев и ремесленников, всегда чуждавшаяся войны, выдвинула из своей среды лучших воинов Русской кавказской армии, всех этих Бебутовых, Тергукасовых, Лазаревых (Марков Е.Л., 1887. С.285-286).

4.8.1.1. «Нужно знать историю многострадального армянского народа, чтобы понять суровые веления этой судьбы»

Армяне... спокон веков, в силу исторических обстоятельств и событий, были вечными странниками. Это считается отличительной чертой армянской народности даже собственными ее писателями.

Ф.А. Щербина (1916).

Рассмотрение причин появления черкесо-гаев на Кубани будет не полным, если не вспомнить полную трагизма и бедствий историю самого армянского народа. С этой точки зрения несомненный интерес представляет экскурс в древнейшую историю армян (Щербина Ф.А., 1916), который привожу в кратком изложении.

«Нужно, – пишет историк, – знать историю многострадального армянского народа, чтобы понять суровые веления этой судьбы. Армяне представляют собою одну из древнейших народностей мира. Армянские историки возводят начало своего народа ко времени XXI столетия до Р.Х. По их хронологии, в 2107 г. до н.э. у армян был уже свой царь Гайк, сын Гатласа и потомок Иафета, второго сына Ноя. С 2026 г. до н.э. главою армянского народа был Арменак, сын Гайка. Ему наследовал в 1940 г. до н.э. Арамас, или Арманс и т. д. Таким образом, армянские историки насчитывают 85 коронованных царей, 43 некоронованных, 7 великих князей, или сатрапов, 48 наместников, или консулов, назначенных персидскими и греческими царями, а всего 183 царей и правителей Большой и Малой Армении и в их числе четыре династии: 1) Гайка, 2) Аршакидов, 3) Багратидов и 4) Рубешанов, последний представитель которых Леон умер в Париже в 1393 г. н.э., когда Армения как самостоятельное государство не существовала уже. И в течение этого длинного периода, обнимавшего 3500 лет, Армения многократно опустошалась разного рода враждебными ей народностями, а население ее в качестве пленников увлеклось в разные места Малой Азии, Египта и Европы. Армяне, следовательно, спокон веков, в силу исторических обстоятельств и событий, были вечными странниками. Это считается отличительной чертой армянской народности даже собственными ее писателями».

4.8.1.2. У истоков: Урарту – древнейшее армянское государство

Ты дал испытать народу Твоему жестокое... Ибо окружили меня беды неисчислимые; их более, нежели волос на голове моей.

Псалтырь (39,13; 59,67).

Бог Халди, величием Аргишти, сын Менда, эту мощную крепость построил, назвал город по имени Эрибуни (Ереван. – Авт.)....

Из клинописной надписи (VIII в. до н.э.).

Как отмечает в своей «Книге книг» историк Виген Хечумян, сложный путь формирования государственности армянского народа берет свое начало около середины II тысячелетия до н.э., когда в двух различных частях обширного пространства древней Армении хурритами и хайасами были созданы своеобразные родовые объединения царства.

В 1916 г. близ армянского озера Ван (теперь в Турции), неподалеку от горы Зымзым в нише пещеры русские ученые обнаружили плиту с письменами. Когда ученые их расшифровали, то оказалось, что это начертанная на камне летопись могущественного и беспощадного царя Сардури II, которая гласит: «Выступил я в поход... 23 поселения за один день я захватил, крепости разрушил, города сжег, страну разорил, мужчин и женщин оттуда угнал я...». Сардури II был одним из царей государства Урарту в VIII в. до н.э. Государство это, расположенное в Закавказье, сложилось из нескольких десятков племен, которые постепенно, начиная с XIII в. до н.э., объединялись в союзы, для того чтобы противостоять натиску соседней Ассирии. В VIII-VII вв. до н.э. государство Урарту достигло больших размеров: оно простиралось от озера Севан в Армении и горы Арарат до верховьев Тигра и Евфрата и стало одним из значительных государств Древнего Востока. Тогда же был основан Ереван. При археологических раскопках обнаружена плита с клинописной надписью, сообщающая о рождении Еревана – одного из древнейших городов мира: «Бог Халди, величием Аргишти, сын Менда, эту мощную крепость построил, назвал город по имени Эрибуни...».

Свое мнение о происхождении названия этого города высказывают авторы конца XIX столетия в сборнике «Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898): «Объяснение названия города по армянскому наречию ведет нас до праотца Ноя. Когда воды потопа стали понижаться, говорит предание, и снова появилась земля, то праотец рода человеческого, впервые увидев Канакирские высоты, воскликнул: «Erebume!» («Еревумэ»), что значит «видно», «показывается». У магометан мы находим другое объяснение. Они говорят, что речка Санга дала повод к названию города, и производят слово «Эривань» от «Адрраван», что означает «течет». Трудно сказать, которое из этих двух объяснений заслуживает предпочтения, верно, однако ж, что в древней истории город Эривань вовсе не известен.

В середине VII столетия н.э. город этот в первый раз упоминается в армянских летописях как местопребывание Католикоса Оганеса, и с того времени он в продолжение следующих семи столетий непрерывно остается под армянским владычеством. Затем в продолжение почти 400-летнего периода то персы, то турки попеременно господствуют в стране и городе, и только с 1827 г. тут укореняется русское владычество после бегства последнего персидского хана Гуссейна, который с 1807 г. был здесь наместником шаха.

Население Эривани, состоящее преимущественно из армян и татар, которые занимаются преимущественно торговлей и мелочным торгом, простирается, по новейшим статистическим данным, почти до 12 тыс. чел.» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 378).

Жители страны Урарту издавна занимались земледелием и садоводством с применением искусственного орошения, о чем повествуют древние наскальные надписи. В одной из них говорится, что царь Урарту «...вырыл канал, несущий проточную воду, воду изобилия. Он вывел бесчисленные арыки от его русла и воистину оросил нивы, как дождь». Урарты сеяли пшеницу, ячмень и просо. В их садах созревали яблоки, виноград, миндаль, сливы, гранаты и персики, выращивали они и арбузы. Широко было развито скотоводство.

Археологические раскопки открыли нам урартские дворцы и города. Один из таких дворцов раскопан на холме Кармир-Блур, близ Еревана, который был разрушен во время вражеской осады. Города были укреплены стенами и башнями из громадных камней, поднятых на вершины холмов. Потомкам казалось, что труд по постройке крепостей так велик, что он не под силу человеку; поэтому сложились легенды о великанах, воздвигших эти неприступные стены.

В городах жили искусные ремесленники, изготавливавшие из глины, меди и железа орудия труда, утварь и оружие. Были мастера-художники, делавшие для царского и жреческого обихода великолепные вещи, украшенные чеканными изображениями скачущих в колесницах царей, торжественных жертвоприношений; в дорогих вещах применялась отделка золотом. Вспашка полей, выпас несметных стад, постройка крепостей, прорытие оросительных каналов — все это было делом многих сотен тысяч рабов, подвластных царям и их вельможам.

Урарты поклонялись многим богам. Им приносились в жертву быки, коровы и овцы. Главным богом был Халди. Его изображали стоящим на льве и с оружием в руках. В храме бога Халди было накоплено множество сокровищ.

Своего расцвета государство Урарту достигло к середине VIII в. до н. э. В это время оно вело успешные войны с Ассирией, стремившейся поработить все народы Закавказья. Могущественная Ассирия готовилась к большой войне. Ассирийские цари следили за всем, что делалось у их северного соседа, засылали туда своих шпионов. Ученым удалось найти архив донесений этих разведчиков VIII в. до н. э., одна запись которого гласила: «Я послал специального гонца, чтобы узнать новости страны Урарту...».

В 714 г. до н. э. ассирийский царь Саргон пошел в победоносный поход на урартского царя Русу. Саргон так писал о своих победах: «...Я предал огню их прекрасные жилища... Я вырубил их величественные фруктовые сады и бесчисленные виноградники. Я уничтожил всю их воду... Я превратил страну в пустыню. 146 городов в этой стране я сжег и, как ураган, я покрыл дымом небо». Но Урарту оправилось от этого удара и погибло только в VI в. до н. э. после нашествия скифов.

Свое мнение о древнейшей и древней истории армянской нации излагает дореволюционный историк Е.Л. Марков: «Гайк, легендарный родоначальник армян, которые сами себя называют *гайк*, а не армянами, считается правнуком ветхозаветного библейского Иафета, современником и победителем Нимврода. Именно от него произошло название его потомков, а также название обитаемой ими страны Гайастан. Армянский народ до сих пор называет сам себя гайканцами, гайканским племенем. Один из сыновей Гайка назывался Арменаком, от которого впоследствии армянский народ получил название, если верить армянским писателям» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 12, 52).

Дополняют эту информацию авторы конца XIX столетия в своем сборнике «Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898): «Армянское царство возникло еще в те времена, когда история не знала имени Афин и Рима, когда само имя Европы еще не произносилось никем». И действительно, в ранних книгах библейского Ветхого Завета, датируемых серединой I тысячелетия до н. э., можно встретить следующие упоминания об Армянском царстве: «И остановился ковчег... на горах Араратских» (Книга Бытие, 8; 4). Или еще: «Сыновья его [Сеннахирима, царя Ассирийского] убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую» (4-я Книга Царств, 19; 37).

Со времен Тиграна, последнего из восьми армянских царей, плативших дань мидянам, история этого народа начинает проявляться. Тигран основал нынешнюю Армению у берегов Аракса и умер после долгого царствования в 520 г. до н. э. До Александра Великого Армения находилась под владычеством персов. Затем до 190 г. до н.э. страной управляли Селевкиды, господство которых оканчивается Антиохом Великим. После него уже Артаксий и Задриад основали Большую и Малую Армению, а в последующих столетиях страна переходила то к римлянам, то к парфянам, смотря по тому, на чьей стороне оказывалось счастье оружия. В 106 г. до н. э. Армения, благодаря победам Траяна, сделалась римской провинцией. В середине III в. н. э. ее покорили Сасаниды» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 380-381).

4.8.1.3. Армения в раннем средневековье

Рыцари-армяне были не искатели приключений, не добровольцы, а странники, гонимые исторической судьбой.

Ф.А. Щербина (1916).

Армянское царство образовалось наряду с другими на развалинах Персидской империи до Рождества Христова, но вскоре попало в полувассальную зависимость от Рима, а потом было окончательно покорено турками.

В.М. Копылов (1990).

К IV в. н. э. в Закавказье сложились классы феодалов и зависимых от них крестьян. Каждый феодал стремился стать независимым, превратить свою землю в маленькое самостоятельное государство. Положение осложнялось внешней опасностью со стороны Персии (Ирана) и Византии, которые в конце IV в. н. э. разделили между собой Армению, используя распри армянских феодалов. Такая же судьба, кстати, постигла и Грузию, и Азербайджан. Армяне в союзе с грузинами неоднократно поднимали восстания против власти Персии, но сбросить ее окончательно не удалось.

Народы Закавказья создали высокую культуру. В IV-V вв. в Армении возникла собственная письменность, появились свои писатели, переводчики, историки, философы и математики. Армянский ученый Анания Ширакаци составил в VII в. древнейший в мире школьный учебник арифметики, который назывался «Вопросы и решения». В связи с постоянными освободительными войнами народ складывал героические сказания о борьбе за свободу родины. Сохранился армянский эпос «Давид Сасунский». Четыре поколения героев этих сказаний защищают свою землю волшебным мечом-молнией, не опуская его, пока не падет последний враг...

Развитию народов Закавказья в VII в. помешало нашествие новых завоевателей — арабов. И вновь слово авторам сборника «Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898): «Долго еще после падения Сасанидов обстоятельства в Армении оставались неблагоприятными для мирного развития. Господство калифов чередовалось с властью Византии, пока, наконец, династия Багратидов не принесла стране давно желанного спокойствия (860 г.), но только на короткое время. Справляясь о судьбах Армении в истории последующих столетий, мы

находим, что участь страны у верховьев рек Кира, Аракса, Фрата и Мурада представляет очень мало утешительного. Области эти то и дело переходят от одного владельца к другому и составляют вечное яблоко раздора, внутренние раздоры заменяют собой разрушительные войны, а нашествия персов, византийцев, монголов, татар и турок не переставали теснить этот злополучный народ» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 380-381).

4.8.1.4. «Как будто мраком был объят весь свет...»: преследования армян татаро-монголами и Тамерланом

Тамерлан овладел городом Себастией, изрубил всех, многих женщин и детей увел в плен, а 3000 чел. заживо зарыл в землю... Захватив город Халев, устроил там такую резню, что из голов людей были сложены три мусульманских минарета.

Из древних армянских летописей (1401 г.).

Трагичной была судьба армянского народа, на протяжении всей своей истории подвергавшегося бесконечным гонениям со стороны татаро-монгольских орд, среднеазиатских правителей, персов, турок и других народов. В 1242 г. татаро-монголы разгромили Великую Армению. Как отмечается в армянских хрониках, «татары сновали повсюду, подобно диким козам, и раздирали, как волки, все и всех». Завоеватели никого не жалели, безжалостно убивали стариков и детей, оскверняли женщин и девушек. Живые не успевали хоронить мертвых. «Как будто мраком был объят весь свет, и полюбили люди ночь пуще дня», – восклицает очевидец. И эта участь постигла не только армян, – «на такую черную долю обрели они многие народы и племена».

Но, как сообщает В. Хечумян, своих свирепых предшественников превзошел Тимур (Тамерлан). Так, в одной из древних армянских летописей встречаем сообщение: «В 1401 г. Тимур овладел городом Себастией, разрушил, разорил, изрубил всех, многих женщин и детей увел в плен, а 3000 чел., которые пускали в него стрелы (т. е. оказали вооруженное сопротивление), заживо зарыл в землю. Захватив город Халев, устроил там такую резню, что из голов людей были сложены три мусульманских минарета». Поистине, как говорится в Псалтыре (39,13; 59,67), «Ты дал испытать народу Твоему жестокое... Ибо окружили меня беды неисчислимы; их более, нежели волос на голове моей».

Как отмечает В.А. Потто, многие армяне, гонимые бедствием своего отечества, переселились в Малую Армению и соседнюю с ней Киликию. С падением Мало-Армянского царства начинается ряд переселений армян в разные страны земного шара. Гонимые бедствиями, они расселились тогда на восток до Индии и на запад – по всей Европе, преимущественно в Париже, Лондоне и других главных центрах. Затем очагами армянской эмиграции сделались Россия и Константинополь. Это стремление армян к переселениям, по словам В.А. Потто, «... не дает права заключить об их «бездушии» к своему отечеству; оно объясняется вековыми религиозными гонениями».

4.8.1.5. «Армения снова обогрывается кровью»: гонения на армянский народ со стороны Персии

Персиане и Ибрагим-хан Карабахский начинают страшные неистовства. Армения снова обогрывается кровью...

Из армянской хроники (конец XVIII в.).

В 1828 г. из Персии в Армению и Нагорный Карабах ушла группа армян в 40 000 чел. «Лучше согласимся есть русскую траву, чем персидский хлеб», – говорили они.

Иоанн Хозров (1846).

В конце IV в. н. э. Персия и Византия разделили между собой Армению, используя распри армянских феодалов. А много позже, в 1472 г. Армения становится одной из провинций Персидского царства. Персидские цари неоднократно посылали в Армению войска для искоренения в ней христианства. Царь Шапур II клялся солнцем, водой и огнем, что не оставит в живых ни одного христианина в Армении. О зверствах мусульман-персов против христиан-армян свидетельствуют многочисленные факты. Так, древний город Великой Армении Нахичевань, насчитывавший 40 000 домов и более 300 000 жителей, был захвачен персидским правителем Шах-Аббасом у турок и «разрушен до основания, а несчастных жителей-армян, не разбирая пола и возраста, он вырезал». Как здесь не вспомнить библейское пророчество о том, что «...опустошена будет Самария; от меча падут они, младенцы их будут разбиты, и беременные их будут рассечены» (Книга пророка Осии, 14; 1).

Гонения против армян не прекращались и позже. В 1784-1785 гг. персидский правитель Омар-хан опустошает Грузию. Как отмечали армянские хроники, «...персиане и Ибрагим-хан Карабахский начинают страшные неистовства. Армения снова обогрывается кровью». В конце XVIII в., преследуемые персами, армяне огромными толпами бегут в Грузию. С присоединением этой страны к России несколько десятков тысяч армян осели в Западной Грузии и на Черноморском побережье – в Абхазии. Сотнями вымирали они здесь от голода, холода, а чума 1804-1805 гг. «не оставила и четвертой доли этих несчастных».

В 1826 г. шах Персии развязал новую войну против России. 60-тысячная персидская армия совершила опустошительный поход в Закавказье. Однако этот поход окончился поражением; в 1828 г. русская армия одержала победу. Тегеран лишился части Армении вместе с Ереваном. В состав России вошли Восточная Армения и весь Северный Азербайджан, а после русско-турецкой войны 1828-1829 к России отошло и восточное побережье Черного моря (от Поти до Сухуми).

Следует отметить, что все закавказские народы в эти трудные дни обращались к России за помощью и поддержкой. Более того, в войнах, которые вела Российская империя с Персией и Турцией, армяне, грузины, азербайджанцы и другие народы Закавказья принимали активное участие на стороне России. Армяне и грузины создавали воинские дружины. Один из русских генералов, участник войны с Ираном, писал: «Армянам дано было знамя... и они выступили с доброю волею и необыкновенным рвением... В бою показали они себя, как следовало солдатам, и дрались против персиян как только можно было желать».

Вступление русских войск в Армению вызвало подъем национального движения. В горах создавались партизанские отряды, которые вели героическую борьбу в тылу врага. Освобождение Армении русскими войсками вызвало радость армян всего мира. Из далекой Индии армяне писали: «Армения воскресла... Солнце жизни взошло над Араратской страной... И в этом наша нация обязана человеколюбивой московской нации, среди которой мы всегда можем жить безопасно и под защитой».

С присоединением Армении и Азербайджана к России на территорию, отвоеванную русскими, начался исход армян из Турции, что настораживало Стамбул, – ведь с падением Анапы в 1828 г. турецкая торговля на Северном Кавказе оказалась на грани исчезновения (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007). В 1828 г. из Персии в Армению и Нагорный Карабах ушла группа армян в 40 000 чел. «Лучше согласимся есть русскую траву, чем персидский хлеб», – говорили они.

4.8.1.6. «Верхи армянские стали вести пропаганду против Турции о необходимости освобождения турецких армян»

Первые активные вожаки «Дашнакцутюн» стали действовать на армянскую психику в том направлении, что страдания турецких армян невыносимы и поэтому необходимо освободить братьев от ига...

В.М. Копылов (1990).

Начиная с середины XIX в., отмечен новый приток в Россию из Турции многочисленных беженцев-армян, спасавшихся не только от нужды, но и от ужасов национально-религиозного гнета. Особенно усилилась их эмиграция на Кавказ после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Так, в конце 1879 г. на Кубань прибыли 125 армян, «вследствие гонений и притеснений, сделавших невозможным дальнейшее пребывание их в Турции» (газета «Кавказ», 1879, 22 декабря). К 90-м гг. XIX в. приток армян на Кубань и Черноморское побережье еще более усилился. Это было связано с дикой политикой турецких правящих кругов, направленной на массовое уничтожение армянского населения. К этому периоду относится создание в Турецкой Армении националистического объединения «Дашнакцутюн» («Союз»).

«Дашнакцутюн» – Армянская буржуазно-националистическая партия. Возникла в 1890 г. Целью ее программы было создание Армянского автономного буржуазного государства, в том числе и вооруженным путем. Прикрываясь социалистической фразеологией, ее члены (дашнаки) разжигали национальную рознь между армянами и другими народами Закавказья и России. Находясь у власти с мая 1918 до ноября 1920 г., они довели Армению до полного экономического разорения, отличались зверством в расправах с недовольными. В 1921 г. дашнаки подняли антисоветский мятеж. После его подавления часть участников мятежа бежала за границу «Дашнакцутюн» имела свои организации в США, Франции. Греции. Иране и др., вела антисоветскую пропаганду, за что в СССР была поставлена вне закона (Копылов В.М., 1990).

Несколько слов о целях и задачах этой организации. Как пишет В.М. Копылов (1990), «...опершись на Россию и привязавшись к ст. 61 Берлинского договора относительно Балканских христиан, *верхи армянские стали вести пропаганду во всех государствах против Турции о необходимости освобождения турецких армян и образования особого Армянского государства по образцу Болгарии*. Первые активные вожаки «Дашнакцутюн» стали действовать на армянскую психику в том направлении, что страдания турецких армян невыносимы и поэтому необходимо освободить братьев от ига, а для этого им нужны прежде всего средства и соорганизованность, чтобы вести борьбу с Турцией. Если это будет достигнуто и армяне выкажут свою борьбу, то иностранные державы помогут на основании ст. 61 Берлинского договора. Потом будет образовано Армянское царство на социалистических началах. Это имело успех среди армян, и быстро стали нарождаться кружки».

И далее публицист отмечает: «Необходимо было выработать объединяющую программу, тактику и организацию. С этой целью уже в 1892 г. состоялся в Женеве I съезд представителей, наименовавший себя «Дашнакцутюн», участвовало 32 делегата. На съезде были выработаны следующие основные положения: конечная цель партии – образование «вольновластвующей» Армянской Демократической республики с вытекающими отсюда формами жизни, а способы к достижению этого: 1) вооруженное восстание, которое в свою очередь должно быть подготовлено; 2) интенсивное революционирование не только армян, но и всех народов, находящихся в угнетении; 3) вооружение и организация армян» (Копылов В.М., 1990).

4.8.1.7. Резня 1915 г.: «...чудовищное истребление и изгнание из Турции армянского населения»

...Османские власти организовали массовое уничтожение армянского населения. В течение нескольких дней в апреле 1915 г. сотни тысяч армян были вырезаны или изгнаны из родных мест. Геноцид армян продолжался и в последующие годы. Всего погибло около 1,5 млн. армян.

Ю.В. Емельянов (2002).

Когда вследствие притеснений со стороны властей армяне выселялись целыми массами, то они сплывались еще теснее, соблюдали древние обычаи и сохраняли верную память и преданность родине...

«Кавказ...» (Вып. II. 2010. С. 30).

О масштабах зверств, творимых турецкой верхушкой, говорят следующие цифры. Только в годы правления султана Абдул Хамида II около 300 000 чел. стали жертвами резни; при этом часть армян бежала на Кавказ и в Болгарию. В целом же, по явно заниженным данным Международного комитета, из общей их численности 1,6 млн. чел. было перебито 1,0-1,2 млн. турецких армян; успело бежать на русский Кавказ 182 000 чел.; часть их бежала в Египет. По другим данным, в годы правления младотурок было уничтожено до 1,5 млн. армян. (Вдумайся, читатель, в эту страшную цифру, соизмеримую разве что с количеством жертв адыгов в ходе Кавказской войны и «исхода» их в Турцию. Поистине, нет предела человеческой жестокости. Как говорил Р. Тагор, «... человек хуже зверя, когда он зверь»).

Более подробно этот трагический факт армянской истории описывает историк Ю.В. Емельянов (2002. С. 235): «Проводившаяся Турцией политика геноцида армян привела в 1915-1922 гг. к чудовищному истреблению и изгнанию армянского населения. Заподозрив, что население Западной Армении (входившей тогда в состав Османской империи. – **Авт.**) готовится помочь наступающим частям русской армии, османские власти организовали массовое уничтожение армянского населения. В течение нескольких дней в апреле 1915 г. сотни тысяч армян были вырезаны или изгнаны из родных мест. Геноцид армян продолжался и в последующие годы. Всего погибло около 1,5 млн. армян...».

Часть армян, уцелевших от резни 1915г., переселилась в Западную Европу, на Ближний Восток, в США; 200 000 чел. нашли пристанище в Армянской ССР. В общей сложности, к этому времени 800 000 беженцев-армян нашли прибежище на Кавказе и Арабском Востоке. В результате, если в конце XIX столетия (70-80-е гг.) во всей Турецкой империи проживало более 3 млн. армян, то к 1922 г. их осталось там, по данным А. Тырковой, всего 57 599 чел.

4.8.1.8. Геноцид – «армянская фантазия» или исторический факт?

Цель депортации армян – полное уничтожение всех депортируемых...

Из телеграммы Бея Шакира (21 июня 1915 г.).

В течение веков турки причиняли армянам страдания. В настоящее время вне пределов Армении и других частей Советского Союза проживает 1,5 млн. армян. Подавляющая часть этих армян желает вернуться на землю своих предков...

Из заявления «Армянского национального совета в Америке» (19 июля 1945 г.)

Сам термин «геноцид» был придуман Р. Лемкиным, по происхождению польским евреем, который в 30-х гг. XX столетия занимался вопросом преступлений против национальных групп, беря за основу резню армян в Турции и еврейские погромы (Епифанцев А.А., 2010. С.120-121).

«Геноцид – «армянская фантазия» или исторический факт?», – так называлась статья, опубликованная в «Литературной газете» (1995, 2 авг., № 31). Принимая во внимание ее несомненный интерес для армян – отдаленных потомков жертв и очевидцев чудовищной резни 1915 г., приведу ее в кратком изложении: «Парижский суд вынес обвинение американскому историку Бернару Леви за его интервью газете «Монд», опубликованное полтора года назад, в котором он отрицал факт геноцида, совершенного в отношении армян турками в 1915 г. Судьи поставили в вину Бернару Леви сознательное замалчивание деталей, противоречащих выдвигаемой им версии об отсутствии «серьезного доказательства армянского геноцида». В ответ на решение суда газета «Либерасьон» опубликовала интервью с автором только что вышедшей во Франции книги «Исследование армянского геноцида» (фамилия автора, по каким-то соображениям, не указана. – **Авт.**):

Историк Бернар Леви утверждает, что турецкое правительство не принимало решения об уничтожении армянского народа. Что вы об этом думаете?

Существует два типа документов, бесспорно доказывающих спланированный характер геноцида. С одной стороны, это обвинительные документы, собранные военным турецким трибуналом, которому было поручено в момент перемирия судить руководителей старого режима. На судебном процессе генерал Вехиб, командовавший третьей турецкой армией, утверждал, что решение об уничтожении армян было принято Центральным комитетом партии «Единение и прогресс», находившейся у власти до 1918 г. В документах военного суда также фигурирует зашифрованная телеграмма, составленная одним из инициаторов геноцида – Беем Шакиром. В этом тексте, датированном 21 июня 1915 г., он объясняет, что «цель депортации армян – полное уничтожение всех депортируемых». Он, в частности, употребляет слово «имха», по-турецки означающее – «уничтожать, истреблять». Подлинность телеграммы установлена ответственными лицами турецкого министерства внутренних дел.

Эти свидетельства до настоящего времени историками не принимались во внимание?

Отчеты константинопольского процесса сохранились в архивах армянского патриархата в Иерусалиме. В своих исследованиях я (интервьюер. – **Авт.**) также опирался на турецкую юридическую печать, а именно газету «Таквими Векан». С другой стороны, следует процитировать свидетельство президента Государственного совета Резида Акифа-Паши перед турецким сенатом 21 ноября 1918 г. Этот влиятельный представитель государственного аппарата объясняет, что ответственные лица партии «Единение и прогресс» использовали два способа передачи своих приказов. Один, официальный путь, предназначался для «простого народа», и тогда речь шла лишь о депортации армян. Одновременно Центральный комитет отдал секретное распоряжение об уничтожении депортированных вооруженными бандами, специальной организацией, состоящей из бывших заключенных.

Когда турецкая сторона стала отрицать геноцид?

Скрывать факты геноцида кемалисты стали сразу после прихода к власти в 1920 г. Во время конференции в Лозанне в 1923 г. Турция, после победы над греками вновь укрепившая свое положение мощной державы в регионе, изложила союзникам свою позицию в том, что касалось армянского геноцида. Для достижения своих целей она играет на соперничестве между Великобританией, с одной стороны, Францией и Италией – с другой. Союзники, разобщенные, измотанные войной, уступают. Я считаю, что отрицание геноцида турецкой стороной было закреплено с заключением Лозаннского договора.

*Почему кемалисты стали отрицать геноцид, виновники которого были приговорены in absentia (м. е. заочно, в отсутствие. – **Авт.**) предшествующим режимом?*

Они опасались обвинений, которыми непременно сопровождается подобное преступление. Отказывались выплачивать репарации жертвам. И, наконец, боялись, что геноцид оправдает территориальные требования армян. Существует еще и четвертая важная причина, которую недавно выдвинули некоторые турецкие историки. Большинство участников Кемалистской революции отдавали себе отчет в том, что на них ляжет вина за убийства. Они обогатились и благодаря имуществу, конфискованному у армян. В случае возвращения последних туркам пришлось бы вернуть добычу, и, кроме того, они рисковали бы преследованиями за убийства.

Есть ли сейчас доступ в турецкие архивы?

Многие историки считают, что документы турецких архивов были подправлены. Директор архивов недавно назвал геноцид «армянской фантазией», утверждая, что это преступление не подтверждается ни одним документом из тех, которые у них хранятся. Дело в том, что последнее турецкое законодательство запрещает использование документов, ставящих под угрозу отношения Турции с соседними странами.

Понятие «преступление против человечества» впервые прозвучало в связи с армянским геноцидом?

24 мая 1915 г. страны Антанты – Россия, Англия и Франция – заявили, что истребление армян является преступлением против человечества. Эта формулировка затем была заимствована Нюрнбергским трибуналом, а перед этим заняла место в преамбуле Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него («Литературная газета», 1995, 2 авг., № 31).

4.8.1.9. «Защитить армянское население от насилия грузинских войск...»

Грузинские военные постоянно беспокоят нас – крестьян: по ночам нападают на наших мирных жителей и, угрожая расстрелять, требуют деньги, получают каждый раз несколько тысяч рублей и уходят, а в противном случае убивают наших братьев.

Из жалобы жителей армянских общин Гагринского уезда (21.01.1920).

Сегодня я с ужасом вспоминаю те картины, которые мы видели в мае 1920 г. в Шуше. Красивый армянский город был разрушен до основания и лежал в руинах.

С. Орджоникидзе (1920).

Однако на этом муки и гонения на армян не прекратились. В архивных фондах сохранились сведения, что в самом начале Гражданской войны, в 1918 г. от рук грабителей и мародеров, прикрывающихся красными флагами, – по выражению М.В. Фрунзе – «распушенной банды разбойников», в Армавире было вырезано, вместе с русскими и адыгами, – около 400 армян – беженцев из Персии и Турции.

А позже, на смену мусульманам – туркам и персам, армянских беженцев стали преследовать и «братья по вере» – христиане-грузины. Так, 26 февраля 1919 г. генерал А.И. Деникин сообщал начальнику британской военной миссии генералу Бриггсу: «Ко мне обратились официальные представители армянского национально-го союза Сочинского округа с просьбой защитить армянское население от насилия грузинских войск. По очищении грузинскими войсками Сочинского округа, грузинские военные власти наложили на армянские селения Гудаутского участка контрибуцию в размере 1000 пудов кукурузы, сена и фасоли с каждого селения. Жители селений, не имея продуктов, исполнить эти требования не имели возможности. Тогда грузинские войска, окружив селения, 10 февраля начали расстреливать артиллерией (!) и пулеметным огнем мирное население». Генерал Деникин просил англичан «воздействовать на грузинское правительство для прекращения зверств».

К середине 1919 г. в Екатеринодаре скопилось большое число беженцев-армян, что не могло не обеспокоить власти и послужило основанием для обращения 21 июня (4 июля) председателя Кубанского краевого правительства П.И. Курганского к Главнокомандующему вооруженными силами Юга России А.И. Деникину: «Согласно постановлениям междуведомственной комиссии по разгрузке г. Краснодара, подлежит выселению из города значительное количество армян-беженцев Закавказья, направляющихся на родину через Новороссийск и Батум согласно указаниям английской военной миссии. ...Отправка их задерживается за отсутствием перевозочных средств – поездов от Екатеринодара до Новороссийска и пароходов от Новороссийска до Батума. Имея в виду тягость положения здесь армян-беженцев, стремящихся на родину, обращаюсь к Вам с просьбой дать распоряжение о предоставлении маршрутных поездов для перевозки армян-беженцев из Екатеринодара в Новороссийск».

Как следует из дальнейшей переписки, постановление «об обязательной разгрузке» города выполнялось с большими затруднениями, причем со стороны Армянского комитета Красного креста поступали жалобы на случаи арестов беженцев в их домах, выбрасывания их имущества и т. д. Кроме того, последовало уведомление английской миссии о «воспреещении эвакуации беженцев, относящихся к числу турецко-подданных». По данным на 1 июля 1919 г., только в Екатеринодаре находилось беженцев-армян около 9 000 чел. (ГАКК, ф.р. 6, оп. 1, д. 126, л. 158, 168).

Притеснения беженцев-армян со стороны грузинских войск продолжались и в следующем году. На подобные бесчинства жаловались 21 января 1920 г. и жители армянских общин Гагринского уезда: «Грузинские военные постоянно беспокоят нас – крестьян: по ночам нападают на наших мирных жителей и, угрожая расстрелять, требуют деньги, получают каждый раз несколько тысяч рублей и уходят, а в противном случае убивают наших братьев. Обращение и солдат и офицеров вообще глубоко презрительно-обидное к нам, армянам, и угрожающее». В результате такой политики тысячи армянских крестьян покинули в эти годы Черноморское побережье.

В это же время (23 марта 1920 г.) ширококомасштабные межнациональные столкновения и резня армян были спровоцированы меньшевиками-мусаватистами и в Нагорном Карабахе. Была разрушена армянская часть Шуши, занимавшая больше половины территории города; опустошены и превращены в пепел 7000 домов и административных зданий; ограблены и преданы огню библиотеки, учебные заведения, сотни магазинов и складов. В течение трех дней численность населения уменьшилась на 65%. Впоследствии С. Орджоникидзе с горечью вспоминал: «Сегодня я с ужасом вспоминаю те картины, которые мы видели в мае 1920 г. в Шуше. Красивый армянский город был разрушен до основания и лежал в руинах».

С установлением и укреплением Советской власти на Кавказе, предпосылки к межнациональной и религиозной розни, казалось бы, ушли в прошлое. Казалось бы... Но кровавый армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, столь трагически проявившийся в 1991-1994 гг., в результате которого погибли тысячи жителей Армении, а республику покинули около 1 млн. чел. («Аргументы и факты», 2011, № 40. С.8), другие конфликты между некоторыми народами бывших республик СССР, – заставляют усомниться в этом утверждении.

4.8.1.10. И.В. Сталин о возвращении СССР отторгнутых Турцией армянских городов Карс и Ардаган

Американцы армянского происхождения настоятельно просят... поставить вопрос об армянской проблеме для того, чтобы могло быть гарантировано справедливое поселение армян, желающих вновь жить в своем историческом отечестве – Советской Армении.

Из заявления «Армянского национального совета в Америке» (19 июля 1945 г.).

Он (Сталин) не считал нужным скрывать от Черчилля, что СССР хочет получить Карс и Ардаган, которые были отторгнуты Турцией у России в результате первой мировой войны.

Р.Ф. Иванов (2000).

Сейчас мало кому известен тот факт, что на Потсдамской конференции (июль-август 1945 г.) И.В. Сталиным с союзниками обсуждался вопрос о возвращении Советскому Союзу некоторых городов бывшей «Великой Армении», которые перешли в ведение Турции в начале XX столетия.

Предыстория этого вопроса такова. Газета «Нью-Йорк тайме» от 11 июля 1945 г. опубликовала из Лос-Анджелеса пространное письмо известного армянского писателя Сурмеляна, который предлагал вернуть Карс и Ардаган СССР, так как эти города по праву принадлежат Советскому Союзу, кроме того, они «являются важными для защиты Кавказа».

«Спустя неделю, 18 июля на обеде Сталин и Черчилль обсуждали самый широкий круг проблем, – пишет Р.Ф. Иванов (2000). Сталин поставил вопрос о необходимости расширить права Советского Союза на использование черноморских проливов. Он не считал нужным скрывать от Черчилля, что СССР хочет получить Карс и Ардаган, которые были отторгнуты Турцией у России в результате первой мировой войны. Это требование Советского Союза, сформулированное Сталиным, поддерживали армянские организации многих стран. Так, например, ТАСС сообщал из Нью-Йорка 19 июля 1945 г., что лидеры прогрессивного «Армянского национального совета в Америке» опубликовали в печати заявление о том, что они обратились в Потсдам к Трумэну, Сталину и Черчиллю с предложением вернуть армянские провинции, входящие в состав Турции, их единственному законному представителю – Советской Армении. Сославшись на турецкие набеги и избиение турками армянского населения в прошлые столетия, авторы этого обращения констатировали: «К счастью, в одной части Армении, которая входила в состав России до первой мировой войны, создана независимая армянская республика как составная часть Советского Союза. На протяжении 25 лет своего существования Советская Армения развивалась гигантскими шагами и дала армянам безопасность, которой не существовало в прошлой армянской истории».

Во время второй мировой войны, говорилось в заявлении, армяне вновь продемонстрировали любовь к свободе и отважно сражались в армиях союзных наций, особенно в войсках Соединенных Штатов и Советского Союза. Между тем турки проводили свою традиционную двуликую политику. Под покровом нейтралитета они помогали нацистам и восхищались первоначальными успехами Германии. Турция была готова открыто вступить в войну на стороне Германии, если бы нацисты захватили Сталинград. Тем временем Турция наметила новые способы экспроприировать и угнетать небольшое армянское население в этой стране. Объявление Турцией войны Германии в самую последнюю минуту представляло жалкий фарс. В течение веков турки причиняли армянам страдания. В настоящее время вне пределов Армении и других частей Советского Союза проживает 1,5 млн. армян. Подавляющая часть этих армян желает вернуться на землю своих предков и принять участие в ее перестройке.

Американцы армянского происхождения, – отмечалось далее в заявлении, – настоятельно просят Конференцию в Потсдаме поставить вопрос об армянской проблеме в повестку дня для того, чтобы могло быть гарантировано справедливое поселение армян, желающих вновь жить в своем историческом отечестве – Советской Армении...». Однако, по ряду объективных внешнеполитических обстоятельств, вопрос о возвращении Советскому Союзу армянских городов Карс и Ардаган так и не был тогда решен.

4.8.2. К истории появления черкесо-гаев на Кубани

4.8.2.1. Петр I: «Стараться всячески призывать на Кавказ армян...»

Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя, ибо и вы были пришельцами в земле Египетской.

Библия. Книга Левит (19; 34).

Стараться всячески призывать на Кавказ армян, а басурман зело тихим образом, сколь возможно, убавлять...

Петр I, император (1705).

Преследуемые персами, а позже турками, армяне покидали родные места и бежали в Крым и на Кавказ, в частности, на Черноморское побережье. О появлении армянских колоний в на Черноморском побережье Кавказа сообщают армянские хроники XVII в. В одной из них написано: «И после этого армянский народ расселился по причине голода из Персии в Сирию, в Грузию, добрался до Абхазии и до Крыма».

Как отмечает В.А. Потто, «тучи бедствий висели над злополучным краем – родиной армян. Петр I широко растворил двери своей империи для их эмиграции. «Стараться всячески, – писал он Матюшкину по поводу предстоящего заселения новых земель на Кавказе, – призывать на Кавказ армян, а басурман зело тихим образом, сколь возможно, убавлять». По призыву Петра I армяне устремились и на Восточный Кавказ – в Гиляны и крепость Святого Креста.

Представляет интерес и такой малоизвестный факт. Именно Петром I были приложены энергичные усилия для развития рисосеяния в низовьях Терека, где он предоставлял именно армянским переселенцам орошаемые земли и большие льготы. Вот тогда-то, в первой половине XVIII в., впервые удалось создать производственные посевы этой культуры и довести их до 3 тыс. га. По сведениям С. Броневского (1823), в начале XIX столетия рис («сарачинское пшено», по-армянски – «бриндз») возделывался армянскими переселенцами в низовьях Терека

и между реками Рубасом и Атачаем, «где посредством отводных каналов с удобностью можно наводнять поля и превращать их почти в болота, что крайне нужно для удачного разведения этого растения».

«Ярым защитником армянского народа» был фаворит Екатерины II Г. Потемкин. При императрице Екатерине II заселяются обширные степи Южной России, на Северном Кавказе возникают новые армянские поселения; около 20 000 армян покидают Крым и идут на Дон, где они основывают свой город Нахичевань. А когда император Павел принял на себя звание гроссмейстера Мальтийского ордена и вместе с тем звание защитника христиан, армяне отправили к нему депутацию с просьбой о принятии под свою защиту. В 1799 г. даже был представлен Павлу I чин литургии, составленный специально для этого епископом Иосифом Аргутинским. В этой литургии говорилось, что положено молиться и за Православного Императора Всероссийского, и за Августейший Дом. С тех пор в России армян стали считать «православными братушками» (Копылов В.М., 1990).

4.8.2.2. Черкесо-гаи: кто они такие?

Армян, проживающих среди адыгов, называли «черкезгаи» или «черкесо-гаи», т. е. черкесы-армяне. Расселившись среди адыгов, армяне жили целыми селениями и пользовались благорасположением коренного населения.

Р.Ж. Бетров (1991).

Большая часть армян, родившихся в горах, уже утратила свою народность; они приняли нравы и образ жизни черкесов; едва умеют говорить на природном своем языке, а многие его вовсе не знают; даже были частые примеры, что они принимали участие в набегах черкесов».

И. Хазров (1846).

В 1796 г. кошевой атаман Черноморского казачьего войска получил донесение о том, что «многие из армян, живущих между закубанскими черкесами, желают перейти к нам (к казакам) на жительство не только фамилиями, но и целыми селениями». Часть из них отправлялась «во внутренние губернии» России, а часть осела в сел. Гривенском, ст. Новоджерелиевской и Переясловской. Впоследствии они вместе с другими группами черкесо-гаев основали в 1839 г. селение Армавир (Бондарь Н.И. 1990).

По мнению В.А. Потто (1885), «...черкесо-гаи – потомки тех армян, которые в отдаленные времена переселились в черкесские аулы. Они переняли обычаи, быт и уклад жизни адыгов, среди которых поселились, но в определенной степени сохранили свой язык, христианскую религию и называли себя «черкесо-гаи» («черкезгаи»), т. е. черкесы-армяне».

«Гаи, – продолжает В.А. Потто, – это самоназвание армян, по имени древнего легендарного армянского богатыря Гайка, родоначальника этого народа и основателя великой династии, господствующей еще до времен Александра Македонского». Другие источники также подтверждают, что Гайк (*Hajk*) – один из важнейших персонажей армянской мифологии, потомок библейского Ноя, пращур армян. Считалось, что самоназвание армян (*haj*) произошло от этого имени. В настоящее время эта гипотеза подтверждена археологическими находками. В Малой Азии при раскопках столицы Хеттского государства Хаттушаш обнаружена надпись, датируемая II тысячелетием до н.э. Это первый дошедший до нас письменный источник, где упоминается «Страна Хайаса»; народ этой страны – хайасы были прямыми предками армян, от чего и произошло их самоназвание хай (*haj*) – «армянин» + аса – «страна» (Советский Союз. Геогр. описание в 22 томах. Армения. – М.: Мысль, 1966. С. 343).

Когда Армения была захвачена турками-сельджуками, часть армян переселилась в Причерноморье и Прикубанье. Из всех армянских этнических групп раньше всех в пределах Северо-Западного Кавказа обосновались так называемые «горские армяне», которые, по мнению Л.А. Погосьяна, еще в XV в. переселились сюда из Крыма. Во всяком случае, в XVIII-XIX вв. у горцев уже существовали армянские поселения (Гяурхабль и другие). Об этом селении сообщает в своей книге «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (1823) С. Броневский: «Темиргоевскому князю Атажук-Ейтеку... принадлежат на р. Шаг-Ваше (р. Белая) деревни: Минбулатай, Псинаок, а также знатная армянская деревня Гаур-Габль» (Бондарь Н.И. 1990).

С тех пор установились тесные адыго-армянские связи. Как писали современники, «...расселившись среди адыгов, армяне жили целыми селениями и пользовались благорасположением коренного населения». Значительное число армян проживало среди темиргоевцев, бжедугов и шапсугов. Эти армяне, находясь среди черкесов, постепенно утратили свой национальный облик, забыли даже родной язык и говорили на адыгском, соблюдали адыгский этикет. Они во всем стали похожими на адыгов и сохранили лишь христианскую веру (Бетров Р.Ж., 1991). Пришельцы-армяне старались жить в мире и дружбе с принявшими их черкесами; они высоко ценили их человеческие качества, гостеприимство и, в немалой степени, – мужество и воинскую доблесть. И черкесы отвечали им тем же. Не случайно в Библии говорится: «Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя, ибо и вы были пришельцами в

земле Египетской» (Книга Левит, 19; 34). Или еще: «Не обижай... пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих» (Второзаконие, 24; 14).

Сохранился документ, в котором говорится о том, что в 1701 г. богатый армянин Израиль Ория, живший в Западной Европе, предложил Петру I, чтобы было послано для освобождения Армении 25-тысячное войско, составленное из казаков и черкесов. Император согласился, но просил отложить экспедицию из-за того, что в то время шла война со шведами и «начинать другую войну трудно». Не удалось осуществить и еще один проект освобождения Армении от мусульманского ига. В 1760 г. приезжал в Петербург из Англии армянский купец Эмин Осипов, наживший миллионы в Индии. Он предлагал все свои колоссальные богатства для возврата армянам независимости. Однако по ряду внешнеполитических причин и это предложение царским правительством принято не было.

4.8.2.3. К вопросу о времени появления черкесо-гаев на Северо-Западном Кавказе

*С армянином вместе
Аргуана выехал...
Ермэлэри йыгыуысзуи
Аргунэхэр кьежэжъыхи...*

Из нартского эпоса адыгов (I тыс. до н. э.).

...Армяне пришли сюда (на Кубань)... в период политики гонений византийского императора Василия II, когда в 988 г. он выселил в Македонию подвластных ему армян, а те оттуда, двинувшись далее на северо-восток, очутились в Крыму и Кубанской области.

Х. Кучук-Иоаннисов (1893).

К вопросу о времени появления армян на Северо-Западном Кавказе обращались многие исследователи, причем единого мнения в этом вопросе до сих пор нет. Рассмотрим несколько версий относительно даты их переселения к черкесам.

Версия 1-я (XIX в.). Как пишут авторы книги «История армянского народа...» (1980), «компактно на территории Краснодарского края проживают армяне. Их колонии появились здесь в начале XIX в.».

Версия 2-я (XVIII в.). По мнению А.А. Ржавина (1999. С. 122-125), «...еще в первой половине XVIII столетия в горных районах Закубанья проживали армяне, частично ассимилированные адыгами и известные под названием черкесо-гаев. В конце XVIII в. они начали переселяться на Кубань и Дон в районы, где жили казаки». О том, что в начале XVIII в. в Тамани проживала значительная колония армян, сообщал и Абри де ла Мотрэ, который в 1711 г. был на Северо-Западном Кавказе: «Тамань хотя и небольшой, но очень населенный город. Его можно было бы назвать колонией армян, грузин, мингрелов и черкесов, так как они составляют большую часть его населения, что наблюдается также в Темрюке, в деревнях Адды, нечто вроде острова, обнимающего область Тамани, Темрюка и т. д.» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

Версия 3-я (XVII в.). Иоанн Хозров (1846) считает, что закубанские армяне – черкесо-гаи – являются выходцами из Анатолии, Трапезунда, Константинополя, Крыма и Грузии, причем «некоторые фамилии переселились сюда лет 200 тому назад» (т. е. около середины XVII в. – Авт.). Офицер русской армии И. Иванов (1850), основываясь на преданиях закубанских черкесо-гаев, также относит дату их появления на Северо-Западном Кавказе к середине XVII в., однако считает их выходцами из Крыма. Привожу выдержку из этого сообщения, как подтверждение того факта, что между адыгами и армянами-переселенцами с самого начала не было и не могло быть ни национальных, ни религиозных распрей: «По рассказам армянских стариков, назад лет 200 или более, предки их, недовольные смутами, происходившими в Крыму во время владычества ханов, обремененные налогами и претерпевая сильные гонения за веру, давно задумывали куда-либо удалиться от этих неприятностей; наконец, при одном хане они приняли решительное намерение и, бросив свои жилища и имущество, бежали в Черкесию, знакомую им еще прежде по торговым сношениям. По прибытии в горы, черкесы приняли их ласково и дали у себя убежище, обещая защищать от всех стеснений ханских, и в знак дружбы молодым их пришельцам предложили в супружество своих дочерей. Армяне приняли это предложение, но с условием, чтобы жены и дети их исповедовали христианскую религию. Черкесы нисколько в том не противились своим гостям и уверяли даже их, что они останутся навсегда свободными в исповедании христианства и будут дела семейные и гражданские решать по своим обычаям. Убежденные в этом, крымские выходцы расселились по аулам, женились на горских красавицах (от этих-то черкешенок и армян происходят нынешние обитатели Армавира) и жили преспокойно...» (Иванов И., 1850).

Версия 4-я (XVI в.). По мнению Р. Ерзынкяна и Ш. Симона (1863), переселение армян на Кубань относится к более раннему времени – к XVI в. И историк В.А. Потто также отмечает, что «...около XVI в. на Северо-Западном Кавказе увеличилась численность армянских переселенцев. Обосновавшихся среди черкесов в XVI в. армян местные жители стали называть «черкесо-гаями». Эту же дату встречаем мы и в «Прошении главноначальствующему гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанту князю Дондукову-

Корсакову», которое обнаружено в национальном армянском хранилище древних рукописей Матенадаране (архив католиков, папка № 185, док. 78): «Еще в конце XVI в. предки наши вышли из Крыма и поселились между разными племенами горцев, ныне Кубанской области. Заручившись покровительством сильных лиц из горцев, они водворились между ними с торговыми целями и, с течением времени, сохранив только религию предков, всецело приняли в жизни своей обычаи, язык и все условия горской жизни, ничем не отличаясь от коренных обитателей, кроме некоторых различий в отношении своих рабов».

Версия 5-я (XV в.). Еще одну версию переселения армян на Северо-Западный Кавказ встречаем в предании, приведенном в монографии Е. Шахазиза «Черкесия» (1936), написанной по просьбе самих черкесо-гаев. В этом предании сообщается, что первыми пришельцами в Черкесию были два брата – Хазар и Назар, которые прибыли в то время, когда черкесы еще не приняли ислам. Они вышли из Крыма, по предположению Г.С. Аракеляна, в 1475 г., когда турки-османы захватили Крым и притесняли знатных армян, в чьих руках была часть Крымского полуострова. Позже к ним присоединились переселенцы из Трапезунда, Ирана, а также из долины р. Куры. К мнению о том, что армяне переселились в этот регион в середине XV в., присоединяется и Ф. Щербина в своей «Истории Армавира и черкесо-гаев» (1916). Н.И. Бондарь, ссылаясь на исследования Л.А. Погосьяна, также утверждает, что «предки современных черкесо-гаев переселились на Кубань из Крыма в XV в.». О том, что в описываемое время армяне составляли немалую часть населения Черкесии, сообщал и автор XV в. Иоанн Галонифонтибус: «В этой стране много христиан, а именно: греки, разные армяне, зики, готы, таты, валахи, русские, черкесы...» (Галонифонтибус Иоанн, 2010).

Версия 6-я (XIV в.). Еще одну новую дату встречаем мы в материалах Кавказской лингвистической экспедиции (1949), участниками которой было записано примечательное предание, согласно которому предки черкесо-гаев «...выселились из второго Армянского царства и, пройдя Закавказье, поселились в среде черкесов около 600 лет назад (т. е. в середине XIV в.)».

Версия 7-я (XIII в.). А.А. Епифанцев (2010) приводит новую дату: «Черкесо-гаи – армяне, появившиеся на Западном Кавказе с XIII в. и резко увеличившие свое количество с начала XVIII в., в основном, из-за турецких и азербайджанских притеснений в местах их традиционного проживания».

Версия 8-я (XII в.). Критически пересмотрев все имеющиеся по этому вопросу данные, Х. Поркшеян (1971) обращает внимание на дату армянской надписи, найденной между ст. Белореченской и Ханской и датируемой 1171 г., что в какой-то степени может свидетельствовать о давнем знакомстве армян с Землей адыгов. В интерпретации Х. Кучук-Иоаннисова (1893 г.), эту надпись следует читать следующим образом: «Церковь построена каменщиком (имя неразборчиво)... в 620 г. армянской эры (т. е. 1171 г. н.э.)».

Версия 9-я (XI в.). Дальнейшие исследования позволили тому же Х. Поркшеяну предположить еще более раннее «освоение» армянами территории Северо-Западного Кавказа. Об этом, по его словам, свидетельствуют найденные им документы, датируемые XI в., где есть упоминание об армянах, живших среди черкесов. Наряду с этим, он привлекает неизвестное до того времени предание, рассказанное жителем Армавира Гаспаром Арутюняном о том, что армяне впервые пришли к черкесам в первые десятилетия XI в. В частности, в этом предании сообщается: «Черкесо-гаи переселились в Черкесию в первые годы XI в., в эпоху византийского императора Василия II. Первой группой был отряд воинов, хорошо вооруженный для своего времени. Этот отряд со своими семьями по приказу императора обязан был дойти до Балкан и, обосновавшись там, защищать границы Византии от нападения болгар. Однако этот отряд, возмущенный политикой, проводимой Византией по отношению к армянам, изменил маршрут и направился в Тамань, в сторону черкесов. Встретив у последних почетный прием, армянские воины вошли в их воинские дружины и служили там. Впоследствии переселилась к ним и малочисленная группа из Ирана. Армавирские Аджемяны являются их потомками...». На основании всего этого Х. Поркшеян делает вывод, что предки современных черкесо-гаев должны были появиться в предгорьях Северо-Западного Кавказа в XI, или же не позднее XII в. Историк Р.Ж. Бетров (1991) также считает, что первая волна переселений армян в Причерноморье-Прикубанье восходит ко второй половине XI в.: «В 1064 г. Армения была захвачена турками-сельджуками. После этого часть армян переселилась в Причерноморье и Прикубанье...».

Версия 10-я (X в.). Но существует еще одна версия, предполагающая еще более раннее появление армян на территории Северо-Западного Кавказа. По мнению Х. Кучук-Иоаннисова (1893), обнаружение развалин армянского христианского храма вблизи ст. Белореченской подтверждает существование здесь в XII в. армянской колонии, но «...вообще-то армяне пришли сюда еще в конце X – начале XI в., в период политики гонений византийского императора Василия II, когда в 988 г. он выселил в Македонию подвластных ему армян, а те оттуда, двинувшись далее на север и северо-восток, очутились в Крыму и Кубанской области». Однако, как утверждает Х. Поркшеян, чтение и интерпретацию Х. Кучук-Иоаннисова «нельзя считать окончательной и достоверной, в связи с чем его версия о времени переселения армян на Северо-Западный Кавказ в X столетии остается лишь гипотезой, не аргументированной серьезными доводами».

Завершая этот обзор, уместно привести свидетельство эпоса «Нарты», который начал складываться в I тысячелетии до н.э. В преданиях нартского эпоса можно встретить, пожалуй, самые первые упоминания о появлении на Северо-Западном Кавказе армян (Кумахов М.А., Кумахова З.Ю., 1985 С. 140):

С армянином вместе
Аргуана выехал,
К племени нартов,
Уже собравшемуся,
Аргуана подъехал,
В гущу нартов ворвался
И Сатанай уносит...
Ермэлэри йыгъуысэуи
Аргуанэхэр къежсэжъыхи... и т. д.

Таким образом, «спектр» документально подтвержденных мнений о времени появления армян среди черкесов довольно-таки широк: от конца X в. до начала XIX в. (а в народных преданиях и того раньше – с I тысячелетия до н.э.). Дальнейшие исследования и привлечение новых материалов должны внести ясность в этот спорный вопрос.

4.8.2.4. К истории заселения армянами Черноморского побережья Кавказа

В полном соответствии с поговоркой: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше», армяне шли к черкесам в поисках лучших условий деятельности и жизни.

Ф.А. Щербина (1916).

Переселение армян из Малой Азии в Черноморский округ (позднее губернию) происходило несколькими волнами и стимулировалось не столько правительственными льготами, сколько проводимой турецкими властями политикой геноцида по отношению к своим христианским поданным.

А.А. Ржавин (1999).

Переселение армян и греков из Турции в Черноморский округ было вызвано преимущественно политикой турецкого (османского) правительства в отношении этих народов, которая вылилась в массовые погромы, грабежи, убийства. Главным поводом для гонений стали автономистские настроения, существовавшие в среде армянского и греческого населения. Важными внутренними (скрытыми) причинами явились финансово-экономические: соперничество слабой османской буржуазии с сильной греко-армянской, в руках которой к 1915 г. находились практически все нити экономики и финансов страны. Принадлежность одной из противоборствующих сторон к христианству объективно не была первопричиной преследований армян и греков. Армяне переселялись в основном из городов и сел Трапезундского вилайета: Терме, Орду, Самсун (Джаник), Синоп, Трапезунд (Трабзон) и их окрестностей (Половинкина Т.В., 2006).

Дополняет эту информацию этнографический очерк В.И. Ворошилова В.И. (2007). Собранные им архивные документы свидетельствуют, что первые партии беженцев-армян прибыли из Турции на Черноморское побережье Кавказа, в Сочинский округ в 1883 г. В последующие годы было еще несколько потоков армянских переселенцев из Турции и Сирии, бежавших от преследований фанатичных турецких мусульман. В то время армяне составляли большинство христианского населения Малой Азии и одну пятую часть жителей всей Азиатской Турции. Их насчитывалось до 2 млн. чел. Турецким правительством почти официально пропагандировалось «очищение» страны от немусульманского населения, вплоть до его физического уничтожения.

Бегство армянского населения в Россию спасло эту нацию от полного истребления. Значительная часть беженцев-армян расселилась на Черноморском побережье Кавказа. В большинстве случаев армянские поселения организовались на месте старых убыхских, шапсугских, абазинских и натухаевских аулов. Произошло своего рода взаимное «переливание» людских масс: мусульмане-горцы переселились в пределы Турецкой империи (уточним: не по своей воле! – **Авт.**), а из Турции на их место заселились христиане-армяне, греки, казаки-некрасовцы. Армянские беженцы оказались наиболее приспособленными из всех переселенцев к жизни на низкогорном расчлененном рельефе Кавказского Черноморья, так как уже имели навыки горного земледелия и смогли быстро наладить свои хозяйства.

В приложении к Этнографической карте Черноморской губернии, составленной в 1900 г. Е. Кондратенко, сообщается, что в конце XIX – начале XX в. на Черноморском побережье Кавказа проживали: русские – 20265, черкесы – 2052, армяне – 1305 чел. (Ворошилов В.И., 2007).

В Сочинском округе армяне первоначально оседали на землях имений «Вардан» и соседнего «Уч-Дере», принадлежавших членам царской семьи. В обоих случаях с армянами заключался арендный договор сроком на 10 лет. Известно, что в имении «Уч-Дере» армяне поселились в 1884 г. по приглашению управляющего А. Старка. Их было 48 семей. В 1886-1887 гг. 40 армянским семьям было разрешено обосноваться в имении «Вардан». В 1891 г. в Сочинском отделе числилось 4 армянских селения: Уч-Дере, Лоо, Хобза и Ходжиевск (на р. Ходжиепс, Хажий, ныне – Якорная Щель). В них значилось 1011 чел. В 1896 г. в «Вардан» проживало около 200 армянских семей, в Уч-Дере – около 100.

В самом конце 1890-х гг. – начале XX в. приток армянских колонистов в Сочинский округ уменьшился, но после известных событий в Турции (разгул репрессий) переселенческое движение резко усилилось. Наиболее активное переселение армян из Турции происходило в 1914-1916 гг., – после резни армянского населения, спровоцированной крайне правыми турецкими националистами (Половинкина Т.В., 2006. С.129-130).

До настоящего времени сохранилось немало географических названий, свидетельствующих о пребывании армян-переселенцев в этом регионе. Привожу некоторые из них:

Терзиян – село в Туапсинском районе, расположенное в 20 км юго-восточнее железнодорожной станции Гойтх, в верховьях р. Пишиш. Поселение основали амшенские армяне, переселившиеся по приглашению правительства России из Западной Армении (Турция). Первыми поселенцами в 1878 г. были семья Акопа Терзияна и еще две семьи, переехавшие из современного с. Лермонтово как подданные Турции. В 1974 г. в Адлере был организован фамильный сбор (съезд) «Терзиян». Присутствовало 300 чел. 90-летний Галуст Терзиян поведал легенду о происхождении фамилии Терзиян: помещик взял 14-летнего сына в город, тот сбежал от отца и позже стал высококлассным портным. От его семи сыновей и пошел род Терзиян (Костарнова Н.К., 2009).

Шаумян – село в Туапсинском районе, расположенное в 40 км северо-восточнее районного центра. Село основано в 1875 г. армянами – переселенцами из Турции на месте бывшего военного поста «Елисаветпольский». В 1936 г. село из Елисаветпольского было переименовано в «Шаумян» в память о С. Г. Шаумяне. Есть еще несколько населенных пунктов, носящих название «Шаумян», в них проживают преимущественно армяне. Так, хутор Шаумян Майкопского района находится на левом берегу р. Белой напротив пос. Тульского. Этот хутор основан в 1934 г. армянами, выходцами из населенного пункта Кармирастх (Костарнова Н.К., 2009).

Армянка – левый приток р. Белая, протекает между хребтами Буйный и Скаженный. О происхождении названия есть несколько версий. Первая: это связано с горскими армянами, второе, это связано с названием хребта. Есть предположение, что топоним «Армянка» – это переосмысленное русскими абазинское слово «армуныкъ», что означает «Река с неудобным руслом».

Армянский хребет (продолжение Черкесского хребта) – высотой 2021 м, протягивается от массива Оштен на юго-восток. В северо-восточной части хребта протекает р. Армянка. Эти названия возникли позже, – старое название Нэпцэпс, что дословно означает «Бровь у воды» (Костарнова Н.К., 2009).

Верхне-Армянское Лоо – название поселка в долине р. Лоо, недалеко от пос. Верхне-Русское Лоо, в 17 км к С-З от устья р. Сочи (Ворошилов В.И., 2007).

На Северо-Западном Кавказе известны также село Армянское, Верхнее Армянское село, Верхне-Армянская Хобза, Нижне-Армянская Хобза, Краевско-Армянское и др., а жители затопленного ныне аула Эдепсукай I до сих пор вспоминают памятный для них родник – *Ермэл псы хьыпIэр* («Место, откуда армяне достают воду») (Меретуков К.Х., 1990).

4.8.2.5. Роль генерала Засса в переселении армян в Ермэлхьабл

Генерал Засс приступил к переселению издавна живших между егерукаевцами и темиргоевцами армян, которые, претерпевая от владельцев своих разорение, и будучи христианами, имели право на защиту нашего правительства.

Из рапорта генерала Е.А. Головина военному министру графу А.И. Чернышеву (30.03.1838 г.).

На левом берегу Кубани, против крепости Прочнокопская, находится Армянский аул (Гяур-хэбл), водворенный генералом Зассом из всех армян, живших рассеянно в горах. Это больше торговый народ; обычаи сходны с черкесскими.

К.Ф. Сталь, барон (1852).

В древнем книжном хранилище Матенадаран (Армения) в архиве католикаса хранится интересный документ, сообщающий о судьбе армянских переселенцев. Привожу его в кратком изложении: «Уже в 30-х гг. (XIX в. – Авт.) началось переселение черкесо-гаев в русские пограничные районы. Возглавил его генерал Засс. В 1830 г. армяне-хатукаевцы создали поселение Ушкундипс у ст. Казанской на берегу р. Кубани. В 1839 г. они обосновались в устье р. Урупа. В первое время поселение это называлось «Армянским аулом», но в 1848 г. по инициативе священника Петроса Патканяна это поселение армян получило название Армавир, в память о столице древнеармянского царства (середина I тысячелетия до н.э.), построенной Армаисом, сыном Арменака; дословно Армавир означает «Арама род» (Костарнова Н.К., 2009).

В сообщении Засса астраханскому армянскому патриарху говорится, что ему удалось собрать в горах 300 армянских семей, или около 2000 чел., и поселить их на левом берегу Кубани, напротив укрепления Прочный Окоп, и что они обеспечены как в гражданском, так и в военном отношении».

Ф.А. Щербина так освещает усилия генерала Засса по переселению черкесо-гаев на «предписанное место жительства» – в будущий город Армавир: «Григорий Христофорович Засс, немало в свое время похлопотавший за черкесо-гаев, с немецкой педантичностью до мелочей продумал и осуществил мероприятия по их переселению и обустройству на новом месте. Оно было выбрано очень удачно и в стратегическом, и в экономическом отношении. По правому берегу Кубани пролегал Ставропольский тракт, а по левому, вблизи устья р. Уруп, торговая дорога на Лабу, у Армавира соединявшиеся бродом. В крепости Прочный Окоп находился меновой двор, в дни перемирий здесь велась оживленная торговля. С 1836 г. Засс ввел ежегодные прочноокопские ярмарки, куда съезжались даже купцы с Волги. Новое селение находилось под защитой сильной российской крепости». Дополняет информацию о роли генерала Засса в основании «Армянского аула» (Ермэлхьябл, Армавир) современный историк С.Х. Хотко (2012. № 1). Историк приводит выдержку из рапорта командующего Кавказским корпусом генерала Е.А. Головина военному министру графу А.И. Чернышеву: «Пользуясь изъявлением безусловной покорности [егерукаевцев, побуждаемых абадзехами], генерал Засс приступил к переселению издавна живших между егерукаевцами и темиргоевцами армян, которые, претерпевая от владельцев своих разорение, и будучи христианами, имели право на защиту нашего правительства. Больших трудов, однако же, стоило склонить хозяев аулов выпустить из-под их власти армянские семейства, бывшие жертвой их корыстолюбия». И далее генерал Е.А. Головин продолжает: «Освобожденное в этот раз число армян с прежде переселенными на Кубань генералом Зассом составляет до 250 семей. Он полагает поселить их за Кубанью, при р. Урупе, между Георгиевским и Прочноокопским укреплениями. На предназначенном месте жительства армяне найдут с избытком средства для земледелия и скотоводства, при предприимчивости своей в торговых оборотах и промышленности, они скоро могут упрочить свое благосостояние и принести пользу даже в отношении распространения промышленности между закубанцами. При навыке к обороне аулов, приобретенном ими между горцами, они, как полагает генерал Засс, с помощью небольшого гарнизона легко смогут защитить свои семейства от нападений хищников...» (Рапорт генерала Головина Чернышеву от 30 марта 1838 г., № 373 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 445-446).

Как отмечает С.Х. Хотко (2012), «...25 марта 1839 г. генерал-майор Засс составил проект управления «мирными закубанскими горцами», в котором предлагал «поселять армян на левом берегу р. Кубани против Прочного Окопа. Число их ныне – 761 душа мужского пола» («Бесленей...», 2009).

4.8.2.6. «Армянский аул» (Армавир) – первое поселение черкесо-гаев на Кубани

На Кубани, в двух с половиной верстах от Прочноокопского укрепления, есть селение Армавир, населенное армянами, вышедшими из Черкесии в 1838 г. и утратившими совершенно армянскую народность.

«Кавказ...» (Вып. II. 2010).

Армавир – город в северо-восточной части Краснодарского края, расположенный в месте слияния р. Кубань с притоком Уруп. В настоящее время в городе несколько десятков промышленных предприятий. В Армавире проживает около 210,5 тыс. чел. 89 национальностей и народностей. Основное население – русские, имеется значительная армянская община.

Собственно история города черкесо-гаев Армавира начинается с крепости Прочный Окоп (1794 г.). Под защитой крепостных орудий в 1837-1839 гг. на левом берегу р. Кубани возникло первое поселение горских армян – потомков переселенцев из Армянского царства, – тогда по-адыгейски он называлось «Ермэлхьябль» – «Селение армян». Немалую роль в «водворении» закубанских армян на новое место жительства сыграл, как было отмечено выше, генерал Засс, а также монах и просветитель Варпет Арцивян, могилу которого и сегодня чтят благодарные армяне. В его надгробной надписи, в частности, говорится: «Здесь покоится Арцивян Варпет – монах, отважный защитник, утешитель и спаситель беззащитных черкесских армян». Наряду с этим «предписанным свыше» местоположением, 53 черкесо-гая вышли из Абадзехии и основали отдельный аул у Пашковского куреня. Несколько семей черкесо-гаев поселились в Гривенском черкесском ауле. Затем они переселились в ст. Переяславскую, куда стали собираться и другие переселенцы – черкесо-гаи и греки. В общей сложности в этой станице насчитывалось более 200 черкесо-гаев, многие из которых позже переехали в Армавир. Семьи черкесо-гаев поселялись также в Пашковской, Брюховецкой и других станицах.

В 1842 г. в Армянском ауле – будущем Армавире, расположенном «...на р. Урупе близ Георгиевского укрепления», – черкесогайское население составляло: мужчин 730, женщин 603; кроме того крестьяне, или холопы черкесо-гаев: мужчин 277, женщин 270; а к 1850 г. в Армянском ауле проживало уже около 5000 чел. В 1876 г. аул горских армян получил статус села, а в 1914 г. стал называться городом» (РГВИА. Ф. 38, оп. 7, д. 86. л. 416).

Подобрать селению подходящее название было предложено священнику Петросу Патканяну. Но на его первоначальный вариант «Айкашен» армяне-переселенцы не согласились, так как по-черкесски «айк» значит «собака». И лишь в 1843 г. с легкой руки все того же Тер-Петроса аул стали называть «Новый Армавир» – в честь столицы древнего Армянского государства (Щербина Ф., 1916. С. 331).

Как писали авторы конца XIX столетия в сборнике «Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898), «...армавиры занимаются преимущественно скотоводством, а также и меновой торговлей с горцами, хотя подобное занятие в прежнее время было часто сопряжено с опасностью жизни. Кровомщение существует у армавицев во всей силе, в храбрости они не уступают черкесам. В этом случае мы имеем дело с армянами, сохранившими одну только особенность своей нации – страсть к торговле; во всех же других отношениях они свыклись с нравами и воззрениями диких народов, стоящих по среднему уровню своего образования значительно ниже армян «Кавказ...» (Вып. II. 2010. С. 362-365).).

Постепенно традиционный уклад черкесо-гаев, проживающих в Армавире, изменялся. Так, в документе начала 70-х гг. XIX в. отмечалось, что у горских армян плетеные сакли заменяются прочными домами с «европейским» очагом, а один из авторов конца XIX столетия опубликовал следующие наблюдения по поводу быта армян в Армавире: «Исчезло затворничество женщин, восточные костюмы сменились европейскими, чуть ли не все девушки коренного населения превратились в барышней, ибо самая последняя из них носит шляпку и платье по моде. Похищение невест, с диким гиканьем по улице, стало сокращаться, а дикие свадебные обычаи, заключавшиеся в скачках верхом на лошади через плетень и в хлестании скачущих хворостинами, совсем исчезли».

Перед Великой Отечественной войной в Армавире, по подсчетам Р. Трахо, насчитывалось «...около 2000 «черкешенных» армян, говорящих только на черкесском языке, но сохранивших православие (армяно-григорианцы)». Сейчас же, как отмечает Р.Ж. Бетров (1991), черкесо-гаи проживают также в а. Бжедихах и в г. Армавире (около 100 семей). В Армавире, как, впрочем, и в других населенных пунктах, где проживают армяне – потомки черкесо-гаев, – с особым вниманием и пониманием относятся к проблеме межнациональных отношений. «Здесь не делят людей по национальному признаку, – говорит протоиерей Армянской церкви Успения Пресвятой Богородицы Тер-Макар. – Традиции дружбы и терпимости, заложенные предками, сохраняются по сей день. Армавир – дружный интернациональный город».

4.8.2.7. Память о черкесо-гаях: старинные названия околотков и кварталов Армавира

Пройдите по старым кварталам Армавира, – и он сам расскажет, кто был до нас, кто ушел навсегда...

Ф.А. Щербина (2010).

Известный исследователь истории и культуры черкесо-гаев Р.К. Аракелов (2010) собрал уникальную коллекцию 41 топонимов городских районов, кварталов и окрестностей Армавира на черкесогайском диалекте адыгейского языка:

Джаурхъабл (Гаурхабл) – один из четырех традиционных исторических кварталов Армавира, между современными улицами Халтурина и Кирова. Этот квартал образован выходцами из старейшего в Адыгее аула черкесо-гаев Джаурхъабл, находившегося ранее между станицами Белореченской и Ханской. В буквальном переводе: «Аул гяуров (неверных)».

Еджэркъоай (Еджеркай) – второй из исторических кварталов Армавира, занимавший площадь между современными улицами К. Маркса и Ефремова. Основан черкесо-гаями, вышедшими из племени егерухаевцев. В буквальном переводе – «Квартал егерухаевцев».

ХьагIупэкъохъабл (Хагупэкохабл) третий из четырех традиционных исторических кварталов Армавира, к востоку от современной улицы Халтурина. От фамилии горских армян Джантемировых, черкесская форма которой звучит как ХьагIупэкъо. Второе название ХьагIупухъабл («квартал хакучинцев») – этот же квартал получил по имени небольшого племени ХьагIуцу (хакучи)

Хьатикъуай (Хатукай) – четвертый традиционный исторический квартал Армавира, занимавший территорию между современными улицами Кирова и К. Маркса. Квартал был образован черкесо-гаями, вышедшими из земель племени хатукаевцев.

Шьиблэчъыг (Шиблэчиг) – от названия старого дерева на левом берегу Кубани, ниже спуска по ул. Кирова. В буквальном переводе: «Дерево, посвященное грому (Шиблэ)». Здесь черкесо-гаи вместе с черкесами проводили моления и приносили жертвы богу Шиблэ.

Джыддж уацхъ – так армавиры называли холм в районе ул. Энгельса, 154. Буквально: «Столб на холме». Этот холм имел ритуальное значение – черкесо-гаи здесь молились о ниспослании дождя и приносили жертвы.

Гъусэрыкъомэ яхалэжъ – так армавиры черкесо-гаи называли дом на углу современных улиц Комсомольской и К. Маркса. В буквальном переводе: «Гусаровых старое поместье», – по имени адыгейского князя Гусарова, полковника российской армии.

Пщимафэ цуацхъ (Пщимафэ цуацх) крутой подъем по нынешней ул. Горького между улицами Комсомольской и Ленина. Буквально: «Гора Пщимафа», – в честь ее владельца коренного армавира Пщимафа Захарова (Зэчарыкъо).

Болэтокъом иаджал чIыпIэ – местность на правом берегу р. Кубани против впадения в нее р. Уруп. В буквальном переводе: «Болотокова, его смертного часа, место». По преданиям армавицев, именно здесь был убит темиргоевский князь Джембулат Болотоков (Аракелов Р.К., 2010).

И далее исследователь отмечает, что черкесогайское население Армавира длительное время, чуть ли не до настоящего времени, сохраняло традицию помещения на воротах или фасадах своих домов родового знака-тамги. Так, известна тамга Оганеса Тарасова из клана *Асланыкъо*. «Род Тарасовых был представлен в Армавири еще одним коленом – *Чемацекъо*, члены которого занимались скотоводством». Кстати, наш современник, известный предприниматель и бизнесмен, Артем Тарасов является потомком этого знаменитого черкесогайского рода. На его личном сайте (www.artem-tarasov.ru) помещена тамга рода Тарасовых из колена *Асланыкъо* (Араkelов Р.К. // http://armavirskiy.narod.ru/hist_arakelov_content.htm).

4.8.3. «Пользовались благорасположением коренного населения...»: взаимоотношения черкесо-гаев с адыгами

О некоторых аспектах взаимоотношений черкесов и «пришлых» армян сообщает Ф. Щербина (1916): «Живя между черкесами, в их бытовой обстановке, армяне, понятно, не могли не подчиняться влиянию окружающей их среды, то есть не могли не строить черкесских саклей, не ездить на черкесских арбах, не вести черкесских видов хозяйства, не усваивать их обычаев и нравов, не учиться черкесскому языку и пр., и пр. Их торговая роль и непрерывные сношения с черкесами в сильнейшей степени способствовали тому. Если поэтому армяне и вводили в свою семью черкешенок, что случалось вообще очень редко, то женщина-черкешенка могла оказать на армянский быт несравненно менее влияния, чем весь строй черкесской жизни и взаимоотношения».

4.8.3.1. «Черкесы приняли их ласково и дали у себя убежище...»: отношение горцев к армянам на Кубани

В пришлых (армянских) воинах черкесы увидели людей благородной крови и приняли их в свою среду с почетом и уважением. Позже... они заняли выгодное положение в горах у черкесов, получили права узденей первой степени, т. е. высших дворян.

Ф. Щербина (1916).

Они (армяне), бросив свои жилища и имущество, бежали в Черкессию... По прибытии в горы, черкесы приняли их ласково и дали у себя убежище, обещая защищать от всех стеснений ханских, и в знак дружбы молодым их пришельцам предложили в супружество своих дочерей...

И. Иванов (1850).

Как отмечает армянский историк XIX в. И. Хазров (1846), после совершенного уничтожения Армянского царства армяне рассеялись по всему свету, и многие из армян, привлеченные выгодами торговли, поселились между черкесами, приобрели недвижимость, даже крепостных людей, и брачными узами породнились с черкесами. Зачастую адыги наделяли армян даже правами узденей (дворян). По преданиям, жившие на Кубани армяне – выходцы из Анатолии, Трапезунда, Царьграда (Константинополя), Крыма и Грузии.

Ф. Щербина в своей «Истории Армавира и черкесо-гаев» (1916) приводит легендарные сведения о приходе армянских переселенцев на Северо-Западный Кавказ и сообщает об «уважительном» отношении адыгов к пришельцам: «Относительно первых выходцев у армавирицев сохранились интересные представления, окрашивающие своего рода поэтическим ореолом армянских прародителей. В горы прямо из Армении пришли люди воинственного и внушительного вида. Они были вооружены с головы до ног, «закованы в железо», носили панцири и кольчуги в виде спаянных из стальных колец рубашек, надеваемых под верхнюю одежду, а их головы защищены были стальными также уборами, и хотя они не имели ни щитов, ни копий, но у каждого из них был боевой топорик, насаженный на длинную рукоятку. Такой внешний импонирующий вид пришельцев произвел очень благоприятное впечатление на аборигенов края черкесов. В пришлых воинах черкесы увидели людей благородной крови и приняли их в свою среду с почетом и уважением. Позже, когда они заняли выгодное положение в горах у черкесов и получили права узденей первой степени, то есть высших дворян, позволявшие им беспрепятственно исповедовать христианскую религию, иметь крепостных людей или рабов и заниматься всевозможными родами деятельности, начиная с военной и оканчивая хозяйственными занятиями и торговлей, – к ним начали присоединяться отдельными семьями выходцы из Крыма и из разных мест Малой Азии, гонимые и утесняемые в этих местах господствовавшего национальностью – турками и татарами за исповедование христианской религии...».

И далее Ф. Щербина (1916) сообщает о достаточно высоком положении, которое занимали армянские переселенцы среди черкесов: «Факт исторический и безусловно достоверный, что армяне никогда не занимали у черкесов подневольного сословия. Никогда и ни один армянин не был ни рабом, ни крепостным у черкесов. Напротив, почти все армяне, жившие в горах, имели своих рабов, большинство которых было черкесского происхождения. Во время перехода горских армян в русское подданство и на русские земли все выходцы числились узденями первой степени, т. е. были дворянами, имели право держать крепостных лю-

дей. Узденями армяне считались у черкесов с незапамятных времен...». И далее историк дополняет, что многие армяне были аталыками детей черкесских князей и дворян, они «считались лучшими аталыками». Как сообщает В.К. Гарданов (1961), горские армяне женились на дочерях черкесских князей и уорков, а ведь по черкесским адатам «в брачных делах князя строго охраняли «чистоту крови», исходя из социального положения». Цена крови армянина, по данным того же автора, стояла наравне с ценою крови первостепенных уорков-дворян, а иногда даже и выше.

4.8.3.2. Кавказская война и «черкесские армяне»: документы свидетельствуют

Армянам очень хорошо известен Залабинский край, и мы от них получаем часто хорошие сведения о туземцах; они служат нам лазутчиками и вместе с тем посредниками с горцами при размене пленных, при выкупе их и т. п., податей никаких не несут.

«Исторический обзор Терека...» (1851).

Представляет интерес попытка Г.С. Аракеляна (1984) оценить хотя бы приблизительно общее число черкесо-гаев на Кубани перед началом Кавказской войны. Обобщая сведения, извлеченные из фондов Государственного архива Краснодарского края и материалов Кавказской археографической комиссии, ученый оценивает количество семей черкесо-гаев, как минимум, порядка 2700-3000. Если исходить из того, что в 1 семье черкесо-гаев было в среднем 7 чел., то в таком случае армянская диаспора на Кубани в первой трети XIX в. была бы представлена, по меньшей мере, 16 200-18 000 чел. (Впрочем, некоторые другие источники дают гораздо меньшие цифры).

Во время Кавказской войны усилиями Турции, мусульманского духовенства и реакционно настроенной феодальной знати в среде горских народов насаждается ислам и разжигается ненависть к немусульманам – «гяурам». Это обстоятельство вынуждает черкесо-гаев покинуть аулы горцев и переселиться поближе к р. Кубани – русской границе.

К середине XIX в. – самому разгару Кавказской войны, относится следующее свидетельство о местопребывании армян в кубанских аулах и их занятиях, приведенное в «Военно-статистическом обозрении Российской империи». Т. XVI. Ч. 1 (1851): «Кроме этих (черкесских) племен, за Кубанью, около Прочного Окопа находится большой аул Армян. В отношении нашего влияния на эти народы их можно разделить: на 1) покорных, 2) подчиненных до некоторой степени влиянию нашему и 3) непокорных, находящихся противу нас во враждебных отношениях. К первым, т. е. покорным, принадлежат 5 нагайских фамилий, абазинцы Лоова и Дударукова аулов и закубанские армяне... Для управления горские племена первых двух разрядов разделены на 5 приставств, а именно... Приставство Бесленеевское и Закубанских Армян заведывает ногайцами Наврузовской фамилии, народом бесленеевским и Закубанскими армянами».

Как отмечали современники, «...армяне поселены в одном ауле против Прочного Окопа, где считается дворов 520, а жителей мужского пола 2 367, женского 2 980; имеют до 1000 лошадей, 25 000 овец и около 6 000 шт. рогатого скота. Земледелием почти не занимаются, кроме скотоводства, главный их промысел есть торговля. С товарами они ездят поодиночке, между Закубанскими народами, променивают товар на туземные произведения и имеют большие выгоды... Армяне ездят туда охотно, – видно, что торг выгоден. Армянам очень хорошо известен Залабинский край, и мы от них получаем часто хорошие сведения о туземцах; они служат нам лазутчиками и вместе с тем посредниками с горцами при размене пленных, при выкупе их и т. п., податей никаких не несут» («Исторический обзор Терека...», 1851. С.105).

4.8.3.3. «Количество полученных армавирами орденов служит лучшим показателем их военных заслуг»

Основательно обустроившись, армяне не раз доказывали свою преданность России, храбро сражаясь с горцами... Судя по документам, более 100 (!) армавицев получили в разное время различные ордена и знаки отличия за военные дела и службу.

Ф. Щербина (1916. С. 332).

Определенный интерес и некоторое недоумение вызывает приведенное ниже свидетельство очевидца о «черкесских армянах», относящееся к 30-м гг. XIX в. – самому началу Кавказской войны: «Между Лабой и Белой русские войска генерала Эмануэля прошли мимо аулов, заселенных исключительно армянами. По религии и стремлению обогатиться посредством торговли эти армяне ничем не отличались от своих собратьев в закавказских провинциях, но одевались они по-черкесски, ездили на отборных лошадях и имели оружие, которому позавидовали бы многие горские витязи. Даже в домашнем быту они переняли многие черкесские обычаи, но все это не сделало их ни храбрее, ни воинственнее...» (Потто В.А., 1885). Однако, о том, что черкесо-гаи проявили себя в Кавказской войне в достаточной мере храбрыми и мужественными, свидетельствуют следующие факты.

Как пишет Ф. Щербина (1916), «...количество полученных армавирцами орденов служит вообще лучшим показателем их военных заслуг. Судя по документам, формулярным спискам, грамотам, свидетельствам, удостоверениям и пр., а также словесным показаниям армавирцев о наградах, более 100 (!) армавирцев получили в разное время различные ордена и знаки отличия за военные дела и службу. В числе получивших ордена значатся 12 офицеров, 30 юнкеров и 65 милиционеров и жителей, или 107 человек приблизительно на 360 семей. Даже по неполным сведениям оказывается, что 53 армавирца получили военный орден св. Георгия 4-й степени, четверо – 3-й степени и один – 2-й степени, а всего, следовательно, оказалось 58 георгиевских кавалеров. Затем 5 человек получили орден св. Анны, 5 человек – св. Станислава и один – св. Владимира 4-й степени. Все эти ордена пожалованы за военные заслуги в делах с горцами – за храбрость и военные отличия, соединенные часто с поранениями и случаями выдающихся подвигов. Но для армавирцев, как милиционеров, установлены были особые военные ордена – медали за храбрость и отличия большей частью на Георгиевской ленте. Таких орденов было роздано 108, или, в частности, 6 больших золотых медалей, 24 больших серебряных, 8 малых золотых и 70 малых серебряных. А всего, следовательно, небольшому селению всего в 360 семейств роздано было 177 орденов. Только в очень немногих случаях значилось, что эти ордена пожалованы за усердие на службе, в подавляющем же большинстве случаев армавирцы получили их за храбрость и отличия в боях.

Таким образом, военные заслуги небольшой армянской общины официально засвидетельствованы такими красноречивыми доказательствами, как георгиевские знаки отличия и другие ордена» (Щербина Ф., 1916).

4.8.3.4. «Черкесо-гаи замкнули на себе всю внутреннюю торговлю на Кубани»

Внутренняя торговля у этого народа (черкесов) производится армянами, под покровительством гостеприимства, священного правила у всех горцев...

«Исторический обзор Терка...» (1851).

Торговая предприимчивость и смелость их оборотов ставит их (армян) на равную доску с самыми искусными торговыми нациями Европы и Америки.

Е.Л. Марков (1887. С.285).

Первые сведения об «удивительной склонности армянского народа к торговым сношениям» относятся чуть ли не к библейским временам. Как отмечает В.М. Копылов (1990), «...с глубокой древности постоянные сношения все с новыми народами развили в армянах любовь к торговле, тем более, что в силу исторических причин, развив в себе наблюдательность, они поняли, какой огромной силой является капитал в повседневной жизни не только человека, но и государства».

Об этом свойстве армянской нации пишут и авторы сборника «Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898): «Оборотные капиталы для торговли и также недвижимые богатства на Кавказе почти исключительно находятся в руках армян. С ними даже евреи не в состоянии выдержать конкуренции. Лучше всего это проявляется в Тифлисе, где все большие торговые предприятия, требующие громадных капиталов, находятся в руках армян. Армяне строят лучшие дома, являются поставщиками для армии, имеют обширнейшие караван-сарай, между ними же бывают случаи несостоятельности на самые крупные суммы. Влияние армян в торговле и жизни обнаруживается здесь до мельчайших подробностей, и все действия их отличаются такой сплоченностью армянской среды, что никакие законы не в состоянии установить правильные цены даже на самые необходимые жизненные припасы. ...На чужбине он (армянин) извлекал все выгоды, какие только возможны были, из своей новой родины и умел эксплуатировать богатства ее посредством торговли в свою пользу и в пользу своих соотечественников в Закавказье» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 30).

Представляет интерес следующий факт, относящийся к позднему средневековью. В XVI-XVII вв. на внутреннем рынке Абхазии еще не использовалось денежное обращение – торговля носила исключительно обменный, натуральный характер. Чтобы как-то оживить торговлю, царь Леван II Дадияни в юго-восточных областях Абхазии специально поселил армян, которые пытались ввести в употребление деньги, используя ярмарочную торговлю близ церквей. О «склонности» армянской нации к торговле сообщал и академик И.Г. Георги, побывавший на Кавказе в 1766 г.: «У них почти весь торг производят жиды и армяне. Первые покупают у них пригожих девок для перепродажи в Константинополе» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 174-175). Или еще факт, относящийся уже к середине XIX в. Главная резиденция наиба Шамиля – Мухаммед Амина находилась на р. Белой, где были организованы производство пороха и подготовка артиллерийского парка. Селитру для изготовления пороха получали из Карачая, сера добывалась из Псекупских минеральных источников, а железо подвозили армянские купцы (Панеш А.Д., 1999. С. 159).

Как было отмечено выше, черкесо-гаи переселились на Западный Кавказ, в основном, из-за турецких притеснений в местах их традиционного проживания. В условиях адыгэ хабзэ – с его запретом высшему сословию заниматься торговлей, да и вообще, небольшой престижности торговли среди воинственного и трудолюбивого адыгского населения, армяне быстро нашли свою нишу и быстро стали востребованы адыгским обществом. Они

практически замкнули на себе всю внутреннюю торговлю на Кубани, ориентированную как на движение товаропотоков внутри черкесских земель, так и на доставку товаров на побережье для их продажи туркам и генуэзцам.

Это была крайне важная задача. Как писал И. Бларамберг об адыгах, «...торговля рассматривается у них как презренное занятие. Горец, привыкший жить разбоем и грабежом, считает соответственно их образу мыслей, что значительно более благородно подарить вещь украденную, чем продать свою собственную. Хотя горец вынужден покупать вещи, которых ему недостает, или выменивать их на местные изделия, он считает, что быть купцом чрезвычайно тягостно, и презирует это... Торговлей вразнос по всему Кавказу занимаются армяне, которые переносят все тяготы и опасности такого вида торговли, чтобы иметь огромные барыши, которые можно извлечь из этого».

О том, что, будучи торговцами, черкесо-гаи по праву заняли до того свободную «нишу» в черкесской среде, размышляет и Ф. Щербина (1916. С. 101): «Армян было немного, жить им приходилось разрозненно, но они, как более культурная народность, сразу уловили то, что было неотложною нуждою для аборигенов и сподручно для новых узденей. У черкесов совсем не было своих торговцев. До того торговые нужды их обслуживались пришлыми и наезжими торговыми посредниками, какими были греки и итальянцы. С приходом же армян в горы оказалось возможным иметь собственных торговцев. И уздени-армяне как бы заполнили пустовавшее до того место, образовали свое торговое сословие. Тут уже помогла им большая культурная их приспособленность, и само собою понятно, что это еще более закрепило за армянами их выдающуюся экономическую роль и господствующее положение среди черкесского населения. *Армяне стали необходимым элементом для правильного течения экономической жизни аборигенов.*

О масштабах торговли, производимой черкесо-гаями, свидетельствуют следующие цифры: «В начале второй половины XVIII в. горские армяне доставляли через одну только Тамань в Каффу, как называлась тогда нынешняя Феодосия, ежегодно 25000 пудов овечьей шерсти, 100000 шт. грубого черкесского сукна, 5000 шитых черкесок, 200000 бурок, 5000 кож, 600000 овчин и пр. Цифры эти, конечно, свидетельствуют об обширных по тому времени торговых оборотах, находившихся в руках предприимчивых горских армян. Армяне были сильным торговым классом и располагали значительными материальными средствами, что придавало их роли в экономической жизни первенствующее значение» (Щербина Ф.А., 1916).

Востребованность черкесо-гаев в адыгском обществе, их вес и влияние были настолько велики, что за весь рассматриваемый период истории из неадыгов только они и выходцы из высшего сословия Крымского ханства – Гирей – получали в Черкесии дворянское звание. Причем, Гирей получали его просто по факту рождения, черкесо-гаи же – заработали. О том, что многие черкесо-гаи достигли «высокой степени благосостояния», сообщает и Л. Люлье. По его словам, «...многие торгующие основали оседлость в Черкесии, – большей частью из армян, поселившихся около своих кунаков. Разбросанные между разными черкесскими племенами, армяне сосредоточили в своих руках все торговые обороты, и вследствие того многие из них достигли высокой степени благосостояния и богатства».

Весь первый период войны – практически до начала 1820-х гг. – черкесо-гаи не проявляют особого беспокойства. Они спокойно живут на черкесских землях, трудятся, пользуются благосклонностью адыгов. Более того, не выступая открыто против русских, в этот период армяне, по факту действуют на стороне черкесов; используя свое положение торговцев и возможность под благовидными предлогами проникать в расположение русских войск, они шпионят против русских в интересах адыгов. (Примечательно, что именно на этой деятельности черкесо-гаев делает особый акцент Ф. Щербина, 1916). В одном из донесений того времени говорится: «Закубанские армяне... посещают Линию для торговли и доставляют горцам вернейшие сведения... к вреду российских подданных». Таких армян приказывают ловить, не пропускать через кордоны и т. д.». И далее Л.Я. Люлье продолжает: «Ситуация меняется с приходом Ермолова. Положение в крае обостряется, боевые действия значительно активизируются, кавказские народы начинают терпеть болезненные поражения. Это мало способствует успеху торговли – торговля вообще не любит грома пушек. Мало по малу, черкесо-гаи начинают понимать, что на Кавказ пришел новый Хозяин – Россия и это меняет их поведение».

Судя по архивным источникам, главное занятие черкесо-гаев – посредническая торговля – создавала массу хлопот для военной администрации. Так, С.Х. Хотко (2012. № 1) сообщает о неоднократных попытках царских властей как-то ограничить торговлю армян с черкесами. В Черкесии, – пишет автор, – община черкесо-гаев, по всей видимости, осуществляла большую часть экспорта. Царская администрация пыталась ограничить долю черкесогайских купцов в торговле с черкесами, но безрезультатно. Поскольку торговля расценивалась как средство воздействия на черкесское общество, военный губернатор Ланжерон запретил черноморским казакам «всякие сношения с армянами» и приказал «стараться как наивозможно привлекать к тому самих черкесов». В 1818 г. попечитель торговли с черкесами на Кавказском побережье Черного моря Скасси писал Ланжерону, что «...весьма трудно будет запретить армянам производить монополию (т. е. торговлю. – Авт.) с черкесами. ...Без сомнения, армянам запрещено торговать в той части Кубани, которая занята черноморскими казаками, ибо они имеют на сие исключительные права, но они торгуют на границе их (т. е. черноморских казаков) в Усть-Лабе».

Позже торговлю на черноморском участке границы для армянских купцов разрешили, но потом вновь запретили. В 1828 г. последовало очередное категоричное запрещение, и дело дошло до того, что армянские купцы стали

покупать себе свидетельства у черкесских владельцев, что они якобы являются их крепостными и, соответственно, товар принадлежит, на бумаге, этим владельцам. Российским таможенникам не к чему было придираться, и в Черноморью хлынула масса коммерсантов – черкесо-гаев из Закубанья (Аракелян Г.С., 1984; Хотко С.Х., 2012. № 1).

После прекращения военных действий на Кавказе торговый промысел армян приобрел еще бóльший размах. «Армяне, – сообщается в документе за 1867 г., – производят торговлю по всей Кубанской области, по которой развозят как фабричные изделия (в аулы соседних округов), так и азиатские товары (в казачьи станицы), покупают и продают лошадей и рогатую скотину, сырые кожи, шерсть, волос, резаную домашнюю птицу, перья, пух, яйца, молоко, сыр, пшено и прочее». (Бондарь Н.И. 1990)

4.8.3.5. «Главный источник торговых доходов армянина представлял торг людьми»?

...Посредством торговли твоей ты умножил богатство твое.

Книга пророка Иезекииля (28; 5).

Рабы у черкесов были в большинстве случаев из черкесских же племен, а у армян, которые стеснялись держать в рабстве христиан, рабы были исключительно черкесы.

Ф.А. Щербина (1916).

Перечисляя довольно-таки обширный ассортимент товаров, которыми торговали черкесы-гаи, Ф.А. Щербина (1916. С. 60-61), тем не менее, отмечает, что все-таки «...главный источник торговых доходов армянина представлял торг людьми. Этот вид торговли создали не горские армяне: он существовал в Кавказских горах с древнейших времен, но развили его в значительной степени армяне. Собственно у черкесов торговля людьми существовала задолго до прихода армян в горы. Черкесы, подпав под власть крымских ханов, платили им дань красивыми мальчиками и девочками. Чтобы не жертвовать своими детьми, они добывали войной пленников и пленниц, а те, которые не могли этого сделать, покупали их. Торговля ясырями имела широкое распространение у крымских татар, и самое слово «ясырь» заимствовано из татарского языка. У черкесов же торговля людьми стала усиливаться с того времени, как освободились они от власти татар. Черкесы привыкли уже добывать ясырей грабежами. Но армяне пришли хотя и на готовое, но слабое дело торговли людьми. Начала христианской религии строго воспрещали им заниматься этим возмутительным делом. Но соблазн был велик, выгоды громадные, условия благоприятные – и армяне-христиане, прикрывшись тем, что они черкесские уздени, которым не только не возбранялась, а даже поощрялась торговля людьми, взялись с энергией за новые для них предприятия и скопили на них огромные состояния.

По словам П. Иванова (1850), армяне, щедро расплачиваясь с черкесами за покупаемых у них невольников, сильно способствовали этим размножению разбоев в горах, главной целью которых было похищение людей. С половины XVII до конца XVIII столетия черкесы занимались преимущественно торговлею с армянами. При посредстве последних пленники и невольники направлялись для продажи в черноморские порты – Анапу, Суджук, Геленджик, Кодос, Изгаур, Сухум-кале, Поти, Батум, Синоп и Трапезунд. Отсюда пленники отправлялись в Константинополь, ливанские и египетские порты. В Египет отправляли преимущественно молодых людей крепкого телосложения, способных носить оружие, а в Константинополь – молодых и красивых женщин для гаремов. Торговля людьми в Черкесии усилилась впоследствии до такой степени, что считалась делом не противным ни религии, ни закону. Похищать в мирное время людей у соседей делалось для горского наездника особого рода удалством, и только одно кровомщение между горцами несколько сдерживало порывы хищничества и заставляло делать набеги не совсем открыто. Легкость набегов и увода пленников была также немаловажною причиною того, что некоторые черкесы, имевшие красивых детей, из боязни, чтобы их не украли, сами спешили продать их армянам.

Нужно вообще заметить, – завершает свое эссе Ф. Щербина (1916), – что рабы у черкесов были в большинстве случаев из черкесских же племен, а у армян, которые стеснялись держать в рабстве христиан, рабы были исключительно черкесы. Свой был рабом у своего же, и это считалось в порядке вещей»

4.8.3.6. «Армяне состоят аталыками всех знатных, влиятельных и наиболее сильных черкесских князей»

Семейная жизнь армянина, домашние порядки и обстановка заслуживали с точки зрения черкеса того, чтобы считаться образцовыми и для горца. И черкесская знать охотно отдавала в армянские семьи на воспитание не только мальчиков, но и девочек.

Ф.А. Щербина (1916).

Ф.А. Щербина обращает внимание на то, что именно армян выбирали черкесские владетели в качестве воспитателей для своих детей: «Семейная жизнь армянина, домашние порядки и обстановка заслужи-

вали с точки зрения черкеса того, чтобы считаться образцовыми и для горца. *И черкесская знать охотно отдавала в армянские семьи на воспитание не только мальчиков, но и девочек.* Это было уже не видоизменение старинного обычая аталычества, а новизна, введенная в жизнь черкеса армянами благодаря их влиянию как сословия передового, деятельного, хорошо материально обеспеченного и по всему этому заслуживающего подражания в области образцовой внутренней жизни и добрых нравов.

Отдавая своих дочерей на воспитание в армянские семьи, князья желали, чтобы армянки дали их детям свои знания и семейные навыки. И армянки учили черкешенок шитью, ткацкому ремеслу и разным женским рукоделиям, показывали им, как надо готовить кушанья и печенья, заготавливать и хранить съестные припасы, и вообще порядки ведения хозяйства. Это были, одним словом, живые примерные уроки по семейному укладу и взаимоотношениям армянской семьи, успевшей уже окончательно усвоить коренные черкесские обычаи.

Существенной разницы между обычаями армянской семьи и обычаями черкесской вне религиозных особенностей не было. Различия сводились лишь к большей материальной обеспеченности армянской семьи сравнительно с черкесской и к более чистым и здоровым началам семейных взаимоотношений. *Следовательно, армянская семья служила своего рода школой для черкесов.*

Так крепко связывали армяне свою судьбу с княжеской долей, укрепляя тем самым свое и без того прочное положение в черкесской среде. Торговля и аталычество были в сущности своего рода двумя китами, на которых покоилось господствующее положение армянских узденей в среде черкесской народности. А какую искусную сеть тонких жизненных нитей переплетались связи армянских узденей с черкесской знатью, об этом может дать некоторое представление следующий сохранившийся в армавирской исторической копилке случай».

4.8.3.7. «Влияние армян на господствующие в горах классы глубоко и всесторонне...»

Черкесы объяснили Хаджи-Гасану, что ни в каком случае нельзя ...трогать армян, так как армяне состоят аталыками всех знатных, влиятельных и наиболее сильных черкесских князей.

Ф.А. Щербина (1916).

И далее историк приводит весьма показательный эпизод, относящийся к середине XIX в. В это время комендант Анапы турок Хаджи Гасан-паша разъезжал в горах между черкесами, убеждая их, с одной стороны, соблюдать мир с Россией, как желало того турецкое правительство, а с другой – хранить в неприкосновенности мусульманские законы и следовать в судебных делах одному шариату, то есть духовному суду. Черкесы обещали вести себя с русскими миролюбиво и не захотели менять свои адаты на мусульманский шариат.

Гасан-паша между прочим попробовал поколебать и армянский авторитет в судебных делах и среди горцев путем принижения армян как христиан перед мусульманами; но совершенно неожиданно встретил несокрушимую преграду к тому из-за аталыческих связей армян с черкесской знатью. В Турции, рассказывал паша черкесам, армянам как христианам не разрешено ездить на настоящих лошадях, а только на кобылицах, и армяне не имеют права носить черкесские пояса с пряжками и набором, а опоясываются просто шарфами. Паша советовал и черкесам сделать тоже с армянами, чтобы можно было отличить христианина от мусульманина.

Но такие изменения сочли позором для армян как сами армяне, так и черкесы. Когда по этому поводу, по приказанию паши, был прислан к нему армянский уздень Баронов и паша предложил ему передать изложенные выше предложения остальным армянам, то Баронов наотрез отказался взять на себя эту миссию, предупредив пашу, что он скорее позволит отрезать себе голову, чем заикнуться хоть одним словом о столь постыдном для армян как узденей предложении. Паша в свою очередь вспылил и без разговоров приказал казнить ослушника. Но тут выступили со своими соображениями черкесы. Они объяснили Хаджи-Гасану, что ни в каком случае нельзя ни казнить Баронова, ни трогать армян, так как *армяне состоят аталыками всех знатных, влиятельных и наиболее сильных черкесских князей.* По обычаям аталычества, князья должны будут стать на защиту армян, и тогда между самими черкесами могут возникнуть такие распри и междоусобицы, каких не было еще в горах от сотворения мира. Ввиду столь рискованной перспективы Хаджи-Гасан-паша отменил свое решение относительно Баронова и оставил армян в покое.

В действительности влияние армян на господствующие в горах классы было так глубоко и всесторонне, что не было ни одной стороны как в жизни черкесов вообще, так и в жизни князей в частности, на которую так или иначе не воздействовали бы армяне. Князья им доверяли свои тайны и поручали улаживать самые интимные и щекотливые дела. В таких случаях с особой яркостью выступали не столько армянские узденские права, торговое значение и аталычество, сколько армянский ум, тот духовный аппарат, благодаря которому армяне-христиане смогли в конечном результате так прочно и удобно устроиться среди мусульман-черкесов и играть в их жизни такую важную дирижирующую роль (Щербина Ф.А., 1916. С. 72-73).

4.8.3.8. «Исход» черкесо-гаев с адыгских земель во время Кавказской войны

Накалявшаяся обстановка могла разрешиться для них (черкесо-гаев) только двумя способами: либо принятием ислама и окончательным растворением в среде черкесов, либо уходом под властную руку русского царя.

Ф. Щербина (1916).

Как могло повлиять на экономику то, что какая-то группа людей концентрирует всю торговлю в своих руках, а потом вдруг уходит и торговля прекращается?... Экономика Черкесии умирала. Зажатая в тисках экономической блокады, Черкесия была обречена...

А.А. Епифанцев (2010).

Постепенно из русских донесений исчезают данные об армянах-шпионах и начинают появляться сводки об армянах, желающих перейти на сторону русских. Начинается массовый исход черкесо-гаев с адыгских земель (Епифанцев А.А. 2010). Причем, как правило, уходят они полностью, со всем семейством, скарбом, стадами и денежными накоплениями. В то время в документах казачьих линий можно часто прочесть нечто подобное: «В 1843 г. закубанские армяне Дударук Чагупов, Хапак и Борок Богорсуковы (в другом написании: Богарсуковы), жительствовавшие на Атакуме близ Абина, изъявляют желание переселиться к нам из-за Кубани, для чего намерены... перевести постепенно (незаметным для черкесов образом) свое состояние, в разном имуществе заключающееся». В этот раз переселение не состоялось, но указанные лица несколько раз воспользовались годовым разрешением на пересечение границы, прибывая со значительным количеством товара – воска и пушнины.

С аналогичным прошением обратились черкесы из клана Богорсуковых к русским властям и в 1846 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, ныне жительствовавшие в районе шапсугов на р. Абине, закубанские армяне Аслан Богорсук, Борок Богорсук, Пшемаф Богорсук, Гапак Богорсук и простой вольный шапсуг Мейн Роток, движимые искренней приверженностью и неизменной преданностью к русским, возымели намерение переселиться со всеми нашими семействами, крестьянами и достоянием в ближайшее соседство к Черноморской кордонной линии, дабы, удаляясь из среды разномыслящих шапсугских обществ, независимо и безопасно действовать и служить для пользы русского правительства... 1846 г., октября 15 дня» (Хотко С.Х., 2012).

Русское правительство поощряет уход черкесо-гаев. Оно даже стимулирует его, дает армянам земли, помогает административно. Так, одним из основателей города Армавира становится начальник Кубанской линии генерал-майор барон Г.Ф. фон-Засс, достаточно кровавый и безжалостный по отношению к адыгам человек. Как было отмечено выше, когда группа черкесо-гаев обращается к нему с просьбой «принять их под покровительство России и дать им средства поселиться вблизи русских», барон лично получает у верховных властей страны разрешение на их переселение из горных районов на Кубань, и выделяет им место, где армянами-переселенцами был основан город, названный в честь древней столицы Армянского царства – Армавир.

Кстати, семья Богарсуковых не затерялась в водовороте истории. Выйдя на российскую часть Кубани и переведя свое состояние, они строят и владеют доходными домами в Армавире, имеют обширную торговлю, уже к началу XX в. становятся одними из богатейших купцов Кубани. Дом их потомков можно видеть и сейчас – это одно из самых красивых зданий в Краснодаре, в наши дни в нем располагается краеведческий музей им. Е.Д. Фелицына. Но вопрос не в том, что происходило с армянами, а как их исход повлиял на ситуацию у адыгов, – подчеркивает А.А. Епифанцев (2010. С.93-94). Торговля – это движитель экономики, её концентрированная сущность. Как могло повлиять на экономику то, что какая-то группа людей концентрирует всю торговлю в своих руках, а потом вдруг уходит и торговля прекращается? Представьте, что завтра вы проснетесь, а торговли не будет. Никакой... Примерно такой же эффект это оказало на экономику Черкесии – она умирала. Зажатая в тисках экономической блокады, Черкесия была обречена. Конец мог настать раньше или позже, но после 1830 г. он был уже неминуем... (Епифанцев А.А. 2010).

4.8.4. Традиционный уклад и материальная культура черкесо-гаев

В одно и то же время армяне были и торговцами, и хозяевами, и скотоводами, и земледельцами, и предпринимателями в области обрабатывающей промышленности.

Ф. Щербина (1916).

Относительно хозяйственной способности черкесо-гаев, – пишет Ф. Щербина (1916), – сложилось довольно одностороннее представление. Их принято считать исключительно торговцами, как бы не расположенными ни к какому другому, кроме торговли, роду экономической деятельности. Но армавиры и их предки всегда были не только умелыми торговцами, но и хорошими хозяевами. История их полна поучительными фактами в этом отношении. Благосостояние большинства рядового населения всюду и всегда

держалось на умелом ведении хозяйства. В одно и то же время армяне были и торговцами, и хозяевами, и скотоводами, и земледельцами, и предпринимателями в области обрабатывающей промышленности. Когда они осели в Армавире, то в первое время обратили исключительное внимание именно на хозяйство. Тогда и у черкесов, и у армян господствующим занятием было скотоводство. Армавирцы не только сами водили все виды домашнего скота, но и сотнями голов угоняли его у черкесов. Это была главная военная добыча и главная статья в хозяйстве. И далее Ф. Щербина (1916. С. 301) следующим образом оценивает основные аспекты взаимовлияния, взаимопроникновения двух культур, двух укладов жизни – черкесов и пришлых армян: «Черкесы, как подавляющая по численности народность, *отдали*, а армяне, в положении тонувшей в массе черкесских племен народности, *взяли* внешний быт горцев: жилища, домашнюю обстановку, костюм, военное снаряжение, хозяйственные формы и технику – и одновременно восприняли отдельные звенья внутренней бытовой жизни: главнейший способ общения людей – язык, общий кодекс поведения – нравы, и нормы общественных и повседневных взаимоотношений – обычаи».

Несмотря на то, что черкесо-гаем посвящен ряд публикаций (Аркелян Г.С., 1984; Погосян Л.А., 1981; Ржавин А.А., 1999; Щербина Ф.А., 1916 и др.), традиционная культура и хозяйство их – явление малоизученное. Скудны и источники, лишь в общих чертах дающие представление о направлении и характере трансформации традиционного уклада. Собранные материалы дают возможность несколько расширить наши представления о традиционном укладе черкесо-гаев.

4.8.4.1. Штрихи к укладу черкесо-гаев: «Семья загромождена национальными наслоениями другого народа»

Семья армянина-горца представляла собою как бы двустворчатую раковину, в меньшей половине которой светлым огоньком непрерывно тлели национальные установления армян, а в большей – накапливались национальные особенности приютившего армян народа – черкесов.

Ф. Щербина (1916).

«Собственно семья черкесо-гая была буквально-таки загромождена национальными наслоениями другого народа, – пишет Ф. Щербина (1916). – В этом, конечно, сказались следы исторических влияний черкесских племен на армянскую народность».

И далее историк не без поэтической живости следующим образом характеризует особенности черкесогайской семьи, на внутреннюю жизнь которой не могло не повлиять черкесское окружение: «Семья армянина-горца представляла собою как бы двустворчатую раковину, в меньшей половине которой светлым огоньком непрерывно тлели национальные установления армян, а в большей половине путем постепенных отложений накапливались национальные особенности приютившего армян народа – черкесов. Так только и могли совершаться длительные исторические процессы. Чем глубже в отдаленную старину, тем проще была жизнь людей. Позднейшие видоизменения усложняли эту жизнь, и, понятно, чем ближе к нашему времени, тем больше становилось этих усложнений. К тому же по своей численности армяне составляли ничтожное меньшинство в ряду коренных черкесских народностей, а по закону воздействия целого на часть *они неминуемо должны были приспособиться к условиям жизни господствовавшей национальности*».

Данные этнонимики свидетельствуют, что такого рода «приспособления», применительно к именам и фамилиям черкесо-гаев, как говорится, имели место быть. Имена черкесо-гаев, – отмечает С.Х. Хотко (2012), – были такими же, как у черкесов – этническими адыгскими, а также тюркскими и мусульманскими в их черкесском звучании. В частности, у черкесо-гаев встречались следующие женские имена: Айшет, Пырын, Ешыгуау, Хъатыке, Сур, Гузэл, Сырым, Сырыф, Куаку, Хъакъэраж, Гозимаф, Нашхъо, Нагъо и т.п. Мужские имена: Бабасин, Псоуб, Псегуп, Хауд, Бишуп, Аслан, Борох, Башыкъ, Соосрич, Хут, Хапач, Бох, Шумаф, Пшимаф, Тутух, Шрух, Щъэоай и т.п.

Кроме имен, многие черкесо-гаи (и вполне вероятно, большинство) имели адыгские фамилии. Так, Г.С. Аракелян (1984. С. 123) отмечает, что «...прежняя фамилия нынешних Аракелянцев была Бальжийкьо. По имени предка Джентемира фамилия Гыагупоккьо была заменена фамилией Джентемиров. Аналогичных примеров можно привести множество». Черкесогайской формой фамилии Аракеловых являлась фамилия Аджэмэ, по названию той области Ирана, откуда переселился в Черкесию предок этого рода. Помимо Аджэмэ, у Аракеловых были два фамильных ответвления – Шъык и Пальыу (Хотко С.Х., 2012. С. 4).

Первый по времени бытописатель армавирских армян Иванов (1850) рисует армянскую семью в Армавире как носительницу исключительно черкесского уклада жизни. В самом деле, в армянской семье обаялись ее члены не на родном армянском языке, а на языке черкесов, все в этой семье носили не национальную армянскую одежду, а одежду черкесскую, армянская семья жила в черкесских саклях, окружена была предметами черкесской обстановки, вела хозяйство по черкесским приемам и совершала повседневный оборот жизни по черкесскому шаблону. Ничего своего, армянского, казалось бы, не должно было сохраниться у поставленных в такие условия армян. И, однако, эта кажущаяся безличной и разбросанная меж-

ду черкесскими племенами группа людей имела свою особую историческую физиономию. Все знали, что это были армяне, а не кто-либо другой, и при всевозможных условиях чувствовалась наличность их национальности. В чем заключались эти трудно уловимые признаки? Всецело в непрерывных процессах духовной жизни, поскольку она проявлялась в христианской религии и культурных началах» (Щербина Ф., 1916).

4.8.4.2. Ясверы: пережитки рабства у черкесо-гаев

Не отличаясь нравами и обычаями от черкесов, армяне-армавиры сохранили некоторую особенность относительно рабов, находившихся в их владении. Рабы у армавицев произошли от пленных горцев, которых они покупали у черкесских князей и узденей...

«Живописная Россия». Т. IX. Кавказ (1898).

Несомненный интерес представляет информация, приведенная в очерке «Кавказ...» (1898), о сохранившихся до середины XIX столетия элементах рабства у черкесо-гаев – жителей Армавира. Как пишет автор очерка, не отличаясь нравами и обычаями от черкесов, армяне-армавиры сохранили некоторую особенность относительно рабов, находившихся в их владении. Рабы у армавицев произошли от пленных горцев, которых они покупали у черкесских князей и узденей. Армавирец не имел права заставить своего *ясвера* (раба) работать более обыкновенного. Ограничение это было сделано с общего согласия и положено, чтобы каждый раб, кроме своего владельца, имел у себя кого-либо из соседей-армавицев своим покровителем. В случае притеснения хозяина, раб отправлялся к своему покровителю, который рассматривал его жалобу и, если находил ее справедливою, то сообщал старшинам селения, которые обсуждали поступки и хозяина, и раба.

Каждый ясвер имел свое отдельное хозяйство и обязан был уделять половину дохода своему владельцу, которому, впрочем, вменено было в обязанность снабжать раба всем необходимым для хозяйственных занятий; в противном случае, хозяин не имел права требовать с раба части его доходов. Так, во время посева, владелец должен был дать рабу семена и пару волов, к которым ясвер прибавлял столько же собственных и приступал к работе. Во время сенокоса и жатвы владелец должен был явиться вооруженным на поле своего ясвера, для защиты его от хищнических нападений. Во все время работы владелец стоял где-нибудь на пригорке и наблюдал за неприятелем, о появлении которого предупреждал ясвера и приготавливался к обороне; бежать же с поля, не защитив ясвера, считалось постыдным, и такие хозяева изгонялись из общества. Также на обязанности владельца лежало отыскать ясверу жену, а если она умрет, то отыскать другую («Живописная Россия». Т. IX. Кавказ, 1898; «Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 362-365).

4.8.4.3. Земледельческая культура армян на Северном Кавказе

Огороды в селениях и в окружности городов принадлежат большей частью армянам... Несмотря на магометанскую религию, запрещающую употребление вина, армяне занимаются разведением винограда...

С. Броневский (1823).

...Гонят хлебную водку в малом количестве армяне, живущие между черкесами, а от них и другие этому научаются.

Хан-Гирей (1837).

Некоторое представление о земледелии и хозяйстве армян, переселившихся в Предкавказье, дает нижеприведенный отрывок из книги С. Броневского (1823). Правда, он относится к Северо-Восточному Кавказу, но характер земледелия у «восточных» и «западных» армян в те времена мало чем отличался...

«Огороды в селениях и в окружности городов принадлежат большей частью армянам. Обыкновеннейшие огородные растения суть: капуста, репа, редька, морковь, шпинат, салат, турецкие бобы, петрушка, лук и чеснок. Мак сеется для семян, коим посыпают белый хлеб и пирожное. Много растят шпанского (испанского) перцу, коим жители приправляют кушанье, и не менее того разводят яйцеобразных псинок, или демьянок (*Solanum melongena*), которые называют они падрижан (т. е. баклажан. – Авт.) и варят их в мясных похлебках, пока плоды не совсем созрели. Плоды сии бывают продолговаты, величиной почти с огурец; цвет они имеют фиолетовый, несколько переходящий в зеленый.

Несмотря на магометанскую религию, запрещающую употребление вина, армяне занимаются разведением винограда, особливо живущие в деревнях между Старой и Новой Шемахой, коей вино почитается самым лучшим». (Здесь уместно отметить, что «удивительное винодельческое искусство» было характерно для армянского народа еще с глубокой древности. Как пишут авторы публикации в газете «Аргументы и факты» (2010, № 50. С.9), «Армения – страна с древнейшими традициями виноделия. Араратская долина, где сосредоточены огромные массивы виноградников, упоминается еще в библейском сказании о Ное и Великом потопе, а также в трудах древнегреческих историков Геродота, Ксенофонта, Страбона». – Авт.). И вновь слово

С. Бронеvскому (1823): «Тутовые деревья для воспитания шелковых червей разводят в основном ширванские жители, в окрестностях Кубы и Шемахи, жители ханства Шекинского, в Дербенте и Тарках. В садах разводят яблони, груши, вишни, сливы, абрикосы, персики, миндальные деревья, грецкие орехи и гранатовые деревья. Померанцевые деревья произрастают с успехом только в Гиляне и далее на полдень, т. е. юг».

Дополняет сведения о напитках армян, проживавших между черкесами, следующая информация Хан-Гирея (1837): «Вообще обыкновенные напитки у черкесов состоят в квасе из различных фруктов, как то: из кислиц, груш, слив, терна, дикого винограда и пр., в особенности же крепкие напитки, из последних двух приготовляемые. В горах изредка варят пиво; вина же делают много, в особенности соседи абхазцев, которые много этого напитка имеют и много пьют. Также *гонят хлебную водку в малом количестве армяне, живущие между черкесами*, а от них и другие этому научаются».

Некоторые сведения о земледельческой культуре армян, проживавших в Предкавказье, можно найти в книге французского писателя А. Дюма (1869). Побывав в г. Кизляре, он пишет: «За заборами находились виноградники, которые, по-видимому, содержались превосходно. Мы спросили ямщика о садах. Оказалось, что они принадлежали армянам. Из винограда возделывается знаменитое кизлярское вино. Вино кизлярское и вино кахетинское – вместе с эриванским, – фактически единственные, которые пьют на Кавказе. В Кизляре гонят превосходную водку – повсеместно известную «кизлярку». Вино и водку гонят, в основном, армяне».

4.8.4.4. Амшены и хемшиллы: своеобразные этнические группы армян на Кубани

Поразительна устойчивость амшенских традиций: у них в памяти сохранились древнейшие обряды, давно исчезнувшие в самой Армении... А в культурных традициях хемшил легко уживаются и элементы ислама, и собственные, исконные, порой весьма древние представления.

Н.И. Бондарь (1990).

Армянин обыкновенно сохранял свою национальность, если против него не действовали с уничтожающей силой. Наиболее типичен он бывает в тех случаях, когда он не только терпит в обществе, а наравне с остальными членами пользуется совершенно одинаковыми правами.

«Живописная Россия» (Т. IX. Кавказ. 1898).

Дополняют наши представления о жизни армян, проживающих в настоящее время на Кубани, сведения, приведенные в работе этнографа Н.И. Бондаря. По его мнению, армянская ветвь на Кубани представлена не одной, а несколькими этническими группами, каждая из которых обладает своим диалектом и самоназванием. По конфессиональной принадлежности это армяне-григориане, амшены, но есть и небольшое число мусульман-суннитов (хемшиллы).

Статистических данных по отдельным этническим группам армян, к сожалению, нет, а общая их численность на Кубани на протяжении полутора столетий возрастала быстрыми темпами. Если в 1871 г. в Кубанской области проживало немногим более 3 000 армян, в 1920 г. – свыше 57 000, то по переписи 1979 г. в Краснодарском крае – 120 797 чел. (Анапский, Апшеронский, Белореченский, Кавказский, Крымский, Курганинский, Майкопский ААО, Новокубанский, Отраденский, Туапсинский и другие районы), а по переписи 1989 г. – 209 637 чел. Резко возрос миграционный поток в 90-е гг. XX столетия вследствие армяно-азербайджанской войны в Нагорном Карабахе (ереванские, а также карабахские армяне). Механический прирост составил при этом более 50 000 чел. (Бондарь Н.И. 1990). В настоящее время, судя по переписи 2011 г., в Краснодарском крае проживает 281 680 армян.

АМШЕН. Своеобразную этническую группу, со своей историей, особенностями в хозяйственно-культурном укладе и языке представляют амшенские армяне, делившиеся на ряд локальных групп: дженекцы, ордуйцы, трапезундцы и т. д. Как отмечает Т.В. Половинкина (2006), армянские переселенцы, осевшие на бывших шапсугских землях Черноморского побережья, были в основном потомками жителей средневекового Амшенского ишханства (княжества), получившего название по имени армянского нахарара (князя) VIII в. Амама из рода Аматуни, основателя общины Амамашен, букв: «поселение Амама» (*шен* – «город», «селение»). Позже это название трансформировалось в «Амшен».

Большие группы амшен переходят из пределов Турции на Кубань в середине и особенно в конце XIX в. Несмотря на то, что с 1889 г. официальное заселение Черноморского побережья было прекращено, миграция в эти районы продолжалась, и «наиболее значительный контингент нелегальных переселенцев составили турецко-подданные армяне». В дореволюционный период последняя крупная волна армянбеженцев из Турции относится к 1908–1909 г. (Бондарь Н.И. 1990). Основная масса амшен селилась в нагорной полосе Закубанья, где они получали значительные льготы при водворении. В документах тех лет указывается, что переселенцы быстро освоились в новых условиях.

Поразительна, – отмечает Н.И. Бондарь, – устойчивость амшенских традиций: у них в памяти сохранились древнейшие обряды, давно исчезнувшие в самой Армении.

По этнографии амшен имеются специальные работы, однако духовная культура и ее варианты изучены слабо, хотя и представляют большой интерес для исследователя, поскольку компактные поселения (в Краснодарском крае это сел. Тубы, Гойтх, Терзиян и другие) и сельский уклад жизни способствовали более устойчивому сохранению культурных традиций.

А устойчивость амшенских традиций, как показали экспедиции последних лет, поразительна. До настоящего времени дошли или сохранились в памяти многие очень древние обычаи и обряды, давно исчезнувшие в самой Армении. Еще полвека назад здесь можно было наблюдать, как в предновогоднюю ночь ряженные взбирались на плоские крыши домов и молча опускали в дымоход на веревке специальный мешок, а хозяева складывали в него подарки. В наши дни конструкция домов изменилась, но по-прежнему в новогоднюю ночь на улицах появляются ряженные в масках или с лицами, вымазанными сажей, и молча подбрасывают свои мешки на крыльцо домов.

На Пасху амшенские армяне жарили поросенка, а в рот ему вкладывали красное яйцо. Готовили и курицу, которую повязывали красной лентой. Символика красного цвета ясна: кровь, солнце – это животворящая сила. До недавнего времени у амшен существовала традиция заключения ранних браков. По выражению одного из информаторов, «ударить шапкой девушку – если стоит, то уже можно замуж, если упала – рано». Были известны случаи заключения родителями соглашения на брак детей еще до их рождения. Информаторы отмечали и так называемую колыбельную форму брака, когда мальчик и девочка нарекались друг другу в младенческом возрасте. В некоторых семьях в сельской местности гостей и сегодня принимают в специальной комнате, а женщины не садятся вместе с мужчинами за стол. Не такая уж редкость бусинка с «глазком» на руке ребенка – амулет от сглаза (*ачка*).

Много традиционных элементов сохранилось в амшенской свадьбе. Жениха и невесту перед свадьбой купают, причем невесту купает или старшая подружка, или же старшая в чьей-либо семье дочь. Во время купания маленьким ножичком – *чаку* – трижды обводят (очерчивают) вокруг невесты круг. Этот ножичек она держит в кармане и во время свадьбы – для защиты от колдовства. Амшенская свадьба полна игровых моментов, насыщена песнями и танцами. О приближении свадебной процессии родственникам и гостям жениха сообщали специальные гонцы, так называемые «лисицы» – *тирке*. Невесту сопровождали женщины, которые должны были поддерживать соответствующее настроение. Они пели, танцевали. Встречала молодых мать жениха на пороге дома. Она выливала им под ноги ведро воды – «чтобы первым родился мальчик», а затем покрывала невесту шалью. Здесь же совершался древний обряд *чурбон*: резали жертвенного петуха и его кровью мазали молодым ноги. Им же под ноги при входе в дом бросали по тарелке, которые нужно было разбить одним ударом – на счастье.

Интересно сообщение Н.И. Бондаря (1990) об их отношении к детям – продолжателям рода: «Амшенские армяне очень чадолюбивы. Отсутствие детей в семье воспринималось болезненно, поэтому сохранялся своеобразный обычай: если ребенка не было по вине мужа, то жена с разрешения свекрови могла забеременеть от постороннего мужчины (так называемого «домашнего зятя»), а если бесплодна была жена, то муж мог, с согласия ее (!) и родственников, иметь ребенка от другой женщины».

Несмотря на устойчивость традиций амшен, вполне очевидны и изменения в их культуре. Исчез обычай красить хной волосы и ладони невесте (*хинаджси*), не столь давней инновацией являются совместные молодежные гулянья. Раньше мать невесты не выходила даже на порог, чтобы проводить дочь, а сейчас родители невесты участвуют в свадебном пиру в доме жениха, и т. д.».

ХЕМШИЛЫ. Другая этническая группа армян на Кубани – хемшилы (самоназвание хумшиаци). Как отмечает Т.В. Половинкина (2006), княжество «Хемшин» («Хемшил») находилось в историко-культурной области Понт, на пространстве между Ризе и Хопой (Примечательно, что в современной Турции в этом районе, на р. Пазар, существует город Хемшин).

По рассказам информаторов, в Турции предки армян-мусульман (хемшил) не испытывали столь жесткого угнетения, как армяне-григориане (христиане). Занимаясь отгонным полукочевым скотоводством, они, так же как и курды, в зависимости от сезона свободно перекочевывали из пределов Турции в Закавказье и обратно. После закрытия в конце XIX в. русско-турецкой границы часть хемшил осела в Аджарии. В 1944 г. они были депортированы в Киргизию и Чимкентскую область Казахстана.

Основной приток армян-хемшилов в Апшеронский и Белореченский районы Краснодарского края приходится на 70-80 гг. XX столетия. В культурных традициях хемшил легко уживаются и элементы ислама, и собственные, исконные, порой весьма древние представления. Так, своеобразна традиционно-бытовая медицина хумшиаци. Практикуется (и успешно), в частности, бесконтактный прием лечения, когда знахарь находится за несколько километров от пациента.

В настоящее время у черкесо-гаев – хемшилов (хумшиаци) довольно-таки велико значение ислама: строго соблюдается пост – *Дземун-Байрем* (Дземун-Байрам), сохраняется обычай обрезания, пять раз в сутки совершается намаз – молитва: утром – на восходе, в обед, в полдень, вечером – на закате и перед сном. Но

живучи и представления о *пей* – духе дома, а у входа во двор и сегодня кое-где можно увидеть череп животного – оберег от глаза. Есть целый ряд других не менее любопытных наблюдений, однако изучение хемшил только началось, и самые интересные открытия еще впереди (Бондарь Н.И. 1990).

Из календарных праздников хемшилы отмечают *Нор дон* – Новый год. По обычаю, непременно блюдом в этот день являлись вареные кукурузные початки, обязательными были и гостевые визиты к родственникам и соседям, причем, несмотря на влияние ислама, очень хорошей приметой считалось, если первой в новом году войдет в дом девушка.

Еще более важный праздник – *Гурбон-Байрем* (Гурбон-Байрам). По словам информаторов, «этот праздник у нас – как у вас Пасха». Длился он три дня, но основным считался первый день. К празднику обязательно резали бычка или барана, при этом смотрели, чтобы рога у животного не имели дефектов. Тушу делили не менее чем на семь частей: одну оставляли себе, а остальные раздавали соседям – «как бы для душ умерших и убитых». В течение дня каждый человек должен был посетить не менее семи домов.

До сих пор у хемшил сохраняется деление дома на мужскую и женскую (дальняя от входа) половины, а также обычай избегания, согласно которому невестке запрещается разговаривать с родственниками мужа, особенно свекром. Иногда это правило соблюдалось в течение пяти-шести лет (Бондарь Н.И. 1990)

4.8.5. Религиозные верования черкесо-гаев на Кубани

4.8.5.1. Память об исторической родине: языческий культ в Великой Армении

Истоки армянской мифологии уходят к мифологиям и верованиям племен, населявших Армянское нагорье и принимавших участие в этногенезе армянской народности...

«Мифы народов мира» (Т.1. 1987).

Истоки армянской мифологии уходят к мифологиям и верованиям племен, населявших Армянское нагорье и принимавших участие в этногенезе армянской народности (урумейцы, мушки, вторгшиеся в XII в. до н. э. в пределы ассирийской провинции Шуприа; хуррито-урартские племена и др.). Мотив ожесточенной борьбы между урумейцами и Ассирией, а с IX в. до н.э. – между Урарту и Ассирией лег в основу многих древнеармянских мифов.

Урарту, или Ванское царство, существовало в IX-VI вв. до н.э. В надписи IX в. до н.э., обнаруженной на скале у озера Ван, приведен уникальный перечень имен 79 языческих армянских богов. Возглавляют пантеон Халди, Тейшеба и Шивини. Халди – главный бог; его супруга – верховная богиня Арубани (Арубаини, Уарубани). Тейшеба считался богом грома, бури и водной стихии, а также богом войны. Символом бога солнца Шивини был крылатый солнечный диск; супругой этого Шивини – богиня Тушпуеа. Кроме того, было немало богов, так сказать, рангом помельче: божество луны Шеларди, богиня планеты Венера – Сарди, божество земли Эбани, бог моря и воды – Суинина, бог гор – Арни; божество дорог – Хара; бог пещер – Аирани и т. д. («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 550).

Следует отметить, что армянская мифология складывалась под значительным влиянием иранской культуры (многие божества армянского пантеона – иранского происхождения: Арамазд, Анахит, Вахагн и др.).

АРАМАЗД, в армянской мифологии верховное божество, создатель неба и земли, бог плодородия, отец богов Анахит, Михра, Нанэ и др. Восходит к иранскому Ахурамазде. Его эпитет – «ари» («мужественный»). Культ Арамазда пришёл в Армению из Ирана, возможно, в VI-V вв. до н. э., при Ахеменидах, слившись с культом местных божеств. В эллинистическую эпоху Арамазда отождествлялся с Зевсом. Его главное святилище находилось в культовом центре древней Армении (являвшемся местом погребения царей династии Аршакидов) Ани (современный Камах на территории Турции). Храм Арамазда в Ани был разрушен в конце III в. н. э. при распространении христианства.

В эллинистическую эпоху (III-I вв. до н. э.) древнеармянские божества отождествлялись с античными богами: Арамазд – с Зевсом, Анахит – с Артемидой, Вахагн – с Гераклом, Астхик – с Афродитой, Нанэ – с Афиной, Михр – с Гефестом, Тир – с Аполлоном или Гермесом.

После официального принятия в Армении христианства (301 г.) появляются новые мифологические образы и сюжеты. В армянской мифологии библейские персонажи перенимают функции архаических богов, духов, например, архангел Гавриил (*Габриел Хрештак*) – Вахагна, *Саркис* и т. д.

САРКИС – в армянской мифологии мифический христианский святой. Перенял функции древнего языческого божества ветра и бури; он же повелитель духов тумана и хозяин волков. По преданиям, в последнюю ночь посвященного ему поста (в феврале) Саркис со своей возлюбленной посещает дома всех армян; для него выставляют на крышах или за дверью муку из жареной пшеницы – *похинд* или кашу, приготовленную из этой муки. Саркис всегда содействует влюбленным, поэтому его часто называют «осуществляющим заветную мечту» («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 410).

В позднем средневековье частичное воздействие оказали мифологические представления соседних мусульманских народов.

Для древних мифов, переданных в письменной традиции, характерна «историзация» содержания. Архаические боги и герои преобразовались в них в эпонимов (греч. *εponυτος* – «дающий чему-нибудь свое имя») армян, основателей страны и государственности (Арам, Хайк, Ара Гехецик, Вахагн и др.).

АРАМ – вармянской мифологии герой, предок-эпоним армян. По его имени, согласно древним преданиям, стала называться другими народами страна армян [греками – Армен, иранцами и сирийцами – Армени(к)].

Арам, из потомства Хайка, защищает границы армянских земель, вступая в борьбу с Мидией, Ассирией и Каппадокией. Он отражает нашествие войск мидян под предводительством Ньюкара Мадеса, самого предводителя приводит в Армавир и приговорает к стене башни на обозрение проходящим, а на его страну налагает дань и подчиняет себе. В войне с Ассирией противником Арама выступает Баршам (Баршамин), которого Арам побеждает в бою. Мотив борьбы Арама с Ассирией, возможно, восходит к войнам урартского царя Араме с ассирийским царём Салманасаром III (IX в. до н. э.).

Согласно мифам, Арам воюет в Каппадокийской Кесарии, где сталкивается с детьми титанов (титанидами), побеждает титанида Пайаписа Кахья, которого изгоняет на остров Азийского (Средиземного) моря. Миф о борьбе Арама с титанидами, с Пайаписом – вариант мифа о борьбе Зевса с титанами и Тифоном. Этот миф протоармяне (аримы) освоили в то время, когда жили в Каппадокии, связав его с именем своего предка Арима. В дальнейшем имя Арим превратилось в Арама (под влиянием имени либо урартского царя Араме, либо упоминаемого в Библии Арама, предка жителей Сирии и Месопотамии – арамейцев).

Борьба между хаосом и космосом трансформировалась в военно-политическую борьбу между армянским и «чужими» народами и государствами – Ассирией, Мидией и др. (война армянского царя Тиграна против мидийского царя Аждахака и др.). Центральный сюжет в древнеармянской мифологии – сопротивление протоармян или армян иноземному порабощению.

В армянской мифологии значительное место занимают астральные сюжеты. В древности официальная религия армян включала культ солнца и луны; их статуи находились в храме в Армавире. К «солнечной теме» относится Арэвманук, занимающий видное место в армянском языческом пантеоне видное место.

АРЭВ, АРЭГАК («солнце», в переносном значении – «жизнь»), в армянской мифологии персонификация солнца, иногда в виде колеса, излучающего свет, чаще в образе юноши. Согласно мифам, дворец Арэва находится на востоке, на краю света. Вечером, воспламененный и усталый, Арэв возвращается к матери (заход солнца по-армянски – «*майрамут*», «вход к матери»). Он купается, мать вытаскивает его из воды, укладывает в постель, кормит грудью. Отдохнув, он снова пускается в путешествие. По другому мифу, Арэв купается и отдыхает в озере Ван, на дне которого находится его ложе.

Культ Арэва с древних времен был распространен среди армян. В V в. до н. э. в жертву богу солнца приносили лошадей. Еще в XII в. в Армении существовали сектанты-солнцепоклонники (арэвордик), преследуемые армянской христианской церковью. Восьмой месяц древнеармянского календаря и первый день каждого месяца назывались Арегом (т. е. Арэвом). Следы культа Арэва сохранились в народных молитвах и клятвах до XX в.

АРЭВАМАНУК («солнечный юноша»), в армянской мифологии охотник, наказанный солнцем. Разгневанный неудачной трехдневной охотой, Арэвманук решил убить солнце, чтобы оно упало с неба и весь мир покрылся тьмой. Когда он натянул тетиву своего лука, чтобы выстрелить в восходящее солнце, оно дало Арэвмануку пощечину, огненной рукой схватило его за волосы и бросило в пустыню. Арэвманук был мертв днем и оживал только ночью. Его мать отправилась к матери солнца с мольбой спасти ее сына, и та разрешила ей набрать воды из водоема, где купалось солнце после своего дневного путешествия, и этой водой обрызгать Арэвманука для его полного оживления.

МИХР, МГЕР – у предков армян – бог небесного света и солнца, сын Араматза. Следы почитания Михра обнаруживаются в древнеармянском календаре в названии 8-го дня каждого месяца – «михр», а также в десятках этнонимов и топонимов. Это же название обыгрывается в армянских духовных песнях V-VIII вв., где Христос отождествляется с божеством света («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 81, 160).

Секты солнцепоклонников сохранялись в Армении ещё и в XII в. (мифы о солнце и луне). Со звёздами был тесно связан культ предков. Так, Хайк – астральный лучник, отождествляющийся с созвездием Орион. Согласно народным поверьям, каждый человек имеет в небесах свою звезду, которая меркнет, когда ему угрожает опасность. Существуют мифы о Луне, о созвездии Большой Медведицы (семь кумушек, превращенных разгневанным богом в семь звёзд); о Млечном пути (согласно одному из них, у убитой женщины-оборотня из груди разбрызгалось на небосклоне молоко).

ЛУСИН («Луна») в армянской мифологии персонификация луны. По народным поверьям, фазы луны связаны с циклами жизни царя Лусина – новолуние с его юностью, полнолуние – со зрелостью, а когда луна в виде полумесяца – наступают старость, смерть, – с последующим «возрождением». Главный храм, посвященный Луне находился в столице древнеармянского государства – Армавире.

МАРДАГАЙЛ («человек-волк») – в армянской мифологии человек-оборотень (обычно – женщина). С ней связано происхождение Млечного пути: когда Мардагайл попыталась сожрать пришедшего к ней гостя, он ударил ее кинжалом в грудь; молоко из груди разбрызгалось по небу («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 110).

Горы в мифах обычно персонифицированы. Согласно одному варианту, Арагац и Масис (Арабат) были сестрами, а Загрос и Тавр – рогатыми вишапами, борющимися между собой.

АРАГАЦ – в армянской мифологии гора (Арагац), сестра Масис (Арабат). Согласно мифу, любящие друг друга Арагац и Масис однажды поссорились. Тщетно пыталась их помирить гора Марута Сар; разгневанная, она прокляла обоих – они оказались навсегда разлучёнными. По мифу, сложившемуся после распространения христианства, на вершине Арагаца молился Григор Просветитель (проповедник христианства, первый католикос Армении (конец III – начало IV в.)), ночами ему светила свешивавшаяся с неба (без верёвки) лампада.

МАСИС в армянской мифологии гора (Арабат), – жилище змей и вишапов. В армянском переводе Библии, где говорится о Всемирном потопе, ковчег Ксисутра (Ноя) остановился на вершине горы Масис («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С.122).

В версиях, распространенных после принятия христианства, не только Арабат и Масис, но и горы Сипан, Артос и Арнос связываются со Всемирным потопом.

Из явлений природы у предков армян выделялась грозовая буря. Гроза с багряными тучами уподобляется рождению в муках, гром – крику женщины при родах, происходящих между небом и землёй. Персонафикация грозовой бури и смерча – вишапы, против которых воюет бог грозы и молнии Вахагн. По другим мифам, распространившимся после принятия армянами христианства, персонафикация грома и молнии – пророк Илия (Егиа). Отражение в мифах нашли зарница (блеск брюха большой рыбы на земле, когда она переворачивается на спину), роса (слёзы луны или пророка Илии). Заметное место в языческом пантеоне древних армян занимал Цовинар:

ЦОВИНАР, ЦОВЯН («Морская») – в армянской мифологии дух грозы, молнии. Согласно мифам, Цовинар – гневная огненная женщина, во время грозы скачущая на огненном коне в облаках; она посылает людям живительный дождь или же вредоносный град («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 622).

Персонафицирует утреннюю зарю в народных поверьях «Непорочная дева», или «Розовая дева» (после распространения христианства – Богородица). В эпосе нашли отражение мифы о героях-богоборцах, некоторые из них в наказание заковываются в цепи (Артавазд, Мгер Младший и др. – прямая аналогия с Прометеем).

АРТАВАЗД (от авест. *ашавазда* – «бессмертный»), мифологический персонаж армянского эпоса «Випасанк», сын царя Арташеса. Артавазд, не найдя места для своего дворца в основанном его отцом городе Арташат, отнял у *вишапов* их владения к северу от реки Ерасх (Аракс). Восставших против него вишапов, включая их предводителя и отца Аргавана, он истребил. Когда умер Арташес, Артавазд позавидовал посмертной славе отца, за что был им проклят. Однажды во время охоты он был пойман *каджами*, закован в цепи в одной из пещер Масиса. Две собаки непрерывно грызут его цепи, а Артавазд силится выйти из пещеры и положить конец миру. Но от звука ударов кузнечных молотов оковы снова укрепляются (поэтому, чтобы укрепить цепи артавазда, по воскресеньям кузнецы трижды ударяют молотом по наковальне). Имеется архаический вариант мифа, в котором Артавазд заточен злыми духами, но когда-нибудь он высвободится и овладеет миром. В этом мифе, по-видимому, выражалась надежда армян на освобождение их страны от иноземного ига. Миф о закованном цепями Артавазде первоначально, вероятно, был вариантом распространенного у многих народов мифа о прикованных к горе героях (например, о Прометее).

Формирование пантеона богов, по всей вероятности, произошло в процессе этногенеза армян, когда создавались первые протоармянские племенные союзы. Возможно, что два мифических предка армян Гайк (Хайк) и Арам были этническими божествами двух мощных племенных союзов (хайасов и арменов), игравших в процессе этногенеза армян решающую роль. К раннеармянскому пантеону богов относятся также Шамирам и Ара Гехецик.

АРА ГЕХЕЦИК (АРА ПРЕКРАСНЫЙ), – в армянской мифологии умирающий и воскресающий бог. Древний миф об Ара Гехецике и богине Шамирам является вариантом мифов об Осирисе и Исида, Таммузе и Иштар, Адонисе и Астарте, сложившимся у протоармян Армянского нагорья, по-видимому, во II тысячелетии до н. э. В эпосе Ара Гехецик выступает царём Армянского государства, Шамирам – царицей Ассирии. Шамирам, пожелавшая иметь своим мужем Ара Гехецик, славившегося красотой, после смерти своего супруга отправляет послов с дарами к Ара Гехецику, предлагая ему стать царём Ассирии, либо, удовлетворив её страсть, с миром вернуться в свою страну. Разгневанная его отказом, Шамирам идёт войной на Армению. Своим военачальникам она велит взять Ара Гехецика живым. Однако на поле брани он был убит. Шамирам находит его труп. По её приказу спустившиеся с неба аралезы (духи-собаки) зализывают раны Ара Гехецика, и он оживает. По-видимому, миф об Ара Гехецике лёг в основу изложенного Платоном мифа об Эре: Эр был убит в сражении, но 10 дней спустя его тело было найдено на поле битвы целым и невредимым. Когда на 12-й день при совершении погребального обряда его тело положили на костёр, Эр ожил и рассказал об увиденном им на том свете. По имени Ара Гехецика, согласно преданию, названы Араратская равнина, гора Цахкеванк (около Еревана), второе название которой – «Ара»; легендарным местом его оживления принято считать холм в селе Лезк (близ города Ван).

С созданием первых армянских государственных образований на основе культов древних божеств и под влиянием иранских и семитских представлений формируется новый пантеон богов, возглавленный «отцом всех богов» – Арамаздом. В пантеон вошли: Анахит, Вахагн, Астхик, Нанэ, Михр, Тир, Аманор и Ванатур, Баршамин. В культовых центрах древней Армении этим богам были посвящены особые храмы («Мифы народов мира». Т.1. 1987). Обращает на себя внимание, что некоторые «следы» языческого культа древних армян сохранились, пережив эпоху христианства, до середины XIX – начала XX столетия, о чем свидетельствуют религиозные верования черкесо-гаев.

4.8.5.2. «Имеют небольшое понятие о вере...»: христианско-языческие верования черкесо-гаев

Тамошние армяне (черкесо-гаи) ничем не отличаются от черкесов – тот же язык, обычаи, нравы, кушанья и одежда. Армянского языка не знают и имеют небольшое понятие о вере...

И. Хазров (1846).

Уже в самом начале IV столетия христианство начало пускать прочные корни в Большой Армении и все более распространяться и развиваться, несмотря на неблагоприятные политические обстоятельства...

«Кавказ...» (Вып. II. 2010).

Документально установлено, что христианство проникло в Армению еще в III столетии. Царь Тиридат около 300 г. н.э. был крещен Григорием Просветителем. А уже в самом начале IV столетия христианство

начало пускать прочные корни в Большой Армении и все более распространяться и развиваться, несмотря на неблагоприятные политические обстоятельства, вследствие которых государство это становится игрушкой то византийцев, то персов («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 380-381).

В старинных летописях и хрониках сохранились сведения о том, как проповедники нового учения «...разорили, сравнивали с землей языческое искусство, превратив в пыль и пепел все то, что могло напомнить народу, которому, в сущности, христианство было навязано, его языческое прошлое». (Как это напоминает деятельность православных проповедников по насаждению христианства и искоренению язычества у западных адыгов! – Авт.). Но, несмотря на давность принятия армянами христианства от своего сюзерена – Византии, «следы» язычества сохранились у кубанских черкесо-гаев чуть ли не до наших дней.

Представляет интерес тот факт, что культ христианской Марии Богородицы – адыгской Мерием (Мариам, Мэрэм), – нашел свое отражение и в верованиях черкесов-гаев, проживавших в Армавири и других армянских селениях в Черкесии, которые поклонялись Анаит – древнеармянской богине плодородия и материнства. Как известно, и адыгская языческая богиня Мерием наряду с божеством земледелия, выполняет также функции покровительницы и дождя, и скотоводства, и здоровья человека.

Г.С.Аракелян (1984) приводит песню-заклинание, записанную в XIX в. в армянской семье в селении близ г. Армавира Кубанской области. Как видно из нее, богиня Анаит (у черкесо-гаев она носит имя Мариам) обитала по берегам рек и морей; в период язычества ей приносили в жертву тучную яловую корову:

Ах, Мариам яснолика!
Лоно твое – как золото,
Цвет твой бел, как вата.
Стоя на море, молишься ты,
Бога-творца ты делаешь советником,
О, Мерим!
Безмолвная, безропотная луна –
Советница твоего возлюбленного...
Тучная яловая корова – пища твоя.
Ты обитаешь по берегам больших текущих вод,
Светелка твоя – на морской поверхности.
Тех, кто стоит на земле,
Заставляешь поклоняться тебе...

С этой точки зрения определенный интерес представляет сообщение священника И. Хазрова (1846) о том, что «...тамошние армяне (черкесо-гаи) ничем не отличаются от черкесов – тот же язык, обычаи, нравы, кушанья, домашняя утварь и одежда. Армянского языка не знают и лишь те имеют небольшое понятие о вере, которые находятся в частых сношениях с армянами, живущими в Черномории» (Цит. по: Аракелян Г.С., 1984. С. 30).

Интересен факт попытки обращения армян в католическую веру, относящийся к XVII столетию. «В 1633 г. монахи Францисканского ордена, желая ослабить влияние на горцев Метрахского архиепископа, принявшего уже титул митрополита, проникают к чахам (зихам, т. е. горцам-адыгам. – Авт.), склонив князя их Варзахта принять римско-католическую веру и, обратив в оную постепенно небольшое число чахов и соседних с ними народов, в том числе армян, основали в 1639 г. в Метрахе (Тамани) свое архиепископство для управления новообращенными и для дальнейшего распространения своего учения. А с 1626 г. во всей юго-западной части Закавказского края явились капуцины тоже для распространения католичества, так что многие армяне переменили закон и сделались католики. Но это не имело больших успехов, тем более что в это время и гораздо ранее Кавказу было не до проповедников...» («Кавказ и Российская империя...», 2005).

Российский адмирал Л.М. Серебряков (кстати, урожденный Казар Маркосович Арцатагорцян) отмечал, что к началу XIX столетия «...черкесо-гаи уже стали терять свой собственный этнический облик, становясь все больше похожими на черкесов. Но веру свою они смогли сохранить. Живя в горах по законам, часто противоречащим их религиозным убеждениям, они мечтали крестить своих детей, венчаться в церкви, приобщиться Святых Тайн. Но это получалось далеко не всегда» (Цит. по: Щербина Ф., 1916).

4.8.5.3. «Хранить, как святыню...»: древний христианский колокол из Абдзехии

Если в ауле появлялся мор и поварьные болезни, или аул посещал неурожай, ...тогда шли к этой святыне, становились перед ней на колени, молились ей, как Богу, и просили ее, чтобы она охраняла аул от болезней, смерти и несчастий.

Ф.А. Щербина (1916).

Дополняет приведенную выше информацию о суевериях у предков адыгов, связанных с пережитками христианства, и о стремлениях черкесо-гаев к отправлению религиозного культа, – следующий эпизод, помещенный в книге Ф.А. Щербины (1916). Как было уже упомянуто выше, у армян не было постоянного, живущего в аулах духовенства, и они сильно нуждались в пастырях, которые посещали их только наездами и часто в большие промежутки времени. Бывали случаи, – пишет историк, – когда приехавший священник

предварительно крестил жениха и невесту, а потом венчал их. Особенно часто это случалось в глухих уголках. Случаи посещения армян священником были поэтому своего рода событиями в жизни армян и носили, так сказать, праздничный характер. У армян в горах не было ни церквей, ни часовен, ничего такого, что напоминало бы черкесам, что их соседи и сожители христиане. Вот как один из армавирских стариков описал приезд в армянский аул священника, о чем ему в свою очередь рассказывал часто его дед:

«Бывало, *ерецпохан* или кто-либо другой возьмет медный подсвечник, подойдет с ним к сакле и ударяет по нему ножом или чем-нибудь металлическим, чем вызывался бы звон. Это был наш колокол. Все-таки, – пояснял рассказчик, – «дзинь-дзинь» каждый слышал. И каждый тогда знал, что приехал в аул священник, и шел в назначенное место, чтобы помолиться и выслушать богослужение. А настоящих колоколов, которые во всеуслышание гудели бы, как теперь, ни у кого не было. Боялись черкесов».

Но армяне сильно желали иметь настоящий колокол. Как-то они узнали, что у одного из абадзехов в глухих горах хранилась какая-то древняя христианская святыня. Что-то тяжелое было завернуто в белый покров, и никто не решался развернуть этот покров и посмотреть, что там под ним было, боясь оскорбить святыню. Все, однако, знали, что это была святыня и что святыня эта сохранилась в ауле с древних времен, когда в горы наезжали франки и черкесы считались христианами, но что хранилось под белым покровом, об этом боялись даже говорить. Но *если в ауле появлялся мор и повальные болезни, или аул посещал неурожай, или у кого-либо в семье случалось несчастье, тогда черкесы шли к этой святыне, становились перед ней на колени, молились ей, как Богу*, и просили ее, чтобы она охраняла аул от болезней, смерти и несчастий или чтобы она избавила от беды потерпевших людей. И все верили, что святыня могла это сделать, если ей угодна была молитва и если заслуживали того люди, прогневившие Бога.

Вот эту святыню, завернутую в белый покров, и удалось армянам перевезти в Гяурхабльский аул, когда он находился по левую сторону р. Белой, на земле хатукаевцев, рядом с аулом князя Джембулата Болотокова. Им привезли святыню сами абадзехи, но, разумеется, армяне щедро вознаградили их, потому что догадались, какая святыня была под покровом. Это был колокол, который так желали иметь жители аула Гяур-хабль. Однако армяне из боязни вражды и преследований (? – **Авт.**) со стороны черкесов побоялись повесить открыто колокол и звонить в него. Они продолжали хранить его, как святыню, признаваемую и черкесами.

Только поселившись в Армавире, христианское население воспользовалось абадзехским колоколом, как того требовали христианские обычаи. Теперь этот исторический колокол висит на колокольне одной из церквей Армавира, и в него звонят в торжественные дни, а его звуки напоминают армянам давно прошедшие времена. По этому любопытному случаю можно судить, как и при каких условиях горским армянам приходилось исповедовать христианскую религию, живя между черкесами (Щербина Ф.А., 1916).

4.8.5.4. «Черкесы... никогда не мешали армянам отправлять богослужение по правилам григорианского вероисповедания»

Существенное значение... имело сохранение армянами христианской религии, – единственного устоя, на котором держалась и удержалась армянская самобытность.

Ф. Щербина (1916. С. 44).

Ф. Щербина (1916) особо отмечает то существенное значение, которое имело сохранение армянами христианской религии, – единственного устоя, на котором держалась и удержалась армянская самобытность: «Армяне только потому и считались армянами в черкесской среде, что исповедовали особую христианскую религию; во всем же остальном они были те же черкесы и ничем не отличались от них — ни внешностью, ни языком, ни нравами и обычаями». И далее Ф. Щербина высказывает интересную мысль о роли армянских женщин в сохранении христианской религии у черкесо-гаев: «Можно поэтому положительно утверждать, что у горских армян ни в коем случае не сохранилась бы неприкосновенную христианская религия, если бы в их первых колониях не было армянки, женщины-христианки как непосредственной хранительницы христианской веры у своего семейного очага. Такими хранительницами ни в коем случае не могли быть женщины-черкешенки, которым был чужд христианский культ армян, их религиозная обрядность, традиции и заветы».

И далее историк развивает свою мысль: «Черкесо-гаи, очень многое перенявшие у черкесов (не зря их называли «черкесские армяне»), *лишь одно не меняли никогда, ни при каких обстоятельствах – свою христианскую веру*. Последние 20 лет перед переселением ее в них поддерживал монах Карапет Арцивян, вошедший в историю под именем Черкес, сам не раз пострадавший из-за своих убеждений. Именно он обращался к императору Александру I с просьбой о переселении армян и лично вел черкесо-гаев с гор на берег Кубани. В селекции, созданном под патронажем генерала Засса, тут же был заложен деревянный храм...» (Щербина Ф., 1916).

Обращает на себя внимание тот факт, что *черкесы, сами бывшие в те времена христианами, никогда не мешали армянам отправлять богослужение по правилам григорианского вероисповедания*, поддерживавшегося время от времени приходившими из Турции и Крыма православными священниками. В дальнейшем же, как отмечал Л. Люлье, «потеряв нить родства с братьями, армяне составляют особое христианское племя, достойное сожаления».

4.8.5.5. «С христианскою верою тесно соединен был весь внутренний уклад армянской жизни»

Черкесские армяне, очень многое перенявшие у черкесов, лишь одно не меняли никогда, – свою христианскую веру... Армяне были крепки своею идейною силою, определенным тяготением к духовному мировоззрению, выражавшемуся в исповедуемой ими христианской религии.

Ф. Щербина (1916).

О роли христианского мировоззрения у черкесо-гаев, способствующего укреплению их семейного уклада, размышляет Ф. Щербина (1916): «Черкесские армяне, очень многое перенявшие у черкесов, лишь одно не меняли никогда, ни при каких обстоятельствах, – свою христианскую веру... Армяне были крепки своею идейною силою, определенным тяготением к духовному мировоззрению, выражавшемуся в исповедуемой ими христианской религии. Христианский Бог и таинства связывали воедино этих немногочисленных, но стойких по духу представителей древней Гайкании.

С христианскою верою тесно соединен был весь внутренний уклад армянской жизни. Христианские праздники периодически напоминали армянину о его национальности, гуманные начала христианского вероучения сглаживали грубую действительность повседневных отношений, христианские таинства связывали в одно целое исполнявших их людей, и христианский брак, как важнейшее в жизни таинство, был краеугольным камнем национального единства армян в черкесских горах. И все это было необходимою принадлежностью армянской семьи...» (Щербина Ф., 1916. С. 202-203).

4.8.5.6. «Армяне, оставаясь искренне верующими христианами, совершенно утеряли обрядовую сторону религии»

От долгого пребывания в горах без духовенства армяне, оставаясь искренне верующими христианами, совершенно утеряли обрядовую сторону религии.

И. Хазров, священник (1846).

«Екатеринодарские армяне, – пишет армянский священник И. Хазров (1846), – приводили часто ко мне черкесов и говорили, что они армяне; но я не мог в них узнать не только армян, но и христиан. При пожелании их подойти к моему благословению, желая показать себя христианами, они вместо крестного знамения прикладывали руку ко лбу, делали ею на груди какое-то движение, вовсе не умея креститься». И это вполне естественно. От долгого пребывания в горах без духовенства армяне, оставаясь искренне верующими христианами, совершенно утеряли обрядовую сторону религии. *С внедрением между черкесами магометанства это духовное одичание грозило усилиться еще больше, да и действительно усилилось.* В прежнее время, по свидетельству Хазрова, армянское духовенство редко посещало закубанских армян, и часто они надолго оставались без пастырей и вероучителей.

Когда же между черкесами стал укрепляться ислам, армян в горах начали чаще посещать армянские священники, старавшиеся предотвратить переход армян в магометанство. И. Хазров упоминает о нескольких священниках-добровольцах, посещавших черкесо-гаев. Так, в 1808 г. у армян был монах Варган, строго запретивший им похищение девиц. У темиргоевцев жил отец Мартирос, скончавшийся в 1814 г. В 1815 г. Моздокский священник Саркис Татанов был 5 месяцев у натухаевских, темиргоевских и бесленеевских армян, а после него там же были иеромонахи Иоаким и Иоанн Черкесовы. У армян, живших у махосевцев, священником был отец Григорий Гарифов, у натахцев – Арутюн Агасиев и т. д. (Щербина Ф.А., 1916. С. 89-90).

4.8.6. Проблемы образования Армянского национально-территориального района

Коренные армяне, которых я всегда ценил и буду ценить как достойных тружеников, так естественно вписались в нашу жизнь, что подобный пример, может быть, трудно найти в России.

Н.И. Кондратенко, бывший губернатор Краснодарского края («Советская Россия», 2000, 13 мая).

Армянский народ – народ, нашедший свою вторую родину на земле Адыгеи, которая дала равные права и возможности в сохранении и развитии своего этноса, своей родной культуры, наряду со всеми народами, проживающими здесь.

Д. Крылов («Советская Адыгея», 2001, 17 мая).

После установления советской власти на Кубани г. Армавир стал центром Армянского национального района, однако это административное образование просуществовало относительно недолгое время (1925-1953 гг.). Путь к обретению собственной автономии в составе Северо-Кавказского, а позже – Краснодарского края был у армян (как, впрочем, и у шапсугов) долгим и трудным.

Как отмечает А.А. Ржавин (1999. С. 122-125), при проведении внутреннего районирования автономных областей, так же, как и в «русских округах» Северо-Кавказского края, заметное влияние оказывал национальный состав населения. Общие цели и организационные формы по проведению мероприятий в области национальной политики в отношении национальных меньшинств были сформулированы ВЦИК и СНК РСФСР в постановлении от 9 апреля 1924 г. В нем, в частности, указывались и причины, тормозившие эту работу: незавершенность районирования края, разбросанность и многочисленность нацменьшинств, недостаток соответствующих работников, а также денежных средств.

Указанные недостатки наиболее остро проявились в Майкопском округе, где вся южная часть Хадженского района представляла из себя компактную массу населенных пунктов, заселенных исключительно армянами, около 6 000 чел., в большинстве своем не знающих русского языка.

Разбросанные по ущельям, отделенные самой природой в виде горных хребтов и рек от русских поселений и районного центра, армянские поселки по своему образу жизни находились на очень низком уровне развития, поэтому окружные и краевые органы власти не надеялись на быстрое вовлечение в общее народное строительство армян. Однородность экономики и ее развития, особенности быта населения этого забытого района, низкий культурный уровень, слабость советского строительства приводили к выводу: единственным средством, обеспечивающим населению возможность быстрого хозяйственного и культурно-экономического развития, было выделение амшенских армян в самостоятельный административный район. К такому решению пришла комиссия, обследовавшая по поручению крайисполкома положение дел на месте. По ее представлению было принято решение Северо-Кавказского крайисполкома о выделении армян Майкопского округа в самостоятельный район «ввиду их малой культурности и бедственного экономического положения». 27 апреля 1925 г. о нем информируется Административная комиссия ВЦИК, которая запросила материалы по данному вопросу, чтобы войти с ними в Президиум ВЦИК. 4 сентября докладная записка за № 619163 от 31 августа 1925 г. с подробным ответом на упомянутый запрос поступила в Административную комиссию, из нее следовало, что в выделяемом Армянском районе будет 798 чел. русского населения и 6218 армян.

В этот район должны были войти сельсовет Садовый Горяче-Ключевского района Кубанского округа с 11 населенными пунктами; сельсовет Гойтхский из Майкопского округа с 9 населенными пунктами; сельсовет Черниговский с 12 населенными пунктами; частично сельсовет Нефтяной с 8 населенными пунктами и сельсовет Елизаветпольский с х. Мадиново и Островская щель. Административным центром нового района было намечено с. Елизаветпольское.

7 августа 1925 г. выделение Армянского района было утверждено Президиумом Северо-Кавказского крайисполкома. 1 октября 1925 г. по данному вопросу было получено заключение Госплана, который, соглашаясь на выделение Армянского района, оговаривал вопрос о защите русского населения. 22 октября 1925 г. Административная комиссия постановила удовлетворить ходатайство Северо-Кавказского крайисполкома, с учетом ограничений Госплана.

19 января 1926 г. дополнительно поступили акты о передаче в Армянский район сельсовета Садового из Горяче-Ключевского района Кубанского округа со списком передаваемых селений. Относительно границ района говорилось следующее: «За отсутствием каких-либо карт или письменных документов, точно определяющих границу, отделяющую сельсовет Садовый от остальной части Кубанского округа, комиссия определила последнюю в следующем виде: граница с Кубанским округом проходит по хребту горы Эцхар до того пункта, где река, вытекающая из Явтуховой щели, впадает в р. Псекупс, далее по хребту, расположенному по правому берегу Явтуховой реки до горы Поднавислой, а от Поднавислой по хребту до границы с Черноморским округом».

Выделение Армянского района в составе Гойтхского, Гунайского, Кубано-Армянского и Черниговского сельсоветов Майкопского округа, а также сельсовета Садового Кубанского округа было признано Административной комиссией 22 октября 1925 г.

В 1931 г. в состав Армянского района входили 7 сельсоветов из 70-ти населенных пунктов: сельсовет Елизаветпольский, Садовый, Гойтхский, Гунайский, Черниговский, Кубано-Армянский, Режетский. Общая территория составила 290 кв. км. Спустя три года, в 1934 г. в состав района входили 8 сельсоветов, — кроме перечисленных выше, — также Тубинский, с районным центром в с. Елизаветпольском.

В 1938 г. с. Елизаветпольское и одноименный сельсовет были переименованы соответственно в г. Шаумян и Шаумянский. Отсюда возникло и стало неофициальным и название всего района — «Шаумяновский». После освобождения в 1943 г. территории Краснодарского края от немецко-фашистских оккупантов центр Армянского района из-за больших разрушений в с. Шаумян был перенесен в с. Черниговское. По решению крайисполкома, в 1946 г. райцентр был возвращен в с. Шаумян. Однако, официально оно было утверждено в этом статусе лишь Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 мая 1953 г.

Послевоенное укрупнение колхозов, в свою очередь, вызвало необходимость пересмотра границ отдельных районов и сельсоветов.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 августа 1953 г. в Краснодарском крае были упразднены 24 района, в том числе и Армянский. Его территория была распределена между Туапсинским и Апшеронским районами (Ржавин А.А., 1999. С. 122-124).

4.8.7. Наши дни: к строительству в Майкопе Армянского национально-культурного и религиозного центра

Пусть больше будет в Майкопе куполов с крестами и полумесяцами, от этого жизнь будет духовно богаче, и наше Отечество придет к процветанию.

Г. Макаренко, настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора

Жители Адыгеи с равным уважением относятся ко всем многочисленным нациям и народностям, проживающим в республике. Не являются исключением и армяне – отдаленные потомки тех, кто в незапамятные времена бежал с исторической родины от преследования бесчисленных врагов и нашел кров и пищу на Земле адыгов.

С этой точки зрения несомненный интерес представляет информация о строительстве в Майкопе Армянского национально-культурного и религиозного центра. Этот центр, созданный по инициативе Ассоциации армян Адыгеи и объединяющей более 13 тыс. жителей республики этой национальности, включает в себя армянскую церковь и ряд светских сооружений просветительского характера. Начало строительства церкви было приурочено к широко отмечаемой всеми армянами дате – 1700-летию принятия христианства в древнем Армянском государстве. Церемонию открытия центра описывает Т. Земцова (2001, 17 мая).

11 мая на месте будущего Армянского национально-культурного центра состоялись большие торжества – освящение места и закладка камня под будущий храм. Несмотря на то, что целый день шел дождь, народу собралось много. Из армянского духовного центра Эчмиадзина, находящегося в предместье Еревана, прибыл полномочный представитель верховного патриарха, католикосавсех армян, святейший епископ Тер-Аракел. Приехал глава Южнороссийской епархии Армянской апостольской церкви владыка Тер-Мовсес. Приняли участие в торжествах местный священник армянской церкви Тер-Баграт Фаришьян, настоятели армянских церквей с Юга России. От православного духовенства участвовали благочинный церковью Адыгеи протоиерей Геннадий Макаренко и настоятель Свято-Воскресенской церкви, казачий священник протоиерей Борис Малинка. От мусульманского духовенства — управляющий делами Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края Аскарбий Карданов. От светских властей в торжествах участвовали премьер-министр Республики Адыгея Н.В. Авдиенко, председатель Совета представителей Госсовета – Хасэ Т.М. Петрова, министры, депутаты Парламента РА, главы администраций городов и районов республики. Присутствовали председатель татарского национально-культурного общества «Дуслык» А.Ш. Ильясов, атаман Майкопского казачьего отдела А.И. Тарасов и др.

Священнослужители армянской апостольской церкви совершили молебен. Настал самый торжественный момент – закладка камня под фундамент соборной церкви Сурп-Арутюн – Святого Воскресенья. Затем святейший епископ Тер-Аракел и владыка Тер-Мовсес обратились с приветствиями к собравшимся. Святейший сказал, что армянский народ, куда бы ни забросила его судьба, всюду является народом-строителем. И вот вдали от исторической родины, в многонациональной Адыгее будет строиться армянская церковь. От имени католикоса всех армян Гарегина II святейший епископ выразил огромную благодарность Президенту Республики Адыгея А.А. Джаримову. За содействие в сооружении храма поблагодарил главу администрации Майкопа М.Н. Черниченко, всех пожертвователей-спонсоров за внесение средств на строительство дома Божия.

Настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора отец Геннадий Макаренко выразил радость православной души по поводу строительства армянской церкви: «Пусть больше будет в Майкопе куполов с крестами и полумесяцами, от этого жизнь будет духовно богаче, и наше Отечество придет к процветанию». Управляющий делами Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края Аскарбий Карданов, выразив радость по поводу начала строительства армянской церкви, пообещал содействие мусульман. Очень тепло поздравил армянскую общину с началом строительства премьер-министр Республики Адыгея Н.В. Авдиенко, сказавший, что правительство республики будет оказывать всяческое содействие строительству, духовному развитию не только армянского населения, но и представителям других национальностей.

Слова благодарности за содействие в строительстве выразили руководителям республики пожертвователи, координатор армянских общин Юга России М.М. Оганесян, нынешний председатель Ассоциации армян Республики Адыгея П.С. Кукулян и ее основатель И.С. Терзиян. По армянским обычаям все участники торжества были приглашены к жертвенному столу» (Земцова Т., 2001, 17 мая).

4.9. Адыгея в составе Южного федерального округа

4.9.1. Организация Южного федерального округа

Мы считаем, что народам Северного Кавказа нужна новая, созидательная философия развития. В центре этой философии должны быть идеи мира, добрососедства и взаимного сотрудничества...

В. Казанцев (2000).

Одним из первых шагов Владимира Владимировича Путина в должности Президента Российской Федерации, направленных на более четкое функционирование системы управления страной, было создание в составе России федеральных округов и назначение в них полномочных представителей Президента РФ. В соответствии с его Указом, в Российской Федерации были организованы 7 федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный федеральный округ.

В 2000 г. Южный регион России полностью вошел в *Южный федеральный округ, включающий в себя: республики: Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чечня, Дагестан; Краснодарский и Ставропольский края; Астраханскую, Волгоградскую и Ростовскую области*. Центром федерального округа определен г. Ростов-на-Дону.

При создании любого аппарата управления, тем более столь обширных в территориальном и «пестрых» в этническом отношении федеральных округов, следует учитывать накопленный опыт. Осуществлялись ли в прошлом подобные крупномасштабные административно-территориальные преобразования? Ретроспективный взгляд в историю России дает основание утверждать, что на территории Северного Кавказа, т. е. именно нашего федерального округа, такой опыт накапливался на протяжении XIX-XX вв.

Как было отмечено выше, уже в дореволюционный период, после многовекового противоречивого процесса интеграции Кавказа в состав Российской империи (обмен посольствами, заключение соглашений, принятия присяг, заключение военно-политического союза между Черкесией и Российским государством и т. д.), были определены принципы и правовые основы политики России на Северном Кавказе, которые были закреплены в положениях «О Кавказском управлении» (1865) и «О Кавказском военно-народном управлении» (1880), в которых Кавказский регион рассматривался в качестве единого объекта государственного управления.

После установления Советской власти, в ноябре 1920 г. состоялись Съезды народов Дагестана и Терека, на которых были провозглашены две автономные национальные советские республики – Дагестан и Горская республика. В Горскую республику вошли бывшие национальные округа Терской области, которые составили 6 административных округов: Чеченский, Назрановский (позже переименован в Ингушский), Владикавказский (переименован в Осетинский), Кабардинский, Балкарский, Карачаевский. Эти округа не являлись формой административно-национальной автономии, но некоторые элементы ее содержали (делопроизводство на национальных языках и т. п.). Города Владикавказ и Грозный получили самостоятельный статус.

После упразднения Горской АССР из ее состава были образованы Ингушская и Северо-Осетинская автономные области (с центром обеих во Владикавказе). Сунженский округ, населенный казачеством, и Владикавказ выделялись в самостоятельные административные единицы, непосредственно подчиненные ВЦИК РСФСР.

13 февраля 1924 г. был образован Юго-Восточный край в составе РСФСР, который делился на 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в г. Ростове-на-Дону.

В конце 1924 г. Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край. В состав края были включены Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, а также город Владикавказ и Сунженский округ. В 1925 г. Северо-Кавказский край объединил русско-казачьи округа, а также все горские автономии за исключением Дагестана. В 1931 г. Дагестанская АССР по ее просьбе была включена в состав Северо-Кавказского края. В 1933 г. Владикавказ был передан в состав Северо-Осетинской области. Национальные автономные области вошли в Северо-Кавказский край в качестве самостоятельных единиц с сохранением всех прав, предоставленных им соответствующими законодательными актами. За автономными областями сохранилось право непосредственного выбора на областных съездах Советов делегатов на Всероссийские съезды Советов, а также прямого сношения с центральными органами РСФСР.

В некоторых автономиях, учитывая многонациональный состав населения, создавались национальные округа и районы. Например, в Кабардино-Балкарии в 1925 г. казачьи станицы были выделены в казачий округ, затем был создан казачий округ в Осетии. Автономное самоуправление и самостоятельный бюджет были предоставлены немецким колониям и кумыкским селениям в Кабардино-Балкарии.

В 1934 г. произошло деление Северо-Кавказского края на Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края.

В ходе принятия Конституции СССР 1936 г., наряду с Дагестаном, статус автономных республик получили Северная Осетия, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария.

Во время Великой Отечественной войны Чечено-Ингушская АССР и Карачаевская автономная область были упразднены, а чеченцы и ингуши вместе с карачаевцами и балкарцами депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. В 1956 г. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, депортированным народам

Административное деление региона
Северного Кавказа. XX в.

было разрешено вернуться. Но Чечено-Ингушетия была восстановлена в других административных границах. Так, Пригородный район с правобережной частью Владикавказа (Орджоникидзе) вошел в состав Северной Осетии. Наурский и Шелковской районы Ставропольского края вошли в состав Чечено-Ингушетии. В 1957 г. автономия карачаевцев была восстановлена, но уже не в самостоятельной, а в объединенной Карачаево-Черкесской автономной области.

Провозглашение Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации ознаменовало собой начало нового этапа российской истории. В 1991 г. автономные образования были преобразованы в республики в составе Российской Федерации (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Дагестан), а бывшее ранее единое административно-территориальное образование – Чечено-Ингушетия – прекратила свое существование, началось формирование новой государственности двух республик – Чеченской республики и Республики Ингушетия.

В период 1992-1997 гг. были приняты конституции и декларации республик о государствен-

ном суверенитете, уставы краев и областей, избраны органы законодательной и исполнительной власти.

Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина, 13 мая 2000 г. во всех федеральных округах страны был введен институт полномочных представителей Президента Российской Федерации, а также определены их права и обязанности. Принимая во внимание особую важность принятых документов, ниже приведен их текст полностью:

*Указ Президента Российской Федерации о полномочном представителе
Президента РФ в федеральном округе*

В целях обеспечения реализации Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений постановляю:

1. Преобразовать институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в регионах Российской Федерации в институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах.
2. Утвердить прилагаемые Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе и перечень федеральных округов.
3. Правительству Российской Федерации с участием Администрации Президента Российской Федерации в 3-месячный срок разработать и утвердить схему размещения территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, имея в виду необходимость ее согласования со схемой размещения полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах.
4. Руководителю Администрации Президента Российской Федерации в месячный срок утвердить структуру и штатную численность аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах и до 1 августа 2000 г. провести необходимые организационно-штатные мероприятия в соответствии с настоящим Указом.
5. Главному государственно-правовому управлению Президента Российской Федерации в месячный срок представить в установленном порядке предложения о приведении правовых актов Президента Российской Федерации в соответствие с настоящим Указом.
6. Признать утратившими силу пункты 1-5 Указа Президента Российской Федерации от 9 июля 1997 г. № 696 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в регионе Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 28, ст. 3421).
7. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации
В. Путин
Москва, Кремль, 13 мая 2000 г. № 849

*Положение
о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе*

I. Общие положения

1. Полномочный представитель обеспечивает реализацию конституционных полномочий главы государства в пределах соответствующего федерального округа.

2. Полномочный представитель является федеральным государственным служащим и входит в состав Администрации Президента Российской Федерации.

Полномочный представитель назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации по представлению Руководителя Администрации Президента Российской Федерации.

Полномочный представитель непосредственно подчиняется Президенту Российской Федерации и подотчетен ему.

Полномочный представитель назначается на должность на срок, определяемый Президентом Российской Федерации своих полномочий, но не превышающий срока исполнения Президентом Российской Федерации своих полномочий.

3. Полномочный представитель в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, а также настоящим Положением.

4. Полномочный представитель имеет заместителей, распределяет между ними обязанности и руководит их деятельностью.

Заместители полномочного представителя являются федеральными государственными служащими и входят в состав Администрации Президента Российской Федерации.

Назначение на должность заместителей полномочного представителя, освобождение их от должности, а также применение к ним мер поощрения и дисциплинарного взыскания осуществляются Руководителем Администрации Президента Российской Федерации.

II. Основные задачи полномочного представителя

5. Основными задачами полномочного представителя являются:

- организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;
- организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;
- обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;
- представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, внесение Президенту Российской Федерации соответствующих предложений.

III. Функции полномочного представителя

6. Полномочный представитель в целях решения возложенных на него задач осуществляет следующие функции:

- обеспечивает координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе;
- анализирует эффективность деятельности правоохранительных органов в федеральном округе, а также состояние с кадровой обеспеченностью в указанных органах, вносит Президенту Российской Федерации соответствующие предложения;
- организует взаимодействие федеральных органов исполнительной власти с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, политическими партиями, иными общественными и религиозными объединениями;
- разрабатывает совместно с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации программы социально-экономического развития территорий в пределах федерального округа;
- согласовывает кандидатуры для назначения на должности федеральных государственных служащих и кандидатуры для назначения на иные должности в пределах федерального округа, если назначение на эти должности осуществляется Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации или федеральными органами исполнительной власти;
- организует контроль за исполнением федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, за реализацией федеральных программ в федеральном округе;
- согласовывает проекты решений федеральных органов государственной власти, затрагивающих интересы федерального округа или субъекта Российской Федерации, находящегося в пределах этого округа;
- согласовывает направляемые в федеральные органы исполнительной власти органами государственной власти субъектов Российской Федерации, находящимися в пределах федерального округа, представления о награждении государственными наградами Российской Федерации, об объявлении благодарности Президента Российской Федерации, а также о присвоении почетных званий Российской Федерации, высших воинских и высших специальных званий;
- вручает в федеральном округе по поручению Президента Российской Федерации государственные награды Российской Федерации, а также объявляет благодарность Президента Российской Федерации;
- принимает участие в работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа;
- организует по поручению Президента Российской Федерации проведение согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, находящимися в пределах федерального округа;
- вносит Президенту Российской Федерации предложения о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах федерального округа, в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина;
- взаимодействует с Главным контрольным управлением Президента Российской Федерации и органами прокуратуры Российской Федерации при организации проверок исполнения в федеральном округе федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации.

IV. Права полномочного представителя

7. Полномочный представитель имеет право:

- запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы от самостоятельных подразделений Администрации Президента Российской Федерации, от федеральных органов государственной власти, а также от органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, находящихся в пределах соответствующего федерального округа, и от должностных лиц;
- направлять своих заместителей и сотрудников своего аппарата для участия в работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа;
- пользоваться в установленном порядке банками данных Администрации Президента Российской Федерации и федеральных органов государственной власти;
- использовать государственные, в том числе правительственные, системы связи и коммуникации;
- организовывать в пределах своей компетенции проверки исполнения указов и распоряжений Президента Российской Федерации, а также хода реализации федеральных программ, использования федерального имущества и средств федерального бюджета в федеральном округе;
- направлять на рассмотрение федеральных органов государственной власти, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, руководителей организаций, находящихся в пределах федерального округа, и должностных лиц жалобы и обращения граждан;
- вносить в соответствующие федеральные органы исполнительной власти предложения о поощрении руководителей их территориальных органов, находящихся в пределах федерального округа, и применении к ним мер дисциплинарного взыскания;
- привлекать сотрудников Главного контрольного управления Президента Российской Федерации, а в необходимых случаях и сотрудников федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов к проведению проверок, анализу состояния дел в организациях, находящихся в пределах федерального округа;
- образовывать совещательные и консультативные органы.

8. Полномочный представитель при исполнении должностных обязанностей имеет право беспрепятственного доступа в любые организации, находящиеся в пределах соответствующего федерального округа.

V. Организация и обеспечение деятельности полномочного представителя

9. Оперативное руководство деятельностью полномочного представителя осуществляет Руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

10. Непосредственное обеспечение деятельности полномочного представителя осуществляет аппарат полномочного представителя, являющийся самостоятельным подразделением Администрации Президента Российской Федерации. В состав аппарата полномочного представителя входит соответствующая окружная инспекция Главного контрольного управления Президента Российской Федерации.

Главное контрольное управление Президента Российской Федерации осуществляет методическое руководство указанной окружной инспекцией по вопросам организации контроля за исполнением федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, реализацией федеральных программ.

Руководитель Администрации Президента Российской Федерации утверждает структуру и штатную численность аппарата полномочного представителя, определяет количество заместителей полномочного представителя.

11. Полномочный представитель:

- руководит деятельностью аппарата полномочного представителя, обеспечивая решение возложенных на него задач;
- распределяет обязанности между своими заместителями;
- утверждает должностные инструкции работников аппарата полномочного представителя;
- назначает на должность и освобождает от должности сотрудников своего аппарата, поощряет их и применяет к ним меры дисциплинарного взыскания;
- подписывает служебную документацию в пределах своей компетенции;
- издает распоряжения по вопросам деятельности аппарата полномочного представителя;
- решает вопросы о командировании сотрудников аппарата полномочного представителя в пределах Российской Федерации.

12. Полномочный представитель размещается в центре федерального округа. Над зданием, в котором располагается полномочный представитель, поднимается Государственный флаг Российской Федерации; в его рабочем кабинете помещаются Государственный флаг Российской Федерации и изображение Государственного герба Российской Федерации.

13. Место размещения заместителей полномочного представителя и его аппарата на территории федерального округа определяется полномочным представителем.

14. Информационное, документационное, правовое, материально-техническое и транспортное обеспечение деятельности полномочного представителя и его аппарата, обеспечение служебными и жилыми помещениями, а также медицинское и социально-бытовое обслуживание полномочного представителя и работников его аппарата осуществляют соответствующие подразделения Администрации Президента Российской Федерации и Управление делами Президента Российской Федерации, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, находящиеся в соответствующем федеральном округе на основе соглашений с Администрацией Президента Российской Федерации. Расходы на эти цели производятся за счет сметы Администрации Президента Российской Федерации.

Утверждено Указом Президента РФ. Москва, Кремль, 13 мая 2000 г. № 849.

Указом Президента РФ В.В. Путина № 891 от 18 мая 2000 г., полномочным представителем Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе был назначен **Виктор Германович Казанцев**, боевой генерал, Герой России, которому были далеко не безразличны были судьбы народов Северного Кавказа.

4.9.2. Реорганизация Южного федерального округа в собственно Южный и Северо-Кавказский федеральные округа

Мы в республике очень рады этому событию. Создание Северо-Кавказского федерального округа, надеемся, позволит федеральной власти уделять более пристальное внимание Северному Кавказу.

Юнус-Бек Евкуров, Президент Республики Ингушетия (2010).

Образование Северо-Кавказского федерального округа — это серьезный шаг к решению имеющихся на южном направлении проблем.

В. Гаевский, губернатор Ставропольского края (2010).

В 2010 г. Южный федеральный округ был реорганизован в собственно Южный, а также Северо-Кавказский федеральный округ. «Во-первых, я изменил систему федеральных округов, которая существует в нашей стране, и теперь из Южного федерального округа выделяется Северо-Кавказский федеральный округ с центром в Пятигорске, — сказал Президент РФ Д.А. Медведев. — В новый округ войдут Республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня, а также Ставропольский край. В составе же Южного федерального округа, таким образом, останется всего шесть регионов: Республики Адыгея и Калмыкия, Краснодарский край, а также Волгоградская, Астраханская и Ростовская области. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе — **Владимир Устинов** («Российская газета», 2010, 21 янв.).

Несомненный интерес представляет информация, приведенная в газете «Аргументы и факты» (2011, № 46. С. 11), в которой приводится перечень регионов-реципиентов (получающих дотации) по этим двум округам (табл. 43):

Таблица 43 – Перечень дотационных регионов в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах, на 01.01.2011 г.

Регион	Дотации,	
	тыс. руб./чел.	всего на регион, млрд. руб.
Северо-Кавказский Федеральный округ		
Республика Дагестан	11,1	30,4
Чеченская республика	10,3	13,1
Ставропольский край	3,7	10,1
<i>Кабардино-Балкарская республика</i>	7,5	6,7
Республика Ингушетия	12,9	6,6
Республика Северная Осетия-Алания	6,8	4,8
<i>Карачаево-Черкесская республика</i>	9,7	4,1
Южный Федеральный округ		
Ростовская область	2,9	12,3
<i>Краснодарский край</i>	1,2	6,2
<i>Республика Адыгея</i>	7,9	3,5
Волгоградская область	1,2	2,9
Республика Калмыкия	6,6	1,9
Астраханская область	1,3	1,3

*Курсивом выделены три адыгские республики, а также (для сравнения) – Краснодарский край

«...Ответственным по Северному Кавказу» – полномочным представителем Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе назначен **Александр Хлопонин**... Таким образом, возникает уникальная позиция, когда одно лицо является и заместителем председателя правительства России, и полномочным представителем Президента», – так обрисовал Д.А. Медведев новую систему подчинения ответственного за Кавказ. И далее Президент обрисовал спектр обязанностей Хлопонина: «В ваших руках будут полномочия экономического порядка – полномочия, связанные с исполнением обязанностей вице-председателя правительства России, а с другой стороны — полномочия, связанные с исполнением обязанностей президентской вертикали. То есть те полномочия, которые традиционно принадлежат представителю президента в федеральном округе, — по кадрам, по работе с силовыми и правоохранительными структурами и по всем тем другим вопросам, которые находятся в ведении полномочного представителя» («Российская газета», 2010, 21 янв. С. 1-2).

Указ Президента Российской Федерации

«О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»

1. Внести в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (Собрание

законодательства Российской Федерации, 2000, № 20, ст. 2112; № 26, ст. 2748; №38, ст. 3781, 2001, №6, ст. 551; 2004, № 15, ст. 1395, №41, ст. 4021; 2005, № 13, ст. 1135; 2008, № 16, ст. 1673; 2009, № 18, ст.), следующие изменения:

а) абзац пятый изложить в следующей редакции:

«Южный федеральный округ: Республика Адыгея (Адыгея), Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область»;

б) дополнить новыми абзацами 7-м и 8-м следующего содержания:

«Северо-Кавказский федеральный округ: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край. Центр федерального округа – г. Пятигорск»;

в) абзацы 7-й – 14-й считать соответственно абзацами 9-м – 16-м.

2. Внести изменение в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2008, № 20, ст. 2290, № 22, ст. 2544; № 30, ст. 3619; № 37, ст. 4181; № 41, ст. 4653; № 42, ст. 4788; № 49, ст. 5768; № 52, ст. 6366; 2009, № 1, ст. 95; № 37, ст. 4396; №41, ст. 4731), заменив в пункте 1 слова «8 заместителей» словами «9 заместителей».

3. Руководителю Администрации Президента Российской Федерации утвердить структуру и штатную численность аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе и провести необходимые организационно-штатные мероприятия в соответствии с пунктом 1 настоящего Указа.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации Д. Медведев
Москва, Кремль 19 января 2010 г. №82.

Указ Президента Российской Федерации

«О Заместителе Председателя Правительства Российской Федерации и полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе»

В соответствии с пунктом «д» ст. 83 Конституции Российской Федерации и подпунктом «в» пункта 1 ст. 19 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184- «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» постановляю:

1. Назначить Хлопонина Александра Геннадиевича Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, приняв его отставку от должности губернатора Красноярского края в связи с переходом на другую работу.

2. Назначить Хлопонина А.Г. полномочным представителем Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания, за исключением пункта 2, который вступает в силу со дня вступления в силу Федерального конституционного закона «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Федерального конституционного Закона «О Правительстве Российской Федерации».

Президент Российской Федерации Д. Медведев
Москва, Кремль 19 января 2010 г. №83.

Александр Хлопонин поблагодарил президента за оказанное доверие. «Я понимаю, что для страны развитие Северного Кавказа является важнейшим приоритетным проектом, — подчеркнул он. — Безусловно, я постараюсь максимально использовать тот опыт, который мной наработан» («Российская газета», 2010, 21 янв. С. 1-2).

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ АДЫГОВ В НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ

Предание во всем сходно с историей...

Ш. Ногмов (1893).

«Древнее предание народа о своем происхождении, нравится оно современникам или нет, не перестает быть преданием, и оно не должно быть предано забвению или отвергнуто субъективно, а заслуживает всестороннего объективного исследования», – подчеркивает известный адыгский историк С.Н. Бейтуганов (2007). О том, что предания имеют несомненную пользу для расширения исторического кругозора как современников, так и для будущих поколений, писали и библейские пророки: «Открою уста мои в притче и произнесу гадания из древности. Что слышали мы и узнали, и отцы наши рассказывали. Чтобы знал грядущий род; дети, которые родятся, и чтоб они в свое время возвещали своим детям» (Псалтырь, 77; 2-6).

Задолго до С.Н. Бейтуганова (2007), о значении исторического предания в осмыслении реальной истории хорошо сказал известный русский философ И.А. Бердяев. «Историческая память, как способ опознания «исторического» неразрывно связана с историческим преданием, вне его не существует и исторической памяти. На этом моменте мы считаем необходимым остановиться, так как в последнее время появились исследования, в которых проводится мысль о том, что *народ, не имевший письменности и письменной литературы, в некотором смысле не может иметь исторической памяти*. Следовательно, по их мнению, период до появления письменности в истории народа это не подлинная история, а скорее мифология. С этим утверждением мы никак не можем согласиться», – завершает свою мысль И.А. Бердяев (Цит. по: Пшемурзов В.Х., 2003. С. 78). Не можем согласиться и мы...

1. ПРЕДАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АДЫГСКОГО НАРОДА

Их (черкесов) род и происхождение неизвестно.

П.С. Паллас, академик (1793).

Откуда мы пришли?

Куда свой путь вершим?

В чем нашей жизни смысл?

Он нам непостижим.

Омар Хайям (1048-1131).

Археологические и исторические исследования, а также письменные источники свидетельствуют о том, что адыгейцы, кабардинцы и черкесы в прошлом составляли один народ, и их прародина – Черноморское побережье Кавказа, Приазовье и Прикубанье. Тем не менее, факт переселения кабардинцев в Центральный Кавказ в XIII-XIV вв. именно из Причерноморья-Прикубанья уже не одно столетие подвергается сомнению отдельными историками, привлекающими в качестве «доказательств» народные предания адыгов.

О том, что историческая ценность таких преданий зачастую сомнительна, о чем предупреждал в свое время еще Хан-Гирей в «Записках о Черкесии»: «К сожалению, этот предмет (история) у народов непрощенных погружен во мглу неизвестности, из мрачной пучины которой обманчивое эхо баснословных преданий едва доходит до позднего поколения». И далее адыгский просветитель развивает эту мысль: «Черкесы не знают летоисчисления, и времена прошедших их событий у них теряются во мгле забвения: не только неизвестно им, когда и самые важнейшие происшествия совершились в отдаленные эпохи, но даже и близкие события, достойные внимания, превращаются в темные предания». Вместе с тем, в условиях отсутствия у адыгов (черкесов) письменности и преобладания устных форм освещения исторических событий, народные предания приобрели огромную силу воздействия на формирование психологии, сознания и памяти народа о своей исторической родине. Поэтому предания о происхождении адыгских князей в контексте рассматриваемого вопроса, имеют ключевое значение. С этой точки зрения, адыгские предания, представляя собой ценный пласт народной культуры, в какой-то мере являются свидетельством представлений предков адыгов о своем прошлом, о том: «кто мы есть и откуда пришли». Как образно заметил А.Ж. Кафоев (1999), «...народные песни и исторические предания должны быть для нас так же драгоценны, как для археологов древние памятники: из них узнаем мы дух, моральный облик своих предков, их нравы, понятия и дела».

Наиболее развитая версия родословной кабардинских князей и прихода их на Северный Кавказ, – отмечает А.В. Гадло (2005), – изложена в «Истории адыгейского народа», написанной в начале 40-х гг. XIX в. Шорой Ногмовым. Эта версия близка к версиям Я. Потоцкого и Г.-Ю. Клапрота, услышанным ими на рубеже XVIII-XIX вв. Версия Ш. Ногмова, как и содержание близких к ней по составу преданий, может быть довольно четко расчленена на три части.

Первая часть содержит повествование о пребывании предков адыгов на далекой прародине вне пределов Северного Кавказа и их странствиях в Аравии, Сирии, Египте, Византии, Крыму. В ней говорится о происхождении адыгских аристократов от пророка Ноэ, его сына Сема (им соответствуют библейские Ной и Сим) и их мифических потомков – древних властителей Аравии и Египта. Эта часть предания неоднократно подвергалась критике, ее искусственное книжное происхождение и явный классово-религиозный подтекст не вызывают никакого сомнения. В версии Ш. Ногмова эта часть представляет собственно предысторию адыгских племен.

Во второй части предания изложена начальная история адыгов. Она открывается повествованием о Кесе (варианты Пшир-Кесш, Кесс), называет двух его приемников и затем содержит развернутый рассказ о его правнуке (по другим версиям – внуке или сыне), носившем имя Инал.

Третья часть предания повествует о потомках Инала, среди которых упоминаются (в разных вариациях) и эпонимы (гр. *εponυτος* – «дающий чему-либо свое имя») основных исторических адыгских племен, и реальные исторические предки основных аристократических (княжеских) фамилий Адыгеи и Кабарды (Гадло А.В., 2005. Вып. I).

Как показали наши исследования, по вопросу «прародин» адыгского народа существует множество версий: «Аравийская», «Турецкая», «Египетская», «Крымская», «Хазарская», «Рязанская», «Греческая», «Генуэзская», а также уж очень оригинальные предположения типа: «Запорожские казаки – потомки пятигорских черкесов?», «Адыги-анты – славянские племена?», «Адыги-кабардинцы – потомки амазонок?», «Кабардинцы – потомки Чингис-хана?» (Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., 2004). Привожу эти версии в их кратком изложении.

1.1. У истоков: к родословной первых адыгских князей, по преданиям кабардинцев

1.1.1. От хана Ларуна до князя Инала

Ш.Б. Ногмов является адыгским Нестором, а его «История» – адыгской «Повестью временных лет».

Т.Х. Кумыков (1965).

«История» Ногмова всегда будет источником первостепенной важности.

Е. Зевакин (1965).

Ш. Ногмов на основании скрупулезного анализа результатов исследований турецких авторов: Джиафара и книги Табари «О княжеском родословии», а также собственных изысканий впервые собрал предания и сказания о деяниях родоначальников адыгского народа. Привожу этот перечень адыгских князей в кратком изложении.

Хан Ларун, уроженец Вавилонский, вследствие гонений, оставил родину и поселился в Египте. Двое сыновей его, **Черкес** и **Бикес** приобрели большое влияние между египетскими народами. Узнав об этом, турецкий султан Исгак со своим войском выступил против них. Черкес и Бикес были убиты, а их ближайшие родственники **Туманпай** и **Араб-хан** бежали в Александрию. Султан Исгак разгромил их войско, Туманпай был убит, а Араб-хан с остатком своего войска бежал в Византию, где просил у императора покровительства и защиты. Византийский император разрешил ему поселиться со своими людьми в Крыму, на р. Кобарте, желая тем самым приобрести «новый оплот для своей империи, поставив на границе людей известной храбрости и испытанного мужества». Когда Араб-хан умер, его сын **Абдан-хан** унаследовал его власть. Не желая защищать от турок границы Византии, переселенцы решили тайно бежать из Крыма на Западный Кавказ. Во время переезда морем жена Абдан-хана родила сына, которого назвали **Кес**.

Переселенцы высадились на берегу близ Суджук-Кале (Новороссийск). Обитавшие там адыге приняли их ласково и позволили селиться на берегу Черного моря до р. Хохоя. Через несколько лет Абдан-Хан умер, и молодой **Кес** (сын Абдан-хана. – **Авт.**), несмотря на свое несовершеннолетие, принял бразды правления. Он показал «твердость характера, благородство души и редкое мужество», чем привлек к себе адыгов до такой степени, что они признали его своим князем, или повелителем, дав ему имя Пшир-Кесш. Кес принял веру туземцев и впоследствии новые переселенцы совершенно слились с коренными жителями. Умирая, Кес передал власть сыну своему – **Адо**, который впоследствии оставил власть своему сыну **Хурофатлас**, не имеющему ни дарований, ни мужества своих предков. Видя это, адыгские князья отложились от него и стали жить по-прежнему независимо. Слабый Хурофатлас не смог до конца жизни возратить себе влияния и власти над адыгами и умер, оставив сына по имени **Инал**.

Инал вступал три раза в брачный союз и оставил после себя пять сыновей: от первой жены Жайхота, от второй – Миньболата и Беслема; а от третьей – Унармеша и Кирмиша... После смерти Инала подвластные решительно не хотели повиноваться сыновьям его. После долгих беспокойств они разделились на три части: одни из них остались в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а третьи ушли в Кабарду. От этих-то сыновей Инала производят свое родоначалие нынешние кабардинские, кемиргоевские и бесленевские князья» (Сивер А.В., 2007. Вып. VI).

1.1.2. «Кес – родоначальник всех черкесских князей»

И сказал: «Я произведу от тебя великий народ; потомству твоему отдам Я землю сию».

Книга Бытие (12; 2, 7).

*Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранил
И, услышав твое название,
Твой сын душою закипит.*

М.Ю. Лермонтов (1839).

Существуют и другие версии о «родословной» адыгских князей, несколько отличающиеся от версии Ш. Ногмова. Так, самым первым «родоначальником» объявляется уже не вавилонский хан Ларун, а Кес. При

этом у него оказывается уже не 5, а 4 сына, причем их имена не соответствуют «ногмовскому варианту». Есть и другие существенные разночтения. Привожу предание о происхождении адыгских князей в изложении В.А. Потто.

У знаменитого **Инала** (потомка **Кеса**, родоначальника всех черкесских князей) было 4 сына: **Темрюк**, **Беслан**, **Капарт** и **Зеноко**. Инал при жизни разделил все свои владения на 4 удела и раздал их в управление своим сыновьям, которые стали родоначальниками нынешних черкесских племен: от Темрюка произошли темиргоевцы, от Беслана – бесленеевцы, от Капарта – кабардинцы и только одни шапсуги не приняли названия четвертого сына Инала – Зеноко. Сам Инал остался жить среди темиргоевцев. Но Темрюк, которого черкесские песни называют «человеком железного сердца», скоро восстал на отца, лишил его власти и объявил себя одного князем над всеми князьями. Братья не признали его главенства, но Инал, которого народ причисляет к лику святых, смирился с судьбой и, умирая, завещал сыновьям почитать темиргоевского князя «князем над князьями», в память того, что сам он, властвуя над всеми черкесами, имел пребывание среди темиргоевцев.

Князья **Болотоко** – прямые потомки Темрюка, и потому ни одна из княжеских фамилий за Кубанью не пользовалась до позднейших времен таким значением и влиянием, как эта фамилия. Древность ее свидетельствуется, между прочим, двумя народными поэтами, дошедшими до нас из глубокой старины и составляющими перлы черкесской поэзии. В одной поэме рассказывается о том, как князья Большой Кабарды хотели посадить для княжения над бесленеевцами одного из своих князей, тогда как у бесленеевцев еще остался наследником малолетний потомок Беслана. Обе стороны вооружаются. Бесленеевцы как слабейшие приглашают себе на помощь все закубанские черкесские племена и крымского хана. Здесь в поэме описываются все народы и перечисляются все княжеские и дворянские рода их. Бой происходит у Кыз-Буруна в Баксанском ущелье. Победа остается за закубанскими черкесами, и кабардинцы отказываются от своих притязаний. В другой исторической песне описывается взятие Дербента (Демир-Хану) на побережье Каспийского моря. Здесь было все лучшее черкесское дворянство, и князья Болотоко отличались такой храбростью, что крымский хан дает этой фамилии титул «черного хана», – другими словами он передает им все свои права там, где не управляет народом лично. У черкесов поэмы эти имеют такое же значение, как у нас родословные дворянские книги. И те фамилии, о которых не упоминается в песнях, не могут считаться коренными дворянскими фамилиями», – завершает свое изложение В.А. Потто.

2. ВЕРСИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АДЫГОВ: КАЛЕЙДОСКОП НАУЧНЫХ И ПСЕВДОНАУЧНЫХ МНЕНИЙ

2.1. «Предки адыгов – выходцы из Аравии, Египта и Ближнего Востока»?

«Спросите у большей части жителей Кавказа, от кого они происходят, – они и сами этого не знают», – писал побывавший в этом регионе А. Дюма (1869). Но, тем не менее, – утверждает С.Н. Бейтуганов (2007), – все эти предания о происхождении адыгских князей содержат неизбежные различия в частности, но в главном они говорят об одном: предки их – выходцы из Аравии, Египта и Ближнего Востока.

Наибольшее распространение, особенно в дореволюционный период, получила версия, по которой часть адыгов (кабардинцы) переселилась из Аравии или из Египта. О ней упоминал князь Мисост Атажукин: «Народ кабардинский родом выходцы из столичного града Египта, которые могли быть выгнаны силою оружием турецких султанов – Баязита и сына его Селима». П.С. Паллас также писал об этой версии: «Кабардинцы считают себя по происхождению арабами; может быть, это остатки тех войск, которые халифы когда-то посылали на Кавказ. Другие же ведут их происхождение от египетских мамлюков» (Жемухов С.Н., 2005. Вып. II. С. 322).

2.1.1. «Аравийская» версия

2.1.1.1. «Кабардинцы имеют неясное убеждение, почитая себя пришельцами из Аравии...»

Князья же, которые, как они сами себя выводят, суть пришельцы из Аравии и называются по-черкесски шиш, а по-татарски бей.

С. Броневской (1823).

Некоторые периоды их (черкесов) истории освещены в песнях и старых преданиях, большинство из которых носит сказочный характер.

Ж. Тэбу де Мариньи (1836).

Ученый-этнограф В.В. Шевцов в своем трактате «Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском воинственном и домашнем духе», изданном в 1855 г., пишет «Из всех племен, населяющих Кавказские горы и равнины, ни одно не имеет положительного понятия о своем происхождении и о прочих исторических сведениях: они не изучали изустных преданий о событиях, случившихся в жизни предков их; все, что известно им, не углубляется в давно прошедшее, этот круг очерчен не далее дедовского времени, исключая лезгин, признающих себя выходцами из Индии.

Одни кабардинцы имеют неясное убеждение, почитая себя пришельцами из Аравии, с ханом по имени Абун, и поселенцами на восточном берегу Черного моря; но как прежде они именовались – ничего не осталось в их изустной хронике. По всей вероятности, они выведены из Аравии в числе 17 тысяч семейств, пришедших на Кавказ с главным полководцем Абун-Муселимом (Абу-Муслим) и под другими затерянными именами.

Вот все, что сбережено в потомстве нынешних так называемых черкесов: первый хан их был **Абун**, второй **Инал** и последний **Адыг**. Инал был христианин, носил на шее золотой крест, хотя они не знают соседей своих христиан, от которых был крещен Инал; но вероятно, греки, жившие колониями на восточном берегу Черного моря, обратили как самого князя, так и многих подданных его в веру Христа.

Основываясь на этих данных, должно полагать, что некоторые зодчества, ныне уцелевшие в горах, были произведениями греческими, сами же черкесы, по дикому невежеству своему, не имели никакого понятия в искусствах. От последнего владельца своего они получили звание адыге, сохранившееся до настоящего времени. Потом это племя было вытеснено из первых жилищ своих другими пришедшими народами, но какими именно – не осталось никаких следов в их памяти; затем оставив и вторые места из-за частых набегов крымских татар, переселились к Бештовским горам (Бештау), а с последних мест, занятых русскими, подались к цепи снеговых гор и расположились при реках: Малка, Баксан, Чегем, Шалух, Нальчик, Чорек, Урух и пр.»

...В наиболее сконцентрированном виде «аравийская версия» приводится к работе С. Броневского (1823 г.): «Князья же, которые, как они сами себя выводят, суть пришельцы из Аравии и называются по черкесски пши, а по-татарски бей. По собственным преданиям жителей, Кабарда в древние времена находилась под управлением одного князя по имени Инала, который вел свой род от Кеса, а сей вышел из Аравии и покорил черкесов. А так как известно, что в середине VIII в. н. э. Мослема, брат халифа Ецида III, выгнал хазаров из Армении, победил их в собственных их землях и утвердил власть аравитян в городах Кавказских, то предание сие получает известное подтверждение.

Инал разделил Кабарду между пятью своими сыновьями. По причине междоусобий, князья искали убежища в России, в их числе были князья рода Сунчалеевых и рода Келеметевых, известные в России под именем князей Черкасских, выехавшие из Кабарды в конце XVI в. Оставшиеся на месте разделились на 3 части: первые остались на Баксане (Большая Кабарда), другие перешли к Татар-Тупу (Малая Кабарда), третьи переселились за Кубань и назывались, по имени сына Беслене, – бесленевцами. Разделение Большой и Малой Кабарды выводят еще другим образом: от двух братьев по имени Кабарты-Бек, которые разделили между собою земли Кабарды... От родоначальника своего Инала, князя Большой Кабарды и выводят свою родословную».

2.1.1.2. «Черкесы ведут свой род от двух братьев: Чер и Кес, вышедших из Аравии из племени курейш»

Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов...

Второзаконие (32; 7).

Род князей Кабарды начинается от Сема, сына Ноя; это несколько удалено во времени, но соответствует утверждению, что они пришли из Аравии, и в этом утверждении нет ничего абсурдного...

Ян Потоцкий (1761-1815).

Предположение, что кабардинцы прибыли на Кавказ из Аравии, («Арабистана») – широко распространено. Впервые эту версию озвучил турецкий автор Эвлия Челеби (1666). По его словам, «...черкесское племя такаку («чуфуд») – потомки араба Серакиса, бежавшего из Мекки. Племя болотная также его потомки».

В 1784 г. кавказский генерал-губернатор П.С. Потемкин составил краткое историко-этнографическое описание кабардинского народа. Согласно собранным им сведениям, кабардинские князья «... род свой выводят от одного князя, называвшегося Кес, который выехал из Аравии и учинился владельцем всех горских народов». В «Актах Кавказской археографической комиссии», относящихся к началу XIX в., упоминается аналогичное предание о родословной «племен черкесского народа». Легенда гласит: «*Черкесы ведут свой род от двух братьев: Чер и Кес, вышедших из Аравии из племени курейш*».

Комментируя эту легенду, С.Н. Бейтуганов (2007) особо подчеркивает: не случайно адыгские князья связывали свое происхождение с племенем курейш, – пророк Мухаммед происходил из того же племени. Легенда лучше других аргументов располагала адыгов к принятию мусульманства. Она использовалась и в качестве приманки при переселении горцев в Турцию: ведь им предлагали переселиться не куда-нибудь, а в Священную землю Пророка и свою якобы «прародину».

Ян Потоцкий (1761-1815), побывавший в Черкесии в конце XVIII в., также утверждает, что кабардинцы пришли на Кавказ из Аравии: «Итак, род князей Кабарды начинается от Сема, сына Ноя; это несколько удалено во времени, но соответствует утверждению, что они пришли из Аравии, и в этом утверждении нет ничего абсурдного, поскольку точно известно, что, начиная с 800 г. до 1200 г. многие арабы приходили в Болгар, Маджар, Бессарабию и даже в Венгрию, где они основали город Пешт; их тогда называли *исмаэлитам*.. Их потомки до

сих пор живут в южной части Кавказа или, по крайней мере, жили в начале нашего (XVIII) века, о чем говорит Гербер. Следовательно, правящая в Кабарде фамилия могла прийти из Аравии; однако не меньше правды и в том, что начало этой генеалогии покрыто мраком неизвестности и искажено очевидными анахронизмами.

Пророк Ной имел трех сыновей, старшего звали Сем. Сем имел 4 сыновей: Ларуна, Радунa, Лауна и Рауна. От Ларуна произошли ханы Аравии, а от трех других – князья. Эти князья терпели много бедствий в Аравии, поэтому они ушли из нее и рассеялись по разным странам.

[Комментарий Я. Потоцкого: Если мы расположим три генеалогии по столетиям, то эта генеалогия приведет нас к 1300 г., когда арабским князьям в Сирии и Палестине пришлось много претерпеть от монголов. Но то, что следует дальше, не имеет хронологического смысла или является, скорее, передержкой вследствие азиатского невежества... Истинная генеалогия начинается только за 12 поколений до князей Докшуки и Пшимаха, которые еще живы и составляют отраду Черкесии].

О широком распространении этого предания говорят многие источники. В 1808 г. академик Г.-Ю. Клапрот посетил Кабарду. «Из устных сообщений старейшин этой нации, – писал он, – я собрал следующие сведения об их происхождении или, вернее, о происхождении их князей. Их первого основателя звали Арап-хан, и он, должно быть, был князем из Аравии... За Арап-ханом следовал его сын Хурпалайя, оставивший после себя также сына Инала, известного по имени *Рэф*, т. е. «Раскосый», который рассматривается князьями из Большой и Малой Кабарды как их общий предок». (По мнению С.Н. Бейтуганова, 2007, «...родоначальник кабардинских князей обыкновенно известен под названием *Инал Нэф* (Инал Слепой). Имя *Инал Рэф*, т. е. Инал Назэ (Инал Косой), заслуживает большего доверия). И далее Клапрот пишет: «Инал оставил после себя пять сыновей: Тау-Султан, Ахлау, Мудар, Беслан и Камуква, которые после его смерти отделились друг от друга и поделили между собой подданных...». Отсюда видно, что это происхождение князей не идет дальше XVI в. (Бейтуганов С.Н., 2007).

Абдун-хан с небольшим числом подданных прибыл к императору Константину. Там он оставался некоторое время, затем ушел оттуда и пришел к *киссарю* (кесарю, царю) римлян. Абдун-хану очень понравилось у киссаря, однако он покинул и его и пришел в Крым, где обосновался на реке, называемой Кабарда (в Крыму еще можно найти развалины замка, называемого Черкес-Кермен, а область между Качей и Бельбином, верхняя часть которой до сих пор называется Кабардой, носит название Черкес-тюз, или Черкесская равнина. Там у Абдун-хана родился сын, которого назвали Киссрай вследствие дружбы с киссаром римлян; однако черкесы называют его Кесс, что означает «руби», по-русски «рубль» (удар саблей). Оттуда они пришли на кораблях в Суджук-кале, а оттуда по суше к устью Кубани, до места в 6 часах перехода, называемого Кизил-таш, или Красный камень; там они размножились, и там же умер Абдун-хан. После его смерти его сын Кесс стал халифом. После смерти Кесса его наследником стал его сын Аду-хан. Аду-хану наследовал его сын Хруфатайя, имя которого означает «волосатые ноги».

После смерти Хруфатайи его наследником стал его сын Инал. Инал был мужественным, справедливым и великодушным. Во время его правления многие народы подчинились ему и жили по его законам. Он правил долго, прославился по всему Кавказу и всегда был удачлив в войнах. Жители Кабарды говорят о нем еще и в наши дни и хранят его золотой крест. У Инала было три жены. От первой у него был сын Джанхот, от второй – Бегболет и Безлен, от третьей – Унамас и Карлыш, которые унаследовали его власть в Кабарде.

Карлыш родил сына, Тохтамыша, который, не проявив достаточно мужества, был лишен достоинства князя и стал простым дворянином. Род Унамаса пресекался на его сыне Айдаре. Безлен имел двоих сыновей, имена которых неизвестны; они положили начало знаменитому роду Безление, который процветает на левом берегу Кубани.

Бекболет, или Бегболет, имел сына по имени Гираз-хан, основателя рода Мударие, который проживает в Малой Кабарде, совсем рядом с русским границам. Моя генеалогия совсем не касается этой фамилии, но только потомков Джанхота, старшего сына Инала. У Джанхота было 2 сына: Тау-султан, основатель рода Тау-султанье, и Кайтуко, род которого, богатый героями, составляет славу Малой Кабарды.

В четвертом поколении после Джанхота появляется некто Чегенуко, или Шегенуко, который должен происходить из этой фамилии, однако поскольку его род стал позднее объектом ненависти, генеалогия умалчивает о том, чьим сыном он был (Чегенуко был князем из рода Безление. Те из его потомков, которые спаслись во время всеобщей резни, нашли себе убежище в Грузии, приняли христианство и получили от царя Вахтанга земли в Кахетии. Род этих князей называется по-грузински «Черкесишвили» и проживает в Веджини). В этом же поколении мы видим князя, прибавившего к своему имени имя Герай, что свидетельствует уже о связях с Крымом. Это дополнительное имя становится более частым в следующем поколении. В этом же поколении появляется некий Мисост, потомок Кайтуко, ветвь которого, особенно многочисленная, осеняет славой Большую Кабарду. Русские, которые дают прозвища всем этим фамилиям, назвали ее *Сидаку*.

Двумя поколениями позже Чегенуко были перерезаны, и этот период соответствует началу нашего (XVIII) века. Генеалогия сообщает лишь то, что эта фамилия была истреблена по причине ее надменности, но вот что сохранилось в предании. Главы этой фамилии не допускали, чтобы другие князья садились раньше их. Они не допускали, чтобы лошадей других князей поили в тех же речках или же выше их. Когда они хотели помыть руки, они приказывали какому-нибудь юному князю держать перед ними таз. Они считали недостой-

ным для себя присутствовать на «токах» или собраниях князей. И вот что вследствие этого произошло. Во время одного общего собрания было решено уничтожить их. Судьи сами же и были исполнителями вынесенного ими приговора. Ничего не обнаружилось до момента казни. Наступил роковой день, все князья из рода Чегенуко были заколоты кинжалами вместе с детьми мужского пола и беременными женщинами. Это событие, как я отметил выше, должно было иметь место в первые годы XVIII в., и о нем еще часто говорят по всей Черкесии. То была особая эпоха, после которой люди того времени стали фиксировать время и записывать год своего рождения, однако к настоящему времени (т. е. 1797 г.) из них никто не остался в живых».

Завершая свое эссе, Ян Потоцкий, побывавший на Северном Кавказе в 1796 г., пишет: «Вот то, что я хотел сказать об истории правящего в Кабарде дома, к чему я хотел бы еще добавить, что название этой провинции было своеобразно искажено во Франции. Людовик XIV в рекомендательном письме для отца Авриля из ордена иезуитов упоминает в числе прочих титулов русского царя: «Господин всех северных областей, господин Иберии, царь Карталинии, Грузинии, герцог Кабардины, Черкесии и Грузии» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 284-298).

2.1.1.3. «Родословие» Чера и Кеса, в изложении Измаила Атажукина

Влача несчастную жизнь, иные оставались на своих местах под жестоким игом татар, а последователи Чера и Кеса дошли наконец до реки Баксана в то уже благополучное время, когда царь Иван Васильевич покорил Казань и Астрахань.

Измаил Атажукин (1811).

К началу XIX в. относится фундаментальный труд Измаила Атажукина «Краткое описание жителей горских черкес, начиная от Большой и Малой Кабарды, покоренных Российской державой и расположенных между рек Терека и Кубани, а от сего места по берегу Черного моря, примыкая до селения бывших некрассовских казаков к селению Шегака, принадлежащих к турецкому владению» (1810). В этом очерке автор, в частности, пишет: «Князья: Кануковы, Багарсуковы, Булатуковы, Ахегаковы, Кунчуковы, Хатюковы, Жановы и Зановы... Сии князья вообще во владении Турков; происхождение свое имеют от арабских князей, именуемыми Курейшеми чрез выходцев двух братьев, называемых Чер и Кес, отчего горские жители и наименование черкесов получили...» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

Более подробно «родословие» Чера и Кеса и сведения об их потомках приводятся в другом очерке Измаила Атажукина: «Записка о жителях Кавказа, Большой и Малой Кабарды, с описанием первобытного их состояния до устроения линии от крепостей Моздока и до Ставрополя, и какие из того произошли неудобства» (1811):

«Известно уже, что горские черкесы, происшедшие от двух братьев Чер и Кес, вышедшие из Аравии и поселившиеся несколько веков тому назад в Крыму под владением еще цесаря тогда бывшим, когда татары зверством прославившиеся, по взятии сей области понудили всех, во оной находящихся, от жестоких ими производимых мучений спастись бегством, в сие время упомянутые два брата Чер и Кес поселились на берегу Черного моря, на устье реки Кубани при урочище Кызылташа, чему последовали разных вер народы и жилища свои в Кавказских горах основали, получа от того и наименование свое; но будучи жестокими своими мучителями несколько сот лет преследуемы и спасаемы бегством уходить далее в горы, встречали пред собою соседей, своих равную участь ожидающих, а чрез то составляли единомыслящее общество, были иногда в силах сделать всеобщему врагу своему сопротивление, но со всем тем принужденными находились уступать превосходной силе и нестерпимым мучениям, уходили далее в горы от запада к востоку по берегу Черного до Каспийского морей.

Влача, таким образом, несчастную жизнь, иные оставались на своих местах под жестоким игом татар, а последователи Чера и Кеса дошли наконец до реки Баксана в то уже благополучное время, когда царь Иван Васильевич покорил Казань и Астрахань. По сему слыша, все жители Кавказа, и в особенности Большой и Малой Кабарды, поселившиеся при реке Баксане, как упомянуто выше сего, спешили прибегнуть к его покровительству.

Владетельный тогдашний князь, происшедший от Инала под именем Казы, от коего произошли ныне существующие фамилии князей Мисостовых, Атажуковых и Жамбулатовых, составляя в сем месте пребывания своего уже довольно многочисленный народ, пришел к царю Ивану Васильевичу и предался его защите; после чего с непоколебимою верностью и единодушием способствовал к истреблению врага России и жителей Кавказа. Потом, когда вечной славы и достойной памяти в бозе почивающий, государь император Петр I воспринял в Персию поход, то два князя Асланбек и Эльмурза (из рода сего произошла в России фамилия Бековичей) добровольно пришли к премудрому царю и содействовали во всех его там бывших войнах...» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

2.1.1.4. «Инал рассматривается князьями Большой и Малой Кабарды как их общий предок»

Кабардинцы имеют неясное убеждение, почитая себя пришельцами из Аравии, с ханом по имени Абун, и поселенцами на восточном берегу Черного моря; но как прежде они именовались – ничего не осталось в их изустной хронике.

В.В. Шевцов (1855).

В 1808 г. академик Г.Ю. Клапрот писал: «Их (кабардинцев) первого основателя звали Арап-хан, и он, должно быть, был князем из Аравии. За Арап-ханом следовал сын его Хурпалайя, *оставивший после себя также сына Инала, ...который рассматривается князьями Большой и Малой Кабарды как их общий предок*».

Факты свидетельствуют, что легендарный Инал – историческое лицо. По данным некоторых авторов, он прибыл в Кабарду с Черноморского побережья, точнее, из северо-западной части Абхазии, не ранее XV в. и находился в тесных сношениях с главнейшими абхазскими князьями Ачба и Чачба. Сам же Инал, по-видимому, также принадлежал к другому абхазскому (садзскому, или джигетскому) княжеству – роду Цанба (Инал-Цандия грузинских летописей). По преданию, Инал и похоронен в Абхазии, в урочище Псху на р. Бзыбь. Князь Инал оставил после себя 5 сыновей: Тау-Султан, Ахлау, Мудар, Беслан и Камуква, которые после его смерти поделили между собой подданных «черкесского племени». Поистине, «от одного родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском» (Послание к Евреям 11;12).

Представляет интерес тот факт, что определенный материал, устанавливающий связь адыгов с арабами, дают и нартекские сказания. «По принятии черкесами магометанской веры, – указывал Хан-Гирей (1978. С. 99), – некоторые из святых или слывших у них такими во времена их язычества, в особенности из нартов, обратились в знаменитых воинов и других богатырей аравийской истории. Например, рассказывают, что из нартов черкесских Альбечкоко Тутариеш был тот же, что в повестях аравитян «Хамзе Пеглеван»; что халиф Абубекир тот же, которого они называли Орземеде; что халиф Алий, зять Магомета, тот же, что и Метрез; что какой-то из египетских царей или фараонов был тот, которого они именовали Саусрокко».

2.1.2. «Крымская» версия

2.1.2.1. «Прародина» кабардинцев – Крым?

*Земля над широкой рекою
Сказанья хранит на века.
Едва прикоснешься рукою,
И корни пускает рука...*

Нальби

Я буду везде странником и пришельцем.

Григорий Богослов (IV в.).

Якоб Рейнегтс (1744-1793), побывавший на Кавказе в 1781-1783 гг., предполагает, что «прародина» кабардинцев – Крым: «Я слышал от просвещенных кабардинцев, что племя кабардинцев прежде называлось Кабар; оно произошло от Чингис-хана, проживало в Крыму и затем мигрировало оттуда».

В VII в. хиджры кабардинцы под этим именем оставили Тавриду, поскольку они не нашли там тех условий, на которые рассчитывали. Они вернулись к старым жилищам на Кубани и поселились также на острове, который образуют Черное море, часть Меотийского озера и два рукава Кубани. Пока все у них было спокойно, они называли страну (в отличие от неудобств, которое они встретили в Крыму) *Кизил-Таиш* (золотая земля, золотой камень), и остров до сих пор удерживает это название. Но, вероятно, и там не все их устраивало, поскольку они продвинулись дальше на северо-восток под руководством вождя Инала Дегеню в место, где жил небольшой народ черкесов».

Являлись ли они керкетами Страбона или Плиния? – спрашивает далее Якоб Рейнегтс. И отвечает: «Страбон говорит, что керкеты жили на побережье Черного моря и были соседями зихов. Но последние, должно быть, скоро переселились или вымерли, и керкеты овладели древней Зихией, поскольку весь берег от ахеев (Анапа) до халибов (абхазов) до сих пор называется Черкес-Топраги («Страна черкесов»). Возможно, название «керкеты» трансформировалось в «черкесы»; возможно, этот народ, столь болезненно угнетаемый вторжениями соседей или других народов, вынужден был со временем отступить и избрать другую территорию около гор, которая, однако, была слишком просторной для небольшого народа, ибо кабардинцы, по своему прибытию, нашли ее слабо заселенной и не встретили ни малейшего сопротивления при поселении здесь. Наконец, когда численность кабардинцев увеличилась, они отважились досажать черкесам всеми возможными способами так, что последние были вынуждены оставить свое имущество, переселиться за Терек и искать себе для жизни новое место, которое они называли Ахло-Кабак. В живых у них остался только один черкесский князь Депшеру-го; враги его народа позволили ему из-за его личной храбрости основать резиденцию на западном берегу Терека, где это храброе и гордое племя проживает до сих пор» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 179-200).

Позже эту же версию о «крымской прародине» черкесов озвучил, ссылаясь на К. Пейсонеля (1762), и Джордж Эллис, написавший книгу о Черкесии в 1798 г.: «Пейсонель... излагает традицию о происхождении черкесов».

кесских князей. Вот это предание: «Они, черкесы, ведут свое происхождение от князя Кесса, который в давние времена жил в Крыму. Этот князь имел двоих сыновей – Инала и Шаомбока. Сыновья старшего, Инала, имели многочисленное потомство, но все они были истреблены в конце прошлого столетия во время всеобщего восстания нации, вызванного их жестокостью. От самого младшего сына Инала происходят нынешние князья кубанских черкесов, а три фамилии, которые правят Кабардой, происходят от Шаомбока. Князь Кесс и его ближайшие потомки были деспоты, но увеличение численности их фамилии и уменьшение власти привело к созданию смешанного управления, которое существует и в настоящее время» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 146, 151).

2.1.2.2. Версии об «исходе» кабардинцев из Крыма и переселении их на Кавказ

Я не вижу оснований для того, чтобы считать, что черкесы пришли именно из Крыма. Мне кажется – более вероятным считать, что они одновременно жили как в долине севернее Кавказа, так и в Крыму, откуда они, вероятно, были изгнаны татарами под предводительством хана Бату.

Клапрот (1808).

Пребывание кабардинцев в Крыму было относительно недолгим. Из-за натиска татар в XIV в. они заняли остров, образуемый обоими рукавами Кубани, при самом его устье, и ныне еще называемый татарами «Кизыл-таш», т. е. «Красный камень». Но и здесь пребывание их продолжалось недолго, и они вскоре передвинулись под предводительством Инала, родоначальника всех кабардинских князей, далее на восток и расселились вдоль по Кубани в нынешней Кабарде, где подчинили себе все черкесские племена. Некоторая достоверность этого предания подтверждается следующими фактами: в средние века во многих городах Крыма проживали адыги со своими семьями. В 1475 г. Каффа (Феодосия) была захвачена турками. Очевидец писал, что «по взятии Каффы все валлахи, поляки, грузины, черкесы и вообще христиане были окованы и проданы как невольники». Паллас слово «Черкес-Кермен» в Крыму переводит как «Крепость Черкесов». В пользу пребывания черкесов в Крыму говорят также название речки Кабарды, а также десятки других географических названий (наверняка в прошлом их было гораздо больше). Тем не менее, Клапрот в 1808 г. писал: «Я не вижу в этом оснований для того, чтобы считать, что черкесы пришли именно из Крыма. Мне кажется – более вероятным считать, что они одновременно жили как в долине севернее Кавказа, так и в Крыму, откуда они, вероятно, были изгнаны татарами под предводительством хана Бату.

О «вытеснении» адыгов из Крыма татарами свидетельствовали очевидцы. Так, во времена Георгия Интериано (1504 г.) черкесы-зихи занимали весь восточный берег Азовского моря от Дона до Керченского пролива, «... откуда и были вытеснены русскими и татарами». Сохранилось и утверждение Дюбуа де Монперэ (1839) о том, что «... князья черкесско-кабардинские, явившиеся из Крыма для того, чтобы завоевать часть Черкесии в начале XV в., были магометанами.

Ссылаясь на народные предания и литературные источники, Ф.А. Щербина так представляет «исход» кабардинцев из Крыма и переселение их на Кавказ: «Существуют указания, что кабардинцы, принявшие в себя часть народностей, оставшихся на Таманском полуострове после нашествия гуннов, жили на этом полуострове, были в Крыму и занимали Черноморское побережье. Во главе их стоял князь Инал, родоначальник кабардинского народа. Сначала кабардинцы, во главе с этим князем, были оттеснены из степей в горы выпешдшими из-за Волги аvaraми. Аварский хан Бакан, по имени которого названо Баканское ущелье у нынешней ст. Тоннельной, разгромил здесь кабардинские войска и погнал их на восток. Но у р. Абин кабардинцы в союзе с темиргоевцами, в свою очередь, разбили аваров, и кабардинцы стали господствующим племенем в этих местах. По смерти Инала на р. Бзыбь, сыновья его поссорились между собой и переселились с Черноморского побережья в нынешнюю Кабарду. Еще раньше кабардинцы, под начальством Кеса, покорили кяхга, то есть низовых жителей. Это были нухайцы и шапсуги. Кабардинец Нетх дал свое имя нухайцам – «нетха-куадже», то есть Нехтово селение, а кабардинец Кобле покорил шапсугов. Темиргоевцы после поражения аваров остались на жительство по р. Белой».

2.1.2.3. «Следы» пребывания черкесов в низовьях Дона и в Крыму, сохранившиеся в местной топонимике

В середине XV в. Иосифато Барбаро упоминает в окрестностях Азова черкасов, т. е. касогов, в очередной раз сменивших этноним. ...Это, скорее всего, были «донские черкасы», которые, по мнению Г. Губарева, и являются непосредственными прародителями казаков.

М.И. Крайсветный (2007).

Весьма важно отметить, что именно в горной части Крыма, т. е. в его готской части, помимо Черкес-Кермена существует еще ряд топонимов, свидетельствующих о пребывании там черкесов...

С.Х. Хотко (2008).

С привлечением топонимических материалов, свое мнение о миграциях черкесов в средневековье высказывает Ю. Клапрот (1808). Как отмечает автор, «...согласно широко распространенному преданию, черкесы за-

нимали в прежние времена все земли, лежащие между Доном и Волгой на севере, восточное побережье Черного моря на западе, а на юге границы их земель простирались до Кавказского хребта. «В XIII в. одно из племен по имени «кабардей» покинуло прежнее место жительства на р. Кубани и двинулось на север, к низовьям Дона...».

Комментируя сведения о пребывании касогов (адыгов) на Дону, М.И. Крайсветный (2007) отмечает, что присутствие касогов на Нижнем Дону, но уже под именем «черкесов» и «адыгов», упоминается в трудах итальянских авторов. Архиепископ Иоанн Галонифонтибус, побывавший на Кавказе в конце XIV – начале XV в., низовья Дона называет «Верхней Черкесией». Несколько позднее, в середине XV в., Иосифато Барбаро упоминает в окрестностях Азова черкасов, т. е. касогов, в очередной раз сменивших этноним. Вряд ли это был отряд черкасов, пришедших с Кавказа, чтобы пограбить окрестности Азова. Хотя такой набег был вполне возможен, т. к. адыги (черкесы) довольно часто предпринимали походы в отдаленные районы. *Это, скорее всего, были «донские черкасы», которые, по мнению Г. Губарева, и являются непосредственными прародителями казаков.*

О том, что черкесы «сами себя называют – «адыга», живут от реки Тана до Азии...», сообщает и Джорджио Интериано, побывавший на Западном Кавказе в последней четверти XV в. Л.Э. Голубев, проанализировав все сведения о расселении адыгов, считает, что в XV в. область «Кевертей (*Cabata* – *Cabarda* итальянских источников) занимала территории в нижнем течении реки Дона», но в конце XV в. они были вынуждены переселиться в районы Центрального Кавказа (Крайсветный М.И., 2007. Вып. VI. С. 296-297).

И далее Ю. Клапрот (1808) продолжает: «От низовьев Дона племя «кабардей» вскоре перешло в Крым. Здесь кабардинцы поселились на южной стороне, вследствие чего равнина между реками Кача и Бельбек (верхняя половина которой называется Кабардою) и теперь еще именуется татарами «Черкесской долиной». Интересно, что по Р. Трахо, в Крыму существовали и другие географические названия, связанные с адыгами: Черкес-Эли, Черкес-Тобан, Черкес-Кермен, Черкес-Дере, Черкес-Даг и другие.

Комментируя этот тезис, Р. Трахо и авторы сайта в Интернете <http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1> пишут: «В средневековой истории Крыма черкесы фигурируют очень часто. Есть основания полагать, что в восточной части Крыма в это время имелись адыгские поселения. В Крыму существовало множество населенных пунктов и местностей, связанных с именем черкесов: село Черкес – в районе Евпатории, Черкес-эли – село на реке Альма, Черкес-тогай – село в районе Феодосии, селение Черкес-Кир, родник Черкес-Чокрак, долина Черкес-Хош, Черкес-Тере – балка в Гурзуфе, гора Черкес-Даг, крепость Черкес-Кермен, равнина Черкес-Тюз, река Кабарда».

Кстати, – продолжает Ю. Клапрот (1808), – на морской карте Средиземного и Черного морей, составленной в 1497 г. Ф. Анконским, можно прочесть написанное красными буквами название кабардинского народа несколько на запад от того места, где ныне находится г. Таганрог и были прежние места жительства кабардинцев.

Результаты своих изысканий в области черкесской топонимии Крымского полуострова приводит С.Х. Хотко (2008). Он обращает внимание на топоним Кабарди (*Cabardi*), который задолго до Барбаро, бывшего здесь в 1452 г., засвидетельствовал существование отдельного адыгского субэтноса кабардинцев. На карте Дульцера, составленной в 1339 г., *Cabardi* отмечен на месте современного Таганрога. А несколько ранее, в 1318 г., на карте Висконта этот же пункт фигурирует как *Cabali* (скорее всего, ошибка картографа или копии), и этот топоним сохранялся здесь до XV в. и позже. Комментируя эти сведения, С.Х. Хотко отмечает: «Вряд ли стоит, как это не раз уже делалось в историографии, выводить из Северного Приазовья родину кабардинцев. Другое дело, что, как и другие адыгские племена, ранние кабардинцы контролировали какие-то удобные гавани Меотиды. *Cabardi* – следствие проникновения сюда какой-то группы кабардинцев».

Паллас слово «Черкес-Кермен» в Крыму переводит как «Черкесская крепость». Комментируя этот тезис, С.Х. Хотко (2008) пишет: «Учитывая, что готские черкесы во главе с князем Исайко оказали героическое сопротивление армии Гедик-паши в 1475 г., то и закрепление за Мангутом в Крыму названия «Черкесская крепость» закономерно. Довершает картину то обстоятельство, что столица крымской Готии располагалась у р. Кабарта (более позднее ее татарское название Бельбек), протекавшей по равнине, которая еще и при крымских татарах называлась Черкес-Таш, т. е. по сути, целая область была маркирована как черкесская.

Весьма важно отметить, – продолжает историк, – что именно в горной части Крыма, т. е. в его готской части, помимо Черкес-Кермена существует еще ряд топонимов, свидетельствующих о пребывании там черкесов: селение Черкес-Эли на р. Альма, селение Черкес-Тогай («Черкесский берег») в Феодосийском районе; селение Черкес-Кир в долине р. Кара-Эозан; Черкес-Дере – название балки в Гурзуфе; Черкес-Даг («Черкесская гора») находится гора в западной стороне Поликастры. За пределами горного Крыма в районе Евпатории – селение Черкес (Хотко С.Х., 2008).

В.А. Бушаков с пребыванием адыгов связывает возникновение в районе Старого Крыма таких топонимов, как Ашага-Баксан, Орта-Биксан и Юхары-Баксан, возводя их к гидрониму Баксан в Кабарде. С расселением адыгов этот исследователь связывает названия сел Балатук (от Болоткай, второго этнонима для определения темиргоевцев по княжескому роду Болотоко), Аджимушикай и т. д.

При раскопках на территории Алуштинской крепости и укрепления Пампук-Кая в помещениях XIV-XV вв. В.Л. Мыц обнаружил керамику, аналогичную керамике Черкесии этого же периода. Исследователь делает вывод, что в конце XIII в. на территории Южного Крыма появились многочисленные переселенцы с

Северо-Западного Кавказа. Но, по всей видимости, это была далеко не первая волна адыгской эмиграции в Крым. «Исторически сложилось так, – подчеркивает О.Б. Бубенок, – что на протяжении многих столетий восточными соседями Крыма являлись народы адыгского происхождения. Естественно, это могло способствовать установлению не только контактов между адыгами и населением Восточного Крыма, но и переселению адыгов на территорию Крымского полуострова». Археологически вычленимая волна раннесредневековой зихской эмиграции в Крым отмечается в конце VII – начале VIII вв. И.А. Баранов, А.В. Гадло и А.И. Айбабин на основе результатов археологических исследований высказали предположение об основании крымского города Сугдеи (Судака) адыгскими переселенцами с Нижней Кубани (Хотко С.Х., 2008).

2.1.3. «Аравийско-крымская» версия

*О легендах, о сказках, о мигах
Я искал до скончания дней
В запыленных, зачитанных книгах...*

А. Блок (1880-1921).

Пребывание кабардинцев в Крыму, кажется, не подвержено сомнению. Так как история черкесского народа имеет некоторую связь с аравитянами, то и предание это получает некоторую основательность.

Хан-Гирей (1836).

Своеобразный «гибрид» аравийской и крымской версий мы встречаем у Хан-Гирея (1836), Л. Люлье (1857) и Н. Дубровина (1871).

Хан-Гирей (1836), со ссылкой на «предания самих кабардинцев, которые, несмотря на баснословие, их помрачающее, содержат важные истины», так писал об «аравийско-крымском» происхождении адыгского народа, в частности «племен шапсхгского и натххокоадского» (т. е. шапсугов и натухайцев. – **Авт.**). В кратком изложении это предание можно представить следующим образом (орфография автора сохраняется):

«...Аравитянин Смден в энтузиазме огорченного человека выколол глаза соотечественнику своему, сильному по связям. За такой поступок виновник был приговорен, по законам возмездия, лишению глаз. [Примечательно, что такое же «ответное» наказание предусматривает и Библия (Книга Левит, 24; 20): «Око за око, зуб за зуб, как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать»].

Во избежание этого наказания, – продолжает Хан-Гирей, – Смден с несколькими семействами, ему подвластными, оставив свою родину, достиг Румелии (одна из турецких провинций), откуда во время халифатства Алия его потомки переселились в Тавриду, где вместе с предками кабардинского поколения обитали на берегах р. Кабарта.

Потомки Смдена вместе с кабардинцами оставили Тавриду, перешли к Кавказским горам и, постепенно продвигаясь к востоку, достигли берегов р. Шххакоаше (Белой), где потомки Смденовой партии отделились от кабардинцев, составив пять родов по фамилиям: Кобли, Схапте (Сххапте, Сшххапте), Севотох (Совотох), Натхо (Натххо) и Нетдахо (Нетдаххо). Эти пять родов под предводительством Абата, который был родом из кабардинских владельцев, вошли внутрь гор, через ущелье Мезхгоко, и достигнув урочища Тххапс, там поселились. Первые три рода, состоя под началом того же Абата, водворились на р. Шайпсхго, от названия которой и получили наименование шапсхг (шапсуги). Последние два рода – Натхо и Нетдахо, к которым присоединилось колено Хгоае (гоаие), поселились в соседстве с первыми, и так как род Натхо был многочисленнее, то деревню, которую они населяли, назвали Натххо-ккоадь».

Дополняет «аравийско-крымскую» версию Л. Люлье (1857). По его данным, собранным в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в., «...кабардинцы считают себя аравийскими выходцами». Вследствие междоусобных раздоров, один из народных предводителей черкесов князь из Аравии Арап-хан переселился со своими подвластными и приверженцами в Анатолию (Турцию). После некоторого времени колонии этой угрожала армия мусульман, с целью обратить жителей ее к учению Пророка. Колонисты-черкесы отказались. Какая-то сверхъестественная сила заставила мусульман оставить переселенцев в покое. Переселившись оттуда, согласно этой версии, их предки «очутились в Крыму, подтверждением чему должно служить то, что существуют там и поныне развалины замка, называемого Черкес-Кермен; равнина между реками Бельбек и Кача называется Кабарда и Черкес-дюзь, т. е. Черкесская равнина». Затем кабардинцы, по неизвестным причинам, переселились на Кавказ и избрали местом расселения Анапу. К этому времени (начало XV в.) относится славное царствование князя Инала Тегена, «которого кабардинские князья считают своим родоначальником...». В борьбе против крымского хана переселенцы все дальше продвигались на восток и, наконец, «перешли к подошвам гор Бештау, где, по историческим данным, жили в XV в.».

В более «сжатом» виде легенда эта приводится и у Н. Дубровина (1871): У шапсугов, темиргоевцев и кабардинцев сохранилась песня, в которой они считают себя выходцами из Арабистана. По преданию, кабардинцы и темиргоевцы, до прибытия своего на Кавказ, перекочевали в Крым, где и жили очень долгое время. Недовольные ханами, они перебрались через Таманский (Керченский) пролив и поселились на Джимитейском острове – в черноморском устье Кубани. После упорной войны с крымскими татарами они удалились в Баканское ущелье, на р. Адагуме. Крымские ханы вытеснили их и оттуда. Тогда кабардинцы поднялись целым народом, двинулись к Каменному мосту, на р. Малке, и поселились на местах, ныне ими занимаемых.

2.1.4. «Египетская» версия

2.1.4.1. «Народ кабардинский родом выходцы из столичного града Египта»

Отцы наши перешли в Египет, и мы жили в Египте много времени.

Библия. Числа (20; 15).

Долина р. Псекупс за ее плодородие у адыгов называлась «Массирам (Мысыр)», что значит «Египет».

Н.К. Костарнова (2009).

Подполковник князь Мисост Атажукин 9 января 1845 г. писал начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору князю Голицыну, что «...народ кабардинский родом выходцы из столичного града Египта, которые могли быть выгнаны силою оружия турецких султанов – Баязита и сына его Селима».

Комментируя это письмо, С.Н. Бейтуганов (2007) обращает внимание на то, что хотя Атажукин и не пользовался письменным источником, тем более интересно, что предание довольно точно сохранило имена исторических личностей, живших 300 лет тому назад. Так, академик Берже в комментариях к «Истории...» Ногмова отмечал: «После падения последнего царя из династии черкесов в Египте – Консогори в войне с турецким султаном Селимом I (1389-1402. – Авт.), полководцы Консогори избрали себе царем, из племени черкес, Туманбая. Селим разбил Туманбая, взял его в плен и повесил в 1517 г.»

Рассматривая так называемую «Египетскую версию», Б.А. Гарданов заметил: «Выводя кабардинцев из Египта, князь Мисост Атажукин спутал вопрос о происхождении кабардинского народа с вопросом о происхождении кабардинских князей. Согласно довольно распространенной в первой половине XIX в. легенде, кабардинские князья выводили свой род из Египта. Легенда эта сравнительно позднего происхождения; в XVIII в. она еще не была известна в Кабарде и возникла, по-видимому, в самом начале XIX в. Она была навеяна сообщениями о черкесских владетелях в Египте, почерпнутыми из книжных мусульманских (арабоязычных и туркоязычных) источников, в которых излагалась история черкесской «мамлюкской» династии в Египте (1382– 1517 гг.). Пытаясь связать себя с египетскими владетелями, кабардино-черкесские князья при содействии мулл и создали легенду о том, что их древнейший родоначальник является выходцем из Египта и потомком тамошних властителей. В действительности же, как известно, египетские мамлюки ведут свой род от кавказских черкесов».

Эту же мысль можно встретить и у других авторов. Владимир Кудашев: «О происхождении кабардинцев из Египта легенда ничего не говорит; она говорит о слиянии только с адыгским народом пришельцев египтян, да о египетском происхождении родоначальников кабардинских князей». Г.А. Дзагуров: «По сохранившимся у черкесов преданиям, предки их выселились из Египта и Анатолии... Надо допустить, что указанные предания в основе верны». Руслан Бетров: «Если верить преданиям, в XV в. князь Инал (бывший предводитель мамлюков и затем вернувшийся на родину из Египта) проводил политику объединения черкесов (так гласит легенда), но Инал – мамлюкский султан – погиб в Египте. В предании речь идет, возможно, о другом Инале» (Бейтуганов С.Н., 2007).

2.1.4.2. «Он вывел нас и отцов наших из земли Египетской»

Он вывел нас и отцов наших из земли Египетской.

Книга Иисуса Навина (24, 17).

*Жестоки правдой древние сказанья –
Их не забудут многие века...*

И.Машбаш

Предания о происхождении адыгских князей содержат неизбежные различия в частности, но в главном они говорят об одном: предки их – выходцы если не из Аравии или Турции, то из Египта. Легенда об «исходе» адыгов из Египта приводится, в частности, в работе турецкого автора Э. Челеби (1666). По этой легенде, «...халиф Омар дал каждому из сыновей шейха Пеше (правителя арабов-бедуинов) в управление по одной провинции в Египте. Братьев звали: Кису, Арабимеваль, Аранудизехт, Омур, Арнаут, Хатукай, Жанай, Бесней, Болкай, Кабартай. В междоусобной борьбе за власть в халифате Кису потерпел поражение и бежал с семьей. Когда обнаружили его исчезновение, сказали: «Сара Кису», что означает «Правитель Кису бежал». С тех пор и народ его стал называть «Саракису», сокращено – «Саракис». Искаженно это слово звучит «черкес».

Бежав с поля боя, черкесы поселились между Багдадом и Мосулом. Через много лет Хулагу-хан насильно переселил их на земли, лежащие на юге Кипчакской степи, по ту сторону р. Кубань, у подножия г. Эльбрус. Правителями там всюду стали черкесы. Их главенство признали и потомки 4-х братьев, сыновей Джебль-аль-Хеме, которых звали Шегаке, Бузудук, Мамелюке и Бербере. За 205 лет, прожитых здесь, число владетельных потомков черкесов достигло 70 человек. Имя каждого из них стало именем племени, которым он управлял.

В.А. Потто излагает «Египетскую» версию несколько иначе. Коротко ее суть. Предания адыгского народа гласят, что вавилонский князь Ларун вследствие гонений у себя на родине поселился в Египте; там

он умер, там же погибли его сыновья во время восстания коптов, и спасся один только родственник по имени Араб-хан, успевший отдаться под покровительство греческого императора. Внук этого Араб-хана, знаменитый Кес, появляется в Черкесии и заслужил здесь огромное уважение тем, что он, чужеземец, не только добился княжеского звания, но и неограниченной власти почти над всей страной. Прямым потомком Кеса явился знаменитый Инал, – родоначальник кабардинских, темиргоевских и бесленеевских князей».

Насколько эти версии были широко распространены, можно судить по следующим фактам. В 1825 г. кабардинцы, жалуюсь на генерала Ермолова, писали в Главный штаб генералу Дибичу, что кабардинские князья и народ родом из Египта и что переселение состоялось «тому назад 1093 года». Далее в жалобе указано: переселение состоялось спустя 150 лет после Магомета, т. е. в 782 г.

О «мамлюкских» корнях происхождения этой легенды размышляет и Н.А. Шафиев. Он сообщает, что в 1281 г. египетский царь Калаунид приобрел воинов-мамлюков – 12000 молодых черкесов. В XIV-XV вв. состав этих черкесов пополнялся куплей или наемничеством. Войска, оказавшись в чужой стране, не забывали свою родину и, чувствуя свое превосходство в военной силе, совершали перевороты, грабеж или же, будучи разгромленными другими государствами, возвращались на родину. Подобный случай произошел в 1517 г., когда черкесские мамлюки, разгромленные в Египте турками, вынуждены были вернуться на Кавказ. Заинтересованная кабардинская верхушка, поддерживаемая крымскими ханами и турецкими султанами, использовала этот факт возвращения черкесов-мамлюков на родину для распространения версии о египетском и аравийском (родина ислама) происхождении кабардинцев.

Вернувшиеся из Египта мамлюки-черкесы придерживались мусульманской религии. Но у себя на родине, на Кавказе они должны были принять христианско-языческую религию, которую исповедовали тогда их соотечественники. «Когда переселенцы из Египта окончательно соединились со «своими» адыгами, приняв их веру и язык, они приобрели еще больше уважения адыгейских племен», писал Ш. Ногмов.

2.1.4.3. «Египетско-крымская» версия

Народные предания, конечно, не могут быть выдаваемы за истинные известия, но как других свидетельств нет в Черкесии о начале этих племен, то мы должны по необходимости повторять их, очистив сколько возможно от грубого баснословия.

Хан-Гирей (1836).

Значительное присутствие адыгов в Крыму в XVII-XVIII вв., в сочетании с черкесской топонимикой могли породить легенду о происхождении из Крыма «египетских беглецов» и указание на Крым, как на место их длительного проживания.

О.Б. Бубенок (2004).

«Египетско-крымская» версия легенды о происхождении адыгов (кабардинцев) приводится в работах Т. Хаджимукова (1908), а ранее – у Ш. Ногмова (1861), в изложении Адиль-Гирея Кешева, а еще ранее – у Якоба Рейнегса.

В книге Я. Рейнегса, написанной под впечатлением его поездки в Черкесию в 1781-1783 гг., приводится следующая версия прихода кабардинцев из Египта на Кавказ: «История происхождения современных черкесов, которые также называются кабардинцами, легендарна. Она написана муллой Феррах эд-Дином в Х в. хиджры, и поскольку они не имеют другой версии, она признается истинной всеми образованными черкесами. Она проявляется также в некоторых свидетельствах древних географов, которых мулла, несомненно, не читал.

«Предки этого народа, – говорится в истории, – произошли, согласно устной традиции, от расы *зинджей* (цыган), которая раньше проживала в провинции Купт, или Копт, в Египте, откуда она была позже изгнана. Причина, которая вынудила зинджей покинуть Египет, заключалась в том, что князь этой области, которого звали Сер-Акус, выбил передние зубы некоему арабскому князю во время словесного состязания. Арабы по этому случаю потребовали удовлетворения и, согласно их требованию, Сер-Акусу должны были выбить столько же зубов. Но Сер-Акуса не устраивал такой способ примирения. Тогда арабы прибегли к праву оружия и объявили войну зинджам, которые спаслись бегством и затем некоторое время бесчинствовали в областях Средиземноморья, особенно на островах, удобных для пиратства, до тех пор пока Константин Великий не принял их и не поселил в различных странах.

Вся раса зинджей состояла из 4 орд. Ату, Адон и Гарезет поселились во Фракии и Болгарии, но Сер-Акус со своей частью народа отправился на Кубань, и там его народ распространился под названием зинджей до Меотийского озера; отсюда они проникли во внутренние области и, наконец, овладели всей страной от моря до Маныча на протяжении многих сотен верст».

Плиний упоминает народ под этим самым именем именно на этом участке; но когда Страбон говорит о стране сиракенов и о племени номадов, которые жили на Ахардее, правом притоке Кубани, он назы-

вае сираков; возможно, позднее они приняли имя своего вождя и соответственно впоследствии изменили свое настоящее древнее название. Однако если, согласно этой традиции, современные кабардинцы являются действительно потомками этих самых сиракенов, то их миграция должна была иметь место раньше времени византийского императора Константина.

Таким образом, много правды в том, что зинджи, или зингане, проживающие во Фракии, Болгарии, Молдавии и Валахии совершенно сходны с египетскими бедуинами. Их обычаи, нравы и образ жизни, хотя и более ограниченные, являются такими же, как собственно у бедуинов; насколько они способны в металлообработке, настолько же они и музыкальны. Кузнец и музыкант в Европейской Турции – это, главным образом, зинджи, а в Египте – всегда бедуины.

В VI в. хиджры черкесы покинули свою родину и осели на Дону, но волнения у соседних народов не дали им возможности жить в длительном мире и спокойствии. Они были вынуждены удалиться в Таврию-Крым и осесть на реке Кабар, от названия которой и слова «да» («деревня») произошло название «Кабарда», или «кабардины» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 179–200).

Как пишет Т. Хаджимуков, подтверждение прихода адыгов на Кавказ из Египта или Сирии через Тавриду (Крым) можно найти в сочинении Табари в главе «О княжеском родословии». Оно повествует, что один из вавилонских князей Ларун, вследствие гонений на родине, переселился в Египет, там он умер, там же погибли его сыновья Черкес и Бикес во время восстания против турецкого султана Исаака, спаслись только родственники их Туман-бай и Араб-хан. Туман-бай был убит, а Араб-хан спасся новым бегством в Византию. Затем он получил разрешение от греческого императора поселиться в Тавриде (Крым) на реке Кабарта (Кобарга).

[Упомянутая Т. Хаджимуковым Сирия как прародина адыгов рассматривается А.М. Мисостовым. В своем труде он изложил теорию о том, что *все адыги* вышли из Сирии. Он считал, что сначала на Кавказ переселилась большая часть адыгов. Остальные остались и управляли Сирией и Египтом. Позже и оставшаяся часть переселилась на Кавказ. Теория А.М. Мисостова отличается от всех других, по которым адыги (или их князья) переселились с Ближнего Востока только один раз (Жемухов С.Н., 2005. Вып. II. С. 322)].

...Араб-хан умер. Сын его Абдан-хан бежал на судах к Западному Кавказу и пристал к Суджук-Кале (Новороссийск). Обитавшие там адыге приняли его с товарищами ласково. По смерти Абдан-хана сын его Кес своими способностями и мужеством успел так привязать к себе адыгов, что они признали его своим князем и предоставили ему неограниченную власть над Черкесией. Он и считается многими родоначальником черкесских князей. Ему наследовал Адо, а затем власть перешла к Хурофатлае (Хуропатлае). Вот при нем-то и произошло распадение черкесов на отдельные независимые племена.

Сын Хурофатлае, – Инал – еще при жизни отца заслужил необыкновенную любовь народа и сделался родоначальником кабардинских, темиргоевских и бесленеевских князей. Черкесами он назван великим и мудрым, а также святым; народ и поныне, желая кому-нибудь счастья, говорит: Дай, Боже, Иналов день». (До настоящего времени, пережив столетия, сохранилось его имя а названии черноморской бухты Инал. – **Авт.**). Таким же почетом темиргоевцы окружают имя князя Бесрука-Болотокова, «князя над князьями». По Ковалевскому (1913) Инал имел 4-х сыновей: Темрюка, Беслана, Заноко, Капарту. От Темрюка произошли и получили название темиргоевцы; от Беслана – бесленеевцы, от Капарты – кабардинцы, от Заноко – шапсуги, но шапсуги не назывались его именем. Во времена русского Тмутараканского княжества Черкесией правил Идар – внук Инала.

2.1.5. «Турецкая» версия

*Памяти цепок след,
Пристален предков взгляд:
О том, чему тысячи лет, –
Сказанья адыгов гласят.*

А. Гадагаль

«Турецкую» версию, со слов старых черкесов, приводит Ф.А. Щербина (1913). Как говорят предания, в окрестностях Синопа в Анатолии некогда обитало неизвестное по происхождению племя, поклонявшееся Тлепшу, богу огня, и Мезитху, богу лесов. Племя это не было многочисленным, но отличалось богатством и крепкой, как сталь, организацией. Когда в Анатолии началось распространение ислама, пророк Магомет послал своего полководца Хозрет-Али к Синопу. Здесь полководец собрал старейшин племени и предложил им принять ислам под угрозой наказания мечом и огнем. Старейшины ответили полным молчанием (отказались). Но через несколько лет, когда началась война между мусульманами и немусульманами, племя решило совсем оставить страну. Одна часть племени отправилась на судах в Крым и осела там, а другая пошла сухим путем по берегу Черного моря, достигла Кавказа и у нынешней Джубги перешла через хребет к истоку р. Шебш, впадающей в Афиис.

Верховья р. Шебш были покрыты густым и могучим лесом – «Тхамаха» («Посвященная Богу роща»). Здесь, в урочище Адыхеко и осели выходцы из Анатолии-Турции. В переводе Адыхеко означало «сыновья Ады» в прямом смысле и «колыбель адиге» в смысле переносном.

2.1.6. «Кабардинцы и черкесы произошли или от Кабарды, сына Тамбия, или от Черкеса, сына Альхо, вынужденных покинуть Египет»

Консолидация племен проходила в непрерывных войнах – межродовых, межплеменных, и эти процессы не могли впоследствии не отразиться в преданиях. По самой распространенной версии, кабардинцы и черкесы произошли или от Кабарды, сына Тамбия, или от Черкеса, сына Альхо.

А.А. Ципинов (2004).

Тема: «Ближний Восток как прародина адыгов», – присутствует и в следующей версии, приведенной в работе А.А. Ципинова (2004). Как пишет историк, консолидация племен проходила в непрерывных войнах – межродовых, межплеменных, и эти процессы не могли впоследствии не отразиться в преданиях. По самой распространенной версии, кабардинцы и черкесы произошли или от Кабарды, сына Тамбия, или от Черкеса, сына Альхо, вынужденных покинуть Египет. Практически все мотивы ухода с насиженных мест первопредков адыгов обусловлены конфликтными ситуациями. Не без основания здесь фигурирует Египет как прежнее место обитания адыгов. Известно, что в 1390-1571 гг. в Египте правили захватившие там власть мамлюки – воины-арабы с Кавказа. Вероятно, в это время часть адыгов из Сирии и Египта возвращалась на Родину. Допустимо также, что часть возвращающихся осела в предгорьях Центрального Кавказа, интенсивно заселяемых к этому времени адыгами из Прикубанья.

На чем основаны наши предположения? – спрашивает А.А. Ципинов. Во-первых, на хронологическом совпадении двух важных событий в жизни адыгов: время правления мамлюков на Ближнем Востоке и время заселения нынешней географической территории. Во-вторых, в ряде преданий указывается причина, из-за которой адыги вынуждены были покинуть Египет – вражда с турецким султаном: «...*Пацтыхьыгъэ ялыгъар Тыркум зауэкIэ, ыхъэпылъэкIэ Iаха ыужь, Тыркум нэхъри адыгэм лей къырих хъуац*» – «После того, как Турция посредством войн и казней лишила адыгов власти, Турция еще больше начала преследовать их». Или еще: «*Тамбий и къуэр Тырку пацтыхьым ныкъуэкъуэгъу къицIац. Тырку пацтыхьым и ныкъуакъуэгъу Iэ адыгэр Мысырым къикIын хуей хъуац*» – Турецкий падишах начал враждовать с сыном Тамбия. Из-за вражды Турецкого падишаха адыги вынуждены были покинуть Мысыр (Египет. – Авт.). Беспрерывное противостояние мамлюков и турецкого султана – общеизвестный факт истории (Ципинов А.А., 2004).

2.2. Были ли у адыгов «славянские корни»?

Вопрос о том, не являются ли адыги отдаленными потомками славянских народов (или, наоборот, казаки произошли от адыгов), издавна привлекал исследователей. Так, по Ш. Ногмову, отдаленные предки адыгов и славян восходят к одному и тому же «корню» – древнему племени антов; об обнаружении тех или иных фактов «родства» адыгов и запорожских казаков сообщают некоторые дореволюционные авторы, и т.д.

2.2.1. Запорожские казаки – потомки «пятигорских черкесов»?

В течение VIII-XII вв. черкесы упоминаются русскими и греческими историками под именем казаков, которое дали им их соседи – осеты.

Джордж Эллис (1798).

Вероятно, из черкесов возникли как днепровские, так и донские казаки...

К. Кох (1842).

В исторической литературе можно встретить сведения о том, что «в древние времена адыги жили на Украине в Малой России» (И.Ф. Бларамберг).

Дмитрий Кантемир, известный государственный деятель Молдавии и России, друг и соратник Петра Великого, сообщает о проживании на Украине так называемых «черкесов-казаков»: «Это самые благородные из скифских народов, проживающих в горах и холмистых местностях между Каспийским и Черным морями. Русские называют их «черкесы-пятигоричи» (черкесы пятигорские?), и этим отличают от «черкесов-казаков». Все украинские казаки по-русски называются черкасами, но главным образом те, которые населяют берега реки Донец и живут в слободах и колониях. Но у тех Черкасов, которые разделены на колонии, имеются пять провинций, главными городами в которых являются Изюм, Харьковия, Охтырка, Рыбинск и Сумы. К ним следует добавить самый древний русский город Чугуев, бывший некогда крепостью Русской империи против татар. Он расположен на реке Донец» («Кавказ...». Вып. III 2010. С. 77-78).

Есть и другие документально подтвержденные сведения и о том, что черкесы в конце XIII в., выселившись «из Бештау, или Пятигорья», после ряда перемещений прославились «под именем запорожских казаков» (С. Броневский). Эти черкесы, впоследствии став основой Запорожской Сечи, сложившейся «ниже по Днепру», в XVI–XVII вв. сыграли большую роль в защите южных рубежей славянского мира (Бейтуганов С.Н., 2007).

Можно отметить, – пишет М.И. Крайсветный (2007), – что черкесские (адыгские) гипотезы происхождения казаков – одни из первых в исторических описаниях, но до настоящего времени не завоевали общего признания. Возможно, это связано с тем, что Г. Байер, В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, К. Кох, И.Э. Тунманн и ряд других авторов не аргументировали свою позицию. Желание казаков видеть своими предками черкесов, по мнению Н.А. Мининкова, является попыткой «облагородить свое происхождение» и отмежеваться от своего маргинального (славянского) прошлого.

А. Ригельман, говоря о незнании казаками «о себе прямого начала», приводит мнение их самих о своих корнях: «... будто б они от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов, взялися, и для того считают себя природою не от Московских людей, и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть. И по такому их воображению никогда себя Московскими не именуют, и не любят, кто их Москалем назовет, и отвечают на то, что «Я, де, не Москаль, но Русской, и то по закону и вере Православной, а не по природе» (Крайсветный М.И., 2007. Вып. VI. С. 287).

2.2.1.1. «Новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона»

Во времена Владимира Мономаха новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона, где они «казаковали» вместе со сбродом множества других племен. ...Затем они обрусели, приняли христианскую веру и сделались известными под именем казаков, сначала украинских, а потом запорожских.

А. Филиппсон (1851).

Черкесская принадлежность первых казаков не вызывает сомнения. Адыгом был и легендарный атаман XVI в. Михаил Черкашенин, воспетый в русском фольклоре.

А.П. Хабаху (2000).

Следует отметить, что версия: «Черкесы – предки запорожских казаков», привлекала неизменный интерес среди дореволюционных историков. В изложении автора XIX в. А. Филиппсона (1851), она выглядела следующим образом: «Черкасы – давние жители Кавказа. Черкасы являются в нашей истории в первый раз в 985 г., т. е. через 20 лет после разрушения Хазарской державы, в состав которой входили и касоги.

Во времена Владимира Мономаха (около 1121 г.) новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами (половцами) от Дона, где они «казаковали» вместе со сбродом множества других племен. Они за деньги служили нашим князьям в их междоусобицах. Затем они обрусели, приняли христианскую веру и сделались известными под именем казаков, сначала украинских, а потом запорожских.

В 1187 г. Киевская летопись упоминает о казаках, живших по «украинам», т. е. южным пределам тогдашней России. Эти казаки, умножившись по нашествии татар новыми толпами удальцов бездомных, посвятивших себя военному ремеслу, составили ядро запорожских казаков. Не только запорожские казаки всегда назывались черкасами, но вся нынешняя Малороссия и Украина не имели другого названия как Черкасский народ. Это имя дается им позже во всех актах и грамотах монархов Российских. Рубруквис (1253) нашел в стране Батия множество разноплеменных людей, которые скитались в степях и грабили путешественников. Эти-то толпы удальцов назывались в наших летописях Ордынскими казаками (а были еще Рязанские, Азовские, Ногайские, Тюменские). Из всех этих казаков черкасами называли себя запорожские и уральские.

Рассказывая о событиях X-XI вв., русские летописи говорят, что в это время касоги (т. е. черкесы) во множестве стали приходить в Киев, спасаясь от печенегов. Уходили от врагов с семьями и имуществом и селились от Киева к югу по западному берегу Днепра. Города Черкасы, Чигиринь были основаны и населены касогами и все сельское хуторское поселение по обеим берегам Днепра к югу от Киева состояло тогда из касогов.

Приднепровские касоги, – отмечали летописи, – зажили в мире с коренным населением. Защищая себя и их от грозных врагов – монголов, надвигавшихся с востока в последующие века, храбрые касоги (черкесы) «попили своей кровью днепровские берега не раз, города и села их гибли под напором диких монгольских орд» (Хабаху А.П., 2000).

Дополняет эту информацию А.А. Максидов (2003), отмечающий, что в XI-XII вв. значительное число касогов поселилось в южных районах Киевской Руси. Многие из них нанимались в дружины русских князей, а также несли пограничную службу. За свои высокие шапки конусообразной формы, изготавливавшиеся из черного каракуля, черкесские всадники получили на Руси название «черные клобуки». О том, что «черные клобуки» являлись касогами, говорят Воскресенская и Киевская летописи: «И сконя свою дружину пойде, пойма с собою Вячеслав полк весь и вся черные клобуки, еже зовутся черкасы».

Вдоль берегов Днепра черкесы основали ряд городов, и большая часть сельского хуторского поселения к югу от Киева состояла тогда из касогов-черкесов. Многие из черкесских поселенцев погибли под натиском сначала кипчаков, а затем монголов. Со временем, в XIV-XV вв., черкесы растворились среди славян. Но память о них осталась, поскольку они передали свое имя части украинского народа, – вплоть до начала XIX в. русские называли украинцев: «черкасы» и в быту, и в официальных документах (Максидов А.А., 2003).

Дальнейшее развитие эта версия получила в работах С.Н. Бейтуганова (2007), который приводит и документально подтверждает рассмотренное выше предположение о «кровном родстве» кубанских (запорожских) казаков и адыгов («пятигорских кабардинцев»). При этом он ссылается на слова Н.А. Добролюбова, который, анализируя этнический состав Кубанского казачьего войска в конце XVIII в., указывал, что оно состояло, в том числе, из «... 1000 душ мужского пола, добровольно вышедших из-за Кубани черкес и татар, а также 500 запорожцев, вернувшихся от турецкого султана. Ранее эти запорожцы после ликвидации Сечи, ушли в Турцию, очевидно, из-за общности веры, поскольку они были частично не славянского происхождения». Записи С. Броневского (1823) проливают свет на эту проблему. Ссылаясь на архивные и литературные источники; он пишет: «В XIII в. черкесы овладели Керчью в Крыму, делали частые набеги, как на этом полуострове, так и в других странах Европы. От них (то есть черкесов) произошли эти шайки казаков, в то время появившихся».

2.2.1.2. «Масштабное переселение адыгских крестьян в соседние славянские земли»

Все народы сохранили в памяти своей исторические предания и повествования о подвигах своих предков.

Ш. Ногмов (1861).

В туманной неопределенности преданий мы различаем точные события, записанные, между прочим, и русскими летописцами.

В.А. Потто (1885).

Активизация политики Руси на ее южных рубежах, противостояние ордам кочевников, создание княжества в Тмутаракани и другие сложившиеся в раннем средневековье условия положили начало появлению касожских поселений не только в Киеве, но и в его окрестностях, проникновению вслед за этим больших масс адыгского населения в Южную Русь. Под влиянием не прекращавшихся в течение последующего времени новых волн такой миграции, происходило культурное и политическое сближение народов Черкесии, Алании, Руси. Впоследствии, как указывает Д. Бантыш-Каменский, здесь появляются два города с одним и тем же названием – Черкасы на Днепре и Черкасск-на-Дону. К числу русских городов с адыгским населением, или основанных адыгами, относят также Канев и Чигирин.

Существует мнение, что накануне татаро-монгольского нашествия все сельское, хуторское население по берегам Днепра к югу от Киева состояло из воинственных касогов, что в союзе с полянами они приостановили «монгольский поток» и спасли Запад от неисчислимых бедствий и разрушений («История многовекового...», 2007).

Масштабным было переселение в XIV-XV вв. адыгских крестьян в соседние славянские земли. Значительные группы адыгов (преимущественно западных адыгов) расселялись в районах Среднего Поднепровья и Левобережной Украины. Также адыги расселялись в Запорожье, на островах Днепра, в частности на острове Хортица. По мнению ряда ученых, выходцы из Черкесии не только регулярно пополняли ряды казачества, но и являлись основателями запорожского казачества. Численность черкесов на территории Среднего Поднепровья и Левобережной Украины в указанный период возросла настолько, что южную часть Украины называли Черкасией как в быту, так и в официальных документах, вплоть до начала XIX в. (Кушхабиев А.В., 2007).

Являясь прежде всего хорошо подготовленными воинами, черкесы оказали влияние на военную подготовку казачества. С течением времени черкесы ассимилировались в среде доминирующего славянского населения. В наши дни десятки украинских фамилий свидетельствуют об адыгском происхождении (Кушхабиев А.В., 2007).

Русская летопись XV в. свидетельствует: «В скором времени столько их умножилось, что от Буга до устья оного казаки-черкасы свои селения распространили». Когда турецкое войско в 1569 г. приходило под Астрахань, тогда призван был с Днепра из черкас князь Михайло Вишневецкий с 5000 запорожских казаков, которые, объединившись с донскими казаками, великую победу над турками одержали. Из сих черкасских казаков большая часть осталась на Дону и построили себе городок, назвав его Черкасск-на-Дону, что и было началом заселения донских казаков. Вероятно, что многие из них возвратились также на родину свою к Пятигору (Бештау)»...

Судя по всему, С. Броневский использовал архивы Государственной Коллегии иностранных дел, извлечение из которых И.Ф. Бларамберг включил в свои «Исторические сведения о кабардинцах». Документы свидетельствуют, что 1) «... в древние времена кабардинцы занимали часть Украины и Малороссии, а затем обосновались в верховьях р. Кумы в окрестностях Бештау. Откуда они получили название «пятигорских черкесов...». Сам же С. Броневский комментирует эти документы следующим образом: «В древние времена кабардинцы жили на Украине и Малой России и перешли оттуда сначала к городу Тереку, а потом поселились по Куме в урочище Пятигорска, почему и назывались «пятигорские черкесы». 2) что земля сия принадлежала тогда России и что Пятигорские черкесы исповедовали христианский Греческий закон...» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

О пребывании черкесов в низовьях Днепра сообщает и Николас Витсен (1641-1717): «По нижнему течению реки Борисфен (Днепр) в Украине живут племена, также называемые черкесами. Они греко-православного вероисповедания, ныне находятся под властью великого турецкого султана. По-моему, не-

умение отличить этот народ от черкесов у Каспийского моря является причиной того, что одни говорят, будто все черкесы – язычники, а другие – что они все христиане» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Таким образом, по этой версии, можно с большей или меньшей степенью достоверности предполагать, что запорожское казачество, образовавшее затем костяк Кубанского казачьего войска, состояло частью из потомков некогда уведённых из района Бештау или Пятигорья черкесов, не говоря уже о «добровольно вышедших из-за Кубани черкес». С. Бейтуганов, специально занимавшийся этим вопросом, высказывает предположение, что во время Кавказской войны «борьба (казаков. – Авт.) против адыгов осуществлялась при активном участии в ней их же дальних или близких соотечественников». Дальнейшие архивные изыскания должны подтвердить или опровергнуть эту интересную гипотезу.

Некоторое подтверждение этой версии находим в работе Ш. Ногмова «История адыгейского народа» (1861): «Сохранившиеся у нас предания утверждают (не означая эпохи), что этот народ (адыге) обитал от р. Терека до рек Волги и Дона на север и, продолжая селиться по обе стороны Азовского моря, доходил до Крымских степей на западе. К югу же он примыкал к Кавказским горам, которые в самых высочайших ущельях были обитаемы абадзехами. Павел-диакон, путешествовавший на севере, нашёл в I столетии на Днестре антов. Вероятно, что та часть, которая обитала на западном берегу Азовского моря, подалась вверх по Днепру от приближения готов».

2.2.1.3. «Днепровская, или Украинская Черкесия»: к средневековой эмиграции черкесов в Северное Причерноморье

Запорожские казаки были черкесские эмигранты, их первоначальная родина находилась среди западных областей Кавказа и называлась во времена Константина Порфирородного Касахией.

Эдуард Гиббон, вторая половина XVIII в. (Цит. по: Максидов А.А., 2003).

Несомненный интерес представляет эссе А.А. Максидова (2003) о средневековой эмиграции адыгов на Украину и переплетении их судеб с казаками. Как пишет историк, одновременно с египетской ксенократией мамлюков (греч. *xenos* + *kratos* – «чужая власть», «власть пришельцев») – выходцев из Черкесии – существовало ещё одно ксенократическое объединение, созданное адыгскими всадниками, – это Днепровская, или Украинская, Черкесия. Само название р. Днепр связано с черкесским языком, на что указывал в 1928 г. Н.Я. Марр: «Черкесский язык выявляет свое ближайшее сродство с таким несомненно древним названием как «Днепр», о чем свидетельствуют древние названия р. Дон (Танаис): *Dney – Den-i – Don – Dun (Dun-ay) – Dan – Tan (Danu+b, Tanay+is)*, означавшим все одинаково – «вода»...».

[В развитие этого тезиса отметим: у большинства ираноязычных народов *дон, дан, тон, тан* – означает «ручей, река, вода». Эти корни прослеживаются и в древних названиях Днепра – Данаприс, Днестра – Данастрис, Дуная – Данубий, Кубани – Вардан (Галкин Г.А., 2007)].

Средневековая эмиграция черкесов, антов, русов, асов и аланов в регион Среднего Поднепровья, а в более широком плане – в регион Северного Причерноморья (Дунай-Дон), – носила постоянный характер. Касаясь проблемы происхождения наиболее ранних, IV–III тысячелетия до н. э., культур Северного Причерноморья, Дж.П. Меларт связывает их генезис с миграционным потоком с территории, где процветала культура, известная теперь как майкопская, – т. е. с Северо-Западного Кавказа (Максидов А.А., 2003. С. 46).

«Казаки были черкесские эмигранты, – писал Эдуард Гиббон, – их первоначальная родина находилась среди западных областей Кавказа и называлась во времена Константина Порфирородного Касахией».

Современник Эдуарда Гиббона (вторая половина XVIII в.) – Иоганн Эрлих Тунманн также связал появление в XV в. казаков с черкесской эмиграцией на Украину, но при этом упор делается на этноним «черкес»: «Они (черкесы. – Авт.) завладели Керчью в Крыму, часто нападали на этот полуостров и другие европейские местности, сделались основным составом образовавшихся тогда казачьих народностей и основали в Египте знаменитую династию... Кубанские черкесы удерживались как на Дону, так и на Кубани. Там составляли они, хотя и сильно смешавшись с русскими, донское казачье государство» (Максидов А.А., 2003. С. 46).

В XVIII в. западноевропейскими историками были сформулированы две основные точки зрения по поводу генезиса ранних казаков – касожская и черкесская. Разница между ними лишь в хронологии. Касожская версия относит появление казаков к X в., а черкесская – к XV в. Но и в том, и в другом случае этнический состав ранних казаков считается адыгским. Георгий Вернадский посчитал возможным, несмотря на свою исключительную склонность к иранским этимологиям, присоединиться к касожско-черкесской версии: «Это слово (т. е. казак, казак. – Авт.) происходит от этнического названия Каз, древнего северокавказского народа, известного сейчас как адыгейцы или черкесы. Последнее название в первоначальной форме звучало как Чахар-Каз, что значит «четыре клана Каз». В русском языке, начиная с XV в., это название употреблялось в форме «черкасы». Это название появляется в «*Codex Cumanicus*» (написан около 1294 г.) в форме «*cosas*». Сутдейский *Synaxarion* содержит дополнительную запись, датированную 17 мая 1308 г., о молодом христианине, убитом казачьим мечом. Судя по всему, здесь опять имеются в виду касоги (черкесы)». (Максидов А.А., 2003. С. 46).

В московских документах XVI и XVII вв. черкасами назывались как черкесы, так и украинские казаки. Что касается последних, то это название шло, по-видимому, от города Черкасы на р. Днепр к югу от Киева, а тот, в свою очередь, был одним из центров днепровско-казацкого региона. Вероятно, город Черкасы был первоначально черкесским поселением, которое, вероятно, было основано в XI в., если не раньше. В то время у князя Мстислава Тмутараканского и Черниговского была личная охрана из черкесов. Вероятно, новые черкесские поселенцы были приведены в этот район монгольским ханом Ногаем в конце XIII в. Исходя даже из тех неполных статистических данных, которые имеются в распоряжении исследователей, можно предположить, что в конце XVI в. около 80 % запорожских казаков были украинцами и белорусами; остальную часть составляли москвиты, поляки, молдаване и черкесы.

Н.М. Карамзин (1766-1826) в своей «Истории государства Российского» (Т. V) также констатирует черкесское происхождение казаков: «Торки и берендеи назывались черкесами: казаки также. Вспомним касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну Казахию, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов касахами: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, называясь черкесами, назывались и козаками». Единственная поправка, которую можно сделать к Карамзину, заключается в том, что торки и берендеи в современных им источниках черкесами не называются; – черкесами они называются летописцами с XV в.

Черкесскую версию поддержали и другие авторы XVIII в. – А. Ригельман, А. Шафонский, М. Антоновский. Появление черкесов на Украине А. Ригельман относит к XIV в., когда ими и был основан город Черкасы. Говоря об украинно-черкесских связях, Ригельман не только опирался на исторические летописные свидетельства о переселении черкесов в Поднепровье, но и подчеркивал сходство этнонимии, материальной культуры, антропологического типа и обычаев. Ригельман основывался в том числе и на собственных наблюдениях, поскольку бывал на Северном Кавказе и был знаком с культурой и бытом черкесов (Максидов А.А., 2003. С. 46).

Украинский историк первой половины XIX в. Д.Н. Бантыш-Каменский также придерживался версии черкесского происхождения первых казачьих общин Поднепровья. Начало запорожскому войску, по его мнению, положили именно черкесы. Он указывает на то обстоятельство, что в делах коллежского архива запорожцы и донские фигурируют под именем «черкас». Отмечая сходство запорожцев и черкесов, Д.Н. Бантыш-Каменский писал: «Одно название, одинаковый нрав, одинаковая склонность к набегам подтверждают сию догадку».

Если прислушаться к тому, как современные кабардинцы поют свои героические песни-былины, сродство черкесского племени с малорусским выясняется особенно ярко: тот же размер и ритм стихов, то же рифмирование и такие же повышения и понижения голоса, какие слышатся в малорусских народных «думах». Даже имя свое черкесы передали малорусскому племени: до царствования императора Александра I, когда кавказские черкесы, не пожелавшие добровольно покориться, были объявлены «врагами России», – не только русский народ, но и официальные бумаги называли малороссию черкасами».

Историю казаков, по мнению А.А. Максидова (2003), можно разделить на два основных периода: 1) период XVI-XVII вв., когда казаки были независимы; 2) период XVIII-XX вв., когда казаки утратили свою независимость и оказались во власти российских императоров. Последние превратили их в мощный инструмент экспансионистской политики на Кавказе и в других регионах. Именно в этот второй период казаки «переродились» в этническом отношении и были превращены в сословие.

Подводя итоги сказанному, историк пишет: «На протяжении XIV–XV вв. было несколько волн черкесской военной эмиграции на территорию Среднего Поднепровья и Левобережной Украины. Черкесские поселенцы ассимилировались среди постоянно увеличивавшегося славянского населения, но южная часть Украины называлась Черкасией вплоть до времен Екатерины II. Различие между терминами черкес и черкас совершенно условное. Форма «черкес» вытеснила форму «черкас» лишь в XIX в., а до этого адыгов, в большинстве случаев, называли именно черкасами. Останавливаться на русской и украинской топонимике с основой «черкас» или «черкес» нет особой необходимости по двум причинам: 1) этих примеров слишком большое количество, их хватило бы для составления отдельного словаря; 2) очень трудно установить, какой населенный пункт основан этническими черкесами, т. е. адыгами, а какой уже «ославянившимися» адыгами или славянами, получившими название «черкасы» (Максидов А.А., 2003. С. 46).

2.2.1.4. «Черкасы, казаки и касоги суть разные имена одного и того же народа»

Между этим именем («казаки») и именами древних «касогов» нет, в сущности, никакой разницы... Если вспомнить, что, в свою очередь, казаки постоянно назывались черкесами или черкасами, то нарицательность имени казака станет вне всякого сомнения.

Е.Л. Марков (1887).

А. Филиппсон в своей статье «Черкесы, казаки и адыге» (1851) отмечает: «Архивы свидетельствуют, что черкасы, в X, XI и XII столетиях поселившиеся в Южной России, были касоги, подданные хазарского кагана;

но должно думать, что сам народ касоги остался в своем древнем отечестве (на Кавказе). Весьма вероятно, что и теперь живущие в горах Кавказских, у подножья Эльбруса – карачаи, уруслии, чегемы, гуламы и балкары, – суть остатки этого древнего народа. Странная судьба этого племени, которое обошло вокруг всю Южную Россию и через 8 веков возвратилось под именем казаков в свое древнее отечество, на берега Кубани и Лабы!

На карте Фредуция (1497) показаны Кабарди на берегу моря на правой стороне Дона, но в 1550-1557 гг., Интериано нашел их уже на восточном берегу Азовского моря и говорит, что они жили от р. Тана (Дон) до Пицундской бухты на Черном море. Около 1637 г., посетил этот край Иоанн Луккский. Видно, что в 80 лет, протекших со времени посещения Интериано, этот народ (кабарты), распространяя на восток свои пределы, занял всю северную покатость Кавказа до границы одноплеменных с ним кабардинцев. Земля убыхов (на реках Соча и Субаши) принадлежала в то время абхазам. Столько фактов, без сомнения, дали Н. Карамзину полное право сказать, что черкасы, казаки и касоги суть разные имена одного и того же народа», – завершает изложение своей версии А. Филиппсон.

Эту же мысль о кровном родстве адыгов и казаков встречаем и у Э.Спенсера (1830): «Черноморские казаки совершенно отличны от других казаков; более похожи на жителей Кавказа, чем на славянина России. Предполагается, что они ведут свое происхождение от казахов – кавказского племени, все еще существующего («казахи», по утверждению византийских историков, – население Казахии в нижнем течении Кубани. – **Авт.**). Они высокие и хорошо сложены; стройные, атлетическая форма с профилем обычно греческим или римским; волосы темно-коричневые или черные; и азиатская кровь придает их чертам пикантный характер, столь обычный для восточных людей... Мингрелы и грузины отличали черкесов от других племен Кавказа именем «казахия», так что совсем не невероятно, что героические отряды странствующих средневековых казаков (ужас, подобный Турции и Персии) – имели свое происхождение от этого народа.

О «необыкновенной схожести» казаков и адыгов писал и современный французский автор Мишель Сапен-Линьер (2008): «Схожесть во внешнем облике и нравах [запорожских казаков и черкесов], производившая обманчивое впечатление о единстве происхождения, и породила в годы Кавказской войны утверждение, что «линейный казак – тот же черкес, только русской национальности».

В продолжение темы, о том, что этнические названия казаки, касоги и черкесы (черкасы) – являются чуть ли не синонимами, – размышляет Е.Л. Марков (1887): «Что казаки вообще законные наследники и преемники древних степовиков (жителей степей. – **Авт.**) – это ясно не только из их исторической роли, но даже из самого имени их. Между этим именем («казаки») и именами древних касогов (писавшихся по Никоновскому списку «касаги», по Софийскому — «косоги»), кочевавших в начале русской истории у берегов Азовского моря и побежденных Святославом, нет, в сущности, никакой разницы. В Курской губернии до сих пор есть река Касожа или Касоржа, очевидно, сохранившая память о древних обитателях. Греческий император Константин одну часть Северного Кавказа прямо называет «Козакия» («Казахия», «Касакия»), и примечательно, что крепостное население, живущее теперь в этой части Кавказа, до сих пор называется *казаками*. Киргизы, коренные жители степей, и теперь называются кайсаками или казаками.

Казак есть вообще какое-то родовое имя, значение которого не вполне уяснено. Осетины Кавказских гор называют, например, казаками черкесов, по уверению Шлёттера. Если вспомнить, что, в свою очередь, казаки постоянно назывались черкасами или черкасами, что до сих пор в Киевской губернии значительная часть населения называется черкасами, что в старых казачьих областях есть города Черкасы, Черкасск и Новочеркасск, а степной южный скот до сих пор известен в России под именем черкасского, то нарицательность имени казака станет вне всякого сомнения. Даже в гунзунских летописях древнего Сурожя при описании конной стражи упоминаются «козаки оргузии» (Марков Е.Л., 1887. С.19).

Интересную мысль приводит М.И. Крайсветный (2007. Вып. VI. С. 290): «Сходство в образе жизни черкесов и казаков позволяет говорить не о каких-то заимствованиях друг от друга, а о практически полном тождестве и единстве происхождения. Так, высший законодательный орган власти у казаков – Круг, имеет прямую аналогию с адыгским народным законодательным собранием – Хасой, особенно у западных адыгов «демократических племен» шапсугов, натухаевцев и абадзехов. Функции, механизмы и регламент этих Собраний совпадают до мелочей. У других адыгских «аристократических» народов, в т.ч. кабардинцев и черкесов, Хаса была уже не общенародным, а сословно-представительским органом власти. Демократическая форма правления существовала у западнокавказских адыгов вплоть до 1864 г.». Эту же мысль историк излагает несколько позже: «Казачий Круг полностью идентичен адыгской Хасе, что еще раз доказывает единство корней донских казаков и адыгов. В таком случае, семантическое значение термина «казак» будет соответствовать значению «свободный, вольный». С подобным значением соглашаются все исследователи, занимавшиеся этимологией термина «казак». Таким образом, термин «казак», вероятнее всего, восходит к адыгскому термину «хаса/каса», означающему «Народное законодательное собрание», а «казак» означает – «член Касы/Круга». На адыгском языке «хаса-к» означает «идущий на Хасу». И далее М.И. Крайсветный (2007) вновь возвращается к вопросу о «тождестве» казаков и черкесов. «Сравнивая образ жизни казаков и адыгов, – пишет он, – можно отметить, что они практически идентичны. Это и социально-политическая система, и мореходные традиции, и воинская доблесть и умение, и экономический уклад, и мировоззрение, элементы быта и многое другое. Так, сравнение

меотских (адыгских) античных «камар» и казачьих стругов показывает их несомненное сходство. А совокупность всех мореходных навыков – прекрасного знания акватории Азовского и Черного морей, тактики сражений на берегу и захвата кораблей, географии и целей набегов, и многого другого, убеждают нас в несомненной преемственности казачьих мореходных традиций от адыгов...

Когда о запорожских (кубанских) казаках говорят как о высокопрофессиональных воинах и «степных рыцарях», имеет смысл обратиться к адыгской традиции наездничества и «рыцарскому кодексу» – *уэр-къыгъэ*. Обращение же к адыгскому морально-правовому кодексу – *«адыгэ хабзэ»*, во многом, если не во всем, способствует пониманию казачества как социально-исторического явления, дает ответы, откуда и почему у казаков существуют те или иные элементы культуры (Крайсветный М.И., 2007. Вып. VI. С. 287).

2.2.1.5. Некоторые этнографические параллели между запорожскими казаками и черкесами

С момента появления на Кавказе казачьих общин в первой половине XIX в. начинается массовое заимствование ими у черкесов элементов жилищно-поселенческой сферы, хозяйственной и, особенно, военной культуры...

В.А. Дмитриев (2001).

Из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими к восточным славянам являются адыги. Это свидетельствует о длительных и тесных контактах, уходящих корнями в раннее средневековье.

«История многовекового...» (2007).

Многочисленные факты свидетельствуют, что черкесские общины на Днестре и Дону приняли участие в этническом и социальном развитии украинцев, в формировании их культурного облика. Пребывание адыгов-«козаков» (-«казаков») или адыгов-«черкасов» на этих землях оставило множество следов в языке, культуре и быте украинского народа.

Довольно-таки подробно осветил эту проблему в начале XX в. украинский историк В. Гатцук, который говорит о черкесском происхождении запорожских казаков уже совершенно уверенно: «Татаро-монгольское вторжение прервало связи Украины и Черкесии. Жители этих двух областей в течение двух с половиной веков вели напряженную борьбу с кочевниками, основавшими могущественную империю – Золотую Орду. Славяне сохранили в своем фольклоре факт интенсивных и дружественных отношений с Кавказом: о черкесах пятигорских, шлемах черкесских, седлах черкесских и т.д. говорится во многих былинах». И далее В. Гатцук пишет: «Города Канев, Черкасы, Чигирин основаны и населены касогами, и все сельское, хуторское население по обоим берегам Днестра к югу от Киева состояло тогда из касогов. Приднепровские касоги зажили в мире с коренным населением, – со славянами-полянами. Защищая себя и их (поляне были мирным, земледельческим племенем) от грозных врагов-монголов, все надвигавшихся с востока в последующие века, храбрые касоги полили своей кровью днепровские берега... и быть может, их храбрости и военной выдержке, которые они, живучи между полян, передали и им, обязан в значительной мере Запад тем, что поток монгольский не разлился далее берега Днестра. Общая опасность соединяет людей. Мало-помалу касоги-черкесы слились с полянами и образовали, вместе с ними, так называемое малороссийское племя. От них теперешние малороссияне получили те свои особенности, которые отличают чистый малорусский тип от великороссиян – темный цвет волос и глаз, тонкие черты лица. Черкесы передали малоруссам свою любовь к свободе, ненависть к так называемому «холопству»... От них же заимствовали малоруссы и общий характер одежды, домашней обстановки, прежнего своего вооружения...».

Генерал А. Ригельман (1847), автор конца XVIII в., анализируя названия «козак» и «черкас» по отношению к запорожцам, отмечал: «...а если вести им (запорожцам. – **Авт.**) имя особое, то следовало бы называться черкесами, по пришедшим потомкам в Украину из Черкасской Кабарды черкасам, которые, смешавшись с украинцами вообще, проименовались тем именем, коим и донныне еще именуются. Притом доказывает и то, что ...казаки сходство лица, одежды и несколько жительства (т. е. быта. – **Авт.**), обычаи и во многом обряды, – равные с черкесами имеют». И далее он развивает свою мысль, отмечая, что современные ему донские казаки единодушно заявляют, что они произошли от черкесов. К этнографическим деталям, привнесенным черкесами на Украину, относят форму и технологию постройки жилища; отапливание жилища кизяком; близкие по конструкции тяжелые деревянные плуги; наличие у запорожцев черкесского седла; обычай брить голову, оставляя при этом клок волос на макушке; ткань «черкесину», из которой шилась прежняя украинская одежда; головной убор под названием «кабардинка»; черкесские кафтаны; склонность к наездничеству; обычай побратимства и т. д. В XVI в. в Речи Посполитой был известен род легкой конницы «пятигорские хоругви», комплектовавшейся, главным образом, из черкесских наемников. Черкесские выходцы ассимилировались, по всей видимости, уже во втором или в третьем поколении, но довольно регулярно пополнялись новыми переселенцами или даже целыми отрядами (Максидов А.А., 2003. С. 46).

Мнение А. Ригельмана о «поразительном сходстве» казаков и черкесов разделял и такой крупный этнограф, как А. Шафонский (1851), составивший в 1786 г. фундаментальное описание украинцев. Он считал, что часть «горских черкесов перешла в XIV столетии из Кавказских гор в Курск а после на Днепр и построили город, по имени своему, Черкасы. Нынешние черкесы по наружному виду лица, одеянию и по всем ухваткам по сей день весьма на малороссиян, в низовых местах Днепра живущих, и особливо на бывших запорожских казаков похожи, которые, и вообще все малороссияне, исстари от великороссиян черкесами называются». Наряду с этим А. Шафонский отметил сходство одежды и головных уборов украинцев и черкесов, а также остатки дольменной культуры на Южной Украине, памятники которой непосредственно связаны с дольменными скоплениями Западного Кавказа (Максидов А.А., 2003. С. 46).

Заметный след оставили адыги и в языке восточных славян. Особенно часто в связи с этим ссылаются на тот факт, что многие украинские фамилии либо целиком совпадают с черкесскими, либо имеют такой же, как и у адыгов, суффикс принадлежности кьо (кьюэ) со значением «сын» (например, Алексеенко, Величко, Княшко, Коваленко, Крыжко, Ладатко, Лысенко, Майстренко, Наливко, Нестеренко, Руденко, Харченко, Шашенко).

Новейший исследователь настоящей проблемы В.Ф. Горленко (Киев) в своей статье обращает внимание на такой интересный источник, как реестр жителей Черкасского и Каневского замков 1552 г., в котором содержится большое число имен и фамилий явно черкесских выходцев: Лазука, Горянин, Тока Копытков, Ломан, Семен Скуматов, Гусейм, Нелистон Старый, Степанец Пятигорчин, Жчалаш, Мишко Тербердеевич и др. Реестры гарнизонов XVII в. всегда отличают черкасов от других днепровских козаков. Даже в 1765 г. лейб-гвардии премьер-майор Щербина отмечает черкесские «орды» в степях между Днепром и Доном.

По мнению А.А. Максидова (2003. С. 46), и такая широко распространенная украинская фамилия, как Шевченко, также имеет адыгское происхождение. Она восходит к слову «шэуджэн», которым адыги обозначали своих христианских священников. Под натиском ислама некоторые из них могли эмигрировать к черкесам Левобережной Украины, которые по-прежнему исповедовали христианство. Их потомки, естественно, назывались «Шэуджэнькьо», «Шэвджэнко», «Шевченко». (Впрочем, достоверность «связки» энтонимов Шэуджэн-Шевченко еще требует осмысления и подтверждения. – **Авт.**).

По всей видимости, именно в тот период в украинский язык вошли такие адыгские слова, как *нан* (мать) – «нэньку»; *тат* (отец) – «тату»; *хатэ* (усадыба) – «хата»; *уоркэ* (всадник, дворянин) – «урка»; *джэ-гун* (играть во что-либо, играть с кем-то) – «джигун» (украинское слово, означающее повесу); *цЫкІу* (маленький) – «чукать» (чукать с детьми, т. е. играть с ними, ритмично качать их по вертикали, напоподобие движения всадника при верховой езде) и пр.

Приведу еще несколько фактов об участии адыгов в этногенезе казаков (впрочем, есть немало фактов и об обратном влиянии последних на первых). С момента появления на Кавказе казачьих общин в первой половине XIX в. начинается массовое заимствование ими у черкесов элементов жилищно-поселенческой сферы, хозяйственной и, особенно, военной культуры – одежды, комплекса вооружения, конского убора, тактики ведения боевых действий и проч. (Дмитриев В.А., 2001).

«Усвоение казаками комплекса черкесской мужской одежды, – пишут авторы сборника «Россия и Кавказ...» (2001), – произошло в силу принятия ими мужского поведенческого комплекса горцев – ролевой предназначенности мужчин для подвигов с оружием и на коне во внешнем пространстве».

А. Горданов в своей «Истории казаков» отмечает: «Генерал Ригельман, собиравший материалы по истории казаков, писал, что в конце XVIII и в начале XIX в. донские казаки считали, что они не русские люди, а происходящие от черкесов и других горских людей, но обрусевшие, живучи в России» (Хабаху А.П., 2000).

Общий вывод, к которому приходят историки с учетом всей суммы русско-адыгских культурно-бытовых и лингвистических встреч и параллелей, сводится к тому, что «...из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими к восточным славянам являются адыги». Это свидетельствует о длительных и тесных контактах, уходящих корнями в раннее средневековье («История многовекового...», 2007).

2.2.1.6. Х.М. Совмен: «Казачество – результат масштабной черкесской эмиграции с предгорий Кавказа»

Первые казаки – касоги, касахи – так называли адыгов в средние века, – выходцы из исторической Черкесии, поселившиеся в пределах современной Восточной Украины, в том числе в Запорожье.

Х.М. Совмен (2005).

Примечательно, что версию «Запорожские казаки – потомки пятигорских черкесов» разделял и бывший президент Республики Адыгея Х.М. Совмен. В кратком изложении его видение этой довольно-таки спорной проблемы представляется следующим образом.

«Первые казаки – касоги, касахи – так называли адыгов в средние века, – выходцы их исторической Черкесии, поселившиеся в пределах современной Восточной Украины, в том числе в Запорожье, – утвер-

ждает автор. Казачество – результат во многом масштабной черкесской эмиграции с предгорий Кавказа, так называемого «военного отходничества».

Наши предки перемешались с местным славянским населением и оставили глубокий след в этногенезе, духовной и материальной культуре населения этого региона, который с XV и до конца XVIII вв. назывался «Черкасия». Одноименные город и область до сих пор сохранились на Украине. Вот это самое население и стало затем кубанским казачеством после насильственного переселения Екатериной II, по приказу которой Запорожская Сечь была полностью разрушена в 1775 г., поскольку казаки, как говорится в соответствующем манифесте, хотели «...составить из себя область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением». После Ясского мира 1791 г. основная масса запорожских казаков была переселена на Кубань.

Казаки перенимали одежду адыгов – черкеску, их оружие – шашку (*сэшхо*) и кинжал; также брили головы, оставляя только чубы, и даже в наших языках – адыгском и украинском – самые святые для каждого человека понятия «мать» и «отец» совпадают: *нан* – нэньку и *тат* – тату», – завершает свое этнографическое эссе Х.М. Совмен (2005).

2.2.1.7. «Борьба царизма против адыгов осуществлялась при активном участии в ней казаков – дальних или близких соотечественников горцев»

Запорожское казачество, образовавшее костяк Кубанского казачества, состояло частью из потомков некогда увезенных из района Бештау или Пятигорска черкесов...

С.Н. Бейтуганов (2007)

О дальнейшей истории запорожских казаков С. Броневский сообщал: «Когда турецкое войско в 1569 г. приходило под Астрахань, тогда призван был с Днепра из Черкес князь Михаиле Вишневецкий с 5000 запорожских казаков, которые, союзясь с донскими, великую победу на сухом пути и на море в лодках над турками одержали. Из сих черкесских казаков большая часть остались на Дону и построили себе городок, назвав его также Черкасским, что и было началом заселения донских казаков, а как вероятно, что многие из них возвратились также на родину свою к Бештау или Пятигорью, то сие обстоятельство могло подать причину назвать вообще кабардинцев украинскими жителями, бежавшими из России, как мы находим упоминание о том в наших архивах».

Из сведений Броневского можно сделать вывод, что Запорожская Сечь, образовавшаяся в XVI в. в нижнем течении Днепра, т. е. «ниже по Днепру», и до 1654 г. представлявшая собой казачью «республику», ведущую упорную борьбу с крымскими татарами и турками и сыгравшая крупную роль в освободительной борьбе украинского народа в XVI–XVII вв., в своей основе состояла из упоминаемых Броневским запорожских казаков. Подобный вывод подтверждается и некоторыми другими источниками, в числе которых сведения И.Ф. Бларамберга (1800-1878) и В.А. Потто.

«Таким образом, – отмечает С.Н. Бейтуганов (2007), – можно сказать, что *Запорожское казачество*, образовавшее костяк Кубанского казачества, состояло частью из потомков некогда увезенных из района Бештау или Пятигорска черкесов, первоначальное поселение которых было впоследствии разрушено курским князем Олегом, не говоря уже о добровольно вышедших из-за Кубани черкесах. Следует особо подчеркнуть, что с переселением этих казаков, а именно с 1793 г., началась активизация колонизаторской политики царизма на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде. И далее, резюмируя, автор приходит к вполне закономерному выводу: борьба царизма против адыгов осуществлялась при активном участии в ней казаков – дальних или близких соотечественников горцев».

К аналогичным выводам приходит и М.И. Крайсветный (2007. Вып. VI. С. 296-297): «Все вышеизложенное позволяет утверждать, что первоначальным ядром казаков являются раннесредневековые народы Кавказа, лежащие в основе этногенеза и донского казачества. Вероятно, начальным периодом зарождения казачества на Дону следует считать конец X – начало XIII в., и донские казаки имеют полное право с гордостью заявить, как отмечено в летописи, что они «от Черкес и Горских народов взялися». Если донские казаки происходят от черкесов «напрямую», т. е. в рамках единого этнокультурного региона Дон-Кавказ, с безусловным наличием на Дону их предков с античного времени, то днепровские (запорожские) казаки берут свое начало от тех же черкесов (адыгов) несколько позднее и иными путями».

2.2.2. «Курская» версия

2.2.2.1. «Первые казаки – сброд из черкес горских, в княжение Курском в XIV столетии явились...»

Щыфымэ аlorэм шыпкхэ хэлъ « Что говорят в народе, – в том есть доля правды».

Адыгейская пословица.

Первые казаки – сброд из черкес горских, в княжение Курском в XIV столетии явились, где они слободу Черкасы построили и под защитой татарских губернаторов воровством и разбоями промышляли, потом перешли на Днепр и город Черкасы на Днепре построили.

В.Н. Татищев (1686–1750).

В изложении Вернадского, черкесские общины в Поднепровье были сформированы в результате привлечения черкесов на службу сначала русскими князьями, затем монгольскими династиями (династ – «монарх, правитель». – **Авт.**). Это имеет прямое подтверждение в материалах русских летописей. Так, в изложении И.Н. Болтина, «...в 1282 г. Баскак Татарский Курского княжения призвал Черкес из Бештаю или Пятигория, населил ими слободы под именем козаков. Разбои и грабежи, производимый ими, произвели многие жалобы на них; для коих наконец Олег – Князь Курский, по дозволению Ханскому, разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Сии, совокупясь с русскими беглецами, долгое время чинили всюду по дорогам разбои, укрываясь от поисков над ними по лесам и оврагам. Эти черкесы и беглые русские в поисках безопасного места перебрались ниже по Днепру. Тут построили они себе городок и называли его Черкасск, по причине, что большая часть из них были порою черкасы, составя разбойническую республику, которая прославилась потом под именем Запорожских казаков» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

В летописи указано, что в XVI столетии, «...когда досталась Малороссия полякам, и тамошние жители (черкесы) несносным образом притесняемы быть от них стали, тогда многочисленными толпами переходить они начали к землякам своим (адыгам) и в скором времени столько их умножилось, что от Буга до устья оного свои селения распространили» (Хабаху А.П., 2000).

Приведенный выше отрывок из работы И.Н. Болтина не является точным воспроизведением соответствующего летописного текста, но лишь пересказывает его. Источник, на который опирался Болтин, к сожалению, не сохранился. Характерно, что и в Лаврентьевской летописи листы, относящиеся к этому эпизоду, тоже исчезли. Естественно предположить, что они исчезли не случайно, и что это дело рук официальных историографов или архивариусов, которые выполняли волю властей. Писать о черкесском происхождении казаков было в тогдашних условиях весьма затруднительно. Отсюда и те десятки версий о происхождении такого самобытного социума, как казаки. Но существование источников, в которых говорилось о черкесском (адыгском) происхождении казаков, несомненно. Независимо от Болтина и другие ранние российские историографы говорят о черкесском факторе:

«Первые казаки, – писал В.Н. Татищев, – сброд из черкес горских, в княжение Курском в XIV столетии явились, где они слободу Черкасы построили и под защитой татарских губернаторов воровством и разбоями промышляли, потом перешли на Днепр и город Черкасы на Днепре построили» (Максидов А.А., 2003. С. 46).

И А. Ригельман относит первое появление черкесов на Украине к XIV в., когда ими и был основан город Черкасы: «В XIV столетии, когда черкесы в здешние места из Кабарды пришли в княжестве Курском, под властью татар, собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, но для многих на них жалоб татарским Баскаком на Днепр переведены и город Черкасы они построили, который доныне на том же месте и тем же званием именуется, состоящий на правой стороне реки оной, ниже города Канева, почему все казачество и вся Малороссия потом черкасами проименовались...» (Цит. по: Максидов А.А., 2003. С. 46).

2.2.2.2. «Татарский баскак Курского княжества переселил часть ...черкас с Кавказа под Курск»

В 1282 г. татарский баскак Курского княжества переселил часть этих (горных) черкас с Кавказа под Курск...

А. Мельник (1997).

*Сказанье – святой документ.
Живая душа людей.
Доходят сквозь толщу лет
Сказанья – до наших дней.*

А. Гадагатль

Дальнейшее развитие приведенная выше версия о «кровном родстве» запорожских казаков и адыгов-кабардинцев, а также о пребывании черкесов (черкас) в Курском княжестве, находит в исследовании современного историка кубанского казачества А. Мельника (1997). Привожу ее в кратком изложении.

Как отмечает автор, начиная с XIII в., два, казалось бы совершенно разных народа – днепровские казаки и кабардинцы начинают упоминаться в летописях под одним и тем же именем «черкасы». Правда, некоторые историки, чтобы хоть как-то их различить, впоследствии ввели для казаков обозначение «степные черкасы», а для кабардинцев – «горные черкасы». Ранее же днепровские казаки упоминались в летописных сводах под именем «черные клобуки» из-за своих папах-клобуков, которые они носили. Их история появления на Днепре связана с именем тмутараканского князя Мстислава, который в начале XI в. подчинил себе Черниговское и Переяславское княжества. На границах подвластной ему территории он основал военные поселения – прототипы будущих казачьих станиц, которые наряду со славянами, заселил и выходцами с Кавказа.

Что же касается кабардинцев, то их переселение с Западного Кавказа на Северный – в места, где ранее до них проживали предки нынешних осетин – аланы, произошел в XIII в. после того, как последние были истреблены в самом начале татаро-монгольского нашествия. Весьма вероятно, подчеркивает А. Мельник, что именно в это время за кабардинцами и закрепляется имя «черкасы», уходящее своими корнями к татарскому слову *черкэши* – «пришелец».

В 1282 г. татарский баскак Курского княжества (во время владычества Золотой Орды баскаками назывались ханские уполномоченные по наблюдению за деятельностью русских князей и сбору с них дани) переселил часть этих черкасов с Кавказа под Курск. Однако там они, как свидетельствуют документы той поры, не ужились с местным славянским населением и поэтому переселились дальше – на Днепр. Влившись в состав обитавших там до этого «черных клобуков»-казаков, они затем построили вместе с ними городок Черкасск. Назвали они его так, по мнению Семена Броневского, по причине того, что «большая часть из них были породой черкасы». Тем самым, отмечает А. Мельник, на Днепре были заложены основы будущей казачьей республики, ставшей колыбелью запорожских казаков.

В подтверждение своей версии автор приводит свидетельство историка прошлого века генерала Ригельмана о «родстве» казаков и черкесов. Ригельман писал, в частности, что в конце XVIII – начале XIX вв. донские казаки считали, что они не русские люди, а происходящие от черкесов и других горских народов, но со временем обрусевшие (Цит. по: Мельник А., 1997).

2.2.3. «Рязанская» версия

Размышляю о днях древних, о летах веков минувших...

Псалтырь (76;6).

Черкесы государей наших старинные холопы и бежали из Рязани...

Из наказа русскому послу (1554).

В архиве Государственной Коллегии иностранных дел, по С. Броневскому (1823), сохранились сведения и о том, что «черкесы родом рязанцы, ушли в горы еще при великих князьях». И Ш. Ногмов, ссылаясь на предания, отождествлял адыгов с антами, т. е. со славянами. Следует отметить, что традиция «выводить» кабардинцев из России очень древняя. Русскому послу, отправленному к польскому королю Сигизмунду в 1554 г., было наказано отвечать на возможные вопросы о Кабарде: «Черкесы государей наших старинные холопы и бежали из Рязани». В 1732 г., присланный в Санкт-Петербург от кабардинских князей Мухаммед-бек Атажукин сообщил русскому правительству предание о том, что их предки «родились в Малой России и перешли оттуда на жительство к Тереку и назывались черкесы». Пожалуй, из всех версий «Рязанская» – одна из самых фантастических (Бейтуганов С.Н., 2007).

2.2.4. Адыги-анты – славянское племя?

2.2.4.1. «Указание на связь, существовавшую между прародителями черкесов и прародителями славян»

Но это родство адыгов со славянами столь отдаленное, что следы его не сохранились в народных сказаниях и поэзии.

3. Герберштейн

Исследования А.Ж. Кафоева (1999) позволили «...увязать термин «ант» с конкретным этносом – адыго-кабардино-черкесами, определить его как кавказский народ и прийти к утверждению, что антами являются не восточные славяне, а адыги».

В.Х. Пшемурзов (2003).

Ш. Ногмов пытался как-то увязать предания своего народа со сведениями древних авторов, извлечения из которых он приводил по книге Н.М. Карамзина «История Государства Российского». По Ш. Ногмову (1861), отдаленные предки адыгов и славян восходят к одному и тому же «корню» – древнему племени антов.

В свое время он возводил этноним *адыге* к племенному названию *ант*. Указывая на этнические наименования адыгов, Ш. Ногмов достаточно уверенно пишет: «Греки, занимавшие восточный берег Черного моря

задолго до Рождества Христова, передали сведения о наших предках, которых они называют вообще зюгами, а иногда керкетами. Грузинские же летописцы именуют их джихами, а край называют Джихетиею. *Но настоящее родовое название нашего народа – ант, изменившееся с течением времени в адыге или адыхе.* ...Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово сходно с прежним его произношением – *антихе*».

Как Ш. Ногмов утверждает, «черкесы были древнейшими коренными обитателями Кавказа и, несомненно, арийцами, как и их позднейшие заместители и постоянные соседи – русские». Ш. Ногмов пытался по созвучию связать название «адиге» (адиге, адыгейцы) с названием древней южной народности антов – *антихе, ант*.

Приведу, – пишет Ш. Ногмов, – свидетельства древних греческих писателей, знавших многие подразделения или племена нашего народа под местными названиями, которые можно найти теперь на древних картах. На карте, составленной Лапи, по сочинениям Птолемея и Плиния, на Кубани, ниже впадения в нее Лабы, поставлено по обе стороны р. Кубани слово «Антикае». Страбон, писавший за 26 лет до н. э., называет Кубань «Антикитес».

Автор «Дербент-Наме» называет все племена, обитающие от Терека до восточного берега Черного моря, Джули-анд. Сохранившиеся у нас предания утверждают (не означая эпохи), что этот народ обитал от р. Терека до рек Волги и Дона на север и, продолжая селиться по обе стороны Азовского моря, доходил до Крымских степей на западе. К югу же он примыкал к Кавказским горам, которые в самых высочайших ущельях были обитаемы абадзехами. Павел-диакон, путешествовавший на севере, нашел в 1 столетии на Днепре антов. Вероятно, что та часть, которая обитала на западном берегу Азовского моря, подалась вверх по Днепру от приближения готов.

Убеждая читателя в справедливости своего взгляда, Ш. Ногмов далее указывает: «Чтобы еще более подкрепить мое мнение, я приведу свидетельство древней поэзии нашей, в которой народ всегда называется *ант*, например, Антинокопеш (в другом месте Антинокопш, Антиноко. – **Авт.**) – «антский княжеский сын»; Антигишао (*антигишаго*) – «антский юноша», Антигиюрк (*антигиюрк*) – «антский дворянин», Антигипу – «антский всадник».

И далее Ногмов пишет: «Всем известна древняя поговорка: «*нар Ант лежеко*», т.е. «трудолюбивый Ант». И действительно, адыгейцы были известны в древние времена своим трудолюбием, но после грозных нашествий, переселений, частых побегов в горы, где они принуждены были скитаться по самым скудным местностям, от частой перемены и от притеснений владельцев, а в позднейшие времена – от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд, нравы их совершенно изменились... Таким образом, часть наших предков была отнесена на запад в первых веках христианского летоисчисления. *Мне было бы крайне прискорбно, если бы некоторые, читая эти строки, видели в них желание породнить моих соотечественников с Россией*».

Но относительно антов есть прямые исторические указания, что это было славянское племя, – пишет Ф. Щербина (1913). Таким образом, если верно предположение Ш. Ногмова, то получается указание на связь, существовавшую между прародителями черкесов и прародителями славян, принадлежавшими когда-то к одному и тому же арийскому, ветвившемуся на киммеров, скифов и антов, корню.

По мнению Л.И. Лаврова (1955), археологические, этнографические и языковые материалы позволяют говорить о связях адыгов и славян с глубокой древности и полагать, что «...из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги» (Дзамихов К.Ф., 2008). С. 7).

Примечательно, что у черкесов в древние времена встречались имена, сильно напоминающие собой древнеславянские. Так, в VI в. н. э. в походе против аварского князя Байкана (Бакана) участвовал черкесский князь Лавристан. До последнего времени у горцев встречались также близкие к славянскому языку имена Астемир, Оздемир, Хастемир и др.

...Объективности ради, следует признать, что «антская теория» Ш. Ногмова не вызывала возражений у абсолютного большинства исследователей XIX – начала XX в. Процитируем некоторых из них:

В. Потто: «Черкесы называют сами себя именем Адыге. Есть мнение, что слово это представляет собою только множественное число древнего слова «ант», значащего, вероятно, «человек», и в некоторых местностях и поныне выговаривается «антихе» (Потто В. Кавказская война. Ставрополь. Т. 2. С. 314);

Темтеч Хаджимуков (1848-1907): «Сами себя черкесы называют именем «адыге» – от слова «ант», означающего «человек», что произносится, как «антыхе», а отсюда – «антихейский народ»; «Предание помещает здесь древний город черкесской земли «Бергусант» – имя, значащее «собрание многих антов», быть может, собрание верующих, церковь антов»;

Батырбек Шарданов (род. в 1860 г.): «Еще до рождества Христова наши предки населяли горы Кавказа и назывались антами, с течением времени слово «ант» перешло в антхе...»;

Сефербей Суюхов (1887-1966): «По мнению некоторых ученых, адыге – искаженное слово «антихе» (люди), от древнейшего «ант» (человек)» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

В.Х. Пшемурзов (2003): «В своей работе «Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника» (1999) А.Ж. Кафоев прослеживает параллель адыги-анты. Комментируя результаты его исследования, В.Х. Пшемурзов (2003) пишет: «Отожествление антов (наряду с венедами и склавинами), которых историки традиционно относили к восточно-славянским племенам, с адыгами, было достаточно смелым шагом и требовало, я бы сказал, немалого мужества». Исследование надписи на Этокском камне дало возможность Кафоеву датировать ее не 1130 г., как считалось ранее, а 375 г. Такая датировка позволила ему увязать этноним «ант» с конкретным этносом – адыго-кабардино-черкесами, определить его как кавказский народ и прийти к утверждению, что антами являются не восточные славяне, а адыге» (Пшемурзов В.Х., 2003).

2.2.4.2. «Предания народа о своем антском происхождении – недостоверны»?

Даже слово нарт, по предположению Ногмова, представляет собой сокращенное нарт-ант – «глаз антов». Такую этимологию справедливо отводит А.К. Шагиров, считая ее данью отождествления адыгов со славянами-антами.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

А. Берже... антов, похоже, трактует как предков русских, и тем самым становится автором (или соавтором) антской теории происхождения адыгов, хотя он об этом нигде прямо не указывает.

С.Н. Бейтуганов (2007).

Против предположения Ш. Ногмова о происхождении адыгов от антов, первым публично высказался Адиль-Гирей Кешев (Каламбий). Писатель критиковал историка за то, что последний поддерживал предания народа о своем антском происхождении. Переходя далее к рассмотрению цитированных «автором указаний древних на антов», Кешев более сдержан. Комментируя его взгляды, С.Н. Бейтуганов (2007) пишет: «Сначала отметим, что у Ногмова есть понятие «кавказские анты, или адыге», т. е. под кавказскими антами он подразумевал не славян, прарусских, а адыгов! Касаясь взаимоотношений этих антов, аварцев и грозного Аттилы, о чем пишет Ногмов, Кешев делает вывод: «Если автор говорит это согласно с народным преданием и ему действительно случалось слышать, что, говоря о завоевании антов аварцами и Аттилою, адыги понимают под антами себя, в таком случае не может быть никакого сомнения в тождестве этих двух народов». «Но, – пишет далее Кешев, – мы опасаемся, не основывался ли он здесь на таких же шатких доводах, как и в мнении о коротких сношениях адыге с сарматами». Последнее высказывание – не аргумент против Ногмова, тем более, что он записывал только то, что слышал. Следовательно, Кешев, по существу, ставил под сомнение свое же возражение против Ногмова». Не обращая на это обстоятельство должного внимания или вовсе не замечая его, – пишет С.Н. Бейтуганов (2007), – некоторые исследователи свою критику Ногмова основывают на мнении А.Г. Кешева. В частности, ссылаясь на писателя, современный историк Т.Х. Кумыков (1965) пишет: «Ш. Ногмов ошибочно отождествляет адыгов с антами (антихе, атихе). Против этого же тезиса еще в XIX в. выступил его соотечественник А.Г. Кешев-Каламбий...».

С.Н. Бейтуганов обращает внимание на то, что у Ногмова не сказано о тождестве антов и славян, что анты – предки славян. Зато он недвусмысленно указывает, что *анты – это древние адыги*, но, предвидя при этом критику в свой адрес, добавляет: «Мне было бы крайне прискорбно, если бы некоторые, читая эти строки, видели в них желание породнить моих соотечественников с Россией. ...Всем известна древняя поговорка: «*Нар ант лежеко*», то есть «трудолюбивый ант». И действительно, адыгейцы были известны в древние времена своим трудолюбием, но после грозных нашествий, переселений, частых побегов в горы, где они принуждены были скитаться по самым скудным местностям, от частой перемены и от притеснений владельцев, а в позднейшие времена – от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд, нравы их совершенно изменились».

Отсюда следует, что Ш.Б. Ногмов, во-первых, не только делает различие между антами и славянами, у него анты, во всяком случае, не что иное, как один из этнообразующих элементов адыгов. Во-вторых, Ногмов не во всем доверял античным авторам, что делает честь нашему первому историку (Бейтуганов С.Н., 2007). Известный лингвист А.К. Шагиров также возражает Ногмову, рассматривая его этимологию как «следствие отождествления адыгов со славянами-антами». С ним согласен и профессор Дж. Н. Коков.

В заключение приведу в достаточной мере взвешенное мнение историка С.Н. Бейтуганова (2007): «В рассматриваемых преданиях для нас здесь (а не вообще!) важно не то, имели они под собой действительную основу или нет. Важно другое: часть кабардинцев (в том числе все князья) воспринимали Аравию, Египет (с 1517 г. – в составе Османской империи) и Малую Азию (Турцию) как свою историческую родину, а часть – таковой считали территорию славян, т. е. относили себя к предкам русских».

2.3. «Свежо предание, да верится с трудом»

2.3.1. Адыги-кабардинцы – «потомки амазонок»?

Амазонки, с выставленной напоказ грудью и голыми руками и коленами, вызывали на состязание сладострастия идущих против них мужчин.

Евсевий Иероним (331-420 гг.).

Многие дореволюционные авторы, ссылаясь на античные источники и кабардинские предания, отмечают, что «...именно на Кавказе появляется полумифическое царство амазонок, всецело проникнутое обычаями первобытного человеческого варварства, еще не познавшего семьи, сбивавшегося весной в стаи самок и самцов, ищущих друг друга для минутного удовлетворения животной потребности. Эти амазонки не только прославлены были под именем *эммечей* в кабардинских легендах, но даже уцелели в некоторых местах Кавказа вплоть до

XVIII столетия, когда мингрельский князь Дадриан, по свидетельству Ламберта, воюя с соседями-горцами, находил среди трупов врагов много убитых женщин в латах и вооруженных» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 12).

Развивает эту мысль Якоб Рейнегтс (1744-1793), побывавший на Кавказе в 1781-1783 гг. и ссылающийся на предания кабардинцев: «В те времена, – говорят они, – когда наши предки населяли берега Черного моря, они часто воевали с *эммечами* (имеретинцами). То были женщины, которые владели тогда нынешними черкесскими и сванскими горами и всей равниной до Ахло-Кабака. Они не допускали к себе мужчин, но, полные воинственной доблести, принимали к себе каждую женщину, которая изъявляла желание принять участие в их вторжениях в чужие земли и имела доступ в их героическое общество. Наконец, после долгих войн, проходивших с переменным успехом, обе армии встретились для решительного сражения. Неожиданно предводительница *эммечей*, известная как выдающаяся прорицательница, предложила тайную встречу Тульму, командиру черкесов, который также обладал даром предвидения. Немедленно была разбита палатка в поле между двумя армиями, и пророк уединился в ней с пророчицей. Спустя несколько часов предводительница *эммечей* вышла и объявила своему войску, что она, убежденная пророчествами Тульма, принимает их и признает как собственные пророчества; она берет себе пророка в качестве мужа, и отныне вражда должна быть прекращена и обе армии должны последовать примеру своих вождей. Так и сделали. Женщины немедленно положили конец войне и приняли черкесов в качестве своих мужей, которые, довольные своими новыми женами, были увлечены ими в места нынешнего их проживания» («Кавказ...» Вып. III. 2010. С. 179-200).

Несколько иной вариант «амазонской версии» приводит Ф.А. Щербина (1910): «У кабардинцев сохранилось предание, что предки их, жившие на берегах Черного моря, вели войны с *эметшиами* («народом-женщинами», амазонками). После упорной борьбы предводительница *эметшиев* устроила тайное свидание для совещания с Тулмом, главою кабардинцев. Предводительница обладала даром предвидения, а Тулм был прорицателем. Свидание состоялось в особо устроенной палатке. Следствием этого свидания было то, что предводительница амазонок, признавши себя побежденною, взяла себе в мужья Тулма и посоветовала сделать то же всем амазонкам. Так все они и поступили, выбрали между кабардинцами себе супругов и отправились с ними на их родину. Кстати, во время войны Дадриана с горцами к востоку от Эльбруса, т. е. там, где жили кабардинцы, между убитыми найдено несколько женщин, вооруженных и в панцирях. Об этом факте упоминает Ламберти.

Появление этого предания, судя по всему, восходит еще к античным временам, о чем сообщает Е. Вейденбаум (2010).

2.3.1.1. Геродот: «На Меотийском озере... амазонки высадились на берег и начали опустошать страну скифов»

На Меотийском озере ...амазонки высадились на берег и начали опустошать страну скифов. Появление этих всадников весьма изумило скифов, которые не знали ни происхождения их, ни языка, ни одежды....

Е. Вейденбаум (2010).

Рассматривая достоверность так называемой «амазонской» версии появления черкесов на Кавказе, Е. Вейденбаум (2010) пишет: «Укажу на два рассказа, в которых играют роль кавказские амазонки. О них говорится в описании одной битвы горцев с имеретинами (грузинами) в бытность в этих местах отца Ламберти в 1650 г. Амазонки эти имели, по словам Ламберти, каску, щит и панцирь, к которому была приделана короткая до колен юбка ярко-красного цвета.

Другой рассказ принадлежит Рейнегтсу, автору всеобщего описания Кавказа. По его словам, в черкесских преданиях упоминается будто бы о существовавшем некогда в Кавказских горах обществе воинственных женщин-амазонок – *эммечь*, которое впоследствии соединилось с черкесами.

Мне остается теперь сказать несколько слов о том предании, которое, вероятно, послужило образцом для предания об амазонках кавказских. Описание этого переселения находится у Геродота (490-424 гг. до н. э.). В IV книге его «Истории...» весьма обстоятельно рассказывается, что греки, победив амазонок на реке Термодонт, взяли их в плен столько, сколько могли поместить на свои три корабля. Во время плаванья амазонкам удалось умертвить всех мужчин, и так как они не умели управлять рулем, то ветер и волны долго носили их по морю. Наконец корабли остановились у Кремной на Меотийском озере (Азовском море), в стране свободных скифов. Здесь амазонки высадились на берег, и, встретив пасущихся лошадей, они завладели ими и начали опустошать страну скифов. Появление этих всадников весьма изумило скифов, которые не знали ни происхождения их, ни языка, ни одежды. После одной из стычек скифам удалось завладеть неприятельскими трупами, и тогда они поняли, с кем имеют дело.

Скифы собрались на совещание и постановили послать к амазонкам столько молодых людей, сколько было амазонок. Сначала амазонки не хотели заводить знакомства с молодыми людьми, но потом сблизились с ними и, наконец, вышли за них замуж, дав таким образом, начало народу савроматов. Тогда мужья пытались уговорить своих жен присоединиться к племени и жить вместе со всеми другими. Но амазонки не только отказались от этого, отзываясь, что их образ жизни и занятия слишком различны от занятий скифских

женщин, но даже уговорили своих мужей переселиться в местность, лежащую за рекой Танаис, на три дня пути по направлению к востоку и на столько же к северу от Меотийского озера. Там они живут и теперь, прибавляет историк; савроматские женщины сохранили свои древние обычаи, ездят верхом, участвуют в войнах и носят мужскую одежду» (Вейденбаум Е., 2010).

После Геродота, столь авторитетного историка древности, но зачастую даже не ссылаясь на него, сведения о полумифических женщинах-воительницах (амазонки?), живших на Кавказе, приводят многие античные авторы. Так, о женщинах савроматках (амазонки?) сообщает Гиппократ (460-377 гг. до н. э.): «Относительно же тех стран, которые расположены по правой стороне летнего восхода солнца даже до озера Меотийского (Азовское море) – оно ведь является границей Европы и Азии, – дело обстоит следующим образом. В Европе есть скифский народ, живущий у Меотийского озера. Это савроматы. Их женщины ездят на лошадях, стреляют из лука, мечут дротики, сидя на лошадях, и борются с неприятелями, пока еще девственны. Они не выходят замуж, пока не убьют трех неприятелей».

Позже об амазонках, как явствует из записок Каллисфена (365 г. до н. э.), – сообщал в письме матери Александр Македонский: «Мы прибыли к реке, называемой Термодонтом (Кубань) и протекающей по богатой равнине, в которой жили женщины-амазониды. Мы выстроились вдоль реки, где жили амазонки (река эта велика и непроходима, и в ней множество животных)». Ему вторит Филострат Афинский (родился 170 г. н. э.): «У него-степриимной стороны Понта (Черное море), в стране, которую окружают вытекающие с гор Термодонт и Фасис, живут амазонки...». О воинственных женщинах, проживающих на территории от низовьев Дона до Каспийского моря, сообщал в 353-378 гг. н. э. и Аммиан Марцеллин: «По соседству с Танаисом (Дон) течет р. Ра (Волга). У Танаиса живут амазонки, которые вследствие дальних походов, распространились до Каспийского моря».

2.3.1.2. Страбон: «Низвергающийся с гор Мермадалис протекает страну амазонов и впадает в Меотис (Азовское море)»

...Понтийские греки применили предание о термодонских амазонках к черкесским женщинам вследствие того, что эти последние, будучи похищены степными номадами, продолжали и среди них... пользоваться той свободой и тем же высоким положением, которыми они пользовались на родине.

Е. Вейденбаум (2010).

Е. Вейденбаум (2010) подробно останавливается на сообщении Страбона о кавказских амазонках: «Предание об амазонках имеет весьма древнее происхождение. Это имя встречается уже в Илиаде Гомера. Я не буду касаться причин, создавших впервые это предание, а остановлюсь на тех рассказах, которые оставлены нам многими классическими историками и географами (Геродот, Гиппократ, Страбон и др.). Изучение этих рассказов привело меня к заключению, что они относятся к преданию первоначальному так, как рассказы об амазонках в Америке относятся к рассказу Страбона, то есть что и они были только возобновлены в памяти народной и приурочены к известным местностям при каких-нибудь благоприятных обстоятельствах.

Остановимся, прежде всего, на рассказе Страбона, как на более известном и послужившем образцом для рассказов многих позднейших писателей. Знаменитый географ не допускал истинности этого предания и потому, излагая его в 5-й главе 11-й книги «Землеописания» указал, от каких именно авторов он заимствовал свои сведения:

«Говорят, что в горах выше Албании живут амазоны. Теофан, сопутствовавший Помпею в его походе и бывший в Албании, говорит именно, что между амазонами и албанами живут скифские гелы и леги и что река Мермадалис отделяет этих последних от амазонов. Напротив того, другие, как скептик Метродор и Гипсикрат, которым эти местности также неизвестны, утверждают, что амазоны живут в соседстве с гаргариями на северных склонах тех гор Кавказа, которые называются Кераунскими, и что они сами занимаются как земледелием и садоводством, так и уходом за скотом, в особенности же за лошадьми, сильнее же из них часто предаются охоте и воинским упражнениям. Всем еще в детском возрасте выжигается правая грудь, дабы возможно было беспрепятственно употреблять руку для всякого занятия, в особенности же для метания копья; они владеют также луком, боевым топором и щитом и делают себе из шкур диких животных шлемы, плащи и пояса. Два определенных весенних месяца они проводят на соседней горе, отделяющей их от гаргариев. Эти последние, следуя древнему обычаю, также переходят на эту гору, для того чтобы вместе с женщинами приносить жертвы и произвести детей, соединяясь в темноте кто с кем попало. После того как женщины делались беременными, гаргарии отпускали их. Рождавшихся девочек амазоны оставляли у себя, мальчиков же отдавали на воспитание гаргариям. Каждый из этих последних принимал охотно ребенка, так как в неведении считал его своим сыном...»

Низвергающийся с гор Мермадалис протекает страну амазонов, Сиракению и всю междулежащую пустыню и впадает в Меотис (Азовское море). Про гаргариев же рассказывают, что они пришли в эти местности из Темисцира вместе с амазонами, но потом, отделившись от них, воевали с ними при помощи некоторых зашедших сюда Фракийцев и Евбеян; впоследствии, окончив войну, они заключили с амазонами мир на приведенных выше условиях, так что общее они имеют только в отношении детей, во всем же прочем живут раздельно».

И далее Е. Вейденбаум пишет: «Было сделано несколько попыток объяснить это предание. Так, например, д-р Пфунд (Pfund) полагает, что понтийские греки применили предание о термодонских амазонках к черкесским женщинам вследствие того, что эти последние, будучи похищены степными номадами, продолжали и среди них, в силу своего природного превосходства, пользоваться той свободой и тем же высоким положением, которыми они пользовались на родине. Несостоятельность или произвольность этого объяснения очевидна: мы не имеем никаких достоверных сведений о том, занимали ли черкесские племена уже перед Р.Х. те местности, которые занимают ныне, и если занимали, то пользовались ли уже в то время черкешенки той сравнительно большей свободой, которой они пользовались в новейшее время. Напротив того, предание, как и следовало ожидать, говорит против предположения д-ра Пфунда о свободном положении женщины у древних черкесских племен. Непонятно также, почему д-р Пфунд предполагает, что именно пленные, а не свободные черкесские женщины дали грекам повод считать их амазонками: пленницы должны были волей-неволей отказываться от части своих прав под влиянием грубых нравов кочевников, женщины же свободно пользовались ими на родине беспрепятственно и потому скорее могли быть приняты греками за амазонок».

Все свидетельства согласуются между собой в том, что область амазонок находилась при восточной оконечности Кавказа... Мы отдаем предпочтение мнению Метродора и Гипсикрата, так как сами занятия амазонок — разведение скота и, в особенности, лошадей — указывают на то, что они жили на той равнине, которая еще и ныне питает тысячи лошадей, овец и верблюдов. Не могу не заметить, что соседи амазонок, леги, напоминают лаков — дагестанское племя, занимающее ныне Казы-Кумухский округ в Дагестанской области. Другой соседний с амазонками народ гаргарики напоминает гаргаренов, гаргаров или гаргарийцев — главное племя между агванами, известное у армянских историков под именем гаргарики... Обратимся теперь к Албании, на границах которой жили, по преданию, амазонки. По определению Страбона, Албания простиралась от границ Иверии (Грузии) на западе до берегов Каспийского моря на востоке. Северную границу ее составляли Кавказские горы, называвшиеся в этой части и, в особенности, ближе к Каспийскому морю Кераунскими горами, на юге Албания примыкала к Армении...».

И далее Е. Вейденбаум (2010) пишет: «Амазонки занимались, говорит Страбон, земледелием, садоводством, а также разведением скота и, в особенности, лошадей. Подобное разнообразие занятий, зависящее от местных условий, мы видим и теперь на Северном Кавказе: долина Терека славится своими садами и виноградниками, а прилегающие к ней равнины и степи питают огромное количество всякого рода домашних животных. Обычай амазонок и соседей их, гаргаренов, удаляться в горы в известное время года находит себе объяснение в подобном же обычае всех кавказских народов, занимающихся скотоводством. Эта периодическая миграция обуславливается различием температур в степи и в горах: весной, когда горы покрыты еще глубоким снегом, скот пасется в зеленой степи; с наступлением же лета, когда степь вследствие сильных жаров представляет растрескавшуюся голую почву, стада переселяются на горные пастбища, изобилующие источниками и свежей сочной травой»

Представления древних о мифических амазонках надолго сохранились не только в античных, но даже в раннесредневековых источниках. Так, много позже, в 353-378 гг. н. э., т.е. спустя почти 4 столетия после Страбона (60-20 гг. до н. э.), о воинственных женщинах, проживающих на территории от низовьев Дона до Каспийского моря, сообщил Аммиан Марцеллин: «По соседству с Танаисом (Дон) течет р. Ра (Волга). У Танаиса живут амазонки, которые вследствие дальних походов, распространились до Каспийского моря». Аналогичные сведения можно встретить и в некоторых более поздних источниках.

2.3.1.3. Академик П.С. Паллас: «Сообщение об амазонках не может быть отнесено ни к одному народу Кавказа, кроме черкесов...»

Сообщение об амазонках не может быть отнесено ни к одному народу Кавказа, кроме черкесов, если, конечно, будет возможно доказать, что они были коренными жителями этих гор или что они в более позднее время смешались с народами, упомянутыми Страбоном.

П.С. Паллас, академик (1741-1811).

Паллас... склонялся к предположению, что амазонки были покорены черкесами и смешались с ними, сохранив, однако, некоторые из своих прежних обычаев.

Е. Вейденбаум (2010).

Представляет интерес мнение академика П.С. Палласа (1741-1811) о достоверности древних преданий о появлении амазонок на Кавказе и гипотетической связи их с черкесами. Побывав на Северо-Западном Кавказе в 1793-1794 гг., академик оставил следующие записи, относящиеся к данному вопросу: «Своеобразные обычаи, господствующие среди высших классов черкесов, которые ведут себя столь сдержанно в отношении жен, живя отдельно от них и поручая воспитание своих дочерей посторонним, имеют полные аналогии у Страбона, в его второй книге, в описании возникновения союза между гаргареями и амазонками. Сообщение о последних не может быть отнесено ни к одному народу Кавказа, кроме черкесов, если, конечно,

будет возможно доказать, что они были коренными жителями этих гор или что они в более позднее время смешались с народами, упомянутыми Страбоном.

Нет сомнения в том, что Терек раньше протекал в северном направлении и впадал в ту часть Каспийского моря, которая затем соединилась с Азовским морем, и что устье должно было находиться недалеко от Бештамака, в том районе, где 5 рек: Урух, Черек, Чегем, Баксан и Малка присоединяются к Тереку. Поскольку последний в верхней части области принижает реку Мермедик, мы можем резонно предположить, что это Мермодес или Мермодалис Страбона, который отделял амазонок от народа гелов, возможно, галгаев или леггов-лезгов [Страбон, кн. 2,; 11]. Можно также предположить с некоторой степенью вероятности, что амазонки после покорения их черкесскими рыцарями восприняли некоторые их обычаи.

Черкесы были, несомненно, в то время ордой странствующих рыцарей, которые сперва силой оружия покорили народ, ставший их вассалом и постепенно воспринявший их язык. Более того, вероятно, что черкесский язык не имеет родства ни с каким другим и что он первоначально был никому не понятным языком, поскольку, как говорят, их князья и уздени говорят особым говором, который держится в секрете от простого народа и используется, главным образом, во время грабительских экспедиций...» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Комментируя приведенные выше изыскания академика П.С. Палласа в области античной истории, Е. Вейденбаум (2010) пишет: «Знаменитый Паллас также обратил внимание свое на предание о кавказских амазонках. Он находил, что замечательные обычаи знатных черкесов жить постоянно отдельно от жен и отдавать детей на воспитание в чужие семейства в значительной степени сходны с обычаями кавказских амазонок Страбона. Основываясь на этом сходстве и на существовании притока Терека — речки Мермедика, напоминающей древний Mermodas или Mermodalis, Паллас склонялся к предположению, что амазонки были покорены черкесами и смешались с ними, сохранив, однако, некоторые из своих прежних обычаев. Впрочем, Паллас признавал, что для подкрепления этого предположения необходимо доказать, что черкесы уже в то время занимали места по северному склону Кавказа. Прибавлю, что не менее необходимо доказать и сам факт существования в древности амазонок на Кавказе... (Вейденбаум Е., 2010).

2.3.1.4. Дах Шапсугская: юная предводительница «амазонок» XIX столетия

О красоте, уме и отчаянной храбрости юной предводительницы «амазонок» XIX в. и ее соратниц ходили легенды. В народе ее ласково называли Дах Шапсугская...

Н.И. Сообцокова (2010).

Несомненный интерес представляет тот факт, что спустя столетия, если не тысячелетия, «амазонская» тема нашла закономерное продолжение чуть ли не в наши дни — в XIX столетии. В поэме «Исмаил-бей» М.Ю. Лермонтов с удивительной силой художественного слова отразил ту боль, которую привнесли на Землю адыгов во время Кавказской войны царские каратели: «Как хищный зверь, в смиренную обитель врывается штыками победитель...».

Но, как отмечает Н.И. Сообцокова (2010), жажда мести за разоренный кров, за убитых близких: отца, мать, сестер, братьев, детей не давала покоя не только мужчинам. Родная земля зывала к адекватному ответу — справедливому мщению и со стороны женщин. Годы Кавказской войны овеяны славой не только отважных сынов Кавказа. Среди защитников свободы и чести были и женщины, и совсем молодые девушки, почти дети, предпочитавшие смерть насилию и позору.

В начале-середине XIX столетия, в разгар Кавказской войны в самых неожиданных для врага местах появлялся небольшой конный отряд из 16-ти всадниц, впереди которых на белом коне неслась их отважная предводительница. Отряд наносил врагу ощутимые удары. О красоте, уме и отчаянной храбрости юной предводительницы «амазонок» XIX в. и ее соратниц ходили легенды. В народе ее ласково называли Дах Шапсугская. Летучий отряд этих девушек в течение нескольких лет вел свою священную войну во имя защиты родины. Все они погибли в неравной борьбе с царскими завоевателями (Сообцокова Н.И., 2010. С. 90-91).

2.3.2. «Хазарская» версия

*Припоминать преданья пестрые,
Веков цветной узор...*

В. Брюсов (1873-1924).

Пейсонель считал, что кабардинцы говорят на хазарском языке. Я. Потоцкий пишет, что кабардинцы — выходцы из хазарского племени Кабар. Кабары стали предками князей Кабарды, но не всей черкесской нации.

В.М. Аталиков (1987).

Версия «кабардинцы — племя хазарского происхождения» приводится в работе И.Ф. Бларамберга (1840), — генерал-лейтенанта русской службы, составившего сводное описание народов Кавказа. Передаем ее в кратком изложении: «В 883 г., по упоминанию К.Багрянородного, во время внутренних волнений среди хазар,

три хазарских племени под именем «кавары» или «кабары», будучи побеждены своими соплеменниками, укрылись у маджар, или угров (венгров), и создали под именем «кавары» восьмое угорское племя, принесли с собой хазарский язык и сами восприняли угорский язык. Эти «кавары» благодаря своей необычайной храбрости получили привилегию первыми нападать на врага в любом сражении. Страна, где в то время обитали угры, находилась в междуречье Буга и Дуная; что касается территории хазар, то она простиралась не только по Северному Кавказу, но и захватывала часть горных районов и достигала западного побережья Каспийского моря. Упоминание о «кабардах», наряду с черкесскими преданиями, утверждающими, что они якобы некогда проживали на Крымском полуострове, дало основание предположить, что преданиях говорится о кабардинцах, которые в этом случае должны быть племенем хазарского происхождения. Тем более, что слово «казак», существующее черкесскому словарю, очень часто употреблялось вместо «хазар», или «хозар».

По черкесским преданиям, одно из их племен в XIII в., оставило свои родные поселения на берегах Кубани и продвинулось на север до Дона, затем отправилось далее и обосновалось на Южном побережье Крыма и на равнине между реками Кач и Белбик; верхняя часть этой долины сохранила название «Кабарда», а от татар получила название «Черкес-Тус» («Черкесская долина»).

Но кабардинцы долго там не оставались, а, став могущественным племенем, направились под водительством своего князя Инала далее на восток – в земли за Кубанью и вплоть до нынешней Кабарды, где они подчинили себе все прочие черкесские племена. Этот самый Инал, которого считают первооснователем рода всех кабардинских князей.

О возможном хазарском происхождении кабардинцев упоминает и Ш. Ногмов: «По истреблении Хазарского царства, существовавшего на Дону, некоторые из этого народа нашли убежище между нами (адыгами), что напоминает родовое прозвание некоторых уорков. Фамилия Хазар еще существует у нас; адыги называли хазар «хаза» и «каза».

2.3.3. Кабардинцы – «потомки Чингис-хана»?

Кабардинцы все эти исторические предания выдают за достоверность, не подлежащую никакому сомнению, основываясь на сказаниях древних песен, в которых воспеты подвиги героев кровавых опустошений.

Хан-Гирей (1841).

В свое время Я. Рейнегтс, рассматривая гипотезу о татаро-монгольском происхождении адыгов, писал: «Я слышал от просвещенных кабардинцев, что кабардинское племя прежде называлось Кабар; оно произошло от Чингиз-хана, проживало в Крыму и мигрировало отсюда. В VII в. хиджры (т. е. XIV в.) кабардинцы оставили Тавриду, вернулись к старым жилищам на Кубани и поселились также на острове, который образует Черное море, часть Меотийского озера (Азовское море) и два рукава р. Кубани. Пока у них все было спокойно, они называли страну Кизил-Таш (Золотая земля, Золотой камень) и остров до сих пор удерживает это название (и ныне есть Кизилташский лиман близ Анапы. – Авт.). Но, вероятно, и там не все их устраивало, поскольку они продвинулись дальше на северо-восток под руководством вождя Инала Дегеню в место, где жил небольшой народ черкесов. Кабардинцы в течение долгого времени приняли обычаи, одежду и язык черкесов; они были даже названы черкесами».

2.3.4. «Греческая» версия

Мы могли бы почти предположить, что они (черкесы) потомки троянцев (греков).

Э.Спенсер (1830).

Как могущественна сила воспоминания даже о том, что лишь слабо сохранилось в темных преданиях народных!

Султан Хан-Гирей (1841).

«Черты древнего быта эллинов, описанные обстоятельно Гомером, вы найдете в настоящее время существующими, живыми в быте кавказских горцев, – пишет К.Сталь (1852). – Изучая быт черкесов, вы поймете быт древних пелазгов (греков), сохранившийся в ущельях Кавказа неизменным в течение тысячелетий...». Легенду о греках – якобы предках адыгов, приводит Тэбу де Мариньи: «Имя черкесов должно, вероятно, происходить от «керкеты»; возможно, нутхайцы берут свое происхождение от ахейцев. Аппиан из Александрии (II в. н. э.) утверждает, что эти ахейцы были греками, которых, когда они возвращались после Троянской войны, забросило бурей в Понт Эвксинский (Черное море), где им пришлось много вынести из-за варваров; они послали некоторые из своих кораблей на родину-мать, где их встретили очень плохо и прогнали, что их привело в такой гнев, что они переняли обычай скифов и стали умерщвлять всех чужестранцев, которые приставали к их берегам...».

Наличие греческих «корней» адыгов предполагает и Фредерик де Монпер: «Как много общего в нравах с античной Грецией, Грецией Гомера находим мы у черкесов! Изучение их нравов, жизни, труда воз-

вращает нас в Грецию и заставляет согласиться с тем, что должна быть колонизация в какой-то форме, должны были быть частые связи в античные времена для того, чтобы черкесы могли сохранить столько черт греков». Подобную же мысль мы встречаем и у Э.Спенсера (1830): «Мое первое впечатление в Пицунде, где я увидел кавказцев (черкесов) вместе, было таково: они определенно греческого происхождения. Это замечание особенно относится к властному племени, называемому нотахайцы (натухайцы), отмеченные как самая смелая, красивая и чистая раса среди черкесов и которая, однако, хранит традицию, что их предки пришли из-за моря... Мы могли бы почти предположить, что они потомки троянцев (греков)».

О возможных греческих «корнях» абхазо-адыгской общности размышляет также В. Яговитин. В конце VIII-VII вв. до н. э. у черноморских берегов все чаще появляются древнегреческие корабли, что привело в начале VI в. до н. э. к основанию на восточном берегу Черного моря эллинских городов Диоскуриады (совр. Сухуми) и Гиеноса (совр. Очамчира). Греческим источникам мы обязаны первыми сведениями о местном населении Черноморского побережья, получившим тогда известность под именем гениохов. По Л.А. Ельницкому, имя гениохи – собирательное, включает в себя множество племен: джики, абасги, апсилы, кораксы, тиндарида, фтирофаги, салтии, макропоны и др. Гениохи в греческой мифологии были тесно связаны с божествами, братьями Диоскурами – Кастором и Поллуксом. «Рассказывают, – писал Страбон, – будто заселили Гениохию лаконцы...». В древнегреческих мифах аборигены-гениохи представлялись родственными грекам; потомками тех эллинов, которые пришли сюда с аргонавтами.

[Небольшое отступление. Несомненный интерес представляет схожесть нартских сказаний адыгов с древнегреческим мифом о Прометее, укравшем у богов огонь и подарившем его людям, за что он был наказан – прикован к скале на Эльбрусе, и орел клевал его печень. У западнокавказских нартвов этот герой выступает под именем Джедаля. В работе Ф.А.Щербины (1916) приводятся следующие сведения о нем: «...Черкесский из племени натухайцев Прометей назывался Джедаль и был прикован к скале Кавказа на горе Кафидаг. Это, по объяснению Султана Крым-Гирея, сообщившего легенду о Джедале, был Эльбрус или Казбек. По мнению того же Крым-Гирея, натухайское сказание не было заимствовано у греков, но возникло на местной почве...». По другим сказаниям все тех же нартвов, этого героя-богоборца звали Насрен-Жаче («Насрен-борода»). За то, что он восстал против владычества Тха, дав людям огонь, его приковывают к вершине Ошхамахо (Эльбруса), откуда в дальнейшем его освобождает нарт Батраз. Как следствие, возникает вопрос не столько, так сказать, о «приоритете» тех или иных адыгских или греческих сказаний, сколько о причинах столь явных заимствований данных сюжетов, время возникновения которых некоторые исследователи относят к середине I тысячелетия до н. э.].

На этот вопрос в какой-то мере отвечает исследование Е.Н. Синской (1969). Этот факт вполне объясним, – пишет историк, – учитывая наличие в V в. до н. э. – IV в. н. э. широких торговых, политических и военных связей между античной Грецией и Римом и их черноморскими колониями – городами-полисами, расположенными на восточном берегу Азовского и Черного морей. Как отмечает Е.Н. Синская, «аборигенное население Северного Причерноморья вошло в соприкосновение с греческой античной культурой при появлении сначала отдельных греческих мореплавателей, а затем колонистов». Размышляя о путях и направлениях взаимовлияния, взаимопроникновения культур: античной, скифской и аборигенной адыгской, исследователь обращает внимание, что именно на территории Боспорского государства, расцвет которого падает на IV в. до н. э. «варварская культура племен Северного Кавказа и Восточного Крыма вступила в тесное соприкосновение с античной культурой, поэтому историк С.А.Жебелев называет Боспорское государство «греко-скифским».

2.3.5. «Генуэзская» версия

Народы черкесские весьма уважают христиан, почитая себя потомками генуэзцев, и у них еще видно много остатков городов, построенных генуэзцами.

Ферран (1709).

Некоторые племена к северу от Кубани считали себя потомками генуэзцев.

Э. Примодэ (1873).

В преданиях адыгов сохранились многочисленные упоминания об итальянцах, которых они называли франками, френчами, гену, джену. На р. Шебш один из курганов горцы называли «генуэзским». По преданиям адыгов, в этом кургане покоится некий Гену, а при нем огромное богатство. Около ст. Белореченской археолог А. Веселовский в 1896 г. раскопал 53 кургана, датируемых XIV-XV вв., в которых найдена одежда западноевропейского происхождения.

Ф.Д. Монпере приводит кабардинское предание: «Франки и генуэзцы обитали по всем долинам северного подножья Кавказа и находились в мире и дружбе с жителями этой страны. Жилища франков заполняли главным образом долину Кисловодска, распространяясь далее за р. Кубанью. Один из вождей франков полюбил жену кабардинского князя и просил кабардинца уступить ее ему, но князь и слышать не хотел об

этом. Между тем, жена кабардинца, движимая желанием послужить родине, посоветовала своему мужу уступить ее франку, но с тем, чтобы он исполнил все условия, которые предложат ему после свадьбы. Франки собрались с кабардинцами в церкви за р. Кубанью, напротив Камары; здесь их вожди принесли взаимную клятву. Затем они повторили эту клятву перед языческими идолами кабардинцев. После свадьбы кабардинский князь объявил свое условие; он потребовал, чтобы франки удалились за Кубань, что они и вынуждены были исполнить. Часть франков ушла к подножию Эльбруса, где они и остались, забыв свою веру и свое происхождение». Клапрот передает это предание менее подробно, но добавляет, что и сейчас среди кабардинцев существует поговорка: «Мы отдали своих жен за эту страну».

Как говорится, нет дыма без огня. Не исключено, что почти трехвековое пребывание генуэзцев в Черкесии каким-то причудливым образом трансформировалось в памяти адыгов и породило, по сведениям Э. Примоды, среди некоторых племен к северу от Кубани легенду о происхождении их от итальянских (генуэзских) колонистов.

2.3.6. «Лебедия» раннесредневековое государственное образование венгров на Кубани?

Родство с венграми члены экспедиции увидели в чертах черкесов: их гордости, свободолюбии, рыцарской доблести, гостеприимстве, отчаянной храбрости, а также в народных традициях и одежде.

В. Пукиш (2012).

В настоящее время установлено, что самые близкие «родственники» венгров – ханты и манси, а их прародиной считается Приобье, откуда венгры в раннем средневековье пустились в долгий путь, приведший их на новую родину – в сегодняшнюю Венгрию. Но по пути, как отмечает В. Пукиш (2012), – мадьярские кочевники несколько раз останавливались, основывая что-то наподобие государственных образований. Одно из них очерчивается границами Дона, Азовского моря, долины р. Кубани и Кавказского хребта. Называлось оно «Лебедией», по имени венгерского воеводы Лебедия, и венгры жили здесь в VIII-IX вв.

Роль Предкавказья и Кубани в истории венгров настолько велика, что еще 100 лет назад венгерские историки, этнографы и языковеды, не веря в угро-финское происхождение мадьяр, организовывали экспедиции на Северный Кавказ в поисках своей прародины. В традициях и языках живущих здесь народов они искали и находили следы средневековых мадьяр, когда-то живших здесь. Наиболее близким народом они считали черкесов. Современными учеными тезис о родстве венгров и кавказских народов не поддерживается. Но бесспорно, что до своего прихода в Европу мадьярские кочевники на Северном Кавказе жили, – в средневековых хрониках и устных преданиях немало указаний на возможное родство гуннов, авар и мадьяр.

Самым известным исследователем венгерско-черкесских связей был граф Евгений Зичи, почетный член Венгерской академии наук. Он совершил две экспедиции на Кавказ – в 1895 и 1896 гг., собирая данные о пути мадьярских кочевников и отыскивая их следы в быту современных ему народов Кавказа. Результаты своих поездок он обобщил в фундаментальном двухтомном труде «Переселение мадьярского племени. Путешествие графа Енэ Зичи по Кавказу и Центральной Азии», изданном в 1897 г. в Будапеште.

Венгерские ученые считали кабаров (кабардинцев), абазу, абадзехов и шапсугов «обломками гуннского союза Аттилы», с которыми вместе когда-то кочевали мадьяры. Византийский император Константин Багрянородный писал о кабарах, что они в Лебедии присоединились к мадьярам, приняли мадьярский язык, а их часть даже пошла вместе с мадьярами в Европу. На Кавказе экспедиция графа Зичи побывала в городе Маджар. По-видимому, они посетили селение Бургун-Маджары (совр. Левокумский район Ставропольского края). Ученые узнали, что в Грузии молодое вино называют маджара, а черкесы свои кинжалы именуют мадьяр.

Члены экспедиции графа Зичи старательно описывали все увиденное: черкесские турлучные сакли, их дворы, окруженные живой изгородью с нанизанными на колья конскими черепами для устрашения злых духов, черкесских овец, чья шерсть высоко ценилась в тогдашней Европе. У черкесов, живущих на противоположном от Екатеринодара берегу Кубани, Зичи наблюдал «типично венгерские типы лиц» и встретил среди них троих детей, носящих типичное для венгров имя Аттила. А родство с венграми члены экспедиции увидели в чертах черкесов: их гордости, свободолюбии, рыцарской доблести, гостеприимстве, отчаянной храбрости, а также в народных традициях и одежде (например, черкесская бурка – такая же, какую носили тогда пастухи-коневоды венгерских степей). 19 февраля 1896 г. граф Зичи прибыл в Будапешт с еще большей уверенностью в том, что на Кавказе он разыскал прародину венгров.

Своих предков на Кавказе искали не только венгры. Еще в XVIII столетии пражский историк Геласиус Добнер провозгласил, что от зихов, предков адыгов, ведут свою родословную чехи. Он утверждал, что во время Великого переселения народов чехи отделились от своего племени на Кавказе и переселились в Центральную Европу. Многие чешские ученые искали «кавказских чехов-зихов», и понадобилась поездка патриарха чешской славистики Иозефа Добровского в Россию в 1792 г., чтобы доказать, что таковых не существует, а ошибка возникла по случайному созвучию названий «зихи» и «чехи» (Пукиш В., 2012).

2.4. Родина адыгов – Черноморское побережье Кавказа?

Если обратиться к сочинениям историков и народным преданиям, то оказывается, что наибольшее распространение имеет гипотеза о многочисленных миграциях кабардинцев до их окончательного расселения в пределах Центрального Кавказа. Согласно этой гипотезе, кабардинцы до переселения жили в Крыму, потом на северном берегу Азовского моря или в бассейне Дона. Однако, по мнению Л.И. Лаврова, все варианты этой гипотезы основаны на некритическом использовании данных фольклора, топонимики и памятников материальной культуры (что касается фольклора, то существующие предания рассказывают о переселении кабардинцев с Ближнего Востока; при этом говорится, что, попав на Кавказ, кабардинцы сперва жили на побережье Черного моря в районе Геленджика и Анапы. Одни предания утверждают, что кабардинцы и бесленеевцы переселились на нынешние места непосредственно с Черноморского побережья, а другие указывают еще промежуточные места временного поселения их в Крыму, у Дона и т. д.

2.4.1. Версия о переселении части адыгских племен со своей «прародины» – побережья Черного моря

Нельзя сказать, что у черкесов нет народных преданий и что память о предках остается в забвении. Предания действительно существуют, но в них все, что относится к отдаленному времени, сокрыто тканью легенд и искажено баснословием...

Л. Люлье (1857).

Версия о переселении части адыгских племен со своей «прародины» – Черноморского побережья Кавказа – не противоречит историческим реалиям. В работе Ф.А. Щербины (1913) приводится записанная со слов самих черкесов легенда о переселении адыгов с Черноморского побережья на северный склон Кавказа и далее на восток. Привожу ее в кратком изложении: «В верховьях р. Псекупса находилось у горцев урочище Черчене, что в переводе значило «безнаследственная земля». На Черчене никто не жил, и номинально она числилась за фамилией темиргоевских князей Болотоковых. И вот сюда направилась партия адыгейцев с южного склона Кавказского хребта по р. Туапсе, под предводительством двух братьев Хамыш и Керкан. При посредстве кабардинского уорка Кошмезыко, переселенцы приобрели у темиргоевцев Черчене. Хамыш занял урочище на р. Белой, где теперь находится поселок Хамышки, а черченеевцы или керченеевцы, подвластные его брату Керкану, осели на Псекупсе в земле Черчене. Здесь они получили название бжедухов по одному нелестному для них случаю. Жанеевцы, соседи черченеевцев, дали им пир, на котором у хозяев была украдена белая чаша. Отсюда и название бжедух – «вор чаши», от слов «бжа» – чаша и «дуг» – вор. Но и хамышеевцы недолго оставались на занятом ими месте. Имея князей и дворян, они являлись представителями «аристократического» начала, а рядом с ними жили абадзехи, представители «демократического» строя. Появилась взаимная вражда, перешедшая в борьбу и столкновения, а хамышеевцы, как более слабое племя, вынуждены перейти с р. Белой на р. Псекупс к своим сородичам черченеевцам. Здесь они заняли у шапсугов урочище Адыхеко и, слившись со своими родичами, образовали одно племя бжедухов. Абадзехи не могли помириться с таким исходом их борьбы с бжедухами. Завязалась между ними война, длившаяся 8 лет. В конце концов бжедухи были вытеснены с верхней части Псекупского бассейна и заняли нижние части рек Псекупса и Пишиша, а жившие рядом с ними жанеевцы частью слились с бжедухами, частью перешли на остров Каракубань».

У А. Берже (1858) «исход» адыгов со своей родины – Черноморского побережья Кавказа, дается в несколько иной интерпретации: «По преданиям, существующим у самых черкес, древнейшими племенами их народа, поселившимися на северной покатости Кавказских гор, считаются кабардинцы и бесленеевцы, которые занимали предгорья между реками Белой, Лабой и Урупом, откуда постепенно были отнесены к востоку другими черкесскими племенами, выселявшимися через горные перевалы со стороны Черного моря. После кабардинцев и бесленеевцев, выселились оттуда же и темиргоевцы и гатюкаевцы (хатукаевцы) и заняли те места, где ныне живут абадзехи. За темиргоевцами перешли через Кавказский хребет и заняли подгорье по Нижней Кубани шапсуги, бжедухи и натхокуадж, а за ними махошевцы, которые, вытеснив в свою очередь на плоскость темиргоевцев, поселились по р. Белой, в Майкопском ущелье. Махошевцы, вытесненные на Псефир и Фарс, уступили свое место абадзехам. За последними явились на северной покатости гор, между реками Белой и Псекупсом, егерухаевцы, вытесненные абадзехами. Наконец, последними по времени переселенцами были абазинцы, переходившие постепенно, в течение столетий, из Абхазии через горные перевалы на пространство между реками Тебердою и Белой, и образовавшие впоследствии самостоятельные общества: Там, Башильбай, Баракай, Баго, Кизылбек, Шегирей, прикубанских и прикумских абадзинцев. В таком виде предание изображает нам постепенное расселение черкесского народа. Трудно поверить в истину этого описания, мало подкрепляемого историческими фактами. И одни лишь будущие исследования могут разъяснить этот довольно важный, но пока еще запутанный вопрос», – завершает свое повествование А. Берже.

2.4.2. Фальсификация длиною в век: «Черноморское побережье Черкесии – «исконно грузинская территория»?

Предваряя изложение этой темы, хотелось бы напомнить жителям братской Грузии следующий примечательный факт, относящийся к не так уж древним временам. В битве грузинских войск под руководством столь почитаемого в стране Давида Строителя против захватчиков – турок-сельджуков участвовало 50-тысячное черкесское войско. Именно их участие в этом сражении помогло грузинам одержать победу. И неизвестно, какая судьба ожидала бы и битву, и Грузию в целом, если бы не эта бескорыстная помощь (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

К сожалению, этот, как и многие другие подобные факты, ныне прочно забыты современными грузинскими историками, чьи «научные» изыскания (часть которых приводится ниже) направлены сейчас отнюдь не на восстановление истины...

Приведенную ниже информацию, строго говоря, нельзя отнести к «легендам и преданиям адыгского народа». Но по своей явной фантастичности и заведомому искажению исторических фактов, ее можно определить в этот, и только в этот «легендарный» раздел.

2.4.2.1. «Помочь грузинским крестьянам двинуться с семьями на поселение в богатой стране Черкесии»: взгляд из XIX столетия

Истина и справедливость в важных и маловажных делах одинаково священная...

Хан-Гирей (1841).

Народу надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза...

В.И. Ленин (1919).

Время от времени, на протяжении последних 100–150 лет, в грузинской печати вспыхивает обостренный интерес к прошлому Черноморского побережья Кавказа. Цель этих «исторических изысканий» однозначна: доказать «обоснованность» притязаний грузинского народа на участок Черноморского побережья от Сочи до Анапы-Новороссийска. Уже в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. на страницах грузинских периодических изданий появляются статьи, в которых видные представители интеллигенции Грузии призывали свой народ осваивать земли, опустевшие в результате махаджирства – изгнания адыгов с территории Черноморского побережья.

Не только Абхазия, – отмечали грузинские писатели, – весь Кавказ наш. Так, Г. Церетели писал в газете «Дроеба» (1873, № 399): «Как прекрасно побережье Черного моря, начиная от Поти и до Крыма. Прежде него населения – черкесов и абхазов уже нет. Обстоятельства (!) вынудили их покинуть свою страну. Так о чем же думает наш (т. е. грузинский. – **Авт.**) народ, почему до сих пор не догадался двинуться в эту страну? Разве Кавказ не наш край? Весь Кавказ является нашей землей, нашей страной. Поселимся ли в стране черкесов, хоть в Дагестане, – везде наша Родина. В настоящее время мы пренебрегаем переселить через могилы наших предков, но разве не хуже будет потом, после того, как опустевшие на сегодняшний день земли Черкесии займут другие племена и у нас негде будет жить размножившемуся поколению».

И далее Г. Церетели призывал грузин немедленно занять «освободившееся» побережье Черного моря: «Начиная от Поти и до Крыма, по всем Кавказским горам и всему побережью Черного моря, словно пиявки, присосались чужеродцы: греки, татары, евреи и др. Они постепенно займут кавказские земли, и скоро не останется ни одного свободного клочка. Необходимо создать общество, которое должно убедить безземельных крестьян о необходимости переселения их в Черкесию и помочь крестьянам двинуться с семьями в богатую страну Черкесию...» (Цит. по кн: Этническая «революция»..., 1995. С. 27-29). Набатов звучали его слова, обращенные к грузинской нации: «Расширимся, пока еще есть время, пока еще не прибыли и не поселились чужие племена на пустых местах нашего Кавказа» (газ. «Дроеба», 1879, № 27).

О «целесообразности» заселения черкесских земель именно грузинами размышлял в свое время и С. Месхи (газ. «Дроеба», 1875, № 63): «После завоевания Черкесии, Верховное правительство из-за стратегических и других соображений посчитало полезным (!? – **Авт.**) опустошить эти места. Если хотят заново заселить Черкесию, то следовало бы заселить такими людьми, которым легче жить и плодотворнее трудиться. Таковым является соседний с Черкесией народ (имеются в виду грузины. – **Авт.**).» Эти же амбициозные нотки прослеживаются и в более поздних публикациях. Так, в корреспонденции И. Чичинадзе (газ. «Шрома», 1882. № 15) мы читаем: «Заселение Абхазии и Черкесии детьми нашей страны (т. е. Грузии. – **Авт.**) должно считаться одним из прекраснейших явлений нашей жизни. Присылайте сюда побольше имеретинцев и менгрелов с горных мест, и вы увидите, что эти земли покроются еще более цветущими селами, плодами земли, скотом, чем во времена абхазов и черкесов». И спустя 10 лет эта же мысль не оставляет в покое агитаторов за переселение на бывшие черкесские земли: «Между Новороссийском и Сухумом должны провести дорогу. Лучше будет, если сюда переселятся менгрелы и имеретинцы, знакомые с лихорадкой и находящиеся с ней в дружбе» (А. Джугели, газ. «Иверия», 1892, № 57).

2.4.2.2. XX век: «Историческое обоснование» претензий Грузии на Черноморское побережье от Сочи до Новороссийска

В течение почти 300 лет границы Грузии на Черноморском побережье переходили за Анапу, доходя до устья р. Кубани; ...а с XV в. до XIX в. границей всегда была р. Макопсе, южнее г. Туапсе.

Из «Доклада», представленного делегацией Грузии Парижской мирной конференции (14 марта 1919 г.).

В 1907 г. не проходило и одного дня, чтобы в грузинских газетах не раздавался страстный призыв со стороны грузинских интеллектуалов не уступать русским Черкесию и Абхазию, а как можно скорее заселять их безземельными крестьянами со всей Картли, Имерети, Мингрелии.

С.Х. Хотко (2008).

В начале XX столетия к кампании предстоящего массового переселения грузин на территорию Черноморского побережья Кубанской области подключилось и духовенство. При этом в разряд грузинских городов и поселков зачисляли Сочи, Туапсе, Анапу и др. Вот как описал действия грузинского духовенства Л. Воронцов: «Сначала националистическая печать скромно заносит абхазские и русские города в списки грузинских населенных мест, затем церковная и гражданская власть усиленно шлет туда священников и чиновников-грузин и в последней стадии из «мирно завоеванных» мест несутся неистовые вопли: «Долой русских собак из несчастной Грузии!»

В Абхазии русская администрация, после ряда неудачных попыток заселить эту «освободившуюся от горцев страну» великорусским элементом, в начале XX в. полностью уступила инициативу грузинам, активно лоббировавшим через кавказское наместничество в Тифлисе и через Кутаиси (Абхазский округ был подчинен Кутаисской губернии. – *Авт.*) собственный колонизационный проект в Абхазии. И если русские чиновники в Новороссийске в 1907 г. еще только обсуждали возможность строительства железной дороги до Сухума, то грузинские и мингрельские крестьяне уже со своим скарбом путешествовали по железной дороге Кутаиси-Сухум. В том же 1907 г. буквально, не проходило и одного дня, чтобы в грузинских газетах не раздавался страстный призыв со стороны грузинских интеллектуалов (включая классиков литературы и поэзии) не уступать русским Черкесию и Абхазию, а как можно скорее заселять их безземельными крестьянами со всей Картли, Имерети, Самегрело (т. е. Мингрелии) (Хотко С.Х., 2008).

В период Гражданской войны эти призывы, остававшиеся до того «гласом вопиющего в пустыне», казалось бы, стали реализовываться на практике. Более того, притязания грузинской стороны на этот участок Черноморского побережья смогли даже получить «обоснование» в исторических источниках. После провозглашения Грузинской буржуазной республики ее националистическое меньшевистское правительство решило создать под своей эгидой в западной части Северного Кавказа «Южную республику». Воспользовавшись тем, что вооруженные силы Кубано-Черноморской Советской республики были отвлечены боями с денikinцами, части грузинской национальной гвардии вторглись в Сочинский округ Черноморской губернии и 3 июля 1918 г. заняли Адлер, 5 июля – Сочи, 13 июля – Туапсе, затем продвинулись по линии железной дороги до станции Хадыженск, по побережью – до Архипо-Осиповки, Пшады и Михайловского перевала. К 26 июля белогвардейский генерал Мазниев (Мазниашвили) занял территорию Черноморского побережья вплоть до Туапсе. Как писали газеты в Тбилиси, целью военной акции было решение грузинского правительства «восстановить» территорию своего государства в границах XIV в. Правительство Н. Жордания объявило о «временном» присоединении Сочинского и Туапсинского округов к Грузинской Демократической Республике.

Грузинские части были остановлены под Туапсе красными войсками – отступавшей Таманской армией, а затем окончательно вытеснены с территории Черноморской губернии белогвардейской Добровольческой армией («История Кубани...», 2004. с. 138. С. 194).

Анализируя эту ситуацию, генерал Деникин писал: «В первый период турецко-немецкой оккупации вождения Грузии направились в сторону Черноморской губернии. Причиной послужила слабость Черноморья». В свою очередь, генерал А.С. Лукомский писал в сентябре 1918 г.: «Наконец, для Грузии Сочинский округ имел громадное значение в смысле зоны, отделяющей от Добровольческой армии Сухумский округ, населенный свободолубивым абхазским народом. Грузинское правительство опасалось, что если Сочинский округ войдет в состав Черноморской губернии, то это может повлиять на отделение Абхазии от Грузии».

Грузинское правительство не заставило себя долго ждать и постаралось с помощью своих ученых и генералов «обосновать» свои претензии на это выгодное пространство. Привлекались, в частности, и такие факты. По данным Вахушти Багратиони, при царе Леоне II (середина VIII в.) северная граница Абхазского воеводства доходила до истоков реки Хазарии (т. е. Верхней Кубани и ее притоков). В «Истории

Армении» Асолика (X в.) говорилось: «В то время князь абхазов из земли сарматов, что по ту сторону Кавказских гор, предпринял поход на Армению...» Судя по всему, Абхазия помещалась тогда армянскими источниками не в пределах Грузии, как это принято теперь писать, и даже не в пределах Закавказья, а в стране сарматов (под этим названием в источниках I тысячелетия н. э. часто фигурируют абхазо-адыги) «по ту сторону Кавказских гор». После смерти Левана II Дадияни (1657) Менгрельское княжество быстро слабеет. Преемником Левана II становится Вамек Липартиани, подчинивший своей власти всю Колхиду и принявший громкий титул «повелителя всей Грузии, владетеля стран Лихт-Имери, Лихт-Амери, Осетии, Двалетии, Кабарды, Джигетии, Абхазии».

Привлечения этих и ряда других исторических источников дало возможность меньшевистскому правительству Грузии, так сказать, «исторически обосновать» их права на Черноморское побережье до Анапы-Новороссийска включительно, начиная с XI-XIII. В частности, грузинским внешним ведомством составляется обширный «Доклад, представленный делегацией Грузии Парижской мирной конференции 14 марта 1919 г. (политические требования, границы)». Этот «Доклад» (он же «Справка исторических, этнографических обоснований будущих границ Грузии») был составлен генералом И. Одишелидзе и грузинским историком И. Джавахишвили: «По Черноморскому побережью владения Грузии простирались на северо-запад до тех мест, где Главный Кавказский хребет уже теряет свой неприступный характер. В течение почти 300 лет границы Грузии на Черноморском побережье переходили за Анапу, доходя до устья р. Кубани; далее в продолжение XIV в. границы постепенно отошли назад, к р. Макопсе, а с XV в. до XIX в., т. е. до присоединения этой части Грузии к России, границей всегда была р. Макопсе, южнее г. Туапсе», – говорится в этом не выдерживающем никакой критики «документе».

А в июле 1919 г. грузинская делегация дополнительно приложила карту Грузии с пояснениями. В приложении: «Границы Грузии» текст так и начинается: «Сухопутная граница Грузии начинается на восточном побережье Черного моря у устья маленькой речки Макопсе; граница проходит по горе Псеушко, с которой стекает эта речка, а оттуда продолжается на северо-восток вдоль гребня гор, который создает водораздел между бассейнами р. Туапсе и Аше, впадающих в Черное море». И далее: «С точки зрения этнографической, присоединение к Грузии территории между р. Макопсе и р. Мзымта, которая, кстати, принадлежала ей в прошлом (!?) не может вызвать возражений».

Генерал Одишелидзе даже Сочи объявляет «чисто грузинским городом», а весь Черноморский округ – «древнейшей грузинской провинцией». Он заявляет также, что в этом округе царский «министр Ермолов раздавал даром землю грузин (!?) русским чиновникам и генералам». Генерал, судя по всему, не знал, что на всем пространстве от устья р. Кубани и Анапы до р. Ингур с древнейших времен проживали адыго-абхазские племена. Забыл он, очевидно, и то, что территорию Черноморского округа, занимавшего площадь от Анапы до Гагры, до окончания Кавказской войны населяли адыги (натухайцы, абадзехи, шапсуги и др.), а также убыхи и абхазы (садзы, псху, ахчипсу, айбга). После войны население было изгнано в Турцию; все побережье опустело. На покинутых землях стали селиться русские, армяне, греки, эстонцы. Первые грузины переселились в Сочинский округ (с. Пластунское) из Кутаисской губернии лишь в 1881-1882 гг. С этого года Сочи (убыхское название) и стал, по-видимому, «чисто грузинским городом».

Нельзя обойти молчанием и то, какими методами действовало в 1918 г. правительство Грузии, чтобы утвердиться на Черноморском побережье. Симон Басария писал по этому поводу: «Следующий чудовищный, невероятный факт окончательно раскрыл населению, что грузинские империалисты вытворяют нечто кошмарное. А именно, потребовали от Абхазского Народного Совета письменный документ о том, что Туапсе есть граница Абхазии и что Абхазия имеет право занять Черноморское побережье до Туапсе включительно. Всю эту махинацию им нужно было проделать в тех видах, что армия Мазниева (генерал-губернатора Абхазии), заняв Сочи, уже подходила к Туапсе, но генерал фон-Кресс, германский протектор Грузии, указал грузинскому правительству на неудобство занимать чужую территорию. Очевидно, – заключает Симон Басария, – как у всех создателей империи, перед грузинским правительством восстало видение огромного пространства – государства величия, каким должна была стать «демократическая республика». Однако вскоре после занятия Туапсе, по протесту белогвардейской Добровольческой армии и Кубанского правительства, Грузия была вынуждена отвести свои войска.

Грузинские меньшевики претендовали не только на Черноморское побережье до Анапы включительно. После установления Советской власти в Грузии, находясь в эмиграции, Н. Жордания и его приспешники решили весь Кавказ продать Англии со всеми его богатствами и населением. Они планировали отторжение всего Кавказского края, т. е. Закавказья, Дагестана, Терской области и Ставропольской губернии от СССР. По замыслу Жордания, Англия должна была оказать реальную помощь образованию на Кавказе федерации республик во главе с Грузией. Этот план грузинских лидеров под условным названием «Чечевица» предусматривал, таким образом, «огрузинивание» всего Кавказа.

2.4.2.3. И вновь муссируют тезис: «Черноморское побережье до Анапы – исконно грузинская территория»

Это не наука в обычном смысле слова, а тщательно разработанная геополитическая доктрина, в основу которой положено обоснование «законности» притязаний на те или иные территории Кавказа, подлежащих реализации в будущем для воссоздания «Великой Грузии».

«Абхазские письма» (1994).

Прошло несколько десятилетий, и тезис «Черноморское побережье до Анапы – исконно грузинская территория» вновь стал усиленно муссироваться в грузинской печати. Основоположителем этой «новейшей» доктрины («новое – хорошо забытое старое». – **Авт.**) был историк-филолог П. Ингороква, опубликовавший в начале 50-х гг. «историческую» монографию «Георгий Мерчуле». Основное положение его книги: антинаучный тезис о том, что территория Черноморского побережья до Геленджика являлась якобы коренной грузинской страной, населенной вплоть до позднего средневековья грузинами (а сами абхазы якобы пришли сюда в качестве захватчиков из-за Кавказских гор лишь в XVII в.). Эти антинаучные измышления еще в 1950 г. публиковались в грузинском журнале «Мнатоби» (№ 1-3), а затем были подхвачены шовинистически настроенными кругами интеллигенции Грузии. Книга П. Ингороква, по сути, дала определенное направление всей последующей грузинской историографии, которая встала на путь откровенно-грубой фальсификации истории племен, населявших Черноморское побережье Кавказа.

Своеобразный «пик» имперско-шовинистического угара пришелся на 1985-1992 гг., когда Грузия путем вооруженной агрессии попыталась растоптать свободолубивую Абхазию. Вновь стали привлекаться «исторические» факты, доказывающие «пришлость» в XVII в. абхазо-адыгских племен на Черноморское побережье – на якобы «исконно грузинские территории». 22 октября 1992 г. газета «Российские вести» опубликовала «сокровенные» мысли известного грузинского писателя Чабуа Амиреджби под названием «Русские нам изменили»: «Абхазы – грузинские племена, – говорит он. – А те, кто пришел к ним с Северного Кавказа, – всякая шваль, адыгея, убийцы, полудикие племена. От Российского руководства ничего не ожидаю, кроме предательства. Наша нация всегда умела рождать сыновей и на свою, и на чужую службу. В XX в. мы дали миру Сталина: хоть и сукин сын, подлец и убийца, но это была фигура. Мы умеем рождать и воспитывать людей. Плевать на всех хочется!..» (цитируется по книге «Абхазские письма», 1994). Думается, комментарии к этому явно шовинистическому высказыванию излишни. Вызывает недоумение лишь сам факт публикации статьи столь откровенной антиадыгейской и антирусской направленности именно в российской газете. Что же касается собственно современной грузинской «историографии», то о ней хорошо высказались составители книги «Абхазские письма»: «Это не наука в обычном смысле слова, а тщательно разработанная геополитическая доктрина, в основу которой положено обоснование «законности» притязаний на те или иные территории Кавказа, подлежащих реализации в будущем для воссоздания «Великой Грузии».

3. КРАТКИЕ ИТОГИ

Может быть, дальнейшее расследование рассеет мрак, покрывающий происхождение адыгского народа.

Л. Люлье (1857).

И были люди только единым народом, но разошлись...

М.Ю. Лохвицкий (Аджук-Гирей).

С. Бейтуганов, рассмотрев по преданиям те или иные «версии» происхождения адыгского народа, приходит к интересному выводу: одна часть кабардинцев (в основном, князья) воспринимали Аравию, Египет (с 1517 г. – был в составе Османской империи) и Малую Азию (Турцию) как свою историческую родину. Другая часть черкесов, также на основании народных преданий, своей исторической родиной считали территорию славян, то есть адыги и русские имели общих предков. Если последняя версия правдоподобна, то налицо парадоксальная ситуация. В конце XVIII в. с переселением Черноморского казачьего войска, столкнулись на пограничной реке Кубани казаки и черкесы – «враги-родственники» (?). Столкнулись в кровопролитной Кавказской войне, которая продолжалась более 70 лет...

Если же привлечь результаты научных исследований по вопросу происхождения адыгского народа, то складывается следующая картина. Существует несколько гипотез, объясняющих процессы формирования абхазо-адыгских народов. Согласно одной из них, эти народы сформировались примерно в пределах современной территории их обитания. Вместе с тем, в народных преданиях в происхождении абхазо-адыгов говорится о более южном их обитании в древности. С этим согласуются и результаты анализа названий местностей и рек к югу от Кавказа. Так, в области г. Трапезунда (в современной Турции) и далее на северо-запад вдоль побережья Черного моря отмечен целый ряд древних и современных названий, оставленных предками абхазо-адыгов. Все

эти названия могут свидетельствовать о том, что предки абхазо-адыгов в глубокой древности обитали не только на территории Западного Кавказа, но и жили значительно южнее тех областей, которые они населяют в настоящее время. Вместе с тем вероятны и передвижения части абхазо-адыгских племен внутри этой обширной территории, что нашло отражение в преданиях этих народов. Так, согласно преданиям, записанным Ш. Ногмовым, первыми переселились с Черноморского побережья кабардинцы и бесленеевцы, за ними темиргоевцы и хатукаевцы, потом шапсуги, бжедуги и натухаевцы, и наконец, мохошевцы и егерухаевцы. Последними переселились на северокавказскую плоскость абазины. Передвижения кабардинцев представляются следующим образом. Из всех приведенных материалов следует, – и это широко известно, – что кабардинцы являются пришельцами в район Пятигорья. По В.М. Аталикову, кабардинцы – «пятигорские черкасы» пришли на территорию нынешней Кабарды в промежутке времени между 1452 и 1500 гг. Первая дата – свидетельство И. Барбаро о том, что кабардинцы были еще на Кубани. Вторая дата – свидетельство русских источников о том, что «пятигорские черкасы» уже были в районе Пятигорья. Если же учесть, что кабардинцы ушли с Кубани после захвата турками Крыма и Таманского полуострова в 1475 г., то этот хронологический промежуток времени, когда кабардинцы переселились на территорию современной Кабарды, «сужается» до 1475-1500 гг.

Возглавляли пришельцев два внука Инала – Кабарти-бек Таусултан и Кайтуко, которые тогда же дали свое родовое имя области и разделили Кабарду на Большую и Малую. Сам же Инал, по некоторым данным, умер в Абхазии в первой половине XV в. По Л.И. Лаврову, также «... кабардинцы и бесленеевцы сперва обитали где-то по соседству с шапсугами, т. е. в низовьях Кубани. Народные предания о переселении кабардинцев, хотя и расходятся в деталях, но единогласно считают Таманский полуостров и берега Черного моря древним местожительством предков кабардинцев». Последнее мнение, подтвержденное результатами археологических исследований, а также архивными источниками, на сегодняшний день представляется наиболее правдоподобным.

Вместе с тем, по мнению Л.И. Лаврова, «...все гипотезы о проживании кабардинцев в Крыму, на берегу Азовского моря, на севере Ставрополя и где-то в Придонье должны быть оставлены (!) историками». Как считает автор, адыги являются древнейшим населением Прикубанья и местожительство кабардинцев до их миграции на восток нужно искать в Прикубанье, и поскольку кабардинский язык имеет черты сходства с шапсугским диалектом, можно предположить, что кабардинцы сперва обитали где-то по соседству с шапсугами, то есть в низовьях Кубани и народные предания о переселении кабардинцев, единогласно считают Таманский полуостров и берега Черного моря древним местожительством кабардинцев (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991). Дальнейшие исследования дадут возможность подтвердить (или опровергнуть?) приведенный выше тезис Л.И. Лаврова, чьи фундаментальные труды по истории адыгов заметно обогатили сокровищницу знаний по этому вопросу.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ У АДЫГОВ

У черкесских племен существуют: магометанская религия, которая является господствующей; некоторые обряды христианской религии, обряды культа Зороастры и, наконец, языческие обычаи.

И. Бларамберг (1840).

Черкесы обнаруживали вообще религиозность в той форме, которая им нравилась, и тому богу, который был более по душе.

Ф. Щербина (1913).

Религия играет одну из главных ролей в развитии духовной культуры, поскольку выступает выразителем мировоззрения и мироощущения народа. В религии находят отражения взгляды людей на окружающую природу, человека и общества. Восприятие народом религии, как стройной системы взглядов, связано не только с установлением того или иного общественного строя, но и с существованием достаточно высоко-развитой культуры. «Знание религий, – отмечал академик Д.С.Лихачев, – а особенно религии своего народа, необходимо для самопознания народа и не обязательно связано с верой».

Северный Кавказ издавна входил в зону влияния великих цивилизаций, и предки адыгов имели свою достаточно высокую духовную и материальную культуру. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки на Северо-Западном Кавказе, самые ранние из которых доносят до нас скрытые в тьме прошедших тысячелетий сведения о эпохе язычества у предков адыгов. При этом, как образно отмечает С.Х. Хотко (2008), «...адыгское язычество представляло собой слоеный пирог, в котором сначала следовали слои древнейшего язычества, затем язычества средневекового, сильно смешанного с христианством, ...и на очереди стоял ислам, каждая слабая попытка принятия которого тонула в этом языческом «тесте». Археологические материалы эпохи бронзы свидетельствуют и о «космических воззрениях с культом солнца» у адыгов (Анфимов Н.В., Керашев А.Т., Меретуков М.А. и др., 1989. С.65).

Впрочем, объективности ради следует подчеркнуть, что у адыгов религия никогда не играла такой важной роли в жизни, как это имело и имеет место у остальных народов, в том числе горцев Кавказа. По мнению С.Г. Кудавой (2007), почти все проблемы религии решал адыгский этикет, который выполнял (и сейчас во многом выполняет) социальные функции в жизни общества больше чем религия. Требования религии «растворились» в *адыгэ хабзэ*, ибо он шире, чем религия в охвате проблем общества.

1. ЯЗЫЧЕСТВО У ПРЕДКОВ АДЫГОВ

1.1. У истоков религиозных верований адыгов

Они почитают богами всех идолов языческих...

Книга премудрости Соломона (15;15).

Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе.

Ф. Энгельс (1820-1895).

Религия существовала и существует в разных формах у всех народов земли. Но первоначально ее истоки кроются в такой отдаленной древности, что о них возможны только предположения. Открытия археологов на Северо-Западном Кавказе, относящиеся к эпохе древнекаменного века – палеолита позволяют ученым представить себе религию первобытного человека. В религиозных верованиях и обрядах отразилась беспомощность первобытного человека перед подавляющими его силами природы. Как писал Спиноза, «...страх есть причина, благодаря которой суеверие возникает, сохраняется и поддерживается». Эту же мысль встречаем и у Б.Рассела: «Страх – основа религии: страх перед таинственным, страх перед неудачей, страх перед смертью».

Одной из древнейших форм религии является погребальный культ, то есть различные обряды и верования, связанные с погребением умерших. Факты захоронения умерших обнаружены уже у неандертальского человека ледниковой эпохи. Свидетельством существования древнейшего погребального культа у предков адыгов является уникальная дольменная культура, не имеющая аналогов не только в нашей стране, но и в мире.

Не менее древняя и другая форма первобытной религии – тотемизм – вера в некую таинственную связь человеческих родов (групп) с теми или иными видами животных и растений. Подтверждением существования тотемизма у адыгов являлись «бог-всадник» Аушэдж и Зейгут – покровители наездников, Кордес (Кодес) – богиня моря и рек, которую адыги представляли в виде гигантской рыбы и т.д.

К тотемизму близок промысловый культ. Это различные обряды и поверья, связанные с охотничьим и рыболовным промыслом. Так, древние адыги молили Мезитха – бога лесов и покровителя охотников об успехе предстоящей охоты. Поклонялись они и Шхагуаше – «богине оленей», от которой также во многом зависел успех охоты и т.д.

1.1.1. Бронзовый век: формирование языческих воззрений

Они сказали: «Мы поклоняемся идолам и пред ними пребываем в почтении.

Коран. Сура 26; 71.

И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились перед делом рук своих.

Библия. Деяния св. апостолов (7;41).

Бронзовый век на Северо-Западном Кавказе начался во второй половине III тыс. до н. э. и завершился на рубеже II-I тыс. до н. э. О неразрывной связи духовной культуры кавказских племен бронзового века с первобытной религией размышляют А.Т. Керашев и А.Ю. Чирг (1994). В изнурительной борьбе за существование древний человек вновь и вновь сталкивался с непонятными для себя явлениями природы. Не умея найти им объяснения, он делал их объектом поклонения. Так появились древнейшие первобытные культы. Следы почитания сил природы древнейшими предками адыгов (впрочем, весьма немногочисленные) сохранились кое-где на Северо-Западном Кавказе.

Обилие камней в погребениях племен, возведение высоких земляных холмов-курганов указывает на существование культа гор. Духи камней должны были охранять покой мертвых.

Широкое распространение получили «солярные» знаки, связанные с поклонением Солнцу. Поэтому человек обкладывал курганный насыпь кольцом из камней, а также придавал многочисленным украшениям форму круга (Керашев А.Т., Чирг А.Ю., 1994). Дополняет эту информацию Н.И. Сообцокова (2010. С. 279): «Древние адыги считали себя детьми Солнца. Дневное светило воспринималось ими как верховное божество, как основной символ созидательной животворящей энергии. Солнце – символ величия, мудрости. Все помыслы и мечты древних людей были обращены к великому светилу. Вот почему кругу, как символу Солнца придавалось магическое, сакральное значение. И именно поэтому традиционный стол – *анэ*, за который сажали дорогих гостей, за которым адыги принимали священную пищу, имел форму круга. Для проведения народных собраний – *хасэ*, старейшины садились в круг. Массовые торжества всегда проводились в кругу. И в адыгском орнаменте, используемом в народных художественных промыслах, кисетах, сумочках, футлярах, в жезлах *хатияко*, кольчугах, шлемах фигурировала солнечная символика, играющая, судя по всему, роль оберега от злых сил».

Окончательно складывается культ животных. Изображения их делались на стенках гончарных изделий и других предметов. Культовыми животными считались баран, змея, лошадь, олень (Керашев А.Т., Чирг А.Ю., 1994).

1.1.2. Эпоха железа: «Когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам...»

Вот сказал Ибрахим: неужели ты идолов превращаешь в богов?

Коран. Сура 6; 74.

Знаете, что, когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, – так, как бы вели вас.

Библия. 1-е послание к Коринфянам (12; 2).

В эпоху железа (I тысячелетие до н. э. – начало I тысячелетия н. э.), с развитием земледелия, скотоводства, металлообработки, «спектр» языческих божеств у предков адыгов – меотов значительно расширился.

У местных племен Северо-Западного Кавказа прочно устоялось представление о душе, стране мертвых, земле предков, где умерший сородич якобы будет вести такую же жизнь, какую он вел на этом свете. Так окончательно сложился культ предков и связанный с ним обряд захоронения. Вместе со знатными членами племени в яму-склеп погребались заранее умерщвленные воин-оруженосец, женщины-рабыни, лошади, оружие, посуда. Над могилой возводился курган, высота которого говорила о знатности и богатстве погребенного. Поминки по умершему – *тризна* – сопровождалась жертвоприношениями. Постепенно появились и люди, отправлявшие первобытные культы (жрецы, шаманы, знахари, колдуны).

С развитием земледелия на Северо-Западном Кавказе появились культы, связанные с сельскохозяйственными работами. Земледельческий культ существовал у местных племен в виде женского божества Матери-Земли – покровительницы плодородия. В меотских городищах найдены глиняные статуэтки и золотые пластинки с изображениями Великой богини плодородия. Наряду с женским божеством – богиней плодородия, у меотов было и подобное мужское божество.

1.2. Пантеон языческих богов у предков адыгов

Пантеон – общий перечень всех богов того или иного культа.

Словарь иностранных слов (1995).

Главным божеством в то время (XIII-XII вв. до н. э.) был бог Солнца. Но как он назывался, неизвестно. То ли это был абхазский Амра-Марана, то ли это был хаттский Эштан-Оштен, то ли Шибле-громовержец, подобно хеттско-хуритскому Тешубу.

Н.Г. Ловпаче (2009).

Ученые давно обратили внимание на то, что в языке и культуре хаттов и адыго-абхазов, имеется немало общих элементов. Помимо языкового родства, установлено значительное сходство древних религиозных верований (отдельные названия хаттских и абхазо-адыгских богов совпадают и по форме и по кругу их деятельности (например, хаттский бог «Уашхо» и древний адыгский Уашхьуэ) и хаттских мифов с некоторыми сюжетами нартского эпоса абхазо-адыгов (борьба бога грозы со змеем, образ бога-кузнеца и др.) («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 86-89).

Историк Н.Г. Ловпаче (2009) сделал попытку приблизительно реконструировать основной состав главных богов азегского общества Западной Адыгеи времен существования древнего города Ах-Мае («Ах-Айя»), располагавшегося в районе современного Майкопа в XIII-XII вв. до н. э. «Главным божеством в то время, – считает историк, – был бог Солнца. Но как он назывался, неизвестно. То ли это был абхазский Амра-Марана, то ли это был хаттский Эштан-Оштен, то ли Шибле-громовержец, подобно хеттско-хуритскому Тешубу.

На следующем месте после Шибле стоял бог земледелия Тхагалидж, а, может быть, Созерис. За ними следовал Мэзытха – божество природы («бог-олень»). Большое место в жизни и в религии, судя по соседней родственной культуре кобанцев на Центральном Кавказе, занимало у азегов-адыгов божество загробного мира Псатха («бог души»). Все более важное место стал занимать Тлепш или Худим – Бог-кузнец.

Поскольку в древнем городе «Аха» («Ах-Мае») на месте современного Майкопа разводили сады и, очевидно, огороды, должна была быть почитаемой богиня Хатэгуаше. В связи с садоводством появляется пчеловодство. Неизвестно имя богини покровительницы пчёл. У хеттов Малой Азии эту функцию исполняла Камрусеп (хаттская Катахцифури), а у черкесов позднего средневековья – Мариам-гуаше или Параскева-пятница.

Через город «Аха» протекала главная водная артерия Адыгеи и множество мелких притоков Лабы, Псатия, Пишиша, Псекупса. Поэтому видное место в пантеоне должна была занимать богиня вод речных Псыхьугуаше.

Перечисленные 10 божеств распознаются по символам, отраженным в декоративном искусстве. К сожалению и об этом виде художественного творчества приходится судить только по керамике и единичным примерам литейных изделий из бронзы с декоративными элементами (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 89).

1.2.1. «Главнейшие» божества и покровители у адыгов

Наряду с Великим богом – Тха (Тга), предки адыгов в то же время верили и молились множеству различного рода покровителей...

Н.Ф. Дубровин (1871. С. 14).

В IV-V в. н. э. языческие верования древних адыгов получают дальнейшее развитие. Язычеству свойственна вера в загробную жизнь, многобожие, почитание «священных» мест. К языческим божествам, которым поклонялись адыги, относились Тга-Тхуо (Тхьашхо) – «Великий бог», Аушэдж и Зейгут – покровители наездников, Ахин – покровитель скотоводства, Емиш – бог овец, Кордес – богиня моря и рек, Мезитх – бог лесов и покровитель охотников, Мерием – покровительница пчеловодства, Псатхьэ – бог души, Псегуаш – дева вод речных, Созерис – божество, покровительствующее хлебопашцам и домашнему благосостоянию, Тлепш – бог железа и огня, Тхагелидж – божество земледелия, Хятегуаш – покровительница садов, Хапегуаш – дева вод морских, Шибле – бог грома и молнии, Шагуаше – богиня оленей и др.

Это лишь незначительная часть адыгских языческих божеств. Количество почитаемых религиозных культов у древних адыгов наверняка было значительно больше, чем зафиксировано в памяти народа и письменных источниках. Каждый горец поклонялся не только «общадыгским» богам, которых были сотни, но и «семейному», личному, родовому, данной конкретной местности и покровителю текущего года. Такими глубоко «семейными», домашними божествами были: Пишишане, Тгакофешу и Тгахалейк (в честь их отмечали «праздник очага»). Каждый род имел чтимого предка и покровителя. Таким покровителем у рода «Нетахо» был Тугузитха; у рода «Надхо» – Тугуплоху и т.д.

С. Бейтуганов (1977) обращает внимание на то, что в клятвах адыгов до сих пор, спустя тысячелетия, можно заметить отголоски времен язычества. Слова «тхьэ», «гуашэ» (бог, богиня), под которыми подразумевались представители языческого «пантеона богов» мужского рода (Зекгуатхьэ, Мэзытхьэ, Псатхьэ, Тугузитха, Тхьэгэлэдж, Тгакофешу, Тгахалейк), а также женского (Псыхьугуашэ, Ханцегуаше, Шьыхьэгуашэ, Хепегуаш, Хятегуаш), – еще не исчезли из адыгского языка.

Носили адыги амулеты и имели талисманы. Верили в существование ведьм и колдунов. Злым духам приписывали все приключавшиеся с ними несчастья и болезни. Чтобы обеспечить хороший урожай, прогнать засуху, вылечить болезнь, прекратить падеж скота, применялись магические обряды или моления божествам-покровителям (обязательно в священных лесах или рощах, зачастую с жертвоприношениями). Насколько «живучими» оказались некоторые из этих обрядов, пережившие тысячелетия, свидетельствует заметка из газеты «Новая заря» (г.Екатеринодар), опубликованная 11 августа 1910 г.: «Жители аула Шенджий собрали 61 рубль на покупку рябого быка для совершения жертвоприношения против эпидемии холеры».

1.2.1.1. Тха, Тхашхо, Псатхэ: вера в «единого и всемогущего Бога, творца всего сущего»

Псатхэ (Сатха) – бог души. В пантеоне богов по своему значению следует (наряду с Шибле) за Тха и Тхашхо.

Р.Ж. Бетров (1991).

При служении богу Тха алтарем служила площадка под священным деревом – Тхэцлагъ... У причерноморских адыгов чаще всего это деревья, пораженные молнией, и шапсуги по сей день почитают их как священные.

Б.Х. Бгажников (2007).

Религиозная система черкесов является частью *хабзэ* – философско-этического учения, регулирующего все стороны жизни человека, определяющего отношения человека к человеку, к окружающему миру, к Высшему Разуму, – и неотделима от него. Она представляет собой монотеизм со стройной системой почитания, в первую очередь, – Единого Бога – Тха (Тхэ, Тхэшхо), а также многих десятков, так сказать, второстепенных богов.

ТХА (ТГА). В адыгской мифологии главой пантеона и первотворцем был Тха. Происхождение этого имени от адыг. *дыгъэ, тыгъэ* – «солнце» дает основание считать, что первоначально роль первотворца принадлежала божеству Солнца («Мифы народов мира». Т. 1. 1987. С. 604). Дополняет эту информацию Б.Х. Бгажников (2007. Вып. VI): «Основу религиозной системы адыгов, сложившейся, возможно, еще в хаттский период, составляет вера в единого и всемогущего Бога Тха (Тхашхо), обитавшего на небе (от адыгского *тыгъэ* – «солнце»), творца всего сущего и происходящего. Адыги верили, что Тха создал все не только на земле, но и на небе: солнце, луну, звезды. Из огня, воды, земли и воздуха он за 7 дней сотворил мир и людей (как здесь не вспомнить библейское предание о божественных «семи днях творения»). По преданиям адыгов, Тха обитает на небе или на вершине Ошхамаха-Эльбруса. Людей, лишенных веры в Тха, называют безбожниками – *тхэнишэ*».

Почитание и благоговейное отношение к Тха выражалось и выражается через обряды и ритуалы, среди которых центральное место занимают жертвоприношения – *тыхъ*, молитвы – *тхэлылэ*, гимны – *хъухъу*. Руководили обрядами жрецы, именуемые *тхэмадэ*. Это слово так и переводится «представитель (орудие) Тха».

Как пишут авторы одного из сайтов Интернета, «...Тхэ (Тхэшхо) – создатель Законов Вселенной, которые являются его проявлением. Тхэ дал человеку возможность их познания, что приближает человека к Богу. Тхэ не вмешивается в повседневную жизнь, предоставляя человеку свободу выбора. Тхэ не имеет какого-либо образа, он Вездесущ, «дух Его рассеян по всему Космосу». В черкесских гимнах Тхэ (Тхэшхо) именуется как: «Кого все просят, сам никого не просящий», «Несуществующее умножающий», «На кого все надеются, сам ни на кого не надеется», «От кого дары исходят», «Удивительное Его дело», «Небу и Земле движение позволяющий». Согласно черкесским космогоническим текстам, Мир начался с первоначального вмешательства – строительства его Сетью (*Хъы*). После этого объекты Мира образовывались естественным путем, развиваясь по внутренним законам».

И далее авторы сайта дополняют: «Почитание и благоговейное отношение к Тхэ, просьбы к нему выражаются через обряды и ритуалы – *Тхэлылэ* (просьба к Тхэ), *Хъухъу* (гимны-молитвы). Для проведения *Тхэлылэ* нельзя пользоваться рукотворными сооружениями (*Ирыцлэ*). Поэтому обряды проводятся в особых местах, чаще всего это живописные рощи – *Тхэлылэ*, *Тхэцлагъ мэз*. Кроме их основного названия, используют метафорическое – *Чийзыхамыбз* («Роща, в которой ничего не срезают»). Место *Тхэлылэ* отмечается символом в виде буквы «Т». Обряды проводят старшие в роду, общине, селении» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

По свидетельствам бытописателей Черкесии, собранным Б.Х. Бгажниковым (2007), праздники в честь Великого Тха устраивались на склонах гор, обращенных к солнцу. При служении богу Тха алтарем служила площадка под священным деревом – *Тхэцлагъ* (буквально: «Место под богом Тха»). У причерноморских адыгов чаще всего это деревья, пораженные молнией, и шапсуги по сей день почитают их как священные.

Во время религиозных праздников, после заклания жертвы (быка или козла), жрец – *тхамата*, накинув на себя белую бурку, становился под священным деревом с большой чашей, наполненной махсымой, и произносил длинную молитву, в которой прославлял Тха и просил его об обильном урожае, избавлении от болезней и врагов. Такие молитвы начинались с обращений, указывающих на всеислие Тха: «О наш Тха, Тха великий, множеством просьб осаждаемый, сам никого ни о чем не просящий... Наш князь, наш бог, единый бог, Великий бог!». Тем самым подчеркивается, что Тха абсолютный властелин, что все в мире от него зависит, но сам он ни от кого и ни от чего не зависит. Тха – сам себе хозяин, он самодержавный и самодостаточный.

Большое распространение имел также вариант зачина, в котором упоминалась священная или золотая Анатолия, где, как известно, располагалась столица древнейшего хаттского государства Хатусас:

Уа, дэ ди Тхъэ, Тхъэшхуэ,
Анэдолэ – дыщэ кьуэладжэ.
«О, наш Тха, Тха великий,
Анатолия – золотая долина».

«Видимо, – пишет Б.Х. Бгажноков (2007. Вып. VI. С. 317), – эта формула возникла как отголосок хаттского периода адыгской истории».

Интересно свидетельство Н. Дубровина (1871. С. 14) о своеобразной «трансформации» языческого Тха в христианского бога. Как отмечал Н. Дубровин, «...веруя в единого бога и называя его Тга, черкесы под влиянием христианства стали представлять его в трех лицах: *Тга-Тхуа* («Великий бог»), *Мерием Тга-пиш* (Мария – «Божья мать») и *Шергунс* (смысл и значение этого слова утрачены). Так, языческий бог Тга постепенно стал христианским «Великим Богом». В свою очередь, как писал С. Бейтуганов, «...с принятием ислама, требующего от праведника безраздельной веры во всемогущество единого бога Аллаха, казалось бы, должно было исчезнуть даже само упоминание языческих богов. Однако слово «*тхъэ*» удержалось в лексиконе адыгов, став синонимом слова «Аллах», разумеется, постепенно утратив свой первоначальный языческий смысл».

В процессе эволюции религиозных воззрений, верховное божество адыгов Тха (Тга) трансформируется в Тхашхо.

ТХАШХО (ТХЪЭШХО), по мнению большинства исследователей, также верховное божество, результат изменения представлений адыгов о Тха. Тхашхо (Тхъэшхо, Тгашхуо, Тгашхоу, Тхъашхо – «творец всего»; его называют: «великий», «от кого исходят богатые дары», «кого все просят» и т.д. Ежегодное всенародное ритуальное представление, проводившееся первоначально в честь Псатха, а затем в честь Тхашхо, сопровождалось плясками и жертвоприношениями.

Очевидцы так описывали в середине XIX в. обряд поклонения Тхашко («Великому богу», «Всевышнему»): «В одной из священных рощ, собирався народ для молитвы. Под сенью развесистого дуба устаивалось нечто вроде алтаря, украшенного простым деревянным крестом грубой работы, и народ возносил свои мольбы к небу, призывая имя Всевышнего – Тхашхо. Богослужение совершал, в звании жреца, какой-нибудь старец... Окончив молитву, жрец приступал к закланию жертвы (барана, козла или быка). Предварительно он брал одну из зажженных свечей, прилепленных к кресту, воском ее натирал волосы на лбу жертвы и закалывал ее. Голову животного насаживали на длинный шест; кожу жрец брал себе, а мясо приготавливали тут же для пиршества. Во время приготовления яств старики и старухи, взявшись за руки, составляли круг и с особым напевом открывали пляску. Их вскоре сменяли молодые люди обоего пола, и веселость делалась всеобщей...».

ПСАТХЪЭ (САТХА), по Ш. Ногмову, – бог души. В пантеоне богов по своему значению следует за Тха и Тхашхо. Вместе с Тха он раздает души и ведаёт ими. Пребывает на небе. Возглавляет устраиваемый ежегодно на Ошхамахо (Эльбрус) пир богов. Вездесущ, способен усмирять ураганы, бураны, бури на море. Псатхе посвящались общенародные празднества, вокруг деревянного фетиша Псатхи совершались обряды с плясками. В жертву Псатхе приносили белую козу.

Важным элементом черкесской религиозной системы, непосредственно связанным с этим божеством, является вера в Души (*Псэ*) предков, которые имеют возможность видеть и оценивать дела их потомков. Понятие физических страданий или наслаждений в загробном мире (*Хъэдрыхэ*) отсутствует – есть духовное удовлетворение или муки раскаяния Души за свой жизненный путь перед собой и перед лицом предков. Поэтому задачей земного существования человека является Совершенствование Духа – сохранение чести (*Нанэ*), проявление сострадания (*Гушлэгъу*), безвозмездное оказание помощи (*Псанэ*), что, наряду с доблестью, отвагой воина, позволяет Душе человека после смерти присоединиться к Душам предков с чистой совестью (*Нанэ Хужьсклэ*).

Души предков нуждаются в поминовении, в силу чего устраивают тризны (*Хъэдэлус*), практикуется жертвоприношение или приготовление поминальной пищи (*Жьэрымэ*), раздача её для поминания душ умерших (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

1.2.1.2. Шибле, Яллия, Анцва: «Гром и молния почитаются черкесами с величайшим благоговением...»

Когда гремит гром, они (адыги) радуются, выбегают наружу, приплясывая: считают счастливыми тех, в чей дом ударит молния, и они в радости проводят весь год. Если ударит в человека, он почитается святым.

Адам Олеарий (1600-1671).

Черкесы питают почтение к грому, именуя его «шибле»... Когда гром убивает человека, то его хоронят на том же месте, где он убит, и вместо трех дней пируют семь суток, ибо приписывают событию мысль блаженства.

Л.Я. Люлье (1862).

ШИБЛЕ. Особое место предки адыгов отводили богу молнии и грома – Шибле (варианты: Шъыблэ, Шыблэ, Шиблэ, Шъыбла, Шибла). Он же – покровитель дождей («Главнейший бог»), соответствует Зевсу

древних греков, а также Афы у абхазов. Как считает П.У.Аутлев (1965), культ Шибле у адыгов должен был возникнуть намного раньше, чем они начали заниматься земледелием и скотоводством, а после появления этих отраслей хозяйства культ этого божества принял аграрный характер. Поэтому, полагает автор, Шибле, являясь божеством грома и молнии (кстати, «молния» по-кабардински тоже «*шибле*»), в то же время стал божеством земледелия. Чисто земледельческие функции этого божества прослеживаются во многих обрядовых песнях, причем, как отмечает Л.Г. Канчавели, «в припевных словах звучит обращение к Шибле или нередко к христианскому Илье-пророку (Елле)»:

Елле, Елле, не ударяй в наши жилища,
Елле, Елле, охраняй нашу жизнь,
Елле, Елле, не воспламеняй лес Тхашага,
Елле, Елле, дай напиток грушевой воды,
Елле, Елле, и ты испей нашего напитка,
Елле, Елле, ты даруешь нам шесть камней (для молотыбы),
Елле, Елле, под деревьями Тхашага танцуем в твою честь.

По представлениям адыгов, старшинство этого бога было намного выше, чем даже у Тга-Тхуо, то есть Великого бога: «Если бог Шибле рассердится, – говорили черкесы, – то вряд ли Тгашхуо найдет себе место, где укрыться». В мифологии этот бог борется с подземными драконами «*блэгъожь*».

Человек или животное, пораженные молнией, признавались священными. Обряд почитания Шибле сопровождался танцем в его честь («*Шъыблэ уыдж*»). О том, что черкесы считали убитых молнией святыми, сообщал еще Иоанн Шильтбергер (1381-1440). В его записках, относящихся к началу XV в., встречается самое раннее упоминание в печати культа бога молнии Шибле.

Позже *Шибласха* – обряд захоронения убитого молнией был зафиксирован в XVII в. у западных адыгов Тавернье, а у осетин – Штедером в конце XVIII в. «В 50 шагах от моей палатки, – писал очевидец, – гроза убила молодую женщину. После удара женщины, которые шли с ней, издали крик радости, стали петь и танцевать вокруг убитой. Все жители селения собрались вокруг танцующего круга».

Дополняют эту интереснейшую информацию записки Л.Я. Люлье (1862), относящиеся к середине XIX в., в которых приводится любопытное описание пережитков языческого обряда почитания бога грома – Шибле: «Черкесы питают почтение к грому, именуя его *шибле*. Опишу обряд, совершенный в присутствии моем над тремя козами, убитыми громом. В один день, летом, я отправился из дома кунака моего Магомета, с несколькими спутниками вверх по долине Дуаб. Вскоре послышался раскат грома и последовало несколько сильных ударов. Гроза, однако, скоро прошла, небо прояснилось и мы опять пустились в путь. Проехав несколько верст мы увидели группу людей обоего пола и разных возрастов, выходившую из небольшого ущелья, примыкающего к долине. Подбегав к ней, мы узнали причину ее сходбища: мы увидели 3-х коз, только что пораженных громом (т. е. молнией. – Авт.). Около коз составилась круг и началась обычная пляска с напевом, в котором часто повторялись слова: *шибле* и *Ялий* (Илья).

В это время несколько человек сходили в аул и принесли оттуда разных съестных припасов, в том числе и несколько живых коз. Эти последние тут же были принесены в жертву, с обрядом возлияния, а головы их надеты на высокие шесты. Вся эта процедура называется *шибласха*. Кольев и коз никто не трогает, все это остается до совершенного разрушения и истления. Пока готовились яства и варилась паста, заменяющая хлеб, молодежь обоего пола плясала с рвением; веселость и. одушевление были общие. Пир продолжался до вечера и должен был, по обычаю, повториться еще в следующие два дня!» И далее Л.Я. Люлье дополняет: «Надобно прибавить страх и уважение к грому: для того, кто убит молнией, смерть такая считается блаженством, и его придают к земле на том самом месте, где он убит. В торжественных напевах по такому случаю часто повторяются имена Шибле (гром) и Алий – искаженное имя Ильи». По данным этого же автора, у темиргоевцев похороны убитого молнией продолжались в течение семи дней. «Молодежь обоего пола, – писал он, – плясала с рвением, веселость и одушевление были общие» (Люлье Л.Я., 1927. С. 32-33).

Другие авторы дополняют картину, так сказать, «взаимоотношений» адыгов со своим богом Шибле. Так, у Э.Спенсера (1830) читаем: «Гром и молния почитаются черкесами с величайшим благоговением, и счастлив человек, столь отмеченный судьбой, что пал жертвой их силы: его тело предается земле с великой торжественностью, и его семья радуется великой чести, которой она удостоена». Или в другом источнике: «Всех представителей рода, в котором кто-либо погиб от удара молнии, называли *Шыблэ ятхъалахъ* – «Шибла помазанные», или «Люди бога грома». Так же называли и возводили в ранг святых членов того рода, в один из домов когда-то попала молния. Таких людей очень высоко ценили. Во время жертвоприношений именно они выполняли самые важные функции: вокруг них устраивались хороводы, их бросали в воду.

Интересно, что все это сильно напоминает хатто-хеттскую традицию, согласно которой главными жрецами в стране считались «Люди Бога Грозы», т. е. люди из рода, в котором кто-либо погиб от удара молнии или в один из домов которого однажды ударила молния. Когда приходит рассвирепевший Бог Грозы, его способен был обуздать (так же, как и у шапсугов) его жрец – Человек Бога Грозы.

С могилой убитого молнией был связан у адыгов и обряд вызывания дождя. Придя на место, все мужчины рода брали за руки друг друга и долго плясали босиком вокруг могилы с песнями об «Еле» (Илье?). После пляски

родственник убитого молнией брал в руки хлеб и просил у покойника помощь в ниспослании дождя. Затем он брал с могилы камень, привязывал веревкой к дереву и опускал в реку. Спустя три дня камень вытаскивали и укладывали на прежнее место. В период засухи повсеместным почитанием у адыгов пользовались также деревья и камни, подвергшиеся ударам молний. К такому дереву шли всем аулом, неся с собой обрядовые хлебцы и бузу. Здесь же в честь Шибле совершали жертвоприношения – резали козу или барана. Е.Н.Шиллинг отмечает, что натухайцы в долине Пшады чтит большое дерево, пораженное молнией. Эти обряды пережили века.

Примечательно, что этот обряд, дошедший до нас из глубины тысячелетий, сохранился у адыгов до середины XX столетия. Так, М. Рижский, побывавший в 1939 г. у шапсугов, писал: «Члены семьи убитого молнией должны были не оплакивать его, а радоваться, что их посетил Шибле, иначе последний мог рассердиться на них и послать всяческих несчастий. В честь Шибле шапсуги даже в 30-х гг. XX в. устраивали моления. К священному дереву шли всем аулом, неся с собой обрядовые хлебцы и бузу. Здесь же в честь Шибле совершали жертвоприношения – резали козу или барана, а в день праздника устраивали скачки и стрельбу в цель». Об удивительной «живучести» этих ритуалов, переживших тысячелетия, сообщает и Р.Ф. Бетров (1951): «У темиргоевцев обряды, связанные с Шибле, сохранились вплоть до настоящего времени. На месте, где человек погиб от молнии, родные устраивали ежегодно, в начале сенокоса, пир в честь Шибле. Глашатай вызывал на священный танец родственников убитых...».

Бога Шибле почитали особой обрядовой песней «Елери-Шопа». В ней, в частности, говорилось:

О, Шибле, о, бог грома,
Дай силу руке воина,
И шашку сделай острою!...

Богу грома и молнии Шибле близок Яллия (Ела) – божество со сходными функциями.

ЯЛЛИЯ (Алий, Ялия, Ела, Елэ, Елер, Йолэ, Йылэ, Йэлэу, Йалэу), как и Шибле – покровитель дождя, бог грома и молнии. Все эти имена (как и «Алий») – трансформация имени библейского пророка Ильи, отражающая поздние христианские элементы в языческих обрядовых песнях. По имени этого божества названа местность Елеруан на р. Аше напротив а. Лыгъотх. Источники середины XIX в. сообщают, что «...если человека убивает молния, то в радостно-торжественных напевах адыгов по этому поводу часто звучит имя Алий (Ялия, Яллия) – искажение имени христианского пророка Ильи».

АНЦВА – в мифологии абхазов, а также абазин – верховное божество, творец природы и людей, повелитель и вседержатель. Гром и молния – его карающая сила. Иногда его представляют молодым красивым мужчиной, а иногда – седым старцем; в его руке плеть, которой он высекает молнии. В жертву ему приносили животное (обычно корову) и вино. Мать Анцвы – из рода Хеция (от абхазского ахьяца – «граб»), ведь не случайно, по преданиям горцев, молния никогда не поражает грабовые деревья. Во многих мифах отождествляют Анцва и Афь.

АФЫ – абхазо-абазинский бог грома и молнии. Но Афь как божество грома и молнии у адыгов не получило столь широкого распространения, как у абхазов, т.к. адыги имели и другое божество грома – Шыблэ, считавшееся «Великим богом», т. е. выше всех других.

На следующем месте после Шибле в пантеоне адыгских языческих божеств стоял Созерис, за ним – бог земледелия Тхагалидж.

1.2.1.3. Созерис, Тхагалидж, Джаджа: божества-покровители изобилия, плодородия и земледелия

Его (адыгское божество Созерис) считают то богом урожая и плодородия, то богом домашнего очага и благополучия. Иногда его выдают за покровителя скотоводства, ветров и т. д.

Р.Ж. Бетров (1991).

И сегодня во время провозглашения первого тоста в Кабарде всегда упоминается Тхагалидж. По верованиям кабардинцев, новый урожай нельзя было употребить до устройства специального пиришества в его честь.

М.В. Кантария (1968).

СОЗЕРИС (Сеозерис, Созереш, Созэрэш). Уже давно в науке идет спор вокруг имени адыгского божества Созерис, о природе которого нет единого мнения среди исследователей – его считают то богом урожая и плодородия, то богом домашнего очага и благополучия. Иногда его выдают за покровителя скотоводства, ветров и т. д. (Бетров Р.Ж., 1991).

По общепринятой версии, Созерис считался у предков адыгов божеством, покровительствующим хлебопашцам, изобилию и домашнему благосостоянию. Так, Хан-Гирей называл Созереша божеством изобилия и одновременно богом земледелия. Е.Шиллинг также указывал, что Созереш – покровитель земледелия, скотоводства и семейного изобилия, – такие «функции» нес он, в частности, в абхазском языческом пантеоне. Б. Ан (1940) также считал Созереша божеством плодородия, однако, в отличие от других авторов,

отмечал, что он не является общим адыго-черкесским божеством, – ему, как покровителю земледелия поклонялись лишь западные адыги, которые справляли празднества в его честь осенью, после уборки урожая (некоторые же адыгские племена – в день христианского Рождества).

Ж. Мариньи и Дюбуа де Монпере дополняли, что Созерис «... был большим путешественником, ему были подчинены ветры и воды». Л. Люлье сообщал, что Созириса считают мореплавателем и прибытия его ожидают морем. Есть еще поверье, что он отправился от берега по волнам моря пешком и также пешком возвратится (напоминает сцену «хождения по воде» Иисуса Христа. – Авт.). По Геродоту, колония египтян жила в Колхиде задолго до занятия берегов Черного моря греками. «Не есть ли Созерис – Озерис» (Осирис) древних египтян, бог производительных сил природы, царь загробного мира, предшественник «солнечного бога» Ра?», – задает вопрос Л. Люлье.

Авторы книги «Кавказ...» (1898) присоединяются к мнению о том, что Созерис (*Созерис*, *Созэрэш*) был не только покровителем хлебопашества, но и божеством-покровителем моря: «Пришествие его ожидается и празднуется в декабре, в одно время с нашим праздником Рождества Христова. К этому времени в дом вносятся сук о семи ветвях, к которым прикрепляются свечи из желтого воска, пирожки и кусочки сыра».

Более подробно обряд в честь Созереша описал Хан-Гирей: «Из дерева, черкесами называемого *хамшут* (*гамиут*), обрубок с семью сучьями хранится у каждого семьянина в хлебном амбаре. По наступлении «Созерешевой ночи» (после уборки хлеба) каждое семейство собиралось в своих домах, приносило идола из амбара и ставило среди хижины на подушках. К сучьям его прилепляли свечки, с открытыми головами совершали ему моление». Каждый дом имел своего идола-обрубка, но кроме того был один общественный. Праздник имел два основных момента: исполнение обряда всем обществом и обряды, выполняемые в каждой семье (в сакле). «Домашняя молитва, – писал Е.Н. Шиллинг, – происходила перед «семейными» обрубками, на сучьях которых укрепляли свечи, куски сыра и пирожки. Молитву читала хозяйка: «Благодарим тебя, Созереш, за урожай и молим на будущие годы даровать нам обильную жатву». Молитва эта произносилась с остановками, при которых окружающие идола делали движения вокруг него и произносили в один голос: «Аминь!».

Дополняет наше представление об этом старинном обряде Э.Спенсер (1830), который следующим образом описывает обряд в честь Созереша: «Его праздник отмечают жители в начале весны, когда его символ – высохшее грушевое дерево, украшают гирляндами цветов, как майское дерево. Огромный творог или сыр прикрепляют к верхушке; и несколько свечей, по числу приглашенных гостей, держат зажженными здесь и там, над деревом. В его честь приносят жертву животное и устраивают народную трапезу. Празднование продолжается три дня и завершается раздачей гостям сыра, который суеверие наделяет свойством излечивать многочисленные болезни. Каждая черкесская семья сохраняет одно из этих священных деревьев в своих домах... Есть удивительное сходство этого праздника с праздником св. Иоанна в Карпатских горах. Более того, обряжение дерева цветами, украшениями и свечами во время Рождества практикуется даже по сей день (написано в 1830 г.) всем населением Германии и других стран Северной Европы» (как здесь не вспомнить и нашу новогоднюю елку. – Авт.).

Весьма интересно и описание И. Хазрова (1846): «Этот день (Созереш, или «Сретение Господне») праздновался так. Накануне вечером в Дом молитв приходила новобрачная с зажженной свечей в руке, ею зажигала все свечи в доме и становилась у запертых дверей, у которых собирался народ. Старик с палкой, усаженной свечами, подходил к дому и говорил: «*Ай, Созереш, пчерухи тхачах*», т. е. «Созереш, отвори нам двери». Народ хором повторял. Когда девушка отворяла двери, старик входил в дом, зажигал на палке свечи и читал молитвы. Затем раскладывали костер и народ расходился по домам с зажженными свечами и каждый зажигал у дома свой костер».

ТХАГЕЛИДЖ (Тхагаледж, Тхаголедж, Тхагеледж, Тхьагьэлэдж, Тхьэгьэлэдж, Тхьэгьэлыгы, Тхагалегт, Тхьагьэлэдж) – божество изобилия, плодородия и земледелия. По Б.А. Калоеву, это «... чисто кабардинское аграрное божество, западным адыгам он почти неизвестен». Другие же исследователи, наоборот, утверждают, что это – «общеадыгское» божество, пришедшее на смену Созерису. Хорошо известен он, в частности, абадзехам. По верованиям адыгов, Тхагалидж – могучий старик-пахарь с белой до пояса бородой и с золотым посохом. Он сын предсказательницы Уорсар, брат Амышы и Мамыша.

Тхагалидж близок к верховному божеству Тхашхо; он дал нартам семена проса, научил их пахать и сеять, а также подарил нартам золотое дерево, на котором за один день созревает яблоко, наполовину белое, наполовину алое, помогающее от бесплодия. Большинство исследователей отмечают важнейшее место Тхагелиджа в пантеоне адыгских божеств. Так, по А.Т. Шартанову, он «связан с одним делом – приносить людям богатый урожай. Он величает честный труд, добытое потом крестьянина изобилие, богатство». О функциях Тхагелиджа свидетельствуют многочисленные данные этнографии и фольклора. В сказании «Ток Тхагелиджа» говорится, что «...урожай (зерно) отдан Богом в руки Тхагелиджа».

Следует отметить, что у адыгов «тхагелиджем» именуется не только обрядовая пища, но и продукты питания вообще. Говоря о кабардинцах, М.В. Кантария (1989) сообщал, что «старики клянутся именем Тхагелиджа и говорят, что любой урожай проса, пшеницы или кукурузы – это «тхагелидж». Пожилые бесленевцы сел. Кургоковское и Каноковское и сейчас называют пищу «тхагелиджем» и клянутся его именем. О том, почему адыги зовут хлеб или пищу вообще именем этого божества, сообщает сказание «Амышьэрэ»

Тхьагъэлэджэ». В нем рассказывается о том, что Тхагелидж когда-то искал зерно. В пути он встретил очень назойливого человека и вынужден был убить его. Тот перед смертью попросил Тхагелиджа понаблюдать за его могилой. Выполняя эту просьбу, Тхагелидж заметил три просяных колоска, выросшие на могиле. От них и пошло зерно, которым сейчас питаются люди. В память об этом божестве народ и назвал это зерно его именем.

У кабардинцев существует и такое поверье: на горе Ошхамахо (Эльбрус), на месте, где расположено большое озеро, во время всемирного потопа, когда все вокруг было покрыто льдом и водой, люди нашли краюху хлеба. Эту пищу принес людям Тхагелидж; они поделили ее между собой и тем спаслись от голодной смерти (Прослеживается несомненная аналогия с библейскими текстами: о всемирном потопе и о том, как Иисус Христос накормил семью маленькими хлебцами несколько тысяч верующих. – Авт.). Кабардинцы верят, что нельзя быть непочтительным к урожаю, надругаться над ним, сесть или стать ногами на мешок с зерном, иначе Тхагелидж разгневется. Ему посвящался особый ритуал, совершаемый перед началом пахоты: в поле выносили ритуальные пироги и обязательно рыбу. Рыба, как известно, связывается с изобилием и плодотворностью; она символизирует также победу над засухой, т.к. культ воды, как главного условия урожайности, тесно связан с культом плодородия.

И ныне еще первая здравница в Кабарде принадлежит Тхагелиджу, и первые колосья убранных урожаев, по древнему обычаю, откладываются на семена, как это научил нартов Тхагелидж. С именем этого божества связывались почти все земледельческие обряды адыгов. «Прокладывали первую борозду, – пишет А.Т. Шортанов, – просили Тхагелиджа о богатом урожае; первый раз приходили на ток – произносили хох в честь Тхагелиджа, чтобы намолотить побольше зерна; впервые приготавливали из нового урожая пасту – выделялась доля Тхагелиджа, которую с хохом клали в очаг».

Аграрные хохи, посвященные Тхагелиджу – покровителю плодородия, отражают не только пережитки древних магических и религиозных представлений адыгов, но и архаические черты стихосложения, восходящие к истокам формирования общеадыгского языка (Кумахов М.А., Кумахова З.Ю., 1985). Хорошим примером этого является приведенный ниже «Хох первой борозды» в честь Тхьагъэлэджа, в котором, несомненно, прослеживается аграрный характер этого божества:

Йа дэ дитхъэ, Тхьагъэлэдж,
Тельдыджэр зиГъуыжъ,
Йэдгъэжъа Гуэхуыр гъэбагъуэ!
Йыгуыгъуыр йахуэмыуатэу,
МатэшГэдзауэ дыпсэууэ,
Псапэр хэтШыкыу
Кышгыр дгъэгъуыфГэу,
ДигуыфГэгъуэ тГэкГуыр гъэбагъуэ!
Йа дитхъэ,
Вабдзэм йымахуэр шГэдгъэлъауэ,
Гъуысэм йымахуэр йытГлауэ,
Шыльгэм йыхуабэр хыхъауэ,
Бэвым йыкышГэм дытхъауэ,
Йа дэ дитхъэ, кышГэуык! !
О, наш бог, Тхагелидж, чудо творящий,
Да умножится начатое дело!
Чтобы несказанно богато
Мы жили в изобилии,
Милостыню из этого выделить сумели,
Чтобы мы кузню радовали,
Да умножится наше богатство!
О, наш бог,
Чтобы лемех был счастливым,
Чтобы первая борозда была счастливой,
Чтобы в землю вошло тепло,
Чтобы мы ступили на место изобилия,
О, наш бог, да будет так!

Именно к Тхагелиджу обращались кабардинцы перед началом пахоты:

Наш Тхагелидж, оу-оу,
Переднюю часть лемеха мы строгаем, оу-ра,
Лемех мы ставим на место, оу-оу,
Сеятелей нового урожая провожаем, оу-оу...
По тяжести – как рукав кольчуги, оу-ра,
Поле ломилось от колосьев, оу-оу,
Чтобы по краям дремлющие были, оу-ра,
Девять амбаров стояли в ряд, оу-оу.

Весьма примечательно, что много позже, в XIX в., с усилением позиций ислама, в тех же песнях, исполнявшихся перед выходом в поле, адыгские крестьяне обращались уже не к Тхагелиджу, а к магометанскому Аллаху (Йалэхъ):

О, Аллах!
 Небо и землю сотворивший,
 Ты сделай!
 Лемех, который сегодня мы вынесли,
 Во время пахоты – лемехом засушливости,
 После пахоты – лемехом дождливости,
 Ночами – дождливость обильной,
 Поле колосилось морем...
 Если козел набросится – чтоб не мог достать,
 Если ветер тряхнет – чтоб не осыпался,
 Старые арбы – чтоб не скрипели,
 Новые арбы – чтоб пели,
 Края токов – чтоб расширял,
 Крошки токов – чтоб вышибал,
 Девять амбаров, стоявших в ряд,
 Чтобы заполнил,
 С края стоящий – чтобы невесте принадлежал,
 Вместе чтоб ели и пили,
 Для трудящихся чтоб сделал,
 Мы просим...

В записи, относящейся ко второй половине XIX в., этот же хох выглядит следующим образом:

Йалэхь,
 Нобэ, вадзэр шьэтхьэжъа махуэм
 Уэгъуырлыр кьыдэгъаклуэ...
 О, Аллах,
 Сегодня, в день начала работы лемеха,
 Дай нам удачи... и т.д.

Могучий пахарь Тхагелидж собирает необыкновенно богатый урожай даже в засушливые годы, о чем говорится в сказании «Как работал Тхагелидж»:

Іэклуэцищэр зы пхыру,
 Пхырищэр зы Іэтэу,
 Іэтищэр зы гъэсэгъуу,
 Гъэсэгъуищэр зы шэджу,
 Шэдж щий тезгъэуващ. -
 Сто жмень в одном снопе,
 Сто снопов в одном стоге,
 Сто стогов в одном возе,
 Сто возов в одной скирде, –
 Восемьсот скирд убрал.

Столь же могучи его быки, которыми он пашет: «За ночь они съедали траву между Лабой и Кубанью. Утром они пили воду из Лабы, и она пересыхала; вечером пили из Кубани, и она пересыхала». Ежегодно после уборки хлебов (в некоторых местностях – в декабре) в честь Тхагелиджа устраивали большое празднество с молитвами и танцами. На этом празднике проводились массовые состязания всадников и пеших в беге, борьбе, стрельбе в цель. В нартском эпосе этому божеству посвящены следующие строки:

Нарты в Праздник Урожая
 Собрались на санопитье,
 Хасы чествуя открытье,
 Тхагелиджа прославляя,
 Бога плодородной пашни...

Остатки языческих верований в это божество сохранились до XIX в. Очевидцы описывали празднества в честь божества ежегодно после уборки хлебов. Принесение в жертву белой телки сопровождалось молитвами и танцами. Одним из наиболее известных мест для поклонения этому божеству до середины XIX в., был Джемпловский лес. «И сегодня, – писал М.В. Кантария (1968), – во время провозглашения первого тоста в Кабарде всегда упоминается Тхагалидж. По верованиям кабардинцев, новый урожай нельзя было употребить до устройства специального пиршества в его честь».

Адыгскому божеству плодородия Тхагелиджу соответствовали: осетинский Уацилла, балкарский и карачаевский Даулет (Дауге), а также богиня Тушоли у чеченцев и ингушей.

ДЖАДЖА (Джаджэ, Гяга). О родстве кровном и духовном абхазов и адыгов свидетельствуют некоторые общие языческие культы. Джаджа (Джаджэ, Гяга – «коренастая») – у абхазов и абазин богиня полеводства и огородничества. Имеет адыгское соответствие в образе Тхъагъэлыджа – покровителя плодородия и земледелия. Джаджа выступает в облике женщины низкого роста, плотного сложения. Представления о ней сложились, по-видимому, в те времена, когда полевыми работами занимались преимущественно женщины. Согласно поверьям, во время появления кукурузных початков богиня Джаджа ходит по полям. Если она недовольна хозяином поля, то предрекает ему мелкую кукурузу («с мизинец»), если же довольна им, – крупную («в локоть, пядь и пять пальцев»). В честь Джаджи два раза в год, в начале весны и после уборки

урожая на поле устраивались молебны. По поверью, эту богиню можно было «подкупить» и задобрить тыквой и просом. Не исключена возможность, что р.Гага названа в честь Джаджи (Гяги). По Л.И.Лаврову (1952), Джаджа – «у абхазцев злой дух урожая».

Наряду с перечисленными выше божествами, покровительницей земледелия у предков адыгов считалась также Мерием.

1.2.1.4. Мерием (Мерисса): Мать Великого Бога, покровительница земледелия и пчеловодства

Мерием – в адыгской мифологии богиня земледелия. Считалась также покровительницей пчеловодства. Представления о Мэрэм сложились под влиянием образа христианской богородицы Марии (отсюда ее имя).

Р.Ж. Бетров (1991).

МЕРИЕМ. Еще одним божеством земледелия, а также покровительницей пчеловодства являлась у предков адыгов Мерием (Мереим, Мериса, Мерэм, Мэрэм, Мерам, Мариам). В своих молитвах своих адыги называли ее Матерью Великого Бога («*Мерием тгаихуо и янь*»). Звали ее и «*Мерием-Тга-Пиш*», что значит «Мария Бог-князь». Л. Люлье (1862) писал: «Нет сомненья, что она есть христианская Дева Мария, или Мария Богородица, как потому, что ее величают «Божьей Матерью; так и по созвучию имен Мария и Мерием». По Н. Дубровину (1871), в ее честь установлено было несколько праздников, в частности, – *Тгагрэных* – «Божия дочь», или «Господня дева», – пропостившись затем неделю, праздновали Марием и янь (или *Тгаихуо-янь*, что соответствовало нашему Успеневу дню).

По И. Хазрову, в этот день праздника Богородицы *Тгаихуо-янь* (у него с искажением: *Таихян*) всенародно пели следующую песню в честь Богородицы: «*Таихоян мириамихо, мириемнеф тиефжсян дыхрзынаш мазе зыпиах...*», что значит:

«Великого Бога мать, великая Мария,
облаченная в золото белое,
на челе имеет луну,
а вокруг себя солнце».

По Э. Спенсеру, «...этот праздник отмечают в течение трех дней, примерно в середине сентября, с пированием и весельем; при этом блюда и напитки, составляющие стол, делают исключительно из продуктов пчел».

В некоторых адыгских обрядовых песнях к Мэрэм обращаются в засуху с просьбой о дожде:

О, мать Великого Бога, Великая Мэрэм,
Дай нам богатый урожай,
Пошли нам обильный дождь...
Избавь нас от этой болезни,
Приумножай наши стада,
Отведи от нас голод.
Ты слышишь, Великая Мерам,
Мать Великого Бога, мы просим,
О, наша богиня, Аминь!

Интересно, что здесь богиня Мэрэм одновременно выполняет функции и других традиционных покровителей – и дождя, и болезни, и земледелия, и скотоводства. Насколько «живучим» оказался этот языческий праздник, на который «наложились» христианские верования, можно судить по следующему факту. Как свидетельствует Д. Белл, 6 ноября 1838 г. «45 аулов долины Пшада отмечали 4-х дневный праздник Богородицы девы Марии (Мэрэм), исполняя гимн в ее честь». Несколько позже, в середине XIX в. Л. Люлье отмечал, что у горцев существует еще обычай прыгать через огонь, как у русских на Ивана Купала. Прыгающие через огонь просят Мерием – Деву Марию о прощении грехов, и после этого считают себя уже очищенными от них.

МЕРИССА. Примечательно, – отмечает Р.Ж. Бетров (1991), – что в адыгской мифологии покровительницей пчеловодства считалась Мерисса (имя, восходящее скорее всего, тоже к Мэрэм-Мерем). На этот культ обратил внимание француз Тебу де Мариньи, побывавший в начале XIX в. у шапсугов и натухайцев: «Мерисса, или Мереим, называемая Божьей матерью, является покровительницей пчел. Черкесы утверждают, что удар грома однажды уничтожил всех пчел, кроме одной, которую спасла в своем рукаве святая, и которая затем воспроизвела весь их род. Праздник в ее честь справляется в сентябре, в этот день все угощают друг друга блюдами и напитками, сделанными из меда. Нет ничего необычного в том, что в стране, где мед является одним из основных продуктов питания, насекомому, которое его производит, дали покровительницу...».

Еще древние греки считали пчел нимфами – нимфа Мелисса почиталась родоначальницей пчел. С точки зрения А.Т. Шортанова, не приходится сомневаться в том, что адыгская Мерисса (по транскрипции Дюбуа де Монпере) и производные от нее – Мерием или Марем – явно греческого происхождения (Бетров Р.Ж., 1991).

1.2.1.5. Тлепш: «Великий бог железа и огня, покровитель кузнецов»

Клянусь небом: с Тлепшем любой кузнечить мастер!

Адыгская пословица.

Тлепш – великий бог железа и огня, покровитель кузнецов... Ему приписывается изобретение клещей, молота, наковальни; он делает первый серп, меч, стрелы и кольчугу. В пантеоне адыгских богов он следует за Тхагаледжем.

Л.Я. Люлье (1862).

ТЛЕПШ (Тлепс, Тлебсе, Тляпш, Лъэпшъ) – великий языческий бог железа и огня, покровитель демиургов (греч. *demiurgos* – «верховное божество»), легендарный кузнец; отец Дзахуша и дочери, ставшей женой Саусырыко; у абхазов ему соответствует Шъашэн (Шаша, Шашва), у осетин – Курдалагон, у балкарцев и карачаевцев – Дебет (Дебеч). Обладал способностью магически исцелять больных и раненых. В пантеоне адыгских богов он следует за Тхагаледжем (Тернавский Н.А., 2006).

Тлепшу приписывается изобретение клещей, молота, наковальни; он делает первый серп, меч, стрелы и кольчугу. Интересна легендарная версия появления серпа у адыгов. Как следует из нартских сказаний, чтобы придумать серп, Тлепшу необходимо было металл «загнуть», как перо на хвосте петуха, чтобы при жатве захватывать больше стеблей. Чтобы лучше срезать, мелкие зубцы должны быть, «словно зубья змеиные» («Серп Тлепша»). Чтобы уберечь руки Тлепша, которыми он «раскаленное железо придерживал рукой», сообразительная невестка придумала инструмент и нашла способ сообщить свекру, с которым, по обычаю, она не могла разговаривать: «В лесу убила она двух змей, сложила их крест-накрест, сбила гвоздем и сложила у порога кузницы. Тлепш увидел замысловатый знак... и тут же, говорят, он выковал первые железные клещи» («Клещи Тлепша») (Хурыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

В другой старинной адыгской легенде «Лъэпшъ апэ дэдэ гъупчъэ зэрэрагъэшъыгъэр» – «Как Тлепш впервые серп сделал» об изобретении серпа говорится следующим образом: Божественный кузнец не знал, какую форму придать этому орудью труда. Тогда Исп-гуашэ так высказалась:

АткъакIэм фэдэу къэбгъэщышт,
Блэщырыцэм фэдэу бгъэпсыжышт –
Надо загнуть так,
Чтобы на хвост петуха был похож,
На змееныша зуб похожим сделать.

По М.А. Меретукову (1965), существует несколько иная версия этой адыгской легенды о происхождении серпа, в которой главная роль принадлежит не Исп-гуашэ, а матери Тхагелиджа – Уорсар. По легенде, нарти вырастили богатый урожай проса, но не могли убрать его руками. Тогда они обратились к Тлепшу с просьбой изготовить орудия для уборки проса. Однако бог не мог придумать таких орудий и вынужден был обратиться сначала к Верховному богу, затем к Тхагелиджу – божеству плодородия и затем к Амышу – владельце стада, чтобы они научили его. Но боги не знали, как помочь Тлепшу. Тогда нарти пригласили на «хасэ» (совет) мать Тхагелиджа, мудрую Уорсар, которая и посоветовала Тлепшу, как сделать серп:

Глупые, нужно согнуть его,
Вроде хвоста петушиного,
А изнутри зазубрить его,
Как гребешок петушка.
И останется безделица:
Надо к зубасто-горбтому
Ручку приладить из чурочки, –
Вот и получится серп!

Более полная версия этого нартского предания приводится в работе Д.Я. Нанкуева (2002): «Посеяли нарти просо и, когда пришло время собирать урожай, крепко задумались. Чем собирать просо? Думали долго, но ничего не придумали. Созвали хасэ и попросили явиться на большой совет кузнеца Тлепша. С раннего утра идут споры на хасе. Старики говорят степенно, каждый свое предлагает, а те, кто помоложе, кричат и шумят без толку. Но вот один из них вспомнил, что живет в далеком селении старая Уорсар, самая мудрая старуха из всех. Послали за ней гонцов.

Уорсар грелась на солнышке, разбирая свои домашние тряпки. Когда прибежали к ней посланцы от имени хасэ и стали ее приглашать, старушонка стала упрямиться, в глаза не смотрит, бурчит негромко: «Не пойду, недосуг мне». И только хотели было юноши назад ни с чем возвращаться, да вовремя догадались: быстро сколотили из длинных шестов носилки, бережно положили на них старуху и понесли с почетом на хасэ. Пришли на место, опустили Уорсар на землю, а она упала, не устояв на ногах. Поднялась и говорит, что в танец пустилась, взбираясь на хасэ, потом упала. Рассмешила она молодых нарттов своей не очень умной хитростью, стали они хохотать, а старушонка обиделась. Насупилась и пошла, спотыкаясь, обратно в селение. Пожурили старики молодых за дерзкий смех и стали просить Уорсар, но она не слушает никого,

уходит прочь. Огорчились нарты, а Тлепш стал их утешать, уверяя, что тайну свою старуха все равно выболтает по дороге – только нужно не лениться, а вслед за ней по пятам идти потихоньку и слушать.

Трое самых резвых, самых осторожных юношей бросились вслед за обидчивой старухой, догнали ее и крадутся, не дыша, вслед за ней. А Уорсар рассержена не на шутку – ворчит без конца и недогадливых нартов поносит: – «Не умнее они детей малых. Глупые, давно на свете живут, а того не знают, что кусок железа согнуть, да наточить, да зазубрить внутри, как гребень у кочета, ручку из сучка чинары приделать – и будет серп острый, зубастый, которым просо убирать надо». Услышали эти слова юноши и бегом возвратились на хасэ, передав все, что запомнили, Тлепшу. И крикнул радостный Тлепш, благодарный старухе за мудрость:

– Догоните Уорсар и опять с уважением отнесите в родное селение. Посадите на теплое солнце и пусть еще долгие-долгие годы согревают оно ее старые кости. А я сделаю все по ее совету и скую у себя в пещере для нартов блестящий серп. Отправился Тлепш в свою кузню и стал молотом бить по железу. Расплексал полосу, потом согнул, как перо из хвоста у кочета. Нарубил изнутри зазубрин, ручку пристроил из струганной палки и вынес новехонький серп в подарок нартам. Этим серпом и сажали они все просо. То был первый на свете серп» (Кузьмин В., 1962; Нанкуев Д.Я., 2002).

Обращает на себя внимание тот факт, что подобная же «петушиная» тематика применительно к конструкции серпа, прослеживается в фольклоре и других северокавказских народов, в частности, у чеченцев. Так, в одной народной легенде, записанной Б.А.Калоевым (1981) от 90-летнего Абу-Бакара Баканиева (с. Гехи) говорится о том, как однажды ежик пришел к чеченцам и спросил их: «Чего у вас нет?» – «У нас нет серпа!» – ответили они. «Возьмите петушиный хвост, и он будет служить вам серпом!» – посоветовал ежик...

Интересно отметить, что кузнец Тлепш, наряду со своими, так сказать, непосредственными «профессиональными обязанностями», занимался и лечением людей, обладая волшебными способностями исцелять раны и костные переломы, о чем сообщал еще Хан-Гирей: «...И поныне (написано в 1837 г.) при содержании раненого поют песнь, в которой молят Тлепша о выздоровлении больного». При этом в кунацкой, где обычно лежали такого рода больные, подвешивался лемех, по которому каждый проходящий ударял три раза молоточком. До настоящего времени сохранилось в памяти людей созданная далекими предками адыгов «Песня при лечении раны», которая имела непосредственное отношение к этому элементу чапша:

*Уатэ, уэтэжъыеу, уэтэжъые псынкла!
Уэ Лъэпшъэуэ зиуатэмэ уатэр егъэпсынкла!
Уэ Лъэпшъэуэ зиуатэмэ псынклау егъэхъужьа!*

Молот, молоточек, молоточек быстрый!
Тлепш, владелец молота быстро молотом стучит.
Тлепш, владелец молота, быстро исцеляет!...

Как пишет З.М. Налоев (2009), «...эта песня была призвана воздействовать на божество, своим предреканием настраивая его на нужное для раненого действие. Очевидно, и слово «быстрый», «быстро», трижды повторенное в песне, тоже имеет закликательную силу. Иногда магия предрекания может заменяться прямым заклятием («Тлепш, молотом князей разящий, быстро исцели!»). При этом операция извлечения пули (или стрелы) из раны сопровождается другой специальной песней, славящей лекаря и магически содействующей его искусству.

У предков адыгов был специальный весенний праздник, посвященный богу железа. В этот день приносили жертву Тлепшу, обливая вином железные предметы – лемех плуга и топор. Как сообщает Л. Люльс, «... он весьма уважаем в народе, так что имя произносится и теперь (написано в 1862 г.) вроде клятвы или божбы». И сейчас известна адыгская поговорка: «Клянусь небом: с Тлепшем любой кузнечить мастер!». По своим «функциям» Тлепш близок античным богам Вулкану или Гефесту. По Ш. Ногмову, этим именем (Тляпш) адыги называли библейского царя Давида. Как отмечает Н. Дубровин, «по преданию, Тлепс похоронен в лесу Гучипце-Говаших; до сих пор (1871 г.) черкесы показывают могилу его, усыпанную кругом железными опилками».

1.2.1.6. Ахын, Емиш, Пшишан: покровители крупного и мелкого рогатого скота

*И пошли коровы прямо на дорогу к Вефсамису;
одною дорогою шли, шли и мычали, но не уклонялись
ни направо, ни налево...*

Библия. 1-я книга Царств (6; 12-14).

До настоящего времени у адыгов сохранилось выражение: «Мы емыщыр согъэпц (согъэпэж)» – «Клянусь этим Емишем», указывая при этом на овцу или другой домашний скот.

Шота Ногмов (1893).

АХЫН (Ахин; у абхазов – Айтар) – у адыгов божество скотоводства, покровитель крупного рогатого скота (по некоторым данным – это имя «местного» божества шапсугского рода Хейшхо). Как Ахин у адыгов, так и Айтар у абхазов в равной степени свидетельствуют о немалой роли скотоводства в хозяйстве горцев (Тернавский Н.А., 2006). По мнению Н.И. Сообцоковой (2010. С. 291), наряду с божеством крупного рогатого скота, «...Ахын был и морским божеством, покровительствующим приморским жителям, мореходам и воинам».

По мифологическим представлениям кабардинцев и черкесов, Ахын – очень уродливый человек, могучего телосложения, храбрый; имеет длинное копье, которым убивает диких зверей. Согласно шапсугской легенде, Ахын – могучий и богатый скотовод, с помощью посоха длиной в 100 сажень перепрыгивает с горы на гору через долину р. Туапсе. Когда тесть подпилит его посох, Ахын упал в р. Шахе и утонул; после этого исчезли его многочисленные стада.

Богу Ахину обычно приносили в жертву белую корову. Предание гласит, что бог Ахын сам намечал для себя жертвенное животное. В известное время корова сообщала жителям аула своим особым мычанием о том, что настало ей время идти в жертву Ахину. Тогда аульчане собирались в хлеве с молитвами, обмывали ее молоком и выпускали ее за ограду. Священная корова всегда шла одна, необыкновенно легко и быстро, а все жители аула следовали за ней. Корова шла прямо, не обходя ни обрывов, ни быстрых рек, которые она перепрыгивала. Так, не отдыхая, она шла до верховья р. Шахе, к священной роще *ТхъачIэгъ мэз*. Там она спокойно ложилась под тень святых деревьев и терпеливо дожидалась своего конца – принесения ее в жертву. Как здесь не вспомнить библейское (1-я Книга Царств, 6; 12-14): «И пошли коровы прямо на дорогу к Вефсамису; одною дорогою шли, шли и мычали, но не уклонялись ни направо, ни налево; владельцы же филистимские следовали за ними. Колесница пришла на поле Иисуса и остановилась там; коров принесли во всесоужение Господу».

Характерно, что на месте закалывания животного с него не снимали кожу, а там, где ее снимали – не варили мяса; а где его варили, – там не ели, а совершали все это, поочередно переходя с одного места на другое. Возможно, что в этих особенностях жертвенного ритуала проявлялись черты древнего кочевого быта скотоводов. Впоследствии они приобрели характер религиозного обряда, сопровождавшегося пением специальных молитвенных песен.

В бытность христианства, этот языческий обряд несколько видоизменился: «Первосвященник с буркой на плечах и посохом в руке стоял с непокрытой головой перед крестом и многочисленными круглыми столиками с мясом. И над каждым столом, прежде чем тот был поставлен перед сидящими людьми, он произносил свое благословение» (Сообцокова, 2010. С. 291).

Как писал Л. Люлье (1862), у черкесов существует фамилия Тгахуахо, в переводе «пастух Божий». С этой фамилией состоят в родстве следующие: Екуас, Синепе, Горказ и Харуп. Представители фамилии Тгахуахо в известное время приводят в заповедную рощу корову и закалывают там; она так и называется «Ахинова корова» (*Ахин и Чеме тлерекуо*). Объясняя последний термин, Л.Я. Люлье (1862) пишет: «Есть между горцами поверие, что в старину, когда приближался праздник Ахина, одна из коров стада семейства Тгахуахо своим ревом и другими приметами указывала, что она назначена в жертву, и сама отправлялась в заповедную рощу, отчего и прозывается *тлерекуо*, т. е. «ходячее».

Такие жертвоприношения совершались у прибрежных горцев до середины XIX в. По верованию черкесов, ноги Ахина имеют раздвоенные копыта. Ясно, – писал Л. Люлье (1862), – что Ахин есть Пан древних греков. С этим же божеством связан у черкесов культ козла с обрядовым бросанием отрезанной детородной части животного на стену жилища.

ЕМИШ (Емишь, Иемише, Эмиш, Амышъ) – бог-покровитель мелкого рогатого скота («бог овец»). Брат Тхагалиджа и Мамыша. В нартском эпосе он в числе других божеств посещает ежегодно совет богов, устраиваемый богом Псатха на вершине Ошхамахо (Эльбрус). Емиш ловит и приручает диких зверей, владеет бесчисленными стадами овец. Гибнет от рук красавицы Ахумиды, которая заперла его в сундуке и умертвила. С культом Емиша у адыгов были связаны: обычай хоронить покойника с овцой, ряд праздников с молитвами об увеличении поголовья овец. Емиш празднуют в день впуска баранов в стадо. До настоящего времени у адыгов сохранилось выражение: «*Мы емыщыр согъэпцI (согъэпэж)*» – «Клянусь этим Емишем», указывая при этом на овцу или другой домашний скот.

ПШИШАН (Пшишане, Пшишак), наряду с Ахином и Амышем – покровитель коров. Впрочем, у различных адыгских племен его почитали как покровителя и коров, и овец и коз, и буйволов, и лошадей.

1.2.1.7. Ханцегуаш: «Лопата-княгиня», покровительница дождя

Есть ли между суетными богами языческими производящие дождь? Может ли небо само собою подавать ливень?

Книга пророка Иеремии (14; 22).

Хъэцэгъуашъ – в некоторых адыгских племенах так называли и божество – покровителя дождя, и сам обряд вызывания дождя (ханце – «деревянная лопата», гуаша – «госпожа, княгиня»; вместе – «лопата-княгиня»).

Ш. Ногмов (1893).

ХАНЦЕГУАШ (Хъанцэгъуашъ, Хъэнцэгъуашъэ, Ханцегуаша, Ханцегуаше) – в некоторых адыгских племенах так называли и божество – покровителя дождя, и сам обряд вызывания дождя (в Кабарде *ханце* – «деревянная лопата», *гуаша* – «госпожа, княгиня», что вместе означает: «лопата-княгиня»).

Деревянную лопату, имевшую на ручке горизонтальную палку, наряжали в женское платье. Затем две молодые женщины, обязательно босые, брали ее под руки и в сопровождении женщин и девушек обходили

все дворы с песней: «Боже, во имя твое мы ведем Ханцегуаша, пошли нам дождь». Хозяйка дома обливала куклу водой и дарила им деньги и продукты для пира, который делался после окончания церемонии. У черноморских шапсугов этот ритуал совершали подобно абхазам: куклу несли на речку и бросали в воду, то есть производили купание куклы. Затем шапсуги выбрасывали остов куклы, а кабардинцы, наоборот, оставляли его, сажали куклу в центре аула и вокруг нее устраивали танцы до темноты.

Древнеадыгская начальная формула песни вызова дождя сохранялась без изменений во всех адыгских диалектах. Так, у адыгов (шапсугов):

Ханцегуаш мы водим,
Дождь идет!

В Кабарде и Черкесии добавляется обращение «Бог», навеянное христианством:

Ханцегуашу мы везем,
О наш Бог, пошли нам обильный дождь!

Интересно, что с внедрением ислама слово «Бог» трансформируется в «Аллах»:

Ханцегуашу мы водим,
О, Аллах, пошли нам обильный дождь!

Вместе с обрядом Ханцегуаша, адыги устраивали в тот же день – в пятницу обряд проволакивания шкуры жертвенного животного. В обряде участвовали только одни мужчины. После молитвы о ниспослании дождя закалывали жертву (вола и барана, обязательно черного). Мулла с молитвой, – подчеркивал Т. Кашежев, – смачивает водой морду, ноги и спину животному, которого сразу же режут, а мясо раздают присутствующим. Затем снятую кожу после молитвы проволакивали по селу. Кроме отмеченных, были и другие обряды вызывания дождя. Так, у черноморских шапсугов во время засухи брали в бутылку воду из горного озера Хаджи на перевале Хыко, бутылку относили к морю и опускали в воду. Кроме того, у адыгов при засухе обрызгивали водой амбары для хранения кукурузы. Считалось также, что для вызывания дождя надо разорить гнездо вороны и т.д.

Адыгский обряд вызывания дождя «ханцегуаша» имел свои аналоги и у других северокавказских народов («земире» у кумыков, «гиргичу» у лакцев, «муста гулурга» у ингушей, «каришули» у чеченцев).

1.2.1.8. Кодес (Кордес): божество моря и рек, покровитель рыбаков

Горцы представляют себе бога Кодес (Коди) в виде рыбы и приписывают ему силу, удерживающую море в пределах берегов. Очевидно, это греческий Нептун...

Л.Я. Люлье (1857).

КОДЕС (Къодэс, Кодеш, Кадош, Коди, Кодош, Кордий, Кордеш, Кордес) – адыгский языческий бог моря и рек, покровитель рыбаков. Жан де Лука (Дж. Лукка), посетивший Черкесию около 1629-1637 г., рассказывает о *кудоиши* – священных местах, в которых можно было видеть множество бараньих голов, оставшихся от жертвоприношений. К. Главани (1724 г.) сообщает, что название *кадош* прилагалось черкесами к пораженным молнией, и считает *Кадош* именем божества. Пейсонель (XVIII в.) писал, что название *кудоиш* дается черкесами и абхазцами священным деревьям, и производил это слово от еврейского *кадош* – «святой». (Ворошилов В.И., 2007). В свою очередь, Л.Я. Люлье в середине XIX в. писал, что «горцы представляют себе бога Кодес (Коди) в виде рыбы и приписывают ему силу, удерживающую море в пределах берегов. Очевидно, это греческий Нептун...».

Вместе с тем, есть основания предполагать, что Кордес – не бог, а богиня вод (моря, рек), а также покровительница деторождения. Как отмечают авторы справочника «Мифы народов мира» (Т. 1. 1987), в абхазский пантеон первоначально входило божество восхода и захода солнца Хайт, связанное с миром живых и миром мертвых. Женское соответствие Хайта – Кодош, культ которой был распространен в прибрежной полосе Абхазии и у некоторых соседних адыгских племен (например, у шапсугов), выражался в почитании посвященных ей рощ и отдельных деревьев. Перед отправлением на рыбную ловлю молились богине Кордес, прося у нее богатого улова. По Х. Серебрякову, у черкесов был зимний праздник, называвшийся Кордесах (т. е. *Кордэцхъ*), что значит «подношение Кордесу». В этот день жители берут из моря воду и опрыскивают друг друга.

1.2.1.9. Зейгутх, Аушэдж: покровители наездников

После каждого удачного набега черкесы отделяли лучшую часть добычи в пользу Зейгутха и, отнеся ее в священную рощу, вешали на деревья.

Н.Ф. Дубровин (1871).

Мы не из пугливых, – в этом наш поручитель Аушэдж-кан (Ай-ей тыкъэмыцтэн гуцэкIэ, аушэдджы къаны гуцэри тишэсыри).

Из адыгского фольклора

ЗЕЙГУТХ (Зейкотх, Зейгут, Зекуатха, Зекотх, Зейкутх, ЗекIуатхэ, ЗэкIотхэ) – бог войны, покровитель путешественников и наездников (как пишет С. Сиюхов, «черкесский Марс»). Судя по всему, – от адыг-

ского *зек/уэ* – «поход» и *тхъэ* «бог». По представлениям причерноморских шапсугов, он все время куда-нибудь едет. Его призывают на помощь перед набегами и дальними наездами. В его честь перед выступлением в поход произносили торжественные хохи. Всадник, прикинув к гриве коня, исполнял песню наездников. Грива коня считалась священной для всадника, считалось также, что она приносит удачу в битве и оберегает всадника. К имени божества наездников обращались и во время первой посадки ребенка на коня, – обычно это происходило в возрасте 3-7 лет (Сообцокова Н.И., 2010. С. 224).

Как сообщает Н.Ф. Дубровин, «...после каждого удачного набега черкесы отделяли лучшую часть добычи в пользу Зейгутха и, отнеся ее в священную рошу, вешали на деревья. Многие леса наполнены и до сих пор (написано в 1871 г. – **Авт.**) множеством приношений, состоящих из старого оружия и металлических вещей».

АУЩЭДЖ, как и Зейгутх, – у адыгов божество-покровитель наездников (от него, очевидно, название р. Аушед). В нартском эпосе абхазов и абазин это божество называется Аеышьашьян, где *аеы* – «конь».

Предки адыгов высоко ценили Аушеджа, о чем свидетельствует народный фольклор: «*Ай-ей тыкъэмыщтэн гуцэк/э, аушэджы къаны гуцэри тишэсыри*. – Мы не из пугливых, – в этом наш поручитель Аушедж-кан». Близок к нартскому эпосу и древнегреческий миф об амазонках, растерзанных конями по воле Ахилла. С культом «Фракийского всадника» перекликается и культ «Конного бога» на Боспоре – адыгского Аушэдж.

Многие авторы отмечают при этом, что культ бога-всадника, издревле широко распространенный во Фракии, проник оттуда в Крым и через Боспорское царство – к предкам адыгов. Поражает обилие изображений лошади на боспорских монетах: пасущаяся лошадь, голова лошади, изображение Пегаса, передняя часть галопирующей лошади и т.д.

Более того, одно из древнейших названий р. Кубани – Гипанис – восходит к древнегреческому *γυνή*, *ιππος* – «лошадь», и не случайно большинство комментаторов переводят Гипанис как «Конская (Лошадина) река». Следует отметить, что уже в источниках по культу древних абхазов, в нартском эпосе и материалах античных авторов прослеживается обожествление этого животного (например, абхазское божество Аеышьашьян, покровительствующее коневодству, культ «Фракийского всадника» на Боспоре, «Ахилловы ристалища» в Ольвии, племена агриппеев и каллиппидов, названия которых также восходят к греческому слову *ιππ* – «конь»). Проведенные исследования дают основания считать, что аналогичные топонимы сохранились в ряде районов Причерноморья и Приазовья почти до наших дней (например, Гиппийские горы в «Античной географии VII в.», племя киппики в источниках XV в., область Гиппик на картах XVI-XVII вв., реки Конка и Черный Жеребец на картах Украины XIX в.). Интересно отметить, что в античные времена в низовьях Кубани существовал и одноименный город – Гипанис (Галкин Г.А., Коровин В.И., 1979; 1980).

1.2.1.10. Сосруко (Саусрок): нарт, причисленный к «лику святых»

Во времена язычества черкесы кроме божеств имели и святых нарттов. Из них Саусрок был более всех чтим: в известную зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостинный дом лучшую пищу и питье для Саусрока.

Султан Хан-Гирей (1846).

Адыги чтут героя-нарта Сосруко (он же Сасырку у абхазов, Сосрук у балкарцев, Сослан у осетин, Сосурка у карачаевцев, Сеска-Солса у чеченцев).

«Мифы народов мира» (Т.2. 1992).

Причислены к «лику святых» у адыгов и некоторые из нарттов – народных героев. «Во времена язычества, – писал Султан Хан-Гирей, черкесы кроме божеств имели и святых нарттов. Из них Сосруко (Саусрок) был более всех чтим: в известную зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостинный дом лучшую пищу и питье для Саусрока. Разумеется, Саусрока не бывало, но случайно заехавший гость заменял его, и пирующее семейство, почитая приезд гостя за хорошее предзнаменование, с радостью угощало его. Таким образом и само суеверие способствовало черкесам быть хлебосольными. Безопасность гостя утверждена родовыми правилами, обратившими особу гостя в некую святыню».

Другие источники дополняют эту информацию. Они сообщают, что в образе Сосруко проявляются черты солярного божества: верх его шапки – солнце, он – обладатель сверкающего как солнце талисмана. У Сосруко прослеживаются также некоторые функции верховного божества, свойственные богу солнца. Род Кардановых (Кабарда) считает Сосруко своим предком (при упоминании имени героя в знак почитания его все встают). С именем этого героя адыги связывали смену времен года. Рвется из подземного царства нарт Сосруко, похороненный заживо; каждой весной раздаются его стоны. В день ухода Сосруко в подземный мир просыпается природа, земля освобождается ото льда, проявляются ручьи – слезы Сосруко.

Нельзя не отметить, что здесь прослеживаются явные аналогии с древним вавилонским мифом о богине любви Иштар и прекрасном Таммузе – умирающем и каждую весну воскрешающем боге. В хеттской и хаттской мифологии (II тысячелетие до н. э.) известен Телепинус – также умирающий и весной воскрешающий

бог. Несомненный интерес представляет тот факт, что у хурритов (одни из древнейших предков нахско-дагестанских народов), с которыми хатты Малой Азии смешивались и имели тесные связи, существовал миф о рождении героя из скалы, подобно тому как из камня родился нарт Сосруко. В другом тексте из Хеттского царства содержится рассказ о том, как колесо отрезало ноги герою. Как здесь не вспомнить того же Сосруко, гибель которого тоже была связана со стальным колесом «Жан-шерхъ», лишившим его ног («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 86-89). Позже этот сюжет восприняли древние греки в своем мифе об Адонисе и Афродите. После смерти Адониса Зевс пожалел Афродиту и сделал так, чтобы Адонис полгода оставался в царстве теней, а полгода жил на земле со своей любимой. Вся природа пробуждалась после зимней спячки и ликовала, когда возвращался на землю к живительным солнечным лучам прекрасный Адонис... (Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., 2001).

1.2.2. «Другие боги вытеснили прежних...»

Может ли человек сделать себе богов, которые, впрочем, не боги?

Книга пророка Иеремии (16; 20).

*Как волны, протекли за веком век...
Другие боги вытеснили прежних...*

Э. Межелайтес

Наряду с «главнейшими» божествами, у предков адыгов были и, так сказать, «второстепенные» божества и покровители, – как относящиеся к языческому религиозному культу, так и, частично, – взятые из нартского эпоса и причисленные к «лику святых» (например, тот же Сосруко).

Абрскил – герой абхазского и абазинского эпоса. Родившись чудесным образом от непорочной девы, он стал защитником своего народа. Абрскил уничтожал препятствующие земледелию папоротники, колючие кустарники, дикую виноградную лозу. Вступил в состязание с верховным богом Анцва. Положив в кожаные мешки огромные валуны, он поднимался на своем крылатом коне в небо. Сбрасывая оттуда эти валуны на землю, он производил шум, подобный небесному грому, а рассекая саблей облака, извлекал молнию.

Адиух. В нартских сказаниях адыгов говорится, что дом красавицы Адиух («белолокотной») стоял на крутом берегу реки, через которую был протянут полотняный мост. Когда ее муж возвращался из похода темной ночью, она протягивала из окна свои светлые руки, освещая ими, словно солнцем, мост. После смерти мужа она вышла замуж за Сосруко, также наделенного солнечными атрибутами. Светящиеся руки Адиух позволяют видеть в ней отражение древнейшего мифа о богине утра, розовые пальцы которой озаряют край утреннего неба (соответствует Авроре в римской мифологии и Эос – в древнегреческой).

Ажьбахара – божество домашнего очага и плодородия у предков абхазов и абазин.

Аймыс (Аймым). По Ш. Ногмову, так предки адыгов называли христианского пророка Моисея.

Айтар. В абхазской и абазинской мифологии божество плодородия, обновления природы, а также покровитель домашнего скота. Согласно поверьям, он многолик, представляет собой семидольное божество (так, молитвенное обращение к нему: «О, Айтар, семь-Айтар, которому подчинены семь божественных сил, составляющих твои доли!»). Одна из его долей – божество урожая Анапа-Нага.

Анаит – древнеармянская богиня воды, плодородия и материнства. Элементы поклонения этому божеству впоследствии вошли в культ христианской Марии Богородицы, которой поклонялись черкесо-гаи, проживавшие в Армавире и других армянских селениях в Черкесии.

Анана-Гунда (анан, анана – «мать»), в абхазской и абазинской мифологии богиня плодородия, охоты и пчеловодства. По поверьям, выступает иногда в облике пчелиной матки; пребывает в местах, где во множестве водятся пчелы.

Анапа-Нага («Мать, приносящая просо»), в абхазской и абазинской мифологии божество урожая, одна из семи долей Айтара. Согласно поверьям, это божество мужского пола; однако, судя по имени, первоначально имело женский облик.

Афы (Аф) – у абхазов и абазин повелитель грома и молнии, насылающий на Землю дождь. Одновременно, по Л.И.Лаврову (1952) – божество урожая.

Ахумида – у адыгов дочь нарта Емизага, красавица. Она умертвила бога Амышы, его мясо выставила напоказ для испытания женихов: кто угадает, чье это мясо, за того она выйдет замуж.

Ашамез – герой адыгского нартского эпоса, певец и музыкант, обладатель чудесной золотой свирели. Игра Ашамеза очаровывает и пробуждает природу от зимней спячки. Это и помогло ему добиться руки красавицы Акуанды (в другом написании: Ахумиды). Образу адыгского Ашамеза соответствует осетинский Ацамаз и абхазский Кетуан.

Батраз – герой адыгского нартского эпоса, сын Химиша, родился из его спины, выскочив оттуда раскаленный, как огонь. Живя большей частью на небе, Батраз по зову нартов молнией спускается на землю и совершает подвиги. Батразу близки осетинский Батрадз, абхазский Цвицв, чечено-ингушский Хамчий Патараз и др.

Бляго в адыгской мифологии – дракон, олицетворение злых сил природы (в более поздних мифах и пришельцев-завоевателей). В народных поверьях затмение солнца и луны объясняется тем, что их проглатывает бляго. Чтобы спугнуть бляго и освободить светило, стреляют из ружей.

Вако-Нана. В нартском эпосе адыгов мудрая провидица. Она предсказала подвиги Батраза. Растила его в тайной пещере, готовя к отмщению за его убитого отца Химиша. По совету Вако-наны, Батраз приобрел верного коня, доспехи и в бою уничтожил убийцу своего отца.

Дебеч – в нартском эпосе адыгов Дебеч и Тлепш олицетворяют два поколения божественных кузнецов. Дебеч руками придает форму раскаленному металлу, а Тлепш изобретает клещи, молот и наковальню.

Джагупатха (от адыг. *жъэгъу* – «очаг» + *пэ* – «перед», *тхъэ* – «бог») – божество очага. С именем Джагупатхи связывались некоторые языческие обряды (приобщение невесты к очагу и др.).

Джедаль. В работе Ф.А.Щербины приводятся следующие сведения о Джедале: «...Черкесский из племени натухайцев Прометей назывался Джедаль и был прикован к скале Кавказа на горе Кафидаг. Это, по объяснению Султана Крым-Гирея, сообщившего легенду о Джедале, был Эльбрус или Казбек. По мнению того же Крым-Гирея, натухайское сказание не было заимствовано у греков, но возникло на местной почве».

Дзахуш – герой нартского эпоса адыгов, сын бога Тлепша. В юности Дзахуш был храбрым нартом, но проводил все время в праздности.

Дзиуоу (Дзызлан) – в абхазской мифологии и у абазин – богиня вод, от которой зависит плодородие полей. Во время засухи юноши и девушки устраивали специальное шествие. На лошадь сажали куклу Дзиуоу. С песней вызывания дождя «Дзиуоу» они направлялись к реке и пускали куклу по течению, чтобы выпросить у божества дождь. Прослеживаются явные аналогии этого обряда с адыгским божеством Ханцегуаше.

Дух гор. По легендам адыгов, Дух гор, суровый старик одиноко жил на вершине высокой горы. Когда-то был правой рукой Тха (Верховного Бога), но потом поссорился с ним, – он требовал, чтобы Тха поделился с людьми своими познаниями. Тха сбросил его за это с неба. С тех пор Дух гор ненавидит владыку и не любит людей за то, что они не захотели получить знания и не помогали ему в борьбе с Тха. Если Дух гор спокоен, все вокруг цветет, и в лесах поют птицы, а если разгневадается, – горы затягивает туманом, земля трясется, в ущельях гремят потоки.

Еминеж – чудовище, олицетворение сил, враждебных нартам. Еминеж сочетает в себе черты бляго и Иныжа. Как и бляго, он хочет проглотить солнце; как и Иныж обладает необыкновенной физической силой. Похитил семена проса, подаренные нартам Тхагелиджем.

Зиусхан (Зиуысхан) – покровитель болезни (оспы) наряду с божеством Стау (Йэстау).

Инара. Как отмечает Р.Ж.Бетров, у хаттов, этнически связанных с предками адыгов, Инара была богиня-защитница, покровительница города Хаттусаса. Эта воинственная богиня была популярна в древней абхазо-адыгской среде. Например, и сейчас с именем Инары может быть связана в достаточной степени распространенная родовая фамилия Инароко (Инарокъуэ), т. е. *Инар* + *къуэ* – «Сын Инары».

Иныж – великан, получеловек-полуживотное с одной или многими головами. К числу героев, побеждающих Иныжа, относятся Куйцык и Хагур.

Испы – в нартском эпосе адыгов карликовое племя. Согласно мифам, испы обладали огромной физической силой, большим умом, отличались смелостью, мужеством, свободолобием. Вместо верховых лошадей у испов – зайцы, в качестве рабочих у них – иныжи. На девушке из племени испов женится нарт Химиш, от этого брака родился Бетраз. Монументальные каменные сооружения с маленькими входными отверстиями, встречающиеся в горах Кавказа и на Черноморском побережье, – дольмены – местные жители именуют «домами испов». Адыгским испам соответствуют абхазские ацаны и осетинские бцента.

Ма. В древнейших хеттских религиозных легендах большое место отводилось культу великой богини-матери, образ которой связан с представлениями о производительных силах природы. У хеттов такой великой богиней была мать Ма, которая нередко называлась аккадским именем Иштар (Здесь уместно напомнить, что Иштар – центральное женское божество в вавилоно-ассирийской мифологии XIX в. до н. э., богиня плодородия и одновременно – плотской любви). Установлено, что и древние меото-синдские племена поклонялись богине, в культе которой соединялось древнее поклонение Матери-земле. О том, что культ малоазийской богини Ма был широко распространен на территории Синдики, свидетельствуют археологические материалы. В связи с этим интересно предположение Р.Ж. Бетрова о происхождении этнонима «меоты». По его мнению, греческие авторы именовали предков адыгов, т. е. синдо-меотов, по названию их главного религиозного культа – богини Ма, или же «маиты». В этом убеждает и тот факт, что в некоторых надписях на территории Боспорского царства племена Северо-Западного Кавказа обозначены именем «маиты», а не «меоты».

Мамыш – в адыгском народном эпосе – родной брат Тхагалиджа, бога плодородия и земледелия, сын предсказательницы Уорсар.

Мезиль – человекообразный мифический персонаж с топоробразным выступом на груди. Обитает в лесах, пугает одиноких путников. Мезиль – позднейшая трансформация божества охоты Мезитхи.

Месте, по Ж. Мариньи, – один из немногих «второстепенных» святых или полубогов, которому посвящен особый день.

Мусса – у адыгов – библейский Моисей.

Наохаче, по Ж. Мариньи, – также «второстепенный» святой или полубог, которому посвящен особый день.

Насрен-Жаче. По адыгским сказаниям, нарт Насрен-Жаче восстает против владычества Тха. За это его приковывают к вершине Ошхамахо (Эльбруса), откуда в дальнейшем его освобождает нарт Батраз. Этот же сюжет встречается применительно и к натухайскому Прометею – Джедалю.

Оридада – в верованиях древних адыгов – бог дождя (по В.М. Аталикову от древнеадыгского *ор* – «вода» и *дада* – «дедушка, бог»). Во время обряда вызывания дождя адыги восклицали: «Оридада!».

Сатаней – героиня адыгского нартского эпоса, мать и воспитательница Сосруко и других нартов, их мудрая наставница и советчица. Встречаются упоминания о том, что она – из рода Алиджевых (варианты: Есоковых, Шаохужевых); мать ее – Лалуха-гуаша, а отец – Озрокатхо или Ордаш; она воспитана Кардановыми («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 414).

Саунау (Сауроу, Сыусана), согласно мифологических представлений абхазов и абазин – покровительница ручного помола зерна, богиня мукомолья. Упоминается в старинных трудовых мельничных песнях. Помол зерна на ручной мельнице был исключительно женским занятием; соответственно и покровительница этого ремесла представлялась существом женского пола.

Стау (Йэстау, Йыстэ, Йыстау, Естау) – наряду с Знусханом – покровитель болезни (оспы). Так, в шапсугской песне лечения оспы говорится: *«Йэстаузуи Стауытишьа, нэхьытишьа зымыда... Гьэпсыкла! Псыклагьуэ!»* – Естау-Стау владыка, выше себя владыки не признающий... Исцеление ускорь! Пошли облегчение!»

Схуска. По данным Ж. Мариньи, Схуска относится к «второстепенным» святым, он не бог, а полубог. Ему посвящен особый день.

Тгакофешу – «домашнее» божество. По Люлье, название его – «посланец Бога» – может соответствовать античному Меркурию. Праздник в его честь – Джегупе-таха, то есть «праздник очага».

Тгахалейк – «домашнее» божество, праздник в его честь назван *Джегупе-таха* («праздник очага»).

Телепинус (Телепину, Талипину), в хеттской и хаттской мифологии (II тысячелетие до н. э.) – бог плодородия, сын бога грозы Тару. Телепинус – главный персонаж цикла хеттских мифов об исчезающем и возвращающемся боге. С его уходом начинается засуха, на полях не растут злаки (Телепинус уносит с собой богиню зерна и полей Каит). Затем он возвращается, принося с собой плодородие. Мотивы культа этого божества сохранились у предков адыгов.

Тлохумиш и Шеберис – упоминаются во время молебствия, вслед за Созерисом. Как пишет Л. Люлье «... можно полагать, что это суть второстепенные божества свиты Созериса или прикладные имена его». В обрядах почитания этих божеств прослеживаются христианские «мотивы».

Тугузитха. Один из родов народа натухажского – «нетахо» почитает его своим заступником, ангелом-хранителем.

Тугуплоху. Один из родов натухайцев (шапсугов?) – «надхо» почитает его ангелом-хранителем, своим заступником.

Уазырмес – герой адыгского нартского эпоса. Сын нарта Пизгаша и красавицы Мигаеш – дочери морской богини. Уазырмес – брат и одновременно муж Сатаней, отец нарта Бадыноко. Выступает как предводитель нартов, но по своему значению уступает Насрен-Жаче. Уазырмес убивает бога зла Пако, настигнув его в небесном дворце («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 543).

Уашхо-кан – Бог неба у адыгов. Как отмечает Ш.Д. Инал-ипа, «...и у адыгов, и у абхазов есть общее полузабытое божество неба – Уашхо. Это же божество присутствует и в пантеоне протохеттов под тем же именем (Уа-шхав, Уашхау), означающим «боги, божества».

Уорсар – в адыгской мифологии – старуха-предсказательница, покровительница домашнего очага, мать Тхагалиджа, Амышы и Мамыша. В адыгских нартских сказаниях она помогает нартам. Но порой она недружелюбна к ним: так, сначала отказывается научить их изготовлению серпа.

Хакустах. Как пишет Л. Люлье, «Натухажцы и шапсуги почитают его своим ангелом-хранителем, а также покровителем волов пахотных. Один из родов народа шапсугского («кобле») почитает его своим заступником».

Хепегуаш (Хыгуашэ) – «Дева вод морских». Празднуется ежегодно летом, у берегов моря, где после молитвенных обрядов в заключение пляшут вкруговую. «Не Наяда ли это?» – спрашивает Л. Люлье.

Хыхуаш – у адыгов – богиня моря.

Хятегуаш (Хэтэгуашэ) у предков адыгов в период язычества – «дева-покровительница садов», по Н. Дубровину – вроде греческой Помоны. (В некоторых источниках Хэтэгуашэ – «дева – покровительница огородов»). Как утверждает Н. Тхагушев, наличие в адыгской мифологии культа Хэтэгуашэ является «косвенным свидетельством глубокой древности адыгейского плодоводства и огородничества».

Шашвы – у абхазов и абазинцев божество кузнечного мастерства, соответствующее адыгскому Тлепшу.

Шиберис, вместе с Тлохумиджем, упоминаются во время молебствия вслед за Созерисом. По Л. Люлье, это «второстепенные» божества из свиты Созериса.

Шхагуаше (Шьыхьэгуашэ) – покровительница (богиня) оленей, название р. Белой.

Шыргупс (Шергупс) – один из трех великих богов темиргоевцев, в число которых входят: Тхашхо, Мерем тхашху и Шыргупс (смысл утерян).

1.2.3. Языческие празднества и обряды

И пришли они к людям, которые чтут своих идолов...

Коран. Сура 7, 134 (138)

Помните, что вы, некогда язычники во плоти, что вы были в то время без Христа, не имели надежды и были безбожники в мире...

Библия. Послание к Ефесесянам (2; 11-12).

«**Абшетлабшетсут**» – «Храбрые воины» или «Мужественные сподвижники». В конце поста праздновали память св. Сергия и неделю эту называли «*Абшетлабшетсут*».

«**Баразгожие**» (*Бэрэджэжэей, Бираскезий, Параскеж, Перезкеси*) – «Малый пост» у адыгов.

«**Баразыгишхо**» (*Бираскейшуо, Перезкекуаше, Парашмишо*) – «Великий пост» у адыгов.

Баракъ – флаг, центральная фигура любого праздника у предков адыгов. На празднике «Возвращение с первой пахоты» цвет знамени был желтым, в то время как в дни траура – черным, а при общих торжествах – белым. Как отмечает М.В.Кантария (1989), несомненна связь барака с земледельческим культом: длинное древко знамени символизирует богатый урожай, желтый цвет его – это цвет созревшего зерна; потеря барака равносильна гибели урожая и т.д.

Брачная молитва (*Нысэтхьальэлу* – «молитва в честь невесты») – один из свадебных обрядов причерноморских шапсугов. По данным Т.Я. Чунтыжевой (1998), для этой брачной молитвы готовится специальная ритуальная пища – *хьалыжъу*. Это – род вареников из пшеницы, круглой формы. Делают их со свежим адыгейским сыром или толченым грецким орехом. Вареники, на которых читается первая молитва, готовит бабушка новобрачного. Вторая молитва совершается на варениках, приготовленных свекровью. Как отмечает Т.Я. Чунтыжева, название брачных вареников – *гоцэкъабз* («чистая свекровь») не случайно: «Шапсуги очень щепетильны в приготовлении пищи – особенно ритуальной, к которой предъявляются особые требования; вареники готовятся с соблюдением правил ритуальной чистоты: тело, одежда должны быть безупречно чистыми и, наконец, с добрыми помыслами в душе, чтобы сказанная молитва свершилась».

Бросание лопаточки (*Бэлэгъз дзын*). По Т.Я.Чунтыжевой, этот обряд у причерноморских шапсугов проводится с утра до начала свадебных игр. Он является самым первым на «большой свадьбе» и имеет место лишь в том случае, если с утра собирается дождь, который может помешать свадьбе. «*Бэлагъз*» – деревянная лопаточка для приготовления национального блюда адыгов – *настэ*. Считалось, что невеста, которая ела с лопаточки, нарушив тем самым этикет принятия пищи, «разгневала» природу, поэтому в день ее свадьбы собирается дождь. Чтобы непогода не помешала веселиться гостям, невеста должна исправить «ошибку» – проявление неуважения к еде. С этой целью золовка выводит невесту из ее комнаты и заводит за дом, оставляя ее с *бэлагъз*. Девушка трижды ловко бросает лопаточку через крышу дома, а золовка возвращает ее тем же путем. Этот обряд не только напоминал его участникам о необходимости соблюдения этики еды, но и учил, как важно вовремя исправить свою ошибку.

«**Ваклуэ тхьэлъэкъу**» – у предков адыгов – ритуал выхода плуга на пахоту (*ваклуэ* – «пахота», *тхьэлъэкъу* – «молитва»). Этот обряд состоял из следующих элементов: 1) торжественной трапезы с жертвоприношением; 2) обращения к божеству плодородия с мольбой об урожае. Общесельское празднество справлялось в поле, продукты собирались со всех дворов. Обряд был обязательным для всех; на второй день после него можно было начинать пахать.

«**Вак уиэхьижэ**» (*Ваклуэ ихьэж тхьэлъэлу*) – «Возвращение с первой пахоты». Этим праздником отмечалось начало весенних полевых работ и завершение пахоты. Ритуал состоял из двух частей: выезд и возвращение с пахоты. По указанию старшего пахаря выбирали место для стана (*ваклуэ пцылуэ*), у шалаша старшего пахаря ставили знамя пахарей (*ваклуэ бэракъ*) – шест с желтой материей. Вторая часть праздника проходила после возвращения с пахоты.

Из молодых пахарей выбирался танцующий козел-клоун. Как писали очевидцы, «ряженный действительно походил на козла. У него была черная маска, длинный хвост, длинная борода из шерсти, голову венчали козлиные рога... и на поясе у него висел деревянный фаллос – символ плодородия».

Процессию возглавляла арба со знаменем и мишенью для стрельбы. При входе в аул встречавшие поливали водой ее участников, чтобы лето было без засухи, дети бросали тухлые яйца. Вокруг флага-барака, укрепленного в центре сельской площади, устраивались скачки, стрельба в цель, джигитовка, танцы и песни. Одновременно тут же устраивалось красочное представление, главным участником которого был *ажегафа*. В селе шута ожидала «жена» – одетый в женскую одежду мужчина. Шут задевал всех, особенно приставал к женщинам. И, наконец, выпрашивал у них денег, а в случае отказа угрожал женщине деревянным фаллосом, а если угроза не помогала, валил ее на землю и разыгрывал шуточный половой акт. Но если ей удавалось вырваться из рук шута, он падал на землю и инсценировал смерть, хотя и продолжал держать в руке свое «орудие», показывая его людям, что неизменно вызывало взрывы смеха. Люди ловили сбежавшую женщину и лишь тогда шут «воскресал». Насыщенность этого празднества эротическими сценами, по мне-

нию М.В. Кантария (1989), «...имела прямую связь с оплодотворением земли и возрождением сил природы». Под конец флаг-барак несли на хранение в почтенную семью. Там накрывали стол, и старейшина провозглашал здравницу в честь Тхагелиджа, просил бога послать хороший урожай.

Описание этого обряда дополняют исследования этнографа Б.Х. Бгажнокова: «Игрище, устраиваемое по случаю пахоты и сева, называется *Ваклуэ ихъэж тхъэлъэлу*. В усадьбе специально назначенного жителя села (обычно это был зажиточный крестьянин, имеющий на выданье красавицу-дочь) устраивались танцы и пир. Игрище разворачивалось иногда и непосредственно в поле на окраине села или в живописной долине реки. Собирались завершившие пахоту и сев крестьяне, а также все жители села – от мала до велика. Закалывали несколько бычков, несколько десятков баранов, привозили несколько бочек бузы. В торжественной обстановке избранный глава весенне-полевых работ (адыг. «*вакло тхъамат*», каб. «*хъан*») произносил благодарственную молитву. Она неизменно включала и просьбу о создании условий для дружных всходов, для получения богатого урожая».

«**Гушгах**» (*Гушгаг*). Черкесы признавали и *Гушгах* – «Вербный день» или «Воскресение мертвых» и отправлялись в этот день на могилы поминать родственников молитвами и яствами. В первое воскресенье после *гушгаха* праздновали *кутиш* – Пасху» (Н. Дубровин).

«**ГъажьольэпI**». С древних времен и практически до наших дней сохранилась у адыгов игра-соревнование *гъажьольэпI* – «сумка с едой». Устраивалась она при уборке проса. Для этого в центре участка выставлялся *баракъ* – знамя на 4-х метровом шесте и скашивался круг диаметром 8-10 м. Прямоугольное просяное поле разбивалось на 4 равных треугольника, вершинами к центру. Границы треугольника обозначались межой. Таким образом, создавались 4 участка для 4-х групп, соревнующихся в быстроте косыбы проса с целью как можно раньше достигнуть знамени и тем самым одержать победу.

«**Дамыгъэтэдзе**» (обряд таврения скота) является одним из древних языческих обрядов, сохранившихся до наших дней, поскольку, как писал Х.М. Думанов (1976), скот с древнейших времен составлял главное богатство адыгов. Примечательно, что с внедрением ислама здравницы в честь этого языческого обряда стали звучать следующим образом:

Ялыхь, ди Iэщым хэщым хэгъахъуэ,
Ялыхь, гуфIэгъэ кьыдэт!

(О, Аллах, дай нам приплода скота,
О, Аллах, дай нам радости!)

В Кабарде обряд таврения совершался обычно в апреле-мае, перед угоном скота на летние пастбища. По свидетельству Г.Х. Мамбетова (1968), «... день таврения заканчивался праздником с угощениями, танцами, играми, джигитовкой и скачками». В частности, с обрядом была связана особая религиозная трапеза (*Дамыгъэтэдзе тхъэлъэлу*). Обрядовых животных и птиц забивал обычно брат хозяина, произнося соответствующее заклинание.

«**Джегупе-таха**» («праздник очага») отмечался у адыгов в честь «домашних» божеств: Пишишане, Тгахалейк и Тгакофешу (последний переводится как «посланец бога»).

«**Иглее**». Это слово в буквальном смысле значит «год» и соответствует христианскому Новому году.

«**Коаяште**» – праздник, отмечаемый ежегодно ранней весной. Слово означает «взятие сыра». Судя по такому смыслу названия, можно считать его «сыропустом» православной церкви. В это время у горцев подаются пирожки с сыром.

«**Кордесах**» (*Кордэцэхь*) – «Подношение Кордесу» – зимний праздник у адыгов. В этот день жители брали из моря воду и опрыскивали друг друга.

«**Кутиш**» (*Чутыф*) – Пасха. Удивительное «смешение» языческих и христианских обрядов у адыгов хорошо прослеживается на примере Пасхи. По этому поводу Э.Спенсер (1830) писал: «Среди религиозных праздников ни один не отмечается с большим почтением, чем тот, который приходится на время нашей Пасхи. Пышность, с которой его устраивают, оставляет мало сомнений, что этот праздник – также реликт христианства. Мартовская луна начинается с поста, который строго держится до конца, когда на рассвете звук мушкетов не объявит начало праздника. Все классы затем устремляются в священную рощу. В этот день приносят в жертву несколько животных, и веселье заканчивается стрельбой по яйцам и т.д.». Путешественник Ж. Тэбу де Мариньи (1836) так описывает этот христианско-языческий обряд у адыгов: «Самым торжественным праздником является Пасха. Праздник начинается в конце марта. Каждый район выбирает (для Пасхи) свой особый день. Начало праздника возвещают рано утром пальбой из оружия и все направляются в священный лес. Количество жертв, которые приносятся, – пропорционально числу приглашенных. Праздник завершается стрельбой из ружей; мишенью служит крашеное яйцо, а призом для победителей шкуры жертвенных животных».

Этот обряд у адыгов сохранялся, по крайней мере, до середины XIX в. По данным Дюбуа де Монпере (1839), «... обитатели морских берегов (Черкесии) еще празднуют, по традиции Пасху, сами не зная, в память какого события, и в течение 15 дней перед праздником не едят яиц, как бы в подражание Великому посту» («Кавказ...», 1898). Эти же сведения подтверждает Л. Люлье (1857): «Кутиш празднуется ранней весной, соответствует нашей Святой Пасхе. Перед праздником две недели воздерживаются от употребления яиц в пищу; в праздник же крашеные яйца составляют непременную принадлежность стола»... (Судя по всему, «Кутиш» – от слова «кутья»? – Авт.).

«**Клапцэ**». Не менее интересен старинный адыгский обряд «*клапцэ*», связанный с лечением человека, получившего серьезное ранение. По Хан-Гирею (1837), в этих целях «...девица моложе 15 лет обводит вокруг внутренней стены дома черту коровьим калом (!?), в надежде тем предохранить больного от вредного влияния дурных глаз. У постели больного ставят чашку с водой и куриным яйцом и тут же кладут железную соху с молотом из того же металла. Посетитель, который первый раз посещает больного, подойдя к нему, трижды ударяет молотом по сохе, произнося: «Бог да сделает тебя здоровым!» (В другом варианте, приведенном в работе М.А. Меретукова, 1965: «Желаю тебе быстрого выздоровления и много лет счастливой жизни!»).

Дополняет эту информацию Н.И. Сообцокова (2010. С. 320), которая отмечает, что название одного из древнейших обрядов адыгов – «*клапцэ*» (*чапц*) переводится с адыгского языка «дуй». В основе обряда лежит сакральность дыхания. Дыхание людей здесь предстает как некое единение добрых сил, способных помочь больному победить болезнь, отвлечь его внимание от боли, создать ему хорошее настроение и тем самым вселить ему веру в выздоровление.

«**Ллеумешхе**» – отмечают ежегодно ранней весной. Это слово означает «не ешь мяса». Судя по такому смыслу названия, можно считать его «мясопустом» православной церкви. По вечерам молодежь для потехи наряжает чучело или куклу в какой-нибудь странный костюм.

«**Марием и янь**». Праздник в честь Марием, соответствует Успеневу дню у христиан (в других адыгских племенах этот праздник назывался *Тгаихуо-янь*).

«**Нагышатах**». Ежегодно 7 апреля черкесы праздновали *нагышатах* – «подарок свежими цветами». В этот день девицы собирали цветы и дарили друг другу в память того, что святой ангел в День Благовещения принес цветок пресвятой деве Марии. После того праздновали день Вознесения Господня, приносили в жертву ягненка... (Н. Дубровин). И. Хазров отмечает, что «сей обычай сохранился и поныне (1846 г.).

«**Отбек**» («Жребий») – день Вознесения Господня. В этот день в первый раз приносили в жертву ягненка, готовили обед, и с этого дня разрешалось употреблять мясо.

«**Псутк**». Праздник Псутк, или «День окропления водою» сопровождался веселыми играми народа, который окроплял друг друга водой.

«**Таш**» – «богоугодная жертва» или «молебен». Черкесы при молитвах обращались к востоку, курили ладан и клали зеленые поклоны. Испрашивая у Неба мир, благополучие, изобилие плодов, собирались под сенью огромных деревьев, привязывали к сучьям кресты, совершали жертвоприношения и завершали обряд угощением. Этот обряд назывался «*Таш*».

«**Ташхян**» – «Праздник Богородицы» или «Мать Божья». Как пишет Н. Данилевский, «...Пресвятая Дева до сих пор (написано в 1846 г. – Авт.) в особенном почете у горцев».

«**Тгагрепых**» – «Божья дочь» или «Господня дева». Праздник в честь Марием – христианской Богородицы (она же покровительница пчеловодства). В этот день каждая девица относилась по цыпленку в Дом молитвы, готовили обед, после чего поздравляли гостей с Заговением Богородицы. Следующую неделю постились, а в воскресенье затем торжественно праздновали «*Ташхян*», т. е. «Праздник Богородицы».

«**Тгаихуо-янь**». Пропостившись неделю после праздника *Тгагрепых* – «Божья дочь», адыги праздновали *Тгаихуо-янь* (в некоторых племенах он назывался «*Марием и янь*»), что соответствовало Успеневу дню у христиан.

«**Тлеумсик**». В начале года, в первых числах января, черкесы постились целую неделю, питаясь одними бобами, и этот пост назывался у них «*тлеумсик*» (мясопуст). После этого праздновали Рождество Христово.

«**Тхашхо-гухаш**» (*Тхъэихуэ гухэж*) – праздник уборки урожая. Осенью первый день уборки хлеба праздновался с большим торжеством. Сперва читали молитву, называемую *тхашхо-гухэж*, что значило «прибегать к Великому Богу». В этой молитве просили Всевышнего даровать им здоровья и благодарили за прошедшее лето, которое принесло им хлеб и плоды земные; после молитвы пировали и веселились. Интересно описание праздника первого сбора урожая в изложении очевидца Э. Спенсера (1830): «Этот праздник является одним из самых важных и продолжается несколько дней, во время которых соплеменники ходят друг к другу в гости, каждая семья устраивает отдельное угощение. Любимым блюдом является пшеница, срезанная до того, как она стала совершенно спелой, пожаренная и употребляемая со *сху*; затем последовали другие виды зерна, фруктов и т. д. Церемонии завершаются благодарением милосердной силы, которая обеспечила столь изобильно их нужды».

«**Тхъэщүэ удж**» – праздник у предков адыгов, который устраивался в день обновления природы – 23 марта, когда, по представлениям горцев, «старый год удаляется от земли (*тхъэрэщүрэ цызэ клым*) и начинается новый год». Этот праздник был связан с предпахотным ритуалом, который описывал Н. Витсен (1675): «Весной в каждом доме закалывают козла, барана или ягненка. Одного из этих животных выносят потом за деревню, насаживают распяленную шкуру, голову и ноги на палку и совершают перед ними отвратительные обряды. Мясо съедают. После того целый день пьют напиток, называемый «буза» и справляют праздник, танцуют и прыгают». По мнению М.В. Кантария (1989), основным моментом подобного обряда являлись «магические действия, направленные на повышение плодородия и урожайности: они включали в себя жертвоприношения и общую трапезу, обязательные ритуальные танцы, своими корнями уходившие в далекое прошлое».

«**Угаг**» («Масленица»). Н. Дубровин писал, что «... некоторые лица, посещавшие черкесов, свидетельствуют, что у них существовала *угаг* – Масленица».

«Угыг» – «Великий пост». Он продолжался у черкесов 48 дней. В продолжение всего поста собирали яйца, не употребляя их ни для какой нужды, и разбить яйцо считалось преступлением.

«Удыш» – «Пасха» у адыгов. Накануне ее красили яйца и сначала разговлялись ими, а потом уже другими яствами. «И сейчас еще (написано в 1846 г.) в горах соблюдают эти обряды».

«Хама умухо». В середине XIX в. III. Ногмов отмечал еще один обряд, связанный с земледельческим культом адыгов: «Хозяин не мог располагать сжатым и убраным хлебом до совершения установленной для сего молитвы. По совершении же ее, из нового хлеба приготовлялся обед, на который созывались ближайшие родственники. После этого пира, называемого «Хама умухо», можно было продавать, отдавать в ссуду или раздавать милостыню из нового хлеба».

«Хуромы» (Хъуыромэ, Хъуырамэ) – «Рождество». Хуромы (обрядовые песни) исполняются молодежью в канун христианского Рождества. З.М. Калоев выдвинул гипотезу: «Не является ли Хурома (как обряд, так и песни) результатом влияния русских колядок или заимствования?».

«Хьадагъэ» (хьэдагъэ) – оплакивание покойника. Ф. Дюбуа де Монпере писал: «У натухаев тело, обернутое в белое полотно, после песнопения в честь умершего и своего рода надгробного слова опускают в могилу». Обрядовые причитания, дошедшие из глубокой древности до нашего времени, созданы женщинами. Но в XIX-начале XX вв. в некоторых районах Кабарды покойника оплакивали мужчины. Хан-Гирей в 1836 г. писал: «Не только друзья и знакомые умершего, но даже и те, кто едва знал его, посещают его родственников. Посетители, приближаясь к дому, начинают плакать, причем нередко треногами, а иногда и плетью секут себя по открытой голове».

«Шечар». По И. Хазрову, у черкесов – праздник, перед которым постились целую неделю. Все это время при молитвах каждый осыпал себе руки мукой. В конце поста праздновали память св. Сергия, и неделю эту называли «Абшетлабшетсут», что значит «Храбрые воины».

«Шьыблэ уыдж» (Обрядовый танец в честь Шибле). Человек или животное, пораженные молнией, признавались священными. Обряд почитания Шибле сопровождался танцем в его честь («Шьыблэ уыдж»). О том, что черкесы считали убитых молнией святыми, сообщал еще Иоанн Шильтбергер (1381-1440). В его записках, относящихся к началу XV в., встречается самое раннее упоминание в печати культа бога молнии Шибле. Позже *Шибласха* – обряд захоронения убитого молнией был зафиксирован в XVII в. у западных адыгов Тавернье, а у осетин – Штедером в конце XVIII в. «В 50 шагах от моей палатки, – писал очевидец, – гроза убила молодую женщину. После удара женщины, которые шли с ней, издали крик радости, стали петь и танцевать вокруг убитой. Все жители селения собрались вокруг танцующего круга...».

Наряду с перечисленными, у адыгов были и другие многочисленные праздники и обряды: в честь покровителя рогатого скота Ахина, «бога овец» – Емиша, «богини моря» – Кордес, «девы вод речных» – Хапегуаш; пышные празднества с жертвоприношениями отмечались в честь Бога плодородия – Тхагелиджа и т.д.

1.2.4. «Следы» древних языческих божеств на географической карте Черкесии-Адыгеи

*Каким богам молиться мне...?
Мне легче жить среди своих богов,
Чем в путанице троич и Христов.*

Р. Киплинг (1865-1936).

На современной географической карте Адыгеи можно найти немало названий, восходящих к древним языческим божествам: аул Афипсип – от абхазо-абазинского бога Афы; гора Ахун (Ахин) около Хосты – от бога-покровителя скотоводства; мыс Кодош близ Туапсе – от морского божества Кодеса; аул Тхагапш («Святые (Божьи) воды») от «верховного» божества Тха; гора Шиблеск близ аула Большой Псеушхо – от бога грома и молнии Шиблэ и т.д.:

Аббе – одно из местных божеств у убыхов и причерноморских шапсугов. По его имени названа р. Абба, левый приток р. Кичмай. Академик Марр связывает убыхское Аббе (Уоббе, Вобье) с названием сванского божества Воб или абхазским богом грозы Афы (Ворошилов В.И., 2007. С. 40).

Афы. К.Х. Меретуков (1981) пишет о горе Афай в районе аула Кирова (Тхьагъапшъ), с основой Афы (абхазо-абазинское божество грома и молнии). В честь этого божества названы также Афикетх («Хребет бога Афы») – гора и хребет на водоразделе между реками Бекишей (Аше) и Хакучипсе; местность Афэ кьуладж, р. Афыпс (Афипс), а также аул Афыпсып (Афипсип) (Ворошилов В.И., 2007. С. 64).

Ахин (Ахын). Сохранился ряд географических названий, связанных с культом Ахина – языческого божества, покровителя пастухов-скотоводов у убыхов, джигетов и шапсугов. Так, известно множество так называемых «Ахиновых рош» («Ахынэ там») на Черноморском побережье Кавказа. Ахинтам – урочище и шапсугский аул на правом берегу р. Шахе (Ахин + там по-адыгски – «место», «роща». Таким образом, Ахинтам – «Ахинова роща»). К этому же божеству восходит, по Д.Н. Кокову (1974), и название горы Ахун (Ахын, Ахин) в бассейне р. Хоста. До сих пор шапсуги говорят о тропе «Ахиновой коровы» (Ахынэ ичэмльэрыкгу), идущей вдоль р. Шахе до Главного Кавказского хребта. В этом районе есть гора Чемплеушка, высотой 1846 м, расположенная в 3,5 км к югу от Черкесского перевала в водоразделе рек Бушуйка и

Бушуй – правых притоков р. Шахе. Топоним имеет сложное строение: *чемы* – корова, *плеу* – смотреть, *ишъха* – вершина (Ворошилов В.И., 2007. С. 66; Костарнова Н.К., 2009). Интересно, что одно из старинных адыгских названий Черного моря так и звучит: «Ахын» (не в честь ли бога Ахина? – Авт.).

Бляго в адыгской мифологии – дракон, олицетворение злых сил природы. В Адыгее до сих пор сохранилось множество местных географических названий, связанных с борьбой Шибле с этими драконами-«блэгъожь». Наиболее распространенным из них является БлэгъохэщыпI, встречающийся почти в каждом ауле. В окрестностях селений шапсугов попадают огромные ямы, называемые БлэгъожьщысыпI – «Место сидения Блягожа».

Гяга. Река Гега (Гиега) – правый приток р. Юпшары, впадающей в Черное море. В прошлом, в районе Черкесской поляны была священная роща. В языческих верованиях абхазов известен бог Гяга – покровитель земледелия и плодородия. Судя по всему, к этому объяснению близка этимология и названия притока р. Кубани – Гиага (Ворошилов В.И., 2007. С. 94). Можно вспомнить и Гиагинскую – станицу, районный центр Гиагинского района. Название этой станицы произошло от названия р. Гиага (Джаджэ). Это имя абхазской богини плодородия, что, возможно, связано с богатыми плодородными почвами – черноземами мощностью до 1,5 м. Было еще и название Ыхэрэ Джадж («Низовье Джаджа»), по сравнению с названием ст. Келермесской – Ыпшэрэ Джадж («Верховье Джаджа»). Имеется в виду р. Джаджэ – Гиага (Гяга) (Костарнова Н.К., 2009).

Кодес (Кодош, Кодеш, Кордес) До настоящего времени сохранились «следы» древнего культа этого божества: селение Малое Псеушхо в районе левого притока р. Туапсе местными жителями-шапсугами называется Кодешахып, Куадашахып («Место приношений богу Кодешу»); мыс в 2-х км к западу от г. Туапсе называется Кодош (Кодос, Кодеж), – Дюбуа де Монпере называл его Ходос; здесь же расположен маяк Кодошский. Также известна гора Кодо (Када) высотой 804 м, на водоразделе между долинами рек Бекешей и Большой Наужи, в 15 км от берега моря. Судя по всему, во всех этих названиях запечатлелось имя морского бога (богини?) Кодоша (Бетровов Р.Ж., 1991; Ворошилов В.И., 2007. С. 179).

Кудж – абхазское название местности на левобережье верховьев р. Псоу, где в середине XIX в. проживало общество садзов-джигетов. С эпохи язычества в названии этого горного общества отразилось тотемное животное этого рода *а-кудж-ма* – «волк» (Ворошилов В.И., 2007. С. 134).

Папай. Это название относится к горе, перевалу, а также к реке – правому притоку р. Пшады и к Папайским водопадам на одноименной реке. Папай – *это верховное божество скифов*, следы материальной культуры которых на протяжении VII-II вв. до н. э. прослеживаются на территории Прикубанья, Приазовья и Северо-Западного Кавказа. Греки Боспорского царства сравнивали это божество с Зевсом (БСЭ, т. 39, с. 230). Как известно, древние языческие боги всегда помещались на вершинах наиболее видных и известных местному населению гор. Позже название перешло на соседние реку и перевал. Само название Папай может быть расшифровано из греческого: *пап* «священнослужитель», *ай* (*айя*) – «святой», «священный» (Ворошилов В.И., 2007).

Тха (Тга). Тхагапш (Тхагепш) – аул, располагавшийся в XIX в. на месте современного аула Кирова на правом берегу р. Псеуапсе. К.Х. Меретуков (1981) выводит это название от фамилии Тхагапшевых (*тха* – адыгейски – «хребет»). Но, скорее всего, этот топоним восходит к «верховному» божеству Тха (адыгейское *тха*, *тга* – «бог, божество»). В последнем случае переводится как «Святые (Божьи) воды». Известны также: ТхьачIэгъыжъ – «Священное дерево» – у а. М. Псеушхо. ТхьашIомыIыкъу – р. Тхашемичук у горы Псеашко. ТхьачIэгъ чап – «Священный склон» у Б.Псеушхо. ТхьачIэгъ мзэ – «Священный лес», во многих местах Адыгеи. Станица Тхамахинская названа по священной роще (тха-чиг) в урочище Адыхико (Ворошилов В.И., 2007. С. 124, 230).

Тхагелидж. До настоящего времени сохранилось древнее название местности в окрестностях Майкопа на левом берегу р. Белой – *Тхьагъэлыдж ихьамэц* («Гумно Тхагелиджа»). О происхождении этого названия существует следующее предание: «Тхагелидж был необыкновенно сильный человек. Он славился во всей округе искусством засеивать и обрабатывать хлеб. Хлеба у него всегда было много. Несмотря на это, однажды мать упрекнула его, что хлеба не хватит до будущего урожая. Тхагелидж, рассердившись на мать, начал разбрасывать молотый хлеб, и он, падая на землю, превращался в камень. И теперь берега р. Белой усеяны множеством булыжников – окаменелым хлебом Тхагелиджа...».

Шиблэ. В честь этого адыгского языческого бога грома и молнии названо множество местностей Адыгеи: Шиблэ – так называли адыги Белореченский перевал в верховьях р. Белой; Шиблэнэжъ – («Овраг бога грома») у а. Блечепсин. Шиблэтео кьуладж («Долина реки, часто подвергающаяся ударам молний») – в бассейне р. Белой. На Черноморском побережье Кавказа есть гора Шиблеск, расположенная к юго-востоку от аула Большой Псеушхо, на водораздельном хребте, разделяющем бассейны рек Б. Псеушхо и Наужи. Первоначальная форма этого топонима – Шиблешх. По-адыгейски *ишх* (*иш*) «высота, гора»; Шибле – бог грома. Таким образом, Шиблеск – «Гора (бога) Шибле». В свою очередь, по мнению Н.К. Костарновой (2009), данный топоним означает: «Блеск молнии». Из глубины веков до нас дошла родовая фамилия Шыблэгъачь (Шеблегач) – «Вызывающий гром» (Ворошилов В.И., 2007. С. 251).

Шхагуаше (Шъыхъэгуацэ, Шъхьагуаце, Шагуаша, Шагваши) – покровительница (богиня) оленей, название р. Белой.

Шыргупс (Шергупс) – один из трех великих богов темиргоевцев, в число которых входят: Тхьашхо, Мерем тхьашху и Шыргупс (смысл утерян). Одна из рек Анапского района названа Шургупс, возможно, в честь этого божества.

1.3. Адыги-«друиды»: культ священных деревьев

1.3.1. «Друидизм – религия, состоявшая в почитании природы...»

Как о сыновьях своих, вспоминают они о жертвенниках и дубравах своих у зеленых дерев, на высоких холмах.

Книга пророка Иеремии (17; 2).

Горные черкесы являются чем-то вроде друидов, поклоняющихся старым дубам, где, как им кажется, живут какие-то невидимые божества, способные исполнить их просьбы.

А. де Мотрэ (1711).

Как отмечается в «Словаре иностранных слов» (1995), «друидизм (фр. *druidisme*) – религия древних кельтов, состоявшая в почитании природы и требовавшая жертвоприношений в лесах». Именно с друидизмом некоторые авторы связывают довольно-таки толерантное, уважительное отношение адыгов к представителям самых разных культур, религий, народов. По их мнению, отнюдь не христианство в VI-XV вв. и не ислам в XVI – первой половине XIX в., а язычество объединяло культурное пространство Черкесии; оно являлось важнейшим элементом их национальной самобытности, при этом для адыгов прежде всего важно было следовать нормам *адыгэ хабзэ*, неписанного, но тщательно регламентированного свода правил поведения и ценностных идеалов (Кудаева С.Г., 2007). Можно соглашаться с этим мнением или не соглашаться, но то, что этот аспект религиозной культуры предков адыгов являлся «важнейшим элементом их национальной самобытности», – с этим, пожалуй, трудно спорить.

В свое время Хан-Гирей писал: «Языческие обычаи чрезвычайно много остались в свежей памяти горных черкесских племен, и подробное описание их было бы весьма любопытно». Возникновение у адыгов культа священных деревьев ученые относят к древнейшим временам. Сообщения об этом появлялись в письменных источниках начиная с античных времен. Так, еще Прокопий Кесарийский (V-VI в. н. э.) писал о причерноморских племенах: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей простоте они полагали, что деревья являются богами».

В дальнейшем, с принятием христианства, адыги сохранили это первобытное почитание священных деревьев, дополнив его под влиянием проповедников христианскими религиозными символами (под священным деревом ставили грубо сколоченный крест; головы жертвенных животных вешали уже не на ветви деревьев, а на палки, сколоченные в виде креста; на коллективных молениях в священных рощах в паузах между ритуальными танцами теперь хором восклицали «Аминь» и т.д. Поистине, «На вершинах гор они приносят жертвы и на холмах совершают каждение под дубом и тополем...» (Книга пророка Осии, 4; 13). Или в другом источнике: «Они, высмотревши себе всякий высокий холм и всякое ветвистое дерево, стали закалывать там жертвы свои, и ставили там оскорбительные для Меня приношения свои...» (Книга пророка Иезекииля, 20; 28).

Дополняет приведенную выше информацию о поклонении предков адыгов «священным» деревьям еще один очевидец – А. де Мотрэ (Обри де ла Мотрэ), побывавший в Черкесии в 1711 г. Обращая внимание, что древние языческие верования адыгов пережили тысячелетия и сохранились до относительно недавнего времени, автор пишет: «Горные черкесы, насколько я мог узнать из рассказов, являются чем-то вроде друидов, поклоняющихся старым дубам и другим деревьям, где, как им кажется, живут какие-то невидимые божества, способные исполнить их мирские просьбы, так как о желаниях духовного добра и вечной жизни, испрашиваемых у Неба и обычных для тех, кто верит в бессмертие души, независимо от того, к какой религии они принадлежат, у них нет никакого представления. Собираясь в определенные месяцы и дни, они образуют процессии с зажженными факелами вокруг этих деревьев, посвященных их божеству, у подножия которых они приносят в жертву различных животных, как, например, быков, овец, ягнят и коз. Их маги, или жрецы, выбранные из числа старейшин, раздают присутствующим мясо и относят его больным и бедным, которые в тот день отсутствуют. Насколько меня уверяли армяне и греки, жившие среди них и присутствовавшие на этих обрядах, эти жрецы не умеют ни читать, ни писать. Они ограничиваются тем, что повторяют несколько молитвенных формул, которые они передают своим преемникам в том виде, как они сами получили от своих предшественников. Множество деревьев, замеченных мною то тут, то там, когда я проезжал через эту страну, носили на стволе и крупных ветвях потемневшие следы от дыма и пепла, подтверждали существование этих обычаев и суеверных церемоний» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

1.3.2. Языческие божества леса

1.3.2.1. Мезгуаше: покровительница лесов, плодов и трав

Покровительницей лесов, плодов, съедобных и лекарственных трав была Мэзгуаше (Мезгуаше, Мэзгуаши, Мэз-гуашэ) – богиня леса. Она одновременно покровительствовала и лесным зверям; позднее приняла на себя функции богини охоты (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

«Охотники, – пишет Н.И. Сообцокова (2010. С. 284), – тщательно готовились к предстоящей охоте. Жены пекли им обрядовые лепешки из пшеничной муки, из коих две круглые лепешки (*шэлямэ*) с дырочка-

ми и с зубчатыми узорами обязательно предназначались для Мэзгуаше и Мэзытхьа. Смысл этих двух лепешек, изображавших солнце с лучами, указывал на культ этого светила у предков адыгов». С утверждением у адыгов патриархата, лесная богиня Мэзгуаше трансформируется в божество мужского пола – Мезитху.

1.3.2.2. Мэзытхьа: «Хозяин леса и диких животных, бог охоты»

Мезитха – божество лесов, которого молят о счастливом успехе охоты... По его мановению олени и лоси выходят из леса на луга и тогда божественные девы доят самок их.

Л.Я. Люлье (1862).

МЭЗЫТХЬА. В понимании адыгов взаимоотношения человека-охотника и животного мира регулировал лесной бог – Мэзытхьа (Мезытха, Мезитха, Мэзытх, Мазитх, Мазитха, Мезитх, Мэзытхь) – покровитель диких животных. «Мезитха – божество лесов, которого молят о счастливом успехе охоты, – пишет Люлье (1862). – Горцы представляют его едущим верхом на кабане, у которого золотая щетина. По его мановению олени и лоси выходят из леса на луга и тогда божественные девы доят самок их». Богу лесов черкесы молились о счастливом успехе охоты. Таким же образом описывает Мезитху и Султан Хан-Гирей (1846), называющий «божественными» дев, доивших лосей и оленей («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 62-63).

По представлению предков адыгов, Мезитха обладал огромной физической силой, легко нагибал вершины дубов. Одет был в шкуру огромного тура. Он же – повелитель диких зверей. Судя по всему, он сменил более древнее божество женского пола Мэзгуаши, а при дальнейшей эволюции религиозных представлений адыгов и сам был вытеснен Мезилем. Близок к абхазскому божеству Ажвейпш. В честь Мезитха адыги развешивали ему подарки на деревьях. По сведениям путешественников XIX в., здесь были: старые стрелы, ржавые наконечники от копий, треснутый стальной шишак, изношенная одежда, домашняя утварь. Адыги славили его в песнях:

У-о-о-о, Мезитха, бог лесов –
Это твоё звание!
Кроны вековых дубов
Ты к земле склоняешь,
Как траву склоняешь.
Грозной поступью шагов.
Горы содрогаешь,
Скалы сотрясаешь.
В честь тебя дымится кровь,
Напиток богоугодный,
Тха, тебе угодный!...

О Мэзытхьа – боге охоты, Хозяине леса и диких животных упоминается еще в адыгском эпосе «Нартхэр». Согласно народным преданиям, он мудр и справедлив. В сказании «Шебатныкьо и Саусырыкьо» он становится на сторону Шебатныкьо, решившего отдать шкуру лисицы детям-сиротам. Бог леса и охоты Мэзытхьа охранял диких животных, убить можно было столько диких зверей, сколько он разрешит. Исчезновение веры в Мэзытхьа приходит много позже, когда охотники стали добывать зверя не только для пищи, но и для наживы.

Похожие божества были и у других народов Кавказа. Так, у сванов было два божества охоты – Ажат (мужской образ) и Дали (женский образ), у балкарцев и карачаевцев – Апсат. Абхазы преклонялись перед охотничьим богом Ажвепша (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

АЕРГ. Примечательно, что у адыгов в период язычества был еще один покровитель леса и охотников, который отождествлялся с Мезитхой – Аерг. С распространением христианства функции Аерга-Мезитхи частично переходят к св. Георгию.

1.3.3. Экологические аспекты языческих воззрений адыгов-друидов

1.3.3.1. Дерево-богиня Жыг-гуашэ: «Дерево познания» и «Дерево жизни» как отождествление природы и человека

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево; ...и дерево познания добра и зла, и дерево жизни посреди рая.

Библия. Книга Бытия (2; 9).

Жыгыуи-мыжыгыуи, цыхууимыцыхууи – Дерево – не дерево, человек – не человек: ...корни уходят глубоко в землю, волосы, подобно лучам, развеваются по небу, руки – человечьи...

Из представлений предков адыгов о Жыг-гуашэ

ЖЫГ-ГУАШЭ. Еще одно адыгское божество адыгов-друидов – Жыг-гуашэ – дерево-богиня. В этом персонаже четко прослеживается отождествление природы и человека (макрокосмоса и микрокосмоса): «...Жыгыуи-мыжыгыуи, цыхууимыцыхууи» – «Дерево – не дерево, человек – не человек». В подтверждение данной характе-

ристики здесь же дается описание этого существа: корни уходят глубоко в землю, волосы, подобно лучам, развеваются по небу, руки – человечьи... Этим персонажем осуществляются следующие частные функции:

У кабардинцев и черкесов она – Жыг-гуашэ, у адыгейцев – Чыгыгуаша (от *жыг* или *чыгы* «дерево» и *гуашэ* – «хозяйка»). В мифологии адыгов она – богиня-покровительница деревьев. Отличается глубокой мудростью и добротой. Снизу Жиг-гуаша – дерево, а верхняя часть – прекрасная женщина из золота и серебра. Живет на морском побережье, где ее окружают *тхаухуды*. Эта богиня родила от Тлепша солнечного сына, который унаследовал мудрость матери (Ципинов А.А., 2004).

«Дерево познания». «...*ЩIэныгъэ ухуейм сэ уэстыниц, сэ си лъабжьэр щIым хэтиц, щIым щIэлъ псори сощIэ, си цхъэцыр уэгум итици уафэм ит псори сощIэ. ...Сэ уэгум ит вагъуэхэр уэгъэцIыхуниц, щIым щIэлъ псори уи IэмыщIэ ислъхъэниц, щIы цхъэфэм тетри уэстыниц*» – «Если тебе нужны знания, – говорит Жыг-гуашэ Тлепшу, – я их тебе дам. Мои корни – в земле, все, что в земле – я знаю, мои волосы – в небесах, все, что на небе – я знаю. ...Я тебя познакомлю со звездами в небе, отдам в твои руки все, что находится в недрах земли и на земле...». Безусловно, эти мотивы отразили этапы стихийно-материалистического освоения человеком окружающей действительности («Нартхэр. Адыгэ эпос». Т. I. С.263-264).

«Дерево жизни». В этой функции дерево-богиня выступает как прародительница первого культурного героя – солнцеподобного мальчика, которого она научила всем своим ремеслам и которому она передала все знания. Этого мальчика она отдает нартам с тем, чтобы он передал им свои знания и навыки (Ципинов А.А., 2004). В библейских текстах о «Древе жизни» говорится следующее: «И произрастил Господь Бог из земли... дерево жизни посреди рая» (Книга Бытия, 2; 9). Или еще: «...Дерево жизни, 12 раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой, и листья дерева – для исцеления народов» (Откровение Иоанна Богослова, 22; 2).

О культе у предков адыгов «Древа жизни», «Древа Господнего» пишет Галонифантибус (по церковной иерархии Иоанн III, архиепископ Султании): «Они (черкесы) имеют свои собственные культы и обряды. В великие посты и воскресенья они даже приносят в жертву животных, ...головы выставляют их на высоких местах, вроде ветвей дерева, что предполагает пищу для духов. Это дерево высаживается рядом с церковью и на него вешают крест, после чего его называют «древом Господним». На ветвях этого дерева развешивают различные символы, среди которых есть и головы животных; рядом с церковью и упомянутым выше древом Господним очерчивается круг, внутри которого никто никогда не посмеет прикоснуться к чему-либо». Весьма характерно, что «дерево Господа», т. е. мировое дерево, основной элемент друидизма, его главный предмет поклонения, высаживалось рядом с христианским храмом. Галонифантибус, отметив этот обычай, тем самым отобразил приоритетность язычества в Черкесии. Храм освящался не сам по себе, а фактом присутствия священного дерева (Хотко С.Х., 2008).

1.3.3.2. *Pangiassan*: «Самое знаменитое дерево, чтимое черкесами до поклонения»

В центре Черкесии находится самое знаменитое дерево, чтимое черкесами до поклонения. Дерево это называется Pangiassan. По всей вероятности, ...место молитвы, во время греческих императоров, находилось около этого знаменитого дерева.

К. Пейсонель (1750-1762).

Многие источники сообщают о «самом знаменитом дереве Черкесии», поклоняться которому приходили адыги из самых отдаленных аулов. Живописное описание обряда поклонения этому священному дереву, возраст которого, по мнению очевидцев, около тысячи лет (?!), оставил турецкий историк Эвлия Челеби (1666). Несмотря на явно фантастические преувеличения, эти записи ценны как свидетельство очевидца: «Гигантское священное дерево черкесского племени «адами». Листья его имеют желтый цвет и сильный аромат, напоминающий запах мускуса, амбры и шафрана; они вращаются вокруг своей оси. Они могут сохраняться хоть 100 лет, не теряя своего цвета и аромата. Дерево такое толстое, что только 22 человека, взявшись за руки, с трудом могут обхватить ствол. Под сенью этого дерева может свободно разместиться стадо баранов в 1000 голов. В седьмом месяце каждого года под этим деревом собираются по 500-600 человек разных народов, которые 40 дней и 40 ночей торгуют здесь с черкесами племенем адами. Поклоняющиеся этому дереву каждую ночь возжигают вокруг него сотни тысяч восковых свечей. Когда же приходит время уезжать, каждый поклоняющийся дереву обязательно прибавляет к нему какой-нибудь металлический предмет – гвоздь, подкову и т.д. За тысячи лет ствол дерева оделся из-за этого в своеобразный железный панцирь».

[Несколько ранее на этот обычай обратил внимание Джовани де Лукка (1629): «В их стране встречаются святилища, на которых валяется множество бараньих черепов, оставшихся от курбанов, или жертвоприношений, совершенных здесь. На деревьях, растущих на этих местах, вешают по обету луки, стрелы, мечи, и благоговение к этим местам столь велико, что величайшие воры не прикасаются к ним» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 37)].

И далее Эвлия Челеби пишет: «Согласно древнему преданию, отросток этого дерева был взят из райского сада и подарен Аллахом Искандеру Зулькарнейну (Александру Македонскому. – Авт.). Признаком того, что дерево это существовало уже несколько сотен лет, был тот факт, что сердцевина ствола его высохла и внутри

образовалась громадная полость. В стволе устроена дверь. Ногайские татары и мусульмане Дагестана устроили внутри того дерева михраб (молельню). Одновременно там могут молиться 100-150 чел.».

Об этом же писал и Ксаверий Главани, консул Франции в Крымском ханстве и автор «Описания Черкесии» (1724): «Каждый округ Черкесии имеет особое священное место, находящееся обыкновенно в лесу, где предметом поклонения служит большое дерево. Такое дерево черкесы называют *пенекассан*; они совершают пред ним свои молитвы. Умиравшие оставляют свою саблю, ружье и одежду *пенекассану*; их относят туда с церемониею и вешают на деревья, так что с течением времени лес оказывается наполненным всякого рода оружием, одеждою и другими предметами, но никто не осмеливается прикоснуться к ним. В этом же лесу хоронят мертвых и совершают обряды... Если мужчины и женщины, совершившие преступление или убийство, скроются в лес *пенекассан* и повяжут себе на шею какую-нибудь тряпку из числа висящих на деревьях, то они освобождаются от наказания, как состоящие под покровительством божества. Случалось, что турки, находящиеся в рабстве у черкесов, получали свободу, отдаваясь под покровительство *пенекассана*» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 110-113).

Несколько позже К. Пейсонель, путешествовавший по Черкесии в середине XVIII в., писал в своем труде «Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг.»: «В центре Черкесии находится самое знаменитое дерево, чтимое черкесами до поклонения. Дерево это называется *Pangiassan*...».

Об этом же знаменитом дереве писал столетием позже и Л.Я. Люлье (1857): «Неподалеку от места жительства моего в долине Пшад, стояло большое дерево, в которое некогда ударил гром (молния). Дереву этому приписывали симпатическое (греч.: *sympathies* – «сострадающий») свойство исцелять лихорадки: страждущий приходил или приезжал к нему с запасом приношений, большею частью пирожков, которые тут же и съедались приехавшими с больным; перед отъездом они зашивали кусочек этого дерева в лоскуток материи и надевали больному на шею, чтоб он носил его постоянно; остальная часть той же материи привешивалась к ветвям, вроде приношения. Дерево все было увешено подобными приношениями».

В литературе высказывались самые разные интерпретации этого слова (*Пенекассан*, *Pangiassan* и т.д.). Заслуживает внимание объяснение К. Пейсонеля (1762): «Очевидно, слово это (*Pangiassan*) есть ни что иное, как испорченное греческое имя *Panaghia*, придаваемое, в более широком смысле, некоторым часовням и другим местам молитвы. Это слово является искажением имени Панагия, которым греки называют Святую Деву (с древнегреческого «всесвятая», «всечистая»). По всей вероятности, – продолжает Пейсонель, – такое именно место молитвы, во время греческих императоров, находилось около этого знаменитого дерева, имя которого однако же не настолько искажено черкесами, чтобы нельзя было распознать настоящего происхождения его. Религиозные заблуждения, в которые впал простой класс черкесского народа, изменили существовавшее у них почитание Божьей матери в полное идолопоклонство, почему-то смешиваемое им с магометанством». Вместе с тем, в посмертном издании этнографических заметок Мин-Кутас Азаматовой (1997) приводится иное толкование слова *пенекассан* – как искажение устойчивого словосочетания *панэм къыхэсэнэ* – «в кустах оставляю» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

1.3.3.3. Священные рощи: «молитвенное место» горцев, прообраз современных заповедных мест

В этом Черкессстане имеется несколько тысяч мест заповедных, изумительных и редкостных, ...так что им и счету нет.

Эвлия Челеби (1666).

Среди них (черкесов) есть народности, которые поклоняются божествам в священных рощах; места эти являются запретными.

И. Бларамберг (1840).

У горцев были священные горы, священные рощи, которые являлись прообразами современных заповедных мест, где не разрешалось охотиться, беспокоить диких животных, нарушать покой природы. Как отмечают К.К. Хутиз и Э.А. Шебзухова (2007), священные рощи имелись у каждого аула, селения, они создавались отдельными родами. Были и именитые рощи, принадлежащие этническому сообществу, где проводились собрания, моления, посвящения, делались жертвоприношения и пр. Часто земля на которой находилась священная роща, называлась адыгами *Тхъа чыш*, т.е. «Божья земля». Здесь возносились молитвы божеству леса Мезитхъу и божеству кузнечного дела Тлепшу; приносили в жертву, как правило, баранов и вешали на столетние деревья мечи, кольчуги, шлемы, а в новейшее время – разноцветные лоскутки. Эти жертвы приносились перед каким-либо важным предприятием или в знак благодарности за благополучный исход важного события или явления в жизни рода, семьи или самого человека (Сообцокова Н.И., 2010. С. 286).

Дополняет эту информацию К.Х. Меретуков: «В прошлом адыги не строили языческих храмов. Роль общественных святилищ играли рощи – места со священными деревьями, называемые *Тхашаг* или *Тхъачлэзъ мэз* (что можно также перевести как «Лес, находящийся под богом»). Такие священные места были разбросаны повсеместно в лесах, долинах, на окраинах аулов; люди собирались здесь, чтобы читать молитвы и заклинания».

Несомненный интерес представляют и следующие воспоминания очевидца: «У них (имеются ввиду жители морского побережья от Геленджика до мыса Хизе и долин, к нему примыкающих. – Авт.) не было

ни церквей, ни особых молитвенных домов или жертвенников. *Священные рощи, к которым никто не смел прикасаться, заменяли храм*, были местом для молитвы; в святость таких рощ и лесов, в их чудесную силу черкесы верили, чистосердечно. Джемплехский лес, например, был посвящен богу изобилия (Тхагалегг), и ежегодно белая телка приносилась в этом лесу в жертву. В 1841 г., когда генерал Засс сделал набег между реками Белая (Схагуаше) и Пшеха, где находился Джемплехский лес, он имел там жаркое дело и сам был ранен. Кстати, черкесы говорили и были уверены, что Господь наказал Засса за то, что он решился пройти с отрядом через их священную рощу» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 14).

Позже Н.Ф. Дубровин (1871. С. 44) вновь возвращается к этому вопросу: «Все жители, обитавшие между бассейнами рек Туапсе и Шахе, почитали священным местом урочище *Хан-Кучий* (что в переводе означает «священная роща»), где и совершали богослужение. Посреди рощи находится могила; в ней, по преданию, похоронен человек, который делал много добра ближним, известен был в народе своей храбростью, умом и, дожив до глубокой старости, был убит громом. Звали его Кучий, но так как князь на местном наречии называется хан, то и роща получила название *Хан-Кучий*.

По уверению туземцев, больные, принесенные в рощу, получали облегчение, а просьбы молившихся у могилы всегда исполнялись. По воскресным дням в роще совершались богослужения и приносились жертвы, особенно во время голода и разных народных невзгод и бедствий. Когда народ собирался в роще, тогда закалывали жертву и кровью ее поливали могилу Кучия, а в память жертвоприношения вбивали в дерево, растущее над могилой, железный или деревянный крест. Дерево все унижено такими крестами и, по наслоению его, видно, что некоторые из них вбиты более ста лет тому назад.

После жертвоприношения совершались молитвы; мясо животного раздавалось нищим; присутствующие предавались потом пиру: ели, пили, плясали и стреляли в цель. Жители окрестных аулов, питая особое уважение к этой роще, со страхом смотрели на то, как русские солдаты в 1865 г. рубили в ней деревья. Проводники-туземцы просили позволения не располагаться в роще вместе с отрядом, а вне ее; уговаривали солдат не рубить деревьев и, наконец, объявили, что русских за такое святотатство постигнет кара небесная.

Замечательно, что на одном из деревьев этой рощи была прибита дубовая доска с вырезанною на ней надписью плохими славянскими буквами: *«Здесь потеряна православная вера. Сын мой, возвратись на Русь, ибо ты отродье русское»*. Эта надпись дает некоторым возможность предполагать, что небольшое племя, известное под именем хакучей, состояло из русских выходцев – как говорят, бежавших когда-то некрасовцев, нашедших приют в горах и одичавших» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 44).

Авторы дореволюционного сборника «Кавказ...» (Вып. V. 2010) дополняют приведенную выше информацию: *«Священные рощи служили черкесам как бы храмами*. Совершавшееся в них поклонение кресту или пред крестом может дать повод к предположению, что рощи получили в глазах черкесов священное значение именно вследствие водружения в них крестов первыми провозвестниками христианства среди черкесов. Такое предположение было бы крайне ошибочно и противоречило бы тому, что обыкновенно замечается при введении среди какого-либо народа новых для него религиозных воззрений. Известно, что проповедники христианства, опасаясь внезапной ломкой всех старых понятий, верований, предрассудков и обрядов возбудить против себя население, бывали всегда и везде вынуждаемы прибегать к компромиссам, чтобы сделать переход к новой религии постепенным и незаметным. Христианские кресты водружались на месте языческих капищ, языческие божества приурочивались к христианским святым, языческим обрядам давалось христианское толкование. Таким способом действия цель достигалась вполне. Водружение креста – символа христианства на самом месте поклонения языческому божеству наглядно убеждало в силе и превосходстве первого над последним. Народ, привыкший в течение веков почитать известные священные для него места и совершать там моления и обряды, продолжал по-прежнему свое пилигримство к старой святыне и мало-помалу примирялся с новыми верованиями, с новыми толкованиями значения старых обрядов.

Так было, вероятно, и в Черкесии. Уже одна многочисленность священных рощ и почти полное отсутствие остатков христианских храмов по Черкесскому побережью доказывают, что почитание священных рощ предшествовало введению христианства, и что проповедь этого последнего или велась недостаточно энергично, или продолжалась очень недолго, успев только внушить населению уважение к кресту, воздвигнутому среди рощ и лесов, на местах языческих алтарей. Но затем население, предоставленное самому себе, продолжало жить по-прежнему со своими старыми верованиями и даже самому символу христианства придавало значение алтаря языческих божеств. Мы не имеем указаний на значение черкесских священных рощ в прежнее, особенно дохристианское время. В том виде, в котором они сделались нам известны, рощи, по-видимому, имели значение в глазах туземцев не сами по себе, а только как местопребывание известного божества, то есть черкесы не поклонялись самому дереву или деревьям, а чтили их и считали неприкосновенными только как собственность того или другого из своих языческих божеств. Принесенная в такой роще жертва считалась наиболее удобной; здесь же, как мы видели выше из слов Jean de Luca, вешались на ветвях всякие дары божеству, как то: оружие всякого рода и пр. О подобных приношениях, по собственному наблюдению, говорит Тебу де Мариньи, присовокупляя, что принесение даров сопровождается обыкновенно пиром и что головы убитых при этом животных вешаются также на древесных ветвях» («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 60-61).

1.3.3.4. «Следы» языческого почитания священных рощ у адыгов сохранились почти до настоящего времени?

У них (черкесов) есть священные места, где на деревьях висят луки, стрелы и другие предметы, принесенные сюда после совершения определенных обрядов; эти места почитаются так, что даже разбойники не смеют трогать повешенные там предметы.

Николас Витсен (1641-1717).

Сами деревья рощи считались неприкосновенными: верили, что срубание дерева влекло за собою уничтожение рощи – истребление всего племени, которому она принадлежала.

Н. Каменев (1866).

Очевидцы сообщают, что «следы» языческого почитания священных рощ сохранились, по крайней мере, до конца XIX в.: «Почитание священных рощ сохранялось до последнего времени и в тех черкесских обществах, которые издавна признавали себя мусульманами. Так, у натухайцев пользовались особенным уважением рощи Баканского ущелья, впадающего в ущелье реки Адагум: «Тут встречаются, – говорит некий Н.В. в статье «Вести с Кубани» («Московский вестник». 1860), – заповедные рощи, из которых горец, под страхом смерти, не смеет похитить ни одной ветки, не унесет листка; на сучках вековых деревьев развешано оружие, принесенное в дар святыне; какой-нибудь давно отживший воин воткнул здесь в ствол дерева кинжал свой, и кинжал остался никем не тронут; дерево между тем ширилось и уже запустило кору свою по его рукоятку. Нечего и говорить, как богата растительность подобных рощ, так свято хранимых религиозным настроением жителей гор» («Кавказ...»). (Вып. V. 2010).

В пределах шапсугских славилась роща в урочище Адыхеко, недалеко от нынешней станции Тхамахинской (на реке Шебже, впадающей в Афипс с правой стороны), описанная Н. Каменевым (1866). «В урочище Адыхеко, – говорит названный автор, – была у шапсугов *тха-чиг* {*тха* – бог, *чиг* – земля}, то есть божья земля, иначе молитвенное место, называемое обыкновенно священной рощей. По названию этой рощи – *тхамаха* (*тха* – бог, *ма* – указательное местоимение, заменяющее иногда в адыгском языке 3-е лицо, *ха* – корень глагола *хыныр* – нести, поднести; следовательно, все вместе: богу поднесенное, посвященное богу) названа и нынешняя станица Тхамахинская. За 100 лет до нашего времени шапсуги собирались в этой роще для принесения молитвы Мезитхе и Тлепшу, причем приносили в жертву баранов и вешали на столетние деревья в старину мечи, кольчуги, шлемы, а в новейшее время разноцветные тряпки. Эти жертвы приносились для испрошения помощи пред каким-либо отважным предприятием или в благодарность за удачно исполненные, также для испрошения больным здоровья. Существовало убеждение, что присвоившего себе что-либо из этих вещей постигала мучительная смерть. *Сами деревья рощи считались неприкосновенными: верили, что отрубленный сук лишает жизни одного только святоотца; срубленное дерево влекло за собой уничтожение всей его фамилии, а истребление рощи – истребление всего племени, которому она принадлежала.*

Почитание священных рощ, несмотря на проповеди посылаемых из Турции мулл, до того укоренилось в народе, что горцы, совершая намазы и посещая мечети, продолжали приносить жертвы Мезитхе и клясться богом Тлепшем. Только в период систематического покорения Западного Кавказа, когда горцы, возложив надежды на Турцию, подчинились влиянию мулл, уменьшилось уважение к священным рощам, и Тхамахинская пожертвована приговором шапсугов под посев, так как они нуждались в земле» (Цит по: Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

По описанию Н. Каменева, у которого заимствованы приведенные выше сведения, Тхамахинская роща состояла из лип и чинар, высотой до 15 саженей (около 32 м) и в диаметре до 1,5 аршина (около 1 м). Роща венчала отдельную возвышенность среди живописной местности. Она пользовалась уважением у всех горских племен. В конце 1863 г. войска наши истребили остатки рощи на постройку редута («Кавказ...»). Вып. V. 2010. С. 62-63).

И далее авторы вновь возвращаются к описанию сохранившихся до последнего времени священных рощ: «Деревья, пользовавшиеся уважением у черкесов, служили вместе с тем и сборным пунктом при народных собраниях. Такое дерево, названное русскими «кунацким», до настоящего времени сохранилось в долине реки Сочи, за первыми ее воротами. По описанию А.В. Верещагина (1874. С. 52-54), дерево это представляет род серебристого тополя, известного под именем *белолетки*, и стоит на обширной поляне, окаймленной лесистым краем гор. Ствол дерева, на высоте 2,5 аршина (1,8 м) от земли, имел, по измерению г-на Верещагина, в окружности $17\frac{3}{4}$ аршина (12,6 м), окружность же у корня более 20 аршин (около 14 м !?). Внутри дерево оказалось совершенно пустым, только посредине стояла сердцевина столбом, толщиной не более 8 вершков (около 35 см). Но снаружи дерево казалось вполне свежим и было покрыто густой листвою. Под этим огромным древним деревом, как рассказывают черкесы, убыхи держали свой последний совет перед выселением в Турцию.

По-видимому, черкесы не отдавали исключительного предпочтения какой-либо одной породе деревьев. Хотя большая часть священных рощ состояла из дубов, но и белолетний тополь пользовался большим уважением. В отчете Комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря (1867) упоминается также о небольшой священной пихтовой роще около бывшего Бабукова аула, на возвышенном месте, окруженном реками Шахе. Ажу и Буший.

О поклонении деревьям абхазцев известно еще со времен Прокопия. В позднейшее время это языческое поклонение смешалось с христианством и, подобно тому, как у черкесов, выразилось в поклонении кресту, который ставился среди рощи. По свидетельству Якова Рейнегтса, в первых числах мая абхазцы собирались в густом и мрачном священном лесу, деревья которого считались неприкосновенными из боязни оскорбить высшее существо. В этой роще около большого железного креста жили пустыnnики, собиравшие с народа значительные пожертвования за молитвы свои о здравии и преуспевании дел и предприятий приносителей. Все приходившие в рощу приносили с собой деревянные кресты, которые ставились потом повсюду, где была зелень, и знакомые, встречаясь в лесу, обменивались этими крестами в знак дружбы. Рейнегтс присовокупляет ко всем этим сведениям, приведенным здесь в сокращении, что отшельники рассказывают про железный крест в лесу разные чудеса и явления, которые не имеют решительно никакого отношения ни к Христу, ни к его учению. Надо заметить, впрочем, что Рейнегтс не был сам свидетелем совершаемых в священной роще празднеств и основывался только на рассказах абхазцев и их соседей. В общих же чертах описанное Рейнегтсом абхазское поклонение кресту в священной роще вполне совпадает, как выше замечено, с тем, что нам известно о подобных же обрядах черкесов («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 64-65).

Более того, есть информация, что «следы» языческого почитания священных рощ у адыгов сохранились почти до середины XX столетия. Даже в 1930 г., Е.Н. Шиллинг отмечал наличие этого культа у причерноморских адыгов: «Близ а. Красноалександровского (*Леготх*) есть священные дубы, так называемые *тхачох* (т. е. «под богом»). У дуба устраиваются мольбища и приносятся жертвы. Цель этих действий – испросить здоровья заболевшему или воздать божеству благодарность за исцеление больного. Молятся и отдельные лица, и целые семьи, даже из самых «правовверных», и целое общество, несмотря на большое сопротивление муллы. Дуб считается неприкосновенным, с него не может быть взято ни с одной ветки».

В Адыгее до настоящего времени сохранились многочисленные географические названия, подтверждающие наличие у адыгов в далеком прошлом «священных рощ». Например: *Чыгыгуджы* – лес близ а. Гатлукай («Танцующие деревья») – одна их священных рощ, где когда-то собирались на совет (хасэ) старейшины племени бжедугов. В середине XIX в. здесь состоялся съезд бжедугов, на котором бурно обсуждался вопрос о равенстве всех сословий. *Сет Юшхыщыр* («Курган трех братьев Сетовых») – на юго-восточной окраине Егерухай. Эта территория в прошлом являлась священным местом, где устраивали коллективные моления. Известно и *Тхьачлэгъыжъ* – «Священное дерево» у аула М. Псеушхо и т.д.

1.3.3.5. «В обычай адыгов входило сохранение деревьев...»:

Заповедные рощи – своего рода храмы, считавшиеся неприкосновенными. Поэтому помимо их основного названия – Тхьэццлагъ мэз («Роща, избранная богом Тха»), использовалось метафорическое – Чий-зыхамыбз («Роща, в которой ничего не срезают»).

Б.Х. Бгажноков (2007).

Приверженность адыгов друидизму сыграла большую роль в их культуре и мировоззрении, в становлении и развитии таких отраслей хозяйства как садоводство и полеводство, способствовала бережному отношению ко всему живому, сохранению природных ландшафтов.

Как справедливо отмечает С.Г. Кудяева (2007), «...вплоть до 1864 г. Черкесия оставалась наиболее друидической областью не только на Кавказе, но и во всем цивилизационном пространстве Средиземноморья. Может, именно друидизм являлся тем духовным стержнем, который удерживал конфессиональную самобытность Черкесии, препятствовал ее христианизации и исламизации. Друидизм оказывал серьезное воздействие на самые различные стороны жизни: на становление самобытной культуры садоводства и полеводства – «самой практичной системы хозяйства», по словам И.Н. Клингена (1897), на народную медицину, социальную организацию. Несмотря на многовековую проповедь христианства и ислама, Черкесия оставалась языческой, что отличало ее как от мусульманского Дагестана, так и от христианской Грузии».

Поклонение предков адыгов божествам деревьев и всякой растительности органично сочеталось с идеей сохранения лесов и священных рощ. Считалось, что в доме, где живет человек, не будет подлинного счастья и благополучия, если не будет посажено столько деревьев, сколько было срублено для постройки жилища. Здесь прослеживаются прямые параллели с дриадами – в греческой мифологии нимфами-покровительницами деревьев. Считалось, что сажающие деревья и ухаживающие за ними пользуются особым покровительством дриад («Мифы народов мира». Т. 1. 1987).

Дополняет эту информацию К.Х. Меретуков. Он отмечает, что роль общественных святилищ играли места со священными деревьями. Под такими деревьями громко не разговаривали, строжайше запрещалось сквернословить, ломать ветки деревьев, сюда не пускали даже зверей, люди собирались здесь, чтобы читать молитвы и заклинания.

Примечательно, что у адыгов молодой человек не имел права обзавестись семьей, если не посадил и не вырастил хотя бы одно дерево. Так повелевал обычай *адыгэ хабзе*. Среди молодых людей находились и пылкие влюбленные, способные на все, чтобы завоевать любовь девушки. Шапсугские старики рассказывали о

юношах, которые сажали до трехсот (!) деревьев. У адыгов существовало неуклонно выполняемое правило: при сборе урожая следовало не менее одной третьей части оставить и для диких животных, поделиться с ними. Считалось грехом собрать весь урожай под деревом. Адыги не позволяли себе собирать плоды леса до достижения ими полной зрелости. Эти обычаи способствовали сохранению лесов, плодовых деревьев, размножению диких животных и передавались из поколения в поколение. Особенно ценили горцы лекарственные растения. Собиратели лекарственных трав, среди которых часто были и охотники, чтобы восстановить силу земли, на то место, где было сорвано растение, посыпали щепотку соли – *цыгыуцэ* (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

Подобные ограничения были характерны не только для адыгов, но практически и для всех других народов Северного Кавказа. Так, и у абхазов запрещалось рубить дерево во время сокодвижения. Топор, с которым шли в лес, должен был быть обязательно завернут в меховой чехол, ибо «живая природа боится и дрожит, когда видит лезвие». Если абхаз выбирал местожительство в лесу, то он прежде, чем поселиться на новом месте, трижды заранее приходил на три дня и, обходя облюбованный участок, трижды говорил, обращаясь к богу и природе: «Даю слово, посажу столько деревьев, сколько срублю, обещаю вырастить столько скота и домашних птиц, сколько я распугаю дичи здесь на новом месте».

Бережно относились к дереву и вайнахи (чеченцы и ингуши), у которых, как и у адыгов, было довольно сильно развито почитание деревьев (друидизм). Особо почитались граб, сосна, кизил, береза, тис ягодный, дуб и грушевое дерево. Запрет не распространялся на высохшее или поваленное дерево (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

1.3.3.6. «Поразительно ревниво оберегают они деревья...»: армянский автор о культе деревьев у черкесов и абхазов

Они почти все почитатели деревьев и поклоняются они большим деревьям, которые иногда украшают множеством различных предметов и цветов... Все духовные церемонии должны ими совершаться вблизи этих же деревьев.

Минай Медичи (1819).

В начале XIX в. (1819 г.) армянский путешественник Минай Медичи, говоря об обычаях и нравах черкесов и абхазов, подчеркивал, что их религиозные воззрения связаны с культом деревьев: «Здесь (в Кодше, на шапсугском участке побережья. – Авт.), говорят, находится огромное дерево под названием *кодош*, к которому ежегодно приходят на богомолье абазы, оказывая ему божеские почести. Пленник и осужденный на смерть, пробегающие под этим деревом, получают свободу».

Далее (§ 165) путешественник пишет: «Они (горцы) поклоняются большим деревьям, которых называют *тапиш*». Медичи отмечает, что свадебная молитва также возносилась над священным деревом. О религии «северных абазов», проживающих в районе Анапы и которых мы с уверенностью можем идентифицировать как натухайцев, Медичи сообщает следующее: «Они почти все почитатели деревьев и поклоняются они большим деревьям, которые иногда украшают множеством различных предметов и цветов, а также вешают на них свои сабли и оружие. Все духовные церемонии должны ими совершаться вблизи этих же деревьев. Иногда же по утрам все, произнося молитву, крутятся вокруг дерева и только после этого приступают к работе».

Поразительно ревниво оберегают они (горцы) деревья, – пишет автор. В разных местах близ деревьев втыкают деревянные шесты нечто вроде пастырских жезлов, которые называют *тапиш*. При прохождении мимо них обнажают голову и, произнося молитву, поклоняются им... В какой бы нужде они ни были, невозможно, чтобы, не сойдя с лошади и без преклонения, проследовали бы мимо этой *тапиш*, где к тому же, произносят нечто вроде молитвы. Они, по-видимому, всегда просят успеха в своем деле и очень благоговейно пред совершением духовных дел. В обычных молитвах своих, они вспоминают Богородицу, очень чтят и Иисуса, не зная, впрочем, причины и называя его *Мейремох*, т. е. сын Марии. При всех случаях молятся так: «*Г'санып у г'семут'о ашнемджыр ц'фыр г'семт'о т'лнкнып*», т. е.: «Если ты не дашь нам нашего счастья, никакой человек не может дать нам наше счастье» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

1.3.3.7. «Добрые» и «злые» деревья

Не порти дерев, от которых можно питаться, ибо дерево на поле – не человек, чтобы могло уйти от тебя. Только те деревья, о которых ты знаешь, что они ничего не приносят в пищу, – можешь портить и рубить, и строить укрепления...

Библия. Второзаконие (20; 19-20).

У адыгов существовало стойкое поверье, что за нарушение традиционных правил сохранения растительного мира последует неминуемая кара. Считалось, что виновнику вырубки деревьев не одобровать в жизни...

Н.И. Сообцокова (2010).

Адыги бережно относились к лесному богатству, несмотря на то, что две трети территории Черкесии были покрыты лесом. Именно лес давал пищу, укрывал от непогоды, спасал от ветров, ливней и вообще от опасности, давал возможность построить жилище и разжечь очаг. В лесах было много фруктовых деревьев,

ибо каждый мужчина, проходя через лес, прививал 3-4 черенка от лучших сортов плодовых деревьев. Этот обычай, по мнению ученых, и был причиной формирования знаменитых черкесских садов на северном Кавказе (Сообцокова Н.И., 2010. С. 284).

В культовых представлениях предков адыгов дерево было символом справедливости. Ствол дерева, от которого отходят ветви, был символом единства. Считалось, что ветви оберегают от зла и злого рока, а цветы и плоды дают человеку счастье и благоденствие. В период язычества адыги делили деревья на «добрые» и «злые».

«ДОБРЫЕ» ДЕРЕВЬЯ. Все плодовые деревья считались добрыми, приносящими удачу. Их запрещалось вырубать. Приносящими счастье считались липа, ясень, боярышник и дуб.

Обожествление дуба имеет место у многих больших и малых народов. У адыгов дуб – одно из самых почитаемых и священных деревьев. Под кронами могучего дуба, в священной роще князя и старейшины выносили судьбоносные для племени решения. Дуб для адыгов был символом мощи, благородства, долголетия и выносливости. В то же время считалось, что это дерево имеет отзывчивую, добрую и нежную душу, что оно чутко реагирует на добрые намерения и чистые помыслы человека. Именно поэтому злые, порочные люди боялись находиться вблизи священного дуба.

Нельзя не отметить особое почитение адыгов к боярышнику. Считалось, что он обладает магической силой прогонять нечистую силу, предохранять людей и животных от сглаза, порчи и наговоров. Кустами боярышника в качестве оберега от злых сил адыги ограждали свои усадьбы. Палки и посохи изготавливались обычно тоже из боярышника и им приписывались целебные свойства.

Одним из особо почитаемых деревьев считался и тутовник. По мнению адыгов, он обладает целебными свойствами: дает силу и остроту зрению. Не случайно тутовник рос практически в каждом дворе. Особым вниманием у адыгов пользовалось шелковичное дерево. Его называли «творением Пророка», «первым деревом из всех деревьев».

«ЗЛЫЕ» ДЕРЕВЬЯ. К «злым» деревьям относили, например, акацию с большими острыми колючками. Ее называли *уд-пан* – «чертова колючка». «Злыми» деревьями считались также кизил, клен, дикая черешня, бересклет европейский. На все эти породы накладывался строжайший запрет для использования их при строительстве дома, хлева, конюшни, амбара и других приусадебных построек. К не почитаемым адыгами деревьям относились и тополя. Вербу называли «глупым деревом».

Есть еще несколько поверий, переживших века и тысячелетия. Не полагалось рвать листья без надобности, а тем более ломать ветки. К дереву можно было подойти с ножом или другим острым предметом только для того, чтобы привить. Топор, с которым шли в лес, должен был обязательно завернут в меховой чехол, ибо считалось, что «живая природа боится и дрожит, когда видит лезвие». У адыгов существовало стойкое поверье, что за нарушение традиционных правил сохранения растительного мира последует неминуемая кара. Считалось, что виновнику вырубки деревьев не сдобровать в жизни, что «не сбудутся в пути его желания».

Священные деревья и рощи предоставляли человеку право убежища. Так, в их пределах строго запрещалось наказывать преследуемого. Если мужчина или женщина, преступившие закон, скроются в священном лесу и повяжут себе на шею какую-либо вещь из тех, которые вешали на священные деревья, то они освобождались от наказания как находящиеся под покровительством лесного божества (Сообцокова Н.И., 2010. С. 273; 278).

1.3.4. Погребальный культ у предков адыгов

1.3.4.1. «Души предков»: древний похоронный обряд у адыгов-друидов

*Души предков жить вечно будут!
Потомки наших предков не забудут!*

Из старинной песни предков адыгов

Как было отмечено выше, погребальный культ у адыгов начал складываться в древнейшие времена. Очень широко среди язычников-адыгов было распространено и поклонение предкам. Черкесы были убеждены в существовании загробного мира (*хадрыхэ*), который у них не ассоциировался с образом ада – страшного места наказания, как это было принято во многих религиях; они верили в то, что некоторые сильные и «чистые» люди редко, но посещают загробный мир и потом возвращаются. Считалось, что душа человека в загробном мире обретает новую жизнь.

Адыги на время похорон делали специальные возвышения, на которые клали тела умерших, или гроб с телом покойного подвешивали высоко на деревьях. Этот погребальный обряд символизировал приближение души умершего человека к Верховному божеству, – считалось, что душа умершего родоначальника и после смерти охраняет род, дом, способствует его благосостоянию. Практически до настоящего времени сохранились старинные песни о «вечной жизни» души на «том свете»:

Уорирай, райрэ, ро, рирарэ, оро!
Души предков жить вечно будут!
Ай, рай-рэ, ро!
Потомки наших предков не забудут!
Ай, рай-рэ, ро!

Архиепископ Иоанн де Галонифонтибус, архиепископ Султании, на рубеже XIV-XV вв., в частности, писал: «Что касается религии черкесов, то в некоторых обрядах и постах они следуют грекам, пренебрегая всеми другими сторонами религии, ибо они имеют свои собственные культы и обряды. Вместо 40-дневного поста они постятся 50 дней, так как они выполняют также предпраздничные и пятничные посты. И это все. В великие посты и воскресенья они даже приносят в жертву животных, мясо которых раздается и поедается, но головы они отдают бедным и старым или же выставляют их на высоких местах, вроде ветвей дерева, что предполагает пищу для духов. Эти головы, развешенные на деревьях, предназначались душам умерших (Хотко С.Х., 2008).

1.3.4.2. «На похоронах «великих» (знатных) лиц употребляется очень странное жертвоприношение...»

Ты говорил: «Не буду служить идолам», а между тем на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудодействовал.

Книга пророка Иеремии (2; 20).

В записках Интериано, побывавшего в конце XV – начале XVI в. в Черкесии, приводятся любопытные сведения о погребальном обряде адыгов эпохи средневековья. Этот культ почитания мертвых сложился, судя по всему, в глубокой древности и сохранился до XVI в.: «Татары и турки зовут их черкесами, и на их собственном наречии имя им адиге. Живут они от р. Таны (Дон) до Азии по всему морскому берегу до р. Фазиса (Рион), где они граничат с Абхазией. Их похороны торжественны: только что скончается знатный человек, устраивают в поле высокое ложе, и на него кладут покойника, которого перед тем бальзамируют; здесь же в продолжении 8 дней его посещают родственники, друзья и подданные, принося ему в дар серебряные кубки, стрелы и т.д. На возвышенном одре по одну сторону сидит девушка со стрелой в руке, к которой привязан платок, отмахивает мух от покойника, даже хотя бы время было морозное. Насупротив сидит его жена и постоянно смотрит на него, не плача, потому что это считается стыдом. На 8-й день совершаются похороны. Берут толстое дерево, и от самой толстой части отрезают в длину, сколько нужно, потом раскалывают его надвое, выдалбливают на столько, чтобы можно поместить тело с частью принесенных даров. Положив тело, складывают обе половины дерева и относят на место, назначенное для погребения, где толпа народа собирается делать над покойным *«темху»* (земляной курган)».

И далее Интериано продолжает: «На похоронах «великих» (т. е. знатных) лиц употребляется кроме того одно очень странное жертвоприношение: девушку лет 12-14 сажают наземь, на шкуре только что заколотого быка; на виду всех стоящих мужчин и женщин, самый сильный и бойкий парень из всего общества, снявши бурку, пытается лишить эту девушку невинности. Попытка повторяется в 3-4 приема, сопровождаемая постоянным сопротивлением жертвы, пока, наконец, от усталости, либо получивши обещание, что она будет считаться женою, она соглашается и парень показывает окружающим признаки побежденной девственности. При этом женщины и попы (!) делают вид, что отворачиваются от зрелища, но сами едва могут удержаться от смеха. (Как здесь не вспомнить библейское: «Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников...» (1-е послание к Коринфянам, 5;1). После похорон, в продолжение нескольких дней продолжают в урочный обеденный час накрывать стол и, снарядив лошадь покойного, посылают ее с прислужником к могиле; там три раза он зовет его по имени, приглашая есть. Не получив ответа, слуга возвращается, тогда все садятся есть...».

Комментируя приведенный выше любопытный документ, А. Веселовский (1880) отмечает: «Это описание похоронного обихода напоминает нам древние тризны и мифические предания арийского племени. Мы только припомним здесь известную роль белой рубашки, свидетельствующей о потере девственности, в русском свадебном обряде и современную схожую с этим черту сицилийских нравов». О достоверности этого средневекового описания похоронного обряда размышляет и В.М. Аталиков. По его мнению, данное свидетельство является уникальным. Однако это «жертвоприношение» у средневековых черкесов вряд ли выдуманно Интериано: подобные обряды в различных вариантах существовали у многих народов Европы, Азии, Африки и Америки – у индусов, индейцев, древних русов и т.д. в далеком прошлом, а у некоторых африканских племен зафиксированы даже в XIX в. Суть этого обряда заключалась в том, что умершему знатному лицу создавались в загробном мире все прижизненные условия существования, в связи с чем *в могилу вместе с ним клали жену, рабов, убитых животных*. Судя по описанию Интериано, у адыгов смысл этого древнейшего обряда к XVI в. забылся и ритуал приобрел форму забавы.

О том, что у предков адыгов жену зачастую хоронили рядом с мужем, сообщает Е.А. Налычикова (2008). Как пишет автор, «похоронно-поминальный» этикет, как правило, с особой строгостью регламентирует поведение женщин. О предначертанности судьбой женщине всегда быть возле мужа (мужчины) свидетельствуют некоторые древние ритуалы, отмечавшиеся в похоронной практике адыгов, к частности шапсугов, которые до принятия ислама хоронили супругов вместе. Если жена умирала раньше, то при похоронах мужа ее останки откапывали и размещали возле тела покойного. В сказании о герое Хасанше Шогенокове после трагической гибели его и самоубийства невесты «погребли их в одной могиле». В величальной песне,

посвященной герою, эта процедура описана следующим образом: «*зи тыхь щласэри зи кхъащхэм щагъэтылгыжыр – Шэджэмокъуэм и къуэкIэ Хъэсаншт*» («...чьей любви жертву дорогую кому в могилу кладут – это Шаджамоко сын Хасанш») (Нальчикова Е.А., 2008. Вып. VII).

1.3.4.3. Воздушное погребение: «остаточное явление исконного друидического похоронного обряда у адыгов...»

В разные периоды в различных группах черкесов на деревьях хоронили либо всех умерших, либо только знатных и чем-то выдающихся членов клана – героев, людей, убитых молнией, врачей.

Эвлия Челеби (1666).

Тело убитого на 3 дня и 3 ночи кладут на дерево на том месте, где молния ударила, и под деревом пляшут. Затем в течение 3 дней веселятся дома, а потом хоронят, говоря: «Таихор ёвач», т. е.: «Сын Божий ударил».

Минай Медичи (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

О своеобразном «воздушном погребении» покойников у предков адыгов сообщал немецкий путешественник Иоанн Шильтбергер (1381-1440), побывавший в начале XV столетия в Черкесии: «...У черкесов есть обычай – класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После того приходят соседи, принося с собою кушанья и напитки, и начинают плясать и веселиться, режут быков и баранов и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый день, пока труп совершенно не разлагался, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой». Примечательно, что в то же время, по словам того же Шильтбергера, адыги считались «христианами, исповедующими греческую веру» («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 114; Хотко С.Х., 2008).

О том, что отдельные элементы «воздушного погребения» были восприняты в XIV-XV вв. и при захоронении некоторых султанов черкесского происхождения в Египте, сообщает Н.И. Сообцокова (2010. С. 313): «Обряд воздушного погребения был известен в Черкесии и в Абхазии на протяжении 2,5 тыс. лет. В средневековой Черкесии так хоронили тех, кто погиб от молнии, а также вождей, героев, других выдающихся представителей общества. При погребении одного из султанов черкесской династии мамлюков, тело султана положили в деревянный ящик и подвесили к потолку цитадели (по одной версии) или мечети (по другой). Затем он, как мусульманин, был погребен в мавзолее при мечети, построенной на его деньги еще при жизни».

Много позже, в середине XVII в. и турецкий автор Эвлия Челеби зафиксировал у бжедугов «воздушное погребение»: «Этот народ, в полную противоположность черкесам (здесь Челеби имеет в виду остальных адыгов – жанеевцев, шагаков, хатукаев, темиргоев, т. е. равнинных, по преимуществу, черкесов, у которых он побывал перед тем, как посетить бжедугов. – **Авт.**), не зарывает своих покойников, не засыпает их землей. Они выдвигают внутренность толстого дубового бревна наподобие колоды и в нее помещают покойника. Накрепко закрывают колоду, а снизу и сверху проделывают отверстия. Затем она подвешивается к ветвям развесистого дерева и оставляется там. Через отверстие внутрь проникают затем медоносные пчелы откладывают мед. Таким образом они узнают: умерший – в раю. Если же пчелы не откладывают меда, они плачут, восклицая: «О, наш умерший в аду!». В сильнейшем огорчении они, ради умершего, режут 5-10 свиней и раздают их гостям...». В разные периоды в различных группах черкесов на деревьях хоронили либо всех умерших, либо только знатных и чем-то выдающихся членов клана – героев, людей, убитых молнией, врачей (Хотко С.Х., 2008).

Дополняет эту информацию армянский автор Минай Медичи. В начале XIX в. (1815-1819 гг.), путешествуя по стране черкесов и абхазов, в § 181 своих записок он приводит сведения о бытовании у абазов «воздушного погребения», причем и в связи с захоронением убитого молнией, и вне этой связи, т. е. массового обряда. Эти сведения полностью подтверждают тезис о высокой значимости друидических культов в общей системе этнических верований абхазо-адыгов. Еще один важный вывод заключается в констатации преемственности этого уникального обряда в среде западно-кавказских горцев на протяжении 2-х тысячелетий. «Убитого молнией, сообщает Медичи, – считают за мученика и 7 дней, и 7 ночей проводят в веселье. Тело убитого на 3 дня и 3 ночи кладут на дерево на том месте, где молния ударила, и под деревом пляшут. Затем в течение 3 дней веселятся дома, а потом хоронят, говоря: «Таихор ёвач», т. е.: «Сын Божий ударил» (По мнению С.Х. Хотко, здесь армянский автор приводит не совсем адекватный перевод, так как очевиден другой текст – «Великий (Большой) бог ударил»). Есть племена, которые не хоронят умершего, а кладут труп в дупло дерева, привязывая его ветвями; оружие и лоскутки же вешают на дерево» (Хотко С.Х., 2008).

К «погребальной» тематике относится и следующее предположение Р.Ж. Бетростова (1991). Он отмечает, что весь ритуал и погребальный инвентарь свидетельствуют о языческой религии адыгов в течение всей эпохи раннего средневековья. Но подмечены интересные факты. В средневековом погребальном ритуале кабардинцев, например, сохранилась одна любопытная деталь. Это деревянные колоды, в которых обычно лежат умершие. В ученой среде их часто принимают за гробы. Некоторые исследователи (В.И. Марковин,

В.Х. Тменов), однако, готовы считать, что каждая колода – это своеобразная «ладья», с помощью которой умершие должны плыть по рекам и морям загробного мира. Эти колоды-ладьи являются своеобразным воспоминанием о былой, реальной жизни близ моря, о реальных морских передвижениях. Как-никак, адыги всегда были народом приморским и уже в древности славились как отличные мореходы (особенно если вспомнить сообщения античных авторов о керкетах, зихах, ахеях) (Бетров Р.Ж., 1991). Впрочем, не исключена возможность, что эти колоды-ладьи – всего лишь своеобразное переложение верований древних греков о мифическом Хароне, перевозившем на своей ладье души умерших через реку Забвенья (Смерти).

1.3.4.4. «Со смертью моей пусть и обширный курган, и высокий насыпят ахейцы...»

*На открытых, далеко отовсюду видных местах,
хоронили черкесы погибших героев, под грудами камней,
под высокими курганами – хранителями стольких преданий.*

В.А. Потто (1895).

Адыги с древнейших времен не позволяли себе разрушать могилы. Они были неприкосновенны... Вплоть до XX в. всадник-адыг, проезжая мимо кургана, спешил с коня, и лишь помолвившись, продолжал свой путь.

Н.И. Сообцокова (2010).

В конце XVIII – начале XIX вв. как черкесы, так и абхазы постепенно отходили от обычая «хоронить» на деревьях, но продолжали развешивать оружие, доспехи и вещи покойных на деревьях в священных рощах. «Этот обряд, – по мнению С.Х. Хотко (2008), – не что иное, как остаточное явление исконного друидического похоронного обряда».

О том, что на смену «воздушному погребению» у черкесов пришло захоронение мертвых в земле, пишут дореволюционные авторы сборника «Кавказ...» (Вып. V. 2010): «Все провожающие покойника на кладбище должны были также принять участие и в засыпании его трупa. Насыпая могильный холм, родственники умершего первоначально могли руководиться желанием защитить труп от хищных животных; кроме того, некоторую роль играло иногда и опасение, как бы покойник не вышел из могилы и не наделал неприятностей живым. Вместе с тем в обычае, требовавшем, чтобы все присутствующие на похоронах принимали участие в зарывании могилы, сказывалась сила общественности, связывавшая членов древней общины: похороны, как и свадьба, были делом всей общины, и потому каждый считал своим долгом принять участие во всех главнейших актах погребального обряда, в том числе и в засыпании могилы. Вследствие этого величина могильной насыпи сделалась показателем многочисленности общественной группы, а, следовательно, и могущества покойника».

Генуэзец Георгий Интериано, писавший о Кавказе в 1501 г., рассказывает, что черкесы насыпали земляной курган на могиле умершего, «и чем он был знатнее, и чем более у него было друзей и подданных, тем выше и больше насыпался курган». Так поступали и другие народы на известной ступени культурного развития. «Со смертью моей пусть и обширный курган, и высокий насыпят ахейцы», – просит Ахилл своих соратников («Илиада». Песнь 23). И скифы, по свидетельству Геродота, при погребении царя общими силами устраивали большую земляную насыпь, «прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше» (Геродот. Гл. 4. С. 72).

Из этого древнего обычая возникло сохранившееся до настоящего времени у многих народов воззрение, согласно которому всякий присутствующий при погребении должен бросить хоть горсть земли в могилу, выражая этим внимание к покойному...» (Чурсин Г., 2010. С. 200-202).

1.3.4.5. «Гробницы умерших называют вечными домами, так как в преисподней проводится бесконечный век»

Жилые дома у них (черкесов) очень плохи; ...снаружи они с виду не лучше, чем хлевы крестьян в деревнях Германии. Но их гробницы и дома, устроенные для покойников, гораздо великолепнее и ценнее, чем жилища живых.

Адам Олеарий (1599-1671).

Черкесские князья и уздени ставят значительные по размерам надгробные сооружения 6, 7 и 8-угольной формы, а иногда и правильные часовни; они возводятся из камня, обработанного каменотесом.

П.С. Паллас академик (1794).

В развитие предыдущего раздела, уместно привести свидетельство автора XVII в. Адама Олеария (1599-1671) о, скажем так, весьма своеобразном похоронном обряде у черкесов: «Когда умирает знатный человек, собираются мужчины и женщины в поле, приносят в жертву козла и, как нам говорили, производят при этом странную дурацкую пробу, годится ли животное в жертву, а именно: они отрезают производитель-

ную (т. е. детородную. – **Авт.**) часть бросают ее об стену или забор, и если она не прилипнет, а отпадет, то жертва признается недостойной; тогда нужно заколоть другую; если же она прилипнет, то жертва считается избранной. Тогда снимается шкура, растягивается и насаживается на длинный шест. Перед ним приносят жертвы, варят и жарят и друг с другом съедают мясо. Затем выступают несколько мужчин и молятся перед шкурой, один за другим. Когда молитва окончена, женщины уходят, мужчины же остаются, садятся вновь и сильно напиваются водкой и брагой, так что потом вцепляются друг другу в волосы. Шкура остается на шесте до тех пор, пока ее не сменит новая жертва.

Такого рода козью шкуру мы встретили недалеко от дома княгини Бике: вместе с головой и рогами она была натянута на черный крест, в середине четыре раза прорезана и водружена на длинном шесте. Шест охранялся невысоким плетнем, чтобы собаки или что-нибудь нечистое не могли подойти и загадить святыню.

Своих покойников они хоронят честно, ставя на могилах колонны, а если похоронен кто-нибудь знатный, то целые прекрасные дома. Например, на гробе брата черкесского князя Мусала был построен прекрасный дом с пестрыми балками, расставленными в шахматном порядке; сверху он был усажен резными, но неуклюжими изображениями, представлявшими охоту.

Жилые дома у них очень плохи; они сплетены из кустарника и внутри обмазаны глиной; снаружи они с виду не лучше, чем хлевь крестьян в деревнях Германии. Но их гробницы и дома, устроенные для покойников, гораздо великолепнее и ценнее, чем жилища живых. Почему это делается – мне не было сообщено, так что я не знаю, не из того же ли предположения, какое было у древних египтян, живших в Мемфисе, по словам Диодора Сицилийского (80-29 гг. до н. э.): «Жители этой страны весьма невысоко ценят здешнюю жизнь, замкнутую в пределы. Но зато высоко почитают они все то, что после смерти даст большую славу за добродетели. Жилища живых они называют постоянными дворами, так как в них мы проводим короткое время, а гробницы умерших вечными домами, так как в преисподней проводится бесконечный век. Поэтому мало заботятся они о постройке домов, но не жалеют трудов для украшения гробниц...», – завершает свое живописное описание Адам Олеарий.

Сообщение Олеария о похоронном обряде черкесов дополняет Ян Стрейс (1630-1694), побывавший в Черкесии в 1668-1670 гг.: «Они считают себя мухаммеданами, хотя на самом деле не более чем язычники. Они, правда, говорят, что верят в единого Бога, но служат вместе с тем и черту, и идолам, уделяя последним больше внимания, чем служению и познанию истинного Бога. У них нет ни церквей, ни священников, ни Писания, но приносят жертву в установленное время. Между прочим наибольшим предпочтением пользуется Ильин день. Как раз в то время, когда мы пристали к берегу, чтобы купить съестных припасов, я видел... жертвоприношение, какое они совершают после смерти благородного человека. Мужчины и женщины сходятся в открытом поле, приводят с собой козла, у которого, чтобы удостовериться в его пригодности, отрезают яички и бросают их о плетень или о стену; если они приклеятся или повиснут там, то козел отменный, а если нет, то нужно привести другого. Затем с него снимают шкуру, расправляют ее и вешают на высокий кол, варят и жарят мясо и затем совместно съедают. После этого подходят мужчины один за другим и читают молитвы перед шкурой. Женщины тотчас уходят домой, а мужчины остаются на том же месте, долгое время едят и пьют водку, чем и кончают эту церемонию. Они предают с почетом своих мертвецов земле и оставляют известные памятные знаки. Они оплакивают и печалются о них долгое время, терзают и царапают свои груди, так что кровь каплями падает на землю («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 72-74).

Описание памятников, которые черкесы ставили на могилах, приводит академик П.С. Паллас, который был на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Надгробные памятники этого народа (черкесов) представляют собой, главным образом, вертикально поставленные обтесанные камни в форме удлиненного прямоугольника, как сплошные, так и полые; их углы обычно украшаются изображениями голов, вырезанными из дерева. Эти памятники встречаются в основном в окрестностях поселений и в более или менее заметных местах. Князья и уздени ставят более значительные по размерам надгробные сооружения 6, 7 и 8-угольной формы, а иногда и правильные часовни; они возводятся из камня, обработанного каменотесом, который приходит к ним с гор специально для этой цели» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Завершая описание похоронного обряда черкесов, Адам Олеарий (1599-1671) пишет: «Черкасы весьма варварски печалются о своих покойниках: царапают и рвут себе лоб, грудь и руки, так что кровь течет струями. Траур длится до тех пор, пока раны вновь заживут, поэтому некоторые, желая, чтобы траур длился дольше, снова расцарапывают полузажившие раны» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 54-55).

Николас Витсен (1641-1717): «Когда хоронят кого-нибудь, то сопровождающие покойника громко кричат, царапают себе лицо и горюют очень долго, пока рана не заживет. Жрец произносит несколько слов над могилой, потом там же едят и пьют. Если человек умирает в доме, то его друзья поднимают неистовый шум подобно язычникам» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Несколько позже это описание дополнили Тавернье (1605-1689) и Паллас (1741-1811). Так, Ж.Б. Тавернье, который в 1663 г. был на Северо-Западном Кавказе, писал: «При погребениях они (черкесы) соблюдают много обычаев, свойственных варварам: провожая мертвого, родственники и друзья испускают ужасные крики и вой, причем одни наносят себе острыми камнями раны на лице и теле, а другие бросаются на землю, рвут себе волосы на голове, так что, возвращаясь с похорон, все они залиты кровью. Они убива-

ются таким образом о мертвецах во время погребения, но после этого не молятся за них, и этим ограничивается весь обряд» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 59-64).

Об этом же писал и академик П.С. Паллас (1794): «Похороны черкесов в основном похожи на похороны абазин. Когда умирает глава семейства, вдова должна расцарапать себе лицо и грудь до появления крови в знак глубочайшей скорби по поводу утраты мужа. Мужчины в этих случаях секут себе лицо плетью, наставляя себе таким образом кровоподтеки, которые они выставляют напоказ в течение длительного времени как выражение их печали» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Более поздние источники дополняют эту информацию: «Те, которые должны сопровождать покойника до могилы, еще перед входом в его дом принимаются причитать и стонать. Его родственники бичуют себя, а жены царапают себе лицо, меж тем как священник наизусть поет некоторые гимны, окуривает покойника ладаном и кладет на могилу блин пасты и ставит сосуд с бузой, то есть пищу и питье. Потом засыпают могилу, а бугор означает место погребения» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 37-39).

2. АДЫГИ И ХРИСТИАНСТВО

2.1. Обращение адыгов в христианскую веру

2.1.1. «Первые вестники христианства... на территории Кубани у причерноморских зихов и босфоритян»

Первые семена христианства были занесены ещё в I в., благодаря апостольской деятельности Андрея Первозванного и Симона Кананита в причерноморских греческих колониях Кавказа. Отсюда христианство проникло в среду заселявших Северный Кавказ адыгов (черкесов).

Монах Епифаний (VIII в.).

Существующие представления о том, что первую христианскую проповедь на Черноморском побережье Кавказа вели апостол Андрей Первозванный и Симон Кананит, носят мифологический характер...

В.А. Яговитин (1994).

В греческий и римский периоды религия древних черкесов (шире – адыгов) была фрако-греческой. Помимо культов Аполлона, Посейдона, в особенности лунной богини, почитались великая богиня-мать (по аналогии с фригийской Кибелой) и бог грозы – верховный бог, соответствующий греческому Зевсу. Начало проникновения христианства в черкесские сообщества относится к временам Боспорского царства. Известно, что на первом Вселенском соборе в Никее в 325 г. присутствовал в том числе и епископ Боспора (Трахо, 1992. С.14-15; Шахназарян Н., 2008).

По Ф. Щербине (1910), «...первыми вестниками христианства были апостолы Андрей Первозванный и Симон Зилот (он же Симон Кананит). В начале I в. н. э. они были в Мингрелии и на территории Кубани у причерноморских зихов и босфоритян». Более того, он утверждает, что, по легендам, большинство нартвов были христиане, и во главе их стоял Георгий Победоносец, а также Савсрук со своим рыжим конем Тхози-ем». Об этих апостолах, несших горцам «свет истинной веры», сообщает и монах Прокопий (2007): «Первыми проповедниками христианства по северному побережью Черного моря и Зихии были св. апостолы Андрей Первозванный, Симон Кананит, Матфей и Варфоломей». Архиепископ Харьковский Макарий (XIX в.), ссылаясь на свидетельство монаха Епифания (VIII в.), также утверждал, что «...первые семена христианства были занесены сюда ещё в I в., благодаря апостольской деятельности Андрея Первозванного и Симона Кананита в причерноморских греческих колониях Кавказа. Отсюда христианство проникло в среду заселявших Северный Кавказ адыгов (черкесов). По церковному преданию, св. апостол Андрей в 40 г. н. э. проповедовал христианское вероучение среди горских народов: алан, абазгов и зихов».

Как отмечал в 60-х гг. XIX в. известный исследователь истории христианства на Кавказе полковник Ракинт, христианская религия проповедовалась «св. Андреем в Зихии или Черкесии... по р. Кубани»; «Св. Матфей благовествовал по берегам Понта Эвксинского (т. е. Черного моря), ...Св. Филипп проповедовал 20 лет в Скифии при устье р. Кубани, Дона, Днепра, Дуная, где над греками, славянами, хазарами и кабардинцами господствовали Босфорские цари». Митрополит Геден Станиславский и Владикавказский (умер в 2004 г.), изучивший все доступные источники по этому вопросу уже в наши дни, однозначно подтвердил проповедь христианства среди зихов этими апостолами. Грузинские летописи и Жития святых также подтверждают рассказ о проповеди христианства среди адыгов св. апостолами Андреем Первозванным и Симоном Кананитом. еще в первые десятилетия новой эры («Исторический обзор Терек...», 1851).

О том, с какими трудностями шло утверждение новой веры на Северо-Западном Кавказе, рассказывает апокрифическое сказание, приписываемое Андрею Первозванному. При описании своего третьего путешествия на Северо-Западный Кавказ этот святой сообщает: «Население этой страны, называемое зихами, занимается земледелием. Зихи жестоки, по нравам варвары и донныне в большинстве, чтобы не сказать все, дики и неверны» (Ловпаче Н.Г., 2009). Несколько позже, в конце VIII в. монах Епифаний подтвердил это мнение: «Зихи народ жестокий и варварский и донныне наполовину неверующий». Зихи чуть не убили про-

поведника апостола Симона Канонита, гробница которого, по легенде, находилась в г. Никопсии – центре Зихской епархии. Апостол, опасаясь расправы со стороны язычников, вынужден был перейти на северный склон хребта к «касогдианам» (касогам?). В отношении последних Епифаний замечает: «Это люди кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди» (Ловпаче Н.Г., 2009).

Вместе с тем, есть информация, свидетельствующая о том, что проповедники христианства почти не встречали на землях адыгов вооруженного сопротивления. Принципы терпимости и уважения к гостям, а значит и к их религии, играли решающую роль при встрече проповедников. Интересно отметить, что согласно древним легендам, особый успех первые проповеди православной веры Андреем Первозванным имели среди нартских дружин, большинство которых приняли христианство (Прокопий, 2007).

Однако современные исследователи с сомнением относятся к сообщениям о пребывании этих святых в Приазовье-Причерноморье. Так, В.А. Яговитин (1994) отмечает, что «существующие представления о том, что первую христианскую проповедь на Черноморском побережье Кавказа вели апостол Андрей Первозванный и Симон Кананит, носят мифологический характер и основаны на Житиях этих святых, написанных не ранее IX в. в Византии с определенными политическими целями».

2.1.2. Роль Византии в утверждении христианства у горцев Северо-Западного Кавказа

2.1.2.1. «Христианство было вторым этапом в истории черкесской религии»

Христианство было вторым этапом в истории черкесской религии. Адыги были обращены в христианскую веру в VI в. н. э.

Хавжоко Шаукат (Бейрут, 1972).

В период укрепления Византийской империи особую роль при обострившихся конфликтах с Персией (Ираном) играли Кавказ и Крым. Именно здесь пересекались важнейшие торговые пути. Поэтому Византии было необходимо контролировать Восточное и Северное Причерноморье и весь Северный Кавказ. В эпоху императора Юстиниана I политика Византийской империи на Кавказе и Крыму была особенно успешной. В 533 г. император Юстиниан установил свою власть на обоих берегах Керченского пролива. Боспорское царство стало провинцией Византийской империи (Прокопий, 2007).

Начало массового обращения адыгов в христианство связано с появлением на Кавказе греческих миссионеров. В первые века н. э. адыгские племена имели тесные торговые связи с Боспором, Византией, Иберией, Албанией; через степи Северного Кавказа проходила трасса «Великого шелкового пути». Значительная часть адыгов (зихов) придерживалась византийской ориентации. С VI в. н. э. обстоятельства благоприятствовали еще большему распространению византийского влияния на Северный Кавказ. В эпоху императора Юстиниана I (527-565 гг.) усилились позиции Византии. Бывшее Боспорское царство стало провинцией Римской империи. «И стал жить Боспор, – писал Иоанн Малала в VI в., – в мире под римскою властью».

Полковник Ракин так оценивает период становления христианства на Кавказе: «В IV-V вв. н. э. на смену греческому и адыгскому языческому пантеону богов приходит христианство. Богатые греческие города на восточном берегу Черного моря: Фазис, Никопсис, Зихополис, Томос, или Тамань учреждают епископства, которые распространяют христианство у соседних народов, назначают у них греческих священников, строят в горах и на морском берегу много церквей, в коих богослужение отправляется на греческом языке, а проповеди и молитвы на туземных языках». Дополняет эту информацию Хавжоко Шаукат в своем исследовании, вышедшем в Бейруте в 1972 г. на арабском языке и переизданном в г. Нальчике: «Христианство было вторым этапом в истории черкесской религии. Адыги были обращены в христианскую веру в годы правления Юстиниана в VI в. н. э. В 576 г. н. э. тюрки-кочевники вторглись в Боспор, разрушив адыгские селения и церкви, но вскоре эти области были покорены вновь византийцами, которые возобновили здесь христианство и построили великолепные храмы».

Авторы одного из сайтов Интернета рассматривают этапы проникновения христианства к черкесам: «С VI в. христианство утверждается в Черкесии, где существует до крушения Византийской империи. В Черкесии образовалась многочисленная прослойка христианских священнослужителей (*шоген* – поп, священник; *кардан* – дьяк).

Первый христианский епископ (*иуан*) в Стране адыгов – Зихии, появляется в середине VI в. Резиденция епископа Зихии и Абазгии находилась в Никопсисе, идентифицируемым с местностью Никепсухо (совр. Новомихайловское) на Черноморском побережье. Местность Лесистого кургана близ Нальчика указывается как место пребывания христианских епископов. Зихская церковь не подчинялась национальным церквям других стран. Зихское архиепископство не входило и в состав архиепископии Золотой Орды, что подчеркивало признание со стороны римского папы независимого статуса Зихии. На протяжении более трех веков (последняя четверть VII-X вв.) епископские кафедры Крыма были подчинены архиепископу Зихии. Черкесский аристократ Жан де Зихи был рукоположен в сан архиепископа Зихии Папой Клементом VI в 1346 г. в Авиньоне. Зихские епископы активно участвовали во всех христианских соборах IV-XIV вв. Христианство оставило свой след в названии дней недели, некоторых обрядах» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

По данным авторов «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 114), христианство православного толка проникло к адыгам из городов Таманского и Керченского полуостровов. Большую роль при этом сыграла в VI в. Византия, затем Грузия, а в X-XI вв. – Тмутараканское русское княжество.

О роли Византии в процессе христианизации горцев размышляет С.Х. Хотко (2008): «Византийская империя оказала серьезное влияние на ход зихской истории. Крым был византийским. Грузия и Армения входили в состав империи. Византия была тысячелетним соседом Зихии. И одновременно – это тысячелетняя эпоха христианства в Зихии. Любопытно, что первое крещение русы приняли на территории Зихской архиепископии – в Корсуни (Херсонесе)».

2.1.2.2. Тмутаракань: «Крупнейший форпост христианской проповеди среди касогов»

Крупнейшим форпостом христианской проповеди среди касогов явилось русское Тмутараканское княжество (X-XII вв.). Оно занимало огромную территорию и охватывало Восточный Крым, Таманский полуостров и Нижнее Прикубанье.

Прокопий (2007).

«Процесс христианизации касогов получил повое наполнение уже в X-XII вв., при включении в него Грузии и Киевской Руси, – пишет Прокопий (2007). – Так, крупнейшим форпостом христианской проповеди среди касогов явилось русское Тмутараканское княжество (X-XII вв.). Оно занимало огромную территорию и охватывало Восточный Крым, Таманский полуостров и Нижнее Прикубанье. В конце правления Киевского князя Владимира Мономаха Тмутараканское княжество перестает входить в состав Киевской Руси. Таманский полуостров и г. Тмутаракань, получивший название Матраха, отходит вновь к касогской знати, которая к тому времени была вся православной».

Будучи в X-XI вв. крупным очагом христианства на Кавказе, город Тмутаракань, несомненно, оказывал культурно-религиозное влияние на соседние адыгские племена. В княжестве существовало два христианских храма; в начале XII в. была построена церковь Богородицы. Под самой Тмутараканью учеником Феоodosия Печорского, Никоном был основан монастырь – филиал Киево-Печорской лавры. Никон здесь долго жил, и ему, главным образом, мы обязаны появившимися в летопись сведениями о Тмутаракани. Из этого следует, что в княжестве была развита письменность (Твердый А.В., 2009).

В 861 г. г. Таматарху-Метраку (Тамань) посетили славянские просветители братья Кирилл и Мефодий. Ещё до их визита епископ Таматархи на протяжении многих лет прикладывал усилия для распространения христианства у адыгов-касогов, посылая к ним проповедников и византийских монахов. В это время это был вполне византийский город, имевший епископскую кафедру; силуэт города определял кафедральный собор, окруженный рядом церквей и монастырей. Богослужения там велись на греческом языке и по образу греко-восточной церкви. Побывали братья и в Фанагории, в которой также была христианская община. Здесь некогда отбывал ссылку свергнутый византийский император Юстиниан II, за которого каган Хазарии выдал свою дочь. Затем Кирилл и Мефодий проезжали Землю адыгов, неся горцам «свет истинной веры», а также начатки славянской письменности (Прокопий, 2007).

По уставу Льва Премудрого (894–911 гг.), на северо-восточном берегу Черного моря насчитывалось 3 епархии: Херсонская, Боспорская (Тмутараканская) и Никопсийская. При этом Тмутараканская и Никопсийская епархии именуются в уставе уже архиепископиями, т.е. автокефалиями. Архиепископия Зихии была достаточно авторитетной автокефалией вселенской церкви. Настолько, что епископии Крыма (Херсонеса, Сугдеи и Боспора) входили в зихскую церковь (Хотко С.Х., 2008).

Комментируя эту информацию, А.В. Гадло (2006), пишет: «Факт перемещения центра Зихской епархии из Никопсиса (район Туапсе) в Тмутаракань и ее слияние с местным клиром, до этого, по-видимому, подчиненным крымской Готской епархии, свидетельствует о перемещении экономических и социально-политических интересов адыгской общности из области древнего расселения адыгов-зихов в низовья Кубани».

2.1.3. «Император Юстиниан обратил милостиво внимание на адыгов и стал прилагать старания к обращению их в христианство»

Он отверз дверь веры язычникам.

Деяния святых апостолов (14, 27).

Император Юстиниан... был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витезем. С помощью наших предков он одолел врагов империи. После того Юстиниан обратил милостиво внимание на адыгов и стал прилагать старания к обращению их в христианство.

Ш.Б. Ногмов (1893)

Воспоминания об императоре Юстиниане надолго сохранились в адыгском фольклоре: «Греческий император Юстиниан, – говорит Ш. Ногмов, – по сказанию старцев Юстин или Юстук, был союзником ады-

гейского народа и даже называл себя адыгейским витязем. С помощью наших предков он одолел врагов империи. После того Юстиниан обратил милостиво внимание на адыгов и стал прилагать старания к обращению их в христианство. Адыге приняли его от греков без сопротивления, что и послужило сближению этих двух народов. Имя Юстиниана было в таком уважении между адыгами, что для подтверждения своих слов народ клялся юстиниановым столом и юстиниановым тронном. Существовали предания, – продолжает Ш. Ногмов, – о пребывании среди адыгов греков «урыма», принесших им христианство. Память о них сохранилась у шапсугов до недавнего времени». Уже в первой половине VI в. адыги и абхазы имели собственные епископские кафедры, существовавшие на положении автокефалий константинопольского или антиохийского патриархата. Имя зихского (адыгского) епископа Домиана или Дамиана из Фанагории (близ современной ст. Сенной. – **Авт.**) встречается в документах Константинопольского собора 526 г.

По уставу Льва Премудрого (894–911 гг.), на северо-восточном берегу Черного моря насчитывалось 3 епархии: Херсонская, Боспорская (Тмутараканская) и Никопсическая. При этом Тмутараканская и Никопсическая епархии именуются в уставе уже архиепископиями, т. е. автокефалиями. По другим данным, в этот период в Земле адыгов было 4 епархии. Так, митрополит Макарий (Булгаков) в своем исследовании истории христианства в России до равноапостольного Владимира пишет: «В Зихии мы знаем 4 епархии из которых одна имела резиденцию в Фанагории (вблизи ст. Сенной), другая в Метрахе (Тмутаракани или Тамани), третья в Зихополисе, или Зихии, отделявшейся от Тамани, по словам Константина Багрянородного, одной только р. Укрухом, четвертая в Никопсисе у нынешней р. Шакупси» (вблизи пос. Новомихайловского – **Авт.**) (Прокопий, 2007).

К этому же периоду относится сообщение о христианизации и кочевников-готов: «На Черноморском побережье готы были уже христианами и имели своих епископов. По данным профессора Бруна, в 547 г. готы-тетракситы потребовали себе епископа из Константинополя» (Твердый А.В., 2009). В VIII в. в составе Готской епархии на Северо-Западном Кавказе существовало Оногурское епископство, а по сообщению более раннего автора (VII в.) – Иоанна Никиусского, «...Кубрат – князь гуннов в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства».

Другие источники дополняют наши представления о христианизации горцев Северо-Западного Кавказа: «Что же касается области бывшего Боспорского царства – Таманского полуострова, то здесь христианство под влиянием Византии, несомненно, утвердилось еще раньше, чем в нагорной полосе Северного Кавказа. По свидетельству патриарха Досифея, на Цареградском соборе 519 г., в числе прочих участвовал Фанагорийский епископ Иоанн (Короленко П.П., 1909). Значит, уже к тому времени в Тамани существовала епископия. И в конце IX в., при императоре Льве Мудром, рядом с Аланскою церковью по направлению к Боспору существовала архиепископия, центром которой была «Метрака» – Тамань.

Объективности ради следует отметить, что христианство в руках византийских политиков всегда было средством для распространения своего влияния на «варварские» народы, окружающие империю. Поэтому Византия прилагала большие усилия для насаждения христианства на Северо-Западном Кавказе.

О том, какие «меры» предпринимали христианские миссионеры к язычникам, насильно внедряя среди них Слово Божие и неся им «свет истинной веры», – свидетельствует Библия: «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом; и разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того» (Второзаконие, 12; 2-3). Или: «Разорю высоты ваши, и разрушу столбы ваши, и повергну трупы ваши на обломки идолов ваших...» (Книга Левит, 26; 30). Или еще, не менее угрожающее: «Те, кто освящают и очищают себя в [священных] рощах, – один за другим, ...все погибнут» (Книга пророка Исайи, 66; 17). Эта же мысль повторяется в Книге Исход (34; 13): «Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите священные рощи их...». И далее: «И встали, и ниспровергли жертвенники, и все, на чем совершаемо было курение идолам, разрушили и бросили в поток...» (2-я книга Паралипоменон, 30; 14).

2.1.4. «В те времена народ черкесов отличался набожностью, твердою верою...»

И дам вам пастырей по сердцу Моему, которые будут пасти вас со знанием и благоразумием.

Книга пророка Иеремии (3; 15).

В те времена... народ (черкесы) отличался набожностью, твердою верою и никто не клялся именем Творца, считая то величайшим для себя грехом. По свидетельству писателей и лиц, посещавших земли черкесов, они называли себя христианами.

Н. Дубровин (1871).

Приморские адыги (зихи) считались издавна христианами – в память об их крещении была воздвигнута величественная базилика в нынешней ст. Ново-Михайловской. Еще до путешествия Кирилла и Мефодия, в VIII-IX вв. епископ Таматархи пытался распространить христианство и среди закубанских адыгов (касогов). Но православной к этому времени стала лишь племенная знать.

Христианские священники – шогени («шэуджэн») и епископы («шехник»), упоминаемые во многих адыгских сказаниях, принимали меры к распространению христианства греческого толка. Предание сохранило даже название места, где обитал первый епископ, пришедший из Греции; оно находится в 4-х верстах от крепости Нальчик и называется ««Лесной (Лесистый) курган». Вот песня, записанная П.П. Короленко (1909), в которой прославляется епископ-шехник, там обитавший:

Шехник наш защитник и воспитатель,
шехник наш свет.
Воспитатель рассуждал о законе Божиим
с вершины Лесистого кургана.
И на Лесистом кургане скован ему дом из жести с дверями
из литого серебра, и там-то обитал светлый Божий Дух.
И ангелы беседовали с мудрым старцем; свет от бороды его
уподоблялся свету факела.
Он парит в воздухе, как земная птица подымается в облака
и видит творящих беззакония.
Ребра его – не простая кость, но кость слоновая.
И благородный золотой крест сияет на его груди...

В других вариантах этой песни также упоминается, что свет от епископа-шехника, одетого в белые одежды, был «как пламя огня». Судя по всему, мотивы этой песни восходят к библейскому: «Видел я, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями (т. е. Господь); одеяние на Нём было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня...» (Книга пророка Даниила, 7; 9). Или в другом источнике: «Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его – как пламень огненный. И ноги Его, ...как раскаленные в печи» (Откровение Иоанна Богослова, 1; 14).

Интересно свидетельство Н. Дубровина (1871) об этом периоде адыгской истории: «Вспоминая те старые времена, сами черкесы ещё совсем недавно рассказывали, что *адыгский народ отличался набожностью, твердою верою* и никто не клялся именем Творца, считая то величайшим для себя грехом. По свидетельству писателей и лиц, посещавших земли черкесов, они называли себя христианами, крестили детей по достижении ими 18-летнего возраста. По тогдашнему обычаю, в церковь могли входить только старцы, остальные же молодые и пожилые люди становились у входа».

Разъяснение, откуда взялся столь странный обычай, мы находим в записках Дж. Интериано, посетившего Черкесию в конце XV – начале XVI в. (1501): «Черкесы исповедуют христианскую веру и священников имеют по греческому обряду; крестятся только взрослые 8 лет и старше, простым окроплением святой водой и благословением священника. Знатные (*nobili*) не входят в церковь, пока им нет 60-ти лет, потому что, живя разбоем, как и все между ними, считают непозволительным посещать церковь; когда исполнится им 60 лет, или около того, они оставляют грабеж и тогда уже начинают ходить к службе, а до тех пор присутствуют при ней верхом у дверей церкви, не слезая с коня». И далее автор вновь возвращается к этой мысли: «Знатные (черкесы) не входят в храм до 60-летнего возраста, ибо живя грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви; когда они оставляют грабеж, тогда начинают посещать богослужение».

Ш. Ногмов так оценивает значение обращения адыгов в христианство: «Под влиянием союза с Юстинианом, черкесское духовенство, проникши в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение. Христианская вера процветала в Кавказских горах, будучи поддерживаема греческим духовенством, заменявшим убылых (т. е. уехавших или умерших) присылкой новых епископов и священников. От них произошли многие дворянские роды (например, род Шэуджэн-Шовгеновых)».

2.2. Под сенью креста («джур»): христианские памятники на Земле адыгов

2.2.1. Крест – символ только христианства или «древнейший универсальный символ единства жизни и смерти»?

Изображения крестов встречаются уже на сосудах и табличках центрально-европейской керамики конца V – начала IV тысячелетий до н. э., то есть за несколько тысяч лет до начала христианства.

«Мифы народов мира» (1992. Т. 2).

Как в древности, так и в последние столетия изображения креста могли не иметь никакого отношения к христианству. На Кавказе этот знак известен еще с эпохи бронзы... Его языческая символика оказалась весьма устойчива во времени.

Х. Яхтанигов (1993).

Некоторые авторы в качестве подтверждения раннего (в самые первые века н. э.) проникновения христианства к адыгам приводят различные изображения обнаруженных на Северо-Западном Кавказе христианских крестов, в т. ч. на керамике и железных. Однако, как отмечает Х. Яхтанигов (1993), «...как в древно-

сти, так и в последние столетия изображения креста могли не иметь никакого отношения к христианству. На Кавказе этот знак известен еще с эпохи бронзы. В древности этот знак осмысливался по-разному. На Кавказе его языческая символика оказалась весьма устойчива во времени. Порой доходило до курьезных сочетаний. Например, на стенах некоторых мусульманских мечетей в Чечне были изображены кресты (считающиеся символом христианства!) с начертанными на них подписями: «Аллах» и «Мухаммад».

Практически во всех мировых религиях крест – один из наиболее распространенных символов, означающих жизнь, плодородие, бессмертие, активное мужское начало; нередко соотносится с фаллосом. Вместе с тем, крест соотнесен с древнейшим инструментом пыток, с образом мучения и смерти, нечеловеческих мук и ужаса; в раннехристианских текстах – «страстей Господних» («Мифы народов мира», 1992. Т. 2. С. 12-14).

Древность этого символа несомненна. По данным некоторых авторов, первые изображения креста относятся, по крайней мере, к концу V – началу IV тысячелетий до н. э. или даже к верхнему палеолиту: характерные крестообразные знаки на керамических блюдах в Тангыру (Румыния) и Билани (Чехословакия), т. е. задолго до возникновения христианства как религии. В посленеолитическую эпоху крест становится почти универсальным символом единства жизни и смерти. В древнем Китае, Индии, Скандинавии крест – символ неба; у вавилонян, египтян и финикийцев – образ будущей жизни; в Ассирии и Древней Британии – эмблема производительной силы и вечности («Мифы народов мира», 1992. Т. 2).

Археологические раскопки, проведенные в последние годы Н.Г. Ловпаче в районе сел. Ново-прохладное и Сахрай, позволили выявить изображение креста даже на таких древних памятниках, как дольмены, появление которых на Черноморском побережье Кавказа относится, по Л. Цикапидзе (2007), ко второй половине III–II тысячелетия до н. э.

Дополняет информацию о древности этого христианского символа кубанский историк А.В. Твердый (2009): «На меотских городищах западной группы в большом количестве встречаются глиняные «таблетки» и стоячие плитки. Вероятно, таким предметам приписывалась магическая сила и они посвящались солнечному божеству: на них изображены солярные знаки – свастика и крест, вписанный в круг. И на таблечках, и на плитках часто имеются грубые неглубокие ямки, расположенные в определенном порядке. Может быть, это примитивная система записи математических расчетов или древний меотский календарь?», – спрашивает историк.

Интересно, что самыми ранними христианскими символами были стилизованные изображения агнца, рыб, осла, но отнюдь не креста. Лишь много позже для древних евреев крест стал символом ожидаемого мессии – Иисуса Христа, спасения и вечной жизни: «И неся крест свой, Он вышел на место, названное Лобное, по-еврейски Голгофа...» (Евангелие от Иоанна, 19; 17).

2.2.2. «О проникновении к адыгам различных христианских традиций свидетельствуют кресты разнообразной формы...»

Крест здесь (в Черкесии), в таком уважении, что бедные, как туземцы, так и пришельцы с крестом в любое время могут ходить безопасно.

Юлиан, доминиканский монах (1237)

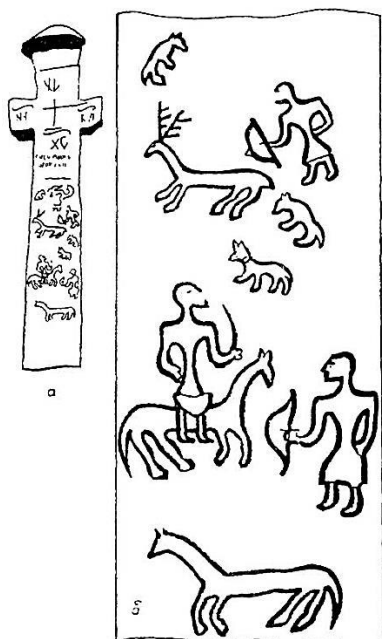
На правом берегу Подкумка стоит высокая гора... Там находили серебряные кресты и другие металлические вещи. Между прочим, найден большой железный крест, подобный тем, какие украшают главы русских церквей.

Ш. Ногмов (1893).

Обращают на себя внимание обнаруженные на Земле адыгов многочисленные кресты и надгробные плиты с надписями, относящиеся к периоду христианизации Черкесии. Так, Николас Витсен (1641-1717) писал: «Они христиане по названию, но почти не соблюдают христианских обрядов. ...В этой стране можно встретить много воткнутых в землю крестов («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71). По данным С. Броневского (1823), «...гробниц с греческими надписями, высеченными в камне, находится довольно много как в Большой, так и в Малой Кабарде».

Несомненный интерес представляет датированный XI в. – временем расцвета Тмутараканского княжества в низовьях Кубани (впрочем, есть и такое мнение, что этот памятник относился к VII в. – Авт.) – каменный крест с изображением мифологизированной охотничьей сцены, с надписью на греческом языке, обнаруженный в бассейне р. Гупс (Губс):

Как отмечает Н.Г. Ловпаче (2009), о раннем греческом христианстве нашего региона свидетельствуют многочисленные надгробные плиты с надписями на греческом языке. На некоторых из них видны попытки написания адыгейских слов греческими буквами, что свидетельствует о сильном греко-византийском влиянии. Интересно отметить, что среди жителей окрестных с плато станиц мнение о греческом происхождении прежнего населения этих мест широко распространено. Из поколения в поколение казаки рассказывают о найденных в огородах железных, стеклянных греческих крестах, монетах и керамике Византийской империи, разрушенных церквях в горах и надгробных плитах с греческими надписями... О том, что на

Гупский каменный крест (XI в.) с изображением мифологизированной охотничьей сцены (по Ловпаче Н.Г., 2009).

р. Шагауаше (Шагоше, Белая) по соседству с входом в Мезмайскую долину, существовал культовый центр по христианизации касогов, свидетельствует надпись на плитах церкви св. Георгия, датируемые 1171 г. На одной (надгробной), в надписи по-гречески упоминается владетель Минилии Георгий Пиуперти, похороненный в каменной гробнице на входе в церковь. На другой плите армянская надпись показывает дату строительства (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 180).

Яков Штелин в своей книге «Описание Черкесии» (1772) сообщает: «Во многих местах Кабардинской земли находят еще надгробные камни, которые означены отчасти крестом, отчасти христианским знаком, а отчасти обыкновенным; в греческой церкви сокращением имени Христа Спасителя нашего, а именно греческими буквами ХР или РХ, то есть Христос» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 160).

По свидетельству Ш. Ногмова, «...на правом берегу Подкумка стоит высокая гора. На стороне, обращенной к реке, видна лестница, сделанная в камне, о шести ступенях, которые вели на вершину горы. Там находили серебряные кресты и другие металлические вещи. Между прочим, найден большой железный крест, подобный тем, какие украшают главы русских церквей. Предание говорит, что тут был город Бергус-ант («Собрание многих антов»). Вероятно, место это в древности принадлежало антам, нынешним адыгам (Ш. Ногмов возводит предков адыгов от антов. – Авт.). На Северном Кавказе, в частности, на аланских памятниках Отрадненского района, найдено несколько древнерусских двусторонних крестов для личного ношения (Твердый А.В., 2009).

Об обнаруженных на Земле адыгов христианских крестах писал и Д. Бернардацци, участник восхождения на Эльбрус, осматривавший Шоанинский храм в верховьях Кубани осенью 1829 г.: «На свесе горы заметны две гробницы, частью под землей, построенные из тесаных камней, как и большой крест, между ними стоящий».

Более подробно о нем сообщает в своей корреспонденции в «Тифлисских ведомостях» А. Щербатов, офицер при свите генерала Емануэля: «На берегах Кубани экспедиция обнаружила множество христианских памятников: Чтобы подольше наслаждаться расположением нашего лагеря, мы оставались в нем до 8 ч утра. В версте от него мы наткнулись на плоский камень примерно 6 футов высотой, повернутый к югу и без какой-либо надписи. Через несколько шагов далее был другой камень такой же формы, повернутый на восток. На нем мы с удивлением обнаружили крест, высеченный умелой рукой» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

2.2.3. «И ныне видны развалины храмов христианских во многих местах в стране черкесов...»

Подвигни стопы твои к вековым развалинам; все разрушил враг во святилище.

Псалтырь (73; 3).

И ныне видны развалины храмов христианских во многих местах в стране черкесов...

Л. Люлье (1857).

Начиная с периода правления византийского императора Юстиниана I (середина VI в.), были воздвигнуты первые православные храмы в различных местах Черкесии. Как сообщает Ш. Ногмов, «...в наших горах сохранилось много церквей, которых крестообразная форма доказывает греческое их происхождение. Два таких здания находятся в верховьях Кубани».

По сообщению Н.Г. Ловпаче (2009), в горах Северного Кавказа сохранилось много церквей, крестообразная форма которых доказывает их византийское происхождение. В 550 г. император Юстиниан I воздвиг на берегу Черного моря Пицундский храм, этот дивный памятник древнего византийского искусства («Кавказ...», 1898). Как пишет Н.В. Анфимов (1980. С. 95), именно «...к эпохе Юстиниана (527-565 гг.) относятся фундаментальные остатки предполагаемой базилики ранневизантийского времени на территории восточной Ново-Михайловской крепости». Восточнее, в Горячем Ключе (адыгское *Псыфабэ*), обнаружены колонны ранневизантийского храма вблизи крепости V–VII вв. на мысе «Петушиный гребень» на правом берегу р. Псекупс (Лавров Л.И., 1968. С. 103).

На территории Северо-Западного и части Центрального Кавказа выявлено свыше 60 византийских храмов, которые были здесь главными очагами культуры и просвещения. По мнению археологов, большинство храмов возводилось местными мастерами, что отразилось в технике строительства и в архитектурном облике (Кузьминов П.А., 2006. Вып. III).

При этом самый восточный памятник раннего христианства в Адыгее, по данным Н.Г. Ловпаче (2009), был открыт недавно (в 2000 г.) на горе Физиабго 2 на левой террасе р. Фарс на площади древней и раннесредневековой крепости Дух, рядом с бывшим монастырем «Михайловская пустынь», основанным в последней четверти XIX в. Последний факт заслуживает особого внимания. На горе Физиабго над р. Фарс расчищены фундаментальные остатки храма с крестовым планом, ориентированного апсидой на восток размером 13х11 м. Судя по окружающему археологическому материалу культурного слоя, наиболее интенсивная жизнь здесь была в V–VII вв., а изображения крестов – языческого (*джора*) и христианского в нижней каменоломне напоминают ситуацию Мцхетского Джвари VII в. в Грузии. Там над огнепоклонническим каменным жертвенником (*джвари* – крест) античной эпохи был воздвигнут христианский храм Святого Креста.

Прокопий (2007) также свидетельствует, что на соседней с Михайловой пустыней горе Острах находится «...сохранившийся фундамент древней православной церкви приблизительно VI–VIII вв. н. э. Ее обследовали археологи и нашли, что церковь была крестово-купольного полукруглого вида. Размеры храма были незначительны: 10,5 х 12,5 м. Огромное количество найденной здесь керамики однозначно говорит о населенности этой местности в VI–X вв. н. э. христианским населением».

Яков Штелин в своей книге «Описание Черкесии» (1772) пишет: «Возле Большой Кабарды у живущего в горах особого народа, называемого ингуши, или кисты, видны еще развалины каменной церкви, и в ямах оной, как сказывают, лежат сгнившие книги и пергаментные листы» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 160).

«Грузины и царь Иван Васильевич, – пишет академик И.Г. Георги (1766), – ввели в Черкесии веру греческого исповедания, но теперь остались от нее одни только признаки старых обвалившихся церквей и сгнивших на кладбищах крестов».

О раннем христианстве свидетельствуют также развалины церквей и часовен на р. Теберде, Большом и Малом Зеленчуках. При этом некоторые культовые сооружения несут на себе печать армянского влияния (память о древней Великой Армении от моря до моря – **Авт.**). Так, неподалеку от ст. Ханской, поблизости от современного Майкопа, на расстоянии 19 км на север, Прозрителевым в XIX в. были обнаружены развалины древнего христианского храма, посвященного святому Георгию. Его исследовал Е.Д. Фелицин в 1876 г., но более подробное объяснение этому открытию дал М. Каменев (1877). Среди развалин обнаружены две плиты с надписью, на одной из которых надпись на древнеармянском языке показывает дату строительства: 620 г. армянской эры, т. е. 1171 г. н. э. (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 180). По мнению Н.К. Костарновой (2009), эта церковь была разрушена во время татаро-монгольского нашествия.

Особенно много христианских памятников встречается на пространстве от р. Белой до верховьев Кубани. Это – полоса длиной 200 верст и шириной в 80 верст, в горах. Такое близкое расположение христианских памятников к Главному Кавказскому хребту, по другую сторону которого находится Абхазия, наводит на мысль о связи христианских памятников Кубанской области с распространением христианства в Абхазии с I в. н. э., а также с влиянием Грузии.

В период активизации Зихской епархии с центром в Тмутаракани, по сообщению Л.И. Лаврова, в городе была построена церковь св. Богородицы и два монастыря: «Несомненно, это придавало христианскому черкесско-русскому княжеству еще больший вес, способствовало развитию религиозного сознания адыгов, принявших христианство еще в VI в. при византийском императоре Юстиниане I». Еще в середине XIX в. в Черкесии можно было встретить некоторые здания, имеющие отношение к православию у адыгов. По словам Ш. Ногмова, между Кубанью и Зеленчуком, на высотах стоят кирпичные здания, называемые *адих*, что в переводе: «дома предков». Там, по преданию, жили священнослужители. Каменные здания за Кубанью, в верховьях Кефара и на р. Зеленчуке, которые называются *элигхнеаунне*, т. е. «дом эллинов», по предположению Ш. Ногмова, были не что иное как монастыри.

Ссылаясь на автора середины XIX в. И.Ф. Бларамберга, С.Н. Бейтуганов (2007) сообщает о «...старинных зданиях церквей, сохранившихся на территории Кабарды вплоть до середины 70-х гг. XVIII в. Астраханский губернатор Петр Кречетников в 1775 г. предлагал Екатерине II, «не замешкавшись, начать население в Татартупе, под протектом веры и возобновления разоренных церквей, кои неоспоримо там есть».

Ценные свидетельства о сохранившихся на Северо-Западном Кавказе христианских храмах собраны в книге «Кавказ и Российская империя...» (2005): «Подтверждением исторических сведений о начале христианства служат древние памятники и развалины церквей, сохранившихся на Кавказе. В земле Кабардинской есть очень много памятников, доказывающих существование там христианства, например, гробницы с греческими надписями и разными изображениями; есть развалины, называемые Татартуп, в 7 верстах южнее впадения р. Кашбулей в Терек. Об этих развалинах господин Дебу говорит, что это был прежде храм Божий, потому что они, несмотря на свое разрушение, до сих пор еще сохранили форму христианской церкви.

Примечательно, что к развалинам бывшего храма Татартуп, по уверению самих кабардинцев, сохраняют они столь великое благоговение, что в чрезвычайных между собою обязательствах клянутся им и никогда уже этой клятве не изменяют; гонимый или обиженный, скрывшийся в этих развалинах, остается неприкосновенным. В Абхазии также сохранились до сих пор развалины многих церквей и монастырей.

Интересен и такой факт. Как сообщает Дюбуа де Монпере (1839), «...и позже, когда черкесы стали мусульманами, они продолжали чтить эти памятники христианства. Проезжая мимо древнего христианского храма,

черкес слезал с лошади и твердил мусульманскую молитву». Подобное почитание христианских святынь было характерно и для абхазов: «Развалины древних церквей они почитают священными и неприкосновенными, и клятва, у сих развалин данная, считается непреложною» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 396).

У черкесов закубанских близ истока р. Шяхе (Шахе) находятся развалины древнего города, остатки колонн и древние признаки искусного зодчества, доказывающие, что там некогда обитал народ образованный; еще более подтверждается таковая догадка между сих развалин находимыми древними монетами и медалями и подает повод заключить, что на сем месте существовал город, принадлежащий к греческим кубанским поселениям, столб с греческою надписью на левом берегу Большого Зеленчука, близ истока р. Игнала. У истока р. Большого Зеленчука видна еще хорошо сохранившаяся каменная церковь с греческою надписью. Гробниц с таковыми надписями очень много встречается в разных местах около Черного моря» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 396).

По данным П.А. Кузьмина (2006. Вып. III), крупные христианские общины находились в долинах рек Теберда, Уруп, Кубань. Для их обслуживания были построены монументальные храмы: Сентинский и Шоанинский.

2.2.4. Шоанинский храм: «удивительный памятник раннего христианства на Земле адыгов»

Весьма бы полезно было обратить означенную церковь на Кубани в монастырь, устроив там для монахов и посетителей странноприимный дом с монастырской оградой.

Из письма генерала Емануэля (1829).

Осенью 1829 г. генерал Емануэль (Эммануэль), возглавлявший экспедицию на вершину Эльбруса, обратился к Д. Бернардацци с просьбой осмотреть Шоанинский храм в верховьях Кубани. Привожу записи Д. Бернардацци в кратком изложении (Журнал МВД, 1830. Кн. 4. Ч. 3. С. 186-191):

«Утром 17-го числа я отправился к означенной реке... Наконец, мы прибыли к подошве Святой горы, откуда увидел я церковь, возвышающуюся почти на 150 саженей (около 345 м) над поверхностью реки. Достигнув вершины, мы вззошли на площадку, на которой построен храм. Внутренность его покрыта разными изображениями (*al fresco*) из земной жизни Спасителя. Сия живопись, подверженная действию воздуха в продолжение многих веков, еще довольно хорошо сохранила живость своих красок. В алтаре, над тремя окнами, видно большое изображение Божьей Матери, а над оным Тайная Вечеря. Стены сложены из таких же камней, как и церковь на горе Чуна. Своды во всей церкви, равно как и купол, весьма хорошо сохранились. Кирпичи, употребленные в некоторых частях строения, величиной в 8 квадратных вершков и в вершок (4,4 см) толщиной, выжжены из превосходной глины.

Возле самой церкви находятся две гробницы, из коих одна со сводами, хорошей архитектуры; другая же, покрытая огромными камнями, частью обрушилась. В недалеком от сего места расстоянии заметны фундаменты двух небольших домиков; между развалинами одного из оных возвышается огромный дуб; церковь также окружена деревьями сего рода. На куполе храма, старыми черепицами выложенном, выросло дерево, род ели: ствол его имеет от 5 до 6 вершков (22-27 см) в диаметре. Пол в церкви совершенно разрушен, вероятно, черкесами, которые думали найти под оным зарытые сокровища. На свесе горы заметны две гробницы, частью под землей, построенные из тесаных камней...».

Дополняет эту информацию другой очевидец событий А. Щербатов, офицер при свите генерала Емануэля, участник восхождения на Эльбрус: «...Но самой знаменательной достопримечательностью, заинтересовавшей генерала Емануэля, оказался Шоанинский храм, построенный по византийским канонам. Культовая постройка находилась на противоположном берегу Кубани и была недосыгаема из-за высокого паводка реки, что сделало известные горцам переправы непреодолимыми. Но рассказы о существовании и других крестово-купольных церквей давних эпох наводили на определенные размышления. Продолжением научной экспедиции стала поездка за Кубань архитектора Кавказских Минеральных Вод Джузеппе Бернардацци».

В рапорте на имя генерала от кавалерии Емануэля Щербатов пишет: «...Я отправился к церкви, находящейся на горе Чуна. С удивлением осматривал я местность, на которой она возвышается, но более всего поразила меня самое ее построение по всем правилам искусства и прочность. Все арки сложены из превосходных кирпичей, а своды – из цельных камней. Грунт места, на котором церковь построена, состоит из порфира и камня, называемого по-итальянски *mollera*; он добывается на противоположной горе и на берегах Кубани. Все мои старания об отыскании каких-либо надписей, изваяний и т. п. были тщетны. Действие воздуха, которому подвержены стены храма в продолжение, может быть, нескольких столетий, слегка повредило некоторые части оных; повреждение же прочих частей, как, например, при входах, должно приписать единственно злоумышленности прохожих» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

Несомненный интерес представляет предложение начальника Кавказской области генерала Емануэля, направленное в Департамент внутренних дел от 30 декабря 1829 г., о восстановлении этого полуразрушенного христианского храма и возобновлении там церковной службы: «Означенные древние церкви промыс-

лом Божиим через несколько протекших столетий сохранены так, что для приведения их в прежний вид даже не требуется больших издержек. Почему мнением полагал бы за полезное восстановить на первый случай хоть одну из них, находящуюся на левой стороне Кубани, в расстоянии от областного города Ставрополя в 160 верстах. Сему предположению предстоят следующие уважительные причины:

Все военные и гражданские чины, в тех новых заведениях пребывающие, могли бы находить богослужение по христианскому образу; с восстановлением же такового в сих древних храмах можно надеяться, что абазинцы, вблизи оных обитающие, народ прежде христианский, а ныне исповедующий веру магометанскую, могут со временем обратиться в недра нашей православной церкви, а за ними впоследствии времени и прочие горские народы при тщательном распространении христианского учения.

Почему, если благоугодно будет правительству принять таковое мое мнение, то весьма бы полезно было обратить означенную церковь на Кубани в монастырь, устроив там для монахов и посетителей страннопребывающих дом с монастырской оградой» (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

2.3. Насаждение Грузией христианской веры у адыгов

Грузия была в XI-XIII столетиях распространительницей христианства в горах Северного Кавказа.

К. Сталь (1900).

Грузинская царица Тамара и ее дочь Русудана в большой степени просветили светом Христовым адыгские племена, и их имена до сих пор очень популярны среди горцев...

Прокопий (2007).

Основными центрами распространения христианства среди адыгов являлись, кроме Византии, – Грузия, Алания, Тмутараканское княжество и в гораздо меньшей степени Московское царство времен Ивана Грозного (Губжоков (2007. С. 177).

Народный эпос адыгов связывает попытки насаждения у них христианства грузинского толка в XII столетии с именем царицы Тамары, «...когда вера христианская была проповедуема в самых недоступных местах Кавказа и усердием которой были воздвигаемы там храмы» (Люлье Л., 1857). Однако первые попытки проникновения этой религии к адыгам предпринимались намного раньше. Следует напомнить, что с Грузией адыги еще в I в. н. э. имели прочные связи. А уже в V в. на Землю адыгов пришли первые грузинские проповедники, посланные царем Грузии Вахтангом Горгасала. Позже именно Грузия, по мнению К. Сталя (1900), «...была в XI-XIII столетиях распространительницей христианства в горах Северного Кавказа».

О роли Грузии в становлении христианской веры у адыгов и противодействии набирающему силы исламу сообщают авторы книги «Кавказ...» (1898): «Нашествие на Кавказ арабов в VII-VIII вв. подавило едва начавшееся христианство. Оно было истреблено почти повсеместно в горах Кавказа, В VII столетии в южные пределы Кавказа проник ислам, утвердившийся после двухвековой борьбы в Дагестане и распространившийся в IX в. по берегу Черного моря. Но учение это, несмотря на многочисленных последователей, не было достаточно сильно, чтобы поколебать преобладавшее там христианство, которое в XI и XII вв. нашло сильную поддержку со стороны князей Тмутараканских и царей Грузии, – царица Тамара скоро восстановила его...». При этом, пишет Е.Л. Марков (1887), «...славная царица Тамара, – присоединила к Грузии Армению, подчинила себе все горы и берега Кавказа и смирила ислам грозой своего оружия».

О роли Грузии в процессе христианизации адыгов сообщает и «Географический словарь Российского государства»: «Весь черкесский народ держался прежде греческого закона, который отчасти от греков во время императора Юстиниана Великого, а отчасти от грузин – чрез посылаемых от них греческих монахов введен и содержан был» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 396).

Определенного внимания заслуживают адыго-грузинские связи в эпоху средневековья. По сообщению Р.Ж. Бетрозова, ссылающегося на грузинские летописи, VI Вселенский собор в Константинополе в 656 г. подчинил мцхетскому патриарху Черкесию-Адыгею. Однако отношения Грузии с адыгами в этот период носили нерегулярный характер. Дело ограничивалось отправлением к мцхетскому патриарху адыгских пастырей (они были греки, а не грузины) для рукоположения в священники (Бетрозов Р.Ж., 1991).

Более подробно освещает этот аспект адыго-грузинских отношений автор фундаментального исследования «Исторический обзор Терка...» (1851): «В распространении христианства среди горцев Северного Кавказа, кроме Византии, немало участвовала и Грузия. Впрочем, последняя простирала свое влияние главным образом на восточные группы горских племен, мало доступные воздействию византийских приморских колоний. Здесь еще в IV в., по сказанию грузинских историков, грузинским царем Гург-Асланом были обращены в христианство осетины. Впрочем, усиленное передвижение в этой местности диких кочевых народов в V-VI вв. и нашествие арабов в VII в. скоро парализовали здесь успехи христианства и место его вновь заняло язычество и отчасти мусульманство. Лишь в XII в. христианская вера была восстановлена среди осетин стараниями знаменитой грузинской царицы Тамары. Вполне возможно, что до учреждения Аланской

епископии и западная часть Северного Кавказа – Черкесия находилась также в некоторой зависимости по делам церкви от Грузии. По крайней мере, грузинская летопись Картлис-Цховреба говорит, что по определению VI Вселенского собора католикос Грузии имел в своем подчинении в числе прочих кавказских провинций также Черкесию и Овсетию и поставлял там пастырей.

Дополняют эту информацию о грузинском проникновении на Северный Кавказ более поздние источники: «Водворение христианской веры в области кавказских народов можно отнести ко времени царствования грузинской царицы Тамары, ибо в эпоху ее жизни много дикарей, в особенности осетинского племени, были обращены в христианство, следы которого и доныне видны в уцелевших от времени и разбросанных по горам Кавказским храмах» («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 23).

Об этом же пишет и Дюбуа де Монпере (1839): «Когда аланы или осеты, насильно обращенные в христианство, в 931 г. изгнали своих епископов и священников, Тамара приказала восстановить среди них христианство и построить церкви. Среди черкесов, до тех пор язычников, заботами Тамары также загорелся свет этой веры: церкви, заброшенные руины которых встречаются то здесь, то там, относятся именно к этой эпохе Грузии... В 1390 г., войска грузинского царя Баграта VI совершили большой поход против черкесских народов для того, чтобы привести их к послушанию. В качестве трофеев они увезли множество капителей, обрубков колонн, которые взяли в христианских и, быть может, языческих храмах». Поистине, «...и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас» (Книга пророка Иезекииля, 36; 25).

«Таким образом, – заключает Прокопий (2007), – христианская вера процветала в Кавказских горах, подерживаемая греческим, русским и грузинским духовенством. В XI–XIII вв. традиционное византийское влияние на территории проживания адыгов-касогов перекрещивается с грузинским влиянием. Успешному распространению христианства среди адыгов способствовала Абхазия, особенно после объединения с Грузией в единое государство (X в.). Грузинская царица Тамара (1184–1212 гг.) и ее дочь Русудана (1212–1227 гг.) в большой степени просветили светом Христовым адыгские племена, и их имена до сих пор очень популярны среди горцев...».

2.4. Римский папа и адыги: попытка обращения Черкесии в католическую веру

В период с XIII по XV вв. и эпизодически вплоть до первой половины XVII в. на территории Зихии (Черкесии) велась активная миссионерская деятельность со стороны римско-католической церкви. Католичество распространялось в Черкесии во времена существования на Азово-Черноморском побережье Черкесии генуэзских (итальянских) торговых городков (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

2.4.1. Начало деятельности католических миссионеров по распространению своего вероучения

У них нет церковных обрядов, они христиане только по имени... Известны случаи перехода черкесов из православия в католичество.

Джовани Лукка (1629).

В XIII–XV вв. миссионерской деятельностью в регионе занимались генуэзцы, без особого успеха пытавшиеся распространять католичество среди адыгов.

М.Н. Губжиков (2007. С. 177).

Мало известны даже среди специалистов попытки распространения среди адыгов католической религии – другой ветви христианства. Начиная с XII столетия, около 200 лет Зихская православная епархия стремительно теряла свои позиции, власть, авторитет и паству. С основанием генуэзских колоний в Тамани начинается пропаганда среди горцев-адыгов католической веры.

В 1266 г. Генуэзская республика по договоренности с золотоордынскими ханами, которые чувствовали себя главными хозяевами на Северном Кавказе, проложила торговый путь от побережья Черного моря к Каспию, – так называемую «Анапскую дорогу». Генуэзский торговый тракт соединял побережье Черного моря не только с Закавказьем, но и с Карачаево-Черкесией. «Старинная дорога, – пишет Прокопий (2007), – вела от Анапы через нынешнюю ст. Ханскую, далее через ст. Новосвободную (Царскую) и выходила в долину р. Большой Зеленчук, а далее Теберду. Следы около 40 генуэзских укреплений и факторий до сего времени можно найти в горах, особенно в долине Мзымты». По другим, дополненным данным, эта дорога проходила «...от Мапы (Анапы), через ст. Хабльскую, Саратовскую, Ханскую, Царскую (Новосвободную), Псебай, Курджиново, реки Кяфар, Большой Зеленчук ниже древнего селения (где сохранились два христианских храма и часовня), далее через р. Марух на р. Теберда к Кубани и затем в Карачай. Оттуда одна ветвь перебрасывалась через Главный Кавказский хребет в Цебельду, а другая шла по Тереку к побережью Каспийского моря».

Генуэзцы-католики приспособили более ранние христианские храмы, находившиеся на этом пути, для богослужения, построили торговые фактории и укрепления при них с ногайскими наемными гарнизонами, охраняющими от нападения разбойников (Ловпаче Н.Г., 2009).

Опираясь на генуэзские и венецианские фактории, католические миссионеры проводили в XIII-XV вв. активную деятельность по распространению своего вероучения. Особенно энергичные усилия в этом направлении были предприняты в начале XIV в. В 1320 г., по решению римского папы Иоанна XXII, была открыта епископская кафедра в Каффе (Феодосии). Префект этого города д'Асколи посылал в Черкесию с проповедью католичества отца Джовани де Лукка и других миссионеров. Позже, в 1346-1349 гг. папой Климентом VI была учреждена католическая архиепископия в Матреге (Тамань); при этом первым епископом Зихии (Черкесии) стал францисканец Иоанн. [Судя по всему, именно о нем пишет автор XV в. Иоанн Галонифонтибус в своей книге «Сведения о народах Кавказа» (1404 г.): «Хорошо известно, как один черкесский дворянин был продан в Генуе, где он прошел обучение, и когда он освободился от рабства, то стал францисканцем, и в конце концов святой престол посвятил его в архиепископы епархии этой страны. Здесь он жил и долго удерживал свой приход, обращая в христианство многих своих соотечественников» («Кавказ: Европейские дневники XIII-XVIII вв. Вып. III. 2010. С. 13-15)].

Итальянским (генуэзским и венецианским) миссионерам удалось учредить епископские кафедры не только на землях западных адыгов, но и в районе Верхнего Джугата, где в XIII – начале XIV в. существовали две церкви. Одновременно в г. Каффе была открыта и миссионерская школа для детей адыгов («Исторический обзор Терека...», 1851 (2008).

Имеются сведения, что некоторые адыгские князья из-за личных выгод иногда принимали католическую веру. Так, правитель города Черко (бывший г. Боспор, ныне г. Керчь) адыгский князь *Верзахт*, с которым обменивался посланиями сам папа, принял в 1333 г. католическую веру, а в 1349 г. адыг Жан де Зики был посвящен папой Римским в архиепископы (Керефов Б.М., 2006).

Дополняет информацию об обращении в католическую веру адыгских правителей исследование Е.С. Зевакина и Н.А. Пенчко (2007. Вып. V). Авторы отмечают, что к 1333 г. относится письмо папы Иоанна XXII, адресованное черкесскому (зихскому) князю Верзахту. Последний был обращен в католичество падре Франческо да Камерино, проповедовавшим в Воспоро перед местным князем Милленом и его вассалами. Папа благодарил Верзахта за «усердие» в пользу католицизма. Между прочим, правитель Воспоро (Керчи) князь Миллен, по происхождению черкес (зих), был приверженцем католицизма. По словам Винья, Франческо еще «много лет проповедовал с большим успехом в Черкесии и других соседних с Крымом странах». Верзахт «в своем усердии к вере распространял новую религию между соседними князьями, оставившими греческую схизматическую (греч. *schisma* – «расщепление, церковный раскол») церковь ради католической. Франческо, не будучи в состоянии один выполнять столько месс, отправился с докладом в Рим, где, возведенный в сан архиепископа Воспоро, по своему возвращении привез с собою много миссионеров доминиканского ордена». К сожалению, Винья и Турон не указывают, по каким причинам Верзахт возымел такое «усердие» к католичеству и сколько льгот и преимуществ он получил за такую заслугу перед итальянскими колонизаторами; Франческо, как мы видели, получил за это выгодную должность архиепископа Воспоро.

К 1439 г. в Черкесии (г. Матрека-Тамань) уже был один архиепископ и два епископа в Сибе и Лукуке. Первый католический епископ в Матреге – францисканец Иоанн – был назначен туда папой Климентом VI уже в 1346 г., вскоре же после утверждения Генуи в Каффе. Следует отметить, что упомянутый Иоанн происходил «из туземцев» (Зевакин Е.С., Пенчко Н.А., 2007. Вып. V).

В стране действовали католические церкви и монастыри. Свидетельством пребывания итальянских купцов-католиков в окрестностях Майкопа является каменная плита с рельефным изображением святого Георгия на коне, попирающего копьём змея. Этот рельеф, датируемый временем не ранее XV в., исполнен довольно реалистично в стиле, сочетавшем черты итальянского ренессанса и касожского-адыгского (Ловпаче Н.Г., 2009). «Однако, – писал С. Броневский, – большая часть черкесов по-прежнему оставалась в греческом исповедании».

2.4.2. «Черкесы внутри страны не имеют ни истинных (католических) обрядов, ни письма, но имеют ...экстравагантный образ жизни»

В Болетте-кое... я крестил в тот день 60 детей, в деревне Безинада крестил 166 детей. Я подарил князю, которого звали Кассыбей, два ножа, а его жене – зеркало и некоторые другие безделушки. В Хатукае я крестил 60 детей...

Джовани Лукка, католический миссионер (1629).

Нельзя не отметить и тот факт, что попытки насадить у черкесов католическую веру предпринимались и много позже – даже в начале XVII столетия. Так, сохранились записки итальянского миссионера Джовани Лукка, посетившего в 1629 г. некоторые области Черкесии. В кратком изложении описание этого путешествия и результаты крещения адыгов приводится ниже:

«Черкесы населяют лесистые места. Область (их) имеет большое протяжение от Тамани до Дербента, города, расположенного на берегу Каспийского моря. Страна черкесов тянется на 26 дней пути. Я и брат отбыли в Черкесию 18 сентября 1629 г. и прибыли в Темрюк, который является одним из главных городов Черкесии... К

греческому священнику приходят из близлежащих местностей люди, являющиеся данниками татар и турок; это по большей части черкесы. Их князя зовут Шабан-Оглы. Я сказал (князю), что хочу поехать в Черкесию, а именно, в Жанна и Болетте-кой (то есть к жанеевцам и темиргойцам. – Авт.). Я купил некоторые безделушки – пуговицы, ножи, зеркала, иголки и наперстки и отправился в путешествие. Меня сопровождал черкесский жрец, проданный князю турками; князь поручил ему покупку рабов в Черкесии. За восемь дней мы дошли до Болетте-кой, имеющего множество деревушек. Здесь мы нанесли визит князю и подарили ему некоторые безделушки.

Затем я приступил к обряду и крестил в тот день 60 детей, давая им имена, которые мне предлагали черкесы, такие странные, как например: Жанкасса, Делет-Каше, Сан-Кассо, Казино, Мал-Берето, Шакн, Ур-дер-Кан, Кибиша, Семикан и т.д. 18 октября я отправился к четырем знатным людям из княжества Бессенада, до которого было восемь дней пути. Добрался до деревни Безинада, крестил 166 детей. Я подарил князю, которого звали Кассыбей, два ножа, а его жене – зеркало и некоторые другие безделушки. Князь подарил мне 30 фунтов (около 12 кг) воска и четыре соболиных шкурки. В Хатукае я крестил 60 детей; прибыл в Каффу (Феодосию) 28 декабря» («Адыги, балкарцы и карачаевцы...», 1974).

2.4.3. «Генуэзцы нанесли в Тамани и Зихии огромный вред православию...»

В царствование Иоанна Васильевича Грозного была введена в Черкесскую землю греко-католическая вера... При безначалии и своевольном управлении истребилась христианская вера и не была заменена другою.

И.А. Гюльденштедт (1809).

Генуэзцы нанесли в Тамани и Зихии огромный вред православию, – вытеснив отсюда греческих священников и епископов и уничтожив древние православные епархии.

«Исторический обзор Терека...» (1851).

Агрессивная и бесцеремонная деятельность представителей папы Римского довела адыгов до отчаяния, – отмечали очевидцы. Латинские миссионеры не гнушались насильственными мерами и часто пускали в дело свои мечи. С этой точки зрения весьма ценно свидетельство магистра богословия Н. Красносельцева о том, как действовали католические миссионеры в Черкесии: «Средневековая западная миссия как против язычников, так и против мухаммедан, выразилась главным образом в форме военного насилия и совершенно почти утратила христианский характер. Латинские миссионеры отнюдь не гнушались насильственными мерами, и меч заменял у них любвеобильное евангельское слово. Язычник и еретик не имели права жить: они должны были или принять латинство со всеми его обрядами и подчиниться папе, или умереть». (Как здесь не вспомнить библейские тексты о «мирных» способах обращения в веру языческих народов: «...Пораженные будут лежать между идолами своими вокруг жертвенников их, на всяком высоком холме, на всех вершинах гор и под всяким зеленеющим деревом и под всяким ветвистым дубом, на том месте, где они приносили благовонные курения всем идолам своим» (Книга пророка Иезекииля, 6; 13). Или: «Ты послал на меня многие и лютые беды, но и опять оживлял меня, и из бездны земли опять выводил меня» (Псалтырь, 70; 20)

Насаждению католической веры во многом способствовало слабое знание (зачастую, весьма и весьма своеобразное) горами христианских догм и канонов. Из документальных источников того времени известно, что черкесы того времени постились несколько дней перед Рождеством Христовым, перед праздником апостолов Петра и Павла, в Великий пост; кроме того, не ели мяса по вторникам, средам и пятницам; в апреле чтили большой праздник, на который пекли хлеб особой формы с изображением трех лиц и ели яйца и сыр; поклонялись кресту, почитали «Ауса Герга» (Иисуса Греческого), «Яллия» (Илию), «Аймиса» (Моисея) и «Тлянма» (Давида).

«Вероятно, этими немногими признаками почти исчерпывалось содержание христианства в сознании черкесов в период, предшествовавший генуэзской колонизации, – отмечают авторы книги «Исторический обзор Терека...» (1851). – При таких условиях православие легко могло уступить свое место католицизму. Но распространение последнего сильно тормозилось вследствие крайнего невежества населения (не имевшего даже письменности) и грубости его нравов, также благодаря отсутствию опытных подготовленных миссионеров».

Не исключена возможность, что католическая церковь при поддержке со стороны генуэзцев в конце концов справилась бы с этими препятствиями, но в XV в. для генуэзских колоний наступили серьезные политические бедствия, приведшие их затем к окончательной гибели. Конец деятельности римского папства на Северо-Западном Кавказе положил захват турками-османами генуэзских факторий в 1475 г. Естественно, что в это время дело религиозной пропаганды отошло на второй план и потом совсем приостановилось. Во всяком случае, генуэзцы нанесли в Тамани и Зихии огромный вред православию, вытеснив отсюда греческих священников и епископов и уничтожив древние православные епархии («Исторический обзор Терека...», 1851. С. 304-305).

Вторая половина XV в. – верхняя граница не только для православия, но и для католицизма. Католицизм так и не нашел широкого распространения среди адыгов. Византийское влияние было более продолжительным и эффективным, поэтому адыги остались под влиянием греческой религии, тесно переплетавшейся с народными языческими обрядами и верованиями (Керефов Б.М., 2006; Хотко С.Х., 2008).

2.5. Распространение христианства в Западной Алании

2.5.1. «Распространение христианства в горах Кавказа шло настолько успешно, что здесь была учреждена особая епархия – Аланская...»

В горах Кавказа ...со временем была учреждена особая епархия – Аланская, в состав которой, наряду с аланами, входили и земли черкесов.

«Исторический обзор Терка...» (1851).

Огромное большинство византийских, арабских и европейских писателей Средневековья считают за аланов все племена, жившие по северному склону Кавказа, у истоков Кубани и Терка, и по равнине, вплоть до царства Хазарского и берегов Азовского и Каспийского морей.

Е.Л. Марков (1887).

Древняя Сарматия, с тех пор как проникло в нее христианство, делилось в церковном отношении на две области: Зихию и Аланию (Прокопий, 2007). С I в. н. э. среди сарматских племен главную роль начинают играть аланы – ближайшие предки осетин по языку. В сложении алан большую роль сыграли не только сами сарматы, но и массагетские племена Средней Азии, в том числе тохары, чье имя с некоторыми видоизменениями сохранилось у осетин в форме «дигор».

Постепенно усилившись, аланы сумели возглавить в I в. н. э. мощное военно-политическое объединение, куда вошел и целый ряд северокавказских племен. Это объединение с самого начала стало оказывать сильное влияние на политическую ситуацию не только на Северном Кавказе, но и во многих сопредельных территориях. Основным регионом военных и политических устремлений алан в первых веках н. э. стали страны Закавказья и Передней Азии, испытывавшие пагубность их частых походов. Такие опустошительные набеги в Закавказье и Переднюю Азию аланское объединение совершало в 35-36, 72-74, 135-136, 291 и 350-х гг. н. э. Активное участие в них принимало и северокавказское население. Так, во время вторжения в Закавказье в 72 г. н. э. в составе алан, по свидетельству грузинской летописи «Картлис Цховреба», находились племена джиков (зихов – предков адыгов), дзурдзуков (предков чеченцев и ингушей) и леков (одно из дагестанских племен).

Эти военные походы, сопровождавшиеся захватом богатых трофеев, содействовали усилению военно-родовой аристократии, находившейся на вершине социальной иерархии аланского общества. Об их богатстве свидетельствуют археологические материалы, выявленные по всему Северному Кавказу. Успехам военных мероприятий алан способствовали, помимо поддержки местных племен, их вооружение и тактика войска, основную ударную силу которого составляла конница – как тяжеловооруженная, так и легковооруженная.

Являясь наследниками более ранних культурных традиций сармато-массагетского круга племен, аланы успешно развивали их как в области духовной, так и материальной культуры. Эта преемственность ярче всего проявилась в религиозных верованиях и погребальных обычаях. В частности, получившие распространение со II в. до н. э. специальные могильные сооружения – катакомбы (в большом количестве раскопаны также в Нижнедзулатском могильнике и у с. Чегем-2) в последующие века становятся одними из главных погребальных сооружений алан. Однако своеобразная аланская культура Северного Кавказа, складывавшаяся под непосредственным и значительным влиянием местных племен, окончательно оформилась несколько позднее (Керефов Б.М., 2006).

К X-XI вв. аланы достигли своего расцвета и создали раннефеодальное государственное образование. Алания постепенно приобретала авторитет сильного влиятельного государства на юге Восточной Европы.

Для упрочения господства феодального класса, возвеличивания и укрепления царской власти и обеспечения политической консолидации внутри страны нужна была соответствующая религиозная идеология. Наиболее приемлемым было христианство. Оно проповедовало идею единого бога-владыки на небе и на земле, обосновывало претензию общеаланских правителей на монопольную власть. Поэтому христианизаторская политика Византии, проводимая усиленно на Кавказе с целью подчинения его своему влиянию, нашла здесь благодатную почву. По мысли византийских дипломатов, в Северном Причерноморье и на Кавказе в X в. сменить Хазарию способно было молодое Аланское государство. С этим периодом связан своеобразный апогей греко-византийского и частично – грузинского влияния, когда начинается новый этап массовой христианизации зихов, касогов и алан.

В Аланию посылаются миссионеры. Господствующая верхушка аланского общества приняла христианство, царь Алании сделался «духовным сыном императора». Это произошло в период, когда патриархом был выдающийся религиозный деятель Византии Николай Мистик (901-907; 912-925 гг.). Успехи в крещении алан прерывались войной с хазарами в 1032 г. и временным отречением алан от христианства, видимо, под давлением хазар и в связи с поражением Алании. Однако, постепенно христианство укреплялось, распространялось на большую часть населения, шло успешное церковное строительство в западной части Алании.

Вдоль Черноморского побережья, затем через перевалы Западного Кавказа, проходящие в верховья Лабы, Урупа, Большого Зеленчука, Теберды и Кубани, передвигались византийские миссионеры, купцы, политические деятели. В труднодоступных горных ущельях, служащих выходами с гор на плодородные

равнины Предкавказья, возводятся церкви и большие соборные храмы. Церковное строительство ведется при аланских городищах и поселениях, зачастую под защитой крепостных стен (Твердый А.В., 2009).

Распространение христианства в горах Кавказа шло настолько успешно, что в середине X столетия здесь была учреждена особая епархия – Аланская, в состав которой, наряду с аланами, входили и земли черкесов. При императоре Льве Мудром, в византийских источниках эта епархия упоминается уже как митрополия (греч. – «группа епархий». – **Авт.**), подчиненная патриарху Константинопольскому («Исторический обзор Терека...» (1851).

Дополняет эту информацию А.В. Твердый (2009): «Когда распространение христианства в Алании при втором патриаршестве Николая Мистика достигло больших успехов, была создана архиепископская кафедра. Известны многочисленные письма того времени от патриарха Николая первым проповедникам в Алании – аланскому архиепископу Петру и царю Абхазии Георгию II (920-955 гг.), активно содействовавшему обращению в христианство соседней Алании. В это время складывается территория епархии, как считает В.А. Кузнецов, распространявшаяся от верховий Урупа до восточных притоков Верхней Кубани. В дальнейшем под юрисдикцией Аланской епархии находилась вся горная часть Центрального Кавказа. Очень рано, со второй половины XII в., складывается и центр Аланской епархии, перешедшей в ранг митрополии. Это огромное Нижнеархызское городище X-XIII вв. в верховьях Большого Зеленчука».

В ущелье р. Большой Зеленчук сооружается кафедрал Аланской епархии – северный Зеленчукский храм. На Нижне-Архызском городище X-XIII вв., где находилась кафедра митрополита Алании, известно 14 церквей и несколько христианских кладбищ (Кузьминов П.А., 2006. Вып. III).

2.5.2. «Цари Алании первыми приняли христианскую веру, которая стала государственной...»

И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом.

Деяния св. апостолов (16; 65).

Начался ускоренный процесс строительства христианских храмов в городищах и крупных сельских поселках. Известно местонахождение их более чем в 50 пунктах верховий бассейна Кубани.

А.В. Твердый (2009).

В самом начале X в. (913-925 гг.) аланская феодальная знать начинает принимать христианскую веру из Византии, заинтересованной в укреплении своих военно-политических позиций на Северном Кавказе, учитывая значительный вес Алании в регионе. При помощи царей Абхазии, миссионеры Константинопольского патриарха проникли в верховья Кубани через Клухорский, Санчарский и другие кавказские перевалы.

Цари Алании и приближенная к ним знать первыми приняли христианскую веру, которая стала государственной, как и в соседних странах: Абхазии, Грузии, Армении (в Киевской Руси приняли христианство позже, в 988 г.). Это событие укрепило международное положение Алании, подняло авторитет ее правителей, усилило их власть. Начался ускоренный процесс строительства христианских храмов в городищах и крупных сельских поселках. Известно местонахождение их более чем в 50 пунктах верховий бассейна Кубани. Только на одном Ильичевском городище исследованы руины семи храмов и еще более пяти ждут своей очереди (Твердый А.В., 2009).

2.5.3. Епископ Феодор: «Аланы – христиане только по имени...»

Кто я, чтобы мне быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевшие аланский народ?.. Аланы – христиане только по имени. Отличия моих пасомых – убийства прежде всего и прочие виды смертей.

Из «Аланского послания» епископа Феодора (1240).

Во второй половине XII в. начинается новый период развития аланского общества. В этот период Алания, как и соседние кавказские объединения, была охвачена феодальной раздробленностью. Сказалась слабость Аланского государства за счет несовершенства государственной машины, отсутствия централизованного аппарата и юридических норм.

Политическая раздробленность сопровождалась падением престижа христианской церкви, а то и отказом части знати и простого населения в отдельных местах от христианства, возвращением к старым дохристианским, языческим культам и верованиям. Кризис христианской идеологии, шаткость в религиозных верованиях и выполнении религиозных обрядов жителями, с одной стороны, и, с другой – состояние политической анархии и ожесточенных междоусобиц, красочно переданы в «Аланском послании» епископа Феодора, направленного в Аланию константинопольским патриархом Германом II (1222-1240 гг.). Прибывший для руководства аланской церковью и наблюдавший развал в стране, он с ужасом и отчаянием писал: «Кто я, чтобы мне быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевшие аланский народ?.. Аланы – христиане только по имени. Отличия моих пасомых – убийства прежде всего и прочие виды смертей». Варваризацию религиозных представлений алан

этого времени подтверждают раскопки Т.М. Минаевой гилячской церкви, где в алтарной части наряду с железными пластинчатыми крестами были найдены железные наконечники стрел и другие бытовые предметы, попавшие сюда в качестве жертвоприношений со стороны прихожан (Твердый А.В., 2009).

О, скажем так, своеобразии христианских верований у горцев свидетельствуют записки доминиканского монаха Юлиана, побывавшего в Черкесии в 1237 г.: «Считающиеся христианами соблюдают такой обычай: не пьют и не едят из той посуды, в которой случайно околела мышь или из которой ела собака, пока посуда не будет освящена священником; кто поступит иначе, – отлучается от христианства. Если же кто из них случайно убил человека, то не назначается ему за это покаяния и не бывает посвящения; напротив, убить человека у них ничего не значит» (Цит. по: «Кавказ...». Вып. III. С.5).

В XIII в. на Северный Кавказ вторглись татаро-монголы. Аланское государство распалось. Но подвластные татарам некоторые аланские поселения продолжали жить еще долго. Судя по византийским источникам, продолжала существовать даже Аланская епархия с центром в Нижнеархызском городище. В конце XIII в. она вновь соединяется с Сотириупольской и Зихской (Адыгской) кафедрами; к 20-м гг. XIV в. эта епархия распалась, а в 1347 г. была восстановлена вновь. Видимо, предполагает А.В. Твердый (2009), татаро-монголы считались с влиянием аланских епископов и, сохраняя епархию, стремились использовать ее в своих интересах. К XIII–XV вв. относится попытка Римского папы «принести свет истиной веры» горским народам Кавказа, в том числе и западным аланам. Но, как отмечали очевидцы, дело католических миссионеров «было непрочно», и в XV в. аланы оставались христианами греческого исповедания, как о том засвидетельствовали Иосафат Барбаро и Лаоник Халкондил. Но аланы, как и черкесы, были «православными» только по имени, как об этом свидетельствует написанный в 1235 г. отчет того же доминиканца Юлиана (Зевакин Е.С., Пенчко Н.А., 2007. Вып. V).

2.6. Христианство – официальная религия в Черкесии

В VII–IX вв. прочные корни пустила у закубанских касогов святая православная вера. По словам Епифания, «...эти люди (касогои) кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди».

Прокопий (2007).

На всем Северном Кавказе христианство пользовалось некогда правами официально признанного культа наряду с многочисленными народными верованиями.

Очерки истории Адыгее (Т. I. 1957).

Дальнейшее развитие получило христианство у адыгов в VIII–XIV вв. В начале VIII в. в Зихии центром христианской епархии был г. Никопсия. В 840 г. это епископство было переименовано в архиепископство, а в конце XI в. перенесено в Метраху (Тамань), а в XIV названо митрополией. Служба там велась на греческом языке и по обряду Греко-Восточной церкви; но «попы были такие невежды, что христианское служение безобразили многими языческими обрядами» (Броневский С., 1823).

Дополняет эту информацию А.В. Гадлю (2005. Вып. II): «Уже в списке епископских кафедр, составленном в самом конце VIII или в начале IX в. (так называемые «нотиции де Бора»), Никопсис назван центром Авагсийской (Абасгийской) епархии так же, как и старый епархиальный центр абасгов Себастополис (современный Сухуми). Интересно, что Зихская епархия, согласно этому документу, не исчезла, но «зихскими» в нем именуются епископии Боспора, Сугдеи и Херсона, на которые патриархатом, видимо, в новых политических условиях были возложены какие-то обязанности в отношении адыгов-христиан, не признававших зависимости от Абхазии. Впервые появляющаяся в этом списке епископия Таматархи (Тумен-тархан, Тамань) с адыгами также не связывается, а входит в число епархий, подчиненных митрополиту Готии, которые были основаны одновременно в ряде хазарских становищ, включая и столицу Хазарии Итиль в низовье Волги».

Несомненный интерес представляет обнаруженная при раскопках на Таманском полуострове печать архиепископа Зихии. На обороте моливдовула – пятистрочная рельефная надпись, полный текст которой, согласно С.Н. Малахову и А.В. Пьянкову (2000. С. 46), гласит: «Богородица, помоги Антонию, архиепископу Зихии». Вероятно, это был тот самый архиепископ середины X в., имя которого, в частности, упоминается в документах Константинопольского патриархата. Под синодальным определением 1054 г. стоит подпись – «Антониос Зикхиас» (т. е. «Антоний Зихский»). Позже, на рубеже XIII–XIV вв. зихский архиепископ был возведен в ранг митрополита.

По словам монаха Епифания, в VIII–IX вв. наиболее прочные корни христианство пустило у закубанских адыгов (касогов): «Эти люди (касогои) кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди» (Цит. по: Прокопий, 2007). У зихов (причерноморских адыгов) христианство получило меньшее распространение.

Процесс христианизации адыгов усилился в X–XII вв., чему способствовала теперь не только Византия, но также Грузия и Русь. Одним из форпостов распространения христианства в Зихии и Касогии было русское Тмутараканское княжество (X–XI вв.) И после падения Тмутаракани, здесь сохранялось христианство. В начале XIII в. на месте Тмутаракани был адыгский город Матрика. В нем, по свидетельству очевид-

цев, «князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих». Об этом же много позже писал генуэзец Интериано, посетивший в конце XV – начале XVI в. Черноморский берег Кавказа: «Черкесы называют себя христианами и имеют греческих священников. Священники у них служат, по своему употребляя греческие слова и начертания... Крещение же принимают лишь по достижении 8-летнего возраста и крестят у них по несколько человек зараз простым окроплением святой водой». У народа этого нет азбуки; их священники употребляют греческие книги, которых вовсе не понимают».

Об одной из таких старинных книг (судя по всему, Библии. – Авт.), которая получила у предков черкесов неожиданное применение, сообщает побывавший в Черкесии Николас Витсен (1641-1717): «У них есть одна книга, которая хранится у одного из старейшин, больше никто не должен видеть ее. Когда старшина умрет, выбирают другого для хранения книги; что в ней написано – мне неизвестно, но достоверно то, что они черпают из нее свои многочисленные суеверия и думают, что с этой книгой можно излечивать больных» (Цит. по: «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Интересно свидетельство баварского автора Иоанна Шильтбергера, жившего на рубеже XIV-XV вв. Перечисляя народы, исповедующие греческую (христианскую) веру, он указывает и языки, на которых проводилось богослужение в его время: греческий, русский, валахский, веденский, болгарский, готский, абхазский, грузинский и *зихский (черкесский)*. Свидетельства других очевидцев также подтверждают факт распространения христианства у адыгов. Как о народах христианского вероисповедания, упоминал зикхов (адыгов-черкесов) и побывавший в Крыму миссионер Иоанн Галлифонский: «Здесь много христиан, а именно латинян или католиков, греков, много армян, русов, зикхов (адыгов), черкесов». На Северо-Западном Кавказе функционировали христианские храмы. Развитие феодальных отношений способствовало дальнейшему распространению христианства у адыгов. Постепенно христианская религия в Черкесии получает статус официально признанного культа, однако как отмечают очевидцы, большинство черкесов были «равнодушны к вере». Поэтому, наверное, не случайно осенью 1559 г., адыгский князь Ичурук обратился к Ивану IV с просьбой прислать в Черкесию русского посадника и обратить его народ в христианскую веру. Стремясь к укреплению связей с горскими народами, Иван Грозный отправил в 1560 г., воеводу Вишневецкого «на государство в Черкасы». Его сопровождали служители христианского культа. В летописях того периода встречаем и такую фразу: «И приходили попы христианские, крестили пятигорских черкас...».

Насколько прочно вошла новая религия в адыгскую среду, свидетельствуют то, что отдельные элементы христианства сохранились у адыгов вплоть до исламизации (а некоторые «следы» чуть ли не до наших дней). Так, в 1634 г., доминиканец Д. Асколи свидетельствовал, что черкесы «...соблюдают посты перед праздниками Святых Апостолов в июне и Успения пресвятой Богородицы в августе; постятся несколько дней перед Рождеством Христовым, а также весь Великий пост; – все по уставу греческого вероисповедания». Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что на территории Черкесии того времени, наряду с христианской, встречались (и активно вербовали приверженцев) десятки других религий. С этой точки зрения весьма любопытно свидетельство очевидца Эвлия Челеби о посещении в 1666 г. Черкесии: «А на правом и левых берегах р. Кызлар-алган (Псекупс) имеется столько просторных гробниц и могил приверженцев религий хинди, магриби, узбеки, руми (византийской, т. е. христианской), что нет им конца». Но несмотря на активную пропаганду христианства, большая часть адыгов все еще продолжала придерживаться своих древних верований и обычаев.

Насколько своеобразным было «христианство» у адыгов даже в период его расцвета, можно судить по свидетельству Юлиана – венгерского монаха, посетившего Приазовье в 1237 г.: «Я прибыл в Зихию, в город Матрику где князь и народ называют себя христианами, имеют книги и священников греческих. Зихский князь, хоть и был христианином, имел 100 жен. Все бреют головы, а бороды растят умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова обрита». И это при том, что в это время в Зихии и Матреке был отдельный православный архиепископ, в конце XIII в. возвышенный даже в сан митрополита («Исторический обзор Терек...», 1851). Много позже А. Ламберти (1633-1650) писал, что черкесы, «...хотя величают себя именем христиан, но ни по вере, ни по набожности ничего христианского у них не заметно».

Таким образом, с одной стороны шел процесс обращения в христианство определенной части адыгов. А с другой стороны, пользовались популярностью и дохристианские, языческие верования.

2.7. Упадок христианской веры на Северо-Западном Кавказе

В работе Ф.А. Щербины (1916) сделана попытка схематически наметить трансформацию религиозных воззрений у предков адыгов – от язычества к христианству и далее к исламу, – но с «сильнейшим добавлением» пережитков язычества:

«В то время, когда армянские пионеры (черкесо-гаи) пришли в горы, черкесы были еще если не настоящими поклонниками Христа, то во всяком случае полухристианами и полужычниками, и к тому же очень веротерпимою народностью. Настоящими христианами они не сделались потому, что не было ни достаточно продолжительного времени для насаждения христианства, ни таких фанатичных и энергичных проповедников, какими были потом у них исламские муллы, а между тем тяготение черкесов ко всему языческому, с чем веками они сжились, было сильнейшее».

Урумы, то есть греки, а позже потом франки, то есть генуэзцы, успели посеять между ними семена христианской религии, и пока у черкесов велись сношения с ними, христианский светоч горел постоянным огнем. Были христиане-черкесы, было у них духовенство, были храмы, следы которых сохранились до наших дней. Позже, с ослаблением христианской пропаганды и с крупными переменами международного политического характера, у черкесов все смешалось и перепуталось. В одно и то же время они были и христианами, и язычниками, и магометанами» (Щербина Ф.А., 1916. С. 82-85).

2.7.1. «Христианская вера пришла в упадок, ...морское побережье впало во мрак невежества и варварства»

И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и окладами, Он сказал: «Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено...».

Евангелие от Луки (21; 5-6).

Христианская вера ослабела после падения Греческой (Византийской) империи, потому что уже никому было посылать новых епископов на места прежних. Окончательно она уничтожена в 1717 г.

Ш. Ногмов (1862).

В XIII в. под влиянием татаро-монголов корни христианства были ослаблены. Дальнейшему упадку также способствовали падение Византии, ослабление влияния России и Грузии на адыгов, усиленная пропаганда ислама Турцией и Крымским ханством. Окончательно христианство у адыгов стало исчезать примерно с 1717 г. Но формально принимая христианскую, а позже мусульманскую религию, адыги продолжали почитать древние верования и обряды (Шахназарян Н., 2008).

Как отмечал Л. Люлье (1857), «...с ослаблением влияния Грузии на кавказские племена, христианская вера между ними, от недостатка проповедников, неизбежно пришла в упадок, а с падением Восточной (Византийской) империи и появлением владычества турок, все морское побережье впало во мрак невежества и варварства». После того, как прекратились связи племен Северо-Западного Кавказа с Византией, христианским богослужением пришлось заниматься местным священникам, заменившим греко-византийских миссионеров.

Процесс богослужения затруднялся тем, что местные жители не понимали языка. Еще Интериано писал о черкесах, что «...священники у них служат, по-своему употребляя греческие слова и начертания, не понимая их смысла». Д. Асколи (1634) сообщал, что «...у черкесов нет ни храмов, ни священников, и имеются лишь так называемые шугуены (шогены) заменяющие духовных лиц». Дополняет эту информацию М.Н. Губжиков (2007. С. 177): «Процесс христианизации Северо-Западного Кавказа шел с большим трудом – отчасти из-за непонятного адыгам языка богослужения и несоответствия христианских идеалов мира, любви и всепрощения традиционным ценностям военизированного адыгского общества».

Вместе с тем, нельзя не отметить следующий факт. В то время, как на морском побережье и в предгорьях православие и вообще христианство приходило в упадок, в степной полосе оно постепенно крепло и развивалось. Уже среди половцев было много христиан. Как пишет Прокопий (2007), «...православная вера среди адыгов укреплялась, росла и ширилась вплоть до рубежа XIII-XV вв., когда на Северном Кавказе произошли огромные военно-политические потрясения в результате нашествия монголов и их завоевания Северного Кавказа... Но завоевание монголами равнин и предгорий адыгских племен не привело к принятию адыгами ислама. Они по-прежнему оставались православными христианами вплоть до конца XVIII – начала XIX в.».

Другие источники также подтверждают, что во время монгольского владычества и позже поступательное движение христианства из русских областей на юг не остановилось. Благоприятствовали этому постоянные политические и торговые сношения русских с монголами. В середине XIII столетия в Золотой Орде возникает русская православная епархия, под названием Сарайской. В ее состав входили все христиане, жившие в непосредственных владениях Орды, в том числе, конечно, и на Северном Кавказе. Это были прежде всего русские, проживавшие в Орде по торговым и политическим делам, потом принявшие христианство татары и туземцы Северного Кавказа, обитавшие на восточном побережье Азовского моря – черкесские племена («Исторический обзор Терека...», 1851. С. 306).

Представляют интерес сообщения очевидцев об этом и более позднем периоде истории адыгов-христиан. И. Гербер (1728) писал: «70 или 80 лет тому назад (т. е. в 1645-1655 гг. – Авт.) все черкесы были христианами греческого вероисповедания, а так как они очень мало разбирались в своей религии и не имели никакого общения с другими христианами, с тех пор христианская вера у них почти угасла и взамен ее водворилось магометанство. Некоторые из них и доньне называют себя христианами; последние, однако, ничего не знают о своей религии, кроме названия, и так же мало, как и настоящие мухаммедане, забыли свои старые суверенные обычаи и церемонии». Эта же мысль подчеркивается в работах М. Броневского (1823): «Хотя они (черкесы) называются христианами и известно, что большая часть их была таковыми еще во времена генуэзцев, но,

лишенные в дальнейшем храмов и покинутые священниками, они теперь сохраняют лишь смутное представление о религии. Большинство из них – идолопоклонники». Как писал Н. Дубровин (1871), «...потеряв нить истинных христианских обрядов, черкесы не могли оставаться вовсе без религии, и поэтому примешали к своим религиозным верованиям понятие о многобожии, установили посты и праздники в честь святых и своих богов, и, таким образом, незаметно для них самих, отпали совершенно от христианства». Ш. Ногмов считает, что распад Греческой (Византийской) империи во многом способствовал ослаблению христианской веры у адыгов, а окончательное уничтожение христианства последовало в начале XVIII в.

Другие источники также свидетельствуют, что христианская вера у адыгов заметно ослабла после падения Византийской империи и прекращения генуэзского владычества на Северо-Западном Кавказе. Как пишет Прокопий (2007), «...в 1475 г. турки взяли Каффу (Феодосию), а потом и Колхиду, и уничтожили власть генуэзцев. С этого времени и вообще с падения Восточно-Римской империи можно считать и постепенный упадок христианства на Кавказе, потому что горцы с этого времени имели отношения только со своими победителями, или турками, или татарами».

Оценивая роль христианства греко-византийского толка в истории адыгов, следует отметить, что оно все-таки сыграло определенную прогрессивную роль, особенно в сближении с такими передовыми странами, как Византия, Грузия и Киевская Русь, а также способствовало усилению феодальных элементов в Адыгее. С уходом христианства с исторической арены Адыгеи, считает Ш. Ногмов, «...упражнения в искусствах, принесенных греками и введенных под влиянием христианской веры, утрачены и забыты».

Намного позже, когда ислам уже окончательно укрепился на Северо-Западном Кавказе, слышны были отдельные голоса, призывающие вернуть адыгов в «лоно» православной церкви. Так, протестуя против бесчеловечных колониальных методов «умиротворения» горцев Кавказа, А.С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум» писал: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия. Кавказ ожидает христианских миссионеров».

О целесообразности «отвернуть горцев от ислама и ввергнуть их в лоно христианской веры», что способствовало бы мирному решению «кавказского вопроса», писал высшим царским сановникам титулярный советник А.А. Бегичев в своем проекте от 30 сентября 1846 г.: «О введении христианской веры на Кавказе между горскими народами».

Даже «каратель № 1» адыгского народа генерал А.П. Ермолов вынужден был признать, что «...введение христианской религии между горцами могло бы умягчить суровость сих полудиких народов и сделать их нравственному образованию гораздо более доступными». Думается, комментарии к словесному пассажи этого «гуманиста» излишни. Ибо, как говорит библейская мудрость, судите человека не по словам его, но по делам его...

2.7.2. «Одичавшие христиане»: языческо-христианский культ, сохранившийся у предков адыгов

2.7.2.1. «И Господа они чтили, и богам своим они служили...»

И Господа они чтили, и богам своим они служили... Народы сии чтили Господа, но и истуканам своим служили. Да и дети их и дети детей их до сего дня поступают так же, как поступали отцы их.

4-я книга Царств (17; 33, 41).

С захватом Османской империей причерноморских городов начинается постепенный упадок влияния и православия. К этому времени прекратила свое существование и Зихская кафедра, последнее упоминание о которой в документах относится к 1398 г.

Тем не менее, европейские путешественники XIV-XV вв. считали адыгов христианами. Однако не все адыги исповедовали христианскую религию. Христианство в значительной мере сочеталось у них со старыми языческими верами и обрядами. Признавая христианство православного толка своей официальной религией, адыги на самом деле плохо исполняли его предписания. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, в том числе погребальный обряд адыгов XIII-XVI вв. Сам курганный обряд погребения, наличие в могилах вещей, обсыпка покойника древесным углем и т. д. указывают на значительное место языческих обрядов в религии кабардинцев и других адыгов (Керефов Б.М., 2006).

Дополняет эту информацию Е.Л. Марков (1887): «Вообще ко всем горцам подобного рода мог бы вполне примениться эпитет «одичавшие христиане» данный в 1818 г. жителям устья р. Пшата (Пшада) путешественником Тебу де Мариньи. У них ...образовалась в высшей степени своеобразная религия, в которой отрывочные воспоминания христианского культа перепутались с народными суевериями и остатками древнего язычества».

2.7.2.2. Культ черкесов: «машинальное соблюдение смеси из языческих и христианских обрядов»

Культ черкесов – это машинальное соблюдение смеси из языческих и христианских обрядов, лишившихся их истинного содержания в силу давности и незнания.

Ж.В. Тэбу де Мариньи (1836).

Интересно познакомиться ближе с этим оригинальным полужазыческим культом «одичавших христиан», до сих пор благоговейно почитающих свои древние священные рожи, торжественно закалывающих духу гор или леса своих баранов, быков и оленей...

Е.Л. Марков (1887).

Не следует, однако, идеализировать принятие христианства адыгами, – отмечает Р.Ж. Бетрозов (1991), – традиционно оставаясь язычниками, они плохо воспринимали монотеизм (гр. *monos+theos* – «религия, признающая лишь одного бога, единобожие»). И хотя языческая основа христианства (с его красочной обрядностью и туманной условностью молитв) до известной степени была близка и понятна аборигенам, все же еще не созрели социально-экономические условия для полной христианизации общества; кроме того, горцами Кавказа воспринималась не искупительная мессианская (классовая) сущность христианства, а сама завуалированная, языческая его основа.

Если рассмотреть известный материал более детально, все больше и больше приходишь к выводу о слабом значении христианства (и даже ислама на первых порах) у адыгов. Надо полагать, новая религия охватила по-настоящему лишь прибрежное население, например, жителей Таманского полуострова и, в основном, только верхушку общества. Но и в тех местах, где христианство проникало, наблюдалось своеобразное совмещение новой идеологии со старой языческой. Все письменные и археологические источники говорят о синкретизме (*synkretismos* – «слитность, нерасчлененность; здесь – «смешанная религия») у адыгов (Бетрозов Р.Ж., 1991). Приведу несколько примеров.

Французский путешественник Ж.-Б. Тавернье (1605–1689) писал о черкесах: «Эти народы, собственно говоря, не христиане, не магометане, а вся их религия заключается собственно в нескольких обрядах, которые они выполняют время от времени со всей возможной торжественностью...».

Еще один французский автор Тебу де Мариньи (1836) о религии западных адыгов выразился так: «Культ черкесов – это машинальное соблюдение смеси из языческих и христианских обрядов, лишившихся их истинного содержания в силу давности и незнания».

О «смешении» христианского вероучения с пережитками языческого культа сообщают и другие авторы. Из дневниковой записи поручика Н.В. Симановского от 27 мая 1837 г. о пребывании его отряда в устье р. Пшада: «Когда я был на фуражировке, я срисовал крест и на шесте натянутую козлиную голову, но ни от кого не мог добиться настоящего значения одного» («Дневник поручика...», 2012. Вып. 9-10). [Комментарий С. Хотко (2012): «Друидический стяг в виде козлиной шкуры на кресте, закрепленном на высоком шесте, был посвящен черкесскому богу молнии Шибле»].

Дюбуа де Монпере в своем труде «Путешествие по Кавказу» (1839) вполне резонно замечает, что «...всегда новая религия прививается на старую, и проповедники новой системы вынуждены мириться с подобным смешением из политических соображений, чтобы не напугать население, не склонное сразу же воспринимать нововведения». «У черкесов, – продолжает де Монпере, – только князья и знать являются мусульманами и соблюдают его обряды, но делают они это для очистки совести, без всякого рвения и зачастую посмеиваются над этими религиозными церемониями. Народ же фактически является языческим. Черкесы с побережья все еще по традиции празднуют Пасху, хотя уже не помнят, в честь чего этот праздник... У них есть деревья, отмеченные крестом, которые они почитают; ...в определенные дни перед этими деревьями бывают религиозные празднества».

2.7.2.3. «Верования адыгов представляли собой причудливую смесь христианства и язычества»

Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о том, что в эпоху средневековья, как, впрочем, и позже, верования адыгов представляли собой причудливую смесь христианства и язычества.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

...По природе адыгов им был ближе дух язычества, воспитавший в них неукротимую жажду личной независимости, личной свободы, без которых они себя не мыслили.

С.Н. Бейтуганов (2007).

Мысль об «удивительном смешении» различных культов у адыгов мы встречаем во многих источниках. Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о том, что в эпоху средневековья, как, впрочем, и позже, верования адыгов представляли собой причудливую смесь христианства и язычества; наряду с

новыми формами религиозных представлений по-прежнему сохранялись старые, возникшие в глубокой древности: многобожие, всевозможные магические запреты и обряды, почитание «священных мест», культ природы, вера в загробную жизнь, культ предков и домашнего очага («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

В XIV–XV вв., в период золотоордынского ига, – идет исламизация адыгов. Но европейские источники XIV–XV вв. все же относят адыгов к христианам православного толка. Однако христианство в этот период среди адыгов не имело всеобщего распространения. Так, архиепископ Иоанн де Галонифонтибус (конец XIV – начало XV в.) отмечал в своей «Книге познания мира» (1404): «Что касается религии, то в некоторых обрядах и постах они следуют грекам, пренебрегая всеми другими сторонами религии, ибо они имеют свои собственные культы и обряды. Вместо сорокадневного поста они постятся 50 дней, так как они выполняют также Рождественский и пятничный посты. И это все. В великие посты и воскресенье они даже приносят в жертву животных, мясо которых раздается и поедается, но головы они отдают бедным и старым или же выставляют их на высоких местах, вроде ветвей деревьев, что предполагает пищу для духов. Дерево высаживается рядом с церковью, и на него вешают крест, после чего его называют деревом господним. На ветвях этого дерева развешивают различные символы, среди которых есть и головы животных... Монахов они не имеют. Их священники женятся подобно другим мужчинам, и холостых священников у них не бывает» (Галонифонтибус Иоанн, 2010).

Сведения Дж. Интериано, относящиеся к концу XV в., также свидетельствуют о довольно своеобразном характере христианства адыгов (Ахохова Е.А., Бузаров А.К., Губжоков М.Н. и др., 2006).

К концу XVI в. Мартин Бронеvский зафиксировал фактическую смену христианства и возврат к древним религиям: «Большинство из них – идолопоклонники, – пишет он о черкесах, – но гостеприимные и щедрые с чужестранцами...». В дальнейшем возврат к прошлому продолжался. Так, Адам Олеарий (1600–1671) писал: «Вера черкесов (кабардинцев. – Авт.) почти языческая». В этот период многие черкесы еще считали себя христианами, что видно из слов Джовани Лукка (XVII в.): «У них нет церковных обрядов, они христиане только по имени. Ферран (ок. 1670–1713) даже не смог определить, что за вера у адыгов: «По имени у черкесов книг и жрецов нельзя решить, какая у них вера».

«Из этих сведений можно было бы заключить, – отмечает С.Н. Бейтуганов (2007), что по природе адыгов им был ближе дух язычества, воспитавший в них неукротимую жажду личной независимости, личной свободы, без которых они себя не мыслили».

О сильном христианском влиянии свидетельствуют и названия дней недели (табл. 44). По Ш. Ногмову, дни недели у адыгов начала-середины XIX в. назывались несколько иначе, – так, понедельник – ближха; вторник – убис (*губуж*); среда – борежия (*бэрэжБей*); четверг – махако (*махуэку*); пятница – мареим (*мэрэм*, т. е. «Марьян день»); суббота – шабат (*цэбэт*); воскресенье – тхамахо (*тхэмахуэ*, т. е. «Божий день»).

Таблица 44 – Названия дней недели у адыгов в прошлом (по Ж. Тэбу де Мариньи, 1836)

Дни недели	По записям XIX в.	Перевод	Современное написание
Понедельник	плепе	«начало»	блыпэ (блыпэ)
Вторник	губткхе	«косарь»	губдж
Среда	бираскезий (перезкеси)	«малый пост»	бэрскежый (борчэжый)
Четверг	меафек	«посредине»	мэфэку (мэфэку)
Пятница	бираскешхуо (перезкекуаше)	«большой (великий) пост»	бэрскешху (бэрчэшху)
Суббота	мефезепкеа	«единственный день»	шэмбэт
Воскресенье	тхаумаф (тгаумаф)	«день Бога» («Божий день»)	тхэумаф (тхэумаф)

Многие авторы прошлого века отмечают, что сохранившиеся до настоящего времени названия дней недели у адыгов свидетельствуют о влиянии христианства. Об этом, в частности, пишет Н.Ф. Дубровин (1871): «Имена дней в неделе указывают, что черкесы некогда исповедовали христианскую религию и принадлежали к православной церкви. Так, среду черкесы называют *бираскезий*, а пятницу *бираскешхуо*, т. е. «Малый и Великий пост» (*бираск* значит пост, *зий* – Малый, а *шхуо* – Великий), воскресенье – *тгаумаф* (Божий день), считают днем, назначенным для отдохновения, и потому не работают... В настоящее время (написано в 1871 г.) христианскую религию исповедуют только черкесы, живущие в г. Моздоке (кстати, даже в конце XX в., близ Моздока, а также в Курском р-не Ставропольского края еще существовали хутора адыгов-христиан. – Авт.), около Кубани, – так называемые прочноокопские черкесы, и около Пятигорска. Первые двое принадлежат к православному, а последние к армяно-григорианскому верованию».

Тэбу де Мариньи (1836): «Довольно забавны названия среды и пятницы – «Малый» и «Большой пост», хотя черкесы их вовсе не соблюдают. Их названия имеют отношение к «*параскеви*», что по-гречески означает «подготовка», т. е. название пятницы, потому что евреи в этот день готовились праздновать следующий день. Воскресенье («Божий день») черкесы считают днем, назначенным для отдохновения; празднуют так же, как и мы, христиане».

Но если названия дней недели у предков адыгов были связаны с пережитками христианства, то названия месяцев года, как правило, имели сугубо земледельческую направленность. Об этом, в частности, писал Ш.Ногмов (1861): «Названия месяцев (у адыгов) следующие: январь – *тчиммахок-маза*, т. е. «сильный холод»,

Таблица 45 – Названия месяцев года у предков адыгов

Месяцы	Названия месяцев	
	по Ш. Ногмову (1861)	по Н.И. Сообцовой (2010)
Январь	тчихаок-маза	шЫшылэ
Февраль	шемахок-маза	мазае
Март	гатхепе-маза	гъатхэпэ
Апрель	мальхоо-маза	мэлыжьыхъ
Май	вогуохо-маза	накыгыгъ
Июнь	гомахопе-маза	мэкъуагъэ
Июль	?	бадзэуэгъуэ
Август	макоого-маза	шышхэу
Сентябрь	гогиги-маза (гаго-маза)	фокIадэ
Октябрь	ого-маза	жэпуэгъуэгъуэ
Ноябрь	мокшежуго-маза	щэкIуэгъуэ
Декабрь	тчихаопе-маза	тыгъэгъфзэ

ледельцы называли «месяцем привоза сена» (*мэкъушэжыгъуэ мазэ*); охотники называли его «месяцем начала охоты» и т.д. Но, тем не менее, есть наиболее употребительные, которыми называют каждый месяц года (табл. 45).

Каждому месяцу года соответствовали свои обряды. Например, декабрь (*тыгъэгъфзэ*) в дословном переводе – «поворот солнца», его называли полным месяцем зимы. Приходился он на зимнее солнцестояние. По представлениям адыгов, солнце уходило в свой зимний дом на покой (Сообцова Н.И., 2010. С. 330).

2.7.2.4. «Принятие адыгами христианства носило поверхностный и формальный характер»

В клятвах адыгов проскальзывает формулировка: «Клянусь Торой, Евангелием и Кораном!». Эта фраза и ныне, видимо, несет определенную религиозную смысловую нагрузку, являясь отзвуком той далекой эпохи, когда наши предки считались полухристианами-полумусульманами...

С.Н. Бейтуганов (2007).

«Принятие адыгами христианства носило поверхностный и формальный характер, – отмечает М.Н. Губжиков (2007. С. 177). – В итоге, когда главный миссионер – Византия – пала под ударами турок-османов, адыги очень быстро возвратились к язычеству. И вскоре 900-летний (!) – с VI по XV вв. – период христианского присутствия в регионе угадывался только по незначительному пласту пережитков».

Своеобразными «отголосками» эпохи христианства являются, как было отмечено выше, адыгские названия дней недели явно восходящие к греческим прототипам. К XIX в. адыги-язычники еще совершали в священных рощах некоторые христианские обряды (например, причащение), соблюдали пост и отмечали праздники Пасхи, Рождества и другие, хотя тексты и смысл этих церемоний были давно уже забыты. Адыги сохранили имена св. Георгия (в различных вариантах Аушэдж, Аушджэры), св. Ильи (Елэ, смешавшегося с образом бога-громовика Шыблэ), св. Марии (в синкретическом языческо-христианском облике Мерэм, выступавшей не только как «мать Великого Бога», но и в качестве богини плодородия и пчеловодства). Почитался адыгами и крест как священный символ, однако лишенный уже всякой связи с распятым Христом. Смешанный языческо-христианский культ просуществовал у адыгов вплоть до момента вытеснения его религией Мухаммеда (Губжиков М.Н., 2007. С. 177).

Дополняют эту информацию авторы, побывавшие в Черкесии в XIX в., обратившие внимание на связь языческих божеств адыгов с более поздними христианскими: «Мы не можем не признать в их поклонении высшим существам явных признаков греческого (т. е. христианского) культа: Зейгут (он же: *Зейгутх, ЗекIуатхъ*. – Авт.), покровитель наездников, никто иной как Марс; Тлепс (*Тлебсе, Лъэпшъ*), покровитель кузнецов – Вулкан; Хепезуат (*Хапегуаш, Хыгуашэ*) – Наяда; Хатогуат (*Хятегуаш, Хэтэгуашэ*) – Помона; Кодес (*Кордес, Къодэс*) – Нептун и проч. Особенным уважением пользовался у них Созерис (*Сеозерис, Созэрэшъ*), покровитель хлебопашества. Мериама (*Мерием, Мариам*), которую черкесы называют Божией Матерью, есть св. Мария, считающаяся покровительницей пчел. Она празднуется в августе, почти одновременно с Успеньем Пресвятой Богородицы» («Кавказ...», 1898).

Л.Я. Люлье (1927. С. 36) отмечает, что «следы» христианских обрядов еще сохранились в памяти горцев: «У черкесов есть еще предрассудок, что колокольчик спасает от воровства. Оставляя в поле, вдали от жилья и без присмотра, какой-нибудь предмет, они привешивают к нему колокольчик и уже думают, что никто его не похитит. Надобно полагать, что, в былое время, в эпоху христианства, навешиванием колокола ограждалось церковное имущество от посягательства на оное».

февраль – *шемахок-маза*, т. е. «последний месяц зимы», март – *гатхепе-маза*, т. е. «первый весенний», апрель – *мальхоо-маза*, т. е. «бараний мор», май – *вогуохо-маза*, «пахотный месяц», июнь – *гомахопе-маза*, «середина лета», июль (? – Авт.), август – *макоого-маза*, «сенокосный месяц», сентябрь – *гогиги-маза* или *гаго-маза*, «месяц уборки хлеба или рева зверей», октябрь – *ого-маза*, «молотьба хлеба», ноябрь – *мокшежуго-маза*, т. е. «в который перевозят сено домой», декабрь – *тчихаопе-маза*, т. е. «первый зимний месяц».

Несколько иные названия месяцев приводятся в работе современного автора Н.И. Сообцовой. Она отмечает, что все месяца у предков адыгов имели свои названия, но часто они зависели от рода занятий людей. К примеру, последний месяц осени – ноябрь зем-

Другие дореволюционные авторы дополняют эту информацию: «Некоторые закубанские племена: бесленевские, темиргоевские, махашевские, убыхи и абадзехи, по сохранившимся преданиям их, были назад тому сто сорок лет язычниками и потом христианами. Этот факт не подлежит сомнению, потому что на прежних местах их жительства, около восточных берегов Черного моря и во внутренностях гор, уцелели еще следы священных лесов, где на вековых деревьях находятся и ныне остатки изображений вырезанных змей, птиц и жертвенников, доказывающих прежнее этого народа идолопоклонство. В этих же местах видны вырезанные на деревьях и поставленные на возвышениях иссеченные из камня кресты, подтверждающие христианство; но как эти племена не были укрепляемы в религии христианства, а приняв магометанство, не имели к нему полного убеждения, то и удержали некоторые христианские обряды. Например: накануне 31 марта они делают из дерева небольшие кресты, ставят по своим нивам, в местных рощах и на возвышениях. С тем вместе приготавливают крашеные яйца и с наступлением 31 марта торжественно обнимают друг друга и обмениваются яйцами, но по какому сознанию делается ежегодно и в одно время это воспоминание, они решительно не могут дать отчета, относя его начало ко временам предков. Впрочем, почти все закубанские народы слабо убеждены в исламе, быть может, от безграмотности их духовных наставников» («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 23).

Нельзя не отметить и следующий примечательный факт, свидетельствующий о том, что «следы» язычества, пережив тысячелетия, сохранились до нашего времени. Как отмечает С.Н. Бейтуганов (2007), в клятвах адыгов до сих пор можно заметить отголоски времен язычества и христианства. Слова *тхьэ*, *гуацэ* (бог, богиня), под которыми подразумевались представители языческого пантеона: Зеклуатхьэ, Тхьэгьэлэдж, Псатхьэ, Мэзытхьэ, Псыхуэгуацэ и др., не совсем исчезли из языка адыгов. С принятием ислама, требующего от праведника безраздельной веры во всемогущество единого бога – Аллаха, должно было исчезнуть даже само упоминание языческих богов. Однако слово *тхьэ* удержалось в лексиконе адыгов, став синонимом слова Аллах, разумеется, постепенно утратив свой языческий смысл. Вместе с тем в памяти потомков сохранились имена некоторых древних своих покровителей, например, Емиша. С.Н. Бейтуганов не раз слышал от своих односельчан выражение: «*Мы Емыщыр согъэпцI (согъэпэж)*» – «Клянусь этим Емишем», указывая при этом на овцу или какой-нибудь другой домашний скот.

В клятвах адыгов проскальзывает и такая формулировка: «*Къэхь Теурат, къэхь Инджыл, къэхь Къурлэн!*» – «Клянусь Торой, Евангелием и Кораном!». Эта фраза и ныне, видимо, несет определенную религиозную смысловую нагрузку, являясь отзвуком той далекой эпохи, когда наши предки считались полухристианами-полумусульманами: принимая ислам, они еще в какой-то степени оставались верными своей старой религии, которая также не смогла полностью подчинить сознание адыга своей духовной власти (Бейтуганов С.Н., 2007).

2.7.2.5. «Смешанный языческо-христианский культ просуществовал у адыгов вплоть до вытеснения его религией Мухаммеда»

Черкесы – язычники или, так сказать, совсем выродившиеся христиане.

Н. Витсен (1664).

Время довершило уничтожение остатков христианства, которые, слившись с мифами древних греков, послужили основой теперешних (середина XIX в.) религиозных обрядов жителей восточных берегов Черного моря».

Л. Люлье (1857).

Как писал Л. Люлье (1857), «...время довершило уничтожение остатков христианства, которые, слившись с мифами древних греков, послужили основой теперешних (середина XIX в. – Авт.) религиозных обрядов жителей восточных берегов Черного моря». Об этом же пишет М.Н. Губжоков (2007. С. 177): «Смешанный языческо-христианский культ просуществовал у адыгов вплоть до вытеснения его религией Мухаммеда».

Примечательно, что причудливое сочетание христианских и языческих воззрений адыгов сохранилось практически до середины XIX в. С этой точки зрения интересен факт, приводимый И. Гуревичем. На окраине а. Кирова есть местность «Каменная могила» (*Мыжъуакъэ*). В прошлом она была священной; здесь устраивались коллективные моления. Местные жители при каждой паузе восклицали «Аминь». Потом резали жертвенных животных и поедали их. Под конец уносили с могилы круглый камень и опускали в реку. После этого, по их представлению должен был пойти дождь. Вплоть до начала XIX в., по словам Тебу де Мариньи, «...пасха у черкесов была самым торжественным праздником; и не оставалось никакого сомнения в его происхождении». Показательно и воздержание у адыгов от работ в воскресенье, празднование ими Ильина дня и т.д.

Некоторые элементы христианства продолжали существовать даже в конце XVIII – начале XX вв. Например, адыги почитали за пророка Аус Георга, т. е. «греческого Иисуса»; пророка Илью называли Яллия (Ялия), Моисея – Аймыс или Аймым; царя Давида – Тляпш; всевышнее существо – Псатха и Тха; священным считалось и имя Марии (Мерием). Как отмечал В.А. Потто, «...и поныне (середина XIX в.) черкесский народ клянется именем божественной Матери Бога – Марии и св. Георгием – покровителем соседней Грузии, поныне хранит обычаи, основывавшиеся на христианских праздниках и постах».

В именах адыгов, наряду с пришедшими явно из мусульманского именника (Абдулалы, Абдулла, Баязет, Гази, Навруз и т.д.), сохранились «следы» христианского влияния. И сейчас можно встретить среди адыгов следующие имена: Асфар (др. евр. «пятикнижие Моисея»), Илья (др. евр. «сила Божья»), Искандер (Александр, др. евр. «победитель мужей»), Исмаил (др. евр. «Бог слышит»), Марьям (Мария, др. евр. «горькая»), Нух (Ной, др. евр. «утешение»), Сара (др. евр. «госпожа»), Сулайман (Соломон, др. евр. «мирный, защищенный»), Хавва (Ева, др. евр. «источник жизни»), Шамиль (Самуил, др. евр. «услышанный Богом»), Юнус (Иона, др. евр. «голубь»), Юсуф (Юсиф, Иосиф, др. евр. «приумноженный»), Якуб (Яков, др. евр. «идущий следом»), Яхья (др. евр. имя одного из ветхозаветных пророков).

2.7.2.6. Культ Аус Георга («Греческого Иисуса») – результат своеобразного «наложения» христианских богов на языческие

Правда, что некоторые из черкесов и ныне называются христианами, однако, кроме этого имени, они о своей вере ничего не знают.

И.Г. Гербер (1728).

Култ св. Георгия был, в частности, у кабардинцев. Он покровительствовал военным подвигам, скотоводству, охоте... Это имя, несомненно, – результат своеобразного «наложения» христианских богов на языческие.

Р.Ж. Бетров (1991).

Святой Георгий (в христианских текстах – Георгий Победоносец, в русском фольклоре – Егорий Храбрый; у мусульман – Джирджис) – воин-мученик, с именем которого фольклорная традиция связала реликтовую языческую обрядность весенних скотоводческих и отчасти земледельческих культов, а также мотив драконоборчества («Мифы народов мира» Т. 1. 1987. С. 274).

У предков адыгов он же – Аус Георг (Аус Герг, Ауш Гер, Ауш Гирге – т. е. «Греческий Иисус», Иисус Христос). Встречаются и такие разночтения имени этого божества: Аушджджэр, Аушаджар, Ауджэдж, Аушэдж, Аушагер, Ауш-джэрджий, Аушджджэрий, Тауш-джэрджий, Джардж, Даушджджэрий, Даушджджэрийт.

По Р.Ж. Бетрову, культ св. Георгия был, в частности, у кабардинцев. Он покровительствовал военным подвигам, скотоводству, охоте. Согласно мифологическим представлениям адыгов после принятия ими христианства, это св. Георгий, который вытеснил языческое божество Мезитху, частично переняв, однако, его функции божества лесов и охоты. Выступает в роли охотника или его покровителя, сохраняя божественные свойства; например, в героической песне XVI в. («Андемиркан») отмечается следующий магический дар Аус Георга: от его прикосновения становится острее оружие героя.

В другой адыгской песне-посвящении Даушджджэрий – Святому Георгию – выражается уверенность в силе самой песни, которая приносит счастье, потому что ее слышит «Греческий Иисус»:

*Си узэройдиц, си узэройдиц, угъурлыжъ!
Даушджджэрджийт, и тхъэихуэр игъусэти...
Моя песня, моя песня, счастье приносящая!
Святой Георгий с богом великим пребывает.*

Ш. Ногмов приводит слова из старой адыгской песни: «Озармосу Ячаноко покровительствует Ауси Георге». Это имя, по Р.Ж. Бетрову (1991), несомненно, – результат своеобразного «наложения» христианских богов на языческие.

2.7.3. «Култ креста... сохранился и в послехристианских народных верованиях адыгов»

2.7.3.1. «Зихи (адыги) поклонялись кресту и присваивали ему магические свойства»: своеобразный возврат к язычеству?

И кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостоин Меня.

Евангелие от Матфея (10; 38).

Широкое распространение у адыгов имел привнесенный христианством культ крестов. Этот культ имел ярко выраженный магический характер, о чем свидетельствуют записки Юлиана (1235 г.): «...Зихи (адыги) поклонялись кресту и присваивали ему магические свойства».

Н.Ф. Дубровин (1871).

Разрыв с Византией, разрушение храмов, сокращение числа священников нанесли большой урон христианизации местного населения, – адыги потеряли связь с центром православного мира. Язычество, всегда существовавшее у адыгов, начало наступление на христианство. Христианские культы и обряды продолжа-

ли существовать лишь как пережитки когда-то исповедовавшейся религии. Покинув церкви, черкесы при молитвах обращались всегда на восток, зажигали дома восковые свечи и употребляли ладан.

«К этим остаткам христианства народ прибавил свои собственные обряды, родившиеся от суеверия», – писал Н. Дубровин. Так, широкое распространение у адыгов имел привнесенный христианством культ крестов. Этот культ имел ярко выраженный магический характер, о чем свидетельствуют записки Юлиана (около 1235 г.): «...Зихи (адыги) поклонялись кресту и присваивали ему магические свойства».

Очевидцы, побывавшие у адыгов в XIII-XVII вв., оставили многочисленные свидетельства этого странного «гибрида» христианских и языческих верований.

Так, Джовани де Лукка (1629 г.) писал: «В стране Болотте-кой (темиргоевцев. – Авт.), я видел множество голов различных животных, насаженных на палки, сколоченные в виде креста, и деревья, под которыми лежали луки, стрелы, старые монеты, клубки ниток. Мне сказали, что это место называется Кудошо, т. е. место, посвященное Богу, куда они приносят свои приношения».

Ясно, что крест был известен адыгам как и многим другим народам и до распространения христианства, – отмечает С.Х. Хотко (2008), – но в данном контексте поклонение кресту и оформлено в христианский антураж, и вплетено в ткань язычества именно как христианский пережиток.

2.7.3.2. Культ креста у адыгов в конце XVIII – начале XX столетия

Знак христианства (крест) достался черкесам в наследство от их предков; сами же они не знают, что он означает... Христианские обряды у горцев лишились истинного содержания в силу древности и незнания.

Тэбу де Мариньи (1836).

Очень важен факт упоминания креста в виде молотка – подобные кресты зафиксированы Тэбу де Мариньи еще и в священных рощах наряду с обычными крестами... Крест-молоток является старинным кельтским символом друидических верований.

С.Х. Хотко (2008).

Архивные и литературные источники свидетельствуют, что и в XVIII, и XIX и даже в начале XX столетий «адыгское язычество проявляло стабильный и консервативный характер на протяжении веков и на столь удаленных друг от друга территориях как устье Кубани и устье Терека» (Хотко С.Х., 2008).

Так, А. Мотрэ в 1711 г., рассказывал о том, что горные черкесы устраивали процессии с горящими факелами вокруг священных деревьев и приносили в жертву различных животных. Возможно, – говорил он, – что проповедники христианства воспользовались этим почитанием деревьев, вырезав на них изображения креста.

Ему вторит Г. Брус (1722): «Их (причерноморских адыгов) религия – язычество. Они не имеют ни священников, ни аль-Корана, ни мечетей, подобно другим магометанам. Здесь каждое племя приносит свои жертвоприношения по собственному желанию. Их наиболее торжественное жертвоприношение приносится по случаю смерти ближайших друзей. Барана убивают, обдирают и натягивают шкуру вместе с головой и рогами на крест наверху длинного шеста. Около места, где было совершено жертвоприношение, они варят и поджаривают мясо, которое потом съедают. Женщины, принеся поклонение шкуре и произнеся несколько молитв, уходят; мужчины заканчивают церемонию».

Как писал Ж.Ш. Бесс (1830), «...они (черкесы) верят в бессмертие души, леса служат им храмами, и крест у подножия дерева освящает алтарь, на котором приносятся жертвы. Один из старейшин выполняет функции жреца. Стоя рядом с крестом, с непокрытой головой, он открывает церемонию принесением жертвы, обычно козла или барана, за исключением больших торжеств, требующих в жертву быка».

По свидетельству Тэбу де Мариньи (1836), в священном лесу у адыгов стоит «...грубо сколоченный крест, который освящает место религиозного культа. Знак христианства достался им в наследство от их предков; сами же они не знают, что он означает. Черкесы собираются вокруг этого креста несколько раз в году по случаю торжественных праздников. Христианские обряды у горцев лишились истинного содержания в силу древности и незнания». И Джеймс Белл (1838) отмечал поставленные у могил или просто в лесу деревянные кресты различной формы: иногда поперечная часть была расположена в верхней части древка, а в других случаях в нижней части. Все кресты были украшены резьбой. Судя по всему, Дж. Белл наблюдал вышеописанный древнеязыческий символ в виде Т, который причерноморские черкесы могли оставлять в опрокинутом состоянии.

Л. Люлье (1862) также сообщал о существовании у адыгов в 40-х гг. XIX в. именно Т-образных языческих крестов, разложенных перекладиной вверх и вниз, как придется, в священных рощах: «У них (причерноморских черкесов) нет ни особых строений для молитвы, ни жертвенников; храмом служит им заповедная роща. Единственный символ предмета поклонения есть деревянный крест особой формы, в виде буквы «Т», прислоненный к дереву. Черкесы прибрежные имеют верования в единство Бога, в бессмертие души и будущую жизнь». И далее он продолжает: «...Символ креста, видимый во всех заповедных рощах и лесах причерноморских черкесов есть ясный указатель, что вера христианская была водворена между горцами».

Комментируя эти описания, историк С.Х. Хотко (2008) отмечает: «Очень важен факт упоминания креста в виде молотка – подобные кресты зафиксированы Тэбу де Мариньи еще и в священных рощах наряду с обычными крестами. Т-образные кресты упоминаются еще у ряда авторов первой половины XIX в. Крест-молоток является старинным кельтским символом друидических верований. Поэтому данной форме изрядно были удивлены и Мариньи, и Спенсер. Действительно, адыгское язычество представляло собой своего рода «слоеный пирог», в котором сначала следовали слои древнейшего язычества, затем язычества средневекового, сильно смешанного с христианством, затем вновь накладывались неоязыческие культы XVI-XVII вв., и на очереди стоял ислам, каждая слабая попытка принятия которого тонула в этом языческом «тесте»» (Хотко С.Х., 2008).

Хан-Гирей писал: «К внутренним углам стен домов прибивали деревянные кресты (что и поныне, т. е. в 1836 г. соблюдают некоторые жители гор); над могилами ставили железные кресты с траурным флюгером. Отец и мать семейства на смертном одре делали завещание своим детям, сложив указательные пальцы крестообразно...» и т.д.

О поклонении кресту сообщал и Дюбуа де Монпере (1839): «У них (адыгов) имеются деревья, отмеченные крестом, которые они почитают; эти деревья находятся в священных лесах, всеми охраняемых».

Дополняет информацию о роли креста в послехристианских обрядах адыгов сообщение Н.Ф. Дубровина (1871. С. 14), описывающего ритуал поклонения Всевышнему – Тха: «Для коллективной молитвы черкесы обычно собирались под тень огромных деревьев, привязывали к их сучьям кресты, приносили жертвы и заканчивали их пиром. Обряд этот носил название *«таишь»*, т. е. богоугодная жертва. За неимением рукоположенного священника, выбирали старика, надевали на него *«ямычи»* – белую мантию, и тот, взяв в руки чашу, наполнял ее вином или водкою и, обратившись к востоку, читал молитву, по большей части импровизированную».

При этом Н.Ф. Дубровин, посетивший почитаемое горцами священное место «Хан-Кучий», особо подчеркивает исцеляющее и сакральное (лат. *sacer* – «священный, относящийся к религиозному культу или ритуалу») значение креста для адыгов (обращаем внимание, что эта информация относится к относительно недавнему времени – к 70-м гг. XIX в. – **Авт.**): «По уверению туземцев, больные, принесенные в рощу, получали облегчение, а просьбы молившихся у могил, всегда исполнялись. По воскресным дням в роще совершались богослужения и приносились жертвы, особенно во время голода и разных народных невзгод и бедствий. Когда народ собирался в роще, тогда закалывали жертву, а кровью ее поливали могилу Кучия, а в память жертвоприношения вбивали в дерево, растущее над могилой, железный или деревянный крест. Дерево все унижено такими крестами...» (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

До настоящего времени кое-где в Адыгее сохранилось несколько географических названий, связанных с почитанием креста. Так, местность в верховьях р. Ту на Черноморском побережье называется *Джорэ* («Крест»). Сохранился еще большой дуб, под которым когда-то ставили деревянный крест и перед ним молились. *Джорыкъопс* («Крестовая долина реки») – правый приток р. Агуй. В долине – много священных деревьев; перед каждым – крест. Есть также *Псыджорэ мзыр* («Водяного креста лес») у а. Лакшукай – и т.д. (Меретуков К.Х., 1981; Половинкина Т.В., 2006; Костарнова Н.К., 2009).

Зачастую упоминания о крестах мы встречаем в названиях аулов. «Хачемзий» – адыгейский аул, который до начала Кавказской войны находился на месте нынешнего поселка Тульского в Майкопском районе, расположенного на правом берегу р. Белая, в 14 км к югу от Майкопа. Название состоит из собственного имени ХъакIэмьз, то есть «Аул убыхского рода Хачемизовых» («*ХакIэмьз*» переводится как «каменный крест») (Костарнова Н.К., 2009). Современная гора Батарейка близ Сочи в XIX в. носила характерное название «Аублааньхта», т. е. «место святыни рода Аубла», на которой находилась *священная роща с крестами* и родовое кладбище влиятельной убыхо-абазинской фамилии Аубла (Облагу) (Ворошилов В.И., 2007; Костарнова Н.К., 2009).

2.7.3.3 «Уважение адехе к изображению креста весьма сильно»

Уважение адехе к изображению креста весьма сильно: всякая вещь, которую необходимость заставила хозяина оставить в поле без присмотра, если над нею поставит он крест, остается священной и неприкосновенною.

«Кавказ и Российская империя...» (2005).

Кресту вообще черкесы придавали большое значение даже в наше время (написано в 1913 г.).

Ф. Щербина (1913).

Практически все очевидцы, побывавшие в Черкесии в конце XVIII – начале XIX в., отмечают глубоко уважительное отношение горцев к христианским символам: «Уважение адехе к изображению креста весьма сильно: всякая вещь, которую необходимость заставила хозяина оставить в поле без присмотра, если над нею поставит он крест, остается священной и неприкосновенною, и несмотря на склонность к воровству, столь общую всему народу, никто не дерзнет воспользоваться вещью, оставленною под покровительством Божьим, чрез изображение крестного знамения («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 396).

Аналогичное свидетельство есть и у генерала И.Ф. Бларамберга (1840): «Когда они (адыги) везут груженные арбы или перевозят домой собранную пшеницу, и когда случается так, что они вынуждены в силу каких-то обстоятельств покинуть свои повозки или скирды и им некого оставить посторожить их, – они укрепляют деревянный крест на повозке или на скирде в твердом убеждении, что их никто не посмеет тронуть и что их имущество неприкосновенно» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 293).

При этом пережитки поклонения кресту у адыгов сохранилось до весьма позднего времени, о чем свидетельствует Н.Ф. Дубровин (1871): «Туземцы еще помнят то время, когда, крест, поставленный в саду или перед домом, делал их неприкосновенными и никто не осмеливался входить в дом или сорвать что-либо в саду. Если отец или мать, умирая, делали завещание своим детям и желали, чтобы оно было в точности исполнено, тогда складывали крест-накрест указательные пальцы и в таком виде произносили свою волю. Этот обычай, употреблявшийся почти до настоящего времени, конечно, есть остаток от прежнего исповедания черкесов. Когда какому-либо аулу угрожала заразительная болезнь для людей или скота, то на границе, смежной с местом, где свирепствовала эпидемия, горцы вкапывали крест. Обряд подобного крестовоздвижения совершался целым обществом с большою церемонией. И теперь всякая вещь, оставленная в поле без присмотра, но над которою поставлен крест, остается священной и неприкосновенною».

Развивает эту мысль Ф. Щербина: «Кресту вообще черкесы придавали большое значение даже в наше время (написано в 1913 г.). Когда появлялась эпидемия, то черкесы ставили деревянные кресты на границах своих земель, чтобы тем оградить себя от эпидемии. Еще в 1848 г., горцы-фанатики уничтожали эти кресты. Когда черкес оставлял в поле какой-либо ценный предмет, например: плуг, то ставил крест на нем или рядом на земле. Это был знак неприкосновенности вещи...». Ранее об этом сообщал и Ш. Ногмов: «Если ставился возле дома или сада крест, то никто не осмеливался входить в дом или срывать что-либо в саду».

2.7.4. Ритуальное поклонение огню у предков адыгов

2.7.4.1. «Первобытный культ огня... борется на Кавказе с христианством»

Первобытный культ огня, давно забытый в самой Азии, борется на Кавказе с христианством, как старая укоренившаяся религия уже полторы тысячи лет тому назад.

«Кавказ...» (Вып. II. 2010. С. 12).

У черкесов существует еще обычай прыгать через огонь, как у русских на Ивана Купалу. Прыгающие через огонь просят Мерием о прощении грехов, и после этого считают себя уже очищенными от них.

Л.Я. Люлье (1862).

Адыги, как и многие другие народы мира, поклонялись огню, как символу божественной силы. В этом поклонении одновременно присутствовали и почитание, и страх. Потеря огня для очага племени была подлинно катастрофой для древних людей. Огонь согревал, огонь кормил, огонь отпугивал диких зверей, огонь объединял людей. Невозможно было представить жизнь человека без священного огня. Древний человек, поняв, что жизнь невозможна без него, создает культ огня. Возможно, поэтому вплоть до XIX в. у адыгов пораженное молнией дерево считалось священным, а человек, убитый молнией, – божественным избранником (Сообцокова Н.И., 2010. С. 279).

Культ огня у предков адыгов, по А.М. Гадагатлю (1967), сложился в ту древнейшую пору, когда добыча огня являлась чрезвычайно сложным делом, когда адыги, возможно, приветствовали друг друга словами: «*МэфIэхъу апыцI!*», в смысле «Да будет у тебя огонь!», когда в пожеланиях молодой невестке говорилось: «*УимэфIашъхъэ мысэхъэжъэу, утхъэжъэу опсэу, ситIасэ!*», то есть: «Твой огонь никогда не угаснет, да в блаженстве живи ты, моя любимая!».

О том, что предки адыгов – зихи-кашаки, возможно, были огнепоклонниками, писал средневековый автор ал-Масуди (943 г.): «Этот народ – язычники, они исповедуют религию магов» (Цит. по: Максидов А.А., 2003). Корни этой «религии магов» уходят в гораздо более древнее прошлое. Начиная с середины I тысячелетия до н. э., на Востоке существовала целая религия, имевшая в своей основе культ огня, – древнеиранская зороастрийская. В ней огонь выступает как сугубо священная стихия, воплощение божественной сущности. Дух огня у них – Аша Вахишта, а Зороастр – древнегреческая форма имени пророка Заратуштры («Мифы...». Т. 1. С. 472). Чужеземцы называли зороастрийцев «огнепоклонниками»: в их храмах горел священный неугасимый огонь. Огонь и вода усматривались ими в основе всех форм бытия: огонь присутствует во всех элементах мироздания. Античный автор I – начала II вв. н. э. Дион Хрисостом передал легенду о том, что Зороастр в поисках истины удалился на уединенную гору, куда обрушилось с неба «великое пламя», но Зороастр вышел оттуда невредимым и просветленным – наделенным необыкновенной мудростью («Мифы...». Т. 1. С. 461).

«Следы» поклонения огню, имевшему, по верованиям древних иудеев, очистительную функцию, сохранились и в библейских текстах Ветхого Завета, датируемых I тысячелетием до н. э.: «Но ты сыновей

моих закалала («закалать» – колоть, убивать мечом) и отдавала им, *проводя через огонь*» (Книга пророка Иезекииля, 16; 21). Или еще: «Сыновей своих... *через огонь проводили* в пищу им» (там же, 23; 37).

В римской мифологии богиней огня была Веста, а в греческой – Гестия. Но в греческой мифологии было и другое олицетворение огня – по сути, – ремесленного – бог-кузнец Гефест, а в итальянских мифах – Вулкан. У адыгов им соответствовал Тлепш (Тлепс, Тлебсе, Тляпш, Лъэпш и т.д.) – великий бог железа и огня, покровитель кузнецов.

Говоря об этих явных параллелях адыгской и древнегреческой мифологии, связанной с обожествлением огня, нельзя не отметить и следующий факт, имеющий отношение к античному герою Прометею. Согласно воззрениям древних греков, он, вопреки воле Верховного бога, подарил людям огонь, за что был жестоко наказан: прикован к скале Эльбруса, и прилетающий каждый день орел клевал его печень.

Аналогичные мотивы, связанные с культом огня, прослеживаются в нартском фольклоре многих северокавказских народов. Так, адыгский «Прометей» – Насрен-Жаче («Насрен-борода»), в нартском эпосе глава (тхамата) нартов, боготорец. Он дерзнул свергнуть владычество самого бога Тха, за что тот приковал Насрен-Жаче к вершине Ошхамахо-Эльбруса, где, как и в древнегреческом мифе, орел клевал его сердце. При попытке героя-нарта освободиться от оков, «стук цепей гремит громом, искры от удара звена о звено блещут молнией, тяжелое дыхание старика бушует на земле ураганом, слезы его льются бурным потоком вниз со снеговых вершин и разливаются шумящей рекой». Освободил пленника нарт Батраз. Есть в нартском эпосе и другой герой – Сосруко (Саусуруко, Саусрок), который также, вопреки воле богов, возвращает нартам огонь, а также семена проса, похищенные Иныжем и Еминежем, за что также был наказан. Подобные герои есть и у многих других северокавказских народов – абхазов (Абрскил), грузин (Амирани), ингушей (Курюко) и др.

О причинах столь широкого распространения мифа о «похитителе огня» размышляет Э. Тополь (1997). Рассматривая роль огня у тюркских народов, занимавших во время татаро-монгольского нашествия в XIII–XV вв. огромную территорию Восточной Европы, в том числе и Северный Кавказ, автор особо подчеркивает, что культ огня был у всех древних народов, что не могло быть случайностью, – это возникло из практики: огонь давал не только тепло, но и силу, энергию, защиту от хищников и злых духов. При этом олицетворение огня и культ его возрастали из разных корней: огонь как спутник и помощник человека в борьбе с дикими зверями; огонь как очищающая и целительная сила (вспомним ритуальные прыжки через костер в Древней Руси в ночь Ивана Купалы); огонь как грозная и опасная стихия во время лесных пожаров и степных палов; и, наконец, как олицетворение тепла домашнего очага, символ и покровитель семьи («Мифы...». Т.2. С. 240). У древних татар женщины, прося у огня покровительства, делали ему подарки, угощали его вином, жиром, и мясом. В огонь нельзя было плевать, бросать мусор и острые предметы, – огонь мог «оскорбиться» и наказать пожаром. Осквернение огня считалось тяжчайшим преступлением (можно вспомнить трагическую участь Кераспы, попавшего в ад за то, что он загасил огонь ударом палицы) («Мифы...». Т. 1. С. 142).

Кстати, отмечает Э. Тополь, этот культ огня сохранился вплоть до позднего средневековья. Так, в своде законов Чингис-хана была особая статья, запрещающая осквернять огонь; за нарушение этого закона полагалась смертная казнь. Огонь, по представлениям древних народов, не только уничтожал все злое, разное, но и очищал даже мысли и намерения. Поэтому не случайно все посетители монгольских и татарских ханов, включая иноземных послов, перед тем, как войти в ханский шатер, обязаны были пройти через пламя костров. Как здесь не вспомнить очищающую «функцию» огня во время празднования в языческой Руси славянского Яна (Ивана) Купалы в ночь с 6 на 7 июля н.с. Иваном Купалой называли куклу или чучело. Во время праздника эту куклу топили в воде, разжигали священные костры, через которые прыгали участники обряда, тем самым «очищая» душу от скверны и злых сил. Этот ритуал был призван обеспечить плодородие полей (считалось, что от высоты прыжка зависит высота хлеба).

Интересно, что подобные обряды, подчеркивающие «очистительную» функцию огня, были не только в языческой Руси, но и у предков адыгов, причем они были связаны с почитанием богини земледелия Мерием. В середине прошлого века Л. Люлье (1862), будучи очевидцем языческих обрядов поклонения этой богине, свидетельствовал, что «...у черкесов существует еще обычай прыгать через огонь, как у русских на Ивана Купалу. Прыгающие через огонь просят Мерию о прощении грехов, и после этого считают себя уже очищенными от них».

Некоторые элементы поклонения огню, веры в его живительную силу, восходящие к самым ранним этапам истории человеческого общества, пережив многие тысячелетия, сохранились у предков адыгов в здравницах-хохах (Шортанов А.Т., 1992):

Чтобы голова нашего огня не потухла,
Чтобы наш очаг не потух,
Чтобы мы имели, что варить и жарить,
Чтобы наш очаг был светлым и теплым...

При этом культ огня в домашнем очаге был распространен не только у адыгов, но практически у всех народов Северного Кавказа: балкарцев, ингушей, осетин, чеченцев, многочисленных народностей Дагестана. У всех этих народов очаг и надочажная цепь признавались священными: над ними давались клятвы; невесту обводили вокруг очага семьи жениха в знак приобщения к новому роду – роду мужа.

Предки адыгов знали особый вид жертвоприношения, которое они называли «дарение огню». Суть этого обряда заключалась в том, что во время ритуальных празднеств очагу выделяли его «долю»: она отдавалась посредством обливания края очага жиром жертвенного животного. Встречая Новый Год, на шестке очага по числу членов семьи устанавливали свечи, после чего в очаге разводили огонь, а старший в семье произносил новогоднее поздравление.

Очаг и очажный огонь, по представлениям предков адыгов, обладали магической силой. Беременная женщина обычно разрешалась от бремени у домашнего очага. Если же роды были трудными, повитуха посыпала живот роженицы золой из очага со словами: «Да разъединит вас скорее Бог!». До настоящего времени сохранилось множество поверий о мистической силе огня и необходимости уважительного отношения к нему, пришедших из глубокой древности (Сообцокова Н.И., 2010. С. 280):

Если молоко отелившейся коровы капнет в огонь, то ее будет легко доить.

Если огонь трещит, брось в него что-нибудь, – значит, он просит жертвы.

Если человек, у которого что-то похитили, бросит в огонь щепотку соли, то у вора на теле образуется сыпь.

Если ограбленный бросит в огонь волчью жилу, то у вора должна скрючиться рука.

Нехорошо играть с огнем.

Не к добру видеть во сне пожар.

Недопустимо стрелять в очаг.

Недопустимо плевать в огонь.

Нельзя зерна кидать в огонь.

С темой «священного» огня тесно связан цикл суеверий, связанных с поклонением предков адыгов горящим свечам.

2.7.4.2. Ритуал зажженной свечи: еще один языческо-христианский пережиток у черкесов?

Покинув церкви, черкесы при молитвах обращались всегда на восток, зажигали дома восковые свечи и употребляли ладан. К этим остаткам христианства народ прибавил свои собственные обряды, родившиеся от суеверия.

Н.Ф. Дубровин (1871).

Свеча продолжала восприниматься как символ души, а само гадание раз в год на зажженных свечах напоминает святочное гадание.

С.Х. Хотко (2008).

Еще одним христианско-языческим пережитком у предков черкесов являлся ритуал зажженной свечи, о чем сообщают многие дореволюционные авторы.

Авторы книги «Кавказ...» (1898) сообщают о поклонении адыгов Созерису (Созерис, Созэрэш) – покровителю хлебопашества: «Пришествие его ожидается и празднуется в декабре, в одно время с нашим праздником Рождества Христова. К этому времени в дом вносится сук о семи ветвях, к которым прикрепляются свечи из желтого воска, пирожки и кусочки сыра». Более подробно обряд в честь Созереша описал Хан-Гирей: «Из дерева, черкесами называемого *хамихут* (*гамиут*), обрубок с семью сучьями хранится у каждого семьянина в хлебном амбаре. По наступлении «Созерешевой ночи» (после уборки хлеба) каждое семейство собиралось в своих домах, приносило идола из амбара и ставило среди хижины на подушках. К сучьям его прилепляли свечки, с открытыми головами совершали ему моление». Каждый дом имел своего идола-обрубка, но кроме того был один общественный. Праздник имел два основных момента: исполнение обряда всем обществом и обряды, выполняемые в каждой семье (в сакле). «Домашняя молитва, – писал Е.Н. Шиллинг, – происходила перед «семейными» обрубками, на сучьях которых укрепляли свечи, куски сыра и пирожки. Молитву читала хозяйка...»

Дополняет наше представление об этом старинном обряде Э.Спенсер (1830), который следующим образом описывает обряд в честь Созереша: «Его праздник отмечают жители в начале весны, когда его символ – высохшее грушевое дерево, украшают гирляндами цветов, как майское дерево. Огромный творог или сыр прикрепляют к верхушке; и несколько свечей, по числу приглашенных гостей, держат зажженными здесь и там, над деревом. В его честь приносят жертву животное и устраивают народную трапезу». И далее Спенсер заключает: «Обряжение дерева цветами, украшениями и свечами во время Рождества практикуется даже по сей день (написано в 1830 г.) всем населением Германии и других стран Северной Европы».

Весьма интересно и описание И. Хазрова (1846): «Этот день («Созереш», или «Сретение Господне») праздновался так. Накануне вечером в Дом молитв приходила новобрачная с зажженной свечей в руке, ею зажигала все свечи в доме и становилась у запертых дверей, у которых собирался народ. Старик с палкой, усаженной свечами, подходил к дому и говорил: «*Ай, Созереш, пчерухи тхачах*», т. е. «Созереш, отворяй нам двери». Народ хором повторял. Когда девушка отворяла двери, старик входил в дом, зажигал на палке свечи и читал молитвы. Затем раскладывали костер и народ расходился по домам с зажженными свечами и каждый зажигал у дома свой костер».

Обряд, связанный с зажженной свечой и изготовлением креста, описывает и Ж.-Б. Тавернье (1605-1689 гг.): «Раз в год в каждом черкесском доме делается крест в форме молотка, приблизительно в 5 футов

высотой, причем обе палки, из которых он сделан, имеют толщину руки. Когда крест изготовлен, отец семейства ставит его в комнате рядом с дверью и, созывая всех членов семьи, дает им по зажженной свечке. Затем он первым прикрепляет свою свечу к кресту, затем его жена, а затем дети и слуги. Если в семье есть маленькие дети, которые не могут прикрепить свои свечи, то их свечи прикрепляет их мать или отец. Если одна из свечей потухнет до того, как окончательно сгорит, то это служит у них пророчеством, что тот, кто ее прикрепил, не доживет до конца этого года. Падение свечи означает, что тот, кому она принадлежит, будет похищен; если свеча прикреплена рабом, то он будет похищен или убежит; я уже отмечал, что эти люди – большие воры, и одно селение крадет у другого все, что может, как людей, так и скот, и только детей правителей и знати они не рискуют трогать» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 59-64).

Николас Витсен (1641-1717): «Когда гремит гром, они (черкесы) радуются, выбегают из домов наружу, пляшут; считают счастливыми тех, в чей дом ударит молния, и они в радости проводят весь год; если молния ударит в человека, его считают святым. Когда ударит молния в деревне, отыскивают белого козла и воздают ему почести: падают перед ним на колени, водят его со свечой на шее». («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Подробно делится своими впечатлениями о языческо-христианском ритуале, связанном с зажженной свечой, Н.Ф. Дубровин (1871): «В одной из рош, почитаемых священными, собирався народ для молитвы. Под открытым небом, где-нибудь под сенью развесистого дуба, устраивалось нечто вроде алтаря, украшенного простым деревянным крестом грубой работы, и народ возносил свои мольбы к небу, призывая имя Всевышнего—Тгахуо. Богослужение совершал, в звании жреца, какой-нибудь старец, избираемый в это звание пожизненно. Он ставил прежде всего у дерева крест, облеплял его свечами, зажигал их и умывал себе руки и лицо. Накинув на себя бурку, сняв шапку и став на колени, он произносил громко молитвы, соответствующие празднику. По большей части, молитвы состояли в простом прошении земных благ, урожая, дождя, избавления от повальных и других бедствий. Окончив молитву, жрец приступал к закланию жертвы, состоявшей из барана, козла или быка. Взяв от креста одну из зажженных на нем восковых свечей, он натирал ее воском шерсть на лбу животного, предназначенного в жертву, совершал над головою его возлияние из приготовленной для того бузы и тут же закалывал жертву. Затем жрец брал в одну руку пирог или лепешку, в другую деревянный сосуд, выточенный наподобие чаши и наполненный бузою, и, вознося все это к небу, вновь молился.

По окончании молитвы, пирожок и сосуд передавались старшему из присутствующих, а несколько таких же пирожков и чаш другим предстоящим, которые передавали их следующим: это заменяло причастие, после которого каждый обходил три раза вокруг креста. Между тем голову животного, принесенного в жертву, насаживали на длинный жест, утвержденный в земле, где-нибудь поблизости креста, а из мяса готовили пищу; кожа убитого животного отдавалась жрецу. Во время приготовления, пищи, старики и старики, взявшись между собою за руки, составляли круг и плясали под звуки песен особого напева. К старым присоединялись молодые и скоро веселье делалось всеобщим...

Кроме изготовленного мяса, каждое семейство приносило с собою кругленький столик, пасту, пирожки с сыром и прочие кушанья. Разместившись на земле вокруг столиков, человека по четыре за каждым, главы семейства принимались за пищу и питье, следя при этом, чтобы священные свечи не погасли. Молодые люди не участвовали в пиршестве; они разносили яства и напитки, прислуживали старшим и довольствовались остатками приготовленных кушаний. Женщины составляли отдельный кружок и старались скрыть от мужчин, что занимаются едою, в особенности девушки, которые скорее соглашались остаться голодными, чем допустить себя до того, чтобы мужчина видел их жующими» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 14).

И еще два-три штриха к ритуалу зажженной свечи. Турецкий историк Эвлия Челеби (1666) оставил во многом фантастические сведения о «гигантском священном дереве черкесского племени «адами», возрастом около тысячи лет. По его словам, «в седьмом месяце каждого года под этим деревом собираются по 500-600 человек разных народов... Поклоняющиеся этому дереву каждую ночь возжигают вокруг него сотни тысяч восковых свечей».

Интересно и следующее свидетельство: «В тех домах, которые еще не совершенно приняли магометанство, прибавается к стене небольшая палка, на коей лежит кусок воска и полотенце. В праздник из этого воска делают свечу, зажигают ее, становясь пред нею на колени, молятся, снимая шапки, и на место употребленного воска кладут новый кусок. Все эти замечания относятся в особенности к племенам, живущим по берегу Черного моря и на равнинах, окружающих Кубань» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 396).

Разрыв с Византией, разрушение храмов, преследование священников-шогеней, – все это привело к тому, что язычество, всегда существовавшее у адыгов, начало наступление на христианство. *Христианские культы и обряды продолжали существовать лишь как пережитки когда-то исповедовавшейся религии.* Покинув церкви, черкесы при молитвах обращались всегда на восток, *зажигали дома восковые свечи* и употребляли ладан.

С.Х. Хотко (2008) так объясняет этот обряд: «...Свеча продолжала восприниматься как символ души, а само гадание раз в год на зажженных свечах напоминает святочное гадание. Обращает на себя внимание домашний характер празднества, связанного, скорее всего, с Рождеством. Языческие обряды отправлялись без стеснения всеми жителями села или совместно нескольких сел с участием одного или нескольких князей. Получается, что адыги решались противопоставить формально принятому исламу и исламским чувствам своих соседей собственные языческие культы, а в кругу семьи отмечалось откровенно христианское торжество».

3. АДЫГИ И ИСЛАМ

3.1. Мусульманская религия на Северо-Западном Кавказе: к вопросу о начале исламизации адыгов

С достоверностью определить, когда именно черкесы приняли магометанскую веру, есть дело почти невозможное.

Султан Хан-Гирей (1846).

Трудно установить точную дату принятия адыгами ислама. Спектр мнений различных историков здесь довольно широк. Так, А.Т. Керашев и А.Ю. Чирг считают, что «...новая религия – ислам проникает в Черкесию из Золотой орды с XIV в. А по А.Х. Бижеву, «...этот процесс, начавшийся на Кавказе в VIII в., с арабским нашествием, стал охватывать адыгов уже в XIII-XIV вв.». В свою очередь, Хан-Гирей относит возникновение ислама в Черкесии к XVI в.: «Однако ж мы знаем, что и в отдаленные эпохи (около 1570 г.) часть черкесов была магометанами, из чего заключим, что некоторые колена черкесские приняли магометанство весьма давно, а другие – в позднейшее время». К XVII столетию относит утверждение ислама в Черкесии русский историк В.О. Ключевский (1866), который, ссылаясь на Герберштейна, пишет: «В XVII в. обитатели этих гор («черкасы»), сохранив прежнее имя, были уже магометанами. Под именем черкас известны были также полумагометанские и полуязыческие обитатели страны, простиравшейся к северу от закубанских горцев, между берегами Каспийского моря и Кавказским хребтом».

Другие же авторы наоборот, утверждают, что проникновение ислама на Кавказ относится к XVIII в.: «Когда турки овладели Карталинией и присоединенными к ней областями, тогда они обратили все внимание на полухристиан, и в половине XVIII в. водворился в горских народах ислам... Впрочем, почти все закубанские народы слабо убеждены в исламе, быть может, от безграмотности их духовных наставников» («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 23). По мнению же Хавжоко Муфти, «...западные адыги не были мусульманами до XIX в., т. е. почти до массового переселения в Турцию в 1864 г. Они приняли ислам лишь тогда, когда потеряли надежду на помощь европейских государств в их борьбе против русских, и нуждались в помощи Оттоманской империи». О довольно-таки позднем проникновении ислама в Черкесию сообщает и Ферах Али-паша, направленный в Анапу в конце XVIII в., который получил от визиря Абди-паши послание следующего содержания: «Черкесия не страна варваров, как ты думаешь. Хотя они и не мусульмане и поклоняются, согласно своим древним традициям, божествам воды и деревьев, они воинственные и мужественные люди».

Судя по всему, истина лежит где-то между этими двумя крайними датами. Тем более, что угасание одной и насаждение другой религии не происходят в «одночасье», в один год или даже десятилетие. Это длительный процесс, охватывающий иногда целое столетие и более.

3.1.1. Этапы принятия адыгами ислама

Одни из них (черкесов) магометане, ...другие следуют греческому обряду, но последних больше».

Джовани Лукка (1629).

Принятие ислама адыгами проходило поэтапно на протяжении периода с конца XVI до начала XVIII в. Под влиянием крымских ханов первыми ислам из всех этнографических групп приняли проживавшие на побережье Азовского и Черного морей. Это шегаки (хегаки), жане, бжедуги. Вторым эшелоном ислам приняли черкесские группы в степях и предгорьях Северного Кавказа: хатукаи, собай, махоши, кемиргои, бесленей и кабардинцы. Наконец, последний эшелон, это убыхи, шапсуги и абадзехи, занимавшие среднюю часть страны. Первыми сторонниками новой конфессии становились представители знати. Если в XVI столетии лишь отдельные группы адыгов исповедовали ислам, то к XIX в. все черкесы смотрели на османского султана, как на своего духовного главу и некий высший авторитет. Современники Эдмунда Спенсера подчеркивали: «Черкесская кровь течет в венах султана. Его мать, его гарем – черкесские; его рабы черкесы, его министры и генералы черкесы. Он глава нашей веры, а также нашей расы». Черкесы времен Спенсера признавали религиозный и политический авторитет османского султана, тогда как черкесы XV в. никого не ставили выше себя. Эти взгляды отражены в сочинении аз-Захири (умер в 1468 г.) об устройстве государства черкесских мамлюков, где постулируется тезис о приоритете черкесов в мире ислама: «Суть дела в том, что поистине на титул султана имеет право только владетель Египта, да поможет ему Бог; он теперь стоит выше всех царей и самый благородный из них» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

3.1.2. Попытки проникновения мусульманских верований на Северо-Западный Кавказ в эпоху средневековья

И вот сказал Ибрахим: «Господи! Сделай это страной безопасной и надели обитателей ее плодами...».

Коран. Сура 2; 120

Исламские миссионеры с оружием в руках вели пропаганду ислама в Дагестане, по Тереку, в Грузии и Черкесии, преследуя и убивая христиан.

И. Барбаро (1452).

Некоторые исследователи склонны полагать, что ислам стал проникать к адыгам в XIII-XIV вв. из Золотой Орды. При хане Берке были построены первые мечети и мусульманские духовные школы на территории Орды. Среди развалин средневекового города Маджары, ставшего в XIV в. крупным мусульманским центром на Северном Кавказе, были обнаружены мусульманские надписи, датируемые XIII в. Однако в XIII в. конфессиональный фактор не играл существенной роли в самой Орде, и ее правителям была свойственна веротерпимость.

Исламизация самих ордынцев активизировалась с XIV в. после официального введения здесь ислама ханом Узбеком в 1312 г. При нем миссионерская деятельность православных священников стала ограничиваться и активизировалось строительство мечетей. Возводятся они и в Центральном Предкавказье. Об одной из них, построенной в 1334 г. в окрестностях Бештау, упоминает Ибн Батута. На территории современной Кабардино-Балкарии были найдены развалины Нижне-Джулатской кирпичной мечети с остатками минарета и погребальным склепом под полом. Адыги принимали участие в войнах татаро-монгольских ханов, а в столице Золотой Орды – Сарае Ибн Батута видел черкесские кварталы. Перечисленные выше факты допускают вероятность начала исламизации части адыгов в период, охватывающий конец XIII – начало XIV в. (Ахохова Е.А., Бузаров А.К., Губжоков М.Н. и др., 2006).

По мнению М.Н. Губжокова (2007. С. 178), ислам начинает проникать к адыгам с XIV в. из Золотой Орды. В дальнейшем основными центрами распространения ислама становятся Османская империя и Крымское ханство. Утверждение новой веры проходило с немалым трудом, вследствие чего мусульманским правителям приходилось прибегать к насильственным мерам. Однако со временем новая вера, проповедовавшая всеобщее равенство, оказалась востребована частью адыгов, боровшейся за отмену привилегий аристократии.

Профессор В.Н. Ратушняк также считает, что ислам проник к горцам в XIV в. из Золотой Орды, а с XVI в. насаждался турками и крымскими татарами, однако наиболее прочно он утвердился у адыгов лишь в первой половине XIX в. и в ходе Кавказской войны. Сохранились сведения о попытке проникновения ислама в Черкесию во второй половине XV в. Как отмечал И. Барбаро (1452), исламские миссионеры с оружием в руках вели пропаганду ислама в Дагестане, по Тереку, в Грузии и Черкесии, преследуя и убивая христиан. В 1486 г. они добрались до западночеркесских областей Кипик, Карбат, Дидаркосан и Кремук, «...где были встречены вооруженной рукой местных жителей и получили от них такой разгром, что уцелели и убежали отсюда едва 120 чел. И по этой причине можно понять, как плохо приходится христианам среди этих выродков...». (Здесь, вероятно, имеется в виду поход шейха Хейдара, прошедшего войной по всему Северному Кавказу и потерпевшего сокрушительное поражение в Черкесии. – Авт.). Сохранились документы, подтверждающие, что насаждение ислама среди адыгов проводилось Османской империей и Крымским ханством еще с XVI в. По сообщению Прокопия (2007), «...в 1570 г. крымские татары напали на закубанцев, разорили их жилища, а жителей силою заставили принять магометанство».

3.1.3. Была ли «насильственная исламизация» адыгов в результате турецко-крымской экспансии?

...Религия, Магометом основанная, укоренилась в Черкесской земле не влиянием военного мужества другого народа, но следствием посторонних косвенных обстоятельств, которых должны мы искать в умственных его качествах.

Султан Хан-Гирей (1846).

Среди многочисленных жалоб, направленных... кабардинскими князьями русскому царю о притеснениях крымских татар, нет ни одного упоминания о принудительном насаждении ислама.

Е.А. Ахохова, А.К. Бузаров, М.Н. Губжоков и др., 2006

Основываясь на масштабе и частоте походов крымцев на адыгов, и в особенности на кабардинцев, в отечественной историографии утвердился тезис о «насильственной исламизации» адыгов в результате турецко-крымской экспансии. Эта концепция вызывает ряд возражений, на которых останавливаются Е.А. Ахохова, А.К. Бузаров, М.Н. Губжоков и др. (2006). Привожу их в кратком изложении.

Следует сразу отметить, – пишут авторы, – что достаточных свидетельств в пользу насильственной исламизации адыгов нет. Среди многочисленных жалоб, направленных со второй половины XVI в. кабардинскими князьями русскому царю о притеснениях крымских татар (если судить по материалам книги «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.», 1957), нет ни одного упоминания о принудительном насаждении ислама. Более того, как отмечалось выше, в тот период складывались вполне благоприятные политические условия и для христианизации адыгов. В серии многочисленных набегов, совершенных крымско-турецкими войсками на Кабарду с середины XVI в. до 70-х гг. XVIII в., нет ни одного, предпринятого с целью распространения ислама.

С этой точки зрения представляет интерес свидетельство доминиканца Иоанна, побывавшего в Черкесии через 50 лет после Интериано: «Черкесы некоторые — мохамедане, другие — греческого вероисповедания, но мохамедан более. Священник, который живет в Терки, иногда крестит их, но мало объясняет им Закон Божий; с каждым днем число турок (то есть мусульман) возрастает: от греческого вероисповедания сохранились лишь обычаи носить пищу на могилу и некоторые посты...» (Марков Е.Л., 1887. С.132).

Контакты кабардинцев с Крымским ханством далеко не ограничивались военными столкновениями. Кабардинцы были связаны с крымцами родственными узами, институтом аталычества, торговыми отношениями. В условиях политической раздробленности, что приводило к ожесточенной междоусобице, в Кабарде сложились как прорусская, так и прокрымская ориентации. При этом состав группировок, ориентировавшихся на Крым и на Россию, не был постоянен. Крымские войска часто приглашались кабардинскими князьями для участия в войне со своими противниками. Вряд ли в подобных случаях в действиях крымцев доминировала религиозная мотивация.

Ш. Ногмов, говоря о «принуждении» крымским ханом кабардинцев принять магометанскую веру, в то же время отмечал, что «магометанское духовенство спешило воспользоваться тягостным положением кабардинцев, дабы обратить их к магометанству, не щадя при этом ни обещаний, ни подарков».

В «Записках о Черкесии» Хан-Гирей (1978) писал: «Около 1570 г. крымский хан Шах-бази Гирей опустошил черкесские селения, увел пятигорских черкес, то есть кабардинцев, за Кубань и принудил их принять магометанскую религию». Но в «Черкесских преданиях» (1841) он высказывает иное суждение: «Чужеземное в старину влияние, оставившее в других частях Кавказа памятники своего владычества, не оставило здесь глубоких следов, ни безопасной своей власти, ни морального влияния, даже религия, Магометом основанная, укоренилась в Черкесской земле не влиянием военного мужества другого народа, но следствием посторонних косвенных обстоятельств, которых должны мы искать в умственных его качествах».

Из всего сказанного важно подчеркнуть два обстоятельства. Первое заключается в признании двойственности методов исламизации адыгов. Второе – в том, что исламизация, по крайней мере на первых порах, проходила в политических интересах адыгской знати, и не случайно, что новую религию сначала принимали именно князья и дворяне (Ахохова Е.А., Бузаров А.К., Губжоков М.Н. и др., 2006).

Таким образом, современные ученые упомянутой энциклопедии склоняются к выводу, что «достаточных свидетельств в пользу насильственной исламизации адыгов нет... Нет ни одного упоминания о принудительном насаждении ислама». Тем не менее, некоторые авторы середины XIX – начала XX в., изучив архивные источники, имеют совершенно иное мнение:

«С конца XV столетия Западный Кавказ оказался под властью турецких султанов и их вассалов – крымских ханов. Но этого было недостаточно: им хотелось распространить свое владычество вглубь гор – на закубанских черкесов. Важнейшим стимулом в этом случае был религиозный фанатизм турок: утвердив мусульманство в Крыму, они хотели водрузить знамя пророка и на высотах Кавказа. В осуществлении этих замыслов деятельное участие приняли крымские ханы. Вооруженною силою они проникали в горы и здесь силою меча распространяли ислам. При этом, как свидетельствует записанное Ногмовым кабардинское предание, «шогены» – христианские священники – были убиваемы, книги их сжигались, пастырские жезлы расхищались и разбрасывались с презрением; некоторые из шогенов скрывались в горах с книгами, где и жизнь кончали в пещерах; впоследствии находили оставшиеся после них книги уже полуистлевшими (Короленко П.П., 1909). Поистине, как говорится в Евангелии от Луки (11; 49), «...пошло к ним пророков и апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят».

Черкесы упорно отстаивали свою политическую и религиозную самобытность; потребовалось целых два столетия, чтобы окончательно сломить их противодействие мусульманству. Еще в 1717 г. крымский хан с полчищами татар и в сопровождении множества мулл ходил в Закубанскую страну, чтобы огнем и мечом искоренить там последние следы христианства. Достигнув своего, он всюду в черкесских аулах поставил мулл, а для наблюдения за общим состоянием края основал главную ставку на р. Белой, близ нынешнего г. Майкопа. Можно считать, что только с этого времени христианство было окончательно истреблено среди черкесов («Исторический обзор Терека...», 1851. С. 306).

3.1.4. «Христианская вера у черкесов стала постепенно угасать, и на смену ей пришло магометанство...»

Не более века тому назад (написано в 1840 г.) черкесские князья начали принимать магометанство, и народ стал следовать их примеру, не имея достаточно ясного представления об этой религии и ее обрядах в силу нехватки проповедников.

И. Бларамберг (1840).

В лице натухаевских и шапсугских князей и дворян татары нашли ревностных сторонников ислама, но бжедухские, темиргоевские и кабардинские князья и дворяне отнеслись враждебно к новой религии.

Ф.А. Щербина (1910).

Как отмечает Н.В. Анфимов, в религии адыгов до XVI в. преобладали местные древние верования и обряды. В некоторых местах еще сохранились элементы христианства. Распространение же мусульманской религии среди адыгов относится, по его данным, к XVII-XVIII вв. В XVII в. ислам в основном распространяется среди князей и дворянства, широкие слои населения придерживались старых религиозных воззрений. До XVIII в. ислам оставался у адыгов религией лишь господствующего класса.

Особенно активизировался этот процесс в начале XVIII в. Так, И.Г. Гербер (1728) сообщал, что христианская вера у черкесов стала постепенно угасать, и на смену ей пришло магометанство: «...70 или 80 лет ранее (т. е. около 1650-1660 гг.) содержали они христианскую веру и были греческого исповедания. А поскольку не имели они о своей вере довольного понятия и с другими христианами не было у них никакого общения, то с того времени христианская вера у них и пропала, и введена магометанская. Правда, что некоторые из них и ныне называются христианами, однако, кроме этого имени, они о своей вере ничего не знают. Магометанские черкесы последуют суннитской секте».

И. Бларамберг считал, что появление ислама в Черкесии относится к началу или первой половине XVIII в.: «Не более века тому назад (написано в 1840 г.) черкесские князья начали принимать магометанство, и народ стал следовать их примеру, не имея достаточно ясного представления об этой религии и ее обрядах в силу нехватки проповедников». Говоря же о Кабарде, этот автор писал: «Они (кабардинцы) все магометане из секты Омаров. Их духовенство пользуется большим уважением и оказывает серьезное влияние на народ. В Кабарде совершенно нет красивых мечетей, поскольку исламу был привит здесь всего лишь лет 60 тому назад».

К началу XVIII в. относит появление ислама в Адыгее и Ш. Ногмов. В частности, он сообщает: «Наиболее сильный удар по христианству на Северном Кавказе был нанесен в 1717 г. По приказанию турецкого султана Ахмеда III, крымские ханы Девлет-Гирей и Хаз-Гирей распространяли магометанскую веру огнем и мечом. В эту эпоху многие шогены были убиты, книги их сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены с презрением, отчего произошла следующая поговорка: «Чтоб твое имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы! (Уи мылькур зэраупхъуэ, щоджэн дамыгъэхэр зарызэрапхъуэм хуэдэу!». Убийства священников и разрушения храмов привели к тому, что «...черкесы отпали от христианства».

К этому же времени относит дату начала проникновения ислама к адыгам и Ф. Щербина: «В 1717 г. турецкий султан Мурад IV (у Ш. Ногмова – Ахмед III) приказал крымским ханам – Девлет-Гирею и Казы-Гирею непременно распространить ислам между кавказскими горцами. Хань двинулись из Крыма с многочисленными полчищами татар насаждать магометанство у черкесов. В лице натухаевских и шапсугских князей и дворян татары нашли ревностных сторонников ислама, но бжедухские, темиргоевские и кабардинские князья и дворяне отнеслись враждебно к новой религии. Расположившись станом на р. Белой (в месте у нынешней ст. Ханской), татары отсюда стали распространять исламу по всему Северному Кавказу, вплоть до Дагестана. Партиями и отрядами, с пламенными речами духовенства о прелестях магометанского рая и с мечами в руках шло в горах насаждение новой веры. Сам стан обратился в сборище веселья и разгула. В ханский стан татары гнали в большом количестве скот и лошадей, приводили женщин и мальчиков и вели разгульную жизнь. И вот в это веселое для татар время и были разрушены памятники христианства на Кавказе – храмы. Насаждение ислама у черкесского народа продолжалось потом 147 лет, до тех пор, пока не был покорен Северный Кавказ».

С. Броневский (1823) также считает, что ислам проник в Землю адыгов в начале – середине XVIII в.: «Черкесы всегда были наклонны к христианству, и донныне дозволенных церковей почитаются в иных местах за убежище ненарушимое. Еще в начале XVIII столетия они не имели точного вероисповедания, и по собственному показанию кабардинцев, не более 80 лет минуло (то есть около 1740 г.), как они совершенно отпали от Греко-Восточной церкви и прилепились к магометанству, сначала князья, а потом и черный народ, который не имел, однако ж, точного понятия о новопринятом Законе, и по недостатку духовных чинов не отправляли надлежащих обрядов».

Интересен следующий факт, относящийся ко второй половине XVIII в. Роберт Лайэлл (1790-1831), ссылаясь на книгу Глена, свидетельствует: «Нельзя не огорчиться, прочтя следующую выдержку: «Миссионеры к своему немалому удивлению и печали обнаружили, что магометане делали свою коммерцию, прося Завет (т. е. христианскую Библию. – Авт.), без малейшего намерения прочесть его, но, насколько можно было удостовериться, с единственной целью обзавестись обложками... для Корана и других книг, рекомендованных их наставниками».

И в записках К. Пейсонеля, побывавшего в середине XVIII в. в Черкесии, отмечается «пестрота» религиозных верований адыгов: «Племена ада (адда), адеми (адемиевцы), бестени (бесланевцы), бусадиг (бжедуги) и кемиркеи (темиргоевцы) – единственные, у которых магометанство утвердилось более или менее прочно. Было бы трудно дать верное понятие о религии других племен: у одних сохранились остатки христианства, у других – следы идолопоклонства» (Пейсонель К., 1927. С. 21).

Эту же дату (середина XVIII в.) в какой-то степени подтверждает сообщение Г. Клапрота (1808) о том, что «...еще около 40 лет назад (т. е. – около 1770 г.) черкесы, хотя называвшие себя мусульманами, жили почти без религии; они не имели ни мечетей, ни священников, кроме нескольких невежественных мулл. Из религии Магомета они соблюдали лишь воздержание от свинины и вина. Они хоронили также мертвых и справляли свадьбы по магометанскому обычаю...». А в 1775 и последующих годах «турки, желая упрочить свое влияние на закубанцев и сделать их враждебными России, чрез посредство своих мулл и золота в короткое время обратили большую часть горцев в магометанство и поселили в них сильную ненависть к русским» (Прокопий, 2007). Близкую к этому дату (около 1786 г.) называет также И. Хазров: «Черкесы не более как 60 лет тому назад приняли магометанскую веру (написано в 1846 г.).

Распространение ислама и введение шариата в Кабарде Ш. Ногмов связывал с именем Адиль-Гирея: «Адиль-Гирей, обучавшийся арабскому и татарскому языкам, стал обращать народ к исламу, поставил мулл и построил мечети». Однако до него становление ислама в этом районе связывают с деятельностью Мансура. Как утверждает С. Броневский, «В 1785 г., появился у чеченцев проповедник из дервишей, по имени Ших (Шейх) Мансур, подосланный Портою для возмущения горских народов против России, под предлогом распространения магометанской веры. Он в течение шести лет успел и в том и в другом предмете, обратив решительно в магометанство черкесов и чеченцев. С того времени выстроены у них мечети и умножились духовные чины – имамы, кадии, муллы». Исследования С. Бейтуганова позволяют сделать вывод, что ислам стал господствующей религией в Кабарде (во всяком случае, для феодальной верхушки) примерно к 1790 г.

К началу XIX в. позиции ислама в Черкесии несколько укрепляются. Как отмечает А. Берже, «...начало введения мусульманской веры у черкесов восходит к временам недавним (написано в 1858 г. – Авт.); она и теперь не успела между ними достаточно укорениться». А о том, как происходило «укоренение» ислама среди адыгов, можно судить по сообщению И. Хозрова: «В начале XIX в. Гасан-паша с многочисленным войском выступил из Анапы в земли черкесов и, то угрозами, то богатыми подарками склонил их согласиться принять магометанство. Горцы вынуждены были дать присягу о верном соблюдении правил Корана и принять наставников в новой вере (Как говорится в суре 34; 27, «...и Мы послали тебя ко всем людям вестником и увещателем»).

Дальнейшее распространение и утверждение ислама напрямую было связано с событиями Кавказской войны. Стойкая приверженность царской администрации к силовым методам завоевания Черкесии сформировала в адыгском сознании негативный образ как самой России, так и христианства – ее государственной религии, что и предопределило окончательный успех миссии мусульманских проповедников (Губжоков М.Н., 2007. С. 178).

Окончательно утвердился ислам в большей части земли адыгов лишь в середине XIX в. Так, Л. Люлье сообщает: «Господствующая вера между черкесскими племенами есть магометанская, секты суннитской. Из всех племен, населявших северный склон Кавказского хребта, кабардинцы первые приняли веру магометанскую. Ныне (т. е. 1862 г.) ислам совершенно водворился и в западной части Кавказа. Надобно, однако же, из этого числа исключить жителей морского побережья, от Геленджика до мыса Хизе, и долин, к нему примыкающих: немногие только, совместно с дворянами, придерживаются закона Пророка, а все прочие остаются без определенного верования, придерживаясь обряда приношения животных в жертву...».

Этот экскурс в историю исламизации адыгов хорошо дополняет исследование Прокопия (2007). Он подтверждает, что адыгские племена принимали ислам не в одно и то же время: часть из них стала мусульманами на протяжении XVIII в., а часть лишь в ходе военных действий против царских войск в первой половине XIX в. Большинство же адыгов приняли новую веру, когда потеряли надежду на помощь европейских государств в их борьбе против царской России и обратились за помощью к туркам. Они были обращены в ислам последователями имама Шамиля и его набами к 60-м гг. XIX в.

3.2. «Переходный период»: от христианства к исламу

Неужели же они стремятся к религии другой, чем религия Аллаха?...

Коран. Сура 3, 77 (83).

Ислам не коснулся, однако, большей части простого класса черкесского народа... Они оставались без определенного верования, придерживались обрядов жертвоприношения и возлияния.

Н.Ф. Дубровин (1871. С. 14).

В Черкесии был довольно-таки длительный «переходный» период, когда (не сказать, мирно) здесь сосуществовали две мировые религии – ислам и христианство. Более того, зачастую на них «накладывались» языческие верования. Так, Э. Челеби, посетивший в 1666 г. Черкесию, писал в своей «Книге путешествий»: «Мусульманской или иной религии они не признают, однако, да преумножит Аллах численность их, ибо обладают прекрасными сердцами, народ они добросердечный, ни в исламе, ни в религии гяурской не сведущий, но веры в вос-

крещение и Страшный Суд не отвергающий. Народ этот воистину удивительный». И далее: «Жители – не неверные и не мусульмане. Если мы называли их «кяфирами» («неверными», христианами), они гневались, считая себя оскверненными, а если мы говорили им «мусульмане», они не обращали внимания». Э. Челеби приводит любопытные факты «сосуществования» обрядов двух религий. Посетив селения Педеси на р. Шебш в земле хатукай, он писал, что «...они (черкесы) также произносят: «Нет божества, кроме Аллаха!». Тем не менее, они съедают жирных свиней до самого хвоста. Они соблюдают пост, но не совершают намаза. Тех, кто не держит свиней, они не размещают в (своих) поселениях» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Ему вторит Ш. Ногмов: «Многие из них (племени болоткай) называя себя мусульманами, совершают намаз, при этом, однако, едят жирных свиней. Вот таковы, в общем, обычаи всего черкесского народа». До настоящего времени в Адыгее сохранились географические названия, в которых упоминаются свиньи как объект питания адыгов в далеком прошлом: *Къохъутх* («Хребет, на котором разводят свиней») – около а. Ципки и а. Агуй. В этих аулах сохранилась поговорка: *Тылэмэ къохэр тибэны, тыкъанэмэ – тигъо-мланхъ* – «Умрем – с нами свиней похоронят; будем жить – свиньи наша пища».

Религия, которой придерживались адыги, во многом зависела от места проживания. «Черкесы и убыхи, – писал Карлгоф (1853), – считаются мусульманами, но настоящие мусульмане составляют незначительную часть народонаселения; это преимущественно люди, находящиеся в сношениях с турками. В большей же части народа, особенно в низших слоях, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества». Дж. А. Лонгворт (1839): «Исламизм, проповедуемый и исповедуемый вождями и знатью, пользуется уважением; однако язычество у черкесов является более популярным». Эти же сведения подтверждал Т. Лапинский: «В Убыхии магометанство также не сильно распространено; самые ревностные мусульмане – это торговцы рабами, в угоду туркам».

Н.Ф. Дубровин (1871. С. 14) считает, что беспокойная тревожная жизнь делала черкесов плохими мусульманами, а недостаток в образованном духовенстве лишал их возможности основательного изучения правил этой религии. «Мусульмане у нас, – говорили старики-горцы, – только одни муллы и кадии, но они все из Турции; муллы из адыге не доучиваются. Мы же умеем делать только намазы; два человека из тысячи умеют читать Коран». И далее Н.Ф. Дубровин пишет: «Ислам не коснулся, однако, большей части простого класса черкесского народа, особенно жителей морского побережья от Геленджика до мыса Хизе и долин, к нему примыкающих. Они оставались без определенного верования, придерживались обрядов жертвоприношения и возлияния. Деревянный, особой формы, крест, прислоненный к дереву, был единственным символом их поклонения».

И сегодня еще некоторые старики в Адыгее помнят старинную клятву: *«Къэхъ Теурат, къэхъ Инджыл, къэхъ Къур'эн»* – «Клянусь Торой, Евангелием и Кораном». (Обращает на себя внимание упоминание в этой клятве, наряду с Евангелием и Кораном, также и Торы – священной книги ветхозаветных иудеев. – Авт.).

И далее Н.Ф. Дубровин (1871. С. 44) дополняет свои наблюдения следующими фактами «удивительной шаткости» религиозных воззрений жителей Черноморского побережья даже в период преобладания в остальных районах Черкесии исламских верований: «Жители морского побережья и горных ущелий, не имея определенных религиозных понятий, составили свою собственную религию, состоящую из смеси язычества, христианства и исламизма. Не говорю о магометанском сословии черкесского народа, последователи которого все-таки имеют какое-нибудь определенное религиозное верование. Но и те, и другие весьма шатки в своих убеждениях и, будучи грубы и мало образованы, до крайности суеверны».

Необходимо отметить, что исламскую религию адыги восприняли так же, как и христианство, лишь с обрядовой стороны, совершенно не впитав в себя догматы обоих вер. Интересно, что и после принятия адыгами ислама многие христианские обычаи, традиции и даже видоизмененные обряды стали у них национальными. Таким образом, интенсивное внедрение ислама в духовную жизнь адыгов стало возможным лишь тогда, когда идеи этой религии теснейшим образом переплелись с идеей этнической и политической свободы. Здесь уже решающую роль сыграли черты национального характера адыгов (Прокопий, 2007).

Большинство авторов приходят к выводу, что «переходный» период, когда адыги оставались полухристианами-полумусульманами, сохранялся чуть ли ни до начала XIX в.

3.3. Борьба ислама против христианства

3.3.1. Соперничество двух религий у адыгов в начале XIX в.

Начиная с середины XVI в., Россия и татары-магометане, оспаривая друг у друга Черкесию, столкнули между собой в этой стране христианство и исламизм в открытой борьбе.

Дюбуа де Монпере (1839).

Кабардинцы в большинстве случаев посылали своих сыновей в отуреченное Закубанье, откуда те, вырастая, вывозили суровую и непримиримую ненависть к христианской России.

А.П. Ермолов, генерал (1822).

Начиная с середины XVI в., – писал Дюбуа де Монпере (1839), – Россия и татары-магометане, оспаривая друг у друга Черкесию, столкнули между собой в этой стране христианство и исламизм в открытой борьбе.

Соперничество этих двух религий осложнялось противодействием родоплеменных культов адыгов, связанных с пережитками первобытно-общинного строя. Борьба двух религий шла остро с самого начала установления здесь влияния султанской Турции. А для последней насаждение мусульманства и уничтожение христианства на Северо-Западном Кавказе было одним из важнейших средств для утверждения своего владычества в крае.

О роли мусульманства на Кавказе образно сказал в свое время историк Х. Ибрагимбеи: «Ислам, как господствующая на большей части Кавказа религия, выполнял роль сильного ветра при возникновении даже небольшого огня. Ислам разжигал вражду не только против русских, но и против христианских народов самого Кавказа. Уместно сказать, что русский царизм весьма эффективно использовал эту особенность ислама для разжигания национальной вражды между разными народами Кавказа». Таким образом, глобальная борьба против христианства, которую взвалил на свои плечи ислам, как мировая религия, на Северо-Западном Кавказе соединилась с борьбой против христианско-колониаторской России.

Особенно прочными позиции ислама становятся в 20-60 гг. XIX в., что было вызвано захватнической политикой царизма. Ислам способствовал мобилизации народа и сплочению сил в тяжелой борьбе с агрессором. Даже генерал Ермолов не мог не отметить, что «...кабардинцы в большинстве случаев посылали своих сыновей в отуреченное Закубанье, откуда те, вырастая, вывозили суровую и непримиримую ненависть к христианской России».

Вместе с тем, нельзя не отметить следующий факт, свидетельствующий об определенной независимости черкесов в политическом, но не в религиозном плане. Западные адыги считали себя политически совершенно независимыми, и только в силу религиозных понятий признавали главенство султана как верховного представителя религии. «Нужно сказать, – писал князь Хаджимуков (1910. С. 23-24), – что введение ислама, отдавшее Черкесию под более или менее сильное влияние турок, не сделало ее, однако же, провинцией, подвластной Турции. Черкесы почитали султана своим духовным главою, но светской власти его не признавали, и отнюдь не позволяли ему вмешиваться в их внутренние дела. Они оставались народом свободным и независимым» (Панеш А.Д., 1999).

3.3.2. «Борьба Креста с Луною»: ислам против пережитков христианства и язычества

В большей части народа, особенно в низшем сословии, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества, с прибавлением исламизма.

Н.Ф. Дубовин (1871. С. 44).

С XVI столетия начинается открытая борьба Креста с Луною... Прямым последствием этого был полнейший индифферентизм горцев к той и другой религии и возвращение их к древним суевериям...

«Кавказ...» (1898).

В VII столетии в южные пределы Кавказа впервые проник ислам, утвердившийся после двухвековой борьбы в Дагестане и распространившийся в IX в. по берегу Черного моря. «Но учение это, – пишут авторы книги «Кавказ...» (1898), – несмотря на многочисленных последователей, не было достаточно сильно, чтобы поколебать преобладавшее там христианство, которое в XI и XII вв. нашло сильную поддержку со стороны князей Тмутараканских и царей Грузии».

Несомненный интерес представляет помещенный в «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006) экскурс по истории исламизации адыгов в период позднего средневековья (конец XV – начало XVI в.). Его авторы – Е.А. Ахохова, А.К. Бузаров, М.Н. Губжоков и др. отмечают, что в 1453 г. Византия пала, а в 1475-1476 гг. господство генуэзцев в Восточном Причерноморье сменилось владычеством Османской империи и Крымского ханства. Эти два фактора положили конец деятельности христианских миссионеров как православного, так и католического толка. Вместе с тем, продолжавшиеся контакты с мусульманским миром в лице Крымского ханства и Ногайской Орды способствовали дальнейшему распространению ислама среди адыгов, в частности кабардинцев.

«Кабардинские и черкесские князья и их единоплеменники, – писал Дюбуа де Монперэ (1839), – пришедшие из Крыма и покорившие часть Черкесии в начале XV в., были мусульманами. С середины XVI в. соперничество между Россией и татарами-мусульманами в Черкесии привело к открытой борьбе между христианством и исламом в этой стране. Результатом было явное безразличие как к той, так и к другой религии и полный возврат к древним суевериям».

В другом переводе с французского этот тезис выглядит несколько иначе: «С XVI столетия начинается открытая борьба Креста с Луною, продолжавшаяся до последнего времени. Прямым последствием этого, как справедливо замечает Дюбуа, был полнейший индифферентизм (лат. *indifferentis* – «безразличие, равнодушие») горцев к той и другой религии и возвращение их к древним суевериям. Это в особенности относится до черкесских племен, религия которых отличается поразительною смесью ислама с христианством и язычеством» («Кавказ...», 1898).

Дюбуа де Монперэ в основном правильно подметил своеобразие этого исторического момента. Как отмечает В.Х. Кажаров, «середина XVI в. стала для адыгов решающим историческим рубежом в смене их конфессиональной идентичности». Однако не следует полагать, что в религиозной жизни адыгов в этот период все зависело от выбора той или иной конфессии. И поскольку аристократическая верхушка адыгов ко

времени начала сношений с Россией уже исповедовала ислам, выезжавшие на службу в Москву черкесские князья крестились и принимали христианство. В 1561 г. накануне женитьбы Ивана Грозного на дочери кабардинского верховного князя Темрюка Гуашаней (в крещении – Мария) английский посол в России Дженкинсон в своих записках отмечал, что Иван IV отказывал в приеме иностранцам, «будучи занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры». Попытка же крещения адыгов, предпринятая Москвой по «челобитию» их князей, не имела успеха. Более того, уже в 80 е гг. XVI в. наблюдается усиление позиций ислама среди адыгов, и в 1588 г. кабардинские князья присягают на верность московскому царю уже не «целованием креста», а «по своей вере, по мусульманскому закону».

Таким образом, во второй половине XVI в. создается неоднозначная ситуация, когда правящая адыгская аристократия ищет сближения с Россией и пытается осуществить крещение населения, а исламизация в то же время набирает темпы. По всей вероятности, это было связано с усилением позиций Турции и Крымского ханства в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. В противоборстве с Ираном за влияние в этом регионе исламский фактор играл не последнюю роль (Ахохова Е.А., Бузаров А.К., Губжоков М.Н. и др., 2006).

О причинах слабой популярности мусульманской религии у адыгов размышляет Н.Ф. Дубровин (1871): «Беспокойная, тревожная жизнь делала черкесов плохими мусульманами, а недостаток в образованном духовенстве лишал их возможности основательного изучения правил этой религии. «Мусульмане у нас, – говорили старики-горцы, – только одни муллы и кадии, но они все из Турции или из ногайцев; муллы из адыге не доучиваются. Мы же умеем делать только намазы; два человека из тысячи умеют читать Коран, а старики наши и до сих пор сохраняют в памяти рассказы отцов о сборах в рощах, о сборах в *шопах* – церквах, где блистали золотом *шехники* (епископы) и *шолены* (священники), говорившие им слово спасения».

Магометанская религия, – продолжает автор, – не помешала отважным черкесам, поборникам свободы и хищничества, предаваться языческим обрядам, доставлявшим им полное удовлетворение в жажде воинственных потех, набегов и наездов. В большей части народа, особенно в низшем сословии, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества, с прибавлением исламизма. От христианства у черкесов осталось только название дней в неделе, да развалины бывших церквей, свидетельствующие, что учение Христа было не чуждо в земле адыгов. Существование в Кабарде нескольких священных книг, частые находки зарытых в землю распятий и глиняных горшков с угольями и ладаном – неопровержимые свидетели присутствия между народом христианства (Дубровин Н.Ф., 1871).

3.3.3. «Крест против Полумесяца»: натухайцы против шапсугов

Мы посылали к народам и схватывали их несчастьем и бедствием, – может быть, они смирятся! И если бы они смирились!

Коран. Сура 6; 42-43.

Нет такого уголка в мире, где различие в религиозных воззрениях не орошало бы землю кровью.

Д. Дидро (1713-1784).

Своеобразные «отзвуки» борьбы двух религий: христианства и ислама проявились в «Великой религиозной войне» натухайцев против шапсугов. Н. Дубровин (1871) описывает основные перипетии этой борьбы следующим образом: «В ряде черкесских племен пытались сопротивляться распространению магометанского учения. Шапсуги, видя, что в Анапе, Кабарде, в ногайских степях распространяется магометанство, решились и сами принять учение Пророка. Они построили мечети и стали молиться на юг, а натухайцы, по-прежнему, поклонялись кресту и молились на восток. Шапсуги в значительном числе напали на натухайцев, собрали все кресты и сожгли их. Последние, оскорбленные таким вторжением, в свою очередь ворвались в землю шапсугов, разрушили и разорили все их мечети. «Вы, – говорили натухайцы, – изменили закону отцов, и мы требуем, чтобы вы возвратились к нему». Эта «религиозная война», по преданию, длилась с перерывами более 20 лет, с 1780 г.

Анапские паша старались прекратить вражду склонением натухайцев принять ислам, на что последние отвечали: «Поклонение распятию – старее магометанского учения. Все горцы нераздельно исповедывали Христа, и шапсуги, отложившись от закона предков, первые дали повод к неприязненным действиям оскорблением святыни». Наконец, в начале XIX в. анапский паша насадил у натухайцев ислам силой оружия».

3.4. От ислама – вновь возврат к языческим культам?

История верований адыгов разнообразна и менялась на протяжении веков: сначала они, как и другие народы, были язычниками, затем стали исповедовать христианство, впоследствии вернулись к многобожию в сочетании с элементами христианства и, наконец, приняли мусульманство, но не смогли полностью отказаться от суеверий и религиозных представлений предков (Бейтуганов С.Н., 2007).

Несмотря на проникновение ислама, в последующие века пережитки христианства (как, впрочем, и язычества) продолжали еще бытовать у адыгов в виде различных обрядов, потерявших первоначальный смысл. Об «удивительном смешении» трех религий у черкесов хорошо сказал Обри де ла Мотрэ (1674-1743), побывав-

ший на Кавказе в 1711 г.: «Те (из черкесов), которые живут ближе к москвитам, придерживаются греческой религии; соседи татар и персов – магометане, а те, которые живут посредине страны, – язычники, или, чтобы быть более точным, они все таковы, так как первые только смешивают некоторые черты московитской (христианской) или магометанской веры со своими языческими обрядами, причем у них отмечается очень мало заимствованных обрядов и почти полное отсутствие веры («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

3.4.1. «Они считают себя мухаммединами, хотя на деле не более чем язычники...»

В царствование Иоанна Васильевича Грозного... при безначалии и своевольном управлении истребилась христианская вера и не была заменена другою. Большая часть знатных привержена к магометанскому закону, но не имеет ни жрецов, ни мечетей, ни школ...

И.А. Гюльденштедт (1809).

Среди черкесов некоторые исповедуют магометанство, однако в таком искаженном виде, что они почти что впали в язычество подобно настоящим язычникам.

Николас Витсен (1641-1717).

Многочисленные источники подтверждают, что мусульманство (ислам) проникало в адыгскую среду «весьма медленно». Этот процесс теснейшим образом связан с усилением крымско-османского присутствия в регионе. Первыми признали новое вероучение адыгские князья, рассчитывавшие на материальные выгоды от союза с мусульманским Крымом и Турцией. Медленное утверждение ислама в среде простого народа убедительно свидетельствует об упорном его сопротивлении крымско-турецким захватчикам («История Кубани...», 2004).

Адам Олеарий (1599-1671 гг.): «Вера черкасов почти языческая. Правда, они обрезаются, как мусульмане, и веруют в единого Бога, но у них нет ни письмен, ни жрецов, ни храмов. В определенные сроки они сами приносят жертвы, особенно в Ильин день» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 54-55).

*Николай Витсен (1641-1717) упоминает о «...наличии мусульманства у черкесов, однако в таком искаженном виде, что они почти впали в язычество, подобно тем, которые настоящие язычники». Впрочем, отмечал автор, на деле адыги плохо были знакомы с вероучением, сохраняя во многом приверженность языческим обрядам: «Они (пятигорские черкесы) – язычники или, так сказать, совсем выродившиеся христиане». И далее Н. Витсен приводит, в качестве примера, описание следующего христианско-языческого обряда: «Их женщины выдают себя за знахарок и целительниц. У них есть обычай на Ильин день высоко подбрасывать вверх коз (может, не коз, а кур? – **Авт.**), – ту, которая упадет на ноги, сильно ошипывают и почитают целый год».*

Абри де ла Мотрэ (1674-1743), побывавший на Кавказе в 1711 г., анализируя общее состояние религиозности у адыгов, писал: «Нет ничего более сложного, чем черкесская религия в целом, так как она представляет из себя смесь с другими. Те, кто живет ближе к персам и татарам, становятся обрезанцами и смешивают язычество со многими магометанскими обычаями. Те же, кто имеет больше всего торговых сношений с москвитами, армянами и грузинами, заимствуют у них многое из их обрядов. Мой хозяин был отщепенцем, не будучи собственно ни магометанином, ни евреем. По крайней мере, он ел без угрызений совести свинину, запрещаемую Кораном и мусульманским законом. Может быть, мой черкес был не лучшим магометанином и съел бы также вепря (дикую свинью), если бы не был принужден к этому примером ногайца. Кроме того, ни тот ни другой не утруждали себя в отношении омовения и частых молитв, так как я не видел их делающими ни то ни другое» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

Ксаверио Главани о верованиях адыгов написал в 1724 г.: «О религии их я не могу ничего сказать, так как их верования смешанные: они чтут субботу, воскресенье и пятницу, празднуют пасху с христианами и байрам с турками, утверждая, что все хорошо; в обществе христиан они не соблюдают никаких постов, находясь же с турками, выдают себя за турок; так поступают они со всеми другими религиями» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 110-113).

*П.Г. Брус (1694-1751): «Их (кабардинцев. – **Авт.**) религия – язычество; несмотря на то, что они обрезаны, они не имеют ни священников, ни Алькорана, ни мечетей подобно другим магометанам» (Бейтуганов С.Н., 2007).*

Я.Я. Стрейс в конце XVIII в. рисует нам такую же религиозность, но он наиболее конкретен: «Они считают себя мухаммединами, хотя на деле не более чем язычники. Они, правда, говорят, что верят в единого бога, но служат вместе с тем и черту, и идолам, уделяя последним больше внимания, чем служению и познанию истинного бога».

Джордж Эллис (1753-1815), из книги о Кавказе, опубликованной в 1798 г.: «Некоторые говорят, что религия у этого народа (черкесов) первобытная, но она успешно вытесняется сейчас христианством и исламом. В настоящее время у черкесов не наблюдается никаких видов культа. Они одинаково нарушают все положения как Библии, так и Корана. Их храбрость, о величии которой они так тщательно заботятся, не есть результат их религиозного страха. Как и все варвары, они верят, что все зависит от случая и является следствием отдельных поступков» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 146-151).

И.Г. Георги, академик. Издал книгу о Кавказе в 1766 г.: «Народ не имеет у себя почти никакой веры, и сами магометане в законе своем нимало не сведущи, не имеют у себя ни мулл, ни мечетей, ни школ, и очень редкие читать и писать умеют» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 174, 175).

П.С. Паллас, академик (1741-1811), побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Весьма любопытно, что эти наивные люди (черкесы) до сих пор называют себя христианами, потому что едят свинину, но их вожди или старейшины исповедуют магометанскую религию». И далее академик развивает эту мысль: «Вера черкесов, которая кажется смесью старинных догматов языческих и с течением времени вошедших в нее христианских и магометанских, слишком малоизвестна, чтобы можно было сказать о ней что-нибудь положительно, впрочем, известно точно, что этот народ вообще чрезвычайно мало занимается исполнением религиозных обрядов и что у него нет никаких письменных правил, как надобно поступать в этом отношении...» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

И.А. Гольденштедт (1809), русский академик, относительно веры кабардинцев в начале XIX в. писал: «В царствование Иоанна Васильевича Грозного... при безначалии и своевольном управлении истребилась христианская вера и не была заменена другою. Большая часть знатных привержена к магометанскому закону, но не имеет ни жрецов, ни мечетей, ни школ...» И вывод: «Народ живет без религии» (Бейтуганов С.Н., 2007).

О том, что черкесские племена, жившие на Черноморском побережье Кавказа, а также абхазы исповедовали не только ислам, но и православие; при этом «оставаясь верны» и язычеству, сообщают многие источники: «После падения Генуэзских колоний, в Абхазию проник ислам, нашедший там многих последователей; большая же часть населения не только сохранила глубокое уважение к развалинам древних христианских церквей, и особенно к храмам в Илори и Драндах, но осталась верна язычеству, которое считалось еще не очень давно господствующею религиею между абхазскими племенами. Собственно в Абхазии только члены владетельного дома и незначительная часть дворян исповедуют православие; остальные придерживаются ислама и, подобно черкесам, принадлежат к мусульманскому течению ханефи. Из крестьян только 2/5 считаются мусульманами» («Кавказ...», 1898).

3.4.2. «Адыги решались противопоставить формально принятому исламу собственные языческие культы»

У народов Северного Кавказа христианство не получило массового распространения, у принявших же его оно причудливым образом переплеталось с языческими верованиями.

Н. Бэрзедж (1996).

Языческие обряды отправлялись без стеснения всеми жителями села с участием одного или нескольких князей. Получается, что адыги решались противопоставить формально принятому исламу... собственные языческие культы, а в кругу семьи отмечалось откровенно христианское торжество.

С.Х. Хотко (2008).

В развитие данной темы, несомненный интерес представляет следующее сообщение Хан-Гирея о пережитках христианских воззрений у адыгов: «Иногда вскоре после рождения, но большей частью по достижении лет юношества, совершается *обряд, похожий на крещение*, состоящий в том, что какая-нибудь пожилых лет женщина отмеривает 40 чашек чистой воды (*исплитч*) и дает эту меру юноше, который ею и обливается, причем женщина делает небольшое угощение, и юноша, крещенный таким образом, называет эту женщину «матерью». Однако ж этот обряд не везде совершается, и есть, по-видимому, остаток христианства».

Дополняет приведенную выше информацию о, скажем так, «своеобразии» христианских воззрений у адыгов историк Н. Бэрзедж (1996): «У народов Северного Кавказа христианство не получило массового распространения, у принявших же его оно причудливым образом переплеталось с языческими верованиями». И действительно, христианские храмы со временем превратились в языческие святилища. Так, еще архиепископ Иоанн де Галонифонтибус (конец XIV – начало XV в.) сообщал, что у адыгов около церкви можно было видеть дерево с крестом. Кроме голов жертвенных животных, на нем развешивали разные другие приношения. Священнослужители перестали быть какой-либо обособленной кастой. Ими просто были старейшины, наиболее уважаемые представители племени. Некоторые адыгские племена вплоть до XVIII-XIX вв., продолжали называть себя христианами, что свидетельствует о том, что христианство когда-то было у них господствующей религией.

Прокопий (2007) обращает внимание на то, что в послехристианский период, при выборе между мусульманством и язычеством, черкесы, как правило, выбирали последнее: «Проповедь Христа, не поддерживаемая постоянным общением с христианскими странами, особенно после нашествия на Кавказ разных мусульманских народов, только сообщила некоторую своеобразную окраску глубоко укорененному язычеству горцев, подавленных силами своей дикой природы, боготворивших ее, трепетавших перед всеми ее случайностями. Грамотности у горцев не было, книг не было, священников не было или было так мало, что когда умирал один, его заменяли безграмотные старики, по памяти повторявшие христианские молитвы и искажившие их в течение веков до языческих заклинаний... Эти *папары* и *деканозы*, родовые жрецы, сделались мало-помалу главными расадниками язычества в горах, главными врагами истинного христианства везде, куда не успела пробиться Магометова вера» («Кавказ...» Вып. II. 2010. С. 28).

Перечисляя «следы» христианских верований, сохранившиеся до недавнего времени у адыгов, авторы середины XIX в. пишут:

«АДЕХЕ, ИЛИ ЧЕРКЕСЫ ЗАКУБАНСКИЕ. Теперь господствующая вера магометанско-суннитская, небольшое число жителей исповедуют веру шиитскую, и еще меньшее число поклоняется солнцу. Признаки прежде существовавшей христианской веры весьма заметны, например, они празднуют в одно время с нами христианские праздники в честь Спасителя и Богоматери, в начале весны ежегодно постятся, почти в одно время с нашим Великим Постом и почти столь же продолжительное время. По окончании оно, в начале апреля, имеют особый праздник, называемый ими День явления Бога (Пасха. – **Авт.**), во время которого женщинам дозволено молиться вместе с мужчинами. В этот день жители собираются после молитвы вместе, дарят друг другу крашеные яйца, стреляют в цель, которою всегда бывает крашеное яйцо. Среду и пятницу называют они Большим и Малым постом, воскресенье – Большим днем, в продолжение которого чуждаются всяких работ («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 396).

КАБАРДИНЦЫ. Многие из них сохранили и доныне еще следы бывшего у них христианства и почитают со всяким благоговением некоторые наши праздники. О существовании в прежнее время христианской веры у кабардинцев мы находим в «Географическом словаре Российского государства» следующую статью: «Весь черкесский народ держался прежде греческого закона, который отчасти от греков во время императора Юстиниана Великого, а отчасти от грузин – чрез посылаемых от них греческих монахов введен и содержан был. Доказывают оный находящиеся там и поныне греческие древние церкви, греческие надписи на надгробных камнях, кои почти все наподобие креста сделаны, и еще весьма наблюдаемые обыкновения народа, как-то: воздержание от мяса в большие весенние посты и от работы в воскресные дни. Но сии только и остались следы обрядов закона христианского; а впрочем, ничего другого из оно, сей народ не знает, однако при том нет в нем грубого идолопоклонства. Все вообще веруют, что есть один только Бог, Творец и податель всех благ. Одни только у них князья и знатное дворянство магометанский закон исповедуют, но почти одним только именем».

АБХАЗЫ И АБАЗИНЦЫ. Празднуют 25 декабря вместе с нами праздник Рождества Христова; каждый год три дня кряду празднуют Пасху и в это время имеют обыкновение употреблять в пищу окрашенные яйца; празднуют также Троицын день. Турки посредством своих мулл уничтожили христианство и успели утвердить Коран. Теперь абхазы магометане-сунниты; но отец нынешнего владетельного князя принял христианскую веру со всем своим семейством, и за ним окрестилась некоторая часть народа. Во всей Абхазии теперь находится одна только церковь и один священник, в деревне Соук-су при владетеле» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 396).

3.4.3. Черкесы в ожидании «конца света»: удивительное смешение мусульманских и христианских воззрений

Сообщим им о дне скорби...

Коран. Сура 19; 40.

Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения. В те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба...

Евангелие от Марка (13;19-25).

Освещение темы соперничества двух религий было бы не полным, если бы мы не упомянули еще об одном факте удивительного смешения мусульманских и христианских воззрений у адыгов. В архивных материалах сохранились свидетельства очевидцев об ожидаемом «конце света», слухи о котором в свое время буквально потрясли всю Черкессию.

Как сообщает Е. Фелицын, «...в марте 1830 г. в Баталпашинском участке Кубанской кордонной линии наступило необычайное по тому времени спокойствие. Почти две недели сряду со стороны враждебных нам горцев не обнаруживалось никаких покушений к вторжению в пределы наши, не слышно было также о сборищах значительных партий за Кубанью и в станицу Баталпашинскую; сверх обыкновения, не показывались даже мирные черкесы ближайших аулов. Столь непривычная тишина, водворившаяся на кордонной линии, без всяких видимых причин, показалась начальнику Баталпашинского участка весьма подозрительной и для разъяснения возникших в нем тревожных предположений, относительно намерений черкесского народа, он счел нужным разослать за Кубань и в мирные аулы своих лазутчиков. Возвратившиеся через несколько дней лазутчики сообщили начальнику участка, что горцы, покинув все свои занятия, ежедневно большими толпами собираются к мечетям для заслушивания и разъяснения какой-то бумаги, прочитываемой им муллами, и что в карачаевских аулах и ногайских, на реке Тохтамыше, в ожидании конца мира, все жители после трехдневного поста совершили курман. Одному лазутчику удалось добыть эту бумагу, которая оказалась воззванием к мусульманскому народу какого-то шейха Ахмета, написанным на турецком языке. «Воззвание это произвело на легковверных горцев сильное впечатление и побудило их прекратить на некоторое время хищнические набеги в наши владения». Познакомимся с переводом этого любопытного документа, найденного в делах центрального Владикавказского архива:

«Да будет каждому мусульманину известно, что сие предсказание прислано от шейха Ахмета, хранителя священного гроба, православного Божьего посла, пророка нашего Магомета, что он под пятницу ночью, читая священную книгу Алкоран, во время углубления в высокое ее содержание, в самую полночь услышал из священнейшей его гробницы голос, вызывающий к нему, от которого он был некоторое время в беспамятстве; потом, придя в себя, стал удивляться – что бы это значило; приподнявшись на ноги, увидел перед собою всюду любимца Бога пророка Магомета, который стал ему говорить: «О, ты, шейх Ахмет! Ведаете ли вы, моей секты люди, в каких обстоятельствах и что переносу перед Богом? Они соделали меня пред Богом чернолицым, променяли будущую святую жизнь на мирскую суетность, творят зло, отцов и матерей своих не почитают; от одной пятницы до другой померло семьдесят тысяч людей, из них праведником явился только один, а прочие все богоотступники; забыли создателя своего единого Бога, предавшись светским суетностям; забыли самих себя; нищие начали выходить из терпеливости и благодарности; нет любви и дружбы между народом; оставляя то место, где прочитывается Алкоран, собираются в пустое и бесполезное место для праздных бесед; не берегут себя от великих грехов; напредь сего посланным от меня завещаниям не внемлют; пред Богом соделался я чернолицым».

Бог гласит мне: «Ты, Магомет, секты твоей люди, не боясь моего величества и наказания, творят зло; уверяю тебя, что я их чрез таковые злые деяния обращаю в другой вид животных; но посылая тебя еще раз к ним, согласен изъяснить свою милость». При сих словах, слезно умоляя, с сокрушенным сердцем просил создателя нашего единого Бога, пославшего меня к вам, чтобы он, ради своего могущества и силы, простил бы, что я еще раз пошлю к вам свое завещание, может быть опомнитесь и возвратитесь на путь истинный; то да будет исполнена вами его святая воля, чего я прошу от вас и надеюсь, что во всех своих прегрешениях раскаетесь.

Представление света, Богом назначенное, совсем приближается. В 1805 г. мало будет блюстителей Божьего закона...».

[Небольшое отступление. По сообщению Е. Фелицына, в Баталпашинском уезде начались волнения в *марте 1830 г.*, а в самом письме упоминаются пророчества, относящиеся к 1805, 1815, 1825 г. и т.д., причем, пророчества, так и не оправдавшиеся].

И далее «шейх Ахмет продолжает: «В 1815 г. не будет дождя и урожая; 1825 г. – жены без воли своих мужей будут ходить по улицам и лавкам; в 1835 г. во многих местах будет землетрясение и появятся разные чудеса, некоторые дети родятся без рук и без ног; в 1845 г. земля более не даст плодов; в 1855 г. появится антихрист; в 1865 г. Иисус Христос, сойдя с неба, убьет его; в 1875 г. три дня сряду не будет светить солнце; в 1887 г. священная книга Алкоран поднимется на небо, после того в скором времени архангел Михаил дунет в трубу и свет разрушится; потом, вещает блаженный пророк, что он спрашивал архангела Гавриила: брат, архангел Гавриил, сколько раз ты будешь сходить на землю? Архангел Гавриил отвечал: 10 раз: в первом сошествии возьму насущный хлеб; во втором – любовь между друзьями; в третьем – священный закон; в четвертом – от женского пола стыд и совесть; в пятом – от богатых щедрость; в шестом – от нищих терпение; в седьмом – от ученых познание; в восьмом – от властителей справедливость; в девятом – Алкоран; в десятом – веру. Затем двери раскаяния запрут, и Иисус Христос сойдет и убьет антихриста; после того прошу тебя, Шейх Ахмет, оповестить о сем всех моей секты людей, чтобы они не были в оплошности, да боялись Божьего мучения, дабы не попасть под справедливый гнев его, тогда уже раскаяться поздно.

Скоро жизнь мира прекратится. Да скажи также, шейх Ахмет, моей секты людям, чтобы они три дня постились, приносили жертвы!» После чего он вручил мне зеленую бумагу с содержанием вышеупомянутых заветных слов; причем я был осыпан блеском святости, и блаженный пророк исчез из моих глаз. То я, поставляя себя за счастье и священнейший долг, объявляю вам, православным мусульманам, верившим в единого Бога и от него посланного пророка Магомета о таковых завещаниях; уверяю вас в истинности именем всевышнего Творца, потому что есть первейший долг всякого мусульманина рассылать сии заветные его слова, списывая на бумаге копии, из города в город, из села в село и из дома в дом. Кто не соблюдает сии завещания, тот не есть православный мусульманин, заболает – не посещать его, умрет – не читать над ним надгробной молитвы; если кто усомнится сему завещанию и не исполнит, как вышесказано, тот явится пред Богом чернолицым, и будет предан адским мученьям. Верьте в истинность сих слов, а иначе навсегда лишитесь милости всевышнего творца нашего, и люто накажетесь; будьте осторожны, дабы не подпасть под его справедливый гнев; если исполните в точности таковую священную волю, тогда каждый из вас наследует Царствие небесное и будет наслаждаться вечно райскими увеселениями...».

Как видно из вышеприведенного сообщения, в этом «пророчестве» шейха Ахмета самым причудливым образом перемешаны и священная книга мусульман Коран, и пророк Магомет, и Иисус Христос, низвергающий антихриста, и христианские архангелы Гавриил и Михаил, причем последний дует в трубу, давая сигнал «дню скорби». Здесь уместно обратиться к Библии: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2-е послание Петра, 3, 10). То же в книге пророка Йоиля (2; 31): «Солнце превратится во тьму и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный». Аналогичные пророчества приближающегося Судного дня есть и в Коране: «И протрубят в трубу, и поражены будут, как молнией, те, кто в небесах,

и те, кто на земле» (Сура 39; 68). Или в другом месте: «Тот день, когда подуют в трубу и придете вы толпами, и небо откроется и станет вратами, и сдвинутся горы...» (Сура 78; 18-20).

Конец света так и не наступил. Однако, образно говоря, для черкесов он начался именно в 1830 г. – с началом открытого вторжения царских войск в Землю адыгов.

3.5. Адыги и мюридизм

В условиях Кавказской войны и активизации наступательной политики царизма западные адыги искали пути к консолидации. Постепенное упрочение позиций мусульманского духовенства способствовало тому, что, они все более склонялись к шариату. В нем горцы видели средство к объединению своих сил. Религиозный элемент стал играть определенную роль в формировании национального сознания адыгов. Английский путешественник Дж. Белл, находившийся среди западных адыгов в 30-х гг. XIX в., зафиксировал рост патриотических настроений среди черкесов под влиянием ислама: «Мусульмане связывают чувства патриотизма, которым охвачены все черкесы, тесно с другим, более общим и более глубоким в восточном мире, с защитой их веры; их ум пропитан пропорционально самым высоким и можно сказать, самым святым энтузиазмом, который им создал большой моральный авторитет, подтверждающий достаточно прогрессирующими победами их религии над религией их компатриотов (фр. *compatriote* – «соотечественник»). Последние же не в состоянии убить в себе веру и кажется не имеют другой защиты, кроме силы инертных восприятий, унаследованной ими у их отцов» (Цит. по: Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

3.5.1. Под знаменем «газавата»: начало проникновения идей мюридизма в Черкесию

А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее, а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы.

Коран. Сура 47, 4.

Мюридизм – мистическое направление в исламе, возникшее в XIX в. среди кавказских горцев.

Словарь иностранных слов (1995).

В Дагестане и Чечне борьба горцев против царского самодержавия под руководством Шамиля (1798-1871 гг.) протекала под флагом мюридизма – воинствующего течения мусульманской религии. Мюридизм требовал газавата – «священной войны» с гяурами – «неверными». Оттуда идеи мюридизма проникли в Осетию и Кабарду, где они нашли опору среди социальной «верхушки». В Кабарде действовали известные проповедники мюридизма и шариата эфенди Умар Шеретлоков и князь Мисост Атажукин. Они находились в переписке с Шамилем и прилагали «все усилия к возмущению Кабарды, тайно подстрекая к тому же закубанцев».

Дополняет эту информацию вице-адмирал Серебряков, в записке которого от 11 декабря 1852 г. сообщается, что еще «...в 1825 г., турецкий начальник в Анапе Чечен-оглу Хаги-Хасан-паша для утверждения владычества Турции над горцами прибег к религиозной пропаганде. Он послал в горы 24 эфенди. Впоследствии число мулл увеличилось прибывшими из Кабарды и Дагестана и, наконец, Хаджи-Мухаммед, Сулейман-эфенди и Мухаммед-Эмин внесли в край ученье мюридизма».

Как отмечал французский автор А. Фонвиль, «...черкесы не были еще тогда все мусульманами; большая часть их были идолопоклонники. Наиб (Шамиль. – Авт.) поучал их мусульманской религии и проповедовал священную войну; в то время страна эта была вполне подготовлена к проповедям подобного рода, т.к., все тамошние князья, вследствие беспрестанных сношений с Турцией, большей частью, были уже обращены в исламизм. На этом-то и основал вначале все свои действия Шамиль, и с помощью этих князей обратил в исламизм все население края. Религиозная пропаганда распространялась с необыкновенной быстротой, и в скором времени все адыги сделались мусульманами».

3.5.2. Дефтер 1841 г.: первые попытки восстановить суд шариата у адыгов

3.5.2.1. Шариат и тарикат: «Учение это, возникшее в Дагестане и Чечне, мало-помалу проникает к черкесам»

Шариат – свод мусульманских религиозных, бытовых, уголовных и гражданских законов, основанных на Коране, в отличие от адата, основанного на обычном праве.

Словарь иностранных слов (1995).

Тарикат – 1) путь познания Бога, синоним суфийского братства (ордена); 2) этап духовного совершенствования, следующий за шариатом.

Саддам ал-Омари (1890).

Шариат есть нравственная философия и гражданское право магометан. В этой книге, основанной на Коране, содержится свод правил нравственности, о браках, наследстве и наказаниях за преступления...

В 40-50-х гг. XIX в. имели место попытки распространения мюридизма и среди адыгов. Однако есть, факты свидетельствующие, что распространить мюридизм среди западных адыгов пытались и до наибов Шамиля. Как пишет Н.Ф. Дубровин (1871. С. 158-159), «...вопрос о шариате был впервые поднят в 1822 г., и народ решил производить суд согласно Корану, из которого истекают все права духовные, гражданские и политические. Решение это было вскоре нарушено, и нарушалось черкесами постоянно, как не согласное с духом свободного народа. В особенности жители морского побережья, у которых магометанство еще не укоренилось, и которые придерживались своих религиозных обрядов, постановление о введении шариата не имело применения: они продолжали разбирательство споров и тяжб при посредстве третейского суда.

Несмотря, однако; на то, попытки поддержать шариат были постоянны. В 1825 г. трапезонтский паша Чечен Оглу-Гасан прибыл в крепость Анапу, вместо Ахмет-паши. Он прежде всего созвал к себе князей и старшин черкесского народа и предложил им признать над собою покровительство турецкого султана. Черкесы согласились и присягнули, но с условием, что эта присяга не уменьшит их независимость. *Власть султана над черкесами была чисто номинальная: он был уважаем ими только как халиф, или глава исламизма.* В среде черкесского населения, против станиц Убежинской и Ладожской, поселились агенты паши, через которых, поддерживая сношения, он старался о введении шариата и успел настолько, что перед началом войны нашей с Турцией, в 1828 г., абадзехи и другие племена обязались уничтожить власть князей и всех привилегированных сословий, судиться по шариату и учредили у себя *мегкемэ* – народные суды.

Более подробно вопрос о введении шариата у западных адыгов освещает барон К.Ф. Сталь (1849): «У черкесов шариат до 1829 г. был распространяем агентами анапского паши, а с 1841 г. в пользу распространения шариата действуют агенты Шамиля, украдкой пробирающиеся из Чечни в Закубанский край. Тем не менее, шариат не везде еще принят у черкесов. Князья и дворяне, не подписав сами уничтожения своей власти, не могут охотно согласиться на уничтожение адата и полное введение шариата; но в обществах абазехских, шапсугских и по всему восточному берегу шариат, не встречая никакого сопротивления в высших классах, введен в употребление.

Усилению шариата способствует в особенности *тарикат (таригат)* – религиозно-политическое учение, основанное на Коране. Главные основания тариката:

1) все мусульмане должны быть свободны; рабство должно быть уничтожено; магометанин не должен платить никакой дани, кроме «заката» (десятины) на мечети, в пользу распространения исламизма;

2) все магометане равны, и разница в сословных правах должна быть уничтожена;

3) магометане должны жертвовать всем, чтобы не быть под игом неверных. Главой последователей тариката считается Шамиль и носит титул имама; последователи таригата называются мюридами (оттого и учение тариката называется также мюридизмом). Учение это, возникшее в Дагестане и Чечне, мало-помалу проникает к черкесам. Везде, где оно проникло, горцы разрывали связь с нами (т. е. с русскими), меновая торговля прекращалась, покоренные нами бросали свои аулы и уходили в горы. У черкесов проповедовали шариат Гаджи-Магомет (Хаджи Мухаммед. – **Авт.**) в 1842-1844 гг.; Салиман-эфенди (Сулейман-эфенди) в 1845 г. и шейх Магомет Амин (Мухаммед Амин) с 1849 г. Все они родом из Дагестана или Чечни; доверенность и уважение к ним черкесов весьма значительны.

Тем не менее, – пишет барон К.Ф. Сталь (1849), – шариат еще не утвердился между черкесами и встречает сильное сопротивление в классе князей и дворян, которые не желают потерять своих прав и преимуществ. От этого агенты Шамиля преимущественно стараются возбудить в народе вражду против князей и дворян и ласкать чернь. В Закубанском крае чернь, темно понимая учение, проповедуемое агентами Шамиля, сильно ему сочувствует; что же касается до князей и дворян, то Магомет Амин немногих успел склонить на свою сторону» («Кавказ. Адаты горских народов...». Вып. IV. 2010).

3.5.2.2. «Мы хотим помочь всем неустройствам нашего края и не делать зла друг другу»

О, пророк, борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним!

Коран. Сура 66, 9.

Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата. Всякое другое учение должно быть оставлено и отвергнуто... Никто, из нас не должен идти к неверным, – дружеские сношения с неверными строго запрещены...

Из Дефтера народного собрания (1841 г.).

О том, как идеи мюридизма внедрялись в религиозное сознание адыгов, свидетельствуют следующие факты. Как было отмечено выше (раздел 2.1.2.1), в 1841 г. на р. Пшеха состоялось крупное собрание с участием абадзехов, убыхов и шапсугов, которое проходило под знаком «священной войны против неверных». Целью собрания было объединение всех адыгов в борьбе с русским царизмом. Но начатое дело, однако, не было доведено до конца. Таким образом, в народе уже зрела идея о необходимости объединения, подготавливая почву для эмиссаров Шамиля.

Принятый в 1841 г. на народном собрании на р. Пшехе дефтер (договор) характеризовался одной особенностью: в его основе был положен шариат, выполнение которого обязательно для всех горских народов, входящих в союз. С прекращением влияния турок над черкесами ослабело и влияние шариата; поэтому-то народное собрание и заботилось прежде всего о его восстановлении.

Барон К.Ф. Сталь приводит решения народного собрания 1841 г. (абазехов, убыхов, шапсугов, вардане и др.), предложившего составить союз, «чтобы положить основания всему, относящемуся к их религиозным и мирским делам»:

Извлечения из Дефтера 1841 г.

«Слава Богу, который нас сотворил и показал нам свое величие, возвысив нас над другими животными. Слава Богу, который нам дал все средства жить счастливо на этом свете и получить награду в другом мире, указавшему нам истинный путь спасения, веру истинную свою через пророка своего и посланника Магомета. Слава Богу, который есть наш защитник и спаситель в День воскресения.

Мы хотим помочь всем неустройствам нашего края и не делать зла друг другу.

1. Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата. Всякое другое учение должно быть оставлено и отвергаемо; все преступления должны быть судимы не иначе как по этой книге.

2. Никто из нас не должен идти к неверным; дружеские сношения с ними строго запрещаются, и потому всякий мир, всякое предложение с их стороны должны быть постоянно отвергаемы. Кроме того, не позволяется покупать что бы то ни было в их укреплениях, которые стоят на нашей земле, и каждый виновный в этом платит штраф в 30 туманов (300 руб. серебром). Те, которые будут нуждаться в покупке вещей, должны их доставать на границе (т. е. на меновых дворах, существовавших в Черномории до 1829 г. – Авт.).

3. Никто не должен сметь предупреждать русских каждый раз, когда будет у нас собрание войск для набега к русским. Кто донесет (как только этот донос обратится во вред нам), должен будет заплатить за кровь: если вольный, то 200 коров, если крестьянин — 100 коров; кроме того, заплатить штраф в 30 туманов. Те, которые перейдут к русским и служить им будут, как враги своего края, не будут иметь ни они сами, ни их родные никакого права на наше сострадание.

4. Если *хаджирет* (беглый мирный черкес) явится на нашу землю, его особа священна; тот, который силой или хитростью отнимет у хаджирета что-нибудь, заплатит штраф, полагаемый нами за всякое воровство.

5. Когда народ мусульманский придет на нашу землю, чтобы разделять намерения черкесского народа против общего врага, то мы обязываемся обращаться с этим народом дружески и, если нужно будет для устранения всякого недоверия, [обязуемся] дать этому народу детей наших в аманаты.

6. Внутренность каждого жилья будет ненарушима; кто сотворит воровство в чужом доме, заплатит, кроме штрафа (в 30 туманов), еще пеню в 7 туманов.

7. Если русский беглый сделает воровство, то он платит только тройную ценность украденной вещи, но штрафа не платит...».

«Затем, — пишет барон Сталь, — следуют другие статьи, относящиеся к воровским делам. В заключение изложена присяга о взаимной защите, в случае вторжения: «Как только русские войска войдут в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, где опасность требует; те, которые не имеют оружия, не изъемяются от восстания» («Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010. С. 121-122).

3.5.2.3. «Шариат во многом способствовал сплочению черкесского общества в борьбе за независимость»

Шариат во многом способствовал... сплочению черкесского общества в его борьбе за независимость. Сам факт проведения шариатской реформы в Черкесии говорит о значительном развитии в ней ислама и о приверженности ее жителей мусульманской идеологии.

[http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги.](http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги)

Источники конца XVIII – начала-середины XIX в. содержат огромный объем информации об исламе в Черкесии, но почти вся она относится к трем этнографическим группам адыгов: к бжедугам, абадзехам и кабардинцам. В Кабарде пик влияния мусульманского духовенства на общественную и политическую жизнь страны приходится на конец XVIII – начало XIX в. Возвышение ислама в Кабарде связано с именами двух выдающихся религиозных реформаторов – Адиль-Гиреем Атажукиным и Исаком Абуковым. Оба они происходили из тлекотлешей. «Адиль-Гирей Хатажукин с эфендием Исаком Абуковым, — писал Шора Ногмов, бывший сам в молодые годы муллой, — ввел между кабардинским народом шариат, по которому преступники все без изъятия (т. е. без различия сословной принадлежности), по степени важности преступления, подвергались смертной казни и телесному наказанию. Установление этого положения принесло большую пользу народу; каждый боялся совершить что-либо противозаконное».

Ислам в Кабарде стал идеологическим оружием антиколониальной войны. Шариатское движение сформировалось в условиях противостояния Российской империи. Во главе шариатского движения, целью которого являлось единение всех социальных слоев, стояли сами князья. Ради объединения всех сил для борьбы с Россией кабардинские князья пошли на самые радикальные меры: они отказались от своих обычных привилегий, обещали крестьянам землю и свободу. Предвестником шариатского можно считать малокабардинского князя Дола, командовавшего вооруженными силами Шейха Мансура.

Шариатское движение, в корне модернизовавшее черкесский ислам, охватило в период с конца XVIII в. все области и этнографические общности Черкесии. Наибольшего успеха религиозные реформаторы добились в таких областях, как Кабарда, Бжедугия и Абадзехия. Шариат способствовал унификации всех сторон жизнедеятельности черкесского общества, его сплочению в борьбе за независимость. Сам факт проведения шариатской реформы в Черкесии говорит о значительном развитии в ней ислама и о приверженности ее жителей мусульманской идеологии. Большую роль в шариатской реформе в Черкесии и объединении черкесов сыграли в 40-х гг. XIX в. три наиба (наместника) Имама Шамиля: Хаджи-Мухаммед, Сулейман-эфенди и Мухаммед Амин. Магомет Амин фактически стал основателем исламского государства в пределах Абадзехии, построенного на принципах шариата. Помимо абадзехов к этому образованию присоединились кемиргоевцы, махошевцы и егерухаевцы. Бжедугский князь Хаджимуков в своих записках писал: «...обладая суровым характером, замечательной энергией, умом и организаторским характером, Магомет Амин медленными, но твердыми шагами шел к намеченной цели создать религиозно-политическое государство... Командование Правого фланга в своих донесениях отмечало что Магомет-Амин стремится к соединению адыгов в одно целое...».

Принятие ислама в целом носило добровольный, ненасильственный характер. Высшей точкой в процессе исламизации стало внедрение шариатской системы управления и суда. В подавляющем большинстве случаев, за исключением трех представителей Шамиля в Абадзехии, шариатская реформа инициировалась и осуществлялась собственно черкесскими эфендиями. В целом, ислам стал идеологической базой консолидации черкесских обществ конца XVIII – первой половины XIX вв. в борьбе против Российской империи (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

3.5.3. Деятельность эmissаров Шамиля по укреплению мусульманской веры у адыгов

3.5.3.1. Хаджи Мухаммед и Сулейман-эфенди у черкесов: «...число сторонников мюридизма в особенности растет между простым народом»

Мы не посылали в селение никакого пророка без того, чтобы не поразить обитателей его бедствием и несчастьем.

Коран. Сура 7; 92(94).

Выходите на бой против проклятых, что доставит величайшую пользу, то есть Рай, если вас истребят. А если вам удастся, то получите вещи и имущество проклятых Богом.

Шамиль (1848).

Начало активного распространения мюридизма среди закубанских горцев связано с деятельностью первого посланца Шамиля – Хаджи Магомета (Хаджи Мухаммед), появившегося в Закубанье в 1842 г. Царские генералы с тревогой отмечали, что «...число сторонников мюридизма в особенности растет между простым народом» и что наиб сумел «под личиною религий овладеть умами людей низкого класса».

Вскоре после смерти Хаджи Мухаммеда, в начале апреля 1845 г., на Северо-Западном Кавказе появился новый посланец Шамиля – наиб Сулейман-эфенди. По мнению Ф.А. Щербины, это был «ученый мусульманин, превосходно знавший Коран и мусульманское право». Перед ним стояла более сложная задача. Наряду с распространением среди западных адыгов мюридизма, ему было поручено собрать ополчение из черкесов и и двинуть их к центру Кавказской линии на соединение с Шамилем. В первое время Сулейман-эфенди, развернув тайную пропаганду идей мюридизма, имел некоторый успех в организации военной помощи имаму. Шамилю необходимо было использовать территорию Кабарды для проникновения в Закубанье, в тыл России (Панеш А.Д., 1999. С. 174).

Однако Сулейман-эфенди не выполнил этого поручения. Перейдя на сторону царизма, он, наоборот, стал выступать против движения и его предводителя Шамиля. Как отмечал Е.Д. Фелицин, «...своим бестактным поведением он возбудил неудовольствие на себя многих влиятельных лиц за Кубанью и, не имея никакого успеха у горцев, перешел к нам, сделавшись ярким противником Шамиля». В 1848 г. он, по поручению ген. М.С. Воронцова, составил и разослал воззвание к горцам, в котором утверждал, что «Шамиль действует не согласно постановлениям Корана, а потому ему не следует верить и подчиняться». Как отмечали русские источники, «...по его удалении, дела в Закубанском крае изменились в нашу пользу: бесленеевцы, бжедуги, темиргоевцы, егерухаевцы, махошевцы и беглые кабардинцы покорились, а 4 абадзехских общества (Туба, Темдаши, Джангет-Хабль и Даур-Хабль) заключили с нами первый мирный договор». Казалось бы, «умиротворении» черкесов вошло в спокойное русло. Как писал Ф. Щербина: «Благодаря отвлечению горских племен казаками и русскими войсками, с одной стороны, по р. Лабе и Белой, а с другой – по всему Черноморскому побережью, где шаг за шагом отнимались у черкесов их земли и возникали казачьи станицы и укрепления, на Черноморской кордонной линии становилось с каждым годом все спокойнее и спокойнее. Но это спокойствие нарушил Мухаммед Амин» – третий наиб Шамиля».

3.5.3.2. «Иден мюридизма – в жизнь!»: миссия Мухаммеда Амина

И сказал тот, который веровал: «О, народ мой! Последуйте за мной, я выведу вас на путь правоты!».

Коран. Сура 40, 41.

Поучения Мухаммеда Амина оставили в народе глубокие следы. Дух мусульманства уже так сильно проник в эти племена (т. е. шапсугов), что оно взяло решительный верх над всеми верованиями.

К.Ф. Сталь (1900).

Мухаммед Амин (1818-1863 гг.) был известен в Дагестане под своим настоящим именем Мухаммед Асиялов. В 18 лет стал мюридом; за свою преданность получил у Шамиля прозвище «Верный» (по-арабски – Амин). Русское командование в оценке его деятельности всегда подчеркивало его ум и энергию. Мухаммед Амин прибыл в Закубанье в конце 1848 г. Как отмечают архивные источники, он был поражен далеко зашедшим сближением значительной части коренного населения с русскими. Впоследствии он откровенно признавался, что до приезда его в Закубанский край «...черкесы жили в такой дружбе с русскими, что во многих местах пахали землю рядом с ними и что он (Мухаммед Амин) своими духовными наставлениями успел и разделить эти два народа, и предупредить то слияние между ними, до которых остался уже небольшой переход».

На большом абадзехском народном собрании в 1848 г., он огласил цель своих действий: объединение сил всех адыгов для сохранения независимости Черкесии. В своей деятельности он умело использовал территориальную разобщенность адыгских племен для того, чтобы подчинить их к себе; поочередно абадзехи, махошевцы, егерухаевцы и темиргоевцы вынуждены были принести ему присягу. В рапорте генерала Ковалевского генералу Завадовскому отмечалось, что горцы «...только ждут его приближения, чтобы отложиться от русских».

Более решительную позицию заняли бжедухи и темиргоевцы, которых Мухаммед Амин решил ради изоляции от русского влияния переселить вглубь адыгской территории. Как утверждают официальные документы, он старался «...подстрекнуть в свою пользу простой бжедухский народ обещанием свободы и независимости от князей и дворян...». Но его поддержала лишь часть крестьян, надеясь свергнуть с себя власть высшего сословия. Более сложным оказалось распространение идей мюридизма среди «демократических» адыгских племен. После 1850 г. им были покорены натахайцы и присягнули шапсуги, однако последние часто нарушали свою присягу. Наibu удалось распространить мюридизм и установить нормы шариата только среди части адыгов. Тем не менее, как отмечалось в записке вице-адмирала Серебрякова от 1850 г., «...несмотря на сопротивление, которое оказывали в первое время горцы против усилий обратить их к исламу, вера эта постепенно распространилась».

Деятельность проповедников мюридизма на Северо-Западном Кавказе приносила определенные результаты. Были созданы отряды муртазек, которые должны были стать ядром постоянной армии адыгов. Эти отряды состояли из обедневших юношей-сирот, молодых дворян низших степеней. Видное место в отрядах хаджиретов составляли, по мнению М.В. Покровского, изгнанники из аулов, исключенные из общин за совершенные ими преступления (Панеш А.Д., 1999. С. 146).

Мухаммед Амин, находясь в пределах края Черноморской береговой линии, ниспроверг все кресты, и хотя впоследствии жители возобновили их и разорили мечети, но *поучения Мухаммеда Амина оставили в народе глубокие следы. Дух мусульманства уже так сильно проник в эти племена (т. е. шапсугов), что оно взяло решительный верх над всеми верованиями.*

3.5.3.3. «За воровство – отрубление правой руки...»: суд шариата у адыгов

Прелюбодея и прелюбодейку – побивайте каждаго из них сотней ударов. Пусть не овладевает вами жалость к ним...

Коран. Сура 24, 2.

Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею, – да будут преданы смерти и прелюбодей, и прелюбодейка.

Библия. Книга Левит (20; 10).

Установив духовный суд по шариату, Мухаммед Амин ввел у адыгов наказания и казни и приводил их в исполнение с неумолимой строгостью: ослушников воли наиба, сторонников России и противников мюридизма сажали в ямы, лазутчиков казнили, вора отрубали руки и т.д., короче, все соответствовало букве и духу наиболее жестокого и воинственного течения ислама: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха» (Коран. Сура 5, 42).

О карах, обрушивавшихся на «ослушников» норм шариата, можно судить по сохранившимся сведениям, относящимся, правда, к адыгам-кабардинцам. Как отмечал Ш. Ногмов, «Адиль-Гирей Хатожукин ввел

между кабардинским народом шариат, по которому преступники, все без исключения, по степени важности преступления, подвергались смертной казни и телесному наказанию. Наказания эти определялись: за воровство не более рубля серебром – лишение левой руки; свыше рубля до 100 рублей – отрубление правой руки и левой ноги; за развратное поведение – смертная казнь. Убийцы предавались также смертной казни: «Я отрублю вам руки и ноги накрест, распну вас на стволах пальм, узнаете вы тогда, кто из нас сильнее наказанием...» (Коран. Сура 20, 74). Установление этого положения принесло большую пользу народу: каждый боялся совершить что-либо противопоказанное».

И действительно было из-за чего бояться, – в Кабарде, а позже в Черкесии, по сути, вводились «драконовские законы». Напомним, что Дракон (Драконт), древнегреческий законодатель, составил в 621 г. до н. э. для Афинской республики первые писанные законы. Кража полевых плодов, например, наказывалась смертью, как и святотатство, кощунство или преднамеренное убийство. Не менее жестокие законы встречали и в библейских текстах: «Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею, – да будут преданы смерти и прелюбодей, и прелюбодейка... Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость; да будут преданы смерти» (Книга Левит, 20; 10-13). Впрочем, относительно воровства здесь предусматриваются более мягкие наказания: «Если кто застанет вора подкапывающегося и ударит его так, что он умрет, – то кровь не вменится ему» («Исход», 22; 2). Или: «Если кто украдет вола или овцу, то пять волов заплатит за одного вола и четыре овцы – за овцу» («Исход», 22; 1).

Скорее всего, именно непреклонность и жестокость мюридизма привели к тому, что крестьянские массы адыгов стали постепенно отходить от мюридизма, а в некоторых обществах дело доходило до вооруженного восстания против Мухаммеда Амина и его сторонников.

3.5.3.4. «Мюридизм не привился к закубанцам...».

В племенах западной части Кавказа, мало склонных к религиозному фанатизму, нашлось только небольшое число истинных последователей мюридизма.

Н. Карлгоф (1853).

Тщетно эмиссары Шамиля старались воспламенить воинственный народ в пользу мюридизма, и даже искуснейший Магомет Амин не сумел вовлечь их в союз с предводителем мюридов.

Г. Мерцбахер (1843-1926).

По словам М. Покровского, «...строй черкесского общества сам по себе плохо мирился с новым учением». Царский военачальник и историк Р. Фадеев также признавал, что «мюридизм с его всеполагающим и всезаменяющим фанатизмом не привился к закубанцам». Эту же мысль встречаем в работах А. Берже (1858): «Тщетно Шамиль посылал к ним агентов для распространения ислама; тщетно мнимые апостолы проповедовали черкесам на общественной сходке о благах, ожидающих мусульман на том свете, – большинство слушателей оставались равнодушными и расходились, говоря: «Это дело мулл, а мы, слава Богу, князья; пусть они и проповедуют об этом своей же братии». О совершенном «равнодушии» основной массы адыгов к вопросам веры свидетельствует и Дюбуа де Монперэ: «Только черкесские князья и знать – мусульмане соблюдают магометанские обряды, но они выполняют их только ради успокоения совести и с полным равнодушием, насмехаясь зачастую над всеми этими церемониями». По словам Г.А. Дзидзария (1982), лишь некоторые горские племена поддерживали религиозные мероприятия наиба. Это были, главным образом, абадзехи, а затем – натухайцы и убыхи. Еще менее были затронуты мюридистским движением бжедуги, шапсуги и другие адыгейские племена, а из абхазских племен – джигеты. У большинства же закубанских народов мюридизм не пользовался успехом, т.к. народ видел в нем утверждение власти новой «верхушки» в лице старшин и богатеев.

Главная же причина неуспеха мюридизма в Черкесии состояла в слабости распространения у адыгов мусульманской религии. Как было отмечено выше, религиозные верования адыгов и в XIX в. представляли собой причудливое смешение христианства, мусульманства и язычества. Только часть адыгов представляла собой правоверных, «истовых» мусульман. По наблюдению служившего на Кавказе Н. Карлгофа, «...в племенах западной части Кавказа, мало склонных к религиозному фанатизму, нашлось только небольшое число истинных последователей мюридизма...». Именно поэтому борьба адыгов против колониальной политики царизма не носила, как в Чечне, фанатично-религиозного характера.

Как отмечает А.Д. Панеш (1999. С. 168), стремление наиба Шамиля использовать в целях объединения ислам принесло некоторые результаты. Однако мусульманская религия не смогла в полной мере выполнить функции политической консолидации всех адыгов. Ее позиции оказались недостаточно прочными и сильными из-за особенностей их социально-экономического строя, в котором переплетались феодальные и архаичные патриархальные институты. Надо иметь в виду, что дух свободы и независимости черкесов противоречил строгим принципам теократического государства. Трудно не согласиться с Х.Ш. Муфти, который, анализируя причины неудач наиба Шамиля, писал: «Таким образом, он натолкнулся на сильное сопротивление нации, чьим высшим идеалом были личная свобода и свободная, ничем не скованная жизнь».

3.5.3.5. Отход адыгов от мюридизма

Он сказал: «О народ мой! Почему вы ускоряете злое раньше доброго?»...

Коран. Сура 27; 47(46).

И сказали: «Господи наш! Прелей на нас терпение и помоги нам против людей неверных!»

Коран. Сура 2; 251(250).

Мюридистские проповедники старались, и не безрезультатно, возмущение горцев завоевательной политикой царизма обратить в чувство ненависти к России вообще. Первоначально это придавало силу и размах движению и определяло его успех. Но это было временным явлением. Начался отход крестьян от мюридистского движения. Тем более, что Мухаммед Амин, укрепив свою власть, начал открыто сотрудничать с дворянством. Он облагал крестьян тяжелыми налогами, запрещал торговлю с русскими, преследовал противников газавата и т.д. Народные массы стали выступать против мюридизма, особенно в Бжедугии, Убыхии и Шапсугии. Определенное влияние на отход бжедугот от Мухаммеда Амина оказали и воззвания, направляемые им русским командованием во время наивысших успехов наиба. Так, 30 апреля 1850 г. генерал Заводовский увещевал: «Вы ли это, те бжедуги, которые столько лет с честью стояли на рубеже русской границы? Так ли поступали ваши отцы и деды в дни невзгоды? Опомнитесь же и с оружием в руках изгоните дерзкого пришельца. Еще время не ушло, и вы можете дружным восстанием и единодушным действием уничтожить дерзкие замыслы Магомеда Амина». Да и сами бжедуги испытывали «раскаяние» за поддержку наиба. Командующий Черноморской кордонной линией генерал Рашпиль писал в июле 1850 г., «Редкий день приходится, чтобы я не слышал жалоб от бжедугот на настоящее положение дел и раскаяния за признание власти Мухаммеда Амина, слишком для них тягостной». Даже со стороны абадзехов наиб Шамяля часто испытывал подобное отношение к себе.

В начале 1851 г. от наиба отошли темиргоевцы, которые установили добрососедские отношения с Россией. В октябре того же года против Мухаммеда Амина выступили «беглые кабардинцы» и бесленеевцы и изъявили «покорность» России. В ноябре восстание подняли бжедуги, сбросили власть наиба и также принесли присягу России. Приведя к присяге хамышеевцев и черченеевцев, наиб двинулся в Шапсугию, но те заявили, что «ни под каким видом не допустят его сделаться повелителем шапсугского народа, подобно тому, как он утвердился у абадзехов».

В дальнейшем горцы поняли, что обещания Мухаммеда Амина предоставить «независимость» адыгским племенам беспочвенны. Кроме того, им стало ясно, что в ходе назревавшего военного конфликта между Россией и Турцией деятельность Мухаммеда Амина может привести их к подчинению туркам. А это очень мало привлекало основную массу населения; свое мнение представители адыгских племен высказали самому наибу: «Абадзеи, шапсуги и натахуйцы отозвались, – писал царский историограф В.А. Потто (1886), – что из всех мер, какие он доселе предпринимал, они видят одно только для себя разорение. Покровительство Турции им не нужно – они испытали его!».

Позже, на одном из народных собраний в долине р. Худако подобную мысль выразил 80-летний старейшина Хамыз: «Ты пришел сюда волновать народ, уговаривать его не передаваться на сторону русских, но народ лучше тебя знает, что для него выгоднее – постоянные тревоги и разорения или мирная жизнь под защитой русской артиллерии. Иди же своей дорогой и оставь нас в покое». Наиболее упорное сопротивление Мухаммеду Амину оказали прибрежные шапсуги и натахуйцы, они окружили лагерь наиба у р. Шебжа (Шебш) и уничтожили его. Сам наиб скрылся в земле убыхов.

3.6. Укрепление позиций ислама на Северо-Западном Кавказе

Поистине, религия перед Аллахом – ислам.

Коран. Сура 3, 17 (19).

И спасли Мы его и его род от великой беды. И его потомство сделали оставшимся...

Коран. Сура 37; 74 (75).

До конца XVIII в., как было отмечено выше, ислам не получил большого распространения на Северо-Западном Кавказе, его приверженцами были лишь отдельные представители феодальной знати. Основная масса народа была равнодушна к распространению этого учения. Но уже к началу XIX в. ислам упрочил свои позиции на Северо-Западном Кавказе.

После занятия турками Анапы, этот город стал центром распространения ислама среди адыгов, и с тех пор в горах начали строить мечети, и стало увеличиваться число магометанского духовенства. По данным К. Пейсонеля, в 1787 г., в Тамани было 12 мечетей, в Темрюке – 2, Каплу (Славянск-на-Кубани) – 2. Муллами и кадиями были в основном турки, и поэтому ислам укреплял власть той части феодально-родовой знати, которая ориентировалась на Константинополь.

В 1825 г. Турция добилась принятия абадзехами шариата и признания султана главою веры. Но в своей массе абадзехи не были фанатичными поклонниками ислама: «Много абадзех не следует учению Корана, они удержали привычки идолослужения, жертвуют ветрам, чтут священные леса и в расприх предпочитают суд по обычаям», – писал Ф. Торнау. В Приморской Шапсугии ревностными мусульманами являлись в основном дворяне, ведущие работоторговлю.

При распространении своего политического и религиозного влияния на местное население, турецкое правительство использовало политику «кнута и пряника». Комиссар черкесской и абадзинской торговли Тоуш сообщал 5 сентября 1826 г., генералу Сысоеву о том, что анапский владетель Чечен-оглу Хаги-Хасан-паша предлагал шапсугам и нутхайцам, собравшимся около Анапы, чтобы они «утвердились» в турецкой религии присягами». В том же году анапский паша, в целях «утверждения владычества Турции над черкесами, послал в горы 24 эфенди, а впоследствии число мулл увеличилось».

Нельзя не отметить, что укреплению ислама на Северо-Западном Кавказе во многом способствовали военные действия, предпринимаемые царскими войсками против адыгов в ходе Кавказской войны. Н.Ф. Дубровин (1871. С. 14) свидетельствует: «Развитию магометанства много способствовали враждебные отношения между черкесами и русскими. Фанатическое учение магометанских проповедников сильно действовало на умы народа и, поджигая их на войну с русскими, льстило грубым чувствам независимости и хищничества. Проповедуя новое учение, магометанское духовенство ходило вместе с народом на войну, на разбои, производила волнения, следствием которых был упадок власти князей и дворянства. Мало-помалу духовенство слилось с народом и приобрело среди него весьма большое значение. Эфендий и мулла разделял с наездником его труды и опасности, бойко сражался и, вместе с тем, играл важную роль на народных собраниях...».

В 40-х гг. XIX в., вооруженные силы крупнейшей адыгской народности абадзехов под флагом ислама и во главе с Мухаммедом Амином – посланцем Шамиля, наносили удары по царским войскам. В это время в Абадзехии было создано своеобразное мусульманское государство. Хотя мюридизм среди других народностей не получил широкого распространения, позиции ислама постепенно укрепляются всюду. Однако несмотря на все усилия англо-турецкой агентуры и мусульманского духовенства, в отличие от Восточного Кавказа, где борьба против колониальной политики царизма велась под знаменем «священной» войны – газавата, антиколониальная борьба на Западном Кавказе не носила ярко выраженной религиозной окраски. По мнению И. Серебрякова, известному успеху ислама у адыгов здесь способствовали и их родственные отношения с высшими государственными сановниками по бракам с черкешенками, которые вывозились в значительном числе на продажу в Турцию.

Ислам сыграл известную положительную роль и в развитии культуры, образования и грамотности у адыгов. О необходимости углубленного изучения Корана в свое время писал еще кабардинский просветитель Нури Цагов (1913): «Нам кажется, что мы мусульмане, но мы не знаем всех заповедей и запретов ислама. О них знают лишь немногие из нас. Возможно, нам то будет неприятно, но это правда». С укоренением ислама среди адыгов детям в семье давали мусульманское религиозное воспитание. Подростков заставляли заучивать наизусть суры из Корана. Девочки с 9 лет, а мальчики с 12 должны были соблюдать пост (уразу) – первое время 9 дней, затем в течение месяца. Дети должны были совершать намаз с 12 лет. С этого же возраста мальчики были обязаны посещать мечеть для моления. В религиозном воспитании детей большую роль играли школы медресе, существовавшие при каждой мечети. В них обучались с 6 лет только мальчики. Обучение вели священнослужители – эфенди и муллы. Постепенно распространялась грамотность и образование. На необходимость привлечения мусульманского духовенства к этому важному делу – просвещению народа неоднократно указывал и до революции и после нее С. Сиюхов: «Пусть духовенство действует проповедями. Пусть оно почаще напоминает своей пастве о светлых заветах великого пророка Мухаммеда относительно просвещения народа. Пусть оно, проникнувшись любовью и сочувствием к своему народу, призывает его к пробуждению!».

В XIX – начале XX в. некоторые произведения адыгских писателей были написаны арабскими буквами на адыгейском языке. Но в практическую жизнь арабское письмо не проникло, т.к. оно было чуждо духу адыгских племен. Кабардинский просветитель И. Атажукин считал, что «...ислам не вполне соответствует, скажем так, адыгской религиозной демократии, пантеон которой издревле был представлен элементами христианства, мусульманства и язычества...». И. Атажукин с тревогой указывал, что ислам, основные проповедники которого получали за это награды от турецкого султана, «...опровергает древнюю нашу конституцию (адыгский этикет – адыгэ хабзэ). Эту же мысль мы встречаем в сочинениях адыгского писателя Каламбия. Несмотря на то, что мусульманство благодаря своей воинственности и демократичности оказало заметное влияние на жизнь и судьбу черкесов, оно «не смогло переделать радикально твердо установившиеся начала народной жизни». Эти слова просветителей адыгского народа актуальны и сегодня.

Некоторое представление об удивительной «пестроте» различных конфессий и вероисповеданий на Северо-Западном Кавказе в конце XIX в. можно получить по данным таблицы 46.

В отечественной литературе советского периода господствовало мнение об исключительно отрицательной роли ислама в историческом развитии Черкесии. Но факты говорят о том, что ислам в определенной мере способствовал мобилизации народа и сплочению сил в тяжелой борьбе с царскими колонизаторами во

Таблица 46 – Распределение населения Кубанской области по вероисповеданиям. 1890-1892 гг. (по: Надеждин П.П., 1895)

Вероисповедание	Кубанская область	Всего в Кавказском крае
Православные	1 439 951	3 854 808
Мусульмане-сунниты	95 755	1 940 538
Армяно-григорианцы	11 385	985 333
Католики	6 328	24 023
Лютеране	7 778	33 332
Иудеи	5 115	48 634
Меннониты	1 105	1 105
Язычники	215	12 536

время Кавказской войны. Мусульманская религия выступала идеологическим оружием борьбы адыгов за независимость. И из истории других народов известно, что те или иные политические движения на определенных этапах исторического развития приобретали религиозную окраску. Но это не исключало их прогрессивности. И самое главное – ислам содействовал ликвидации политической раздробленности адыгских народов. Русский офицер Н. Карлгоф (1853), служивший в XIX в. на Кавказе, верно подметил, что большинство адыгов «приняло это учение не

столько по религиозному увлечению, сколько потому, что чувствовало необходимость слить раздробленное общество в один народ для успешного сопротивления нашему оружию».

Ислам во многом способствовал просвещению народа. Представители адыгской интеллигенции совершенствовали свои духовные познания в Каирском университете. Вернувшись на родину, они распространяли среди соотечественников передовые знания и идеи, оказывали практическое содействие общему просветительскому направлению. Духовное образование способствовало развитию просветительства, книгоиздательской деятельности, появлению в 1917 г. первой газеты на кабардинском языке «Адыгэ макъ» («Адыгский голос», или «Голос адыга») (Кумыков Т.Х., Мамбетов Г.Х., Саблиров М.З. и др., 2006).

3.7. Ислам в Адыгее в советский и «постсоветский» период: от упадка к возрождению

3.7.1. Первые послереволюционные годы: «Для нас, мусульман, Коран и шариат... дороги»

Оживляет мечети Аллаха тот, кто уверовал в Аллаха...

Коран. Сура 9,18.

...Для нас, мусульман, Коран и шариат, как источники нашей религии, дороги, и отказываться от них равносильно отречению от религии наших отцов. А быть преступниками мы не желаем.

**Из протокола заседания Горской секции
(29 декабря 1920 г.)**

В первых же декретах Советской власти горцам была гарантирована свобода вероисповедания. Так, в специальном обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятом Совнаркомом в декабре 1917 г., говорилось: «Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мусульмане России, горцы Кавказа, – все те, мечети и молельни которых разрушались, – отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это». Еще до образования Адыгейской автономной области, 1-й съезд горцев 11 августа 1920 г. избрал Горскую секцию, которой было поручено решение вопросов духовного и национального возрождения адыгов. Она проявляла самостоятельность в принятии решений настолько, что отдельные постановления секции шли вразрез с официальными органами. Так, на своем заседании 29 декабря 1920 г. Горская секция, рассмотрев декрет об отделении церкви от государства, заявила: «Мы категорически заявляем, что для нас, мусульман, Коран и шариат, как источники нашей религии, дороги, и отказываться от них равносильно отречению от религии наших отцов. А быть преступниками мы не желаем...».

Верующее население Северо-Западного Кавказа в послереволюционный период в основном относилось к двум мировым религиям: христианству и исламу. На 1 октября 1926 г. во всем Северо-Кавказском крае было мечетей 1644, арабских школ – 233, синагог – 40, церквей – 1814. Это количество религиозных организаций обслуживало: 2189 мулл, 20 шейхов, 70200 – мюридов, 4305 – попов, 1883 – монахов. Практически в каждом адыгейском ауле была своя мечеть, а в таких больших аулах, как Бенокский, Блечепсин, Кошехабль, Хаджи-муковский, Хатажукай, Ходзь до революции было по 5-6 мечетей.

«Адыгейско-Черкесская область, – отмечалось в докладе Юго-Восточному бюро РКП(б), – большей частью населена черкесами, которые фанатично религиозны (? – Авт.). Авторитетом среди населения пользуются духовенство (эфенди), а также зажиточные черкесы и частью учительство, которое большей частью учит детей Корану и родному языку». Слова С. Сиюхова, просветителя адыгов, также подтверждают авто-

ритет мусульманского духовенства среди адыгов: «Насколько важно значение духовенства в жизни всякого народа – общеизвестно. Но мусульманское духовенство в этом отношении занимает исключительное место. Мы видим, что горское духовенство в народе пользуется громадным авторитетом и большим уважением».

Для использования возможности прогрессивной части духовенства в проведении мероприятий Советской власти проводились съезды религиозных деятелей. Так, в сентябре 1922 г. в а. Хатукай был созван областной съезд эфендиев и учителей. В постановлении «О просвещении», в частности говорилось: «Просвещение является крайне необходимым. Обязательное обучение детей в возрасте от 7 до 18 лет родному черкесскому языку. Преподавание же арабского языка «Коран» считать необходимым до 10-летнего возраста, т.к., знакомясь с Кораном, мусульманское молодое поколение скорее искоренит всякие навыки преступного характера».

3.7.2. Антирелигиозная и антицерковная политика властей в период «воинствующего атеизма»

Искажения национальной политики в 20-30-е гг., гонения против религии и духовенства, официальная, на государственном уровне, пропаганда так называемого «воинствующего атеизма» нанесли сильнейший удар по религиозной жизни верующих всех конфессий, в том числе и адыгов. Причем эта «волна» гонений на духовенство шла сверху.

3.7.2.1. «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам расстрелять, тем лучше»

Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...

В.И. Ленин (Из письма В.М. Молотову, 1922 г.).

*Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землей...*

П. Григорьев (Из песни 30-х гг.).

Одним из первых наисекретнейших шагов Ленина, направленных против религии (безразлично: христианской, мусульманской, иудейской и т.д.), явилось подготовленное им в конце 1917 г. «Решение ВЦИК и Совета Народных Комиссаров» по физическому уничтожению в стране религиозных конфессий – как храмов, так и священнослужителей. В отличие от иных документов Ленина по вопросу о церкви, упомянутое выше не рассекречено до сих пор, в связи с чем, как полагают наиболее авторитетные исследователи, уместно подозревать слишком шокирующее его содержание. Несколько позже, также в конце 1917 г., одним из первых же декретов Ленин инициировал ожесточенно свирепую борьбу своих соратников с Русской православной церковью (Мартыросян А.Б., 2007. Кн. 3).

Судя по всему, «ниспровергатели» церкви и разрушители национальной духовной культуры взяли на вооружение ранний стих А.С. Пушкина (Соч. 1974. С. 535), которого он, кстати, в конце своей жизни немало стыдился:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим!

После принятия Декрета об отделении церкви от государства повсеместной практикой стало самовольное закрытие церквей, мечетей, синагог, конфискация «для нужд революции» церковных ценностей, аресты священнослужителей и привлечение их к принудительным работам и т.д. Своеобразным гимном пролетариев-безбожников в начале 20-х гг. была бодрая комсомольская песня:

Долой, долой монахов,
Раввинов и попов,
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов!
Раз! Два!
Горе не беда!.. и т.д.

Новый виток «похода» против религии пришелся на 1921-1922 гг. – годы исключительно тяжелого голода в молодой Советской республике. В 1922 г. В.И. Ленин писал в совершенно секретном письме В.М. Молотову: «Именно теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бесшадной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...».

В том же 1922 г. (26 февраля) в газете «Известия» было опубликовано Постановление ВЦИК, в соответствии с которым местные Советы обязывались в месячный срок конфисковать все золото, серебро, драгоценные камни, находящиеся в храмах, монастырях и мечетях:

«О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих»

Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье и для обеспечения его полей, ВЦИК постановил:

Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описи и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа...» (Цит. по: Жуков Ю.Н., 2006).

В ходе выполнения этой операции были убиты 2690 священников и 1962 монахов (Прохожев А.А., 2006. С. 169).

3.7.2.2. Гонения против мусульманской религии и духовенства

До 90-х гг. прошлого века ислам в СССР был практически под запретом. Если в 1928 г. в России насчитывалось 14500 тыс. мечетей, то к началу 90-х гг. осталось 94, т. е. не более 0,6%.

«Комсомольская правда» (2011, 7 мая. С. 11).

На несколько десятилетий духовно-религиозная жизнь замерла и в стране в целом, и в Адыгее. Мечети (как, впрочем, и православные храмы и синагоги), закрывались или были уничтожены, арабские школы прекратили свое существование, священнослужители (муллы, шейхи, мюриды) подвергались гонениям. По данным И. Куценко, в это время в крае было разрушено около 200 мечетей, построенных при царизме. Старшее поколение, наверное, еще помнит песню П. Григорьева, которую комсомольцы с энтузиазмом распевали в довоенные годы:

Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землей
Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

До 90-х гг. прошлого века ислам в СССР был практически под запретом. Если в 1928 г. в России насчитывалось 14500 тыс. мечетей, то к началу 90-х гг. осталось 94, т. е. не более 0,6%. Подготовка духовных кадров также практически прекратилась. Единственное (!) мусульманское учебное заведение в СССР было медресе в г. Бухаре, куда разрешалось по квоте от российских мусульман отправлять не более 2-х чел. в год, т. е. на 10 млн. мусульман – 1 чел. («Комсомольская правда», 2011, 7 мая. С. 11).

Объективности ради, следует отметить, что не меньший урон был нанесен в те годы не только мусульманскому, но и православному духовенству на Кубани. Казачий историк Н.Толстой приводит подлинный текст письма, который в 1920 г. архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан написал патриарху Константинопольскому: «Святые храмы разорены или осквернены. Иконы выбрасываются, священные сосуды расхищаются. Над пастырями церкви Донской производятся всяческие издевательства и насилия адской злобы, напоминающие собой страдания первых христиан...». В 1928 г. архиепископ Митрофан был расстрелян. Митрополит Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор был казнен еще в 1920 г. В 1932 в Ростовской тюрьме расстреляли митрополита Кавказского Серафима и 120 чел. духовенства». Антирелигиозный поход «воинствующих безбожников» продолжался...

3.7.3. «И вознаградил их Аллах садами...»: возрождение ислама в адыгских республиках

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX столетия наметились кардинальные перемены в отношении к религии в целом и духовному образованию в частности. Этому способствовали перестройка и демократизация общества на общегосударственном уровне. В 1990 г. в Российской Федерации были приняты законы о свободе вести и вероисповедания.

В последние годы, с образованием адыгских республик, вопросы духовного возрождения общества приобретают все большую значимость. Многочисленные факты подтверждают активизацию здесь религиозной жизни, начиная с 90-х гг. XX в., чему способствовала поддержка исламского возрождения общественными организациями и правительствами адыгских республик.

В Адыгее, Кабарде и Черкесии решительно подняты вопросы восстановления незаслуженно забытых обычаев, традиций, элементов национальной культуры; провозглашена свобода исповедания той или иной религии (мусульманской, христианской и т.д.). Не случайно в священной Книге мусульман свободе выбора веры уделено особое внимание: «Нет принуждения в религии... И скажи: Истина – от вашего Господа: кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует» (Коран. Суры 2, 257; 18, 28).

3.7.3.1. Республика Адыгея

И вознаградил их Аллах садами, где внизу текут реки, – вечно пребывающими они будут там.

Коран. Сура 5; 88.

Республика Адыгея – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной... Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

«Конституция Республики Адыгея» (Раздел I. Ст. 14).

С начала 80-х гг. XX столетия в Адыгее началось движение за возрождение ислама и придания ему более значимого статуса. После образования в 1991 г. Республики Адыгея руководство взяло курс на возрождение традиционных адыгских ценностей, среди которых важное место должно было занимать возрождение ислама.

На 1.01.1992 г., в Адыгее действовало 18 религиозных объединений, в т.ч., 6 зарегистрированных мусульманских организаций (г. Майкоп, аулы Тахтамукай, Ассоколай, Кошехабль, Блечепсин, Понежукай). На сегодняшний день в Адыгее зарегистрировано 56 религиозных объединений, из них 15 входят в состав Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (муфтий Нурбий Емиж).

В свое время крупным событием духовной жизни адыгов явился состоявшийся в а. Адамий учредительный съезд мусульман Адыгеи, где был избран первый муфтий Адыгеи – старейшина а. Козет Мос Чениб. Съезд мусульман явился как бы призывом к нравственному возрождению, милосердию, бережному сохранению памяти о тех, кого уже нет живых. Съезд принял решение начать перевод Корана на адыгейский язык. Сейчас эта большая и нужная работа уже завершена под общей редакцией известного писателя И. Машбаша и нового муфтия Республики Адыгея и Краснодарского края Нурбия Емижа.

В настоящее время во многих аулах восстанавливаются старые и строятся новые мечети. Как отмечал на Первом съезде старейшин Адыгеи бывший в то время президентом А.А. Джаримов, «...религиозным организациям возвращены культовые здания в г. Майкопе, пос. Каменноостском, ст. Курджипской, а. Тахтамукай. Выделены земельные участки под строительство мечетей в г. Майкопе и Адыгейске, аулах Асоколай и Блечепсин». В перспективе мечети будут практически в каждом ауле Адыгеи.

Заслуживает внимания обзор современной религиозной жизни Адыгеи, который подготовили Т.Х. Кумыков, Г.Х. Мамбетов, М.З. Саблиров и др. («Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006): Конфессиональная картина в Адыгее в основном сформировалась. Традиционно сложились хорошие отношения между Духовным управлением мусульман (ДУМ) и Майкопской и Адыгейской епархией Русской православной церкви. Периодически проходят встречи руководителей двух традиционных наиболее крупных конфессий с руководством республики, на которых обсуждаются важные вопросы межконфессионального и международного сотрудничества, вырабатываются единые подходы в упрочении позиций ислама и христианства. Значимые для общественной жизни республики мероприятия, а также религиозные православные и мусульманские праздники проходят с совместным участием православного и мусульманского духовенства.

Принятие законодательных актов привело к тому, что положительно стали решаться такие проблемы религиозных организаций, как создание условий для подготовки кадров духовенства, для проведения благотворительной, миссионерской и издательской деятельности. Религиозные организации стали сотрудничать со средствами массовой информации, устанавливать связи с религиозными центрами и организациями других стран.

Растет число представителей мусульманского духовенства. На сегодняшний день в каждом адыгейском ауле есть эфенди и его помощники. В Адыгее, где до конца 80-х гг. XX в. не было ни одной мечети, процесс строительства культовых зданий активизировался с середины 90-х гг. Его кульминацией явилось сооружение и открытие в 2000 г. соборной мечети в Майкопе, одной из самых красивых и монументальных в Северокавказском регионе. Всего в республике построено более 20 мечетей.

При соборной мечети функционирует Исламский центр, который проводит занятия по изучению арабского языка и чтению Корана, выпускает различные пособия, разъясняющие правила совершения мусульманских обрядов и знакомящие верующих с историей и вероучением ислама.

До недавнего времени в республике издавались две газеты для верующих. Ежегодно Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края организует хадж в Мекку. Так, в 2003 г. хадж совершили 19 мусульман республики, среди которых было 4 женщины.

Основными направлениями работы Духовного управления является воспитание и обучение мусульман, борьба с распространением алкоголизма, наркомании, падением нравственности, прежде всего среди молодежи. Значительной проблемой является низкий уровень знаний духовенства, что зачастую приводит к произвольному толкованию Корана и провозглашению сомнительных положений.

Учитывая серьезность вопросов о мусульманской обрядности, принятой у адыгов, и связанных с этим спорах с последователями ревизионистских течений в исламе, Духовным управлением принято решение о пересмотре ряда устаревших, на его взгляд, догм и порядка исполнения некоторых обрядов. В частности, это касается такой темы, как организация похорон мусульманина. Эту работу проводят мусульманские авторитеты республи-

ки. После подготовки соответствующих проектов, пособий планируется вынести их на широкое обсуждение верующей части населения, после чего распространить по мусульманским обществам в аулах республики.

В Адыгее не существует религиозных исламских организаций ваххабитского толка. Все религиозные объединения мусульман входят в состав Духовного Управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края.

Возрождение исламской традиции после многолетних гонений на религию, открывшиеся широкие контакты с многочисленной зарубежной диаспорой, проводимый руководством республики курс на возрождение национальных адыгских традиций, в том числе и ислама, породили всю неоднозначность современного положения мусульманской религии в Адыгее. Адыгейцы сталкиваются с новым для себя исламом, молодое поколение знакомится с этой религией уже на более высоком образовательном уровне, имеет возможность обучаться в исламских высших учебных заведениях за рубежом.

Процесс развития ислама в Республике Адыгея имеет свои особенности, с одной стороны, роднящие его с возрождением ислама в других регионах Северного Кавказа, с другой – демонстрирующие свое отличие. Даже бросив поверхностный взгляд на религиозность адыгов в Республике Адыгея, можно выделить две группы верующих.

Первую группу составляют те, кто соблюдает все предписания ислама. Они считают себя истинными мусульманами, ведут активную религиозную деятельность, абсолютно отрицая при этом атеизм и сектантство.

Во вторую группу входят представители разных возрастов и социальных слоев. Они считают себя верующими, но не выполняют всех религиозных предписаний, ограничиваясь, как правило, совершением намаза, соблюдением поста или участием в благотворительной деятельности. В их религиозном сознании отсутствует нетерпимость к неисламским взглядам других людей.

Несмотря на возрастные, социальные и иные различия, в этих группах наблюдается довольно много общих черт. Одной из них является сильное влияние традиционной культуры, традиционного мировоззрения. Значительное число людей, не являясь верующими, тем не менее, формально не отделяют себя от религии, отождествляя в своем сознании этническое и религиозное; в силу этого они часто участвуют во многих религиозных обрядах и праздниках.

Элементы традиционной культуры остаются доминирующими в поведении людей и в их сознании. Прошлое нередко выступает в качестве сравнительного ориентира. Образ жизни людей обычно корректируется по освященной веками модели культуры. Однако под воздействием социально-экономических, политических, культурных факторов, под влиянием средств массовой информации все чаще на первый план выдвигаются новые приоритеты. Не последнюю роль в этом процессе играет ислам.

В 1999-2000 гг. Адыгейским республиканским институтом гуманитарных исследований и Адыгейским государственным университетом было проведено социологическое исследование «Состояние и перспективы ислама в Адыгее». Его результаты позволили прийти к следующим выводам. В Адыгее на сегодняшний день «тотальной» исламизации не происходит. Лишь 35% от числа опрошенных заявили о том, что они «являются приверженцами ислама». При этом анализ анкет показал, что выполняют предписания ислама всего лишь 10% респондентов. В число относящих себя к приверженцам ислама, по всей вероятности, вошли и те люди, которые не выполняют его предписаний (40%), выполняют их время от времени (47%) или выполняют только самые основные (12%). Эти цифры заставляют о многом задуматься... (Кумыков Т.Х., Мамбетов Г.Х., Саблиров М.З. и др., 2006).

3.7.3.2. Кабардино-Балкарская республика

Что вам ни даровано, – это достояние здешней жизни и ее украшение...

Коран. Сура 28:60

В 1990 г. на Учредительном съезде мусульман Кабардино-Балкарской республики было образовано Духовное управление мусульман (ДУМ) КБР, положившее начало возрождению ислама в республике. Его усилиями в 1991 г. 30 чел. были отправлены в Сирию на учебу.

Стали создаваться и регистрироваться новые религиозные общины. Если в 1991 г. в республике было 7 мусульманских организаций, то сейчас их количество составляет 121, вместо 6 имеется 132 мечети, которые построены на добровольные пожертвования верующих, на средства частных предпринимателей, администраций городов, районов, сел, аулов. Соборная мечеть в г. Нальчике (Республиканский духовный центр мусульман), строительство которой завершено при финансовой поддержке А. Канокова, тогда московского предпринимателя, заместителя постоянного представителя КБР при Президенте РФ, была открыта 21 мая 2004 г. Сюда переместили Духовное управление мусульман КБР (Мукожев А.Х., 2008. Вып. VII).

Летом 1992 г. Исламский университет Мухаммада бен Сауда (Саудовская Аравия) организовал на территории бывшего СССР, в том числе и в Кабардино-Балкарии, пять курсов арабского языка и исламских наук. Подобные семинары проводились преподавателями университета Мухаммада бен Сауда летом следующего 1993 г. в Нальчике и пос. Эльбрус. В 1993 г. были открыты двухгодичные курсы по подготовке имамов при ДУМ, позже они были преобразованы в Кабардино-Балкарский Исламский институт. Здесь обучались 130 чел. разных национальностей – кабардинцы, балкарцы, турки, узбеки.

Официальные медресе были открыты в Баксанском, Зольском Эльбрусском, Урванском районах. С 1995 по 1999 г. функционировал Исламский центр, дававший начальное религиозное образование. В Баксанском районе были созданы 16 пунктов начального религиозного обучения, в Чегемском – 10, Урванском – 8, Зольском – 7, Черекском – 5, Терском – 3, Эльбрусском – 2 и в Прохладненском – 1.

В настоящее время в Исламском институте проводятся двухгодичные курсы по ознакомлению с основами ислама. Начальные сведения об исламе даются также в 32-х воскресных школах с годичной программой обучения. При ДУМ КБР организованы двух- и трехмесячные курсы повышения квалификации имамов («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 774).

Вместе с тем, к концу 90-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарской республике наблюдалось некоторое свертывание темпов развития исламского образования. В частности, несколько образовательных центров перестали функционировать, прекратились факультативные занятия в школах по основам ислама, Исламский институт приостановил свою работу из-за отсутствия лицензии на право осуществления образовательной деятельности.

Восстанавливая былые исламские традиции (свадебные, похоронно-поминальные обряды, шариатские запреты), духовенство республики столкнулось с проблемой их унификации. Особо значима для мусульман республики появившаяся возможность совершения паломничества в Мекку. В настоящее время осуществляются ежегодные хаджи, организуемые с участием ДУМ и государственных структур. Примечательно, что в религиозных праздниках и обрядах участвуют не только верующие, но и немалая часть неверующих. Принадлежность к исламу в общественном сознании ассоциируется с принадлежностью к адыгской этнической общности.

Исламское возрождение в КБР характеризуется стремлением мусульман жить в соответствии с привычными этноконфессиональными традициями, которые могут и не совпадать с классическими канонами ислама. В качестве примера можно привести состоявшийся 23 декабря 1993 г. пленум мусульман Кабардино-Балкарии, который, констатируя несоответствие «*деура*» (обряда прощения грехов покойника) Корану и Сунне, признал его позитивную роль в распространении и сохранении мусульманской религии (Кумыков Т.Х., Мамбетов Г.Х., Саблиров М.З. и др., 2006).

Перечисленные позитивные факты являются как бы «внешней» стороной исламского возрождения. Результаты «внутреннего» приобщения к исламу гораздо скромнее. Часть населения данный процесс не затронул вообще (если не считать их участия в похоронно-поминальной обрядности, что воспринимается как национальная традиция). Для основной массы считающих себя верующими характерно соблюдение лишь некоторых исламских норм – поста Ураза, праздника Курман, посещение мечети в дни мусульманских праздников. При этом для многих из них определяющей является не религиозная, а, так сказать, «рациональная» мотивация исполнения предписанных исламом обрядов: соблюдение поста полезно для здоровья, омовение – необходимая гигиена, намаз – оздоровительная гимнастика и т. д.

Руководство КБР признает за исламом немалый потенциал в формировании духовно и нравственно здоровой личности, в развитии этнической культуры кабардинцев. Такая позиция отмечалась на проходившей в Нальчике научно-практической конференции «Ислам – религия мира» (октябрь 1999 г.); на круглом столе с участием президентов КБР и Республики Ингушетия, представителей субъектов ЮФО и руководителей религиозных организаций региона, под таким же названием (октябрь 2001 г.); на совместном совещании духовенства, научной интеллигенции, различных министерств республики «О религиозной ситуации и практике применения федерального Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в КБР» (апрель 2002 г.). На этих форумах подчеркивалась гуманистическая сущность ислама, неправомерность его отождествления с религиозным экстремизмом.

В целях налаживания конструктивного диалога и сотрудничества с религиозными организациями в республике созданы Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте КБР, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве КБР, комиссии по связям с религиозными объединениями при районных администрациях. Действующий Закон КБР «О свободе совести и о религиозных объединениях» принят в 1999 г. С начала XXI в. наблюдается некоторое повышение интереса к исламу, позволяющее надеяться, что он может содействовать духовному возрождению народа. В настоящее время нет оснований опасаться, что повышение значимости религиозного фактора среди кабардинцев приведет к исламскому экстремизму, поскольку он глубоко чужд особенностям их этнической психологии (Ахохова Е.А., Бузаров А.К., Губжоков М.Н. и др., 2006).

О многом говорит и следующий факт. С 2003 г. Кабардино-Балкарский исламский институт, переименованный в Исламский институт при ДУМ КБР, получив лицензию Министерства образования и науки РФ на право осуществления образовательной деятельности, стал готовить священнослужителей с высшим религиозным образованием. В июле 2007 г. он преобразован в Северо-Кавказский исламский университет имени имама Абу Ханифы. Университет располагает хорошей кадровой базой, учебной программой с включением светских дисциплин, в том числе и регионального компонента. В настоящее время в нем обучается 58 студентов, в том числе 14 – из других регионов ЮФО, 16 девушек. Но при отсутствии в республике четкой системы начального религиозного образования ему вряд ли удастся выполнять университетскую программу обучения в полной мере. Для полноценного функционирования университета необходимо воссоздать сеть медресе и мектебе (Мукожев А.Х., 2008. Вып. VII).

3.7.3.3. Карачаево-Черкесская республика

В 90-е гг. XX в. началось религиозное возрождение и в Карачаево-Черкесии. В советское время все мечети были разрушены, существовали лишь небольшие помещения для молитв при кладбищах. Сейчас практически во всех аулах существуют мечети, либо они находятся в процессе строительства. Деньги на строительство дают жители. В каждой мечети в настоящее время есть имам. Существует Духовное управление мусульман КЧР и Ставропольского края, которое помогает желающим совершить хадж. В Черкесске открыт Исламский институт, где готовят служителей культа. Молитвы читаются на арабском языке. Примечательно, что в республике не было религиозных конфликтов. В крупных смешанных населенных пунктах можно увидеть и мечети и православные церкви («Россия и Кавказ...», 2001).

3.8. Президент Тхакушинов: «Необходимость уважительного отношения к чувствам верующих любых конфессий...»

3.8.1. Религиозные деятели адыгских республик – против насилия и экстремизма

...И когда пришел срок, он (Анас Пшихачев) принял смерть достойно, как и полагается истинно верующему мусульманину.

«Комсомольская правда» (2010, 17 дек.).

Мусульманская религия строго хранила свое учение в течение столетий, и его догматы остались почти такими, какими их сформулировал пророк Мухаммед. И всегда во время молитв звучало слово о сохранении, сбережении извечных нравственных основ жизни людей, укреплении семьи, уважении детей к родителям, младших – к старшим, взаимной любви и милосердии, о мире и дружбе. Как здесь не вспомнить одну из сур Корана (4; 123): «А если кто сделает что-нибудь благое – будь то мужчина или женщина, и при этом верующий, – то эти войдут в рай и не будут обижены и на бороздку финиковой косточки». Религия играет заметную роль и в формировании национального самосознания, культуры межнационального общения. Она призывает верующих быть доброжелательными по отношению друг к другу, дальновидными и мудрыми в рассмотрении проблем межнациональных отношений, – проблем, увы, столь актуальных сейчас во многих районах нашего многострадального Кавказа.

Религиозные деятели Адыгеи, Черкесии и Кабарды выступают против насилия и экстремизма, за мир и спокойствие на Кавказе, что зачастую не нравится крайне националистически настроенным элементам. Примером может служить недавнее зверское убийство муфтия Кабардино-Балкарии, о чем сообщает Ю. Верниковская: «47-летнего Анаса Пшихачева хладнокровно расстреляли на пороге собственного дома на окраине Нальчика. «Он не боялся. Открыл дверь незнакомым людям, потому что так принято у священнослужителей. А его убили!», – говорит глава Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев. Версия одна: с муфтием расправились исламские экстремисты, которых он жестко критиковал. «Пшихачев осуждал любое проявление религиозного экстремизма», – говорят все, кто его знал.

Незадолго до своей кончины муфтий участвовал в заседании представителей общественности КБР, где обсуждались московские погромы на националистической почве. Анас Пшихачев высказался против ответных акций кавказцев. Более того, он считал, что волнения будут только на руку ваххабитам. Поэтому ему не раз угрожали. Недавно на встрече с полпредом президента в Северо-Кавказском федеральном округе А. Хлопониным он поделился наболевшим: «Приходят, нагло смотрят в лицо и говорят: «Мы вынесли решение убить тебя. Как ты смотришь на это?». – Но истинно верующий смерть воспринимает по-другому».

И когда пришел срок, он принял смерть достойно, как и полагается истинно верующему мусульманину («Комсомольская правда», 2010, 17 дек. С. 7).

3.8.2. Укреплять межконфессиональный союз Адыгейской епархии РПЦ и Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края

Наша республика по праву гордится тем, что миру и спокойствию на ее территории в огромной степени способствует прочный межконфессиональный союз Майкопской и Адыгейской епархии Русской православной церкви и Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края.

А.К. Тхакушинов, президент РА (2010).

«В Адыгее возведут кафедральный собор», – так озаглавлена заметка, помещенная в газете «Аргументы и факты-Адыгея» (2010, № 42. Принимая во внимание, что эта публикация хорошо иллюстрирует продуманную политику руководства республики, направленную на сохранение веротерпимости и взаимного уважения двух основных конфессий Адыгеи – мусульман и православных, – привожу ее в кратком изложении. В 2010 г. в рабочей резиденции в Москве состоялась встреча президента Республики Адыгея

А.К. Тхакушинова с патриархом Московским и Всея Руси Кириллом, на которой был обсужден ряд актуальных вопросов государственных, межрелигиозных и межнациональных отношений.

Президент Адыгеи рассказал Святейшему патриарху об истории республики, о том, какие процессы происходят в ее социально-экономическом развитии, общественной жизни. Также собеседники в разговоре затронули тему духовного воспитания молодежи. Аслан Тхакушинов отметил, что руководство республики изыскивает возможности строительства Соборного храма Адыгеи – Свято-Успенского кафедрального собора.

«Приостановка строительства Соборного храма беспокоит руководство Адыгеи, – сказал президент РА. – Наша республика по праву гордится тем, что миру и спокойствию на ее территории в огромной степени способствует прочный межконфессиональный союз Майкопской и Адыгейской епархии РПЦ – Русской православной церкви и Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края, взаимное уважение – как самих верующих, так и служителей этих конфессий».

Президент РА подчеркнул – органы исполнительной власти республики всегда с особым вниманием относились к вопросам поддержки основных религиозных конфессий, помня, прежде всего, о том, что основой успешного развития любого региона и страны в целом является духовное единство народа и нравственная чистота помыслов, формирование которых во многом зависит от искренности веры.

«Руководство республики в равной степени с представителями Русской православной церкви заинтересовано в возведении этого храма, потому что мы отдаем себе отчет в необходимости уважительного отношения к чувствам верующих любых конфессий в столь многонациональном регионе, как Адыгея, – сказал Аслан Тхакушинов.

Строительство Свято-Успенского кафедрального собора началось еще в 1996 г., когда на средства меценатов был заложен его фундамент, впоследствии освященный, и возведена маленькая часовенка – крестильный храм. В закладке первого камня Соборного храма и освящении места будущего строительства участвовал Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Что примечательно, собор был заложен в центре Майкопа на одной архитектурной оси с Соборной мечетью Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края. Это явилось для республики зримым свидетельством значимости укрепления духовного начала и уважительного отношения к двум ведущим конфессиям региона.

Однако если мусульманская Соборная мечеть, построенная в 1999 г. при поддержке спонсоров, стала одним из знаковых мест столицы Адыгеи, то строительство православного Свято-Успенского кафедрального собора было приостановлено вследствие финансовых трудностей.

На встрече была также затронута тема несанкционированной установки поклонных крестов на территории республики, что общественностью воспринимается неоднозначно. Святейший Патриарх отметил, что это самостийное явление, возможно, направлено на дестабилизацию обстановки в регионе и поручил епископу Майкопскому и Адыгейскому Тихону взять ситуацию под особый контроль.

«Руководство республики объединит свои усилия для решения этой проблемы с епархией, – сказал Аслан Тхакушинов. – Мы приложим также все усилия для того, чтобы Свято-Успенский кафедральный собор в столице Адыгеи стал не только истинным духовным центром для православных верующих, но и яркой достопримечательностью региона, символом толерантности и единения многонационального населения Адыгеи и всего Северного Кавказа» («Аргументы и факты-Адыгея», 2010, № 42. С. 14).

3.8.3. «Вера очищает душу...»

Вера очищает душу, чем больше у нас будет православных храмов и мечетей, тем больше уверенности в том, что в Адыгее будут сохранены мир и спокойствие.

А.К. Тхакушинов, президент Республики Адыгея (2011).

С учетом вышеизложенного, несомненный интерес представляет информация, из которой видно, насколько широко отмечается в настоящее время в Республике Адыгея праздник разговения – Ураза-байрам. Как отмечает С. Дмитренко (2011), «...тысячи мусульман пришли в мечети Адыгеи, чтобы совершить общую молитву. Так, Соборная мечеть, которая украшает Майкоп своими небесно-голубыми куполами, посетили примерно 1200 чел. Это и неудивительно, – ведь в крае около 260 тыс. мусульман, 123 тыс. из них проживают в республике.

В преддверии праздника, в так называемую Ночь предопределения, мечеть посетил и глава Адыгеи Аслан Тхакушинов. Он поздравил земляков с успешным окончанием поста и пригласил всех после вечерней молитвы на разговение. Причем организацию угощения для сотен верующих взяло на себя руководство республики. Там же глава республики пообщался с муфтием Адыгеи и Краснодарского края Нурбием Емижем. Обсудили, как быстро восстанавливают Свято-Ильинский храм в ст. Дондуковской Гиагинского района и церковь в Майкопе. «Вера очищает душу, чем больше у нас будет православных храмов и мечетей, тем больше уверенности в том, что в Адыгее будут сохранены мир и спокойствие», – заметил президент республики (Дмитренко С., 2011. С. 4).

Руководство адыгских республик не без основания считает, что ислам, мусульманские деятели могут и должны участвовать в формировании духовно и нравственно здоровой личности, в развитии этнической культуры адыгов. Своеобразным путеводителем на этом многотрудном, но столь необходимом для верующих пути являются пророческие хадисы (постулаты) пророка Мухаммада, некоторые из которых приводятся ниже:

- *Кто вышел из дома в поисках науки, тот идет по пути Аллаха, пока не вернется.*
- *Тому, кто стал на путь знаний, Аллах облегчит путь в рай; ангелы простирают свои крылья над ним, защищая его от невзгод на этом пути.*
- *Не вызывайте злобу, не надругайтесь над телом убитого, не убивайте ни женщину, ни ребенка, не добивайте раненого, не преследуйте отступающего, не убивайте пленного...*
- *Аллах сотворил душу и открыл ей добро и зло. Он предоставил свободу выбора в совершении добра и зла, а также указал, какие последствия будет иметь тот, кто принимает добро, и указал, какие последствия будет иметь тот, кто идет по пути зла.*
- *Разумный тот, кто идет по пути добра и избегает зла. Ведь наличие добра и зла – искушение и экзамен для человека. Таким образом Аллах одарил человека силой разума, чтобы различать их, и силой воли, чтобы можно было идти в принятом направлении.*
- *Вера есть отказ от всякого насилия.*
- *Благотворительная милостыня должна стать обязательным деянием каждого мусульманина.*
- *Могуч не тот, кто побеждает противника в борьбе; могуч тот, кто побеждает свой гнев.*
- *Вот сама сущность Ислама: стоя или сидя, тайно или открыто, серьезно или с насмешкой и при всех других обстоятельствах мусульманин помнит, что Аллах наблюдает за ним, знает, что тот делает...* (Цит. по: Сообцова Н.И., 2010. С. 301-302).

Завершая раздел, посвященный многотысячелетней истории религиозных верований адыгов: от язычества – к христианству и далее – к исламу, хотелось бы привести несколько строк из стихотворения известного кабардинского поэта Хасана Тхазепова (Избр. соч., 2004. Т. 2. С. 26):

И приверженцы Корана,
И адепты христиан
Делят общество на кланы, –
Значит, в жизни есть изъяс!
Кто кого переиначит?..
Есть ли смысл в земной борьбе?
И для Бога много ль значит
Форма верности судьбе?!
Будь ты сто раз христианин,
Иль буддист, иль чтишь Коран,
Помни: Ты пока Землянин
И живешь среди Землян!
Верь Всевышнему как в Благо,
Не давай хулить устам.
Верь в душе и верь без страха,
Чтоб не стало страшно... там.

В заключение этой многогранной темы хотелось бы привести мудрые слова бывшего муфтия мусульман Адыгеи и Краснодарского края Сагида Юнусовича Хуако о необходимости сохранения гражданского мира и согласия в адыгских республиках, которые и сегодня не потеряли своей актуальности: «Я благодарен жителям республики и прежде всего русским за их усилия к сохранению мира на нашей прекрасной земле. Хочу пожелать всем жителям Адыгеи благополучия, мирного неба и долголетия. Уверен, что мы совместными усилиями сможем превратить нашу маленькую Адыгею в цветущий и благополучный край». Как говорится в Коране: «И вознаградил их Аллах садами, где внизу текут реки, – вечно пребывающими они будут там» (Сура 5; 88). Эту же мысль подчеркивают и библейские пророки: «Да будет мир в стенах твоих, благоденствие в чертогах твоих. Ради братьев моих и ближних моих говорю я: «Мир тебе!» (Псалтырь, 121; 7-8).

АДЫГИ И РАБСТВО

1. ЧЕРКЕСИЯ: « ВО ВСЕ ВРЕМЕНА РЫНОК РАБОВ...»

О, горе для рабов!

Коран. Сура 36;29.

И отдам тебя в рабство врагам твоим, в землю, которую ты не знаешь.

Библия. Книга пророка Иеремии (17; 4).

Можно с уверенностью сказать, что ни одна война, ни один иноземный завоеватель в течение столетий не причинил адыгскому народу столько вреда, сколько торговля «живым товаром». Это было поистине национальное бедствие: постоянно наносило неповторимый урон этническому, социально-экономическому развитию народа, многие сотни тысяч адыгов вынуждены были покинуть свою Родину, покинуть, чтобы никогда не вернуться. Как говорится в Библии: «Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому народу» (Второзаконие, 28; 32). Не менее горькие строки можно встретить в Книге пророка Иеремии (22; 10): «...Не плачьте об умершем и не жалейте о нем; но горько плачьте об отходящем в плен, он уже не возвратится и не увидит родной степи своей».

1.1. Черноморское пиратство: «часть захваченного населения обращали в рабов»

1.1.1. Торговля рабами-черкесами в античные времена

Работоторговля на северо-востоке побережья Черного моря процветала с давних пор. Вывоз рабов из Северного и Восточного Причерноморья был довольно распространенным явлением в античную эпоху. Еще в IV-II вв. до н. э., с установлением торговых связей санигов-гениохов-зихов с Боспорским царством, часть военнопленных и захваченного населения обращали в рабов. Их использовали в хозяйстве, а часть продавали в античные колонии.

1.1.1.1. Саниги-гениохи-садзы: у истоков черноморской работоторговли

Пали отцы наши от меча, а сыновья наши, и дочери наши, и жены наши в плену доньше.

1-я книга Паралипоменон (29;9).

В военном соперничестве на море торжествовали именно горцы – зихи, ахеи, гениохи, – но не флоты династии Спартокидов.

Е.А. Молев (1986).

В работе А.А. Максидова (2003) сделана попытка определить происхождение этнонимов саниги и гениохи, установить их связь с более поздними садзами и зихами, а также оценить роль этих племен в становлении и развитии черноморской работоторговли. Привожу в кратком изложении результаты его исследования.

В адыгской историографии, – отмечает автор, – уже достаточно давно сложилась тенденция к установлению исторической и этнической преемственности «санигов» античности и более поздних «жанеевцев» («жане») средних веков.

Л.И. Лавров связывает последних с областью *Sannia*, фигурирующей на генуэзских картах Черкесии XIV-XV вв. Эта область обозначена в районе современного Туапсе, т. е. немногим севернее расположения санигов античной эпохи. В свою очередь, название *Sannia* связывается Л.И. Лавровым с санигами, в VI в. саниги под именем «сагинов» (что уже ближе к садзам) фигурируют между зихами и абазгами у Прокопия Кесарийского. В итоге выстраивается цепочка сообщений о санигах, начиная с I в. н. э. по XVI в., когда сведения о санигах-жане начинают носить множественный характер: саниги-жане упомянуты у Плиния Старшего (I в.) как саники (*Sanicarum*), как саниги у Арриана (II в.), затем у Псевдо-Арриана и у Стефана Византийского (V в.), в VI в. у Прокопия как сагины; после долгого перерыва саниги вновь упоминаются в грузинском источнике XII в. «История и восхваления венценосцев»; затем близкое к санигам название *Sannia* фигурирует в XIV-XV вв. на генуэзских картах Черкесии. Наконец, народ *Sanna* в Черкесии отмечен на западно-европейских картах XVI в. Любопытно, что этноним «саниг-жане» в источниках XVI-XVIII вв. начинает упоминаться в таких вариантах, которые сближают его не только с названиями санны и саниги, но и гениохи: «*Giana*» (де Лукка, 1629); «Жана» (Челеби, середина XVII в.) и т.д. (Максидов А.А., 2003).

И далее автор подробно останавливается на истории происхождения этнонима «гениохи». Как отмечает историк, этноним «гениохи» переводится с греческого как «возницы» (*гениохос*). Античные историографы считали, что родоначальниками гениохов являлись возницы-гениохи, сопровождавшие героев-диоскуров Кастора и Полидевка. Местом, где развивались события мифа о диоскурах, была Спарта или Лакония. Увязывая миф с вопросом о происхождении названия «гениохи», Страбон (60-20 гг. до н. э.) писал, что страна гениохов была в древности заселена выходцами из Лаконии, предводителями которых были гениохи-возницы диоскуров Река и Афистрат. От них, по мнению Страбона, и получили гениохи свое имя.

Вполне вероятно, что греческие географы осмыслили на свой лад какое-то местное название, превратив его в «гениохи». Возможно, что этноним «гениохи» был лишь искаженной формой этнонима «саниги», который упоминается авторами I–II вв. н. э. и локализуется ими на территории современной Абхазии, – предполагает А.А. Максидов.

Отождествляя этнонимы «саниг» и «гениох», Дж. Кисслинг в то же время полагал, что саниги были наиболее консолидированным племенем в рамках обширной конфедерации гениохийских племен. По его мнению, упомянутый у Арриана и у Псевдо-Арриана *царь санигов Снедаг был объединителем всех гениохов*. О социальной организации санигов-гениохов некоторые сведения оставил Страбон: «Они находятся под властью скептухов (скиптродержцев), которые в свою очередь подчинены тиранам или царям. Так, например, у гениохов было четыре царя, когда Митридат Эвпатор во время бегства из отеческой земли на Боспор проходил через их страну. Она оказалась для него удобопроходимой...». Под этими «царями» подразумеваются вожди, а под «скиптродержцами» – родовые старейшины, объединившиеся в Совет при племенном вожде. Фактически это была феодальная организация общества вассального типа, когда «под управлением князей находились наследственная знать и незнатные, но свободные члены общества, причем и те и другие были обладателями рабов».

Пользуясь схемой Дюмезиля, к которой он пришел на основании изучения социальной организации Скифии и Черкесии, можно сопоставить «царей» или «тиранов» Страбона с князьями исторической Черкесии; скептухов (скиптродержцев) – с «наследственной знатью» (уровень *тлекотлешей* и *деженуго* в исторической Черкесии); а рядовых гениохов-камаритов с незнатными, но свободными членами общества (уровень *тфокотлей*). Нет сомнения в том, что и скептухи, и камариты были уравнены в своем праве иметь рабов и распоряжаться их участью, без чего успешное и длительное функционирование системы пиратства было бы невозможно.

Весьма интересные сведения в связи с вопросом об абхазо-адыгской принадлежности санигов-гениохов, – отмечает А.А. Максидов (2003), – содержит грузинский источник XII в. «История и восхваления венценосцев». Это анонимное сочинение повествует о деятельности грузинских царей Георгия III (1156–1184) и Тамары (1184–1207). Саниги фигурируют в событиях 1191 г., когда Вардан Дадияни, министр двора или старейшина придворных слуг, поднял мятеж против Тамары: «Собрал он всю Сванетию, Абхазию, Саэгро, Гурию, Самокалако, Рачу, Таквери и Аргвети и, присоединив силы *санигов* и *кашагов*, заставил вельмож и воинство страны присягнуть на возведение русского князя (имеется в виду Георгий Боголюбский. – Авт.) на престол и признание его царем». Г.А. Амичба усматривал в этих «санигах» позднейших садзов, что весьма обоснованно в контексте источника. Упоминание рядом с санигами кашагов (касогов), чья принадлежность к адыгам бесспорна, укрепляет нас в мысли об абхазо-адыгской природе этнонима «саниги-гениохи», – завершает свое эссе А.А. Максидов (2003).

1.1.1.2. «Гениохи склонны к убийству и людоедству и ведут разбойничий образ жизни...»

Я могу только ненавидеть рабство. Я ненавижу его по причине чудовищной несправедливости.

А. Линкольн, президент США (1809–1865).

Значение гениохских племен в античном мире определялось, в первую очередь, их пиратством. ...Экспорт рабов способствовал превращению древнего занятия морским разбоем в доходный промысел – охоту за людьми и работорговлю.

А.В. Твердый (2009).

В трудах многих античных авторов (Страбон, Прокопий Кесарийский, Флавий Арриан, Дионисий, Плиний Секунд) рассказывается о том, что в IV–I вв. до н. э. Северо-Восточное Причерноморье было заселено воинственными племенами под собирательным термином «гениохи». Именно на их земле были основаны такие крупные древнегреческие города-колонии, как Фасис, Диоскуриада (совр. Сухуми), Питиунт (совр. Пицунда).

В хозяйстве гениохов, – отмечает А.В. Твердый (2009), – видное место занимало мотыжное земледелие, на которое указывает Страбон, говоря, что «...они живут, обрабатывая скудную почву». Важное место играли скотоводство и охота, о чем тот же автор сообщает: «Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаются звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком». Имели место различные ремесла, которые носили надомный характер: гончарное производство, прядение и ткачество, кузнечное дело, обработка кожи. Но основным «ремеслом» у них была торговля людьми.

Свидетельства античных авторов позволяют определить общественный строй гениохов как военно-демократический. Отдельные племена могли вести друг с другом войны и были вполне самостоятельны в смысле внешних сношений; так, Страбон утверждал, что зиги враждовали с гениохами.

Степень зависимости различных гениохских племен от Понтийского царства постоянно менялась. В 79 г. до н. э. гениохи выступают союзниками Митридата против Рима, и, надо сказать, гениохские племена представляли собой значительную силу, с которой Помпею пришлось считаться (Твердый А.В., 2009).

В греческом мире ахеяне, гениохи, а позже зихи снискали себе довольно дурную славу морских разбойников, промышленявших в Причерноморье захватом и продажей рабов. Несколько слов об ахеях (ахеянах). Это древнее племя, ассимилировавшееся с зихами в III–V вв. Античные источники свидетельствовали: «За страной

Синдской и Горгиппией следует береговая полоса ахеев, зигов и гениохов»; «Ахеяне жили вдоль морского берега на юго-восток (от современного Геленджика), их соседями были гениохи». Н.Г. Волкова предполагает в этом этнониме адыгское *хы* «море» («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 725-726).

Практически все античные авторы приводят довольно-таки нелестные отзывы об облике отдельных гениохских племен. Аристотель (384-322 гг. до н. э.) сообщает, что ахейцы и гениохи «склонны к убийству и людоедству и ведут разбойничий образ жизни». И далее: «Есть много народов, которые склонны убивать людей и съедать, как, например: ахеи, гениохи и др.». В произведениях Сенеки упоминается «...гениох, живущий на крутой скале негостеприимного Кавказа». Дикими и необразованными называет гениохов Помпоний Мела, «свирепых гениохов» упоминает Бальб (Твердый А.В., 2009). Ряд других источников подтверждают, что именно пираты-гениохи были у истоков работорговли на Северо-Восточном берегу Черного моря.

Страбон (60-20 гг. до н. э.) и римский историк Тацит (умер в 120 г. н. э.) писали, что ахеи, зиги (зихи) и их южные соседи – гениохи строили для нападения на проплывающие корабли небольшие узкие и легкие лодки вместимостью до 25-30 чел. Как выясняется, эти суда были сделаны без единого металлического гвоздя. Верхние части их бортов располагались близко друг к другу, а корпус расширялся. Во время штормовой погоды борта наращивались досками, образуя крышу, защищая таким образом судно от захлестывания его волной. Греки называли их «камарами» (от греческого слова *камара* – повозка со сводчатым верхом или сводчатая комната).

Привожу подлинный текст из «Географии» Страбона: «За Синдикой и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов... *Обитатели его живут морским разбоем*, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около 25 чел. и редко могущие принять 30; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность и даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они за неимением стоянок взваливают свои камары на плечи, и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступает время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, *они сами бродят пешком, днем и ночью, с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп*, по отплытии извещая потерпевших. В местности, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей...» («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 95-96).

По мнению современных исследователей, значение гениохских племен в античном мире определялось, в первую очередь, их пиратством. Первоначальной целью их морского разбоя было обеспечение племени необходимыми для жизни товарами. Однако затем постоянное приспособление пиратской практики к нуждам средиземноморского рабовладения привело к тому, что *гениохские пираты в середине III в. до н. э., превратились в рабодобытчиков и работорговцев* и тесно связали себя экономически с Боспором, где и нашли рынок сбыта добычи и корабельные стоянки. «Места у Понта, – сообщал Полибий, – нам доставляют скот и бесспорно самое обильное и самое пригодное множество людей, увозимых в рабство». Так экспорт рабов, вызванный соответствующими потребностями Средиземноморья, способствовал превращению древнего занятия морским разбоем в доходный промысел – охоту за людьми и работорговлю. В обмен на рабов пираты получали различные товары греческого производства, в первую очередь, оружие, посуду, украшения (Твердый А.В., 2009).

В I в. до н. э., с усилением римской экспансии, налаженные каналы работорговли в Причерноморье были временно прерваны. Не находя иных путей для обогащения, гениохи стали нападать на ослабленные прибрежные греческие города.

1.2. «Весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок»: торговля рабами-черкесами в средние века

Зихи под предводительством Артабила на морских судах захватили Трапезунд, убили греческого императора, его сына и 300 подданных и затем двинулись вглубь страны.

Л. Халкондил, византийский историк (1458).

*Так человек, свободный от природы,
На пажитях рабов кровавой чередой
Проходит, не слыхав ни ропота свободы...*

А. Блок (1915).

Е.А. Молев (1986. С. 60) отмечает, что, начиная с античной эпохи, *в военном соперничестве на море торжествовали именно горцы – зихи, ахеи, гениохи – но не флоты династии Спартокидов*. Всю эпоху средневековья, вплоть до нового времени, зихи-черкесы и абазги-абхазы неустанно промышляли морским разбоем (в первую очередь, с целью захвата людей), а временами их объединенные эскадры устраивали мощные рейды на порты турецкой Анатолии. При этом масштабы пиратских нападений были столь значительны, что для защиты от них генуэзцы вынуждены были строить в своих колониях крепости.

Пиратство зигов приводило почти к полному параличу генуэзской торговли в Каффе, а абхазы безраздельно господствовали в водах Мингрелии, Имеретии, Гурии. Последний правитель независимой Абха-

зии Келешбей Чачба имел верфи и очень боеспособный флот и контролировал все побережье Грузии, включая даже османский Батум. Особое значение в торговых и пиратских предприятиях адыгов и абхазов имел Трапезунд. О прибытии туда богато разодетых кашаков (*кашак* – арабский термин для обозначения зихов. – **Авт.**) на своих кораблях в X в. сообщал арабский энциклопедист ал-Масуди. В османский период султаны вменяли пашам Трабзона обязанность противодействовать на море абхамам и черкесам.

Задолго до появления генуэзцев на Черноморском берегу Кавказа здесь уже шла оживленная торговля рабами. Чаще всего «живой товар» поставляли татаро-монголы. В первоначальный период это были военнопленные, которых охотно и с большой выгодой в своей жуткой «коммерции» покупали генуэзские купцы. Надо отметить, что среди рабов-военнопленных было немало адыгов и абхазов (Мальбахов Б.К., 1998).

Как было уже отмечено, прибрежные горцы обладали с незапамятных времен морскими судами, на которых они нападали на торговые и транспортные корабли. В 1290 г. зихи-черкесы захватили около Джубги несколько кораблей греческих и армянских купцов, но экипаж итальянской галеры отнял эти корабли у пиратов. По свидетельству византийского историка Лаоника Халкондила, в 1458 г. зихи под предводительством Артабила на морских судах захватили Трапезунд, убили греческого императора, его сына и 300 подданных и затем двинулись вглубь страны. В 1472 г. черкесы-пираты захватили барку из Каффы (ныне г. Феодосия), которая оценивалась в 50 тыс. аспров (для сравнения: стоимость одной молодой черкешенки – не более 500 аспров). 25 июля 1472 г. черкесы, прибыв на 24-х судах на турецкое побережье, разграбили местность на пространстве в 300 миль, разорили турецкие виноградники, захватили в плен женщин, забрали все имущество и товары. Султан Селим вынужден был выслать 6 галер для охраны побережья Турции от пиратов («История многовекового...», 2007).

О «смелых пиратах»-зихах пишет и историк В.О. Ключевский (1866 г.): «Герберштейн знает черкас (чиркасы или зихи), обитавших в горах за Кубанью (р. Купа), – смелых пиратов, которые по рекам, текущим с этих гор, выезжали в Черное море и грабили купеческие корабли, плывшие из Каффы (Феодосии) в Константинополь и обратно. Эти черкасы не подчинялись ни туркам, ни татарам в России; сказывали Герберштейну, что эти горцы христиане, в религиозных обрядах сходны с греками и отправляют богослужение на славянском языке, который есть вместе и разговорный их язык».

1.2.1. «Позорная страница в истории итальянского присутствия на Северном Кавказе: работорговля, всемерно поощряемая Генуей»

*Смеются лишь боги,
Скорбят лишь рабы.*

И. Минский (1921).

Позорную страницу в истории итальянского присутствия на Северном Кавказе составляет работорговля, всемерно поощряемая Генуей и Каффской администрацией.

«История Кубани...» (2004).

Работорговля, «...эта не совсем приятная страница истории Черкесии, особенно усилилась, по мнению А. Тюркеля (2009), в конце XII – начале XIII в., с нашествием татаро-монголов: господство Золотой Орды открыло возможность для торговли живым товаром. Посредниками в торговле в то время активно выступали генуэзцы, основавшие на Черноморском побережье несколько торговых факторий. Итальянцы (генуэзцы и венецианцы) долгое время прочно удерживали монополию в торговле рабами на Западном Кавказе».

Во второй половине XII в. генуэзским купцам были открыты черноморские порты (договор Генуи и Византии 1170 г.), за исключением Керчи и Тамани. Спустя время и эти порты стали для них доступны. В Крыму была основана первая колония генуэзцев – Каффа. Отсюда начинается планомерная монополизация всей черноморской торговли. Генуэзцы вели с черноморскими адыгами выгодную для них торговлю. При этом «наиболее важным «товаром», более всего интересовавшим генуэзских торговцев, были рабы, которых они поставляли почти на все невольничьи рынки Средиземноморья. Они находили непрерывный спрос на всем Ближнем Востоке, особенно в Египте», – писали современники. Как здесь не вспомнить библейское: «Не суди превратно пришельца и сироту, – помни, что и ты был рабом в Египте» (Второзаконие, 24; 18).

Вот строки из официального документа того времени: «Если сперва итальянцы осуществляли лишь надзор над продажей рабов, то затем выгодность торговли побудила их сначала обложить пошлиной покупаемых рабов, а потом и забрать торговлю рабами в свои руки». Позднее генуэзцы вынуждены были покинуть эти места, но на работорговле это никоим образом не отразилось, и по-прежнему отсюда на турецких фелюгах вывозили товар для невольничьих рынков Востока (Мальбахов Б.К., 1998; Тюркель А., 2009).

Как отмечает А.В. Кушхабиев (2007), с середины XIII в. основными скупщиками кавказских невольников и вербовщиками воинов стали генуэзские купцы. На Черноморском побережье Кавказа от Таны (г. Азов) до Севастополя (г. Сухум) было основано 39 генуэзских колоний, поселений и стоянок, откуда невольников и наемников переправляли в генуэзский центр в Крыму – Каффу, оттуда в Египет. В XIII–XIV вв. между египетскими султанами и правителями Генуи были заключены договора, по условиям кото-

рых египетским агентам позволялось производить в Каффе торг невольниками. Часть рабов переправлялась оттуда в Геную, Венецию и другие города Европы. Среди невольников, вывозившихся из генуэзских колоний на Черноморском побережье, преобладали кавказцы, татары и славяне.

Особенно широкий размах вывоз рабов из Северного Причерноморья и Черкесии в Египет приобрел в середине XIII в. В Каффе даже было учреждено специальное бюро агентов египетского султана по закупке рабов – *Tuggar al-khas*. Во все годы существования генуэзской Каффы (1266-1475) она была тем перевалочным пунктом, через который осуществлялась беспрепятственная доставка пополнения для армии мамлюкского султаната (Текуева М.А., 2007. Вып. V).

Большая часть рабов, продаваемых в Каффе, была кавказского происхождения: черкесы, лезгины, абхазы. Торговали также рабами из числа грузин и русских. Покупали рабов у татар и адыгской знати, захватывавшей пленных в ходе межплеменных усобиц. Осмеливались генуэзцы захватывать в плен и татар, за что те не раз мстили и даже разрушили Каффу в конце XIII в.

Крупнейшими центрами работорговли на Кавказе являлись Каффа, Копя, Тана, Севастополь, причем Каффа сохраняла положение крупнейшего из них в XVI-XVIII вв. Часть невольников оставалась в колониях, но подавляющее их число вывозилось в страны Европы, Византию, Малую Азию, Северную Африку. В Венецию и Геную рабов привозили тысячами, и рынок был всегда полон ими. Преобладали женщины, так как в Италии, в противоположность мусульманским странам, спрос был больше на женщин-рабынь. Египетские султаны пополняли рабами свои войска, гаремы, а в домах знатных европейцев появлялись новые домашние рабы. Поставив работорговлю на широкую ногу, итальянцы извлекали из нее громадные доходы («История Кубани...», 2004).

1.2.1.1. «Татарские феодалы... нашли в итальянских колонистах хороших партнеров по работорговле»

И предам сыновей ваших и дочерей ваших в руки сынов Иуды, и они продадут их Савеем, народу отдаленному. И сынов Иуды и сынов Иерусалима продавали сынам Еллинов, чтобы удалить их от предков их.

Книга пророка Иойля (3; 8).

Татарские феодалы... нашли в итальянских колонистах хороших партнеров по работорговле. Итальянские купцы охотно занимались покупкой у татар рабов-военнопленных среди которых часто оказывались черкесы и черкешенки....

Ж.Б. Тавернье (1677).

В XIII-XV вв. (и много позже) важнейшей статьей вывоза «товара» из Черкесии и Крыма продолжали оставаться рабы – черкесы, татары и русские. По словам историка Р. Фадеева, «...*весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок*». При этом наибольший спрос был на детей 6-12 лет, а также на способных к военной службе молодых людей. С особой охотой генуэзцы покупали красивых черкешенок, которые более всего ценились на невольничьих рынках.

Генуэзские работорговцы, не довольствуясь спекуляциями на побережье, закупали невольников и в горах Северо-Западного Кавказа. Нередко генуэзцы приобретали адыгских невольников не в самой Черкесии, а у татар-золотоордынцев. В XIV в. Восточное Причерноморье называли «берегом рабов». Как отмечает Ж.Б. Тавернье (1677 г.), «...установление в Крыму и на Северном Кавказе с конца XIII в., господства татаро-монголов открыло новые возможности для развертывания здесь торговли «живым товаром». Татарские феодалы, совершавшие постоянные грабительские набеги на своих соседей и уводившие тысячи людей в плен с целью продажи их в рабство, нашли в итальянских колонистах хороших партнеров по работорговле. Итальянские купцы охотно занимались покупкой у татар рабов-военнопленных среди которых часто оказывались черкесы и черкешенки...». Нередко генуэзцы и сами нападали на адыгские селения и захватывали людей в неволю. Эти искатели наживы отнюдь не были «мирными торговцами», они при всяком удобном случае пускали в ход оружие.

1.2.1.2. «Поддерживаемая генуэзскими официальными властями, работорговля на Кавказе приобрела широкий размах»

Ты прогневаешься на них и предашь их врагам, и пленившие их отведут их в неприятельскую землю, далекую или близкую.

3-я Книга Царств (8; 46).

Там стонет человек от рабства и цепей!...

М. Лермонтов (1814-1841).

Генуэзская администрация в Причерноморье поощряла работорговлю, т.к. часть доходов от нее поступала в казну. Крупнейшие невольничьи рынки располагались в Копе (Славянск-на-Кубани), Тане (Азов) и Каффе (Феодосия). Рабов с Северо-Западного Кавказа вывозили в Западную Европу, Малую Азию, на Ближний Восток.

Ежегодно в Геную и Венецию доставлялись несколько тысяч рабов из Причерноморья. Отсюда невольники поступали в Испанию и другие европейские страны. Есть информация, относящаяся к 1262 г., что Египет ежегодно приобретал в одной только Каффе (Феодосии) около 2000 невольников, большинство из которых составляли черкесы. Судя по всему, генуэзские колонизаторы и работорговцы игнорировали предупреждение библейских пророков: «Кто украдет человека и продаст его, то должно предать его смерти» (Исход, 21; 16).

Примечательно, что зачастую сами адыгские князья способствовали вывозу рабов в Египет, используя для этого генуэзские поселения на своих территориях. По сведениям Э. Пилоти, в течение одного 1420 г. султан Каира получил из Каффы 2 тыс. рабов: черкесов, русских, татар. В 1431 г. черкесский мамлюк и египетский султан Барсбей II заключил с администрацией Каффы соглашение, позволяющее его агентам беспошлинно вывозить приобретенных в этом городе невольников. Наверняка, без воздействия на правителя Каффы местных черкесских князей здесь не обошлось («История многовекового...», 2007).

Несколько позже масштабы торговли еще более расширились. М.М. Ковалевский, изучая грамоты XIV-XV вв., относившиеся к истории Италии и Испании, установил уже для этого времени наличие по всему северному побережью Средиземного моря рабов и рабынь черкесского происхождения.

Примечательно, что рабы-черкесы зачастую носили христианские имена, что является свидетельством широкого распространения в это время христианства на Северо-Западном Кавказе. (Очевидно, благочестивые покупатели «живого товара» забыли библейскую заповедь: «Не делайтесь рабами человеков» (1-е послание Коринфянам, 7;23). В частности, в итальянских юридических актах XIII-XV вв. можно встретить следующие имена черкесских рабынь: Каркасия, Ахина, Калюза, Кармозона, Копра, Кристина, Джаркоза, Зихина, а также мальчиков-рабов: Джарказ, Тазий, Мартин, Соголи.

Усилению вывоза рабов из Черкесии способствовали соответствующие договоры, заключенные между основными рабовладельческими государствами. Так, в 1263 г. Египетский Судан получил доступ в Черноморье для покупки рабов. В 1379 г. между Генуей и Египтом был заключен договор, по которому подданные египетского султана могли получать в Каффе рабов «...с обязательством за установленную цену освободить от неволи тех, кто пожелает принять христианство».

Поддерживаемая итальянскими официальными властями, работорговля на Кавказе приобрела широкий размах. Черкесия поставляла для этой торговли высоко ценимый товар – храбрых, хорошо сложенных юношей и красивых девушек. Плененные черкесы и черкешенки продавались в качестве слуг и наложниц в восточные страны. Черкесами пополнялась и армия мамлюков. Турецкий султан имел 4 серали, «...которые пополнялись каждый раз, когда была война, христианскими детьми разного рода, а именно: болгарями, венграми..., а также много албанцев, греков, *черкесов* и русских». Венецианский посол Винченцо, описывая в 1572 г. шахский двор, отмечал, что все невольницы шаха – черкешенки или грузинки, а мать султана Мустафы – черкешенка.

Египет имел своих постоянных представителей в Каффе и в генуэзских колониях, и они скупали там невольников. Только в два египетских порта – Александрию и Дамьетту – ежегодно доставлялось до 2000 рабов, большую часть которых составляли адыги-черкесы («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 113). В Каффу ежедневно (!) приходили два судна египетского султана за невольниками, а *в этот порт невольников-черкесов доставляли сами черкесы*, поскольку итальянцам было запрещено перевозить рабов на своих судах. Из Каффы рабов вывозили не только в Египет, Турцию и Персию, но и в европейские страны. По данным дипломата Лучицкого, в Венецию и Геную рабов привозили тысячами и рынок всегда был полон. Рабами торговали представители самых разных профессий, нотариусы, пекари, мясники и даже портные, т. е. почти каждый колонист-генуэзец или венецианец занимался в Черкесии работорговлей. Судя по всему, они руководствовались следующими библейскими «рекомендациями»: «А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас. Также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью» (Книга Левит, 25; 44-45).

1.2.2. Турция и Крымское ханство – основные потребители «живого товара» из Черкесии

Наиболее мрачный период в развитии этого позорного промысла – работорговли наступает на Земле адыгов с конца XIV – начала XV вв. и особенно с XVI в. – с установлением владычества турецких султанов и укреплением Крымского ханства. О масштабах торговли «живым товаром» свидетельствует следующее замечание Н.Ф. Дубровина (1885): «Вывоз женщин в Турцию производился в таком большом числе, что черкешенкам приписывают улучшение турецкой породы». Об этом же писал Мишель Сапен-Линьер в своей книге «Черкесы» (2008. С. 24): «Потомки черкешенок иногда достигали высокого положения в странах Ближнего Востока, отчего возникала столь заметная разница во внешнем облике сыновей пашей и прочего населения».

1.2.2.1. Крымское ханство – главный поставщик невольников из Черкесии

*Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.*

А. Блок (1915).

*Крымские походы против адыгов диктовались необходимостью приобретения добычи (прежде всего невольников) для себя и турецких султанов. Какие-либо территориальные завоевания на Северном Кавказе в за-
дачи турок-османов, тем более крымских татар, не входили.*

Т.В. Половинкина (2006).

Основным поставщиком «живого товара» из Черкесии в период позднего средневековья было Крымское ханство. В конце XV – начале XVI в. крымские ханы предприняли активную попытку распространить свою власть на адыгов и наложить на них регулярную дань. Крымские походы часто носили репрессивный характер (за отказ от выплаты дани, за нападение на турецкие крепости). Первыми подверглись набегам, по видимому, жанеевцы, жившие вблизи Таманского полуострова. Здесь еще в XVII в. действовали законы шариата и отсюда запрещалось брать невольников. Горные же адыги сохранили свою независимость и не подчинялись ни туркам, ни татарам. Остальная территория адыгов считалась в XVII в. местом военных действий.

Османские султаны всячески поощряли крымские набеги; зачастую сами турки участвовали в них. Последствия вывоза рабов турками были катастрофическими для адыгов, – в результате некоторые племена, например, хагайки, были полностью истреблены. Людские потери, которые несли адыги, не поддаются подсчету.

Выплачиваемая адыгами дань являлась откупным («отступным») за отказ крымских татар от разорительных набегов. В XVII в. источники фиксируют выплату некоторыми адыгами дани («подарка») в виде выдачи 300 мальчиков и девочек, набираемых из рабов, каждому вновь вступавшему на престол крымскому хану. Так, К. Пейсонель (1762 г.) писал: «Черкесы должны быть рассматриваемы скорее как данники, нежели как подданные крымского хана. Некоторые ханы делали страшные усилия, чтобы покорить совершенно эти народы, подчинить их тем же законам, какие существуют в Крыму. Но усилия эти остались безуспешными. Притеснения, которые хан совершал в различные времена, привели (кабардинцев) к решению сделаться сначала независимыми, а потом отдаться русским. При вступлении на престол черкесы платят ему (крымскому хану) дань, которая состояла сперва из 300, а затем – 700 рабов».

В начале XVIII в. были часты отказы адыгов в платеже подобного «подарка», о чем свидетельствует следующий эпизод, подтверждающий непомерные «аппетиты» крымских ханов, в буквальном смысле слова выкачивающих из Черкесии основу генофонда нации – юношей и девушек. Во время наступления войска крымских татар летом 1708 г., пытаясь предотвратить сражение или, по крайней мере, выиграть время, верховный князь Кабарды Кургоко Атажукин вступил в переговоры с крымским ханом. Современник этих событий, османский историк конца XVII – начала XVIII в. Фындыклылы Мехмед Халифе, в своем обстоятельном сочинении «История Селяхдара» так описывает ход этих переговоров:

«Когда крымские ханы назначались, то у черкесских беков было принято набирать 300 чел. ясыря [тур. *esir* – «пленный; раб»] и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Герай (т. е. Каплан-Гирей. – Авт.) не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: «Меньше трех тысяч я не беру». Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае; но только ведь до сих пор в 15-20 лет один хан был сменяем; теперь же каждый год новый хан – чьих же детей мы будем отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесского освящено благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухаммеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение?...». Каплан-Гирей такой ответ показался оскорбительным, и война стала неизбежна («История многовекового...», 2007).

Практически все невольники, захваченные крымскими татарами, затем вывозились в Египет, европейские государства, страны Среднего и Ближнего Востока, в первую очередь, – в Турцию, которая являлась основным потребителем «живого товара». Рабы из Черкесии были наиболее ценным и ходким товаром на рынках Крыма и Турции. Доставленных в Константинополь и другие центры Средиземноморья молодых людей обращали в магометанство, обучали военному искусству и использовали в бесчисленных войнах. Молодых женщин распределяли по гаремам или отдавали в служанки.

1.2.2.2. Черкесия представляла собой «как бы рудник для добывания рабов для турок»

Районы Северного Причерноморья и Северного Кавказа в условиях османского господства были огромной зоной захвата рабов и продажи их на чужбину.

А.Л. Нарочницкий (1978).

Особое место в адыго-турецких торговых отношениях занимала работорговля, которая получила развитие еще с XIII в. и продолжалась почти до второй половины XIX в.

С.Г. Кудяева (2007).

После захвата османами Каффы и генуэзских колоний на Черноморском побережье в 1475 г. основными вербовщиками черкесских воинов и скупщиками невольников на Западном Кавказе стали османские агенты и купцы. Польский офицер Т. Лапинский, находившийся в Западной Черкесии в конце 50-х гг. XIX в., отметил относительно работорговли следующее: «Значительная торговля рабами ведется с Турцией, и большею частью работорговцами-турками, имеющими своих компаньонов в стране; они получают от этой торговли большую выгоду. *Наибольший спрос имеется на детей от 6 до 12 лет и на молодых людей, способных к военной службе, которые покупаются турками для сдачи вместо себя в армию*» (Кушхабиев А.В., 2007).

С конца XV в., после окончательного утверждения турок на северо-восточном берегу Черного моря, работорговля значительно усилилась и получила характер подлинного бедствия для адыгских племен. В качестве иллюстрации приведу лишь один факт нашествия турок в черкесские земли с целью захвата пленных: «25 марта 1479 г. огромное войско Мехмеда II переправилось на черкесский берег по морю, минуя Крым, и обрушилось на мирные города и селения. *Уничтожая все на своем пути, турки расправлялись с защитниками страны, обращали в рабство пленных*, о чем свидетельствует приводимая ниже выдержка из труда Ибн Кемаля: «По приказу государя-завоевателя мира... люди победоносного войска прошли горы... во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В той стране каждый день гордые храбрецы-турки своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно боровшимся против газиев (*гази* – почетный титул у мусульман, который дается особо отличившимся в «священной войне» – газавате. – Авт.); изрубив на куски... тех нечестивцев, бросали их на съедание воронам; опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне. *В каждом селении страны черкесов пленили по 50-100... красавиц, обратили в рабство множество пленников...*» («История многовекового...», 2007).

Даже в 30-х гг. XIX в. побывавший в Черкесии Ф. Торнау отмечал, что так называемой «взаимовыгодной» торговли Турции с Черкесией не было: «Турки, доставлявшие горцам разный мелкий товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков, а местные феодалы шли на это». Турция всячески поощряла и развивала эту форму «торговли», беспощадно эксплуатируя рабов-черкесов. В этом грязном «бизнесе» принимали участие, как писал А. Бутенев (1839), даже «высшие турецкие сановники». Известны имена таких работорговцев, как Измаил-паша, Шекер-Ильмдар, Хаджи-Абдулах. С 30-х гг. XIX в., а особенно с начала массовой эмиграции адыгов в Турцию, масштабы вывоза невольников из Черкесии еще более возросли.

По мнению некоторых авторов, торговля рабами «...много способствовала установлению родственных связей кавказских горцев со знатными турками, гаремы которых наполнялись красивыми черкешенками. Взамен невольников турки доставляли горцам разные товары и, вместе с тем, восстанавливали их против русских, противодействуя таким образом мероприятиям России, направленным на покорение Кавказа» (Потто В.А., 1896).

Сохранилось донесение венецианского посла Лоренцо Бернардо (1592 г.), в котором говорится, что Турция граничит с адыгами и менгрелами, которые «...представляли собой как бы рудник для добывания рабов для турок потому, что они занимаются тем, что промышляют там рабами, которых везут наподобие скота в Константинополь и продают».

Несмотря на то, что еще в 1858 г. в пределах Турции работорговля была официально запрещена, само рабство не было отменено. Автор книги «Народы Турции», хорошо знавшая турецкое общество 60-70 гг. XIX в., писала: «Невольничество в Турции в настоящее время ограничивается преимущественно одним полом. Мужчины-невольники, за исключением евнухов, попадают довольно редко. Но невольничество для женщин составляет необходимую принадлежность гаремной системы, существующей в Турции. В гареме султана живет от 1000 до 1500 женщин из тех грузов невольниц, которые ежегодно привозятся в Турцию из Кавказа, Грузии, невзирая на то, что торг невольниками запрещен». Н.Ф. Дубровин (1885) в связи с этим писал, что «гаремы пополнялись черкешенками, торговля которыми, с основанием турками крепостей Анапа и Сухума, еще более усилилась».

Нередки были случаи, когда вчерашние невольники, зачисленные в османскую армию, отличались на службе и добивались высоких постов. Удачно устроившиеся кавказские наемники и невольники способствовали переселению в Османскую империю своих родственников. По данным Т. Лапинского, численность черкесов, проживавших в Османской империи в середине XIX в. (до начала массового переселения адыгов), составляла приблизительно 50 тыс. чел. обоего пола. При этом значительная часть их обладала хорошим состоянием (Кушхабиев А.В., 2007).

Вольноотпущенные рабы на родину возвращались редко. В Египте из них формировалась привилегированная часть общества – мамлюки. В самой Генуе и других итальянских центрах они, будучи уже католиками, формировали по этническому принципу замкнутые общины. Потомки абхазов и черкесов, тысячами вывозившихся через рынки Севастополя и других приморских факторий, и сегодня живут во всех районах Средиземноморья. За прошедшие века они утратили свой этнический облик и кавказское самосознание, слились с другими народами.

1.2.3. «И сами черкесские феодалы занимались продажей своих соплеменников иноземным купцам»

Мы должны отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабы, и некоторые их дочерей наших уже находятся в порабощении.

Книга Неемии (5; 5).

Нельзя не отметить тот факт, что зачастую в «амплуа» работоторговцев выступали и сами адыги, продавая в неволю своих соплеменников. С одной стороны, горцев «подталкивала» к этому необходимость, связанная с отсутствием у них денежного обращения. Как писал Н. Дубровин (1871), «...черкесы не знали употребления монеты и денег у них не было до последнего времени. Взамен наличной платы часто отдавали детей обоого пола, рожденных в рабстве».

Много раньше, в XVII в., об этом сообщал и Николас Витсен (1641-1717): «Земля черкесов лежит у самых гор. ...Денег там нет, они ведут меновую торговлю рабами, воском и мехами. Продают своих земляков туркам». Или еще: «Если соседи враждуют и ссорятся, спор улаживается вождем деревни или князем, которых там собирается несколько, если это важное дело. Виновного продают (в рабство), чтобы удалить его из страны во избежание беды. Самые знатные среди них не обрабатывают землю, но стараются набрать небольшую группу людей и ночью грабят, угоняют скот и похищают людей как у друзей, так и у врагов, ибо воровство – врожденное свойство этого народа» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

О том, что «значительная доля ответственности за развитие работоторговли лежала, несомненно, на черкесской знати, активно участвовавшей в набегах на своих же соседей-черкесов», сообщают и более поздние источники («История Кубани...», 2004).

1.2.3.1. «На цене рабов сказывались три фактора: этническое происхождение, пол и возраст...»

Черкесские рабы ценятся гораздо дороже других за красоту и способность в делах, для которых их употребляют, так как от природы они очень умны.

Джовани де Лукка (1629).

Турки из всех дороже ставят черкасских невольников, или черкасов, потом абацанов (абазины и абхазы), за ними – мингрельцов, грузинов, россиян и поляков; наконец, венгерцев и германцев.

В. Франсуа (1803).

...Несколько слов о стоимости этого, если можно так сказать, «живого товара» в период генуэзской колонизации. На цене рабов сказывались три фактора: этническое происхождение, пол и возраст; меньшее значение имели физические достоинства, цвет кожи, профессиональные навыки. Женщины всегда стоили дороже мужчин. Самую низкую цену давали за мужчин старше 30 лет, считавшихся уже непригодными ни к чему «изможденными» стариками.

В генуэзских архивах XIII в. сохранилось много нотариальных актов, относящихся к работоторговле на Западном Кавказе. Рабы – черкесы и черкешенки в возрасте от 10 до 15 лет стоили от 230 до 750 аспров (мелкая серебряная монета). Генуэзская администрация была явно заинтересована в расширении торговли рабами. Так, консул Копы (ныне – Славянск-на-Кубани) мог получать за каждого вывозимого оттуда невольника по 6 аспров. Учитывая тот факт, что консул, не получая жалованья, жил доходами лишь от пошлин и штрафов, можно предположить, с каким рвением чиновник поощрял «пленопродавство». Консул Каффы, контролировавший работоторговлю в городе, также наполнял не только местную казну, но и свой карман («История Кубани...», 2004).

Более подробно вопрос о стоимости рабов, как предмете международной торговли, освещают историки Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко (2007. Вып. V). Они обращают внимание на то, что цены на невольников не были точно установлены. В каждом конкретном случае учитывались внешность, телосложение, возраст и различные занятия, для которых предназначали невольников. Бесспорно, что генуэзцы вывозили из своих черноморских колоний большое количество рабов мужского пола и еще больше женского. Это были главным образом татары, черкесы и русские. Из невольничьих рынков Черного моря следует отметить Каффу, Тану, Севастополь и Копу.

И далее Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко приводят интереснейшие сведения о том, как различалась стоимость рабов в зависимости от их национальной принадлежности. Так, российский дипломат Лучицкий, изучавший итальянские монографии о работорговле, писал: «Дешевле всего (в Италии) татары и татарки. Их покупали за 139 лир в Венеции в 1361 г.». Дороже всех стоили русские женщины. Так, в 1429 г. 17-летняя русская девушка была приобретена за максимально высокую цену — 2093 лиры (между тем как за целую татарскую семью, состоявшую из мужа, жены и трех детей, заплачено 2738 лир).

Следующими по цене были черкешенки. Цены на них колебались между 842 и 1459 лирами. «В Лукке в XIV в., — продолжает тот же автор, — за черкешенок платили от 2000 до 2400 лир. Средняя цена в конце столетия стояла не ниже 1600 лир. За одну черкешенку в 1431 г. был уплачен 71 золотой дукат». Это же подтверждает итальянский миссионер начала XVII в. да-Лукка, проживший в Черкесии 5 лет и оставивший нам одно из самых ценных описаний страны (Зевакин Е.С., Пенчко Н.А., 2007. Вып. V). При этом средний возраст продаваемых рабов в Каффе составлял для мужского пола 11 лет, женщин 15 с половиной лет.

Примечательно, что соотношение проданных в Каффе рабов из Восточного Причерноморья в конце XIV в. составляло: на 4 зиха (черкеса) приходилось 2 грузина и 1 абхазец. А в середине XV в. количество рабов-абхазов сравнялось с зихами (черкесами) и татарами и уступало лишь русскому контингенту.

А вот свидетельство, относящееся к XVIII в. Как отмечал К. Пейсонель (1762), «...торговля рабами в Крыму очень обширна; порабощаемые принадлежат к четырем различным национальностям: черкесской, грузинской, калмыцкой и абхазской. Требуются больше всего черкесы. Женщины этой страны (Черкесии) самые красивые и пленительные из всех, какие только могут быть в мире. Грузины составляют второй класс рабов; женщины их красивы, но толсты и не грациозны. Они не обладают такою деликатностью, какая свойственна черкешенкам. Мужчины крепки и здоровы. Турецкие султаны некогда брали в жены как грузинок, так и черкешенок, предпочитая последних...»

Они (черкесы) платят дань татарскому хану определенным числом рабов, которых этот властелин посылает в Константинополь султану и офицерам Порты. Ценность (рабов) колеблется от 60 до 5000-6000 пиастров. Нужно заметить, что христианам и евреям запрещено покупать рабов черкесов и абхазов, потому что они считаются магометанами». О том, что турки и крымские татары отдавали явное предпочтение рабам из Черкесии, сообщал в начале XIX столетия и В. Франсуа, книгу которого перед своим походом в Египет читал Наполеон: «Турки из всех дороже ставят черкасских невольников, или черкасов, потом абацанов (абазин и абхазы), за ними — мингрельцов, грузинов, россиян и поляков; наконец, венгерцов и германцов».

Дополняет эту информацию Б.К. Мальбахов (1998). «Живым товаром», — пишет он, — в основном являлись адыги и абхазы. Рабы черкесского происхождения составляли одну из самых многочисленных групп, в особенности — рабыни-черкешенки. Молдавский ученый и дипломат Дмитрий Кантемир (1673-1723) писал: «Турки более всего ценят в черкесах красоту; невольники из этой нации ценятся дороже всех других. Их девушки прекраснее всех прочих и сложены очень пропорционально; они обладают наивысшими духовными качествами, будучи умеренными в потребностях и способными к просвещению; эти юные существа имеют репутацию очень живых духом и никому не уступают в сноровке и искусстве рукоделия. В Египте черкесы и абазы (абхазы) стоят в два раза дороже, так как только они имеют привилегию наследовать права и имущество своих господ, которые получают по их смерти, имея предпочтение перед законными детьми. Этот обычай противоречит заветам Корана и в то же время он разрешен...» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 81).

По словам Ф. Торнау, «...в 3-4 рейса работорговец-турок, при некотором счастье, делался богатым человеком и мог спокойно доживать свой век...». Эту же мысль высказывал дипломат А. Бутенов, сообщавший, что от торговли рабами османский купец «...часто получает 100 на 100 чистого барыша и почти даром продовольствует себя и свою семью». С увеличением риска (в связи с усилением борьбы России против работорговли) доходы контрабандистов еще более увеличились. По утверждению самих работорговцев, даже в случае потери 9 судов из 10 с рабами, последнее судно окупает всю потерю. Торговцы невольниками, — писал Т. Лапинский, получают обыкновенно втрое, вчетверо, иногда даже в 10 раз более выгоды.

1.2.3.2. «Рабство у адыгов в то время носило «домашний» характер...»

Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому народу.

Второзаконие (28; 32).

Постоянные набеги на соседние племена своих же собратьев-черкесов, ставшие обычным явлением в повседневной жизни горцев, позволяли брать пленных, которых либо использовали как рабов в собственном хозяйстве, либо продавали.

А. Тюркель (2009).

Авторы, описывавшие быт черкесов в конце XVIII — начале XIX вв., отмечали, что рабство у адыгов в то время носило «домашний» характер. Адатом, нормами обычного права определялось право всех свобод-

ных адыгов как на землю и крепостных, так и на рабов. Кстати, тем же адатом было предусмотрено: кто убивал раба, тот не подлежал мщению со стороны хозяина, а уплачивал стоимость убитого. Интересно, что подобный «стоимостный» подход к смерти раба был еще у ветхозаветных иудеев: «Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить 30 сиклей серебра, а вола побить камнями» (Исход, 21;32).

По существу, домашними рабами являлись унауты, наиболее низшая категория зависимого населения у адыгов. Труд унаутов использовался в домашнем хозяйстве тех, кто ими владел. Поэтому не случайно, как писал К. Пейсонель (1762), «...дети рабов, и нередко собственные, заменяли у черкесов деньги, в особенности у племен, живших на берегу Черного моря. Там все товары оценивались нередко числом мальчиков или девочек, передаваемых преимущественно туркам».

В мемуарной литературе отмечены случаи продажи в рабство родителями своих детей, в основном – за совершение какого-либо тяжелого проступка. Брат имел право продать свою сестру. Муж продавал свою жену, если она была уличена в прелюбодеянии. По данным некоторых авторов, пополнение контингента «живого товара» происходило также за счет преступников, обращенных в рабство по приговору суда. Рабами становились и некоторые горцы, проданные за долги. Зависимых крестьян обращали в рабов за сопротивлением своим хозяевам и т.д.

В середине XIX в. отмечается усиление османской торговли рабами-черкесами. На этот раз пополнение «живого товара» шло за счет переселенцев-махаджиров. При их перевозке в Турцию османские контрабандисты требовали высокой платы за перевоз. При отсутствии денег и ценностей горцы вынуждены были расплачиваться людьми, которые становились рабами. По сообщениям тех лет, *«мальчики и девочки служили искупительной жертвой для своих соотечественников; на них бросали жребий, и за провоз 30 пассажиров обыкновенно брали одного невольника или одну невольницу»*.

А вот эпизод о пребывании черкесов-переселенцев в «земле обетованной», куда они так стремились – в Турцию. Дочь английского консула так описывала один из «лагерей смерти» на турецком берегу: «Истощенные страданиями своего долгого морского путешествия, покрытые насекомыми и почти умирающие с голоду, они расположились лагерем прямо на земле, еще не просохшей, так как в то время была ранняя весна. Весь этот жалкий люд лежал, скучившись, больные валялись рядом с умершими, живые как тени бродили среди них. Кучки мужчин и женщин обступили нас, *ведя за руку своих детей и предлагая купить их всякому, кто пожелает. Несчастные маленькие создания сами, по-видимому, желали, чтобы их разлучили с родителями, лишь бы дали им кров и пищу»*. Об этом сообщал и корреспондент газеты «Кавказ» (1861): «Многие погибли там жертвою голода и климата и вообще все разорились... Многие переселенцы продавали в Константинополе своих детей на покупку хлеба». И таких свидетельств – десятки, если не больше...

1.2.3.3. «Черкесские беи и племена находятся в постоянной вражде между собою и, с целью захвата рабов, производят набеги...»

Знатные черкесы нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем обменивают или продают. Большая часть забранного таким образом народа продается в невольничество в Каир...

Дж. Интериано (1501)

Поставщиками рабов были прежде всего сами черкесские феодалы, которые продавали своих пленных и рабов.

Е.С. Зевакин, Н.А. Пенчко (2007. Вып. V).

Важнейшими источниками рабства и вывоза невольников из Черкесии являлись, наряду с нашествием турок и крымских ханов, также «межплеменные» набеги – своеобразные *междоусобные войны*. Людей, захваченных в плен во время войны между племенами, обращали в рабов и продавали. Кстати, зачастую в рабство горцы продавали и русских пленных.

В этих набегах и торговле невольниками участвовали главным образом представители княжеской знати, уорки. Как писал М. Ечерух, *«...из самых лучших черкесских фамилий создавались легионы продажных душ, которые железным кольцом окружали своих земляков и предавали их за лишнюю лиру»*. Именно феодалы Адыгеи являлись главными партнерами турецких работорговцев. Генерал И. Анреп, командовавший русскими войсками на Черноморском побережье, писал: «Конечно, в торговле невольниками могли участвовать только дворяне и немногие простолюдины, имевшие своих крестьян».

Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко (2007. Вып. V) также отмечают, что *«...поставщиками рабов были прежде всего сами черкесские феодалы, которые продавали своих пленных и рабов*. Дети пленных, если они были красивы и хорошо сложены, тоже продавались; они-то и составляли основной источник работорговли. Татары точно так же поступали со своими пленными, среди которых были и черкесы; они привозили в Тану, Каффу и другие пункты пленных, захваченных во время набегов на кавказские земли. Но генуэзцы не ограничивались тем, что им предлагали, а захватывали рабов сами.

Работоторговля придавала своеобразный колорит развитию местного черкесского общества. В рабство продавались, как было отмечено выше, главным образом молодые, наиболее сильные и красивые люди. Выручка от продажи рабов шла на обогащение местной знати, по своей алчности и безнравственности мало отличавшихся от своих европейских партнеров.

Об «аппетитах» крымских ханов, регулярно вывозивших молодых рабов из Черкесии в конце XVII – начале XVIII вв., сообщает Ферран, французский врач крымского хана, побывавший на Северо-Западном Кавказе в 1709 г.: «Страна Черкесии, которую мы проходили, заключает в себе высокие горы и глубокие долины, осеняемые множеством огромных деревьев. Главное место здесь – округ Кабарда. Отсюда крымский хан приобретает великое количество невольников. Всей областью управляет бей, зависящий от хана и имеющий под своей властью многих владельцев; они обязаны ежегодно платить хану дань, состоящую из 300 невольников – 200 молодых девушек и 100 юношей не старше 20 лет. Часто бей для поощрения отцов и матерей отдает хану своих собственных детей. Когда между черкесскими бейми возникает вражда, они просят хана прислать какого-нибудь агу (правитель, господин. – **Авт.**), а часто и принца, для разбирательства ссоры. Такие комиссары никогда не возвращаются с пустыми руками, их одаривают всегда лучшими подарками и рабами. Вообще в Черкесии торгуют мужчинами и женщинами, как обычным товаром» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 76).

Печально складывалась судьба многих захваченных в плен людей. Однажды в 1822 г. 113 чел. оказались в неволе у кабардинцев. И большинству из них «...пришлось навеки исчезнуть и сгинуть на малоазиатских рабовладельческих рынках, в гаремах разных стран и на тяжелых работах». Князь Бекович-Черкасский докладывал: «Похищая и разоряя Российские селения, на Кавказской линии лежащие, они (сами кабардинцы) продавали туркам жен, детей и взамен от них получали нужные вещи, в особенности же важнейшие для них свинец и порох...».

Л. Люлье (1862) отмечает, что именно греческая колонизация Восточного Причерноморья сыграла определяющую роль в развитии работоторговли в Черкесии, в том числе предпринимаемой самими черкесскими князьями: «Надобно отнести к грекам начало зла, до сих пор не иссякшее – торг невольниками. Горцы, по бедности своей, не имели ничего для меня с пришельцами, и поэтому почитали себя счастливыми, что подобным товаром могли приобретать у греков богатства. *Неизбежным последствием этого было водворение обычая набегов зихов и генихов на соседние племена с тем, чтобы захваченных врасплох продавать в неволю грекам* – обычай, которого между племенами Кавказскими не мог до сих пор (1862 г.) искоренить длинный ряд веков прошедших».

Об условиях, способствующих работоторговле в Верхней Черкесии, рассказывает автор начала XV в. Иоанн Галонифонтибус: «Город и порт Тана находится в этой же стране, в Верхней Черкесии, в низовьях р. Дон, которая отделяет Европу от Азии. Подверженные частым войнам, эти области почти не заселены. Из-за выкупов господ ежедневно продают своих слуг; кроме того, даже родители продают своих детей, и в конце концов страна была разорена Тимурленгом (Тимур. – **Авт.**), а ее жители пленены. Вследствие отсутствия золота и серебра – а их требует правитель – народ вместо них отдает ему своих сыновей и жен, и он сразу же продает их работоторговцу. ...В этой стране много христиан, а именно: греки, разные армяне, *зихи*, готы, таты, валахи, русские, *черкесы*, леки, ясы, аланы, авары, казикумухи, и почти все они говорят на татарском языке. Они большие мошенники и воры. *Одно село нападает на другое в открытую, похищает детей и мужчин, хотя они могут делать это тайно, если захотят, и затем тут же, на берегу моря, они продают захваченных работоторговцам*. Как татары занимаются продажей членов собственной семьи, так и этот бедный черкесский народ творит то же самое. Султан Каира был обращен в рабство и увезен в Египет в наше время, и когда случилась смерть другого султана, он сам стал султаном, и нынешний султан является его сыном. [Судя по всему, Иоанн имеет в виду султана Египта черкеса Баркука (годы правления 1382–1399. – **Авт.**)]. Я видел их обоих – и самого сына, и родителей, которым он наследовал» (Галонифонтибус Иоанн, 2010).

Другие источники подтверждают, что зачастую «...и сами адыгские феодалы также занимались продажей своих соплеменников иноземным купцам». Для получения «живого товара» племенные «царьки» организовывали грабительские набеги, являющиеся их основным занятием. По словам Дж. Интериано (1501), «...знатные черкесы нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем обменивают или продают. Большая часть забранного таким образом народа продается в невольничество в Каир, и случается, что судьба преобразует их из ничтожных, какими они были, в самых могущественных людей нашего времени, каковы султаны, эмиры и т.п.». *Нередко отцы многодетных семей, попав в крайне тяжелые обстоятельства (неурожай, голод, болезни) вынуждены были продавать своих детей*. Феодалные набеги разжигали межплеменную рознь, создавали состояние хаоса в стране. Они наносили серьезный ущерб развитию производительных сил, значительно сокращая население.

Несомненный интерес представляет и свидетельство Пейсонеля (1762), побывавшего во второй половине XVIII в. в Черкесии, о роли местных князей в торговле рабами – своими соплеменниками: «Черкесские бей и племена находятся в постоянной вражде между собою и, с целью захвата рабов, производят набеги, причем все захваченное считается законной добычей и не требуется назад. Но, *если нападающий имел несчастье быть пойманным, все люди, находившиеся с ним, становятся рабами*. Не удерживается один только бей, и подвергшийся нападению довольствуется тем лишь, что, отпуская захваченного бая, отрезывает предварительно уши и хвост его лошади. Это единственное мщение, допускаемое в подобных случаях. Сыновья беев не

изъяты от рабства; раз они были захвачены и проданы, то они уже утрачивают права дворянства и не могут быть более беями. Но, если, получив свободу, они снова возвращаются к себе, в таком случае делаются сипагами и не должны считаться дворянами. Беи продают своих дочерей, если они уличены будут в каком бы то ни было поступке, противном стыдливости; точно так же продают они и своих сыновей, когда те совершат какое-либо тяжкое преступление, признанное заслуживающим подобного наказания» (Пейсонель К., 1927. С. 19-20).

1.2.3.4. «Черкесские князья и уздени не брезговали хищениями девушек и детей у своих же единоплеменников»

Черкесские князья и уздени не брезговали хищениями девушек и детей у своих же единоплеменников, раз они были отделены какою-либо границей от их владений. Ловкие наездники часто не щадили даже своих соседей.

Ф.А.Щербина (1916. С. 60-61).

Дополняет неприглядные факты продажи в рабство своих же соотечественников Ф.А. Щербина (1916): «То были мрачные, изуверские времена. Кровавыми ужасами, безвременною гибелью людей и повальным разорением сопровождалась тогда войны. Попрана и принижена была до последней степени человеческая личность обращением пленников и пленниц в живой товар. Но трудно сказать, что было хуже и безотраднее – истребление ли людей войнами, или же обращение их в рабов тем же путем.

Добывали ясырей (рабов) и поставляли их на рынок двумя способами – при помощи войн и разбоями. Война давала победителям пленников и пленниц, а грабежи и разбои – просто добычу, которую чаще всего продавали куда-нибудь подальше, чтобы замести следы хищения. Черкесам были знакомы оба способа. Но при войнах с русскими черкесам приходилось возвращать часть русских пленных взамен своих, а часть сами русские выкупали. Для торговли оставалось немного, и на рынок некого было поставлять. Черкесские набеги не походили в этом отношении на набеги татар на южные окраины России, откуда уводились тысячами ясыри. Грабежи же и разбои давали черкесам такого рода добычу, которая в большинстве случаев шла на невольничий рынок.

Черкесские князья и уздени не брезговали хищениями девушек и детей у своих же единоплеменников, раз они были отделены какою-либо границей от их владений. Ловкие наездники часто не щадили даже своих соседей. Это был любимый промысел у джигитов. И в продажу чаще всего поступал добытый этим путем товар. Еще возмутительнее были случаи продажи родителями собственных детей. Чаще всего продавали резвых мальчиков и красивых девочек, как наиболее ценный товар. Родители, говорят, утешали себя тем, что, быть может, их девочки попадут в гарем если не самого турецкого султана, то важного паши и будут счастливы, а из мальчиков выйдут знатные сановники.

Ведь, как известно, из числа черкесских пленников двое – Баркок и Али-бей, достигли в Египте верховной власти. Первый, родом черкес, основал в 1382 г. династию мамелюков, а второй, родившийся в Абхазии в 1728 г., обладал Египтом во второй половине XVIII столетия. Такими малосбыточными надеждами успокаивали свою совесть бессердечные родители. Но достоверно было одно, что при крайней бедности и даже нищете черкесов их детям, быть может, жилось дома хуже, чем в неволе в чужой стороне» (Щербина Ф.А., 1916. С. 61-62).

1.2.3.5. «Для захвата людей в неволю адыгские феодалы активно занимались на Черном море пиратством».

Ибо проданы мы, я и народ мой, на истребление, убийство и гибель.

Книга Есфирь (7; 4).

Кому вы отдаете себя в рабы для послушания, – того вы и рабы.

Послание к римлянам (6;16).

Черкесские мореходы весь период Кавказской войны, прорывая блокаду российского черноморского флота и временами вступая в открытые столкновения с русскими кораблями, обеспечивали устойчивое сообщение Черкесии с главнейшими портами Анатолии и со Стамбулом.

Помимо военного, эти суда имели крайне важное хозяйственное, торговое предназначение. Они позволяли вести самостоятельную торговлю с Турцией, а до Турции и с Генуей, всем общинам Натухая, Жанетии, Шапсугии, Убыхии, Джигетии. Со всех мелких гаваней побережья товары доставлялись в Суджук-Кале, Анапу или Сухум, где подолгу на рейдах стояли и загружались крупные османские и европейские корабли (Пейсонель К., 1927; Клинген И.Н., 2005. С. 17).

Шли века, но пиратский промысел с целью захвата рабов в Черкесии не прекращался и сохранился практически до конца XVIII – середины XIX в. Как отмечают источники, «...для захвата людей в неволю адыгские феодалы активно занимались на Черном море пиратством». Прибрежные горцы владели собственными судами – «галерами», вмещавшими до 60-70 чел., на которых они нападали на торговые, транспортные (а иногда и военные) корабли и захватывали людей в рабство.

С конца XVIII в., вывоз рабов с Северо-Западного Кавказа достиг катастрофических размеров. Горская знать, игравшая главную роль в продаже рабов иностранным купцам, наживала на этом значительные богатства. Именно баснословные барыши от торговли «живым товаром» были одной из причин сохранения работорговли в Черкесии вплоть до 60-х гг. XIX в.

В 30-х гг. XIX в. был известен горец-пират Гассан-бей, имевший тесные связи с турками. *Многие лица из числа феодалов закупали невольников внутри Черкесии и перепродавали их потом купцам*, занимаясь своеобразной спекуляцией. Иногда феодалы сами ездили в Турцию, чтобы там с большой выгодой продать невольников.

1.2.3.6. «Адыгские торговцы и турецкие контрабандисты вывозят из Черкесии ежегодно до 4000 невольников и невольниц»

Главную роль в вывозе рабов черкесов играла горская знать, сбывавшая их приезжим иностранным купцам.

К. Главани (1724)

Работорговля являлась для адыгейских феодалов и богатых тфокотлей таким источником, который обогащал их не менее, чем присвоение продуктов труда подвластных им крепостных крестьян.

Р.А. Фадеев (1889).

Многочисленные источники подтверждают, что более всего в работорговле были заинтересованы сами адыгские феодалы, которые были основными поставщиками «живого товара» на рынки Османской империи. По словам Р. Фадеева, адыгская знать «...считала более выгодным сбыт рабов за море, чем непосредственную эксплуатацию их в своем хозяйстве. Работорговля являлась для адыгейских феодалов и богатых тфокотлей таким источником, который обогащал их не менее, чем присвоение продуктов труда подвластных им крепостных крестьян».

Среди работорговцев Черкесии наиболее известными были: Али Букк, Гайдар Ибрагим, Агвай Хаджи, Агвай-Тагир, Борул Ибрагим, Хаджи Бегеней (Бегленей), Ирил Оглу Ахмет, Карма Идрис, Карма Мустафа, Неглу Энох, Кимки Осман, Саид Вели и Иранек Измаил. В рапорте майора Винникова генералу Вагнеру сообщались сведения о торговле рабами горцев Хадко Селима и Гоген-Умера. Вывозом невольников занимались также горцы Дыз-Аслангер-Хва-Трапизон и Али-бей. В 30-х гг. XIX в., широко был известен своими разбойничьими нападениями с целью захвата рабов шапсуг Дунахай.

В обзоре политического положения Черкесии (июль 1837 г.) говорится, что около 370 семейств, вышедших три года назад из разных мест Кабарды и Адыгеи, были поселены на Черноморском побережье Анатолийской Турции (Трапезунд, Самсун, Синоп), где они занимались земледелием и торговлей с Кавказом. Их феодалы ежегодно бывали в Черкесии и вывозили оттуда невольников для продажи в Турцию. Так, по данным П.У. Аутлева, относящимся к 1837 г., «...добровольно переселившиеся в Турцию адыгские торговцы и турецкие контрабандисты вывозят из Черкесии ежегодно до 4000 невольников и невольниц». В частности сохранились документы, свидетельствующие о том, что крупный натухайский работорговец Хатавжука-Необате отвез в марте 1839 г. в Турцию на продажу 27 черкешенок. Иногда и рабы, и работорговцы тонули в море. Так, в феврале 1839 г. погиб на утонувшем судне османский купец Сулейман с 16 молодыми рабынями, а всего на судне было 150 чел.

Не только силой, но и хитростью завлекали дворяне свои жертвы в расставленные ими сети. Так, шапсугский дворянин Анцок в 40-х гг. XIX в. выманивал обманом юношей-сирот из аулов в рабство. Современники оставили нам рассказы о нападениях на детей и похищении их торговцами «живым товаром». Так, в 1853 г., абадзех Хагучь Начь похитил из аула бжедугского князя Аледжука Ахеджакова мальчика «из фамилии Кат» и продал его абадзехскому дворянину Муссе Ахматуко. Но не дождавшись уплаты долга, Начь похитил сына Ахматуко – Сельмена и продал его. В том же 1853 г., абадзех Агиш Худиж выманил из селения крестьянина Хота Гуссейна и продал за 150 рублей турецкому купцу Мамету.

Обращает на себя внимание тот факт, что адыгские феодалы совершали набеги для захвата людей в рабство и на русскую территорию, а также на Западную Грузию. Больше всего известны были хищением людей на Западном Кавказе прибрежные жители – убыхи, часто совершавшие набеги на Абхазию.

Источники свидетельствуют, что убыхи наиболее активно занимались этим позорным промыслом. Начальник Главного штаба Кавказской армии генерал Д. Милютин в письме от 7 января 1852 г., заявлял, что «...убыхи не имеют почти никаких предметов сбыта, кроме невольников». А начальник войск в Абхазии генерал М. Лорис-Меликов писал: «У редкого из них (убыхов) нет сестры, либо дочери, проданной в Турцию; многие из этих невольниц сделались женами тамошних сановников». Т. Лапинский в 60-х гг. XIX в., также отмечал, что «Убыхия ведет самый широкий торг невольниками с Турцией». (Интересно, что среди убыхских рабов очевидцы встречали даже негров).

1.3. Англия и Франция – «конкуренты» Турции в торговле рабами-черкесами

Ибо кто кем побежден, – тот тому и раб.

2-е послание Петра (2; 19).

Весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок.

Р.А. Фадеев, генерал (1890).

Освещение данной темы, столь тяжелой для адыгов, было бы не полным, если не упомянуть тот неприглядный факт, что к торговле людьми были причастны и «цивилизованные» Англия и Франция. Ведя борьбу с Россией за господство в Черкесии и поддерживая контрабандную торговлю турок на северо-восточном побережье Черного моря, они способствовали вывозу черкесских невольников и невольниц. Английский эмиссар в Черкесии Дж. Белл (1837), по сути, оправдывал работорговлю, утверждая, что, дескать, сами черкешенки мечтают быть проданными в Стамбул. На факт возобновления работорговли во время господства англичан в этом районе обратил внимание и епископ Оксфордский в Великобритании.

Как отмечал генерал Н. Раевский (1839 г.), «...компания английских купцов в Трапезунде участвует или, по крайней мере, покровительствует сей торговле, как выгодному сбыту своих товаров». О «контрабандировании» на сухумских берегах живым товаром судами морской державы – Англии писал и В. Савинов. А в период Крымской войны (1853-1856 гг.), когда войска Турции и ее союзников заняли Черноморское побережье Кавказа, англо-французские оккупанты беспрепятственно вели работорговлю.

Начальник Главного штаба Кавказской армии генерал Д.А. Милютин писал в феврале 1858 г., что садзские (джигетские) работорговцы под видом поездки в Мекку с семьями на английских кораблях «вывозили в Турцию женщин и детей на продажу». Александр Дюма, бывший на Кавказе в 1858-1859 гг., в своей книге «Путешествие по Кавказу», одну из глав которой он назвал «Рынок невольников», рассказывает, что на французском судне, на котором он ехал из Поти в Константинополь, было 300 кабардинцев-рабов и работорговцев; среди них было 70-80 женщин и девочек в возрасте от 10 до 20 лет.

Особенно усилилась «помощь» Англии и Франции турецкой работорговле в середине XIX столетия – в годы «исхода» адыгов из родной земли. Об участии англичан в этой постыдной торговле писал и один из русских офицеров: «На Кавказском берегу Черного моря англичане и турки красавицами-черкешенками набивали трюмы; несчастные с плачем обращались к русским офицерам, умоляя освободить их оттуда и удержать на Родине». (Это никак не сочетается с утверждениями других авторов, того же В. Немирович-Данченко, о том, что девушки-черкешенки «первые рабы своему невольничеству. Там, за скрытым далью Анатолийским берегом, ждала их впереди сладкая лень и нега богатых гаремов. Они не считали это рабством». – **Авт.**).

1.4. «Кавказ – рассадник пашей»

1.4.1. «Облагородив тип турка-оттомана, черкесы внесли живую струю и в государственное управление»

В Османской империи не было почти более или менее богатой семьи, где бы матерью не считалась черкешенка. Каждый турок с гордостью заявлял, что он черкес... Облагородив тип оттомана, горцы и черкесы внесли живую струю и в государственное управление.

Магомет Ечерух (1910).

Рабство в мусульманском мире носило особый характер, поскольку было, как считалось, освящено еще пророком Мухаммедом. Кроме того, османы унаследовали от ранних мусульманских империй широко развитую систему военного рабства. «В политическом отношении, – отмечал Осман-бей, – невольники составляли завидное приобретение, соблазнявшее властолюбивых мусульман и разжигавшее в них страсть к завоеваниям; с другой же стороны, невольничество составляло своего рода силу, на которую опирался исламизм, пополняя из нее ряды бойцов». Черкесский элемент оказал громадное влияние на физический облик знатных турок. Еще задолго до изгнания черкесов во время Кавказской войны это влияние испытали на себе все высшие слои османского общества во главе с султанским родом.

К этому периоду относятся слова Магомета Ечеруха (1910): «В то время каждый турок с гордостью заявлял, что он черкес, потому что настоящий турок отличался редкой тупостью и непонятливостью, в сравнении с выходцами с Кавказа... Внешний вид османов изменился совершенно, и не было почти более или менее богатой семьи, где бы матерью не считалась черкешенка. *Облагородив тип оттомана, горцы и черкесы внесли живую струю и в государственное управление*» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Справедливости ради, следует отметить, что далеко не все рабы-черкесы пополняли ряды турецкой знати. Положение большинства рабов, проданных в Османскую империю, было весьма тяжелым. Рабы-мужчины эксплуатировались в сельском хозяйстве, труд их использовался в рудниках при добыче меди, железа и мрамора, а также для самых тяжелых строительных работ. Их направляли гребцами на галеры в торговой и военной флот. И лишь считанные единицы «пробивались» на самый верх турецкого Олимпа.

Документы свидетельствуют, что юноши, проданные в Османскую империю в рабство, зачастую достигали высоких постов. К. Мак-Коан отмечал, что в первой половине XIX в. большая часть османских министров происходила из рабов. В конце XVIII в. командующим военно-морскими силами Османской империи был Гуссейн-паша, бывший черкесский невольник. Крупным османским военачальником стал также Хафиз-паша, черкес. И таких примеров можно привести десятки.

1.4.2. Военная эмиграция черкесов в Османскую империю

*Большая часть генералов (османской армии) – это бывшие черкесские рабы, *mignons* (фавориты) тех или иных знатных лиц во времена их молодости.*

Энгельс Ф. (Соч. Т.11, 1958. С. 491)

В период образования и становления Османской (Османской) империи, с 1530-го по 1910 г., только черкесов было визирями более 400 чел. ...С 1864-го по 1910 г. более 150 черкесов получили высокие чины и звания (визиря, генералы и проч.).

Нехат Берзедж (1996).

Генерал российской армии Н.Н. Муравьев относительно османских офицеров кавказского происхождения отметил следующее: «По большому недостатку, оказавшемуся в офицерах высшего разряда при учреждении войска (Османской империи), заняли много штаб-офицерских и даже генеральских мест молодыми людьми, без опытности и заслуг, выросшими при султанском дворе, или у первейших государственных сановников в должностях слугах. А как значительная часть этих приспешников состоит из рабов, захваченных в плен на Кавказе или в Имеретии и проданных в Турцию, то в высших званиях встречается много вольноотпущенных природных абазинцев и имеретинцев, обращенных еще в малолетстве в мусульманскую веру. Многих легко можно распознать по белокурому цвету волос и по чертам лица. Иные помнят еще природный язык свой и с удовольствием расспрашивают о родине; но тверды в принятой вере и преданности султану, который с ними обходится благосклонно и ласково».

Рассматривая структуру османской армии, Фридрих Энгельс (Соч. Т.11, 1958. С. 491) отметил относительно высшего офицерского корпуса следующее: «Большая часть генералов – это бывшие черкесские рабы, *mignons* (фавориты) тех или иных знатных лиц во времена их молодости».

Исследования Нехата Берзеджа (1996) подтверждают справедливость этих слов: «С 1530 г. по последние годы черкесского изгнания звания османских пашей получили около 250 черкесов, 12 из них стали премьер-министрами, один удостоился титула шейх-уль-ислама, около 115 человек стали маршалами, генералами, командующими воинских частей, послами. Еще большее их число пополнило ряды османской элиты в последующий период... Так, с 1864-го по 1910 г. более 150 черкесов получили высокие чины и звания (визиря, генералы и проч.). А всего история образования и становления Османской империи за семь столетий насчитывает 3000 визирей – представителей 10-15 национальностей; только черкесов визирями стали в период с 1530-го по 1910 г. более 400 чел. (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 289; <http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

1.4.3. Черкес Осман-паша Оздемир-оглу: «первый и ...последний османский полководец, прошедший через все адыгские земли»

Черкесы устроили Осману-паше пышную встречу. Без единой стычки османская армия прошла всю Западную Черкесию и остановилась в Малой Кабарде... Черкес Осман-паша Оздемир-оглу стал первым и ...последним османским полководцем, прошедшим через все адыгские земли.

А.А. Максидов (2003).

Оздемир-паша командовал войсками, завоевавшими Йемен в 1547 г. Его сын – Осман-паша в 1584 г. был назначен великим визиром. Войска под командованием Осман-паши захватили столицу Ирана г. Тебриз.

А.В. Кушхабиев (2007).

В правление Сулеймана, как отмечает А.А. Максидов (2003), – черкесские выходцы проявили свои военные и организаторские способности очень ярко.

Черкес Оздемир-паша, чья адыгская принадлежность засвидетельствована целым рядом источников, в 1545 г. стал командующим османскими войсками в Йемене. В 1555 г. Оздемир во главе 30-тысячного войска вторгся в Судан и в течение двух лет завоевал его. Оздемир являлся пожизненным правителем и Судана, и Йемена. Он умер в 1559 г. Его власть над завоеванными странами была столь сильна и признаваема в Константинополе, что он поставил наместником в Йемене своего сына Османа.

Черкес Осман-паша Оздемир-оглу (1527-1585) унаследовал от отца военный талант. После Йемена, который он оставил в результате константинопольских интриг, он получил пост наместника Нижнего Ирака. В 1572 г. Осман назначается главнокомандующим армией на Кавказе, направленной для противодействия Ирану. Согласно Э. Челеби, сын Оздемира, в противоположность обычному маршруту османских войск через Анатолию в Закавказье, направился морским путем в Черкессию и высадился в Анапе. Этот маневр стал полной неожиданностью для Тебриза: персы никак не могли предположить, что османы двинутся через Черкессию – страну, неподчинявшуюся османам и населенную всегда готовыми к бою людьми. Можно предположить, что Осман-паша Оздемир-оглу заранее договорился со своими соплеменниками. Его отец был знатного происхождения, он являлся сыном двоюродного брата Каншао ал-Гаури, черкесского султана Египта и Сирии. Турецкий автор Эвлия Челеби сообщает о том, что черкесы устроили Осману-паше пышную встречу и подарили ему великолепных скакунов. Без единой стычки османская армия прошла всю Западную Черкессию и остановилась в Малой Кабарде (Джилыхстаней).

Таким образом, Черкес Осман-паша Оздемир-оглу стал первым и, как оказалось, последним османским полководцем, прошедшим через все адыгские земли. Он вел успешные боевые операции против иранских войск в Дагестане и Закавказье. И в результате завоевал южные районы Дагестана, Ширванское ханство и часть Грузии, изгнав оттуда персов. В 1584 г. Черкес Осман-паша становится великим визирем – он первый черкес, занявший этот высочайший пост. Уже будучи великим визирем, Черкес Осман-паша продолжал лично возглавлять армию в войне с Ираном. В 1585 г. он наносит персам серьезное поражение, занимает их столицу – Тебриз и двигается далее в глубь Ирана. 29 октября 1585 г. Осман-паша погибает в очередной битве.

1.4.4. «Каждый третий османский паша в этот период был уроженцем Кавказа»

К началу XIX в. черкесы доминировали в высшем офицерском корпусе османских вооруженных сил.

А.В. Кушхабиев (2007).

На протяжении XVI-XVII вв., да и позже громадное число выходцев с Кавказа, главным образом, черкесов и абхазов, приняло участие в политической жизни Османской империи. Каждый третий османский паша в этот период был уроженцем Кавказа. Не случайно К.М. Базили называл Кавказ «рассадником пашей». Как отмечает Р.Трахо, бывший президент Сирийской республики Ахмет Нами был черкесом. В Саудовской Аравии, в Медине высшими духовными лицами и сейчас являются черкесы. И таких фактов множество. А.В. Кушхабиев (2007) приводит ряд имен черкесов – военачальников, государственных деятелей, пашей и великих визиров, оставивших заметный «след» в военной истории Османской империи.

Так, выходец из Абхазии *Мехмед-паша Абаза* был бейлербеем (губернатором) Эрзерума в годы правления султана Османа II (1618-1622). Черкес *Сулейман-паша* находился на посту губернатора г. Халеба, а в 1712 г. был назначен великим визиром империи. Черкес *Гази Хасан-паша Джезаирли* в 1776-1790 гг. находился на посту командующего военно-морским флотом.

Генерал черкес *Хусейн-паша* в 1792-1804 гг. был командующим военно-морского флота и великим визиром. Находясь на этих постах, он осуществлял реформаторскую деятельность: организовал строительство новых верфей и судов; изменил принцип подбора матросов, отдавая предпочтение жителям островов – грекам и привлекая на службу европейских офицеров. Сыграл значительную роль при ликвидации янычарского корпуса в 1826 г. В годы войны с Египтом (1831-1833) был главнокомандующим османской армии.

В военную историю Османской империи как талантливый военачальник вошел черкес *Мехмед-паша Решид*. Он отличился при подавлении восстаний в Албании, Боснии и Греции (1822), в курдских и лазских районах (1834-1835). Был назначен на пост великого визира.

Абхазец *Хузрев-паша* в звании адмирала дважды был командующим военно-морским флотом в 1812-1817-м и в 1822-1827 гг. В 1827 г. получил назначение на пост главнокомандующего османской армии, а в 1838-1839 гг. – на пост великого визира. Помня о своем происхождении, Хузрев-паша часто приобретал и усыновлял кавказских мальчиков, помогал им получать образование и устраиваться на службу. 38 приемных детей Хузрева-паши получили титулы османских пашей.

Черкес *Февзи Ахмед-паша* был командующим гвардии султана Махмуда II (1808-1839), а позднее – командующим военно-морским флотом (в звании маршала) и великим визиром.

Черкес *Хафыз-паша* отличился при подавлении албанских восстаний. В 1836 г. был назначен командующим Анатолийской армии. В 1837 г. продолжил покорение Курдистана, завоевал местность Синджар. Был пожалован почетным титулом «командующий Востока».

Черкесом по происхождению был известный политический деятель и дипломат *Мехмед Фуад-паша*. С 1852 г. находился на посту министра иностранных дел, а в 1861-1866 гг. был великим визиром (Кушхабиев А.В., 2007).

Дополняет перечень известных черкесов-военачальников, изложенный в предыдущих разделах, – информация, приведенная в газете «Черкесское зарубежье» (1998, № 4). Так, высшие военные и государственные посты в Османской империи и других странах занимали в разные годы:

Абди-паша. Адыг по происхождению, выпускник Парижской военной школы. В 1854 г. отличился при подавлении одного из национальных восстаний на Балканах, за что был произведен в маршалы. При этом получил награду и от русского правительства, которое высоко оценило его благородство в отношении мирного населения, а также тот факт, что он, рискуя собственной жизнью и карьерой, защитил от разрушения православные храмы. В период Крымской войны, в 1855 г. он командует 25-тысячным корпусом на Кавказском фронте. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. фельдмаршал Абди-паша, будучи уже в преклонном возрасте, командовал добровольческими черкесскими частями.

Абук Ахмет-паша, шапсуг – в 1919 г. военный министр в Турции; министр общественных работ.

Азнавур (Анчокъуэ) Ахмет (1873-1921), абадзех – видный военный деятель Османской империи. Окончил военное училище в Стамбуле. Убежденный монархист и противник Ататюрка. В апреле 1919 г. султан назначает его губернатором Измида. В феврале 1920 г. черкес Анзавур возглавляет самое крупное выступление против власти Мустафы Кемали Ататюрка и захватил территорию, прилегающую к Мраморному морю. За эту победу получил от султана титул пашы. В феврале 1921 г. был заочно приговорен кемалистским судом к смертной казни. Вскоре погиб в очередном столкновении со сторонниками Ататюрка.

Акбайтуган (Хъундж) Али Саит, убух – турецкий генерал армии, член Военного Совета. За успешные действия против английских войск в Йемене в период первой мировой войны получил звание генерал-лейтенанта. Приложил немало усилий, чтобы черкесские махаджеры не сражались на стороне турецкого султана.

Ануар-Мухаммед Исмаил (1929), черкес – советник иорданского монарха по военным вопросам, министр внутренних дел Хашимитского королевства.

Ауни Мудар (1945 – 1994), черкес – главнокомандующий Королевскими военно-воздушными силами Османской империи

Бержук (Жэрыщты) Исмаил Хаккы, кабардинец – известный турецкий военный деятель. Выпускник Стамбульской военной академии. Бригадный генерал, начальник штаба 4-й группы Западного фронта, депутат Великого Национального Собрания. В 1927 г. получил высшую награду Турецкой Республики – Орден независимости.

Бехич (Беич) Хаккы (1886-1943), убух – видный турецкий политический и государственный деятель. Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики. Министр финансов и внутренних дел Временного правительства.

Бирмамит (Бырмамыт) Фоаз Махир (1925-1997), – известный деятель черкесского зарубежья, генерал-майор Иорданской армии. Получил военное образование в Великобритании. В 1950-х гг. военный губернатор Иерусалима. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Хашимитского королевства. С 1963 г. – на дипломатической работе на Тайване, в Ираке, Турции. Руководитель канцелярии и личной охраны иорданского короля. Министр иностранных дел. Автор многих публикаций об адыгах в иорданских и турецких изданиях. За большие заслуги перед Иорданией, по распоряжению короля Хусейна бен Талая был похоронен с военными почестями на Королевском кладбище.

Джебесой Али Фуад-паша, убух – крупный турецкий государственный и военный деятель. Командующий войсками Западного фронта в период войны со странами Антанты. Первый посол правительства Ататюрка в Москве, участник российско-турецких переговоров, один из лидеров Прогрессивно-республиканской партии. После смерти Ататюрка – министр (1939-1943), председатель Великого Национального Собрания Турецкой Республики (1948-1950).

Духкан (Сэбэныш) Ахмед Мажид, кабардинец – иорданский государственный деятель. Выпускник инженерного факультета Александрийского университета (Египет). Возглавлял Комитет социального развития Аммана, Координационный центр администраций городов Хашимитского королевства, Государственный Комитет по охране окружающей среды. Министр сельского хозяйства Иордании (1985), транспорта и связи (1986-1989), водного хозяйства и мелиорации (1989).

Инджедаи (Фіэцмышъу) Джебдет Керим, кабардинец – видный политический и государственный деятель Турецкой Республики. Один из руководителей Народно-Республиканской партии, депутат Великого Национального Собрания, в 1946-1947 гг. – министр общественных работ Турецкой Республики.

Исмаил (Гъутукъуэ) Ануар-Мухаммед, бжедуг. Родился в Сирии. В юности эмигрировал в Хашимитское королевство. Генерал-лейтенант Иорданской армии. Телохранитель короля Хусейна бен Талая (1957), командир особой черкесской гвардии Его Величества (1964-1969), советник иорданского монарха по военным вопросам, министр внутренних дел Хашимитского королевства (1970-1973). Дважды избирался президентом Черкесского благотворительного общества (1981-1983 и 1986-1987).

Кандур Иззет (Иззат) Хасан (1910-1992), кабардинец – известный военный и общественный деятель Иордании, генерал-майор. Окончил военное училище в Англии. До 1975 г. командовал бригадой имени принцессы Алии, военным округом, народным ополчением. Затем – начальник Генерального штаба Иорданской армии, командующий силами безопасности Хашимитского королевства (1959-1976). Один из основателей Черкесского благотворительного общества (ЧБО), его президент (1968-1971).

Мамдух Хамбди Абаза (1932-1982), черкес – национальный герой Сирии, начальник военно-воздушных сил Сирии.

Мехмет Зеки-паша (Берзег) (1864-1921). Из убухов. Командующий 6-й кавалерийской дивизии, части которой дислоцировались на территории современного Ирака. За отличия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. был удостоен звания маршала Османской империи. Один из создателей полков иррегулярной курдской кавалерии «хамидие». Являлся зятем султана Абдул-Хамида II.

Мирза-паша Уасфи (Кумук) (1864-1932). Родился в Западной Черкесии. После депортации с родителями жил в Сербии. Служил в Османской армии, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в обороне Плевны. До конца своей жизни был лидером черкесской общины Трансиордании и первым советником эмира Абдаллаха.

Мохи-Эд-Дин (Жэмбей), бжедуг – видный египетский политический деятель. Один из основателей и руководителей организации «Свободные офицеры», свергшей 23 июля 1952 г. монархический режим в Египте. Создал Национально-прогрессивную (левую) партию; в 1977-1980 гг. занимал пост ее председателя, с 1980 г. – пост Генерального секретаря.

Мудар (Къалэ) Ауни, кабардинец – известный иорданский военный деятель, генерал-майор. Был военным атташе Иордании во Французской Республике (1986-1988), руководителем службы ВВС, генеральным инспектором Королевских Военно-воздушных Сил, начальником штаба по операциям и тренировкам ВВС страны. В 1993 г. назначается главнокомандующим Королевскими Военно-воздушными Силами.

Орбай (Кіэнкіэ) Хусейн Рауф, убух – видный государственный и военный деятель Турецкой Республики. Во время первой мировой войны – начальник штаба военно-морских сил Османской империи, а после ее окончания – представитель Турции на мирных переговорах в Брест-Литовске. Глава делегации Османского правительства на встречах с руководителями закавказских республик и народов Северного Кавказа (Трабзон, Батуми – 1918). С октября 1918 г. – военный министр.

Реуф-паша. Сын Абди-паши. Выпускник Парижской военной школы. С декабря 1877 г. – генерал, военный министр и главнокомандующий Османской армией. В отчете российского Генштаба ему дана следующая характеристика: «Мушир (фельдмаршал) Реуф-паша являлся едва ли не лучшим представителем современного турецкого общества. Храбрый, отлично воспитанный, вежливый и приветливый в обращении, он составлял редкое в этом отношении исключение среди пашей» (Хотко С.Х. 2007. С. 314-319).

Сабахеддин (1877–1948), черкес – турецкий принц, политический деятель.

Салих Хулуси-паша (Карзег) (1864-1939), черкес. Сенатор, в 1909 г. – военный министр Османской империи; в 1910-1911 гг. – министр военно-морских сил Османской империи; в 1912 г. – министр общественных работ, депутат Великого Национального Собрания. Зять маршала Фуад-паши (Тхуго).

Сами-Бей (Зрахъуэ) Бекир, убух – активный сторонник кемалистской революции, видный военный деятель Турции. Начальник штаба 16-й дивизии 6-го корпуса, командир 2-го батальона 70-го полка, адъютант военного министра. В 1914 г. возглавил комиссию по закупке вооружения. С начала первой мировой войны командир 52-й дивизии (Иракский фронт). В результате успешного сражения при Фелахии в 1916 г. ему присваивают звание полковника.

Тойдемир (Тхъэрхэт) Джемиль Джахит, убух – известный турецкий военный и государственный деятель, генерал армии. В мае 1919 г. назначается командиром 5-й Кавказской дивизии. После образования Турецкой Республики – командир корпуса, армии, начальник Главного жандармского управления Высшего военного кассационного суда; депутат Великого Национального Собрания от Стамбула, председатель Комитета национальной обороны Турецкой Республики.

Тунуслу (Лъашэ) Хайреддин-паша, бслансеевец – крупный государственный и политический деятель, дипломат Османской империи. В 36 лет стал генерал-полковником. В 1857 г. назначен командующим военно-морскими силами Туниса, в 1861 г. – председатель меджлиса Туниса. В 1878 г. избран сенатором, спустя год – назначен премьер-министром Османской империи.

Усман (Іэтыч) Дияб Юсеф, абадзех – генерал-лейтенант Вооруженных Сил Иорданского Хашимитского королевства. Возглавлял Комитет по гражданской обороне Иордании. Министр внутренних дел Хашимитского королевства (1984-1985).

Фавзи (Хъэхъу) Мухаммед-Махмуд, шапсуг – известный египетский военный и государственный деятель. С 1946 г. постоянный представитель Египта в ООН. Министр иностранных дел Египта (1953-1964); член исполкома Арабского социалистического союза. Заместитель премьер-министра (1964-1967), специальный помощник президента Насера по иностранным делам. Был начальником военной академии в Каире, командовал экспедиционными войсками Египта в Йемене; возглавлял Генеральный штаб Вооруженных Сил Египта. В 1967-1971 гг. – министр обороны страны, генерал-полковник. В октябре 1970 г., после прихода к власти Садата, назначен на пост премьер-министра Египта.

Февзи-паша (Быжэ) Ахмет, убух – турецкий военный деятель. Был военным атташе в Тегеране (1896), возглавлял кавалерийские части 4-й армии (1908). В годы первой мировой войны командовал 9-м корпусом в звании бригадного генерала, а после ее окончания – 25-м корпусом. В третьем кабинете Дамада Ферид-паши – советник министерства обороны.

Фуад-паша (Тхуго, Тхъугъэ) Дели (1835-1931), кабардинец, видный военный и государственный деятель Турции. После русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был произведен в маршалы Османской империи и назначен заместителем главнокомандующего турецкой армии. Посол в нескольких странах Европы. Из-за

откровенной критики деспотических методов управления султана Абдул-Хаида II Фуад-паша получил прозвище «Дели» («Отчаянный храбрец»). В 1902 г. был вместе с рядом других высокопоставленных черкесов обвинен в организации заговора против султана и сослан в Сирию. После революции 1908 г. вернулся в Стамбул, жители которого устроили ему восторженную встречу.

Фуад (Джарым) Мехмет, убух – известный дипломат и государственный деятель Турецкой Республики. Был избран каймаком (мэром) городов Гёнен и Адапазари (1917-1919). Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики; генеральный консул в Москве и Казани. С 1936-го по 1943 г. – генеральный консул в Барселоне, Копенгагене, Милане, Марселе; Генеральный секретарь Министерства внутренних дел (1948), посол Турецкой Республики в Бразилии.

Хагондоков Едидж Исмаилович (Константин Николаевич) (1871-1960). В период первой мировой войны командовал Чеченским и Татарским полками Кавказской («Дикой») дивизии. С 1916 г. – военный губернатор Амурской области, наказной атаман Амурского казачьего войска. В начале Гражданской войны эмигрировал во Францию. Написал мемуары (Хотко С.Х. 2007. С. 314-319).

Хайраддин ат-Туниси Тлаш (Харейддин Паша) (1826-1889). Премьер-министр Туниса в 1873-1877 гг. Автор первой конституции Туниса, ставшей первой конституцией в исламском мире. Основатель Тунисского университета и автор политико-философского трактата «Аквям аль-Масалик» («Вернейший путь»). В 1878-1879 гг. занимал пост великого визиря Османской империи.

Хуриид-паша (Нэгъуч) Исмаил, шапсуг – крупный военный и государственный деятель Турции. Генерал-полковник. Занимал посты начальника Управления артиллерии Османской империи, председателя военного трибунала, командующего 17-м корпусом (во время Балканских войн), военно-морского министра, министра обороны.

Хутат Джалал Гази (1930), кабардинец. Выходец из среды адыгской диаспоры. Учился в Египте. Генерал-лейтенант Вооруженных Сил Иорданского Хашимитского королевства. Заместитель министра финансов (1952-1961). Длительное время возглавлял Главное финансово-хозяйственное управление Вооруженных Сил Иордании.

Шурдум Тахсин Хамид, кабардинец – видный военный деятель Иордании, генерал-лейтенант. После окончания высших командных курсов в Великобритании (1986) два года служил в Министерстве обороны Иордании. В 1989-1990 гг. – военный атташе в Вашингтоне; с ноября 1990 г. – командир 4-й бронетанковой дивизии, с 1996 г. – заместитель министра обороны страны.

Эдхем-бей-паша (Дипиъзу) Черкес (1886-1948) – убух, герой национально-освободительного движения Турции. Активный участник Балканских и первой мировой войн. После оккупации Османской империи странами Антанты становится одним из выдающихся партизанских командиров Западной Анатолии, выступая против интервентов и халифатской армии. Отказавшись подчиняться лидеру освободительного движения Кемалю Ататюрку, создал «Зеленую армию», которая была призвана объединить разрозненные партизанские силы. За это кемалисты приговорили Черкеса Эдхем-бей-пашу к смерти. Он вынужден был бежать в Грецию. Умер и похоронен в Иордании. Остался в народной памяти как легендарный герой национально-освободительного движения в Турции.

Явер-паша (Хьэгъур) Омер, шапсуг – известный государственный и военный деятель Османской империи. В правительстве Тевфика-паши (январь-февраль 1919 г.) был военным министром. С марта 1919 г. – министр султанского двора Вахдеттина.

Завершить этот впечатляющий перечень хотелось бы четверостишьем Джихана Лу, отдаленного потомка черкесских махаджиров в Турции («Хасэ», 2009, май-июнь, № 8/11. С. 16):

Адыги во все времена пребывали верны
И долгу, и чести, и твердому горскому слову,
Краям чуждальным добывшие ратную славу,
Вовеки не знали признания чужой стороны...

1.4.5. Кантемир: «Черкесы исстари обладают самыми высокими должностями при Османском дворе...»

Высшие должности в османской армии замещаются большей частью черкесами, абазинцами и другими кавказскими горцами.

Н.Н. Муравьев (1840).

Выходцы из Черкесии проявляли себя не только в военной сфере, но также оказывали влияние на систему управления империей.

А.А. Максидов (2003).

В XVII-XVIII вв. черкесы по-прежнему востребованы и значимы на османской службе. Эмиддио д'Асколи (первая половина XVII в.) писал: «Черкесы гордятся благородством крови, а турки оказывают им великое уважение, называя их «черкес спага», что означает благородный, конный воин». Влияние черкесов в Константинополе отмечали многие наблюдатели. Так, Дмитрий Кантемир, получивший воспитание при

османском дворе в 1683–1691 гг., писал позднее: «Черкесы исстари обладают самыми высокими должностями при Османском дворе...». Во время гражданской войны, развязанной Абаза Мехмед-пашой (1622–1629) – бейлербеем Эрзурума, правительственную армию возглавил визирь Черкес Мехмед-паша. В ожесточенной битве при Кайсариин он нанес поражение Абазе. «Черкес, без сомнения, подавил бы это восстание, – отмечал Д. Кантемир, – но смерть вырвала из его рук победу, так как он умер в том же году в Токаде».

Выходцы из Черкесии проявляли себя не только в военной сфере, но также оказывали влияние на систему управления империей. В 1631 г. черкесские эмиры Египта ввели новую должность «*каймакама*» и это политически важное нововведение было утверждено султаном Мурадом IV. Практически независимый правитель Египта Черкес Мехмед-бей ал-Касими (1719–1731) впервые ввел должность *шайх ал-балада*, которая утвердилась во внутривластной организации мамлюкского Египта на более чем столетний период.

Появление отдельной резиденции великого визиря – Порты – произошло благодаря черкесу Дервиш Мехмед-паше, который занимал этот пост в 1653 г. Мехмед-паша был до того азиатским наместником (1651) и главнокомандующим всеми морскими силами османов (1652). Его влияние на государственную политику было весьма существенно. Этот выдающийся сановник и военачальник оказал серьезное реформирующее влияние на высший имперский аппарат и в турецкой историографии ему посвящены отдельные исследования.

Умелым военачальником проявил себя в Турции в XVII в. темиргоевский князь Кутфадж Дели-паша. «Он происходит из отважного черкесского племени болоткай, – рассказывает Эвлия Челеби. – Он был прославленным, смелым и храбрым. Это паша, истребивший немало арабов, которые владели санджаками (более мелкое подразделение вилайета – административной единицы Османской империи. – Авт.) Хама и Хомс во владениях сирийского Триполи... Но он совершенно не знал турецкого языка. Он разбирался только в мечях, конях, кирасах, хороших лошадях... Ни один муж не проявил такой смелости, какую он показал во время наших священных походов на Гонию и Мегрелию».

Еще один знаменитый черкесский адмирал – Хасан-паша Джезаирли. Он занимал пост капудан-паши с 1775-го по 1790 г. Командовал также сухопутными армиями: подавлял мятежи в Ливане, Албании, достаточно успешно воевал с мамлюками, сумев занять Каир, который он удерживал с октября 1786-го по октябрь 1787 г. Оставаясь капудан-пашой в период с 1787-го по 1790 г., т. е. до самой своей смерти, Хасан-паша занимал пост великого визиря.

Непосредственно перед ним великим визирем был черкес Хасан-паша Мейит. В период войны с Наполеоном капудан-пашой был черкес-убых Кучук Хусейн-паша. Он модернизировал османский флот при помощи французских инженеров. Черкес Хусейн-паша был женат на двоюродной сестре Селима III, мать которого валиде-султан Михр-и-шах являлась уроженкой земли адыгов.

Черкес Хусейн-паша помог возвыситься Хосрев-паше, о котором известно, что он был абадзехом и родился на территории современной Адыгеи. Черкес Хусейн-паша в 1801 г. назначил его наместником Египта, в 1804 г. он стал наместником Анатолии, в 1812 г. капудан-пашой; этот пост он занимал еще раз в 1822–1827 гг., затем в 1827–1836 гг. был военным министром, а в 1838–1840 гг. великим визирем. Хосрев-паша пребывал во власти около 40 лет: его называли «делателем пашей». Он поддерживал связи с родиной и все его окружение состояло из черкесов, абазов и грузин. Эдмунд Спенсер, оставивший двухтомный дневник пребывания в Черкесии, лично знал Хосрева. Он сообщает, например, что его любимым напитком был «*цыгу*». О влиянии Хосрева писал генерал Н.Н. Муравьев: «Неся звание главнокомандующего в столице и над армейскими войсками, он не менее того первенствует и в Диване; содержит в некотором страхе самого султана...».

В 30–40-е гг. XIX вв. в османской армии служили сотни черкесских офицеров. В обеих войнах с Египтом главнокомандующим османской армией являлся черкес-натухаевец Хафиз-паша. О ситуации в армии писал Н.Н. Муравьев: «Высшие должности в османской армии замещаются большей частью черкесами, абазинцами и другими кавказскими горцами».

Черкесы, возвысившиеся на османской службе, неизменно окружали себя соплеменниками. Генерал Я.С. Проскуров в 1848 г. писал о Черкесе Хасан-паше, азиатском наместнике: «В его окружении находилось несколько офицеров из черкесов, которые всегда и всюду сопровождали его, как своего единомышленника, и составляли лучший его конвой».

В период Крымской войны ярко проявил себя адыг по происхождению Черкес Фуад-паша, выпускник Парижской военной школы. Войсками в Закавказье командовал Черкес Абди-паша. В боях под Карсом отличился Черкес Хусейн Даим-паша. После войны он возглавил заговор с целью свержения султана Абдул-Меджида. В этой же войне одним из четырех корпусов балканской группировки командовал Черкес Исмаил-паша, военные способности которого русский источник оценил весьма высоко (Максидов А.А., 2003).

1.4.6. Девушки-черкешенки: «лучший товар для невольничьих рынков Турции, Египта и Европы»

1.4.6.1. «Примесь этой (черкесской) прекрасной крови смягчила уродливость татарского типа...»

В каждом селении страны черкесов турки-османы пленные по 50-100 красавиц, обратили в рабство множество пленников...

Ибн-Кемаль (1479).

Торговля рабами в Крыму очень значительна... Наибольший спрос существует на черкесов; женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают.

К. Пейсонель (1727-1790).

Особенно усилилась торговля рабами, вывозимыми с Северного Кавказа, с XV в.; при этом успех того или иного похода турок и крымских татар на черкесские земли оценивался по числу взятых в плен девушек. Так, описывая завоевания османов в 1479 г., средневековый летописец Ибн-Кемаль делает упор на следующие сведения: «В каждом селении страны черкесов пленные по 50-100 красавиц, обратили в рабство множество пленников... Пришедшие в ту страну храбрецы (имеются в виду турки. – Авт.) неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав взятых в добычу красавиц...» (Текуева М.А., 2007. Вып. V).

Все европейские авторы, посещавшие земли адыгов, отмечают красоту черкесов и девушек-черкешенок. «Эти зихи (черкесы. – Авт.), – писал Дж. Интериано, – по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей (отличающихся) величественной наружностью между мамлюками и эмирами, большинство которых, как было сказано, из их племени. То же самое (следует) сказать об их женщинах...» (Бетров Р.Ж., 1991).

К. Пейсонель – видный французский ученый, дипломат (1727-1790 гг.) – писал: «Торговля рабами в Крыму очень значительна: продают рабов четырех различных народностей – черкесов, грузин, калмыков и абазов (абхазы). Но наибольший спрос существует на черкесов; черкешенки – самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Мужчины также почти все высоки ростом и хорошо сложены». Как отмечал тот же автор, «крымские купцы ездят в Черкесию, Грузию, к калмыкам и абхазам для покупки рабов на свой товар и отвозят их в Каффу для продажи. Купцы Константинополя и других мест Анатолии и Румелии приезжают за ними в Каффу» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

Много позже генерал Н. Раевский (1838) и другие очевидцы свидетельствовали, что «торговля с восточными берегами Черного моря снабжала рабами всю Турецкую империю, – работниками трапезундские рудники, рекрутами – мамлюкское войско и женами – восточные гаремы».

1.4.6.2. «Девушки и девочки кавказских племен, замечательные красотой, ...наполняли гаремы султана и знатных пашей»

Девушки и девочки кавказских племен, замечательные красотой, очень легко доходили до Константинополя, наполняли там гаремы султана и знатных пашей...

А.П. Берже (1858).

Все были покорены несравненной красотой черкешенок, не говоря уже о восточных владыках – от Турции до Египта, – жаждущих заполучить их в свои гаремы и готовых переплачивать втрое за столь ценный товар.

А. Тюркель (2009).

«Французы и голландцы, итальянцы и англичане, русские и немцы – все были покорены несравненной красотой черкешенок, не говоря уже о восточных владыках – от Турции до Египта, – жаждущих заполучить их в свои гаремы и готовых переплачивать втрое за столь ценный товар», – восторженно писал А. Тюркель (2009). Эту же мысль встречаем и у А.П. Берже (1882): «Девушки и девочки кавказских племен, замечательные красотой, очень легко доходили до Константинополя, наполняли там гаремы султана и знатных пашей... Мальчики, продаваемые туркам, также нередко достигали важных должностей у султана и кичились тем перед своими родичами, вызывая их в Константинополь».

С этой точки зрения представляет интерес сообщение Э. Спенсера о своей беседе со старейшинами-черкесами, которые говорили ему: «Черкесская кровь течет в жилах султана. Его мать, его гарем – черкесские; его слуги черкесы, его министры и генералы черкесы. Он глава нашей веры, а также нашей расы». (Цит. по: Максидов А.А., 2003).

Молдавский ученый и дипломат Дмитрий Кантемир (1673-1723) особо подчеркивал: «Их (черкесов) девушки прекраснее всех других и сложены очень пропорционально... Они обладают наивысшими духов-

ными качествами, будучи умеренными в потребностях и способными к просвещению; эти юные существа имеют репутацию очень живых духом и никому не уступают в сноровке и искусстве рукоделия (Цит. по: Мальбахов Б.К., 1998; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 81).

В.И. Немирович-Данченко писал о черкешенках в турецких гаремах: «...Высокие, стройные, гибкие, – они точно светлый след оставляли за собою. Их маленькие руки и ноги вдохновляли турецкого поэта, и до сих пор в городах Малой Азии, когда встречаются такие у мужчин и женщин, анатолийцы (т. е. турки. – Авт.) говорят: у них в роду черкешенка. Капля ее крови очищала целое поколение. Их карие глаза полны выражения... во взгляде черкешенки ярко отражалась ее душа, ее чувство, все, что совершалось в ней, как бы порывисто, быстро, изменчиво это ни было. Ничем грубым не оскорбляла вас красота женщин в племени адыге» (Тюркель А., 2009).

В литературе сложилось мнение, что черкесы часто продавали своих детей в рабство. Но еще Пейсонель разъяснял, что «черкесские беи продают своих дочерей лишь в том случае, если они уличены будут в каком бы то ни было проступке, противном стыдливости; точно также продают они и своих сыновей, когда те совершают какое-либо тяжелое преступление» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 77-78).

Много позже об этом писал И. Бларамберг: «Однако князья чрезвычайно редко продают своих детей; этим обычно занимаются бедняки». Как отмечают источники, торговля женщинами на внешнем рынке для некоторых предпринимателей из среды самих адыгов продолжала оставаться прибыльным бизнесом даже в XIX в. Многие авторы, как, например, Мелик-ханум, утверждали, что торговцы людьми получали девочек из рук их отцов, «которые смотрят на них, как на средство получения денег; они, кроме того, думают, что, продавая их, способствуют их благополучию». При этом, как свидетельствуют источники, «...взрослые девушки осматривались работорговцами с соблюдением строжайших правил деликатности; девочек же до 9 лет купец осматривал бесцеремонно, «брал руки, ноги, ворочал их, угадывая стоимость ребенка».

По свидетельству автора XIX в., путь, который проходили черкесские невольницы, чтобы попасть в гарем, состоял из нескольких этапов. Девушек пленили в возрасте 12-13 лет, а то и в 6-7-летнем возрасте. Это значит, что сначала их следовало обучить элементарным навыкам: турецкому языку и правилам прислуживания, затем умению нравиться с помощью правильно подобранной одежды, прически, манеры поведения, искусству танца и т. д. В качестве «певиц, гитаристок, музыкантш вообще, танцовщиц [невольницы] поступают в гаремы знатных дам... Если у какой-нибудь дамы есть красивая невольница, то это скоро становится общеизвестным. Мужчины, желающие купить себе одалиску (фр. *odalisque* – «рабыня, наложница или прислужница в гареме») или жену, делают свои предложения... Покупка невольницы производится следующим образом: осмотрев ее с головы до ног, будущий покупатель или покупательница уговариваются относительно цены; заключив договор, девушку на другой день пересылают в дом покупателя в сопровождении старой женщины, не выпускающей ее из виду. Там она остается в течение нескольких дней, пока не убедится, что у нее нет никаких телесных недостатков. Призывают бабу, чтобы исследовать, не имела ли покупательница прежде любовных отношений» (Текуева М.А., 2007. Вып. V).

Молодые черкесы и черкешенки очень высоко ценились и именно их старались приобрести знатные османы. Наиболее красивые черкешенки попадали в гаремы османских высших сановников или самого султана. В султанском гареме обитало 1000-1500 женщин-невольниц, в основном из Черкесии. Они пополняли собой и гаремы Египта, Туниса, Марокко и Персии. В свое время Пейсонель особо отмечал этот факт: «Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецким султаном и татарскими князьями; крымская знать держит в качестве наложниц только черкешенок».

1.4.6.3. Легенда о «райской жизни» в турецком рабстве: судьбы рабынь-черкешенок

Зачастую быть проданной в рабство бывает единственным пожеланием девушки, если она красива и если она уверена в том, что ей удастся занять место в турецком гареме; что они предпочитают своему существованию в Черкесии.

Тебу де Маринь (1836).

*Подкосило черкешенок горем:
Ждут их цепи да прочные стены.
На невольничьих рынках за морем
На красавиц особые цены...!*

И. Машбаш.

Для многих черкешенок продажа в гарем было единственным шансом изменить свою жизнь к лучшему: условия жизни в черкесских аулах даже в знатных семьях были далеки от понимания комфорта. Отсутствие элементарных удобств, каждодневный тяжелый домашний труд и бедность резко контрастировали с безмятежной жизнью в восточных гаремах. Ф.Ф. Торнау описал в своих воспоминаниях беседу с 12-летней девочкой Хан накануне ее продажи турецким купцам: «Она зашла проститься со мною перед отъездом. Смех и слезы сменялись на ее лице. Я спросил, чему она рада... «Как не радоваться, – отвечала Хан, – я здесь рабыня, а

там, говорят, буду непременно госпожой, мне дадут хорошие платья, дадут денег, я стану пересылать их отцу и матери...» Почти каждая черкешенка оставляла горы с подобными надеждами, и, случалось, эти надежды сбывались самым блестящим образом. Единственное, что пугало красавиц, – отношение к ним будущего хозяина, – продолжает Ф.Ф. Торнау. Но все они верили в свою счастливую звезду и надеялись на лучшее.

Автор середины XIX в. Осман-бей отмечает сложившуюся в то время ситуацию: «Судьба черкешенок гораздо привлекательнее судьбы турчанок. Можно сказать, что между черкешенками и турчанками даже не существует никакой конкуренции, т.к. черкешенки делают почти исключительно все самые лучшие партии. Не говоря уже о гареме султана, состоящем исключительно из одних черкешенок, скажу, что женами большинства пашей является рабыни».

Но, разумеется, далеко не все из женщин попадали в гарем султана, – большинство из них использовались в домашнем хозяйстве, служили прислужницами, горничными или танцовщицами. Все они, по свидетельству очевидцев, владели жалкое существование. Тем не менее, в то время широко была распространена легенда о «райской жизни» в турецком рабстве. Некоторые авторы даже пытались оправдать эту постыдную торговлю людьми, представляя, что для черкешенок быть проданной в рабство – чуть ли не «благоденствие». О том, что черкешские девушки, проданные в рабство, «без сожаления и слез» покидали отчий дом, сообщает и Абри де ла Мотрэ (1674-1743), побывавший в 1711 г. на Северном Кавказе: «Необходимо отметить, что на Кавказе очень обычным явлением для отцов, матерей, дядей, тетей и т. д. является обмен или продажа детей, племянников и племянниц и т. д. Жизнь научила их, что кроме выгоды, получаемой ими самими от этой продажи, их дети, и в особенности девушки, получают таковую еще в большей степени, так как этим способом они проникают в гаремы богатых турок и даже часто во дворец самого великого султана, становясь государынями, одеваясь, как принцессы, и великолепно питаясь. Является ли это результатом полученного воспитания или предубеждения, но девушки, отданные в обмен или проданные своими родителями, покидают их без сожаления и слез, в то время как эти последние желают им со своей стороны удачи и приятного путешествия. Поэтому не отвращение к рабству заставило черкесов отказаться от уплаты хану ежегодной дани... а только тот факт, что они не получают ничего взамен. Их беи и мирзы получают полагающуюся им дань отчасти молодыми и красивыми рабынями, отчасти лошадьми. Эта дань отдается им беспрекословно и тем охотнее, чем она им более помогла освободиться от второй дани и защищала их от набегов ногайцев. Эти мирзы продают своих рабынь и лошадей, полученных в виде дани, купцам из Темрюка, Тамани, Каффы, Персии или всем тем, кто захочет за них заплатить» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

Дополняет эту информацию Ж. де Мариньи, побывавший в 1836 г. в Черкесии: «Зачастую быть проданной в рабство бывает единственным пожеланием девушки, если она красива и если она уверена в том, что ей удастся занять место в турецком гареме; что они предпочитают своему существованию в Черкесии».

Фонвиль, посетивший в 1842 г. один из последних центров работорговли – Туапсе, так обосновывал «желание» черкешских девушек быть проданными в турецкое рабство: «Несмотря на их довольно оборванные, невзрачные костюмы, все они (черкешские невольницы. – Авт.) были очень красивы и веселы, и перспективы отправки их в Турцию, по-видимому, несколько не смущала. Они утешали себя надеждою, что, вероятно, с ними лучше будут обходиться в Турции, чем на родине. Кроме того, рабство женщин не считается постыдным, гнусным делом у этих народов. Продать женщину, – это, по понятиям горцев, значит выдать ее замуж, и торговцы невольницами считаются только заинтересованными опекунами, устроителями брачных союзов. А между тем, в Турции черкешенки, при случае, могут попасть в гарем какого-нибудь пашы, а, пожалуй, и самого султана. Возможность подобного улучшения их быта тешит невольниц, и они без всякого сожаления покидают родной свой очаг».

Эти же мысли изложены в сообщении А. Швейгер-Лерхенфельда (1885): «Черкешенки, проданные в рабство, не особенно жалеют о своей участи. Они считают это избавлением от невыносимо тяжелых условий своей жизни на родине. Поэтому еще сомнительно, стоит ли поднимать вопрос об уничтожении рабства на мусульманском Востоке».

Царский генерал М.Я. Ольшевский (2003. С. 496) в своих записках, относящихся к середине XIX в., также утверждал, что невольники на Западном Кавказе зачастую сами (!) желали быть проданными в Стамбул, в более благоприятные условия жизни. Так, он писал: «Черкес не понимал и не создавал зла в продаже своих детей в неволю; ведь он же сам платил калым за свою жену. Напротив, он видел в этом скорее хорошую сторону, потому что, с получением нескольких десятков, а может быть, и сотен пиастров, мог улучшить свое положение, а дочь, при поступлении в гарем, особенно богатого турка, переставала подвергаться лишениям и нести тяжелый труд. Черкеса не смущало, что его дочь будет наложницей, потому что Коран не воспрещает этого. Он сам охотно завел бы несколько жен и наложниц, если бы средства позволяли ему это сделать».

Даже один из прогрессивных деятелей русской культуры В. Немирович-Данченко (1911) поверил этой легенде о «райской» жизни рабынь-черкешенок в Турции: «Они (черкешенки) первые рады своему невольничеству. Там, за скрытым далью Анатолийским берегом, ждала их впереди сладкая лень и нега богатых гаремов. Предложи любой из них вернуться назад в свои орлиные гнезда, они бы только засмеялись. Они не считали это рабством».

Читая эти строки о якобы «сладкой жизни» в турецком рабстве, невольно вспоминаешь слова президента США А. Линкольна. Отметая лживые аргументы некоторых политиков, утверждавших, что «рабы пользуются заботой и попечением хозяев» и якобы довольны своим положением, А. Линкольн иронически заметил: «Никогда не встречал человека, который пожелал бы стать рабом». Об этом же говорили и сами жены султана. Так, когда однажды старый адыг, отец жены турецкого султана Абдул-Меджида, пришел к воротам дворца падишаха, чтобы перед смертью последний раз увидеть свою дочь, та не пустила его и велела передать: «Я не хочу видеть человека, который не постеснялся продать меня в рабство».

1.4.6.4. Айше-Фатъма Султан: удивительная судьба черкесской ханши («Большой царицы»)

Подавляющее большинство крымских ханов XVII-XVIII вв. являлись потомками Девлет-Гирея и черкешенки Айше-Фатъмы-Султан по ветви их старшего сына Мухаммед-Гирея II.

Е.В. Пчелов (2007).

По некоторым данным («История многовекового...», 2007), Айше была ближайшей родственницей Марии Темрюковны – дочери князя Темрюка Идарова. Царь Иван Грозный относился к родне Марии, как к своей, и после смерти жены, о чём говорят и хлопоты Ивана IV о выкупе сыновей Темрюка (Мамстрюка и Беберюка) из крымского плена в 1570 г., и слова из письма, направленного по этому поводу ханше («Большой царице», т. е. старшей жене Девлет-Гирея) Айше-Фатъме Султан: «...И в нашем законе христианском обычай и по смерти тело разлучается, а душа от любви духовного совета не отлучается. А мы, памятуя свою царицу и великую княгиню Марию, и по смерти ее кровных ее беречи и жаловати вперед рады есмь» (одновременно ханше было послано 300 руб. для поездки в Мекку) (Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

По другим данным, Айше-Фатъма происходила из западночеркесского знатного рода. Её отцом был Тарзатык-мурза, а братья Татар-мурза и Азхад (Ахмед-мурза) служили при дворе крымского хана. Татар-мурза вместе с бесленеевским князем Маашуком Кануковым и жанеевским князем Сибоком Кансауковым в июне 1557 г. приехал на службу в Москву. Высокое положение Айше Фатъмы Султан определялось тем, что она была матерью калги, т. е. наследника крымского престола, будущего крымского хана Мухаммед-Гирея II (Некрасов А.М., 2000. С. 216-219).

Брат Айше-Фатъма-Султан – бей Азхад (Ахмед) входил в число приближенных крымского хана; сестрой находившегося на службе у хана адыга Алклыч-мирзы называют источники другую жену хана, Хан-Сугру. Наконец, черкешенкой была и невестка Девлет-Гирея – жена Ислам-Гирея, при хане состоял брат «царицы» Али-мирза». Некоторые из ханских жен и матерей активно вмешивались в политику, а их политические пристрастия, скорее всего, являлись продолжением внешнеполитических ориентации княжеских семей Черкесии. Так, «большая царица» – старшая жена Девлет-Гирея Айше-Фатъма, говоря современным языком, откровенно «лоббировала» пропольско-литовский курс ханства. Московский посол А. Нагой сообщал, что хан «жалует свою большую царицу Аиша Фатма-Салтану...думает...со царицею и слушает ее» (Хотко С.Х., 2008).

Есть документально подтвержденные сведения, что подавляющее большинство крымских ханов XVII-XVIII вв. являлись потомками Девлет-Гирея и черкешенки Айше-Фатъмы-Султан по ветви их старшего сына Мухаммед-Гирея II (1577-1584) (Пчелов Е.В., 2007. С. 75).

1.4.6.5. «Покоря сердца своей красотой, умом и неподражаемым сочетанием кротости и страстности...»: черкешенки в странах Европы

Выражение «красивая, как черкешенка» до сих пор в ходу в составе самых изысканных комплиментов в Генуе.

С.Х. Хотко (2008).

Случалось, что их (черкесских девушек) покупали и представители просвещенной Европы. И тогда дочери гор могли оказаться в светских гостиных Парижа, Лондона, Вены и Петербурга, покая сердца своей красотой, умом и неподражаемым сочетанием кротости и страстности.

А. Тюркель (2009).

У австрийского купца Клемана (1768) имелось весьма интересное предложение к своим соотечественникам (не только австрийцам, но и германцам, а также итальянцам) – завозить женщин-невольниц только из Черкесии: «...И ежели в немецкой земле есть недостаток в женщинах, то весьма удобно достать от них, ибо они продают своих дочерей, которые обыкновенно весьма пригожи». Если такая мысль пришла в голову австрийскому купцу в XVIII в., то тем более вероятен подобный ход мыслей для генуэзцев и венецианцев в XIII-XV вв., когда их города-государства, и многие другие страны Европы переживали демографический кризис (Хотко С.Х., 2008).

Источники подтверждают, что «...в Венецию и Геную рабов привозили тысячами, и рынок был всегда полон ими. Преобладали женщины, так как в Италии, в противоположность мусульманским странам, спрос был больше на женщин-рабынь. Египетские султаны пополняли рабами свои войска, гаремы, а в домах знатных европейцев появлялись новые домашние рабы. Поставив работорговлю на широкую ногу, итальянцы извлекали из нее громадные доходы («История Кубани...», 2004).

Останавливаясь на красоте черкешенок, о чем свидетельствовали десятки авторов, начиная с глубокой древности, С.Х. Хотко (2008) отмечает: «В позднем средневековье могло возникнуть смешение кровей. В письменных источниках имеются четкие подтверждения этого смешения и существования общности черкесо-франков. Генуэзские писатели и чиновники из Каффы откровенно восторгались красотой черкесов и черкешенок, считали ее квинтэссенцией итальянского типа, и не жалели астрономических сумм для приобретения черкесских рабынь, увозимых в Геную. В Генуе эти прелестные черкешенки улучшили лигурийский типаж: они становились законными супругами, матерями семейств (в том числе самых высокопоставленных) и очень часто фигурируют в роли нянек. *Выражение «красивая, как черкешенка» до сих пор в ходу в составе самых изысканных комплиментов в Генуе.* Черкешенки стали частью культуры и истории Генуи, и прояснение их влияния является актуальной научной задачей».

Завершая этот раздел, хотелось бы остановиться на удивительных судьбах еще нескольких черкешенок, попавших (не по своей воле) в европейские страны:

Шарлотта-Элизабет де Ферриоль (Айссе). В XVIII в. «самой прекрасной женщиной Парижа» была черкешенка Айссе. В 4-х летнем возрасте она была взята в плен во время одного из турецких набегов. Говорили, что она из знатного черкесского рода. Весной 1698 г. ее купил за 1500 ливров на невольничьем рынке в Стамбуле французский дипломат граф де Ферриаль (Ферриоль) и отправил во Францию, где ее крестили и нарекли Шарлоттой-Элизабет де Ферриоль, но продолжали называть Айссе (Айше). В Париже девочка получила блестящее по тем временам образование и «своим умом, красотой, культурой поведения завоевала сердца и умы высших аристократических и интеллектуальных кругов французской столицы».

Наибольшую известность получил роман 26-летней черкешенки с шевалье Блезом-Мари д'Эди, давшим обет безбрачия рыцарем Мальтийского ордена. Их дочь Селиния стала позднее виконтессой де Нантиа. Любви Айссе безуспешно добивался сам регент Франции герцог Орлеанский, не знавший до того ни от кого отказа, – он был вынужден оставить свои притязания, когда девушка пригрозила, что уйдет в монастырь. Знаменитый французский писатель Поль де Сен-Виктор написал тогда о ней: «Айссе прошла мимо чужеземной оргии под стыдливым покрывалом восточной женщины». Удивительной судьбе красавицы-черкешенки посвящали свои произведения, кроме Поля де Сен-Виктора, и такие известные писатели, как Андре Моруа, Кемпбелл Прейд; Байрон и Вольтер воспели ее в своих стихах, причем последний на всю жизнь стал ее поклонником. И по сей день писатели и поэты посвящают ей свои панегирики (греч. *rapenyrikos* – «восторженно-хвалебный отзыв о ком-либо; чрезмерная похвала»).

Великая артистка Сара Бернар исполняла роль адыгейки Айшет в спектакле «Мадемуазель Айссе», поставленном самим Флобером. Скончалась Айссе еще довольно молодой, в 1733 г., едва достигнув 40-летнего возраста. В конце XVII в. ее переписка была издана и вызвала широкий интерес в Европе. Ее письма к госпоже Каладрини, по воспоминаниям современников, «стали жемчужиной эпистолярного искусства французской классики» (Тюркель А., 2009; Сообцокова Н.И., 2010. С.75-76).

Черкасская Марианна Борисовна (1875-1934) – княгиня. Вела свое происхождение от Михаила Алегуювича Черкасского, сподвижника Петра I. Оперная певица. Лирическое сопрано. Выпускница Смольного института благородных девиц (1896). В 1900 г. окончила Петербургскую консерваторию. В этом же году на сцене Мариинского театра дебютировала в главной роли (партии) Татьяны в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Затем стажировалась в Италии. В 1907 г. побывала в Париже, где принимала участие в первых концертах «Русских сезонов». В 1909 г. ее пригласили в итальянский театр «Ла Скала». В Милане выступала в опере Вагнера «Валькирия». В Петербурге последовательно выступает в операх Вагнера «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Тристан и Изольда»; Чайковского «Пиковая дама» и «Черевички»; Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка»; Даргомыжского «Русалка» и др. В годы первой мировой войны продолжает выступать в Мариинском театре. После Октябрьской революции уезжает в Сибирь и на Дальний Восток, затем в Китай, Америку, а оттуда в Западную Европу. Поселилась в Риге, где стала солисткой Латышской оперы. Успешно гастролировала во Франции, Германии, Греции, Скандинавии и других странах. В третьем томе «Музыкальной энциклопедии» (1976) названа в ряду крупнейших мастеров оперного искусства конца XIX – начала XX в. Скончалась в 1934 г. в Риге («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1089).

Черкасская Марианна (род. 1950) – потомок древнего кабардинского княжеского рода Черкассских. Родилась в США. Мать – японка. Окончила Нью Йоркскую студию балета. Американская солистка балета. С большим успехом сыграла заглавные партии в балетах «Желтеющие листья», «Баядерка», «Видение розы» и других в постановках Энтони Тюдора, Антона Долина, Михаила Барышникова («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1089).

Хагондокова Ирен Константиновна (Ирен де Люар) (1892-1985). 29 января 1985 г. в Париже состоялось торжественное погребение графини Ирен дю Люар, урожденной Ирины Хагондоковой, единственной

женщины, удостоенной чести быть похороненной среди самых великих людей Франции. Активная участница второй мировой войны. Дочь генерала Российской армии К. Хагондокова, командовавшего во время первой мировой войны «Дикой дивизией». Добровольно вступила в медицинскую службу французской армии, участвовала в боях с немцами. С 1942 г. руководила хирургической службой пехотной дивизии в Северной Африке. Участница знаменитого парада в честь освобождения Франции. За заслуги перед французским народом во время войны черкешенка Люар, кавалер ордена Почетного Легиона, награждена также национальными орденами «За боевые заслуги», «Военного Креста», медалью «За отвагу», многими иностранными орденами и медалями (Хотко С.Х. 2007. С. 314-319).

Людмила Черина (1924-2004). Ее скульптура установлена перед главным зданием Европарламента, как символ объединения народов Европы. Людмила Черина – всемирно известная французская балерина и актриса. Дочь Авенира Чемерзина (Шэмырзэ), черкесского дворянина, полковника российской армии, белоэмигранта, и француженки. Сценический псевдоним «Людмила Черина» порекомендовал ей взять ее учитель Серж Лифарь. Черина выступала в Парижской опере. Уйдя со сцены, снималась в кино, писала книги, в последние годы жизни получила признание как скульптор (Хотко С.Х. 2007. С. 314-319). «Великая дочь черкесского народа Людмила Черина, – сказал Президент Республики Адыгея А.К. Тхакушинов в своем Обращении к участникам «Черкесского дня» в Европарламенте, – подарила Европе и всему миру не только свой редкий артистический дар, но и главный символ европейского единения. В этом я усматриваю глубокий смысл единения и многострадального народа Черкесии, рассеянного по миру и стремящегося обрести свой очаг с единой Европой» (Circassian Site – Адыгэ Сайт – elot.ru. 10.12.2010; Психоматов М.Ш., 2011. С.31-32).

Красота многих черкешенок была отмечена на различных региональных и международных конкурсах красоты. Победительницей конкурса красоты была в свое время *Гюнсалы Озкая* – турецкая черкешенка. В конце XIX в. первой красавицей Египта была признана черкешенка *Мей* («Яблоня») *Джарим*. На Всемирном конкурсе красоты в 1932 г. тоже победила черкешенка из Сирии *Кариман-аль-Черкесия*.

В конце января 1989 г. в Москве проходил Международный конкурс «Мисс Очарование». В нем приняли участие представительницы 11-ти стран, в числе которых было немало титулованных: «Мисс Вселенная», «Мисс Африка», «Мисс Мира» и др. Серебряная с самоцветами корона украсила головку 19-летней красавицы, обладательницы звания «Мисс Турция» *Мелтем Хакарар* (*Хьэкьарэ*), бабушка которой была черкешенкой. На этом же конкурсе она была удостоена и других почетных титулов: «Мисс Элегантность» и «Мисс зрительских симпатий» (Сообцокова Н.И. (2010. С. 64). И эти примеры можно многократно умножить...

1.5. Роль России в прекращении вывоза рабов из Черкесии

И избавить тех, которые чрез всю жизнь были подвержены рабству...

Послание к Евреям (2, 15).

*Свершился дивный рок судьбы:
Уже мы больше не рабы.*

С. Есенин (1895-1925).

Против позорного промысла – работорговли на Черноморском побережье Кавказа – всегда выступала Россия. Еще в 1804-1808 гг. были изданы русские правительственные распоряжения, категорически запрещавшие работорговлю в Черноморье, однако «подпольная» торговля рабами сохранялась до середины XIX в. Борьба русского правительства с работорговлей стала более эффективной после заключения в 1829 г., Адрианопольского мира и установления блокады Черноморского побережья Кавказа. Этим договором торговля рабами на побережье была запрещена. По словам К. Коха, «...военные мероприятия России у Черноморского побережья значительно затруднили работорговлю».

Местная администрация практиковала прием на русской территории беглых рабов и крепостных. Немалое число их убегало на русскую сторону, стремясь спастись от продажи в Турцию. По данным М.В. Покровского, количество рабов и крепостных адыгов, которые убежали из Закубанья на территорию России за половину века, составляет не менее 15-17 тыс. чел.

Большое значение в борьбе с контрабандным вывозом невольников из Черкесии имело регулярное патрулирование прибрежных вод русскими крейсерами. Об этом, в частности, писал К. Пейсонель: «Прекращению контрабандной торговли Турции с горами значительно содействовало крейсерство Черноморского флота вдоль Кавказского побережья и затем – учреждение так называемой Черноморской береговой линии, состоявшей из ряда крепостей и укреплений, построенных русскими войсками на Кавказском берегу Черного моря» (Пейсонель К., 1927. С. 33).

Среди документов начала-середины XIX в. есть записи о пассажирах на судах контрабандистов, задержанных русскими военными кораблями. Так, в мае 1832 г., из бухты Суджук-Кале (Новороссийск) пыталось уйти в Константинополь турецкое судно, перевозившее 150 чел. мужского и женского пола. На захваченных 6 января 1834 г. русским корветом двух контрабандистских судах было обнаружено 54 чел., среди

которых, наряду с мужчинами-рабами, были невольницы-черкешенки Цебгаш из а. Худахо, Акнер из а. Цабуат и др. 22 февраля 1834 г. был задержан «...натухайский дворянин Алибей Сазюк, который плыл на турецком судне в Трапезунд, вез на продажу одну женщину, одну девку и мальчика». 14 ноября 1841 г. шхуна «Вестовой» захватывает на Черном море турецкое контрабандистское судно и освобождает 148 горцев, увозившихся в Турцию для продажи в рабство. Среди них было 17 женщин, 48 девиц, детей – 37. В ноябре 1844 г. освобождено 72 черкеса, 78 черкешенок и 3 русских мальчика, которых везли в Турцию на продажу. Всего же в 1844 г. казачьим «морским патрулем» захвачено 12, в 1845 – 10, а в 1846 г. – 6 османских судов. В мае 1865 г. было освобождено 85 черкесских детей.

Но несмотря на действия русской крейсирующей эскадры, контрабандная работорговля все же сохранялась. Тем не менее, в 1844 г. русский посланник в Константинополе сообщал генералу А. Будбергу, что «великий визирь в беседе с ним жаловался на то, что в связи с блокадой турки лишены возможности пополнять гарем султана девушками Кавказа». Вместе с тем «подпольное» рабство («пленопродавство») в Черкесии не было искоренено вплоть до конца 60-х гг., т. е. до тех пор, пока политическое укрепление России на Кавказе и процесс разложения феодализма не подорвали окончательно их основы.

Систематическая борьба против работорговли на Кавказе имела огромное значение для искоренения этого позорного явления, а с введением в крае русского управления торговля рабами практически полностью прекратилась. Как писал генерал П. Шатилов, «...всякая возможность захвата в плен, обращения в рабство за долги и т.п. пресечена», и категорию работорговца «можно считать прекращающим свое существование». По этому поводу В.Л. Брюсов (1873-1924) писал:

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы,
Песнь цепь ломающих рабов...

Здесь уместно ответить, что и сами крестьяне Черкесии вели борьбу против работорговли. Они протестовали против продажи феодалами их и членов их семей в Османскую империю. Одной из причин антифеодального восстания бжедугского крестьянства под руководством уроженца а. Гатлукай Ханахоко Кимчерия в 1856 г., был протест против продажи детей в рабство.

1.6. Позорная статистика торговли «живым» товаром из Черкесии

*Ибо проданы мы, я и народ мой, на истребление,
убиение и погибель. Мы проданы были в рабы и рабыни.*

Книга Есфирь (7, 4).

Морской берег Черкесии и Абхазии был рынком рабов, вот уже несколько тысячелетий как это продолжается; можно смело сказать, что несколько миллионов обитателей этого края было таким образом продано и увезено в другие страны.

Дюбуа де Монпер (1839).

Османская империя в больших масштабах поглощала рабов с Кавказа. Побывавший в первой половине XIX в. на Кавказе французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере (1839), оценивая суммарный ущерб населению Северо-Западного Кавказа от работорговли, писал: «Во все времена древняя Зихия (Zykhie), в наши дни морской берег Черкесии и Абхазии, была рынком рабов; вот уже несколько тысячелетий как это продолжается; можно смело сказать, что несколько миллионов обитателей этого края было таким образом продано и увезено в другие страны» (Цит. по: Кудаева С.Г., 2007).

Из чего же складывались эти «миллионы»? По данным Н.А. Смирнова, «...начиная с XVI в., турки и крымский хан ежегодно вывозили с кавказского побережья более 12 тыс. рабов». Близкие по величине цифры встречаем и у А.А. Епифанцева (2010. С. 37): «По некоторым данным, только через расположенный на адыгских землях маленький порт Анапа, где до прихода турок проживало не более 150 жителей, ежегодно проходило до 8-10 тыс. невольников, а после основания там турецкой торговой фактории и крепости с пашой во главе стало проходить до 10-12 тыс. Торговля шла и через другие приморские поселки черкесов...». Как здесь не вспомнить пронизанные болью пушкинские строки:

И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать...

Но другие авторы сомневаются в этой цифре. Так, Л. Люлье писал, что в среднем в эпоху османского владычества в Анапу ежегодно прибывало от 40 до 50 судов из Турции, причем каждое увозило до 40 чел. рабов. Таким образом, только из Анапы ежегодно вывозили от 1600 до 2000 невольников. Если же добавить другие пункты побережья, то эта цифра возрастет до 3000 и более чел.

К этой же цифре близки результаты изысканий А. Чирга: «Из Анапы, являвшейся главным центром внешней торговли Черкесии, ежегодно вывозилось от 1600 до 2000 невольников и невольниц. Прибавив к

этому людей, вывозившихся через другие пункты черкесского побережья, можно весьма приблизительно принять цифру *ежегодного вывоза невольников в 3000 чел.*» (Цит. по: Мальбахов Б.К., 1998). По сведениям Э. Пилоти, в течение только одного года (1420) султан Каира получил из Каффы 2000 рабов: черкесов, русских, татар («История многовекового...», 2007).

В «цивилизованный» XIX в. масштабы работорговли на Северо-Западном Кавказе резко возросли. В частности, до усиления действий русского черноморского флота по борьбе с контрабандным вывозом рабов, ежегодно в Константинополь прибывало до 200 судов с невольниками-черкесами. По данным А. Бутенева, в начале – середине XIX в. с восточного берега Черного моря ежегодно вывозилась до 4000 рабов. Документы, относящиеся к 1837 г., также подтверждают, что «...между многими кавказскими и анатолийскими пристанями каюки ходят еженедельно, ибо это плавание особенно выгодно для турецкого промышленника. Можно полагать, что из Черкесии вывозят ежегодно до 4000 невольников и невольниц в разные места Турции».

Как отмечает А.Ю. Чирг, работорговля нанесла огромный вред развитию адыгских народов. Она обогащала местных феодалов, вела к моральной деградации всех занимающихся этим постыдным промыслом, поощряла междоусобные войны и феодальные набеги, организуемые с целью захвата и последующей продажи людей. Массовый вывоз людей в течение долгого времени наносил ущерб этническому развитию адыгов. Это приводило к обезлюдению Северо-Западного Кавказа, ослаблению сил населения Закубанья, его оборонительных возможностей. Наносился огромный ущерб генофонду адыгской нации. Ведь известно, что вывозилась самая здоровая и лучшая по своим физическим данным часть населения. Кроме того, работорговля разрушала семейные связи. Вывезенные в рабство навсегда теряли свою родину – Землю адыгов.

Потомки!
Мир в оковах рабской тьмы
Таким, каким был он,
Показали мы...

– этими словами Д. Байрона хотелось бы завершить изложение еще одной мрачной страницы в истории адыгов.

2. МАМЛЮКИ И ЧЕРКЕССКИЕ ДИНАСТИИ В ЕГИПТЕ

Мамлюки, в переводе с арабского, – личная гвардия египетских султанов, набиравшаяся из тюркских и кавказских рабов (с XIII в.); в середине XIII в. мамлюки возвели на престол собственную династию, которая впоследствии была свергнута. Мамлюки были уничтожены в 1811 г., пашой Махмет-Али («Словарь иностранных слов», 1995).

2.1. Мамлюки: кто они такие?

*Своеобразна судьба этого народа, возвращенного у
подножий Кавказских гор, чьи дочери – красавицы сераля
и чьи сыновья, попав в Египет, наследовали фараонам.*

Анри Дезрэн (1880).

Мамлюками называли рабов-воинов, служивших в армии и часто достигавших высоких военных должностей, а с ними, порой, и свободы. С IX в., употребляется как синоним слова «гулам» (юноша, раб-воин), но обычно применительно к белым гуламам. Определяющую роль в мамлюкской системе играли черкесы, поскольку за весь период существования мамлюкских династий в Египте большую часть солдат поставляла именно Черкесия.

Предки адыгов начали появляться в этом регионе с VII в., во времена ранних халифатских завоеваний. Бывшие сначала простыми наемниками, уроженцы Кавказа постепенно втягивались в политическую жизнь тех стран, где проживали и занимали различные административные и военные должности. Уже в 929 г., во времена правления халифа аль-Муктафи, начальником стражи Багдада был черкес Назук, – отмечает С. Хотко (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

По мнению же А.П. Хабаху (2000), первые мамлюки появились в Египте при халифе ал-Азизе (975-996). В фатимидский период черкесы были заняты почти исключительно как телохранители, личные гвардейцы халифов. Они были слабо задействованы в армейской сфере и свою карьеру совершали в качестве придворных, стараясь занять наиболее важные должности во дворце.

Новый этап в их жизни начинается с периодом Салах ад-дина, который внедрил в Египет раздачу эмирам и мамлюкам *икта* (араб. – «пожалованный феодалам земельный надел в средневековых странах Ближнего и Среднего Востока». – Авт.) за их службу в гвардии, армии и флоте. С этой поры черкесы начинают становиться феодальными сеньорами Египта. Мамлюкский институт получил при Салах ад-дине мощный толчок для своего развития и поэтому спустя столетия европейские авторы-путешественники называли его имя, как основателя мамлюкской системы, и даже он сам считался мамлюком. Он обнаружил незаурядные способности государственного деятеля и полководца. Халифа, лежавшего при смерти, он объявил низложенным, а себя провозгласил султаном Египта. Произошло это в 1171 г. Тем самым было положено начало новой династии

Жан Антуан Грос. «Мамлюк на коне». Париж, 1817 г.

чайно «... в XIII в., Аббасидский халифат, а позднее династия Айюбидов для их охраны и защиты от возникших к тому времени и ставших опасными объединений рабов, обратились за помощью к черкесам. Взяв на себя первоначальную роль телохранителей, последние постепенно стали занимать высшие военные посты Египетского государства и оказывать реальное влияние на политическую жизнь страны», – писал Расим Рушди. Позднейшие комментаторы подчеркивали: «Это необыкновенное, даже единственное зрелище в истории, что рабская аристократия продолжалась несколько веков, что *народ управлялся купленными со всех сторон рабами*».

Итальянский путешественник Джорджио Интериано, посетивший Египет в XIII в., отмечал: «Эти зихи по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей, отличающихся величественной наружностью между мамлюками и эмирами, большинство из которых, как было сказано, из их племени. И таким образом, случается, что *фортуна превращает их в величайших владык на свете, а именно в султанов и эмиров*».

Дополняет эту информацию А.В. Кушхабиев (2005. Вып. I). Как отмечает историк, появление черкесов в странах Северной Африки связано с традицией привлечения на службу иноземных воинов. Приток черкесских мамлюков стал особенно возрастать в период правления Айюбидов (1171-1250) в Египте. Численность черкесской группировки в этой стране возросла в период правления бахритских или тюркских султанов (1250-1382); в конце XIII в. она уже превосходила численность тюркских воинов. Черкесские отряды Халила бен Калауна (1290-1294) насчитывали 5700 воинов. Как говорится в библейской книге Исход (5; 12), «...и рассеялся народ по всей земле Египетской».

В эпоху правления бурджитских, или черкесских султанов (1382-1517) осуществлялось переселение с Северо-Западного Кавказа в Египет значительного числа добровольцев, наемников и родственников черкесских эмиров (офицеров). Численность черкесских воинов без учета их семей и черкесов – сотрудников административного аппарата и членов их семей, в указанный период находилась в пределах от 5 до 25 тыс. чел.

Черкесская эмиграция в Египет продолжалась и после османского завоевания страны в 1517 г. вплоть до конца XIX в. В годы массовой депортации адыгов в Османскую империю незначительное число их обосновалось в Египте. По данным авторов середины XX в. (Р. Рушди, Р. Трахо), численность черкесов в Египте в то время составляла приблизительно 5-10 тыс. чел. (Кушхабиев А.В., 2005. Вып. I).

2.2. Система военного рабства – основа мощи исламских государств

2.2.1. Наемничество как одна из форм миграции населения Черкесии в период средневековья

Наиболее распространенной формой миграций было наемничество; выезд на службу черкесских князей со своими дружинами, а также наем отдельных групп и лиц на военную службу в соседние, преимущественно восточные государства... (Кушхабиев А.В. (2005. Вып. I).

Традиция использования иноземной военной силы уходит корнями вглубь тысячелетий. К услугам наемников прибегали еще древнеперсидские цари, римские и византийские императоры. Особенно ценились в военной сфере во все времена жители гор. Наибольшая слава в истории выпала на долю кавказских наемников. Их мечу и отваге были обязаны своими тронами многие монархи как мусульманского, так и христианского мира. В одной из крупнейших битв раннего средневековья, под Ливном, столкнулась варяжская дружина Ярослава Мудрого и косожская (черкесская) конница Мстислава Владимировича. Сражение это завершилось печально для варягов: они были смяты и почти целиком перебиты (Хотко С.Х., 1999).

2.2.1.1. Институт наемничества в раннем средневековье

Наибольшая слава в истории выпала на долю кавказских наемников. Их мечу и отваге были обязаны своими тронами многие монархи как мусульманского, так и христианского мира.

С.Х. Хотко (1999).

Институт найма на службу («наемничество») получил довольно-таки широкое развитие в раннем средневековье. Адыгские невольники в большом количестве стали появляться в Европе с XIII в. Первые сведения о них относятся к 1290 г., когда в Палермо на Сицилии была завезена большая партия захваченных детей и пленных. Анри Бреск отмечает, что черкесы и татары появлялись на Сицилии в результате междоусобных войн на Кавказе и в Золотой Орде. Пленные, захваченные в сражениях, продавались на Черноморском побережье Кавказа генуэзским и венецианским работоторговцам, и оттуда попадали в европейские страны.

В генуэзской колонии Каффа в Крыму черкесы составляли единственное регулярное военное подразделение – оргузиев, то есть городскую конную полицию. Адыгские наемники отмечены и в Италии, и в Византии. Генуэзцы нанимали черкесских воинов в свои ряды. Так, в 1462 г. конвенция о найме солдат была заключена с зихским (адыгским) князем Копарио Бельзебуком. Император Трапезундской империи Давид в 1452 г. нанял зихских воинов во главе с князем Парсабоком для борьбы против турок-османов. Зихи (черкесы) в 1458 г. под предводительством своего вождя князя Артабила напали на Трапезундскую империю, находившуюся на территории современной Турции (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

О том, что наемничество получило в средние века значительное развитие у кавказских народов, пишет А.А. Максидов (2003): «Уроженцы Зихии (Касогии, Касахии), Алании, Абазгии заполняли ряды гвардии правителей многих стран. Склонность черкесов к военному найму была отмечена Иоганном де Галонтифонтибусом в 1394 г.: «Этот народ чрезвычайно талантлив и способен к различным делам, *но не в собственной стране*». Молдавский господарь Дж. Кантемир в XVIII в. писал: «Солдаты в египетскую армию набираются со всего света, особенно много в ней черкесов – нации очень воинственной».

Дополняет эту информацию А.В. Кушхабиев (2007). По его мнению, военная эмиграция черкесов в Османскую империю берет начало во второй половине XV в. Она была связана с политикой султанского двора, стремившегося закрепиться на Северном Кавказе. После безуспешных попыток завоевания Западной Черкесии османские власти стали распространять свое влияние другими методами; приближали северокавказских феодалов, осуществляли вербовку молодежи на военную службу. Черкесские наемники в Османской империи чаще служили в составе иррегулярной кавалерии, реже – в полицейских войсках (*зангие*) и частях регулярной армии (*низам*). Черкесская конница находилась на службе у султана Баязида II (1481-1512).

Миграции адыгов и других народов Северного Кавказа в страны Ближнего Востока и Северной Африки происходили на протяжении столетий. Наиболее распространенной формой миграций было, как и ранее, наемничество; выезд на службу черкесских князей со своими дружинами, а также наем отдельных групп и лиц на военную службу в соседние, преимущественно восточные государства – в Египет, Османскую империю, Крымское ханство, Иран, Россию и др. Такой отток немалой части молодого населения способствовал нарушению демографических процессов в Западной Черкесии и Кабарде. К XVIII-XIX вв. численность черкесов в Ближневосточном и Североафриканском регионах была невелика, несмотря на значительность их миграций; большинство их, будучи профессиональными воинами, гибло в сражениях, уцелевшая часть ассимилировалась в иноэтнической среде (Кушхабиев А.В., 2005. Вып. I).

2.2.1.2. Черкесские воины-наемники на службе у турецкого султана

Оздемир-паша, адыгский полководец на службе у турецкого султана, в 1557 г. завоевал для Османской империи Судан, Эфиопию, а также Йемен.

<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>.

Значительное число черкесских воинов-наемников перешло на службу к султану Селиму I (1512-1520) после падения черкесского султаната в Египте в 1517 г. Авторы одного из сайтов Интернета подробно останавливаются на появлении наемников-черкесов в Египте в этот период: «История черкесской общины в Османской империи начинается с 1516-1517 гг., во времена правления султана Селима I Явуз (Грозного). В молодости Селим, преследуемый своим отцом, скрывался в Черкесии у князя Темрюка. После возвращения на родину и восхождения на султанский престол, Селим на месте встречи с адыгским князем приказал построить крепость Темрюк. Историк Дмитрий Кантемир (1673-1723), молдавский господарь, подчеркивал: «Черкесы обладают самыми высокими должностями при Оттоманском дворе». Черкесские воины, наряду с албанцами, составляли личную охрану турецких султанов. С. Бородин отмечал: «Черкесы султанской стражи жили своими обычаями, блюли свои уборы, держали тайные сговоры, помогавшие со взгляда узнать своего, со взгляда обменяться мыслями, одним движением плеча или ресницы предостеречь друга или позвать

за собой. Сызмалу они привыкли чутя и знать друг друга, и это помогало им в чужой стране стоять против всех, кто бы ни вздумал им противостоять» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Несколько позже, в правление султана Сулеймана I (1520-1566), на османской службе появилось значительное число черкесов. Сам султан имел черкесских родственников: его мать, представительница ханского рода Гиреев, была наполовину черкешенка. Брат султанши, Машуко Кануко, со временем, видимо, попал в немилость при османском дворе. В ноябре 1552 г. он появился в Москве, где, что примечательно, сразу занял важное место. Во время войны с Ливонским орденом в 1556-1559 гг. он являлся воеводой Передового полка (Максидов А.А., 2003). Оздемир-паша, адыгский полководец на службе у турецкого султана, в 1557 г. завоевал для Османской империи Судан, Эфиопию, а также Йемен (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Черкесские воины-наемники известны и в истории Сефевидского Ирана. В годы правления шаха Тахмаспа (1524-1576) отряды из Черкесии, Дагестана и Туркмении стали играть значительную роль в политической жизни страны. После смерти шаха Тахмаспа развернулась вооруженная борьба между кавказской и туркменской группировками, стремившимися посадить на трон своих ставленников (Кушхабиев А.В., 2007).

Военная иммиграция черкесов в страны Ближнего Востока продолжалась и много позже, – в XIX столетии. Британский офицер Дж. Мориер охарактеризовал отряды из Черкесии, находившиеся в составе османского экспедиционного корпуса в Египте в 1800 г., как «хорошо подготовленную легкую конницу».

Военной иммиграции черкесов способствовала и ситуация в Османской империи. Социально-экономический кризис повлек за собой падение военного могущества империи. Несмотря на проводившиеся реформы (формирование новых регулярных частей по западноевропейской системе, ликвидация янычарского корпуса в 1826 г., упразднение военно-ленной системы), в вооруженных силах части были недоукомплектованы. В военных училищах также наблюдался недобор курсантов. В такой ситуации черкесское наемничество получало поддержку со стороны султанского двора. Иммиграция черкесов в Османскую империю с целью найма на военную службу продолжалась вплоть до 60-х гг. XIX в.

2.2.1.3. Военные миграции наемников-черкесов на территории России, Украины и Польши

Когда 13 апреля 1572 г. сильная турецкая армия атаковала польские войска в Молдавии, все польские части в панике покинули поле битвы и только Темрюк с его «пятигорским» полком остался и сражался до тех пор, пока польские отряды не вернулись и не остановили турок.

И. Кружинский, историк (1900).

В средние века происходили миграции адыгов (касогов) не только в странах Ближнего Востока, но и на южных окраинах Руси. При этом они носили характер как военной, так и «простонародной» иммиграции. Сохранившиеся фрагментарные сведения из русских летописей свидетельствуют о том, что адыгские феодалы со своими отрядами оказывались вовлеченными в междоусобицы русских князей. Известно, что касовская дружина находилась на службе у князя Мстислава Владимировича. Она участвовала в междоусобной войне князя Мстислава с его братом – великим князем Ярославом Мудрым.

Более масштабным было переселение адыгов (преимущественно западных) в соседние славянские земли – в районы Среднего Приднепровья и Левобережной Украины в XIV-XV вв. Также адыги расселялись в Запорожье, на островах Днепра, в частности на о. Хортица. По мнению ряда ученых, выходцы из Черкесии не только регулярно пополняли ряды казачества, но и являлись основателями запорожского казачества. Численность черкесов на территории Среднего Приднепровья и Левобережной Украины в указанный период возросла настолько, что южную часть Украины называли Черкасией как в быту, так и в официальных документах, вплоть до начала XIX в. Являясь прежде всего хорошо подготовленными воинами, черкесы оказали влияние на военную подготовку казачества. С течением времени черкесы ассимилировались в среде доминирующего славянского населения (Кушхабиев А.В., 2007).

С XVI века адыги появляются и в Польше. В 1570 г. у короля Сигизмунда II Августа на службе было 3 черкесских князя: брат жанеевского князя Сибока Кансаукова (его имя не сохранилось в источниках), Александр Сибокович и Гаврила Тазритов. Последние 2 князя ранее состояли на службе у царя Ивана Грозного. Другой адыгский князь, Темрюк, принял христианство и получил имения в Польше, а в 1570 г. был назначен ротмистром. Польский король Ян Собеский всегда одевался на черкесский манер и ездил на черкесском скакуне. Все польские дипломаты в Стамбуле в XVII в. одевались по-черкесски.

В XVI-XVII вв. сложился институт выезда на службу в Московское государство представителей кабардинской феодальной знати и аристократии. В итоге, так же как и в других случаях взаимодействия с Россией, Кабарда растрачивала свой социальный ресурс и потенциал, не получая взамен каких-либо ощутимых импульсов развития. Как правило, кабардинские князья, выехавшие на службу в Россию, занимая там самое высокое положение, становились либо равнодушными к судьбе своей родины, либо занимали к ней крайне реакционную, враждебную позицию. К тому же русские цари неохотно посылали на Кавказ с какими-либо

поручениями выходцев из Черкесии, предпочитая использовать их на службе в Москве или в других областях России. В XVIII-XIX вв. редкое исключение из этого правила составляли, например, князья из рода Бековичей (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

Черкесские воины отличились в войнах Польши с Россией, Турцией, Швецией. Польский историк Б. Барановский констатирует, что черкесское военное искусство оказало большое влияние на польское. В августе 1561 г. польский король Сигизмунд II Август зачислил в ряды шляхты – польского дворянства – значительную группу черкесских князей. В 1562 г. в Краков прибыли 5 черкесских князей с отрядом в 300 человек. В Речи Посполитой из кавказских адыгов была создана особая группа войск – «Пятигорские хоругви». Эти войска прославились в войне поляков с турками-османами.

«Когда 13 апреля 1572 г., – писал историк И. Кружинский, – сильная турецкая армия атаковала польские войска в Молдавии, все польские части в панике покинули поле битвы и только Темрюк с его «пятигорским» полком остался и сражался до тех пор, пока польские отряды не вернулись и не остановили турок» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

2.2.1.4. «Тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять...»

Турецкий историк писал про Черкесию и черкесов: «Та местность такая, что бой вспыхнет на поляне, а кончится в лесу и овраге; тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настичь».

<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>

Дополняют информацию о становлении и развитии института наемничества в Черкесии авторы одного из сайтов Интернета. Они отмечают, что сведения о предках современных адыгов – меотах, зихах и керкетах имеются уже в древнегреческих и древнеримских источниках. И греки, и римляне хорошо знали их как отважных и дерзких морских пиратов, грабивших суда на Понте Эвксинском (Черном море). В более поздние времена появление черкесских воинов-наемников отмечено в следующих странах: империя гуннов, Киевская Русь, Грузия, Византия, Генуя, Сицилия, Молдавия, Крымское ханство, Астраханское ханство, Аббасидский халифат, Фатимидская держава, Сельджукский султанат, Золотая Орда, Османская империя, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая (Польша), мамлюкский султанат в Египте, Сирии, Палестине, ильханат Хулаги́дов, Персия, Судан, Эфиопия, Ногайская Орда, Калмыцкое ханство, Российская империя. Черкесы легко вписывались в административную и военную структуру соседних государств и, выполняя в основном военно-командные функции, оставили заметный след в истории этих стран. Привлечение адыгских наемников объяснялось их высочайшей репутацией в военной сфере.

Венгерский ученый Я. Рейннегс (1786) констатировал: «Объединенными силами они часто оказывали эффективную помощь Иберии, Грузии, Армении, персам и туркам; их внушительная сила заставляла трепетать весь Кавказ». Турецкий историк писал про Черкесию и черкесов: «Та местность такая, что бой вспыхнет на поляне, а кончится в лесу и овраге; тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настичь».

Даже во время монгольских нашествий, когда вся Азия и Европа трепетала перед грозными завоевателями, черкесы сохранили свою независимость и нанесли монголам ряд поражений. Рамазан Трахо отмечал: «Монголы никогда не проникали за Кубань, и черкесы не платили им дани». Другой историк, Семен Броневский писал об адыгах того времени: «Они удержали за собою восточный берег Азовского моря до Дона, овладели Керчью в Крыму, делали частые набеги, как в сем полуострове, так и в других странах Европы. От них произошли сии шайки козаков, в то время появившихся» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

2.2.2. Походы на Москву: черкесы в составе золотоордынского войска

*А не сильная туча затучилася,
А не сильные громы грянули:
Куда едет собака Крымский царь? –
А ко сильному царству Московскому...*

Русская народная песня

Мы из земли Черкасской и друзья великого князя (Василия II Темного), знаем, что сделали с ним братья недостойные, помним любовь и хлеб его; желаем теперь доказать ему нашу благодарность.

Касим и Ягуп, царевицы Золотой Орды (1446).

Черкесы, не проводившие скоординированной внешней политики в отношениях с Крымом (может быть, потому что это государство на раннем этапе его возникновения еще не представляло общенациональной угрозы), фигурируют часто и в составе армии крымского хана (Максидов А.А., 2003).

Подобные факты были в эпоху Золотой Орды. Так, в 1446 г. царевичи Золотой Орды Касим и Ягуп, сыновья Улуг-Махмуда, опасаясь покушений со стороны своего брата Махмудека, объявившего себя ханом, бежали в «землю черкесов». Отсюда они совершили поход на Москву с целью реставрации на великокняжеском престоле своего союзника Василия II Темного. «Мы из земли Черкасской и друзья великого князя, – заявили царевичи, – знаем, что сделали с ним братья недостойные (имеются в виду Дмитрий Шемяка, Иван Можайский и Борис Тверской, ослепившие Василия. – Авт.); помним любовь и хлеб его; желаем теперь доказать ему нашу благодарность». Вряд ли беглые царевичи могли располагать собственными значительными отрядами. Похоже на то, что все их войско состояло из черкесов. Сама идея похода могла быть инициирована сторонниками золотоордынских царевичей, но реальное военное руководство должно было принадлежать черкесским предводителям. Можно также предположить, что их бегство в Черкесию было не случайным. Вполне возможно, что Касим и Ягуп, как позднее и многие другие астраханские и крымские ханы, были воспитаны в Черкесии либо имели здесь родственников по линии матери или жены (Максидов А.А., 2003).

Подобный факт зафиксирован документами и в 1521 г., когда Мухаммед-Гирей предпринял поход на Москву. О событиях этих рассказали С. Герберштейн, Р.Г. Скрынников, Н.М. Карамзин. В кратком изложении этот эпизод представляется следующим образом.

В 1521 г. Мухаммед-Гирей во главе армии из татар и черкесов осадил Москву. Василий III бежал из Москвы, поручив ее оборону татарскому царевичу Петру, своему зятю. Армия Мухаммед-Гирея стояла под Москвой две недели. Как сообщал Герберштейн, хан обещал снять осаду, «если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя (т. е. его, Мухаммед-Гирея. – Авт.), какими были его отец и предки». Достоверность сообщения Герберштейна, по мнению Р.Г. Скрынникова, не вызывает сомнения. Он пишет, что в русских источниках этого времени отмечено: «Взял тогда царь крымской на великого князя грамоту данную, как де великому князю дань и выход давать ему». Итак, Василий III признал себя данником Мухаммед-Гирея, что, по сути, означало восстановление власти Орды над Русью. «Впрочем, «новое ордынское иго» продолжалось лишь несколько недель: Мухаммед-Гирей был убит ногайцами в Астрахани, о чем подробно повествует Н.М. Карамзин (Максидов А.А., 2003. С. 57; Хотко С.Х., 2008).

2.2.3. «Система военного рабства является институтом, который не сопоставим ни с чем иным вне сферы ислама»

Система военного рабства является институтом, который развился исключительно в кадре ислама и который не сопоставим ни с чем иным вне сферы ислама.

Давид Айалок (1949).

Покупка рабов с целью их последующего военного использования была особенностью ислама. «Система военного рабства, – писал Давид Айалок (1949), – является институтом, который развился исключительно в кадре ислама и который не сопоставим ни с чем иным вне сферы ислама».

За время существования Арабского халифата (до 1517 г.) было две категории рабов-воинов: это гулямы и мамлюки в Египте. Сюда же следует отнести и османских янычар. С XIV в., эта пехота создавалась по образцу гвардий арабских халифов. Янычары (*ени чери* – «новое войско») набирались из молодых пленных. Система военного рабства занимала в исламских государствах средневековья и нового времени место огромной важности. Она служила основой военной мощи мусульман, которые руками мамлюков и янычар одержали много побед. И если янычары были самой лучшей пехотой, то мамлюки – лучшей кавалерией в мире. Более того, бывшие невольники-черкесы превратили себя, начиная с XIII в., в самостоятельный фактор мировой политики, возглавив сирийско-египетскую империю Аюбидов, занимавшую стратегическое положение между Западом, с его крестоносцами, и Востоком, с его дикими ордами татаро-монголов. Как отмечает С.Х. Хотко, возникновение черкесского, а в более широком плане мамлюкского государства носило закономерный характер. А.П. Хабаху (2000) высоко оценивает вклад мамлюков в борьбе с крестоносцами. Военные действия против них начались с прибытием из Сирии Туран-шаха. Армией мамлюков, костяк которой составили полки Салихия и Бахрия, фактически командовал Эмир Бибарс. В сражении при Майсуре франки-крестоносцы были разбиты и большая их часть во главе с самим Людовиком была взята в плен (февраль 1250 г.)

Со смертью Туран-шаха завершилось господство Аюбидов, и страной стала управлять мамлюкская верхушка. Мамлюки за выкуп освободили из плена Людовика, королеву Маргариту, брата короля Альфонса и 12 000 франкских воинов. Людовик со своим воинством беспрепятственно ушел в Аку. Это был поистине благородный, рыцарский жест со стороны мамлюков и их предводителей. Тем не менее, король франков не оценил и не понял этого поступка. Он не удалился во Францию, а продолжал до конца своих дней устраивать набеги на мусульманские страны (Хабаху А.П., 2000).

Необходимо отметить, что в средневековье мамлюки и те абхазы и черкесы, которые жили в Стамбуле, Дамаске, Каире и других городах Востока, выкупали своих соотечественников, а зачастую родившихся вне Кавказа своих сыновей отправляли на родину предков, в Черкесию и Абхазию, где они проходили курс

рыцарского кодекса чести, а затем отроками возвращались в страны Востока и делали головокружительную карьеру, добиваясь самых высоких титулов и званий. Более того, как сообщает Лев Африканский (1517), «...многие (египетские) султаны посылали своих маленьких сыновей в Черкесию, чтобы они обучились там этому языку и привыкли к сельским обычаям для того, чтобы затем им было легче стать султанами».

Говоря о государстве мамлюков, нельзя не остановиться на вопросе о численности мамлюкской армии. По Аз-Захири, общая численность сирийских и египетских мамлюков равнялась 26000 всадников. Брайденбах, посетивший Каир в 1483 г., называл цифру в 22 000 чел. Мамлюки являлись крупнейшими землевладельцами в Египте. «С 1382 г., черкесы постепенно прибирают к рукам все более или менее годные земли и остаются феодальными сеньорами в этой стране вплоть до конца XIX в.», – отмечает С.Х. Хотко (1999).

2.3. Черкесские (мамлюкские) династии в Египте и Сирии

2.3.1. Правление «бахритской» (тюркской) династии

В бахритский период преобладали мамлюки тюркского происхождения: туркмены, малоазиатские турки, кипчаки и др. Черкесы были вторыми по численности.

А.В. Кушхабиева (2007).

В XIII-XV вв. наиболее распространенной и важной статьей черноморской торговли был вывоз невольников в Египет. В 1262 г. египетский султан Байбарс заключил с византийским императором Михаилом VIII Палеологом договор, разрешавший проход через проливы из Черного в Средиземное море египетских судов с купленными в Крыму рабами. Ежегодно Египет приобретал в одной лишь Каффе (Феодосии) около 2-х тыс. невольников, большинство из которых составляли черкесы. Византийский договор 1281 г., еще более расширил работорговлю. Но не египтяне, а итальянцы первенствовали в этом деле. И это несмотря на то, что римский папа запретил христианским купцам торговлю рабами с Египтом. Папские запреты не могли остановить работорговлю, – слишком велики были доходы алчных купцов.

По Дж. Интериано, многие из черкесских невольников в Египте «превращались в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров». Еще в середине XIII в. власть в Египте захватила первая мамлюкская династия «бахритская», состоящая из мамлюков – кипчаков, уроженцев Золотой орды. Уильям Поппер подчеркивает: «ас-Салих (султан Египта в 1240-1249 гг.) создал личную охрану и, фактически, всю армию из белых рабов, главным образом, малоазиатских турок и черкесов, которые были захвачены на войне или куплены у торговцев рабами, и которых он разместил в недавно построенных казармах на Ниле».

Как отмечал М.А. Заборов, «...мамлюкские командиры постепенно поднялись до положения господствующей прослойки феодальной аристократии. Ее-то представители и совершили в 1250 г. дворцовый переворот, поставив у власти своего султана – жестокого Муиз Айбека, с которого, собственно, и началось правление мамлюкской династии». Как говорится в Книге пророка Исая (19; 4), «...и предам Египтян в руки властителя жестокого, и свирепый царь будет господствовать над ними».

Численность черкесской группировки, по сообщению А.В. Кушхабиева (2007), особенно возросла в период правления бахритских или тюркских султанов (1250-1382). В бахритский период преобладали мамлюки тюркского происхождения: туркмены, малоазиатские турки, кипчаки и др. Черкесы были вторыми по численности.

2.3.2. К власти в Египте приходит «бурджитская» (черкесская) династия мамлюков

И сказал: «Войдите в Египет, если Аллаху угодно...

Коран. Сура 12; 100

Отцы наши перешли в Египет, и мы жили в Египте много времени.

Библия. Книга Числа (20; 15).

В 1277 г., кипчакским ханом Ногаем было нанесено крупное поражение черкесам Северо-Западного Кавказа. В результате этого поражения большое число черкесов оказалось в плену у монголов. Судя по всему, именно их и продали монголы генуэзцам и мамлюкским агентам. В течение 1277-1279 гг. султан Калаун (черкес по национальности) приобрел 12000 черкесов, из числа которых сформировал свою гвардию. К концу XIV в. значительно сокращается приток рабов из кипчакской степи. Большинство невольников стало поступать из Черкесии. В это время в Египте приходят к власти черкесские мамлюки. Начинается правление «бурджитов» – адыгской (черкесской) династии мамлюков, которые выдвигали из своей среды правителей – султанов.

Из среды черкесских мамлюков вышли многие эмиры, наместники, а также султан Бейбарс II аль-Джашангир (1309-1310). По мнению ряда авторов, – пишет А.В. Кушхабиев (2007), черкесами были также султаны Сайф ад-Дин Кутуз (1259-1260), Бейбарс I аль-Бундук-дари (1260-1277), Калаун аль-Алфи (1280-1290), Халил Бен Калаун (1290-1293), ан-Насир Насир ад-дин аль-Хасан (1347-1351, 1354-1361), ас-Салих Салах ад-дин Салих (1351-1354).

С приходом к власти в Каире черкесской династии бурджитов (1382-1517) связи между Черкесией и Мамлюкским султанатом стали интенсивней. Особое значение приобретают они во второй половине XIV в., в связи с приходом к власти в Черкесии князя Инала, прапрадед которого Араб-хан, по одной из версий, был выходцем из Египта и относился к знатной мамлюкской фамилии адыгского происхождения («История многовекового...», 2007).

С ростом численности и усилением черкесской группировки обострялось ее соперничество с турками. В 1293, 1309 и 1346 гг. проходили вооруженные столкновения между черкесской и тюркской группировками. Непрерывающаяся борьба между ними завершилась победой черкесов в 1382 г., когда лидер черкесских мамлюков эмир Баркук ибн Анас сместил правящего султана Хаджи II и был провозглашен султаном. *Так начался период правления черкесских султанов.*

Р. Рушди так описывает ситуацию, сложившуюся в это время в Египте: «В 1382 г. один из предводителей черкесов Баркук (Баркьюк) низложил султана-турка Хаджибин-Шагбана и завладел престолом, присвоив себе титул Мелик аз-Захир («всеянный монарх»). А это титул самого знаменитого правителя Египта из династии мамлюков Руки-ад-Дин Бибрис ал-Бундукдари». За годы своего правления (1382–1399) он значительно раздвинул пределы страны. В следующем разделе жизненный путь султана-черкеса Баркука, полный удивительных приключений, будет освещен более подробно.

2.3.3. Черкес Баркук: путь от простого свинопаса до султана Египта

И сказал Господь царю Соломону: Я отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему...

3-я книга Царств (11; 11).

В одной из своих книг по истории Адыгеи Э.А. Шеуджен особо отмечает «...сложную, и в то же время сказочную судьбу черкесских мальчиков, оказавшихся на чужбине и ставших искусными воинами и, что самое удивительное, египетскими султанами». Одним из таких мальчиков был Баркук (Баркьюк), волею судьбы вознесенный на трон древней страны фараонов. Ибн Тагри Бирди говорит, что Баркук имел черкесское прозвище Малихук, что означает «Сын пастуха» (Хотко С.Х., 2008).

«Они (черкесы) основали в Египте славную династию Солтанов, под именем Боргитов или Черкасов, коих родоначальником был Султан Баркок (Баркук)», – писал дореволюционный историк С. Броневский (Цит. по: <http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Султан Баркук считался «отцом черкесского правления» в Египте. Период правления адыгских мамлюков называется «Даулят аль-Джеркес» и продолжался с 1382 по 1517 г. Черкесы продолжали править Египтом до XVIII в. (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

2.3.3.1. Восхождение к трону

В 1382 г. в Египте начался период правления черкесских султанов: господствующее положение в стране занимали мамлюки адыгского (черкесского) происхождения.

С.Х. Хотко (2008).

Ниже привожу в кратком изложении сообщение С.Х. Хотко (2008) о восхождении бывшего свинопаса на высший трон Египетского государства. «Утверждение черкесской власти в Египте, – пишет историк, – было связано с Баркуком – уроженцем прибрежных областей Зихии. О его зихско-черкесском происхождении писал лично знавший его итальянский дипломат Бертррандо де Мижнанелли. Мамлюкский хронист Ибн-Тагри Бирди уточняет, что Баркук происходил из черкесского племени *каса*. Каса здесь, видимо, означает *касаг* (кашек) – обычное для арабов и персов наименование зихов».

Будущий египетский султан Баркук ал-Черкаси (он же: ал-Малик аз-Захир Баркук (Баркьюк) был родом из небогатой крестьянской семьи; в детстве пас свиней. Однажды его похитили пираты и продали торговцу невольниками. Так мальчик попал в военную школу богатого эмира, в которой училось около 4000 подростков. Обладая хорошими способностями, отличной памятью, силой и ловкостью, Баркук быстро обогнал своих товарищей и по достижении совершеннолетия стал свободным воином.

Но здесь случилось непредвиденное: мамлюки взбунтовались и на охоте убили эмира. Султан повелел казнить всех воинов, но они успели скрыться. Баркук с товарищами пустился в опасное странствие по незнакомой стране. Немало испытаний выпало на долю беглецов. Благодаря удачному стечению обстоятельств, Баркук в 1363 г. попал в Каир, столицу Египта, и поступил на службу к султану. Спустя 4 года при поддержке черкесского наместника в Дамаске он стал эмиром. В 1376 г. он становится регентом при очередном малолетнем Калауниде и начал усиленно вербовать, покупать и переманивать на свою службу черкесских мамлюков. Позже он занял пост атабега, что открыло для него еще большие возможности для организации черкесского войска.

Сосредоточив в своих руках фактическую власть, Баркук в 1382 г. был избран султаном Египта (Хотко С.Х., 2008).

2.3.3.2. «О народ мой! Разве не у меня власть над Египтом...?»

И воззвал Фираун в своем народе, сказав: «О народ мой! Разве не у меня власть над Египтом...?».

Коран. Сура 43; 50.

И предам египтян в руки властителя жестокого, и свирепый царь будет господствовать над ними...

Библия. Книга пророка Исайи (19; 4).

Страна ждала прихода к власти сильной личности: «В государстве установился самый лучший порядок, – писал современник Баркука, основоположник социологической школы Ибн Халдун, – *люди были рады, что входят в подданство султана, умеющего правильно оценить дела и управлять ими*». (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Крупнейший мамлюковед Д. Айалон назвал Баркука государственным деятелем, устроившим самую масштабную этническую революцию за всю историю Египта. Тюрки Египта и Сирии восприняли восшествие на трон черкеса крайне враждебно. Так, эмир-татарин Алтунбуга ас-Султани, наместник Абулустана, сбежал после неудачного мятежа к чагатаям Тамерлана, напоследок заявив: «Я не буду жить в стране, правитель которой черкес». Политика Баркука встретила ожесточенное сопротивление со стороны тюркских эмиров, первенствующее положение среди которых занимали татары во главе с Минташем. В последовавшей ожесточенной войне верх одержали черкесы (Хотко С.Х., 2008).

Дополняют эту информацию другие источники, свидетельствующие о том, что новый султан Баркук кардинально изменил этническую ситуацию в армии и бюрократическом аппарате. Тюркские наместники и эмиры были смещены. На высшие и средние посты назначались только черкесы. С этого времени начинается массовый перевоз добровольцев, наемников и родственников черкесских эмиров с Северного Кавказа в Египет. В эпоху правления черкесских султанов в Египте скопилось настолько большое количество черкесов, что современники нередко называли само государство Египет черкесским. Такой регулярный отток значительной части преимущественно молодого трудоспособного населения с исторической родины сыграл негативную роль в истории Черкесии, привел к нарушению демографических процессов, ее ослаблению в социально экономическом и политическом отношениях (Кушхабиев А.В., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 447).

Политика «выдавливания» тюрок из властных структур Египта привела к тому, что к 1395 г. *все эмирские должности в султанате были заняты черкесами. Кроме того, в руках черкесов были сконцентрированы все высшие и средние административные посты*. Ибн Тагри Бирди отмечал в этой связи: «Баркук и его преемники перевернули порядки государства, выдвигая только людей из своей среды и выдавая крупные поместья своим родственникам, иногда даже недавно привезенным мальчишкам» (Хотко С.Х., 2008).

Другой хронист, Шихаб ад-дин ал-Калкашанди, который завершил свою книгу к 1412 г., констатировал: «После того, как стал править султан ал-Малик аз-Захир Баркук из рода черкесов, он предпочел брать мамлюков из своего рода. Тогда уменьшилось число мамлюков-тюрок, так что уцелело их очень мало...». И далее он развивает свою мысль: «В наше время большинство эмиров и большинство солдат в армии черкесы... тюрки Египта настолько уменьшились в числе, что все оставшиеся из них состояли из кучки уцелевших ветеранов и их детей». (Хотко С.Х., 2008).

2.3.3.3. «Правитель горского типа, он отказался от азиатского низкопоклонства»

Проявлением кавказской воинской культуры можно считать введение рыцарских так называемых копейных игр. Черкесские копейные ристалища означали окончательный разрыв с тюрко-монгольскими (центральноазиатскими) военными традициями.

С.Х. Хотко (2008).

По мнению очевидцев, Баркук был «правителем горского типа»: он отказался от азиатского низкопоклонства и освободил людей от обычая целовать землю перед стопами султана. Уже в 1383 г. он отменил балдахин и зонтик, которыми слуги укрывали султана от солнца, и на публичные мероприятия выезжал верхом. Проявлением кавказской воинской культуры можно считать введение рыцарских так называемых копейных игр. Черкесские копейные ристалища означали окончательный разрыв с тюрко-монгольскими (центральноазиатскими) военными традициями. Как отмечал Ибн Тагри Бирди, султан не был высокомерен и, даже будучи правителем, участвовал в конных состязаниях, игре в поло, посещал черкесские пиры.

Уже при Баркуке утвердилось то уважительное отношение к представителям неисламских религиозных конфессий, которое столь исключительно характерно для всей черкесской эпохи. Дело дошло до того, что в своей резиденции – Цитадели на Горе – прямо напротив дворца халифа Баркук построил христианскую церковь для женщин, вывозимых из Зихии. А пренебрежительное отношение к мусульманской верхушке – кадиям и улемам – выразилось в том, что построенный Дворец правосудия – присутственное место четырех главных кадиев (ханафитского, шафиитского, ханбалитского и маликитского толков ислама) – Баркук называл не иначе, как «султанской конюшней» (Хотко С.Х., 2008).

Религиозный характер власти султанов всячески подчеркивался их окружением. Слово «султан» в официальных документах упоминалось в сочетании с «Аллах». Султаны покровительствовали священным городам мусульман. Они носили титул «Султан ислама и мусульман». Египет в данную эпоху считался центром мусульманского мира. Резиденция черкесских султанов находилась в Каирской цитадели (Кушхабиев А.В., 2006).

2.3.3.4. Баркук-государственник: к созданию Черкесского ксенократического государства со столицей в Каире

И ныне да усмотрит фараон мужа разумного и мудрого, и да поставит его над землею Египетскою.

Книга Бытие (41, 33).

В период правления черкесских султанов мамлюкское государство являлось феодальной, военно-теократической деспотией.

А.В. Кушхабиев (2006).

Власть и в Черкесии, и в черкесском султанате удерживалась одной группировкой аристократических семейств Черкесии. Черкесия являлась своеобразной «метрополией» масштабного военного отходничества, результатом которого стало образование Черкесского ксенократического (греч. *xenos* + *kratos* – «чужая власть», «власть пришельцев») государства со столицей в Каире. Черкесы эпохи Баркука наследовали огромную империю, созданную завоеваниями Бибарса I и Калауна ал-Алфи.

На протяжении 135 лет мамлюки сумели сохранить свое господство над Египтом, Сирией, Суданом, Ливией, Ливаном, Палестиной (значение Палестины определялось Иерусалимом), юго-восточными районами Анатолии, частью Месопотамии, а также Хиджазом с его священными городами – Меккой и Мединой. Эта громадная территория с населением, по меньшей мере, в 5 млн. чел. подчинялась черкесской общине Каира численностью в 50-100 тыс. чел., которая в любой момент могла выставить от 2 000 до 10 000-12 000 превосходных тяжеловооруженных всадников. Память об этих временах величия, наибольшего военно-политического могущества, сохранялась в поколениях адыгов вплоть до XIX в. Осознание престижности истории черкесского присутствия в Египте и Сирии в средние века и новое время существенно облегчало адаптацию в этих странах черкесов-изгнанников в период после Кавказской войны (Хотко С.Х., 2008).

«В период правления черкесских султанов мамлюкское государство являлось феодальной, военно-теократической деспотией (греч. *theos* «бог» + *kratos* «власть» – «форма правления, при которой духовенству, жрецам принадлежит и политическая власть»)), – отмечает А.В. Кушхабиев (2006). Формально мамлюкские правители признавали идею халифата и придерживались ортодоксального направления в исламе – суннизма. Основной функцией аббасидских халифов в Каире было освящение власти мамлюкских султанов. В черкесский период халифы стали получать *икта* (земельное владение, предоставлявшееся за несение службы) и денежное вознаграждение. Главой государства был султан, который избирался из среды высших эмиров и считался «первым среди равных». Султан был абсолютным монархом, главой светской и духовной власти государства. Только особо важные вопросы предварительно обсуждались с эмирами – членами Султанского совета (*Маджлис ас салтана*). Султан назначал высших чиновников – вице-султана, государственного секретаря, религиозных цензоров или инспекторов, руководителей всех диванов (перс. *divan* – Государственный совет в султанской Турции, состоявший из министров и придворных советников)). Являясь духовным главой, султан назначал всех верховных кади (*кади* – судья, чиновник, отправляющий правосудие на основе шариата), четырех мазхабов (*мазхаб* – богословско-правовая школа) и четырех муфтиев (*муфтий* – знаток шариата, дающий разъяснение его основным положениям и принимающий решения по спорным вопросам).

2.3.3.5. Черкесская (мамлюкская) кавалерия: «О, Аллах! Пошли нам победу!»

Если янычар называли лучшей пехотой в мире, то лучшей кавалерией надо признать кавалерию мамлюков.

А.П. Хабаху (2000).

Ни закованная в броню конница крестоносцев, ни стремительное войско татаро-монголов не выдерживали натиска черкесов-мамлюков.

С.Х. Хотко (2008).

Главной опорой власти черкесских султанов была армия, состоявшая из профессиональных частей. Армия пополнялась за счет приобретения новых мамлюков и частично за счет местного населения. Лучшую часть армии составляла собственно черкесская (мамлюкская) кавалерия. Во время больших войн создавались также вспомогательные отряды из бедуинов и феллахов.

Мамлюков могли приобретать только султан и эмиры. Юных мамлюков отправляли в военные школы, где их обучали владению разными видами оружия, верховой езде, основам ислама, преданности своему господину. К концу обучения мамлюки становились искусными воинами, сплоченными между собой. Мам-

люки получали свидетельство об окончании военной школы, личную свободу, феодальный лен (земельное владение за несение службы), оружие, лошадь и т.п. Мамлюки находились на службе у султана (*мамалик ас-султания*) либо у эмиров (*мамалик аль-умара*) (Кушхабиев А.В., 2006).

Как отмечает С.Х. Хотко (2008), во время правления Баркука мамлюкская конница насчитывала около 30 тыс. воинов. Каждый мамлюк-конник, по словам современников, мог справиться с пятью противниками. Перед боем мамлюки выстраивались в боевой порядок. Вперед выезжал сам султан и, подняв забрало, громко читал молитву. Вместе с ним молилось все войско. Затем, воскликнув: «О, Аллах! Пошли нам победу!» султан опускал забрало и первым бросался в бой. Ни закованная в броню конница крестоносцев, ни стремительное войско татаро-монголов не выдерживали натиска черкесов-мамлюков. Под предводительством султана Баркука мамлюки оказали решительное сопротивление полчищам великого завоевателя Тамерлана, пытавшегося покорить Египет и Сирию.

Известный философ Мишель Монтень в своей книге «Опыты» (1991. Т. 1. С. 443) приводит следующие (в том числе в некоторой степени фантастические) сведения о кавалерии черкесов-мамлюков: «Мамлюки хвалятся тем, что у них лучшие в мире боевые кони и что по природе они таковы, да и обучены так, чтобы по данному им голосом знаку узнавать и различать неприятелей. И будто бы точно так же они по приказанию своего хозяина умеют поднимать зубами и подавать ему копы и дротики, разбросанные по полю сражения...» (Цит. по: Хотко С.Х., 2012. С. 6).

2.3.3.6. Черкесы Баркука против Тамерлана

Баркук был очень храбрый человек... его имя высоко почитается в этой стране. Ни разу за все время его правления персы или татары не могли захватить малейшую часть территории Сирии.

Бертрандон де ла Броквиер (1433).

Тимур (Тамерлан) уважал Баркука; ...узнав о его смерти, он так обрадовался, что подарил сообщившему это известие 15 тысяч динаров.

Тильман Нагель (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Тяжелейшее испытание обрушилось на черкесов Баркука уже через 10 лет после прихода к власти. На сирийской границе появились войска Тамерлана – второго по рангу завоевателя после Чингиз-хана. В 1393–1394 гг. наместники Дамаска и Алеппо нанесли поражение передовым отрядам чагатаев, которые были направлены Тамерланом с целью разведать боевую мощь черкесов: трофеи и пленные чагатайские эмиры были доставлены ко двору Баркука.

Встревоженный неожиданной боеспособностью египетской армии, Тамерлан направил к Баркуку посла. Пограничный комендант задержал его в ар-Рахбе и дал знать о визите в Каир. Затем произошло то, чего не ожидал никто: Баркук распорядился умертвить посла. Это был настоящий «казус белли» (лат.: *casus belli* – «формальный повод к войне». – Авт.), – самаркандский тиран должен был ответить на кровное оскорбление. Баркук собрал армию и двинулся в Сирию. В ее северной столице – Алеппо – он разбил лагерь и стал ждать, когда появится со своей армией враг. Но, видя такое бесстрашие и жажду войны со стороны достаточно многочисленного профессионального корпуса, Тамерлан развернул свои полчища и отправился покорять более слабую во всех отношениях Индию (Хотко С.Х., 2008).

Об этой конфронтации писал путешествовавший по землям мамлюкского султаната бургундец Бертрандон де ла Броквиер: «Баркук был очень храбрый человек и до наших дней (отчет Броквиера относится к 1432–1433 гг. – Авт.) его имя высоко почитается в этой стране. Ни разу за все время его правления персы или татары не могли захватить малейшую часть территории Сирии. В тот момент, когда он узнавал, что одна из их армий угрожает его стране, он немедленно выступал ей навстречу и доходил до реки, что протекает к северу от Алеппо и отделяет Сирию от Персии. Жители Дамаска убеждены, что, будь он жив, Тамерлан никогда не направил бы свои армии в эту сторону. Тамерлан, тем не менее, почитал память о нем так, что, когда он захватил город и приказал предать его огню, он распорядился оставить в неприкосновенности дом Баркука и назначил стражу, чтобы предотвратить его сожжение, благодаря чему он сохранился до сего дня».

Современный исследователь истории Средней Азии Тильман Нагель уделяет взаимоотношениям Баркука и Тамерлана большое внимание (более 100 страниц из почти 600-страничной монографии). Т. Нагель, в частности, отмечает: «Тимур (Тамерлан) уважал Баркука... узнав о его смерти, он так обрадовался, что подарил сообщившему это известие 15 тыс. динаров». Султан Баркук ал-Черкаси умер в Каире в 1399 г.; власть наследовал его 12-летний сын от греческой невольницы – Фарадж (Хотко С.Х., 2008). А перед смертью Баркук назначил греческого эмира Тагри Бирди регентом малолетнего наследника. Благодаря этому, для потомков сохранилось немало ценных свидетельств о жизни черкесских султанов в Египте.

2.3.3.7. Междоусобная борьба в Египте: «Фарадж обрушил на головы черкесских сподвижников своего отца пытки, казни...»

Фарадж считал себя истинным черкесом и принял второе имя – Джаркас («Черкес»), которым очень часто и подписывал свои письма.

ал-Макризи (1469).

Сразу же после смерти султана Баркука в Египте началась междоусобная борьба, которая усилилась к 1400 г., когда в Сирию вторгся Тамерлан. Среднеазиатский завоеватель захватил и предал огню два ее главных города – Алеппо и Дамаск. Летописцы свидетельствуют, что черкесские гарнизоны всякий раз оказывали серьезное сопротивление и даже дали кровопролитное сражение в открытом поле. Но, не получив поддержки от Фараджа, они были вынуждены отступить из Сирии. Черкесский режим в Каире был на грани краха. Но Тамерлан не решился на бросок через Синайскую пустыню, – сказывались большие потери в войсках, а также на севере ему угрожал османский султан Баязет. В итоге Тамерлан ушел из Сирии, оставив ее Фараджу (Хотко С.Х., 2012. С.4-5).

И далее историк останавливается на поистине кровавых событиях в самом Каире, где Фарадж, по наущению матери, обрушил на головы черкесских сподвижников своего отца аресты, пытки, казни. Арабский хронист ал-Макризи сообщает, что за один только 814 г. (1411 г.) Фарадж уничтожил 630 знатных черкесов. Жестокость султана привела к тому, что в результате заговора, организованного эмирами Сирии, он был убит вместе с некоторыми своими сторонниками.

Вместе с тем, Ибн Тагри Бирди пытался оправдать Фараджа и восхвалял его храбрость. Он обращает внимание на то, что этот правитель убивал не только черкесов, но и представителей других племен. Большинство пострадавших при этом принадлежало к старой отцовской гвардии, сам же Фарадж продолжал набирать в армию черкесов. Примечательно, что, по свидетельству ал-Макризи, Фарадж считал себя истинным черкесом и принял второе имя – Джаркас («Черкес»), которым очень часто и подписывал свои письма.

Новый султан, Муайад Шайх, окончательно утвердил черкесское господство на берегах Нила. Он с легкостью разгромил ряд сильных туркменских князей Анатолии и Месопотамии. В память о его правлении в Каире стоит великолепнейшая мечеть, которую французский ученый Гастон Вьет в 4-м томе его «Истории Египта» назвал «самой роскошной мечетью Каира» (Хотко С.Х., 2012. С. 5).

2.3.3.8. Роль черкесских султанов в создании боееспособного морского флота в Египте

Флот обеспечивал военное доминирование Египта и безопасность торговли с отдаленными регионами

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

С приходом к власти в Каире черкесов во главе с султаном Баркуком, Египет стал преуспевать в морских столкновениях.

С.Х. Хотко (2012).

При черкесских султанах был создан, наряду с «лучшей в мире кавалерией», и мощный военный флот, который осуществлял плавания по Средиземному, Черному, Эгейскому, Красному морям, к побережью Индии и т. д. Флот обеспечивал военное доминирование Египта и безопасность торговли с отдаленными регионами («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 447).

Большое внимание созданию и усилению боееспособности морского флота уделял султан Баркук. Как отмечает С.Х. Хотко, «...если в предшествующее, XIV столетие, особенно в середине его, мамлюки беспомощно взирали на акции Лузиньянов с острова Кипр, буквально терроризировавших побережье Леванта, то с приходом к власти в Каире черкесов во главе с султаном Баркуком, Египет стал преуспевать в морских столкновениях. Уже в 1410 г. черкесские мамлюки опустошают южные порты Кипра – Фамагусту и Лимасол. В 1426 г., в правление могущественного султана Барсбая, мамлюки под командованием эмира Инала завоевали Кипр и взяли в плен короля Жана де Лузиньяна. Кипрские франки, сами имевшие сильный флот и располагавшие поддержкой ряда европейских государств, тем не менее, не отважились встретить черкесских мамлюков в открытом море» (Хотко С.Х., 2012. С. 5).

2.3.4. «Период правления султанов Бурджи стал временем монопольного господства черкесов в Египте»

2.3.4.1. «Бурджитская» (черкесская) династия мамлюков достигла своего расцвета...»

Период правления султанов Бурджи стал временем монопольного господства черкесов в Египте. В это время можно говорить о существовании собственно черкесского государства, построенного на мамлюкской основе.

Р. Рушди (1993).

В период правления черкесских султанов Египетское государство... включало земли: собственно Египта, Сирии, Палестины, Ливана, Киликии (Малой Армении), Нубии (Судана), Киренаики (Ливии), а также острова Кипр.

А.В. Кушхабиев (2007).

Черкесы преобладали в мамлюкской системе на всем протяжении ее существования. Есть основания утверждать, что период правления султанов Бурджи стал временем монопольного господства черкесов в Египте. В это время можно говорить о существовании собственно черкесского государства, построенного на мамлюкской основе (Рушди Р., 1993). У. Поппер отмечает, что все эмиры первой половины XV в. были черкесами и лишь на севере Сирии было несколько эмиров тюрского (туркменского) происхождения. Владычество адыгских султанов в Египте приходится в основном на 1382-1517 гг.:

1. Захир Сайф ад-Дин Баркук (он же: Баркук ал-Черкаси, или: ал-Малик аз-Захир Баркук) (1382-1399);
2. Насир Насир ад-Дин Фарадж (1399-1405);
3. Мансур Изз ад-Дин Абдульазиз (1405);
4. Насир Насир ад-Дин Фарадж (1405-1412) – вторично;
5. Адиль Мустаын (1412) – аббасидский халиф (султан);
6. Муайад Шейх (1412-1421);
7. Музаффар Ахмед (1421);
8. Захир Сайф ад-Дин Татар (1421);
9. Салих Насир ад-Дин Мухаммед (1421-1422);
10. Ашраф Сайф ад-Дин Барсбей (1422-1438);
11. Азиз Джамал ад-Дин Юсуф (1438);
12. Захир Сайф ад-Дин Джакмак (Чакмак) (1438-1453);
13. Мансур Фахр ад-Дин Осман (1453);
14. Ашраф Сайф ад-Дин Инал (1453-1461);
15. Муайад Шихаб ад-Дин Ахмед (1461);
16. Захир Сайф ад-Дин Хушкадам (1461-1467);
17. Захир Сайф ад-Дин Бильбей (1467);
18. Захир Тимурбуга (1467-1468);
19. Ашраф Сайф ад-Дин Каитбей (1468-1496);
20. Насир Мухаммед (1496-1498);
21. Захир Кансав (Кансух) (1498-1500);
22. Ашраф Джанблат (1500-1501);
23. Ашраф Кансав (Кансух) Гури (1501-1516);
24. Ашраф Туманбей (1516-1517).

Для сохранения своей власти и пополнения армии, черкесские правители Египта нуждались в постоянном притоке молодых людей с Северо-Западного Кавказа. Вот почему египтяне вывозили из Причерноморья множество рабов кавказского происхождения. Кроме того, по словам Р. Рушди, черкесские правители выкупали из турецкого рабства своих соплеменников и доставляли их с Северного Кавказа в Египет. Численность черкесских воинов без учета их семей и черкесов-сотрудников административного аппарата и членов их семей в указанный период находилась в пределах от 5 тыс. до 25 тыс. чел. (Кушхабиев А.В., 2007).

...Самый известный из «меликов» (король, монарх. – **Авт.**) черкесской династии в Египте, правивший в 1422-1438 гг., – Барсбей (Ашраф Сайф ад-Дин Барсбей). Он построил огромный флот и в 1426 г. покорил Кипр. В его эпоху границы государства простирались до Малой Азии и берегов Ефрата. К известным султанам-черкесам относится Каитбай, построивший ряд зданий великолепной архитектуры, в том числе «фантастические по своей монументальности и роскоши» некрополи.

2.3.4.2. Мусульманский Ренессанс: «эпоха богатства, процветания и великолетия черкесских мамлюков»

Эпоху мамлюков можно назвать с полным на то основанием эпохой «мусульманского Ренессанса», который наступил после ...вторжения крестоносцев и долгих кровопролитных войн Аюбидов.

А.П. Хабаху (2000).

Фантастические по своей монументальности и роскоши некрополи... представляют собой самое лучшее доказательство богатства, процветания и великолетия эпохи черкесских мамлюков.

С.Х. Хотко (2008).

Богатство и роскошь при черкесских мамлюках достигли абсолютного максимума в XV в.: самые богатые люди мира жили в это время в Каире. Как отмечает А.П. Хабаху (2000), «...эпоху мамлюков можно назвать с полным на то основанием эпохой «мусульманского Ренессанса», который наступил после упадка Абасидского и Фатимидского халифатов, вторжения крестоносцев и долгих кровопролитных войн Аюбидов.

В своей книге «История мамлюков» У. Моер писал: «Черкесские мелики были сильны в философских и политических науках, так же, как они и в совершенстве владели оружием и были искусными наездниками. Они после себя оставили памятники своей большой культуры, которую османское варварство не могло лишить ее величия, блеска и красоты».

Макс Роденбек, историк Каира, отмечал, что столица мамлюкского государства являлась своего рода «Нью-Йорком средних веков» как по размерам и численности жителей, так и по богатству, уровню комфорта и развития экономики. Каир был в то время в два раза больше Парижа – самого крупного города Европы, и в 5 раз больше, чем Константинополь, – речь идет, по меньшей мере, о 500 000 жителей.

Эмирские и султанские семейства черкесов контролировали торговлю Европы с Индией. Португальский путешественник Перу ди Ковильян, посетивший черкесский Каир в правление султана Каитбея, не мог найти слов для своих эмоций. Генри Харт пишет, что при черкесских мамлюках Александрия расцвела так, как это было лишь при Птолемах. Фантастические по своей монументальности и роскоши султанский некрополь Северного кладбища и эмирский некрополь Южного также относятся к XV в. Они представляют собой самое лучшее доказательство богатства, процветания и великолетия эпохи черкесских мамлюков (Хотко С.Х., 2008).

2.3.4.3. «Египет – прекрасная телица, но погибель от севера идет, идет...»: первые османо-мамлюкские войны

В сражениях у границы египетской... мамлюки сделали чудеса храбрости. Но измена двух беков предала Египет туркам. 25 тыс. мамлюков пало под Каиром, несколько тысяч других умерщвлены...

К.М. Базили

В конце XV в. (1485-1491 гг.) произошла первая османо-мамлюкская война. Мамлюки трижды разгромили турок. В последней битве 4000 султанских мамлюков в буквальном смысле растерзали османскую армию: 40000 турок остались лежать на поле битвы, а в Каир была приведена многотысячная толпа пленных. Черкесы, одержав одну из самых блистательных побед в своей истории, по праву считали себя победителями.

В начале XVI в. над Египтом вновь нависла угроза османского (турецкого) завоевания с востока и севера. Как говорится в книге пророка Иеремии (46; 20), «Египет – прекрасная телица, но погибель от севера идет, идет». Султан Кансаугур (он же: Кансохэль-Гаури, Къанщауэ аль-Гъури) возглавил героическую борьбу черкесских гвардейцев против турецких захватчиков: Это был человек огромной энергии и сильной воли, внесший значительный вклад в развитие экономики и культуры Египта.

После гибели Кансаугура в 1515 г., страной начал править Туманбей (Туманбай), – последний черкесский султан. Однако уже в 1517 г. турки во главе с султаном Селимом разгромили войска Туманбея и повесили его. Он предпочел смерть позору и не стал на колени перед завоевателями.

К.М. Базили так описывает это событие: «В сражениях у границы египетской, в Газе и под Каиром, в 1517 г. мамлюки сделали чудеса храбрости. Но измена двух беков предала Египет туркам. 25 тыс. мамлюков пало под Каиром, несколько тысяч других умерщвлены Селимом при взятии столицы, а когда уже не было никакой надежды спастись от османской сабли, остальные долго еще боролись вместе со своим несчастным султаном, который заключил черкесское владычество на берегах Нила трогательной элегией, писанной среди отчаянной борьбы на вечном камне пирамид». В жестокой и неравной борьбе черкесские мамлюки потерпели поражение. Так закончилось правление черкесской династии в Египте.

Дополняет эту информацию А.М. Мисостов, который приводит имена султанов, возглавлявших Черкесское государство (как он называет его) в Сирии и Египте. Особенно подробно Мисостов описывает последние дни правления султана Селима Черкесско-Египетского, его гибель в решающем сражении, избрание на трон и

гибель очередного султана Туманбая. Все повествование А.М. Мисостова эмоционально-возвышено. При изложении фактологической части он довольно точно следует известным историческим фактам. Турецкий историк Хусейн Хазерфани в своем сочинении «Тенги-Теварих», изданном в 1670 г. в г. Константинополе, описывает эти события точно так же как и А.М. Мисостов. Так, Хусейн Хазерфани пишет: «Последний царь из династии Черкес в Египте был Кансогори, который владел Египтом и Сирией в 902 (1496) г. По прошествии 16 лет его царствования, в Сирийской области, Халебском округе, в местечке, называемом Мередж-Дабык, ему пришлось дать сражение турецкому повелителю, султану Селиму. Он был разбит и убит в этом сражении.

Его полководцы возвратились в Египет и избрали себе царем из племени черкес Туманбая; но султан Селим, разбив Кансогори, покорив Сирию и Халеб, со всеми зависевшими от них провинциями, двинулся к Египту. Упомянутый царь Туманбай вне города Мисра дал сражение султану Селиму; но, не имея силы держаться против него даже один час, был разбит со всем черкесским племенем и прибег к Шейх-Сеиду Арабскому. Но последний схватил и представил его султану Селиму, который в 923 (1517) г. 17 числа ряби-уль-эввеля дал повеление повесить Туманбая, и он в воротах Зувейлэ был повешен» (Цит. по: Жемухов С.Н., 2005. Вып. II. С. 322).

Изыскания А.П. Хабаху (2000) дали возможность несколько дополнить этот трагический эпизод черкесской истории. Как отмечает историк, немало мужества проявили черкесы 22 января 1517 г. в сражении при Ридане (близ Каира). Черкесский эмир Туманбай, которого провозгласили султаном Египта, собрал армию против наступавших турок-османов. Костяк этой армии составляла черкесская конница. По свидетельству очевидцев, «...она поражала своим великолепием и одновременно вселяла ужас в сердца османов». И вот по знаку своего султана черкесы храбро кинулись на врага. Но мамлюков было слишком мало, чтобы одолеть более чем 100-тысячную армию турок. Они отступили, и османские войска заняли столицу Египта.

Однако Туманбай не сложил оружия и вновь собрал под свои знамена разрозненные отряды мамлюков. В конце марта 1517 г. под пирамидами произошло последнее сражение этой войны (так называемая «Битва под пирамидами»). Кровавопролитный бой продолжался целых два дня. В конце концов отвага мамлюков захлебнулась, и Туманбай был вынужден бежать и искать убежище у бедуинского вождя, жизнь которого он некогда спас. Но шейх изменил священному обычаю бедуинского гостеприимства и передал своего гостя в руки турок. Ал-ашраф Туманбай был повешен 13 апреля 1517 г. под аркой каирских ворот Баб Зуила. В жестокой и неравной борьбе черкесские мамлюки потерпели поражение. Но, как говорил великий Монтень, *«бывают поражения, слава которых вызывает зависть у победителей»*.

С гибелью Туманбая могущественная империя адыгских рыцарей прекратила свое существование. Предательство было главной причиной поражения черкесов в этой войне. Плененный султан держался гордо и благородно. Личные мамлюки Туманбая совершили отчаянную попытку отомстить предводителю турок Селиму и ночью ворвались в цитадель, но были все перебиты.

29 августа 1517 г. наместником Египта был назначен черкес Хаир-бей, а спустя полгода другой черкес – Джанберди ал-Газали стал правителем Сирий. Оба они получили свои земли в пожизненное владение. В этом же 1517 г. черкесские мамлюки, разгромленные в Египте турками, вынуждены были вернуться на Кавказ (Хотко С.Х., 1993; Хабаху А.П., 2000).

Память о последнем черкесском султанах надолго сохранилась в народе. Шабаном Кубовым был написан цикл поэм «Мамлюки (Эпос из адыгской истории)». В одной из них, в частности, описывается героическая гибель Туманбая. Когда турецкий султан хотел его унижить тем, что он представитель какого-то маленького черкесского народа, Туманбай гордо ответил:

Помни, спесивый правитель,
Будучи главой Египта великого,
Не склоню пред тобой свою голову...
Это не в правилах народа моего!

В период правления черкесских султанов Египетское государство занимало огромную территорию. Оно включало земли: собственно Египта, Сирии, Палестины, Ливана, Киликии (Малой Армении), Нубии (Судана), Киренаики (Ливии). Более того, в вассальной зависимости от египетских султанов находились: Хиджаз, Йомен и Хабеш, включавшие прибрежную часть Судана, Эритрею и часть Сомали; туркменские государства в Малой Азии – Караманидов и Зулгадыр. В 1426 г. был завоеван остров Кипр (Кушхабиев А.В., 2006, 2007).

2.3.5. «Закат» многовекового правления черкесов-мамлюков в Египте

2.3.5.1. «Османский» период в истории мамлюков

За небольшим исключением, все мамлюкские беи Османской империи XVI-XIX вв., были черкесами.

Р. Рушди (1993).

С 1517 по 1811 гг. начинается так называемый «османский» период в истории мамлюков. За небольшим исключением, все мамлюкские беи Османской империи XVI-XIX вв., были черкесами. Но даже в этот «османский» период система военного рабства не претерпела никаких изменений. К. Базили писал: «Мамлюки сохранили под турецким правлением древнее свое устройство. Число их простиралось от 10 до 25

тыс.». После захвата Египта турками-османами страна долго не могла оправиться. Здесь господствовал разброд, каждый предводитель провинции управлял ею самовластно.

Такому положению пришел конец, когда власть взял в свои руки Али-Бек (черкесский мамлюк). Свергнув турецкого правителя, он объявил независимость Египта от Османской империи. Укрепив безопасность страны, он подчинил Аравийский полуостров, Сирию, побережье Красного моря. Воспользовавшись его смертью в 1763 г., один из его врагов Абу-аз-Захаб (тоже черкес) объявил Египет подвластным Оттоманской Порте. Так Египет второй раз вернулся в состав Оттоманской империи.

2.3.5.2. Наполеон и черкесы-мамлюки

Далеко шагает мальчик. Пора унять...

А.В. Суворов о Наполеоне (1798).

Большая часть египетских мамлюков, с которыми приходилось сражаться Бонапарту и которые были им в свое время включены в состав мамлюкского эскадрона гвардии, были черкесы, выходцы с Кавказа, обосновавшиеся в Египте с XI в.

Колле, капитан (1931) (Цит. по: Мишель Сапен-Линьер, 2008).

Конец XVIII и начало XIX в. стали эпохой заката многовекового правления мамлюков в Египте и Османской империи. Прежде всего, это было связано с вторжением в 1798 г. армии Наполеона Бонапарта, – того самого Наполеона, приход которого за несколько столетий до того предсказал Нострадамус (1555):

Солдат-император не знал поражений,
Победы плодят легионы смертей...

Готовясь к завоеванию Египта, Наполеон, как можно судить на основе его дневников, основательно ознакомился с историей Египта, его правящей верхушкой, обычаями народов, населяющих страну. К.Ф. Дзамихов (2008) обращает внимание на то, что, знакомясь с историей Египта, особое внимание французский полководец уделял правлению великого Саладина (Салах ад-дина) и истории господства мамлюков с ранних времен до правления Али-бея, главы мамлюков, объявившего себя независимым от Турции правителем Египта. Наполеон был достаточно информирован и представлял себе форму и структуру управления Египтом мамлюками во главе с Мурад-беем (1750-1801) и Ибрагим-беем (1735-1816) – черкесами по происхождению.

Характеризуя мамлюков, французский полководец писал: «В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей, или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамлюков – мужчин, женщин, а также детей, исчислялось в 1798 г. 50-ю тысячами. Они могли выставить 12 000 всадников» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

31 июня 1798 г. был высажен французский десант для захвата города Александрии. Перед высадкой был издан приказ, в котором говорилось: «Солдаты, вы наносите Англии наиболее чувствительный удар... Через несколько дней мамлюки, оскорбившие Францию, не будут больше существовать». Заняв Александрию, Наполеон объявил его жителям, что пришел освободить их от господства мамлюков. 12 июля 1798 г. французская армия заметила войска Мурад-бея, правый фланг которых, состоявший полностью из мамлюков. В течение нескольких часов обе армии наблюдали друг за другом.

И если французскую армию Людовика IX в 1249 г. встретили черкесские и кипчакские мамлюки во главе с черкесом-эмиром Бибарсом, то французскую армию Наполеона спустя пять с половиной столетий, в 1798 г., встретили черкесские и грузинские мамлюки во главе с опять-таки черкесским эмиром Мурад-беем.

Наполеон оставил красочное описание мамлюкского войска: «Солнце, игравшее на шлемах и панцирях мамлюков, придавало этому прекрасному войску особенный блеск. По восточному обычаю произошло большое число поединков между наиболее смелыми из мамлюков и неустрашимыми альпийскими стрелками. Мамлюк демонстрировал свою ловкость и храбрость, он вызывал восхищение... Оценивая боевые качества и способы ведения военных действий мамлюков, Наполеон писал в своем дневнике: «Один мамлюк был сильнее одного француза; он был лучше натренирован и вооружен. Сто мамлюков могли биться со ста французами, имея шансы на успех. Но при столкновении двух отрядов, численность которых превышала 200 всадников, шансы находились на стороне французов...» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

Давая самую высокую оценку своим противникам, Наполеон писал: «Арабы никогда не дожидались атаки французской кавалерии – разве что их приходилось четверо на одного. Мамлюки, напротив, бравировали своим презрением к ней. Это было отважное и прекрасное ополчение». Ф. Энгельс охарактеризовал мамлюков как «самых прекрасных иррегулярных наездников». Словом, сильнейшая европейская армия того времени столкнулась в Египте с опасным и достойным противником. Однако, междоусобицы в стране, а также несовершенное превосходство передовой европейской тактики и оружия обеспечили успех французской армии.

Знаменитая битва при Пирамидах произошла 21 июля 1798 г. Мамлюков было не более 12 тыс., тогда как французов более 30 тыс. Мамлюки ни разу не воспользовались возможностью напасть на французов ночью, когда, при своем умении орудовать саблей и кинжалом, они могли бы тихо вырезать всех или почти всех. Но «французам Кавказа» сама эта мысль, по всей видимости, не приходила в голову. Большинство их погибло в открытом бою.

Разгромив 21 июля 1798 г. в решающем сражении у Пирамид мамлюкское войско, французы заняли Каир. Мамлюки понесли значительные потери и вынуждены были отступить в Верхний Египет.

Заняв Египет, Наполеон Бонапарт, высоко ценивший воинские качества мамлюков, включил специальное мамлюкское подразделение в состав императорской гвардии. И уже в составе этого элитного корпуса французской армии мамлюки покрыли себя славой в битве при Аустерлице (2 декабря 1805 г.), в самый критический момент сражения приняв участие в отражении атаки русских войск. Проявили мужество они и в русской кампании 1812 г. (Сапен-Линьер М. Черкесы. 2008. С. 84).

Интересная информация приводится на одном из сайтов Интернета: «У прославленного полководца Наполеона Бонапарта, как отмечает С. Хотко, телохранителем был армянин Рустам, проданный с территории Черкесии под видом черкеса. Другой телохранитель Наполеона – абадзех Хозет Али оставался верен своему императору до его кончины на острове св. Елены. И через три года, в возрасте 46 лет Хозет Али возвратился в Черкессию, в свой родной аул на р. Псекупсе. П. Аутлев упоминает имя еще одного черкесского телохранителя императора Франции: «Когда Наполеон, – пишет он, – вечером 7 октября 1812 г. покидал территорию Московского Кремля, то за ним ехал черкес Регистан, а вслед ему – маршалы Франции».

Но несмотря на ряд одержанных побед, французам не удалось продержаться длительное время в Египте. На борьбу с ними поднялись жители Каира, феллахи и бедуины. Мамлюки развернули партизанскую войну. Британские войска уничтожили флот Наполеона в августе 1798 г. В сентябре 1798 г. султан Османской империи Селим III, стремившийся восстановить контроль над Египтом, объявил войну Франции. Экспедиционный корпус Наполеона был вынужден в 1801 г. капитулировать (Кушхабиев А.В., 2007).

Возвращаясь во Францию, Наполеон Бонапарт оставил следующую инструкцию экспедиционному корпусу. В ней, в частности, говорилось: «Мамлюки не существуют более как самостоятельная сила, они могут пригодиться в качестве подчиненного ополчения; это прирожденные враги арабов и шейхов, они могут оказать услуги во многих случаях. Мурад-бей и Ибрагим-бей можно будет привлечь на нашу сторону, возведя их в княжеское достоинство; других беев – произведя их в генеральский чин и вернув им их владения. Нужно, однако, следить за тем, чтобы беи не располагали вместе с шестью полками кавалерии на драмодерах (боевые верблюды. – Авт.), сформированными на этот предмет для сдерживания арабов пустыни» (Дзамихов К.Ф., 2008).

После поражения Наполеона черкесские мамлюки осели в Марселе, образовав целую колонию. Роялисты часто нападали на селение мамлюков, но не могли разорить его. Мамлюки, видя, что спокойной жизни у них во Франции не будет, разъехались по всему свету (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>). Сохранился интересный факт, относящийся к отдаленным потомкам черкесов-мамлюков. Первая жена Ф.М. Достоевского – Мария Дмитриевна Исаева, по словам дочери писателя, «...была дочерью наполеоновского мамлюка, попавшего в плен при отступлении из Москвы и впоследствии привезенного в Астрахань, где он переменил религию и имя для того, чтобы жениться на девушке из хорошей семьи».

2.3.5.3. Закономерный финал: «По всей стране начались репрессии против мамлюков»

Страна была разделена на две зоны: Верхний Египет остался под контролем мамлюков, а Нижний оказался во власти Мухаммеда-Али.

А.В. Кушхабиев (2007).

Военные действия не прекратились после ухода французов; борьба за власть развернулась между мамлюками и османскими войсками. В 1803 г. албанский отряд, прибывший в составе османских войск, заключил союз с мамлюками. В 1804 г. союзники нанесли поражение османским войскам и повели борьбу между собой. Жители Каира провозгласили правителем Египта командира албанцев Мухаммеда-Али (Махмед-Али). Мамлюки, неудачно осаждавшие Каир в течение 4-х месяцев, отступили на юг. В итоге страна была разделена на две зоны: Верхний Египет остался под контролем мамлюков, а Нижний оказался во власти Мухаммеда-Али (Кушхабиев А.В., 2007).

В 1811 г. Мухаммеду-Али удалось путем военной хитрости уничтожить 500 мамлюкских беев (По свидетельству очевидцев, Мухаммед-Али устроил в Каире военный парад, участвовать в котором он пригласил всех мамлюкских беев. По заранее разработанному плану, беи-мамлюки были заперты в цитадели и уничтожены из укрытий албанскими стрелками). Вслед за этим по всей стране начались репрессии против мамлюков. Некоторые из них вынуждены были уйти в Верхний Египет. Часть их укрылась в Сирии и Судане, некоторые перешли на службу к новому правителю. По данным арабского историка-хрониста Джабар-ти, во время этих событий было уничтожено более 1000 мамлюков и *кяшифов* (наместников).

В результате многочисленных боевых действий, охвативших Египет на рубеже XVIII и XIX вв., численность мамлюков в значительной степени сократилась. По данным современников, общая численность

мамлюков во 2-й половине XVIII в. составляла 60-70 тыс. чел., которые могли выставлять 10-12 тыс. воинов. Но после войн конца XVIII – начала XIX в. их количество в стране снизилось до 5 тыс. чел.

Но черкесы продолжали «питать» систему военного рабства и после уничтожения Мухаммедом Али-пашой египетских мамлюков в 1811 г. и багдадских – в 1831 г. Как сообщал Артин-паша, по крайней мере, половина офицеров египетской армии в период с 1824 по 1878 г. были черкесскими мамлюками (Кушхабиев А.В., 2007).

2.4. Роль черкесских (мамлюкских) династий в истории и культуре арабских государств

2.4.1. «Воины-мамлюки покончили с крестоносцами и отразили нашествие татар»

Бразды правления в стране взяли в свои руки воины-мамлюки; они покончили с крестоносцами и отразили нашествие татар. Роль защитников страны принесла им могущество и власть. В богатом Египте мамлюкам было уготовлено благоденствие.

Амин Аль-Холи (1660).

Мамлюки оставили яркий след в истории и культуре Черкесии и Египта. По мнению К. Босворта, правление мамлюков в Египте и Сирии отмечено подъемом экономического благосостояния и расцветом культуры и искусства. За годы этого правления, как отмечал Р. Рушди «...влияние Египта простиралось до Сирии, Палестины, Иордании, Кипра, берегов Красного моря».

О роли мамлюков в истории Египта и мировой истории размышляет А.П. Хабаху (2000). По его мнению, возникновение черкесского (мамлюкского) государства носило закономерный и совершенно естественный характер. Исторически так сложилось, что в Египте не было собственного военно-служилого сословия и даже более того – здесь не было базы, на которой это необходимое для создания государства сословие могло появиться. До мамлюков Египет становился легкой добычей завоевателей, которых прельщали сказочные богатства этой страны и ее ключевое положение на стыке Азии, Африки и торгового пути из Индии в Европу. Священные места христиан были расположены чуть к северу от Египта и рядом же к юго-востоку от Каира – священные места мусульман.

Все эти факторы делали Египет в глазах завоевателей Запада и Востока лакомым и сочным куском, обладание которым сулило всевозможные выгоды. Соседняя Сирия из-за своей политической раздробленности также была обречена на постоянные завоевания и опустошения. И вот в такой исторический момент появились неустрашимые воины, защищавшие ислам и цивилизацию от полчищ варваров. Как писал Д. Кантемир (1673-1723), «...солдаты в египетскую армию набирались со всего света; особенно много в ней было черкесов, нации очень воинственной...» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 77).

Арабы, христиане и иудеи Сирии и Египта на долгие 250–300 лет вздохнули свободно: процветала культура, велось огромное по масштабам строительство, стремительно обогащались сирийские и египетские купцы. Государственное объединение Сирии и Египта пошло на пользу обеим сторонам: Сирию некому было защитить, кроме мамлюков, а последние не могли существовать без своей египетской базы.

Оценивая деятельность мамлюков с точки зрения их влияния на мировую политику, А.П. Хабаху (2000) пишет: «Если янычар называли лучшей пехотой в мире, то лучшей кавалерией надо признать кавалерию мамлюков. Но не только это обстоятельство интересно в мамлюках. Дело в том, что эти бывшие невольники превратили себя, начиная, по крайней мере, с середины XIII в., в самостоятельный фактор мировой политики, возглавив сирийско-египетскую империю Аюбидов, занимавшую стратегическое положение между Западом, с его крестоносцами, и Востоком, с его дикими ордами монголов» (Хабаху А.П., 2000).

Мамлюкский султанат возник на обломках державы Аюбидов. Он занимал стратегически важный район мира на стыке Запада и Востока. Вплоть до последних дней существования границы империи мамлюков расширялись, включая в себя Египет (метрополию), Йемен, Сирию, Киликию (Малую Армению), Ливию, Нубию (совр. Судан), о. Кипр, Хиджаз со святыми городами Меккой и Мединой (Кушхабиев А.В., 2007).

Народ сохранил в своей памяти предания и песни о мамлюках. Эпохе черкесского владычества в Египте посвящены «Плач об адыгских царях», «Плач Туманбая» и др. Черкесские мамлюки долгое время находились в центре мировой политики и возглавляли мощнейшее государство средневековья. На протяжении сотен лет они составляли мощную партию правящей верхушки и занимали господствующие позиции в мамлюкской системе. Мамлюки-черкесы основали в общей сложности династии из 24 черкесских правителей, которые управляли в Египте с 1382 по 1517 гг. Один тот факт, что им удалось отбросить татаро-монголов, делает их, как отмечали современники, «достойными вечной славы». Мамлюки преградили путь и войскам Тамерлана, идущим на Дамаск. Они воевали также против крестоносцев, которые пришли на Восток не только для спасения святой гробницы от мусульман, но и с другими, не столь благовидными целями.

2.4.2. Адыги в арабских странах: «Мы, черкесы, никогда никому не покорялись...»

Они (сирийские черкесы) воспитаны в демократическом духе. У них благородные традиции. Их храбрость в бою бесподобна. Они по своей природе конные воины и самые неустрашимые из народов Кавказа.

Британский журнал «Parade» (1947).

Многие представители черкесской диаспоры вошли в историю ряда государств Ближнего Востока, Северной Африки и Восточной Европы как выдающиеся государственные и политические деятели, военачальники, патриоты новой родины.

А.В. Кушхабиев (2007).

Трудно переоценить роль черкесов в истории и культуре арабских государств. Известный кавказовед В. Минорский писал, что «черкесы уважались в Сирии и Египте местным населением за свои древние обычаи». Как отмечал Дж. Оджридж: «До сих пор стоят почти все построенные ими (египетскими черкесами) великие памятники. Их очень много, но два памятника являются образцом их изощренного, декадентского и в то же время замечательного и чарующего вкуса в архитектуре – мечеть Муайад Шайха и мечеть Каитбая».

ЕГИПЕТ. Среди черкесских офицеров, занимавших в Египте высокие посты во время правления Мухаммеда-Али и его преемников, можно отметить следующих:

Махмуд Нами, получив образование во Франции, в 1834 г. занимал пост губернатора Сирии, в 1848-1859 гг. – пост министра финансов Египта; генерал Ахмед Рашид Хусни-паша получил образование во Франции, в 1877-1878 гг. командовал контингентом египетских войск на Балканах (в составе османской армии); Мухаммед Ратиб-паша – один из личных телохранителей правителя Саида-паши (1854-1863), получив военное образование во Франции, с 1864-го по 1879 г. в звании маршала был главнокомандующим египетской армии; генерал Исмаил-паша Айюб возглавлял Министерство общественных работ в 1881-1882 гг. и Министерство внутренних дел Египта в 1883 г.; генерал Омар Лутфи-паша губернатор Александрии в 70-х гг.; генерал Осман Рифки-паша – военный министр Египта при правлении Исмаила (1863-1879); генерал Юсуф-паша – командир одной из египетских дивизий.

По сведениям У. Мюира, в период с 1824 г. до конца XIX столетия преобладающую часть командных постов египетской армии занимали офицеры иностранного происхождения, *около половины которых были черкесы* (Кушхабиев А.В., 2007).

СИРИЯ. Черкесы сыграли огромную роль во всех арабо-израильских войнах XX столетия. Во время первой войны, в 1947 г., в авангарде сконцентрированных на границе с Палестиной сирийских войск действовали кавалерийские соединения из черкесов. Британский журнал «Parade» писал в то время о сирийских адыгах: «Они воспитаны в демократическом духе. У них благородные традиции. Их храбрость в бою бесподобна. Они по своей природе конные воины и самые неустрашимые из народов Кавказа».

Сирийская газета «Аль-Аям» также поместила статью о черкесах, защищавших от израильских войск стратегически важную высоту Тель-Азизият: «Потери не заставили дрогнуть и не приуменьшили сил черкесов. Это не в правилах народа, который с материнским молоком впитал в себя мужество, дети его привыкли плясать под свист пуль и грохот гранат и снарядов. Не раз они, отличаясь силой и мужеством и мстя за кровь, ставили сионистов в труднейшее положение. Эти бесстрашные воины так самоотверженно сражались, чтобы своей победой восславить родину, а в случае смерти своей кровью удобрить землю».

Как отмечает Б.Х. Бгажноков, в 1967 г. во время оккупации Израилем Голанских высот в Сирии, там располагалось 14 черкесских аулов. Израильским войскам было дано указание удерживать черкесов от переселения из зоны боевых действий и создать им нормальные условия для мирной жизни, однако все черкесы покинули свои дома и ушли. На вопросы израильских военных, что заставляет адыгов уходить с обжитых мест, старики неизменно отвечали: «Свобода. Жизнь в оккупации, какой бы хорошей она не была, не для нас. Мы, черкесы, никогда никому не покорялись» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

ТУНИС. В истории Туниса известна реформаторская деятельность группы бывших черкесских мамлюков во главе с генералом Хайреддином, получившим назначение на пост министра военно-морского флота в 1857 г. С первых же дней Хайреддин провел полную реорганизацию этого министерства в соответствии с европейской системой. Благодаря его усилиям был восстановлен порт Гулет. Серьезное внимание Хайреддин стал уделять проблеме приобретения иностранцами земель в стране. Комиссия под председательством Хайреддина с участием европейских представителей в 1860 г. выявила и конфисковала незаконно приобретенные иностранцами земли (около 90 % земель) (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V).

В 1873 г. Хайреддин был назначен на пост премьер-министра. Он отстранил от должностей почти всю коррумпированную команду и сформировал новое патриотическое правительство, преобладающую часть которого составили бывшие мамлюки. Сам Хайреддин, помимо поста премьер-министра, занял и пост министра иностранных дел.

Другой черкес – генерал Хусейн был назначен министром народного образования и общественных работ. Прежде он служил в гвардии бея, окончил военно-инженерную школу в Бардо. В 1858-1865 гг. Хусейн возглавлял муниципалитет г. Туниса, в 1860-1862 гг. был председателем гражданского и военного суда. После отстранения от должности, вместе с Хайреддином, был вынужден переехать в Европу, где находился до назначения на указанную должность. Принимал участие в конституционных реформах. Хусейн был известен также как писатель, знаток европейской и арабской литературы. Наибольшую известность получило его описание путешествия Садок-бея в 1860 г. в Алжир, где шли переговоры с Наполеоном III. На посту министра народного образования и общественных работ Хусейн находился вплоть до французской оккупации страны в 1881 г.

Военное министерство возглавил черкес генерал Рустам. Окончив военную школу в Бардо, он продолжил военную карьеру, получил звание генерала, был назначен главой гвардии, в годы конституционных реформ занимал должности министра внутренних дел, министра иностранных дел и др. Генерал Рустам был известен своими либеральными взглядами и патриотическими настроениями, честностью и ответственным отношением к службе. На посту военного министра Рустам находился до 1878 г. (Кушхабиев А.В., 2007. с. 212-213).

СУДАН. В истории Судана XIX в. встречается довольно много имен черкесов – губернаторов, наместников отдельных областей, офицеров египетских войск. Следует указать имена наиболее известных из них.

Столица современного Судана, Хартум, основана черкесским военачальником Осман-пашой Джаркасом (Усман-бей Джеркас). После покорения Судана Мухаммед Али (годы его правления 1821-1825) назначил его губернатором суданских провинций Сеннара и Кордофана. Из 24-х генерал-губернаторов египетского Судана 12 были черкесами: кроме Осман-паши Джаркаса – Маху-бей, Ахмед-паша Уидан (Ахмед-паша Абу Видан), находившийся перед этим на посту военного министра Египта; Рустам-паша Джеркас, Ахмед-паша Миникли, Али-паша Джаркас, Хасан-бей Саяма Джаркас, Муса-паша Хамди, Джафар-паша Садык, Исмаил-паша Айуб, Мухаммад Рауф-паша, Ала ад-Дин-паша Сиддик (Ала аль-Дин-паша Садик, а также Абд аль-Латиф Абдалла-паша, который провел ряд социально-экономических преобразований. Он предпринял меры по стабилизации курса денежных единиц (уравнял с курсом в Каире), усилил государственный контроль торговли на Белом Ниле. Он также запретил ношение холодного оружия, ввел наказания за нанесение оскорблений и т. п.

Наместниками отдельных провинций были: черкесы: Хусров-бей – губернатор Таки в 1854 г.; Мухаммед Саид-паша Уахби – губернатор Кордофана в 1873-1874 гг. и губернатор Таки в 1879 г.; Хасан-паша Хильми аль-Джуейсар – губернатор Таки в 1866 г.; Сулейман-паша Ниязи в конце 70-х гг. XIX в. командовал египетскими войсками, дислоцированными в Судане (Кушхабиев А.В., 2007. С. 208-209).

ИОРДАНИЯ. И в более поздние времена черкесы вписали немало славных страниц в историю государств Ближнего Востока. Столица Иордании, город Амман, основан черкесами-махаджирами во второй половине XIX в. Когда первые адыги-шапсуги появились в Аммане, здесь были только развалины старинного римского амфитеатра, а вокруг – пустыня. Постепенно обживая и благоустраивая эту негостеприимную местность, в непрерывной войне с бедуинами, черкесы сумели построить здесь цветущий город, ставший затем столицей Иордании. Адыги помогли эмиру Абдаллаху основать Трансиорданский эмират (современная Иордания). Именно черкесы, а не арабы, обеспечивали поддержку Абдаллаху в его движении за независимость Иордании. Брюс Макей, английский историк, восторженно отзывался о черкесских воинах: «Черкесы были союзниками Абдаллаха твердо и последовательно в тот период, когда судьба эмира, казалось, висела на волоске. Эмир Абдаллах никогда не забывал и об этом не раз вспоминал».

Много позже, уже в XX столетии, черкесы сыграли важную роль в подавлении палестинского мятежа в Иордании в 1970 г. Только силами черкесов и бедуинов страна была спасена от гражданской войны и разгрома боевиками Ясира Арафата.

Даже сегодня, спустя столько лет, охрану иорданского короля Абдаллы бин Хусейна осуществляет черкесская гвардия. В Иордании черкес является олицетворением государственной безопасности. Многие адыги играли и играют важную роль в жизни Ближнего Востока, например, Иззет Хасан Кандур – начальник генштаба иорданской армии, командующий силами безопасности Хашимитского королевства; Ануар-Мухамед Исмаил – советник иорданского короля по военным вопросам, министр внутренних дел Иордании; Тахсин Хамид Шурдум – заместитель министра обороны Иордании; Ауни Мудар – главнокомандующий королевскими военно-воздушными силами Иордании, и многие другие (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

ИРАН. Черкесские наемники известны и в истории Сефевидского Ирана. В годы правления шаха Тахмаспа (1524-1576 годы), как отмечает В. Сокуров, отряды из Черкесии, Дагестана и Туркмении стали играть важную роль в политической жизни страны. После смерти Тахмаспа «двумя группировками, соперничавшими за власть, оказались грузинская партия, поддерживаемая вождями туркмен-устанджлу, и черкесская партия, которая поддерживалась афшарами и другими кизилбашскими племенами». Шах Аббас I был женат на кабардинке. В его правление Исфаганским воеводой был кабардинец Ферхад-бек. В период правления шаха Аббаса I были налажены дипломатические контакты между Персией и Кабардой. В мае 1615 г. в Тебриз приехал малокабардинский князь Мудар Алкасов, в том же году приезжали ко двору шаха князья Шолох Тапсароков и Казим Пшеапшох.

ЭФИОПИЯ. Черкесские воины отмечены в первой половине XV столетия в Эфиопии (Абиссинии). «Он (правитель Эфиопии Хати Исаак), – писал арабский историк Макризи, – возрос в силе следующим образом: один из мамлюков эмира Бузлара, наместника Дамаска, преуспевающий в делах службы, известный как Алтунбуга Муфрик, стал наместником Куса в верхнем Египте. Затем он бежал в Абиссинию и поступил там на службу к королю. Он обучил его подданных искусству копейного боя и стрельбы из лука, и владению другими видами оружия. Затем один из черкесских мамлюков, который раньше был в Египте начальником арсенала, также присоединился к королю и построил ему королевский военный завод» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

2.4.3. «Татарский эмир имел только один недостаток – он не был из племени «людей», то есть не был черкесом...»

Национальная сплоченность и монопольное господство черкесов в Египте выражались в употреблении терминов «люди» (ал-каум), «народ» (ал-джинс), «племя» (ал-та'ифа), – исключительно по адресу черкесов.

С.Х. Хотко (2012).

В завершение данной темы приведу примечательный факт. Как отмечают авторы одного из сайтов Интернета, в Египте во времена господства мамлюков, арабские историки по отношению к черкесам в качестве синонимов употребляли слов «люди». Например, описывая татарского эмира Алтунбугу аль-Кирмиша, арабский автор писал: «Он имел только один недостаток – он не был из племени «людей», то есть не был черкесом». Описывая черкесского эмира Тука аль-Джаркаси, египетский хронист Ибн Тагри Бирди отмечал: «Я не знаю ни одного другого достоинства, которое можно было бы приписать ему, кроме того, что *он черкес и принадлежит к людям*» <http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>.

Развивает эту интереснейшую тему известный историк С.Х. Хотко (2012), отмечающий, что в источниках черкесского периода (1382-1517 гг.) национальная сплоченность и монопольное господство черкесов в Египте выражались в употреблении терминов «люди» (ал-каум), «народ» (ал-джинс), «племя» (ал-та'ифа), – исключительно по адресу черкесов. Зачастую, характеризуя эмиров, которые добились высокого ранга, египетские хронисты утверждают, что «единственным их достоинством было то, что они были черкесами». О Тагри Бирмише, наместнике Алеппо, сообщается, что он не делал попыток добиться султанства, «...потому что знал, что «люди» не позволят ему этого». Он также осознавал, что если они и захотят, то они могут не разрешить ему далее сохранять его наместничество, потому что он был туркменом и не принадлежал к «народу».

Давид Айалон (1949) отмечает, что «...только в единичных случаях нечеркес добивался высокого ранга, и даже тогда это являлось следствием чрезвычайных обстоятельств». А. Поляк обращает внимание на то, что власть и в Черкесии, и в Черкесском султанате в Египте удерживалась одной группировкой аристократических семейств. Точно так же, как черкесы составляли аристократию Египта, так и представители черкесской знати пользовались всеми привилегиями внутри черкесской общины. Именно они (и только они!) являлись предпочтительными кандидатами на продвижение в армии, придворные посты и даже султанство. Простой же черкес, как, например, Хушкадам ас-Сайфи, несмотря на то, что он стал эмиром, наместником Иерусалима, по праву считался храбрецом, но все же оставался маловлиятельным, «не из знатных людей и не из тех, кто во главе его народа» (Хотко С.Х., 2012. С. 5).

КУЛЬТУРА И БЫТ АДЫГОВ

Нет у них ни судей, ни каких-либо писанных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними.

Дж. Интериано (1501).

«Корни культуры адыгейского народа так же глубоки, как и сама история», – отмечает Т. Керашев. Справедливость этого тезиса подтверждается при рассмотрении в многовековой ретроспективе удивительно богатой и многообразной культуры адыгского народа, – как материальной, так и духовной, чему посвящен новый раздел нашей книги.

Впервые более или менее достоверные известия о быте, нравах и обычаях адыгов в письменных источниках появляются в XIII-XV вв. Они свидетельствуют, что в это время наряду с углублением процесса феодализации в адыгском обществе сохранились и ярко выраженные черты патриархально-родового быта. Одним из таких пережитков является левират – обычай жениться на вдове умершего брата. Данный обряд, по свидетельствам Дж. Интериано, встречался у адыгов еще в середине XV в. Допускалось и многоженство.

По сведениям Дж. Интериано, писанных законов не было, и основную роль в регулировании общественной жизни играл комплекс народных обычаев, определявших быт, культуру, этику. «Нет у них ни судей, – писал он, – ни каких-либо писанных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними». У адыгов существовал обычай купать новорожденного в холодной реке. «Новорожденному давали имя того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов. И если это грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени окончание «ук». Например, Петро – Петрук, Пауло – Паулук и т. д.».

По сообщениям Юлиана (начало XIII в.), адыгские «мужчины голову бреют совсем, а бороды отращают с некоторым щегольством, исключая людей знатных, которые в знак благородства оставляют волос над левым ухом, обрив всю голову». Обычай этот сохранялся у адыгов очень долго. Об этом же свидетельствует и Дж. Интериано: «Усы носят длиннейшие... они бреют голову, оставляя на макушке пучок волос, длинный и спутанный, как говорят иные, для того, чтобы было за что ухватить голову, в случае если ее отрубят, не марая лица окровавленными руками, оскверненными и загрязненными человекоубийством».

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

1.1. «Живые памятники культуры народа»: ремесла и кустарные промыслы

Над чем бы ни работал мастер, он стремился сделать вещи не только удобными, но и красивыми. Эту красоту он старался ежедневно вносить в свой быт... Так рождались художественные промыслы – эти живые памятники культуры народа.

Н.И.Сообцокова (2010).

Основные занятия адыгов с глубокой древности – земледелие, садоводство, виноградарство, пчеловодство, рыбная ловля, а также отгонное скотоводство (овцы, козы, лошади, крупный рогатый скот; до принятия ислама разводили также свиней), Особое место занимало разведение лошадей. Традиционное ремесло было в основном связано с обработкой скотоводческих продуктов: обработка кожи, выделка сукна, изготовление одежды, бурок и т. п. Черкесское сукно особенно высоко ценилось у соседних народов. На юге Черкесии была развита обработка дерева. Широко распространены были металлургия, кузнечное ремесло, оружейное, золотошвейное дело, керамическое производство (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Прочность и красота, легкость и удобство создали славу черкесским изделиям, начиная от конского убранства и заканчивая национальными костюмами, которые получили распространение на всем Кавказе и за его пределами. «Русские и иностранные авторы единодушно отмечают, что черкесские мастера и мастерицы производили превосходные изделия, которые служили образцом для других народов Северного Кавказа», – в справедливости этих слов известного историка и этнографа В.К. Гарданова трудно усомниться (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 246).

Адыгские ремесла и кустарные промыслы имеют, как отмечает М.А. Меретуков, богатейшие традиции, их корни уходят вглубь веков, о чем свидетельствуют как археологические материалы, так и письменные источники. Высокого развития достигает ремесленное производство в античную эпоху и особенно – в период средневековья, о чем свидетельствуют материалы могильников (Борисовский, Агойский, Ново-Михайловский и др.), в которых обнаружены многочисленные предметы вооружения, конского убора и украшения, выполненные с большим мастерством (Керефов Б.М., 2006).

1.1.1. «Все, что употребляет адыг, производится дома»

Они (черкесы) очень искусны и трудолюбивы...

Карл Кох (1842).

Прочность и красота, легкость и удобство создали славу черкесским изделиям, начиная от конского убранства и кончая костюмом, который получил распространение на всем Кавказе.

В.К. Гарданов (1961).

Всем необходимым для хозяйства адыги могли обеспечить себя самостоятельно. «Какие ремесленники потребны черкесам для ограниченного круга их надобностей, – писал С.М. Броневский, – те у них и есть: кузнецы, оружейники, седельники, скорняки, ременьщики и серебряного дела мастера». Разнообразные домашние промыслы также получили большое развитие. На внешнем рынке славились черкесские бурки, седла, черкесское оружие. В своих воспоминаниях Г.И. Филиппсон отмечал, что наружный вид и отделка оружия были своеобразны и очень красивы, и в период Кавказской войны черкесское оружие носили все офицеры русской армии, служившие на Кавказе (Кудаева С.Г., 2007).

Дополняют эту информацию исследования А.Ю. Чирга и Н.Х. Женетль (2006). Авторы отмечают, что домашние (кустарные) промыслы у адыгов были направлены на изготовление предметов главным образом для внутренних потребностей семьи. Г.Ю. Клапрот, побывавший на Кавказе в начале XIX столетия, замечал, что у адыгов «...каждая женщина изготовляет в доме своем необходимую одежду. Мужчины сами приготавливают домашнюю утварь...». Ж. Тебу де Мариньи, несколько раз посетивший в первой половине XIX столетия Черкессию, тоже наблюдал, что горцы дома изготовляют все нужное для себя, причем «...женщины... заняты тем, что делают из светлой пряжи сукно, напоминающее фланель; бурки, седельные подушки, полотно, одежду, обувь... Мужчины занимаются плотничеством, налаживают ружья, льют пули...». Прекрасный знаток черкесской жизни середины XIX в. полковник Т. Лапинский (1995) подчеркивал: «Все, что употребляет адыг, производится дома». У бжедуггов существовали весьма разнообразные домашние промыслы, некоторые из которых достигли довольно значительного развития. Так, продукция шерстеобрабатывающей промышленности (сукно, бурки) находила себе хороший сбыт на внешнем рынке (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006. С. 20-21). Ремесленники работали, главным образом, на заказ, постепенно развивалась профессиональная специализация.

Источники указывают на высокое мастерство адыгских ювелиров, изделия которых покупались охотно за пределами страны. Так, Т. Лапинский (1995) следующим образом отзывался о работе адыгских мастеров: «Золотые и серебряные украшения, вызывающие восхищение европейского любителя оружия, изготавливаются с большим терпением и старанием посредством скудных инструментов». Большую славу завоевали себе и адыгские мастера-оружейники. Развивалось производство пороха (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006. С. 20-21).

1.1.2. Кузнечное производство. Искусство художественнойковки

Они (черкесы) очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также коуют и изготовляют из него всякого рода орудия...

Э. Кемпфер (1651-1716)

Имея некоторое понятие об искусствах, они (адыги) вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы.

Ш.Ногмов (1861).

КУЗНЕЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. Особенное значение для адыгов из всех ремесел имело кузнечное, которым они занимались с глубокой древности, что подтверждают многочисленные археологические находки. Наиболее ранние из них относятся к концу IV тысячелетия до н. э. – времени появления на Северо-Западном Кавказе орудий сначала из меди, а затем из бронзы. Не случайно в адыгском обществе особо почитался именно кузнец, и ему порой приписывали сверхъестественные силы, которыми он якобы обладал, а уголь, воду и кузнечные инструменты считали магическими. Ведь кузнецы изготовляли наиболее важные и нужные для предков адыгов предметы: сельскохозяйственные орудия, оружие, вертела, очажные цепи, очажные щипцы.

Жители северокавказских равнин и предгорий первоначально получали железо со стороны – из государства Урарту, которое в древности являлось крупным поставщиком этого металла. Позже северокавказские племена стали добывать железо, обнаруженное на территории современного Дагестана, а также в горах Северо-Западного Кавказа. Из железа, получаемого сыродутным способом, предки адыгов – меоты в IV-III вв. до н. э. изготовляли основные орудия труда и оружие, а из бронзы делали защитные доспехи, части конского убора, зеркала, украшения.

Некоторое представление о земледельческих орудиях у народов Северного Кавказа в эпоху средневековья дают археологические материалы X-XV вв., в частности, найденный на территории Красногвардей-

ского района и хранящийся в Национальном музее Республики Адыгея так называемый «уляпский клад». Он датируется X в. и включает в себя 11 орудий труда, изготовленных из железа, в том числе 2 косы, лемех, мотыжку, наральник и другой сельскохозяйственный инвентарь (Бойко С.М., 1999).

Наряду с этим, на других средневековых поселениях Приазовья и Закубанья, в верховьях р.Кубани и ее притоков обнаружены железные лемехи, мотыги, серпы, топоры для подсечного земледелия, каменные орудия (жернова, зернотерки, ступы и т. д.), а также гигантские кувшины-пифосы, которые использовались предками адыгов для хранения зерна. Наличие сошников говорит, в частности, о достаточном развитии пашенного земледелия в Закубанских предгорьях (Анфимов Н.В., 1951; «История народов»..., 1988).

Об использовании предками адыгов собственного железа существуют различные мнения. Так, официальный историограф кубанских казаков Е. Фелицин, комментируя сообщение К. Пейсонеля (1762) о закупке черкесами германских кос, утверждает: «Закубанские горцы не занимались производством металлических изделий, в этом отношении они стоят далеко ниже других кавказских племен. Косы, сельскохозяйственные орудия и оружие они всегда получали от других народов. С XV в. главными поставщиками металлических вещей для горцев являлись турки и крымские татары. И до сих пор (т.е. конец XIX в.) всякого рода металлические изделия горцы приобретают покупкой у русских».

Это утверждение казачьего историографа неправомерно и опровергается материалами археологических раскопок, а также архивными и литературными источниками. Среди последних можно привести сообщение очевидца – Э. Кемпфера (1651–1716), относящееся к концу XVII в.: «Черкесы очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куят и изготавливают из него всякого рода орудия». Об этом же сообщает и Ш. Ногмов (1861): «Имея некоторое понятие об искусствах, они (адыги) вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы».

Еще одно, более определенное подтверждение можно получить из сообщения некоего Н.М. (1837). Принимая участие в «репрессалии» царских войск против черкесов, участник похода Н.М. отмечал: «Обилие здешних трудов (автор имеет в виду прекрасно возделанные поля и ухоженные сады. – Авт.) показывало обилие рук, то есть большое народонаселение. В богатых аулах встречались хорошо устроенные кузницы, и одна из них была особенно примечательна обширностью своей и тем, что находилась у подошвы горы, богатой железной рудой. Тут устроены были горны и стояло несколько отличнейших чугунных, больших точил, что заставляет предполагать в здешних горцах знание какого-нибудь искусства, – вероятно, они делают оружие» (Н.М., 1847. С. 8).

ПРОИЗВОДСТВО БУЛАТНОЙ СТАЛИ. Железный век, наряду с широким применением этого металла, на Кавказе характеризовался также изобретением лучших сортов стали. С этой точки зрения несомненный интерес представляет сообщение М.А. Меретукова (1965), что предкам адыгов, задолго до открытия секрета дамасской стали, было известно производство стали, по своим свойствам близкой булатной. Как отмечает историк, в современном адыгском эпосе сталь называется «*ицылыч*», а в произведениях фольклора она известна под названием «*чыр*». В кабардинском языке это слово произносится «*жъыр, жыр*», а в абадзехском диалекте – «*иыр*». По утверждению автора, из адыгейской стали-чыр изготавливали холодное оружие, сабли, кинжалы и т. д. В нартском эпосе, начало которого восходит к I тысячелетию до н. э., можно найти множество примеров, свидетельствующих о том, что предки адыгов производили оружие из булата (перс. *pulad* – «высококачественная дамасская сталь, применявшаяся на Востоке для изготовления клинков сабель и кинжалов»):

Чтоб копье твое теряло
Счет сраженным супостатам,
Чтобы ты булатом острым
Рассекал с размаха скалы,
Обнажи, воитель статный
Меч булатный, меч суровый... и т. д.

О том, что в Земле адыгов имеются богатые залежи металлических руд, упоминали многие авторы. Так, И.Ф. Бламберг (1840) писал: «На территории абадзехов имеется самородное железо в форме крупного песка у подножья горы Ногокоссого; абадзехи собирают его и без особого труда выплавляют в виде слитков, пригодных для использования в различных целях. В недрах земли черкесов имеются также медь, свинец и серебро. Нет никакого сомнения в том, что эти горы содержат богатые залежи руд металлов...».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОВКА. С X в. у адыгов достигает особого расцвета художественная обработка металлов. Значительно совершенствуются в это время такие приемы, как чеканка, тиснение по металлу, гравировка. Широкое распространение получает искусство чернения, возникшее в раннем средневековье (Керефов Б.М., 2006).

Искусствоковки, в том числе художественной, сохранилось в адыгской традиции почти до настоящего времени. В начале XIX в. особо славился своим искусством кузнец Хабиж Шогенов из сел. Хапцева в Малой Кабарде. В некоторых географических названиях сохранились имена знаменитых кузнецов прошлого. Так, на северо-восточной окраине а. Егерухай расположен *Сет Юшъхьмиц* – «Курган трех братьев Сетовых». Предание гласит, что среди нартвов особенно отличались братья Сетовы: они славились своим искусством в кузнечном ремесле, и по изготовлению орудий труда с ними никто не мог сравниться.

1.1.3. Оружейное производство: «Главная роскошь у черкесов состоит в их оружии»

Предметом роскоши у черкесов считается прекрасное оружие, за которым они следят с величайшим тщанием.

Жан-Шарль де Бесс (1799-1838).

Главная роскошь у черкесов состоит в их оружии, хотя их особенно интересует само качество оружия, они все же неравнодушны к богатому украшению оружия... Они никогда не продают свое лучшее оружие, и оно обычно переходит по наследству от отца к сыну.

И.Ф. Бларамберг (1840).

Как отмечал П. Остряков, славились у адыгов и оружейные мастера. Они изготавливали даже дамасскую сталь, секрет приготовления которой в настоящее время, к сожалению, утрачен. Следует отметить, что искусство кабардинских мастеров «панцирного и сабельного дела» издавна ценилось на Руси. М.А. Меретукову удалось обнаружить в старинных документах имена двух знаменитых черкесских оружейников: Калюбат и Баду. Об искусстве адыгских оружейников свидетельствуют и данные топонимики. Вблизи а. Егерухай есть местность *Хьарисэ исынэжэ* – «Хариса старая могильная плита». Рассказывают, что на кургане был похоронен известный в округе оружейник. На его могильной плите были высечены огнестрельное и холодное оружие, которое мастер изготавливал при жизни. Сейчас этой плиты нет, – осталась лишь могила.

При изготовлении некоторых видов оружия, различных предметов большое внимание уделяется не только боевым качествам и практической надежности, но и внешнему художественному оформлению, отвечающему самому взыскательному вкусу. Таковы, например, сабли, наборные пояса и другие предметы из Колосовского (X-XII вв.) могильника в Адыгее (Керефов Б.М., 2006).

Дж. Интериано писал, что как только черкесам удастся «...приобрести в качестве добычи или иным путем золото или серебро, то сейчас же они его тратят на чаши или же на украшения, седла, обычной же всего на украшение оружия».

О том, что черкесы уделяли украшению оружия большое внимание, пишут многие авторы. «Серебряных дел мастера украшают оружие, рожки для пороха, пояса и т. п., – пишет Тебу де Мариньи, – трудно представить степень совершенства этой работы, красоту и правильность этих рисунков, наносимых на металл чернью с помощью кислоты. Обычно турки поставляют черкесам дула ружей, пистолетов и лезвия сабель, которые черкесы сами налаживают на свой манер. Я видел много оружия производства европейских мастеров, много венецианских и генуэзских сабель, кроме тех, что приходят к ним по торговым путям, причем у них есть и старинное оружие...». Эту особенность горцев отмечал и И.Ф. Бларамберг (1840): «Главная роскошь у черкесов состоит в их оружии, хотя их особенно интересует само качество оружия, они все же неравнодушны к богатому украшению оружия. Их сабли, кинжалы, пистолеты, ружья, сбруи и так далее покрыты украшениями из серебра и золота превосходной работы. Седла и ножны шашки украшены галунами. Они никогда не продают свое лучшее оружие, и оно обычно переходит по наследству от отца к сыну. Когда им достаются европейские сабли, они их снова закалывают и затачивают таким образом, что ширина клинка сокращается на одну треть, и он теряет вечную гибкость» (Цит. по: Хуыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

Восхищался «удивительными по красоте» изделиями мастеров-оружейников и польский офицер Т. Лапинский (1857), принимавший участие в Кавказской войне на стороне черкесов: «Кузнецы очень многочисленны в этой стране (Черкесии. – Авт.). Они почти повсюду оружейных и серебряных дел мастера и очень искусны в своей профессии. Это почти непостижимо, как они, с их немногочисленными и недостаточными инструментами, могут готовить превосходное оружие...» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 226).

1.1.4. Ювелирное искусство: «Черкесы имели искусных золотых дел мастеров»

Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова и, что важнее всего, эта чернь и позолота почти никогда не сходят.

Хан-Гирей (1837).

Золотые и серебряные украшения, вызывающие восхищение европейского любителя оружия, изготавливаются с большим терпением и старанием посредством скудных инструментов.

Т. Лапинский (1857).

Издавна на Кавказе славились золотые и серебряные изделия адыгских мастеров. Среди ремесленников особо выделялись «*торевты*» – мастера по художественной обработке металла: золота, серебра и брон-

зы. В 1982 г. при раскопках кургана № 5 близ а. Уляп впервые на Кубани было обнаружено два бронзовых штампа IV в. до н. э. для изготовления украшений.

Сохранились свидетельства очевидцев, отмечающих высокое мастерство адыгских ювелиров. В частности, Н. Дубровин (1871), отмечая мастерство адыгов в этой области, подчеркивал, что «...главной промышленностью черкесов, доведенной до довольно высокой степени, было ювелирство. Они имели искусных золотых дел мастеров, которые особенно отличались изобретением рисунков для черняди на серебре и покрывали ею рукоятки пистолетов, шашек, кинжалов и пр.». Традиции и секреты ювелирного мастерства держались в секрете и передавались по наследству.

У адыгов сохранились целые роды, носившие фамилию Дышековых («Золотокузнецовы»). Со второй половины XIX в. ювелирное искусство адыгов постепенно затухает. Это было связано с тем, что большинство ювелиров в ходе Кавказской войны покинули свою родину и переселились в Турцию, а также с появлением на Северо-Западном Кавказе дагестанских мастеров-отходников, которые изготавливали ювелирные изделия специально на продажу (Киселев А.А., 1993. С. 168).

В настоящее время это искусство возрождается, о чем свидетельствует, в частности, большая коллекция современных золотых и серебряных украшений в фондах Национального музея Республики Адыгея. Подтверждением этому является и творчество золотых дел мастера Ибрагима Шамсудиновича Ужбанова, чья золотая диадема является поистине вершиной ювелирного искусства, выполненной в лучших традициях старых адыгских мастеров. При этом И.Ш. Ужбанов широко известен также как специалист высшей квалификации в области планерного моделирования, чемпион СССР по авиамodelьному спорту (1966), четырехкратный чемпион Вооруженных Сил СССР, создатель базовой модели самолета для дистанционного зондирования земной поверхности.

1.1.5. Золотошвейное производство: «Украшения из золотых и серебряных нитей поражают своим совершенством»

Украшения одежды и обуви, выполняемые из галуна, золотых и серебряных нитей, поражают своим совершенством.

Ж.-Ш. Бесс (1830).

Черкешенки отличаются замечательным искусством в женских работах... серебряный галун их работы не подражаем. Во всем, что они готовят, обнаруживается хороший вкус и отличное практическое приспособление.

Ф. Торнау (1864).

Близко к ювелирному искусству стояло и шитье золотом. Черкесские женщины издавна прославились своим шитьем. Девушек обучали вышивать золотом, серебром и шелком. Все, кто наблюдал быт адыгов в XVII-XIX вв., отмечая высокое качество их швейных изделий и тонкий вкус. Швейные изделия адыгских мастериц поражали взоры современников и были известны далеко за пределами Северного Кавказа.

О том, что «...знатные черкешенки занимаются исключительно только вышиванием и украшением кожаных изделий; они расшивают узорами кисеты для огнива и очень красивые кожаные же кушаки», – писал еще в начале XVI столетия Интериано. Описывая работу женщин-мастериц, Ж.-Ш. Бесс (1830) писал: «Они демонстрируют много вкуса и мастерства в своей работе. Украшения одежды и обуви, выполняемые из галуна, золотых и серебряных нитей, поражают своим совершенством». Ф. Торнау (1864) писал: «Черкешенки отличаются замечательным искусством в женских работах, – скорее изорвется материал, чем шов, сделанный их рукой; серебряный галун их работы не подражаем. Во всем, что они готовят, обнаруживается хороший вкус и отличное практическое приспособление».

О высоком уровне золотошвейного искусства черкесов сообщают и многие другие авторы. Оценивая произведения адыгских женщин, Э. Спенсер (1830) восторженно пишет: «Те, которые я видел, казались самой великолепной работы, и я не мог не восхититься красивыми узорами из золота и серебра причудливой работы на их доспехах и поясах; и серебряными окаймлениями, сделанными руками их женщин, которые украшали их одежду и попоны их лошадей, тем не менее замечательной красоты». Эту же мысли встречаем, спустя век, и у Е. Шиллинга (1930): «На Северном Кавказе, включая сюда и Дагестан, мы не находим золотошвейных работ, стоящих по качеству выше адыгейских». Золотым шитьем украшались женские одежды, веера, кисеты, настенные сумочки и т. д. Золотошвейными изделиями оформляли также жилища, стены домов; они бережно хранились и передавались по наследству. Как отмечает М.А. Меретуков, традиции адыгского золотошвейного искусства проникли в русское; отдельные элементы его заимствовались также мастерами Дагестана и Казахстана.

Расшитые золотом фрагменты ткани, кожаные кисеты и колчаны, украшенные сложными аппликациями, обнаружены во время раскопок адыгских курганов XIV-XV вв. близ а. Шенджий в Адыгее, в районе Пятигорска, у с. Чегем-2 и других пунктах Кабарды (Керефов Б.М., 2006).

1.1.6. Пряильно-ткацкое и шорное производство

Женщины заняты главным образом тем, что выделывают сукно из светлой пряжи, напоминающее фланель, бурки, войлок, ковры, колпаки («шапки»), туфли...

И.Ф. Бларамберг (1840).

Прочность и красота, легкость и удобство создали славу черкесским изделиям, начиная от конского убранства и кончая костюмом, который получил распространение на всем Кавказе.

В.К. Гарданов (1961).

ПРЯДИЛЬНО-ТКАЦКОЕ ПРОИЗВОДСТВО. Вплоть до конца XIX – начала XX столетий у адыгов господствовало натуральное хозяйство. Значительное место в домашней промышленности занимало ткачество и изготовление войлочных изделий, которым занимались адыгские женщины. В домашних условиях обрабатывали шерсть, из которой изготавливали одежду, войлок, бурки, папахи. В одном доме могли производить все работы, связанные с обработкой шерсти и изготовлением сукна, с производством войлочных и холстяно-ковровых изделий (Кудаева С.Г., 2007).

Как отмечали арабские и западноевропейские путешественники, в каждом доме адыги сами изготавливали все необходимое; ткачеством и шитьем занимались женщины. По данным Масуди, еще в X в. изготовленная адыгами полотняная ткань («тала») высоко ценилась на мировом рынке. В свою очередь, Пейсонель сообщал, что в XVIII в. черкесы вывозили свои бурки в Крым, Россию, Польшу, Молдавию и Турцию. Отдельные сорта адыгского сукна были «превосходного качества» и не уступали лучшему французскому сукну. Обри де ла Мотрэ, который в 1711 г. был на Северо-Западном Кавказе; сообщал о женском рукоделии: «Мужские шубы (они) шили из шкур белых баранов, а женские – из черных ягнят. Шерсть тех и других была красивая и тонкая («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 85-107).

У И.Ф. Бларамберга встречаем: «Женщины заняты главным образом тем, что выделывают сукно из светлой пряжи, напоминающее фланель, бурки, войлок, ковры, колпаки («шапки»), туфли («чирики»), золотые и серебряные галуны для украшения верхней одежды («чекмень») и головных уборов, ножны и чехлы для сабель, ружей и пистолетов».

ШОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. Развито было у адыгов и шорное производство; в домашних условиях обрабатывали кожи, делали ремни, уздечки и седла. При этом седельное производство было одним из древних промыслов у предков адыгов. Седла и другие изделия из кожи, изготовленные адыгскими мастерами, были знамениты своей прочностью, легкостью, удобством, изящной отделкой; седло не портило лошади даже тогда, когда по целым неделям оставалось на ее спине. Черкесские седла давно пользовались славой далеко за пределами Кавказа. О них упоминается еще в русских былинах «Добрыня Никитич» и «Илья и Калин-царь»:

А на подпотище седла клал черкасское,
А черкасское седельшко недержано...

Сохранились свидетельства очевидцев (И.Ф. Бларамберг), что черкесские «седла и другие изделия из кожи знамениты своей долговечностью и легкостью, так что казаки на Линии стараются обзавестись рамами от черкесских седел – «арчег».

1.1.7. «Я и стрелы, я и лук, и телега я, и плуг»: изделия из дерева

Из дерева адыги изготавливали всевозможные предметы домашней утвари: чашки, кубки, подносы, а также столы, топчаны, люльки, арбы, деревянные сани и примитивные сельскохозяйственные орудия.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Деревья были, пожалуй, самыми первыми святынями, которым поклонялись древние адыги-друиды, как и большинство других народов. И они трогательно бережно относились к ним. Даже поранить острым предметом кору дерева, ломать ветки считалось великим грехом... Период культа деревьев закончился, но изделия из дерева прочно вошли в быт народа. А у маленьких горцев родители воспитывают уважение и любовь к окружающей природе которая помогает людям создавать самые необходимые предметы быта. В старинной адыгской песне рассказывается о многочисленных изделиях, которые изготавливались из дерева (Сообцокова Н.И., 2010. С. 261):

К вам спешу я по дороге
На быках коротконогих.
Я – мосточек вашей речки,
Огонечек вашей печки.

Я для взрослого постель,
Для ребенка – колыбель.
Я и мачта, я и лодка,
И башмачная колодка.

Я и стрелы, я и лук,
И телега я, и плуг,
Я и сито, я и палка,
И корыто, и мешалка...

Знайте, люди, без меня
Нет ни дыма, ни огня.
Без меня бы вы пропали,
День бы прожили едва ли!...

Примечательно, что предметы, сделанные из дерева, мастер обычно кипятил в воде, в которую добавлял золу, затем смазывал жиром и высушивал в тени. Эта технология гарантировала предмету необходимую прочность.

Из дерева адыги изготавливали всевозможные предметы домашней утвари: чашки, кубки, подносы, а также столы, топчаны, арбы, деревянные сани, детские люльки, искусно украшенные резьбой, а также примитивные сельскохозяйственные орудия. На последних хотелось бы остановиться подробнее.

До широкого внедрения бронзы и железа в сельскохозяйственное производство, практически все земледельческие орудия делались преимущественно из дерева и частично (топоры, зернотерки) – из камня. По М.А. Меретукову, из дерева предки адыгов делали соху, четырехстороннее и передковое пахотные орудия с железным лемехом и резаком. Второй плуг имел колеса. Грядиль плуга был из дуба, ясеня и вяза, а отвал, стояк и полоз – из дуба. Из дерева делали волокуши, бороны с металлическими или деревянными зубьями, лопаты, двух-, трех- и четырехзубовые вилы, грабли, катки для обмолота зерна, ручки мотыги, серпов, штрикача, кос. Делались из дерева и ручные просорushки для обдирки проса, ножные просорushки для дробления кукурузы, ступки для толчения чеснока, корыта для приготовления теста, кухонную посуду. Большая коллекция старинных изделий из дерева, изготовленных безвестными мастерами, находится в фондах и запасниках Национального исторического музея Республики Адыгея и Краснодарского историко-краеведческого музея-заповедника.

Наряду с широким использованием дерева, у предков адыгов – меотов видное место занимало керамическое производство, что подтверждается многочисленными археологическими находками. В частности, из глины изготавливали рыболовные грузила, пряслицы для веретен, грузки для ткацкого станка, статуэтки, гончарную посуду.

1.1.8. Добыча и использование полезных ископаемых

1.1.8.1. Использование подземных богатств Адыгеи в дореволюционный период

В недрах земли черкесов имеются медь, свинец, серебро. Нет никакого сомнения в том, что эти горы содержат богатые залежи руд металлов.

И.Ф. Бларамберг (1840).

Наряду с серебряными рудами и довольно-таки незначительными золотыми месторождениями, о чем речь шла ранее в разделе 1.4.1.3., Черкесия издавна славилась и другими богатствами минерального мира. Анализируя состояние хозяйства бывшего Майкопского уезда, В.К. Мазурик (1997) выделяет следующие направления использования подземных богатств в дореволюционный период:

РТУТЬ. Существовало предание, что в горе Фишт скрыта ртуть, «тремя каплями ежегодно» она скапывается по р. Шахе в Черное море. Позднее геологи встречали куски киновари (ртутного минерала) у жителей нагорных станиц Майкопского уезда.

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ из юрта ст. Даховской продавали на ярмарках в Майкопе.

НЕФТЬ. В балках, вблизи ст. Кабардинской, Хадыженской, Ширванской били нефтяные ключи. Нефть шла на топливо, освещение и изготовление колесной мази. Ею уже торговали в Майкопе. *«Впервые нефть у Майкопа была обнаружена в начале XX в. (1907-1909 гг.), что вызвало огромный интерес к майкопской нефти в России и за рубежом. – пишут авторы книги по географии Адыгеи А.Ш. Бузаров, Т.Б. Варшанина, Н.В. Кабаян и др. (1995). – В 1911 г. была создана нефтяная «Англо-Майкопская» корпорация, получившая вскоре за короткий период более 50 тыс. т нефти...».*

Однако проведенные изыскания дают основание утверждать, что о наличии нефти в Зихии-Черкесии было известно, по крайней мере, тысячелетием раньше. Так, в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) говорится: «Должно знать, что вне крепости Таматарха (Тамань) имеются многочисленные источники, дающие нефть. Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Папагии, в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, но масло девяти источников не одинакового цвета, – одно из них красное, другое желтое, третье – черноватое. Да будет известно, что в Зихии, в месте под названием Папаги, близ которого имеется деревня, именуемая Сапак-си, что значит «пыль», есть фонтан, выбрасывающий нефть. Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне под названием Хамух. Хамух же – имя основателя деревни, старика. Поэтому та деревня так и называется: Хамух. Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня».

Комментируя эти уникальные сведения, Б. Езбек, Х.М. Дауров, А.В. Джамирзе и др. (2011) обращают внимание на то, имя Хамух можно с уверенностью сопоставить с адыгскими фамилиями Хамук и Хамхоко.

В названии Сапакси несомненно читается адыгская основа *сап* «пыль». Нефтяные источники в районе Зихии, названном Папаги, указывают нам на центральные и западные районы Закубанья, где действительно существуют нефтяные источники. Много позже, в первой половине XIX в. об эксплуатации черкесами нефтяных источников писал Хан-Гирей, отмечая таковые в долинах рек Пшиш, Иль и Кудако. И далее комментаторы отмечают: «Повышенный интерес императора Константина к вопросу о добычи нефти в Зихии был определен использованием нефти в составе особой зажигательной смеси, известной, как «греческий огонь», применявшейся в военных целях» («Черкесия в картах XIV-XIX вв.», 2011. С. 56).

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КАМЕНЬ И ИЗВЕСТНЯКИ в нагорной полосе были почти повсеместно (в Майкопе камень добывали вблизи устья р. Курджипс).

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. Наконец, – завершает свой обзор В.К. Мазурик (1997. С. 100), – то там, то здесь изливались минеральные источники, даже на территории, только что отмежеванной Майкопу. Поистине, для развития уезда были исключительные условия.

1.1.8.2. Эксплуатация полезных ископаемых в советское время

Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.

Из Конституции Республики Адыгея (1995).

Недра Адыгеи богаты различными полезными ископаемыми, как нерудными, так и металлическими. По разнообразию и размерам месторождений ведущим в республике является Майкопский район. Размещение полезных ископаемых по территории республики обусловлено ее геологическим строением. Рудные полезные ископаемые: железная руда, золото, серебро, рудопоявления марганца, имеющиеся в горной части Адыгеи, приурочены к магматическим горным породам. С мощным осадочным чехлом Скифской плиты связан широкий комплекс осадочных полезных ископаемых. Наряду с уникальными по своим свойствам и запасам подземными, термальными и минеральными водами, недра Адыгеи хранят и другие полезные ископаемые. Главные из них — нефть и газ.

НЕФТЬ. Одной из главных зон нефте- и газонакопления Азово-Кубанского бассейна является южный борт Западно-Кубанского прогиба, проходящий вблизи Майкопа. Нефтеносные месторождения имеются в Майкопском и Кошехабльском районах. Так называемая «белая» майкопская нефть известна далеко за пределами России. Светлая и легкая ($0,825 \text{ г/м}^3$), одна из лучших в России, она содержит много веществ легких фракций и мало серы. В настоящее время эксплуатируются два нефтегазоконденсатных месторождения: Майкопское и Кошехабльское. Кроме этого существует ряд перспективных площадей: Тульская, Дагестанская, Кужорская и другие.

ГАЗ. Природный газ — одно из главных богатств недр Адыгеи. Его месторождения также приурочены к южному борту Западно-Кубанского прогиба, проходящему вблизи Майкопа. Примечательно, что в годы советской власти он потреблялся не только в республике и Краснодарском крае, но и отправлялся во многие другие районы страны – в Невинномысск, Харьков, Москву, Ленинград, в Закавказье. Добыча природного газа здесь ежегодно возрастала. Так, если в 1958 г. было добыто всего 50 млн. м^3 , то в 1961 г. – 352 млн. м^3 , а в 1963 г. – уже 1,5 млрд. м^3 . В настоящее время на Майкопском газовом месторождении добывается около 700 млн. м^3 природного газа. Добыча природного газа ведется также на Кошехабльском месторождении.

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ. Есть в республике и запасы каменного угля. Его месторождения встречаются в юрских отложениях вблизи ст. Даховской, пос. Усть-Сахрай и Хамышки. Мощности этих пластов относительно невелики и составляют от 40 до 75 см; их разработка в настоящее время признана нецелесообразной.

РУДНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ. В горной части Республики Адыгея обнаружены проявления рудной минерализации вольфрама, молибдена, барита, полиметаллов (свинец, цинк, медь), а также редкоземельных элементов. Оценкой промышленной значимости этих месторождений геологическая служба не занималась.

НЕРУДНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ. Как отмечают А.Ш. Бузаров и др. (1995), наибольший удельный вес (около 70%) в минерально-сырьевой базе Адыгеи имеют виды сырья для производства строительных материалов: глины кирпичные и керамзитовые, пески, песчано-гравийные смеси, поделочные камни. В республике значительны также запасы сырья для производства цемента, извести, стекла.

Глины. Глинистое сырье сосредоточено преимущественно в равнинной и предгорной части республики. В Адыгее имеется 7 разведанных месторождений кирпичных и керамзитовых глин и суглинков. Крупнейшие из них: Майкопское, Майкопско-Ханское, Энемское и Тульское. Но замечательные свойства майкопской глины таковы, что из нее можно производить черепицу, кафель, керамические канализационные трубы, метлахские плитки, фаянс. Запасы этой глины огромны.

Песок, гравий. Песчано-гравийные смеси сосредоточены в основном в равнинной и предгорной части республики. В настоящее время открыты следующие месторождения песчано-гравийных материалов: Майкопское, Майкопско-Ханское, Кошехабльское, Тщикское, Кунчукохабльское и др. Для получения тяжелых бетонов используется щебень из пород Даховского кристаллического гранитного массива. В Теучежском районе имеется ряд месторождений строительных песков, соответствующих требованиям стекольной про-

мышленности. Наиболее крупные месторождения песков стекольных, строительных и формовочных: Каменномоетское, Новосвободненское, «гора Овчиникова» в Майкопском районе.

Гипс. Широко известны месторождения строительного гипса, сосредоточенные в Майкопском районе (Хаджохское, Каменномоетское, «Гипсовая поляна», Шушукское), причем последнее эксплуатируется заводом «Русские самоцветы» для изготовления сувениров и красивой облицовочной плитки.

Камни облицовочные и поделочные. Месторождения строительных, облицовочных и поделочных камней находятся в горной части республики. В частности, в республике известны месторождения строительных и облицовочных камней: Каменномоетское и Мешокское (известняк), Азишское (доломиты), Хокодзинское, Верхнекурджипское (доломиты), Атамажинское и Хамышкинское (мрамор), Даховский участок (гранитоиды, серпентиниты). Эти месторождения требуют дальнейших геолого-разведочных работ (Бузаров А.Ш. и др., 1995).

Фосфориты. Особый интерес для агропромышленного комплекса Адыгеи представляют выявленные в Майкопском районе перспективные площади с залежами фосфоритов для производства минеральных удобрений (фосфорной муки) и глауконитовых песчаников для прямого внесения в почву. В частности, фосфориты имеются в бассейнах рек Фарс и Курджипс, а месторождения глауконитов расположены широкой полосой от ст. Абадзехской до ст. Новосвободной (Бузаров А.Ш. и др., 1995).

Проведение дальнейших геолого-разведочных работ даст возможность повысить эффективность разрабатываемых и открыть новые месторождения строительных материалов.

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. Две гидрогеологические зоны Республики Адыгея – равнинная и горная – богаты минеральными источниками различного химического состава: углекислые, сероводородные, солянощелочные, железистые, йодобромные и радиоактивные источники, применяемые для лечения самых различных болезней. Обнаруженные в Адыгее минеральные воды содержат большой спектр микроэлементов, крайне необходимых организму человека: йод, бром, бор, мышьяк, цинк, кобальт, барий.

ТЕРМАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ. Наличие мощных источников щелочных, соляных, сероводородных и железистых вод, пригодных для наружного и внутреннего потребления, а также лечебных грязей ставит Майкопскую лечебную местность в один ряд с курортами всероссийского значения. Большинство источников Майкопской лечебной местности горячие. Температура воды многочисленных источников различна и колеблется от +60° до +80°С. В настоящее время термальные воды в Адыгее практически не используются. В перспективе ими можно будет пополнить энергетический потенциал республики путем создания ряда гидротермальных электростанций, а также использовать для обогрева тепличных комплексов и жилых домов (Бузаров А.Ш. и др., 1995; Шеуджен А.Х., Тхакушинов А.К., Галкин Г.А. и др., 1999).

1.1.9. Особенности национальной одежды

Одежда черкеса состояла из бараньей шапки, обшитой галуном; из бешмета, черкески, ноговиц и сафьяновых чувяк, по преимуществу красных. Все это отличалось хорошим вкусом, изяществом кроя, в особенности чувяки...

Н. Дубровин (1871).

Национальный костюм – это целая поэма. Человек, понимающий язык символов, может многое узнать о другом человеке только по его одежде. В народном костюме все имеет смысл: фасон, цвет, орнамент. Все имеет особое значение, все несет некую тайну...

Н.И. Сообцокова (2010).

Одежда, как и жилища, домашняя утварь, оружие, украшения и прочее, – важнейший компонент материальной культуры народа. Особенности ее зависят, прежде всего, от природно-климатических условий местности. Определенный отпечаток на костюм накладывают виды хозяйственной деятельности, образ жизни, занятия и общественный строй. Иногда на форму и назначение традиционной мужской и женской одежды влияет та система ценностей, которая имеет место среди большой группы людей, их представления о красоте и др. (Бетров Р.Ж., 2006. Вып. III. С. 202-210).

О некой тайне, скрытой в национальном черкесском костюме, размышляет Н.И. Сообцокова (2010. С. 253): «Национальный костюм – это целая поэма. Человек, понимающий язык символов, может многое узнать о другом человеке только по его одежде. Например, кто он, откуда он, из каких земель, каковы его вкусы, характер, социальное положение. В народном костюме все имеет смысл: фасон, цвет, орнамент. Все имеет особое значение, все несет некую тайну...». Путешественники, посещавшие Черкессию в конце XVIII – начале XIX вв., подчеркивали необычность, изящество и удобство черкесской одежды. При этом особое внимание они уделяли особенностям мужского костюма адыгов.

Н.Ф. Дубровин (1871) писал: «Одежда черкеса состояла из бараньей шапки, обшитой галуном; из бешмета, черкески, ноговиц и сафьяновых чувяк, по преимуществу красных. Все это отличалось хорошим

Черкесы в своем национальном костюме. Конец XIX в.

лообразной, расширяющейся книзу формы. Обувь представляла собой чувяки и туфли с высокими каблуками. Вместе с чувяками носили ноговицы, изготовленные из войлока, иногда из сукна или сафьяна. Головными уборами служили папахи, войлочные шляпы, башлык; редко встречались суконные фески, еще реже – «тюрбаны», которые носили знатные адыги, жившие на Черноморском побережье («Очерки истории Кубани...», 1996).

Специально занимавшийся этим вопросом, А.А. Киселев (1993) отмечает следующие особенности национальной мужской одежды адыгов: «Из обуви мужчины-адыги носили чувяки или сапоги. Чувяки шили обычно несколько меньше размера ноги. Предварительно их размачивали в воде, натирали внутри мылом, сырыми натягивали на ногу и давали им высохнуть и принять форму ноги. После этого к чувякам пришивали мягкую подошву. Князья и дворяне носили чувяки красного цвета.

Материал и крой одежды в основном отвечал социальному положению или материальному достатку хозяина. По одежде определяли, к какому сословию принадлежит ее обладатель (Как здесь не вспомнить пословицу: «Встречают по одежке...»). Для князей, и части дворянства была характерна особая вычурность в одежде, изготовленной из дорогих тканей и украшенной галунами. Для наездников внешний вид не играл особой роли, хотя они и принадлежали к дворянам. Зачастую, после изнурительного похода, в своих грязных и разорванных черкесках они напоминали бедняков, и лишь великолепное оружие выдавало их знатное происхождение.

Крестьяне, или холмовики, как их назвал в повести «На холме» Каламбий, имели свои отличия в одежде. «Холмовики носят на ногах чувяки или, точнее сказать, что-то похожее на русские лапти из сыромятной кожи вверх шерстью. Черкески у них, правда, бывают почти всегда новые или, по крайней мере, целые, но такого странного покроя, что мешковато облегают их дюжее туловище. Газырей в патронниках всегда неполный комплект; обыкновенно торчат в них штуки две или три, без пороха и пуль, даже без тряпичных затычек, в остальные дыры патронников втыкаются палочки соснового дерева, которые зажигаются при нужде хозяевами вместо свечек. Холмовики не меняются никогда платьями, как это водится между дворянами. Жены шьют на них черкески примерно года на три, на четыре... Поэтому мужья бережливы и надевают их только в торжественные случаи; в будни же ходят в одних бешметах... Старики вместо кинжалов пришивают к поясу ножи в красных сафьяновых чехлах» (Киселев А.А., 1993. С.172).

Дополняют эту информацию авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006). Судя по археологическим материалам, в период средневековья и много позже в состав адыгского мужского костюма входило нательное белье, опоясанный кафтан длиной до колена, со стоячим воротником, штаны, заправляющиеся в кожаные сапоги с невысоким голенищем или ноговицы с особыми подвязками, чувяки, тюбетейка и высокая меховая шапка.

Эти данные подтверждаются и сведениями письменных источников. Так, Интериано сообщает, что верхняя одежда адыгов «...делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии, которую они носят открытой с одной стороны так, чтобы правая рука оставалась свободной». Судя по описанию и манере ношения, этот вид одежды в какой-то степени напоминает бурку. Далее Интериано указывает, что «на голове носят шапку из войлока, в виде сахарной головы по форме». Существовал и специальный военный головной убор, который закрывает щеки и прикрепляется под горлом, по древнему обычаю.

В этот период существовали и другие виды одежды. Об этом свидетельствует каменная статуя – полуфигура молодого мужчины, получившая в народе наименование Дука-Бека. Он изображен в коротком, длиной до бедер, прямом стеганом кафтане со стоячим воротником. Талию охватывает широкий пояс. На голове изображена стеганая тюбетейка. Стеганный кафтан или куртка напоминает более поздние бешметы («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

вкусом, изяществом кроя, в особенности чувяки...». Описание традиционного национального мужского костюма адыгов приводится во многих источниках. К началу XIX столетия он выглядел следующим образом. На тело надевалась рубашка (джан), которую шили, как правило, из хлопчатобумажной ткани или красной тафты. Рубашка заправлялась в широкие, суживающиеся книзу штаны; поверх рубашки носили бешмет (*къэнтал*) на подкладке со стоячим воротником, с длинными рукавами. Иногда ворот и грудь обшивали галуном.

Неотъемлемой принадлежностью национального костюма адыгов была черкеска (*цый*), о которой речь пойдет ниже. Обязательной деталью мужского костюма был пояс с металлическим набором. Носить черкеску без пояса считалось у адыгов неприличным.

Верхней одеждой являлась бурка (*кlnklo*) – длинная войлочная накидка без рукавов, колоко-

1.1.9.1. «Одежда черкесов наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов»

Одежда у них [черкесов] легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов.

Жан-Шарль де Бесс, венгерский историк, путешественник (1799-1838 гг.)

Все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками. Да оно и справедливо: что хорошо выдумано, то полезно и перенимать.

И.Д. Попко (1858).

«Дизайн повседневного костюма вооруженного горца (черкеска, бешмет, папах, ноговицы и пр.) наиболее удовлетворял эстетике мужской фигуры, принятой в обществе, признающем постоянство фактора войны. В число ее признаков входят широкие плечи, узкая талия, покрытая голова, очерченная мускулатура ног при их закрытости, таящаяся в оружии скрытая агрессия. Походный мужской костюм (черкесов), образуемый добавлением к повседневному костюму башлыка и бурки, оказался максимально рациональным в своей функции при относительной простоте составляющих элементов» («Россия и Кавказ...», 2001).

Мужской национальный костюм черкесов состоял из нательной рубашки, верхней рубашки, бурки и черкески.

Нательная рубашка – *джэнэ чIэгъчIэлъ* – из хлопчатобумажной или льняной ткани с длинными рукавами без воротника.

Верхняя рубашка – *къэптал, джэнэ кIыIутель* – из темной однотонной шерстяной или реже атласной ткани с воротником-стойкой, системой нитяных пуговиц и петелек, длинными рукавами.

Бурка – *кIакIо* – стала символом не только черкесского мужчины. Она стала, как и черкеска, общекавказской одеждой. Ее покрой позволял всаднику защитить себя и коня от всех невзгод, – она могла служить и шалашом, и постелью («Сокровища культуры...», 2007. С. 197-198).

Немаловажной частью национального костюма адыгов была черкеска, о чем речь пойдет ниже.

Некоторые отличия имел черкесский национальный костюм при переходе на, так сказать, «зимнюю форму одежды». Теплой (зимней) мужской одеждой черкесов была овчинная шуба двух видов – набрасываемая и одеваемая. На первую шло 9-10 овечьих шкур мехом внутрь. В горных условиях она считалась лучшим одеянием. Основным головным убором в XIX – начале XX в. была папах из овчины, курпея, козьего меха или каракуля; пастухи предпочитали меховую папаху, лучше защищавшую от холода, дождя и снега. Штаны шили из домотканного плотного бумажного материала (а пастухи – из овчины) (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

Свои воспоминания об одежде черкесов оставили в XV-XIX в. многие очевидцы.

Джорджо Интериано (1501). В записках итальянского путешественника Интериано, побывавшего в конце XV – начале XVI в. у черкесов, мы читаем: «...Их верхняя одежда – плащ из войлока ... носится на одном плече, оставляя на свободе правую руку; на голове войлочная шапка, острая, будто голова сахара. Под плащом они носят кольчугу, опускающуюся от пояса складками на староримский лад; сапоги и штиблеты, надевающиеся одни на другие, очень красив и халат с рукавами из холста. Постоянно носят с собою огниво в красивой кожаной мошине, вышитой их женами, ...ходят они в длинных усах и также бреют голову, оставляя на макушке длинный чуб...» (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007).

Эмиддио д'Асколи, в 1623-1633 гг. был префектом в Каффе: «Одежда всех мужчин красного цвета, другого они не знают, носят они верхнее платье до колен, рукава его сверху широки, снизу обтянуты и разрезаны или открыты вдоль, как у испанцев или французов. Чулки носят в обтяжку, башмаки узкие, с одним швом спереди, без всяких украшений, и никоим образом не могут ни растягиваться, ни распускаться; они точно приклеены к ногам и придают изящество походке. Плащ из цельного куска материи, узкий около ворота, а внизу широкий, так что едва обрисовывает стан; им запахиваются со стороны ветра или дождя, но вообще носят на левом плече, освобождая правую руку, чтобы можно было сражаться; их шапки черные, без полей, с длинными волосами, как у назареев (ветхозаветных евреев. – Авт.)» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 46-47).

Джовани да Лукка, побывавший в Черкесии в 1629 г.: «Их (черкесов) одежда мало отличается от нашей. Они носят красные бумажные рубахи и бурку из валяной шерсти или войлока, которую поворачивают на плече в ту сторону, откуда дует ветер, так как ею закрывается только половина тела» («Кавказ...». Вып. III. С. 37-39).

Ж.Б. Тавернье (1605-1689), побывавший в 1663 г. на Северном Кавказе, писал в своих записках: «Молодые и старые мужчины... носят небольшую шапочку вроде ермолки из того же сукна, что и плащ, и эта ермолка является общим для обоих полов головным убором».

Ян Стрейс (1630-1694), Побывав на Кавказе в 1668-1670 гг., он оставил следующие воспоминания: «Кожа их (черкесов) большей частью желто-черного цвета, и они стригутся на чужеземный лад. Они выбривают полосу через всю голову и оставляют косу на затылке. Длинные и черные волосы висят по обеим сто-

ронам лица, иногда распушенные, а иногда завязанные или заплетенные. Их одежда состоит из серого верхнего платья, поверх которого надевается бурка косматой грубой шерстью наружу. Она завязывается или застегивается на пуговицу у шеи, чтобы ее можно было поворачивать в любую сторону [укрываясь] от дождя, пыли и ветра. Шапки у них из лоскута сукна, сложенного вчетверо, так что они выглядят наполовину иезуитами» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 72-74).

П.Г. Брус (1692-1757), был на Кавказе в 1722 г.: «Мужская одежда черкесов такая же, как у ногайцев, только их шапки иногда шире, и их верхняя одежда – грубый плащ из овечьей шкуры – завязывается у шеи шнурком, и поскольку он не настолько просторен, чтобы закрыть все тело, они поворачивают его кругом в зависимости от ветра и погоды. Мужчины их намного приятнее, чем ногайские...» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 108-109).

Аноним (1760): «Кабардинец хорошо одет, носит тонкое белье, широкое сверху донизу; сафьяновые сапоги; длинную верхнюю одежду, перехваченную в поясе кушаком и изготовленную из шелковой ткани; длинную нижнюю одежду из шелка или тонкого сукна, с рукавами, открытыми и завернутыми на спине. Они отращивают большие усы и бреют голову, которую покрывают богато отделанной шапкой... Кабардинец редко выходит из дома без оружия; он носит саблю и кинжал на поясе. Когда он при оружии, он носит кольчугу, лук, алебарду, ружье» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 82-84).

И.Г. Георги, академик. Опубликовал книгу о своем путешествии (1766) на Кавказ, в которой так описывает одежду черкесов: «Мужское их одяние весьма красиво. Голову бреют, оставляя наверху небольшой хохолок; бороду также бреют, но усы отращивают. Шапки их кверху шире, нежели у опушки, которая бывает обычно из овчины, и верх украшают какой-нибудь вышивкой или шерстью. Нижнее платье суконное или шелковое, длиною немного ниже колена и подпоясано кушаком и сабельной портупеей. Широкие портки, сафьяновые сапоги; верхнее платье суконное или шуба. В полном наряде являются они вооруженными кинжалом, саблей, колчаном, луком, стрелами и огнестрельным оружием, и притом надевают на себя панцирь и выезжают на богато убранной лошади. Сверх всего, накидывают они на себя войлочную епанчу так, что левая рука ею закрыта, а правая свободна. Народ сей весьма храбр и отважен» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 174, 175).

Якоб Рейнеггс (1744-1793). Был на Кавказе в 1781-1783 гг.: «Черкесы, или кабардинцы, рассматриваемые в целом, хорошо сложены и сильны, энергичны, неутомимы, активны, горды, хорошо обращаются с оружием как верхом, так и пешими. Они бреют голову и бороду, отпускают длинные усы и тщательно ухаживают за ними. Кроме *коббы*, или верхней одежды, они носят под ней и короткую, а зимой и короткий камзол, который редко опускается до середины бедер. Это и верхнее платье они скрепляют полосками ткани шириной в палец, вместо пояса, так что они всегда выглядят изящно. Их широкие штаны и чулки обычно изготавливаются из бурой или белой ткани; последние опускаются только до лодыжек, перехватываются под ступнями кожаными полосками и завязываются под коленями кусочком ткани. Они носят сандалии из красной кожи, которые необходимо хорошо намылить перед тем, как надеть, поскольку надетые они приобретают форму ступни» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 179-200).

П.С. Паллас, академик (1741-1811). Привожу фрагмент из воспоминаний о путешествии по Кавказу в 1793-1794 гг., имеющий отношение к одянию черкесов: «Мужская одежда легкая, опрятная и скромная, во многих отношениях похожа на татарскую, но более элегантная. Верхняя одежда обычно снабжена маленькими вышитыми карманами на каждой стороне груди, в которые они кладут патроны. На голове, остриженной по польской моде, носят вышитый колпак из стеганого хлопка в форме арбуза, но иногда более низкий и украшенный серебряными и золотыми нитками, особенно у богатых; усы отращиваются так же, как у поляков. Поверх нижнего платья, шитого из легкой материи, знатные носят иногда короткий жилет, снабженный такими же емкостями для патронов, так же как и пальто. Верхняя одежда, шитая из сукна или другого прочного тканого полотна, несколько короче нижнего платья, имеет разрезанные открытые рукава, отороченные мехом. Штаны имеют наколенные ремни, связываемые маленьким шнуром или шитьем, которое женщины очень умело изготавливают из серебряных или золотых нитей... У черкесов в обычае стягивать талию с раннего возраста так сильно, насколько это возможно, поясом, на котором висит сабля, вследствие чего они очень тонки от пояса до груди. Я заметил у них также, что их ноги необычайно малых размеров, потому что они стискивают их в сафьяновых туфлях, которые придают им облик танцоров...

Его теперешняя одежда: все еще панталоны, которые сверху в складках, а снизу плотно прилегают к телу; плотно сидящий верхний кафтан (*чекмень*) древних германских племен; под кафтаном носит рубашку из цветного полотна, также и шелковую или бумажную, которую снимает не прежде, пока она не развалится в куски. Обувь состоит из носков коричневого сукна и кожаных башмаков, которые сшиты из одного куска и хорошо обрисовывают форму ноги... Для покрытия головы служит черкесу шапочка, называемая *пагхо*, обложенная широким меховым околышем, которого длинные волосы спускаются черкесу на лоб. К этой одежде в дороге прибавляют еще меховой плащ (*диако*), который в употреблении и у других кавказских и армянских племен».

И далее П.С. Паллас пишет: «Черкес никогда не показывается без оружия, сбоку носит кривую саблю, обыкновенно с серебряной рукояткой, за поясом кинжал, а за плечами на ремне превосходное ружье, тщательно обернутое в кожаный футляр (*бушман*), и нередко стоящее многие сотни рублей. Потом на поясе

висит огниво с отверткой, кожаный кисет с пулями, порохом, кремнями и трутом, табакерка, ножик в украшенных ножнах и, наконец, коробочка, превосходно сделанная из полированной меди, с жиром, чтобы опускать туда пули и делать их глаже... «Когда князь или уздень появляется в гостях в полном облачении, он украшает себя полным снаряжением и гербовым щитом и поверх всего надевает иногда дополнительно кольчугу. Эта кольчуга изготавливается из гладких стальных колец, они привозятся из Персии или из дагестанского селения Кубачи. Шлем и наручные пластинки изготавливаются из гладкой стали, сетка из колец опускается из-под шлема до плеч. На поясе они носят кинжалы и пистолеты, а лук и колчан привязывают ремнями вокруг бедер. Во время обычных визитов кольчуга носится под верхним платьем, и в этом случае они вооружаются только саблями и покрывают голову обычным колпаком».

Завершая свое описание, академик Паллас пишет: «Удивительно видеть, что черкесы низших классов появляются в поле в косматых войлочных плащах, называемых бурками, даже в теплые летние дни. Когда они не носят с собой саблю или другое оружие, то имеют при себе крепкий посох в два аршина длиной, на вершине которого укреплен большой железный шар, а на нижнем конце острый железный шип около 18 дюймов длины, который они обычно бросают, как дротик. Богатые и знатные никогда не выходят из дома без сабли и не появляются за пределами поселения без полного вооружения и не наполнив карманы патронами» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Султан Хан-Гирей (1837), первый черкесский этнограф, писал в первой половине XIX в.: «Черкесы превзошли многие народы в одежде и оружии. Мужская одежда у них красотой и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже в Европе... В день сражения черкесы одеваются в самые лучшие одежды, которые представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид...» (Цит. по: «Хасэ», 2009, № 1-4, февр.-март. С. 16).

Жан-Шарль де Бесс (1838), венгерский историк, путешественник: «Одежда черкесов, перенятая в настоящее время всеми жителями Кавказа, легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов. Они носят рубашку из белого полотна или тафты белого, желтого или красного цвета, застегивающуюся на пуговицы на груди; они называют ее «джана». Панталоны у них очень удобные, они опускаются до пят поверх обуви; по швам они украшены серебряными или золотыми галунами, чем также похожи на венгерские. Эти панталоны абсолютно той же формы, что сейчас носят в Европе, и не такие широкие, как у казаков. Обувь, называемая «шырык», шьется из кожи или сафьяна черного, желтого или красного цвета; чаще всего они с большим вкусом украшены вышивкой, которую, как и другие вышивные работы, обычно делают женщины. Их колпак, «борк», напоминает по форме половинку дыни; женщины шьют его из сукна, а затем обшивают по краям барьим мехом, шерсть которого мягка, как шелк» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В. (2007).

И далее Жан-Шарль де Бесс продолжает: «Когда черкесы надевают парадную форму, они носят кольчугу, называемую «афе», маленький шлем – «кипха»; их манто (бурка) делается из мохнатой овчины; черкесы называют его «джако», а татары – «ямаче»; простолудины носят кусок козьего меха, чтобы укрываться от дождя; в плохую погоду они носят на голове своеобразный капюшон, именуемый «башлык». Свои ружья они носят на ремне и укрывают в кусок козьей или барсучьей шкуры, не пропускающей воду и влагу. К поясу, «каес», они прикрепляют единственный пистолет, спереди на поясе висит длинный кинжал. А на боку – шашка...».

Завершая свое красочное описание, Жан-Шарль де Бесс особо останавливается на «великолепной» военной форме черкесов, составлявших Кавказско-Горский полуэскадрон собственного Его Императорского Величества конвоя: «Вот уже несколько лет при дворе императора Николая находится черкесский эскадрон, исполняющий функции императорской стражи... Уверяют, что их военная форма великолепна и привлекает взоры всех в столице. Действительно, у черкесов воинственный вид, особенно хороши они в седле, так как с детства носят оружие и садятся на горячих скакунов, причем иногда проводят в седле день; они никогда не выходят из дома без оружия, как минимум, без сабли, которую они называют «фоч», и кинжала на поясе. Как правило, их оружие превосходно, но очень дорого, оно всегда содержится в чистоте и сверкает. Лошади у них всегда ухожены, а седла, похожие на венгерские, элегантны» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

Александр Дюма (1869), будучи на Кавказе в середине XIX в., так описывал одежду черкесов: «Костюм горца, как бы ни был изодран, всегда если не изящен, то по крайней мере живописен. Он состоит из черной или белой папахи (?) с двойным рядом патронов на груди (очевидно, А. Дюма имел в виду не головной убор, а черкеску? – Авт.); из широких шаровар, стянутых узкими двухцветными штиблетами, из красных или желтых сапог с папушами тех же цветов, и из бурки – это разновидность накидки из шерсти, предохраняющая не только от дождя, но и от пуль».

1.1.9.2. «Черкеска... являлась тем компонентом одежды, на котором монтировалась вся экипировка адыгского всадника»

Важно то, что в комплексе мужской одежды его детали наделены значением исключительности, особо черкеска, которая была принадлежностью мужчины, полностью одетого для появления в обществе.

«Россия и Кавказ...» (2001).

Уникальность черкески в том, что она являлась тем компонентом одежды, на котором монтировалась вся экипировка адыгского всадника.

«Сокровища культуры...» (2007).

С XVIII в. широкое распространение у горцев получила черкеска – общенациональная одежда кавказцев. «Совершенство, изысканность и строгость линий, суровая красота веками создававшегося костюма, неяркие приглушенные тона – прекрасно гармонируют с остальными элементами одежды мужчины. Верхняя часть черкески плотно облегает фигуру, а нижняя часть – свободная, не стесняющая движений. Все детали мужского национального костюма адыгов помогают придать мужской фигуре еще большую стройность, воинственный вид и ...элегантность», – отмечает Н.И. Сообцокова (2010. С. 255).

В своих записках, относящиеся к первой половине XIX столетия, Жан-Шарль де Бесс (1838), венгерский историк, путешественник, писал: «Поверх рубашки они (черкесы) носят куртку из высшего шелка любого цвета, называемую *«каптал»*, а поверх нее – сюртук (имеется в виду черкеска. – Авт.), длиной чуть выше коленей; у них он называется *«цей»*, у татар – *«чекмень»*, *«чимек»* или *«бешмет»*; этот сюртук затягивается поясом с металлическими застежками высокого качества. У сюртука на груди с обеих сторон имеется по 8 нашитых карманчиков, или, вернее, по одному кармашку с восьмью отделениями для патронов. Я позволю себе заметить, что этот сюртук имеет много сходства с венгерским сюртуком, который называется «одежда а ля Аттила»» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

По свидетельству современников, черкеску шили из домотканного сукна белого или черного цвета, красного или коричневого шелка. В середине XIX в. черкески были короткими, выше колен, а рукава – узкими. Нижняя часть черкески сильно расклешивалась. Ворот был открытый, с треугольным вырезом на груди и металлическими застежками до пояса. На грудную часть по обе стороны нашивались газырницы из кожи, куда вставлялись по 5-10 газырей для хранения пороха и пуль. Часто газырницы украшались хлопчатобумажными шнурами. Обычно газыри изготовляли из дерева или кости, с костяными или серебряными верхушками – колпачками, которые были закреплены между собой серебряной цепочкой. По талии черкеска перетягивалась ремненным поясом с металлическим (часто серебряным) набором... (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

Дополняет эту информацию сообщение авторов сборника «Сокровища культуры...»: «Поверх верхней рубашки – (*къэптал, джээнэ кыфутель*) надевалась основная часть костюма – черкеска (*цый*) из домотканого сукна со строго приталенной блузой, семиклинным подолом, длинными широкими рукавами, с подтреугольным вырезом. Черкеска застегивалась на уровне талии, подол свисал свободно. Длина черкески определялась модой, возрастом, ситуацией, но не короче, чем до колен. Предпочтительные цвета черкески – серый, черный, коричневый. Белую черкеску носили юноши княжеского происхождения. Излюбленным цветом черкески был серый, который гармонировал с черненым серебром и был самым практичным для мужчины, постоянно пребывающего в седле. Уникальность черкески в том, что она являлась тем компонентом одежды, на котором монтировалась вся экипировка адыгского всадника («Сокровища культуры...», 2007. С. 197-198).

О том, что черкеска в том виде, как она известна сейчас, впервые появилась не в XIX, а в XVIII столетии, сообщают и авторы сборника «Россия и Кавказ...» (2001): «Черкеска, в том виде, какой считается классическим, т. е. обтягивающего кроя, без воротника, с разрезом на груди, с газырницами по обе стороны разреза, надеваемая поверх короткого бешмета, складывается на протяжении XVIII в. Одновременно формируется, возможно, с более ранним началом эволюции и шашка (что означает по-адыгски «длинный нож»), которая полностью сменяет на Западном Кавказе саблю в XVIII-XIX вв. Кавказскую шашку можно считать венцом эволюции длинноклинкового белого оружия» («Россия и Кавказ...», 2001).

И далее авторы упомянутого сборника размышляют о роли черкески в комплексе национальной одежды адыгов. Важно то, – пишут они, – что в комплексе мужской одежды его детали наделены значением исключительности, особо черкеска, которая была принадлежностью мужчины, полностью одетого для появления в обществе. Черкеска занимает центральную позицию в нескольких функционально-семантических комплексах. Первый из них – это комплекс наездничества, в котором этот тип одежды выступает признаком оснащения всадника. Во втором комплексе черкеска связана с оружием: шашкой, пистолетом, и чуть менее тесно с кинжалом, составляя полную экипировку костюма мужчины, находящегося в походе. В свою очередь шашка и ружье входили в пару предметов вооружения, которые должны были дополнять друг друга. В третьем объединены вещи высокой престижной ценности, признававшиеся значимыми дарами: черкеска, башлык, бурка, шашка. Эти вещи могли быть преподнесены при свадебном дарообмене или подарены знат-

ным персонам. Преподнесение кинжала имело более сильное значение, так как могло быть признаком установления искусственного родства в форме побратимства («Россия и Кавказ...», 2001).

То, что приоритет в создании черкески принадлежит именно черкесам, – вопрос, казалось бы, бесспорный, и большинство авторов соглашались с этим. Но наряду с ними есть совершенно противоположное мнение: *черкеска, якобы, есть национальная одежда не адыгов, а ...карачаевцев*. С этой точки зрения нелишне привести мнение карачаевского «историка-исследователя» М.О. Будая, которое он озвучил на стр. 69 своей книги «Шаг к истине. Эльбрус между адыгами и карачаевцами» (1998), отличающейся, кстати говоря, явно выраженной антиадыгской и антирусской направленностью: «Одежда карачаевцев называется «*к̆ъарачай чепкен*». Но адыги и тут преуспели, присвоив и переименовав ее «черкеской». Адыги усиленно пытаются всех убедить, что *к̆ъарачай чепкен*, то есть черкеска, является адыгской национальной одеждой...» (Цит. по: Купенко И.Я., 2006. Вып. IV). Думается, это безапелляционное утверждение Будая в комментариях не нуждается...

1.1.9.3. «И снимут с тебя одежды твои, возьмут наряды твои...»

Постигает их унижение...

Коран. Сура 70; 44

И снимут с тебя одежды твои, возьмут наряды твои...

Библия. Книга пророка Иезекииля (23, 26)

Имеется немало фактов об участии адыгов в этногенезе казаков (как, впрочем, и об обратном влиянии последних на первых). Один из таких фактов относится к заимствованию казаками некоторых элементов черкесской одежды. О широкой популярности черкесского костюма, и не только на Кавказе, рассказывает Расим Рушди (1957): «Что же касается одежды черкесов, то она славилась среди почти всех народов Кавказа, и большинство из них переняло ее. Переняли ее казаки и русские; турки переняли черкесский головной убор – папаху». Об удобстве адыгского национального костюма пишут и современные авторы: «Одевались линейные казаки в черкеску: теплая, удобная, в седле не мешает, на груди газыри – «футлярчики» для патронов: боеприпасы всегда под рукой...» (Каюр Ю., 2011).

Царский историограф В.А. Потто (1885) так оправдывал правомочность заимствования казаками черкесского национального костюма: «Горцы были слишком солидными противниками, чтобы можно было их игнорировать, и казаки скоро заимствовали от них не только боевые привычки и тактику, но переняли их вооружение и даже одежду, которая с тех пор так и осталась народным костюмом кавказского казака до настоящего времени. Верные своим старинным традициям, *казаки пришли к противникам как будто нагие, взяли у них одежду и оружие, сделали на них похожими, а потом уже стали их бить...* Казаки, не довольствуясь заимствованием (у черкесов) одежды, постарались усвоить себе горские наречия... и многие черты домашнего быта».

Однако архивные документы свидетельствуют, что черноморские казаки пришли на Кубань отнюдь не «как будто нагие», а в традиционной экипировке запорожцев, и долгое время оставались в этом одеянии. Очевидцы утверждают, что костюм запорожского казака был необыкновенно живописен и ярок. Представлял себе широчайшие синие шаровары, ярко-красного цвета кафтан с цветным полукафтаньем, синий кунтуш (верхняя куртка), яркий шелковый кушак. На ногах казака красовались желтые сафьяновые сапоги с высокими каблуками (сафьянцы), а голову увенчивала маленькая шапка с кисточкой.

В 1814 г. казакам Черноморского войска была «высочайше» установлена новая форма, более простая и единообразная: куртка синего сукна с откидными рукавами, узкие шаровары, носимые навыпуск, обыкновенные сапоги, высокие барашковые кивера.

1.1.9.4. Не только покорить, но и «раздеть» черкесов: «Александр II высочайше повелеть соизволил...»

Абеджц адыгэ фацэ к̆ъэзак̆хэм яцыг̆ыу зэрахъу цыхъуар. – «С того времени казаки переняли адыгскую черкеску и начали носить».

Из адыгского предания (Ципинов А.А., 2004)

С момента появления на Кавказе казачьих общин в первой половине XIX в. начинается массовое заимствование ими у черкесов элементов хозяйственной и, особенно, военной культуры – одежды, комплекса вооружения, конского убора, тактики ведения боевых действий и проч.

В.А. Дмитриев (2001).

Изыскания В.С. Беспланеева дают основание утверждать, что «...русские казаки заимствовали от кабардинцев одежду и снаряжение еще в XVI в. Именно с тех пор казаки стали носить черкесскую одежду – бурку, папаху, черкеску, пояс с украшениями, горское оружие – кинжалы и легкую шашку».

Однако, по мнению авторов книги «История Кубани...» (2004), более правдоподобной представляется дата, относящаяся к концу XVIII столетия – времени переселения запорожских казаков на Кубань: «Первыми одежду черкесского образца стали носить линейные казаки, а в начале 1840-х гг. для черноморских казаков была установлена единая форма по примеру линейных. Эта форма стала единой и для образовавшегося в 1860 г. Кубанского казачьего войска.

В начале 60-х гг. XIX в. эта одежда была официально «закреплена» за казаками. 27 ноября 1861 г., в разгар завоевания Земли адыгов, Александр II «...высочайше повелеть соизволил: в Кубанском и Терском казачьих войсках верхнюю одежду называть не «мундирами», а «черкесками». Казакам было «предписано» носить черкеску из черного сукна, темные шаровары, бешмет, башлык; зимой – бурку, папаху, сапоги или ноговицы.

Как подчеркивают некоторые авторы, *царизм не просто истреблял кавказские народы, – он еще, об-разно говоря, и «раздел» поверженную жертву*. Ведь после этого указа черкеску (теперь русский военный мундир) невоенные носить уже не имели права. Горцев попросту лишили родного платья, национального костюма, насчитывавшего много столетий. Свои дмотканые черкески они вынуждены были теперь носить «неофициально», чуть ли не нелегально. Российский самодержец, не смущаясь, нарядил казаков под горцев, чтобы «окавказить» их. Поистине, как говорится, «труднее были времена, но не было подлее».

«Черкеска, бешмет, бурка – прямые заимствования у адыгов», – утверждают авторы книги «История Кубани...» (2004. С. 138, 153). И действительно, своим покроем казачья черкеска полностью соответствовала адыгской, только в первой половине XIX в. цвет бешмета, как и других частей казачьей военной формы, был регламентирован. Казаки Горского казачьего полка, расквартированные в станицах Прохладной, Солдатской, Приблизной и Екатериногорской, носили бешметы красного цвета, а казаки Владикавказского полка (Пришибская, Котляревская и Александровская) – зеленого. От казаков Северного Кавказа некоторые элементы одежды переняли первоначально соседние донские казаки, а затем и другие казаки Российского государства. Постепенно адыгская одежда опосредованно, через казачество Северного Кавказа, повлияла на форменную одежду всех регулярных российских войск.

Летом в качестве головного убора русские носили войлочные шляпы, также заимствованные у адыгов. Переселенцы-мужчины (казаки, русские крестьяне) носили и чупаки (самодельная кожаная обувь) наподобие кабардинских. Кроме форменной одежды – черкески и бешмета, другие предметы одежды казаков и крестьян не различались. Верхней одеждой для тех и других были свитки, или сиряки (История многовекового...», 2007. С. 283; Дзагов Р.Н., 2008. Вып. VII).

Черкеску по торжественным случаям надевали русские цари и генералы. «Удивительно, но факт! – восклицает Н.И. Сообцокова (2010. С. 255), – Возможно, это единственный случай в истории человечества, когда царь и его военная элита, покоренные мужеством и достоинством народа, более 100 лет отважно отстаивавшего свою свободу и независимость, надели традиционный костюм завоеванного ими народа».

Очевидцы свидетельствовали, что император Николай I первым из Романовых появился на официальных портретах в мундире, нелепо сочетавшем пышные генеральские эполеты и черкесские газыри. Кстати, казачий костюм оказался для династии Романовых роковым: акт отречения от престола Николай II подписал облаченным именно в кубанскую пластунскую черкеску.

Интересную версию «заимствования» черкесской одежды приводит С.Н. Бейтуганов (2007). Распространено мнение, – пишет историк, – что «...черкесское вооружение (народная форма черкеса. – **Авт.**) перенято даже офицерами черноморских казаков и на всей Кавказской линии» («Адыги, балкарцы...», 1974. С.335). Но, по мнению С.Н. Бейтуганова, наличие черкесского вооружения (черкесской одежды) у казаков еще не говорит о том, что оно всеми ими заимствовано. Ведь часть казаков состояла из адыгов, перешедших не так давно в это сословие, а немалое число других были потомками предков, некогда принадлежавших к адыгскому этносу. Следовательно, эти казаки носили не заимствованную, а свою, национальную (народную), одежду. Дальнейшие исследования дадут возможность подтвердить (или опровергнуть?) эту небезынтесную версию.

1.1.9.5. «Верните нам родной казачий мундир и не хороните нашу казачью славу и честь под азиатской одежиной»

Может ли любить русский казак черкесский арха-лук? Может ли православный казак полюбить магоме-танскую хламиду? Одели на казака погану не христи-анську одежину, да так и оставили, забыв снять...

Богатырев, кубанский казак (1861).

А вот мнение старого казака Богатырева об этой новой казацкой форме, приведенное в середине XIX столетия в газете «Кубанские областные ведомости»: «Но может ли любить русский казак черкесский арха-лук? Может ли православный казак полюбить магометанскую хламиду? Одели на казака погану не христи-анську одежину, да так и оставили, забыв снять. Наши деды и отцы, донские казаки, отказались ввести у себя австрийскую тужурку только потому, что когда-то донцы поколотили австрийцев. Ну а мы? Разве мы черкес не колотили? Не только колотили, но и окончательно победили и подчинили себе, а нежелающих

подчиниться – изгнали в Турцию; обрусил черкес, но зато сами обаялись, то есть приняли облик черкеса...». Казак требовал: *«Верните нам родной казачий мундир и не хороните нашу казачью славу и честь под азиатской одеждой»*. Но черкеска была сохранена как память о покорении Кавказа.

По описанию другого потомственного казака, участника первой мировой войны, – Г. Вивчара (1996), казачья черкеска была просторной, чтобы ее можно было надевать на полушубок. К черкеске на уровне груди нашивались газыри, предназначенные для ношения винтовочных патронов по 14 шт. с каждой стороны (к концу XIX в., в связи с появлением пятизарядной винтовки образца 1891 г., газырницы утратили свое значение и сохранились в качестве украшения). Черкеска конных казаков была длинной, 6 вершков (27 см) от земли. В перечень обмундирования казака входили также: бурка, «черная, исключительно азиатской выделки, ни в коем случае не фабричной поделки»; полушубок – «покроя совершенно как бешмет, с пришитыми газырями», башлык, сапоги.

После войны 1904-1905 гг., помимо черной черкески, была введена «боевая черкеска из сукна защитного цвета». Казаку полагалась высокая черкесская папаха, названная уже кубанкой, а кавалеристу – также печальной памяти нагайка.

1.1.9.6. «Уж больно хороша ваша адыгейская форма!»

Черкеска красит всех. Ее аналогов в мире нет. Она красива, изящна, практична, делает мужчину стройным и привлекательным.

М.Б. Беджанов (1991).

«Отнимающему у тебя верхнюю одежду, не препятствуй взять и рубашку», смиренно призывают христианские проповедники (Евангелие от Луки, 6; 29). Однако реакция горцев на решение царских властей одеть казаков в черкесский национальный костюм была очень острой и в какой-то степени еще более обострила противостояние враждующих сторон во время Кавказской войны. Нынешние кубанские казаки наверняка забыли (а, скорее всего, и не знали) эту историю происхождения их «национального костюма». А горцы помнят... Помнят, и с гордостью носят костюм своих предков. С этой точки зрения интересно привести фрагмент из воспоминаний М.Б. Беджанова, имеющий самое непосредственное отношение к этому вопросу. По его словам, первый президент Республики Адыгея А.А. Джаримов «...уважительно относился к национальной форме адыгов – черкеске. Черкеска красит всех. Ее аналогов в мире нет. Она красива, изящна, практична, делает мужчину стройным и привлекательным. Таким именно выглядел А.А. Джаримов на Всемирном конгрессе горских народов, который проходил в начале августа 1994 г. в Нальчике. Когда он впервые появился на заседании в черкеске, присутствующие – посланцы десятков горских народов и этносов России, ближнего и дальнего зарубежья – пришли в восторг от того, что президент – руководитель такого высокого ранга, был одет в эту национальную форму. И он как будто бы говорил с залом устами поэта Исаака Машбаша: «...и хоть по мне черкеска сшита, всему Кавказу подошла». «На следующий день, когда я появился в зале заседания без черкески, – вспоминает Аслан Алиевич, – ко мне подходили участники конгресса, в том числе и зарубежные гости, и спрашивали, почему я без формы, говорили: Вы в черкеске смотрите лучше. *Уж больно хороша ваша адыгейская форма!*». В самом деле, Аслан Алиевич в черкеске был великолепен и неподражаем. Он достойно представил свой народ. «С уважением думают о том народе, который создал эту единственную и неповторимую, всем удобную и практичную форму», – делился своими мыслями Аслан Алиевич.

1.1.9.7. «Природную красоту черкешенок подчеркивало великолепие национального женского костюма»

Костюм черкесских девушек еще более возвышает их прелести... Платье, панталоны, рубашка – весь костюм украшен самыми причудливыми арабесками из серебра.

А. Фонвилль (1865).

Черкесский женский костюм чрезвычайно живописен... На голове круглая шапочка, с небольшим околышем из смушек, обложенная серебряным галуном... Из-под шапочки выются всегда распущенные по плечам волосы и придают много прелести костюму и красоте девушки.

Н.Ф. Дубровин (1871).

Ж.Б. Тавернье (1605-1689), побывавший в 1663 г. на Северном Кавказе, писал в своих записках: *«Разницы в одежде у черкесов обоих полов нет; женщины одеваются, как мужчины, а девочки – как мальчики*. Эта одежда состоит из цветного платья из хлопчатобумажной ткани и штанов, настолько широких, что когда им нужно отправить естественные надобности, им достаточно опустить их, чтобы облегчиться. Они носят также маленькую стеганую куртку, которая доходит им до середины бедер, а поверх нее нечто вроде плаща с широкими рукавами из грубого сукна, который спускается до колен и подпоясан веревкой. Рукава плаща разрезаны сверху донизу, и иногда они завязывают их за спиной». И далее Тавернье дополняет: «Что же касается волос, то мужчины, жен-

щины, юноши и девушки не отпускают их ниже ушей. Молодые и старые мужчины... носят небольшую шапочку вроде ермолки из того же сукна, что и плащ, и *эта ермолка является общим для обоих полов головным убором*. Правда, с того момента, когда девушки выходят замуж, в их головном уборе происходят некоторые изменения: они навязывают к затылку толстую подушечку из войлока и закрывают ее белым покрывалом, сложенным в мелкую складку. Чулки они завязывают над коленом; они доходят только до лодыжки. Башмаки сделаны из сафьяна, имеют только один шов вдоль ноги» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 59-64).

Впрочем, другие авторы подчеркивали отнюдь не «одинаковость для обоих полов», а, наоборот, своеобразие, оригинальность и «удивительную прелесть» женского национального костюма, о чем пойдет речь ниже.

В состав женского костюма в период позднего средневековья входили следующие предметы одежды: белье, опоясанный кафтан, халат с откидными у локтя рукавами, шаровары, более изящные сапоги, шуба. Женские головные уборы были остроконечными, с макушкой в виде шишака в виде лунницы на стержне, иногда с подвесками на цепочках. Делались шапочки из войлока, парчи и расшивались в верхней части шнуром, а иногда верхушка изготовлялась из листового серебра.

Женщины носили две рубашки: нижнюю (более короткую) и верхнюю, длинную, как платье. Шили их из холста, шерстяных, бумажных, шелковых и полупшелковых тканей, одноцветных или с рисунком. Адыгские женщины носили также длинные широкие штаны, собранные у щиколоток и почти всегда видные из-под верхней одежды. Девушки надевали на голое тело корсет и не снимали его до вступления в брак. Благодаря этому они имели тонкие талии и плоскую грудь, что у горцев считалось эталоном красоты. Даже иностранцы были очарованы красотой черкесских девушек. Так, еще К. Пейсонель отмечал: «Прелесть их (черкешенок) внешнего облика и естественная грация очаровывают...». Поверх рубашки они надевали кафтанчик, туго обтягивающий фигуру; его обшивали галуном, а полы иногда расшивали золотым шитьем. Женщины обычно носили платки, а девушки могли ходить без головных уборов, в торжественных случаях они надевали небольшие красные шапочки.

Дополняет эту информацию А.А. Киселев (1993), специально занимавшийся этим вопросом: «Женщины носили две рубашки: нижнюю (более короткую) и верхнюю (длинную, как платье), плотно облегающую фигуру, а также шаровары, сужающиеся книзу, до щиколоток. Поверх рубашки носили короткий кафтанчик с массивными металлическими застежками, скреплявшими одежду на груди. Кафтанчик был с воротником-стойкой, его обшивали галуном, а полы украшали золотым шитьем. Со временем этот кафтанчик превратился в нагрудник.

Покрой женского платья (*саи*) напоминал черкеску; длинные полы, глубокий выкат впереди и широкие рукава. Платье шили из плотной ткани темных тонов, украшали богатой золотой вышивкой, края и низ обшивали галуном. Обязательным элементом женской одежды был пояс из серебра или обычного металла, украшенный резным орнаментом, зернью и филигранью. Иногда носили матерчатые пояса, что считалось признаком бедности. У женщин, как и мужчин, считалось неприличным ходить без пояса.

Девушки могли не носить головной убор, для торжественных случаев они надевали небольшие шапочки, украшенные галуном или золотым шитьем. Женщинам не разрешалось ходить с непокрытой головой. Обычно они носили платки, которые облевали лоб и завязывались под подбородком.

Женской обувью служили чупьяки и туфли-скамеечки для торжественных случаев, которые обтягивали бархатом, украшали перламутром и серебром (Киселев А.А., 1993. С.172-173).

Практически все источники отмечают, что как в древности, так и в настоящее время природную красоту черкешенок подчеркивало великолепие национального женского костюма: искусно украшенная золотыми или серебряными нитями и галунами (часто конусообразная) шапочка, длинное бархатное платье, также украшенное галунами тонкой ювелирной работы, массивный серебряный или золотой нагрудник и такой же пояс, футляр для волос (*шъхъэцылъэ*) украшенный золотым шитьем и бахромой из золотых ниток, золотые наплечники (*дамэтелъ*), напоминающие эполеты с аксельбантами, длинный расшитый золотом нарукавник (*Ішъхъз бэлагъ, Ішъхъз тхъэнэ*) золотые цепочки (*блэрыпс*), серебряные колокольчики по краям нагрудника (*лъэныкъуэ шылы*) и т. д. (Бгажноков Б.Х., 2006).

О том, что женская одежда украшалась изделиями мастеров-ювелиров и мастерицами золотошвейного производства, сообщали многие авторы. Так, Интериано писал, что знатные черкешенки занимаются исключительно только «вышиванием и украшением кожаных изделий; они расшивают узорами кисеты для огнива и очень красивые кожаные же кушаки». Расшитые золотом фрагменты ткани, кожаные кисеты и колчаны, украшенные сложными аппликациями, обнаружены во время раскопок адыгских курганов XIV-XV вв. близ а. Шенджий в Адыгее, в районе Пятигорска, у с. Чегем-2 и других пунктах Кабарды (Керефов Б.М., 2006).

Исчерпывающие сведения о красоте и оригинальности одежды черкесских девушек можно найти во многих средневековых и дореволюционных источниках:

Абу-аль-Хасан Али аль-Масуди (X в.), арабский географ и путешественник, побывав на Кавказе и восторгаясь красотой черкешенок, писал в своей книге «Лука золота и рудники драгоценных камней»: «Они носят белые одежды, румскую (византийскую. – Авт.) парчу, пурпур и иные виды шелковых материй, затканых золотом» (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007).

Эмиддио д'Асколи, префект в г. Каффе в 1623-1633 гг.: «Замужние женщины-черкешенки прикрепляют к задней части головы как бы другую, набитую материями, так что они ходят словно с двумя головами. Девушки носят шапочки и распускают волосы» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 46-47).

Адам Олеарий (1636) следующим образом описывал кабардинок в районе города Терки: «На голове у них двойные черные подушки, на которые они кладут нежный бумажный платок или пестро вышитый платок, и затем все это связывают под подбородком. У вдовы же сзади у головы большие надутые бычьи пузыри, обвитые пестрым флером или белой бумажной материей; издали получается впечатление, будто у них две головы... В летнее время женщины ходят в одних сорочках, окрашенных в красный, зеленый, желтый или синий цвета и сверху до пупа раскрытых так, что можно было видеть их груди, живот и пуп» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 54-55).

Я. Стрейс, голландец (1630-1694). Побывав на Кавказе в 1668-1670 гг., он дал подробное описание внешнего вида черкешенок, включая некоторые модные тенденции того времени, знакомые ему по Западной Европе: «Женщины ходят с непокрытыми лицами, на голове носят красивые двойные черные шапочки, обшитые крашеным полотном или шелковой тканью; поверх они обычно надевают еще чепчик из черного бархата, что весьма к ним идет, почему они и стараются одеть его как можно лучше. Вдовы привешивают к затылку бычачий пузырь, украшенный разноцветными платками или кусочками сукна, и издали кажется, что у них две головы. Зимой они носят шубы, а летом ходят в одних рубашках – желтых, красных, синих или зеленых, открытых до пупка, и так можно видеть все от шеи до пупка. Те, которые хотят показать, что они не из простонародья, носят узкие штаны, доходящие до икр или до косточки, поверх они надевают две одежды без рукавов, плотно обтягивающие тело. Они гордятся убранством и украшением своих груди, как английские и французские дамы, хотя я не думаю, что они их красят» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 72-74). При этом Я. Стрейс, будучи представителем пуританской культуры, подчеркивает, что на Западе «подобным образом ведут себя только французенки и англичанки (последние вернулись к своим раскованным нравам после смерти Оливера Кромвеля)» (Опрышко О.Л., 2007; Хотко С.Х., 2008).

Николас Витсен (1641-1717): «Женщины... летом ходят в полотняных рубашках красного, зеленого или желтого цвета, открытых до пупка» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

П.Г. Брус (1692-1757), побывавший на Кавказе в 1722 г., писал: «Они (черкесские женщины) носят черный чепчик на голове, покрытый прекрасной белой накидкой, повязанной под подбородком. Летом они носят только рубахи различных цветов, открытые спереди так низко, что можно видеть их тело ниже пупка» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 108-109).

Аноним (1760): Костюм черкешенки немного отличается от европейского; он состоит из сорочки, коротких штанов, платья, плаща с рукавами или без рукавов. Зимой кабардинцы укрывают себя шубой, которая опускается до ступней. Они носят сережки в ушах и колье, но особенно татарскую вуаль, которая опускается на лицо, когда они выходят на публику. В остальном в Черкесии, как и в других местах, первенство в жизни делает много различий и в одежде. Но любовь к дамским украшениям существует во всех странах» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 82-84).

И.Г. Георги, академик. Будучи на Кавказе, опубликовал книгу о своем путешествии (1766; 1799), в которой так описывает одежду черкешенок: «Женская одежда разнится очень мало от одежды прочих кавказцев. Девицы их одеваются очень легко и весьма чисто и опрятно» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 174, 175).

П.С. Паллас, академик, (1741-1811), побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Одежда их (черкесских девушек) состоит в рубашке, подвязанной шнурком у шеи, и в широких шальварах, не закрываемых верхним платьем (*антери*), которое стягивается поясом; волосы девушек спускаются длинными косичками; замужние обвивают голову белым сукном; на лбу оно сидит гладко и подвязывается под подбородком». Женская одежда (черкешенок) одного покроя и стиля, пока они не родят первого ребенка, после чего они покрывают голову белым платком, плотно охватывающим голову и завязываемым под подбородком. Поверх сорочки девочки носят вышитый камзол, а юбка, достигающая лодыжек, разрезана по всему фронту и похожа на мужскую одежду, но замужние женщины носят широкие шаровары. Когда женщины бывают вынуждены выйти из дома, они обувают особый вид деревянной обуви, чтобы сохранить ноги в чистоте, и в этих же случаях пользуются рукавицами, надеваемыми на их нежные ручки. Рисование лица у них рассматривается как отсутствие воздержанности, но девочкам разрешается красить ногти соком цветка бальзамина, который на их языке называется *кна*. Их головной убор состоит из колпака, очень похожего на мужской; под ним они укладывают волосы в тонкие косички и покрывают сверху тканью («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Джемс Белл, англичанин (1837), долго проживший у черкесов и сделавший весьма важные этнографические наблюдения, так описывает свои впечатления от встречи с молодой черкешенкой: «Девушка выходит без покрывала, и если случается, то она смешивается с толпой мужчин без всякой робости. Взрослая красавица-девушка, которую я часто вижу входящей сюда в кунацкую, полную мужчин, чтобы навестить больного воина, заставляла меня много раз думать об Орлеанской девице, исполнявшей вместе с этой обязанностью и свой воинственный долг в отношении своих товарищей по оружию». И далее Джемс Белл продолжает: «Хотя таким образом и скрыты прелести замужней женщины от постороннего взгляда, но не нужно думать, что этим у них совершенно заглушена главная характерная черта их пола (и, конечно, не менее свойственный им, чем другим) – желание нравиться, потому что покрывало, которое они носят, обыкновенно бело, как снег, и ниспадает широкими складками, часто оно сделано из тончайшего муслина или из самой лучшей ткани, какую только они

могут достать, а накидка или плащ, одна из самых дорогих частей костюма черкесской женщины, бывает из очень широкого куска европейской шерстяной материи...» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

Ф.Ф. Торнау (1839), русский офицер, несколько лет проживший среди черкесов, так писал об одежде молодых черкесских женщин: «Поверх широких, книзу суженных шаровар, без которых не найдешь женщины на Востоке, носится длинная белая рубашка, разрезанная на груди, с широкими рукавами и небольшим стоячим воротником. Талия стягивается широким поясом с серебряною пряжкой. Сверх рубашки надевается яркого цвета шелковый бешмет короче колена, с рукавами выше локтя, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными застежками. Маленькие ножки затянуты в красные сафьяновые чуваки, обшитые галуном. На голове круглая шапочка, обложенная серебряным галуном, повитая белою кисейною чалмой с длинными концами, падающими на спину. Волосы распущены по плечам».

А. Фонвиль (1865) с нескрываемым восхищением отзывался об одежде черкешенок, подчеркивающей красоту и гибкость женского стана: «Костюм черкесских девушек еще более возвышает их прелести. Они носят голубые платья, талия которых застегивается на груди серебряными бляхами; затем широкая юбка, спереди открытая, и цветные широкие турецкие панталоны, спускающиеся до лодыжек; их руки, покрытые рубашечными рукавами из красного или желтого шелка, проходят в отверстия рукавов платья, а эти последние, разрезанные по всей длине их, болтаются вокруг стана. Платье, панталоны, рубашка – весь костюм украшен самыми причудливыми арабесками из серебра. На головах девушки носят высокие остроконечные шапочки; волосы заплетаются в три косы, из которых одна висит сзади, на спине, две же другие выставляются вперед и спускаются до пояса, сделанного из красного сафьяна и усеянного разными серебряными бляхами и другими украшениями; наконец, ноги обуты в полусапожки разных цветов» (Фонвиль А., 1865).

Н.Ф. Дубровин (1871) дополняет этот рассказ: «Черкесский женский костюм чрезвычайно живописен. Поверх широких суженных книзу шаровар, надевается длинная белая рубашка из *бязи* (бумажного холста) или кисеи, разрезанная на груди, с широкими рукавами и с небольшим стоячим воротником. По талии рубашка стягивается широким поясом с серебряною пряжкой. Сверх рубашки надевается шелковый бешмет какого-нибудь яркого цвета. Бешмет шьется короче колена, с короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застежками. На ногах легкие красные, из сафьяна чуваки, обшитые галуном; на голове круглая шапочка, с небольшим околышем из смушек, обложенная серебряным галуном, верх шапочки повит белою кисейною чалмою с длинными концами, падающими за спину. Из-под шапочки выются всегда распущенные по плечам волосы и придают много прелести костюму и красоте девушки (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 58).

Следует отметить, что в отличие от незамужних девушек, женщины скрывали волосы и частично лицо под белым полотном на турецкий манер. «Это различие между замужней женщиной и девушкой, первая из которых носит чадру, а вторая – нет, – отмечает английский путешественник Лонгворт, – соблюдается повсеместно на Кавказе...» (Тюркель А., 2009).

1.1.9.8. «Женщины-черкешенки гордятся своим стройным станом и носят особый род корсета»

Девушки с очень раннего возраста, лет 10-12-ти, носят корсет или широкий кожаный пояс, надеваемый прямо на тело... Идеал красоты у черкесов требует от женщины серьезных жертв...

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839 г.).

«Женщины-черкешенки гордятся своим стройным станом и носят особый род корсета», – писал Ксаверио Главани (1724). Здесь речь идет о черкесском обычае зашивать талию девушек в сафьян для придания стройности стану.

Р.Ж. Бетров (1991).

Специфической частью адыгского костюма является корсет (*куэнышбэ*) – принадлежность традиционной женской, точнее сказать, девичьей одежды. Появление такой детали, как корсет, было обусловлено этническими и социальными особенностями адыгского народа, и, прежде всего, их представлениями о женской красоте. О корсете у девушек-черкешенок упоминается в работах почти всех авторов XVII – первой половины XIX в.

Для адыгов, как отмечают многочисленные источники, была характерна особая забота о физическом состоянии, о красоте и здоровье девушек. Примерно с 10-12 лет девочки начинали носить туго зашнурованный корсет, что автоматически переводило их в разряд девушек. Корсет шили из сафьяна или кожи более простой выработки. Он начинался высоко, почти от ключицы и спускался до бедер. Спереди в корсет вставляли две довольно широкие деревянные пластинки, которые прижимали груди, препятствуя их росту.

Девочки корсет носили постоянно, в нем они спали и снимали только тогда, когда мылись или требовался ремонт корсета. Отдельные авторы ошибочно пишут, что девочки с 10-12 лет и до замужества находились в од-

ном и том же корсете. На самом деле с ростом девочек корсеты подбирались или шили по размерам. Для этого существовали определенные правила. Например, когда на девочку первый раз делали корсет, она должна была обхватить своими большим и указательным пальцами запястье. Если запястье обхватывалось легко, то два обхвата запястья должны были равняться объему шеи, а два объема шеи или же четыре обхвата запястья должны были соответствовать объему талии. В тех случаях, когда (у девочки большим и указательным пальцами не обхватывалось запястье) запястье было толще требуемого объема, то девочку заставляли голодать, давая ей малокалорийную пищу. Это повторялось и тогда, когда меняли корсет на соответствующий росту девочки новый корсет.

Корсет снимали в первую брачную ночь. Снимал его муж, расшнуровывая. (Для того, чтобы испытать терпение молодого, женщины, одевавшие невесту, старались нарочно запутать шнуровку или делать трудно развязываемые узлы). Новобрачный, сняв корсет, отдавал его друзьям, а те, в свою очередь, девушкам, которые внимательно осматривали шнурок, и если выяснялось, что он разрезан или разорван, подсмеивались и шутили над нетерпеливостью молодого. Правда, уже в XIX в. авторы, в том числе и Шора Ногмов, писали, что для снятия корсета с новобрачной молодой муж пользовался кинжалом или ножом. «Когда девушка выдалась замуж, – пишет Ш. Ногмов, – новобрачный разрезывал ножом шнур, которым зашит был сафьян, с возможной притом осторожностью, чтобы не захватить ни тела, ни сафьяна. Если он повредил одно или другое, то вменялось ему в большое бесчестие». Приведу еще несколько подобных свидетельств:

П.С. Паллас, академик, побывавший в Черкесии в 1793-1794 гг., писал: «Возможно, не всем известен их обычай, в соответствии с которым их девочки в возрасте 10-12 лет стягиваются корсетом, или широкой лентой из невыделанной кожи. Эта своеобразная скорлупа у простого народа плотно обтягивается вокруг талии, но у высших классов она скреплена серебряными крючками. И они вынуждены носить ее до брачной ночи, когда жених разрезает кинжалом этот гордиев узел, – церемония, которая может иметь опасные последствия». И далее академик вновь возвращается к этому вопросу: «Девушки еще с 10-летнего возраста носят плотно сидящий на теле корсет, который до того крепко сдавливает тело, что нигде нельзя видеть таких стройных и тонких женских фигур. Для сохранения этой стройности, без которой для черкеса красота не полна, молодых девушек кормят очень плохо и дают им только молоко, пироги и другие кушанья, приготовленные из проса... Кроме вышеупомянутых лент девственности (корсета. – **Авт.**), есть еще другое обстоятельство, которое способствует сохранению элегантных форм у девушек: все они питаются очень умеренно и обычно ограничиваются только молоком и печеньями. В соответствии с черкесским идеалом красоты, так же как и у турок, женщина должна иметь очень узкую талию и живот, приопущенные к нижним конечностям («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Джордж Эллис (1753-1815) также обращает внимание на эту деталь девичьей одежды: «Сразу же после рождения девочку обтягивают широким кожаным поясом. Этот пояс остается на месте до тех пор, пока не порвется под усилиями растущего организма, и в этом случае заменяется другим. Повторением этого метода девочкам придают весьма изящную фигуру. В первую брачную ночь муж разрезает кинжалом этот пояс – обычай, который часто приводит к трагической развязке» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 146-151).

Джемс Белл, англичанин (1837) в своих воспоминаниях пишет: «Девушка, у которой узко стянут корсет, покрытый спереди серебряными аграфами (фр. *agrafe* – «нарядная пряжка или застежка»), так же как и шапочка, украшенная серебряными пуговицами и галуном, – имеет воинственный вид, как будто ее невинность вооружена воякой и неуязвима для всех атак, в то время как волнистые локоны ее длинных волос, ее развевающиеся платье и ее скромная походка придают ее фигуре женственность, а если она высокого роста, то достоинство и грацию... Я не знаю, какой путешественник или странствующий по свету парижанин внушил черкесам мысль улучшить божье создание стягиванием бедер юных девушек тугим кожаным поясом!».

«...Нет, ошибался Джемс Белл, – комментирует это высказывание Р.Ж. Бетров (2006. Вып. III. С. 202). Не французы принесли адыгам этот обычай, – он у них, надо полагать, существовал с весьма далекого времени, когда еще не могли быть контакты между предками адыгов и французов. Но, по замечанию писателя XVIII в. Д.К. Кантемира, «...то, чего добиваются француженки с помощью китового уса и других хитростей без малейшей боли, здесь (т. е. у черкесов – **Авт.**) приобретается без малейшего волнения о нежном возрасте, и затем наслаждаются достигнутым на всю жизнь».

Жан-Шарль де Бесс (1838), посетивший Черкессию в начале XIX в., особо отмечал, что именно корсет давал возможность черкесам сохранить стройность фигуры. Своим тонким станом черкесы обоего пола обязаны тому, что с самого раннего возраста они туго перетягивают фигуру – мужчины ремнем, а женщины корсетом; девушки снимают корсет только в замужестве; в первую брачную ночь супруг разрезает корсет острием кинжала».

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839) дополняет эту информацию: «Девушки с очень раннего возраста, лет 10-12-ти, носят корсет или широкий кожаный пояс, надеваемый прямо на тело. Этот корсет настолько стягивает талию, что нет женщин с более тонкой талией; корсет также сдавливает бюст таким образом, чтобы не допустить его развития. Только в день свадьбы супруг имеет право распороть корсет кончиком кинжала. Идеал красоты у черкесов требует от женщины серьезных жертв, и чтобы сохранить тонкую талию, молодых девушек очень плохо кормят: им дают только молоко, лепешки, просынную кашу» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 2006. Вып. III. С. 202-210).

Султан Хан-Гирей в своих «Черкесских преданиях» (1841) приводит весьма интересное и живописное описание девичьего корсета: «Корсет черкешенок есть не что иное, как одежда, составляющая исключительно

принадлежность девиц; женщины его не носят. Знатные девушки шьют корсеты иногда из красного сафьяна или бархата, обшивают серебряными и золотыми галунами; в таком случае он бывает с короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсет, надеваемый сверх рубашки, под верхнюю одежду, есть праздничный и не в каждом племени употребительный. Настоящий, или будничный и везде употребительный, шьется из желтой мешины, преимущественно у девушек высшего класса, и из выделанной телячьей или козлиной кожи у девушек простого народа. Такой корсет бывает обыкновенно без пол и едва доходит до окончаний ребра, крепко зашнуровывается спереди и прикрывает всю грудь; две тоненькие дощечки, на всю длину корсета, засовываются спереди и одна коротенькая сзади, отчего корсет сидит прямо, но, правду сказать, девушкам очень неловко сидеть от проклятых дощечек, и гораздо было бы лучше употреблять китовые усы, но такая роскошь моды еще не достигла Кавказа, и черкешенка лучше хочет мучиться от проклятых дощечек, нежели скинуть корсет. «Скинуть, – избави бог!» Впрочем, корсет снимают и моют очень часто, но редко без корсета остаются целые сутки, и ночью спят в корсете, только вынув дощечки.

С которого года начинают носить корсет, зависит и от сложения девочки, но вообще начинают довольно рано. Черкешенки имеют стройную талию, но она едва ли не следствие, образа их жизни, нежели корсета. Напротив, корсет много способствует тому, что у черкесских девушек, даже очень зрелых, почти не приметны груди, что, по моему мнению, очень нехорошо. Что может быть восхитительнее белоснежной груди прекрасной девушки, когда после томительного вальса она волнуется, как пенный прибой моря...», – завершает свое лирическое эссе Султан Хан-Гирей (1841).

Дополняют эту информацию авторы конца XIX в.: «Всякая девица с семилетнего возраста носит кожаный из мешины или сафьяна корсет, стянутый сколь возможно туго и зашитый наглухо, чтобы образовать тонкую форму талии; эта шнуровка остается до замужества неприкосновенной, никто не может снять ее, кроме мужа: он при первом посещении молодой жены своей разрезает это брачное таинство кинжалом или ножом, как будто этим символом покоряет избранную в подруги своей жизни и непреклонной своей воле, повиновению и чистоте поведения. Этот первый шаг напоминает ей, какая участь ожидает виновную за нарушение супружеской верности» («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 25-26).

Комментируя эти и подобные высказывания, историк А. Тюркель (2009) отмечает, что упомянутый корсет был своеобразным видом нижнего белья. Его шили из сафьяна или кожи более простой выделки со вставленными спереди и сзади деревянными пластинками. Начинаясь он высоко, туго зашнуровывался, стягивая грудь и талию, и спускался до бедер. Носили его постоянно и снимали, только когда мылись. В итоге у черкешенок сформировался особый тип красоты: стройная фигура, плоская грудь и талия объемом не более 50-55 см. По преданию, избавить девушку от корсета должен был только муж, разрезав его кинжалом в первую брачную ночь. Корсет был сословным атрибутом, и носили его в основном знатные особы: большинство черкешенок сохраняли стройность фигуры благодаря скудному питанию и физическому труду.

Нельзя не отметить и того, что обычай надевать на девушку корсет с раннего возраста и не снимать его до замужества, действительно, давал возможность сохранить стройность фигуры и тонкую талию, но неминуемо приводил к тому, что грудь красавицы не развивалась и, следовательно, красота женщины теряла многое. На этом моменте особо останавливается Н.Ф. Дубровин (871. С. 58): «Рассказывают, что после снятия корсета, у молодой замужней женщины грудь вырастает две недели. У абадзехов и у некоторых шапсугских фамилий девушки не носили корсетов, оттого и женщины их более красивы и кокетливы».

1.2. Земледельческая культура у адыгов

*Жил в темноте народ;
Что он добывал (а земля скудна!),
Шло на стол богача:
Орки с князьями все до зерна
Съедали как саранча...*

Цуг Теучеж, поэт

Адыги издревле занимались хлебопашеством, – писал Ш. Ногмов (1861), – сеяли просо, ячмень, пшеницу, кукурузу и огородные овощи; на нашем языке есть названия всех хлебов... И с древних времен, практически до конца XIX -начала XX вв., жизнь земледельца регламентировалась всякого рода уставными положениями (писанными и неписанными) и обычаями, сложившимися в течение столетий. Так, в «Постановлении о сословиях в Кабарде» говорится:

§ 26.1. Когда чагар [*«чагары»*, по разъяснению Ш. Ногмова, – «состоящие под покровительством князей, т. е. вроде холопов»] будет иметь в пашне две пары волов, тогда обязан в год своему господину отдать три арбы обмолоченного проса, а при неурожае и недостатке ничего не давать; а кто будет пахать одной парой, то на том же основании дать господину одну арбу тоже при урожае и достатке, а когда три пары будет в пашне – дать четыре арбы проса.

§ 26.2. Каждый дом крестьянский ежегодно засеивает землю на один тулук (т. е. мешок в 5 мер) проса, пшеницы и ячменя; при работе продовольственные припасы в доста-

точном количестве выдаются от господина, а при неимении таковых в прочее время у господина, крестьяне обязаны сами себя продовольствовать.

§ 26.3. В сенокосное время чагары обязаны работать для господина так: три дня косить и два дня убирать скошенное и в стога класть с помощью крестьян, которые и сено возят совместно с первыми в кутаны или дома, в том самом количестве, какое каждым из них накошено. В случае же, когда господин не захочет косить по каким-либо причинам, или не даст к прокормлению рабочим провизии, тогда крестьяне, за свободное от покоса время, обязаны дать ему с каждого двора по 7 арб готового сена.

§ 26.8. Чистка сада (господского) от травы производится женщинами крестьянскими, по одной из дома, в лето один раз.

§ 26.11. В бывающие в году два праздника – рамазан и кубан (курбан? – Авт.) делать для господ бузу из крестьянского проса; посуда господская.

§ 26.21. После уборки хлеба крестьянами и возвращения с работы, каждый крестьянин должен дать господину с двора по кубышке бузы и по одному большому просянному чуреку.

§ 26.22. При всяком делании бузы, много или мало, крестьянин обязан отнести один кувшин своему господину» (Цит. по: Ногмов Ш., 1861).

1.2.1. «Большая часть населения Черкесии жила земледелием...»: этапы становления и развития земледельческой культуры на Кубани

«Как народ воинственный, черкесы всего более заботятся о приобретении хорошего оружия и о воспитании лошадей. Скотоводством и земледелием занимаются единственно для удовлетворения первых потребностей жизни. Из хлебных растений сеют просо, отчасти яровую пшеницу, кукурузу и ячмень», – пишут авторы «Исторического обзора Терека...» (1851). Эту мысль развивает И.Н. Клинген (1897): «Разбойничали и воевали, главным образом, князья и дворяне, а большая часть населения Черкесии жила земледелием, скотоводством и ремеслами; благодаря этому население мало зависело от внешних рынков, а потому местное хозяйство было особенно устойчиво, хотя и в высшей степени консервативно».

1.2.1.1. «Земледелие у меотских племен было плужным, массовым и по своей технике высоким»

Здесь, в стране меотов, находилась житница, кормившая Грецию.

Р. Трахо (1992).

По всей вероятности, – пишет Н.А. Тхагушев (2008), – адыги и их предки до появления у них земледелия занимались охотой, бортничеством (т. е. добычей меда диких пчел) и собирательством. Природа Северо-Западного Кавказа отличалась благоприятными климатическими условиями для существования диких животных, пчел, а также для произрастания дикорастущих плодовых, орехоплодных и других растений со съедобными плодами. Подтверждением этого являются раскопки пещер, в которых было найдено много костей диких животных, наличие в адыгском языке слов *шакло* – охота, *лэучецI* – съедобная дичь (дословно: свинья-козленок), а также существование у адыгов культа божества – покровителя охотников.

Меотская культура складывается на Северо-Западном Кавказе в VIII-VII вв. до н. э., уходя своими корнями в эпоху бронзы. Основу хозяйства составляли в то время земледелие и скотоводство. По мнению Н.В. Анфимова, «земледелие у меотских племен было плужным, массовым и по своей технике высоким». Меоты культивировали мягкую пшеницу, ячмень и просо. Обуглившиеся зерна их найдены были на многих меотских городищах правобережья Кубани, Приазовья и Закубанья. Недаром именно колос пшеницы часто служил эмблемой на монетах боспорских городов. Одним из основных продуктов питания у меотов являлось просо, что засвидетельствовано многими античными авторами. Кроме зерновых культур, на Кубани культивировались и некоторые бобовые растения: чина, зерна которой были найдены на Краснодарском городище, бобы и горох, обнаруженные близ г. Майкопа.

Хлеб шел не только для собственного потребления, но и в большом количестве поступал боспорским правителям, откуда вывозился в страны Средиземноморья. Древнегреческий оратор Демосфен (IV в. до н. э.) в речи, произнесенной в Афинах, сообщает, что ежегодно с Боспора вывозилось на острова Греческого архипелага около 400 000 медимнов хлеба, или 16 700 т. Еще большую цифру приводит Страбон, сообщавший, что Левкон I однажды отправил в Афины из Феодосии огромную партию зерна, в переводе на современные меры – 87 500 т (!). Кроме злаков, меотам были известны и бобовые – чина посевная и вика чечевичеобразная; судя по всему, было развито и огородничество. А у адыгов Черноморского побережья с древнейших времен было развито садоводство; культивировали яблоки, груши, сливы, грецкие орехи.

В среднемеотский период отмечается дальнейшее расширение пашенного земледелия. Основой производства в первые века н. э. оставались плужное земледелие и скотоводство. С появлением в Подонье-Прикубанье аланских племен, земледельческое население было вытеснено с Правобережья Кубани в Заку-

банье. Нашествие гуннов и других кочевников не могло не отразиться на сельскохозяйственной деятельности горских народов. В середине XI столетия в северокавказские степи хлынули новые кочевые орды – половцев, которые оставались здесь до 1223 г., т. е. до татаро-монгольского нашествия.

1.2.1.2. Земледельческая культура адыгов в период средневековья

Нашествие татаро-монголов затормозило развитие земледелия, оттеснило его из степной зоны в предгорную, но не могло полностью уничтожить земледельческую культуру местного населения.

В.С. Бесланев (1996).

В древнейшие времена, а также в античную эпоху предки адыгов занимались плужным земледелием и скотоводством. В период средневековья эти традиции получили дальнейшее развитие. Главным занятием по-прежнему оставалось земледелие: выращивали просо, ячмень, рожь, пшеницу. В поселениях адыгов раннего средневековья обнаружены зерновые ямы, крупные сосуды для хранения запасов, жернова, косы, серпы и изредка – лемехи. Письменные источники отмечают высокое развитие земледелия у адыгов. По словам Константина Багрянородного, в дельте Кубани находились острова, заселенные и возделанные зихами. Масуди (X в.) писал, что народ кешак (касоги) выращивал лен, который шел для местного производства высококачественного полотна (Керефов Б.М., 2006).

Нашествие татаро-монголов затормозило развитие земледелия, оттеснило его из степной зоны в предгорную, но, по мнению В.С. Бесланева (1996), не могло полностью уничтожить земледельческую культуру местного населения. В XIII-XV вв. у адыгов уже далеко зашел процесс феодализации. По сведениям средневековых источников, у них было высокоразвитое сельское хозяйство. Часть выращиваемого хлеба вывозилась в Трапезунд и в другие заморские города. К периоду генуэзской колонизации Земли адыгов относится развитие меновой торговли, в которой преобладали продукты сельского хозяйства и сельскохозяйственное сырье: зерновые культуры (традиционные просо, ячмень, пшеница, а также рожь), мука, рыба, воск, мед, кожи, меха. Как отмечают источники, зерно и мука частично реализовывались на внутреннем рынке для нужд населения, а частью вывозились через Каффу и Геную в Византию, западноевропейские страны и на Ближний Восток. Одно из подобных свидетельств о поступлении хлеба с Северного Причерноморья относится к 1268 г. Спрос на хлебное зерно был так велик на внешних рынках, что всякая задержка с его подвозом в неурожайные годы буквально грозила голодом.

Интересно свидетельство Дж. Интериано (1501) о том, что «...пшеницы у черкесов нет вовсе, зато много проса и других водянистых семян (лат.: *semense aquatiche*. – может быть, рис? – Авт.), из которых делают хлеб, разные кушанья и напиток «буза». И позже, в XVI-XVIII вв., адыги занимались преимущественно земледелием и скотоводством. Возделывался все тот же «набор» культур: пшеница, ячмень, просо, позже появились сведения о возделывании здесь кукурузы; было широко развито огородничество.

1.2.1.3. Сельскохозяйственное производство в XVIII-XIX вв.

Не отвращаясь от трудной работы и от земледелия, которое учреждено от Высшего.

Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова (7; 15).

Уже в XVIII-XIX вв. сельское хозяйство адыгов становится многоотраслевым (полеводство, животноводство, садоводство, пчеловодство, виноградарство, шелководство, птицеводство) и по тому времени находится на высоком культурном уровне.

Н.А. Тхагушев (2008).

К концу XVIII в. относится переселение запорожских (черноморских) казаков на Кубань. Плодородные степи, покатоки невысоких гор и заключенные между ними равнины благоприятствовали развитию всех отраслей сельского хозяйства. Нетронутые земли во время дождей покрывались высокими травами, которые, как вспоминали старожилы, «росли тогда по плечо; дети, бывало, не отходили далеко от выгона, чтобы не заблудиться, а мелкий скот – овцы и телята часто пропадали в траве».

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. Свыше 2,5 млн. десятин (84 %) здесь занимали удобные для земледелия почвы; лесов в Черномории было крайне мало. Но освоение огромных массивов шло довольно-таки медленно. Так, в 1829 г. переселенцами использовалось под пашню только 169 тыс. десятин (6 % всех пригодных для земледелия площадей), а в 1859 г. – 404 тыс. десятин (18 %). Здесь засевали преимущественно озимые хлеба – рожь и пшеницу; яровые – пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо.

Несмотря на относительно низкие урожаи, в середине XIX в. в степной части Кубани сбор хлебов достигал 7,2 млн. пуд. (около 115 тыс. т). Хлеб производился преимущественно для внутреннего употребления

и частью – на продажу, в том числе за границу. К этому времени большую роль в торговле Кубани стали играть порты на Черном и Азовском морях. Так, в 1852 г. за границу из Геленджикского порта было вывезено пшеничной муки 1365 пуд. и ржи 2792 пуд., а в 1853 г. в порт Ейск из-за границы прибыло 16 кораблей и было вывезено пшеницы в Англию, Францию и Турцию около 93 тыс. пуд.

Русские и украинские переселенцы свой опыт ведения земледелия соединяли с опытом соседних горских народов. Ценной культурой считалась пшеница, причем сеяли ее кубанский сорт. Была предпринята (впрочем, неудачная) попытка внедрить египетские сорта. Преобладали же на полях Черномории посевы ржи, как менее требовательной и более урожайной культуры. Под рожь поднимался пар поздней весной или ранним летом, а в конце августа – начале сентября проходил посев, с одновременной запашкой и боронованием почвы. Двукратная вспашка земли под рожь считалась более надежной, гарантирующей хороший урожай.

Овес, ячмень, горох, мак сеяли в марте, часто без предварительной обработки почвы. Под просо – одну из наиболее урожайных и засухоустойчивых крупяных культур – отводили участки самой хорошей целинной земли. Гречиха – ценная крупяная культура и один из лучших медоносов – считалась менее требовательной, чем просо. Под нее употребляли пропашную землю; сеяли ее по однажды вспаханному и забороненному полю. Выращивали казаки и технические культуры: коноплю и лен. Коноплю использовали для получения пряжи и масла. По имеющимся сведениям, сбор конопли в Черномории в 20-е гг. XIX в. составлял 4 тыс. пуд., при урожайности «сам-4,4». Лен здесь использовали (в отличие от Центральной России) в основном для получения технического масла.

Как было отмечено выше, переселенцы использовали опыт земледелия у горских народов, уровень которого был достаточно высок. Зачастую адыги делились со своими новыми соседями семенами и запасами хлеба. Так, в ордере от 16 декабря 1792 г. войсковой судья Черноморского войска А. Головатый писал о том, что необходимо организовать закупки злаковых культур у горцев. Широкую торговлю вели адыги и с Турцией, а также с Англией, особенно в начале XIX в. По данным В.С. Шамрая, из турецкой крепости Анапы до 1827 г. ежегодно отправлялось 10 тыс. четвертей пшеницы, 30 тыс. ржи, 15 тыс. ячменя и 3 тыс. четвертей овса (Дюбуа де Монпере упоминает также экспорт в Турцию черкесской кукурузы). Из одной только Новороссийской бухты во времена турецкого господства ежегодно отплывало до 120 больших кораблей, вывозивших местные продукты в Турцию; немало груженных судов уходило и в Англию.

Использование адыгами «самой практичной» (по И.Н. Клингену, 1897) системы земледелия давало возможность получать относительно высокие по тому времени урожаи основных культур. Так, в Закубанье с 1 десятины урожайность составляла: по пшенице – 100 пуд. и более, по просу и кукурузе – более 100 пуд., в Сочинском округе: по пшенице – до 175 пуд., кукурузе и просу – по 150 пуд. В Закубанье каждый двор производил ежегодно около 200 сапет (1 сапет – около 18 кг) хлеба, что давало на весь край 7-8 млн. пуд. (112-128 тыс. т) разного хлеба (Кудаева С.Г., 2007).

Возрастание удельного веса полеводства в хозяйственной деятельности адыгов вызвало нехватку пашенных земель. Были случаи, когда они обращались к царской администрации с просьбой разрешить обрабатывать земли вблизи кордонных линий. Просьбы исходили и от прибрежных адыгов и от проживавших на левобережье Кубани. Военная администрация иногда давала такое разрешение, но только «за службу». Чаще всего адыги получали отказ в выделении им дополнительных земель, особенно на последнем этапе Кавказской войны, когда юрисдикция России распространилась уже на большую часть края, тогда наблюдались случаи самовольного использования земель. Так, начальник ст. Гастогаевской сообщал начальнику 1-го участка Анапской кордонной линии о том, что натухаевцы «во многом количестве в настоящее время производят распашку земель по всем направлениям до 150 плугов» (Кудаева С.Г., 2007).

В первой половине XIX в., по данным А.Т. Керашева, горные адыги – шапсуги, абадзехи и натухайцы полностью обеспечивали свои внутренние потребности в хлебе. Они нуждались в поставках зерна извне только в неурожайные годы, чаще же сами продавали хлеб черноморским казакам.

С этой точки зрения вызывает недоумение следующее сообщение известного историка В.А. Щербины (1910): «Черкесы были бедны и нуждались в самых необходимых предметах. В громадном большинстве случаев (!? – Авт.) у них не хватало хлеба. Запашки были незначительны и работников мало. В поле работали лишь крепостные и рабы. Черкес же был ленив (?) и беспечен. Он считал предосудительным заниматься тяжелым и черным трудом. Естественно, что при черкесской бедности и своеобразных взглядах на черный труд, хозяйственные недочеты горцу приходилось пополнять военной добычей».

САДОВОДСТВО. Значительную часть рациона местного населения составляли фрукты. Еще в XVII в. Ж. Тавернье писал, что земли адыгов были засажены вишнями и другими фруктовыми деревьями. В начале-середине XIX в. особенно славились своими садами западные адыги, проживавшие в горах Северо-Западного Кавказа. Урожайность фруктовых садов здесь была высокой, особенно яблок и груш; выращивались и хорошие сорта винограда. Не меньшее развитие получило садоводство и у кабардинцев, о чем сообщал С. Броневской (1823): «В Кабарде производится все, что нужно для жизни. На берегах Кояна (р. Куян в Малой Кабарде) можно встретить кусты винограда, тутовые, яблоневые, грушевые деревья куда лучшей породы, чем обычно в этих краях».

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Наряду с хлебными злаками, плодовыми и ягодными растениями, адыги выращивали и огородные культуры. Хан-Гирей (1992. С. 171) отмечает, что «каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засекает он всякого рода огородные растения». Выращивали лук, тыкву, фасоль, свеклу, капусту, чеснок, огурцы, морковь, редьку, арбузы и дыни. Адыги разводили также табак. А на Черноморском побережье широкое развитие получило шелководство. Важное значение имело лесоводство. Лес был важнейшей статьей черкесского экспорта (Чирг А.Ю., 2002. С. 28).

О высоком уровне земледелия у адыгов сообщали многие авторы, побывавшие в Черкесии в прошлом. Приведу лишь три выдержки из нескольких десятков подобных свидетельств. Н. Витсен (1675): «Земля черкесов живописна, хороша и очень приятна; там есть долины, поля и леса. Это очень плодородная страна, изобилующая всеми сортами зерновых хлебов». Ферран (1709): «Страна Черкесская прекрасна, изобилует плодородными деревьями, орошается прекрасными водами». Э. Спенсер (1830): «Я был не столько обрадован, сколько удивлен, увидев высокий уровень разведения земледельческих культур, проявляющийся в столь далекой стране – стране, населенной народом, который, как нас уверяли, еще не вышел из варварства».

СКОВОДСТВО. Наряду с земледелием и садоводством, в XVIII-XIX вв. у адыгов было развито в значительных размерах и скотоводство. Это подтверждают большинство авторов XVIII – первой половины XIX в. (С.М. Броневский, Г.В. Новицкий, К. Пейсонель и др.). В. К. Гарданов, используя сведения К. Пейсонеля, произвел тщательные подсчеты, на основании которых он утверждает, что для обеспечения только экспортных нужд, адыги должны были содержать ежегодно более 6 млн. овец. При этом он уточняет, что данные Пейсонеля касаются только причерноморской торговли и не относятся к торговле, которую адыги в то время вели с Россией. Адыгские овцы принадлежали «к так называемой калмыцкой породе», а в Цемесской долине разводили «гладкохвостых, широкий жирный нароск которых необыкновенно нежен». Западно-европейские авторы, посетившие в то время Северный Кавказ, отмечали очень высокое качество шерсти черкесской овцы, сравнивая ее с испанской. Адыги занимались и разведением крупного рогатого скота.

Хан-Гирей (1992. С. 242) сообщает, что адыги разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот и буйволов. И.Ф. Бларамберг, побывавший в Черкесии, обращал внимание на многочисленность скота, который был мерилом богатства отдельных семей.

КОНЕВОДСТВО. Очень важное место в жизни адыгов занимало коневодство. Черкесские лошади пользовались большой славой по всему Кавказу, в Крыму, в России и за границей. Значительное место в адыгском экспорте занимали породистые лошади, особенно кабардинские. С.М. Броневский по этому поводу писал, что адыги «получают значительную прибыль от продажи лошадей, которые большей частью покупаются в России для пополнения конных полков». В Черкесии были выведены знаменитые породы лошадей: шолох, бечкан и другие. Источники XIX в. изобилуют сведениями, характеризующими буквально трепетное отношение черкесов к лошадям.

Из-за военных действий и потери части территории роль главных отраслей животноводства овцеводства и коневодства постепенно снижалась. Уже в 1850-х гг. К.Ф. Сталь отмечал, что в прежние времена Закубанский край отличался большим богатством в лошадях и рогатом скоте прекрасной породы, но продолжительная война с 1829 г. и барантование значительно уменьшили количество скота, а в особенности табуны; многие заводы исчезли, другие сделались ничтожными.

ПЧЕЛОВОДСТВО. Земледелие и скотоводство были в конце XVIII – первой половине XIX в. основными отраслями хозяйства адыгов, но не единственными. Определенную роль в хозяйстве адыгов играло также пчеловодство, развитию которого благоприятствовало большое количество медоносных растений. Пчеловодство являлось одним из древнейших занятий адыгов. Особенно было распространено оно в долинах среднего и верхнего течения причерноморских рек: Мзымты, Аше, Псеуапсе, Шахе, Сочи, Псоу, Туапсе. Во всех адыгских дворах были пасеки. Благодаря богатейшей флоре, мед был необыкновенного качества и вкуса, разного цвета и с волшебным ароматом (Сообцокова Н.И., 2010. С. 269).

Меда было такое количество, что с избытком хватало для удовлетворения местных нужд: на питание и приготовление всевозможных довольно крепких напитков под общим названием *шъон*. Мед и другие продукты пчеловодства неизменно были одной из статей торговли с кубанскими казаками. Даже в разгар Кавказской войны, в 1834 г. только на одну Троицкую ярмарку в Екатеринодаре адыги привезли 361 пуд. (5,77 т!) меда и воска (Панеш А.Д., 1999. С. 40-41). Кроме того, мед и воск в больших количествах вывозили за границу, что подтверждают архивные документы... Закончилась Кавказская война. И сейчас, спустя полтора столетия после «исхода» горцев, в горах вблизи причерноморских городов Геленджика, Туапсе, Лазаревско-го, Адлера можно встретить массу одичавших и диких пчел, которые ютятся в дуплах больших деревьев, – память о некогда процветающей отрасли черкесского хозяйства.

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ. Имеются сведения, что адыги активно занимались охотой. Так И.Ф. Бларамберг писал, что «черкесы отдают много времени охоте на диких животных и птиц, которые в изобилии водятся в их лесах и долинах. Они едят их мясо, а меха и шкуры продают русским. Помимо оленей, косуль, кабанов и зайцев, в лесах у черкесов водятся медведи, волки, лисы, куницы, а среди птиц – куропатки и фазан». Об уровне развития охотничьего промысла можно судить по количеству товара, приве-

зенного ими за один 1843 г. на Екатеринодарский частный карантин: заячьих шкур – 63 025, лисьих – 628, куньих – 492, кошачьих – 863 (разумеется, имеются в виду не домашние кошки. – **Авт.**), норковых – 28, медвежьих – 51 и т. д. По сведениям Пейсонеля, каждый год из Черкесии вывозилось 55 тыс. куньих шкур, 100 тыс. волчьих и столько же лисьих, 3 тыс. медвежьих шкур (Кудаева С.Г., 2007).

О том, что сельское хозяйство занимало ведущее место в экономическом развитии Черкесии, свидетельствуют многочисленные исторические материалы XIX в. Хороший знаток адыгской действительности, Хан-Гирей дает следующие характеристики хозяйства некоторых племен.

Шапсуги: «Жилища их расположены усадьбами по ущельям и берегам рек, живописно орошающих их земли. Они не радеют о земледелии, хотя земля их довольно плодородна. Также и скотоводством надлежащим образом не занимаются по причине недостатка в горах привольных пастбищ; но из сего исключаются те из них, которые живут у северных подножий гор совокупно, наподобие аула. И, пользуясь равнинами, лежащими между Кубанью и горами, более радеют о скотоводстве и хлебопашестве...». Из этого следует, что шапсуги, жившие в горной местности, не имели благоприятных условий для интенсивного земледелия.

Бесленевцы: «Занимаемые ими земли нисколько не уступают землям кабардинцев ни в изобилии произрастаний, ни в доброте почвы, ни в тучности пастбищ; также и наружный их вид не менее пленителен. Множество рек орошают их земли; из числа этих рек главнейшие – две Лабы, между которыми лежащие места более избираются для жительства. Бесленевцы мало радеют о земледелии, как и кабардинцы, но занимаются скотоводством, в особенности овчарные заводы составляют у них главнейшую отрасль сельского хозяйства».

Махошевы: «Плодородные ими занимаемые земли способствуют всяким хозяйственным упражнениям, почему они и более прочих трудолюбивы, награждают хорошею выручкою хлеба, высевая много проса, частью яровой пшеницы, овса и ячменя. Обоего рода скота весьма богаты и изобильны лошадьми хорошей породы».

Абадзехи: «Скотоводство составляет главное их упражнение, особенно овцеводство. Из хлебов сеют они преимущественно полбу, употребляют также кукурузу».

Темиргоевцы: «Плодородие сих земель, особенно к хлебопашеству способных, дает им пропитание с излишеством; не менее упражняются они и скотоводством и конскими заводами лучших черкесских пород: обоими родами, особенно лошадьми, они изобильнее всех прочих черкесских народов... Достаток сей есть следствие их трудолюбия» (Хан-Гирей, 1992. С. 165-171, 191-194, 241).

1.2.1.4. Крестьянская реформа 1861 г.: «Хлебопашество в Кубанском казачьем войске находится почти в первобытном состоянии»

Хлебопашество в Кубанском казачьем войске находится почти в первобытном состоянии. Выгод собственно от обрабатывания земли войско, кроме прокормления себя, или совсем не извлекает, или же извлекает в незначительной пропорции...

«Годовой отчет Кубанского казачьего войска» (1862).

Казачье население Кубанского войска с успехом культивирует все роды хлебных растений, свойственных данной географической широте.

«Отчет о состоянии Кубанского казачьего войска» (1884).

Дальнейшее развитие получило земледелие на Кубани в пореформенный период. Так, в одном из официальных документов (1860 г.) приводится следующая характеристика урожайности хлебов: «Хлеб в хороший год соломою достигает в вышину от 1 до 3 аршин (0,7-2,1 м); зерном средним числом приплоду «сам-7». Разумеется, в обычные годы урожайность была значительно ниже и составляла сам-3 – сам-4. Из зерновых культур по урожайности первое место занимала рожь, второе – пшеница, затем – яровые хлеба: овес, ячмень, просо и гречиха.

С образованием Черномории русские и украинские переселенцы занялись огородничеством и садоводством, ставшими важными отраслями хозяйства. В первые годы заселения Черномории садоводство было развито слабо. У соседних же адыгов оно достигало тогда высокого уровня. Так, на Тамани переселенцы застали много оставшихся после черкесов фруктовых садов, насчитывающих 15 тыс. деревьев. Тогда же в Екатеринодаре был заложен крупнейший в Черномории питомник в 25 тыс. кустов лучших сортов виноградных лоз и 19 тыс. фруктовых деревьев, привезенных из Крыма. Из огородных культур выращивались капуста, свекла, морковь, лук, чеснок, редька, репа, огурцы, тыква, арбузы, дыни, т. е. те культуры, которые выращивались и на родине переселенцев. На новое место жительства они привезли картофель. Как отмечали документы того времени, «черноморцы разводили овощи для своего употребления и частью на продажу».

Вместе с тем, как видно из «Годового отчета Кубанского казачьего войска» (1862), культура земледелия у казаков была весьма низкой: «Главные ветви частного хозяйства в войске составляют хлебопашество, скотоводство, рыболовство, пчеловодство и заводы. Хлебопашество в Кубанском казачьем войске находится почти в первобытном состоянии. Выгод собственно от обрабатывания земли войско, кроме прокормления себя, или совсем не извлекает, или же извлекает в незначительной пропорции, несмотря на то, что почва плодородна и с избытком

вознаграждает труд земледельца. Причиной недостатка земледелия в войске есть недостаток рабочих рук и неимение возможности свободно располагать временем по лежащим на войсковых жителях служебным обязанностям».

В середине 70-х гг. XIX в., – отмечает И. Гольдентул (1924), – значительных изменений в аграрной экономике ещё нет. Но с наплывом иногородних стало идти быстрое повышение экономического развития Кубанской области. Земледелие из подсобного, второстепенного занятия быстро становится на первое место и приобретает такое значение, какого недавно трудно было ожидать. В 1873 г. посевами в Кубанской области была занята площадь 805 327 десятин, а спустя 10 лет, в 1893 г. посевная площадь уже равна 1 996 640; в 1894 г. – 2 252 719 десятин. Таки образом, за два десятилетия посевная площадь увеличивается почти втрое.

Количество хлеба, вывезенного из одного только Ейского порта за период 1889-1892 гг., доходит до 37 549 090 пуд. против 7 426 000, вывезенных в период с 1870 по 1874 гг. Увеличение вывоза замечено также и в Темрюкском порту: с 1870 по 1874 гг. вывезено 659 826 пуд., а с 1885 по 1888 гг. – 14 404 902 пуд. Для Ейска вывоз последнего четырёхлетия превысил вывоз первого пятилетия в 5 раз, для Темрюка – в 21 раз (Гольдентул И., 1924).

В последующие годы земледелие на Кубани стало развиваться более интенсивно, о чем, в частности, сообщается в «Отчете о состоянии Кубанского казачьего войска» (1884): *«Казачье население Кубанского войска с успехом культивирует все роды хлебных растений, свойственных данной географической широте. Посевы озимых и яровых хлебов по размерам своим почти одинаковы; первые в отчетном году составляют 46%, а вторые 54% всех посевов. Перевес одного вида хлебных злаков перед другими, наблюдаемый в отдельных административных районах, зависит частью от торгово-экономических причин и положения местности, частью же от ее почвенных и климатических особенностей. ...Производимое казачьим населением количество хлеба разных видов не только обеспечивает годовое прокормление его и обсеменение полей будущего года, но и дает возможность продавать значительное количество, а равно и иметь достаточные, на случай неурожая, запасы его».* И далее в «Отчете...» (1884) отмечается расширение ассортимента сельскохозяйственных орудий; появление на полях машин и механизмов, облегчавших труд крестьян: «Появление совершенных земледельческих орудий совершается благодаря наплыву в область населения из внутренних губерний России, практически знакомого с условиями пользования ими и преимуществами... Склады земледельческих усовершенствованных орудий, имеющиеся при некоторых из железнодорожных станций, в городах и станицах области, и сравнительная их дешевизна вследствие существующей при продаже конкуренции складов, сделали приобретение их возможным для всякого и доступным по средствам...».

По состоянию на 1884 г., в Кубанской области насчитывалось 10 316 усовершенствованных земледельческих орудий. В основном это плуги – 7303 шт., или 70% всех орудий, а среди них преобладали немецкие плуги и пугари (букеры, букари), или скоропашки (первых – 3990, или 54%; вторых – 2121, или 29% от всех плугов); остальные 1191 шт., или 17% – плуги других систем. Из остальных 3014 земледельческих орудий 2272, или 75% – веялки, на втором месте – конные молотилки (321), далее: жатвенные машины – 298, паровые молотилки – 54, сенокосные машины – 41, конные грабли – 28. В общем, одно усовершенствованное орудие приходилось на 57 душ казачьего населения обоего пола. Спустя два года, в 1886 г. всех улучшенных сельскохозяйственных орудий было 39 919, а в 1898 г. их уже было 194 840; в первом случае одно орудие приходилось на 18 душ населения, во втором – на 8. А ведь ещё в конце 50-х гг. XIX в. лишь один из 50-ти хозяев обладал возможностью самостоятельно пахать свой земельный участок (Гольдентул И., 1924).

О состоянии парка земледельческих машин в начале 90-х гг. сообщал «Кавказский календарь на 1894 г.» (Тифлис, 1893): «В 1892 г. в Кубанской области всех усовершенствованных земледельческих орудий было 135 922 (1 усовершенствованное орудие приходится на 11,9 душ населения обоего пола). Больше всего распространены усовершенствованные плуги: пугари (букари) немецкие, американские, английские, болгарские (всего их 78 356). Жатвенных машин – 6200, сенокосных – 564, усовершенствованных борон – 8409, веялок – 30762, сортировок – 750, конных сеялок 813 и конных граблей 8658. Кроме того, в Кубанской области имеется 799 паровых и 1683 конных молотилок».

Дополняет эту информацию «Кубанская справочная книжка» (1894): «Хлебопашество в Кубанской области является господствующей отраслью сельскохозяйственной промышленности; дает 75-ти процентам населения главный источник средств для удовлетворения всех своих потребностей... В Баталпашинском и Майкопском отделах (где жили преимущественно горцы. – Авт.) насчитывается соответственно 271 и 59 жатвенных машин».

Важную роль в экономическом освоении края играло крестьянское иногороднее население. Оно прибывало из центральных губерний России и на Северо-Западный Кавказ. Только в Кубанской области за период с 1867 по 1897 г. удельный вес этой части русского населения увеличился в 6,5 раза. Казачье население за этот же период возросло только в 1,5 раза. Следует при этом заметить, что иногороднее население численно возросло в отделах, заселенных преимущественно русским и горским населением. В конце XIX в. в Екатеринодарском и Майкопском отделах количество иногородних составило 174,2 тыс. (в том числе в Майкопском – 106,9 тыс.) чел. – около 42 % населения («История сельского хозяйства...», 1994).

В последние годы XIX – начале XX вв., с появлением и развитием капиталистических отношений в деревне, в сельскохозяйственном производстве на Кубани произошли определенные изменения: появились новые, усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, были внедрены более передовые системы земледе-

лия, внедрялись севообороты, больше внимания уделялось сортам, удобрениям и т. д. Как следствие, возросли урожайность и валовые сборы основных культур. Но большинство всех этих изменений относилось преимущественно к хозяйствам зажиточных казаков и помещиков; основная же часть малоземельных крестьян, бедных казаков, а также горцев продолжала вести свое хозяйство традиционными «дедовскими» способами.

1.2.1.5. Земледелие у адыгов в конце XIX – начале XX вв.

Некоторые равнинные народности, например, бжедуги, немало преуспели в производстве земледельческих культур.

А.Т. Керашев (1989).

Горцы обернулись лицом к русским, стали перенимать их приемы ведения хозяйства и передавать свой многовековой опыт, вступая совместно «в новый период жизни».

ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 505, л. 99.

Крестьянская реформа и административно-судебные преобразования 60–70-х гг. XIX в. на Северо-Западном Кавказе фактически завершили включение адыгских народов в состав России. По сравнению с первой половиной XIX в. экономическое «завоевание» края на протяжении всего пореформенного периода происходило быстрыми темпами, способствуя проникновению капиталистических отношений в общественно-политическую жизнь горцев. Как отмечал В.И. Ленин, в пореформенную эпоху происходила сильная колонизация Кавказа, широкая распахка земли капиталистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России.

На протяжении пореформенного периода, – отмечают авторы книги «История сельского хозяйства...» (1994), – трудовые массы русских и адыгейских крестьян совместными усилиями осваивали обширные земельные массивы. На основе применения новых агротехнических правил развивалось аграрное капиталистическое хозяйство. Этому способствовало отсутствие среди русского и горского населения крепостнических порядков, чего нельзя отметить применительно к центральным губерниям России. В.И. Ленин справедливо замечал по этому поводу, что и в тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (например, в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре. Надо признать, что главным результатом новых экономических отношений, сложившихся в пореформенное время между коренным и «пришлым населением Кубани, явилось именно то, что «...горцы обернулись лицом к русским, стали перенимать их приемы ведения хозяйства и передавать свой многовековой опыт, вступая совместно «в новый период жизни» (ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 505, л. 99).

По данным, содержащимся в отчетах военно-народных округов по горским народам Кубанской области за 1869 г., зерно, продовольствие из Лабинского (позднее Майкопского округа) выступали в качестве главного товара в торговых операциях.

Земледельческое хозяйство развивалось и в Псекупском горском округе, в котором проживала почти половина имевшегося адыгейского населения. И все же земельных площадей для хлебопашества не хватало, чтобы «земледелие составило главную отрасль хозяйства» на всей территории, а засеваемого хлеба хватало бы для «собственного потребления» населением. Ощущалась острая нужда в орудиях сельхозпроизводства.

Несмотря на трудности, после крестьянской реформы 1863 г. развитие зернового хозяйства в Майкопском и Екатеринодарском округах получило новый импульс. Как отмечалось в «Записках Кавказского общества сельского хозяйства» (1872, отд. 3, № 5–6. С. 97–98), «недавно поселенные (т. е. переселившиеся с гор на равнину. – Авт.) горцы, сознавая выгоду, получаемую от земледелия, начинают заниматься им с успехом, увеличивают посевы ржи и кукурузы, обращаемые для сбыта на винокуренные заводы»; прежде всего, в Майкопском уезде».

О развитии земледелия у адыгов в пореформенный период свидетельствуют следующие цифры. В 1872 г русское и адыгейское население вышеназванных уездов собрали более 7 млн. 362 тыс. пуд. (75 792 тыс. т) хлеба, т. е. почти 37 % урожая, собранного по Кубанской области. На долю адыгейцев указанных уездов приходилось 753,8 тыс. пуд., т. е. более 10,2 % сбора в двух уездах и более 3,8 % по Кубанской области.

Здесь уместно привести небольшую выдержку из работы А.В. Верещагина (1874) о том, что даже в те нелегкие годы далеко не все горцы бедствовали, – те из них, кто работал на совесть, – не могли пожаловаться на судьбу: «Материальное состояние черкесов нельзя назвать дурным; напротив того, они, по отзывам местным жителей, весьма бережливы, скупы и ни в чем особенно не нуждаются. На 241 душу обоего пола, которые числятся в Лесном, черкесы за 1872 г. имели: лошадей – 57, рогатого скота – 123, овец – 155 и коз – 469 штук. Коза – вообще любимое черкесами животное; из козьего молока они умеют готовить особого рода прокопченный сыр, который весьма долго сохраняется, – а это весьма важно по местным условиям климата.

Черкесы – мастера обращаться и со своими полями: те места, которые они обрабатывают, мудроно кому-либо другому обработать; они лепятся большею частью на возвышенных скатах, на которых, казалось бы, и сама

обработка невозможна. Конечно, обработка на таких местах производится ими только ручная, но эта работа так тщательна, что черессы, по отзывам, и прежде не знали неурожаев. Орудия для обработки земли самые обыкновенные и своеобразные, но они отличаются прочностью, так как хорошо наставлены» (Верещагин А.В., 1874).

Надо признать, что зерновое хозяйство развивалось не везде одинаково. Так, в Майкопском уезде на крестьянина-адыгейца приходилось в среднем около 19 пуд. (304 кг) собранного зерна, тогда как в Екатеринодарском уезде – всего 13 пуд. (208 кг). Приведенные количественные величины не подтверждают бытующее мнение отдельных авторов как дореволюционных, так и советских об исключительной отсталости горского населения.

Ведущими культурами в хозяйстве адыгов оставались: в Екатеринодарском уезде – озимая пшеница и рожь; в Майкопском – просо и рожь. Значительное место в удельном весе зерновых культур отводилось также в Екатеринодарском уезде – яровой пшенице и Майкопском – кукурузе. Несмотря на определенную специфичность в соотношении сельскохозяйственных культур в адыгейском обществе, заметным становились и изменения, происходившие в хозяйстве адыгов.

Валовой сбор зерновых культур в Екатеринодарском и Майкопском уездах увеличился в 1873 г. на 6,1 млн. пуд. (в том числе у горцев – 1 млн. 575 тыс. пуд.), из них на долю Екатеринодарского уезда приходилось 160,9 тыс. пуд. и Майкопского – 3 млн. 690 тыс. пуд. Возрос и валовой сбор зерновых культур среди адыгов, проживавших в уездах. В 1873 г. они произвели 1 млн. 575 тыс. пуд. (25,2 тыс. т) разного хлеба – почти в 1,6 раза больше, чем в 1872 г., в том числе в Майкопском уезде – в 2 с лишним раза, а в Екатеринодарском – на 90,7 тыс. пуд. меньше, чем в 1872 г. («История сельского хозяйства...», 1994).

В сельскохозяйственное производство втягивалось в Адыгее все активнее не только русское, но и адыгское население. Несомненно, что этот процесс сопровождался заметным углублением взаимодействия и взаимовлияния хозяйственно-бытовых навыков. И если в производстве пшеницы, табака, картофеля *адыги все же несколько отставали от русского населения, однако в выращивании проса, кукурузы, подсолнечника, бахчевых культур они заметно превосходили его.*

Развитие всех отраслей сельскохозяйственного производства вряд ли было возможным без совершенствования технической базы этой сферы экономики. Ее состояние в отделах было не на высоком уровне. Тем не менее, корреспондент газеты «Терские ведомости» (1896, № 25) с энтузиазмом писал: «За последний минувший год среди населения Большой Кабарды пришлось отметить одно отрадное явление – постепенное отрешение кабардинцев от привычки обработки земли чуть ли не первобытными земледельческими орудиями, как-то: плуг, бороны, требующие затраты большого количества труда и времени при обработке земли, – они мало-помалу вытесняются более усовершенствованными земледельческими орудиями, представляющими несравнимые удобства для сельского хозяйства. Я не говорю, что полезное нововведение в сельском хозяйстве было наблюдаемо повсеместно в Кабарде, но пока на первых порах хорошо то, что его можно встретить во многих селениях».

В 1901 г. в двух отделах Адыгеи насчитывалось 283 839 орудий и машин, в 1907 г. – 471 265, в 1913 г. число их заметно возросло, однако, хозяйства по-прежнему испытывали постоянную нехватку орудий и машин («История сельского хозяйства...», 1994).

К концу XIX – началу XX вв. сельское хозяйство Адыгеи, будучи составной частью экономической системы Северо-Западного Кавказа, а также страны, оставалось неустойчивым, слабым. Сказывались сдерживающее воздействие феодально-крепостнических отношений, частые кризисы и депрессии, имевшие место в первом десятилетии XX в. Из 57% всех удобных земель, имевшихся в Екатеринодарском и Майкопском отделах (в том числе в Майкопском – немногим более 45%), обрабатывалось к концу XIX в. не более 20–25% всей земли, а к началу 1914 г. – 30–35%.

По-прежнему оставалось примитивным агро- и ветобслуживание и обеспечение сельхозорудиями и машинами, что сказалось на качестве урожаев, они оставались низкими. Недостатки в сельском хозяйстве усугубились еще более в период первой мировой войны. Мобилизация трудоспособных: мужчин на фронт, нехватка сельскохозяйственных орудий и семян, расстройство всех видов путей сообщения – все это привело к уменьшению посевных площадей и валовых сборов продуктов сельского хозяйства.

О том, что кубанские казаки зачастую продолжают вести земледелие «первобытным способом», сообщает, на примере отдельно взятой станицы, В.И. Майгур (1913): «С каждым годом в ст. Шкуринской количество распаханной земли все увеличивалось. Наконец, за невозможностью уже больше расширить посевную площадь, жители из года в год стали распахать всю землю на своих паях, нередко сея хлеб на хлеб и ничем не удобряя землю. Обработка земли еще и по настоящее время идет самым первобытным способом. Вспахал как-нибудь, посеял что-нибудь, и дальше все надежды свои возлагает на небо. Такое хищническое обращение с землей привело к тому, что урожаи сильно понизились... Хронические неурожаи заставили, наконец, жителей в 1912 г. принять трехпольную систему, заключающуюся в том, что в каждой полосе 1/3 часть отрезывается под толоку или пропашные растения; такой порядок меняет место посева колосовых хлебов каждый год...». Аналогичная картина наблюдалась и в адыгейских аулах.

Ухудшилось и без того неудовлетворительное состояние агротехники возделывания полей. По данным анкетного опроса, проведенного среди горцев Екатеринодарским Биржевым комитетом в 1915 г., хлебопашество вели на основе однополосья: в Екатеринодарском отделе 38, Майкопском – 35% всего населения. Правильного

севооборота придерживались в Екатеринодарском и Майкопском отделах всего 4% населения. На полное отсутствие агрономической помощи указывали в Екатеринодарском отделе — 39 % и в Майкопском — 65 % населения.

Положение в сельском хозяйстве области продолжало ухудшаться и в последующие годы. Аграрная политика буржуазного Временного правительства привела к еще большему развалу хозяйства страны. В 1916–1917 гг. посевные площади в Адыгее сократились на 20–24 %. Уменьшилось валовое производство продуктов сельского хозяйства, и, прежде всего, пшеницы, ржи, ячменя, овса, кукурузы, табака («История сельского хозяйства...», 1994).

К началу Октябрьской революции Адыгея была на 99% аграрной страной; положение адыгских крестьян было тяжелым. Как писал Цуг Теучеж,

Жил в темноте народ;
Что он добывал (а земля скудна!),
Шло на стол богача:
Орки с князьями все до зерна
Съедали как саранча.
Что маленький серп с полей приносил,
Хватало на месяц-другой зимы;
К концу зимы нас голод косил...
Так жили когда-то мы.

1.2.1.6. Развитие аграрного производства в Адыгее после 1917 г.

Все явственнее становились преимущества коллективного хозяйства перед единоличными как по первым хозяйственным успехам колхозов, так и по росту в них урожайности сельскохозяйственных культур.

«История сельского хозяйства...» (1994).

К началу Гражданской войны, по данным Всероссийской переписи 1917 г., всех хозяйств в теперешней Адыгее было 16 457, под посевами занято — 88 702 десятин, главным образом под теми же культурами, что и во всей области, только в иной пропорции: пшеницы озимой — 41 473 десятин, подсолнечника — 27 295, кукурузы — 7 778, табака — 1 676 десятин (Гольдентул И, 1924. С. 58).

В буквальном смысле слова с сохи приходилось начинать крестьянству Адыгеи восстанавливать разрушенную первой мировой и Гражданской войнами экономическую базу хозяйства. В 1920 г. в Адыгее на 100 десятин посевов имелось 6–4 плугов, 6–5 борон, менее одной сеялки и уборочной машины. В дополнение к этому и слабые агротехнические знания, низкий материальный уровень жизни, культурная отсталость — это все то, что дал царизм крестьянским массам Адыгеи, проводя политику сдерживания в развитии региона, придавая ему статус аграрного придатка, поставщика продукции («История сельского хозяйства...», 1994).

В приобщении хлеборобов к коллективизации большую роль сыграли комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВы). Первые из них появились в Адыгее в 1923 г., когда решением Оргбюро РКП (б) и облисполкома был создан Областной комитет крестьянской взаимопомощи. ККОВы явились одной из приемлемых форм организации труда бедняков. Единоличник в большинстве случаев не был в состоянии купить машины, но их мог приобрести комитет взаимопомощи. К тому же он ограждал землевладельцев от эксплуатации со стороны кулачества («История сельского хозяйства...», 1994. С. 79).

В 1923 г. был созван 1-й объединенный съезд крестьянских комитетов общественной взаимопомощи Псекупского и Ширванского округов Адыгеи, принявший решение о создании новых коллективов по совместной обработке земли, открытии пунктов для ремонта сельскохозяйственной техники.

Советское государство предоставляло ККОВам льготы, оказывало материальную помощь. В сентябре 1924 г. они были освобождены от уплаты налогов. Им отпускались в кредит сельскохозяйственные машины, семена для посева. В этом же году Советское правительство отпустило для ККОВов Адыгеи 10 тракторов, 6 получили коллективы русских крестьян, а 4 — адыгейских. Этими машинами были вспаханы 387 десятин земли, принадлежащей беднякам, и 296 — комитетам крестьянской взаимопомощи.

В 1925 г. ККОВы получили от государства семенную ссуду — 4100 пуд. зерна, 50 тракторов, множество сельхозмашин и орудий. Через год тракторный парк Адыгеи насчитывал уже 85 единиц. К началу 1926 г. ККОВы имели 4 молотилки, 20 сельхозмашин, 16 кустарных предприятий. В 1924 г. ККОВы располагали 188 десятинами земли, в 1925 г. — 1426, в 1926 г. — 1665 десятинами. ККОВы готовили механизаторов, посылая своих членов на специальные курсы в Кубанский округ.

Заметная роль в восстановлении и развитии социалистического сельского хозяйства отводилась и совхозам. Оснащенные новыми машинами, вооруженные передовой агротехникой, они добились крупных производственных успехов, свидетельствуя о явных преимуществах крупного хозяйства перед мелким крестьянским. Совхозы были первыми ласточками социалистического земледелия в деревне. Их богатый опыт и методы хозяйствования широко использовались в колхозах.

В 1923 г. в Адыгее насчитывалось 4 совхоза. Первоначально это были небольшие государственные предприятия, самое крупное из которых имело около 600 десятин земли. Всего во владении совхозов находилось около 1535 десятин земли. В 1924 г. в Адыгее было уже 5 совхозов: «Отрадный», «Основа», «Адыге», «Некрасовка», и «Случайное».

Совхоз «Отрадный» – показательное хозяйство – снабжал население семенами озимой пшеницы, однолетних и многолетних трав. Кроме зерновых, его рабочие выращивали и технические культуры – кенаф на семена и волокно, табак. Посевы кенафа занимали 100 десятин, табака – 10; под садом – 17 десятин земли. Совхоз имел два трактора и динамо-машину, используемую для освещения. В хозяйстве работали ветеринарный и фельдшерский пункты. Совхоз «Адыге» был преобразован в опытно-показательное поле и передан сельскохозяйственной школе. Ее учащиеся овладевали новыми методами ведения хозяйства на основе передовой агротехники. Показательное поле для крестьян являлось образцовым.

Постепенно совхозы превращались в показательные хозяйства. В них строго соблюдались агротехнические требования, проводилось протравливание семян, обязательная зяблевая вспашка и т. д. Не случайно совхозы получали более высокий урожай, чем мелкие крестьянские хозяйства. Вблизи Краснодара располагался опытно-показательный техникум, в котором в течение ряда лет собирали с каждого гектара по 140 пуд. (22,4 ц) подсолнечника. Крестьяне же получали втрое меньше урожай с десятины («История сельского хозяйства...», 1994. С. 79).

Таблица 47 – Сельскохозяйственный инвентарь в Адыгейской автономной области, 1927 г.

Наименования	Количество орудий				всего, шт.
	в единоличном хозяйстве,		в общественном секторе,		
	шт.	%	шт.	%	
Плуги и букеры	8783	98,5	131	1,5	8914
Бороны	8844	98,7	119	1,3	8963
Сеялки	913	94,0	58	6,0	971
Жнейки	1195	96,4	44	3,6	1239
Сенокосилки	149	89,8	17	10,2	166
Веялки и сортировки	1280	96,5	46	3,5	1326
Молотилки паровые	163	92,1	14	7,9	177
Тракторы	14	16,7	70	83,3	84

Следует особо отметить, что к концу 20-х гг. подавляющая часть земледельческого инвентаря находилась в единоличном хозяйстве и лишь незначительная часть (например, плугов и борон – не более 1,3-1,5%) – была обобществлена в ТОЗах, ККОВах и других формах кооперации. В фондах Государственного архива Республики Адыгея хранятся весьма интересные статистические сведения, характеризующие картину распределения сельскохозяйственной техники перед самой коллективизацией. Имеющиеся сведения представлены в таблице 47.

Несмотря на кажущиеся довольно-таки значительные величины парка земледельческих орудий в частном, единоличном хозяйстве жителей Адыгеи, следует еще раз подчеркнуть, что подавляющее большинство новых, «усовершенствованных» машин находилось в то время во владении зажиточных крестьян, – основная же масса горского крестьянства к началу коллективизации попрежнему владела «дедовской» техникой – деревянными плугами и боронами, а основным орудием жатвы, как и столетия назад, были серп или коса.

Работа в коллективных хозяйствах строилась с применением передовых для того времени агротехнических приемов, способствовавших росту урожайности полей. Уже в 1927–1928 гг. в большинстве колхозов области урожайность основных культур была на 15-20 % выше, чем у единоличников. Посевная площадь на едока в колхозах к 1928 г. составляла 2,6 десятин земли, в то время как у единоличников она равнялась 1,9 десятин. В этих условиях все явственнее становились преимущества коллективного хозяйства перед единоличными как по первым хозяйственным успехам колхозов, так и по росту в них урожайности сельскохозяйственных культур, что подтверждается данными таблицы 48.

Таким образом, по урожайности основных сельскохозяйственных культур единоличные хозяйства уступали колхозам, производственным кооперативам. Колхозы способствовали быстрейшему подъему сельского хозяйства, улучшению агротехники полей, внедрению сельскохозяйственных машин, служили примером коллективного ведения хозяйств у крестьян, создавая тем самым необходимые предпосылки для перехода их к более высоким формам колхозного строительства.

Таблица 48 – Урожайность в колхозах и единоличных хозяйствах Адыгеи в 1928 г.

Культуры	Урожайность, пуд. с 1 га	
	в единоличных хозяйствах	в колхозах
Пшеница озимая	44	52
Пшеница яровая	47	50
Ячмень яровой	63	100
Овес	65	100
Кукуруза	69	100
Подсолнечник	56	80
Картофель	300	500

Однако производственные кооперативы не в состоянии были самостоятельно в кратчайшие сроки оказать существенное влияние на перевод основной массы крестьянства на колхозные рельсы. Учитывая это, Адыгейской области была оказана помощь сельскохозяйственными машинами и денежными средствами. С целью быстрейшего восстановления сельскохозяйственного производства и проведения коллективизации сельского хозяйства только в 1924–1925 гг. в сельское хозяйство области было вложено 300 млн. руб., в 1925–1926 гг. этот взнос уже составил 450 млн. руб., в 1926–1927 гг. – 550 и в 1927-1928 гг. – 700 млн. руб.

Перед беднячко-средняцкими хозяйствами стояла задача расширить посевные площади. Это можно было выполнить только при условии приобретения тракторов. Необходим был фонд для закупки одного или двух тракторов. Земельные органы предложили ввести дополнительный налог по каждому хозяйству зерном, шерстью или другим сырьем.

Приобретение тракторов осуществлялось и другими путями, в частности, через закупку их на средства, внесенные самим населением (тракторный заем), а также через продажу на определенных льготных условиях тракторов, закупленных или изготовленных государством на свои средства. В 1924–1925 гг. в Кубанский округ было ввезено и распределено свыше 240 тракторов. Тракторизация охватила и Адыгейскую область. Если в 1923–1924 гг. были приобретены 21 трактор, то в 1924–1926 гг. – 54. Из них 30 тракторов находились в ведении ККОВов. С 1922 по 1927 г. автономная область получила 84 трактора, 121 молотилку, 210 сеялок, 232 сноповязалки, 2858 плугов и 4012 борон.

Специальное заседание Малого президиума крайисполкома 12 ноября 1927 г. вынесло решение об отпуске тракторов и других сельскохозяйственных машин Адыгейской автономной области. В 1928 г. тракторный парк области насчитывал уже 95 единиц, жаток и сноповязалок было 121, молотилок – 292, сеялок – 787, культиваторов – 358, конных плугов – 8687. На один трактор в Майкопском округе по состоянию на май 1929 г. приходилось посевных площадей в коммунах 136,7 га, в артелях 158,7 га, в прочих видах колхозов – 203,7 га.

К началу 1928 г. в Северо-Кавказском крае насчитывалось 4185 тракторов, т. е. около 30 % тракторного парка РСФСР. В 1929 г. в Адыгее насчитывалось 107 тракторов, а к началу мая 1930 г. их число увеличилось еще на 40 единиц. Из 147 тракторов, поступивших в область, имелось в колхозах – 85, совхозах – 52 и МТС – 10. Тем не менее, при имеющемся темпе роста сельскохозяйственного производства, завоз сельхозмашин в область был еще недостаточным. Крестьянские хозяйства, не вступившие по той или иной причине в колхозы или совхозы, испытывали острую нехватку сельскохозяйственной техники, которую можно было использовать только объединяясь в колхозы.

Во второй половине 1929 г. колхозное движение в Адыгее приняло массовый характер. Повсеместно создавались материальные предпосылки, у крестьян формировалось понимание необходимости осуществления сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Усиленная, разносторонняя организаторская и пропагандистская работа партийных, советских, кооперативных и земельных органов области дали свои результаты. Если к началу 1929 г. колхозы Адыгеи объединяли лишь 9,3 % всех крестьянских хозяйств области, то к концу этого же года – 44. А в Шовгеновском районе области к этому времени уровень коллективизации достиг 95 %.

В 1933 г. в Адыгее существовало 178 колхозов, в среднем на один колхоз приходилось 138 хозяйств. Основным звеном в работе Советов Адыгеи по организации и хозяйственному укреплению колхозов являлась борьба за создание постоянной производственной специализированной бригады в колхозах. Создание бригад завершилось в Адыгее весной 1933 г. К концу 1933 г. в области уже насчитывалось 720 бригад. Число бригад в колхозах колебалось от 2 до 8. По отраслям они распределялись следующим образом: животноводческих – 102, земледельческих – 619, из них полеводческих – 412, огородных – 128, табаководческих – 79 бригад.

С созданием производственных бригад усилия Советов были направлены на повышение урожайности колхозных полей и производительности труда, окончание основных полевых работ (пахота, сев, прополка, уборка) в сжатые сроки. В результате правильно организованной работы Советов, секций и депутатских групп весеннюю посевную кампанию 1934 г. в Адыгее удалось провести успешно, закончить ее на месяц раньше по сравнению с 1933 г. Урожайность в области в 1934 г. составила 13 ц с га против 12,5 ц в 1933 г.

Одним из важнейших рычагов социалистической реконструкции сельского хозяйства области являлись машинно-тракторные станции, число которых из года в год увеличивалось. Самая первая МТС в Адыгее была организована в а. Кошехабль, в 1931 г. – Красногвардейская и Понежукайская МТС, в 1932 г. – Хакуринская МТС, весной 1933 г. – Натырбовская и осенью 1933 г. – Тахтамукаевская МТС. Следует отметить, что удельный вес механической силы увеличился с 17,8 % в 1930 г. до 47,1 % в 1934 г.

В августе 1939 г. в целях широкого показа достижений колхозов, совхозов, МТС, а также передовиков и организаторов социалистического сельского хозяйства, в Москве была открыта Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. На ней широко были представлены достижения сельских тружеников Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Среди передовиков были замечательные труженицы, депутаты Верховного Совета КБАССР, орденоносцы Хани Гукежева, Цаца Кясова, Фатимат Нашапигова. Коммунистка Нашапигова, звеньевая из селения Кахун, в течение многих лет выращивала рекордные урожаи кукурузы, подсолнечника и овощей. Она была избрана делегаткой II Всесоюзного съезда колхозников-ударников. Вела огромную кропотливую работу среди горянок; после войны была награждена медалью «За трудовую доблесть». Замечательных успехов в труде добились передовые звеньевые Жанпаго Экашаева, Чемсир Базирова, Мурзидат Бозиева из колхоза «Псыгансу» Урванского района, Жанос Калова из колхоза им. Орджоникидзе Нагорного района, собиравшие по 65–70 ц кукурузы с гектара, Зули Жантегулова из колхоза «Джунлат», получившая по 152 ц кенафа с гектара, и многие другие (Кешева Е.Т., 1981).

Если перед революцией посевные площади зерновых культур занимали в Адыгее 47 тыс. га, то к 1940 г. они уже составляли 190,3 тыс. га («История сельского хозяйства...», 1994).

1.2.1.7. Военные годы и восстановление народного хозяйства

Промежуток в 25 лет – это такой срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами...

Штюльпнагель, гитлеровский генерал (1943).

Если перед революцией посевные площади зерновых культур занимали в Адыгее 47 тыс. га, то в 1940 г. они уже составляли 190,3, в 1956 г. – 211, а в 90-х гг. достигли 300 тыс. га.

«История сельского хозяйства...» (1994).

Суровым испытанием как для всех народов страны, так и народов, проживающих на территории Адыгейской автономной области, явилась Великая Отечественная война. Крестьянство наряду с тем, что принимало участие в сражениях на фронтах, оказывало материальную помощь фронту. Особенно проявили себя женщины, заменившие ушедших на фронт мужчин.

В августе 1942 г. гитлеровские войска, неся огромные потери в живой силе и технике, захватили территорию Северного Кавказа. 9 августа 1942 г. в числе оккупированных оказалась и Адыгейская автономная область. За 6 месяцев хозяйничанья немецких захватчиков сельскому хозяйству был нанесен огромный ущерб: лошадей сократилось на 10 000 голов (до оккупации было 20 466); крупного рогатого скота – на 19 200 голов (до оккупации – 25 357 голов); овец – на 55 000 голов (до оккупации – 77 213 голов); свиней – на 13 000 тыс. голов (до оккупации – 18 678 голов); птицы – на 11 000 тыс. шт.; пчелосемей – на 12 500 тыс. шт. Ущерб, нанесенный МТС, составил 6 500 000 руб. Были разрушены и повреждены постройки и сооружения как производственные, так и культурно-бытовые общей стоимостью 7 927 400 руб. Было уничтожено, погибло посевов урожая (1942 г.) на сумму – 177 400 000 руб., садов – 3 900 000 руб., скота, птицы и пчел – 121 636 000 руб., семян, продуктов и проч. – на 39 857 000 руб. Недополучено доходов в результате прекращения работы колхозов на 68 900 000 руб. Ущерб по колхозному сектору составил 464 989 400 руб., а с учетом убытков, принесенных МТС, – 471 489 400 руб. («История сельского хозяйства...», 1994).

«Промежуток в 25 лет – это такой срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами», – докладывал Гитлеру фашистский генерал Штюльпнагель, чья армия в 1943 г. была разбита советскими войсками на берегах Днепра. Однако гитлеровские «пророки» просчитались, – народное хозяйство было восстановлено в значительно более короткие сроки. Трудности восстановления разрушенного войной народного хозяйства, в том числе сельскохозяйственной отрасли, были в основном преодолены в 40-х – начале 50-х гг.

Благодаря самоотверженному труду колхозников и рабочих совхозов Адыгеи, в кратчайшие сроки был достигнут довоенный уровень сельскохозяйственного производства и осуществлялось его дальнейшее развитие. Колхозы выполняли план по отраслям сельского хозяйства – растениеводству, животноводству и др., формировали свои кадры, пополняя их высококвалифицированными специалистами сельского хозяйства. Заметно укрепились и сельскохозяйственные объединения, строившая свою жизнь на основе Устава сельскохозяйственной артели («История сельского хозяйства...», 1994).

1.2.1.8. Ускорение темпов развития аграрной отрасли во второй половине XX в.

На основе укрепления материально-технической базы сельского хозяйства в Адыгее, повышения производительности труда колхозников и рабочих совхоза удалось обеспечить ускоренные темпы роста производства сельскохозяйственной продукции.

«История сельского хозяйства...» (1994).

В 60-70-х гг. XX в. быстро росла урожайность сельскохозяйственных культур. Если в довоенный период средняя по Адыгее урожайность пшеницы не превышала 8 ц/га, то в 1970 г., когда на Кубани был выращен самый высокий урожай в стране, земледельцы Адыгеи на всей площади посевов получили в среднем 39 ц/га; такой же высокий урожай был получен здесь и в следующем году. Быстро стала развиваться новая для Адыгеи ценная крупяная культура – рис; на Кубани был создан и успешно функционировал крупнейший в стране рисовый водохозяйственный комплекс. Интенсивное развитие за годы Советской власти получили здесь технические культуры – сахарная свекла, подсолнечник, табак, эфиромасличные культуры. Значительное развитие получило культурное садоводство и виноградарство, резко возросли площади и ассортимент огородных культур.

В 60-70-е гг. происходило заметное техническое перевооружение сельского труда. Сельское хозяйство страны получило свыше 1,8 млн. тракторов, более 1,3 млн. грузовых автомобилей, около 540 тыс. зерновых комбайнов. Колхозы и совхозы Адыгеи располагали к 1980 г. 3729 тракторами, 2228 комбайнами, 2099 грузовыми автомашинами, другой необходимой сельскохозяйственной техникой. Возрастала энергооборуженность труда.

На основе укрепления материально-технической базы сельского хозяйства в Адыгее, повышения производительности труда колхозников и рабочих совхоза удалось в определенной мере обеспечить ускоренные темпы роста производства сельскохозяйственной продукции. Была повышена урожайность зерновых, а также технических культур: подсолнечника, табака и др.

Развитие сельского хозяйства как на Кубани, так и в Адыгее сопровождалось количественными и качественными изменениями колхозного крестьянства, совершенствованием его социальной структуры. При абсолютном росте рабочей прослойки сельского населения происходило уменьшение численности колхозников в области. Заметно возросло число механизаторских кадров, улучшилась профессиональная структура, возросла численность специалистов с высшим и средним образованием. На весну 1990 г. в Адыгее работало 7506 трактористов и комбайнеров (включая бригадиров производственных бригад), 3256 водителей грузовых автомобилей. Если в 1979 г. на 1000 чел. занятых преимущественно физическим трудом в сельском хозяйстве, высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 640 чел., то в 1989 г. уже 776 чел. («История сельского хозяйства...», 1994).

В конце XX столетия почти 400 тыс. га, т. е. больше половины всех земельных угодий Адыгеи, было занято пашней, сенокосами, садами и виноградниками; здесь возделывалось около 100 видов сельскохозяйственной продукции. До недавнего времени, по данным А.А. Джаримова, объем производства зерна составлял в республике около 300 тыс. т, сахарной свеклы – 130, подсолнечника – 28, картофеля – 38, овощей – 60 тыс. т. Много внимания уделялось в республике развитию перерабатывающей промышленности. Обучением специалистов сельского хозяйства занимаются специализированные колледжи, училища и техникумы, в республике открыт Адыгейский НИИ сельского хозяйства.

1.2.1.9. Кризисное состояние аграрного производства с распадом СССР

С сельским хозяйством можно управиться без тонкостей, но оно не терпит и глупости. Мнение большинства, что оно представляет собой легчайшее занятие и не требует никакого ума, – очень далеко от истины...

Колумелла «О сельском хозяйстве» (I в. н. э.).

В последние несколько лет, с распадом нашей Родины – СССР и переводом экономики на рыночный, капиталистический путь развития, сельское хозяйство как России в целом, так и Республике Адыгея, находится в кризисном состоянии: резко сократились посевные площади сельхозкультур, практически разрушена инфраструктура большинства колхозов и совхозов, не соблюдается научно обоснованная система севооборотов, у хозяйств из-за дороговизны нет возможности приобретать высококачественные семена, удобрения, средства защиты растений, горюче-смазочные материалы, а также обновлять парк сельхозмашин.

Некоторое представление о состоянии экономики адыгских республик, в том числе сельскохозяйственного производства, на грани XX-XXI вв. приведено в таблице 49 (Тетуев А.И., 2006. с. 124).

Таблица 49 – Важнейшие экономические показатели на душу населения по трем адыгским республикам, в сравнении с показателями по Краснодарскому краю и России в целом

Субъекты РФ	ВРП**		Производство*				Капитало- вложения*		Розничный товаро-оборот*	
			пром. продукции		с.-х. продукции					
	1997 г.	2003 г.	1997 г.	2003 г.	1997 г.	2003 г.	1997 г.	2003 г.	1997 г.	2003 г.
Республика Адыгея	0,43	0,18	0,24	0,81	1,07	0,56	0,34	0,51	0,40	0,51
Кабардино-Балкария	0,35	0,26	0,27	1,00	1,01	1,45	0,51	0,64	0,40	0,17
Карачаево-Черкесия	0,41	0,24	0,32	1,51	1,22	1,12	0,54	0,64	0,40	0,17
Краснодарский край	0,65	0,50	0,36	2,11	1,63	1,40	0,82	1,37	0,71	2,56
РФ в среднем	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Примечания:

*Все экономические показатели рассчитаны на душу населения (на 1 чел.) для каждого субъекта РФ и соотнесены с соответствующим средним показателем по России, принятым за 1.

**ВРП – валовой региональный продукт.

Нет необходимости останавливаться подробно на всем комплексе политических и социально-экономических причин, приведших к такому положению. Но не секрет, что немалая «заслуга» в этом принадлежит Международному валютному фонду, который, по сути, направляет всю экономическую (и не только экономическую!) политику в стране. Здесь уместно привести мнение бывшего главы администрации Краснодарского края Н.И. Кондратенко («Вольная Кубань», 1997, 18 февраля), который справедливо отмечал, что такую политику никакой другой, как предательской по отношению к русскому народу, назвать нельзя. Нелепая по своей сути, она обречена, ибо долго существовать не сможет. И чем с меньшими потерями и издержками мы придем к ее крушению, тем больше чести воздастся каждому из нас.

В заключение хотелось бы напомнить сегодняшним высокопоставленным «реформаторам», обвешанным учеными степенями и званиями, мудрые слова античного ученого-агрия Колумеллы, сказанные, казалось бы, не 2000 лет назад, а сегодня: «С сельским хозяйством можно управиться без тонкостей, но оно не терпит и глупости. Мнение большинства, что оно представляет собой легчайшее занятие и не требует никакого ума, – очень далеко от истины...».

1.2.1.10. Прогноз ученого: этапы развития аграрного производства в Адыгее на ближайшую и отдаленную перспективу

Если в основу научного прогноза на будущие 40-50 лет положить тщательный анализ реальных событий в отрасли за продолжительный период времени, ...то основные тенденции развития сельскохозяйственного производства могут быть достаточно явственно спрогнозированы.

С.М. Бойко (1999).

Несомненный интерес представляет оценка развития аграрного производства северокавказских адыгских республик на ближайшую и отдаленную перспективу. Этому вопросу посвятил свою книгу «Экономические проблемы развития сельского хозяйства Адыгеи» (1999) С.М. Бойко. Рассмотрев основные направления развития сельскохозяйственного производства за исторический период, ученый попытался «проэкстраполировать» в ближайшее и отдаленное будущее существующие тенденции развития сельскохозяйственного производства применительно как к России в целом, так и к Республике Адыгея в частности. В отличие от некоторых других ученых, прогноз С.М. Бойко носит довольно-таки оптимистический характер, давая определенный «шанс» отечественному сельскому хозяйству выправиться после разрушительных «реформ» конца XX в., инспирированных Международным Валютным Фондом и направленных на окончательное подавление российского производителя. По С.М. Бойко, дальнейшее развитие АПК России и Адыгеи в XXI столетии будет осуществляться в несколько этапов:

На первом этапе – до 2020 г., будет идти восстановление материально-технической базы сельского хозяйства и, в первую очередь, восполнение дефицита тракторов, комбайнов, автомобилей и другой техники. Одновременно с количественным ростом будет происходить перевод сельскохозяйственного и тракторного машиностроения на самые современные технологии и выпуск конкурентоспособных машин, отвечающих требованиям перехода на ресурсо- и энергосберегающие технологии. Внедрение высоких технологий, открытых в военной и космической промышленности, обеспечит к концу этого периода прогресс в развитии машинно-тракторного парка. Использование этих технологий позволит разработать концептуальные основы координатного и агрометео-агрометеорологического земледелия, принципиально новых полевых роботов-автоматов, созданных на базе мехатроники, разработать и построить промышленные агроживотноводческие комплексы и высокопроизводительные зернохранилища, с использованием солнечной энергии.

Во второй половине XXI в., по мнению С.М. Бойко, начнется следующий этап развития агропромышленного производства. Он будет связан с развитием урбанизации, ростом численности населения в благоприятных южных регионах, обострением борьбы за сохранение экологической безопасности, новыми открытиями в науке и технике. Судя по современным темпам их роста в биологии, физике, химии, генетике, в 2050 г. можно ожидать переворота в области земледельческого варианта продовольственного обеспечения. К этому времени возможен выход науки на формирование урожая на генетическом уровне с заданными потребительскими параметрами, что потребует совершенно новых технических средств для производства сельскохозяйственной продукции. Будут созданы фитопавильоны, фабрики по производству продовольствия, агротехнополисы, в которых будут сконцентрированы все достижения науки и техники с учетом организационно-экономических и социальных проблем того или иного региона.

Реализация перечисленных направлений дальнейшего развития техники и аграрных технологий в рассматриваемом регионе вполне возможна. Лишь вместо постоянно повторяющегося автором уверенно-оптимистического «будет» мы бы поставили более осторожное: «должно» или «может быть». Впрочем, от кого же, как не от нас с вами, зависит, чтобы эти и другие прогнозы ученых стали реальностью, чтобы, как говорил в свое время поэт, «...сказку сделать былью!»

1.2.2. Сельскохозяйственные культуры, возделываемые в Черкесии

Адыги, опираясь на многовековой практический опыт, на свои агротехнические приемы и навыки, сумели вывести ряд ценных культурных растений, в первую очередь, плодовых и огородных, а также некоторых зерновых культур. Из плодовых к этим растениям следует отнести местные сорта яблони, груши, сливы, винограда, фундука, ореха грецкого, каштана сладкого; из овощных – сорта капусты, свеклы, перца; из бахчевых – сорта тыквы; из зерновых – сорта проса, чумизы, ячменя, пшеницы. Многие из перечисленных сортов и пород и сейчас входят в золотой фонд наших ценных культурных растений. Часть сортов культурных растений, в свое время возделывавшихся адыгами, в настоящее время утрачена (Тхагушев Н.А., 2008).

1.2.2.1. «Эта земля производит огромное количество хлеба»

Земля черкесов... – очень плодородная; у них нет садов, только поля. Это очень плодородная страна, изобилующая всеми сортами зерновых хлебов...

Н. Витсен (1675).

Хлебные растения: пшеница, ячмень, просо, турецкая пшеничка или кукуруза, полба, – сеются у всех жителей северной полосы; сорочинское пшено (рис) на нижних частях Терека...

С. Броневский (1823).

Если сейчас мы по праву называем Кубань «житницей России», то и в отдаленные времена, более двух тысячелетий назад, Северо-Западный Кавказ был своеобразной «хлебной житницей» для античных государств, о чем сохранилось немало письменных источников и археологических памятников. Как пишет известный кубанский археолог Н.В. Анфимов, «...основными культурами, которые возделывались в древности на Кубани, были пшеница (*коды*), ячмень (*ха-хьэ*) и просо (*гъажьэ*). Обуглившиеся зерна их были найдены на многих городищах... Кроме зерновых культур, на Кубани культивировались и некоторые бобовые растения: чина, зерно которой были найдены на Краснодарском городище, бобы и горох, обнаруженные близ г. Майкопа».

Об «изобилии хлеба» у местных племен, населявших Восточное Приазовье, сообщали многие древнегреческие и римские источники, а также средневековые авторы:

Ксенофонт (445-355 гг. до н. э.): «Страна моссинойков (восточное побережье Черного моря). Эллыны при грабеже укрепленных мест нашли в домах запасы хлеба, по словам моссинойков, заготовленные с прошлого года, а новый хлеб – по большей части полба – лежал у них в стебле...».

Демосфен (383-322 гг. до н. э.): «Вы (греки) ведь, конечно, знаете, что к вам привозится хлеба гораздо более, чем ко всем другим. Хлеб, привозимый водою из Понта, по количеству равняется всему, привозимому из прочих рынков. И понятно: это происходит не только от того, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что ее правитель Левкон I (царь Боспора) даровал беспрошность купцам, везущим хлеб в Афины. Оттуда (с Боспора) ввозится сюда (в Грецию) около 400 000 медимнов хлеба (16 700 т). В позапрошлом году, когда повсюду оказался недостаток в хлебе, Левкон прислал вам хлеба в достаточном количестве».

Аммиан Марцеллин (писал в 378-353 гг. до н. э.): «Население левой стороны Меотиды занимается хлебопашеством и питается его продуктами. А из кочевников (Северо-Западного Кавказа) никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи».

Страбон (64 г. до н. э. – 24 г. н. э.): «Азиатскую сторону Танаида (т. е. низовья Дона) населяют некоторые скифы, кочующие и живущие в повозках; ближе их (т. е. южнее) – сарматы, аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор; одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием. По всему этому побережью (восточный берег Азовского моря) меоты, хотя они занимаются земледелием, но не менее воинственны, чем кочевники.

Ал-Омари (умер в 1349 г.): «До покорения (татаро-монголами) страны черкесов и ясов она была повсюду возделана. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т. е. водится скот. – **Авт.**) и добываются плоды.

Иосафат Барбаро (1452): «Владения князя Биберди (округ Кремух близ Таманского полуострова. – **Авт.**) изобилуют лесами и плодоносными равнинами, орошаемыми множеством рек. Его земля изобилует хлебом, скотом и медом, но зато в ней нет вовсе вина... В местах по нижнему течению Дона, где татары, не переставая кочевать, занимались немного и земледелием, даже при их небрежном способе обработки, пшеница очень крупная зерном, родилась «сам-50», а просо «сам-100», и иногда жатва была так обильна, что кочевники не знали, куда девать хлеб, и часть его по необходимости оставляли на месте». [По мнению комментатора, возможно, Барбаро имел в виду копны в поле]...

Джовани Лукка (1629): «Черкесы обрабатывают свои, удобные к хлебопашеству, земли киркой (другой вариант перевода: мотыгой)».

Э. Челеби (1666): «Черкесский Таманский остров (так в тексте. – **Авт.**) – богатая земля. Земли так плодородны, что 1 киле (25 кг) семян дает 150 киле...».

Дж. Кук (1737): «Черкесы имеют достаточно земли и употребляют только ту, которая дает обильный урожай даже после обработки только поверхности земли».

М. Атажукин, А. Гиляксанов (1743): «Соседние с Кабардой чегемцы, безенгиевцы, хуламцы и балкарцы в неурожайные годы приезжают в Кабарду, чтобы приобрести там для себя хлеб».

Якоб Рейнегс (1796): «При приближении зимы они (черкесы) отправляются в свои селения, где уже собраны запасы сена, ячменя и проса. Земледелие с избытком удовлетворяет потребность абхазцев, проживающих на Черноморском побережье; весь их край очень плодороден, в особенности горные долины и открытые равнины».

В. Колчигин, инженер (1795) подготовил справку «О хлебопашестве, на основании испытания»: «...На зиму озимая пшеница и рожь, а весной яровая рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха, просо, горох, конопля и лен сеются на Фанагорийском острове, при Копыле (ныне: Славянск-на-Кубани), за Черною Протокою по

Кубани, при речках Понуре, Кирпилях, Бейсуге и Ее с их отдельностями; ...все эти хлеба, если бывают весенние дожди, дают чрезвычайный плод» (Цит. по: Щербина Ф.А., 1910).

С. Броневский (1823): «Хлебные растения: пшеница, ячмень, просо, турецкая пшеничка или кукуруза, полба, – сеются у всех жителей северной полосы; сорочинское пшено (рис) на нижних частях Терека; овес только у балкарцев».

Хан-Гирей (1837): «Судя по народным песням и преданиям, можно предположить, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма древних времен, ибо в описаниях божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоего Созереша, покровителя хлебопашества... Черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, отчего, не имея запасов, в случае неурожая подвергаются всем ужасным последствиям голода. С одной стороны, причиной такого нерадения черкес в хлебопашестве немало служит и то обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая поощряла бы трудолюбие селянина. Этому доказательством может послужить привязанность к хлебопашеству натахайского племени, которое отличалось этим расположением со времени пребывания турок в Анапе, куда возили они хлеб на продажу этим последним...».

1.2.2.2. Возделывание проса в Черкесии: «Оное заменяет им хлеб...»

Хлебопашество у черкесов (имеются в виду кабардинцы. – Авт.) ограничивается почти одним токмо просом, оное заменяет им хлеб...

И.А. Гюльденштедт (1809) .

Предками адыгов были выведены специальные сорта проса, семена которого, будучи посеяны глубоко, могли всходить через три и даже через семь лет.

Н.Г. Ловпаче (2009).

Просо было ведущим злаком на Северо-Западном Кавказе; его сеяли преимущественно на равнинных полях по переложной системе. Просо служило не только пищей для людей, но и кормом для скота. До настоящего времени, по В.С. Бесланееву (1995) понятия «просо» и «сено» у адыгов обозначаются одним и тем же словом: *мэкъумэш*.

О том, что именно просо с древнейших времен было распространено по всему Северо-Западному Кавказу, сообщали многие античные и средневековые авторы. Так, Клавдий Элиан (начало III – конец II вв. до н. э.) отмечал, что «...просо ели меоты и савроматы». В трудах Плиния Старшего (23-79 гг. н. э.) встречается: «В Кампании (область в Италии) особенно любят просо и готовят из него белую кашу. Сарматские племена также питаются по большей части этой кашей и не сваренной даже мукой; понтийские племена хлебную пищу предпочитают любой другой».

В эпоху средневековья Иосафат Барбаро (1452) отмечал, что кубанские татары, кочевавшие в Восточном Приазовье, «занимались немного и земледелием, даже при их небрежном способе обработки, просо родилось «сам-100». Эту информацию дополняет Дж. Интериано (1551): «У них (черкесов) много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и различные кушанья».

Авторы XVII в. также сообщают о возделывании у адыгов этой культуры. Так, в трудах Ж.Б. Тавернье (1605-1689) есть упоминание о просе: «Этот народ (черкесы) не сеет ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для выпечки хлеба». Побывавший у черкесов в гостях Джовани Лукка (1629) сообщал о том, что ногайцы обычно приобретают просо у черкесов, в обмен на скот. Об этом же сообщает Э. Кемпфер (1651-1716): «Они (черкесы) сеют некоторый вид зернового хлеба, вроде проса, из которого они готовят тесто вместо хлеба».

В XVIII в. информация о том, что черкесы готовят хлеб из просяной муки, содержится в трудах Феррана (1709) и К. Главани (1724). О возделывании этой культуры в Кабарде рассказывает В. Бакунин (1748): «Настоящая у общего их народа (кабардинцев) пища – просо, которым и лошадей стоялых (т. е. скакунов) кормят, а для себя на год запасенное зарывают в ямы». Судя по сообщениям более поздних авторов, адыги не только готовили из проса густую кашу – «пасту», пекли хлеб, но и использовали зерно на корм птице, а соломой кормили скот.

Весьма интересная информация о возделывании этой культуры на Северо-Западном Кавказе приводится в работах авторов XIX в. Так, Я. Потоцкий (1805) сообщает: «Они (черкесы) сеют обычно просо, из которого варят кашу...». Г.Ю. Клапрот (1808): «Черкесы возделывают просо и немного полбу. Полбой они кормят своих лошадей, а в случае голода она служит им самим вместо хлеба». О распространении этой культуры в Кабарде пишет И.А. Гюльденштедт (1809): «Хлебопашество у черкесов (здесь имеются в виду кабардинцы. – Авт.) ограничивается почти одним токмо просом, оное заменяет им хлеб».

О том, что из всех культур именно просо занимает доминирующее положение, сообщает С. Броневский (1823): «Черкесы больше всякого хлеба сеют просо, потом турецкую пшеничку (кукурузу), яровую пшеницу, полбу и ячмень». О преобладании у адыгов в структуре посевов проса сообщает и Дж. Белл (1837): «Сеют здесь, главным образом, просо, рожь, ячмень, овес, (перечисляю в пропорциональном порядке), в небольшом количестве маис и в очень малом – пшеница...».

Карл Кох (1842): «Земледелие в Черкесии распространено в той мере, в какой оно необходимо для собственного потребления. Излюбленным из злаков является просо, из которого готовится большинство напитков и кушаний. Возделываются сорта проса, которые отличаются высокой урожайностью». Этот аспект возделывания горцами проса отмечает и современный историк Н.Г. Ловпаче (2009): «Предками адыгов были выведены специальные сорта проса, семена которого, будучи посеяны глубже, могли всходить через три и даже через семь (!?) лет».

В Кабарде издревле сеяли следующие виды проса: *хугъуэкасэ* – позднее и *хугъопасэ* – раннее просо; известны также *ху фысэ* – черное просо, *ху хужь* – белое, *ху плъыж* – красное, *ху гъуэжэ* – желтое просо. Как отмечает М.В. Кантария (1989), последние виды внешне отличались друг от друга только по цвету колоса. При этом одному из видов проса – *уэи* – придавалось особое значение в севообороте, т. к. по многовековым наблюдениям шапсугов, он способствовал восстановлению структуры почвы, подавлению сорняков и повышению урожайности. Обычно просо сеяли неглубоко, поскольку при глубокой заделке семян оно всходит очень поздно и даже может прорасти на 2-й или 3-й год. Кстати, это свойство, по словам автора, «...местные жители использовали для своей выгоды: в случае войн или нашествий, зная, что придется оставлять родные места, просо умышленно сеяли глубоко; вернувшись же через года два-три обратно, снимали хороший урожай».

1.2.2.3. Ячмень

В Большой и Малой Кабарде родится... полба, просо, ячмень.

«Отчет о состоянии земель» (1765)

Как справедливо отмечает М.В. Кантария (1989), одним из древнейших культур у адыгов является ячмень – *хъэ*. Т.Х. Кумыков (1959) также считает, что первоначально основными продуктами питания у предков адыгов были просо и ячмень, т. к. слово *хъэ* («ячмень») в качестве корня входит в целый ряд наименований изделий из теста, а также некоторых сельскохозяйственных терминов, например: *хъэм* – «гумно, ток» *хъэлу* – «чурек, ломоть хлеба», *хъэнтхъупс* – «ячменный суп», *хъэдхэ* – «зерно» (первоначально ячменное) и т. д.

О том, что эта культура издревле была известна адыгам, сообщали многие античные и средневековые авторы. Так, у Страбона (60 г. до н. э. – 20 г. н. э.), описывавшего предгорья Северо-Западного Кавказа, встречаем: «Здесь живут также некоторые троглодиты («пещерники»), из-за холодов обитающие в звериных берлогах; но даже у них много ячменного хлеба». Много позже Ж.Б. Тавернье (1605-1689) отмечал, что ячмень черкесы сеют только для лошадей, а сами питаются просом. В свою очередь, Н. Витсен (1675) сообщал, что ячмень шел и на приготовление хлеба: «Горцы, населяющие Чиркасскую горную страну (здесь – Осетию и Кабарду. – Авт.), питаются хлебом, приготовленным из ячменя, который мололи на каменных ручных мельницах». По сообщению царевича Вахушти Багратиони (1745 г.), «...горцы продолжают засевать поля ячменем; пшеница же не может произрастать на такой высоте над уровнем моря, на какой расположены поля горцев. Вместе с тем, В. Бакунин (1748) сообщает о том, что кабардинцы «пшеницы и ячменя мало употребляют и за тем и сеют немного».

О возделывании ячменя упоминается и у Якоба Рейнегтса (1796): «При приближении зимы они (черкесы) отправляются опять в свои селения, где уже собраны запасы сена, ячменя и проса». В записках Ф.Ф. Торнау (1835) упоминается, что абадзехи сеют ячмень, а Дж. Белл (1837) сообщал о возделывании ячменя у натухайцев. Интересен тот факт, что, вместе с другими культурами, черкесы вывозили ячмень в Турцию, о чем свидетельствует Ф.Д. Монпере (1839).

Некоторые сведения о возделывании в Кабарде этой культуры в конце XIX в. содержатся в работе Е. Максимова (1893): «У кабардинцев ячмень возделывается относительно мало; наибольшее количество его высевается в Малой Кабарде. Озимый ячмень, рожь, овес и другие культуры дают (во всей Кабарде) не более 10 тыс. четвертей (2100 т)».

В. Христианович (1926) отмечает, что в Кабарде культура ячменя была известна с XVIII в., однако постепенно она стала исчезать и сохранилась лишь в глухих, удаленных от дорог аулах. Согласно полевым исследованиям Б.А. Калоева (1981), в конце XIX – начале XX столетия ячмень возделывался ногайцами, абази́нами и всеми западными адыгами, за исключением причерноморских шапсугов. В основном сеяли озимый ячмень, который убирали к концу июня. Постепенно, как и просо, ячмень был вытеснен кукурузой, но с начала XX в. интерес к этой культуре снова возрос (Кантария М.В., 1989).

1.2.2.4. Пшеница

Три рода пшеницы, жито или рожь, ячмень и три рода проса – суть главнейшие хлеба, из числа которых просо есть продукт столь же необходимый в Черкесии, как пшеница и рожь в других странах.

Хан-Гирей (1837).

О возделывании этой культуры, правда, в гораздо меньших по сравнению с просом масштабах, сообщают многие авторы. Так, Плиний Старший (23-79 гг. н. э.) пишет: «Есть много сортов пшеницы, которые вывели раз-

ные народы. Греция одобряла и пшеницу с Понта, которая не доходит в Италию. В настоящее время из тех сортов пшеницы, которую доставляют в Рим, самая легкая – галльская, а также ввозимая из Херсонеса (Крым)...».

О том, что эту культуру (по-кабардински *гуэдз*, по-адыгейски *коц*) предки адыгов сеяли еще в эпоху средневековья, писал Иосафат Барбаро (1452). Он же сообщал о том, что у кочевавших в Восточном Приазовье кубанских ногайцев «...даже при их небрежном способе обработки, пшеница очень крупная зерном, родилась «сам-50». Судя по всему, приведенная средневековым автором величина урожая сильно завышена. В.К. Гарданов (1967), ссылаясь на архивные документы, утверждает, что и адыги-кабардинцы уже в XVII-XVIII вв. выращивали пшеницу в таком количестве, что ее даже вывозили за пределы Кабарды. О том, что, наряду с другими зерновыми культурами, пшеницу вывозили в Анатолию (Турцию), сообщал и Ф.Д. Монпере (1839). Вместе с тем, писал Ж. Шарден (1672): «...Пшеница у них (черкесов) не произрастает. Черкесы и их соседи питаются тестом, сделанным из мелкого зерна, похожего на просо».

Большинство авторов отмечают, что пшеницу в Черкесии сеяли, по сравнению с просом, намного меньше. Так, по В. Бакунину (1748), кабардинцы «пшеницы и ячменя мало употребляют и за тем и сеют немного». Ф.Ф. Торнау (1835) сообщает, что в причерноморской Шапсугии, наряду с другими культурами, сеют «в небольшом количестве пшеницу; ее же возделывают и абадзехи». О весеннем севе этой культуры у черкесов писал и С. Броневский (1837). Подтверждает факт возделывания пшеницы на Северо-Западном Кавказе А.П. Пулло (1839): «Просяная или пшеничная крутая каша заменяет у черкес употребление печеного хлеба». О том, что нутхайцы сеют «в очень малом количестве пшеницу», сообщает и Дж. Белл (1837): «Сеют здесь (в Черкесии), главным образом, просо, рожь, ячмень, овес (перечисляю в пропорциональном порядке), в небольшом количестве маис и в очень малом – пшеница». Позже и Карл Кох (1842) отмечал, что «пшеница сеется черкесами редко». О довольно-таки слабом распространении пшеницы писал и Т.Г. Баратов (1860): «К сожалению, они (кабардинцы) сеют больше просо, нежели пшеницу».

В работе И.Д. Попки (1858, 1880) определенное внимание уделяется возделыванию пшеницы казаками-колонистами: «В южной полосе (Кубанской области) все растет скорее и в больших размерах, чем в северной. Зато в этой последней, у берегов Азовского моря и р. Еи, земле дана особенная способность производить пшеницу «арновку», известную в торговле под именем «твердого хлеба» (*ble dur*) и, преимущественно пред другими сортами, выдерживающую дальние перевозки через моря. Таманская пшеница отличается желтым, янтарным цветом и способностью сохраняться долго в амбарах и путешествовать далеко на кораблях. Урожай хлебов бывает «на речках» (т. е. в степной зоне) до «сам-13», а на Таманском острове – до «сам-20». Хлебопашество Черноморского края чуждо всякого полеводного порядка и не всегда достаточно для пропитания местного народонаселения. Привоз хлеба из Ставропольской губернии обратился в существенную потребность екатеринодарских рынков и станичных ярмарок. Для продовольствия казаков на Линии и в войсковом гарнизоне хлеб закупается за пределами войсковой земли, чаще всего в Воронеже.

В старые годы (когда, по мнению И.Д. Попки, было намного теплее. – **Авт.**) озимые запашки полей оканчивались перед Рождеством, а яровые начинались после Крещенья... Обыкновенным количеством засеивается на полях Черномории озимых и яровых хлебов 50 тыс. четвертей (10 500 т); собирается 300 тыс. четвертей (63 000 т), т. е. «сам-6». Причитается на душу населения около 2 четвертей (420 кг). В обеспечение народного продовольствия, на случай неурожая хлебов, устроено по курениям до 60 запасных хлебных магазинов (т. е. резервных складов. – **Авт.**) (Попка И.Д., 1858, 1880).

О возделывании пшеницы и ее роли в структуре посевов зерновых сообщали и более поздние источники. Так, в фондах ГАКК (ф.774, ед.хр.35, 1867) сообщается: «Все племена (закубанских адыгов), за исключением кабардинцев и живущих вместе с ними абазинцев и бесленеевцев, сеют рожь, пшеницу, которую пускают исключительно в продажу; для себя же потребляют преимущественно просо, пшено и часть кукурузы». Вместе с тем, как отмечают члены Комиссии кабардинского отделения Терской области (1868), «...разведение пшеницы составляет в Кабарде самое недавнее нововведение и потому еще не многими понято».

П.П. Надеждин (1869): «Из числа общеизвестных культурных растений здесь (в Черкесии) возделывается пшеница усатка, безостая, или гирка; яровая пшеница – кубанка по местному названию, или арнаутка. [Комментарий М.В. Кантария (1989): Усатка означает остистую пшеницу, однако автор не указывает конкретно ее сорт. Гирка, как видно из цитаты, является безостой весенней пшеницей, широко распространенной на Украине. Кубанка – твердая пшеница. Это название, по мнению М.М. Якубцинера (1956), показывает, что сорт получен на Кубани. Арнаутка соответствует грузинской твердой пшенице – тавтухи]».

А. Бирюлькин (1898): «Могу указать на селения Аргунданское и Тыжевское Нальчикского округа, где соседние казаки из года в год арендуют у кабардинцев самые лучшие части общественной земли под посев пшеницы, и результаты получаются очень выгодные; по словам казаков, пшеница родится весьма доброкачественной. Кабардинцы добровольно лишают себя лучшего источника благосостояния, отдавая в посторонние руки богатство своей земли, тогда как сами легко могли бы воспользоваться и таким добром значительно улучшить свое не совсем завидное существование».

1.2.2.5. Рожь

В Кабарде рожь была совершенно неизвестна... Причина заключается в особой любви горцев к белому хлебу, и мои переводчики только с большим отвращением ели ржаной хлеб. Однако я не могу с уверенностью сказать, что рожь не возделывается на Кавказе, – может быть, она там и есть.

К. Кох (1842).

Первые сведения о возделывании ржи в Черкесии относятся к эпохе средневековья. По данным В.С. Бесланеева (1995), к периоду генуэзской колонизации Земли адыгов в XIII-XV вв. относится развитие меновой торговли, в которой преобладали продукты сельского хозяйства и сельскохозяйственное сырье: зерновые культуры (традиционные просо, ячмень, пшеница, а также *рожь*). При этом зерно и мука частично реализовывались на внутреннем рынке для нужд населения, а частью вывозились через Каффу и Геную в Византию, западноевропейские страны и на Ближний Восток.

Представляет интерес справка инженера В. Колчигина «О хлебопашестве, на основании испытания» (1795), подготовленная в первые годы переселения казаков на Кубань, в которой говорится, что на зиму озимая пшеница и *рожь*, а весной яровая рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха, просо, горох, конопля и лен сеются на Фанагорийском острове, при Копыле (ныне: Славянск-на-Кубани), за Черною Протокою по Кубани, при речках Понуре, Кирпилях, Бейсуге и Ее «с их отдельностями», и что все эти хлеба, если бывают весенние дожди, дают «чрезвычайный плод».

Дореволюционные авторы, преимущественно XIX в., отмечали, что после распахки целины черкесы сеяли просо и кукурузу, имеющие длинный корень, затем – *рожь* и пшеницу. Впервые упоминание об этой культуре можно встретить у П.С. Палласа (1793): «Они (черкесы), наряду с просом, сеют немного *ржи*». О том, что медовеевцы на побережье Черного моря сеют «дурного качества *рожь*», сообщает Ф.Ф. Торнау (1835). По свидетельству Дж. Белла (1837), эта культура занимала у горцев, после проса, второе место: «В Нотуаче (т. е. у натухайцев) сеют, главным образом, просо, *рожь*, ячмень, овес (перечисляю в пропорциональном порядке)». Этот же факт подтверждает и Хан-Гирей (1837): «Три рода пшеницы, жито или *рожь*, ячмень и три рода проса – суть главнейшие хлеба, из числа которых просо есть продукт столько же необходимый в Черкесии, как пшеница и рожь в других странах».

Фредерик Дюбуа де Монпере (1839) рассказывает о своем посещении черкесской семьи: «Рядом (с домом) расположены огороженные участки, где черкесы выращивают пшеницу, *рожь*, овес и особенно просо». У этого же автора встречаем интересный факт о «хлебном экспорте» адыгов в Турцию, – факт, требующий, тем не менее, дополнительного подтверждения: «С берегов Черкесии вывозятся бычья и козлиные шкуры, пушнина, зерно – *рожь*, пшеница, ячмень, кукуруза, которые турки транспортируют в Анатолию».

Вместе с тем, в восточных районах Кабарды эта культура практически не культивировалась, о чем сообщает И.Ф. Бларамберг (1840): «На Восточном Кавказе не выращивают ни *рожь*, ни овес, поскольку жители этих мест не привыкли к пеклеванному хлебу, а для кормления лошадей предпочитают ячмень овсу».

К. Кох (1842) упоминает о возделывании ржи в Черкесии: «Что касается меня, то я нигде не видел, чтобы возделывали рожь, и ржаной хлеб я получал только из казармы, куда этот вид злаков прислали из России. В Кабарде рожь была совершенно неизвестна, и мне сказали, что ее нет нигде на Кавказе. Причина заключается в особой любви к белому хлебу, и мои переводчики только с большим отвращением ели ржаной хлеб. Однако я не могу с уверенностью сказать, что рожь не возделывается на Кавказе, – может быть, она там и есть».

О месте этой культуры в структуре посевов других злаков сообщается и в архивных источниках, датированных 1867 г. (ГАКК, ф.774, ед.хр.35,1867): «Все племена (закубанских адыгов), за исключением кабардинцев и живущих вместе с ними абазинцев и бесленеевцев, сеют *рожь*, пшеницу, которую пускают исключительно в продажу...». Позже сообщение о возделывании этой культуры приводится в работе Е. Максимова (1893): «Озимый ячмень, *рожь*, овес и другие культуры дают (во всей Кабарде) не более 10 тыс. четвертей (2100 т.)».

И, наконец, выдержка из «Отчета начальника Кубанской области о состоянии сельского хозяйства» (1897): «Хлебопашество составляет основу экономической жизни и благосостояния населения Кубанской области. Из числа общеизвестных культурных растений возделываются главным образом озимая и яровая пшеница, *рожь*, ячмень, овес, просо, лен, кукуруза, подсолнух и др.».

1.2.2.6. Овес

По течению рек, в местах более привольных, абадзехи сеют пшеницу, ячмень и ...овес.

Ф.Ф. Торнау (1835).

О возделывании овса в начале XIX в. на Черноморском побережье Кавказа у абадзехов и медовеевцев сообщал Ф.Ф. Торнау (1835), а у натухайцев – Дж. Белл (1837). О том, что в Черкесии «...чаще, чем пшеница, сеется овес», сообщал и И.Ф. Бларамберг (1840). В свою очередь, описывая местность вблизи р. Аше на

Черноморском побережье, К. Гейнс (1866) также отмечал большую распространенность этой культуры у приморских жителей: «Несмотря на большую пересеченность местности с южной стороны хребта, чем с северной, тут можно было найти более удобных мест для посевов, нежели среди лесов северных отрогов; порой встречались целые горы, засеянные по преимуществу овсом, кукурузой и просом...». В середине прошлого века члены Комиссии по изучению хозяйства причерноморских адыгов, созданной в 60-х гг., отмечали: «Овес (у горцев Сочинского округа) удастся прекрасно, если его сеять не весной, а осенью с начала октября до января; убирается овес с половины июня одновременно с озимым ячменем» (Клингген И.Н., 1897).

1.2.2.7. Кукуруза

Черкесы возделывают, наряду с просом и ячменем, кукурузу. Ею (кукурузное зерно) сеют весной тем же способом, что и рис. Из зерна произрастает ствол толщиной с большой палец и высотой в человеческий рост, на верху которого находится колос, имеющий более 300 зерен...

Ж. Шарден (1672).

Адыги называют кукурузу *нартыху* (каб.) или *нартыф* (адыг.), что означает «просо нартов». Судя по всему, это название объясняется удивительной величиной початков кукурузы и их зерен (Кантария М.В., 1989). Этот автор утверждает, что кукуруза была распространена у адыгов с XIX в. (по некоторым данным – с конца XVIII в.). Однако есть более раннее свидетельство Ж. Шардена (1672), подтверждающее факт возделывания у причерноморских адыгов этой культуры, по крайней мере, еще с конца XVII в.: «Черкесы возделывают, наряду с просом и ячменем, кукурузу. Ею (кукурузное зерно) сеют весной тем же способом, что и рис. В земле пальцем делают ямку, куда кладут зерно, и засыпают его. Из зерна произрастает ствол толщиной с большой палец и высотой в человеческий рост, на верху которого находится колос, имеющий более 300 зерен. Ствол «чол» весьма похож на сахарный тростник. Его срезают в октябре и сразу же развешивают на плетне, довольно высоком и обращенном к солнцу». Я. Потоцкий (1761) сообщает, что основная пища черкесов – просо, а «реже сеют маис (кукурузу), который служит им продовольствием». Этот же факт подтверждает П.С. Паллас (1793): «На перекадинах под крышей находятся заготовки из целых колосьев «турецкой пшеницы», или манса (кукурузы), которые они обжигают на золе».

Уже в начале XIX в., по С. Броневскому (1823), кукуруза выходит в структуре посевов на второе место: «Черкесы сеют просо, потом турецкую пшеничку (кукурузу), яровую пшеницу, полбу и ячмень». Горцы причерноморской Шапсугии, по Ф.Ф. Торнау (1835), «сеют кукурузу, гоми и в небольшом количестве пшеницу». О возделывании «турецкой пшеницы» – кукурузы различными адыгскими племенами сообщают Дж. Белл (1837), а также И.Ф. Бларамберг (1840): «Абхазы и абазины выращивают в основном турецкое зерно – кукурузу, которая дает обильные урожаи; а также выращивают вид проса, называемого гоми (италийское просо), кроме того, сеют немного пшеницы, а ячмень не культивируется вовсе».

О том, что эта культура была распространена на Черноморском побережье, сообщает и И.С. Хатисов (1867): «На склонах (ущелья р. Хакучипс, правого притока Псеуапсе) очень много хлеботородных участков, которые еще в то время местами были засеяны оставшимися в горах хакучинцами кукурузой и гоми. Поля эти находились на самых неприступных местах, которые с первого раза могут показаться совершенно непригодными для культуры. Нахождение хозяйственных посевов на подобных крутизнах заставляло нас верить рассказам многих бывавших здесь прежде офицеров, сообщавших нам, что горы эти когда-то сверху донизу были покрыты прекрасными полями и что горцы всегда имели большой запас хлебов. В руках таких обитателей, нет сомнения, что и эти крутые возвышенности с богатой почвой в состоянии производить и хлеба и кукурузу». Вместе с тем, члены Комиссии кабардинского отделения Терской области (1868) отмечают слабое распространение этой культуры в Кабарде, где «...кукуруза разводится как огородная овощ». К концу XIX в. масштабы возделывания кукурузы значительно возросли, чему способствовал возросший спрос на нее, в первую очередь, в винокурении. Так, в «Отчете начальника Кубанской области за 1881 г.» говорится следующее: «Ввиду сбыта ржи и кукурузы на винокуренные заводы, горское население Кубанской области, преимущественно той части ее, где находятся оные заводы, значительно увеличило распашку земли под эти хлеба, преимущественно под кукурузу, которая обращается в продажу не только на заводы Кубанской области, но и на заводы Ставропольской губернии». По данным М.В. Кантария, в конце XIX – начале XX вв. кукуруза заняла на Северо-Западном Кавказе первое место среди других культур. Даже в засушливые годы она давала здесь хорошие урожаи. После Октябрьской революции эта культура приобрела, наряду с кормовым, и широкое промышленное значение.

1.2.2.8. Садовые культуры

Я предпринял большие дела: насадил виноградники, устроил себе сады и рожи и посадил в них всякие плодовые деревья.

Книга Екклесиаста, или Проповедника (2; 4-5).

Об изумительном богатстве так называемых старых черкесских садов мне известно давно. Дикie заросли плодово-ягодных растений Адыгейской области представляют собой ценнейший исходный материал для селекционеров Кавказа.

И.В. Мичурин (1934).

Важное место в хозяйстве адыгов занимало садоводство. Как отмечает С.Х. Хотко (2008), «...именно Северо-Западный Кавказ признан крупнейшими специалистами как один из важнейших в масштабах Евразии центров доместикации (лат. *domesticus* – «домашний, одомашнение») яблони, груши, сливы, черешни, каштана, некоторых других плодовых». Адыги выращивали плодовые деревья не только на своих приусадебных участках, но и, как отмечали современники, «окрестные леса они превращали в лесо-сады. В обычной жизни эти лесо-сады были дополнительным источником, а в экстремальных условиях их значение для западных адыгов трудно было переоценить» (Кудаева С.Г., 2007).

Особым способом адыги закладывали и виноградники. Обычно они пускали лозу по дереву ольхи или шелковицы. Такие адыгские виноградники давали большие урожаи даже спустя 30-40 лет после выселения хозяев в Турцию. Дж. Белл (1837), имевший возможность видеть эти сады во времена их процветания, свидетельствует о том, что на восточном берегу р. Сочи виноградники тянулись на 1,5 версты и составляли общественную собственность. На Кубанском посту близ устья р. Дагомыс была ольха, обвитая виноградной лозой; один житель срубил ольху и добыл с нее ровно 30 пудов (480 кг! – **Авт.**) винограда; толщина стволов таких кустов винограда достигала 15 см в диаметре (Цит. по: Клингген И.Н., 1897).

И.Н. Клингген отмечал, что 120 деревьев на одной десятина земли давали в Черкесии такой же сбор винограда, сколько в Мингрелии с 6-10 тыс., а в Имеретии с 15 тыс. лоз (Кудаева С.Г., 2007).

О том, что, наряду с зерновыми, в Черкесии возделывались или использовались в диком виде и разнообразные садовые культуры, сохранились многочисленные свидетельства:

Страбон (64 г. до н. э. – 24 г. н. э.): «Из приморских местностей холодным климатом отличаются самые северные, а именно – Устье Меотиды (т. е. Керченский пролив) и еще более – устье Борисфена (Днепра)... Какое же подобное этому благосостояние можно найти около Борисфена? Ведь там даже не растет виноградная лоза, или по крайней мере не дает плодов. В местностях более южных и приморских, а также в странах по Боспору (т. е. по берегам Керченского пролива) она дает плоды, но мелкие, и на зиму окапывается землею».

Плиний Старший (23-79 гг. н. э.): В районе Боспора Киммерийского (Керченского пролива) царь Митридат и другие жители всячески пытались вырастить лавр и мирт, по крайней мере, для священнослужителей. Это не удалось, хотя там в изобилии растут такие деревья теплого климата, как гранаты и смоковницы, а яблоки и груши просто превосходны».

Идриси (XII в.): «Матарха (г. Тамань) цветуща, окружена обрабатываемыми полями, садами и виноградниками».

Ж.-Б. Тавернье (1605-1689 гг.): «Черкесия представляет собой красивую и хорошую страну с очень разнообразными видами... Почва настолько плодородна, что плоды прекрасно вызревают в изобилии, не требуя особого труда».

Э. Челеби (1666): «Горы племени Чач (в Абхазии) изобилуют плодами, особенно волошскими и лесными орехами и абрикосами. Оба берега реки Псоу покрыты садами... В стране черкесов нет ни садов и виноградников, ни постоянных поселений и пшучо, подобных абхазским, т. к. они постоянно перемещаются».

Н. Витсен (1675): «Земля черкесов живописна, хороша и очень приятна; там встречаются вишневые деревья, яблони, груши, орех и т.д. Это очень плодородная страна, богатая прекрасными лугами со всевозможными дикими плодами...».

Э. Кемпфер (1651-1716): «Там (в Черкесии) растет также род земляники величиной с маленький орех, которые по 4 или 5 штук висят на маленьких стебельках бледно-желтого цвета. Огороды засажены сливами, яблоками, грушами, орехами и другими прекрасными деревьями».

Ферран (1709): «Страна Черкесия прекрасна, изобилует плодоносными деревьями...».

А.-де ла Моттрэ (1711): «Хозяйка и ее дочери подали нам очень хорошие яблоки, самый чистый мед, род малины, сваренной в сахаре...».

С. Броневский (1823): «Северная сторона Кавказа. О произведениях трех царств природы: Плодоносные деревья. Яблоня, груша, вишня, черешня, слива, дикий виноград, лесной орешник, рябина, калина, черемуха – произрастают между лесами в изобилии; персики (шептала) и абрикосы (курэга) разводят в садах на открытом воздухе; дикое шелковичное дерево растет в низовьях Терека и Кубани, но старанием правительства, с успе-

хом разводится по всей Кавказской линии даже на возвышенных равнинах около Георгиевска, Александровска и Ставрополя. Следующие кустарники весьма обыкновенны: шиповник, терн, крыжовник, малина, смородина, красная и черная, ежевика, можжевельник, жимолость, кизильник (кислое дерево), клубника...».

Ф.Ф. Торнау (1835): «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыбь до р. Саше (Сочи): Из царства растительного находятся по лесам и около лугов произрастающие без всякого присмотра яблони, груши, орехи волошские и простые, в большом количестве каштаны, персики и виноград, не уступающий в величине ягод и во вкусе садовому, произведением которого занимаются в Закавказском крае. Из фруктовых деревьев у абадзех по лесам раскинуты небольшие яблони, груши, кизил и орехи».

Хан-Гирей (1837): «Баргамоты, яблони, сливы, персики, абрикосы, черешня, вишни, грецкие орехи, каштаны и виноград в изобилии растут в горах. В лесах же, на горах и равнинах, во множестве произрастают: дикие сливы и виноград, кизил, кислица, груша, орехи, калина, ягоды лесные и степные и проч. Шелковичные или тутовые деревья произрастают вдоль по берегу Черного моря; бабочек шелковичных здесь не водится... Жители равнин не имеют никакого понятия о садоводстве, приносящем так много пользы и селянину, и довольствуются дикими плодами, которыми изобилуют их леса. Жители же гор, в особенности берегов Черного моря, несколько занимаются садоводством или, лучше сказать, с некоторым тщанием берегут плодовые деревья, которые они умеют улучшать прививками и другими средствами... Хотя натухайцы и не занимаются прилежно садоводством, как бы должны были, обитая в столь щедро природою одаренной стране, но, однако, и имеют сады виноградные и вообще занимаются этою промышленностью более шапсугов и абадзехов, которые также пользуются таковыми выгодами, дарованными им в жертву их праздности природою».

Дж. Белл (1837, 1839): «В долине р. Чемитоквадже – многочисленные аулы, белые домики которых виднелись среди цветущих фруктовых деревьев... Особенно же эта река (Сочи) привлекательна множеством плодовых деревьев – яблонями, грушами, грецкими орехами. Мы прошли мимо большого селения с хорошими постройками, весьма живописно расположенного и окруженного вьющимися виноградными лозами и многими другими плодовыми деревьями. В окрестностях шапсугского аула видел буйно растущие орешник, ежевику, дикую розу, душистый шиповник».

Фредерик Дюбуа де Монпере (1839): «В больших количествах у них (черкесов) встречаются дикие грушевые и яблоневые деревья. У них есть также дикие сливы, но совершенно нет вишни. Повсеместно растет дикий виноград, дающий мелкие плоды; натухай не делают вина, только ближе к Абхазии, у убыхов, сахов и других племен эта отрасль хозяйства получила развитие; вино, которое делается у этих племен, хорошего качества».

И.Ф. Бларамберг (1840): «Земли, которые занимают убыхи, чепсоны (одно из племен шапсугов) и гусие, благодетельствованы природою, потому что они дают человеку самые разнообразные фрукты, не требуя от людей особых затрат труда. Среди этих даров природы есть также и виноград, причем в таком необыкновенном количестве, что люди обычно не дают себе труда заботиться о том, чтобы собирать его весь, до ягодки».

Карл Кох (1842): «Большинство сортов плодов с зернами и косточковых плодов произрастает в диком виде, стоит их немного возделывать, можно получить прекрасные плоды; но если вблизи жилья и сажают плодовые деревья, то дальше их рост представляют на произвол судьбы. Поэтому П. Зубов (1834) сильно ошибается, когда он восхваляет культуру плодового черкесов, так как нигде нет таких плохих плодов, за исключением винограда и персиков, как в странах Кавказа, настоящей родины плодов... Слива и вишня там вообще не любят. Несмотря на это, на восточном побережье Черного моря имеется большое богатство плодовых деревьев каждого сорта. Виноградные лозы растут в южных местностях у Черного моря диким образом и обвивают деревья. Ягоды используют в большом количестве, и для того, чтобы их собирать, идут в лес...».

«Записка о состоянии Черноморского казачьего войска войска с 1 января 1825 по 1849 г.»: «Из плодов знаменитых садов черноморских черкесов особого внимания заслуживают персики, абрикосы, яблоки, груши, черешня. Все племена, живущие в горах и по побережью моря, прилагали всевозможные старания о развитии фруктовых деревьев».

И.Д. Попка (1858, 1880): «Чтобы успешно воспитывать виноградную лозу, надобно прежде иметь под рукой тычину. Виноградная лоза, ореховое дерево, персиковое дерево, черешня, шелковичное дерево и другие в этом роде растут с полным успехом. Нужен только заботливый уход за ними; пока они в младенчестве, надобно пеленать и кутать их на зимы, чтобы северо-восточные ветры не выморозили их корни, а зайцы не обгрызли их коры. Слабые опыты садоводства встречаются повсеместно... Для развития и улучшения садоводства в сельском хозяйстве казаков заведен при г. Екатеринодаре общепользительный рассадник, в котором насчитывается 25 тыс. кустов виноградных лоз и 19 тыс. фруктовых деревьев. Породы тех и других взяты из Крыма. Этой статье хозяйства (садоводству) суждена здесь прекрасная будущность, более или менее отдаленная. Изображения на древних фанагорийских монетах, древнее название этого края «Пантикапея», что значит «все-садие», – свидетельствуют, что нынешнее степное Черноморье когда-то, быть может, пред нашествием на Кавказ монголов, было одним обширным садом. Но садоводство требует больше рук, чем худобоводство (т. е. животноводство. – **Авт.**), а потому последнее и остается преобладающей статьей в казачьем хозяйстве...».

С. Духовский (1864): «...Прибрежная часть долины р. Туапсе представляет собой один большой сплошной сад, со множеством ореховых и других фруктовых деревьев. Позеленевшее и распустившееся побережье

южного склона стало необыкновенно живописно. Яблоня, груша, персики, сливы в многочисленных садах этого края цвели и отцветали. Каштановые и ореховые леса с каждым днем становились темнее».

И.С. Хатисов (1867): «Судя по множеству фруктовых и виноградных садов и хлебородных полей, надо полагать, что здесь (долина р. Мзымты) когда-то кипела деятельная земледельческая жизнь. Судя по множеству виноградников, тутов и разных фруктовых деревьев, надо полагать, что и это ущелье (долина р. Агуры) было часто населено. ...На горных склонах этого ущелья (долина р. Мацесты), равно и по Кудепсте, находится много хлебородных полей, фруктовых деревьев. Все окрестные горы покрыты хлебородными полями и фруктовыми деревьями. В долине также масса фруктовых деревьев, грецких орешников, тутов и виноградников. На полянах (ущелья Малого Дагомыса) встречаются огромные ореховые деревья, превосходно привитые черешни, груши, яблони, персики, сливы и пр. Вообще вся местность между реками Дагомыс и Шахе называется у горцев Ворданэ. Множество садов, виноградных, тутовых и фруктовых. Фруктовые деревья, из которых очень много хороших привитых сортов, встречаются почти повсеместно. Желтые крупные черешни, еще столь редкие даже на тифлисском рынке, в Ворданэ встречаются почти везде. Яблони и груши, хотя в то время еще не были совсем спелые, но по многим из них можно было судить, что они не простые, но принадлежат к лучшему облагороженным сортам. В лесах и на хлебородных участках растет много алычи, кизила, черного тутта (шелковицы), винных ягод и пр. В самых верховьях р. Шахе, почти у подошвы Кавказского хребта, находятся остатки аулов, около которых в изобилии растут яблони, груши и даже черешня.

Бабуков аул есть возвышенный полуостров, состоящий из двух террасообразных плато, величиной не более 165 десятин, покрыт прекрасными пашнями и фруктовыми деревьями: яблонями, грушами, черешнями. Урочище Гастагакей принадлежит богатому князю Гастагакею, который имел здесь хороший дом, впереди коего посадили аллею фруктовых деревьев; прекрасные яблони, грушевые деревья и черешни составляют эту аллею; по дороге непрерывный ряд орешников (грецкого ореха), которые, по словам проводников, дают чрезвычайно крупные орехи. Нет сомнения, что успешное произрастание фруктовых деревьев на такой высоте (верховья р. Псеуапсе. – **Авт.**) и на песчаной почве было обусловлено хорошим уходом.

Поднимаясь на правый хребет Макупсинского ущелья, мы были приятно поражены при виде множества фруктовых садов. В одном месте уцелела ограда сада, в котором мы нашли великолепные спелые сливы, желтые, красные, прекрасного вкуса и аромата, крупные граненые яблоки, вроде *Calville*, персики, груши и пр. Местами разбросаны густые виноградные сады, в которых лозы пущены по ольховым деревьям. Окрестности этого места (устье р. Аше) богаты виноградниками. Виноградников много не только на склонах ущелья р. Аше, но и в соседних ущельях и горах» (*Хатисов И.С.*, 1867).

Ф.И. Гейдук (1871): «Обследование черкесских садов от Новороссийска до Адлера... Через каштановые рощи мы добираемся к остаткам заборов и плетней, окружающих более или менее значительные поляны, а за этими полянами мы увидели насаждения прекрасных фруктовых деревьев разных сортов, покрытых отчасти поспевшими плодами... Черешни, разного рода сливы, абрикосы, персики, фундуки, айва с замечательно крупными плодами произрастают по всему краю, а в южной половине его (южнее р. Псеуапсе — нынешний пос. Лазаревский. – **Авт.**) встречаются винная ягода (инжир), хурма (*Diospyros lotus L.*) и даже гранатовое яблоко (обыкновенный гранат. – **Авт.**). Северо-западное побережье Кавказа представляет из себя одну из лучших в мире местностей для развития виноградарства. На юго-западных склонах открыта новая Калифорния для вина. Ни Бургундия, ни Шампань и тем более Крым не могут служить примером и образцом для полного подражания в нашем крае...» (Цит. по: *Тхагушев Н.А.*, 2008).

Д.В. Пилленко (1871): «Северо-восточное побережье Черного моря, самая большая часть которого входит в состав Черноморского округа, представляет собой одну из лучших местностей в мире для развития виноградарства и виноделия. Исследовав этот край в климатическом, почвенном и топографическом отношении, нельзя не прийти к выводу, что она предназначена природой для производства вина высоких качеств и что это производство со временем будет одним из первостепенных источников богатства нового населения Западного Кавказа...».

П.С. Уварова, графиня (1886): «Другой, не менее похвальный обычай горцев, о котором хочется напомнить, состоял в том, что все престарелые люди, не могущие больше работать и не бывшие в состоянии нести остальных обязанностей, возлагаемых на граждан всяким обществом, должны были делать известное число прищепов на фруктовых деревьях. Следы этих забот видны еще и теперь, в особенности на абрикосовых деревьях — заботы, достойные высокоразвитого народа, напоминающего обязанности каждого отдельного гражданина по отношению к обществу и государству».

И. Дукмасова (1887): «Горцы (адыгейцы. – **Авт.**) оставили нам роскошные сады; фруктовыми деревьями приморская полоса изобилует в значительной степени как в лесах и на полянах, так и в местах бывших аулов горцев; здесь произрастают яблони, груши, черешни, сливы, айва, персик, виноград, хурма, инжир, грецкий орех, фундук и пр.».

Н. Кузнецов (1890): «К диким фруктовым деревьям, в изобилии произрастающим в лесах Черноморского округа и приносящим обильно плоды, горец прививал, прищипывал лучшие сорта и таким образом разводил бергамоты, дули (др. рус.: груши), яблоки. Горские яблоки, известные здесь под именем черкес-

ских или азиатских, крупнее диких яблок (кислицы), но мельче садовых; это все сорта зимние, крепкие, удобные для перевозки... Кроме того, в горских садах попадаются виноград, грецкие орехи, фундук, тутовник, персики, а в юго-восточной части Черноморского округа инжир, айва, хурма и др. ...Горские сады расположены большей частью по щелям по склонам гор, в ущельях, где они защищены от северо-восточных ветров, весьма губительно действующих в северной части Черноморского округа на фруктовые деревья. Такие горские сады разбросаны в ущельях Кубанской области и Черноморского округа и встречаются там нередко. Они теперь сильно одичали, заросли терном, бурьяном, бузиной и др.»

М. Баллас (1896): «В некоторых местах находим очень хороший и крупный виноград. По показанию Е.А. Рейбота, на приобретенном им в 1891 г. участке земли в 500 десятин, близ Туапсе, им было найдено до 50 десятин заброшенных черкесских виноградников, засаженных тремя превосходными сортами».

И.Н. Клингген (1897): «Комиссия (по изучению хозяйства причерноморских адыгов, созданная в 60-х гг. – **Авт.**) находила по всему побережью заброшенные сады; была поражена обилием фруктовых деревьев. Она нашла там великолепные желтые и красные спелые сливы прекрасного вкуса и аромата, крупные граненые яблоки вроде «кальвиля», персики и груши. Сады были огорожены... Горцы (адыги) прекрасно умели возделывать зерновые растения, всякого рода орехи, хурму, яблони, груши, винную ягоду. А душистый мед тысячами пудов шел за границу.

Л.А. (1899 г.): «Сорта (у черкесов) были подобраны так, чтобы они последовательно созревали один за другим, начиная с самых ранних и кончая поздними зимними, которые выдерживают лежку до весны. Свои плодовые деревья, как говорят, черкесы получили из Турции; главным образом, их снабжала Малая Азия, доставляя уже готовые деревца для посадки. [Комментарий Н.А. Тхагушева: Доводы Л.А. о привозе саженцев из Турции в Черкесию не только недостоверны, но и мало убедительны]».

В.Я. Бибилашвили (1899): «По рассказам черкесов дер. Карповки, на побережье приезжали купцы из Турции и забирали фрукты, мед, кукурузу, давая взамен товары. Яблони, груши привозились для прививки из Бафры, Синопа, Трапезунда и Ризы. [Комментарий Н.А. Тхагушева: Высказывания В.Я. Бибилашвили мало убедительны. Нет никаких сомнений в местном происхождении адыгейских сортов плодовых растений]».

С.В. Краинский (1901): «На Кавказском побережье Черного моря (в Сочинском районе. – **Авт.**) обитали различные черкесские племена, которые наряду с другими отраслями сельского хозяйства занимались и плодоводством. По остаткам плодовых садов и скоплениям семян Черкесских сортов различных пород... можно судить, что у черкесов было довольно много садов. Как и в Туапсинском, в Сочинском районе в состав этих садов входили яблоня, груша, черешня, алыча, фундук, кизил, грецкий орех, мушмула и инжир...» (Цит. по: Тхагушев Н.А., 2008).

А.Н. Дьячков-Гарасов (1902): «Остатки обширных садов, состоящих из яблонь, груш, слив, алычи, черешен, вишен, указывают на любовь горцев к плодовым деревьям (речь идет об абадзехах, обитавших в горах Закубанья. – **Авт.**)».

«Кавказский вестник практического садоводства» (1902): «Еще до заселения области казаками здесь (в Черкесии) процветало плодоводство, доказательством чего служат остатки старых 100-летних привитых деревьев, – это сады так называемые «черкесские».

Ф. Овсянников (1902): «Окрестности г. Туапсе. После ухода черкесов все старое, веками установившееся, культурное разрушилось. Леса и плодовые деревья уничтожались без всякой жалости. Тут (на Черноморском побережье Кавказа) были прекрасные местные сорта различных плодовых деревьев. Еще и теперь в заброшенных аулах встречаются груши, сливы, яблони, вишни [по мнению Н.А. Тхагушева, имеются в виду черешни. – **Авт.**] хотя и одичавшие, но все-таки дающие довольно вкусные плоды. Следует собрать эти сорта, поставить их в благоприятные условия и приложить к их культуре труд и знание».

С. Васюков (1903): «Черкесы оставили прекрасные сады близ Геленджика в горных ущельях. Когда жили здесь черкесы, то это место было у них центром плодоводства. Сады эти теперь существуют по щелям и горным балкам; некоторые деревья, конечно, одичали, а другие все-таки дают и без ухода прекрасные плоды. Вокруг Туапсе сохранилось много черкесских деревьев, дающих замечательные по вкусу бергамоты и яблоки, несколько грубоватые кожей, но вкусные, сочные и притом сохраняющиеся прекрасно».

Ф.А. Щербина (1910): «Собственно же черкесские сады распространены повсюду. Особенно сохранилось много черкесских садов в долинах рек – Цыце с Серебрячкой и Гогопса, притоков р. Пшехи... Наиболее распространены груша, яблоня...».

В.П. Христианович (1917, 1928): «В причерноморской Черкесии сплошной цветущий сад черешен, груш и яблонь представляли собой спускающиеся к лазурному морю хребты гор в эпоху черкесов. Сады эти давали пищу пчелам, приготавливавшим белый сахароподобный мед, об изумительных качествах которого писал еще в 1654 г. итальянский путешественник Ламберти. После ухода горцев черкесские сады стали быстро уничтожаться. Их вырубали, чтобы на их месте, кое-как всковыряв почву, посеять кукурузу или гоми. Является вопрос: как же существовали и, вероятно, не одну сотню лет черкесские сады, пользовавшиеся притом прекрасной славой и имевшие нежные сорта яблок, нередко вывезенные из Анатолии и вообще из Турции, что видно по названиям большинства сортов: Шах-алма, Шакир-алма, Бояс-ах-алма, Бсела, Соб-

алма. [Комментарий Н.А. Тхагушева: Достоверно известно, что указанные сорта не имеют никакого отношения к адыгейским сортам яблони и никогда не разводились в адыгейских садах)].

И.В. Мичурин (1934). (Из статьи «Черкесские сады ждут своих селекционеров»): «Об изумительном богатстве так называемых старых черкесских садов мне известно давно. Дикие заросли плодово-ягодных растений Адыгейской области представляют собой ценнейший исходный материал для селекционеров Кавказа. Но, к сожалению, они совершенно не используются. В этом отношении существует серьезная опасность навсегда потерять для страны, может быть, единственные во всем мире экземпляры исходных для селекции форм плодовых растений. Я бы, конечно, желал не легендарных, а теоретических описаний свойств и качеств плодовых растений, это могло бы побудить селекционеров к работе. Я предлагаю:

1) Организовать строго научную экспедицию в заросли Адыгейской области с целью отыскания и описания наиболее интересных растений для селекции и культуры. 2) Объявить наиболее ценные заросли запovedниками и наладить правильную научно-хозяйственную их эксплуатацию. 3) Провести технологию плодов с целью отбора лучших для широкой культуры в условиях Кавказа, а наиболее высокогорных растений – и в других районах Союза (Крым, Украина, Белоруссия и Средняя Азия). Особое внимание должно быть обращено на сладкие каштаны и грецкие орехи. Вот с чего следует начать дело использования богатств Адыгеи».

П.М. Жуковский (1950): «Исходный материал орешника, видовой и естественно-гибридный, попал в Средиземье в основном из причерноморских горных районов Кавказа (т. е. из Черкесии. – **Авт.**) и Понта». [Комментируя это высказывание, С.Х. Хотко (2008) пишет: «Постоянное указание П.М. Жуковского на заимствование греками различных культурных видов и сортов плодовых именно от населения причерноморской, горной Черкесии наталкивает нас на два основных вывода: 1) горная Черкесия или Северо-Западный Кавказ на самом деле являлась центром и очень древним очагом садоводства; 2) само географическое расположение этого центра садоводства облегчало процесс общения представителей двух культур»].

М.Ю. Унарокова (1981): «Одной из особенностей адыгского садоводства являлась присущая ему развита сортовая структура, которая обеспечивала употребление свежих фруктов в течение круглого года. ...Примечательно, что адыги не ограничивались культивированием плодовых деревьев на приусадебном участках – *цагухат*, возделыванием садовых плантаций – *чыгхат*. Окрестные леса они превращали в лесосады. Так, в Шапсугии бытовала традиция, согласно которой каждый, кто весной выходил в лес, обязан был привить черенок одного плодового дерева... В а. Агуй вспоминают об одном человеке, который в окрестных лесах оставил после себя около 300 плодовых деревьев» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

А.Ю. Чирг, Н.Х. Женетль (2006): «Бжедуги занимались и садоводством, хотя менее интенсивно, чем горные адыги. Культивировались яблоня, груша, слива, персик, черешня, виноград. Имелись груши и яблони скороспелых сортов. Согласно материалам Н.А. Тхагушева (1948), «...адыги обладали искусством прививки диких деревьев культурными сортами, причем сады были окружены всеобщим вниманием, заботой и обрабатывались повсеместно хорошо».

1.2.2.9. Овощные и технические культуры

И сказал Ахав: отдай мне свой виноградник; из него у меня будет овощной сад.

3-я Книга Царств (21; 2).

Черкесы возделывают огородные растения, вроде моркови, репы, брюквы, лука, тыквы, арбузов и т. д. Женщины готовят из дикой конопли очень красивую нить.

Я. Потоцкий (1761-1815).

Как в глубокой древности, так и в более позднее время адыги выращивали самые разнообразные овощные и технические культуры, о чем сохранились следующие свидетельства:

Плиний Старший (23-79 гг. н. э.): «Сорта лука (в Приазовье) отличаются цветом, величиной, сладкостью, поэтому некоторые виды лука едят сырыми, как, например, в Херсонесе Таврическом... Скифами впервые найдена трава, которая называется «скифской»; растущая у Меотиды, весьма сладкая, она очень полезна при разных болезнях, но особенно при удушье. По всему миру ради здоровья людей развозят «скифскую траву» от Меотийских болот. ...Превосходнейшие сорта глицерриды в Киликии, затем в Понте, она отличается сладким корнем, и только он идет в употребление. Корень сатириона возбуждает чувственность. Он дается ленивым баранам и козлам, а в Сарматии лошадям, неохотно идущим на случку из-за непрерывной работы».

Ал-Масуди (943): «В стране кешак (черкесов) выделяется (из конопли) полотняная ткань – тала, очень нежная и прочная, превосходящая своим качеством арабскую ткань дибаки и очень высоко ценящаяся на иноземных рынках».

Я. Потоцкий (1761-1815): «Они (черкесы) ...возделывают огородные растения, вроде моркови, репы, брюквы, лука, тыквы, арбузов и т. д. Женщины готовят из дикой конопли очень красивую нить».

С. Броневский (1823): «Северная сторона Кавказа. Капуста, лук, чеснок, свекла, морковь, репа, редька бывают чрезмерной величины, равно как и огурцы. Турецкий перец, арбузы, тыквы, дыни разводятся у черкесов и аксаевцев; марена (крап), шафран, каперсы растут дикие по берегам Терека; дикий лен, конопля, хмель, спаржа, ворсильная щетка, вайда, сафлор, церьва, рожа, кислица, дикий укроп, тюльпаны, жидовские вишни, сирийский шалфей встречаются по Кубани и по Тереку».

Ф.Ф. Торнау (1835): «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыбь до р. Саше (Сочи): Из огородных овощей видны огурцы, тыква и редька...».

Хан-Гирей (1837): «Капуста, свекла, редька, морковь, перец, горчица, лук, чеснок, бобы, тыква, арбузы, дыни, огурцы составляют главнейшие огородные овощи. Сверх этих произрастений достойна примечания конопля, разводимая в изрядном количестве в иных местах. В лесах растет много хмеля, но из него черкесы не делают никакого употребления... Каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засеивает он всякого рода огородные растения. В особенности жители племени абадзехского, шапсугского и натухайского занимаются огородной работой, и места их жительства изобилуют всякого рода овощами, свойственными климату этого края».

Карл Кох (1842): «Более распространено у черкесов огородничество; вблизи каждого дома имеется огород. По всему Кавказу любят бобы, и во время поста, замаринованные с уксусом, они представляют собой почти единственное блюдо магометан. Атабских бобов я не видел нигде. Горох и чечевицу можно встретить, а наши сорта капусты, так же как и картофель, совершенно неизвестны. Так как все кавказцы любят травы с пикантным вкусом, то они возделывают множество сортов лука-порея как особую культуру, а также сажают испанский перец и базилик».

И.Д. Попка (1858, 1880): «Но будучи скорее лугом, чем пахотной полосой, Черноморье отличается силой и разнообразием своей флоры... Из растений, употребляемых в мануфактуре, медицине и на кухне, находятся: марена, солодковый корень, кунжут, горчица, спаржа, дикий чеснок и хрен. Последним особенно изобилует Таманский остров. Здесь корень хрена бывает такой толщины и уходит на такую глубину в недра земли, как якорный канат, брошенный в морскую пучину... Сбор картофеля от посадки в одну весну простирается до 15 тыс. четвертей (3150 т). Разведение его сообщается от казаков и к мирным черкесам. Значительная часть земледельческого труда посвящается огородам и бахчам, где и подсолнечнику дано право гражданства. По части огородничества больше видно внимания к свекле, чем к капусте. Табак, кунжут, сурепка, мак, лен и конопля могли бы возделываться с особенной выгодой, если бы для них оставались руки от земледельческого труда первой необходимости... Таманские арбузы пользуются известностью даже в Крыму».

К. Гейнс (1866): «Несмотря на 'большую пересеченность местности с южной стороны хребта, чем с северной, тут можно было найти более удобных мест для посевов, нежели среди лесов северных отрогов; ...в изобилии попадался нам обыкновенный горох, а около некоторых аулов были довольно обширные огороды с овощами».

«Отчет начальника Кубанской области о состоянии сельского хозяйства» (1897): «Из побочных отраслей сельского хозяйства наиболее выгодными являются табаководство, виноградарство и пчеловодство. Начало табачной культуры положено иностранцами; они же в настоящее время, к сожалению, составляют и главный контингент табаководов. Возделывание табака с каждым годом развивается, и теперь табачные плантации можно встретить во всей области, но главным образом они сосредоточены в лесистой ее части, представляющей наиболее благоприятные условия. В отчетном году табачными плантациями было занято более 10 тыс. десятин и снято с них более 60 тыс. пуд. (960 т) табака».

А.Ю. Чирг, Н.Х. Женетль (2006): «Наряду с хлебопашеством, бжедуги занимались также огородничеством. Касаясь этой отрасли земледелия, Хан-Гирей отмечает, что у каждого порядочного хозяина имелся огород возле дома. Выращивали лук, тыкву, фасоль, свеклу, капусту, чеснок, огурцы, морковь, редьку, арбузы и дыни, петрушку и красный перец. Кроме того, есть сведения о разведении табака».

1.2.3. Сельскохозяйственные орудия как элемент земледельческой культуры горцев

Изучение орудий труда с древнейших времен до наших дней дает возможность раскрыть диалектику поступательного развития человеческого мышления и культуры.

А.К. Ячиков (1972).

Адыги занимались земледелием с древнейших времен, достигнув при этом относительно высокого уровня культуры, – в первую очередь, это касается характера земледельческих орудий.

Е.Н. Студенецкая (1972).

Одним из основных элементов материальной культуры являются орудия труда. Как справедливо отмечает А.К. Ячиков (1972), создав примитивные каменные орудия, человек выделился из царства животного мира и стал *хомо сепиенс* – человеком разумным. На протяжении всей человеческой истории люди постоян-

но совершенствовали орудия производства. От каменных орудий – к металлическим, от них к машинам и автоматам – такова диалектика развития орудий труда. Этот путь в полной мере прослеживается и в трансформации сельскохозяйственных орудий у предков адыгов.

1.2.3.1. Земледельческие орудия в нартском эпосе

*О, наш бог, Тхагелидж, чудо творящий...
Чтобы лемех был счастливым,
Чтобы первая борозда была счастливой,
Чтобы в землю вошло тепло,
Чтобы мы ступили на место изобилия,
О, наш бог, да будет так!*

«Хох первой борозды»

Археологические находки, материалы адыгского фольклора, в частности, «Нарты», свидетельства античных авторов свидетельствуют о древности возникновения земледелия и, соответственно, появления земледельческих орудий у предков адыгов – меотов.

Так, в сокровищнице не только национальной, но и мировой культуры – адыгском народном эпосе «Нарты», который начал складываться около 3000 лет назад (по некоторым данным, в VIII в. до н. э.), уже встречаем упоминание о многих земледельческих орудиях – серпе, бороне, плуге и т. д.; в нем говорится о таких важнейших сельскохозяйственных работах, как вспашка поля, посев, уборка урожая, молотба и веяние хлебов. В языческих верованиях предков адыгов – меотов одним из главных богов пантеона был Тлепш (Тлепс, Лъэпшъ), которому приписывалось изобретение серпа и передача его нартам. От того же Тлепша, согласно религиозным верованиям адыгов, нарт получили и такие орудия, как косу, молот, клещи.

В «иерархии» адыгских богов по своей значимости Тлепш занимал место сразу же после Тхагелиджа – верховного божества изобилия, плодородия и земледелия. Согласно древним верованиям, именно Тхагелидж дал нартам семена проса, научил их обрабатывать землю, пахать и сеять.

Появление пашенного земледелия отмечено у предков адыгов в ранний железный век. Пахотным орудием являлось тогда деревянное рало – наиболее примитивное орудие, сделанное в форме треугольника или бруса с большими деревянными зубьями. Можно сказать, что рало – своеобразный предшественник более сложных в конструктивном отношении сохи и плуга. Давность возникновения сельскохозяйственных орудий у аборигенов Кавказа подтверждают также языковые данные. Как отмечает И.А. Шоров, (1989), слово *пхъэлэш* (кабард.: *пхъэлэш*), – «плуг» в дословном переводе означает «деревянное орудие» (*пхъ* – «дерево, дрова»; *лэш* – «орудие»). Это название восходит к тому времени, когда люди начали обрабатывать землю деревянными плугами. По предположению известного историка Е.И. Крупнова, уже в первой половине I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе, в частности, у предков адыгов, применялись примитивные, грубые деревянные плуги.

1.2.3.2. Шуан: мотыга

Те из жителей гор, которые не имеют удобных мест даже и для пахания маленькими плугами, обыкновенно раскапывают землю особенного рода железными лопатками, имеющими вид топорика; в этих местах... почва нив делается чрезвычайно мягкой...

Хан-Гирей (1837).

Для обработки крутых склонов жители обходились совсем без упряжных орудий, довольствуясь одной мотыгой, действуя ею с такой ловкостью и проворством, что никакой европейский рабочий ...не выдерживает с ними никакого сравнения.

И.Н. Клиngen (1897).

Задолго до появления первого плуга, как в горных, так и в равнинных районах Северо-Западного Кавказа было широко развито мотыжное земледелие. При этом мотыга (каб.: *фланэ*, *хъэмфланэ*; адыг.: *шуанэ*), пережив тысячелетия, и в настоящее время является одним из основных огородных орудий, преимущественно в горах и предгорьях Северного Кавказа. В XVIII – начале XX вв. мотыга, наряду с легким плугом и другими пахотными орудиями, широко применялась в горах Черкесии, – она была очень удобна для обработки крутых склонов гор, где нельзя было использовать упряжное пахотное орудие. По образному выражению Т.Д. Алибердова, это было поистине «универсальное» орудие: мотыгой вырубали корни растений, расчищали подсеменные участки, пропалывали хлебные злаки, разбивали крупные комья земли, разрыхляли участки поля.

Впервые об использовании мотыги у адыгов сообщал Джовани Лукка (1629): «Черкесы обрабатывают свои, удобные к хлебопашеству, земли киркой (другой вариант перевода: мотыгой)». Позже о «железных лопатках» для мотыжения сообщал Хан-Гирей (1837): «Те же из жителей гор, которые не имеют удобных мест даже и для пахания этими маленькими плугами, обыкновенно раскапывают землю особенного рода железными лопатками, имеющими вид топорика; в этих местах, по причине беспрестанного употребления, почва нив делается чрезвычайно мягкой, и нередко употребляют и унавоживание, что вовсе неизвестно жителям равнин».

О том, что у адыгов кое-где сохранилось, наряду с плужным, и мотыжное земледелие, писал и Карл Кох (1842): «В плодородных долинах и равнинах черкесам легко дается сельское хозяйство, т. к. они выбирают себе плодородный участок земли, разрыхляют его плугом или мотыгой и делают его пригодным для земледелия. Черкесы имеют достаточно земли и употребляют только ту, которая дает обильный урожай даже после обработки только поверхности земли».

Весьма примечательно сообщение И.Н. Клингена (1897) о том, с каким искусством использовали адыги это в общем-то простое, примитивное орудие: «Для обработки крутых склонов, в сильно пересеченных местностях, жители обходились совсем без упряжных орудий, довольствуясь одной мотыгой, действуя ею с такой ловкостью и проворством, что никакой европейский рабочий, привыкший применять тяпку в плугопольных культурах при тщательно обработанной почве, не выдерживает с ними никакого сравнения». И далее И.Н. Кlingen сообщает, что горцы «превосходно» владели тяпкой для уничтожения сорных трав, своевременного разрыхления и предохранения верхнего слоя почвы от образования корки и высыхания. Крестьяне, не имевшие собственных плугов и рабочего скота, обрабатывали свои небольшие участки земли мотыгой. Она употреблялась также и во многих других хозяйственных работах – например, при проведении каналов и ремонте ирригационных сооружений, при строительстве домов и т. д.

1.2.3.3. *Пхъэлаш*: передковое пахотное орудие, «тяжелый плуг»

Землю горцы (адыги) вспахивали двумя орудиями, из которых одно, более тяжелое, имело все главные принадлежности плуга. Черкесский плуг сходствует с грузинским с той только разницей, что первый без передка и несравненно меньше и легче последнего.

И.Л. Серебряков (1867).

Одно из первых письменных упоминаний о традиционном пахотном орудии у адыгов мы находим у П.С. Палласа (1793), сообщавшего, что горцы в Кабарде впрягали в «большой» плуг 6-8 волов. Более подробные сведения о «черкесском» плуге можно встретить у И.Л. Серебрякова (1867): «Землю горцы (т. е. адыги) вспахивали двумя орудиями, из которых одно, более тяжелое, имело все главные принадлежности плуга. Черкесский плуг сходствует с грузинским с той только разницей, что первый без передка, имеет прямое дышло и несравненно меньше и легче последнего (т. е. грузинского). Самая большая ширина лемеха черкесского плуга – 4 вершка (18 см), длина режущей части ножа – 3 вершка (13 см), отвал прямой, деревянный; длина всего плуга 4 аршина (2,8 м), из которых 1 аршин (около 70 см) приходится на корпус плуга, а остальные – на дышло».

Более подробная информация о конструкции и «функциональных особенностях» тех или иных составных частей тяжелого «адыгейского» плуга *пхъэлаш*, приводится в фундаментальной работе известного ученого Т.Д. Алибердова (1965), при подготовке которой автор пользовался многочисленными этнографическими и письменными источниками, а также материалами Шапсугской этнографической экспедиции 1957 г. и фондами Адыгейского краеведческого музея. В частности, исследователь отмечает, что передковое пахотное орудие (*пхъэлаш*) состоит из следующих частей: грядиля, полоза, лемеха, стояка, резака, рукоятки, отвала, передка на двух неодинаковых по размеру колесах, деревянного дышла для 3-4 пар волов, ярма и спиц. Т.Д. Алибердов (1965) обращает внимание, что основной корпус адыгейского плуга был деревянным и носил название «*зашъхъ*».

Грядиль (*пэгъу*) делали из дуба, ясеня, вяза. Для грядиля брали прямое дерево длиной 2,5 м, обтесывали и придавали форму четырехугольника, затем высушивали для прочности. Длина грядиля оказывает существенное влияние на устойчивость плуга в работе. Чем длиннее грядиль, тем устойчивее идет плуг и требует меньше поддержки со стороны пахаря, плуги же с короткими грядилями весьма неустойчивы. Грядиль задним концом вставлен в правую ручку, в специально продолбленное отверстие, где закрепляется клином. От ручки на расстоянии 50-60 см приспособлен стояк. От ручки стояка на грядиле вырезано гнездо резака, резак закреплен клином. В передней части грядиля просверливали отверстие, куда вставляли колышки. Грядиль прикреплялся к передку с помощью ремня. Ремень одевался одним концом на передок, а другим на колышки, вставленные в грядиль. В отличие от адыгейского плуга, грузинский характеризуется кривым грядилем, как и большинство кавказских плугов.

Отвал (*уо*) – дубовый, он представлял собой цельную доску длиной примерно 80-90 см и толщиной 3-5 см; ширина доски в головке 40-50 см, в конце 30-35 см. Отвал закреплялся на стояке клином, на грядиле хлыстом, а в середине вертикально пришивался хлыстом к державу-ручке. Отвальная доска получает небольшой наклон в сторону вспаханного участка поля, а заднее крыло отвала остается свободным и приподнятым немного от земли. Отвал предназначается для крошения и оборота пластов земли. Деревянный отвал был неудобен тем, что увеличивал трение, и плугарь должен был ногой все время отбрасывать прилипавшую к отвалу землю.

Стояк (*шынчат*) плуга представлял собой небольшой вытесанный дубовый брус. Нижний конец его был укреплен в полозе, а верхний проходил через грядиль. Стояк должен был быть прочным, т. к. от этого зависели все остальные части плуга, которые придавали ему устойчивость в период пахоты, не нарушая ровного хода пахотного орудия. При вспашке поля, покрытого густым и длинным жнивьем, между стояком и грядилем забивалось жнивье, поэтому приходилось часто останавливаться и очищать стояк плуга от него, но чем выше сделан стояк, тем меньше забивалось в плуг жнивья.

Полоз (*пхъэлашэ лъэгу*) рассматриваемого плуга четырехгранный, сделан из дуба длиной около 80 см. Полоз имеет два вертикальных отверстия, одно для стояка, другое – для рукоятки. Полоз впереди выстроган для лемеха. Спереди на полоз насаживали железный лемех тремя деревянными клиньями.

Лемех (*цуабзэ*) адыги выковывали из железа и затем наваривали полосу для образования лезвия. Лемех имел форму треугольника с шейкой. Адыгейский лемех характерен тем, что в верхней его части приваривается железная труба, в которую вдевается один конец отвала. Длина лемеха по обуху 54 см (из них на шейку приходилось 25), ширина в самой широкой части 42, толщина по обуху 2 см, длина лезвия 52 см. На нижней, нерабочей поверхности лемеха предусмотрено утолщение, представляющее собой запас металла для оттяжки износившегося лезвия. На лемех приходилось 40% от всего тягового сопротивления плуга. Подрезанный лемехом пласт поступает на отвал, а отвал переворачивает и крошит его.

Резак (*шлобз*) выковывается из железа: для установки его вырубается в грядиле отверстие, где и укрепляется резак деревянными клиньями. Он имеет вид длинного ножа (длина 45-50 см, ширина 6-7 см, толщина 2-3 см, длина лезвия 22-25 см). Резак устанавливается так, чтобы кончик его находился почти против носа лемеха, но выше на 4-5 см. Лемех и резак являлись единственными железными частями плуга. Адыги называли лемех – *цуабзэ*, а резак – *шлобз*. Лемех весит 8-10, а резак 4-5 кг. Асимметрическая форма адыгейского лемеха аналогична грузинскому.

Передок (*кутанэ*) адыгейского плуга представлял собой ось с двумя колесами разного диаметра и дышло. Дышло деревянное, в виде длинной рейки, которая одной головкой вставляется в ось и закрепляется клином ближе к правому колесу. Дышло с осью скрепляются дугою (*зацэ*), которая служит для изменения ширины пахоты. Ось передка деревянная. На правой стороне оси помещается большое (бороздовое, или бороздковое) колесо. Между колесами длина оси (кульмыдж) примерно 105-110 см, ось входит в колесо и закрепляется клином. На оси вырезано горизонтальное сквозное отверстие, куда вставлялись дышло и клин.

Полевое и бороздовое колесо изготавливались из дерева и имеют общие детали. Колесо состояло из дубовой ступицы (длина 23, ширина 30, диаметр осевого разреза 7,5 см), куда вставляли втулку и снаружи закрепляли железными поясами. Вокруг ступицы имелось 8 гнезд, в которые вдевались дубовые спицы.

При этом, подчеркивает Т.Д. Алибердов, глубина вспашки зависит от установки передка, ближе или дальше от полоза: чем ближе к передку, тем мельче; чем дальше – тем глубже. От удаления или приближения спицы к бороздовому колесу зависит ширина вспашки: чем ближе спица к бороздовому колесу, тем уже борозды; чем дальше тем шире. Передок плуга изготавливается из дерева, потому что он чаще других частей портится, его можно легко заменить самому пахарю.

Плуг имел две рукоятки (*пхъэлашэкI*), они были неодинаковой толщины, в правой – толстой рукоятке было продето грядило. Обе рукоятки были вставлены в полоз и соединены между собой палкой. У правильно установленного в работе плуга рукоятки служили только для того, чтобы вынуть плуг из земли и поставить его на новую борозду. Во время пахоты плугарь держался за рукоятки, регулируя ими ход плуга.

Ремень (*жъуашэ*). Далее исследователь отмечает, что обязательным элементом передкового пахотного орудия является ремень (*жъуашэ*), с помощью которого плуг привязывается к *кутанэ*. Ремень употреблялся для этих же целей в железных передковых орудиях. Раньше *жъуашэ* изготавливали из кожи, а впоследствии ее заменила железная цепь. В XIX в. кожаный ремень был двух видов: плетёный и скрученный. Адыги большей частью пользовались скрученным ремнем. Техника приготвления скрученного ремня такова: отрезали полосу от шкуры быка или буйвола, шириной 10 см и длиной до 20 м, очищали от шерсти, вымачивали в животном жире, складывали в две тесемки, затем скручивали. С обоих концов ремня делали небольшие петли, к одной из них была прикреплена палка. Ремень служил для соединения дышла с осью передка.

Ярмо (*бжъы*). Свои специфические черты имеет и характер использования тягловой силы, применяемой при работе передкового пахотного орудия *пхъэлаш*. Как отмечает Т.Д. Алибердов, следующей частью плуга является ярмо (*бжъы*), в которое впрягается пара волов. Оно состоит из длинного (2,4 м) обтесанного бревна (верхняя пластина), в середине которого имеется место, куда привязывается ремень или железное кольцо для соединения бжъэу с ярмом. На обоих концах бревна высверливали по два отверстия и вставляли в каждое из них стойку, по краям же занозу (*тэмэпкъ*). Между стойкой и занозой находилась шея запряженного в ярмо вола. До появления нижней деревянной пластины адыги пользовались кожаным ремнем (*тэмэпс*) для закрепления шеи вола в ярме. Для ярма употреблялось очень крепкое, но легкое дерево. В основном его делали из вербы, березы и липы. Выструганное дерево грели над огнем, придавая нужную форму, смазывали навозом и таким образом сушили. Затем начиналась его окончательная обработка.

В адыгейский плуг впрягали четыре пары волов, причем каждая пара, впряженная в плуг, выполняла особую функцию и соответственно занимала определенное место и имела свое название. Впереди идущая пара называлась *пацэ* («вожатый») – обычно это были опытные быки, правильно шедшие по борозде без погонщика. Вторая пара называлась *пацэ дакъэ* («пара, идущая после вожатых»). В *пэцэ дакъэ* впрягали новичков. Третья пара называлась *дакъэ пацэ* («пара, идущая впереди последних»). В *дакъэ пацэ* впрягали более смиренных быков. Последняя пара называлась *дакъэ* («пара, идущая позади»), куда также впрягали опытных быков.

Как правило, – отмечает Т.Д. Алибердов, – этот плуг обслуживали четыре человека: плугарь – *котэнапц*, два погонщика, из которых один сидел на *тетыхъанIэ* (в специально приготовленной для него корзине) и погонял две передние пары, другой – *дэкъэуао* – погонял задних быков. Четвертый следовал за плугом и очищал крыло рабочей части плуга от комьев земли. Кроме перечисленных, нужны были ночные пастухи – *цухэтицы* и один повар.

«Черкесский» плуг был хорошо известен и другим северокавказским народам, которые использовали его для вспашки на тяжелых почвах. Об этом, в частности, свидетельствуют названия этого плуга у осетин: *адыгэ пха-аша* (в буквальном переводе: «адыгское деревянное орудие») или *кэсгон гутон* («кабардинский плуг»); у карачаевцев и балкарцев: *черкес агъач* («черкесское дерево»); у абхазов: *а-коотан* и т. д. При этом следует отметить, что если большинство авторов называли термином *пхааша*, *пхъэлцэ* (букв.: «деревянное орудие») большое пахотное орудие – тяжелый «черкесский» плуг, то, по ошибочному утверждению В.П. Пожидаева (1925), *пхааша* – это «разновидность рала», типа легкого плуга: «Каким способом производилась обработка земли (в Кабарде) в древнюю, доисторическую эпоху, неизвестно. Надо думать, что вышедшая теперь из употребления у кабардинцев «пхааша» (простой деревянный сук), видимо, представляла собой разновидность рала, все еще сохранившегося в горных местностях, а также в расположенных по ту сторону хребта Армении и Грузии».

Таким образом, в конце XVIII – середине XIX вв., как и в предыдущие столетия, основным пахотным орудием для тяжелых почв у адыгов был большой деревянный плуг с массивным железным лемехом и резком. В этот плуг, посредством деревянных ярем, впрягались 3-4 пары волов. При этом он имел приспособление для регулировки глубины и ширины борозды. Для своего времени и для конкретных почвенных условий равнинной Черкесии этот плуг был далеко не «примитивным», как считали некоторые авторы. На основании анализа конструкции пахотных орудий, в том числе тяжелого «черкесского» плуга, Е.Н. Студенецкая (1972) приходит к выводу, что «...адыги занимались земледелием с древнейших времен, достигнув при этом относительно высокого уровня культуры, – в первую очередь, это касается характера сельскохозяйственных орудий». Эту же мысль особо подчеркивает М.В. Кантария (1989): «Несмотря на то, что этому орудью многого недоставало до совершенства, его все-таки нельзя считать примитивным».

Вместе с тем, многие исследователи обращают внимание на тот факт, что адыгский плуг был хорошо приспособлен для пахоты лишь на тяжелых равнинных почвах; в горных же районах, где черноземный слой был не столь мощным, а поля при более интенсивном характере земледелия подвергались распашке, требовалось более легкое пахотное орудие, каким и являлось адыгское «рало» с одной парой волов.

Об этом, в частности, писал еще И.А. Гюльденштедт (1809): «Плуг сей («адыгский плуг») употребляют для новой, тяжелой, глинистой и весьма твердой почвы; ибо легкие плуги в такой почве ломаются. [Комментарий Б.А. Калоева (1981): Описание Гюльденштедта важно для нас потому, что оно опровергает утверждения некоторых авторов о том, что тяжелый плуг будто бы был заимствован адыгами у соседей – русских казаков. Между тем, в конструкции этих плугов существует большая разница, что говорит об их самостоятельном развитии].

1.2.3.4. Пхаашажи: горный («легкий») плуг, рало

Жители долины Субеш пользовались сохами с остроконечным, в виде стрелы, сошником, которым они только скребли поверхность почвы, причем ручки сохи поставлены почти перпендикулярно и, следовательно, так коротки, что не дают пахарю возможности проявить силу.

Дж. Белл (1837).

Абадзехи пахали сохой (пхаашажи), в которую впрягалась только пара быков; соха имела одну ручку, лемех отворачивал землю в обе стороны. Глубоко подобный плуг не забирал; но в этом и нужды не было: девственная почва Абадзехи очень редко давала неурожай.

А.Н. Дьячков-Тарасов (1902).

О том, что, наряду с тяжелым, у адыгов был и легкий горный плуг, сообщают многие дореволюционные авторы. Так, Хан-Гирей (1837) сообщал о «легком» плуге, применяемом в горных условиях: «Жители же ущелий и гор, не имеющие привольных долин для хлебопашества, имеют другого рода плуг, а именно малый, – запрягаемый в одну пару волов [По Б.А. Калоеву (1981), – имеется в виду рало]. Этого же рода плуг употребляют и жители равнин для вспахивания мягких мест, годных под огородные растения».

В записках Дж. Белла (1837, 1839) также можно встретить упоминание о легких плугах-сохах, используемых горцами в условиях Черноморского побережья Кавказа: «Жители долины Субеш пользовались сохами с остроконечным, в виде стрелы, сошником, которым они только скребли поверхность почвы, причем ручки сохи поставлены почти перпендикулярно и, следовательно, так коротки, что не дают пахарю возможности проявить силу».

Об использовании легких, «более похожих на рало», плугов на горных и предгорных почвах сообщает и И.Л. Серебряков (1867): «Рало на 1 аршин (71 см) длиннее тяжелого плуга и отличается от него отсутствием реза и отвала, а также большей легкостью. Все части орудия, как деревянные, так и железные, отде-

ланы довольно тщательно, что служит доказательством особой заботливости туземцев об этих орудиях... Если конструкция тяжелого плуга позволяла распахивать землю не более как на 4 вершка (около 18 см) глубины, то рало (горное орудие) могло поднимать землю только на 2,5 вершка (11 см)». Такая, на первый взгляд, неглубокая вспашка, рассматриваемая некоторыми авторами как недостаток адыгского рала, в действительности, как справедливо замечает В.К. Гарданов (1967), была наиболее подходящей для специфических условий Закубанья. Это сообщение находит подтверждение в записках И.И. Герко (1869), который пишет, что «...в горах Закубанья пахали мелко, потому что черноземный пласт весьма тонок, а за ним следует пласт глинистый. Таким образом, горцы бросали свое зерно в черноземный слой. Абадзехи пахали легким плугом и неглубоко. Вспахав один раз, оставляли землю и через неделю перепаживали, стараясь как можно больше вспушить землю, чтобы не было крупных комьев».

О земледельческих орудиях, используемых с глубокой древности в специфических условиях горных и предгорных районов Черноморского побережья Кавказа, сообщает Ш.Д. Инал-ипа (1891). Здесь были в употреблении два основных вида пахотных орудий: так называемое орудие-кривулина с ручкой, приделанной сверху у основания дышла; и орудие с подошвой и ручкой-стойкой, укрепленной в подошве нижним концом, а другим – привязанной к дышлу. Эти разновидности, по существу, принадлежат к широко распространенному на Кавказе основному типу пахотного орудия с изогнутым дышлом, всаженым в подошву. Аналогичное пахотное орудие было не только у абхазов, но и причерноморских черкесов, о чем свидетельствует приведенное выше сообщение Дж.Белла (1839).

Дополняет эту информацию о легком горном плуге, который он называет «сохой», А.Н. Дьячков-Тарасов (1902): «Абадзехи пахали сохой (*«пхаашажи»*), в которую впрягалась только пара быков; соха имела одну ручку, лемех отворачивал землю в обе стороны. Глубоко подобный плуг не забирал; но в этом и нужды не было: девственная почва Абадзехии очень редко давала неурожай».

Все эти письменные источники, а также этнографические материалы подтверждают, что в горах, в отличие от равнинных местностей, повсеместно был распространен легкий плуг, свойственный многим горным странам. Горный плуг часто делался из суковатого дерева, которое по своим формам позволяло легко превратить его в несложное пахотное орудие. Несмотря на примитивность этого орудия, оно было хорошо приспособлено для обработки горных почв. Горный плуг был легкий, не переворачивал пласта, а только взрыхлял землю.

Такое легкое пахотное орудие, в которое впрягалась только пара волов, было распространено по всей Адыгее, – причем, не только в горных, но и зачастую в равнинных местах. Это орудие отворачивало почву на обе стороны и образовывало борозду, но не переворачивало землю, так как конструкция отвала не позволяла этого. При вспашке между бороздами оставалось невспаханная почва, прикрытая слоем земли. Наличие рукоятки давало возможность регулировать глубину вспашки и управлять орудием. Как отмечал А.Н. Дьячков-Тарасов (1902), во время работы полоз, двигаясь горизонтально, делал прямую борозду и придавал орудью устойчивость, не давая ему выскальзывать из борозды.

Обращает на себя внимание определенная «гибкость» в выборе технологии и орудий вспашки у адыгов. В некоторых местностях они пользовались и тяжелым плугом, и ралом, которые в известной мере как бы дополняли друг друга. Плугом в таких случаях поднимали новь, целину, а легким ралом перепаживали землю вторично, – факт, по словам В.К. Гарданова (1967), «свидетельствующий о высокой культуре земледелия».

1.2.3.5. *Лъэшъу*: борона-волокуша

...Черкесы землю вспахивают, высевают семена и боронят с помощью ветвей дерева с листвою на них.

И.Ф. Бларамберг (1840).

У адыгов, подобно кавказским хозяевам, не было в употреблении ничего похожего на борону. По всей вероятности, они также употребляли хворостинку (т. е. волокушу), как и закавказские хозяйства.

И.Л. Серебряков (1867).

Важнейшим агротехническим приемом после вспашки земли является боронование и вообще разрыхление поверхностного слоя пашни (Алибердов Т. Д., 1965). Борона предназначена для разбивки пластов и выравнивания поверхности вспаханного поля. В Адыгее при вспашке полей вслед за плугом пускали борону, чем достигалось сбережение влаги в почве. С древнейших времен адыги бороновили землю волокушами и деревянными боронами с деревянными, а позже – металлическими зубьями.

Как отмечает Б.Г. Тлехас (1991), «...у адыгов конструкция волокуши – *«лъэшъу»* на протяжении веков или даже тысячелетий практически не изменилась: она обычно состояла из куста терновника или хвороста, зажатого между двумя досками. Эта волокуша прикреплялась к ярму, в которое впрягали быков. Чтобы ее прижать к земле, на доски клали тяжелые бревна, иногда поверх еще сажали детей, для которых такое участие в пахоте было большим развлечением». Лишь с конца XIX в. начали применять деревянную борону, заимствованную у русских переселенцев, а наиболее зажиточные хозяева стали приобретать и металлические бороны.

О применении черкесами бороны на пахотных участках сообщает Хан-Гирей (1837): «Посеянные зерна боронуют бороною, но это орудие, составляющее столь полезную принадлежность хлебопашества, не употребляют при посеве проса, которое они более всякого рода хлеба сеют». Судя по сообщениям более поздних авторов, Хан-Гирей в своих «Записках о Черкесии» имел в виду не настоящую бороны, в ее современном понимании, а сохранившуюся с глубокой древности «волокушу». О том, что на самом деле представляла черкесская бороны-волокуша, сообщает И.Ф. Бларамберг (1840): «...Затем черкесы землю вспахивают, высевают семена и боронят с помощью ветвей дерева с листвою на них». Эту же мысль об использовании «хворостинки»-волокуши встречаем у И.Л. Серебрякова (1867): «У адыгов, подобно кавказским хозяевам, не было в употреблении ничего похожего на бороны. По всей вероятности, они также употребляли хворостинку (т. е. волокушу. – Авт.), как и закавказские хозяйства». Об использовании волокуши для боронования почвы сообщали и более поздние авторы. Так, О.В. Маргграф (1882) писал: «Волокуша до сих пор (т. е. до начала 80-х гг.) заменяла у горцев бороны. Значение ее – прикрывать посеянное зерно. После нее поверхность вспаханных загонов представляется ровною: она не разрыхляет землю глубоко, но лишь поверхностно».

Лишь в самом конце XIX в. появляются сообщения об использовании адыгами именно бороны, а не примитивной волокуши. Так, в записках Л.Г. Лопатинского (1897) встречаем: «Боронование у адыгов производится бороною квадратной формы с железными зубьями. В бороны впрягают одну пару волов. Бороною можно в день пробороновать 3 десятины». Эти и подобные сообщения дают основание утверждать, что прообразом современной бороны у адыгов с глубокой древности и почти до конца XIX вв. была так называемая волокуша («*лъэшъу*»), которую использовали сразу после посева по свежевспаханному полю.

Дополнительная информация об использовании адыгами волокуш и примитивных бороны в конце XIX – начале XX вв. приводится в записках В.П. Христиановича (1917): «В Малой Кабарде посев проса производится вразброс руками и заделывается традиционной волокушей, изготовленной из куста терновника; ширина захвата ее 3-4 аршин (2,1-2,3 м). Заделка волокушей настолько традиционна, что если (при недостатке семян проса) пласт предварительно и разделяют бороною, то после посева заделка идет все-таки волокушей. Остальные растения на залежи сеются под бороны. Бороны у кабардинцев появились всего 30-40 лет назад (т. е. около 1875-1885 гг.). В селениях при р. Малке – в Нартане и Заюкове заделка семян производится самодельной деревянной тяжелой бороною с 22-44, реже – 20-32, железными зубьями. Бороны с деревянными зубьями исчезли лет 8 назад (т. е. около 1910 г. – Авт.)».

Обобщая многочисленные письменные и этнографические материалы по использованию адыгами в XVIII-XIX вв. древних волокуш, Т.Д. Алибердов (1965) следующим образом описывает особенности конструкции и «технологии» их изготовления. Волокуша (*пэнэ лъэшъу*) делается следующим образом. В землю вбивают три кола (длина каждого около 1 м) и переплетают их терном, при этом верхняя часть (макушка) терна остается незаплетенной. Длина волокуши с хворостиной около 2 м, ширина 1 м. Волокуша служила для выравнивания поверхности земли после пахоты. Спереди к волокуше, параллельно кольям, веревками из скрученных прутьев привязывается брусик или вместо него петля из прутьев. И то и другое служит для прикрепления волокуши к дышлу (*кунэъу*), которое соединяет волокушу с ярмом. Такой бороны хватало на один-два сезона. Впрягали в нее пару волов. «В конце XIX в., – отмечает Т.Д. Алибердов, – адыги начали отдавать предпочтение бороны квадратной формы – она способствовала улучшению возделывания кукурузы. Квадратная форма бороны была весьма удобной и в период прополки кукурузы, поэтому волокуша начала выходить из употребления и сохранилась только в горах».

Боронование (*лъашъо еон*, *ульэшъоон*) широко применялось адыгами в равнинных районах. В горах же неглубокие каменистые почвы делали невозможным применение для обработки почвы бороны. Но боронование в горах заменяла в известной мере многократная вспашка. Так, в горных районах Черкесии, как правило, пахали два раза; в Дагестане – многократно, причем использовали и перекрестное вспахивание.

1.2.3.6. Серп- *гъупчъ* и коса-*шэмэдж*: орудия для уборки хлебов

Пусти́те в де́ло серпы́, ибо́ жатва́ созрела...

Книга Иойля (3; 13).

*Атэ́къа́къа́м фэ́дэу кьэ́бгъэ́цыцт,
Блэ́цыры́цэм фэ́дэу бгъэ́псы́жъы́цт –
Надо́ загну́ть так,
Чтобы́ на хвост пету́ха был похо́ж,
На змеены́ша зуб похо́жим сде́лать.*

Из нартского эпоса («Как Тлепш впервые серп сделал»)

СЕРП. Для уборки хлебов адыги издавна, вплоть до XVIII – конца XIX вв., пользовались серпом и косой. Железные серпы – небольшого размера, изогнуты, имеют короткий стержень, который, являясь продолжением лезвия, составляет с ним одну кривую и оканчивается петлей, служащей для укрепления деревянной рукоятки. Изогнутое железное лезвие с зубцами является специфической особенностью адыгейского серпа. Эти серпы изготавливались, как правило, своими местными кузнецами (Алибердов Т.Д., 1965).

Одно из первых письменных свидетельств о жатвенных орудиях у адыгов можно встретить у С. Броневского (1823): «Черкесы жнут хлеб обыкновенными серпами». Серп у адыгейцев назывался *гъулчъ*, а у черкесов и кабардинцев – *гъубж*. Более подробная информация содержится в работе И.Ф. Бларамберга (1840): «Зерно черкесы жнут маленькими серпами, очень загнутыми, длиной более фута (около 30 см), шириной в два пальца, с мелкозубчатым, как правило, лезвием. В Дагестане, где нет такой проблемы с кормами, жатву производят обычными серпами и оставляют стерню высотой до 2-х футов (около 60 см), вероятно, для того, чтобы не утруждать себя, наклоняясь во время жатвы... Иногда снопы зерновых культур скирдуют в стога и достают их оттуда лишь по мере необходимости. У черкесов эти стога зерновых, а также и сена остаются на полях и огораживаются ивовым плетнем, чтобы скот не мог до них добраться».

[Комментарий Б.А. Калоева (1981) относительно серпов: «В адыгейских аулах (абадзехов, бжедугов, шапсугов и др.) серпы местного производства, совершенно одинаковые по размеру и внешнему виду. Аналогичные серпы мы находили и в абазинских и ногойских аулах, а также во многих селах Кабарды»].

КОСА. Одним из основных уборочных орудий у горцев была коса (каб., черк., адыг.: *шэмэдж*). Представляет интерес сообщение К. Пейсонеля (1762), относящееся к середине XVIII в., о приобретении кос адыгами из Германии: «Косы германские составляют один из наиболее важных предметов торговли Крыма; они идут по Дунаю в Валахию, и оттуда перевозятся морем и сушею; ежегодно их получается более 200 тыс. шт.; много кос покупается ногойцами, которые отправляют довольно значительное количество в Черкесию через Тамань, цена 15-20 пара (турецкая «пара» – 2 коп.)».

Комментируя это сообщение, известный казачий историограф Е. Фелицин отмечал: «Закубанские горцы не занимались производством металлических изделий, в этом отношении *они стоят далеко ниже других кавказских племен*. Косы, земледельческие орудия и оружие они всегда получали от других народов. С XV в. главными поставщиками металлических вещей для горцев являлись турки и крымские татары. И до сих пор всякого рода металлические изделия горцы приобретают покупкой у русских». (Хотелось бы оставить на совести Е.Фелицина это спорное утверждение о том, что, якобы, «закубанские горцы не занимались производством металлических изделий», – как было отмечено выше, многочисленные археологические находки и письменные источники опровергают эти слова. – **Авт.**).

Об использовании адыгами кос пишет С. Броневской (1823): «Траву косили косами, которые у адыгейцев, черкесов и кабардинцев называлась *шэмэдж* (*шэмэдж*). При этом у кабардинцев было известно *жъагъуэ* – приспособление для косьбы сена узкими покосами; надевалось на деревянную рукоятку под острым углом. И.Ф. Бларамберг (1840) писал: «Коса для заготовки сена – длиной в 2 фута (60 см), шириной около 3-х пальцев, слегка загнута и прикреплена к палке длиной в 1 туаэ (1,9 м)».

О том, что при уборке хлебов использовались только серпы, но и косы, сообщал И.Л. Серебряков (1867): «Адыги употребляли серп и косу, отличающиеся необыкновенно малыми размерами, – для уборки хлебов». Об этом же писали и многие другие авторы: И.Н. Клинген (1897): «Уборку хлебов они производят серпами и косой очень малых размеров»; а также А.Н. Дьячков-Тарасов (1902): «Хлеба они убирала серпами очень грубой работы; косили косами, отличающимися от современных тем, что ручка косы не приклинивалась, а заостренная пятка косы (*«леди»*) втыкалась в ручку; косы не отклепывали, а точили на брус или точиле (*«цэрхъ»*); точили они раза четыре в день; луки на косе не было и косили неправильными «ручками», в кружок.

[Комментарий Т.Д. Алибердова (1965) относительно кос: «Косить правильными ручками» – значит идти шеренгой, причем каждый косарь отстает от идущего впереди, по крайней мере, на пять взмахов. Косарь, идущий впереди, называется «ручкой». «Косить в кружок» – выкашивать траву вокруг себя, и таким образом продвигаться к центру луга»].

О том, что даже в конце XIX – первой половине XX вв. «...адыгские народы, наряду с серпами, использовали косы, особенно при жатве проса», – сообщает Б.А. Калоев. Как свидетельствует собранный им полевой материал, жатва косой практиковалась почти повсеместно в Кабарде, Черкесии и Адыгее. При этом, по словам 80-летнего кабардинца Хамуса Карданова (сел.Чегем-2), косой убирала лишь те хозяева, которые не успевали производить эту работу серпами. «Один косарь, – говорит он, – мог скосить за день десятину, т. е. столько же, сколько 10 жнецов серпами». Другой информатор – кабардинец Дохтуко Каиров (сел. Плановское) утверждал, что косой убирала только просо.

В конце XIX – начале XX вв., как отмечает Б.А. Калоев (1981), «...традиционная адыгская коса была заменена более усовершенствованной «русской» косой, имевшей граблеобразную стойку. Такая коса укладывала скошенный хлеб ровно, по одной линии, намного облегчая вязку его в снопы».

Если уж речь пошла об орудиях жатвы у адыгов, то интересно вспомнить, что много позже, уже при советской власти, кроме кос и серпов иногда для этой цели использовали и... обыкновенные ножницы. Этот факт, приведенный в книге А.Х. Афашагова (1998), мог бы вызвать улыбку, если бы он не относился к одной из трагических страниц истории Адыгеи и Кубани – всеобщему неурожаю и страшному голоду 1932 г.: «К лету 1932 г. деревня после полуголодной зимы вышла физически ослабленной. На еще не вызревших полях появились так называемые «парикмахеры» – отчаявшиеся при виде голодных детей женщины. Они ножницами срезали колосья на кашу. Зерно несли и с токов в карманах, за пазухой. Более 20 женщин из а.Ходзь отси-

дели различные сроки за такое «преступление». Кстати, у предков адыгов с глубокой древности известна такая пословица: «Пшеницу жнет ножницами» (*«Гуэдзыр лэныстэкIэ кьнх»*). Впрочем, к данному трагическому факту она не имела никакого отношения, – так называли людей, которые не умели или не хотели работать...

1.2.3.7. *Ионыр*: обмолот хлебов

Молотьба являлась единственным сельскохозяйственным процессом на равнине, который выполнялся наряду с крупным рогатым скотом и лошадьми.

Б.А. Калоев (1981).

Способ молотьбы различен в разных местностях (Черкесии) и отличается от нашего, но похож на описанный в Библии.

Карл Кох (1842)

Сам процесс молотьбы у адыгов называется *Ионыр* (отсюда – современное: *ИонэкIо машин* – «молотилка»), у кабардинцев *Иуэн* – молотить, обмолачивать. У адыгов был известен также термин *шхьэIуау* (букв.: «молотильщик колосьев») – погонщик волов, используемых для молотьбы, а также – *гурхчу* – ножная рушилка для обрушивания зерна; *ужьгьыкIэ* – «просорушка» (у кабардинцев – *ужьгьэ*).

КОПЫТА ЖИВОТНЫХ. Самым древним способом молотьбы, сохранившимся, кстати, практически до конца XIX в., является обмолот снопов копытами лошадей. Как отмечает Б.А. Калоев (1981), «...молотьба являлась единственным сельскохозяйственным процессом на равнине, который выполнялся наряду с крупным рогатым скотом и лошадьми». При этом участие лошади в других земледельческих работах (в пахоте, бороновании, культивации и т. д.) не допускалось почти до конца XIX в. Еще С. Броневский, описывая хозяйственную деятельность адыгов, отмечал, что молотьба ими производилась «посредством лошадей и быков». Позже, описывая процесс молотьбы у причерноморских адыгов, И.Н.Клинген (1897) отмечал: «Во время молотьбы с полдюжины лошадей скакало по настилке полным галопом по окружности тока, и в самое краткое время хлеб был обмолочен».

МОЛОТИЛЬНАЯ ДОСКА. Представляет определенный интерес сообщение С. Броневского (1823) о, так сказать, «технологии» молотьбы зерновых культур у предков адыгов: «Черкесы молотят хлеб балбами, т. е. топчут и перетирают колосья посредством лошадей или быков, припряженных к доске, на которую наваливают тяжесть, – точно так, как в Грузии и Ширване. Перетертую солому, вместе с мякиной и с частью зерен, дают в корме лошадям, а чистый хлеб прячут в ямы». Кстати, подобным же образом обмолачивали хлеб и другие народы Центрального и Восточного Кавказа, о чем свидетельствуют записи этого же автора.

Похожее описание можно встретить у И.Ф. Бларамберга (1840): «Горцы обмолачивают зерно, пуская по нему быков на гумне, которое не устилают досками, как это делают степные татары, поскольку в этом случае солома полностью перемалывается, чего хотят избежать горцы, тщательно сохраняющие ее для зимнего корма скоту. Черкесы молотят пшеницу с помощью доски с наложенным на нее грузом, при этом впрягают в эту «молотилку» быков или лошадей». При этом, как отмечали современники, адыгские орудия труда по простоте устройства, по легкости своей и в особенности по качеству производимой работы, являлись «лучшими и целесообразными орудиями, наиболее применимыми при местных условиях».

Примечательно, что молотильные доски упоминались еще в Библии: «И сказал Гедеон: «За это растерзаю тело ваше... молотильными зубчатыми досками» (Книга Судей, 8; 7).

МОЛОТИЛЬНЫЕ КАТКИ. Для обмолота хлебных культур горцы даже в конце XVIII – середине XIX вв. использовали также старинные молотильные катки. Как отмечает Б.А. Калоев (1981), «наиболее распространенными орудиями молотьбы у равнинных жителей Западного и Восточного Кавказа были круглые и граненые (6-8-гранные) деревянные и каменные катки, применявшиеся с давних времен горцами».

И далее ученый рассматривает это молотильное устройство применительно к западным адыгам. По рассказам его информаторов – Тукова Исмаила из а. Афисип (род. в 1879 г.) и других стариков, все бжедуги, как и соседние шапсуги, производили молотьбу с давних времен при помощи круглых и граненых самодельных деревянных катков, изготовлявшихся из тяжелой и прочной породы дерева. В конце XIX в. на смену деревянным каткам пришли каменные, приобретавшиеся большей частью в городах. Почти такие же сведения о катках Б.А. Калоев записал и у черноморских шапсугов. По данным, например, 80-летнего Гважева Айтега (а.Большой Кечман), жители этого аула, как и у других, молотили хлеб самодельными гранеными деревянными катками, причем информатор сам занимался изготовлением таких катков. Несколько экземпляров подобных катков имеются в Краснодарском государственном историко-краеведческом музее-заповеднике. Здесь представлены каменный (60х40 см) и дубовый (80х48 см) шестигранные катки, единые по конструкции. На концах этих катков наглухо вбиты железные болты, имеющие железные кольца.

Распространение катков среди черкесов и абазин, по утверждению Б.А. Калоева, зафиксировано в конце XIX в. По словам его информатора – 65-летнего Кагова Муссы (а.Псаучел-Дахе), указанные орудия молотьбы появились здесь тогда, когда ему было лет 12. Применялись круглые граненые каменные катки весом 80-90 кг. Этим каткам предшествовали граненые деревянные катки, изготовлявшиеся местными ма-

стерами из прочной породы дерева. По сведениям старожилов, катки, преимущественно каменные, 6-8-гранные, были знакомы и жителям кабардинских селений – Легиной, Плановское, Дейское и Заюково. По словам 120-летнего Титу Балкарова (сел. Дейское) и многих других стариков, опрошенных исследователем, катки и сенокосилки появились в селах Малой Кабарды одновременно, в первые годы советской власти. При этом молотили исключительно каменными катками. К концу XIX в. относится известие о распространении таких же катков и в ряде сел Большой Кабарды.

Есть информация, исходящая от библейских пророков, что подобные молотильные катки применялись еще в Древней Иудее: «Ибо не молотят чернухи катком зубчатым, и колес молотильных не катают по тмину...» (Книга пророка Исаи, 28; 27-28). Или: «Я сделал тебя острым молотилом, зубчатым; ты будешь молотить и растирать горы...» (Там же, 41; 15-16).

ЦЕП МОЛОТИЛЬНЫЙ. Вместе с тем, зачастую хлебные колосья обмолачивали и цепом, косвенным свидетельством чего является, в частности, старинное название цепа для молотбы – *бэцкIэрау* (адыг.) или *хьэмбаиш* (каб.).

ВИЛЫ ДЕРЕВЯННЫЕ. Одним из орудий, имеющих отношение к уборке зерновых и молотбе, в XVIII-XIX вв., как и раньше, были деревянные вилы (*лхъэ гуахъу*). Как отмечает Т.Д. Алибердов (1965), они имели различные назначения. Так, двузубые вилы (*гохъо цитIу*) состояли из одной жерди длиной более 2 м, с развилкой на конце длиной в 50-60 см. Употребляли их во время скирдования снопов. Двузубовыми вилами переворачивали на гумне снопы при молотбе. Вилы изготовлялись из дерева самых твердых пород – ореха и кизила, клали их в специально приготовленную деревянную колодку и держали 5-6 дней, до высыхания. Затем обтесывали теслом или скребли ножом, чтобы они были гладкими и не толще пальца руки. Наконечниками вил были бараньи рога, специально приготовленные для двузубых вил. Аналогичные деревянные вилы существуют и в Грузии. В свою очередь, трехзубые и четырехзубые вилы состояли из одной жерди с 3-4 развилками на конце (40-50 см). Употребляли их тогда, когда копнили сено, наполняли корзину мякиной или разгружали ее.

ВЕЯНИЕ ЗЕРНА. С глубокой древности у адыгов и других горских народов был один способ провеивания зерна – ветром. Для этого они использовали специальные деревянные лопаты (*хъаиц*) – самое распространенное орудие в хозяйстве адыгов как в далеком прошлом, так и, по-сути, в наши дни. Эта лопата состояла из лопасти в виде прямоугольной доски и деревянной ручки длиной примерно 1,5-1,7 м; изготовляли их из крепких пород деревьев. К середине XIX столетия появились, первоначально в казачьих станицах, и ручные веялки, однако в небольшом количестве, о чем, в частности, сообщает И.Рыбаков (1886), описывая хозяйственные занятия жителей сел. Солдато-Александровского Ставропольской губернии: «У немногих имеются ручные веялки, а остальные веют примитивным способом – ветром».

Лишь в конце XIX – начале XX вв. помещичьи и крестьянские хозяйства Северного Кавказа стали интенсивно насыщаться новой усовершенствованной земледельческой техникой, в том числе и механическими веялками, число которых росло с каждым годом. Так, согласно подготовленному в С.-Петербурге обзору «Сельскохозяйственные орудия и машины в Европейской и Азиатской России» (1913), в 1911 г. в Кубанской области насчитывалось 37,09 тыс. веялок, в Терской области – 2,06 тыс., в Ставропольской губернии – 5,24 тыс. При этом, в Грозненском округе было всего 25 шт., в Назрановском – 15, во Владикавказском – 183, в Веденском – ни одной веялки. Однако в «Отчете начальника Кубанской области» (1915) применительно к Кубани приводятся иные, несоизмеримо более высокие цифры: количество веялок здесь было в 1911 г. 92,04 тыс., увеличившись к 1915 г. до 103,78 тыс. шт., что составляет прирост 12,8%; резко увеличилось за этот короткий период и количество машин и приспособлений для очистки и доработки зерна: куколеотборников (в 2,1 раз), зерновых триеров (в 10,8 раз).

1.2.3.8. Сооружения для хранения зерна

Зернохранилище черкеса в районах, подверженных опустошениям войны, необычайной формы; оно хранит зерно в течение многих лет от сырости и вредителей.

Э.Спенсер (1830).

ЗЕРНОВЫЕ ЯМЫ. О том, что предки адыгов хранили хлеб в специально приспособленных для этого зерновых ямах, сообщал еще В.Бакунин (1748): «Настоящая у общего кабардинского народа пища – просо, которым и лошадей стоялых (т. е. скакунов. – Авт.) кормят, а для себя на год запасенное зарывают в ямы». Этот же факт («черкесы чистый, т. е. обрушенный, хлеб прячут в ямы») подтверждал спустя почти столетие, и С. Броневский (1823). Более детальная информация о конструкции зерновых ям и «технологии» хранения хлеба приводится в работе Э.Спенсера (1830): «Зернохранилище черкеса в районах, подверженных опустошениям войны, необычайной формы; оно хранит зерно в течение многих лет от сырости и вредителей. Для этой цели вырывается яма такого размера, какой необходим; отверстие, широкое лишь настолько, чтобы позволить человеку войти; после того, как огонь ее совсем высушит, на дно и по сторонам кладут сено, чтобы защитить зерно от сырости; верх покрывают досками, затем землей, на которой скоро вырастает трава; следовательно, невозможно для кого-либо указать место, где лежит скрытое сокровище. Поэтому враг может находиться на земле, которая содержит изобилие, и, тем не менее, голодать». О хранении зерна в земля-

«Кукурузники» – хранилища для зерна у черноморских шапсугов (по Б.А. Калоеву, 1981)

Кукурузные стебли адыги хранили под крышей дома или амбара, о чем писал П.Паллас (1793): «На перекладинах под крышей находятся заготовки из целых колосьев турецкой пшеницы, или маиса (кукурузы), которые они обжигают на золе». А початки или зерна кукурузы хранились в специальном амбаре, сведения о котором приводит Ж.-В.Э.Тэбу де Мариньи (1836): «Я зарисовал амбар для зерна, очень любопытный благодаря устройству, которым он снабжен, чтобы мешать крысам и другим грызунам проникать туда. С этой целью он поставлен на столбы высотой 3-4 фута (0,9-1,2 м), имеющие сверху широкие камни, образующие своего рода карниз, недостаточно широкий для того, чтобы кто-либо из грызунов мог перебраться со столба на этот карниз и затем в амбар».

1.2.3.9. Помол зерна

Горцы, населяющие Чиркасскую горную страну (имеется в виду Кабарда), питаются хлебом, приготовленным из ячменя, который мололи на каменных ручных мельницах.

Н. Витсен (1675).

ЖЕРНОВА. В глубокой древности предки адыгов, как и другие народы, мололи зерно с помощью жерновов, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки.

Об использовании примитивных ручных мельниц у адыгов-кабардинцев сообщает Н. Витсен (1675): «Горцы, населяющие Чиркасскую горную страну (здесь имеется в виду Кабарда. – Авт.), питаются хлебом, приготовленным из ячменя, который мололи на каменных ручных мельницах». О том, что черкесы перемалывают зерно ручными жерновами, поскольку у них, якобы, «нет водяных мельниц», сообщал в самом начале XIX в. Г.Ю. Клапрот (1808). Комментируя это высказывание, Б.А. Калоев (1981) отмечает: «Утверждение это, по-видимому, касается только жителей равнины. Адыги же, жившие в предгорьях и в горах, несомненно пользовались, подобно соседям-горцам, и водяными мельницами». И далее Г.Ю. Клапрот более подробно останавливается на «технологии» приготовления муки: «Они (черкесы) очищают просо от шелухи ручным способом при помощи деревянного чурбана, самодельно изготовленного на манер мельничного жернова. После этого семена размачивают и толкут в толкушке. Чтобы, наконец, получить муку, используют ручные мельницы с небольшими мельничными жерновами, но они имеются в немногих домах».

МЕЛЬНИЦЫ. О существовании у черкесов оригинальных мельниц, приводимых в действие конной тягой, сообщает Э.Спенсер (1830): «Их мельницы для размалывания зерна, обычно называемые мельницы с конным приводом – являются также примитивными, они расположены под землей с колесом на вершине: человек, который приносит зерно для того, чтобы его размолоть, должен привести лошадь, чтобы она поворачивала колесо; они платят владельцу за использование мельницы пшеницей. Более светлые зерна, также как просо (любимая пища черкесов) обычно размалываются женщинами дома с помощью ручной мельницы».

О наличии у черкесов водяных мельниц сообщает И.Ф. Бларамберг (1840): «Мельницы у горцев всегда расположены возле небольших речушек, в тех местах, где образуется водопад. Мельницы оснащены маленьким горизонтально расположенным колесом, лопасти которого приводятся в движение струей воды, поступающей по желобу; зубчики, расположенные в верхней части вертикальной оси колеса, приводят в движение небольшой жернов. Получается мука грубого помола, но сам процесс занимает очень мало времени. Жернова на мельницах у черкесов и осетин обычно делают из превосходного по качеству кабардинского песчаника». Все это заставляет с сомнением отнести к свидетельству автора второй половины XIX в. А.В. Верещагина (1874) о том, что «...все полевые произведения черкесы перерабатывают у себя дома: *водяных и ветряных мельниц они не знают*, а размол производят на ручных жерновах, величиной в диаметре

Пхэшхьал – адыгейская ручная мельница конца XIX в.
Обнаружена в а.Шенджий
(по Б.А. Калоеву, 1981)

до 8 вершков (35 см). Замечательно хорошо они выделяют крупу из гоми». Более поздний автор (С. Петренко, 1896) также необоснованно отмечал, что во многих адыгейских аулах, казачьих станицах и городах Кубанской области «мельниц почти вовсе не было, отчего достаточные классы пользовались мукою, привозимую из внутренних городов России; бедняки же имели каждый у себя в доме ручные мельницы».

О наличии у казаков-переселенцев ветряных мельниц и мельничных запруд в Ейском уезде сообщает К.Н.Черный (1883): «Со времени прибытия запорожцев на ныне занимаемую землю более достаточные из них избрали на речках удобные для запруд места, сделали гребли и устроили при них мукомольные мельницы, приводимые в движение водой. Таких водяных мельниц считается в уезде 28, но они уже утратили то важное значение, какое имели еще лет 30 тому назад (т. е. около 1850 г.), когда речки были многоводнее и в станицах были только приземистые ветряки с шестью маленькими крыльями, устроенные по конструкции, занесенной казаками из Малороссии. Ветряки эти, имевшие возможность перемалывать зерно, даже при хорошем ветре, по несколько мер в сутки, не могли конкурировать с водяными мельницами, работавшими круглый год, и потому эти последние ценились выше хозяевами, как удовлетворяющие потребности жителей в помоле и как приносившие более значительный доход. Упадок водяных мельниц произошел, во-первых, от обмеления речек, а во-

вторых, вследствие устройства в станицах ветряных мельниц усовершенствованной конструкции, стоимостью до 5 тыс. руб., успешно конкурирующих с водяными».

Лишь в конце XIX в. на смену примитивным ручным мельницам, ветряным, водяным и с конной тягой пришли более прогрессивные – паровые, использовавшиеся преимущественно в крупных помещичьих хозяйствах. Так, по данным авторов «Энциклопедического словаря по истории» (1997), в 80-х гг. на Кубани действовало 750 «ветряков» (ветряных) и 71 водяная мельница. Только в г. Екатеринодаре в 1883 г. работали 4 водяные, 46 ветряных и 3 паровые мельницы. О высокой экономической эффективности последних свидетельствуют следующие цифры. Если 50 непаровых мельниц произвели в том году продукции на 26 тыс. руб., то 3 паровые – на сумму 86 тыс. руб., т. е. 4% от общего числа мукомольных предприятий дали 68% суммы годового производства. А спустя 20 лет, в 1903 г. на Кубани было уже около 30 крупных паровых мельниц с годовым производством от 0,4 до 5,0 млн. пуд. Кроме них, работали 80-90 средних мельниц с годовым производством от 40 до 125 тыс. пуд. каждая, а также несколько сот мельниц, годовое производство которых было ниже 40 тыс. пуд. Если в 1903 г. паровые («товарные») мельницы перемололи до 12 млн. пуд. зерна, то в 1908 г. – уже 37,7 млн. пуд.

Лишь с установлением советской власти на Кубани помол зерна был практически полностью механизирован. Впрочем, есть интересное сообщение информатора – В.Г.Власова – о том, что во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы, когда практически все мельницы на Кубани были разрушены, в некоторых горских селениях Черноморского побережья Краснодарского края женщины-адыгейки вынуждены были молоть кукурузу на ручных мельницах.

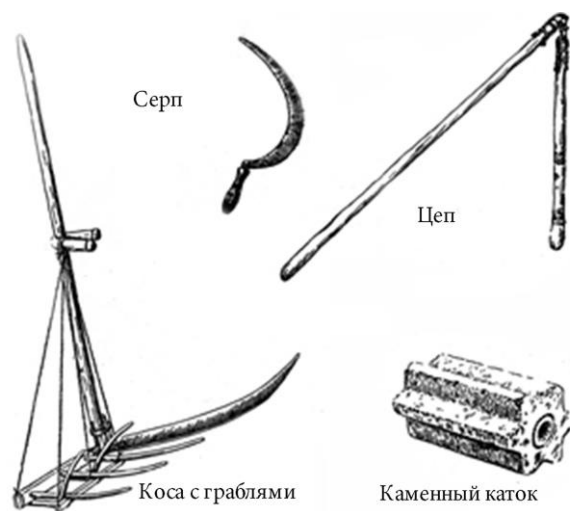
1.2.3.10. «На достаточно высоком уровне была техника хозяйствования»

Горные племена – абадзехи, шапсуги и натухайцы использовали в хозяйстве исключительно приспособленные к горным условиям орудия труда... На достаточно высоком уровне были техника хозяйствования, комплекс агрокультурных мероприятий.

А.Т. Керашев (1989).

О том, что с глубокой древности у предков адыгов техника хозяйствования была «на достаточно высоком уровне», – сообщает А.Т. Керашев (1989). Горные племена – абадзехи, шапсуги и натухайцы использовали в хозяйстве исключительно приспособленные к горным условиям орудия труда. Основным пахотным орудием выступала (вот уже сколько столетий, если не тысячелетий! – **Авт.**) – легкая соха-рало. Горцы пахали неглубоко с тем, чтобы не повредить тонкий черноземный пласт. Боронили деревянными боронами с металлическими или деревянными зубьями и волокушами. Тщательное боронование полей до посева позволяло разрыхлить землю, а заодно и извлечь из нее корни растений. Широко применялись для обработки небольших по размеру участков в горных районах мотыга и заступ. Они же применялись для уничтожения сорняков и рыхления земли после дождей.

В свою очередь, в равнинных районах адыги пахали землю тяжелыми плугами, впрягая в каждый 2-3 пары волов. Плуг был без передка и имел два отвала и прямое дышло. Похожие пахотные орудия использова-

Орудия для уборки и обмолота зерна на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: серп, коса, цеп, каток (по Б.А. Калоеву, 1981)

лись и равнинными кабардинцами. Как отмечает В.С. Бесланев, «вплоть до XIX в. основным пахотным орудием был тяжелый деревянный плуг с железным лемехом и резцом, в который впрягались 2-6 пар волов. Плуг этот, близкий по форме к украинскому или грузинскому, показывает, что кабардинцы занимались земледелием издавна и достигли относительно высокой культуры основного сельскохозяйственного орудия, которое было приспособлено к местным географическим условиям».

Сеяли черкесы прямо по вспаханному полю, и только после посева использовали волокушу «лъэшъу», которая состояла из куста терновника или хвороста, зажатого между двумя досками. Чтобы ее прижать к земле, на доски клали тяжелые доски. Эта волокуша прикреплялась к ярму, в которое впрягали быков. С конца XIX в. начали применять деревянную борону, заимствованную у русских,

а наиболее зажиточные адыги стали покупать и металлические бороны.

Убирали хлеб косами, а часто даже серпами. При молотье использовали цеп, каменный или чугунный каток и доску; нередко на открытом току бросали снопы и по ним гоняли лошадей или волов, запряженных в нагруженный чем-либо воз, до тех пор, пока зерно не обмолачивалось.

Хлеб хранился у адыгов в больших плетеных сапетах (*коны*), промазанных глиной или в специально оборудованных земляных ямах, где он сохранялся без порчи длительное время. Интересно, что еще в античные времена, судя по сообщению Плиния (23-79 гг. н. э.), подобные ямы-хранилища изготовляли и в Древнем Риме, используя опыт народов, обитающих в колониях Северного Причерноморья, а также в Испании, Каппадокии, Фракии и Африке: «Целесообразнее всего сохранять хлеб в ямах, которые зовутся «сирами», причем прежде всего следует заботиться о том, чтобы они вырывались в сухой почве, а затем выстилалась мякиной. Если воздух совсем не попадает туда, то там, несомненно, не заведется никаких вредителей. Варрон сообщает, что пшеница, ссыпанная таким образом, сохраняется 50, а просо – 100 лет (! – Авт.)».

Несколько слов об особенностях земледельческой культуры переселенцев – потомков запорожских казаков и выходцев из России. Технический уровень земледелия Черномории, если его характеризовать по орудиям труда и способам обработки почвы, был в конце XVIII – начале XIX вв. довольно низким. Переселенцы из центральных областей России и с Украины применяли те же примитивные орудия труда, которыми они пользовались у себя на родине. Так, при поднятии целинных земель использовался тяжелый сабан (плуг). Глубина вспашки была значительной, но этот плуг требовал в упряжку от 3-х до 5-6 пар быков, что было под силу лишь зажиточным хозяевам. Остальные же вынуждены были прибегать к «супряжничеству» – взаимопомощи.

В пореформенный период, в последние десятилетия XIX в., основные традиционные земледельческие орудия казаков и адыгов – плуги, сохи, косы, бороны – постепенно заменяются более совершенными привозными орудиями. Шло оснащение крестьянских хозяйств новейшими по тому времени машинами: молотилками, жатками, сенокосилками и т. д. С этой точки зрения интересна информация, помещенная в «Кавказском календаре на 1894 г.» (Тифлис, 1893): «В настоящее время в Кубанской области всех усовершенствованных орудий 135922 (одно орудие приходится на 11,9 душ населения обоого пола). Больше всего распространены усовершенствованные плуги: пукари (имеется в виду буккер-сезовапашник. – Авт.) немецкие, американские, английские, болгарские – всего их 78356. Жатвенных машин – 6200, сенокосных – 564, усовершенствованных борон – 8409, вейлок – 30762, сортировок – 750, конных сеялок – 813 и конных граблей – 8658. Кроме того, в Кубанской области 799 паровых и 1683 конных молотилок». Однако все эти новейшие по тому времени земледельческие орудия были достоянием главным образом зажиточных хозяев. Подавляющая же масса крестьян, как адыгов, так и русских, продолжала пользоваться старинными орудиями труда, о чем сообщает в конце XIX в. известный кубанский краевед Г.Н. Прозрителев: «Во всех кавказских уездах для земледелия употребляются обыкновенно малороссийские плуги, в кои для оранья новой земли впрягают 4 или 5 пар быков. Некоторые хозяева имеют и малые плуги, и для пахания новой земли впрягают две пары. Распаханные же плугами земли изредка пахут обыкновенными сохами и косулями». О скудном «ассортименте» земледельческих орудий у северокавказских народов, проживавших в конце XIX в. на территории Кубанской области и Ставропольского края, можно судить и по соответствующему перечню, приведенному в работе А. Твалчредидзе (1897):

Сел. Обильное. Почти половина населения пашет тяжелыми, неуклюжими, домашнего изготовления деревянными плугами.

Сел. Александрийское. Для вспашки применяют: одно-, двух- и трехлемешные железные плуги, букари и так называемые плужницы (разсохи).

Сел. Екатериновское. Земледельческие орудия здесь большей частью домашнего изготовления и простой, от предков унаследованной, системы. Кроме плугов для распашки употребляются еще и орала (! – Авт.).

Сел. Казинское. Пашут плугами, букарями и оралами... и т. д.

Лишь при Советской власти, как бы ее не чернили сейчас современные «демократы», на Кубани и в Адыгее была создана мощная материально-техническая база, обеспечившая крестьянские хозяйства необходимыми сельскохозяйственными орудиями. Наряду с другими факторами, это привело к тому, что Кубань по праву стала считаться хлебной житницей России.

1.2.4. Системы земледелия у адыгов: «Плодородные земли на каждом шагу возбуждали наш восторг»

Плодородные земли (между Адлером и Анапой) на каждом шагу возбуждали наш восторг и мы должны были удивляться населенности края и множеству селений.

Х. Стюарт (1836).

За 2000 лет истории адыгов народ этот имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур.

И. Клинген (1897).

С древнейших времен и до XVIII-начала XIX вв. адыги представляли собой земледельческо-скотоводческое население. На плоскости земледелие было пашенным, переложным; в горной части – подсечным. Некоторые авторы («История народов...», 1988) обращают особое внимание на тот факт, что центральную часть Северного Кавказа, где многочисленные земледельческие поселения после татаро-монгольского нашествия, по существу, прекратили свое существование, после ухода завоевателей постепенно стали заселять адыги. Это давало им широкие возможности расширить пастбищные угодья и тем самым увеличить кормовую базу животноводства. Свой богатый земледельческий опыт адыги удачно использовали в новых условиях. В первую очередь, это относится к системе обработки почвы, развитию в предгорьях террасного земледелия и т.д. «Адыги использовали искусственное террасирование при защите посевов в горных условиях, сочетание переложной и подсечно-лесной системы земледелия или, как охарактеризовал ее И.Н. Клинген, лесо-хлебной. Террасирование являлось одной из наиболее характерных черт адыгской агрокультуры. Этот метод обработки и обустройства земли требовал больших знаний о взаимодействии воды и различных грунтов, точного представления о почвенно-климатических условиях, топографических характеристиках конкретной местности» (Кудаева С.Г., 2007).

В XV-XVI вв., как свидетельствуют средневековые авторы, в равнинных районах Черкесии развивается переложная система земледелия, в речных долинах – поливное земледелие, а в предгорных и горных районах имело место подсечное земледелие; здесь же отмечено строительство террас. И позже, в XVI-XVIII вв., судя по архивным и литературным источникам, адыги продолжали заниматься преимущественно земледелием и скотоводством. Как отмечает С.М. Бойко (1999), в этот период продолжалась эволюция сельского хозяйства Черкесии. Совершенствовалась пашенная обработка почвы, все больший удельный вес занимала отвальная пахота. Путем многолетней селекции улучшались продуктивные свойства зерновых, плодовых, других культур и технологии их возделывания. Возделывался все тот же традиционный «набор» культур: просо, ячмень, пшеница, позже появились сведения о возделывании здесь кукурузы; было развито огородничество. В своем описании Черкесии и Татарии Д. Асколи (1634) сообщал о том, что больше всего черкесы возделывали просо; они варили его в котлах, резали на куски и употребляли вместо хлеба. Ногайские татары, рассказывал несколько ранее Жан де Люк, получают просо от черкесов, выменивая его на хлеб.

У кабардинских адыгов система земледелия в прошлом имела свои особенности. Как отмечает В.С. Бесланев, здесь преобладала переложно-залежная система хозяйства. Земли, находящиеся под перелогом, крестьяне использовали в качестве пастбищ и сенокосных угодий, которые, в свою очередь, время от времени распахивались под посевы зерновых культур. Переход к эксплуатации новых земельных участков не приводил к переселению; кабардинские аулы по много лет находились на одном месте.

Свои особенности имела и система горного земледелия у западных адыгов. Как отмечает А.Т. Керашев, успешному ведению земледельческого хозяйства способствовал правильный выбор и подготовка участков к эксплуатации. Наиболее благоприятными для возделывания были южные склоны гор. Поля ограждались деревьями и кустарниками. На этот аспект земледелия адыгов обратил внимание И.С.Хатисов (1867): «Высокие хребты с обеих сторон ущелья р. Шахе очень богаты хлеботородными участками и горными пастбищами. Лесов почти нет вовсе, кроме остатков некоторых древесных пород, которые тянутся длинными рядами в несколько этажей, поперек хребта в виде живой изгороди, и служат для укрепления почвы и

преградой против разрушительного действия дождевых потоков, смывающих верхний слой почвы». На особенностях земледелия у горцев Черноморского побережья Кавказа останавливается и С.М. Бойко (1999): «При расчистке лесов под пашню они оставляли одиночные группы деревьев или же специально сажали их вокруг и рядом с полями. Обработка почвы в горной и прибрежной полосе велась легким плугом и мотыгой. Среди культур до конца XVIII в. важную роль играло просо. Шапсуги использовали для посева его особый сорт, который способствовал восстановлению плодородия почвы и подавлению сорняков».

Все это дало основание И. Клингену (1897) назвать систему горного земледелия адыгов «лесо-хлебной»: «...Хлебные поля черкесов никогда не располагались большими сплошными площадями, а представляли собой небольшие прямоугольники, несколько вытянутые перпендикулярно направлению склона и обыкновенно не превышавшие 1 десятины, редко 2-3. Такие поля в лесной подгорной полосе тонули в чаще вековых деревьев и сильно ими притеснялись. Черкесы разрабатывали их из-под строевого леса подсечиванием или корчеванием. Для подсечивания они снимали кору с деревьев широкой лентой вокруг ствола на расстоянии аршина (около 70 см) от земли, а когда дерево засыхало, они корчевали его. Эксплуатацию же земли под пашню начинали через год, не дожидаясь корчевки больших деревьев... Обращают на себя внимание их защитные насаждения вдоль рек, живые изгороди, лесные опушки кругом полей, древесные группы для затенения, воздушные силосы из листьев и ветвей».

Для борьбы с разрушительными последствиями ливневых дождей вдоль участков сооружались водосточные каналы, а на слишком крутых склонах прибегали к использованию искусственных террас. И вновь слово И.Н. Клингену: «Водосточные каналы, предохранявшие верхние питательные слои почвы от смыва во время ливневых дождей, служили одновременно дренажем самой почве, весьма склонной к заболачиванию... В местах слишком покатых, но с плодородною почвою горцы прибегали к искусственной террасовке. Между реками Псеуапсе и Аше близ моря (1,5 версты) замечена правильная террасовка с укреплением откосных стенок каменными стенами, а на террасах – следы бывшего сада».

На полях широко использовались органические удобрения. Адыги имели семена всех культур местного происхождения, которые отличались скороспелостью, засухоустойчивостью и стойкостью против вредителей и болезней.

Очевидцы всегда обращали внимание на высокую культуру земледелия адыгов. Так, Э.Спенсер (1830) писал: «Я был не столько обрадован, сколько удивлен, увидев высокий уровень разведения земледельческих культур, проявляющийся в столь далекой стране – стране, населенной народом, который, как нас уверяли, еще не вышел из варварства». Об этом же писал Ф.Ф. Торнау (1835): «Поселение черкесов в тесных местах, не представляющих возможность разводить стада, и необходимость пропитания заставили их обратить внимание на хлебопашество и заняться им с тщанием. Около селений все почти пространство, удобное к вспашке, засеяно, но оно обыкновенно столь невелико, что дает жатвы едва достаточно для собственного их прокормления». Дж. Белл (1837) отмечает, что поля черкесов «...были так чисты от сорных трав и хорошо огорожены, что я мог бы подумать, что нахожусь в одном из наиболее культивированных районов Йоркшира».

Интересно и сообщение Фредерика Дюбуа де Монпере (1839): «Рядом (с домом) расположены огороженные участки, где черкесы выращивают пшеницу, рожь, овес и особенно просо. Эти участки окружены деревьями или лесами... Черкес расчищает участок вокруг своего жилища для посевов проса и пшеницы, стремясь при этом сохранить вокруг своего поля полосу (в оригинале: «гирлянду». – **Авт.**) деревьев, чтобы они охраняли его и давали прохладу, необходимую в этом климате. Даже посреди поля он оставляет несколько самых красивых отдельных деревьев». Много позже А.Н. Дьячков-Тарасов (1901) отмечал: «В долинах по скатам гор, в ущельях зеленели нивы; зеленели они и на вершинах, заставляя удивляться терпению, с каким абадзех очищал от леса несколько десятин». Горцы владели навыками севооборота. После распашки целины сеяли просо и кукурузу, имеющие длинный корень, а затем рожь и пшеницу.

Закубанские адыги широко пользовались переложной системой земледелия. Дважды засеяв один и тот же участок, они затем переходили на другой, но через определенное время вновь возвращались на прежнее место. Об этом, в частности, писал Г.Ю.Клапрот (1808): «Два-три года подряд они (черкесы) используют один и тот же земельный участок, а когда он истощится, то обрабатывают другой. Если же новый участок находится поодаль (от жилищ. – **Авт.**), то они переселяются туда вместе со своим имуществом». Дополняет эту информацию Ж.-Ш. Бесс (1830): «...Сельское хозяйство у них ограниченное и примитивное; они не обрабатывают землю под пары и ограничиваются лишь тем, что весной сжигают траву на участках, которые будут засеяны. Это единственный вид удобрений. Один и тот же участок земли обрабатывают в течение трех лет подряд».

С переселением черноморских казаков на Кубань вплотную встал вопрос об освоении необъятных степных массивов. Как отмечают авторы монографии «Очерки истории Кубани...», несмотря на наличие обширных участков плодородной земли, в целом урожаи сельскохозяйственных культур в Черномории получали невысокие. Низкая урожайность объяснялась тем, что земледелие велось без правильных севооборотов, с использованием залежной и переложной систем. Займочная форма землепользования позволяла распахивать целину и через некоторое время переходить на новые участки. Беспорядочная эксплуатация земли приводила к ее истощению и низким урожаям. Об этом сообщают и авторы монографии «Дон и степное

Предкавказье» (1977): «...На Нижнем Дону и Северном Кавказе правильного севооборота не было. Обычно в первый год поле засеивали просом или яровой пшеницей, на второй и третий годы – снова яровой пшеницей, а на четвертый год – овсом или ячменем. При этом севообороте сохранялась односторонняя культура хлебов и почва сильно истощалась». Определенный прогресс в обработке почвы наметился лишь с 50-х гг. XIX в., когда переложную систему постепенно стали заменять трехпольной, а позже – плодосменной системой. Но даже в конце XIX в. отмечалась удивительная «пестрота» систем земледелия практически во всех хозяйствах Кубанской области и Ставропольского края, о чем можно судить по данным А. Твалчрелидзе (1897):

Сел. Казинское – залежная, переделы земли через 3 года.

Сел. Крымгиреевское – залежная и плодосменная, передел земли через 5 лет.

Сел. Фролов Кут – плодосменная, «земля переделывается весьма редко».

Сел. Ногутское – двухпольная и плодосменная, передел земли через 5 лет.

Сел. Обильное – трехпольная, передел земли через 3-6 лет.

Сел. Высоцкое – четырехпольная, передел земли через 5 лет.

Сел. Новоманычское – трехпольная и плодосменная, передел земли через 20 лет.

Сел. Петровское – плодосменная. «Севооборот практикуется такой: 1-й год сеется лен, 2-й – пшеница, 3-й – яровой хлеб. Передел земли – ежегодно»... и т. д.

К этому же времени относится опубликование обзора о состоянии сельского хозяйства на Кавказе («Кавказский календарь на 1891 г.» – Тифлис, 1890), авторы которого выделяют следующие преобладающие здесь системы земледелия:

1. *Залежная система*. Кое-где сохранился также особый вид залежной системы – «лядинная», т. е. полеводство на участках, расчищенных из-под леса.

2. *Выгонная система* – часть пашни служит и выгоном, и покосом.

3. *Травяная система*. Травосеяние практикуется в небольших размерах.

4. *Зерновая* – самая распространенная система: одно-, двух-, трех- и многопольная.

О том, что даже в конце XIX в. в Кабарде преобладала переложно-залежная система, сообщал Е. Максимов (1893): «Через несколько лет пользования пахотный участок оставляется невозделанным, зарастает сначала сорными и позже степными травами, после чего поступает в пользование как выгон или сенокос. Для пахоты же отводится участок «целинной» земли или «нови». Когда же заброшенный покосный участок вновь набирается производительных сил, опять может идти под распашку...». Более того, эта система сохранилась в Кабарде вплоть до середины 20-х гг. XX столетия, о чем сообщает В.П. Пожидаев (1925): «Заброшенное поле, отдохнув лет 8 или 10, набирается сил и вновь поступает под пахоту до нового истощения. Такая система была главной лет 30 тому назад (т. е. в конце XIX столетия. – **Авт.**)».

...С установлением Советской власти на Северном Кавказе, созданием крестьянских коллективных хозяйств, укреплением материально-технической базы, подготовкой кадров квалифицированных специалистов сельского хозяйства, развитием сельскохозяйственной науки, – появилась реальная возможность разработки и широкого внедрения научно-обоснованных систем севооборотов практически для каждой из 100 сельскохозяйственных культур, возделываемых в настоящее время на Кубани и в Адыгее.

1.2.5. *Шыхъаф* – взаимопомощь при выполнении сельскохозяйственных работ

Зэдэлажъэ – лэжъыгъэ гъэбагъу – («Совместный труд – богатый урожай»).

Адыгейская пословица

Обычай взаимопомощи, зародившись в недрах родового строя и переходя из поколения в поколение, в наше время превратился в одну из лучших народных традиций.

Б.Г. Тлехас (1991).

Черкесы были объединены в независимые сельские общины «*лъэпкъ*», имевшие органы самоуправления из выходцев родовых групп. Их члены были связаны круговой порукой, пользовались общими земельными и пастбищными угодьями, правом голоса на народных собраниях. В общинах сохранялись такие обычаи, как кровная месть, гостеприимство, куначество, аманатство, левират, аталычество, *шыхъаф* (взаимопомощь при выполнении сельскохозяйственных работ) и т. д. Большая патриархальная семья, включавшая несколько поколений и насчитывавшая до 100 чел., преобладала вплоть до XVIII в. Семейные общины частично начали возрождаться в конце XIX в. Возникновение большей части современных аулов Черкесии датируется второй половиной XIX в. В XIX – начале XX вв. было основано 12 аулов, в 20-х гг. XX в. – 5. (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

В современном общественном быту адыгов существует немало традиций, сформировавшихся на основе народных обычаев и зародившихся в далеком прошлом. К таким традициям относится и упомянутый выше обычай *шыхъаф* – (*шы* – «делай» + *хъафы* – «долг»; в буквальном переводе: «делать в долг»). Взаимопомощь имела место едва ли не при всех работах сельскохозяйственного цикла: при пахоте, севе, прополке, уборке и переработке земледельческой продукции, заготовке сена и т. д.

Хорошо сказал об этом Э. Спенсер (1830), побывавший в Черкесии в начале XIX в.: «Суммируя добродетели черкесов, мы не должны забывать об их милосердии: бедный человек никогда не плачет у двери богатого напрасно, – он всегда получит помощь; сирота обеспечивается самым близким родственником, как его собственный ребенок. Если дом сгорел, соседи помогают в построении его; если он потеряет свое стадо из-за болезни или свое зерно из-за насекомых-паразитов, – каждый оказывает ему помощь, которую обязанная сторона всегда считает долгом совести вознаградить тем же, когда к ним соблаговолит судьба».

Немало примеров взаимопомощи при выполнении сельскохозяйственных работ приводится в работе Б.Г. Тлехаса. К весенней пахоте, по его словам, начинали готовиться еще с осени: заготавливали побольше корма для быков и откармливали их всю зиму. Еще до выезда в поле адыги выбирали главного распорядителя – *ЖьонэкЮпц* (*жьонакЮ* – «пахарь» + *пц* – «князь», буквально: «распорядитель пахарей»). О дне выезда в поле сообщалось через *гьоу* – глашатая. Все пахари вместе отправлялись на пахоту и вместе возвращались обратно. Приглашенные на *шыхьаф* приходили со своим инвентарем и тягловой силой. Хозяин участка на такие мероприятия приглашал 3-4 плуга. Плуг обычно обслуживали несколько человек: плугарь, два погонщика и пастух. Во время работы пахари пели, обращаясь к своим быкам, старинную песню:

Е-рей, уой, идите же!
А-ай, ваши болезни да сгинут!
Уо-уой, мерно идите,
Борозды не нарушая, плуг тяните!
Каждый шаг нашу пашню прибавляет,
В радости проводим эти дни...

Несколько соседей по расположению их участков объединялись и строили общий шалаш – *ЖьонэкЮпц*. Оставались ночевать в поле до тех пор, пока не закончат всю пахоту. Если между пахущими семьями попадались участки бедняков, у которых не было рабочего скота или инвентаря, то этот участок бедняку вспахивали и засевали. У восточных адыгов, в кабардинской сельской общине, до конца XIX в. коллективная пахота имела название *вакуа гун* – «группа или объединение пахарей». Вспахав совместно всем аулом нужное количество земли, члены этой своеобразной артели затем делили готовую пахоту на число быков, пахавших от каждой семьи. О том, насколько необходима была такая форма взаимопомощи при подготовке почвы, писал еще в 1845 г. переселившийся из Кизляра в свое имение в Малой Кабарде князь Е.К. Бекович-Черкасский: «Не более 40 семейств найдется таких, которые могут иметь верховых лошадей, а прочие все имеют вообще пару быков и, соединяясь товарищески один с другим, обрабатывают под посев хлеба землю для того, чтобы прокормить себя и семейство».

Сев обычно начинали рано утром, пока почва хранила влагу. Перед посевом глава семьи произносил благопожелание: «Аллах, дай нам изобилие!». Первым сажали ячмень, который не боится заморозков, затем пшеницу, кукурузу и другие культуры. Если хозяин не имел семян, то брал их из общественного амбара или сами участники взаимопомощи выделяли их из своих семенных фондов и засевали участок бедняку.

Если вспашка и посев были чисто мужской работой, то прополку делали в основном женщины. Сроки прополки были строго регламентированы: после того, как начинал наливать колос, производить прополку было уже поздно. По воспоминанию старожилов, до появления железных тяпок у адыгов были деревянные тяпки, сделанные из крепких пород дерева – дикой груши и боярышника. При прополке кукурузы, как отмечает Б.Г. Тлехас, участники взаимопомощи не только очищали участок от сорняков и проводили пасынкование, но и каждому стеблю «шевелили корень», т. е. окучивали.

К уборке хлеба тщательно готовились: приводили в порядок сельскохозяйственный инвентарь, договаривались о взаимопомощи, чтобы ни у одной семьи хлеб не оставался необранным, женщины заранее готовили угощение для членов *шыхьаф*, которых обычно было 10-15 чел. Жали обычно до обеда, а затем связывали сжатый хлеб в снопы и укладывали в скирды. Для столь ответственного дела зачастую приглашали специального мастера, который так мог поставить снопы в скирды, что в них не проникала вода.

Молотьбу также производили несколько человек. Волы ходили по кругу и, топча, молотили хлеб. При этом погонщик *шхьэЮуау* (буквально, «молотильщик колосев») пел: специальную «Песню погонщика вол (мулов)», облегчающую эту тяжелую работу.

Делали *шыхьаф* и при уборке и очистке кукурузы, причем последнюю операцию производили женщины, девушки и дети. К обычаю взаимопомощи прибегали и при заготовке сена. Как отмечали очевидцы, отличительной особенностью этой традиции была ее праздничность. О предстоящем *мэкьоо шыхьаф* сообщали самым знаменитым косарям, приглашали и самых красивых девушек, гармонистку. Перед началом косьбы распорядитель произносил благопожелание в адрес хозяев: «Аллах пусть размножит скот этой семьи!». Весьма ценно и поучительно замечание Б.Г. Тлехаса о том, что участники взаимопомощи не останавливались, закончив косить участок хозяина, а еще косили также близлежащие участки вдов, бедняков и больных, за что те благодарили косарей словами: «Путь сбудутся ваши добрые намерения с помощью Аллаха!».

Отрадно отметить, что хороший обычай взаимопомощи, пережив века и тысячелетия, сохранился у адыгов до наших дней. В случае какого-либо несчастья, стихийного бедствия, болезни и т. д. всегда можно рассчитывать на помощь соседей, односельчан – они обязательно помогут. Помочь ближнему – в этом, по-

жалуй, главное предназначение человека. Об этом хорошо сказано в одном из стихотворений современной адыгейской поэтессы Мерем Шеуджен, которое так и называется: «Предназначение Человека»:

Ты с огорченьем думаешь о смерти,
Не лучше ли задуматься тебе
О пользе той, которой нужно мерить
Свой каждый шаг по жизненной тропе?
Вот человек, но если закружившись,
Он для других не сделал ничего,
То умирает он уже при жизни,
Лишь по планете бродит тень его.

Завершая этот раздел, посвященный тем или иным аспектам земледельческой культуры у адыгов, хотелось бы привести эмоциональное пожелание библейских пророков своему народу: «Да будут житницы наши полны, обильные всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами («тьма» – 10 000. – Авт.) на пажитях наших. Да будут волы наши тучны; да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть» (Псалтырь, 143; 13-15). Думается, это благое пожелание более чем двухтысячелетней давности было бы не лишним и жителям многонациональной Адыгеи – земледельцам и скотоводам. Не правда ли?..

1.3. Особенности традиционной национальной кухни

Важным компонентом материальной культуры является пища. Как справедливо отмечают авторы монографии «Адыгея» (1989), разнообразие и особенности национальной пищи адыгов зависели в первую очередь от природных условий и хозяйственной деятельности. Основу питания адыгов издавна составляли мясные и молочные блюда, мучные изделия, овощи и фрукты. Следует подчеркнуть, что адыги всегда придавали большое значение кулинарии. Одним из основных достоинств женщины они считали умение вкусно готовить национальные блюда; этому ее учили с ранних лет.

О традиционной адыгской кухне рассказывает отдаленный потомок убыхов С.З. Догомук, 1950 г. рождения: «Основное блюдо адыгского стола – круто сваренная каша (*пастэ*) вместе с кислым молоком (*цхыу*), образующее базовую модель обыденной трапезы. Среди наиболее популярных блюд современных адыгских хозяек: *ципс* (соус из куриного бульона с кукурузной кашей), блюда из адыгейского сыра (жареный сыр с красным перцем; вареники с сыром, подаются с кашей и поджаркой; из выпечки – *гуубат* (в переводе: «разбитое сердце») из слоеного теста и адыгейского сыра). Мясные блюда чаще всего готовят из баранины, говядины, курятины, индюшатины. С особой тщательностью готовится *халва* (поджаренная на масле мука, сахар, на воде). Относится, по всей видимости, к ритуальным блюдам адыгской кухни. Высокими питательными качествами обладает калмыцкий чай – напиток из конского щавеля – отвар темно-коричневого цвета, в который добавляют молоко и специи (Шахназарян Н., 2008).

В летнее время года в пищу употребляются в основном молочные продукты и овощные блюда, зимой и весной преобладают мучные и мясные блюда. Наиболее популярен слоёный хлеб из пресного теста, который употребляют с калмыцким чаем. Выпекали также дрожжевой хлеб. Широко употребляются кукурузная мука и крупа. Излюбленным блюдом остаётся курица или индюшка с соусом, заправленным толчёным чесноком и красным перцем. Баранину и говядину подают к столу варёными, обычно с приправой из кислого молока с толчёным чесноком и солью. После варёного мяса подавали бульон, после жареного – кислое молоко. По праздникам делали халву, пекли пышки, пирожки и пироги (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

1.3.1. «Черкесы умеренны и скромны в пище и в употреблении напитков»

Черкесы неприхотливы во всем, не только в пище...

Дюбуа де Монпере (1839).

В своей частной жизни черкесы – неплохой народ, они гостеприимны, предупредительны, щедры, умеренны и скромны в пище и в употреблении напитков.

И.Ф. Бларамберг (1840).

Национальная кухня адыгов богата и разнообразна, о чем свидетельствовали многие авторы, посещавшие в свое время Землю адыгов. Как правило, обильную пищу на стол подавали лишь по случаю семейных праздников, религиозных торжеств и принимая гостей. С этой точки зрения несомненный интерес представляет следующий документ, датированный серединой XVI столетия. В 1553-1555 гг., черкесы принимали русского посла Андрея Щепотьева «со товарищи». Для них резали откормленных баранов и телят, приносили с охоты оленей, косуль и туров, в быстрых горных реках ловили форель. Все это жарилось, варилось и парилось там, где останавливались москвитяне. Тогда, во время торжественных встреч, русский дипломат и узнал старинный застольный горский обычай. Как самому уважаемому гостю, хозяин пира – тамада подносил ему на золоченом блюде голову благородного оленя и подавал рог, наполненный искрящимся сано... (Опрышко О.Л., 2007).

Несомненный интерес имеет относящееся к рассматриваемому вопросу описание «чрезмерного по количеству блюд» обеда, которое оставил Дж. Белл (1837): «Я опишу этот завтрак подробно, как пример изобилия, которое наблюдается здесь, (в Черкесии), тем более что я нахожусь в семье, по мнению других только средней зажиточности. Прежде всего была подана сладкая лепешка с молоком, затем на чистом деревянном подносе обильная порция густой «пасты»; в середину этого блюда была вставлена деревянная чашка, наполненная соусом, приготовленным из молока, орехового масла и стручкового перца; между тем вокруг «пасты» были разложены куски вареной молодой козлятины. Потом появился большой кувшин с виноградным соком, как незаменимое средство пищеварения после употребления жирного мяса. Затем последовала чашка молока, с примешанной к молоку пастой, большая миска прекрасного, приправленного бобами и пр. бульона из козлятины... Наш сегоднешний обед совершенно затмил наш вчерашний ужин. Я пытался в течение некоторого времени вести счет; слуга мой утверждает, что один обед состоит из сорока двух, а другой из сорока пяти блюд».

В праздничные дни, а также, встречая гостей, как отмечал И.Ф. Бларамберг (1840), черкесы убивали быка, сервировали на стол зажаренных целиком баранов, добавляя к этому дичь или домашнюю пищу. По словам Хан-Гирея, например, на подобное пиршество подавали к столу до 100 блюд. В этом отношении представляет интерес сообщение Н. Дубровина, отмечавшего, что если в «обычные» дни черкесы были весьма скромны в пище и употреблении крепких напитков, то «...зато на званых обедах, праздниках и угощениях они впадали в другую крайность: ели, пили настолько много, что надо было удивляться вместимости их желудков». При этом, – пишет Н. Дубровин, «...число блюд, смотря по значению гостя и состоянию хозяина, бывало иногда весьма значительно. Так, в 1827 г. натухайский старшина Дешеноко Темирок, угощая посетившего его турецкого сераскира Гасан-пашу, подал ему за обедом 120 блюд».

Разумеется, подобные праздничные «излишества» были редким исключением. В остальные же дни адыги были достаточно умеренны в еде, зачастую ограничивая себя в пище до аскетизма (особенно, во время долгих походов). Об этом, в частности, свидетельствует Тэбу де Мариньи (1836): «Они (черкесы) едят, когда почувствуют голод, но только кусок хлеба или просяной лепешки. Во время своих путешествий или набегов им на целый день хватает небольшого количества кислого теста. Эту пищу, которую называют «*комил*», они держат в кожаном мешочке, притороченном к седлу».

Эту информацию дополняет И.Ф. Бларамберг (1840): «Пища у черкесов состоит главным образом из проса, молока, сыра и баранины. Просо они едят в виде каш на воде. Они делают мучные лепешки из пшеничной муки или проса, называемые чурек. Когда черкес отправляется в набег, он берет с собой в кожаном мешочке провизию, которая состоит из просяной муки и нескольких кусков копченой козлятины или баранины. Небольшое количество этой муки он смешивает с водой, лепит лепешку и жарит ее у огня, а потом поедает с небольшим количеством копченой козлятины или баранины; провизии этой хватит черкесу на 2-3 недели; для сравнения скажем, что такого количества провизии русскому солдату едва ли хватило на пару-тройку дней».

Подробное описание традиционной пищи адыгов и самой процедуры «вкушения» национальных блюд приводится у Н.Ф. Дубровина (1871): «Вслед за умыванием вносились в кунакскую небольшие кругленькие столики о трех ножках. Столики эти известны у черкесов под именем *анэ* – слово составное: *а* – значит рука, *нэ* – глаза, т. е. на них обращаются глаза и руки всех кушающих. Черкесы были всегда чрезвычайно умеренны в пище: ели мало и редко, особенно во время походов и передвижений. «Печали желудка, – говорит народная пословица, – легко забываются, а не скоро лишь муки сердечные».

Пища черкесов, – продолжает Н.Ф. Дубровин, – довольно разнообразна. Вместо хлеба употребляли *пасту* – густо сваренную просяную кашу, которую окружают кушанья; круто сваренная, она режется ломтями. Хлеб если и употреблялся в пищу, то большей частью просяной. Просо составляло исключительную принадлежность черкесского стола: из проса готовили *хантхунс* – суп или похлебку с бараниной.

Пища абадзехов состояла летом из проса и молока, а зимою ели просо, сыр и солёную баранину; за недостатком проса, абадзехи часто питались тыквою. Вообще пища черкесов состояла из говядины, баранины и конины (преимущественно молодых жеребят), которые солились и сушились с осени и были запасаемы до мая месяца. С мая же до октября употребляли в пищу кислое молоко, сыр и растительные продукты. Кушанье подавалось чисто и опрятно; молоко черкесы ели деревянными ложками; говяжий отвар или бульон пили из деревянных чашек, а все остальное ели руками, употребляя пальцы вместо вилок и ложек. Каждое блюдо подавалось на особом столике, без тарелок, которые, как мы видели, употреблялись только для украшения комнат, и расставлялись по стенам» (Дубровин Н.Ф., 1871).

К наиболее популярным и излюбленным блюдам относились *четлыбжъ* – жареная курица, *четцынс* – курица с подливкой, *тхъачэт цынс* – индейка с подливкой. Эти блюда отличались высокими вкусовыми качествами. Наряду с ними, из мясных блюд употребляли в пищу баранину и говядину, а в далеком прошлом, в эпоху насаждения христианства на Земле адыгов – и свинину. Причем, есть информация, что еще в 30-х гг. XIX столетия свинину употребляли в пищу некоторые абадзехи, но уже к середине века, с распространением ислама, они прекратили ее есть.

Из других блюд адыги предпочитали готовить лепешки из ячменя и проса, пирожки с творогом, просяной или ячменный суп. Хлеба как такового у адыгов не было. О заменителе хлеба у них сообщал, в част-

ности, д'Асколи (1634): «В Черкесии зерновой хлеб не употребляется, но вместо него едят густо сваренное в котле просо, без соли, и называют его «паста». Она делится на куски, которые подаются к трапезе».

Многие авторы сообщали, что овощи: чеснок, лук, морковь и бахчевые культуры занимали большое место в традиционной кухне адыгов. С этой точки зрения ценно свидетельство Хан-Гирея (1836), как нельзя лучше знавшего вкусы и обычаи своих соплеменников: «Капуста и бураки, квашенные с перцем, тыквы, арбузы и дыни, также квашенные с перцем и горчицей, составляют любимую пищу низовых черкес в зимнее время, равно как бобы и прочие огородные растения, на зиму впрок заготавливаемые». О популярности у адыгов тыквы и диких огурцов пишет Спенсер: «Количество диких огурцов, потребляемое всем населением, изумляет: их можно увидеть едящими в течение всего дня». Вместе с тем, есть и свидетельство Д. Лонгворта (1839), в какой-то степени опровергающее эти данные. Описывая обед у знатного черкеса, он с недоумением отмечал: «Вначале я удивился, не видя на столе овощей, но впоследствии узнал, что хотя в этих краях их существует множество видов, черкесы редко, если вообще когда-либо, едят их». И далее Лонгворт приводит любопытный факт, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу: «Однажды черкес, обедая у Скодра-Паши в Албании, отказался есть овощи, которые турки, кстати сказать, обожают в той же мере, в какой черкесы не могут их переносить, а потому делают овощи «гвоздем» обеда; его настойчиво уговаривали отведать овощей. Черкес в конце концов сказал Паше с большой наивностью, что в Черкесии никто, кроме скотины, не ест зелени».

1.3.2. «Здесь большинство довольствуются растительной диетой и молоком»: пища черкесов в свидетельствах современников

Просо, молоко, сыр и мясо овец считаются их (черкесов) самыми лучшими продуктами питания, а вода и брага их напитками. В качестве пряностей и приправ им служит турецкий перец, лук и чеснок.

Г.Ю. Клапрот (1808).

Черкесы очень сдержанны; они умеренны в пище и ...обычно питаются вареным и подсоленным просом. Благодаря своей умеренности черкесы не знают многих болезней и доживают до глубокой старости...

Ж.-Ш. Бесс (1830).

О том, чем же питались предки адыгов, сохранилось немало свидетельств современников, в том числе древнегреческих и римских авторов:

Геродот (485-425 гг. до н. э.): «Вплоть до области скифов вся страна представляет равнину... После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножия гор обитают люди. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, – «понттик» [По мнению комментаторов, дикая вишня или черемуха]. Величиной это дерево почти со смоковницу (т. е. инжир), плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием «асхи». Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхи они готовят в пищу лепешки».

Ксенофонт (445-355 гг. до н. э.): «Страна моссиноиков (восточное побережье Черного моря). Эллыны при грабеже укрепленных мест нашли в домах запасы хлеба, по словам моссиноиков, заготовленные с прошлого года, а новый хлеб – по большей части полба – лежал у них в стебле. На крышах лежало много плоских каштанов без поперечных стенок. Моссиноики употребляли их в большом количестве в пищу, отваривая и выпекая из них хлеба».

Клавдий Элиан (начало III – конец II вв. до н. э.): «Аркадяне употребляли в пищу желуди, аргивяне – груши, афиняне – смоквы, жители Индии – тростник, карманы – финики; просо ели меоты и савроматы; те-ребинт и кресс – персы».

Плиний Старший (23-79 гг. н. э.): «В Кампании (область в Италии) особенно любят просо и готовят из него белую кашу. Из него же получается и очень вкусный хлеб. Сарматские племена также питаются по большей части этой кашей и не сваренной даже мукой. Понтийские племена хлебную пищу предпочитают любой другой. [Р.Ж. Бетров (1991) предполагает, что существует несомненная преемственность названий тех или иных адыгских блюд от древнегреческих корней. Например, адыгск. *пIастэ* (крутая каша из кукурузной муки или пшена) – скорее всего, из др.-греч. *паста* – «ячменная каша с сыром», абаз. *матва* – «тесто», адыг. *мэджэ*, каб. *мэжаджэ* (чурек, хлеб из кукурузной муки), можно сравнить с греческим *маза* – «тесто, лепешка, ячменный хлеб»].

Иосафат Барбаро (1452): «Черкесы совсем не сеют пшеницу, но зато много проса и других водянистых семян (может быть, рис? – **Авт.**), из которых делают хлеб, разные кушанья...».

Дж. Интериано (1551): «Пища их (черкесов) состоит главным образом из той рыбы..., в действительности же это осетры больших и меньших размеров. Употребляют в пищу еще и мясо животных; кукурузы и виноградного вина у них нет; много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и различные кушанья».

Джовани Лукка (1629): «Вместо пшеницы они используют просо, похожее на жесткий рис, из которого они, помимо прочего, делают свой хлеб. Ногайцы обычно приобретают просо у черкесов, в обмен на скот».

Э.Д. д'Асколи (1634): «В Черкесии зерновой хлеб не употребляется, хотя зерно и сеется; но взамен хлеба едят густо сваренное в котле просо, без соли, и называют его «*паста*». Оно делится на куски, которые подаются к трапезе».

Ж.Б. Тавернье (1605-1689): «Этот народ (черкесы) не сеет ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для выпечки хлеба... Они не сеют рожь не потому, что почва недостаточно хороша для ее произрастания, а потому, что они не интересуются ею, предпочитая хлеб из проса».

Ж. Шарден (1672): «...Пшеница у них (черкесов) не произрастает. Черкесы и их соседи питаются тестом, сделанным из мелкого зерна, похожего на просо. Зерно очищают только по мере того, как его употребляют в пищу и варят непосредственно в часы еды. Варится оно очень быстро, менее чем в полчаса. Как только вода, в которую его бросили, начинает закипать, его начинают медленно перемешивать маленькой деревянной лопаткой, и оно постепенно, без особых усилий, превращается в тесто. Когда все зерна разварились и тесто хорошо перемешано, уменьшают огонь, выпаривают воду и сушат тесто в том котле, в котором варилося зерно. Это тесто очень белое, как снег, но безвкусное и тяжелое. Его подают маленькими лопаточками из дерева, которые специально изготавливаются для этого. Турки называют этот хлеб «*паста*», мингрелы – «*гом*». Он крошится пальцами без труда. Это их хлеб, и они не имеют другого. Они так сильно привыкли к нему, что предпочитают его пшеничному хлебу. Я это заметил в большей части страны».

Н. Витсен (1675): «Горцы, населяющие Чиркасскую горную страну (здесь – Осетию и Кабарду. – **Авт.**), питаются хлебом, приготовленным из ячменя, который мололи на каменных ручных мельницах. Черкесы расплачиваются за жену с ее родителями скотом и мукой».

Э. Кемпфер (1651-1716): «Они не сеют ни ржи, ни овса, но только гречиху для своих лошадей и некоторый вид зернового хлеба, вроде проса, из которого они готовят тесто вместо хлеба; они его месят и пекут, и он так же сладок, как медовая лепешка».

Ферран (1709): «У черкесов пища гораздо лучше, нежели у ногайцев. Они всегда едят говядину, баранину, птицу и почти никогда не употребляют конины. Впрочем, хлеб у них ничем не лучше ногайского. Он состоит из лепешек из просяной муки, замешанной на воде, и полуспеченных в золе, которые они едят почти горячими» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 76).

А-де ла Мотрэ (1711): «Пищей, чаще всего употребляемой черкесами, является баранина, говядина, птица. Их хлеб, как и в Хеллипсе, представляет из себя тминную лепешку, поджаренную на углях...».

К. Главани (1724): «Они (черкесы) употребляют в пищу много мяса и мало хлеба, который приготовляется из просяной муки...».

В. Бакунин (1748): «Настоящая у общего их народа (кабардинцев) пища – просо, которым и лошадей стоялых (т. е. скакунов. – **Авт.**) кормят, а для себя на год запасенное зарывают в ямы. А пшеницы и ячменя мало употребляют и за тем и сеют немного. Владельцы и их знатные уздени едят с просом летом баранину свежую и оленину стреляную, а зимою баранину же копченую».

Я. Потоцкий (1761-1815): «Они (черкесы) сеют обычно просо, из которого варят кашу, пекут блины и всякое печенье; они также готовят особые напитки, называемые ими «пшеничный суп». Реже сеют маис (кукурузу), который служит им продовольствием. Они возделывают огородные растения, вроде моркови, репы, брюквы, лука, тыквы, арбузов и т. д.».

Г.Ю. Клапрот (1808): «Черкесы возделывают просо и немного полбу. Полбой они кормят своих лошадей, а в случае голода она служит им самим вместо хлеба. Квашеное тесто они не знают, а вместо него едят просо, сваренное в воде вместе с шелухой и нарезанное затем на толстые куски. Это они называют «*паста*». «*Хатлама*» отличается тем, что для ее приготовления берется очищенное просо. В очень редких случаях просо перемалывают, делают из него пресное тесто и пекут лепешки – «*метшага*», толщиной в палец. Это – три способа приготовления еды из проса, причем первый из них является самым распространенным, так как у черкесов нет водяных мельниц. Они (черкесы) очищают просо от шелухи ручным способом при помощи деревянного чурбана, самодельно изготовленного на манер мельничного жернова. После этого семена размачивают и толкут в толкушке. Чтобы, наконец, получить муку, используются ручные мельницы с небольшими мельничными жерновами, но они имеются в немногих домах».

Черкесы засевают только необходимое в хозяйстве количество проса, а также обменивают на соль у русских и грузин, – простые люди ее почти не употребляют. Вместо соли они употребляют кислое молоко, в которое во время еды обмакивают мясо. Просо, молоко, сыр и мясо овец считаются их самыми лучшими продуктами питания, а вода и брага их напитками. В качестве пряностей и приправ им служит турецкий перец, лук и чеснок. Они любят крутые яйца, преимущественно в блюде «*шинкал*». Его готовят из кислого молока с небольшим количеством масла, свежего сыра, кусок сваренного на воде особого теста, напоминающего нашу вермишель; затем крутых яиц, разрезанных на четыре части, лука и чеснока. Это блюдо подается на больших пирах и является излюбленным. «*Ширалдама*» – плоские обжаренные в масле лепешки из белой муки, замешанной с яйцами и молоком. «*Халива*» – небольшие пироги из того же теста, начиненные

сыром и луком. Эти кушанья довольно вкусны, и вместо сахара намазываются медом. Мед используется в разных видах. Мед, смешанный с маслом, называется «*фай-тго*», и туда окунается мясо» (Клапрот Г.Ю., 1808).

И.А. Гюльденштедт (1809): «Хлебопашество у черкесов (здесь имеются в виду кабардинцы. – Авт.) ограничивается почти одним токмо просом, оное заменяет им хлеб».

Ж.-Ш. Бесс (1830): «Черкесы очень сдержанны; они умеренны в пище и, за исключением торжественных случаев, обычно питаются вареным и подсоленным просом. Благодаря своей умеренности черкесы не знают многих болезней и доживают до глубокой старости, не зная тягот почтенного возраста, что не редкость у других народов».

Э. Спенсер (1830): «Черкесы имеют привычку приправлять мясо слишком обильно горьким перцем. Количество диких огурцов, потребляемое всем населением, изумляет: их можно увидеть едящими в течение всего дня. В отличие от наших, кожа является совершенно белой; и хотя они достигают огромного размера и длины, тем не менее, они сохраняют всю свежесть и аромат, характерный для молодого огурца. Во время лета заготавливается большое количество и сохраняется в соли для зимы; так германцы делают квашеную капусту.

Усики и молодые плоды тыквы также имеют большой спрос. Они варятся и употребляются вместе с маслом, солью и стручковым перцем. Я часто ел этот овощ, и я нахожу его ни в коем случае не презренным. Дикий аспарагус, морковь и листья одуванчика пользуются большим спросом. Мед обязан своему высшему качеству и аромату дикому тимьяну и другим ароматическим цветам гор; он образует самый важный компонент в земледелии и на столе черкеса... *Скху* (*цхыу*, кислое молоко) составляет принципиальную вещь в пище черкеса: сваренное с просом или кукурузой; оно составляет его завтрак; также и обеденный плов и вечерняя еда смешиваются с ним».

И далее Э. Спенсер приводит описание праздника первого сбора урожая: «Этот праздник является одним из самых важных и продолжается несколько дней, во время которых соплеменники ходят друг к другу в гости, каждая семья устраивает отдельное угощение. Любимым блюдом является пшеница, срезанная до того, как она стала совершенно спелой, пожаренная и употребляемая со *скху*; затем последовали другие виды зерна, фруктов и т. д.».

Хан-Гирей (1837): «Повседневная пища черкесов так же проста, как и жилища их, но в праздничные дни, а равно и во время приема гостей приготовляемые ими кушанья многообразны. Просяная или пшеничная крутая каша заменяет у черкес употребление печеного хлеба. Такая каша обыкновенно варится на воде, и когда зерна пшена разварятся надлежащим образом, то опускают в особливую посуду всю жидкость из котла, в котором готовят молоко кислое или пресное и сыр, искрошенный в мелкие куски; таким образом употребляется как калмыцкий кирпичный чай, особенно в поле. Мясо, различным образом приготовляемое, составляет главнейшую пищу черкес. Капуста и бураки, квашенные с перцем, тыквы, арбузы и дыни, также квашенные с перцем и горчицей, составляют любимую пищу низовых черкес в зимнее время, равно как бобы и прочие огородные растения, на зиму впрок заготавливаемые, которые это время года бывают очень полезны, будучи приготовляемы в виде похлебки. Из пшеничной муки пекут хлебы и пироги с курицей и различные пирожки с мясом и сыром. Из муки же готовят пирожки с медом, но без привычки они кажутся невкусными, кроме лишь некоторых. *Хголиль* – пища, приготовляемая из просяной муки с медом и сохраняемая весьма долгое время, лет по 10-20 и более (!); этого рода кушанье исключительно служит походною или, лучше сказать, наезднической пищею. Князья и уздени гордятся тем, что имеют такие старые *хголили*, которые едят, запивая водою, и, находясь в наездах, употребляют весьма умеренно. Обыкновенно черкесы едят в день три раза» (Хан-Гирей, 1837).

Дж. Белл (1837, 1839): «Когда я заметил князю, что никогда не видел в этой стране картофеля, он стал уверять меня, что картофель здесь есть и его очень много. На следующий день он принес нам образцы своего «картофеля», который оказался ничем иным как прекрасными ересалимскими (иерусалимскими? – Авт.) артишоками; по-видимому, этот засушенный продукт питания здесь неизвестен, как и морковь, репа и многие другие ценные овощи. По существу, здесь разводят (из огородных) только фасоль, лук, свеклу и капусту; последние два вида овощей солят и едят с медом! Я полагаю, что люди здесь (в Черкесии) изумляются, с каким безрассудством мы употребляем ежедневно мясную пищу, – здесь большинство как богатых, так и бедных довольствуются растительной диетой и молоком. В первый раз я ел здесь вареную тыкву и нашел, что это очень вкусно с молоком и напоминает бататы. Местная тыква должна быть очень питательна, судя по ее сладости и мучнистым свойствам. Один армянин принес нам довольно издалека и, как он говорит, по распоряжению одного из наших слуг, пшеничной муки, проса, бугу (крупа, которую употребляют для приготовления пиллава) и фасоли».

Фредерик Дюбуа де Монпере (1839): «Черкесы неприхотливы во всем, не только в пище. Обычная пища у черкесов – густая просяная каша, сходная с полентой или кашей, употребляемой в пищу у поляков и вообще у славян, которую добавляет жареная лепешка из пресного теста, как в Грузии. У князей вкусы более утонченные; они едят плов, различного рода рагу, блюда из меда и масла и т. д. Следует сказать, что черкесы блестяще принимают гостей, считают постыдным и невежливым приступать к еде раньше гостя. Во время путешествий черкесы необычайно воздержанны в пище: немного кислого просяного теста, замешанного на меде, в кошеле, притороченном к седлу, служит им для пропитания на несколько дней».

Дж.А. Лонгворт (1839): «Обед, или говоря точнее, ужин состоит из нескольких блюд. Баранину нам подавали на тонкой просяной лепешке вместо тарелки. Эта лепешка влажная, легко принимает требуемую

форму, т. е. в центре делается углубление для соуса, ограниченное валиком, а по краям кладутся куски баранины или говядины.

А.П. Пулло (1839): «Повседневная пища черкесов так же проста; просяная или пшеничная крутая каша заменяет у черкес употребление печеного хлеба».

И.Ф. Бларамберг (1840) отмечал: «В своей частной жизни черкесы – неплохой народ, не лишенный здравого смысла; они гостеприимны, предупредительны, щедры, умеренны и скромны в пище и в употреблении напитков, постоянны в дружбе, храбры и предприимчивы на войне» (Цит. по: Бетрозов Р.Ж., 1991).

Карл Кох (1842): «Вообще черкесы ...удовлетворяются в своей семье малым; едят только тогда, когда они голодны, и, как правило, два раза в день. Черкесы любят молоко, особенно кислое, кроме того, женщины приготавливают всевозможные молочные кушанья, сладости и печенье. Особенно вкусным я находил пирожки размером с хлебец, начиненные яйцами, луком и сыром, может быть и потому, что они были похожи на излюбленные в Тюрингии пирожки с луком и салом. Клапрот называет их «халива». Хозяйка дома и старшие дочери пекут хлеб в золе или готовят «гоми». Жаркое на вертеле известно всему Кавказу под названием «шишлик» (шашлык). В то время, как котле кипит вода, и так как черкесы любят пикантные кушанья, то там варятся различные травы, плоды и пряности, в особенности испанский и кавказский перец, лук, чеснок, тмин, майоран и др. Они умеют готовить особый соус с перцем и луком. Мясные блюда являются любимой пищей черкесов. Деликатесными блюдами являются «хинкаль» и «ширалдама». Мед они используют для соуса и называют его «фаутго».

Ш. Ногмов (1861): «Сильнейший и богатейший владелец живет в такой же хижине, как и последний уорк; пища состоит из вареного пшена и куска баранины».

П.П. Короленко (1908): «Кушанья (черкесов) состоят обыкновенно из густой просяной каши и неквашеного теста, испеченного в виде пирога...».

1.3.3. Напитки алкогольные и безалкогольные: «Черкесы пить не любят; обычный их напиток – вода с медом»

Самый обыкновенный напиток у этого народа составляет вода, вскипяченная с медом и небольшим количеством проса... Этот напиток охмеляет так же, как и вино. Впрочем, черкесы не сильно предаются пьянству.

«Кавказ...» (Вып. III. 2010. С. 39).

Из просяной и кукурузной муки с мёдом к свадьбе и по большим праздникам черкесы готовили махсыма – национальный слабоалкогольный напиток.

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Начиная с глубокой древности, в письменных источниках появляется информация о том, какие напитки предпочитали употреблять меоты-зихи-черкесы (впрочем, как правило, очевидцы подчеркивали: «черкесы вообще-то трезвенники...»):

Ксенофонт (445-355 гг. до н. э.): «Страна моссинойков (восточное побережье Черного моря). ...Встретилось и вино, которое в несмешанном виде показалось кислым и горьким, но разбавленное водой имело приятный запах и вкус».

Иосафат Барбаро (1452): «Черкесы совсем не сеют пшеницу, но зато много проса и других водянистых семян, из которых делают... напитки и зовут его «боза»; употребляют также вино из яблок (сидр)».

Джорджо Интериано (1501). В записках итальянского путешественника, побывавшего в конце XV – начале XVI в. у черкесов, мы читаем: «Виноградного вина у них нет; много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и различные кушанья, а также напитки, называемые «буза». Они употребляют также вино из меда пчел». И далее автор дополняет приведенную выше информацию: «Знать и зажиточные черкесы имеют чаши из серебра и золота, каждая из которых весит 300-500 дукатов. Они пьют из них по многим поводам с особым ритуалом – в честь Бога, святых, любимых друзей, в честь памяти мертвых. Прежде чем выпить, они выполняют ряд обрядов, согласно своим обычаям, вспоминают своих героев и прославляют их подвиги, затем пьют с обнаженными головами в знак уважения к ним» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С.29).

А. Щепотьев (1555): «В 1553-1555 гг., черкесы принимали русского посла Андрея Щепотьева «со товарищи». ...В огромных глиняных кувшинах бродила буза из пшена с медом и ячменное пиво. Как самому уважаемому гостю, хозяин пира – тамада ...подавал рог, наполненный искрящимся сано, любимым напитком легендарных нартских богатырей. Секрет его приготовления в то время еще знали некоторые старики» (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007).

Дж.Интериано (1551): «Виноградного вина у них нет; много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и различные кушанья, а также напитки, называемые «буза». Они употребляют также вино из меда пчел».

Джовани Лукка (1629): «В стране Болетте-кой (т. е. у темиргойцев) мне принесли кубок с неким напитком, приготовленным из проса и меда, который не безвкусен во рту; этот напиток пьют в один прием, не становясь на колени... Впрочем, черкесы не сильно предаются пьянству».

Ж.Б. Тавернье (1605-1689): «В этой стране (Черкесии) совсем не пьют вина и не употребляют ни табака, ни кофе».

Николас Витсен (1641-1717): «Для питья они (черкесы) употребляют вместо стаканов коровьи рога. Пить не любят; обычный их напиток – вода с медом... Из ячменя они делают крепкий, как вино, напиток» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

А.-де ла Мотрэ (1711): «Хозяйка и ее дочери подали нам... бузу и кисловатое молоко».

К. Главани (1724): «Черкесы вина не имеют, но гонят много водки из зерновых хлебов, яблок, груш, слив и других плодов».

В.Бакунин (1748): «Обыкновенное у всех у них питье: молоко, просяная брага и ставленные меда...».

Я.Потоцкий (1761-1815): «Они (черкесы) сеют обычно просо, из которого варят кашу, пекут блины и всякое печенье; они также готовят особые напитки, называемые ими «*тиенный суп*».

П.С.Паллас (1793): «Они также занимаются пчеловодством, которое им особенно ценно, ради их любимого опьяняющего напитка из меда».

Г.Ю.Клапрот (1808): «Просо, молоко, сыр и мясо овец считаются их самыми лучшими продуктами питания, а вода и брага их напитками. Мед используется в разных видах. Мед, смешанный с маслом, называется «*фау-тго*», и туда окунается мясо... Черкесы приготавливают из полбы полуперебродивший напиток «*фада*»... «*Фау-ус*» – это вода, подслащенная медом, которая служит напитком...».

Ж.-Ш. Бесс (1830): «Других напитков, кроме бузы и пива, они не употребляют».

Э.Спенсер (1830): «Отмечу, что *схху* (*ицхху*, кислое молоко) составляет принципиальную вещь в пище черкеса: сваренное с просом или кукурузой; оно составляет его завтрак; также и обеденный плов и вечерняя еда смешиваются с ним».

Хан-Гирей (1837) в своих «Записках о Черкесии» приводит информацию об «обыкновенных» и «пьяных» напитках у адыгов, относящуюся к началу XIX столетия: «Вообще обыкновенные напитки черкес состоят в квасе из различных фруктов, как то: из кислиц, груш, слив, терна, дикого винограда и пр., в особенности же крепкие напитки, из последних двух приготавливаемые. В горах изредка варят пиво; вина же делают много, в особенности соседи абхазцев, которые много этого напитка имеют и много пьют. Также гонят хлебную водку в малом количестве армяне, живущие между черкесами, а от них и другие этому научаются. Единственный бражный напиток собственно черкесский есть *баххсима* – род бражки, приготавливаемый ими из проса различным образом. Лучшего сорта этого рода напиток называется *мармезий*, приготовленный на меду, вкусом сладкий, но чрезвычайно крепкий и нечувствительным образом производящий сильные опьянения».

Относительно употребления пьяных напитков черкесов должно разделить на две части, а именно: на верхних, как-то: кабардинцев, бесленейцев и махашевцев, некоторым образом к ним принадлежащих; и низовых черкес, т. е. всех остальных племен. Первые, можно сказать, всю зиму проводят в пьянстве: зажиточные хозяева наперерыв зовут к себе князей и старшин пить и веселиться, или к ним привозят крепкую *мармезию*. И тут по целым ночам пьют и забавляются: стрельба вторит исступленным их крикам. Так жили кабардинцы, когда были в совокупности, и другие им подражали. Напротив того, низовые черкесы никаких напитков до неумеренности не употребляют, да и самые напитки, у них приготавливаемые, не так бражны. Между прочим, заметим, что в беседе подающий наполненную чашу говорит: «Бог дарует вам». Принимающий предлагает ему, чтобы он отведал, и этот, исполняя желание его, произносит благодарственные или молебственные слова» (Хан-Гирей, 1837).

Дж. Белл (1837, 1839): «Многие из них (черкесов) вместе с другими стаканами пьют напиток из меда и виноградного сиропа; этот напиток я неоднократно видел горящим подобно крепчайшему вину. Абазинцы и убыхи приготавливают вино, которое по вкусу походит на кипрское и другие греческие вина... Вчера я присутствовал на богослужении в дубовом лесу в Пшадской долине. Мне принесли два больших простых хлеба и бокал, полный «*иуат*» (напиток, состоящий из перебродившего меда и просяной муки). «*Шуат*» – национальный напиток черкесов, подается обыкновенно в огромных деревянных чашах, вырезанных из одного целого куска дерева».

Фредерик Дюбуа де Монпере (1839): «В качестве напитков используются буза, мед и кислое молоко».

Дж. А. Лонгворт (1839): «Последовавшие затем блюда состояли главным образом из лепешек, «*каймака*», или крема, большой чашки «*йогхорта*» (йогурт?), или свернувшегося молока». В его записках также упоминается «*иуат*» (судя по всему, разновидность бузы. – Авт.) – «национальный напиток черкесов, состоящий из перебродившего меда и просяной муки».

Карл Кох (1842): «Убыхи с давних пор приготавливают прекрасное вино, которое известно по всему Западнему Кавказу под именем «*зана*». Еще более важны эти ягоды для приготовления «*тушага*» или густого виноградного сока... Вообще черкесы – трезвенники и удовлетворяются в своей семье малым... Напитки для гостей не просты. Мед они используют для соуса и называют его «*фаутго*». Мед, разведенный водой,

называется «*фауус*». Смешанный с просяной мукой и в перебродившем виде он называется у черкесов «*су-ат*»... Черкесы любят молоко, особенно кислое... Так как большинство черкесов исповедуют магометанскую религию, то вина они не пьют, но готовят зато очень вкусный напиток из виноградного сока».

Ш. Ногмов (1861): «Для питья употребляют бузу, которая у богатых подслащивается медом».

Н.Ф. Дубровин (1871): «Просо составляло исключительную принадлежность черкесского стола: из проса готовили *махсиму* – бузу или брагу, которую пили вместо вина, запрещенного магометанским законом»

И.Н. Клингген (1897): «Горцы прекрасно умели возделывать зерновые растения, всякого рода орехи, хурму, яблоки, груши, винную ягоду и, несмотря на закон, угощали европейцев прекрасным вином».

П.П. Короленко (1908): «Кушанья (черкесов) состоят обыкновенно из густой просяной каши и неквашеного теста, ...при этом пьют бузу (просяное пиво)».

Н.А. Тхагушев (2008): «По утверждению большинства авторов, адыгские вина по своим вкусовым и другим достоинствам не уступали французским и греческим винам. «Вино, изготовляемое убыхами, нату-хайцами и абазинами, – по свидетельству одного из русских источников первой половины XIX в. – хорошо-го вкуса, и водка их несколько не уступает доброте французской».

Местные жители, адыги-старики, рассказывают, что виноградарство и виноделие было широко развито на всем пространстве между реками Туапсе и Мзымта. Самые лучшие вина готовили жители, проживавшие в долинах рек Аше, Псишо, Шахе. По-адыгски виноградный куст называется *сэнэкуаш* или *сэнэчIыг*; вино – *сан*; посуда, из которой пьют вино, – *бжъэ*, что означает в переводе на русский язык – «рог». Действительно, в прошлом адыги пили все спиртные напитки из рогов, отделанных серебром и другими материалами. В адыгском языке нет названий: «стакан, бокал, рюмка» и т. д., – все эти названия позаимствованы из русского языка. О некогда процветавшем у адыгов виноделии свидетельствуют древние кувшины для вина – *чад*, сохранившиеся и до наших дней в адыгских аулах, например, в III Красноалександровском ауле, в а. Большой Кичмай и др.» (Тхагушев Н.А., 2008).

В священных книгах мусульман, как, впрочем, и христиан, отношение к употреблению хмельных напитков неоднозначное. Так, с одной стороны, в вине нет ничего плохого: «И из плодов пальм и лоз (виноградных) вы берете себе напиток пьянящий и хороший удел» (Сура 16; 69). Или в Библии: «Ты произращаешь вино, которое веселит сердце человека» (Псалтырь, 103; 15); «Друг новый – то же, что вино новое: когда оно сделается старым, с удовольствием будешь пить его» (Книга пророка Иисуса, сына Сирахова, 9; 13). Или такая рекомендация: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1-е послание Тимофею, 5; 23).

Но с другой стороны, чрезмерное употребление вина – страшный грех. Так, в Коране говорится: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: «В них обоих – великий грех и некая польза для людей, но грех их – больше» (Сура 2; 216). Или еще: «Вино, майсир, ... мерзость из деяния сатаны. Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром» (Сура 5; 92-93). Аналогичные утверждения можно встретить и в Библии: «Горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей и делаешь его пьяным, чтобы видеть срамоту его!» (Книга пророка Аввакума, 2; 15); «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Послание к Ефессянам, 5; 18). Или такой уж очень живописный пассаж: «У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? – У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше. Впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид. Глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное. И ты будешь, как спящий наверху мачты. И скажешь: «Били меня – мне не было больно, толкали меня – я не чувствовал. Когда проснусь, – опять буду искать того же» (Притчи царя Соломона, 23; 29-35).

В старинных адыгских народных пословицах также отразилось крайне негативное отношение предков горцев к неумеренному пьянству: «Кто от чумы уцелел, тот от хмеля умер»; «Кто подружился с алкоголем, у того карман уже дырявый»; «Зелье (спиртное) обнажает все, что в сердце» (русский вариант: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке»). Нельзя не прислушаться к этим мудрым словам...

1.4. Поселения и жилища у адыгов

1.4.1. *Хъабл* и *къуадж*: основные типы поселений у адыгов

При закладке нового селения черкесы уделяли особое внимание характеру окружающей местности, выбирая для своих поселений наиболее живописные места, будь то красивая долина или поляна в лесу. Адыгские аулы, по свидетельству очевидцев, буквально утопали в зелени.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия (2006).

Предки адыгов являлись оседлым народом, но их поселения не всегда были постоянными, жители часто переходили на новые места. Однако, по мнению А.М. Некрасова, эта подвижность не имела ничего общего с кочевничеством. Вызывалась она главным образом политическими причинами – угрозой вторжения

со стороны внутренних и внешних врагов, а вовсе не зависела от нужд земледелия и скотоводства («История Кубани...», 2004). Об этом, в частности, сообщал Ш.Б. Ногмов (1861), рассматривая причины выбора шапсугами тех или иных поселений: «Из множества племен адыгов, живущих за Кубанью, *кяххе*, или нынешние шапсуги, обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот.

Наиболее характерными поселениями адыгов в период раннего средневековья (IV-XII вв.) вплоть до монгольского нашествия были неукрепленные селища, занимавшие надпойменные террасы притоков Кубани и плато недалеко от рек, впадающих в море. Большинство из них возникло в V-IX вв. Однако часть адыгов продолжала жить и в довольно крупных городищах (Кошехабльское, Таманское, Гатлукайское, Тахтамукайское, Ново-Вочепшійское, Пшикуйхабльское и др.). Частично возникшие еще в меотское время, многие из них просуществовали до VIII-IX вв. Такие городища обычно состоят из цитадели (холмообразного укрепления, окруженного глубоким кольцевым рвом или валом) и прилегающего к ней поселения, лишь изредка также обнесенного рвом. Цитадель являлась местом жительства верхушки адыгского общества, тогда как рядовые общинники заселяли примыкающие к цитадели поселения.

Авторы монографии «Очерки истории Кубани...» выделяют два основных типа поселений у адыгов XVIII-XIX вв.: *хъабл* и *къуадж*. Наиболее распространенным типом было небольшое моногенное (однофамильное) поселение, состоящее из нескольких, обычно не более 10-15 дворов, все члены которого находились между собой в прямом кровном родстве. Такой тип поселений назывался *хъабл* (*хъабл*) – поселение близких родственников.

Дополняет эту информацию А.А. Киселев (1993): «В XVIII и первой половине XIX в. у адыгов имелись различные типы аулов. При выборе места принимались во внимание хозяйственные нужды и вопросы обороны. Во второй половине XIX в. аулы стали больше, в них были, как правило, мечеть и базар, на окраинах – мельница, родовое кладбище. Вокруг аула располагались площадки для молотбы, стога сена и т.д. Типичная адыгейская усадьба состояла обычно из трех дворов, отделенных друг от друга плетнем. В центре главного двора стоял дом. В каждой усадьбе находилась кунацкая (*хъакIэц*) для приема гостей. Второй двор предназначался для лошадей и крупного рогатого скота; здесь же размещались хозяйственные постройки. Особый двор устраивался для молотбы и просушки сена. При каждой усадьбе обязательно были огороды и сады».

Другая категория поселений – многодворные полигенные селения, возникшие под влиянием развития феодальных отношений, т. е. княжеские или феодальные поселения. Как отмечал Дюбуа де Монпере, «...если несколько жилищ, рассеянных вдоль и поперек, зависят от одного князя или объединены местными условиями и общими интересами, им дают одно название, обыкновенно общее с рекой, протекающей по соседству». Такие феодально-владенческие и соседско-общинные многодворные поселения назывались у адыгов *куадж* (*къуадж*) и *чилэ* (*чIылэ*) и носили имя своего владельца или название местности; насчитывали они по 100 и более дворов. Как правило, адыгские аулы с целью их укрепления обносились общей оградой, по углам которой располагались плетневые оборонительные башни. В середину такого замкнутого поселения на ночь загоняли скот («Очерки истории Кубани...», 1996).

«Жилища черкесов просты: дома строятся более из плетня, и бывают обмазаны глиною внутри и снаружи, – пишет автор XIX в. – 40 или 50 подобных домов, крытых камышом или соломой и расположенных кругообразно, составляют деревню; по концам каждой сделаны, также из плетня, сторожевые башни. Ночью стада загоняются внутрь деревни. На зиму для овец устроены особые загоны при берегах рек на низменных долинах. Лошади черкесской породы пасутся на свободе по склонам гор и в долинах: они легки, крепки на ноги и выносят дальние переходы» («Исторический обзор Терека...», 1851 (2008).

О своеобразном характере поселений и жилищ горцев сохранилось немало свидетельств современников:

Дж. Интериано (1501) в своих записках так пишет об характере адыгских селениях: «Они живут деревнями, и во всей стране нет ни одного города или укрепленного стенами места...». Весьма интересно его объяснение по поводу отсутствия укрепленных городов на Земле адыгов: «Их жилища все делаются из солом, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если бы он выстроил замок или жилище с крепкими каменными стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться, и вследствие этого все живут в вышеописанных деревушках...».

Ян Потоцкий (1761-1815), побывавший на Кавказе в 1797 г.: «Деревня черкесов остается на одном месте не более 45 лет. Когда князья ссорятся со своими соседями или устанавливают новые связи, тогда они селятся на новом месте, поскольку земля принадлежит всему народу вообще («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 284-298).

Н.В. Симановский (1837). Принимая участие в «очистке» Черноморского побережья от черкесов, разрушая их аулы и выжигая хлеб на корню, царский поручик тем не менее обратил внимание на «цивилизованный» вид тех черкесских аулов, которые по какой-либо причине не подверглись уничтожению: «Это огромный аул, состоящий саклей из 50-ти, где живут его крестьяне... На дворе сделаны два амбара, в коих мы нашли шелковых (шелковичных. – Авт.) червей, и два амбара для хлеба. Сад у этого князя (владельца аула) прекрасно обработан, у него есть виноград и многие фруктовые деревья, в том числе множество абрикосовых и персика, которые унизаны фруктами». И далее Симановский восклицает: «Как обвинять этих горцев теперь, что они, привыкши к свободе, не хотят с нами примириться и защищают свои прелестные места!» («Дневник...», 2012. С. 10).

Дж. де Лукка (1629): «Деревни черкесов... расположены в густых лесах. Они окружают их сплетенными в одно с другими деревьями, чтобы затруднить въезд татарской конницы. Черкесы часто с последней сражаются, так как не проходит года, в который бы татары, привлекаемые... красотой рабов из этого народа, не произвели на их страну какого-нибудь набега» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 37-39).

Н. Кузнецов (1890): «Горцы жили в лесах отдельными небольшими аулами. Близ каждого аула горец очищал поляны, оставляя на них лишь дикие фруктовые деревья, в изобилии произрастающие в лесах Черноморского округа и приносящие обильно плоды. Вот к этим-то дичкам горец прививал, прищипывал лучшие сорта и таким образом разводил бергамоты, дули (др. рус.: груши), яблоки».

При закладке нового селения черкесы уделяли особое внимание характеру окружающей местности, выбирая для своих поселений наиболее живописные места, будь то красивая долина или поляна в лесу. Адыгские аулы, по свидетельству очевидцев, буквально утопали в зелени. Плодовые и декоративные деревья сажали вдоль дорог; на летних пастбищах, возле родника, колодца, на кладбище создавались «лесосады». В честь рождения ребенка обязательно сажали дерево.

1.4.2. Жилища черкесов: «Общий их вид приятен... и содержатся в чистоте»

Жилища черкесов не являются, собственно говоря, домами; это, скорее, большие корзины из аккуратно переплетенных прутьев, обмазанные глиной и покрытые крышей из камыша. Общий их вид приятен... и содержатся в чистоте.

Ян Потоцкий (1797).

Нет ничего более живописного, чем их (черкесов) жилища, разбросанные там и сям среди деревьев, которые освежают все вокруг своей тенью в жаркий сезон.

Дюбуа де Монпере (1839).

Начиная с периода позднего средневековья, наиболее распространенными у адыгов являлись прямоугольные турлучные и глинобитные дома, возведенные как на каменном фундаменте, так и без него. Крышу крыли соломой, камышом или осокой. Пол был земляной, обмазанный глиной. Печи – небольшие, глинобитные, иногда на каркасе из прутьев, хотя характерным был и открытый очаг. По сообщению Н. Шахназаряна (2008), «...традиционное жилище черкесов представляло собой турлучное однокамерное помещение, к которому пристраивали дополнительные изолированные помещения с отдельным входом для женатых сыновей. Забор делался из плетня». Строили адыги также саманные и каменные дома. Каменное домостроительство, крепости, храмы и другие сооружения адыгов известны на Черноморском побережье. В частности, Масуди писал, что адыги, используя каменные укрепления, построенные на берегу моря, с успехом отстаивали свою независимость от алан (Керефов Б.М., 2006).

О характере жилищ горцев есть немало ценных свидетельств:

Анонимный автор XVIII в. (1760): «Из всех жителей Кавказа только кабардинцы имеют самые лучшие жилища, самые изящные и самые опрятные. Это прочные и удобные жилища, поддерживаемые в хорошем состоянии постоянным уходом. В деревнях насчитывается от 20 до 50 жилищ, в центре которых возвышается башня для укрытия женщин и детей в случае нападения на них. Дома знати по большей части построены из дерева, так же как и хижины простых жителей, но больше размерами и прочнее» (Цит. по: «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 82-84).

Ян Потоцкий (1761-1815), побывавший на Кавказе в 1797 г.: «Жилища черкесов не являются, собственно говоря, домами; это, скорее, большие корзины из аккуратно переплетенных прутьев, обмазанные глиной и покрытые крышей из камыша. Общий их вид приятен; они стоят в ряд, окруженные оградами, и содержатся в чистоте; отдельные помещения отведены для гостеприимства, то есть для помещения в них странников» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 284-298).

Жилище жигиточного адыга. Конец XIX в. (Надеждин П.П., 1895).

Подобные же сведения, относящиеся к началу XIX в., встречаем у И.А. Гюльденштедта («Дома их сложены из легких клетчатых стен, обмазанных и выбеленных»), у Г.Ю. Клапрота («Их жилища сплетены из ивовых прутьев, обмазанных глиной снаружи и внутри»), а также у многих других дореволюционных авторов.

Н.М. (1837). Осматривая во время военной экспедиции черкесские аулы на побережье Черного моря, участник похода Н.М. отмечал в своем дневнике: «По этой дороге нам встречалось множество обширных аулов, хорошо, даже красиво выстроенных; это уже были не простые мазанки горцев, соседей наших у Кубани, но правильно,

чисто выстроенные бревенчатые избы, где, впрочем, кроме скамеек и кое-какой деревянной утвари, мы ничего не нашли. Иногда только в амбарах отыскивали пшеницу в зернах и кое-где листовой табак...» (Н.М., 1847. С. 8).

Н.В. Симановский (1837) также обратил внимание на состояние жилищ черкесов, которые ему «чрезвычайно понравились»: «12 июня 1837 г. Ходил на фуражировку за Навагинскую гору. Моя рота занимала большой аул. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, – в ней чрезвычайная чистота. Она состоит из одной комнаты, как и все сакли вообще, чисто вымазанной глиной внутри, без потолка и пола, печи нет, а сделана внутри комнаты к стене между окном и дверью труба, расширяющаяся книзу и не доходящая до земли на 1 аршин (около 70 см); они под ней разводят огонь и готовят кушанье. Места для постели сделаны немного повыше пола, одна дверь и одно окно, очень низкое, закрывающееся деревянными ставнями. Крыша покрыта соломой, под одной крышей сделана также чистенькая конюшня для лошадей» («Дневник...», 2012. С. 10).

И.Ф. Блаرامберг (1840) отмечал: «За исключением тех качеств, которые у них могут оспаривать другие народа, кабардинцы отличаются благородством характера, учтивостью, а также чистотой своих одежд и жилищ» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

Детальное описание жилищ черкесов приводится в более поздней работе *А.В. Верецагина (1874)*: «Сакли и вообще постройки черкесов миниатюрны и скорее походят на наши шалаши, нежели на жилые постройки. Все вообще постройки у черкесов делаются плетневые, вроде наших изгородей; но работа плетневая у черкесов чиста и прочна, так как по плетне никакой промазки, ни снаружи ни внутри, не делается. Постройки кроются или разного рода дранью, или же стеблями кукурузы. Сакли имеют одну только входную дверь; окон и потолка нет. В одном из углов сакли, сквозь крышу, проходит опрокинутая плетневая четырехугольная воронка, заменяющая собой печь и трубу; под этой воронкой разводится огонь, и здесь же готовится пища. В смежном с воронкою углу делается нечто вроде низких нар; это место почетное, кунацкое, на которое нас приглашали садиться. Склад для кукурузы и вообще для зернового хлеба делается в виде небольшой круглой плетневой амбарушки, поставленной на столбах высотой около 2,5 аршин (1,8 м) от земли; на столбы кладутся каменные широкие плиты, которые препятствуют крысам и мышам попадать в амбарушку».

Следует подчеркнуть, что традиция строить жилища из прутьев деревьев или плетеного камыша, обмазывая их глиной, восходит у адыгов к глубокой древности, причем тогда зачастую встречались и другие типы построек. По данным исследователей, в эпоху палеолита на Северо-Западном Кавказе могли существовать следующие типы жилища: пещера, временный шалаш из веток и постоянная шалашевидная постройка. В эпоху ранней бронзы определенное распространение имел прямоугольный турлучный дом – типичное жилище предков адыгов. У него были двойные стены, промежутки между которыми заполняли глиной. Но наряду с этим, в скифо-сарматское время строили и каменные дома, что доказывается данными археологических раскопок. Например, на Семибратном городище были обнаружены остатки каменного здания прямоугольной формы, построенного во второй половине III в. до н. э. Остатки каменных фундаментов и стен были обнаружены также в некоторых местах Черноморского побережья Кавказа, на месте бывших там когда-то адыгских аулов. Но после татаро-монгольского нашествия адыги почти не употребляли камня для постройки своих жилищ.

Что же касается восточных адыгов – кабардинцев, то, по данным некоторых авторов, даже в середине XIX в. у них преобладали каменные дома. С этой точки зрения представляет интерес свидетельство К. Коха (1842): «В Большой и Малой Абазе, а также в Большой и Малой Кабарде избегают строить дома из дерева; их обычно прислоняют к горам или частично вкапывают жилище в землю. Стены обычно делают из необтесанных камней, крыша делается плоской, и весной и осенью вся семья проводит на ней вечера».

Учеными-этнографами восстановлены внутренняя планировка и убранство старинного западно-адыгского жилища. Первоначально дом состоял из одной комнаты, она же являлась кухней и спальней для ее обитателей. Дом делился на мужскую и женскую половины. Ближе к мужской половине находились наружные ворота и вход в сенной двор. С женской стороны дома располагались пекарня, курятник, амбар и вход на скотный двор. Центральное место в доме занимал очаг. Как отмечал Н. Дубровин (1871), «...вокруг печи приделаны полки, а иногда повешен целый шкаф, на полках которого ставилась домашняя утварь и посуда, а оружие и одежда вешались на гвоздях. Широкие низкие кровати покрывались войлоком или коврами, небольшие круглые столы, расставленные по разным местам комнаты, составляли всю мебель».

Описывая домашнюю обстановку черкесов, К. Кох отмечал: «Единственная обстановка в домах – это сделанные домашним способом скамьи и табуреты; остальное движимое имущество состоит из сундуков, а также матрацев, подушек, стеганых одеял (все это получается из Турции или изготавливается дома), циновки с берегов Кубани, где тростник растет в изобилии, чугунные горшки, небольшие трехножные столики или, вернее, подносы...» Обращает на себя внимание и описание черкесской постели, относящееся, впрочем, к концу XV – началу XVI в. Так, Интериано писал: «А постели у них делаются из кожаных мешков, набитых засушенными цветами, благовонными травами и айром (айр – лекарственная трава с тонизирующими свойствами. – Авт.)».

С конца XVI в., по данным Д.Чуяко, адыги начали строить дом для приема гостей, известный под названием «кунацкая». Двери кунцкой не запирали ни днем, ни ночью. Любой гость мог войти туда, не спросив разрешения у хозяина. Гость чувствовал себя здесь вполне свободно, располагался как дома. Эта хорошая традиция адыгского этикета сохранилась практически до наших дней.

Устройство кунцкой и ее убранство не отличалось ничем от устройства обычных жилых домов; только камышовые циновки, ковры, тюфяки и подушки свидетельствовали о стремлении хозяина сделать это помещение, по возможности, роскошным и удобным для гостей. «По одной стене комнаты стоял невысокий диван с подушками, покрытый узорчатой циновкой, – писал в середине XIX столетия очевидец. – В стену над диваном вбивали несколько деревянных гвоздей или колышков; на одном из них обыкновенно висела скрипка или балалайка, на другом нечто вроде лиры, остальные гвозди предназначались для размещения на них седел, оружия гостя и других походных его принадлежностей. Длинная дубовая скамья, передвигаемая по мере надобности с места на место, – вот и вся мебель комнаты. Медный кувшин с тазом для омовения и намазлык, шкура дикой козы или небольшой коврик под колени во время молитвы составляли необходимую принадлежность каждой кунцкой. Стеганные ситцевые одеяла вместе с подушками и коврами высокой стопкой складывались в одном углу комнаты... У феодальной знати обстановка и украшение кунцкой были обычны богаче, чем в жилом доме. Здесь развешивали напоказ гостям дорогое оружие, седла с серебряной насечкой, женские платья, платки и пояса, украшенные золотым шитьем» (Цит. по: Киселев А.А., 1993).

Дополняет эту информацию следующее сообщение, опубликованное в Интернете: «Усадьба черкесов обносилась оградой. Жилые помещения строились обычно фасадом на юг. Жилище имело плетёные стены на столбовом каркасе, обмазанные глиной, двух- или четырёхскатную крышу из плетня, покрытую соломой, глинобитный пол. Состояло из одной или нескольких комнат, примыкающих в ряд друг к другу, двери каждой комнаты выходили во двор. Кунцкой служила одна из комнат или отдельная постройка. У стены между дверью и окном устраивали открытый очаг с плетёным дымарём, внутри которого устанавливали перекладину для подвешивания котла. Хозяйственные постройки также делались из плетня, часто имели круглую или овальную форму. Современные черкесы возводят квадратные многокомнатные дома» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

В русских селах и хуторах, появившихся в пореформенный период (вторая половина XIX в.), дома в основном строили турлучные и саманные, наподобие распространенных среди кабардинцев. Планировка двора русского населения также не имела большого отличия от других народов региона. Примечательно, что не только казаки многое восприняли из адыгской культуры, – но и коренные горские народы многое заимствовали у русских переселенцев. В частности, вместо традиционного длинного дома кабардинцы в конце XIX в. начали строить четырехкамерные дома с русской печью. По свидетельству газеты «Кавказ», казаки и отставные солдаты ездили в Кабарду к князьям и богатым дворянам на работы, строили им дома, мельницы, конюшни, делали мебель, посуду. Таким образом, в результате тесного общения с русскими у кабардинцев получают распространение новая планировка домов, мебель, посуда («История многовекового...», 2007. С. 283).

1.5. Народная медицина адыгов

1.5.1. У истоков традиционной медицины: «Черкесские врачи лечили такие болезни, которые не могли вылечить лучшие русские доктора»

Черкесские врачи лечили такие болезни, которые не могли вылечить лучшие русские доктора... Многие русские офицеры предпочитали лечиться у горских лекарей, а не у наших хирургов, и никогда не рассказывали в том.

Я. Абрамов (1884).

Народная медицина адыгов – это совокупность накопленных народом эмпирических сведений о целительных средствах, лечебных и гигиенических приемах и навыках, их практическом применении для сохранения здоровья, предупреждения и лечения болезней.

Нагоев Б.С. (2006).

Сведения античных и средневековых авторов, анализ текстов нартского эпоса, дореволюционные письменные источники, а также результаты фольклорных экспедиций свидетельствуют, что с глубокой древности у предков адыгов были «свои» костоправы, зубодеры, травники, лекари-маги, специалисты обряда по обрезанию, повивальные бабки. Знания народных врачей передавались из поколения в поколение. Выявление и описание характерных особенностей народной медицины адыгов, т. е. традиционной медицинской культуры позволяет понять и своеобразие культуры адыгов в целом. О народной медицине адыгов писали этнографы, историки, путешественники, а также имеются устные предания, передающиеся из поколения в поколение. Известные путешественники Абри де ла Мотрэ, Дж. Кук, Ж. Тавернье, Н. Витсен, Дж. Белл и др. уделяли большое внимание народным способам лечения, рассказывали о традиционном обряде, организуемом при лечении больных с переломами костей и тяжелыми ранениями; приводили данные

об оспопрививании (о приоритете адыгов в борьбе с этим тяжелейшем заболеванием, – см. в разделе 6.3.9.). В работах С. Броневого и Н. Данилевского рассказывается о состоянии здоровья горских народов и применении народных методов лечения населения. Н. Данилевский перечислял распространенные на Кавказе растения, применявшиеся с лечебной целью: вероника, шалфей, буковица, попутник, болдырьян, вербник, чертополох, омела, волчьи ягоды, солодковый корень.

Трепанация черепа и операции на костях: хирургическая пластика адыгов. Фольклорные и полевые этнографические материалы подтверждают бытование в традиционной медицинской культуре адыгов сложных приемов трепанации черепа и пластических операций на костях. Особенности хирургической пластики предков адыгов, а также современных народных целителей в достаточно полной степени освещены в книге Н.И. Сообцоковой (2010. С. 324-325). «Невероятно, но факт!» – восклицает автор. По сообщению Юсуфа Нагуча (Турция), когда у преподавателя военной школы в Стамбуле Точал Саид-Паши воспалилась нога, врачи рекомендовали ему ампутацию. Черкесский лекарь по прозвищу «Пши» – «Князь» взялся лечить ногу. Лекарь вырыл яму, поставил туда ногу больного, тщательно укутал ее и сделал часовую ванну, после чего все мясо с ноги сошло. Когда кость оголилась, он смазывал ее мазями, способствовавшими нарастанию на кости мяса. Нога была сохранена. Эта информация, невероятная на первый взгляд, подтверждена жизненным опытом народа. Действительно, основой тактики успешного, без грубого рубцевания, лечения ран и ожогов у адыгов являлось умелое сочетание и чередование лекарственных растений, способствовавших отторжению омертвевших тканей и затягиванию, заживлению ран.

Адыги были искусны в хирургической пластике. Этнографическая экспедиция Московского университета в Шапсугию в 1939 г. зафиксировала информацию о том, что адыгские *Иазэ*-лекари заменяют раздробленные кости человека костями животных. История знает о практике замены кости человека жеребчатой костью. Такую операцию в конце XIX в. провел известный адыгский костоправ Тихириков. Заменяли раздробленные кости человека соответствующей костью жеребенка и известные в Бжедугии костоправы братья Дачемуковы (Дагомукеры).

Избавление от головной боли. Ж.-Б. Тавернье (1605–1689) так описывает лечение этой болезни у черкесов: «Когда кто-нибудь испытывает головную боль, он ограничивается тем, что немедленно отправляется к тому, кто его бреет. Последний делает в той части головы, которая болит, два разреза бритвой, достигающих кости, и прикладывает сверху немного мази, чтобы закрыть рану. Эти люди верят в то, что головные боли происходят от ветра, находящегося между костью и мясом; указанные выше надрезы дают ему возможность выйти, после чего боль никогда не возвращается» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 59-64).

Лечение опухолей и новообразований. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что адыги лечили и опухолевидные образования. Одно из подобных заболеваний носило по-адыгски название *адэуыз*. В народной медицине адыгов различают две клинические формы этого заболевания: *адэху*, протекающую без выраженных клинических симптомов, и *адэбз*, клинически более выраженную, протекающую с сердцебиением, похуданием и трудно поддающуюся лечению.

Лечение глазных болезней. Этнографические исследования народной медицины адыгов показывают успешное применение хирургического и терапевтического методов лечения глазных болезней. Терапевтические методы лечения применялись в основном при лечении воспалений конъюнктивы. Наиболее эффективным и часто применяемым было закапывание в больной глаз грудного молока женщины, что, по-видимому, было связано с наличием в грудном молоке бактерицидных веществ. Техника предусматривала закапывание молока непосредственно из молочной железы в больной глаз, что способствовало сохранению стерильности и всех других ценных свойств грудного молока. Терапевтическими методами лечили также «нае» – трахому. Для этого широко использовались ингаляции: паровые отвары лекарственных растений или дымовые – сжигание лекарственных растений и минералов, а также смазывание век яичным белком с пережженными квасцами. После такого лечения лопались трахоматозные пузыри и наступало выздоровление.

Хирургическое лечение применялось у адыгов при лечении болезни *нэКэлуы* (*нэКылуф*) – бельмо. Бельмо может быть тотальным или локальным и иметь три степени тяжести в зависимости от глубины поражения. Оперативное лечение использовалось при более глубоком и распространенном поражении. Адыги применяли различные хирургические способы удаления бельма. Имеются сведения об успешном оперативном лечении – удалении бельма с помощью конского волоса. Лечение этой болезни проводили также консервативным методом с помощью закапывания в глаза сока листьев *тхэмпэхъуырей* (*тхэпэхъурай*) – круглолистника. Лечение основывалось, очевидно, на способности этого растения отторгать омертвевшие ткани. О бытовании с глубокой древности хирургических методов лечения глаз в этномедицине адыгов свидетельствует и фольклорный материал. Так, в нартском эпосе есть эпизод лечения слепого отца нарта Лэу. Чтобы вернуть зрение отцу, он должен был быстро доставить глаза живого кабана («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.815-816; Сообцокова Н.И., 2010. С. 324).

Зарождение и приобретение медицинских знаний, хирургических методов лечения у адыгов диктовалось определенными условиями жизни, питанием, борьбой за выживание. Методы лечения с помощью иммобилизации (лат. *immobilis* – «приведение в неподвижность части тела») конечностей, репозиции (лат. *reposition* – «вправление смещенной части тела») костных обломков, извлечение инородных тел, обработка

и лечение ран, имевшие место в традиционной адыгской медицинской культуре, развивались и совершенствовались до определенных пределов, ограничившихся условиями устной передачи знаний.

В этнографических и фольклорных материалах выявляются отдельные фрагменты таких довольно сложных методов хирургического лечения, как пластика и аллопластика. Хирургические приемы могли проникнуть в адыгскую народную медицину из медицинских систем Востока. Впоследствии при отсутствии основного условия их сохранения и совершенствования – письменности у народа – они размылись и растворились в фольклорных сюжетах (Нагоев Б.С., 2006).

И, наконец, примечательный факт, приведенный на одном из сайтов Интернета: «Не только военными подвигами прославились адыги в России. *Черкесские врачи лечили такие болезни, которые не могли вылечить лучшие русские доктора.* Я. Абрамов писал: «Во время продолжительной Кавказской войны среди русских войск приобрели заслуженную известность горские лекари, замечательно искусно излечивавшие раны, нанесенные огнестрельным и холодным оружием. Особенность этого лечения составляло то обстоятельство, что горские лекари не производили хирургических операций, а довольствовались терапевтическими методами. *Многие русские офицеры предпочитали лечиться у горских лекарей, а не у наших хирургов, и никогда не раскаивались в том.* К глубочайшему сожалению, – завершает свое сообщение Я. Абрамов, – приемы лечения горских лекарей остались без научного обследования и, по-видимому, искусство горских лекарей погибло для науки» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Дополняют эту информацию другие авторы XIX в. Так, И. Попов (1855) подчеркивает: «Громкая слава, которая закрепилась за горцами в лечении ран вообще, дала повод думать на Кавказе, что они владеют тайными средствами, неизвестными образованным европейским врачам. *Это поселило между нашими (русскими. – Авт.) больными особое доверие к горским врачам.* Многие наши раненые, даже офицеры в приятной надежде на верное излечение прибегали и прибегают к горской медицине при первой к тому возможности». Аналогичную мысль можно встретить и у А.Н. Дьячкова-Тарасова: «*С большим искусством горские врачи лечили раны, причем редко прибегали к ампутации, а исключительно прикладывали травы и мази*» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 326).

1.5.2. Особенности народной медицины адыгов

1.5.2.1. «Адыгские народные целители чаще всего используют лекарственные растения, животные и минеральные средства»

*Я приложу ему пла стыр̄ и целебные средства, и
уврачу (т. е. вылечу. – Авт.) его...*

Книга пророка Иеремии (33; 6).

*Современные адыгские народные целители (Iазэ)
чаще всего используют лекарственные растения, жи-
вотные и минеральные средства, реже молитвы из
Корана, амулеты, магико-лечебные обряды.*

М.В. Семенцов (2002).

В основу данного сообщения, подготовленного М.В. Семенцовым (2002), легли сведения, собранные в ходе этнографических экспедиций отдела традиционных национальных культур Краснодарского краевого научно-методического центра культуры в Республику Адыгея (1992 г.), а также в Лазаревский и Туапсинский районы Краснодарского края (1995 и 1996 гг.).

Как пишет М.В. Семенцов, современные адыгские народные целители (*Iазэ*) чаще всего используют лекарственные растения, животные и минеральные средства, реже молитвы из Корана, амулеты, магико-лечебные обряды. Принципы деятельности современных знахарей аналогичны тем, на которых базируется официальная медицина: необходимость ранней и точной диагностики, диета, профилактика, понимание границ своих возможностей и своевременное направление больного к более компетентным специалистам. Привожу в кратком изложении подготовленный М.В. Семенцовым (2002) список наиболее распространенных болезней, болезненных симптомов, при которых адыгские народные целители с успехом применяли и применяют те или иные природные средства:

1. Ангина – костный жир, желток куриного яйца, мумиё; настой травы цикория и осота огородного; сливочное масло, мед; козий жир.
2. Алопеция (облысение) – ежовый жир, репешок обыкновенный.
3. Астма бронхиальная – смесь костного жира, желтка куриного яйца и мумиё.
4. Кашель – чабрец (*нэуц*) – ингаляция; цикорий, конский молочай, чабрец (отвар).
5. Туберкулез – кумыс; медвежий жир; барсучий жир; енотовый жир.
6. Гастрит, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки – гнездовка с медным купоросом; мед, алоэ, репешок обыкновенный; полынь горькая (*мьегхъумылэ, бжыдзэуцы*), айвовое варенье.
7. Диатез экссудативный – раствор мумиё с отваром эвкалипта (наружное).
8. Гепатит эпидемический – человеческая моча внутрь; скумпия кожевнная (луб); жостер (луб, дресина); трава спорыша.

9. Артериальная гипертензия – плоды грецкого ореха; плоды боярышника; ставили пиявки; кровопускание (*љао*).
10. Геморрой – свечи из мумиё и эвкалипта.
11. Ожоги – кислое молоко; известковая вода с растительным маслом; животные жиры; репешок обыкновенный, подсолнечное масло.
12. Зубная боль – зола из бумаги; отвар грецкого ореха; раствор соли, соды; раствор мумиё; табак; мумиё, эвкалипт; ставили пиявки.
13. Обморожение – жир рыси.
14. Мочекаменная болезнь – шелуха лука (настой); порошок из высушенной слизистой оболочки куриного желудка.
15. Сахарный диабет – листья грецкого ореха (настой); семена конского щавеля; чай.
16. Стрептодермия – зола из камыша (наружное).
17. Тромбоз мозговых сосудов – настойка из корня конского щавеля.
18. Туберкулез костей, остеомиелит – парят пораженную конечность в отваре из древесины жостера.
19. Рожистое воспаление – местно компрессы из листьев табака, смоченных в керосине; репешок обыкновенный, конский молочай и осот огородный.
20. Экзема – полынь обыкновенная; чабрец.
21. Эрозия шейки матки – подмывание с настоем гнездовки настоящей и слабым раствором медного купороса.
22. Радикулит – пчелиный яд; настой адамова корня на спирту.
23. Венерические болезни – конопля (*кIэм*).
24. Судороги у детей – омела, взятая с дуба (отвар).
25. Раны – отвар череды (*кьобэстэ-чаг*); дурман; змеиная тыква (*блэ-кьэб*); листья свеклы; табак; человеческая моча.
26. Болезни почек – крапива (отвар).
27. Шейный остеохондроз – горный плющ (ванна).
28. Тошнота – корень терна, шелковица (отвар).
29. Ушиб – солевой раствор.
30. Перелом ребер – медвежья кожа, столярный клей (повязка).
31. Перелом конечности – состав из муки, желтка куриного яйца, соли.
32. Болезни глаз – человеческая моча.
33. Воспаление легких – незрелый грецкий орех; животные жиры.
34. Психические болезни – семена борщевика, прополис, копыта козы, камедь, гребень петуха (ингаляция).
35. Понос – осот огородный, лист айвы, зола из плодоножки тыквы.

Как видно из приведенного списка, подготовленного М.В. Семенцовым (2002), в настоящее время, как и в прошлом, народными целителями наиболее широко для лечения болезней применяется растительное лекарственное сырье: дикорастущие травяные растения, огородные культуры, плоды и ягоды дикорастущих и домашних деревьев и кустарников. Многофункциональным было применение кизила, – он помогает при заболеваниях почек, печени, кишечника, малокровии, лихорадке, головной боли, диабете и дизентерии. Наряду с этим, в народной медицине широко использовалась продукция пчеловодства – мед, воск, прополис, – на их основе приготавливались лекарства от многих заболеваний. Несомненный интерес представляет и следующий факт. Как в древности, так и в более поздние времена, уходя на охоту, люди внимательно присматривались к лесной флоре, – среди охотников было немало собирателей целебных растений. Чтобы восстановить «силу земли», на то место, где было сорвано лекарственное растение, посыпали щепотку соли – *шъыгъуэ* (Сообцокова Н.И., 2010. С. 270).

Также широко использовались растительные средства, прикладываемые в виде пластыря, при лечении всякого рода нарывов, о чем, кстати, было известно с библейских времен: «И сказал Исая: возьмите пласт смоков (инжира). И взяли и приложили к нарыву, и он выздоровел» (4-я Книга Царств, 20; 7). Или: «Я обложу тебя пластырем и исцелю тебя от ран твоих» (Книга пророка Иеремии (30; 17).

Еще Абри де ла Мотрэ (1724) отмечал широкое использование растительного сырья в медицине адыгов: «Петуший гребешок (амарант), именуемый ими *Hellenheit*, и стоголовник, называемый *Heldeit*, занимают у них первое место после коровника, воловьего языка и солодкового корня, которые они зовут на своем языке: первое – *Albahel*, второе – *Fehinne* и третье – *Allida*. Они кипятят вместе небольшое количество листьев и корней каждого из этих сортов трав и приготавливают род *гизана* (охладительного отвара), который они пьют вволю, безразлично при каких бы то ни было обстоятельствах» (Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

Номенклатура лекарственных средств животного и минерального происхождения была гораздо беднее. Характерно использование животных жиров и широкое применение мумиё, что возможно объяснить влиянием арабской медицины. Показательно то, что большинство вышеприведенных природных средств и их сочетаний оригинально, и в народной медицине кубанских казаков – ближайших соседей адыгов – либо используются при лечении других болезней, либо не используются вовсе. Существенные различия в составе природного ле-

карстового сырья у адыгов и кубанских казаков явились некоторой неожиданностью. По-видимому, различная конфессиональная принадлежность, нестабильность военно-политической обстановки на Северо-Западном Кавказе, языковой барьер, различные природные условия и состав флоры и фауны правобережья Кубани и Закубанья не могли не сказаться на специфике этнических традиций в области медицины на начальном этапе поселения в крае славян. С появлением же казачьих поселений в Закубанье во второй половине XIX в. интеграционные процессы усилились, но не приобрели интенсивный характер в силу не столь долгого временного контакта и относительной замкнутости этой сферы быта кубанских казаков и горцев (Семенцов М.В., 2002).

1.5.2.2. На страже здоровья горцев и казаков: минеральные грязи и целебные источники

На побережье имеется громадное количество минеральных источников, частью исследованных, а в значительной части еще ждущих своего исследователя.

«Черноморское побережье...» (1916).

Целебные источники и минеральные грязи уже в отдаленные времена употреблялись автохтонным адыгским населением для лечения болезней.

М.В. Семенцов (2002).

Целебные источники и минеральные грязи уже в отдаленные времена употреблялись автохтонным адыгским населением для лечения болезней.

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. В адыгском фольклоре есть немало легенд и преданий о «живой воде», оживляющей мертвых и дающей исцеление немощным. Примером тому является миф «Живая вода на Ошхъэмафэ» (Эльбрусе), а также легенда о Мацесте, адыгской девушке, превратившейся в целебную воду и вернувшейся на землю, чтобы исцелять людей, облегчать их страдания. Происхождение Кавказских минеральных источников в адыгском фольклоре связывается с именем главного героя нартского эпоса Саусэрыкьо: родники, бьющие из подножья Кавказских гор, – горячие слезы нарта, скорбящего о своем бедственном народе (Сообцокова Н.И., 2010. С. 289-290). «Мало кто знает, – продолжает историк, – что название всеми любимой минеральной воды «нарзан» происходит от адыгского *нарт санэ*, т.е. напиток нартов. Нарзан, или *занзанытс* адыги считали святой водой, – у того, кто их принимает, как утверждали в народе, через 13 дней исчезнут все находящиеся в 12-ти частях тела болезни».

И.Ф. Косинов отмечал использование Псекупских минеральных вод черкесами: «...Каждый вырывал для себя яму в русле ручья и садился в нее по шею». Еще в начале XIX в. одно из адыгейских племен (хатукоевцы) пользовалось водами, выходящими на поверхность из расщелин гор. Жители называли их «родниками живой воды». Казачье население в процессе адаптации к новым природным условиям научилось применять эти средства для врачевания. По свидетельству дореволюционного историка И.Д. Попко, один «внутренно-служаший» казак, много лет страдавший ломотою в берцовых костях и колючим ревматизмом в подошвах ног, в течение недели был в наряде на соляном озере и все это время босыми ногами бродил по нему. За этот срок болезнь его совсем прошла».

О наличии значительного числа минеральных источников на береговой полосе Черного моря, которыми издавна пользовались в лечебных целях местные жители, сообщают авторы книги «Черноморское побережье...» (1916. С. 35-36): «На побережье имеется громадное количество минеральных источников, частью исследованных, а в значительной части еще ждущих своего исследователя. Более известны источники серных вод в долинах рек Мацесты и Агуры, к югу от Сочи, по течению р. Мзымты, около Батуми и в Сухумском округе, углекислые, а также железистые – на Красной Поляне, соляные – близ Михайловского перевала в 20 верстах от Геленджика. Близ Анапы в Семигорье имеется семь выдающихся йодисто-щелочных источников, являющихся единственными по чистоте минерализации, щелочности и количеству йода».

И далее авторы отмечают, что горцы, по мере возможности, оберегали эти источники от засорения и истощения: «Минеральные источники были обделаны здесь срубами из каштановых горбылей, у источника Пслух в районе Красной Поляны на одной из досок была даже греческая надпись... Но черкесы ушли, – и Красная Поляна опустела. Мало-помалу сады одичали и заросли лесом, дороги обрушились, а минеральные источники заболотились и обросли непроходимыми колючками».

МИНЕРАЛЬНЫЕ ГРЯЗИ. Из минеральных грязей наиболее известными были Бугазские, Тузлякские (при одноименных соляных озерах), Баталпашинские, а также грязи Ясенских соляных озер. По словам Ф.А. Щербины, пользование этими грязями производилось самым примитивным образом: «Больные, преимущественно ревматики, в летнюю жаркую пору, при добывании соли, «валяются», по местной терминологии, «в грязи» и «греются» или «сушатся на солнце». Полужидкий ил грязевых сопок на Тамани издавна использовался казаками как лечебное средство от ревматизма и других болезней (Семенцов М.В., 2002).

1.5.2.3. Использование минеральных вод в наши дни

Наличие лечебных минеральных вод, в сочетании с благоприятными климатическими условиями, делает окрестности г. Майкопа весьма перспективными в лечебно-курортном отношении...

**А.Х. Шеуджен, А.К. Тхакушинов, Г.А. Галкин и др.
(1999)**

Особенно славятся своими целебными свойствами Майкопские минеральные воды, месторождения которых находятся в бассейне р. Белой. В долине этой реки, только на небольшом участке между пос. Каменноостекским и г. Белореченском, насчитывается более 40 минеральных источников. Минерализация их вод колеблется от 330 до 24000 мг/л, а суммарный дебит составляет около 30 тыс. куб. м /сут. Минеральные воды, полученные из буровых скважин с глубины 500-1200 м, обычно имеют термальный характер; их температура достигает 60-80°C. Лечебные свойства этих вод были известны адыгейским племенам еще с конца XVIII в. Широкое использование Майкопских минеральных вод началось с 1947 г., когда на юго-восточной окраине г. Майкопа было обнаружено два новых источника. Через год около совхоза им. ВЦСПС, в 7 км от города, открыли источник № 3, а позже был обнаружен еще ряд источников: Курджипский сероводородный, Тульский щелочной и др.

Некоторое представление о физико-химических и лечебных свойствах майкопских источников можно получить из следующих данных:

Источник № 1 — гидрокарбонатный хлоридно-натриевый, слабосолянощелочной, общая минерализация низкая – 1,97 г/л, температура +35,+40 °С. Воды его залегают на глубине 500-550 м; суточный дебит составляет 30 тыс. л. По химическому составу и свойствам напоминает воду «Ессентуки 17». Используется для внутреннего употребления и реже в виде ванн. Применяется для лечения желудочно-кишечного тракта, печени и желчных протоков, урологических заболеваний, при нарушенном обмене веществ,

Источник № 2 – хлоридно-натриевый, бромо-йодосоляной; его общая минерализация 23 г/л (брома содержится 0,103; йода 0,023 г/л), температура +64,+72 °С. Его воды залегают на глубине 1000-1200 м; суточный дебит составляет около 1 млн. л. По составу и свойствам аналогичны йодобромным водам Горячего Ключа. Показаны при заболевании органов движения, сердечно-сосудистой и нервной систем, желудочно-кишечного тракта, а также гинекологических, кожных заболеваниях и нарушениях обмена веществ.

Источник №3 – сероводородный, гидрокарбонатный, хлоридно-натриевый; общая минерализация 0,8 г/л, сероводорода содержится 10,5 мг/л; температура +41°C. Воды залегают на глубине 800 м и выходят на поверхность земли под естественным давлением. Применяется в виде ванн для лечения болезней суставов, кожных, нервной системы и др.

В настоящее время большой известностью далеко за пределами республики пользуется Майкопская минеральная вода «Анай». При общей минерализации 1,0-2,0 мг/дм³, она содержит следующие анионы: гидрокарбонаты – 700-1200, сульфаты – 50, хлориды – 100 мг/дм³; катионы: кальций – 10, магний – 10, натрий + калий 400-600 мг/дм³. Эта уникальная по своему составу лечебно-столовая вода рекомендуется при заболеваниях сахарным диабетом, ожирением, фосфатурией, оксалурией, мочекишечным диатезом, подагрой, а также при хронических гастритах с нормальной и повышенной функцией желудка.

1.5.3. «Корчий ходэ, людэй звезд...»: малярия как фактор, препятствующий колонизации Северо-Западного Кавказа

Поразит тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, ...и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь.

Второзаконие (28; 22).

Летом, начиная с июля до самой зимы, жители подвергаются лихорадке, принявшей здесь название «корчия», по свойству корчить.

В.Ф. Золоторенко (1908).

Французский врач, исследователь Ферран (1670-1713), побывав у черкесов, поэтически восклицал: «Черкесия прекрасна, изобилует плодоносными деревьями, орошается чистыми реками. Чарующими лесами покрыты белоснежные горы. Воздух здесь благорастворенный и чрезвычайно здоровый. Полагаю, что от этого происходит цветущая красота черкесов». Природа наряду с глубоко продуманной системой воспитания – вот основа красоты черкесов» («Хасэ», 2009, № 1-4, февр.-март. С. 13). Тем не менее, даже «благорастворенный и чрезвычайно здоровый воздух» не мог избавить не знакомых с местными условиями казаков и переселенцев из центральных губерний России после окончания Кавказской войны и выселения черкесов от такой тяжелой болезни, как малярия (лихорадка).

«Из болот, в которых разлагаются отжившие виды органического мира, отделяются в виде испарений тлетворные вещества, производящие особенно в Прикубанской полосе болезни людей: лихорадки, горячки, цингу и рожистые воспаления лица», – указывал дореволюционный автор О. Серафимович. «Летом, начиная

с июля до самой зимы, жители подвергаются лихорадке, принявшей здесь название корчия, по свойству корчить» – сообщал другой бытописатель – В.Ф. Золоторенко (1908). При этом причину нездорового климата автор объяснял следующим образом: «Когда казаки приступили к поселению, то должны были вырубать деревья и выкапывать их корни. Такое выкапывание умножило число болот. К прискорбию, болота эти не высушиваются, а засыпаются навозом. От этих болот постоянно исходит вредная, смрадная испарина» (Цит. по: Шахова Г.С., 1992. С.5). А кубанский поэт А.Е. Пивень (1872-1962) отразил зловещий характер корчия-лихорадки в своих стихах:

Корчий ходэ,
Людэй зводэ, –
Кладэ в домовину (т. е. в гроб), и т. д...

Обеспокоенные высокой смертностью переселенцев, казацкие атаманы отправляли рапорт за рапортом главнокомандующему. Походный атаман Власов в 30-х гг. XIX в. указывал, что «...главную причиной умножения умирающих переселенцев есть не недостаток медицинских чиновников, большая часть которых не грамотна, а акклиматизация» (Цит. по: Тхагапсова Г.Г., 1999. Вып. 2).

1.5.3.1. «Веками выработанная у горского населения система гигиенического режима для предупреждения от лихорадок»

Веками выработанная у горского населения система гигиенического режима для предупреждения от лихорадок, особенно выбор мест для жилища, пользование водой, распределение работ во времени дня и по времени года, – все возбуждает удивление гигиенистов.

И.Н. Клинген (1897).

Адыги... избегали селиться в низинах, сырых местах, в закрытых узких долинах и в непосредственной близости к морю, где горные реки всегда образовывали болота (гнездилища малярийного комара) и где часто были морские туманы.

Н.А. Тхагушев (2008).

Пожалуй, самой зловещей болезнью для Кубани являлась малярия (лихорадка), которая была обусловлена, по мнению некоторых дореволюционных авторов, наличием большого количества болот, плавней (Семенцов М.В., 2002). Однако с давних пор предки адыгов выработали стройную и весьма эффективную систему предупреждения этой серьезной болезни, в результате чего они, на удивление казаков и переселенцев из центральных губерний России, практически никогда не болели малярией.

Какие же правила «антималярийной безопасности» были выработаны в адыгской гигиенической традиции? Правила эти, при всей кажущейся простоте, были в достаточной мере эффективными. Много внимания этому вопросу уделял И. Клинген (1897; 2005): «Веками выработанная у горского населения система гигиенического режима для предупреждения от лихорадок, особенно выбор мест для жилища, пользование водой, распределение работ во времени дня и по времени года, – все возбуждает удивление гигиенистов. Черкесы, поселяясь на высоких местах, сберегали себя этим самым от лихорадок. В самых нездоровых местах, на дне долин и котловин, у горцев не было пашен». И далее ученый продолжает: «Одна из причин, почему горцы мало болели малярией, – необыкновенно строгий, приспособленный для этого режим жизни и умеренность в пище и питье. Горцы никогда не пили иной воды, кроме горной ключевой, и даже лошадей своих поили преимущественно из заранее расчищенных, старательно обложенных камнем, прохладных и чистых криниц, бьющих прямо из скалы. Сырое молоко редко употреблялось ими, а только кипяченое или створоженное кислой закваской.

Морские туманы приносили нездоровье людям и наносили значительный вред фруктовым садам, которые при морских туманах нельзя разводить с таким успехом, как в более высоких местах. Вместе с тем, поселяясь на высоких местах, о чем говорят сохранившиеся после ухода горцев кладбища и сады, адыги оберегали себя этим самым от «гнилой» сырости и лихорадки, миазмы которой держатся всегда внизу. Горцы сами были замечательно здоровы и редко страдали лихорадкой, тогда как нынешние колонисты, особенно первое время, страдали ею ужасно, потому что все были поселены в низинах.

Горцы же спускались в долины для полевых работ только с пригревом солнца, когда малярия разжигалась восходящим током, и избегали ложиться на сырую землю; еще до заката рабочие поднимались в аул и тем избегали заражения сгущающегося к вечеру малярией. Ко всему этому необходимо прибавить, что в самых нездоровых местах, на дне долин и котловин, обыкновенно у горцев не было пашен, а только пастбища весенние и сенокосы, убираемые к началу июня, т. е., в то время, когда лихорадочные миазмы едва еще зарождаются.

Малярийный период обыкновенно начинается в июле, достигает максимума в половине августа, а в конце сентября затихает; поэтому, если где по низким местам (Адлер) сеяли кукурузу, то кончали обработку междурядий уже в половине июня, а после этого кукурузное поле требовало присутствия хозяина только в

октябре, ко времени уборки, в совершенно уже здоровое время. Пшеница и прочие хлеба возделывались на склонах, иногда очень высоких, и к началу июля уже убирались» (Клингген И.Н., 1897).

Эту же мысль развивает известный адыгский ученый Н.А. Тхагушев. Он отмечает, что во многих районах Северо-Западного Кавказа климат был теплым, влажным, нездоровым; влажность достигала 70-80 %. В таких районах весной и летом в большом количестве появлялись малярийные комары. Адыги умели бороться с этим злом. Они избегали селиться в низинах, сырых местах, в закрытых узких долинах и в непосредственной близости к морю, где горные реки всегда образовывали болота (гнездилища малярийного комара) и где часто были морские туманы.

Все остатки бывших адыгских жилищ, кладбищ, родников, садов, токов расположены в некотором отдалении от моря и на южных, юго-восточных, юго-западных склонах водоразделов. Адыги всегда пользовались родниковой водой. При спуске с гор для обработки своих полей, расположенных в долинах рек или на берегу моря, они возили с собой родниковую воду для питья, при этом еще до захода солнца (до начала лета малярийного комара) они, во избежание заражения малярией, оставляли работу и поднимались в горы к своим жилищам (Тхагушев Н.А., 2008).

С окончанием Кавказской войны и принудительным выселением адыгов из родных мест в заболоченные районы положение горцев с точки зрения профилактики здоровья резко изменилось, о чем свидетельствует царский генерал М.Я. Ольшевский (2003): «Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди миазм, или переселившиеся туда со степного пространства, то каким образом могли перенести эти миазмы вольные жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом?».

1.5.3.2. Доктор И.И. Пантюхов: «Горцы принимали против этого заболевания (малярии) различные гигиенические меры»

Medicus curat, natura sanat. – Врач лечит, природа излечивает (исцеляет).

Латинская пословица

Горцы [адыги] с древнейших времен прекрасно знали всю губительность малярии, равно и то, что лекарства тут мало имеют значения, и принимали против этого заболевания различные гигиенические меры.

И.И. Пантюхов (1899).

Доктор И.И. Пантюхов (1899), специально занимавшийся вопросами профилактики малярии, приводит очень интересный анализ причин «невосприимчивости» адыгами этого серьезного заболевания: «Горцы с древнейших времен прекрасно знали всю губительность малярии, равно как и то, что лекарства тут мало имеют значения, и принимали против заболевания различные гигиенические меры». В частности, врач отмечает, что черкесы значительно меньше болели эндемическими болезнями по сравнению с переселенцами, а если и болели, то переносили их легче. «Болезненность у здешних горских племен, насколько нам известно, не велика, влияние эпидемий незначительно. Наиболее распространены кожные болезни, а от лихорадок, которых горцы различают 7 разных видов, они лечатся настоями горьких трав».

[Впрочем, кроме трав, горцы использовали и другие народные средства. Так, Ф. Щербина (1916. С. 231) сообщает об иных способах излечения от лихорадки, которые применяли, правда, не адыги, а жившие у них черкесо-гаи: «Были у армян и другие способы лечения, очень своеобразные также и далекие, впрочем, от суеверных способов и представлений по лечению болезней. Так лечили они, например, от лихорадки. Больных лихорадками армяне обыкновенно клали в ванну и обливали сывороткою, известною у них под именем «кондуса», приготовлявшуюся из чистого молока. Из кондуса же они выделяли и сыр, но, как лекарство, он считался радикальным средством против лихорадки»].

И далее врач И.И. Пантюхов продолжает: «Избегая малярийных долин и низменностей, они (черкесы) строили жилища на холмах или склонах гор, причем, по советам древнего грузинского лечебника «Карабадин»: возле дома не должно было быть высоких, затеняющих его, деревьев. В дождливых и сырых местностях Черноморского бассейна – у шапсугов, джигетов, натухайцев, абхазцев, самурзаканцев, мингрельцев, имеретин, гурийцев – жилые дома строились на сваях. Сакли хорошо проветривались всегда открытыми с противоположных сторон дверями и дезинфицировались вечно дымящимся среди сакли костром.

Воду для питья туземцы употребляли, по возможности ключевую, и, за неимением ее, речную, но всегда свежую и вода, взятая накануне почиталась для питья вредною. Эта мера вполне соответствует современным сведениям о чрезвычайной быстроте размножения микроорганизмов. Вынуждаемые необходимостью обрабатывать и сильно малярийные низменности, туземцы являлись туда в наименее малярийное время – раннею весною и позднюю осень. При хронических заболеваниях туземцы искали излечения на возвышенных, здоровых, издавна священных местах, и на прославленных, лежащих на здоровых местно-

стях, минеральных или холодных с хорошей питьевой водой источниках. Кроме приведенных мер, постоянное земледельческое население – грузины, армяне и горцы – предохранялись от малярии тем, что имели постоянные по возможности сухие жилища, садили на издавна культивируемой почве некоторые огородные овощи, особенно из рода острых крестоцветных, и имели большие или меньшие запасы пищи для себя и для домашнего скота (Пантюхов И.И., 1899. С. 38-39).

Здоровая пища адыгов, как и чистая родниковая вода и правильный выбор мест обитания, во многом способствовали предохранению их от заболевания малярией. И.И. Пантюхов обращал особое внимание на то, что «...инстинкт туземцев указал им всю важность употребления растительной пищи, в частности черемши, как равно перцу и других горько-ароматических растений. Они едят пищу преимущественно мясную с таким большим количеством чеснока и перца, что непривычный человек едва в состоянии проглотить кусок ее, зато цинга между ними не известна, зубы до глубокой старости белы и крепки, *лихорадки бывают редко*» (Цит. по: Тхагапсова Г.Г., 1999. Вып. 2).

В совершенно иных условиях, – продолжает доктор И.И. Пантюхов, – находились колонизировавшие Кавказ в эпоху средневековья кочевые и полукочевые азиатские племена. Многие из них были полудикари, иные пришедшие из равнин Азии, – номады. Вытеснившие из теплых малярийных равнин туземцев, мало или вовсе не знакомые с малярией, кочевники располагались там, где была вода и еда для их стад, причем о качествах воды не заботились, водные источники загрязнялись. Между прочим, и доныне кочевники считают годной для питья всякую воду, если она собралась в количестве больше 17 батманов или 127 фунтов (около 50 л). Смотри на землю только как на место для кочевков, хищнически истребляя все, что им попадалось, не имея постоянного жилища и не делая никаких запасов ни для себя, ни для домашнего скота, они находились в полной зависимости от стихийных причин. Большая часть этих безвестных племен налетала, как саранча, и как саранча погибала... (Пантюхов И.И., 1899. С. 38-39, 51).

1.5.3.3. «Черкесы ушли, и страна быстро одичала, ...малярия стала безраздельно царить в этом крае»

*Лихоманка до смерти измучила,
И корежила меня, и пучила...*

Из старинной песни, записанной в Майкопском уезде (1865).

По незнакомству с местными условиями, казаки устроили селения на неподходящих для заселения местах. Они осели преимущественно в низких речных долинах. Это повело к поголовным малярийным заболеваниям населения, которое сразу очутилось в безвыходном положении

В.А. Левандовский (1913).

О том, к чему привел недоучет специфических природных условий Северо-Западного Кавказа и, главное, сознательное игнорирование бесценного опыта горцев-адыгов (которых высокопоставленные царские каратели высокомерно называли туземцами или хищниками), сообщают многие источники.

Известный дореволюционный исследователь экономики и социальной жизни Кубани Л.В. Македонов собрал воспоминания старожилов о переселении ряда казачьих станиц. Вот что они вспоминают: «Сотник, что вел нас, и говорит: вот вам станица – аж взвыли все. Сидели там три года, наполовину перемерли. Начали просить начальство разрешить искать другое место, – нам разрешили... Ведший эту партию переселенцев офицер, действительно, указал место около перевала в ущелье, где и доныне свирепствует малярия. Особенно губительно было место для детей – все дети перемерли, новые народились на нынешнем месте станицы... За Хадыжами оренбуржцы перемерли наполовину, а «наемные» с Дона – все начисто» (Тхагапсова Г.Г., 1999. Вып. 2).

Что говорить о казачьих станицах, если даже жители войскового града – Екатеринодара в той же мере страдали от лихорадок. Не случайно неоднократно ставился вопрос о переносе казачьей станицы в другое, более здоровое место. Так, царь Александр I в 1802 г. указывал Сенату: «По совершенно нездоровому местоположению города Екатеринодара войсковую канцелярию перевести в Тамань, предоставив, однако, жителям Екатеринодара полную свободу оставаться на месте или, по возможности выгод и удобства, также переселиться в Тамань». Однако казаки не пожелали подчиниться этому указанию и не переселились в Тамань, признав, что земля вокруг Екатеринодара более пригодна для хлебопашества, чем на Таманском полуострове (Солодухин Л.А., Куценко Я.И., Чучмай Г.Т., 1968. С. 33).

Как писал И.Н. Клинген, ссылаясь на очевидцев, «...страдания этих несчастных (казаков-переселенцев. – Авт.) в первые годы после переселения на Черноморское побережье неисчислимы: люди гибли от лихорадки и цинги; скот, приведенный из Кубанской области, почти весь пал, посевы по равнинам под глубокую плужную вспашку были до того неудачны, что многие казаки просили у начальства свидетельств, что хлеб здесь не родит. Если бы не многочисленные черкесские фруктовые сады, то казакам пришлось бы, чтобы не умереть с голоду, бежать обратно тайком в Кубанскую область... У редкого населения не хватало

ни времени, ни сил на уход за лесами или правильную их переработку. Начав порубку, поселенцы, гонимые болезнями и нуждой, переходили на новые места, а их участки становились источниками лихорадок» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008. С. 106).

«Сложности биологической адаптации, – разъясняет Г.Г. Тхагапсова (1999. Вып. 2), – были обусловлены резким контрастом природно-климатических условий мест проживания и новых мест заселения. Бичом для переселенцев было расстройство функций желудочно-кишечного тракта, эндемическая перемежающаяся лихорадка, а также цинга, которая в колонизируемых местах Кавказа свирепствовала особенно сильно. И хотя лихорадка и цинга сами по себе не были смертельны, но настолько истощали организм, что при отягощении простудным заболеванием могли привести к летальному исходу». Еще на одну из причин заболеваемости малярией казаками и переселенцами из центральных районов России указывает П. Цирульников (1910, 2005. С. 358): «Население, бедствуя от недостатка удобных земель, бедствует еще от недостатка воды. Водой пользуются из рек, протекающих около станиц (Тухо, Тиш, Пшеха и др.). Летом некоторые из них пересыхают и вот тогда начинается общий водяной голод. Черкесы пользовались водой из родников, которые позабывали сваями и камнями, покидая свою родину-мать. Есть родники, которые могут дать десятки тысяч ведер в сутки, но «культурные» переселенцы, страдая от безводья, лихорадок, никак не соберутся очистить эти родники в течение вот уже 46 лет, ежегодно поднимая этот вопрос».

На Черноморском съезде в Петербурге был заслушан интересный доклад Ф.А. Щербины о прошлом и настоящем культурных начинаний на Черноморском побережье. Докладчик, в частности, указал, что после занятия русскими побережья этот край оставался фактически незанятым. Никаких хозяйственных начинаний предпринято там не было. Первыми колонизаторами явились казаки, из которых был образован береговой Шапсугский батальон. Казаков принудительно поставили в неподходящие условия жизни. По незнакомству с местными условиями, казаки устроились селениями на неподходящих для заселения местах. Они осели преимущественно в низких речных долинах. Это повело к поголовным малярийным заболеваниям населения, которое сразу очутилось в безвыходном положении. Посевов и скота у него оказалось так мало, что ему нечего было есть и нечем стало жить» (Цит. по: Левандовский В.А. 1913; 2005. С. 379).

А ведь задолго до этого, в своем «Отчете комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью» И.С. Хатисов (1867) предупреждал переселенцев из средней полосы России: «Деревни, колонии, хутора должны быть помещены на высотах, а не на низменностях, ибо главная причина лихорадочности климата происходит от резких перемен в температуре дня и ночи. На высотах разница эта гораздо менее ощутительна, нежели на дне ущелий. Факт этот доказан уже многочисленными метеорологическими наблюдениями во многих странах». Но эти предупреждения ученого оставались, как говорится, «гласом вопиющего в пустыне». Так, Ф.А. Щербина (1894) пишет: «Черкесы, предшественники казаков, были выселены из насиженных мест, и все, созданное ими, оказалось или разрушенным благодаря войне, или же чуждо, непривычно и непонятно для новых поселенцев. Поселенец сразу и решительно был вышиблен, что называется, из хозяйственной колеи. Самые богатые из новоселов в два-три года стали бедняками. Запашки не удались, скот почти весь передох, птица, свиньи, даже собаки были передушены волками и шакалами, население повально болело малярийными лихорадками и на первых порах сильно вымирало».

Весьма образно «малярийную проблему» освещает И.Н. Клинген: «Кавказский перешеек можно представить себе здоровым горным островом, окруженным малярийным морем, с многочисленными заливами и проливами. Туземцы жили, главным образом, на этом острове и только иногда спускались к малярийному морю; наводнявшим перешеек в разные эпохи кочевым и полукочевым племенам приходилось жить преимущественно среди малярийного моря. Вместе с борьбой с природой и туземцами, пришлые колонизаторы должны были бороться и с малярией» (Клингген И.Н., 1897; 2005. С. 7-8).

«А давно ли, – с горечью восклицал в 1902 г. С. Васюков, – 40 с небольшим лет здесь, в горах, была блестящая черкесская культура. Горцы прекрасно умели возделывать зерновые растения, культивировать плодовые, производили хлопок и мед, причем последний в огромном количестве отправляли за границу. Веками выработанные предупредительные меры против лихорадок, этого действительного бича для русских, известны тем, кто интересовался черкесской культурой, плодами которой мы, к сожалению, не воспользовались и не сохранили, не поддержали того опыта, который эти люди оставили нам в наследие...» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008. С. 79-80). Дополняет эту мысль В. Христианович (1917): «Черкесы ушли, и страна быстро одичала. Сейчас трудно поверить, что всего только 52 года назад здесь был сплошной фруктовый сад, тянувшийся на сотни верст. Известные только аборигенам страны – черкесам, источники и колодцы были засыпаны. Сады, переплетенные лианами, заглохли и превратились в непроходимый лес; колючка, дикие кабаны и малярия стали безраздельно царить в этом крае».

1.5.3.4. «Несомненная эффективность» посевов риса и посадок эвкалиптов в борьбе с малярией на Кубани

Переносчиком и возбудителем малярии, как известно, является комар-анофелес, для существования и размножения которого на Кубани имелись все условия. И только акклиматизировавшиеся потомки украинских и русских переселенцев стали менее подвержены лихорадке...

М.В. Семенцов (2002).

Лихорадка (малярия) свирепствовала на Кубани вплоть до середины XX столетия, особенно в осеннее и весеннее время, унося ежегодно тысячи жизней. Мужчины-переселенцы чаще подвергались малярии, чем женщины, так как чаще находились в болотах, камышах (косили, ловили рыбу). При этом местные казаки страдали от болезни меньше, чем иногородние, как люди, освоившиеся с климатом.

По мере культивации земель и развития здравоохранения угроза малярии на Кубани резко снизилась, но даже в начале XX в. она еще продолжала быть отпугивающим фактором при выборе колонистами мест для поселения. По данным статистики, в 1910 г. малярия могла в течение года унести жизни более 1 % населения Кубанской области.

У путешественников, попадавших в первый раз в столицу войска г. Екатеринодар, сочувственное недоумение вызывал болезненный вид его жителей, измученных малярией. Вот несколько свидетельств, относящихся, что примечательно, уже не к дореволюционному прошлому, а к 20-м гг. XX в.: «Новоприезжего поражает отсутствие в городе свежих и здоровых наружностей: ему повсюду встречаются желтые, худые, болезненные лица. На улицах часто встречаешь исхудалых казаков с болезненным выражением лица, идущих медленно и с оханьем. Дамы екатеринодарские тоже не отличаются здоровым видом: желтизна лица и синева под глазами очень распространены между ними», – сообщает один из источников. Об этом писала и Н.Д. Торен, побывавшая на Кубани, в Белореченском районе в 1931 г.: «Изумительно красивые широкие улицы станицы, похожие на огромный парк, тонули в зелени; из-за деревьев не видны были хаты; в садах было полно фруктов, арбузов и дынь; колхозники имели вкусный белый хлеб, но почти каждый житель этой станицы был болен малярией: лица у них были бледные, изможденные. Весь состав экспедиции тогда также переболел малярией».

Окончательно эта болезнь была побеждена лишь в 50-е гг. XX столетия, чему способствовали, наряду с успехами медицинской науки, также широкое развитие рисосеяния на заболоченных массивах Средней и Нижней Кубани и посадка эвкалиптов на низменных участках Черноморского побережья Кавказа.

РИСОВОДСТВО КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МАЛЯРИИ. Одной из немаловажных причин, способствующих с 30-х гг. XX в. интенсивному развитию на Кубани рисоводства, было не только необходимость решения продовольственной проблемы – увеличения производства зерна, но и сокращение, по возможности, площадей заболоченных массивов в низовьях р. Кубани: «Важность развития рисоводства определяется еще и забытой уже проблемой, а именно – на протяжении веков сотни тысяч гектаров земель, на которых в настоящее время возделывается рис, представляли собой топкие малярийники, поросшие болотной растительностью. По официальной статистике, почти половина населения Кубани болела малярией, а каждый десятый житель был ее жертвой» (Шеуджен А.Х., Бондарева Т.Н., Аношенков В.В., 2001).

Дополняют эту информацию Е.П. Алешин и Н.Е. Алешин (1993). Как сообщают авторы, важнейшую роль в защите человека от одной из самых страшных болезней – малярии играет современное рисоводство. Возбудитель этой болезни – малярийный плазмодий (*Plasmodium vivax*) относится к типу простейших, классу Споровиков, отряду Кровяных Споровиков. Плазмодий паразитирует в пищеварительном тракте и слюнных железах комаров из рода *Анофелес*. В теле комаров проходит половой цикл паразита. Комары передают возбудителя человеку: плазмодий со слюной попадает в кровь. В теле человека паразит проходит бесполой цикл размножения. Он поражает печень, эритроциты и вызывает тяжелое заболевание, которое часто заканчивается летальным исходом.

Одно из главных средств борьбы с малярией — уничтожение комаров, являющихся переносчиками возбудителя болезни. Экологически безопасным и наиболее мощным способом уничтожения комаров является создание инженерных рисовых систем с регулируемым гидрологическим режимом. При создании таких систем на огромных площадях уничтожаются места размножения малярийных комаров и полностью предотвращается возможность возникновения таких мест размножения. Это связано с коренным изменением ландшафта, когда на месте болот со стоячей водой возникают ирригационные сооружения, позволяющие тщательно регулировать водный режим. Создание инженерных рисовых систем в ранее заболоченных районах позволяет избежать применения инсектицидов, истребляющих комаров и способных загрязнить окружающую среду. Об этом еще в 1900 г. писал известный ученый И.З. Андроников: «Чалтычные (рисовые) плантации, по убеждению народа, служат верным средством для осушения и оздоровления глинистых и болотных луз».

О значении рисоводства говорит тот факт, что до начала освоения плавней р. Кубани под рис и в первые годы этого освоения более половины населения Краснодарского края страдало от малярии. После пре-

вращения значительной части Кубанских плавней (и притом части, прилегающей к наиболее населенным районам) в рисовые системы проблема малярии на Кубани практически ликвидирована. Не случайно именно здесь проводились под эгидой ЮНЕСКО семинары по экологически безопасной борьбе с малярией.

Обращает на себя внимание, что под партийными и правительственными решениями, имеющими отношение к развитию рисосеяния на Кубани, стоит подпись И.В. Сталина, как Генерального секретаря ВКП(б). Имеются в виду постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.03.1940 г. «О строительстве Тшикского и Шапсугского водохранилищ и обваловании р. Кубани»; от 23.04.1940 г. «Об осушении Закубанских плавней в Краснодарском крае»; от 29.05.1941 г. «О развитии рисосеяния и рыбного хозяйства в Краснодарском крае» (ГАКК, ф. Р-1645, оп. 1, ед. хр. 3, л. 7-8) и др. Постановлением февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» посевную площадь под рисом в стране намечалось довести: в 1947 г. до 150 тыс. га, в 1948 г. – до 160 тыс. га; при этом предусматривалось значительно повысить урожайность этой культуры. Эти и другие партийные документы дали ощутимый стимул развитию отрасли рисоводства на многие годы вперед.

ПОСАДКИ ЭВКАЛИПТОВ, УНИЧТОЖАЮЩИХ РАССАДНИКИ МАЛЯРИЙНЫХ ОЧАГОВ. Придавая большое внимание борьбе с малярией на Кавказе, И.В. Сталин расценивал ее как важнейшую социально-экономическую проблему. Его очень беспокоили эпидемии малярии, возникавшие у местного населения. По инициативе И.В. Сталина, на Черноморском побережье Кавказа были проведены большие посадки австралийских эвкалиптов – своеобразных природных «насосов», обладавших свойством высушивать заболоченную почву, уничтожая рассадники малярийных очагов (Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., 2010).

2. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА АДЫГОВ

Практически все народы, проживающие на Северном Кавказе, оставили после себя огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, меткие народные приметы, веселые и печальные обрядовые песни, героические, волшебные и бытовые сказки, торжественные былины и адыгский народный эпос «Нарты», причем возникновение последнего некоторые исследователи относят к I тысячелетию до н. э. Образно говоря, сквозь сито веков и тысячелетий просеяли народы свое культурное достояние, оставив самое ценное в фольклоре. Народное творчество – это неисчерпаемый источник эстетического, нравственного, трудового воспитания, на многочисленных и глубоко конкретных примерах воспитывающий у молодежи гордость за своих предков, любовь к родной земле. Немало места в этой сокровищнице устного народного творчества уделено нелегкому крестьянскому труду, в том числе и самым разнообразным земледельческим орудиям.

2.1. Устное поэтическое творчество

Культура адыгов богата и самобытна. Она привлекала внимание исследователей и до революции. Уже тогда были по достоинству оценены ее разнообразный жанровый состав и значение.

«Поэзия – жизнь, душа, память бытия древних черкесов, живая летопись событий в их земле. Она управляет их умом и воображением в домашнем быту, на съездах народных, в увеселениях, печали, встречала их рождение, сопровождала от колыбели до могилы их жизнь и передавала потомству дела», – писал историк и просветитель XIX столетия Хан-Гирей (Цит. по: Бондарь Н.И. 1990).

Фольклор, поистине драгоценнейшая сокровищница адыгской культуры, – включает в себя, помимо нартского эпоса, разнообразные сказки и сказания; пословицы; загадки и иносказания; частушки и скороговорки, а также песни – героические, исторические, обрядовые, любовно-лирические, бытовые, траурные, свадебные, танцевальные и др.

2.1.1. Пословицы и поговорки: голоса из далекого прошлого

Что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!

А.С. Пушкин (1799-1837).

Пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа.

М. Горький (1923).

В.И. Даль в конце XIX в. писал, что пословицы – это «цвет народного ума, самобытной стати, это житейская народная правда». Дальнейшее развитие получает эта мысль у М. Горького, отмечавшего, что пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа. В свою очередь, М.А. Шолохов называл пословицы «сгустками разума», «крылатой мудростью». Народная правда, сгустки разума... Это прекрасное определение поэтических формул мысли, какими и являются пословицы и поговорки, наполненные при этом ценной информацией, пришедшей к нам из далекого прошлого.

Большинство современных исследователей, определяя отличие пословицы от поговорки, сходятся на том, что пословица – это законченное предложение, завершенное суждение, а поговорка – элемент этого

суждения, образное определение чего-либо. Примеры *пословиц*: «Просо реденько, – так и кашица жиденька»; «Много воды – много травы»; «Красно гумно стогами, а стол – пирогами»; «Картофель – хлебу подспорье» и т. д. Глубокой крестьянской мудростью веет и от такой мысли: «Что посеешь, то и пожнешь, а что пожнешь – то и посеешь». Или: «Земля – тарелка: что положишь, то и возьмешь». В свою очередь, примеры *поговорок*: «Вешать лапшу на уши», «Разделить под орех», «Молоть чепуху», «Чучело гороховое». Это отличие подметили еще наши предки: «Поговорка – цветочек, а пословица – ягодка».

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ. Судя по количеству пословиц, посвященных тем или иным земледельческим орудиям, они занимали важнейшее место в крестьянском хозяйстве всех народов. в том числе и адыгов. Прimitивная мотыга или заступ, лопата, соха, плуг, борона, вилы, грабли, тяпка, коса, серп, а много позже – трактор и комбайн, – весь этот ассортимент используемых в течение тысячелетий земледельческих орудий и машин нашел свое отражение в народном фольклоре адыгов и соседних горских народов. Приведу лишь несколько характерных примеров:

Лопата. «Наши лопаты, словно бумага (Ар ди хьэнцэри тхылъымпIэщ)».

Тяпка: «Насечешь тямкой – не сотрешь тряпкой» (Адыг.).

Мотыга. «У трудолюбивого (вариант: у хорошего работника) ручка мотыги не отскакивает» (Абазинская пословица).

Плуг: «Камень, скрытый в земле, – враг плуга (Мывэ кыхэмышьыр пхьэIэщэм и бийш)». «Если мальчик не был погонщиком, он никогда не сможет быть плугарем» (Осет.). «На кончике плуга – золото (т. е. при помощи плуга доберешься до «золотого дна» – будет урожай)». Варианты: «Дно плуга – желтое золото» (Кубанские ногойцы).

Трактор. «На трактор надейся, а коня не бросай» (Абаз.).

Вилы. «Наши вилы – краснорogie (Ар ди гуахьуэхэри бжьэпэлъи)». «Он вилами кладет седло на коня (КуахьокIэ уанэр тырельхьэ) (Шутл.: про неумеющего трудиться)». «Двурогий шест – наши вилы (Пхьэ дыкьуакьуэхэри ди гуахьуэщ)». «Девятого апреля вилы забрасывают на чердак (Апрелым и бгьум гуахьуэр пкIэм драдзэиж) (Имеется в виду, что апрель – последний месяц кормления скота сеном)». «Когда счастье раздавали вилами, остался обделенным» (Абаз.).

Серп. «Туда – серп, сюда – коса (О корыстолюбивых, двуличных людях)» (Кар.-балк.).

Коса. «Чтобы ты скосил свои хлебные поля косой!» (Осет.). Как разъясняет Б.А. Калоев (1981), это старинное проклятье относилось к хозяевам, которые убрали хлеб не серпом, а косой, что считалось позором.

СТРАДА: ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ РАБОТЫ. Большой массив пословиц посвящен основным этапам земледельческого цикла: пахоте, севу, уходу за посевами, жатве, молотье и помолу зерна. Как бы объединяет все эти этапы следующая мудрая мысль, пришедшая к нам из глубины тысячелетий: «Что посеешь, то и пожнешь; что пожнешь, то и смолотишь; что смолотишь, то и смелешь; что смелешь, то и съешь».

Пахота. Есть в народных пословицах своеобразные рекомендации по срокам вспашки. Так, весьма примечательно наблюдение предков адыгов, которые советовали начинать вспашку земли, когда ранней весной появляются проталины («рябые волю») в снежном покрове: «Каждый год на ста рябых волах паши (Гъэ кьэс вы кьуэлэнишэкIэ вэ)». Здесь прослеживаются несомненные параллели с русской пословицей: «Рано пар паши – урожай хороши». Об этом же говорит и другая народная мудрость: «Кто землю вовремя вспашет, пахоту в срок засеет, у того ворох зерна будет большой (Щыр и чэзум зывэм, вагьэр игьуэм зысэм и самэ мэбагьуэ; Чыгур игьом зыжьоу, жьуагьэр игьом хэзылхьэрэм исамэ мэбагьо)». Варианты: «Кто не запаздывает с пахотой, тот вдоволь имеет пшено» (Адыг.). В качестве своеобразного «индикатора» прекращения пахоты предки адыгов рекомендовали следить за временем зацветания лабазника: «Сэтэнай-лабазник зацветает – борозду новую не прорезай (Сэтэнаер шьхьальэмэ шьольырыкIэ имыхьж) (т. е. опоздал – прекращай пахоту)». Варианты: «Лабазник колосится – кончай пахать» (Адыг.). «Когда цветут сады Сэтэнай – не прокладывай борозды».

Можно встретить и рекомендацию, как следует пахать: мелко или глубоко: «Вспашешь старательно, – будешь иметь урожай (Уегуьоу ужьомэ, гьэбэжьу уиI)». Варианты: «Кто глубоко пашет, у того кипит просо». «Хорошо вспашешь – получишь хороший урожай». «Чем больше (глубже) пахоты – лучше изобильный урожай». «Кто не ленится пахать, не нуждается в просе» (Адыг.). Об этом же говорят и пословицы кубанских ногойцев: «Паши сорок лет – дойдешь до золота». «Если сорок лет запашешь землю, плуг твой однажды коснется золота».

До сегодняшнего дня в живой речи сохранились многочисленные «крылатые» выражения, связанные со вспашкой земли: «Заставил землю вспахать губами (т. е. проучил) (АчIыла пыквла йрычвагьватI)». «Вол пашет, конь кормится» (Адыг.). «У ленивого пахаря во время пахоты вол пасется (ВакIуэлIыр хуэмышумэ, пэшавэр мэхьуакIуэ)». «У кого есть пахота, у того есть счастье» (Кар.-балк.). «Кто шестью парами волов пашет землю, голодным не останется» (Кар.-балк.).

Или еще: «Ему говорят, что неприятельское войско приближается, а Бижев – пашет (Дзэр кьосI жаIэрэпэт Быжыр мавэ) (Так говорят адыги о спокойном, хладнокровном человеке)». Варианты: «На носу противник, а Биж все пашет». «Рать надвигалась, а Бидж пахал» (Абаз.).

Тонким крестьянским юмором пронизаны и такие пословицы: «Муха, которая сидела на роге буйвола, сказала: «Пашем!» (Адыг.). Варианты: «И мы пашем!» – сказал комар, сидевший на роге у буйвола (Дэри

довэ, – жи́лашь вы бжа́кхуэм тес оргъуейм)» (Каб.-черк.). «Если берешь жену, бери издалека; если пахнешь землю, паши вблизи» (Кар.-балк.). Или такая североосетинская пословица: «У пахущего вола нет сена, зато у амбарных мышей зерна в изобилии» (Равнозначно рус.: «Сапожник – да без сапог»).

Некоторые пословицы у нашего современника вызывают недоумение. Например: «Грешно есть хлеб, полученный с пашни, вспаханной лошадей» (Каб.). По Б.А. Калоеву (1981), в прошлом в Кабарде лошадь предназначалась только для верховой езды, но не для пахоты.

СЕВ. В народных пословицах много внимания уделено севу и прополке тех или иных сельскохозяйственных культур.

О сроках сева: «Что рано весной сажаешь, осенью зреет своевременно» (Адыг.). Варианты: Вовремя посеешь весной, вовремя созреет осенью (Адыг.). Рано посеешь, рано соберешь урожай (Абаз.). «Чего весной не посеял, того осенью не соберешь» (Адыг.).

О качестве посевного материала: «Посеешь ветер – пожнешь бурю; посеешь колючки – пожнешь репей» (Ног.). Глубокой мудростью пронизаны следующие пословицы: «Кто сеет мир, пожнет счастье». «Если буду жива, летом посею просо», – сказала собака (Хьам «сыпсаумэ гъэм мэшь сш́эн», – ы́уагъ) (Каб.-черк.). «Кто умеет пахать, тот умеет и сажать» (Кар.-балк.). «Хоть и бежишь от своей земли, но сперва посеяв, беги» (Куб. ног.). «То, что не посеял, не пожнешь (Хьумылхъэ къыхэпхыжынкъым)».

ПРОПОЛКА. Но своевременно и качественно посеять – это мало, – надо посевы регулярно пропалывать: «Кукурузу прополешь один раз – один початок, прополешь два – два початка» (Адыг.). Варианты: «Сколько раз пропалываешь кукурузу, столько початков будет на стебле». «От прикосновения к твоей одежде быстрее развивается растение (т. е. чем лучше уход за растениями, чем тщательнее прополка, – тем выше урожай) (УиджэнакIэ нэс къэси лэжыгъэм нахъ хэхъо)».

СЕНОКОС. Много времени и сил занимали у горских крестьян работы, связанные с сенокосом, причем время заготовки кормов для скота в значительной степени зависело от погодных условий: «В пору сенокоса помни о снежном буране (Мэкъуоныгъом кIымэфэ хъотыр зыщымыгъэгъупш)». Вариант: «Коси так, чтобы перед глазами стояла снежная поземка (Мэкъуогъум хъотыр унэ кIегъэх)». «Будь расторопен на сенокосе, а не на вывозе сена (Абаз.)». При этом рекомендовалось начинать покос, когда трава была покрыта сплошной росой, – тогда коса шла намного легче и получалось наиболее сочное сено: «Начни косить сено до исчезновения росы» (Адыг.). Есть и такие пословицы на эту тему: «Скосишь – сено, не скосишь – былинка» (Адыг.). «У кого сенокос густ и обилён урожай, тот не тревожится» (Абаз.).

ЖАТВА. Уборка урожая была самой важной и ответственной работой для земледельца, когда, как правило, не хватало рабочих рук и приходилось нанимать в помощь работников. Поэтому не случайно у адыгов с глубокой древности сохранилась пословица: «Во время страды говорят: хоть бы моя собака стала человеком!» (Адыг.). Теме жатвы посвящены и такие пословицы: «Пшеницу жнет ножницами (Гуэдзыр лэныстэкIэ къех). – В значении: «не умеет работать». «То, что не посеял, не пожнешь (Адыг.).

МОЛОТЪБА. Следующей важной операцией земледельческого цикла был обмолот хлебов. «В пору молотбы голода не бывает» (Адыг.). «Он молотит на пустом гумне (Машв мцырала дбкытI)». «Хоть много и молоти, но если намолотишь мало, все равно будет голод (Бэ пIоми кIэмыкIымэ гъаблэ)». Вариант: «Сколько ни молоти, если не будет зерна – то голод».

ПОМОЛ ЗЕРНА. Во многих пословицах упоминается помол зерна, мельницы и жернова. Некоторые из них носят шуточный характер: «Иметь двух жен – это все равно, что попасть между двумя мельничными жерновами» (Кар.-балк.). «Мельница у него плохая, но мука хорошая; отец у него плохой, но сын хороший» (Куб. ног.). «Стонут от тяжести и тот, кто несет жернов, и тот, кто несет палку-ручку жернова (т. е. стонут и тот, кто несет тяжесть, и тот, кто идет налегке)» (Адыг.).

ЭКОЛОГИЯ ПОЧВЕННОГО ПОКРОВА. Не меньше пословиц посвящено проблемам экологии земли. И это вполне объяснимо. Ведь именно земля-кормилица издревле пользовалась у крестьян особым почтением и любовью. Глубокой философской мудростью проникнуты следующие высказывания: «Чего на землю не падет, того земля не подымет»; «Земля возвращает то, что ты дашь ей» (Адыг.).

При этом красной нитью проходит мысль о необходимости поддержания почвенного плодородия за счет предоставления пашне «отдыха», а также внесения удобрений (навоз, компост, зола): «У кого земля богатая, у того и богатый урожай»; «Благами обладает тот, кто улучшает землю» (Адыг.).

2.1.2. Нартский эпос

Один из наиболее ярких жанров народной культуры адыгов – героический эпос «Нарты». В семитомном его издании опубликовано 705 песенных и прозаических текстов с вариантами. В прошлом исполнителями нартских сказаний были джэгуако – народные сказители, пользовавшиеся большим авторитетом и уважением среди горцев. Главные герои эпоса – Сосруко (Саусырыкхъуэ), Орземес, Батрээ, Ашамез, Бадинок и другие – являются выразителями этических норм и нравственных ценностей адыгов. Они совершают подвиги, избавляя народ от врагов, добывают огонь, вступают в своеобразные поединки с великаном-инымжем (Иныж – получеловек-полуживотное с одной или многими головами. – Авт.) (Бондарь Н.И. 1990).

Нартский эпос состоит из нескольких циклов, посвященных отдельным эпическим героям. Основные виды эпических сказаний – нартские *пшинатли* (адыг. *нарт пшыналъ*, каб. *нарт пшыналъэ*), имеющие песенную форму, и нартские сказы, излагающиеся в прозаической форме. Адыгская традиция исполнения нартского эпоса предусматривает чередование пшинатлей и сказов, при этом сказы могут предварять, заключать либо чередоваться с песенным текстом («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 625).

2.1.2.1. «Нартский эпос – один из величайших памятников мировой культуры»

Культурная общность Кавказа проявляется в том, что мифология многочисленных этносов слилась в единый нартский эпос, который в том или ином варианте существует у адыго-черкесов, абазин, абхазцев, балкарцев и карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей, грузин, народов Дагестана.

Х.Г. Тхагапсоев (1999).

Кавказ представляет собой место встречи и синтеза культур и цивилизаций, вобравшего в себя гуманистические традиции Платоновой Атлантиды, светлые утопии Низами, идеи западно-восточного синтеза Искандера – Александра Македонского.

В.С. Поликарпов (2007).

Этническая культура адыгов теснейшим образом переплетена с культурами других народов Северного Кавказа. Не случайно член-корреспондент РАН Ю.А. Жданов (2005) обращает внимание на Кавказ, характеризуя его как «солнечное сплетение Евразии», концентрирующее в себе многоцветье культур. «На планете не существует другого такого региона, – пишет он, – где жили бы длительно и совместно сотни народов... Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества, как горный луг, на котором сотни разнообразных и неповторимых цветов. Именно поэтому художественная и научная мысль Кавказа концентрировала свое внимание вокруг проблемы межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы». Другими словами, Кавказ представляет собой место встречи и синтеза культур и цивилизаций, вобравшего в себя гуманистические традиции Платоновой Атлантиды, светлые утопии Низами, идеи западно-восточного синтеза Искандера – Александра Македонского. Действительно, Кавказу как горной территории присуще большое разнообразие этнических культур, которые в совокупности образуют не просто «мозаику культур», а определенный культурный ландшафт, имеющий в своей основе некий общий субстрат (Поликарпов В.С., 2007).

Все это проявляется прежде всего в нартском эпосе, который существует в фольклоре самых различных народов Кавказа. «Культурная общность Кавказа, – пишет Х.Г. Тхагапсоев (1999), – проявляется уже в том, что мифология многочисленных этносов слилась в единый нартский эпос, который в том или ином варианте существует у адыго-черкесов, абазин, абхазцев, балкарцев и карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей, грузин, народов Дагестана. При этом он по праву претендует на статус одного из величайших памятников мировой культуры. Нартский эпос больше, чем миф, поскольку не сводится к какой-то абсолютно господствующей мифологической идее и являет собой уникальную историко-культурную энциклопедию, где в органическом единстве представлены философия, поэзия, риторика, этика, эстетика, быт древности. Уникальность нартского эпоса заключается в том, что в нем зафиксирован накопленный на протяжении многих столетий опыт, позволяющий в образной форме интерпретировать мир и отношение к нему человека. Иными словами, в нем содержатся основы кавказского культурного архетипа...».

2.1.2.2. Архаический эпос «Нарты»: «прошлое адыгов и во многом их будущее»

Архаический эпос «Нарты» – древнейший уникальный памятник народной мудрости меото-зихо-адыгских (черкесских) народов. Он – прошлое адыгов и во многом – их будущее.

А.М. Гадагатель (1987).

Нарты несут людям Знание. Так, Сосруко, Сасрыква отнимают у чудовищ огонь; Пхармат в чеченском фольклоре похищает его у бога Селы; Сосруко возвращает людям семена проса, захваченные чудовищами; Сатаней (Сатана) дарит людям секрет изготовления пива; благодаря Цвицву у нартов появились фруктовые деревья; Боткий Ширтка (по другому варианту – Селий Пира) из подземного мира принес людям плуг и водяную мельницу и т. д.

Главное в биографиях героев нартских сказаний и преданий – героические деяния. Причем, в наиболее древних циклах нартского эпоса героическое напрямую соотносится с трудовыми подвигами. В более поздних циклах, отразивших период «военной демократии», трудовые подвиги сменяются подвигами ратными. Это и столкновения нартов с иными племенами, это и мотивы кровной мести, отразившие практиче-

ски никогда не прекращавшиеся «малые войны» между родами, это и широкое распространение военных набегов и проч. Данная тенденция наблюдается и в преданиях адыгов, история которых характеризуется почти непрерывными войнами – междоусобными, межродовыми, неизбежными в условиях феодальной раздробленности, а также борьбой с внешними врагами (Ципинов А.А., 2004).

Много внимания в адыгском эпосе «Нарты» уделяется всевозможным земледельческим работам и орудиям труда. Как отмечает известный исследователь нартского эпоса А.М. Гадагатль (1987), нарты сообща обрабатывают землю, пашут деревянным плугом (*пхъэлаш*), возделывают просо, ухаживают за плодовыми растениями и виноградом – *санэ*, производят *нартсан* (нартское вино) в разновидностях: *сэнэпль* (вино красное) и *сэнэф* (вино белое). Древние люди, – персонажи нартского эпоса – производят из железа оружие, а также лемех, серп, клещи.

Тхагелидж. Один из центральных персонажей адыгского нартского эпоса – могучий пахарь Тхагелидж собирает необыкновенно богатый урожай даже в засушливые годы, о чем говорится в сказании «Как работал Тхагелидж». Ежегодно после уборки хлебов (в некоторых местностях – в декабре) в честь Тхагелиджа устраивали большое празднество с молитвами и танцами. На этом празднике проводились массовые состязания всадников и пеших в беге, борьбе, стрельбе в цель. В нартском эпосе этому божеству посвящены следующие строки:

Нарты в Праздник Урожая
Собрались на санопитье,
Хасы чествуя открытье,
Тхагелиджа прославляя,
Бога плодородной пашни...

В песне упоминается «санопитье» – употребление нартами «сано» – в адыгейской мифологии божественного хмельного напитка. Первоначально сано пили только боги: ежегодно они устраивали на Ошхамахо (Эльбрусе) ради этого пир, на который звали одного из нартов – самого сильного и храброго. Сосруко, побывавший на пиру и вкусивший сано, сделал его, вопреки воле богов, достоянием нартов: он сбросил с Ошхамахо бочонок, наполненный этим божественным напитком; из него, разбившегося на земле, потекло сано, а семена, находившиеся на дне, коснувшись земли, проросли, превратившись в виноградные лозы, покрытые ягодами («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 406).

Тлеши. Ценные факты об изготовлении нартами земледельческих орудий приводятся в легендах из цикла о кузнеце нартов «Нарт Тлеши» («Нарт Лэшшъ»). Именно он впервые изготовил из железа первый серп («гъупчъ»).

Сосруко. В цикле нартских сказаний о Сосруко можно встретить информацию о давнем знакомстве нартов с орудиями земледельческого труда из железа:

Великан свой рот открывает,
Лемех-чересло
Сосруко нагревает
И великану в рот бросает...

Интересно, что в этом же цикле упоминания о пахоте и других земледельческих работах встречаются как в прямом, так и в переносном, иносказательном виде:

Острия пики не удостоив меня,
Древком пики ударив меня,
Пашню нартов меня
Заставил плечом пропахать.

Или еще:

Тот погнался за Сосруко – догнал,
Двуглавым нартским копьем его седло поддел,
Выбил поводья из рук,
Двенадцать борозд
Заставил вспахать плечом,
Пот восьми пашущих волов
Вышиб из Сосруко...

В том же нартском цикле о Сосруко можно встретить легенду о первом появлении проса у адыгов (сказание «Как Сосруко вновь добыл нартам семена проса»). А в нартской легенде «Сэтэнэй-цветок» человек впервые познает живительную силу влаги, воды, и восклицает: «Вода душе подобна!».

2.1.2.3. «Становление этого жанра изначально было связано с изображением реальных событий и лиц»

Что же касается историзма в преданиях о нартах, становление этого жанра изначально было связано с изображением реальных событий и лиц.

А.А. Ципинов (2004).

Представляют интерес размышления А.А. Ципинова (2004) о, так сказать, степени историчности эпоса «Нарты», – насколько можно верить приведенным в нем сведениям. Выводы исследователей говорят о том, что историческое прошлое в нартском эпосе предстает обобщенно. По справедливому замечанию В.И. Абаева, «...нартский эпос не может быть отнесен к разряду исторических эпосов, т. е. эпосов, черпающих материал

преимущественно из исторических событий». Дополняет эту мысль У.Б. Далгат: «В нем (нартском эпосе) в качестве эпических персонажей предстают боги, полубоги, герои с божественными, мифическими атрибутами. А это значит, что любая попытка связать нартвов с какими-либо историческими фигурами, историческим «местом» или «временем» нереальна и не оправдана». Ему вторит Е.М. Мелетинский (1988), который также отмечает, что «...исторические воспоминания в архаическом эпосе пользуются языком не политической истории, а сказок и мифов. Мифологические образы здесь являются средством обобщения. Сказочно-мифологические концепции при этом пронизывают самую суть представлений о народном прошлом...».

В унисон этому звучит и мнение А.И. Алиевой о том, что в адыгских национальных версиях нартских сказаний «...даже по мере отражения позднейших исторических эпох нет нарастания исторической конкретности. Невозможно установить связь даже самых поздних сюжетов с конкретными историческими событиями». По мнению специалистов, основные циклы эпоса отражают эпоху первобытно-общинного строя, вернее, его последнюю стадию, называемую военной демократией, а время создания нартского эпоса относится к I тысячелетию до н. э. Естественно, что к этому времени в силу ограниченности народного мировоззрения историческое прошлое народа не могло интерпретироваться в связи с конкретными лицами и событиями.

Если уж речь зашла о времени создания эпоса «Нарты», представляет интерес мнение по этому вопросу историков Е.И. Крупнова и Н.Г. Ловпаче. Как считает кавказовед Е.И. Крупнов, соседние археологические культуры Западного и Центрального Кавказа – Кобанская, Колхидская и Прикубанская, сложившиеся в период поздней бронзы, были близки и сходны в силу этнической родственности носителей этих культур и единства природных условий. На основе этих культур и их родственности и возник нартский эпос адыгов, осетин, абхазов. В нартском эпосе один из древнейших циклов – о «Насрен-жаче» – адыгском Прометее. Древнегреческий Прометей действовал за поколение до Троянской войны. Подобный прометееву сюжету, адыгский Насрен, которого злой Пако приковал на Ошхамафэ (Эльбрусе), должен был жить во времена города «Аха». Если Прометей освободил Геракл, то адыгского Насрена освобождает нартский герой Пэтэрээ. Выходит, что и *нартский цикл Пэтэрэза тоже должен был существовать в позднебронзовом веке* (Ловпаче Н.Г., 2009).

Эту же дату создания эпоса «Нарты» (I тысячелетие до н. э.) мы встречаем и у других исследователей. Так, рассматривая цикл сказаний о кузнеце нартвов – Тлепше, А.М. Гадагатль обращает внимание, что эпоха изготовления предметов вооружения и земледельческих орудий из железа относится, судя по ряду археологических памятников Северо-Западного Кавказа, к VIII-VII вв. до н. э. «Именно в ту начальную эпоху железа, – отмечает Е.И. Крупнов (1952), – и зародились основы цикла сказаний о Тлепше, воплотившем в себе древнее высокое кузнечное мастерство». Не исключена возможность, что именно к этому же «нартскому» периоду относится и первое появление адыгского названия кукурузы – «натрыф» («натыф, нарыху, натыху»), что означает «нартское просо».

«Что же касается историзма в преданиях о нартах, – пишет А.А. Ципинов (2004), – *становление этого жанра изначально было связано с изображением реальных событий и лиц*. Возьмем для сравнения предания об Андемиркане, включаемые исследователями адыгского фольклора в жанр сказаний. Нет каких-либо документальных сведений, которые могут служить основанием для соотнесения фольклорного Андемиркана с историческим лицом. Однако подлинность многих лиц, фигурирующих в цикле (Беслан, Канибулат, Биту, Кадышуко), документально подтверждается. Конкретно историчны и географические названия, встречающиеся в цикле: Крым, Грузия, Кубань, Черек, Терек, Хыз и другие. Можно констатировать, что в данном случае мы имеем дело с историзмом совершенно иного порядка, нежели в нартском эпосе. То есть события и лица, описываемые в различных рассказах цикла об Андемиркане, хронологически и географически локализируются, что невозможно в нартском эпосе».

2.1.3. Народные сказания и сказки

Адыгейские сказки – весьма интересны и ценны общностью своих мотивов со сказками других народов. В них зло везде побеждено. Это – хорошее свидетельство о здоровье народа.

А.М. Горький (1929).

Труд – основное занятие сказочных положительных героев. Они выращивают и охраняют сады, обрабатывают землю; при этом демонстрируют высокое мастерство и прилежание: пахари отлично обрабатывают землю и убирают богатый урожай и т. п.

Ш.Х. Хут (1980).

Большой массив информации (зачастую уж очень фантастической!) о нелегком крестьянском труде и земледельческих орудиях приводится в сказаниях и сказках многих народов мира, в том числе народов, проживающих на Северном Кавказе. Сказания, по мнению специалистов по народному фольклору, – это устные прозаические произведения исторического характера, с установкой на достоверность, сочетающие в

повествовании реалистическое и фантастическое начала. По сути, они представляют собой произведения, переходные от сказки к реалистическому повествованию. Так, в адыгских сказаниях зачастую упоминаются существовавшие в далеком прошлом исторические личности, а также вполне реальные географические объекты: Индыл (Волга), Ошхамафо (Эльбрус), Пшиз (Кубань), Тен (Дон).

Сказки же, в отличие от сказаний, имеют установку на явный вымысел и счастливый конец. Так, на вымышленность событий и персонажей, например, в адыгских сказках указывает термин «*пшысэжэ*», заменяемый адыгами для обозначения произведений именно этого жанра. «Сказки рассказываешь», – издревле говорили в народе, упрекая рассказчика в очевидном вымысле или лжи. Вместе с тем, как говорится, «сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок»...

2.1.3.1. Народные сказания

В сказаниях и сказках адыгов и других народов Северного Кавказа, наряду с ярчайшей фантазией, отразилась и реальная жизнь древних людей; в них много внимания уделено земледельческим орудиям и крестьянскому труду. Например, в адыгейских сказаниях («Как люди научились делать серпы», «Молодой Трам и хорошая девушка»), в сказках о животных («Свинья и лиса», «Веселый воробей») говорится о том, что сначала великаны-иныжи научились делать серпы у испов – маленького народца-карликов, а уже у великанов переняли это искусство и люди, которые стали жать серпами просо. В сказаниях «Как Саусырыкьо вернул стране нартов семена проса», «Тхагелидж и сын Тлепша Дзэхуш» и других говорится о пахоте, возделывании сельскохозяйственных культур, уборке хлеба и т. д.

В сказании «Шауай и черновласая красавица» герой повествования Шауай достает косу, длинные и короткие вилы и три месяца подряд косит и сушит сено, а затем три дня вываривает сенную труху в котле, превращая ее в волшебную смолу. Весьма интересно и сказание «Хлопковая война» из цикла «Приключения Айдемиркана», в котором рассказывается о сражении на Белых песках близ Хлопковой балки. В какой-то степени название этого сказочного географического объекта может свидетельствовать о давнем знакомстве адыгов с хлопком (или даже выращивании этой культуры на Земле адыгов?). Кстати, в 30-х гг. XX в. на Кубани была сделана попытка возделывания хлопчатника в промышленных масштабах.

2.1.3.2. Адыгейские сказки

В устно-поэтическом творчестве адыгов, как и других горских народов Северного Кавказа, важное место занимают сказки, которые имеют свои специфические строевые черты, отличающие их от других жанров фольклора. По М.А. Кумахову и З.Ю. Кумаховой (1985), сказки бывают волшебные, бытовые, сатирические, авантюрные. Наиболее древнее происхождение среди них имеют так называемые трудовые сказки.

Немало упоминаний о земледельческих орудиях и сельскохозяйственных культурах есть не только в сказаниях, но и в адыгейских сказках. Так, в одной из них («Долетмиз») рассказывается о том, как дед главного героя «ездил в дальние края за рисом и шелком», что также в какой-то степени подтверждает давнее знакомство предков адыгов с культурой риса. В сказке «Озермес» главный герой волшебной косой выкашивает необыкновенно большой участок поля. В сказке «Бамбет» злая жена превращает его сначала в петуха, потом в борзую и, наконец, – в индюка, который объел все скирды не обмолоченного проса и затем спрятался под сапетку – ларь для зерна. В другой адыгейской сказке «Батыр – сын медведя» злой князь-пши дал Батыру шесть тощих быков и старую соху и приказал ему вспахать огромный участок земли вокруг кургана, где жили великаны-иныжи. Кончилось тем, что богатырь победил всех злых великанов и запряг их в соху вместо быков: «Без отдыха пахали иныжи весь день и всю ночь, трудились, и к утру наконец закончили пахоту». О том, что предки адыгов пахали землю не только деревянной сохой, но и железным плугом, рассказывается в сказке «Младший брат»: когда иныж приказал ему принести сиденье «не из камня, не из земли и не из дерева», младший брат «вышел во двор, взял железный плуг и вташил в дом: «Садись!»...

В сказках «Три были из жизни Хахупэко Черия» и в «Сказке о Шеребатыре» рассказывается о тяжелом труде пахарей, упоминаются и орудия для вспашки поля. В сказке «Колос старика» можно встретить упоминание о примитивной крупорушке: посеял дед просо, а у него уродился один-единственный колос; зерна из этого колоса склевал петух, петуха затоптал ягненок, а сам ягненок ударился о ножную просорушку и погиб. В сказке-притче «Заветы старика» подчеркивается необходимость хорошо трудиться, а также приводятся сроки выполнения различных сельскохозяйственных работ – вспашки поля, посева, уборки урожая; при этом упоминаются и основные земледельческие орудия.

Особое место в адыгском фольклоре занимают так называемые «сказки-небылицы» – занимательные рассказы о мнимых невероятных приключениях главного героя или самого повествователя. И в них можно встретить упоминания о важнейших земледельческих работах – пахоте, сенокосе, жатве хлебов и т. д. Так, в небылице «Куйжий и Бытыпш» рассказывается о жестоком князе, который сел со своими уорками у дороги и требовал у проезжающих наполнить его шапку доверху ложью. Что бы ни рассказывали ему, коварный князь говорил, что такое вполне могло быть, после чего он убивал рассказчиков, а коня и снаряжение забирал себе. Лишь Куйжий смог спастись от смерти, рассказав, что его прадед запряг прадеда князя и пахал на нем. «Такого не могло быть!»

– воскликнул князь, – и проиграл. В другой небылице из этого же цикла Куйжий по огромной лиане, свисавшей с неба, спускается на землю. Заметив, что лиана не достает до земли, он смело прыгнул надвигающиеся внизу черные точки. Оказалось, что это его прадед пахал поле на прадеде князя. Во время пребывания на небе герой встретился со своими соседями, сажающими капусту, – и юноша не прошел мимо, а стал помогать им.

Земледельческие мотивы прослеживаются и в сказке-небылице «Приключения пчеловода». На дереве было полно орехов; они созрели и упали на землю. Увидев, что на дереве остался еще один орех, рассказчик швырнул в него ком земли. Орех упал вниз, а кусок земли застрял между ветками дерева. Со временем он увеличился и превратился в обширное поле, на котором жители пяти аулов возделывали просо.

О нелегком труде косарей и используемых ими орудиях для косьбы рассказывает шутивая адыгская сказка «Шапка небылиц». На поляне росла отборная трава – *атэкель* и *кульуц*. Сено из этих трав было для скота чрезвычайно вкусно и питательно. Когда напал волк, кто-то из косарей кинул в него старую косу. Волк рассвирепел, схватил косу зубами и, бегая по огромному лугу, скосил все сено. Потом косари кинули в волка короткие вилы. Волк выпустил косу из зубов, схватил вилы и, со злостью поддевая траву вилами, сложил все сено в сто стожков. И наконец, косари кинули в него длинные вилы. Волк схватил их и, быстро носясь по полю, насадил все сто стожков сена на длинные вилы, – получился один огромный стог. О косьбе рассказывается и в сказке «Куйцук и шайтан». Возвращаясь с сенокоса, Куйцук встретил шайтана, который попросил рассказать ему что-нибудь удивительное. «О чем же тебе рассказать? Вот разве о том, что девять косарей одного комара убили?».

Столь частое упоминание в старинных сказках и сказаниях о земледельческих орудиях и крестьянском труде является еще одним подтверждением древности сельского хозяйства адыгов и других народов Северного Кавказа.

2.2. Музыкальная культура адыгов

Народная песня, составляющая значительный пласт в фольклорном наследии горцев, глубоко и ярко отражает трудовую жизнь народов Кавказа на протяжении многих тысячелетий.

Г.К. Чич (1980).

Инструментальная культура народа во многом есть показатель его духовного состояния. Инструментальная культура адыгов самобытна, богата и разнообразна.

А.Н. Соколова (1991).

Песня, как справедливо подчеркивает кубанский композитор Илья Петрусенко (1999), – это самое бесценное богатство народа. По ее историческим и «походным» образцам можно представить историю страны, региона, народа. А по семейно-бытовым и лирическим, а также по песням шуточного и плясового характера можно познать быт людей, их обычаи. Весьма эмоционально выразил эту мысль А.Ж. Кафоев (1999): «Народные песни и исторические предания должны быть для нас так же драгоценны, как для археологов древние памятники: из них узнаем мы дух, моральный облик своих предков, их нравы, понятия и дела».

Адыгская музыкальная культура, – отмечают Ф.Ф. Хараева и В.Л. Моллов («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006), – одна из древнейших культур на Кавказе. Ее истоки восходят к устной фольклорной традиции адыгского этноса. Об архаических видах музыки адыгов можно судить лишь гипотетически: по отдельным историческим свидетельствам, материалам археологических раскопок. Наиболее яркую картину музыкального мышления адыгов представляют сохранившиеся к первой половине XX в. образцы нартского эпоса, обрядового фольклора.

В музыкальной традиции отразились особенности исторического и географического аспектов культуры адыгов: тесные историко-культурные связи с народами Северо-Восточного Кавказа и Закавказья. При этом сложились два основных музыкальных стиля – восточноадыгский и западноадыгский.

По форме бытования в адыгской музыкальной традиции выделяются обрядовая (ритуальная) и необрядовая (светская) музыка. Будучи связана с такими концептами культуры, как Жизнь, Смерть, Судьба, а также Честь, Достоинство (переживание которых в адыгской традиции приравнивается к переживанию Жизни и Смерти), обрядовая музыка отмечена максимальной смысловой насыщенностью в мифологическом мироздании. Значительное развитие получает светская форма музицирования, к которой относится исполнение музыки в *хачеше* (адыг. *хъакIэшъ*, каб. *хъэшIэшъ* – «гостиная») или в центре селения; походные песни и наигрыши; придворная музыка. В музыкальной традиции адыгов сложились вокальная, вокально-инструментальная и инструментальная формы музицирования (Хараева Ф.Ф., Моллов В.Л., 2006).

Кроме многочисленных пословиц, поговорок, народных примет, сказок и сказаний, связанных с теми или иными орудиями труда или земледельческими работами, в фольклоре адыгских народов сохранился большой массив обрядовых и трудовых песен, в которых немало места уделено этой теме, – самой, пожалуй, важной для крестьянина-земледельца. Говоря об истоках «земледельческого» поэтического цикла,

М.И. Мижаев (1980) подчеркивает: «Произведения аграрной поэзии уходят своими корнями в трудовую деятельность человека и порождены не только общими заботами земледельцев о материальном благополучии, но и их коллективными усилиями в борьбе за освоение природы и окружающего мира». Приведу лишь несколько примеров из сокровищницы адыгского народного фольклора, относящихся к данной теме.

Песни с сельскохозяйственной тематикой были весьма популярны у горских народов Северного Кавказа. Практически до настоящего времени сохранились у адыгов трудовые песни пахарей, прополки кукурузы, очистки початков кукурузы, погонщика волов при молотье, песни косарей и т. д. Наиболее древними среди них являются хохи – здравницы и заклинания будущего урожая, а также обрядовые, трудовые, героические песни. При их исполнении использовался самый разнообразный музыкальный инструментарий, пришедший к нам из глубины столетий.

2.2.1. Песни и хохи адыгов: свидетельства минувших эпох

*Запевае адыг песню, и душа устремляется
ввысь, гордая великими деяниями предков... Народ
жив, пока жива песня. Песни о героях нартского эпо-
са адыгов пережили тысячелетия.*

Н.И. Сообцкова (2010).

С глубоким лиризмом и нескрываемым волнением делится своими впечатлениями о песенном искусстве адыгов Н.И. Сообцкова (2010): «Народные песни адыгов... Почему душа устремляется ввысь, когда слушаешь печальные, словно созданные из стона, слова старинных песен народа. Какая магия заключена в этих песнях? Да и стоит ли их разгадывать? В них ты слышишь стон народа, которому приходилось вечно защищать свой кров, свои земли, свой домашний очаг от захватчиков всех мастей. В них ты услышишь и ритм гордых горских танцев, в них же затаенная женская вдовья боль, в них героика прошлых лет и мечты о прекрасном будущем народа-труженика, который в неимоверно трудных условиях, буквально из ничего, примитивными инструментами мог создавать чудеса искусства.

Запевае адыг песню, и душа устремляется ввысь, гордая великими деяниями предков, – то парит, словно чайка над морем, обретя крылья любви, не знающей никаких преград, то опускается на землю, чтобы сопереживать горю ближнего. А то зазвучит задорная шуточная песня и так хочется подхватить ее и закружиться в порыве несказанного счастья... Народ жив, пока жива песня. Песни о героях нартского эпоса адыгов пережили тысячелетия. Живи, мой народ! Пусть вечным твоим спутником будут мир, счастье и, конечно, песня!» (Сообцкова Н.И., 2010. С. 215).

2.2.1.1. Жанровое разнообразие песенного искусства адыгов

*К древнейшим историческим слоям традицион-
ного песенного искусства адыгов относятся нарт-
ский эпос и песни, исполняемые в определенное время,
при определенных обстоятельствах, приуроченные к
тому или иному событию.*

З.М. Налоев (2009).

К древнейшим историческим слоям традиционного песенного искусства адыгов относятся нартский эпос и песни, исполняемые в определенное время, при определенных обстоятельствах, приуроченные к тому или иному событию.

В «Записках о Черкесии» (1836) Хан-Гирей выделяет пять жанров народных песен: 1. «Жизнеописательные» (*лызакъуэ тыынальэ*); 2. «Описание битв» (*зауз уэрэд или лыбз тыынальэ*); 3. «Плачевные песни» (*гъыбзэ*); 4. «Песни наездничества» (*зеклуэ уэрэд*); 5. «Песни, которые исключительно поют при теле усопшего» (*сагъыш*). А по З.М. Налоеву (2009), все многообразие народных песен представлено в фольклоре адыгов следующими жанрами: 1) песни, непосредственно связанные с трудом; 2) песни, опосредованно связанные с трудом; 3) семейно-обрядовые и семейные песни; 4) врачевальные песни-заговоры; 5) хохи.

I. ПЕСНИ, НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАННЫЕ С ТРУДОМ: 1) песни пахарей (*ваклуэ уэрэд*); 2) песни прополки кукурузы (*нартиф джахь орэд*); 3) песни очистки початков кукурузы (*нартиф уккэлэ орэд*); 4) песни погонщика волов при молотье (*цхьэлуэ уэрэд*); 5) песни косарей (*мэкъуауэ уэрэд*); 6) аробные песни (*гублацхьэ уэрэд*); 7) пастушьи песни и наигрыши (*мэлыхуэ уэрэдхэмрэ макъамэхэмрэ*); 8) песни пасечника (*бжьахуэ уэрэд*); 9) песни чесальщиц шерсти (*цыпхынэ уэрэд*). К той же группе жанров принадлежат: 1) мельничные песни (*цхьэл уэрэд*); 2) кузнечные песни (*гьукл уэрэд*); 3) песни толчения зерна (*гухуэ уэрэд*); 4) песни очистки проса на просорушке (*ужьгьэ уэрэд*). Песня сопровождала в прошлом почти все трудовые процессы.

II. ПЕСНИ, ОПОСРЕДОВАННО СВЯЗАННЫЕ С ТРУДОМ: 1) охотничьи песни (*цаклуэ уэрэд*), обращенные к мифологическому покровителю леса и лесных зверей – Пшимазитхе и мифологическому покровителю охотников – Даушджерджию; 2) песни вызова дождя (Хьэцэгъуащэ, Елэ); 3) новогодние величально-поздравительные песни при обходе дворов (*хьуромэ*); 4) ритуальный флейтовый наигрыш, способствующий поиску тела утопленника (*псыхэгъэ*).

III. СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ: 1) свадебные песни (*фызышэ уэрэд*); 2) колыбельные песни (*гуцэ уэрэд*); 3) песни, побуждающие детей ходить (*сабий зегъаклуэхэр*); 4) песни укачивания одряхлевших стариков (*гуцэм халхэжа лыжъхэм я уэрэд*); 5) причитания (*бжэ*).

IV. ВРАЧЕВАЛЬНЫЕ ПЕСНИ: 1) песни-заговоры оспы (*фэрэкл уэрэд*); 2) песни-заговоры ран и травм (*цлэтицэ уэрэд*).

V. ХОХИ. К «приуроченным» песням непосредственно примыкает обрядово связанный с ним традиционный поэтический жанр музыкально не интонируемых *хохов* (*хъуэхъу*) – благопожеланий, произносимых перед началом работы или по ее окончании, во время праздника возвращения с пахоты, обрядов свадьбы и др. (Налоев З.М., 2009).

В историко-культурной ситуации XVI-XIX вв. тема любовной лирики отходит на второй план. Бытующий сегодня пласт лирических песен в значительной мере относится к 30-60-м гг. XX в. Динамические процессы жанровой системы адыгского песенного фольклора в большой степени связаны также с изменениями в духовной культуре общества. С XVIII в. отмечается усилившееся влияние ислама. Адыгская музыка воспринимает формы, связанные с религиозным канонам, главным образом речитации текстов Корана – *зэчыр* (Хараева Ф.Ф., Моллов В.Л., 2006).

2.2.1.2. Героические и величальные песни

*Поднимай, поднимай знамя высокое!
Вооружайся! Вооружайтесь все, аттехей!
Охраняй долину, охраняй долину,
Очаг и дом, прощай, прощай!...*

Черкесская народная песня

Благороднейшими и драгоценнейшими свойствами человека является мужество, отвага, верность своему слову, любовь к Родине. Как подчеркивает Г.К. Чич (1991), героическое начало в человеческом характере высоко ценили все народы Кавказа, и адыги не являются в этом смысле исключением. Большой массив героических песен дошел к нам через толщу тысячелетий из нартского эпоса (песни о Саусырыко, Шебатыныко, Патарез, Насрен, Орземедж и др.). Песни нартского эпоса адыгов отличаются эпической величавостью, суровой торжественностью.

Жанр героических величальных и плачевых песен (адыг. *лызакъуэ шыыналъ*; каб. *лызакъуэ шыыналъэ*; адыг., каб. *гъыбзэ*) достигает расцвета в период с начала XVI по конец XIX в. Бурному развитию этого жанра толчок дали феодальная рознь, а затем длительная война за независимость Черкесии. Героика составляет основной массив в сохранившейся ко второй половине XX в. устной традиции адыгов.

Героические величальные и плачевые песни, наряду с нартскими, – самый многочисленный и социально активный вид «неприуроченных» песен адыгов. Неприуроченность в данном случае означает, что песни этого вида, пережив первичную функцию величания или оплакивания героя, превратились в песни, исполняемые в любое время и при любых обстоятельствах. В этом плане они являются оппозицией трудовым и обрядовым песням (Налоев З.М., 2009).

Но в отличие от песен нартского эпоса, пронизанных элементами фантастики мифологических представлений, более поздние героические песни адыгов отличаются историчностью, близостью к реалиям того или иного конкретного исторического периода.

Одной из старейших величальных песен, бытующей и в наши дни, является «Песня о Бахчисарайском походе». Во второй половине XVI в. кабардинская конница, форсировав Керченский пролив, совершила поход в столицу Крымского ханства. Кабардинцы начали успешно штурмовать Бахчисарай, но испуганный хан откупился, заплатив им огромное по тем временам количество мануфактурных тканей (Налоев З.М., 2009).

Этому удачному походу народные певцы джегуако посвятили песню, в которой воспеваются сам поход, его счастливые результаты, а также полководец Татлостан Янхотов, возглавивший кампанию, и его соратники. В ней нет оплакивания погибших – только прославление победителей, нет сюжетного рассказа о происшедшем – лишь несколько скупых штрихов, из которых все же явствует, где и какое произошло событие, кто и какое принимал в нем участие:

(Уар) племена (ата, жи) собираются, и (уор) Татлостан
наш полководец (е-уо-уи).
(Уа) Бахчисарай (гуша, уойра) о семи углах был
(ра-уо-уои).
(Уар) на белых конях могучих войско (уара)
в Междуморье вступает (ра-уо-уи).
«Пусть пользы не будет, но к мечети белой большой
пробьюсь!» – сказал Андемиркан... и т. д.

Или взять, например, Кавказскую войну. К этому столь тяжелому для адыгов периоду относятся самые разнообразные песни – и героические, и исторические. Примером последних является песенно-поэтическое переложение «Декларации независимости Черкесии» (1830 г.), записанное анонимным состави-

телем из Германии в первой половине XIX в. и ныне хранящееся в фондах факультета романо-германской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета:

Уже минуло много лет,
Как без всякого повода
Преследует нас белый царь жестоко,
Чтобы отнять это благо...

И как огромная змея, окутывают
Войска врага
Землю наших отцов, а мы же –
Изгнанники в родной стране.

И если вы когда-нибудь пожертвуете гордостью,
Внемлите зову нашему:
Мы боремся за то счастье,
Которым Бог нас одарил!..

Исключительно тяжелый двойной гнет со стороны местных феодалов и царского самодержавия породил у предков адыгов многих героев, посвятивших свою жизнь борьбе с врагами. О них народ слагал стихи и создавал песни, которые навсегда остались в благодарной памяти потомков, как символ мужества, героизма и преданности своей Родине и своему народу.

Известный исследователь песенного наследия адыгов Г.К. Чич (1991) отмечает, что в основе героических песен адыгов лежат не придуманные, а вполне реальные исторические события. Одним из самых любимых народных героев является Айдамыркан, который посрамляет многих князей как в бою, так и в житейских ситуациях. В неравной схватке с ними он погибает, но навсегда остается в памяти народа, в его песенном творчестве.

Социальная несправедливость в адыгском обществе, нещадная эксплуатация народа князьями и дворянами породила и других героев. Одним из таких мужественных героев, защитников простых людей от гнета феодалов, является Коджебердыко Мыхамет. Песня о нем относится к периоду Кавказской войны; в ней упоминаются вполне конкретные исторические события:

В долине Туапсе гром грохочет,
В Жиубге (Джубге) кровь проливают.
Пушку кто нам привозит –
Коджебердовых сын Мыхамет...

Стойкость и мужество героя достойны подражания. Коджебердыко Мыхамет умер от ран, но навсегда остался в памяти народной как герой – защитник слабых и обездоленных.

Хан-Гирей причисляет к героическим, «наездническим» и песню «Хатх-Мгамет» («Песня о Хатх Мыхамэт-Гуазе»). Согласно преданию, эта песня оказалась «счастливой». Ее назначением было очистить оклеветанную золовкой женщину перед мужем и побудить его взять безвинную жену обратно в свой дом. Песня выполнила эту функцию. Поскольку песня доказала на деле, что может приносить счастье, она могла быть и походной. В ней, как отмечает З.М. Налоев (2009), содержится множество величальных формул:

Сивый [конь] могучий цвета (а-а-а) бузины был,
Твоя кольчуга свинцовыми пулями усеяна.
Сам он из рода какого? – если спросишь,
Хатха-предводителя сын наш Мхамат.
(Уар) если бы вдруг снова тебя я нашла бы.
Наши голодные опять насытились бы!

К «песенной» теме относится и следующий примечательный эпизод, о котором поведал Н.Ф. Дубровин (1871. С. 55): «Заслуги своих великих людей черкесы воспевали обыкновенно после их смерти, но, рассказывают, что, в древности знаменитейший из витязей Бхезинеко-Бексирз удостоился этой чести при жизни. Он был уже в глубокой старости, когда сыновья его поручили певцам сложить жизнеописательную песню об их отце. Старец, узнавший о том после того, как песнь была уже сложена, призвал к себе своих сыновей и певцов, приказал им пропеть сложенную песню и, найдя в ней описание такого подвига, который унижал одного из его соперников, приказал порицание это выкинуть из песни. Скромность почиталась в старину между черкесами лучшим украшением человека»

К героическим песням относится также цикл песен о Шеретлукове и многие другие. Традиция создания таких песен сохранилась у адыгов и в более поздние времена. Так, Великая Отечественная война породила у адыгов целый ряд песен различных жанров, в том числе и героических, наполненных высокими патристическими чувствами любви к Родине, к родной земле. Одной из таких песен является поистине народная песня о Герое Советского Союза Хусене Андрухаеве (Чич Г.К., 1991):

Андрухаев Хусен сердцем крепкий мужчина,
В прошедшей большой войне совершил мужество.
Сын своей Родины, смелый командир,
Не жалея жизни, встал против врага.
Андрухаев Хусен победил врагов,
За Родину-мать крепко воевал...

2.2.1.3. Песни исторические

В отличие от песен нартского эпоса, героическим песням адыгов чужды элементы фантастики и мифологических представлений. Их особенностью является историчность.

Г.К. Чич (1991).

Песенная память почти четыре века бережно хранила историческую информацию, точно совпадающую с писанным актом! Она донесла до нас и такие детали исторического события, каких нет в последнем документе...

З.М. Налоев (2009).

Истоки исторических песен уходят в глубь времен. Не исключено, что в них запечатлены такие далекие события, как борьба с готами («Даосын Басхан») и аvaraми («Байкан-хан»). По крайней мере, историзм более поздних произведений (XI–XVI вв.) сомнения не вызывает, так как подтверждается и другими источниками (например, песнь о поединке касожского и русского князей Редеди и Мстислава Удалого – «Сагише о Ридаде»). Создание исторических песен продолжалось и в первой половине XIX в., и в последующие годы (Бондарь Н.И. 1990). Развивает эту мысль З.М. Налоев (2009). По его мнению, одним из видов отражения исторической действительности является биографическая песня, посвященная выдающимся воинам и полководцам («жизнеописание» – по терминологии Хан-Гирея). В подобного рода песнях содержатся не только описания отдельных эпизодов из жизни и деятельности героя, но и информация о военных событиях, участником которых он был. Таковы песни об Андемиркане, о Дамалее, Темруко Храбром (князе Темрюке) и многие другие. До дня сегодняшнего в народных песнях и преданиях кабардинцев жива память об эпохе князя Темрюка, породнившегося с великим русским царем – Иваном Грозным. Дыхание той эпохи ощущается и в поговорке: «Тхаго царь-Иван хоттуа» – «Присяга, которая дана перед царем Иваном». А мудрые старики донесли до нас песни и легенды о князе Темрюке, направившем посольство в Москву, чтобы защитить Кабардинскую землю от иноземных завоевателей. В одной из них сказано (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007. С. 19):

Семь месяцев трудных сидел ты в седле,
Доспехи надел боевые.
Ты благо принес Кабардинской земле,
Открыл нам просторы России.
Хуара-скакун ускоряет свой бег,
А всадник отважен и строен,
Горячие стрелы ты сыплешь, как снег,
Темрюк, предводитель и воин...

Например, «Песня о Темруко Храбром» повествует о том, как кабардинский князь и полководец Темрюк Идаров – союзник России и противник Крыма – сражался семь месяцев («семь полнолуний») с ханскими войсками у реки Ахупс (Афипс) и был тяжело ранен.

О сражении кабардинских войск с крымским ханом у реки Ахупс в «Списке русского посла в Крым А.Ф. Нагова» (1569-1570 г.) сообщается: «Приехал деи из Черкас Алди-Гирей царевич, а воевал деи черкасы Баазытцкие. И Темрюк деи князь с детьми Баазытцким черкасам приходил помогати, и был деи Темрюку-князю со царевичем бой, и Темрюк деи князь с бою съехал ранен...». После 1570 г. Темрюк не упоминается в русских исторических документах – очевидно, он скончался от полученных ран. «Баазытцкие черкесы», по объяснению историков, – это северокавказские абазинцы. Согласно карте «Черкесия (Чиркасия) в XVI–XVII вв.», северокавказские абазинцы занимали территорию, очерченную следующими пунктами: полуостров Тамань, река Кубань, ее левый приток Адагум. Река же Ахупс (Афипс), у которой песня локализует место сражения Темрюка с крымским войском, находится приблизительно на 100 км восточнее реки Адагум. По-видимому, можно согласиться с тем, что и песня и документ говорят об одном географическом районе. Что же касается главных участников события, то имя князя Темрюка не вызывает сомнений.

Песня и документ сходятся и на том, что в той битве Темрюк был ранен; упоминаемый же в песне Долат Крым Джерий не участвовал в этом походе. Крымскими войсками командовал тогда ханский сын «Алди-Гирей царевич».

«Песенная память почти четыре века бережно хранила историческую информацию, точно совпадающую с писанным актом! – восклицает З.М. Налоев (2009). Она донесла до нас и такие детали исторического события, каких нет в последнем документе: под Темрюком был молодой чистокровный конь; у Темрюка были соратники – один по имени «Етлуха сын Кайдак», другой – «Тамбия сын Идар мужественный». Песня настойчиво утверждает и то, что рядом с кабардинскими войсками в том сражении стояли русские отряды. Этот факт не упоминается в истории, но его вероятность также нельзя исключить».

Как правило, исторические песни создавались сказителями, как мы сказали бы сейчас, на строго документальной основе. Вот один из примеров. В Австро-Венгрии, у деревни Ветлино, в предгорьях Карпат, в ночь с 17-го на 18 декабря 1914 г. всадники и офицеры Кабардинского конного полка приняли свой первый

бой, проявив исключительную храбрость. Смертью храбрых пали: Хату Анзоров, Асланбек Абаев, Амуш Шакманов, Исмаил Орков, Ибрагим Максидов, Люта Тумов, Диго Ходов и Хагуро Шагилов; десятки воинов получили ранения. После того боя пошла в Нальчик подполковнику Клишбиеву телеграмма из действующей армии от полковника Воронцова-Дашкова: «Рад сообщить о блестящей ночной схватке. Взяты нами пленные, оружие. Батальон противника понес большие потери. Паника. Бросив позицию, противник отступил...». Эта телеграмма командира полка была размножена в Нальчике и разослана в копиях старшинам селений в Кабарде и обществ в Балкарии, всадники из которых вели бой с противником на австрийском фронте. До наших дней сохранилась народная кабардинская песня о героях этих боёв (Опрышко О.Л., 1993):

Мы смотрим на Кабарду, честь ее защищаем!
Государства великого мы защитники, мы выступаем,
В земли Австрии, большого государства мы вступаем.
На землях, куда мы вступили, бои большие ведутся,
Страха не знающий всадник в разведку уходит.
Кошаров с ружьем однозарядным в гущу врагов врывается,
Австрийские пули – что летний дождь на нас брызжет,
Оловянные пули в его бедрах пробками сидят
Зимой по колени снег, мы его утаптываем,
Нас, кабардинцев, чтобы не позорили, мы наступаем...

Но были, к сожалению, и такие факты. Зачастую, пишет А.К. Чемсо (2002), – во время Кавказской войны сказители-песенники упрекали своих соотечественников за то, что они воевали на стороне завоевателей – русского царя («Воюешь, хлебная бульон свиной...»). С этой точки зрения представляет интерес историческая песня о есауле шапсуге Урус-Бей Давлет-Гиреевиче Могуковом (его имя встречается как Абрам, Брак, Брам, а в песнях Хабрак, Хъэбракъ), с декабря 1831 г. – хорунжий, позже – полковник царской армии (кстати, за мужество был награжден орденами: св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени, св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Станислава 2-й степени, знаком ордена св. Георгия):

Шапсыгъэ быдзыщэм укъешъо,
Къо лэпсым уешъоуи озау,
МыгукъокIэ Хъэбыракъыжъ,
Къэгъазэба, джаурмэ яшыу!
Вскормленный грудью шапсугской женщины,
Воюешь, хлебная бульон свиной,
Могуков, презренный Хабрак,
Возвращайся же домой, всадник гяуров!

Завершая свое исследование героико-исторического песенного творчества адыгов, Г.К. Чич (1991) отмечает: «Адыгские народные песни – это трепетная, глубоко волнующая, драматическая поэма всей их яркой и легендарной истории. Осознание, осмысление этого необычайно ценного наследия народа, его глубоко патристической направленности и его интернационального характера – важная задача сегодняшнего дня». В справедливости этого вывода трудно усомниться...

2.2.1.4. Обрядовые песни

Для земледельца большим бедствием всегда была засуха. Вызвать дождь и уберечь урожай от засухи – основная цель многих обрядовых действий и песен.

М.И. Мижаев (1980).

Обрядовый фольклор включает песни – обращения к покровителям леса; – вызывания дождя; новогодние поздравительные песни; ритуальные наигрыши...

Н. Шахназарян (2008).

Один из важнейших пластов песенного фольклора – обрядовые песни, известные адыгам с глубокой древности. Среди них выделяются песни, связанные с семейной обрядностью (колыбельные, свадебные и др.); врачевательные песни-заговоры; песни опосредованно (новогодние колядки, песни вызова дождя и др.) и непосредственно связанные с трудовыми процессами (кузнечные, песни пасечника и др.) (Хараева Ф.Ф., Мохов В.Л., 2006).

Обрядовый фольклор включает песни-обращения к покровителям леса; песни вызывания дождя; новогодние поздравительные песни; ритуальные наигрыши, сопровождающие поиск утонувшего или погибшего под лавиной; песни-обращения к божеству грома, сопровождающие похороны, пострадавшего от молнии; песни семейные (свадебные, колыбельные, песни-укачивания одряхлевших стариков), врачевательные (песни-заговоры от оспы, от ран и болезней); песни-благопожелания (*хохы*) (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>). К ним же относится цикл охотничьих песен, которые, по замыслу исполнителей, должны были дать гарантию удачной охоты. Охотничьи песни и песни земледельческого календаря, опосредованно связанные с трудом,

обращены к мифологическим покровителям охоты, дождя, урожая и *хуроме* – празднику зимнего солнцеворота, к которому позднее было приурочено Рождество (Налоев З.М., 2009).

Гимн Пшимазитхе (Мазитхе) – мифологическому покровителю леса и лесных зверей – бытовал в качестве охотничьей песни, призванной его умилюстить и побудить послать удачу охотникам. Пшимазитха – охотничье божество адыгского языческого пантеона. Слово «Мазитха» («Мэзытхъ») этимологически означает «лесной бог», «леса бог»; слово «*птии*» («*птицы*») в значении «владыка» прибавляется к имени как величальный элемент. Пшимазитху называли «рыжеусым», представляли играющим в шашки (*сотэрэи*) из кончиков оленьих рогов, у него «золотой хохол», который «дыбится» («*зыресэ*»); особенно любимые им жертвы – «сано красное веселое», «валух белый многорогий», красавица «белорукая»; его атрибуты – баклага из кожи ланьей головы и палица (*быдакъ*) из кости слона.

Гимн Пшимазитхе – двустипий, связанные между собой «подхватной» рифмой. Каждый стих, расчлененный на два полустипия, представляет собой развернутый эпитет – характеристики Пшимазитхи:

ПшымэзытхъэкIэ, (уо уор), соджэр, (иджы, уара уойдэ),
(уэ), пашIэ, (уа), бзийплърэ...
Санэплъмэ, (уа, уо), и бзабзэр, (иджы, уара уойдэ),
(уэ), зыхуа (уо) гъэхъжы.
Гъэлъэхъу хужъмэ (уо, уо), и бжъабэркъэ, (уара уойдэ),
(уэ), зи тыхъэ, (уа уари), щIасэрэ...
(уэ), зи н'ысэ, (уа-а, уо), щIасэр (иджы, уара уойдэ),
(уэ), зыхуэльъгуажы.

Кого Пшимазитхой, (уо уор), называю, (иджы, уара уойда),
(уа), усы того, (уа), рыжие...
Сано красное, (уа, уо), веселое, (иджы, уара уойда),
(уа), для кого выдерживают...
Валух белый, (уо, уо), многорогий, (уара уойда),
(уа), чья жертва любимая...
(уа), чья невестка, (уа-а, уо) любимая, (иджы, уара уойда),
(уа) перед кем колени преклоняет...

Гимн Мазитхе-Пшимазитхе типологически соответствует осетинским песням об Афсати и карачаево-балкарским песням об Апасаты. Все они посвящены покровителям лесных зверей и выполняют тождественные функции (умилюстить «владыку» и побудить его послать удачу в охоте). Или еще пример. Песня «Даушджерджий» обращена к покровителю охотников и рыцарей-наездников – христианскому св. Георгию – Дауш Джерджию (Налоев З.М., 2009). Он во многом сходен с осетинским его аналогом – «белобородым» мельником Уастырджи, посылающим «обилие». Адыги величают Даушджерджия «дарящим счастье» («*угъурлыжъ*», «*махуэ*»); они настраивают его на доброжелательность, обещая, что «в глубоких норах обитающие – наша общая добыча» («*гъуэдэдыджмэ ис гуцэхэр зэдэди зэдэди захуэти*»). Даушджерджий, как и Пшимазитха, имеет «белолицую» («*напэхур и КIэст*»), «светлорукую» («*Ицхъэхур*») пленницу. Не исключено, что песня «Даушджерджий» могла быть посвящена в далеком прошлом тому же лесному богу Мазитхе, но позднее, в эпоху рыцарей-наездников, уже обращенных в христианство, переадресована св. Георгию и превратилась в охотничью песню. Такое толкование ее происхождения тем более вероятно, что в ней нет наезднических мотивов.

Главным в этой песне является утилитарный трудовой мотив, разработанный не в форме прямого испрашивания, мольбы (как в осетинских песнях об Уастырджи), а в форме предрекания («*теIуэ*»). Ублажая покровителя и рисуя картину желаемого как реально существующего, песня настраивает Даушджерджия на щедрость – по магическому принципу «подобное вызывает подобное» (Налоев З.М., 2009):

Си уэрайдщ, си уэрэдщ, (уэуиуэу, уарэди, уэ), махуэт!
Ди Арыкъыжъ гуцэхэм мыр бжъабэ(уо)жххэр, (уакъэ, уо),
къыщохъури, (рауэией)...
Бланэ е(уэ)хъуахэр, (иджы, ар), лъэгуа, (уо-уо), лъэгуажъэ
фIыцIэти, (рауэией)!
Ди фон фIы(уэ)щIэжъ гуцэхэм, (уэр), дызэды, (уо-уо),
дызэдыщ!оплъри, (рауэией)...
И нэр зы(уэ)теплъэ гуцэр мыр пшэрыхъмэ, (уо уоукъэ, уоу, уэ),
IэщIыкIкъым, IэщIыкI!

Моя песня, моя песня, (уауиуау, уаради, уа), счастливая!
На нашем Арыке родном многорогие, (уоука, уо), пасутся, (рауаией)...
Олени упитанные, (иджы, ар), с коленями, (уо-уо) с коленями
черными, (рауаией)!
Наши ружья черные, (уар), дружно, (уо-уо), наводим, (рауаией)...
Что бы ни увидели глаза добычливого, (уо уоука, уоу, уо), –
от него не уходит, не уходит!

В жанровом отношении охотничьим песням во многом родственны земледельческие и песни вызова дождя.

По Ш.С. Шу (1992), цикл обрядовых песен включает в себя культовые песни в честь бога грома и молнии Шиблэ, богини вызова дождя Ханцегуацэ и др. Такая «метеорологическая» ориентация большинства об-

рядовых песен не случайна. Как справедливо подчеркивает М.И. Мижаев (1980), судьба будущего урожая зависит не только от того, как были организованы весенние полевые работы, какие и как были подготовлены орудия для вспашки и сева, но и от погодных условий в последующий период. Именно поэтому целью многих обрядовых песен у горских народов было вызывание дождя, спасающего сельскохозяйственные поля от засухи и неурожая. Наиболее известным, бытующим и сейчас в ряде мест во время засухи, является обряд «ханцегуашэ», кстати, распространенный под иными названиями и у многих других северокавказских народов.

Песни сельскохозяйственные и вызова дождя подразделяются на два вида.

К *первому виду* относятся обрядовые песни, обращенные к богине дождя Ханцегуаше (Хьэнцэгуашэ). З.М. Налоев (2009) пишет, что при наступлении засухи устраивалось многолюдное шествие по селу с возведением чучела этой богини. Участники шествия пели: «Хьэнцэгуашэ зыдошэрэ!» («Ханцегуашу водим!»). Запевал ведущий, хор отвечал: «Я дэ ди тхэ, уэшх кьэгъэшэцх!» («О наш бог, нам обильный дождь пошли!»). Для этой песни характерна традиционная формула испрашивания дождя у Ханцегуаши:

Хьэнцэгуашэр зэтэшэра –
Ошхэр кьэшха!
Ныхэтхы кьыщэгъуагъо –
Ошхэр кьэшха!
Ханцегуашу мы водим
Дождь идет!
На Нехетхе гром гремит –
Дождь идет!

Обрядовое шествие с песней входило в каждый двор, хозяйка обливала водой его участников и одаривала их курицей, пшеном, маслом, мукой и т. д. По окончании обхода дворов на берегу реки устраивалась обильная обрядовая трапеза с обязательным веселым купанием в реке. Купали всех: молодых и старых, женщин и мужчин, простых людей и аристократов, односельчан и гостей – и купали обязательно в одежде. На этом обрядовом празднике все становились равными, и наступало эфемерное царство вольности. Не менее были известны у предков адыгов, как, впрочем, и у абазин, абхазов, осетин, карачаевцев и балкарцев, и обрядовые песни в честь бога Шиблэ.

Второй вид песен вызова дождя, по З.М. Налоеву (2009), – песни, обращенные к Еле (Елэ, Ела, Елла) – адыгская форма имени христианского Ильи-пророка. Эту группу следует выделить не только по имени покровителя, к которому обращены песни, но, что еще важнее, по их функциональной сложности. В то время как песни, обращенные к Ханцегуаше, имели лишь одну функцию вызова дождя, эти песни выполняли две функции: вызова дождя и величания Бога грома.

Песню «Ела-цоппай» («Елэри-цоппай») народ определяет как «*щыблэ удж*» (*Щыблэ* – бог грома и сам гром + *удж* – ритуальная пляска), что можно перевести как «пляска в честь громового бога». Илье-пророку она, видимо, была переадресована после принятия адыгами христианства. Песня «Ела-цоппай» (слово «цоппай», по объяснению Г.Ф. Чурсина, восходит к имени осетинского бога грома) существовала в единстве с обрядовой пляской вокруг убитого молнией или вокруг места, пораженного молнией. Она является одним из редких примеров троичного синкретизма, дожившего до нашей эпохи. Функцию вызова дождя песня эта приобрела, вероятнее всего, позднее – по ассоциативной связи дождя и грома (гром чаще всего сопровождается ливневыми дождями). В этой функции она могла заменять (и заменяла) песню испрашивания дождя в обрядовом шествии «Ханцегуаша».

В соответствии с таким ее значением, – отмечает З.М. Налоев (2009), – усложнилось и содержание песни. Поэтический текст начинается с величания Елы: он велик, грозен, не знает себе равных («Елэри ялейс»). Слова эти поет запевала. После каждого стиха, спетого запевалой, следует рефрен, исполняемый им одновременно с хором и дважды повторяемый: «Уо Ела, уо Ела, Ела-цоппай!» Рефрен этот предшествует и первому стиху, являясь традиционным зачином песни. Образ Елы не отделялся в народном сознании от его деяний («Ела тучей бурой надвинулся, у околицы разразился, дороги края разворотил, детей заставил вздрогнуть»). Не отделяется образ Елы и от того, кого он поразил:

Елэр Кьанцаухэс,
Елэри жэм фэкьурс,
И быдыппл Имэ
Шэхэр кьыпыжу.
Ела – это Каншаовы,
Ела – это корова белолобая,
Из четырех сосцов [которой]
Молоко текло.

Бытование песни «Ела-цоппай» в функции заклинания-вызова дождя привнесло в ее текст традиционные мотивы Ханцегуаши (призывы обливать водой старух), мотивы изобилия, приносимого якобы ударом грома («Отчаявшиеся возрадуются, проса урожай обильный он пошлет»), а в ее стиль – традиционные поэтические образы аграрного хоха (ритуальных пожеланий обильного урожая):

Мэш бэвышхуэри кьыдитынс...
Выжьри хигъэгъуалъхъу
Выщфри игъэкъугъуу.
Хупхырри ху матэс!
Ху матэри хугульэс!

Проса урожай обильный он пошлет...
Так что и волы старые будут падать.
Волы молодые будут реветь.
Проса сноп – мата зерна!
В одной мате – воз зерна!

До нас дошли и такие версии поэтического текста песни «Ела», которые утратили древнейшую функцию величания Шибле (бога грома) и связанные с нею художественные образы. За их счет в них получили развитие мотивы и образы вызова – заклинания дождя («Просо желтое, Ела, воды жаждет, Ела!»; «Над Гуитхом гром гремит, на Лиготхе ты дождь льешь!»). Песни «Ела» удалось записать только у шапсугов и мздокских кабардинцев; у других адыгских племен они не зафиксированы (Налоев З.М., 2009).

Дополняет эту информацию Ш.С. Шу (1992). Хороводные песни и пляски в честь этого божества («Шиблеудж») исполнялись вокруг убитого молнией человека или пораженного ею предмета (дом, высокое дерево, скала и т. д.) и представляли собой сочетание магических слов, культовой песни и обрядовой пляски (в христианский период – в честь Еле-Ильи). Бога Шиблэ почитали особой песнью «Елери-Шопа», в которой, в частности, говорилось:

О, Шибле, о, бог грома,
Дай силу руке воина,
И шашку сделай острою!..

Как считает П.У. Аутлев (1965), культ Шибле у адыгов должен был возникнуть намного раньше, чем они начали заниматься земледелием и скотоводством, а после появления этих отраслей хозяйства культ этого божества принял аграрный характер. Поэтому, полагает автор, Шибле, являясь божеством грома и молнии (кстати, «молния» по-кабардински тоже «шибле»), в то же время стал божеством земледелия. Чисто земледельческие функции этого божества прослеживаются во многих обрядовых песнях, причем, как отмечает Л.Г. Канчавели, «в припевных словах звучит обращение к Шибле или нередко к христианскому Илье-пророку (Елле)»:

Елле, Елле, не ударяй в наши жилища,
Елле, Елле, охраняй нашу жизнь... и т. д.

Подобные обрядовые песни, «заклинающие» будущий урожай, широко известны и у других народов Северного Кавказа. Так, обращаясь к одному из верховных божеств карачаевцев и балкарцев – Ерюзмеку, – горцы, в надежде на его помощь в земледельческих работах, так превозносили его достоинства:

Он со своей конной дружиной и сейчас живет на небесах,
Охраняет небо и землю от врагов.
Гром – это его крик,
Туманы – дыхание его уст,
Пот его проливается дождем,

Когда он набрасывает свой огненный аркан на врагов – сверкает молния, Иногда, сорвавшись, аркан ударяет и по земле,

Когда Ерюзбек, выхватив меч, рубит врагов,
Тогда тоже сверкает молния...

Победив бога Пука (Кызыл-Фука), Ерюзбек признается главой нартов и вводит у них новый обычай – ежегодное принесение в жертву четырехгодовалого быка, что должно было обеспечить плодородие полей.

К группе обрядовых песен-заговоров относятся и врачевальные песни (*цлIапцэ уэрэдхэр*). Они составляют органическую часть магического обряда *чапи* (*чапц*) который устраивался у постели больного, чтобы оберегать его от воздействия нечистых сил и лечить с помощью магии слова и интонации. Слово «*цлIапцэ*» происходит от глагола «*епцэн*» (буквально – «дуть на кого-либо, что-либо») – «заговорить магическим дутьем и нашептыванием». Жанрообразующим началом в чапшевых песнях-заговорах является их предназначенность – магически исцелить больного; эта функция и определяет веру в действенную силу их интонирования и особенности их поэтики. Не исключено, что в древности чапши посвящались всем больным, но зафиксировать удалось лишь два типа: *чапи* у постели больного оспой (*фэрэкл цлIапцэ*) и *чапи* для лечения травм (ран, костных переломов, извлечения пули) (Налоев З.М., 2009).

К обрядовым песням в какой-то мере можно отнести и песню-наставление для невесты. Она исполнялась торжественно и красиво. В ней в исключительной деликатной форме выражались наставления и поучения, смысл которых сводился к основным требованиям *адыгагъэ* – адыгского кодекса чести: родить и воспитать героя, не сходить с пути добродетели, не поддаваться гневу, ни о ком не злословить, во всем соблюдать меру, быть мудрой матерью и женой... Песня эта называлась еще песней-поучением новобрачной (*нысэ гъасэ орэд*).

Семь женщин после исполнения народного сакрального танца *удж* высказывали свои благопожелания новобрачной. Одна советовала родить и воспитать героя, другая – чтить старших. Среди пожеланий

важное место занимали советы быть чуткой и обходительной со всеми, достойно принимать гостей, любить родных мужа как своих собственных и, конечно, стать умной, доброй женой, ибо в понимании адыгов мудрая жена могла даже, если муж самый заурядный человек – сделать из него героя. Именно поэтому у адыгов столь популярна пришедшая из глубокой древности поговорка: «Именно жена делает мужчину мужчиной». Песня-поучение исполнялась на сочном, образном народном языке (Сообцокова Н.И., 2010. С. 150-151).

2.2.1.5. *Гыбзы*: плачевые песни, причитания

И оплакал Давид Саула сею плачевною песнею...

2-я Книга Царств (1; 17).

Тот, до кого не доходят слова, и тот, кто мертв, – одинаковы (Зыри кызыгурымылуэжри лари зэхуэдэцц).

Из кабардинской песни-плача.

К обрядовым песням относятся также *гыбзы* – плачевые песни, причитания. В истории человеческого общества песни-плачи, песни-причитания впервые появились, несомненно, одновременно с появлением *хомо сапиенса* – «человека разумного», – с тех пор, когда он стал способным испытывать боль и горечь утраты близкого человека. «Учите дочерей ваших плачу, и одна другую – плачевным песням», – говорится в ветхозаветных текстах, датируемых серединой I тысячелетия до н. э. (Книга пророка Иеремии, 9; 20). Или еще: «И оплакал Давид (царя) Саула плачевною песнею...» (2-я Книга Царств, 1; 17).

В качестве характерного примера *гыбзы* рассмотрим адыгский «Плач о Кушук». Под таким названием бытует по крайней мере две самостоятельные песни, посвященные одному и тому же герою. Обе они соданы, очевидно, после смерти Кушука, но до его похорон, в качестве обрядовых песен (Налоев З.М., 2009).

Одна из них сложена от имени жены героя и дошла до нас как величальная песня, посвященная стычке черкесских и ногайских князей, в которой Кушук, наряду с Хатокшоко Магомет-Ашей и неким Сафралом, принимал деятельное участие. В этой песне величаются черкесские воины, отличившиеся храбростью, и осмеиваются трусы, покинувшие соратников до окончания битвы. Кушук не погиб в этом сражении, а умер значительно позднее, в связи с чем, строфы песни, содержащие оплакивание Кушука его женой, относятся к более позднему времени:

Молодежи всей, (ра) на коне сидящей (гуша),
Кушук-князь – пример.
В беду попавших выручает Хатокшоко Магомет-Аша.
С самшитовых моих башмаков
Вестник горя меня сойти заставляет.
Ни один всадник (уар) где больше не спешивается –
(Айт, жипарка) это дом в верховьях Хуарзы.

Еще один жанр плачевого стиля – песни-сетования на горестную судьбу. Бесправие и жестокая эксплуатация крестьян в феодальном обществе порождают жалобную песню крепостных. Побудить создать песню-сетования на горестную судьбу могут самые различные жизненные ситуации, – отмечает З.М. Налоев (2009). Одни из таких песен бессюжетны, другие сюжетно разработаны (как песни балладного типа «Сетования Дзугура Чаша», «Сетования Химсад», «Песня Канамата и Касболата», «Сетования Чалама»), но во всех случаях характер песни определяется жалобно-плачевыми формулами. Например, вот отрывок из «Сетований о ночном нападении на Малую Кабарду»:

(Уар) Алиджук-князя (гуша, ий) в тот день бог на нас наслал,
(А сармахо) войско большое (гуша) привел и нас окружил.
Наши чабанские арбы (гуша) в тот день с горы спускают,
(А сармахо, иджы) наши тысячные отары (гуша, ий дуней) войско большое делит.
(Уар) наших овчарок (гуша) в степи (гуша) выть заставляют,
(А сармахо) Сарихиху-красавицу (ий) в тот день рыдающую увозят.

Широко распространены были в прошлом песни-плачи о погибших в междоусобной борьбе – еще один вид песенного творчества адыгов (Налоев З.М., 2009). Народ осуждал княжеские распри. Одно из преданий повествует о том, как народный мудрец Жабаги Казанок привел стариков во двор князя Асламбека Кайтукина, собиравшего ополчение, чтобы напасть на князей Атажукиных, и совершил мусульманский обряд отпевания – прочитал *дууа*. На недоуменный вопрос живого князя мудрец изрек: «*Зыри кызыгурымылуэжри лари зэхуэдэцц!*» (кабард.) – «Тот, до кого не доходят слова, и тот, кто мертв, – одинаковы».

Неодобрительным отношением народа, возможно, объясняется и тот факт, что в традиционном фольклоре адыгов почти нет песен, содержащих описания междоусобных битв, а также многогеройных *гыбз*-плачей на эту тему. Такие песни, несомненно, появлялись, но не принимались народом и быстро исчезали. Песен же оплакивания одного героя, погибшего в междоусобной борьбе, много, и, очевидно, народная память сохранила те из них, которые были посвящены несправедливо пострадавшим. «Анзор могучий» пал жертвой коварства своего оруженосца; юного витязя Кербеча обманом заманили в засаду и смертельно ранили; сыновья Бзатхала стали жертвой предательства; «золотоусый Асланджерий» был заживо сожжен в кунацкой и т. д.

В тематическую группу песен о случайно погибших входят *гыбзы*, посвященные тем, кто стал жертвой отживших варварских обычаев. В «Плаче о Ханифе» оплакивается красавица-гармонистка, которая была случайно убита во время свадебных плясок: какой-то молодой человек, по обычаю, выстрелил из пистолета в честь пляшущего, но случайно попал в девушку. Аналогом этой песни является одиночный «Плач об Адиюх», повествующий о том, как Адиюх и ее возлюбленному препятствовали соединиться родные, между которыми существовала кровная вражда. Влюбленные бежали, но в пути девушка погибла, упав с коня, который испугался взлетевшего фазана и неожиданно бросился в сторону. Песни, содержащие протест против варварских обычаев, несут в себе гуманистические идеи (Налоев З.М., 2009).

Последним из жанров плачевых песен являются «очистительные» (*зэрызаухеиж уэрэдхэр*). Подробно останавливается на этом вопросе З.М. Налоев (2009), отмечая, что исторически самая ранняя из дошедших до нас песен этого жанра – «Сетования Боры могучего», к сожалению, не поддается датировке. Ее содержание и поэтика противоречат строгому этикету героической песни, согласно которому рыцарь не мог петь о себе, о своих подвигах или страданиях. Это считалось несовместимым с обязательной для него скромностью и выдержкой. Петь о нем должны были другие, по преимуществу – джегуако, а «Сетования Боры могучего» – песня о себе. Предшественницы ее нам неизвестны, но в песенном фольклоре адыгов отчетливо выделяется цикл подобных же «песен о себе», созданных позднее: «Сетования Куалы Созарихи», «Сетования Нартуга», «Сетования Гудаберда, Азепша сына» и др. Что же стояло за этим нарушением жанрового этикета? По преданию, младшая жена старого рыцаря Боры возненавидела его единственного сына от старшей жены и, решив погубить пасынка, придумала хитроумный план обмана своего мужа. И старик убил любимого сына, думая, что убивает своего врага. Похоронив его, несчастный отец сложил исповедную песню. Ее необычность заключалась в том, что старый Бора уделил главное внимание в своей песне не погибшему сыну, а тому, чтобы отвести обвинение в сознательном пролитии родной крови.

К плачевым песням относится и «Песня Куалы Созарихи», сложенная, по преданию, после гибели героя его сестрой. Предание повествует, что когда Созариха дал согласие князю Хатокшкоко Казиеву быть его *пельуаном* (придворным борцом), он оговорил условие – не устраивать ему единоборства с Хусейном Широкой Ступней, доводившимся ему по материнской линии двоюродным братом. Однако в отсутствие Хатокшкоко князь Шужей Ансохов устроил состязания и столкнул братьев так, что Созариха не мог отказаться от борьбы. Когда Созариха расправлялся с побежденным Хусейном Широкой Ступней, Шужей, будто бы желая предотвратить его гибель, бросился к ним и незаметно для публики вонзил нож в горло победителю (Налоев З.М., 2009):

Хатокшуко нет! Горе!
Состязаться меня посылает Шужей,
Уже Кабарда вся смотреть собралась, – пришла.
Меня глашатай уже назвал.
Пусть Тха побьет друзей Шужей.
Хусейна пусть Тха побьет – Широкою Ступню.
Ой, поступили плохо: показали Шогена,
А не он на кругу – Широкая Ступня.
Пусть отцы наши были не братья, –
Мать его моей матери была сестрой!
Ой, на круг, ой-ой, выхожу...
Ужасный день. Тянем друг друга, толкаем.
Я локтем вдавил его в бревно,
Я два ребра сломал Хусейну.
Ой, слух светлый, радостный по свету помчал.
Ой, печальный, увы, полетел за ним вослед.
Хагясе, увы, над моей головой сверкнул,
Нож в мое горло вонзился острый.
Кто справедлив, расскажи
О жизни моей и смерти, – прошу.
А Хатокшуко пусть отомстит за мою кровь...

2.2.1.6. Трудовые песни адыгов

Многообразие трудовых песен обусловлено разными формами хозяйства (песни пахарей, косарей, погонщиков волов при молотье, чесальщиц шерсти, песни при прополке и очистке кукурузы, аробные, мельничные, кузнечные, пастушьи песни и наигрыши).

Ш. Шу (1986. С.146).

Именно в богатейшей россыпи трудовых песен нашли отражение все виды разнообразной деятельности адыгов.

И. Петрусенко (1997).

Зарождение народного музыкального творчества адыгов, по Ш.С. Шу (1992), относится еще к домеотскому периоду – первобытно-общинному строю, датируемому с древнейших времен до начала I тысячелетия до н. э. Дальнейшее развитие оно получило в меотский период (начало I тысячелетия до н. э. – IV в.

н. э.), когда были созданы основные песенные циклы адыгского эпоса «Нарты», появились музыкальные инструменты: рожок-*бжъэмый*, струнные – *лапэщын* и *шык/эпщын*, а также ударные инструменты, типа трещотки. Как подчеркивает этот известный исследователь музыкального творчества горских народов, богатство адыгского песнетворчества наглядно прослеживается в жанровом разнообразии народных песен: трудовых, обрядовых, героических, шуточно-сатирических, лирических и т. д. Самыми древними из них являются трудовые песни. Это вызвано тем, что именно труд, как форма общественной деятельности, появился на самых ранних этапах развития человеческого общества. Как отмечает Ш.С. Шу (1992), «...процесс труда вызывал у первобытных предков адыгов, как и у других древних людей, определенные эмоции, а ритмика труда подсказывала им первые простейшие формы конкретного выражения этих эмоций в виде возгласов, выкриков, переключек и т. д.». По предположению исследователя, древние трудовые песни в своем простейшем варианте строились на элементарной передаче попевок от одной группы работающих к другой. Самые же истоки трудовых песен горцев, в которых воспевается благородный труд земледельца, несомненно, восходят еще к языческой, обрядовой поэзии. Так, возвращаясь к божеству земледелия и плодородия Тхагелиджу, уместно отметить, что именно к нему обращались в древности кабардинцы в своих песнях, исполнявшихся перед началом пахоты. Одна из них выглядит, в записи Б.А. Калоева (1981), следующим образом:

Наш Тхагелидж, оу-оу,
Переднюю часть лемеха мы строгаем, оу-ра,
Лемех мы ставим на место, оу-оу,
Сеятелей нового урожая провожаем, оу-оу...
По тяжести – как рукав кольчуги, оу-ра,
Поле ломилось от колосьев, оу-оу,
Чтобы по краям дремлющие были, оу-ра,
Девять амбаров стояли в ряд, оу-оу.

В более поздних адыгских песнях земледельческая тематика сохраняется и получает дальнейшее развитие. В земледельческий цикл входят следующие жанры: песни пахарей, косарей, песни при прополке, при уборке проса и шелушении кукурузы, песни при молотье, вращении жернова при работе с ручной мельницей и т. д. Наиболее древними среди них, по мнению исследователей, являются *Жъонэк/оорэд* («Песня пахаря») и *Мэкъоорэд* («Песня косаря»). Не имея возможности из-за отсутствия письменности записать их («направить их в сосуд книги», по образному выражению Шоры Ногмова), эти песни изустно передавались из поколения в поколение, дойдя до наших дней практически без изменений, как бы «законсервированные» во времени. Не случайно музыкальным искусством адыгского народа живо интересовались М. Глинка, А. Алябьев, М. Балакирев, Н. Римский-Корсаков и другие русские композиторы. Они неоднократно посещали Северный Кавказ, где записывали образцы самобытной музыкальной культуры адыгов, которые производили на них глубокое впечатление.

«Именно в богатейшей россыпи трудовых песен нашли отражение все виды разнообразной деятельности адыгов», – отмечает кубанский композитор Илья Петрусенко. Характерной особенностью некоторых из них, по наблюдению автора, является отсутствие в них смыслового содержания. В форме переключек групп поющих или запевалы с остальными исполнителями звучание песни строится на основе распространенного в адыгском фольклоре текстового рефрена: «О-ри-ра, о-ри-ра, о-ра-ри-ра, о-ри-да!» и т. д. («Песня прополки кукурузы»).

Одним из примеров песенного творчества адыгов является старинная черкесская «Песня пахаря», обращенная к волам:

Ей, рей, уой! Шагайте же!
А-ай, ваши болезни да сгинут!
Уо-уой, мерно шагайте, уей!
Уей! Погоняйте, ребята!
Уо-уой! Борозды держитесь!
Борозды не нарушая, плуг тяните!
Каждый шаг нашу пашню прибавляет,
В радости проводим эти дни.
Уа, ай! Вол серый раскидисторогий!
Наша нива широко раскинулась.
По этому полю широкому, уо, уей, маржа,
Уой, бодро, уо, идем!
Уо, уой, ей! Шагайте же, уа, наши пахари молодые!
Волам заснуть не давайте,
И сами не засыпайте! – сказал.

Когда плугарь, шагая за плугом и обращаясь то к «раскидисторогим» волам, то к молодым погонщикам, поет традиционный поэтический текст песни пахарей, то связь этого пения с трудом явно многообразна: песня организовывала и подчиняла упряжку и погонщиков единой воле плугаря, скрашивала их тяжелый однообразный труд и, наконец, она не чужда магического воздействия на труд и природу (Налоев З.М., 2009). Подобные земледельческие мотивы четко прослеживаются практически во всех трудовых песнях горцев. Так, в «Песне косарей»:

Уореда, уой!
 Покос счастливый начинаем.
 Уореда, уой!
 Головной косарь счастливый.
 Уореда, уой!
 Только валки длинные нелюбы нам.
 Уореда, уой!
 Нам люба миска для еды!

К роду песен, непосредственно связанных с трудовым процессом, относятся песни погонщика волов при молотье (*цхъэIуо уэрэд*). Для них типична открытая композиция поэтического текста и свободное его варьирование.

Развязанные снопы хлеба раскладывались на гумне большим кругом колосьями внутрь. В центре гумна вбивался толстый кол. К нему привязывался передний вол так, чтобы упряжка ходила по кругу. Сзади ее подгонял хозяин. Волы, топча, молотили хлеб. Работа была нудной и долгой. Погонщик пел свою песню, отгоняя скуку, понукая упряжку восклицаниями: «Аи рирейта!», «Ей!» – и тем самым подчиняя животных своей воле. В песне погонщик мог свободно варьировать традиционный текст в пределах жанровой темы, снова и снова его повторять и комбинировать по-своему мотивы. Он ласково величал волов: «Аи рирейта, оба крайних – крутороги, аи рирейта, крутороги все в нашей упряжке» – или похваливал нехитрые гуменные инструменты:

(Аи рирэрайтэ), пхъэ дыкьуакьуэхэри ди гуахьуэщ,
 (Аи рирэрайтэ), ар ди гуахьуэхэри бжъапэплъи.
 (Аи рирэрайтэ), ар ди хъэнцэри тхылъымпIэщ.
 (Аи рирайта), двурогий шест – наши вилы,
 (Аи рирайта), наши вилы – краснорогие.
 (Аи рирэрайтэ), наши лопаты [словно] бумага.

«Песня погонщика волов (мулов)» облегчала тяжелый труд пахарей и одновременно несла в себе глубокое смысловое содержание: Поэтический язык этой песни близок языку аграрного хох (поэтического благопожелания): и там, и здесь плодородие и изобилие изображаются одинаковыми гиперболическими образами:

УипэдэКIыхэр мэтишъа,
 Гъэкуахьы шгийхэр оIожьа, ей!...
 Молотить на гумне волов спрягают,
 Лучший вол ревет, ей!
 Пришла пора твоих работ на гумне,
 Первый твой выход – сто мер, ей!
 Первый твой вымолот – сто мер,
 Восемьсот возов хлеба намолачиваешь, ей!
 Твоя мать – вожак стада коров,
 Твой отец возы застрывшие вытягивает, ей!

Или в «Аграрном хохе»:

Зы дестынэр Iэтэ шибгъуу,
 Зы самэр гуибгъу я хьэлъэу,
 Зы лъэхъий тетсэмэ – самитIу,
 Лъэхъий етIуанэр самищу...
 Одна десятина стогов девятьсот [пусть даст],
 Одна куча [вымолота] одной укладки девять арб [пусть наполнит],
 Одна укладка [снопов на гумне] две кучи [пусть даст].
 Вторая укладка – три кучи...

Родство приведенных текстов очевидно. Этот традиционный мотив хох в песне погонщика вполне органичен и имеет магическую функцию – предречь изобилие хлеба. Таким образом, по мнению З.М. Налоева, функциональное назначение песен молотье – скрасить долгую и скучную работу и одновременно способствовать увеличению урожая хлеба. Родство поэтических образов песни погонщика волов при молотье с хохом позволяет предположить, что хлебу предрекалось (или могло предрекаться) не только быть обильным, но быть и праздничной пищей (Налоев З.М., 2009).

Первым помощникам горцев – волам посвящены и многие другие, так называемые «аробные» песни:

Къуэлэнри гуызавэх,
 Пхъэ эшгэр дахми уапаши.
 Гъасэ шэгъуэр уижагъуэти,
 Мэкъу шэжыгъуэри уиш асэти.
 Рябуха мой беспокойный,
 Соху выносят – ты головной в упряжке,
 Снопы вывозить тебе не любо, –
 Сено вывозить тебе любо.

Примечательно, что земледельческие мотивы широко использовались предками адыгов и в шутили-вых, так называемых «детских» песнях, свидетельствующих, в частности, о положительном опыте как можно более раннего приучения детей к крестьянскому труду:

Дерево вырублено топором,
Топор лежит в кустарнике,
Кустарник сгорел от зноя,
Зной погашен водой,
Вода выпита старой собакой,
Старая собака ушла с отцом,
Отец косит траву,
Трава съедена старой коровой... и т. д.

Совсем иные мотивы появляются в песенном творчестве адыгов с установлением советской власти, с появлением на полях новой земледельческой техники, облегчающей крестьянский труд. Так, в 30-х гг. XX столетия в Адыгее была популярна «Колхозная песня»:

Машина вяжет сноп, орида,
Оставляет за собой, орида,
Не отставая, орида,
Мы подбираем, орида,
Не теряя колоска, орида,
Не теряя ни зерна, орида,
Складываем, орида,
Радуюсь друг другу, орида,
Равные во всем, орида,
Рука об руку, орида,
Трудимся вместе, орида.

Завершить этот раздел хотелось бы современной адыгской песней «Да будет солнце!» (музыка В. Анзарокова, слова Исхака Машбаша), которая звучит поистине жизнеутверждающим гимном благородному труду хлебороба, Земледельца с большой буквы:

Да будет солнце, пахарь,
Над полем и над домом!
Да будет соль работы
Спине твоей знакома!

Припев:

Ты сеятель! иди же,
Земную плоть тревожа.
Пусть будет с песней доброй
Твоя работа схожа.

Припев.

Да будет твердь земная –
Ногам твоим опора,
А борозда за плугом
Окончится не скоро!

Припев.

Зерном обрадуй землю,
Спаси ее от жажды.
И щедростью за щедрость
Воздастся не однажды!

Припев.

Прекрасно ожиданье,
И завязь – словно тайна.
Но колосом за это
Воздастся не случайно.

Припев.

2.2.1.7. Аграрные хохы

К древнейшим и в то же время устойчивым, живучим жанрам адыгской народной поэзии относится хох – торжественная песнь в честь богов или какого-нибудь события.

М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахова (1985).

*К «приуроченным» песням непосредственно при-
мыкает обрядово связанный с ним поэтический жанр
хохов (хъуэхъу) – благопожеланий, произносимых перед
началом работы или по ее окончании, во время празд-
ника возвращения с пахоты, обрядов свадьбы и др.*

З.М. Налоев (2009).

Несколько особняком в песенном фольклоре адыгов стоят молитвенные благопожелания – хохы-речитации (хъуэхъу), отмечающие границы того или иного ритуального действия, – например, пахоты («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 625).

В адыгской народной поэзии хохи (хъуэхъу) – здравницы и заклинания будущего урожая – представляют собой широко распространенный в древности и бытующий и в настоящее время специфический жанр фольклора. По сути, это своеобразный гимн, дифирамб в стихах, адресованный тому или иному лицу, отражающий то или иное явление трудовой жизни горцев. Создателями их были певцы, а также наиболее мудрые и уважаемые в обществе люди, преимущественно старейшины племени.

Многие исследователи песенного творчества адыгов (М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова; М.И. Мижаев и др.) отмечают разнообразие адыгских хохов, различающихся по их объему и содержанию. Аграрные культовые хохы не что иное, как магические заклинания, обращенные к божествам плодородия и содержащие различные благопожелания. Исследователи условно относят их к двум основным группам: хохы-заклинания и хохы-пожелания.

ХОХИ-ЗАКЛИНАНИЯ. По М.И. Мижаеву (1980), хохы-заклинания – небольшие по объему произведения, связанные с начальным периодом того или иного трудового процесса (подготовка плугов, прокладывание первой борозды, начало сева, уборки и т. д.). По его мнению, «...заклинание будущего урожая, стремление силой ритмического слова подчинить интересам коллектива те или иные моменты трудовой земледельческой деятельности – такова цель хохов-заклинаний». По сравнению с хохами-пожеланиями, древние аграрные хохы-заклинания более лаконичны и основаны на использовании языковых средств в магических целях. Как и многие другие народы, в том числе древние греки, адыги придавали большое ритуальное значение, например, плугу, признавая за ним магическую силу и посвящая ему специальные хохы-заклинания. Так, у адыгейцев, как впрочем и у черкесов и кабардинцев, был широко известен «Хох первой борозды», посвященный плугу:

Вабдзэ махуэ тетлъхъауэ,
Жыр махуэ дыхуэзауэ,
Шы фыщлэм йымахуэр кыгъэзэну,
Кыгъазэр шыгуыльу лъэлъэну,
Хуым йыффыпэккэ кызырылъэлыну,
Сохуэхъу!
Мы вабдзэр зэлуысэ шым
Бэвым йыуэшхыр тешхэнэу,
Траса йыуэшхыр тешхэнэу,
Траса жылэр бэгъуэну Тхэм жиэ!
Бийм йахуэмыгъун, Дэ тхуэмэхуэн!
Да будет лемех счастливым,
Да будет сталь удачной,
Да будет земля счастливой,
Да будет земля богатой,
Да будет просо обильным,
Хох говорю!
Земля, соприкоснувшаяся с этим лемехом,
Да польется дождем изобилия,
Да прогреется теплом изобилия,
Да будут изобильными посеянные семена,
Дай Бог!
Да будет несчастьем для врагов,
Да будет счастьем для нас!

Приведу еще несколько характерных примеров подобных песен и хохов – здравниц и заклинаний будущего урожая. Так, обращаясь к богине-покровительнице земледелия Мерэм, предки адыгов пели:

О, мать Великого Бога,
Великая Мэрэм,
Дай нам богатый урожай,
Пошли нам обильный дождь...
Избавь нас от этой болезни,
Приумножай наши стада,
Отведи от нас голод.
Ты слышишь,
Великая Мэрэм,
Мать Великого Бога, мы просим,
О, наша богиня, Аминь!

Следует особо подчеркнуть, что здесь адыгская богиня Мерэм, наряду с божеством земледелия, выполняет также функции покровительницы и дождя, и скотоводства, и здоровья человека (кстати, и у балкарцев эта богиня также являлась покровительницей женщин, плодородия и посевов).

Представляет интерес тот факт, что культ христианской Марии Богородицы – адыгской Мэрэм – нашел свое отражение и в верованиях черкесов-гаев, которые поклонялись Анаит – древнеармянской богине плодородия и материнства. Г.С. Аракелян (1984) приводит песню-заклинание, записанную в XIX в. в селеении близ г. Армавира Кубанской области. Как видно из нее, богиня Анаит обитала по берегам рек и морей; в период язычества ей приносили в жертву тучную яловую корову:

Ах, Мариам ясноликая!
Лоно твое – как золото,
Цвет твой бел, как вата.

Стоя на море, молишься ты,
 Бога-творца ты делаешь советником,
 О, Мерим!
 Безмолвная, безропотная луна –
 Советница твоего возлюбленного...
 Тучная яловая корова – пища твоя.
 Ты обитаешь по берегам больших текущих вод,
 Светелка твоя – на морской поверхности.
 Тех, кто стоит на земле,
 Заставляешь поклоняться тебе.

Аграрные хохи, посвященные Тхагелиджу – покровителю плодородия, отражают не только пережитки древних магических и религиозных представлений адыгов, но и архаические черты стихосложения, восходящие к истокам формирования общеадыгского языка (Кумахов М.А., Кумахова З.Ю., 1985). Хорошим примером этого является приведенный ниже хох, в котором, несомненно, прослеживается аграрный характер этого божества:

Йа дэ дитхьэ, Тхьэгьэлэдж,
 Телгьыджэр зиуэуыжь,
 Йэдгъэжъа йуэхуыр гъэбагъуэ!
 Йыгуыгъуыр йахуэмыйуатэу,
 МатэшIэдзауэ дыпсэууэ,
 Псапэр хэтIшыкIу КIышгъыр дгъэгуыфIэу,
 ДигуыфIэгъуэ тIэкIуыр гъэбагъуэ!
 Йа дитхьэ, Вабдзэм йымахуэр шIэдгъэляуэ,
 Гъуызем йымахуэр йытIляуэ,
 ШIыльэм йыхуабэр хыхьауэ,
 Бэвым йыкIышIэм дытэхьауэ,
 Йа дэ дитхьэ, кышIэуыкI !

О, наш бог, Тхагелидж, чудо творящий,
 Да умножится начатое дело!
 Чтобы несказанно богато
 Мы жили в изобилии,
 Милостыню из этого выделить сумели,
 Чтобы мы кузню радовали,
 Да умножится наше богатство!
 О, наш бог,
 Чтобы лемех был счастливым,
 Чтобы первая борозда была счастливой,
 Чтобы в землю вошло тепло,
 Чтобы мы ступили на место изобилия,
 О, наш бог, да будет так!

Весьма примечательно, что много позже, с утверждением в Черкесии ислама, вместо языческого божества Тхагелиджа выступает уже магометанский Аллах (Йалэхь):

О, Аллах!
 Небо и землю сотворивший,
 Ты сделай!
 Лемех, который сегодня мы вынесли,
 Во время пахоты – лемехом засушливости,
 После пахоты – лемехом дождливости,
 Ночами – дождливость обильной,
 Поле колосилось морем...
 Если козел набросится – чтоб не мог достать,
 Если ветер потряхнет – чтоб не осыпался,
 Старые арбы – чтоб не скрипели,
 Новые арбы – чтоб пели,
 Края токов – чтоб расширял,
 Крошки токов – чтоб вышибал,
 Девять амбаров, стоявших в ряд,
 Чтобы заполнил,
 С края стоящий – чтобы невесте принадлежал,
 Вместе чтоб ели и пили,
 Для трудящихся чтоб сделал,
 Мы просим...

В записи, относящейся ко второй половине XIX в., этот же хох выглядит следующим образом:

Йалэхь,
 Нобэ, вабдзэр шьэтхьэжъа махуэм
 Уэгъуырлыр кьыдэгъакIуэ...
 О, Аллах,
 Сегодня, в день начала работы лемеха,
 Дай нам удачи... и т. д.

Как подчеркивают М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова (1985), в адыгских хохах-заклинаниях «...культ плуга, лемеха остается неизменным на протяжении многих столетий, проходит сквозь разные социальные формации и религиозные представления, – лишь меняются покровитель, божество, характер и форма обращения к нему».

ХОХИ-ПОЖЕЛАНИЯ. В свою очередь, хохи-пожелания не ограничиваются восхвалением какого-либо божества. В них выражается целый ряд пожеланий, связанных с благополучием человека, обилием пищи; иногда рисуется картина весеннего пробуждения природы. В качестве примера М.И. Мижаев (1980) приводит один из хохов, посвященных началу полевых работ. Он включает в себя следующие мотивы: величание божества, весеннее ликование людей и природы, просьбу о богатом урожае. При этом гиперболизация ожидаемого богатого урожая связывается с рядом конкретных трудовых процессов: когда будут возить урожай с поля – «чтоб молодым быкам в тягость было, старым арбам скрипеть, старые быки от тяжести садились бы»; привезут зерно на ток – «край тока откалывал бы, на току не помещался бы»; будут молотить – «из ста копен получали бы десять мешков проса; того, кто веет, за буртом не видно было б; в закрома не помещалось бы» и т. д. Подобных примеров немало в богатейшей сокровищнице адыгского фольклора...

Помимо хохов, по З.М. Налоеву (2009), – была распространена и предварявшая любую работу традиционная заклинательная формула:

Ди тхъэ!
Тхъэшхуэ!
ПсынщӀэ теӀуэ,
Фы теӀуатэ!
Із ижым егъэублэ,
Із сэмэгум егъэух!
О, наш бог!
О, бог великий!
Легкость работе предреки,
Благо труду наговори!
Руке правой дай начать,
Руке левой дай кончить!

Кроме аграрных хохов, у предков адыгов встречались и охотничьи, «нацеленные» на то, чтобы охота была удачной. В адыгской песне-посвящении Даушджэрджий – Святому Георгию – выражается уверенность в силе самой песни, которая приносит счастье, потому что ее слышит Святой Георгий:

Си уэройдщ, си уэройдщ, угъурлыжъ!
Даушджэрджийт, и тхъэшхуэр игъусэти...
Моя песня, моя песня, счастье приносящая!
Святой Георгий с богом великим пребывает.

Она призывает поехать на охоту, которая будет удачной, потому что песня несет счастье. Здесь не простое поклонение божеству, а активное действие, которое будет оценено богом через посредничество Святого Георгия (Налоев З.М., 2009).

...Разумеется, пословицами и загадками, былинами и сказками, хохами-заклинаниями, обрядовыми и трудовыми песнями далеко не исчерпывается пронизанная земледельческой тематикой сокровищница адыгской народной культуры. Сохранившиеся в изустном виде с глубокой древности, фольклор северокавказских народов, наряду с другими источниками, донес до нас через мрак тысячелетий иногда фантастическую, а иногда и более или менее достоверную информацию о крестьянском труде и земледельческих орудиях наших далеких предков.

2.2.2. Певцы-сказители: «Положение джегуако в обществе было уникальным»

Черкесы имеют своих трубадуров или поэтов, называемых кикоакоа (джегуако), и неприкосновенных для всех, даже для воров... стоит им показать свою гитару (Іэпэшыны), чтобы перед ними открылся свободный путь повсюду».

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839).

Несомненный интерес представляет сообщение З.М. Налоева (2009) о джегуако – певцах-сказителях, чье песенное творчество в течение столетий и тысячелетий вдохновляло предков адыгов на мужество на поле боя и труд на земледельческих полях. И в том, что мы сегодня имеем уникальную возможность припасть к неиссякаемому роднику народной мудрости, – во многом обязаны все тем же джегуако.

Почти все историки и путешественники, писавшие о дореволюционных Черкесии и Кабарде, как правило, специально останавливались на адыгской народной поэзии, народных поэтах и певцах, часто высоко оценивая их творчество. «Черкесы имеют своих трубадуров или поэтов, называемых кикоакоа (джегуако. – Авт.) и неприкосновенных для всех, даже для воров... стоит им показать свою гитару (Іэпэшыны. – Авт.), чтобы перед ними открылся свободный путь повсюду», – пишет Фредерик Дюбуа де Монперэ, побывавший на Кавказе в начале XIX в.

Положение джегуако в обществе было уникальным. В феодальной Кабарде и Черкесии, где ни один человек не был гарантирован от опасности быть ограбленным, убитым или, что еще хуже – захваченным в плен, быть проданным в рабство в Крым или Турцию, джегуако ходили безоружные, свободно и спокойно

появляясь там, где хотели. Они были более свободны и неприкосновенны, чем даже священнослужители. По словам С.А. Урусбиева, «они могли говорить во всеуслышание обо всем и обо всех, предавать всенародному порицанию и посмеянию все, что они признавали того достойным». Они позволяли себе выпады, зачастую нецензурные, против князей и уорков, и даже против мулл. «...Вся жизнь их была цепь непрерывных шуток и острых слов, иногда весьма неблагопристойных», – писал Султан Хан-Гирей, говоря о бродячих *джегуако* (которых он, противопоставляя придворным поэтам, называет просто «певцами»).

Широко известными в Кабарде и Адыгее были сказители-лирики: абадзех Тхайшау Аутлев (XIX в.), кабардинцы Камбот Абазов (XIX в.), Ляша Агноков (XIX-XX в.), Кильчуко Сижажев (XX в.) черкес Сагид Мижаев (XX в.) и др. Прославленными народными певцами – нашими современниками являются адыгейцы Зафес Куваев, Битлустан Тлипиев, черкес Мирзабек Ордоков, кабардинцы Гузер Хасанов, Жамалдин Цыримов, Идрис Кажаров, Жамурзу Хавешхов, Хажпаго Долов, Хазиза Сарахова, Махты Кушхабиева, Хабалу Небежева и др. (Налоев З.М., 2009).

2.2.3. «Музыкальный инструментарий адыгов... своими корнями уходит вглубь тысячелетий»

Оригинальность адыгских народных инструментов, их популярность, а также видное место, которое они занимают в общем развитии музыкального искусства настоятельно требуют разносторонних исследований в области музыковедения.

Б.С. Кагазежев (1991).

Музыкальный инструментарий адыгов богат, разнообразен и своими корнями уходит вглубь тысячелетий. Все это свидетельствует о музыкальной культуре адыгов.

Шабан Шу (1997).

Зарождение народного музыкального творчества адыгов, по Ш.С. Шу (1992), относится еще к домеотскому периоду – первобытно-общинному строю, датируемому с древнейших времен до начала I тысячелетия до н. э. Дальнейшее развитие оно получило в меотский период (начало I тысячелетия до н. э. – IV в.н. э.), когда были созданы основные песенные циклы адыгского эпоса «Нарты», появились музыкальные инструменты: рожок-*бжээмый*, струнные – *лапэпцын* и *шыклэпцын*, а также ударные инструменты, типа трещотки.

В музыкальном фольклоре адыгов наибольшую роль играет инструментальное и песенно-инструментальное творчество. На протяжении веков и тысячелетий развивалось и совершенствовалось народное музыкальное творчество, а вместе с ним переживали свою историю, судьбу и музыкальные инструменты. Издавна известны у адыгов такие музыкальные инструменты, как смычковый *шыклэпцын*, щипковый *апепшин*, духовой *къамыл*, или *бжами*, деревянная трещетка *пхачич*. Со второй половины XIX в. широко распространилась гармоника. Традиционный музыкальный фольклор сохранился во многом благодаря странствующим музыкантам *джегуако гьыбзау*, особенно популярным у адыгейцев (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Большую работу по воссозданию истории музыкальных инструментов адыгов, их трансформации на протяжении веков и тысячелетий, проделал Б.С. Кагазежев (1991). Прежде всего, исследователь отмечает исключительное разнообразие адыгского инструментария, который включает в себя как исконно адыгские, так и заимствованные инструменты, типичные для тех или иных народов Кавказа. Среди них есть простейшие по изготовлению: *сырын*, *камыль*, *бжамый*, *пхачич*, для изготовления которых использовались самые примитивные подручные материалы (например, пустотелые стебли тростника, бруски ясеня, самшита, клена, ели, кожа и жилы домашних животных); и сложные, которые изготовляли подлинными народными мастерами – *шичепшин*, *апепшин*, *пшинетарко*, *пшине*.

СТРУННО-ЩИПКОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ. В адыгском музыкальном инструментарии струнно-щипковые представлены следующими видами – *апепшин*, *пшинетарко*, *шичепшин*.

Апепшин (лапэпцын) – один из древнейших струнно-щипковых инструментов типа балалайки, звук из которого извлекается пальцами правой руки – защипыванием и бряцанием по струнам; в настоящее время почти вышел из употребления. Под его аккомпанемент исполнялись нартские сказания, героические, лирические песни, а также танцевальные мелодии.

Пшинетарко. С древнейших времен у адыгов был распространен щипковый инструмент *пшинетарко* – типа угловой арфы, также давно вышедший из употребления. По своей конструкции он походил на простой изогнутый дугой лук. Упоминание о нем, относящееся к первой половине XIX в., мы встречаем у Хан-Гирея: «Арфа (*пшьнетккоакко*) и своим видом, и устройством похожа на обыкновенную арфу. Она имеет 24 струны из конских же, тонко перевитых волос». Дополняет это описание Ш. Ногмов: «...род цимбала о двенадцати струнах» (цимбал – польск. *cymbaly* – «старинный музыкальный инструмент в виде ящика с металлическими струнами»). По мнению Б.С. Кагазежева (1991), это инструмент вряд ли был заимствован у соседних народов, «так как он очень похож на лук, который был у адыгов распространенным оружием».

Шичепшин (шыклэпцын, шыклэпцын) – смычковый инструмент с двумя струнами из конских волос, напоминающий скрипку. Смычком служило небольшое изогнутое в дугу древко, на котором были натянуты

волосы из конского хвоста. На этом инструменте исполняли мелодии песен, под его аккомпанемент танцевали и пели. Скрипка-*шичепшин* была одним из необходимых предметов кунацкой. Она издает негромкие, но приятные звуки, – то мягкие и лиричные, то задорные и игривые. Адыги считали ее музыкальным инструментом, «издающим божественные звуки» (Сообцокова Н.И., 2010. С. 217).

ДУХОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ. В адыгском музыкальном инструментарии были представлены также старинные духовые инструменты: свистульки, раковины, листья кукурузы, полые стебли репчатого лука, пустые орехи и т.д. Все эти свистковые инструменты относятся к так называемой сигнальной музыке, которая в наши дни уже потеряла свое значение. К группе духовых инструментов еще относятся *бжамый*, *сырин* и *камышь*. Первые два давно уже вышли из употребления, лишь *камышь* как духовой инструмент сохранился до наших дней.

Камышь (*ккъамыл*). Как отмечает Н.И. Сообцокова (2010), «...камышь был любимым музыкальным инструментом адыгов, и потеря его не может не вызвать глубокого человеческого сожаления. Это древнейший музыкальный инструмент адыгов». Н. Дубровин (1871) считал этот инструмент шапсугским. Описание его, относящееся к первой половине XIX в., встречаем у Дж. Белла: «Один из черкесов и его друг с наслаждением, по-видимому, предаются игре на очень простом инструменте – вид гобоя (т. е. *камышь*). Это небольшой ствол дерева, около 2-х фунтов (60 см. – **Авт.**) длины, выдолбленный до самой коры и просверленный у нижнего конца тремя отверстиями. Верхний конец не имеет рупора, но играющий, закрывая наполовину отверстие трубки губами и языком, дует в остальную часть отверстия и таким образом производит несколько очень нежных звуков...». (Белл Дж., 1837).

Имена известных камылистов: Негуриков Мач (а. Джерокай), Хатков Шумаф (а. Хатажукай), Хоретлевы Тау и Дзеукож (а. Хакуринохабль), Дзыбов Хаджи и Арданов Тугуз (а. Мамхег), Коджесау Бирам (а. Панахес) гремели на всю Черкессию. Их любили, их почитали. На камыше играли только мужчины. На нем исполнялись плясовые мелодии, поэтому он был основным свадебным инструментом. В прошлом на свадьбах играли 4, 6 или 8 камылистов и 2-4 трещотника. Камылисты играли поочередно по 2, иногда исполняли вместе отдельные мелодии. Они стояли впереди трещотников. Со временем камышь был вытеснен из быта адыгов гармоникой (Сообцокова Н.И., 2010. С. 217).

Пишине (*пицынэ*) – современный, наиболее популярный и распространенный в народе инструмент, из которого звуки извлекаются за счет вибрирования язычка под напором воздушной струи, создаваемой при растяжении или сжатии мехов. Гармоника-*пишине* в основном используется для исполнения танцевальной музыки.

Среди адыгов этот инструмент появился во второй половине XIX в. За короткое время он стал основным народным музыкальным инструментом и начал вытеснять традиционные адыгские инструменты *шичепшин* и *камышь* при исполнении танцевальной музыки, особенно на больших торжествах. Манеру игры на *пишине* образно описал Г.М. Концевич: «Во время танцев гармонист то поднимает гармонику вверх, то опускает обратно, то делает движения вправо и влево, то подносит почетному гостю свой растянутый инструмент к лицу, выражая тем самым особое внимание и уважение, то вибрирующими звуками поощряет танцующих» (Сообцокова Н.И., 2010. С. 218).

Завершая исследование адыгских народных инструментов, Б.С. Кагазежев (1991) особо отмечает их популярность, а также видное место, которое они занимали и сейчас занимают в общем развитии музыкального искусства. Музыкальный инструментарий адыгов является неотъемлемой составной частью народной инструментальной культуры. По А.Н. Соколовой (1991), эту связь можно представить следующим образом:

Адыгская народная инструментальная культура:

музыкальные инструменты музыканты-исполнители инструментальные жанры среда (слушатель)

По своему предназначению все инструментальные жанры адыгов можно разделить на два основных вида: 2) музыка, предназначенная для обслуживания обрядов, наигрыши, имеющие, по представлениям предков адыгов магико-заклинательные свойства, а также музыка, сопровождающая танцы; 2) сопровождение к нартским *пишиатлям*, песням-плачам, лирическим песням и музыка для слушания (Соколова А.Н., 1991).

2.2.4. Танцевальное творчество адыгов

Танцевальная музыка адыгов – это не просто самостоятельный жанр народного музыкального творчества. Это целое явление, теснейшим образом связанное с искусством пластики и хореографии, с искусством игры на том или ином инструменте...

А.Н. Соколова (1991)

На прекрасной сцене Республиканского драматического театра, во всей красе, широте и удали адыгской души и темперамента, пронизанная нитью веков, в фольклорном многообразии предстала сама жизнь.

И.И. Петрусенко, композитор (1996)

Богатейший и разнообразнейший пласт адыгской инструментальной культуры составляет танцевальная музыка в ее прикладном значении. Красочное описание и характеристика танцевальной музыки адыгов

встречаются у многих авторов конца XVIII – начала и середины XIX в. – П.С. Палласа, Витсена, Тебу де Мариньи, Дж. Белла, Я. Потоцкого, И.Ф. Бларамберга, Ф. Монпере, К. Коха и др.

Так, несомненный интерес представляют воспоминания академика П.С. Палласа, побывавшего на Северном Кавказе в 1793-1794 гг., о своеобразии народных танцев кабардинцев: «Пока мы находились в лагере на Баксане, я имел возможность наблюдать национальный черкесский танец, представленный с большой живостью одним из их юных князей. Несколько человек стали в ряд и начали в такт бить в ладони, повторяя слоги «А-ри-ра-ри-ра», из которых два последних произносились более глубоким тоном и в течение двух тактов. Танцор стоит напротив, но его движения были ограничены небольшим пространством. Он держал полы длинной одежды за спиной обеими руками и часто сгибал корпус очень низко, чтобы наблюдать за движением своих ног; при этом он делал всевозможные прогибы и фигуры в соответствии с ритмом музыки, и это было очень похоже на национальный шотландский танец, когда он прыгал по треугольнику с почти вертикально поставленными пальцами ног; выполнение этого должно быть очень трудным, поскольку туфли на нем не были снабжены жесткими подметками. В то же самое время юный танцор вскрикивал жалобным голосом так, как если бы подвергался жестокой порке» (Цит. по: «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Как подчеркивает известный специалист в области инструментальной музыки адыгов А.Н. Соколова (1991), «...танцевальная музыка адыгов – это не просто самостоятельный жанр народного музыкального творчества. Это целое явление, теснейшим образом связанное с искусством пластики и хореографии, с искусством игры на том или ином инструменте, с принадлежностью к какому-либо обряду, с особыми нормами в чередовании танцев». Танцевальные наигрыши в основном различают по названию танца, который они сопровождают: *зафаки, зыгаты и уджи*. Нередко танцевальные мелодии называются женским или мужским именем: Аюб, Рамазан, Аслан, Хаджет, Саидхан, Хакуляш и т. п. По мнению А.Н. Соколовой (1991), эти названия первоначально означали, что данные мелодии были сочинены в честь того или иного человека: либо непревзойденного танцора, либо уважаемого в округе человека, либо почетного гостя. Следует подчеркнуть, что народная хореография издавна играла важную роль в развитии духовной культуры адыгов. Она развивала эстетический вкус, способствовала выработке изящных движений. Танцы, как и музыка, были весьма популярны среди адыгов. Без них не обходилось ни одно народное празднество, ни одно семейное торжество. С древнейших, еще языческих времен предками адыгов устраивался хороводный танец (*шыблэудж*) в честь божества грома Шиблэ и ритуальный танец при жертвоприношениях – *сандрак* («Адыгея...», 1989). Эти традиции народного танца передавались от поколения к поколению на протяжении столетий и тысячелетий и сохранились до наших дней.

В настоящее время широко известен в стране и за рубежом основанный в 1936 г. национальный ансамбль танца Адыгеи «Нальмэс», в переводе с адыгейского – жемчужина, бриллиант. И как считает И. Петрусенко (1996), «...сейчас коллектив в полную меру оправдывает свое название. Филигранное искусство семидесяти артистов и их вдохновителя – художественного руководителя Амербия Кулова, ярко светится и переливается красотой своего многогранного таланта».

С большим интересом встречали выступления ансамбля «Нальмэс» во многих странах мира: в Болгарии, Чехословакии, Франции, Германии, Иордании, Сирии, Объединенных Арабских Эмиратах, Израиле, Польше, Японии, Турции, Бельгии, на Кипре. «Нальмэс» является лауреатом I Всемирного фестиваля адыгейской культуры, дипломантом Всероссийского конкурса профессиональных коллективов, многократным обладателем призов на Международных конкурсах фольклорного танца в Турции, лауреатом Международных фестивалей народного искусства в Объединенных Арабских Эмиратах, дипломантом Международного фестиваля искусств «Славянский базар-99», лауреатом XVII Международного фестиваля фольклора в Бельгии. В 1996 г., во время проведения Дней культуры республики Адыгея в Москве ансамблю «Нальмэс» было присвоено высокое звание «Академический». В этом же году за заслуги перед республикой, большой вклад в укрепление дружбы и многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства, Указом Президента РА коллектив Государственного академического ансамбля народного танца Адыгеи «Нальмэс» был награжден медалью «Слава Адыгеи».

2.2.5. День сегодняшний: развитие музыкальной культуры в Адыгее

2.2.5.1. Каплан Туко: «Искусство остается вечным...»

Быть музыкантом – это значит заниматься огромным трудом, требующим полной самоотдачи. Необходимо очень любить свою профессию. Любить отчаянно, страстно, бескорыстно...

Каплан Туко, композитор (1997).

В настоящее время развитию культуры и искусства в Республике Адыгея уделяется много внимания. Большую роль в подготовке национальных музыкальных кадров сыграл музыкально-педагогический факультет, открытый в 70-х гг. XX столетия на базе Майкопского педагогического института. Координирует и направляет развитие музыкального творчества адыгов Союз композиторов Республики Адыгея. Уже к 80-м гг. в Адыгее бы-

ли уже и свои композиторы – члены Союза композиторов России. Первым был принят в эту организацию профессиональных музыкантов основоположник адыгейского песенного творчества Умар Тхабисимов; несколько позже членами Союза композиторов страны стали К. Тухо, А. Нехай, Г. Чич, Ш. Шу, В. Волченко, А. Соколова, Б. Целковников. Именно они явились тем «ядром», на базе которого был образован Союз композиторов Республики Адыгея. Нельзя не отметить роль видного музыкального деятеля из братской Кабардино-Балкарии, секретаря Союза композиторов России Х.Х. Хавпачева в деле укрепления композиторских рядов в республиках Северного Кавказа. Особой любовью народа отмечены песни и исполнительское мастерство композитора Умара Тхабисимова, Заслуженных артистов России Р. Шеожевой, Ю. Чича, М. Хурум, К. Тлецерука, Г. Самоговой, К. Хейшхо, Д. Натхо, Н. Жане, Т.В. Суховой, Ч. Анзарокова, Ю. Чирга.

Возвращаются к слушателям незаслуженно забытые имена и мелодии, в частности, песни времен Кавказской войны и суры Корана, в исполнении выдающегося адыгского певца Шалиха Беданоква. Особый интерес представляют сохранившиеся в записи на старинном фонографе песни: «Читхакумов», «Джанбеч», «Шеретлуков», «Ценхалов», «Хатхе Магомет» и другие. Важными вехами в культурной жизни республики стало создание симфонического оркестра, камерного музыкального театра на базе республиканской филармонии, оркестра русских народных инструментов.

Завершая этот раздел, хотелось бы напомнить читателю мудрые мысли одного из талантливых музыкантов республики заслуженного деятеля искусств России Каплана Сагидовича Туко (1997): «Мы живем в непростое, трудное время. Сколько обманных огней зажигается вокруг. Сколько преходящего и уходящего в нем. Но вечным остается искусство. В частности, музыка. И как каждое серьезное искусство, музыка поднимает все вопросы человеческого бытия, пытается по-своему их решить». И далее композитор особо обращает внимание на необходимость патриотической направленности творчества: «Творческому человеку особенно близко чувство Родины. Именно она, – Родина – дает творцу силы и вдохновение для создания новых произведений искусства». К этим мудрым словам, пожалуй, нечего добавить...

2.2.5.2. Видные деятели культуры и искусства – потомки адыгских махаджиров

Информация о видных деятелях культуры и искусства, имеющих адыгские корни, собрана М.М. Хафицэ (2000) и приводится в авторском изложении.

Атлы (Шызмыгъу) Халид Лем (1849-1945). Известный турецкий композитор. Родился в Стамбуле. В раннем возрасте остался сиротой. Обнаружив в себе прекрасные вокальные способности, привлек к себе внимание талантливым исполнением турецкой музыки. В зрелом возрасте оставил государственную службу и полностью посвятил себя музыкальному искусству. Сочинил более 500 музыкальных произведений, многие из которых утеряны. Собраны и изданы 168 его песен – семаи, тюркю и марши. Слова к большинству из них написаны самим композитором. Умер в Стамбуле.

Демиркан (Дэгумькъуз) Ренан (род. в 1962 г.). Немецкая актриса, театровед, писательница. Ее семья уехала из Турции в Германию в 1962 г. Окончила Высшую музыкально-театральную школу в Ганновере. С начала 80-х гг. работает в театре и снимается в кино. Сыграла много главных ролей на сцене и в художественных фильмах. Неоднократный обладатель престижных премий театра, кино и телевидения Германии (1986, 1988, 1990, 1993). Автор романа «Бородатая женщина» (Гамбург, 1994). Переводчица западноевропейской литературы на турецкий язык.

Заватта Ахилл (род. в 1917 г.). Известный французский клоун, акробат, режиссер. Потомок черкесских мамлюков. Родился в Тунисе. Профессию клоуна унаследовал от своего деда Ахилла – основоположника шапито в Алжире, Марокко и Тунисе. С 1923 г. его семья живет во Франции. Работал в парижском «Зооциркусе» Альфреда Курта. Высококласный жонглер, гимнаст, наездник, музыкальный эксцентрик, акробат, вольтижер, клоун. Выступал в лучших цирках Европы, Азии, Америки. Автор и режиссер забавных радиопередач для детей. Один из зачинателей Французского телевидения, на котором осуществил постановки более 100 своих скетчей. Талантливый актер кино, театра, мюзик-холла, один из гениальных мимистов мира.

Онер Четин (Гъуэгүл) (род. в 1943 г.). Известный турецкий актер театра и кино, сценарист. Потомок кабардинцев, эмигрировавших в Анатолию в 90-х гг. XIX столетия. Родился в горной деревне Бинбогалар (вилайет Кайсери). Окончил Академию экономики и торговли в Анкаре (1961). Трудовую биографию начал в Анкарском художественном театре (1963). За 10 лет прошел творческий путь от актера до художественного руководителя труппы. Возглавлял Анкарское отделение общетурецкого профсоюза работников театра. В 1973-1982 гг. – заместитель генерального директора Комитета радио и телевидения Турецкой Республики. Десять лет работал в газетах «Гумхуриет» («Республика»), «Миллиет» («Нация») и др. Снимался в картине «Бессмертное дерево». В совместной турецко-германской художественной ленте «Любовь в Стамбуле» – автор сценария и один из главных героев фильма. Удостоен званий Союза журналистов радио и телевидения. «Звезда года» (1981) и Союза журналистов турецких газет и журналов «Писатель года» (1982). Обладатель «Гран-при» Министерства культуры и туризма Турции за сценарий фильма «Любовь в Стамбуле». Наиболее известные его книги: «Гюлибик», «Мальчик из Бинбонга», «Кто видел синюю птицу?», «Апельсин». «Вороны не были черными». Повесть для детей «Гюлибик» переведена на немецкий язык и выдержала

в Германии три издания. Картина, поставленная по мотивам этой книги, получила на Берлинском кинофестивале приз «За лучший детский фильм» (1984). Автор романа «Это написано на скалах» (1994), посвященного геноциду адыгов в XIX столетии.

Таруб (Бжэныкіэ) (род. в 1944 г.). Известная арабская певица, киноактриса, композитор. Кабардинка. Ее настоящее имя Амаль Исмаил Бженика. Родилась и выросла в Аммане, училась в Дамаске. Пела на сценах Бейрута, снималась в киностудиях Ливана, Сирии, Египта. О ее необыкновенном голосе говорят в превосходной степени (Таруб – в переводе с арабского «владеющая голосом»). На протяжении последних 30 лет входит в число десяти лучших певиц арабского мира. Член Союзов композиторов Египта, Сирии, Ливана. Автор многих популярных песен. Сыграла главные роли в двадцати художественных фильмах («Встретимся в Бейруте», «Бессердечный Осман», «Девушка-ковбой» и др.). С 1982 г. солистка телевидения и радио Египта. В 1991 г. ее получасовую программу «Песни Таруб» дважды показывало Центральное телевидение СССР.

Фейруз (Нухад Хаддад) (род. в 1930 г.). Великая исполнительница арабских народных и современных песен. Черкешенка из рода Хаддад (*Гъук/э*). Родилась в бедной крестьянской семье в ливанской деревне Дбейя. Ее отец, адыг Уадих Хаддад, бежал из Турции в конце 20-х гг., скрываясь от кровной мести. Женился на дружке Лизе аль-Бустани. В 1935 г. вместе с супругой Лизой, дочерью Нухад и сыном Исуфом переселился в Бейрут. С 15-летнего возраста Нухад Хаддад исполняла песни из репертуара известных певиц Исмаган, Лейлы Мурад и других. На ее незаурядные вокальные данные, ее лирическое сопрано, ровное и полное во всех регистрах, редкое по красоте тембра и широчайшему диапазону, обратили внимание, и вскоре она становится звездой эстрады Ливана. А когда Нухад Хаддад признал весь арабский мир, молодая певица стала выступать под творческим псевдонимом Фейруз (Бирюза). Почему бирюза? Этот драгоценный камень пользовался наибольшей популярностью в мусульманском мире, считаясь камнем победы. Но главное его назначение – укрощать ссоры, примирять все враждебное, устанавливая мир в семье, деревне, стране, отводить гнев сильных, власть имущих. Фейруз – символ доверия и добра, красоты и любви. Свое творчество она посвятила призыву к миру и согласию на Ближнем Востоке, утверждению идеала любви и красоты в человеке. Слова и музыка песен Фейруз сочинены братьями аль-Рахбани, а также сыном певицы Зиядом аль-Рахбани. О таланте звезды Востока написаны десятки книг, выпущены миллионы дисков, аудио- и видеокассет с ее песнями. Богатый обертонами, свободно и широко льющийся голос Фейруз способен доминировать даже при грандиозном звучании оркестра. Круг художественных интересов гениальной певицы не ограничивается чистой лирикой. Она тонко чувствует природу фольклора, народной песни. Фейруз является, по всеобщему признанию, неповторимой, божественной, великой арабской певицей XX столетия. Последние 13 лет она живет и работает в Париже («Черкесское зарубежье», 1998, № 4; Хафиц М.М., 2000).

2.3. Художественное творчество адыгов

2.3.1. «Немалый вклад в сокровищницу адыгской живописи...»

Проклят тот, кто сделает каменный или литой кумир, произведение рук художника.

Второзаконие (27; 15).

Художественное творчество адыгов своими корнями уходит в глубокое прошлое, которое насыщает и обогащает его жизненностью и полнотой восприятия современной нам действительности.

Асланчери Грамов (1999).

На Северном Кавказе изобразительное искусство создавалось тяжело – ислам, как, впрочем, и раннее христианство, налагал своеобразное табу – запрет на изображение всего живого. Так, в библейской книге «Исход» (20; 4) четко предписано: «Не делай... никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли». Более детально это требование сформулировано в других книгах Библии: «Дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений, ...представляющих мужчину или женщину; изображения какого-либо скота, который на земле; изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами; изображения какого-либо гада, ползающего по земле; изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли...» (Второзаконие, 4; 16-18). Поэтому в далеком прошлом у адыгов, как и у многих других первобытных народов, в основном получило развитие декоративно-прикладное искусство. Лишь XX столетие внесло существенные коррективы в развитие художественного творчества. В 1979 г. было создано Адыгейское отделение Союза художников России. Важным событием в художественной жизни явилось открытие в Майкопе выставочного зала.

Далеко за пределами республики известны работы Заслуженного художника Адыгеи Теучежа Ката. Родом из а. Габукай, будучи совсем еще молодым художником, он начал иллюстрировать поэзию своего земляка Цуга Теучежа. Позже, в 1980 г., он оформил и книгу сказителя «Старое и новое», выступая в оригинальном жанре черно-белой литографии, которая как нельзя лучше, по словам Теучежа Ката, позволяет доступно для массового зрителя изображать белым – добро, а черным – зло. Более поздняя литографическая

серия «Обычаи адыгов» в 1975 г. экспонировалась в Москве на 16-й Всесоюзной выставке дипломных работ выпускников художественных вузов. Большой интерес представляет и карандашный цикл художника «Адыгейские танцы» (1975). В 1978 г. Т. Кат создает серию гравюр – «1918-й год», посвященную истории Адыгеи времен Гражданской войны. Свои философские мысли художник отобразил в цикле «Человек и небо» (1980 г.). Творческий метод художника заключается, по мнению Нурбия Ловпаче (1997), «...в поиске древних характеров и сюжетов в современном адыгском мире природы, вещей и людей, с помощью распространенных технических материалов и приемов европейской школы».

Одним из известных художников республики является Абдулах Берсиров, заслуженный художник Адыгеи, член Союза художников России, участник многочисленных художественных выставок, автор иллюстраций к произведениям писателей Адыгеи, художник-постановщик кинофильма «Сумерки надежды» (Гунина Л., 1997). В Адыгее хорошо знают и любят творчество художников А.В. Егорова, А.М. Куанова, В.М. Мехез, Ф.М. Петуваша, Г.М. Тугуза и А.Д. Филипенко. Внимание зрителей привлекают картины самобытного адыгейского художника-самоучки Асхада Шханчериевича Мамия из а. Шабанохабль. Его работы неоднократно экспонировались на областных, краевых и республиканских выставках, где всегда пользовались заслуженным успехом. Наряду с другими известными художниками, он был включен в творческую группу, принимавшую участие в Днях адыгейской культуры в Москве в 1957 г. А.Ш. Мамий умер 20 января 1981 г., не дожив два года до своего 60-летия. Похоронен в г. Баку. Художника давно нет с нами, но он жив в наших сердцах и нашей памяти, остались его бессмертные произведения.

Немало талантливых художников живет и работает в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: первый черкесский профессиональный живописец, член Союза художников РФ И.Г. Аков; Заслуженный деятель культуры КЧР М.С. Абазалиев, член Союза художников СССР М.Х. Абайханов и многие другие. Их художественные полотна нашли самое широкое признание в большинстве европейских стран, а также странах Ближнего и Среднего Востока. «Человек, творивший добро, будет жить», – так называется большая статья Теучежа Ката о своем коллеге – художнике из Кабардино-Балкарии Мухамеде Кипове, много лет бывшем председателем правления Кабардино-Балкарского отделения Союза художников России. Богатейшее творческое наследие художника еще требует своего осмысления. Но уже сейчас можно сказать, что национальная культура потеряла в его лице оригинального, самобытного художника, прекрасного знатока адыгской истории и адыгэ хабзэ («Советская Адыгея», 2001, 4 августа).

2.3.2. Михаил Шемякин-Карданов: «Адыг, плывущий на гребне жизни»

Адыги – рыцари Кавказа. Горжусь, что принадлежу к их числу, и очень стараюсь соответствовать. Я делаю все, чтобы мой народ гордился мной так же, как и я – им!

Михаил Шемякин-Карданов (2005).

В книге А. Сарахова «Адыг, плывущий на гребне жизни» (2011) немало теплых слов сказано о замечательном отечественном художнике и скульпторе, кабардинце по происхождению, Михаиле Шемякине-Карданове. Принимая во внимание несомненный интерес, который должна вызвать у читателя столь неординарная личность, привожу эссе А. Сарахова в кратком изложении.

Во всех уголках земного шара люди знают и чтят таких великих мастеров, как Леонардо да Винчи, Марк Шагал, Пабло Пикассо, Рубенс, Илья Репин, Левитан, и многих других. К этим мастерам по праву сегодня принадлежит и наш соплеменник Карданов (Шемякин) Михаил. Своим талантом, мастерством художника, скульптора он получил всемирное признание. Таким талантливым мастером может гордиться любой народ. Не так давно Михаил Карданов снова посетил родину своего отца – Кабардино-Балкарию. Здесь чествовали великого маэстро. Ему присвоили звание «Народный художник Кабардино-Балкарии» и звание профессора.

Карданов (Шемякин) никогда не забывал, всегда помнил свое адыгское происхождение. Он не раз подчеркивал в своих выступлениях в печати и на центральном телевидении, что он адыг по происхождению и его род из кабардинской фамилии Кардановых⁴.

Сегодня, – продолжает свой рассказ А. Сахаров, – не стоило бы напоминать еще раз об этих бесспорных фактах, если бы не было попыток извратить историю и ввести людей в заблуждение. Да, мы гордимся своим земляком, да, мы хотим, чтобы признали правду о национальной принадлежности великого художника. Правду, одну только правду! Правда никому не может помешать. В 1994 г., осетинский историк Казбек Челахсты в Петербурге издал огромную книгу под названием «Осетия и осетины». В этой книге автор описывает выдающихся людей осетинского народа. Среди них назван и Михаил Шемякин (Карданов). По утверждению автора, он происходит из древнего осетинского рода Кардановых. Мы бы не возразили, если

⁴ Как пишет известный историк Карамзин, среди кабардинских послов, впервые посетивших Ивана Грозного, были и выходцы из рода Кардановых. Некоторые авторы полагают, что великий итальянский изобретатель Джироламо Кардано является потомком кабардинских Кардановых, переселившихся в Италию. Во всем мире до сих пор широко применяется изобретение Дж. Кардано – названный его именем карданный вал.

Михаил Шемякин-Карданов

бы утверждение Челахсты соответствовало действительности. Видимо, автору, прежде чем опубликовать такое утверждение, следовало спросить самого Михаила Шемякина (Карданова) и глубже изучить историю семьи художника. Он нигде и никогда не намекал, что у него осетинские корни.

Кто же он такой, этот Шемякин Михаил? Как пишут исследователи, да и сам Михаил говорит об этом, он родился в 1943 г. в Москве. Отца тоже звали Михаилом, и родился он в селении Кызбурун-2 Баксанского района. Во время революционного брожения в России Михаил-старший осиротел. Подобрал беспомощного мальчика русский солдат по фамилии Шемякин. Он стал его воспитывать и дал свою фамилию. Во время Гражданской войны опекун Шемякин погиб, и несовершеннолетний Михаил оказался среди красноармейцев. С этого времени и до конца жизни его судьба была связана с военными делами. Ему было всего 13 (!) лет, когда получил первый в своей жизни орден. За проявленную храбрость и отвагу он был еще тогда награжден орденом боевого Красного Знамени. Другой примечательный факт в биографии Шемякина. Мать Михаила-младшего Юлия Предтеченская до войны была женой артиста Бориса Блинова, исполнявшего роль Фурманова в кинофильме «Чапаев». Юлия ушла от Блинова и вышла замуж за Шемякина Михаила-старшего. Предтеченская сама была талантливой актрисой. Как установили исследователи, в одном из довоенных фильмов Юлия играла роль кабардинки. Более того, съемки этих эпизодов фильма проходили в родном селе Шемякина Кызбуруне. Когда началась Великая Отечественная война, Шемякин-отец воевал в составе действующей армии от ее начала до конца. Полковник Шемякин за боевые заслуги получил еще пять орденов Красного Знамени. И после войны верный сын кабардинского народа, россиянин Шемякин-Карданов продолжал службу в Советской Армии.

Художник Михаил Шемякин очень любил своего отца. Видимо, этим и объясняется его бессменная одежда, напоминающая офицерский мундир отца. Позже, как вспоминает сам Михаил, его отец и мать развелись и жили отдельно. Это произошло примерно в 1957 г. после возвращения из Германии. В том же году он поступил в Ленинградскую художественную школу. С этого времени начались все невзгоды начинающего художника. По причине того, что его произведения не вписывались в рамки так называемого социалистического реализма, Михаила исключили из школы. Но он не переставал рисовать, и власти не переставали его преследовать. Его признали психически неполноценным и отправили на принудительное лечение. В 1971 г., без ведома родителей, Михаила лишили гражданства СССР и выслали за рубеж. Многое испытал он, многое пережил на чужбине. В конечном итоге обосновался в Америке.

Карданов (Шемякин) Михаил нигде не называл себя русским художником. Он считал и считает себя российским художником. Однако некоторым не нравится такой статус маэстро. Так, в сентябрьском номере журнала «7 дней» за 2005 г. Шемякину посвящено несколько страниц. Авторы называют Шемякина русским: «Русского художника Михаила Шемякина можно считать самым известным художником и скульптором». В то же время на следующей странице помещена большая фотография Михаила на фоне родового герба, где выгравирована на кабардинском языке фамилия «Къардэн». Тут же пояснение, что Шемякин происходит из старинного кабардинского рода Кардановых. Почему бояться называть вещи своими именами, и почему не скатать: Михаил Шемякин – россиянин кабардинского происхождения? Что в этом крамольного? Весь мир гордится великим художником и скульптором Михаилом Кардановым (Шемякиным), и пусть все знают, что самый талантливый художник современности – адыг по происхождению. Такая правда не может ущемлять ничьих прав и интересов (Сарахов А., 2011, № 5. С. 181-183).

Насколько высоко ценят адыги творчество художника, свидетельствует выступление адыгского писателя М.Ш. Психомахова на открытии персональной выставки картин М.М. Шемякина-Карданова в г. Нальчике 9 марта 2006 г.: «Михаил Михайлович, мне выпала великая честь от имени всех черкесов (адыгов) Карачаево-Черкесской Республики приветствовать Вас, выдающегося художника современности, на выставке Ваших работ с символическим названием «Шар в искусстве» в г. Нальчике. Вы, будучи этническим адыгом, являетесь не только гордостью всех черкесов (адыгов), но и воплощением добра и справедливости, ярким примером честного служения своей Родине. Ваше вдохновенное творение, ставшее по существу ярчайшим открытием для всех людей доброй воли, является подтверждением тому, что невозможно затмить божий дар. Он не подвластен ни политическим системам, ни кровавым правителям. Мы с Вами принадлежим к тому поколению советских людей, которому внушали однополярное мышление, в том числе и в творчестве: диалектика и соцреализм – ключ к истине, а все остальное – антинаучное явление. Но вы блестяще доказали, что истина многогранна, что художественные средства для изображения действительности далеко не исчерпываются социалистическим реализмом. Ваши исследования в области метафизического синтетизма, ваши художественные полотна и скульптурные изображения, принесшие вам мировую славу, являются неопровержимым доказательством тому.

Духовное начало – начало всех начал – вот на чем стоит ваше гениальное творение. Для нынешнего поколения россиян, для которых главнейшим дефицитом является духовность, оно имеет непреходящее значение. Молодая демократическая Россия во главе с её Президентом Владимиром Владимировичем Путиным целеустремленно борется за утверждение многополярного мира на основе общечеловеческих ценностей. Этому служит и Ваш могучий талант. Спасибо, Михаил Михайлович, что Вы есть, а главное – что ещё долго будете! Убежден, что такого Вам желают не только черкесы (адыги), но и многочисленные ваши поклонники во всем цивилизованном мире.

В заключение, разрешите выполнить возложенную на меня приятную миссию: вручить Вам книгу «Земля адыгов». Глубоко верю, что этой священной земле суждено быть вечно, коль она способна растить таких великих сыновей, как Вы» (Психомахов М.Ш., 2011. С.132-133).

2.4. Адыгэ хабзэ – кодекс чести у адыгов

Несмотря на современную территориально-административную разобщенность, кабардинцы, черкесы и адыгейцы (бжедуги, абадзехи, бесленевцы, шапсуги, натухаевцы, хатукаевцы, темиргоевцы и др.) составляют единый этнос. Символами их этнической идентификации и самоидентификации, помимо общего самоназвания (*адыгэ*), является язык (*адыгэбзэ*), общность духовной культуры и психического склада, проявляющиеся в таких категориях, как *адыгагъэ* («адыгство» – концентрированное выражение моральных правил поведения, основанных на идеализированных свойствах национального характера; высшая ценность – ориентир для самосовершенствования), *адыгэ цэн* (адыгский характер) и др., представляющие собой составные части *адыгэ хабзэ* (свод правовых норм, законов, обычаев и этики) – визитной карточки адыгской (черкесской) культуры и индикатора адыгского этноса (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

О том, какое место занимают эти «неписанные правила» в жизни и поведении адыгов, хорошо сказал дореволюционный автор книги «Проделки на Кавказе» Е. Хамар-Дабанов: «Воля ваша, я люблю их дикую честность! Возьмите черкеса, разберите его как человека – что это за семьянин! Как он набожен! Он не знает отступничества, несмотря на тяжкие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромн в своих потребностях и желаниях, как верен в дружбе, как почтителен к духовенству, к старикам, к родителям! О храбрости и говорить нечего – она слишком известна. Как слепо он повинется обрядам старины, заменяющим у них законы! Когда же дело общественное призывает его к ополчению, с какою готовностью покидает он все, забывает вражду, даже месть и кровомщение!» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

2.4.1. Адыгэ хабзэ: «визитная карточка адыгской культуры, индикатор адыгского (черкесского) этноса»

Если ты не соблюдаешь запреты адыгского этикета – значит, нарушаешь Адыгэ хабзэ – закон; значит, не имеешь никаких прав заявлять, что ты адыг. Лучше сам откажись от своего народа, который соблюдает их, не позорь его.

Р.Х. Савв (1996).

Адыгэ хабзэ (свод правовых норм, законов, обычаев и этики) – визитная карточка адыгской (черкесской) культуры и индикатор адыгского (черкесского) этноса.

Б.М. Керефов, Т.Б. Керефов (2005).

В первой половине XIX столетия англичанин Дж. Белл в своем «Дневнике пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 гг.» писал: «Общественное мнение и установленные обычаи – вот что, кажется, является высшим законом в этой стране... Немногие страны с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью – всем тем, что отличает этот народ в его повседневных сношениях» (Цит. по: Нахушева М.Х., 2005. Вып. II).

Освященные веками и тысячелетиями, национальные традиции и обычаи черкесов во многом способствовали их военным успехам в борьбе с многочисленными врагами, о чем писал польский офицер Т. Лапинский (1857), принимавший участие в Кавказской войне на стороне черкесов: «Когда вступаешь на землю свободной Абазии (Т. Лапинский так часто называет Черкесию. – **Авт.**), то сначала не можешь понять, каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писаных законов, исполнительной власти, даже начальников или предводителя, может не только существовать, но и еще долгие годы противостоять такому колоссу как Россия и сохранить свою независимость. Причина этому – *крепкая социальная организация этого народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи*, которая не только охраняет личность и имущество каждого, но также делает трудным и почти невозможным все физические и моральные попытки к покорению страны» (Цит. по: Пшемурзов В.Х., 2003).

Так восхитившее иностранцев состояние общественных отношений поддерживалось благодаря богатому опыту культурной самоорганизации, аккумулированному в адыгском морально-правовом кодексе *Адыгэ хабзэ* и в адыгской этике (Нахушева М.Х., 2005. Вып. II). Что же представлял собой этот морально-правовой кодекс, который отдельные исследователи считают одним из базовых институтов черкеской государственности? «Большинство исследователей, – продолжает М.Х. Нахушева (2005), – сильно сужают значение «Адыгэ хабзэ» в зависимости от направления своих изысканий. По мнению одних авторов, «Адыгэ хабзэ» является правовым явлением, хотя в то же время другие или те же самые исследователи применяют этот термин для обозначения адыгского этикета. Причину такой многозначности пояснил Б.Х. Бгажноков, считающий, что «...использование термина «Адыгэ хабзэ» в двух существенно отличающихся значениях является следствием, издержкой – своего рода последствием синкретизма (греч. *synkretismos* – «слитность, нерасчлененность») традиционной соционормативной культуры. «Адыгэ хабзэ» – морально-правовой кодекс, то есть общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления».

«Адыгэ хабзэ» складывалось в течение многих веков и в силу этого сохранило следы различных исторических формаций: первобытности, раннеклассового общества, военно-феодалного быта и др. В конце XVIII – первой половине XIX вв. оно было в состоянии расцвета и представляло собой «целый спектр социальных норм во всех без исключения областях жизненной деятельности, начиная от простейших житейских правил и кончая обязательными принципами правовой регуляции..., свод неписанных обычно-правовых норм, правил поведения, нравственных положений, определяющих необходимые позитивные качества личности в адыгском обществе».

Очень хорошо значение «Адыгэ хабзэ» показывает К.Х. Унежев: «Адыгэ хабзэ» для черкеса – это, пожалуй, больше, чем религия, больше, чем целая философская система взглядов на окружающий нас мир. «Адыгэ хабзэ» для адыга – это его образ жизни, его образ мышления. «Адыгэ хабзэ» – это поведение адыга от его рождения до ухода в иной мир. Он его соблюдал везде и всюду. С этим неписанным законом он рождался и он его уносил в могилу». Отмечая всеохватность и универсальность «Адыгэ хабзэ», значимость его в жизни черкесов, Б.Х. Бгажноков назвал эту систему социальных норм «конституцией феодальной Черкесии» (Цит. по: Нахушева М.Х., 2005. Вып. II).

Тем или иным аспектам общественной жизни адыгов посвящено большое количество публикаций, в связи с чем нет необходимости подробно рассматривать их. Хотелось бы остановиться лишь на некоторых моральных нормах адыгов, составляющих в комплексе одну из самых интересных и поучительных сторон общественной жизни – адыгский этикет – своеобразный кодекс чести народа...

Возрождение и развитие адыгских традиций, несомненно, является актуальной проблемой сегодняшнего дня. В связи с этим, уместно привести мнение известного ученого М.Б. Беджанова о содержании, самой сути этого явления – *адыгэ хабзэ*: «Анализируя смысл слова «адыгэ», считаю чрезмерно ответственным его смысл потому, что адыгэ в моем понятии должен быть эталоном величайшей мудрости и скромности, терпимости и достоинства, гуманности, доброты и благородства, миролюбия и мужества, верности слову и долгу, величайшего уважения к женщине, любому старшему по возрасту, исполнительности и таланта, трудолюбия и человеколюбия, чувства интернационализма и любви к своей семье, Родине, народу, ревностно охраняющим традиции, права и обычаи...».

2.4.2. Л.Я. Люлье: «Эти обычаи (адыгэ хабзэ) становятся могущественнее всяких законов»

На основании того, что я видел, я должен рассматривать черкесов, взятых в массе, как народ наиболее естественно воспитанный, который я когда-либо видел.

Д. Белл (1837).

Переходя из уст в уста, ...обращаясь таким образом в кровь и сок своего населения, которое есть свидетель и судья поступков каждой отдельной личности, эти обычаи становятся могущественнее всяких законов.

Л.Я. Люлье (1857).

В 30-х гг. XIX столетия англичанин Э. Спенсер после близкого знакомства с Черкесией и черкесами высоко и не без удивления отозвался об устройстве адыгского общества: «Можем ли мы не восхищаться

степенью цивилизации, которой достиг этот изолированный народ, – замечает он, – и все это без каких-либо писаных законов, без каких-либо других регуляторов, кроме традиций их предков и песен их бардов».

По Б.Х. Бражникову (1999), такое состояние общественных отношений поддерживалось благодаря генетическим связям с цивилизацией древних хаттов, за счет богатого опыта культурной самоорганизации аккумулированного в адыгском морально-правовом кодексе *адыгэ хабзэ* и в адыгской этике – *адыгагъэ*. Ю.К. Намиток (1957) правильно отметил, что «*адыгагъэ* (адыгство) – совокупность лучших нравственных качеств, которые должны быть присущи и присущи на самом деле истинному черкесу: человечность, почтительность, гостеприимство, верность данному обязательству и т. д.».

Основные черты общественной морали адыгов – нормы *адыгэ хабзэ* – в достаточной мере исчерпывающе приводятся в последующих разделах. В кратком же, сконцентрированном виде главнейшие морально-этические нормы *адыгэ хабзэ* сформулированы в работе известного дореволюционного историка-кавказоведа Л.Я. Люлье (1857):

Обычаи выше законов? «В массе большинства всегда можно было бы заметить постоянное стремление к порядку и господству старинных обычаев. Переходя из уст в уста, будучи при каждом случае применимы к слову, применяемы к делу и обращаясь таким образом в кровь и сок своего населения, которое есть свидетель и судья поступков каждой отдельной личности, эти обычаи становятся могущественнее всяких законов», – утверждает Л. Люлье.

«Куначество». Каждый (черкес) без различия имеет право давать кров или приют своим единоземцам (единоплеменникам. – Авт.) оказывать покровительство иноплеменному гостю. В этом случае хозяин, как кунак, ручается перед гостем за его безопасность, а перед своими – за его проступок. Тот, кто решился бы проехать в горы без кунака, попадет в плен и будет принадлежать тому, кто его первым возьмет.

Имущественное равенство. При разделе наследства признается право старшинства, состоящее в том, что сверх доли делимого на равные части имущества старший получает одну ценную вещь. В Черкесии нет общественного имущества, следовательно, и общественных заведений. У горцев нет нищих, просящих милостыню, но нет и людей зажиточных или богатых в полном смысле этого слова.

Уважение к старшим. Молодые люди не участвуют в пиршестве: они довольствуются остатками от стола и во все время пира прислуживают старшим, разнося им яства и напитки.

Женская скромность. Женщины и девушки во время пиршества составляют отдельные кружки и стараются скрыть от мужчин, что едят: девушки скорее согласятся остаться голодными, чем допустить увидеть себя жующими.

Кровная месть. У горцев кровомщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь. Между тем почти вовсе нет примеров убийств преднамеренных, хладнокровно рассчитанных с целью обобрать труп, или разбойничества, в настоящем смысле этого слова, – вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае. Этот факт тем значительнее, что у горцев можно было бы ожидать весьма частых убийств, как естественного и неизбежного последствия права каждого самому преследовать оскорбителя и мстить врагу лично.

Самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, – это оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки, или вообще семейства; подобные случаи почти никогда не оканчиваются примирением, прежде чем позор не будет смыт кровью виновного или кого-нибудь из его родственников. Обычай требует, чтобы кровный обидчик немедленно по совершении убийства бросал свой дом и искал убежища и покровительства в чужой общине; он должен сделать это потому, что, если он останется дома, то ответственность за убийство распространяется не только на близких его родственников, но и на других членов его рода и даже на всех людей одной с ним общины.

Наказания за проступки. Тюрьмы и телесного наказания не существует. Все наказания ограничиваются штрафами, соразмерными со степенью проступков и увеличивающимися в случае повторений.

Смертная казнь определяется по суду в таких случаях, когда преступник, уже несколько раз кряду прежде нарушавший присягу и установленные правила, признается неисправимым. Преступника объявляют исключенным из общины, лишены покровительства законов и всяких прав. Если он не успевает скрыться бегством, его заковывают в кандалы, привязывают к дереву и казнят из огнестрельного оружия. Однако никто из своих не поднимет на него руку. Обыкновенно заставляют какого-нибудь раба сделать смертельный выстрел. Но чаще всего такого преступника бросают в воду, привязав ему на шею камень.

Суд и судьи. Гражданская часть управления не сосредоточена ни в чьих руках. В каждом племени возникающие споры и тяжбы судятся выборными старшинами. Они дают присягу в том, что будут разбирать дела по совести и крайнему разумению, что не будут принимать подарков.

Отношение к воровству. Покушение на чужое добро признается воровством, если оно сделано у своих. Имеется в виду не только та же самая община и то же племя, к которому принадлежит вор, но даже чужое племя, если только состоялась с ним присяга жить в добром согласии. Напротив, если кто явно промышляет воровством на земле соседей, в отношении которых нет никаких прямых обязательств, то на это занятие смотрят только как на лучшее средство показать свое удалство и ловкость (Люлье Л.Я., 1857; 1927. С. 40). При-

мечательно, что авторы книги «История Кубани...» (2004) также объясняют эту упомянутую Л. Люлье «тягу к воровству» проявлением «молодечества», «мерилом уважения», своеобразным свидетельством мужества и храбрости: «Набеги и нападения на укрепления Черноморской кордонной линии и казачьи селения не были вызваны какой-то мстью или специально спланированными политическими акциями. Это было проявление старинной традиции молодечества части горского общества, не занимающейся производительным трудом. В среде этих джигитов создавалась и культивировалась особая система ценностей, предполагающая в качестве основного источника существования добычу, захваченную в набегах на сопредельные территории. Для воина-наездника дерзость и удачливость в предприятии служили мерилом уважения и знаком чести. Данная система ценностей разделялась горским обществом. *Трус, неудачливый джигит не мог рассчитывать на уважение соплеменников, девушки в выборе супруга предпочитали ловкого джигита зажиточному неудачнику*. Целью набегов, как правило, были скот и пленники, продаваемые на рынках рабов».

Адыгский этикет предусматривает различные табу (у первобытных народов – «религиозный запрет, нарушение которого неминуемо влечет за собой болезнь или смерть». – **Авт.**), которых адыг не должен нарушать никогда, ни при каких обстоятельствах. Наиболее полно сформулировал существующие в адыгском этикете табу Р.Х. Савв (1955). Этикет категорически запрещает: убивать человека, самоубийство, воровство, хулиганство, сплетничать, употреблять спиртные напитки, обман, мошенничество, чародейство, порчу, сглаз. Этикет не одобряет неумеренность в еде, обидчивость и вспыльчивость; не терпит ненасытных, зазнайства и хвастовства; осуждает суетливость, растерянность, подхалимство, лесть, неуступчивость, упрямство, скупость, жадность, сквернословие.

2.4.3. Адыгэ хабзэ, как квинтэссенция духовного единства всех адыгов: адыгейцев, кабардинцев и черкесов

Основные черты общественной морали адыгов в достаточной степени подробно рассматриваются в ряде дореволюционных и современных публикаций. В них речь идет о Черкесии преимущественно XVIII-XIX вв. (затрагивая и начало XX в.), но, несомненно, в той или иной степени этим нормам адыги придерживались и в более ранние столетия, если не тысячелетия, о чем, в частности, свидетельствуют народные сказания и сказки, старинные песни и нартский эпос, истоки которого восходят по крайней мере к I тысячелетию до н. э. В кратком изложении основные черты общественной морали адыгов – нормы адыгэ хабзэ – представляются следующим образом.

2.4.3.1. Адат и шариат

Нормы общественной жизни и взаимоотношения между отдельными членами рода регулировались адатом, т. е. законом, основанным на обычном праве. Каждое племя имело свои собственные адаты, сходные в основных чертах.

Киселев А.А. (1993. С. 173).

Издавна нормы общественной жизни и взаимоотношения между отдельными членами рода регулировались адатом, т. е. законом, основанным на обычном праве. Суд по адату был гласный и публичный, на нем разбирались в основном дела о праве на землю, наследовании, об отношении детей к своим родителям и т. д. Преступления же, связанные с убийством, изнасилованием, оскорблениями или грабежом, разрешались кровной мстью. Смертной казни у адыгов не было; как правило, всякое преступление наказывалось налагаемым на виновного штрафом: рогатым скотом, лошадьми, оружием, крепостными людьми.

Помимо суда по адату, в первой половине XIX в. в Черкесии был распространен и суд по шариату, но в связи с суровостью наказаний, зачастую несоизмеримых с тяжестью проступка, этот суд у адыгов не прижился. И именно адаты – выработанные на протяжении многих столетий обычаи, правила поведения, сведенные вместе, дали единый моральный кодекс – *Адыгэ хабзэ*. Этот написанный адыгский закон должен был неукоснительно исполняться (и исполнялся) всеми членами черкесского общества.

2.4.3.2. «Куначество было весьма важным обычаем между всеми горцами, а в особенности между черкесами»

В горах Кавказа для дружбы имеется свое особое слово «кунак», т. е. друг, для которого они (черкесы) готовы пожертвовать всем своим состоянием и самой жизнью.

И.Ф. Бларамберг (1840).

Куначество (от тюркского: *конак* – «гость») – обычай, широко распространенный в прошлом не только у адыгов, но и на всем Северном Кавказе. Это был союз между двумя побратимами, который скреплялся взаимными клятвами. Кунак был постоянным покровителем своего друга, и поэтому в его обязанность входила забота о нем, защита его чести и достоинства, оказание материальной помощи в трудную минуту. Об

этом обычае сообщали многие путешественники, побывавшие в прошлом в стране черкесов. Так, И.Ф. Бларамберг (1840) писал: «В горах Кавказа для дружбы имеется свое особое слово «кунак», т. е. друг, для которого они (черкесы) готовы пожертвовать всем своим состоянием и самой жизнью. Каждый старается иметь кунака в отдаленных краях, к помощи которого он может прибегнуть в случае необходимости; таким образом, посредством этих индивидуальных связей все самые различные народы сближены или, как минимум, имеют возможности для этого. Русские, живущие в пограничных с Кавказом районах, и особенно казаки на Линии имеют кунаков среди черкесов, чеченцев и других народностей, с которыми они поддерживают дружеские отношения в мирное время...». Этот хороший обычай сохранился до наших дней; многие русские, где бы они ни жили, имеют кунаков среди адыгейцев. Приведу лишь несколько строк из стихотворения современного поэта В.К. Сапелкина «Мой кунак», посвященного Г.И. Датхужеву:

Что случилось с адыгом, кунаком моим?
То ли дали далекие мрак покрыв,
Может, нежная лебедь взмахнула крылом,
Закружила, завяла, увела к себе в дом?
Пусть скорее приходит весенняя рань,
И откроется синевой Адыгеи даль,
Может, сердце кунака вспомнит друзей,
Приезжай, прилетай ты в Россию скорей!..

Примечательно, что этот древний обычай оказался востребованным и в наши дни. Так, Президент КБР А.Б. Каноков в своем интервью по случаю празднования 90-летия государственности Кабардино-Балкарской Республики сказал: «Мы стараемся приобщать свою молодежь к этим неоспоримым ценностям. Широкое распространение получил в республике, а в нынешнем году перешагнул ее границы и стал межрегиональным, молодежный проект «Куначество». В его основе лежит старинный обычай гостеприимства и братства. Он был широко распространен у народов Северного Кавказа и имел своей целью установление и поддержание добрососедства между представителями разных этносов. В рамках проекта молодые люди – старшеклассники – на время покидают родной дом и проживают в семьях соседствующих национальностей – кабардинцев, балкарцев, русских, чеченцев, осетин, ингушей. Так они налаживают более тесные контакты, доверительные отношения, приобщаются к культуре и обычаям другого народа. Куначество ценно тем, что учит взаимоуважению людей разной этнической принадлежности, и толерантности. Такой обычай не должен уходить из нашей бытности...» («Литературная Кабардино-Балкария», 2011, №5).

С обычаем куначества тесно связаны и традиции благотворительности (от слов: «благо творю»), меценатства, взаимопомощи и взаимовыручки, которые, к счастью, еще живы в наших народах. Более подробно этот аспект адыгэ хабзэ изложен далее, в разделе 6.4. «Радетели Земли адыгов: меценаты и благотворители».

2.4.3.3. «Связь по аталычеству почитается у черкесов священной...»

*Их страна (Черкесия) является школой для татар...
Сыновья крымских ханов в тот момент, когда они увидели
свет, отсылаются к черкесам на воспитание и обучение.*

Д.К. Кантемир (1673-1723).

*Аталычество – форма фиктивного родства, при
которой устанавливались родственные отношения
между двумя семьями.*

Н. Шахназарян (2008).

Рождение ребенка было большим событием в семье. По этому поводу устраивался праздник, приглашались гости, устраивались скачки, танцы и т. д. В княжеских и дворянских семьях тотчас после рождения мальчика отдавали на воспитание одному из достойнейших своих подвластных или же представителю другого народа. Воспитатель ребенка у горцев назывался *аталык*. Слово это связано с древним обычаем аталычества, бытовавшим у многих народов Кавказа, а также у кельтов и арабов.

Кабардинские адаты, регламентирующие внутреннюю жизнь кавказских горцев, так освещали этот обычай: «Статья 81 гласила: «В Кабарде князь и узденя по большей части не воспитывают детей при себе, а отдают их до совершеннолетия к аталыку или кормилице, которые не учат ничему, а делают их чуждыми родителям и даже к ним не послушными» (Цит. по: Бейтуганов С.Н. (2007).

По истечении определенного срока ребенок возвращался родителям. Возвращение проводилось в торжественной обстановке, в присутствии специально назначенных свидетелей и сопровождалось увеселениями, обменом подарками и т. п. Между сторонами устанавливались родственные отношения. Феодалы стремились использовать этот обычай в целях укрепления своей власти. Для этого они обычно отдавали на воспитание своих детей семьям наиболее влиятельных крестьян. Аталычество исчезло вместе с исчезновением феодальных отношений («Шаги к рассвету...», 1986. С.395). Историки К.К. Хутыз и Э.А. Шебзухова (2007) дополняют эту информацию. По их мнению, справедливость которого трудно переоценить, сына,

принадлежащего Отечеству, нужно было воспитывать достойным этого Отечества, и вследствие этого его лишали материнской любви, под влиянием которой он мог бы легко «размягчиться».

Аталык-воспитатель заботился о воспитаннике больше, чем о своих детях. Для аталыка взять на воспитание ребенка было честью, возможностью породниться с другим родом, тем более с князем или дворянином, и он стремился отдать все ребенку, научить тому, что он знал и умел. Как правило, аталыки были выдающимися людьми общества, мудрыми и мужественными. С ранних лет, держа ребенка на крупе коня, аталык напевал ему героические песни народа, учил его метко стрелять, хорошо управлять конем, стойко переносить тяготы и лишения, знать обычаи и традиции своего народа. Аталык рано приучал своего воспитанника к охоте. Главное воспитание состояло в обучении отлично владеть оружием, уметь выезжать боевого коня, быть ловким на «хищничестве», уметь уйти от погони и неожиданно напасть на неприятеля; словом, всему тому, что могло сделать из питомца отважного охотника и храброго джигита. В обязанности аталыка входило и ознакомление своего воспитанника с обычаями народа, для чего он водил его на народные собрания и разборательства (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

Мысль о месте военного обучения в системе аталычества развивает А.В. Кушхабиев (2007): «Важное место в военной культуре адыгов занимала элитарная система воспитания, известная в кавказоведческой литературе под термином «аталычество». Князья (пши) и дворяне (уорки) отдавали своих детей на воспитание семьям, находившимся ниже по социальной иерархии. Сыновья феодалов проходили комплекс военно-физической подготовки; обучались владению оружием, правилам верховой езды и джигитовки, боевым тактическим приемам и т. п. Массовые игры черкесской молодежи также походили на боевые учения. До совершеннолетия (15-16 лет) воспитанникам не позволялось видеть своих родителей. В итоге, сыновья черкесских феодалов становились искусными воинами, не отягощенными чувством привязанности к родителям и не ценившими благ мирной жизни. Военно-физическое воспитание получали и дети крестьянских сословий, но не в столь совершенной форме...». Об этом древнем обычае сообщали многие авторы:

И.Г. Гербер, полковник, совершивший поездку на Северо-Западный Кавказ в 1728 г., рассказывает о том, с чего и как начиналось воспитание мальчика в семье аталыка: «Как скоро княжеский сын достигнет 12 лет, то уходит он из дома своего отца и служит у другого князя придворным, у которого и учится красть. В этой науке он начинает с того, что вкрадывается в сад соседа и похищает фрукты. Затем он учится угонять овец, пока, наконец, до того достигнет, что будет нападать на табун лошадей. Таким способом он открывает себе путь к чести. После этого, выехав на добычу, имеет он надежду прославиться и обогатиться. Впрочем, хотя у них воровство происходит весьма явно, однако никто ничего у другого силой не отнимает, разве его до этого доведет явная вражда, и поэтому слова «вор» и «разбойник» весьма великие у них ругательства» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 156).

П.С. Паллас, академик, побывавший в Черкесии в 1793-1794 гг., подчеркивает положительные стороны этого обычая, воспитывающего в ребенке самостоятельность и мужество, исключая появление в черкесской семье инфантильных «маменькиных сынков» (лат. *infantilis* – «отсталость развития, продолжавшаяся вплоть до взрослого возраста»): «Обучение детей черкесских князей направлено к тому, чтобы с младенчества подавить в них всякое чувство кровной родственности. Их сыновья и дочери сразу после рождения передаются на попечение дворянину, который является часто не самым богатым, и родители, особенно отец, не желают видеть своего сына до тех пор, пока тот не возмужает и не будет в состоянии носить оружие, а дочь – до выхода ее замуж. Воспитатель княжеского ребенка обязан взять на себя все расходы по его обучению; он наставляет юношу во всех тонкостях грабежа, который в величайшем почете у этих конных рыцарей; он обеспечивает его оружием, когда тот становится сильным настолько, чтобы держать его в руках, и в полном военном снаряжении представляет его отцу. Благодарный ученик отдает приемному отцу в качестве платы за обучение искусству грабежа большую часть своей добычи» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Г.Ю. Клапрот (1808): «Если рождается мальчик, то уже на третий день отец отдает его на воспитание одному из своих узденей, каждый из которых стремится к тому, чтобы ему была оказана эта честь. Мальчик получает тогда кормилицу, которая дает ему имя. Отец обычно не видит сына вплоть до его женитьбы. Родители не платят (воспитателю) ничего за его старания, ни за питание и одежду ребенка».

Тебу де Мариньи (1836), посетивший Черкессию в начале XIX в., писал: «Крымские ханы посылали своих детей в Черкессию на воспитание к аталыкам». И далее он разъясняет: «Очень редко бывает, чтобы мальчик получил воспитание под родительским кровом, – право воспитывать его предоставляется первому мужчине, который появляется в доме; если же их является одновременно несколько, то специальные арбитры решают вопрос о том, сколько времени каждый из них будет заниматься воспитанием ребенка. Аталык уносит новорожденного (иногда это делается под секретом), поручает его кормилице, и, как только ребенок начинает обходиться без ее забот, начинается его воспитание. Оно состоит из всякого рода упражнений для тела, чтобы сделать его сильным и ловким; из обучения верховой езде, борьбе, стрельбе из лука, пистолета и т. д.; ребенка обучают искусству руководить набегом, ловкости в кинжале и умению переносить голод и усталость; стараются также развить в них красноречие и способность к рассуждению, с тем, чтобы они могли иметь влияние на собраниях. Подобное воспитание напоминает нам героические времена Греции, и оно пользовалось таким при-

знанием, что татарские ханы в древности посылали своих детей в Черкесию, на выучку к аталыкам» (Цит. по: Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007; <http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

К. Кох (1842): «В течение всего периода воспитания родители не только ничего не знают о своем ребенке, но если бы они и хотели справиться о нем, то это рассматривалось бы как недостойное поведение».

К. Сталь, барон, генерал (1849) дополняет это сообщение: «Воинственный черкес, избегая всего того, что могло бы изнежить его душу, не воспитывает своих детей у себя дома, а отдает их на воспитание своим ближайшим друзьям. Вскоре после рождения дитяти у князя или именитого дворянина (уорк) являются многие охотники, желающие взять новорожденного дитя и быть его воспитателем, или аталыком. Аталык обязан вскормить ребенка, выучить его наездничеству, стрельбе в цель, безропотному перенесению голода, труда и опасностей; водит его или посылает с надежными людьми на хищничество, сначала легкое, а после – более значительное и опасное. Аталык должен ознакомить своего воспитанника с верой и народными обычаями, водить его на народные собрания и разбирательства. Окончив воспитание молодого князя, аталык должен вооружить его, одеть прилично, подарить ему коня и привести в отцовский дом. С этого времени оканчиваются обязанности аталыка; но воспитанник часто так привязывается к аталыку, что любит его больше своего отца. Бывали случаи, что в ссорах отца с аталыком воспитанник принимал сторону последнего против родного отца. Связь по аталычеству почитается у черкесов священной: все семейство аталыка есть родное своему воспитаннику» («Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010).

«Исторический обзор Терка...» (1851): «Связь между фамилиями много поддерживается отдачею на воспитание черкесских детей в чужие семейства. Воспитанный в чужом семействе причисляется к нему на степень самого близкого родства и обязанности его к своим воспитателям (аталыкам) выше, чем к собственным родным».

Н. Дубровин (1871): «Князья и дворяне тотчас после рождения отдают мальчика на воспитание одному из достойнейших своих подвластных, а чаще всего к одному из лиц, принадлежащих другим обществам. Воспитатель ребенка носит название аталыка... Связь по аталычеству считалась у черкесов священной. Не только семейство аталыка становилось родным своему воспитаннику, но часто случалось, что жители целого селения, общества и даже страны считали себя родственниками воспитанного между ними ребенка знатной фамилии. Например, все абадзехи называли себя аталыками темиргоевского владетеля Джембулата-Айтека» (Цит. по: Бейгутанов С.Н. (2007).

О высоком статусе черкесов как воспитателей молодого поколения говорит, в частности, стремление крымских Чингизидов воспитывать своих наследников в Черкесии (Максидов А.А., 2003). Сведения об этом сохранились у многих авторов XVII-XIX вв. Молдавский господарь Дмитрий Кантемир отмечал: «Их страна является школой для татар, из которых каждый мужчина, который не обучался военному делу или хорошим манерам в этой школе, считается *«тентеком»*, т. е. несостоящим, ничтожным человеком. Сыновья крымских ханов в тот момент, когда они увидели свет, отсылаются к черкесам на воспитание и обучение... Они всегда изобретают что-нибудь новое в своих манерах или оружии, в которых татары подражают им так пылко, что черкесы могут быть названы французами в отношении татар». И далее Дмитрий Кантемир писал: «Эти люди настолько храбрые, что, по утверждению самих татар, насколько 10 крымцев сильнее 15 буджакан, настолько 5 черкесов сильнее 10 крымцев» («Хасэ», 2009, № 8-11, май-июнь. С. 11).

Современник Кантемира, Хаджи Мехмед Сенай – крымский историк и чиновник XVII в. – в своем труде «Книга походов» писал: «Ханских наследников мужского пола отправляли обучаться военному искусству на Кавказ, и они возвращались в родительский дом уже взрослыми возмужавшими воинами, в совершенстве усвоив навыки военного дела, изучив неписанные законы воинской доблести и чести...». Иметь своего воспитанника на ханском троне в Крыму было очень выгодно. В 40-60-х гг. XVII в., согласно материалам Эвлия Челеби, каждое черкесское племя имело у себя по Чингизиду, надеясь посадить на крымский трон своего ставленника. «Когда он (от нас. – Авт.) уйдет, – заявляли темиргоевцы, – это, может быть, станет залогом дружбы, он станет ханом, и нам от этого будет польза».

Сохранились достоверные сведения, что аталыком – воспитателем крымского хана Салих-Гирея являлся кабардинский князь Исламбек Мисостов. В 1723 г. дочь Исламбека вышла замуж за Салих-Гирея. Калга (царевич) Сафа-Гирей воспитывался в семье жанеевского князя Сибока Кансаукова. Сын хана Мухаммед-Гирея IV (1641-1644 гг.) воспитывался темиргоевцами, а хан Хаджи-Гирей II (1683-1684 гг.) воспитывался у бжедуггов (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Можно сказать, что система аталычества со временем превратилась в своеобразный политический институт, в успешном и длительном функционировании которого была заинтересована и крымская, и черкесская элиты. «Гирей часто женился на черкешенках из княжеских фамилий, – отмечает В. Аллен (1963), – и, согласно системе аталычества, их сыновья воспитывались среди черкесов. А династическое наследование в Крыму, как правило, сопровождалось конфликтами между буйными братьями, которых поддерживали те черкесские кланы, где они воспитывались» (Максидов А.А., 2003).

2.4.3.4. Аманатство: «плохо скрываемая форма заложничества»?

Институт аманатства, несомненно, стал инструментом политического давления, оказываемого Московским царем на кабардинских и других северокавказских феодалов, а по существу плохо скрываемой формой заложничества.

Б.Х. Бгажноков (2005).

Институт аманатства, – отмечает Б.Х. Бгажноков (2005. Вып. II), – несомненно, стал инструментом политического давления, оказываемого Московским царем на кабардинских и других северокавказских феодалов, а по существу плохо скрываемой формой заложничества. Если тот или иной феодал начинал действовать вразрез с политикой, проводимой русскими, то присланные от его имени в город Терки, а затем в Кизляр аманаты (чаще всего родные сыновья), а также сопровождавшие аманатов другие князья и дворяне подвергались каким-либо ограничениям и наказаниям. Так, еще в 1640 г. поступили в городе Терки с князем Мисостом Казиевым, который прибыл для того, чтобы заменить аманата Темирсултана Алегукова на его брата Тенгизбея. Мисоста и двух братьев Алегукиных (сыновей верховного князя Кабарды) бросили в тюрьму, обещая освободить лишь после того, как князья Казиевой Кабарды переведут в Прикаспий кабаки, на владение которыми претендовали Кельмамбет и Ильдар Куденетовы. Еще раньше имели место факты (правда, единичные) прямого захвата отпрысков кабардинских княжеских фамилий в аманаты. Так, в 1626 г. верховный князь Кабарды Пшимахо Камбулатович при поддержке русских стрельцов громит поселения Шолоховой Кабарды. В Терский городок он возвращается, захватив в плен и в качестве аманатов князя Суркая Ибаковича (младшего брата Ильдара Ибаковича, владельца Шолоховой Кабарды), а также трех самых знатных узденей Талостанея, скорее всего, Анзоровых. Суркай и Анзоровы некоторое время находились в Терках под арестом, фактически в ссылке. После 8 лет заточения, чтобы каким-то образом получить свободу, Суркай изъявляет желание креститься и выехать на службу в Москву, помышляя, на самом деле, лишь о побеге. При содействии Муцала Сунчалеевича ему удается осуществить свой план и по пути якобы в Москву бежать и вернуться в Шолохову Кабарду (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

2.4.3.5. «Странный закон кровомщения, плодящий взаимную ненависть на целые столетия»: кровная месть у предков адыгов

*Там поразить врага не преступленье,
Верна там дружба, но вернее мщенье:
Там за добро – добро, и кровь за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь...*

М.Ю. Лермонтов (1814-1841).

Обычай кровомщения, к счастью, уже полностью изжил себя у адыгов; впрочем, следы его еще сохранились у некоторых других кавказских народов. Однако в конце XVIII – начале XIX вв. законы кровной мести в Черкесии еще были в достаточной степени распространены, о чем свидетельствовали многие дореволюционные авторы. Так, академик П.С. Паллас, побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг., особо отмечал «...странный закон кровомщения, плодящий взаимную ненависть на целые столетия. Всякая пролитая кровь требует неумолимого мщения, ближайший родственник наследует обязанность рано или поздно уничтожить виновника обиды, нанесенной его семейству. Эта вражда переходит по наследству из рода в род и нередко становится делом всего племени: виноватый умирает, но это не потушает мести, она падает на ближайшего родственника умершего, и так продолжается до тех пор, пока кровавый долг не уплатится денежной суммой, назначенной посредниками, или не уладится полюбовно посредством брака между членами враждебных семейств. Это гнусное правило мщения, а также соблюдение гостеприимства и уважение к старости – три главные опоры, на которых держатся главные правомерные правила черкесов».

И далее академик развивает свою мысль: «Противоположный обычай, или кровная месть, соблюдается крайне скрупулезно. Убийца сородича должен получить возмездие от потомка, даже если последний был ребенком во время совершения преступления; любая степень кары осуществляется раньше или позже, публично или тайно, чтобы уничтожить убийцу, для того чтобы несправедливая сторона не могла рассматриваться как пария общества. Более того, кровная месть передается по наследству и от племени к племени; вражда укореняется до такой степени, что князья и дворяне двух разных племен, встречая друг друга на дороге или случайно где-нибудь в другом месте, вынуждены бороться за свою жизнь, если один из них, заметив другого на расстоянии, не выбирает себе другой дороги.

Среди черкесов дух обиды столь велик, что все родственники убийцы считаются виновными в преступлении. Это ставшее обычаем ослепление мстить кровной местью за родственников порождает много распрей и случаев величайшего кровопролития среди народов Кавказа. Если примирение не достигнуто браком между представителями враждующих фамилий, то обязанность кровомщения распространяется на все последующие поколения. Ненависть, которую горские народы проявляют по отношению к русским, в зна-

чительной степени возникла именно из этого источника. Если жажда мщения гасилась платой потерпевшим фамилиям, эта плата называлась *шууаса*, или «цена крови», но князья и уздени не принимают такой компенсации, поскольку у них в обычае требовать кровь за кровь», – заканчивает свое эссе о кровомщении академик П.С. Паллас («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Более подробно этот древний обычай рассматривается в книге генерала, барона Сталя (1849). Принимая во внимание несомненный интерес к этому вопросу, приведу выдержку из его сообщения в значительном сокращении: «У черкесов, как и во всяком обществе, где своеволие лица не имеет никаких пределов, где столько средств безнаказанно совершить преступление, кровомщение (*зе-пши*) есть единственная узда, которая хоть в некоторой степени обуздывает дикие страсти удалца, готового на все. Еще в недавнее время кровомщение существовало во всей силе у черкесов. За одного убитого мстил род роду, аул аулу. Раз совершенное преступление вело за собою ряд кровомщений, тянувшихся в нескольких поколениях, даже несколько веков.

Иногда враждующие стороны, утомленные своими потерями, прекращали взаимные убийства; но после утихшее кровомщение вдруг возгоралось с новой силой. Ныне приговоры народных судов больше уважают; обиженному есть средство получить удовлетворение, и этот дикий обычай начинает ослабевать. Немало содействует правительству наше к уничтожению кровомщения между мирными народами. Шамиль тоже со своей стороны старается уничтожить кровомщение в непокорных нам народах. Таким образом, этот дикий обычай медленно и постепенно исчезает».

В рукописи барона Сталя приводится несколько случаев кровной мести, имевших место за Кубанью в течение 1846-1848 гг. Один из них (убийство кабардинского князя Атажукина бесленеевским князем Каноквым) возбудил войну между бесленеевцами и кабардинцами, и только вмешательство нашего (русского) правительства не допустило дело до кровопролития; вражда кончилась судебным разбирательством, установившим плату за кровь и примирение обоих народов. Другой случай имел место в 1847 г.: Тазартуков, бесленеевский дворянин, претерпев кровную обиду от ногайского князя Карамурзина, подстерег его на Урупке и убил. Совершив убийство, Тазартуков с семейством бежал к кабардинцам. Ногайские князья, получив об этом весть, тотчас поскакали в аул Тазартукова и, не застав его дома, сожгли его сакли и хлеба. Правительство наше и здесь приняло участие и вызвало оба народа на разбирательство, которое продолжалось полгода и кончилось платой за кровь и миром.

Обычай (адат), – пишет далее барон Сталь, – определяет в точности цену крови князя, дворянина и простолюдина. Был случай, что лошадь ударила ногою дитя; отец дитяти тотчас потребовал у хозяина лошади плату за кровь и тот не смел отказаться, потому что, отказавшись, он подвергся бы кровомщению отца раненого дитяти.

При совершении кровомщения *нет ничего рыцарского, откровенного...*» [Это утверждение царского историографа не совсем верно, и приведенный ниже факт из книги Н.И. Сообцоковой (2010. С. 142), опровергает этот тезис: «В Черкесии с восхищением рассказывали о воине, застигнутом врасплох кровным врагом, который сказал перепуганной жене: «Не волнуйся, у меня нет врагов, нападающих на безоружного!». Услышав это, кровомститель, намеривавшийся было убить своего противника, смутился и оставил свою затею до следующего, более удобного для кровной мести случая». Не правда ли, этот эпизод свидетельствует о благородном, поистине рыцарском отношении «кровника» к своему обидчику? – **Авт.**].

«...Кровоместник (*зе-пши*), – продолжает барон Сталь, убивает из засады, сжигает хлеб и сено враждебного ему семейства, поджигает ночью сакли, крадет детей. Все это делается скрытно, воровски, избегая опасности. Предприимчивый кровоместник за непродолжительное время столько наделает вреда, что обиженное его семейство принуждено просить через посредников мира и заплатить обиженному условленную обычаем плату за кровь (Цит. по: «Кавказ. Алаты горских народов...». Вып. IV. 2010). Чаще всего случается ныне, – продолжает барон Сталь, – что при договорах виновный платит половину установленной обычаем платы за кровь и берет из обиженного семейства дитя к себе на воспитание. Этим уничтожается всякая вражда. Так, когда Джембулат Болотоков убил в кровавой усьбице Керкенова, гатюкаевского (хатукаевского) князя, то при примирении взял к себе на воспитание его сына, Темиргоя Керкенова.

Плата за кровь (*пле-уас*) столь значительна, что одно лицо не в состоянии заплатить за кровь. В таком случае целый род (*тляку*) виновного складывается и одновременно или по частям выплачивает цену крови. Некоторые черкесские семейства или целые роды связаны между собой присягой (*тхар-огт*), и в случае совершения преступления лицом одной из фамилий, связанных присягой, все в совокупности складывается для платы за кровь. Такая связь родов для совокупной платы не всегда ведет за собой, чтобы все связанные фамилии отвечали кровью за кровь. В случае преступления кровью за кровь отвечает только семейство убийцы. Иногда случается, что род, которому принадлежит убийца, отказывается от платежа за кровь, предоставляя обиженным самим отомстить убийце. Тогда убийце остается только бежать из общины в абреки и скитаться бездомным, пока он не будет убит мстителями или не найдет средства помириться и заплатить за кровь. Как говорят библейские пророки, «...человек, виновный в пролитии человеческой крови, будет бегать до могилы, чтобы кто-нибудь не схватил его» (Книга притчей Соломоновых, 28; 17).

Шариатом была установлена плата за кровь. Так, за убийство крестьянина, – 200 коров. Цена крови князя разнится по фамилиям. Некоторые княжеские фамилии, например Болотоковы, учредили для себя це-

ну за кровь, невозможную к выплате, например: известное число панцирей, самых лучших в крае; луки с колчанами лучшие в крае; оружие – первое в крае, кони самых высоких статей, пару черных борзых без всяких отметин» (Цит. по: «Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010).

О том, что обычай кровной мести у черкесов зачастую как бы нейтрализовался «откупом» – т.е. своеобразной компенсацией в денежной или материальной форме, – сообщают многие дореволюционные авторы: «Обычай кровомщения необходимо повел бы за собою непрерывные внутренние раздоры и убийства, если бы для ослабления его не было у них принято понятие, что честь может быть удовлетворена окупом. Для общего спокойствия, благоразумнейшие люди стараются всякие, возникшие между двумя фамилиями, раздоры прекратить миролюбивым образом и как это не противно народным обычаям, то всегда рано или поздно в том успевают» («Исторический обзор Терека...», 1851 (2008).

Несколько позже (1866) этого вопроса коснулся и Султан Крым-Гирей: «Замечу кое-что об удовлетворениях «за кровь». За убитого простого черкеса убийца и все его родственники платили родне убитого 200 коров или 1000 руб. серебром, за султанского или княжеского крестьянина – то же самое, за дворянина – 800 коров или 4000 руб. серебром, за султана или князя – 3200 коров или 16 000 руб. серебром. Так как последней суммы никто из черкесов не мог уплатить, то важные убийства иногда вознаграждались или рабством всего аула, в котором живет убийца, или всем достоянием этого аула».

Примечательно, что возможность предотвращения кровной мести так называемым «откупом» – компенсацией в денежной или материальной форме, предусматривалась не только в Коране или *адыгэ хабзэ*, но и в Библии: «Если вол бодлив и убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти. Но если на него будет наложен выкуп, – пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него» (Исход, 21; 29-30). Или еще: «Когда дерутся люди и ударят беременную женщину, и она выкинет, – то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках» (Исход, 21; 22).

Рассмотрение этого вопроса будет не полным, если не упомянуть мнение Дюбуа де Монпере, приведенное в его более ранней работе (1839), о кровной мести у предков адыгов: «Нигде этот карательный закон («закон крови») не выполняется с такой жестокостью, с такой строгостью, как у черкесов. Пролитая кровь должна быть отомщена; хозяин должен отомстить за гостя, в противном случае ему грозит изгнание за трусость». И далее автор приводит интересную мысль: «Этот *антихристианский принцип мести*, на первый взгляд, странным образом противоречит любви к гостеприимству и уважению к старшим; на самом же деле он является их непосредственным продолжением: именно вследствие утрированного уважения к гостю или к родственнику, к другу черкес считает себя обязанным мстить его обидчику и смыть обиду кровью».

Дополняет свидетельства дореволюционных авторов современный историк Н.И. Сообцокова (2010). Как отмечает автор, поводом к кровной мести у предков адыгов могло быть, наряду с убийством или членовредительством, также множество других причин: оскорбление гостя, женщины, старика, семейных святынь, домашнего очага, надочажной цепи, а также нарушение клятвы.

Мсть не имела срока давности. Кровник принимал особый образ жизни и соблюдал его до тех пор, пока не отомстит за своего близкого человека. Он не имел права участвовать в каких-либо торжествах, появляться в общественных местах, заниматься полезным трудом, вступать в брак; он не имел права бриться и должен был покрывать свою голову черным башлыком, т.е. он *ходил в своеобразном трауре, пока не отомстит*.

Были своеобразные законы и правила взаимоотношений между кровниками и обидчиками. Если, например, обидчик случайно встречал на пути кого-либо из представителей потерпевшей стороны, то он должен был беспрекословно уступить дорогу последнему. А в случае нечаянной встречи в чьем-либо доме, в общественном месте, обидчик должен был покинуть это место. По обычаю кровной мести, большим позором было убивать женщин, пожилых и больных людей. При встрече обидчика и кровника правом первого выстрела обладал последний. По законам гор, категорически запрещалось убийство из-за угла, внезапно, без всякого предупреждения. Мсть всегда должна была осуществляться в честном поединке (Сообцокова Н.И. 2010. С. 312).

В заключение хотелось бы привести случай уже из нынешнего времени, очевидцем которого была корреспондент «Российской газеты» (1997, 23 мая) Т. Шутова. Дело происходит в одной из северокавказских республик (Чечня? Дагестан?). Высоко в горах было два селения, в которых издавна жили люди разных национальностей. Однажды житель одного из сел нечаянно, ненароком убил парня из соседнего села. Виновника поймали и привели к отцу погибшего. Тот приказал принести лучшее вино и лучшие яства. Накормив пленника, он произнес свой приговор. Отныне, сказал он, этот юноша станет жить в моем доме и заменит мне погибшего сына. Так и вышло. Парень остался в доме старика, работал, женился, вырастил детей. Так мудрый аксакал предотвратил кровную мсть. «Я не раз была в том доме, в семье, где дружно и хлебосольно живут потомки замиренных, чуть было не ставших кровниками», – завершает Т. Шутова свой рассказ. Рассказ, который заставляет о многом задуматься...

2.4.3.6. «Оскорбление чести у черкесов всегда разрешалось поединком»

Обычаи и традиции, унаследованные ими от далеких предков, почитаются исключительно высоко. Одна из черкесских пословиц гласит: Псэр ци, напэр цэфы – «За честь отдай жизнь» (или: «Приобрети честь ценою жизни»).

М. Сапен-Линьер (2008. С.85).

Самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, – это оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки...

Л.Я. Люлье (1857).

К теме кровной мести, кровомщения вплотную примыкает и проблема, говоря современным языком, – защиты чести и достоинства личности – поединков у предков адыгов. [Этот обычай, как известно, был широко распространен в прошлом в Германии, Англии, Италии, Испании и других европейских странах, а также в России XIX столетия, – вспомним хотя бы трагический исход дуэлей Пушкина и Лермонтова: «Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой...»].

Как пишет барон К. Сталь (1849), автор середины XIX в., «...оскорбление чести у черкесов всегда разрешалось поединком; даже их междоусобные войны нередко оканчивались поединком знаменитейших наездников. В прежние времена единоборство было в ходу у черкесов до такой степени, что наездники, получившие известность и славу в народе, искали себе достойных соперников, при встрече с ними искали поводов к ссоре и вступали в единоборство, чтобы решить, кто из них должен пользоваться более громкой славой и известностью. Поединки бывали всегда «на неминуемую смерть»: победитель имел право поступать с побежденным, как с убитым, т. е. снять с него оружие и обобрать его до нитки, что навсегда покрывало побежденного бесчестьем. Поединки сохранились в полной силе у хевсуров, но у черкесов, особенно ближайших к нам, обычай этот уже устарел» («Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010).

О чрезмерно развитом у черкесов чувстве собственного достоинства сообщает и турецкий историк середины XIX в.: «Султан Сулейман строго преследовал грабежи и насилия со стороны регулярного войска: виновных строго наказывали, но черкесы оставались без всякого взыскания, – черкесы не хотели подчиняться никакой власти. *Существует утвердившееся мнение, что черкеса нельзя бить: он убьет за это непременно, а за смерть черкеса отомстят его товарищи или родственники*, и потому все боятся черкесов». Эти же сведения подтверждает и англичанин Лоуренс Олифант: «Черкесы имеют настолько устрашающую репутацию, что любое посягательство на их безопасность, даже со стороны турок, имело крайне неприятные последствия, но я знаю не много народов, которые обладают столь же благородными качествами» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Дополняет эту информацию Л.Я. Люлье (1857): «Самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, – это оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки, или вообще семейства; *подобные случаи почти никогда не оканчиваются примирением, прежде чем позор не будет смыт кровью виновного или кого-нибудь из его родственников*».

2.4.3.7. Своеобразие свадебных обычаев у адыгов

Утешайся женой юности твоей, – любезною ланью и прекрасною серною; груди ее да уповают тебя во всякое время; любовью ее наслаждайся постоянно.

Книга притчей Соломоновых (5; 18-19).

Черкесам свойственна чистота обычаев, и потому неудивительно, если муж, обнаружив в брачную ночь, что его жена потеряла невинность раньше, он тотчас же отправляет ее обратно к родителям.

К. Кох (1842).

БРАК. У предков адыгов строго соблюдалось равенство брачующихся сторон по сословному признаку. По словам Э. д'Асколи (1634), «...благородный черкес роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание; касательно чести черкесы щепетильнее итальянцев».

Аналогичное свидетельство мы находим и у академика П.С. Палласа, побывавшего на Северо-Западном Кавказе в 1793-1794 гг.: «Во время их развлечений молодежь обоих полов свободно общается между собой, поскольку черкешенки не являются ни ограниченными, ни замкнутыми. При заключении брака главное внимание они уделяют знатности вступающих в брак. Уздень не отваживается искать себе в невесты дочь князя, а если любовь между ними имеет место или княжна бывает обольщена узденем, преступная любовь в этом случае стоит узденю его жизни» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Об этом же писал много позже и *И.Ф. Бларамберг* (1840): «Черкесы – это народ, для которых свобода является величайшим из благ. Ни у одной нации не развито так чувство дворянской гордости, как у черкесов, и поэтому там никогда не бывает случаев неравного брака. Князь женится только на дочери князя, и рожденные вне брака дети никогда не могут унаследовать прерогативы их отцов». Несмотря на то, что адыги подверглись в начале XIX в. сильной исламизации и часть из них жила по шариату, в основном у них господствовала моногамия. Многоженство же, будучи доступно только богатым, не получило большого распространения.

О том, что горцы ищут в жене отнюдь не золото и серебро, не богатое приданое, а «физическую красоту, благородное происхождение и хорошие нравы», сообщал *А. Ламберти*, католический миссионер, побывавший в 1630-1650-е гг. в Мингрелии (впрочем, его наблюдения вполне относятся не только к абхазам, но и причерноморским адыгам. – **Авт.**): «Когда у нас в Европе женятся, главную роль для жениха обыкновенно играет приданое. Поэтому часто можно видеть, что никакого внимания не обращают ни на красоту тела, ни на старость, ни даже на низкое происхождение, если все это окупается богатым приданым. Вообще люди думают, что всякие недостатки покрываются золотом и серебром. Поэтому-то часто прельщенные богатством приданого вельможи себя унижают, и красивые юноши женятся на некрасивых и беззубых старухах...». И далее *А. Ламберти* пишет: «В Колхиде этого не бывает, потому что там нет того обычая, чтобы жена приносила мужу какое-либо приданое. Горцы ищут в жене физическую красоту, благородное происхождение и хорошие нравы. Взамен этого жених должен принести родителям невесты большие и богатые подарки. Поэтому при заключении брака в этой стране единственным затруднением являются подарки, которые жених должен принести родителям невесты и которыми он платит за жену, как за рабыню. Все эти подарки состоят из быков, коров или лошадей, или рабов и тому подобного. В мое время случилась свадьба между Одишским владетелем и дочерью главного князя всех черкесов, по имени Кашак-мепе. Посланники царя Кашака приехали в Одиши и от его имени объявили, что царь их желает этого брака и просит в подарок сто рабов, навьюченных различными тканями и коврами, сто коров, сто быков и сто лошадей. Тут, конечно, затруднения никакого не было, так как в противном случае брак не состоялся бы» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 56).

К «брачной» теме относится следующее свидетельство *Эмиддио д'Асколи*, бывшего в 1623-1633 гг. префектом в Каффе: «У них принято долголетнее сожительство с женщинами, от которых имели детей, а потом призывали священника, хотя бы греческого, и венчались с этими женщинами; но мы и это исправили. Подобно чиркашенкам (черкешенкам), тамошние женщины, выйдя замуж, не показываются и, даже еще хуже, за все время такой жизни не хотят посещать церковь из боязни встречи с родственниками, и в этом нас не следует упрекать, ибо мне немало стоило уговорить одну из них, после 4-х лет стараний, прийти в церковь» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 46-47).

Своими наблюдениями о том, как у черкесов заключались браки в XVII в., делится *Джовани де Лукка* (1629): «Весь брачный обряд состоит в том, что муж и жена в присутствии какого-нибудь свидетеля дают слово блюсти союз. При жизни первой жены черкес никогда не женится на второй, разве к этому его побудит какая-нибудь особенная причина. Отец невесты получает в благодарность за дочь какой-нибудь подарок; мужчина, если не в состоянии сделать подарок, не находит жены» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 37-39).

Дополняет эту информацию *Адам Олеарий* (1599-1671): «Хотя мужчины по обычаю магометан имеют право брать более одной жены, все-таки большинство ограничивается одной. Когда муж помирает без детей и оставляет братьев, то старший должен взять вдову, чтобы восстановить семя своего брата, как и князь Мусал получил в жены вдову брата» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 54-55).

Интересно и свидетельство *Николаса Витсена* (1641-1717): «Черкесы у Каспийского моря, когда женятся, покупают себе невесту у старейшины или у друзей за муку, скот или что-нибудь другое, а самые знатные дарят подарок, справляют свадьбу танцами и прыжками, потом кладут молодоженов спать, и таким образом брак заключен. Если детей нет, муж берет другую жену. Если муж поссорится с женой и докажет ее неправоту, вождь деревни продает ее. Женщины трудолюбивы и много работают, очень хорошо вышивают платья, седла, колчаны и т. д.» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Обычно брак заключался после предварительного знакомства молодых людей. Существовал и обычай «умыкания» невесты, столь распространенный у многих горских народов Кавказа.

СУПРУЖЕСКАЯ ВЕРНОСТЬ. Интересно и поучительно сообщение *К. Коха* (1842) о щепетильности адыгов к чистоте новобрачной: «Черкесам свойственна чистота обычаев, и потому неудивительно, если муж, обнаружив в брачную ночь, что его жена потеряла невинность раньше, он тотчас же отправляет ее обратно к родителям. Только в том случае они обязаны вернуть весь калым. Непорядочная дочь часто не признается отцом равной с другими его детьми».

Весьма интересно и такое сообщение *К. Коха* об отношении черкесов к фактам прелюбодеяния в супружеской жизни: «Наряду с трусостью и убийством, одним из самых больших преступлений считается нарушение супружеской верности. Несмотря на то, что при большой свободе женщин у черкесов легче бывает нарушить супружескую верность, случаи эти встречаются, однако, редко. Чистота нравов и большое уважение, царящее в семейной жизни, защищают в большинстве случаев от подобных поступков. Нарушитель супружеской верности находится полностью в руках обманутого мужа, так что муж имеет полное пра-

во убить его, если он застигает его на месте преступления. В большинстве же случаев муж сам наказывает свою жену в кругу семьи и берет на себя вину за то, что он мало оказывал ей внимания. Как правило, нарушитель супружеской верности выплачивает штраф в размере стоимости 25-ти быков. Такую же сумму должен заплатить мужчина, соблазнивший девушку. Даже простое возвращение преступной жены в дом ее родителей рассматривается как позор». Как здесь не вспомнить библейское: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно...» (Послание к Евреям, 13: 4). Или: «Добродетельная жена – венец для мужа своего, а позорная – как гниль в костях его» (Книга притчей Соломоновых, 12; 4).

ОБЫЧАЙ «ИЗБЕГАНИЯ». Особое место в личных отношениях в семье и в семейно-родственных группах занимали древние запреты, известные под названием обычая «избегания». Для адыгов, как и для других народов Северного Кавказа, сохранивших патриархальные черты в общественно-семейных отношениях, были характерны различные виды «избегания».

Впервые об этом своеобразном обычае сообщил в своих записках академик *П.С. Паллас*: «Если сын или дочь из какой-нибудь фамилии вступили в брак, они не имеют права показываться родителям в течение первых 12 месяцев или до рождения ребенка. В этот период муж тайно посещает жену через окно в ее комнате, но он никогда не присутствует при приеме ею гостей. Эта подчеркнутая вежливость доведена у них до такой крайности, что муж считает оскорблением для себя разговаривать с кем-нибудь о своей жене или детях, даже если его спрашивают о здоровье его супруги. Отец не дает дочери приданое полностью до рождения ею первого ребенка, но после этого наносит ей визит, снимает с ее головы девичий чепец и покрывает ее вуалью, которая с этого времени становится ее постоянным головным убором» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Несколько позже об этом обычае сообщал *Джордж Эллис* (1753-1815): «Выходя замуж, женщина дарит своему будущему мужу оружие или кольчугу. В дальнейшем не допускается, чтобы он ее видел или жил с ней без соблюдения великой скрытности. Эта сдержанность соблюдается в течение всей жизни» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 146-151).

На некоторых из видов «избегания» останавливается *Н.И. Бондарь*. Широко был круг лиц, на которых распространялось действие этого обычая, – пишет этнограф. Его соблюдала не только невестка по отношению к родственникам мужа, особенно его отцу и деду, но и муж по отношению к родителям жены, отец и малолетние дети между собой, а также сами супруги по отношению друг к другу. На последнем, казалось бы, странном обычае хотелось бы остановиться подробнее.

«Можно ли представить свадьбу без участия жениха и невесты? – спрашивает Н.И. Бондарь. Но для адыгов когда-то это было нормой. Невесту не сразу перевозили в дом родителей жениха. Первые месяцы после замужества она обычно находилась в доме аталыка – воспитателя мужа, в отдельной комнате, а супруг посещал ее ночью, тайком, чаще всего проникая в дом через окно, чтобы никто не видел. Сам он также не жил в это время в своем доме, а скрывался у кого-либо из родных. Новобрачные не должны были показываться на глаза родственникам, и только лишь после «малой» совершалась «большая» свадьба, когда молодых принимали в дом родителей мужа. Но, как правило, муж и в своем доме, спустя год после «большой» свадьбы, посещал жену лишь ночью и тайком. Молодые не появлялись вместе на людях, и при родственниках не разговаривали друг с другом; зять не мог присутствовать на похоронах тестя и т. д. В настоящее время эти старинные обычаи, разумеется, ушли в прошлое» (Бондарь Н.И. 1990).

2.4.3.8. «В адыгской семье сохранялся строгий этикет поведения всех ее членов»

*За свои поступки с юных лет
Перед людьми он держит свой ответ...*

Хамид Беретарь

В адыгской семье сохранялся строгий этикет поведения всех ее членов.

«Очерки истории Кубани...» (1996).

В адыгской семье неукоснительно сохранялись правила поведения всех ее членов. Главой семьи был мужчина, он вел хозяйство, безраздельно властвовал над всеми членами семьи. Его власть распространялась так далеко, что он мог продать в рабство своих детей, лишить их жизни и за это не нес никакой ответственности. Активную роль в адыгской семье играла старшая женщина (*гуаше* – «княгиня»). Она распоряжалась всем имуществом в доме, раздавала работу своим дочерям и невесткам, следила за порядком в доме; лишь с ее ведома невестки могли покинуть дом. Еще с эпохи матриархата у адыгов сохранилось чувство глубочайшего уважения к женщине-матери.

ЭТИКА ОБЩЕНИЯ. Как справедливо отмечает З. Блягоз, общение является важной жизненной необходимостью и как бы школой жизни. При встречах людей соблюдается определенный ритуал. Если человек любой национальности подходит к группе адыгов, то все они поворачиваются лицом к нему и свое внимание сосредотачивают на нем, ожидая его приветствия. Если они в это время сидят, то обязательно встают. Если человек заходит в помещение, все приподнимаются, ждут его приветствия; при этом самый младший уступает свое

место. Адыг, появившийся в кругу людей, здороваться рукопожатием начинает со старшего и заканчивает самым младшим. Все эти правила нужно знать, чтобы не ошибиться и соблюсти правила общения и приветствия.

Здесь уместно привести описание некоторых элементов адыгского этикета, приведенное в работе И.Ф. Бларамберга (1840): «Слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюдается у этих народов (черкесов) самым скрупулезным образом: сын не имеет права сесть в присутствии своего отца, то же самое не может позволить младший брат в присутствии старшего. Обычай требует, чтобы все вставали при появлении мужчины или женщины старшего возраста, будь они даже ниже по своему положению. Сесть можно лишь тогда, когда лицо, ради которого все встало, даст на то разрешение словом «*тизе*» («садитесь»). Здесь никогда не пренебрегают этим правилом и даже в семье остаются ревностными хранителями этого неудобного обычая».

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ. Обращает на себя внимание особая забота адыгов о воспитании подрастающего поколения. Адыги считали, что необходимыми качествами личности должны быть любовь к своему роду, аулу, народу, своей стране; поэтому молодых воспитывали на лучших героических традициях народа, на подвигах лучших сынов и дочерей. Адыгеец всегда был готов без всякого раздумья и сомнения идти на преодоление любых трудностей и жертвовать своей жизнью ради благополучия людей, своего рода, аула, близких и друзей; считал своим долгом оказывать помощь старикам, женщинам, слабым и немощным. Именно в этом направлении родители и старались воспитать своих детей.

О воспитании уважительного отношения молодежи к людям старшего поколения хорошо сказал известный поэт Хамид Беретарь:

Адыг, пока отец его живой,
Хоть сам уже давно завьюжен сединой, –
Усов и бороды не заведет,
Непозванным в круг старших не войдет.
Но за свои поступки с юных лет
Перед людьми он держит свой ответ...

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД. Весьма интересно и поучительно сообщение Дж. Лонгворта (1839) об уважении адыгов к мертвым: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несутся к тому месту затем, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует, явление такое же частое в сражении черкесов, как в старые времена на равнине у Трои, зачастую влечет за собой ужасающие последствия».

После смерти адыга устраивались похороны и поминки. Даже в эпоху средневековья, когда позиции христианства в Черкесии были еще достаточно сильны, в похоронном обряде прослеживались явно языческие черты. Так, И. Шильтбергер, побывавший у черкесов в начале XV в., отмечал, что «...у них есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После того приходят соседи, приносят с собой кушанья и напитки и начинают плясать и веселиться. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год».

Любопытнейший похоронный обряд у предков черкесов, также сохранивший несомненные пережитки язычества, описал Интериано во время его пребывания в Черкесии в 1501 г. Знатного покойника они бальзамировали и затем клали на сооруженный в поле помост. Родственники и посторонние приносили в дар серебряные кубки, луки, стрелы и пр. Жена покойника сидела при этом перед помостом и не плакала, так как это считалось неприличным. По обе стороны стояли два старых родственника покойного, а на помосте сидела девушка и обмахивала его платком, привязанным к стреле. На восьмой день покойника вместе с частью принесенных даров клали в колоду, сделанную из расколотого вдоль и выдолбленного в середине толстого дерева, а потом несли к месту погребения. Над могилой насыпали курган и затем устраивали тризну. Чем знатнее был покойник, тем выше делали насыпь кургана. (Более подробно об этом обряде рассказывается в разделе 4.1.3.4).

С распространением ислама на Северо-Западном Кавказе, этот обряд в значительной степени трансформировался, сохранив, впрочем, и некоторые «следы» доисламских верований. Так, у Н. Дубровина (1871) встречаем: «Когда черкес умирал, то в саклю сходились все родственники и знакомые умершего, оплакивали его, били себя в грудь и голову, царапали себе лицо и тем высказывали свою горесть. Первые поминки отмечали на 7-й день, а на 40-й день – вторые. Третьи поминки считались большими и отмечали их иногда на 60-й день после смерти». Очевидцы отмечают, что эти поминки еще в первой половине XIX в. не утратили свои доисламские (христианские) обряды. Особо пышными были поминки в знатных и богатых семьях. Они включали в себя джигитовку наездников, стрельбу по круглой мишени, установленной на высоком шесте («*кебек*»). По свидетельству очевидцев, собиралось много народа, всюду был шум, гам, смех, люди ели, пили бузу и поминали покойника. Со временем, в связи с усилением влияния мусульманства на адыгов, подобная тризна перестала отмечаться.

В описании погребального обряда адыгов, приведенном Интериано, прослеживаются именно те черты, которые известны по раскопкам курганных могильников XIV-XV вв. Но в эпоху раннего средневековья похоронные обряды адыгов были несколько иными. Так, в V-VII вв., как и в древности, существовал обряд погребения в каменных ящиках и в простых грунтовых могилах без курганных насыпей. В VIII-IX вв. появляется курганный

обряд погребения, получивший широкое распространение в X-XIII вв. Но по старой традиции причерноморские и закубанские адыги подкурганные захоронения производили в каменных ящиках и грунтовых могилах.

Кроме того, на протяжении V-XV вв. в адыгских могильниках Черноморского побережья (от Туапсе до Анапы) отмечается и обряд трупосожжения, ставший известным в Закубанье (до верховьев Кубани) в VII-XII вв. Появление этого обряда некоторые ученые связывают с расселением среди адыгов предков родственных им абазин. Обряд же погребения в дубовых колодах и гробах у адыгов появляется в XI-XII вв.

По обряду погребения адыгские курганные могильники XIII-XVI вв. археологи разделяют на три группы: восточночерноморскую, закубанскую и кабардино-пятигорскую. Причерноморская группа, как правило, не пользовалась деревянными гробами, а хоронила умерших в каменных ящиках или гробницах, причем в одном ящике помещали несколько (4-5) покойников. Иногда под одним курганом обнаруживается до пяти таких гробниц. Имеются и другие различия. Более сходны закубанские и кабардинские курганные могильники, хотя для кабардинских характерно удивительное единство погребального сооружения, обряда и инвентаря на всей территории распространения – от Пятигорья (верховья Кумы и Подкумка) до рек Ассы и Фортанги в Чечено-Ингушетии (Керефов Б.М., 2006).

2.4.4. Адыгагъэ-«адыгство»: совокупность принципов и норм адыгской этики

В «Толковом словаре адыгейского языка» внимание заостряется на ассоциации данного понятия (адыгагъ) с общеадыгским морально-правовым кодексом поведения – адыгъ хабзэ, с особенностями адыгских нравов – адыгъ цэн.

А.А. Хатанов, З.И. Керашева (1960).

Идеологической базой синтеза, или организационного единства обычного права и этикета адыгъ хабзэ является традиционная этика – адыгагъэ.

Б.Х. Бгажноков (1999).

Б.Х. Бгажноков (1999) отмечает, что *адыгъ хабзэ* – морально-правовой кодекс, то есть общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления. При этом основополагающее значение имеет тот, для нас совершенно очевидный, факт, что идеологической базой синтеза или организационного единства обычного права и этикета *адыгъ хабзэ* является традиционная этика – *адыгагъэ*.

Адыгагъэ – общепризнанное обозначение адыгской этики. Обычно так представляют это слово в двуязычных словарях, см.: «Адыгагъ – адыгство, совокупность принципов и норм адыгской этики: человечность, чуткость, честность, правдивость, благовоспитанность, скромность, гостеприимство, благородство, внимательность, уважение к старшим, к лицам противоположного пола и т. п.» (Шаов Ж.А., 1975); «Адыгагъэ – кабардинская этика, благородство, воспитанность, гостеприимство» (Карданов Б.М., 1957). В «Толковом словаре адыгейского языка» (Хатанов А.А., Керашева З.И., 1960) внимание заостряется на ассоциациях данного понятия (*адыгагъэ*) с общеадыгским морально-правовым кодексом поведения – *адыгъ хабзэ*, с особенностями адыгских нравов – *адыгъ цэн*.

Менталитет адыгов выражается в принципах *адыгагъэ*, – по В.Х. Пшемурзову, – нравственном стержне народа, определяющем специфичность и уникальность его облика. Когда говорят *адыгагъэ зыхэлъ*, имеют в виду человека, который дорожит честью, обладает благородством, мужеством и другими достоинствами. При этом это не только набор определенных черт, но и идеал, к которому надо стремиться. В системе адыгской этики *адыгагъэ* принято выделять пять ведущих моральных принципов: *цыхугъэ* – человечность, *нэмыс* – почтительность, *акъыл* – разум, *лыгъэ* – мужество, *напэ* – совесть, честь (Пшемурзов В.Х., 2003. С. 71).

О многогранности самого понятия адыгской этики свидетельствует следующее выражение: *Адыгагъэр цыхугъэм, лыгъэм, нэмысым нэхъри нэхъини, нэхъ гуащIэц. Адыгагъэм псори къеубыд* – «Адыгство сильней даже таких ценностей, как человечность, мужество, почтительность. Адыгство все это собой охватывает». При этом «адыгство» идет в ногу со временем, впитывает и осваивает новую информацию, предлагает ответ на любые нравственно значимые вопросы. Утверждают, что нет ни одного сколько-нибудь значимого события, факта, отношения, которые нельзя истолковать с позиций традиционной адыгской этики: *Адыгагъэм хэплъхъэ зэпытми хэфэцт* – «Адыгство способно вместить (освоить) все, что привносит жизнь». Жизнь меняется – и изменяются основные приоритеты *адыгагъэ*. Так, в период феодализма среди всех слоев населения на первый план выдвинулась значимость воинской доблести, что было связано с необходимостью защиты отечества. После Русско-Кавказской войны акценты сдвинулись, возросла ценность таких аспектов мужества, как терпимость, выдержка, толерантность, которые, в свою очередь, наполнились новым, еще более богатым духовным содержанием (Бгажноков Б.Х., 1999).

2.4.4.1. «Первейшею добродетелью почитают гостеприимство...»

Нет в мире народа добрее этого или радушнее принимающего иностранцев. Они сами услуживают тому, кого поместили у себя в течение трех дней...

Дж. Лукка (1629).

В своей частной жизни черкесы – неплохой народ, не лишенный здравого смысла; они гостеприимны, предупредительны, щедры, ...постоянны в дружбе, храбры и предприимчивы на войне.

И.Ф. Бларамберг (1840).

С давних пор у адыгов появились пословицы и поговорки: «Гость – прежде всего»; «С гостем в дом приходит счастье»; «Гость – посланник Бога». А обычай гостеприимства стал со временем одним из любимейших и почитаемых в народе. Проходя мимо любого адыгского дома, вы услышите одно очень емкое и замечательное слово «*Къеблягъ*», что означает: «Будь желанным и дорогим гостем!» или «Добро пожаловать!» (Сообцокова Н.И, 2010. С.170).

«Азиатские народы, – писал адмирал Н.С. Мордвинов (1816), – первейшею добродетелью почитают гостеприимство. Они благоговеют к сей добродетели, и настолько велика и священна она между ними, что признанный гость есть наидражайшая особа в доме, и все семейство обязано служить раболепно и жизнью своею сохранять его безопасность». Гостеприимство считалось священной обязанностью для адыгов; гость был лицом почитаемым и священным для хозяина. Об этом сообщали многие западноевропейские путешественники, побывавшие в Черкесии. Так, еще Дж. Лукка (1629) отмечал: «Нет в мире народа добрее этого или радушнее принимающего иностранцев. Они сами услуживают тому, кого поместили у себя в течение трех дней...». В свою очередь, Э. д'Асколи (1634) отмечал, что «...они любят принимать приезжих в своих домах, так что если случится гость, будь то знатный или купец, то хозяин оказывает ему всякую ласку и почесть». Интересно и сообщение К. Главани (1724) о некоторых, так сказать, нюансах адыгского гостеприимства: «Черкесы кротки, вежливы. Они благосклонны к иноземцам до тех пор, пока эти последние находятся у них в гостях; но иностранец, встреченный в поле, легко может попасть в рабство». Много позже и Н. Дубровин (1871) отмечал, что хозяин должен был «...угостить, охранять его от оскорблений и готов был жертвовать для него жизнью, даже и в том случае, если он был преступник или кровный его враг».

2.4.4.2. Гора Старости в черкесских преданиях: трансформация отношения предков адыгов к пожилым людям

С древнейших времен старики у адыгов окружены почетом и глубоким уважением, а печально известный в те времена жестокий обычай, связанный с Горой Старости, был отменен...

Н.И. Сообцокова (2010).

На протяжении истории человеческого общества, отмечает Н.И. Сообцокова (2010), отношение человека к престарелым людям не раз изменялось кардинальным образом: от почитания и благодарности в одни периоды до жестокости и бессердечия в другие, и наоборот. В древнейшие времена у большинства, да практически и у всех народов, старые люди не умирали естественной смертью, так как в тогдашних первобытных сообществах людей не оставалось места для тех, кто по причине физической немощи переставал быть полноценным участником процесса добывания пищи для своего племени. С наступлением старости, когда силы и память отказывались служить, старики становились ненужными и не востребованными. У кочевых племен стариков, которые уже не могли следовать за племенем, лишали жизни. Охотничьи племена, существовавшие за счет охоты, умерщвляли соплеменников, которые не могли участвовать в охоте.

Уничтожение стариков у одних народов прекратилось раньше, у других – позже. У адыгов оно прекратилось за несколько тысячелетий до н. э. (об этом свидетельствует древний эпос народа – «Нарты»), т.е. задолго до эпохи так называемой классической древности, которую ученые называли еще «триумфом старости», когда на преимущества и достоинства старых людей, их мудрость и опыт обратили внимание философы Древней Греции, Рима и Древнего Востока. Адыги с глубоким почтением относились к старости, но и их не миновало в глубокой древности явление геронтофобии, то есть враждебных чувств по отношению к старым людям, свойственных многим древним народам. Практически почти все народы прошли через эту горькую стадию... О том, как у предков адыгов изменилось отношение к пожилым людям, рассказывается в «Притче о старости»:

Это было время, когда старому, ставшему немощным, человеку не было места в роду или племени, когда его выбрасывали из жизни первобытного общества... «Когда мужчина старел, – гласит древняя легенда адыгов, – и уже не мог самостоятельно сесть на коня, не было достаточно сил натянуть лук и выстрелить из него, чтобы сразить птицу или зверя, когда он не мог уже управлять серпом, чтобы собрать урожай проса или ячменя, не мог защитить стада от хищников, Совет нартов выносил решение о том, что

пора его нести на Гору Старости. Укладывали дряхлого старика в плетеную корзину, как в люльку, и несли его на вершину горы, чтобы сбросить в пропасть...

И вот настало такое время и для отца одного из главных героев нартского эпоса Бадыноко – старого Бадына. Тяжело и горько было Бадыноко нести на погибель старого любимого отца, но таков древний обычай и преступить его не дано права никому. Несет сын старого отца, погруженного в свои мысли, и от этого молчания ему еще горше и тяжелее. Вот и вершина горы. Оттолкнул корзину, и покатила она вниз по дороге смерти. У самого края пропасти корзина внезапно остановилась, зацепившись за корягу. Качает ветер последнее пристанище старика над бездной, безжалостно хлещет бороду отца по лицу, но вдруг старик рассмеялся.

– Чему ты смеешься? – спросил потрясенный сын.

– Я подумал, сынок, что когда ты одряхлеешь и твой сын сбросит тебя с Горы Старости, твоя корзина тоже может зацепиться за этот самый пенек. Разве это не смешно? – И ни слова упрека не прозвучало в речи старика...

Нет, не скинул отца с горы славный Бадыноко, нарушил он вековой обычай нарттов. Спрятал он своего отца в горной пещере. Носил ему каждый день пищу и долгими часами слушал рассказы старого отца о далекой старине. Было что рассказать старику, *тогда люди жили очень долго (говорят, до 900 лет)*. [Несомненный интерес представляет тот факт, что приводимые в адыгских сказаниях, казалось бы, фантастические цифры столь долгой продолжительности жизни у нарттов имеют несомненные параллели с библейскими текстами. Так, в Книге Бытие (5; 32) о жизни пророков сообщается следующее: «*Всего же дней Ноя было 950 лет, и он умер*» (там же, 9; 29). Есть еще близкие этому цифры: «*Всех же дней Мафусала (Мафусаила) было 969 лет, и он умер...*» (Бытие, 5; 27). Впрочем, в той же Библии есть иная, гораздо более реальная оценка средней продолжительности жизни человека в те далекие времена: «*Дней лет наших 70 лет, а при большей крепости – 80 лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро*» (Псалтырь, 89; 10)].

С тех пор много несчастий и трудностей постигло народ нарттов, – говорится далее в сказании. – Бадыноко рассказывал отцу о них, и старик давал ему мудрые советы, благодаря которым народ на Хасэ успешно решал свои проблемы и дела. И прослыл Бадыноко мудрейшим из мудрых. Но как-то раз после очередного Хасэ, Совета нарттов, Бадыноко выступил и сказал: «Могучий народ нарттов! Должен признаться вам, что я нарушил древний наш обычай. Вы вправе судить меня по всей строгости наших древних обычаев, но все последние годы, все мудрые советы, благодаря которым стало возможным решение всех тех трудностей, стоявших перед народом нарттов, подсказывал мне мой мудрый старый отец, Бадын, светлый ум которого не раз спасал наш народ от неминуемой гибели».

С тех древнейших времен, – гласит притча, – старики у адыгов окружены почетом и глубоким уважением, а печально известный в те времена жестокий обычай, связанный с Горой Старости, был отменен (Собокова Н.И., 2010).

2.4.4.3. «Глубокое уважение к старшим по возрасту» как неотъемлемая составная часть адыгагъ

Перед лицом седого вставай и почитай лице старца...

Книга Левит (19: 32).

Слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюдается у этих народов (черкесов) самым скрупулезным образом...

И.Ф. Бларамберг (1840).

Адыгэ хабзэ и его составная часть – *адыгагъэ*, или *адыгэ нэмыс*, в совокупности обуславливали, наряду с другими этическими нормами и правилами, – и такую важнейшую нравственную категорию, как уважение к старшим, а также, что немаловажно, – и к лицам противоположного пола: «Уважение к старшему опиралось не на силу его власти, а на его авторитет, на его справедливость, учтивость, сдержанность, находчивость, на то, насколько он хорошо знает адыгэ хабзэ» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Что из себя представляла эта категория *адыгагъэ*? В системе *адыгэ хабзэ* уважение – это, в первую очередь, внимательное отношение к другому, умение ставить себя на его место, проявление своих лучших качеств по отношению к нему. Внешне уважение к старшим проявлялось в следующем. Когда два адыга шли или ехали верхом на лошади, старший всегда находился справа. Если их было трое, то ему полагалось быть посередине, самый младший занимал правую от него сторону, а средний по возрасту – левую. Таким же образом они усаживались за стол. Идущего впереди старшего никогда не окликали. Его догоняли и, пристроившись слева и поздоровавшись, спрашивали о том, о чём хотели спросить.

В разговоре старшего никогда не перебивали. При его появлении все везде и всегда вставали. Вставали не только в честь старшего, но и в честь гостей, женщин, соседей, знакомых, не только у себя дома, но и у чужих, в поле, на сенокосе и т. д., не только тогда, когда сидели на земле, но и когда находились верхом на лошади (приподнимались на стременах или спешивались). Сыновья и дочери, ставшие уже родителями, не садились в присутствии отца, а о том, чтобы лежать при нём, – нечего было и говорить.

В этой связи интересно одно предание. Как известно, в прошлом детей знати адыгов воспитывали в «чужом доме», у аталыка, и они росли с рождения до совершеннолетия, не видя своих родителей. Один такой воспитанник был тяжело ранен. Перед смертью он попросил, чтобы хотя бы один раз ему показали родного отца. Об этом сообщили последнему, и он приехал в дом, где лежал умирающий сын. *Адыгэ хабзэ* не позволяло, как уже сказано, ни сидеть, ни лежать при отце. Поэтому раненый встал при помощи других с постели и встретил своего отца, как и надлежало, стоя. Он стоял, друзья поддерживали его, а отец сидел и смотрел на умирающего сына. Но недолго это продолжалось. Отец встал и сказал: «Я не насмотрелся на своего несчастного сына, но все же я вынужден уйти, ибо стоять ему тяжело, а лечь при мне он не смеет». Отец ушёл, а сын тут же упал и умер. Наверное, это жестоко в современном нашем понимании, но таковы были требования *адыгэ хабзэ*, таково было понятие о чести. А когда речь идет о чести, достоинстве, адыги говорят: «*Напэм и пэ псэр ихуэ*», что примерно означает: «честь дороже жизни».

Когда старший садился или спешивался с лошади, молодые люди брали его лошадь под уздцы и за правое стремя. Примечательно, что то же самое мог проделать и старший, если на лошадь садился молодой человек. В данном случае старшинство признавалось за тем, кто садился на лошадь.

Если младшие отлучались, то они обязательно отпрашивались у старшего. При возвращении же первым делом наведывались к старшему. Признаком воспитанности было также, когда родственники, соседи просто так заходили к старшему и спрашивали о его здоровье, рассказывали ему новости, спрашивали совета. Старшему не переходили дорогу, особенно женщины. Ни одно торжественное событие не проходило без старшего, без тамады. При этом свадьба, свадебный стол были не только местом, где играли, танцевали, наедались, напивались. Она была своеобразной школой, где старший учил молодежь, всех присутствующих обычаям и традициям народа. Согласно обычаям, старший перед самым началом торжеств просил всех быть благоразумными, сдержанными, чтобы не омрачить радость семьи, у которой свадьба, «забыть на время вражду, если вражда существовала между кем-либо из присутствующих». И, естественно, его нарушение осуждалось всеми (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Дополняет этот весьма поучительный, прежде всего, для молодежи, свод правил Н.И. Сообцокова (2010): «Нельзя обращаться без особого разрешения к старшему. Об оскорблении стариков не могло быть и речи, поскольку это несмыслимым позором ложилось не только на имя оскорбленного, но и на весь его род. Старший всегда должен находиться с правой стороны, ибо именно правая сторона у адыгов наиболее почетная. На вопросы старших отвечают лаконично, негромко, но внятно. Хвастать, вести себя развязно, острить не полагается. Каждая услуга, сделанная пожилому человеку, делает честь юноше или девушке...».

И далее автор продолжает: «Почетным местом у адыгов считалось место, наиболее удаленное от входной двери (*жант*). Его занимал самый старший, а остальные располагались так, чтобы самый младший оказывался ближе всего к двери. На ложе или сиденье, используемые старшими, младшие не садились и не ложились даже тогда, когда старшие отсутствовали. Если старый человек выполнял какую-либо тяжелую работу, молодые люди, даже незнакомые, обязаны были ему помочь. Престарелых людей никогда не оставляли одних на ночь, а одиноких стариков, старух, больных людей всегда забирали родственники, а если их не было, – то соседи, чтобы ухаживать за ними.

На черкесских игрищах, свадьбах, похоронах, где зачастую собиралось от нескольких сот до нескольких тысяч людей от мала до велика, никогда не было беспорядков, тем более потасовок и драк. Присутствие мудрых стариков, которые руководили этими мероприятиями, и знание своего места и обязанностей каждым членом общества являлись гарантом порядка. *Только уважая старших, можно было самому достичь почета и уважения в обществе*» (Сообцокова Н.И., 2010. С. 167-168).

Таким образом, уважение к старшему опиралось не на силу его власти, а на его авторитет, на его справедливость, учтивость, сдержанность, находчивость, на то, насколько он хорошо знает адыгэ хабзэ. Невозможно перечислить все знаки внимания, через которые проявлялось уважение к старшему. Его имя не произносили женщины и молодые люди, при нём не говорили о жене, муже и детях, при нём не позволяли себе развязную речь, не говоря уже о нецензурных выражениях. За столом раньше тамады никто не начинал есть. Однако кушать переставали чуть позже него. Это касалось и гостя, чтобы дать ему наесться, не стесняясь. Все это требовало *адыгэ хабзэ* от адыгов. О значении *адыгэ хабзэ* при воспитании молодежи в духе уважения к старшим, в частности, говорит пословица: «Тот, кому кажется *хабзэ* угодничеством, лишает себя и половины того, что заслуживает». Эту же мысль можно встретить и в библейских текстах: «Перед лицом седого вставай и почитай лице старца...» (Книга Левит, 19: 32). Или еще: «Старца не укоряй, но увещивай, как отца...» (1-е послание Тимофею, 5: 1).

Старшинство определялось главным образом по возрасту. Старший всегда был вышестоящим между братьями, друзьями. Однако, во время походов, наездничества, полевых работ, старшинство зависело не только от прожитых лет, но и от умения организовать людей, от мужества, храбрости, знания дела и т. д. Как можно заметить, уважение к старшим было одним из главных компонентов *адыгэ хабзэ*, а последнее – составной частью самосознания всех адыгов (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>). Иностранцы, побывавшие в Черкесии, особо отмечали эту грань адыгского этикета. Так, Э. Спенсер (1830) писал в своих записках: «Уважение, оказываемое пожилым людям Кавказа, является не менее восхитительным, чем их гостеприимство, и заслуживает, чтобы быть заимствованным европейцами».

2.4.5. Народная мудрость, уходящая своими корнями в далекое прошлое

2.4.5.1. Афоризмы из адыгского этикета

УтIумэ уз, узымэ уцIымыIэжэ папкI – «Двое в согласии – едины и сильны, а один – все равно, что его нет».

Зэкъот куныр мыкътэжэсын къутанI – «Дружба людей – неприступная вечная крепость».

Адыгские пословицы

В заключение хотелось бы напомнить читателю некоторые афоризмы из *адыгэ хабзэ*. Они говорят сами за себя, раскрывая глубинный смысл народной мудрости, уходящей своими корнями в далекое прошлое:

Кто выращивает лес, тот не всегда видит при жизни плоды своего труда.

Будь храбрым, но будь и великодушным: великодушные выше храбрости.

Старый друг не становится старым врагом.

Кинут в тебя камнем – ответь сыром. Гость в дом – Бог в дом.

Если встретил дурака, то отдай ему шапку – и уходи.

Глупому и папаху отдай, лишь бы мимо пройти.

Сделай добро – и брось его в воду.

Настоящий мужчина – это острый меч, сладкий язык и сорок столов (т. е. храбрый, красноречивый и щедрый).

Работай для другого – учись для себя.

Старших не окликают – догоняют.

Один человек для другого – подмога.

Пни на дороге камень – он будет ждать тебя впереди.

В глаза хвалящий тебя – в глаза хулящий.

Дорожи честью больше, чем жизнью.

Если ты настоящий мужчина – не хвали себя, если ты хороший, люди похвалят тебя.

Подобных мужчине очень много, а настоящих мужчин – единицы.

Дом адыга – крепость *гостя* адыга (Интересно сопоставить с изречениями других народов. Например, англ.: «Мой дом – моя крепость». – Авт.).

2.4.5.2. Крылатые выражения из свода адыгской этики (*адыгагъ*, адыгство)

Адыгагъэр цIыхугъэц – «Адыгство суть человечность».

Адыгская народная пословица

Хочешь быть человеком – соблюдай «адыгагъ».

М.Г. Аутлев (1999).

Немало пословиц и крылатых выражений содержит в себе адыгская этика (*адыгагъ*, адыгство). В первую очередь, как отмечает Б.Х. Бгажноков (1999), – это различные типы моральных суждений: нормативные, оценивающие, описывающие, побудительные. Часть из них закрепились в языке в виде клише, афоризмов, пословиц:

Псэр ети напэр къацтэ – «Отдай жизнь и возьми честь»;

Нэмысыншэр насыпыншэц – «Лишенный почтительности лишен счастья»;

Зэманым декIур лIыфIц – «Идущий в ногу со временем – благородный муж»;

Адыгагъэр цIыхугъэц – «Адыгство суть человечность».

Суждения о том, какие действия являются моральными, дополнялись в данном случае указаниями на нравственную, социальную значимость определенных мотивов, побуждений, привычек, черт характера. Большую и разнообразную этическую информацию несут устойчивые запреты и отрицания определенных действий, привычек, черт характера:

Губжэ къыскъырошасэ жыпIэу Iуэху йомыхъэжэ – «Охваченный гневом к делу не приступай»;

ИбгъэкIыжа фыз умыуб – «Жену, с которой развелся, не хули» и т. д. (Бгажноков Б.Х., 1999).

2.4.5.3. «Аутлизмы»: цикл афоризмов академика М.Г. Аутлева

Афоризмы – крылья языка.

К.Г. Шаов (1992).

Все самое ценное в человеке должно быть в сердце, а не в кармане... Доброе сердце – самый надежный мост к людям.

М.Г. Аутлев, академик (1999).

Хорошо дополняет приведенный выше свод афоризмов и крылатых выражений подборка так называемых «аутлизмов» – цикла афоризмов академика М.Г. Аутлева:

Все самое ценное в человеке должно быть в сердце, а не в кармане.
 Чем быть ужом, лучше однокрылым орлом, – нет – нет, да и вспорхнешь.
 У него такая широкая душа, что он может обогреть всех.
 У него сердце в два раза больше его самого (о добром человеке).
 Если потерял сегодняшний день, завтра не ищи его.
 Человек никогда не сможет передать словами свои чувства. Это легче сделать действиями.
 Доброе сердце – самый надежный мост к людям.
 Политика не может и не должна ходить на костылях. Ей нужны здоровые ноги и холодный ум.
 Жизнь отдельного человека во времени меньше песчинки мироздания, но столь же больше, чем все мироздание.
 Я не спорю, чему отдавать приоритет: слову или делу. Но уверен: всего лучше, когда они неразлучны.
 Появившись на свет, ты не знаешь, кем ты будешь. Но найдутся люди, которые будут тебя учить, как возвыситься над всеми. Не слушай их!
 Некто сказал: «Я лучше всех!» Один промолчал, другой не расслышал. А он остался при своем мнении.
 Жизнь – это труд. Перестал трудиться – перестал жить!
 Идет так, что и земли под собой не чувствует. А споткнется, крикнет, как и все: «Ой!»
 Все, что делается легко – обманчиво и ненадежно.
 Иной гордится породой, как орловский производитель, а в душе – обыкновенная кляча.
 Мужчин по виду много, а по сути очень даже мало.
 Усим здається, що так було завжди, інакше і не можна часом. Казаче! Ты не був казаком ніколи, якщо ні зустрічався ти з черкесом!
 У кого рубль в голове, у того помой в сердце.
 Что сделал доброго для людей, это и есть твое богатство.
 То, что ты отдал людям, осталось при тебе; что спрятал от них – то пропало навсегда.
 Правда бывает одна. Двух правд не бывает.
 Человек очень мал в мире. Его делают великаном доброе сердце, правдивость, честный труд.
 Ренегат! Есть ли еще что-нибудь грязнее, постыднее?
 Никогда не смотри на человека сверху вниз, а на вельможу снизу вверх! Смотри прямо!
 Помни: подобно тому, как с высоты все кажется мизерным, так и снизу все, кто высоко стоит, кажется черными песчинками.
 Никогда не думай, что ты высок! Высок народ, который поднял тебя на своих плечах.
 Президент, ползающий на коленях перед равными себе в забугорном мире, – не президент.
 Бомбами и танками братства народов не создашь.
 Бомбы и танки самые плохие статьи Конституции федеративного государства.
 Не командовал даже ротой, но за маршалский жезл ухватился.
 Учился на «3», работал на «2», управлял на «0».
 Враг «правды» громче всех кричит о «правде».
 Не кичись своей молодостью. Помни, что родившись, ты сделал первый шаг к старости.
 Человека делают человеком поступки.
 Не кричи без конца, что ты адыг, лучше молча поступай как адыг.
 Любой человек красив сам собою. Но его сделает уродом лишь один опрометчивый поступок.
 Дети – подрастающее поколение! Но не только. Дети – наши учителя и наши судьи.
 Адыга можно узнать по его поведению: вежливость и обходительность, строгость и чистота речи, готовность оказать помощь нуждающемуся.
 Адыгейский язык беден непристойными словами.
 Зависть сродни животному чувству.
 Клеветника и ябедника никогда не считали адыгами.
 Адыгейская девушка – крепость, доступная только для избранника по сердцу.
 Дружбе нет цены. Недаром у адыгов есть понятие: друг и полудруг.
 Когда совершаешь дурной поступок, прежде всего помни, что его отнесут за счет твоего народа.
 Помни: когда говорят тебе «сукин сын», то порицают не тебя одного, а весь твой род.
 Что превыше матери и отца? Помни, что недостойного называют только по отчеству в укор родителю.
 Православные генералы жгли аулы, предавали смерти народы, православные цари с патриархами молились Богу, отмаливали грехи.
 Чтобы стать святым, царь должен сидеть на окровавленном троне.
 Генералы в крови купались, а цари Богу молились.
 Чужую кровь ни один святой и даже Бог не смочит.
 Ложь – оружие негодяев. Лжецу дважды не верят.
 Родной язык – и жизнь, и сила, и счастье; лишился его – лишился всего.

Язык – родная мать; кто не любит свою родную мать, тот чужую не полюбит.
 Уважение к культуре другого народа возможно только через любовь к своей культуре.
 Нет бедных языков, есть невежество и незнание.
 «Русские цари – мертвецы в живой обстановке» (В.О. Ключевский. XIX в.).
 И самый богатый язык правдив только в устах честных людей.
 Двух правд по одному и тому же предмету не бывает; $2 \times 2 =$ всегда 4.
 У адыга двери дома не знают замков.
 Адыга не спрашивают: «Можно к вам?» – к нему просто заходят.
 Для адыга самый высокий чин – младенец, самый высокий трон – колыбель младенца.
 Адыгу чуждо сквернословие. А сквернословие в присутствии женщины и ребенка – несмыслимый позор и преступление.
 Прежде чем совершить шаг, вспомни, что ты сын народа, а значит, и его лицо.
 Путник путнику – опора. А люди все – путники на жизненной стезе.
 Долг перед народом не исчисляется золотом.
 Как бы ты не вырос, не забывай свою колыбель.
 В обращении с женщиной не забывай, что твоя мать тоже женщина.
 Незыблемым и жизненно целесообразным оказывается только то, что добыто на основе взаимопонимания.
 Только он, тот, кого снисходительно называют «простой народ», и есть творец всего. Он же и есть творец добра.
 Пока Ельцин сдержит слово (выполнит обещание), осел научится читать Коран.
 Народ никогда не творит зла. Зло творят отщепенцы – чины.
 Российский «демократ» приемлет любой цвет за исключением красного.
 Федерация – есть братский союз. Его нормальные люди бомбами не строят.
 Дружба и доверие насилем не крепятся.
 Не строй рожу другому народу. А своему – тем более.
 Кто свысока смотрит на другой народ, тот унижает свой. Кто оскорбляет чужой народ, тот плюет на свой.
 Не стремись выглядеть лучше всех! И умнее всех!
 Не стремись подняться выше всех. Упадешь – никто не подхватит.
 Предатель похож на собаку, которая укусила себя же за хвост.
 Не говори плохо о своих предтечах! Не забывай, что в тебе ихнего немало!
 Не призывай в судьи своим делам ни мать, ни жену, ни сына. А вот внук может быть им. Посмотрите на Егорушку Гайдарушку!
 Продажный политик и продажная женщина тождественны, но не равны. Первый получает больше.
 Иуду проклинали из-за 30 сребреников. А демократа произвели в святые за миллиарды.
 В голове чужие мысли, в кармане чужие доллары, в общем – сам не свой.
 Не забывай, что «верх» и «низ» понятия относительные.
 Разрушитель кричит, что он строитель. А что остается тогда настоящему строителю?
 Ельцин дал клич: «Обогащайтесь!», но не сказал как! А люди сами догадались: «любыми средствами».
 Чистая мораль – окова, аморальность – демократия. Она же – высшая форма свободы личности (из философских трудов Ельцина).
 Двуличие – щит и украшение президента.
 Высшая клятва адыга: «Клянусь молоком матери!»
 Высшая форма заклинания адыга: «Молоком матери заклинаю!»
 Народ никогда не бывает злопамятен, ему чуждо чувство мстительности. Но он строгий судья.
 Все люди рождаются для счастья и творчества.
 Народ, не знающий своей истории, перестает быть народом.
 Кто потерял родной язык, тот потерял все и самого себя.
 В преступлениях прошлого не ищи виновных среди ныне живущих. Это гуманно и справедливо. Злодеям, если они даже давно покойники, ничего не прощай.
 Неспособный на добрые дела, не способен воспринимать добрые слова.
 Если сказать по-туркменски: «Пока сбудется обещание Ельцина, у верблюда хвост отрастет до земли».
 Лучшая педагогика – когда отец говорит сыну с первого дня: «Я тебя никогда не обманываю и ты меня никогда не обманывай; я никого никогда не обманываю и ты никого никогда не обманывай».
 Все несправедные – сами себе адвокаты.
 Не ставь других ниже себя.
 Если сосед голоден, сколько б ты ни ел, сытым не будешь.
 Клеветой на других себя не возвысишь.
 Доброту не продают, а дарят.
 Не кажись, а будь!
 Не воруй, особенно чужую мысль, чужую строку.

Будь адыгом! И тебе больше ничего не потребуется для совершенства.
 У адыгов клоуна так называют, что по-русски не скажешь.
 Учись у того, кто знает и у того, кто умеет.
 Адыг всегда отзывается.
 Быть адыгом и быть равнодушным одновременно невозможно.
 Не забывай, что твой поступок соизмеряют с моралью твоего народа.
 Плохо поступил – упрек твоему отцу, а значит, и твоему народу.
 Хорошо поступил – хвала твоему отцу, а значит, и твоему народу.
 Знай, что начало всего доброго и всего плохого – в семье.
 Школа – учитель и воспитатель. Добавлю к этому: только для тех, кто пришел туда с добрыми намерениями.
 Учителем назову только того, кто навсегда останется в сердцах учеников.
 Если у тебя нет друга, значит, и ты никому не нужен.
 Любой труд заслуживает всяческого уважения; тунеядство – одного презрения.
 Словосочетание – «был коммунистом» противоречит логике. Слово «коммунист» не может быть в прошедшем времени.
 Уровень культуры человека прямо пропорционален его трудолюбию.
 Трудолюбие – враг эгоизма.
 Если ты трудолюбив, значит, ты человеколюбив.
 Трудолюбие – вторая натура настоящего человека.
 Интеллигентность – это прежде всего трудолюбие.
 Уста могут произносить только благозвучные слова.
 Родной язык называется материнским. Подумай над этим.
 В материнском языке не может быть дурных слов, оскорбляющих слух человека.
 Косноязычен, двоедушен – значит не адыг.
 Лжец о двух ногах, но он не человек.
 Желание быть первым не может быть осуществлено локтями – для этого нужны безграничное трудолюбие и чистые помыслы.
 Человек человеку брат! Я с этим могу согласиться при условии, что оба они Человеки.
 Доброта нуждается не в благодарности, а в подражании и приумножении.
 Если будешь кричать, что ты лучше всех, тебя могут спросить: «А кто твои родители?»
 Место лжеца в природе ищите в разделе «млекопитающие эволюционного ряда» (в самом начале).
 Кто 60 лет был безбожником, правоверным стать не может. О таком человеке можно сказать: «ни рыба, ни мясо».
 Слова «лжец» и «подлец» рифмуются.
 У честного человека свой дух. Он всегда здоровый. И для него, и для людей.
 Завистник никогда не научится ничему доброму.
 Нельзя научить ничему хорошему того, кто считает себя выше всех.
 Завистник не может быть ни добрым, ни справедливым.
 Завистник не только враг других, но прежде всего, враг самому себе.
 Трудолюбие – «второе Я» для порядочного человека.
 И животное трудится, как умеет. А пчела – для всех.
 Если тебе говорят, что ты много сделал, не забывай вклад других, кто был рядом с тобой.
 Один в поле не воин – это правда. Но один в труде тоже не герой. Это тоже правда.
 В любом достижении большого таланта неизбежно присутствует труд других. (Не случайно автор, представляя свое творение, всегда говорит: «Мы стремились сделать то-то и то-то»).

Не забывай, что народ ругает не поступившего аморально адыга, а всех его родителей по восходящей линии: «Уихъае ешх узыкьом, узыпхъум».

Быть благодетелем сразу и для волка, и для овцы никому не дано.
 Не прививай чужие нравы своей семье. У каждого народа свой взгляд на жизнь, у него и бери, что надо.
 Украденное не может быть благотворным. Оно смердит и отравляет своим ядом всю жизнь укравшего.
 Если ты не правдив, ты не адыг.
 Если тебя спросят – кто сильнее всех на свете, не колеблясь ответствуй: народ! А спросят, кто правдивее всех, также скажи: народ! А еще спросят: кто справедливее и добрее всех? Не задумываясь говори: народ!
 Если ты не способен делиться с другим тем, что у тебя есть, ты не адыг.
 Злоумышленники крадут обычно то, что далеко прячут. Что лежит на виду – они не тронут.
 Славу нельзя подарить. Ее не ищут, она сама приходит с продуктами честного труда.
 Краска стыда глубоко проникает в душу.
 Никогда не оскорбляй человека ни словом, ни действием, ни жестом.
 Пока демократы выполняют свои обещания, у зайца отрастут рога.
 Казак есть казак, Березовский есть Березовский. Каждому – свое.

Демократы оплачивают свои обещания по бартеру – комариным жиром и комариными окороками, да заячьими рогами.

Сколько бы палач не исповедовался, – ангелом не станет.

Неправедно пролитая кровь исповедью не смывается.

Сначала кровь, потом много крови, а потом отпущение грехов на исповеди. Надежда на это сама по себе греховна.

Сначала разрушение, потом восстановление. Неразумно! Но все же, какое ни есть, а занятие!

Борьба за кусок хлеба через голодовку и посредством голодовки – одно из «достижений» реформ и перестройки.

Чубайсы, Березовские и К^о действительно «новые русские». Они, правда, не Ивановы, не Петровы и даже не Сидоровы. Как говорится, «на безрыбье и рак рыба».

Если не хочешь заблудиться в своем городе, овладей английским, немецким, французским, турецким и другими языками.

Если ты хочешь стать цивилизованным, то не ищи в русском языке слова, близкого по созвучию слову «shop». Это всего-навсего – «магазин» (давно обрусевшее слово).

Предательство не может быть подвигом.

Ложь – основа всякого разрушения.

Совершенное зло возвращается злом, только сторицей.

Ренегат живет в вечных поисках самооправдания.

При этом большой массив крылатых выражений академик М.Г. Аутлев посвятил понятию «адыгагъ» (*адыгство*):

«Адыгагъ» – высшая форма цивилизованности, гуманизма.

«Адыгагъ» – то же самое, что и человечность.

«Адыгагъ» – не приемлет жадности, скарденности!

«Адыгагъ» – это то, что народ делает народом, адыга – адыгом.

«Адыгагъ» – это также то, что делает человека личностью.

«Адыгагъ» – это также то, что делает человека Человеком с большой буквы.

«Адыгагъ» – краеугольный камень духовной культуры народа.

«Адыгагъ» требует учиться везде, учиться всегда всему хорошему, что есть у других.

«Адыгагъ» – не лед и не камень, он как живой организм – вечно растет, вечно совершенствуется.

Самый ценный источник воспитания «адыгагъ» – опыт и пример старших, его богатства не вместит ни одна книга.

Хочешь быть человеком – соблюдай «адыгагъ».

Адыг, если он адыг, никогда не нарушает «адыгагъ».

Чтобы приобрести право называться собственным именем, твердо соблюдай адыгский этикет (Аутлев М.Г., 1998. Вып. 3. С. 59-63).

Оценивая достаточно высоко моральные и этические нормы, заложенные с глубокой древности в *адыгэ хабзэ*, хотелось бы высказать надежду, что в наше далеко не простое, переломное время, когда многие освященные временем хорошие обычаи, к сожалению, забываются и постепенно уходят в прошлое, Кодекс чести адыгов будет наконец-то востребован и вновь ляжет в основу взаимоотношений между жителями нашей многонациональной Земли адыгов.

2.5.»Черкешенки – самые красивые и обаятельные во всем мире»: требования *адыгэ хабзэ* к моральному облику девушек

Освещение данной темы будет неполным, если не отметить в достаточной мере независимое положение девушек и молодых женщин в черкесской семье, с давних пор соответствовавшее этическим нормам и правилам *адыгэ хабзэ*. Тема красоты и обаяния, чистоты и скромности черкешенок издавна привлекала внимание практически всех авторов, побывавших в прошлом на Северо-Западном Кавказе или долгое время живших среди адыгов.

2.5.1. «В Черкесии сохранялся в чистом виде тот стандарт красоты, каким гордилась Эллада...»

Черкешенки – самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают.

К. Пейсонель (1762).

При описании красоты черкешенок для нас очень важны мнения европейцев – представителей наиболее развитых культур Франции, Англии, Голландии, Италии, Австрии, Германии, Польши. Эти страны, как никакие другие, особенно известны красотой своих женщин, высоким уровнем комфорта, который их окружал, и поистине рыцарским отношением к слабому полу. Вплоть до конца XIX в. европейцы называли чер-

кесами родственные между собой племена адыгов, кабардинцев, абазин и других обитателей Северо-Западного Кавказа. Прелесть черкешенок всегда производила столь ошеломительное впечатление на иностранных путешественников, что они непременно посвящали добрую часть своих заметок, писем, дневников и воспоминаний восторженным описаниям их облика, нравов и характера.

Многие западноевропейские авторы, побывавшие в прошлом на Земле адыгов, с удивлением отмечали относительно свободные нравы черкесских девушек, столь разительно отличающиеся от оскорбительно-униженного положения их сверстниц в странах Востока. При этом они обязательно подчеркивали их привлекательность, скромность, а иногда и игривость, живость характера, не переходящую, впрочем, известные границы.

2.5.1.1. «Черкесы – это отличающийся необычайной красотой народ...»: два диаметрально противоположных мнения об адыгах

Их (черкесов) храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славись, как красота и грация их мужчин и женщин.

Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон (Т. XXXVIII, 1903).

Как бы культурно не старались преподнести себя адыги, в душе они остаются варварами, достойными своих предков... Бескультурное адыгское племя... и т. д.

М.О. Будаев (1998).

Практически все дореволюционные авторы, побывавшие в Черкесии, отмечают красоту, мужественность и врожденную гордость черкесских женщин и мужчин, всего адыгского народа:

Абу-аль-Хасан Али аль-Масуди (943), арабский географ и путешественник: «Кашаки (черкесы) – это отличающийся необычайной красотой народ, живущий между Румским (Черным) морем и горой Кабх (Эль-брусом)... Из всех обитателей здешних стран мужчины этого народа имеют самые правильные черты, цвет лица самый приятный и стан более стройный и весьма гибкий» («История многовекового...», 2007).

Ж.Б. Тавернье (1605-1689). В 1663 г. был на Северном Кавказе и поделился своими впечатлениями о черкесах: «Эти люди, как и в Грузии, обладают здоровой кровью, в особенности женщины, которые чрезвычайно красивы, очень хорошо сложены и имеют свежий вид до 45-50 лет. Они все настолько трудолюбивы, что сами добывают железную руду, которую затем плавят и изготавливают различную домашнюю утварь. Они делают много вышивок золотом и серебром для украшения седел, колчанов, луков, стрел, своих легких башмаков и полотна, из которого шьют себе платки» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 59-64).

Эмиддио д'Асколи (в 1623-1633 был префектом в Каффе): «Чиркасы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их чиркас ипага (спага), что означает «благородный, конный воин». Действительно, чиркасская знать, даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом, в кольчугах и с шашками, с украшениями в виде розеток из золоченого серебра. Их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами всадники стройны, изящны и тонки в поясе; у них кровь алая, осанка благородная, глаза черные, брови дугой...» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 46-47).

Николаус Витсен (1641-1717): «Они (черкесы) крепкого сложения, несколько широки лицом, хотя не так, как ногайцы, с черными волосами, которые стригут, оставляя их с дюйм длиной, а на макушке сзади висит небольшая коса. Языком и одеждой они похожи на дагестанцев, только не носят четырехугольные шапки... И мужчины, и женщины приветливы, доброго нрава и целомудренны... Считают, что среди них можно встретить красивейших людей в мире. Они очень гостеприимны, разумны и приветливы. Живут в лесных чащах и загораживают ветвями дороги к своим домам, чтобы татары, совершающие набеги всюду, не нашли их, – татар привлекают красивые люди в качестве добычи (1641-1717) («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Ян Стрейс (1630-1694,) был на Кавказе в 1668-1670 гг.: «Мужчины-черкесы крепкого сложения, с широкими лицами, но не такими четырехугольными, как у калмыцких или крымских татар. ...Они недобры и неприветливы, но с ними легче войти в сношения, чем с другими татарами. Они почти все время сидят на лошадях, которыми прекрасно управляют. Их оружие составляют лук и стрелы, у некоторых есть и ружья, из которых они стреляют с чрезвычайной легкостью» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 72-74).

Абри де ла Мотрэ (1674-1743), в 1711 г. был на Северном Кавказе; в 1724 г. издал воспоминания о своем путешествии. Имея возможность наблюдать, по меньшей мере, несколько тысяч адыгов всех возрастов от Тамани до Каспия, он делает фундаментальный вывод: «Я находил черкесов все более красивыми, по мере того как мы продвигались между гор... Пробегая взорами по окружавшей меня толпе, я был поражен, увидев их (черкесов) настолько красивыми, насколько я нашел безобразными ногайцев, так как среди нескольких сот, которые вышли из своих хижин посмотреть на меня, не было ни одного мужчины или женщины, которых можно было бы назвать некрасивыми. Их стан – один из самых лучших, великолепно соответствует красоте лица» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85, 107). И еще одно дорожное впечатление Абри де ла Мотрэ на тему красоты жителей Черкесии: «Мы встретили несколько селений, которые, казалось, были населены Адонисами, Венерами и лошадьми, прекраснее когда-либо виденных до сих пор после арабских».

Это впечатление по кабардинским селам. Тема красоты звучит у этого автора неукоснительно при описании каждого привала в черкесском селении. На обратном пути из Астрахани, на 7-й день путешественник вновь въезжает в Кабарду: «Селение было самое обыкновенное и его обитатели, не уступавшие по красоте и гостеприимству тем (селениям), которые я уже посетил, приняли меня так хорошо, что заставили провести одну ночь и хотели поссориться за право пустить нас ночевать» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Ферран (1709). Объясняя, так сказать, истоки красоты черкесов, французский врач, лечивший крымского хана, Ферран пишет: «Главное место здесь – округ Кабарда. Отсюда крымский хан приобретает великое количество невольников. Здешные жители необыкновенной красоты. Ни на ком здесь не заметно лица, обезображенного оспой... Черкесия прекрасна, изобилует плодоносными деревьями, орошается чистыми реками. Чарующими лесами покрыты белоснежные горы. Воздух здесь благорастворенный и чрезвычайно здоровый. Полагаю, что от этого происходит цветущая красота черкесов. Природа наряду с глубоко продуманной системой воспитания – вот основа красоты черкесов (Цит по: «Хасэ», 2009, № 1-4, февр.-март. С. 13; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 76).

К. Пейсонель (1762): «Черкесы – милые, красивые, хорошо сложенные люди, как мужчины, так и женщины... Прежде чем оставить Черкесию, я должен еще раз отметить, что они действительно хорошо сложенный, красивый народ».

И.Г. Георги, академик, побывавший на Кавказе в конце XVIII в. и оставивший свои записки, опубликованные в 1766 и 1799 гг.: «Черкесские татары росту полного, стройны, предприимчивы, честолюбивы, странноприимны, но притом весьма непостоянны и вероломны... Женщины их в рассуждении своей красоты, веселости и опрятности славятся почти перед всеми в мире. Лучшая их красота поставляется в рыжих волосах, почему многие из них красят нарочно свои волосы красной краской» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 174, 175).

П.С. Паллас, академик (1741-1811); был на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Черкес довольно высокого роста, статного, красивого сложения и старается еще больше выказать его тем, что опоясывается кожаным поясом и сохраняет приятность и легкость в движениях и походке. У него продолговато-круглая голова, тонкий, однако же, небольшой, довольно красивый нос, длинный заостренный подбородок, черные впалые глаза; как и все магометане, он бреет волосы, по большей части черные, но часто и русые, и отпускает их, не очень густые, на верхней губе и на подбородке. Он так же хороший кавалерист как и пехотинец и при всяких предприятиях обнаруживает энергию и настойчивость» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Якоб Рейнеггс (1744-1793), побывавший на Кавказе в 1781-1783 гг.: «Настоящие, природные черкесы хорошо сложены, стройные и красивые, имеют выразительное лицо и гордый вид; нечистокровные, напротив, совершенно похожи на татар и в них невозможно обнаружить и намека на дворянскую гордость» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 179-200).

Юлиус Клапрот (1808) заметил: «В общем черкесов можно назвать красивой нацией; особенно выделяются мужчины своим высоким ростом в красивым сложением, так как они делают все возможное, чтобы сохранить свою стройную талию. Они обычно среднего роста, очень сильные, мускулистые, но не жирные» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

В «Отчете Эдинбургского миссионерского общества за 1817 г., с приложением географического и исторического описания миссионерских пунктов в Азиатской России» шотландские миссионеры благожелательно, с большой симпатией отзываются об адыгах-кабардинцах: «Черкесы – красивый народ, у них правильные черты лица и живые выражения...». Подводя итоги, они приходят к выводу, что кабардинцы «всегда были и сейчас остаются самым сильным горским народом на Кавказе» (Пшемурзов В.Х., 2003).

Джеймс Белл (1837): «Меня поразило количество красивых людей среди собравшихся. Их отличительные черты – это высокий рост, широкая грудь, могучие плечи, узкие бедра, небольшая нога и пронзительно живые глаза. С полным основанием можно сказать, находясь здесь: «Мужчина – это самое благородное творение, какое только дарит эта страна» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С.29).

Н.Ф. Дубровин (1871. С. 55). Интересно и безусловно поучительно его свидетельство о причинах «телесной красоты» черкесов: «В народе, не имевшем никаких властей, каждый должен был заботиться о себе и об общественной пользе, заводить связи и употреблять силу слова для ограждения своих интересов. Такое политическое устройство развивает присутствие духа, быстроту соображения, а постоянные физические упражнения и деятельность способствуют развитию телесной красоты, гибкости и силы... Черкесы богато одарены как умственными способностями, так и красою; но все духовные способности употреблялись на хищничество и войну. Между черкесами то семейство, в котором один из членов не был убит или ранен в каком-либо сражении с врагами, вошедшими в пределы его родины, не пользовался уважением соотечественников». И еще ценное свидетельство этого же автора: «Скромность почиталась в старину между черкесами лучшим украшением человека. Будучи чрезвычайно впечатлителен, черкес легко увлекался, но весьма скоро и приходил в себя. В обращении с соплеменниками был вежлив, почтителен к старшим, откровенен, говорил смело и резко то, что думал».

Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон (Т. XXXVIII, 1903): «Их (черкесов) храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славилась, как красота и грация их мужчин и женщин».

Хеннингсен (1919). Преклоняясь перед черкесами, он называет их «красивейшей, мужественнейшей и решительно лучшей расой во всем мире. Кажется, сама природа, создав этот народ для превосходства и главенства, отвела ему роль аристократии всего рода человеческого» (Цит. по: Сапен-Линьер М., 2008).

С этими и многими другими подобными свидетельствами, в достоверности и объективности которых нет оснований сомневаться, к сожалению, резко контрастирует мнение карачаевского историка М.О. Будая – автора претенциозной (фр.: *pretentieux* – «имеющий о себе преувеличенное мнение») книги «Шаг к истине. Эльбрус между адыгами и карачаевцами» (Нальчик, 1998). Этот опус переполнен выпадами не только против русского, но и адыгского народа. Так, говоря о черкесах (адыгах), Будай безапелляционно утверждает, что они – «...бескультурное адыгское племя» (С. 38); «разбойники и мошенники, и воровство у черкесов – обычай, который рождается вместе с ребенком» (С. 38); «Черкесы живут в лачугах из катыша (камыш? – Авт.), ходят полуголые, каждый человек здесь – враг по отношению к другим людям»; «адыги поклоняются сатане и идолам больше, чем Аллаху» (С. 38); «Даже если не упомянем безобразные лица черкесов, он ленивы, глупы, отвратительно пахнут и напоминают очень несчастных людей» (С. 40); «С черкесом можно вести переговоры только с оружием в руках, так как он само вероломство, сама неверность» (С. 41).

Хотя приведенные выше характеристики касаются разных прошлых эпох, тенденциозность их подбора очевидна. Впрочем, их общая тональность полностью переносится и на нашу современность: «Они достигли головокружительной наглости в области лжи и воровства, бесчестия и беспринципности... они так и не смогли избавиться от психологии вора» (С. 3); «Как бы культурно не старались преподнести себя адыги, в душе они остаются варварами, достойными своих предков» (С. 21) и т. д. (Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 422-423).

Что здесь можно сказать? Когда-то министр пропаганды фашистской Германии Й. Геббельс поучал: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее тебе поверят. Рядовые люди скорее поверят большой лжи, чем маленькой. Солги посильнее, и что-нибудь от твоей лжи и останется...» (Цит. по: Прудникова Е.А., 2007. С. 4).

Думается, приведенные в настоящей книге факты опровергают лживые утверждения карачаевского «исследователя», опубликование которых отнюдь не способствует укреплению дружбы и взаимопонимания между кавказскими народами. Ведь адыгские народы достаточно мудры, чтобы безоговорочно верить подобным измышлениям Будая и К°. Адыги не могут не понимать, что эти националистически настроенные опусы так называемых «историков» (! – Авт.), пронизанные, будем прямо говорить, дремучим невежеством и открытой ненавистью к соседним народам, отнюдь не способствуют сохранению мира и дружбы, а наоборот, нацелены на разжигание межнациональной розни на Кавказе. А к чему это может привести – пожалуй, не стоит говорить...

2.5.1.2. «Ты среди женщин несравненна!»: калейдоскоп мнений о красоте черкесских девушек

Красота женского пола, издавна прославляемая, в полной мере заслуживает приписываемую ей похвалу. Кто хочет в наше время иметь понятие об изяществе красоты, кто хочет видеть воплощенный идеал красоты классической, тот должен видеть черкешенку.

Н. Данилевский (1846).

В Черкесии сохранялся в чистом виде тот стандарт красоты, каким гордилась Эллада и который был затем полностью утерян греками в турецкую эпоху. Но проблема в том, что этот стандарт существовал в древней Черкесии задолго до появления на ее берегах первых греческих колонистов.

С.Х. Хотко (2008).

Образ жизни адыгов, их занятия влияли на их внешний вид, красоту, которой восхищались авторы всех времен. Они все пишут о ставшей всемирно известной красоте адыгских женщин-черкешенок. Приведу несколько примеров, подтверждающих эту мысль:

Абу-аль-Хасан Али аль-Масуди (943), арабский географ и путешественник, побывав на Кавказе и восторгаясь красотой черкешенок, писал в своей книге «Луга золота и рудники драгоценных камней»: «На пределах (р. Кубани) жили адеми (одно из черкесских племен. – Авт.), занимались рыбной ловлей; они не имеют ни царей, ни правителей. Говорят, что их женщины изумительной красоты и весьма сладострастны». И далее автор пишет: «Из описанных нами племен нет ни одного в этих странах народа, в котором можно было бы встретить тип с более светлой кожей и светлым цветом лица и более красивых женщин. Ни у одного народа нет столько стройного, талии более тонкой, бедер и таза более выдающихся и форм более красивых, чем у этого народа. Женщины их славятся мягкостью своего обращения» (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007).

Иоанн Галонифонтибус (1404): «Их (черкесов) женщины прекрасны и мягкосердечны» (Галонифонтибус И., 2010).

Джорджо Интериано (1501): «Мы не преувеличиваем, когда говорим, что зихи – очень красивый народ. Красивы не только мужчины. Их женщины обладают необыкновенной красотой, и иностранцы, которые посещают эту страну, восхищаются ими и хотят обладать ими» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С.31).

К.М. Базили (1590), турецкий автор, в своем труде «Очерки Константинополя» так воспеваает красоту черкесских девушек: «Иногда светло-русые волосы черкешенки напоминают ее северное происхождение, и под солнцем юга кажутся отражением его лучей; но большею частью они имеют глаза, брови и волосы совершенно черные, и это еще более выказывает белизну их лица, подобного главе Эльбруса, когда на ней блуждает розовое облако вечера, или туманно-бледного, как влюбленная звезда. Красота этих женщин представляет особенный тип: она не имеет той скучной суровости древнего, классического идеала и не выражает усталости и томления, которые придают столько прелести европейской женщине: их красота, красота собственно азиатская и более женская, нежели красота гречанок; их черты исполнены жизни и страсти, но редко бывают строгой правильности...» (Цит. по: Хотко С.Х., 2012. Вып. 4. С. 6).

Эмиддио Дортелли д'Асколи (в 1623-1633 гг. был префектом в Каффе), католический монах-миссионер Доминиканского ордена говорил о черкесах: «У них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми женщинами в мире» (Бетров Р.Ж., 1991; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 46-47).

Николас Витсен (1641-1717): «Женщины белы лицом, с румяными щеками. Свои черные волосы они выпускают двумя локонами на плечи» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Адам Олеарий (1599-1671), немецкий ученый, магистр философии и дипломат: «Женщины у них (черкесов) обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицом, белотелы и краснощеки, волосы черные, как смоль, в двух длинных крученных локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытым лицом. Они... общительны и любезны» (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 54-55).

Ян Стрейс (1668), голландский путешественник и дипломат, побывавший на Кавказе в 1668-1670 гг.: «У женщин, чему весьма удивляешься, белоснежная кожа и красные, как бы накрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться. Они большей частью хорошо сложены... Их брови и волосы черны, как уголь; они заплетают волосы в семь или восемь косичек вокруг головы. Я видел много женщин, но нигде не видел таких приветливых и любезных. Они ходят с непокрытыми лицами...» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 72-74).

П.Г. Брус (1692-1757), живший в Черкесии в 1722 г.: «Женщины крайне хорошо сложены, с чрезвычайно прекрасными чертами лица, привлекательным чистым цветом кожи, прекрасными черными глазами, которые вместе с их черными волосами, свисающими двумя локонами с каждой стороны лица, придают им очень приятное обличье» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 108-109).

Абри де ла Мотрэ (1724), французский автор начала XVIII в., делится своими впечатлениями о черкесских девушках: «Глаза женщин-черкешенок такого же цвета (т. е. черного. – **Авт.**), красивого разреза и блестящие, как звезды на небе в ту пору, когда ясно и сильно морозит. Их стан не стеснен корсетами (?!), как у наших женщин-христианок, но он свободен и изящен, как у прекрасных статуй Венеры, оставленных нам древними, или некоторых других красавиц, существовавших в действительности... Две дочери, младшей из которых могло быть лет 11 и которая являлась совершенством красоты, старались наперебой услужить мне... Их мать была красивой, хотя ей было около 50 лет, но она могла это не скрывать» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

И. Гербер (1760), отмечая удивительное совершенство и пропорциональность сложения черкешенок, писал: «Здесь Черкесия – родина красоты... Черкешенки облагородили персидскую кровь... Черкешенок знают и превозносят за их красоту, за черный шелк тонких бровей, за черные глаза, в которых горит огонь, за гладкий лоб, маленький рот, округлость лица. Прямо кажется, что стрелка весов человеческого телосложения замерла тут на середине, и на одной чаше весов Греция, а на другой Индия, – Запад и Восток. Счастье, что Европа не очень удалена от этого средоточия красивых форм... Кроме того, красоте способствовали заповеди Корана, потому что Коран предписывал умываться, содержать тело в чистоте, соблюдать умеренность» («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 576-577).

Аноним (1760). О культивировании красоты в Черкесии интересный материал дает анонимный французский текст середины XVIII в.: «Черкешенки ведут самую благополучную жизнь по сравнению с женщинами других областей Кавказа. С ними обращаются очень бережно, и возможно, этому они обязаны своей красотой и умеренным нравом. Их естественная красота и грация сопровождаются их утонченностью, что принесло им заслуженную славу. Гаремы восточных поклонников женской красоты не могут обойтись без них; их покупают, несмотря на разорительные цены. Их волосы всегда окрашены не так, как у других. Неблондинки прилагают большие усилия, чтобы устранить этот недостаток; они мажут свое лицо помадой и посыпают красным порошком. Кабардинки не только красавицы: одаренные природой, они обычно прилагают все свое искусство, чтобы усовершенствовать свою красоту. Живость, мягкость и легкость характеризуют их походку. Все их существование посвящено тому, чтобы произвести впечатление, и применяют тысячи способов, чтобы понравиться, следуя при этом мягкости природы, и побуждаются темпераментом следовать во всем природе...» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 82-84). Таким образом, – подчеркивает С.Х. Хотко (2008), – Аноним предлагает нам не просто набор восторженных отзывов, а целую концепцию красоты черкешенок.

К. Пейсонель (1762) особо отмечает «облагораживающее» влияние черкесских женщин на «улучшение породы» турок и крымских татар: «Женщины этой страны (Черкесии) самые красивые и пленительные

из всех, какие только могут быть в мире. Очаровательность их фигуры и естественность грации приводят в восторг. Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецким султаном и татарскими князьями. Крымские вельможи имеют наложницами только черкешенок. Примесь этой прекрасной крови много способствовала смягчению безобразия татарского типа и, наконец, совсем искоренила эти истинные подобию обезьян, напоминающие китайцев своими маленькими узкими глазками, сплюснутыми носами, замечаемыми еще у всех ногайцев, не смешавшихся с черкешенками».

П.С. Паллас (1793), академик, в своих «Заметках» добавил несколько штрихов к образу кавказской красавицы: «Черкешенки, известные своей красотой по всему свету, имеют продолговатую голову, правильные и выразительные черты лица, красиво прорезанные, огневые, большей частью черные глаза, которые считают они самым сильным своим оружием, длинные ресницы и немного желто-бурый цвет лица» (Цит. по: Тюркель А., 2009; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Ян Потоцкий (1798) отмечает, что красота лица и фигуры сохраняется у черкешенок до 50-ти и даже 60-ти лет: «Самой княгине было лет 60, но фигура у нее была замечательно изящная в том смысле, что это обращало на себя внимание, однако это у черкешенок общее явление, из него почти нет исключений».

Жан Шарль де Бесс (1838) в своей книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Персидскую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.», вышедшей в Париже на французском языке, так пишет о черкесских девушках: «Они красивы, у них легкие и тонкие фигуры, красивейшие глаза, брови красивого рисунка и длинные ресницы» (Цит. по: Опришко О.Л., 2007).

Н. Данилевский (1846) особо подчеркивает, что «...красота женского пола, издавна прославляемая, в полной мере заслуживает приписываемую ей похвалу. Кто хочет в наше время иметь понятие об изяществе красоты, кто хочет видеть воплощенный идеал красоты классической, тот должен видеть черкешенку».

Александр Дюма (1861) побывав на Кавказе, был буквально сражен «удивительной красотой и обаянием» черкесских девушек. Нельзя не привести полностью эти поэтические, полные восхищения, строки, поистине гимн Красоте: «Они [черкешенки] красивы и отличаются белизной тела, и эта белизна смешана с таким прекрасным колоритом, что только лилия и роза необходимы для того, чтобы составить красоту совершеннее; чело их высокое и гладкое, – без помощи искусства; брови их так тонки, что они походят на загнутую шелковую нитку. Глаза большие, кроткие и полные огня, нос правильный, уста алые, рот маленький и смеющийся, подбородок такой, какой может быть свойствен полной красоте; шея и горло отличаются белизною и дородностью, которых требуют знатоки совершенной красоты, а на плечи, полные и белые как снег, падают длинные и черные как смоль волосы, то распущенные, то заплетенные, но всегда красиво обрисовывающие оклад лица. Стан их прекрасный, величественный и роскошный...».

Х. Хелл (1868): английская путешественница: «Храбрость, ум, замечательная красота: природа им (черкесам) дала все...».

Н.Ф. Дубровин (1871) отмечает в своих записках: «Обращение черкесских девушек было скромно и исполнено достоинства. Красота их с давних пор не находила соперниц, правильные черты лица, стройный стан, маленькие руки и ноги, походка и все движения являли что-то гордое и благородное. Все, кто только мог видеть черкесских женщин, свидетельствует, что между ними встречаются такие красавицы, при виде которых невольно останавливаешься, пораженный изумлением. «Про черкешенок, – говорит очевидец, – можно сказать, что они вообще хороши, имеют замечательные способности, чрезвычайно страстны, но в то же время обладают необыкновенною силою воли».

Чтобы составить себе понятие о красоте черкесской девушки или женщины, представьте себе прелестные темнокарие глаза, опущенные шелковистыми ресницами; взгляд девушки – то спокойный, то с томным и страстным выражением, то устремленный вдаль и пылливо перебегающий с одного предмета на другой. «Нежный румянец, – пишет очевидец, разлитый по маленьким щечкам, самые формы нежные, почти воздушные и вместе столь совершенные и пластичные, все это, казалось, принадлежало возрожденной богине любви. С другой стороны, детски-спокойный взгляд, благородно-обрисованное чело, розовые линии рта, которые, казалось, скорее намекали на коралловые уста, чем обнаруживали их, и что-то особенное во всей фигуре придавало девушке вид такого благородства и достоинства, что всякое чувственное помышление исчезало при ее приближении. Темно-каштановые волосы, подстриженные по-горски, оттеняли необыкновенно белое лицо и довершали очарование».

«Конечно, – продолжает автор, – понятие о красоте женщин есть понятие относительное: нельзя сказать, чтобы все черкесские женщины без исключения были красивы, во всяком случае, они служат лучшими представительницами прекраснейшего белого, или так называемого, кавказского племени» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 58).

2.5.1.3. *Пиъаишъэдахэ*: церемония выбора королевы красоты

Девушки, однажды удостоившиеся звания пиъаишъэдахэ, затем в течение всей своей жизни пользовались неизменным уважением, а слава их была ничуть не меньше, чем слава великих воинов, защитников отечества.

Б.Х. Бгажноков (2006).

Важным основанием почитания женщины, восходящим к глубокой древности, является прочная связь образа женщины с представлениями о красоте, чистоте, целомудрии. Культ женщины был неотделим от культа прекрасного. Если за пределами своей родины черкешенки славились своей неопишуемой красотой и умом, то внутри своей страны они славились не только красотой, не только глубиной ума. Нелегко было заслужить звание признанной красавицы в Черкесии; поскольку красавиц в стране было очень много, пальма первенства доставалась красавицам, отличившимся живым умом, воспитанностью, красноречием, добротой и благородством. Нелегкая задача стояла перед Советом старейшин, – ведь красавиц с указанными достоинствами в Черкесии было, как писал Хан-Гирей, «что звезд на небе» (Сообцокова Н.И., 2010. С. 199).

Здесь уместно вспомнить о том значении, какое имела у адыгов пышно обставленная церемония выбора королевы красоты – *пиъаишъэдахэ*. Во время каждого сколько-нибудь значительного праздника или игрища несколько девушек выводили в круг, и комиссия из почтенных мужчин, посоветовавшись, выбирала одну из них – самую красивую. Ее объявляли королевой красоты и вручали специальный жезл – символ ее красоты и высокого положения. В конце игрища королева красоты удостоивалась чести открыть заключительный хороводный танец в паре с самым почетным участником игрища, вожакom кругового танца *уыдж пашэ*.

Девушки, однажды удостоившиеся звания *пиъаишъэдахэ*, затем в течение всей своей жизни пользовались неизменным уважением, а слава их была ничуть не меньше, чем слава великих воинов, защитников отечества. «Признанная народом красавица имела большие полномочия и несла на себе большую ответственность, – пишет Б.Х. Бгажноков (1991). – Общественность строго следила за своим кумиром, и девушка старалась с честью оправдать это доверие. На любом торжестве она всегда была в центре внимания. В честь признанной красавицы могли устраиваться скачки с призами».

Комментируя приведенные выше высказывания западноевропейских и арабских авторов, С.Х. Хотко (2008) пишет: «В Черкесии сохранялся в чистом виде тот стандарт красоты, каким гордилась Эллада и который был затем полностью утерян греками в турецкую эпоху. Но проблема в том, что этот стандарт существовал в древней Черкесии задолго до появления на ее берегах первых греческих колонистов».

Завершить этот раздел хотелось бы стихотворением известного русского поэта-символиста Константина Бальмонта «Черкешенке», написанном в далеком 1919 г.:

Я тебя сравнить хотел бы с нежной ивою плакучей,
Что склоняет ветки к влаге, словно слыша звон созвучий.
Я тебя сравнить хотел бы с юным тополем, который,
Весь смолистый, в легкой зыби к небесам уводит взоры.
Я тебя сравнить хотел бы, видя эту поступь, дева,
С тонкой лилией, что стебель клонит вправо, клонит влево.
Я тебя сравнить хотел бы с той индусской баядерой,
Что сейчас-сейчас заплещет, чувства меря звездной мерой.
Я тебя сравнить хотел бы... Но игра сравнений тленна,
Ибо слишком очевидно: ты средь женщин несравненна!

Хочется еще и еще раз перечитывать это удивительное по своей красоте и мелодичности стихотворение, – поистине гимн юной черкесской девушке...

2.5.2. «Прекрасный пол у черкесов далеко не осужден, как у турок, на вечное затворничество»

2.5.2.1. «Черкесские девушки отнюдь не были обречены на заточение»: свобода в общении их с гостями-мужчинами

Прекрасный пол у черкесов далеко не осужден, как, например, у турок, на вечное затворничество.

Тебу де Мариньи (1836).

Свобода в общении адыгских женщин с гостями-мужчинами всегда обращала на себя внимание иностранцев.

М.А. Текуева (2006. Вып. III).

Довольно-таки свободные нравы черкесских девушек, столь отличные от затворничества женщин в Османской Турции и арабских странах, всегда обращали на себя внимание иностранцев. В качестве подтверждения приведу несколько свидетельств очевидцев:

Путешественника, географа и историка эпохи итальянского Возрождения *Джорджо (Георгия) Интериано* (1501), побывавшего в Черкесии в конце XV столетия, восхитил вид купавшихся в реке девушек: «Молодые

девушки любят плавать; и группами, и в одиночку ходят на большие реки. Там можно увидеть созвездие очаровательных и невероятно красивых созданий» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 32). И далее Интериано вновь и вновь возвращается к столь заинтересовавшей его теме: «У себя в доме они (черкесы) позволяют самое вольное обращение с дочерьми, особенно в присутствии родителей, за исключением, впрочем, совокупления... Девушки купаются в реках голые, на глазах у всех, и тогда можно заметить большое число очень красивых, снежной белизны созданий». Этот же отрывок в переводе А. Веселовского (1869) из сборника В.К. Гарданова представлен несколько иначе: «У них позволено лапать девушек, их дочерей (по всему телу) от головы и до ног, особенно в присутствии родителей, хотя полового акта никогда не допускают... Эти девушки входят в реку нагими на глазах у всех, и тогда можно заметить, что очень многие прекрасно сложены и белы (телом)».

Особо отмечали очевидцы «удивительную для них» свободу в общении адыгских женщин с гостями-мужчинами. Так, итальянский монах *д'Асколи, возглавлявший в 1624-1634 гг.* миссию Доминиканского ордена в Крыму, писал об адыгских девушках: «Его (хозяина) дочери, будь они самые благородные и красивые девушки, не только не прячутся от гостя, но целуют ему руку и заботятся о чистке его платья...» (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007).

Адам Олеарий (1599-1671) в 30-х гг. XVII в. писал о черкесских девушках: «Они общительны и любезны. В первые дни нашего приезда они по четыре и более стояли на улицах, шли нам навстречу с нахальным (!) выражением лица, которое приписывается древним амазонкам, и не отпускали нас раньше, как хорошо осмотрев спереди и сзади. Когда они сидели в домах, то кивали нам, чтобы мы подошли.

Они нисколько не стеснялись, когда некоторые из нас, трогая и осматривая их четки из янтаря, разных пестрых раковин, скорлупок, пестрых камней, оловянных и медных колец, свисавших с шеи ниже грудей, иногда руками касались голого тела. Некоторые даже приглашали нас зайти в их дома. Говорят, у них есть такой обычай: если заходят чужие посетить их жен, то мужья добровольно удаляются и предоставляют гостям беседовать с женами. Впрочем, и вообще мужчины редко бывают дома в течение дня, но находятся на пастбищах у своего скота, которым они более всего и кормятся.

Однако говорят, что жены тем не менее верны своим мужьям и, как они говорили, не соединяются плотски с другими. Это засвидетельствовал один из наших военных офицеров. Побужденный любезными кивками и речами молодых женщин, он отправился к ним в дом; здесь он искал способа испытать их, дав омыть свою голову и сшить себе носовые платки. Эту службу ему охотно оказали, но когда он пожелал большего, ему было отказано со словами, что их мужья вполне им доверяют, вследствие чего они непременно должны хранить верность, в противном случае, если бы дело обнаружилось, их не стали бы держать ни мужья, ни община. Во всем остальном, кроме соития, они позволяли делать с собой что угодно, причем были очень жадны и бойки, выпрашивая подарки. Осматривая и ощупывая у некоторых из наших костюмы, они залезали в карманы и вынимали все, что там находилось» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 54-55).

От этого источника почти не отличаются записи *Я. Стрейса* (1630-1694), побывавшего на Кавказе в 1668-1670 гг.: «Они (черкешенки. – **Авт.**) весьма общительны и приветливы и с большой охотой позволяют, чтобы их целовали и любезничали с ними, не считаясь с тем, чужой это человек, черный или белый, и даже тут же присутствующий муж не выражает недовольства. Мне они часто кивали и проявляли особый интерес к моим платьям, усиленно стараясь пощупать то или другое. Они обвешиваются цепочками, браслетами и ожерельями из агата, рогов, пестрых камешков, оловянных и серебряных колечек и содержат себя в чистоте и порядке... Я видел много женщин, но нигде не видел таких приветливых, любезных и услужливых в отношении чужеземцев, как здесь. Некоторые из наших принялись играть и шутить с ними, а иногда и вступать с ними в более близкие отношения, что они охотно допускали, смеясь; но тот, кто хотел добиться большего, должен был отступить» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 72-74). [Комментируя этот фрагмент, М.А. Текуева (2006. Вып. III) пишет: «Здесь не столько представлена сексуальная раскрепощенность – источники убеждают нас в целомудрии женщин, – сколько отражаются неброские признаки сравнительного равенства мужчин и женщин в частной жизни, отсутствие жесткой власти мужчин над черкесскими женщинами»].

По общему мнению людей, посещавших адыгов, черкесские девушки отнюдь не были обречены на заточение и принимали участие в тех же развлечениях, что и юноши. Так, *Ж. Бесс* (1830) пишет: «Черкесские женщины весьма далеки от того, чтобы быть обреченными на заточение, что так часто бывает на Востоке; они не отделены от общества мужчин и пользуются полной свободой, но не злоупотребляют ею: чувство целомудрия доминирует обычно в этой стране».

Об этом же сообщает и *Тебу де Мариньи* (1836): «...Прекрасный пол у черкесов далеко не осужден, как, например, у турок, на вечное затворничество. Девушки допускаются на все празднества, которые они оживляют своей игривостью, и их общество является одним из лучших способов отдохновения для мужчин, с которыми девушки общаются с величайшей непринужденностью». Этот же автор находил черкесских женщин весьма неглупыми, у них живое воображение, способность к высоким страстям; они тщеславны и гордятся славой своих мужей, добытой на полях сражений.

Все же свобода девушек и даже юношей была не безгранична. Чем старше они становились, суровость воспитания усиливалась и вся направленность как адыгского воспитания, так и дальнейшая их жизнь имела целью соблюдение традиционных общеобязательных норм поведения. После вступления в брак жизнь особо строго регламентировалась (Бетров Р.Ж., 1991).

2.5.2.2. «Девушки отличались раскрепощенным нравом, но без налета вульгарности»

Чем больше мужчин ухаживает за [черкесской] женщиной, тем больше ее уважают, и в ссорах между собой они упрекают друг друга в том, что будь они менее некрасивыми и не имей они некоторых недостатков, у них было бы воздыхателей больше, чем у них в настоящее время имеется.

Жан-Батист Тавернье (1605-1689 гг.).

Адыгейская девушка – крепость, доступная только для избранника по сердцу.

М.Г. Аутлев, академик (1999).

Дополняют приведенные выше материалы свидетельства других авторов, побывавших в Черкесии в XVIII-XIX в. При всей целомудренности нравов, что засвидетельствовано многими путешественниками, адыгские женщины совершенно свободно общались с гостями (в том числе и с гостями-иностранцами). В XVII в. отмечено неоднократно, что черкешенки носили платья с очень глубоким вырезом (до пупка) так, что их груди были открыты для любого нескромного взора. Адам Олеарий описывал кабардинок в районе города Терки (1636): «В летнее время женщины ходят в одних сорочках, окрашенных в красный, зеленый, желтый или синий цвета и сверху до пупа раскрытых, так что можно было видеть груди, живот и пуп» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

С.Х. Хотко обращает внимание, что так, как в XVII столетии, девушки-кабардинки не одеваются и сейчас, в XXI в, после полувека эмансипации. Представьте себе, восклицает автор, что тогда и штаны они носили узкие, обтягивающие ноги, и верхнее платье должно было плотно облегать фигуру. И при столь подчеркивавшем все изгибы тела одеянии еще и максимально откровенный вырез, демонстрирующий все вплоть до низа живота. Такая дама просто обязана была иметь массу кавалеров. Жан-Батист Тавернье (1605-1689 гг.), увлеченный этим вопросом, достаточно занимательно обрисовывает нам пикантные сцены повседневной жизни: «Если замужняя женщина имеет любовную историю и муж, вернувшись домой, застаёт ее лежащей со своим любовником, он выходит, ничего не говоря, и никогда не упоминает об этом. Жена поступает точно так же, когда застаёт врасплох своего мужа с другой женщиной, которую он любит. (Достоверность этого утверждения Тавернье весьма сомнительна. – Авт.). Чем больше мужчин ухаживает за [черкесской] женщиной, тем больше ее уважают, и в ссорах между собой они упрекают друг друга в том, что будь они менее некрасивыми и не имей они некоторых недостатков, у них было бы воздыхателей больше, чем у них в настоящее время имеется».

2.5.2.3. «Черкесские девушки были очень целомудренны, несмотря на предоставленную им свободу»

Их мягкий юмор и живая свобода в разговоре делают их очень желанными; несмотря на это, они имеют репутацию очень честных жен, и это твердый пункт в их хороших манерах.

П.Г. Брус (1692-1757).

Несмотря на то, что девушки в Черкесии появлялись в обществе с открытым лицом, без принуждения здоровались за руку с мужчинами и вообще пользовались большой свободой в общении с ними, они отличались удивительным целомудрием и скромностью.

А. Тюркель (2009).

Практически все авторы XVII—XIX вв. отмечали привлекательность черкесских девушек, их скромность, а иногда и игривость, живость характера, не переходящую, впрочем, известные границы. В дополнение к предыдущим разделам, привожу еще несколько примеров, подтверждающих эту мысль.

Несомненный интерес представляет сообщение автора XVIII в. П.Г. Бруса (1722) о том, что при всех относительно свободных нравах черкесских девушек, они отличались целомудрием и скромностью: «...Все это вместе взятое с их красивыми, всегда открытыми лицами (в противоположность обычаю большинства других мест этих краев), их приятная непринужденность в разговоре делает их очень желанными; несмотря на все это, они *слывут* очень целомудренными, хотя редко когда не имеют благоприятного случая». В другом варианте перевода этот фрагмент выглядит несколько иначе: «Их мягкий юмор и живая свобода в разговоре делают их очень желанными; несмотря на это, они *имеют репутацию* очень честных жен, и это твердый пункт в их хороших манерах. Когда кто-нибудь приходит поговорить с женщиной, ее муж выходит из дома, и я не берусь судить, происходит ли это вследствие их благородства, или стремления оправдать доверие мужей, или основание всего этого только в молве» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 108-109). О этой «скромности» мужа во время беседы его жены с кем-либо сообщал и Джордж Эллис (1753-1815): «Черкес

позволяет иностранцу нанести визит его жене, но при этом нельзя, чтобы муж сопровождал иностранца во время визита» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 146-151).

О целомудрии черкесских девушек писал и Николас Витсен (1641-1717), отмечая, впрочем, и другие черты их характера: «Пятигорские женщины очень целомудренны, но падки на воровство». О «строгой чистоте» местных девушек сообщал и В. Швецов (1856): «Никто не пощадит запятнавшую честь своим легким поведением, и поэтому *все девицы, при всей свободе своей, сохраняют себя во всей строгой чистоте*». Эту же мысль встречаем и у Теофила Лапинского, жившего среди шапсугов и натухайцев с 1857 по 1860 гг.: «Девушки пользуются здесь полной свободой; несмотря на это, *почти все девушки добродетельны*».

Более подробно эту черту черкесских девушек освещает Н.Ф. Дубровин (1871): «Черкесы редко рано выдавали дочерей замуж и предоставляли часто им право самим выбрать жениха. На аульных свадьбах девушка могла видеть молодых людей, которые, в свою очередь, давали ей заметить свою любовь взглядами и выстрелами в честь ее, когда она танцевала; но разговор и какие бы то ни было объяснения с девушкой не допускались. Через друзей и доверенных лиц молодой человек узнавал чувства девушки и тогда уже сватался. Хотя в большей части случаев родители и не препятствовали дочери выбирать себе жениха, но случалось нередко, что, дав слово одному, способствовали другому, более богатому и знатному, в похищении своей дочери, и девушка, раз похищенная, становилась женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя редко, но случалась у черкесов и вызывала со стороны обиженного жениха кровавые мщения».

Черкесы не скрывали своих девушек, девушки не носили покрывала, бывали в мужском обществе, плясали с молодыми людьми и ходили свободно по гостям, каждый мог видеть девушку и прославлять ее красоту. Замужние женщины были скрыты для постороннего глаза в сокровенных комнатах сакли. Выходя из своего жилища, женщина должна была закрываться, потому что, по словам Магомета, «прелюбодеяние глазами преступнее прелюбодеяния действиями».

Черкесские девушки были очень целомудренны, несмотря на предоставленную им свободу, и весьма редко впадали в ошибку. Нравственность черкесских жен была также довольно строга, но примеры нарушения супружеской верности бывали нередки, в особенности у шапсугов, где женщины необыкновенно хороши. Там, несмотря на ревность мужей, неверность жен часто служила поводом к кровавым сценам; не менее того, шапсуги любили волокитство. Еще не так давно женщины пользовались у них гораздо большею свободой и каждая должна была иметь любовника. Это служило вывескою достоинства женщины, и мужья гордились тем, что жены их любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь к постороннему мужчине считается чувством неприличным и надо скрывать ее в тайне.

Но то, что позволялось женщине, то считалось во все времена постыдным для девушек, и потому они всегда тщательно сохраняли свое целомудрие. С ранних лет все мечты девушки были направлены к одной цели; выйти замуж за бесстрашного воина и чистою попасть в его объятия. Малейшее увлечение со стороны мужчины приводило девушку в робость, и она с неудовольствием и страхом отталкивала от себя соблазнителя. «*Харам!* (нечисто, запрещено!) говорила она. – Станешь моим мужем, все будет твое, а теперь ничего не позволю» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 58-59).

2.5.3. «Излюбленным времяпрепровождением адыгских девушек были танцы и присутствие на военизированных игрищах и скачках»

2.5.3.1. «Девушки выказывали в своих танцах всю прелесть их форм и необыкновенную гибкость их стройных талий»

Все их достоинство заключалось в том, что (черкесские) девушки выказывали в своих танцах всю прелесть их форм и необыкновенную гибкость их стройных талий.

А. Фонвиль (1865).

До замужества девушки бывают на обедах, на празднествах, где играют, поют и пляшут.

Э. д'Асколи (1634).

«Излюбленным времяпрепровождением адыгских девушек, – пишет С.Х. Хотко (2008), – были танцы и присутствие на военизированных игрищах и скачках. За приз, учрежденный богатой, знатной или просто популярной в обществе дамой, состязались кавалеры со всей Черкесии. Ничего подобного статусу черкешенки мы не наблюдаем в других регионах Кавказа. Казалось бы, в Грузии, как в христианской монархии, могло бы обнаружиться нечто схожее. Но, увы, *где нет рыцарства, там нет и культа Прекрасной дамы*. Грузинки благополучны и ухожены, но в их жизни недостает романтики. Они ведут по-восточному затворнический образ жизни. А, как известно, мещанками не восторгаются».

А. Фонвиль приводит следующее описание одного из черкесских праздников: «Танцовщицы, держа в каждой руке по фуляру, с необыкновенной грацией махали платками, изгибаясь всем станом в такт довольно монотонного напева, исполняемого всеми присутствовавшими. Напев этот весьма оригинальный,

сопровождался битьем в ладоши. Все их достоинство заключалось в том, что девушки выказывали в своих танцах всю прелесть их форм и необыкновенную гибкость их стройных талий... Все девушки были красивой наружности, некоторые – просто красавицы. Руки почти у всех у них – верх совершенства; что же касается блеска их больших глаз, разрисованных по восточным обычаям, то нет возможности выразить пером всю силу этого блеска. В первый раз мне довелось видеть вблизи черкешенок, и я должен сознаться, что нашел в них именно все то, о чем давно уже читал и слушал» (Фонвильль А., 1865).

2.5.3.2. «Я видел множество всадниц-черкешенок с колчаном за плечами и с луком в руке, которые мчались галопом...»

Черкесский князь сказал мне, что их женщины были такими же хорошими всадниками, как и они; подобно им женщины ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука, что татарки не в состоянии были делать.

Абри де ла Мотрэ (1712).

Так как нередко они (девушки) воспитывались вместе со своими братьями или воспитанниками, принятыми в семью, не менее ловко они управляли лошадьми и стреляли из лука и ружья.

А Тюркель (2009).

Важнейшая культурная черта адыгского рыцарства – почитание прекрасных дам. Черкесские женщины были красивыми не только благодаря счастливому сочетанию генов, но и во многом из-за ранней эмансипации и сознательного культивирования красоты. Да, черкешенка не живет в замке, но она очень чистоплотна, богато и со вкусом одета. Косметика потреблялась в огромных количествах уже меотскими и зихскими женщинами.

Европейцы, путешествующие по Черкесии, каждый раз бывали крайне впечатлены видом того, как необыкновенно красивые девушки и молодые женщины богато и нарядно одетые, даже по европейским меркам, на превосходно экипированных лошадях забавлялись конными экскурсиями и соколиной охотой – причем, как в сопровождении мужчин, так и без такового. Мужчина, встретивший прекрасных «амазонок», обязан был спешиться и предложить свои услуги и свой эскорт. «Он (черкесский князь. – **Авт.**) сказал мне, – пишет А. де ла Мотрэ, – что их женщины были такими же хорошими всадниками, как и они; подобно им женщины ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука, что татарки не в состоянии были делать. Этот рассказ, казалось мне, достаточно подтверждал истинную или ложную историю амазонок, которых некоторые писатели помещали в этой стране; действительно, я в дальнейшем видел множество всадниц-черкешенок с колчаном за плечами и с луком в руке или с хищными птицами на руке, которые мчались галопом, сидя верхом, как мужчины... В течение всего этого дня мы не видели по дороге ничего, кроме приятной смены полей, лугов и лесов, перерезанных несколькими невысокими горами, среди которых то здесь, то там появлялись мужчины и женщины верхом на лошадях. Некоторые из последних имели сокола на руке, другие – колчан за спиной и лук в руке, вроде Диан, одним словом, в том виде, как представил мне мирза».

Помимо раскрепощенности женщин, обращает на себя внимание безопасная обстановка внутри страны, которая давала возможность девушкам и женщинам свободно посещать любые уголки Земли адыгов. Как отмечали очевидцы, «черкесские дамы передвигались в своих женских компаниях, пребывали длительное время вне дома, охотятся, проводят время в конных прогулках. Существовали даже специальные женские седла». Графиня П.С. Уварова, путешествуя по Черноморскому округу в 1886 г., заметила: «Приехал к нам навстречу из Туапсе местный попечитель, К.С. Козлов, привез с собою дамские седла, в которых теперь, с исчезновением черкесского населения, чувствуется на Кавказе сильный недостаток». А. де ла Мотрэ встречал черкесских всадниц и на значительном удалении от населенных пунктов: «Встретив несколько женщин верхами с колчаном на плече, мы осведомились у них, сколько оставалось еще пути, чтобы доехать до места (т. е. до ближайшего селения, где путешественники намеревались переночевать. – **Авт.**); они ответили нам – 5 или 6 часов».

2.5.4. «Красота девушек была итогом неустанной заботы матери о правильном физическом развитии дочерей»

2.5.4.1. «Забота о женской красоте, начиная с младенческого возраста»

Многих европейцев поражало то, что лица черкешенок были чистыми и гладкими, в то время как в Европе многие были обезображены оспой, – ведь адыги первыми, еще до Луи Пастера, научились прививать оспу.

А. Тюркель (2009).

Автор второй половины XVIII в. Пейсонель, составивший двухтомный трактат «Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг.», особо отмечал, что «...*прелесть их (черкесских девушек) внешнего облика и естественная грация очаровывают*». Это очарование и «естественная грация» достигались, в первую очередь, заботой о женской красоте, начиная с младенческого возраста.

В этих целях, например, лицо, лоб и губы только что родившейся девочки адыги мазали кровью из пуповины для того, чтобы ребенок, по свидетельству информаторов, был красивым и здоровым. Надо думать, что это, как и то, что девочкам матери периодически протирали глазки, лицо и лоб грудным молоком, имело практическое, рациональное значение благодаря высоким антисептическим свойствам крови и грудного молока (Бетров Р.Ж., 2006. Вып. III. С. 202-210).

В Черкесии широко использовался способ оспопрививания маленьких детей – искусственного заражения легкой формой оспы в целях предупреждения более серьезного заболевания, о чем свидетельствовал доктор Миллер (1887): «Старухи-черкешенки для сохранения красоты юных женщин Кавказа, которые издавна считались самым дорогим достоянием гаремов, при религиозных церемониях производили девочкам, уже на первом полугодии жизни, прививки оспенного гноя посредством укалывания в трех местах тела». Комментируя это высказывание, А. Тюркель (2009) отмечает, что многих европейцев поражало то, что лица черкешенок были чистыми и гладкими, в то время как в Европе многие были обезображены оспой, – ведь адыги первыми, еще до Луи Пастера, научились прививать оспу. (Более подробно о приоритете адыгов в области оспопрививания – см. в разделе 6.3.9).

Природную красоту девушек-черкешенок подчеркивало великолепие национального женского костюма, в том числе серебряные колокольчики по краям нагрудника (*лъэныкъуэ шьыгу*), издававшие при ходьбе и во время танцев легкий чарующий звон и т. д. Эти колокольчики, кроме всего прочего, выполняли охранительную функцию. Считалось, что их звон отвлекает и оберегает девушку от сглаза. Вообще, красивых девушек стремились уберечь от встреч с людьми завистливыми, с дурным глазом. Чтобы подчеркнуть, насколько девушка прекрасна, говорили: *АпхуэдизкIэ дахэшъи, нэ фыгъуэ зиIэ трагъаплъэркъым* – «Она до того красива, что ее стараются уберечь от людей с дурным глазом». И по сей день девочек оберегают от всего, что может хоть в малейшей степени навредить их красоте и здоровью (Бгажноков Б.Х., 2006).

Поистине гимном красоте черкесской девушки звучат слова Н. Данилевского (1846): «Живые, полные огня, черные глаза; греческое очертание: очаровательная белизна лица, оттененная живым румянцем; носик несколько продолговатый, но без горбины, ротик с свежесмысленными губками; темно-русые волосы, разбросанные по плечам; полная высокая грудь, стройный стан; маленькие ножки – вот очерк красавицы гор».

Такое совершенство требовало, конечно, внимания и заботы (куда, кстати, включалось и ношение корсета, который снимали только после замужества). По словам автора XVIII в. Д.К. Кантемира, достоинство, которое здесь ценят в женщинах, заключается также в изящных пальцах рук и коротких ступнях, – ведь «...корпулентная (фр.: *corpulente* – «крупное телосложение, дородность») девушка с большими ногами или пальцами, будь она самого блистательного происхождения, рискует навсегда остаться в девах, если ей не улыбнется фортуна. По этой причине девочку-черкешенку 7-ми лет заковывают в стальную обойму шириной в 4–5 пальцев; ее пальцы стискиваются деревянной обувью, которую она обречена носить до тех пор, пока не станет взрослой» (Кстати, этот довольно-таки болезненный обычай искусственного формирования у девушек ступни малого размера до недавних пор существовал и в Японии. – Авт.) (Бетров Р.Ж., 1991).

Адыгские женщины имели свои представления о способах и средствах достижения красоты, в связи с чем можно добавить сообщение Хан-Гирея: «Черкешенки лишены ухищренных искусств, которым вопреки природе женщины других наций украшаются. Если бы черкешенка употребляла сурьму, белила или румяна, то сделалась бы предметом насмешек» (Бетров Р.Ж., 2006. Вып. III. С. 202-210).

2.5.4.2. «Вырастить дочерей без каких-либо изъянов, в соответствии с представлениями об идеальном телосложении»

Черкесская девушка имеет, как правило, красивую фигуру, которой с особой гордостью любитесь каждая черкесская мать.

К. Кох (1842).

Красота девушек была во многом рукотворной – итогом неустанной заботы матери о правильном физическом развитии дочерей.

Б.Х. Бгажноков (2006).

Делом чести каждой черкесской матери считалось вырастить дочерей без каких-либо изъянов, в соответствии с традиционными представлениями об идеальном телосложении. Чтобы добиться необходимой стройности, детей укладывали на жестких постелях и без подушек – для удлинения шеи; во избежание полноты держали на молочной, овощной и фруктовой диете. На девочек знатных фамилий с 10-ти лет надевали корсет из деревянных пластинок, предотвращая чрезмерное развитие груди и талии. И это не случайно, – в то время идеалом женской, вернее, девичьей красоты считалась стройная фигура, тонкая талия и плоская грудь, так как, по выражению И.Ф. Бламберга (1840), наличие «этой части тела является атрибутом материнства, и молодой девушке зазорно позволять видеть его» (Бетров Р.Ж., 2006. Вып. III. С. 202-210).

«Черкесская девушка имеет, как правило, красивую фигуру, которой с особой гордостью любитесь каждая черкесская мать», – писал К. Кох (1842). Подчеркивается тем самым, что красота девушек была во

многом рукотворной – итогом неустанной заботы матери о правильном физическом развитии дочерей. О том, как родители добивались стройности у своих детей, сообщает академик П.С. Паллас (1741-1811), побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Девочек вскармливают очень скудно, чтобы они приобрели изящную и элегантную фигуру, потому что тонкая фигура является самым существенным достоинством черкесской княжны («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 249).

Большое значение придавали манерам и общему стилю поведения девушек: красноречию, изяществу поз, движений костюма. Девушек приучали красиво и правильно говорить, танцевать, ходить, сидеть, одеваться, кушать. Даже ее работа по дому должна была отвечать определенным эстетическим требованиям. Большое внимание уделялось тому, как девушка появлялась на улице, на публике. Им полагалось ходить не сутулясь, не размахивая руками, не задерживая свой взгляд на прохожих, не оглядываясь по сторонам, не проявляя излишнего любопытства. Не могло быть и речи о том, чтобы, находясь в обществе, громко говорить, смеяться, что-либо жевать, стоять и разговаривать подолгу с мужчинами, интенсивно жестикулировать и т. д. (Бгажноков Б.Х., 2006).

2.5.4.3. «Трудолюбие, умение хорошо работать считалось первым достоинством черкесских девушек после красоты»

Девочек с самого раннего детства приучали к различным видам женских работ. Черкешенки всегда отличались поразительным искусством в рукоделии; кроме того, ...не менее ловко они управляли лошадьми и стреляли из лука и ружья.

А. Тюркель (2009).

Черкешенки обучают своих дочерей разным рукоделиям и делают все то, что зависит от них по умножению и сохранению их красоты.

**Клеман (1768), австрийский купец
(Цит. по: Хотко С.Х., 2008).**

Пленительный образ черкешенок складывался не только исходя из внешних данных, – немаловажную роль здесь играло воспитание и формирование особых черт характера, оживлявших внешность и придававших ей особую яркость. *Трудолюбие, умение хорошо работать считалось первым достоинством черкесских девушек после красоты*, поэтому девочек с самого раннего детства приучали к различным видам женских работ. Черкешенки всегда отличались поразительным искусством в рукоделии; кроме того, так как нередко они воспитывались вместе со своими братьями или воспитанниками (аталыками), принятыми в семью, не менее ловко они управляли лошадьми и стреляли из лука и ружья.

О том, что девочек с самого раннего возраста приучали к трудолюбию, сообщают многие авторы конца XVIII – середины XIX вв.: «Дочь с младенческих лет приучается матерью и другими родственницами ко всем рукоделиям, она должна знать все домашние труды, не заботясь о светском приличии или этикете, чуждых вовсе дикому состоянию горцев...» («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 25-26). Эмиддио д'Асколи, префект в г. Каффе в 1623-1633 гг., делится своими впечатлениями о посещении знакомого черкеса: «Его дочери, будь они самые благородные и красивые девушки, не только не прячутся от гостя, но целуют ему руку и заботятся о чистке его платья, а если оно где-нибудь порвано, то починяют его как можно лучше; они мастерицы по части шитья и по всем хозяйственным делам» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 46-47).

Этим умения и таланты черкесских женщин не ограничивались: мужчины часто и подолгу отсутствовали (были в набегах или гостили у кунаков), и все домашнее хозяйство возлагалось на плечи женщин. Если были слуги и рабы, работа распределялась между ними, а сама хозяйка занималась исключительно рукоделием. Но такое времяпрепровождение могли себе позволить далеко не все: большинство женщин от зари до зари сами занимались домашней работой, в которую, помимо обычных дел, входили также хлебопашество, изготовление тканей и посуды, а в некоторых случаях и добыча железной руды. Но если проходящий мимо мужчина видел женщину за тяжелой работой, он обязательно приходил ей на помощь: просьба женщины помочь ей всегда выполнялась беспрекословно. Это, правда, случалось далеко не всегда: обычно в набег отправлялись все мужчины и в ауле оставались только женщины, дети и старики.

Когда мужчина возвращался домой после долгой разлуки, опять-таки вся работа по дому была обязанностью хозяйки; помимо этого, она должна была всячески угождать мужу и делать его пребывание дома комфортным и приятным. Столь покорное принятие собственного предназначения и беспрекословное подчинение главе семьи – еще одна характерная черта черкешенок. Объяснялось это тем, что они имели право сами выбирать себе мужей. Прежде всего, в мужчинах ценились смелость, мужество и рыцарская натура. Тот, кто никогда не был в бою и не участвовал в набегах, напрасно будет добиваться благосклонности черкешенки (Тюркель А., 2009).

Но покорность черкешенок родителям отнюдь не мешала им живо общаться со сверстницами, проявлять женское кокетство, а зачастую и твердо отстаивать свое мнение при выборе суженого. Об этом, в част-

ности, сообщают источники XIX в.: «За всей патриархальной простотой они не лишены женского кокетства: девица, как бы ни занята была работой, не пропустит ни одного свободного случая, чтобы не посмотретья в зеркало или даже в зеркальный осколок, сберегаемый в ее кармане, и не сделать несколько граций в движениях лица и глаз, в поправке головной прически» («Кавказ...»). Вып. V. 2010. С. 25-26). И.Ф. Бларамберг (1840) добавляет: «У черкесских женщин мягкие нравы, они очаровательны в обхождении, покорны, трудолюбивы, любят наряжаться, но весьма ревниво относятся к тому, что говорят на их счет, и любят поболтать, когда собираются вместе... С давних пор черкесские женщины прославились на всем Востоке своей красотой... Если девушки вообще обычно подчиняются воле отца, то нередко они проявляют в вопросах замужества самостоятельность и отказывают тем, кто им не мил» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

2.5.4.4. Воспитание черкесской княжны или дворянки в аталычестве: первый шаг к достойному браку

Воспитанием девочек занималась жена аталыка – приемная мать... Самым лучшим подарком, самой лучшей наградой аталыку была добрая молва или слава, возносившие их воспитанницу (пур) на вершину народного признания.

Н.И. Сообцокова (2010).

В княжеских и дворянских черкесских семьях тотчас после рождения девочки ее отдавали на воспитание одному из достойнейших своих подвластных или же представителю другого народа, где она находилась вплоть до своего совершеннолетия. Об этом, в частности, писал академик П.С. Паллас (1741-1811), побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Их (черкесских девушек) обучают всем рукодельным работам, которые должны выполнять дома женщины, особенно вышиванию, плетению бахромы, шитью одежды и плетению соломенных ковриков и корзин. Дворяне, которым поручено обучение, также должны обеспечить приемной княжеской дочери выбор мужа соответствующего ранга, при несоблюдении чего они наказываются отсечением головы» («Кавказ...»). Вып. III. 2010. С. 247-283).

В работе барона К.Ф. Сталя (1849) подробно рассматривается жизненный путь молодой черкесской девушки – княжны или дворянки – от воспитанницы в чужой семье до законной супруги человека, чей общественный статус, по крайней мере, не меньше, чем у нее. Принимая во внимание определенный интерес к этому вопросу, привожу в кратком изложении это сообщение К.Ф. Сталя.

«Черкесская княжна или дворянка, – пишет автор, – отдается в аталыки, где и остается до 12 или 13 лет, а иногда и до замужества. Обыкновенно княжна отдается на воспитание жене богатого дворянина (*мляхотляж*), имеющего свой аул вблизи княжеского аула. Аталычка учит девушку женским работам, объясняет ей будущее ее положение и обязанности. Как низшая по происхождению, аталычка своей воспитаннице княжне отдает в доме первое место, соблюдает с ней строжайший этикет. Девушек грамоте не учат, кроме необходимых молитв, дабы они могли молиться дома и не ходить в мечеть.

Возвратившись из воспитания в отеческий дом, девушка остается до замужества при матери. Здесь на аульных свадьбах она может видеть молодых князей, танцевать с ними; здесь молодой князь может дать заметить княжне свою любовь взглядом и выстрелами в ее честь, когда она танцует *кафеныр* (вроде лезгинки). Разговор и объяснение с девушкой не допускаются. Жених через друзей и доверенных женщин должен узнать чувства девушки, и тогда он сватается или уговаривает девушку к побегу. Если девушка согласна на побег, то в назначенный день, одевшись прилично, она ожидает жениха ночью вблизи аула. Жених является с друзьями, схватывает девушку на лошадь и скачет быстро, стараясь избежать погони. Брак посредством похищения считается благороднее брака по сватовству и избавляет жениха и сватов от многих неприятных церемоний.

После брака тотчас наступают переговоры о *калыме*. Калым есть плата, вносимая женихом в дом родителей невесты, обеспечение (т. е. гарантия. – Авт.) против непостоянства мужа, который по неудовольствию или невозможности жить с женою захочет отправить ее в родительский дом. Тогда калым есть имение отринутой жены и средство ее жизни. За дворянку у черкесов платится калым 1200 руб. серебром, за крестьянку — 600 руб.; величина же калыма за княжну зависит от того, из какого дома берется невеста, во всяком случае, не менее 2 тыс. руб. серебром. Часть калыма нужно уплатить тотчас после свадьбы, деньгами или скотом, лошадьми и пр.; другая часть калыма остается в семействе (мужа), как собственность жены и почти никогда не выплачивается.

Обхождение мужа с женой скромно и деликатно. Молодой муж не позволяет себе видеть жену днем, а непременно ночью и то украдкой. Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин никогда. Княгиня может принимать у себя в сакле родных обоего пола и почетных гостей. Сакля мужа и кунацкая, где принимают гостей, составляют особые строения. В присутствии княгини темиргоевской, жены Джембулата Айтекова, одна женщина позволила себе какое-то незначительное неприличие, кажется, надела на свою голову, для шутки, головной убор княгини, бывший в то время в ее руках. Княгиня, не сказав ей ни слова, тотчас велела вооруженным прислужникам идти на выгон и взять пару быков, принадлежащих этой женщине. Быки были приведены на княжеский двор, убиты и отданы на съеденье княжескому двору и прислуге.

Женщины черкесские очень гордятся своим происхождением. Княгини и дворянки отлично знают старшинство родов княжеских и дворянских, важность каждого рода – все это изустно передается из поколения в поколение. Нравственность черкесских жен довольно строга, но примеры неверности нередки, особенно у шапсугов. У них больше всего случается неверность жен, кровавые истории и убийства за женщин. Не менее того шапсуги любят волокитство (*не-мхапсеных*). В прежнее время нравы черкесов были свободнее, и каждая женщина должна была иметь своего любовника (*ч-ас*). Это было вывеской достоинства женщины. Мужья гордились тем, что жены их любимы другими мужчинами.

Хотя многоженство дозволяется обычаем, но немногие черкесы имеют более одной жены. [Здесь уместно вспомнить положение Корана (Сура 4; 3), регламентирующее многоженство: «Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах, – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы – то на одной»]. Причина того, что многоженство не привилось в Черкесии, по мнению К.Ф. Сталя (1849), – дороговизна содержания лишней жены, а главное, ревность жен и ненависть их между собой. Если у черкеса несколько жен, то каждая жена имеет особую саклю и особую прислугу. Но это не всегда помогает: жены, несмотря на отдельные жилища, не ладят между собой, и старшая жена при малейшем предпочтении, оказанном второй жене, считая себя обиженной, обыкновенно призывает на помощь своих родных – начинается разбирательство, и иногда дело доходит до того, что муж или разводится с первой женой, или должен отослать вторую жену домой». [О «дороговизне» содержания нескольких жен сообщал и Ян Стрейс, который был в Черкесии в 1668-1670 гг.: «Мужчины, хотя им и разрешено по Алькорану иметь сразу несколько жен, обычно обходятся одной, чтобы не входить в большие расходы и не возиться со множеством детей». (Цит. по: «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 72-74)].

Завершая свой очерк, К.Ф. Сталь особо отмечает определенную независимость и самостоятельность замужних черкесских женщин: «Черкешенки не в таком глубоком рабстве, как восточные женщины. Обиженная мужем черкешенка терпит долго свое положение; но в крайнем случае она обращается к родным, которые требуют удовлетворения от мужа» («Кавказ...». Вып. IV. 2010).

2.5.5. «Следы» матриархата сохранились у адыгов до наших дней?

Истоки социального признания и почитания женщины видят обычно в древних представлениях матриархального толка. Отголоски таких представлений можно обнаружить и у адыгских народов. В воспоминаниях иностранцев, посещавших Черкесию в XV-XIX вв., постоянно подчеркивается, что в этой стране женщины окружены множеством таких знаков внимания, которые превосходят иногда те, что приняты в Европе (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. IV).

2.5.5.1. «За женщиной оставляют старшинство»: матриархат у адыгов

О, люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга...

Коран. Сура 49; 13.

Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будет одна плоть.

Библия. Книга Бытие (2; 24).

В эпоху палеолита на Северо-Западном Кавказе начинает складываться матриархальная родовая община. Расцвет же матриархата относится к последнему этапу многотысячелетнего развития каменного века – к неолиту (новокаменному веку).

Матриархат (лат. *matris* «мать» + греч. *arche* «власть») – форма общественного устройства в ранний период первобытно-общинного строя, характеризующаяся доминирующим положением женщины. К глубокой древности относится адыгская народная мудрость: «Дом без женщины, – что земля без растительности».

Главным завоеванием неолита явился переход к «производящему» хозяйству – земледелию и скотоводству, что получило в исторической литературе название неолитической революции. Важным дополнением к этим отраслям хозяйства являлись охота, рыболовство и собирательство. На территории Северо-Западного Кавказа исследованы неолитическая стоянка в Каменноостской пещере, Ново-Вочепшийская стоянка на р. Псекупс и некоторые другие (Ципинов Р., 2007. С. 57).

На смену матриархату пришел новый строй – патриархат (греч. *patriarches* – «глава рода»). «Ниспровержение материнского права, – писал Ф. Энгельс, – было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, рабу его похоти, в простое орудие деторождения». *Но и при патриархальном строе, и много-много позже, вплоть до недавнего времени, положение женщины у адыгов во многом смягчалось остатками матриархата, «следы» которого сохранились буквально до наших дней.*

Самым ранним свидетельством матриархальных отношений в Адыгее является народный нартский эпос, в котором роль женщины поистине огромна. Окруженный большим почетом образ Сатаней, которую

нарты называют «наша мать» и всегда пользуются ее мудрыми советами, – ярко свидетельствует о наличии матриархальных отношений у предков адыгов. Об этом же свидетельствуют образы и других героинь нартского эпоса (Адыиф и др.). Не менее полно «следы» матриархата обнаруживаются в абхазской версии нартского эпоса. Здесь большую семью нартвов – из ста братьев и сестры Гунды – возглавляет их мать, безмужняя Сатаней-гуаша, обладающая неограниченным авторитетом («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 200). Нельзя не вспомнить и то, что издревле были распространены на Кавказе и легенды о воинственных женщинах-амазонках, которые якобы проживали в Восточном Приазовье.

2.5.5.2. *Цыхубз пицэрых хуцанэ*: «концентрированное выражение рыцарского отношения к женщине»

Храбрые рыцари прежних времен никогда не оказывали более уважительной галантности «Прекрасной даме», чем эти простые горцы... Менестрели, подобно древним трубадурам, поют песни в честь ее очарования и добродетелей.

Э. Спенсер (1830).

В Черкесии царили рыцарские нравы, и в такой среде было просто невозможно социальное угнетение женщины.

С.Х. Хотко (2008).

В феодальной Черкесии статус женщины был чрезвычайно высок. Адыгская поговорка «*Цыхубз пицэрых хуцанэ*» – «Женщине добычу оставляют» свидетельствует о некогда существовавшем обычае дарить женщине долю из добычи. Впоследствии, когда значение поговорки расширилось, «...она стала концентрированным выражением рыцарского отношения к женщине» (Бгажноков Б.Х., 1981; Ципинов А.А., 2004).

Подобно трубадурам, черкесы слагали песни, воспевавшие достоинства «Прекрасной дамы». «Истари так повелось у адыгов, – пишет Т.М. Керашев в повести «Дочь шапсугов», – людская молва выделяла какую-нибудь девушку, восхваляя ее достоинства и создавая ей громкую славу. И если она была умна и оказывалась на высоте положения, слава о ней разносилась далеко за пределы края и облетала земли других племен. Всякий мужчина, претендующий на мужество, доблесть и достоинство, жил ли в этом ауле или проезжал мимо него, считал своим долгом посетить знаменитую девушку. В ее гостевой комнате встречались лучшие мужи того времени, приезжавшие зачастую с самых отдаленных окраин. Здесь в беседах и спорах испытывалась острота ума, оценивались достоинства людей, и суждения, выносимые здесь, с быстротой звука летели по всей адыгской земле. От имени такой девушки народные поэты слагали хвалебные или бичующие песни, сила воздействия которых равнялась силе общественного приговора. Гостевые комнаты таких девиц становились судилищем, где воздавалось должное доблести и трусости, достоинству и порокам. И главным судьей на этом судилище была сама девушка. Поэтому почетна, но нелегка была ее доля...».

Сочетание внешней привлекательности и воспитания в лучших традициях черкесского этикета явило миру удивительно гармоничный облик черкешенки, чей прекрасный образ многие века пленял сердца и будоражил воображение... (Тюркель А., 2009).

С течением времени, у адыгов почитание женщины постепенно превращается в один из конструктивных принципов этикета. По мере развития феодальных отношений и рыцарской культуры возникают и утверждаются этические нормы почитания женщины. Системный, а не фрагментарный, эпизодический характер приобретают в общественном быту всевозможные ритуалы и образцы поведения, передающие данное отношение. В воспоминаниях иностранцев, посетивших Черкессию в XV-XIX вв. и хорошо знакомых с бытом и культурой ее жителей, постоянно подчеркивается, что в этой стране женщины окружены множеством таких знаков внимания, которые превосходят иногда те, что приняты в Европе. «Перед очень старыми людьми и девушками встают», – пишет, к примеру, поляк Т. Лапинский. Это о многом говорит. Только в условиях упрочившегося рыцарского отношения к слабому полу знаки внимания, оказываемые девушкам, могли совпасть со знаками внимания, которых, по традиции, удостоивались лишь почтенные старцы. Однако и в кругу семьи женщина, как мы уже говорили, пользовалась большим уважением (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. IV. С. 65).

Приведенные выше сведения относятся преимущественно к XVI – концу XIX вв. Но нет сомнения в том, что в более ранние времена такие следы «пережитков» матриархата проявлялись у адыгов несравненно сильнее. Примечательно, что большинство этих обрядов (вызывающих сегодня глубочайшее уважение) нашли свое отражение в неписанном своде этических норм и правил – *адыгэ хабзэ*, придерживаться которого в настоящее время стараются все большее число адыгов.

2.5.5.3. «Немалым авторитетом пользовалась в семье жена главы семьи *гуацэ-тхэмадэ* – «Княгиня дома»

«Княгиня дома» была главой женской половины семьи, хранительницей огня и запасов пищи. При заселении нового дома и впоследствии именно она первая входила в этот дом, первая разводила огонь в очаге, подвешивала котел, готовила пищу.

Б.Х. Бгажников (2006. Вып. IV).

Женищина тихо, гордо и ненавязчиво царствовала в семье и обществе. Удивительное чувство меры и достоинства помогли ей в этом.

Н.И. Сообцокова (2010).

Немалым авторитетом, – отмечает Б.Х. Бгажников (2006), – пользовалась в семье жена главы семьи, которую уважительно называли *гуацэ* – «княгиня», *унэ гуацэ* – букв. «княгиня дома», или *гуацэ-тхэмадэ* – букв. «княгиня-тхамада». Определяя образно место старшей женщины в семье и связывая его с очагом, с пространством внутри жилого помещения, обычно говорят: *Щыхубзым и унафэр жьэгуацэхьэмрэ бжэцхьэ Гумрэц* – букв. «В распоряжении женщины очаг да домашний порог». «Княгиня дома» была главой женской половины семьи, хранительницей огня и запасов пищи. При заселении нового дома и впоследствии именно она первая входила в этот дом, первая разводила огонь в очаге, подвешивала котел, готовила пищу (Бгажников Б.Х., 2006. Вып. IV).

«Обязанность жены черкеса тяжка, – писал Хан-Гирей, она шьет мужу всю одежду, с ног до головы, сверх того, вся тяжесть домашнего управления лежит на ней». Однако все это только поднимало авторитет хозяйки дома и в самом народе никогда не воспринималось как унижение женщины или принижение ее места в семейно-родственном коллективе. К тому же при всех обстоятельствах за пределами семьи жена считалась «старше», авторитетнее мужа, объектом почтительного к ней отношения.

По этому поводу обычно говорят: *Щыхубзыр пицантIэм дэсым нэхьыцIэц, пицантIэм удэкIамэ ар сыт хуэдэ ирехъу – нэхьыжъу цытын хуейц* – «Женщина в доме младше мужчины, а за пределами семьи, кем бы она ему не приходилась, должна быть старшей».

Обосновывая некоторые нормы взаимного обхождения, иногда прямо ссылаются на этот принцип. Например, подчеркивается, что при входе в чей-либо дом сначала нужно поздороваться с мужем, затем с женой. За пределами семьи действует обратный порядок: сначала здороваются с женщинами, вслед за этим – с мужчинами. К. Кох, посетивший Западную Черкессию в 1836-1838 гг., не без удивления отмечает в своих записях, что натухайский князь, выйдя с сыном к гостям, «приветствовал, как галантный черкес, сначала женщин».

Когда в доме собираются гости, обязательным считается тост за хозяйку, в котором специально подчеркивается, что на ней держится дом и благополучие семьи, что успехи и достижения хозяина были бы невозможны без поддержки и усилий «спутницы его души» (*псэгъу*) и «княгини дома». *Лыр зыгъэлЛыр фызишъ* – «Достойный муж – заслуга жены», – говорят обычно по этому поводу. По общему мнению, авторитет мужчины зависит во многом от жены и в целом – от женщин, которые его окружают, и существует твердое убеждение о том, что женщина способна и поднять, и уронить, и восстановить честь мужчины. Отсюда известное изречение: *Фызым йыгъэпуда Лыр жылэм кыдахыжыфыркъым, жылэм ягъэпуда Лыр фызым кыдехыж* – «Женщиной подорванный авторитет мужчины не восстановит и целое общество; обществом подорванный авторитет мужчины способна восстановить женщина». В большом ходу и другой вариант данного тезиса: *Ныбжъэгъум ягъэпуда Лыр фызыфIым кыдехыж* – «Друзьями подорванный авторитет мужчины восстанавливает хорошая жена» (Бгажников Б.Х., 2006. Вып. IV. С. 64-67).

2.5.5.4. К взаимоотношениям супругов: «Обычно обхождение мужа с женой скромно и деликатно»

Ныбжъэгъум ягъэпуда Лыр фызыфIым кыдехыж – «Друзьями подорванный авторитет мужчины восстанавливает хорошая жена».

Адыгская пословица

И после выхода замуж адыгская женщина не чувствовала себя в полной зависимости от мужа. Не только морально, но и материально она была достаточно надежно защищена...

Б.Х. Бгажников (2006. Вып. IV).

Взаимоотношениям супругов в адыгской семье посвящено исследование Б.Х. Бгажникова (2006. Вып. IV). Принимая во внимание несомненный интерес современных читателей к этой теме, привожу это эссе известного ученого в кратком изложении.

Автор обращает внимание на то, что и после выхода замуж адыгская женщина не чувствовала себя в полной зависимости от мужа. Не только морально, но и материально она была достаточно надежно защищена, особенно если учесть ее довольно внушительное приданое – *дыцэрыкI, лэгъунэ былым*. Согласно брачному контракту, это имущество считалось неотъемлемой собственностью жены, возвращаемой ей целиком в случае развода или раздела имущества после смерти мужа. Обычно в крестьянских семьях в состав *дыцэрыкI* входило несколько голов крупного рогатого скота, предметы обихода, постельные принадлежности и т. д. Все это согласуется в определенной мере с распространенным в народе мнением о том, что значимость или «ценность» женщины поднимала традиция уплаты за нее калыма. Кажется, этому способствовало в какой-то мере и буквальное значение слова, используемого для обозначения платы за невесту: *уасэ* – букв. «цена», «ценность».

Существует убеждение, что женщина является как бы началом всех начал социальной жизни: она основатель и продолжатель рода, главная фигура и организатор семьи, транслятор и демиург (греч. *demiurgos* – «созидательная сила, творец») общественного мнения, взыскательный и тонкий критик и эксперт.

Величайшим позором считались ссора или брань в присутствии женщины. Одним из самых тяжких оскорблений у адыгов считалось и считается оскорбление матери. В случае жестокого обращения мужа с женой род часто заступался за неё. По данным Карла Коха (1842), «...тот, кто оскорбил пожилую женщину, подвергается не только всеобщему презрению, но его поступок обсуждается народным собранием, и он несет за это кару». О высокой степени уважения к женщине, отождествляемой с Матерью-Родиной, можно судить и по адыгской пословице: «*Зилгэпкэ зымыгъашIорэм янэ ыгъэшIожьырэн*» – «Тот, кто не знает свою Родину (народ) – тот не уважает свою мать» (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. IV).

Многие авторы свидетельствуют, что строгость в отношениях мужа с женой соединялась с терпимостью и обходительностью, – побои, рекомендованные в более поздний период Кораном, исключались. Отсюда множество пословиц типа: *Лыхъур фыздэубзэци, лыбзыр фыздэуейиц* – «Муж настоящий с женой ласков, муж-баба жену бьет». Делом чести мужчины считалось создание условий, при которых жена чувствовала бы заботу о ней, принимала участие в руководстве семьей, одевалась прилично, со вкусом. «Когда муж ударит или осыплет бранными словами жену, – писал Хан-Гирей, – он делается предметом осмеяния точно так, как когда бы он, имея способности, не одевает ее соответственно его состоянию». Если муж притеснял жену, она уходила к родителям; возвращалась лишь после заверений супруга и его родственников в том, что ей будут созданы условия, предписанные адатом. «Обычно же обхождение мужа с женой скромно и деликатно», – свидетельствует К.Ф. Сталь.

В завершение своего очерка Б.Х. Бгажноков (2006) отмечает, что у адыгов женщина всегда была средоточием общественного сознания и бытия. Не зря говорят: *Цыхуыбзым йыдеж кышшымыхей Iуэху игыIэкъым* – «Нет в мире ничего, что не начиналось бы с женщины», *Фыз Iуэхуым нэхрэ нэхъ йын дунейм теткъым* – «Нет в мире вопроса выше (важней), чем женский вопрос». Обычно к женщине относятся не только с почтением, но даже с некоторой опаской, не рекомендуется спорить или враждовать с ней. Особенно важно наладить отношения с женой и потому предупреждают: *Дунейр уибийм нэхыфIишъ, уифызыр уибий нэхрэ* – «Лучше со всем миром враждовать, чем с женой».

Пришедшие к нам из глубины столетий этические нормы и правила напоминают также о необходимости быть с женщинами справедливыми, внимательными, снисходительными, например: «*Уикъуэ уемыубзэ, уибзи уемыгуауэ* – Перед сыном не заискивай, женщин не третируй»; «*Уызыхэфыжыну псым хъэ хымыуыкIэ, уифызым дзы хумыуыс* – В своем водоеме собаку не топи, о своей жене не злословь»; «*Фыз хей йымыгъэкIыж* – С безвинной женой не разводишься»; «*ЙыбгъэкIыжа фыз уымыуб* – Жену, с которой развелся, не хули». Для всякого мужчины правильно построенные отношения с женщинами, и особенно с женой, считаются проявлением с его стороны не только мудрости, но и большого мужества – залогом его личных успехов и процветания семьи (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. IV. С. 64-67).

2.5.5.5. «Даже к бедной униженной женщине... черкесы относятся с очень большой внимательностью»: обычай почитания женщин

Чыпиц нэиIу яцыкIагъ: псы зыдэмыт псыхъу, къэкIыгъэ зырымыт губгъу, лы зышхъацымыт шгъуз – «Троим нужен добрый глаз и забота: руслу реки, лишившемуся воды; полю, лишившемуся растений, и женщине, лишившейся мужа».

Адыгская пословица

Черкесы, как правило, моногамны, отличаются очень уважительным отношением к женщине, той самой черкешенке, которая всегда славилась красотой и белизной кожи, благодаря чему была желанна во всех гаремах.

М. Сапен-Линьер (2008. С. 24).

Следует особо подчеркнуть, что в адыгском обществе почитание пожилой женщины не зависело от ее материального состояния или общественного положения. Очевидцы обращали внимание на то, что «...даже к бедной униженной женщине, обычно не знающей доброты и уважения на Востоке, черкесы относятся с

очень большой внимательностью». Она занимала естественное для нее положение хранительницы очага, воспитательницы детей. Многие путешественники, побывавшие в среде черкесов, отмечали их глубоко уважительное отношение к представительницам прекрасного пола. Примером этого может служить обычай вставать при виде женщины. Почтенные старики 80-ти, 90, а то и 100 лет чинно поднимаются, когда по улице проходят женщины, которым нет и 30-ти.

Соблюдались и поддерживались многие другие правила, демонстрировавшие подчеркнуто вежливое, почтительное отношение к женщине. Так, за женщиной, идущей рядом с мужчиной, закреплялась позиция справа; если же она находилась в сопровождении двух мужчин, ей отводилось почетное место в центре. По свидетельству современников, встретившегося в поле любого, даже незнакомого, мужчину женщина могла попросить проводить себя, и он не смел отказаться. (Насколько дико воспринимать нам эту, казалось бы, невинную просьбу сейчас, в наше, увы, жестокое и криминогенное время. – Авт.). ... При встрече с женщиной где-нибудь на улице мужчина обязан был пройти мимо, оставляя ее по правую руку от себя – в знак уважения. Дополнительно к этому всадник заблаговременно (за 20-30 м) спешивался и пропускал женщину (женщин) стоя. Если такая встреча происходила где-нибудь в пути, в поле, то мужчина обязан был предложить женщине (женщинам) свою помощь спутника, помощника, защитника. Даже в случае отказа от его услуг мужчина обязан был проводить женщину до ближайшего населенного пункта, на что обратил внимание Ж.-Ш. де Бесс, посетивший Кабарду в 1829 г. в составе экспедиции, совершившей восхождение на Эльбрус. «Если всадник встречает на дороге женщину, – пишет он, — он спешивается, предлагает свою лошадь женщине и если та отказывается, он идет рядом с ней до ее жилища, оставив свои дела, какими бы важными они ни были. При этом поводя он держал в левой руке, а женщина шла с правой, почетной стороны». Этот обычай сохранялся у адыгов до самого последнего времени (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. IV. С. 67).

Дополняет эту информацию ценное свидетельство немецкого ученого Ганса Фохта: «Черкесы очень почитали женщин. Если двое или трое всадников встречали в пути нескольких женщин, они спешивались с коней на определенном расстоянии от женщин, приветствовали их, проходили пешими мимо них, затем снова садились на коней и продолжали свой путь» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 125).

При этом особое внимание и заботу адыги как в прошлом, так и в настоящем, уделяли и уделяют одиноким, старым и больным женщинам. Дореволюционные авторы свидетельствовали, что одинокой женщине помогали все мужчины округа и выполняли за нее все традиционно мужские дела по ее дому. Если женщина бралась колоть дрова или плести плетень, то первый прохожий, увидевший это, обязан был вежливо, но настойчиво, отстранив ее, заняться этим делом сам. Пожилой или немощный человек в этом случае созывал молодых людей, способных исполнить этот долг вместо него. Показательно, что эта традиция сохранилась и действовала среди адыгской диаспоры. Народная мудрость гласит, что женщины, попавшие силой обстоятельств в затруднительное положение и особенно вдовы, нуждаются в постоянной заботе и помощи. Говорят: *Чыппиц нэиу яцыкIагъ: псы зыдэмыт псыхъу, къэкIыгъэ зырымт зугбъу, лы зышъхъащымт шъуз* – «Троим нужен добрый глаз и забота: руслу реки, лишившемуся воды; полю, лишившемуся растений, и женщине, лишившейся мужа» (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. IV. С. 64-67).

2.5.5.6. «Сила женщины – в ее слабости».

Принципы и нормы, которыми должен руководствоваться мужчина в его отношениях с женщиной: щадить ее силы и самолюбие, помогать во всех ее делах и исполнять по возможности все ее просьбы, решительно защищать ее честь и достоинство.

Б.Х. Бгажноков (2006).

Хорошо дополняет предыдущий раздел, затрагивающий тему «слабости» женщин, сообщение Б.Х. Бгажнокова (2006). Не подлежит сомнению, – пишет он, – что почитание женщины это культурный комплекс, в котором принимаются в расчет и под этическим углом зрения рассматриваются и некоторые биологические особенности женского пола, которые делают женщину более слабой, уязвимой, ранимой. Общее мнение таково, что в силу данного обстоятельства она нуждается в заботе, поддержке, снисхождении, в особом, прежде всего нравственном, внимании со стороны общества.

Отображением этих требований стала общеизвестная формула «*Цыхуыбз пшэрыхъ хушъанэ*». Она охватывает все принципы и нормы, которыми должен руководствоваться мужчина в его отношениях с женщиной: щадить ее силы и самолюбие, помогать во всех ее делах и исполнять по возможности все ее просьбы, решительно защищать ее честь и достоинство и т. д. Величайший позор – бранные выражения в присутствии женщины, злословие в ее адрес. Вообще, враждовать с женщиной непозволительно, несовместимо со статусом мужчины. Даже в период военных действий считалось предосудительным убить, ранить или чем-то унижить женщину.

Учитывая слабость и хрупкость женщины, ее освобождали от тяжелого физического труда, в том числе от полевых работ, от поездок или хождений на базар и т. д., считая это унижением для жены и позором для ее мужа.

Представления о слабости, хрупкости и ранимости женщины породили множество других норм, призванных компенсировать такую уязвимость за счет сочувственного внимания, реальной помощи и поддержки со стороны мужчины, – и это одно из важных гуманистических оснований адыгского этикета. В то же время не зря говорят, что «сила женщины в ее слабости». У адыгов, как и всех других народов, существует вполне оправданное в психологическом отношении убеждение в том, что природная чувствительность женщин делает их более тонкими и проницательными, способными лучше, чем мужчина, понять и принять близко к сердцу боль и страдания людей, распознать в той или иной жизненной ситуации все ее нюансы. Ярким отображением такого преимущества женского пола является в адыгском фольклоре образ Малечипху. Во всех сколько-нибудь сложных, проблемных ситуациях она находит оригинальное и точное решение, о котором не догадываются мужчины (Бгажноков Б.Х., 2006).

2.5.5.7. «Женщина бросается в середину толпы сражающихся и останавливает кровопролитие»: древний обычай «заступления» женщин

«ЛитIым я кум зыкьыдидзэри зэрыукIыну Iэмал яримыт хьуац. – Она встала между мужчинами и не дала им поразить друг друга.

Из народного фольклора адыгов

У кого из народов мира такой высокий статус женщины, как у адыгов? Это подтверждает один из обычаев, касающийся высокого статуса женщины в адыгском обществе в прошлом: брошенным платком между воюющими – останавливать битву и кровопролитие...

Н.И. Сообцокова (2010).

Предания, записанные кубано-шапсугской экспедицией 1949 г., свидетельствуют о наличии «следов» матриархальных отношений в адыгской семье, сохранившихся до настоящего времени. Эти легенды рисуют нам женщину-воительницу, женщину-целительницу, женщину-наставницу, женщину-заступницу и т. д.

Один из важнейших путей мирного разрешения конфликтной ситуации – активное участие в нем женщины, чему в народном фольклоре уделено немало внимания: *«ЛитIым я кум зыкьыдидзэри зэрыукIыну Iэмал яримыт хьуац. Ауэ цыхьум: «Щыхубз пиэрыхь хуцанэ» жиIэри Iэгужьейм и Iэцэр ирилхьэжац»* – «(Она) встала между мужчинами и не дала им поразить друг друга. «Женщине добычу оставляют», – сказал Догужей и вложил меч в ножны» (Ципинов А.А., 2004).

В работе А. Тюркея (2009) также отмечается, что особое уважение черкесы оказывали заступничеству женщин. Всякое мщение, наказание и уж тем более убийство не могло быть совершено в присутствии женщины и откладывалось до удобного случая. Но прибегать к женской защите считалось крайним малодушием. При ссоре мужчин именно женщина выступала посредником в примирении. В ее присутствии воспрещалось проливать кровь. Еще чаще упоминается право девушки остановить ссору или кровопролитие, бросив платок между дерущимися. Женщина могла приостановить любые действия мужчин, стоило ей сказать: *«ЩхьэляцIэм хьэтыр иIэкъэ-на мыгъуэ»* – «Платок женский (женщина) уважения не заслуживает разве?» и прикоснуться при этом правой рукой к платку на голове. Этот древний обычай «заступления женщин» подтверждал ту высочайшую степень уважения к женщине, которая существовала у адыгов. Подробно об этом рассказывал очевидец – С. Броневский (1823): «Женщина без покрывала и с распущенными волосами бросается в середину толпы сражающихся, и тотчас останавливает кровопролитие, тем решительнее и скорее, будь она пожилых лет и знатного рода. Довольно и того, ежели преследуемый от неприятеля скроется в женское отделение, или даже коснется рукою до женщины, чтобы остаться невредимым».

2.5.5.8. «Немаловажным у черкесов был и обычай «усыновления» иноплеменника, искавшего защиты и покровительства»

Чужеземец, становящийся под покровительство женщины и допущенный коснуться ее груди концом своих губ, получает защиту как брат, будь он даже врагом и убийцей одного из близких друзей.

П.С. Паллас (1793).

Немаловажным у черкесов был и обычай «усыновления» иноплеменника, искавшего защиты и покровительства. Этот обряд заключался в том, что приемный сын должен был на какое-то время прикоснуться губами к соску груди приемной матери.

И.Ф. Бларамберг (1840).

«Они (женщины. – Авт.) пользуются важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа: мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отноше-

нию к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам. При этом указывается на особые возможности женщин приостановить кровную месть...», – пишет И.Ф. Бларамберг (1840). И далее он развивает эту мысль о возможности адыгских женщин сделать любого человека «неприкосновенным» для кровной мести, оказывая покровительство врагу, симитировав обряд усыновления: «Немаловажным у черкесов был и обычай «усыновления» иноплеменника, искавшего защиты и покровительства. Этот обряд заключался в том, что приемный сын должен был на какое-то время прикоснуться губами к соску груди приемной матери, а приемная мать – дотронуться до порога дома отца этого приемного сына».

И далее И.Ф. Бларамберг пишет: «Достаточно того, чтобы мужчина, которого преследуют враги, укрылся в помещении женщин, или чтобы он дотронулся до какой-нибудь женщины, как становится неприкосновенным... Никакая кара, никакая месть и тем более убийство не могут быть совершены в присутствии женщин...». Таким же образом заключался братский союз между двумя мужчинами, причем мать или жена должны были выполнить такой же обряд. Вместе с тем, весьма ценно свидетельство этого же автора о том, что «...между лицами одинакового положения считается постыдным отдавать себя под защиту прекрасного пола; поэтому к ней прибегают только в крайних случаях и только чтобы избежать неминуемой смерти...» (Бларамберг И.Ф., 1974. С. 385).

Об этом же сообщал много раньше и П. Паллас (1793): «Чужеземец, становящийся под покровительство женщины и допущенный коснуться ее груди концом своих губ, получает защиту как брат, будь он даже врагом и убийцей одного из близких друзей» (Паллас П.С., 1974. С. 221; Текуева М.А., 2007. Вып. V).

Согласно народной молве, однажды адыгская княгиня вынуждена была взять под свое покровительство ...убийцу своего сына, дотронувшегося до края ее одежды. И при этом ни словом, ни взглядом не показала она ни своей боли, ни своей ненависти к этому человеку. Но таков древний обычай, и никому не дано было его нарушать, даже если гость – убийца ее единственного сына (Сообцокова Н.И., 2010. С. 171).

...Завершая этот столь важный для понимания роли и значения «женского начала» в древнем и современном адыгском обществе, хотелось бы привести мудрые слова «великого мечтателя» – известного адыгского модельера Юрия Махмудовича Сташа, чьи работы с успехом выставлялись не только в России, но и в Америке, Турции, Иордании, Эстонии и других странах: *«Цените женщину, почитайте женщину, ибо только независимая, уважаемая женщина может дать жизнь достойному человеку. Женщина-раба может дать жизнь только рабу»* (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 264). Думается, что-либо прибавить к этим словам, превозносящим женщину, Женщину с большой буквы, – невозможно...

3. ПРИОРИТЕТ АДЫГОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЯ, КУЛЬТУРЫ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас...

Библия. Книга Екклесиаста (1; 10).

Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем.

В.Г. Белинский (1811-1848).

Можно с уверенностью утверждать, что предки адыгов оставили значительный след в тех или иных областях науки и культуры, в общественной и военной сфере. Для иллюстрации этого тезиса приведу несколько малоизвестных фактов, имеющих отношение к приоритету адыгов:

Есть довольно-таки серьезные предположения ряда современных ученых о том, что «черкесские корни» имели Леонардо да Винчи и Христофор Колумб. Так, о том, что гений эпохи Возрождения Леонардо да Винчи (1452-1519) был «внебрачным сыном черкесской невольницы» Катерины, сообщают исследователи творчества художника – Кертис Пеппер, Мэри Макрейнольдс, а также авторы литературоведческого сайта в Интернете «Кларисс Левин Ассошиэйтс» и энциклопедия «Википедия». В свою очередь, по мнению испанского ученого

о Хосе Антонио Льюренте, проводившего исследования ДНК Христофора Колумба (1451-1506) и его братьев, «...семья великого мореплавателя почти с уверенностью является кавказской». Профессор Хесус Варела дополняет: «Предок Христофора скорее был латинизированным черкесским или абхазским князем...».

Известный во всем мире отечественный художник и скульптор Михаил Шемякин (Карданов) – кабардинец по происхождению. Некоторые авторы полагают, что и великий итальянский изобретатель Джироламо Кардано является потомком кабардинских Кардановых, переселившихся в Италию. Во всем мире до сих пор широко применяется изобретение Дж. Кардано – названный его именем карданный вал (Сарахов А., 2011, № 5. С. 181-183). «Черкесские корни» имеют и бывший президент Турции Ахмед Сезер, и нынешний мэр города Лондона Борис Джонсон. Родословная великого русского полководца Ф.Ф. Ушакова ведет свое начало от касожского (черкесского) князя Редеди – легендарного родоначальника многих известных русских фамилий (Сообцокова Н.И., 2010. С. 33). Интересен и тот факт, что родословное древо А.С. Пушкина в конце XVIII – начале XIX вв. тесно переплетается с древом кабардинских князей Бековичей-Черкасских.

Во второй половине XIV в. власть золотоордынских ханов на Северном Кавказе ослабла и стала клониться к упадку. С 1359 г. началась, говоря словами древнерусской летописи, «великая заматия» – смена ханов, многие из которых правили меньше года. В этот период (1367-1375) на какое-то время трон Великого хана Золотой Орды занял адыг Хаджи-Черкес («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 110). При этом он «...отнял Сарай – столицу Золотой Орды, не у заурядной персоны, а у самого Мамаю» (Хотко С.Х., 2012. Вып. 7. С. 5).

«Величайшим из великих» султанов Египта был в 1382-1399 гг. черкес Захир Сайф ад-Дин Баркук. А всего в XIV-XVI вв. 24 (!) султана Египта были выходцами из Черкесии. (Подробно о них – см. раздел 5.2.3.4). Первым генералиссимусом России был кабардинец Михаил (Алей) Алегукович Черкасский (1695); высшие военные и государственные посты в Российской империи, Турции, Сирии, Йомене и других странах в разное время занимали не десятки – сотни выходцев из Черкесии. Задолго до легендарного Ивана Сусанина подобный подвиг совершил, к сожалению, безымянный адыг, что способствовало разгрому 40-тысячного войска крымского хана Сахиб-Гирея в 1539 г. Женой государя всея Руси Ивана Грозного стала в 1561 г. дочь кабардинского князя Темрюка Идарова «прелестнейшая Мария, она же Гуашаней, Кученей (о ней подробно – раздел 1.3.14.3). А спустя несколько лет, потомок кабардинских и татарских князей – Симеон Бекбулатович в 1575-1576 гг. становится, по воле Ивана Грозного, «великим князем всея Руси». Великим канцлером Российской империи был петровскую эпоху князь Алексей Михайлович Черкасский, «человек безукоризненно честный и разумный...». Первым генералиссимусом России был кабардинец Михаил (Алей) Алегукович Черкасский (1695); высшие военные и государственные посты в Российской империи, Турции, Сирии, Йомене и других странах в разное время занимали не десятки – сотни выходцев из Черкесии.

Первый проект канала «Волго-Дон» был подготовлен черкесом Касимом (1570); первую карту Каспийского моря составил Александр Бекович-Черкасский (Довлет-Гирей до крещения). Причем эта сложная работа была выполнена на столь высоком научном уровне, что когда Петр I показал ее французским ученым, они дали ей высокую оценку, а самого князя в 1711 г. избрали Почетным членом Французской академии наук.

Первым «стройщиком огородных садов» в Измайлово был адыг Г. Хут (1667) – придворный садовник царя всея Руси Алексея Михайловича. О высоком уровне земледельческой культуры предков адыгов сообщали многие авторы, побывавшие в Черкесии в прошлом, в том числе Э. Спенсер (1830): *«Я был не столько обрадован, сколько удивлен, увидев высокий уровень разведения земледельческих культур, проявляющийся в столь далекой стране – стране, населенной народом, который, как нас уверяли, еще не вышел из варварства»*. И еще дополнение к «аграрной» тематике. Как сообщает И. Сигида (2011), именно адыги, на основании многолетней селекционной работы, вырастили самый северный в мире сорт чая – «Адыгейский» (до настоящего времени таковым считался сорт «Краснодарский»). При этом адыгейский чай по всем своим показателям превосходит конкурентов, – вместо «обычных» 9% танина, он содержит 16%; чай положительно влияет на пищеварение и укрепляет иммунитет. Примечательно, что это научное достижение – своеобразная «визитная карточка» Республики Адыгея – внесено в «Российскую книгу рекордов Гиннеса».

На основании археологических раскопок установлено, что именно предки адыгов первыми изобрели, вместо костяной, – металлическую иглу для шитья, причем их делали из железа и бронзы. Они изготавливали даже дамасскую сталь, секрет приготовления которой в настоящее время, к сожалению, утрачен, но отдаленными предками адыгов был разработан свой, оригинальный рецепт. Мало известен и такой факт: по данным С. Броневского (1823), во время Кавказской войны селитру для пороха «...черкесы готовили всякий для себя из быльника (бурьяна), в июле собираемого, который, очистив от листьев и отростков, один стебель сжигают». Народные умельцы изготавливали также примитивные пистолеты и другие виды огнестрельного оружия из добываемого на месте железа. Впрочем, использовалось и привозное железо, о чем сообщает А.Д. Панеш (1999. С. 159): «Главная резиденция Мухаммед Амина находилась на р. Белой, где были организованы производство пороха и подготовка артиллерийского парка. Сера добывалась из Псекупских минеральных источников, а железо подвозили армянские купцы». Примечательно, что некоторые источники упоминают и о «глиняных пулях», которыми черкесы заряжали свои ружья.

Первое восхождение человека на Эльбрус совершил кабардинец Килар Хаширов (1829). Примечательно, что и приоритет создания прививки против оспы принадлежит также предкам адыгов, но отнюдь не английскому врачу Э. Дженнеру, фамилия которого незаслуженно фигурирует сейчас во всех медицинских справочниках. Адыги пополнили сокровищницу не только кавказской, но мировой культуры, создав уникальный эпос «Нарты», восходящий к I тысячелетию до н. э. На весь мир славятся своей красотой и совершенством изделия золотшвейного искусства мастериц-черкешенок.

Во многих видах спорта адыги занимали и занимают высшие места на пьедесталах почета в различных чемпионатах. Так, Мурат Хасанов был четырежды чемпионом мира по борьбе самбо (1994, 1995, 1998, 1999), а всего только чемпионов мира и Олимпийских игр насчитывается среди жителей Адыгеи около 60, а чемпионов Российской Федерации, СССР и Европы – даже не десятки, а несколько сот. Здесь уместно отметить, что еще предки адыгов – меоты принимали участие в Олимпийских играх Древней Эллады. Так, в 320 г. до н. э. на Олимпийских играх в Греции победу в соревнованиях по борьбе одержал меот Неэзмэ, о чем свидетельствует призовая амфора, найденная в захоронении воина-меота в районе горы Зеленой на Таманском полуострове.

3.1. Черкесский «Иван Сусанин»

*Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги!
Сусанину с сердцем вскричали враги...*

К. Рылеев (1795-1826).

Говоря о героизме адыгов во время Кавказской войны, нельзя не вспомнить, что истоки этого мужества восходят к гораздо более отдаленным временам. Приведу несколько фактов, свидетельствующих о том, что горцы всегда были готовы пожертвовать своей жизнью за свободу и независимость своей Родины – Земли адыгов. За ту самую свободу, о которой тысячелетия назад говорил Цицерон (106-43 гг. до н. э.): «Нам дороги родители, дети, близкие, но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове: «Отчизна». Как честный человек станет колебаться умереть за нее, – если он сможет принести этим ей пользу?»

1539 г. В ответ на нападения черкесов на турецкие крепости Таманского полуострова, крымский хан Сахиб-Гирей двинулся в мае 1539 г. с 40-тысячным войском в верховья р. Кубани. Татары шли «вдоль гор Эльбрус» (т. е. вдоль Кавказских гор. – **Авт.**) и через 10 дней встретили черкесские селения, где им удалось захватить пленного, оказавшегося при этом «знаменитым разбойником». Пленный рассказал хану, что черкесы ждут прихода крымского войска и возвели неподалеку от берега Кубани укрепления: выкопали у самого обрыва глубокие рвы и забили в них заостренные вверх колья. Этот черкес добровольно вызвался провести армию Сахиб-Гирея горными тропами в обход укрепления к селению Оргун. Хан поверил и, оставив часть войска в своем лагере, с 10-тысячным отрядом двинулся за проводником в горы. И действительно, через 4 дня крымское войско оказалось вблизи укрепленного черкесского селения, но почему-то намного выше его. Спуститься с отвесной скалы татарам не удалось. Хан в ярости собственноручно расправился с проводником. Войско же было «совершенно истощено походом» и вынуждено было бесславно удалиться в Крым. К сожалению, история не сохранила нам имени этого героя-адыга, отдавшего свою жизнь ради гибели врагов своей Родины.

1708 г. Подвиг этого, увы, безымянного, черкеса-проводника – предшественника легендарного Ивана Сусанина, повторили спустя почти два столетия еще несколько адыгов. Как сообщают С. Броневский и И. Гербер, около 1708 г. крымский хан Каплан-Гирей отправил своего визиря с 30-тысячным войском против черкесов, чтобы опустошить их землю «до основания». Но черкесы послали к татарам несколько человек из своей среды, которые выдали себя за предателей-перебежчиков и предложили татарам провести их по никому не известной дороге к самой середине Кабарды. Когда татары дали им себя обмануть и пошли по этой ложной дороге, в одном ущелье они были атакованы со всех сторон черкесами, которые заложили всю дорогу камнями и перебили всех так, что «из крымской армии ни один человек не вернулся обратно». Поистине, как говорится в одной из сур Корана (36; 8): «Мы устроили перед ними преграду и позади их преграду, и закрыли их, и они не видят...». С этого времени, как отмечал С. Броневский, черкесы опять получили полную свободу.

Несколько иначе освещает этот эпизод А.А. Максидов (2003). В 1708 г., пишет он, по приказу Ахмеда III (1703-1730) крымский хан Каплан-Гирей (1706–1708) возглавил объединенную османо-татарскую армию, численность которой, по разным источникам, составляла от 20 до 30 тыс. чел. От кабардинцев потребовали безоговорочного признания османского сюзеренитета и присоединения к антирусскому альянсу.

На практике это означало полное разорение страны, унижение и выплату огромной контрибуции. «Узнав заранее о приближении татар, – писал Абри де ла Мотрэ, – черкесы отошли в горы, заранее угнав туда скот и уведя семьи. Татары во главе с ханом Нурредином (Нур ад-Дин – исламское имя Каплан-Гирея. – **Авт.**) и несколькими царевичами (калга-султанами) остановились у подножия высокой горы. Расположившись лагерем, они его укрепили и стали рассылать в разные стороны отряды... В это время черкесы, делая вид, что испугались этой огромной армии, разгласили повсюду, что хотят мира... Полагая, что черкесы находятся в паническом страхе, хан предъявил им свои требования. Черкесы ради проформы поторговались, но требования хана приняли. Когда хан уверился в успехе мероприятия без кровопролития, случилось, что другие черкесы, проскользнув к вечеру на вершину горы, начали скатывать оттуда тяжелые камни, осыпая стрелами с гор палатки... В это время обрушились хорошо вооруженные воины. Не дав опомниться татарам, началось их беспощадное истребление. Начавшаяся паника в татарском стане способствовала их полному разгрому и уничтожению. Сам хан, первым бежавший, еле-еле унес ноги с небольшим количеством своих воинов, проявивших такую же оперативность в бегстве. Он даже оставил своего брата, одного сына и полевые орудия, палатки, фураж и все награбленное. Это было крупнейшее поражение, нанесенное татарам кабардинцами за все время их борьбы. Татары потеряли только убитыми 40 тыс. воинов». Очевидец – османский историк Фундуклу свидетельствует: «Никогда не слыхано было такого их избиения».

3.2. Канал Волго-Дон: «черкесский проект»?

На гранит налагает он руку свою, с корнем опрокидывает горы. В скалах просекает каналы, ... останавливает течение потоков...

Книга Иова (28; 9-11).

Сила народа вдребезги разрушает утесы.

Кабардинская пословица

В средневековых письменных источниках сохранились любопытные факты, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме. При турецком султани Селиме II (1566-1574 гг.) служил начальником финансовой службы знатный черкес по имени Касим. Он представил на рассмотрение султана грандиозный проект соединения каналом Дона и Волги. В случае осуществления этого проекта турецкие суда должны были получить беспрепятственный доступ из Черного в Каспийское море для последующих военных операций против Персии. Предложение Касим-паши грозило доставить крупные неприятности не столько Персии, сколько России, незадолго перед тем овладевшей Казанью и Астраханью.

Турецкое правительство, – писал П.П. Короленко, – отправило в Крым эскадру с турками и, учитывая огромный объем земляных работ, предписало крымскому хану присоединить со своей стороны еще часть войск для выполнения предприятия по проекту Касим-паши. Повинуясь повелению султана, хан отправил вместе с турками часть татар и захваченных в Кавказских горах тысяч около трех черкесов из племени боздуков (бжедугов). Предприятие это, ввиду оказавшегося недостатка продовольствия и приближения к Астрахани русского отряда, не удалось, турки и татары разбежались, а черкесы, воспользовавшись смятением в войсках, подстерегали своих недругов в засадах, били их и брали в плен.

У Ш. Ногмова этот же малоизвестный исторический факт представлен несколько иначе: «Селим II хотел восстановить царство мусульманское на берегах Ахтубы и с этой целью весной 1569 г. приказал Касиму, паше Каффы, идти к Переволоке, соединить Дон с Волгой, море Каспийское с Азовским и взять Астрахань или, по крайней мере, основать там крепость в ознаменование султанской державы. Поход этот, однако же, был неудачен. Касим-паша достиг Астрахани и стал ниже ее, на Городище; но, узнав о движении против него князя Петра Серебряного, бежал, причем войско его сильно пострадало, отчасти потому, что Девлет-Гирей вел турок местами безводными, голодною пустыней, где кони и люди умирали от изнурения; отчасти же от черкес, которые их стерегли в засадах и множество забирали в плен».

Эта история получила продолжение спустя почти столетие. После изгнания турок из Азова, в 1696 г., в надежде на развитие черноморской торговли, русскими было начато сооружение путей сообщения между Волгой и Доном. При этом следует учитывать, что на Карловицком конгрессе 1698 г. и в дальнейшем Россия несколько раз ставила вопрос о предоставлении русским торговым судам права свободного плавания через Черное море. Но каждый раз Турция заявляла, что Черное море (по Эвлии Челеби, – «Турецкое море») будет свободно для иностранных кораблей лишь тогда, «...когда Турское государство падет и вверх ногами обратится». Поэтому Россия и вынуждена была приступить к строительству канала, который мог бы дать возможность по Дону спускаться сразу в Каспийское море и далее в Персию и другие страны Ближнего Востока.

Известный историк М.С. Боднарский, на основании анализа большого массива архивной информации, сообщает об этой попытке следующее. Петр I решил установить сообщение между Черным и Каспийским морями и дать выход России к открытому морю. Царь решил направить этим путем торговое движение к азовским портам и даже помышлял о черноморском флоте. С этой целью Петр I пригласил голландского адмирала Корнелия Крюйса, который произвел топографическую съемку, исследовал характер грунтов и составил проект канала. Проект этот был отправлен царем в Парижскую Академию наук, где он был одобрен.

Под руководством немецкого полковника Бренкеля 15 тыс. рабочих начали рыть канал из притока Волги Камышенки в приток Дона Иловлю, длиной около 100 км. Но астраханский губернатор кн. Голицын был противником этой затеи Петра. Из страха ли перед Голицыным или по неопытности и из-за сложности задуманной постройки (первый же шлюз, построенный Бренкелем, сорвало водой), полковник Бренкель убежал на родину. Тогда Петр I пригласил для продолжения строительства английского капитана Джона Перри. Несколько изменив первоначальный проект, Перри возобновил работы, но вскоре убедился, что место канала выбрано неудачно, и предложил Петру I перенести постройку значительно севернее, намериваясь соединить Дон с Окой через оз.Ивановское. Хотя к 1701 г. канал был уже наполовину готов и некоторые шлюзы окончены, Петр I отдает распоряжение прекратить здесь работы и вновь начать стройку по новому проекту Перри.

Семь лет продолжалась эта постройка, и в 1707 г. канал «Волга-Дон» был закончен. Через его 24 шлюза успело пройти 300 судов. Но этим дело и окончилось: Петр I охладел к своему детищу. Азов, стоящий у впадения Дона в Азовское море, был снова взят турками, которые таким образом закрыли свободный выход через Азовское в Черное море; да, кроме того, Петр I к тому времени уже получил выход в свободное море через основанный им Санкт-Петербург.

Интересно, что этой «стройке века» всячески препятствовали сами строители. В превосходно изданной старинной книге «Трехсотлетие дома Романовых» по этому поводу говорится следующее: «Даже прорытие канала между Волгой и Доном казалось подданным Петра I делом не богоугодным: «Нельзя, – говорили они, – обращать потоки в одну сторону, когда сам Бог обратил их в другую!» Но в дальнейшем г. Азов был оставлен русскими и работа по сооружению канала была прекращена. «Черкесский проект» канала Волго-Дон, разработанный черкесом Касимом, был реализован лишь в середине XX столетия, – 400 лет спустя.

3.3. «Великий князь всея Руси»: Симеон Бекбулатович на российском престоле

Симеон Бекбулатович известен, прежде всего, тем, что... с октября 1575 г. по август 1576 г., являлся «великим князем всея Руси». Иван же Грозный в это время именовал себя всего лишь «удельным князем Иваном Московским».

Е.В. Пчелов (2007).

Вместе с будущей женой Ивана Грозного – Марией в Москву в 1561 г. приехал и её племянник, сын Бекбулата, Саин-Булат. Около 1570 г. он занял престол Касимовского ханства, где незадолго до этого правил его дальний родственник Шах-Али, а в первой половине 1573 г. Саин-Булат крестился с именем Симеон. Симеон Бекбулатович известен, прежде всего, тем, что в 7084 г. от сотворения мира, т. е. с осени (по крайней мере, с октября) 1575 г. по август 1576 г., являлся «великим князем всея Руси». Иван же Грозный в это время именовал себя всего лишь «удельным князем Иваном Московским». В современных исторических исследованиях новую систему, созданную Иваном Грозным в 1575 г., называют «новой Опричниной» (Пчелов Е.В., 2007).

3.4. Адыг Г. Хут – придворный садовник царя Алексея Михайловича, первый «стройщик огородных садов» в Измайлово

Именно Г. Хут заложил под Москвой первый из прославленных садов Измайлова – Просянский, в котором, наряду с экзотическими «дикивинными» растениями довольно успешно возделывались такие культуры, как просо, рожь, овес, пшеница, гречиха, лен, мак.

О.Ю. Елина (2008).

Несомненный интерес представляет и такой факт. В 60-70-х гг. XVII столетия в подмосковном Измайлово, по повелению царя всея Руси Алексея Михайловича, был заложен, как мы сказали бы сегодня, «образцовый участок по ведению сельского хозяйства», опыт которого, по замыслу, должен был «распространяться по всему государству». Специальные экспедиции, направленные в разные районы России и «иные страны», собирали «дикивинные растения». Многие экзотические для Москвы культуры, такие как виноград, были доставлены из Киева, Астрахани и Северного Кавказа; первые семена «хлопковой бумаги» были привезены из Астрахани, а также с Терека; отсюда же были доставлены семена арбузов и дынь, а также саженцы шелковиц для «налаживания шелковичного хозяйства». Из Германии и Голландии привозили «дикивинные немецкие цветы» – тюльпаны, пионы, нарциссы.

Общей планировкой садов и подбором растений занимались иноземцы: в 1667 г. были выписаны из Германии «огородные стройщики» – Григорий Хут и Индрик Кашпир. Главным садовником стал Г. Хут, адыг по национальности; к концу царствования Алексея Михайловича его сменил Валентин Давиц. Именно Хут заложил под Москвой первый из прославленных садов Измайлова – Просянский (Просяной), в котором, наряду с экзотическими «дикивинными» растениями довольно успешно возделывались такие культуры, как просо, рожь, овес, пшеница, гречиха, лен, мак (Елина О.Ю., 2008. С. 66-67).

3.5. Первый генералиссимус России – адыг

Кто не знает, что лучшие и способнейшие военачальники – исключительно черкесы?

Магомет Ечерух (1910).

Высшее воинское звание «генералиссимус» в большинстве государств мира присваивалось царствующей особой или высшими органами власти: парламентом, сенатом и т. д. Генералиссимусами становились или пожизненно или только на период военных действий. Впервые в истории (XVI в.) это звание получили французские полководцы Анри Анжуйский и Генрих де Гиз. Всего же, по данным М.М. Хафицэ (2000), за период человеческой истории было 75 (!) генералиссимусов, представлявших 22 страны (табл. 50):

Самым первым российским генералиссимусом вплоть до середины XIX в. считали князя А.Д. Меншикова; позже во многих источниках можно было встретить имя А.С.Шеина, немца по

Таблица 50 – Количество генералиссимусов по странам мира

Страна	Кол-во	Страна	Кол-во
Франция	18	Нидерланды	1
Австрия	8	Перу	1
Турция	7	Венесуэла	1
Российская империя, СССР	6	Корсика	1
Мексика	5	Доминиканская респ.	1
Китай	5	Бавария	1
Англия	5	Куба	1
Испания	4	Бразилия	1
Римская империя	3	Пенджаб	1
Португалия	2	Венеция	1
Греция	1	Швеция	1

происхождению. Однако исследования Мухамеда Хафицэ (2000), основанные на привлечении большого массива архивных и литературных источников, дают основание утверждать, что первым в России, получившим это высшее воинское звание, был адыг по национальности, князь Михаил Алегукович Черкасский. А всего, по данным М.М. Хафицэ, с Кавказа вышло четыре генералиссимуса: кабардинец, аварец, чеченец и грузин.

3.5.1. Михаил Алегукович Черкасский

3.5.1.1. «Своей честностью заслужил всеобщую любовь...»

Он (М.А. Черкасский) отличался степенностью, приличной его пожилым летам, и своей честностью заслужил всеобщую любовь.

Из «Дневника» Георгия Корба (1707)

Сильною опорой служил им [сторонникам Петра I] доблестный боярин Михайло Алегукович Черкасский, неустрашимый в боях... муж чести и правды.

Н.Г. Устрялов, историк (1858).

Михаил Алегукович (Алей Алыджыкзуэ) Черкасский занимал видное место в истории России. Он был одним из ближайших сподвижников Петра I. Выходец из кабардинского феодального сословия в Москве, он женился на внучке знаменитого князя Дмитрия Пожарского. За время своей долгой жизни, – пишет М.М. Хафицэ (2000), – продолжает исследователь, – Черкасский находился на службе у трех царей – Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Петра Великого. При царе Алексее он имел высоко ценимый на Руси дворцовый чин старшего стольника.

Впервые сведения о нем в русских документах встречаются с 1664 г. В этом году он был крещен и принят царем Алексеем Михайловичем. Черкасский быстро и довольно успешно продвинулся по службе и в декабре 1674 г. стал воеводой в Новгороде. 7 апреля 1676 г. было предписано «...взять Михайло Алегукова с воеводства из Великого Новгорода...». Должность воеводы он занимал и в других городах, в том числе в Москве. Принимал участие в русско-турецкой войне 1676-1681 гг.

Михаил Черкасский был одним из тех прогрессивных деятелей России, кто в 1682 г. принял активное участие в решении вопроса об отмене изжившего себя старинного закона местничества, в связи с чем назначение людей на государственные и военные должности отныне должно было происходить, прежде всего, с учетом ума и деловых качеств. Это стало одной из основ предстоящих в недалеком будущем грандиозных реформ Петра I. М.М. Хафицэ (2000) особо отмечает, что «во время борьбы Петра I со своей сестрой Софьей за престол, верный сторонник молодого монарха Черкасский стал одним из тех, кто превратил «потешные батальоны» в регулярные боеспособные полки, снабженные далеко не «потешным» оружием. Именно Семеновский и Преображенский полки помогли Петру I утвердить власть».

В период восстания стрельцов (1682 г.), поддержавших царицу Софью, сводную сестру Петра I, стремившуюся к власти, Черкасский занял твердую позицию поддержки малолетнего Петра I и, как писал историк XIX в. Н.Г. Устрялов, «сильною опорой служил им [сторонникам Петра I] доблестный боярин Михайло Алегукович Черкасский, неустрашимый в боях... муж чести и правды». С тех пор и до конца своей жизни князь Черкасский был верным и самым близким сподвижником российского императора.

В конце XVII в. вновь возобновились активные военные действия против Османской империи за выход к Черному морю. Поскольку первый Азовский поход Петра I (1695) не принес успеха в связи с отсутствием единого, централизованного командования русскими войсками, с осени 1695 г. началась подготовка ко второму походу на Азов, в то время важный стратегический пункт Турции на южных рубежах России.

Когда во время подготовки второго Азовского похода встал вопрос о назначении главнокомандующего, то было решено «избрать» на эту должность князя и боярина Черкасского как генералиссимуса, т. е. единого командующего всеми войсками Российской армии. Как отмечает А.Г. Брикнер в своей «Иллюстриро-

ванной истории Петра Великого» (1902), «...для решения столь важного вопроса о начальствовании Петр Великий созвал Совет. На него пригласил Гордона, Лефорта и других лиц. В «Дневнике» генерала Патрика Гордона, опубликованном на немецком языке в середине XIX в., сказано, что вопрос был решен «еще 14 декабря 1695 г. ...генералиссимусом был избран князь Черкасский». Хотя по состоянию здоровья он не принимал непосредственного участия в военных действиях на Азовском море, судно, построенное на личные средства кабардинского князя, было признано Петром I «одним из лучших» кораблей молодого русского флота. Несколько позже, по причине болезни Черкасского, 9 января 1696 г. пост главнокомандующего сухопутными войсками России передается боярину А.С. Шеину; ему же присваивается звание генералиссимуса.

И в эти годы, и позже Петр I высоко ценил и уважал своего сподвижника. Уезжая по делам из столицы, царь неоднократно оставлял его своим доверенным лицом. «Отправляясь в Азов, Петр I, – сообщал в «Дневнике» дипломат И. Кордт, – назначил князя Черкасского своим наместником». «Воеводе быть князю Михаилу Алегуковичу, а товарищей прибрать ему по воле своей, кого и сколько захочет; правительствующим людям быть всем для совету с ним», – указывалось в его распоряжении от 25 апреля 1707 г. Когда ожидалось нападение войск шведского короля Карла XII на столицу, в апреле 1707 г. Петр I назначил воеводой в Москву именно Михаила Алегуковича. Последние годы своей жизни М.А. Черкасский провел при дворе царя, окруженный его особым вниманием. В «Дневнике» летописца Георга Корба (1707), современника кабардинского князя, читаем: «Он отличался степенностью, приличной его пожилым летам, и своей честностью заслужил всеобщую любовь» (Дзамихов К.Ф., 2008).

Михаил Алегукович Черкасский – один из ближайших сподвижников Петра I в его великих преобразованиях – умер, по одним источникам, в 1712 г., а по другим – в 1721 г.

3.5.1.2. Кто все-таки был первым российским генералиссимусом: князь Черкасский или боярин Шеин?

Выбор его (Петра I) сначала пал на престарелого вельможу, почтенного заслугами и характером, ...на князя М.А. Черкасского; но как болезнь воспрепятствовала князю согласиться на предложенную ему честь, то генералиссимусом наименован боярин А.С. Шеин.

Н.Г. Устрялов (1858).

Некоторые малоизвестные факты «подоплеки» назначения князя Черкасского генералиссимусом приводит в своей работе О.Л. Опришко (2007). Полным ходом, – пишет автор, – шла подготовка к новому походу на Азов, который победоносно завершится в июле 1696 г. К нему готовились войска и флот. В те дни перед Петром I встал вопрос о назначении генералиссимуса – главнокомандующего сухопутной армией, которой весной предстояло выступить к низовьям Дона. И вот, в связи с этим, выявляется чрезвычайно важное обстоятельство, относящееся к Михаилу Алегуковичу Черкасскому...

В одном из номеров журнала «Вопросы истории» за 1988 г. опубликована заметка историка Н.В. Томенко «О генералиссимусе Шеине». В ней речь идет о том, когда и в связи с чем Шеину было присвоено это впервые введенное Петром I в русской армии высшее воинское звание. Автор, как это было принято в советской исторической литературе, считает первым российским генералиссимусом Шеина, однако при этом делает оговорку, что «...на сегодняшний день среди специалистов нет на этот счет единого мнения». Для доказательства своей точки зрения в пользу приоритета Шеина автор заметки ссылается на ряд источников. Но в них, как оказывается, назван и князь Михаил Алегукович Черкасский, и именно как первый в России генералиссимус, предназначенный командовать сухопутным войском. Академик Н.Г. Устрялов в фундаментальном труде «История царствования Петра Великого» (Петербург, 1858) сообщает: «От Петра не могло укрыться, что недостаток единоначалия, при разномыслии и несогласии генералов, был одною из главных причин неудачи первого Азовского похода. Для устранения зла он счел необходимым назначить над всеми сухопутными войсками одного главного вождя со званием генералиссимуса, или воеводы Большого полка. Выбор его сначала пал на престарелого вельможу, почтенного заслугами и характером, бывшего крепкою опорою царице Наталии Кирилловне во время владычества Софии, на князя Михаила Алегуковича Черкасского; но как болезнь воспрепятствовала князю согласиться на предложенную ему честь, то генералиссимусом наименован боярин Алексей Семенович Шеин...»

В 1882 г. была издана книга профессора Дерптского университета А.Г. Брикнера «Иллюстрированная история Петра Великого». Говоря о первом российском генералиссимусе, Брикнер сведения об этом черпает из «Дневника генерала Патрика Гордона...», опубликованного в середине XIX в. в России на немецком языке: «Важным явился вопрос о Главном начальствовании... Вопрос был решен еще 14-го декабря этого же года (1695-го). Петр пригласил Гордона на совет, на котором присутствовали также Лефорт и некоторые другие лица. «Дело уже было решено ранее», замечает Гордон, рассказывая, как сначала генералиссимусом – главнокомандующим армией был избран князь Черкасский, которого по его болезни впоследствии заменил боярин Шеин» (Опришко О.Л., 2007).

3.5.2. Шамиль-паша, имам Чечни и Дагестана: штрихи к портрету «объединителя Кавказа»

Он борется не ради получения военного звания, ордена, не для того, чтобы сообщения о его подвигах могли раструбить газеты, – он борется только за сохранение свободы и веры своего народа.

Ф. Боденштедт (цит. по: Хафиц М.М, 2000)

Вторым генералиссимусом («генералом над генералами»), выходцем с Кавказа, был, по данным М.М. Хафиц (2000), имам Чечни и Дагестана аварец Шамиль-паша, воевавший с царскими колонизаторами на протяжении нескольких десятилетий. О нем немецкий писатель и путешественник Ф.Боденштедт писал: «Он борется не ради получения военного звания, ордена, не для того, чтобы сообщения о его подвигах могли раструбить газеты, – он борется только за сохранение свободы и веры своего народа». В ходе борьбы горцев Чечни и Дагестана против русского царизма было создано довольно прочное государство – взамен разрозненных феодальных владений – имамат. Учитывая особые заслуги шейха Шамиля в национально-освободительной войне народов Северного Кавказа, султан Османской империи впервые в истории своей страны присвоил имаму Чечни и Дагестана звание генералиссимуса.

Очевидцы оставили живописный портрет имама – «объединителя Кавказа»: «Я видел Шамиля в лицо, говорил с ним, – вспоминает Е.Л. Марков (1887). – Этот исполин с темной крашеной бородой, в громадной, чуть не до потолка достававшей папахе, пожимал мою руку такой страшной и тяжелой ладонью, которая, мне казалось, в состоянии была без труда раздавить меня самого и всех со мной присутствовавших, а не только тонкие пальцы мои... Это был полнейший образец дагестанского мюрида, отчаянного защитника ислама и свободы гор. Его не соблазнили ни чинами, ни деньгами, ни ласками... Дело, сделанное Шамилем, поистине сказочное, и самая личность его – тоже сказочная в своем роде. Только железная воля и особенный гений народного вождя могли, хотя и временно, сплотить в одно целое бесконечную, от века укоренившуюся рознь неисчислимых племен кавказских горцев, где одна деревня говорит одним языком, а другая другим, где в одном ущелье господствует один адат, а рядом с ним, в соседстве 5-10 верст, другой. Шамиль едва не создал одного кавказского царства из Дагестана, Чечни, осетин, черкесов, кабардинцев; едва не обратил в одну неприступную и недоступную твердыню и Западный, и Восточный хребет Кавказских гор...

Сварливое и вольнолюбивое рыцарство гор, – продолжает Е.Л. Марков, – послушно, как один народ, шло за ним умирать на русских батареях, под стенами русских крепостей... Шамиль воодушевил кавказских горцев еще неведомым им фанатизмом и ненавистью к русским; он дисциплинировал их дикие орды своей железной рукой и достиг с ними действительно чудесного. В один год он взял 11 русских укреплений, спустился в Кизляр, на равнины Кабарды, был уже готов проникнуть к абадзехам на наш Правый фланг, в прикубанские области, ворвался в глубь Кахетии, к Цинандали. При его ничтожных боевых и денежных средствах это были подвиги героя. Он боролся своими ничтожными горскими аулами со всем могуществом Русского царства, с целой армией непобедимейших в мире войск... 22 года продолжалась эта неравная героическая война» (Марков Е.Л., 1887. С. 447).

В 1859 г. Шамиль был пленен русскими войсками, а спустя 5 лет Кавказская война была завершена. К этому периоду относится следующий примечательный факт: «Мохаммед Шафи, – один из сыновей Шамиля, исконного врага Российской империи, доставленный в Санкт-Петербург в качестве заложника, впоследствии стал генералом царской армии, а двое его братьев – Гази Мохаммед и Камель – тоже генералами, но турецкой армии» (Сапен-Линьер М., 2008. С. 28).

3.5.3. Махмуд Шевкет-паша, еще генералиссимус с Кавказа

При младотурках, за подавление контрреволюционного мятежа, Махмуд Шевкет-паша получил звание генералиссимуса и с января по июнь 1913 г. являлся премьер-министром.

А.А. Максидов (2003).

В начале XX в. третьим генералиссимусом, выходцем с Кавказа, стал чеченец Махмуд Шевкет-паша (1856-1913). Трехлетним мальчишкой родители увезли его с Кавказа на Ближний Восток, рос он в Ираке. Окончив военный колледж, Махмуд целиком посвятил себя армейской жизни. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Махмуд Шевкет-паша возглавлял западную группировку войск. После окончания высших курсов академии Генерального штаба его назначили командующим так называемой «Армии содействия», которая подавила в апреле 1909 г. мятеж, свергнувший с престола султана Абдул-Хамида II. В правительстве «младотурков» Шевкет-паша занял пост военного министра, а в середине 1912 г. ему был доверен пост великого визиря – премьер-министра Турции. За заслуги при подавлении контрреволюционного мятежа турецкий меджлис присвоил ему звание генералиссимуса. Им написаны и изданы в Стамбуле ряд книг по военному искусству: «Наука воевать», «Османь», «Структура турецкой армии». 9 июня 1913 г. он погиб от руки наемного убийцы.

3.5.4. Сталин Иосиф Виссарионович, Генералиссимус Советского Союза

Четыре генералиссимуса – кабардинец, аварец, чеченец и грузин... Время еще определит место этих сынов Кавказа в истории.

М.М. Хафицэ (2000).

В XX столетии звание генералиссимуса было присвоено еще одному выходцу с Кавказа – грузину И.В. Сталину (1879-1953). Ниже приведен подлинный текст ставшего уже давно библиографической редкостью Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Верховному Главнокомандующему И.В.Сталину звания генералиссимуса: «Верховному Главнокомандующему всеми Вооруженными Силами СССР Сталину Иосифу Виссарионовичу присвоить высшее воинское звание – Генералиссимус Советского Союза. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин. Москва, Кремль. 27 июня 1945 г.» (Цит. по: Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., 2009).

3.6. Кабардинец Килар Хаширов: первое восхождение человека на Эльбрус

В 1829 г. по ущелью р. Малки прошло первовосхождение на Эльбрус. Это одна из ярчайших страниц истории России XIX столетия, которая памятна именами выдающихся людей, чьи судьбы сошлись на горной тропе, ведущей к снегам высочайшей вершины Кавказа.

И.А. Гориславский, С.А. Зюзин, А.В. Хаширов (2007).

Сохранились летописные сведения о том, что Тимур (Тамерлан) во время своего второго похода на Северный Кавказ в 1395 г., с целью джихада, «взошел на Эльбрус». Эти слова, видимо, не следует понимать в том смысле, что именно Тимур организовал восхождение на Эльбрус, или лично поднимался на него, но существует вероятность, что некоторые из его воинов могли достигнуть вершины горы (Бейтуганов С.Н., 2007).

В конце 20-х гг. XIX в. генерал Георгий Емануэль (он же: Емануель, Эммануэль), известный своими карательными акциями по отношению к кавказским горцам, не только пытался покорить адыгов, но и, по воспоминаниям очевидцев, «...хотел покорить самый Эльбрус, побывать на его вершине». Проводником экспедиции, первым (и единственным), кто тогда достиг вершины, был кабардинец Килар Хаширов.

3.6.1. К истории современного названия горы Эльбрус

3.6.1.1. Предание о великане на горе Эльборус – «кабардинском Прометее»

Подобно Прометею, черкесский великан терпит наказание от Бога, против которого он восстал.

«Кавказ...» (Вып. V. 2010).

Эльбрус, как главный представитель Кавказа, Каф-Даг, как его называют персиане, – считается центром обитания всяких духов, оттого у горцев он известен под именем Джинн-падишах, т. е. «Царь духов».

«Кавказ...» (Вып. IX. 2011).

У кабардинцев до сих пор ходит предание о великане на горе Эльборус (Эльбрус). На вершине ее есть громадный шарообразный камень, на котором сидит старик с длинной до ног бородой, все его тело обросло седыми волосами, ногти на ногах и руках длинные и похожи на орлиные когти, красные глаза горят, как раскаленные угли. На шее, посредине тела, на руках и ногах тяжелая цепь, которой прикован он с незапамятных времен. Он прежде был близок к великому Тха (богу) за свое благочестие, но когда задумал свергнуть его и стать выше, то потерпел поражение в борьбе и прикован к скале на вечные времена. Немногие его видели, потому что доступ к нему сопряжен с большими опасностями; никто не мог видеть его два раза: «Кто пытался этого достигнуть – погибал» (Султан Хан-Гирей, 1846). Старик находится большей частью в оцепенении, но когда пробуждается, то прежде всего обращается к сторожам: «Растет ли на земле камыш и рождаются ли ягнята?» — спрашивает он. «Камыш растет и ягнята рождаются», — отвечают сторожа. Великан приходит в бешенство, зная, что будет томиться до тех пор, пока земля не перестанет производить камыш и ягнята. С отчаяния он рвет на себе оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи его производят гром и молнию, тяжелое дыхание — порывы урагана, стоны — подземный гул, а слезы его — та бурная река, которая с неистовством выбивается из подножия Эльборуса. Итак, подобно Прометею, черкесский великан терпит наказание от Бога, против которого он восстал («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 289).

Несомненна связь приведенного выше адыгского предания с древнегреческими мифами. И Арриан Флавий (95-175 гг. н. э.), путешествуя по Кавказу, отмечал в своих записках: «Видна была даже некоторая вершина Кавказа, называемая Стромбиллом (Эльбрус), к которой, как рассказывают, был прикован Прометей Вулканом».

3.6.1.2. Эльбрус: кабардинская «Гора счастья» или же карачаевское «Селение барса»?

Иуашхъэмахуэ [Уаихамахо] «Ошхамахо» (Эльбрус) – кабардинское название высочайшей вершины Кавказа (5642 м) – «Гора счастья».

Дж. Коков (2006. С. 725)

Название Эльбарс, то есть Эльбрус, означает «селение барса». А барсами были карачаево-балкарцы.

М.О. Будаев (1998. С.82).

По Дж. Кокову (2006), кабардинское название высочайшей вершины Кавказа Эльбруса (5641 м) – *Иуашхъэмахуэ (Уаихамахо, Ошхамахо)* – «Гора счастья». Появление этого названия Ш. Ногмов связывает с тем периодом жизни адыгов, о котором песни сохранили известия о нашествии Аттилы (он же – Адиль, «Бич небесный»). Как поется в песне,

Господь бог помиловал нас, горы и ущелья наши;
Бич небесный отступил от них благополучно.

С тех пор, как говорит Ш. Ногмов, «народ называет Шат-гору Ошхамахо, то есть «счастливою» потому что он, дойдя до нее, удалился от наших пределов».

Так же объясняет возникновение названия *Иуашхъэмахуэ* и другой адыгский историк, Хаджимуков: «Не миновал страны (черкесов) и «Бич божий, Молот вселенной» – Аттила. Нашествие Аттилы оставило не меньшие следы в народном воображении, чем вторжение Байкана. Народ помнит, что Аттила дойдя до Шат-горы, внезапно повернул назад, и с тех пор Шат-гора носит название «счастливая».

Впрочем, некоторые националистически настроенные авторы отклоняют кабардинское происхождение названия Эльбруса. Так, в своих чрезвычайно вольных исторических экскурсах карачаевский историк М.О. Будаев (С. 82) договаривается до того, что утверждает: «Название Эльбарс, то есть Эльбрус, означает «селение барса». *А барсами были карачаево-балкарцы*» (Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 427).

Эта гора имеет названия и на других языках: Шат-гора (русское), Орфи Ингуб (абхазское), Менгитау (карачаево-балкарское), Джин-падишах – «Духов царь» (турецкое) и др. Что же касается современного общеупотребительного названия «Эльбрус», оно, по мнению С. Броневского, произошло «от персиян или турков». С. Броневский ссылается на то, что часть Альвендской цепи в Персии называется тегеранскими жителями также «Эльбурс» и означает на персидском языке «нос», «...да и в других местах азиатская география представляет множество гор под названием Эльбрус, Альбург Альбурс, Эльбаруг, следуя разности тамошних наречий или испорченному произношению европейцев.

Г.Ю. Клапрот тоже указывает на персидский источник названия «Альбруз или Эльбруз – древнее слово персидское, присвоенное многим вершинам гор, покрытых вечными снегами. Две высочайшие вершины Кавказа носят сие название первая близ источника Кубани; вторая, «называемая Шах Албруз, то есть царский Албруз, – в Дагестане». Далее автор говорит об изменении этого названия и распространении его на всю цепь Кавказских гор: «Тюркские племена Кавказа приняли в употребление сие персидское наименование, изменив оное несколько, дабы придать какое либо значение на их языке, и называя Кавказ Ял Буз, то есть «Ледяная грива». Они дают также всей цепи гор имя *Еди Ял Буз*, то есть «Семь ледяных грев». Иногда говорится еще *Ел-Буз* – «Ветер и лед», а ногайцы называют высочайшие шпили Юлдуз Таглар, т. е. «Звездные горы» (Цит. по: Дж. Коков, 2006. С. 724-725).

3.6.2. Восхождение

3.6.2.1. К предистории «чисто научной» экспедиции

Узнав о происках турок, Г.А. Емануэль принял решение... войти в сопредельные с Линией земли, не взбудоражив настороженных горцев... По его предложению в С.-Петербурге быстро собрали научную экспедицию к подножию Эльбруса.

И.А. Гориславский, С.А. Зюзин, А.В. Хаширов (2007).

Одни исследователи считают, что это была чисто научная экспедиция, другие же говорят о честолюбивых планах генерала, который, якобы, стремился быть первооткрывателем, «...хотел покорить самый Эльбрус, побывать на его вершине». Но в работе И.А. Гориславского, С.А. Зюзина и А.В. Хаширова (2007) раскрываются подлинные причины организации этой экспедиции.

Турецкие притязания на территорию Северо-Западного Кавказа не прекращались. Оттоманская Порта явно терпела неудачи на Дунае, и султан Махмуд II стал все чаще обращать свои взоры на Кавказ. Паша Сеид-Ахмед прибыл к закубанским черкесам и убеждал их в том, что русские войска переведены с Линии к проливу Дарданеллы, и генерал Емануэль, бывший тогда командующим Кавказской линией, не сможет защитить область от вторжения неприятеля.

Узнав о происках турок, Г.А. Емануэль принял решение: чтобы войти в сопредельные с Линией земли, не взбудоражив настороженных горцев, и ненароком показать им свою готовность ответить силой на любую вылазку, нужен был важный повод, который долго искать не пришлось. По предложению Емануэля, в С.-Петербурге быстро собрали научную экспедицию к подножию Эльбруса. Исследование неизвестного русским района вместе с научными изысканиями сопровождалось разведкой. Военные топографы составляли карту местности и сделали многочисленные зарисовки, что имело не столько научный, сколько чисто военный интерес в связи с предстоящими военными действиями на Западном и Центральном Кавказе.

Об исключительной важности детального ознакомления с Карачаем в окрестностях Эльбруса свидетельствует тот факт, что для русских этот район был *terra incognita* – «Землей неизвестной». До 1829 г. Академия наук в С.-Петербурге не имела точных сведений о Шат-горе, как называли тогда Эльбрус. В «Космографии», написанной Себастьяном Мюнстером в XVI в., Эльбрус изображен действующим вулканом. В 1823 г. в Москве была издана книга Семена Броневского «Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе», в которой об Эльбрусе говорилось следующее: «Мы не имеем физического описания сей горы, которая представляет для испытателей природы, как говорят, непреодолимые препятствия...». Даже Юлиус Клапрот ввел в заблуждение научный мир своими записями, составленными понаслышке.

В несостоятельности этих утверждений смог убедиться командующий Кавказской линией генерал от кавалерии Г.А. Емануэль, о чем упоминает его адъютант Н.Б. Голицын (1851. С. 85): «Когда Емануэль ходил против карачаевцев, он имел случай быть у подошвы Эльбруса и приблизиться к центральной цепи Кавказских гор. Он удостоверился, что эта исполин-гора, почитающаяся издревле неприступной, вовсе не окружена болотами, как утверждают горцы, и что все ужасы, которыми воображение этих народов окружило ее, были не что иное, как действие их суеверий» (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007). И далее Н.Б. Голицын останавливается на «чрезвычайных обстоятельствах, вызвавших экспедицию в Карачай, в окрестности Эльбруса: «Война с Оттоманской Портой (1828-1829) обернулась для турок утратой своих позиций в Причерноморье и на Дунае. Персидская война 1826-1827 гг. закончилась тем, что Тегеран лишился части Армении вместе с Ереваном и на территорию, отвоеванную русскими, начался исход армян из Турции, что настораживало Стамбул. С падением Анапы в 1828 г. работорговля на Северном Кавказе оказалась на грани исчезновения.

Видя, что дела идут худо, турецкий султан Махмуд II стал все чаще возлагать надежды на единомышленников горцев, провоцируя набеги на Линию с целью отвлечь хотя бы часть русских войск от Причерноморья. Через Карачай в Кабарду, Чечню и Дагестан проникали не только турецкие эмиссары, но и ввозилось оружие, что послужило причиной экспедиции генерала Емануэля в верховье Кубани в 1828 г.

Лесные массивы и залежи ценных ископаемых сулили важные открытия для развития местной промышленности. И Георгий Арсеньевич обратился к начальнику штаба русской армии, сражавшейся с турками на Дунае, графу Дибичу, с просьбой ходатайствовать о приезде ученых из С.-Петербурга. Пользуясь случаем, командующий на Линии рассчитывал сделать топографическую съемку неизвестной местности, чтобы уточнить, какими тропами проникают на Северный Кавказ турецкие проповедники. Начальник Тифлисского штаба полковник Вольховский счел идею своевременной. В тот год в России находился немецкий ученый Александр Гумбольдт. Знаменитый естествоиспытатель предложил российским академикам исследовать силы земного магнетизма в различных широтах империи, а затем сопоставить и систематизировать полученные данные вместе с теми, что собраны европейскими естествоиспытателями в других странах. Несмотря на то, что война требовала больших расходов и лишние издержки казны были некстати, император Николай I дал свое согласие на научные изыскания. Его Величеству не хотелось выглядеть невежественным в глазах всемирно известного ученого.

Проводить магнитные наблюдения взялись академик Адольф Купфер, директор Главной физической обсерватории в С.-Петербурге, и адъютант С.-Петербургской академии наук Эмилий Ленц. В состав экспедиции также вошли: помощник директора Дерптского ботанического сада Карл Мейер, которому предстояло изучение флоры, основатель Русского энтомологического общества Эдуард Менетрие и зоолог Илья Вознесенский. Тщательно скрываемые военные интересы объясняют и участие в этой экспедиции Глеба Вансовича, управляющего Луганским литейным заводом, которого интересовали руды, используемые для производства оружия; а также главного архитектора Пятигорска Джузеппе Бернардацци, хорошо знавшего топографию, который вместе с военными топографами делал зарисовки интересовавших Емануэля мест и выполнял работу по съемке местности» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

3.6.2.2. Восхождение на вершину Эльбруса

*И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльбрус двуглавый;
Ужасною и величавой
Там все блистает красотой.*

В.А. Жуковский (1783-1852).

*Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда..*

М.Ю. Лермонтов (1814-1841).

Как видно из вышесказанного, с учетом нестабильной ситуации на Северном Кавказе, восхождение на Эльбрус могло быть совершено только в виде военной экспедиции. К началу июля 1829 г. был собран внушительный отряд из 600 чел. пехоты, 400 казаков и двух орудий, и члены экспедиции начали подъем. Первый привал был в верховьях р. Хассаут, где академики приступили к научным исследованиям. Попытки взять проводника среди ногайцев, принадлежащих кн. Ашакою Мансурову, не увенчались успехом. Старики-ногайцы говорили: «До вершины горы не дойдем, а если и дойдем, то уже назад не спустимся. Так угодно Аллаху, – никто из смертных, пытавшихся проникнуть в тайны Эльбруса, еще не возвращался назад». О том, какие величественные картины открылись перед членами высокогорной экспедиции, можно судить по стихам А.С. Пушкина:

*Великолепные картины!
Престолы вечные снегов!
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков.
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая лебяном,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом...*

16 (н.с.) июля 1829 г. караван, растянувшийся на полторы версты, поднялся на высоту 2100 м над уровнем моря. Шествие открывал старшина ногайского племени урусбиев Мурза-Кул, за ним – генерал Емануэль со свитой и академики. Восхождение на восточную вершину Эльбруса было намечено на 22 июля. Но по мере подъема редело число восходителей. Вот так описывает восхождение в своем отчете академик А. Купфер: «Воздух настолько разрежен, что дыхание не восстанавливает истощенных сил. Кровь быстро обращается и производит воспаление в наиболее слабых частях организма, мои губы горели, глаза страдали от ослепительного блеска снега. Все чувства мои парализовались, голова кружилась, время от времени чувствовал какое-то неопределенное угнетение, которого не мог преодолеть». Подниматься становилось все труднее и труднее. Когда были вызваны добровольцы, желание подняться на самый пик Эльбруса изъявили 20 человек казаков и кабардинец Килар (Чылар) Хаширов. На другой день исключительно тяжелый подъем к вершине смогли осуществить лишь четыре человека. Как свидетельствуют очевидцы, «...трое из них скоро исчезли из виду, но четвертый поднимался все выше и выше. Это был главный проводник экспедиции, по словам венгерского путешественника Бессе, – «вольный кабардинец» Килар Хаширов. Весь подъем занял у него немногим более восьми часов.

Генерал Георгий Емануэль наблюдал за восхождением из лагеря в подзорную трубу. Увидев на вершине появившегося человека, он приказал бить в барабаны и произвести многократный ружейный салют в честь победителя. Спустившись к вечеру в лагерь, Килар передал Емануэлю два камня с вершины. Один из них генерал отправил в Российскую академию наук, а другой подарил Бессе для передачи в музей на родине ученого в Пеште» (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

3.6.2.3. «Килара Хаширова чествовали особо, как единственного, кто достиг заветной вершины...»

*Вершины оною (Эльбруса) достиг только кабардинец
Килар. Пусть сей скромный камень передаст потомству
имена тех, кои первые проложили путь к достижению
поныне почитаемого неприступным Эльбруса.*

**Надпись на памятной плите, установленной на
Эльбрусе (1829).**

После возвращения экспедиции с вершины Эльбруса генерал Емануэль дал парадный обед, на котором присутствовали знатные представители Кабарды, Карачая, Уруспия и других закубанских народов. Пили и за здоровье кабардинца Килара. Как сообщает В.А. Потто, пили все, не исключая и мусульман, которые оправдывали себя исключительным случаем.

После обеда генерал Емануэль подарил Килару отрез сукна на черкеску и 100 руб. серебром. Георгий Арсеньевич спросил о заветном желании вольного крестьянина, и Килар, ко всеобщему удивлению, обратился с просьбой зачислить его в Кавказский полуэскадрон, созданный Емануэлем из горской знати. Килар был из простолюдинов и, чтобы не обидеть отважного горца отказом, начальник области определил его в русскую армию (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

Дополняет эту информацию офицер свиты генерала Эммануэля А. Щербатов: «В полдень следующего дня командир Линии пригласил всех участников восхождения на застолье. Под троекратный залп из орудий выпили за здоровье императора, соблаговолившего позволить ученым организовать эту экспедицию. Второй тост подняли за Эльбрус, послуживший причиной для знаменательного восхождения. Подняли бокалы в честь Георгия Арсеньевича, учредившего поход в неведомую даль. В разгар пиршества вызвали охотников, которые сопровождали ученых. Генерал Емануэль благодарил их и каждого осчастливил подарком, а князя Кучука Жанхота облагодетельствовал золотыми часами, чем выразил свою признательность за оказанную помощь в столь трудном предприятии. «Килара Хаширова чествовали особо, как единственного, кто достиг заветной вершины. Генерал торжественно вручил ему обещанные серебряные монеты и подарил отрез прекрасного сукна на черкеску. В честь мужественного джигита опустошили еще несколько бутылок шампанского».

Архитектор Бернардацци нарисовал портрет Килара. В память о первовосхождении на Эльбрус в Пятигорске построили грот Дианы, две опорные колонны которого символизируют две вершины Эльбруса. А место базового лагеря на Малке Джузеппе Бернардацци, по указанию Емануэля, отметил надписью, высеченной на скале: «1829 года с 8 по 11 июля (21–24 июля н. с.) здесь стоял лагерь под командою генерала от кавалерии Емануэля». (Эту надпись впервые обнаружили 25 февраля 1932 г. кисловодские альпинисты В. Корзун и В. Никитин. Они очистили скалу от лишайника и записали текст (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

В честь этого события, по распоряжению командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерала Г.А. Емануэля сразу после экспедиции на Эльбрус были отлиты две чугунные плиты в рост человека (165 x 90 см) со следующей надписью на русском и арабском языках:

В царствование Всероссийского императора Николая I
стоял здесь лагерь с 8 по 11 июля 1829 г. командующий
Кавказской линии генерал от кавалерии
ГЕОРГИЙ ЕМАНУЭЛЬ.
При нем находились:
сын его, Георгий, 14 лет,
посланные Российским правительством
академики: Купфер, Ленц, Менетрие и Мейер,
также чиновник Горного корпуса Вансович,
Минеральных Вод архитектор Иосиф Бернардацци
и венгерский путешественник Ив. Бессе.
Академики и Бернардацци, оставив лагерь, расположенный
в 8 000 футах (т. е. 1143 саженьях) выше морской поверхности, всходили 10 числа на Эльбрус
до 15 700 футов (2243 саженьей).
Вершины же оного 16 330 футов (2333 саженьей) достиг только кабардинец Хилар.
Пусть сей скромный камень передаст потомству имена тех, кои первые проложили путь к достижению поныне
почитавшегося неприступным Эльбруса!
Отлита в Луганском заводе в 1829 г.

Кстати, указанная на плите высота Эльбруса в 16 330 футов (4976 м) была определена на основе барометрических измерений в 1829 г. неверно; высшая точка *восточной вершины* Эльбруса, по исследованиям в начале XX в., составляла 18 470 футов (5628 м), а по современным уточненным данным – 5621 м. Примечательно, что *западная вершина* Эльбруса высотой 5633 м была покорена лишь 45 лет спустя – балкарцем Ахией Соттаевым, который сопровождал группу англичан.

Известны четыре отливки плиты с одним и тем же текстом, но различными размерами шрифта. Две из них хранятся в Пятигорском краеведческом музее – одна на русском, другая на арабском языках; третья плита перевезена в Нальчик, где установлена у здания Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН; четвертая в Ботаническом саду ордена «Дружбы народов» Кабардино-Балкарского государственного университета им. профессора Х.М. Бербекова (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

3.6.3. Кто же ты, Килар Хаширов?

3.6.3.1. Так кто же первым поднялся на Эльбрус: кабардинец Килар Хаширов или мифический «карачаевец Хыйса Муссаевич Хачилов»?

Такие достижения (восхождение на Эльбрус. – Авт.) не в диковинку только для жителей высокогорий, к коим в Приэльбрусье относятся только карачаево-балкарцы.

Р. Хатуев, И. Шаманов (2004).

Хыйса Муссаевич Хачилов – сын нашего (карачаевского) народа, сын Карачаево-Черкесии, сын России... Хыйса Хачилов, вошедший в историю под именем Килар, ...положил основу, на которой происходило становление российского альпинизма...

Из выступления президента Карачаево-Черкесской Республики Б.С. Эбзеева (10.07.2009 г.).

Уже в наши дни тема героического восхождения на Эльбрус и его участников получила неожиданное продолжение. Дело в том, что сейчас в прессе некоторых северокавказских республик все чаще муссируется вопрос о национальной принадлежности Килара Хаширова.

До настоящего времени нет единого мнения о том, кто же был «первовосходителем» на величайшую вершину Кавказа – Эльбрус. Кабардинцы утверждают (и не без основания), что он был адыг, карачаевцы – что карачаевец, ногайцы – что ногоец, балкарцы – что он был балкарцем и т. д. В качестве иллюстрации приведу выдержку из выступления президента Карачаево-Черкесской Республики Б.С. Эбзеева на торжествах в честь 180-летия первовосхождения на Эльбрус, прошедших 10 июля 2009 г. в ауле Карт-Джурт: «Хыйса Муссаевич Хачилов – сын нашего (карачаевского) народа, сын Карачаево-Черкесии, сын России... Хыйса Хачилов, вошедший в историю под именем Килар, ...положил основу, на которой происходило становление российского альпинизма... и т. д.» («Хасэ», 2010, № 12-14).

Информационное обеспечение этого и подобных ему мероприятий, – отмечает публицист Ф.А. Озова (2008), – заключалось в тиражировании содержания публикаций и выступлений двух кандидатов исторических (!) наук – Р. Хатуева и директора Карачаевского НИИ И. Шаманова в газетах и на телевидении, которые пытаются доказать карачаевское происхождение первопроходца Килара. При этом имя героя менялось несколько раз: Килар стал Хиларом, а потом и вовсе Хыйсой Муссаевичем (т. е. «Иисусом Моисеевичем»!? – Авт.) Хачиловым. Имя вымышленного «Хыйсы Муссаевича» оказалось на мемориальной доске, открытие которой состоялось в г. Карачаевске 21 июля 2004 г. Как говорится, «Федот, да не тот».

Известно, что вскоре после восхождения на Эльбрус по рекомендации генерала Емануэля кабардинец Килар Хаширов был зачислен на службу в лейб-гвардии в Кавказско-горский полускадрон и более 9 лет прослужил в Варшаве. Но об этом факте Р. Хатуев и И. Шаманов предпочли вообще не упоминать. Касаясь потомков Килара, они пишут: «Судя по всему («по всему» – это по чему? – спрашивается. – Авт.), часть потомков Килара осталась в бассейне Терека». Лукавите, господа! – восклицает Ф.А. Озова (2008) – У Килара было всего два сына – Кирандуко и Увжуко, которые проживали в Кабардинском округе сначала в Вольном Ауле (Брамтэ), а с 1863 г. в кабардинском ауле Кучмазукино (история их потомков вплоть до современности хорошо известна). Р. Хатуев и И. Шаманов пишут далее: «Зато другие его потомки по сей день проживают в Карачае». Какие это еще «другие потомки», господа?

Обращает на себя внимание своей безапелляционностью заключительная фраза статьи Р. Хатуева и И. Шаманова: «Повторимся – такие достижения (восхождение на Эльбрус. – Авт.) не в диковинку только для жителей высокогорий, к коим в Приэльбрусье относятся только карачаево-балкарцы...». Мысль, достойная всей статьи и ее политической проекции – пышных мероприятий по празднованию восхождения на Эльбрус мифического карачаевца Хыйсы Хачилова. Вывод напрашивается сам: для исключительной карачаевской нации требуется исключительная история, и только им принадлежит Эльбрус. А народы-aborигены обойдутся без него. Укажем еще на один подлог. Удалось ввести в заблуждение популярное издание «Книга рекордов Гиннесса», где указывается, что «...балкарец Килар Хаширов в 1829 г. достиг восточной вершины Эльбруса». Комментарии, как говорится, излишни... (Озова Ф.А., 2008. Вып. VII. С. 372-377).

3.6.3.2. Килар Хаширов – достойный сын кабардинского народа

Все прямые документальные свидетельства недвусмысленно указывают, что Килар Хаширов именно кабардинец – «простой житель свободного аула на р. Налчик в Большой Кабарде».

Ж.А. Калмыков, М.М. Хафиз (Из обращения к президентам КБР и КЧР, 2009).

Проведенные исследования, архивные и эпистолярные источники подтверждают правомочность утверждения, что первовосходителем на Эльбрус был в 1829 г. кабардинец Килар Хаширов. Чтобы не быть голословными, обратимся к документам.

Документ 1-й. Из частного письма участника восхождения на Эльбрус А. Щербатова, офицера при свите генерала Емануэля, от 23 июля 1829 г., опубликованного позже в «Тифлиских ведомостях»: «К 9 ч утра, пройдя гораздо более половины горы, расположились они (участники восхождения) за скалами отдыхать и скрылись от нас совершенно. Спустя час времени явился из-за скалы один только человек и стал подвигаться довольно твердыми и мерными шагами к вершине Эльбруса. Тщетно ожидали мы последователей за сим предприимчивым путешественником: никто более не выказывался; напротив того, многие вскоре начали возвращаться обратно. Все взоры стали следить за тем, кто совершал столь смелый подвиг. Отдыхая на каждых пяти или шести шагах, он шел бодро вперед. Приблизившись к самой вершине, он исчез между скалами. Долго каждый из зрителей с нетерпеливым участием ждал его появления. Как вдруг около 11 ч увидели мы сего смельчака на самой вершине Эльбруса. Ружейная стрельба, гром музыки и хор песельников торжественно огласили воздух при радостных восклицаниях всего стана о столь необыкновенном событии.

До самого вечера мы недоумевали, кто был сей первый из смертных, взошедший на вершину высочайшей из гор Кавказского хребта, считающуюся донныне непреступной. По возвращении наших путешественников мы узнали, что *удалец, решившийся один взобраться на самую высокую точку Эльбруса и тем доказавший возможность сие исполнить, был один из вольных кабардинцев* (выделено нами. – **Авт.**), бывший прежде пастухом. За совершение сего подвига... Килар получил предназначенный генералом Емануелем приз, из 400 руб. ассигнациями и 5 аршин (около 3.5 м) сукна состоявший» (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

Документ 2-й. О национальности Килара говорится и в отчете академика А.Я. Купфера – руководителя научной части экспедиции: «Когда были вызваны добровольцы, желание подняться на самый пик Эльбруса изъявили 20 человек казаков и *кабардинец Килар (Чылар) Хаширов*».

Документ 3-й. После возвращения из экспедиции, 30 июля 1829 г. генерал Емануэль писал из Горячеводска командующему на Кавказе генералу И.Ф. Паскевичу: «...9 июля все академики и другие, изъявившие желание охотники взойти на Эльбрус, отправились к самому снежному хребту сей горы. 10-го числа, в 3-м часу пополудни, пользуясь благоприятной погодой, выступили все к исполнению предложенной цели, но после величайших усилий, достигнув выше половины Эльбруса, обратились назад: *один только кабардинец Килар успел достигнуть около 11 ч. самой вершины сей горы*, на которой водрузив палку, с ним имевшуюся, и обложив ее камнем, спустился обратно...».

Документ 4-й. О кабардинском происхождении Килара Хаширова сообщает и венгерский ученый, участник экспедиции Жан Шарль де Бесс (он же Янош Карой Беш) в своей книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.», вышедшей в Париже в 1838 г. на французском языке. Из текста становится понятным и место проживания Килара: «Невозможно не восхититься, – пишет Ж.Ш. Бесс, – этим простым человеком, жителем вольной деревушки возле Нальчика в Большой Кабарде, имя которого Килар».

Действительно, Килар был выходцем из Вольного аула, близ крепости Нальчик, населенного переселенцами низшего сословия, желавшими обустроиться рядом с крепостью, в более безопасном от грабежей месте. Из книги Бесса известно, что *кабардинец Килар* просил генерала Емануэля помочь ему устроиться в русскую армию.

Документ 5-й: Из удостоверения кабардинского узденя Герандуко Киярова: «1863 г. сентября 5-го дня я, нижеподписавшийся, даю сие удостоверение в том, что *кабардинцев Вольного аула Кирандуко и Тесаруко Хаширова (брат Килара. – Авт.)* принимаю в свой аул, состоящий на р. Баксане...» (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007. С.109-111).

3.6.4. Памяти Килара Хаширова

3.6.4.1. Дальнейшая судьба первовосходителя на Эльбрус и его потомков

Покорнейше просим ходатайства... о наделении нас землею в частную собственность по усмотрению начальства, не по происхождению нашему, а за услуги, оказанные покойным отцом нашим русскому правительству.

**Из прошения Герандуко и Хажби Кияровых
начальнику Кабардинского округа от 25.11.1870 г.**

О дальнейшей судьбе Килара Хаширова известно, что он поступил на службу в Кавказский горский дивизион в Варшаве и прослужил в нем более 9-ти лет. Далее следы первовосходителя на Эльбрус теряются.

Документы, найденные академиком Хасаном Думановым, подтверждают, что Хашировы были родом из Вольного аула Кабарды. Ученый пишет: «До отмены крепостного права в Кабарде в 1867 г. у кабардинцев существовал обычай, согласно которому фамилии образовывались от личных имен: имя отца становилось фамилией сына. Так было и у Килара. Его стали именовать Хашировым, а фамилией его детей стало его имя, т. е. Киларовы». О том, что ближайшие родственники Килара, проживавшие в Вольном ауле, а затем в ауле Кучмазукино, были кабардинцами, свидетельствуют изыскания историка Х.М. Думанова, который 3 сентября 1985 г. в газете «Кабардино-Балкарская правда» писал, что в 1823 г. в Вольном ауле проживало 30 семейств. Население аула быстро росло, а земля, выделенная первоначально на это количество се-

мейств, уже не могла обеспечить всех. 22 июня 1863 г. жители Вольного аула писали командующему войсками Терской области генерал-лейтенанту и кавалеру Лорис-Меликову: «Назад тому лет более 40... дана нам свобода, и мы переселились в Вольный аул. При переселении этом было нас более 30 дворов, где мы пользовались землею, которой было для нас вволю, после этого населилось еще из разных мест, так что в настоящее время находится до 200 дворов, через что стеснены землею, а имеющийся у нас скот никаких средств не имеем содержать. А теперь по совету между нами желаем переселиться из Вольного аула». После неоднократных просьб начальство разрешило 120 семействам переселиться в другие аулы. В а. Кучмазукино переселилось 8 семейств. Среди переселенцев были родственники Килара – Кирандуко и Тепсаруко Хашировы (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007. С.109-111).

Ознакомление с фондами Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР) позволило С.Н. Бейтуганову (2007) ввести в научный оборот интереснейшие воспоминания сыновей первопроходца на вершину Эльбруса Килара Хаширова, которые до сих пор были неизвестны широкому кругу читателей. Жители аула Кучмазукина – кабардинские уздени Герандуко и Хажби Киларовы 25 ноября 1870 г. написали начальнику Кабардинского округа: «Покойный отец наш, Киляр, во время стояния на Кавказе лагерем с 8 по 11 июля 1829 г. командовавшего Кавказскою линией генерала от кавалерии Георгия Эмануэля 10 июля всходил на Эльбрус вместе с посланными Российским правительством академиками: Купфером, Ленцем, Менетрием и Мейером, чиновником горного корпуса Вансовичем, архитектором Минеральных вод Иосифом Бернадации (Бернардации) и венгерским путешественником Иваном Бессе (другие варианты: Янош Бессе, Жан-Шарль де Бессе. – Авт.), но из них вершину Эльбруса достиг только отец наш Киляр. Их имена, как отца нашего Килара, так и бывших с ним академиков, отлиты на чугунной плите, как первых, проложивших путь к достижению до того времени почитавшегося неприступным Эльбруса, и [она] привезена в Пятигорск.

За эту услугу отца нашего русскому правительству он награжден был 100 рублями. Кроме того, по предложению начальства отец наш Киляр поступил на службу в Кавказско-Горский дивизион в Варшаве и прослужил в нем более 9 лет. А потому покорнейше просим ходатайства Вашего Высокоблагородия о наделении нас землею в частную собственность по усмотрению начальства, не по происхождению нашему, а за услуги, оказанные покойным отцом нашим русскому правительству» (Бейтуганов С.Н., 2007). Подобное прошение было подано ими и на имя начальника Терской области. Но начальство не удовлетворило этой просьбы... (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007. С.109-111).

В настоящее время отдаленные потомки легендарного первоисходителя живут не только в Кабарде, но и за рубежом. Образ Килара Хаширова выразительно создан писателем Аскерби Шортановым в романе «Горцы», ему посвящают и поэтические произведения, альпиниаду на Ошхамахо. Памятник великому адыгу поставлен в Приэльбрусье. Заслуженный журналист Республики Адыгея Зубер Бербеков считает, что Килару Хаширову можно было бы посвятить научные конференции, организовать выпуск значков, назвать одну из улиц Майкопа его именем, материалы о нем включить в учебники для начальных и старших классов. Герой, прославивший свое Отечество, заслуживает этого...

3.6.4.2. «Память об этом человеке достойна того, чтобы передаваться последующими поколениями»

Нам стоило полюбоваться скромностью этого простого человека, живущего в Вольном ауле на р. Нальчик в Большой Кабарде. Его зовут Килар. Этот человек, единственный из всех, кто пытался взойти на вершину Эльбруса, имел счастье ее достичь.

Жан Шарль де Бесс (1830).

Дополняют портрет Килара Хаширова воспоминания непосредственного очевидца восхождения – Жана Шарля де Бесса (он же – Янош Карой Беш), относящиеся к 1829-1830 гг.: «Нам стоило полюбоваться скромностью этого простого человека, живущего в Вольном ауле на р. Нальчик в Большой Кабарде. Его зовут Килар. Этот человек, единственный из всех, кто пытался взойти на вершину Эльбруса, имел счастье ее достичь». «Я с удивлением, – пишет далее де Бесс, – прочел в одесской газете статью, выдержки из тифлисской газеты, в которой Килар описан «горбатым и хромым» (см. С. 95-96). Я не знаю, какова была цель этого шутника-корреспондента представить мужественного кабардинца не таким, как он есть, а искалеченным. Он малого роста, но крепкий и без каких-либо дефектов тела. Его имя также выгравировано на скале с именами тех, кто входил в эту экспедицию. *Память об этом человеке достойна того, чтобы передаваться последующими поколениями.* Этот человек принес с вершины кусок базальта, который генерал приказал расколоть на две одинаковые части, из коих одна была отправлена в С.-Петербург, а вторая была отдана мне, чтобы стать экспонатом в Национальном музее Пешта. К вечеру того дня, когда господа академики вернулись в наш лагерь, мы их поздравили с их блестящим успехом и счастливым возвращением. У Килара открылась болезнь глаз и, кроме того, он был таким уставшим, что в этот день не смог предстать перед генералом, чтобы получить свою награду. Поэтому церемония вручения была перенесена на другой день...» (Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

3.6.4.3. «Народу лишь служа, бессмертие постиг»: памяти кабардинца Килара Хаширова

*1829 г. – первая экспедиция на вершину Эльбруса...
Проводник экспедиции – кабардинец Килар Хаширов
стал первым человеком, поднявшимся на восточную
вершину Эльбруса.*

Альпинизм. Энциклопедический словарь (2006).

Завершая эту тему, хотелось бы привести стихотворение Адальби Браева «Честь превыше жизни», посвященное Килару Хаширову и опубликованное в газете «Хасэ» (2009, № 12-14, июль-авг. С. 1). Эти идущие от самого сердца стихотворные строки как нельзя лучше свидетельствуют о глубочайшем уважении и признательности адыгского народа к первопроходцу Эльбруса.

Когда благословит высокий дух народа,
Сквозь времена летит о подвиге молва,
Не гаснет ее свет, лишь ярче год от года,
И память давних лет в сердцах людей жива.

Поступок храбреца в ком не найдет участия,
И ныне молодым являет он пример.
Когда душой ты смел – взойдешь на Гору Счастья,
Отмеченный судьбой и благом высших сфер.

Не отступил адыг, кровь не застыла в жилах,
Он шел, не чуя ног, не дав себе присесть,
Не ведая еще, что совершить был в силах,
Но твердо знал одно: превыше жизни – честь.

Когда же он взошел над царственной горою,
У ног его затих и ветер ледяной,
И бурку облака преподнесли герою,
И отразился в нем свет каждой стороной.

И снял бы сам Эльбрус тяжелую папаху,
Когда бы не стоял на ней простой адыг.
Не воздавал он дань царю иль падишаху, –
Народу лишь служа, бессмертие постиг...

Перевод Владимира Мамишева

3.7. Черкесские «корни» некоторых великих людей средневековья: гипотезы и факты

3.7.1. Леонардо да Винчи: внебрачный сын черкесской невольницы?

Леонардо да Винчи – внебрачный сын от черкесской невольницы, не желанный своим отцом, но питаемый любовью Альбы, его юной мачехи, образ которой проступает в его изображениях Девы Марии, достигая высшей степени в Моне Лизе.

Энциклопедия «Википедия»
(Цит. по: Хотко С.Х., 2012. С. 3).

«Загадка Леонардо да Винчи (1452-1519) начинается с его рождения. Он был *незаконнорожденным сыном женщины, о которой почти ничего не известно*. Мы не знаем ни ее фамилии, ни возраста, ни внешности... Биографы называют ее «молодой крестьянкой». Известно только, что ее звали Катерина», – писал один из современных историков Роберт Уоллэйс («Мир Леонардо», 1997. С.9). Но спустя 15 лет занавес тайны вокруг родословной Леонардо да Винчи несколько приоткрылся, причем исследователям удалось достоверно установить, что матерью великого художника была рабыня-черкешенка.

В феврале 2012 г. сразу на нескольких сайтах в Интернете появилась информация о возможных черкесских «корнях» Леонардо да Винчи. Принимая во внимание интерес читателей к этому вопросу, привожу в кратком изложении сообщение известного историка Самира Хотко (2012. Вып.4) о его изысканиях в Интернете, предпринятых для уточнения родословной великого итальянского художника.

Мэри Макрейнольдс в обзоре монографии известного исследователя жизни Леонардо да Винчи Кертиса Пеппера отмечает: «Рожденный в век последовательного просвещения, *незаконнорожденный сын черкесской невольницы* сопротивлялся неприятию и предубеждению посреди войн, мелочной политики, эпидемий и религиозного рвения. Символом ранней страсти Леонардо стал эскиз его умершей и нежно любимой мачехи, наскоро нарисованный в нездоровом воздухе покойницкой».

Литературоведческий сайт «Кларисс Левин Ассошиэйтс» сообщает: «Кертис Билл Пеппер справился с этой сложной задачей после 15-ти лет исследований доступных архивных записей в Италии, которые засвидетельствовали идентичность *матери Леонардо, черкесской рабыни*, и пролили свет на различные личности, которые сыграли важную роль в развитии его характера и интеллекта.

В статье, посвященной биографии Кертиса Пеппера в Википедии, также подчеркивается черкесское происхождение матери Леонардо: «Его последний биографический роман «Леонардо» (2012) исследует жизнь и работу Леонардо да Винчи, формирование его универсального разума и развитие его искусства, у истоков которого было травматическое детство – *внебрачный сын от черкесской невольницы*, не желанный своим отцом, но питаемый любовью Альбы, его юной мачехи, образ которой проступает в его изображениях Девы Марии, достигая высшей степени в Моне Лизе».

Международная энциклопедия «Вокруг света» содержит следующие сведения о родословных «корнях» великого художника: «Леонардо – внебрачный сын сера (мессира) Пьеро ди Антонио да Винчи, нотариуса. Судя по записи в старой нотариальной книге, сделанной дедом Леонардо, мальчик родился 15 апреля 1452 г. Мать Леонардо, Катерина, была «хорошей крови», т.е. красавицей, но из более низкого класса общества. Сер Пьеро не мог на ней жениться. Тем не менее, незаконнорожденный Леонардо был, как дитя любви, принят в семью, а Катерину выдали замуж за друга семьи гончара Антонио ди Пьеро Бути дель Вакка, который всю жизнь находился в хороших отношениях с семейством да Винчи (Хотко С.Х., 2012. Вып.4).

Дополняет эту информацию Роберт Уоллэйс (1997), который отмечает, что «...молодая жена нотариуса Пьеро да Винчи оказалась бесплодной. Видимо, по этой причине Леонардо в возрасте 4-х лет был принят в их семью». В любом случае, по мнению исследователей, достоверность существования черкесских «корней» матери Леонардо да Винчи сомнений не вызывает.

3.7.2. Кардинал Карло де Медичи: сын рабыни-черкешенки Магдалены

Рожденный во Флоренции, он [Карло] был незаконнорожденным сыном Козимо де Медичи и рабыни-черкешенки по имени Магдалена.

Энциклопедия «Википедия» (Цит. по: Хотко С.Х., 2012. С. 3).

Эпоха Возрождения породила еще одного, если не столь знаменитого, как Леонардо да Винчи, то известного отпрыска итальянско-черкесских родителей. Отец кардинала Карло де Медичи – Козимо – сын Джовани ди Бичи, основателя столь известной в средневековой Италии династии Медичи, правитель Флоренции. На протяжении всего XV столетия эта фамилия управляет Флорентийской республикой. От жены Контессины де Барди у Козимо было двое сыновей, а также, как отмечает русская версия Википедии, «*от его служанки Магдалены у него был внебрачный сын Карло (1430-1492), ставший настоятелем монастыря Сан-Стефано*». Английская версия Википедии уточняет, что Магдалена (Магдалена) была черкешенкой: «*Козимо имел также незаконного сына Карло от черкесской невольницы, который стал прелатом*». Дополняет эти сведения Вильям Филиппс в своей монографии, посвященной средневековой работоторговле: «В 1427 г. у Козимо Медичи из Флоренции родился *незаконный сын от черкесской невольницы*. Позднее ребенок был признан и закончил свою жизнь настоятелем Прато».

Карло де Медичи оставил заметный след в истории и культуре Флоренции. Подобно своему великому отцу, он являлся меценатом, покровителем художников, собирателем произведений искусства. Он стал аббатом, позже – папским сборщиком налогов и нунцием (папским послом) и, наконец – деканом (декан – старшее после епископа духовное лицо. – Авт.). В одной из галерей Флоренции хранится портрет кардинала Карло де Медичи кисти одного из гениев эпохи Возрождения – Андреа Мантенья.

Но Карло де Медичи не был единственным примером католического иерарха черкесского происхождения. Столетием раньше, 21 февраля 1349 г. в Авиньоне папа Климент VI возвел францисканского монаха Жана де Зихо в сан архиепископа Зихии. О том, что первый архиепископ Зихии являлся черкесским аристократом, сообщал средневековый автор Иоанн де Галонифонтибус: «Хорошо известно, как черкесский дворянин был продан в Генуе, где он прошел обучение, и когда он освободился от рабства, то стал францисканцем и, в конце концов, Святой престол посвятил его в архиепископы епархии этой страны. Здесь он жил и долго удерживал свой приход, обращая в христианство многих своих соотечественников» (Цит. по: Хотко С.Х., 2012. С. 4-5).

3.7.3. «Был ли предок Христофора Колумба одним из черкесских князей, принявших католицизм?»

Директор Лаборатории генетической идентификации Гренадского университета профессор Льюренте, проводивший исследования ДНК Христофора Колумба и его братьев, заявил, что семья великого мореплавателя «почти с уверенностью является кавказской».

«Кавказский след Колумба» (2010).

Николай Тернавский приводит извлеченную из Интернета статью «Кавказский след Колумба», опубликованную в испанской газете «*Adige Psale*» (2010, 1 ноября; свид. о публикации № 1903140908). Статья написана по материалам конференции, посвященной 500-летию со дня смерти Х. Колумба (г. Вальядолида, Испания). Поскольку в ней излагается интереснейшая версия о возможных черкесских «корнях» Христофора Колумба, привожу ее в кратком изложении.

Как пишет автор, «...о месте рождения Христофора Колумба (1451-1506), казалось бы, не может быть двух мнений – он уроженец Генуи и является итальянцем. Тем не менее, директор Лаборатории генетической идентификации Гренадского университета профессор Хосе Антонио Льоренте, проводивший исследования ДНК Христофора Колумба и его братьев, заявил, что семья великого мореплавателя «почти с уверенностью является кавказской».

Кавказский след – весьма интересный поворот в изучении родословной великого открывателя. Как известно, самые первые генуэзские колонии появились на южном побережье Тавриды-Крыма уже в XII в. (по другим данным – в 60-х гг. XIII в. – **Авт.**), а в XIV в. они объединились в княжество, центр которого располагался в Каффе (Феодосии)... К тому времени политические, торговые и культурные связи итальянцев с аборигенами Крыма и Кавказа упрочились и окрепли. Появилась даже некоторая прослойка «черкесов-франков», т.е. метисов. Знатные итальянцы брали в жены дочерей черкесских князей. Князья адыгских племен принимали католичество и женились на итальянках». (Действительно, есть документально подтвержденное свидетельство о женитьбе в 1419 г. владетеля города Матреги-Тамани князя Захарии – сына знатного генуэзца, консула Винченцо ди Гизольфи на княгине Бике-ханум (*Bicha-canon*, Быхъэ) – дочери адыгского князя Берзоха. – **Авт.**).

Профессор Хесус Варела задает вопрос: «Каким образом был связан Христофор Колумб с жителями Кавказа: был ли его предок романизированным кавказцем, одним из черкесских князей, принявшим католицизм и перебравшимся на Апеннины, или же он обязан своим родством по женской линии, – сказать сложно. Однако, *его полная фамилия – Колумбо Терра Рубра – склоняет к мысли, что предок Христофора скорее был латинизированным черкесским или абхазским князем...* Подводя итоги, профессор Варела резонно отметил, что не так уж важно, откуда родом Адмирал, – его заслуги не вызывают никаких сомнений».

3.8. Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон: «Да, моя прапрабабушка – черкешенка!»

...Потомок черкесских махаджиров спустя полтора века впервые ступает на землю предков. Это очень важно в деле развития и укрепления экономических, деловых, культурных связей с нашими соотечественниками, проживающими в разных странах...

Аслан Гвашев (2009).

Сотрудникам газеты «Шапсугия» удалось обнаружить интересные сведения о национальном происхождении Бориса Джонсона. В частности, в информации Анзора Нибо говорится:

«Борис Джонсон, уроженец Нью-Йорка, выпускник университетов Итон и Оксфорд, пошел в политику, имея большой опыт работы в журналистике в качестве корреспондента влиятельных изданий «Таймс» и «Дейли Телеграф»... Выбор жителей английской столицы был неоднозначным: 6 мая 2008 г. за Бориса Джонсона проголосовали 1 168 738 избирателей, что позволило ему опередить своего главного конкурента – прежнего градоначальника Кена Ливингстона, занимавшего этот пост 8 лет.

Победа далась Борису непростой ценой. Почувствовав реальную опасность, исходившую от активно набиравшего популярность оппонента, противники Джонсона держали в рукаве еще одну, главную, на их взгляд, «козырную» карту. Она была использована ими на самом финишном этапе избирательной кампании. Когда в ход пошли «черные» пиар-технологии, на свет всплыли неизвестные ранее сведения о фамильных корнях основного претендента на мэрокское кресло. Журналисты ряда крупных английских газет предали широкой огласке сенсационные материалы, свидетельствующие о якобы «неблагородном» происхождении Джонсона, подкрепив свои комментарии досужими размышлениями о том, как можно доверить столь ответственную должность человеку не только не относящемуся хотя бы к среднему классу, но, даже страшно подумать (!) – прямому потомку «турецких рабовладельцев»? В частности, газета «Guardian», внимательно изучившая родословное древо Джонсона, сообщила, что его прапрадед, зажиточный турецкий дворянин, еще в XIX в. женился на рабыне, которую купил на базаре в Стамбуле. Припомнили «кандидату-выскочке» и его близкое родство с последним министром внутренних дел Османской империи Али Камалом – тот приходится ему прапрадедом.

Невозмутимо выдержав классическую паузу в лучших британских традициях, Джонсон также через прессу открыто ответил всем своим недоброжелателям. «Да, моя прапрабабушка – черкешенка!», – гордо заявил он журналистам. Затем Джонсон поведал во многом привычную историю, в которой отражаются судьбы сотен тысяч адыгов, искавших спасения на чужбине. В конце Кавказской войны его будущая прапрабабушка, как и тысячи ее соотечественников, была вынуждена покинуть историческую родину. Оказавшись в Османской империи, юная девушка с привлекательной внешностью сразу попала в рабство. Ее ждала незавидная участь, если бы не удачное стечение обстоятельств. «Мой прапрадед отдал за свободу горянки солидные деньги, – рассказал Джонсон. – Он не был работорговцем, у него не было своих слуг – просто непокорная черкешенка, как гласит семейное предание, пленила его своей красотой. Позже прапрадед женился на спасенной им девушке с Кавказа, обучил ее грамоте, помог добиться уважения в обществе – та в благодарность родила ему нескольких детей». В начале XX столетия родители Бориса в поисках постоянного заработка эмигрировали из Турции в Америку, затем в Англию, где взяли себе новую, довольно распространенную здесь фамилию – Джонсон...

В апреле 2009 г. жители аула Большой Кичмай направили Борису Джонсону, в жилах которого течет адыгская кровь, искренние поздравления в связи с избранием на высокую должность и пригласили его посетить историческую родину... Письмо по электронной почте благополучно ушло в Англию. Инициатор акции – директор местной средней школы Аслан Гвашев – сначала получил уведомление из мэрии Лондона, что письмо принято к рассмотрению, а ровно через 20 рабочих дней, как и было обещано, ответ. Содержание стандартное и очень любезное – мэр рад приглашению, но плотный рабочий график, к сожалению, не позволяет ему в настоящее время совершить зарубежную поездку (Circassian Site | Адыгэ Сайт | eLot.ru – Мэр Лондона Борис Джонсон...).

Борис Джонсон заняв высокие посты – министр иностранных дел и Премьер-министр Великобритании – проводит антироссийскую внешнюю политику, что привело к резкому падению его популярности в адыгском мире.

3.9. «Народной медицине адыгов оспопрививание было известно задолго до того, как оно стало достоянием научной медицины»

3.9.1. Гельвеций: «Сколько детей оспопрививание вырвало из когтей смерти!»

Как много мы обязаны той черкешенке, которая, желая сохранить свою красоту или красоту своих дочерей, первая решилась привить себе оспу! Сколько детей оспопрививание вырвало из когтей смерти!

К.А. Гельвеций (1758).

Европейцев поражало то, что лица черкешенок были чистыми и гладкими, в то время как в Европе многие были обезображены оспой: адыги первыми, еще до Луи Пастера, научились прививать оспу.

А. Тюркель (2009).

В пантеоне адыгских языческих божеств видное место занимал Стау (он же: Йэстау, Йыстэ, Йыстау, Естау) – покровитель болезни (оспы). Так, в шапсугской песне лечения оспы говорится: «*Йэстаузуи Стауыпшыа, нэхьыпшыа зымыда... Гьэпсыкла! Псылагъуэ!* – Естау-Стау владыка, выше себя владыки не признающий... Исцеление ускорь! Пошли облегчение!». В древности и в эпоху средневековья эта тяжелейшая и очень опасная инфекция принесла человечеству огромные бедствия. Оспа была поистине «бичом Божьим», – ею болели практически во всех странах и на всех континентах; миллионы милосердных девиц (и юношеских) лиц были обезображены этой страшной болезнью. Пути распространения оспы определялись с Востока на Запад. Исторические памятники свидетельствуют о том, что заболевание оспой охватило территории Китая, Манчжурии, Индостана, стран Ближнего Востока, Закавказья и Южной Европы. В XII-XVII вв. оспа акклиматизировалась среди многих народов Северного Кавказа, Востока и Западной Европы.

Начало активной борьбы против опустошительной болезни следует отнести к периоду ее появления в указанных регионах. Многие народы выработали разнообразные методы предохранения от оспы. Значительных успехов при этом достигли народы Востока. Так, в Древнем Китае они заключались во введении тампонов с порошком оспенных струппев в нос детям. Пучок игл, смоченных в оспенной жидкости, вводился в тело здоровым людям.

«*Красоте их (черкесских женщин) очень много вредила оспа, для предохранения от которой не предпринималось никаких мер...*», – пишет известный дореволюционный историк Н.Ф. Дубровин (1871. С. 57-58). С этим безапелляционным утверждением никак нельзя согласиться, о чем свидетельствуют приведенные ниже факты. А факты свидетельствуют о том, что впервые в европейских странах и на Кавказе методы предохранения от оспы были придуманы именно адыгами (черкесами), о чем писали Грейнс, Мотрэ, Кук, Гербер и другие дореволюционные авторы. В частности, Н.Н. Грейнс отмечал, что «...народной медицине адыгов оспопрививание было известно задолго до того, как оно стало достоянием научной медицины...». Весьма образно и эмоционально излагает этот факт К.А. Гельвеций (1758): «Как много мы обязаны той черкешенке, которая, желая сохранить свою красоту или красоту своих дочерей, первая решилась привить себе оспу! Сколько детей оспопрививание вырвало из когтей смерти! Может быть, нет ни одной основательницы монашеского ордена, которая оказала бы миру столь же великое благодеяние и тем самым заслужила бы его вечную благодарность».

Многих европейских авторов XVII в. поражала красота черкесских девушек. Так, английский путешественник Я.Я. Стрейс (1668) писал: «У женщин, чему весьма удивляешься, белоснежная кожа и красные, как бы накрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться...». Очевидно, европейцев поражало то, что лица черкешенок были чистыми и гладкими, в то время как в Европе многие были обезображены оспой: *адыги первыми, еще до Луи Пастера, научились прививать оспу* (Тюркель А., 2009). Дополняет эту информацию сообщение французского врача Феррана (1709), лечившего крымского хана: «Главное место здесь – округ Кабарда. Отсюда крымский хан приобретает великое количество невольников. Здешние жители необыкновенной красоты. Ни на ком здесь не заметно лица, обезображенного оспой, по причине особой осторожности при воспитании детей» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 76).

3.9.2. «Старухи-черкешенки для сохранения красоты производили девочкам прививки оспенного гноя посредством укалывания...»

Среди нескольких тысяч, с которыми я встретился проездом по Черкесии, я не видел никого, обезображенного оспой; возможно, что это результат хорошего климата.

Абри де ла Мотрэ (1724).

Черкесскими женщинами применялся один из наиболее эффективных методов профилактики оспы. Так, французский дипломат и путешественник Абри де ла Мотрэ и английский врач-хирург Джон Кук, побывавшие в Черкесии в XVIII в., описали приемы оспопрививания у адыгов, которые «...заражали детей следующим образом и, как говорят, без всякой опасности: больному ребенку на высоте болезни привязывали под мышку небольшой кусочек хлопка, зашитый в кусочке хлопчатобумажной материи, на противоположной стороне которого, прикасающейся к выделительным железам, привязан был кусок свинца. Этот препарат остается прикрепленным к подмышкам больного ребенка до тех пор, пока не отпадет и не высохнет, приблизительно 3-4 дня. Затем его относят в закрытой посуде прямо к тому ребенку, который намечен для заражения, и прикрепляют таким же образом к его подмышке, где он остается в течение 3-4 дней и обычно заражает ребенка» (Нагоев Б.С., 2006. С.816).

В другом месте своего труда Абри де ла Мотрэ оставил несколько иное, более подробное, описание процедуры оспопрививания у адыгов в одном из селений Черкесии: «Я находил черкесов все более красивыми, по мере того как мы продвигались между гор. Так как я не встречал никого, отмеченных оспой, я пришел к мысли спросить их, нет ли каких-либо секретов, чтобы гарантировать себя от опустошений, которые этот враг красоты производил среди стольких народов. Они мне ответили утвердительно и сообщили, что это средство заключается в том, чтобы привить ее или передать тем, кого надо этим предохранить, взяв гной зараженного и смешав с кровью путем уколов, которые им делали. Я решил поэтому посмотреть операцию, если это возможно, и с этой целью я осведомлялся во всех селениях, через которые мы проходили, имелись ли там лица, над которыми это проделали.

Скоро я нашел случай ознакомиться с оспопрививанием у черкесов в одном селении Деглиад, где я узнал, что когда мы проходили, там производили прививку маленькой девочке четырех или пяти лет. Сначала, как мне сообщили, ей дали немного слабительного. Я попросил, чтобы мне его показали, так как мой ногаец не смог бы объяснить, и мне показали сухие листья воловьего языка, которые они варили, как мне сообщили, с кореньями и медом. Девочку отнесли к маленькому мальчику трех лет, который был болен этой болезнью и у которого оспинки и прыщики начинали гноиться. Старая женщина произвела операцию, так как наиболее пожилые представители этого пола имеют репутацию самых разумных и знающих, и они практикуют медицину подобно тому, как самые старые другого пола практикуют священство. Эта женщина взяла три иголки, связанные вместе, которыми она, во-первых, сделала укол под ложечку маленькой девочке, во-вторых, в левую грудь против сердца, в-третьих, в пупок, в-четвертых, в правую ладонь, в-пятых, в лодыжку левой ноги, пока не пошла кровь, с которой она смешала гной, извлеченный из оспинок больного. Затем она приложила к уколотым и кровоточащим местам сухие листья коровника, привязав сверху две кожи новорожденных ягнят, после чего мать завернула ее в одно из кожаных покрывал, из которых состоит, как уже говорил выше, постель черкесов, и таким образом завернутую она унесла ее к себе. Мне сказали, что ее должны были держать в тепле, кормить лишь кашей, сделанной из тминной муки с двумя третями воды и одной третью овечьего молока, ей не давали пить ничего, кроме прохладительного отвара, сделанного из воловьего языка, немного лакрицы и коровника, трех вещей, весьма обычных в стране. Меня уверили, что с такими предосторожностями и при хорошем уходе оспа не преминет благополучно уйти небольшими количествами на 7-й день или позднее, чаще всего 5-й или 6-й и даже раньше; по этому вопросу я ссылаюсь на слова старухи, не имея любопытства ожидать результатов. Они сказали мне относительно другой меры предосторожности, которую они принимают против опасных последствий оспы, а именно: рассматривать всех маленьких детей, хотя и мало предрасположенных к этой болезни, еще до заражения ею, как неизбежно долженствующих заболеть, раз необходимо, чтобы кто-нибудь имел ее в действительности для передачи другим.

Как бы то ни было, среди нескольких тысяч, с которыми я встретился проездом по Черкесии, я не видел никого, обезображенного оспой; возможно, что это результат хорошего климата. Другой, более естественный способ передачи оспы, как мне передавали, заключался в том, чтобы класть в постель вместе с больным этой болезнью того, кому хотят ее привить, предварительно дав ему слабительного; это делается до того, как оспинки созреют. Родители так озабочены красотой своих детей, что они их часто относят на расстояние одного дня и более от своего жилья в селения, где узнают, что кто-нибудь там заболел оспой», — завершает свой рассказ Абри де ла Мотрэ («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

Доктор Миллер (1887) также указывает, что «...старухи-черкешенки» для сохранения красоты при религиозных церемониях производили девочкам прививки оспенного гноя посредством укалывания в трех местах тела: вблизи пупка, на правой ладони и на левой подошве между пальцевыми складками (Наго-

ев Б.С., 2006). В XVIII в. этот способ оспопрививания у черкесов проник в Константинополь, где с ним впервые познакомились итальянские врачи Тимони и Пилорини, которые сообщили о нем Лондонскому королевскому медицинскому обществу.

Одной из первых, воспользовавшихся черкесским методом оспопрививания, была в 1717 г. жена английского посланника в Константинополе Мария Монтег. После прививки у нее и ее 6-летнего сына оспа прошла в легкой форме. Метод стал быстро распространяться по всей Европе. Усилиями ряда врачей он был улучшен и получил распространение. Так, в 1721 г. прививка от оспы была сделана детям английского короля Георга I. Этот же способ стал известен шведскому королю Карлу XII во время его пребывания в Бендерах в 1774 г., который отправил сведения о нем в Стокгольм.

И лишь позже, в 1796 г. английский аптекарь и хирург Эдуард Дженнер, разработал новые подходы и ввел свой метод вариоляции (лат. – «прививка; специальное заражение человека легкой формой оспы с целью предупреждения более серьезного заболевания». – Авт.), который закрепился в медицинской практике. 14 мая 1796 г. он привил коровью оспу 8-летнему Джеймсу Фипсу. Перед проведением своей прививки Дженнер, который уже знал о черкесском методе предохранения от оспы, обобщил все существовавшие данные о возможности предупреждения натуральной оспы.

В Российской империи узнали об оспопрививании только в конце XVIII в., когда Екатерина Великая в 1780 г. сделала себе прививку оспы черкесским методом, усовершенствованным врачами Гати Сутона. В обязательном порядке оспопрививание стали проводить среди черкесов после окончания Кавказской войны (Нагоев Б.С., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.816).

Широкое применение описанных европейскими путешественниками методов оспопрививания в Черкесии у детей дало положительные результаты. Сформировался устойчивый коллективный иммунитет, создалась невосприимчивость к оспе у целого поколения. Это привело к тому, что не было необходимости прививать жителей Черкесии, так как они не болели оспой. За ненадобностью методы вариоляции стали забываться, утратили опыт, не закрепили его в письменной форме, а посему в XIX в. нет указания об оспопрививании. Многочисленные свидетельства о разнообразных и эффективных методах черкесского оспопрививания в XVIII в. сменяются в XIX в. информацией о «незнании» черкесами этих методов. Нельзя не согласиться с мнением некоторых авторов, что предание забвению этого метода объясняется сложившейся медицинской ситуацией.

К сожалению, о том, что мир обязан победе над оспой именно черкесам, ничего не говорится и в специальной, и популярной литературе. Во всяком случае, в современной медицинской энциклопедии можно прочесть лишь то, что «...открытие метода прививок против оспы – вакцинации – принадлежит английскому врачу Э. Дженнеру в 1796 г.». Как видно, о несомненном приоритете предков адыгов в этой области – ни слова...

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ У АДЫГОВ

Открывая этот раздел, хотелось бы привести мудрую мысль адыгского просветителя А.Г. Дымова: *«Наука, просвещение – источник богатства, это то, к чему надо неустанно стремиться. С их помощью человек осознает себя, окружающий мир, овладевает всем тем духовным богатством, что накопило человечество за долгую свою историю («Адыгэ макъ», 1918). Интересно, что задолго до него о непреходящей ценности образования весьма образно высказался Плутарх (46-127 гг. н.э.): «Знатное происхождение есть благо, но это – благо предков. Богатство почетно, но это – дело счастья. Слава желательна, но непостоянна. Красота прекрасна, но преходяща. Здоровье ценно, но легко разруσιμο. Сила завидна, но и она разрушается старостью и болезнями. Образование – единственное, что божественно и бессмертно в нас; две вещи – лучшие в человеческой природе: разум и речь...».*

1 «ЯЗЫК – ДУША НАРОДА»

«Путеводителем для души» (*Бзэгур гум итэлэмац*) называет язык древняя адыгская мудрость. Согласно современной лингвистической классификации, к кавказским автохтонным языкам относятся только две группы: западные – адыго-абхазские и восточные – нахско-дагестанские; при этом южные, или картвельские (грузинские) языки не входят в кавказскую семью (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

1.1. Место языка адыгов в кавказской семье языков

Абхазо-адыгская группа происходит из единого языка-основы, хотя этого языка-предка, давшего им начало, давно уже нет в живых: он исчез, как зерно, из которого выросло ветвистое дерево.

Ш.Д. Инал-Ипа (1991).

Все адыги (черкесы) называют свой язык (диалект, говор) адыгабз (адыг.) адыгэбзэ (каб.) – буквально «адыгский язык», «язык адыгов» (от общего самоназвания адыгэ – «адыг»).

Б.М. Керефов (2006).

Несмотря на современную территориально-административную разобщенность, – отмечают Б.М. Керефов и Т.Б. Керефов (2005. Вып. I), – кабардинцы и адыго-черкесы (бжедуги, абадзехи, бесленевцы, шапсуги, натухаевцы, хатукаевцы, темиргоевцы и др.) составляют единый этнос. Символами их этнической идентификации и самоидентификации, помимо общего самоназвания (*адыгэ*), является язык (*адыгэбзэ*), общность духовной культуры и психического склада, проявляющиеся в таких категориях, как *адыгагъэ* (адыгство – концентрированное выражение моральных правил поведения, основанных на идеализированных свойствах национального характера; высшая ценность – ориентир для самосовершенствования), *адыгэ цэи* (адыгский характер) и др., представляющие собой составные части *адыгэ хабзэ* (свод правовых норм, законов, обычаев и этики) – визитной карточки адыгской (черкесской) культуры и индикатора адыгского (черкесского) этноса.

Согласно современной лингвистической классификации, к кавказским автохтонным языкам относятся только две группы: западные – адыго-абхазские и восточные – нахско-дагестанские; при этом южные, или картвельские (грузинские) языки не входят в кавказскую семью, и довольно многочисленные словарные совпадения объясняются субстратным воздействием северокавказских языков, а некоторое структурное сходство – результат конвергентного развития в условиях многотысячелетнего сосуществования.

По мнению Б.М. Керефова и Т.Б. Керефова (2005. Вып. I), «...в антропологическом отношении кабардинцы относятся к промежуточному между кавказским и понтийским типами балкано-кавказской расы большой европеоидной расы». По мнению же авторов «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006), восточные адыги (кабардинцы) по своему внешнему облику и физическим особенностям относятся к кавказскому типу, что отличает их от западных (адыгейцев) – представителей понтийского типа. В этом отношении кабардинцы оказываются значительно ближе к осетинам, балкарцам и карачаевцам, чеченцам и ингушам, относящимся также к кавказскому типу европеоидной расы.

Принадлежность кабардинцев и черкесов к кавказскому типу, по мнению антрополога В.П. Алексеева, свидетельствует об их связи и преемственности с древним населением Центрального Предкавказья. Он считает, что эта преемственность «восходит, по меньшей мере, к эпохе поздней бронзы – началу раннего железа». С выводом антропологов в какой-то степени перекликаются и данные адыгских языков. Различия между западными (адыгейскими) и восточными (кабардинскими) диалектами возникли не только лишь с XIV-XV вв., а отражают гораздо более длительный период времени. Все это свидетельствует о том, что еще недостаточно изучен вопрос о древнеадыгском населении I тысячелетия до н. э., которое приняло участие в оформлении особенностей западного локального варианта кобанской культуры. На протяжении веков оно ассимилировалось различными племенами ирано- и тюркоязычного происхождения и явилось

одним из компонентов при формировании осетинского (особенно дигорцев) и балкаро-карачаевского народов. Но не исключено, что какая-то его часть устояла от ассимиляционных процессов и затем влилась в состав группы адыгов, появившихся в предгорьях Центрального Предкавказья значительно позднее. Скорее всего так можно объяснить отмеченные особенности физического типа восточных адыгов, их языка, а также сравнительно быстрое становление и развитие кабардинского субэтноса. Заметим, что процесс формирования осетин протекал на территории, которую до появления скифов занимали племена кобанской культуры предположительно абхазо-адыгского этноязыкового круга, часть которых была ассимилирована скифо-сармато-аланами. Они оставили значительный след в языке и культуре осетин, особенно дигорцев. По мнению В.И. Абаева, этноним «дигор» восходит к племенному названию «адыгэ» (Керефов Б.М., 2006).

Итак, к северокавказским автохтонным языкам относятся две языковые семьи: восточно-кавказская (с подгруппами лезгинской, цезской, андийской, нахской, даргинской, лакской, аварской и др.) и западно-кавказская (с подгруппами абхазо-абазинской, адыгской; отдельную подгруппу образует ныне почти мертвый убыхский язык). Распад общего северокавказского (или пра-северокавказского) праязыка датируется периодом около середины IV тыс. до н. э. (Бетров Р.Ж., 2005. Вып. II). При этом абхазо-адыгская группа языков подразделяется на три подгруппы: адыгскую (адыгейский и кабардино-черкесский языки); абхазскую (абхазский и абазинский) и убыхскую (убыхский язык). Существуют разные диалекты и говоры: Большой Кабарды, моздокский, бесленевский, кубано-зеленчукский, малокабардинский. В свою очередь, к адыгским (черкесским) языкам относятся адыгейский (нижнеадыгский, западночеркесский, кяхский) и кабардинский (кабардино-черкесский, верхнеадыгский, восточночеркесский) языки.

Нижне-адыгский, или кяхский язык имеет большое количество диалектов, из них основные: бжедугский (бжедуго-темиргоевский), темиргоевский, или чемгуйский (на нем говорили также племена адемий, жанэ, махаш, мамхег и др.), шапсугский (говоры: черноморско-шапсугский, хакучинский и кубано-шапсугский) и абадзехский диалект (подвергается ассимиляции со стороны темиргоевского). Этот диалект, за исключением жителей единственного аула Шовгеновский (Хакуринохабль) в Республике Адыгея, представлен в странах адыгской диаспоры, в основном в Турции. Носители абадзехского и шапсугского диалектов в прошлом (в исторической Черкесии) составляли самые крупные субэтносы среди адыгов. Бжедугский и темиргоевский диалекты распространены в Адыгее.

Верхне-адыгский, или кабардинский (кабардино-черкесский). В составе диалектов восточных адыгов (кабардинцев) – баксанский, бесленевский, кубанский, моздокский, а также малокабардинский, малкинский и кубано-зеленчукский говоры. Носители кубанского диалекта проживают в Адыгее, часть носителей бесленевского диалекта – в Турции (Кумахов М.А., 2006).

Все западнокавказские языки генетически родственны, т. е. исторически они восходят к одному языку-основе (праязыку). Эту мысль облек в образную и удачную форму Ш. Инал-Ипа: «*Абхазо-адыгская группа происходит из единого языка-основы, хотя этого языка-предка, давшего им начало, давно уже нет в живых: он исчез, как зерно, из которого выросло ветвистое дерево*». Ему вторит абхазский историк Г. Дзидзария: «Адыги и абхазы имеют общий корень происхождения». Адыгейский и кабардинский языки близкородственны, – близость между ними примерно такая же, как между русским и украинским. Тесное генетическое родство обнаруживается между абхазским и абазинским языками, между двумя подгруппами – адыгейско-кабардинской и абхазско-абазинской – по степени родства находится убыхский язык (Кумахов М.А., 2006). Черкесы и кабардинцы говорят на одном языке, но адыгейцам уже менее понятен язык кабардино-черкесов. Но, несмотря на территориальную разобщенность, адыгейцы, кабардинцы и черкесы четко осознают свое этническое единство. Все они называют себя *адыге (адыгэ)* (Бетров Р.Ж., 1991).

1.2. «Странный язык черкесов сложнее, чем 147 языков разных народов...»

Давайте уважать слово и язык наш.

Р. Намитокова

*В том языке набат веков,
Глубинный разум родников
и облаков паренье,
В нем – правда, словно кровь, горит...*

А. Гадагатль

До сих пор нет точных сведений о численности говорящих на адыгских языках. Насильственное выселение подавляющего большинства адыгов царским самодержавием в Турцию и другие страны в период Кавказской войны и после нее не только разрушило историческое языковое пространство адыгов, но и практически лишило их возможности установить число собственного населения. Адыги разбросаны по многим странам, их языки и диалекты также представлены в этих странах. По некоторым авторитетным источникам, в Турции проживает не менее 3 млн. адыгов, хотя их национальная идентификация в официальном порядке остается невозможной в этой стране. Более правдоподобными представляются сведения о количестве «адыгоговорящих» в нашей стране. В настоящее время только на Кавказе на абхазо-адыгских языках говорят 717

тыс. чел. На Кавказе на адыгейском языке говорят адыгейцы Республики Адыгея и ряда районов Краснодарского края; на кабардино-черкесском языке – кабардинцы КБР, черкесы (адыги) КЧР, кабардинцы, населяющие г. Моздок, часть прилегающих к нему хуторов и ст. Луковскую, жители в ряде аулов Краснодарского края и РА. Согласно переписи 2002 г., в РФ численность лиц, говорящих на адыгейском языке, – 129 тыс.; на кабардино-черкесском языке – 588 тыс. (Кумахов М.А., 2006).

Краткий словарь языка приморских абазин (садаша), приведенный в трудах Э. Челеби (1666 г.), дает основание считать, что часть абазин говорила на убыхском языке. Он же сообщает, что бжедуги были двуязычны – говорили и по-абазински, и по-адыгейски. Любопытно мнение Э. Челеби о языке черкесов: *«Странный язык черкесов сложнее, чем 147 языков разных народов в 18-ти известных по путешествиям государствах»*.

Много внимания языку адыгов уделял и академик Паллас, побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Они (черкесы) вообще не употребляют никаких письмен; язык их, должно быть, чрезвычайно труден иностранцу для изучения и разговора и всего больше походит на финский. У них есть, однако же, свои поэты и барды *кикоакао* (*джегуако*. – Авт.), которые в высоком уважении у всех партий, даже у разбойников; инструмент, под звуки которого они поют свои песни, – гитара с двумя или тремя струнами; им стоит только показать ее, чтобы иметь беспрепятственный проход повсюду; песни без рифм, и обыкновенный предмет их старинные сказания и исторические воспоминания» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

О своеобразии этого языка писал автор книги «Исторический обзор Терека...» (1851): «Язык адыгов совершенно отличен от языка прочих кавказских народов и заключает в себе много букв губных и гортанных. Лучшим наречием говорят кабардинцы и бесленеевцы, живущие по берегам Лабы». В свою очередь, Ф. Щербина (1913) так писал о трудностях изучения языка адыгов: «Черкесский язык очень беден количеством слов и невероятно труден по выговору. Это язык гортанный, шипящий, как бы приспособленный к передаче слов шепотом, к подражанию молчаливой величественной природе Кавказа».

Среди северокавказских абазин был распространен и кабардинский язык. В 1748 г. кабардинские князья заявили, что «...абазины разговор имеют такой же, как и мы». Немного раньше, в 1743 г., они утверждали, что шапсуги «имеют особый язык». Это свидетельствует о том, что в то время шапсугский диалект имел большое разнообразие. В свою очередь, кабардинский язык был впервые зафиксирован в словнике, составленном в 1688 г. Дрешером. Судя по некоторым фонетическим особенностям кабардинского языка того времени, он близок хакучинскому и особенно шапсугскому диалекту нашего времени. Поистине, *«наш язык – это также наша история»*, как писал в 1728 г. Я. Гримм.

Проблема многоязычия характерна и для Карачаево-Черкесии. Здесь представлены 4 коренных языка: карачаево-балкарский, ногайский (тюркский язык), абазинский и кабардино-черкесский (иберийско-кавказские или кавказские языки). В 1638 г. А. Олеарий писал, что адыги в Терках (низовья Терека) «почти все умеют говорить по-русски», а по словам Э. Челеби (1666 г.), в Малой Кабарде пользовались и грузинским языком. А. Мотрэ в 1711 г. сообщал, что в адыгскую речь проникли некоторые русские, татарские и персидские слова. По словам И. Гербера (1728 г.), адыги «...начали татарский и турецкий язык употреблять».

И еще интересный факт. Существует множество свидетельств, на основании которых строится убежденность адыгов в том, что они говорят на языке, наследуемом ими от нартов («Нартхэр. Адыгэ эпос». Т. III. С. 169; Т. VII. С. 193-195). По представлениям темиргоевцев, нарты говорили на языке их племени: *«Нартхэр зэрэгуща!эу бзэу к!эмыгуабз...»*. И это не случайно. В народе считается, что именно нарты выступают в роли предков адыгов. Этот мотив по-разному реализуется в текстах:

а) адыги в целом произошли от нартов (*«Зэра!орэмджи ахэр арэу ары тэ тыкызытек!ыгъэхэр»* – «Как рассказывают, от них мы произошли») (Т. VII. С. 195;

б) то или иное адыгское племя произошло от нартов (*«...Натыкуаджэхэр нартмэ я!лакьо чылапхэу кык!эныкыгъэхэр адыгэмэ кы!уатэ»* – «...Адыги рассказывают, что натыкуаджевы являются потомками нартов»);

в) тот или иной адыгский род произошел от какого-то нарта, – например, Балкишочковы – от нарта Балкши, Кардановы – от нарта Сосруко и т. д. («Нартхэр. Адыгэ эпос». Т. VII. С. 105; Ципинов А.А., 2004).

1.3. Гипотеза о родстве абхазо-адыгских языков с древним (вымершим) хаттским языком

Выявлены лингвистические параллели между протосеверокавказскими языками и одним из древнейших языков Малой Азии – хаттским.

Н.И. Бондарь (1990).

Когда я читаю о хеттах, я слышу звуки родного мне адыгейского языка...

Д.Я. Нанкуев (2002).

В последнее время все большее признание получает гипотеза о родстве абхазо-адыгских языков с древним (вымершим) хаттским языком, на котором говорили 4-5 тыс. лет назад в Малой Азии. Тексты на

этом языке, записанные клинописью на глиняных табличках, обнаружены, в частности, при археологических раскопках в столице древней Хеттской империи (г. Хаттуса) близ современной Анкары.

В результате длительного изучения хаттских текстов крупными советскими и зарубежными специалистами (И.М. Дунаевской, И.М. Дьяконовым, В.В. Ивановым, В.Г. Ардзинба, Э. Форрером, Э. Ларошем, А. Камменхубер, Х.З. Шустером и др.) установлено значение многих слов, выявлены некоторые особенности грамматического строя хаттского языка, что подтверждает предположение о генетическом родстве хаттского и абхазо-адыгских языков («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 86-89).

В антропологическом отношении адыги, как было отмечено выше, принадлежат к южной ветви европеоидной расы (понтский и кавкасионский типы). Их язык относится к западнокавказской (адыго-абхазской) ветви кавказской языковой семьи. Все народы указанной языковой ветви имеют общее происхождение. Согласно так называемой малоазийской концепции раннего этногенеза адыго-абхазов, наиболее распространенной в специальной литературе, в формировании народов этой группы, на его начальной стадии, наряду с кавказскими племенами, приняли участие пришельцы из Малой Азии (Анатолии). Последние связываются с кашками (касками) и абешла (апешлайцами), *говорившими на хаттском (или близком к хаттскому) языке – праязыке адыго-абхазов*. Продвижение этих древнейших (доиндоевропейских) жителей Малой Азии относят обычно ко II или к самому концу III–II тысячелетий до н. э. Тезис о том, что этнические понятия хетт и адыгэ идентичны, в частности, обосновывает А.Ж. Кафоев в своей работе «Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника» (1999).

Родство хаттского языка с абхазо-адыгскими доказывает в своих работах В.В. Иванов. Он считает, что «...фонетические соответствия не оставляют сомнения в том, что по своей лексике (как и по грамматике) хаттский язык является языком древнекавказской семьи, *сохраняющим многие черты, общие с западно-кавказскими*» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1996. С. 83). По мнению Б.М. Кереева и Т.Б. Кереева (2005. Вып. I), язык кабардинцев принадлежит к адыгской ветви западно-кавказской (абхазо-адыгской) языковой семьи, *генетически родственной вымершему во II тыс. до н. э. хаттскому Малой Азии*.

Более осторожен в своих выводах Н.А. Тернавский (2006): «Абхазо-адыгские народы являются если не прямыми потомками хаттского этнического сообщества, то их «наследниками» в культуре и языке. Через индоевропейцев – хеттов, пришедших в Анатолию в конце II тысячелетия до н. э. из Балканского полуострова, в культуры народов Северного Кавказа проникли некоторые элементы индоевропейской культурной традиции. Некоторые меотские племена являлись носителями индоевропейского языка и культуры...».

Взаимовлияние хеттской (индоевропейской) и северокавказской культур было довольно сильным, о чем свидетельствуют языковые параллели. Так, Д.Я. Нанкуев (а. Хатукай) обращает внимание на следующее соответствие некоторых хеттских слов адыгейскому и русскому языкам:

<i>хеттский</i>	<i>адыгейский</i>	<i>русский</i>
nana	нана	мама (мать)
tat	тат	папа (отец)
usini	усинай	ты моя мама (мать)
usiti	уситай	ты мой папа (отец)
lu	лЫ	мужчина
kuin	куин	колесница (ку) + большая (ин)
kuis	куис	колесница (ку) + ис (сидит ездовой)
kuit	куит	колесница (ку) + ит (стоит стрелок)
es	ес	плавай
et	ет	отдай
ed	ед (ядэ)	выбирай
ezz	ежэ	жди
uga	уго	дым

Родство хаттского языка с абхазо-адыгскими доказывает в своих работах В.В. Иванов. Он считает, что «...фонетические соответствия не оставляют сомнения в том, что по своей лексике (как и по грамматике) хаттский язык является языком древнекавказской семьи, сохраняющим многие черты, общие с западно-кавказскими» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1996. С. 83).

Определенный интерес представляют результаты исследования Р.Ж. Бетрова (1991) о взаимовлиянии хеттского (хаттского) языка и неситского наречия, элементы которых восприняли протоадыгские племена. Язык аборигенов Анатолии, – пишет историк, – назван в хеттских источниках второй половины II тысячелетия до н. э. хаттским. Этот термин происходит от названия центральной части страны хаттов – Хатти (это название лишь позднее заимствовали хетты-индоевропейцы для обозначения возникшей впоследствии страны). Центром политической и культурно-экономической жизни хаттов был г. Хаттуса. Этот термин «Хатти» может обозначать название города на месте нынешнего городища Богазкей – Хатти (по-хаттски), или Хаттуса (по-хеттски), а также автохтонного народа, у которого указанный город был центром до начала II тысячелетия до н. э. – «хаттов» или «протохеттов».

С конца III или, по крайней мере, с начала II тысячелетия до н. э. в Малой Азии широко распространяется население, говорившее на языках индоевропейской языковой семьи. До сих пор неизвестно, как этот народ

сам себя называл. Сами они, по-видимому, называли себя по именам разных племенных групп – неситами, лувийцами и палайцами. И далее историк развивает эту мысль: «В Центральной Анатолии и хатты перешли на хеттский (индоевропейский) язык. Однако по наблюдениям известного советского исследователя И.М. Дьяконова, хеттоязычное население страны не считало хаттов каким-то чужим народом; история их родов и царей воспринималась ими как часть их собственной истории. В последнее время историки склонны считать, что хатты сыграли значительную роль в создании хеттской культуры, государства. Г.А. Меликишвили даже считает, что Хеттское царство возникало в условиях полной гегемонии не неситов, а именно протохеттов.

В достаточной степени исчерпывающе освещает проблему взаимоотношений предков абхазо-адыгских народов и древних хаттов Р.Ж. Бетрозов (1991). Историк отмечает, что когда хетты около 2000 г. до н. э. проникли в Малую Азию, они застали там старое население, носившее название своей столицы Хатти. Это население, его кровь, язык и культура в целом позже оказали на пришельцев огромное влияние. Название Хатти заимствовало позднее пришедшее население для обозначения своей страны. «Люди г. Хатти», – так себя называло население Хеттского царства XVIII–XIII вв. до н. э., в особенности граждане столицы – г. Хатти-Хаттусас. Однако (и это следует запомнить) основным языком Хеттской державы стал не хаттский, а иной – индоевропейский язык, который местные жители называли неситским по имени другого культурного центра страны – г. Неси. Задолго до середины II тысячелетия до н. э. хаттский язык уже вышел из употребления и был забыт.

«Кавказский этнический мир в антропологическом и языковом отношении обращен к югу – к Передней Азии, – продолжает Р.Ж. Бетрозов (1991). – Напомним, что понтийская группа, представленная в составе абхазо-адыгских народов и древних хаттов, сформировалась в рамках средиземноморской ветви европеоидной расы. Понтийский тип (возможно, пришедший из Малой Азии) лег в основу формирования антропологического состава абхазо-адыгов. Известную роль в этом процессе сыграл и более массивный (местный) вариант кавкасионской группы древнейшего (палеолитического) населения Северного Кавказа».

Происхождение хеттов до сих пор остается предметом дискуссий. Большую трудность представляет вопрос о времени и путях проникновения в Малую Азию индоевропейских племен (язык их относят к хетто-лувийской или древнеанатолийской ветви индоевропейской языковой семьи). Существуют гипотезы об их переселении в Анатолию через Балканы, через Кавказ, то есть специалисты разделяются на сторонников восточного пути появления индоевропейских племен в Малой Азии и сторонников западного пути. Чешский ученый Б. Грозный считал, например, что хетты пришли через Кавказ, а не через Балканы.

Так или иначе, бесспорно то, что к началу II тысячелетия до н. э. индоевропейское население занимало территорию к югу от Центральной Малой Азии, откуда они постепенно распространялись на север, где обитали хатты и каски. И далее Р.Ж. Бетрозов (1991) отмечает, что гораздо более перспективной предстает другая гипотеза (малоазийская), которая связывает пришельцев, с хаттскими племенами (кашками или касками) Малой Азии. Она получила в последнее время развитие у таких исследователей, как М.М. Трапш, Л.Н. Соловьев, З.В. Анчабадзе, В.Г. Ардзинба, Г.А. Меликишвили, Г.Г. Гиоргадзе, Ш.Д. Инал-Ипа и др. По их мнению, древний, общий абхазо-адыгский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа в результате смешения местного населения с какими-то племенами из Малой Азии, предположительно касками – носителями языка победителя. При этом считается возможным, что местные аборигены находились с пришельцами в этническом родстве.

«Хаттско-абхазо-адыгейские племена занимали, главным образом, западную часть Кавказа, – пишет О.М. Джапаридзе. – Абхазо-адыгским племенам должна была принадлежать культура раннеземледельческих племен, выявленная, в основном, на Западном Кавказе». В III тыс. до н. э. в стране Хатти наблюдается экономический и культурный расцвет, достигший своего апогея в XXV–XXIII вв. до н. э. С начала II тыс. до н. э. в Анатолию проникает многочисленная группа племен, говоривших на индоевропейских языках. Их самоназвание неизвестно, но точно установлено, что они переняли имя автохтонов и стали также именоваться хаттами. В историографии хаттов принято это новое население обозначать хеттами, что объясняется единственно стремлением избежать путаницы при освещении проблемы. К середине II тыс.; до н. э. хаттский язык вышел из употребления и превратился в культовый. Общеупотребительным стал индоевропейский язык, носивший название неситского, по имени города Неси.

Дополняет приведенную выше информацию о гипотетическом родстве адыгов и хеттов исследование С.Н. Бейтуганова (2007). Ученый обращает внимание на точку зрения некоторых исследователей, которые утверждают: «Хеттский народ сложился в результате непрочного объединения нескольких племенных групп, частично различного происхождения. Древнейшим этническим субстратом были хатты, или протохетты, говорившие на языке абхазо-адыгской группы и, по всем данным, тесно связанные с Кавказом».

И если это положение говорит лишь об общем в языке абхазо-адыгов и протохеттов, тесно связанных с Кавказом, то абхазский ученый Ш.Р. Инал-Ипа считает, что «лингвистические данные, фольклор и история указывают на происхождение адыго-абхазов из Малой Азии во II тыс. до н. э.».

Общность абхазо-адыгских языков и хаттского (протохеттского) языка в лингвистике признается пока что лишь вероятной. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) указано: «Мысль о родстве хаттского языка с абхазско-адыгскими языками поддерживается сходством их глагольных структур, но неясность фонологического облика формантов хаттского языка, приблизительность сведений об их значе-

нии и к тому же 3 тыс. лет интервала между сравниваемыми языками делают это сопоставление несколько неуверенным, однако исследования В.В. Иванова, по-видимому, устанавливают материальное родство хаттского языка с западно-кавказскими».

«Не в этой ли связи следует рассматривать арабское слово *нэмыс*, которое далекие предки адыгских князей, как родную речь, принесли вместе с собой в адыгский мир, где оно стало символом нравственно-правового кодекса арабского мира?», – спрашивает С.Н. Бейтуганов (2007).

Несомненный интерес представляет изложенное в «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 81) мнение о трансформации хаттского языка хеттским: «В начале II тысячелетия до н. э. здешние цари еще носили хаттские имена, но постепенно к середине XVII в. до н. э. хаттский язык был вытеснен и ассимилирован индоевропейским – неситским (хеттским). И хотя в это время основное население Древнехеттского царства состояло из тех же хаттов, они уже успели забыть свой язык и восприняли новый неситский (хеттский). Ученые объясняют это тем, что здесь индоевропейский язык получил широкое распространение, тогда как хаттский же оставался в какой-то степени раздробленным и изолированным».

Тем не менее, памятники хаттского языка дошли до нас благодаря тому, что на нем были записаны тексты религиозного характера. В клинописных текстах царского архива Хеттского царства они обозначаются пометкой «хаттили» (по-хаттски). Некоторые хаттские тексты даются в переводе и на хеттском (неситском) индоевропейском языке. Оказывается, что хеттские жрецы, совершая ритуалы и богослужения, читали тексты на более древнем хаттском языке и давали им перевод на своем».

Некоторые исследователи полагают, что общие элементы в языке и культуре хаттов и адыго-абхазов, наличие которых признается наукой, могут объясняться не проникновением малоазийских племен и их интеграцией с кавказцами, а существовавшим в древности этническим родством обитателей Западного Кавказа и Малой Азии. Вместе с тем не отвергается и возможность миграционных движений отдельных групп хаттского населения на север, но предлагается относить их к концу неолита (Бондарь Н.И., 1990; Ципинов А.А., 2004).

1.4. «Черкесский язык ...не схож ни с одним языком в мире, за исключением венгерского...»

Черкесский язык очень древний, он употребляется во всей Черкесии и Кабарде от Азовского до Каспийского моря. Он не схож ни с одним языком в мире, за исключением венгерского, с которым он имеет некоторое сходство.

Шарль де Пейсонель (1765).

Вследствие отсутствия письменности, невозможно даже строить предположения и невозможно узнать ничего положительного относительно древней истории черкесского народа.

Джордж Эллис (1798).

Эмиддио д'Асколи, бывший в 1623-1633 гг. префектом в Кафе, в своих записках отметил, что труднее черкесского языка «нет другого в мире»: «У них не существуют ни буквы, ни письмена, почему турок и дает им оскорбительное прозвище «чиркас-китабсиз», то есть черкес без букв и без книг. Право, не знаю, отчего священники из других стран не могли удержаться среди них; потому ли, что подвергались ежечасным кражам, или же по причине их убогого (?) и как бы шипящего языка, труднее которого нет другого в мире» (Цит. по: «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 46-47).

Об этом же сообщает и *Николас Витсен* (1641-1717) в своих записках о черкесах: «Говорят особым языком. Ни писаных законов, ни письменности у них нет» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71).

Автор начала XVIII столетия полковник *И.Г. Гербер*, побывавший на Кавказе в 1728 г., так писал о языке черкесов: «Собственный их язык... ни с каким другим языком не сходен; черкесы не имеют ни литер, ни писем, и служба божия отправляется на греческом языке, которого никто совершенно не понимает. Напротив того, сообщение с крымскими татарами принудило их стараться о знании турецкого и татарского языков, отчего и открыт путь магометанской вере» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 156).

Примечательно и заставляет о многом задуматься свидетельство русского историка В.О. Ключевского (1866), который, ссылаясь на Герберштейна, пишет: «Черкасы сказывали Герберштейну, что эти горцы христиане, в религиозных обрядах сходны с греками и отправляют богослужение на *славянском языке, который есть вместе и разговорный их язык* (?! – Авт.)». Определенный интерес представляют и рассуждения *Шарля де Пейсонеля* (1765) о сходстве черкесского языка с венгерским, а также с «варварским языком Туркестана»: «Черкесский язык очень древний, он употребляется во всей Черкесии и Кабарде от Азовского до Каспийского моря. Он не схож ни с одним языком в мире, за исключением венгерского, с которым он имеет некоторое сходство. Возможно, что на этом языке говорили древние языги, которые населяли северное побережье Меотиды, и языги-метанасты, которые вторглись в Паннонию и покорили ее. Возможно также, что он не был введен в Венгрии до появления там турков, пришедших после них и смешавшихся с хазарами и многими другими племенами Черке-

сии. В результате основной скелет (осмелюсь употребить этот термин) венгерского языка в настоящее время не имеет ни малейшего соответствия ни с одним из известных языков, за исключением черкесского. Считают, правда, что корнями языка татар могут быть осколки варварского языка Туркестана, сходного с черкесским, или остатки искомого языка турков венгерских, которые ведут свое происхождение из Великой Татарии и должны были бы говорить на татарском языке до того времени, как приняли хазарский язык на побережье Танаиса (Дона). Это еще не все факты, которые я мог бы привести» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 141-143).

Дополняет информацию о своеобразии языка адыгов *Джордж Эллис* (1753-1815), чья книга о Черкесии была опубликована в 1798 г.: «Черкесы не имеют своего письма для отражения своего языка. Те из них, кто умеет писать, прибегают к использованию арабских букв. Говорят, правда, что на древних гробницах, которые находятся в горах, есть надписи, которые в настоящее время непонятны. Их князья утверждают, что имеют старинные книги, содержащие древнюю историю их страны. Возможно, эти книги являются именно теми священными манускриптами, которые были оставлены христианами священниками мусульманам, которыми они были брошены вследствие успехов их религии. Поэтому (вследствие отсутствия письменности. – Авт.) невозможно даже строить предположения и невозможно узнать ничего положительного относительно древней истории черкесского народа» (Цит. по: «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 146-151).

1.5. *ШэкIуабзе*: «тайный язык» черкесских феодалов

1.5.1. «Кабардинцы имеют секретный язык, на котором между собой говорят только князья и дворяне»

Они (кабардинцы) имеют секретный язык, на котором между собой говорят только князья и дворяне, а простой народ не осмеливается говорить на этом языке, даже если и понимает его.

Якоб Рейнеггс (1744-1793).

Кроме обычного разговорного языка, народы Северного Кавказа употребляли местные жаргоны и условные («тайные») языки. Как писали современники, адыгские феодалы, например, во время военных набегов разговаривали «...на особом жаргоне, непонятном для других, а во время охоты – на «охотничьем языке» (*шэкIуабзе*), в целях обмана дичи и злых духов».

О наличии такого «тайного» языка писали многие авторы, в частности, *Якоб Рейнеггс*, побывавший в Черкесии в 1781-1783 гг. («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 179-200): «Вследствие того, что черкесский язык невозможно передать никаким алфавитом и не может быть ясно и правильно передан посредством какого-либо другого языка, кабардинцы пользуются татарским языком, и пользуются им при письме. Но они имеют секретный язык, на котором между собой говорят только князья и дворяне, а простой народ не осмеливается говорить на этом языке, даже если и понимает его. Со всей возможной тщательностью я (Якоб Рейнеггс) записал несколько слов из этого языка, которые легко произносятся, но дать их верное и близкое произношение буквами нашего алфавита невозможно: *а, ое, к, гх* и другие звуки подвергаются бесчисленным изменениям как сами по себе, так и в различных сочетаниях. Отличие силлабического тона, который иногда произносится четко, иногда тяжело, мягко, глухо, хрипло, приятно, сильно, коротко или протяжно, составляет единственно силу слова, которое для непривычного уха всегда звучит одинаково.

Несколько слов из секретного, или тайного, языка, который у кабардинцев называется *зиковшир* (у западных адыгов – *шэкIуабзе*).

Глаз	пафле	Женщина	уппе	Верблюд	пчакоэнтше
Ухо	бэтао	Деньги-	пашэ	Овца	фогаббе
Лошадь	кэпе	Плащ	шувгэ	Вода	шегс
Корова	пчакокаф	Воровать	тевретаю	Ребенок	элевсэ
Коза	ткемеше	Голова	бругт	Хлеб	нэкумэ
Огонь	негуне	Ружье	вуп	Кожа	шүфэ

Об этом же писал и академик *П.С. Паллас*, побывавший в Черкесии в 1793-1794 гг.: «Вероятно, что черкесский язык не имеет родства ни с каким другим и что он первоначально был никому не понятным языком, поскольку, как говорят, их князья и уздени говорят особым говором, который держится в секрете от простого народа и используется, главным образом, во время грабительских экспедиций» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Я. Потоцкий (1761-1815 гг.), живший в 1797 г. на Кавказе, подчеркивал, что охотничий язык является особым обрядовым языком представителей самого высшего сословия – князей. «В первые дни сентября, – пишет он, – каждый черкесский князь оставляет свой дом, уходит в горы или в глушь леса и строит там шалаш из ветвей деревьев. Его сопровождают верные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет к нему приблизиться, даже его брат. Здесь все маскируются, то есть закрывают лицо и не говорят по-черкесски, но на каком-то жаргоне, который называется *шакобза*. Там собираются тайные друзья князя, которые вместе с ним воруют и грабят другие народы – мисджегов, оссетов и т. д. Они ходят с закрытыми лицами по той причине, что могут встретить людей, с которыми состоят в кровной вражде и которые могут их убить. Всех их

знает только князь, и он находится в центре всех тайн. Этот маскарад длится 6 недель, в течение которых небольшие отряды в масках расходятся для совершения грабежей в окрестностях, и поскольку вся округа готова к самозащите, случается большое число убитых и раненых, в том числе и князей, поскольку они скрывают свое имя, без чего их щадили бы. Я знаю уже много слов из жаргона *шакобза* и надеюсь завершить мой словарь в Георгиевске, где мне указали человека, имеющего ключ к нему. В диалоге Лукиана «Скифы, или О дружбе» имеются вещи, которые явно соответствуют этому черкесскому обычаю, и я весьма сожалею, что у меня нет с собой Лукиана» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 284-298).

Ф. Дюбуа де Монпере, побывавший в Черкесии в 1833 г., также отмечал наличие особого «охотничьего» языка у черкесских князей и дворян. Он писал, что последние «...пользуются в разговорах между собой для конспирации совершенно особым языком, который они называют «*шакобза*» и который не имеет никакого сходства с черкесским. Простому народу говорить на этом языке не разрешается». На основании этого автор делает вывод, что черкесские князья и знать являются пришельцами. Другие же авторы считают, что этим языком пользовались адыгские охотники, независимо от их социальной принадлежности.

Дополняет эту информацию Хан-Гирей («Записки о Черкесии». 1978. С. 99): «Гордясь своим происхождением и всячески оберегая чистоту своей крови, адыгские князья... стремились подчеркивать свою исключительность во всем. Даже их язык, называемый «*шакобзе*», не имел «никакого сходства с черкесским. Простому народу говорить на этом языке не разрешается».

О том, что в походах адыгские всадники зачастую пользовались и тайным языком жестов, который был понятен только им, – пишет Н.И. Сообцокова (2010. С. 224): «Одним взмахом ресниц, легким движением бровей и другими едва заметными жестами адыгские мужчины могли выразить все, что было необходимо по ситуации, не употребив ни единого слова».

1.5.2. Табуированные имена промысловых зверей в «тайном языке» охотников

Табу (полинез.) у первобытных народов – религиозный запрет, налагаемый на какой-то предмет, действие, слово и т. д., нарушение которого влечет за собой болезнь или смерть.

Словарь иностранных слов (1995).

Охотничье-трудовой функции песни соответствует ее язык, табуирующий названия промысловых животных. Адыгские охотники имели свой профессиональный тайный язык, состоящий из табуированных слов.

З.М. Налоев (2009).

Рассматривая особенности охотничьих песен предков адыгов, З.М. Налоев (2009) отмечает, что «охотничье-трудовой функции песни соответствует ее язык, табуирующий названия промысловых животных». Адыгские охотники имели свой профессиональный тайный язык, состоящий из табуированных слов. Когда они отправлялись на промысел, все звери становились для них *ц/эимыгуэ* («по имени не называемыми»). Волк вместо *мэзыхъэ* («лесная собака») назывался табуированным его именем – *дыгъужъ* («матерый вор»); кабан вместо *хъуэ п/ацэ* («свинья крупная») именовался *п/ац/эрывэ* («усами папущий») или просто *п/ацэ* («крупный», «большой») и т. д. В песне «Даушджерджий» все промысловые животные, за исключением лисы (*б/ажэ*), называются также табуированными их именами: свинья дикая именуется *пэцабэ* («мягкорылая»), олень – *бжъабэ* («многогогий»), олень-самка – *бланэ* («сильная», «могучая»). Табуирование имен распространяется даже на пленницу Даушджерджия: она – *напэху* («белолицая»), на самого охотника: он – *пизрыхъ* («удачливый», буквально «жирных добывающий, несущий»).

Табуированные имена промысловых зверей в тайном языке охотников первоначально выполняли в песне не столько художественную, сколько магическую функцию – табу (Налоев З.М., 2009).

1.6. «У черкесов велико стремление к русскому языку и русскому образованию»

Адыги и теперь сильно ощущают необходимость знания русского языка, а, будучи грамотными, они найдут средства к удовлетворению этой потребности.

Кази Атажукин (1867).

Обучение русскому языку поможет черкесам приобщиться к лучшим сторонам русской и общепризнанной культуры, без которой невозможно разумное и самостоятельное существование никакого народа.

Шахан-Гирей Хакурате (1924).

Помимо самих адыгов, в настоящее время адыгским языком владеют армяне (черкесо-гаи г. Армавира и а. Бжедугхабль), греки (*урым*), татары (*тэтэрхэр*) и таты (*кьуриц джухтэр*), живущие постоянно в Адыгее,

Черкесии и Кабарде. Ближайшими «родственниками» адыгов являются абхазы (*абхъаз*), с которыми они составляют одну из абхазо-адыгских групп аборигенных кавказских языков. С древнейших времен они живут бок о бок с адыгским племенем шапсугов-хакутинцев.

Близкое общение с русским народом вызвало у адыгов потребность в изучении русского языка. Еще в 1867 г. адыгский просветитель Кази Атажукин писал: «Адыги и теперь сильно ощущают необходимость знания русского языка, а, будучи грамотными, они найдут средства к удовлетворению этой потребности». В самом начале XX в. В. Васильев также обращал внимание, что «...у черкесов велико стремление к русскому языку и русскому образованию». Он особо отметил, что «почти нет такого взрослого темиргоевца, который не говорил бы, хотя и плохо, по-русски». Весьма образно подчеркнул эту мысль просветитель адыгского народа С. Сиухов (1912): «В практической жизни черкесы в сильной степени нуждаются в знании русского языка и грамоты, нуждаются до боли, до крика». Однако, когда русский язык власти попытались насаждать насильно, «из-под палки», – народ сразу почувствовал это. Как отмечает И. Куценко, в начале XX в. среди народов потребовалось введение «русского официального письмоводства». Но вводилось-то оно не «нейтрально», для облегчения дружеского межнационального общения, а было ненавистной для горцев стороной насильственного, полицейского насаждения господства и потому вызывало резко отрицательное отношение.

После Октябрьской революции русский язык все больше распространялся среди горского населения, постепенно становясь языком межнационального общения. «На Кавказе, – заметил В.И. Ленин в 1913 г., – представители нерусских народностей сами стараются научить детей по-русски». По переписи 1979 г. 77% адыгейцев заявили, что свободно владеют русским языком. В настоящее время русский язык знает практически все население Адыгеи. Вместе с тем отраднo, что в последние годы увеличилось стремление к знанию родного языка. Проведенные в 1989 г. социологические исследования, посвященные вопросам межнациональных отношений в молодежной среде, показали, что 49 % опрошенных адыгов желают основательно знать свой язык или хотя бы научиться читать и писать. Один из опрошенных написал в анкете: «Уже хорошо то, что многие начали осмысливать утрату родного языка, как потерю. Это свидетельствует о том, что не все еще потеряно». Поистине, как говорит народная мудрость, «Бзэр цыф лъэкъым ыпс». – «Язык – душа народа».

1.7. Роль адыгских языков в общественно-политической и культурной жизни РА, КБР и КЧР

Кто потерял родной язык, тот потерял все и самого себя.

М.Г. Аутлев, академик (1999).

В РА, КБР и КЧР, где проживает подавляющее большинство оставшихся на этнической родине адыгов, и в каждой из которых один из адыгских языков имеет статус государственного языка, объем функций и сферы применения адыгских языков многообразны.

М.А. Кумахов (2006).

Письменность на адыгских языках создана только на исторической родине. Адыгская диаспора, намного превосходящая по численности адыгов, оставшихся на Кавказе, не имеет своей письменности на адыгских языках.

Адыгейский алфавит основан на темиргоевском (чемгуйском) диалекте; кабардинский алфавит – на диалекте Большой Кабарды. На формирование адыгских литературных языков значительное влияние оказал язык устно-поэтического творчества, в том числе язык народного эпоса «Нарты» с его устоявшимися нормами, выработанными на протяжении многих столетий. В то же время чрезвычайно устойчива позиция местных диалектов и говоров. Между диалектами и разговорной речью нет четких границ, что является спецификой многих младописьменных языков.

В РА, КБР и КЧР, где проживает подавляющее большинство оставшихся на этнической родине адыгов, и в каждой из которых один из адыгских языков имеет статус государственного языка, объем функций и сферы применения адыгских языков многообразны. Адыгские языки функционируют в сферах общественно-политической и культурной жизни. На них издается художественная, публицистическая и учебно-педагогическая литература. Жанры художественной литературы охватывают прозу, поэзию и драматургию. Существует также перевод на адыгские языки разных произведений русской и мировой литературы, научных и научно-популярных работ. На адыгских языках ведется обучение в национальных школах, преподаются курсы языка и литературы в вузах трех республик, издаются республиканские газеты журналы, ведутся передачи радио и телевидения, работают национальные театры. В странах же диаспоры объем функций адыгских языков ограничен сферой домашнего и отчасти бытового общения (Кумахов М.А., 2006).

2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ АДЫГСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

2.1. «Преступно было налагать оковы на вольный язык вольного народа»

У черкесов совершенно нет своей письменности; с тех пор, как они восприняли исламизм, они пользуются арабским алфавитом и пишут на татарском наречии, которое среди них распространено; но, арабский алфавит не подходит для написания слов на их языке.

И. Бларамберг (1840).

Адыги веками испытывали муки Тантала – создавали уникальные песни (*орэд*), былины (*пицынатль*) и легенды (*хъишьэ*) о славных богатырях, на традициях которых воспитывали новые поколения в духе храбрости и стремления к свободе, передавали их изустно от одного поколения к другому, боясь утратить это огромное духовное богатство навсегда, – и не имели возможности их записать («направить его в сосуд книги») т. к. у них не было своей письменности. Эти слова А.М. Гадагатля как нельзя лучше характеризуют трагедию бесписьменного народа. Действительно, несмотря на давние связи с культурными странами (Греция, Византия, Киевская Русь), адыги не могли создать своей письменности.

По мнению Е.Л. Маркова (1887), вина в том, что адыги столь долго не имели своего письменного языка, лежит целиком на священнослужителях: «В этом была великая ошибка всех просветителей горского Кавказа. Ни апостолы и их первые ученики, ни Юстиниан, ни царица Тамара, ни греки, ни грузины, – никто не позаботился о том, чтоб вместе с проповедью Евангелия создать письменный язык для обращенных народов и перевести на него необходимые священные и богослужебные книги, которые могли бы упрочить христианские понятия даже в отсутствие учителей. Горцы оставлены были без одной понятной им молитвы, без литургии, без Евангелия. Если нашлись в их истории люди, ревностно исполнявшие дело святого Владимира равноапостольного, то не нашлось никого, способного на просветительный подвиг Кирилла и Мефодия. Нечего и удивляться, что семена Христовой веры, посеянные при таких печальных условиях, не дали в горах Кавказа роскошного всхода» (Марков Е.Л., 1887. С.132).

Более достоверным нам представляется объяснение причин такого положения адыгским историком-просветителем Ш. Ногмовым: «Древние адыге не уступали другим народам в честности, добронравии и гостеприимстве; и нет сомнения, что только губительное нашествие варваров и причиненное ими разорение помешало возникавшему просвещению, принесенному из Греции, и ввергло народ во мрак невежества и варварства».

О том, какие трудности стояли перед создателями адыгской письменности, образно писал Ф. Щербина (1913), «Исторической судьбе угодно было наделить черкесов языком, который как дикий горный конь, не позволял надеть на себя узду условных знаков письменности. По народному обычаю это было святотатственно; преступно было налагать оковы на вольный язык вольного народа».

2.2. Сведения о «начатках» адыгской письменности в древности и средневековье

2.2.1. Расшифровка древнейших эпиграфических памятников ранне-бронзового века

2.2.1.1. «Загадочные нечитаемые знаки Северного Причерноморья»

Следов письменности у черкесов не осталось, но будет рискованно утверждать, что у них никогда ее не было.

С. Спюхов (1912).

Эпиграф, эпиграфический (греч. epigraphe) – надпись, высеченная в древности на какой-либо плите, скале, камне и т. д.

Словарь иностранных слов (1995).

Несомненный интерес представляют исследования известного отечественного археолога Нурбия Ловпаче по расшифровке древнейшего эпиграфического памятника – так называемой Майкопской плиты, обнаруженной в 1960 г. в Северо-Восточных садах г. Майкопа. Но это не единственный пример обнаружения самых ранних свидетельств письменности у предков адыгов.

Несколько лет назад много споров вызвали загадочные нечитаемые знаки Северного Причерноморья и их предполагаемая связь с аланами и адыгскими тамгами. Некоторые ученые пришли к выводу, что это родовые знаки, но не знаки письма. Вместе с тем, в 1975 г. у ст. Старокорсунской археолог Н. Анфимов нашел меотский кувшин I в. н.э., на котором запечатлен, по его мнению, древний эпос меото-зихо-адыгов «Нартхэр». На основании этого А.М. Гадагатль делает вывод, что уже в I в. н. э. меото-зихам-адыгам было известно рисуночное письмо и они умели пользоваться им. Другие авторы также приходят к выводу, что предки адыгов «пользовались письменами еще до нашей эры». Так, имя нарта Пцыбадыныкьо встречается в эпиграфических памятниках Северо-Восточного Причерноморья, о чем свидетельствует И.А. Джавахишвили. Профессор

Г.В. Рогава полагает, что это многосложное адыгское имя записано «по крайней мере, до нашей эры». В свою очередь, собственное имя Иащэмэз (греческое начертание: Атамазас) встречается, по свидетельству В. Латышева, в эпиграфических надписях Северного Причерноморья в I–III вв. н.э.

Оценивая эти уникальные находки, доктор исторических наук М.Г. Аутлев пишет: «Майкопская каменная плита с надписью показывает, что общим предкам абхазо-адыгской группы народов уже в эпоху бронзы не чужда была письменная культура. Эта ценнейшая находка в то же время свидетельствует о международных связях предков современных абхазо-адыгов с другими культурными центрами, в частности с древнейшей финикийской цивилизацией (Цит. по: Ловпаче Н.Г., 2009. С. 7).

2.2.1.2. Серебряные сосуды из майкопского кургана Ошад

По Турчанинову получается, что территория г. Майкопа со всем горным и предгорным пространством северных склонов Одыша (Кавказа) принадлежала абазинскому царю Лыму (Льву) из рода Ачба (Коневых) и была частью страны Ашуи.

Н.Г. Ловпаче (2009).

Майкопский курган Ошад, насыпанный, судя по всему, над гробницей местного царя, археологи обычно датируют началом ранне-бронзового века (конец III – IV тысячелетие до н. э.). В деревянной (срубной) гробнице под этим курганом обнаружено три отделения. В большем из них покоились останки царя-жреца с многочисленными предметами из бронзы, меди, золота и серебра, драгоценных камней и керамики. В двух других отделениях были захоронены две женщины – жена царя и рабыня. Но кто же это с такой пышностью был погребен под курганом Ошад? Отвечая на этот вопрос, ленинградский палеограф Г.Ф. Турчанинов, опубликовавший в 1997 г. в Иордании книгу «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа», предлагает прочтение изображения на двух серебряных сосудах, обнаруженных в главной камере, способом силлабо-пиктографического письма.

На одном кубке, где изображена вереница зверей и горы, Г.Ф. Турчанинов читает по-ашуйски (т. е. по древнеабазински) три надписи. Верхний регистр с рисунком медведя, двумя деревьями и горами, согласно дешифровке археолога, гласит: «Письмена, имеющая ашуйских людей страна». Средний регистр со звериным шествием сообщает: «Садзовский царь Лым Ачба рода мощного (могущественного) есть». Нижний регистр на дне сосуда, где изображены в круговом движении левиза, тур, козел, кабан, читается: «Это сын Хуа Гяч сделал (создал)».

Наконец, две полосы, заштрихованные в елочку и соединяющиеся на дне в кружке, Г.Ф. Турчанинов читает как «две реки» (Кубань и Риони), впадающие в Черное море по разные стороны Кавказского хребта. Первая по-абазински должна была звучать как «Пшъадз» («Птичья река»), – в адыгейском языке она зафиксирована в гидрониме «Пшиз» («Древняя», или «Старшая, Главная река»). Вторая, правая надпись, по его мнению, в древности звучала как «Пасас (Фасис)», т. е. «Еловая» с убыхского языка. На втором серебряном сосуде Г.Ф. Турчанинов читает угрожающее предупреждение грабителям, т. е. своего рода охранную доску: «Царской души вместилище есть. Душевора род проклят».

По Турчанинову получается, что территория г. Майкопа со всем горным и предгорным пространством северных склонов Одыша (Кавказа) принадлежала абазинскому царю Лыму (Льву) из рода Ачба (Коневых) и была частью страны Ашуи (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 49).

2.2.2. «Из древней тьмы звучат лишь письмена»: эпиграфические памятники античности

*Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письмена.*

И.А. Бунин (1870-1953).

Дж. Н. Коков, ссылаясь на И.Л. Джавахишвили, приводит адыгские имена, встреченные в эпиграфических памятниках Причерноморья античного времени. Р.Ж. Бетров (1991) также считает, что приводимые в работе грузинского ученого примеры действительно содержат адыгский патронимический элемент *къо* (къуэ, -ко) – «сын»: Батоко, Багорско, Болотоко, Бшаноко, Дохшуко, Кдншоко, Кургоко, Мифоко, Шогеноко, Атажуко, Безруко, Дадаруко, Интиноко и др.

В боспорских надписях зафиксированы и такие адыгские имена, как Баго, Блепс, Дзадэу, Ханакес и др. При этом указанные имена в надписях на территории Горгии встречаются в паре с греческими именами (напомним, что греки интенсивно начали осваивать Северное и Восточное Причерноморье примерно с VII в. до н. э.): «Бласт, сын Атгала; Синд, сын Деметрия; Блепс, сын Гераклида; Блепс, сын Горгия; Мее, сын Каллигена; Атамаз, сын Папа; Хахас, сын Горгоса; Катокас, сын Дада... и др. (Бетров Р.Ж., 1991).

2.2.3. Голоса из средневековья

2.2.3.1. Расшифровка эпитафии, нанесенной на ковше XIII в.

В этой эпитафии – и сведения о погребенном, и причитания, и проклятие, и намек на причину смерти.

Н.Г. Ловпаче (2009).

В Белореченском кургане раскопано средневековое погребение юноши в деревянном гробу, датированное XIII в. При погребенном, одетом в кафтан из парчи, был роскошный инвентарь из золота и серебра... Самым крупным предметом оказался серебряный позолоченный ковшик, диаметром около 10 см. Под венчиком ковшика по всей окружности вычеканена фризная надпись, которую Н.И. Веселовский, исследователь кургана, назвал эпиграфическим орнаментом. Но, учитывая применявшееся в тот период у адыгов силлабо-пиктографическое письмо, использовавшее хеттские иероглифы, знаки финикийского, арамейского и сирийско-несторианского письма, можно прочесть эпитафию. С одной стороны читается слева направо: «Мой Алим, князь Асланиани, уа, Суана, сила, уа, сунна». С другой стороны читается справа налево: «Уа слепец мой, враг мой, (богом) Бнасыб (проклятый), слепец Агуа». В этой эпитафии – и сведения о погребенном, и причитания, и проклятие, и намек на причину смерти.

Малолетний сванский княжич Алим Асланиани, видимо, воспитывался у абазинского аталыка Агуа (Агоев) и по какому-то промаху воспитателя погиб. За это аталык был ослеплен в лесу или на охоте. То, что представители абазинского рода Агуа могли здесь, в районе Майкопа обитать, говорит скала из песчаника в урочище Хамышей (с. Хамышки), на которой имеется тамга Агоевых.

Обращает на себя внимание и то, что эта надпись на ковшике сообщает и о религиозной принадлежности покойного: сванский княжич имел отношение к суннитскому исламу. Это вполне естественно для XIV в., которым датируется погребение; как раз в этом столетии Золотая Орда приняла ислам, а, поскольку, татаро-монголы были законодателями на Северном Кавказе, местная знать, следуя моде, тоже формально почитала Аллаха. О модном увлечении этой религией свидетельствует и серебряная поясная пряжка с арабской надписью в круге (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 196-197).

2.2.3.2. Галонифонтибус (1401): «Черкесы имеют свой собственный язык и свою письменность»

...Писание – ниспослали мы его тебе, чтобы ты вывел людей из мрака к свету.

Коран. Сура 14; 1.

О, если бы записаны были слова мои! ...резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были!

Библия. Книга Иова (19; 23-24).

Наряду с этим, встречаются различные памятники древней адыгской письменности, относящиеся к средневековью. Очень важно свидетельство Иоанна де Галонифонтибуса (по церковной иерархии Иоанн III, архиепископ Султаннии), который в 1401 г. писал: «Страна, называемая Зикией или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя, и у них есть только несколько мелких феодалов. *Черкесы имеют свой собственный язык и свою письменность*» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008). Правда, остается открытым вопрос, какого типа была в то время письменность у адыгов: на греческом языке, церковно-славянском, на арабской графической основе или еще какая...

В Черкесии обнаружен ряд надгробных памятников XI-XV вв. с эпитафиями на греческом языке. Иногда встречаются надписи на адыгском языке, но написанные греческими буквами. Здесь уместно привести мнение Р. Трахо по этому вопросу: «Что же касается письменности черкесов вообще, то многие ученые предполагают, что они писали на основе древнегреческой графики. Так, например, Этокский памятник 1130 г. имеет надпись «*Мэмэмыкѳуа*» – личное адыгейское имя с характерным адыгским суффиксом «*кѳуэ*», означающим «сын». Кроме того, адыги имели у себя богослужебные книги на греческом языке. Пользовались и еврейской письменностью. По свидетельству Интериано (1501): «...у черкесов нет грамоты, да они ее и не употребляют, ни своей, ни чужой. Когда им случится необходимость написать кому-нибудь, что бывает очень редко, они поручают это дело евреям, большей частью еврейскими буквами, но обыкновенно посылают друг к другу нарочных с устной вестью».

С. Броневский писал в 1823 г., что «...по принятии ислама черкесы обучаются арабской грамоте и пишут арабскими буквами, татарским наречием». Как сказано в Коране, «...писание – ниспослали мы его тебе, чтобы ты вывел людей из мрака к свету» (Сура 14,1). По свидетельству Дюбуа де Монпере (1839), «...для них (адыгов) гонец является как бы живым письмом. Когда этот способ недостаточен, они обращаются к каким-нибудь турецким муллам, с просьбой написать их послание, и муллы оказывают им эту услугу». Об этом же сообщал и автор книги «Исторический обзор Терек...» (1851): «Адыги не имеют письмен, а в

случае надобности переписываются между собою на языке турецком, в чем помогают им муллы, единственный класс грамотных людей между ними». Как писал Д. Чуяко:

Был беден быт его.
И тусклый свет
Под каменною кровлей тлел уныло,
И только бай мог написать ответ,
Когда письмо кому-то приходило.

2.3. Попытки создания адыгской письменности в дореволюционный период

Необходимо создать для кабардинцев свой собственный алфавит, поскольку их язык изобилует сложными гортанными звуками, которые едва ли возможно передать буквами из известных алфавитов...

Из «Отчета Эдинбургского миссионерского общества (1817).

Со дня введения магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского... заставляет желать, чтобы для кабардинских племен изобретена была особая азбука.

С.Д. Нечаев (1828).

К концу XVIII – началу XIX в., – пишет З.М. Налоев (2009), – кабардинцы и другие адыгские народности в своем социально-экономическом и политическом развитии отставали от передовых наций на многие столетия. *Тяжелым тормозом в национальном и социально-культурном прогрессе всего адыгского этноса являлось отсутствие письменности и городской культуры.* Чуть ли не единственными профессиональными творцами словесно-художественной культуры все еще оставались *джегуако* – народные певцы – скоморохи и песнотворцы. В своих сношениях с соседними государствами – Россией, Турцией, Крымом – адыги издавна пользовались иноязычной грамотой – арабской, турецкой и русской.

Некоторые, самые дальновидные политики и общественные деятели Кабарды (Жабаги Казанок, Джанхот Татарханов), еще в XVIII в. чувствовали эту отсталость и необходимость перемен; а один из старых *джегуако*, по свидетельству Ш. Ногмова, так выразил эту смутную идею: «...хорошо быть диким, но не всегда; гордись, если никогда не отчаиваешься; если просвещение содействует мужеству – хай, хай, не хорошо и не всегда приятно быть самовольным и свободным».

Царский генерал М.Я. Ольшевский (2003. С 492) обращает внимание на то, что даже большинство духовного сословия не знало арабской грамоты: «Своей письменности обитатели Западного Кавказа не имели; если же что писалось, то для этого употреблялась арабская или татарская грамота. Вся ученость исключительно сосредоточивалась между эфендиями, кадиями и муллами, или вообще в духовном сословии. Но и большинство духовного сословия не знало арабской грамоты до той степени, чтобы могло читать и понимать Коран надлежащим образом, а если знало, то изустно, толкуя вкривь и вкось его тексты, а чаще в свою пользу. По этой причине шариат – часть Корана, заключающая гражданские узаконения, весьма туго прививался и распространялся на Западном Кавказе, несмотря на все старание Мухаммед-Амина. Это отчасти происходило и от того, что жители Западного Кавказа не были фанатики и строгие последователи учения Магомета и веровали более в свой «адат», или закон, основанный на обычаях, и полагались более на мнение и посредническое решение своих стариков, нежели на закон, заключающийся в Коране. Может быть, они уклонялись от шариата и потому, что требования его были слишком строги и стесняли их свободу действий».

О том, что идея создания собственного, национального алфавита буквально витала в воздухе, свидетельствует ««Отчет Эдинбургского миссионерского общества за 1817 г., с приложением географического и исторического описания миссионерских пунктов в Азиатской России», в котором, в частности, написано: *«Необходимо создать для кабардинцев свой собственный алфавит, поскольку их язык изобилует сложными гортанными звуками, которые едва ли возможно передать буквами из известных алфавитов...»*. Составители отчета подметили, что «эфенди и князья пишут на смеси татарского, турецкого и арабского языков» (Пшемурзов В.Х., 2003. С. 80). Однако лишь в 20-30-х гг. XIX в. (когда адыги оказались один на один перед военно-политическим и культурным могуществом царской России, а также под влиянием русской культуры) передовые люди стали предпринимать практические шаги к осуществлению многовековой мечты адыгов – созданию собственной письменности.

Первое и ведущее направление – это национальное просвещение: стремление к созданию родной письменности и открытию школ с обучением на родном языке; оно являлось главной целью деятельности Н. Шеретлука, Ш. Ногмова, У. Берсея, К. Атажукина, У. Микерова, М. Фанзиева; занимало большое место в работах Хан-Гирея, П. Тамбиева, Б. Пачева, Т. Кашежева, Т. Шеретлукова. В той или иной форме идеи

национального просвещения присутствуют в творчестве и деятельности Крым-Гирея Инатова, И. Купова некоторых других образованных адыгов XIX и начала XX вв. Возражая тем соплеменникам, которые признавали просвещение только на арабском («язык Аллаха») или на русском («язык государства») языках («дойдешь до Прохладного или до Пятигорска, сложи вчетверо свой кабардинский язык и положи в карман», – говорили они), сторонники национального просвещения утверждали: *народ, чтобы он не погиб, должен иметь и язык, и слух!* (Налоев З.М., 2009).

2.3.1. Арабский шрифт или русская кириллица: что брать за основу адыгской письменности?

Символично, что первая письменная фиксация кабардинской речи осуществлена в 1771-1773 гг. с помощью русской кириллицы.

«История многовекового...» (2007).

И в конце XVIII в., и в XIX, и в начале XX столетия у ученых не было твердого мнения: какой же язык взять в основу создания национального адыгского алфавита – русскую кириллицу или арабский шрифт.

Арабская графическая основа. Поскольку арабская письменность пришла к кабардинцам и балкарцам раньше, вместе с исламом, она получила широкое распространение. В каждом селении были люди, знающие арабскую или турецкую грамоту, а подчас и обучающие на ней детей в духовных школах. Известно, что письмом на основе арабского алфавита пользовались черкесы, служившие в Кавказско-горском полуэскадроне в Петербурге. Это объясняет многочисленные случаи перехода одних и тех же образованных людей то на кириллицу, то с нее обратно на использование арабского шрифта: причина была не столько в более удачной системе знаков для обозначения фонем (в данном плане кириллица предпочтительнее), сколько в ориентации на как можно более широкий круг читателей.

Н. Шеретлук обращается к арабице. У. Берсей издает на той же основе первую книгу на адыгском языке, но впоследствии почти тут же, вместе с П.К. Усларом делают попытку составить кабардинскую азбуку, основываясь на кириллице. Так называемый усларовский алфавит затем широко использовался как в периодических изданиях, так и в первых книгах на кабардинском языке.

В 1870 г. А.-Г. Кешев, размышляя о более подходящей графической основе, отмечал недостатки мусульманского образования. И тем не менее, он отдавал предпочтение арабской графике, потому что она «пустила между горами слишком прочные корни». Он писал, что «если посредством письменности на горских языках желают достигнуть первоначального образования массы горцев, то нельзя ни минуты колебаться в выборе между двумя системами письменности, из которых одна имеет за собою все шансы проникнуть в народ без всякого затруднения», имея в виду «арабско-горскую письменность».

В начале XX в. собственные варианты кабардинской азбуки на арабской графической основе создают М. Фанзиев, Б. Пачев, Н. Цагов. Алфавит последнего сыграл выдающуюся роль в развитии национальной культуры, получив широкое использование в преподавании в мусульманских школах Нальчикского округа и национальной издательской деятельности. Усилиями А. Дымова литература на родном языке начинает издаваться отдельными книгами, сначала в типографиях Казани и Темир-Хан-Шуры, а затем и Баксанского просветительского центра (1917-1918). В 1917 г. на ее базе стала издаваться газета «Адыгский голос» («История многовекового...», 2007).

Русская кириллица. В истории адыгской письменности первая известная запись, дошедшая до нас, относится к 1771-1773 гг. Академик Петербургской академии наук И. Гюльденштедт приспособил русские буквы для обозначения звуков кабардинского языка и записал образцы живой речи на нем: отдельные слова, простые предложения, краткие связные тексты. Это вряд ли можно считать попыткой создания письменности, поскольку у российского ученого были свои задачи. Но *символично, что первая письменная фиксация кабардинской речи осуществлена с помощью русской кириллицы.*

В первой половине XIX в. были, по меньшей мере, две серьезные попытки введения письменности на родном языке. Ш. Ногмов (Ногма) при помощи ученых Петербургской академии наук П. Шармуа, академика Шегрена сначала составил алфавит на русской графической основе, затем на арабской, и написал «Граматику...» («История многовекового...», 2007).

В начале 1860-х гг. ученик и сподвижник Берсея – К. Атажукин составил кабардинский алфавит на основе кириллицы. Он придерживался мнения, что «...алфавит из русских букв облегчит народу изучение русской грамоты и этим ускорит сближение кабардинцев с русскими и их просвещение». С использованием этого алфавита в 1860-х гг. были выпущены первые книги на кабардинском языке, которые служили основой преподавания на педагогических курсах, организованных К. Атажукиным для подготовки местных учительских кадров.

В конце XIX в. другой вариант кабардинского алфавита на русской графической основе был создан П. Тамбиевым совместно с Л. Лопатинским. В начале XX в. изданная ими азбука использовалась в преподавании родного языка в сельских школах округа и Нальчикском реальном училище. Однако эти успехи носили ограниченный характер, поскольку создававшаяся письменность использовалась только в практике отдельных учителей и учебных заведений. Наряду с этим, распространению русской графики как основы ка-

бардинского алфавита способствовали представители российской академической науки, которые занимались изучением языков и культуры Кавказа, многочисленные публикации фольклорных и этнографических материалов на русском языке и на языке оригинала с переводом на русский, достаточно большое число представителей горской интеллигенции, получившей образование в российских учебных заведениях («История многовекового...», 2007).

В 1936 г. Адыгея перешла на более доступную русскую графику, чему во многом способствовали работы Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа. Внедрение этого алфавита способствовало развитию национальной письменности, а также давало возможность адыгам быстро овладевать языком и культурой русского народа.

2.3.2. «Первые проекты адыгского алфавита»

Первым попыткам создания адыгской письменности предшествовал сбор словарного материала Дрешером (1688), Штраленбергом, (начало XVIII в.) и Гюльденштедтом (1773 г). В архиве академика Палласа (конец XVIII в.) имеется 4 черкесских глоссария. В словаре второй половины XVIII в., составленном в России, помещен раздел с кабардино-черкесским языком. Сбор словарных материалов продолжался и в XIX в. (Клапрот, Дж. Белл и др.).

2.3.2.1. Натоуко Магомет Шеретлуков

Долго ломал я свою грешную голову над сочинением букваря для моего родного языка, лучшие звуки которого, звуки песен и преданий богатырских, льются и исчезают по глухим лесам и ущельям, не попадая в сосуд книги...

Хаджи Натоуко Магомет Шеретлуков (1821).

Возникновение национальной письменности адыгов относят к концу XVIII – началу XIX в. У истоков ее стоит Хаджи Натоуко Магомет Шеретлуков (он же – Хаджи Нотухук), живший в верховьях р. Бугундыр. Много лет он работал над созданием адыгской письменности. К 1821 г. им был разработан алфавит для адыгейского языка и составлен букварь. Однако под давлением феодальной знати и духовенства он был вынужден сжечь свои труды – плод многолетней работы. Вспоминая о своей работе, он говорил: «Долго ломал я свою грешную голову над сочинением букваря для моего родного языка, лучшие звуки которого, звуки песен и преданий богатырских, льются и исчезают по глухим лесам и ущельям, не попадая в сосуд книги. Не так ли гремучие ключи наших гор, не условленные фонтаном и водоемом, льются и исчезают в камыше и тине прикубанских болот...».

В 1836 г Хан-Гирей. так писал о первом просветителе адыгов: «Назад тому около 15 лет Магомет, эфендий шапсугского племени, было составил азбуку на черкесском языке, посредством которой черкесы, выученные им знанию букв, свободно могли между собой переписываться по-черкесски. Однако ж его предприятие ввести грамоту не могло быть увенчано желанным успехом только потому, что невежество черкесского духовенства воспрепятствовало тому». Высоко оценил роль просветителя адыгов и Султан Адиль-Гирей: «Величайший поэт Черкесии, превосходный ориенталист Натоуко Эфендий много лет трудился над созданием алфавита и составлением грамматики адыгейского языка, совершенно успел в том и другом, но по настоянию духовенства принужден был предать огню свой труд».

2.3.2.2. Хан-Гирей

Мною была составлена азбука для черкесского языка, и первоначальный успех, состоявший в том, что я мог новыми буквами писать черкесские предания, меня совершенно уверил в возможности этого столь важного приобретения.

Хан-Гирей (1808-1842).

Попытка разработать адыгскую азбуку была сделана Хан-Гиреем (полное имя: Крым-Гирей Махмет-Гиреев Хан-Гирей). С помощью созданной им азбуки он записывал кабардино-черкесские предания, сказания, песни: «Мною была составлена азбука для черкесского языка, и первоначальный успех, состоявший в том, что я мог новыми буквами писать черкесские предания, меня совершенно уверил в возможности этого столь важного приобретения». Будучи убежденным в том, что без введения письменности на родном языке «...народ черкесский никогда не достигнет благодетельной степени», Хан Гирей обратился к помощи ученых России в этом «спасительном» для черкесов деле.

По заданию Российской Академии наук, в 30-х гг. XIX в. были проведены работы в этом направлении. Шла борьба между русским и арабским влиянием. Был создан ряд проектов адыгского алфавита, причем предпочтение было отдано русской графике. Первый черкесский алфавит на русской основе был составлен Грациловским; по нему он обучал русскому языку и основам грамматики черкесского языка военнослужащих-черкесов Кавказского горского полуэскадрона.

2.3.2.3. Умар Хапхалович Берсей

«Букварь черкесского языка» на арабской основе Умара Берсея сыграл важную роль в просвещении части адыгов, став необходимейшим и единственным учебным пособием для черкесских воспитанников, обучавшихся в учебных заведениях Северного Кавказа.

«Сокровища культуры...» (2007).

Немалый вклад в развитие адыгской письменности внес Умар Берсей. С октября 1849 г. он работает старшим преподавателем черкесского языка в Ставропольской гимназии. Уже к приходу в гимназию Берсей подготовил национальный алфавит адыгов на основе арабской графики. Вскоре для консультации, обсуждения и рецензирования адыгского букваря Умар Берсей был направлен в Тифлис, где тогда служили многие известные русские кавказоведы. Не удовлетворившись их отзывами, Умар Берсей посылает свой букварь в Петербург в Академию наук. Работа получила одобрение комиссии, и 14 марта 1853 г. «Букварь черкесского языка» был издан в Тифлисе. По этому алфавиту он обучал черкесов родному языку. В начале 60-х гг. XIX им вместе с языковедом П. Усларом была написана «Грамматика адыгейского языка», а в 1862 г. разработана уже на русской графической основе азбука кабардинского языка.

«Букварь черкесского языка» на арабской основе Умара Берсея сыграл важную роль в просвещении части адыгов, став необходимейшим и единственным учебным пособием для черкесских воспитанников, обучавшихся в учебных заведениях Северного Кавказа. За 10 лет преподавания в Ставропольской гимназии Умар Берсей подготовил многих образованных молодых горцев. Но к 1860 г. черкесский язык был исключен из гимназического курса, и в дальнейшем не было никаких попыток распространению письменности среди адыгов на основе алфавита Берсея.

С 2000 г. 14 марта – день выхода в свет первого в истории адыгской культуры «Букваря черкесского языка» – отмечается в республике как День адыгейского языка и письменности («Сокровища культуры...», 2007. С. 131).

2.3.3. Шора Ногмов: «Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо»

Выбор Ногмова в пользу арабского письма объясняется не только лингвистической аргументацией, – он имел более широкий социокультурный смысл.

В.Х. Кажаров (2006).

Большой вклад в разработку письменности кабардино-черкесского языка внес Шора Бекмурзович Ногмов. В 1840 г. он написал большой научный труд «Начальные правила кабардинской грамматики» на русской графической основе. Этот факт глубоко символичен: с одной стороны, он демонстрировал разрыв с прежней культурной традицией, связанной с языком Корана, а с другой – был направлен на сближение с Россией и русской культурой.

Академик Шегрен, ознакомившись с рукописью Ногмова, посоветовал ему заменить русский алфавит арабским. Рекомендация известного ученого исходила из того, что арабские буквы лучше отражают фонетические особенности кабардинского языка. По всей видимости, Ш.Б. Ногмов не сразу согласился с его мнением и к окончательному решению он пришел после длительных размышлений. Как бы то ни было, в 1843 г. он создает новый вариант грамматики кабардинского языка, но уже на арабской графической основе.

Выбор Ногмова в пользу арабского письма, – по мнению В.Х. Кажарова (2006. Вып. IV), – объясняется не только лингвистической аргументацией, – он имел более широкий социокультурный смысл. Ш.Б. Ногмов не мог игнорировать то обстоятельство, что арабский язык в Кабарде был языком богослужения и делопроизводства. Создание национальной письменности на арабской графической основе как бы завершало долгую предысторию влияния исламской культуры на адыгскую традиционную культуру, становясь заключительным этапом их синтеза.

Но этим фактом не исчерпывается значение этого выбора: он подчеркивал духовную самодостаточность адыгов, свидетельствуя о суверенитете их культуры по отношению к русской культуре. Создание национальной письменности на арабской графической основе объективно должно было способствовать сохранению их этнокультурной самобытности, служить средством защиты от «культурной агрессии» со стороны России, ставя дополнительный защитный барьер от деструктивного воздействия чуждой им цивилизации.

Но независимо от того, насколько ясно понимал это сам Ш.Б. Ногмов, он ярко и недвусмысленно представлял другую линию, или тенденцию в общественной мысли адыгов, направленную на приобщение их к российской цивилизации. Он твердо верил в то, что образование и просвещение помогут сблизить их с русскими. Составленные Ш. Ногмовым азбука и грамматика адыгского языка и до настоящего времени не потеряли своего значения. Адыгский просветитель был уверен, что *«...придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги, письмо... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! О! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений!»* (Цит. по: Налоев З.М., 2009).

2.3.4. Дальнейшее развитие работ по созданию алфавита и грамматики адыгского языка

2.3.4.1. Разработка алфавита и грамматики адыгейского языка

Verba volant scripta manent. – «Слова улетают, написанное – остаётся».

Латинское выражение

*А если и слово найдется – оно пропадает,
Никем не записано, словно дымок исчезает...*

Цуг Теучеж

Л.Я. Люлье. Почти одновременно с Ш. Ногмовым, Л.Я. Люлье разработал адыгский алфавит на русской основе, и в 1846 г. им был издан в Одессе «Словарь русско-черкесский или адыгейский, с краткой грамматикой сего последнего языка». Словарь этот, по поручению Петербургской Академии наук, был передан для рассмотрения академику Шагрёну, известному своими филологическими трудами и занимающемуся лингвистикой горских народов, который отзывался о нем как о заслуживающем признательность и уважение (Люлье Л.Я. Черкесия, 1927. С. 3).

Кази Атажукин. Азбуку кабардинского языка, которую составили У.Х. Берсей и П. Услар, в дальнейшем использовал в своей работе просветитель адыгов Кази Атажукин. В 1862 г. он принимает предложение кавказоведа-лингвиста П.К. Услара, возглавлявшего при Главном штабе Кавказской армии в Тифлисе комиссию по составлению алфавитов для бесписьменных народов региона. В 1864 г. Атажукин представляет в эту комиссию кабардинский алфавит и проект «Мнение о введении письменности в Кабарде». Для введения письменности родного языка он при отсутствии светских общеобразовательных школ считал возможным использование школ при мечетях, действовавших в каждом селе и имевших достаточное число учителей-мулл и их учеников.

Опасаясь противодействий мулл, насаждавших арабскую грамоту, он предлагал этот вариант лишь на первых порах, пока образование не будет поставлено на государственную основу, когда властями будут открыты светские школы и подготовлены светские учителя. Эти обширные планы были изложены в составленных им «Проекте развития школьного дела в Кабарде» и «Записке об учреждении школ в Кабарде», представленных в 1865 г. в Главный штаб Кавказской армии (Хашхожева Р.Х., 2003).

Первые пробные уроки по изучению кабардинского (адыгского) языка он провел в укреплении Нальчик. Тем не менее, как писал Юхотников, даже после этих попыток «...у черкесов собственно нет письменности для массы, для народа, но есть письменность для некоторых образованных молодых людей». В 1868 г. по образцам учебников К.Д. Ушинского, Кази Атажукиным была составлена «Кабардинская азбука» и первые книги для чтения.

На страницах «Терских ведомостей» Кази Атажукин выступал с публицистическими статьями. Они посвящены в основном проблемам образования. В статье «Попытки введения кабардинской письменности» развернута широкая картина общественного, социального и культурного развития Кабарды в предреформенную, затем послереформенную пору. Подводя итоги своей педагогической деятельности в Кабарде, Атажукин указал на причины, помешавшие успешному завершению начатого им дела. Он подверг критике политику царских административных учреждений, ведавших вопросами образования, за их равнодушное отношение к нуждам горцев. Атажукин понимал историческую необходимость присоединения своего края к России и был глубоко убежден в прогрессивности этого шага. Но он не мог не видеть лицемерия царского правительства, разыгрывавшего роль благотворителя и просветителя, а на деле мало что делающего для поднятия экономического и культурного уровня горцев.

Хаджибеч Анчок. Спустя десятилетие, творцом новой адыгской азбуки на базе арабской графики стал Хаджибеч Анчок (Анчек), который буквами своего алфавита записал ряд произведений устного народного творчества.

Гарун Тлецерук. Графический материал арабского языка положил в основу своей азбуки и Гарун Тлецерук. Эта азбука была помещена в его «Букваре арабского и адыгейского языков», опубликованном в Екатеринодаре лишь после Октябрьской революции.

П. Тамбиев, Л. Лопатинский. В конце XIX в. большую работу по разработке кабардинского алфавита и грамматики адыгского (кабардинского) языка проводили П. Тамбиев и Л. Лопатинский. В частности, Л.Г. Лопатинский создал краткую кабардинскую грамматику и русско-кабардинский словарь (1890-1891 гг.).

Как отмечает У. Зекох, попытки создания основ адыгейской письменности предпринимались и зарубежными адыгами, к которым относятся:

1. *Махмуд Пчегатлук*, составивший на материале арабского письма «Черкесскую азбуку» в 1902 г. Издана эта азбука была в том же году в Турции. Позднее, в 1904 г., М. Пчегатлук создал на латинской графической основе адыгейский алфавит и опубликовал его в Турции.

2. *Магомет Кемаль Хуаж*, чей алфавит на арабской графической основе увидел свет в 1910 г. в Египте.

3. *Бленауко Баток*, азбука которого, основанная на латинском письме, была напечатана в 1912 г. в Турции.

Но общедоступной, понятной всему народу адыгской письменности до революции так и не было создано. С грустью говорил адыгейский поэт Ц. Теучеж:

Что в сердце ношу – мой язык рассказать не умеет,
А если и слово найдется – оно пропадает,
Никем не записано, словно дымок исчезает...

2.3.4.2. Новая азбука кабардинского языка, подготовленная «группой адыгов»

Все народы мира учатся на родном языке, почему мы должны быть исключением? Дети быстрее и лучше поймут и Коран, и арабский язык, если обучать их на понятном языке...

Адам Дымов (1913).

Курс кабардинского языка велся ...по «Азбуке», подготовленной «группой адыгов» (под этим псевдонимом скрывались Нури Цагов и Сугад Нагучев), изданной в Стамбуле...

З.М. Налоев (2009).

В 1906 г. Паго Тамбиев издал в Тифлисе «Азбуку кабардинского языка». Она использовалась в качестве учебного пособия в Нальчикской горской школе и реальном училище. В рамках своего учебника Тамбиев создает повествовательную прозу на кабардинском языке. Тексты в его «Азбуке...» – это пересказы восточных притч, а также сюжетов, заимствованных из учебников К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, М.И. Паульсона.

В общей сложности, в период между двумя русскими революциями в Кабарде появились четыре азбуки кабардинского языка – Паго Тамбиева (1906), Мажида Фанзиева (1905), Сосламбека Тайсаева (1912) и Адама Дымова (1913). Первые три постигла участь предыдущих азбук, – они не стали основой национальной письменности, а *последняя оказалась счастливой и стала почвой, на которой возник Баксанский культурный центр*, находившийся в сел. Кушмазокино (Кушмэзыкъуей – современный г. Баксан, КБР). Он стал очагом новой кабардинской культуры. Его успеху в громадной степени содействовали авторитет и состояние Габдул-Гафара Дымова, с разрешения и благословения которого его просвещенный сын Адам, окончивший медресе и Нальчикскую горскую школу, открыл собственную начальную школу с обучением на родном языке.

Дымов Адам Гафарович (1878-1930) – основатель первой национальной типографии, первый книгопечатник, издатель первой газеты на кабардинском языке. В 1913 г. составил азбуку родного языка на арабской графической основе и издал ее в г. Темир-хан-Шуре в типографии Мавраева. Здесь же в переводе с арабского А.Г. Дымовым на составленном им алфавите были изданы книги «Тухват-аль-Атфаль» (Ключ к детям) и «Фыз хьыбар» (Рассказ для женщин). В 1917 г. в типографии «Умид» в Казани Дымов издал книгу «Псалтырь» (Доброе слово).

Как пишут современники, сам основатель и пока что единственный преподаватель этой школы, Адамы Дымов ходил по селению и упрашивал односельчан отдать ему своих сыновей на обучение: «Все народы мира учатся на родном языке, почему мы должны быть исключением? Дети быстрее и лучше поймут и Коран, и арабский язык, если обучать их на понятном языке – ведь пока посредством зубрежки одолеют чуждый им арабский, уходит то драгоценное время, что отпущено для умственного развития...». Это было пугающе ново для односельчан, и люди плохо понимали, как можно вместо языка аллаха учить детей мусульман Корану на «домашнем» кабардинском языке, на котором обсуждают крестьянские дела и ругаются пастухи.

Среди первых учеников дымовского медресе были Али Шогенцуков, которому суждено было стать основоположником и классиком кабардинской советской литературы, Ибрагим Тлегуров, впоследствии с помощью своего наставника поступивший в Каирский университет аль-Азхар и окончивший его. Адам Дымов обучал, прежде всего, родной речи, затем – традиционным для старометодных медресе предметам, а также арифметике и географии. В 1913 г. к нему присоединился Нури Айтекович Цагов, принявший на себя курсы кабардинского языка, арифметики и географии, или, как писал Х. Теунов, «основы естественных наук».

Курс кабардинского языка велся, по всей вероятности, по «Азбуке», подготовленной «группой адыгов» (под этим «псевдонимом» скрывались Нури Цагов и Сугад Нагучев), изданной в Стамбуле, а до этого печатавшейся в газете «Гъуазэ» (в русской транскрипции – «Гуаза» – «Вожатый»). Помимо букваря, в книге были представлены на адыгейском и кабардинском языках (она была приспособлена к изучению обоих языков) тексты дидактического назначения. Курсы арифметики и географии изучались в дымовском медресе также по цаговским учебникам «Хьисаб тхыль» («Книга счета») и «Жеография» («География»), которые, как и азбука «группы адыгов», видимо, попали в Кабарду еще до возвращения Н. Цагова из Турции (Налоев З.М., 2009).

2.4. Создание письменности для адыгов после установления советской власти

После установления Советской власти работы по созданию письменности для адыгов заметно усилились. В настоящее время адыгская письменность основана на кириллической графической основе. Этапы этого перехода следующие: в 1922 г. в Кисловодске созвали «Конференцию по просвещению горцев», в результате которой на Северном Кавказе были открыты школы на родных языках, а к 1925 г. – создана письменность на латинской графической основе. При этом были разработаны разные алфавиты для кяхского (западно-адыгского) и кабардинского (восточно-адыгского) диалектов, разные грамматики для говоров кабардино-черкесского диалекта. Наряду с латинизацией, поднимался вопрос о создании единого литературного языка для родственных адыгских диалектов. По этому вопросу был проведен ряд конференций, но они не достигли практических результатов (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Позже, в 1930 г, Комитет Нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК в Москве под председательством Д. Коркмасова созвал новую конференцию по вопросу унификации, но также безрезультатно, поскольку на сей раз встал вопрос о реформе алфавитов на основе кириллицы. Этот переход был осуществлен в 1937-1938 гг. (Трах, 1992. С. 93-96). (Шахназарян Н., 2008).

2.4.1. А. Бекух и С. Сиюхов: создатели адыгейского алфавита на арабской основе

2.4.1.1. Ахмед Бекух

По инициативе комиссара по горским делам при Кубанском ревкоме М.Х. Шовгенова был составлен первый адыгейский букварь, автором которого является прогрессивный арабист Ахмед Бекух.

А.А. Хатанов (1960).

А.И. Бекух, создав для своего народа письменность, сделал то же, что герой нартского эпоса Саусырыко, принеший огонь людям.

У. Зекох, академик

ا [a]	ح [z]	ث [m]	ك [nl]	ق [ph]
ع [l]	خ [x]	ز [m]	ج [z]	ي [n]
ب [b]	آ [a]	س [c]	ل [l]	ف [f]
م [m]	ج [z]	ت [t]	ل [l]	و [w]
ث [u]	ح [z]	ش [sh]	ل [l]	د [d]
پ [p]	د [d]	ح [z]	م [m]	ز [z]
پ [nl]	ج [z]	ح [z]	ن [n]	ر [-]
ح [x]	ب [b]	ط [m]	ع [-]	ي [c, u, u]
ج [g]	ز [z]	ط [m]	ع [z]	od [a]
ح [nl]	ق [q]	ك [k]	ع [z]	ز [z]

Алфавит Ахмеда Бекуха на арабской графической основе

В основу первой адыгской письменности лег арабский шрифт. В этом отношении особо ценны работы Ахмеда Исмаиловича Бекуха – создателя адыгейского алфавита на арабской основе.

З.Г. Проток (2001) в своей работе приводит некоторые сведения о жизненном и творческом пути А.И. Бекуха. Ахмед Бекух (1892-1965), оставивший заметный след в истории адыгейской письменности, – уроженец аула Шенджий. Родился он в семье известного эфенди Хаджи Исмаила Бекуха. Отец стал первым учителем будущего создателя адыгейского алфавита. Редкая любознательность, блестящий ум и завидная сообразительность помогли молодому Ахмеду быстро освоить арабскую грамоту. Отец же передал сыну тягу к передовой культуре, знаниям, и по его настоянию Ахмед поступает на курсы по подготовке преподавателей при Тахтамукайском реальном училище. Закончив их успешно, возвращается в родной аул учительствовать. Но

вскоре ему пришлось сменить профессию. По настоянию общественности он становится эфенди аула, одновременно и духовным учителем сохтов. Именно в то время его посещают мысли о необходимости создания алфавита родного языка. Им было суждено сбыться с установлением Советской власти на Кубани и в Адыгее.

При поддержке Комиссариата по горским делам Ахмед Бекух в кратчайшие сроки создал арабизированный адыгейский алфавит, состоящий из 46 знаков и на его основе составил «Адыгейский букварь», опубликованный в г. Екатеринодаре в 1918 г. На этом алфавите был налажен выпуск первой национальной газеты «Красная Кубань», впоследствии газеты «Советская Кубань» – «Адыгэ макъ» – «Адыгэ псэукI» и всей литературы на адыгейском языке до 1927 г. Свое детище использовал и сам автор при написании фундаментальной книги «Тарихъ Ислам» («Истории ислама»), напечатанной в Екатеринодаре в 1918 г., и которая, по утверждению А.А. Хатанова, «стала настольной книгой для каждого мусульманина».

Но жизнь стремительно менялась. В июле 1918 г. власть на Кубани перешла к Добровольческой армии генерала Деникина. Преследованиям подверглись все, кто сотрудничал с советской властью. Ахмед Бекух эмигрировал в Турцию, оставив семью в а. Шенджий.

Долгие годы скитаний по чужбине не истребили в Ахмеди жажды деятельности на ниве просвещения адыгов, что привело его в Каирский университет, самый престижный в арабском мире. По свидетельству одноклассников, Бекух был одним из самых лучших студентов университета. После университета – неудачные попытки вернуться на Родину, поиски родственников в Сирии, Иордании, Иране и, наконец, турецкое селение Дерокъой – адыгейский аул Шенджий, основанный махаджирами из одноименного северокавказского аула. Здесь, несмотря на суровую турецкую действительность, запрещавшую изучать арабский язык, Ахмед при закрытых дверях обучал соплеменников Корану. После долгих уговоров друзей женился на девушке из шапсугского аула Хакучхабль. У них родился единственный сын Яшар (турецкая фамилия Эртан), который живет сейчас в городе Бига. Сам Яшар и его старшая дочь Мерэм являются эфенди и продолжают дело Ахмеда Бекуха. Все последние годы Ахмед Исмаилович жил в Шенджие, хотя многие влиятельные деятели Турции приглашали его в столицу, суля солидные должности. Но он предпочел чинам просветительство сородичей.

«Просветительское дело Ахмеда Исмаиловича Бекуха,- пишет академик У. Зекох,- освященное адыгским менталитетом, обрело в известном смысле глобальное очертание: оно пустило корни не только на его исторической Родине, но и среди адыгской диаспоры в Турции, Египте, Швейцарии и других странах, где обитают наши соплеменники... А.И. Бекух, создав для своего народа письменность, сделал то же, что герой нартского эпоса Саусырыко, принеший огонь людям». Ахмед Бекух умер в турецком Шенджие в 1965 г. (Проток З.Г., 2001).

2.4.1.2. Сафербий Сиюхов

Уже в 1918 г. вышло первое издание составленного еще до революции С. Сиюховым черкесского букваря. С этого времени адыгейская школа становится национальной.

«Адыгейская жизнь» (1920).

Попытки создания адыгской письменности предпринимались и другими авторами. «Уже в 1918 г. – читаем в газете «Адыгейская жизнь», – вышло первое издание составленного еще до революции С. Сиюховым черкесского букваря. С этого времени адыгейская школа становится национальной».

Судьба Сефербея Сиюхова (1887–1966), – отмечает Р.Х. Хашхожева (1993), – удивительно схожа с судьбой Паго Тамбиева. Он учился в той же самой Майкопской горской школе и в те же самые годы, когда там работал учителем П. Тамбиев. В дореволюционные годы Сиюхов, как и Тамбиев, учительствовал: работал сельским учителем, а в 1914 г. заведовал педагогическими курсами, организованными Черкесским благотворительным обществом. И он подвергался гонениям за передовые педагогические идеи, и ему были созданы невыносимые условия, вынудившие его также отказаться от педагогической работы и переключиться в иную сферу жизнедеятельности. Но и он, как и Тамбиев, памятуя о долге образованного горца, продолжал заниматься проблемами просвещения народа. Наряду с этим он развернул широкую публицистическую деятельность: в дореволюционных изданиях «Кубанские ведомости», «Казачий листок», «Кубанская школа», «Майкопское эхо», «Мусульманская газета» и др. им было опубликовано большое количество статей, посвященных в основном вопросам состояния и организации народного образования, а также направленных против национально-колониальной политики царизма, невежества и косности народа.

После Октябрьской революции и установления советской власти Сиюхов, как и Тамбиев (последний входил в состав делегации по созданию Кабардино-Балкарской автономной области), принимал активное участие в выделении Адыгеи в автономную область. Он был автором записки об автономии, дважды выезжал по этому вопросу в Москву, был на приеме у И.В. Сталина. Как и Тамбиев, он занимал ответственные административные посты в Адыгейской области: с 1921 г. был председателем Горского окружного исполкома и одновременно – завгорсекцией Кубано-Черноморского областного отдела народного образования Адыгейской области и зампредела Адыгейского облисполкома, членом президиума Адыгейского облисполкома; с 1927 г. – инспектором крайоно в г. Ростове, в 1928–1929 гг. – директором Майкопского педтехникума. Помимо этого, он был председателем учредительного областного адыгейского съезда, председателем административно-территориальной, редакционно-издательской, терминологической комиссий, а также комиссий по составлению учебников, председателем общества по изучению Адыгейской области. Он избирался делегатом всех окружных и областных съездов, в 1922 г. был делегатом X Всероссийского съезда Советов.

Очень много им было сделано в системе народного образования: В 1919 г. С. Сиюхов публикует в соавторстве с И. Хидзетлем «Букварь черкесского языка» на арабской графической основе; им издаются книги для чтения на родном языке, «Лексические уроки» для преподавания русского языка в черкесской школе. В 1924–1925 гг. печаталась на адыгейском языке подготовленная им «Общая география». С. Сиюхов проделал большую работу по собиранию и разработке материалов по истории Адыгеи, сбору и публикации адыгского фольклора (Хашхожева Р.Х., 1993).

2.4.2. Использование русской графики при создании письменности для адыгов

Письменность на кабардинском языке до 1923 г. была на основе арабской графики, затем на базе латинского алфавита, а с 1936 г. – на русской графической основе.

Б.М. Керефов, Т.Б. Керефов (2005. Вып. I).

Н. Яковлев, Д.А. Ашхамаф. Алфавит на основе арабской графики не отражал фонетических особенностей адыгского языка. Поэтому в октябре 1924 г. руководством Адыгейского облисполкома было принято решение о переходе к алфавиту на основе латинской графики, проект которого был составлен профессором Н. Яковлевым вместе с первым адыгским ученым-лингвистом Д.А. Ашхамафом. Новый алфавит сыграл значительную роль в осуществлении культурной революции в Адыгее. На такой алфавит перешли и другие народы Северного Кавказа. Это сближало их, облегчало культурное сотрудничество.

Но и латинский алфавит (составленный, кстати, на базе темиргоевского диалекта), не отвечал всем требованиям развития адыгского языка и письменности. Поэтому в 1933–1936 гг. Адыгея перешла на более доступную русскую графику. Внедрение этого алфавита способствовало развитию национальной письменности, а также давало возможность адыгам быстро овладевать языком и культурой русского народа. Н.Ф. Яковлев создал краткую грамматику кабардинского языка (1938); совместно с Д.А. Ашхамафом впервые за всю историю Адыгеи – краткую грамматику адыгейского языка, а в 1941 г. – академическую грамматику; ими были написаны учебники для всех классов школ.

Говоря о становлении и развитии адыгской национальной письменности, нельзя не упомянуть имена Ш.И. Кубова и Ш.М. Хавжоко, внесших значительный вклад в благородное дело народного просвещения.

Шабан Индрисович Кубов (Кубэ) (1890-1974). Родился в а. Хакуринохабль. Поэт, языковед, драматург, композитор и фольклорист, видный деятель культуры черкесского зарубежья. В 1943 г. покинул родину. Сначала переехал в Турцию, затем в Иорданию. С 1960 г. жил в американском городе Паттерсон, где и похоронен. В СССР и за рубежом были изданы следующие его книги: «Практическая школьная грамматика» (1930), «Орфография черкесского языка» (1938), «Адыгейский букварь», сборник старинных черкесских народных песен, пьеса «Табунщик», «Хрестоматия по литературе», «Адыгейские старинные песни» (1954), «Адыгейские сказки и сказания» (1953), «Стихи» (1953, 1954), «Азбука для детей» (1952).

Шаукат Муфти Хавжоко (1900-1980). Врач, дипломат, государственный деятель, историк кабардинского происхождения. Медицинское образование получил в Германии. В 1963-1965 гг. – посол Иордании в Турции. Владел различными языками. Перевел с немецкого на арабский сочинение Шоры Ногмова «История адыгейского народа», написал книгу «Герои и императоры в черкесской истории» («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

2.4.3. Трудности при переводе адыгейского языка с латинского на русский алфавит

Крупным событием в развитии культуры и просвещения Адыгеи, имевшем неоднозначные последствия, стал перевод адыгейского языка с латинского на русский алфавит, осуществленный в 1933 г.

«История сельского хозяйства...» (1994).

Крупным событием в развитии культуры и просвещения Адыгеи, имевшем неоднозначные последствия, стал перевод адыгейского языка с латинского на русский алфавит, осуществленный в 1933 г. Это позволило, с одной стороны, ускорить процессы овладения адыгейцев русским языком. С другой – десятки тысяч людей вынуждены были заново осваивать родной язык. Надо было переобучить более 30 тыс. чел. взрослого населения. С этой целью были организованы краткосрочные курсы учителей адыгейского языка по изучению нового алфавита, где прошли переподготовку 400 чел.

Практически вся литература, изданная на адыгейском языке на латинской основе, была изъята из библиотек и книжных магазинов и уничтожена на том основании, что «...указанная литература мешает освоению нового алфавита и тем самым распространению изданной и издаваемой литературы в области на основе нового алфавита» («История сельского хозяйства...», 1994).

2.5. Развитие современной адыгской лингвистики

2.5.1. От «Кабардинской азбуки Шеретлокова – до современных трудов в области адыгской лингвистики и языкознания

Т.А. Шеретлоков внес значительный вклад в развитие литературы и культуры, в дело образования кабардинского народа. Он принадлежит к плеяде кабардинских просветителей первых десятилетий XX в., жизнь и деятельность которых достойны памяти потомков.

«Писатели Кабардино-Балкарии...» (2003).

Шеретлоков Таусултан Алиханович (1884-1937) – кабардинский писатель, драматург. Отец – из семьи уорков; мать – дочь полковника Батчери Трамова. В 1920 г. Т.А. Шеретлоков на собственные средства приобрел в Тифлисе шрифт и выпустил кабардинскую азбуку на арабской графической основе. Таусултан Алиханович также является автором первого советского кабардинского букваря. Его работы по вопросам кабардинской письменности, в том числе обстоятельный обзор «Образование и письменность туземцев», опубликованный в сборнике «Кабардино-Балкарская автономная область» (Нальчик, 1922) были в то время единственными, и получили высокую оценку лингвистов.

В конце июля 1923 г. была издана составленная Т.А. Шеретлоковым кабардинская азбука, а с февраля 1924 г. в газетах начали печататься первые кабардинские тексты на основе нового алфавита. Расцвет яркой и многогранной научно-педагогической деятельности Т.А. Шеретлокова, направленной на развитие просвещения кабардинского народа, совпал с началом 20-х гг. В ту пору он преподавал в ЛУГе – «Ленинском учебном городке» – кабардинский и русский языки будущим партийным и советским работникам.

Основные сочинения Т.А. Шеретлокова: «Кабардинская азбука». Нальчик, 1920; «Жабаги Казаноко»: Пьеса. – Карахалк («Беднота»), 1924. №415; Япэу лъэбакъуэ зычахэр («Сделавшие первый шаг»). Подгот. текстов к изд. Е. Машитловой, предисл. А. Шортанова. – Нальчик, 1968. С. 108-114 (Архив КБНИИ, ф.11; «Писатели Кабардино-Балкарии...», 2003. С. 407-408).

Значительный вклад в сравнительно-историческую фонетику и грамматику адыгских языков внесли Г.В. Рогава и К.В. Ломтатидзе своими публикациями в 1940-1980 гг. А.А. Хатанов и З.И. Керашева составили первый толковый словарь адыгейского языка (1960); Г.В. Рогава и З.И. Керашева – грамматику адыгей-

ского языка (1966). Коллективом специалистов создан первый «Толковый словарь кабардино-черкесского языка» (1999). Заметные следы в истории изучения адыгских языков оставили Т.М. Борукаев, Х.У. Эльбердов, Г.Ф. Турчанинов, М. Цагов, М.Л. Абитов, Б.М. Карданов, Б.Х. Балкаров, А.К. Шагилов, Х.Ш. Урусов, К.Х. Меретуков, Х.З. Гяургиев, Х.Э. Дзасежев и др.

На основе фундамента, заложенного предшественниками, развивается современная адыгская лингвистика: труды А.Н. Абрегова, М.Л. Апажева, Б.М. Берсирова, Б.Ч. Бижоева, З.У. Блягоза, Н.Т. Гишева, А.Г. Емузова, У.С. Зекоха, А. Камбачокова, Дж.Н. Кокова, З.Ю. Кумаховой, А.Х. Налоева, Х.Т. Таова, Ю.А. Тхаркахо, А.А. Шаова, А.Х. Шарданова, В.Г. Шенгелия и др. Адыгские языки давно привлекают пристальное внимание зарубежных лингвистов: труды Ж. Дюмезиля, К. Пари (Франция), А. Койперса, Р. Смейтса (Голландия), К. Вамлинг (Швеция), Дж. Хьюитта, С. Вуда (Англия), М. Хелиг, М. Джоба (Германия), Дж. Коларуссо (Канада) и др. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 665-666).

2.5.2. Потомки адыгских махаджиров: вклад в развитие адыгского языкознания

*И на каждой из названных мною дорог
Превосходные, право, наездники есть,
И немало испытанных в деле мужей
Охраняют высокого опыта честь.*

Носир Хисрав (1003-1088).

Немалый вклад в становление и развитие адыгского языкознания, создание алфавитов на арабской и латинской основах, азбук, букварей, свода грамматических правил, – внесли и зарубежные адыги – отдаленные потомки черкесов-махаджиров:

АБДУЛ-САЛАМ (ЛАШ) Адыль (род. в 1933 г.). Талантливый сирийский ученый, доктор географии, автор «Лексикологического словаря западных черкесов». Абадзех. Родился в адыгской деревне Мардж-Султан (Сирия). Среднее образование получил в Кунейтре, высшее – в Дамаске (1956). Продолжил учебу в Свободном университете Берлина (ФРГ), где на факультете естественных и математических наук стал магистром картографии (1962) и доктором географии (1965). С 1966 г. преподает в Дамасском университете. В 1977 г. получил звание профессора. Был заместителем декана по науке филологического факультета (1977-1978; 1985-1986). Работал в Токийском университете. В 20 странах изучал проблемы географии. Хорошо владеет арабским, адыгским, английским и немецким языками, знает турецкий, французский, русский и японский языки.

Представитель Сирийской Арабской Республики в Национальном комитете Международного общества географии и геодезии, член Берлинского, Кувейтского, Иорданского королевского географических обществ, действительный член Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. Возглавлял Черкесское благотворительное общество в Дамаске. Автор 20 монографий, более 170 научных статей. Основные работы: «Геоморфологическое исследование сирийских пустынь и восточных гор Ливана» (Берлин, 1966. На нем. яз.); «География Сирии. Часть I. Физическая и экономическая география» (Дамаск, 1973); «Геоморфология» (Дамаск, 1981); «Региональная география Сирии» (Дамаск, 1982); «Географическая среда морского побережья Сирии и японской префектуры Шизо Ока. Сравнительное исследование территории Сирии и Японии» (Токио, 1986. На англ. яз.); «Лексикологический словарь западных черкесов» (Токио, 1984); «Общая география Сирии» (Дамаск, 1990); «Географические регионы Сирии» (Дамаск, 1990) и др.

БАТОКО (БЛЭНАУЭ) Харун (1886-1958). Известный просветитель, языковед, поэт черкесского зарубежья. Из адыгского рода Бленао. Родился в сирийском городе Хомсе. Окончил Стамбульский университет. *Член комиссии по созданию адыгского алфавита на арабской и латинской основах* (1908). Преподаватель истории и географии в черкесской образцовой школе, основанной силами Общества взаимопомощи адыгских женщин (Стамбул). Его стихи и статьи публиковались в журнале «Дианэ» – печатном органе этой организации. После образования Турецкой Республики вернулся в Сирию, где вместе со своими единомышленниками вел культурно-просветительскую работу среди сирийских адыгов. Один из основателей Союза черкесской интеллигенции в городе Кунейтре (Голанские высоты). Эта организация в 1928-1932 гг. выпускала газету «Мардж» на адыгском, арабском, французском и турецком языках, издавала школьные учебники и научно-популярные брошюры. Умер в Кунейтре. Опубликованные работы: «Черкесский алфавит» (Стамбул, 1919, 1929), «Адыгэ бзэхабзэ» (1931), «Адыгэ алфабэ» (1932), «Адыгэ арджэн», «Учебник для чтения» (1929), «Адыгэ усэхэр» (1940), «Образование звуков и букв в черкесском языке и создание единого алфавита» (1940) и многие другие.

БУТБАЙ (БУТБА) Мустафа (1882-1946). Просветитель и ученый-языковед черкесского зарубежья. Абхаз. Родился в деревне Агапинар (вилает Эскишехир). Окончил Стамбульский университет. Преподавал в Галатасарайском лицее. Был директором черкесской женской школы. *Член комиссии по выработке национальных алфавитов. Создал абхазский алфавит на латинской основе* (1919). В период Гражданской войны в России вместе с Исмаилом Беркуком, Азизом Мекером и другими посетил Черкесию, Кабарду, Дагестан, Чечню и Абхазию (1920). Оказал большую помощь абхазскому ученому В. Кукба, приехавшему в Турцию для сбора фольклорного материала (1927). Автор «Абхазско-черкесского алфавита» (Стамбул, 1919), «Воспоминаний о Кавказе» (Анкара, 1990).

ДЖАВИТ-ПАША (ТХЪЭРХЭТ) Ахмет (1840-1916). Видный деятель черкесского зарубежья, языковед, публицист. Убых. Родился на Кавказе. Окончил Высшую школу гражданских чиновников в Стамбуле. После младотурецкой революции – один из организаторов Черкесского общества единения и взаимопомощи и бессменный его руководитель. *На основе арабской письменности подготовил и опубликовал в Стамбуле черкесский алфавит. Автор учебников по адыгскому письму, адыгской разговорной речи, а также книги «Арабская грамматика». Вместе с доктором Али Пчихалуком подготовил «Адыгский словарь», частично напечатанный в газете «Гъуазэ» («Маяк»).* До сих пор не изданы его исследования по проблемам черкесской истории. Умер в Стамбуле.

КУБА (КУБЭ, КУБОВ) Шабан Индрисович (1890-1974). Талантливый поэт, композитор фольклорист, видный деятель черкесского зарубежья, создатель черкесского алфавита. Абадзех. Родился в ауле Хакуринохабль (совр. Республика Адыгея). Учился в Нальчике в духовной семинарии (1917-1919) и в Яфетической семинарии академика Н.Я. Марра в Ленинграде (1925-1927) Преподавал в педагогическом и театральном техникумах Краснодара (1928-1934), читал лекции по адыгейскому языку и литературе в Московском театральном институте (1936-1938) С 1938 по 1940 гг. научный сотрудник Адыгейского НИИ, с сентября 1942 по февраль 1943 гг. – учитель в ауле Старый Бжегакай. Член Союза писателей и Союза композиторов СССР с 1936 г.

В 1943 г. покинул родину. Несколько лет скитался по Европе и в 1948 г. переехал в Турцию. Но внутриполитическое положение в этой стране не позволяло ему заниматься научными изысканиями, поэтому он в 1950 г. переехал в Иорданию. При посредничестве Черкесского благотворительного общества в Аммане продолжил исследования по проблемам языка и литературы адыгов. Большую ценность представляют собранные им песни и легенды черкесского зарубежья, многие из которых передавались по Иорданскому радио. Основатель самодеятельной адыгской театральной труппы в Аммане, осуществившей по его пьесам постановки спектаклей «Махаджиры», «Дорогой обреченных» и др. Автор исторической поэмы «Мамлюки». В 1956 г. переехал во Францию, три года трудился в Каннах, затем принял приглашение в Париж от профессора-кавказоведа Жоржа Дюмезиля. Четыре года преподавал в Сорбоннском университете народное творчество адыгов. С 1960 г. жил в американском городе Патерсон (штат Нью-Джерси). Умер и похоронен там же. Научное и творческое наследие: учебники для чтения «Друг» и «Календарь» (М., 1924), «Черкесский алфавит» (1927), «Адыгский алфавит» (1928), «Учебник для чтения после букваря» (Краснодар, 1929), «Практическая грамматика для школьников» (Краснодар, 1930), «Правила правописания черкесского языка» (1938), «Адыгэ уэрэдхэр. Адыгские народные песни и мелодии» (М.-Л.: Музгиз, 1941), «Адыгэ алфыбэ» (Дамаск, 1952), поэма «Уи тхыдэ» (Амман, 1953), «Адыгэ пшынальэ» (Бейрут, 1953), сборник стихов Тъуджэ» (Бейрут, 1953), «Адыгэ псалъэжхэр» (Дамаск, 1954), «Адыгэ уэрэдыжхэр» (Дамаск, 1954), «Адыгэ (черкес) фольклор-I» (Париж, 1959), «Адыгэ фольклор-II», «Адыгэ фольклор-III» (Нью-Йорк, 1963). Архив Ш.И. Кубова, привезенный из США доктором филологических наук, профессором К.Г. Шаззо и дочерью Ш.И. Кубова Саидой Шабановной, хранится в фондах библиотеки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Однотомник избранных произведений Ш.И. Кубова (предисловие, составление, комментарии К.Г. Шаззо) издан в г. Майкопе в 1993 г., сборник песен «Сиорэд» («Моя песня») — Адыгейским республиканским книжным издательством в 1996 г.

ПЧИХАЛУК (ПЩЫХЪЭЛЫКЪУЭ) Мухаммед-Али (1882-1935). Видный деятель черкесского зарубежья, сирийский ученый, языковед и врач. Бжедуг. Родился в городе Хомс (Сирия). Лицей окончил в Дамаске, военно-медицинское училище (1903) и академию «Гюльханей» (1909) в Стамбуле. Дивизионный врач в Ираке и Македонии (1911-1913). Активист Черкесского общества единения и взаимопомощи в Стамбуле. Корреспондент газеты «Гъуазэ» («Маяк»). На ее страницах *поднимал проблемы адыгского алфавита и истории черкесов.* После окончания первой мировой войны вернулся в Хомс. Автор изданных на турецком языке двухтомника «Предостережение историков» (1920) и монографии «Родная речь» (1922), в которых *исследуются история и языки древних египтян и хеттов, делается попытка определить место адыгского языка среди восточных языков.* Умер в Дамаске.

САМГУГ (СЭМГУГЪУ) Амин (1900-1953). Государственный и политический деятель Сирии, видный просветитель и историк черкесского зарубежья, создатель черкесского алфавита. Абадзех. Родился в городе Кунейтра. Среднюю школу и лицей окончил в Дамаске. Продолжил учебу в Бейруте и получил специальность агронома. Выпускник экономического отделения Сорбоннского университета. После возвращения в Сирию избран председателем муниципалитета Кунейтры. Находясь на этом посту, возглавил группу адыго-абазинских патриотов, не раз обращавшуюся в Лигу Наций с просьбой предоставить черкесской общине Сирии национальную автономию в округе Кунейтра. Мандатная комиссия Лиги Наций отвергла этот проект, но признала справедливыми требования по сохранению адыгами родного языка и открытию национальных школ. В выборах 1931 г. в парламент Сирии представителям черкесской общины были выделены два места. В острой борьбе Самгуг одержал победу и стал депутатом Национального Собрания страны. Более благотворной была деятельность его группы в культуре и образовании. «Черкесское общество содействия просвещению и культуре», созданное в 1927 г., прилагало немало усилий для сохранения языка, обычаев, традиций адыгов. *Сэмгугъу Амин разработал черкесский алфавит на латинской графической основе.* На родном языке издавались школьные учебники и брошюры, газета «Мардж», на страницах которой печат

тались статьи по истории и культуре адыгов. Умер и похоронен в Кунейтре. Опубликованные труды: «Война черкесов против царей» (Хомс, 1948) «История черкесов» (Дамаск, 1984).

ТЛЕЦЕРУК Харун (1879-1938). Видный деятель черкесского зарубежья, публицист, языковед. Родился в деревне Пинарлар (Хьэпий хьэблэ), район Дюздже. Окончил медресе Фатих в Стамбуле. Был учителем. В 1908 г. вступил в Черкесское общество единения и взаимопомощи. Занимался проблемами адыгского языка. На арабской графической основе написал на родном языке книгу «Религиозно-жизненные правила, обязательные для мусульман». Вместе с лучшими представителями махаджирской интеллигенции: Ибрагимом Хидзетлом, Нури Цаго, Юсуфом Негучом, Хафизом Бесланеом и другими отправился на Северный Кавказ с просветительской миссией. Директор школы в аулах Тахтамукай и Бжегокай (совр. Республика Адыгея). Автор учебника «Адыгейский алфавит» (1918). Редактор газеты «Красная Кубань», печатавшейся на адыгейском языке в Екатеринодаре по решению революционного комитета на Кубани. После захвата Северного Кавказа добровольческой армией Деникина обвинен в сотрудничестве с большевиками. И только вмешательство генерала Клыч Гирея и Лю Трахова спасло ему жизнь. Похоронив жену, в 1922 г., уехал в Турцию, где в родной деревне Пинарлар занимался земледелием и творчеством. Из-за жестокой политики турецких властей, ограничивавших права и свободы национальных меньшинств, его рукописи исчезли в конце 30-х гг.

ТЛЕЦЕРУК-ПАША Шемсеттин (1855-1917). Видный турецкий государственный деятель, дипломат, ученый-языковед. Родился на Кубани в бжедугской семье Лыццэрыкъуэ. В девятилетнем возрасте вместе со своим отцом покинул родину. Выпускник Галатасарайского лицея и факультета политических знаний Высшей школы гражданских чиновников (Стамбул). Знал в совершенства арабский, адыгский, французский, персидский, турецкий языки. Находился на дипломатической работе: первый секретарь посольства Османской империи в Афинах, начальник отдела консульств при Министерстве иностранных дел, посол в Бухаресте (1892), Тегеране (дважды – 1894, 1908). Был губернатором вилайета Ван, в правительстве младотурок – министр вакуфов (1908). Активный деятель черкесского общества в Стамбуле. Участник дискуссии, развернувшейся на страницах газеты «Гьуазэ» по проблемам адыгского алфавита. Был сторонником идеи общеадыгского алфавита, составленного на основе абадзехского, бжедугского, кабардинского и шапсугского диалектов. Один из авторов учебника «Адыгэ алфыбэ» (1919). Умер в Стамбуле.

ТРАХО Рамазан (1914-1964). Известный общественный деятель черкесского зарубежья, фольклорист, ученый-языковед. Родился в адыгейском ауле Шенджий. Окончил Московский педагогический институт (1934). Учитель русского языка и литературы, сотрудник Адыгейского научно-исследовательского института (1934-1941). Член комитета по подготовке новых алфавитов при Институте востоковедения в Москве. В начале Великой Отечественной войны попал в плен к немцам. Главный редактор журнала «Северный Кавказ» (Берлин). В 1949 г. вместе с группой эмигрантов уезжает в Турцию. Через два года снова возвращается в ФРГ и работает в Северокавказском национальном центре (Мюнхен). Умер в Мюнхене. Печатался в журнале «Кавказ» (позднее – «Объединенный Кавказ»), издаваемом Алиханом Кантемиром. Совместно с Боннским и Инсбрукским университетами подготовил «Адыгейско-кабардино-немецкий словарь». С 1954 г. и до конца жизни работал в Мюнхенском институте по исследованию народов СССР. Редактор журналов «Вестник» (на рус. яз.) и «Кавказское ревю» (на англ. яз.), ответственный редактор журнала «Кодекс» (на араб. яз.). Творческие псевдонимы: Т. Татлок, Р. Адыгэ, А. Ашамез. Опубликованные монографии: «Литература о Черкесии и черкесах» (Мюнхен, 1955), «Северный Кавказ как здравница СССР» (Мюнхен, 1956), «Черкесы» (Мюнхен, 1956; Нальчик, 1992, – оба издания вышли на рус. яз.; Мюнхен, 1992, – на англ. яз.).

ХИЗЭЛ Ибрагим (1887-1960). Видный деятель черкесского зарубежья, педагог, писатель, языковед. Из шапсугского рода Хьыдзэл, переселившегося в 1864 г. на Балканы, затем – в Анатолию (1878). Родился в деревне Чалыджума (Хьэратлэхьэблэ), район Дюздже. Получил высшее религиозное образование в Каире. Принимал активное участие в деятельности Черкесского общества единения и взаимопомощи (1908). В числе учителей-волонтеров с 1910 г. преподавал в школе аула Панахес (совр. Республика Адыгея). После установления советской власти на Северном Кавказе вернулся в Турцию. Умер и похоронен в родной деревне. Автор учебников «Арабская грамматика» (на адыг. яз.), «Черкесский букварь» (в соавторстве с Сефербием Суюховым. М., 1919).

ЦЕЙ Омар Хилми (1898-1961). Видный деятель черкесского зарубежья, писатель, создатель черкесского алфавита. Абадзех. Родился в адыгской деревне Рейхания (Сирия). Среднюю школу окончил в Алеппо и университет – в Стамбуле. Работал учителем в Рейхании, Антакье и Алеппо. Активный сотрудник первой адыгской газеты «Гьуазэ» (Стамбул), позже – газеты «Мардж» (Кунейтра). Помимо исследований по черкесской истории и родному языку, опубликовал несколько сборников стихов на адыгском и турецком языках. Умер и похоронен в турецком городе Антакья. Наиболее значительные произведения: «Право и сила» (Стамбул, 1923), «Адыгский алфавит» (Алеппо, 1926), «Три трудности в освоении черкесского языка» (Антакья, 1935), «Волны и сияния» (Антакья, 1938), «Думы о родине» (Антакья, 1938).

При подготовке данного раздела использованы следующие материалы: «Черкесское зарубежье», 1998, № 4; <http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>; Хафиз М.М., 2000).

3. ДОЛГИЙ ПУТЬ К ВСЕОБЩЕЙ ГРАМОТНОСТИ

3.1. Дореволюционный период

Первые школы на Северном Кавказе возникли еще в XVIII в. В 1735 г. в Кизлярской крепости была создана аманатская школа, где обучались аманаты из Большой и Малой Кабарды. Аналогичное учебное заведение было открыто вскоре после основания крепости Нальчик (1822 г.). Это была первая светская школа в Кабарде (Кумыков Т.Х., Мамбетов Г.Х., Саблиров М.З. и др., 2006).

3.1.1. Первая школа на Кубани: «знаменательное событие в культурной жизни степного края на окраине Русского государства»

Сердце разумного приобретает знание, и ухо мудрых ищет знания.

Книга притчей Соломоновых (18; 15).

В 1803 г. в Екатеринодаре открывается первая войсковая школа (14 декабря 1806 г. преобразована в уездное начальное училище). Это было, разумеется, знаменательное событие в культурной жизни нового степного края на окраине Русского государства.

В. Бардадым (1992).

О том, как и когда на Кубани были открыты первые школы у казаков-переселенцев, пишет известный краевед В. Бардадым (1992): «Перед войсковым обществом, по настоянию высших властей Петербурга, встала первоочередная задача – повысить грамотность населения. Пришло понимание: человек грамотный сознательней исполняет свой общественный и гражданский долг. «Неученье – тьма, а ученье – свет», – стала популярной среди людей поговорка. А то, подумать только, подавляющее большинство черноморцев не могло даже расписаться – вместо подписи рисовали крестики. И это касалось не только рядовых, но и большого войскового начальства. Есть довольно убедительные свидетельства, что сам доблестный воин Захарий Чепега, возглавлявший быструю казачью конницу и храброе войско Черноморское, был неграмотный. Сохранился документ, где атаман доносил (рукой писаря, конечно) 9 января 1794 г. в войсковое правительство: «Как я грамоты читать и писать не умею, а по должности Кошевого атамана, Высочайше мне вверенной, к письменным делам письмоводителем одного войска полковой старшина Степан Порывай определен...». Чему же удивляться, если рядовые черноморцы были сплошь неграмотными?

И вот в 1803 г. в Екатеринодаре открывается первая войсковая школа (14 декабря 1806 г., по ходатайству протоиерея Черноморского К.В. Россинского, она преобразована в уездное начальное училище), в которой, наряду с казаками, учились и дети горцев-адыгов. Это было, разумеется, знаменательное событие в культурной жизни нового степного края на окраине Русского государства» (Бардадым В., 1992). Это училище долгое время было единственным учебным заведением во всей Черномории. Грамоту здесь изучали по букварю, написанному на церковно-славянском языке, а «совершенствовались», читая часослов и псалтырь.

По настоянию К.В. Россинского, в 1811 г. училище было преобразовано в войсковую гимназию. Впрочем, судьба ее была печальной. В гимназии установились, по свидетельству современников, «ужасающие порядки». Классные наставники не имели учительских свидетельств (дипломов), были невежественны и грубы в обращении с учениками, драли их за волосы и уши, употребляли розги, обзывали оскорбительными словами, оставляли без обеда и т. д. Просуществовал этот «светоч знания» недолго. Через 10 лет, кстати, по именному повелению царя: «Существующую в Екатеринодаре гимназию уничтожить», – ее упразднили (Солодухин Л.А., Куценко Я.И., Чучмай Г.Т., 1968. С. 51).

3.1.2. У истоков: становление школьного образования у адыгов

Образование – вечное богатство – «Гъэсэныгъэр мыкIодыжъын былым».

Адыгская пословица

Школа горцам необходима, она – единственный источник сознательной, здоровой и трудовой жизни.

С. Спюхов (1912).

Развитие просвещения в дореволюционной Адыгее происходило весьма медленно, поскольку царские власти, как правило, были противниками образования народов Северного Кавказа. Впрочем, объективности ради, следует отметить, что некоторые высшие царские военачальники признавали важность обучения не только казачьего, но и местного, горского населения. Так, главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии генерал А.П. Тормасов в своем рапорте военному министру от 12 октября 1810 г. предлагал некоторые мирные пути освоения вновь приобретенных территорий: «Привлекать горцев в наши города, где устроить мечети, жилища для духовенства и при них школы для образования юношества» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 258-260).

В 1813 г., с помощью русских, была открыта первая школа для адыгов, живущих на правобережье Кубани. В 1823 г., писатель Султан Крым-Гирей открыл в Крыму семинарию для обучения черкесских и татарских детей. Сохранились сведения, что уже в первой половине XIX в. черноморский казак Н. Золотаревский из Гривенской открыл на территории абадзехов первую адыгейскую светскую начальную школу. К этому времени относится любопытное высказывание одного из крупнейших знатоков горских народов С. Броневского (1823), о просвещении адыгов: «По образу жизни и воспитанию своему, черкесы не имеют охоты к учению, да и времени к тому у них не достает. Однако, судя по врожденной их понятливости и остроумию, должно думать, что в непродолжительное время они могли бы поравняться с просвещеннейшими народами, если бы победили свои закоренелые предрассудки».

Упомянутые выше, пусть даже малочисленные образовательные учреждения играли важную роль в приобщении адыгов к культуре русского народа. Вместе с тем, они не удовлетворяли возраставшие потребности царизма в проводниках своей политики на местах из числа горских князей и дворян. Исходя из этого, активизировались меры российской администрации в области образования.

Главным фактором, определившим этот процесс, явилась политика Российского государства, которая в то время была направлена на приобщение кавказских народов к его политической и социокультурной системе. Отправным пунктом в решении этой задачи стало повсеместное создание аманатских школ на Северном Кавказе, одна из которых была открыта в Нальчике в 1820 г.

Несколько позже, в 1837 г., в Ставрополе была открыта гимназия – по сути, – первое светское среднее учебное заведение в крае. Оно имело особую, отличающуюся от аналогичных гимназий, программу обучения, ориентированную на подготовку кавказского чиновничества. Здесь изучались местные языки, а обязательный в империи латинский язык имел статус факультативного.

С формированием специальных горских воинских частей возникла необходимость воспитания детей адыгов в военно-учебных заведениях. В 30–40-х гг. XIX в. при полках Отдельного Кавказского корпуса были открыты «школы военных воспитанников». А в 1842 г. при Ставропольской и Екатеринодарской гимназиях были созданы горские пансионы, готовившие горских детей, в том числе адыгов, для поступления в кадетские корпуса и другие военно-учебные заведения России. Из общего количества мест, выделенных для детей горских дворян в гимназии, в 1859 г. представителями кабардинских князей и узденей была замещена 21 вакансия. Кроме того, подготовкой военных кадров занималась созданная еще в 1848 г. при Навагинском полку первая на Кавказе военная школа, в которой учились и адыги («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

Однако набор учеников в такие школы, семинарии и училища осуществлялся исключительно по словесному принципу. Согласно ст. 722 Свода военных постановлений, в военно-учебные заведения зачислялись «...дети князей, узденей и почетных мусульман, кои доказали на опыте преданность правительству». Так, петербургские военно-учебные заведения в разное время закончили дети знатных князей: Бечкана и Алкаса Шеретлуковых, Пшекуя Черченокова, Гатазука Батукова и др., которые после возвращения на родину активно воздействовали «...на умы единоплеменников своих в видах правительства» (т.е. в пользу царского правительства. – Авт.). Об «избирательном» подходе к образованию адыгов свидетельствует и С. Сиюхов: «Вопрос о просвещении черкесов не поднимался, лишь дети выслужившихся черкесов попадали в русские учебные заведения отдаленных городов».

Дальнейшее развитие сети учебных заведений, в том числе для горцев, получило в середине – конце XIX в. Примечательно, – пишет А.А. Елифанцев (2010. С. 184–186), – что «у адыгов еще до конца Кавказской войны появляются свои писатели, врачи, учителя, историки, филологи, математики – они просвещают народ, дают ему собственную – адыгскую – грамоту, лечат его, пишут его историю, смягчают тот огромный социокультурный удар, который обрушился на Черкессию».

3.1.3. «Просвещать инородцев... составляет задачу величайшей политической важности»

Просвещать постепенно инородцев, сближать их с русским духом и с Россией – составляет задачу величайшей политической важности.

Из циркуляра Министерства просвещения (1867).

Все люди в равной степени имеют право на образование и должны пользоваться плодами науки...

Ф. Энгельс (1820–1895).

Но обучение в кадетских корпусах лишь в незначительной степени соответствовало потребностям адыгов в получении соответствующего образования, которое позволило бы им успешно адаптироваться к социокультурной системе Российской империи. На необходимость организации школьного образования на местах указывали Федор Бекович-Черкасский, Хан-Гирей и др. Однако решение этой проблемы затягивалось.

Кабардинская школа. В 1841 г. был поставлен вопрос об открытии в Нальчике первой начальной Кабардинской школы с преподаванием в ней русского и кабардинского языков. Эту идею поддерживала местная знать. Князья и уздени, члены Кабардинского временного суда подали об этом прошение на имя начальника центра

Кавказской линии. Постройку школы ходатаи брали на себя и просили от казны лишь оплаты двух учителей. Однако эта просьба не была удовлетворена: отказ был мотивирован тем, что убытки казны не принесут пользы.

В качестве альтернативы власти предложили кабардинцам посылать своих детей на учебу в ст. Екатериноградскую. Такое решение вызвало недовольство со стороны передовой части кабардинского населения, в связи с чем кавказская администрация вынуждена была согласиться с предложением об открытии в январе 1851 г. Кабардинской школы в Нальчике за счет общественных сумм с контингентом в 25 чел. В день открытия в списке учеников числилось 12 чел., в том числе два кабардинца.

Более подробно о предыстории создания этой школы сообщает Р.Н. Дзагов (2006. Вып. IV. С. 532). В 30-40-х гг. XIX в. российское правительство открывает при полках Отдельного Кавказского корпуса «школы военных воспитанников», в которых русское и нерусское население Кабарды получило возможность обучать своих детей. При открытии перед этими школами были поставлены две основные задачи: «во-первых, подготовить из коренного населения надежные кадры чиновников и военных; во-вторых, подготовить из детей русских военнослужащих на Кавказе переводчиков, хорошо знающих один из местных языков». Намечавшаяся к открытию в Нальчике в 40-х гг. XIX в., Кабардинская школа также должна была способствовать решению этих задач. В 1842 г. император, одоблив желание кабардинцев получать образование, разрешил открыть школу в Нальчике, где предложил обучать горских детей русскому языку и культуре в смешанной школе, в которой учились бы и русские дети. По предложению генерал-адъютанта Нейдгардта, предполагалось в число 25-ти воспитанников включать ежегодно 12-13 детей русских дворян, обер-офицеров и сыновей «отличнейших урядников линейного войска».

Но это решение, – продолжает Р.Н. Дзагов Р.Н., – неоднократно менялось. В 1848 г. местом расположения школы была названа ст. Екатериноградская, с тем чтобы дети, «будучи изолированными от постоянного влияния их родственников», быстрее усвоили бы «обычай и нравы русских». В этом решении особенно наглядно проявляется сущность политики царского правительства и роль, отводимая властями образованию на Северном Кавказе. Однако в результате различных финансовых и других трудностей Кабардинская школа была открыта в Нальчике лишь в 1851 г.

Кабардинская школа представляла собой двухклассное учебное заведение. В ней изучались закон божий, русский, арабский и турецкий языки, арифметика, алгебра, геометрия, география, история, рисование. Знания давались учащимся в объеме, необходимом для того, чтобы они могли выдержать экзамен при определении их на военную службу унтер-офицерами. Кабардинская школа просуществовала всего 10 лет.

«Азиатская школа». Несколько раньше, 20 ноября 1846 г. «стараниями контр-адмирала Л.М. Серебрякова», в Новороссийске было открыто четырехгодичное училище («азиатская школа») для обучения 7-12-летних детей знатных адыгов. Как явствует из рапорта инспектора Новороссийской азиатской школы (18.03.1853), воспитанники школы Таитль Тугуз, Кастемир Кюух, Осман Качеджи Оглу и Осман Удгоуао после четырех лет обучения «сделали хорошие успехи в науках». Но несмотря на это, администрация Черноморской береговой линии отказалась зачислить их в высшее военно-учебное заведение, т. к. согласно царскому указу туда принимались «...дети тех горцев, которые по своему происхождению равны русскому дворянству».

3.1.4. Школьное образование в пореформенный период

Новым этапом в становлении образовательной системы у адыгов, как западных, так и восточных, явился пореформенный период – вторая половина XIX – начало XX в. В 1858 г. царское правительство для обучения горских детей в Ставропольской гимназии учредило 90 казенных стипендий, в Майкопской – 30, во Владикавказском реальном училище – 30. Открытие специализированных горских школ было обусловлено потребностями царского правительства, стремившегося завуалировать сущность своей колониальной политики на Северном Кавказе цивилизаторскими идеями просвещения. Правительству нужны были образованные кадры из представителей местных национальностей, которые могли бы служить опорой на местах (Бичиева И.С., 2006. Вып. IV. С. 522-523).

3.1.4.1. Школьное строительство до революции в Адыгее

Насколько много сделано нами на Кавказе для того, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря, в этом отношении не сделано еще даже начального шага.

Я. Абрамов (1884).

Школьное дело в Майкопе получило развитие еще в XIX столетии (а не после 1917 г., как это еще недавно полагалось считать), формируя фундамент того солидного здания народного образования, которое возвышается здесь сейчас.

В.К. Мазурик (1997).

Интенсивное развитие светского образования отмечено у западных адыгов в пореформенный период. В Кубанской области, на территории проживания адыгов, школы начали возникать с 30-х гг. XIX в. Но до 60-х гг. число их росло медленно.

Под воздействием общественно-политических и экономических преобразований, начиная с 60-х гг. XIX в., число школ стало быстро расти. Например, только за период 1861-1867 гг. в Кубанской области было организовано более 100 (!) новых школ, в которых, в частности, обучались и адыги (Кумыков Т.Х., Мамбетов Г.Х., Саблиров М.З. и др., 2006).

Более детальные сведения о темпах школьного строительства в пореформенный период в Кубанской области и в Майкопе приводятся в работе В.К. Мазурика (1997. С.122). В 1863 г., – пишет историк, – начальником Кубанской области стал граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон. Он сделал организацию школ (училищ, как их тогда называли) одной из главных своих забот в подведомственной области. Супруга его стала в ней почетной попечительницей учебных заведений. Всего за 5 лет, к 1867 г., они увеличили число школ в области до 209 (за всю предшествующую историю Кубани их было создано всего 47), а учащихся до 6 319 чел. Примечательно, что тяга к знаниям проявлялась не только среди знатных адыгов, но и горских крестьян. С момента возникновения горских школ население было привлечено к участию в их содержании. Связано это было с тем, что они не были обеспечены государственными постоянными и надежными средствами для существования. Расходы были весьма значительными, но, несмотря на это, горцы доброжелательно относились к школе. Стремясь к получению образования, трудящиеся адыги требовали у властей открытия горских светских школ, выражали желание содержать их на свои средства.

В 1866 г. в Туапсе было открыто годичное училище для подготовки переводчиков-горцев. В этом же году в г. Майкопе и в 1868 г. в ст. Лабинской открылись горские школы, дававшие знания в объеме двухклассного начального училища, а в Ставропольской и Екатеринодарской гимназиях – специальные классы для горцев.

До Кавказской войны, тем более во время ее, светского образования в адыгейских поселениях не существовало. Однако, еще Ф.Ф. Торнау, проживший пленником в одном из аулов в верховьях р. Курджипс около двух лет, встречал среди адыгов людей грамотных, читающих по-арабски. То были и почтенные старцы, и, как ни удивительно, молодые девушки. В отличие от юношей, увлеченных джигитованием, они тянулись к грамоте, отчасти в предвидении быть проданными в иные страны. Учителями были аульские муллы.

После Кавказской войны, несмотря на упорный страх адыгов, что в государственной школе дети забудут национальные обычаи и религию, в Лабинской (в последующем Майкопской) горской школе обучалось 76 мальчиков. К 1873 г. в Майкопском уезде было уже 48 школ, где обучались 1661 мальчик и 58 девочек (Мазурик В.К., 1997. С.122). До 1892 г. только Майкопская горская школа выпустила 177 чел., в основном адыгов. В 1899 г. она была преобразована в низшее механико-техническое училище.

В середине 70-х гг. в Майкопе появилось первое двух- (позднее трех-) классное мужское училище. Школу же для девочек открыли здесь лишь в 80-е гг. XIX столетия. Произошло это в период губернаторства в Кубанской области генерал-лейтенанта Н.М. Кармалина, достойного продолжателя дела Ф.Н. Сумарокова-Эльстона на ниве народного образования. В 80-е гг. мужской и женской майкопским школам (училищам) присвоили императорские имена. Мужское, – ставшее трехклассным, получило наименование Александровского – в память императора Александра II. Майкопское городское женское училище, открывшееся в 1861 г., стало Мариинским – в честь императрицы Марии, супруги Павла I, основательницы благотворительного общества ее имени. По тем временам это было честью для Майкопа и налагало большую ответственность на городские власти и учителей за качество и условия учения. Кстати, трехклассное училище давало тогда объем знаний, соответствующий по содержанию нынешнему неполному среднему образованию (естественно, с поправкой на соответствующий веку уровень научных знаний) (Мазурик В.К., 1997. С.122).

Начиная с 70-х гг. XIX в., количество учебных заведений в Кубанской области стало динамично расти. В 1876 г. одноклассные начальные училища были открыты и в других населенных пунктах. Во всех этих учебных заведениях преподавание велось на русском языке. Кроме них в Екатеринодаре, Майкопе, Баталпашинске, Армавире, Лабинске, Урупске, Усть-Лабе, Ладожской и в других населенных пунктах были открыты различные образовательные учреждения, в которых учились адыги вместе с русскими детьми. Одногодичные начальные школы-училища были открыты в 1876 г., в аулах Суворово-Черкесском и Хаштуке, а в следующем году – в а. Хакуринохабль. Обучение детей здесь велось на русском языке. Эти школы сыграли определенную положительную роль в распространении просвещения среди горцев.

Количественные показатели интенсивного роста аульных и станичных училищ в Кубанской области в 70-80-е гг. XIX в. выглядели следующим образом: если в 1871 г. их было 179, то в 1880 г. уже 218, в том числе 14 женских. В 1885 г. в Кубанской области имелось 235 учебных заведений с 11 168 учащимися. Определенное количество адыгейцев училось также в петербургских и московских учебных заведениях. Например, в 1859 г. адыг Шумаф Татлюк (Татлок) окончил Московский университет, стал кандидатом прав и был оставлен на работе в Москве.

О том, какими темпами развивалось школьное образование на Северо-Западном Кавказе, можно судить по цифрам, приведенным в книге «История Кубани...» (2004): «Если к началу 1860-х гг. здесь действовали одно среднее учебное заведение (войсковая мужская гимназия) и около 30 начальных училищ, то через 50 лет, в начале XX столетия, число гимназий выросло до 12, начальных училищ Министерства народного просвещения насчитывалось 1033. Кроме них существовали реальные, промышленные училища, учительские семина-

рии и другие типы учебных заведений. Получило развитие и женское образование. Первое женское учебное заведение (Мариинское женское училище) было открыто в 1863 г., в 1902 г. оно было преобразовано в Мариинский женский институт, дававший среднее образование. К 1912 г. только женских гимназий в Кубанской области и Черноморской губернии было 8 (что превышало число мужских в 2 раза), так как в семьях купцов, мещан, лавочников считалось престижным давать дочерям среднее образование» («История Кубани...», 2004. С. 138, 154). Наряду с казаками и иногородними, в этих учебных заведениях учились и дети горцев.

В 1881 г. сообщалось: «В 1880 г. начато постройкой в городе Майкопе на средства горских обществ здание четырехклассного горского училища по смете на сумму 52 000 руб., а для учреждения и содержания этого училища аулы обязались вносить ежегодно по 2 руб. с дыма». Именно из стен этой школы вышли те, кто позднее получил известность адыгских просветителей и интеллигентов, – первые собственные работники науки, образования и культуры Адыгеи. Тем не менее, развитие образования среди адыгов сталкивалось с немалыми трудностями. Как писал в прошлом веке Я. Абрамов, «...насколько много сделано нами на Кавказе для того, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря, в этом отношении не сделано еще даже начального шага». Он отмечает, что открытые в некоторых местах так называемые горские школы «положительно вредны». Во время 6-летнего пребывания в горской школе «...ученик-туземец отвыкает от труда, изленивается, избаловывается и совершенно отчуждается от той среды, из которой он вышел и в которую ему придется возвратиться».

Примечательным является тот факт, что задолго до революции в а. Тахтамукай с материальной помощью Л.Н. Толстого была открыта первая в Адыгее женская школа. Великий русский писатель подарил ей богатую библиотеку – произведения классиков русской литературы, словари и учебники. В конце XIX в., по требованию населения и за его счет, были открыты школы в а. Гатлукай, Понежукай, Габукай, Шенджий и Бжедугхабль. Всего же к концу XIX в. в Адыгее было только 7 школ для горцев с обучением на русском языке.

Жители аулов понимали значение русской школы в их жизни. Они сами требовали открытия школ. Школы содержались в основном на средства аульского общества. В приказе начальника Кубанской области от 12 декабря 1894 г. отмечалось, что «...горцы Екатеринодарского отдела охотно пошли на материальное пожертвование, т. к. поняли, какую первостепенную важность в их жизни должна иметь русская школа». В другом официальном документе также подчеркивается, что горское население стремится «...к образованию своих детей, видя в русской грамоте источник света». Население аулов принимало на своих сходах решения о постройке новых школ, улучшении их оборудования о расширении программ, увеличении числа учащихся в школах. Все эти факты свидетельствуют о большой тяге адыгов к образованию, к русской грамоте.

Однако основная крестьянская масса не имела возможности обучать детей в школах как из-за отсутствия средств, так и из-за ограниченности мест в самих школах, а также крайнего недостатка грамотных учителей. Так, в Адыгее накануне Октябрьской революции во всех светских школах работало всего 12 учителей, в т. ч. 4 адыгейца, причем только один из адыгов – С. Сиухов – окончил учительскую семинарию. Явно дискриминационная политика со стороны царских властей по отношению к адыгам сказывалась и на количестве школ для них. Одна адыгская школа приходилась до революции на 22 000 горцев (табл. 51):

Таблица 51 – Количество национальных школ в Кубанской области, 1882 г.

Национальность	Количество		
	жителей, чел.	школ, шт.	жителей на 1 школу
Русские	752 000	237	3 162
Горцы (адыги)	90 000	4	22 000
Армяне	6 000	4	1 500
Немцы	5 500	10	550
Татары	500	1	5 000

Привожу типичный ответ бжегокаевского старшины на запрос о просвещении горцев: «Никаких школ в Бжегокаевском обществе нет, библиотек и читален нет, никаких газет, журналов и книг не выписывается». Недостаток горских светских школ отчасти восполнялся мусульманскими школами при мечетях. В некоторых из них обучение велось на адыгейском языке. Для этого применялся алфавит адыгейского языка на арабской графической основе.

Горские школы просуществовали с 1859 г. вплоть до начала XX в. Цель их создания была в приобщении горцев к образованию и просвещению,

подготовке управленческих кадров из местной среды. Создавались окружные и начальные школы, причем окружные соответствовали уездным училищам Центральной России, их выпускники могли без экзаменов приниматься в 4-й класс кавказских гимназий. Начальные школы соответствовали российским, за исключением замены православного законоучения мусульманским. Школы открывались в основном по инициативе и на средства горцев, что свидетельствует об осознании значимости образования в горской среде. Политика в области развития народного образования в среде горцев была успешной, в результате чего сформировалась прослойка образованных людей прорусской ориентации («История Кубани...», 2004. с. 138. С. 151).

К 1900 г. в Майкопе было уже 5 школ. Кроме упоминавшихся выше мужского и женского училищ, продолжался прием учеников в Майкопскую горскую (адыгейскую) школу. Попечителем ее стал атаман Майкопского отдела полковник К.Н. Гунниус, пригласивший в школу в качестве школьного врача А.И. Альбановича. Наконец, в городе открылись и одноклассные мужские училища: 1-е (заведующий – кол-

лежский регистратор П.И. Тарасенко) и 2-е (заведующий – учитель К.К. Шапошников). «Так что, – подчеркивает В.К. Мазурик (1997. С.122), – школьное дело в Майкопе получило развитие еще в XIX столетии (а не после 1917 г., как это еще недавно полагалось считать), формируя фундамент того солидного здания народного образования, которое возвышается здесь сейчас...».

Тем не менее, до революции практически все адыги, как и другие народности национальных окраин Российской империи, были неграмотны. В журнале «Вестник воспитания» за 1906 г. высказывался такой прогноз: для достижения всеобщей грамотности мужчин на Кавказе потребуется 430 лет, а женщин – 940 лет. Печальное предсказание было опровергнуто советской действительностью.

3.1.4.2. Открытие школьных заведений в Кабарде

Средствами русского образования начинала формироваться особая европейско-русская идентичность просвещенных представителей Кавказа.

В.И. Стрелов (2004).

15 августа 1860 г. – открытие первой в Кабарде Нальчикской окружной горской школы. Она заложила основы доступного начального образования для кабардинцев, балкарцев и представителей других горских народов, проживавших в Кабардинском округе.

«История многовекового...» (2007. С. 608).

Горские школы. 20 октября 1859 г. император Александр II утвердил специальный Устав горских школ. Согласно этому Уставу, целью школ было «...распространение гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей». Этот устав ужесточил требования к социальному составу учащихся: ими могли стать только дети состоятельных и знатных горцев. Обучение велось на русском языке, преподавание родного языка не предусматривалось.

Согласно этому документу, в 60-е гг. XIX в. на Северном Кавказе стали открываться так называемые горские школы. Первоначально они были учреждены во Владикавказе и Нальчике (1860), Грозном (1863), Майкопе (1866) и сел. Назрань (1870). Эти учебные заведения просуществовали без особых изменений вплоть до Октябрьской революции.

Раскрывая цель создания горских школ, журнал «Русский вестник» писал, что они должны готовить своих воспитанников для поступления в кадетские корпуса и гражданские учебные заведения России, которые выпускали офицеров, врачей, учителей, переводчиков, способных «служить хорошими проводниками новых понятий и полезных реформ» на Кавказе. Идентичным было содержание приведенного выше циркуляра министерства образования от 1867 г., где говорилось, что «просвещать постепенно инородцев, сближать их с русским народом – составляет задачу величайшей политической важности» (Епифанцев А.А. 2010. С. 184-186).

Горские школы разделялись на окружные и начальные. Окружные по своим программам и правам соответствовали уездным училищам. Окончившие данный курс с хорошими успехами принимались в гимназии Кавказского учебного округа в 4-й класс без экзаменационных испытаний. Начальные школы имели один класс с тремя отделениями, с программой начальной школы. Окончившие их с хорошими оценками принимались без экзаменов во 2-й класс уездных училищ и гимназий Кавказского учебного округа. Выпускники горских школ получали свидетельства, которые также давали право работать в начальных сельских школах. Программа этих учебных заведений была аналогична программе русских школ. В учебный план входили: мусульманское и православное вероучение, русский язык, арифметика, история всеобщая и русская, география, рисование, чистописание, пение. С 1879 г. было введено преподавание арабского и французского языков. Французский язык изучали лица, имевшие желание продолжать обучение в мужских гимназиях Кавказского учебного округа, куда они принимались без вступительных экзаменов. Знание арабского языка требовалось для изучения мусульманского вероучения. Преподавание в горских школах, как и во всех учебных заведениях Кавказского учебного округа, в которых обучались нерусские дети, велось на русском языке.

Нальчикская горская школа. Во второй половине XIX в. привилегированные слои русского населения, проходившие службу и проживающие в Кабарде, получают возможность обучать своих детей в открывшейся в 1860 г. Нальчикской окружной горской школе, которая была образована на базе Кабардинской школы, согласно уставу, утвержденному российским императором 20 октября 1859 г. В ее уставе было записано, что созданием горской школы правительство стремилось, кроме прочего, доставить «служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей».

Школа имела в своем составе четыре класса: один подготовительный с трехлетним периодом обучения и три основных. По своему статусу она приравнивалась к уездному училищу. Общий срок обучения в школе составлял 6 лет. Обучение было платным. При ней имелся пансион, рассчитанный на 65 мест, из которых детьми местных феодалов заполнялось 50, остальные 15 выделялись детям русских офицеров. Все пансионеры

содержались за счет казны, кабардинских и балкарских общественных сумм и средств командующего Кавказской армией, в связи с чем назывались «казеннокоштными». На учебу принимались также представители других сословий, которые сами вносили плату (кошт) за обучение, которые назывались «своекоштными».

В школе изучали закон Божий, мусульманские законы, русский язык, географию, краткую русскую и всеобщую историю, арифметику, начальные понятия алгебры и геометрии, чистописание. Здесь дети занимались гимнастикой и пением, а также столярным и токарным делом, огородничеством и садоводством. В 1879 г. при горской школе открывается агрономическое отделение. С того же года вводится изучение французского и арабского языков. Обучение, как и во всех школах, где учились нерусские дети, велось на русском языке.

Учебная программа была составлена таким образом, чтобы выпускники школы могли поступить в 4-й класс российской гимназии. Они получали также свидетельство, которое давало право работать учителями сельских школ. За 1-2 года дети изучали русский язык. Таким образом, как пишет В.И. Стрелов (2004), «средствами русского образования начинала формироваться особая европейско-русская идентичность просвещенных представителей Кавказа» (Цит. по: Бичиева И.С., 2006. Вып. IV. С. 522-523).

Нальчикская горская школа при своем открытии насчитывала 25 учащихся. Уже в 1869 г. в ней обучалось 58 человек, из них детей кабардинских князей и дворян – 18, балкарских таубиев – 5, русских офицеров и урядников – 29 и прочих – 6. Как вспоминал Т.-С. Шеретлоков, «места в интернате предназначались исключительно для детей привилегированного класса за малым исключением (я помню – только 2-3 %, и то приходящих, – было низших сословий...)» (Цит. по: Бичиева И.С., 2006. Вып. IV).

Нальчикская горская школа с точки зрения национального состава выглядела следующим образом. К январю 1869 г. из 58 учеников 22 – адыги и балкарцы, русские – 35, грузины – 1. В 1890 г. адыгов и балкарцев стало 38 из 103 учеников, в 1893 г. – 48 из 106 учеников; в 1895 г. – 39 из 100 учеников; в 1904 г. – 48 из 131 ученика и в 1905 г. – 52 из 135 учеников. Несмотря на то, что выпуск учащихся был невелик и наблюдался большой отсев, общая тенденция была направлена на рост количества учеников из числа адыгов и балкарцев.

В 1873 г. в Нальчикской окружной школе числилось 80 учащихся. По сословной принадлежности они распределялись так: дети дворян – 53 чел.; представители мусульманского духовенства – 2; городских сословий – 6; нижних чинов и казаков – 19 чел. Во главе учебного заведения стоял смотритель, назначавшийся царским наместником и главнокомандующим Кавказской армией. Школа имела в своем штате двух учителей-надзирателей, педагогов подготовительного класса, двух учителей наук, законоучителей православной и мусульманской веры, преподавателей гимнастики, ручного труда и садоводства.

Дополняет эту информацию А.А. Епифанцев (2010. С. 184-186). В основном, – пишет он, – в школах учились дети дворян. После их окончания они имели право поступить в высшее военное училище, по окончании курса которого выпускались офицерами и шли служить в армию. Определенное количество адыгов поступает в лучшие гражданские вузы страны. Московский университет оканчивает известный общественный деятель Кабарды Л.М. Кодзоков, а другие адыгские просветители, такие как Кази Атажукин, Адиль-Гирей Кешев, Султан Крым-Гирей Инатов учатся в Петербургском университете.

«В целях подготовки специалистов сельского хозяйства» в 1879 г. при Нальчикской горской школе было открыто технико-агрономическое отделение. В 80-х гг. XIX в. представителями общественности Кабарды несколько раз поднимался вопрос о преобразовании Нальчикской горской школы в реальное училище (среднее учебное заведение). Однако этот вопрос был решен центральной администрацией положительно только в начале XX в.

В общей сложности, за 39 выпусков Нальчикскую горскую школу окончили 427 чел., т. е. в среднем 11 чел. ежегодно. При всей малочисленности выпускников, она сыграла существенную роль в подготовке национальных кадров, в становлении местной прогрессивной интеллигенции. В частности, это учебное заведение окончили К. Атажукин, А.Т. Кешев, С.-Б. Абаев, В. Кудашев, Т. Кашежев, К. Ахлов, И. Кармов, Т. Шеретлоков и др. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

Нальчикская мужская школа. В Нальчикской слободе, по предложению начальника Георгиевского округа Терской области, поддержанному единогласно обществом слободы, 2 февраля 1873 г. была открыта Нальчикская народная мужская школа. К ее открытию сюда явилось учиться 40 мальчиков, а средства на содержание выделялись из общественной слободской суммы. Учительницей была избрана Анастасия Семенова, уроки Закона Божьего давал бесплатно дьякон Нальчикской Семёновской церкви Алексей Молчанов, а уроки пения – учитель приготовительного класса Нальчикской горской школы Стригуненко (также бесплатно) (Дзагов Р.Н., 2006. Вып. IV).

Однако вскоре российское правительство отказалось от учреждения новых горских школ. Л.С. Гатагова объясняет это явление социальной и политической переориентацией имперской политики, вызванной окончанием Кавказской войны. Российская власть не видела уже особой необходимости в заигрывании с горскими феодальными верхами, для детей которых в первую очередь и предназначались эти школы.

Нальчикская женская школа. Кроме горских школ, с 1860 г. в Нальчике работала относящаяся к разряду начальной Нальчикская бесплатная женская школа, открывшаяся «по инициативе некоторых дам из местной интеллигенции». В ней учились исключительно дети русских поселян. Основными предметами для детей были: Закон Божий, чтение и письмо, арифметика и рукоделие. В первое время в школе не было «...даже особой учительницы, а занимались с девочками по очереди дамы».

Учительские курсы. Параллельно с деятельностью Нальчикской горской школы, с 1866 г. в Нальчике стали функционировать трехмесячные педагогические курсы, организованные Кази Атажукиным, где готовились сельские учителя. Задача курсов состояла в обучении правильно, внятно и отчетливо читать и писать по-кабардински и усвоении четырех элементарных правил арифметики. Выпускникам выдавали свидетельства с присвоением звания сельского учителя. В частности, там обучались Т. Бахов, Х. Докшоков, А. Джабоев, А. Мамышев, Х. Мамбетов, Г. Лукожев и З. Керевов. Работой курсов руководил И.М. Кармов – учитель подготовительного класса Нальчикской горской школы. В связи с преобразованием Нальчикской горской школы в реальное училище в 1913 г. педагогические курсы перестали функционировать. Говоря об этом преобразовании «после долгих усилий», П. Коцев писал, что горская школа поглощала громадные деньги и время 6-7 лет, но не давала «решительно никаких прав», не вела «даже в младшие классы гимназии, чем отчасти объясняется малое число интеллигенции в Кабарде».

К сожалению, учительские курсы не вполне оправдали надежд Атажукина. Многие слушатели бросали учебу, а окончившие курсы долго не приступали к работе в качестве сельского учителя. Школы и учителя не имели необходимой материальной поддержки со стороны администрации, в связи с чем с 1 июня 1867 г. педагогические курсы перестали существовать.

«Были, – пишет Я. Абрамов, – и некоторые другие попытки облагодетельствовать туземное население образованием. Так, в Кабарде были устроены три начальные школы, в которых были посажены учительницы и куда ученики сгонялись полицией, но т. к. эти школы, помимо обучения мальчиков, служили и для другого назначения – быть местом «сладкого отдыха» для лиц начальствующих, то они, возбуждая в населении общее омерзение к себе, принуждены были закрыться». Дополняет эту удручающую картину «просвещения» адыгов публикация в «Терских ведомостях» (1903, № 141): «Существующие в большинстве аулов туземные школы при мечетях не играют ровной никакой просветительной роли; в них обучают мальчиков чтению Корана на чуждом арабском языке, и только. Немало случаев, когда ученик, пробыв в выучке 3-4 года, оставлял школу с таким запасом знаний, с каким он входил в нее, т.е. вполне неграмотным. В лучшем случае, он приобретал только механическое умение читать непонятные тексты».

Параллельно с 1875 г. в Кабарде возникли первые сельские светские школы в сел. Кучмазукино, Куденетово и Шарданово. Однако на практике их регулярная деятельность началась только на рубеже XIX-XX вв. Ключевой проблемой развития школьного образования в конце XIX в. являлось то, что оно не было национальным. Т.-С. Шеретлоков указывал в связи с этим на «неумение русских властей подойти к этому народу, а главное, ...образовательное искусство далеко не приближалось к повседневной жизни и не было приведено к реализму». П. Коцев указывал, что «основным требованием начального обучения является преподавание предметов на родном языке с постепенным переходом к изучению на русском» (Бичиева И.С., 2006. Вып. IV).

Таблица 52 – Количество учащихся в школах Пятигорского округа, по состоянию на 01.01.1877 г. (Дзагов Р.Н., 2006. С. 532).

Местонахождение школьных заведений	Число школ	Число учащихся	
		муж.	жен.
В слободе Нальчик			
1. Горская окружная школа	1	75	–
2. Мужская начальная школа	1	32	–
3. Женская начальная школа	1	–	30
В 26 станицах и 1 поселке	28	1313	276
В колониях:			
1. Александровской	1	74	69
2. Кановой	1	38	30
3. Каррас	1	72	57
4. Константиновской	1	39	40
5. Михайловской	1	40	45
6. Николаевской	1	60	42
В кабардинских селах	3	61	–

В пореформенное время в целом на Северном Кавказе, и, в частности, в Кабарде, увеличивается число открываемых учебных заведений. Это было связано с процессом модернизации российской школы и вытекающими отсюда потребностями российского правительства в образованных кадрах, главным образом из числа горцев, которые должны были служить его опорой в проведении политики царского самодержавия. Некоторое представление о состоянии школьного дела в Кабарде можно получить из таблицы 52.

В Нальчикском округе к 1900 г. насчитывалось 26 училищ, в том числе окружная горская школа, соответствующая 3-классному училищу, и 25 низших школ, из которых 8 мужских, 1 женская и 16 смешанных. В числе низших школ было и 5 церковно-приходских. Из 26 школ 7 находились в русских населенных пунктах, одна – в

Александровской немецкой колонии, а остальные – в «туземных селениях». Через три года к функционировавшим в русских селениях добавилась еще одна низшая (смешанная) школа.

В начале XX в. растет быстрыми темпами количество девочек, обучающихся в школах. Так, в 1911 г. в одноклассной женской школе обучались уже 55 девочек, из них русских – 36, армянок – 2, евреек – 13, кабардинок – 11. По результатам однодневной переписи начальных школ в империи, произведенной 18 января 1911 г., в Нальчикском округе насчитывалось 44 училища, из которых кабардинских было 12, одноклассных приходских – 15, одноклассных сельско-общественных – 7, колонистских – 3 и по 1 одноклассно-церковно-приходскому, двухклассно-сельско-общественному, одноклассно-частному и инославскому (евангельско-лютеранско-церковному) училищу (Дзагов Р.Н., 2006. Вып. IV).

Вплоть до 1910-х гг. все попытки ввести обучение на родном языке не удавались, а обучение на русском языке успеха не приносило. Поэтому не случайно появление в конце 1907 г. следующего обращения от кабардинских представителей: «... в настоящее время имеется по Кабарде, считая и Малую, 26 школ, на содержание которых тратится ежегодно в среднем по 700 руб. на школу, или около 20 тыс. на все школы. При таких сравнительно крупных расходах население не извлекает из них никакой пользы, и результаты обучения в сельских школах со времени открытия их до сих пор получаются самые плачевные, ...ни в одном селении со школой нельзя найти почти ни одного мальчика, научившегося переводить самую простую обиходную краткую речь, тем более прочитать и объяснить письмо. Происходит это по многим причинам, в числе коих первое место занимает крайняя затруднительность изучения русского языка среди их обстановки и недостаточность содержания их учителей. Ввиду этого мы находим более целесообразным вместо содержания этих 27 сельских школ, не принесших нам никакой пользы, открыть на эти средства 3 участковые школы, причем к содержанию их привлечь все селения Большой и Малой Кабарды». Рассматривая причины данного решения, П. Коцев писал, что основной «является совершенная безрезультатность 2-3-летнего пребывания детей в аульных школах». (Бичиева И.С., 2006. Вып. IV).

В 1913 г. на 120-тысячное население Кабарды и Балкарии имелось лишь 12 школ и одно реальное училище, где обучались дети господствующего класса. Среди взрослого населения грамотных было 1–2%. Кабардинцы и балкарцы не имели своей письменности. Царское правительство принимало все меры к тому, чтобы задержать культурный рост национальных меньшинств (Кешева Е.Т., 1981). Несмотря на расширение сети светских учебных заведений, принципы их организации, а также цели, ставившиеся перед образованием, оставались по своей сути практически неизменными вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Подводя итоги развитию светского школьного образования в Кабарде, Т.-С. Шеретлоков писал: «За 22 года своего существования ни одна из них [сельских школ] из 1-классной не могла преобразоваться в 2-классную, что крайне ненормально».

3.1.4.3. Проблема преподавания местных языков при царизме: от «обязательного» требования изучения – до его необязательности

Граф Воронцов... придерживался мнения, что делом первой важности для Кавказского края являлось «непременное и безусловное обучение всех русских учащихся, по крайней мере, одному из туземных языков».

Н.Н. Денисова (1999. Вып. 1).

В таком многонациональном государстве, как Россия, правительство вынуждено было постоянно обращаться к проблеме изучения местных языков. При всех негативных сторонах царской политики, тем не менее, некоторые ее стороны, по мнению Н.Н. Денисовой (1999. Вып. 1), «...несли в себе отдельные общегуманистические элементы. Это можно отнести к требованию изучать местные языки всем, проживающим в крае и, в первую очередь, готовившимся к государственной службе. Граф Воронцов, например, придерживался мнения, что делом первой важности для Кавказского края являлось «непременное и безусловное обучение всех русских учащихся, по крайней мере, одному из туземных языков».

10 мая 1835 г. принимается «Положение о Закавказских училищах», в котором формулируется требование «относительно изучения местных языков детьми русских чиновников Закавказского края». Хрестоматийным стал пример по Ставропольской гимназии, где изучались языки: татарский (обязательный для всех), черкесский (введен в 1849 г., обязательный для казеннокоштных воспитанников и для содержащихся на счет сумм Кавказского казачьего линейного войска), армянский (только для армян).

Представляет интерес работа Екатеринодарской войсковой гимназии в этом направлении. В материалах Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, ф. 470, оп. 2, д.210, л. 7) хранятся любопытные данные об успеваемости русских учащихся по черкесскому языку и участию преподавателей в разработке его письменности. Вместе с тем, в официально сформулированной цели горских школ одним из главных вопросов определялось изучение русского языка, и не было такового по отношению языков местных. Как следствие, в 1864 г. ликвидируется правило, по которому преподавание в народных училищах должно было вестись на языке края, в котором находилось училище.

В 1911 г. при подготовке очередной реформы предпринимались попытки поправить положение. Подготовленный проект допускал в местностях с нерусским населением открытие школ с 4-х летним курсом на материнском языке, при сохранении возможности приспособления школы к местным условиям. Однако этот проект не был утвержден Государственной Думой (Денисова Н.Н., 1999. Вып. 1).

3.1.4.4. Роль общественных организаций, способствовавших развитию народного просвещения адыгов до революции

Считаю себя обязанным выразить... Майкопской городской Думе свою признательность за соответственное отношение к школьному делу и учителям. Личу себя надеждой, что принятое направление останется таким же и на будущее время.

Директор народных училищ Кубанской области (1911).

В решении проблем народного просвещения немалая роль принадлежала адыгской общественности, которая находила поддержку у российских деятелей народного образования, осуждавших «обрусительную» политику в инородческой школе. Но преувеличивать эту поддержку нет оснований, так как, например, признанный одним из самых радикальных, I Всероссийский съезд по народному образованию (1913/1914 гг.), высказавшись за сообразность школы местным условиям, тем не менее, признал необходимым обучение на родном языке только в начальный период, при сохранении обучения русскому языку с самого начала.

В конце XIX – начале XX вв. на Кубани действовало достаточно большое количество общественных организаций, участвовавших в делах народного образования и просвещения; при этом заметную роль среди них играли национальные движения, среди них – Совет образованных горцев, Союз кавказских педагогов, Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, Горское и Черкесское благотворительное общества и ряд других.

О вкладе в просвещение горцев действовавшего в Екатеринодаре Черкесского благотворительного общества рассказывает С.Х. Хотко (2012. Вып. 8. С. 7-8): «На одном из заседаний правления общества в 1916 г. было принято постановление о целесообразности в ближайшее время решения следующих вопросов: 1) Озаботиться приобретением шрифта на черкесском языке; 2) Подготовить устройство курсов учителей черкесского языка; 3) Послать в Гурийскую учительскую семинарию несколько черкесских детей за счет благотворительного общества; 4) Намечено печатание букварей и вообще учебников и книг для народа; 5) Организовать черкесский музей и открыть фонд на устройство мечети и т. д.». Ощутимый импульс в виде деятельности общественных организаций, потока учебной и иной литературы, в лице турецко-подданных учителей поступал из зарубежной адыгской диаспоры.

На рубеже веков действовало достаточно большое количество общественных организаций, участвующих в делах народного образования, мощное направление среди них составляли национальные движения, среди них – Совет образованных горцев, Союз кавказских педагогов, Черкесское благотворительное и Горское общества, Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области и ряд других. Ощутимый импульс в виде деятельности общественных организаций, потока учебной и иной литературы, в лице турецко-подданных учителей поступал из зарубежной адыгской диаспоры. Правительству вынуждено было признать активное участие обществ и органов местного самоуправления в делах народного образования. Как отмечал попечитель Кавказского учебного округа К.П. Янковский, между официальными лицами учебного округа и обществами здесь сложилось тесное взаимодействие.

Директор народных училищ Кубанской области писал в адрес Майкопской городской Думы: «Считаю себя обязанным выразить ...городской Думе свою признательность за соответственное отношение к школьному делу и учителям. Личу себя надеждой, что принятое направление останется таким же и на будущее время». Основания для подобных отзывов были. В Майкопе постоянно рос процент бюджета, выделяемый на нужды народного образования. Если в 1895 г. он составил 15%, то в 1910 – 32,3%, а в 1911 г. – уже 36,5%.

Распространение школьного образования в значительной степени обуславливалось стремлением аульских обществ взять на себя содержание школ, выплату стипендии учащимся. Аульские общества Карачая и Черкесии выделяли по 1,5 руб. с крестьянского двора на эти нужды, тогда как в целом по России этот показатель составлял в городах 44 коп. и 27,5 коп. в селах и деревнях. Аульские общества Адыгеи готовы были выделять на каждого учащегося (горца) учительской семинарии по 180 руб. (Денисова Н.Н., 1999. Вып. 1).

Наряду со строительством школ, уже в дореволюционный период передовыми деятелями Северного Кавказа ставился вопрос о целесообразности открытия в регионе высших учебных заведений, в первую очередь, сельскохозяйственного профиля. Таким высшим учебным заведением, по мнению К.Л. Хетагурова (1897), мог бы стать «...учрежденный в крае политехнический институт с сельскохозяйственным и горным отделениями. Такой институт, вооруженный всеми средствами для правильной научной постановки соответствующих опытов в сфере сельскохозяйственной, обрабатывающей и горнозаводской промышленности, вдохнул бы новую жизнь во всю промышленную деятельность края... При полном отсутствии на Кавказе сельскохозяйственных школ, которые могли бы послужить живыми и обильными источниками распространения знаний между пытливыми и любознательными от природы горцами, и при крайней недостаточности существующих для них министерских школ общеобразовательного характера, население горское предается мирному земледельческому или скотоводческому труду соответственно с нормой своего земледельческого довольства, порываясь достигать и все более и более осуществлять многие начала интенсивной сельскохозяйственной и земледельческой деятельности».

3.1.4.5. Баксанское культурное движение: новый импульс в деле просвещения адыгов

Культурное движение за просвещение адыгов не может быть сколько-нибудь успешным без своей базы учебников. Это понимали все просветители адыгских народов и свою деятельность начинали с создания азбуки,

З.М. Налоев (2009).

Понятно, – пишет З.М. Налоев (2009), – что культурное движение за просвещение адыгов не может быть сколько-нибудь успешным без своей базы учебников. Это понимали все просветители адыгских народов и свою деятельность начинали с создания азбуки, но до появления Баксанского культурного центра никто не смог пойти дальше этого. Причин тому было немало. Отсутствие своей полиграфической базы сильно тормозило дело, и энтузиастам приходилось выпускать свои первые книжки в Тбилиси (те, кто был связан с русской школьной системой: У. Берсей, К. Атажукин, П. Тамбиев) или в Темир-хан-Шуре и Казани (те, кто был связан с системой медресе: М. Фанзиев, С. Тайсаев, А. Хатанов, А. Дымов).

Сначала кабардиноязычным медресе приходилось пользоваться учебниками стамбульского издания («Алыфбей», «Жеогграфияе», «Книга счета» и, возможно, другими), затем баксанские деятели издают последовательно *две азбуки* собственного составления. Было ясно, что подобным способом обеспечить учебниками даже баксанцев трудно и материально невыгодно. Специалисты полагают, что идея о необходимости обзавестись своей печатной машиной принадлежала Н. Цагову, который уговорил своего друга и соратника А. Дымова приобрести ее на деньги отца. Х.У. Эльбердов пишет, что друзья вместе пошли к старому хаджи Габдул-Гафару. Собралась вся семья Дымовых, стали советоваться. Предприятие было явно нерентабельным, но благочестивый старик решил, что это не только патриотично, но и богоугодно. Хаджи Габдул-Гафар, выделяя средства на это дело, специально оговорил, что типография должна служить, прежде всего, религиозному воспитанию народа, а уже потом распространению знаний.

Однако с высот сегодняшнего социального опыта, пишет З.М. Налоев, – мы можем понять «праведные» мотивы, которыми не мог не руководствоваться старый хаджи в тогдашних общественных условиях. Это было после Февральской революции 1917 г. Н. Цагов и А. Дымов поехали в Казань и, по свидетельству Х. Эльбердова, напечатали там в типографии товарищества «Умид» три книжки: «маленький букварь, книжку, в которой описаны адыгские блюда, и еще одну, третью». Затем приобрели типографскую машину, которую отправили поездом, а книжки привезли с собой. «Маленький букварь» – это «Тхыбзэ» («Письменный язык») Н. Цагова и А. Дымова, который стал основой всей работы Баксанского культурного движения и всех кабардиноязычных медресе вплоть до 1923 г. включительно, когда был введен новый алфавит на латинской графике. Что же касается двух других, то они, к сожалению, до нас не дошли, – завершает свое эссе З.М. Налоев (2009).

3.2. Развитие школьного образования в годы советской власти

3.2.1. Переход от мусульманских школ – к светскому образованию

Место духовного образования в жизни общества вплоть до конца 80-х гг. XX столетия заняло светское образование.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Особенностью развития начального школьного образования у адыгов в конце XIX – начале XX в. было параллельное существование светских и мусульманских школ. Система обучения в традиционных религиозных школах была крайне проста – все сводилось к заучиванию Корана. Поэтому до начала XX в. редко кому из учеников удавалось выучить арабский язык, и очень немногие продолжали дальнейшее образование за рубежом. Но все же в этот период для кабардинцев стало доступным среднее конфессиональное образование в Уфе, Казани, Крыму, а высшее – в Египте и Турции.

Религиозное просвещение в Кабарде приобретает новое качество с возвращением из Турции Нури Цагова, который совместно с Адамом Дымовым возглавил религиозно-просветительское движение. В г. Баксане в те годы, наряду с дымовским медресе, существовало и медресе-али, которое по назначению и структуре могло быть названо «учительской семинарией».

Широкое внедрение светских предметов в курс обучения Баксанского медресе стало возможным только в 1917 г. после Февральской революции. Как серьезную победу прогрессивных сил общества З.М. Налоев расценивает то обстоятельство, что, преодолевая сопротивление консервативных клерикальных кругов, в программу медресе, помимо таких традиционных предметов, как логика, диалектика (то есть учение о правилах ведения дискуссии), риторика, имеющих определенное отношение к пропаганде религии, начинают вводить и предметы, далекие от интересов ислама, – астрономию, географию, арифметику, геометрию, литературоведение, основы правоведения и другие (Бичиева И.С., 2006. Вып. IV).

За короткий период деятели Баксанского центра на базе медресе создали кабардинскую национальную письменность, организовали обучение на родном языке в ряде сельских медресе, связанных с Баксан-

ской учительской семинарией; учредили национальное книжное издательство и стали издавать свою газету. Баксанский центр образовал, пусть немногочисленный еще, но круг грамотных людей, проводивший его идеи в жизнь. В силу успехов «новометодного» просвещения несколько лет до окончательного установления советской власти в Кабарде духовное образование преобладало над светским.

Однако после 1917 г. по объективным причинам соотношение между религиозным и светским образованием стало кардинально меняться. Назначенный в ноябре 1917 г. комиссаром по народному просвещению А.В. Луначарский в своем обращении «К гражданам России» изложил основные задачи советской власти в области просвещения, где, в частности, говорилось о необходимости переориентации всех школ на исключительно светскую направленность. Вслед за этим 24 декабря 1917 г. специальным постановлением Совнаркома все духовно-религиозные школы, училища, семинарии и прочие учебные заведения и учреждения были переданы в Комиссариат по просвещению.

Следующим шагом, направленным на укрепление светского образования стало претворение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (3 февраля 1918 г.), запрещавшего преподавание религиозного вероучения во всех государственных, а также частных учебных заведениях (Бичиева И.С., 2006. Вып. IV. С. 522-523).

К концу первой трети XX в. практически все мусульманские школы Кабардино-Балкарии, Черкесии и Адыгеи были упразднены. Место духовного образования в жизни общества вплоть до конца 80-х гг. XX столетия заняло светское образование (Кумыков Т.Х., Мамбетов Г.Х., Саблиров М.З., 2006).

3.2.2. «Адыгейский феномен»: ликвидация неграмотности – одна из первоочередных задач культурной революции

3.2.2.1. Трудности на пути национального образования адыгов

*Мир освещается солнцем, мир создается знаниями. –
Дунаир зыгэнэфырэр тыгъэ, данаир ззыгъафэрэр ш'эныгъ.*

Адыгская пословица

С первых же дней установления советской власти в Адыгее проводились важнейшие мероприятия по повышению культурного уровня населения (Савв Р.Х., Трахов Э.М., Чундышко А.Х., 2000). Их необходимость диктовалась в первую очередь, задачами дальнейшего развития экономики, для чего необходимы были знания и их умелое использование; при этом для решения проблем экономического развития необходимо было активное участие населения.

Решение задач культурного строительства в аулах и селах встречало серьезные трудности:

Во-первых, грамотность среди населения в 1926 г. составляла всего лишь 4,5 % (среди женщин 1,6 %). Умеющие читать и писать по-русски в аулах насчитывались единицами, а в некоторых населенных пунктах население было сплошь безграмотным.

Во-вторых, только что созданная письменность не успела распространиться повсюду и была доступна лишь немногим.

В-третьих, только что началось издание газеты, а книг на адыгейском языке еще было очень мало.

В-четвертых, всюду ощущалась острая нехватка национальных кадров.

В-пятых, не было еще разветвленной сети учреждений культуры, не было для этого базы, не хватало школ и учителей.

3.2.2.2. «Определен курс на ликвидацию культурной отсталости крестьянской адыгейской массы»

Вопросы народного образования имеют для трудящихся горцев чрезвычайную важность и требуют немедленного их решения...

Из резолюции крестьян Лакшукайского съезда (1920).

Крестьянство проявляло инициативу в строительстве школ. Так, в а. Мамгех силами и на средства крестьян в 1920–1921 гг. было построено большое кирпичное здание для школы. Строились школьные здания в аулах Егерухай, Хатукай, Понежукай, Хакуринохабль, Эдепсукай I Ассоколай и в других.

Съезд горцев Кубани и Черноморья принял в августе 1920 г. решение «О просвещении горцев», давший возможность для скорейшего открытия школ в аулах, распространения адыгской письменности. «Вопросы народного образования имеют для трудящихся горцев чрезвычайную важность и требуют немедленного их решения», – записали в резолюции крестьяне Лакшукайского съезда (Екатеринодарский отдел).

Имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что активное участие в строительстве и реконструкции школьных зданий принимало население, родители, учащиеся Адыгеи. В 1921 г. газета «Красное знамя» по этому поводу писала: «Горцы а. Мамхеговского, признавая всю пользу просвещения, постановили собрать промеж себя муки и деньги на школьный фонд; собранными пожертвованиями был заложен фундамент школы, и ныне уже красуется здание храма науки». Жители а. Лакшукай собрали 10000 руб. в фонд школьного

строительства, а в а. Шенджий было изготовлено оборудование для школы и произведен ремонт здания. В 1921 г. в Адыгее уже имелось 30 школ с 1100 учащимися, из них 810 учащихся черкесской национальности.

Историческое значение имели для крестьянства Майкопского отдела решения 1-го съезда трудящихся горцев, состоявшегося в середине ноября 1920 г. Был определен курс на ликвидацию культурной отсталости крестьянской адыгейской массы, обращалось серьезное внимание на развитие просвещения среди горцев, стремившихся «к знанию и свету», на раскрепощение адыгейки и вовлечение ее в общественную и политическую жизнь («История сельского хозяйства...», 1994. С. 68).

3.2.2.3. «За букварь засели и стар и млад, особенно усердно взялись за учебу черкешенки»

*За букварь засели и стар и млад, особенно усердно
взялись за учебу черкешенки. К ленинским дням 1931 г.
Адыгея стала страной сплошной грамотности.*

Н.К. Крупская (1931).

Одной из первоочередных задач культурной революции явилась проблема ликвидации неграмотности населения. Здесь уместно вспомнить, что перепись 1897 г. свидетельствовала о вопиющей безграмотности основной массы населения России: из 126 млн. населения 100 млн. не умели ни читать, ни писать. Что же касается северокавказских народов, то уровень грамотности среди них был одним из самых низких в стране. По данным этой же переписи, грамотность среди адыгейцев составляла 7%, карачаевцев – 4,6%, черкесов 3,8 %, кабардинцев – 3,4%, балкарцев – 1,4%. Оценивая бедственное положение просвещения перед революцией, И. Цей с сожалением писал: «Мы, черкесы, так еще бедны школами, что вообще образование для нас является роскошью, привилегией немногих счастливых».

Ликвидация неграмотности в Адыгее проходила в напряженной борьбе. В а. Афипсип мулла объявил обучение горцев грамоте «дьявольским наваждением». Кулаки в а. Козет распускали слухи, что записавшихся в ликпункты (пункты по ликвидации неграмотности) «заберут в коммунию». Среди населения Адыгеи было распространено воззвание наиболее реакционных кругов местного духовенства: «Мы старые, скоро сойдем в могилу, а с нами и религия. Дорогие мусульмане, религия гибнет, Коран попирают ногами. Удержите безумство молодых. Папа римский и иностранные державы все равно не позволят этим голодранцам растоптать религию. Каждый магометанин должен помнить, что есть рай и ад, а потому не пускайте своих детей в русскую школу и в комсомол. Иначе мы с вами за эти грехи будем гореть в аду». Тем не менее, народ Адыгеи добился в те годы заметных успехов в решении проблем ликвидации неграмотности. Как писала Н.К. Крупская, «...за букварь засели и стар и млад, особенно усердно взялись за учебу черкешенки. К ленинским дням 1931 г. Адыгея стала страной сплошной грамотности». Этому, в частности, способствовала четкая позиция высшего руководства страны по сохранению национальной самобытности народов окраин. Как отмечал И.В. Сталин, «...никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык».

3.2.2.4. Ликбез в Адыгее: «Грамотный, обучи неграмотного!»

*По аулам развернута густая сеть ликпунктов и
школ грамоты... Маленькая Адыгейская область по
уровню грамотности почти догнала передовую капиталистическую Англию.*

«Учительская газета» (1931).

Как и по всей стране, в Адыгее постепенно разворачивалось культурное строительство. Во всех аулах открывались начальные школы, где дети получали бесплатное образование. Учащиеся обеспечивались письменными принадлежностями. Был издан букварь на адыгейском языке, все ученики школ были обеспечены букварями и на русском языке. В школах работали учителя-адыги, окончившие краткосрочные курсы, а также русские учителя, приехавшие работать в Адыгею. Дети изучали адыгейский и русский языки, арифметику. Для проведения культурно-просветительской работы использовались *хьакIэщи* (гостиные), в которых проводились читки газет, беседы, встречи с агрономами, животноводами и т. д. Исключительное внимание уделялось ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Население принимало самое активное участие в мероприятиях по культурному строительству. Жители аулов доставляли в школы и пункты по ликвидации неграмотности топливо, керосин, лампы, мастерили сиденья и столы, оборудовали всем необходимым и школы. В числе ликвидаторов неграмотности были люди, умеющие читать и писать, учителя. Среди них была и молодежь, обучавшаяся в Краснодаре и в других городах. В это время был самым распространенным лозунг: «Грамотный, обучи неграмотного!»

3.2.2.5. Малич Аутлев – «ликвидатор неграмотности»

Малич принимал активное участие в массово-разъяснительной работе, проводимой Хакуринохабльским отделением. Ликпункт, который Малич создал вместе со своими родственниками, стал одним из лучших в Адыгее.

Р.Х. Савв, Э.М. Трахов, А.Х. Чундышко (2000).

Среди ликвидаторов неграмотности был и юный Малич Аутлев, будущий доктор исторических наук, академик Адыгской международной академии наук. Как вспоминает сам Малич Гайсович, его дядя Газалий оборудовал ликпункт в своем *хьакIэцце*-гостиной. Малич работал в две смены. Днем в первую смену он обучал женщин, а вечером – мужчин. Из наиболее успевающих он готовил ликвидаторов, которые затем учили грамоте других. Всем своим ученикам он читал стихотворения и рассказы, газетные статьи, в которых говорилось о жизни в стране и в Адыгее, сообщалось о событиях в других странах.

При ликпункте была создана ячейка общества «Долой неграмотность!» Малич принимал активное участие в массово-разъяснительной работе, проводимой Хакуринохабльским отделением. Ликпункт, который Малич создал вместе со своими родственниками, стал одним из лучших в Адыгее. Корреспонденты газеты «За коммунистическое просвещение» (в дальнейшем она стала выходить под названием «Учительская газета» – орган Народного комиссариата просвещения), приезжавшие из Москвы, побывали во многих ликпунктах Адыгеи, присутствовали на занятиях у Малича. Проанализировав работу его ликпункта, они сделали заключение, что создана активная группа, занятия проводятся на должном методическом уровне. Они назвали созданный Маличем ликпункт одним из лучших. Газета писала: «...Черкесское (адыгейское – **Авт.**) население предоставляло под ликпункты свои кунацкие (специальные комнаты для гостей): сами неграмотные эти помещения тщательно приводили в порядок, мыли, чистили, ремонтировали. На своих плечах люди таскали бревна для новых ликпунктов, мастерили железные печки, добывали топливо и приложили много стараний к тому, чтобы новые школы грамоты были оборудованы всем необходимым» («За коммунистическое просвещение», 1931, 13 февраля).

Областные работники, учащиеся Адыгейского учебного городка, комсомольцы и молодежь, работавшие на предприятиях Адыгеи, а также в Краснодаре (типография, швейная фабрика, гвоздильный завод, Дом крестьянина и Дом культуры), т. е. все те, кто прошел школу ликбеза, систематически выезжали в аулы, чтобы участвовать в мероприятиях по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Бригады, сформированные в областном центре, состояли из докладчиков, чтецов, музыкантов. Они привозили в аулы книги, газеты, письменные принадлежности. В *хьакIэццах* организовывали воскресники, приспособляли их для проведения занятий с неграмотными людьми, выступали со своими концертами, проводили беседы.

Малич Аутлев неоднократно выезжал в составе таких бригад в аулы, делился своим опытом по обучению неграмотных в созданном им ликпункте в а. Хакуринохабль, проводил беседы с людьми, участвовал в работах по приспособлению помещений для занятий (Савв Р.Х., Трахов Э.М., Чундышко А.Х., 2000).

В 1923 г. на 50 ликпунктах Адыгеи обучалось грамоте 1200 чел. К началу 1931 г., в области уже обучалось 19 619 неграмотных и 4 042 малограмотных. В результате самоотверженной работы, к концу первой пятилетки неграмотность взрослого населения была в основном ликвидирована. А к 1937 г., грамотность населения области достигла 97,3% (при том, что до революции она составляла около 7%).

3.2.2.6. Итоги «беспрецедентной» кампании по ликвидации неграмотности

Адыгея вписала славную страницу в историю культурной революции. Поразительное и небывалое явление!

«Учительская газета» (1931).

Много внимания «адыгейскому феномену» уделяла центральная «Учительская газета». В одном из ее номеров говорилось: «Адыгея вписала славную страницу в историю культурной революции. Поразительное и небывалое явление! По аулам развернута густая сеть ликпунктов и школ грамоты». Газета с радостным удивлением писала, что «...маленькая Адыгейская область по уровню грамотности почти догнала передовую капиталистическую Англию». Ликвидация неграмотности сыграла огромную роль в культурных преобразованиях Адыгеи. В результате десятки тысяч адыгов научились читать и писать, приобщались к культурным ценностям других народов. На I съезде учителей Адыгеи (август 1924 г.) признавалась важность изучения, наряду с национальным, и русского языка.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что процесс ликвидации неграмотности имел историческое значение. Он способствовал сплочению трудящихся, укреплению дружбы между различными национальностями, населяющими Северный Кавказ. Об этом хорошо сказал в своем обращении к жителям Адыгейской автономной области председатель облисполкома Хакурате: «Обучение русскому языку поможет черкесам приобщиться к лучшим сторонам русской и общенародной культуры, без которой невозможно разумное и самостоятельное существование никакого народа... В единении – сила».

3.2.2.7. Школа в а. Хатукай: судьба первых выпускников

*Кто грамоте горазд – тому не пропасть.
Грамоте учиться – всегда пригодится.*

Русские народные пословицы

*Школа – учитель и воспитатель. Добавлю к этому:
только для тех, кто пришел туда с добрыми намерениями.*

М.Г. Аутлев, академик (1998. Вып. 3).

О том, как была открыта самая первая школа в а. Хатукай и о судьбе некоторых ее выпускников, пишет в своих записках старожил аула, к сожалению, недавно усопший, Джафар Якубович Нанкуев (Нанкыйкьо). Принимая во внимание интерес читателей к вопросу становления и развития школьного образования в Адыгее, привожу этот очерк в кратком изложении.

Вспоминая не без ностальгии, дореволюционные годы, автор очерка пишет: «До революции хатукаевцы жили относительно неплохо. Большинство из них были обеспечены сельскохозяйственным инвентарем, а также тягловой силой – лошадьми и волами. Постепенно у аульчан вместо арбы появились пароконные хода, вместо сохи – железные плуги и бороны; у наиболее зажиточных хозяев не редкость были линейки, тачанки или фаэтоны. Жители а. Хатукай убирали ежегодно большой урожай зерновых культур, что хватало не только для внутреннего употребления, но много еще оставалось на продажу. Люди были обеспечены хлебом, мясом, молоком, а также продукцией со своих огородов. По степи ходили многочисленные стада коров, отары овец и коз, табуны лошадей». И далее автор заключает: «Аульчане жили, трудились, женились и выходили замуж, вместе отмечали праздники, благоустраивали свой а. Хатукай. Одно было плохо – до революции дети бывших крепостных крестьян не имели возможности посещать школу, они не имели права на образование. При царизме школа существовала лишь для детей князей, дворян и помещиков».

В 1922 г. образовалась Черкесская (Адыгейская) автономная область и в этом же году в а. Хатукай открыли начальную сельскую 4-х классную школу. Первыми учителями здесь были супруги Маковские: Василий Иванович и Мария Михайловна. Они были очень хорошими людьми, несли жителям аула свет знаний. К сожалению, их давно нет в живых. Вечная им память!

Поскольку в ауле не было своих национальных кадров – учителей-адыгейцев, первый учебный год ученики Хатукайской школы занимались только на русском языке. Правда, в конце 1922 г. из а. Джамбечий прислали в школу учителем Хусейна Бисиджева, но он проработал всего два месяца и ушел в облОНО. На его место прислали Ибрагима Набокова, но и его отозвали в районо в а. Адабий. Лишь Ахмед Набоков работал в школе долгое время, до 1938 г. Ахмед был очень образованным человеком, он окончил Каирский университет, в совершенстве владел русским, арабским и турецким языками. О нем надолго осталась добрая память. Его сын – Шамиль Набоков окончил хатукайскую школу, после чего учился в Краснодарском мединституте. Продолжительное время работал хирургом в Красногвардейской районной больнице. Мне, – пишет Д. Нанкуев, – удалось обнаружить список первых учеников Хатукайской школы. Думаю, людям интересно будет познакомиться с этим перечнем:

Адамиев Ахмед Хатажукович
Алкашев Хаджемус Темерканович
Бязруков Мазло Хаджумарович
Жуков Хамид Амерзанович
Нанкуев Джафар Якубович
Тлипиев Гейса Асланчериевич

Хапаев Ереджиб Исакович
Хачмафов Абдул Хачмафович
Хачмафов Хадженус Салихович
Хуштоков Асланби Якубович
Хуштоков Джанчери Якубович
Шхалахов Хаджумар Купзещевич

Во время Великой Отечественной войны ушли на фронт многие из этого первого школьного выпуска: Алкашев Х.Т., Жуков Х.А., Нанкуев Д.Я., Тлипиев Г.А., Хапаев Е.И., Хачмафов А.Х., Хуштоков Д.Я. и Шхалахов Х.К. Из них четверо не вернулись домой: Хаджемус Алкашев, Гейса Тлипиев, Джанчери Хуштоков и Хаджумар Шхалахов, а вернулись с войны домой инвалидами Хамид Жуков и Джафар Нанкуев.

В настоящее время из учеников самого первого школьного выпуска остался в живых один я – Нанкуев Джафар Якубович. Несколько слов о себе. Я родился в 1908 г. в г. Анапе. Мой отец – Нанкыйкьо Хаджи-эфенди Якуб Мосович был из рода Колэс натухайского племени, а мать Крымхан – из рода Мамрук темиргоевского племени. В 1912 г. мой отец переехал на жительство в а. Хатукай, который стал для него и меня второй родиной. Отец умер в 1918 г. и я в 10-летнем возрасте остался сиротой. К сожалению, мне не дали возможности после школы учиться в институте, как сыну Хаджи-эфенди, и мне пришлось усиленно заниматься самообразованием. В настоящем очерке я запечатлел все, что мне удалось узнать и услышать от старейших жителей аула: Мусы Хыблана, Битлоустана Тлипиева, Мустафы Хапаева и многих-многих других, которые были живыми свидетелями истории школьного образования в а. Хатукай...

3.2.3. Дальнейшее развитие школьного строительства в Адыгее

Конец 30-х гг. сопровождался активным культурным строительством, в том числе и на селе. В Адыгее в основном была ликвидирована неграмотность среди взрослых, осуществлено всеобщее начальное обучение. Однако, – пишут авторы книги «История сельского хозяйства...» (1994), – тщательный учет образовательного уровня населения, проведенный в 1936 г., выявил около 30 тыс. чел. неграмотных, Уже через год это число уменьшилось более чем в 4 раза.

В 1940 г. в области функционировало 234 (по другим данным – 222) общеобразовательных школы, в том числе 57 школ, в которых преподавание велось на адыгейском языке. В них обучалось около 53 тыс. учащихся, в том числе более 12,6 тыс. адыгейцев. Преподавательскую работу в школах области вели свыше 1300 учителей, в том числе 326 адыгейцев. В конце XX столетия число учащихся возросло до 67 013, а учителей – до 5712 (табл. 53).

Таблица 53 – Развитие школьного образования в Адыгее

Год	Количество			учителей	учащихся
	адыгейских	школ русских	всего		
1866	1	-	1		
1868	2	-	2		
1882	4	-	4		
1897	7	-	7		
1916	12	-	12	12	682
1922	39	25	64		
1923	41	38	79		
1926	52	54	106		8 017
1928			129		9 474
1930			120	427	10 749
1933			142		14 204
1938	37	128		1 671	48 800*)
1940			222	1 755	51 600
1943			227		
1945			262	1 557	36 779
1947			243		45 059
1955			247	3 000	49 000**)
1960			273		50 500
1965			280		67 200
1990	74		165	4911	61 267
1994			174	5712	67 013

Примечания: *) в том числе 12 600 адыгейцев.

**) в том числе 12 943 адыгейцев

Большую роль в подготовке педагогических кадров для начальной школы (их в области насчитывалось 160) играло педагогическое училище, которое в 1938 г. было переведено из Краснодара в Майкоп. К этому времени педучилище подготовило для начальной школы около 700 учителей. За успехи в деле школьного обучения и воспитания детей в сельских школах, отличную постановку учебной работы, активное участие в общественной жизни в деревне Президиум Верховного Совета СССР наградил в мае 1939 г. большую группу учителей. Среди награжденных были 5 учителей сельских школ Адыгеи. Орденом «Знак Почета» награждались Ю.А. Тлебзу (Понежукайская СШ), Е.В. Яворовский (Красногвардейская СШ), медалью «За трудовое отличие» – Г.С. Блягоз (Лакшукайская СШ), М.И. Дахужев (Кабехабльская СШ) и А.Б. Хахук (Кошехабльская СШ).

Однако острая потребность в педагогических кадрах области оставалась. Более 300 учителей имели незаконченное среднее образование. В

1940 г. в Майкопе открылся учительский институт. Кроме того, в области уже функционировали сельскохозяйственный, механический, лесотехнический, табаководческий техникумы, фельдшерская и колхозная школы, ФЗУ («История сельского хозяйства...», 1994).

3.2.4. Развитие школьного образования в годы советской власти в Кабардино-Балкарии

С установлением советской власти в Кабардино-Балкарии, школьное строительство стало развиваться быстрыми темпами, о чем свидетельствуют приведенные ниже цифры.

20 августа 1923 г. Совнарком РСФСР издал Декрет о введении всеобщего обучения, которое намечалось завершить в течение 10 лет. Это способствовало подъему народного образования. Если в 1920/21 учебном году в Кабардино-Балкарии работало 57 школ (с контингентом учащихся 3200 чел.), то в 1923/24 учебном году численность школ возросла до 94 (5100 учащихся). В августе 1930 г. постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении» приняли ЦИК и СНК СССР. В 1929/30 учебном году численность школ в Кабардино-Балкарии составляла 186 (17 698 учащихся), а через год, в 1931/32 учебном году, их стало уже соответственно 204 (27 000 учащихся).

В 1936/37 учебном году в Кабардино-Балкарии работала 241 школа, в том числе начальных – 114, семилетних – 99, средних – 23; в них обучалось 63 500 учащихся. В 1939 г., в соответствии с решениями XVIII съезда партии, в СССР намечалось в перспективе осуществление всеобщего среднего образования. К тому времени в Кабардино-Балкарии имелось 240 общеобразовательных школ, из них 73 – средних, 86 – неполных средних, 80 – начальных, в которых училось 75 тыс. детей.

Военные годы в значительной мере замедлили школьное строительство в КБР. Но уже в 1946-1950 гг. в Кабардино-Балкарии была полностью восстановлена и расширена довоенная школьная сеть. Число обще-

образовательных школ составило 250 против 220 по плану, учащихся в них – 73,5 тыс. вместо 61 тыс. чел. В связи с введением всеобщего среднего образования в республике шло активное строительство школ. С 1971-го по 1975 г. в республике было построено 31 школьное здание на 18 226 ученических мест. Однако все еще во многих сельских школах сохранялась многосменность занятий. Численность учащихся в республике в 1980/81 учебном году составила 130,3 тыс. чел, которые обучались в 184 средних (полных), 30 основных и 19 начальных школах, где работало 7,5 тыс. учителей («История многовекового...», 2007).

Тревожные тенденции относительно дальнейших перспектив развития школьного образования стали проявляться в последние годы XX – начале XXI в. Дело в том, что рождаемость в Кабардино-Балкарии упала с 15,4 тыс. в 1990 г. до 9,0 тыс. в 2005 г. Это вызвало стремительное падение численности детей в дошкольных учреждениях. С 42 018 в 1990 г. она понизилась до 26 374 чел. в 2005 г. Вот почему, несмотря на возрастание количества общеобразовательных, государственных и муниципальных школьных учреждений (с 251 в 1990/91 учебном году до 348 в 2005/06 учебном году) с 1999 г. численность учащихся в них стала постоянно уменьшаться. Если в 1998/99 учебном году в общеобразовательных школах обучалось 150,9 тыс. учащихся, то на конец 2005/06 учебного года их число уменьшилось до 117,1 тыс. чел. («История многовекового...», 2007).

3.2.5. Стремление адыгов к сохранению и обогащению родного языка

*Кого-то исцеляет от болезни
Другой язык, но мне на нем не петь.
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.*

Расул Гамзатов (1948).

По переписи 1979 г., 77% адыгов заявили, что свободно владеют русским языком. В настоящее время русский язык знает практически все население республики. Вместе с тем, массовый переход на русский язык национальных школ явился в какой-то степени извращением национально-языковой политики. Было изъято важнейшее средство развития национальных культур, что позволило сказать Р. Гамзатову: «И если завтра мой язык исчезнет, то готов сегодня умереть». Об этом же в свое время писал и И.А. Бунин:

*И нет у нас иного достоянья.
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил, в дни злобы и страдания,
Наш дар бессмертный – речь.*

Во всем нужна мера. В настоящее время, наряду с бесспорной важностью изучения русского языка – языка межнационального общения, не менее важным представляется стремление адыгского народа к сохранению и обогащению родного языка. Отрадно, что в наши дни наблюдается повышение интереса адыгского народа к родному языку, культуре. Заметно повысился статус адыгского языка в начальных классах. Если до революции среди адыгов редко можно было встретить грамотного человека (в основном, из духовной арабистской школы), то уже в 1936 г. одних только учителей-адыгов с высшим образованием имелось 141 чел., со средним – 856, среди них женщин-адыгеек 53 чел. В настоящее же время в Адыгее насчитывается 174 школы с 67 013 учащимися, а «учительский корпус» составляет 5712 чел.

В последние годы в Адыгее осуществляются конкретные меры по изучению родного языка и литературы. Если в 1985-1986 учебном году было 43 школы, в которых изучали адыгейский язык и литературу, то к 1989-90 учебному году их количество возросло до 74. В настоящее время в 23 школах Адыгеи 32 первых класса занимаются на адыгейском языке. Кроме того, в 9 школах г. Сочи, в 2-х – Успенского района открыты классы по изучению адыгейского языка для всех желающих детей. В трех школах Майкопского района изучается армянский язык, в Гавердовской школе г. Майкопа – греческий. Открыты также воскресные школы по изучению немецкого и татарского языков.

Все это, разумеется, не было бы возможным без самоотверженной, подвижнической работы школьных учителей. Среди последних особым уважением пользовались и пользуются Казбек Юсуфович Ашинов, Адам Юсуфович Мет, Шамсудин Ахмедович Яхутель – директора школ; Сарра Хаджимосовна Хачегогу, почти 35 лет отдавшая школе; Екутеч Касеевич Шеуджен – один из первых выпускников-адыгейцев Краснодарского педагогического техникума; Гошсим Касеева Гонежук – первая учительница, удостоенная в Адыгее ордена Ленина; а также учителя, выпустившие в свет тысячи своих питомцев: Юсуф Хамедович Шеуджен, Айтеч Юсуфович Шеуджен, Мос Юсуфович Шеуджен, Игорь Августович Озеров, Алий Карагуланович Схашок, Аюб Сагидович Схашок, Мариет Хамедовна Цику, Прасковья Григорьевна и Юрий Александрович Зыковы, Нура Махмудовна и Кемал Хамзетович Набоковы, Мариет Айтчевна Тугуз, Соня Кунчуковна Берзегова, Биба Раджибовна Анчек, Каплан Шабанович Каноков, Шихам Бачмизович Цику и многие другие.

К ним в полной мере можно отнести слова Л.Н. Толстого: «Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель». Низкий поклон вам, наши учителя!...

3.2.6. Эдепсукайская средняя школа: взгляд через годы

3.2.6.1. «Наставникам, хранившим юность нашу, ...не помня зла, за благо воздадим»

*Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем чести, и мертвым, и живым,
К устам подняв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.*

А.С. Пушкин (1799–1837).

Начальная школа в а. Эдепсукай-I была открыта в 1928 г.; спустя два года ее преобразовали в семилетнюю. Не случайно назвали ее тогда «школой крестьянской молодежи» – в ней вместе крестьянскими детьми обучались грамоте и более взрослые жители аула, – те, кому давно перевалило за 20. В 1949 г. в а. Эдепсукай-I на базе семилетней была открыта средняя школа. Свой первый выпуск она сделала в 1952 г.

С историей школы неразрывно связана история становления и развития ее педагогического коллектива, в первую очередь, директорского корпуса. Связь эта была взаимной: школа в лице учителей способствовала росту своих руководителей, а директора и завучи школы, являясь признанными лидерами учительского коллектива, в немалой степени обеспечивали «жизнеспособность» всей школы как единого организма.

Директорами Эдепсукайской средней школы в разные годы были: Сагид Тагирович Непшекуев из а. Кабехабль Шовгеновского района, Джамбеч Хаджибачирович Брафтов из а. Егерухай Кошехабльского района, Иван Кузьмич Кузьмин, историк из Чувашии, Якуб Хуаде из а. Старо-Бжегокай, Шумаф Пачевич Евтых, Юсуф Закашувич Уджуху, математик из а. Габукай, Николай Тимофеевич Федоров, историк из г. Краснодара, Нальбий Шабанович Чеучев из а. Кабехабль Шовгеновского района, Казбек Юсуфович Ашинов из а. Эдепсукай-I, Юрий Александрович Зыков, учитель русского языка и литературы из г. Краснодара.

Учителями здесь работали, без преувеличения, лучшие представители интеллигенции, пользовавшиеся заслуженной любовью и уважением не только своих учеников, так и всех жителей аула. Начальный период работы школы, ее становление, в первую очередь, связаны с такими учителями как Ибрагим Хаджиметович Набоков – историк, русовед, Соня Кунчуковна Берзегова – завуч школы, русовед, Мерем Кунчуковна Берзегова – учительница начальных классов, Рахмет Теучежевна Схашок – учительница адыгейского языка и литературы, Фатимет Теучежевна Схашок – биолог, Кокой Бачмизовна Цику – учительница начальных классов, Ахмед Зекох – биолог, Гисса Ячиков – математик, Айтч Юсуфович Шеуджен – русовед.

Сагид Тагирович Непшекуев родился 22 декабря 1912 г. в а. Кабехабль Майкопского уезда Кубанской области. Учился в Адыгейском педагогическом техникуме (1927-1930), затем в Краснодарском учительском институте (1930-1934). В период 1934-1937 гг. был директором Эдепсукайской семилетней школы. С 1937 по 1939 г. работал учителем в а. Кабехабль, с 1939 г. по 1945 гг. служил в рядах Красной Армии. После демобилизации работал директором школы в своем родном ауле Кабехабль (1946-1949), заведующим Шовгеновского района (1949-1951), председателем Шовгеновского райисполкома (1951-1954), председателем Адыгейского облисполкома (1954-1968), заведующим отделом социального обеспечения Краснодарского крайисполкома (1969-1977). Умер 4 августа 1997 г.

Айтч Юсуфович Шеуджен родился 2 февраля 1917 г. в а. Эдепсукай-I. После окончания 8 классов в пос. Пашиковском поступил учиться в Адыгейское педагогическое училище. Окончил его в 1939 г. (регистрационный номер свидетельства об окончании № 646). Был направлен преподавать русский язык и литературу в Эдепсукайскую семилетнюю школу. Незадолго до Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию, окончил курсы подготовки младшего командного состава. Погиб в апреле 1943 г. в боях за освобождение Советской Украины.

В период ВОВ многие учителя Эдепсукайской школы ушли на фронт и с оружием в руках храбро защищали свою Родину под гордым названием СССР. Но не всем было суждено вернуться домой и вновь заниматься своим любимым делом – учить детей...

Нальбий Шабанович Чеучев родился 15 августа 1929 г. в а. Кабехабль Шовгеновского района Адыгейской автономной области. Окончил Майкопский учительский институт, Кабардино-Балкарский педагогический институт (1955) и Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1964). С 1955 по 1960 г. был директором Эдепсукайской средней школы. Позже работал переводчиком, заведующим отделом, ответственным секретарем в редакции газеты «Советская Адыгея» (1960-1972), директором Адыгейского отделения Краснодарского книжного издательства (1972-1973), заведующим отделом народного образования Адыгейского облисполкома (1973-1983), старшим научным сотрудником АНИИ (1983-1986). С 1986 г. работал в Адыгейском государственном университете (доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан). Ему присвоено звание «Заслуженный работник образования Республики Адыгея», награжден орденами «Трудового Красного Знамени» и «Дружбы народов». Умер 13 февраля 2012 г.

В 30-50-е гг. в Эдепсукайской средней школе трудились: Н.З. Пименов – выпускник Ленинградского университета, историк; Евгений Васильевич Игнатов – выпускник МГУ, математик, физик, астроном; Фаина Павловна Игнатова – географ; Констанция Лопес-Сайс – испанка, выпускница МГУ, географ; Р.Ю. Юркова –

Шихам Бечмизович Цику с учащимися 4 класса Эдепсукайской средней школы, 1959 г.

историк; М.А. Рудченко – русовед; Григорий Васильевич Глазков – математик; Г.В. Мешкова – математик; Юрий Сафирович Намитоков – математик; Роза Долетчериевна Намитокова – русовед; Аминет Кадыровна Намитокова – биолог; Игорь Августович Озеров – физик, астроном; Ибрагим Джанхот – математик, Валентина Озерова – русовед, Антонина Константиновна Глазкова – учительница начальных классов, Думалич Исхакович Хунагов – химик; Гошсим Хунагова – учительница начальных классов; Меджид Хатухович Схляхо – военрук; Салемет Мзабечевна Цику – биолог; Степанова – русовед; Сафербий Махмудович Ашинов – учитель начальных классов; Фатимет

Гаруновна Тов – математик.

Сафербий Махмудович Ашинов родился 5 июня 1925 г. в а. Шаханчериехабль Псекупского (позже Понежукайского, Теучежского) района Адыгейской автономной области. В апреле 1943 г. ушел на фронт, служил до 1948 г. Демобилизовавшись из Советской Армии, вернулся в свой родной аул Шаханчериехабль, где завершил школьное образование, окончив в 1951 г. 10 классов в Пчегатлукайской средней школе. С 1951 г. работал в Эдепсукайской средней школе учителем начальных классов и пионервожатым, а с 1954 по 1970 г. – учителем Джиджихабльской средней школы. В это же время успешно закончил географический факультет Краснодарского педагогического института, а в 1958 г. – два курса исторического факультета этого же института. С 1970 по 1981 г. С.М. Ашинов работал учителем в средней школе № 1 г. Адыгейска, а с 1981 по 1985 г. – в средней школе № 3 г. Адыгейска.

Шихам Бачмизович Цику родился 15 мая 1917 г. в а. Эдепсукай-I. Окончил Эдепсукайскую семилетнюю школу и Адыгейское педагогическое училище. Трудовую деятельность начал в начальной школе а. Нечерезий. Участник Великой Отечественной войны. С 1946 по 1973 г. работал учителем начальных классов в Эдепсукайской средней школе. Умер 3 марта 1981 г.

Сафербий Бачмизович Цику родился 13 января 1930 г. в а. Эдепсукай-I. В 1952 г. окончил Майкопский учительский институт. С 1952 по 1954 г. служил в Советской армии. В 1958 г. окончил Краснодарский пединститут и учительствовал в Габукае, Гатлукае, затем в родном Эдепсукае. В 1962 г. его назначают заведующим отделом культуры Теучежского района, позже работает инструктором Теучежского райкома КПСС, секретарем парткома колхоза «Советская Адыгея», председателем колхоза «Октябрь». Награжден орденом «Знак почета» и медалью «За доблестный труд». Умер 26 мая 2004 г.

Кокой Бачмизовна Наток (Цику) родилась 5 августа 1924 г. в а. Эдепсукай-I. В 1939 г. окончила Эдепсукайскую семилетнюю школу, а в 1942 г. Понежукайскую среднюю школу. После освобождения Адыгеи от немецко-фашистских захватчиков окончила Майкопский учительский институт, работала учителем в Эдепсукайской семилетней школе.

В памяти выпускников Эдепсукайской школы тех лет сохранились также имена учителей Ахмеда Камбулатовича Мамий – историка; Моса Юсуфовича Шеуджена (Шовгенова) – выпускника Краснодарского педагогического института, русоведа, химика, историка; Хазрета Юсуфовича Шеуджена – военрука.

Мос Юсуфович Шеуджен родился 12 марта 1924 г. в а. Эдепсукай-I. Одним из первых поступил и окончил с отличием только что открывшуюся в а. Эдепсукай-I семилетнюю школу. В период учебы «за хорошую успеваемость и примерное поведение» был награжден поездкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Окончив 8-й класс Паишевской средней школы в г. Краснодаре, поступил учиться в Адыгейское педагогическое училище, который окончил с отличием. Молодой учитель был направлен в Эдепсукайскую семилетнюю школу, где он вел уроки химии, истории, русского и немецкого языка. После начала Великой Отечественной войны 17-летний юноша был назначен начальником военно-учетного стола Эдепсукайского сельсовета. Позже был призван в армию и прошел славный боевой путь от Адыгеи до Берлина. После демобилизации вернулся в а. Эдепсукай-I, поступил и окончил экстерном Краснодарский педагогический институт, после чего был назначен завучем Эдепсукайской школы. Умер от полученных на фронте ран 4 марта 1950 г.

Хазрет Юсуфович Шеуджен родился 5 мая 1914 г. а. Эдепсукай-І. Свою трудовую деятельность начал сразу же после окончания в пос. Пашиковском шести классов в 1930 г., трудился в колхозе «Коммуна». После окончания в 1939 г. Анапского сельскохозяйственного техникума работал агротехником по садоводству и виноградарству. Участник Великой Отечественной войны, служил в звании младшего лейтенанта командиром взвода 26-й стрелковой Сталинской дивизии, принимал участие в обороне Москвы. Был несколько раз ранен; в сентябре 1943 г. был демобилизован с ограничением годности II степени. С 1943 по 1947 гг. работал военруком в Эдепсукайской семилетней школе. С 1948 г. вновь стал работать агротехником по садоводству и виноградарству; на этой должности он проработал до ухода на пенсию (1968 г.). За получение рекордных урожаев плодовых культур был награжден поездкой в г. Москву для участия в ВДНХ. За мужество и стойкость при выполнении воинского долга и за самоотверженный труд в мирное время был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны и 20-ю боевыми и юбилейными медалями. Умер 16 января 1990 г.

В 50-60-е гг. в Эдепсукайской средней школе трудились: Юрий Александрович Зыков – русовед, Прасковья Григорьевна Зыкова – историк, Галина Антоновна Федотова – учительница начальных классов, Шамсудин Ахмедович Яхутль – историк, Кемал Хамзетович Набоков – математик, Нура (Нурет) Махмудовна Набокова – русовед, Шихам Бачмизович Цику – учитель начальных классов, Сафербий Бачмизович Цику – русовед, Мариет Хамедовна Цику – математик, Алий Карагуланович Схашок – учитель начальных классов, Аюб Сагидович Схашок – математик, Исхак Техачевич Хот – учитель физкультуры, Суль Юсуфович Жане – учитель адыгейского языка и литературы; Гошнаг Мосовна Джаримок – географ, Ольга Магометовна Тешева – химик, географ, Тамара Касеевна Каде – учительница адыгейского языка, Амерзан Камболетович Четыз – биолог, Теучеж Шартанович Четыз – биолог, Аминет Учужуковна Хабаху – учительница немецкого языка, Разиет Салиховна Басте – учительница физкультуры, историк, Мариет Айтчевна Тугуз – математик, Щелехан Айдемировна Тугуз – учительница начальных классов, Юсуф Хамедович Шеуджен – химик, биолог, Арамбий Махмудович Мамий – химик, биолог, Сусана Юнусовна Схашок – учительница начальных классов.

Каждый из перечисленных учителей по уровню своих знаний, педагогическому таланту, любви к своей профессии, требовательному и вместе с тем, глубоко уважительному отношению к своим ученикам достоин войти в историю не только Эдепсукайской школы, но и, пожалуй, всей Адыгеи.

Аюб Сагидович Схашок родился в 1922 г. в а. Эдепсукай-І. Окончил Эдепсукайскую семилетнюю школу и продолжил учебу в Пчегатлукаевской средней школе. В 1949 г. экстерном окончил Адыгейское педагогическое училище, а в 1960 г. Краснодарский педагогический институт. С 1949 по 1973 г. работал в Эдепсукайской средней школе – преподавал математику. С 1973 г. и до ухода на пенсию работал учителем средней школы № 2 г. Адыгейска.

Алий Карагуланович Схашок родился 5 мая 1919 г. в а. Эдепсукай-І. Окончил 7 классов в а. Понежукай, продолжил учебу в школе а. Пчегатлукай. Участник Великой Отечественной войны. В 1949 г. окончил экстерном Адыгейское педагогическое училище. Педагогическую деятельность начал в начальной школе а. Эдепсукай-ІІ. Позже работал в Шабанохабльской школе. С 1962 г. по 1973 г. работал учителем в родном а. Эдепсукай-І. С 1973 г. до ухода на пенсию работал в Псекупской средней школе. Умер 26 декабря 1991 г.

Примечательно, что именно благодаря самоотверженному учительскому труду, четкой организации учебного процесса со стороны директорского корпуса, Эдепсукайская школа выпустила большое количество достойных людей, всю свою сознательную жизнь отдавших самоотверженному труду на благо своей Родины – Адыгеи. Среди выпускников школы есть крупные ученые, организаторы производства, врачи, учителя, писатели, поэты, артисты, общественные деятели, депутаты Государственной Думы РФ, высококвалифицированные специалисты народного хозяйства.

Так, в стенах Эдепсукайской средней школы начали свой жизненный и творческий путь доктор физико-математических наук Казбек Сагидович Мамий; доктор исторических наук, профессор Заур Юсуфович Хуако; академик Российской академии наук, доктор биологических наук, профессор Асхад Хазретович Шеуджен. Докторами филологических наук стали бывшие выпускники нашей школы Учужук Саферович Зекох, Казбек Гиссович Шаззо и Зулькарин Учужукович Блягоз; кандадатами экономических наук стали Казбек Асланбечевич Цику и Казбек Пшимафович Хот. Учились в Эдепсукайской школе также кандидат филологических наук Шамсет Еристовна Шаззо, кандидат сельскохозяйственных наук Нурбий Кималевич Набоков, кандидаты медицинских наук Шамсудин Махмудович Мамий и Роза Хаджиметовна Цику.

Учительскую стезю выбрали для себя Казбек Ашинов, Мариет Тугуз, Аюб Гадагатль, Исхак Хот, Тамара Каде, Нурет Каде, Тайбат Жане, Суль Жане, Сарра Негуч, Амерзан Четыз, Теучеж Четыз, Аюб Схашок, Алий Схашок, Сафербий Цику, Шихам Цику, Салемет Цику, Мариет Цику, Римма Цику, Айтеш Шеуджен, Мос Шеуджен, Юсуф Шеуджен, Замирет Шеуджен, Шамсудин Яхутль, Сулета Яхутль и многие другие выпускники Эдепсукайской школы.

Выпускниками школы в а. Эдепсукай-І были ныне известные мастера художественного слова: поэты Хамид Беретарь и Мерем Шеуджен, писатели и публицисты Сафер Панеш и Хазрет Панеш; заслуженная артистка России и Республики Адыгея Нафисет Жане; мастер спорта СССР, чемпион России по вольной борьбе Азмет Шеуджен. Среди выпускников школы есть и агрономы: Халид Цику, Пшимаф Цику, Аскер Цику,

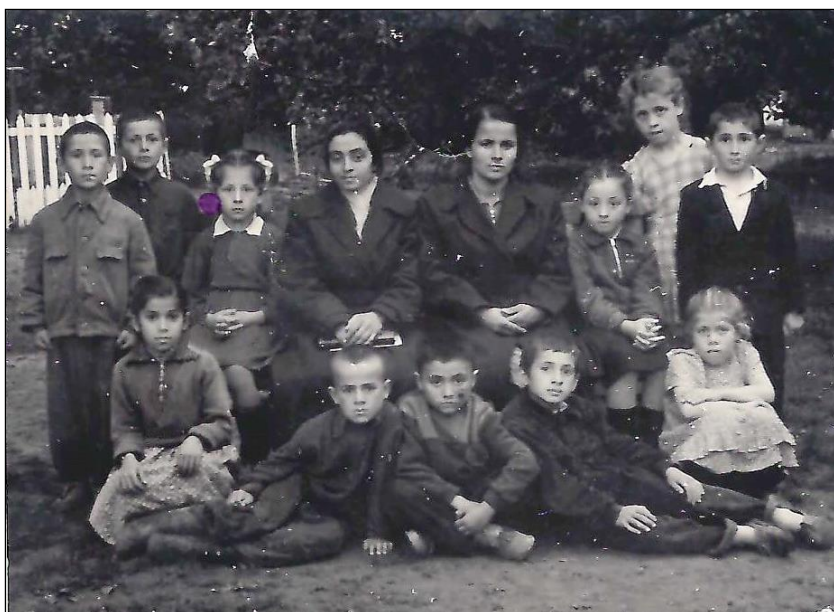
Аминет Учужуковна
Хабаху с учащимися 7
класса Эдесукайской
средней школы, 1969 г.

Эдесукаевская средняя
школа. Последний
выпуск, 1972 г.
В центре учителя Аминет
Учужуковна Хабаху,
Просковья Григорьевна
Звкова, Тамара Касеевна
Ашинова, Мариет
Айтеевна Тугуз, Мариет
Хамедовна Цику

Сусана Юнусовна
Схашок с учащимися
Эдесукайской средней
школы, 1971 г.

1-й класс Эдипсукайской средней школы, 1959 г.

Верхний ряд (слева направо): Мугдин Цику, Учужук Хатхоху, Аминет Наток, Тамара Касеевна Ашинова, Щелехан Айдемировна Тугуз (кл. рук.), Тамара Жане, Хариет Цику, Асхад Шеуджен; нижний ряд: Санят Наток, Шумаф Цику, Аслан Схашок, Асланбеч Цику, Аминет Четыз

Алий Карагуланович Схашок и Тайбат Салиховна Жане с учащимися 4-го класса Эдипсукайской средней школы, 1962 г.

4 класс Эдипсукайской средней школы, 1964 г.

1-й ряд: Нафсет Хут, Фатимет Укол, Римма Цику, Нафсет Шеренук, Нурет Схашок, Таиса Тетер, Тамара Жане, Роза Цику; 2-й ряд: Римма Цику (пионервож.), Гафур Хут, Юнус Хакуз, Нура Махмудовна Набокова (кл. рук.), Аскер Набоков, Асхад Шеуджен, Сарра Укол (студентка педучилища); 3-й ряд: Аминет Измайлова, Рая Четыз, Аминет Четыз, Санят Наток, Аминет Наток, Харет Цику; 4-й ряд: Светлана Пшипий, Аслан и Асхад Схашок, Шумаф Цику, Учужук Хатхоху, Нальбий Шеуджен, Асланбеч Цику, Мугдин Цику.

Черим Тхагапсо, Анзаур Пшипий, Исхак Измаилов, Мадин Мамий, Махмуд Наток и Аминет Наток. Из стен Эдепсукайской школы вышел и бывший глава администрации г. Адыгейска и Теучежского района Ким Мамиек, почетный академик Адыгской Международной академии наук. Заслуженной признательностью и уважением со стороны исцеленных пациентов по праву пользуются выпускники Эдепсукайской средней школы врачи городской больницы г. Адыгейска Клара Цику, Аскер Тлехурай и Муслимат Яхутль. Среди выпускников Эдепсукайской школы есть люди, связавшие свою судьбу с покорением неба: летчики Теучеж Четыз, Юра Хот, Ким Цику и Махмуд Схашок.

3.2.6.2. «Школьные годы чудесные...»

Учитель... Его дела не вмещаются в одну человеческую жизнь. Они передаются потомкам и живут в сердцах последующих поколений многие века.

В. Цапко (2001).

Имена учителей, давшим своим питомцам «путевку в жизнь», навсегда останутся в памяти учеников. Хочу поделиться своими воспоминаниями о своих самых первых школьных годах. Мне посчастливилось учиться у многих из учителей Эдепсукайской школы. Своими воспоминаниями о них я делился на страницах Теучежской районной газеты «Единство». Эти небольшие очерки-воспоминания как нельзя лучше отражают саму атмосферу школьной жизни в 50-60-х гг. минувшего столетия, дают возможность читателям судить не только об уровне профессионализма, но в какой-то мере и о методике преподавания различных дисциплин в одной из небольших аульских школ Адыгеи. Вместе с нами читатель мысленно пройдет 10-летний отрезок жизни Эдепсукайской школы.

Приближался сентябрь 1958 г., когда я должен был поступить в школу, – первый важный этап в моей тогда еще очень короткой жизни. Родители тогда держали, кроме коровы, еще 10-15 коз. Чтобы подготовить меня к школе, отцу пришлось продать двух коз. Но из-за дешевизны в то время мяса, вырученных денег хватило лишь на учебники и школьную форму. Дядя Нурбий разыскал и отдал мне свой старенький портфель, с которым он когда-то ходил в школу. И вот наступил долгожданный день – 1 сентября, к которому я так тщательно готовился. Дорогу в школу я и сам знал хорошо, но отец решил в первый день сопровождать меня. К 8 ч утра мы уже были у школьного здания. Нам сказали, что через полчаса начнется митинг, посвященный началу нового учебного года. Это мероприятие открыла завуч школы Соня Кунчуковна Берзегова. После короткой вступительной речи, произнесенной взволнованным звонким голосом, она объявила, что сейчас с приветственным словом перед нами выступит директор школы Нальбий Шабанович Чеучев.

Прошло уже более 40 лет, но я до сих пор помню его теплое напутствие, обращенное к нам, тогда еще малышам-первоклассникам: «Пройдут годы, и вы окончите школу и выйдете в большую жизнь. Одни из вас станут врачами или учителями, другие будут трудиться на полях, заводах и фабриках, кто-то, быть может, изберет профессию летчика или даже полетит в космос. Но кем бы вы ни стали, помните: каждый из вас должен всегда оставаться человеком, Человеком с большой буквы».

Позже, когда митинг закончился, выяснилось, что занятия у нас будут во вторую смену, с 14 ч дня, причем в качестве эксперимента в том году ввели так называемый подкласс. Конечно, в этом я тогда еще ничего не смыслил, но отцу такой «эксперимент» пришлось явно не по душе. Когда мы вернулись домой, он сказал: «Мне пора идти на работу, а ты, смотри, не опоздай в школу, иди туда вместе с детьми соседа Шихама Цику». Так я и сделал, – подождал Халида Цику и вместе с ним отправился в школу.

Я оказался в смешанном классе, вместе с третьим классом. И нам, и им уроки вела Щелехан Айдемировна Тугуз (Хакуз). Она была удивительно спокойной и обаятельной женщиной. За короткое время ей удалось стать кумиром малышей и завоевать их любовь. Как никто, она умела понимать детскую душу. Именно она не только научила нас читать и писать, но и привила любовь к письменному Слову, – любовь, которую я пронес через всю жизнь.

Щелехан Айдемировна Тугуз родилась 2 октября 1928 г. в а. Понежукай. В 1955 г. окончила Адыгейское педагогическое училище. Свою трудовую деятельность начала в а. Эдепсукай-I, где она проработала учительницей начальных классов с 1955 по 1973 гг. В период с 1974 по 1984 гг. она работала в школе а. Вочепший («Единство», 2002, 2 апреля).

Первые дни учебы были для меня очень интересными, – буквально все было новым и неожиданным. И главное, со мной в классе оказались два мальчика – Мугдин Цику, спокойный, уравновешенный, и другой Шумаф Цику – более общительный и подвижный. Где-то на третий день к нам в класс зашел светловолосый мужчина, крепкого телосложения, как позже оказалось – учитель математики Аюб Сагидович Схашок со своим сыном Асланом. Посмотрев на учителя и на нас, он сказал: «Дети, с сегодняшнего дня он будет учиться с вами». Так нас стало в классе 10 человек: четверо мальчиков и пять девочек: Аминет и Санят Наток, Харет Цику, Тамара Жане, Аминет и Рая Четыз.

Казбек Юсуфович Ашинов (3),
Нальбий Шабанович Чеучев (4),
Юрий Александрович Зыков (6),
Кемал Хазметович Набоков (7)
с учащимися Эдепсукайской
средней школы, 1957 г.

Быстро прошел первый учебный год, и мы окончили «экспериментальный» подкласс. Кстати, этот непродуманный эксперимент, начавшись нами, – нами и закончился. Следующих за нами детей приняли сразу в первый класс, в результате чего в школе тогда оказалось два первых класса. Припоминается случай, происшедший со мной в первом классе. На уроке присутствовали директор школы Нальбий Шабанович и завуч Соня Кунчуковна. Нам задали переписать какой-то текст из букваря. Я же вместо того, чтобы выполнять задание, в этой тетради что-то рисовал. Думал, что никто ничего не видит, но ошибся. Когда урок окончился, ко мне подошел директор, отобрал тетрадь и унес с собой. Естественно, я очень расстроился. Увидев это, наша учительница Щелехан Айдемировна стала успокаивать меня, дескать, ничего особенного не случилось, заведешь новую тетрадь. Я же, хоть и был тогда совсем маленьким, все же чувствовал, что здесь что-то не то. И действительно, через несколько дней ко мне подошла, завуч Соня Кунчуковна Берзегова, кстати, приходившаяся нам по отцу родственницей, и сказала: «Асхад, рисовать надо только на уроках рисования в специальных альбомах, но не в тетрадях по русскому языку. Директор из-за тебя сделал серьезное замечание вашей учительнице Щелехан Айдемировне». Я пообещал так больше не делать. Но самое главное, что наша учительница об этом случае никогда не напоминала ни мне, ни моим родителям, что еще раз подтверждает ее высокую человечность и любовь к своим питомцам.

После окончания учебного года два вторых класса объединили в один. К нам пришли Аскер Набоков, Юра Хакуз, Гафур и Нафсет Хут, Асхад Схашок, Нальбий Шеуджен, Светлана Пшипий, Фатимет Укол, Роза и Римма Цику, Тамара Жане, Нурет Схашок, Нафисет Шаранук. Так судьбе было угодно, что в нашем классе оказался и мой дошкольный друг Асланбеч Цику. В дальнейшем, после ряда реорганизаций, наш класс пополнили Виктор Скоробогатый, Юрий Шабунин, Владимир Фоминский. В разное время с нами учились также: Мовлид Хуако, Таиса Тетер, Казбек Зафесов, Учужук Хатхоху, Алик Хакуз, Зоя Цику, Аня Измаилова, Махмуд Схашок, Тайбат Гадагатль, Ким Яхутль.

В нашей классной комнате парты были расположены в два ряда: правый ряд занимали мы, а левый – ученики 3-го класса. Этих старшеклассников я помню поименно практически всех: Махмуд Наток, Шамсудин Шеуджен, Юсуф Фоминский, Пшисовкан и Пшимаф Цику, Сара Кушу, Тамара Схашок, Тамара Атах, Аминет Хуако. Мы были очень рады, что оказались в одном классе с такими «взрослыми» школьниками. На уроках они иногда нам подсказывали, а также помогали справиться с домашними заданиями. Но больше всего мы радовались тому, что учительнице, занятой уроками с третьеклассниками, оставалось меньше времени на проверку наших заданий. До сих пор я удивляюсь, как Щелехан Айдемировне удавалось вести уроки одновременно в двух классах, со столь разными учебными программами. Для этого нужен особый подход, несомненный педагогический талант и огромный кропотливый труд.

С Щелехан Айдемировной у меня связаны воспоминания о самых памятных днях моей тогда еще очень короткой жизни – когда мы были «октябрятскими звездочками». Помню, мы хором, всем классом учили основные «Правила октябрят», для удобства запоминания изложенные в стихотворной форме:

Октябрята – будущие пионеры.
Только тех, кто любит труд –
Октябрятами зовут.
Октябрята – правдивые и смелые,
Ловкие и умелые.
Октябрята – дружные ребята:
Читают и рисуют, играют и поют,
Весело живут!

Учителя
Игорь Августович Озеров,
Юрий Александрович Зыков,
Казбек Юсуфович Ашинов,
Нура Махмудовна Набокова,
Ахмед Камбулатович Мамий,
Шамсудин Ахмедович Яхутль
и учащиеся Эдепсукайской
средней школы, 1956-1957
учебный год.

Соня Кунчуковна Берзегова,
Кемал Хамзетович Набоков
и Аминет Учужуковна
Хабаху с учащимися
10 класса Эдепсукайской
средней школы, 1956 г.

Учительский коллектив
Эдепсукайской средней
школы, 1958 г.

В преддверии самого торжественного дня – приема в пионеры – учительница собрала нас, ребяташек, и рассказала о том, кто такие пионеры, чем они занимаются, как могут помочь взрослым в строительстве новой жизни, – светлого коммунистического завтра, в которое мы, как и все советские люди, свято верили. Рассказала нам о Павлике Морозове, а также о героях-пионерах, проявивших мужество и стойкость в мирное время и в борьбе с фашистами. Попросила прочитать книги «Васек Трубачев и его товарищи», «Четвертая высота», другие интересные книги о пионерах. И сейчас, с высоты прожитых 50 лет, я с ностальгической грустью вспоминаю свое пионерское детство, – все-таки в нем было очень много светлого, радостного и интересного для нас, мальчишек. Одна военизированная игра «Зарница» чего стоит, – она воспитывала в нас стойкость, мужество, учила преодолевать трудности. А пионерские лагеря, походы по местам боевой и трудовой славы, помощь ветеранам войны, – всего не перечислить...

С большой теплотой и признательностью вспоминаю еще одного учителя Эдепсукайской школы – Шамсудина Ахмедовича Яхутля. Он у нас непосредственно не вел занятия, но иногда при необходимости подменял уроки нашей учительницы Щелехан Айдемироны. Всю свою сознательную жизнь Шамсудин Ахмедович старался делать добро людям, всегда протягивал в трудную минуту руку помощи нуждающимся. Он был прекрасным психологом. Внимательно всматривался в оживленные лица ребят и пытался заранее определить, кто же из них будет прилежно учиться, а кто склонен к лени или озорству. Шамсудин Ахмедович помог в формировании характера, выборе жизненного пути многим подросткам, которых в школе зачастую необоснованно считали «трудными». Ставил он их «на путь праведный», разумеется, не один, а в тесном союзе со своими коллегами и родителями учащихся. Выпускники до сих пор с благодарностью вспоминают уроки истории, которые проводил Шамсудин Ахмедович. Его уроки были самые разнообразные: уроки-встречи с ветеранами войны, уроки-диспуты, конференции, семинары. Он учил ребят мыслить самостоятельно, глубоко, смотреть, как говорится, «в корень».

Ш.А. Яхутль был, по мнению коллег, талантливым педагогом. Он отличался творческим подходом к делу, находился в постоянном поиске новых путей, форм и методов учебной и внеклассной работы.

Шамсудин Ахмедович Яхутль родился 20 мая 1930 г. в а. Эдепсукай-1. Окончив 7-летнюю школу в родном ауле, продолжил учебу в а. Понежужай. После окончания средней школы поступил в Краснодарский государственный педагогический институт. Свой трудовой путь он начал в 1949 г. в школе а. Эдепсукай-1, где проработал до 1962 г. В 1962-1972 гг. работал директором средней школы в а. Шабанохабль. С 1972 г., в связи с затоплением части адыгейских аулов водами Краснодарского водохранилища, Ш.А. Яхутль переехал на новое место жительства – в г. Адыгейск. До ухода на заслуженный отдых работал организатором внеклассной работы в средней школе № 28, а затем – в школе № 2 г. Адыгейска. В общей сложности его педагогический стаж составил более 35 лет. («Единство», 1999, 6 июля).

В апреле 1994 г. Шамсудин Ахмедович скончался. Он ушел из жизни, но остался в нашей памяти: люди с благодарностью вспоминают годы учебы или работы рядом с ним. Вот только несколько таких ценных свидетельств:

«Талант зажигать сердца и будить самостоятельную мысль, высокая требовательность в сочетании с уважением к личности ученика, завоевали нашему учителю глубокую любовь его воспитанников», – вспоминают выпускники школы М. Мамий, А. Ахеджак, Р. Зекох, А. Цику, М. Батыж.

«Настоящий коммунист, талантливый педагог, высокоэрудированный лектор, заботливый, доброжелательный и взыскательный товарищ, неутомимый труженик, человек высокого нравственного долга, – таким он останется в нашей памяти», – это говорят его ученики – А. Панеш, Р. Жане, У. Хатхоху, А. Женетль, М. Хуако, Ю. Глещери, А. Бжассо. «Шамсудин Ахмедович успешно сочетал плодотворную педагогическую деятельность с общественной, выступая с интересными и познавательными лекциями и докладами перед учителями, родителями, жителями города», – это мнение родителей учащихся С. Перешиткина, Е. Аксеновой, Л. Борисовой, И. Попова, А. Тхагапсо, Хуаз, Р. Хут, М. Шеренук. Хотелось бы надеяться, что эта публикация еще раз пробудит память о Шамсудине Ахмедовиче, прекрасном отце, друге, коллеге, Учителе. В наших сердцах он жив. И будет жить всегда. ...

Вспоминая эти далекие школьные годы, хотелось бы несколько слов сказать о Нуре Махмудовне Набоковой – нашей классной руководительнице с 4 по 8 класс. В моей памяти она осталась молодой, красивой, статной, очень обаятельной женщиной. В ней было так много энергии и душевной теплоты, что каждый мог это ощутить на себе. Но до конца познать ее внутреннее богатство, мне кажется, было дано далеко не каждому.

Нура (Нурет) Махмудовна Набокова родилась 29 декабря 1929 г. в а. Хатажукай Шовгеновского района Адыгейской автономной области. После завершения учебы в аульской семилетней школе окончила Адыгейское педагогическое училище (1948 г., позже – Майкопский двухгодичный учительский институт (1950 г.) и филологический факультет Краснодарского педагогического института (1954 г.). Свою трудовую деятельность начала в 1950 г. в а. Лакиужай, где она работала учительницей начальных классов. С 1951 по 1967 гг. Н.М. Набокова вела уроки русского языка и литературы в Эдепсукайской средней школе. С 1967 по 1980 гг. преподавала в средней школе а. Хатукай. Умерла в 1991 г.

Учительский коллектив
Эдепсукайской средней школы,
1959 г.

Нура Махмудовна Набокова с
учениками русского класса,
1962 г.

Стоят: Кушук Панеш (10 кл.),
Н.Ш. Чеучев (директор
Эдепсукайской школы),
Ю.А. Зыков (учитель),
Казбек Шаззо (10 кл.),
сидят: Сталик Тхагапсо (10 кл.),
Асланбий Зекох (10 кл.),
Рамазан Тлемешок (10 кл.).
30.04.1958 г

Нура Махмудовна была, как говорится, педагогом Божьей милостью. Для нее не существовало понятия «плохой ученик», – при оценке своих юных воспитанников она пользовалась лишь двумя категориями: «хороший» и «очень хороший». Она обладала удивительным даром возвышать даже самых слабых учеников, поощряя их всенародно, перед классом, за маломальские успехи в учебе и «заставляя» их без всяких нотаций и нравоучений умножать эти положительные ростки. Если же такой тонкий педагогический подход по какой-либо причине не приносил своих плодов, Нура Махмудовна очень тяжело переживала и буквально на глазах закипала, как чайник на огне. Ее гнев пришлось пережить и мне из-за своего буйного характера.

С приходом такого высококвалифицированного, требовательного и болеющего за свое дело учителя-русоведа нам пришлось более серьезно относиться к урокам русского языка и литературы. Такое изменение нашего отношения к учебе стало давать, хотя и медленно, свои положительные плоды; при этом постепенно стал сокращаться «разрыв» между слабыми и сильными учениками. Что греха таить, русским языком мы стали более или менее хорошо владеть лишь с 4-го класса, с приходом Нуры Махмудовны. Припоминается такой случай. Мы писали сочинение на тему: «Как я провел выходной день». Один из моих друзей написал: «Я с Нальбием Шеудженом был на рыбалке на озере Хумаджий. Рыбалка оказалась удачной: я поймал рыб целое ведро, а Нальбий только полтора ведра». При этом он не обратил внимания, что полтора ведра все-таки больше одного. Вот на таком уровне были знания русского языка у большинства из нас. Постепенно, кропотливым трудом, зачастую в ущерб своему отдыху и здоровью, Нуре Махмудовне удалось приобщить нас к «великому и могучему русскому языку», – языку Пушкина и Лермонтова, Чехова и Толстого, Фадеева и Маяковского, Есенина и Шолохова. В 1991 г. Нура Махмудовна преждевременно ушла из жизни. Не стало глубокопорядочного человека, талантливого педагога; память о ней навсегда сохранится в сердцах ее близких, родных и нас – ее учеников.

Следует особо отметить, что нашему классу всегда везло на учителей-русоведов. После завершения 1966/67 учебного года Нура Махмудовна со своей семьей переехала в а. Хатукай Красногвардейского района, а ее уроки русского языка передали Юрию Александровичу Зыкову, – человеку, который пользовался глубочайшим уважением у жителей нашего аула. Уроки Ю.А. Зыкова, как мне вспоминается, всегда были полными, насыщенными, как бы сегодня сказали – «информационно-емкими». Даже самые сложные и зачастую скучные грамматические правила, он умел «подать» так, что они запоминались надолго. А что касается русской литературы, то не было, пожалуй, для нас ничего интереснее этого урока.

Юрий Александрович отдавал себе отчет, что изучение русского языка – достаточно сложное дело для детей и подростков, тем более в нерусской школе, и придумывал самые различные методические приемы, чтобы облегчить усвоение трудных грамматических правил и многочисленных исключений из них. Так, одно время мы никак не могли понять и запомнить, почему в словах «труженик» и «мошенник» в первом случае одно «н», а в другом – два. Тогда наш учитель написал на доске и громко произнес фразу: «Мошенник украл у труженика одно «н». После такого шуточного «объяснения» ошибок в этих словах мы уже не делали. Или еще. Зачастую после шипящих мы ставили мягкий знак, где надо и не надо. Смешная фраза Юрия Александровича: «Уж замуж невтерпёж» дала нам возможность на всю жизнь запомнить эти три слова-исключения без мягкого знака. А вот еще один пример. Наш класс приступил к изучению произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В начале 60-х гг. у нас в Адыгее было трудно с учебниками и художественной литературой, далеко не у каждого была возможность достать пушкинские произведения. Тогда Юрий Александрович раздал все свои экземпляры «Евгения Онегина» нам, ученикам, а сам читал на уроках литературы пушкинскую поэму, от первой строчки до последней, наизусть. Память у него была удивительная, он мог читать наизусть и многие отрывки из произведений Н. Гоголя, Л. Толстого, М. Горького, В. Маяковского и других писателей и поэтов.

Юрий Александрович Зыков родился 19 декабря 1919 г. в г. Георгиевске Ставропольского края. В 1937 г. окончил среднюю школу № 30 г. Краснодара и поступил в Краснодарский педагогический институт на факультет русского языка и литературы, который с отличием окончил в 1941 г. В этом же году окончил курсы интендантских работников при Военно-интендантской академии, воевал на многих фронтах Великой Отечественной войны. После демобилизации в 1945 г., согласно приказу Краснодарского крайона, был направлен учителем в Джиджихабльскую семилетнюю школу Теучежского района, где работал в 1946-1947 гг. Спустя год был переведен на работу в районную школу а. Понежукай, а с 1950 г. и до переселения аула – преподавал в средней школе а. Эдепсукай-1. Позже, до ухода в 1984 г. на пенсию Ю.А. Зыков преподавал русский язык и литературу в средней школе № 28 г. Теучежска (Адыгейска), был заместителем директора по учебно-воспитательной работе.

Высокий профессионализм, широкая эрудиция, нравственные гражданские и человеческие качества сделали Юрия Александровича известным во всей Адыгее. Опыт работы Ю.А. Зыкова – новатора и первопроходца в области преподавания русского языка и литературы в национальной школе многие годы широко освещался в периодической печати, в специальных педагогических сборниках. Он был активным участником всех учительских съездов и методических совещаний, проводимых в Адыгее и на Кубани. Юрий Александрович привлекал к себе людей не только благодаря несомненным заслугам на педагогическом поприще, но и

своими чисто человеческими качествами: сердечностью, доброжелательностью, отзывчивостью, умением создавать вокруг себя благоприятный психологический климат.

За многолетний и плодотворный труд в области народного образования, новаторский подход к проблемам школьного воспитания Ю.А. Зыкову присвоено высокое звание «Заслуженный учитель Кубани»; он награжден орденом Отечественной войны, 20-ю медалями, почетным знаком «Отличник народного просвещения» (1966), а также многочисленными (около 100!) Почетными грамотами отделов народного образования Адыгейского облисполкома и Краснодарского крайисполкома («Единство», 19 авг.; 2001, 18 дек.).

Юрий Александрович ушел из жизни 28 октября 2003 г. В некрологе, подписанном его коллегами, друзьями и учениками, в частности, говорится: «28 октября 2003 г., на 84-м году жизни, скончался Юрий Александрович Зыков, Заслуженный учитель Кубани, Отличник народного просвещения. Ушел из жизни достойный гражданин, прирожденный воспитатель, человек, которого хорошо знали не только в городе Адыгейске; человек, чья педагогическая и общественно-трудовая деятельность в течение почти 50-ти лет неразрывно была связана с делом воспитания и образования подрастающих поколений в Республике Адыгея» – К.И. Паранук, Ш.С. Панеш, Т.Р. Музу, Ш.Н. Хот, З.А. Хабаху, В.Н. Костенко, М.С. Тхатель, Ш.Ч. Чениб, Т.С. Гусарук, З.У. Блягоз, К.Ю. Ашинов, Н.А. Цику, К.Е. Гакаме, Д.Г. Четыз, А.К. Гиш, А.Г. Хуаде, А.Х. Шеуджен, К.Г. Шаззо («Единство», 2003, 1 ноября. С.2).

Юрий Александрович, будучи прекрасным знатоком русского языка, тонко чувствовал все нюансы, оттенки строя современной литературной речи. Эту свою способность он старался (и безуспешно) передать нам, своим ученикам. Скажу откровенно, без того необходимого «базиса» русского языка, который я получил у него в школе, мне было бы намного труднее заниматься сегодня научной работой, постоянно связанной с литературным оформлением результатов своих исследований, подготовкой выступлений, докладов, публикацией многочисленных статей, пособий, книг, редактированием сборников. Кстати о редакционной работе. Я обратил внимание, что у Юрия Александровича целая полка занята книгами и авторефератами диссертаций с дарственными надписями, где авторы искренне благодарят учителя за тонкую и скрупулезную работу по редактированию и литературной обработке их произведений. И, кстати, не только за это. Я держу в руках пожелтевший от времени автореферат кандидатской диссертации «Глаголы перемещения в современном русском литературном языке», подготовленной еще в 1964 г. Зулькариним Учужуковичем Блягозом, ныне доктором филологических наук, действительным членом Адыгской Международной академии наук. На титульном листе трогательная надпись: «Дорогому Юрию Александровичу, любимому учителю, которому я обязан тем, что полюбил русский язык, – от благодарного ученика». Думается, к этим словам могли бы присоединиться и все другие ученики Юрия Александровича, которые благодаря ему познали все тонкости великого и могучего русского языка: поэт Хамид Беретарь, журналисты Заур Хуако и Хамзет Панеш, а также многие учителя русского языка и литературы, работающие ныне в школах Адыгеи.

Что еще вспоминается, когда речь идет о моем любимом учителе? «Юрэшкэр», – с почтением звали его односельчане. В буквальном переводе на русский это: «Большой (великий) Юра». И действительно, Юрий Александрович пользовался и пользуется постоянным уважением среди коллег и знакомых. Не было, пожалуй, ни одной свадьбы, юбилея или другого семейного торжества, на котором в качестве почетного гостя не был бы приглашен мой учитель. Он же – постоянный «арбитр», справедливый судья во всех спорах и недоразумениях, которые, хотя и редко, но возникали в ауле. И здесь его веское слово зачастую ставило окончательную точку в затянувшейся тяжбе. И то, что в нашем многонациональном ауле практически никогда не было никаких недоразумений на национальной почве, – немалая заслуга и Юрия Александровича.

Возвращаясь мысленно к своим школьным годам, с чувством большой признательности и уважения вспоминаю еще одного нашего учителя-русоведа, нашего завуча Соню Кунчуковну Берзегову, первую девушку-адыгейку, окончившую Краснодарский педагогический институт. Много лет прошло с тех пор, как мы расстались со школой, но до сих пор я отчетливо вижу ее, одну из первых моих учительниц, ясно слышу ее голос – громкий, но пронизанный необычайной душевной теплотой, вспоминаю все хорошее, что дала нам она – «наша Соня», как мы ласково называли ее между собой.

Соня Кунчуковна Берзегова родилась 15 октября 1920 г. в а. Бжедугхабль Адыгейской автономной области, в семье одного из первых председателей Адыгейского облисполкома – Кунчука Хасановича Берзегова. В 1938 г. окончила Краснодарский педагогический институт, причем на факультете русского языка и литературы она была первой и единственной девушкой-адыгейкой, закончившей институт по этой специальности. Свою педагогическую деятельность Соня Кунчуковна начала в 1939 г. учителем русского языка и литературы в а. Ходзь Кошехабльского района, где она проработала до начала Великой Отечественной войны. После изгнания фашистов из Адыгеи С.К. Берзегова работала секретарем Эдепсукайского сельского Совета, а затем в Эдепсукайской семилетней школе преподавала русский язык и литературу, а также вела уроки истории и немецкого языка. В 1950 г., после кончины бывшего завуча школы Моса Юсуфовича Шеуджена, Соню Кунчуковну перевели на эту должность, которую она занимала до 1973 г. После переселения аула она продолжала трудиться также завучем, но теперь уже в средней школе № 2 в г. Адыгейске, где проработала до ухода на пенсию («Единство», 2000, 14 октября).

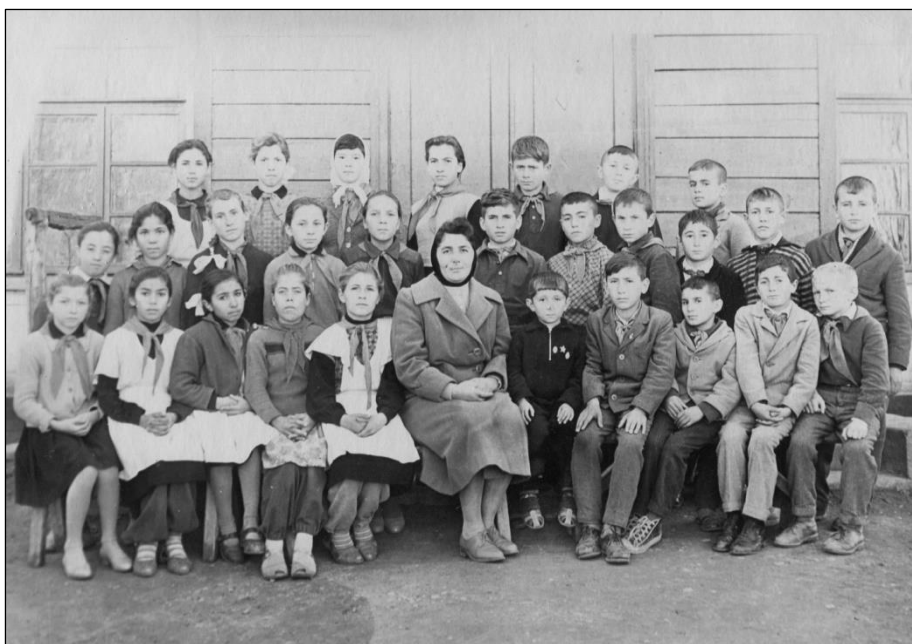
К.Ю.Ашинов
и Г.М.Джаримок с
учащимися 5 класса.
1962 г.

Здесь уместно сказать, что Соня Кунчуковна была не только опытным педагогом, но и прекрасным методистом-организатором. Многие учителя до сих пор благодарны ей за неоценимую методическую помощь. «Человек высочайшего чувства ответственности за порученное ей дело», – так отзывались о ней люди, с которым посчастливилось работать вместе с С.К. Берзеговой. Именно благодаря Соне Кунчуковне многие поколения аульчан познали глубину и красоту великого русского языка, приобщились к живому источнику письменной культуры русского народа. Она была высокообразованным, глубокопорядочным человеком, как говорится, интеллигентом высшей пробы. Чем-то она напоминала мне интеллигентов-подвижников прошлого века, которые несли свет знания в народ. Но при этом Соня Кунчуковна была и очень современным человеком: всегда была в курсе общественных и политических событий, происходящих в нашей стране и за рубежом, хорошо знала современных писателей и поэтов, разбиралась во всевозможных новейших течениях в литературе и искусстве, всегда была в курсе новых «вечаний» и поисков в области школьного образования и воспитания. И, главное, всеми своими знаниями она щедро делилась с окружающими, в первую очередь, с нами – ее учениками.

И еще вспоминается: душевное тепло, и неиссякаемая доброта Сони Кунчуковны удивительным образом сочетались с ее исключительной требовательностью к себе и другим. Человек, который хоть раз обманул ее, не выполнил своего обещания – такой человек для нее просто-напросто переставал существовать. То есть она продолжала как-то общаться с ним, вынуждена была здороваться, разговаривать, но той душевной близости с ним, как раньше, уже не было и не могло уже быть никогда. Может быть, поэтому мы, ее питомцы, всегда старались не подводить Соню Кунчуковну, всегда тщательно готовили уроки по русскому языку, и если уж что-то обещали ей сделать, то всегда выполняли. Потерять ее доверие, – что могло быть тяжелее и страшнее для нас?...

Если по русскому языку и литературе мы позволяли себе некоторые послабления, то это значительно труднее было сделать по математике. Этот предмет, в силу своей сложности, занимал у нас намного больше времени. К тому же мне всегда почему-то казалось, что моя будущая профессия будет связана с математикой, и поэтому ее изучению я всегда уделял повышенное внимание. Серьезному отношению к изучению математики в немалой степени способствовало и то, что этот предмет с 4 по 10 класс вел у нас директор школы – *Казбек Юсуфович Ашинов*. Сегодня, оценивая его деятельность с высоты прожитых лет, скажу, что он был не только математиком высочайшего класса, но и наделен от природы большим организаторским даром.

Казбек Юсуфович Ашинов родился 14 февраля 1931 г. в а. Эдепсукай-1. В 1951 г. окончил среднюю школу а. Пчегатлукай. После окончания школы поступил на физико-математический факультет Краснодарского государственного педагогического института, который успешно окончил в 1955 г. Проработав два года учителем физики и математики в Эдепсукайской средней школе, был приглашен на комсомольскую работу: в 1956 г. Был избран первым секретарем Теучежского РК ВЛКСМ. С 1959 г., почти 13 лет, Казбек Юсуфович работал директором Эдепсукайской средней школы № 12, а в мае 1972 г., перед затоплением аула водами Краснодарского водохранилища, был переведен на такую же должность в среднюю школу № 2 г. Адыгейска. Награжден медалями: «За доблестный труд», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», а также многочисленными Почетными грамотами.

Нура Махмудовна Набокова
с учащимися 4-го класса
Эдепсукайской средней
школы. 1962–1963 гг.

Нас поражало неустанное трудолюбие Казбека Юсуфовича. «Свободного» времени, как такового, у него никогда не было, – школа забирала его целиком. Уроки, дополнительные занятия, консультации, посещение родителей нерадивых учеников, постоянные директорские заботы по поддержанию школьного здания в надлежащем порядке, выступления на школьных конференциях и педагогических чтениях, совместные с нами поездки, экскурсии и походы, – на сон у Казбека Юсуфовича зачастую оставалось не более 5-6 часов. «*Мыпшыжьырэ лэжьакӀу*» – «Неутомимый труженик», – такую характеристику нашего директора услышал я как-то от одного из наших учителей. Много внимания уделял он и организации «следопытского» движения в нашей школе; работа красными следопытами прививала нам первые навыки поисковой и даже исследовательской работы, расширяла наш исторический кругозор, знакомила с людьми, отдавшими свое здоровье, а зачастую и жизнь, за свободу нашей Родины.

Казбек Юсуфович был тонким психологом; он внимательно и уважительно относился не только к своим коллегам-учителям, но и к нам, ученикам. Если и ругал нас, то всегда по делу. Не помню ни одного случая, чтобы какой-нибудь ученик был наказан несправедливо. К каждому К.Ю. Ашинов имел индивидуальный подход. Он хорошо знал всех своих учеников, их способности и недостатки, знал всех родителей и взаимоотношения в семье. Казбек Юсуфович не любил вызывать родителей учеников в школу, а предпочитал навещать их дома, чтобы в менее официальной обстановке побеседовать с ними о тех или иных проблемах воспитания их детей. Соответственно, и мы относились к нашему директору с должным уважением. Он учил нас быть настоящими людьми, учил внимательному, доброжелательному отношению к окружающим людям, учил нас Добру. «*Шушлагэм илотакӀу*» – «Утверждающий добро», – так называли его люди. Но одновременно Казбек Юсуфович не раз говорил, что «беззубость», толстовское «непротивление злу насилием» тоже не дело. Сила уважает лишь силу, и оскорбление чести и достоинства человека нельзя спускать никому. Рассказывая те или иные эпизоды из своей собственной жизни, литературы, из истории адыгского народа, он старался привить нам чувство собственного достоинства; именно он дал нам первые уроки гражданского мужества. И еще помню его слова, сказанные нам, тогда совсем еще мальчишкам: «Не каждый может усвоить математику и физику достаточно глубоко, но каждый должен знать основы этих наук, – это вам обязательно пригодится в жизни. А главное, как говорит адыгская народная мудрость, – это «*Гъэсагъэ ухъуныр Иофэп, цыфы ухъуныр ары нахъ*» («Главное – не образование получить, а стать человеком»)). Эти мудрые слова моего учителя запомнились мне на всю жизнь... Уроки алгебры и геометрии, которые вел Казбек Юсуфович, иногда подменяли Аюб Сагидрович Схашок, Марет Хамедовна Цику или Кемал Хамзетович Набоков. Это были профессионалы своего дела, относившиеся к нам, ребятишкам с большой, прямо-таки родительской любовью. Пользуясь, случаем, от имени всех бывших питомцев хотелось бы от всего сердца поблагодарить их, особенно Кемала Хамзетовича, о котором в нашей благодарной памяти остались самые теплые воспоминания.

Кемал Хамзетович Набоков после окончания Краснодарского государственного педагогического института был направлен на работу в а. Эдепсукай-I, где с 1952 г. вел уроки математики и физики. Позже, когда возникла проблема с учителем химии, Кемал Хамзетович, по просьбе директора школы К.Ю. Ашинова, в течение трех лет преподавал уроки химии, причем вел с таким же блеском, как и свои «родные» предметы. Ему, конечно, не очень хотелось менять свою специализацию, но интересы школы, интересы детей были для него на первом месте.

Кемал Хамзетович Набоков родился 17 июня 1930 г. в а. Адамий Красногвардейского района Адыгейской автономной области. В 1947 г., после окончания учебы в аульской средней школе, он поступил и в 1949 г. окончил Майкопский двухгодичный учительский институт, а позже – Краснодарский педагогический институт (1952 г.). Свою педагогическую деятельность начал в Эдипсукайской средней школе, где он с 1952 по 1967 гг. вел уроки математики и физики. С 1967 по 1985 г. К.Х. Набоков работал в Хатукаевской средней школе.

Вспоминая спустя несколько десятилетий уроки Кемала Хамзетовича, еще раз убеждаюсь, насколько это был гуманный, отзывчивый и высокопорядочный человек, талантливый математик, все свои знания, опыт и открытое людям сердце отдававший своим питомцам.

Несколько слов хотелось бы сказать и о нашей любимой учительнице Ольге Магометовне Тешевой, которая преподавала у нас географию и химию.

Ольга Магометовна Тешева родилась 2 марта 1932 г. в а. Хатажукай Шовгеновского района Адыгейской автономной области; с 1937 г. жила в г. Краснодаре. В 1955 г. она окончила Краснодарский педагогический институт, естественно-географический факультет. В период с 1955 по 1972 гг. работала в Эдипсукайской средней школе, а позже (1972-1982 гг.) – в Джиджихабльской средней школе, где вела уроки географии и химии. В 1962-1964 гг. заведовала методкабинетом Теучежского района. Награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия В.И. Ленина», Почетной грамотой Министерства просвещения РФ.

После окончания в 1955 г. Краснодарского педагогического института О.М. Тешева была направлена в а. Эдипсукай-I для преподавания в местной школе. Высокообразованная, с широким кругозором, глубоко интеллигентная, выросшая в городских условиях, она тем не менее, быстро прижилась в ауле, стойко несла тяготы деревенского быта. Органично вошла в большую семью мужа; воспитала трех дочерей, две из которых – Светлана и Сима – окончили Кубанский медицинский институт, а младшая Сусанна – Адыгейский государственный педагогический институт и МЭГУ.

В школе Ольга Магометовна вела уроки географии и химии; хотя в душе больше любила географию, но из-за постоянного дефицита учителей-химиков, была вынуждена преподавать оба этих предмета. Работала она вместе с другими молодыми учителями: Салемет Цику, Казбеком Ашиновым, Нальбием Чеучевым. Нагрузка в те годы была в школе колоссальная: заниматься приходилось в две смены – дневную и вечернюю. Работа с такими опытными преподавателями как Игорь Августович Озеров, Кемал Хамзетович и Нурет Махмудовна Набоковыми дала возможность О.М. Тешевой быстро «акклиматизироваться» в педагогическом коллективе и в короткое время стать одной из лучших учителей в школе. Самым же первым педагогом-наставником, открывшим ей «азы» учительского мастерства, Ольга Магометовна по праву считает Солю Кунчуковну Берзегову, о которой она и сейчас вспоминает с теплотой и глубокой признательностью.

7-й класс Эдипсукайской средней школы, 1965–1966 гг.

Нафсет Хуако, Махмуд Схашок, Соня Кунчуковна Берзегова (завуч), Казбек Юсуфович Ашинов (директор), Нура Махмудовна Набокова (кл. руководитель), Аслан Схашок, Асхад Схашок, Фатимет Укол, Мугдин Цику, Рая Четыз, Юрий Шабунин, Нурет Схашок, Владимир Фоминский, Роза Цику, Нальбий Шеуджен, Аминет Наток, Шумаф Цику, Нафсет Хут, Виктор Скоробогатый, Римма Цику, Асхад Шеуджен, Харет Цику, Санят Наток, Гафур Хут, Аминет Четыз, Асланбеч Цику, Светлана Пшипий, Аскер Набоков, Аминет Измаилова

По правде говоря, до прихода Ольги Магометовны у меня, как и у многих других моих одноклассников, о географии были самые смутные представления, – лишь благодаря ей мы открыли для себя все многообразие стран и континентов Земного шара и смогли воочию представить место своей маленькой Родины – Адыгеи – на глобусе и школьных картах.

Хорошо помню день, когда Ольга Магометовна впервые пришла в наш класс. Мы уже знали, что нам предстоит изучать новый предмет – географию, но кто будет его преподавать – пока не было известно. И вот открывается дверь, и в сопровождении нашего директора в класс входит молодая (ей тогда было неполных 30 лет), женщина в строгом костюме и живыми, искрящимися от затаенного смеха глазами. Представив ее, наш директор вышел, выразив надежду, что мы с помощью Ольги Магометовны овладеем всеми премудростями новой науки. Ознакомившись со всеми учениками по классному журналу, учительница стала рассказывать нам об исключительном разнообразии природы нашей родной Адыгеи, – ведь кроме родного аула практически никто из нас нигде не был.

На всю жизнь я запомнил эту маленькую вводную лекцию – своего рода гимн красотам и уникальному своеобразие природы этого уголка планеты: «Адыгея... Наверняка мало кто из жителей нашей необъятной Родины – СССР – знает эту маленькую республику, затерявшуюся в предгорьях Северо-Западного Кавказа. А ведь для нас с вами – это целый мир. Удивительный мир живописных красот природы, тысячелетней мудрости адыгов, их доброты и гостеприимства, мужества и отчаянной смелости, беззаветной любви к Родине и жгучей ненависти к угнетателям адыгского народа. Заглянем же вместе в этот мир, такой древний и одновременно такой молодой...

Аюб Сагидович Схашок с учащимися 9-го класса Эдепсукайской средней школы, 1965–1966 гг.

Одно из стихотворений известного адыгского поэта Сафера Яхутля посвящено природе Адыгеи:

Я люблю гор высоких заоблачный взлет,
Сердцу милые с детства края,
Пусть как море шумит золотистая степь –
Богатырская слава твоя...
Твоих рек быстротечных красивее нет,
Адыгея, родная моя!

В этих поэтических строках, как в капле воды, отражается все удивительное многообразие и красота природы нашей Адыгеи. Трудно отыскать в нашей стране, да и во всем мире, другой такой край, где бы на сравнительно небольшом пространстве (площадь всего 7 тыс. км² – чуть больше крохотного европейского государства Люксембург!) предстало бы такое разнообразие ландшафтов, как здесь. Исполинские горы, покрытые ледниками, альпийские луга, густые леса, бескрайние степи, бурные реки, голубые озера, нетронутый цивилизацией уникальный Кавказский биосферный заповедник, – все это наша Адыгея.

Мягкий умеренный и частично субтропический климат, близость Черного и Азовского морей, разнообразный животный и растительный мир, благоприятное географическое положение территории, расположенной на «перекрестке» оживленных торговых путей, – все это способствовало тому, что Северо-Западный Кавказ издревле привлекал алчные аппетиты соседних народов и государств. При этом они не принимали во внимание, что эта территория была с древнейших времен заселена предками адыгов – меотами. Практически всю свою многовековую историю адыги вынуждены были защищать и отстаивать свою землю от притязаний иноземных захватчиков, проявляя при этом мужество, героизм, обостренное чувство любви к своей любимой Родине...». И далее Ольга Магометовна показала нам несколько красочных фотографий, на которых были сняты самые живописные уголки нашей Адыгеи, а также снимки обитающих здесь редких животных и уникальных, только здесь произрастающих растений. Показала она нам и расположение Адыгеи на карте СССР. Здесь еще можно было что-то различить – реки, горные вершины, отдельные населенные пункты. А вот на висевшей на стене карте мира, а тем более на школьном глобусе, наша Адыгея была обозначена чуть ли не точкой, всю ее можно было закрыть копеечной монетой. Но ведь для нас, как справедливо говорила учительница, это был целый мир...

9-й класс Эдепсукайской
средней школы,
1967–1968 гг.

Прошли годы, десятилетия. За свою долгую жизнь мне пришлось побывать в самых отдаленных уголках нашей Родины. И где бы я ни был, всегда с благодарностью вспоминал уроки Ольги Магометовны, – без глубокого знания географии мне было бы трудно, если не невозможно, столько путешествовать. До сих пор меня не перестает удивлять ее безмерная человечность и высокий несравненный профессионализм.

Если у меня в школе не было особых проблем с географией, математикой, русским языком и литературой, то этого нельзя сказать о грамматике своего родного адыгейского языка. При полном отсутствии усидчивости, познание сложных грамматических правил было для меня довольно-таки трудным делом. Частенько в школьных журналах, особенно в начальных классах, напротив моей фамилии по этому предмету можно было увидеть средненькие «тройки». Правда, для того, чтобы как-то вызвать у меня интерес к адыгейской грамматике, учителя иногда ставили мне и более высокие оценки. Но чудо, увы, не случилось, – я продолжал готовить уроки по этому предмету кое-как. В связи с этим, хотелось бы сказать несколько теплых слов об учителях грамматики адыгейского языка и родной литературы, благодаря поистине титаническим усилиям, которых я наконец-то познал все тонкости этого столь сложного для меня предмета, который так пригодился мне в дальнейшем.

В 3-м классе у нас адыгейский язык и литературу вела Тамара Касеевна Каде. К нам она пришла совсем юной, сразу после окончания Майкопского педагогического института. Ее старание и огромная любовь к своей профессии были заметны даже нам, третьеклассникам. Она отличалась глубокой интеллигентностью, прекрасно знала свой предмет и обладала удивительным даром доступно и понятно передать это знание своим ученикам. Сегодня, спустя почти 40 лет, я могу сказать, что для Тамары Касеевны характерна принципиальность, кристальная честность, повышенная требовательность к своим ученикам и, в первую очередь, к себе. Пользуется заслуженным авторитетом и уважением среди своих коллег-педагогов, любовью и привязанностью среди своих многочисленных учеников, – прошлых выпусков, настоящих и, надеюсь, еще многих поколений будущих. А главное, как сказал один из моих одноклассников много-много лет назад, «Тамара Касеевна – это человек!» И это, пожалуй, одна из самых высоких оценок, которые может дать ученик своему учителю – Учителю с большой буквы...

Тамара Касеевна Каде родилась 12 октября 1937 г. в а. Эдепсукай-1 Теучежского района. В 1945 г. поступила учиться в Эдепсукайскую школу. После окончания средней школы, в 1955 г. поступила учиться в Майкопский педагогический институт. Получив диплом, вернулась в родной аул, в свою школу, где стала преподавать русский язык и литературу. С 1972 г. и по 2002 г. Тамара Касеевна работала в средней школе № 2 г. Адыгейска. Т. К. Каде в 1986 г. было присвоено почетное звание «Учитель-методист», а в 1997 г., в связи с 40-летием педагогической деятельности, была награждена Почетной грамотой Парламента Республики Адыгея; имеет Почетные грамоты и благодарности от района и облоно («Единство», 2000, 6 января).

За время своей работы в школе у Тамары Касеевны было 5 выпусков учеников, из них около 20 медалистов, – больше, чем у кого-либо из других учителей. Когда я недавно встречался с моей учительницей, то был буквально поражен, – она помнит всех, абсолютно всех своих учеников за долгие 40 лет своей педагогической практики. Причем, не только помнит имена, но и знает, как сложилась дальнейшая судьба того или иного ученика. Практически все ее выпускники нашли свое место в жизни, стали достойными гражданами родной Адыгеи и России. Особо тепло вспоминала Тамара Касеевна Фатиму Хуако, Тамару Зекох, Казбека Хота, Анзатура и Азида Джамирзе, Светлану Кошко, Марину Шеуджен, Зурет Хунагову, Саиду Тхатель и многих других, – перечислить всех их не хватит и целой страницы. После одного года работы с нашим классом Тамару Касеевну перевели в другой класс, где она была классной руководительницей и вела уроки русского языка и литературы.

Начиная с 4-го класса и до завершения курса, уроки адыгейского языка и литературы у нас в классе вела старейшая учительница нашей школы Рахмет Теучежевна Схашок. Что, в первую очередь, вспоминается о ней? Мы, ученики, любили свою учительницу и всегда с нетерпением ждали ее уроков. Когда она входила в класс, наступала удивительная тишина, – слышно было, как муха пролетит. И самое главное, Рахмет Теучежевна никогда не «замыкалась» в рамках своего предмета. Она умела так увязать учебный материал по адыгейскому языку и литературе с современной жизнью, что ее воспитанники были в курсе событий, происходящих в мире, стране, в родном ауле. Именно Рахмет Теучежевна открыла для нас безбрежную Страну Литературию, впервые познакомил нас с прекрасными образцами адыгского народного эпоса «Нарты», произведениями Цуга Теучежа, Тембота Керашева, Юсуфа Тлюстена, Мурата Паранука, Дмитрия Костанова.

Рахмет Теучежевна Схашок родилась 28 декабря 1910 г. в а. Габукай Майкопского уезда Кубанской области. С 1925 г., работала пионерской вожатой в а. Ассоколай. После успешного окончания в 1930 г. Краснодарского педагогического техникума много лет проработала учительницей адыгейского языка и литературы в начальных классах школы а. Эдепсукай. За большую и плодотворную работу в области народного образования, новаторский подход к проблемам школьного воспитания Рахмет Теучежевна Схашок была награждена «Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР», а также многочисленными краевыми, областными и районными Почетными грамотами («Единство», 2000, 25 июля).

Среди коллег-учителей и односельчан Рахмет Теучежевна всегда пользовалась заслуженным авторитетом. Она привлекала к себе людей не только благодаря заслугам на педагогическом поприще, но и своими чисто человеческими качествами: сердечностью, доброжелательностью, отзывчивостью, умением создать вокруг себя благоприятный психологический климат. Обладая поистине энциклопедическими знаниями, она всегда щедро делилась ими со своими учениками и коллегами.

И еще. Всегда обращали на себя внимание ее постоянная жизнерадостность, оптимизм, я бы сказал, «жизнелюбие». Она была человеком с большим, открытым людям сердцем, готовым всегда прийти на помощь в трудную минуту. Часто вместо воскресного отдыха она ходила к нам, ученикам, домой, интересовалась, в каких условиях мы живем, не мешает ли что-либо нам готовить уроки; в случае необходимости помогала усвоить трудный материал. Нельзя не подчеркнуть, что она была удивительно скромным человеком, интеллигентом высшей пробы.

Рахмет Теучежевна Схашок
с учащимися 2-го класса
Эдепсукайской средней
школы, 1959 г.

Хотелось бы особо подчеркнуть незаурядный преподавательский дар Рахмет Теучежевны, ее удивительную способность донести до своих учеников зачастую самые трудные, сложные вопросы фонетического и лексико-грамматического строя адыгейского языка. В этом ей (и нам!) в значительной мере помогали различного рода вспомогательные пособия и материалы, которые она, тщательно готовясь к урокам, приносила к нам в класс. Иллюстрируя то или иное сложное правило, она обязательно приводила в пример подходящую адыгейскую пословицу или поговорку. Так что, познавая тонкости грамматики родного языка, мы одновременно познавали и всю красоту адыгского фольклора, поистине, «жемчужины» народной мудрости. Многие из них остались в нашей памяти на всю жизнь, за что мы бесконечно благодарны своей учительнице.

Многие из бывших учеников Рахмет Теучежевны тоже стали учителями адыгейского языка и литературы. Уверен, что именно ей они обязаны любовью к родному языку. Ведь учительница Схашок дала своим ученикам возможность припасть к животворному источнику древнего языка адыгов, в какой-то мере приобщиться к нему, совершенствуя навыки чтения и разговорной речи. Все эти качества, несомненно, пригодились будущим учителям родного языка в их преподавательской работе.

У адыгов есть весьма образная пословица: «Язык – путеводитель для души» (*Бзэгур гум итэлэмац*)). Несколько перефразируя ее, можно сказать, что и уроки Рахмет Теучежевны тоже были своеобразным «путеводителем для души», путеводителем по удивительной и малоизвестной стране – древнему языку адыгов. Той самой стране, одним из «первооткрывателей» которой являлась для нас Рахмет Теучежевна Схашок, как ее называли, «учитель учителей».

На стене одной из древних египетских пирамид высечена знаменательная надпись: «Мертвого имя назвать – все равно, что вернуть его к жизни». Мудрость этой мысли, насчитывающей около пяти тысячелетий, поражает. Действительно, вспоминая сегодня Рахмет Теучежевну Схашок, мы как бы мысленно возвращаем ее к жизни. И это право она заслужила своей многотрудной жизнью, своей поистине подвижнической просветительской деятельностью, – она всегда будет жить в памяти потомков, в памяти своих учеников, в нашей памяти.

Вспоминая годы учебы в Эдепсукайской средней школе, хотелось бы поделиться своими впечатлениями об уроках немецкого языка. Бессменным учителем по этому предмету была у нас Аминет Учужуковна Хабаху (Четыз). Интерес к новому, незнакомому для нас языку, был огромным. С большим энтузиазмом я взялся за освоение немецкого языка. Буквально за считанные дни запомнил алфавит, набрал определенный запас слов, а также пытался бегло читать и писать. Моим, пока еще очень скромным, достижениям радовались и родители, и наша учительница. Аминет Учужуковна внимательно следила за ходом моих занятий, иногда оставалась со мной после уроков, чтобы разъяснить какое-либо трудное правило или отработать произношение.

Аминет Учужуковна Хабаху (Четыз). Родилась 29 декабря 1932 г. в а. Понежукай. После окончания Понежукайской средней школы она продолжила учебу в Адыгейском педагогическом училище. В 1958 г. окончила факультет иностранных языков Адыгейского государственного педагогического института. Трудовую деятельность начала в 1951 г. в Эдепсукайской средней школе, где она проработала до переселения жителей аула в г. Адыгейск в 1973 г.

К сожалению, надежды Аминет Учужуковны на мое большое «филологическое» будущее не оправдались. Детский интерес к новому языку быстро прошел, я перестал систематически готовиться к урокам, и в результате упустил многое. В старших же классах наверстать упущенное было уже невозможно: не было ни времени, ни, по правде сказать, и особого желания. Причины моего такого резкого «охлаждения» к немецкому

языку Аминет Учужуковна не знала и очень переживала за меня. Неоднократно пыталась переломить мое отношение к ее предмету; не раз говорила: «Ты же способный мальчик, можешь лучше учиться, так почему же не учишься?». Что я мог ответить? Лишь сейчас, по прошествии многих лет, я вижу, сколько горьких минут доставляли мы, мальчишки, своим поведением нашим учителям, в том числе Аминет Учужуковне. Остается только удивляться ее доброте и высокой порядочности. Бескорыстная преданность своему делу у нее гармонично сочеталась с высокой требовательностью. Она любила без исключения всех нас: аккуратных и неряшливых, дисциплинированных и шаловливых, умных и не очень. Старалась делать все от нее зависящее, чтобы ее занятия доставляли нам не только знание языка, но и удовольствие. Всегда радовалась нашим успехам и очень эмоционально воспринимала наше равнодушие к ее любимому предмету. ...Неумолимо бежит время. Оно обрывает человеческие жизни, зачастую останавливает человека на полпути, и на все то есть воля Бога. Он ее забрал к себе очень рано, еще в расцвете сил, но в каждом из ее воспитанников осталась частица ее души. А это, пожалуй, самое главное, что остается от человека, когда он навсегда уходит от нас.

Мои школьные воспоминания будут неполными, если не сказать несколько слов об уроках истории в нашей школе. Насколько я помню, история всегда была одним из моих любимых предметов. С тех пор, как я научился читать, моими любимыми книгами были исторические сказания, рассказы и повести. Когда ко мне в руки попадала интересная книга по истории, я уделял ей все свое свободное время, мог отказаться от детских игр и даже от сна. Любовь к этому предмету, которую я пронес через всю свою жизнь, привили мне два замечательных человека: Р.С. Жане и П.Г. Зыкова.

Разиет Салиховна Жане преподавала нам свой предмет с 5 по 8-й класс. От нее мы впервые узнали о великих цивилизациях прошлого – Вавилонском царстве, Древнем Египте, Римской империи, героях Эллады, крестовых походах. Трудно было учиться, но Разиет Салиховна, как никто другой, умела так донести до нас материал, что самые сложные вопросы становились общедоступными и простыми для нас, легко запоминались и «укладывались» в памяти, причем, как говорится, всерьез и надолго.

***Разиет Салиховна Жане (Басте)** родилась 8 марта 1930 г. в а. Панахес Тахтамукайского района. После окончания 7-летней школы в а. Панахес и Афиписинской средней школы, в 1952 г. поступила в Краснодарский педагогический институт, который окончила с отличием в 1956 г. Была направлена на работу учителем физкультуры и спорта в Эдепсукайскую среднюю школу. Через несколько лет окончила заочно еще один факультет пединститута – исторический; стала преподавать историю в 5-10 классах. В последние годы, перед уходом на пенсию, работала в г. Адыгейске, сначала в средней школе № 12, а затем – в средней школе № 2, директором которой был тогда известный педагог К.Ю. Ашинов. В 1985 г. Разиет Салиховна ушла на заслуженный отдых («Единство», 1999, 26 октября).*

С благодарностью вспоминал я Разиет Салиховну, когда работал над монографией «Земля адыгов» (Майкоп, 1996). Ведь именно на ее уроках мы с глубоким интересом «впитывали» интереснейшую и новую для нас информацию о древней и средневековой истории нашего народа, – истории героической и вместе с тем трагической. И присутствуя тогда на ее уроках, я, разумеется, и представить не мог, что спустя 30 лет выйдет в свет эта книга, посвященная истории адыгского народа.

Мой интерес к истории значительно возрос, когда с 9-го класса этот предмет стала вести Прасковья Григорьевна Зыкова. Она была очень красивой женщиной, атлетического телосложения, насквозь видела нас, учеников: знания, характер, способности. Прасковья Григорьевна была наделена необыкновенным природным даром, возбудить у нас интерес к своему любимому предмету. Она умела выслушать ученика до конца, даже когда этот ответ ее чем-то не устраивал. Глубине ее знаний не перестаю удивляться даже сейчас, спустя столько лет. Причем, Прасковье Григорьевне за 45 минут классного часа удавалось буквально все: и дать необходимый объем сведений, предусмотренный школьной программой, и поделиться свежей информацией, извлеченной из последних журналов по истории, и основательно познакомить нас с первоисточниками.

***Прасковья Григорьевна Зыкова** родилась 6 января 1926 г. в с. Еленовская Красногвардейского района Адыгейской автономной области. После завершения учебы в Еленовской средней школе поступила и в 1945 г. окончила Краснодарский педагогический институт. Свою педагогическую деятельность начала в Преображенской средней школе. Позже, в связи с острой нехваткой учительских кадров, она была переведена учителем истории в Джиджихабльскую среднюю школу (1946-1947 гг.), а позже направлена в Понежукайскую среднюю школу (1949-1951 гг.). С 1952 г., в связи с преобразованием Эдепсукайской семилетней школы в среднюю, работала учителем истории и обществознания в средней школе а. Эдепсукай-1; на этой должности проработала до 1973 г., т. е. до переселения аула при заполнении Краснодарского водохранилища.*

Если уместно такое сравнение, то Прасковью Григорьевну можно было бы назвать «ходячей энциклопедией» по истории: она держала в памяти сотни, если не больше, самых разнообразных фактов, дат, географических названий, имен, связанных с историей нашей страны и мира. Любовь к истории, привитую нашими учителями, я сохранил надолго. Будучи ученым-биологом, я неоднократно обращался и обращаюсь к исторической тематике, даже совместно с коллегами написал несколько книг по этому вопросу.

Прасковья Григорьевна Зыкова вела у нас не только историю, но и новый тогда предмет – обществоведение. На своих уроках она впервые познакомила нас с основами марксистско-ленинской философии, ис-

А.У. Хабаху и Т.С. Жане
с учащимися
Эдепсукайской школы.

торического материализма и научного коммунизма. Признаюсь откровенно, после первого просмотра этого учебника, написанного, как помню, довольно заумным, сухим языком, он мне совершенно не понравился. Но Прасковья Григорьевна, с присущим ей педагогическим талантом, сумела вызвать у нас, тогдашних девятиклассников, интерес даже к этому, на первый взгляд, столь скучному предмету. Она всегда подчеркивала: «Ребята, без хорошего знания социальных основ жизни и этапов развития человеческого общества, без четкого представления о законах общественного развития вам будет очень нелегко ориентироваться в самостоятельной жизни, в которую вы через год вступаете».

Излагая тот или иной сложный материал, она всегда приводила «живые» примеры из жизни, которые наглядно раскрывали нам содержание и смысл законов развития общества. Для иллюстрации этих законов она приводила и цитаты из первоисточников: Гегеля, Фейербаха, Юма, Канта, Маркса, Энгельса, Ленина и других крупнейших мыслителей прошлого. Без преувеличения можно сказать, что благодаря именно ее усилиям практически все выпускники освоили этот трудный курс и успешно сдали экзамен по обществоведению. Скажу более, – подробнейшие конспекты основных работ классиков марксизма-ленинизма, которые мы вели в 9-10 классах по настоятельному совету Прасковьи Григорьевны, весьма пригодились мне намного позже, когда я уже учился в институте.

Хотелось бы остановиться на одной из важнейших человеческих черт нашей учительницы. Она поддерживала связь со всеми своими учениками, – по возможности, направляла и подсказывала, советовала, помогала добрым словом.

Будучи от природы довольно-таки любопытным (если не сказать, любознательным), меня со школьных лет особенно интересовали проблемы происхождения мира, строения и превращения веществ, т. е. вопросы, изучаемые биологией и химией. Надо сказать, что и выбранная мной профессия также в какой-то степени оказалась связанной с этими науками. Еще в школьные годы я познакомился со многими фундаментальными работами И.В. Мичурина, В.Л. Комарова, Т.Д. Лысенко, Н.И. Вавилова и других ученых-биологов. Листал некоторые справочники по химии. Такая самостоятельная работа над собой приносила свои плоды, но, однако, не могла дать прочных знаний. Единственная причина этого заключалась в том, что некоторые разделы этих наук были еще сложны для меня, а получить квалифицированную консультацию зачастую было не у кого. Учителя по этим предметам менялись практически каждый год, не успевая привыкнуть к классу, да и ученики были не столь близки к своему учителю, чтобы лишний раз его «беспокоить» своими дополнительными вопросами, не относящимися к школьной программе. Мы только начинали привыкать к одному учителю, как в следующем году он заменяется новым. Так, только по биологии за 5 лет у нас сменилось четыре учителя: Разиет Салиховна Жане, Арамбий Махмудович Мамий, Исхак Техачевич Хот и Юсуф Хамедович Шеуджен.

Юсуф Хамедович Шеуджен родился 27 февраля 1937 г. в а. Эдепсукай-І. Свою трудовую деятельность начал в 1960 г. после трех лет службы в Советской Армии. Работал на Пашиковском лесокомбинате, Майкопской макаронной фабрике. В 1968 г. заочно окончил Адыгейский госпединститут по специальности «биология». С 1963 г. работал в Шабанохабльской 8-летней школе, а с января 1969 г. был переведен учителем химии и биологии в Эдепсукайскую среднюю школу № 12. После переселения аула, с 1973 по 1989 гг. работал учителем физики в Красненской 8-летней школе; в 1989 г. по выслуге лет вышел на пенсию. Награжден медалью «Ветеран труда» (1984). Скончался 9 октября 1994 г.

Просковья Григорьевна
Зыкова с учащимися
6 класса, 7 декабря
1969 г.

Важной составной частью программы советской общеобразовательной школы была физическая подготовка школьников. Уроки физкультуры в нашем классе вел участник Великой Отечественной войны, капитан запаса Исхак Техачевич Хот.

Исхак Техачевич Хот родился 12 января 1924 г. в а. Эдепсукай-І. С началом Великой Отечественной войны, после окончания третьего курса Краснодарского педагогического института, был призван на фронт. Принимал участие в освобождении Будапешта. За мужество и стойкость, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, был награжден боевыми орденами и медалями. С 1964 по 1973 гг. работал учителем физкультуры и ботаники в Эдепсукайской средней школе.

Всегда подтянутый, с высоко поднятой головой, передвигающийся отчеканенным строевым шагом, – таким он запомнился нам на всю жизнь. Это был человек твердой воли, с армейской закалкой, и в то же время с ним легко было найти общий язык. Помимо физической подготовки, на уроках физкультуры он давал нам основы военного дела. Прошедшему по всем фронтовым дорогам от Кубани до Берлина, ему было о чем рассказать нам, своим питомцам. При этом Исхак Техачевич не забывал подчеркнуть важность для воина крепкого здоровья и физической подготовки.

Помимо своего основного предмета, И.Т. Хот в 5-м классе преподавал нам и курс ботаники. По сути, он был первым, кто познакомил нас со всем разнообразием растительного мира. Именно от него мы впервые узнали о биологии развития тех или иных диких и культурных растений, их значении в жизни человека. Кто знает, может именно уроки Исхака Техачевича и явились своеобразным «катализатором», пробудившим у меня интерес и любовь к биологии, – науке, которой я посвятил всю свою жизнь? Хотелось бы этой небольшой публикацией отдать дань уважения и признательности нашему учителю, низко поклониться за его неустанные труды.

«Кадровая чехарда» была и с преподаванием химии. За 4 года уроки химии вели три учителя: Ольга Магомедовна Тешева, Арамбий Махмудович Мамий, Юсуф Хамедович Шеуджен. Тогда, разумеется, я еще не мог оценить уровень своих знаний по этим предметам, особенно по химии, но позже, при поступлении в институт, пришлось усиленно работать над собой, чтобы пополнить свой профессиональный «багаж» знаний. Тем не менее, считаю уместным и необходимым от всего сердца поблагодарить всех перечисленных выше учителей биологии и химии, некоторые из которых уже давно ушли в мир иной. Я не в коей мере не бросаю тень на их профессионализм. Не их, а наша вина, что мы, ученики, что-то недопоняли, что-то упустили, и приходилось зачастую восполнять эти знания во время учебы в вузах.

Совершенно по-иному складывались у меня взаимоотношения с преподавателями физики. Этот предмет всегда привлекал меня, тем более, что нашему классу всегда везло с подбором учителей. С 5 по 8-й класс уроки физики в нашем классе вел участник Великой Отечественной войны Игорь Августович Озеров, учитель с необычайно широким кругозором. Коллеги по работе и ученики поражались энциклопедичности его знаний, его удивительному популяризаторскому дару излагать сложнейшие вопросы математики и физики понятно для самых неподготовленных учеников. Почти все его уроки по физике и астрономии сопровождалась демонстрацией диапозитивов, что очень помогало нам в усвоении материала. Большим подспорьем при изучении физических законов были используемые учителем всевозможные наглядные пособия и приборы, – на его уроках мы сами собирали схемы радиоприемников, на практике наблюдали процесс образования электрических зарядов, пытались конструировать простейшие телескопы, которые в буквальном смысле слова открывали нам безграничный мир Космоса.

Мос Юсуфович Шеуджен
(завуч Эдепсукайской школы)
и Юсуф Зекошуович Уджуху
(директор). 1947 г.

Учителя Эдепсукайской средней школы И.Т. Хот, Ш.А. Яхутль, К.Х. Набоков,
А.К. Четыз, 1961 г.

Игорь Августович Озеров родился 7 ноября 1915 г. в с. Боготол Боготольского района Красноярского края. После окончания средней школы уехал на Украину, где в 1939-1940 гг. учился на физико-математическом отделении педагогических курсов при Ворошиловоградском облоно. После их окончания был призван на фронт, где воевал до 1945 г. С августа 1946 г. в течение 3-х лет Игорь Августович работал учителем арифметики, алгебры и физики в азербайджанском селе Аджикенде Ханларского района. В августе 1949 г. стал преподавать физику и математику в Эдепсукайской средней школе, где проработал почти 25 лет. В 1952 г. поступил учиться заочно в Адыгейский государственный педагогический институт, который окончил в 1959 г. по специальности «физика и математика». В 1973 г., после затопления а. Эдепсукай водами Краснодарского водохранилища, продолжил свою преподавательскую деятельность в средней школе № 2 г. Адыгейска. Умер 10 февраля 1983 г., в возрасте 67 лет; похоронен в г. Адыгейске («Единство», 1999, 27 июля).

Игорь Августович был прекрасным психологом, хорошо знал детские души и умело «лепил» из них настоящих людей, достойных граждан своей Родины. Он относился к своим ученикам с глубоким уважением, никогда не позволял себе обидеть их грубым словом или делом. Иногда, правда, он не без юмора давал своеобразные прозвища тем или иным «отличившимся» школьникам, но те не обижались, поскольку эти прозвища уж очень точно и метко характеризовали личность ученика: «Путешественник» (о мальчике, предпочитающем прогуливать уроки), «Профессор» (об одном из отличников), «Ботвинник» (о прекрасном игроке в шахматы), «Электрик» (об ученике, сбивавшем рогаткой электрические лампочки со столбов), «Водолаз» (о мальчике, увлекающемся подводным плаванием).

Нельзя не отметить и такую грань характера нашего учителя, как высочайшее чувство ответственности за порученное дело. Но одновременно и к другим он относился с такой же требовательностью, как и к себе. Игорь Августович приучал нас быть хозяином своего слова, никогда не обманывать и не подводить своих товарищей, родителей, учителей. Эти качества очень пригодились нам в дальнейшей жизни.

Его уроки были всегда открытыми в том смысле, что на них разрешалось задавать учителю любые вопросы и быть уверенными, что на них будут даны исчерпывающие ответы. Признаюсь откровенно, иногда мы беззастенчиво пользовались этой «слабостью» учителя. Заигравшись с друзьями, и не успев подготовиться, или плохо выучив урок, мы задавали Игорю Августовичу какой-нибудь каверзный вопрос, на который он с присущей ему обстоятельностью и увлеченностью отвечал, причем, иногда в течение почти всего классного часа. Он, конечно, догадывался о подоплеке такого интереса к тому или иному вопросу, но сознательно шел на нарушение школьного регламента, расширяя тем самым наш кругозор и прививая нам увлеченность и интерес к своему предмету.

Здесь уместно отметить, что И.А. Озеров почти не говорил по-адыгейски, но понимал практически все, что ему говорили. Будучи русским, он глубоко любил и уважал адыгскую культуру, язык, фольклор, живопись, музыку. К нему больше, чем к кому-либо другому можно отнести мудрые слова его же ученика, моего одноклассника – Виктора Скоробогатого, приведенные в стихотворении «Моя Адыгея»:

Я не шапсуг, я также не убых,
Я русский, но в душе – адыг,
Но если спросят, так отвечу я:
Ты, Адыгея, родина моя!

Выпускники 1968-1969 учебного года Эдепсукайской средней школы.

Если уж речь зашла об Игоре Августовиче, не могу не вспомнить добрым словом его супругу – Раису Дмитриевну. Мы, школьники, постоянно пропадали у нашего учителя дома. Он сам приглашал нас то на консультации по физике и математике, то посмотреть свою коллекцию аквариумных рыбок или декоративных певчих птиц, к которым он всегда был неравнодушен, то демонстрировал нам «чудо века» – телевизор, который Озеровы приобрели одними из первых в ауле, то вместе с учителем мы конструировали какой-нибудь хитрый прибор. И каждый раз в этом хлебосольном доме нас с теплотой встречала Раиса Дмитриевна; она всегда старалась приласкать, а то и подкормить ребят. Помнится, много позже, когда меня призвали в армию и мои родичи провожали меня далеко за околицу аула, Раиса Дмитриевна догнала меня и подарила красивый платок и 10 рублей (а это по тем временам были большие деньги) в дорогу. Ее подарок я пронес через все тяготы военной службы и сохранил как память о прекрасной спутнице жизни моего учителя.

Уже около двух десятков лет прошло с тех пор, как перестало биться сердце нашего учителя. Не верится и не хочется смириться с тем, что среди нас уже нет этого удивительного человека. И по сей день мне иногда кажется, что я нахожусь в классе и слышу знакомый глуховатый голос моего учителя, вызывающего к доске моих друзей: «Аминет, Шумаф, Мугдин, Асланбеч, Нурет, Виктор...». У Игоря Августовича не было научных и особо почетных званий и титулов, – лучшей наградой для него были достижения его учеников; он радовался их успехам, буквально жил ими.

Постепенно уходят из жизни и люди, знавшие его лично. Хотелось бы, чтобы память об этом замечательном человеке сохранилась навсегда, чтобы его отдаленные потомки, а также ученики его учеников могли бы гордиться им и, выбирая «делать жизнь с кого», имели в его лице достойный пример для подражания. Именно поэтому я уделю столько места воспоминаниям об этом удивительном человеке.

В 9-м классе Игорь Августович продолжал вести уроки астрономии, а физику стала преподавать Мариет Айтчевна Теучеж (Тугуз); при этом она одновременно приняла у нас классное руководство. Причем такое ответственное поручение ей дали сразу же после получения диплома о высшем образовании. Вначале мы надеялись, что с приходом нового преподавателя требования к нам немного понизятся, и тем самым будет хоть какое облегчение в учебе. Но, увы, такого не произошло, в чем мы скоро сами убедились. К нам пришла очень умная, энергичная, требовательная, высокопрофессиональная учительница, в то же время обладающая глубокой человечностью и душевной теплотой. Она очень любила свой предмет и умела подать его нам так, что основные понятия физики запомнились нам на всю жизнь. Я это знаю по себе, – занимаясь проблемами физиологии растений и агрохимии, уверенно чувствую себя при рассмотрении самых сложных вопросов теоретической физики. В этом мне, конечно, помогли знания, полученные в институте, аспирантуре, докторантуре. Но «база», основа физики, без преувеличения, была заложена именно на уроках Мариет Айтчевны. И за это ей большое спасибо от всех нас.

Мариет Айтчевна Теучеж (Тугуз) родилась 4 мая 1939 г. в а. Шабанохабль. В 1959 г., после окончания Эдепсукайской средней школы, поступила учиться в Адыгейский государственный педагогический институт. В 1962 г., закончив третий курс института, девушка перевелась на заочное отделение и стала продолжать учиться и одновременно работать в 8-летней школе а. Шабанохабль – учителем математики и завучем. С 1967 г. Мариет Айтчевна стала работать учителем физики в Эдепсукайской средней школе. С 1973 г. – времени переселения аула, и до самого ухода на пенсию в 1989 г., преподавала в средней школе № 2 г. Адыгейска. Наряду с педагогической деятельностью, она принимала активное участие в общественной жизни школы, аула, города, района; выступала с лекциями и докладами, по заданию районного отдела

образования посещала другие школы района, с целью оказания методической помощи и обмена опытом работы. За добросовестный труд по воспитанию молодого поколения Мариет Айтчевна была награждена многочисленными Почетными грамотами и медалями «Ветеран труда» и «Победитель социалистического соревнования» («Единство», 2000, 5 сентября). Умерла 15 февраля 2022 г.

Уроки ее всегда были интересны, не случайно мы всегда с нетерпением ждали их и охотно посещали. Дело прошлое, – иногда мы, мальчишки, прогуливали те или иные уроки, но занятия Мариет Айтчевны – никогда. Мы знали, что, и она с нетерпением ждет встречи с нами, старается приготовить к каждому уроку что-нибудь новое и интересное для нас. На каждый урок она шла, как в первый раз, – немного волнуясь и переживая: как воспримем мы ее объяснения, поймем ли мы тот или иной закон или сложную физическую формулу. И мы ценили такое уважительное отношение к своим ученикам. На уроках Мариет Айтчевны всегда царила тишина, а если она задавала вопрос классу, сразу поднимался лес рук: каждый старался ответить первым.

Оценивая свое отношение к учебе и поведение в классе, сразу надо сказать, что я никогда не был тихоней. Обладая довольно-таки острой памятью, для меня приготовление домашних заданий не требовало особых усилий, – все новое я успевал «впитать» в себя еще во время урока. И как результат, если судить по отметкам, я занимал устойчивое среднее положение между сильными и слабыми учениками. До 9-го класса я практически не готовился к урокам, и садился за книги лишь тогда, когда, как мне казалось, подходила моя очередь быть вызванным к доске. Это перешло в правило особенно на уроках русского языка. Нура Махмудовна, зная, что я в нужный момент всегда могу мобилизовать себя, основное внимание уделяла более отстающим ученикам. Но в 9-м классе эта уже отработанная методика подготовки к урокам стала давать «сбой». К первому уроку русского языка и литературы, который вел тогда Ю.А. Зыков, я, как мне тогда казалось, подготовился основательно. Припоминается, что Юрий Александрович начал урок со сплошного опроса учеников. Мы отвечали, откровенно говоря, «средненько». Уровень наших знаний и содержание ответов не устроили учителя, посыпались «двойки». Причем, их он ставил не только слабым, но и самым сильным ученикам, с которыми раньше ничего подобного не было. Наконец, очередь дошла и до меня. Я постарался блеснуть своими знаниями, но, увы, Юрий Александрович сдержанно похвалил меня, но поставил лишь тройку. Мы все были поражены результатами опроса, – в течение только одного урока класс получил 11 двоек и одну тройку! Я же для себя сделал пессимистический вывод: если все мои старания по русскому языку оценены лишь на тройку, то у меня нет никаких шансов преодолеть эту планку и получать более высокие отметки. И еще подумал: вряд ли на следующем уроке учитель будет возиться со мной, – скорее всего, он будет опрашивать тех, кто получил двойку. Естественно, к следующему занятию я вообще не готовился.

Увы, мой прогноз не оправдался – в первый раз интуиция подвела. И вновь наступил урок русской литературы. Как только учитель вошел в класс, даже еще не присев и не открыв журнал, тут же сказал: «Ну, теперь послушаем, как сегодня подготовился к уроку Асхад Шеуджен». Я был в шоке, совершенно, не будучи готовым, к такому повороту событий, и сказал коротко: «Я не готов к уроку». Ответ учителя был еще короче: «Садись, единица!». На третий, четвертый и пятый уроки по русскому языку и литературе я готовился обстоятельно, бывало, допоздна засиживался за учебниками, но как назло, учитель меня не вызывал. Я тогда разозлился и к очередному уроку не подготовился. Тут же сработал, как говорят в народе, «закон подлости», – учитель меня вызвал к доске и поставил очередную двойку. Но для меня все это стало хорошим уроком: я понял, что положение можно исправить не методом рывка, а лишь постоянным систематическим трудом.

Дальше все стало на свои места. В конце четверти Юрий Александрович сказал мне: «Ты с честью прошел испытательный срок, я теперь убедился, что ты готовишься ко всем урокам, поэтому ставлю тебе итоговую твердую четверку». Думаю, его оценка в полной мере соответствовала моим знаниям.

3.2.7. Люди и судьбы: «Далеко разошлись дороги выпускников нашей школы...»

3.2.7.1. «По-разному сложились их судьбы»: жизненные пути одноклассников – выпускников 1969 г.

Глаза дружбы редко ошибаются.

Ф. Вольтер (1694-1778)

Человеку нужно слышать тон времени и идти по своей тропе.

М.М. Пришвин (1873-1954)

...Прозвенел выпускной звонок, – и кончились наши школьные годы. Далеко разошлись жизненные пути моих друзей. Хотелось бы сказать несколько слов о судьбе моих одноклассников – выпускников Эдесукайской средней школы. Много лет прошло с тех пор, но я не теряю с ними связи, постоянно интересуюсь, как они живут и работают, нет ли у них каких-либо проблем, не требуется ли им помощь. По-разному сложились их судьбы, но все они оправдали доверие наших школьных учителей, ни один из них не подвел честь нашей родной Эдесукайской школы.

40 лет спустя: встреча выпускников 1969 г. Эдепсукайской средней школы.
г. Адыгейск, 6.06.2009 г.

50 лет спустя. Встреча выпускников 1969 г. Эдепсукайской средней школы: Асланбеч Цику, Роза Цику, Фатимет Укол, Римма Цику, Асхад Шеуджен, Мариет Айтчевна Тугуз (кл. рук.), Аминет Наток, Светлана Пшипий, Рая Четыз, Харет Цику. г. Адыгейск, 1.06.2019 г.

Аминет Исмаиловна Наток (род. 15.02.1952 г.) окончила агрономический факультет Кубанского СХИ в 1975 г. Работала по специальности на производстве, затем в Теучежском райсельхозуправлении. С 1994 г. работает в редакции газеты «Единство» г. Адыгейска; в настоящее время – ее главным редактором. Зная сельское хозяйство не понаслышке, она часто публикует обзорные статьи по аграрной тематике, в которых правдиво и со знанием дела освещает актуальные проблемы сельскохозяйственного производства. Аминет Наток обладает ярко выраженным журналистским и публицистическим даром, которому можно только позавидовать. Особенно неравнодушна она к темам, связанным с дальнейшей судьбой выпускников ее любимой Эдепсукайской школы. На страницах ее газеты всегда находится место для публикаций ее одноклассников и выпускников самых различных лет. Как сказал бы А.С. Пушкин, –

Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли берегах родимого ручья, –
Святому братству верен я!..

Римма Шихамовна Цику (род. 2.05.1952 г.) окончила Майкопский государственный педагогический институт; сейчас она работает учителем в одной из средних школ г. Адыгейска. *Нальбий Айдамирович Шеуджен* отслужил в рядах Советской Армии, затем окончил зооинженерный факультет Кубанского СХИ, работал на крупнейших птицефабриках Краснодарского края и Ростовской области. *Нурет Алиевна Схаиок* (род. 16.11.1951 г.) окончила Воронежский институт пищевой промышленности, *Тайбат Юсуфовна Гадагатель* (род. 14.02.1951 г.) – Краснодарский политехнический институт, а *Санят Исламовна Наток* (13.01.1951–25.06.2012) – Адыгейский государственный педагогический институт. *Роза Хаджимухамедовна Цику* (род. 1.11.1952 г.) окончила Рязанский медицинский институт; ныне она – кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации.

Мугдин (род. 23.06.1951 г.) и Шумаф (род. 14.02.1952 г.) Цику окончили высшее учебное заведение МВД СССР и стали старшими офицерами милиции. Их труд отмечен многочисленными Почетными грамотами и медалями. По долгу службы, им приходилось бывать во многих «горячих точках». Хариев Сафировна Цику (род. 2.11.1951 г.) и Светлана Касеевна Пиштий (род. в 1952 г.) со времени окончания педагогического училища работают в дошкольных учреждениях г. Адыгейска. Много теплых слов можно услышать в адрес Хариев и Светланы от родителей, чьи дети окружены заботой и вниманием. Асланбек Хусенович Цику (3.05.1951 г.) стал известным предпринимателем; открыл многопрофильную строительную фирму и торговый рынок. Постоянно и бескорыстно оказывает помощь малообеспеченным семьям, пенсионерам-инвалидам и школам. Его призвание – нести людям Добро.

Аслан Аюбович Схашок (род. 19.04.1952 г.) окончил строительный техникум, и продолжительное время работал по специальности в Казахстане. Ушел из жизни 18 января 2012 г. В некрологе, опубликованном в газете города Адыгейска «Единство» (21.01.2012), говорится: «Одноклассники, друзья с глубоким прискорбием восприняли весть о том, что на 60-м году жизни скончался Схашок Аслан Аюбович, уроженец аула Эдепсукай-1. Ушел из жизни прекрасный человек. После службы в армии, получив специальность строителя, он долгие годы отдал работе в энергетическом и строительном комплексе страны. В нашей памяти Аслан Аюбович останется добросердечным, трудолюбивым, интеллигентным человеком. Выражаем глубоко соболезнование семье и близким покойного. Разделяем горечь утраты, скорбим вместе с вами. – Одноклассники».

Виктор Семенович Скоробогатый (род. 13.07.1951 г.) после приобретения специальности строителя уехал по распределению в Якутию, долгое время работал в производственном объединении «Якутзолото», сначала в золотодобывающей шахте, позже – по специальности в Калмыкии. С первых же дней аварии на Чернобыльской АЭС был мобилизован и находился в третьей зоне риска: обслуживал кран, бетонировавший крышу саркофага. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством». После возвращения из «чернобыльского ада» в военном билете Виктора Семеновича появилась скупая запись: «Объявлена благодарность за активное участие по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС воинской частью № 55237 от 17.09.1986 г.» В обращении главы администрации г. Адыгейска Кима Салимчереиевича Мамиека к 15-летию со дня трагических событий, связанных с аварией на Чернобыльской АЭС, в частности, говорилось: «Десять тысяч людей, рискуя жизнью и здоровьем, сделали невозможное. В их числе и 26 жителей нашего маленького города». Среди ликвидаторов этой аварии, кроме Виктора Скоробогатого, – еще один выпускник Эдепсукайской средней школы – Учужук Юсуфович Хатхоху (род. 19.05.1950 г.).

Аскер Кемалович Набоков (род. 13.02.1952 г.) окончил исторический факультет Адыгейского государственного педагогического института. Продолжительное время вел уроки истории в Хатукайской средней школе, живет в а. Хатукай Республики Адыгея. Достойными сынами и дочерьми Адыгеи стали Асхад Нухович Схашок, Юрий Митрофанович Шабунин (род. 5.01.1952 г.), Гафур Исмаилович Хут (род. 22.05.1952 г.), Юрий Мосович (род. 2.05.1952 г.) и Алик Аюбович Хакуз (род. в 1949 г.), Рая Теучежеевна (род. 2.02.1952 г.) и Аминет Сафировна Четыз (род. в 1951 г.), Нафисет Якубовна Хуако (род. 19.05.1951 г.). Преждевременно ушли из жизни Махмуд Айдамирович Схашок (род. в 1950 г.), Аслан Аюбович Схашок, Владимир Гаврилович Фоминский (род. 15.07.1951 г.) и Нафисет Касеевна Хут (род. 11.09.1951 г.). Память о школьных товарищах навсегда сохранится в наших сердцах...

3.2.7.2. 60 лет спустя: судьба первых выпускников Эдепсукайской школы

*Никто не ощущает, как уходит молодость, но
всякий чувствует, когда она уже ушла.*

Сенека (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.)

*Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина...*

М.Ю. Лермонтов (1814-1841)

Всегда приятно вспомнить молодость, свою или друзей, одноклассников, товарищей по работе, – вспомнить и как бы насытиться духом молодости, когда ты был полон сил и с уверенностью смотрел в будущее, в котором все дороги были перед тобой открыты, – по словам поэта, – «выбирай на вкус!»

Мы сегодня представляем выпуск 1952 г. Эдепсукайской средней школы – самый первый выпуск нашей школы. С тех пор прошло ровно 60 лет, но читатель видит выпускников на фотографии столь юными, жизнерадостными, что поневоле подумаешь, что они и сегодня остались такими же. Но, увы, как говорил Роберт Оуэн (1771-1858), «...времена меняются, – и мы меняемся с ними». И как бы нам не хотелось бы этого, приходит время, – и государство отправляет припорошенного сединой человека, будь он хоть каким хроническим трудолюбом, отдавшим любимой работе всю свою жизнь, без остатка, – на заслуженный отдых...

Знакомясь с основными вехами жизненного и трудового пути выпускников-1952, видишь, что все они, по сути, состоявшиеся люди. Их дела и трудовые достижения давно снискали у народа заслуженное

уважение и признательность, о чем, в частности, свидетельствуют государственные награды, в первую очередь – «За доблестный труд» и «Ветеран труда», которыми были удостоены многие из выпускников того далекого года. Еще и еще раз рассматривая эту пожелтевшую фотографию, представляешь, что время как бы поворачивает вспять, возвращает в те годы, когда все изображенные здесь выпускники были молоды и беззаботны, и с вполне обоснованным оптимизмом смотрели в светлое завтра. С чувством благодарности вспоминаем мы и о своих учителях, которым не приходится стыдиться за своих питомцев, – все они стали достойным людьми. Итак, кто же они – выпускники 1952 г.?

Беретарь Батырбий Асланбечевич. Родился в 1930 г. в а. Старый Казанукай. С юношеских лет был общительным, трудолюбивым человеком; любое дело, как говорится, буквально горело в его руках. С первых классов школы он с особым усердием обогащался знаниями, – образно говоря, как губка, впитывал в себя все, что давали учителя, школьные учебники и книги. При этом круг его чтения далеко выходил за рамки рекомендуемой для школьников литературы. Учился прилежно, стараясь быть в числе лучших. Любимым предметом была математика. Все думали, что именно математика станет делом его жизни, но судьба распорядилась по-иному.

После службы в рядах Вооруженных Сил СССР юноша окончил полиграфический техникум и всю свою жизнь трудился в типографиях Майкопа и Краснодара. Его высокий профессионализм наиболее ярко проявился в то время, когда он работал в типографии «Советская Кубань». Здесь его все любили; он пользовался заслуженным авторитетом и уважением. Все жизненные экзамены, как говорится, выдержал достойно и с честью. Награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и «Ветеран труда». Скончался 2009 г., незадолго до своего 80-летия.

Беретарь Хамид Яхьявич. Родился 9 июля 1931 г. в а. Старый Казанукай. В 1957 г. окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. В 1958-1960 гг. работал преподавателем Адыгейской студии Государственного института театрального искусства (ГИТИС) им. А.В. Луначарского в Москве, затем литературным сотрудником газет «Адыгейская правда», «Социалистическэ Адыгей», «Советская Кубань»; литконсультантом Краснодарской краевой организации Союза писателей РСФСР. Кандидат исторических наук (1957). С 1969 г. старший преподаватель, а затем доцент кафедры общественных наук Кубанского сельскохозяйственного института, затем Адыгейского государственного университета. Член Союза писателей СССР. Автор более 20 поэтических сборников, в том числе на адыгейском языке: «Рассвет» (1957), «Весенняя песня» (1960), «Луч солнца» (1964), «Оленья гора» (1967), «Новый день» (1969), «Узор» (1972), «Сказ об ауле» (1974), «Колыбельная песня» (1975), «Единственная любовь» (1977), «Все для тебя» (1991). В 1964 г. вышел сборник «Пьесы». На русском языке изданы в Краснодаре и Москве сборники «Исламей» (1965), «Камень не плачет» (1968), «Тропинка в горы» (1971), «Твой добрый друг» (1974), «Века соединяют берегам» (1978). Многие стихи поэта переложены на музыку. Отдельные его произведения переведены и опубликованы на языках народов СССР и за рубежом. Перевел поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В переводах Х. Беретаря в областном драматическом театре им. А.С. Пушкина поставлены пьесы А. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Не все коту масленица» и драма А. Гимера «Человек и воля». Скончался 7 февраля 1995 г.

Бленегатце Джантыг Магмудовна. Родилась 1 апреля 1932 г. в а. Лакшукай. Была вторым ребенком в семье; после нее родилось еще двое детей. Лакшукай – один из красивейших аулов, затопленных Краснодарским водохранилищем. Аул окаймляли пшеничные поля и зеленые рощи. Выбеленные хаты, крытые камышом, утопали в плодовых садах. Здесь среди чудесных даров природы протекали ранние годы жизни Джантыг, Аульское детство многому научило живую и любознательную девочку. Она была, как говорится, мастерицей на все руки, умела выполнять любую работу в поле, на огороде и дома. Ее родители были рядовыми колхозниками: отец работал на животноводческой ферме, а мать – не зная усталости, трудилась на колхозных полях. Их скудный заработок еле-еле хватал на содержание четырех детей. Откладывали каждую копейку, чтобы дать детям образование.

После окончания семи классов в местной школе мать отправила Джантыг для завершения учебы в а. Шабанохабль к своему брату Мосу Касимовичу Мамию. Отсюда девочка ходила в Эдепсукайскую среднюю школу, преодолевая каждый день пешком более 10 км.

Джантыг Магмудовна от природы была наделена необычайной красотой, прекрасными физическими данными и феноменальной памятью. Из всех предметов школьной программы ей больше всего нравились адыгейская и русская литература. Пробовала и сама писать стихи:

Навеки незрими́ми цепями
Прикованы мы к Эдепсукайской школе,
Но жизни путь, что дорог нам до боли,
Пройти должны мы сами!

...

Аул любимый Лакшукай
Откуда, собственно, я родом,
Родным мне был Эдепсукай,
Где школа стала вторым домом.

А старшекласницей у дяди Моса
В Шабанохабле я жила,
И впечатлений самых ярких
Там жизнь моя полна была.

И эти три мои аула
Навеки дороги всем нам,
Куда бы ветром не подуло,
Частица сердца всегда там...

«Частица сердца всегда там». Можно ли лучше сказать о любви молодой девушки к самым сокровенным уголкам своей малой родины, ныне, увы, затопленным водами Кубанского моря?..

После окончания школы Джантыг Магмудовна поступила в Адыгейское педагогическое училище, где проучилась с 1952 по 1955 г.; позже заочно окончила Краснодарский учительский институт. Всю свою трудовую жизнь посвятила школе: работала учителем общеобразовательных школ Краснодарского края.

Гадагатель Аюб Айтчевич. Родился 1 декабря 1931 г. в а. Эдепсукай-І. После окончания Эдепсукайской средней школы был призван в ряды Советской Армии. Службу проходил в танковых войсках в г. Одессе. Окончил физико-математический факультет Адыгейского государственного педагогического института. Всю свою трудовую жизнь посвятил школе: работал учителем математики в общеобразовательных школах аулов Эдепсукай-І, Эдепсукай-ІІ, Шенджий и г. Адыгейска. Общий педагогический стаж Аюба Айтчевича составляет более 40 лет. Его труд отмечен множеством благодарственных писем и почетных грамот. Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», а также юбилейными медалями к 50-, 60- и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Воспитал двух сыновей и двух дочерей.

Гиш Анзаур Хаджимосович. Родился 10 июня 1932 г. в а. Пчегатлукай. Позже семья переехала в а. Шабанохабль, где и прошло детство Анзаура. После окончания Эдепсукайской средней школы был призван в ряды Советской Армии. Служил на Черноморском флоте (1954-1957). В 1961 г. поступил, а в 1964 г. окончил Новочеркасский автодорожный техникум. С 1966 по 1974 г. учился на механическом факультете Кубанского СХИ. В 1965-1979 гг. работал инженером-механиком в Понежукайском ПМК. В 1979-1989 гг. работал оператором автозаправочной станции в а. Понежукай. Награжден медалями «Ветеран труда» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Воспитал 8-х детей. Скончался 4 апреля 2006 г.

Кушу Зачерий Сафербиевич. Родился 16 мая 1933 г. в а. Эдепсукай-І. После окончания средней школы в 1952 г. поступил в Шахтинский горный техникум им. Степанова Министерства угольной промышленности СССР и закончил его в 1955 г., получив специальность горного техника по подземной разработке угольных месторождений. В том же году, как теоретически хорошо подготовленного специалиста, его направили на шахту «20 лет РККА» треста «Шахтантрацит» в качестве преподавателя учебно-консультационного пункта. С 1956 по 1968 г. работал подземным горным мастером треста «Шахтантрацит». За время работы неоднократно поощрялся Почетными грамотами и благодарностями. Вел активную работу по подготовке молодых специалистов. В 1968 г. Зачерий Сафербиевич, переехав с семьей в Краснодар, стал работать в Кубанском объединении строительных материалов в должности сначала сменного мастера, а затем – заместителя начальника цеха. Позже работал в Опытном-производственном хозяйстве «Круглик» Всесоюзного НИИ масличных культур. В 1983 г. ушел на заслуженный отдых. Будучи на пенсии, работал в системе жилищно-коммунального хозяйства г. Краснодара. Ветеран труда. Скончался в 2010 г.

Мамий Казбек Саидович. Родился 15 января 1935 г. в а. Шабанохабль. Окончил Ростовский государственный университет (1957) и аспирантуру МГУ (1964). Кандидат физико-математических наук (1966), профессор (1996). Трудовая деятельность: работал старшим преподавателем (1964-1967) и доцентом кафедры математики Адыгейского государственного педагогического института, ныне – университета (1967-1969). Первый заведующий кафедрой математического анализа (1969-1979), в дальнейшем – доцент, а с 1993 г. – профессор этой кафедры. В 1986-1988 гг. – заместитель декана физико-математического, а с 1988 г. – математического факультета. Область научных интересов: качественная теория дифференциальных уравнений. Исследует актуальные вопросы преподавания основ современной математики. Автор 60 учебных и учебно-методических пособий для студентов и учителей математики по некоторым разделам математического анализа, в том числе: «Некоторые вопросы анализа в школьном курсе математики» (1992); «Основы современной математики» (1994); «Элементы математического анализа в школьном курсе математики» (1995).

Мамий Шумаф Магометович. Родился 7 мая 1933 г. в а. Шабанохабль. В детстве был смуглый, резвый, смелый мальчик, все ему давалось легко; особо не прилагая усилий, он закончил школу. Затем в 1953-1955 гг. учился в Шахтинском горном техникуме. Получив специальность «горный техник по разработке угольных месторождений», работал начальником участка на шахте 4/І»бис» в пос. Алмазный Ростовской области. В 1962 г. вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза. В 1967 г. поступил и в 1973 г. окончил заочное отделение факультета биологии Адыгейского государственного педагогического института. В г. Адыгейске жил с 1972 г. Работал учителем в НВШ №18 пос. Красненский. Награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и «Ветеран труда», почетными грамотами Министерства угольной промышленности. Скончался 21 октября 2006 г.

Нехай Рашид Амерзанович. Родился 2 января 1931 г. в а. Эдепсукай-II. После окончания школы служил в Советской Армии, в группе войск в Польше, где закончил курсы младших офицеров. Командование предлагало продолжить службу. Но молодого человека, выросшего в сельской глубинке, не прельстила карьера военного. По возвращении из армии поступил в Майкопский сельскохозяйственный техникум и закончил его в 1958 г. по специальности зоотехник. Трудовую деятельность начал в колхозе «Советская Адыгея», затем работал зоотехником, главным зоотехником Теучежского райсельхозуправления, в колхозе «Россия» Красногвардейского района. В 1967 г. закончил зоофак Кубанского сельскохозяйственного института. В 1970-1973 гг. – председатель колхоза Кирова Теучежского района. Затем работал в хозяйствах Краснодарского края, с 1975 г. – главный зоотехник совхоза «Путь Ильича». С 1985 по 1997 гг. был специалистом, главным специалистом Теучежского РАПО. Неоднократно избирался депутатом районных и городских Советов народных депутатов. Награжден медалями «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За долголетний добросовестный труд».

Панеш Сафер Ильясович. Родился 29 октября 1930 г. в а. Старый Казанукай. В 1957 г. окончил агрономический факультет Кубанского СХИ. Работал агрономом в колхозе. С 1959 г. работал в редакции газеты «Социалистическэ Адыгей» («Адыгэ макъ» – «Голос адыга»), сначала собственным корреспондентом, затем заведующим отделом сельского хозяйства, первым заместителем главного редактора; с 1998 г. – главный редактор журнала для детей «Созвездие». Член Союза писателей СССР с 1977 г. В 1968 г. в Адыгейском отделении Краснодарского книжного издательства вышел первый сборник сатирических и юмористических рассказов «Крапива»; в 1972 г. – второй сборник «Нежданные гости», в 1975 г. – повесть «Испытание», в 1979 г. – сборник «Букет колночек»; повести «Братья Шеваевы» (1981), «Любовь сильнее» (1984), «Дно прозрачной воды» (1986), «Горький мед» (1989), «Любовь и уголь» (1990), «Сыновий долг» (1991), «Старая рана» (1994), «Завтра будет поздно» (1998). Отдельные произведения писателя опубликованы на русском и адыгейском языках в альманахах «Зэкьошныгъ» (Дружба), «Кубань», «Дон», журнале «Крокодил», газете «Литературная Россия», в местной печати. С.И. Панеш – Заслуженный работник культуры РА. Награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Панеш Хамзет Зачериевич. Родился 23 сентября 1932 г. в а. Старый Казанукай. Окончив школу с золотой медалью, поступил на филологический факультет Ростовского государственного университета. Получив диплом вуза, трудился в газете «Социалистическэ Адыгей» (ныне «Адыгэ Макъ» – «Голос адыга») переводчиком, корреспондентом, литературным работником отдела культуры и быта, заведующим отделом пропаганды, заместителем ответственного секретаря; долгие годы был ответственным секретарем издания. Кроме основной работы, по заданию редакции перевел с русского языка на адыгейский тексты Конституции СССР, РСФСР, Российской Федерации и Республики Адыгея. С 1995 г. работал редактором отдела в Адыгейском книжном издательстве, где пользовался заслуженным уважением за свои профессиональные и чисто человеческие качества.

Член Союза журналистов России, «Заслуженный журналист Республики Адыгея». Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда» и «Цуг Теучеж» от Министерства культуры Республики Адыгея; памятным знаком от Союза журналистов России «За заслуги перед отечественной журналистикой».

Панеш Ханый Довлетчериевна. Родилась 12.09.1932 г. в а. Старый Казанукай. После окончания средней школы выбрала педагогическую стезю, – окончила Краснодарский учительский институт. Вышла замуж за Аскарбия Кунчуковича Берзегова – брата Сони Кунчуковны, завуча Эдепсукайской средней школы. До ухода на заслуженный отдых жила и трудилась в г. Краснодаре.

Полностью лишенная тщеславия и высокомерия, Ханый Довлетчериевна всегда была доступна и доброжелательна к окружающим. Родственники, соседи, коллеги по работе, да и ученики ее просто обожали. Скромность и воспитанность этой от природы умной, крупного телосложения, женщины не заметить со стороны было просто невозможно. Воспитала двух прекрасных детей – сына и дочь. За успехи в труде, самоотверженную деятельность по воспитанию подрастающего поколения, высокий профессионализм Х.Д. Панеш (Берзегова) награждена медалями: «Ветеран труда» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Скончалась в 2005 г.

Сташ Юнус Исмаилович (23.12.1932–31.10.1999), уроженец а. Эдепсукай II. Помнится, учащимся старших классов школ часто предлагали написать сочинение на свободную тему: «Образ простого человека в советской литературе». Несомненно, жизнь и трудовая деятельность Юнуса Исмаиловича вполне подходят для раскрытия этой темы. Родился он в трудолюбивой крестьянской семье: отец Исмаил по специальности ветврач, мать – колхозница. С хорошими отметками закончил среднюю школу и был призван в ряды Советской Армии. Служил на Балтийском флоте матросом; командованием части был отмечен Похвальным грамотой «за успехи в военно-политической подготовке».

После демобилизации юноша приехал в г. Краснодар. Кем только он здесь не работал: разнорабочий на стройке, утюжилщик пошивочного цеха 12-й швейной фабрики, подносчик-транспортёрщик Краснодарской шорно-седельной фабрики им. РККА, старший кладовщик и бухгалтер Краснодарской фабрики кожаных изделий, заведующий складом Краснодарского завода «Пластмасс», комендант Краснодарского тех-

никума электронного приборостроения, заместитель директора по административно-хозяйственной работе Краснодарского учебно-производственного комбината управления бытового обслуживания крайисполкома. Как говорится, «все работы хороши, выбирай на вкус»...

Важной вехой в жизни Юнуса Исмаиловича была общественно-политическая деятельность. Воспитанник комсомола с 1949 г., он в 1961-1999 гг. состоял в рядах КПСС. Даже в самые трагичные для Коммунистической партии Советского Союза годы он не отказался, как многие другие, от членства в рядах партии и продолжал считать себя коммунистом до конца своей жизни. Окончил Вечерний университет марксизма-ленинизма при Краснодарском крайкоме КПСС и очень гордился этим. Активно занимался общественной работой. Более 15-ти лет был председателем квартального комитета Калининского поселкового совета Прикубанского округа г. Краснодара; неоднократно избирался народным заседателем в Прикубанском суде г. Краснодара. Выполняя эти ответственные общественные поручения, он стремился как можно лучше узнать нужды людей, с тем, чтобы помочь решить их проблемы. Не случайно жители поселка называли его «квартальный-легенда». Именно на таких людях, как Юнус Исмаилович, и держалось в те годы наше советское общество, как бы негативно не оценивали его сейчас некоторые «псевдодемократы». Трудовые успехи Ю.И. Сташа высоко оценены государством; он награжден медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда».

Тхагансо Рабигат Ибрагимовна родилась 5 февраля 1932 г. в а. Шабанохабль. В школе училась успешно, – ей в равной степени удавались все предметы, но особенно большая тяга была к русскому языку и математике. После завершения учебы поступила в Адыгейский педагогический институт. На втором курсе вышла замуж за Нуха Жачемука, вскоре у них родился сын Махмуд. Учебу пришлось оставить и переехать к месту жительства мужа в а. Понежукай. Здесь она работала сначала секретарем-делопроизводителем, а позже – кассиром на одном из предприятий жилищно-коммунального хозяйства.

Несмотря на то, что Рабигат Ибрагимовне не удалось завершить учебу в вузе, базовое образование, полученное в Эдепсукайской средней школе, позволило ей профессионально и безукоризненно исполнять свои обязанности. Обладая редкостной доброжелательностью, на работе она была душой коллектива. В таком же духе Рабигат Ибрагимовне воспитала и своего сына Махмуда. Награждена медалью «Ветеран труда». В настоящее время живет в Майкопе.

Хакуз Махмуд Хусенович. Родился 15 июня 1932 г. в а. Эдепсукай-I. Окончил Московский заочный институт искусств им. Н.К. Крупской и в течение пяти лет работал в Управлении культуры Адыгейского облисполкома. Позже, после окончания юридического факультета Ростовского государственного университета, дальнейшая профессиональная деятельность была связана со следственными органами Адыгейского областного управления Министерства внутренних дел СССР, где он прошел путь от старшего следователя до начальника следственного отделения. Награжден медалями: «За безупречную службу» (дважды), «Ветеран предварительного следствия МВД России», «За доблестный труд» и «Ветеран труда».

Хатхоху Махмуд Мосович. Родился 20 декабря 1933 г. в а. Эдепсукай-II. Хорошо учился; ценил юмор, был очень смешливым. Из-за цвета волос в детстве его ласково звали «Рыжиком». После окончания средней школы был призван в ряды Советской Армии. Службу проходил в артиллерийских войсках Одесского военного округа. После демобилизации в 1957 г. поступил на зоотехническое отделение Майкопского сельскохозяйственного техникума, который закончил с отличием в 1961 г. В этом же году возвратился в свой родной колхоз «Советская Адыгея», где стал работать зоотехником.

В 1964 г. Теучежское районное управление сельского хозяйства направило Махмуда Мосовича, как профессионально грамотного специалиста, в совхоз № 15 на должность зоотехника по племенному делу. Спустя два года он заканчивает заочно зоотехнический факультет Кубанского сельскохозяйственного института. В 1966-1969 гг. М.М. Хатхоху работал в должности главного зоотехника на винзаводе «Прогресс» Темрюкского района, а в 1969 г. возвращается в Адыгею и до 1971 г. работает зоотехником Теучежского районного управления сельского хозяйства. Дальнейшая трудовая деятельность Махмуда Мосовича прошла в хозяйствах Краснодарского края. В течение 27-лет (1971-1998) работал главным зоотехником в колхозе им. Куйбышева Мостовского района. За все годы работы в должности зоотехника и главного зоотехника основные усилия Махмуда Мосовича были направлены на повышение эффективности племенного дела в животноводстве. В трудовых коллективах, где ему приходилось работать, он неизменно пользовался заслуженным авторитетом. Награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и «Ветеран труда».

Хуако Нурьет Махмудовна. Родилась 2 июня 1932 г. в а. Новый Казанукай одиннадцатым ребенком в семье аульского эфенди и лекаря Махмуда Ереджибовича и Накары Совмафовны. Начальное образование получила в школе а. Старый Казанукай, среднее общее – в школе а. Эдепсукай I, среднее специальное (библиотекарь) – в г. Майкопе. Школьным учителям и одноклассникам Нурьет запомнилась своей аккуратностью, исполнительностью, исключительной принципиальностью, стремлением к углубленному изучению всех предметов школьной программы. Среди своих сверстников девушка выделялась своим оригинальным, нетрадиционным мышлением, на что обратил внимание присутствовавший на выпускных экзаменах заведующий Адыгейским областным отделом народного образования М.И. Ковалев. По его настойчивой рекомендации Нурьет Махмудовна была направлена на учебу в Майкоп, где она окончила библиотечные курсы при Адыгейском педагогическом училище.

В 50-е гг. XX столетия страна восстанавливалась из руин после тяжелейшей Великой Отечественной войны. Заново, буквально с чистого листа, создавались заводы и фабрики, колхозы и совхозы, школы и детские сады. В Адыгее, как и во всей стране, шла большая созидательная работа по восстановлению разрушенного и строительству новой жизни. Наряду с дошкольными и школьными учреждениями открывались и библиотеки. В один из таких аулов, где необходимо было практически заново открыть библиотеку, был Пчегатлукай, куда после окончания училища по распределению была направлена Нурьет Махмудовна. Во многом благодаря ее стараниям, Пчегатлукайская аульская библиотека стала образцовой – «светочем знания», по выражению А.М. Горького, своеобразной «Меккой» которую с охотой посещала аульская молодежь. Один из постоянных посетителей библиотеки – Юнус Махмудович Пчегатлук обратил свой взгляд на энергичную, красивую, статную молодую хозяйку этого заведения и сделал ей предложение. Брак получился на редкость прочным; за годы совместной жизни Юнус и Нурьет воспитали четверых детей.

В Пчегатлукайской библиотеке Нурьет Махмудовна проработала до 1973 г. В 1974 г., с переездом семьи в г. Адыгейск, до ухода на заслуженный отдых она работала в городском почтовом отделении в должности заместителя начальника. Скончалась 12 февраля 2003 г.

Сейчас, вспоминая основные вехи жизненного пути Нурьет Махмудовны, нельзя не отметить, что ее трудовым успехам во многом способствовало хорошее базовое образование, полученное в Эдипсукайской средней школе и глубокое профессиональное, полученное в процессе дальнейшей учебы в Майкопе, а также исключительная требовательность, прежде всего, к себе и своим детям. Именно такие труженики, как Нурьет Махмудовна, с их стремлением достойно и честно трудиться на благо своей Родины, и создали трудовую славу нашей страны.

Цику Кимель Мосович. Родился 18 мая 1931 г. в а. Эдипсукай-1. После окончания средней школы, в 1952-1956 гг. служил на Военно-Морском Флоте СССР. В 1956-1960 гг. учился на энергетическом факультете Краснодарского политехнического института. Дальнейшая трудовая деятельность связана с работой на предприятиях г. Краснодара: Камвольно-суконном комбинате и на Краснодарской теплоэлектроцентрали. Награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и «Ветеран труда».

Шеуджен Интихам Яхьявич. Родился 18 ноября 1932 г. в а. Эдипсукай 1. После окончания средней школы поступил в Новочеркасский горно-спасательный техникум, откуда был призван в ряды Советской Армии. Позже закончил Майкопский сельскохозяйственный техникум. Около 15-ти лет работал на Краснодарском кислородном заводе и столько же лет – на заводе «Краснодарсельмаш», где он прошел путь от бригадира, мастера, старшего мастера до заведующего хозяйством. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Награжден медалями «Ветеран труда» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

3.2.7.3. Выпускники Эдесукайской школы 1956 г.: дружеская встреча

Думая о наших друзьях, мы должны помнить лишь об их высоких и дорогих для нас достоинствах, а не о том, благоприятствует ли им судьба.

Жан де Лабрюйер (1645-1696)

Держу в руках пожелтевший от времени снимок, на котором изображена встреча выпускников 5-го выпуска Эдесукайской школы 28 ноября 1980 г. (г. Адыгейск). И вновь возвращаюсь в мыслях к своим товарищам-одноклассникам. Увы, «одних уж нет, а те – далече...». Кто же запечатлен, как говорится, для истории на этом снимке:

Жане Нафсет Гумеровна. Родилась 21 марта 1940 г. в Майкопе. Заслуженная артистка Российской Федерации, Народная артистка Республики Адыгея. Окончила Майкопское педагогическое училище (1956), Отделение актеров музыкальной комедии ГИТИСа (1961). Работала в Краснодарском театре музыкальной комедии, в Майкопской филармонии солистом-вокалистом. Артистка Адыгейского драматического театра.

Мамий Салатчерий. Родился в 1938 г. в а. Шабанохабль. Имел финансово-экономическое образование, работал главным бухгалтером АЦГБ им. К.М. Батмена. Был женат, имел сына и дочь. Скончался в 2003 г.

Схашок Асланбеч Ереджибович (род. в 1938 г.). В 1956 г. окончил Эдесукайскую среднюю школу. После службы в Советской Армии поступил и закончил финансово-экономический факультет Кубанского сельскохозяйственного института. До пенсии работал главным экономистом в совхозе «Псекупс». Женат, имеет 2 сыновей.

Тхатель Зурьет. Родилась в а. Казанукай в 1940 г. После окончания школы поступила и закончила Финансово-экономический институт. Жила и работала в г. Краснодаре. В настоящее время на заслуженном отдыхе, живет в г. Адыгейске.

Хахук Рашид Сафирович родился 3 сентября 1946 г. в а. Эдесукай II. В 1959 г. окончил 7 классов в Эдесукайской средней школе № 3, в 1963 г. – Пашковский сельскохозяйственный техникум по специальности «техник-строитель», а в 1974 г. – Краснодарский политехнический институт. После окончания техникума был направлен на работу в объединение «Адыгоблмежколхозстрой», отсюда был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации до ухода на заслуженный отдых работал по своей специальности в Адыгее: прораб, старший прораб и главный инженер-строитель Майкопского кожзавода и Госплемобъединения (1968-1980); начальник Майкопского РСУ треста «Адыггражданстрой» (1980-1982); первый заместитель председателя производственно-научного объединения «Адыгсельхозхимия» (1982-1985); заместитель, начальник УПТК треста «Адыггражданстрой» (с 1985 г.). Окончил Высшую партийную школу при Адыгейском обкоме КПСС. Награжден медалью «Ветеран труда».

Цику Гисса Асланбекович. Родился 13 февраля 1940 г. Закончил строительный факультет Краснодарского политехнического института. Работал на строительных объектах г. Краснодара и Адыгейска.

Цику Казбек Асланбечевич. Окончил Эдесукайскую среднюю школу, в 1956 г. – Буйнакский финансово-экономический техникум, в 1961 г. – Ростовский институт народного хозяйства. С 1961 по 1964 г. учился в аспирантуре на кафедре политической экономии этого же института. В 1966 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. С 1964 по 1993 г. работал в Адыгейском государственном педагогическом институте старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой политической экономии. В 1992 г. избран первым секретарем Адыгейского республиканского комитета КПРФ; с 1993 по 1997 г. – член Президиума ЦК КПРФ. С 1993 по 2000 г. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации I и II созывов.

Цику Мурат Асланбечевич. Родился 23 февраля 1938 г. В 1956-1960 гг. учился в Среднеазиатском политехническом техникуме (г. Чкалов, близ Ленинабада), после окончания которого получил специальность «подземная разработка рудных месторождений». Направлен на работу в Туркменскую ССР, откуда был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации продолжал учебу в Новочеркасском политехническом институте по специальности «горное дело», а затем был переведен на энергетический факультет Краснодарского политехнического института, который окончил в 1963 г. После завершения учебы был направлен на работу на Целлюлозно-картонажный комбинат в г. Майкопе. Позже трудился на Редукторном заводе главным энергетиком и на Майкопском пищекомбинате в той же должности.

Цику Мосс (Мусса) Исхакович (род. в 1936 г.). В 1956-1958 гг. закончил Майкопское медицинское училище, работал фельдшером. А 1965-1972 гг. учился в Кубанском медицинском институте им. Красной Армии; с 1972 по 2008 г. работал врачом-рентгенологом Понежукайской районной больницы. В 2008 г. ушел из жизни. Был женат, имел сына и дочь, трое правнуков.

Цику Светлана Зачериевна (род. в 1937 г.). В 1956-1958 гг. училась в Хасавюртовском медицинском училище Дагестанской АССР. До 2009 г. работала заведующей Шенджийским врачебным участком Теучежского районного отдела здравоохранения. В настоящее время на заслуженном отдыхе.

Цику-Схашок Клара Учужуковна (род. 6.06.1936 г.). В 1956-1958 гг. – учеба в Хасавюртовском медицинском училище Дагестанской АССР. В 1959-1964 гг. работала заведующей Эдесукайским врачебным участком Теучежского районного отдела здравоохранения. В 1959 г. вышла замуж за Схашок Асланчерия Ис

Встреча выпускников 5-го выпуска Эдепсукайской школы 28 ноября 1980 г., г. Адыгейск:

1-й ряд (слева направо, учителя): Хунагов Думалич Исакович – учитель химии, Заков Юрий Александрович – учитель русского языка и литературы, Зыкова Прасковья Георгиевна – учительница истории, Набоков Кемал Хамзетович – учитель физики, Мамий Ахмед Камболетович – учитель адыгейского языка, Ашинов Казбек Юсуфович – учитель математики; 2-й ряд (учащиеся выпуска 1956 г.): Цику-Схашок Клара Учужуковна, Хахук Рашид Саферович, Цику Мурат Асланбечевич, Цику Светлана Зачериевна, Цику Мосс (Мусса) Исакович, Жане Нафсет Гумеровна, Схашок Асланбеч Ереджибович, Цику Казбек Асланбечевич – преподаватель АГУ, Цику Гисса Асланбечевич, Тхатель Зурьет, Мамий Салатчерий

маиловича. В 1964 г., после переезда семьи в Краснодар, поступила в Кубанский медицинский институт им. Красной Армии, который закончила в 1971 г. С 1 апреля 1971 г. по настоящее время работает в АЦГБ им. К.М. Батмена: 1971-1974 гг. – участковый врач; в 1974 г. – с открытием больницы на 100 коек, – заведующая терапевтическим отделением; в 1974-1978 гг. врач дерматовенеролог и заведующая серологической лабораторией. В 1978-1991 гг. – врач-офтальмолог. С 1991 г. по настоящее время – врач психиатр-нарколог АЦГБ им. К.М. Батмена. Председатель Совета ветеранов медицинских работников г. Адыгейска. 2010 г. за многолетний добросовестный труд удостоена высшей награды Республики Адыгея – медали «Слава Адыгеи».

3.2.7.4. «Никто из наших одноклассников не подвел учителей, родителей...»:

18-й выпуск школы в 1969 г., – 40 лет спустя

Наше детство прошло в одном из красивейших уголков Адыгеи. Родители мечтали дать своим детям хорошее образование, воспитать их в лучших традициях народа. Никто из наших одноклассников не подвел учителей, родителей.

Аминет Наток (2009).

Несомненный интерес представляет проникнутый ностальгической грустью очерк известной адыгейской журналистки, члена Союза журналистов России, Аминет Наток о встрече выпускников СШ № 12 а. Эдепсукай-І, опубликованный в газете «Единство» (2009, 17 июня. С. 4). Принимая во внимание, что этот очерк, рассказывая о дальнейших судьбах выпускников Эдепсукайской школы, хорошо дополняет изложенную выше информацию, привожу его в кратком изложении.

«В числе тех, кто в 1969 г. окончил 10 «а» класс Эдепсукайской средней школы № 12 – Асхад Шеуджен. Будь на месте аул Эдепсукай-І, оставшийся на дне Краснодарского водохранилища, на стенде «Гордость школы» первое место занимала бы его фотография, несмотря на то, что нашу школу закончило немало людей, впоследствии ставших учеными, писателями, руководителями крупных предприятий и орга-

низаций, известными политиками, высококвалифицированными специалистами, признанными в различных отраслях народного хозяйства, и т. д.

Асхад Шеуджен – доктор биологических наук, академик Российской академии наук, Заслуженный деятель науки России. Он известен не только как ученый-агрохимик, но и как автор монографии «Земля адыгов» – книги по истории адыгского народа. Он занесен в недавно выпущенный сборник «Знаменитые люди России».

Конечно, такие талантливые люди – единицы, но наш 10 «а» считается одним из лучших выпусков школы. Половина класса окончила институты, остальные почти все – средние специальные учебные заведения. Этот факт с гордостью отметили и почетные гости встречи. Это и К.Ю. Ашинов – бывший директор, бессменный (с 5 по 10 класс) наш математик; М.А. Теучеж – классный руководитель, О.М. Цику – учительница географии и химии. На встрече вспоминали с благодарностью всех, кто своим трудом внес определенную лепту в наше воспитание и учебу; минутой молчания почтили память учителей и одноклассников, ушедших от нас.

Наше детство прошло в одном из красивейших уголков Адыгеи. Родители у большинства из нас были колхозниками, отцы – участниками войны. И те и другие мечтали дать своим детям хорошее образование, воспитать их в лучших традициях народа.

Никто из наших одноклассников не подвел учителей, родителей. Среди нас есть Заслуженный врач России, кандидат медицинских наук, два офицера милиции – подполковник и майор; учителя, инженеры, строители, воспитатели, предприниматели, домохозяйки, ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС. У большинства уже взрослые дети, но время почти не изменило нас. Разве что прибавилось седины в волосах.

Приветствовать выпускников родной школы пришел один из именитых ее учеников, глава города Адыгейска К.С. Мамиек; поздравили нас коллеги, друзья, а также ученики нашего профессора, как мы с любовью называем друга детства, – доктор биологических наук Юнус Ашинов, доктор сельскохозяйственных наук Хазрет Хурум, директор ФГУ «Центр агрохимической службы «Адыгейский», кандидат сельскохозяйственных наук Аслан Шхапацев, известный в республике предприниматель, наш земляк Б. Схашок.

...Многое изменилось за 40 лет. Не стало нашего любимого Эдепсукая, но вырос город Адыгейск, ровесник нашего выпуска, общий дом для большинства из нас. Мира и добра всем!», – заканчивает свой очерк Аминет Наток.

4. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

4.1. У истоков адыгского литературного творчества

*Все преходяще, – вечно только слово,
Хоть тот не вечен, кто его изрек.*

А. Кешоков

Архаический эпос «Нартхэр» – древнейший уникальный памятник народной мудрости меото-зихо-адыгских (черкесских) народов. Он – прошлое адыгов и во многом – их будущее.

А.М. Гадагатль

Около 3000 лет тому назад (по некоторым данным в VIII в. до н.э.) у адыгов сложился героический эпос «Нартхэр» («Нарты») – поистине сокровищница не только национальной, но и мировой культуры, наиболее древний и мощный пласт в устно-поэтическом творчестве зиков-меотов-черкесов Северного Кавказа. Как справедливо отмечал А.М. Гадагатль, «...адыгский фольклорный памятник «Нартхэр» является своеобразным автографом народа, создавшего его на протяжении тысячелетий». Высоко оценил сказания адыгов и М. Горький: «Адыгейские сказки весьма интересны и ценны общностью своих мотивов со сказками других народов».

Задолго до появления письменности, певцы и сказители играли важную роль в организации общественного мнения в аулах. В дни исторических событий, военных походов и схваток певцы и сказители принимали живейшее участие своим оружием слова. Они слагали хвалебные куплеты героям и клеймили позором трусов. Многие песни («Шыбэ орэд») являлись живой информацией о битвах, о мужестве и подвигах воинов. Высшей наградой адыг считал хвалебное упоминание его имени в песне. Он предпочел бы смерть, чем покрыть себя позором в песнях и сказаниях, которые переживут века. Имена одаренных певцов и сказителей произносятся с особым почтением. Народ помнит и уважает их: слепого Дженчата, Хусена Хамакыко (Бэчий), Бия Шаззо и др. Уважением пользуются и современные сказители: Ибрагим Ачегу, Сагид Ачмиз, Исмаил Беретарь, Якуб Березедж, Ибрагим Джамирзе, Шалих Дзетль, Кимчерий Катыз, Зафес Кувай, Хамид Мугу, Алий Схалыхо, Битлюстен Тлиппий, Али Уджуху, Саофиж Хагур, Аюб Хамтаху, Махмуд Хашханыко, Ибрагим Хуако, Ибрагим Хушт, Асхад Шоген.

Адыгский героический эпос «Нарты» явился ценным источником развития литературы адыгских народов. Как писала И. Кашежева в своем стихотворении «О, нарты!»:

И в небе легенд не померкшем
Встает загадочный дым,
И пламя, раздутое Тлепшем,
Пылает рассветом моим.

Адыги прожили без бога,
Без вас прожить бы не могли,
Сосрыко и ты, Бадыноко,
Отважные предки мои!

Без вас было б мне одиноко
В поэзии, в жизни, в любви,
Сосрыко и ты, Бадыноко,
Отважные предки мои!...

С проникновением ислама на Северо-Западный Кавказ, у адыгов появляется все больше образованных людей; арабский язык становится языком адыгской интеллигенции. Одновременно укрепление русско-адыгских связей приводит к знакомству адыгов с русским языком. Золотым веком с точки зрения становления и развития национальной адыгской литературы можно назвать XIX в. При этом нельзя не отметить роль русских писателей и прогрессивных деятелей в ее становлении. Так, черкесский писатель Султан Казы-Гирей при содействии А.С. Пушкина поместил на страницах «Современника» свою повесть «Долина Ажитугай», которую высоко оценили и А.С. Пушкин, и В.Г. Белинский, причем последнему принадлежат следующие слова: «Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса, который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов».

Из дореволюционных писателей Адыгеи в первую очередь следует отметить следующих: Султан Адиль-Гирей, Ю. Ахметуков, У.К. Берсей, Т. Кашежев, А. Кешев-Каламбий, Султан Крым-Гирей (Инагов), Д. Куйнеш, Ш.Б. Ногмов, Ц. Теучеж, Х. Хамахоков, Султан Хан-Гирей. На рубеже XX в. адыгская литература, написанная на русском языке, связана с такими талантливыми литераторами как Юрий Казибек (Ахметук), Ислам Сулаго, Довлет Гирей Хатхоко (Хоткокор), Химиш Хаджимук, Султан Довлет-Гирей, Ибрагим Цей, Сафербий Сиюхов, Бекмурза Пачев.

4.2. Адыгское русскоязычное просветительство: этапы развития

Адыгское русскоязычное просветительство, составившее первое, магистральное, направление в национальном просветительском движении, возникло в начале XIX в.

Как отмечают авторы книги «История многовекового...» (2007), объективной основой возникновения адыгского варианта эпохи Просвещения явились социально-экономическое развитие народа, накопленная им веками духовная культура, с одной стороны, исторически прогрессивный акт его вхождения в состав России, влияние передовой русской общественной мысли и культуры – с другой. Адыгские просветители получили образование в высших и средних военных, затем гражданских учебных заведениях России. Воспринимая идеи русского Просвещения, они воплощали их в своей практике и творческой деятельности применительно к местным условиям и потребностям. Они писали на русском языке, печатались в широко известных петербургских, московских и кавказских периодических изданиях и издательствах. Как отмечает Р.Х. Хашхожева (1993), адыгское просветительство имеет свои хронологические рамки, предопределенные особенностями национального исторического процесса. Отсталая форма феодальной системы адыгов, затем затяжной характер ее распада, крайне позднее развитие у адыгов буржуазных отношений, стойкие остаточные явления феодального прошлого, неразрешенность многих проблем национально-самобытного существования народа из-за противодействия царских властей, – все это было причиной его несколько запоздалого (сравнительно с русским просветительством) возникновения – самый конец XVIII в., а затем и его временной продолжительности – вплоть до Октябрьской революции и установления в Адыгее советской власти.

Историю адыгского просветительства можно разделить на три периода. В основе каждого из них лежат важные исторические события в жизни народа и происходившая в связи с ними эволюция мировоззрения просветителей (Хашхожева Р.Х., 1993).

4.2.1. Первый этап – первая половина XIX в.

*Вот явление, неожиданное в нашей литературе!
Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших
писателей, черкес изъясняется на русском языке сво-
бодно, сильно, живописно. Мы ни одного слова не хо-
тели переменить в предлагаемом отрывке...*

**А.С. Пушкин о произведениях
Султана Казы-Гирея (1834).**

*Цель моя будет достигнута, если мои соотече-
ственники начнут изучать адыгейский язык и русский...
и русские обратят также внимание на наш язык, обиль-
ный, древний, европейцам не известный, представляю-
щий богатую жатву для филологии и истории.*

Ш.Б. Ногмов (1840).

Первый этап адыгского просветительства (первая половина XIX в.) совпадает по времени с началом Кавказской войны. Он представлен творчеством Шоры Ногмова, Хан-Гирея, Казы-Гирея и Адиль-Гирея:

Осуждая протурецкую ориентацию части князей, дворян и духовенства, просветители адыгов выступали за единение с Россией, в которой видели могущественное и передовое государство, способное защитить их отечество от восточных завоевателей, положить конец феодальным раздорам, содействовать его прогрессивному развитию. «Благоразумие наших предков, память которых нам любезна, — отмечает И. Атажукин, — советовало нам жить под защитой великого государства». «Из пользы России только и может истечь благо моего родного края, — пишет С. Казы-Гирей, — ...Кавказ не может иметь по положению своему другого просветителя и более могущественного защитника». «День изъятия восточной половиной Кавказа покорности России, — заключает Адиль-Гирей, — есть день, от которого народы восточной половины Кавказа будут считать началом своего нравственного и общественного совершенствования».

Возлагая надежды на просветительскую миссию России, но сталкиваясь с обратным, они выступали против репрессивных действий царизма на Кавказе, жесточайших карательных экспедиций против «непокорных», отстаивали права и интересы своего народа (Хашхожева Р.Х., 1993).

Измаил-Бей Атажукин (1750?–1811?). Одним из провозвестников адыгского просветительства был Измаил-бей Атажукин, выдающийся общественно-политический деятель, незаурядная личность и истинный патриот своей родины. Будучи подростком, Атажукин, по его словам, «повинуясь власти родителя», отправился в Петербург, где был определен в военное учебное заведение. Здесь он получил прекрасное общее и специальное образование, выдвинувшее его впоследствии в число образованнейших людей своего времени.

Начиная с 80-х г. Атажукин принимал активное участие в военно-политических событиях России и Кабарды. В 1787–1791 гг. участвовал в русско-турецкой войне. За боевые заслуги произведен из секунд-майора в премьер-майоры, блестяще аттестован в рекомендательном письме Потемкина Екатерине II, представлен к награждению «убранной камнями медалью». В 1790 г., участвуя во взятии крепости Измаил, обратил на себя внимание А.В. Суворова, особо отметившего его «за храбрость и усердие». Через год он участвует в переговорах по заключению Ясского мирного договора, окончательно закрепившего Кабарду за Россией. В 1794 г. Атажукин был направлен в Кабарду с особым поручением по управлению горцами, а в 1803 г. он представил в министерство внутренних дел «Записку» по делам кабардинского народа. В конце 1811 или в начале 1812 г. Атажукин был убит при таинственных обстоятельствах.

Общественно-политические взгляды Атажукина четко отражены в его «Записках» по кабардинским делам, а также его речах, произнесенных перед народом. Атажукин был сторонником единения с Россией, но не насильственным путем, не путем военных экспедиций против вольнолюбивых горцев и кровопролития. Неоднократно подчеркивая могущество и просвещенность России, веря в справедливость и гуманность русского самодержца, он искал мирные средства присоединения горцев к России, просвещал народ, предостерегал его от губительных последствий Кавказской войны, осуждал колонизаторские методы борьбы с коренным населением Кавказа. В основе общественно-политической деятельности Атажукина лежало патриотическое стремление облегчить положение своего народа в условиях неумолимо надвигающейся колонизации. Но иллюзии о мирном присоединении горцев к России пришли в противоречие с жестокой карательной политикой царизма на Кавказе. В этом была его трагедия и, возможно, причина его смерти (Хашхожева Р.Х., 1993).

Шора Бекмурзович Ногмов (1794–1844). Широкую известность ему принесла «История адыгейского народа». Первоначально сочинение Ногмова было опубликовано в отрывках под названием «О Кабарде» в газетах «Закавказский вестник» (1847) и «Кавказ» (1849), в полном же объеме издано А. Берже в 1861 г. (Тифлис). Это была первая опубликованная история адыгов, что дало основание исследователям сравнить Ногмова с автором «Начальной летописи» и назвать его «Нестором адыгейского народа». В сочинении Ногмова прослеживается процесс этнического формирования адыгейского народа, повествуется о его жизни и борьбе за независимость, политическом строе, общественном и семейном быте, материальной и духовной культуре, исторических контактах с различными народами, в том числе и русским. Сочинение Ногмова привлекло внимание известных русских историков еще в XIX в., в 1866 г. оно было опубликовано в Лейпциге на немецком языке.

Кроме «Истории...» Ногмов составил «Грамматику» и «Кабардино-русский словарь», вобравший в себя более 4000 слов. Неоценима заслуга просветителя и в закладывании основ национальной фольклористики. Собранный им материал составляет значительную и наивысшую часть фольклорного фонда, записанного в XIX – начале XX в.

Основные сочинения: «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шорой Бекмурзиным Ногмовым. Напечатано с подлинной, исправленной рукописи и дополнено предисловием автора, примечаниями и приложениями Ад. Берже». (Тифлис, 1861); «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шорой Бекмурзиным Ногмовым, дополненная предисловием и исправленная сыном его Ерустам Шорой Бекмурзиным Ногмовым». (Пятигорск, 1891); Переизд.: «История адыгейского народа». Введ., прим. и указ. Г. Кокиева. (Нальчик, 1947); То же: Под ред. Б. Гарданова, Т. Кумыкова, И. Трескова (Нальчик, 1958); То же: 1958. На каб. языке. Пер. З. Кардангушева; То же: 1982. Переизд. 1994; Подгот. текста и вступ. статья Т. Кумыкова; Ногмов Шора. Филологические труды. Подготовлено к печати Г. Турчаниновым. В 2 т. – Нальчик, 1956; 1959 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Султан Хан-Гирей (1808-1842) Вместе с Ш. Ногмовым он заложил основы исторической и художественной литературы, был этнографом, фольклористом, искусствоведем, автором проектов по «гражданскому устройству» своего народа. Хан-Гирей оставил бесценное наследие, являющееся подлинной энциклопедией общественно-политической и духовной жизни кабардино-черкесов.

Литературно-художественные произведения Хан-Гирея представлены двумя группами: 1) обращенные к отдаленному историческому прошлому и основанные на народных легендах и преданиях (повести «Черкесские предания», «Князь Канбулат», «Наезд Кунчука») и 2) обращенные к недавнему прошлому и приближенные к современности, основанные на документированных источниках («Бесльный Абат», «Князь Пшьской Аходягоко»).

Неувядаемую славу Хан-Гирею принес исторический труд «Записки о Черкесии». В нем сосредоточены обширные сведения по вопросам происхождения адыгов, их племенного и численного состава, территориального расположения, семейного и общественного быта, политического положения, материальной и духовной культуры. Как и сочинение Ш. Ногмова, произведения Хан-Гирея отражают сложный исторический путь и национальное своеобразие адыгов. Свою жизненность и актуальность они не теряют и для нашего поколения, являясь драгоценными источниками для тех, кто интересуется историческим прошлым адыгов.

Произведения Хан-Гирея вызвали интерес у известных русских и зарубежных кавказоведов еще в XIX в. Их использовали в своих работах В. Миллер и Дж. С. Белл, а «Черкесские предания» были опубликованы в Берлине на немецком языке.

Основные сочинения: «Черкесские предания». – Русский вестник, СПб., 1841. Т. 2. Кн. 4, 5; «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов». – Русский вестник, СПб., 1844. Т. 2. № 10-11; «Мифология черкесских народов». – Кавказ, 1846, № 35; «Бесльный Абат». – Кавказ, 1847, №42-48; «Князь Пшьской Аходягоко». – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893. № 17; «Записки о Черкесии». Подг. текстов к изд. и вступ. статья Б. Гарданова и Г. Мамбетова. – Нальчик, 1978 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Султан Кази-Гирей. Ярким явлением в культурной истории адыгов стало творчество Султана Кази-Гирея (1808-1863). Служил в Петербурге, в Кавказско-горском полуротном отряде. Последние годы в чине генерал-майора состоял на службе в канцелярии начальника Главного штаба Кавказской армии. Занимаясь литературным творчеством, Кази-Гирей, как и на общественно-политическом поприще и военной службе, проявил незаурядный талант. Его произведения «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот» появились в двух прижизненных изданиях «Современника» А.С. Пушкина. «Долина Ажитугай» (Современник. 1836. Т. 1) написана в жанре путевого очерка. Он был восторженно встречен А.С. Пушкиным, сопроводившим его следующим послесловием: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей, черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно, живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей... видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным...». Очерк Казы-Гирея был высоко оценен и В.Г. Белинским, отметившим в рецензии на «Современник», что «Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса, который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов».

Основные сочинения: «Долина Ажитугай». – Современник, СПб., 1836. Т. 1; «Персидский анекдот». – Современник, 1836. Т. 2; Перизд.: Избранные произведения адыгских просветителей. Подг. текстов и вступ. статья Р. Хашхожевой. – Нальчик, 1980. С. 11-28 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Султан Адиль-Гирей. Первый этап просветительской литературы завершается произведениями Султана Адиль-Гирея (1819-1876) – общественно-политического деятеля, историка, писателя. Состоял в Петербурге при свите императора Александра, а в последние годы переведен в чине генерала в Главный штаб Кавказской армии. Он автор нескольких рассказов, этюдов, исторических очерков, основанных на подлинных событиях Кавказской войны или фрагментах из национального быта. В рассказах «Сулейман-эфенди» и «Рассказ аварца» повествуется о Шамиле. В этюде «Об отношении крестьян к владельцам» («Кавказ», 1846, 2 марта) показаны существовавшие у адыгов феодально-правовые отношения. Рассказ «Жена черкеса» посвящен брачным отношениям в адыгском обществе.

Адиль-Гирей писал и в жанре исторической прозы. Наиболее значительные произведения в этом ряду «Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии», «Поход в 1845 г. в Дарго» и «Обзор последних событий на Кавказе». В исторических очерках описываются эпизоды Кавказской войны («История многовекового...», 2007).

Основные сочинения: «Об отношении крестьян к владельцам у черкесов: Выписка из заметок». – Кавказ, 1846. № 9; «Сулейман-Эфенди: Отрывок из письма». – Кавказ, 1846, № 51; «Словарь русско-черкесский с краткой грамматикой сего последнего языка, составленный Леонтием Люлье: Рецензия». – Кавказ, 1847. № 12; «Обзор последних событий на Кавказе». – Военный сборник, 1859, № 10; «Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии». – Военный сборник, 1860. Т. 11. № 1 (Хашхожева Р.Х., 2003).

4.2.2. Второй этап просветительского движения – пореформенный период

Второй этап просветительского движения представлен творчеством Умара Берсея, Кази Атажукина, Крым-Гирея Инатова, Адиль-Гирея Кешева, Лукмана (Дмитрия) Кодзокова. Просветительская мысль этого этапа развивается в иных исторических условиях, сложившихся после окончания Кавказской войны. Будучи хронологически отнесенной к пореформенному периоду, она приобретает более выраженный антифеодальный и демократический характер:

Умар Берсей Хапхалович. Родился в 1807 г. близ Майкопа в абадзехской семье. В 8-летнем возрасте был продан турецкому паше, который вскоре обнаружил в ребенке выдающиеся способности и отправил мальчика на учебу во Францию. Завершив образование в Париже, Умар возвращается не в Турцию, а на родину, и 15 февраля 1843 г. поступает на службу в русскую армию переводчиком азиатских языков при начальнике Правого крыла Кавказской линии. Через год Берсей был произведен в прапорщики, а позже в поручики. Являлся одним из высокообразованных людей своего времени, знал несколько европейских и кавказских языков

В октябре 1849 г. кавказская военная администрация посчитала необходимым направить весьма образованного офицера-адыга старшим преподавателем в Ставропольскую гимназию. Здесь он проработал около 10 лет (преподавал черкесский язык). Значительное внимание уделял разработке проблем изучения черкесского языка, занимался исследованием устного народного творчества родного народа. Уже перед приходом в гимназию Берсей подготовил национальный алфавит адыгов из 46-ти знаков на основе арабской графики. 14 марта 1853 г. «Букварь черкесского языка» был издан в Тифлисе. Берсей хорошо знал историю своего народа, сам занимался ее исследованием и консультировал русских ученых, занимавшихся изучением истории и этнографии адыгов (например, К.Ф. Стала при работе над «Этнографическим очерком черкесского народа»). Он был переводчиком, в частности, русской литературы, а также сочинял художественные произведения. Но эта часть его творческого наследия не сохранилась. Берсей, как участник литературного процесса на родном языке, известен баснями и рассказами, вошедшими в его букварь. Эти произведения, пусть небольшие по количеству и объему, все же дают представление о развитии художественной словесности на родном языке.

Кази Мусабиевич Атажукин – кабардинский публицист, педагог, автор первых книг на кабардинском языке, переводчик, фольклорист. К.М. Атажукин принадлежал к известному в Кабарде княжескому роду, но в отличие от богатых сородичей, не был владетельным князем. Потеряв в детстве мать, а затем отца, переселившегося в Турцию, он остался на попечении родственников. С 1850 по 1858 г. обучался в Ставропольской гимназии. Разносторонние и глубокие знания, полученные здесь, позволили К.М. Атажукину успешно заняться просветительской деятельностью. Не имея средств для продолжения образования в университете, он в 1859 г. поступил на военную службу в седьмой линейный батальон Кавказской армии. Однако он меньше всего помышляет о военной карьере: под влиянием демократического движения в России приходит к пониманию важности просвещения для народа и решает посвятить себя педагогической работе (Хашхожева Р.Х., 2003).

Историческая заслуга Атажукина состояла в том, что ему первому удалось от проектов перейти к практическим действиям по введению письменности кабардинского языка: он составил азбуку родного языка, издал на нем первые книги, основал в Нальчике педагогическую школу для подготовки учителей сельских школ. Атажукин как автор проектов по образованию («Мнение о введении письменности в Кабарде», «Записка об учреждении школ в Кабарде», «Замечания к «Проекту о развитии школьного дела в Кабарде») стоял у истоков национальной педагогики. Неоценим его вклад и в историю отечественной фольклористики: опубликованные им народные устно-поэтические тексты и научные комментарии к ним составляют весомую часть всего собранного в дооктябрьский период фольклорного фонда адыгов. И, наконец, велика его роль в создании переводной и оригинальной художественной литературы на родном языке.

В 1864-1865 гг. К. Атажукин издал в Военно-походной типографии Главного штаба Кавказской армии «Къэбэрдей алыфбей» («Кабардинская азбука») и книги для чтения: «Несколько рассказов из «Полистана» Саади», «Два отрывка из поэмы о Сосруко и два рассказа». Это были первые печатные книги на кабардинском языке. В эти издания были включены и собственные произведения Атажукина, характеризующие его как зачинателя художественной словесности на родном языке.

Атажукин был последователем передовой русской педагогической школы. При составлении «Кабардинской азбуки» он ориентировался на учебные книги Ушинского «Родное слово» и «Детский мир и хрестоматия». В свои учебные пособия он включил переводы статей Ушинского «Воздух» и «Вода» из его «Детского мира». Многие годы Атажукина связывала творческая дружба с известным русским кавказоведом-лингвистом П.К. Усларом. Свою азбуку Атажукин составил на основе усларовского алфавита. Он воспринял и творчески развил идеи, высказанные Усларом в статьях «Введение письменности у кавказско-горских народов» и «Распространение грамотности между горцами». Он также считал, что образование в широком плане возможно только на родном языке, а азбука кабардинского языка должна быть составлена на основе русской графики.

Из художественных произведений Атажукина следует отметить 12 рассказов, включенных в его азбуку. Все они являются обработками народных бытовых сказок, басен, притч, различных анекдотических слу-

чаев. Среди них есть и обработки басен Эзопа, Лафонтена. Как переводчик, Атажукин обращается к произведениям классиков русской и восточной литературы – Лермонтову и Саади. Наиболее крупным вкладом в переводную литературу является книга «Несколько рассказов из «Полистана» Саади». В нее вошли 53 рассказа и глава, состоящая из афоризмов.

Основные сочинения: «Мнение о введении письменности в Кабарде». 1864 (рукопись); «Саади и «Гюлистаным» щыщу таурыхъ зыбжанэ» («Несколько рассказов из «Гюлистана» Саади»). Тифлис, 1864; «Сосрыкъуэ и пшыналъэм и къедзыгъуитІрэ таурыхъитІрэ» («Два отрывка из народной поэмы о Сосруко и два рассказа»). Тифлис, 1865; «Къэбърдей алыфбей» («Кабардинская азбука»). Тифлис, 1865; «Попытки введения кабардинской письменности» (Терские ведомости, Владикавказ, 1870, 5, 12 марта; Кази Атажукин. Избранное. – Нальчик, 1971; 1991 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Крым-Гирей Инатов (1843-1877) окончил Кубанскую гимназию, служил в канцелярии атамана Кубанского казачьего войска. Творчество этого просветителя развивалось в двух направлениях: обработка и беллетризация фольклорных и исторических сюжетов и поиски в жанре художественного очерка. В фольклорно-исторических очерках «Сифир-паша, князь шапсугский» и «Два слова о господстве турок на Кавказе и песня о Шрухуко-Тугузе» писатель обрабатывает фольклорные сюжеты, связанные с Кавказской войной и ее прославленными историческими деятелями. Автор говорит о провокационной политике Турции, прогрессивном значении России для судеб горцев, осуждает политику царизма, виновного в трагедии переселения в Турцию его соотечественников.

В очерке «Несколько слов о нашей старине» на основе народных преданий и песен прослеживается исторический путь адыгов, начиная с древнейших времен. Как и другие просветители, Инатов обращается к фольклору как к историческому источнику, как к «школе морали и политики», используя его в агитационно-политических целях – пробуждения национального самосознания и самоутверждения.

Наиболее талантливо, как художник слова, Инатов проявил себя в «Путевых заметках». Этим произведением он дал новое направление жанру путевого очерка, у истоков которого стоял Казы-Гирей. Это реалистический нравоописательный очерк, предметом изображения которого является общественный быт, психология и социальные отношения адыгов.

Адилъ-Гирей Кешев (Каламбий). Вершину адыгской художественной литературы составило творчество талантливого писателя-реалиста Адиль-Гирея Кешева (1837-1872). Уже в первом произведении – цикле рассказов под названием «Записки черкеса» – Кешев создает широкую реалистическую картину общественного быта адыгов накануне реформ 60-х гг. Предметом художественной типизации становятся, прежде всего, несовместимые с духом нового времени реакционные традиции феодальной старины. Изображая их, Кешев выступает смелым новатором, в частности, впервые ставя проблему положения женщины в адыгском обществе.

Рассказ «Ученик джиннов» из тех же «Записок черкеса» посвящен традиционной просветительской теме – разоблачению суеверий и предрассудков. Однако они рассматриваются не только как явления типические для тогдашней жизни горцев, как это было у его предшественников, но и выступают в трактовке автора как главные факторы, препятствующие просветительским акциям передовой горской интеллигенции, распространению в народе образования и современных научных знаний. Новаторски подходит Кешев и к изображению такой своеобразной черты адыгского быта, как абречество. У писателя на первом плане – исследование социальных истоков этого явления.

В повести «На холме» Кешев ставит одну из наиболее острых проблем литературы предреформенной поры – положение крестьянства. Он работал над этой повестью под впечатлением произведений русских писателей на тему о крестьянском быте. До Кешева никто с таким сочувствием и симпатией не изображал крестьянскую массу.

С именем Кешева связано возникновение адыгской публицистики. Он был первым редактором газеты «Терские ведомости», учрежденной в 1868 г. На этом посту он проработал всего несколько лет – до своей смерти. Но за это очень короткое время газета добилась больших успехов благодаря передовым мировоззренческим позициям и гражданскому мужеству Кешева, налаженному им стилю и ритму работы. В немалой степени этому содействовало и то, что ему удалось сгруппировать вокруг газеты передовую горскую интеллигенцию.

Кешев вел библиографический отдел новинок кавказоведческой литературы, опубликовал несколько статей – «История адыгейского народа, составленная по преданиям Шорой Бекмурзиным Ногмовым», «Характер адыгских песен», «О незаметном вымирании горских песен» – и один очерк – «Из кабардинских (адыгских) преданий».

Основные сочинения: «Записки черкеса». – Библиотека для чтения. М., 1860. Т. 159, С.1-90; «Абреки». – Русский вестник, М., 1860. Т. 30. С.127-190; «На холме». – Русский вестник, 1861. Т. 36. С. 309-365; «Из кабардинских (адыгских) преданий». – Терские ведомости, 1871. 23 июля; Переизд.: Избранные произведения А.-Г. Кешева. Вступ. ст. и подг. текстов Р. Хашхожевой. – Нальчик, 1976; 1988 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Лукман Кодзоков. Достойное место в просветительском движении занимает Лукман (Дмитрий) Кодзоков (1818-1893) – общественный деятель, поэт, прозаик. Он вошел в адыгскую литературу рядом произведений, изданных в типографии Московского университета (где он учился), затем в Петербурге и на Кавказе. В повести «Дева закубанская, или любовь до могилы» (М., 1836) повествуется о трагической любви героев, втянутых в водоворот Кавказской войны; в сборнике «Стихотворения молодого черкеса» (М., 1837) автор

поведал о своих раздумьях над сложными проблемами бытия, о значении образования, о важности самоусовершенствования, правильного выбора жизненного пути. Эти первые произведения написаны в традициях романтической школы. В 40-х гг. им написаны: очерк «Губернский чиновник. Из вечеров на Кавказских водах» – о злоупотреблениях чиновников-бюрократов, с которыми он встречался на Кавказе; поэма «Горный охотник» – о событиях, связанных с Кавказской войной («История многовекового...», 2007).

4.2.3. Третий этап просветительства – конец XIX – начало XX в.

Учитесь, набирайтесь знания, памятуя, что учение – свет, а знание – сила. Не может быть успеха ни в чем без знания, и непросвещенные народы играют жалкую роль, и неизбежно будут в подчинении у других, более культурных.

А. Шогенов («Терские ведомости», 1913, 31 окт.).

Третий этап просветительства – конец XIX – начало XX в. – представлен творчеством Казим-Бека Ахметукова, Батырбека Шарданова, Темтеча Хаджимукова, Паго Тамбиева, Талиба Кашежева, Хаж-Исмагила Купова, Эльбаздуко (Владимира) Кудашева, Адама Дымова, Алихана Шогенова. Деятельность их носила энциклопедический характер: их усилия были направлены на создание письменности национального языка, просвещение народа на родном языке, разработку школьных учебных пособий, развитие образования, исторической и филологической науки, национальной художественной литературы.

В это время под влиянием общероссийской революционной ситуации происходит приобщение кавказских народов к освободительному движению, наблюдается небывалый подъем их социально-политического и национального самосознания. Усиление борьбы адыгского народа против социального и национального гнета в самом конце XIX – начале XX в. было обусловлено тем социально-экономическим состоянием и политическим положением, в котором он оказался на третьем этапе просветительского движения. Все тот же низкий материальный уровень жизни трудящихся масс, стойкость пережитков феодального прошлого, неосуществленность их предшественниками многих жизненно важных просветительских акций, с одной стороны, ужесточение национально-угнетательской политики царского, правительства – с другой, поставили передовую адыгскую интеллигенцию перед необходимостью продолжения борьбы за идеи, с которыми выступали просветители первых двух периодов.

Казим-Бек Ахметуков (Магомед-Бек Хаджетлаше) (1870–1929) – писатель, драматург, журналист. Слушал лекции в различных зарубежных университетах. Первые его произведения появились в 1894 г. в журналах «Живописное обозрение», «Нива», «Природа и люди», «Звезда», «Вокруг света». В последующее время, в 1895–1898 гг., продолжая сотрудничать в этих изданиях, одновременно состоял специальным корреспондентом по восточному вопросу в «Московских ведомостях», «Биржевых ведомостях» и «Мировых отголосках», часто выезжал в Турцию и Египет. Печатался также в журналах и газетах «Семья», «Домашняя библиотека», «Сын отечества», «Новости дня», «Русский листок», «Одесский листок», «Кавказский вестник», «Казбек». Начиная с 1896 г., издал и отдельные книги: в Москве «Черкесские рассказы» (1896) и «Всего понемногу. Очерки и рассказы» (1897), в Петербурге очерк «Черты из жизни его величества султана Хамида II» и «Современная Турция. Очерки и рассказы о царстве Османов» (1897), в Одессе «Повести сердца. Очерки и рассказы» (1901), в Бобруйске «Тяжелый долг. Драма в 5 действиях из черкесской жизни» (1901), во Владикавказе «В часы досуга. Очерки и рассказы» (1902), «Месть. Кавказско-горская легенда» (1902). Имя его заносится в справочники А.В. Мезьера, С.А. Венгерова, С. В. Венгерова, И.Ф. Масанова, К.Н. Бегичева.

Творческая жизнь Ахметукова после 1908 г. продолжалась под псевдонимом Магомед-Бек Хаджетлаше. Она была также необычайно насыщенной. В 1908–1911 гг. он издает в Париже журнал «Мусульманин», в 1911 г. в Петербурге – газету «В мире мусульманства», одновременно ведет «Мусульманский отдел» в журнале «Братская помощь» и газете «Новая Русь», сотрудничает в журналах «Офицерская жизнь», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московский еженедельник». Публикует огромное количество художественных произведений, публицистических сочинений и статей. Наиболее крупные из них посвящены Турции: «Современная Турция. Начальник эшелона в Африку», «Мрачные времена», «Очерки современной Турции. Любимцы Ильдыза», «Убийца на троне». В них разоблачается правящий режим Турции, поднимаются проблемы положения махаджиров, показывается роль черкесов-переселенцев в ее политической и общественной жизни, революционном движении младотурок. Издана также драма «Надежда гор» (Мусульманин, 1911) на тему борьбы просветительски настроенной горской интеллигенции против устаревших традиционно-бытовых устоев жизни.

Значительную часть наследия Хаджетлаше составила публицистика. В ней показаны положение мусульманских народов, в том числе и кавказских горцев, в составе Российского государства, проблемы их прогрессивного развития, отстаиваются их права и интересы. Выражается уверенность в том, что правительство реалистично посмотрит на культурное движение мусульман и, проявляя государственную мудрость, окажет им содействие, поскольку это будет плюсом общероссийскому стремлению выйти на широкий путь реформ. Говоря же об отношении самих мусульман к России, он убеждал, что они считают ее своей новой Отчиной и своим священным долгом – работать для общей Родины.

Хаджетлаше отрицательно относился к Турции, призывал мусульман не верить слухам, будто бы она – обетованная страна для исповедующих ислам. Он был против переселения горцев в Турцию, предупреждал их о трагических последствиях такого шага. Турцию он воспринимал как отсталую, консервативную страну не только при султанской власти, но даже при новом режиме, установившемся при младотурках («История многовекового...», 2007).

Батырбек Бекмурзович Шарданов (1860-1937) – общественный деятель, публицист. Известность Шарданову принесли его публицистические статьи. Наибольшим публицистическим накалом отмечены статьи, появившиеся в печати после Манифеста 17 октября 1905 г. Вдохновляясь революционными событиями 1905 г., Шарданов выступал со статьями «Забытый народ» и «Черкесы, забываемый народ». Работая над статьями, Шарданов отталкивался от следующих постулатов: историческая общность адыгов с Россией, самобытность адыгов, их заслуги перед Россией, недопустимость игнорирования прав и интересов отдельно взятого народа Российского государства.

Для показа исторически сложившихся русско-адыгских отношений Б. Шарданов обращается к далекому прошлому, констатирует, что адыги не имели ничего общего с Турцией «ни по духу, ни по происхождению»; напротив, «и по своему духу, и по религии предков ближе всего подходят к русской нации», что в царствование Ивана Грозного они посылали к нему послов, «как к своему единоверцу, прося у него помощи против нашествия крымских татар и турок», что они приняли от турок лишь «обрядовую сторону ислама» и то лишь «силой оружия», что им был чужд религиозный фанатизм и они, проявляя интернациональные чувства, мирно уживались с другими иноверными народами. Верность адыгов России подтверждается и их участием во всех войнах и, в частности, в современной ему Русско-японской войне.

Раздумья Шарданова о настоящем и будущем народа не выходят за схемы просветительских иллюзий. Они складываются из тех задач, которые ставила перед собой в те годы передовая национальная интеллигенция, – вывести народ из состояния отсталости, приобщить к современным достижениям европейской цивилизации. Единственный путь к национальному спасению Шарданов видит в просвещении, в достижении всеми народами без исключения политических и гражданских прав, после чего они «мирно и дружно пойдут по пути прогресса и свободного самоусовершенствования».

Самым важным для себя он считал участие в работе «Черкесского благотворительного общества», членом которого был с начала его образования и председателем которого стал в 1915 г. В этот год им была разработана обширная программа культурно-массовых мероприятий, состоявшая из следующих пунктов: 1) позаботиться о приобретении шрифта на черкесском языке; 2) подготовить устройство учительских курсов для изучения черкесского языка; 3) послать в Гурийскую учительскую семилетнюю семинарию несколько детей черкесов за счет благотворительного общества; 4) подготовить печатание букварей и учебников для школ и книг для народа; 5) организовать черкесский музей и т. д. (Хашхожева Р.Х., 2003).

Переходя к истории русско-адыгских отношений, Б. Шарданов углубляет свою концепцию причин, побудивших его народ обратиться за помощью к России. Одной из главных причин он считает понимание адыгами невозможности одолеть крымско-турецких насильников собственными силами, без помощи со стороны. Отсюда он приходит к выводу, что по условиям политического момента и в чисто географическом отношении такую помощь адыги могли получить только от России. Вместе с тем он обращает внимание и на другое: благополучно складывавшиеся дружественные отношения адыгов с русскими еще со времен Ивана Грозного не были развиты в дальнейшем государственными деятелями России; в результате судьба адыгов приобрела трагический характер.

Приверженность адыгов к России, ставшей для них, по определению Шарданова, «общей родиной», «вторым отечеством», подтверждается их участием в первой мировой войне, где они, как и прежде, проявляют свои собственные им храбрость и отвагу. Таким образом, Б. Шарданов историю своего народа по-прежнему рассматривает в тесной связи с Россией, он не мыслит существования адыгов, их национального возрождения вне России.

Основные сочинения: «Забытый народ». – Кубань. Екатеринодар, 1906, №76; «Черкесы (забываемый народ)». – Кубань, 1906, № 117; «Черкесы и их прошлое». – Кубань, 1915, № 122, 189-191 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Темтеч Хаджимуков (1848-1907). Он автор уникального исторического очерка «Народы Западного Кавказа». Новизна этого произведения состоит в том, что автор обращается не только к русской кавказоведческой литературе, как это было у других адыгских историков, а к менее известным источникам – иностранной литературе (Страбон, Тацит, Клавдий, Арриан, Георгий (Джорджио) Интериано, Дюбуа де Монпере и др.). В очерке содержатся сообщения о происхождении адыгов, их территориальном расселении, исторических контактах с многочисленными народами; он содержит авторскую концепцию исторического развития народа, формирования национального характера и национального быта, его оценку исторических связей с Россией, истории Кавказской войны, мюридизма, личности и деятельности Шамиля.

Паго Исмаилович Тамбиев (1873-1928) – деятель просвещения, после Октябрьской революции находился на государственной службе. Тамбиев – один из крупнейших адыгских фольклористов: в дореволюционном печатном фольклорном фонде ему принадлежит значительная часть. Особая заслуга просветителя и в том, что в его материалах представлены почти все фольклорные жанры и при этом на различных адыгских диалектах. В 1906 г. П.И. Тамбиев издал в Тифлисе «Азбуку кабардинского языка», которая использовалась

в качестве учебного пособия в Нальчикской горской школе и реальном училище. В рамках своего учебника Тамбиев создает повествовательную прозу на кабардинском языке. Тексты в его «Азбуке...» – это пересказы восточных притч, а также сюжетов, заимствованных из учебников К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, М.И. Паульсона. Он придает им национальный колорит, используя при этом изобразительные средства родного языка, поэтику адыгского фольклора, особенно пословицы и поговорки.

Основные сочинения: П.И. Тамбиев. Публикация фольклорных текстов. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис. Вып. 12, 21, 25, 26, 27, 29, 32, 34, 44; «Кабардинская азбука». Тифлис, 1906; Паго Тамбиев. Избранное. Сост. и вступ. ст. Р. Хашхожевой. Нальчик, 1984 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Талиб Псабидович Кашежев (1866-1931) – общественный деятель, педагог и фольклорист. Одновременно с Паго Тамбиевым занимался сбором и публикацией устного народного творчества кабардинцев, изучением обычаев и обрядов кабардинцев; в журнале «Этнографическое обозрение» им были опубликованы статьи «Свадебные обряды кабардинцев» и «Ханцигуаше. Общественное моление об урожае у кабардинцев». В них освещаются малоисследованные прежними просветителями стороны общественного быта народа, приводятся ценные, ранее не зафиксированные этнографические факты и фольклорные тексты.

Хаж-Исмагил Купов – кабардинец из села Заюково Баксанского района. Окончил Каирский университет аль-Азхар, работал муллой в родном селе и открыл собственное медресе. Х.-И. Купов имел большую библиотеку из арабских и турецких книг. Он безоговорочно принял Октябрьскую революцию и в период Гражданской войны помогал красным партизанам. После восстановления советской власти в сел. Заюково Купов работал секретарем сельского Совета. Умер в 1934 г. в возрасте 74 лет.

Х.-И. Купов – автор приведенного ниже стихотворения «Адыгэ жыуэ» («Адыгский напев») – подлинного гимна науке, Науке с большой буквы. Это стихотворение было напечатано впервые в газете «Адыгэ макъ» («Адыгский голос», 1918, № 38). В сопроводительном слове редакции сказано: «Адыгский напев» был написан эфенди Хаж-Исмагилом Куповым в 1913 г. В том же году мы хотели послать его в Стамбул для публикации в «Гуазе», но начавшаяся война помешала. Теперь мы публикуем его в «Адыгском голосе», который является продолжением «Гуазы»... (Налоев З.М., 2009).

Адыгэ жыуэ

Мы пагэныгъэр сытым кыхэкI?
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!
Дэ ди нэр маплъэ,
Дэ ди лъэр макIуэ –
ДызэрыкIуэnum сыт я нахьыфI?
ФIыгъуэшхуэ псори хьилмым кыхэкI.
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!
Къавкъаз щIыналъэм дз дыкыщалъху,
Ди къэлъхуныгъэм сытхэр и фIагъэ?
ФIагъэшхуэ псори хьилмым кыхэкI.
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!
Мы щIыналъэшхуэм дэ дырибынкъэ –
ЗылI и бын хуэдэу дэ дыпсэункъэ!
ПсэукIэ дахэр хьилмым кыхэкI.
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!
Хьилмыншэ цIыхум сытыр и махуэ?
Махуэшхуэ махуэм сытыр и псалъэ?
Псалъэм и дахэр хьилмым кыхэкI.
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!
Ди щIалэ къалъхухэр къалъхум я лъапIэ,
ЛъапIэгъуэ зиIэр IэщIагъэ дахэ.
IэщIагъэ дахэр хьилмым кыхэкI.
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!
IэщIагъэ дахэр дэркIэ хьэрэмкъым,
Хьэрэм зыхэлъыр дэркIэ хьэлэлкъым.
Хьэрэм-хьэлэлхэр хьилмым кыхэкI.
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!
Мы дунеишхуэм сыт тетхыжыну?
Мы дунеишхуэм сыт къэдгъэнэну?
Къэнэну псоми хьилмыр нэхьыфIщ.
ФIыгъуэшхуэ псори хьилмым кыхэкI.
ДыкызыхэкIар сыт гъэщIэгъуэн!

Адыгский напев

Откуда пошла эта наша гордыня?
Что мы за люди?
Наши глаза видят,
Наши ноги идут –
Из возможных дорог, которая лучше?
Все большие блага идут от науки.
Что мы за люди!

На земле Кавказской мы родились.
А что прекрасного в нашем рождении?
Все прекрасное идет от науки.
Что мы за люди!

Ведь мы же дети этой большой земли –
Как дети одного отца, мы будем жить!
Красивая жизнь идет от науки.
Что мы за люди!

Может ли счастье быть у невежды?
В праздничный день какое слово он может сказать?
Прекрасное слово идет от науки.
Что мы за люди!

Наши дети – лучшие из тех, что рождаются.
Дорога в мире хорошая профессия.
Хорошие профессии идут от науки.
Что мы за люди!

Хорошие профессии для нас не запретны.
А то, что запретно, для нас неприемлемо.
Запретное и незапретное идет от науки.
Что мы за люди!

Что из этого мира унесем с собой?
Какое наследие миру оставим?
Из всего, что останется, лучшее – наука.
Все большие блага идут от науки.
Что мы за люди!

Эльбаздуко Канаматович (Владимир) Кудашев (1865-1913) – общественный деятель, историк, автор сочинения «Исторические сведения о кабардинском народе». Труд Кудашева, наряду с «Историей адыгейского народа» Ш. Ногмова и «Записками о Черкесии» Хан-Гирея, создает целостную картину становления адыгской историографии. Однако, в отличие от своих предшественников, Кудашев широко опирается на архивные материалы и на многочисленную печатную источниковедческую литературу, накопившуюся к тому времени. Им используются материалы из фондов Главного архива Министерства иностранных дел (дела Кабардинские), архива Терского областного управления, штаба Кавказского военного округа; работы русских кавказоведов Н. Грабовского, Ф. Леонтовича, П. Буткова, Н. Дубровина и др., известия русских историков М. Грушевского, В. Смирнова, С. Белокурова, С. Соловьева, различные публикации в издававшемся в Тифлисе «Сборнике сведений о кавказских горцах»

Основное внимание в сочинении Кудашева уделено истории русско-кабардинских отношений, вхождения кабардинского народа в состав Российского государства. Кудашев реалистично оценивает причины, побудившие его народ искать покровительство России: связь с Российским государством «покоилась на сознании, что, только опираясь на помощь и поддержку Москвы, кабардинцы могут сохранить свою независимость, самостоятельность и самобытность от притязаний крымских ханов и других соседей» («История многовекового...», 2007).

Дымов Адам Гафарович (1878-1930) – первый книгопечатник, издатель первой газеты на кабардинском языке. В 1913 г. составил азбуку родного языка на арабской графической основе и издал ее в г. Темирхан-Шуре в типографии Мавраева. Осенью того же года он приобрел печатный станок и уже в собственной типографии печатал газету «Адыгэ макъ» («Адыгский голос»), а 1918 г. издал свое первое, наиболее значительное литературное произведение – «Щэнгъасэ» (Воспитание характера).

Полученное мусульманское образование наложило отпечаток на созданную А.Г. Дымовым литературу, опирающуюся на культуру мусульманского Востока, на исламскую религию. «Щэнгъасэ» представляет собой сборник бесед о религиозных и этических правилах поведения, изложенных в форме миниатюрных эссе или небольших сюжетных рассказов. Это учебное пособие было предназначено для нравственного воспитания учащихся мусульманских школ. Тематика бесед разнообразна: честность и верность; чистота; польза и вред слова; виды лжи и ее вред; ценность правды; правила омовения и намаза; как следует держать пост.

Другое произведение Дымова – «Сиратун Мухаммадие» («Жизнь Мухаммеда»), изданное также в собственной типографии (1918), в котором рассказывается о жизни и пророческой деятельности основателя ислама. В нем больший акцент делается на подробностях его частной жизни, нежели на сути его учения, догм ислама.

Неоценима заслуга А.Г. Дымова в издании первой газеты на кабардинском языке «Адыгэ макъ» («Голос адыгов») (ноябрь 1917 – июль 1918 г.). Он был издателем, редактором, наборщиком, переплетчиком, секретарем, а также автором множества публикуемых материалов. Большую помощь в издании газеты ему оказывал Нури Цагов. Эта газета быстро завоевала признание, вокруг нее сгруппировались грамотные кабардинцы, поставлявшие в газету свои корреспонденции.

Одной из главных тем, разрабатываемых газетой, была тема просвещения народа. Она постоянно пропагандировала идею, что культура и просвещение являются основой богатства любого народа, что в современном мире невозможно существовать без знаний. «Наука, просвещение – источник богатства, это то, к чему надо

неустанно стремиться. С их помощью человек осознает себя, окружающий мир, овладевает всем тем духовным богатством, что накопило человечество за долгую свою историю» – таков лейтмотив всех номеров газеты «Адыгэ макъ». Поэтому, призывала газета, необходима широкая сеть сельских школ с привлечением в них как можно больше учащихся. Газета проводила также большую работу по сбору и публикации национального фольклора.

Основные сочинения: «Алыфбей» («Азбука»). Темир-хан-Шура. Типография Мавраева. 1913; «Тухваталь-Атфаль» («Ключ к детям»). Темир-хан-Шура. Типография Мавраева. 1913; «Псалъэф» («Доброе слово»). Казань: Типография «Умид». 1917; «Щэнгъасэ» («Воспитание характера»). Баксанская типография. 1918; «Сиратун Мухаммадие» («Житие Мухаммеда»). Баксанская типография. 1918 (Хашхожева Р.Х., 2003).

Алихан Шогенов (1879–1933). К славному ряду просветителей адыгов можно (и нужно!) отнести и муллу Алихана Шогенова, прославившегося не только своими усилиями по просвещению кабардинцев, но и его подвигами на фронтах первой мировой войны. А. Шогенов, уроженец сел. Атажукино 3 (Куба), являлся кади Нальчикского горского словесного суда. Как совершивший паломничество к святыням ислама в Мекку и Медину, он имел почетный титул Хаджи. Алихан Шогенов был одним из самых образованных и авторитетных представителей мусульманского культа Нальчикского округа выступил 20 октября 1913 г. на освящении здания, а по сути дела – открытии Кабардино-горского имени императора Александра III реального училища в слободе Нальчик.

«Народный кади хаджи Алихан Шогенов, – писала газета «Терские ведомости» (31 октября 1913 г.), – в своем обращении к юным реалистам – кабардинцам, балкарцам, русским, вступавшим в тот день в стены нового великолепного здания училища, средства на постройку которого были даны кабардинским народом и горскими обществами Нальчикского округа, сказал: «...Пользуйтесь со рвением всеми представленными вам удобствами и учитесь, набирайтесь знания, памятуя, что учение – свет, а знание – сила. Не может быть успеха ни в чем без знания, и непросвещенные народы играют жалкую роль, и неизбежно будут в подчинении у других, более культурных. Но, приобретая высокие знания, не забывайте и религии, не забывайте о существовании над всем видимым и познаваемым все создавшего Бога. Не поддавайтесь гордыни, которая погубила многих. Религия – это твердая почва под ногами, а без религии человек подобен листку, носимому по воле ветра. Итак, учитесь и растите на радость родным, стремясь быть полезными членами своего народа и всего великого государства Российского; дорога перед вами открыта» (Цит. по: Опрышко О.Л., 1993).

4.3. Развитие национальной литературы в советский период

*Но жизни новой яркий свет
Мне счастье дал, я им согрет, –
И песню первую свою
Родному Сталину пою.*

Цуг Теучеж, адыгейский поэт.

*Я слышу разговор родимых гор.
И каждая река мне навсегда
Здесь дорога. И каждая звезда
Моим рукам знакома с давних пор...*

Мерем Шеуджен (1997).

С появлением после Великой октябрьской социалистической революции национальной письменности, адыгская литература получает новый импульс для своего дальнейшего развития. Одним из ярких показателей духовного возрождения адыгского народа является расцвет национальной культуры. Мысль о преемственности прошлого и настоящего хорошо выразил ашуг Теучеж Цуг:

Кто прошедшего не знает,
Не оценит наших дней...
Много скорби, много горя
Вынесли отцы и дети,
Кровью, потом и слезами
Пробивали к счастью путь...

Сразу же после революции самые душевные, полные любви и благодарности песни адыгского народа были посвящены вождям советского народа, разрушившим «мир угнетения». Так, престарелый ашуг **Рау Хакуринов** пел в своей песне:

Со светлым умом поднялся Ленин,
С ним вместе шел соратник Сталин,
И сплотив все народы в единую рать,
Под знаменем правды и справедливости,
Разрушили мир угнетения...

Во всю мощь зазвучал в те годы голос адыгейского ашуга **Цуга Теучежа**. Любимому вождю было посвящено его стихотворение «Великое солнце»:

Первое слово мое – это Сталин,
Пусть до тебя мой привет долетит.
Ты новое солнце... Поля наши стали
Под солнцем твоим ярче цвести.

Как луч восходящий в долину приходит,
Большие и малые травы согрев, –
Так Сталина имя сияет в народе,
Так Сталина слово доходит до всех.

И если луч солнца порой угасает,
Зима охлаждает лучей тепло,
То Сталина слово преград не знает,
От слов его мудрых всегда светло.

Сталина имя звучит далеко
За рубежами Советской страны.
Жить тебе, Сталин, много веков –
Великому солнцу великой весны!

Эта тема прослеживается и в других его произведениях:

Тому, чья доблесть высока,
Чья в битве не дрожит рука,
Кто светит людям всей земли,
Кто правду счастьем укрепил,
Кому в делах преграды нет, –
Я Сталину несу привет.

Ты – наше солнце, ты – наш свет,
Тебе от старика привет!
Я мысль родных учителей
Хочу вместить в своем уме,
Я слушал Ленина призыв,
Как ветра шум и гром грозы,
И Сталина всесильный клич
Всем сердцем я стремлюсь постичь.

Я вижу – смысл его глубок,
Он основаньем жизни лег.
Я тронул песней глубину,
Как ветер трогает волну.

Был полон скорби весь дуней,
Я прожил жизнь в тяжелом сне,
Я горе вычерпал до дна,
Бессильна песнь моя была,
Ее давил тяжелый гнет
Бесправья, бедности, забот.

Тонула жизнь в пыли, в грязи,
Звучала песнь моя вблизи,
Как еле слышный детский плач.
Не видя света и тепла,
Я ноги грел у очага,
Я песни для себя слагал...

Но жизни новой яркий свет
Мне счастье дал, я им согрет, –
И песню первую свою
Родному Сталину пою...

Песня вырастает в глубине земной
О тебе – любимый, о тебе – родной.
Гордо подымает песню весь народ, –
Ты – в нужде надежда,
Ты – в борьбе оплот!
Ты в пути не дрогнешь, не свергнешь назад.

Светят нам два солнца –
Сталина глаза.
Ты наполнил годы радостью побед,
И идет по миру слава о тебе,
И великой славе радуется свет.
Да живет наш Сталин много-много лет!

Ты дал нам Сталинский закон, –
Дуней, как солнцем, озарен
И блеском молнии до нас
Весть радостная донеслась.

Стал жизни нашей путь широк,
 Как многоводных рек поток.
 Сегодня жизнью стали сны –
 В расцвете Сталинской весны.
 И с легким сердцем я смотрю
 На нашу юную страну.
 Я вижу – в небе, в высоте
 Отрадно соколом лететь.
 Земли оглядываю ширь –
 И вижу бурный бег машин.
 Я вижу на земле моей
 Стальных, послушных нам коней.
 Они бегут, и на бегу
 Усердно рвут земную глубь.
 Вот машет крыльями комбайн,
 Нам собирая урожай,
 Как будто огненный дракон
 Рукой бесстрашной укрощен.
 Необозрим колхозных нив
 Богатый, радостный разлив.
 И новый урожай дает
 Нам больше хлеба каждый год.
 Во мгле ночей огни горят, –
 Встает построек новый ряд.
 Вчера слепым был мой народ,
 Сегодня в школу внук идет,
 Врача рука и верный глаз
 Теперь заботятся о нас.
 Так Сталин бережно взрастил
 Союз свободных наших сил.
 Живи на радость гор и нив,
 Поднявший нас так высоко, –
 Кто дал нам силу мощных крыл,
 Кто нам грядущее открыл.
 Наш дуб, могучий, золотой,
 Любимый, близкий и родной,
 Страны любовью будь украшен,
 Надежда, сила, счастье наше!
 Я песню первую свою
 Родному Сталину пою!

Дальнейшее развитие в эти годы получили литература и искусство. В 1934 г. было создано Адыгейское отделение Союза писателей СССР. Первыми членами Союза стали Т.М. Керашев, А.Д. Хатков, М.С. Паранук. В этот период на адыгейский язык были переведены многие произведения классиков русской и советской литературы: А.С. Пушкина («Полтава», «Капитанская дочка», «Дубровский», «Сказка о рыбаке и рыбке»), другие стихотворения и поэмы); М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, А.М. Горького, Д. Фурманова, Н. Островского, А. Первенцева и других авторов. Сельские труженики, никогда не умевшие ни читать, ни писать, смогли ознакомиться с лучшими произведениями русской литературы на родном языке. Это способствовало улучшению взаимопонимания и укреплению дружбы адыгейского и русского народов.

К началу Великой Отечественной войны стали широко известны произведения Т. Керашева. На творчестве этого писателя – классика адыгской литературы, хотелось бы остановиться подробнее. Большой популярностью среди читателей пользуются его произведения: «Дорога к счастью», удостоенная Государственной премии СССР. «Состязание с мечтой», «Дочь шапсугов», «Куко», «Одинокий всадник», «Последний выстрел». В его переводе на адыгском языке впервые зазвучал пролетарский гимн «Интернационал». А всего он перевел на адыгейский язык более 40 произведений классиков русской и советской литературы. Была опубликована историческая поэма Цуга Теучежа «Восстание бжедуг». В это же время в литературу вошли и более молодые писатели и поэты: Адиг-Гирей Уджуху, Халид Уджуху, Аскер Евтых, Юсуф Тлюстен, Киримизе Жанэ, Сафер Яхутль, Аскер Гадагатль.

Значительным событием в литературной жизни и песенном творчестве Адыгеи во время Великой Отечественной войны явился перевод Государственного Гимна Советского Союза на адыгейский язык (перевод: Т. Керашев, И. Машбаш, С. Яхутль, М. Бисидж, М. Куниж, Ю. Намитоков, Х. Панеш). Ниже приведен давно уже ставший библиографической редкостью текст Гимна с переводом на адыгейский язык. Строки этого Гимна многие десятилетия вдохновляли всех советских людей, в том числе адыгов на самоотверженный труд, а также на подвиги во время Великой Отечественной войны:

Гимн Советского Союза

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем.

Прпев: Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Советскэ Союзым и Гимн

Союз мыукъожьынэу республик шъхьафитхэр
ЕгъашIэм щыIэнэу Русышхом зехещ.
Народмэ ялoкIэ гъэпсыгъэ зэикIэу,
КIочIэшхоу Советскэ Союзыр опсау!

Шъхьафитныгъэ тыгъэр къытфыхэпси фыргынэм,
ЫкIи Ленинышхом гъогур тфегъэнэф.
Народым тыфэшпыпкъэнэу — Сталиным типIугъ тэ,
Лэжъэнми, блэнагъэми такъфилатыгъ...

Тэ армиеу тиIэр заохэм ащытпIугъ тэ,
Щыфыгъэнчъэ техакIохэр гъогум тетъдзын!
ЛэшIэгъумэ арыкIощтыр заохэм къашдэтэхы,
Хэгъэгъу тикIасэр тэ щытхъум фэтщэн!

Прпев: ЗигъаI щытхъу дахэр, ти Хэгъэгъу шъхьафитэу,
Народмэ ящытхъу ылъэпсэ пыт!
Советскэ знамяу, народнэ знамям
ТекIоныгъэм текIоныгъэр лыкIоу тыферэщ!

Что бы сейчас некоторые не говорили о советском периоде нашей истории, как бы ни пытались чернить его черной краской, факты свидетельствуют о том, что именно в этот период в полной мере проявился талант многих писателей и поэтов Адыгеи. Широко стали известны произведения таких авторов, как В. Абитов, З. Аксиров, Л. Богузокова, Ф. Балкарова, Х. Гашоков, И. Кашежева, Ц. Кохова, А. Охтов, Х. Теунов, К. Тугуз, А. Шортанов. Большую любовь среди читателей снискали произведения Хазрета Ашинова «Водяной орех», «Зафак — чудо-танец», «Живому нужна любовь». Особое место в современной адыгейской литературе занимают книги народного писателя Адыгеи Исхака Машбаша: «Сто первый перевал», «Тропы из ночи», «Сотвори добро», «Оплаканных не ждут», роман-эпопея «Жернова», его многочисленные переводы А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, В. Маяковского, «Слова о полку Игореве» и др. Последняя книга писателя — историческая диалогия «Два пленника», объединившая повести «Фидур» и «Афипса», была выдвинута на соискание Государственной премии Российской Федерации. Творчество И. Машбаша стало заметным явлением в культурной жизни адыгского народа. Особо привлекают внимание мастера наиболее трагические страницы адыгской истории:

Время дни и года собирает в века,
И уходят во тьму времена.
Только помнит река, что течет с ледника:
В наши слезы впадала она!...

А ты, народ мой, не таил обид,
И был твой дом для всех гостей открыт,
Но и врага умел ты встретить так,
Как этого заслуживает враг.

Но главный «герой», главная любовь поэта — Земля адыгов:

Она — мой мир. Она — моя война.
Она — моя любовь, моя забота.
И солью моего седьмого пота,
Как трудный хлеб, посолена она...

Любовью к родной земле пронизаны стихи поэтессы Мерем Шеуджен. Ее произведения согревают душу ощущением добра, нежности и чистоты:

На крутом берегу
Я стаю одиноко,
Просыпается тихо
Земля на заре.

Слышен в шорохе листьев
Деревьев далеких
Птичий плеск,
Детский смех
И журчание рек.

Я люблю это время
Весенних рассветов,
Молодую зарю
Над родимой землей.

Оживает природа
В предчувствии лета,
И светлеет душа
Вместе с юной зарей.

Эта же тема любви к своей «малой Родине», Земле адыгов красной нитью проходит и через другие ее стихотворения:

Я слышу разговор родимых гор.
И каждая река мне навсегда
Здесь дорога. И каждая звезда
Моим рукам знакома с давних пор.
Здесь каждая тропинка, не тая,
Свою мне песню быструю поет.
И ночь неспешно в тишине плывет —
Спокойно спит любимая земля.

Заметным явлением в литературной жизни Республики Адыгея явилось творчество адыгского поэта Х. Беретаря. Он автор многих сборников, изданных в Майкопе, Краснодаре, Москве. Поэт популярен и среди зарубежных адыгов, проживающих в Турции, Иордании, Сирии, Израиля, США. Привлекает внимание своим тонким лиризмом и активной гражданской позицией стихотворение Х. Беретаря «Гимн пою республике» («Адыгэ макъ», 2001, 5 окт.):

Долго мы ждали часа Свободы,
Через невзгоды веру несли,
Чтобы на древнем стяге народа
Снова двенадцать звезд расцвели.
О, Адыгея! Гор твоих лики —
Каждый снегами скрытый утес —
Стали едины долей великой
И не удержат солнечных слез
Это мечта нам путь свой открывала,
Это пришел к нам радостный миг —
Это Отчизна вольно ступила
В мир, о котором грезил адыг!
Тесной семьею дружеских наций
Общие беды мы победим.
С братьями сможем братски обняться —
Все, обогретые солнцем одним!

Заслуживает внимания и творчество Галимет Касеевны Бешкок, из а. Понежукай. Как отмечает М.Г. Аутлев, «...она пишет прекрасные стихи. Они о жизни, борьбе, красоте человеческой души». Среди подборки ее стихотворений следует особо отметить «Разговор с Кавказом», «Девушка с юга», «У Вечного огня» и многие другие. Щемящей грустью о прошлом веет от начальных строк поэмы «Отчий дом»:

Мой дом родной, мой отчий дом -
Всегда в нем веяло теплом,
Был полон радости и ласки,
В нем слышала впервые сказки.
Ушли давно в немую вечность
Кто дорог сердцу моему,
В ком находила любовь и нежность
Их не вернуть теперь, увы...

Читателей привлекают и произведения Д.Г. Костанова, автора книг: «Мос Шовгенов», «Человек делает добро», «Слияние рек» и др.; П. Кошубаева «Лунные ночи» и др. Широкую известность в Адыгее получил роман Кадыра Натхо «Отчужденные» о трагической судьбе адыгов на чужбине. Его автор — родом шапсуг, родился в а. Хатрамтук (ныне Суворово-Черкесский), после 1945 г., проживает в США. К. Натхо — основатель в 1952 г. «Адыгэ Хасэ» в г. Патерсоне (США), президент американского Черкесского благотворительного общества. Среди отечественных произведений, раскрывающих на строго документальной основе героико-патриотическую тему, следует выделить также повести Аюба Шеуджена «Не забудьте» (1962) и «Над Псекупсом» (1977). В них автор раскрывает невиданную жестокость фашистов в обращении с советскими военнопленными и беспримерный подвиг защитников Родины в условиях концлагеря «Гроссалазорт-301», борьбу в тылу врага на оккупированной территории Кубани и Адыгеи.

4.4. Мастера художественного слова: адыгские писатели и поэты

Каждый писатель – сын своего народа, и значение его определяется тем, как он показывает свой народ миру, что он говорит миру от имени своего народа.

И.П. Мележ (1959)

Стихи – полет на коне, проза – хождение пешком. Пешком уйдешь дальше, но на коне доедешь быстрее.

Расул Гамзатов (1974)

АБАЗОВА Любовь Шutowна, кабардинская писательница. Родилась 20 февраля 1942 г. в сел. Урух КБР. Опубликовано: «Первое большое слово». / Рассказ (Юащхэмахуэ, 1967 № 2. С. 46-50); «Когда отцы не спят. / Рассказ. (Юащхэмахуэ, 1990, № 1. С. 37-46); «Осенние влезы». – Нальчик, 1994 и др.

АБДОКОВ Маталио Умарович. Литератор; первый профессиональный черкесский режиссер, драматург, основатель профессионального Черкесского театра. Член Союза писателей Российской Федерации (1994); Заслуженный артист Абхазской АССР (1983); Заслуженный деятель искусств Кабардино-Балкарской АССР (1985). Родился в 1938 г. в ауле Псаучье-Дахе. Образование получил в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кино им. Н. Черкасова (1957-1962); на высших режиссерских курсах при Государственном институте театрального искусства им. А. Луначарского (окончил в 1975 г.). Актер, режиссер-постановщик, директор Карачаево-Черкесского областного драматического театра (с 1988 г.). С 1992 г. художественный руководитель Черкесского республиканского театра. За период творческой работы поставил более 65 спектаклей по произведениям местных, русских и зарубежных авторов. Автор 15 пьес, в т. ч.: «В нашем ауле», «Исчезающие тени», «Матери не должны плакать», ««Клятва Махмуда». Опубликовал ряд книг и очерков о театральных деятелях, по проблемам театрального искусства в республике.

АБИТОВ Владимир Кадырович. Черкесский литератор, поэт и прозаик-публицист; Член Союза писателей Российской Федерации (с 1982). Родился в 1937 г. в ауле Али-Бердуковский Хабезского района Черкесской АО. Высшее образование получил в КЧГПИ. Работал сотрудником редакции газеты «Ленин нур», редактором телерадиокомпании «Карачаево-Черкесия», зав. отделом культуры редакции газеты «Черкес хэку». Автор 10 поэтических сборников и трех романов. Его книги: «Поет молодое сердце» («Шалэгур мэуса»). Сборник стихов (Черкесск, 1961); «Мои горы» («Си кьущхэ»). Сборник стихов (Черкесск, 1967); «Сын Иныжа Цукужей» («Иныж и кьуэ ЦыкIужьей». Сказки в стихах (Черкесск, 1972), «Родинка» («Анэл»). Поэмы (Черкесск, 1974); «Соленая роса». Роман (Черкесск, 1996).

АБИТОВ Хизир Яхьяевич. Черкесский поэт. Родился . 6 апреля 1941 г. в ауле Али-Бердуковский Черкесской АО. Опубликовал несколько сборников на родном и русском языках, выходивших в Ставрополе, Черкесске и на страницах ряда центральных журналов и газет. Основное место в его творчестве занимают темы лирического, философского и нравственного характера, национальной истории. «Хизир Абитов – поэт многогранный, философ, – отмечал переводивший его поэт Алексей Полянский. – Его поэзия – сад души и разума!.. Работая над его стихами в качестве переводчика, я каждый раз восхищаюсь индивидуальностью его образов, бездной его мыслей». Основные произведения: «Стихи» (Черкесск, 1967), «Сказка дождя» (1985), «Созвездие» (1988), «Рассвет» (1991), «Истоки» (Черкесск, 1995), «Ступени гор» (на русском языке, Ставрополь, 1979), «Два охотника» (на русском языке, 1980); произведения в коллективных сборниках «Од-носельчане» (1972), «Путь весны» (Черкесск, 1978).

АБУКОВ Халид Кучукович. Черкесский прозаик, публицист, общественный деятель. Родился в 1900 г. в ауле Абуковский (ныне Хумара). Окончил 2-х классную светскую школу в родном ауле (1911). Ряд лет вместе с семьей находился в эмиграции в Турции (1912-1918). После возвращения на Кавказ работал наборщиком в Баталпашинской типографии. С 1931 г. член Ассоциации пролетарских писателей Северного Кавказа, с 1932 г. директор Черкесского областного национального издательства, член комиссии по разработке абазинского алфавита, член комиссии по организации всеобуча. В 1934 г. избран первым председателем Черкесского отделения Союза писателей СССР. Погиб на фронте в марте 1943 г. Активная литературная деятельность Х. Абукова начинается в 20-е гг., на страницах газеты «Адыгэ псэукIэ» («Адыгская жизнь») публикуются фрагменты его романа «На берегу Инжича», фельетоны-рассказы. Популярность приобрели его фельетоны, опубликованные в 30-х гг. под псевдонимом «Хъалид ТхъэмыщкIэ» («Бедный Халид»). Его роман «На берегу Зеленчука» (в соавторстве с В. Чернышевым) был опубликован в 1929 г. Оказывал содействие в начале выпуска на ногайском языке вкладыша в газету «Адыгэ псэукIэ», в подготовке первых ногайских корреспондентов.

АКСИРОВ Залимхан Алиевич, кабардинский писатель, драматург. Родился 16 мая 1919 г. в сел. Жанхотово (ныне – Псыгансу) Урванского района КБР. Автор драматической поэмы «Песня Даханаго» (Нальчик, 1948); Пьесы (Нальчик, 1991); «Хымсад» (Юащхэмахуэ, 1994, № 4. С. 3-58) и др. Скончался 19 июня 1995 г.

АНДРУХАЕВ Хусен Борежевич. Родился 2 марта 1920 г. в а. Хакуринохабль (ныне Шовгеновский) Шовгеновского района. В 1935 г. поступил в Адыгейское педагогическое училище, где он создает литературный кружок, редактирует рукописный журнал «Наш рост». В этом же году участвует в совещании моло-

дых писателей в Ростове-на-Дону. После окончания педучилища Х. Андрухаев работал литературным сотрудником областной газеты «Социалистическэ Адыгей», публикует стихи: «У портрета Маяковского», «Две жизни», «Два аула» и многие другие.

С первых дней Великой Отечественной войны находится в действующей армии на Южном фронте, где он выступил инициатором снайперского движения. Погиб в ноябре 1941 г. в боях на Украине. За мужество и стойкость в бою ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Почти все писатели Адыгеи посвятили воину-поэту стихи и поэмы. В 1970 г. Х. Андрухаев удостоен посмертно звания лауреата премии Кубанского комсомола им. Н. Островского. В 1946 г. Адыгнациздат выпустил сборник его стихов на адыгейском языке «Моя жизнь». В 1971 г. в Майкопе вышел его сборник «Я буду петь» и в 1976 г. – сборник на русском и адыгейском языках «Считайте меня живым».

АФАУНОВ Магомед Абубекирович. Кабардинский поэт, драматург. Родился в 1907 г. в сел. Псыгансу Урванского района КБР. Был инициатором перевода кабардинской письменности с латиницы на русскую графику. Стихи М. Афаунова опубликованы в сборниках ««Первый шаг» (Нальчик, 1933; «Писатели Кабардино-Балкарии» (М., 1935); «Октябрь» (Нальчик, 1935). Широкую известность имеет его пьеса «МафIэ «Плама» (1935). Умер в 1942 г.

АХМЕТОВ Мухадин Худович. Черкесский поэт и прозаик, член Союза писателей СССР (1968), член Союза Журналистов СССР (1968). Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики. Родился 25 июля 1917 г. в ауле Зеюко. В 1938-1939 гг. работал в редакции газеты «Черкес Пльыж» («Красная Черкесия»). Участник Великой Отечественной войны (февраль 1944-апрель 1945 гг.); тяжело ранен при штурме Берлина. В послевоенные годы работал в книжном издательстве, обкоме КПСС, комитете по телерадиовещанию, Союзе писателей КЧАО, членом редколлегии Черкесской городской «Книги памяти». Публиковаться начал в 30-е гг., ряд его стихов переложены в песни. Автор около 20 книг: «Зима и заяц», «Ручной ягненок», «Мальчик на козле», «Сказания и легенды черкесов», «Али едет на коне» (Детгиз, Москва); «Где мчался конь богатыря», «Край, овеянный легендами», «Кош-Хабль» (повесть), «В родном ауле» (повесть), «Камылуко» (поэма) и др.

АХМЕТУКОВ Казим-бек Исламович. Адыгский писатель, драматург, журналист. Родился в 1870 в Турции в семье адыга-махаджира. Лишившись родителей, вернулся на родину предков, но, не получив приюта у родственников, поселился в Тифлисе. Был близок к движению народников. Основные произведения: «Черкесские рассказы». – М., 1896; «Современная Турция. Очерки и рассказы о царстве Османов» (Пг., 1897; «Мрачные времена. Из записок начальника тайной полиции» («Мусульманин», 1911); Казим-бек Ахметуков. Избранные произведения. – Нальчик, 1993. Год и место смерти неизвестны.

АЦКАНОВ Руслан Хасбиевич. Кабардинский поэт, прозаик. Родился в 1949 г. в сел. Ерокко Урванского района КБР. Главный редактор русской редакции книжного издательства «Эльбрус». Основные произведения: «Белые облака». Стихи (Нальчик, 1972); «Бегущие травы». Стихи (1977); «Гимн любви» (3-томное издание любовной лирики мира (М., 1991) и др.

АШИНОВ Хазрет Ахметович. Родился 2 января 1926 г. в а. Габукай Теучежского района. С 1950 г., после демобилизации из рядов Советской Армии, работал в книжном издательстве, в редакции областной газеты «Социалистическэ Адыгей». В 1962-1964 гг. учился на Высших литературных курсах СП СССР при Литературном институте им. А.М. Горького. Работал зав. отделом областной газеты «Социалистическэ Адыгей». Печатался с 1951 г. Член Союза писателей СССР.

На адыгейском языке опубликованы поэмы, сборники басен, рассказов, повестей, романов: «Настоящий друг» (1954), «Спутники» (1956), «И зимой гром гремит» (1957), «Свет» (1958), «Басни» (1959), «Деревья на ветру» (1960), «Весенние вечера» (1962), «Две полосы» (1963), «Калина» (1966), «Дорога как жизнь» (1968), «Зафак» (1969), «Водяной орех» (1967), «Убежденность» (1970), «Вкусная земля» (1972), «Сочинители песен» (1974), «Искренность» (1975), «Равнины превращаются в горы» (1977), «Басни» (1978), «Эту песню поют мужчины» (1980).

На русском языке опубликованы в Москве: «Сердечный перекресток» (1964), «Деревья на ветру» (1966), «Всадник переходит бурную реку» (1966, 1975), «Водяной орех» (1970), «Дар доброму вестнику» (1973), «Сочинители песен» (1976). Его рассказы и повести «Харитет», «Две полосы», «День приезда» и другие опубликованы в центральных журналах. Отдельные рассказы и стихи Х. Ашинова переведены на языки народов СССР и за рубежом. Пьеса-сказка «Шеомаф, сын старого охотника» поставлена на сцене областного драматического театра им. А.С. Пушкина. Х. Ашинов перевел на адыгейский язык отдельные произведения А.М. Горького, А.П. Чехова, Т.Г. Шевченко, К. Хетагурова, Я. Купала, А. Исаакяна, Д. Гулиа, С. Маршака, С. Михалкова. Умер в 1994 г.

АШКАНОВ Исмаил Хаджумарович. Родился в 1912 г. в а. Адамий Майкопского уезда Кубанской области. В 1930 г., с отличием окончив Адыгейский педагогический техникум, поступил в Краснодарский педагогический институт, но на последнем курсе был репрессирован. Первый его рассказ «Ильяс» был опубликован в сборнике «Адыгэ шхьафит» («Свободный адыг»), который вышел в 1929 г. За ним последовал рассказ «Тыгъэр кыкьокIы» («Солнце всходит»), напечатанный в 1933 г. в журнале «Тихахъо» («Наш рост»). И.Х. Ашканов в 1933 г. в соавторстве издал «Реджэнхэу тхылъ» («Книгу для чтения») на родном языке. Им переведены на адыгейский язык: «Рикки-Тикки-Тави» Р. Киплинга (1936), комедия

А.Н. Островского «Волки и овцы» (1937), рассказ Дм. Фурманова «Сломихинская битва» (1937). Умер в 1938 г., посмертно реабилитирован.

БАГОВ Нурбий Нухович. Родился 18 ноября 1937 г. в а. Нечерезий Теучежского района Республики Адыгея. В 1958 г. окончил Майкопский сельскохозяйственный техникум, с 1959 по 1964 гг. – студент филологического факультета Адыгейского госпединститута. С 1967 по 1993 гг. работал в областной газете «Социалистическэ Адыгей»: литературным сотрудником, заведующим отделом. Последние годы Н.Н. Багов являлся главным редактором республиканского журнала для детей «Жьогъобын» («Созвездие»).

Печатался с 1962 г. Член Союза писателей России с 1989 г. Нурбий Багов – автор поэтических сборников на адыгейском языке: «Радости дверь открываю» (1969), «Солнечный свет» (1976), «Доброго тебе урожая» (1981), «Весенний взор» (1986), «Легенда о старом кувшине» (1988), «Покой земли» (1991), «Вечный дар» (1994), «Негаснущий очаг» (1997). На русском языке в г. Москве вышла его книга стихов «Поле добра» (1982). Отдельные стихи Н. Багова переложены на музыку. Н.Н. Багов был лауреатом журналистской премии им. Хусена Андрухаева, Заслуженным работником культуры Республики Адыгея. Умер в 1994 г.

БАЛКАРОВА Фаусат Гузеровна. Первая адыгская поэтесса. Родилась 27 марта 1932 г. в сел. Кипшек Баксанского района КБР. Основные произведения: «Рассвет». Стихи (Нальчик, 1958); «Капля солнца». Стихи и поэмы (1960); «Ищу тебя, отец». Стихи. (1983); «Любовь и доблесть». Поэмы и баллады (1998) и др.

БЕКИЗОВА Лейла Абубекировна. Ученый-литературовед, доктор филологических наук, профессор, действительный член Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук, вице-президент АМАН, член Союза писателей СССР, была председателем Союза писателей КЧР. Родилась 29 мая 1929 г. в ауле Клычевский (ныне Псаучье-Дахе) Черкесской АО. С 1957 г. работала в Карачаево-Черкесском НИИ истории, филологии и экономики (ныне Институт гуманитарных исследований): научный сотрудник, зав. сектором литературы и фольклора, зав. Черкесским отделом. Вела преподавательскую деятельность в качестве профессора кафедры литературы КЧГПУ. Ее научная деятельность нашла отражение в монографиях: «Черкесская советская литература», «Слово о ногойской литературе», «От богатырского эпоса к роману», «Ответственность слова: жизнь, герой, литература» и др. Л. Бекизова – соавтор 6-томной «Истории советской многонациональной литературы», коллективного труда «Советский роман: поэтика – новаторство-типология» (изданы Институтом мировой литературы АН СССР). Объектом ее научной деятельности являются также фольклорное наследие адыгов (в соавторстве издала три фольклорных сборника, множество статей), проблемы воссоздания единой духовной культуры адыгов (в т.ч. зарубежных), составление банка данных о зарубежных писателях и поэтах адыгского происхождения, изучение творчества всемирно известного писателя-адыга М. Кандура (роман-трилогия «Кавказ») и др. Кавалер ордена «Дружбы народов». Лауреат международной премии им. М. Кандура. Умерла 3 декабря 2020 г.

БЕМУРЗОВ Мухадин Хамидович. Черкесский поэт. Родился в 1948 г. в ауле Али-Бердуковский Черкесской АО. Высшее образование получил в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом институте. Известность приобрели его произведения: «Односельчане» (1971), «Летопись мужества» (1981), «Снег на солнечной стороне» (1993), «Печальная поэма» (написана в 1987-1991).

БЕРЕТАРЬ Хамид Яхьявич. Родился 9 июля 1931 г. в а. Казанукай Теучежского района. Закончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. В 1958-1960 гг. работал преподавателем Адыгейской студии Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского в Москве, затем литературным сотрудником газет «Адыгейская правда», «Социалистическэ Адыгей», «Советская Кубань». Кандидат исторических наук, доцент.

Печатается с 1949 г. Член Союза писателей СССР. Автор поэтических сборников на адыгейском языке: «Рассвет» (1957), «Весенняя песня» (1960), «Луч солнца» (1964), «Оленья гора» (1967), «Новый день» (1969), «Узор» (1972), «Сказ об ауле» (1974), «Колыбельная песня» (1975), «Единственная любовь» (1977). В 1964 г. вышел сборник «Пьесы». На русском языке изданы в Краснодаре и Москве сборники «Исламей» (1965), «Камень не плачет» (1968), «Тропинка в горы» (1971), «Твой добрый друг» (1974), «Века соединяют берегам» (1978). Многие стихи поэта переложены на музыку. Отдельные его произведения переведены и опубликованы на языках народов СССР и за рубежом. В переводах Х. Беретаря в областном драматическом театре им. А.С. Пушкина поставлены пьесы А. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Не все коту масленица» и драма А. Гимера «Человек и воля». Умер 7 февраля 1995 г.

БЕШТОКОВ Хабас Карнеевич. Кабардинский поэт. Родился 5 июня 1943 г. в сел. Исламей Баксанского района КБР. Основные произведения: «Ракетодомы». Стихи (Нальчик, 1969); «Пора роз» (1973); «Каменный век» (1985); «Вдоль берега моря». Стихи, поэмы (Нальчик, 1998).

БИЦУЕВ Анатолий Муратович. Кабардинский поэт. Родился 25 июля 1946 г. в сел. Аушигер Советского (Черкесского) района КБР. Основные произведения: «Весточка» (Нальчик, 1969); «Мгновение» (1971); «От весны до весны» (М., 1986); «Стихи» (Нальчик, 1997) и др.

БОРУКАЕВ Тута Магомедович. Кабардинский поэт, деятель народного образования. Родился в 1888 г. в сел. Старый Черек Урванского района КБР. Основные произведения: «Щалэ таурыхъ къом» («Детские рассказы») (Нальчик, 1931); Рукописи Т. Борукаева – в архиве КБГИИ, д. 1451-р. Умер в 1937 г.

Мерем Шеуджен, Аскер Гадагатль, Асхад Шеуджен

БРАТОВ Габас (Хабас) Мухамедович. Черкесский прозаик, Член Союза писателей и журналистов Российской Федерации, Народный писатель Карачаево-Черкесии (1994). Родился 13 сентября 1930 г. в ауле Боташевский (ныне Малый Зеленчук) Черкесской АО. В 1957-1986 гг. работал в редакции газеты «Черкес пэж» – «Ленин нур», литературным консультантом писательской организации, редактором книжного издательства. Лауреат премии комсомола Карачаево-Черкесии. Основные произведения: «Молодость побеждает». Рассказы (Черкесск, 1961); «И так бывает». Рассказы (1965, на черкесском языке); «Когда зовет удад». Повести (1971); «Звезда героя не гаснет». Повести (1982); «Я вернусь». Повести (М., 1990). Его произведения переведены

на русский, казахский, карачаевский, ногайский языки.

ГАДАГАТЛЬ Аскер Магамудович. Родился 20 сентября 1922 г. в а. Хатукай Красногвардейского района. Доктор филологических наук. Член Союза писателей России. Печатается с 1940 г. С 1946 по 1971 гг. систематизировал и издал в Майкопе на языке оригинала адыгский народный эпос «Нарты» в семи томах, опубликовал монографию «Героический эпос «Нарты» его генезис» (Краснодар. 1967 г.). В 1974 г. в Москве в издательстве «Наука» вышел однотомник «Нарты», подготовленный к печати А.М. Гадагатлем (совместно с З.П. Кардангушевым).

Изданы на адыгейском языке сборники стихов и поэм – «Песнь «сердца» (1948), «Светлые дни» (1952), «Мой аул» (1953), «Дочь адыга» (1957), «Желание сердца» (1959), «Весна моей Родины» (1966), «Дороги» (1972), «Солдат и девочка» (1975), «Невеста друга» (1978); на кабардинском – «Карэ» (1979). На русском языке изданы стихотворные повести «Песнь об ауле» (1954), «Дочь адыга» (1957, 1969), книги стихов и поэм «Лаба поет» (1961), «Сердце адыга» (1963), «Честь» (1974), «Память лет» (1980); сказки в стихах для детей «Лиса и свинья» (1961), Петух-хвостун» (1967). Отдельные произведения А. Гадагатля переведены на кабардинский, грузинский и осетинский языки. Многие стихи поэта переложены на музыку. Награжден медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и другими.

ГАШОКОВ Хусин Ханахович. Основоположник черкесской поэзии. Родился в 1913 г. в ауле Касаевский, ныне Хабез, Баталпашинского отдела. Ряд лет работал в советских и партийных органах, возглавлял областное книжное издательство, являлся редактором газеты «Черкес пэж». Является одним из основоположников черкесской письменной литературы. Автор книг: на черкесском языке: «Стихи и песни» (1940), «Весна» (1955), «Свет в горах» (1952), «Солнце над аулом» (1957), «Радостью полнится сердце» (1960), «Иду по земле» (1965); а также на русском языке – «Весна» (1965). Автор трилогии «Отец и сын». С 1935 г. – член Союза писателей СССР.

ГЕДГАФОВ Борис Мухамедович. Кабардинский поэт. Родился в 1938 г. в сел. Аргудан Урванского района КБР. Главный редактор республиканского детского журнала «Нур». Основные произведения: «Аргудан» Очерки (Нальчик, 1967); «Солнечное взгорье». Рассказы (1969); «Мой язык – адыгский». Стихи, поэмы (1990); «Избранное» (Нальчик, 1998) и др.

ГЕРГОВ Арсен Ханахович. Кабардинский поэт. Родился 26 сентября 1947 г. в сел. Жемтала Советского района КБР. Заместитель главного редактора газеты «Адыгэ псалъэ». Основные произведения: «Земля круглая». Стихи («Уашхэмахуэ», 1968, № 2); «Ночные улицы». Стихи (Нальчик, 1970); «Я учусь читать» (Нальчик, 1991) и др.

ГЕТЕГЕЖЕВ Владимир Ахмедханович. Кабардинский писатель, критик, литературовед. Родился в 1934 г. в сел. Нижний Курп Терского района КБР (по другим источникам – в сел. Псыхурей Баксанского района). Основные произведения: «Ленинские принципы партийности и народности в советской кабардинской литературе» (Нальчик, 1972); «Литература борьбы и созидания» (1976); «Слово о культуре» (Нальчик, 1998) и др.

ГИШЕВА Рахмет Нурбиевна. Родилась 6 апреля 1963 г. в а. Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея. В 1983 г. окончила Майкопский сельскохозяйственный техникум, а в 1996 г. – Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. Печатается с 1979 г. Член Союза писателей России с 1996 г. Первые публикации Р.Н. Гишевой появились на страницах районных и краевых газет, с 1988 г. ее рассказы публикуются в журнале «Дружба», в детском журнале «Созвездие». В 1991 г. Адыгейское республиканское книжное издательство выпустило в свет сборники детских рассказов «Злая крапива» на родном и русском языках. Отдельные рассказы Р.Н. Гишевой печатались в финском детском журнале «Кипиня» («Искорка», 1991).

ГУБЖЕВ Мухадин Мачраилович. Кабардинский прозаик, поэт. Родился 1913 г. в сел. Карагач Прохладненского района КБ АССР. Основные произведения: «Акъужь гуакуэ» (Приятный ветерок). Стихи, поэмы (Нальчик, 1960); «Кто сильнее?» Стихи (1973); «Двуногий волк». Роман (Нальчик, 1994) и др. Умер в 1997 г.

ГУБЖОКОВ Лиуан Мухамедович. Кабардинский поэт, прозаик. Родился 23 ноября 1937 г. в сел. Жемтала Советского района КБР. Основные произведения: «Мальчишки нашего села». Рассказы для детей (Нальчик, 1960); «Волны Черека». Стихи и песни (Нальчик, 1961); «Последняя молния». Стихи, поэмы, переводы (Нальчик, 1994) и др. Умер 3 сентября 1988 г.

ГУТОВ Адам Мухамедович. Кабардинский писатель, фольклорист, литературный критик. Родился в 1943 г. в сел. Аушигер Черекского района КБР. Основные произведения: «Дэбагуэ» («Дабаго»). Сборник рассказов и новелл (Нальчик, 1988); «Опыт и прозрение (Об истории национальной литературы и современности)» («Эльбрус», 1989, № 1) и др.

ДАГУЖИЕВ Мухадин Закериевич. Абазинский прозаик и поэт. Родился 1 июня 1934 г. в ауле Кубина. Работал учителем в школах Калмыкии, аула Кубина и пос. Московский; редактором областного книжного издательства, абазинского отдела областного радиовещания. Автор книг: «Дорога молодости». Стихи (1967); «Месть». Поэма (1969); «Меч Нартов». Пьесы, рассказы (1988) и др.

ДЖЕГУТАНОВ Кали Салим-Гериевич. Литератор, абазинский поэт и прозаик. Родился 24 июня 1927 г. в ауле Кубина. Образование получил в Черкесском педагогическом училище и Пятигорском педагогическом институте. Автор 13 книг: «Тебе пою, Отчизна». Стихи (1956); «Утро». Стихи (1957); «Лаба». Роман (1983); «Клятва любви» (Стихи, поэмы (1985) и др. Ему принадлежит первая авторская книга на абазинском языке. Умер в 1987 г.

ДОБАГОВ Мухамед Калабекович. Черкесский поэт, прозаик, драматург, журналист, член Союза писателей СССР (1989) и Союза журналистов (1970). Родился 10 октября 1941 г. в ауле Жако Черкесской АО. Образование получил в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом институте. С 1965 г. работал в областной газете «Ленин нур» (ныне «Черкес хэку»): корреспондент, зам. ответственного секретаря, зав. отделом, заместитель главного редактора, главный редактор. Отличник советской печати. Один из основоположников черкесской драматургии. Известность получили его пьесы «Глаз великана», «Мать – зеница ока», «Сосруко», комедия-водевиль «Вот как надо замуж выходить» и другие, поставленные на сценах Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Дагестана. Автор двух драм, и двух прозаических сборников. Автор перевода на родной язык 14-ти пьес русских и зарубежных авторов.

ДОГУЖЕВ Курман Бахситович. Черкесский поэт и прозаик. Родился в 1941 г. в ауле Хумара Карачаевской АО. Первые стихи публиковал в 50-х гг. в газете «Черкесская правда». Работал в газете «Ленин нур», в областной писательской организации. Автор сборников стихов «Волны Кубани» (1968); «Танец голубей» (1989); романа «Осеннее наводнение» (1983). После его смерти в 1984 г. остался ряд неопубликованных произведений.

ДУДАРОВ Хаути Мизович. Кабардинский писатель, драматург. Родился 15 мая 1921 г. в сел. Нижний Куркужин Баксанского района КБР. Основные произведения: «Балий» («Вишня»). Рассказ («Юашхэмахуэ», 1959, № 1); «Герой». Очерк («Юашхэмахуэ», 1975, № 3); «Тройная радость» (Нальчик, 1992) и др. Умер 5 мая 1994 г.

ДЫШЕКОВ Магомет Пшиканович. Черкесский прозаик, деятель культуры, член Союза Писателей СССР (с 1934 г.). Родился в 1902 г. в ауле Атажукинский (ныне аул Зеюко). Работал в газете «Адыгэ псэукIэ» («Черкесская жизнь»); с 1924 г. литсотрудник, одновременно вел преподавательскую деятельность (черкесский язык) в педтехникуме, совпартшколе. В 1934 г. опубликовал роман «Зарево» («Пшэплэ»); фрагмент этого романа, а также ряд его рассказов («Магомет», «Алмасты», «Зимним вечером») были опубликованы в первом сборнике черкесских писателей (1934). Вел научную деятельность, автор «Грамматики кабардино-черкесского языка для школ I и II ступени», «Естествознания для школ I ступени». Умер в 1942 г.

ЕВТЫХ Аскер Кадырбечевич. Родился 25 сентября 1915 г. в а. Хатукай Майкопского уезда Кубанской области. В 1928 г. поступил в Адыгейский педагогический техникум, после его окончания учился в Краснодарском педагогическом институте. В 1936-1938 гг. являлся научным сотрудником Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, а с 1939 по 1941 гг. – преподавателем-консультантом Адыгейской студии при Государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского в Москве. А.К. Евтых – участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны II степени.

Печатался с 1935 г. Член Союза писателей СССР с 1938 г. Его первая книга – сборник стихов «Тимафэхэр» («Наши дни») вышла в 1938 г. За ним последовали сборник рассказов «КIючIэ ин» («Большая сила», 1939), сборник рассказов и поэм «ЩыIэкIакI» («Новая быль», 1940), лирическая повесть «Сшынахыжь» («Мой старший брат», 1941). После войны А.К. Евтых издает на адыгейском языке книги повестей и романов: «Превосходная должность» (1948), «Солнце над нами» (1952), «Судьба одной женщины» (1960), «След чело века» (1971), «Мой старший брат» (1992). На русском языке в разных журналах, издательствах Майкопа, Краснодара и Москвы изданы: рассказы «У нас есть такой обычай» и «Исмаил Шарифет» (журнал «Огонек», 1946), сборник стихов и поэм «Счастье» (Майкоп, 1946), сборник новелл «Священная река» (Майкоп, 1946), повести «Аул Псыбэ» (журнал «Знамя», 1950), «У нас в ауле» (журнал «Новый мир», 1953), сборник стихом и

поэм «Наша жизнь» (Майкоп, 1957), «Девушка из аула» (Майкоп, 1963), романы «Улица во всю ее длину» (Москва, 1965), «Двери открыты настежь» (Москва, 1973), «Глоток родниковой воды» (Москва, 1977), «Баржа» (Москва, 1983), «Бычья кровь» (Майкоп, 1994). А.К. Евтых автор пьес, поставленных Адыгейским республиканским театром им. А.С. Пушкина: «Ася», «Маленькая женщина», «Разорванные цепи». Писатель перевел на адыгейский язык некоторые стихи М.Ю. Лермонтова, поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» (совместно с М. Парануком). Отдельные произведения А. Евтых переведены на чешский, словацкий, украинский и другие языки. А.К. Евтых являлся народным писателем Республики Адыгея. Умер в 1999 г.

ЕМИЖ Мулиат Ибрагимовна. Родилась 4 апреля 1951 г. в а. Асосолай Теучежского района Республики Адыгея. В 1980 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. С 1985 по 1991 гг. работала заведующей литературной частью Адыгейского драматического театра им. А.С. Пушкина, с 1991 по 1993 гг. – редактор государственной республиканской телерадиокомпании. В 1993-1994 гг. – редактор отдела поэзии журнала «Дружба». С 1994 по 1998 гг. училась во Всероссийском государственном институте кинематографии. В настоящее время – редактор республиканской телерадиокомпании.

Печатается с 1967 г. Член Союза писателей России с 1990 г., член Союза театральных деятелей России. В Адыгейском книжном издательстве на адыгейском языке изданы: подборка стихов в коллективном поэтическом сборнике «Весенние цветы» (1970), сборники стихов «Возвратившиеся песни» (1977), «Таинственный знак» (1980), «Высокий свет» (1985), «Черный цветок» (1990), «Молитва» (1992). В 1984 г. в издательстве «Современник» в Москве вышла книга стихов М. Емиж «Горное озеро». В Адыгейском драмтеатре на адыгейском языке поставлен спектакль по ее пьесе «Ты ведь адыг, парень!». В 1998 г. в этом же театре поставлены маленькие трагедии А.С. Пушкина в ее переводе. Перевела пьесу У. Сарояна «В горах мое сердце».

ЕРГУК-ШАЗЗО Шамсет Еристовна. Родилась 1 октября 1950 г. в а. Эдепсукай II Теучежского района Республики Адыгея. В 1976 г. окончила филологический факультет Адыгейского государственного педагогического института. С 1990 г. – ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Кандидат филологических наук (1994).

Печатается с 1975 г. Член Союза писателей России с 1997 г. Первые ее публикации появились в областной газете «Социалистическэ Адыгей», «Адыгэ макъ» («Голос адыга»), в журнале «Дружба». Это были лирические этюды-стихотворения в прозе – новое жанровое образование в адыгейской литературе. Впоследствии они вылились в отдельные сборники: «Начало» (1985) и «Пташка» (1993). Некоторые стихи поэтессы переложены на музыку. Ш.Е. Ергук-Шаззо издала монографию «Восхождение к памяти. Размышления о романах Исхака Машбаша» (Майкоп, 1994).

ЖАНЭ Киримизе Хаджемусович. Родился 7 марта 1919 г. в а. Афипсип Теучежского района. В 1938 г. закончил Адыгейское педучилище, в 1957 г. – Адыгейский госпединститут. В 1957-1959 гг. учился на Высших литературных курсах СП СССР при Литературном институте им. А.М. Горького. Участник Великой Отечественной войны. С 1944 по 1957 гг. работал заведующим отделом областной газеты «Социалистическэ Адыгей». В 1959-1973 гг. председатель областного комитета по телевидению и радиовещанию. С 1973 по 1983 гг. – ответственный секретарь Адыгейской писательской организации.

Печатался с 1936 г. Член Союза писателей СССР. Среди сборников, изданных на адыгейском языке: «Стихи» (1945), «Наши дни» (1951), «Красная звезда» (1955), «Маленькие друзья» (1959), «Первый цветок» (1963), «Твои глаза» (1967), «Избранное» (1969), «Прочтите детям» (1973), «Славлю руки человека» (1979), сборники рассказов «Аул Шапсуг и его окрестности» (1977), «Мои аульчане» (1980).

Вышли на русском языке: «Песни сердца» (1957), «Адыгея моя» (1959), «Дети аула» (1959), «Как Хазрет уходил на скачки» (1961), «Дед и внуки» (1961), «Есть у всех свои дела» (1963), «Ответ» (1965), «Слепой дождик» (1967), «Как внуки запутали бабушку» (1968), «У адыгов обычай такой» (1974), «Неразлучные друзья» (1976), «Сколько мне сегодня лет» (1979), «Аул Шапсуг улыбается» (1979) и другие. На адыгейском (1970) и русском (1974) языках издана в г. Краснодаре и Москве документальная повесть о Хусене Андрухаеве. К. Жанэ перевел на родной язык ряд произведений А.С. Пушкина, И.А. Крылова, А.П. Чехова, песенные тексты. Ряд произведений поэта переведены на языки народов СССР и за рубежом. Многие стихи поэта переложены на музыку. Как образно отмечал композитор Умар Тхабисимов, «...слова Киримизе сами просятся в песню. Они выходили из его уст, чтобы песней полететь к своему народу, который он беззаветно любил и для которого жил». Образ безвременно ушедшего художника слова дополняет профессор Т. Афасижев (1999): «Пять великих добродетелей – мудрость, гуманность, верность слову, почитание старших, внимательное отношение к женщине – украшали поэта» (Т. Афасижев. «Поэт и человек от Бога» / Советская Адыгея, 1999, 4 марта). К.Х. Жанэ был награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями, памятной медалью «Борец за мир», Лауреат премии Кубанского комсомола им. Н. Островского за 1974 г., Заслуженный работник культуры РСФСР. Умер в 1983 г.

ЖИЛЕТЕЖЕВ Саладин Хамзетович. Кабардинский писатель, журналист, киносценарист. Родился в 1940 г. в сел. Аргудан Урванского района КБР. Редактор на Кабардино-Балкарском телевидении. Основные произведения: «Сборник одноактных пьес» (Нальчик, 1962); «Радуга». Сборник рассказов (1976); «Чабан на луне». Стихи, рассказы, пьесы (Нальчик, 1996) и др.

ЖУРТОВ Биберад Кумыкович. Кабардинский прозаик, драматург. Родился в 1937 г. в сел. Аушигер Советского района КБР. Основные произведения: «Си унэцэ дыдэр» («Моя настоящая фамилия»). Рассказы (Нальчик, 1971); «Отчий дом». Повесть (1987); «Тхыгъэхэр» («Сочинения»). Повести, рассказы (1997) и др. Умер в 2003 г.

КАГЕРМАЗОВ Борис Гидович. Кабардинский поэт, прозаик. Родился в 1935 г. в сел. Лескен II Урванского района КБР. Заведующий отделом прозы журнала «Гуашхэмахуэ». Основные произведения: «Приветствую тебя!» Стихи (Нальчик, 1962); «Сердечность». Стихи, поэмы (1976); «Тхыгъэхэр» («Сочинения»). Стихи, проза (1998) и др.

КАЖАРОВ Индрис Мухамедович. Кабардинский поэт, композитор. Родился в 1895 г. в сел. Алтуд Прохладненского района КБ АССР. Основные произведения: «Усэхэр, уэрэдхэр». Стихи и песни (Нальчик, 1940); «Уэрэдхэр». Песни (1959) и др. Умер в 1941 г. в г. Бобруйске.

КАЖАРОВ Петр Хаинович. Кабардинский поэт. Родился 7 ноября 1935 г. в сел. Арик Терского района КБР. В 1982-1997 гг. работал главным редактором детского журнала «Нур». Основные произведения: «Росинки-бусинки». Стихи (Нальчик, 1961); «Млечный путь». Стихи (1964); «Усыгъэхэр» («Сочинения») (Нальчик, 1995) и др.

КАЖАРОВ Хамид Хатунович. Кабардинский поэт, литературовед. Родился 15 сентября 1938 г. в сел. Кызбурун II Баксанского района КБР. Основные произведения: «Ширина дороги» (Нальчик, 1973); «Сто одно стихотворение» (1978); Избранные стихи» (Нальчик, 1998) и др.

КАНУКОВ Мухаж Тутович. Кабардинский поэт, прозаик. Родился в 1908 г. в сел. Лечинкай Чегемского района КБР. Будучи директором Кабардино-Балкарского книжного издательства, принимал участие в переходе кабардинской письменности с латиницы на русскую графику. Основные произведения: стихотворения «Ленин», «Красный флаг» и др. – в сборнике «Мечты советских ребят» (Нальчик, 1938). Погиб в октябре 1942 г.

КАРДАНГУШЕВ Зарамук Патурович. Кабардинский драматург, фольклорист. Родился 10 января 1918 г. в сел. Псыгансу Урванского района КБР. Им осуществлен первый перевод на кабардинский язык сочинения Ш. Ногмова «История адыгейского народа» (1958). Основные произведения: «НартхэрКъэбэрдэй эпос» («Нарты. Кабардинский эпос») (Нальчик, 1951); «Сто историй Ходжи» (1959); «Кабардинские народные сказки» (1969); «Кабарда и Альтуд». Пьеса (1993) и др.

КАРДАНОВ Буба Мацикович. Кабардинский писатель. Родился в октябре 1917 г. в сел. Кызбурун III Баксанского района КБР. Председатель Союза писателей КБР, профессор кафедры русского языка Кабардино-Балкарского госуниверситета. Основные произведения: «Записки офицера» (Нальчик, 1974); «Память сердца». Повести и рассказы (1974); «Комбат». Повести и рассказы (Нальчик, 1991) и др. Умер в 1988 г.

КАРМОКОВ Мухаммед Мухажирович. Кабардинский писатель. Родился в 1929 г. в сел. Заюково Баксанского района КБР. Работал в редакции газеты «Къэбэрдэй пэж», главным редактором Гостелерадио КБР. Основные произведения: «Путь героя». Очерк (Нальчик, 1963); «Бурный Баксан». Сборник рассказов (1964); «Тхыгъэхэр» («Избранное»). В 2-х томах (Нальчик, 1999-2000).

КАРМОКОВ Хамид Гузерович. Кабардинский писатель, литературовед, переводчик. Родился 14 марта 1937 г. в сел. Заюково Баксанского района КБР. Работал редактором отдела критики в журнале «Гуашхэмахуэ», директором, зав. редакцией кабардинской литературы книжного издательства «Эльбрус». Основные произведения: «Обещание». Рассказы (Нальчик, 1965); «Стальной шлем». Новеллы (1968); «Нарты и греки» («Гуашхэмахуэ», 1976, № 5. С. 79-82) и др.

КАУФОВ Хачим Хабасович. Кабардинский писатель, публицист. Родился 10 февраля 1940 г. в сел. Кызбурун III Баксанского района КБР. Работал председателем Госкомитета по телевидению и радиовещанию КБ АССР, зам. главного редактора газеты «Адыгэ псалъэ» (Адыгское слово). Основные произведения: «Возраст весны». Рассказы (Нальчик, 1967); «Верность подвигам отцов». Очерки (в соавторстве с М. Башлоевым, 1968); «Память о подвиге» Очерки и повесть (Нальчик, 1996) и др.

КАШЕЖЕВА Инна Иналовна. Кабардинская поэтесса. Родилась в 1944 г. в Москве. Основные произведения: «Вольный аул». Сборник стихов (Нальчик, 1962); «Незнакомое время». Стихи (1982); «Старинное дело» (Нальчик, 1994) и др. Скончалась в 2000 г.

КАШИРГОВ Хапача Хамашевич. Кабардинский прозаик. Родился 14 ноября 1914 г. в сел. Шалушка Чегемского района КБР. Работал в редакции газеты «Ленин гъуэгу» и в Радиокomitee КБР. Основные произведения: «Источник счастья» (Нальчик, 1957); «С любовью в сердце». Повесть (1961); «Ореол». Роман (1976) и др. Умер 5 июня 1987 г.

КЕРАШЕВ Тембот Магомедович. Родился 16 августа 1902 г. в а. Кошехабль. В 1923 г. по поручению Адыгейского Оргбюро РКП(б) занимается подготовкой к выпуску газеты на родном языке «Адыгэ макъ» – «Голос адыга». В первом номере газеты напечатан «Интернационал» в переводе Т. Керашева. В 1923-1929 гг. учился в Московском промышленно-экономическом институте, после окончания которого работал редактором областных газет, директором книжного издательства, директором научно-исследовательского института, преподавал в Краснодарском пединституте.

В 1925 г. был напечатан его первый рассказ «Аркъ», в 1934 г. – сборник рассказов «Позор Машука». В 1939 г. закончил роман «Шамбуль» («Дорога к счастью»), удостоенный в 1948 г. Сталинской премии. Пе-

ру писателя принадлежат романы – «Состязание с мечтой» (1960), «Умной матери дочь» (1963), «Куко» (1968). «Одинокый всадник» (1973), повести – «Дочь шапсугов», «Абрек», «Месть табунщика», «Абадзехский охотник», «Оборотень», «Слово девушки», «Последний выстрел», «По велению сердца», сборники рассказов. Большинство произведений Т. Керашева переведено на русский язык. Роман «Дорога к счастью» переведен на украинский, литовский, латышский, чешский, китайский и другие языки. На адыгейский язык им переведены многие произведения русских и советских писателей. Плодотворно занимался сбором и систематизацией фольклорного наследия адыгейского народа. Он составитель сборника народных песен, в соавторстве с А. Катковым создал три первых учебника по адыгейской литературе для средней школы. Член Союза писателей СССР, делегат I съезда писателей СССР. Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями. Умер в 1988 г.

КЕШОКОВ Алим Пшемахович. Кабардинский писатель. Родился 22 июля 1914 г. в сел. Шалушка Чегемского района КБР. Работал директором Института национальной культуры (ныне – КБИГИ, 1938-1939), министром просвещения КБР (1945-1948), заместителем председателя Совмина КБ АССР 1953-1959), председателем Правления Союза писателей КБР. Основные произведения: «У подножья гор». Стихи (Нальчик, 1941); «Тисовое дерево». Поэма (1955); «Сломанная подкова». Роман (М., 1973); «Корни». Роман (Нальчик, 1994) и др. Умер 29 января 2001 г.

КЕШОКОВ Пшемахо Мурзабекович. Кабардинский писатель. Родился в 1877 г. в сел. Шалушка Чегемского района КБР. Работал над созданием кабардинского алфавита, орфографией, первых учебников кабардинского языка. Основные его произведения сведены в сборник: Машитлова Е. «Япэу лъэбакъуэ зычахэр» («Первые писатели Кабарды») (Нальчик, 1968). Умер 22 августа 1937 г.

КЕШОКОВ Рашид Пшемахович. Кабардинский писатель. Родился в 1907 г. в сел. Шалушка Чегемского района КБР. Участник Великой Отечественной войны, полковник. Работал в органах юстиции и милиции. Особый интерес представляют его произведения: «Маленький Кан». Роман (Нальчик, 1969), а также дилогия романов «По следам Карабаира» (1969) и «Кольцо старого шейха» (издана посмертно в 1975 г.). Умер 17 января 1975 г.

КЕШТОВ Мугаз Хусинович. Кабардинский прозаик, поэт. Родился 25 декабря 1937 г. в сел. Карагач Прохладненского района КБ АССР. Старший редактор журнала «Туашхэмахуэ». Основные произведения: «Родина». Сборник стихов (Нальчик, 1965); «Моя родина – песня моя». Поэма (1977); «Нелегко путь ищущего» (1991) и др. Умер 20 октября 2002 г.

КИМОВ Тембот Эльмурзович. Кабардинский поэт, драматург. Родился в 1911 г. в сел. Старый Лескен Урванского района КБР. Участник Великой Отечественной войны, полковник. Его основные произведения собраны в сборнике: «Япэу лъэбакъуэ зычахэр» («Сделавшие первый шаг») (Сост. Е. Машитлова. Нальчик, 1968). Умер в 1980 г.

КИМОВА (ТОХОВА) Пашхан Эльмурзовна. Родилась в 1888 г. Была неграмотной, но обладала замечательной памятью. Часто приходила в КБНИИ для записи, диктовала все известные ей народные произведения, а также свои стихи и тексты песен. Среди ее стихов наиболее значительные: «Любовь», «Моя старческая песнь», «Старая жизнь», «Здравница в честь русского народа». Умерла в 1959 г.

КОДЗОКОВ Хасан Алисагович. Кабардинский писатель, поэт, переводчик. Родился в сел. Кызбурун III Баксанского района КБР. Работал в редакции газеты «Советская молодежь», в редакции Гостелерадио. Основные произведения: «Дорога, идущая в космос». Рассказы (Нальчик, 1961); «Писатель и история». Поэма («Туашхэмахуэ», 1992, № 5); «Дорога горести» (1998, посмертно). Умер в 1996 г.

КОЖАЕВ Сосруко Мухамедович. Кабардинский писатель. Родился в 1901 г. в сел. Нижний Курп Терского района КБР. Секретарь Союза писателей КБАО (1934); редактор художественной литературы Кабардино-Балкарского издательства (1936). Его основные произведения собраны в сборнике «Япэу лъэбакъуэ зычахэр» («Сделавшие первый шаг») (Сост. Е. Машитлова. Нальчик, 1968). Умер в 1937 г.

КОСТАНОВ Дмитрий Григорьевич. Родился 9 мая 1912 г. в а. Бжедугхабль Кубанской области. В 1934 г. окончил Краснодарский госпединститут. Работал учителем в школах Адыгеи, Адыгейском научно-исследовательском институте. С 1942 по 1946 гг. находился в Советской Армии, прошел фронтovou путь от Кавказа до Берлина. Ряд лет возглавлял Адыгейскую писательскую организацию, редактировал альманах «Дружба», был главным редактором и директором Адыгейского книжного издательства. Боевые и трудовые заслуги Д.Г. Костанова отмечены орденами «Красной Звезды» 2, «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета», медалями.

Печатается с 1932 г. Член Союза писателей СССР. Проделал большую работу по записи, подстрочно-му переводу, публикации и исследованию творчества Цуга Теучежа. Изданы отдельными книгами рассказы, очерки, повести и романы на адыгейском языке: «Две высоты» – (1948), «Труд славит человека» (1955), «Там, где сливаются реки» (1957), «Избранные произведения» (1962), «Белая кувшинка» (1967), «Мос Шовгенов» – в двух книгах (1970, 1974), «Суровый мужчина» (1972), «Пора возмужания» (1977), «Песня обрета-ет крылья» (1979). На русском языке изданы: «Две высоты» (1947), «Народный певец» (1950), «Цуг Теучеж» (1955), «Человек делает добро» (1960), «Слияние рек» (1964, 1966), «Белая кувшинка» (1973, 1976). Перевел на адыгейский язык пьесы А.М. Горького «На дне», А. Мольера «Скупой», роман А. Фадеева «Молодая

гвардия» (вместе с Ю. Тлюстенем), роман С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (вместе с М. Парануком). Автор учебника «Адыгейская советская литература», который издается с 1940 г. для старших классов. Один из авторов сценария документального фильма «Адыгейская автономная область». Умер в 1985 г.

КОШУБАЕВ Пшимаф Карбечевич. Родился 1 февраля 1936 г. в а. Адамии Красногвардейского района. В 1960 г. после окончания филологического факультета Адыгейского госпединститута работал в редакции газеты «Социалистическэ Адыгей». С 1968 г. был редактором литературно-художественного альманаха «Дружба», с 1970 по 1987 гг. работал главным редактором Адыгейского отделения Краснодарского книжного издательства, с 1987 г. – директором Адыгейского книжного издательства, с 1996 г. – ответственным секретарем Союза писателей Адыгеи, главным редактором журнала «Дружба».

Печатается с 1960 г. Член Союза писателей СССР с 1970 г. и Союза журналистов СССР с 1965 г. На адыгейском языке опубликованы рассказы и повести: «Сатанай» (1966), «За сердце дарят сердце» (1969), «Семь дождливых дней» (1971, «Васильковое поле» (1974), «Танцующие деревья» (1976), «Лунные ночи» (1980), документальная повесть «Поле героев» (1978). В 1974 г. в издательстве «Современник» издан сборник рассказов и повестей «Семь дождливых дней». Повесть «Звонкая сталь Асланбека» переведена на украинский язык. Несколько стихотворений П. Кошубаева переложены на музыку. По мотивам повести «Семь дождливых дней» областным драматическим театром им. А.С. Пушкина осуществлена постановка на адыгейском языке под одноименным названием.

И.П. Кошубаев – заслуженный работник культуры РФ, лауреат литературных премий им. Цуга Теучежа и Хусена Андрухаева. Награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

КУАНТОВ Азид Тамашевич. Кабардинский писатель. Родился в 1930 г. в сел. Дейское Терского района КБР. Зав. редакцией издательства «Эльбрус» по выпуску литературы на русском языке. Основные произведения: «На лесных тропинках». Сборник рассказов (Нальчик, 1965); «У кромки огня». Повесть (1976); «Серебряная чаша». Предание (Нальчик, 1993).

КУАШЕВ Бетал Ибрагимович. Кабардинский поэт. Родился 22 ноября 1920 г. в сел. Старый Черек Урванского района КБР. Работал научным сотрудником в КБНИИ, ответственным секретарем альманаха «Къэбэрдей». Основные произведения: «Мой труд». Стихи (Нальчик, 1950); «Родина моя». Стихи и поэмы (М., 1957); «Произведения» (Нальчик, 1966) и др. Умер 1 мая 1957 г.

КУЕВ Шихамбий Исмагилович. Родился 3 апреля 1963 г. в а. Егерухай Кошехабльского района Республики Адыгея. По окончании в 1980 г. средней школы поступил на филологический факультет Адыгейского госпединститута, где проучился три года. В 1989 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. С 1989 по 1994 гг. – редактор Адыгейского республиканского книжного издательства. С 1994 по 1996 гг. – главный редактор журнала «Зэкьошныгъ», был директором Адыгейского республиканского книжного издательства. Член Союза писателей России с 1992 г., участник Всесоюзного совещания молодых писателей в г. Москве в 1988 г. Со школьной скамьи Ш. Кув печатается в районной и областной газетах «Путь Ильича» и «Социалистическэ Адыгей», в журнале «Зэкьошныгъ». Первый поэтический сборник «Мазэм инэф» («Лунный свет») вышел в 1987 г. на адыгейском языке. За ним последовали сборники «ГъашIэр – псыкъефэх» («Судьба – водопад», 1989), «Гугъэм ильагъу» («Тропа надежды», 1994). Отдельные стихи поэта опубликованы в журналах «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Наш современник».

КУЕК Нальбий Юнусович. Родился 20 июля 1938 г. в а. Кунчукохабль Теучежского района. В 1957 г. поступил на филологический факультет Адыгейского госпединститута, по окончании которого работал корректором в редакции газеты «Социалистическэ Адыгей», учителем в Кунчукохабльской средней школе. В 1967-1972 гг. работал заведующим отделом Теучежской районной газеты «Знамя коммунизма». С 1972 г. – старший методист методического кабинета управления культуры Адыгейского облисполкома. С 1995 г. – главный редактор художественного вещания, затем директор радио Телерадиокомпании Республики Адыгея; с 1998 г. – главный редактор Адыгейского республиканского книжного издательства.

Печатается с 1965 г. Член Союза писателей СССР с 1974 г. В 1968 г. в Адыгейском отделении Краснодарского книжного издательства вышел первый сборник стихов «Земной шар проходит сквозь сердце». В 1971 и 1973 гг. выходят сборники стихов и поэм «Вишневые деревья» и «Теплые берега», в 1976 – «Поднявший небо». Цикл стихотворений для детей опубликован в коллективном поэтическом сборнике «Песни Кима» (1979). На русском языке издан поэтический сборник «Танец надежды» (1979). Несколько стихотворений поэта переложены на музыку. Перевел на адыгейский язык комедию В. Шекспира «Укрощение строптивой» и «Ревизор» Н.В. Гоголя, поставленные на сцене областного драматического театра им. А.С. Пушкина. В 1980 г. осуществлена постановка пьесы-сказки в стихах для детей Н. Куека «Мальчик и злой дух». Отдельные произведения поэта опубликованы в альманахе «Родники» издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», журнале «Дружба народов». Н.Ю. Куек – Заслуженный деятель искусств РА, лауреат международной премии им. Кандура; почетный член Адыгской Международной академии наук.

КУМПИЛОВ Кадырбеч Хизирович. Родился 24 августа 1934 г. в а. Уляп Красногвардейского района. В 1965 г. закончил Литературный институт им. А.М. Горького при Союзе писателей СССР. С 1960 г. и до кон-

ца своей жизни работал в отделе по охране государственных тайн в печати по Адыгейской автономной области. Печатался с 1957 г. Член Союза писателей СССР с 1975 г. В 1964 г. в Адыгейском отделении Краснодарского книжного издательства вышел его первый сборник стихов «Родник». В последующие годы в том же издательстве выходят книги: «Предчувствие» (1968), «Апрель души моей» (1971), «Грядущий день» (1973), «Мера жизни» (1976), «Портрет отца» (1979). Стихи К. Кумпилова печатались на русском языке в коллективных сборниках: «Чувство семьи единой» («Молодая гвардия», 1964), «Садам» (Ростов-на-Дону, 1965), на украинском языке «Березовая криница» («Молодь», Киев, 1972). Им переведены на адыгейский язык отдельные стихи Мусы Джалиля, Н. Бараташвили и других. Многие стихи поэта переложены на музыку. Умер в 1990 г.

КУНИЖЕВА Хайшат Мурадиновна. Кабардинская поэтесса. Родилась 10 мая 1948 г. в сел. Шалушка Чегемского района КБР. Работала редактором в ряде издательств, а также редактором литературных передач в Кабардино-Балкарском радиокомитете. Основные произведения: «Песня, мечта и любовь» (В сб. «Поэтессы Советского Союза», М., 1972. Т. 2); «Горсть солнца» (Нальчик, 1993); «Поле души». Стихи (1998) и др.

КУРАШИНОВ Бетал Мухамедович. Кабардинский литературовед, журналист. Главный редактор художественных программ, старший редактор литературно-драматических передач республиканского телевидения. Основные произведения: «В добрый путь» («Туашхэмахуэ», 1966 № 2); «Созданное большим поэтом» («Туашхэмахуэ», 1976 № 2); Путеводитель Статьи о литературе, культуре, фольклоре, обычаях. Очерки, зарисовки (Нальчик, 1996). Умер 28 мая 2001 г.

КУШХАУНОВ Алексей Шагирович. Кабардинский писатель. Родился в 1942 г. в сел. Урожайное Терского района КБР. Работал директором Кабардино-Балкарского отделения Литературного фонда РФ. Основные произведения: «Год до весны». Повесть и рассказы (Нальчик, 1974); «Всадник на белом коне». Повести и рассказы (1982); «Лица кавказской национальности и другие». Сборник юмористических рассказов (Нальчик, 1997).

КУШХОВ Султан Хапагович. Кабардинский писатель. Родился в 1930 г. в сел. Сармаково Зольского района КБР. Работал в редакции газеты «Советская молодежь», позже – директором республиканской научной библиотеки. Основные произведения: «Два скакуна» (Нальчик, 1957); «Родня». Повесть (1961); «Молодежная песня» (Нальчик, 1992, посмертно). Умер в 1960 г.

МАЗИХОВ Борис Беспланеевич. Кабардинский писатель, журналист. Родился в апреле 1940 г. в сел. Шалушка Чегемского района КБР. Работал главным редактором газеты «Ленин гъуэгу» (Ленинский путь). Основные произведения «Разговор перед дорогой». Рассказы, новеллы (Нальчик, 1966); «Проблеск» (Нальчик, 1978); «Избранное» (Нальчик, 2000) и др.

МАКСИДОВ Анатолий Ахмедович. Кабардинский писатель, публицист. Родился 28 июня 1944 г. в сел. Хамидие Терского района КБР. Член исполкома Конгресса кабардинского народа, «Адыгэ Хасэ», генеральный секретарь Российской генеалогической федерации. Основные произведения: «Очерки истории театра Тихоокеанского флота» (1983); «Восставшая сотня» (1984); «Родословная Максидовых» (Нальчик 1996); «Украинские фамилии адыгского происхождения» («Проблемы региональной ономастики», Майкоп, 2002) и др.

МАКСИДОВ Залимхан Битуевич. Кабардинский писатель, прозаик. Родился в 1910 г. в сел. Хамидие Терского района КБР. Работал главным редактором кабардинского сектора Кабардино-Балкарского издательства, председателем областного радиокомитета. Основные произведения: «Культурное строительство Кабарды и Балкарии в прошлом и теперь» (РГ, 1931, № 9); «Прошлые дни Гисы» (Нальчик, 1935); «Удар адата» (1936) и др. Умер в 1937 г.

МАЛЬБАХОВ Эльберд Тимборович. Кабардинский писатель, журналист, переводчик. Родился 4 февраля 1939 г. Работал в редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда»; литературный консультант Кабардино-Балкарской писательской организации. Основные произведения: «Наш дом – Кабардино-Балкария» (М., 1971); «Страшен путь на Ошхамахо». Роман (Нальчик, 1980; 1987); «Ищи, где не прятал». Роман (1990) и др.

МАМИЙ Ереджиб Адшесович. Родился в 1926 г. в а. Шенджий Тахтамукайского района Адыгейской автономной области. Окончив семилетку, он поступает в Адыгейский национальный ансамбль песни и пляски. В 1958 г. Е.А. Мамий поступает в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве и заканчивает его в 1963 г. Драматургом написаны следующие пьесы: в 1955 г. – «Гъогу пхэндж» («Ложный путь»); в 1958-1962 гг. «Псэлтыхьохэр» («Женихи»), «Мыхьамчэрыекъор, привет!» («Привет, Мхамчерииков!»), «Те-ни», «Шпульэгъум ишапхъ» («Мера любви»); в 1966 г. – «Дэхэбаринэ ихьакГэщ» («Гостиница Дэхэбарини»), «Хэта зилажъэр» («Кто виноват?»), «А жизнь продолжается»; в 1970 г. – «Счастье само не приходит», «ГъашIэм имэзищ» («Три месяца жизни»), «Шъхъэм иуз гум егъае» («Сердечная боль») и др. Умер в 1994 г.

МАРЖОХОВ Мухамед Хажисмелович. Кабардинский писатель. Родился в 1943 г. в сел. Зольское Зольского района КБР. Работал корреспондентом газеты «Кабардино-Балкарская правда», редактором газеты «Советская молодежь». Основные произведения: «Берег, к которому надо причалить» (Нальчик, 1973); «Каракура» (М., 1986); «Избранное» (Нальчик, 1994).

МАФЕДЗЕВ Сараби Хажмастафович. Кабардинский писатель. Родился в 1935 г. в сел. Герменчик Урванского района КБР. Главный научный сотрудник КБИГИ. Основные произведения: «Дорога молодости». Повесть (Нальчик, 1968); «Произведения» в 2-х томах (Нальчик, 1995) и др.

МАХОШ Руслан Ибрагимович. Родился 20 октября 1940 г. в а. Козет Тахтамукайского района Республики Адыгея. В 1960 г. окончил Адыгейское педагогическое училище, а в 1965 г. – Адыгейский государственный педагогический институт. Работает в Козетской средней школе, сначала учителем русского языка и литературы, адыгейского языка и литературы, организатором по внеклассной и воспитательной работе, завучем; в настоящее время – директором школы.

Печатается с 1975 г. Член Союза писателей России с 1998 г. В 1983 г. в коллективном сборнике «КЮчІэ зыкІ» («Единая сила»), изданном Адыгейским книжным издательством, напечатаны стихи и поэма Р. Махаша. Подборка его стихов опубликована в другом коллективном сборнике «Мир белых облаков» (Майкоп, 1990). За ней последовали авторские сборники «Ахьрэри мэгуьэ» («Надежда», 1997). «Заор, заор!» («Война, война», 1998). Ряд стихотворений поэта переложено на музыку. Р.И. Махаш издал программы и учебные пособия для краеведческих кружков: «ШІэжь» («Память», 1990), «Мардж» («Призыв», 1992), «Гутъэ лъаг» («Высокая надежда», 1992). Он – лауреат Всероссийского конкурса лучших авторских программ и методических пособий, Заслуженный работник народного образования Республики Адыгея.

МАШБАШ Исхак Шумафович. Родился 28 мая 1931 г. в а. Урупском Успенского района Краснодарского края. В 1951 г. окончил Адыгейское педучилище, в 1956 г. с отличием Литературный институт им. А.М. Горького при Союзе писателей СССР. С 1956 по 1959 гг. работал заведующим отделом областной газеты «Социалистическэ Адыгей», а с 1959 г. руководителем лекторской группы Адыгейского обкома КПСС. В 1962-1970 гг. возглавлял Адыгейскую писательскую организацию, с 1970 по 1983 гг. был редактором альманаха «Зэкъошныгъ» («Дружба»), с 1983 г. по настоящее время – председатель правления Союза писателей Адыгеи. Печатается с 1949 г. Член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР. Изданы в Адыгейском книжном издательстве следующие книги: «Сильные люди» (1953), «Мой мир» (1957), «Новая песня» (1960), «Созвездие» (1962), «Мелодия» (1964), «Сказки-думки» (1965), «Ступени» (1967), «Шторм» (1969), «Мосты» (1972), «Подсолнух» (1974), «Серебряный дождь» (1977), «Песни голубой весны» (1980), романы: «Оплаканных не ждут» (1966), «Человек дважды не рождается» (1968), «Тропы из ночи» (1971), «Метельные годы» (1973), «Бзиюкская битва» (Кн.1., 1976; кн.2., 1978), «Сотвори добро» (1981) «Общий двор» (1985), «Гошевной» (1985), «Избранное» (в 3-х томах, 1993), «Жернова» (1994), «Два пленника» (1996), «Хан-Гирей» (1999), «Редедя» (2000); «Адыги» (2003); «Восход и закат» (2005).

На русском языке опубликованы: «О тебе я пою» (1959), «Три охотника» (1959), «Гром в горах» (1960), «Тепло твоих рук» (1962), «Здравствуй, аул!» (1964), «Самшитовая трубка» (1967), «Избранная лирика» (1967), «Сказание» (1967), «Добрый голос твой» (1969), «Мой шар земной» (1970), «Солнечные струны» (1974) «Светлое имя твое» (1978), «Щедрое солнце полдня» (1979), романы «Сто первый перевал» (1971), «Оплаканных не ждут» (1972), «Тропы из ночи» (1973), «Метельные годы» (1977), «Раскаты далекого грома» (1982), «Сотвори добро» (1984, 1989), «Гошевной» (1990), «Жернова» (1993), «Огненный всадник» (1993), «Белая птица» (1995), «Два пленника» (1995), «Хан-Гирей» (1998), «Из тьмы веков» (2000); «Адыги» (2003); «Восход и закат» (2005, 2007); Собрание сочинений в 7 томах (2004-2006); «Ридада» (2007); «Графиня Айссе» (2008), «Лазутчик» (2010).

Исхак Машбаш перевел на адыгейский язык: «Слово о полку Игореве», «Медный всадник», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина; «Беглец» М.Ю. Лермонтова; «Железная дорога» Н.А. Некрасова, «Двенадцать» А. Блока, «Анна Снегина» С. Есенина; «Облако в штанах» В. Маяковского, а также, в соавторстве с Пшимафом Кошубаевым, – Коран. Ряд произведений писателя переведены на многие языки народов СССР и за рубежом. Многие стихи поэта переложены на музыку. И.Ш. Машбаш – автор текста Гимна Республики Адыгея.

Исхак Шумафович – народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, академик Адыгской Международной академии наук, сопредседатель Правления Союза писателей России, заместитель председателя исполкома Международного сообщества писателей Союза, председатель Общественной палаты Республики Адыгея, Почетный гражданин г. Майкопа. Лауреат премии Кубанского комсомола им. Н. Островского (1972) и лауреат литературной премии им. А. Фадеева Краснодарской краевой организации Добровольного общества любителей книги РСФСР (1980), лауреат государственных премий СССР и России. В разные годы был членом Ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР и Правления литературного фонда РСФСР, Добровольного общества любителей книги РСФСР, избирался делегатом ряда съездов писателей РСФСР и СССР. Герой труда Российской Федерации, награжден орденами Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» четырех степеней, а также медалями: им. К. Симонова, «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Слава Адыгеи» (2001), «Борец за мир», Золотой медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани»; удостоен почетного знака «Общественное признание» Российского национального фонда.

МЕРКИЦКИЙ Рашид Аминович. Родился в 1912 г. в а. Суворово-Черкесском Кубанской области. После окончания Адыгейского педагогического техникума работал в Адыгейском научно-исследовательском институте. Стихи и поэмы-сказки поэта публиковались в альманахе «Тихахъо» («Наш рост»). Перед войной они были выпущены отдельной книжкой для детей. Его поэма-сказка «Сорока и лиса», стихотворения «Дед и бабка», «Песни молодых», «Зима» и другие впоследствии опубликованы на адыгейском языке в сборнике «Их оружие и слово были острыми» (Майкоп, 1966). Погиб в 1942 г.

МИСАКОВ Петр Татушевич. Кабардинский прозаик, поэт, драматург. Работал в редакции газеты «Советская молодежь» и журнала «Юащхэмахуэ» – редактором отдела прозы. Основные произведения: «Горные ручьи». Стихи (Нальчик, 1955); «Королева долины». Повести и рассказы (1970); «Избранное». Повести, рассказы, пьесы (1991). Умер в 1987 г.

МУРАТОВ Чапай Измаилович. Родился 12 июня 1939 г. в а. Блечепсин Кошехабльского района Республики Адыгея. В 1962 г. с отличием закончил Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) им. Луначарского в г. Москве, а в 1969 г. заочно – филологический факультет Адыгейского госпединститута. В 1963-1966 гг. работал методистом областного Дома народного творчества, литературным сотрудником областной газеты «Социалистическэ Адыгей». С 1989 г. – заместитель начальника управления культуры Адыгейского облисполкома; с 1992 по 1999 гг. был первым заместителем Министра культуры Республики Адыгея. Член Союза писателей России с 1996 г. Им написаны драмы «Батыр», «Вдовы», «Именем матери», которые неоднократно ставились на сцене адыгейского театра. В 1994 г. Адыгейское книжное издательство выпустило их под общим названием «Вдовы». Со дня окончания театрального института Ч.И. Муратов не оставлял сцену и по сей день служит искусству. За эти годы им сыграны десятки ролей из мировой и русской драматургической классики, а также в пьесах адыгских авторов. За заслуги в области театрального искусства Ч.И. Муратову присвоены звания: «Заслуженный артист Российской Федерации», «Заслуженный артист Кабардино-Балкарской Республики», «Народный артист Республики Адыгея».

МУСУКАЕВА (ЕСЕНКУЛОВА) Анджелла Хамитовна. Кабардинский литературовед, критик. Родилась в декабре 1945 г. в г. Пятигорске. После защиты докторской диссертации работает зав. кафедрой русской литературы КБГУ. Основные произведения: «О становлении и развитии кабардинской повести» (Ростов-на-Дону, 1971); «Актуальные проблемы межнациональных отношений в СССР» (Нальчик, 1989); «Этно-философское начало адыгского романа» (1997) и др.

НАЛОЕВ Ахмедхан Хамурзович. Кабардинский писатель. Родился в 1921 г. в сел. Старый Урух Урванского района КБР. Участник Великой Отечественной войны, капитан. Работал в Кабардинском госпединституте. Основные произведения: «Юмористический словарь» (Нальчик, 1963); «Пути-дороги». Рассказы (Нальчик, 1969); «Избранное» в 3-х томах (Нальчик, 1993-1995).

НАЛОЕВ Джансох Мурзабекович. Кабардинский писатель. Родился в 1906 г. в сел. Старый Урух Урванского района КБР. Принимал участие в организации Кабардино-Балкарского НИИ, был его первым директором. Основные произведения: «От мертвого к живому» (Нальчик, 1933); «Начало». Повесть (1935); «Кахун». Пьеса (Нальчик, 1936). Умер в 1937 г.

НАЛОЕВ Заур Магомедович. Кабардинский писатель, фольклорист, литературовед. Родился в 1928 г. в сел. Старый Урух Урванского района КБР. В 1978-1987 гг. работал зав. сектором фольклора и литературы КБНИИФЭ. В 1990-1994 гг. был тамадой общественной организации «Адыгэ Хасэ». Основные произведения: «Язык птиц». Стихи (Нальчик, 1959); «Фольклор Советской Кабарды» (в соавторстве с А. Дадовым и А. Шортановым) (Нальчик, 1956); «Эльберд Хасан. Воспоминания» (Нальчик, 1991).

НАТХО Довлетхан Магомчериевна. Родилась в 1913 г. в а. Суворово-Черкесском Кубанской области. В 1925 г. семья переезжает в а. Натухай Тахтамукайского района, а затем через несколько лет – в г. Краснодар, где Довлетхан Натхо учится на рабфаке. После его окончания поступает на отделение адыгейского языка и литературы филологического факультета Краснодарского пединститута. После окончания Краснодарского пединститута в 1934 г. она преподает адыгейскую литературу в Адыгейском педагогическом техникуме, а затем в театральной школе, где около двух лет является ее директором. В 1938 г. поступает на режиссерский факультет Государственного института театрального искусства (ГИТИС) в г. Москве, но начавшаяся в 1941 г. война помешала закончить его. С 1943 г. работает в Адыгейском областном драматическом театре актрисой и помощником режиссера, некоторое время руководит драматической группой при Адыгейском ансамбле песни и танца. С 1947 по 1953 гг. Д.М. Натхо жила в а. Кошехабль, преподавала в Кошехабльской средней школе адыгейский язык и литературу, писала литературно-критические статьи, участвовала в создании учебных программ по адыгейской литературе, в издании учебников.

В 1929 г. Д.М. Натхо пишет первую пьесу – «ЦыфыкIэхэр» («Новые люди»), которая ставится на сценах самодеятельных театров Адыгеи, в том числе и в совпартшколе в гор. Краснодаре. Эта и ряд других («Радости жизни» и др.) пьесы публикуются отдельными изданиями, а также в учебниках по адыгейской литературе. Д.М. Натхо принимала участие в совещании молодых писателей Северного Кавказа в г. Ростове-на-Дону. Умерла в 1953 г.

НАЧ Салих Шуганбевич. Родился в 1909 г. в а. Гатлукай Майкопского уезда Кубанской области. Учился в советско-партийной школе в г. Краснодаре. Работал в редакции газеты «Социалистическэ Адыгей», директором Адыгейского радио. Участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами и медалями. После тяжелого ранения был демобилизован, работал в Адыгейской областной конторе «Союзпечати». Член Союза писателей СССР. В сборнике «Свободный адыг», изданном в 1929 г., были опубликованы стихотворения С.Ш. Нача «Пачъыхъжъ» («Ненавистный царь»), «Май», «Шъхъафитныгъ» («Свобода»). В 1937 г. пишет поэму «Сафият», которая была опубликована в областной газете «Колхоз бы-

ракъ» («Колхозное знамя»). В 1939 г. в издательстве «Адыгнациздат» отдельным изданием выходит сборник стихов поэта «Нэфиль» («Заря»). В соавторстве с Р. Меркицким и М. Джанчатовым, им переведены на адыгейский язык стихи и поэмы Тараса Шевченко; они были изданы в 1938 г. отдельной книгой. Умер в 1993 г.

НЕХАЙ Руслан Махмудович. Родился 25 июня 1941 г. в а. Вочепший Теучежского района. В 1967 г. закончил филологический факультет Адыгейского госпединститута. Работал редактором передач для детей и юношества в областном комитете по телевидению и радиовещанию. В 1979 г. закончил Высшие литературные курсы СП СССР при Литературном институте им. А.М. Горького. В последние годы жизни работал редактором Адыгейского радио. Печатался с 1960 г. Член Союза писателей СССР с 1975 г. В 1969 г. в Майкопе вышел его первый сборник стихов и поэм на адыгейском языке «День начинается с рассвета». Изданы сборники стихов и поэм: «Зов» (1971), «Чайки» (1973), «Водопад» (1977), «Всегда желанный» (1980). На русском языке изданы: поэтический сборник «Колодец отца» (1980), «Слово о матери» (1981), «Ветры судьбы» (1995). Многие стихотворения Р. Нехая были опубликованы на украинском языке в 1972 г. в сборнике «Березовый колодец». Печатался в журналах «Смена», «Дон», в альманахе «Родники» издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Многие стихи поэта переложены на музыку. Умер в 1997 г.

ОРАЗАЕВ Афлик Пшимахович. Кабардинский поэт. Родился в ноябре 1947 г. в сел. Куркужин Баксанского района КБР. В 1989-1992 гг. был редактором отдела журнала «Юашхэмахуэ»; с 1992 г. – редактором детского журнала «Нур» на кабардинском языке. Основные произведения: ««Конь» «Юашхэмахуэ», 1970, № 3); «Родной язык». Рассказы для детей («Нур», 1991, № 2); «Мелодия стиха». Цикл стихов («Глагол Кавказа», Майкоп, 1998, № 1) и др.

ПАНЕШ Сафер Ильясович. Родился 29 октября 1930 г. в а. Старый Казанукай. С 1959 г. работает в редакции газеты «Адыгэ макъ» («Голос адыга», сначала собственным корреспондентом, затем заведующим отделом сельского хозяйства, первым заместителем главного редактора; с 1998 г. – главный редактор журнала для детей «Созвездие». Печатается с 1965 г. Член Союза писателей СССР с 1977 г. В 1968 г. в Адыгейском отделении Краснодарского книжного издательства вышел первый сборник сатирических и юмористических рассказов «Крапива»; в 1972 г. – второй сборник «Нежданные гости», в 1975 г. – повесть «Испытание», в 1979 г. – сборник «Букет колючек». Отдельные произведения писателя опубликованы на русском и адыгейском языках в альманахах «Зэкьошныгъ» (Дружба), «Кубань», «Дон», журнале «Крокодил», газете «Литературная Россия», в местной печати. С.И. Панеш – Заслуженный работник культуры РА. Награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

ПАНЕШ Хазрет Махмудович. Родился 10 августа 1934 г. в а. Кунчукохабль Теучежского района. В 1954 г. закончил Адыгейское педагогическое училище. В 1961 г. поступил в Литературный институт им. А.М. Горького при СП СССР, который закончил в 1967 г. Работал в редакциях областных газет «Адыгейская правда», «Социалистическэ Адыгей», областном отделении Добровольного общества любителей книги РСФСР, заведующим отделением бюро пропаганды художественной литературы при Адыгейской писательской организации. Печатается с 1957 г. Член Союза писателей СССР. Изданы на адыгейском языке поэтические сборники: «Первая тропа» (1962), «Три мальчика» (1967), «Будем жить» (1969), «Птичка и арбузное семечко» (1971), «Завещанный мир» (1978), сборник рассказов для детей «Крепкий корень» (1980). На русском языке изданы сборник стихотворений для детей «Мяч» (1967) и сборник рассказов «Крепкие корни» (1980). Циклы стихотворений Х. Панеша опубликованы в сборниках «Час поэзии», «Чувство семьи единой», «Возьми меня с собой, отец» и др. Печатался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Радуга» и др. В переводе Х. Панеша на адыгейском языке вышли отдельными изданиями «Ленин и печник» А. Твардовского, «Щенок» С. Михалкова. Ряд стихотворений поэта переложены на музыку.

ПАРАНУК Мурат Салихович. Родился 5 мая 1912 г. в а. Пчегатлукай Теучежского района. В 1958 г. закончил Высшие литературные курсы СП СССР при Литературном институте им. А.М. Горького. Участник Великой Отечественной войны. За боевые заслуги был награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны» II степени, медалями. С 1946 г. работал в Адыгейском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, в 1949-1950 гг. – редактором Адыгейского книжного издательства, затем – заместителем председателя областного Комитета по телевидению и радиовещанию. Печатался с 1929 г. Член Союза писателей СССР с 1934 г. Уже первая его поэма «Ураза» (1929) приобрела широкую популярность в народе. М. Паранук – автор поэтических сборников, изданных на адыгейском языке: «Будь бдительным» (1936), «Стихи и поэмы» (1950), «Песнь счастливых» (1955), «Маленький герой» (1957), «Голос сердца» (1961), «Избранные произведения» (1962), «Мирное утро» (1966), «Думы» (1968), «Радость нового дня» (1971), «Зеркало земли» (1972), «Песня просыпается с рассветом» (1979) и других. Позже были опубликованы сборники «В сердце моем» (1982) и «Пути-дороги» (1993). На русском языке изданы: «Земля моих отцов» (1956), «Песня счастливых» (1967), книги для детей – «Бей дубинка» (1960), «Мамин лес» (1962), «Мои подарки» (1963) и другие. Многие стихотворения поэта переложены на музыку. Перевел на адыгейский язык поэму «Кому на Руси жить хорошо» (вместе с А. Евтыхом) и однотомник стихов и поэм Н.А. Некрасова, «Капитанская дочка» и «Дубровский» А.С. Пушкина (вместе с М. Джанчатовым), поэмы «В.И. Ленин», «Хорошо» В.В. Маяковского, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Кавалер Золотой звезды» С. Бабаевского (вместе с Д. Костановым) и другие. Умер в 1970 г.

ПАЧЕВ Бекмурза Машевич. Кабардинский поэт и певец-гегуако. Родился 18 января 1854 г. в сел. Нартан (КБР). Много внимания уделял сбору и распространению народных песен адыгов; Немало песенных текстов создал сам. Основные произведения: «Поэтам. Певец бедняцкого горя. На машины, друзья!» Стихи («Дружба народов», 1957, № 6); «Собрание сочинений» (Нальчик, 1963); «Произведения» (Нальчик, 1996). Умер 20 ноября 1936 г.

ПСИХОМАХОВ Мусса Шамсудинович. Черкесский писатель, публицист. Родился 28 марта 1940 г. в ауле Эрсакон (бывший аул Абата-Хабль) Карачаево-Черкесской АО. После окончания филологического факультета Карачаево-Черкесского государственного педагогического института работал в газете «Ленин нур», а также в партийных и государственных органах. Опубликовал многочисленные рассказы, стихи, публицистические статьи на острые социально-политические темы. Так, стихотворения «Борису Ельцину», «Горби», «Правителям России», рассказ «Гнездо орлицы», статьи «Испытание демократией», «Надо ли готовиться к катастрофе» – это, как говорит автор, «...мои размышления о том, что же сделали с моей великой Родиной и кто в этом виноват». А стихотворение «Кругом мошенники и плуты», по словам публициста, – «печальная картина сегодняшней политической жизни в России, особенно в её регионах» (Психоматов М.Ш., 2011).

ПШЕНОКОВ Абдул Каншаевич. Кабардинский поэт, прозаик. Родился в 1907 г. в сел. Куба Баксанского района КБР. Работал директором Кабардино-Балкарского НИИ. Основные произведения: Стихи в сборнике «Первый шаг» (Нальчик, 1933); «Мусса». Рассказ (Нальчик, 1934); Стихи в сборнике «Писатели Кабардино-Балкарии» (М., 1935). Умер в 1937 г.

ПШЕНОКОВ Мачраил Тлекешевич. Кабардинский поэт. Родился в 1898 г. в сел. Чегем. Работал учителем, заведующим клубом. Основные произведения: стихи в сборнике «Первый шаг» (Нальчик, 1933); остальные его произведения собраны в сборнике: «Япзу лъэбакъуэ зычыхэр» («Сделавшие первый шаг») (Сост. Е.Машитлова. Нальчик, 1968). Умер в 1937 г.

СИЖАЖЕВ Кильчуко Асланбекович. Кабардинский поэт, певец. Родился в 1863 г. в сел. Заюково Баксанского района КБР. Работал на радио как исполнитель народных песен. Автор ряда оригинальных песенных текстов. Основные произведения: «Стихи и песни» (Нальчик, 1940). Умер в 1945 г.

СОКУРОВ Мусарби Гисович. Кабардинский литературовед, критик. Родился 25 декабря 1929 г. в сел. Арик Терского района КБР. В 1962-1990 гг. работал в Кабардино-Балкарском госуниверситете. Основные произведения: «Наша поэзия за последние 10 лет («Юашхъэмахуэ», 1969, № 1); «Отметина». Стихи (Нальчик, 1979); «Сочинения» (Нальчик, 1995). Умер 19 января 1990 г.

СОНОВ Абдулчарим Кадырович. Кабардинский писатель. Родился в 1942 г. в сел. Верхний Куркужин Баксанского района КБР. Работал главным редактором кабардинской редакции книжного издательства «Эльбрус». Основные произведения: «Любимый напев». Стихи (Нальчик, 1975); «Горячее время». Стихи (1988); «Свет и тень» (2001).

СХАЛЯХО Абубачир Адышесович. Родился 19 апреля 1929 г. в а. Вочепший Теучежского района Адыгейской автономной области. В 1957 г. А.А. Схалыхо окончил филологический факультет Адыгейского госпединститута, в 1968 г защитил кандидатскую диссертацию, а в 1986 г. – докторскую. В 1960-1977 гг. – преподаватель Адыгейского госпединститута, в 1977-1988 гг. – заведующий сектором литературы и фольклора в Адыгейском научно-исследовательском институте, в 1988-1989 гг. – профессор кафедры адыгейской литературы АГПИ, в 1989-1990 гг. – заведующий кафедрой Адыгейского областного института усовершенствования учителей, с 1990 г. до последних дней жизни работал заведующим отделом литературы Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований.

Печатался с 1954 г. За эти годы им созданы на адыгейском языке книги литературно-критических статей: «Адыгэ бзыльфыгъэм иобраз адыгэ литературэм кызыргъэлыгъорэр» («Образ адыгейки в адыгейской литературе», 1963), «Щыгъэпкъэм кыдэхъугъ» («Рожденная новой жизнью», 1970), «Хъэбоньгъэм ильэуанэхэр» («Ступени развития», 1974), «Сатырхэм якъэхъукI» («Рождение строк», 1981), «Шыпкъагъэр шэтапкъэ» («Правда жизни – мера творчества», 1991), «МыкIосэрэ жъуагъохэр» («Немеркнувшие звезды», 1995), одномомник избранных литературно-критических трудов «Лъэпкъ шIэжым иджэныкъу» («Очаг национальной памяти», 1999). На русском языке им выпущена монография «Идейно-художественное становление адыгейской литературы (1930-1980)» – Майкоп, 1998. Научные статьи А.А. Схалыхо публиковались в центральных и местных журналах, в Большой Советской и Краткой Литературной Энциклопедиях. В 1998 г. вышла его книга рассказов и повестей «ЛIыхъужь машIу» («Огненный витязь») на адыгейском языке. А.А. Схалыхо перевел на адыгейский язык поэтические книги для детей С. Баруздина «Кто построил этот дом» («Хэт зышIыгъэр мы унэр», 1954) и Н. Глейзарова «Северный олень» («Темыр шыхь», 1957). Автор учебников и учебных программ по адыгейской литературе.

Награжден медалью «Слава Адыгеи», Почетный гражданин а. Вочепший, г. Адыгейска и Теучежского района. Академик Адыгской Международной академии наук, Заслуженный деятель науки Республика Адыгея. Член Союза писателей России с 1995 г.

СХАПЛОК Гисса Кагирович. Родился 9 мая 1918 г. в а. Пчегатлукай Теучежского района. В 1941 г. окончил Московский государственный институт театрального искусства им. А.В. Луначарского. Участник

Великой Отечественной войны, прошел фронтовой путь от Кавказа до Рейхстага. Награжден тремя орденами Красного знамени и семью медалями. С 1947 по 1949 гг. работал директором Адыгейского государственного ансамбля песни и пляски, с 1950 г. и до конца своей жизни – в редакции областной газеты «Социалистическэ Адыгей», литературным сотрудником, заведующим отделом.

Печатался с 1957 г. Член Союза писателей СССР с 1970 г. На адыгейском языке изданы сборники: «Пьесы» (1967) и «Драмы» (1973), куда вошли пьесы: «Даут», «Песня земли», «Мос Шовгенов», «Именем матери», «Танец смерти», «Шарлотта-Айшет». В 1976 г. вышел сборник пьес под общим названием «Шрамы», в 1978 г. – «Песня земли». Большинство пьес, написанных автором, поставлены на сцене Адыгейского областного драматического театра им. А.С. Пушкина. Позже был издан его роман «Дни войны» (1983, 1993). Г. Схаплок перевел на адыгейский язык ряд популярных песенных текстов советских авторов. Умер в 1982 г.

ТАОВ Борис Хамшетович. Кабардинский поэт. Родился в 1917 г. в сел. Герменчик Урванского района КБР. Учился на литературном факультете Кабардино-Балкарского госпединститута, откуда ушел на фронт. Его стихи собраны в сборнике «Догъагъэ» («Цветём») (Нальчик, 1939). Погиб в 1942 г.

ТЕУНОВ Хачим Исхакович. Кабардинский писатель. Родился 23 апреля 1912 г. в сел. Арик Терского района КБР. Работал в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария»; председателем Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совнаркоме Кабардинской АССР; председателем Правления Союза писателей КБ АССР. Основные произведения: «Аслан» (Нальчик, 1941); «Подари красоту души». Роман, повесть, рассказы (1966); «Избранные произведения» в 2-х томах (Нальчик, 1979-1980). Умер 13 апреля 1983 г.

ТЕУЧЕЖ Хабиб Исмаилович. Родился 20 февраля 1931 г. в а. Ленинохабль Теучежского района Республики Адыгея. В 1964 г. окончил филологический факультет Адыгейского государственного педагогического института. С 1964 по 1989 гг. работал учителем адыгейского языка и литературы в школах Теучежского района. Член Союза писателей России с 1997 г. Его произведения были опубликованы в областной газете «Социалистическэ Адыгей», «Адыгэ макъ», в журнале «Дружба», а также в коллективном сборнике «Не щадившие себя» (1966), в авторских сборниках повестей и рассказов «Шрамы войны» (1970), «Тайна женщины» (1974), «Повесть о молодости» (1990).

ТЕУЧЕЖ Цуг Алиевич. Родился 15 августа 1855 г. в а. Габукай Кубанской области. Уже в детские годы он начинает исполнять и слагать песни, эпиграммы, выражая в них думы и чаяния народа. Однако, в полную силу развернулось творчество Цуга Теучежа после Великого Октября. Задолго до революции Цуг Алиевич сложил песню о знаменитом восстании крестьян Бжедугии, происходившем в 50-х гг. XIX века, которую развернул впоследствии в большую поэму «Восстание бжедугов». В 1935 г. Цуг Теучеж – делегат краевой конференции советских писателей в г. Ростове-на-Дону, где он произносит пламенную речь в стихах «О старой и новой жизни». В январе 1939 г. Советское правительство наградило Ц.А. Теучежа орденом Трудового Красного Знамени. В этом же году он создает две поэмы «На родине» и «Мафоко Урысбий». В 1940 г. в Майкопе вышли на русском языке сочинения Ц.А. Теучежа в одном томе. Умер в 1940 г. В дни 125-летнего юбилея со дня рождения народного поэта в а. Теучежхабль ему был поставлен памятник и открыт литературный музей. Издан поэтический сборник на русском и адыгейском языках «Счастливая доля».

ТЛЕПЦЕРШЕ Халид Гиссович. Родился 1 августа 1938 г. в а. Тахтамукай Тахтамукайского района Республики Адыгея. По окончании средней школы работал литературным сотрудником, заведующим отделом в редакциях газет «Знамя коммунизма» (Тахтамукайский район) и «По ленинскому пути» (Теучежский район). В 1965 г. окончил филологический факультет Адыгейского госпединститута. В 1967-1974 гг. – литературный сотрудник, заместитель ответственного секретаря редакции областной газеты «Советская Адыгея». С 1974 по 1987 гг. работал помощником председателя Адыгейского облисполкома, с 1987 по 1996 гг. – главным редактором Адыгейского республиканского книжного издательства. В настоящее время – доцент кафедры истории отечественной и зарубежной литературы АГУ; ответственный секретарь журнала «Литературная Адыгея». Кандидат филологических наук (1986). Печатается с 1967 г. Автор монографии «На пути к зрелости. Адыгейская повесть: традиции и новаторство» (1991), сборника рассказов «Храбрая лягушка» (1991), сборника новелл «И в шутку и всерьез» (1994), справочника «Словарь литературоведческих терминов, употребляемых в адыгейской литературе» (1994), а также биографического справочника «Писатели Республики Адыгея» (2000). Х. Тлепцерже – Заслуженный работник культуры Республики Адыгея, член Союза журналистов России (1992), член Союза писателей России (1997).

ТЛЕХАС Мугдин Исмаилович. Родился 14 июня 1955 г. в а. Гатлукай Теучежского района Республики Адыгея. В 1978 г. окончил филологический факультет Адыгейского госпединститута. С 1978 г. по настоящее время – учитель Пчегатлукайской средней школы. Отличник народного образования РСФСР, лауреат Всесоюзной премии им. Ленинского комсомола. Печатается с 1975 г. Член Союза писателей России с 1995 г. Автор стихотворных сборников на адыгейском языке: «Начало пути» (1981), «Ореховая роща» (1988), «Путь к звездам» (1992), «Пока жива любовь» (1995); пьес: «Жажда жизни» и «Беспокойное сердце», а также «Книги для чтения по литературе в 7 классе» (в соавторстве с М.Ш. Кунижевым, 1989).

ТЛИФ Халид Калевич. Родился в 1926 г. в а. Тхагапш Шапсугского района Краснодарского края. В апреле 1943 г., когда ему еще не было 17 лет, он был призван на фронт; принимал участие в прорыве «Голу-

бой линии» на Кубани и освобождении Тамани. За мужество и отвагу, проявленные на фронте, удостоен 10 боевых наград. Прослужил в армии до 1954 г. После демобилизации окончил Краснодарский педагогический институт, до пенсии работал учителем истории, русского языка и литературы в школах г. Сочи. Много лет был ответственным секретарем и членом редколлегии газеты «Шапсугия». Печатался с 70-х гг.; его перу принадлежат около 30 очерков, повестей, публицистических статей; был собирателем шапсугского фольклора. Принимал участие в литературном объединении им. Одоевского. Умер 22 июня 1998 г. (Х. Тлиф. Сын гор. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 262 с.).

ТЛЮСТЕН Юсуф Ибрагимович. Родился 25 апреля 1913 г. в а. Шаханчериехабль Кубанской области. Учился в сельхозтехникуме, а с 1932 г. в Московском полиграфическом институте. В 1935-1938 гг. работал заведующим отделом областной газеты «Социалистическэ Адыгей», затем возглавлял сектор фольклора Адыгейского научно-исследовательского института языка литературы и истории. С сентября 1941 г. – в действующей армии – сначала комиссар батальона, затем литработник в дивизионной газете. После войны вновь работал в редакции газеты «Социалистическэ Адыгей», затем в течение 10 лет был ответственным секретарем Адыгейской писательской организации. В разное время избирался делегатом съездов писателей РСФСР и СССР. Печатался с 1935 г. Член Союза писателей СССР с 1939 г. На адыгейском языке изданы рассказы, повести и романы: «Аминет» (1936), «Путь открыт» (1938), «Адыгейские новеллы» (1939), «Свет в горах» (1945), «История одной семьи» (1963), «Ожбанокеры» (1962), «Избранные произведения» (1964), «Девичьи зори» (1971), «Добрый след» (1975), «Сказ о мужестве» (1977), повесть «Так рождалась...» (1979), «Чтоб земля расцветала» (1983), «Подкова счастья» (1988), «Избранные произведения» (в 2-х томах, 1993), «Сказы Шнвчаса» (1995). На русском языке изданы романы «Немеркнувший свет» (1952), «Все началось весной» (1966), «Девичьи зори» (1974), очерки – «Счастье пришло» (1957), «В ауле Ходзь» (1961), «Повесть о Чамокове» (1978), «Избранное» (1998). Автор пьес: «Нальмес» (1939), «Спутники Нафисет» (1956), «Асхад Ожбанокеры» (1961), поставленных на сцене областного драматического театра им. А.С. Пушкина. Под его редакцией вышли адыгейские сказки и сказания, два сборника адыгейских пословиц и поговорок. На родной язык им переведены: «Хаджи Мурат» Л. Толстого, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Кочубей» А. Первенцева, «Молодая гвардия» А. Фадеева (совместно с Д.Г. Костановым). В 1975 г. за сборник очерков «Добрый след» удостоен звания лауреата Премии им. ашуга Цуга Теучежа. Заслуженный работник культуры РФ, народный писатель Республики Адыгея, Почетный гражданин с. Дьяково (Украина) и г. Майкопа. Награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны» II степени, дважды орденом «Знак Почета», медалями. Умер в 1998 г.

ТУБАЕВ Мухамед Мударович. Кабардинский драматург, актер. Родился в 1919 г. в сел. Нижний Курп Терского района КБР. Работал директором Кабардино-Балкарского драматического театра. Участник Великой Отечественной войны. Основные произведения: «Мажид и Марьят». Драма (Нальчик, 1938); «Ротозей». Пьеса (1954); «Пьесы» (Нальчик, 1956). Умер в 1973 г.

ТУГУЗ Дышеч Канович. Родился в 1918 г. в а. Ассоколай Кубанской области. В 1937 г. окончил Адыгейское педагогическое училище. Его первые стихи опубликованы в те годы на страницах областной национальной газеты «Колхоз быракъ» («Колхозное знамя»). Трудовую деятельность начал в Ассоколайской школе. С 1938 г. Д.К. Тугуз работает в областной газете «Социалистическэ Адыгей»; в соавторстве с М. Хуновым перевел на адыгейский язык «Книгу для чтения по естествознанию. Учебное пособие для 3 класса начальной школы». В 1939 г. Д.К. Тугуз был призван на службу в Красную Армию. И здесь он не переставал заниматься творчеством, периодически посылал в г. Майкоп, в родную газету, свои стихи, в том числе стихотворение «Послушай друг», опубликованное в те годы в «Социалистическэ Адыгее». В годы службы в Красной Армии им написана также книга «Арик». В боях за Крым лейтенант Д.К. Тугуз погиб в 1942 г. Спустя четверть века адыгейский читатель познакомился с его произведениями в сборнике «Их оружие и слово были острыми» (Майкоп, 1966).

ТХАГАЗИТОВ Зубер Мухамедович. Кабардинский поэт. Родился 23 сентября 1934 г. в сел. Терек Терского района КБР. Работал в редакции газеты «Советская молодежь», главным редактором журнала «Юащхэмахуэ», председателем Правления Союза писателей КБ АССР. Основные произведения: «Иду в гору» (Нальчик, 1960); «Подарок Серго». Поэма, стихи (1970); «Избранное» в 2-х томах (Нальчик, 1997).

ТХАГАЗИТОВ Юрий Мухамедович. Кабардинский литературовед, критик. Родился 9 апреля 1947 г. в сел. Дейское Терского района КБР. Работал в редакции газеты «Советская молодежь»; в КБНИИ; с февраля 1997 г. – министр культуры КБР. Основные произведения: «Человек, время и пространство» (Черкесск, 1984); «Адыгский роман» (1987); «Эволюция художественного сознания адыгов» (Нальчик, 1996) и др.

ТХАЗЕПЛОВ Хасан Миседович. Кабардинский поэт. Родился 5 мая 1943 г. в сел. Старый Черек Урванского района КБР. В 1994-1998 гг. – председатель Кабардинской писательской организации. Основные произведения: «Третья смена». Стихи (Нальчик, 1971); «Главная дорога». Рассказ («Юащхэмахуэ», 1978, № 2); «Звездный караван». Стихи, поэма (Нальчик, 1997).

ТХАМОКОВ Барасби Гумарович. Кабардинский писатель. Родился в 1940 г. в сел. Чегем Чегемского района КБР. Работал в Кабардино-Балкарской студии телевидения; в настоящее время – зав. отделом Министерства печати и информации КБР. Основные произведения: «Красивые цветы». Рассказы (Нальчик, 1980); «Спокойное слово». Стихи (1994); «Гроздь калины» («Юащхэмахуэ», 1998, № 2).

УДЖУХУ Адыль-Гирей. Родился в 1912 г. в а. Габукай Майкопского уезда Кубанской области. В 1930 г. окончил Адыгейский педагогический техникум, а в 1934 г. – Краснодарский педагогический институт. Работал в школе, затем в аульском Совете: впоследствии – в областной национальной газете, в Адыгейском национальном издательстве. Печатался с 1928 г. в газетах «Гъупчъ-уат» («Серп и молот»), «Колхоз быракъ» («Колхозное знамя»), в альманахе «Тихахахъ» («Наш рост»). Стихотворение А. Уджуху «Завод» стало хрестоматийным и входило во все учебники по адыгейской литературе. С начала Великой Отечественной войны Адыльгирей Уджуху добровольцем ушел на фронт, принял участие в Орловско-Курской битве. Был капитаном, командовал батареей. Погиб в 1943 г.

УДЖУХУ Халид Титуович. Родился в 1916 г. в а. Габукай Майкопского уезда Кубанской области. Рано остался сиротой, воспитывался в детском доме х. Ореховского. С 1929 г. покинул детдом и до 1931 г. был беспризорником, объездил весь Кавказ. В 1932 г. заканчивает ФЗУ при «Адыгнациздате», приобретает рабочую профессию наборщика и поступает на работу в областную типографию. В 1933-1936 гг. учится в Редакционно-издательском техникуме в Москве. Возвратившись в Адыгею, работает в областной национальной газете. Печатался с 1931 г. Первое его стихотворение «Дзэ плъыжь» («Красная Армия») опубликовано в газете «Гъупчъ-уат» («Серп и молот»). За ним последовали другие стихи, очерки, рассказы. В годы учебы в г. Москве работает над повестью «Сэ зэрэшпӀэу хэти ешӀэ» («Все знают, как и я»), отрывок из которой публикует газета «Колхоз быракъ» («Колхозное знамя»). В 1938 г. Адыгнациздат издает сборник Х. Уджуху «Родинэр» («Родина»). Им переведены на адыгейский язык рассказы А.П. Чехова «Медведь», «Налим» и другие. Погиб на фронте весной 1945 г.

УТИЖЕВ Борис Кунеевич. Кабардинский поэт, драматург, языковед. Родился 15 октября 1940 г. в сел. Зарагиж Урванского района КБР. Работал в КБНИИ; с 1991 г. – главный редактор журнала «Ӏуашхъмахуэ». Основные произведения: «Пьесы» (Нальчик, 1983); «Мир – театр». Пьесы (Нальчик, 1998); «Сокровенное» (Нальчик, 2001).

ХАВПАЧЕВ Амирхан Асхадович. Кабардинский поэт. Родился в 1882 г. в сел. Кахун Урванского района КБР. Много внимания уделял сбору и распространению народных песен адыгов; Немало песенных текстов создал сам. Основные произведения: «Стихи и песни» (Нальчик, 1954); «Моя родина». Стихи (1957); «Сочинения». Стихи, рассказы (Нальчик, 1983). Умер в 1973 г.

ХАВПАЧЕВ Хажбекир Хабалович. Кабардинский прозаик, публицист, музыкальный критик. Родился 21 января 1926 г. в сел. Кенже Чегемского района КБР. Работал в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», на республиканском радио, директором Государственной филармонии КБ АССР. Основные произведения: «Звезды счастья». Стихи (Нальчик, 1950); «Что нравится сердцу». Повесть (1965); «Избранное» в 2-х томах (Нальчик, 1996). Умер 11 декабря 2000 г.

ХАЛИШ Сафербий Ахмедович. Родился 9 ноября 1940 г. в а. Натухай Тахтамукайского района Республики Адыгея. В 1965 г. окончил филологический факультет Адыгейского госпединститута. В 1965-1968 гг. работал учителем русского языка и литературы в Ново-Бжегокайской средней школе. С 1968 г. по настоящее время – учитель Отрадененской средней школы Тахтамукайского района. Печатается с 1963 г. Член Союза писателей России с 1997 г. Автор сборников стихов и поэм на адыгейском языке: «Я верю» (1989), «Под мечом» (1990), «Счастливого пути, ласточка!» (1993).

ХАТКОВ Ахмед Джанхотович. Родился 24 сентября 1901 г. в а. Хатажукай Кубанской области. В 1923 г. он выступает со своими первыми стихами в адыгейской газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). Это были первые печатные стихи на родном языке. В 1923-1926 гг. А. Хатов учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, по окончании которого работал заместителем редактора газеты «Адыгейская жизнь», затем в педтехникуме, ответственным редактором облнациздата, в облоно. С марта 1934 г. работал в областном отделении Союза советских писателей Адыгеи. Член Союза писателей СССР с 1934 г., делегат I съезда писателей СССР. Отдельными книгами изданы рассказы и сборники стихов А. Хаткова на адыгейском языке: «Жертва денег» (1927), «Новое» (1930), «Мелодии» (1931), «Часовой» (1935), «Живи человек» (1959), «Стихи» (1967). А. Хатов вошел в адыгейскую литературу как замечательный переводчик великих творений А.С. Пушкина. Им переведены поэмы: «Кавказский пленник», «Цыгане», «Полтава» и другие, которые были изданы в 1937 г. А. Хатов скончался 23 декабря 1937 г. В 1938 г. в г. Ростове-на-Дону вышел его сборник «Мужество» на русском языке. В 1981 г., к 80-летию со дня рождения поэта, Адыгейское книжное издательство выпустило однотомник избранных его произведений «Дай руку» на адыгейском и русском языках.

ХАУПШЕВА (КОЦЕВА) Леля Мацевна. Кабардинская поэтесса. Родилась 10 мая 1929 г. в сел. Сармаково Зольского района КБР. Работала в библиотеке парткабинета Зольского РК КПСС. Основные произведения: «Родник Жаналки». Стихи (Нальчик, 1962); «Дочь Отчизны». Стихи (1985); «Сад не спит». Стихи и поэмы (Нальчик, 1993).

ХАХОВ Сафарби Гидович. Кабардинский прозаик, поэт. Родился 20 мая 1938 г. в сел. Аушигер Черекского района КБР. Работал в редакциях газет «Ленин гъуэгу» и «Адыгэ псалъэ». Основные произведения: «Усэхэр» («Стихи») (Нальчик, 1969); «Осеннее небо». Стихи и поэмы (Нальчик, 1988); «Избранное» (1998).

ХАШХОЖЕВА Раиса Халифовна. Кабардинский литературовед. Родилась 27 сентября 1933 г. в г. Ростове-на-Дону. Работала в КБГУ; с 1976 г. – в КБИГИ. Основные произведения: «Кабардинский фольклор и русские композиторы» («Үаушхъмахуэ», 1962, № 4); «Избранные произведения адыгских просветителей» (Нальчик, 1980); «Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX в. (Нальчик, 1983); «Черкешенки в истории» (1997) и др.

ХУАЖЕВ Махмуд Кадырбечевич. Родился в 1890 г. в а. Джамбечий. Окончил Московскую военную химическую академию; полковник, работал в различных судебных органах Адыгеи, был заведующим областным отделом народного образования, директором Адыгейского НИИ краеведения; директором строящегося Адыгейского консервного комбината. Совместно с Д. Цеем в 1927 г. издал книгу «Мос и Гошевнай Шовгеновы» и в 1929 г. «Общественно-политический адыгейско-русский словарь» под редакцией Л. Троцкого. Его перу также принадлежат «Адыгейские сказания и сказки» (1963), «Адыгейские сказки» (совместно с А.М. Гадагатлем 1969), «Адыгейские пословицы и поговорки» (в соавторстве с Ш.Х. Хутом, 1978). Умер в 1972 г.

ХУНАГОВА Нурет Исхаковна. Родилась 5 июня 1930 г. в а. Джамбечий Красногвардейского района Республики Адыгея. В 1955 г. окончила Майкопское педагогическое училище, а в 1960 г. – Адыгейский госпединститут. С 1961 г. работала в областной газете «Социалистическэ Адыгей», «Адыгэ макъ», где в качестве переводчицы трудилась 30 лет. Печатается с 1951 г. Член Союза писателей России с 1998 г. Автор ряда стихов, поэм и рассказов, опубликованных в областных газетах и журналах, а также сборников стихов «Весенние цветы» (1970) и «Слово лечит» (1992). Песенные тексты Н.И. Хунаговой переложены на музыку композитором У. Тхабисимовым.

ХУНАГОВА Саида Ахмедовна. Родилась 24 июля 1961 г. в а. Джамбечий Красногвардейского района Республики Адыгея. В 1984 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. Член Союза писателей России с 1996 г. Автор ряда стихов, рассказов, пьес, опубликованных периодической печати, а также в сборниках: «Начало» (1985), «Росинка» (1989), «Пути жизни» (1994).

ХУРУМОВ Хусен Хаджимосович. Родился 7 июля 1946 г. в а. Хатажукай Шовгеновского района Республики Адыгея. В 1981 г. окончил Адыгейский государственный педагогический институт. С 1980 г. по настоящее время работает в республиканской газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). литературным сотрудником, заведующим отделом, ныне – ответственным секретарем – заместителем редактора. Заслуженный журналист Республики Адыгея, член Союза журналистов России, член Союза писателей РФ с 1996 г. Печатается с 1965 г. Автор ряда стихов и поэм, опубликованных на адыгейском языке: сборники: «Жди меня» (1977), «Красные сны» (1982), «Мир белых облаков» (1987), «По долгу сердца» (1996), а также повесть «Звезда, упавшая на рассвете». На русском языке опубликована подборка стихов в сборнике «Голоса Оштена» (1989).

ЦАГОВ Нури Айтекович. Кабардинский публицист, общественный деятель, один из основателей Баксанского просветительского центра. Родился в 1883 г. в Турции. Вернувшись в 1913 г. на родину, продолжал начатую в Турции просветительскую деятельность. Опубликованы книги: «Похвала госпоже Хайшат» (1917); «История мусульман» (1918); «Адыгская история» (1918) и др. Умер в 1936 г.

ЦЕЙ Ибрагим Салехович. Родился 11 января 1890 г. в а. Шенджий Екатеринодарского отдела Кубанской области (ныне Тахтамукайский район Республики Адыгея). После Октябрьской революции, с 1920 г. и до конца жизни И.С. Цей принимал участие в строительстве новой жизни. Работал заведующим земельным отделом Адыгейского облисполкома, председателем Президиума Коллегии защитников, секретарем Ассоциации адыгейских пролетарских писателей (ААПП), заведующим отделом искусства Адыгейского облисполкома. Печатался с 1912 г. Первые рассказы «Горе-интеллигент» (1913), «Автомобиль» (1914) были опубликованы в «Мусульманской газете», выходившей в Петербурге; рассказы «Обездоленные», «В сумерках», «Ржавчина» и другие – в газете «Майкопское эхо» (1915). В советское время И.С. Цеем опубликованы: пьесы «Кочас», «Фэмый», повесть «Одинокый», «Басни», рассказы «Мулла Ибрагим», «По заветам старины», «Фатмэм игушҮагъу» («Фатимино счастье»). Писал он и произведения для детей. В 1935 г. в г. Краснодаре отдельной книжкой вышла его поэма «Заячья тризна». Перевел на адыгейский язык произведения Корнея Чуковского «Муха-цокотуха», «Мойдодыр» (1935), Самуила Маршака «Война с Днепром» (1934), Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена» (1935), произведения Д. Бедного, Н. Островского, А. Безыменского. Умер в 1936 г. Много позже избранные произведения И.С. Цей были опубликованы в Адыгейском книжном издательстве (1965, 1990).

ЧАМОКОВ Туркубий Нухович. Родился 29 января 1941 г. в а. Кабехабль Шовгеновского района Республики Адыгея. В 1963 г. окончил филологический факультет Адыгейского государственного педагогического института. С 1963 по 1966 гг. Т. Чамоков – аспирант Воронежского государственного пединститута, в 1967 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата, а в 1989 г. – доктора филологических наук. С 1966 г. работает в Адыгейском госпединституте: старшим преподавателем, доцентом, профессором кафедры русской и зарубежной литературы, профессором русской филологии (факультет национальной школы) Адыгейского государственного университета. В настоящее время – декан факультета национальной школы АГУ. Печатается с 1959 г. Член Союза писателей России с 1989 г. Т.Н. Чамоков – автор поэтического сборника на адыгейском языке «Жьогъохэчъ» («Звездопад», 1967). В 1976 г. в московском издательстве «Совре-

менник» вышел сборник его литературно-критических статей «В созвездии сияющего братства», а в 1986 г. в г. Нальчике – книга литературно-критических статей «В ритме эпохи». На адыгейском языке им изданы: сборник статей «ГъогукIэхэм яушэтын» («Поиски новых путей», 1979), сборник литературно-критических статей, творческих портретов и этюдов «Цыфыгъэм фэбэнэрэ псалъэр» (На страже гуманности, 1992). Литературно-критические статьи и творческие портреты Т. Чамокова публиковались в журналах «Дон», «Ошхамахо» («Эльбрус»), «Наш современник», «Дружба народов», «Литературная Грузия».

ЧУЯКО Джафар Базрукович. Родился 27 июля 1924 г. в а. Гатлукай Теучежского района Адыгейской автономной области. Работал учителем школы, фининспектором, заведующим отделом школ и пионеров Понежукайского райкома ВЛКСМ. С 1948 по 1981 гг. до ухода на пенсию трудился в областной газете «Социалистическэ Адыгей». Печатается с 1948 г. На адыгейском языке Д.Б. Чуяко издал одноактные пьесы и сборники стихов: «Iэшхъэтет нэпцI» («Фальшивый руководитель», 1956), «Шхъэр нэкIымэ» («Пустоголовый», 1963), «Сыина сыцIыкIуа?» («Большой я или маленький?», 1968), «Тихъэблэ кIалэхэр» («Соседские ребята», 1993); художественно-документальные повести: «Мыжбор зыщыстырэм» («Где камни горят», 1972), «Гвардейцэм исэшху» («Сабля гвардейца», 1976), «Корпусым ипарламентер» («Парламентер корпуса», 1984). На русском языке в г. Москве и г. Краснодаре вышли сборники стихов и поэм для детей: «Возвращение» (1963), «Хитрый Мос» (1968), «Большое гнездо» (1970), «Я не трус» (1971), «Дедушкина внучка» (1977), «Подарок ко дню рождения» (1980), «Земля предков» (1982), «Зоркий глаз у маяка» (1986), «Новый мяч» (1987), «Новый дом» (1990), «В долине чудес» (1976). Эта же книга вышла на эстонском языке. Поэт перевел на адыгейский язык «Дикие лебеди», «Сказки» Андерсена. Отдельные стихи поэта переложены на музыку. Лауреат журналистской премии Хусена Андрухаева, член Союза журналистов Российской Федерации, член Союза писателей России с 1998 г.

ЧУЯКО Юнус Гарунович. Родился 27 июля 1940 г. в а. Гатлукай Теучежского района. В 1958 г. поступил в Адыгейское педагогическое училище, затем окончил Ростовский государственный университет, отделение журналистики. С 1970 г. работал собственным корреспондентом в областной газете «Социалистическэ Адыгей», редактором общественно-политических передач Комитета по телевидению и радиовещанию Адыгейского облисполкома, затем заведующим отделом областной газеты «Социалистическэ Адыгей». С 1986 по 1990 гг. возглавлял литературно-художественный и общественно-политический журнал «Дружба». Печатается с 1961 г. Член Союза писателей СССР с 1980 г. Вышли на адыгейском языке: в коллективном сборнике «Мелодия далеких гор» (1975) – цикл рассказов, повести «Чужая боль» (1978), «Возвращение всадников» (1983); сборники «Кольцо не спадает с руки, или История одной любви» (1985), «Млечный путь» (1990), «Чужая боль» (1994); роман «Красный дом» (1991). Его рассказы опубликованы на русском языке в журнале «Смена», альманахе «Истоки», газете «Литературная Россия». Отдельные рассказы переведены на языки народов СССР. Ю.Г. Чуяко – участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей.

ШАЗЗО Казбек Гиссович. Родился 18 февраля 1939 г. в а. Казанукай Теучежского района Республики Адыгея. После окончания в 1964 г. филологического факультета Адыгейского госпединститута работал завучем в Казанукайской средней школе, в 1969 г. стал кандидатом, а в 1979 г. – доктором филологических наук. С 1969 г. К. Шаззо работал в Адыгейском госпединституте: старшим преподавателем, доцентом, профессором кафедры русской и зарубежной литературы, а с 1982 г. до последних дней жизни – заведующим кафедрой отечественной и зарубежной литературы Адыгейского государственного университета. Печатается с 1961 г. Член Союза писателей России с 1982 г. На адыгейском языке им изданы книги критических и литературоведческих работ: «Уахътэм иджэмакъ» («По зову времени», 1974), «Псэ зыпыт гушцIэхэр» («Живое слово», 1982), «Шыпкэныгъэм игъогухэр» («Дорогами правды», 1989); на русском языке: «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгейских литературах» (1978), «Ступени» и «Живое слово», посвященные жизни и творчеству Исхака Машбаша (1991). Совместно с З.М. Чич издана хрестоматия по адыгейской литературе для 11 класса (1994). Отдельные критические и научные статьи К. Шаззо опубликованы в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Дружба народов», «Дон», в «Литературной России», в коллективном сборнике «Молодые о молодых». К. Шаззо в 1985 г. опубликовал повесть «Теплый снег», по его комедии «Шьозэбэн» («Переполюх») национальным театром в 1990 г. осуществлена одноименная постановка. Адыгейским театром поставлены трагедии Шекспира «Отелло» и «Король Лир» в переводе К.Г. Шаззо.

ШАКОВ Таусултан Исхакович. Кабардинский прозаик, поэт. Родился в 1890 г. в сел. Чегем I Чегемского района КБР. Работал в редакциях газет «Красная Кабарда» и «Ленин гъуэгу», позже был отозван в Каббалкнаиздат. Основные произведения: «Всюду с нами» (Нальчик, 1958); «Маленький Алий». Повесть (1960); «Марят и Хатау» («Iуашхъэмахуэ», 2000, № 3). Умер в 1972 г.

ШАОВ Калидар Гисович. Кабардинский писатель. Родился 26 февраля 1940 г. в сел. Камлюково Зольского района КБР. Работал в редакции районной газеты «Коммунистическое слово», а также в ряде республиканских газет. Предложил свой вариант кабардино-черкесского алфавита, опубликованный в газете «Кабардино-Балкарская правда» (1991, 21 июня). Основные произведения: ««Жаворонок». Сборник рассказов (Нальчик, 1975); «Афоризмы – крылья языка» (Нальчик, 1992); «Пословицы и поговорки» (1998). Умер 5 декабря 1998 г.

ШЕВЛОКОВ Петр Жабагиевич. «Писатель и жизнь». Сборник литературно-критических статей (Нальчик, 1978); «Правда жизни». Сборник литературно-критических статей (Нальчик, (1982); «Литературно-критические труды» (1997). Умер в 1998 г.

ШЕКИХАЧЕВ Пшикан Дзадзуевич. Кабардинский поэт, драматург. Родился в 1889 г. в сел. Аргудан Урванского района КБР. Работал в Совпартшколе и в Кабардинском педагогическом институте. Основные произведения: «Паук и муха». Стихи в сборнике «Северный Кавказ» (Ростов-на-Дону, 1933); Остальные его произведения собраны в сборнике: «Япэу лъэбакъуэ зычэхэр» («Сделавшие первый шаг») (Сост. Е.Машитлова. Нальчик, 1968). Умер 14 января 1939 г.

ШЕКИХАЧЕВ Хамиша Труевич. Кабардинский прозаик, драматург. Родился 18 марта 1932 г. в сел. Урожайное Терского района КБР. Работал в редакциях газет «Во славу Родины», «Советская молодежь», «Заря коммунизма», «Ленин гъуэгугу»; редактором книжного издательства «Эльбрус». Основные произведения: «С добрым утром. Терек!». Повести и рассказы (Нальчик, 1975); «Мазиза». Повесть и рассказы (1989); «Все остается в памяти». Роман (1994). Умер 23 июля 1999 г.

ШЕРИЕВ Азрум Муридович. Кабардинский драматург, актер. Родился в 1914 г. в сел. Верхний Курп Терского района КБР. Работал в Кабардинском драматическом театре. Основные произведения: «Канамат и Касбулат». Героическая драма (Нальчик, 1959). Перевел на кабардинский язык пьесы: «Хлеб наш насущный», «Укрощение строптивой», «Сказка о золотом петушке» и др. Умер в 1970 г.

ШЕУДЖЕН Аюб Ибрагимович. Родился в 1904 г. в а. Ассоколай Майкопского уезда Кубанской области. Окончил исторический факультет Майкопского учительского института и юридический факультет Ростовского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны (август 1941 – май 1945 гг.), демобилизовался в звании гвардии подполковника. За мужество и стойкость, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, награжден орденами «Красного Знамени», «Красной Звезды», «Отечественной войны» I и II степени, а также многочисленными медалями. Автор книг: «Мос Шовгенов», «Не забудьте!», «Псекупское подполье» и ряда других.

ШЕУДЖЕН Мерем Хазретовна. Родилась 8 марта 1955 г. в а. Эдепсукай-I. Окончила отделение поэзии Литературного института им. А.М. Горького Союза писателей СССР в г. Москве (1980). Ряд стихотворений опубликован в районных и областных газетах («Знамя коммунизма», «Адыгейская правда»), в альманахах «Дружба» (г. Майкоп), стихотворных сборниках «Истоки» (г. Москва), «Звезда» (г. Ростов-на-Дону), «Проба» (г. Махачкала) и авторских сборниках: «Наша улица» («Вестник КНЦ АМАН», г. Краснодар) и «Цветные камешки» (Майкоп, 1997). Большинство ее произведений проникнуто тонким лиризмом, любовью к своим близким, к природе родного края. Вот, например, несколько строк из ее стихотворения «Для меня еще не весна»:

К солнцу я протягиваю руки,
Но не согреваются они.
И пока вдали мы друг от друга,
Нету для меня еще весны...

Или еще одно из ее ранних стихотворений:

Птицы звонче поют. Эхо тает.
Сохнут росы на челке травы,
Но никто даже не замечает,
Что согрета я тайной Любви...

ШОМАХОВ Амирхан Камизович. Кабардинский писатель. Родился 10 октября 1910 г. в сел. Нижний Курп Терского района КБР. Работал директором Кабардинского книжного издательства (с 1946 г.), министром просвещения республики (с 1949 г.), главным редактором журнала «Гуашхэмахуэ» (с 1957 г.), ответственным секретарем Союза писателей КБ АССР. Основные произведения: «Стихи для детей» (Нальчик, 1949); «Озорник». Стихи и поэмы (1958); «Цокот копыт». Стихи (1986). Умер 13 июня 1988 г.

ШОРТАНОВ Аскерби Тахирович. Кабардинский писатель, драматург. Родился в 1916 г. в сел. Лескен Лескенского района КБР. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы поступил на работу в Кабардино-Балкарский НИИ, где проработал до последних дней своей жизни. Основные произведения: «Театральное искусство Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1961); «Адыгская мифология» (1982); «Адыгские культы» (1992). Умер 24 декабря 1985 г.

ШХАГАПСОВЕВ Магомед Мажидович. Кабардинский драматург, актер. Родился 23 февраля 1915 г. в сел. Псыгансу Урванского района КБР. Работал в Кабардинском драматическом театре. Основные произведения: «Семья Тамашы». Пьеса (Нальчик, 1949); «Три сестры». Пьеса (1950), а также ряд других произведений в архиве автора. Умер 24 мая 1982 г.

ЭЛЬБЕРДОВ Хасан Увжукович. Кабардинский писатель. Родился в 1886 г. в сел. Кишпек Баксанского района КБР. Работал в школах, а также в Кабардинском НИИ заведующим сектором кабардинского языка. Основные произведения: «Книга для чтения для 2-го класса» (Нальчик, 1928); «Учебник кабардинского языка» (1938); «Родной язык для чтения. 4-й класс» (1950) и др. Умер в 1967 г.

ЭЛЬГАРОВ Кашиф Мисостович. Кабардинский поэт, прозаик. Родился 10 октября 1935 г. в сел. Шалушка Чегемского района КБР. С 1977 г. работал ответственным секретарем журнала «Юащхэмахуэ». Основные произведения: «С восходом солнца». Стихи (Нальчик, 1958); «Под сенью леса». Рассказы, повести (1969); «Язык любви». Повесть и рассказы (Нальчик, 1999).

ЭЛЬМЕСОВ Аульдин Матуевич. Кабардинский писатель. Родился 21 декабря 1932 г. в сел. Кызбурун Баксанского района КБР. Работал в Кабардино-Балкарском госуниверситете. Основные произведения: «Мазаго и Шунах». Рассказы для детей (Нальчик, 1974); «Мужество и человечность – близнецы». Повести и рассказы (1990); «Старик и мерин». Повести, рассказы, публицистика (Нальчик, 1996). Умер 17 июня 1997 г.

ЭЛЬМЕСОВ Хажбий Цикурашевич. Кабардинский поэт, драматург. Родился 25 октября 1911 г. в сел. Исламей Баксанского района КБР. Работал литсотрудником Баксанской районной газеты «Свет коммунизма». Автор одной из первых пьес в кабардинской драматургии, написанной в стихотворной форме – «Жамбот» (1939). Его основные произведения собраны в сборнике: «Япэу лъэбакъуэ зычахэр» («Сделавшие первый шаг») (Сост. Е.Машитлова. Нальчик, 1968). Умер в 1997 г.

ЯХУТЛЬ Сафер Махмудович. Родился 7 ноября 1914 г. в а. Понежукай Майкопского уезда Кубанской области. В 1933 г. окончил Адыгейский сельскохозяйственный техникум. С 1936 г. С.М. Яхутль на комсомольской, а затем на судебно-прокурорской работе. С 1947 г. работал заведующим отделом общественно-политической литературы Адыгейского книжного издательства, затем в Адыгейском комитете по радиовещанию на должностях ответственного редактора, начальника областного комитета по радиовещанию при облисполкоме. В 1959-1964 гг. работал редактором Адыгейского книжного издательства. Заслуги С.М. Яхутля были отмечены правительственными наградами. Печатался с 1938 г. Член Союза писателей СССР с 1963 г. Первая книга стихов «Родине» вышла на русском языке в Майкопе в 1940 г. С. Яхутль – автор сборников стихотворений и поэм на адыгейском языке: «Я буду петь» (1962), «Избранное» (1964), «Стихи» (1968), «Стремнина» (1973), «Моя крылатая Пчас» (1974) «Эхо» (1978). На русском языке изданы сборники: «Стихи» (1945, 1948), «Всем сердцем» (1957), «С тобою, товарищ» (1963), «Твоими устами» (1966). Многие стихи поэта переложены на музыку. Умер 9 августа 1977 г.

При подготовке данного перечня использованы следующие источники: «Известные люди...» (1997); «Писатели Адыгеи...» (2000); «Писатели Кабардино-Балкарии...» (2003); «Страницы жизни» (Шеуджен А.Х., 2022).

5. НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АДЫГЕИ: «СТРЕМЛЕНИЕ К ЗНАНИЮ ЕСТЬ СВЯЩЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ КАЖДОГО МУСУЛЬМАНИНА»

5.1. «Нарождение новой, народной интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране»

Стремление к знанию есть священная обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки.

Надпись XIV в., вырезанная над входом в медресе г. Бухары.

С установлением советской власти в Адыгее появилась своя национальная интеллигенция, были подготовлены кадры, способные руководить всеми отраслями хозяйственной и культурной деятельности. «Я думаю, что *нарождение этой новой, народной социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране*», – говорил тов. Сталин. В ходе культурного строительства Адыгея в короткий срок обрела свою письменность, ликвидировала сплошную неграмотность среди населения, создала широкую сеть школ и учреждений культуры, национальную печать, науку, литературу и искусство. В мае 1925 г. в Краснодаре был открыт Адыгейский педагогический техникум – первое профессиональное учебное заведение Адыгеи, позже оно было преобразовано в Адыгейское педагогическое училище им. Х. Андрухаева. Его выпускниками являлись Герои Советского Союза: Х. Андрухаев, А. Ачмизов, Д. Нехай, К. Бжегаков.

Важным событием в культурной жизни Адыгеи явилось учреждение в 1929 г. Адыгейского научно-исследовательского института краеведения (с 1934 г. – Институт культурного строительства; позже – Адыгейский НИИ экономики, этнографии, истории, литературы и языка, ныне Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований). Первым директором первого НИИ в Адыгее был Махмуд Карабатырович Хуажев, ученым секретарем – Даут Алиевич Ашхамаф, членом правления – Тембот Магомедович Керашев. Только в течение первой пятилетки институт издал несколько десятков научных трудов, подготовил к изданию 12 работ. Также были открыты специальные средние учебные заведения, подготовившие в предвоенные годы 1325 специалистов сельского хозяйства. В 30-х гг. в области появились первые адыгейцы с научными степенями. Так, газеты сообщили, что 15 января 1934 г. было присвоено ученое звание доцента Ю.К. Намитокову (биология), Д.А. Ашхамафу (языкознание), Т.М. Керашеву (литература). Как отмечает профессор М.Б. Беджанов, благодарный адыгейский народ никогда не забудет ту огромную роль, которую сыграли вузы и научные учреждения, деятели науки и культуры Краснодара, Ростова-на-Дону, Москвы, Тбилиси, Санкт-

Петербурга и других городов в подготовке национальных кадров по самым различным направлениям. 30-е гг. XX столетия – время расцвета национальной адыгейской культуры. В 1933 г. – открывается Адыгейское театральное училище, в 1937 г. – Адыгейский колхозный театр, и Адыгейский ансамбль песни и пляски, а перед самой войной – Адыгейский областной драматический театр. В это время в области было открыто 200 домов культуры и клубов, 300 библиотек (напомним, что до 1917 г. практически все адыги были неграмотными).

5.2. Наши дни: центры научной мысли в Адыгее

Шэныгъэр нэфын, мышэныгъэр мэзахэ – «Знание – свет, незнание – сумерки».

Адыгская пословица.

В послевоенный период центрами научной мысли становится, кроме АНИИ, Адыгейский государственный педагогический институт (ныне – университет). В настоящее время на 11 факультетах университета учатся 5000 студентов 17-ти национальностей; учебный процесс обеспечивают 700 преподавателей, в том числе более 20 докторов и 150 кандидатов наук.

В настоящее время образование в Республике Адыгея представлено профессорско-преподавательским персоналом, учеными, работающими в рамках высших и средних учебных заведений, таких, как Адыгейский республиканский исследовательский институт в Майкопе (АРИГИ), Учебный центр МВД Республики Адыгея в ст. Ханской и др. (Шахназарян Н., 2008). Научные исследования ведут также Северо-Кавказская лесная опытная станция Кавказского филиала ВНИИМЛ, Майкопская опытная станция ВНИИ растениеводства, Кавказский государственный биосферный заповедник, Адыгейский НИИ сельского хозяйства (Адыгейская областная государственная сельскохозяйственная опытная станция). В 1993 г. открыт новый вуз – Майкопский технологический институт (ныне – Майкопский государственный технологический университет с филиалом в пос. Яблоновском), первым ректором которого был академик А.К. Тхакушинов.

В республике создан Адыгейский научный центр Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук; есть в республике и филиал НИИ национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации.

Среди адыгов есть академик Российской академии наук (А.Х. Шеуджен), академик Российской академии образования (А.К. Тхакушинов); член-корреспондент Российской академии наук (Р.И. Шаззо), член-корреспондент Российской академии образования (Я.К. Коблев).

Немалый вклад в историческую науку, решение проблем межнациональных отношений, стабилизацию обстановки на Кавказе внесли и вносят такие ученые и общественные деятели, как доктора исторических наук М.Г. Аутлев, М.Б. Беджанов, А.Ш. Бузаров, Б.М. Джимов, Д.Х. Мекулов, М.А. Меретуков, Г.В. Смыр, А.С. Схакумидов, З.Ю. Хуако, К.К. Хутыз, М.Х. Шебзухов, П.А. Шевоцуков, Б.И. Шекультиров, Э.А. Шеуджен, Д.А. Напсо, А.Ю. Чирг, С.Х. Хотко, С.Г. Кудаева, К.Г. Ачмиз, Р.С. Кандор, А.Д. Панеш, Л.Р. Хут, А.К. Чеучева, Н.А. Почешхов.

Развитию философской мысли, решению актуальных общественно-политических проблем современности посвящены работы докторов философских наук: М.Н. Афасижева, Х.М. Казанова, П.М. Хакуза, К.Х. Делокарова, Р.А. Ханаху, А.Ю. Шадже, А.К. Ячикова, С.Р. Ляушева, Ф.К. Тугуза, А.Х. Тлеужа, Аск.Аб. Шаова, Асф.Аск. Шаова; докторов юридических наук: Г.М. Меретукова, М.А. Тхакушинова, А.М. Шадже, А.И. Трахова, М.Х. Хутыза; докторов социологических наук: Т.И. Афасижева, А.К. Тхакушинова, А.А. Хагурова, Р.Д. Хунагова, В.Н. Нехая; докторов политических наук А.Т. Керашева, З.А. Жаде.

Широко известны не только в Адыгее, но и далеко за ее пределами работы ученых в области филологии и языкознания – докторов филологических наук: А.М. Гадагатля – писателя и поэта, первого собирателя и интерпретатора адыгского эпоса «Нартхэр», З.У. Блягоза, К.И. Бузарова, Н.Т. Гишева, У.С. Зекхоа, З.И. Керашевой, Р.Ю. Намитоковой, Ю.В. Очерета, У.М. Панеша, А.А. Схалыха, Ю.А. Тхаркахо, Ш.Х. Хута, Т.Н. Чамокова, К.Г. Шаззо, Р.Г. Мамя, К.Х. Меретукова, Т.С. Непшекуевой, М.Н. Хачемизовой, К.Д. Чермита, Н.М. Шикова, С.Р. Тлехатук, А.Н. Абрегова, С.К. Бедановой, З.К. Бедановой, Ф.Б. Бешуковой, Х.З. Багировой, К.Н. Паранук, Р.Б. Унароковой, З.Р. Хачмаховой, Л.Г. Паранук, С.А. Ляушевой, Н.М. Чуяковой, А.С. Куека, С.Х. Анчек, Б.М. Берсирова.

Немалый вклад в педагогическую науку, в развитие и совершенствование народного образования республики внесли и вносят доктора педагогических наук Я.К. Коблев – член-корреспондент Российской академии образования, основатель отечественной школы самбо, воспитавший десятки чемпионов мира, Европы и Олимпийских игр; К.И. Бузаров, З.К. Меретукова, В.Г. Мозгот, Н.Х. Хакунов, Ю.Т. Черкесов, К.Д. Чермит, И.А. Шоров, М.Х. Шхапацева, Ф.П. Хакунова, М.Б. Богус, Б.М. Джандар, М.Э. Паатова, Ф.К. Уракова, Ф.П. Хакунов, Л.Н. Кубашинцева, И.А. Шоров, С.М. Ахметов.

Актуальным экономическим проблемам развития народно-хозяйственного комплекса Адыгеи и Кубани посвящены исследования докторов экономических наук А.А. Апишева, А.А. Джаримова, Н.Х. Джаримова, М.А. Керашева, А.И. Куева, С.К. Куижевой, М.К. Беданова, Ю.Х. Гукетлева, А.К. Доргушаова, З.А. Хузыз, Э.К. Тхакушинова, А.А. Тамова, А.Ш. Хуажева, А.А. Керашева, М.С. Тлехурай-Берзегова, М.С. Напсо, З.М. Хашевой.

Выпускники агрономического факультета Кубанского СХИ из Адыгеи, 1977 г.

1-й ряд: Борис Ситимов, Касим Дышеков, Шихам Калакуток, Гумер Кохужев;
2- ряд: Асхад Шеуджен, Алий Барчо, Шабан Ачмиз, Аминет Ашинова, Кемал Уджухо, Аслан Ашхамафов, Чамальбин Собцоков, Руслан Калакуток.

Большой вклад в научное обеспечение сельскохозяйственного производства на Кубани внесли и вносят: доктора сельскохозяйственных наук Н.А. Тхагушев, П.К. Ажигоев, Р.А. Гиш, Р.К. Тугуз, М.Х. Туов, А.Ч. Уджуху, Х.Д. Хурум, Н.И. Мамсиров; доктора биологических наук Ю.Н. Ашинов, А.Х. Шеуджен, А.Д. Цикуниб, А.Р. Тугуз, А.А. Псеунок, Э.А. Сиротюк; доктора технических наук А.А. Схалыхов, Х.Р. Сиухов, З.А. Меретуков, З.Н. Хатко, Р.И. Шаззо, А.Ю. Шаззо, Х.М. Совмен, З.К. Емтыль.

Немалый вклад в развитие отечественной медицины и здравоохранения внесли доктора медицинских наук А.Х. Агиров, А.И. Афаунов, К.И. Бжасо, Ю.Ю. Даутов, А.Х. Каде, А.М. Катханов, С.Н. Мамишев, О.К. Федорович, Х.Х. Ханий.

Широко за пределами Республики Адыгея известны научные труды докторов физико-математических наук В.Б. Тлячева, М.М. Шумафова, Д.К. Мамия.

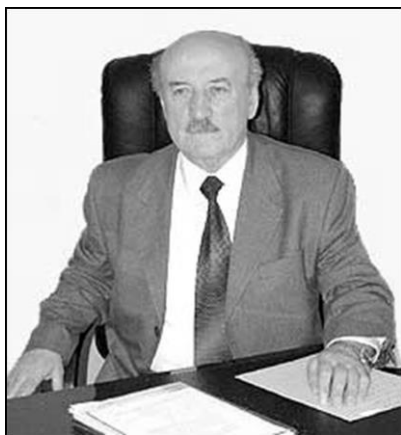
5.3. Адыгская (Черкесская) Международная академия наук

23 августа 1992 г. впервые в истории адыгов учреждена Адыгская (Черкесская) Международная академия наук. Адыгский народ столетиями шел к этому дню, непрерывно накапливая свой интеллектуальный и духовный потенциал... Желаю вам дальнейших научных и творческих достижений на благо нашего народа!

А.М. Нахушев, президент АМАН

...Начало 90-х гг. XX столетия. Распад СССР. Цепная реакция деструктивных процессов волной захлестнула территорию ушедшей в прошлое великой державы. Рвутся годами сформированные связи между бывшими союзными республиками, научными организациями, научными школами. Практически прекратилось финансирование фундаментальной науки. Многие научные работники уходят в бизнес, а увлеченные, бесконечно преданные своему делу ученые оказываются в изоляции. В этой невероятно напряженной политической и социально-экономической обстановке 23 августа 1992 г., по инициативе известного в стране и далеко за ее пределами ученого-математика А.М. Нахушева, создается новая международная самоуправляемая организация, объединяющая ученых разных стран мира – Адыгская (Черкесская) Международная Академия наук (АМАН). Прошедшие десятилетия стали временем становления АМАН и превращения ее в авторитетное научное сообщество, в котором в настоящее время состоят свыше 300 выдающихся деятелей науки, образования и культуры, проживающих в республиках Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Дагестан, Адыгея, Абхазия, Северная Осетия-Алания, в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в десятках стран ближнего и дальнего зарубежья, включая Турцию, Иорданию, Сирию, Египет и США. Организатором и первым президентом академии стал Нахушев Адам Маремович.

Адам Маремович Нахушев – доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Родился 6 декабря 1938 г. в с. Заюково Кабардино-Балкарии. В 1961 г. окончил Кабардино-Балкарский госуниверситет по специальности «математика». Окончил аспирантуру в Институте математики Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1966 г. после защиты кандидатской диссертации был зачислен старшим научным сотрудником ИМ СО АН СССР, где в 1971 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную математическим проблемам трансзвуковой механики и аэродинамики. Автор

Нахушев Адам Маремович

более 350 научных работ. Его учениками являются более 10 докторов и более 40 кандидатов физико-математических наук. Награжден орденами Дружбы, Почета и медалями. Умер 27 декабря 2018 г.

Главной целью работы Адыгской (Черкесской) Международной академии наук является координация научных исследований ученых черкесов (адыгов), проживающих в Российской Федерации и других странах мира, а также выработка перспективных направлений развития науки, способствующих созданию наиболее благоприятных условий для жителей Северного Кавказа. Основные цели АМАН следующие:

- всемерное содействие развитию науки;
- творческое сотрудничество – синергетическое взаимодействие ученых различных специальностей для решения социально значимых, требующих системного подхода проблем;
- координация, интеграция научных исследований, возрождение интеллектуальной культуры адыгов;
- разработка научно обоснованной концепции возрождения и развития адыгских традиций, обычаев, культурных и духовных ценностей,

способствующих научно-техническому прогрессу, расцвету искусства, просвещению общества, гармонизации межнациональных отношений;

- содействие интеллектуальному и творческому росту адыгской молодежи, развитие ее культуры, выявление и поддержка талантливых исследователей и деятелей искусства;
- подготовка кадров высшей квалификации в области науки и искусства.

Структура академии в настоящее время включает в себя 8 отделений: 1) математических наук и нанотехнологий; 2) физических наук; 3) энергетики, машиностроения, механики и процессов управления; 4) химии и наук о материалах; 5) медико-биологических наук; 6) наук о Земле; 7) общественных наук; 8) историко-филологических наук.

В Адыгскую (Черкесскую) Международную Академию наук входят 5 научных центров. Зарубежные отделения АМАН созданы в Республике Абхазия, Иорданском Хашимитском королевстве, Израиле, в ближайшие годы планируется открытие в Турции, Сирии, США. Зарубежные члены АМАН (в общей сложности 37 чел.) за последние годы проявляют особую активность в научной и творческой деятельности. Благодаря им Европа, Ближний Восток, Малая Азия и Северная Африка узнали много нового о черкесах, разбросанных по всему миру. В Российской Федерации в состав академии входят Адыгейский, Карачаево-Черкесский, Московский, Ставропольский и Краснодарский научные центры, Черноморский филиал Краснодарского центра, а также Абхазское отделение.

Большой вклад в организацию работы АМАН внесли Л.А. Бекизова, М.М. Хафице, Д.Х. Мекулов, Э.М. Трахов, Б.М. Берсиров, У.Е. Умар, А.А. Лиев, А.А. Тлеуж и многие другие.

5.4. Общественные организации в Республике Адыгея

Общественное движение адыгов Республики Адыгея в основном представлено такими организациями, как «Черкесский конгресс» и «Адыгэ Хасэ». Коллективным членом Центра национальных культур является Краснодарская краевая общественная организация «Центр адыгской культуры», основанная в 2000 г. Некоторое представление о широте охвата общественными организациями практически всех сторон общественно-политической и культурной жизни Республики Адыгея можно получить из следующего перечня (Шахназарян Н., 2008):

- Совет старейшин при президенте Республики Адыгея;
- Майкопский отдел Кубанского казачьего войска;
- Адыгейская республиканская организация греков «Арго»;
- Адыгейское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Союз армян Адыгеи»;
- Адыгейская республиканская организация российских немцев «Видергербурт» («Возрождение»);
- Адыгейская республиканская общественная организация «Татарское культурно-просветительское общество «Дуслык»;
- Совет Адыгейской республиканской общественной организации «Лига мира»;
- Общественная организация «Союз женщин Республики Адыгея»;
- Адыгейский республиканский координационный совет ветеранов Афганистана и других боевых действий;
- Адыгейская общественная организация «Азербайджанское культурно-просветительское общество «Даяг» («Опора»);
- Адыгейское республиканское территориальное объединение организации профсоюзов Республики Адыгея;
- Общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Республики Адыгея;

- Адыгейская общественная организация РОСТО;
- Адыгейское республиканское общественное движение «Отчизна»;
- Адыгейская республиканская организация общества «Знание»;
- Общественное движение «Адыгэ Хасэ Республики Адыгея»;
- Общественное движение «Адыгэ Хасэ причерноморских шапсугов»;
- Адыгейское республиканское отделение Всероссийской общественной организации инвалидов «Чернобылец»;
- Адыгейская республиканская организация Общероссийской общественной организации инвалидов «Союз «Чернобыль»;
- Общественная организация «Союз инвалидов Чернобыля» Республики Адыгея;
- Адыгейская республиканская организация Общероссийской общественной организации Всероссийского общества инвалидов;
- Черкесский конгресс.
- Общественная организация «Центр адыгской культуры», основанная в 2000 г. (

5.6. «Черкесское зарубежье»: ученые, писатели, публицисты – потомки адыгских махаджиров*

Ученый без трудов – что дерево без плодов.

Саади (1210-1292).

Уровень культуры человека прямо пропорционален его трудолюбию.

М.Г. Аутлев (1999).

АМДЖА (АМКІЭ) Хасан (1884–1961). Турецкий журналист и писатель. Убых. Рано лишился отца. Окончил лицей в Стамбуле. Из-за болезни оставил учебу в военно-медицинском училище. После младотурецкой революции примкнул к группе принца Сабахеддина, придерживавшегося идеи децентрализации и развития личной инициативы. За участие в правительственном перевороте сослан в Синоп (1912). Во время первой мировой войны – инспектор по делам армянских эмигрантов в Сирии. После образования Турецкой Республики покинул страну и долгие годы жил в Греции и Болгарии. В начале 50-х гг. вернулся в Турцию и сотрудничал с газетой «Дуния». Его статьи и воспоминания часто появлялись на страницах разных периодических изданий. Умер в Стамбуле. Автор книг «Парадные ворота в казарме» (1958), «Народившаяся свобода» (1958), «Половинчатая революция» (1960).

АРЫТ (АРИДБА) Фикрет (род. в 1918 г.). Известный турецкий писатель и журналист. Абхаз. Родился в городе Эрегли (вилайет Болу). Выпускник стамбульского «Роберт колледжа». Работал в банке, бюро путешествий, занимался бизнесом. С 1956 г. сотрудник газеты «Новый Стамбул», журналов «Анатолийское агентство» и «Жизнь». За постановку для детей получил премию Гостелерадио Турции (1970), за книгу «К свободе» – премию имени Сидки Доста (1984). Прозаик, киносценарист. Наиболее известные его романы: «Мансила» (1944), «Прекрасная Юана» (1946), «Голоса, идущие из прошлого» (1953), «Эту жизнь надо прожить» (1955), «Мухтар» (1957), «Такая судьба» (1958), «Все для этой земли» (1961), «Маленькие патриоты» (1962), «Незнакомец» (1966), «Переход Ахмета» (1969), «Родившиеся в плену» (1980), «Летающая Клеопатра» (1981). Турецкие читатели знают его и как талантливую переводчика эпических произведений европейской литературы.

АРЫТ (АРИДБА) Айдын (род. в 1928 г.). Известный турецкий писатель и драматург. Абхаз. Родился в Стамбуле. Учился в «Роберт колледже», образование продолжил в Соединенных Штатах Америки. Два года был моряком на торговом судне в Атлантике. Вернувшись в Турцию, пробует свои силы в банковском и издательском делах, занимается переводами. В 1958 г. напечатал первые свои короткие рассказы. По его пьесам на сцене Анкарского государственного драматического театра поставлены спектакли. Лауреат Общенациональных литературных премий (1966, 1970). Опубликованные произведения: романы «Сиамские близнецы», «Помешанные» (1970), пьесы «Медовая муха» (1965), «Путешествие на луну» (1966), «Ловля нелетающих птиц» (1973) и др.

АШАНИ (ШОИНИ) Мехмет Фетгерей (1890–1931). Выдающийся турецкий социолог, общественный деятель, историк Кавказа. Абазин. Родился в деревне Сападжа вилайет Болу. Окончил Высшую школу гражданских чиновников. Увлекался социологией, историей Кавказа и французским языком. Один из основателей спортивного клуба в Бешикташе (район Стамбула). Преподавал гимнастику во многих школах Турции. В годы первой мировой войны воевал в Ираке и Иране. В связи с решением переселить 14 черкесских деревень из Западной Анатолии в Восточную, написал обращение к Меджлису, в котором выражал гневный протест против несправедливых действий правительства. Издание его было запрещено, автор подвергся го-

* Соавтор М.М. Хафице

нениям властей. Работал на предприятии своего двоюродного брата Зии Берсиса, позже перешел в «Деловой дом Агопьяна», в подвале которого погиб во время пожара в фильмотеке. Опубликованные в Стамбуле книги и брошюры: «Общественная жизнь и ее философия», «Гимнастика ума для женщин», «Черкесские женщины в османском общественном мире» (1913), «Черкесы», «Происхождение черкесов» (1922), «Обращение к общественности и Великому Национальному Собранию Турции по поводу черкесской проблемы» (1923), «Кавказ – источник богатства» (1924). Неопубликованные работы: «О лезгинах и титуле лезгин», «Северный Кавказ в XVIII в.», «Уникальность Кавказа. Царский и советский режимы» и др.

БАЖ Зекерия Зихни (1888–1926). Турецкий государственный деятель и исследователь. Абадзех из рода Бажэ. Окончил Стамбульский университет. Правитель санджака Текирда и губернатор вилайета Эдирне (1914–1918). С 1919-го по 1921 г. вместе с другими патриотами находился в ссылке на Мальте. Автор монографии о черкесских традициях, опубликованной в стамбульском журнале «Ени Кавказ» (1957). Отдельным изданием работа «Общественная жизнь и традиции черкесов» вышла в Анкаре через 43 г. после смерти ее автора.

БАРАНУС (КЪЭШЫРГЪЭ) Осман Нуман (род. в 1930 г.). Известный турецкий поэт. Кабардинец. Родился в городе Пинарбаши (вилайет Кайсери). Окончил Академию экономики и торговли в Анкаре. До выхода на пенсию (1993) работал в системе химического машиностроения. Свой первый сборник стихов выпустил в 16-летнем возрасте. Автор 23 поэтических книг. В романе в стихах, опубликованном в 24 номерах газеты «Озюн» (1971–973), использовал слова и выражения из адыгского языка. Основные сборники стихов «Любовь суверена» (1975), «Земля скорби» (1982), «Перигелий» (1985). «Кирка» (1990), «Ярмарка», «Сердце, рассекающее пламя», «Трудная дорога», «Трио Динаго» (1990). «Счастливые кулуары» (1993) и др.

БЕНЕР (АЧМЫЖЬ) Вюсат Эрхан (род. в 1922 г.). Известный турецкий прозаик, драматург и поэт. Шапсуг. Родился в Самсуне. Старший брат прозаика и поэта Хикмета Эрхана Бенера. Окончил юридический факультет Анкарского университета. Работал в Министерстве торговли и Главном управлении автогужевой дороги Турецкой Республики. Как о писателе, о нем заговорили после того, как он занял третье место на конкурсе, объявленном нью-йоркской газетой «Геральд трибюн» и турецким журналом «Ени Стамбул» (1950). С начала 50-х гг. его произведения печатаются в центральных литературных изданиях. Многие рассказы писателя переведены на немецкий, французский, английский языки. Первая его пьеса «Липовое дерево» получила премию Общества турецкого языка (1963); за повесть «Черное и белое» удостоен литературной премии имени Седата Симави (1993). В Анкаре и Стамбуле вышли книги В.Э. Бенера: сборник рассказов «Друг» (три издания – 1952, 1977, 1986), повесть «Черное и белое» (1993), романы: «Вирус ледникового периода» (1984), «Записки господина Муанита Сахтеги» (1991), пьесы: «Липовое дерево» (1962), «Конец нити» (1980), сборник стихотворений «Избранное» (1994).

БЕНЕР (АЧМЫЖЬ) Хикмет Эрхан (род. в 1929 г.). Видный турецкий прозаик и поэт. Шапсуг. Родился в Самсуне. Лицей окончил в Кайсери (1946), университет – в Анкаре (1950). Фининспектор, ревизор турецкого посольства в Париже, заместитель управляющего Государственной казны, генеральный директор Пенсионного фонда Турецкой Республики. Печатается с 1945 г. Первые стихи и рассказы опубликованы в журналах «Эрджияс», «Семь дней» и др. За 50 лет творческой деятельности издал 18 романов, сборники рассказов, стихов, пьес, воспоминаний, публицистических статей. Роман «Промежуточная дверь» переведен на французский язык. По мотивам его эпических произведений создано несколько художественных фильмов. Основные произведения: сборник стихов «Голоса» (1948), романы: «Новобранцы» (1952), «Мрачное зеркало» (1960), «Промежуточная дверь» (удостоен премии турецко-французского общества культуры, 1962), «Идущий с весной» (1969), «Одинокие» (1977), «Туманное лето» (1984), «Водоворот» (1993), двухтомник мемуаров «Бюрократы» (1978) и др.

БИРАНД (БРАНТИЭ) Хикмет (1906–1972). Турецкий ученый и писатель. Шапсуг. Родился в городе Караман (вилайет Киршехир). Окончил Высшую сельскохозяйственную школу в Стамбуле. Докторскую диссертацию защитил в Боннском университете. С 1933 г. – доцент, с 1939-го – профессор Анкарского сельскохозяйственного института, с 1948-го – профессор ботаники Анкарского университета. Автор гербария «Растения Турции», в котором описаны 2480 видов флоры Анатолии и Фракии. Умер в Анкаре. Изданные исследования и эссе: «Растения Турции» (1952), «Анатолийские пейзажи» (1957), «Засуха и солончак» (1962), «Разговор с рябиной» (1968) и др.

БРАГУН (БЭРЭГЪУН) Ильяс (1879–1935). Ученый и писатель черкесского зарубежья. Кабардинец. Высшее образование получил в Стамбуле. Принимал активное участие в деятельности адыгских эмигрантских организаций. Докторскую диссертацию защитил в Германии. Профессор ветеринарии. Автор ряда научных работ и монографии «Лекции по физиологии». Издатель и главный редактор журнала «Знамя ислама» (Берлин, 1921–1922). В 1930–1935 гг. жил в Египте. Похоронен в Каире.

БУРАК (ЗЭШУ-БЭРЭКЪЕЙ) Ратип Тахир (1903–1989). Турецкий политический деятель, журналист и художник. Убых. Родился в Стамбуле. Его отец – адмирал Мухамед Тахир-бей – был одним из командующих военно-морскими силами Османской империи. Окончил Высшую морскую торговую школу (1921). Капитан нескольких кораблей. С 1925 г. сотрудник министерства иностранных дел Турции. Позднее занялся журналистской деятельностью. Его рассказы, карикатуры, иллюстрации к различным произведени-

ям печатались во многих газетах и журналах Анкары, Стамбула, Измира. Окончил Академию изящных искусств в Стамбуле (1935). Преподавал живопись в вузах. Член Народно-республиканской партии. За активную политическую деятельность и публикации в печати 54 раза привлекался к ответственности, полтора года сидел в тюрьме. Военный переворот 27 мая 1960 г. способствовал изданию его «Тюремных воспоминаний». Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики. Умер в Стамбуле. Опубликованные книги: «Славная Плевна», «Последнее путешествие Барбаросса», «Дворцовые женщины», «Эпоха Лале», «Заколдованный халат», «Нас называют Барбароссами», «Крепость сорока мучеников» (иллюстрированный роман), «Альбом карикатур» и др.

БЮЮКА (БЕЙГУА) Омер (род. в 1901 г.). Видный деятель черкесского зарубежья, известный ученый и поэт. Абхаз. Родился в городе Дюздже (вилает Болу). Окончил Высшую школу лесного хозяйства в Стамбуле (1930). До выхода на пенсию (1964) работал по специальности. С 50-х гг. публикует статьи и стихи в журналах «Новый Кавказ», «Северный Кавказ» (Стамбул), «Кавказ» (Анкара). «Правда о Кавказе» (Самсун). Печатался в журнале «Алашара» и газете «Красная Абхазия» (Сухум). Сборник его стихов издан на исторической родине. Лауреат Государственной премии Республики Абхазия (1992). Автор исследований, изданных в Стамбуле: «Абхазская мифология» (1971), «Первые люди и первые цивилизации (по кавказским источникам)» в двух томах (1985-1986), «Введение в абхазскую историю» (1993).

ГАЛЕБ (ХЪУШТОКЪУЭ) Абдул-Хамид (1886–1936). Египетский общественный деятель, публицист, переводчик. Родился в Каире в адыгской семье. Выпускник Александрийского университета (1909). Один из организаторов и первый руководитель египетского Общества черкесского братства (1932-1936). Поддерживал тесные связи с адыгскими махаджирами, проживающими в Иордании, Сирии, Турции, а также с кавказскими политическими эмигрантами в Польше и Чехословакии. Общество помогало всем египетским черкесам, оказавшимся в трудном материальном положении. Переводчик монографии «История Кавказа» Мет Иззета Юсуф-паши, изданной в Каире в 1937 г. его братом Ахмедом Галемом Хуштоко. Второе издание на арабском языке осуществлено в Аммане (1984).

ГЁЗТЕПЕ (ХЪЭГЪУР) Тарик Момтаз (1891–1977). Известный турецкий публицист и издатель. Родился в Стамбуле. Окончил военное училище. Адыютант нескольких военных министров. После окончания национально-освободительного движения из-за того, что был адыютантом Дамада Ферид-паши и сотрудником журнала «Надежда», попал в список 150 человек, которым запрещалось жить в Турции. Вместе с султаном Вахтеддином покинул Турцию. Обосновался в болгарском городе Эскиджума. Издавал газету «Румели» (1924-1925), в которой печатался под псевдонимами Ашик Гариб, Мухаджир. Баба и др. Его статьи появлялись и на страницах турецких газет «Тевхид-и Эфкар», «Танин» под псевдонимом Али Топджиев и под рубрикой «Письма из Болгарии». Переехав в Сирию, выпускал в Кунейтре адыгскую газету «Мардж» (1928-1931), а в турецких городах Антакья и Искандерун – газеты «Хадживат Карагёз» (1933), «Месяц и звезда» (1939). После реабилитации 150-ти вернулся в Стамбул. Корреспондент газет «Новое утро», «Победа», «Новый крестьянин». Умер в Анкаре. Автор книг «Имам Шамиль – герой войны и революции на Кавказе», «Гази Осман-паша – герой Плевны», «Последний султан Османской династии Вахтеддин в аду перемирия», «Последний султан Османской династии Вахтеддин на чужбине» и др.

ГУСАР Мухаммед Захед (1880–1952). Выдающийся египетский ученый-теолог, историк черкесского народа. Шапсуг. Родился в турецком городе Дюздже. Окончил теологический факультет Стамбульского университета. В 1918 г. находился на Кубани с просветительской миссией. С 1923 г. жил в Каире. Профессор университета аль-Азхар, удостоен почетного титула «Великий ученый» («аль-Алламе»). Автор монументальных исследований по мусульманской религии. Одна из его работ посвящена черкесской истории. Умер в Каире. Ученые аль-Азхара издали в Каире его «Избранные труды» (1955).

ГЮСАР (ГУСЭР) Васфи Хасан (1895–1978). Видный деятель черкесского зарубежья, турецкий врач. Черкес. Родился в Стамбуле. Начальное образование получил в Аммане, среднее – в Наблусе (Палестина), в Дамаске окончил французский колледж, в Стамбуле – военно-медицинское училище (1918) и курсы микробиологов в академии Гюльханей. Врач Афонского, Эскишехирского, Сакарийского и Сейт-Газийского полевых госпиталей. В период национально-освободительной революции в звании майора – заместитель главного врача 3-го корпуса армии Ататюрка. Участник боев под Бурсой и Биледжиком. Врач военного госпиталя Хайдар-паши и преподаватель Бактериологического института. С 1925 г. главный бактериолог Аданского военного госпиталя, председатель городского общества врачей. В 1928 г. ушел в отставку. За мужество, проявленное в период национально-освободительной борьбы турецкого народа, награжден Орденом независимости. Уделял особое внимание социальному положению и взаимопомощи махаджиров. С 18-летнего возраста состоял в эмигрантских организациях. После закрытия Северокавказского комитета (1919) – один из организаторов Общества взаимопомощи черкесов. Руководитель Кавказского общества культуры и взаимопомощи. Главный редактор журнала «Новый Кавказ» (1953-1963). В 1919 г. в газете «Кавказ», выходившей в Бурсе, опубликовал брошюру Хейдара Баммата «Проблемы Кавказа». Перевел и издал книгу Шоры Ногмова «История адыгейского народа». Член делегации турецких черкесов на Конгрессе угнетенных народов (Мюнхен, 1962). Сохранил для потомков полный комплект первой адыгской газеты «Гъу-азэ» («Маяк»). Умер в Стамбуле.

ДАВАДАР Эмир Барсбай (умер в 1325 г.). Видный египетский мыслитель-энциклопедист. Родился в Зихии. Был продан египетскому купцу на невольничьем рынке Багдада. Вырос и получил образование в Каире. Автор 11-ти томного исследования «Сущность мысли в эмиграции», пять из которых посвящены египетским султанам черкесского происхождения из Бахритской династии. Несколько его экземпляров хранятся в Национальной библиотеке Франции и в библиотеке университета короля Фуада I в Египте.

ДЕМИРКАН Ренан (1962) – немецкая актриса, театровед, писатель, лауреат престижных премий театра, кино и телевидения Германии.

ДЖЕЛАЛАДДИН-ПАША (КВЕЦБА) Дамад Махмуд (1850–1902). Известный турецкий государственный деятель, поэт. Родился в Стамбуле в семье абхаза. Образование получил во Франции. Зять султана Абдул-Хамида II. Член Государственного Совета Османской империи (1877), министр юстиции (1879). Вместе с сыновьями Мехмедом, Сабахаддином и Лютфуллахом жил в Европе с 1899 г. В газетах Парижа, Лондона, Каира печатал статьи, обличающие жестокий режим султана Абдул-Хамида II. Автор сборника стихов «Врата рая» (Каир, 1906). Умер в Брюсселе. После младотурецкой революции его останки перевезены в Турцию.

ДОГАН (ДИГУНЭ) Акиф (1888–1962). Видный деятель черкесского зарубежья, поэт. Убых. Родился в деревне Кёпрю-Баши (район Дюздже, вилайет Болу). Окончил Каирский университет «Аль-Азхар». Один из видных деятелей Черкесского общества единения и взаимопомощи. В составе просветительской миссии посетил Северный Кавказ в 1918 г. Имам Дюздже. Автор стихов и религиозных гимнов на шапсугском диалекте адыгского языка. Наиболее известное его произведение («Адыгэбзэ мулид», 1916) – вольный перевод поэмы Сулеймана Челеби «Мевли Наби» (XV в.). Умер в Дюздже.

ДОМАНИЧ (ДУМЭНЫШ) Хайри (род. в 1923 г.). Известный турецкий ученый, писатель, видный деятель черкесского зарубежья. Кабардинец. Родился в деревне Кабактепе (Хьэгъундыкъуей), вилайет Кахраман-Мараш. Окончил Галатасарайский лицей (1945), юридический факультет Стамбульского университета (1949). Докторскую диссертацию защитил в 1954 г. Преподавал в Стамбульском университете, Эскишехирской и Шишлийской высших школах экономики и торговли, с 1967 г. — профессор. Неоднократно возглавлял Северо-Кавказское общество в Стамбуле. Советник Президента Турецкой Республики по вопросам юриспруденции, Академик АМАН. Основные монографии: «Правовой статус ценных бумаг» (1964), «Правовая ответственность при создании анонимных фирм» (1965), «Простые, коллективные и командитные фирмы» (1965), «Общие основы торгового права» (1970). Автор ряда учебников по торговому праву.

ЖАНБЕК (ХЬЭВЖОКЪУЭ) Ахмет (1903–1978). Видный деятель черкесского зарубежья, публицист. Кабардинец. Родился в селении Нартан (Кабардино-Балкарская Республика). После установления советской власти на Северном Кавказе уехал в Турцию. Позже переселился в Болгарию, где окончил лицей в Шумне (1925). Полтора года жил в Праге. Оттуда переехал в Варшаву. В столице Польши окончил торговую академию. Работая в сельскохозяйственном банке, помогал кавказским эмигрантским организациям в издании журналов и газет. После фашистской оккупации Польши в 1940 г. уехал в Стамбул, где трудился до конца своих дней. Активно сотрудничал с журналами «Горцы Кавказа», «Северный Кавказ», «Путь свободы», «Борьба», «Наша цель», «Будущее», «Национальная мысль», «Вперед», «Наш край», «Призыв», которые издавались в Варшаве в 30-х гг. кавказскими эмигрантами. В Турции материально поддерживал журнал «Объединенный Кавказ» (Стамбул, 1964–1967), а также другое издание с таким же названием, выходившее на русском языке в Германии (Мюнхен, 1964). Автор публикаций по истории народов Северного Кавказа. Силами черкесских эмигрантских организаций в Стамбуле изданы его работы: «История торговли на Кавказе» (1978); «Трагедия Северного Кавказа» (1994).

ЗИХНИ (ХЫДЗЭЛ) Мустафа (1919–1964). Известный турецкий политолог-кавказовед. Шапсуг. Родился в городе Дюздже. Окончил Эскишехирское авиационное училище. Летчик гражданской авиации. Устанавливал связи между адыгскими общественными организациями Малой Азии и Ближнего Востока. Один из создателей Общества северокавказской культуры и его первый председатель (Анкара, 1961). Участник конгресса Парижского блока (1962). Погиб в авиационной катастрофе. Автор исследований, увидевших свет в Анкаре: «Шейх Шамиль. Борьба за независимость на Северном Кавказе» (1958), «Северный Кавказ: борьба за свободу и независимость» (в соавторстве с сыном Ахмедом Хизалом – 1961). «Советское варварство на Северном Кавказе: трагедия 1944 г.» (1964).

ЗЮХДЮ (ЗЕИФЭ) Абдуллах (1869–1925). Известный турецкий писатель и журналист. Убых. Родился в Стамбуле. После окончания лицея в Галатасарае (1890) работал в газете «Саадет» и других популярных изданиях. Прекрасно знал старый Стамбул. Запечатлел в своих сказах и романах описание этого древнего центра цивилизаций. Умер в Стамбуле. Наиболее значительные произведения писателя: романы «Женское предчувствие», «Супруга писателя», «Северное море», «Мадемуазель 100 миллионов», «Розы и терновники», «Сара», «Дорога в издательство» и др.

Ибн ИЙАС Мухаммед Ахмед аль-Ханафи (1448–1524). Крупнейший египетский историк средневековья. Родился в Каире в семье знатного черкесского мамлюка аль-Ханафи. Правнук эмира Оздемира, наместника Триполи и Халеба в 60-х гг. XV в. Автор многотомной хроники «Бадан аз-зухур фи уакаи ад-духур» («Диковинки цветов в событиях веков»), в которой есть немало интересных исторических сведений

о черкесских мамлюках. В двух книгах, переведенных на английский и французский языки Уильямом Салмоном и Гастоном Вьетом и изданных в Лондоне (1921) и Париже (1955), содержится богатый антропони-мический материал. По признанию известных востоковедов академиков А. Е. Крымского и И.Ю. Крачковского, ибн Ййас – один из крупнейших историков Египта и Благодатного Полумесяца (Ближ-него Востока) второй половины XV – первой половины XVI в.

КАНБОЛАТ (ШАГУЖЬ) Яхья (род. в 1926 г.). Видный турецкий политик, ученый, писатель. Абад-зех. Родился в деревне Джиуеза (Сирия). Окончил экономический факультет Стамбульского университета. Докторскую диссертацию защитил в Париже. Преподавал в Анкарском университете. После военного пере-ворота 27 мая 1960 г. вступил в политическую борьбу. Один из авторов аграрной программы Турецкой ра-бочей партии (ТРП). Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики (1965). Генераль-ный секретарь ТРП. Уйдя из политики, занялся земледелием в вилайете Хатай. Автор книг: «Структурные изменения в сельском хозяйстве Турции», «Воспоминания о социалистических и капиталистических стра-нах» (1979), «Корни политика» (1981), «Проблемы феминизма в произведениях Халиде Эдип Адывар» (1987), «Коротыш» (сборник рассказов – 1988), «Положение туркменских кочевников в районе Рейханлы и северокавказские эмигранты» (1989), «Религия и общественная жизнь северокавказских народов до 1864 г.» (1989), «Родовые фамилии черкесских племен» (1991).

КОЦЕВ Пшимахо Тамашевич (1883–1968). Видный политический и государственный деятель Се-верного Кавказа, публицист. Из кабардинских узденей Куэцэ. Родился в селении Бэбыгуй (ныне Сармак) Нальчикского округа. Среднюю школу окончил в Пятигорске, лицей – в Новороссийске. В 17-летнем воз-расте поступил на восточный факультет Петербургского университета, перевелся на юрфак и окончил его в 1910 г. В том же году, как сын состоятельного коннозаводчика, принял участие во Всероссийском съезде коннозаводчиков и выступил там с пламенной речью в защиту кабардинской породы лошадей. Одну из сво-их первых работ посвятил народам Северного Кавказа, которые, по его мнению, были лишены всяких граж-данских прав. Это исследование было высоко оценено группой профессоров Петербургского университета, благодаря чему он получил право заниматься адвокатской практикой без стажировки. Трудовую дея-тельность начал в 1911 г. в Екатеринодаре. Являлся помощником присяжного поверенного, присяжным пове-ренным окружного суда (1916). 1 мая 1917 г. на съезде горских народов Терской области во Владикавказе избран членом его исполкома. Съезд создал Союз горцев, который выступил за политическое и государ-ственное объединение народов Северного Кавказа, за их свободу и независимость. На съезде представите-лей населения Терской области (Владикавказ, 18-20 мая 1917 г.) избран председателем ЦИК Временного самоуправления Терской области. После восстановления власти белогвардейцев П. Коцев и его единомыш-ленники объявили о создании Демократической республики горцев Северного Кавказа (ДРГСК). Руковод-ствуясь своими интересами, первой ее признала Турция. В ноябре 1918 г. парламент ДРГСК, приняв отстав-ку Чермоева, поручил Пшимахо Коцеву формирование нового правительства. Но и оно просуществовало не-долго. Добровольческая армия Деникина свела на нет стремление северокавказцев создать свое демократи-ческое государство. П. Коцев был арестован и заточен в пятигорскую тюрьму. Вскоре он бежал в Тбилиси.

После победы Красной армии над меньшевистской Грузией (1921) Коцев и его соратники из Батума добрались до Трабзона. Турецкое правительство предоставило премьеру Северокавказской республики убе-жище в Палатхане и выделило средства на содержание его виллы. Работал в разных фирмах, в банке «Иш банкасы». В Стамбуле женился на Люце Мисаковой – вдове полковника Заурбека Даутокова-Серебрякова. В 1953 г. ушел на пенсию. Умер в Стамбуле. Автор многих статей, написанных в России (псевдоним – П. Кабардей) и эмиграции: «Земельная неурядица в Кабарде» (журнал «Братская помощь». 1909. № 10-12), «Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей» (журнал «Мусульманин». Париж, 1910. № 13), «Народное образование в Кабарде» (журнал «Новая Русь». 1910. № 97), «Черкесы и воинская по-винность» (журнал «Мусульманин». 1911. № 5) и другие. Сотрудничал с журналом «Кавказиен ревью» (Мюн-хен), в котором опубликовал цикл статей на тему «Революция и советизация на Северном Кавказе» (1956). Издал монографию «Северный Кавказ: из истории борьбы за свободу и независимость» (Стамбул, 1962).

КУБАН Доган (род. в 1926 г.). Известный турецкий ученый, архитектор, критик. Шапсуг. Родился в Париже. Окончил Стамбульский технический университет (1949). Доктор архитектуры, профессор. Препода-вал в Мичиганском университете (США), работал в Византийском исследовательском центре в Вашингтоне. После возвращения в Турцию возглавлял кафедру истории архитектуры, архитектурный факультет Стамбуль-ского технического университета. Реставратор старинных сооружений в Турции и Сирии. Опубликованные в Стамбуле книги: «Стиль барокко в османской архитектуре» (1954), «Формирование внутреннего пространства в османской религиозной архитектуре: аналогия с Ренессансом» (1958), «Впечатления от поездки в Западную Анатолию» (1961), «Проблемы турецкой анатолийской архитектуры» (1965), «Проблемы истории турецкого искусства» (1975), «Архитектура» (два издания – 1973, 1980), «Об исламском и турецком искусстве» (1982) и др.

КУДАШЕВ Эльбоздуко Канаматович (1863–1946). Коллежский советник, видный адыгский исто-рик. Из кабардинских узденей Кьудащ. Родился в селении Дохьушыкьуй (ныне Старый Черек, КБР) Окон-чил Нальчикскую горскую школу (1880), медицинские курсы Харьковского университета (1884) Работал

фармацевтом в Нальчике и Владикавказе. Выпускник медицинского факультета Московского государственного университета (1890). Несколько лет жил в Санкт-Петербурге, где поменял имя и отчество и стал Владимиром Николаевичем. Собирал архивные материалы, народные предания, «все, что могло помочь в создании правдивой, критически проверенной научной истории кабардинского народа». Вернувшись в Кабарду, стал активистом просветительского движения «Общество для распространения образования среди кабардинцев Нальчикского округа» (1906). Председатель Главного управления государственного коннозаводства на Кавказе, курировал конезаводы Терской области. В годы гражданской войны – сторонник белого движения. Командир полка Кабардинской конной дивизии. В марте 1920 г. вместе с сыном Али и племянником Тушей эмигрировал в Турцию, позже – во Францию и США. Умер и похоронен в Нью-Йорке. Автор книги «Исторические сведения о кабардинском народе» (Киев, 1913, Нальчик, 1990, 1991 – два издания).

аль-МАКДИСИ Абу Халид бин Юсуф (1416–1483). Известный египетский ученый и писатель средневековья. Потомок черкесских мамлюков. Родился в Нижнем Египте. Автор большого исследования о черкесских мамлюках. Его перу принадлежат также книги: «Краткая история египетских султанов» и «Отъезд султана Яшбега на Кавказ» (1480), в которой описываются природа, быт и нравы народов Северного Кавказа. Умер в Каире.

МЕКЕР (МЭХЪАРЭ) Азиз (1877–1941). Турецкий ученый, дипломат, видный деятель черкесского зарубежья. Родился в абазинском ауле Биберд-кыт (совр. Карачаево-Черкесия). Начальное образование получил в Баталпашинске (ныне – Черкесск) В конце XIX и.а его семья переселилась в Османскую империю в город Эскишехир. В Стамбуле окончил лицей, во Франции – сельскохозяйственный институт. Занимался преподавательской деятельностью, профессор. Принимал активное участие в создании Черкесского общества единения и взаимопомощи (1908), а также в работе других политических организаций адыгов. В период первой мировой войны от имени Комитета независимости Кавказа участвовал в переговорах в Вене, Берлине, Лозанне и других городах Европы. В Лозанне познакомился с В.И. Лениным. После Мудросского перемирия примкнул к кемалистам. Был первым секретарем посольства Турецкой Республики в Советской России. Встречался в Москве с В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Г.В. Чичериным и другими руководителями страны (1922). Вернувшись в Турцию (1923), занимался преподавательской деятельностью. С 1932 г. ректор Анкарского сельскохозяйственного института. В совершенстве знал адыгский, абазинский, турецкий, французский, русский, немецкий языки. Умер в Анкаре.

МЕТ (ЧУНЭТЫКЪУЭ) Юсуф Иззет-паша (1876–1922). Турецкий генерал, видный историк черкесского зарубежья. Родился в турецком городе Иозгат. В раннем детстве остался сиротой. Окончил военные учебные заведения: лицей (1894), училище (1896), академию (1900). Один из активных деятелей Черкесского общества единения и взаимопомощи. За особые успехи в период Балканских войн ему присвоено звание генерал-майора. В годы первой мировой войны – командующий 10-м, 14-м, и 1-м кавказскими корпусами. Признание Османским правительством независимой Северо-Кавказской Республики (11 мая 1918 г.) позволило направить его корпус на Кавказ «для оказания помощи в построении демократического государства». После подписания Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.) турецкие войска покинули Кавказ. В период национально-освободительного движения воевал на Западном фронте против греческих оккупантов и османской армии Ахмета Азнавура Анчока. Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики. Был женат на Хайрии Мелек Хундж – известной писательнице-черкешенке. Умер от сердечного приступа. Похоронен в Анкаре. Его исторические труды вышли в Стамбуле: «История Кавказа» (1914), «Хет-ты» (1915). «Черкесы в Древней Греции (1915), «Черкесы в Древней Фракии» (1918).

МУФТИ (ХЪЭВЖОКЪУЭ) Шаукет Мухаммед (1905–1980). Известный иорданский общественный деятель, дипломат, историк Кавказа. Кабардинец. Родился в Аммане. Среднюю школу окончил в Дамаске. Выпускник медицинского факультета университета им. Фридриха Вильгельма (Берлин). Офтальмолог. Доктор наук. Посол Хашимитского королевства в Турецкой Республике (1962–1965). Помимо родного и арабского, хорошо владел немецким, французским, английским и турецким языками. С 1935 по 1957 гг. семь раз возглавлял Черкесское благотворительное общество в Иордании. Перевел с немецкого на арабский язык и выпустил «Историю адыгейского народа» Шоры Ногмова (Амман, 1953). Автор исследования «Герои и императоры в черкесской истории», которое вышло на арабском (Иерусалим, 1962), английском (Бейрут, 1972) и русском языках (Нальчик, 1994), а также монографии «Черкесское языкознание», написанной на немецком языке (ФРГ, Гейдельберг, 1978).

НАДЖИ (ЖАНХЪУЭТ) Омер (1878–1916). Турецкий оратор, политик, писатель. Родом из кабардинской княжеской фамилии. Рано остался сиротой. Учился в военной школе вместе с Мустафой Кемалем (Ататюрком). До конца своих дней был верен дружбе с основателем Турецкой Республики. В 1901 г. окончил военное училище. Со студенческих лет писал стихи и рассказы, которые печатал в различных журналах. Один из организаторов партии «Общество османской свободы» (1906). После закрытия журнала «Детский сад», в котором появлялись его острополитические статьи, эмигрировал в Париж (1907). Через несколько месяцев отправился в Иранский Азербайджан, где за революционную деятельность был арестован. Вернулся в Стамбул после младотурецкой революции (1908). Занимал ответственные должности в руководстве партии «Единение и прогресс». В 1911–1912 гг. входил в ее административный совет. Разъясняя цели и задачи партии, объединил почти всю страну. Народ полюбил его и любовно называл «Национальным оратором».

Во время Первой мировой войны был отправлен на Кавказский фронт, где заболел тифом и умер. В газете «Терджуман-и Хакикат» (5.09.1916) в стихотворении, посвященном Омеру Жанхоту, есть такие строки:

Ты всегда хотел умереть
по дороге на Кавказ –
И Бог дал тебе
такую возможность...

НАМИТОК Айтек (1892–1963). Видный деятель черкесского зарубежья, крупный кавказовед и исследователь истории адыгов. Родился в бжедугском ауле Понежукай (совр. Республика Адыгея). Окончил Ставропольскую гимназию, юридический факультет Петербургского университета (1916). До революции – адвокат, член Совета Министерства образования России и комиссии, курирующей национальные школы (Петроград). В 1917 г. вернулся на родину, чтобы принять участие в революционных событиях. Правительство Северо-Кавказской Республики делегировало его в Кубанскую Раду (1918). В том же году от имени ее парламента участвовал в Парижской мирной конференции. После установления советской власти на Северном Кавказе жил в Праге, Париже, Берлине, Стамбуле. Вся деятельность Намитокана связана с исследованием языка, фольклора, истории адыгов. В Париже получил признание в европейских научных кругах, занимавшихся проблемами кавказоведения. Член Лингвистического общества в Сорбонне (1936). Совместно с известным французским профессором Жоржем Дюмезилем выпустил книгу «Басни Ибрагима Цея» (1939). В том же году увидела свет первая часть его большого исследования «Происхождение черкесов». Изучая историю и культуру Северного Кавказа, несколько раз посещал Турцию, знакомился с материалами археологических раскопок древнейших цивилизаций (Эфес, Троя, Чорум, Аладжа). Вскоре ему запретили въезд в эту страну, и он стал переписываться с Хайрией Мелек Хундж – вдовой Мет Иззет-паши Чунатуко, которая впоследствии стала его супругой. С 1949 г. жил в имении своей жены, работая над вторым томом «Происхождения черкесов». Профессор Стамбульского педагогического института. Президент Северокавказского национального центра. Действительный член Института советологии (Мюнхен, 1950–1963). Активный автор журнала «Кавказское обозрение» (ФРГ). Умер и похоронен в Стамбуле.

НЕГУЧ ЮСУФ-ПАША Суад (1877–1954). Известный деятель черкесского зарубежья. Родился в шапсугской деревне Каракой, район Дюздже. В Стамбуле окончил медресе, теологический и юридический факультеты университета. В 1911 г. ему присвоен титул высших военных и гражданских сановников Турции (журнал «Рисале веаскерич», 1911). Один из издателей первой адыгской газеты «Гъуазэ» (1911–1914). В феврале 1918 г. отправился на Северный Кавказ с просветительской миссией. Его общественно-политическая деятельность не получила поддержки со стороны властей. Последние годы жизни провел в Каннах.

НУРИ (АНЧОКЪУЭ) Иса (1894–1943). Видный деятель черкесского зарубежья, ученый, публицист. Абадзех. Родился в турецком городе Бига. В период национально-освободительного движения – один из создателей Общества юридического признания черкесов Ближнего Востока (1921). В этой связи попал в список 150-ти человек, которым запрещалось жить в Турецкой Республике. В 1923–1938 гг. находился в сирийской ссылке. В Дамаске опубликовал исследования: «Политическая болезнь», «Шутки и философские изречения», «Секреты тайных учений», «Турецкая революция и черкесы», «Мои приключения в период оккупации Измира греческими войсками», «Биографии 150-ти», «Открытое письмо друзьям пророка Исы», «Статистические данные о социальном положении сирийских черкесов». Автор монографии «Адыги на Кавказе», изданной на турецком языке в Алеппо (1937).

ОНГУН Джемиль Сена (1894–1981). Известный турецкий философ и писатель. Родился в адыгской семье в деревне Сейдишехир (вилайет Конья). Окончил философское отделение Стамбульского университета, продолжил учебу в «Коллеж де Франс» и Сорбонне. Преподаватель философии, социологии и педагогики в лицеях Стамбула. Автор учебных пособий и монографий. Умер в Стамбуле. Опубликованные работы: «Эстетика» (1931), «Эволюция идеи Аллаха» (1934), «Новая женщина» (1936), «Стать большим человеком» (1940), «Мехмед Акиф» (1947), «Яхья Кемаль» (1947), «Система творчества и символизм Ахмета Хашима» (1947), «Дороги счастья» (1948), «Вечна ли человеческая душа?» (1951), «Известные философы» (1953), «Энциклопедия великих философов» в 4-х томах (1957–1969; дополнена и переиздана в 1974–1976 гг.), «Философия пророка Мухаммеда» (1969); «Люди и нравственные устои» (1970), «Понятие бога» (1978) и др.

РУШДИ (ФЭУКЪУЭ) Расим (1898–1976). Египетский ученый и писатель, видный деятель черкесского зарубежья. Потомок черкесских махаджиров. Родился в Каире. Внук генерала Османа Руфки-паши – военного министра в правительстве хедива Тауфик-паши. Окончил Сорбоннский университет (1920). Во времена египетских королей Фуада I (1917–1936) и Фарука (1936–1952) занимал высокие государственные должности. Один из основателей и руководителей Общества Черкесского братства в Каире (1932). Поддерживал тесные связи с адыгами Иордании, Сирии, Турции. Печатался в каирских журналах «Аль-Рисала» («Письмена») и «Аль-Муктаф» («Избранное»), Умер в Каире. Автор исследовательских работ: «Черкесы и Египет», «Ислам и свободомыслие», «Али-бек аль-Кабир», «История национальной трагедии черкесского народа», «Это моя нация (Черкес рассказывает о своем народе)», а также повести «Жан» (1949), посвященной геноциду адыгов в XIX столетии. Книга «Эта моя нация» переведена на русский язык Абубекиром Гу-

кемухом и издана в Нальчике (1993). До сих пор не опубликованы романы «Очарованная весной», «Букет цветов», «Султан Абдул-Хамид».

САДЫК (ТХБЭКЪУАХЪУЭ) Махмуд (1864–1930). Известный турецкий писатель и журналист. Из абадзехов. Родился в Стамбуле. Окончил факультет политических знаний Высшей школы гражданских чиновников в Стамбуле (1885) и сельскохозяйственный институт в Германии (1890). Был переводчиком при Османском правительстве. С переходом на журналистскую работу сотрудничал со многими популярными газетами. После младотурецкой революции преподавал в Высшей школе гражданских чиновников. Первый председатель Союза стамбульской прессы. В период национально-освободительного движения в Турции – один из организаторов и руководителей Общества принципов Вильсона (1919). Свои многочисленные публикации подписывал псевдонимами Осман Галип Кадри, Мирнав и др. Основные его произведения: «Страницы из календаря» (1912), романы «Любовь», «Взятка» (1912), «Безумно влюбленное сердце», «Эволюция» (1913).

ТАМУК Салахаддин Юные (1892–1977). Сирийский юрист и ученый. Из хатукаевского рода Тэмокуэ. Родился и вырос в городе Кунейтра (Сирия). Среднее образование получил в Дамаске. Выпускник Стамбульской Высшей школы гражданских чиновников. В студенческие годы – волонтер Черкесского общества единения и взаимопомощи. Был в числе миссионеров, отправившихся на Северный Кавказ (1918). После распада Османской империи вернулся в Сирию. Работал судьей, прокурором. Депутат Государственного Совета САР. В 55-летнем возрасте ушел на пенсию. С 1962 г. жил в Патерсоне (штат Нью-Джерси, США). Умер и похоронен там же. Автор книги «Градостроительство Дамаска» (Бейрут, 1965).

ТОСУН-БЕЙ (ЩХЪЭПЛЫ) Хусейн (1875–1930). Известный турецкий политический деятель, публицист и издатель. Убых. Окончил Галатасарайский лицей и военное училище. Будучи на службе в османской армии, арестован за революционную деятельность, сослан в Ливию, где преподавал французский язык в военной школе (1896). Из Ливии перебрался в Европу и присоединился к зарубежным младотурецким организациям. Издатель и корреспондент газет «Мнение» и «Прогресс», выходивших в Женеве и Париже (1906). В 1907 г. тайно вернулся в Анатолию и организовал в Трабзоне восстание против тирании султана Абдул-Хамида Второго. Арестован и приговорен к пожизненному заключению. Младотурецкая революция вернула ему свободу. Депутат Великого Национального Собрания от вилайета Эрзерум. Во время турецко-итальянской войны за Ливию добровольно отправился на фронт и попал в плен. В годы первой мировой войны – руководитель Османского Национального Агентства. Оказывал помощь черкесским организациям – Комитету независимости Кавказа и Комитету северокавказских политических эмигрантов (1915-1919). После оккупации английскими войсками Стамбула арестован и сослан на Мальту. Опубликованные труды на французском языке: «Общий взгляд на положение народов Северного Кавказа в период первой мировой войны» (Стамбул, 1918), «Съезд народов Северного Кавказа и его законодательная деятельность» (Стамбул, 1918), «Библиография Кавказа» (Стамбул, 1919).

ТУТУМ (ЩАУЭШУ) Джахит (род. в 1929 г.). Видный турецкий политический и государственный деятель, ученый. Шапсуг. Родился в деревне Адлие, вилайет Адапа-зары. Окончил лицей Хайдарпаши в Стамбуле и факультеты политических знаний и юриспруденции Анкарского университета. В 1954-1961 гг. работал каймаком (мэром) в Османэли (вилайет Биледжик), Гюней (Денизли), Кайнарджа (Сакарья), Келес (Бурса) и Аляш (Анкара). Более 20 лет преподавал в Институте общественного управления Турции и Среднего Востока. Доктор политологии. После военного переворота назначается представителем Консультативного Совета в вилайет Сакарья (1981). Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики. Основные научные исследования: «Социальная защита служащих Турции», «Принципы общего управления» (Анкара, 1972), «Персональное управление» (Анкара, 1979), «Некоторые документы, связанные с переселением 1864 г.» (в книге «Выселение черкесов». Анкара, 1993), «Изменения в системе общего управления» (Стамбул, 1994).

ТХАГАПЦЭ Алехандро (1968) – потомок старинного адыгского рода, теоретик современного искусства, публицист, критик. Идеолог и участник нео-авангардной арт-группы «Шыпкъэм икӀальэхэр». Доктор философских наук.

ТЮМЕР (СЕИН ТИМЭ) Хусейн Шемн (1875–1962). Видный деятель черкесского зарубежья, поэт. Шапсуг. Родился в деревне Демир-Хисар (Греция). С отличием окончил теологический и юридический факультеты Стамбульского университета. Имам мечети Фатих в Стамбуле. Преподаватель персидского языка в женском и мужском лицах. Активист Черкесского общества единения и взаимопомощи. Один из организаторов Северокавказского Хасэ. Волонтер Комитета независимости Кавказа. После первой мировой войны оставил религиозную деятельность и до конца жизни работал адвокатом. Свободно владел турецким, адыгским, персидским языками. Умер в Стамбуле. Автор сборника стихов «История воспитания», изданного на родном языке (1919).

УЛУЧ (Сынджыр) Фуат (1910–1968). Турецкий военный и политический деятель, писатель. Убых. Родился в деревне Чавушкой (вилайет Маньяс). Среднее образование получил в Бурсе. Окончил военное училище в Стамбуле (1931). Полковник. Депутат Великого Национального Собрания от вилайета Мардин (1960). Генеральный секретарь Республиканской крестьянской национальной партии. Его статьи и стихи печатались в разных газетах и журналах. Автор монографии «Назым Хикмет и правда о событиях в военном училище в 1938 г.» (Анкара, 1967) и нескольких пьес.

ХАГУНДОКОВ Эдыг Исламович (1871–1958). Видный военный деятель России, писатель, исследователь. Кабардинец. Родился в селении Кармово (ныне Каменномостское, КБР). Окончил Константиновское военное училище (1891). Командир сотни уральских казаков (1898) по охране Восточно-Китайской железной дороги. Слушатель Императорской Военной Академии в Санкт-Петербурге (1902). В русско-японской войне командовал сотней в дивизии генерала Мищенко. После войны с отличием завершил учебу в академии. В Генштабе российской армии – старший адъютант главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Одновременно читал лекции по тактике в Павловском военном училище. В 1907–1913 гг. – командир Текинского конного полка (Туркестан) и Читинского казачьего полка. В годы первой мировой войны командовал второй бригадой (Чеченский и Татарский полки) Кавказской туземной дивизии, был начальником штаба 31-го армейского корпуса, 2-го конного корпуса. Генерал-майор. С 1915 г. Эдыг Исламович (в крещении – Константин Николаевич) Хагундоков – военный губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа и наказной атаман Амурского казачьего войска. Летом 1918 г. вернулся в Кабарду, и через два месяца его избирают военным комиссаром Нальчикского округа. За ратные подвиги награжден орденом св. Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием, многими медалями. Автор книг «Тактика конницы» (1907) и «Свод указаний на походный бой по опыту войны» (1908). Его мемуары хранятся в архиве Колумбийского университета (США). Родину покинул в марте 1920 г., жил в Париже, где дал образование своим детям, внушая им твердую любовь к России и адыгскому этикету. Активист Кавказского общества во Франции. Умер в Париже. Похоронен в Сент-Женевьев де Буа.

ХАЛЕД МОХИ-ЭД-ДИН (1922) – черкес, основатель движения сторонников мира в Египте, лауреат Золотой медали мира имени Жолио-Кюри

ХАТУКАЙ Раджаб Али (род. в 1930 г.). Израильский историк черкесского зарубежья. Родом из шапсугской деревни Кефар-Кама (Израиль). Среднюю школу окончил в городе Цефате (Верхняя Галилея), семинар учителей – в Тель-Авиве. 37 лет преподавал в школе Кефар-Камы. Не раз избирался членом Совета хасэ. общества старейшин деревни. В совершенстве знает и пишет на иврите, арабском, английском, адыгском языках. В соавторстве с Шумафом Ачмизом издал на иврите большое исследование «Черкесы» (Хайфа, 1991). Автор книги «История моей деревни» (1994), написанной на родном языке. Активный корреспондент газеты «Адыгэ макъ» (г. Майкоп).

ЧАГЛЫЯНГИЛЬ (ХЪУНЭЖЬ) Ихсан Сабри (1908–1993). Видный турецкий государственный деятель, исследователь, публицист. Убых. Родился в Стамбуле. Окончил юридический факультет Стамбульского университета. Работал в Министерстве внутренних дел Турецкой Республики и в Управлении государственной безопасности. Губернатор Йозгата (1948), Анталии (1950), Чанакале (1953), Сиваса (1954), Бурсы (1954–1960). После военного переворота 1960 г. оставил государственную службу и стал заниматься политической деятельностью. В 1961 г. избран в сенат от Партии справедливости. Занимал посты министра труда (1965) и министра иностранных дел (1965–1971, 1975–1977). В 1979 г. возглавил Меджлис. С апреля по сентябрь 1980 г. (до военного переворота) исполнял обязанности Президента Турецкой Республики. В 1982 г. в числе 18 видных государственных и политических деятелей, принадлежавших к Партии справедливости и Народно-республиканской партии, арестован и некоторое время находился в тюрьме. Автор исследований «Тактика полиции», «Психология полиции» и книги мемуаров «Воспоминания» (Стамбул, 1989).

ЧЕЛИК (ХЪЭКУРАТЭ) Осман (род. в 1934 г.). Известный турецкий писатель, историк черкесского зарубежья. Шапсуг. Родился в деревне Япаги (вилайет Афьон). Окончил факультет лесного хозяйства Стамбульского университета (1965). С 60-х гг. публикует свои исследования, посвященные вопросам истории Северного Кавказа, а также проблемам зарубежных черкесов. Печатался в журналах «Объединенный Кавказ», «Северный Кавказ» (Стамбул), «Кавказ» (Анкара). Один из основателей и руководителей Общества северокавказской культуры (Анкара), Общества кавказской культуры и Фонда культуры и образования имени Шамиля (Стамбул). Основные произведения: сборник рассказов «Нарты» (Стамбул, 1976), пьеса «Кафа – танец княжны» (Анкара, 1985), исторический роман «Жабаги Казаноко» (Анкара, 1986), «Легенды, сказания, портреты» (Анкара, 1987), «Путевые заметки о поездке на Северный Кавказ» (Анкара, 1990), «Турция и Кавказ по английским архивным материалам» (Анкара, 1992), романы «Юнус Эмре» (Анкара, 1994), «Кавказ» (книга первая «Генар», книга вторая «Поколение воинов», книга третья «Насильственное изгнание» (Анкара, 1994).

ЧЕРКЕЗОВ Стефан (1945–1972) – потомок черкесских махаджиров, герой Болгарии, публицист.

ШАВ (ЩАУЭ) Ахмед Лютфиллах (1890–1939). Турецкий дипломат, общественный деятель, писатель. Кабардинец. Родился в Адане. Лицей окончил в Алеппо. Выпускник Высшей школы гражданских чиновников (Стамбул). Сотрудник Министерства иностранных дел, посол Турецкой Республики во Франции, Канаде, Бельгии и других странах. Сотрудник адыгской газеты «Гъуазэ» («Маяк») и иллюстрированного журнала «Женщина» (1911). Переводчик с французского языка. Автор книги «Основы поведения в обществе и правила международного этикета» (Стамбул, 1932). Умер в Саудовской Аравии.

ШАМИ (ЩХЪЭЛАХЪУЭ) Сатаней (род. в 1956 г.). Известная в Иордании женщина, ученый-антрополог. Внучка видного турецкого историка Кавказа Исмаила Беркука. Родилась в Аммане. С отличием окончила Американский университет в Бейруте (1976). Магистром гуманитарных наук и доктором философии

стала в Калифорнийском университете (США, Беркли, 1977, 1982). Тема диссертации – «Этническое: черкесы в Иордании». Трудовую деятельность начала ассистентом профессора на кафедре антропологии Калифорнийского университета, работала в Арабском центре Джорджтаунского университета, доцент Института Ближнего Востока при Чикагском университете. С 1995 г. главный специалист Иорданского научно-исследовательского института. Действительный член Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук (1996). Провела индивидуальные исследования по темам: «Обозрение жизни бедуинов на Севере Иордании» (1976); «Черкесские общества Иордании» (архивы Стамбула, Дамаска, Лондона – 1979-1981); «Традиционные ремесла в Хашимитском королевстве» (1984); «Город и его общество» (1991); «Черкесские деревни в Центральной Турции» (1989, 1994); «Республики Северного Кавказа: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия» (1992, 1993). Автор книг «Перемещение и расселение населения после конфликта на Ближнем Востоке» (Нью-Йорк, 1994), «Амман: город и его население», «Амман и Бейрут» (в соавторстве с доктором Джоном Ганновером. Амман, 1995), «Медицинская антропология и арабский мир» (в соавторстве с доктором Мухаммедом Тбайшом – Амман, ЮНИСЕФ, 1995), «Транснационализм и изучение эмиграции: диаспора и тождественность на Ближнем Востоке» (Оксфорд, 1996). Ее перу принадлежат крупные научные статьи: «Социально-культурная антропология в арабских университетах» (1989), «XIX век: черкесские поселения в Иордании» (в книге «Изучение истории и археологии Иордании», Амман, 1992, том 4), «Женщины: работа и развитие» (в соавторстве с Люсин Таминьян – Амман, 1992), «Женская и этническая тождественность: черкесы в Иордании» (Амстердам, 1993), «Черкесы на Ближнем Востоке» (в «Энциклопедии мировой культуры», Нью-Хейвен, Коннектикут, 1995), «Дети Аммана» (в книге «Дети Ближнего Востока сегодня», Остин, Техасский университет, 1995). Член профессиональных союзов: Антропологического общества США, Общества изучения Ближнего Востока (США), Британского общества по Ближнему Востоку, Исполнительного Совета международной ассоциации по изучению вынужденной миграции (Англия) и др. Удостоена исследовательских степеней Ярмукского университета (Иордания), международного Центра развития (Канада), ЮНЕСКО. За большой вклад в развитие науки награждена иорданским орденом «Независимости» 3-й степени (1995).

Аль-ШАРКАСИ (ЕГЪЭН) Мустафа Хасан (1903–1977). Активный деятель черкесского зарубежья, публицист. Абазин. Родился в Аммане. Окончил Каирский университет. Один из создателей Черкесского благотворительного общества в Иордании (1952). В столице Хашимитского королевства построил большую мечеть «Абу Дервиш». Автор статей по истории и общественной жизни адыгов. Умер в Аммане.

ШАХИНГИРАЙ (ХБЭНАХЪУЭ) Мехмед Решид (1873–1919). Видный политический и государственный деятель Османской империи, публицист. Бжедуг. Родился на Кавказе. Окончил военное училище и военно-медицинскую академию в Стамбуле. Доктор медицины. Один из основателей партии «Единение и прогресс». За революционную деятельность был выдворен в Ливию. 10 лет возглавлял группу ссыльных антимонархистов. Свои статьи подписывал псевдонимами Черкес Ляли, Джеври, Шахингирай. После младотурецкой революции перешел на государственную службу. С 1909 по 1917 гг. в разных вилайетах империи занимал должности каймакама и губернатора. В эти же годы активно сотрудничал с культурными и политическими организациями османских черкесов. По ложному обвинению в причастности к армянской резне был арестован. В заточении написал и выпустил книгу «Стойкость» (1919), раскрывшую правду о событиях 1915 г. Погиб при попытке бегства из тюрьмы. Автор мемуаров «Почему и как свершилась революция» (Каир, 1909), «Воспоминания доктора Решид-бея – одного из основателей партии «Единение и прогресс» (Измир, 1992; Стамбул, 1993).

ЭСЕНЧ (ЗЕИФЭ) Тевфик (1907–1992). Последний из убыхов, знаток фольклора и языка родного народа. Родился и вырос в адыгской деревне Хаджиосман (район Маньяс, Турция). Был последним хранителем души убыхского народа – его языка. Знал песни и предания, пословицы и поговорки. С 1954 г., будучи мухтаром (старшиной) родной деревни, работал с экспедицией известного кавказоведа, французского профессора Жоржа Дюмезиля и его ассистента норвежца Ханса Вонга. Восемь раз был в Париже, где его живую речь записывали на магнитофонную ленту. О последнем хранителе убыхского языка, умершем вскоре после посещения родины предков, написаны книга, статьи, очерки.

ЯГАН Мурат (1915–1996). Канадский ученый и писатель. Абазин из рода Егъэн. Родился в Черкесии. В 1917 г. его родители эмигрировали в Турцию. Выпускник Галатасарайского лицея (1938). С 1963 г. живет в Канаде. Окончил Оттавский университет Виктория. Умер в Оттаве. Изданные произведения: автобиографическая повесть «Я иду с горы Каф» (Вермонт, 1984), монографии «Абхазская книга долголетия и счастья» (Верной, 1984), «Избранные поэмы Юнуса Эмре» (Верной, 1992), «Введение в Амустан Кабзех – древнее духовное воспитание кавказских гор» (Верной, 1992) и др. В его переводе с французского на турецкий язык в 1978 г. в Стамбуле были изданы «Воспоминания генерала Мусы Кундухова»

При подготовке данного раздела использованы следующие материалы: «Черкесское зарубежье», 1998, № 4; <http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>; Хафиц М.М., 2000).

АДЫГИ: РЫЦАРИ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ

Открыть этот раздел хотелось бы мудрыми словами (1998) адыгского писателя и публициста, мецената, автора удивительно красочной и интересной книги о спортсменах Земли адыгов, Хасана Гергова о роли спорта в общенациональной культуре народов: «Любому этносу, любой нации для нормального развития великий спортсмен так же необходим, как великий писатель, артист, художник, композитор, ученый, архитектор. Без великих спортсменов народ неполноценен. Если народ увлечен спортом, трудом, бизнесом, искусством, учебой, – он не поддается пьянству, наркомании, преступности; он становится физически здоровым, красивым и близким Богу».

1. У ИСТОКОВ: «ВПЕЧАТЛЯЮЩИЕ ДОСТИЖЕНИЯ» СПОРТСМЕНОВ-АДЫГОВ

1.1. «Адыги показывали свою силу и удаль на самых престижных спортивных соревнованиях древности»

В 320 г. до н.э. на Олимпийских играх в Греции победу в соревнованиях по борьбе одержал меот Неэхмэ... Это ли не свидетельство того, что уже 2300 лет назад адыги показывали свою силу и удаль на самых престижных спортивных соревнованиях древности.

А.Ю. Жане (1991).

Адыгея славится своими спортивными успехами, – из республики вышло немало чемпионов России, Европы, мира и Олимпийских игр. В связи с этим, нельзя не вспомнить, что еще предки адыгов – меоты принимали участие в Олимпийских играх Древней Эллады. Так, по данным А.Ю. Жане (1991), в 320 г. до н.э. на Олимпийских играх в Греции победу в соревнованиях по борьбе одержал меот Неэхмэ (имя переведено с древнегреческого языка). Об этом свидетельствует призовая амфора, найденная в захоронении воина-меота в районе горы Зеленой на Таманском полуострове. «Это ли не свидетельство того, – восклицает А.Ю. Жане, – что уже 2300 лет назад адыги показывали свою силу и удаль не только во встречах между собой, но и на самых престижных спортивных соревнованиях древности!». В свою очередь, Р. Трахо дополняет, что предки адыгов принимали участие не только в Олимпийских играх, но и в праздниках Панафиней, на которых бывали увенчаны в древних Афинах золотой короной. Сохранились сведения, что афиняне присудили почетное гражданство ряду боспорских царей; на народных собраниях принимались декреты о сооружении статуй в их честь и возложении на их головы золотого венца (так, увенчанными этими наградами были Перисад, Левкон I и Спарток II). При этом первые два царя вошли у греков в галерею знаменитых государственных мужей и их имена упоминались в греческих школьных учебниках.

Об истоках физического здоровья адыгов и причинах достижения столь высоких спортивных достижений размышляет Хасан Гергов (1998). Он отмечает, что с глубокой древности молодые адыги усиленно занимались своим физическим развитием, при этом особое внимание уделяли поддержанию хорошей физической формы. И дело не столько в том, что каждому мальчику или юноше хотелось показать свое превосходство перед сверстниками, сколько в том, что в случае военной опасности, нападений врага, им приходилось браться за оружие, а владение пикой, мечом или луком требовало силы и ловкости. И еще. С давних пор адыгская конница считалась лучшей в мире, а для достижения такой славы надо было постоянно тренировать и коня, и всадника, пока они не превратятся в подобие кентавра.

Увлечение спортом, подчеркивает Хасан Гергов, проходит через всю историю адыгов (черкесов) и находит фантастическое отражение в нартских сказаниях. Вспомним хотя бы богатырские игры нартов со Стальным колесом (Жан-Шэрхь). Его спускали с высокой горы, при этом один из богатырей встречал его у подножья и ударом ноги (ладони или даже лба!) загонял опять на вершину горы. Любили нарты и борьбу, цель которой заключалась в том, чтобы одним ударом вогнать противника в землю по самую шею. А нарт Бадыноко всаживал меч в землю острием вверх и плясал на его кончике. Народные предания отразили в какой-то степени конкретные образцы спортивной культуры предков адыгов.

1.2. Уникальные сведения о «славных черкасских борцах» в средневековых летописях и былинах

Черкесы привыкают к перенесению трудов неимоверных: голод, стужа, жар, усталость, жажда им ничем.

Хан-Гирей (1837).

И в адыгских, и в русских сказаниях сохранились сведения о борьбе князя Мстислава Удалого с касожским князем Редедей. Вот как описывается это событие в «Повести временных лет»: «В год 6530 (1022 г. – **Авт.**) ...Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О, Пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, – построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь св. Богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани» («История многовекового...», 2007).

В русском народном творчестве – старинных песнях и былинах можно найти упоминания и о «славном черкасском борце – Мамстрюке-князе», который был в 1565 г. в гостях у своей сестры Марии – жены Ивана Грозного. Он пробыл в России всего три месяца, но этот приезд в Москву, первый и последний при жизни Ивана Грозного, остался на столетия в памяти русского народа в целом ряде сказаний и многочисленных вариаций исторической песни о нем, где его называют «любимым царским шурином». Как видно, по душе пришелся царю Ивану брат его жены Марии, поразивший Ивана Васильевича своим ростом, силой и удалью:

Ой ты гой еси, черкасский князь,
Велик ростом уродился ты,
Златом, серебром украсился...

Сюжетом многочисленных вариантов популярной песни о Мамстрюке стал случай, имевший место в дни его пребывания в Москве. Будучи при дворе Ивана Грозного, шурин царя, хорошо владевший навыками национальной адыгской борьбы, не раз встречался с местными борцами. Об одной из этих схваток с двумя русскими «могучими» (могучими) борцами так рассказывается в старинной русской песне:

Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов,
И по себе борца нашел, –
И только думает ему вера поборотная есть,
У царя в каменной Москве.
С борцами сходится Майстрюк Темрюкович:
Борьба его ученая, борьба черкесская,
Колесом он бороться пошел... и т. д.

В семейных преданиях, песнях и рассказах сохранилось значительное количество повествований об адыгских богатырях и силачах XVIII-XIX вв. Молва доносит до нас имя силача Картула из села Заюко, который мог на спор привести из леса медведя. А Ташо Киштико много раз устраивал для любителей острых ощущений схватки с медведем и всегда оказывался победителем. Рассказывают и о силаче Фице Ашхотове, который как бы играючи гнул подковы, сдвигал с места валуны весом в несколько сот килограммов, отжимался на пальцах одной руки бесчисленное число раз. А разве не удивительна мощь и ловкость горца, способного догнать тура и привести его в село живым, как это сделал в свое время черкес из Чегема Горд? (Сообцокова Н.И., 2010).

Князь Артемий Волынский, астраханский губернатор, в своем сообщении от 5 декабря 1721 г писал Петру I об адыгах: «Могу похвалить (в черкесах. – **Авт.**), что все – такие воины, каких в здешних странах не обретаются, ибо, что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот, и никто против них не стоит, и все от них трепещут...». Но для такого превосходства недостаточно одного мужества, – необходима еще соответствующая физическая подготовка. Черкесская система подготовки воинов широко использовалась мамлюками. «...Боевое искусство мамлюков находилось на недостижимой для их противников высоте» (Хотко С.Х., 1993).

2. «НЕ ПОСРАМИТЬ ПАМЯТИ СВОИХ СЛАВНЫХ ПРЕДКОВ...»

2.1. Спортивные игры и состязания, пришедшие из глубины столетий

Из глубины столетий, а то и тысячелетий, пришли, как память о предках адыгов, спортивные игры и состязания, которые воспитывали у молодых людей силу и ловкость, храбрость и мужество, – все то, что так пригодилось им в борьбе с многочисленными врагами и захватчиками.

О том, что прекрасная, с самого раннего возраста, физическая закалка давала адыгам возможность с успехом сражаться с врагами и побеждать, – хорошо сказал французский исследователь Жан-Виктор-Эдуард Тэбу де Мариньи (1793-1852 гг.): «Крайнюю любовь черкесов к независимости, воинственности никто и ничто не может укротить. Привыкшие с самого нежного возраста к суровой закалке тела, к пользованию оружием и управлению лошадью, они не знают другой славы, кроме победы над врагом, и другого позора, кроме отступления перед неприятелем («Хасэ», 2009, № 1-4, февр.-март. С. 3).

2.1.1. «Огромное значение в физическом воспитании горцев играли знаменитые адыгские (черкесские) игрища»

Огромное значение в физическом воспитании горцев играли знаменитые адыгские (черкесские) игрища. Традиционно это широко поэтическое и, как правило, многодневное действо, включающее в себя песни, атлетические состязания и пышные пиры.

Б.Х. Бгажноков (1990).

Игрища стали духовным центром адыгов с древнейших времен. Они объединяли адыгов как этническое целое и примиряли враждующие племена.

Н.И. Сообцокова (2010).

Несомненный интерес с точки зрения познания истоков спортивной культуры адыгов представляет эссе, подготовленное Н.И. Сообцоковой (2010) по материалам своего исследования. Как пишет историк, придавая большое значение физическому воспитанию, адыги с самого раннего возраста привлекали своих детей к разнообразным играм. Адыгский ученый из Кабарды С.Х. Мафедзев (1979) описал более 250 народных обрядовых игр адыгов. Во время массовых гуляний молодежь любила перетягивать канат, толкать тяжелые камни; большой популярностью пользовалась народная игра – борьба «Банэ». Борьбой занимались во время свадебных торжеств, после уборки урожая и на других праздниках.

Огромное значение в физическом воспитании горцев играли знаменитые адыгские (черкесские) игрища. Традиционно, – пишет известный ученый-этнограф Б. Бгажноков (1990), – это широко поэтическое и, как правило, многодневное действо, включающее в себя песни, атлетические состязания и пышные пиры». С древних времен органически в ткань игрища вплетались жертвоприношения, молитвы и обряды магического свойства.

Существовало (да и сейчас некоторые существуют) немало поводов, требующих достаточно настойчивого почитания в виде игрищ: возвращение на родину из дальней и долгой поездки или с войны, возвращение сына или дочери, отданных на воспитание аталыкам, в родительский дом, выздоровление после тяжелой болезни, рождение ребенка, приобретение какой-либо ценной вещи особой важности, особенно символической вещи: знамени, меча, щита, кольчуги, взятых врагом с павшего воина, и т. д.

Целой серией игрищ сопровождалась свадьба. Свадебные игрища представляли собой привычную, прочно устоявшуюся, древнейшую традицию. Как заключение брака было невозможно без свадьбы, так и свадьба не мыслилась без соответствующих игрищ. При этом каждое игрище имело свое неповторимое лицо. Так, из поминального игрища выпадал такой важный компонент всех других игрищ, как пляски, – его основу составляли атлетические игры. В недавнем прошлом большим игрищем отмечались поминки: через год после смерти воина устраивалась тризна, в которой центральное место занимали всаднические игры, а также пиршества.

Весьма распространены были в прошлом так называемые клятвенные игрища, именуемые у бжедугов *нэузыр джэгу*. В критических ситуациях, когда на карту ставилась жизнь или честь близкого человека, адорант (лат. *adoratio* «поклонение, обожание») клялся, что в случае, если его счастье победит, он непременно созовет народ на пышное торжество. В а. Гатлукай и по сей день вспоминают клятвенное игрище, устроенное Хуаде Рашей в начале 20-х гг. XX столетия в честь выздоровления тяжело больной жены. Игрищами отмечали также разные виды взаимопомощи: постройка дома нуждающемуся (сироте, вдове, больным, пожилым людям); сенокос, уборка урожая и т. д.

Инициатива проведения спортивного игрища могла исходить, кроме того, от какой-либо признанной красавицы аула. Получив разрешение родителей, девушка через посыльных оповещала всех о том, что такого-то числа она устраивает большое игрище со скачками, что будет разыгран, например, трехлетний жеребец, золотые часы, украшенная золотым шитьем плетень... В 20-х гг. такое игрище провела в а. Панахес Рахмет, дочь Кашмида Жаде. Подобные празднества еще больше поднимали авторитет девушки; слава о ней распространялась далеко по всей Адыгее. Это были, в сущности, игрища в честь красоты и ума девушки.

Не менее замечательные торжества устраивались в честь возвращения утерянных реликвий. Известный на всю Адыгею старинный меч Шумноковых, считавшийся достоянием всех бжедуг, во время нападения врагов был захвачен в качестве трофея. После долгих переговоров с противником меч вернули. По этому случаю было устроено большое игрище, на которое собралось множество людей со всех концов Черкесии. Это был настоящий праздник, о котором люди вспоминают и по сей день, со слов старших.

Некоторым старикам-долгожителям, возможно, помнится и знаменитый праздник возвращения на родину старинного шапсугского знамени. В середине XIX столетия, в дни осады Абинского укрепления знамя было захвачено царскими войсками и в конце-концов попало в г Тбилиси – в музей покоренных племен и народов Северного Кавказа. После образования Адыгейской автономной области старики-шапсуги обратились к председателю облисполкома Ш.У. Хакурате с просьбой помочь им вернуть знамя отцов и дедов. Знамя было найдено и после долгих переговоров возвращено на родину. Возвращение знамени 27 июня 1926 г. вошло в историю адыгов как «Автоном джегу» – первый грандиозный спортивно-массовый праздник в а. Афипсип.

Очарованный красотой и динамикой адыгских игрищ, известный абхазский профессор Инал-Ипа в предисловии к книге кабардинского ученого Б.Х. Бгажнокова «Черкесское игрище» (1991) пишет: «Счастливы тот, кто видел зажигательные танцы, виртуозные номера всадников, слышал необычные по силе воздействия песни и поэтические послания, наблюдал образцы рыцарской этики и этикета... С большим волнением взяв из рук *хатяко* жезл вожака и пройдя по кругу с королевой игрищ, с девушкой неопишуемой красоты, почетный гость становился главным персонажем игрища, его героем» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 191; 196).

2.1.2. «Немало элементов спортивных соревнований включали в себя адыгские празднества...»

Все эти игры и упражнения имели целью воспитание физически совершенных и сильных людей, способных и землю защитить, и достаток для семьи создать.

Хасан Гергов (1998).

Немало элементов спортивных соревнований включали в себя такие адыгские празднества, как *Санэхуафэ*, *Тхээхухуэгухэжэ*, *ВакIуэхихэжэ*, *ХьэггуIыггуэ*, *ДжэгуакIуэ хасэ* и др. (Гергов Х., 1998), Особенно популярными были такие игры, как *шурыльэс* («конный и пеший»), *шыгъажэ* (скачки), *шыгъэджэгу* (джигитовки), *шыкъэгъафэ* (конные пляски), *нэцанэуэ* (стрельба по цели), *кхъуейплъыжэ кIэрыцIэ* (подвешивание копченого сыра к перекладине), *зэбэн* (борьба) и др.

Шурыльэс – военная игра: группа молодых людей окружают обрядовые пляски, защищая их от всадника, который стремится прорвать кольцо пеших, ворваться в плясовой круг, схватить девушку и вынести ее за ворота. Исход игры непредсказуем. Если побеждал всадник, то тхамада вручал ему *батырыбжэ* – богатырский рог, наполненный белым вином (в домусульманский период) или *марамажеем* – крепчайшей выдержанной брагой из проса и меда. *Шурыльэс* («конный и пеший») известен еще в нартском эпосе:

Нарты нас позвали,
Нарты нас пригласили:
«В шурыльэс поиграйте!» –
Когда нартые старые сказали,
Нартов под стрехи всех я загнал,
В круг ворвался и...
Шибла волом молодым заревел,
Свою богатырскую пику сломал...
Богатырский рог мне вручили.

Особенное очарование народным празднествам придавали джигитовки (*шыгъэджэгу*), в которых принимали участие лучшие скакуны и самые искусные наездники. Хан Гирей описывает один из вариантов *шыгъэджэгу*, имеющий также отношение к поминальной тризне: «Открывается зрелище удивительное: поставлен весьма длинный шест (*кебек*), к верхнему концу которого прибита небольшая круглая доска, и ловкие наездники, имея лук и стрелы наготове, летят на лихих скакунах один за другим; ...в таком трудном положении, несясь, как вихрь, мимо шеста, он спускает лук, и пернатая стрела вонзается в доску... или она, разбитая, падает к ногам изумленных зрителей».

Наездничество у черкесов получило такое развитие, что сформировалось в самостоятельный институт со своей идеологией, этикетом и божеством ЗекIуэтхэ (Зекотха – бог наездничества).

Адыгская борьба существовала, по Х. Гергову, в двух модификациях: *бгырыбанэ* (поясничная борьба) и *Итцэрыбанэ* (запятная борьба). В *бгырыбанэ* противники лицом к лицу схватывались крест-накрест таким образом, чтобы правая рука находилась над левой, а левая – под правой противника и соединялась за его спиной замком. Особенность *Итцэрыбанэ* состояла в том, что борцы держат друг друга за руки, и каждый стремится бросить другого наземь силой рук с помощью приемов.

В круг популярных видов спорта, пришедших из глубокой древности, входило и поднятие тяжести (*цIалэкъэIэт*, *мывэкъэIэт*) У черкесов не было штанги в ее современном понимании, – ее заменяли человек,

камень или другие подручные предметы. Молодые люди и дети любили также метание камней – *мывэ дзын*. Побеждал тот, кто толкал или кидал дальше всех. Такие же камни метали в цель.

Все эти игры и упражнения, – завершает свое эссе Хасан Гергов (1998), – имели целью воспитание физически совершенных и сильных людей, способных и землю защитить, и достаток для семьи создать. В спортивной терминологии такой воин назывался *шу хъэзыр* («готовый», т. е. «совершенный» всадник).

2.2. «Спорт воспитывает мужественных людей»

Мой характер закалился именно в спорте. Спорт воспитывает мужественных людей.

Аслан Джаримов, первый президент Республики Адыгея (1998).

Без великих спортсменов народ неполноценен. Если народ увлечен спортом, трудом, бизнесом, искусством, учебной, ...он становится физически здоровым, красивым и близким Богу.

Хасан Гергов (1998).

Современные спортсмены из Адыгеи, – отдаленные потомки победителей тех самых первых Олимпийских игр, – не посрамили памяти своих славных предков. В настоящее время Республика Адыгея по праву считается одной из самых сильных по физическому воспитанию молодежи на Северном Кавказе. На международных спортивных аренах мастера из Адыгеи за последнее 10-летие завоевали: на чемпионатах и первенствах мира и Европы 95 золотых, серебряных и бронзовых наград; в соревнованиях на Кубки мира заняли 13 призовых мест; на чемпионате на Кубок России 23 призовых места; на чемпионатах и первенствах России побеждали более 60 раз, 52 раза завоевывали серебряные и 66 раз – бронзовые награды (Сообцокова Н.И., 2010. С. 192).

Чемпионами мира и Олимпийских игр стали: по борьбе самбо: А.Ю. Хапай (1974, 1975), В.С. Дутов (1977) и В.П. Гурин (1978, 1989); по борьбе дзюдо: В.М. Невзоров (1975, 1978), Х.А. Тлецери (1984); по тяжелой атлетике: В.Г. Талаев (1977, 1978) и М. Киржинов (1972). Чемпионом мира и Европы по пауэрлифтингу (т.е. силовому троеборью), четырехкратным рекордсменом Европы и двукратным рекордсменом мира стал 26-летний Юрий Хуажев.

В спортивных кругах широко известны спортсмены из Адыгеи, многократные победители чемпионатов мира, Европы, России: чемпионы мира среди молодежи по борьбе дзюдо – Хасанбий Таов, Муса Настуев, Аслан Анаев, Тимур Бучукури и Вячеслав Делок; обладатели Кубка Мира, чемпионы мира среди молодежи по борьбе самбо – Мурат Хасанов, Мурат Озов, Схатбий Альхаов, Абрам Абрамян и Пилял Байчоров; призер первенств и чемпионатов России и Европы по тхэквондо (таэквон-до) – Мурат Кештов; чемпионка мира по спортивной акробатике; чемпионка Европы и Российской Федерации – Светлана Кушу.

Хорошо известны и многократные призеры отечественных чемпионатов. Аскер Уджуху – мастер спорта, многократный чемпион Адыгеи и Краснодарского края по вольной борьбе и дзюдо, бронзовый призер чемпионата РФ по борьбе дзюдо; Азмет Шеуджен – мастер спорта по вольной борьбе, неоднократный чемпион России; Аслан Джаримов, один из первых адыгейских спортсменов, выполнивших норму мастера спорта СССР по борьбе самбо, серебряный призер первенства СССР в 1964 г., чемпион России (1963). «Мой характер закалился именно в спорте. Спорт воспитывает мужественных людей», – нельзя не прислушаться к этим словам первого президента Республики Адыгея.

Во многих видах спорта адыги занимали и занимают высшие места на пьедесталах почета в различных чемпионатах. Так, Мурат Хасанов был четырежды чемпионом мира по борьбе самбо (1994, 1995, 1998, 1999), а всего только чемпионов мира и Олимпийских игр насчитывается более 80 адыгов, в том числе зарубежных, а чемпионов Российской Федерации, СССР и Европы – даже не десятки, а несколько сот.

2.3. На службе большого спорта

Самой яркой страницей адыгского спорта советского периода стала Майкопская школа по дзюдо-самбо, созданная выдающимся тренером Я.К. Коблевым.

Хасан Гергов (1998).

Основным направлением деятельности тренерско-преподавательского состава школы является подготовка спортсменов высокого класса, кандидатов и членов сборных команд Республики Адыгея и Российской Федерации по культивируемым видам спорта.

Х.А. Тлецери (2002).

Большой вклад в дело воспитания будущих чемпионов нашей страны и мира, в становление и развитие Адыгейской школы высшего спортивного мастерства внес почетный мастер спорта СССР, заслуженный

тренер СССР и РСФСР член-корреспондент РАО Якуб Камболетович Коблев, ныне, увы, усопший. В 1963 г. он входил в десятку сильнейших борцов страны. Работая тренером, подготовил 10 чемпионов Олимпийских игр, мира, Европы и СССР, а также воспитал около 30 мастеров спорта СССР международного класса и более 200 мастеров спорта. Практически все перечисленные выше спортсмены – питомцы Адыгейской республиканской школы высшего спортивного мастерства. Ежегодно решением Федераций спорта при Госкомспорте России в составы сборных команд Российской Федерации включаются ведущие спортсмены Адыгеи: 14 – в составы «взрослых» сборных команд и 10 – в юношеские сборные страны.

Для отбора наиболее перспективных юношей, с точки зрения формирования олимпийского резерва, в городах и аулах Адыгеи были созданы 25 секций, – рассказывает И. Гордюшков в своей книге «Звезды кубанского спорта», – у руля которых стали недавние ученики Якуба Коблева: в Шовгеновском районе – Каральби Багадиров, в Теучежхабле – Асланбек Гучетль, в Афипсипе – Байзет Нкпсо, в Майкопе – Аслан Махош. Вот тогда-то секция Коблева стала школой. Она обрела корни, а потом и свое официальное название...».

Школа высшего спортивного мастерства по борьбе самбо и дзюдо была организована в г. Майкопе 1 апреля 1978 г., согласно приказа Спорткомитета РСФСР от 13 января 1978 г. Позже, 2 января 1994 г., постановлением коллегии Комитета РА по физической культуре и спорту, она была переименована в Адыгейскую республиканскую школу высшего спортивного мастерства (АРШВСМ). В настоящее время ее директором является Х.А. Глечери, широко известный далеко за пределами нашей страны своими спортивными успехами в области борьбы дзюдо (чемпион мира 1984 г.; чемпион Европы 1982, 1983, 1984, 1985 гг.; чемпион СССР 1981, 1982, 1984 гг.). Основным направлением деятельности администрации и тренерско-преподавательского состава школы является подготовка спортсменов высокого класса, кандидатов и членов сборных команд Республики Адыгея и Российской Федерации по культивируемым видам спорта. С 1978 по 2000 гг. в АРШВСМ работали только 2 отделения: по борьбе самбо и борьбе дзюдо. В настоящее время в ней функционирует 8 отделений (свыше 20 учебных групп) по следующим видам спорта: борьба дзюдо (мужчины и женщины), тхэквондо, пулевая стрельба, легкая атлетика, велоспорт, акробатика спортивная, прыжки на батуте. В школе ежегодно обучается от 115 до 130 ведущих спортсменов республики.

Только за последние годы в Адыгейской республиканской школе высшего спортивного мастерства было подготовлено 20 Заслуженных мастеров спорта России (ЗМС), 60 мастеров спорта России международного класса (МСМК), сотни мастеров (МС) и кандидатов в мастера спорта (КМС).

2.4. «Кто есть кто» в мире спорта: созвездие имен, прославивших народ и родину адыгов

2.4.1. «Сиянием звезд спортивных озарена земля...»

*Сиянием звезд спортивных
Озарена земля моя, страна моя...*

Х. Кунижева (1972).

Приведу несколько жизнеописаний адыгов, занявших высшие места на пьедесталах спортивных достижений, в которых, как в капле воды, отражается не только современное состояние спорта в адыгских республиках, но и безусловно мужественный характер спортсменов, не желающих посрамить честь своего рода, своей малой родины, своего народа («Известные люди...», 1997; «Адыги (черкесы) чемпионы...», 1998):

АГИРОВ Мурат. Двукратный победитель чемпионатов мира по самбо. В 1995 г. черкесский спортсмен занял 1-е место на первенстве Российской Федерации среди юношей, 2-е место – в первенстве Европы, 2-е место в международном турнире по дзюдо в Италии; 1-е место в чемпионате мира в Болгарии. В 1996 г. выиграл первенство Российской Федерации среди молодежи в г. Черкесске; занял 5-е место в чемпионате Европы и 1-е место – в первенстве мира по самбо.

АГИРОВ Роберт. Победитель чемпионата мира среди молодежи по самбо. Мастер спорта международного класса. Родился в абазинском ауле Апсуа Адыге-Хабльского района, позже семья переехала в аул Псыж Карачаево-Черкесии. Занимался спортом под руководством тренера Мухаммеда Папшуова. В 1990 г. окончил факультет физической культуры Адыгейского госпединститута. В апреле 1996 г. занял 1-е место на чемпионате СССР, а в ноябре этого же года стал чемпионом мира по самбо.

АДЖИЕВ Азнаур. Чемпион России по вольной борьбе среди юношей (1995). Многократный чемпион Карачаево-Черкесии, победитель ряда всероссийских турниров. Занял 2-е место на Всероссийском турнире по отбору спортсменов на чемпионат мира (Черкесск).

АЛЬХАОВ Схатбий. Чемпион мира по борьбе самбо (1993, 1995, 1997, 1999); чемпион Европы (1993, 1998); чемпион Российской Федерации (1995, 1999). Заслуженный мастер спорта; мастер спорта международного класса. В 1991 г. – победитель Всесоюзного турнира по самбо среди юношей; позже – призер первенства Европейской части России, молодежного чемпионата Европы. В 1993 г., после окончания в Майкопе средней школы, поступил на факультет физвоспитания Адыгейского государственного педагогического института. В 1995 г. стал победителем первенства России и чемпионом мира среди юношей. «Он – мое самое лучшее достижение», – говорит о Схатбии его тренер А. Выростков.

АМИРОВ Мурат. Чемпион РСФСР среди молодежи по боксу (1986). Родился 4 апреля 1965 г. в ауле Новокувинский Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесии. Спортивную деятельность начал в 1981 г. под руководством тренера П.Р. Евгамукова. Занял 3-е место на чемпионате СССР среди молодежи (1986), второй призер международного турнира в Алма-Ате (1988), победы на международном турнире в США (1991).

АРДАНОВ Анзаур. Мастер спорта международного класса. Родился 4 июля 1991 г. в а. Пшизов Адыгейской автономной области. Многократный обладатель кубка России, Европы и мира по дзюдо. Чемпион России (2013 г.), на чемпионатах Европы дважды занимал второе место (2014 г., 2016 г.), многократный обладатель Гранд Шлема.

АТАОВ Ахмед. Абсолютный чемпион мира (1986) по вольной борьбе, чемпион Европы среди молодежи (1980), СССР среди юношей (1978), России (1984). Заслуженный мастер спорта. Родился 23 февраля 1961 г. Образование получил на факультете физической культуры Карачаево-Черкесского госпединститута (окончил в 1983 г.). Спортивную деятельность начал в 1974 г. под руководством тренера С.С. Нуцулханова. Второй призер чемпионата СССР среди взрослых (1981). Победитель международных соревнований в Венгрии (1983).

АУТЛЕВ Айдамир. Победитель чемпионатов мира (1985, 1986) по самбо. Родился в 1966 г. в адыгейском ауле Шовгеновском. Этот аул занимает особое место в спортивной истории республики: здесь был открыт первый филиал адыгейской школы борьбы самбо и дзюдо. Тренером Айдамира стал Гумер Потоков. В 1980 г. поступает учиться в Майкопский сельскохозяйственный техникум и продолжает тренировки, по борьбе дзюдо – у тренера Аслана Багадирова, а по самбо – у Арамбия Хапая. «Безусловно, Айдамир – один из талантливейших спортсменов, с которыми меня свела тренерская работа», – вспоминает о своем воспитаннике А. Хапай. В 19 лет А. Аутлев стал победителем мирового первенства среди молодежи. Через год, в 1986 г. снова участвует в мировом первенстве и вновь становится чемпионом мира. Осенью этого же года становится победителем на Спартакиаде Юга России по самбо, а затем выигрывает молодежное мировое первенство Вооруженных Сил. В 1988 г., вследствие тяжелой травмы после автомобильной аварии ушел из большого спорта и становится тренером по борьбе дзюдо в Шовгеновском филиале Центральной школы олимпийского резерва.

БАЖЕВ Зайдин. Чемпион мира по вольной борьбе (1991). Спортивному мастерству учился у тренера Чермена Аубекировича Алагирова. Занял 1-е место на Всесоюзном первенстве профсоюзов в Нальчике (1990).

БАЙЧОРОВ Нюр-Ахмат. Родился в 1973 г. В 1991 г. завоевал титул чемпиона Российской Федерации по дзюдо и самбо. Мастер спорта СССР.

БАЙЧОРОВ Пилял. Второй призер Кубка мира (1995), обладатель Кубка России по самбо (1992): чемпион России (1996), чемпион Вооруженных Сил РФ (1996), победитель международных турниров (1996). Мастер спорта международного класса по самбо, мастер спорта по дзюдо. Родился в 1971 г. в ауле Новая Дзегута. Спортивную деятельность начал с 4-го класса под руководством тренера Ю. Чомаева. С 1992 г. работает в Майкопской школе высшего спортивного мастерства.

БАЛАХОВ Мухамед. Чемпион мира 1996 г. по греко-римской борьбе. Родился в г. Терек Кабардино-Балкарии. Спортивному мастерству обучался у тренера Э. Белгорокова и директора Терской ДЮСШ В.Алшагирова. Занял 1-е место на Всероссийских летних играх учащихся в 1995 г. В 1996 г. за победу на чемпионате мира ему была вручена золотая медаль с надписью: «Чемпиону первенства мира по греко-римской борьбе среди кадетов (юниоров), 1996 г., Тегеран».

БАТЫРОВА Фатима. Чемпионка Европы по настольному теннису (1972). В 1972 г. стала чемпионкой Российской Федерации; заняла 1-е место и на Всесоюзных соревнованиях под руководством тренера А.Я. Малиевского. К концу своей спортивной карьеры Фатима являлась абсолютной чемпионкой Юга России, РСФСР, Центрального Совета общества «Спартак», ВЦСПС, чемпионкой СССР и Европы.

БЕДАНОКОВ Заур. Заслуженный мастер спорта России. Родился 2 июля 1991 г. С 2009 г. является постоянным членом сборной команды по дзюдо и самбо. За этот период 13 раз становился чемпионом России, 2 раза – Европы. В 2011 г. на чемпионате мира выиграл бронзовую медаль в личных соревнованиях и золотую медаль в командных. В 2013 г. завоевал две золотые медали на Сурдлимпийских играх, а в 2017 г. – серебряную медаль.

БЕРДИЕВ Шамиль. Вице-чемпион СССР среди молодежи (1990). Мастер спорта международного класса по вольной борьбе. Родился 24 января 1970 г. в сел. Старый Лескен Урванского района Кабардино-Балкарии. Обучался на историческом факультете Карачаево-Черкесского госпединститута. Заниматься спортом начал в 1981 г. под руководством тренера А.Э. Джанкетова. Первый призер международных турниров в Махачкале (1989, 1990) и Франции (1990). Обладатель Кубка международного турнира в Канаде (1990) и Кубка СССР (1990). 3-й призер международного турнира среди взрослых в Турции (1990).

БИБОВ Мурат. Чемпион мира по тяжелой атлетике (1980). Родился в г. Майкопе. Спортивному мастерству учился у тренера Меджида Хуажева. В 1978 г. в соревнованиях на первенство ВЦСПС занял 1-е место. На Спартакиаде народов СССР (1979) стал бронзовым призером; на чемпионате страны завоевал серебряную медаль. В составе команды выиграл этапный розыгрыш Кубка мира (1980).

БИДЖЕВ Аслан. Чемпион мира (1993, 1994), Европы (1996) по борьбе самбо. Пришел в самбо в 10-летнем возрасте, занимался у тренера Мухаммеда Папшуова. В 15 лет черкесский спортсмен выиграл чемпионат России и в том же году выиграл отборочные соревнования на чемпионат мира среди юношей. В 1993-1994 гг. становится чемпионом мира, а в 1996 г. – чемпионом Европы.

БОТАШЕВА Кулистан. Четырехкратная чемпионка России по женскому футболу (1992, 1993, 1994, 1996); чемпионка Германии по женскому мини-футболу (1995), обладательница Кубка России по женскому футболу. Мастер спорта международного класса. Родилась 30 июля 1967 г. в г. Усть-Джегута. Образование получила в Ставропольском кооперативном техникуме, на факультете экономики и управления производством Московской академии управления, Краснодарском торговом институте (заочно). Спортивную деятельность начала в школьные годы. В 1991 г. – бронзовый призер чемпионата СССР, в 1995 г. – вице-чемпион России.

ГЕРГОВ Альберт. Чемпион СССР (1991) по вольной борьбе. Родился в 1974 г. в сел. Дугулугей Кабардино-Балкарии. В октябре 1986 г. 12-летний мальчик занял 1-е место на Всесоюзном турнире по вольной борьбе в Чегеме I. В 1988 г. стал победителем первенства Северного Кавказа, а на чемпионате России занял 3-е место. В 1990 г. – чемпион Российской Федерации среди юниоров. В 1991 г. становится чемпионом СССР по вольной борьбе среди юношей в весовой категории до 60 кг. На чемпионате мира (1991) завоевал серебряную медаль. Многочисленные выступления на чемпионатах не помешали ему успешно окончить школу и поступить на спортивный факультет Кабардино-Балкарского университета.

ГОТОВ Юрий. Чемпион Европы по спортивной гимнастике среди молодежи (1993). Начал заниматься спортом с 6-летнего возраста. Воспитанник Черкесской детско-юношеской школы олимпийского резерва. В 12 лет на молодежном чемпионате СССР по спортивной гимнастике занял 3-е место. В 14 лет на молодежном турнире в Северной Африке завоевал шесть из семи золотых медалей. На Всемирной универсиаде в США получил бронзовую медаль в вольных упражнениях.

ГУБАШИЕВ Аслан. Родился в сел. Тырнауз, а род его – из аула Исламей в Баксанском районе КБР. Еще учась в школе, стал чемпионом Карачаево-Черкесии по самбо, а в 1989 г. стал призером Всесоюзного чемпионата среди школьников. Чемпион мира, обладатель Кубка Мира по каратэ-до (1996).

ГУКОВ Мурат. Чемпион мира по самбо (1993). Первым наставником был Заудин Унежев, затем его сменил тренер Мухаммед Папшуов. В 1985 г. черкесский спортсмен занял 1-е место на соревнованиях среди школ г. Черкесска. В 1993 г. в США стал победителем мирового первенства.

ДАУРОВ Аслан. Чемпион мира по борьбе самбо (1994, 1996), обладатель Кубка Европы (1997), чемпион Российской Федерации (1996), мастер спорта международного класса.

ДЕЛОК Адам. Чемпион мира среди юниоров по борьбе самбо (1995), чемпион Европы (1995). Мастер спорта международного класса. Родился в 1975 г. в адыгейском ауле Вочепший. Первый тренер – Азмет Абубачиров. Учился в спортивной школе олимпийского резерва в г. Майкопе у тренеров Якуба Коблева, Арамбия Хапая и Хазрета Глецери. В 1994 г. занял 3-е место на международных турнирах по дзюдо во Франции и Румынии, дважды выигрывал первенство Вооруженных Сил России. В 1975 г. на чемпионате мира в Болгарии занял высшую ступеньку на пьедестале почета.

ЕКУТЕЧ Измаил. Чемпион Европы по классической борьбе (1973, 1979); России (1969, 1970, 1971, 1979). Родился в ауле Псейтук ААО. Спортивному мастерству учился в спортшколе общества «Спартак» в Краснодаре у тренера В.Д. Новикова. В 1967 г. занял 3-е место на Спартакиаде школьников России в Ленинграде, а на Спартакиаде школьников СССР – 2-е место. После окончания школы поступил в Краснодарский политехнический институт. Окончание учебы отметил очередной победой – выиграл Кубок Европы. В 1979 г. стал призером Спартакиады народов СССР.

ЕМИЖ Арамбий. Чемпион Европы (1974, 1979, 1980) по борьбе самбо; чемпион Российской Федерации (1973, 1978) по борьбе дзюдо; чемпион СССР (1974) по борьбе самбо. Родился в ауле Асоколай ААО. Поступил в Майкопский сельхозтехникум, который в конце 60-х гг. XX в. был признанным центром борьбы самбо. Спортивному мастерству учился у тренеров Нурбия Хуажева и Якуба Коблева. Уже в 1971 г. победил на первенстве России среди сельских спортсменов, занял 2-е место в чемпионате СССР по самбо. В 1972 г. стал чемпионом России. В 1974 г. завоевал золотую медаль на чемпионате СССР по самбо, а в 1978 г. занял 1-е место на чемпионате СССР по дзюдо. Бронзовый призер XXII Олимпийских игр 1980 г. в Москве.

ЖАНИМОВ Аслан. Чемпион мира по греко-римской борьбе (1981) и Европы (1982). Первый успех пришел к нему в 1975 г., когда на Спартакиаде народов Российской Федерации он поднялся на высшую ступеньку пьедестала почета в весе 82 кг. В 1976 г. на клубном армейском первенстве Европы Жанимов выиграл 4 из 5-ти поединков. В 1978 г. он выигрывает международный турнир в Чехословакии; вместе с золотой медалью ему вручают и приз «За волю к победе», а также – первому из Кабардино-Балкарии – почетное звание мастера спорта СССР международного класса. В 1981 г. в составе сборной страны выигрывает Кубок мира. В 1982 г. выигрывает чемпионат Вооруженных Сил, затем – первенство СССР и, наконец, чемпионат Европы. Завершив выступления, является одним из ведущих российских тренеров по классической борьбе.

ЖАНОВ Мурат. Родился в ауле Псыгансу Кабардино-Балкарии. Чемпион мира, обладатель Кубка Мира (1995, 1996, 1997); чемпион Европы (1996) по кикбоксингу. К званию чемпиона мира он добавил титул обладателя кубка Европы и звание чемпиона мира среди профессионалов (1997). В мире кикбоксинга родилась шутливая фраза по отношению к соперникам Мурата: «Он же не из Псыгансу, его можно победить!»

КАЗИЕВ Алексей. Победитель чемпионата мира 1992 г., обладатель Кубка мира 1998 г. по вольной борьбе. Родился в г. Тереке Кабардино-Балкарии. На зональных соревнованиях Юга России занял 1-е место.

В 1992 г. стал чемпионом мира среди юношей. Поступил и окончил с отличием юридический факультет Кабардино-Балкарского университета.

КАРДАНОВ Мурат. Чемпион мира по греко-римской борьбе (1991, 1992), Европы (1998). Родился в 1971 г. в сел. Зарагиж Кабардино-Балкарии. В 1990 г. занял 2-е место в чемпионате страны среди юношей, на чемпионате СССР занял 1-е место. В 1991 г. стал чемпионом мира среди молодежи – первым кабардинцем, выигравшим чемпионат мира по греко-римской борьбе. В следующем году стал бронзовым призером чемпионата СНГ, выиграл Кубок мира. А спустя год, завоевал «Большой приз Германии», стал чемпионом России среди взрослых.

КЕШТОВ Мурат. Чемпион Европы по тхэквондо (1993). Мастер спорта международного класса. Родился 12 августа 1973 г. в ауле Али-Бердуковский Хабезского района Карачаево-Черкесии. Работал инструктором по спорту в обществе «Динамо» г. Черкесска. Тхэквондо (таэквон-до) стал заниматься в 1990 г. под руководством тренера М. Боранукова. Победитель первенства России среди юношей (1990); чемпион России среди взрослых (1991). Обладатель двух золотых и трех серебряных медалей на международном турнире в Норвегии (1992). Чемпион Европы в командном зачете (1993).

КИРЖИНОВ Мухарбий. Родился в 1949 г. в а. Кошехабль ААО. В 22 года он впервые стал чемпионом СССР по штанге в легком весе и оставался сильнейшим в своей категории в течение пяти лет. Дважды становился чемпионом Европы и дважды (1972, 1973) – чемпионом мира. Первым из советских штангистов выиграл на XX Олимпиаде золотую медаль. Последний раз устанавливал рекорд мира в 1975 г.

КОСТОКОВ Гумер. Чемпион Европы (1974) по борьбе самбо; СССР (1970, 1974, 1976) и Российской Федерации (1968, 1971). Чемпион мира по борьбе самбо среди ветеранов спорта (1993). Родом из аула Егерухай ААО. Спортивному мастерству учился у известного тренера Якуба Камболетовича Коблева.

КУНИЖЕВ Мухаммед. Чемпион мира по борьбе самбо (1993); двукратный победитель чемпионата Европы (1993). Мастер спорта международного класса. Родился в 1973 г. в ауле Псыж Карачаево-Черкесии. С 12 лет занимается спортом под руководством тренера Аслан Кадырова, а позже – Мухаммеда Папшуова. Занял 1-е место на турнире имени Героя Советского Союза Мурата Карданова. В 1990 г. занял 3-е место на чемпионате Юга России. Спустя год выиграл первенство Советского Союза. В 1993 г. – чемпион России, Европы и мирового первенства среди юношей. В 1994 г. – занял 2-е место на мировом чемпионате среди взрослых. Одновременно учился на факультете физической культуры и спорта Карачаево-Черкесского государственного университета, который с отличием окончил.

КУШУ Светлана. Чемпионка мира (1997) по силовой (спортивной) акробатике; чемпионка Европы (1997, 2001), Российской Федерации (2000, 2001). Заслуженный мастер спорта.

КУШХОВ Мулид. Чемпион Европы по настольному теннису (1984). Спортивному мастерству учился у тренеров Роберта Геворкова и Руслана Коцева. В 1982 г., в 14-летнем возрасте стал чемпионом СССР среди школьников Призер первенства Европы 1983 г. среди юношей, а через год завоевал золотую медаль на юношеском чемпионате Европы. В 1984-1986 гг. к европейским наградам добавил две золотые и одну серебряную медали на спартакиаде школьников СССР. Впоследствии Мулид достойно защищал цвета сборной России и СССР в Италии, Германии, Иране, Австрии, Чехословакии, Польше, Югославии и Никарагуа.

МАКОЕВ Мурат. Чемпион мира по кикбоксингу (1996), обладатель Кубка Европы (1996). Родился в сел. Псыгансу Кабардино-Балкарии. В декабре 1996 г. в Венгрии проходил розыгрыш Кубка мира. В весе до 75 кг его выиграл Мурат Макоев.

МЕРЕТУКОВ Сагид. Уже в 1979 г. он стал серебряным призером чемпионата СССР по самбо. Почти на всех состязаниях всесоюзного ранга Сагид занимал призовые места; его высокотехничный наступательный стиль борьбы особо отмечали специалисты и спортсмены. В 1983 г. он завоевал титул чемпиона мира, а в 1983 – чемпиона Российской Федерации по борьбе самбо. После ухода из большого спорта работал тренером.

НАРТОКОВ Аслан. Чемпион мира по вольной борьбе (1994). Впервые стал заниматься борьбой в спортивной секции в 7-летнем возрасте. Тренер – Беслан Шебзухов. В 1992 г. выиграл первенство России по вольной борьбе. В 1994 г. получает золотую медаль чемпиона мира на чемпионате в Будапеште.

ОЗОВ Мурат. Заслуженный мастер спорта Российской Федерации. Чемпион мира по борьбе самбо (1996) и Российской Федерации (1996).

СХАЛЯХО Каплан. Мастер спорта международного класса по пауэрлифтингу (жим штанги лежа). Родился 28 августа 1990 г. в г. Майкопе. Спортсменом занимается с 2008 г., чемпион России, Европы и мира (коммерческий турнир; 2012 г., 2014 г.).

ТАТАРЩАО Азамат. Чемпион мира по кик-боксингу среди молодежи (1996). Родился в 1977 г. в ауле Псыж Карачаево-Черкесии. Спортсменом занялся, когда поступил учиться в Адыгейский госуниверситет. Ему еще не исполнилось 18 лет, когда он стал чемпионом России среди юношей. А спустя год, в 1996 г. он победил в первенстве Юга России среди взрослых, а затем стал серебряным призером юношеского чемпионата Европы в Венгрии. В этом же году он завоевал Кубок мира среди молодежи. В 1997 г. ему вручена серебряная медаль за победу в мужском чемпионате России. Тренирует Азамата Заслуженный тренер Республики Адыгея К. Сиюхов.

ТЛЕЦЕРИ Хазрет. Родился в 1958 г. в а. Казанукай Теучежского района ААО. Широко известен далеко за пределами нашей страны своими спортивными успехами в области борьбы дзюдо (чемпион мира 1984 г.; чемпион Европы 1982, 1983, 1984, 1985 гг.; чемпион СССР (1981, 1982, 1984 гг.)). Директор Адыгейской республиканской школы высшего спортивного мастерства. В июле 1995 г. награжден высшей международной спортивной наградой, сопроводительный текст к которой звучал: «В знак признания выдающихся спортивных заслуг и за вклад в развитие дзюдо Хазрету Тлецери присвоена Золотая медаль Европейского Союза дзюдо». Такая награда вручалась впервые, и не только в Российской Федерации, но и ранее – в СССР.

ХАГУРОВ Аслан. Чемпион Европы по вольной борьбе (1995, 1996). Родился в пос. Чегем I Кабардино-Балкарии. В 12-летнем возрасте уехал в Москву, учился в спортивной школе-интернате под руководством тренера Г.А. Мачарашвили, затем – в училище олимпийского резерва, в Московском институте физкультуры. Был неоднократным чемпионом и призером первенства Москвы, чемпионом СССР среди юношей, дважды – чемпионом России, занимал призовые места на молодежном чемпионате Европы.

ХАМБАЗАРОВ Маирбек. Победитель Всемирных профсоюзных спортивных игр по греко-римской борьбе (1995). Еще будучи девятиклассником, стал победителем спартакиады школьников в Тырнаузе. Затем были победы на двух юношеских и трех молодежных турнирах России. Бронзовый призер юношеского чемпионата мира в Колумбии (1992) и Европейского чемпионата в Турции (1994). Чемпион Российской Федерации (1994), чемпион мира по греко-римской борьбе.

ХАПАЙ Арамбий. Родился в а. Тауыхабль Теучежского района ААО. Участник и призер многочисленных соревнований. В 1970 г. выполнил норматив мастера спорта СССР. В этом же году занял 3-е место на соревнованиях самбистов страны. Заслуженный мастер спорта СССР. Из спортсменов Кубани – первый чемпион мира по борьбе самбо (1974, 1975). Завершив выступления, А. Хапай стал тренером. Его питомцы – Сагид Меретуков, Айдамир Аутлев и Роберт Агиров стали чемпионами мира, а младший брат Арамбия – Хамид стал вторым в мире.

ХАПАЙ Хамид. Чемпион Европы (1989) по борьбе самбо. Серебряный призер чемпионата мира (1987). Родился в 1960 г., в 15 лет впервые стал заниматься самбо под руководством Заслуженного тренера СССР В.И. Шхалахова. В 1980 г. на чемпионате России занимает 2-е место и завоевывает звание «Мастер спорта СССР» по самбо. В этом же году победа на Всесоюзном турнире приносит ему такое же звание по дзюдо. Выступал на чемпионатах мира Европы, СССР, России. За 5 лет, начиная с 1985 г., Хамид 4 раза становится бронзовым призером, 8 раз награждался за вторые места и 16 (!) раз поднимался на высшую ступеньку пьедестала почета.

ХАСАНОВ Мурат. Родился 10 декабря 1970 г. в а. Егерухай ААО. Мастер спорта международного класса, Заслуженный мастер спорта СССР. Чемпион Российской Федерации по борьбе самбо (1995, 1996, 1998); чемпион Европы, обладатель Кубка Европы (1993, 1995, 1996, 1997, 1998); чемпион мира, обладатель Кубка мира (1994, 1995, 1998, 1999).

ХАЦУКОВ Тимур. Чемпион Европы по вольной борьбе (1980). В 1979 г. на первенстве Советского Союза среди молодежи завоевал золотую медаль и приз «За волю к победе». В 1982 г. на чемпионате СССР среди взрослых молодой кабардинец стал серебряным призером. Занял первые места на чемпионатах Российского и Центрального Совета ДСО «Спартак» в 1984 г.

ХУАЖЕВ Юрий. Родился в г. Майкопе в 1970 г. После окончания института уже в 24 года стал мастером спорта. Пятикратный чемпион России, трехкратный чемпион Европы (1995, 1996, 1997) и двукратный чемпион мира (1996, 1997) пауэрлифтингу. В 1996 г. Ю. Хуажев был объявлен в Адыгее лучшим спортсменом года.

ХУШТ Адам. Чемпион мира по борьбе самбо среди юниоров (1999); чемпион Европы (1996, 1997), Российской Федерации (1999). Мастер спорта СССР, мастер спорта международного класса. Родился в 1979 г. в ауле Тахтамукай. Спортом занимался под руководством тренера Арамбия Хапая. В 1996 г., в 17-летнем возрасте, стал чемпионом Европы среди молодежи, а в 1999 г. чемпионом мира по борьбе самбо.

ЧЕРМИТ Руслан. Чемпион Европы по греко-римской борьбе (1993). Родился в 1975 г. в ауле Тахтамукай ААО. С 10 лет занимался вольной борьбой, а затем – греко-римской под руководством тренера Магомета Мешвеца. Учился в Майкопском государственном технологическом институте (ныне – университет). Несмотря на тяжелейшую травму руки, продолжал тренировки. В 17 лет на первенстве Российской Федерации занял 2-е место, а на чемпионате Европы – 1-е место. В 1994 г. занял первые места на ряде престижных международных турнирах.

2.4.2. «Нет, не перевелись еще адыгские рыцари!»: спортивные достижения зарубежных адыгов

Спортивная культура адыгов сыграла выдающуюся роль в боевой и физической подготовке турецких воинов и дала этой стране всемирно известных спортсменов, чемпионов мира, Олимпийских игр и Европы, среди которых немало черкесов.

Хасан Гергов (1998).

Исследования Б.Н. Берзегова, М. Хафице (1998) и А.В. Кушхабиева (2007) дали возможность дополнить информацию о впечатляющих спортивных достижениях зарубежных адыгов – отдаленных потомков махаджиров, – в основном, как и следовало ожидать, – спортсменов из Турции. Как отмечает Хасан Гергов

(1998), «...спортивная культура адыгов сыграла выдающуюся роль в боевой и физической подготовке турецких воинов и дала этой стране всемирно известных спортсменов, чемпионов мира, Олимпийских игр и Европы, среди которых немало черкесов». Приведенный ниже перечень говорит сам за себя:

АНУК (ТІЭТПУ) Акрам (1915-1988). Чемпион Турции по вольной борьбе. Шапсуг. Родился в Самсуне. Пятикратный чемпион Турецкой Республики (1944-1948). Боролся в легкой и полулегкой весовых категориях. Одержал чистую победу над чемпионом мира Насихом Акаром. Умер в Анкаре.

АТАЛАЙ (НАГЪУЭ) Махмуд (род. в 1935 г.). Чемпион Олимпийских игр, мира и Европы по вольной борьбе. Шапсуг. Родился в деревне Джамильбей (район Аладжа, вилайет Чорум). Борьбой начал заниматься на срочной службе в армии. Десятикратный чемпион Турции (1959-1968) по вольной борьбе, победитель международного турнира стран Средиземноморского бассейна (Бейрут, 1959), чемпион Балканских игр (Афины, 1961; Белград, 1962) в весовой категории до 70 кг. Чемпион Европы (Манчестер, 1965); дважды завоевывал «серебро» на чемпионатах континента в немецком городе Карлсруэ (1966) и Стамбуле (1967). На первенствах мира боролся в полусреднем весе (до 78 кг): в Софии (1963) – четвертый, в Манчестере (1965) – третий, в Тоledo (США, 1966) – первый. Четвертый призер XVIII Олимпийских игр в Токио (1964). Чемпион XIX Олимпиады в Мехико (1968). «Все попытки Даниэля Робена навязать бешеный темп и измотать Аталая турецкий спортсмен пресекал тем, что хватал юркого француза и, сламыкая его, как тростинку, валил в партер. Махмуд крушил соперника в любом положении, не давая никаких шансов ни на помощь судей, ни на действие разреженного воздуха среднегорья. Махмуд Аталай уверенно завоевывал золотую медаль», – писал заслуженный тренер СССР Сергей Преображенский о чемпионе XIX Олимпийских игр. Знаменитый турецкий пахлеван после Олимпиады в Мехико больше не выступал на ковре. 15 лет работал тренером Анкарского спортивного клуба, сборной страны.

АШАНИ (ШОІЭНИ) Ахмед Фетгерей (1900-1977). Турецкий спортивный деятель. Абазин. Родился в деревне Сападжа, вилайет Болу. Создатель и руководитель турецкой федерации борьбы (1923-1937). Разносторонний спортсмен – борец, гимнаст, футболист. Один из инициаторов проведения Балканских игр. Умер в Анкаре.

БИЛЬГЕ Газанфер (род. в 1926 г.). Чемпион Олимпийских игр по вольной борьбе. Абазин. Родился в городе Дюздже. Неоднократный победитель первенства Турецкой Республики по вольной и греко-римской борьбе. Ученик Яшара Догу. Чемпион XIV Олимпиады (Лондон, 1948). В решающих схватках в легкой весовой категории (до 62 кг) одержал на этих Играх чистые победы над шведом И. Шелиной и швейцарцем А. Мюллером.

БИЛЬГЕ Зафер (род. в 1926 г.). Чемпион мира и Европы по вольной борьбе. Абазин. Родился в городе Дюздже. Брат-близнец чемпиона XIV Олимпиады Газанфера Бильге. Ученик знаменитого борца Яшара Догу. Неоднократный победитель первенства Турции по вольной борьбе. Чемпион Европы (Стокгольм, 1946). Чемпион мира в легкой весовой категории (Хельсинки, 1951). В финале одолел по очкам финляндского богатыря Руикку.

ДАГДАЛЕН (МЫЩЭ) Мустафа (род. в 1973 г.). Неоднократный чемпион мира и Европы по тхэквондо (таэквон-до). Шапсуг. Родился в Анкаре. Воспитанник тренера Дженгиза Ягыза. Таэквон-до занимается с 10-летнего возраста. Член сборной Турецкой Республики. Двукратный чемпион Европы (Рим, 1987; Копенгаген, 1990), трехкратный чемпион мира (Токио, 1990; Нью-Йорк, 1991; Измир, 1993) в весовой категории до 63 кг. Серебряный призер чемпионатов мира в – Брюсселе (1987), Нью-Йорке (1989) и Стамбуле (1992).

ДОГУ (ГЪУКІЭ) Яшар (1913-1961). «Бог борьбы», великий турецкий спортсмен, чемпион Олимпийских Игр, мира и Европы. Убых. Родился в деревне Кара-Эмир (район Кавак, вилайет Самсун). С детства увлекался борьбой и адыгскими танцами. В 1937 г. переехал в Анкару. Работал сварщиком, тренировался в спортивном клубе. Победитель первенств Турецкой Республики (1938-1954), Балканских игр (1940, 1942) по греко-римской и вольной борьбе. Феноменального адыгского богатыря, никогда не знавшего горечи поражения, болельщики, судьи и спортсмены называли «богом борьбы». Напористо преследовал своего соперника «по всей площади ковра и, настигнув, сбивал в партер и переворачивал на лопатки». Неоднократный чемпион Европы по вольной (Стокгольм, 1946; Прага, 1947, Стамбул, 1949) и греко-римской борьбе (Прага, 1947). Чемпион мира (Хельсинки, 1951) в полутяжелом весе. Герой XIV Олимпиады в Лондоне (1948) С большим перевесом по очкам или чисто выиграл поединки у пяти знаменитых мастеров ковра. В финале встретился с мощным австралийцем Робертом Герардом, которого убедительно победил по очкам и стал Олимпийским чемпионом в весе до 73 кг. «Яшар Догу был ниже среднего роста – 168 см. Когда он выступал в полутяжелом весе, то выглядел таким коренастым, словно был врыт в ковер, – подобраться к нему не было никакой возможности. Резкий, сильный, смелый. Не было спасения от его приемов с захватом ног. В партере Яшар поднимал противника как пушинку и проводил «турецкие ножницы». Догу был разносторонним борцом. Например, на чемпионате Европы 1947 г. в полусреднем весе не только по вольной, но и по классической борьбе ему не было равных. Он легко завоевывал первое место», – восхищался великим турецким спортсменом заслуженный тренер СССР Сергей Преображенский. С 1955 г. – главный тренер сборной команды Турции. Подготовил несколько чемпионов мира и Олимпийских игр, в том числе знаменитых богатырей Хамида Каплана и Мустафу Дагистанлы. Был знатоком языка, этикета и истории адыгов. Умер от сердечной недостаточности. Похоронен в Самсуне, где ежегодно проводится международный турнир по вольной борьбе его памяти.

ЖАНДЕМИР (ГУГЪЭЖЬ) Адиль (1914-1989). Чемпион Европы (1949) по вольной борьбе. Родился в шапсугской семье в деревне Гумушхаджи (район Хамамозу, вилайет Амасья). Член сборной Турции с 1938 г. Семикратный чемпион страны по вольной борьбе (1946-1952), победитель международных турниров в Иране, Болгарии, Швеции, Англии, Франции. Серебряный призер XIV Олимпийских игр (Лондон, 1948). В столице Великобритании одержал в весовой категории до 79 кг пять ярких побед над сильными борцами – японцем Нанто, французом Дюбуа, австралийцем Кеноном, бельгийцем Оливье, финном Пекколой. В финале уступил одно очко американцу Генри Брэнду. Чемпион Европы (Стамбул, 1949). В полуфинале и финале положил на лопатки знаменитых борцов Юхансона (Швеция) и Стойкова (Болгария). Третий призер первенства Европы по греко-римской борьбе в тяжелой весовой категории (Стокгольм, 1950). Долгие годы был главным тренером сборной команды Турции по вольной борьбе. Умер в Анкаре.

ЗАФЕР (АДВЕЙБА) Нуретдин (1913-1991). Чемпион Европы по греко-римской борьбе. Абхаз. Родился в городе Дюздже (вилайет Болу). С 13 лет увлекался масляной и греко-римской борьбой. Неоднократный победитель первенств Турции по яглы-гурашу и классической борьбе. Чемпион Европы по греко-римской борьбе в весовой категории до 62 кг. Умер в Стамбуле.

ЗАФЕР (АДВЕЙБА) Хейдар (род. в 1918 г.). Чемпион мира по вольной борьбе, чемпион Европы по греко-римской борьбе. Абхаз. Родился в городе Дюздже (вилайет Болу). С 10 лет занимался в секции борьбы. Неоднократный чемпион Турции. Победитель европейского первенства по греко-римской борьбе (Стокгольм, 1952). Чемпион мира по вольной борьбе (Хельсинки, 1951) в весовой категории до 79 кг. Одолеl знаменитого иранца Тахти и шведа Эдстрема. На XV Олимпийских играх в Финляндии (1952) занял пятое место.

ЙИЛДЫЗ (ГЭМУЖБАШ) Ливер Мамет (1912-1984). Турецкий пахлеван, мастер «масляной борьбы». Абазин. Родился в деревне Фатхие (вилайет Измит). С детства увлекался турецкими национальными видами единоборства: кисбот, кирклынар и яглы-гураш («масляная борьба»). Победитель городских и областных первенств среди юношей. На первенстве Турции 1934 г. по яглы-гурашу занял второе место, по греко-римской борьбе (1940) – третье место. На чемпионате Турецкой Республики по «масляной борьбе» (1948) в полутяжелом весе ему не было равных. Следующий год принес ему серебряную медаль. Неудача была связана с его простудой. Победитель – пахлеван Баба-Аскили Ибрагим, который не смог одолеть Йилдыза днем раньше, – сказал, что чемпионское «золото» по справедливости должно было достаться ему.

КАДЫР Ягыз (ХьэпТыжыкъэ). Двукратный чемпион Европы по тхэквондо. Родился в 1972 г. в деревне Марыгуней, вилайет Йозгат. Тхэквондо занимается с 1979 г., с 1988 г. – в сборной Турции. В 1988 г. стал чемпионом Европы (Турция, Анкара), в 1990 г. – чемпионом Европы (Дания, Копенгаген); в 1992 г. – серебряный призер чемпионата Европы (Испания, Мадрид). Окончил университет Гази.

КАПЛАН (КІЭКІ) Хамид (1935-1976). Великий турецкий пахлеван, чемпион мира и Олимпийских игр. Убых. Родился в городке Хамам-Озы (вилайет Амасья). Воспитанник «бога борьбы» Яшара Догу. Десятикратный чемпион Турецкой Республики по вольной борьбе (1955 – 1964). Победитель международных турниров в Польше и Дании (1955). «Высокий жилистый парень с крупной головой, мощной челюстью. Бросаются в глаза непропорциональные длинные руки с могучими запястьями и пальцами, способными, словно капканом, поймать и сжать руку противника. Очень силен Хамид Каплан. Никогда никто из соперников не превосходил его в силе. Мог похвалиться и выносливостью», – так писал С.А. Преображенский после победы великого турецкого богатыря на Кубке мира по вольной борьбе в 1956 г. Даже чемпион хельсинкской Олимпиады супертяжеловес Арсен Мекокишвили уступил тогда 21-летнему грозному пахлевану из Турции. Чемпион XVI Олимпийских игр в Мельбурне (1956), где опередил известного болгарского спортсмена Мехмедова и финляндского гиганта Кангасниemi. Чемпион мира 1957 г. (Стамбул), серебряный призер первенств мира в Тегеране (1959), Иокогаме (1961) и Софии (1963). На XVII Олимпиаде в Риме (1960) – второй призер в тяжелой весовой категории (уступил немецкому колоссу Вильфреду Дитриху), на XVII Олимпиаде в Токио (1964) в упорной борьбе завоевал бронзовую медаль, пропустив вперед Александра Иваницкого (СССР) и Лютви Ахмедова (Болгария). Выдающийся борец, вписавший свое имя золотыми буквами в историю мирового спорта, в 33-летнем возрасте покинул большой ковер. Занимался бизнесом в городе Дюздже (вилайет Болу). Народ считал его национальным героем. Погиб в автомобильной катастрофе в Чоруме.

МЕРИЧ (МЭЛЫЦ) Сервет (род. в 1918 г.). Чемпион Европы и неоднократный победитель первенства Турции по вольной борьбе. Шапсуг. Родился в деревне Экиане (район Адапазары). С 1935 г. занимался турецкой национальной борьбой – яглы-гурашем. Неоднократный чемпион Турции по масляной и вольной борьбе. Великолепно владел десятками приемов, в том числе переворотом с захватом ноги – «ножницами», переворотом с обратным захватом дальнего бедра. Чемпион Европы (1949) по вольной борьбе в весовой категории до 67 кг. В 1962-1966 гг. – главный тренер сборной Польши, наставник сборных Финляндии (1968) и Турции (1969).

ЮЧЕЛ (БІДЭНЫКЪУЭ) Тевфик (род. в 1927 г.). Чемпион мира и Европы по вольной и греко-римской борьбе. Абадзех. Родился в деревне Кара-Пинар (район Кавак, вилайет Самсун). Борьбой увлекался с детства. В 17-ти летнем возрасте уезжает в Анкару к известному тренеру, дяде по материнской линии Акраму Ануку, чтобы навсегда связать свою судьбу со спортом. Неоднократный победитель чемпионата Вооруженных Сил Турции, первенств страны по классической борьбе. Третий призер чемпионата Европы

(Стокгольм, 1950), победитель первенства стран бассейна Средиземного моря (Каир, 1951). Чемпион Европы по вольной борьбе (Стамбул, 1949). На первом чемпионате мира по вольной борьбе (Хельсинки, 1951) завоевал золотую медаль в легчайшей весовой категории. На XV Олимпийских играх (1952) стал бронзовым призером среди борцов греко-римского стиля, в следующем году на первенстве мира в Италии занял второе место. Чемпион Европы по греко-римской борьбе (Будапешт 1956, Белград, 1957). 46 раз выступал за сборную Турции. С 1958 г. – тренер команды борцов города Бурса.

ЯГЫЗ (ХЪЭПТЫЖЫКЪУЭ) Дженгиз (род. в 1964 г.). Многократный чемпион Турецкой Республики, серебряный призер Олимпийских игр по таэквон-до. Абадзех. Родился в адыгской деревне Сарыгюней (вилайет Йозгат). Воспитанник тренера Али Шахазоглу. Выпускник спортивного факультета Анкарского университета Гази. С 11-летнего возраста занимается любимым видом спорта, с 1980 г. – член сборной Турции. Девятикратный победитель первенств страны (1980-1988) по корейской борьбе таэквон-до («путь ноги и руки»). Серебряный и бронзовый призер чемпионатов Европы в Дании (1984) и Австрии (1986), на первенстве мира в Южной Корее занял третье место (1985). Серебряный призер Олимпийских игр в Сеуле (1988) в весовой категории до 63 кг (показательные соревнования).

ЯГЫЗ (ХЪЭПТЫЖЫКЪУЭ) Кадир (род. в 1972 г.). Чемпион Европы по таэквон-до. Абадзех. Родился в адыгской деревне Сарагюней (вилайет Йозгат). Воспитанник своего брата Дженгиза Ягыз. Студент спортфака университета Гази. Таэквон-до увлекается с семи лет. Член сборной Турции с 1988 г. Дважды чемпион Европы в весовой категории до 71 кг (Анкара, 1988; Копенгаген, 1990), серебряный призер первенства континента, проходившего в Испании в 1992 г. (Жане А.Ю., 1991; «Известные люди...», 1997; «Адыги (черкесы) чемпионы...», 1998; Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. 2004).

Завершая этот раздел, хотелось бы обратить внимание читателей на следующую мысль. В мире существует немало многомиллионных народов, которые, тем не менее, не имеют ни одного атлета, сумевшего подняться на самую вершину мирового спортивного Олимпа. А среди спортсменов из Адыгеи 9 человек стали чемпионами Олимпийских игр (из них 5 – адыги – потомки махаджиров), а чемпионами мира в различных видах спорта – 54 (!) спортсмена (из них 5 – зарубежные адыги). «Нет, не перевелись еще адыгские рыцари!», – хотелось бы воскликнуть вместе с кабардинским писателем и публицистом Хасаном Герговым (1998).

СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ ЧЕРКЕСОВ-АДЫГОВ В СТРАНАХ МИРА

И рассеет тебя Господь по всем народам от края земли до края земли.

Второзаконие (28; 64).

Диаспора (греч.): «рассеяние; часть народа, живущего вне страны его происхождения, в новых районах своего расселения».

Словарь иностранных слов (1995).

Адыгская эмиграция сформировалась, в первую очередь, из вынужденной эмиграции 1859–1864 гг., после окончательного завоевания Кавказа Россией, -- более 1 млн. чел.; эмиграции 1917–1922 гг., после установления на Кавказе советской власти – 500–600 чел.; эмиграции 1941–1945 гг., во время и после второй мировой войны – около 3 тыс. чел. (Трахо, 1992. С. 118; Кауа, 2004. С.96–100).

В наши дни свыше 3 млн. адыгов (черкесов) проживают в ряде стран Ближнего Востока, Северной Африки, Западной Европы, США, в СНГ – более чем в 50 странах мира. Численность зарубежных черкесов в несколько раз превышает численность адыгского населения Северного Кавказа. Преобладающая часть их живет в Турции, около 80 тыс. в Сирии, около 65 тыс. – в Иордании.

Как в странах Азии, так и Европы за адыгами утвердился термин «черкес» Представителей других северокавказских народов также называют черкесами, что обусловлено тем, что подавляющее большинство выходцев с Северного Кавказа за рубежом (за исключением отдельных стран) составляют собственно адыги-черкесы («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 405).

Есть немало свидетельств, подтверждающих тот факт, что черкесские иммигранты, оказавшиеся за пределами родины, способствовали экономическому развитию районов нового расселения, принимали активное участие в социально-политической жизни государств проживания. Многие представители черкесской диаспоры вошли в историю ряда государств Ближнего Востока, Северной Африки и Восточной Европы как выдающиеся государственные и политические деятели, военачальники, патриоты новой родины. Важно отметить, что зарубежные черкесы на протяжении более чем столетнего периода сохраняют свою этнокультурную специфику (Кушхабиев А.В., 2007).

«Адыгская диаспора за рубежом, – отмечал бывший президент Республики Адыгея Х.М. Совмен (2005), – вторая по численности после русской диаспора этнических россиян. Она – самый надежный союзник и друг России, проводник ее интересов. Люди прекрасно понимают: будет плохо России, будет она ослаблена, – будет плохо Адыгее, будет плохо адыгам и не только в самой России, но и во всем мире. Для миллионов адыгов, живущих за рубежом, наша республика, как Израиль для евреев, – маяк надежды и символ нации...».

1. «И РАССЕЕТ ТЕБЯ ПО ВСЕМ НАРОДАМ ОТ КРАЯ ЗЕМЛИ ДО КРАЯ ЗЕМЛИ»: ЧЕРКЕССКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ МИРА

1.1. Этапы формирования адыгской диаспоры за рубежом

А вас рассею между народами и обнажу меч, и будет земля ваша пуста...

Книга Левит (26; 33).

Довольно-таки значительная (по различным источникам, от 1,0 до 4,0 млн. чел.) черкесская диаспора формировалась за рубежом в течение многих столетий.

I. Начало ей положило расширение масштабов работорговли на северо-востоке побережья Черного моря в IV-II вв. до н.э. Вывоз рабов из Северного и Восточного Причерноморья был довольно распространенным явлением в античную эпоху. Еще с установлением торговых связей скифами с Боспорским царством, часть военнопленных и захваченного населения обращали в рабов. Их использовали в хозяйстве, а часть продавали в античные колонии.

II. Работорговля, «...эта не совсем приятная страница истории Черкесии, особенно усилилась, по мнению А. Тюркеля (2009), в конце XII – начале XIII в., с нашествием татаро-монголов: господство Золотой Орды открыло возможность для торговли живым товаром. Посредниками в торговле в то время активно выступали генуэзцы, основавшие на Черноморском побережье несколько торговых факторий. Итальянцы (генуэзцы и венецианцы) долгое время прочно удерживали монополию в торговле рабами на Западном Кавказе».

Документы свидетельствуют, что юноши, проданные в Османскую империю в рабство, зачастую достигали высоких постов. К. Мак-Коан отмечал, что в первой половине XIX в. большая часть османских министров происходила из бывших рабов. А по подсчетам Нехата Берзеджа (1996), в период образования и становления Османской (Османской) империи, с 1530-го по 1910 г., только черкесов было визирями более 400 чел. С 1864-го по 1910 г. более 150 черкесов получили высокие чины и звания (визиря, генералы и проч.).

III. Особое место в становлении адыгской диаспоры на Ближнем Востоке занимают мамлюкские династии, в частности, период правления бурджитских, или черкесских султанов в Египте и Сирии. Как отмечает А.В. Кушхабиев (2005. Вып. I), появление черкесов в странах Северной Африки связано с традицией привлечения на службу иноземных воинов. Приток черкесских мамлюков стал особенно возрастать в период правления Айюбидов (1171–1250) в Египте. Численность черкесской группировки возросла в период правления бахритских или тюркских султанов (1250–1382); в конце XIII в. она уже превосходила численность тюркских воинов. В эпоху правления бурджитских, или черкесских султанов (1382–1517) осуществлялось переселение с Северо-Западного Кавказа в Египет значительного числа добровольцев, наемников и родственников черкесских эмиров (высших офицеров). Как говорится в Библии, «...и рассеялся народ по всей земле Египетской» (Книга Исход, 5; 12).

Численность черкесских воинов без учета их семей и черкесов – сотрудников административного аппарата и членов их семей, в указанный период находилась в пределах от 5 до 25 тыс. чел. Черкесская эмиграция в Египет продолжалась и после османского завоевания страны в 1517 г. вплоть до конца XIX в.

IV. На протяжении многих столетий происходили миграции народов Северного Кавказа в соседние регионы – в страны Ближнего Востока и Северной Африки. При этом наиболее распространенной формой миграций черкесской молодежи было наемничество; выезд на службу черкесских князей со своими дружинами, а также наем отдельных групп и лиц на военную службу в соседние, преимущественно восточные государства – в Египет, Османскую империю, Крымское ханство, Иран, Россию и др.

В условиях феодальной раздробленности и отсутствия централизованного государства многие черкесские воины, обладавшие хорошей боевой подготовкой, предпочитали идти на службу к более «щедрым» правителям в страны Востока. В источниках встречаются описания вербовки черкесских юношей из обедневших семей османскими, крымскими и египетскими агентами. Черкесские наемники, удачно устраивавшиеся на новом месте и преуспевавшие на службе, способствовали переселению к ним родственников («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 405).

Такой отток немалой части населения способствовал нарушению демографических процессов в Западной Черкесии и Кабарде. К середине XIX в. численность черкесов в Ближневосточном и Североафриканском регионах была невелика, несмотря на значительность их миграций; большинство их, будучи профессиональными воинами, гибло в сражениях, уцелевшая часть ассимилировалась в иноэтнической среде.

V. Массовая депортация адыгов в Османскую империю, была осуществлена царизмом в 1858–1865 гг. Подавляющее большинство западных адыгов было выселено в 1863–1864 гг. на кораблях с Черноморского побережья Кавказа. Значительная часть их (до 50%!) погибла в процессе депортации – как на Кавказском побережье, в пути следования по морю, так и лагерях беженцев на Османском побережье Черного моря (Кушхабиев А.В., 2005. Вып. I).

1.2. «Он тот, кто рассеял вас по земле»: проблемы расселения адыгов за рубежом

1.2.1. «День разделения – срок их всех...»

Он тот, кто рассеял вас по земле.

Коран. Сура 68;24

Я рассеял их по народам, и они развеемы по землям...

Библия. Книга пророка Иезекииля (36; 19).

Сотни тысяч адыгов (черкесов) в разные времена вынуждены были оставить Северо-Западный Кавказ и Черноморское побережье, покинуть свою историческую Родину, свои исконные земли и найти убежище в различных странах мира. Поистине, как говорится в Коране (Сура 44; 40), «*День разделения – срок их всех*».

Так образовалась черкесская диаспора – пребывание большей части народа вне страны его происхождения. Как было отмечено выше, «исход» адыгов был вызван различными обстоятельствами: колониальной политикой русского царизма, двуличной политикой Османской империи и Англии, религиозной пропагандой, междоусобицей черкесских князей. Пополнял диаспору и происходивший вплоть до середины XIX в. позорный промысел работорговли – вывоз рабов-черкесов в страны Оттоманской Порты.

В настоящее время черкесы (бжедуги, кабардинцы, убыхи, абадзехи, хатукаевцы, шапсуги и др.) проживают в Турции, Египте, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Африке, Австралии, США, Западной Европе – всего в 50 государствах мира, где насчитывается в общей сложности около 3,37 млн. чел. (Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х., 1992). При этом, как отмечают Б.М. Керевов и Т.Б. Керевов (2005. Вып. I), «...среди значительной адыго-черкесской диаспоры (более 3 млн.) в Турции, Сирии, Иордании и других странах мира, по оценочным данным, кабардинцы составляют около 200–250 тыс. чел.

Приведенные выше итоговые данные зачастую во многом расходятся с другими источниками. Так, по А.Ю. Шадже и Р. Рушди, численность всех черкесов в мире, включая бывший СССР, не превышает

2,0 млн. чел.; по Р.Ж. Бетразову, М.А. Керашеву и др. – 3,0 млн. чел.; по данным авторов книги «Россия и Черкесия» (1995), черкесская диаспора за рубежом составляет 3,6 млн. чел. Своеобразный «рекорд» поставили авторы одного из сайтов Интернета, по мнению которых «...черкесская диаспора насчитывает, около 9 млн. чел.» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

В частности, адыги живут сейчас в следующих странах, чел.:

Турция	– 3 000 000 ^{а)}	США	– 20 000 ^{е)}	Израиль	– 5 000 ^{ж)}	Ливан	– 1 000
Сирия	– 120 000 ^{б)}	Ирак	– 15 000	Иран	– 5 000	Палестина	– 1 000
Иордания	– 80 000 ^{в)}	Ливия	– 14 000	Болгария	– 3 000	Голландия	– 1 000
Египет	– 52 000 ^{г)}	Мадагаскар	– 8 000	Япония	– 2 000	Австралия	– 1 000
Германия	– 35 000 ^{д)}	Югославия	– 6 000	Албания	– 1 000	Саудовская Аравия	– 500

Примечания:

а) В Турции, по Х. Муфти, проживает адыгов 2-3 млн.; по Закия Казыко – 2,5 млн. чел.; по А.Х. Касумову здесь проживает 2 млн. адыгов, по Р. Рушди – 1 млн. чел.;

б) В Сирии, по М.Б. Беджанову – 80 000 чел.; по книге «История Абхазии» – 40 000; по Р. Рушди – 25 000 чел.;

в) В Иордании, по М.Б. Беджанову – 50 000 чел.; по Р. Рушди – 25 000 чел.;

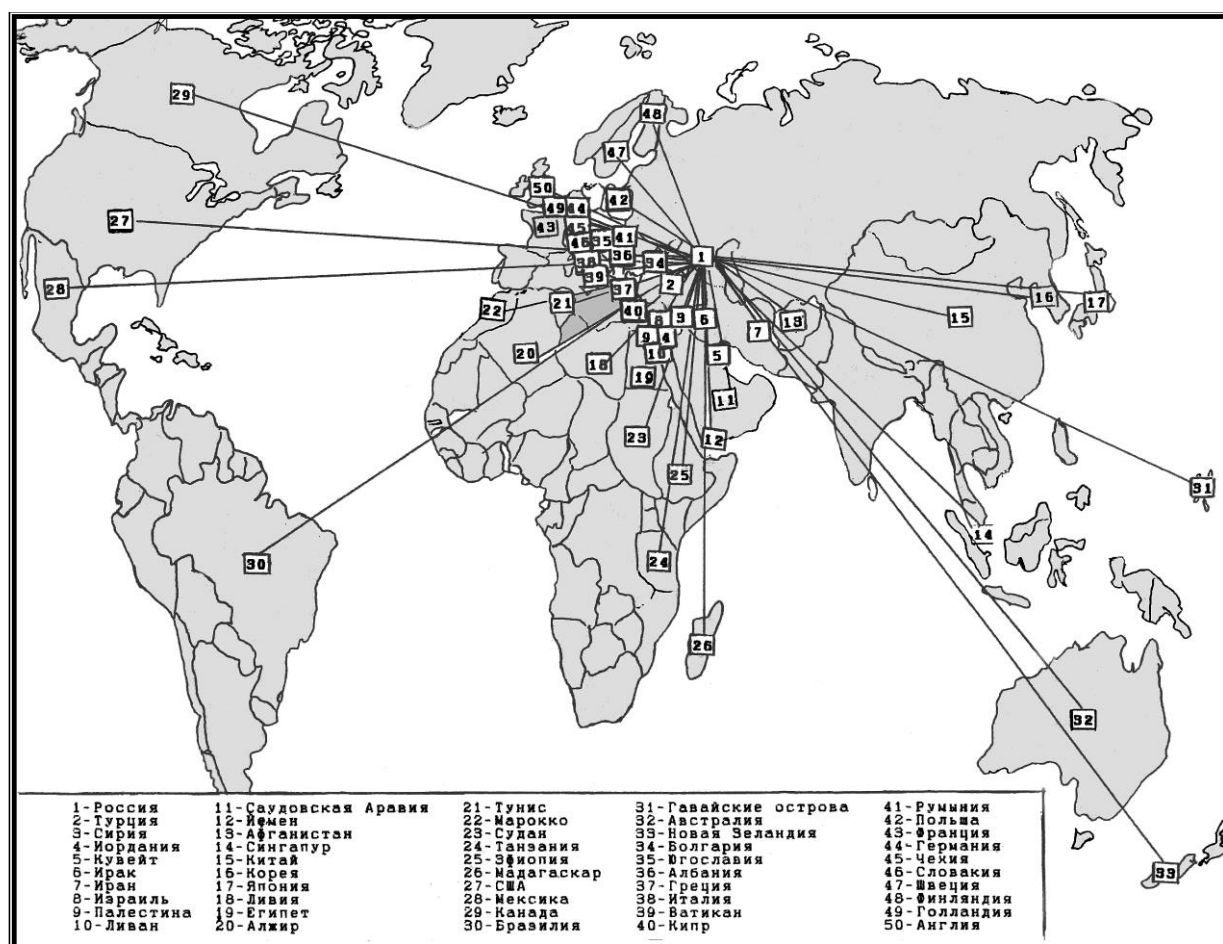
г) В Египте, по Р. Рушди – 5 000 чел.;

д) В Германии, по А.Х. Касумову – 25 000 чел.;

е) В США, по Б.М. Беджанову – 5 000; по книге «Культура и быт адыгов» (1991) – 3 000 адыгов;

ж) В Израиле, по М.Б. Беджанову, – 2 000 чел.

В небольшом количестве черкесы проживают во Франции, Марокко, Алжире, Тунисе, Кувейте, Судане, Вьетнаме, Йемене, Афганистане, Англии, Канаде, Италии, Греции, Польше, Румынии, Сингапуре, Ватикане, острове Кипр. Отдельные семьи черкесов живут также в Мексике, Китае, Корее, Чехии, Словакии, Финляндии, Танзании, Эфиопии, Бразилии, Швеции, Новой Зеландии (ушли туда из Югославии, Сирии и Иордании), а также две семьи на Гавайских островах (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Расселение адыгов в странах мира.

Приняв в августе 1990 г. Постановление «Об установлении Дня памяти адыгов — жертв Русско-Кавказской войны и насильственно выселенных за рубеж» (21 мая), Верховный Совет КБ АССР одновременно утвердил Постановление «Об осуждении геноцида адыгов в годы Русско-Кавказской войны», в котором приводились несколько иные цифры современного расселения адыгов в странах мира. Так, по статистическим данным, которые приводил в своем докладе на Всесоюзной научно-практической конференции «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства» председатель Кабардино-Балкарского отделения Ассоциации «Родина» К.К. Эфендиев, в Турции сейчас проживают от 1,5 до 2 млн. адыгов, Сирии — от 60 до 70 тыс., Иордании — от 50 до 60 тыс., ФРГ — от 15 до 20 тыс., США — от 5 до 7 тыс., Югославии и Израиле — по 3-4 тыс. чел. (Цит. по: Гугова М. Х., 2005. Вып. I).

Следует отметить, что оценка численности зарубежных адыгов, произведенная отдаленным потомком черкесов-махаджиров Р. Трахо, также несколько отличается от приведенных выше цифр (правда, его данные относились к 30-40 гг. XX столетия). По его мнению, черкесская диаспора в предвоенные годы XX в. была расселена следующим образом, чел. (табл. 54).

Таблица 54 – Расселение черкесской диаспоры в странах мира (по: Трахо Р., 1956)

Страна	Численность, чел.	Страна	Численность, чел.
Турция	2 000 000 ^{*)}	Греция (Салоники)	3 000
Египет	10 000	Саудовская Аравия	2 000
Сирия (в р-не Кунейтра)	15 000	Югославия (Косовица-Дмитрица)	1 300
Иордания	10 000	Албания	600
Палестина	8 000	Остальная Европа	120
Ливан	3 000	Америка	200
		Итого:	2 053 220

Примечания Р. Трахо:

^{*)} В Турции нет ни одного вилайета (арабск. wilayat – крупная административно-территориальная единица Османской империи с 1866 г. – **Авт.**), где бы не было черкесских поселений, в особенности в Узун Яйла, между Кайсом и Сивасом (кабардинцы, хатукаи и абзахи). Убыхи живут в районе Маньяса, около Измира и Адапазара; бжедуги – около Бига у Мраморного моря и т. д.

1.2.2. Черкесская диаспора в современной Турции

В Турции сейчас проживает не менее 3 млн. адыгов, хотя их национальная идентификация в официальном порядке остается невозможной в этой стране.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Большая часть зарубежных адыгов проживает сейчас в Турции. Всего же, по официальным данным, здесь кроме адыгов живут представители еще 30-ти национальных меньшинств, население которых в общей сложности превышает 10 млн. чел. Но турецкая статистика не дает правильной картины национального состава страны: в бюллетенях переписи отсутствует графа национальной принадлежности. К тому же в условиях Турции, где проводится политика ассимиляции, многие граждане вынуждены нередко скрывать свою национальность и записываться турками, что значительно затрудняет правильное исчисление той или иной национальности.

По официальным данным, наблюдается постепенная убыль численности национальных меньшинств. Так, в конце XIX столетия в Турции было, по данным Г.А. Дзидзария (1982), около 450 тыс. черкесов. А по мнению Султана Довлет-Гирея (1910), ссылающегося на данные Статистического комитета, «...количество черкесов, проживавших в пределах Турецкой империи составило 2 млн. 750 тыс. чел.» (Цит. по: Кудиева С.Г., 2007).

«Первая мировая война, – пишет Г.А. Дзидзария, – внесла заметные изменения в национальный состав населения страны за счет потери Османской империей всех ее владений, населенных арабами и славянами, в частности, Болгарии, Югославии, Сирии, Иордании, Палестины, Израиля. Поэтому в 1927 г. черкесов в собственно Турции насчитывалось всего 96 тыс. чел.; в 1960 г. – 63 тыс., в 1965 г. – 57 тыс. чел. Эти «скромные» цифры совершенно несоизмеримы с утвердившимся в исторической литературе мнением о численности черкесской диаспоры в Турции в настоящее время: не менее 1-3 млн. чел. Так, авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 665) отмечают: «По некоторым авторитетным источникам, в Турции сейчас проживает не менее 3 млн. адыгов, хотя их национальная идентификация в официальном порядке остается невозможной в этой стране».

Впрочем, некоторые авторы называют цифру проживающих в настоящее время Турции черкесов – 4 млн. (судя по всему, она включает в себя всех северокавказцев); по сведениям Закия Казыко, бывшего председателя турецкого общества «Адыгэ Хасэ», в этой стране проживает 2,5 млн. адыгов, при этом говорящих на адыгском языке насчитывается еще больше – около 3 млн. чел. З. Казыко насчитывает в этой стране 830 черкесских деревень (у Р. Рушди приводится значительно меньшая цифра – 65). В свою очередь, по С.Г. Кудиевой (2007), «...в Турции в настоящее время численность адыгской диаспоры составляет около

Таблица 55 – Расселение черкесов-махаджиров в современной Турции (по А.В. Кушхабиеву, 2007).

Области	Кол-во селений	Субэтноты
Адана	11	шапсуги, абадзехи, кабардинцы, убыхи
Айдын	9	шапсуги
Афьон-Каракисар	6	шапсуги, абадзехи, бжедуги
Амасья	15	бесленеевцы, абадзехи, шапсуги
Анкара	5	бесленеевцы, шапсуги, абадзехи
Анталья	2	абадзехи
Балькесир	68	шапсуги, абадзехи, убыхи
Биледжик	10	абадзехи, хатукайцы
Бингёль	5	абадзехи
Битлис	5	шапсуги
Болу	36	шапсуги, абадзехи, бесленеевцы, кабардинцы
Бурдур	1	шапсуги
Бурса	26	шапсуги, абадзехи, кабардинцы
Гюмушханэ	3	абадзехи
Измир	3	шапсуги
Йозгат	10	бжедуги, шапсуги, кабардинцы, абадзехи
Кайсери	67	кабардинцы, хатукайцы, абадзехи, шапсуги
Кахраман Мараш	20	кабардинцы, абадзехи
Коджаэли	9	абадзехи, шапсуги
Кютахья	2	абадзехи
Маниса	2	шапсуги, абадзехи
Нигде	1	абадзехи, шапсуги, кабардинцы
Сакарья	22	шапсуги, абадзехи, бесленеевцы
Самсун	87	шапсуги, абадзехи, махашевцы
Сивас	9	кабардинцы
Синоп	13	абадзехи, шапсуги, убыхи, бжедуги
Стамбул	7	абадзехи
Токкат	54	абадзехи, кабардинцы, шапсуги, бесленеевцы
Хатай	3	абадзехи, шапсуги
Чанак-кале	12	бжедуги
Чорум	31	кабардинцы, абадзехи, шапсуги, бесленеевцы
Эскишехир	14	бесленеевцы, кабардинцы, абадзехи, бжедуги, шапсуги

2 млн. чел, проживающих более чем в 600 селениях». Эту же цифру приводят Р Трахо и А.Х. Касумов, а по мнению Р. Рушди – около 1 млн. чел. По данным Н.Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа в Турции проживают 125 000 адыгов, а Теньер утверждает, что всего 45 000 (?!). По статистическим данным, предоставленным северокавказскими культурными обществами в Турции, численность адыгов (черкесов) в Турции в наши дни (конец XX – начало XXI в. – Авт.) составляет приблизительно 3,3 млн. чел.; кроме того – 300 тыс. абхазов и абазин, 80 тыс. дагестанцев, 30 тыс. чеченцев, 20 тыс. карачаевцев и балкарцев, 15 тыс. осетин. Среди народов Дагестана преобладают аварцы, в меньшем числе – даргинцы, лакцы, лезгины и кумыки. Перечисленные северокавказские диаспоры сформировались в результате выселений с Кавказа, осуществленных царизмом во второй половине XIX – начале XX в. (Кушхабиев А.В., 2006; 2007).

Значительная часть черкесов проживает в городах Стамбул, Анкара, Самсун, Чорум, Кайсери, Дюздже и

др. Среди районов, где сохранились компактные черкесские поселения, можно указать следующие: Кайсери, Адана, Мараш, Анкара, Измир, Дюздже, Токат, Самсун, Чорум и др. В Турции черкесы представлены в основном шестью субэтническими группами: абадзехами, бжедугами, бесленеевцами, кабардинцами, шапсугами и убыхами. Остальные субэтнические группы относительно малочисленны, а часть их была ассимилирована указанными субэтнотами. Основные места расселения черкесских субэтнических групп в Турции представлены в таблице 55.

Турецкие черкесы живут на Черноморском побережье и в Центральной Анатолии (множество черкесских аулов расположено в окрестностях городов: Синоп, Самсун, Амасья, Чорум, Йозгат, Кайсери, Мараш, Адана, Антакья, а также в районах Токата, Сиваева, Малатья, Болу, Бандырмы, Балькесири, Измита). В последнем округе, кроме убыхов и абхазов, проживают также остатки некогда многочисленных племен западных адыгов (деревни Кирк Пинар и Яник – абадзехи или «абзахи»; Калаиси (абадзехи), Машуки (шапсуги), Узун Тарла (абадзехи и чемгуи), Адлис (шапсуги). По данным В.С.Бесланеева (1995), переселенцы из Малой Кабарды сосредоточились в 16 деревнях вилайетов (областей) Мараш и Сивас. Так, в Кугулкаево поселились Сруковы, Тхазепловы, Шогеновы и др. И сейчас в этих областях известны деревни переселенцев: Хапцева, Янтепа (ХьэпцИей), Солджак (Астемей), Коркмаз (Индрей), Кузутепа (Къаншыуей), Каргабук (Андзорей) и др. Часть адыгов проживает в больших городах, например, в Стамбуле, Эрауруме и др. Среди них есть депутаты Великого Национального собрания (парламента).

По данным Н. Бэрэджа, в 1908 г., с началом очередной политической «оттепели», в Османской империи стали появляться первые ростки демократии, в Стамбуле было открыто «Черкесское общество (Хасэ) единения и взаимопомощи». В его работе принимали участие абхазы, адыги, чеченцы, аварцы, осетины, лезгины, убыхи и представители других кавказских племен, объединяемых в Турции общим названием «черкесы». Это общество функционировало до 1923 г. и вело большую просветительскую работу. Так, шапсуг генерал Раши-паша вместе с женой Хасибе Чанба и 12-летним Омаром Бейгуа создали, используя абхазскую азбуку, абхаз-

ский алфавит, однако он не получил широкого распространения. Черкес Шабан Кубов издал ряд книг, посвященных адыгскому фольклору. Большую работу вел известный кабардинский поэт и просветитель Нури Цагов. Хасэ издавало газету «Гъуазэ», налаживались контакты с Родиной. Книги и буквари, написанные на черкесских языках (на арабской графической основе) и изданные в Стамбуле, переправлялись на Кавказ, где активисты «Хасэ» Бесней Закерия, Бутба Мустафа, Гусар Магомед, Хыдзетль Ибрагим, Тлецеруко Харун, Магомед Хабиб, Негуч Суад, Тыгун Акиф открывали школы и обучали детей родному языку.

В мае 1919 г. в Стамбуле приступило к работе «Общество (Хасэ) взаимопомощи черкесских женщин». При нем функционировала показательная (образцовая) черкесская школа. В том же году здесь было открыто Северо-Кавказское Хасэ. Его работой руководил Шхапли Хусейн Тосун. На средства «Хасэ» были изданы адыгский букварь Бленау Батоко Харуна, абхазский букварь Бутба Мустафы, «Адыгейская грамматика» Сеин Тимэ, стихи на адыгейском языке. Их распространяли не только на Кавказе, но и в тех странах, где находились колонии черкесов.

24 января 1919 г. в Стамбуле состоялся съезд Северо-Кавказского Хасэ, на который съехались 108 делегатов – представителей черкесской диаспоры. В работе съезда принимал участие видный политический деятель Турции Ашхаруа Рауф Орбай. Делегаты обсудили социально-политическое положение черкесских изгнанников и основные задачи национального движения. Группе в составе маршала Туго Фуада, маршала Берзег Мехмет Зеки, Абук Ахмет-паши, Казак Сулейман-паши, Карзег Сулейман-паши было поручено довести до сведения султана решения съезда.

В настоящее время в Турции существует около 80 Хасэ, из них подавляющее большинство (90 %) – адыгские. Это общественные, культурные и благотворительные организации, основной целью которых является сохранение национальных культур разных северокавказских народов. Адыги проживают практически во всех крупных городах Турции; в большинстве из них организованы Хасэ. Только в Стамбуле 17 таких организаций. Из них 6 расположены в азиатской части города, а остальные – в европейской. До недавнего времени все эти организации работали в основном самостоятельно, объединяя жителей близлежащих регионов. Но 4 года назад в Анкаре образована Кавказская конфедерация Адыгэ Хасэ, которая в случае необходимости осуществляет координационные функции внутри страны и связи с подобными организациями в других странах, особенно в Сирии и Иордании. Сейчас в конфедерацию Адыгэ Хасэ входят около 50 обществ по Турции (Кудаева С.Г., 2007). Кроме адыгских (черкесских) Хасэ, есть целый ряд абхазских, чеченских и других культурных центров, цель которых – сохранение культурного и духовного потенциала этих народов на чужбине. Одним из активных черкесских лидеров зарубежья является Бурхан Шеуджен, секретарь «Хасэ» г. Бурса.

Несколько слов о расселении одной из ветвей адыгского народа – абазин. В Турции абазин делятся на ашвуа и ашхаруа (и абхазов, и абазин в Турции называют «абаза»). Абазин («ашвуа») живут в илах Акыиаза, Кюзджа, Пынарбаши, Чорум, Аладжа, Йозгад, Токат, Адана. Особенно много их проживает в иле Адана, район Туфан-бейли. В свою очередь, абхазы – «ахчыпсаа» – выходцы из Ахчыпсы (Красная поляна) и Псху – проживают в Измите и Адапазары. Это они вместе с абхазским обществом Айбга последними сложили оружие в Кавказской войне и вместе с садзами и убыхами ушли в Турцию.

О положении черкесов – потомков махаджиров размышляет А.А. Джаримов: «В Турции сейчас более 2 млн. черкесов. К сожалению, они более века были лишены права считать себя адыгами. Их заставили изменить свои фамилии, имена и отчества, иначе им не давали работы, место в обществе, как полноправным гражданам. Приходилось встречаться с человеком, который просидел в тюрьме лишь за то, что он разговаривал на родном адыгейском языке...».

1.2.3. Проживание адыгов в странах Ближнего Востока, Европы и США

Как птица, покинувшая гнездо свое, – так человек, покинувший место свое.

Книга притчей Соломоновых (27; 8).

Сирия. До занятия Израилем Голанских высот, в Сирии черкесы проживали в пунктах: Кунейтра, Мансура, Айн-Зиуан, Мударей, Муисне, Бираджем, Берейка, Джусейза, Хышны, Фахам, Фэрдж. После захвата Израилем Голанских высот в 1967 г., все жители расположенных там аулов переселились в окрестности Дамаска. После 1980 г. жители начали возвращаться в аулы Берейка и Бираджем. Сейчас они проживают в основном на территории Хоран: селения Блей и Бойдан; близ г. Хомс: селения Айнзат, Ассейла, Тель-Амри, Тлиль, Дерфуль, Телиснан, Дераджил, Мыреч; в районе Алеппо (Халеб): Мунбудж, Ханасыр, Айн-Дакна, Ракка; в районе Мардж-Султан. Находящийся на востоке Сирии г. Дер-Зор и г. Свейда (на юге) были со временем покинуты черкесами, оставшаяся часть подверглась ассимиляции. Кроме того, в настоящее время черкесы проживают в г. Дамаске, а также в аль-Кунайтра (в этом районе насчитывается 12 кабардинских селений), аль-Мансура, Сирман, аль-Джавиза, аль-Хашнийе, Мудавийе, Айну-Зиван, ас-Саламанийе, Бир-Аджда и др. Часть черкесов занимает правительственные и административные посты; в сирийской армии есть отдельные черкесские кавалерийские части. По разным источникам, сейчас в Сирии проживает от 25 до 120 тыс. чел. черкесов.

Дополняет приведенную выше информацию исследование А.В. Кушхабиева (2007). Он приводит данные «Черкесского благотворительного общества», согласно которым численность черкесов в Сирии к концу XX в. составляла 80 тыс. чел. Из них свыше половины приходилось на Дамаск с пригородами. Около 10 тыс. чел. проживают в Северной Сирии в городах Халеб и Минбедж, в с. Ханасир. Свыше 15 тыс. чел. проживают в г. Хомс, Хама и в 8-ми близлежащих селениях; в г. Ракка – около 500 чел.; на побережье – в Латакии и окрестностях – около 100 семей; в Джебля до 1 тыс. чел. На Голанских высотах, часть которых возвращена Сирии, черкесы проживают: в Новой Кунейтре – более 200 чел., в с. Бир-Аджем и Брека – по 50 семей. Преобладающая часть черкесов проживает в городах.

В наши дни черкесы в Сирии представлены тремя субэтническими группами: абадзехами, бжедугами и кабардинцами. Оказавшиеся в меньшинстве представители других субэтнических групп – шапсуги, убыхи, хатукаевцы и другие были ассимилированы указанными, более многочисленными субэтнотносами (Кушхабиев А.В., 2007).

Иордания. Большая часть адыгов живет в столице Иордании – Аммане. У них есть и собственные селения, к числу которых относятся: Вади-ас-Сейр, Сувайлах, Наур, Уадисир, ар-Расифа, Джарша, аз-Зурка. В Аммане у них есть свой «Национальный спортивный клуб» и благотворительное общество. Они представляют собой в Иорданском Законодательном собрании. У короля Абдаллаха личная охрана из черкесов. До поста министров поднялись черкесы Омар-паша Хикмет, Саид-паша Муфтий, Аббас-паша Мирза. В 1880 г. в Иорданию эмигрировало несколько групп из кабардинского и бжедугского племен. Кабардинцы поселились в Аммане, а бжедуги – в Вади-ас-Сейре. В 1901 г. прибыло еще несколько групп бжедуг и кабардинцев, которые основали селения Нагур и ар-Расифа. Некоторые черкесы занимают крупные посты в правительстве и армии, есть среди них видные деятели науки и искусства. Большим уважением в Иордании пользуется, в частности, Мухамед Якуб Хавадж, – потомок черкесов-махаджиров, доктор биотехнологии, директор Иорданского научного центра охраны окружающей среды, член Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук.

Среди черкесов, занимавших высокие должности в Трансиорданском эмирате (20-40-е гг. XX в.), А.В. Кушхабиев (2007) отмечает следующих. Это лидер общины генерал Мирза-бей (1864-1932), являвшийся первым советником и другом эмира Абдаллаха. Наиболее важные государственные вопросы эмир согласовывал с ним. Омар Хикмет – первый начальник полиции страны, в 1926 г. – председатель суда, в 1931-1934 гг. – министр юстиции, депутат Законодательного Совета в 1941-1942 гг., министр торговли и сельского хозяйства в 1941 г., в 1947 г. – начальник администрации королевского двора, советник эмира. Шаукат Хамид – начальник полиции в 1925 г., депутат Законодательного Совета в 1941 г. Сайд Аль-Муфти Хавжоко в 1929-1934 гг. – депутат Законодательного Совета, в 1938 г. – мэр Аммана, в 1944 и 1949 гг. – министр внутренних дел, в 1945 г. – министр экономики. Фаузи Аль-Муфти в 1934-1937 и в 1942-1946 гг. – депутат Законодательного Совета. Шейх Омар Луфти Аль-Муфти – основатель первого в Трансиордании Исламского института (1921), возглавлял правление мусульман страны в 1921-1936 гг. и многие другие (Кушхабиев А.В., 2007).

Наряду с перечисленными выше, в истории независимой Иордании известны и такие имена черкесов – государственных деятелей, занимавших различные высокие должности в органах государственной власти: Сайд Аль-Муфти Хавжоков в 1947-1951 гг. – спикер Парламента, в 1950, 1955 и 1956 гг. – премьер-министр, в 1960-1967 гг. – член Сената, в 1967-1974 гг. – председатель Сената. Современники отмечали, что «...Сайд Аль-Муфти руководил с политическим тактом и осторожностью. Восстанавливал порядок и предотвратил ряд опасных событий».

Уасфи Мирза с 1959-го по 1967 г. был министром сельского хозяйства и министром общественных работ Иордании, в 1971-1972 и в 1984-1985 гг. – член Сената. Мухаммед Али Рида в 1963 г. – министр связи, в 1964-1969 гг. – член Сената. Сами Аюб в 1960–1964 гг. – начальник администрации королевского двора, в 1967 и 1969-1970 гг. – министр сельского хозяйства. Изеддин Муфти в 1962-1963 и 1967 гг. – министр финансов. Аббас Мирза в 1947-1950 гг. – министр внутренних дел. Кардан Самир – генеральный секретарь федерации профсоюзов Иордании в конце 80-х гг. – начале 90-х гг. XX в. Шобар Хусни – министр социальной защиты населения с 1995 г. и др. (Кушхабиев А.В., 2007).

В военной истории Иордании известны многие имена черкесских офицеров, участвовавших в арабско-израильских войнах и получивших правительственные награды. Это генерал Фоаз Магер Бирмамит, возглавлявший в 1961-1963 гг. Генеральный штаб Вооруженных Сил; генерал Иззет Кандур, в 1964-1970 гг. – начальник департамента безопасности, генерал Мухаммед Идрис – командующий Генеральным штабом в 1976-1978 гг., секретарь короля по военным вопросам в 1979-1981 гг.; генерал Ануар Мухаммед Исмаил – командир королевской гвардии в 1964-1969 гг., председатель департамента общественной безопасности в 1971-1976 гг. Генерал Ибрагим Осман командовал Военно-Воздушными Силами страны в 1956-1962 гг. Генерал Мухаммед Али Амин – начальник департамента безопасности в 1981-1984 гг.; генерал Ихсан Шурдум – генерал ВВС, генерал Тахсин Шурдум – командующий пограничными войсками, генерал Джалал Хутат – начальник финансовой службы Вооруженных Сил и многие другие.

По сложившейся традиции, только из черкесов комплектовался отряд внутренней дворцовой стражи короля. Особой популярностью среди черкесов пользовалась также служба в Военно-Воздушных Силах Иордании (Кушхабиев А.В., 2007).

Египет. По Х.Х. Сукунову, черкесов здесь насчитывается около 52000 чел. (по Рушди – не более 5000). Большая часть из них эмигрировала туда во времена правления Ходива Исмаила и позже. Как говорится в библейских текстах, «...они уйдут по причине опустошения; Египет соберет их» (Книга пророка Осии, 9; 6).

Что же касается потомков черкесов, которых привезли туда в XIV-XV вв. («мамлюков»), то большинство их погибло в 1811 г. В 1932 г. в Каире основано «Общество черкесского братства» для распространения культуры и общественной взаимопомощи. Его основатель черкес Абдул-Хамид-бек Галиб. Он перевел «Историю Кавказа», которую в 1913 г. написал известный турецкий черкес Мэт Юсуф Иззет. Это общество распалось после кончины его основателя. Из египетских фамилий черкесами по происхождению являются: Лашин, Бекташ, Абаза, Рустем, ал-Демирдаш, Мисри (генерал Азиз-аль-Мисри-паша, бывший начальник генерального штаба Египетской армии) – из этой фамилии; Зуль Фукар (королева Фарида – из этой фамилии); Самит (Махмуд Самит-паша, посол Египта в Греции) – также из этой фамилии). Черкесами по происхождению является министр нефти и газа Египта Абазэ Михра Мухьэмэуд, а также Ширин, аль-Мунастирли, аль-Бердиси.

Израиль. В настоящее время в Израиле проживает около 5 тыс. адыгов (по М.Б. Беджанову – 2 тыс.). Поселяемые первоначально в Палестине, изгнанники отправлялись в самые отдаленные районы (ныне это территория Сирии и Иордании). Образованный недалеко от Наблуса аул со временем превратился в кладбище – его население вымерло от эпидемий. Оставшиеся в живых переселились в Иорданию. В наши дни на земле Палестины остались только два черкесского аула – Рехания (Рихавия) и Кфар-Кама. Адыги – жители последнего аула до сих пор сохранили в своей памяти народные песни и предания нартского эпоса, которые собрал, бережно сохранил и передал ученым Адыгейского НИИ учитель деревенской школы Яхья Шеуджен (Яхье Шэуджэн). Широко известен в Израиле потомок черкесов-махаджиров Самир Хатукай, – доктор философии, член Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук.

В конце 90-х гг. XX в. численность черкесов в Израиле составила: в Кфар-Каме – 2 544 чел., в Рихавии – 732 чел. Преобладающую часть населения Кфар-Камы составляют шапсуги. В селении также живут абадзехи, хатукаевцы, бжедуги и натухайцы. Среди черкесского населения Рихавии преобладают абадзехи. В селении также проживает 179 арабов. Отдельные черкесские семьи проживают в городах Цфат, Хайфа, Назарет и др. (Кушхабиев А.В., 2007).

Болгария. Первоначально, в период массового «исхода» черкесов во время Кавказской войны, в Болгарии (Дунайский вилайет Османской империи) осело около 100 тыс. адыгов, в основном в пунктах: Варна, Рушук, Видин, Ниш, София, Тырново, Тулча. В настоящее время, по данным последней переписи, в Болгарии осталось не более 3 тыс. адыгов.

США. В этой стране проживает сейчас около 20 тыс. чел. (по другим данным – около 3 тыс.) адыгов. Большинство из них прибыло в США из Сирии, другие переселились из Турции или Иордании. Все они себя обычно называют «адыгами» или «северокавказцами».

Несколько слов о племенном составе адыгов, составляющих в настоящее время зарубежную диаспору. Как отмечает А.В. Кушхабиев (2005. Вып. I), среди субэтнических групп черкесов в наши дни преобладают: в Турции, странах Западной Европы и США – абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, кабардинцы и шапсуги; в Сирии – абадзехи, бжедуги и кабардинцы; в Иордании – кабардинцы, бжедуги, абадзехи и шапсуги; в Израиле – шапсуги и абадзехи. В указанных странах также проживают представители других северокавказских народов: в Турции – приблизительно 300 000 абхазов и абазин, в Сирии – приблизительно 1000 абхазов. Представителей других северокавказских народов также называют черкесами, что обусловлено тем, что подавляющее большинство выходцев с Северного Кавказа за рубежом (за исключением отдельных стран) составляют собственно адыги-черкесы.

Формально черкесы, как граждане ближневосточных государств, имеют равные права с представителями основных наций (турками, арабами, евреями, палестинцами и т. д.). Однако, по существу, их не признают в качестве отдельного народа, имеющего право на создание собственного национально-территориального образования даже в рамках этих стран.

Завершить этот раздел хотелось бы мудрыми словами отдаленного потомка адыгов-махаджиров Н. Бэрзэджа, который с болью отмечает, что на долю изгнанников выпало множество бедствий, страданий, лишений, слезы и кровь, гибель сотен тысяч людей. История черкесской диаспоры, хоть она до сих пор и изучена не в полной мере, одна из самых трагических страниц в истории человечества.

2. «WHO IS WHO»: КТО ЕСТЬ КТО В ЧЕРКЕССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ*

Давно уже настала пора попристальнее взглянуть в такой далекий, но до боли знакомый облик наших собратьев, оставшихся адыгами и под чужими небесами, и под чужими знаменами.

Марат Губжоков (2008).

АБАЗА Мамдух Хамди (Маршэн) (1932–1982). Национальный Герой Сирийской Арабской Республики, генерал-лейтенант. Будущий боевой летчик родился в абазинско-адыгской деревне Мумсие, расположенной на Голанских высотах. Окончил военно-воздушный колледж в городе Алеппо. В 1957–1958 гг. проходил вместе с будущим президентом САР Хафезом Асадом высшие военные курсы пилотов в городе Фрунзе. За отличную учебу в Кыргызстане Абаза была вручена медаль «Золотой Орел». Во время арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг. сбил 6 вражеских самолетов. С 1978 г. генерал-майор, командующий первой эскадрилей ВВС Сирии, с 1980 г. – генерал-лейтенант, начальник Генерального штаба Военно-Воздушных Сил САР. Отмечен семью высшими государственными наградами САР, многими иностранными орденами и медалями. Погиб от рук наемных убийц, членов ультраправой партии «Братья-мусульмане».

АБУК Ахмет-паша (1857–1923). Известный турецкий военный и государственный деятель. Родился в черкесской семье Абыкьюэ в районе Узун-Яйла (вилает Кайсери). Окончил военное училище (1879) и военную академию (1881). Военный атташе в Белграде и Москве (1884–1893). Активист партии «Единение и прогресс», адыгских политических и культурных организаций Оттоманской империи. Во время Балканских войн – командир корпуса Восточной армии, сформированной главнокомандующим войсками Османской империи, адыгом Назым-пашой (Бэбыкьюэ). В звании генерал-полковника вошел в состав Высшего Военного Совета. В первом правительстве Дамада Ферид-паши – военный министр (4.03.1919–15.05.1919), в третьем – министр общественных работ (27.05.1919–1.10.1919). Благодаря своему влиянию, являлся посредником между Стамбульским правительством и Представительным комитетом Анкары. В период национально-освободительного движения вместе с лидерами адыгов маршалами Фуад-пашой Тугой, Зеки-пашой Берзегом, генералами Мет Иззет-пашой, Ахметом Февзи-пашой Бижем, Салих-пашой Карзегом и Али Саитом Хунджем не допускал столкновений и разногласий между черкесами. Помогал кавказским политическим эмигрантам, прибывшим в Стамбул из России после Октябрьской революции. Умер в Стамбуле.

АЗНАВУР (АНЧОКЬУЭ) Ахмет (1873–1921). Видный военный деятель Османской империи. Абадзех. Окончил военное училище в Стамбуле. Служил в жандармерии. В звании майора подал в отставку и поселился в городе Вига. В период первой мировой войны по рекомендации лидеров «Черкесского общества единения и взаимопомощи» включен в состав специальных частей и отправлен на Кавказский фронт, где проявил себя отважным офицером. После Мудросского перемирия по просьбе местного населения в апреле 1919 г. назначен правителем санджака Измит. В августе того же года ушел с этой должности. Будучи ярким монархистом, не поддержал партию «Единение и прогресс» и во главе адыгских добровольцев выступил против национально-освободительной армии. Столкнувшись с «летучей кавалерией» Черкеса Этхема в ноябре 1919 г., – потерпел поражение. Через три месяца с новыми силами выступил против сторонников национально-освободительного движения и захватил территорию, прилегающую к Мраморному морю. За эту победу получил от султана титул паши. В апреле 1920 г. кавалерия Этхема наголову разбила войска турецкого монарха. В связи с ранением Азнавур вернулся в Стамбул и через месяц направил свои части на Анкару. Но безуспешно. В феврале 1921 г. революционный суд в Эскишехире заочно приговорил его к смертной казни. Попав в засаду, устроенную албанскими повстанцами, погиб.

АКБАЙТУГАН (ХЪУНДЖ) Али Саит (1872–1960). Турецкий генерал армии. Убых. Родился в деревне Хаджиосман (Хъундж хъэблэ) в районе Маньяс. Отец его, Касболат, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Окончил военное училище (1896) и военную академию (1898). Участник балканских войн (1912–1913). За успешные действия против английских войск в Йемене в период первой мировой войны получил звание генерал-лейтенанта. Поддерживал новую национальную армию. Вместе со своим зятем Иззет-пашой, маршалом Дели Фуад-пашой, маршалом Зеки-пашой Берзегом, Ахметом Февзи-пашой Бижом, Салих-пашой Карзегом приложил немало усилий, чтобы черкесские махаджеры не сражались на стороне турецкого султана. После захвата английскими войсками Стамбула (14 марта 1920 г.) за поддержку кемалистов сослан на Мальту. Вернувшись из ссылки, возглавлял Высший военный кассационный суд. Будучи генерал-полковником, командовал 9-м корпусом и Восточным фронтом турецкой армии (1923). Генерал армии, член Военного Совета (1927). В 1937 г. ушел в отставку. Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики пятого созыва. В совершенстве знал адыгский, абхазский, немецкий, английский, французский, арабский языки. Автор книги «Некоторые замечания и соображения по проекту Честера» (1923). Умер в Стамбуле.

* Соавтор М.М. Хафице

БЕРКУК (ЖЭРЫШТЫ) Исмаил Хаккы (1880–1954). Известный турецкий военный деятель, видный историк Кавказа. Родился в деревне Яглыпинар (Жэрыштей), район Пинарбаши, вилайет Кайсери. Его отец покинул Кабарду после окончания русско-турецкой войны в 1878 г. Выпускник Стамбульской военной академии. В годы первой мировой войны находился на Иракском, Иранском и Кавказском фронтах. Поддерживал идею создания независимой Северо-Кавказской Республики. В период национально-освободительного движения – начальник штаба 4-й группы Западного фронта. После образования Турецкой Республики возглавлял комиссию по военной истории. Член Высшего военного кассационного суда. Бригадный генерал. Награжден орденами «За боевые заслуги» (1915), «За боевые заслуги с саблей», «За боевые заслуги с серебряной саблей» (1918). Удостоен германской медали «Серебряный крест» за мужество в боях под Кутуламарой (Ирак). В 1927 г. получил высшую награду Турецкой Республики – Орден независимости. Депутат Великого Национального Собрания (1950–1954). После тяжелой операции умер в Лондоне. С почестями похоронен в Анкаре. Опубликованные труды: «История Кавказа» (Стамбул, 1958) и «Путь освобождения» (Стамбул, 1960).

БЕРСИС (БЫРСЫР) Исмаил Зия (1883–1953). Государственный и общественный деятель Турецкой Республики. Родился в городе Сапанджа, район Измит. Окончил военное училище (1903). Служил в Албании, Македонии, принимал участие в первой мировой войне. После ухода в запас неоднократно избирался депутатом Великого Национального Собрания Турецкой Республики. Защитник интересов адыгских махаджиров. Один из тех, кто через 27 лет запрета воссоздал в Турции Черкесское общество взаимопомощи (1950). Учредитель и издатель журнала «Кавказ» (Стамбул, 1953). Как патриот, прилагал немало усилий, чтобы уберечь адыгов от турецкой ассимиляции. Умер в Стамбуле.

БИРМАМИТ Фоаз Махир – видный деятель черкесского зарубежья, генерал-майор Иорданской армии. За большие заслуги перед Иорданией, по распоряжению короля Хусейна бен Талая, похоронен с военными почестями на Королевском кладбище в Аммане.

ДЖАМБУЛАТ (ХЪЭТКЪУЭ) Исмаил (1880–1926). Известный турецкий политический и государственный деятель, дипломат. Абадзех. Родился в Стамбуле. Окончил военное училище. Служил в Солониках. Один из организаторов тайного общества, предпринявшего судьбу Османской империи. Создатель Османского общества свободы, а позже – один из трех руководителей партии «Единение и прогресс». Преподавал историю в Стамбульском военном училище. Издатель журнала «Рисале ве аскерие». Депутат Великого Национального Собрания (1912). Один из руководителей Главного Управления государственной безопасности (1914), губернатор вилайета Стамбул (1915), мэр столицы Турции (1916). Посол в Швеции (1917–1918). После оккупации Стамбула английскими войсками арестован и сослан на остров Мальта. В 1926 г. приговорен к смертной казни по подозрению в организации покушения на Мустафу Кемаля (Ататюрка).

ДЖАМИРЗЕ Аюб Ахметевич (род. в 1946 г.). Видный деятель черкесского зарубежья, австралийский бизнесмен. Отец его – Ахметеч Жэмырзе – родом из адыгейского аула Понежукай, мать Валентина Михайловна – украинка. Во время второй мировой войны они перенесли в гитлеровских концлагерях немало лишений. Жили в Италии, Сирии, Австралии. Аюб (Александр) Джамирзе родился в Неаполе. Учился в Сирии, на Украине. Президент концерна «Джамирзе фемили интерпрайсаиз» (Сидней). Его отделения работают в США, Болгарии, Германии, Российской Федерации, Азербайджане. Семья Джамирзе (свыше 30 человек вместе с внуками и племянниками) популяризирует в Австралии русское искусство, культуру народов Кавказа, адыгские обычаи, распространяет художественные киноленты, видеофильмы о России. 20 июня 1988 г. в Московской патриархии в торжественной обстановке Аюб и его мать Валентина Михайловна передали Русской православной церкви икону Божьей матери – дар семьи Джамирзе в честь 1000-летия крещения Руси. Она весит 300 кг, высота 2 м 83 см, ширина 1 м 37 см. Выполнена из драгоценных и полудрагоценных камней и оценена экспертами в 3,5 млн. долларов США (по другим источникам, – вес иконы около 500 кг, размер 1х2 м; стоимость ее, в ценах того времени – около 3 млн. руб.). Аюб Джамирзе не раз посещал Адыгею, Кабардино-Балкарию. Приезжал в Москву и Санкт-Петербург с концертами семейной рок-группы, в которую входят три сестры и четыре брата. Ансамбль занимал призовые места на двух фестивалях в Австралии, с успехом выступал в Японии, США, Франции. Авторами песен на английском и русском языках являются члены семьи Джамирзе.

ДЖЕБЕСОЙ Али Фуад-паша (1882–1968). Крупный турецкий государственный и военный деятель. Убых. Родился в деревне Хамамызы (вилайет Маньяс). Окончил военную академию в Стамбуле (1905). Командующий войсками Западного фронта в период войны со странами Антанты. Первый посол правительства Ататюрка в Москве, участник российско-турецких переговоров (март 1921 г.). Один из лидеров Прогрессивно-республиканской партии (1924). Обвинен в заговоре против главы государства и отстранен от политической деятельности. После смерти Ататюрка – министр (1939–1943), председатель Великого Национального Собрания Турецкой Республики (1948–1950). Умер в Анкаре.

ДУХКАН (СЭБЭНШЫ) Ахмед Мажид (род. в 1930 г.). Иорданский государственный деятель. Кабардинец. Выпускник инженерного факультета Александрийского университета (Египет). Возглавлял Комитет социального развития Аммана, Координационный центр администраций городов Хашимитского королевства, Государственный Комитет по охране окружающей среды. Министр сельского хозяйства (1985), транспорта и связи (1986–1989), водного хозяйства и мелиорации (1989). Награжден орденами и медалями Иордании.

ЗЕКИ-ПАША (БЭРЗЭДЖ) Мухаммед (1848–1917). Маршал Османской империи видный деятель черкесского зарубежья. Убых. Родился близ Сочи на Северном Кавказе. Окончил военное училище в Стамбуле (1864). Герой русско-турецкой войны (1877–1878). Маршал Османской империи. Внедрил в турецкую армию систему казачьих войск. Создал в Восточной Анатолии кавалерийские полки «Хамидие», вооруженные и экипированные по-адыгски. Один из основателей Черкесского общества единения и взаимопомощи (1908). Умер в Стамбуле.

ИНДЖЕДАИ (ФІЭЩМЫХЪУ) Джемдет Керим (1893–1951). Видный политический и государственный деятель Турецкой Республики. Кабардинец. Родился в Синопе. Выпускник военного училища. До ухода в отставку служил в турецкой армии. Один из руководителей Народно-Республиканской партии. Депутат Великого Национального Собрания 5-9-го созывов. В 1946–1947 гг. – министр общественных работ Турецкой Республики. Автор талантливых исследований «Западный фронт в национально-освободительной войне в Турции» (Стамбул, 1926), «Революция и независимость» (Зонгулдак, 1936).

ИСМАИЛ (ГЪУТОКЪУЭ) Ануар-Мухаммед (род. в 1929 г.). Генерал-лейтенант Иорданской армии, видный деятель черкесского зарубежья. Бжедуг. Родился в сирийской деревне Салмания (Голанские высоты). В юности эмигрировал в Хашимитское королевство. Окончил высшие курсы английской и американской военных академий. Телохранитель короля Хусейна бен-Талля (1957), командир особой черкесской гвардии Его Величества (1964–1969) Советник иорданского монарха по военным вопросам (1970). Министр внутренних дел Хашимитского королевства (1970–1973). В 1971 г. ему присвоено звание генерал-майора, в 1975 г. – генерал-лейтенанта. Дважды избирался президентом Черкесского благотворительного общества (1981–1983 и 1986–1987). Не раз посещал Кабардино-Балкарию как руководитель делегаций Адыгэ Хасэ Иордании. Награжден иорданскими орденами: «За смелость», «За участие в военных операциях», «Независимости» 3-й и 4-й степеней, «За боевые заслуги» трех степеней, «Почета», «Военного колокола», медалью «Планет» четырех степеней. Его боевые заслуги отмечены также орденом «Короля Абдул Азиза» первой степени (Саудовская Аравия), египетским, французским, германским, сирийским орденами «За военные заслуги»; китайским орденом «Развевающегося Знамени» высшей степени; медалями «Марокканского трона», «Пахлави» (Иран); «Геодреа Владимира Сакса» (Румыния) и др. Имеет всего 40 орденов и медалей 8 стран.

КАНДУР Иззет Хасан (1910–1992). Известный военный и общественный деятель Иордании. Родился в Аммане в семье кабардинских махаджиров. Окончил военное училище и командирские курсы в Великобритании. На службе с 1932 г. До 1957 г. командовал бригадой имени принцессы Али, округом, народным ополчением. Начальник Генерального штаба Иорданской армии, заместитель командующего по административной работе, командующий Силами Безопасности Хашимитского королевства (1964–1970). Один из создателей Черкесского благотворительного общества (ЧБО). Президент ЧБО в 1968–1971 гг. Не раз посещал родину в составе делегации соотечественников. Награжден иорданскими орденами: «Независимости» 1-й и 4-й степеней, «Возрождения» 1-й и 3-й степеней, «Звезды» трех степеней, «За безупречную службу», «За участие в войне» (1939, 1945), «За участие в военных операциях в Палестине», а также иностранными – «Защиты и Победы» (Великобритания), «Священной Усыпальницы» и «Развевающегося Знамени» (Китай), «За заслуги» 2-й степени (Сирия) и др. Умер в Сувейлахе (Иордания).

МАРШАН Эмир-паша (1860–1940). Турецкий государственный деятель. Абхаз. Родился в Сивасе. Окончил юридический факультет Стамбульского университета. Удостоен высшего гражданского титула паши. Активный участник национально-освободительного движения. Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики первого созыва. Управляющий делами Меджлиса. Умер в Сивасе.

МОХИ-ЭД-ДИН (ЖЭМБЕЙ) Халед (Род. в 1922 г.). Видный египетский политический деятель, борец за мир, журналист. Окончил военное училище и коммерческий факультет Каирского университета. Один из основателей и руководителей организации «Свободные офицеры», свергнувшей 23 июля 1952 г. монархический режим в Египте. Принадлежит к ее левому крылу. Главный редактор газеты «Аль-Ахбар» (1964–1968), член ЦК Арабского социалистического союза (АСС) – единственной в то время легальной политической организации, призванной играть роль «социалистического авангарда», определяющего направление внутренней и внешней политики страны. С приходом к власти Анвара Садата (1970) политическая деятельность его подверглась ограничениям. С июля 1971 г. под домашним арестом. В ноябре 1975 г. создал в рамках АСС Национально-прогрессивную (левую) партию (НПП) как платформу патриотических сил Египта. После роспуска АСС в 1977 г. НПП получает статус самостоятельной партии. В 1977–1980 гг. занимал пост ее Председателя, с 1980 г. – пост Генерального секретаря. С 1978 г. в течение ряда лет возглавлял редакцию газеты «Аль-Ахали», выступал на ее страницах за справедливое урегулирование ближневосточного конфликта, демократизацию общественно-политической жизни в стране. Основатель движения сторонников мира в Египте. С 1958 г. – генеральный секретарь Египетского национального Совета Мира, вице-президент Всемирного Совета Мира. Награжден Золотой медалью Мира имени Жолио-Кюри. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1970).

МУДАР (КЪАЛЭ) Аун (1945–1994). Видный иорданский военный деятель, генерал-майор. Кабардинец. Родился в Аммане. Окончил школу пилотов в городе Зарка (1964), высшие летные курсы проходил в Ве-

ликобритании, США и на Тайване. С 1966 по 1986 гг. служил в ВВС Хашимитского королевства: командир эскадрильи, директор летной школы и воздушного колледжа имени короля Хусейна бен-Талала, командир воздушной базы имени принца Хасана бен-Талала и базы в Мауафак Салти. Был военным атташе Иордании во Французской Республике (1986-1988), руководителем службы ВВС, генеральным инспектором Королевских Военно-Воздушных Сил, начальником штаба по операциям и тренировкам ВВС страны. В 1993 г. назначается главнокомандующим Королевскими Военно-Воздушными Силами. Генерал-майор. Награжден многими орденами королевства, Исламской Республики Пакистан, Сирийской Арабской Республики, Ливана, США. Умер от сердечной недостаточности в Соединенных Штатах Америки. Похоронен в Сувейлахе (Иордания).

НЕГУЧ Юсуф-паша Суад (1877 – ?). Видный деятель черкесского зарубежья. Родился в шапсугской деревне Каракой, район Дюздже. В Стамбуле окончил медресе, теологический и юридический факультеты университета. Один из издателей первой адыгской газеты «Гъуазэ» (1911–1914), активный ее автор. В феврале 1918 г. отправился на Северный Кавказ с просветительской миссией. После установления советской власти в этом регионе дальнейшая его судьба неизвестна. Существуют предположения, что его сослали в Сибирь и там он погиб.

ОЗДЕМИР Джем. Из адыгского рода Уэнащэ (Уначев). Родился в 1966 г. в Германии, окончил университет в Гейдельберге. Во время выборов в немецкий парламент в ноябре 1994 г. жители города Баден-Вюртемберг доверили ему депутатское место в бундестаге. Джем Оздемир состоит во фракции партии «зеленых» (49 депутатов).

ОРБАЙ (КІЭНКІЭ) Хусейн Рауф (1881–1964). Видный государственный и военный деятель Турецкой Республики. Убых. Родился в Стамбуле Его отец, Мехмет Музаффер-паша, был губернатором Ливии. Окончил морское инженерное училище (1899). Участник военных действий в Ливии и на Балканах. В первой мировой войне – начальник штаба Военно-Морских Сил Османской империи, а после ее окончания – представитель Турции на мирных переговорах в Брест-Литовске. Глава делегации Османского правительства на встречах с руководителями закавказских республик и народов Северного Кавказа (Трабзон, Батуми – 1918). В кабинете, сформированном Ахметом Иззет-пашой, – военный министр (октябрь 1918 г.), но через несколько дней, подписав Мудросское перемирие как глава турецкой делегации, ушел в отставку. В национально-освободительном движении выступил на стороне Мустафы Кемаля. Активный участник первых двух съездов представителей народа в Трабзоне и Сивасе, где решалось будущее Турецкой Республики. После захвата англичанами Стамбула, вместе с другими сторонниками турецкой революции, сослан на остров Мальта (1920). Освобожден после Лондонской конференции 1921 г. В правительстве Ататюрка занимал пост министра общественных дел. Председатель Великого Национального Собрания. В июле 1922 г. назначается премьер-министром Турецкой Республики. Из-за разногласий с Исметом Иненю в августе 1923 г. ушел в отставку. Был причислен к политическим противникам республики, организовавшим покушение на Ататюрка (1926). Суд заочно приговорил его к 10-ти годам тюрьмы, поскольку в это время он находился в Европе. Изгнание закончилось через девять лет после признания ложного осуждения и полной реабилитации. Вновь избирается депутатом Меджлиса (1936). Будучи послом в Великобритании (1942), приложил немало усилий, чтобы не допустить участия Турции в войне. Из-за несогласия с действиями властей в Анкаре подал в отставку и больше не занимался государственной деятельностью. Умер в Стамбуле.

САМИ-БЕЙ (ЗЭРАХЪУЭ) Бекир (1879–1934). Активный сторонник кемалистской революции, видный военный деятель Турции. Убых. Родился в деревне Дюмбе на побережье Мраморного моря (район Бандырма). Окончил военное училище (1900) и военную академию (1902). Командовал различными подразделениями турецкой армии, преподавал в военных училищах. В период Балканских войн (1912–1913) – начальник штаба 16-й дивизии 6-го корпуса, командир 2-го батальона 70-го полка, адъютант военного министра. В 1914 г. возглавил комиссию по закупке вооружения. С начала первой мировой войны командир 52-й дивизии (Иракский фронт). В результате успешного сражения при Фелахии в 1916 г. ему присваивают звание полковника. Руководил отделом заказа и экспорта правительства Турецкой Республики. В период национально-освободительного движения в Турции воевал против греческих оккупантов на Западном фронте, командуя дивизией, корпусом. По состоянию здоровья ушел в отставку. Умер в Стамбуле.

ТОЙДЕМИР (ТХЪЭРХЭТ) Джемиль Джахит (1883–1956). Известный турецкий военный и государственный деятель, генерал армии. Убых. Родился в Стамбуле. Окончил военное училище в 1902 г. Участник Балканских войн и первой мировой войны. В мае 1919 г. назначается командиром 5-й Кавказской дивизии. Сыграл важную роль в организации и проведении Всетурецкого Сивасского конгресса (сентябрь 1919 г.). Через месяц в его доме в Амасье состоялись переговоры делегации султанского правительства с членами Представительного комитета во главе с Мустафой Кемалем, Рауфом Орбаем, Бекиром Сами-беем Кундухом. Командир 10-й дивизии, воевавшей на Западном фронте против греческих оккупантов. После образования Турецкой Республики – командир корпуса, армии; начальник Главного жандармского управления, Высшего военного кассационного суда; генерал армии. После ухода в отставку – депутат Великого Национального Собрания от Стамбула (1946–1950), одновременно председатель Комитета национальной обороны Турецкой Республики. Умер в Стамбуле.

ТУНУСЛУ (ЛЪАШЭ) Хайреддин-паша (1819–1890). Крупный государственный и политический деятель, дипломат Османской империи. Бесленевец. Родился в Черкесии. Его отец – Хасан Тлаш – погиб в

Русско-кавказской войне. Оставшись сиротой, был отправлен в Стамбул на попечение родственника Тахсин-бея Кыбрыслы. В числе молодых адыгов, пожелавших защитить Тунис от французской экспансии, уехал в далекую провинцию Османской империи. Вскоре правитель Тунисской области Ахмет-паша усыновил его и дал возможность окончить военное училище «Сент Сур» во Франции. Талантливый адыг быстро сделал военную карьеру. В 36 лет стал генерал-полковником. В 1857 г. назначен командующим Военно-Морскими Силами Туниса, в 1861 г. – председатель меджлиса Туниса. От имени правительства Османской империи вел переговоры в столицах европейских государств. За долгую и безупречную службу ему присвоено имя Тунуслу (Тунисский). Невежество и беспечность нового правителя Туниса Мухаммеда Садык-паши, неприглядное поведение некоторых завистливых людей, а также интриги французов, зарившихся на эту страну, заставили его уйти в отставку и уехать в Европу. В 1878 г. по просьбе султана Абдул-Хамида II вернулся в империю. Избран сенатором, назначен премьер-министром (1879). Вскоре представил султану проект административной реформы государства, направленный на ослабление политики абсолютизма и введение конституции империи. Документ вызвал переполох в Меджлисе. Султан отклонил проект реформ. Не согласившись с таким решением, подал в отставку. До конца жизни жил на вилле Абдул-Хамида II в Куручешме. Умер в Стамбуле, похоронен на кладбище Эюб Султан. Хайреддин-паша был высоко нравственным, открытым и образованнейшим человеком своего времени. Его труды написаны на арабском и французском языках. Его старший сын Тахир дослужился до генерала, средний – Мухаммед – получил светское образование в Европе и занимался журналистикой. Младший, Салих, был женат на принцессе Мунире – дочери брата Абдул-Хамида II. Этот факт свидетельствует о том, что, невзирая на интриги и зависть султанского двора, османская династия проявляла большую симпатию к семье Хайреддин-паши.

УСМАН (ЭПЫЧ) Дияб Юсеф (род. в 1935 г.). Генерал-лейтенант Вооруженных Сил Иорданского Хашимитского королевства. Абадзех. Родился в деревне Уадисир. Окончил военную академию в городе Зарка (1964). Возглавлял Комитет по гражданской обороне Иордании. Был мэром городов Керак, Балка, Туфела. Министр внутренних дел Хашимитского королевства (1984–1985). Награжден многими орденами и медалями Иордании и других арабских стран.

ФЕВЗИ-ПАША (БЫЖ) Ахмет (1871–1947). Турецкий военный деятель. Убых. Родился в городе Дюздже. Окончил военное училище (1889) и военную академию (1892). Был преподавателем военного училища (1893), военным атташе в Тегеране (1896), возглавлял армейскую ревизионную комиссию (1900), кавалерийские части 4-й армии (1908). В годы первой мировой войны командовал 9-м корпусом в звании бригадного генерала, а после ее окончания – 25-м корпусом. В третьем кабинете Дамада Ферид-паши – советник министерства обороны. В 1923 г. подал в отставку. Свободно знал пять языков – турецкий, французский, немецкий, персидский и адыгский. Умер в Стамбуле.

ФАВЗИ (ХБЭХЪУ) Мухаммед (род. в 1927 г.). Известный египетский военный и государственный деятель. Шапсуг. Из потомков черкесских махаджиров. Окончил военное училище в Египте, академию – в Великобритании. Был начальником военной академии в Каире, командовал экспедиционными войсками Египта в Йемене. Накануне «шестидневной войны» с Израилем (1967) возглавлял Генеральный штаб Вооруженных Сил Египта. В 1967–1971 гг. – министр обороны страны. Генерал-полковник. В мае 1971 г. снят с должности по обвинению в заговоре против президента Анвара Садата.

ФАВЗИ (ХБЭХЪУ) Махмуд (1900–1981). Дипломат и государственный деятель Египта. Шапсуг. Потомок черкесских махаджиров. Родился в Нижнем Египте. Образование получил в Каирском, Римском, Ливерпульском (Англия) и Колумбийском (США) университетах. Доктор юриспруденции (международное право). С его именем связано целое направление в египетской дипломатии. Карьеру начал в 1922 г., прошел большую школу дипломатической и консульской службы в Италии, США, Японии, Греции. С 1946 г. постоянный представитель Египта в ООН. После июльской революции 1952 г. – посол в Великобритании. Министр иностранных дел Египта (1953–1964). Член исполкома Арабского социалистического союза. Заместитель премьер-министра (1964–1967), специальный помощник президента Насера по иностранным делам. В октябре 1970 г., после прихода к власти Садата, назначен на пост премьер-министра Египта. В январе 1972 г. подал в отставку по настоянию президента страны. Умер в Каире.

ФУАД (ДЖАРЫМ) Мехмет (1892–1972). Видный дипломат и государственный деятель Турецкой Республики. Родился в Алеппо (Сирия). Его отец, убых по происхождению, Решид-бей Джарим был прокурором Высшего апелляционного суда Османской империи. Окончил Высшую школу гражданских чиновников в Стамбуле (1923), Женевский университет (Швейцария). Каймакам (мэр) городов Гёнен и Адапазары (1917–1919). В период национально-освободительного движения воевал на стороне Анкарского правительства. Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики первого созыва. Генеральный консул в Москве и Казани. Вместе со своими коллегами Азизом Мекером и Тахсином Бажем оказывал помощь в создании независимой демократической Северо-Кавказской Республики. Женившись на русской актрисе, временно оставил дипломатическую службу (1924). С 1936-го по 1943 г. – генеральный консул в Барселоне, Копенгагене, Милане, Марселе. Генеральный секретарь Министерства внутренних дел (1948), посол Турецкой Республики в Бразилии (1948–1952). Умер в Стамбуле.

ХУРШИД-ПАША (НЭГЪУЧ) Исмаил (1854–1934). Известный военный и государственный деятель Турции. Родился в Шапсугии. Высшее военное образование получил в Стамбуле. Генерал-полковник. Занимал посты начальника Управления артиллерии Османской империи, председателя военного трибунала, командующего 17-м корпусом (во время Балканских войн), военно-морского министра, министра обороны. В период национально-освободительного движения вместе с известными адыгскими лидерами маршалами Фуад-пашой, Зеки-пашой Берзегом, генералами Юсуфом Иззет-пашой, Салих-пашой Карзегом и другими приложил немало усилий, призывая черкесских эмигрантов выступить на стороне революции Ататюрка. Умер в Стамбуле. Его мемуары опубликованы в журнале «Хаят» («Жизнь»): «Воспоминания о правительстве» (1964), «Дворцовые воспоминания» (1965).

ХУТАТ Джалал Гази (род. в 1930 г.). Генерал-лейтенант Вооруженных Сил Иорданского Хашимитского королевства. Кабардинец из рода Хьутат. Родился в Аммане. Окончил финансово-коммерческий факультет Каирского университета (1952), аспирантуру Йельского университета в Соединенных Штатах Америки (1958). Заместитель министра финансов Хашимитского королевства (1952–1961). Последние 36 лет возглавляет Главное финансово-хозяйственное управление Вооруженных Сил Иордании. Награжден 14 орденами и медалями.

ЧЕРКЕЗОВ (ТІЭШУ) Стефан (1945–1972). Герой Болгарии, доктор. Шапсуг. Родился в болгарском селе Стрелец. Окончил медицинский институт в Софии. В 1972 г. вся Болгария восхищалась подвигом 27-летнего врача из маленькой деревни. Ему посмертно было присвоено звание Героя Болгарии. ...Автобус, которым возвращался доктор Черкезов с конференции в Велико-Тырново, на одном из крутых поворотов горной дороги столкнулся с встречным грузовиком и загорелся. Молодой адыг оказался единственным, кто в те страшные минуты сохранил самообладание. Он сделал все, чтобы помочь оцепеневшим и обезумевшим от ужаса пассажирам. Двадцать бросков в пламя – двадцать спасенных детей, женщин, стариков. На нем горела одежда, его хватили за руки, чтобы удержать, но он вырывался и вновь бросался в пламя, покуда не рухнул наземь горящим факелом. На памятнике отважному адыгу написано: «Я сгораю, света другим!» Именем Черкезова названы в Болгарии окружная больница, дом культуры, аудитории в медицинских институтах Софии и Варны. Мемориальные доски в честь Героя есть в селе Стрелец, в городах Велико-Тырново и София. Известная поэтесса Блага Димитрова посвятила ему прекрасную поэму.

аль-ЧЕРКЕСИ Шахин бин Абдуллах (1378–1452). Видный египетский теолог, путешественник. Родился в Каире. Знаток шариата, шейх. Жил во времена правления черкесского султана Каит-бея. Обосновавшись в келье аль-Мукаттам недалеко от Каира, жил в одиночестве около 50 лет. Его часто посещали египетские правители и кадии. По велению султана Египта, Сирии и Палестины похоронен в гробнице и приравнен к лику святых.

ШУРДУМ Тахсин Хамид (род. в 1942 г.). Видный военный деятель Иордании, генерал-лейтенант. Кабардинец. Родился в Аммане. С 1961 г. служит в Иорданской армии, окончил училище кадетского корпуса, общевоинскую академию в городе Зарка, был минером, парашютистом. Учился в США на высших курсах пехоты. В 1973 г. окончил Академию Генерального штаба Хашимитского королевства. Будучи командиром батальона сил быстрого реагирования, воевал в горах Дофара (султанат Оман). О недюжинной силе, выносливости, тактических способностях подполковника Шурдума рассказывается в книге «Солдаты удачи» английского генерала Кена Перкинза (Лондон, 1988). После окончания высших командных курсов в Великобритании (1986) два года служил в Министерстве обороны Иордании. В 1989–1990 гг. – военный атташе в Вашингтоне в чине бригадного генерала. С ноября 1990 г. – командир 4-й бронетанковой дивизии, с 1996 г. – заместитель министра обороны страны. Имеет свыше 20 военных наград, в том числе высшие иорданские ордена («Истикъакъ ула», «Истикъакъ аскери», «Истикъал даражауля»). отмечен также двумя боевыми орденами США, Австрии, тремя орденами и медалью султаната Оман.

ЭТХЕМ-ПАША (ДИПЦЭУ) Черкес (1886–1948). Герой национально-освободительного движения Турции. Убых. Родился в шапсугской деревне Эмрикой (вилайет Балыкесир). Младший из пяти братьев. Двое из них, Решит-бей и Тевфик-бей, окончили военное училище. Сильное желание идти по стопам братьев, заставляет Этхема бежать в Стамбул. Здесь он учился в кавалерийской офицерской школе. Активный участник Балканских и первой мировой войн. Был несколько раз ранен и в звании лейтенанта оставил службу. После оккупации Османской империи странами Антанты началась антиимпериалистическая борьба турецкого народа. Одним из выдающихся партизанских командиров Западной Анатолии стал Этхем-паша. Его «летучий кавалерийский отряд» выступил против греческих интервентов и халифатской армии. Своим бесстрашием и отвагой он наводил ужас на врагов. Ядро летучего партизанского отряда составляли адыги. Кемалисты стремились объединить все разрозненные силы освободительного движения и создать регулярную турецкую армию, которая должна была подчиняться Меджлису. Партизанские же отряды противились этому и старались сохранить свою независимость. Вот в такой критический период, когда создание регулярной армии откладывалось на неопределенное время, возникла необходимость объединить партизанские силы в единую организацию для борьбы против оккупантов и агентов султана. Вскоре такое соединение было создано под названием «Зеленая армия», в которую вошли в полном составе партизанские отряды и первый

«летучий корпус». В турецкой исторической литературе имя Черкеса Этхема неразрывно связывают с «Зеленой армией». Это объясняется тем, что «Зеленая армия», которая была призвана объединить разрозненные партизанские силы, видела его главным своим лидером. Постепенное усиление влияния «Зеленой армии» на Западном фронте тревожило кемалистов, поэтому Анкарское правительство форсировало формирование регулярной армии и ликвидацию партизанского движения. Был издан декрет о создании из партизан регулярных частей. Это вызвало осложнения во взаимоотношениях между партизанами и кемалистами, в частности, между Ататюрком и Этхемом. Переговоры не увенчались успехом. Только после этого Мустафа Кемаль отдал приказ о разоружении «летучего отряда» Этхема, а самого приговорил к смерти. Этхем-паша вынужденно бежал к грекам. Это событие до сих пор вызывает дискуссии и споры среди турецких историков. Из Греции ему пришлось уехать в Германию, оттуда он перебрался в Иорданию, где впоследствии и скончался. Похоронен на черкесском кладбище Аммана. Черкес Этхем остался в народной памяти как легендарный герой национально-освободительного движения в Турции. Об этом свидетельствует и то, что до настоящего времени не ослабевает интерес исследователей к его личности. За последние четверть века в Турции увидели свет ряд серьезных монографий, посвященных его жизни и деятельности: «Досье Черкеса Этхема» в двух томах Джемалю Кутай (Стамбул, 1973), «Черкес Этхем» Зеки Сарыхана (Анкара, 1984), «События, связанные с Черкесом Этхемом» Джемалю Шенера (Стамбул, 1984) и др.

ЯВЕР-ПАША (ХЪЭГЪУР) Омер (1859–1933). Видный государственный и военный деятель Османской империи. Шапсуг. Родился в Дюздже. Окончил военное училище (1880) и военную академию (1884). В звании генерал-лейтенанта ушел в отставку. В правительстве Тевфика-паши был военным министром (20 января 1919 г. – 24 февраля 1919 г.). Но, несогласный с действиями сил Антанты в Стамбуле и изгнанием иттихадистов из правительства, вторично подал в отставку. С марта 1919 г. – министр султанского двора Вахдеттина. В июле 1920 г. Анкарский Верховный суд заочно приговорил его к смертной казни. Вместе с султаном покинул страну. После подписания Лозаннского договора попал в число 150 человек, которым запретили возвращаться в Турцию. Жил в Египте и Ливане. Умер в Бейруте (Берзегов Б.Н., Хафице М.М., 1998, № 4. С. 1-16; Гутов А.М., 1998).

3. «РОДИНА У ЧЕЛОВЕКА ОДНА...»: ПИСЬМА, НАПИСАННЫЕ КРОВЬЮ

Он – который рассеял вас по земле, и к Нему вы будете собраны...

Коран. Сура 23; 81.

Письма больше, чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное.

А. Герцен (1812-1870).

Сердце обливается кровью, когда познакомишься со свидетельствами потомков черкесов-махаджиров об их жизни на чужбине и непреодолимом желании вернуться на Родину. Предоставим им слово. Мамдох Хассан, выпускник Дамасского университета, пишет родственникам: «Черкесы испытали много горя и лишений, но самой страшной трагедией было то, что мы, бросив Родину, ушли от нее. Волосы встают дыбом, когда вспоминаешь об этом. Есть ли большая трагедия для нашего народа, чем лишиться Родины?».

Весной 1992 г., на съезде адыгского народа с проникновенной речью выступил гость из Турции – черкес Н. Хуаж: «У вас много проблем. Но дорогие люди, вы гораздо богаче нас, самых богатых зарубежных черкесов, тем, что у нас нет Родины, а вы живете на земле предков. Спасибо туркам – они в свое время дали нам приют. Но Родина у человека одна – и ни одно правительство мира не в состоянии подарить чужестранцу Родину. Наши предки вынуждены были ее покинуть много лет назад, но никогда нас не покидала надежда вернуться». Относительно того, хотят ли изгнанные с родной земли адыги вернуться на Родину, один из потомков махаджиров пишет: «Если бы не думали вновь обрести Родину, мы бы не прожили и дня».

Стоит прислушаться и к словам секретаря «Адыге Хасэ» г. Бурса (Турция) Бурхана Шеуджена: «Материальное положение черкесов в Турции разное. Небольшой процент из них живет богато. Остальная, основная часть значительно беднее, чем черкесы Адыгеи. И именно среди этого контингента людей сейчас наибольшее число тех, кто хотел бы вернуться на Родину. И необходимо сделать все, чтобы не только не мешали их стремлению, но и помогли людям, собирающимся домой». Об этом же говорят и письма сирийских черкесов: «Хотя я родился здесь (в Сирии), душа живет на Кавказе. Как трудно, когда душа и тело живут врозь. Я молю Бога о дне, когда они соединятся». И таких свидетельств – десятки, сотни.

Завершить этот скорбный раздел хотелось бы словами дипломата, писателя, черкеса-махаджира по происхождению, Хавжоко Шауката Муфти (заранее просим прощения за пространную выдержку, но, как говорится, «из песни слова не выкинешь», тем более, если эта «песня» буквально написана кровью): «Эта длинная и печальная история описывает великие жертвы и страдания, и показывает славное прошлое – вечный источник гордости за наших предков, а также напоминает нам ошибки и грехи, которые они со-

вершили против своих родных земель. Самой большой ошибкой, несомненно, было то, что они оставили родные земли, унаследованные от дедов, которые защищали их с древних времен от алчности агрессоров. В конце концов они вынуждены были сдаться после того, как их последний враг, русский царь, сумел разбить их благодаря численному превосходству и более современному вооружению. Им следовало остаться на своих землях после поражения и разделить судьбу своей страны, какими бы тяжелыми ни были условия. Им не следовало покидать свою родину. Их решение уехать привело к катастрофе. Многие из них погибли, остальных разбросало по свету. Оно привело к их разъединению, поэтому говорили: «Черкесы после эмиграции больше не представляют собой реально существующего народа». Поэтому *просьба позволить им служить своему собственному народу, своей судьбе, и собраться вместе, чтобы жить одним народом, – эта просьба не должна казаться противоестественной*. Их требование оправдано. Это – достойная цель, и она заслуживает жертв и усилий для ее достижения».

4. СОХРАНИТЬ ЕДИНСТВО АДЫГСКОГО НАРОДА КАК ЭТНОСА

А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Поистине, этот ваш народ единый.

Коран. Суры 5, 53; 21,92.

И будут жить на земле, ...на которой жили отцы их, там будут жить они и дети их, и дети детей их вовеки...

Библия. Книга пророка Иезекииля (37; 25).

В своей книге М.А. Керашев (1994) размышляет о перспективах возрождения Черкесии в ближайшем будущем. Это тем более актуально, что на сегодняшний день более 4/5 нации, т.е. 4 из 5 черкесов в мире проживают за рубежом. М. Керашев предлагает: на исторической Родине адыгов воссоздать в составе Российской Федерации Конфедерацию Черкесских Республик (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея и Шапсугский национальный район). Разумеется – это все лишь островки бывшей исторической Черкесии, к тому же искусственно созданные без общих границ. Второй этап – создание Общечеркесского Парламента из представителей парламентов этих черкесских республик. Важное место в воссоздании общечеркесской нации и последующем возрождении Черкесии должно принадлежать, по мнению М.А. Керашева, Всемирной (Международной) Черкесской Ассоциации.

Широкий общественный резонанс получило интервью с писателем и общественным деятелем из США К.И. Натхо, опубликованное под заголовком: «Адыг – он и в Америке адыг». Он назвал имена многих адыгов, которые занимают и высокое положение в обществе, и государственные посты. Это Индрис Цей, родом из Сирии, доктор наук. Чингиз Гирей участвовал в Ялтинской конференции в составе делегации США. Мыхамет Надырбов, доктор наук. Среди американских адыгов есть бизнесмены, врачи, адвокаты, педагоги.

Первый Всемирный конгресс черкесов, состоявшийся в мае 1991 г. в Нальчике, провозгласил рождение новой международной организации – Всемирной Черкесской Ассоциации, был принят Устав и избран Президент ассоциации, намечены первоочередные пути возрождения адыгейского народа как этноса. Первый президент Всемирной Черкесской Ассоциации Ю.Калмыков поделился с соотечественниками своей тревогой за будущее черкесского народа: «Нас тревожит только возрождение своего народа. Все наши помыслы и дела будут направлены на возрождение национального достоинства адыгского народа, традиций и обычаев; мы будем способствовать восстановлению подлинной истории черкесов, расширению и укреплению связей и братской дружбы черкесской диаспоры с исторической Родиной» («Нарт», 1993, № 22, август). О необходимости укрепления дружеских контактов зарубежных адыгов с соотечественниками, оставшимися на Родине, говорил и врач из Германии Ихсан Уджуху: «Надо больше говорить о мире и дружбе людей разных национальностей и разного вероисповедания, а не сеять между народами неприязнь на религиозной почве».

Всемирная Черкесская Ассоциация поддерживает меры по увеличению прироста черкесского населения. Так, тот же И. Уджуху учредил приз самой многодетной семье в Адыгее, и уже вручил его в Егерухае семье, родившей и воспитавшей 12 детей. Одно из основных направлений деятельности Всемирной Черкесской Ассоциации – способствовать возвращению на историческую Родину черкесов, ныне разбросанных по всем странам мира. Как говорится в одной из сур Корана (18; 99), «... и соберем Мы их воедино». Пусть каждый человек и каждый народ, – призывает Н. Бэрэддж, – имеет право жить на земле предков. Пусть каждый, кого судьба забросила на чужбину, будет иметь возможность вернуться на Родину или право выбора остаться в чужой стране, ставшей ему родной. И пусть никто не обвиняет другого за события, произошедшие до его рождения.

5. «О, РОДИНА, ПРИМИ СЫНОВ СВОИХ ...»

Возможность возвращения адыгов-махаджиров на свою историческую родину законодательно закреплена в Конституции Республики Адыгея (раздел 1, ст. 10): «Республика Адыгея признает право возвращения на историческую Родину проживающих за пределами Российской Федерации соотечественников: адыгской диаспоры, уроженцев и их потомков, выходцев, независимо от их национальной принадлежности».

5.1. Проблемы возвращения адыгов на свою историческую родину

А те, которые выселились после того, как их притесняли, – мы водворим их в здешнем мире в прекрасное место...

Коран. Сура 16; 43.

Не ищи лучшего места, чем Родина, хорошо трудись и станешь хозяином (Укъызыхъугъэм нахъ чыпIэшIу улымыхъу, дегъоу лажьы, унагъо ухъуцт).

Цуг Теучеж

Еще А.С. Пушкин утверждал, что для каждого человека важнее всего внутреннее самоутверждение, а оно невозможно без опоры на исторические корни своего народа, своей «большой» и «малой» Родины:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На нем основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его...

После провозглашения Адыгеи республикой усилились слухи о предстоящей массовой репатриации (лат.: *repatrians* – «возвращение на Родину военнопленных, беженцев, переселенцев») адыгов. В наше сложное время, когда в отдельных регионах страны льется кровь на почве межнациональных отношений, можно понять русскоязычное население Адыгеи, которое к возвращению зарубежных соотечественников на свою историческую Родину относится с некоторой тревогой.

Председатель республиканской организации Адыгэ Хасэ, доктор филологических наук А.А. Схалыхо дал исчерпывающее разъяснение по этому вопросу: «Мы никогда не вели речь о массовом переселении. Есть отдельные молодые люди, желающие со своими семьями вернуться на родину предков. Мы помогаем и впредь намерены это делать. Следует отметить, что о массовом переселении адыгов ведут речь те, кто горит желанием дестабилизировать политическую обстановку в Адыгее...»

Примером такой неудавшейся попытки дестабилизации межнациональных отношений в «оазисе мира» – Адыгее является так называемый анализ ситуации, выполненный еще в 1990 г. военными экспертами Северо-Кавказского военного округа, опубликованный в газете «Северный Кавказ». Как отмечает Петр Матвеевич Иванов, особая роль в этом анализе отводилась адыгской проблеме: «Военные эксперты во всех своих рассуждениях несут одну очень «важную мысль»: ни в коем случае нельзя допустить, чтобы разрозненные адыги (т.е. кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги, составляющие один этнос) подумали о своем единстве. Тогда они создадут, как утверждают эти эксперты, так называемую «Великую Черкесию» и потребуют вернуть им свои исторические земли – Закубанье и Черноморское побережье».

И далее П.М. Иванов совершенно справедливо спрашивает: «Можно, конечно, пугать общество и высшее российское руководство, но зачем же приписывать адыгскому народу полное отсутствие чувства реальности, разумности и мудрости? И приписав этому народу все эти «грехи», указанные «эксперты» пошли дальше в своих выводах: нельзя позволить возвращение на Родину адыгов, изгнанных во время Кавказской войны, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы международное сообщество признало адыгов народом, подвергшимся геноциду. Трудно сказать, по чьему заказу эти военные эксперты работали, но вряд ли можно было придумать лучшей «работы», чтобы посеять между народами (а там в таком же духе характеризуются все народы Северного Кавказа) недоверие, вражду и создать почву для развала и без того ослабленной России...».

Всемирный Конгресс черкесов (Нальчик, 1991), также опроверг слухи о якобы готовящемся массовом переселении адыгов на Кавказ. На первых порах возвращаться намерена лишь та часть диаспоры, которая наиболее обеспечена материально и не ждет помощи со стороны государства. Со своей стороны, Всемирная Черкесская Ассоциация готова и своим международным авторитетом, и материально помочь возрождению адыгского народа как этноса. С этой целью создан Фонд адыгов. От 50 до 2000 долларов уже внесли в него доктора наук Ихсан Уджуху и Батрай Едидж из Германии; Ниязи Кошбай (США), Хамид Едидж (Турция) и многие другие.

Разумеется, решение вопроса о возвращении адыгов на свою историческую родину возможно лишь при оказании соответствующей помощи и поддержки со стороны Правительства Российской Федерации. Об

этом, в частности, заявил Генеральный секретарь Международной Черкесской ассоциации Александр Охтов на 53-й сессии Комиссии ООН по правам человека 24 марта 1997 г.: «Российское правительство должно предпринимать усилия, чтобы решить черкесский вопрос, предоставляя потомкам депортированных черкесов, желающих вернуться, право беспрепятственного возвращения на историческую родину и оказывать финансовую помощь и поддержку репатриантам» («Черкесское зарубежье», 1998, № 4, с.2).

Придет ли день, когда осуществится вековая мечта адыгов, не по своей воле покинувших Родину? Будем надеяться, что это время наступит еще при жизни нашего поколения, – ведь слишком велика тяга потомков махаджиров на землю предков. Земля адыгов ждет вас. Как здесь не вспомнить мудрые слова Цуга Теучежа: *Укъызыцыхъугъэм нахъ чыпIэшыу улъымышху, дегъоу лажьы, унагъо ухъуит*. – «Не ищи лучшего места, чем Родина, хорошо трудись и станешь хозяином».

5.2. Насколько реальна репатриация миллионной черкесской диаспоры в Адыгею?

И выведу вас из народов и стран, по которым вы рассеяны, и соберу вас рукою крепкою.

Книга пророка Иезекииля (20; 34).

Неотъемлемое право любого народа, независимо от его численности, – бороться за место под солнцем, вот мы и боремся... Сочинская Олимпиада, которая пройдет на наших родовых землях, дает нам возможность поднять вопрос о репатриации адыгов в Россию.

Ибрагим Яганов, председатель Хасэ Кабардино-Балкарии.

Специальный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Дарья Асламова выясняла, кто стоит за организациями, призывающими отобрать у России весь Краснодарский край и две-три республики Северного Кавказа под новый политический проект – «Великую Черкессию»?

«...Но вопрос территорий, создания «Великой Черкесии» – это еще цветочки, – пишет корреспондентка. – А ягодки – требование репатриации миллионной черкесской диаспоры на историческую родину, разумеется, за счет России. «...Главная проблема – это реабилитация нашего народа, 90% которого проживает в изгнании, – заявляет зам. председателя адыгейского движения «Черкесский конгресс» Заур Дзеукожев. – Обязанность России – обеспечить им возможность вернуться. Россия – правопреемница Российского государства и СССР. Те ошибки, которые совершила империя, должна исправить». «Но Россия не считает Кавказскую войну ошибкой, – возражаю я. – И потом: вы всерьез думаете, что Москва возьмет на себя возвращение адыгов, чьи семьи уже 160 лет живут где-нибудь в Турции или Иордании, людей с чуждым нам менталитетом? Да я как налогоплательщик и рубля не дам на это гиблое дело! Они даже не говорят по-русски!» «Они говорят на адыгском, этого достаточно, – заявляет Заур. – Был совершен геноцид черкесов. За преступление надо отвечать». «Но Россия не признает геноцид, и ни одна страна не признала! Даже Грузия не рискнула!» – «Еще не вечер! Мы обратились в Европарламент. Когда геноцид признают там, мы будем с вами разговаривать по-другому!»

Видный черкесский политик из Кабардино-Балкарии, председатель общественного движения «Хасэ» Ибрагим Яганов – человек пылкий, но более прагматичный, чем одержимый Дзеукожев. Однако и он настаивает на репатриации черкесской диаспоры. «Почему нас на этнической территории осталось меньшинство? Потому что нет хороших условий, чтобы этнос развивался», – говорит Ибрагим. «Если вы думаете, что люди только в хороших условиях размножаются, так это ерунда, – замечаю я. – Посмотрите на Пакистан или Афганистан – нищета полнейшая, а в семьях по 7-8 детей. Или на цыганок, рожаящих прямо в кибитках на ходу. Напротив, любой демограф докажет вам, что люди при высоком уровне жизни менее склонны жертвовать комфортом ради увеличения количества детей, чем при низком». «Пусть так. Но если редкая птичка пропадает, вокруг нее создают специальный ареал, чтобы она выжила! – восклицает Ибрагим. – А тут целый народ! Кто-нибудь делает какие-нибудь подвижки, чтобы его сохранить?» «Странная постановка вопроса, – пожимаю я плечами. – У нас и русские мало рожают, однако я не слышала, чтобы русские кричали: создайте особые условия для размножения! Я уж не говорю о множестве малых народов на территории страны, у которых те же проблемы. Почему же мы должны создавать тепличные условия только для адыгов в ущерб их соседям?»

Не менее трезво размышляет о гипотетической возможности воссоздания Великой Черкесии и М.Ш. Психоматов (2011. С. 19-20); «Черкесы извлекли опыт из своей борьбы и скитаний и более всего опасаются подвергать свою судьбу новым испытаниям. Когда мы говорим об объединении, мы подразумеваем духовное единство, придание черкесскому народу статуса народа-изгнанника. Для нас в обретении этого статуса важна прежде всего его нравственная сторона...».

5.3. Мэфэхьабл («Счастливый аул»): возвращение адыгов из Косово

5.3.1. «Первые ласточки»: потомки махаджиров возвращаются на свою историческую родину

И водворю их на земле их, и они не будут более исторгаемы из земли своей, которую Я дал им.

Книга пророка Амоса (9; 15).

Нет сомнения, что наш многонациональный народ в полную силу проявит присущие ему гуманизм, сердечность, гостеприимство и отзывчивость. С возвращением на свою Родину, дорогие братья и сестры!

А.А. Джаримов (1998).

«Придет ли день, когда осуществится вековая мечта адыгов, не по своей воле покинувших Родину? Будем надеяться, что это время наступит еще при жизни нашего поколения, – ведь слишком велика тяга потомков махаджиров на землю своих предков», – такими словами завершился соответствующий раздел первого издания книги «Земля адыгов» (1996).

Прошло совсем немного времени, и в печати все чаще и чаще стала появляться информация о зарубежных адыгах, возвращающихся на свою историческую Родину. Как пишет М. Хафицэ («Черкесское зарубежье», 1998, № 4. С. 15), «...на родину в Кабарду, Адыгею, Черкесию, Абхазию уже вернулось около 500 потомков махаджиров. Так, в Нальчике живут: член Союза писателей Российской Федерации переводчик Мамдух Кумык, фольклорист Гиса Жиркяго, поэт Фатих Жиркяго, генерал-майор в отставке Мухамед Бассам-Нури Таучеш, юрист Сабри Келдий, социолог Риад Кат, модельер Лейла Уджуху, географ Мунир Шик и многие другие славные адыги, пожелавшие строить новую жизнь вместе со своими кавказскими братьями и сестрами».

Возвращаются на Родину и представители известного адыгского рода Къущхъэ, – сейчас многие из них живут и трудятся в Нальчике и в других селениях Кабарды. По сообщению Азми Кушха, всего за пределами Кавказа в настоящее время проживает 1530 чел. с кабардинской фамилией Къущхъэ. Только в Турции насчитывается около 400 однофамильцев; немало их и в Иордании, Сирии, Англии, Германии, Голландии и США. Одним из первых побывал на своей исторической родине Доган Кушха, который всю свою сознательную жизнь занимается изучением фольклора зарубежных адыгов. Пишет стихи, песни, и сам же исполняет их. Но после возвращения с Кавказа турецкие власти обвинили его в пропаганде коммунистических идей и посадили на 7,5 лет в тюрьму. Весь род Кушховых, объединившись с другими адыгами, проживающими в Турции, обжаловали решение суда, и Догана освободили через 8 месяцев заключения («Черкесское зарубежье», 1998, № 4. С. 3).

5.3.2. Меры по реализации государственной политики Республики Адыгея в области репатриации зарубежных черкесов

3 июля 1998 г. впервые в истории Российской Федерации было принято правительственное решение о репатриации зарубежных адыгов – постановление №690 «О неотложных мерах государственной поддержки переселения адыгов (черкесов) из Автономного края Косово (Союзная Республика Югославия) в Республику Адыгея».

М.О. Калмыкова (2007).

В Адыгею начали возвращаться зарубежные соотечественники, главным образом, в начале 90-х гг. XX столетия, когда Адыгейская автономная область была преобразована в республику и получила новые полномочия. Руководство республики предприняло ряд мер по содействию репатриации зарубежных соотечественников: сократило сроки для получения гражданства СССР (РФ), предоставило гостиницу для их временного проживания и т. д. В 1991-1995 гг. ОВИР МВД РА выдал репатриантам-адыгам 167 видов на жительство и 117 паспортов РФ (Кушхабиев А.В., 2007).

Несколько лет назад все мы стали свидетелями возвращения на свою историческую Родину потомков махаджиров из Косово. Немалые трудности стояли на этом пути, – трудности политические, социально-экономические и даже психологические. Осложняли этот благотворный процесс распад Югославии как единого государства, начавшиеся военные действия между бывшими республиками, бомбардировки авиацией НАТО ее населенных пунктов, активизация действий албанских сепаратистов.

Здесь уместно вспомнить, что, начиная еще с 1993 г., косовские адыги направляли в адрес компетентных органов Российской Федерации и руководства Республики Адыгея обращения с просьбами о предоставлении им российского гражданства и содействии в возвращении на историческую родину. Обострение же вооруженного конфликта в Косово ускорило процесс разрешения данного вопроса. Возвращение в Республику Адыгея косовских адыгов стало важнейшим политическим событием современности; впервые на историческую родину вернулась целая община соотечественников, сохранившая родной язык, обычаи и традиции (Калмыкова М.О., 2007. Вып. VI. С. 387-388).

Дополняет эту информацию А.В. Кушхабиев (2007). Важным политическим событием, – пишет историк, – стало возвращение группы черкесов из Косово (Союзной Республики Югославия) в Республику Адыгея. В связи с обострением противоречий между албанцами и сербами, переросших в вооруженные столкновения, черкесы вынуждены были покинуть насиженные места в Косово и отправиться на историческую родину. После обращения косовских адыгов с просьбой о предоставлении им права на репатриацию, «Международная черкесская ассоциация» трижды ставила вопрос о косовских черкесах на заседаниях ООН. Трижды принимались положительные резолюции по этой проблеме. Резолюция по данной проблеме была принята и Комитетом по правам человека ООН.

Руководство Республики Адыгея обратилось к Правительству РФ с просьбой о предоставлении косовским адыгам права возвращения в Республику Адыгея. Правительство РФ вынесло положительное решение по данному вопросу (Кушхабиев А.В., 2007).

Переселению косовских адыгов предшествовало принятие парламентом Республики Адыгея целого пакета законодательных актов. 3 июля 1998 г. впервые в истории Российской Федерации было принято правительственное решение о репатриации зарубежных адыгов (черкесов) из автономного края Косово (Союзная Республика Югославия) в Республику Адыгея». Несколько ранее, 29.05.1997 г. Государственным Советом – Хасэ Республики Адыгея был принят Закон «О репатриантах» (Кушхабиев А.В., 2007). 12 мая 1998 г. Кабинет Министров Республики Адыгея принял Постановление № 144 «О мерах по приему и обустройству репатриантов из Косовского округа Союзной Республики Югославия в Республике Адыгея». Также были приняты: Постановление «О мероприятиях по дальнейшему обустройству черкесских (адыгских) репатриантов из Автономного края Косово (Союзная Республика Югославия) в Республике Адыгея» от 10.08.98 г.; Указ Президента Республики Адыгея А.А. Джаримова № 102 от 13 августа 1998 г. «О дне репатрианта»; Распоряжение Кабинета Министров Республики Адыгея от 18.08.98 г. № 240 р. «О выделении земель для репатриантов из Автономного края Косово (Союзная Республика Югославия)»; Распоряжение Президента Республики Адыгея А.А. Джаримова от 23 апреля 1999 г. № 59-р.п. «Об официальном представительстве Республики Адыгея по обеспечению переселения адыгов из Автономного края Косово (Союзная Республика Югославия)».

Дополняют этот перечень Приказ министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С. Шойгу от 21.05.99 г. № 276 «Об обеспечении готовности к эвакуации адыгов (черкесов) из Союзной Республики Югославия»; Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 08.07.99 г. № 216 «О распределении средств Федерального бюджета, выделенных на строительство жилья для переселенцев из Автономного края Косово (Республика Югославия)» (Калмыкова М.О., 2007. Вып. VI. С. 387-388). Кроме того, в мае 1993 г. была сформирована Комиссия Кабинета Министров РА по вопросам репатриации, главной целью которой стала реализация государственной политики РА в области репатриации зарубежных черкесов.

В Республике Адыгея функционируют государственные и общественные организации, оказывающие поддержку репатриантам. В декабре 1997 г. был образован «Общественный фонд помощи репатриантам Республики Адыгея», деятельность которого направлена на финансирование специальных программ помощи репатриантам, а также оказание им непосредственной помощи.

Государственная организация «Центр адаптации репатриантов» была утверждена в августе 1998 г. Министерством труда и социального развития РА (Калмыкова М.О., 2007. Вып. VI. С. 387–388). Целью этого Центра является: обеспечение репатриантов временным жильем, организация социально-бытового и медицинского обслуживания, организация помощи в социально-психологической адаптации к новым условиям жизни. В 1999 г. была учреждена общественная организация «Дом репатриантов», целью которой является оказание помощи, прежде всего юридической, адыгам-репатриантам в РА (Кушхабиев А.В., 2007).

5.3.3. Первые группы косовских адыгов на земле предков

Я устроил место для народа Моего, ...и укоренил его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет более тревожим, и нечестивые не станут больше теснить его, как прежде.

1-я Книга Паралипоменон (17; 9).

Адыги зарубежья рассчитывают на нас и при всех сложностях жизни верят нам. Все это еще раз подтверждает, что Республика Адыгея становится центром притяжения адыгов, в каких бы странах они не проживали...

Газий Чемсо (2000).

1 августа 1998 г. в 21 ч 10 мин первая группа репатриантов (23 семьи, 93 чел.) прибыли на самолете в аэропорт «Минеральные Воды». Оттуда репатриантов переправили в г. Майкоп – на землю своих предков.

Непосредственно, процесс репатриации адыгов из Косово осуществляла делегация из представителей МИД России, Республики Адыгея, МЧС и Государственного таможенного комитета России.

Соплеменников встречали премьер-министр Республики Адыгея М. Тхаркахов, президент МЧА Б. Акбашев, члены Кабинета Министров РА, главы администраций городов и районов республики, представители многочисленных национально-культурных общин Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Чтобы разъяснить суть и смысл этого большого события – возвращения группы наших соотечественников на историческую родину, первого, после массового изгнания, – с обращением к народу 3 августа выступил бывший в то время президентом Республики Адыгея А.А. Джаримов, который, в частности, сказал: «Свершился выдающийся исторический акт – 1 августа 1998 г. на землю своих предков возвратилась группа адыгов (черкесов) из Автономного края Косово Союзной Республики Югославия... Вопрос возвращения косовских адыгов был поставлен не сегодня, а имеет свою историю. Он на разных уровнях ставился с начала 90-х гг. Обострение ситуации в районе их проживания подтолкнуло и ускорило этот процесс. Проблема эта находилась постоянно в центре внимания международной черкесской общественности, которая оказала и оказывает значительную моральную и материальную поддержку... Решая проблему их обустройства, мы ни в коей мере не намерены ущемлять интересы граждан республики. И в то же время мы рассчитываем на помощь и внимательное отношение со стороны всех жителей Адыгеи к возвращающимся соотечественникам, их обустройству и морально-психологической адаптации. С возвращением на свою Родину, дорогие братья и сестры! *Фэсыжъапыцыхи, ткъош лъанIэхэр!*» Учитывая историческую значимость возвращения первой группы адыгов из автономного края Косово (СРЮ), Президент республики А.А. Джаримов своим указом № 102 от 13 августа 1998 г. объявил 1 августа особой памятной датой Республики Адыгея – Днем репатрианта.

5 мая 1999 г., спустя 10 месяцев после возвращения из Югославии первой группы, в Республику Адыгею через Турцию вернулась вторая группа в количестве 24 чел., преимущественно из городов Приштина и Липьян. Следует обратить внимание на следующий примечательный факт. Если в период Кавказской войны адыги, вынужденные покинуть христианские страны, переселялись в Турцию, считая ее в некотором роде своей правозащитницей, то на этот раз, имея возможность остаться там, тем не менее, югославские адыги без раздумий и колебаний из единоверной страны вернулись в Адыгею. Этот пример, по мнению Гази Чемсо, свидетельствует о росте национального самосознания адыгов, возвышении авторитета Республики Адыгея в глазах наших соплеменников, проживающих в различных странах мира: «Адыги зарубежья рассчитывают на нас и при всех сложностях жизни верят нам. Все это еще раз подтверждает, что Республика Адыгея становится центром притяжения адыгов, в каких бы странах они не проживали...».

Третья группа репатриантов – 53 чел. – вернулась на землю своих предков 22 мая 1999 г. Позже в Адыгею самостоятельно прибыли еще несколько семей из Косово. Всего же в 1998-1999 гг. из Югославии возвратилось 38 семей (174 чел.).

Несколько другие цифры приводит А.В. Кушхабиев (2007). По его данным, «...1 августа 1998 г., 5-го и 22 мая 1999 г. в Республику Адыгея прибыло 165 адыгов-репатриантов из Югославии. По состоянию на 2005 г., в Республике Адыгея проживало 144 человека из Косово. На ноябрь 2000 г. в Косово проживали 42 семьи адыгов в двух населенных пунктах. Из них лишь 30-35 изъявили желание переселиться на историческую родину, а остальные – в другие страны».

5.3.4. Рождение аула Мэфэхьабл

И приведет тебя в землю, которой владели отцы твои, и получишь ее во владение...

Второзаконие (30; 5).

Строительство «Счастливого аула» – яркий пример того, насколько люди близко к сердцу приняли чужую боль и сумели искренне разделить радость возвращения на родину своих соплеменников.

Газий Чемсо (2000).

На средства федерального и республиканского бюджета, с привлечением благотворительных фондов, средств меценатов, общественных организаций и частных граждан, был решен вопрос с обустройством и последующим трудоустройством возвращенцев. На специально выделенном участке земли в Майкопском районе сразу же началось строительство аула, названного самими переселенцами Мафэхьабл («Счастливый аул»). Первоначально здесь планировалось построить 22 дома для 38 семей косовских адыгов; в дальнейшем, с ростом населения, аул будет расширяться. Работы по созданию всей инфраструктуры, сопровождающей рождение аула (газификация, электрификация, водоснабжение, строительство автомобильных дорог и т. д.), взяли на себя многие республиканские службы и строительные организации, причем выполняли эти работы по самым минимальным расценкам. На личные средства мецената из Кабардино-Балкарии М.А. Иругова в новом ауле была построена красивая мечеть.

Строительство «Счастливого аула» – яркий пример того, насколько люди близко к сердцу приняли чужую боль и сумели искренне разделить радость возвращения на родину своих соплеменников. Как писал Хьурмэ Хьусен (2000), –

Си Мэфэхьабли, си Мэфэхьабли,
Зэрэдунаеу унэгү кыкIапльэ.
Анахьы дахэу пфатхьышт орэдыр
Сехьуапсэ апэу кыпфэзылщтым.

О том, какое значение эта гуманитарная акция имела для адыгов – как проживающих на исторической родине, так и зарубежных, – размышляет Х.М. Совмен (2005): «В 1997-1998 гг. косовские адыги были спасены только потому, что существовала республика Адыгея. Тогда российские власти организовали экстренную эвакуацию югославских граждан адыгского происхождения из зоны вооруженного конфликта. Адыги всего мира никогда не забудут этого, всегда будут благодарны за то, что Россия не отмахнулась от этих людей, а нашла в невероятно трудных условиях возможность буквально вырвать их из огня, из горящих домов».

В рецензии на книгу Газия Чемсо «Возвращение» («Советская Адыгея», 2001, 31 июля) я отмечал: «В исследовании Г. Чемсо впервые столь широко и масштабно описываются предыстория появления адыгов на Балканах, их жизнь там, возникающие проблемы, в том числе религиозного характера. Особо подчеркиваются трудолюбие адыгов-махаджиров, их искусство в изготовлении сельскохозяйственного инвентаря, национальной одежды и предметов домашнего обихода, в возделывании земли, строительстве водяных мельниц.

Нелегкому процессу возвращения адыгов на землю своих предков посвящена большая часть исследования Г. Чемсо. Несмотря на значительные трудности, препятствующие возвращению черкесов-репатриантов, благодаря энергичным усилиям Президента А.А. Джаримова и Правительства Республики Адыгея, международной адыгской общественности, а также самого автора рецензируемой книги – Г. Чемсо, – удалось преодолеть все преграды и обеспечить возвращение и нормальное обустройство махаджиров на своей исторической Родине. «Мафэхьабль» («Счастливый аул»), – наверное, не случайно так было названо новое место жительства адыгов-репатриантов. Г. Чемсо особо подчеркивает бескорыстную помощь местных жителей, их стремление сделать все, чтобы новые соседи чувствовали себя комфортно. И это не случайно. С древнейших времен и до наших дней для адыгов были характерны прекрасные обычаи гостеприимства, куначества, взаимопомощи, взаимовыручки. И в совместном обустройстве а. Мафэхьабль эти ценные качества проявились в полной мере...».

Дай Бог, чтобы этот благотворный процесс развивался и дальше. Трогают душу проникновенные слова Газия Чемсо, завершающие его удивительно гуманную книгу: «Процветания тебе, родная Адыгея, на благо всех людей и народов, проживающих на твоей земле, ибо все они твои дети. И всех адыгов, разбросанных по миру, чьи взоры обращены к тебе с верой и надеждой. С надеждой, что придет время, и ты соберешь их под свою просторную и теплую бурку». И вместе с пророком Иеремией (29; 5-6) хотелось бы воскликнуть: «Стройте дома и живите в них; разводите сады и ешьте плоды их. Берите жен и рождайте сыновей и дочерей; сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, и размножайтесь там, а не умяляйтесь!». К этим мудрым и теплым словам, пожалуй, нечего добавить.

Положительное решение проблемы с возвращением косовских черкесов имело, по мнению А.В. Кушхабиева (2007), важное политическое значение, – оно продемонстрировало, что Правительство РФ и Правительство РА не намерены препятствовать репатриации зарубежных адыгов. Тем не менее, репатриация зарубежных черкесов еще не приняла массового размаха. К концу 2000 г. общая численность репатриантов-черкесов в Республике Адыгея и Кабардино-Балкарской Республике не превышала 2335 чел.

Виды на жительство, по данным ОВИР МВД РА, получили 820 адыгов-репатриантов. Из них: граждане Турции – 221 чел., Сирии – 218, Иордании – 126, Израиля – 159, Югославии – 79, Германии – 3, граждане США – 11 чел., а также по одному гражданину Франции, Норвегии и Нидерландов.

Гражданство РФ получили 242 репатрианта. Из них: граждане Турции – 127 чел., Сирии – 55, Иордании – 34, Израиля – 6, Югославии – 14, Германии – 3, граждане США – 3 чел. Общая численность адыгов-репатриантов в РА составила 1062 чел. (Кушхабиев А.В., 2007).

Несколько различаются с этими цифрами сведения М.О. Калмыковой (2007. Вып. VI. С. 387–388): «...По данным ОВИР МВД по Республике Адыгея, в период с 1992-го по 2001 гг. *гражданство РФ* получило 343 зарубежных адыга. Из них граждане Турции – 160, Сирии – 71, граждане США – 3, граждане Иордании – 42, Израиля – 12, граждане ФРГ – 3 и 1 гражданин Ливана. В тот же период, по данным ОВИР МВД РА, *виды на жительство* получили 1106 репатриантов. Из них: граждане Турции – 402, Сирии – 266, граждане Иордании – 153, граждане Израиля – 146, США – 23, граждане Германии – 4, Франции – 2, Нидерландов – 2 и 1 гражданин Италии».

В настоящее время многие зарубежные черкесы – бизнесмены и специалисты – заявляют о своем желании и готовности переселиться на историческую родину или открыть там совместные предприятия. Но при этом они требуют предоставления государственных гарантий в обеспечении безопасности их предпринимательской деятельности, их имущества, банковских вкладов и т. п.

6. УКРЕПЛЯТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ ЗА РУБЕЖОМ

6.1. «Адыгская диаспора, безусловно, испытывает потребность в духовном наследии предков»

Подписанное Соглашение позволит расширить все-сторонние связи с нашими соотечественниками за рубежом и создаст действенный механизм их поддержки. Адыгская диаспора, безусловно, переживает оторванность от своих корней – исторической родины...

А.К. Тхакушинов, Президент Республики Адыгея (2010).

Государственная национальная политика России строится прежде всего на поддержке соотечественников за рубежом. Адыгея в свою очередь расширяет всесторонние связи с адыгской диаспорой, которая на сегодня – одно из самых многочисленных сообществ этнических россиян за рубежом. Адыгская диаспора занимает стабильную и уверенную позицию в социально-экономической и общественно-политической жизни стран проживания. При этом она наделена достаточно высоким социальным статусом и заметным влиянием на общественно-политические процессы. Особенно это ярко выражено в Турции и государствах Ближнего Востока.

В 2010 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между агентством «Россотрудничество» (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству) и Республикой Адыгея.

Свои подписи под документом, который, несомненно, укрепит связи с адыгской диаспорой, поставили руководитель федерального агентства Россотрудничества Фарит Мухаметшин и президент РА Аслан Тхакушинов. В этой встрече приняли участие помощник руководителя агентства Тимур Корнилов, заместитель премьер-министра РА – полномочный представитель РА при президенте РФ Мурат Хапсироков, министр культуры РА Газий Чемсо, первый заместитель полномочного представителя РА при президенте РФ Валерий Полевой. Подписание Соглашения – важное стратегическое решение, обусловленное необходимостью долговременного и взаимовыгодного сотрудничества по укреплению и повышению международного авторитета Российской Федерации.

«Подписанное Соглашение позволит расширить всесторонние связи с нашими соотечественниками за рубежом и создаст действенный механизм их поддержки. *Адыгская диаспора, безусловно, переживает оторванность от своих корней – исторической родины и испытывает потребность в духовном наследии предков*», – сказал президент Адыгеи А.К. Тхакушинов. И далее президент отметил: «Сегодня мы продолжаем работу над привлечением инвестиций в экономику региона, параллельно придавая большое значение созданию привлекательного имиджа республики, в том числе и в среде зарубежных соотечественников.

Аслан Тхакушинов отметил, что более тесные контакты с соотечественниками за рубежом, в связи с недавними изменениями российского законодательства, потребуют более активного взаимодействия с федеральными структурами. И здесь поддержка Россотрудничества, по мнению президента РА, придаст этой работе системный характер и позволит вывести регион на качественно новый уровень в реализации государственной политики России.

Высокая степень этничности без государственности – это уникальный феномен в истории, демонстрируемый прежде всего зарубежной адыгской диаспорой. Вынужденная существовать в других государственных системах, в совершенно замкнутой социальной среде, она смогла не только сохранить традиционную национальную культуру, но и не утратить чувство принадлежности к родной земле. Сегодня адыгская диаспора является своего рода монолитным социальным институтом, занимающим стабильную и уверенную позицию в социально-экономической и общественно-политической жизни других государств («Аргументы и факты-Адыгея», 2010, № 42. С. 13).

6.2. Международная Черкесская ассоциация: укрепление связей адыгской диаспоры с исторической родиной

Основными целями и задачами МЧА являются... предотвращение социальных, национальных и религиозных конфликтов; ...восстановление объективной истории черкесов, содействие расширению связей черкесской диаспоры с исторической родиной.

А.В. Кушхабиев (2006. С. 854).

О предыстории создания Международной Черкесской ассоциации (*Дунеипсо адыгэ хасэ*) рассказывает А.В. Кушхабиев (2006. С. 854). На протяжении XX столетия шел процесс рассредоточения черкесов по странам мира, что было обусловлено как политическими событиями (образование черкесских общин на территориях, отделившихся от Османской империи, эмиграция северокавказских народов в годы Гражданской войны в России и второй мировой войны), так и трудовой миграцией черкесов из Турции, арабских стран и республик Северного Кавказа.

Подписание Соглашения состоялось в Москве в здании Постпредства Республики Адыгея при президенте Российской Федерации (Фото А. Гусева)

К началу 90-х гг. XX в. черкесы проживали уже в 45 странах мира. Процесс дальнейшего рассредоточения черкесов способствует их ассимиляции. Небольшим черкесским общинам, появившимся в разных уголках мира, в отдалении от мест проживания более многочисленных черкесских общин, довольно сложно сохранять этническую культуру. Процесс ассимиляции зарубежных черкесов усилился во второй половине XX в. также и в связи с сокращением черкесских компактных населенных пунктов в некоторых странах (вследствие урбанизации и военно-политических событий), изменением традиционного жизненного уклада, его модернизацией и унификацией. В такой ситуации зарубежные черкесские общины стали искать новые формы сохранения этнической культуры и прежде всего родного языка. Во второй половине 80-х гг. XX в. в черкесских диаспорах начали появляться идеи проведения съезда представителей всех черкесских общин и создания единой координирующей организации. 4-5 мая 1990 г., по инициативе черкесских культурных центров Голландии и Германии в сел. Ден Алердник, расположенном под Амстердамом, была проведена конференция зарубежных черкесских организаций (США, Турции, ФРГ, Голландии). В ней также приняли участие представители Кабардино-Балкарии. Конференция приняла решение о создании единой общечеркеской организации, координирующей деятельность всех черкесских общин мира. В целях создания этой организации было решено провести первый общечеркесский конгресс в столице КБР г. Нальчике.

6.2.1. I Всемирный (международный) черкесский конгресс в г. Нальчике

19-21 мая 1991 г. в Нальчике состоялся I Всемирный (международный) черкесский конгресс. В его работе приняли участие делегации от черкесских общин США, ФРГ, Голландии, Турции, Иордании, Сирии, Израиля и Югославии, правительственные делегации Адыгеи, Абхазии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также представители общественных организаций этих республик, черкесских землячеств и культурных обществ Краснодарского и Ставропольского краев, г. Москвы. В работе конгресса приняли участие Председатель Верховного Совета КБР В.М. Коков и Председатель Верховного Совета РА А.А. Джаримов (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV).

Конгресс принял решение о создании Всемирной черкесской ассоциации ВЧА (позднее переименована в Международную черкесскую ассоциацию – МЧА). Делегаты избрали первым президентом Ассоциации народного депутата ВС СССР, доктора юридических наук Ю.Х. Калмыкова. Были избраны также вице-президенты: Фатхи Раджаб (Голландия), Самир Кардан (Иордания), Наджат Хатам (Турция), Абдуллах Микитаев (СССР). Делегаты сформировали и исполнительный комитет во главе с генеральным секретарем, которым стал народный депутат ВС КБССР Мухамед Шокуев. Высшим органом ассоциации был объявлен конгресс, который должен созываться один раз в 2 года. Штаб-квартиру исполкома ассоциации постановили учредить в г. Нальчике. По настоянию абхазской делегации, конгресс проголосовал за принятие Абхазии в ассоциацию (Кушхабиев А.В., 2007).

Конгресс принял Устав и Программу ВЧА, в которых отмечается, что основными целями и задачами этой организации являются: «объединение усилий и координация деятельности черкесских общественных объединений – членов МЧА, содействующих возрождению и развитию культурного и духовного наследия черкесского народа, сохранению его национальной самобытности, восстановлению подлинной истории черкесов... оказывает помощь черкесам, желающим вернуться на свою историческую родину, в порядке, установленном законом». В программных документах отмечено, что ВЧА будет обладать полномочиями обращения в государственные органы разных стран и международные организации по вопросам, имеющим важное значение для черкесского народа.

Конгресс рассмотрел и несколько конкретных проблем, в частности, проблему восстановления Шапсугского национального района, упраздненного в 1945 г. Руководство Краснодарского края отрицательно отнеслось к шапсугской проблеме, в связи с чем Конгресс направил обращения в Верховный Совет СССР и

Верховный Совет РСФСР с просьбой о восстановлении Шапсугского национального района как самостоятельного субъекта РСФСР.

Делегаты также обсудили вопрос об упорядочении терминов, используемых для обозначения черкесов (адыгов), проживающих в СССР. Руководствам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии было рекомендовано вместо трех официальных этнонимов «адыгеец», «кабардинец» и «черкес» использовать единый этноним – «черкес» на русском языке и эндоэтноним «адыг» на родном языке. В целях освещения жизни черкесской диаспоры и деятельности ВЧА была учреждена газета «Нарт» (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV).

МЧА приняла непосредственное участие в урегулировании грузино-абхазского конфликта... 14 августа 1992 г. началась грузино-абхазская война. Руководство Республики Абхазия обратилось к руководству и народам РФ, республик Северного Кавказа с просьбой о незамедлительной помощи. Отдельные воззвания были разосланы руководствам и общественным организациям Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В них отмечалось, что абхазский народ просит братский адыгский народ о помощи. МЧА обратилась к руководству РФ с просьбой вмешаться в конфликт и остановить военные действия. МЧА также обратилась с призывами к руководствам всех республик Северного Кавказа – приложить усилия к прекращению войны в Абхазии, а также к зарубежным черкесским общинам – оказать помощь абхазскому народу. МЧА обратилась к Госсовету Грузии с призывом прекратить боевые действия и вывести свои войска с территории Абхазии. В одном из ее заявлений сказано, что МЧА будет вынуждена объявить о формировании добровольческих отрядов и оказать всю необходимую помощь братскому абхазскому народу.

Грузино-абхазская война вызвала оживленную реакцию в черкесской и абхазской диаспорах. Черкесские и абхазские организации в Турции, Сирии, Иордании, США и в странах Западной Европы обратились к правительствам своих стран с просьбами об оказании помощи в урегулировании грузино-абхазского конфликта. В перечисленных выше странах черкесские организации учредили фонды помощи Абхазии и развернули деятельность по сбору средств для оказания гуманитарной помощи абхазскому народу. Денежные средства в эти фонды поступали не только от зарубежных черкесов и абхазов, но и от других народов указанных стран – арабов, народов стран Западной Европы и др. Черкесские и абхазские организации в Турции, Сирии, Иордании, в странах Западной Европы проводили различные собрания, митинги и демонстрации в поддержку абхазского народа. Свыше 300 добровольцев – представителей черкесской и абхазской диаспор Турции, Сирии и Иордании приняли участие в боевых действиях в составе абхазской армии.

6.2.2. II Конгресс МЧА в г. Майкопе

20-25 июля 1993 г. в столице Республики Адыгея г. Майкопе проходил II Международный черкесский конгресс, в работе которого принимали участие делегации от черкесских общин США, ФРГ, Голландии, Югославии, Израиля, Турции, Сирии, Иордании; от правительств и общественных организаций Абхазии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, от черкесских землячеств и культурных обществ Москвы, Санкт-Петербурга, Лазаревского и Успенского районов Краснодарского края; депутаты Верховного Совета Российской Федерации; представители мусульманского и православного духовенства. В работе Конгресса приняли участие: Президент Республики Адыгея А.А. Джаримов, Президент Кабардино-Балкарской Республики В.М. Коков.

Много внимания уделял Конгресс урегулированию грузино-абхазского конфликта. Конгресс разослал обращения в ООН, ОНН, президентам РФ, США, ФРГ, Турции, Украины, в которых выражалась просьба об оказании помощи в решении военного конфликта между двумя соседними народами. Оказание помощи абхазскому народу продолжало оставаться одним из основных вопросов в деятельности МЧА и в последующие годы. В частности, МЧА неоднократно обращалась к руководству РФ с просьбой о снятии экономической блокады Абхазии, установленной по решению Совета глав СНГ в январе 1996 г.

МЧА внесла определенный вклад и в урегулирование ситуации в Чеченской Республике. Дважды (в августе и в декабре 1994 г.) МЧА обращалась к Президенту РФ Б.Н. Ельцину с призывом разрешить российско-чеченский конфликт мирным, дипломатическим путем. 2 января 1995 г. Исполком МЧА провел заседание в столице КЧР г. Черкесске, на котором обсуждался единственный вопрос: урегулирование конфликта в Чечне. Было принято «Обращение МЧА к руководителям республик, краев и областей Северного Кавказа», в котором, в частности, выражалась просьба – использовать свое влияние для прекращения военных действий в Чеченской Республике.

6.2.3. III конгресс Международной Черкесской ассоциации в г. Черкесске

24–26 июля 1996 г. в г. Черкесске проходил III конгресс МЧА, в работе которого приняли участие делегации от черкесских общин США, ФРГ, Голландии, Иордании, Сирии, Египта, Турции, Югославии, Израиля; от правительств и общественных организаций Абхазии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии; Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов Российской Федерации. В работе конгресса участвовали: Президент Кабардино-Балкарской Республики В.М. Коков, Глава Карачаево-Черкесской Республики В.И. Хубиев, Председатель Думы Краснодарского края В. Бекетов, Председатель

Парламента Республики Абхазия С. Джинджолия, Премьер-министр Республики Адыгея Р. Хаджибеков, Принц Иорданского Хашимитского Королевства Али Бен аль-Хусейн.

Конгресс принял обращение к Президенту Б.Н. Ельцину с просьбой принять меры по прекращению военных действий в Чечне. В очередной раз были приняты обращения к Президенту и Федеральному Союзу РФ с просьбой признать факт геноцида черкесского народа, совершенного царизмом в XIX в. Конгресс также принял обращение по ситуации в Абхазии, в котором отмечается, что МЧА выступает за мирное урегулирование проблем между грузинским и абхазским народами.

Конгресс повторно принял постановление о едином этнониме. В нем делегаты обратились к руководителям РА, КБР и КЧР с предложением использования единого этнонима для обозначения адыгейцев, кабардинцев и черкесов. На русском языке было предложено использовать термин «черкес», на родном языке – эндоэтноним «адыг». Делегаты конгресса переизбрали руководящие органы МЧА. Президентом вновь стал Ю.Х. Калмыков, Генеральным секретарем – М. Охтов. Также был избран Исполком МЧА в составе 10 чел. (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV).

6.2.4. IV конгресс МЧА в г. Краснодаре

25–27 июня 1998 г. в г. Краснодаре проходил IV конгресс МЧА, на который собрались делегации от черкесских общин Турции, Сирии, Иордании, Израиля, Германии, Голландии, Египта; от правительств и общественных организаций РА, КБР, КЧР, Краснодарского края; от черкесских общественных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Моздока и др. В работе конгресса приняли участие Президент РА А.А. Джаримов, Президент КБР В.М. Коков, Глава администрации Краснодарского края Н.И. Кондратенко.

На конгрессе обсуждалось состояние проблем, наиболее важных для черкесского народа. Затем его делегаты приняли ряд официальных обращений и заявлений. В заявлении, адресованном Президенту РФ Б.Н. Ельцину, излагается прежняя просьба «о признании несправедливости совершенных царизмом деяний, о закреплении за адыгами (черкесами) и абазинами статуса народа-изгнанника; о восстановлении естественного права на общение с исторической родиной, на возвращение тех, кто имеет желание вернуться домой...». В обращении к Президенту РФ в связи с ситуацией в Абхазии выражается просьба «отменить Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г. в части, касающейся ужесточения режима по р. Псоу; внести в Совет Глав Государств СНГ предложения по отмене экономической и политической изоляции Абхазии и решений, противоречащих ранее подписанным сторонами конфликта документам».

Участники конгресса также обратились к руководству Краснодарского края с просьбой «обеспечить представительство шапсугов в администрации Краснодарского края; расширить полномочия администраций сельских округов, в которых проживают шапсуги, в вопросах землепользования, социально-экономического развития, использования природных ресурсов; сохранить изначальные топонимические названия населенных пунктов, географических местностей, отказавшись от названий, связанных с последствиями Русско-Кавказской войны XIX в.».

Участники IV конгресса МЧА направили Президенту РФ Б. Н. Ельцину и Председателю Правительства РФ С. В. Кириенко заявление «О судьбе черкесских соотечественников из края Косово Союзной Республики Югославия», в котором выражалась просьба ускорить процесс исполнения правительственного решения по репатриации черкесов Косово в Республику Адыгея (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV).

6.2.5. V конгресс Международной Черкесской ассоциации в г. Нальчике

8-29 июля 2000 г. в г. Нальчике состоялся V конгресс МЧА. В его работе приняли участие делегации от черкесских общин Турции, Сирии, Иордании, Германии, Голландии, США, Израиля; от правительств и общественных организаций РА, КБР, КЧР, Абхазии, Краснодарского края; г. Москвы; всего 83 делегата. В работе конгресса приняли участие Президент КБР В.М. Коков и Президент РА А.А. Джаримов.

Делегаты переизбрали руководящие органы МЧА. Новым президентом стал председатель Совета Республики Парламента КБР З.А. Нахушев. Вице-президентами стали: А. Кодзоков (КБР), С. Сосналиев (КБР), Б. Акбашев (КЧР), М. Килба (КЧР), Х. Наджат (РА), Р. Харабуа (Абхазия). Также был переизбран Исполком МЧА в составе 10 чел.

Делегаты приняли Постановление V конгресса МЧА, в пунктах которого отмечается: продолжить работу по сотрудничеству МЧА с ООН и ОНН, с другими международными гуманитарными организациями; выступить с гражданской инициативой о разработке Закона РФ «О преодолении последствий Кавказской войны XIX в.» и последовательно отстаивать принятие этого предложения официальными структурами РФ; продолжить работу Исполкома МЧА по поддержке независимого развития Республики Абхазия.

Делегаты приняли Обращение к Президенту РФ В.В. Путину, Председателю Правительства РФ М.М. Касьянову, Председателю Совета Федерации ФС РФ Е.Ф. Строеву, Председателю Государственной Думы Г.Н. Селезневу, в котором, в частности, отмечена просьба о рассмотрении и принятии Закона РФ «О преодолении последствий Кавказской войны XIX в.» (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV).

6.2.6. VI конгресс МЧА в г. Нальчике

17–19 августа 2003 г. в г. Нальчике проходил VI конгресс МЧА. В его работе приняли участие делегации от зарубежных черкесских общин, от правительств и общественных организаций РА, КБР, КЧР, Абхазии, Краснодарского края и др. Делегаты подвели итоги за прошедший период, переизбрали руководящие органы МЧА. Президентом вновь был избран З.А. Нахушев, вице-президентом – В.Н. Утижев. Переизбрали также Исполком МЧА в составе 17 чел.

Делегаты конгресса приняли ряд постановлений и обращений. В постановлении «О ситуации, сложившейся в связи с установлением памятника адмиралу М.П. Лазареву на перроне железнодорожной станции «Лазаревское» осуждается установка памятника непосредственному участнику военных действий против адыгов на их этнической родине: «...4. Поручить Исполкому МЧА подготовить и внести на рассмотрение международных организаций вопрос об оценке действий царских военачальников в период Русско-Кавказской войны».

В обращении к Президенту РФ В. В. Путину выражена обеспокоенность в связи с вступлением в силу (с 1 июня 2002 г.) нового закона «О гражданстве РФ», в котором требуется обязательное знание русского языка от иностранцев, желающих получить российское гражданство. В обращении выражается просьба о рассмотрении возможности дополнения статьи 14 (прием в гражданство РФ в упрощенном порядке) данного закона требованием владения «языком своего народа, исторически проживавшего на территории России».

В обращении к Президенту РФ В.В. Путину, Председателю Совета глав государств СНГ, Президенту Украины Л.Д. Кучме отмечены негативные явления, порожденные санкциями СНГ по отношению к Республике Абхазия; выражена просьба о снятии санкций, препятствующих развитию торгово-экономического и культурно-образовательного сотрудничества между Россией и Абхазией.

Подводя итоги деятельности МЧА, следует отметить, что большая часть проблем, поставленных этой организацией (признание руководством РФ факта геноцида черкесов (адыгов), совершенного царизмом в XIX в.; предоставление зарубежным черкесам двойного гражданства – РФ и страны проживания; упрощение системы предоставления российского гражданства зарубежным черкесам и др.), все еще остается нерешенной. В деятельности по решению ряда проблем МЧА получила поддержку со стороны руководств Республики Адыгея и Кабардино-Балкарской Республики. Наиболее успешной и результативной была деятельность МЧА по оказанию помощи народу Абхазии в борьбе за независимость и в организации репатриации черкесов из Югославии. В дальнейшем, можно предполагать, что активизация в деятельности МЧА, вероятнее всего, будет возможна в случае обострения политической ситуации в местах проживания черкесов в странах мира (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV. С. 407-409).

6.2.7. Деятельность Международной Черкесской ассоциации сегодня

За прошедшие 30 лет состоялось несколько конгрессов МЧА. В работе этих конгрессов принимали участие делегации от черкесских общин Турции, Сирии, Иордании, Израиля, США, ФРГ, Голландии, от правительств и общественных организаций Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии, Краснодарского края, Москвы, других регионов РФ. С 1991 г. президентами МЧА избирались Юрий Калмыков, Абубекир Схалыхо, Борис Акбашев, Заурби Нахушев, Касболат Дзамихов и другие видные общественные и политические деятели.

Делегаты конгрессов обсуждали состояние проблем, наиболее важных в деятельности МЧА: проблемы единого этнонима, языка, признания факта геноцида черкесского народа, совершенного царизмом в XIX в.; предоставления зарубежным черкесам двойного гражданства (РФ и страны проживания), репатриации зарубежных черкесов, урегулирования конфликтов в Абхазии, Чечне и Карачаево-Черкесии. По этим вопросам делегаты конгрессов принимали обращения к руководствам РФ и северокавказских республик, других государств.

По ряду вопросов МЧА получила поддержку от руководств Адыгеи и Кабардино-Балкарии МЧА, а также со стороны Организации Непредставленных Народов (ОНН). В 1994 г. МЧА была принята в эту организацию в качестве ассоциированного члена. Официальные делегации МЧА принимали участие в работах региональных совещаний ОНН, проходивших в октябре 1995 г. в Эстонии и в феврале 1997 г. в Майкопе, в работе Пятой Генеральной Ассамблеи ОНН, состоявшейся 15-19 июля 1997 г. в Тарту (Эстония). Генеральная Ассамблея ОНН приняла Резолюцию о положении черкесского народа, в которой отмечается: «РФ и международное сообщество должны признать факт геноцида черкесского народа, совершенного царизмом в XIX в., и придать черкесам статус народа-изгнанника, Российской Федерации необходимо предоставить черкесам двойное гражданство – страны проживания и РФ. Российской Федерации необходимо предоставить черкесам возможность вернуться на историческую родину».

Действует устав МЧА, утвержденный IV Конгрессом ассоциации и зарегистрированный Министерством юстиции РФ. В соответствии с уставом, основными целями и задачами МЧА являются содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами; предотвращение социальных, национальных и религиозных конфликтов; объединение усилий и координирование деятельности черкесских общественных объединений в целях сохранения и развития этнической культуры черкесов; восстановление объективной исто-

рии черкесов; решение экономических, социальных, культурных и религиозных проблем, стоящих перед черкесским народом; содействие расширению связей черкесской диаспоры с исторической родиной.

Совет Союза общественных объединений МЧА – орган, рассматривающий наиболее сложные, актуальные проблемы деятельности МЧА, возникающие в период между конгрессами. В состав Совета МЧА входят: президент, первый вице-президент, вице-президенты, другие члены Исполнительного комитета МЧА, а также руководители всех организаций и объединений, входящих в состав МЧА (Кушхабиев А.В., 2006. С. 854):

1. Кабардинская общественная организация «Адыгэ Хасэ» (г. Нальчик, КБР).
2. Общественно-политическое движение «Адыгэ Хасэ Карачаево-Черкесской Республики» (г. Черкесск, КЧР).
3. Общественно-политическое движение «Абаза» Карачаево-Черкесской Республики (г. Черкесск, КЧР).
4. Кабардино-Балкарское отделение Международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом «Родина» (Нальчик, КБР).
5. Краснодарская краевая общественная организация «Адыгэ Хасэ» (г. Краснодар).
6. Общественно-политическое движение «Адыгэ Хасэ» (Республика Адыгея) (г. Майкоп, РА).
7. Общественная краевая организация «Адыгэ Хасэ» (общественный парламент причерноморских адыгов-шапсугов) (г. Сочи, Лазаревская).
8. Московское общество черкесской культуры (г. Москва).
9. Международная ассоциация абхазо-абазинского народа (Сухум).
10. Общество черкесской культуры в Голландии (г. Алмело, Нидерланды).
11. Черкесское благотворительное общество Иордании (г. Амман, Иордания).
12. Черкесское благотворительное общество Сирии (г. Дамаск, САР).
13. Общество северокавказской культуры Турции «Кафдер» (г. Анкара, Турция).
14. Черкесское благотворительное общество США в Нью Джерси (г. Халедон, США).
15. Черкесское благотворительное общество США в Калифорнии (г. Лос-Анджелес, США).
16. Черкесское благотворительное общество в Израиле (Кфар-Кама, Израиль).
17. Общество северокавказской культуры в Германии (Ганновер, Германия).
18. Организация Санкт-Петербурга (г. С.-Петербург).

6.3. «Зов Родины...»

Это дань уважения Его Величества [принца Иордании Али Бен Аль-Хусейна] памяти погибших и ушедших адыгов, которые предпочли чужбину рабству.

Н.И. Сообцокова (2010).

«Зов Родины», – так называется небольшой очерк Н.И. Сообцоковой о том, что в сердцах отдаленных потомков адыгов-махаджиров, вынужденных жить далеко от Родины, до сего дня жива память о трагическом исходе их предков с родной земли: «Холодная осенняя ночь. Окраина поселка Энеем Республики Адыгея, когда-то бывшего центром бжедугских аулов. Встречающие Иорданского принца и его гвардию, люди от мала до велика, не замечая холода, с волнением вглядываются вдаль.

Наконец вдали, со стороны Новороссийска появляются Его Величество Али Бен Аль-Хусейн на белом коне и его черкесская гвардия на черных конях, состоящая из потомков тех адыгов, которые в годы Кавказской войны в середине XIX в. вынуждены были покинуть Родину. Черкесская гвардия принца, состоящая из 12 молодых адыгов, достойных потомков рыцарей Кавказа, проделала весь горестный путь исхода своих предков на конях от Аммана до Майкопа.

...Пройдет время. Со страдание и глубокое понимание трагического исхода части адыгского народа с родной земли во время Кавказской войны, которые проявили юный иорданский принц и его спутники, по достоинству будут оценены последующими поколениями адыгов. Это дань уважения Его Величества памяти погибших и ушедших горцев, которые предпочли чужбину рабству. Это дань уважения предкам адыгов, с необычайным мужеством защищавших каждую пядь родной земли от захватчиков», – завершает свое эссе Н.И. Сообцокова (2010. С. 103-104).

ОНОМАСТИКА И ТОПОНИМИКА: К ИСТОРИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ЗЕМЛИ АДЫГОВ*

1. «ВЕКА ОТЗВУЧАЛИ, А СЛОВУ И ЖИТЬ, И ЗВУЧАТЬ...»

Хотелось бы открыть этот раздел проникновенными словами А.С. Пушкина из письма Бенкендорфу от 24.11.1831 г.: «Признаюсь, ...я чрезвычайно дорожу именем своих предков, – *этим единственным наследством, доставшемся мне от них*» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007. С. 367). Попытаемся восстановить, извлечь из «исторического забвения», хотя бы некоторые из имен предков адыгов, сохранившихся доныне в географических названиях, старинных песнях и других источниках. Как это нам удалось – судить читателям.

1.1. Имена и родовые фамилии предков адыгов, пришедшие из глубины столетий

Топонимика (греч. тоπος – «местность» + онома «имя») – наука об истории происхождения и распространении географических названий.

Ономастика (греч. онома – «имя») – наука об истории происхождения собственных имен.

Словарь иностранных слов (1995).

Этимология (греч. *etymologia* – «определение происхождения слова») фамилий во многом вносит ясность в этногенез народа. По справедливому заключению известного лингвиста Дж.Н. Кокова, «внимательное изучение этнонимии народа будет способствовать преодолению распространенного предрассудка, основанного на представлении о генеалогической однородности того или иного этноса».

В значительном большинстве, – отмечает С.Н. Бейтуганов (2007), – фамилии сами говорят о своем этническом происхождении. И действительно, многие адыгские фамилии в своей основе имеют этническое начало, – они запечатлели в себе наименования те или иных племен и народов: Булгъар (булгар), Куржы (грузин, Грузия), Ерыстау (грузинский сословный термин эристава), Сонэ (сван, Сванетия), Урыш (грек), Урыс (русский), Щэрмэт (сармат), Журт (еврей) и т. д. Немало фамилий связано и с названиями северокавказских народов: Балъкъэр (балкар), Авар (аварцы), Нэгъуей (ногаец), Алэкъей (ногайский этноним *алакай*), Къумыкъу (кумык), Гуэбэшы (кубачинец), Къэзан (татарин), Къэрэшей (карачаевец), Ингуш (ингуш), Шэшэн (чеченец).

И, наконец, нельзя не отметить большой массив современных адыгских фамилий, связанных с названиями многочисленных адыго-абхазских племен: Абаза (абаза), Абазэхэ (абадзех), Багъны (баг), Бжэдыгъу (бжедуг), Бэрэгъун (брагун), Къэбардэ (кабардинец, Кабарда), Мамхэгъ (мамхег), Шапсыгъ (шапсуг), Шэрджэс (черкес). Кроме того, ряд фамилий адыгов восходит к названиям городов, стран или географических местностей: Мысрокъуэ (от «Мысыр» – Египет), Къер (Каир), Щам (Сирия), Къэжэр (каджары, персы), Къэрас (Карс), Кърым (Крым) (Бейтуганов С.Н., 2007).

1.1.1. Источники пополнения «банка» древних имен и фамилий у народов, имевших свою письменность

*Века отзвучали,
А слову
И жить, и звучать.
Кем был ты,
Как жил ты, –
Не знаю.
А надо ли знать?*

В. Федоров

*В Москву с посольством вновь приехали князи черкесские
служити государю и о устрое бити челом:
Маашук-князь Кануков, да Себок-князь Капсауков, да
Чюгук Мурза, да Тохт Мурза.*

Из русских летописей (1557).

Как узнать, как звали наших далеких предков? Если речь идет о народах, с древних времен имевших письменность, то ответ, казалось бы, ясен: разумеется, из письменных источников (наскальные и надгробные памятники, таблички из обожженной глины, пергамент, свитки папирусов, Библия и Коран, летописи, берестяные грамоты, средневековые хроники и т. д.).

* Соавтор **Г.А. Галкин**

Имена вавилонских и ассирийских царей и военачальников, живших около 4000 лет назад, запечатлены иероглифами на глиняных табличках, а фараонов, жрецов и мастеров-строителей пирамид Древнего Египта – в свитках папирусов.

Тысячи имен людей, проживавших в древности на Ближнем Востоке, в Палестине приводятся в Библии. Чего стоит один только перечень предков Иисуса Христа, занимающий несколько столбцов: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея, Иессей родил Давида-царя; Давид-царь родил Соломона; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию; Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию; Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его...; Иехония родил Салафииля; Салафииль родил Зоровавеля; Зоровавель родил Авиуду; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуду; Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос...» (Евангелие от Матфея, 1; 2-16).

Не меньшее количество имен людей, проживавших в древней Аравии, встречаем мы в священной книге мусульман – Коране. О князьях, военачальниках, послых, союзниках и врагах славянских народов сообщает Полный свод русских летописей. Кстати именно там впервые в письменном виде (1022 г.) зафиксировано имя национального героя адыгов касожского князя Редеди (адыг.: Редада, Ридадя), возглавившего борьбу горцев против Тмутараканского княжества. Там же встречаем имена адыгских князей, прибывших в июне 1557 г. в Москву с посольством: «...вновь приехали князи черкесские служить государю и о устрое бити челом: Маашук-князь Кануков, да Себок-князь Капсауков, да Чуюгук Мурза, да Тохт Мурза». Среди прибывшего «посольского люда» русские летописи отмечают также следующие имена адыгов: Ацымчук, Езбузлуев, Кударык, Танашук и др. Кстати, потомки посла князя Маашука Канукова – князя Ахмашуковы-Черкасские оставили заметный след в истории Российской империи.

Задолго до летописей – о простых заботах крестьян и служивых людей упоминали новгородские письма на бересте: «...Онуфрию с поклоном твоя Марфа»; «Кондрату вели прислать телегу дров да бочку меда»; «Афанасий-гончарник отправляет князю горшки зело красившие» и т. д.

1.1.2. Имена адыгов, сохранившиеся в нартских сказаниях, песнях, средневековых письменных источниках

Таким образом, как видно из вышеизложенного, у народов, имевших свою письменность, нет особых проблем со своей «родословной». А если народ до последнего времени был «бесписьменным» как адыги? Практически единственным источником сведений о своих предках для адыгов является, кроме записей иноязычных авторов, – устный эпос «Нарты», а также песни и предания, бережно передаваемые народными сказителями и певцами из поколения в поколение.

1.1.2.1. Нартский эпос

Они искали своей записи родословной, – и не нашлось ее.

Книга Ездры (2; 62).

1200-1700 лет тому назад адыги имели собственные имена, подобные символическим именам нартвов.

А.М. Гадагатель

Кроме чисто сказочных персонажей (Патарез, Шауай, Долетмиз, Трам, Сатанай-гуащэ и др), как писал Ш. Ногмов, «...предание сохранило в памяти народной имена князей, вождей и знаменитых витязей, прославившихся в глубокой древности; они суть, следующие: Алиг, Лабца (по Ш. Ногмову – это греческие герои. **Авт.**), Юстин или Юстук (император Юстиниан I. – **Авт.**), Созироко, Озимег, Ирихашау, Канже и сын его, Шауае, Аша и его сын, Ашемез, Химиш и сын его, Батираз, Ольбек и сын его, Татараш, Насиранжака, Жендужака, Имис, Исим, Малх, Дао и его сын, Баксиен...».

Перечитывая многотомное собрание «Нарты», мы встречаем и другие имена героев-нартвов: Аледж, Апшп, Арэкьшэу, Бадиноко, Бора Могучий, Гукепл Дебеч, Дзагашт, Негурешхо, Паго, Пануко, Пшечеч, Сосым, Сыбылши, Уаче, Челохстан, Чечаноко Чечан, Шабатнуко, Шеочас, Шумаф и др.

В нартском эпосе, – в цикле об Темиркане и Озырмесе Ешаноковых, встречаем и имя князя Хатокшкоко, врагом которого стал Догужей, сын Куйцикоко. В этом же цикле есть имена Кифешовых, а также Шолох Таусултамов – старший князь Кабарды. В других преданиях упоминаются имена: Лыходуг; Гулей; Келакхестен; Хасанш Шогемоко; Гудаберд, сын Азепша; Хадиж; Махамат, сын Хатха; Тхипцевы; Тотлостановы, братья Тхипцевы. В предании «Гуаша-Махо» встречаются имена: Гетагаз Хырцыжев и Гетагаз Хырзагов и т. д.

В сказаниях о нартах, по А.А. Ципинову (2004), можно встретить также следующие адыгские имена (здесь и далее они выделены курсивом):

Андемиркан. «Сэ си таурыхъыр сэ сьпэ мыбы кыщысакIэ, сэ сыздокIуэnum ськIуаш», - жиIэри Андемиркъан кыигъэзэжри и унэм къэкIуэжащ» – «Раз весть обо мне дошла сюда впереди меня, мне некуда ехать», - сказав, Андемиркан возвратился домой.

Лашина. «Лашын дунейр щыгыхукIэ цыхум ящымыгъушцэну, и тауры-хъыр жылэм щызекIуэ зэпытыну унафи ящIри...» – «Решив, что о Лашине никогда не забудут и что молва о ней все время будет ходить между людьми...».

Куийцикоко, Озермес. «Зы махуэ гуэрым КъуийцIкIуокъу эмрэ Уэзырмэсырэ шыст зекIуэ кIуэным и таурыхъ жаIэури...» – «В один день Куийцикоко и Озермес сидели и обсуждали рассказ о предстоящем набеге».

Щабатнуко, Орзамедж. «Щэбэтныкъо ятэу Орэмэдж кыздыкIыщтыгъэр Чырт чыжьэ» – «Отец Щабатнуко Орзамедж приезжал из далекого Чирта». Или еще: «Орэмэдж аулкIындджэ щэщышэхэти, тхьэгъэпщыгъэджэ агъэкIодынхэу агу кыхыагъ» – «Так как (нарты) боялись убить Орзамеджа, решили извести его клятвенным преступничеством».

Аледж Бадыноко. «Хэгъэгу чыжь уздэщыIэр. ТэркIэ агъоп, къекIунзу щытэн» – «Ты живешь в далекой стране. Для нас она недоступна, это нам не подходит», - говорит гостю нарт Аледж Бадыноко, отказываясь выдать за него свою дочь.

Бадын. «ДымыгъалIэмэ нэгъуэщI Iэмал иIэкъым, Iэшкэ тхуэукIынкъым», – жаIэри, щхъухькIэ Бадын ягъэлIэну а нарт гупыр зэгурьIуаш – «Если не отравим, нет иного способа, оружием не сможем убить его», – сказав, группа нартов договорилась отравить Бадына.

Тотреш. «...Лы хьер гъэпсIагъэдж аулкIыгъэу ары рапэсырэр» – «Безвинного мужчину решили убить обманным путем (о Тотреше)».

Хымыш. «Нартыжхэм занщIу зырадзу Хымышыр якIынкIэ шынэрт... Iэмалрэ хылэкIэ щаукIыну гъуэтыгъуэм зы-рагъэхуэну я мурадт» – «Нарты боялись открыто напасть на Хымышу ...решили дожидаться того момента, когда хитростью и обманом можно будет убить его».

Шауей, Кянж. «ХылэкIэ мыхъумэ, лыгъэкIэ зырикI тхуэщIэну кыщIэкIынкъым мыбы» – «Разве что хитростью, мужеством мы с ним ничего не сделаем (о Шауей, сыне Кянжа)».

Пакоко Татаршау. «А лъэхъаным нартхэм джабгъу – сэмэгу жьым ратэу яхэбагъэп, аш фэдэ хабзэ ахэлъыгъэп. Апэу джабгъур жьым езытыгъэр Пакокъо Тэиэршъау ары» – «В то время нарты не уступали старшим, не было такого обычая. Впервые правую (сторону) старшему уступил Пакоко Татаршау».

Шаралуко, Татаршао В бжедугском сказании сохранилось имя нарта Шаралуко, которому за морем дарят несколько початков кукурузы: «Аш нэджэ Нарты натырыф ильыгъэп, зилIэужэри ашIэтыгъэп» – «До этого нарты не видели кукурузу и не знали, что это такое». Другой нарт *Татаршао* привозит зерна этого растения из другой страны (пэмыкI къэралыгъо) и передает их адыгам: «...арэуштэу натыфы чылаихъэри адыгэмэ къахъангъ, – «...таким образом зерна кукурузы оказались у адыгов» (Ципинов А.А., 2004).

Жабаги. «А махуэм щыщIэдзауэ Жэбагы и хыбарыр Къэбэрдей псом зылащIысащ» – «Начиная с того дня, хабар о Жабаги разнесся по всей Кабарде».

Несомненный интерес представляет тот факт, что в последние годы в древних боспорских надписях Северо-Восточного Причерноморья археологами обнаружен ряд собственных имен, которые некоторыми авторами расшифровываются как адыгские. Это дало основание А.М. Гадагатлю утверждать, что «...1200–1700 лет тому назад адыги имели собственные имена, подобные символическим именам нартов».

1.1.2.2. Имена предков адыгов, упоминаемые в старинных народных песнях

Тает снег – остается скала; умер герой – остается имя.

Армянская пословица.

Имена предков адыгов упоминаются также в старинных народных песнях. Особо ценными для нас с точки зрения наличия тех или иных этнонимов представляются так называемые исторические песни, зачастую содержащие малоизвестные (или неизвестные) биографические сведения о реально существовавших в те времена исторических деятелях. Таковы песни об *Андемиркане*, о *Дамалее*, о *Темруко Храбром*, и многие другие. Например, «Песня о Темруко Храбром» повествует о кабардинском князе и полководце Темрюке Идарове. В ней же упоминается крымский хан *Долат Крым Джерий*, а также соратники Темрюка – «*Етлуха сын Кайдак*» и «*Тамбия сын Идар мужественный*».

Так, еще с VI в. н.э. сохранилась и бережно передавалась из уст в уста народная песня о сражении адыгов с аварским ханом Байканом. В ней, в частности, встречаются имена воинов-героев полуторатысячелетней давности:

Витязь наш, неустрашимый *Олгико* не допускает *Хатошуку*
опередить себя...

Могучий *Шератлоко* упражняется в мщении за пролитую
кровь братьев.

Юный *Хошов* давно бы кинулся им на помощь, но старцы
 жалеют мать его, княгиню *Шамиху*...
 Всадники наши, громившие Дербент, украшаются блестящими
 шлемами, но всех лучше шлем князя *Гугова*.
 Доблестный *Муко Дижинуко Падисов* убит...
 Витязь наш *Джаним Догов* опять возвращается к сече,
 а великан *Татаршао Паков* мечом пролагает себе путь и т. д.

В более поздней песне по поводу взятия адыгами крепости Саркал (Саркел) встречаются имена следующих реальных героев: Хату, Фамоко, Договы, Кофнир и др. Десятки имен предков адыгов встречаем мы и в песне о Казбурунском сражении: князь Эльжэруко, Эльжер Хамишев, Тлаходуов, Алтай Богарсоков, Семигда Касибиев, Кургоков Женгери, братья Пищцуковы, Нашипасев, косой Коноко, Амифоков, Самагу Шипшов, Дохщуков, Кургок и др.

Имена адыгов – героев далекого прошлого, – пишет З.М. Налоев (2009), – сохранились в старинной величальной песне – «Песне о Бахчисарайском походе» (вторая половина XVI в.) и в наезднической песне «Хатх-Мгамет»:

(Уар) племена (ата, жи) собираются, и (уор) *Татлостан*
 наш полководец (е-уо-уи)...
 «Пусть пользы не будет, но к мечети белой большой
 пробьюсь!» – сказал *Андемиркан*, и т. д.
 «Сам он из рода какого? – если спросишь,
Хатха-предводителя сын наш *Мхамат*...».

Во многих старинных песнях воспеваются имя родоначальника адыгского народа князя Инала. Таким же почетом, как и Инала, окружают темиргоевцы имя Безруко-Болотокова, «князя из князей», – символа народной доблести и мудрости. Его выдвинули и увековечили имя героя войны с хазарами. Песни рассказывают о жестоких битвах, о пленении брата его Алегиго в далекий Азов, о взятии Азова самим Болотоком и об освобождении им брата. В свою очередь, старинная племенная песня бжедугов, дошедшая до нашего времени через поколения певцов-сказителей, сохранила для нас имена реальных людей-героев, отличившихся в знаменитой Бзиюкской битве 10 июня 1796 г.: Ислам, Алхас и Агубок Хаджимуковы, Анчек и Бек-Мирза Ахеджаковы, Пшемаф Батоков, Алхас Лакшоков, Казы Декиджев, Едыг Берзеков, Есенгел Ешуков, Закерей Хеусоков. Имена героев-предков адыгов встречаем и во многих других черкесских и кабардинских песнях:

Не рассказать вовеки истории
 Более достойной,
 Чем история об *Андемиркане*.
 ... Единственный наследник *Жансоховых*,
 О горе мне, где я тебя спрячу?

Ты да пребудешь во здравии,
 Знаменитый герой,
 Витязь *Ешаноков*
 Младший *Темигран*...

Я хотел бы наступать на них,
 Но *Хатажожо* не согласен со мной.
 Мужественный наш князь *Шолох*,
 Храбрейший из всех князей...

А вот строки из широко известной кабардинской песни «Большое ночное нападение», в которой упоминаются реально участвовавшие в сражении герои-адыги:

Несмотря на свой возраст, семимесячную войну
 Ни разу не покидал *Кайтука сын Хамурза*...
 Сроду *Атажукин-князь* не робеет,
 Здесь нашим оробевшим всадникам он помог...
Кундета сын Карашай Большой тогда княжил.
 На горном большом коне гнедом ты сидел...
Ахаминовы, ваш золотой столп кровью истекает...
Этлепаровы, ваше солнце-луна закатилось,
Бжакоуковы, вас семь братьев было, – вы все там полегли...

А это – из «Сетований о ночном нападении на Малую Кабарду»:

(Уар) *Алиджуко-князя* (гуша, ий) в тот день бог на нас наслал,
 (А сармахо) *Сарихиху-красавицу* (ий) в тот день рыдающую увозят.

В кабардинской песне «Разорение аула» упоминаются *Шогенова Гошехурей*, а также *Шарухова Гуа-ша* (Нальчикова Е.А., 2007. Вып. VI):

«Сэ сыт папщ[эк]э зыхэзгъэнрэ?» –
 же[эри] кыгъаззу зезыгъэук[ыр]
Шырыхъум фэ фи Гуацэф[иц].
 «Почему же я должна остаться?» –
 сказав, кто поворачивается и смерть принимает, –
 Это *Шаруховых* ваша *Гуаша* благородная...

В песне «Жабаги Казанок» упоминается князь *Асламбек Кайтукин*, собиравший ополчение, чтобы напасть на князей *Атажукиных*. В других песнях упоминается «*Анзор могучий*», павший жертвой коварства своего оруженосца; юный витязь *Кербеч*, которого обманом заманили в засаду и смертельно ранили; сыновья *Бзатхала*, ставшие жертвой предательства; «золотоусый *Асланджерий*», заживо сожженный в кунацкой и т. д. В «Плаче о *Ханифе*» оплакивается красавица-гармонистка, которая была случайно убита во время свадебных плясок. Аналогом этой песни является «Плач об *Адиюх*», – своеобразный адыгский вариант шекспировского «Ромео и Джульетты».

Уже в самых названиях песней-плачей, песней-сетований на горестную судьбу, а также в героических песнях немало имен адыгов: «Сетования *Дзугура Чаша*», «Сетования *Химсад*», «Песня *Канамата и Касболата*», «Сетования *Чалама*», «Сетования *Боры могучего*», «Сетования *Нартуга*», «Сетования *Гудаберда, Азепша сына*», «Песня о *Каракамыль*», «Песня о *Мазгуаш*», «Песня о *Хакуриновых*» и др. В беду попавших выручает *Хатокиоко Магоммет-Аша*. А в песне-гыбзе «Плач о *Кушук*» встречаем имя князя *Кушук*:

Молодежи всей, (ра) на коне сидящей (гуша),
Кушук-князь – пример...

К плачевым песням относится и песня «Сетования *Куалы Созарихи*», в которой, кроме главного героя, встречаются также имена адыгов: князь *Хатокиоко Казиев*, *Хусейн Широкая Ступня*, князь *Шужей Ансохов* и др.

Немало имен встречается и в «очистительных» песнях:

Глеиншева неистового (уой ляжа) жаль, что со мною не было,
о, горе!
Шабюх малый со мной был (уо дуней), он материнское
молоко пил, о, горе!..

В песне «*Кебжеч Ямыш*» встречаются имена: *Хаблица-красавица*, *Хурида*, *Тамаша* (юноша нарядный), *Корако* (ее волосы – словно бурка) и др.

В песне «Шапсугских героев гыбза» также немало адыгских имен:

Абзта в логове свиней скушает
[врагов ожидая], сармафа.
Из *Адаубга* войска большие уводит –
Это *Абатовых Бесленей* отважный...
В гуще сражения он навеки спешился –
Это *Казиевых*, о, горе, *Пишмаф*...

Упоминается в песнях и народный герой *Маша Ташуков*. В песнях, исполняемых на адыгских игрищах – «джэгу», зачастую упоминались почетные гости и известные танцоры, с насмешкой вспоминали скупых, жадных односельчан:

В сторону *Блечепсина* свой взор обрати:
Бранта Ташын, подошвы свои дай нам посмотреть!
О, благословенная публика!
Спросите, кого захватил?
Отвечу: *Коблевых* невесту.
В сторону *Джиджихабля* свой взор обрати:
Тугуз Исмет для *Ханмелеч* 20 рублей дает!
«Не скажите маловато», –
Так обращается к нам *Хасан*
из рода *Шхалаховых*
И вносит коробок спичек...

Много имен адыгов встречается в песне «Абазэ Алий и кьебжэк!» («Кебжеч *Абазова Али*»):

Я не *Науруз*, чтобы мне зуб выбивали,
Я не одноглазый, подобно *Азубечу*,
Я не лопаюсь от злобы, подобно *Салиху*,
Не сплетник я, подобно *Хатокиоко*...
Добычи легкой не искатель я, подобно *Шогенову Карачаю*.

А вот строки из песни «Как *Ляшин* нартос осмеивала»:

Каз [как] аршин проглотил, *Дуко-заика*,
Исхак кривоногий, *Маша* долговязый...
Черная, лоснящаяся была *Карал*,
Мясистая была *Чазибан*...
Я не *Науруз*, которому зуб выбили,
И не одноглазый я, как *Азубеч*...
Кербеч старый беспалый,
Конь под ним кривохвостый...
Если в сорочке белоснежной.
А сама белогрудая – это *Абидет*...
Женолюбивый Клишбиев Муса.
Клишбиев Муса, ты длиннобородый...

1.1.2.3. Имена адыгов в генуэзских нотариальных актах и записках миссионеров

...Давал им имена, которые мне предлагали черкесы, такие странные, как например: Жанкасса, Делет-Каше, Сан-Кассо, Казино, Мал-Берето, Шакн, Урдер-Кан, Кибшиа, Семикан и т. д.».

Дж. Лукка, миссионер (1629).

Частично имена предков адыгов встречаются и в средневековых документах, относящихся к генуэзской колонизации Черкесии. Так, в документах генуэзских нотариальных актов из Кафы за 1281-1289 гг. то и дело встречаются записи типа: «7 октября 1281 г. Закройщик Франческо де 7 октября 1281 г. Банкир Мануэль, грек, продает рабыню-зихийку по имени Ахина за 20 золотых иперперов»; «12 июля 1289 г. Кожевник Энрико продает раба-зиха по имени Мартин за 360 аспров»; «20 июля 1289 г. Мясник Гильельмо продает раба-черкеса по имени Джарказ, 12 лет, за 300 аспров»; «4 мая 1290 г. Венецианец Джакомо продает раба-черкеса по имени Соголи, 10 лет, за 475 аспров», и т. д. В частности, в этих документах можно встретить следующие имена рабов (рабынь) из Черкесии – девочек: Ахина, Жанета, Зихина, Калуза, Кармозина, Кристина, Каркасия, и мальчиков: Мартин, Соголи, Джарказ. Интересно, что генуэзцы называли Черкесию – Джарказа, Джарказия, Карказа, Карказия.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРОВ. Среди других, более поздних документов, относящихся к внедрению католической веры у адыгов, можно упомянуть записки итальянского миссионера Дж. Лукка, побывавшего в 1629 г. в Черкесии. В частности, он упоминает о своем пребывании у князей Кассыбея и Шабан-Оглы, а также приводит имена детей, которых он крестил по католическому обряду и «...давал им имена, которые мне предлагали черкесы, такие странные, как например: Жанкасса, Делет-Каше, Сан-Кассо, Казино, Мал-Берето, Шакн, Урдер-Кан, Кибшиа, Семикан и т. д.». Но перечень таких имен, «извлеченных» из нартекского эпоса, народных песен, дореволюционных архивных и литературных источников, к сожалению, весьма краток. Используя материалы, собранные К.Х. Меретуковым (1981), работы Т.В. Половинкиной (2006), В.И. Ворошилова (2007) и Н.К. Костарновой (2009), а также результаты наших полевых и архивных изысканий в области истории географических названий Черкесии-Адыгеи, нам удалось дополнить этот скудный перечень и ввести в научный оборот большой массив названий племен и народов, а также старинных имен предков адыгов, которые веками изустно передавались из поколения в поколение и сохранились до нашего времени в названиях местностей, населенных пунктов, рек и морей Северо-Западного Кавказа.

1.1.2.4. Родовые фамилии адыгов в «разветвлении отраслей малых племен-кланов»

Л. Люлье (1857) приводит список «Разветвление отраслей малых племен-кланов, составляющих племена шапсугов и натухайцев» – исчерпывающий перечень родовых фамилий предков адыгов, распределенных по основным племенам адыгов. «Из этого расписания, – пишет автор, – можно видеть, как разветвились основные отрасли этих малых племен-кланов, вошедших в состав больших племен»:

	Шапсуги			Натухайцы	
<i>кобле</i>	<i>гоаго-соотох</i>	<i>схапете</i>	<i>надхо</i>	<i>нетахо</i>	<i>гоаие</i>
Ацемюзь	Берок	Аберейк	Айкез	Абере	Бжегатль
Басте	Бжассо	Егум	Ацок	Аласе	Гунай
Бат	Джад	Кудь	Байге	Боос	Датче
Бгане	Инох	Нагуч	Бзим	Гуризь	Екуас
Джарим	Канасез	Огутль	Бирк	Дежередже	Карджань
Дегуф	Куадже	Пцашех	Богогузь	Дизь	Косебичь
Добох	Мет	Сау	Вотаха	Евстагле	Мат
Ду	Мысь	Схалахо	Джарим	Мезег	Мемет
Нагуо	Псекечь	Тюркоу	Емезог	Поох	Мигекинок
Нашь	Сегиас	Хагур	Ергуз	Схабе	Неуйкь
Негуз	Сокотль	Хатлок	Кеух	Схакумеде	Пишиуйк
Непсау	Соотох	Хаху	Коф	Сюайге	Сепене
Погузь	Тлепсук	Хезетль	Мафеуде	Тлияшь	Тлетсерок
Псаоко	Тлохузок	Хузетль	Мелиш	Тхиз	Тлетхозь
Раток	Тым	Цюнтыз	Надхо	Хахурате	Тхаитле
Соузу	Усий		Неметлох	Хезикь	Хагун
Сумен	Хадишь		Сомюзь	Хурум	Хамтоху
Тамох	Хун		Сохте	Чацох	
Тесвь	Хусер		Такиак	Шюзок	
Тлекузь	Цюска		Тлечась		
Тлиф	Шу		Ту		
Тхахоахо	Шуз		Туко		
Хамтез			Хапий		
Ханту			Хатхе		
Харате			Хатюев		
Хатуз			Худоко		
Худизь			Чиан		
Хупшь			Шехетль		
Шеретль					
Шеуген					

Комментируя этот список родовых фамилий, Л. Люлье (1857) пишет: «У абадзехов таких фамилий-кланов считают до 80-ти, из коих главнейшие: Цей, Куб, Дзид, Хаток, Свюзе, Тлишь, Кут, Кетаур и Бирица. У натухайцев и шапсугов существовали княжеские и дворянские фамилии. Княжеский род был у этих народов, но впоследствии пресекся; дворянские же фамилии, ныне (1857 г.) существующие, следующие: а) у натухайцев: Сюпако, Мегу, Зеа, Каз, Егороко и Чах; б) у шапсугов: Абат, Немере, Шеретлок, Цюхь, Горкоз, Улагай, Бгый и Тгагурз.

В племени гоаие, вошедшем в состав натухайского народа, следующие дворянские фамилии: Карзейкь, Куецюкь, Дирское, Хатираме, Бирджь и Черчь. Дворянские фамилии Сюпако и Абат сохранили по настоящее время родственные связи с первостепенными кабардинскими узденями (Тлакотлешь), – первая – с Кудейнетами, а последняя – с Тамбиями».

1.1.3. Родовая фамилия *Щоджэн*: ретроспективный взгляд в прошлое

У известного ученого С.С. Коновалова (2008) есть мудрая мысль: «У каждого из нас есть прошлое, и это прошлое измеряется не десятками лет, а тысячами и тысячами лет жизни земной цивилизации. И наше прошлое – это жизнь наших родителей, наших дедушек и бабушек, и пра-, пра-, пра десятков и десятков поколений. За каждым из нас стоит шлейф его рода». *За каждым из нас стоит шлейф его рода...* Можно ли точнее выразить бесконечный ряд предков древнего рода Шеуджен-Шовгеновых?

1.1.3.1. «Дерево держится корнями, а человек – родственниками»: к понятиям родословие и генеалогия

Дерево держится корнями, а человек – родственниками.

Абхазская пословица.

Русский человек без родни не живет.

Русская пословица.

Прежде всего, хотелось бы кратко затронуть тему важности составления разного рода генеалогических описаний – родословных. Большой толковый словарь русского языка дает такое определение: «Родословная – перечень поколений одного рода, содержащий указания на происхождения и степени родства». Близкое к этому понятие – «генеалогия», однако в том же словаре оно определяется не только как «происхождение, история рода, родословная», но и как «раздел исторической науки, изучающей происхождение и родственные связи отдельных родов».

В России первые родословные книги появились в XVI в. При Петре I была создана Герольдмейстерская контора, которая под разными названиями просуществовала до 1917 г., уже при Сенате. Именно там официально утверждалось происхождение семей, составлялись генеалогические документы – то есть генеалогия выполняла совершенно конкретные задачи, была наукой прикладной. И если раньше родословные оставались в основном богатыми людьми, которым необходимо было иметь доказательства своей принадлежности к тому или иному дворянскому роду, то сегодня задачи коренным образом изменились.

Вот что писал в свое время в статье «Советы начинающему генеалогу» известный дореволюционный ученый, вице-президент Российского генеалогического общества И. Благово: «Начиная заниматься родословной, ни в коем случае не следует полагать, что интересны и заслуживают описания истории родов известных исторических лиц. Помните: история каждого рода является составной частью истории Отечества! Исходя из этого, без сомнения и колебания следует поддержать каждую попытку составления и описания родословной, независимо от того, лежат ли известные корни рода в начале XX столетия или уходят, например, в середину XVII в., служил ли автор конюхом на царской конюшне или командовал русскими войсками при пленении Шамиля. Можно утверждать, что составление родословной, в конце концов, должно стать не только обязанностью, но и естественной потребностью каждого человека, которая, прежде всего, будет основываться на важнейшей составляющей воспитания личности – уважении предков. Ибо, как справедливо заметил в свое время еще великий Пушкин, «неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности...».

Спустя столетие, эту же мысль выразил в своей проповеди Алексей II, патриарх Московский и всея Руси (2001): «Божие благословение всем тем, кто начинает вести летопись своего рода, свою семейную летопись. Пусть она становится кладом жизненного опыта для Вас и Ваших потомков. Пусть поможет осознать место каждого члена Вашей семьи в истории и вечности» (Цит. по: Ершов М., 2011).

1.1.3.2. «Все члены одной [черкесской] фамилии составляют между собою тесный союз»

Все члены одной [черкесской] фамилии составляют между собою тесный союз... Под фамилиею должно понимать целый род одного происхождения, княжеского, дворянского или простого, со всеми своими отраслями, достаточно сильный для своей самостоятельности.

«Исторический обзор Терека...» (1851).

В былые времена при произнесении имени достойного человека, прославившего свой род славными деяниями, равно как и фамилии прославленного рода – присутствующие благоговейно вставали... Это был один из самых мощных рычагов воспитания народа.

Н.И. Сообцокова (2010).

Этот раздел хотелось бы открыть мудрыми словами просветителя адыгов Султана Хан-Гирея (1841): «Прославленный отечеством род не умрет: ему наследуют сама отчизна и слава... Пройдут столетия, и позднее потомство с восторгом и удивлением будет произносить имена прославленных отечеством мужей: оно оценит их труды, их дела и станет ими гордиться! Смерть для всех одинаково неизбежна, но счастлив тот, друзья мои, кто смертью своей достойную жертву отечеству приносит!».

Спустя более чем полтора столетия эту же мысль о важности сохранения светлой памяти о своих прославленных предках встречаем и у адыгейского историка Н.И. Сообцоковой (2010. С. 159; 291): «Многие древние народы свою родословную исчисляли до 7-го колена. Родители должны были рассказать детям, кто из их предков чем занимался, чем прославился, какие подвиги совершил. Все должны были знать свою родословную. Того же, кто не знал своих корней, хотя бы до 7-го колена, не брали в свидетели ни по какому делу, считая, что такой человек не может сказать правду, он ненадежен, не достоин доверия».

И далее историк развивает свою мысль: «В былые времена при произнесении имени достойного человека, прославившего свой род славными деяниями, равно как и фамилии прославленного рода – присутствующие благоговейно вставали. Этой традиции и по сей день придерживаются адыги, живущие за рубежом. Это был один из самых мощных рычагов воспитания народа. Каждый уважающий себя адыг должен был знать свою родословную как минимум, до 8-го колена. Многие знали до 12-го колена включительно, и выше».

В Адыгее, Кабарде и Черкесии весьма распространена фамилия Шеуджен (Шогеновы, Шовгеновы). По мнению дореволюционных авторов (середина XIX в.), «все члены одной фамилии составляют между собою тесный союз, которым обязуются единодушно защищать за смерть или оскорбление каждого. Под фамилиею должно понимать целый род одного происхождения, княжеского, дворянского или простого, со всеми своими отраслями, достаточно сильный для своей самостоятельности. В состав фамилий вошли в качестве клиентов и прежние подвластные, уравнившиеся в правах с бывшими владельцами. Союз членов фамилии устанавливает безопасность каждого лица от угнетений и насилия посторонних, а для отвращения поводов к раздорам между разными фамилиями существует у них обычай, по которому за поступок каждого лица, вредный для посторонней фамилии, ответственны все члены его собственной: это род поручительства каждой фамилии пред посторонними за всех своих членов. Таким образом, каждое частное дело всегда принимает вид до некоторой степени общественного» («Исторический обзор Терека...», 1851).

Рассматривая причины существования подобных однофамильцев – членов «союза фамилий», а фактически членов одного клана, – Б.Х. Бгажноков и С.Д. Берзегова (2005. Вып. I) отмечают, что эти причины очень разнообразны, и это обязывает вскрывать и рассматривать их отдельно в связи с историей клана, конкретной патронимией. К примеру, фамилия Шогеновых восходит к многочисленному сословию христианских священнослужителей-шогеней, о чем пишет Ш. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа». Вот почему, – пишут Б.Х. Бгажноков и С.Д. Берзегова, сейчас эта фамилия встречается почти во всех городах и селах Кабарды, во многих населенных пунктах современной Черкесии и Адыгеи. В свою очередь, фамилия Кушховых восходит к этнониму къущхъ, «горец», который применяли адыги по отношению осетинам, балкарцам, иногда к абазинам. Резонно считать, вследствие этого, что чаще всего такую фамилию получали выходцы из Осетии, Балкарии, Абазии (Бгажноков Б.Х., Берзегова С.Д., 2005. Вып. I).

Пребывание адыгов-«казаков» или казаков-«черкасов» в низовьях Дона, Днестра и Днепра оставило множество следов в языке, культуре и быте украинского народа. По мнению Л.Г. Лопатинского, украинское фамильное окончание «ко» происходит от адыгского «къо» («къуэ»), – со значением «сын» (например, Алексеенко, Нестеренко, Руденко, Харченко, Шашенко и т. д.) (Максидов А.А., 2003. С. 46; «История многовекового...», 2007).

1.1.3.3. «Фамилия *Шоджэн* произошла от священников-шогеней»: у истоков рода Шеуджен-Шогеновых

У чиркасов нет ни храмов, ни священников, а имеются лишь так называемые шугуены, заменяющие духовных лиц. Эти шугуены умеют немного читать по-гречески; они же освящают и благословляют курбаны или жертвоприношения, отпевают покойников и т. д.

«Кавказ...» (Вып. III. 2010. С. 46-47).

«Шогеновы вчера, сегодня, завтра», – так назывался обстоятельный доклад, подготовленный А.Х. Шогеновым и зачитанный им 18 ноября 1995 г. на I Учредительном съезде родового объединения «Шоджэн» в г. Нальчике. Поскольку в нем приводятся малоизвестные сведения о «родословной» славного рода Шеуджен-Шогеновых, восходящего к первым христианским проповедникам византийской эпохи, привожу его в кратком изложении:

Как отмечает в своем исследовании А.Х. Шогенов (2005), история рода Шеуджен-Шогеновых неразрывна с историей их общих прародителей – адыгов. Поэтому вчера, сегодня и завтра Шогеновых автор рассматривает в историческом аспекте, начав с документальных версий о происхождении этой фамилии. Как говорит библейская мудрость, «...И познал он родословие свое и род свой, откуда они есмь» (1-я книга Царств, 3; 19).

Выдающийся адыгский ученый и просветитель Ш. Ногмов в своей нестареющей книге «История адыгейского народа» писал в середине XIX в.: «Под влиянием союза с Юстинианом (византийский император, живший в 482–565 гг., т. е. 1500 лет назад – **Авт.**) греческое духовенство, проникшее в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусством и просвещение... Священник у нас назывался *шогень*... От них произошли многие дворянские роды, которые говорят, что они происходят от *шогеня Гирге* или *шогеня Рум* (Гирге – это Греция, Рум – Рим, Италия), так как не все духовные были из Греков, но некоторые были из Латин (т.е. католики. – **Авт.**)».

После падения Византийской империи христианская вера у предков адыгов ослабла: турки и крымские ханы «распространили магометанскую веру огнем и мечом». В подтверждение вышесказанного, – продолжает Ш. Ногмов, – можно присовокупить еще следующие факты. Узденъ Исмаил Шогенов имел в своем доме рукописную книгу, которая принадлежала его предкам, переходила по наследству от отца к сыну в его семействе. Он был последний из умевших читать ее и скончался в 1830 г., в глубокой старости. Господин академик Щегрень (Щегрен. – **Авт.**), которому я посылал несколько листов из этой книги, утверждал, что она писана на греческом языке и что посланные ему листы заключали в себе начало Евангелия. Может быть, уцелело еще несколько книг, но *страх, наводимый мусульманским духовенством, заставляет их скрывать...*» (Цит. по: Шогенов А.Х., 2005).

Один из крупных интеллектуалов-черкесов зарубежья Хавжоко Шаукат Муфти (Иордания) в своей книге «Герои и императоры в Черкесской истории» (1994) пишет: «Священников называли «шоген» (учитель детей), и со временем это название стало фамилией, многие черкесские семьи ведут свое начало от этих священников, часть которого была греческого происхождения, а часть римского».

Видный специалист в области ономастики, лауреат Государственной премии КБР, профессор Дж. Коков в книге «Кабардинские фамилии» пишет: «Шоджэн – из осетинского *сауджын*: «в черном», «черноризец», «священник». Термин усвоен в христианский период истории адыгов». По существу аналогично трактуется происхождение этой фамилии в исторических романах А. Шортанова «Горцы», М. Лохвицкого (Аджук-Гирей) «Поиски богов» и других.

Развивает эту мысль Х. Яхтанингов (1993): «...Самая распространенная у адыгов фамилия Шоуджен (Шеуджен), – память о христианских священниках-шогенах (в дословном переводе соответствует русской фамилии «Попов»). На происхождении этой фамилии останавливается и Р.Ж. Бетров. По его мнению, у адыгов *шэуджэн* (*шэоджэн*) – «священник», в старом произношении *шэугъэн* – слово ныне почти забыто, но имеет широкое распространение как фамильное название. Соответствует осетинскому *сауджын* (*саугин*). Среди владельцев скота встречаются и кабардинская фамилия Шогенов, абазехская – Шоген, бесленеевская и абазинская Шовген и т. д.».

Наряду с приведенными выше, исторически и филологически обоснованными трактовками фамилии Шеуджен (Шогеновы, Шовгеновы), в литературе встречаются и иные «объяснения», восходящие или к *шыуадже* – «бродячему всаднику», или к «быстрому всаднику», или к слову «глашатай», или даже к «трем братьям, занимающимся лечением душевнобольных» (!?).

Так, любопытная версия происхождения родовой фамилии Шеуджен приводится в книге кандидата филологических наук Б. Тлехаса «Адыгейские фамилии: легенды и предания» (1998). Согласно легенде, эта фамилия произошла от трех братьев – Тлюстена, Халиля и Талиба, приехавших в Черкесию «очень давно из Аравийской земли» и занимавшихся... лечением душевнобольных. По мнению изложившего эту легенду – 88-летнего сказителя Хафиза Гучипсовича Шеуджена из а. Козет, «...они звались просто бродячими всадниками – *шыуадже*; отсюда и произошла фамилия Шеуджен». Разумеется, такое «объяснение» наивно и в корне неверно.

Перечень версий происхождения этого древнего имени, пришедшего из глубины столетий, приводит учитель из а. Козет Руслан Халидович Тлиш в своем стихотворении, посвященном родовой фамилии Шеуджен:

Как нас зовут и от кого
Идет фамильное звучанье, –
Должны мы знать прежде всего.
Шеудженам шлю свое писанье.

Есть много среди них спортсменов,
Врачей, ученых, бизнесменов,
Парней красивых и девчат,
Чтят кодекс чести стар и млад.

Какое древо у Шеудженов,
Где их фамильная тамга,
Какое истари колено
К их родословной привела?

Древнейший корень есть *Шоген*, –
Кто людям нес от Бога слово,
В том слове есть от рода ген,
Но может быть, это не ново.

Возьмем основой *Шыуджын*,
Что означает «быстрый всадник»,
В походах был неутомим –
Скакал за день от моря в Нальчик.

Сейчас мы пишем: *Шеуджен*,
Звучит буквально: «глашатай»,
Как пал от римлян Карфаген, –
Не он ли весть принес в наш край?

Бесспорно то, что в этом слове
Начальный слог по смыслу «всадник», –
Всегда во всем быть наготове
Желает друг, адыг, соратник...

Есть серьезные основания предполагать, что эта родовая фамилия сохранилась, несомненно, как память о христианских священниках-шогенах. В архивных документах аульских обществ XVIII-XIX вв. встречается и кабардинская фамилия Шогенов, и абадзехская Шоген, и бесленеевско-абазинская Шовген. Древность этой фамилии несомненна, и она восходит еще к эпохе правления византийского императора Юстиниана I, который направил в Черкесию первых греческих миссионеров для обращения предков адыгов в христианскую веру (Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., 2004).

Эта фамилия (в вариантах: Шеуджен, Шогенов, Шовгенов) встречается во многих старых источниках. Так, в старинной кабардинской песне «Разорение аула» упоминаются Шогенова Гошехурей. Сохранилось и сказание о герое Хасанше Шогенокове, которого «после трагической гибели его и самоубийства невесты погребли их в одной могиле» (Нальчикова Е.А., 2007; 2008).

Фамилия Шогенов встречается в составленном в 1859 г. «Списке аулов, населенных в Кабардинском округе...», с пометкой: «владелец аула, состоящего из 45 дворов» (Бейтуганов С.Н., 2007). Эти имена (Шогенов, Шеуджен) можно встретить и в рапортах аульских обществ. Так, в рапорте, направленном в Управление Кабардинского округа, майору Кундухову, говорится: «Житель Большой Кабарды Шаомуко Шогенов объявил жалобу, что назад года три (т.е. в 1855 г.), как у него украдена кобылица серой масти». Или еще: «Протокол от 19 июля 1896 г., составленный Мусой Хаджимок: «19 июля явились ко мне горцы с. Афипсип Ю. Ачмиз и Ислам Шеуджен и заявили, что лошадей своих стреножили и пустили на ночь во двор Илясу Джариму; лошадей со двора уворовали», и т. д.

Примечательно, что эта фамилия, придя из глубины столетий, сохранилась на географических картах практически до настоящего времени. На старинных картах на правом берегу р. Фарс можно было найти Шэуджэнхьабл («аул Шеуджена»). До 1958 г. он назывался а. Хакуринохьабл (Хьакурынхьабл), а после 1958 г. переименован в а. Шовгеновский, по имени известного революционера Моса Шовгенова, погибшего в годы Гражданской войны. Аул основан в 1855-1862 гг. (Коков Д.Н., 2006. С. 723).

Известен и Шэуджэнбжьэщ («Лес Шеуджена») – у бывшего а. Лакшукай, во многих населенных пунктах улицы носят имя Моса Шовгенова, и т. д. А в Кабардино-Балкарии был известен аул Шьоджэнхьэбл (Шодженхьабл, «Шогеново поселение»). Балкарцы называют его: «Шеуген кабак». Современное балкарское название: Яникой (Коков Д.Н., 2006. С. 723).

Несомненный интерес представляет предположение адыгского историка А.А. Максидова (2003. С. 46) о «генетическом родстве» двух известных фамилий: Шеуджен и ...Шевченко: «Такая распространенная украинская фамилия, как Шевченко, имеет адыгское происхождение. Она восходит к слову *шэуджэн*, которым адыги обозначали своих христианских священников. Под натиском ислама некоторые из них могли эмигрировать к черкесам Левобережной Украины, которые по-прежнему исповедовали христианство. Их потомки, естественно, назывались *Шэуджэныкьо*, *Шэвджэнко*, *Шевченко*»).

И далее А.Х. Шогенов пишет: «Опустив комментарии к приведенным пространным выдержкам, вычленим из них главное для нас, сегодняшних Шеуджен-Шогеновых. Во-первых, происхождение нашей фамилии связано с миролюбивыми занятиями – искусством и просвещением на адыгской земле, т. е. оно имеет

праведное, духовное начало. Во-вторых, дело не в том, какой религии придерживались адыги в разное время, и кто как называл священников, а в другом – фамилия Щоджэн произошла от шогеней, появившихся на Кавказе около 1500 лет назад, т. е. Шогеновы издревле были священно преданными друг другу единоверцами, братьями по духу, а может быть, и крови. Их разъединило преследование исламистами с конца XVII в., т. е. порядка 300 лет назад. Таким образом, если даже исходить из худшего – отсутствия кровного родства между всеми Шогеновыми, то верно другое: на протяжении более 1200 лет они были духовными братьями, ради чего жертвовали собой, и менее 300 лет назад разъединены силой.

Из этих исторических сведений мы, современные Шогеновы, вправе сделать вывод о том, что наша сегодняшняя попытка объединения Шогеновых не есть искусственное, субъективное действие, а базируется на объективном историческом факте – преданном друг другу единоверстве наших далеких предков, проповедовавших миролюбивые занятия искусством и просвещением» (Шогенов А.Х., 2005).

1.1.3.4. Шеуджен-Шогеновы-Шовгеновы: галерея портретов

*Чередом предо мной портреты проплывали
И живых людей, и тех,
Кто безмолвья смерти достигали
Уж сотни лет...*

Курт Хофманн (1939) «В картинной галерее»

*Льются с этих фотографий
Океаны биографий,
Жизнь которых вся, до дна,
С нашей переплетена...*

Булат Окуджава (1968).

Среди представителей рода Шеуджен (Шовгеновых) известны имена многих общественных деятелей, военачальников, спортсменов, ученых и писателей: министр Османской империи Фетхи Ахмет-паша (Щоджэн); турецкий маршал Абди-паша (Щоджэн); член первого Кубанского Советского правительства, комиссар по горским делам, герой гражданской войны Мос Хакарович Шовгенов; писатель Аюб Ибрагимович Шеуджен; талантливый учитель-фронтовик, кавалер двух орденов «Красной Звезды» и многочисленных медалей Мос Юсуфович Шеуджен; общественный деятель, секретарь «Адыгэ Хасэ» турецкого города Бурса Буркан Шеуджен, Герой Социалистического Труда Таля Шогенов; Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Эмилия Аюбовна Шеуджен; мастер спорта СССР, чемпион России по вольной борьбе Азмет Хазретович Шеуджен; ученый рисовод, автор многочисленных научных публикаций Байзет Екутечевич Шеуджен, доктор биологических наук, профессор Асхад Хазретович Шеуджен; Заслуженный артист Республики Кабардино-Балкария Меджид Мишаустович Шовгенов и многие, многие другие (Шогенов А.Х., 2005).

В фундаментальном справочнике «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006) приводится ряд биографических портретов-зарисовок, имеющих непосредственное отношение к роду Шеуджен-Шогеновы-Шогенцуковы. Привожу в кратком изложении этот уникальный перечень:

Шеуджен Эмилия Аюбовна (род. 16 марта 1937 г., с. Абакумово Рыбинского р-на Ярославской обл.) – ученый историк, педагог. Доктор исторических наук (1984), профессор (1985), Заслуженный деятель науки РФ (2001), декан исторического факультета Адыгейского госуниверситета (с 1988) Окончила Ростовский-на-Дону госуниверситет, исторический факультет (1960). В 1960–1961 гг. – научный сотрудник Адыгейского краеведческого музея; 1961–1963 гг. – учитель истории в СШ № 13; 1963–1964 гг. – зав. отделом Ростовского краеведческого музея, в 1964–1967 гг. – зав. кабинетом истории КПСС Ростовского института сельскохозяйственного машиностроения. С 1967 по 1970 г. – аспирант кафедры истории Ростовского ГПИ. В 1971 г. защитила кандидатскую, а в 1985 г. – докторскую диссертацию на тему: «Советская историография национально-культурного строительства». В 1970–1988 гг. – ст. преподаватель, доцент кафедры истории РГПИ, докторант Института истории СССР АН СССР, профессор, зав. кафедрой отечественной истории РГПИ. В 1988–1995 гг. – зав. кафедрой отечественной истории АГПИ (АГУ); с 1990 г. декан исторического факультета.

Область научных интересов: история народов России, историография, история культуры. Основные работы: «Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе» (Ростов-на-Дону, 1983), «История Адыгеи. Рассказы для детей» (в 2 кн. Майкоп, 1995), «Историография. История исторической науки». Курс лекций (Майкоп, 1999) (Краснопольский А.В., Джаримов Н.Х., Шеуджен А.Х., 2001. С. 498; «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

Шеуджен Асхад Хазретович (род. 5 января 1952 г., а. Эдепсукай–1 Теучежского района Адыгейской АО). В 1977 г. окончил Кубанский СХИ. В 1985 г. защитил кандидатскую, а в 1992 г. – докторскую диссертацию. В 1995 г. ему присвоено звание профессора, 2004 г. – Заслуженного деятеля науки Российской Федерации; в 2016 г. избран академиком Российской академии наук.

А.Х. Шеуджен автор около 1350 публикаций, под его научным руководством защищено 9 докторских, 33 кандидатских и 25 магистерских диссертаций.

Награжден медалями трех степеней «За выдающийся вклад в развитие Кубани» (2006; 201, 2015) и «Слава Адыгеи» (2010). Герой труда Кубани (2018).

Шеуджен Байзет Екутечевич (род. 11 мая 1947 г., а. Пшикуйхабль Теучежского района ААО). В 1979 г. окончил Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт. После окончания аспирантуры при Всесоюзном НИИ риса, в 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Разработка элементов агротехники семенных посевов риса на лугово-болотных почвах Адыгеи».

Трудовая деятельность: работал в проектно-строительных организациях, в аппарате управления сельскохозяйственным производством. С 1996 г. начальник отдела социально-экономического, финансового анализа и прогноза Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея; одновременно с 1996 г. – доцент факультета аграрных технологий Майкопского государственного технологического института (ныне – университета).

Шовгенов Мос. В Адыгее к числу «отважных орлов Кавказа» следует отнести Моса Шовгенова, – одного из первых большевиков-адыгов. Весть об Октябрьской революции воодушевила его на борьбу за освобождение горских народов от царского и национального гнета. Принимал непосредственное участие в установлении Советской власти и в формировании первых красногвардейских отрядов в Адыгее. При этом в первую очередь, опираясь на помощь русского народа. Еще летом 1917 г. М. Шовгенов писал: «Горцы Кубани, отбрасывая раз и навсегда различие национальностей, смело протягивают руку всему русскому трудовому народу». На его призывы к совместной борьбе против эксплуататоров адыги отвечали: «Мы все как один пойдем с оружием в руках храбро сражаться за свободный труд. Клянемся честно и беззаветно вместе с русским пролетариатом бороться за свободу угнетенных». 1 февраля 1918 г. на I съезде Советов Кубанской области в Армавире, провозгласившем советскую власть по всей Кубани, Мос Шовгенов был введен в состав Кубанского облисполкома. В мае-июне 1918 г. он провел большую работу по формированию Черкесского добровольческого кавалерийского полка. Позже адыги, руководимые М. Шовгеновым, приняли участие в защите Екатеринодара от белогвардейцев.

Осенью 1918 г. белогвардеец Султан Келеч Гирей обманным путем, используя для этой цели почетного старика Хаджи Шумгохова, арестовывает М. Шовгенова в а. Хатажукай и привозит в а. Хакуринохабль, якобы для переговоров. На крыльце правления полковник Шестаков избивает М. Шовгенова. Затем лежащего на земле большевика избивают всадники. В тот же момент, как видно из показаний свидетелей Даурова и Чамокова, стоящий на крыльце Едыг Тыков крикнул: «Разве так бьют? Рубить надо его, и куски разбросать собакам!». После этого Юнус Багов отрубил шашкой Шовгенову ногу и уже мертвого его бьют плетью. Затем его тело привязывают к хвосту лошади, вывозят за аул и бросают.

Шовгенова Гошевнай. Вместе с Мосом Шовгеновым принимала активное участие в становлении советской власти на Кубани. Осенью 1918 г. была схвачена белогвардейцами и подвергнута нечеловеческим мучениям. Перед расстрелом она гордо воскликнула: «Я счастлива, что вместе с другими, лучшими людьми громила вас, белобандитов!». Белогвардейцы зарубили Гошевнай шашкой. Вот имена тех, кто участвовал, по приказу генерала Султана Келеч-Гирея, в казни патриотки: полковник Кучук Улагай, полковник Шестаков, Султан Забит-Гирей, Юнус Багов, Мхамчерий Жемадуков, Тах Потоков, Едыг Тыков и Хапекеж Хачемизов.

Шовгенова (Беданоква) Зулейхан Кимовна (род. 23 декабря 1963 г., г. Майкоп). Окончила Адыгейский ГПИ по специальности «Русский язык» (1986) и аспирантуру АГУ (1994). Кандидат филологических наук (1995).

Трудовая деятельность: техник в проектном институте (1982), учитель в школах Майкопа (1986–1993). С 1994 г. – ст. преподаватель кафедры русского языка АГУ.

Область научных интересов: авторские новообразования в публицистических текстах Евгения Евтушенко и других русских поэтов (Краснопольский А.В., Джаримов Н.Х., Шеуджен А.Х., 2001. С. 108).

Шовгенов Махмуд Хаджемусович. Родился в 1912 г. в г. Майкопе. Участник боев на Кавказе и Малой Земле. Военный комиссар 107-й стрелковой бригады. Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени; медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа». Имеет благодарности от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. В 1944 г. тяжело ранен. С 1945 г. – редактор областной газеты «Адыгейская правда», позже – директор Адыгейского книжного издательства. (Победители. Т. 3. 2010. С. 1401).

Шовгенов Меджид Мишаустович (род. 5 мая 1916 г., а. Хатажукай Кубанской области). Учился в Адыгейском театральном училище в г. Краснодаре (1933–1936); затем в ГИТИС, который окончил в 1941 г.

Трудовая деятельность: в 1941–1942 гг. – артист Адыгобъединения им. Пушкина. В 1942–1946 гг. служба в Советской Армии, участник Великой Отечественной войны. В 1946–1962 гг. – артист и режиссер Адыгейского театра; в 1962–1963 гг. учился на Высших режиссерских курсах при Минкультуры СССР. В 1963–1968 гг. артист и режиссер, в 1968–1972 гг. – главный режиссер Адыгейского театра. Заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР (1967). Кандидат искусствоведения (1970). В 1972–1977 гг. – ст. преподаватель кафедры марксизма-ленинизма, а после ее реорганизации – философии и политэкономии.

Область научных интересов: проблемы становления и развития адыгейского национального театра, эстетического и нравственного воспитания. Умер в 1979 г. (Краснопольский А.В., Джаримов Н.Х., Шеуджен А.Х., 2001. С. 503).

Шогенов Алихан-Хаджи (1872–1918 г.) – народный кади Кабарды и Балкарии в начале XX в. В своих обращениях к молодежи, в частности к студентам реального училища в 1913 г., призывал их к овладению знаниями, говорил, что не может быть успехов ни в чем без знаний, что непросвещенные народы играют жалкую роль и неизбежно будут в подчинении у других, более культурных. «Учитесь и растите на радость родным, стремитесь быть полезными членами своего народа и всего великого государства Российского, дорога перед вами открыта». В 1914 г. участвовал в первой мировой войне в качестве муллы Кабардинского полка, три года был духовным наставником кабардинцев и балкарцев, сражавшихся за Россию. 29 марта 1915 г. за храбрость в бою был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. После октября 1917 г. он продолжал заниматься духовной и политической деятельностью. В ноябре 1918 г. был обвинен в контрреволюционной деятельности и репрессирован («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1112).

Шогенов Асланбек Хажумарович (род. 11 апреля 1936 г., с. Плановское, КБР) – доктор технических наук (2003), профессор (2006). Окончил Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Был преподавателем Горского сельскохозяйственного института (1968–1969), КБГУ (1969–1981; 1982–1985). Работал на Нальчикском заводе высоковольтной аппаратуры (1985–1988), в АО «Техноприбор» (1988–2004). С 2004 г. – преподаватель Кабардино-Балкарского института бизнеса. Автор около 60 научных трудов, ряда учебных пособий для средних и высших учебных заведений, в том числе «Электромонтажные работы на животноводческих фермах и комплексах» (Минск, 1986), «Монтаж электрооборудования на фермах» (М., 1991), «Транзисторные преобразователи для питания электроинструментов повышенной частоты сельскохозяйственного назначения» (М., 2002). Умер 22 января 2021 г.

Шогенов Ахмед Амдулкеримович (род. 20 апреля 1955 г., с. Каменноостское, КБР) министр образования и науки КБР (с февраля 2004 г.) Окончил КБГУ (1977). Северо-Кавказский социально-политический институт (1992), кандидат психологических наук (1999). С 1980 по 1990 г. – на партийной работе, 1990–1997 гг. – директор кооперативного училища Каббалкпотребсоюза, 1997–2000 гг. – заместитель министра образования и науки КБР, 2000–2003 гг. – руководитель департамента администрации г. Нальчика, 2003–2004 гг. заместитель главы администрации г. Нальчика («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1113).

Шогенов Вячеслав Хажидович (род. 4 марта 1942 г., с. Верхний Курп, КБР) – ученый физик, педагог. Доктор физ.-мат. наук (1998). Окончил физический факультет КБГУ (1967). С 1967 г. работает в КБГУ: ассистент кафедры теоретической физики, ст. научный сотрудник, ст. преподаватель, доцент, профессор кафедры физических основ микроэлектроники КБГУ. Участник ежегодных всесоюзных конференций по космическим лучам (с 1972 г.). Опубликовал 35 научных работ в центральных и зарубежных журналах, трудах международных конференций по космическим лучам в ФРГ, Болгарии, США, Индии.

Шогенов Магомет. Среди героев немеркнувшей славой сияет имя кабардинца Магомета Шогенова, павшего смертью храбрых при штурме калмыцкого селения Деде-Ламин 21 сентября 1942 г. На рассвете впереди атакующих эскадронов он ворвался в окопы противника и, разя врага на ходу из ручного пулемета, прокладывая огнем и мужеством путь бойцам. В этой схватке Магомет Шогенов истребил более 20 фашистов. Отважный воин Шогенов погиб, но село было очищено от немецких захватчиков. 400 фашистских разбойников заплатили своей черной кровью за кровь верного сына Кабарды.

Шогенов Мухамед Маевич (род. 10 мая 1944 г., с. Урух, КБР) – Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства РФ (1998), доктор технических наук (2000) В 1970 г. окончил ИТФ КБГУ В 1974–1981 гг. председатель Нарткалинского городского исполнительного комитета, в 1982–1989 гг. председатель Госстроя КБ АССР, в 1989–1990 гг. второй секретарь Нальчикского горкома КПСС, в 1990–1993 гг. – начальник проектно-строительного объединения «Каббалкводмелиорация», в 1993–1995 гг. – управляющий делами Кабинета министров КБР, руководитель аппарата Президента и Правительства КБР, в 1995–1999 гг. – председатель Нальчикского городского Совета местного самоуправления КБР, глава администрации г. Нальчика, постоянный представитель КБР при Президенте РФ (с 1999 г.).

Шогенов Хабас Хажпагович. Кабардинский поэт, драматург. Родился в 1935 г. в сел. Чегем I Чегемского района КБР. Работал режиссером на телестудии КБР. Основные произведения: «Сладкие мечты». Стихи (Нальчик, 1959); «Хамид и его подельники». В сборнике «Одноактные пьесы» (Нальчик, 1963); «Земное притяжение» (1974). Умер в 1979 г.

Шогенов Талаша Питович (1898–1978 гг.; КБР, с. Заюково) – коневод. Герой Социалистического Труда. В 1930–1942 гг. работал в колхозе им. Кирова с. Заюково бригадиром, руководителем молочно-товарной фермы. С 1944 г. руководил коневодством колхоза. Награжден орденом Ленина («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1113–1114).

Шогенов Хабас Хажпагович. Кабардинский поэт, драматург. Родился в 1935 г. в сел. Чегем I Чегемского района КБР. Работал режиссером на телестудии КБР. Основные произведения: «Сладкие мечты». Стихи (Нальчик, 1959); «Хамид и его подельники». В сборнике «Одноактные пьесы» (Нальчик, 1963); «Земное притяжение» (1974). Умер в 1979 г.

Шогенов Хачим Алисагович (род. 1 января 1941 г.; пос. Чегем, КБР) – деятель правоохранительных органов. Генерал-лейтенант, кандидат юридических наук, министр внутренних дел КБР (с 1992 г.) В 1966 г.

окончил Орджоникидзевское военное училище им. С. Кирова, в 1973 г. – военную академию им Фрунзе. В 1966–1992 гг. – командир роты, батальона, начальник штаба – зам. командира, командир конвойного полка, бригады УВВ МВД СССР по Украинской и Молдавской ССР, начальник Высших курсов МВД СССР, начальник Высшего военного технического училища. Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 й степени, 16 медалями.

Шогенуков Алегуко (последняя четверть XVI в. – около 1655 г.) – один из самых влиятельных кабардинских князей первой половины XVII в. После гибели своего дяди Кази Пшеапшокова (1615 г.) более 40 лет возглавлял княжеский дом Кайтукиных. Сыграл значительную роль в истории феодальной Кабарды, что нашло отражение в адыгском фольклоре и русских источниках. Заключил тесный союз с Крымом, получил в свое распоряжение 3-тысячную крымскую кавалерию и отомстил за гибель Кази Пшеапшокова наследникам Шолоха Тапсарукова – главного виновника разгрома Кайтукиных в Кулькужинском сражении (1615). В 1619 г. впервые появляется в Терской крепости. Лидер Кайтукиных пытался заручиться покровительством русского царя в борьбе с Большой Ногайской Ордой, которая перенесла свои кочевья на правобережье Нижней Волги и создавала угрозу кабардинскому доминированию на Центральном Кавказе. С уходом ногайцев в Заволжье (после 1619 г.) сближение с русским правительством прекратилось.

Основными стратегическими союзниками Шогенукова (традиционно для Кайтукиных) оставались Крымское ханство и Малая Ногайская Орда. В 20–40-х гг. XVII столетия в междоусобном столкновении двух ветвей рода Идаровых (Камбулатовичей и Сунчалеевичей) поддержал своих родственников Шолоха, Муцала, Будачея, Алегуко и Сунчалей Сунчалеевичей. Благодаря этому последние одержали верх над своими противниками. В 1640 г. обратился к царю Михаилу Федоровичу с грамотой, в которой выразил желание сотрудничать с Россией, подчеркивая свое недовольство тем, что Москва отдает явное предпочтение Камбулатовичам – слабейшему княжескому дому Кабарды, наиболее тесно связанному с русским правительством. Когда Камбулатовичи вместе с Джиляхстановыми, Талостановыми, своими русскими, дагестанскими и ногайскими союзниками предприняли попытку военного разгрома Кайтукиных, Шогенуков в союзе с Малым Ногаем нанес им сокрушительное поражение в Малкинской битве (1641 г.) Опасаясь репрессий со стороны России, Шогенуков с подвластным населением переселился за Кубань. В 1644 г. Муцалу Сунчалеевичу Черкасскому удалось уговорить своего шурина подтвердить соглашение с Москвой и вернуться из Закубанья в Кабарду. Лавируя между Россией и Крымом, проводя самостоятельную политику, сокрушил могущество Идаровых (Черкасских) в Кабарде, объединив под властью Кайтукиных большую часть страны – будущую Большую Кабарду («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1113–1114).

Шогенуков Адам Огурлиевич (1916–1995 гг.; Баксан, КБР) – поэт, писатель. Народный поэт КБ АССР (1969). Окончил КБ ГПИ (1939). Участник Великой Отечественной войны. В 1945–1947 гг. – зав. сектором литературы и фольклора КБ НИИ, в 1947–1951 гг. – преподаватель Кабардинского ГПИ, в 1954–1955 гг. секретарь Союза писателей Кабардинской АССР, в 1955–1956 гг. министр культуры республики, в 1965–1970 гг. – гл. редактор журнала «Ошхамахо». Неоднократно избирался депутатом Верховного Совета КБ ССР, был председателем республиканского Комитета мира. Автор более 100 художественных произведений. Занимался переводом произведений У. Шекспира, А. Пушкина, С. Есенина, Н. Тихонова, А. Твардовского и др. на кабардинский язык. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Основные произведения: «Лирические стихи» (Нальчик, 1951), «Весна Софийт» (Нальчик, 1955, 1958, 1962, 1972), «Назову твоим именем» (повесть) (М., 1970), «Мадина» (пьеса) (Нальчик, 1961), «Поющее зерно» (стихи, поэма) (М., 1986), «Всю ночь шел дождь» (стихи и поэмы) (М., 1991) и др.

Шогенуков Али Асхадович (1900–1941 гг.; с. Кучмазокино (ныне город Баксан), КБР) – поэт, основоположник письменной кабардинской поэзии. Заслуженный деятель искусств КБ АССР (1939). В 1914 г. поступил в Баксанскую духовную семинарию, из которой вскоре был исключен за протест против увольнения Нури Цагова, преподававшего на кабардинском, а не на арабском языке. В 1915 г. поступил на курсы по подготовке учителей в Темир-хан-Шуре, где проучился до марта 1916 г., а затем за отличные успехи в учебе был направлен в Бахчисарай (Крым), в педагогическое училище им. И. Гаспринского. После его закрытия в ходе Февральской революции был направлен для завершения образования в Турцию. Здесь он пишет стихотворение «Нанэ» («Мама»), которое принято считать началом его поэтического творчества. После возвращения из Константинополя работал в газете «Налькавстрой», год учился в Баку на «Восточных политических курсах», затем работал в органах ЧК в Дагестане, был корреспондентом газеты «Красная Кабарда». В 1923–1934 гг. работал учителем, инспектором-методистом Баксанского района. С 1934 г. работает в Союзе писателей КБ АО, одновременно являясь научным сотрудником Института национальной культуры КБ АССР (ныне КБ ИГИ) Принимал участие в экспедициях по сбору и обработке фольклорных материалов, а также выпуске первого сборника кабардинских песен «Къэбэрдей уэрэдхэр» (1938), первого издания адыгского героического эпоса «Нарт эпос» (1941) Будучи литературным консультантом Кабардинского хора, оказал большую помощь в создании и пропаганде профессиональной музыки. С его именем связано становление кабардинского театрального искусства. Погиб осенью 1941 г. в концентрационном лагере в г. Бобруйске (Белоруссия). Основные произведения «Къамботрэ Лацэрэ» («Камбот и Ляца», роман в стихах

(1934–1936), поэмы «Мадинэ» (1928), «НыбжьыщІэ хахуэ» («Юный герой») (1940). «ЩІымахуэ жэщ («Зимняя ночь»)» (1929), многочисленные стихи и несколько рассказов.

Шогенцуков Нури Хизирович (Литературный псевдоним: ЦыкІу – «Маленький»). Кабардинский поэт. Родился в 1924 г. в сел. Баксан, КБР. Работал в республиканском Радиокомитете, в редакции журнала «Блокнот агитатора» и газеты «Ленин гъуэгу». Основные произведения: «Усэхэр» («Стихи») (Нальчик, 1955); «Сатаней» (Нальчик, 1967); «Сладость жизни» (1994).

ШОГЕНЦУКОВ Нури Хизирович (Литературный псевдоним: ЦыкІу – «Маленький»). Кабардинский поэт. Родился в 1924 г. в сел. Баксан, КБР. Работал в республиканском Радиокомитете, в редакции журнала «Блокнот агитатора» и газеты «Ленин гъуэгу». Основные произведения: «Усэхэр» («Стихи») (Нальчик, 1955); «Сатаней» (Нальчик, 1967); «Сладость жизни» (1994).

Шогенцукова Нина Адамовна (род. 30 апреля 1953 г., г. Нальчик) ученый литературовед, педагог. Доктор филологических наук (1996), профессор (1998). В 1975 г. окончила историко-филологический факультет КБГУ, в 1978 г. – аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького. С 1979 г. работает на кафедре зарубежной литературы Института филологии КБГУ: ассистентом, ст. преподавателем, доцентом. Автор 25 научных публикаций и 4 учебно-методических пособий («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1114).

1.1.3.5. Быть достойными памяти предков

Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит.

И. Гете (1749-1832).

Как и все адыги, Шогеновы отстаивали свою честь, достоинство и землю в средние века от набегов войск турецкого султана, Крымских хана и других. Многие Шогеновы сложили свои головы во время Кавказской войны, и немало оказалось в изгнании...

А.Х. Шогенов (2005).

Миролюбивые истоки нашей фамилии, – отмечает А.Х. Шогенов (1995) отнюдь не означают, что Шогеновы не были мужественными. Наоборот. Многочисленные примеры тому мы находим в исторической литературе и устных преданиях, в том числе в радиопередачах журналиста Ж. Карданова от 11.10.95 г., 18.10.95 г., 27.10.95 г. Как пишет Ш. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа», в песне, сложенной по случаю победы кабардинцев и горских племен над тургутами (древнее название калмыков), есть и строки, посвященные древнему силачу – Шогенову. Вот они:

«Лук у сына Шогенова Маршенкуло
два человека не могли натянуть,
а пущенная им стрела пробивает разом трех человек».

Как и все адыги, Шогеновы отстаивали свою честь, достоинство и землю в средние века от набегов войск турецкого султана, Крымских ханов и других.

Многие Шогеновы сложили свои головы во время Кавказской войны, и немало оказалось в изгнании. Мы почти не знаем о судьбе наших предков и очень скучно – о ныне живущих за пределами бывшего СССР. Воскресить имена погибших, хотя бы частично, и установить связи со своими сородичами – один из аргументов и одновременно задач нашего объединения, – пишет А.Х. Шогенов.

Вскоре после окончания Кавказской войны, царское правительство решило отменить крепостное право и в Кабарде, причем без учета национальных и других особенностей. Понимая, что освобождение крестьян неизбежно, их владельцы, князья, уздени, мурзы, собравшись в Нальчике, сами выработали приемлемые для них и правительства условия и 8 августа 1866 г. передали генерал-адъютанту Лорис-Меликову докладную записку. Среди подписавших этот документ 52-х чел., в том числе четверо Шогеновых: Герандук, Уважук, Шу и Хаджи Бимурза (Бекмурза).

Все народы во все времена любят свою родину и защищают ее насмерть, когда того требуют обстоятельства. Но адыги, в том числе Шогеновы, несмотря на все перипетии истории, в трудные годы для России, защищали и ее земли. Это было в русско-японскую и первую мировую войны. Приведу краткие сведения о двух выдающихся Шогеновых, оправдавших свою фамилию в духовном, гуманистическом планах во время первой мировой войны 1914–1918 гг.

19 июля 1914 г. Германия, а вслед за ней Австро-Венгрия, объявили войну России. В последующие дни «почетные представители от селений Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ» (нынешние балкарцы и карачаевцы) собрались в Нальчике и вынесли решение о том, что в это трудное время для Отечества они создадут конный полк для участия в боевых действиях в составе действующей армии. Вскоре в слободе Нальчик завершилось формирование Кабардинского конного полка. По рекомендации начальника округа подполковника Клишбиева, командир Кабардинского полка граф Воронцов-Дашков назначил полковым муллой Алихана Шогенова, уроженца с. Атажукина 3 (ныне с. Куба). Должность старшего врача в ККП занял Бекмурза Шогенов, родом из с. Верхнее Кожоково (ныне с. В. Жемтала). Алихан был одним из самых

образованных и авторитетных представителей кабардинского духовенства, совершивший паломничество в Мекку и Медину и носивший титул хаджи. Бекмурза – выпускник Петербургского университета – был самым грамотным и опытным доктором Кабарды. Он носил чин титулярного советника, что приравнивалось к воинскому званию штабс-капитана.

Поскольку речь зашла об Алихане и Бекмурзе Шогенове, хотелось бы кратко остановиться на их ратных подвигах на фронтах первой мировой войны.

АЛИХАН ШОГЕНОВ. К лету 1915 г. относится и весьма интересный документ – «наградной лист полкового муллы Кабардинского конного полка Алихана Шогенова», составленный 27 августа полковником Бековичем-Черкасским и направленный им в штаб Кавказской конной дивизии.

Из этого документа становится известно, что полковой мулла Алихан Шогенов, «магометанского вероисповедования», за храбрость в бою с неприятелем 29 марта 1915 г. был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за № 184112. Случай, безусловно, весьма редкий и говорит очень многое об этом человеке, являвшемся выразителем духовных и нравственных начал для всех его земляков – кабардинцев и балкарцев, служивших в составе Кабардинского конного полка.

Рукой князя Федора Бековича-Черкасского в наградном листе на полкового муллу Алихана Шогенова написано: «Ходатайствую о производстве в прапорщики за то, что в бою 2 июля сего года при наступлении полка от деревни Шупарки, под артиллерийским и ружейным огнем проходил по наступающим цепям сотен и подбодрял всадников магометан, вследствие чего всадниками была проявлена в бою у деревни Шупарки особенная храбрость. Влияние муллы еще более возрастет по производству его в прапорщики, ибо к офицерским погонам горцы привыкли относиться с особым уважением».

Но в то время еще существовало положение, согласно которому в прапорщики из рядов Кавказской конной дивизии могли быть произведены только те, кто уже имел чин юнкера. В связи с этим начальник штаба дивизии ходатайствовал перед командованием Юго-Западного фронта о присвоении мулле Алихану Шогенову этого чина, что вскоре и было сделано.

Позже, после победного боя за деревню Доброполе командир Кабардинского конного полка полковник граф Илларион Илларионович Воронцов-Дашков направляет в штаб дивизии новое представление на производство в чин прапорщика кавалера Георгиевского креста 4-й степени полкового муллу кади Алихана Шогенова: «Представляю в чин прапорщика за то, что в бою 10 сентября 1915 г. у деревни Доброполе, под сильным пулеметным и ружейным огнем, сопровождал наступавшие части полка. Своим присутствием и речами повлиял на всадников магометан, проявивших в этом бою необыкновенную храбрость и взявших в плен 400 венгерских пехотинцев. Во всех прежних боях полка мулла Алихан Шогенов, презирав всегда опасность и являя пример высокого мужества, находился при атакующих частях полка, подбодрял малодушных и много способствовал своим влиянием успешным боям полка. Производство Шогенова в офицерский чин будет иметь огромное значение для дела, так как уважение и любовь к делу всадников увеличатся с получением им чина прапорщика...». На этот раз приказом командующего Юго-Западным фронтом полковой мулла Кабардинского конного полка кади Алихан Шогенов производится в чин прапорщика.

К середине ноября 1918 г. войска Красной Армии при поддержке местных революционных отрядов нанесли поражение мятежным силам на Терекке. В Нальчикском округе началось наведение революционного порядка. В ноябрьские дни 1918 г., обвиненные в контрреволюции, были арестованы и расстреляны «белый офицер, он же кади» Алихан Шогенов и его братья Нурмухамед и Митик, уроженцы селения Атажукино 3 (Куба). Так трагически оборвалась жизнь бывшего муллы Кабардинского конного полка, широко образованного и отважного человека, удостоенного в боях на австрийском фронте Георгиевского креста и чина прапорщика (Опрышко О.Л., 1993).

БЕКМУРЗА ШОГЕНОВ. В составе Кабардинского конного полка три года нес свою ответственную службу доктор Бекмурза Муссович Шогенов. В Высочайшем приказе от 16 октября 1916 г. объявлялось, что производится «за выслугу лет в коллежские асессоры старший врач Кабардинского конного полка Шогенов». Чин этот по табели о рангах приравнивался к капитану, и поэтому Бекмурза Муссович входил в офицерский состав полка и носил военную форму. К этому времени по своему положению, выслуге лет и заслугам в боевой обстановке, он имел ордена св. Станислава 2-й и 3-й степени.

Авторитет доктора Шогенова среди всадников и офицеров был весьма большим. Об этом красноречиво говорит тот факт, что когда весной 1917 г., согласно распоряжению Временного правительства, в каждой воинской части избирались комитеты, то в Кабардинском конном полку «в полковой комитет избранными оказались от господ офицеров корнет Николайчик, старший врач Шогенов».

Даже находясь в действующей армии, Бекмурза Муссович по-прежнему оставался активным деятелем «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев [балкарцев] Нальчикского округа», оказывая ему финансовую поддержку, а приезжая в отпуск в Нальчик, осуществлял свои прямые общественные обязанности. В документах общества на январь 1917 г. указано: «Председатель – подполковник Султанбек Касаевич Клишбиев. Член правления, он же секретарь-казначей – коллежский асессор, врач Бекмурза Муссович Шогенов».

Во второй половине июля 1917 г., когда Кабардинский полк вышел из зоны боевых действий и находился в Подольской губернии, на Украине, доктор Шогенов отбыл в очередной отпуск в Кабарду. Это был уже третий его отпуск за время войны. И каждый раз, приезжая из далеких краев, где проходил его боевой путь, Бекмурза Муссович привозил в родное селение Верхнее Кожоково (Жемтала) семена и саженцы плодовых деревьев и кустарников. Так было в этот отпуск – с помощью двух своих вестовых, также следовавших на отдых в Кабарду, он вез с Западной Украины саженцы понравившихся ему высокосортных деревьев. В Верхнем Кожокове доктор Шогенов вместе с братьями высадил около усадьбы отца первый в селении фруктовый сад, частично сохранившийся до нашего времени и известный среди жителей Жемталы как «Шогеновский сад».

Уже многие десятилетия живет в Жемтале добрая память о «Большом докторе», как с уважением и любовью называли Шогенова в ту далекую пору его земляки, о том, как он еще до войны, приезжая из Нальчика, а потом – с фронта, в отпуск, лечил своих односельчан, давал им лекарства, делал прививки от различных болезней. И все это делал бескорыстно, не беря ни с кого никакой платы. Каждый его приезд в родной дом был большим событием для всего села. Односельчане гордились своим земляком, первым из Жемталы ставшим профессиональным врачом, а в годы войны занявшим должность старшего врача Кабардинского конного полка, сражавшегося на австрийском фронте...

Сохранился приказ командира полка полковника В. Абелова № 296 от 21 октября 1917 г.:

«§ 1. Старший врач коллежский асессор Шогенов допускается к исполнению должности дивизионного врача 1-й Кавказской конной дивизии.

Основание: приказ Кавказского конного корпуса 1917 г. № 10...».

Согласно этому приказу по Кабардинскому полку, доктор Бекмурза Шогенов отбыл к месту новой службы во Владикавказ.

10 марта 1920 г. в Нальчик вошел революционный отряд под командованием Н.А. Катханова. В Кабарде и Балкарии, как и по всей стране, начиналось строительство новой жизни. Сотрудники милиции и Чрезвычайной Комиссии (ЧК) арестовывали тех, кто служил в белой армии, но – в надежде на милость победителей остался в родном краю. Подвергались арестам и их близкие. Здесь же, в Нальчикской тюрьме, оказался бывший врач Кабардинского конного полка доктор Бекмурза Шогенов (в тюремном списке под № 89) вместе со своим младшим братом Магомед-Гиреем, двоюродным братом Тембулатом и дядями Бердом и Амзи. 3 августа 1928 г. доктор Шогенов, прошедший мировую войну старшим врачом Кабардинского конного полка, будучи обвиненным в «соучастии в вооруженной банде», Коллегией ОГПУ был приговорен к расстрелу. Трагически оборвалась и жизнь его брата (Опрышко О.Л., 1993).

Оставив в стороне политическую оценку Октября-1917 и Гражданской войны, вспомним, что многие россияне, в том числе адыги, реально оказались тогда по разные стороны баррикад. Независимо от правых и левых, победителей и побежденных, эта война стала для России очередной трагедией: миллионы россиян погубили друг друга, в числе которых были и адыги. К сожалению, мы не знаем точных имен Шогеновых, погибших в ту страшную пору. Тем не менее, говорим всем им с чистой совестью: пусть земля вам будет пухом! Да простит вам Аллах ваши грехи, если они были, и воздаст должное вашим праведным делам!

После Гражданской войны наступил относительно мирный период, Кабардино-Балкария вновь обрела, правда ограниченную, государственность, потерянную ею в результате сговора Турции и России в Кючук-Канарджийске (Югославия) в 1774 г. Вдохновленная этим, на волне всеобщего энтузиазма того времени, она стала поднимать и развивать свою духовность и экономику. Совершенно естественно, что вместе и в ногу со всеми трудились в это время и тысячи Шогеновых. Увы, были Шогеновы среди раскулаченных и репрессированных. Вспомнить и воздать должное Шогеновым 20–30-х гг. – наша священная обязанность, – заканчивает свое эссе А.Х. Шовгенов (1995).

1.1.3.6. Трагическая военная судьба рода Шеуджен-Шовгеновых

*Крещенные войной
Не раз в огне, в дыму.
Уходят в мир иной
Отцы по одному...*

В. Елагин

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. По данным республиканского военкомата, более 400 Шогеновых из Кабардино-Балкарии воевали на различных театрах войны, многие из которых получили боевые награды. В Книгу Памяти Кабардино-Балкарской республики занесены имена 200 Шогеновых, сложивших свои головы и пропавших без вести в этой войне. К счастью, победителями вернулись многие Шогеновы, в том числе и ныне живущие. Но к сожалению, их осталось на сегодня очень мало. С законной гордостью подчеркнем, что среди победителей был и Гумар Камботович, который участвовал в Параде Победы в Москве 24 июня 1945 г. Хотя по родословной Шогеновы больше миряне, чем воины, но боевая слава наших предков не должна быть забыта потомками.

Не менее трагична судьба многих представителей рода Шеуджен-Шовгеновых и из Республики Адыгея. Тысячи сынов Адыгеи героически сражались под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Севастополем, Новороссийском, многие из них дошли до Берлина. Как и остальные воины, призванные из республики, они показывали на фронте примеры особой храбрости и верности воинскому долгу.

В недавно опубликованном фундаментальном трехтомнике «Победители» (2005–2010) приводятся тысячи фамилий жителей Адыгеи, принявших участие в Великой Отечественной войне. И среди них можно встретить родовые фамилии клана Шеуджен-Шовгеновых:

Шеуджен Зачерий Туович. Родился в 1912 г. в а. Афипсип. Участник Великой Отечественной войны. Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Шеуджен Аюб из а. Асоколай. Принимал участие в боях с фашистами в Ставропольском крае. 3 декабря 1942 г. бойцы 133-й минометного полка, в котором служил комиссаром А. Шеуджен, вывели из строя 17 вражеских танков.

Шеуджен Меджид Цуович. Родился в 1910 г. в а. Лакшукай. Участник Великой Отечественной войны. Награжден медалью «За победу над Германией».

Шеуджен Мусса Кишмаев. Родился в 1912 г. в а. Афипсип. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией».

Шеуджен Хаджумар Бляевич (Беляевич). Родился в 1910 г. в а. Афипсип. Участник Великой Отечественной войны. Награжден медалью «За победу над Германией».

Шеуджен Хазрет Юсуфович. Родился в 1914 г. в а. Эдепсукай-1. Участник битвы под Москвой. За храбрость и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками был награжден орденами «Красная Звезда» и «Отечественной войны» I-II степени, а также 20 медалями, из которых 10 боевых. В 1943 г. после тяжелого ранения демобилизован. Скончался 16 января 1990 г.

Шеуджен Айтеш Юсуфович. Родился в 1917 г. в а. Эдепсукай-1. Погиб в апреле 1943 г., защищая землю Советской Украины.

Шеуджен Мос Юсуфович. Родился в 1924 г. в а. Эдепсукай-1. Участник Великой Отечественной войны; прошел боевой путь от Краснодара до Берлина. Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За победу над Германией». Скончался в мае 1950 г.

Шовгенов Махмуд Хаджемусович. Родился в 1912 г. в г. Майкопе. Участник боев на Кавказе и Малой Земле. Военный комиссар 107-й стрелковой бригады. Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени; медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа». Имеет благодарности от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина (Победители. Т. 3. 2010. С. 1401).

Шеуджен Заурбий Гучипсович – воевал связистом в 25-й Чапаевской дивизии. Был тяжело ранен под Севастополем, попал в плен, прошел все «круги ада» в фашистских концлагерях. После войны ему был вручен орден Отечественной войны II степени.

Шеуджен Халид (Хамид) Хаджиметович. Родился в 1908 г. в а. Лакшукай. Участник Орловско-Курской битвы. Награжден орденом «Красная Звезда» и медалью «За победу над Германией». Имеет 4 благодарности от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина (Победители. Т. 3. 2010. С. 347).

Шеуджен Айдамир из Теучежского района отважно сражался в мае 1942 г. в битве за Керчь. И таких примеров – множество.

Как бесстрастно сообщает Адыгейская республиканская Книга Памяти, около 100 чел. из этого рода не вернулись с войны: погибли в бою, умерли от боевых ран, пропали без вести (табл. 56). А сколько таких семей было по всей Адыгее? Сотни? Тысячи? Или еще больше? Никто не знает. Но семьи пропавших без вести все еще живут надеждой, ждут возвращения своих отцов, братьев, мужей, сыновей. Ждут уже 60 с лишним лет. Дождутся ли?...

Таблица 56 – Трагическая военная судьба рода Шеуджен-Шовгеновых

Имя, отчество, год рождения	Место рождения или откуда призван	Дата*)
1	2	3
<i>Шеуджен</i>		
Абубачир Закомович, 1918	а.Понежукай	...09.41
Абубачир Ибрагимович	Теучежский р-н	...03.43
Айтеш Юсуфович, 1917	а.Эдепсукай 1-й	...04.43
Ахмед Карагуланович, 1910	а. Шабанохабль	...05.43
Аюб Бачмизович, 1900	а. Шаханчерихабль	...05.43
Аюб Нинуович, 1918	а.Нешукай	...04.43
Бачир Пицукович, 1909	а.Пшикуйхабль	...04.43
Богир Пицукович, 1909	Теучежский р-н	23.03.44
Вальджумар	Тахтамукайский р-н	31.03.42
Гисса Мышаостович, 1907	а.Шабанохабль	20.11.41
Гисса Хухович, 1910	а.Эдепсукай 1-й	05.07.44

1	2	3
Гисса Салихович, 1912	а.Афипсип	**)
Дауд Джамбулетович, 1912	а.Лакшукай	...07.43
Дауд Туович	Теучежский р-н	...03.43
Джахфар Махмудович	а.Эдепсукай 1-й	**)
Дзенш Кадырбечевич, 1918	а.Шабанохабль	...08.43
Долетчерий Яхьевич, 1916	а.Гатлукай	...04.43
Езугу Батизович, 1906	а.Лакшукай	...02.42
Ибрагим Ахмедович, 1901	а.Тахтамукай	**)
Ибрагим Кадырбечевич, 1920	а.Лакшукай	**)
Ибрагим Карагуланович	а.Старый Бжегокай	31.03.42
Ибрагим Каратулатович	пос. Яблоновский	**)
Ибрагим Нашхович, 1920	а.Лакшукай	...03.43
Ильяс Пашевич	Теучежский р-н	...03.43
Индрис Хачмафович, 1914	Тахтамукайский р-н	**)
Исмаил Амерзанович, 1914	а.Лакшукай	**)
Исхак Пашевич	Теучежский р-н	...03.43
Кадырбеч Моисеевич, 1888	а.Шабанохабль	09.08.42
Каймет Хамаевич, 1924	Теучежский р-н	16.08.43
Канн Нашхович, 1892	а.Ассоколай	...05.43
Касей Хухович, 1909	а.Эдепсукай 1-й	...04.43
Касей Мышеостович	а.Шабанохабль	**)
Касим Асланчериевич, 1910	а.Афипсип	...04.43
Килло Гучипсович, 1920	а.Лакшукай	**)
Магази Мосович, 1914	а.Пшикуйхабль	...04.43
Мадин Сагидович, 1918	а.Эдепсукай 1-й	...04.43
Мадин Укулович, 1914	а.Пшикуйхабль	...04.43
Махмуд Амерзанович	Теучежский р-н	...03.43
Махмуд Салихович, 1910	а.Пчегатлукай	...05.43
Мос Юсуфович, 1924	а.Эдепсукай 1-й	...04.50
Мурат Закошувич, 1913	Теучежский р-н	31.10.44
Мурат Хачисаович, 1910	а.Лакшукай	...08.42
Мусса Учужукович, 1914	а.Пшикуйхабль	12.03.42
Рашид Химиевич, 1909	а.Пшикуйхабль	...04.43
Сальмен Кишмаевич, 1907	Тахтамукайский р-н	10.06.43
Сальмен Нанауович, 1910	а.Натухай	...08.42
Сафербий Салихович, 1910	а.Афипсип	...04.43
Сафербий Хаджумарович, 1906	а.Кунчукохабль	...10.41
Сулейман Нурзиевич, 1905	а.Нешукай	...05.43
Сулиман Нинуович, 1914	а.Натухай	45
Темрук Учужукович, 1910	Теучежский р-н	...07.43
Теучеж Меджидович, 1916	а.Гатлукай	...01.45
Хаджибирам Салихович, 1900	а.Афипсип	...04.43
Хаджислам Амерзанович, 1900	Тахтамукайский р-н	...03.43
Хазрет Исмаилович, 1918	а.Пчегатлукай	...10.43
Хамид Кшимаевич, 1924	а.Афипсип	17.08.43
Ханах Нахорезович, 1922	а.Пшикуйхабль	...04.43
Хизир Учужукович, 1913	а.Пшикуйхабль	...11.42
Черим Салихович, 1918	а.Афипсип	**)
Шаханбулет Яхьевич, 1925	а.Гатлукай	19.08.44
Шибзи Батизович, 1910	а.Лакшукай	**)
Шузи Батмизович, 1913	Тахтамукайский р-н	...03.43
Юсуф Бачмизович, 1893	а.Шаханчерихабль	...05.43
Язук Батмизович, 1906	а.Лакшукай	...02.42
Якуб Зайдович, 1926	а.Пшикуйхабль	10.01.44
Якуб Учужукович, 1923	Теучежский р-н	09.08.43
<i>Шовгеновы</i>		
Амин Аслангериевич, 1914	а.Блечепсин	...04.43
Аубекир Хаджиметович, 1921	а.Ходзь	**)
Ахмед Татлюстанович, 1916	Шовгеновский р-н	...04.43
Ахмед Хаджимосович, 1910	Шовгеновский р-н	...10.41
Ахмед Хасанович, 1916	а.Хатажукай	...08.41
Ахмед Хусенович, 1915	а.Хатажукай	...01.45
Бласи Чухович, 1921	а.Ходзь	**)

1	2	3
Болег Темботович, 1908	а.Блечепсин	...06.43
Гисса Хухович, 1909	а.Эдепсукай 1-й	31.08.44
Джантемир Схатчериевич, 1922	а.Уляп	...07.42
Ибрагим Нануович, 1912	а.Уляп	11.03.45
Ильяс Ибрагимович, 1907	а.Блечепсин	29.07.43
Исхак Ахмедович, 1917	а.Ходзь	**)
Кадыр Байсанович, 1917	а.Джерокай	19.04.44
Каламет Четаруович, 1906	а.Старый Бжегокай	...04.43
Касим Асланчериевич, 1917	а.Афипсип	09.07.41
Махмуд Хасанович, 1911	а.Хатажукай	...04.43
Махмуд Хатитович, 1907	Шовгеновский р-н	...07.42
Мисост Шолохович, 1898	а.Ходзь	...07.41
Мусса Юсуфович, 1924	Теучежский р-н	09.08.42
Салих Хатитович, 1922	Шовгеновский р-н	...05.42
Сафербий Хадирович, 1905	а.Тахтамукай	30.07.42
Татлюстан Шолохович, 1914	а.Ходзь	...04.43
Хизир Учужукович, 1912	а.Понежукай	14.05.42
Хизир Якубович, 1908	а.Кошехабль	45
Черим Салихович	а.Афипсип	18.02.44
Якуб Салихович, 1898	а.Хатажукай	...03.43
Якутеч Асланбиевич	а.Тлюстенхабль	20.01.45
Яхья Салехович, 1916	а.Хатажукай	29.12.44

Примечания: *) погиб в бою, умер от ран или пропал без вести; **) судьба пока не установлена

Завершить этот скорбный перечень хотелось бы словами поэта В. Елагина, которые как нельзя лучше характеризуют горечь утраты:

Крещенные войной
 Не раз в огне, в дыму.
 Уходят в мир иной
 Отцы по одному.
 Жаль, не было уж сил
 Продлить хотя бы миг,
 И вот в тиши могил
 Оплакиваем их...

Трагические и героические годы Великой Отечественной войны давно ушли в прошлое. Слава защитников Отечества, подвиги и лишения их в минувшей войне принадлежат теперь не только Родине и народу, но и самой Истории. Как символ негасимой любви и благодарной памяти о бессмертном подвиге сынов и дочерей адыгского народа, горит Вечный Огонь Славы на могилах защитников Родины в Майкопе и многих других населенных пунктах Адыгеи. Вечная им память...

Достойно ль смиряться под ударами судьбы,
 Иль надо оказать сопротивление
 И в смертной схватке с целым миром бед
 Покончить с ними? –

спрашивал в свое время В. Шекспир. Адыги своей кровью, своими жизнями ответили на этот столь мучивший Гамлета вопрос. Уйдя на фронты Великой Отечественной, сражаясь в партизанских отрядах, они погибли, чтобы жили мы. И забывать об этом нельзя. В День Победы, 9 мая 1945 г. на собрании в а. Тахтамукай 100-летний старейшина Биль Ужбанов сказал: «Война – слезы, горе и страдания народов. Война – это жертвы миллионов людей. Я хочу, чтобы никогда не было больше войны в мире». Что можно добавить к этим мудрым словам старого адыга?

1.1.3.7. «Собрать всю энергию Шеуджен-Шогеновых и направить ее на благородные дела»

Sit nomine digna – Будь достоин своего имени.

Латинская пословица

По нашим неполным данным, всех Шогеновых только в Кабардино-Балкарии 4663 чел., в том числе более 3000 взрослых.

А.Х. Шогенов (2005).

«Более 50-ти лет минуло после Великой Отечественной войны, – продолжает свое эссе А.Х. Шогенов (2005). – За это время адыгские республики восстановили разрушенное и значительно продвинулись вперед в духовном и экономическом развитии. Вместе со всем их населением работали, служили, учились и про-

должают в том же духе и Шогеновы. Трудовые подвиги наших сородичей по достоинству оценила наша Родина. Многие Шогеновы отмечены различными наградами СССР, РФ и КБР в послевоенные годы. Среди них первый Герой Социалистического Труда Талаша Пытович; автор первого капитального труда по кодексу Адыгэ Хабзэ Хазеша Юсуфович; первый генерал-лейтенант Хачим Алисагович, а также Шогеновы старшего поколения: Шахим Хануевич, Алисаг Хакяшевич, Асланби Тауканович, Али Мажидович, Хизир Маждович, Фуша Матчариевна, Куша Хангериевна, Анурби и Николай Касимовичи, Пшимахо Андулахович, Тала Хаждалович, Каральби Хапажевич, Хазраиль Мухамедович, Назир Исуфович, Абдулкерим Ибрагимович, Харун Абдулахович, Науруз и Хамита Машевичи и др.

Свыше 300 Шогеновых имеют высшее образование, среди которых есть кандидаты наук. Это Вера Шахимовна, Людмила Барасбиевна, Абу Камботович, Батырбек Нафоевич, Асланбек Хажумарович (первый среди Шогеновых), Мухамед Маевич, Заурбек Пшимахович, Юрий Хасанович, Бетал Аминович, Замир Ауесович, Асланби Шагирович, Анатолий Хатуевич, Сергей Хасанбиевич, Олег Мухамедович, Владимир Николаевич, Тимур Коммунарович. Заслуженным авторитетом пользуются учителя Хаути Залимович, Амрали Ибрагимович, Лидия Тугановна, Ангелина Михайловна, Хасанби Хамитович; врачи Руслан Хатуевич, Назир Сотович, Султан Нафоевич, Виктор Хазешевич, Ахмед и Ахъед Гисовичи, Муштагид Исуфович, Адальби Наурузович, Евдокия Жантемировна, Алексей Мухажидович; работники культуры, искусства и спорта – это незабвенный Хабас Хажпагович и ныне здравствующие Елена Назировна, Роза Баловна, Владимир Баширович, Мухамед Машевич, Руслан Муштагидович, Виталий Назирович и др.

Многие Шогеновы работали и работают на руководящих должностях в КБР. Это Анурби и Николай Касимовичи, Пшимахо Андулахович, Тала Хаждалович, Вера Шахимовна, Абу Камботович, Толэ Ибрагимович, Шида Хабиевич, Мартин Батокович, Коммунар Шагирович, Борис Маждович, Клим Алисагович, Арсен Баширович, Анатолий Хамзетович, Мартин Хасанович, Замир Хасанович, Владимир и Мухамед Маевичи, Ахмед и Хасан Абдулкеримовичи, Залимгери Шагирович, Хасан Музаринович и др.

Сколько же нас всего, каковы задачи нашего объединения?

По нашим неполным данным, – пишет А.Х. Шогенов (2005), – всех Шогеновых только в Кабардино-Балкарии 4663 чел., в том числе более 3000 взрослых. По районам и городам они распределились примерно так: Баксанский район – 1530, Урванский район – 750, Чегемский район – 670, г. Нальчик – 620, Зольский район – 600, Терский район – 330, Эльбрусский район – 90, Майский район – 3. Шогеновы живут в 44 населенных пунктах и ориентировочно составляют более 1000 семей в КБР.

Таким образом, наша фамилия является одной из самых распространенных среди адыгов. Если к нам прибавить наших родственников по женским линиям, не говоря уже о зарубежных Шогеновых, то мы представляем внушительную силу в КБР. Собрать их в единое целое и направить на праведные дела – основная цель родового объединения «Щоджэн». Шеуджен-Шогеновым лучше объединяться, чтобы вместе преодолевать трудности на пути к достойной жизни.

Основная цель нашего объединения – собрать всю энергию Шогеновых... и направить ее на благородные дела. Со временем мы надеемся, что к нам присоединятся и Шогеновы, проживающие за пределами КБР. Реализация этой цели будет, очевидно, сопряжена с необходимостью решения целого ряда приоритетных задач. Это создание объективной истории Шогеновых, не только проживающих в КБР, но и всех, включая зарубежных. На это понадобятся, естественно, интеллектуальные силы, средства и время. Поэтому такая задача долговременная. Это объективный анализ социального положения Шогеновых, в результате которого должны быть выявлены те, кому необходима та или иная реальная помощь. Имеются в виду одинокие, больные, немощные, с одной стороны, и талантливая молодежь, нуждающаяся во временной поддержке, с другой. Это пропаганда и стимулирование занятий наукой, образованием, культурой, искусством, спортом и т. п. молодежи, памятуя о том, что для 5-тысячного рода Шогеновых сегодняшние успехи в этих областях очень скромны, если не сказать сильнее. Это работа по активному участию Шогеновых в возрождении и развитии этических норм и правил, основанных на общечеловеческих ценностях, Дин Хабзэ и Адыгэ Хабзэ. Это укрепление семьи, пропаганда трезвого и здорового образа жизни и многое другое.

Ш. Ногмов писал: «Несмотря на... возникающее просвещение, на водворение искусства и художеств и на сношение с образованными греками, адыхе продолжали гордиться дикими нравами своих предков. Надеясь на свое мужество, силу и многочисленность и не страшась врага, они пропустили время, которое им даровала судьба для принятия гражданской образованности. Могущественный случай был потерян, – говорит один древний гекуако в своих стихах». Эти мысли актуальны и сейчас, и особенно для Шогеновых. Могущественный случай для объединения Шеуджен-Шогеновых, не корысти ради, а общей пользы, не должен быть упущен сегодня!» – завершает свое эссе А.Х. Шогенов (2005).

1.2. Названия племен и народов, сохранившиеся в веках на географической карте Адыгеи

*Все племена, что обитают
На лоне Азии священной
С тобой скорбят,
С тобой страдают,
В твоей судьбе многоплачевной.*

Эсхил (525–456 гг. до н.э.)

Сквозь века и тысячелетия донесли до нас географические объекты Адыгеи названия живших здесь племен и народов. Разумеется, наибольшее число этих названий относится к самим адыгам – коренному населению Северо-Западного Кавказа.

Адыги (адыгейцы). *Адыгэ почтэ гъогужь* («Адыгейская старая почтовая дорога» – от а. Ходз по хребту на Лабинск (Чэтыун); *Адыгэ псын* («Адыгейский колодец») – юго-восточнее Геленджика; *Адыгако* («Долина адыгов») – приток р. Шебш, впадает в нее в районе с. Тхамаха; *Адыхекко (Адыгечо)* – урочище близ нынешней ст. Тхамохинской на р. Шебже, впадающей в Афиц (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007). Несколькo особняком стоит «*Адгѣбзе*» – старое название населенного пункта на месте современного аула Ахинтам на правом берегу р. Шахе (см. «Карта Черкесского берега», 1838). *Адгѣбзе* по-убыхски – «фека адыгов» (Ворошилов В.И., 2007. С. 65).

Черкесы. 1. Черкесск – столица Карачаево-Черкесской республики, основана в 1804 г. как укрепление Баталпащинское, в честь турецкого военачальника Батал-Паши. В 1937 г. переименовали, в честь наркома НКВД Ежова – в «Ежово-Черкесск», с 1939 г. сохранилось «Черкесск». 2. Черкесский перевал (1836 м) – расположен в системе Главного Кавказского хребта в верховьях рек Шахе и Пшехи, между вершинами Маврикошка (1958 м) и Безымянная (1957 м), в верховьях р. Бушуйки. По-адыгейски перевал называется *Адыгэ зэпырыкыпI (Адыге зэпыричип)* – «Место перехода адыгов» (Ворошилов В.И., 2007. С. 237). 3. *Адыгэ къэлэжъ* («Древняя черкесская крепость») – близ г. Хадыженска; 4. *Адыгэ гъэхъун* («Черкесская поляна») – у пос. Верхняя Туба; 5. *Адыгэ гъогужь* («старая Черкесская дорога») – Апшеронский район; 6. Есть также Черкесский хребет в верховьях р. Белой, тянется почти на 8 км с северо-запада на юго-восток (продолжение Армянского хребта). 7. Такое же название принадлежит и другому хребту в районе Тубы. Название города, перевала, хребта и т. д. происходит от названия коренного народа – черкесов, проживавших в этих труднодоступных, диких местах (Костарнова Н.К., 2009).

Кабардинцы. Кабардинка – поселок на берегу Цемесской бухты. В 1836 г. здесь было укрепление Александрия, позже переименованное в укрепление Кабардинское – в память о Кабардинском пехотном полке русских войск. Восходит к этнониму кабардинцы – одному из адыгских племен (Ворошилов В.И., 2007. С. 118).

Практически все племена, составлявшие в прошлом многомиллионный адыгский народ, в том или ином виде «запечатлены» в географических названиях Северо-Западного Кавказа:

Абдзехи – абдзах (адыг.), **абзэхэ** (каб.) – название адыгского племени. Ему соответствуют следующие географические названия: 1. Абдзахэмэ ялуашъхъ («курган абдзехов»), юго-западнее а. Вочепший. 2. Абдзэхэ къушъхъ («гора абдзехов») – оконечность хребта Къотх недалеко от Горячего Ключа. 3. Абдзэхэ гъогужь («старая Абдзехская дорога») – дорога от Горячего Ключа к Фанагорийской сталактитовой пещере. 4. Абдзэхэхабл («ст. Абдзехская») в Майкопском районе на правом берегу р. Белой, в 20-ти км к югу от г. Майкопа. Прежнее название этого адыгского поселения – ХьапэкIэхьабль. 5. Абдзеш – вершина на плато Лагонаки, образует с Мурзикалом единый массив. 6. Абдзешский перевал – находится между горой Абдзеш – на западе и горой Нагой-кош – на востоке, – по имени племени абдзехов (Костарнова Н.К., 2009).

Абазины. Абазинка – село в долине р. Мацесты, в 8 км от ее устья. До 1864 г. здесь пребывало одно из абазинских племен садзы-джигеты (Ворошилов В.И., 2007. С. 40). И еще интересное название: Абиссиния – урочище на правом склоне долины р. Псеуапсе. Происхождение от африканской Эфиопии (Абиссинии) – глубоко сомнительно. Скорее всего, возможна (в искаженном виде) этимология от этнонима «абазины» (самоназвание абазы) (Ворошилов В.И., 2007. С. 41).

Агры. Агрия (он же Ту) – мыс к западу от р. Ту. Некоторые исследователи связывают этот топоним с названием племени агры, проживавшего здесь в античное время и зафиксированного у Страбона (Ворошилов В.И., 2007. С. 43).

Агуйя. Агой – это река, впадающая в Черное море в 8 км от устья р. Туапсе. Белль считает, что это название – от проживавшего здесь в середине XIX в. шапсугского подразделения агуйя (Ворошилов В.И., 2007. С. 43). Не исключена возможность, что это разновидность племенного подразделения гоайе (гъуае, гоия).

Адэмый, «адемий, адами» – одно их адыгских племен. Известно в источниках с XVII в. Селилось по р. Шхагуаша («Белая»), Пшада и Пшиш. По Клапроту, адемий – одно из темиргоевских племен. Монперэ дает форму *адемжат*. По имени племени – название аула Адемий («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 725).

Аибга. Аибга – хребет, разделяющий долину р. Мзымты и верховья р. Псоу. Название переводится с адыгейского языка как «неудобный склон», «трудный хребет». По данным некоторых исследователей, этот топоним произошел от названия одного из горных абазинских обществ, проживавших в середине XIX в. в

верховьях р. Псоу, – южноабазинской (медовеевской, медозюи) общины Аибга. Это племенное название закрепилось за горой, а также селением Аибга. Впрочем, по мнению Инал-апа (1971), этот топоним происходит от имени абхазской родовой фамилии Айба (Половинкина Т.В., 2006. С. 137; Ворошилов В.И., 2007. С. 50; Костарнова Н.К., 2009).

Аредба. По мнению некоторых авторов, название пос. Адлер связано с одним из причерноморских племен – аредба.

Арлан. Арлан (Арлана) – название двух убыхских аулов в верховьях рек Сочепы и Бзугу, уничтоженных во время Кавказской войны в 1838 г. Ранее, в XVIII в., Э. Челеби упоминал племя арлан в районе Пицунды (Ворошилов В.И., 2007. С. 61).

Ачипсху (Ахчипсу). Ачипсе – правый приток р. Мзымты вблизи пос. Красная Поляна. По Ф.Ф. Торнау (1835), в XIX в. здесь проживало горное абазинское общество (племя) ачипсху (ахчипсу) (Ворошилов В.И., 2007. С. 72).

Баг (Багр). По Пейсонелю (1762), черкесское племя «Баговцы» размещалось между реками Лабой и Белой. Ср. *Баг* – абхазское общество, отделившееся от медовеевцев в верховьях р. Ходзь. Племя *баг* входило в состав абазин-шкарауа. Багерепста – река, впадающая в Черное море в 2-х км от устья р. Хашупсе. В основе этого абхазского названия лежит древний этноним Багр (Баг) – наименование абазинского общества садзов-джигетов, проживавших здесь до середины XIX в. В таком случае Багерепста – «Долина реки (общества) Багов». Но не исключена возможность, что это название восходит к родовому имени (фамилии) адыгов. Так, Инал-апа называет эту реку Багрипта и переводит как «Ущелье Багова», где Баг – родовое имя (Ворошилов В.И., 2007. С. 75). По племени баг названа и ст. Баговская.

Баракай. Баракаевская (Бэрэкъай) – станица в Мостовском районе, расположена на р. Губс. Недалеко расположена и известная Баракаевская пещера. Населенный пункт основан в 1862 г. и получил название по имени абазинского племени «бэрэкъай», которое проживало здесь ранее. Второй вариант – по родовой фамилии Баракаевы (Костарнова Н.К., 2009).

Бесльэней (каб.), бэслъний (адыг.), «бесленей» – этническая группа адыгов. По мнению исследователей, «...бесланевцы – это один из кабардинских субэтносов, который не последовал за основной массой в предгорье Кавказа и остался в древних местах поселения кабардинцев, а их язык – это диалект кабардинского языка, сохраняющий древние черты». Этот этноним известен с середины XVI в. На бесланевском диалекте в наше время говорят в аулах Бесленей и Вакожиле КЧР, а также жители аулов Кургоковского и Коноковского в Успенском районе Краснодарского края. Этноним *бесльэней* производят от личного имени *Бесльэн* (Беслан) – имени одного из потомков князя Инала, родоначальника кабардинских князей. Бесленевцы именovali себя по имени и другого потомка Инала – Каноко (*Къанокъуэ*), делясь при этом на две отрасли: *Шолэхъухэ* и *Бэчмырзэхэ* («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 725-726). ...Бесленевская (Бэслъэнэихъабл) – станица в Мостовском районе, расположенная в 14 км от ст. Губской, на р. Ходзь. Поселение сначала называлось Бэслъэнэй къуадж – Аул Бесленевых. Станица первоначально называлась «Ирисской» (от горы «Ирис» или же «Ярыс»). Затем ее переименовали в «Промежуточную», а позже, в 1861 г. – в «Бесленевскую» (Костарнова Н.К., 2009).

Бжедуги (бзедух, бозудук). 1. Бжэдыгъу мээ («лес бжедугов») – в 3 км к востоку от а. Псейтук, по названию адыгского племени. На полянах леса бжедуги из Шенджия выращивали просо. 2. Бжэдыгъухъабл («квартал бжедугов») – часть а. Шеудженхаль (а.Шовгеновский). 3. Также – ст. Бжедуховская. 4. По сообщению Султана Крым-Гирея, до основания города Екатеринодара-Краснодара на этом месте располагался адыгейский аул Бжедуг-кале. «Бжедуг» – одно из адыгейских племен + *кале* – от тюркского «крепость, укрепление» (Костарнова Н.К., 2009). 5. Бжид – река, впадающая в Черное море в 4 км от устья р. Джубга. Эвлиа Челеби в 1641 г. сообщает о проживавшем здесь племени бозудук. Л.Я. Люлье (1927) упоминает здесь реку Бзид; он же употребляет для обозначения бжедугского племени форму бзедух. Судя по всему, гидроним Бжид (Бзид) запечатлел пребывание бжедугов на этой территории (Ворошилов В.И., 2007. С. 80).

Вардане. Вардане (старые варианты: Ордане, Ардон, Урдане) – река и курортный поселок в устье р. Буу, в 20 км от г. Сочи. Этот убыхский (абазинский?) этноним в середине XIX в. относился к наиболее могущественному приморскому обществу (племени) вардане, располагавшемуся в междуречье Буу-Дагомыс. По другой версии – «Река дождя» (Ворошилов В.И., 2007. С. 84; Костарнова Н.К., 2009).

Гагрипш. Гагра – курортный город между реками Псоу и Бзыбью. Эвлиа Челеби упоминает проживавшее здесь племя гагрипш. Судя по всему Гагра (Какара) – это сохранившееся в местной топонимии воспоминание о проживавшем здесь в далеком прошлом (XV-XVI вв.) племени шахгиреев (Ворошилов В.И., 2007. С. 92).

Гечь (Кечь). 1. Кичмай (Кишмай, Кечмай) – наиболее крупный приток р. Шахе и название одноименного аула. Возможна связь с этнонимом Гечь (Кечь), – так называлось абазинское подразделение садзов-джигетов. Впрочем, Д.Н. Коков (1974) предполагает происхождение от личного адыгского имени Кчм (Ворошилов В.И., 2007. С. 124). 2. Есть еще одно название, восходящее к этому племенному этнониму. Речь идет о реке Псоу, являющейся границей между Абхазией и Россией. На «Карте Закубанских народов» (1830 г.) эта река носит название Геш – вероятно, по имени абазинского подразделения гечь. Упоминание о племени Кечилар мы находим и у Эвлиа Челеби (Ворошилов В.И., 2007. С.181).

Гоайе (гъуае, гоий). 1. Некоторые ученые предполагают, что от имени этого подразделения шапсугского племени на Черноморском побережье получили свое название: гора Агой (Агуй) в Туапсинском районе и Гойтх (Гъойтх) – перевал на Главном Водоразделе, соединяет долины рек Туапсе и Пшиш. В 1864 г. на месте современного села Гойтх был основан военный пост Гойтхский. Гойтх происходит от адыгского гуае (гуаетх) – названия одного из адыгских племен, проживающих в той местности, и тхы – «хребет» (Костарнова Н.К., 2009). 2. Гоапс (Шехокуадж) – общее название 4-х речек – Аше, Дзешь, Копсе и Псецуапсе. В основе названия гоапс Д.Н. Коков (1974) видит племенной этноним Гуае (Гуайя, Гои), – одно из подразделений шапсугского племени. Гоекотх – водораздельный хребет долины р. Псецуапсе; восходит к могущественному роду Гуае (Гуайя, Гои). Гуайе – название шапсугского аула, располагавшегося до 1864 г. на левобережье долины р. Псецуапсе. От названия шапсугского племенного подразделения гуайе (гои, гуайе, гуае, гуайя) (Ворошилов В.И., 2007. С. 92, 100).

Дахо. В последний период Кавказской войны, в 1863 г., в местности Дахо, в долине р. Белой был сформирован отряд русских войск, получивший название Даховский. Так же был назван и населенный пункт. Дахо – название одного из подразделений адыгейского племени абадзехов, проживавших в этой местности. На месте полуразрушенной крепости был основан пост Сочи, вскоре переименованный в пост (посад) Даховский (Ворошилов В.И., 2007. С. 103).

Джиги (джигеты, садзы). Название Джигетия (Джихетия) в середине XIX в. относилось к Черноморскому побережью от г. Сочи до г. Гагры – по имени абазинского общества садзов-джигетов, выселившихся в Турцию в 1864 г. Принято считать, что название «джигеты» дано садзам грузинами, которые всех абазин, убыхов и адыгов, проживавших к северо-западу от Бзыби (Гагр) называли джихами (Ворошилов В.И., 2007. С. 106). Так, в ранних средневековых источниках (Грузинская летопись, VII в.; Аноним, IX в.), сохранились сведения, что тогда «...восточные владения Византийской империи включали в себя не только Персию, но и Грузинское царство, которое позже, к XV в. стало «подчинять своей власти сванов, абхазцев, *джигетов* и черкесов»... Однако, этот этноним (джиги) имеет, по нашим данным, гораздо более древнее происхождение, – его возраст составляет по крайней мере 2,5 тысячелетия и восходит он к античному племени «сахи». Судя по всему, этноним «джиги» представляет собой заключительное звено топонимической «цепи»: сахи – сихи – зихи – зихи – дзихи – дзики – дзиги – джиги. По имени этого древнего племени были названы старый черноморский рукав р. Кубани – Джига и небольшая станица вблизи Анапы – Джигинка (Галкин Г.А., 2007).

Егерухай. Егерухаевская – станица в Майкопском районе – от названия адыгского племени егерухаевцев (еджэрыкъуа) (Костарнова Н.К., 2009). Название этого племени, по К.Меретукову, произошло от собственного имени одного из владетелей этого рода Еджэрыкъу. В г. Армавире был известен – Еджэрыкъуай («квартал егерухаевцев»).

Жане. Жанэ («река жанеевцев») – река близ Новомихайловки, приток р. Мезыб, впадает в море. Память об адыгейском племени Жане, проживавшем здесь до конца XVIII в. (Ворошилов В.И., 2007. С.114).

Лоо. Поселок Лоо («селение Лоовых») расположено в районе Сочи. Лоо – часть племени убыхов.

Мамхег (мамхеговцы). Мамхыгъ (Мамкег) аул на р. Фарс, по названию адыгского племени.

Махоши. 1. Махошеполяна – населенный пункт, расположенный на юго-востоке в 16 км от пос. Тульского, в верховьях рек Кужора и Зераль. Топоним означает, что это «Поляна махошевцев». Адыгейское название Мехош гахун. 2. В 15 км от Махошеполяны на северо-восток находится станица Махошевская (Мэхьош) на р. Фарс (Костарнова Н.К., 2009).

Медовеевцы (медозюи). Медовеевка – село на берегу р. Чвежипсе, на месте бывшего аула абазин – медозюев Чужгуча, известных, по Ф.Ф. Торнау (1835), вместе с селениями Ахчипсу и Аибга под общим названием медовеевцев К этому племени относится и название Мзымты – крупнейшей реки на Черноморском побережье Кавказа в пределах Большого Сочи. Одна из самых древних форм названия этой реки, зафиксированная у Псевдо-Арриана (V в. н.э.), – р. Мизит. Несомненна связь этнонима «медозюи» (абазинское племя абазин-садзов, проживавшее в верховьях Мзымты в XIX в., называвшееся абхазами Мдваа, а адыгами: медозюи, мдажьюи, мдазюй, мдавей, мудавей) с названием р. Мзымта. Таким образом, перевод топонима – «Долина (племени) медозюев» (Половинкина Т.В., 2006; Ворошилов В.И., 2007. С. 151, 153).

Натухай. Натхъуакъо къуладж («долина натухаевцев») – у Хакучинской горы, по названию адыгского племени. Также ст. Натухаевская.

Пех (апех). 1. Пех (Пехь, Пеху, Пхъау) – гора в центральной Абхазии, к западу от горы Гуарап. 2. К этому же ряду относится Пех (параллельное название Мутыхуасуа) – центр горной Убыхии, крупный убыхский аул, располагавшийся до 1864 г. на правобережье р. Сочи в 12 км от ее устья, на месте современного с. Пластунки. Во всех этих топонимах скрывается самоназвание убыхов – пех, апех. 3. Пеху кулядж – название правого притока р. Хаджико, в переводе – «Долина Пехуа», т.е. «Долина убыхов». 4. Псахе (Псыхе) старое адыгское название реки Мамайка, впадающей в Черное море в 5 км от устья р. Сочи. Возможно, что Псахе является шапсугской интерпретацией древнего названия этой долины Пехоа – «Долина (племени) убыхов», – в основе лежит слово *пех* – самоназвание убыхов. 5. Пхиста – название левого притока р. Псоу. Элемент *ста* (*пста*) – абхазский суффикс со значением «долина, ущелье». В первой части топонима усматривается самоназвание убыхов пех или апех (Ворошилов В.И., 2007. С. 144, 174, 181, 213).

Саше (шача, шъача, соча). Исследователи приходят к выводу, что название города Сочи и одноименной реки «...является производным от наименования племени убыхской народности, у многих народов известного в виде саше (саша, шача, шъача, шаша, сшача, садша, шеача, соцва, соча. Шапсуги и сейчас его называют «Шъачэ» (шъашэ, шъачэ)). (Ворошилов В.И., 2007. С. 195, 215).

Собай (сабайцы, сабиры). Рядом с горой Папай расположена священная для аборигенного адыгского населения гора Собер-Баш – «гора сабири». Собер-баш – наиболее высокая часть хребта Мачмалова в верховьях р. Убин. Л.И. Лавров (1982) приводит сведения об исчезнувшем адыгском племени собай. На карте 1745 г. рядом с хатукаевцами указаны и сабайцы, а в 1665 г. восточнее р. Афипс находилось селение Субай, подчиненное хатукаевским князьям. По другим источникам, народ собай был известен на Западном Кавказе с XV в. (Ворошилов В.И., 2007. С.188).

Темиргой. Щэгум (Шегум) – адыгейское название ст. Темиргоевской в Курганинском районе, расположенной на правом берегу р. Лаба, основанной как крепость в 1841 г. Также: а. Темиргой (ныне а. Джамбечий), – по названию адыгского племени (Костарнова Н.К., 2009).

Туахы. 1. Тох-аул (Тух-аул) – урочище на месте бывшего аула на правом берегу р. Шахе. Возможно, этот топоним запечатлел самоназвание убыхов – туахы, т.е. Тух-аул может означать «Убыхский аул». 2. Туапсе – город и река, впадающая в Черное море. Возможно, этот топоним связан с самоназванием убыхов туахы (Ворошилов В.И., 2007. С. 207, 209). Впрочем, более правдоподобна другая версия: от *ту* + *псы* – «два рукава реки»).

Убыхи (убыхы). Убыхия – так называлась в середине XIX в. обширная территория на южном склоне северо-западного Кавказа, в междуречье Шахе-Хоста, где до 1864 г. проживали убыхы (самоназвание: пёх, апёх). Центром Убыхии считалась долина р. Сочи (Сочипста, Сочипсы); по площади Убыхия занимала половину современного Большого Сочи (Ворошилов В.И., 2007). В списке причерноморских местностей немецкий ученый XVIII в. Тунманн называет область Убух. Убух – старочеркесское название урочища «Евдокимов балаган» в верховьях р. Ап – левого притока р. Сочи, где до 1864 г. располагался крупный аул, который так и назывался: «Убух-Аул». По Л.И. Лаврову (1968), это урочище носило название Убух-дуэхъоа, т.е. «поляна убыхов». Известны также: Убух ипсин («Убуха родник») у а. Егерухай и Убухым иуашъхъ – «курбан убыхов» у Хосты – память о проживавших здесь убыхах (Ворошилов В.И., 2007. С. 61,217).

Убыхи (убыхы). Убыхия – так называлась в середине XIX в. обширная территория на южном склоне северо-западного Кавказа, в междуречье Шахе-Хоста, где до 1864 г. проживали убыхы (самоназвание: пёх, апёх). Центром Убыхии считалась долина р. Сочи (Сочипста, Сочипсы); по площади Убыхия занимала половину современного Большого Сочи (Ворошилов В.И., 2007). В списке причерноморских местностей немецкий ученый XVIII в. Тунманн называет область Убух. Убух – старочеркесское название урочища «Евдокимов балаган» в верховьях р. Ап – левого притока р. Сочи, где до 1864 г. располагался крупный аул, который так и назывался: «Убух-Аул». По Л.И. Лаврову (1968), это урочище носило название Убух-дуэхъоа, т.е. «поляна убыхов». Известны также: Убух ипсин («Убуха родник») у а. Егерухай и Убухым иуашъхъ – «курбан убыхов» у Хосты – память о проживавших здесь убыхах (Ворошилов В.И., 2007. С. 61,217).

Хакучи. 1. Хьаклуцухьабл («квартал хакучинцев») – часть г. Армавира, по названию адыгского племени хьаклуцу (хакучи). 2. Хьаклуцу мээ («Лес хакучинцев») – у а. Джерокай. 3. Хьаклуцу – по имени хакучинцев – левый приток р. Ажу. 4. Хакучипсе (Хакуч) – крупный правый приток р. Псеуапсе. Буквальный перевод: – «Река хакучей». Берет начало к северу от горы Аутль с южных склонов Главного Кавказского хребта. 5. Кагучекулядж – ручей, приток р. Шахе. *Куладж* по-адыгейски «долина, низина, русло». В первой части топонима – искаженное *хакучи* – название одного из горных шапсугских подразделений. В переводе – «Балка хакучей». 6. Хьаклуцу къушъхъ – «гора хакучинцев» у а. Кирова. 7. Название Хакуч носит также перевал, расположенный в водоразделе р. Хакуч. 8. «Хьаклуцу станиц» – адыгское название ст. Сергиевской на р. Фарс (Половинкина Т.В., 2006; Ворошилов В.И., 2007. С. 211; Костарнова Н.К., 2009).

Хамыши. Хамышки – село в Майкопском районе, расположенное на р. Белая. Имеется две версии объяснения названия селения. Первая, менее достоверная: «Хамышки» – «долина Химиша». Вторая версия: поселение названо по имени хамышей – подразделения бжедугского племени; впервые в этой долине оно появилось, по Эвлии Челеби, в XVII в. (Костарнова Н.К., 2009).

Хатукайцы. Хатукай – адыгейский аул в Красногвардейском районе, расположенный на левом берегу Кубани в устье р. Лабы. Назван по имени адыгейского племени хатукайцев (хатукай). В названии племени Хьаттикуай прослеживается связь с древними хаттами (Костарнова Н.К., 2009).

Хизе. Известна Хизе – местность между реками Шахе и Лоо. Названа по имени одного из подразделений убыхов – общество Хизе. У автора 30-х гг. XIX в. англичанина Дж. Белла это географическое название существует в трех вариантах: Кисса, Кхисса, Гисса. «Здесь, – пишет он, – мы наслаждались видом чудесной долины, лежащей между холмами, обработанными почти до самого верха». «Кхисса, – заключает автор, – показалась мне маленьким раем» (Половинкина Т.В., 2006).

Хытыку. Как отмечает К.Меретуков, хытыку – одно из подразделений адыгских племен в прошлом. Хытыковцы жили на Таманском полуострове; *хы* – «море», *тыку* – «кут». Турки называли их адале – «островитяне».

Чепсин (цопсын, вепсин). Одно из адыгских племен; затем влилось в натухаевское племя. Чепсин (Цопсын) – адыгское название курортного поселка на берегу Черного моря пос. Архипо-Осиповки. Хан-Гирей (1978) называл ее Ввепсин, а Л.Я. Люлье (1927) – Чебсин. К этому же топонимическому ряду относится название реки Вулан, впадающей в Черное море в пос. Архипо-Осиповка. Хан-Гирей (1978) называл ее Ввепсин (Вепсин), а Л.Я. Люлье (1927) – Чебсин. Этот топоним произошел от названия одного из адыгейских племен – чепсин, – подразделения племени бжедуг, проживавших на этом участке Черноморского побережья в XVIII-XIX вв., впоследствии слившихся с шапсугским (натухайским?) племенем. В частности, Хан-Гирей писал: «Вепсинцы суть колено бжедугское, они отделились от своих соплеменников (живших в районе Туапсе), продвинулись на север, заняли окрестность р. Ввепси, от названия которой и получили свое название» (Ворошилов В.И., 2007. С. 91; Костарнова Н.К., 2009).

Шапсуги. 1. Шапсыгъэ мэз («лес шапсугов») у а. Джерокай, по названию адыгского племени. 2. Шапсыгъэ чыгур («Шапсугская земля») – местность у х. Шевченко. 3. Шапсугаку – правый приток р. Псеуапсе – «Долина шапсугов». 4. Шапсугур – урочище в районе Геленджика – по имени шапсугов. 5. Шапсуго (Шапсухо) – одна из наиболее крупных рек северо-западной части Черноморского побережья; 6. мыс Шапсуго близ устья р. Шапсуго; 7. одноименная гора на левобережье долины р. Шапсуго; 8. Шапсухо – старое адыгейское название сел. Молдовановка. 9. Также – ст. Шапсугская (Половинкина Т.В., 2006; Ворошилов В.И., 2007. С. 246).

Шахгирей (шегирей). 1. Шангерейпацуреху (Шхангерелпацвареху) – старое название горы Виноградной в г. Сочи. Не исключена возможность, что это название произошло от абазинского этнонима Шахгирей. Абазинское племя шахгиреев до XVIII в. проживало в северо-западной Абхазии, а в середине XIX в. шахгирей обитали в верховьях рек Белой и Лабы. 2. В долине р. Псоу расположено Шахгинское ущелье. В этом названии запечатлелось пребывание здесь в XVII-XVIII вв. абазинского племени шахгирей (шегирей) (Ворошилов В.И., 2007. С. 242, 250).

Не меньшее число географических местностей названо по имени других народов, живших в свое время на Северо-Западном Кавказе; многие из них сохранились на современной географической карте Адыгеи:

Абхазы (оз, аз). Оздан – урочище на левом берегу р. Псоу, зафиксированное на карте Дороватовского (1911 г.). Возможно, оз (аз) – племенное название абхазов, – так их называли шапсуги. Тогда Оздан (Аздан) – «Абхазская река», первоначально относилось к р. Псоу (Ворошилов В.И., 2007. С. 168).

Аланы (ассы, асы). Алань – в середине XIX в. так называлось одно из убыхских племен в верховьях р. Шахе. Не исключена возможность, что этот топоним восходит к племенному названию алан – предков осетин эпохи Средневековья. И это не единственное название, сохранившее память о предках осетин. Ассара – хребет и гора, разделяющие бассейны Киши (приток Белой) и Ачипсе (приток Мзымты). Возможно, в основе топонима лежит этноним «асса» (ассы, аланы – предки осетин). Не исключена возможность, что к этому этнониму относится и Вулан – река, впадающая в Черное море в пос. Архипо-Осиповка. Хан-Гирей (1837) называл ее Ввепсин, а Л.Я. Люлье (1927) – Чебсин. Что касается названия Вулан, то Брун (1880) выводит его от наименования алан, расселившихся в северо-западной части побережья вместе с готами в V в. (Ворошилов В.И., 2007. С. 50, 63, 91). И еще интересный факт. По мнению В. Скурлатова, средневековое название Астрахани – «Ас-торокань» буквально означает «Курень асов» («Ставка алан») (Галкин Г.А., 2007).

Армяне. 1. Ермэлхьабл («Армянский аул») – теперь г. Армавир. 2. Армянский хребет на левом берегу р. Белой (продолжение Черкесского хр.). 3. Армянский перевал на плато Лагонаки. 4. Ермэл псы хьыпIэр («Место, откуда армяне достают воду») – на р. Кубани у бывшего а. Эдепсукай-1. 5. Гай-Кодзор – большое село в 8 км от г. Анапы, основанное армянскими переселенцами. Перевод: «Армянское ущелье» или «Ущелье черкесо-гаев» (Ворошилов В.И., 2007. С. 93). См. также: село Армянское, Верхнее Армянское село, Верхне-Армянская Хобза, Нижне-Армянская Хобза, Краевско-Армянское, хутор Армянский в Крымском районе и др.

Булгары. 1. Булгарскэ тыку («кут булгар») – переправа р. Лабу близ а. Хапачева. 2. Море булгар и русов – средневековое название Черного моря (Галкин Г.А., 2007).

Греки. В с. Лазаревское в период с 1869 по 1873 гг. были поселены 43 семьи малоазийских греков. В районе Красной Поляны, остававшейся необитаемой в течение 14 лет после окончания Кавказской войны, в конце 70-х гг. XIX в. поселились 36 семей греков, ранее проживавших в Ставропольской губернии. В те же годы малоазийские греки расселились в Кабардинке, Геленджике, Прасковеевке (долина р. Джанхот), Пшадзе, Текосе и в ряде других пунктов побережья, что объясняет немалое количество названий с греческими «корнями» на географической карте Адыгеи: 1. Алек – хребет между бассейнами рек Сочи, Мацеста, Хоста. По свидетельству Ш. Ногмова, адыги называли Древнюю Грецию – Элладу – Аллиг. Возможная этимология топонима Алек (Аллиг) – «место (гора) Алиговых», т.е. «Греческая гора». Впрочем, не исключено, что этот топоним – от имени раннехристианского бога грозы Ильи (Ворошилов В.И., 2007. С. 52). 2. Этот же автор приводит еще одно заслуживающее внимания предположение. Урымыжыгтх («Большой хребет греков-урымов») у а. Ципки близ Туапсе. Мэмэй – от имени Мамай. Мамайка – речка и населенный пункт на побережье Черного моря (возможно *мамай* – шапсугское название древних греков и римлян). 3. Также: селение Греко-Майское, хутор Греческий в Туапсинском районе.

Грузины. 1. Къурдж ныб («низина Курджа» или «Грузинская долина») – долина р. Марта. 2. Грузинка – правый приток р. Белая, протекает в Майкопском районе. Здесь находится одно из редких месторождений барита, используемого в производстве лаков и красок, резины, бумаги, пластмасс, для получения бария. В середине XX в. сюда приезжали грузинские специалисты, и этим можно объяснить название небольшой горной речки. 3. Курджипс – река, левый приток р. Белой, начинается на восточном склоне горы Абадзеш, на высоте 2200 м. Происхождение названия Курджипс связывают со словом *курдж* – «грузин», *псы* – «река», отсюда «Грузинская река». В верховьях реки, по некоторым сведениям, находилась резиденция третьего сына грузинского царя Рустама (Костарнова Н.К., 2009).

Египтяне. «Египетские» корни имеет Мюссера – прибрежный курортный поселок между Пицундой и Гудаутой. Прилегающая к нему обширная холмистая возвышенность, на которой разбросано большое абхазское село Мугудзырхва, тоже носит название Мюссера или Мюссерские холмы. Село Мугудзырхва у абхазов называется также Мысра, что в переводе означает Египет. По мнению В.П. Пачулия (1978), эти топонимы напоминают о существовавших в прошлом связях между Египтом и Колхидой. В районе Нового Афона, с западной стороны Иверской горы, протекает р. Мысра. Шота Ногмов сообщает о египетских коптах-христианах, переселенных легендарным Арабханом (XV в.) на восточный берег Черного моря, а также о городе Мисра в Египте, где правили мамлюки, выходцы с Кавказа. По свидетельству Л.Я. Апостола, «...долина р. Псекупс за свое плодородие называлась Массирам (Мысыр), что значит «Египет» (Ворошилов В.И., 2007).

Киммерийцы. Память об этих древнейших обитателях Приазовья сохранилась, тысячелетия спустя, в географических названиях Восточного Приазовья. «Киммерикон» – название древнегреческого города-колонии, находившегося в районе современного пос. Фонталовского. Керченский пролив носил название «Боспор Киммерийский», самое узкое его место – «Киммерийская переправа»; недалеко от него – «Киммерийский вал». На Таманском полуострове существовал город Киммерикон, а на Керченском полуострове одновременно с ним – город «Киммерик» (Ворошилов В.И., 2007). Черное море в древности называлось: Киммерийский Понт или Киммерийское море.

Меоты: Меотида, Море Палус-Меотис, Меотидское море, Озеро Майотис, Меотийское болото, Бухайрат Майотис, Меотийский лиман, Меотийский залив и т. д. – всего выявлено около 100 вариантов, искажений и разночтений одного и того же античного названия Азовского моря – Моря Меотов. В свою очередь, Керченский пролив назывался: Меотийский (Мэотийский) пролив, Врата озера Меотийского и т. д. – всего около десятка вариантов (Галкин Г.А., 2007).

Молдаване. Молдаване, выходцы из Кишиневской губернии, расселились в районе Адлера, основав селения Молдовка (48 семей), Веселое (98 семей) и Пиленково (78 семей). Молдовка (Молдованка, Молдаванка) – большое село на правом берегу р. Мзымты. Есть также станица Молдаванка в низовьях Кубани (Ворошилов В.И., 2007. С. 154).

Ногайцы. 1. Нагой-Кошки (Нъой къушъхъ, Нагойкушх) – высшая точка (2090,4 м) хребта Каменное море на плато Лагонаки в районе массива Фишт-Оштен. По мнению В.И. Ворошилова (2007. С. 159), это прямой перевод из адыгейского «Гора ногайцев». Ногайские племена (более 300 000 чел.) обитали на Кубанской равнине вплоть до конца XVIII в., т.е. до прихода сюда черноморских казаков. 2. Нэгъой къэлэдъжъ («старая ногайская крепость») у а. Гатлукай. 3. Нэгъой мээ («лес ногайцев») у а. Пшизов. 4. Нагой-Чук – хребет на плато Лагонаки в верховьях р. Цица. Нэгъой чыгу – «Ногайская земля» («Земля желтоглазых», «Вершина ногайцев», «Вершина, на которой ногайцы пасли скот»), – по договоренности с абадзехами ногайцы с правобережья Кубани гоняли скот на высокогорные пастбища (Костарнова Н.К., 2009). 5. Нэгъой хэкужъыр – «Руины ногайцев (татар)», местность к югу от а. Понежукай.

Русские. Урыс мээ («Русский лес») на юго-западе а. Нэчэрэзый.

Татары. Тэтэрхьаблэ икыгъор («Татарский брод») – переправа через р. Пшиш у а. Теучежхьабль.

Турки. Тыркушху («большая низменность турок») – между а. Ципка и пос. Красным у Туапсе.

Хаты (хатты, хетты). Н.Г. Ловпаче, известный адыгский археолог и историк, связывает имя реки Хатыпс (правый приток р. Псекупс в ее верхнем течении) с хаттами, племена которых издревле «...проживали в низменной части закубанских рек в III тысячелетии до н. э.». Прародина этого народа – могущественное Хаттское, а затем Хеттское государство, располагавшееся в Восточном Средиземноморье (Цит. по: Костарнова Н.К., 2009. С. 126).

1.3. В названиях аулов – память о далеких предках адыгов

1.3.1. «Имя аулу дает человек»: родовые имена (фамилии) владельцев аулов в Адыгее

Зы нэбгырэм чылэм цІз феиІы – «Имя аулу дает человек».

Адыгская пословица

Поселение (аул, хабль), как это принято у черкесов, обычно получает название по имени семейства, которому оно принадлежит.

И.Ф. Бларамберг (1840).

Большинство населенных пунктов, в том числе адыгейских аулов, получили свое название по родовым именам (фамилиям) тех семей, которые наиболее были представлены в этих населенных пунктах, а также по именам князей, владельцев или основателей аулов:

Адам. Адэмый («аул Адама») – аул Адакий в Красногвардейском районе.

Андзауровы. Андзаурий («аул Андзауровых») – старое название а. Кошехабль.

Аскъал (Аскал). Асокалай (Аскъэлай) – аул в Теучежском районе, расположен на р. Марта, переселен на нынешнее место в 1850 г. Основа топонима – собственное имя Аскъал, то есть «Аскалова аул» (Костарнова Н.К., 2009).

Ахмет. Ст. Ахметовская – от Ахмет-горы, которая, в свою очередь, получила название от легендарного абрека Ахмета.

Баговы. Ст. Баговская – по адыгской родовой фамилии.

Бакан. Названия ст. Верхне-Баканская и Нижне-Баканская – от долины Бакана, которая, в свою очередь, получила название в честь легендарного предводителя Беаслана Бакана, который, по преданию, был убит в бою с татарами и здесь похоронен.

Баракаевы. Ст. Баракаевская – по адыгской родовой фамилии.

Бгуашевы. Бгъошэхьаблэ станиц – адыгское название села Преображенского.

Беноковы. Бэнэкъу («аул Беноковых») близ а. Ходзь.

Бечмиз. Бэчмызай («аул Бечмиза») у а. Урупского.

Болотоков Айтек. Болэтэкъо Айтэчичыл («аул Айтека Болотокова») – аул, располагавшийся в прошлом на месте нынешней (с 1868 г.) ст. Гиагинской – районного центра Гиагинского района (Костарнова Н.К., 2009).

Бутков. Поляна (урочище) Буткова находится в 6 км на юго-восток от ст. Новосвободной, недалеко от истока р. Лакруш. Здесь также находится Буткова пещера. Топоним образован от фамилии врача, проживающего в этих местах в начале XX в. По Дьячкову-Тарасову, в прошлом здесь находился а. Хачецокохабль – «Аул маленького гостя» (Костарнова Н.К., 2009).

Габук. Гьобэкъуай («аул Габука») – старое название а. Теучежхабль.

Гатлук. Гатлукай – аул в Теучежском районе, расположенный на правом берегу р. Дыш. Название происходит от собственного имени, где суффикс *ай* указывает на принадлежность – «Аул Гатлука» (Костарнова Н.К., 2009).

Гостигай. Ст. Гостигаевская – по адыгской родовой фамилии.

Дагомук. Сел. Дагомук (совр. п. Дагомыс) – по адыгской родовой фамилии.

Даур. Даурхабль – аул, располагавшийся до завершения Кавказской войны на месте нынешней ст. Курджипской (Майкопский район Республики Адыгея). Назван по имени Даур – одного из адыгских племенных родов, – Даурхабль – «Аул Дауровых» (Костарнова Н.К., 2009).

Даховы. Ст. Даховская – по адыгской родовой фамилии Даховы.

Джамбеч. Джамбэчий («аул Джамбеча») – в Красногвардейском районе. По Р. Намитковой, существует следующая легенда о происхождении названия этого аула. Однажды в а. Темиргой (так раньше назывался а. Джамбечий) бжедуги убили князя Айтека (Айтэчыкьор). За такое злодеяние бжедуги вынуждены были заплатить *лыуас* – «плату за кровь». В качестве такой платы они прислали трех уорков, которых сопровождал Джамбеч. Прошло много времени. Три уорка искупили свою вину и получили разрешение вернуться к себе на родину. Но все трое решили остаться в ауле, а Джамбеч уехал. С тех пор стали этих уорков называть Джамбэчий, т.е. «люди, принадлежащие Джамбечу». Это название закрепилось и за аулом.

Джанхот. Местность и поселок близ Геленджика. Источники XIX в. сообщают: «Черкесский уздень I-й степени Джанхот (Джанхъот), по имени которого и названо первоначально его имение, пользовался широкой известностью не только у ближних соседей – шапсугов и натухайцев, но и у отдельных бжедуг и жанеевцев».

Джеджуков. Джэджэхьабл («аул Джеджукова») – на р. Марта.

Джирак. Джыракъый («аул Джирака») – аул Джирокай на р. Фарс.

Дзиаш (Дзейш). На месте современного пос. Лоо до 1864 г. располагался крупный убыхский аул Дзиаш, который получил свое название по имени занимавшего эту территорию убыхского дворянского рода Дзейш или Дзиаш (Ворошилов В.И., 2007).

Дзибовы Дзыбовы.. Дзыбэхьабл (аул Дзибовых) – старое название современного аула Чермиткуадж (Чемитоквадже) близ курортного поселка Лазаревского на берегу Черного моря, в 10 км от пос. Лазаревское (Костарнова Н.К., 2009).

Додорук. Дэдэркьуай (или Дедер) (пос. Дедеркуай в Туапсинском районе) – («Поселок, принадлежащий Додорук»).

Егерук (Еджэрыкьо). Еджэркьуай («аул Егерука») – а. Егерукай от имени Еджэрыкьо.

Имам (Имамов). Энем – поселок в Тахтамукайском районе, расположенный в 5 км от районного центра. До 1863 г. здесь проживали бжедуги, и аул назывался «Селище Имамов» (бжедугская фамилия) (Костарнова Н.К., 2009).

Кабех. Къэбыхьабл («аул Кабеха») на р. Фарс.

Казанок. Къэзэныкьоэжъ (аул Казанкова) – бывший а. Старо-Казанукай на р. Псекупс, был также Къэзэныкьоэжъ – Ново-Казанукай.

Каноков. Пос. Каноково, – по адыгской родовой фамилии Каноков (Коноков).

Кодзь. Фэдзь («аул Ходзь») на р. Ходзь. По Н.Дубровину, назван по имени бесленеевского владельца Кодзь. В частности, он пишет: «Бесленеевский уздень первой степени Кодзь, недовольный князем Коноковым, перешел со своим аулом к темиргоевцам, а когда те сами бежали за Белую, то Кодзь со своими подвластными поселился на Кубани, где аул существует и до настоящего дня (т.е. до 1871 г.)».

Кунчук. Къунчыкьохьабл («поселение Кунчука сына») – а. Кунчукохьабл на р. Пшиш.

Куркой. Куркойкьалэ («крепость Куркоя») – старинное название ст. Варениковской.

Лакшук. Лахьшыкьуай («аул Лакшука») а. Лакшукай был в Теучежском районе.

Лоо. («Селение Лоовых») в районе Б.Сочи. По имени князя Лоо.

Мамруковы. Мамрыкьуай («аул Мамруковых») – теперь ст. Новосвободная.

Маратук. Мэрэтыкьу («поселок рода Маратук») на р. Пшехе.

Наджук. Нэджикьо («аул Наджука») близ а. Шафит.

Натырб. Нэтырбый («Натырбово селение») – с.Натырбово в Кошехабльском районе.

Нашук. Нэшгьукьуай («аул Нашука») – аул Нешукай на р. Марте.

Очэпш. Вочеший – аул в Теучежском районе, расположенный на правом берегу р. Псекупс, в 2 км от впадения реки в Краснодарское водохранилище. Название аула образовалось от имени собственного «Очэпш», то есть «Аул, принадлежащий Очэпшу» (Костарнова Н.К., 2009).

Псегубе. Псэгубэ станиц («станция Псегубе») теперь ст. Мартыновская на р. Марте.

Понежук. Пэнэжьыкьуай («аул Понежука») – а. Понежукай – от имени Пэнэжьыкьо.

Пшиз. Пшыжьыхьабл – («аул Пшиза») – аул Пшизов на левом берегу Лабы.

Пчегатлук. Пчыхьэлпыкьуай («аул Пчегатлука») – а. Пчегатлукай – от имени Пчыхьэлпыкьо.

Пшикуй. Пшыкьуйхьабл («аул Пшикуя») – а. Пшикуйхьабл в Теучежском районе.

Сидук. Сидыкьо къуладж («аул Сидука») – северная окраина а. Уляп.

Схалыхо. – Аул Солохаул – от родовой фамилии Схалыхо.

Тахтамук (Тохтамрук). Тахтамукай (Тэхьутэмыкьуай) – аул, центр Тахтамукайского района, расположен к югу от г. Краснодара, на левом берегу р. Кубань. Аул с этим названием основан в 1710 г. Тохтамрук. Название аула состоит из имени собственного и притяжательного суффикса, т. е. «Тахтамука аул (аул, принадлежащий Тахтамуку)» (Костарнова Н.К., 2009).

Тлевцежевы. В прошлом был мамхеговский аул «Тлевцежевы».

Тлюстен. Тлюстенхьабл – адыгейский аул, расположен на левом берегу Кубани в 9 км от г. Адыгейска. В переводе с адыгейского топоним «Тлюстенхьабл» означает «поселение Тлюстена» (Костарнова Н.К., 2009).

Тхагапсовы (Тхагапшевы). Тхьагъапшъ («селение Тхагапсовых») – а. Кирова на р. Псышфу.

Унароковы. Унэрэкьохьабл («селение Унароковых») – пос. Унароково.

Хаджемук (Хаджимуков). 1. Хьаджэмыкьохьабл (Хаджемукыхьабл – «Аул Хаджемукова» на р. Фарс. 22 мая 1892 г. на месте этого аула основана ст. Дондуковская в нынешнем Гиалинском районе Республики Адыгея – в честь царского кавказского наместника – генерала Дондукова-Корсакова (Костарнова Н.К., 2009). 2. Хьаджэмыкьо участкэр («участок Хаджемукова») – старое название пос. Яблоновского.

Хакок. Хьакокуай («селение Хакока») – в долине р. Аше.

Хакуриновы. Хакуринохьабл – аул, центр Шовгеновского района, расположен на берегу р. Фарс. Хакуриновы – имя собственное, топоним означает «аул Хакуриновых» (Костарнова Н.К., 2009).

Хапачев. Хьапэклай («аул Хапачева») – ныне х. Кирова. Хьапаклэ икьутыр («хутор Хапачева») у ст. Темиргоевской.

Хатажук. Хатажукай (Хьатыгьужыкьуай) – «Аул Хатажука» близ а. Шовгеновского, расположенный на правом берегу р. Фарс в 5 км к северо-западу от районного центра а. Хакуринохьабл. Название состоит из имени собственного: «Хатажука аул» (Костарнова Н.К., 2009).

Хатик (Хатикуа, Хьатикьуа). Хатукай (Хьатикьуай) – адыгейский аул в Красногвардейском районе, расположенный в устье р. Лабы. Не исключена возможность, что название аула образовано от имени собственного «Хьатикьуа» и притяжательного суффикса, что означает: «Аул Хатикуа (Хатика)» (Костарнова Н.К., 2009).

Хатлоков. Хьальэкъуай («аул Хатлокова») а. Гатлукай на р. Дыш.

Хачемизовы (ХьакІэмыз). 1. ХьакІэмзий («аул Хачемизовых») на р. Фарс. 2. ХьакІэмзые станиц («станция Хачемзия») – адыгейский аул, который до начала Кавказской войны находился на месте нынешнего поселка Тульского в Майкопском районе, расположенного на правом берегу р. Белая, в 14 км к югу от Майкопа. Название состоит из собственного имени ХьакІэмыз, то есть «Аул убыхского рода Хачемизовых» («ХакІэмыз» переводится как «каменный крест») (Костарнова Н.К., 2009).

Хидиж. Хьыдыжъы – (от имени Хидижа) – г. Хадыженск.

Химиш. ХьымышкІэй («Долина Химиша») – село Хамышки в 20 км от ст. Даховской. От собственного имени Хьымыш + *кІэй* – «долина».

Чемитовы. Чемитоквадже – курортный поселок на берегу Черного моря, в 10 км от пос. Лазаревское, в устье р. Чимит. Топоним «Чемитоквадже» означает «Аул Чемитовых» (Костарнова Н.К., 2009).

Чермитовы. Цурмыткъуадж («аул Чермитовых») у пос. Лазаревского.

Шабан. Шэбанэхабл («аул Шабана») – от имени Шэбан.

Шабановы. Аул Шабанохабл (Шэбанэхабл, «аул Шабана») – от имени его основателей – Шэбановых. Основан в 1800 г. на левом берегу р. Кубани, в 12 км от ст. Пашковской. Назывался он так до самого последнего дня своего существования – 10 апреля 1973 г., когда спустя 173 года после своего основания был затоплен водами Краснодарского водохранилища (Информатор: Шамсудин Махмудович Мамий).

Шах-Гирей. Сел. Шах-Гиреевское – по адыгской родовой фамилии.

Шеолух. Шьэолэхъу къуадж («аул Шеолуха») – так называют адыги Солохаул в верховьях р. Шахе.

Шенджий. Щынджый – название этого аула происходит, по мнению К.Х.Меретукова, от собственного имени Щынджый.

Шеуджен. 1. Шэуджэнхабл («аул Шеуджена») – на правом берегу р. Фарс. До 1958 г. назывался а. Хакуринохабл (Хьакурынэхабл). После 1958 г. переименован в а. Шовгеновский, по имени известного революционера Моса Шовгенова, погибшего в годы Гражданской войны. Аул основан в 1855-1862 гг. (Коков Д.Н., 2006. С. 723). 2. Шьоджэнхьэблэ (Шодженхабл, «Шогеново поселение»). Балкарцы называют его: «Шеуген кабак». Современное балкарское название: Яникой (Коков Д.Н., 2006. С. 723).

Шханчерий. Шьхьанчэрыхьабл («аул Шханчерия») был расположен близ а. Ново-Казанукай. А краевед С.М. Ашинов считает, что местность Шаханчериехьаблэмэ ялапчъ названа не в честь Шханчерия, а по имени братьев Шахана и Черия из рода Лэбэжъыкхьохэр, отличившихся в начале XVIII в. в борьбе с крымским ханом.

Щынджы. Шенджий – аул в Тахтамукайском районе, в 10 км к югу от г. Краснодара. Название произошло от собственного имени – Щынджы. С ним же связано и название Шенджийского водохранилища (Костарнова Н.К., 2009).

Большое количество родовых фамилий адыгов мы встречаем в сохранившихся до настоящего времени названиях частей аулов (кварталов, околотков) в Республике Адыгея. Так, для жителей а. Егерухай привычны следующие старинные названия частей своего аула: Ажгьойхьабл («околоток Ажгоевых»); Бэрэджхьабл («околоток Берзеговых»); Дэгужьыхьабл («околоток Дагужиевых»); Къуаныкъуай («околоток Куаноковых») и т. д. Кстати, в г. Армавире до сих пор известен старожилам один из районов города Еджэркъуай («квартал егерухаевцев»). В а. Уляп память о предках сохранилась в названии Аджырыкхьохьабл («квартал Аджерука»), в а. Панахес – Шэбэнэхабл («квартал Шабановых») и т. д.

1.3.2. «Дай Бог, чтобы ты не забыл о нашем роде-племени»

Дай Бог, чтобы ты не забыл о нашем роде-племени. – «Дилгъэпкъы джэжъэпкъы тхьэм пшъымы гъэгъуытхьэкІэ».

Адыгская пословица.

Черкесские земли простираются в длину с лишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с рекою Тереком...

Султан Хан-Гирей (1837).

Хорошо дополняет предыдущий раздел книга адыгского просветителя Султана Хан-Гирея «Записки о Черкесии» (1837; 1978), в которой обнаружен большой массив имен предков адыгов. Ниже приводится краткий перечень этих имен, расположенных по алфавиту, а далее – оригинальный текст Хан-Гирея (встречающиеся в этом фрагменте родовые фамилии адыгов и имена владельцев аулов выделены курсивом. При этом написание у Хан-Гирея фамилий, аулов и племен, зачастую искаженное до неузнаваемости, – приводится строго по оригиналу. – **Авт.**):

Анфекко	Деде (Дедекко)	Ккуйчикко	Солох-хе (Шолох)
Асекколекко	Дрфе	Ккунчиккокко	Схапте (Схопте)
Асланбечь	Дударикко	Кобли	Тайхо
Асланчерие	Дяндеко-Севай	Мехо	Теркканекко
Атвонук	Дянчате	Мехош (Меххош)	Тетер
Ахедякко	Едде	Мисост (Мсост)	Теу-хе
Байзрокко	Едепск	Мхамчери	Тхгузжькко
Бастеко (Бастокка)	Емзекко	Натхо	Тчемкуй (Тчемргой)
Бегорсеко	Зжьэ	Недькко	Хмиш (Хмший)
Бейсленей	Инал	Нетдахо	Хохо-Севотох
Бекьмрзехе (Бек-Мурза)	Инемкко	Нефекко	Ххазем-кко
Беречеткко	Канбулат	Нечерезикко	Ххападче
Бехгарсокко-хе	Кази	Очепше	Ххатикко
Бешикко (Бешьккокко)	Кканокк	Псебхгупебше	Ххуштекко
Болотокко	Ккезанекко	Пшккуй (Пшьккуй)	Циекко
Ввпако	Ккерекозкко	Пшьсевокан	Черчан (Черчане)
Вепсн	Ккержеде	Пшьсевокан	Шебане
Датчекко	Ккетсемекко	Пшьмаф	Энфекко
Даурс	Ккмчериекко	Севотох	Яхгбокко (Яххбокко)
Ддхге			

«Владение Бейсленейское. Наименование Бейслений производят от имени одного из потомков князя *Инала*. Князья бейсленейские ведут свой род от *Кканокка*, потомка упомянутого *Инала*; они разделяются на две отрасли, а именно: *Солох-хе (Шолох)* и *Бекьмрзе-хе (Бек-Мурза)*.

Владение Меххошское. Небольшое это владение расположено на запад от бейсленейцев по рекам: *Фарз*, *Псфр* и *Ккелль*. Княжеский род, им владеющий и именуемый *Бехгарсокко-хе (Бохарсуковы?)*, не разделяется на отрасли. Нынешний (т. к. 1837 г.) князь, меххошцами владеющий, именем *Байзрокко*, почитается в числе отличных князей и воинов черкесских. Предшествовавший ему князь *Яххбокко*, убитый в драке с абадзехами, был предметом удивления черкес по мужеству и уму.

Владение Тчемргойское. Владение это именуется на наречии низовых черкес *Тчемкуй*, что на наречии кабардинском выговаривается *Тчемргой*. Эти князья почитаются потомками *Инала*. Народные предания представляют тчемргойское (темиргойское) поколение разделенным на две части двумя князьями – братьями по имени *Болотокко* и *Ххатикко*.

Владение Ххатиккоайское. Князь *Ххатикко*, младший брат *Болотокка*, родоначальника тчемргойских князей, получив свой удел, подвинулся на запад и там поселился. Полагают, что колено хехгатчское от них отделилось.

Бжедуги. По нартским сказаниям, родоначальником бжедугских князей был знаменитый воин *Дяндеко-Севай*. Не подлежит сомнению то, что они за несколько веков до нас жили на верховьях речки *Тдоапс (Туапсе)*, протекающей из гор в Черное море, где и теперь не изгладились следы их пребывания. Вследствие постепенного прироста народонаселения бжедуги должны были искать более привольных долин... И они подвинулись к этим равнинам и поселились на р. *Пшиш*, не выходя, однако, из гор.

Четыре брата, князья бжедугские, разделили племя на четыре части, или удела. Эти князья назывались: *Черчан*, *Хмиш*, *Бегорсеко* и *Бастеко*. Впоследствии уделы последних двух князей подвинулись – один на восток, другой на запад и, таким образом, там оставались отдельные колена, получившие названия *Меххош* и *Вепсн*. Первые же два удела сохранили между собою связь и удержали свое древнее наименование Бжедуг; удел *Черчана* назывался (при этом) *Черчанай*, а *Хмиша* – *Хмший*. Потомки бжедугского князя *Черчана*, основателя черчанейского племени, разделились впоследствии на две главные отрасли – *Мисост* и *Пшьсевокан*, которые (в свою очередь) опять раздробились на разные колена. Отсюда перейдем к обозрению обоих этих владений бжедугского поколения, каждого в особенности.

Владение Черчанейское. Черчанейцы к востоку граничат с тчемргойцами и ххатиккоайцами; к западу – с хмшийцами. Черчанейцы в военном ремесле никакому племени не уступают; между их князьями есть отличные воины, уважаемые ими и соседями. Княжеский род *Черчане* разделяется на две отрасли:

1) *Пшьсевокан* (которая, в свою очередь, разделяется на две отрасли: *Ахедякко* и *Дедекко*). Им принадлежат аулы: *Яхгбокко* (на р. *Пдчасшь*), *Пшьккуй-ххаль* (на р. *Кубань*), *Ххападче-иккоадь* (на р. *Шердикко*), *Дударикко-иккоадь*, *Асланбечь-иккоадь* и *Циекко-иккоадь* (последние три аула на р. *Мате*).

2) *Мсост* (подразделяется на две отрасли: *Ккунчиккокко* и *Бешьккокко*). Им принадлежат аулы: *Энфекко-иккоадь* (на р. *Пшишь*), *Мхамчери-иккоадь*, *Асланчерие-иккоадь* и *Пшьмафе-иккоадь* (последние три аула на р. *Пшишь*); *Бешькко-ххаль* (на р. *Пдчасшь*).

Дворянские роды владения Черчанейского:

1. *Батекко* (аулы *Пшккуй-ххаль* и *Тхгузжькко икком-иккоадь* на р. *Кубань*, в совокупности называются *Едепскокой*).

2. *Асекколекко* (а. *Асеккалай* на р. *Мате*).

3. *Нефекко* (три аула *Нефеккоай* на р. Лабе и *Пшишь*).
4. *Емзекко* (*а.Емзеккоай* на р. Мате).
5. *Ккерекозко* (*а.Ккереккозом-иккоадь* на р. Ц-це).
6. *Нечерезикко* (два аула *Нечерезие* на р. Мате и *Пшишь*).
7. *Шебане* (*а.Шебане-ххабль* на р. *Пшишь*).
8. *Теу-хе* (*а.Теуй* на р. Мате).
9. *Датчекко* (*а.Датчеккоай* на р. *Пгчасшь*).
10. *Псебхгубебше* (*а.Псехгуб* на р. Мате).
11. *Беречетко* (*а.Беречет-ххабль* на р. Мате).
12. *Тетер* (*а.Тетер-ххабль* на р. *Пшишь*).
13. *Ккезанекко* (*а.Ккезанеккоай* на р. *Псекупс*).
14. *Ккетсемекко* (*а.Ккетсем-ххабль* на р. *Псекупс*).
15. *Очепше* (*а.Очепший* на р. *Псекупс*).

Владение Хмшийское. Потомки упомянутого выше князя *Хмшиа* разделились впоследствии на два дома: *Ххазем-кко* и *Ккмчериекко*; первый из них имеет еще отрасль *Теркканекко*. Хмшийцы в числе своем ныне (т. е. 1837 г.) весьма умалены, но при всем своем уничижении еще храбры и воинственны.

Колено Вепснское. Вепсцы суть колено бжедугское. Они, отделяясь от своих соплеменников, под предводительством князя *Бастокка* продвинулись на север и заняли окрестности р. Вепсн, впадающей в Черное море.

Племя Абедзахское. Многочисленное и сильное это племя занимает обширное пространство гор, которое в длину, начиная с запада от восточного берега р. Деккоай, служащей на севере границей между ними и шапсугами, на восток до р. Псфр, простирается около 200 верст; оно граничит на запад, как сказано, с шапсугами; к северу – с княжескими владениями: *Хмшийским*, *Черчанейским*, *Ххатиккоайским*, *Тчмергойским*, *Меххошским* и *Бейсленейским*; к востоку и югу – с абхазскими или абадзинскими коленами. К дворянским родам относятся: *Анфекко*, *Дянчате*, *Бешикко*, *Едде*, *Инемкко*, *Даурс*, *Ххуштекко*, *Недькко*.

Племя Натухайское. Граничит к востоку с шапсугами, к северу с Таманским полуостровом, к югу с Черным морем, к юго-востоку (где живут смешанно с шапсугами) – с абхазцами. Дворянские роды, или фамилии: *Впако*, *Ддхге*, *Ккуйцкко*, *Зжэз*, *Ккази*, *Деде*, *Тайхо*, *Меко*, *Ккерзде*, *Дрфе*.

Жанинцы. Жанинское поколение было некогда в Кавказе сильным и могущественным. Отвага, гордость, непокорный дух и пламенный характер резко отличали жанинцев между воинственными племенами адыге. Отважные набеги их часто обливала берега Тихого Дона и величественной Волги кровью их обитателей. Более всех подвергались опустошительным набегам их крымские татары и подвластные им ногайцы, что порождало часто кровопролитные войны между крымскими ханами и гордыми жанинцами.

Хегатское племя. Между черкесскими племенами хегатское занимало некогда важное место. Князя этого племени, *Атвонук* и *Канбулат*, родные братья, славились мужеством и щедростью. Хегатское племя занимало в это время все равнины близ устья Кубани. Следовательно, оно было близко к владениям крымских татар; но черкесы вообще имели мало тогда сообщения с крымскими ханами.

Шапсуги. Шапсугское племя в наше время (начало XIX в. – **Авт.**), по многочисленности своей самое сильное между черкесскими племенами, при водворении своем в горах состояло из пяти союзных родов. Эти кланы именовались: *Кобли*, *Схонте*, *Севотох*, *Натхо* и *Нетдахо*. Первые три клана водворились на р. Шапсхо и были основателями шапсугского племени, которое, как полагают, от названия этой речки приняло нынешнее свое наименование. При быстром приращении населенности шапсугского племени оно образовало три главных союза, или соприсяжничества: первый из них, состоящий ныне (начало XIX в. – **Авт.**), кажется, более чем из 30 кланов, известен под общим названием *Кобли*; второй *Хохо-Севотох*, а третий – *Схонте*. В каждом из последних двух союзов считается не менее 20 кланов (Султан Хан-Гирей, 1837).

Дополняют приведенную выше информацию сведения более позднего автора – И.Ф. Бларамберга (1840) о «наиболее могущественных адыгских семействах». В кратком изложении, судя по оригинальному тексту автора, они выглядят следующим образом: «Мы уже говорили о том, что княжеские семейства у горцев пользуются уважением и почитанием; здесь мы хотим дать перечень нескольких правящих князей-владельцев у адыгов:

1. У бжедугов – князь Алкас Хаджемокор Хамыш и его брат Магмет, князь Ахегиаконор Пшихуе.
2. У натухайцев – князья Тлестан и Джангерий.
3. У жанеевцев – князь Пшихуе Цюхук.
4. У адемов (адамиевцев?) – дворянин Дегузиок (Адемы принадлежат к племени темиргоевцев, но у них есть свои привилегии и они, так сказать, независимы).
5. У темиргоевцев – князья Айтекокор, Болеток Шумаф, Джангерий и Татлостан.
6. У мохошевцев – князья Богарсоко, Байзерок, Хатурузук.
7. У бесленеевцев – князья Ханок Мурзбек Песвие, Ханок Хадже Тархин и Пшишаф (они братья).

Что же касается остальных черкесских племен, то в силу демократического устройства власти у них имеются лишь старейшины. Хотя у нас, – продолжает Бларамберг, – и есть полный список наиболее уважаемых семейств, мы не будем приводить его здесь полностью во избежание излишних длиннот и ограничимся лишь первыми семействами каждого племени:

У натухайцев семейство Супако.

У шапсугов – семейства Аббат, Шерстлуг, Нешире, Дух, Гаркоз.

У абадзехов – семейства Инсшок, Едиге, Анцох, Бешон, Чанкет. К абадзехам принадлежит также не-
большое племя тубы (тубинцев).

Поселение (аул, хабль), как это принято у черкесов, обычно получает название по имен семейства, которому оно принадлежит...» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 183-184).

1.3.3. Полузабытые имена адыгов: владельцы кабардинских аулов в 1744 г.

В названиях аулов и сел отразилась история прежде всего адыгского народа, предки которого испокон века обитали на этой земле...

Р.Ю. Намитокова (1993).

Конкретное географическое расположение населенных пунктов Кабарды с указанием их владельцев довольно точно отражено в описании населенных мест Большой и Малой Кабарды, составленном геодезистом Степаном Чичаговым в 1744 г. В нем отмечены (названы или помечены цифрами) около 140 населенных пунктов, в том числе деревни и дворы (Бейтуганов С.Н., 2007).

Для удобства пользования, все перечисленные фамилии расположены по алфавиту, а ниже приводится оригинальный текст автора.

Большая Кабарда:	Казанук (Казанокон)	Сидаков	Дунжев
Аксай	Казаншин (Казаншев)	Сураков	Елтюпов
Алепш (Алпшаов?)	Кайтукин? Росланбек, князь	Таммов	Казий, князь
Алескиров (Атласкиров)	Кандур	Танбиев (Тамбиев)	Канбекуков
Амзеж	Карабов	Таув (Таов)	Кукулгаев
Атажукин Касай, князь	Карабой (Карабов)	Тзулан	Кукулгаев (Коголкин?)
Атажукин Магомет, князь	Кара-Мурза, князь	Тыжев	Кургокин
Ачабов (Ашабов)	Колишпеев	Уку	Мурзаев
Бабуков	Коргокин Магомет, князь	Утанов	Муртазов
Багур	Кошураков	Чипчев (Шипшев)	Наруков (Инаруков)
Баматов	Кузур	Шагопц	Насранов
Батуков	Кулат	Экепцокон	Пыштов
Бей	Куначев (Кунашев)	Малая Кабарда:	Тузаров
Вуку (Вуков)	Кундентеев (Куденетон)	Алдигирей, князь	Ханон
Гетежев	Кутатев	Алемурзин	Хапцов
Гланов (Тогланов)	Кучмазукеев (Кучмазукин)	Алкабаков	Чебатырев
Дюменев (Думанов)	Лагырс	Андыров	Челкабаков
Ерошпеев (Жерешпеев)	Лескиров	Анзорон	Шоловат (Шолохов?)
Жанюко	Магуков (Махоков)	Баев	
Загошпеев	Мекен (Макинов?)	Батушев (Боташев)	
Иругон	Мшико	Баты-Мурза, князь	
Исламов Алий, князь	Салтанакон	Бештоков	

БОЛЬШАЯ КАБАРДА: Нижние Абазы, Средние Абазы Экепцокские Абазы, Верхние Абазы (все на р. Куме), деревни Бабукова, деревня Ачабова (Ашабова), 2 двора князя Магомета Коргокина, двор князя Алия Исламова, двор князя Касая (Атажукина), деревня Ерошпеева (Жерешпеева?), деревня Куначева (Кунашева), деревня Дюменева (Думанова?), 3 деревни Кучмазукеева (Кучмазукина) и Загоштева, три деревни Чипчева (Шипшева) и Гланова (Тогланова?), деревня Кулат, деревня Казаншина (Казаншева), деревня Тыжева, деревня Кузуру, деревня Баматова, деревня Алескирова (Атласкирова), деревня Иругова, деревня Кутатева, деревня Суракова, двор князя Кара-Мурзы, деревня Гетежева, деревня Лескирова, деревня Утанова, двор князя Магомета Атажукина, 8 деревень Сидаковых, деревня Тыжева, деревня Танбиева (Тамбиева), 9 деревень Кундентеевых (Куденетонных), деревня Карабова, деревня Мшико, деревня Батукова; а также 21 деревня князя Росланбека (Кайтукина?): Таува (Таова), Лагырс, Алепша (Алпшаова?), Шагопца, Амзеж, Багур, Магукова (Махокова), Вуку (Вукова), Тзулан, Казанука (Казанокон), Кандур, Уку, Карабой (Карабова), Мекен (Макинова?), Жанюко, Аксай, Бей, Кошуракова, Колишпеева, Тамова, Салтанакон, деревня «каражаевцы христианского закону».

МАЛАЯ КАБАРДА: 9 деревень Анзоровых, деревня Шоловатка (Шолохова?), деревня Кукулгаева (Коголкина?) («в Татартуцком ущелье»), деревня Алкабакова, деревня Дунжева, двор князя Алдигирей, 5 деревень Муртазова, деревня Тузарова, деревня Канбекукова, деревня Елтюпова, деревня Батушева (Боташева), 5 деревень Алемурзиных, 5 деревень Анзоровых, деревня Бутушева (Боташева), деревня Нарукон (Инаруков), деревня Чебатырева, деревня Челкабакова, деревня Бештокова, деревня Насранова, двор князя Казия, деревня князя Баты-Мурзы, 2 деревни Андырова, деревня Баева, деревня Хапцова, деревня Ханова, деревня Пыштова и деревня Кургокина...».

Судя по цифровым обозначениям на карте, эти поселения располагались по долинам рек Большой и Малой Кабарды, включая их верховья. Спустя 80 лет не осталось и следа от названий многих населенных пунктов Кабарды середины XVIII в. Особенно разрушительными были годы усиления колониального режима: конец XVIII – первая четверть XIX в., и позже – в период «исхода» адыгов в Турцию (Бейтуганов С.Н., 2007).

1.3.4. «Самый полный перечень населенных пунктов Большой Кабарды» накануне «исхода» адыгов в Турцию (1859 г.)

Немало фамилий кабардинцев-владельцев аулов приведено в составленном в 1859 г. «Списке аулов, населенных в Кабардинском округе...», опубликованном в работе С.Н. Бейтуганова (2007). Для удобства пользования список расположен по алфавиту (В скобках приведено количество дворов в каждом ауле):

Абезыванов (аул Абезыванова – 37);	Думанов (16);	Наурузов Хамурза, князь (30);
Абуков (8);	Жамбеков (49);	Отпанов (24);
Агзагов (29);	Жаноков (42);	Перхичев (9);
Агубеков (30);	Жерештиев (2);	Поунежев (17);
Аджиев (35);	Захохов (36);	Седаков Карашай (19);
Алпшаов (24);	Зеков (20);	Седаков Мурзабек (17);
Алтудоков (31);	Иналов, князь (60);	Тамбиев Заракуш (87);
Анзоров Асламурза (46);	Казаншев (13);	Тамбиев Мудара (45);
Анзоров Кайсын (27);	Казиев, князь (70);	Тамбиев Мурзабек (25);
Анзоров Кучук (55);	Кармов (30);	Тамбиев, полковник (131);
Анзоров Тембот (Тембота – 25);	Касаев, князь (21);	Таов (22);
Анзоров Хатокшук (63);	Кильчукин, князь (30);	Тахтамышев Анзор (40);
Атажукин Исмаил, князь (35);	Клишпиев (35);	Тахтамышев Жамбота (20);
Атажукин Хасанбий (46);	Коголкин Пшемахо (66);	Тлостаналиев, князь (28);
Атажукин, князь, подполковник (35);	Кожоков Мусса (39);	Тогланов (30);
Атласкиров (27);	Кожоков Шуганы (45);	Трамов (24);
Ашабов (60);	Конов (40);	Тыжес (27);
Бабуков (80);	Кошев (60);	Хагундоков (3);
Бешказаков (28);	Кошеров (16);	Хамурзин Кази, князь (11);
Бжехоков (29);	Кудаев (22);	Хамурзин Камбот, князь (35);
Боров (4);	Куденетов Атажук (43);	Хаудов (22);
Гетегежев (32);	Куденетов Докшук (28);	Хостов (42);
Гетежев (24);	Куденетов Камбот (30);	Шакманов (32);
Гукежев (23);	Кунашев (26);	Шанибов (30);
Даутоков (15);	Кунижев (20);	Шарданов (47);
Дерев (9);	Кучмазукин (56);	Шипшев Нахо (40);
Джамботов Магомет, князь (26);	Лафишев (23);	Шипшев, штабс-ротмистр (9);
Джамботов Пшемахо, князь (42);	Макянов (30);	Шогенов (45);
Джанхотов (46);	Махаров (20);	Эльбуздукин (48);
Догужоков (50);	Мисостов (26);	Эльтаров (аул Эльтарова – 14).
Докшукин Джамбот, князь (38);	Муллов (24);	
Докшукин, майор (72);	Наурузов Бекмурза, князь (53);	

Этот список интересен в том отношении, что он был подготовлен накануне «Великого исхода» – переселения кабардинцев в Турцию. Вскоре навсегда исчезнут такие населенные пункты, как аулы Бешказакова, Магомета Джамботова, Пшемахо Джамботова, Махарова и др., а около 60 аулов в ходе их укрупнения превратятся в околотки (кварталы) новых поселений (Бейтуганов С.Н., 2007).

1.4. Имена и родовые фамилии предков адыгов, сохранившихся в географических названиях

*Слушайте!
Это мы говорим.
Мертвые.
Слушайте!
Это мы говорим.
Оттуда.
Из тьмы...*

Р. Рождественский

Абатовы. Абэтэ тэмэтх («Абатовых квартал на возвышенности») – окраина современного а. Кирова. Абатэ – в прошлом шапсугская родовая фамилия.

Абдулах. Абдулахэ игъошъу («степь Абдулаха») – за околотком а. Джамбечий.

Абере (Аберейк). Аборака – название древнегреческого (VI в. до н.э.) города – центра Синдики в 12 км к западу от ст. Варениковской. Близко к упоминаемым Л.Я. Люлье (1927) названиям двух натухайских

родов Абере и Аберейк, проживавшим здесь до 1862 г., а также (возможно?) – к названию оз. Абрау (Ворошилов В.И., 2007. С. 41).

Абрѣдж. Абрѣдж блыгур («куток Абрѣджа») – долина р. Туапсѣ близ бывшего а. Шабанохабля.

Агуа. Агва – наиболее крупный приток р. Сочи. По В.Е. Кварчия, в основе – родовое имя Агуа (Ворошилов В.И., 2007. С. 42).

Адербей. Адерба – наиболее крупный правый приток р. Мезыб. Возможно, в этом топониме запечатлено собственное имя знатного владельца этой долины. В частности, есть информация, что в долине этой реки до недавнего времени сохранялся памятник с арабскими письменами, прославлявшими военные подвиги князя Адербея в начале Кавказской войны (Ворошилов В.И., 2007. С. 45).

Аджерук. Аджырыкъохабл («квартал Аджерука») – юго-западная часть а. Уляп.

Ажегой. Іажэгъой ихэкъыпІ («место прохода Ажегоя») – у а. Уляп.

Ажоковы. Ажокъмэ ямэз (Ажоковых лес) – название одного из участков Лэбэмэз, расположенного на северной окраине а. Егерухай.

Айба. Аишха – общее название 4-х хребтов, 3-х пиков и перевала в верховьях р. Мзымты. Инал-Ипа (1971) считает, что это название (как и название Айбга) – переводится как «гора (рода) Айба» (Ворошилов В.И., 2007. С. 50).

Айтагир. Айтагыр. Местность к северу от а. Джамбечий – от фамилии кн. Айтэчыкъо.

Али (Алы). 1. Алек – хребет, расположенный на расстоянии 15-18 км от берега Черного моря в пределах Большие Сочи, протянулся с северо-запада на юго-восток на 17 км между бассейнами рек Сочи, Мацеста, Хоста. Топоним «Алыкъо» (Алек, Алико) означает: «Алы» – имя собственное + *кьо* – сын. Таким образом, хребет Алек – «Хребет сына Али» (Меретуков К.Х., 1981; Костарнова Н.К., 2009). Впрочем, не исключено, что «Али» – искаженное от Алиа, Илья, – т.е. от раннехристианского Ильи-громовержца. Однако, не исключены и древнегреческие корни. 2. Алепси – левый приток р. Туапсе. Возможно, от *Али* – собственное имя + *пси* – «вода». (Ворошилов В.И., 2007. С. 52, 53).

Алыкѣ. Алэжъ имыжъо ныкъу («полугора Алыкѣ») – гора Индюк в Туапсинском районе.

Амзан. Амзанэ хъаджэ ижъуагъ («дорога хаджи Амзана») была у бывшего а. Эдепсукай-1.

Амин Магомед. Аминовка – левый приток р. Белой, длина 9,5 км, исток – к юго-западу от пос. Каменноостовского. Река названа по имени Магомеда Амина – наибо Шамиля. Это место сохраняет название «Судилище Магомеда Амина» (Костарнова Н.К., 2009).

Анас. Анасе ипсин («Анаса родник») – находится у заброшенного сада на окраине пос. Энем.

Андзауровы. Андзаурий («принадлежащий Андзауру квартал») – часть а. Кошехабля.

Андрухаев. Андырхъуае иІапчъ («тропа Андрухаева через лес») – близ а. Хатажукай на р. Лабе.

Анчековы. Анцокъмэ ядэхъапІ («спуск, место прохода Анчековых») – местность к северо-востоку от а. Джамбечий.

Анчоу (Анч). Анчхо – хребет и перевал в долине р. Бзыбь. Из абхазского Анч (Анчоу) – название древнего рода Инал-Ипа + *хо* (*аху*) – «холм, гора» = «гора рода Анчоу» (Ворошилов В.И., 2007. С. 60).

Ард (Арт, Арѣд, Ардба, Арыд). 1. Адлер – курортный поселок в бассейне р. Мзымты. Этот топоним известен с середины XVII в. от турецкого Артлар, где Ард (Арт, Арѣд, Ардба) – название знатного садзского рода; *лар* – показатель множественности. Перевод топонима – «Община (род) Ард» (Половинкина Т.В., 2006. С. 137). 2. Арѣда – убыхское название местности в Завокзальном районе г. Сочи, также связывается с наименованием абазинского рода Ард (Арыд, Арѣд, населявшего в середине XIX в. низовья р. Мзымты (Ворошилов В.И., 2007. С. 61).

Асланбѣч. Аслъанбѣч игъэхъун («поляна Асланбѣча») – к северо-востоку от а. Кошехабля.

Аталык. Аталыкъ имэкъупІ («сенокос Аталыка») – равнина, тянущаяся полосой за р. Лабой севернее а. Егерухай. Аталыкъ ипсынэжъ («старый родник Аталыка»).

Аталык. Аталыкъ имэкъупІ («сенокос Аталыка») – равнина, тянущаяся полосой за р. Лабой севернее а. Егерухай. Аталыкъ ипсынэжъ («старый родник Аталыка»).

Аутлевы. Аутлъѣпс («река Аутлевых») – правый приток р. Хъаджыкъо псыхъу, берущей начало с горы Аутль. Это же название носят перевал и горная вершина высотой 1856 м в верховьях р. Псеуапсе. По версии К.Х. Меретукова (1981), «Аутль» – имя или фамилия одного из старинных адыгейских родов (до настоящего времени в Адыгее известна фамилия Аутлевы) (Ворошилов В.И., 2007. С. 52; Костарнова Н.К., 2009).

Ахѣджаков. Ахѣджаго ихашъу («Ахѣджакова степь») – в 4 км восточнее бывшего а. Шабанохабля.

Ахсоков. Ахсѣкъѣ гъѣгужъ («старая дорога Ахсокова») – близ а. Ходзь.

Ачегу. АкІэгъу – местность по левому берегу р. ЦІѣпс близ одноименного аула – от шапсугской родовой фамилии Ачегу.

Аша (Ашам, Ашамѣз, Аше, Усише). 1. Река Яшимва (Ашампе, Ашамбе) впадает в Голубую бухту близ г. Геленджика. Первый компонент – родовое имя. Яшимва в буквальном переводе: – «Устье (низовье) реки рода Ашам» Имена Аша, Аше, Ашам, Ашамѣз встречаются еще в нартских сказаниях. 2. Аше (Усише). Аше – одна из наиболее крупных рек северо-западной окрестности г. Сочи. Аше – очень древнее собственное имя. К.Х. Меретуков (1981) утверждает, что шапсуги называют р. Аше – Ашечей, где *чей* – «долина».

Тогда этот гидроним означает «Долина Аше». О том, что название Аше произошло от названия одного из черкесских обществ, писали Эвлия Челеби и Ш. Ногмов, а Хан-Гирей (1978) прямо писал о роде вольных земледельцев Усише, или Аше (Ворошилов В.И., 2007. С. 73).

Ашиновы. Іашъынэхъабл («околоток Ашиновых») – юго-западный район а. Теучежхебл.

Аюб. Аюбэ ибжъау («Аюба пасека») – на западной окраине а. Понежукай.

Бабардюк – урочище на левобережном склоне долины р. Макопсе. Топоним сохранил адыгскую фамилию (имя) бывшего владельца этой местности (Ворошилов В.И., 2007. С. 74).

Бабук. Бабук-аул (Бабыко куадж) – поселок в верховьях р. Шахе. В основе топонима лежит собственное мужское имя Бабук – в 60-х гг. XIX в. здесь жил Хаджи Бабуков Алим-Гирей, представитель знатной убыхской фамилии Берзек, один из известных предводителей адыгов во время Кавказской войны (Половинкина Т.В., 2006. С. 148; Ворошилов В.И., 2007. С. 74).

Баджевы. Бекишей – так называется р. Аше выше урочища Чертов Мост. По Д.Н. Кокову (1974), иначе называется Баджешей и переводится как «Долина Баджевых» (Ворошилов В.И., 2007. С. 77).

Балук. Балькыо Нэхъу ихъуат («Балука большеглазого балка») – к северу от а. Вочепший.

Баракаевы. Бэракъые бгыур («куток Баракаевых») – на берегу р. Фарс у а. Пшичеу.

Баракай Исмаил. Из прибрежных поселков на р. Лоо своей численностью (до 200 дворов) выделялось в XIX в. селение Дзепша (Дзиаша) Баракай Исмаила. В литературе его называют Вардан Дзеша или Убышрипш (селение убыхов), а также Лаупз, Лау (адыги). Названо по имени Баракай Исмаила – известного деятеля убыхо-адыгского межджиса начала 1860-х гг. (Половинкина Т.В., 2006).

Бархо. Бархъо Тыку («кут Бархо») – поляна в лесу близ а. Козет.

Бат. Битха – река на Черноморском побережье (автор первой половины XIX в. Л.Я. Люлье называл ее – Батхы). Название происходит от Бат – родовое имя + *тхы* – «возвышенность», то есть «возвышенность (рода) Бата» (Половинкина Т.В., 2006. С. 26).

Батиж. Батѳыжъ ихъуат («Батижа балка») – овраг недалеко от а. Ассоколай.

Батырбий. Батырбий игъуй хъурай («Батырбия круглый чагарник») – лес у а. Кунчукохабл.

Бау (Буу). Буу – река, впадающая в Черное море в 10 км от устья р. Шахе. Топоним сохранил имя рода, владевшего этой долиной. В XIX в. была известна другая форма этого названия – Буапъ, т.е. «местность (рода) Буа» (Ворошилов В.И., 2007. С. 84).

Баух. Баухкулядж – урочище в районе левого притока р. Шахе. По-адыгейски – «Балка Бауха» (Ворошилов В.И., 2007. С. 77).

Бахим. Бахъымэ иапчъ («тропа Бахиме») – идет через лес Мыстхъэ мз.

Бацевы. Бацохъабл («околоток Бацевых») – район а. Старо-Бжегокай.

Бгановы. Бгъанэ ямэкъух («сенокосная поляна Бгановых») – близ а. Малый Псеушхо.

Бгуашевы. Бгъошэ тыку мз («куток леса Бгуашевых») – лес на острове, образованном новым и старым руслами Кубани.

Бердук. Бэрдъкъор («река Бердука») – название речки, впадающей в р. Пшеяко. Там же находится целебный источник Бэрдъкъопсы Іэзэгъур («Бердука целебный родник»).

Берекаштовы. Бэрэкъаштэмэ ямэкъуп («пюкос Берекаштовых») – близ а. Уляп.

Бесленевы. Бэслэнэй гъогу («дорога Бесленевых») – проходит по центру а. Уляп.

Бжидзаковы. Бжыдзэкъо іапчъ («Бжидзаковых проход») – лес у а. Джерокай.

Бирам-хаджи. Бирамхъаджэ ипсын («родник Бирама-хаджи») – на перекрестке дорог, идущих из а. Кунчукохабл и Габукай (Теучежхебл). Родник сохранился до наших дней. До недавнего времени существовал и другой родник с таким же названием. Сейчас он затоплен Октябрьским водохранилищем.

Бирджевы. Бырджхъаблэ гъошъур («степь общества Бирджевых») – близ леса Бэрзэдджхъабл.

Блягожевы. Блэгъожхъабл («околоток Блягожевых») – часть а. Нешукай.

Богусевы. Бэгъус («квартал Богусевых») – часть а. Кошехабл.

Бореновы. Борэный («околоток Бореновых») – часть а. Хатукай.

Борок. Борэкъо ипсын («родник Борока») был у бывшего а. Эдепсукай-1.

Брдер. Беранда – река, впадающая в Черное море в 6 км от устья р. Шахе. Хан-Гирей (1978) объясняет этот топоним по названию шапсуго-натухаевского рода вольных земледельцев Брдер, живших в долине районе р. Шахе.

Бухай. Быхъуай – один из притоков р. Ачъэпсы. Долина реки названа по имени Бахъу, некогда проживавшего на берегу этой реки.

Бчезечико. Бчезечико (русская адаптация: «Объездчикова щель») – урочище на левом берегу р. Псеуапсе, в 2 км от моря. Бчезечико – видимо, адыгская фамилия или имя (Ворошилов В.И., 2007. С. 168).

Быт. Бытха (она же Батарейка) – гора в центре г. Сочи. По Ш. Инал-Ипа (1971), этот топоним восходит к абхазской родовой фамилии «Камень Быта» (Быт йхахэ) (Ворошилов В.И., 2007. С. 77, 85).

Вардан (Варданэ). Одно из подразделений убыхов носило название Вардан (Варданэ, Уордан, Ордан, Ардон). Этимологическое значение топонима Вардан можно определить, исходя из данных известного ады-

гского историка и просветителя XIX в. Ш.Б. Ногмова. В своей «Истории адыгейского народа» он отмечает, что в адыгском языке существовало старинное заимствованное слово «уард или варда». «Сравнение с вардами, – пишет автор, – имеет всегда смысл великого, сильного, могучего». В современном абазинском языке до сих пор существует слово «уарда» в значении «сильный». В литературе середины XIX в. упоминаются мужские имена Вордажоко и Уардашау (Уардасау). Среди адыгских родовых фамилий известны такие, как Вардоко, Варда. Таким образом, в основе топонима Вардан(э) лежит старинное кавказское имя Варда (Орда). Местом проживания этого рода была р. Вардан; впоследствии это имя распространилось на значительную часть убыхского побережья Черного моря, став географическим названием (Половинкина Т.В., 2006).

Гвачевы. Грачев венец – гора в верховьях р. Б. Бакишей. Судя по всему, это название – сильно искаженное («русифицированное») от адыгской родовой фамилии Гвачевых, тем более, что в этой же местности есть гора и щель Гвачевых (Ворошилов В.И., 2007. С. 100).

Гвашевы. Гьошхьабл («квартал Гвашевых») – часть а. Шехечей на р. Шахе.

Гис. Известна Хизе – местность между реками Шахе и Лоо на Черноморском побережье. В книге путешественника по Черкесии Дж. Лонгворта эта местность упоминается под названием Хисса, Гисса, Гис – адыгское мужское имя, ставшее со временем топонимом (Половинкина Т.В., 2006).

Гишевы. Гьышхьабл («околоток Гишевых») – часть а. Шеудженхьабл (а.Шовгеновский).

Гошемид. Гошэмьдэхьаблэр («околоток Гошемидова») – квартал а. Джиджихьабл.

Гуа. В горном узле Кардывач на водоразделе рек Мзымта и Цахвоа есть Акарагварта – вершина в системе Главного Кавказского хребта. Этот топоним с абазинско-абхазского переводится как родовая фамилия Гуа «на границе, водоразделе речек». Вершина имеет еще и другое название «пик Смидовича», в честь советского государственного деятеля П.Г. Смидовича (Костарнова Н.К., 2009).

Гуаевы. Гьоекхьотх («хребет долины Гуаевых»). Вероятно, хребет получил свое название от долины реки, в которой проживал род Гуаевых. Есть также «Долина реки Гуаевых» – левый приток р. Псышло у с.Алексеевка.

Губж. Гьубжь итыку («куток Губжа») – близ р. Чаграк.

Гужук. Гьужыкьы ипсын («родник Гужука») – близ Хаджимукова леса.

Гумба (Гумбовы, Гунба). Кбааде (Гбааде) – старое (до середины XIX в.) название современного пос. Красная Поляна, где в 1864 г. закончилась Кавказская война. Это старочеркесское название Ш.Д. Инал-Ипа (1971) выводил из абхазского Губаадвы. Гумба (Гунба) – родовое имя и *адвы* – «поле, поляна». Род Гумба жил здесь до начала XIX в. Итак, Кбааде (Гбааде) – «Поляна Гумбовых» (Ворошилов В.И., 2007. С. 128).

Гуни (Гунай). Гунибс – гора между долинами рек Шапсухо и Джубга. В основе топонима – название упоминаемого Л.Я. Люлье (1927) шапсугского рода Гунай – «река (рода) Гуни (Гунай)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 102).

Гураговы. Гурагохэр («околоток Гураговых») – часть а. Адамий.

Гуровы. Гьур якьамыл («камыш Гуровых») – местность у въезда в а. Хатажукай.

Гусарук. Гусэрыкьы хьуат («овраг Гусарука») – близ а. Вочепший и близ а. Псейтук.

Даго (Дого, Докум, Докумоку, Догомуко). Пседаго – старое (до середины XIX в.) название современного поселка Дагомыс в 10 км от устья р. Сочи; по-адыгейски *пси* (*псы*) – «река, Даго – название рода). До конца 1864 г. здесь располагался аул Дагомуков, принадлежавший убыхскому дворянскому роду Берзек Докумоку (Догомуко). В названии рода, реки и аула видна единая основа – этноним Даго (Дого, Докум) (Ворошилов В.И., 2007. С. 102, 177).

Дакнев. Дакьыепхьуат («балка Дакиева») – близ а. Козет.

Дамир. Дамыр хьоу («балка Дамира») – близ а. Афипсип.

Дамоков. Дамэкьомэ япсыкуужь («глубоководное место Дамоковых») – название одного из участков р. Лабы напротив а. Егерухай.

Дан. Данэ ижьуагь («запруда Дана») – у бывшего а. Эдепсукай 1.

Дауровы. Даурхьабл («квартал Дауровых») – часть а. Шеудженхьабл (а.Шовгеновский).

Дахшук. Дахшыкьы кьэи («низина Дахшука») – на юге а. Понежукай.

Дедер (Деде-р, Додорук, Дадар). Дедеркой – река, впадающая в Черное море в 6 км от устья р. Туапсе, а также название одноименного поселка. К.Х. Меретуков (1981) название Дедеркуай (взятое у Л.Я. Люлье, 1927) переводит как «Поселок, принадлежащий Дедеру (Додоруку). Хан-Гирей (1978) прямо писал о натаухайском дворянском роде Деде-р, приживавшем в этой местности. По Д.Н. Кокову (1974), Дедеркой – «Сын Дадара» (Ворошилов В.И., 2007. С. 103).

Деровы. Дэрхьабл («околоток Деровых») – часть а. Блечепсин.

Де-Симон. Де-Симона ручей – левый приток р. Мацесты. На карте 1911 г. в этом месте располагался хутор Де-Симона – бывшего владельца участка (Ворошилов В.И., 2007. С. 104).

Дефань – название одного из крупных притоков р. Шапсуго, а также расположенного в устье села (Дефановка). По В.И. Ворошилову (2007. С. 104), «топоним напоминает о древнем адыгейском роде, проживавшем в этой местности».

Дёгуф. Догуаб – крупный приток р. Пшада. Л.Я. Люлье (1927) упоминал род Дёгуф шапсугского племени Кобле. Название рода могло запечатлеться в гидрониме (Ворошилов В.И., 2007. С. 111).

Джаго. Джегом – ручей, правый приток р. Шахе у аула Б. Кичмай По Д.Н. Кокову (1974), более полная шапсугская форма топонима – Джагом куладжашху – восходит к имени Джаго, проживавшего в этой местности, – «Джаго большая балка» (Ворошилов В.И., 2007. С. 105).

Джадж. Джэджэ мээ («лес Джаджа») – у а. Джембечий.

Джаджок. Джэджэкьом иблыгу («кут Джаджока») – был у а. Эдепсукай 1.

Джамарук. Джэмарыкьу («гора Джамарука») – гора южнее Тыбги.

Джаматиевы. Джоматий («околоток Джаматиевых») – район а. Теучежхабль на берегу р. Пшиш.

Джамбеч. Джамбэчыне гьошгьур («степь джамбечиевцев») – у современного а. Джембечий, от имени Джембеча.

Джанхот (Джанхотовы). – Джанхот – поселок в устье р. Хотейай, близ пос. Дивноморское. По В.И. Ворошилову (2007. С. 104), «...в топониме запечатлелось имя или родовая фамилия владельца этой местности. И сейчас известна адыгейская фамилия Джанхотовых. Не исключена возможность, что в основе этой фамилии скрывается название адыгейского племени жане».

Джастэ. Джастэ – равнинная местность на восточной окраине а. Ходзь (Джастэ – фамилия некогда известного в этих краях адыга).

Джеджековы. Джэджэкьо хэкужь («руины Джеджековых») – у а. Псибе; здесь ранее проживал род Джеджековых.

Джемет (Джеметиевы, Джимит). Джемете – местность и поселок в 5 км от Анапы. Старое (XIX в.) название – Джеметель, Джимитея, – возможно, от натухайского рода Джемет (Джимит) (Ворошилов В.И., 2007. С. 105). Есть также Джоматый (Джэмэтый) – «околоток Джеметиевых» – один из районов в ауле Теучежхабль.

Джималта (Джамаалты). Джималта – левый приток р. Макопсе. По Д.Н. Кокову (1974), в основе топонима Джималта (Джамаалты) – личное имя владельца этой местности (Ворошилов В.И., 2007. С. 109).

Джимок. Джымыкьом имэкьухашьу («покос, принадлежащий Джимоку – сыну Джима») – у а. Джембечий.

Джирак. Джыракь икIэй («низина или долина Джирака») – у а. Джембечий.

Дзепш. Дзепшишха – на карте 1839 г. так названа река на северо-западной окраине г. Туапсе (современное название – «Паук»). В топониме Дзепшишха усматривается название известного дворянского рода Дзепш (Ворошилов В.И., 2007. С. 172).

Д-зе-р. Дзеберкой – небольшая река, впадающая в Черное море в 4 км от устья р. Туапсе, а также одноименный поселок. Хан-Гирей (1978) упоминает о натухайском роде вольных земледельцев Д-зе-р, проживавшем в этой местности (Ворошилов В.И., 2007. С. 110).

Дзиапш. Дзиаш – название крупного убыхского аула, располагавшегося до 1864 г. в районе современных поселков Лоо и Вардане. Инал-Ипа (1971) связывает название этого аула с абхазским княжеским родовым именем Дзиапш.

Дзиб. Дзыбэ ипсын («родник Дзиба») – на хребте в верховьях р. Псибе.

Догуа (Добох). Дооб – река, впадающая в Цемесскую бухту, также название горы и мыса. Возможно, Дооб – это краткая форма от Догуаб – «долина рода Догуа». Л.Я. Люлье упоминает родовую фамилию Добох отрасли Кобле (Ворошилов В.И., 2007. С. 112).

Дохушукеры. Дэхьушыкьуай («околоток Дохушукеров») – часть а. Блечепсин.

Драбуко. Драбыкьо цыкIу имээ («лес маленького Драбуко») – у а. Шовгеновска на правом берегу р. Фарс.

Ду. Дукохт – гора между долинами рек Псезуапсе и Ходжико. По Л.Я. Люлье (1927), – от названия рода Ду шапсугской отрасли Кобле (Ворошилов В.И., 2007. С. 113).

Дугуко. Дыгьукьо кьуладж («долина реки Дугуко») – правый приток р. Хаджико психу.

Думанишевы. Думанышхьабл («околоток Думанишевых») – часть а. Блечепсин.

Духовы. Дыхьухьаблэр («околоток Духовых») – часть а. Пчегатлукай.

Дышек. ДышгьэкI икьушгьэцакI («скала Дышека») – в районе а. Ципка Туапсинского района. Есть и ДышгьэкI ипсын («Дышека родник») – близ а. Нешукай.

Дядьххо-р. Детляшка – небольшая река впадающая в Черное море в 7 км от устья р. Шахе. Не исключена возможность, что названа по имени натухайского рода вольных земледельцев Дядьххо-р, которых упоминал в своей работе Хан-Гирей (1978) (Ворошилов В.И., 2007. С. 104).

Ебжьноу. Эбжноу – название убыхского аула, располагавшегося до 1864 г. в верховьях р. Буу. Инал-Ипа (1971) говорил об абхазской фамилии Ебжьноу в Гудаутском районе. В топониме запечатлелось название господствующей убыхской (или абазинской) фамилии (Ворошилов В.И., 2007. С. 253).

Евтых (Евтыхов). Еутых ягьэхьун («Евтыхов поляна»), – к северо-востоку от бывшего а. Лакшукай.

Ежигоевы. Ежыгьгой («квартал Ежигоевых») – часть а. Уляп.

Емзекеры. Емызэкьуай – южная окраина а. Ассоколай.

Енемуковы. Щэнымыкьу (Енымыкьу) – («гора Енемуковых») – у а. Псибе.

Жажиевы. Жъажьихьабл («околоток Жажиевых») – часть а. Старо-Бжегокай.

Жанокеры. Жэнэкьой («квартал Жанокеров») – часть а. Ходзь.

Жемадуковы. Жэмадыкъомэ якIыгъу («брод Жемадуковых») – переправа через р. Чаграк.

Жеук. Жэукъ лъахъ («балка Жеука») – балка между а. Шенджий и Тугургой.

Заурбеч. Заурбэч имэз («лес Заурбеча») – на окраине а. Хатажукай.

Зезерий. Зэзэрыебг («возвышенность Зезерия») – в долине р. Аше.

Зехеч. ЗэхэкIыкъо ипхъэшъабэхэр («ивняк сына Зехеча») – у а. Вочепший на р. Псекупс.

Ие. Иегош – хребет между бассейнами рек Сочи и Чвежипсе, название одноименной горы и реки. Элемент *goш* – это адыгейское *кош* – «гора, горное пастбище»; Ие – измененная форма названия рода, владевшего этой территорией (Ворошилов В.И., 2007. С. 117).

Ильяс. Иласыкъом ипсынэжъ («старый родник сына Ильяса») – в окрестностях а. Блечепсин.

Инал. Инал – бухта между устьями рек Вулан и Джубга. Название связано с именем знаменитого вождя кабардинцев Инала, объединившего в конце XV – начале XVI в. под своей властью всех горцев Западного Кавказа. Есть еще один топоним: Иналь итчей – местность в верховьях р. Шахе, где сейчас расположен Бабук-аул. По К.Х. Меретукову (1981), этот топоним означает «Долина Инала» – в честь легендарного вождя кабардинцев Инала (Ворошилов В.И., 2007. С. 75).

Инух. Иныхъу хэкужъ («старые руины Инухова») – у р. Псибе. Иныхъу хэкужъ псынэр («заброшенный родник Инуха») – также у р. Псибе.

Кад. Къад япхъуат («балка Када») – овраг в а. Козет.

Кадаху. Къадэхъу ягъэхъун («поляна Кадахуа») – у а. Вочепший.

Казчериевы. Къазчэрыекъохъабл («квартал Казчериевых») – на окраине а. Агуй.

Кандауровы. Къэндаур япсынэжъ («старый родник Кандауровых») – у а. Блечепсин. Къэндауриешху («большой Кандаурей») – квартал а. Блечепсин.

Каншаовы. Къэншъэхъабл («квартал Каншаовых») – часть а. Ходзь.

Карагуликовы. Къэрэгъулыкъо мэз («лес Карагуликовых») – бывший большой смешанный лес в долине р. Къэрэгъулыкъо.

Караук. Къэрэукъохъаблэр («околоток Караука») – часть а. Пчегатлукай.

Каревы. Къэрэжъ ягъэхъун («поляна Каревых») – ныне затоплена Октябрьским водохранилищем.

Карек. Карек шель – балка в 2-х км от устья р. Годлик. Судя по всему, – от адыгского имени Карек (Ворошилов В.И., 2007. С. 120).

Каремуковы. Къарэмыкъомэ ямэз («лес Каремуковых») – у а. Хатукай.

Касбатыр. Къэсбатыр хъуат («балка Касбатыра») – у ст. Мартанской.

Касей. Къэсэй иикIыгъу («место переправы Касея») – через р. Лабу у ст. Темиргоевской.

Каспар. Къэспарэ иикIыгъу («место переправы Каспара») – через р. Марта у а. Ассоколай. Къэспатъркъо ихъуат («балка сына Каспара») – у а. Ассоколай.

Катбамбетовы. Къэтбамбэтыкъомэ («лес Катбамбетовых») – у а. Ассоколай.

Кац. Кацирха – хребет на левобережье долины р. Мзымта. Ш.Д. Инал-Ипа (1971) дает перевод «Долина Каца» (Кац – абхазское мужское имя, *арха* – «долина, равнина») (Ворошилов В.И., 2007. С. 121).

Келемет. Чэлэмэт игубгъу («поле Келемета») – окраина ст. Гостагаевской.

Кетук (Кетухо). Кетук – левый приток р. Шахе. Кетук (Кетухо) – адыгское имя (Ворошилов В.И., 2007. С. 122).

Кизбеч. Къызбэчхъабл («квартал Кизбеча») – часть а. Уляп.

Кимчерий. Къымчэрыхъаблэ хэкужъыр («Кимчерия околоток, пепелище») – у бывшего а. Лакшукай.

Коблевы. 1). Кобл яхъоу («балка Коблевых») – между а. Псейтук и Панахес. 2). Коблым имэз бгыгу («Коблева кут в лесу») – восточнее бывшего а. Лакшукай.

Колико. Колихо – урочище в верховьях одноименной реки – притока р. Агой. По В.И. Ворошилову (2007. С. 126), «возможно, мы имеем дело с собственным или фамильным (родовым) именем Колико, – «долина Колико (Колихо)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 126).

Кохуж. Къохужъ имэз («лес Кохужа») – между а. Хатажукай и х. Хапачевым.

Кочас. КъокIасэ ипсын («Кочаса родник») – у а. Хатажукай.

Куаль. Къуалэ икъос («рукав Куаля») – один из рукавов Лабы у а. Джамбечий.

Куановы. Къуанэмэ якIыгъу («переправа Куановых») – брод через р. Чаграк.

Кубачиевы. КIубэшIыгъу («квартал Кубачиевых») – часть а. Кошехабль.

Кубов. КIубэ хъаджэм ипцел («верба Кубова-хаджи») – название местности на берегу р. Чахрак.

Куд (Кудь). Кудепста – река, впадающая в Черное море в междуречье Хоста-Мзымта. Ш.Д. Инал-Ипа (1971) переводит этот топоним с абхазского «Ущелье Куды». Л.Я. Люлье (1927) упоминает шапсугский род Кудь (Ворошилов В.И., 2007. С. 135).

Кудайнетовы. Къудайнэтхъабл («околоток Кудайнетовых») – часть а. Ходзь.

Куже. Кужепс – небольшая река, впадающая в Черное море в 7 км от устья р. Нечепсухо. Возможно, топоним происходит от названия адыгского рода – «долина (рода) Куже» (Ворошилов В.И., 2007. С. 135).

го рода Михель (Мхель), а компонент *дыр* – от тюркского *дере* – «ущелье». Таким образом, Мекадыр – «долина (рода) Мека (Меха)». 2. Мехет (Мехетх) – гора, наивысшая тока хребта Нихетх на междуречье Аше-Псезуапсе. Мехе – название рода; *тх* (*тха*) по-адыгейски «хребет». Таким образом, Мехет – «хребет (рода) Мехе». 3. Микельрипш – село в долине р. Псоу. Из абхазского – «село (община) Михеля», где Михель – родовое имя (Ворошилов В.И., 2007. С. 152, 154).

Мешфезовы. МэщфэшIу якIэй («низина Мешфезовых») – у а. Джиджихабль.

Мичеч. МыкIэкIхаджэ ипсын («родник хаджи Мичеча») – на р. Марта у а. Нашукай.

Мишиноковы. Мышынэкьомэ ямэз («лес Мишиноковых») – на р. Чехрак.

Моле. Молэ имэкьухашъу («покос, принадлежащий Моле») – у а. Джамбечий.

Мугу. 1). Мыгухьаблэр («околоток Мугу») – один из районов а. Джиджихабль. 2). Мыгухьабл («квартал Мугу») – одна из частей а. Шехечей на р. Шахе.

Муты. Мутыхуасуа – крупный убыхский аул, располагавшийся до 1864 г. на правом берегу р. Сочи в 12 км от ее устья. Последняя часть этого сложного названия – искаженное абхазское *ста* (*пста*) – «ущелье, долина»; *хуа* (*гуа*) – по-убыхски «аул, селение»; Муты – родовое имя. Таким образом, этот топоним обозначает: «долина (река) рода Муты» (Ворошилов В.И., 2007. С. 156).

Мысь (Мысха). 1. Мосья гора – на водораздельном хребте междуречья Сочи-Псахе (Мамайка). Возможна связь с приводимым Л.Я. Люлье (1927) названием шапсугского рода Мысь отрасли Гоаго-Соотох (Ворошилов В.И., 2007. С. 155-156). 2. Мысхако – поселок на Малой Земле, в 4 км от Новороссийска; мыс в подножии южного склона горы Колдун. Л.Я. Люлье (1927) упоминает шапсугский род Мысь отрасли Гоаго-Соотох. В целом топоним означает «долина (рода) Мысь (Мысха)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 156).

Мэрэтыкьу. Маратуки – река, левый приток р. Пшехи. Гора Маратуки высотой 884,3 м, находится справа от р. Сосновка, правого притока р. Маратуки. В основу названия реки и горы легло наименование рода Мэрэтыкьу. *Мара* по-абазински – «солнце», *тыкьу* – «уголок, местечко», то есть «Солнечное место» (Костарнова Н.К., 2009).

Нав (Неу, Но). Навагир (Нодьир, Неугир) – название хребта на полуострове Абрау; одноименный ручей, впадающий в Черное море к югу от Малого Утриша. Не исключено, что первая часть топонима (Неу, Но, Нав) запечатлела название исчезнувшего рода, занимающего эту территорию; *гир* по-тюркски «ручей, долина». Тогда Навагир – «долина (рода) Нав (Неу)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 159).

Нагужевы. Нэгъожьыкьу («река Нагужевых») – у а. М.Псеушко.

Нагуо (Нагой). Наджиго – небольшой аул в верховьях р. Макопсе. Наджи – это современная адыгейская литературная форма старошапсугского «наги». Вероятно, в топониме запечатлелась господствовавшая в этой местности в прошлом напсугская родовая фамилия Нагуо (Люлье Л.Я., 1927). Следует учесть и свидетельство Белля о том, что в то время в долине Макопсе жил видный предводитель Идар-Оку Нагой (Ворошилов В.И., 2007. С. 160).

Наджоковы. Нэджыкьомэ адэжъ щыт псынэр («родник на земле Наджоковых») – у бывшего бывшего а. Лакшукай.

Нажуг. Нажугъу («лес Нажуга») – у пос. Новая Адыгея.

Нако-р (Нако). Накопсе – так называлась в прошлом река, впадающая в Черное море в южной части Цемесской бухты (современное название – р. Дооб). В основе топонима может лежать название древнего шапсугского рода Нако-р, упоминаемого Хан-Гиреем (1978). Тогда Накопсе – «река (рода) Нако» (Ворошилов В.И., 2007. С. 160).

Наксо. Наксошок – правый приток р. Псебе, впадающий в нее в 10 км от устья, вблизи аула Псебе. В топониме, очевидно, запечатлелось название проживавшего здесь адыгского рода (Ворошилов В.И., 2007. С. 160).

Намар. Намардук – правый приток р. Псебе, впадающий в нее в 7 км от устья. В топониме усматривается название рода, проживавшего в долине этой реки или владевшего этими землями (Ворошилов В.И., 2007. С. 160).

Намитиж. НэмытIыжъ имэкьупIэ ит псынэр («родник на покосе Намитижа») – у а. Псибе.

Напсо. Набзеркуладж – ручей, правый приток р. Шахе близ аула Б. Кимчай. По-адыгейски *куладж* – «балка, низина, долина, речка». В первой части топонима, очевидно, – искаженная адыгская фамилия Напсо. Таким образом, Набзеркуладж – «балка (речка), принадлежащая фамилии (роду) Напсо» (Ворошилов В.И., 2007. С. 158).

Наурзовы. Наурзэкьо кьуладж («долина реки Наурзовых») – приток р. Шахе.

Нафишевы. Нэфышъэ япсын («родник Нафишевых») – у а. Блечепсин.

Нахурай. Нэхъурае ипсын («родник Нахурая») – у а. Хатажукай.

Нашхо (Нашхуа). Нашхьом игъэхун («поляна Нашхуа») – у р. Туапч, притока р. Псекупс.

Н-бе-р. Наберджай – перевал на Маркотхском хребте. У Хан-Гирея (1978) есть упоминание о древнем шапсугском роде Н-бе-р (Ворошилов В.И., 2007. С. 161).

Негуз (Нагус). Нечепсухо (Негепсухо, Н-депсххо, Ниджипсухо, Ничепсухо, Нигепсухо, Негхипсе-ква). В основе топонима, вероятно, лежит название древнего рода. Характерно, что Л.Я. Люлье (1927) упоминает два шапсугских рода отрасли Кобле: Негуз и Нагус (Ворошилов В.И., 2007. С. 162).

Нефляшевы. Нэшгульэцхьабл («околоток Нефляшевых») – квартал а. Пшичеу на р. Фарс.

Нехай. Нэхэхьаблэр («околоток Нехая») – район а. Джиджихабль.

Нешей. НэшЙоитам («возвышенность Нешей») – у с.Марийно.

Нешуцеко. НэшҭуцІэкьо («низина Нешуцеко») – у а. Теучежхабль.

Ниожевы. 1. Ньожьые кьушхь («гора Ниожевых») – у аула 2-го Красноалександровского. 2. Наужи (Ниожий) – крупный правый приток р. Аше. В этих названиях запечатлелась шапсугская родовая фамилия Ниожевых (Ворошилов В.И., 2007. С. 161).

Нихе (Ниге). 1. Нихепш – название небольшой реки, впадающей в Черное море у мыса Идокопа. Вторая часть топонима *ниш* – это трансформированная адыгейская основа *псе, псы* – «вода, река»; первая часть (Нихе, Ниге) – название рода. 2. Нихетх – хребет, разделяющий течения рек Аше и Псезуапсе. Во второй части топонима *тх (тха)* – «хребет», а в первой части (Нихе) – название рода (Ворошилов В.И., 2007. С. 163).

Облего (Облагу, Аубла, Благе, Блегос). 1. Облего – гора и урочище в долине р. Пшады. Возможно, в топониме запечатлелось название адыгского рода, владевшего в прошлом этой местностью. И сейчас известна фамилия Блегос (*благо* по-адыгейски «змей, дракон»). 2. Аублааньрхта – древнее убыхо-абазинское название горы Батарейка, расположенной в центре г. Сочи. По А. Нордману (1837), это название означает: «Место святыни рода Аубла», где в середине XIX в. находилась священная роща с крестами и родовое кладбище влиятельной убыхо-абазинской фамилии Аубла (Облагу). Здесь был похоронен последний сочинский князь Аубла Али-Ахмет. 3. По свидетельству Ф. Торнау (1835), «...селение Облагуадаж (*куадаж* по-черкесски «селение»), расположено по обоим берегам р. Сочи. Другое название – Сочипсы... Названо по имени князя Али Ахмед Облагу, происхождение которого от племени адыга...». Л.И. Лавров (1936) передает свидетельства шапсугов: «На Вардане жил род каких-то Благе (т.е. «змей»), который являлся одним и тем же, что упомянутый у Ф. Торнау (1835) сочинский князь Облагу или Аубла» (Половинкина Т.В., 2006; Ворошилов В.И., 2007. С. 76, 167, 168).

Озерек. Озерейка (Озередь, Озерейк) – река, впадающая в Черное море в 3 км от озера Абрау. Белль пишет о долине Озерек, где жил князь Алиби Озерек. То есть в топониме запечатлелась фамилия знатного владельца этой местности.

Осман. Асманы балаганы – урочище в верховьях р. Ачипсе, – по имени турецкого предпринимателя начала XX в. Османа (Асмана), одного из строителей Красной Поляны (Ворошилов В.И., 2007. С. 63).

Пабго. Пэбгьо кІэй («Пабгова низина») – у села Марийно.

Пагуа. Паго ихьуат («овраг Пагуа») – у а. Теучежхабль.

Патух. ПатГыхьу имэкьу хашьу («сенокосная степь Патуха») – у а. Хатукай.

Пац. Пацэ ихьуат («овраг Паца») – у а. Хатажукай.

Педис. Пэдысэй Іапчъ («Педиса дорога через лес») – у а. Панахес.

Пехуа. Пэхьу игьэхьун («поляна Пехуа») – у р. Марты.

Пикуа. Пыхьу цыкІу там («возвышенность маленького Пикуа») – поляна близ а. Б.Кичмай.

Псибланоко. Псыбланэкьом игьэхьун («поляна Псибланоко») – у р. Марта.

Пшигеун. Пшыгьэунэ хьоу («балка Пшигеуна») – у а. Псейтук.

Пшидатовы. Пшыдэтэхьабл («квартал Пшидатовых») – район а. Вочепший.

Раху. Рахьу зытесыгьэр («там, где проживал Раху») – название местности за Лабой, к северо-востоку а. Егерухай.

Самахьхуаа (Самата-аху). 1. Самахьхуарипш – по сообщению А. Нордмана (1837), это название селения на земле садзов-джигетов между реками Мзымта и Сочи. По Инал-Ипа (1971), данный топоним восходит к старинному абхазскому роду Самахьхуаа. 2. Сухуми (Сухум-кале) – столица Абхазии. Сухумская гора в старину называлась по имени населявшего эту местность старинного абхазского рода Самахьхуаа (Самата-аху), остатки которого были выселены в Турцию во второй половине XIX в. Не исключена возможность, что и название города Сухуми связано с этим абхазским родом (Ворошилов В.И., 2007. С. 186, 200).

Сапиевы. Сапыйхьабл («околоток Сапиевых») – часть а. Шеудженхабль (а.Шовгеновский).

Сельмен. Сэлмэн икьутырыжь чьэхьагьу псынэу Іутыр («родник на окраине старого хутора Сельмена») – на северо-западной окраине а. Егерухай.

Сетовы. Сет псын («родник Сетовых») на южной окраине Егерухай. Сет кьуладж («овраг Сетовых») у 3-х курганов у а. Егерухай.

Сеху. Сэхьу ямэз («лес, принадлежащий Сеху») – у х. Коммуны Теучежского района.

Сирмаун. Сырмаунэ ичэтлэгу («овчарня Сирмауна») – у а. Джиджихабль.

Сиюховы. Сихьумэ якьушхьэ ТІуакІ («горное ущелье Сиюховых») – в верховьях р. Белой.

Соне. Сонэ имэз («лес Соне») – у а. Уляп.

Сосурокаевы. Как отмечает К.Х. Меретуков, одно время р. Фарс – левый приток Лабы – назывался Сосурокай (так же, как и бывшая махошевская деревня, являвшаяся центром всего племени махошей). Но есть и другое наименование Фарса – Ямансу Сосырокой («Плохая вода Сосурокаевых»).

Соххте-р (Осохай). Осохай – речка, впадающая в Черное море в 2-х км от устья р. Шахе. У Хан-Гирея (1978) упоминается натухайский род вольных земледельцев Соххте-р. Л.Я. Люлье (1927) писал о р. Осахай. В топониме запечатлелось название рода, проживавшего в прошлом в этой долине.

Соча (Сочи). Ручей Малый, или Гнилушка, ограничивающий Сочинский Дендрарий с востока, назывался Сочепа или Сочапа – «место (рода) Соче (Соча)». Это название не только реки, но и старинного поселения в нижней части ее долины (ныне город Сочи). По Эвлии Челеби (1641), в основе этого названия (Соча, Суча, Шаша, Саша, Саше, Саче, Сочи) лежит *старинное местное мужское родовое имя*, исконное произношение и этимологию которого ныне установить вряд ли возможно (Половинкина Т.В., 2006. С.148-149). Другие исследователи возводят этот топоним к «наименованию племени убыхской народности, у многих народов известного в виде саше (саша, шача, шъача, шаша, сшача, садша, шеача, соцва, соча. Шапсуги и сейчас его называют «Шъачэ» (шъашэ, шъачэ)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 195, 215).

Сусана. Сусанэ нэпс («слезы Сусаны») – приток р. Агуй.

Суэ. Суэтха – гора на водораздельном хребте между долинами Шахе и Якорной щели. В переводе – «хребет (рода) Суэ» (Ворошилов В.И., 2007. С. 201).

Тамюр (Тимур). Тамюрдере – гора на правобережье долины р. Макопсе. Тамюр (Темир или Тимур) – тюркское имя; *дере* – «ущелье». Топоним означает «ущелье Тамюра (Тимура)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 203).

Таркановы. Тэркээнэхьабл («околоток Таркановых») – часть бывшего а. Лакшукай.

Таутеч. Таутэч шъуамбгъу («Таутеча широкое болото») – у а. Панахес.

Тахтамукко. Тяхтанепс – небольшой ручей, впадающий в р. Псеча близ аула Красноалександровский П. Второй компонент топонима *пс(ы)* – «вода, река»; Тахтамукко – адыгское имя. Возможно, компонент *нэпс* происходит от родового названия Напсо (Ворошилов В.И., 2007. С. 211).

Теко (Деко, Дегуф). Текос – правый приток р. Вулан. Полная форма этого топонима – Текопс (Текопсе), но геленджикские и пшадские греки изменили эту форму и приняли более привычное для их языка название Текос. В основе топонима усматривается название шапсугского или натухайского рода Теко или Деко. В свое время Л.Я. Люлье (1927) упоминал род Дегуф шапсугской отрасли Кобле (Ворошилов В.И., 2007. С. 203).

Темзоковы. Тэмзэкьо кІэй («долина Темзоковых») – у а. Лыгъотх.

Темир. Темыр лъэгу («площадь земли Темира») – местность залита Октябрьским водохранилищем.

Теш (Тешевы). Тешебс – река, впадающая в Черное море на восточной окраине пос. Архипо-Осиповка, а также одноименный поселок в верховьях этой реки. Судя по всему, топоним означает «река (долина) рода Теш», по имени Теш (Тешевых) – известной адыгейской фамилии (Ворошилов В.И., 2007. С. 205).

Титуа. Титу иблыгу («куток Титуа») – у а. Пшичеу.

Тиухадж. Тыухаджэм ипхьаль («делянка Тиухаджа») – у бывшего а. Лакшукай.

Тлашеко. Лъашэкьом имэкъух («покос Тлашеко») – был у а. Эдепсукай-1.

Тлехун. Лъыхунэ итыгъагъу («солнечная поляна Тлехуна») – у горы Псеушхо.

Тлигок. Лыгъокьом ипсын («родник Тлигока») – у а. Пшичеу.

Тлидидж. Лыдыдж ипсын («колодец или родник Тлидиджа») – на окраине а. Егерухай.

Тлиевы. Лыехьабл («околоток Тлиевых») – часть а. Старо-Бжегокай.

Тлиф. Лыфмэ япсын («родник Тлифов») – у р. Аше.

Тлюстанокков. Лъэуэстэныкьо икІыгъор («брод Тлюстаноккова») – на р. Псекупс у а. Пчегатлукай.

То (Туо). Токуш – хребет на левобережье долины р. Туапсе. То (Туо) – название старинного рода; *куш* – искаженное *кошх* – «гора». Топоним переводится: «гора (рода) То (Туо)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 207).

Тохушикуа. Тэхъущэкъуай («околоток Тохушикуа») – часть а. Кошехабль.

Трамовы. Трамкъуадж («аул Трамовых») – один из районов а. Кошехабль.

Ту. 1. Река Ту (Дтус, Ттус) впадает в Черное море в 6 км от устья р. Нечепсухо; Ту – также название одноименной горы. Л.Я. Люлье (1927) упоминает о роде Ту шапсугской отрасли Надхо. Д.Н. Коков (1974) считает, что в топониме закрепилось хакучинская фамилия Ту; известна также абадзехская фамилия Ту. По всей видимости, это родовое название закрепилось за местностью с начала XIX в. 2. Тубе – левый приток р. Колихо в бассейне р. Агой. В первой части топонима, возможно, запечатлелось название древнего адыгского рода Ту; *бе (бай)* – «много, богатый». Тогда Тубе переводится как «богатая (плодородная) долина (рода) Ту». 3. Тугош – гора на водоразделе рек Агой и Небуг. Судя по всему, название означает «горное пастбище (рода) Ту». 4. Город Туапсе расположен на Черноморском побережье в устье одноименной реки. Общепринято объяснение этого топонима из адыго-убыхского *ту* – «два» и *псе (псы)* – «река, вода». Вместе с тем, как отмечает В.И. Ворошилов (2007. С. 209), «раннесредневековая Топсида, бжедугское название р. Вулан – Топсин, р. Ту в 20 км от Туапсе, р. Тубе в 7 км от Туапсе, гора Тугош в 12 км от Туапсе, гора Туишхо на левобережье р. Туапсе, а также многочисленные свидетельства авторов первой половины XIX в. об адыгском роде Ту (Ттуо) дают серьезные основания считать, что в основе всех перечисленных географических названий, включая современный топоним Туапсе, лежит имя древнего адыгского рода Ту (Туо), проживавшего в этой местности. Таким образом, Туапсе – «река (рода) Ту» (Ворошилов В.И., 2007. С. 208, 210).

Тугуж. Тыгъужы имэз («лес Тугужа»), Тыгъужымэ ячъыг («дерево Тугужев») – местность у а. Теучежабль.

Тухо. Тох-аул (Тух-аул) – урочище на месте бывшего аула на правом берегу р. Шахе. Возможно, так названо по натухайской фамилии Тухо, широко известной в середине XIX в. (Ворошилов В.И., 2007. С. 207).

Туху. Тыхъу – название притока р. Псекупс, перевала и населенного пункта – от собственного имени Туху. Тыхъу итх («хребет Туха») – у а. Псибе.

Тхагапшевы. Тхагапш – старое (XIX в.) название современного аула Кирова на правом берегу р. Псецуапсе. К.Х. Меретуков (1981) выводит это название от фамилии Тхагапшевых (*тха* по-адыгейски – «хребет» или, скорее всего, восходит к адыгейскому *тха*, *тга* – бог, божество (Ворошилов В.И., 2007. С. 124).

Тхаичат. Тхъаичатэ ипсын («родник Тхаичата») – затоплен Октябрьским водохранилищем.

Тчекожуковы. Цокъэжьыкъо ямэз («лес Тчекожуковых») – у а. Пшизова.

Тчилегот. Чылэгъоты яхъоу («овраг Тчилегота») – к западу от а. Пчегатлукай.

Тымиш. Тымыш ильахъ («балка Тымиша») – овраг вошел в Чибийскую оросительную систему.

Улигутш. Пульгукъы ипсынашъхъ («родник Улигутша, находящийся в верховье») – у а. Ассоколай.

Хабитчуа. Хъабыцы имэз («лес Хабитчуа») – кустарниковый лес на берегу р. Лабы к северу от а. Егерухай.

Хабрак. Хъабракъ имэз («лес, принадлежащий Хабраку») – у с.Штурбино.

Хагба. Ах-аг (Ахах, Ахахса, Ахахча) – гора в долине р. Псоу. По Ш.Д. Инал-Ипа (1971), этот топоним пишется Хаг; в нем запечатлено абхазское родовое имя Хагба (Ворошилов В.И., 2007. С. 65).

Хагур. Ранее р. Ходзь (Фэдз) называлась Хагур (Хъагъур), по имени рода.

Хаджебий. Хъаджэбий икъогъу («Кут Хаджебия») – у а. Пшизова.

Хаджемукон. Хъаджэмыкъо имэз («лес Хаджемукон») – у а. Пшизова.

Хаджибирам. Хъаджибиром («река Хаджибирама») – приток р. Гостигай. Хъаджибиром имэкъух («покос Хаджибирама») – у а. Джиджихабль.

Хаджирет. Хъаджрэт лъагъу («тропа Хаджирета») – у р. Псибе.

Хаджиретов. Хъаджирэтмэ ямэз (лес Хаджиретовых) – за р. Лабой напротив а. Егерухай. В прошлом в этом лесу скрывались народные мстители – хаджиреты.

Хажак. Хъажакъэ имэкъух («покос Хажака») – у бывшего а. Эдепсукай-1.

Хажогоковы. Хъажгъогъо там («возвышенность Хажогоковых») – в верховьях р. Шахе.

Хазехезий. Хъазэхэзы тхыцълэр («возвышенность Хазехезия») – на р. Марте.

Хазир. Хъазыр къуладж («долина Хазира») – река, впадающая в р. Псышлу.

Хако (Хаку). 1. Псецохо (Псецохо) – водораздельный хребет, разделяющий бассейны рек Лауры и Мзымты. Хако – родовое имя. Ср. Хокоча (Хакоча) – убыхское название р. Верещагинка. 2. Хакукай – гора на водоразделе рек Аше и Макопсе. Хако (Хаку) – адыгское собственное имя; *куай* – «принадлежащий кому-то». Топоним означает «гора, принадлежащая Хаку» («гора Хаку») (Ворошилов В.И., 2007. С. 178, 226).

Хакок (Хъакъок). Хъакъокуай – местность в долине р. Аше. Здесь в прошлом было селение, принадлежавшее Хъакъоку.

Хакуикон. Хъакъуикъо («река Хакуикон») – течет с горы Псеушхо.

Хакуриновы. Хъакурынэмэ яхъуп («пастбище Хакуриновых») – в районе Лагонаки.

Хамамеж. Хъамэмэжьы ипсын («родник Хамамежа») – у поселка Зарево Шовгеновского района.

Хамат. Хъаматэ итыку («куток Хамата») – лес у а. Теучежхабль.

Хамзий. Хъамзий ихъуат («овраг Хамзия») – у а. Теучежхабль.

Хамиш. Хъамышгъэ хъоу («балка Хамиша») – у а. Панахес.

Хамтау. Хъамтау илпчъ («лесная тропа Хамтау») – в верховьях р. Белой.

Хамтох. Хъамтэхъухъабл («околоток Хамтоха») – часть а. Пчегатлукай.

Хамшау. Хъамшгъао ипс («река Хамшау») – у а. Панахес, от собственного имени Хамшау.

Ханауа. Хъанауа илпчъ («проход Ханауа») – у а. Хатажукай.

Ханешуа. Хъанэшгъу мыгъакъу («препятствие Ханешуа») – балка у а. Джиджихабль.

Ханоковы. (Хауноковы). Хъаныкъуай (Хъаунэкъуай) – («лес Ханокон (Хауноков)») – на юго-западной окраине а. Егерухай.

Хану Хаджи. Хъаныу Хъаджэ илъэмьдж («Хану Хаджи мост») – у а. Джамбечий.

Хаореж. Хъаорэж ипхъуат («овраг Хаорежа») – у а. Понезукай.

Хапак. Хъапакъэ ипсын («родник Хапака») – у а. Хатажукай.

Хапач. Хъапакъэ иут («пруд Хапача») – у р. Туапч. Хъапакъэ иблыгу («куток Хапача») – у р. Пшичеу.

Хапачев. Хъапэкълай («лес, принадлежащий Хапачеву») – лес у бывшего а. Эдепсукай-2. Хъапэкълай («околоток Хапачевых») – часть а. Пшичеу на р. Фарс.

Хапшетиковы. Хъапшгъэтыкъымэ ягъэхъун («поляна Хапшетиковых») – в верховьях р. Пшиш.

Хасан. Хъасанэ игъэхъун («Хасанова поляна») – в лесу Хаджемукон.

Хасас. Хъасасэ иикъыгъу («переправа Хасаса») – на р. Лабе у ст. Некрасовской.

Хатик. Хъатыкъ икъужбай («грушевик Хатика») – у а. Старо-Казанукай.

Хатикуа (Хатукай). Хъатикъуай («Хатикуа аул») а. Хатукай на р. Кубани у устья р. Лабы. По К. Меретукову, это название – от собственного имени Хатикуа. По другим источникам, аул был основан в 1852 г. отпрысками Хатукая Чачанок, – темиргоевца княжеского происхождения. Хъатикъуай («Околоток хатукаевцев») в г. Армавире.

Хатковы. Хьаткьокьохьабл («околоток Хатковых») – часть а. Адамий.

Хатрамовы. Хьатрамтыку («куток Хатрамовых») – у ст. Натухаевской. Хатрам – одна из родовых фамилий в племени гьуагь, впоследствии вошедшего в состав натухайцев.

Хатрамуковы. Хьатрамыкьо чьыгур («земля Хатрамуковых») – у а. Нешукай.

Хату. (Хатуа) Хьатыу ипан («терновник Хатуа») – у х. Пульхерово на р. Лабе.

Хатуа. Хьатыухьаблэ хэкужьыр («околоток пепелища Хатуа») – у бывшего а. Лакшукай.

Хатухсапк. Хьатыхьусапкэ ипсын («родник Хатухсапка») – у а. Псибе.

Хатыж. Хьатыжь имэзхьурай («округлый лес Хатыжа») – в Шовгеновском районе.

Хаху (Хахо). Хахухабль – правый приток р. Шахе в 1 км от аула Б. Кичмай. По-адыгейски *хабль* – «квартал, аул»; Хаху (Хахо) – шапсугская фамилия. Хахухабль – «Аул Хаху» (Ворошилов В.И., 2007. С. 228).

Хахужевы. Хьахужькьопс («долина реки Хахужевых») – приток р. Агуй.

Хахунажевы. Хьахунажом ипс («река Хахунажевых») – на северо-восточной окраине а. Ходзь.

Хахупоковы. Хьахупэкьохьаблэр («околоток Хахупоковых») – район а. Джиджихабль.

Хацеж. Хьацэжь кьэи («нижина Хацежа») – у р. Шахе.

Хацикун. Хьацыхькун («балка Хацикуна») – у пос. Яблоновского.

Хачако. Чхакып – урочище на левобережье склона долины р. Аше. Вероятная первоначальная адыгейская форма Хачакип – «Место Хачако» (Ворошилов В.И., 2007. С. 242).

Хачаш. Хьаклащ имэз («поляна или лес Хачаша») – у х. Соколова.

Хачецуковы. Хьакьэцыхьабл («околоток Хачецуковых») – район а. Пшичеу на р. Фарс.

Хачишао. Хьакьэшао игьогу шьыгь («дорога, сделанная Хачишао»).

Хаша (Хашик, Хашафлыко). 1. Хашафлыктепе – гора на водоразделе рек Шепси-Макопсе. Хаша (Хашик) – адыгское имя; Хашафлыко (Хашатлыко) – название рода; *тепе* – из тюркского «холм, гора». Топоним означает «гора (рода) Хашафлыко». 2. Хашупсе – река, впадающая в Черное море у подножья северного склона Гагринского хребта. На карте Дороватовского (1911 г.) зафиксирована как Хошупсе. Хаша (Хашик) – адыгское имя или название рода. Топоним означает «река (рода) Хашу» (Ворошилов В.И., 2007. С. 228).

Хашхуан (Хашхуане). 1. Хьашхуанэ мэз («лес Хашхуана») – у а. Ново-Казанукай. 2. Хашхуане иплап – адыгское название горы Семиглавой в Туапсинском районе, расположенной на западе Главного Кавказского хребта, названной так из-за того, что имеет несколько вершин. «Хашхуане» имя собственное: *плэн* – смотреть, *пэ* – место, отсюда – «Обзорное место Хашхуана» (Костарнова Н.К., 2009).

Хепш-ипа. Кепша – правый приток р. Мзымты. В середине XIX в. в этой местности была известна княжеская джигетская фамилия Хепш-ипа (Ворошилов В.И., 2007. С. 121).

Химиш. Хьымышькьэи («долина Химиша») – село Хамышки близ ст. Даховской.

Хоко (Хуако). Хокоча – старое адыгейское название ручья, разделяющего Центральный и Хостинский районы г. Сочи (современное название – ручей Верещагинка). Хоко (Хуако) – адыгская фамилия; *ча* – «место, долина». Таким образом, Хокоча – «долина (рода) Хоко» (Ворошилов В.И., 2007. С. 230).

Хоретлевы. («хабль Хоретлевых») – часть а. Шеудженхабль (а.Шовгеновский).

Хотих. Хьотыхэ ипсын («родник Хотиха») – у а. Теучежхабль.

Хуажев. Хьуажь икьэтыку («Хуажева низина») – у а. Панахес.

Хуаковы. 1. Хьокьохьабл («околоток Хуаковых») – часть а. Пчегатлукай. 2. Хьокьотемен («болото Хуаковых») – у бывшего а. Лакшукай.

Хубытевы. Хьубытэхьаблэр («околоток Хубытевых») – квартал а. Джиджихабль.

Хундж. Хунджа – название убыхского аула в урочище Садша, близ горы Аублаарныха (современное название гора Батарейка). Возможно, родовое название (во всяком случае, на «Карте Черкесского берега» (1838) встречается имя убыха Османа Хунджа) (Ворошилов В.И., 2007. С. 232).

Хурух. Хьурыху кьуладж («речная долина Хуруха») – левый приток р. Псышю.

Хутыз. Хьутыхьжхьаблэр («околоток Хутызов») – район а. Джиджихабль.

Хуцам. Хьуцам иорыжь («болота Хуцама») – у а. Хачемзий.

Хуштовы. Хьуштхьабл («квартал Хуштовых») – часть а. Шехечей на р. Шахе.

Цам (Цамиш). 1. Цамжип – урочище на правом берегу р. Аше, близ аула Красноалександровский I. Возможный перевод с адыгского – «Место старого Цама (Цамиша)». 2. Цамиш – название родника на правобережье р. Аше. От шапсугской фамилии Цамиш (Цам) (Ворошилов В.И., 2007. С. 233).

Цан (Цанды, Цундышхэ, Чундышко). 1. Цанык (Цаник) – крупный правый приток р. Мацесты. Верховье р. Цанык носит название Цице. Название р. Цице, по Инал-Ипа (1971), – от родового имени Цицв. Возможно, топоним Цанык (Цаник) свидетельствует о пребывавшей здесь до 1864 г. группы абазин из рода Цанов (Цандов). 2. Цандрипш – старое название нынешнего пос. Гантиади в устьевой части долины р. Хашупсе близ Сочи. До второй половины XIX в. здесь проживали абазин общества садзов-джигетов Цандрипш (Цанды, Цанба, Чанда). Еще Э. Челеби упоминал здесь племя чандов (Ворошилов В.И., 2007. С. 94, 235). 3. Цындышка (Цинбишьха, Чундишхо) – гора высотой 1951 м, расположенная к северу от Черкесского перевала, на водоразделе истоков рек Мзымта и Цахвоа. Первая часть топонима – Цанды – название

одного из абазинских обществ садзов-джигетов; *аиша* – по-абхазски «гора». В современной адыгейской антропонимике встречается фамилия Цундышхэ (Цан, Чундышко) (Костарнова Н.К., 2009).

Цейко (Цейко). Цэйкьо кьуладж («долина реки Цейко») – р. Псишотх у а. Кирова.

Цизагуа. Цызагъу («лес Цизагуа») – является продолжением леса «Быкъан мэз».

Цикужий. Цыкѳужьы итал («тополь Цикужия») – местность у а. Тугуругой.

Циу (Циуа). Цыужъ хьаджэ ильэмыдж («мост старого хаджи Циуа»).

Цкуа. Уцкуа (Уцуа) – убыхский аул, располагавшийся до 1864 г. в верховьях р. Хобзы. Ш.Д. Инал-Ипа (1971) связывает это название с абхазской фамилией Цкуа, проживающей в сел. Джирхва (Ворошилов В.И., 2007. С. 223).

Цух (Чух). Цухсвадж (Цухквадже, Чухквадже) – река, впадающая в Черное море в 3-х км от устья р. Псезуапсе. Цух (Чух) – название адыгского рода; куадж – «аул». Топоним переводится как «аул (рода) Цух» (Ворошилов В.И., 2007. С. 235).

Цуцуа. Цуцуюк («сын Цуцуа») – горная речка, протекающая мимо скалы «Сердце-камень».

Чак. Клаком игъэхъун («поляна Чака») – у х. Хапачева на р. Лабе.

Чано. Чанокулядж – левый приток р. Шахе близ аула Малый Кичмай. По родовой фамилии Чано + *кулядж* – «балка, река». Чанокулядж – «балка Чано» (Ворошилов В.И., 2007. С. 236).

Чачух. Клакѳыхъу кьуладж («долина реки Чачуха») – один из притоков р. Шахе.

Чемит (Чимит). Чимит – река, впадающая в Черное море в 6 км от устья р. Шахе. Очевидно, от собственного имени Чемит (Чимит) (Ворошилов В.И., 2007. С. 239).

Чемиток (Чемитоковы, Чермитовы). Чемитоквадже (Зубова щель) – река, местность в Лазаревском районе г. Сочи – поселок между устьями рек Чимит и Чухукт. Переводится с адыгского «Селение Чемитока (Чемитоковых)». К.Х. Меретуков (1981) пишет этот топоним как Чермиткуадж – «аул Чермитовых» (Ворошилов В.И., 2007. С. 236).

Чемплеу. Чемтлеушха – гора в бассейне р. Шахе. По-адыгейски и по-абхазски *иша* – «высота, гора». В первой части топонима – название рода – «гора (рода) Чемплеу» (Ворошилов В.И., 2007. С. 236).

Черим. Чэрым хэкужъыр («руины села Черима») – поляна на окраине а. Шехечей на р. Шахе.

Чеук. Цоукъом ильэмыдж («мост Чеука») – у а. Гатлукай.

Чеуховы. Чэухъутам («возвышенность, берега Чеуховых»).

Чизма (Чижба). Чизма – два крупных убыхских аула, существовавших до 1864 г. в бассейнах рек Сочи и Псахе и принадлежавших Мисаусту Чизма (Чижба) (Ворошилов В.И., 2007. С. 236).

Чиха (Чеха). Чихашха – вершина на Главном Кавказском хребте в 8 км от горы Фишт. Чиха (Чеха) означает исчезнувшее родовое имя; *иша* – «вершина, гора». Чихашха – «гора (рода) Чиха» (Ворошилов В.И., 2007. С. 239).

Чуа. Чугуш – хребет и гора в верховьях р. Мзымты. По свидетельству Ф. Торнау, в 30-х гг. XIX в. в междуречье Мацеста-Хоста проживали чуа – род садзов-джигетов; *гуш* – искаженное *куиш* (*коиш*) – «гора, пастбище». Таким образом, Чугуш – «горное пастбище (рода) Чуа» (Ворошилов В.И., 2007. С. 239).

Чужоковы. Кѳыжъокъой («квартал Чужоковых») – часть а. Ходзь.

Чушх. Цушъхэм имэкъутх («сенокосная поляна Чушха») – у горы Псеушхо.

Чух (Чуху, Цух). Чухукт (Чухкыт) – река, впадающая в Черное море в 8 км от устья р. Псезуапсе. В первой части топонима отражено имя рода Чух (Чуху, Цух); *кыт* (*кт*) – абазинское обозначение селения. Таким образом, Чухукт – «селение (рода) Чух» (Ворошилов В.И., 2007. С. 240).

Чушховы. Цушъхэхабл («околоток Чушховых») – окраина а. Агуй.

Чыгу. Чужгуча или Чигахуча – местность и аул в среднем и нижнем течении р. Цвижи – правого притока р. Мзымта. Буквально: «Селение (фамилии) Чыгу (Половинкина Т.В., 2006).

Шабановы. Шэбэнэхьабл («квартал Шабановых») – район а. Панахес.

Шажевы. Шъажьомэ япсын («родник Шажевых») – на хребте Жъорыжъ.

Шазо. Щешъэхьабл («околоток Шазо») – часть а. Нешукай.

Шаов Алий. Шъаукъо Алий ихъуат («балка Шаова Алия») – у а. Пшизова.

Шахан-Гирей-Ипа. Шангерейпацвареху (Шхангерелпацвареху) – старое название горы Виноградной в г. Сочи (в районе современного санатория им. Кирова), зафиксированное на «Карте Черкесского берега» (1838 г.). В первой части топонима ясно прослеживается абазинская (или адыгская) фамилия Шахан-Гирей, – таким образом, топоним означает: «гора (рода) Шахан-Гирей-Ипа». Впрочем, есть также объяснение этого топонима и от названия племени шахгирей (Ворошилов В.И., 2007. С. 242).

Шеколетх (Шеколе, Шекотле). Шеколетх – гора на хребте Кохотх в верховьях рек Туапсе и Агой. По-адыгейски *тхи* (*тх*) – «хребет, гора»; первая часть топонима – от названия рода. Шеколетх – «гора (рода) Шеколе (Шекотле)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 250).

Шеретлуковы. Шэрэлѳыкьо гъэхъунэр («поляна Шеретлуковых») – на р. Агуй.

Шеубзегуа. Шъоубзэгу иѳапчъ («роща Шеубзегуа») – проход через лес близ а. Ассоколай.

Шеуджен. Шэуджэбжьэщ («лес Шеуджена») – у бывшего а. Лакшукай.

Шеукар. Шъэукъарэ имэкъух («покос Шеукара») – у а. Джиджихабль.

Шиков Мос. Щыкыы Мосэ игъэхъун («поляна Моса Шикова») – у а. Хатукай.

Шинджиевы. Щынджыетх («хребет Шинджиевых») – у а. М.Псеушхо.

Ширух. Щырыхъу («балка Шируха») – у а. Джерокай.

Шиужие. Шыужыы зыкысыгъэр («там, где проживал Шиужие») – местность у леса Чутхале.

Шиупак. Шыупакъэ ичыгъхэр («деревья Шиупака») – у а. Пшикуйхабль в Теучежском районе.

Шлаб (Шелеб). Хлудовский ручей (ныне – канал вдоль ул. Донской в г. Сочи) в прошлом назывался Шлабистага «долина (рода) Шлаб (Шелеб)» (Ворошилов В.И., 2007).

Шо (Шу). Шокуш (Шокуш, Шукош) – скала на правом склоне долины р. Малое Псеушхо. По-адыгейски *коих* (*куих*) – «гора, горное пастбище». Шокуш – «гора (рода) Шо (Шу)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 251).

Шолох (Шеулех, Солох). Солох-аул – село в Лазаревском районе г. Сочи на берегу р. Шахе выше устья р. Кичмай. Название села происходит от мужского имени Шолох. У Тешева пишется Шеулеха аул, где Шеулех – родовое имя. Впрочем, по Хан-Гирею (1978), Солох-хе – это «отрасль бесленеевского племени, проживавшего до середины XIX в. в верховьях Большой и Малой Лабы» (Ворошилов В.И., 2007. С. 190). По Т.В. Половинкиной (2006. С. 207), Солох (Шолох) принадлежал к влиятельной убыхской фамилии Берзек, из которой вышли крупные военные и политические лидеры периода 1820-1860-х гг.

Шхагуан. Шъхъагъуанэ ихъуат («балка Шхагуана») – у а. Вочепший.

Шхорпаш. Шхъорпашэм илахъ («делянка Шхорпаша») – у а. Джиджихабль.

Щащ. Щэщые иапчъ – дорога близ а. Пшизова. По преданию, здесь была похищена девушка Щащ, чье имя закрепилось за местностью.

Эсхориш. Эсхориш – большой аул, располагавшийся в устье р. Кудепсты, по названию джигетского рода Эсхориш. Ф. Торнау (1835) отмечал, что «...общество Эсхориш считает до 200 семейств». А. Нордман (1837) также упоминал селение Эсхориш (Масхариш) (Ворошилов В.И., 2007. С. 255).

1.5. «Могильные тени великих забвений и ратной судьбы...»

Особую ценность для историка и географа представляет изучение «микротопонимов» – названий рек, лугов, родников и т. д. Ценность их многократно возрастает, если в этих названиях сохранились «законсервированные» временем имена наших предков. В памяти старожилов сохранилось множество таких названий, например: лес Шеуджена у а. Лакшукай; река Хамшуа у а. Панахес; родник Хамамета у пос. Зарево; кут Хаджебия у а. Пшизова; степь Абдулеха у а. Джамбечий; балка Дамира у а. Афипис; низина Дахшука у а. Понежукай; мост Хаджи Хануа у а. Джамбечий; земля Хатрамуковых у а. Нешукай; болото Хуаковых – у а. Лакшукай; переправа Тхаркуахо у а. Джамбечий и т. д.

К числу таких «микротопонимов» относятся и курганы, а также сохранившиеся в географических названиях могилы (преимущественно воинов), – поистине «летопись» истории адыгов.

1.5.1. Курганы рассказывают...

На открытых, далеко отовсюду видных местах, хоронили черкесы погибших героев, под грудами камней, под высокими курганами – хранителями стольких преданий.

В.А. Потто

*На свет от звезды,
Ккак старинные раны,
Бжедугская степь
Открывает курганы...
На свет от звезды –
Встают из курганов могильные тени,
Могильные тени великих забвений
И ратной судьбы.*

Нальби

Время необратимо. Никогда уже не вернуться люди, жившие до нас, не произойдут вновь события, участниками и свидетелями которых они были. Но все же история нам иногда дает возможность перебраться в прошлое своеобразные «мостики». И тогда, «пройдя по ним», мы можем силой нашего воображения встретить тех, кто давно ушел от нас, стал тенью и прахом.

Как правило, курганы называли именами народных героев, князей, владетелей земель. И, может быть, кто-нибудь из читателей найдет в этом перечне-мариологе имена своих предков. Итак, слушайте голоса курганов, прорвавшиеся к вам сквозь столетия:

Анджэс. Анджэс илошъхыц («курганы Анджэса») между сел. Унароково и Натырбово в Кошехабльском районе. Легенда гласит, что Анджэс – это герой, павший в сражении с великанами, везшими пленницу-адыгейку. Он победил великанов, но от тяжелой раны скончался.

Асран Гуашъхо (Асран Уашх). В топонимике адыгов запечатлены грозные события, связанные татаро-монгольским нашествием. На территории нынешней Адыгеи сохранилось название кургана Асран Гуашъхо

(Асран Уашх). По преданию, под этим курганом похоронены четыре легендарных воина-богатыря, погибших в жестоких сражениях с татаро-монголами: Джэтыгужь Ушъуашбор, Шэгъэшъуй Нэджэшъу, Асран и Адэхъун.

Асран. Асран иуашъхь («курган Асрана») – у а. Ново-Казанукай.

Афасижевы. Афэсыжъмэ иуашъхь – («курган Афасижевых») у а. Уляп.

Ахмет. Ахъмэт ибг («Ахмета скала» или «курган Ахмета») – на юго-западной окраине ст. Ахметовской Лабинского района.

Батметовы. Батмэт яуашъхь («курган Батметовых») у а. Пшизова.

Беджин. Бэджын иуашъхь («курган Беджина») у а. Ассоколай.

Бесленевы. Баслэнеймэ яуашъхь («курган Бесленевых») у а. Октябрьского. По преданию – в честь сына князя Беслана.

Бечир. Бэчър иуашъхь («курган Бечира») – у а. Шовгенова.

Билух. Былыхъу иуашъхь – («курган Билуха») у а. Теучежхабль.

Боренук. Борэныкъо иуашъхь – («курган Боренука») у а. Шенджий.

Брафтоков. Брафтэкьом иуашъхь («курган Брафтокова») на северной окраине а. Егерухай недалеко от берега р. Лабы.

Гошсох. Гошсэхъу иуашъхь («курган Гошсехуа») – юго-восточнее а. Пшикуйхабль.

Джанкуль. Джанкъулэ иуашъхь («курган Джанкуля») у а. Хатукай.

Джигунов Халил. Джыгунэ Хъалил иуашъхь («курган Халила Джигунова») у а. Уляп.

Едиг. Едыджы иуашъхь («курган Едига») у а. Джиджихабль.

Искандер Алий. Искандер Алий иуашъхь («курган Искандера Алиа») у а. Уляп.

Каражий. Къэражъые иуашъхь («курган Каражия») у а. Нашукай.

Караов. Къэрэу ямолэ иуашъхь («Караова муллы курган») – большой курган за болотом Бедане.

Карбеч. Къарбэч иуашъхь («курган Карбеча») у а. Понежукай.

Кашандрук. Къэщандрукъом иуашъхь («курган Кашандрука») у а. Теучежхабль.

Колэсыжъ. – в честь богатыря-нарта – курган в а. Хатажукай.

Кузаноко. Къузанэкъо иуашъхьхэр («курганы Кузаноко») – название множества мелких курганов, расположенных на восточной окраине а. Ходз (Фэдз). Среди них осталось лишь три маленьких кургана, а остальные распаханы. Предание рассказывает, что в далеком прошлом здесь произошла кровопролитная битва. До сих пор сохранилось выражение: «Алахъэм Къузанэкъо еш!» – «Пусть Аллах сделает как на Кузаноко».

Мезагуа. Мэзагъо иуашъхь («курган Мезагуа») – а. Вочепший.

Нагой. Нэгъоим иуашъхь («курган Нагоя») – у а. Джирокай.

Ошад. («курган Ошъадэ») – в честь легендарного наездника. Курган расположен в г. Майкопе; по нему названа – ул.Курганная).

Пазад. Пэзадэ иуашъхь («курган Пазада») у а. Блечепсин.

Сабаевы. Собай иуашъхь («курган Сабаевых») в верховьях р. Убин.

Саусырыко. Нарт Сосырыкъо иуашъхь («курган нарта Саусырыко»).

Сетовы. Сет иуашъхь («курган Сетовых») у а. Егерухай. Сет – родовая фамилия. Предание гласит, что курганы эти существовали еще при нартах, живших на левом берегу Лабы. Среди нартов особенно отличались братья Сетовы: они славились своим искусством в кузнечном ремесле; по изготовлению орудий труда с ними никто не мог сравниться. Богатыри отличались также своей храбростью в боях. Территория, занятая курганами, в прошлом являлась священным местом, здесь устраивали коллективные моления.

Татуукуа. Татыукъо Хъаджэм иуашъхь («курган Хаджи Татуукуа») в устье р. Ульки.

Тирух. Тырыхъу иуашъхь («курган Тируха») у а. Хачемзий.

Тликой. Лпыкъошын иуашъхь («Тликошин курган») – на окраине а. Егерухай. Название кургана от имени Енемuko, носившего насмешливое прозвище «тливош» – «кувшин».

Тлихудида. (Лпыхъу дыдж иуашъхь («курган Тлихудида») у а. Ассоколай.

Томанш. Томаныщ иуашъхь («курган Томаниша») у а. Вочепший.

Тхин. Тхынэ иуашъхь («курган Тхина») – между а. Уляп и р. Лабой. Назван в честь добродетельной женщины Тхыне, похищенной сказочными волшебниками.

Урусов Пшимид. Пщымыдэ иуашъхь («курган Пшимида – не признающего князей человека») – у а. Урупск.

Хабацу. Хъабацу иуашъхь («курган Хабацу») – у а. Урупск.

Хабрак. Хъабракъ иуашъхь («курган Хабрака») – у а. Уляп.

Хаджи. 1. Хъаджэгъотгъуай иуашъхь («курган трудно разыскиваемого Хаджи») – на окраине а. Ходз. 2. В Большой Кабарде также есть одноименный курган. Очевидцы писали: «Вблизи черкесских деревень князя Девлетуко из рода Хаджи... мы видели надмогильный курган, на котором стоит надгробный памятник Хаджи, с надписью на камне» («Кавказ...». Вып. III, 2010. С. 257).

Хажевы. Хъажъы иуашъхь («курган Хажевых») – у а. Псейтук.

Хасан. Хъасанэпхъу иуашъхь («курган дочери князя Хасана») у а. Афипсип.

Хасанокков. Хъасанэкъом иуашъхь («курган Хасаноккова») у а. Панахес; по преданию, здесь похоронен Хасанокко, погибший от удара молнии.

Хаткуа. Хьаткьо илуашъхь («курган Хаткуа») у а. Ново-Казанукай.
Хатох. Хьатэхьу илуашъхь («курган Хатоха») у а. Вочепший.
Хатх. Хьатх илуашъхь («курган Хатха») у а. Пшикуйхабль.
Хахук. Хьахькьо илуашъхь («курган Хахука») у а. Ходзь.
Хачак. Хьакако илуашъхь («курган Хачака») у а. Джиджихабль.
Хачимафук. Хьакимафэкьом илуашъхь («курган Хачимафука») – в окрестностях а. Егерухай.
Хидиж. Хьыдыжъ илуашъхь («курган Большого Хида-Хидижа») у а. Ново-Вочепший.
Худемиж. Хьудымыжъ иуджыпI («курган Худемижа») в а. Кунчукохабль.
Худырипш. Хьудырыпш илуашъхь («курган Худырипша») у а. Уляп.
Хунагов. Хьунагом илуашъхь («курган Хунагова») у а. Кошехабль.
Хуши. Хьушы илуашъхь («курган Хуши») у а. Хатукай.
Чемдеж. Курган Чэмдэжъ в честь легендарного наездника в а. Хатажукай.
Ченчеуашх. КIэнкIэлуашъхь – курган в а. Хачемзий, в честь легендарного наездника.
Черахуа. КIырахьо илуашъхь («курган Черахуа») у а. Ассоколай.
Чеч. КIэкIый илуашъхь («курган Чеча») у а. Ассоколай.
Чиучевы. ЦуукI илуашъхь («курган Чиучевых») у а. Егерухай.
Шаов Алий. Шьаукьо Алий илуашъхь («курган Шаова Алия») у а. Пшизова.
Шахан. Курган с одноименным названием на правом берегу р. Лабы близ а. Шаханчериехабль, по мнению С.М. Ашинова, воздвигнут в честь героя Шахана, сражавшегося здесь с крымскими татарами.
Шеомит. Шьэомыт илуашъхь («курган Шеомита») у а. Пшизова.

1.5.2. «Поведай о могилах наших предков...».

*Поведай о могилах наших предков,
 Лежащих в перекрестье горных троп...
 Поведай мне о войнах и погибших,
 О мире, совершенства не достигшем.*

И. Машбаш.

*Когда умирает тигр, остается шкура.
 Когда умирает человек, остается имя.*

Японская пословица.

Приведенный выше скорбный перечень продолжают многочисленные географические названия, связанные с могилами предков адыгов:

Кочас. КьокIасэ икь («могила Кочаса») – местность у а. Кирова.
Кульмай. Кульмайкауб – это гора на водоразделе между верховьями рек Небуг и Псебе на Черноморском побережье. Кульмай – собственное имя, *куб (кубе)* – «могила, памятник». Таким образом, этот топоним означает «Могила Кульмая» (Ворошилов В.И., 2007. С. 135).
Мос. Мосэм икьэтх («могила Мосса») у а. Вочепший.
Натхо. Натхьо икьэтх («склон, где могила Натхо») у а. Джамбечий.
Пшикан. Пшыкьанэ икь («могила Пшикана») у а. Хачемзий.
Хан-Кучий. Вот как описывает Н. Дубровин (1871), посетивший почитаемое горцами священное место «Хан-Кучий»: «По уверению туземцев, больные, принесенные в рощу, получали облегчение, а просьбы молившихся у могил, всегда исполнялись. По воскресным дням в роще совершались богослужения и приносились жертвы, особенно во время голода и разных народных невзгод и бедствий. Когда народ собирался в роще, тогда закалывали жертву, а кровью ее поливали могилу Кучия, а в память жертвоприношения вбивали в дерево, растущее над могилой, железный или деревянный крест. Дерево все унижено такими крестами...» (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

Хапач. ХьапакIэ икьэтх («Хапача могила») у ст. Суздальской.
Харис. Хьарисэ исыныжъ («старая могильная плита Хариса») у а. Егерухай. Старожилы рассказывают, что на кургане был похоронен известный в округе оружейник. На его могильной плите было высечено изображение огнестрельного и холодного оружия, которое мастер изготовлял при жизни. Сейчас этой плиты уже нет, а на вершине кургана осталась могила оружейника.

Хаудух. Хьаудыхьо икьэтх («могила Хаудуха») у а. Пчегатлукай.
Хашик. Хьащыкьом икь («могила Хашика») у а. Джамбечий и т.д...
 Определенный интерес представляет и такое сообщение очевидца: «Мы посетили несколько черкесских деревень князя Девлетуко из рода Тамби. Вблизи них мы обнаружили внушительные надмогильные памятники, принадлежащие фамилии князя *Джамбулата*... Мы насчитали 6 каменных надмогильных сооружений» («Кавказ...». Вып. III, 2010. С. 257).

У Лермонтова есть такие пронизанные болью строки:

Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой...

«О славе прошлой» предков адыгов, о героических или трагических событиях далекого прошлого сообщают нам и такие названия:

Айтэчуко. Айтэчыкьор зыщаукыгъэр («место, где убили Айтэчуко»). Этот князь был одним из самых беспощадных угнетателей темиргоевцев. Народ не выдержал его притеснений и расправился с ним.

Аше. АшэкIэй («долина р. Аше») – так шапсуги называли р. Аше. Ш. Ногмов упоминает абазинских князей Аше и Шаше; в честь первого, очевидно, названа река.

Инал. Инал икIэй («долина Инала») – в верховьях р. Шахе, в честь легендарного родоначальника адыгского племени (также Бухта Инал на Черноморском побережье).

Лакшук (Лакшоко) Хапач. Лакшукай – аул, располагавшийся в прошлом на месте современного Горячего Ключа – города-курорта краевого подчинения, расположенного в 60 км от Краснодара на р. Псекупс. Позже аул был перенесен в другое место, где и был в 1989 г. затоплен при строительстве Краснодарского водохранилища. Аул был назван по имени Хапача Лакшоко (Лакшуко), известен по текстам старинных адыгейских песен, которые характеризуют его как героя племени бжедуг, храброго и умного военачальника. ...В окрестностях современного города Горячий Ключ (древнее адыгское название Бэшыкьохьабл), в парке сохранился старинный памятник. Надпись на нем, составленная на арабском языке, гласит: «...Этот памятник сделал бжедугский князь Айтэч Хаджи (родоначальник князей Хаджимуковых. – Авт.) в честь своего любимого дворянина и спутника Хапача Лакшука, ездившего с ним в Мекку в качестве паломника и скончавшегося на возвратном пути в городе Дамаске. Поставлен памятник в 1710 г.» (Костарнова Н.К., 2009).

Хаджемук (Хаджимук). Ислам ичыгыжъ («старое дерево Ислама») – у а. Гатлукай. По преданию, здесь похоронен участник Бзюкской битвы Ислам Хаджемук. По другим версиям – по имени народного героя Ислама, победившего татар.

Как писал Ш. Руставели:

Не задержат смерть теснины, ни скалистая вершина,
Храбрецов и малодушных перед ней равна судьбина.
Под конец юнцов и старых примет вечности долина,
Недостойной жизни лучше достославная кончина.

1.5.3. «Поляна, где волки съели Хатуука»

И имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших...

Книга премудрости Соломона (2; 4).

Некоторые местности у адыгов носили уж очень «оригинальные» названия, в которых вновь и вновь встречаются имена наших предков:

Адехун. Адэхун ишынэкъ («берег лошади Адехуна») у а. Ново-Казанукай.

Джэдж. Джэдж зыщитхэлагъэр («место, где утонул Джэдж») на р. Фарс у а. Пшизов.

Патхуж. Патхужъ хьаджэ ильэмыдж зытелыгъэр («место, где был расположен мост старого хаджи Патхужа») – у а. Джамбечий.

Тешев Исхак. Тэшъу Исхакъ ичыгъэжъ («старый дуб Исхака Тешева») местность близ Чихурай.

Умар. Умарэ ицъу зыщитхэлагъэр («там, где погиб вол Умара») – местность у а. Хатукай.

Хаджебеч. Хьаджэбэч зэрыбгагъэр («проклятое Хаджибечем место») у а. Ассоколай.

Хариху. Хьарыхъу зыщышхьаридзыгъэр («местность, где опрокинулся Хариху»).

Хатеху. Хьатэхъу чьыIэм зыщигъэлэгъэ бгыр («хребет, где замерз Хатеху») у а. Понезукай.

Хатуук. Хьатыукъо (Тычбужым) хьам защишхыгъэр («поляна, где волки съели Хатуука») у а. Лакшукай.

Хусен. Хьусенэшхом икьеукIорэхыпI. («там, где скатился Большой Хусен») – курган у а. Пчегатлукай.

Хутак. Хьутакаъ ыгъэлыгъэ псыр («спаленная Хутаком река») – приток р. Псибе.

1.6. Имена предков адыгов – владельцев кошей, стойбищ для скота и мест для таврения

1.6.1. Адыгские тамги (тавро): память о предках-владельцах скота

Тамга (тюрк.) – знак, которым в родовых обществах отмечают что-нибудь, принадлежащее роду (например, скот).

Словарь иностранных слов (1995).

А жыхуэлэм дмыгъэ ялэ? – «У того, о ком ты говоришь, есть тавро?»

Адыгская пословица

В XVI – начале XX вв. в быту адыгов большую роль играли так называемые тамги – знаки собственности. По В.П. Пожидаеву, эти тавро («дамага») у кабардинцев – «родовой знак собственности и фамильный герб своего рода, в прежние годы являлся принадлежностью только привилегированных фамилий». Каждому адыгскому роду (фамилии) соответствовала своя тамга. Через столетия они донесли до нас имена предков адыгов-владельцев скота.

Так, у народа егерухай известны были тамги следующих владельцев: Ажигой, Бзакамуко, Ганукор, Гуако, Куюк, Мамгат, Мышино, Такмаши, Эльбаши. Бжедугские тамги донесли до нас имена владельцев: Абазок, Ахеджако, Баток, Бжегако, Блегут, Бокужок, Гучетл, Елбездук, Емиж, Емтел, Иуанок, Канаку, Кадбан, Казаноко, К-вак, Книб, Крымчери, Куйсок, Кушук, Лагонтлук, Лагун, Лапсорсо, Лахшоко, Ловпаче, Напцок, Псегуб, Псеуш, Пшехетлук, Рашоко, Сабан, Султан-Гирей, Тлехас, Тугуруг, Т-уй, Турканун, Т-шуй, Убжук, Хаджимук, Хамырзок, Хасас, Хатуг, Хокон, Чанаби, Чесеби, Шабан, Шоуджен, Шумнук.

В свою очередь, С. Бронева (1823) приводит следующие фамилии владельцев скота в Черкесии, относящиеся к концу XVIII – началу XIX вв.: Анзор, Арслангир, Арсланчик, Астемир, Афонбит, Бек-Хан, Джембулат, Захош, Карандук, Касай, Келемет, Куденет, Маргуш, Мархан, Мат, Мисост, Тарханов Жанхот, Тиш, Хатазук, Хатукай, Чеполов, Шабаз-Гирей, Шалох, Шонебата; абазинские тавро: Бабул, Биберт, Джантемир, Дударука, Лов, Трам, Хочь.

Примечательно, что архивы аульных обществ переполнены сообщениями о краже скота у представителей древнего рода Шеуджен-Шогеновых. Вот только два характерных примера. В рапорте, направленном в Управление Кабардинского округа, майору Кундухову, говорится: «Житель Большой Кабарды Шаомуко Шогенов объявил жалобу, что назад года три (т.е. в 1855 г.), как у него украдена кобылица серой масти». Или еще: «Протокол от 19 июля 1896 г., составленный Мусой Хаджимок: «19 июля явились ко мне горцы с. Афипсип Ю. Ачмиз и Ислам Шеуджен и заявили, что лошадей своих стреножили и пустили на ночь во двор Илясу Джариму; лошадей со двора уворовали», и т. д.

Память о наиболее известных владельцах скота в Земле адыгов сохранилась и в народных пословицах:

Атажукины. Хьэтлохъушкыуэ тамыгъэ благъуэкIэш («Тавро Атажукиных имеет драконовый хвост»).

Шолоховы. Щыту томыдзэм Щолэхукъым («Если не таврил стоя коня, то это лошадь не шолоховской породы (т.е. владельца Шолоха). – **Авт.**).

Думановы. Япэу смышэунум Думэнхэ я нэккыжьэр и нежIум ты раудзе («Тому, кто не ударит первым, пусть на лицо поставят подтаврок Думановых»). Эта поговорка является отголоском тех давних времен когда совершивших позорный поступок клеймили чертой на лице.

1.6.2. Имена предков адыгов в названиях кошей и стойбищ для скота

Память оживляет даже камни прошлого.

М. Горький (1868–1936).

*Сонная дремлет земля,
Этих огней далека.
Выйдя в ночные поля,
Мы углубимся в века.*

А. Блок (1880–1921).

В Адыгее, Черкесии, Кабарде и ныне встречаются многочисленные географические названия, в которых сохранились имена предков адыгов-владельцев кошей, стойбищ, мест для таврения и т. д.

В Адыгее:

Психотлук. ПсыхольIыкы ишышIоIу («коновязь Психотлука») – местность у а. Понежукай.

Хажуко. Хьажуко чэтыжь («древняя кошара Хажуко») – близ а. Афипсип.

Хапшетиковы. Хьапшэтыкыэм ягъэхъун («Хапшетиковых поляна»).

Хатрам. Хьатрам ичэт («овчарня Хатрама»).

Цикужий. ЦыкIужые ишышIоIу («коновязь Цикужия») в честь прославленного наездника Цикужия, погибшего от врагов, – местность у а. Понежукай.

Цундекуа. Цундэкьо ишау («стоянка лошадей Цундекуа») – местность на юго-западе а. Понежукай.
Шхатчерий. Шхъачэрыс ичэтльэгужь («загон овец Шхатгерия») – местность в районе нынешнего г. Курганинска.

В Черкесии:

Шибзухов Малах. Шыбзыхъуэ Малахъу и чэтыпIэжь («стоянка овец Шибзухова Малаха»), на границе Зеленчукского района Карачаево-Черкесии.

В Кабарде:

Архестовы. Архэстхэ я уэтэрыпIэжь («старое место кошары Архестовых») – у с.Кызбурун I-й.

Жабоевы. Жэбохэ я уэтэрыпIэжь («старое место кошары Жабоевых») – у с. Герпегеж.

Канаметовы. Къэнэмэтхэ я егъэзыпIэ («Канаметовых стоянка») – у с. Куба.

Кармовы. Къармэхэ я бгъуэнщIагъ («пещера Кармовых») – у с. Каменномостского.

Кочесоковы. КъуэщIысокъуэхэ я уэтэрыпIэжь («старое место кошары Кочесоковых») – у с. Куркужин.

Отаровы. Уэтэрхэ я гъэлыхуэщ щIыпIэ («место окота скота Отаровых») – у с. Карагач.

Таукешовы. Таучэхэ я уэтэрыпIэжь («старое место кошары Таукешовых») – у с. Куркужин.

Тлеруговы. Лъэрыгухэ я гъэлыхуэщ Iуащхэ («курган окота скота Тлеруговых») – у с. Карагач.

Хакяшевы. ХъэкIэщхэ я гъэлыхуэщ щIыпIэ («место окота скота Хакяшевых») – у с. Карагач.

Шалбаровы. Щалбархэ я гъэлыхуэщ щIыпIэ («место окота скота Шалбаровых») – у с. Карагач.

1.7. Земледельческая тематика в старинных географических названиях Северо-Западного Кавказа

В географических названиях Северо-Западного Кавказа, пришедших к нам из далекой древности, встречаются многочисленные местные названия тех или иных сельскохозяйственных культур, земледельческих орудий, а также орудий для переработки зерна и его хранения, – своеобразные «голоса» из прошлого, бережно сохранённые для потомков К.Х. Меретуковым (1981). С нашими дополнениями, этот интереснейший перечень представляется следующим образом:

Зерновые, крупяные культуры

Рожь: ХъамцIый (букв.: «Рожь, жито») – луга Хамций в районе плато Лагонаки. ХъамцIый оу (хъамцIый – «рожь, жито» + оу – междометие, выражающее удивление) – так называют адыги ст. Воронежскую на правом берегу р. Кубани.

Ячмень: Хъапкъ («Жнива ячменя». Хъэ – «ячмень» + пкъы – «стебель, жнива») – название местности Хапк близ а. Лакшукай.

Просо: АкIэфытх (Хребет ачефа) – местность в районе а. Кирова. По К.Х. Меретукову, аче (акIэ) – название одного из древних сортов проса, возделываемого адыгами в далеком прошлом + тхы – «хребет». Таким образом, получается: «Хребет ачефа (проса)».

Фынтьф («Шелуха от проса») – правый приток р. Белой.

Бжъэдыгъу мэз («Лес бжедугов») – в 3 км к востоку от а. Псейтук. На полянах этого леса, по сообщению К.Х. Меретукова, бжедуги из а. Шенджий выращивали просо.

Гъэсэ къещэхыпIэжь («Старая дорога, по которой возят урожай проса») – дорога, идущая от а. Блечепсин через возвышенность Бгыпэжь. От адыгского гъасэ – «просо, воз урожая проса».

Рис: Пынджыкъу («Рисовая долина». Пындж – «рис» + къо – «долина») – старинное название долины Пинджику в Темрюкском районе Краснодарского края.

Огородные культуры

Гоцэхатэ (букв.: «Огород княгини») – небольшая поляна Гошехате, которая тянулась вдоль Мэз кIыхъ.

Капуста: Гыныкъопсы («Долина, где произрастает капуста»). Как разъясняет К.Х. Меретуков, гыны на шапсугском диалекте означает «квашеная капуста», в других же диалектах – «свекла столовая»; къо – «долина», псы – «река») – правый приток р. Агуй.

Мак: Ушха – правый приток р. Сочи. По предположению этого же автора, возможно, это название – от адыгского Iушхъ, означающего «мак».

Перец: Щыбжьыикъу («Долина перца») – овраг в а. Нашукай. В прошлом по берегам этой балки выращивали перец, посадки которого нередко погибали от разлива рек.

Бахча

Нэшэапкъ (букв.: «Участок, где выращивают арбузы и дыни». Наш – «бахча, арбуз, дыня» + апкъ – «площадь») – местность близ а. Псибе, где несколько лет подряд жители выращивали бахчевые культуры.

Садовые культуры

ПкIашъ (букв.: «Сад») – речка Пчас, впадающая ныне в Краснодарское водохранилище.

Айаа: Агуй – аул в Туапсинском районе. Это название принадлежит реке, на которой расположен аул, а также одному из распространенных сортов адыгейской айвы.

Орех: Дейкьо («Балка, заросшая орешником») – небольшая степная речушка вблизи а. Ходзь, между реками Лаба и Ходзь; в засушливое лето пересыхает. По А. Х.Афашагову (1998), возможно, от кабардинского дей – «орешник» + кьо – «балка».

Блэнэшгу игъэхун («Бленешуа поляна»). Как сообщает К.Х. Меретуков, Бленешу, бывший лесник, посадил небольшой ореховый лес за Лабой, но тот из-за плохих климатических условий не прижился. Осталась лишь поляна с именем лесника.

Козэт – аул в Теучежском районе. По предположению К.Х. Меретукова, возможно, в этом названии содержатся элементы турецкого коз – «орехи» и адыг. ты – «давать, дарить».

Яблоня: Мыекьуапэ («Майкоп») – город на левом берегу р. Белой. По К.Х. Меретукову, это слово состоит из названия реки Миеко (мие, мые – «яблоня» + ко – «долина») и слова пе – «устье». В дословном переводе: «Город, расположенный в устье реки Миеко».

Адэмый – аул в Красногвардейском районе. Некоторые исследователи считают, что это название состоит из двух основ: адэ – «там» + мые – «яблоня». По мнению же К.Х. Меретукова, это название произошло от имени Адам.

Мэзмый («Лесные яблоки»). От адыг.: мызы – «лес» + мые – «кислица, яблоко») – название правого притока р. Курджипс, в долине которого произрастает много диких яблонь.

Мыжъыепс (букв.: «Речная долина мелкоплодовой яблони») – левый приток р. Псибе.

Мытыку икьыгъор («Переправа у Яблоневого кута». От адыг.: мые – «яблоня») – брод через р. Псекупс у а. Вочепший.

Алмэлы (Алмели) – адыгейское название ст. Ладожской Усть-Лабинского района. Как отмечает К.Х. Меретуков, существует черкесский сорт яблока алыма (альма), повсеместно распространенный от с.Куйбышевки (а. Агой) до р. Псоу Адлерского района. Русское название этого сорта – «Черкесское длинное». По мнению профессора Н.А. Тхагушева, Алымэ – искаженное турецкое или татарское слово эльма – «яблоня».

Псыбашъхэ («Верхняя Псибе») – местность в верховьях р. Псибе. По этому названию существует сорт яблок Псыбэшъхэмый, что дословно переводится как «Яблоко с верховьев р. Псибе». Этот сорт имеет несколько русских названий: «Черкесское сладкое», «Сладкое красное», «Синоп» и др.

Хьорэхьотам – название урочища по среднему течению р. Агуй. Урочище славилось яблоневыми садами, плодоносящими знаменитым сортом Агумый – «Розмарин черкесский».

Хьакьуашьо – левый приток р. Шахе. Существует одноименный сорт яблок – Хьакьошъомый («Мамайское красное»), являющийся одним из древних черкесских сортов яблок. Как сообщает К.Х. Меретуков, столетние деревья этих яблонь до сих пор встречаются во многих садах Причерноморской Шапсугии.

Груша: Къужъэял («Грушевая роща», от адыг.: къужбай – «груша») – местность к югу от леса Бжэ́ломбэху, в настоящее время эта роща выкорчевана.

Къужы (букв.: «Груша») – название левого притока р. Цыццэ.

Къужыб («Там, где растет много грушевых деревьев») – древнее адыгейское название пос. Псебай на левом берегу р. Малая Лаба.

Ужыгьыкьэ мэз («Просорушки лес») – к востоку от ст. Елизаветинской близ г. Краснодара. В этом лесу когда-то произрастали большие грушевые деревья, из стволов которых изготавливали просорушки. Эти деревья строго охранялись адыгами; их не разрешалось вырубать на топливо.

Хьатыкь икьужбай («Хатика грушевик, грушевая роща») – на берегу р. Туапч близ ст. Старо-Корсунской.

Аджарэ (Аджара) – название правого притока р. Шахе. Как отмечает К.Х. Меретуков, существует сорт груши, называемый Алжэрэ къужь. Вероятно, от этого сорта происходит и название реки, в долине которой произрастали грушевые деревья. Причерноморские шапсуги это сорт называют бжыхэ къужь – «осенняя груша». Сорт алжарэ был распространен в бывших черкесских садах на территории 1-го и 2-го Красноалександровского и Солох-аульского сельсовета.

Черешня: Щэдыкьо – лес близ а. Понежукай. Щэдыгьо, в шапсугском диалекте означает «черешня». Есть, например, сорта черешен шэдыгьоф («белоплодная») и шэдыгьо плъыжъ («красноплодная»).

Терн: Пэнэгу («Середина терновника») – луг, расположенный к югу от а. Пчегатлукай (от адыгейского панэ – «терн»). Бэнэкьо («Терновая балка») – с.Беноково Мостовского района. По А. Х.Афашагову (1998), – от кабардинского банэ – «терн» + кьо – «балка».

Каштан: Шхьомчыкьэ («Река Каштановой долины») – приток р. Псибе.

Кизил: Зэе Юшъхьэ́кьЮццэ псын («Родник, вытекающий из кургана Зееуашх») – севернее а. Панахес. От зае – «кизил».

Рушилки зерна

Ужыгьыкьэ мэз (Букв.: «Просорушки лес») – местность близ ст. Елизаветинской.

Ужыгьыкьэ блыгур («Кут, где произрастает лес, из которого делают просорушки») – участок в северо-западной части леса Ужыгьыкьэ мэз.

Мельницы

Абадзэм ишъхал зытетыгъэр (букв.: «Там, где стояла мельница Абаза») – местность на левом берегу р. Лабы в окрестностях а. Егерухай.

ЗекЮшыу ишъхал зытетыгъэр («Там, где стояла мельница Зекошиуа») – местность на левом берегу р. Лабы севернее а. Егерухай.

Хьаджэбыекъом ишъхал зытетыгъэр («Там, где стояла мельница сына Хаджебия») – на р. Чаграк юго-западнее а. Егерухай.

Шъхал гъогу («Дорога к мельнице») – дорога близ а. Джерокай. Когда-то здесь была сооружена водяная мельница.

Шъхал псын («Мельница, стоящая у реки») – название родника, расположенного у брода на поляне Хэкужъанэ.

Кузницы

КЫщ («Кузница») – от нее назван а. Большой Кичмай в приморской Шапсугии, на Черноморском побережье Кавказа.

Сапетки

Кон гъэуцупI («Место стоянки сапеток») – равнина близ а. Кирова. От адыг.: *коны* – «сапетка».

Несомненный интерес представляют названия сельскохозяйственных культур и земледельческих орудий на кабардинском, черкесском и адыгейском языках (табл. 57):

Таблица 57 – Названия сельскохозяйственных культур и земледельческих орудий на языках адыгских народов (по Калоеву Б.А., 1981)

Сельскохозяйственная культура, орудие, мельница	Адыгские народы		
	кабардинцы	черкесы	адыгейцы
Сельскохозяйственные культуры			
<i>Озимая пшеница</i>	бжыхъ-эсэ	бжыхъ-эсэ	бжыхъсэ
	гуэдз	гуэдз	коц
<i>Яровая пшеница</i>	гъатхасэ	гъатхасэ	гъэтхэшы, тазэ, аблэ, гъэтхэсэ коц
	гуэдз	гуэдз	
<i>Ячмень</i>	хъэ	хъэ	хъэ
<i>Овес</i>	зэнтхъ	зэнтхъ	зэнтхъ
	авос (Гэвос)	авос (Гэвос)	
<i>Просо</i>	мэш	мэш	мэшы, гъажьо, гъычыщы, рамышь, ашI эгъудж, фыгъо, ащэфы
<i>Кукуруза</i>	нарыху	нарыху	нарыхф, натрыф
<i>Рожь</i>	хъэпций	хъэпций	хъэпций
<i>Полба</i>	гъашэ	гъашэ	гъашэ
<i>Гречиха</i>	гречихэ	гречихэ	гречих
<i>Лук</i>	бжын	бжын	бжыны
<i>Чеснок</i>	бжыныху	бжыныху	бжыныф
<i>Перец</i>	шыбжий	шыбжий	щыбжый
<i>Свекла</i>	жэгундэ	жэгундэ	гыныплъ, чыплъ
<i>Фасоль</i>	джэш	джэш	джэнчы
<i>Огурец</i>	нащэ	нащэ	нэшэбэгу
<i>Арбуз</i>	харбыз	хъарбыз	къэпраз, къырбыдз
<i>Тыква</i>	къаба	къэб	къэбы
<i>Дыня</i>	хъэн	хъэуан	наш, къаук
<i>Морковь</i>	пхъы	пхъы	пхъы
<i>Капуста</i>	къзбыстэ	къзбыстэ	къзбаск
<i>Картофель</i>	кIэотIоф	кIэотIоф	картоф
Земледельческие орудия			
<i>Плуг</i>	пхъэIэщэ	пхъэIэщэ	пхъэIэщэ
<i>Горное пахотное орудие (рало, соха)</i>			пхъэпгэ
<i>Борона рамочная</i>	тельафэ	тельафэ	Iаш
<i>Серп</i>	гъубж	гъубж	гъубж
<i>Коса</i>	шэмэдж	шэмэдж	шэмэдж
<i>Цеп</i>	хъэмбаш		бэщкIэрау
Помещения для хранения зерна, мельницы			
<i>Амбар</i>	амбар	амбар	хъамбар
<i>Сапетка для хранения зерна</i>			коны
<i>Ларь</i>			пхъэ пхъонтэшху
<i>Ручная мельница</i>	щхъэл цIыкIу	щхъэл цIыкIу	шъхал цIыкIу
<i>Водяная мельница</i>	псыщхъел щхъэл	псыщхъел щхъэл	псы щхъал

1.8. Аул Егерухай – своеобразный «заповедник» старинных географических названий

Скажи: «Разве сравниваются те, которые знают, и которые не знают? Поистине, вспоминают обладатели разума!»...

Коран. Сура 39; 12.

В западноевропейских письменных источниках название племени егерухай впервые встречается в записях К. Пейсонеля (1762) под именем «егеркуой» и «кешекене-егеркуой». По комментарию Е. Фелицына, они жили по левую сторону р. Лабы между реками Псенафа и Фарсом. При этом слово «кешекене» (т. е. малое) неуместно, поскольку племя это, ввиду его малочисленности, никогда не разделялось на «больших» и «малых». В работе С. Броневского (1823) также встречаем упоминание об этом племени: «Темиргойцы или Комюрге живут на р. Шаг-вашу (Белая), граничат с адемеями и мухошами; от первых отделяются речкою Пшага, от последних ручьем Арим, на коем лежит темиргойская деревня Черикай, населенная егерекойцами и принадлежащая князьям Арслан-Беку и Атажук-Ейтеку. Сему последнему князю принадлежит на р. Булансу, впадающей в Лабу, егерекойская деревня Ратазай; на р. Шагваше (Белой) – деревни: Минбулат, Псинок и знатная армянская деревня Гаур-Габль».

Ф. Дюбуа де Монпере (1839): «Абадзехам принадлежит узкая полоса в 130 верст. Восьмое маленькое племя эзерукай (10 тыс. человек) отделяет их на востоке от абадзов. В более позднем своем комментарии Л. Люлье пишет: «...эзерукай (еджерукай) не составляет отдельного племени, но входит в состав черченейцев. Это усадьба, названная именем их владельца, дворянина Эзеруко». А.П. Берже (1858) пишет: «Кемгуй (или темиргой) и егерукой – обитали на левом берегу р. Лабы, вблизи впадения ее в Кубань. Оба эти племени находятся под властью князей Болотоковых. В 1849 г. темиргоевцы и егерухаевцы по наущению Мухаммед Амина, бежали за Белую. В 1851 г. князь Болоток, возвратившись, покорился нам (русским) с частью своего народа, между тем как другая, большая, осталась за Лабой. Важнейшие фамилии суть следующие: Болотоковы, Канок, Анчоко, Четоржоко».

Интересные сведения об истории основания а. Егерухай приводятся в работе Г.С. Аракеляна «Черкесо-гаи» (1984). Он, в частности, сообщает, что уже с XVIII и в особенности в первой половине XIX в., в связи с широким распространением среди горцев ислама, начинает постепенно меняться отношение адыгов-мусульман к черкесо-гаям, исповедовавшим христианскую религию: «Начинаются преследования черкесо-гаев за их религию, которые все более и более приобретают организованный и планомерный характер. Черкесов настраивают против армян и крымские ханы.

В целях самозащиты, прежде довольно широко расселенные черкесо-гаи начинают объединяться; они селятся совместно в отдельных аулах, и вскоре в Черкесии появляются три довольно значительных аула: Адыхой, Гяур-хабль и Егеру-хабль. В начале XIX в. они были наиболее известными из всех аулов, основанных черкесогаями. Наиболее значительным из всех был Гяур-хабль, расположенный на территории, принадлежавшей темиргоевскому князю Атажуку Эйтеку. Егеру-хабль также был расположен на территории того же князя...».

В архивных источниках сохранились записи, свидетельствующие о том, что в 1862 г. основана ст. Егерухаевская. К политическому устройству егерухайцев относится сообщение: «...В первой половине XIX в. адыги делились на 2 группы: «аристократические» (кабардинцы, бесленевцы, темиргоевцы, бжедухи, егерухаевцы) и «демократические» (абадзехи, шапсуги, натухайцы). Различие это, наблюдаемое с конца XVIII в. заключалось в их политическом управлении. В то время, как «аристократические» управлялись князьями, так называемые «демократические» управлялись выборными старшинами».

Подлинным «заповедником» старинных географических названий, связанных, в основном, с именами предков адыгов, являются окрестности а. Егерухай. Исследования К.Х. Меретукова подтверждают предположение Фредерика Дюбуа де Монпере (1839 г.) о том, что название племени произошло по имени владельцев этого народа – Еджэрыкы.

Одна из самых распространенных фамилий в а. Егерукай – Джарим, Джаримовы, Джаримоковы. Так, до настоящего времени сохранилось старинное название местности в окрестностях этого аула Джармэ Ахьмэд ипсын – «родник Ахмеда Джариме» (за курганом Сетовых). Подобные фамилии встречаются и в других населенных пунктах Адыгеи. Один из районов (кварталов) а. Джиджихабль называется Джарымэкхьаьлэр – «Околоток Джаримоковых». По Л.Л. Люлье (1857) родовая фамилия Джарим, Джаримов входила в начале XIX в. в один из влиятельных шапсугских кланов «кобле», а также в натухайский клан «надхо».

В названиях местностей близ а. Егерухай народная память до сих пор бережно хранит имена наших далеких предков:

Абадз. Абадзэм ишхьхал зытетыгээр («там, где стояла мельница Абадза») – на левом берегу р. Лабы в окрестностях а. Егерухай.

Ажгоевы. Ажгьойхьаьл («околоток Ажгоевых») район а. Егерухай.

Аталык. Аталыкь имэкьуп («сенокос Аталыка») – равнина, тянущаяся полосой за р. Лабой севернее а. Егерухай. Аталыкь ипсынэж («старый родник Аталыка»).

Берзеговы. Бэрэджхьаьл («околоток Берзеговых»), и т. д.

1.9. Вернуть исконные географические названия – память о прошлом Земли адыгов

1.9.1. «Не пора ли стереть столь ненавистные горцам имена с географической карты?»

Только тот народ жизнестоек, который помнит свое прошлое. В этом прошлом – опыт, а вместе с тем урок и мысль.

С.А. Дангулов (1912-1980).

*Но почему так прошлое жестоко
И снова им душа обожжена?
Прости меня, о время, и пойми:
Не забывалось прошлое людьми.*

Исхак Машбаш.

Познакомившись со страшным мартирологом Кавказской войны (см. раздел 1.6.14), начинаешь понимать авторов монографии «Черкесия в XIX в.» (1991), которые с болью пишут: *«Память о прошлом определяет отношение адыгов к существующим памятникам и географическим названиям, рожденным Кавказской войной. А таких немало. Имена царского полковника-изувера, коллекционера черкесских голов Засса, а также Апшеронского, Мингрельского, Эриванского, Навагинского полков – участников войны, – носят населенные пункты (вспомним хотя бы станицу Зассовскую в Лабинском районе).*

На северо-востоке Туапсинского района расположена гора Гейман (1060 м). Свое название она получила в честь царского генерала Геймана, который вместе с солдатами делал «зачистку» Черноморского побережья от адыгов. (Приведу лишь одну выписку из официального документа: «...6-го числа (6.03.1864 г.) истек срок, данный шапсугам для выселения. Как сообщал в своем донесении царю великий князь Михаил, – генерал Гейман с 5 батальонами, 4 горными орудиями, очистив пространство между р. Туапсе и Псеуапсе и истребив все аулы по течению этих рек, двинулся во внутрь страны»).

Станица Дондуковская в Гиагинском районе Республики Адыгея была названа в честь царского кавказского наместника – командующего войсками Кавказского военного округа генерала А.М. Дондукова-Корсакова (Основана 22 мая 1892 г. на месте бывшего аула Хаджемукова – Хаджемукохабль). Именно ему принадлежали следующие бесчеловечные слова из доклада, направленного 21 января 1889 г. военному министру: *«Поголовное выселение в Турцию желательно только известной части туземцев Кубанской области, а именно: жителей Екатеринодарского и Лабинского отделов»* (т.е. практически всех адыгов, оставшихся на родине после массового изгнания их соотечественников на чужбину в 1858-1865 гг. – **Авт.**).

В Лазаревском районе г. Сочи расположен аул Красноалександровский, в котором живут шапсуги, – он называется по имени царя Александра II, – непосредственного виновника выселения адыгов в Турцию. Один из поселков носит имя генерала Е. Головина – участника подавления восстания декабристов, а позже он руководил борьбой против горцев.

Долгое время, с невероятным трудом, в Краснодаре решался вопрос о целесообразности возведения памятника А.В. Суворову (сейчас он возвышается в самом начале бульвара на ул. Октябрьской). Это предложение встречало резкие возражения: ведь его войсками на Кубани было истреблено немало количество местного населения, в первую очередь ногайцев.

В Краснодаре улице им. Шаумяна было возвращено ее «историческое» название: Рашпилевская. Но инициаторы переименования, судя по всему, не учли, что личность генерала Рашпиля довольно-таки противоречива, и для многих адыгов это имя ассоциируется с жестокими «репрессалиями» царских войск, направленными на уничтожение аулов горцев.

С одной стороны, как свидетельствуют архивные источники, Г.А. Рашпиль, исполнявший тогда должность наказного атамана Черноморского казачьего войска, «сыграл большую роль в установлении мирных отношений с горцами». В течение нескольких лет он добивался разрешения свободной торговли, видя в ней одно из главных средств «скорейшего прекращения войны». Современник Рашпиля И.Д. Попко (1858) так писал о нем: «Атаман на первом плане своей деятельности поставил три задачи: образование служебное, благоустройство земельное, просвещение умственное». Заботясь о просвещении, он добился восстановления войсковой гимназии; «...в то время, когда еще и помина не было о народных школах, он, бывая в станицах, убеждал казаков заводить их» (Цит. по: Шахова Г.С., 1992. С. 80). И далее, дополняя портрет Рашпиля, И.Д. Попко пишет: «Кавказская война была в разгаре, но это не мешало Рашпилю достигать того, что воюющие абадзехи и шапсуги по временам складывали оружие на кордонной линии, отдавали его в заклад и сотнями арб привозили продукты своей промышленности на екатеринодарские ярмарки... А среди мирных хамышейцев и черченеевцев атаман Рашпиль был настолько авторитетен, что «...князья и дворяне почти ежедневно приезжали к нему разбираться в своих спорных делах и безусловно подчинялись его решениям» (Цит. по: «Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 96).

Но с другой стороны, все тот же генерал Рашпиль принимал участие, а зачастую и непосредственно руководил карательными операциями против тех же горцев. Вот только несколько примеров, иллюстрирующих «деяния» генерала:

Октябрь 1850 г. Как пишет очевидец, «отряд генерала Рашпиля производит удачный набег в земли абадзехов на р. Суп. В набеге гибнет 50 абадзехов...».

Ноябрь 1851 г. Из-за отказа черченеевцев принять присягу и выдать аманатов (т.е. заложников), 20 ноября генерал Рашпиль двинул против них отряд из 2115 чел. пехоты, 416 – конницы, 8 орудий и 50 милиционеров-хамышеевцев под начальством ротмистра Сагат-Гирея. К вечеру почти все черченеевцы приняли присягу, кроме а. Псегуб. Аул был сожжен, вместе с запасами хлеба и сена, убито 6 чел.» (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006. с. 89). Дополняет эту информацию газета «Кавказ» (19.01.1852): «Только один аул Псегуб в черченейской Бжедугии обнаружил враждебное расположение, надеясь на свое крепкое местоположение и соседство с абадзехами, но дорого заплатил за эту попытку; войска наши быстро двинулись на приступ, заняли аул и, в наказание разбежавшихся жителей, предали огню сакли их с огромными запасами хлеба и сена» (Хотко С.Х., 2008).

Май. 1853 г. Как сообщал в своем рапорте сам генерал Рашпиль, «... пройдя от Пскупса на юго-восток верст пять, сжег по этому пути несколько хуторов (т.е. черкесских аулов. – Авт.), в которых было захвачено 120 голов крупного рогатого скота и несколько сот овец», и т. д.

Поэтому городским властям следовало бы крепко подумать, прежде чем возвращать этой улице ее «историческое» название, скажем прямо, травмирующее историческую память современных адыгов.

Архипо-Осиповка – курортный поселок на берегу Черного моря в долине р. Вулан. В 90-х гг. XIX в. сел. Михайловское было переименовано в честь рядового Архипа Осипова, во время нападения горцев взорвавшего вместе с собой пороховой погреб (Костарнова Н.К., 2009). С одной стороны, он, несомненно, герой, ценой своей жизни обеспечивший победу русскому оружию и заслуживавший, чтобы его именем назвали населенный пункт. Но с другой... Архивные источники, воспоминания очевидцев свидетельствуют о том, что он принимал самое непосредственное участие в «репрессалиях» против горцев.

Из послужного списка рядового 77-го Тенгинского полка Архипа Осипова: «19 октября 1830 г. участвовал в разорении шапсугских аулов; того же числа на правом берегу р. Афипс при истреблении жилищ тех же народов... 20-22 октября в Абинском ущелье при неоднократном отражении неприятеля, *упорствовавшего защищать свои жилища от истребления...* За сию экспедицию Всемилоостивейше награжден 2 руб. 33 коп. и вместо одной пары сапог – 2 руб. 45 коп... Участвовал в экспедиции 1836 г. за Кубанью для продолжения действий к усмирению неприятельных нам закубанских народов... 28 сентября – при сожжении аулов Сауд и Холет-Хочельк, 2 октября – при исправлении (так в документе!) аула Змениок, с 6 октября по 3 ноября – при истреблении натухайских аулов..., и т. д. на протяжении двух страниц. Завершая этот обзор, Б. Езбек, Х.М. Дауров, А.В. Джамирзе и др. отмечают: «Архип Осипов лично участвовал в уничтожении, по крайней мере, 30-ти адыгских аулов» («Черкесия в картах XIV-XIX вв.», 2011. С. 154).

Неприятны и болезненны для адыгов воспоминания и об адмирале М.П. Лазареве. А памятник ему долгие годы стоял на станции Лазаревской. Здесь уместно привести небольшую выдержку из Открытого письма Президиума Хасэ шапсугского народа, направленного 26 июня 1996 г. главе администрации Лазаревского района г. Сочи В.К. Скрыпкину с требованием не восстанавливать на территории исторической Шапсугии памятник адмиралу: «Вам и нам хорошо известны заслуги Лазарева перед Россией и никто их не отрицает. Да, Лазарев несомненно заслуживает памятника и, может быть, музея. Вопрос в том, где должен находиться памятный символ». И далее в Обращении подчеркивается, что, восстанавливая памятник этому герою России и, одновременно, карателю адыгского народа, «...Вы продемонстрируете свое отношение к человеку, который сказал: «Мы будем воевать до тех пор, пока не уничтожим последнего горца!»

Спустя 7 лет, этот столь больной для нынешних адыгов вопрос получил дальнейшее развитие. 17-19 августа 2003 г. в г. Нальчике проходил VI конгресс Международной Черкесской Ассоциации. В постановлении «О ситуации, сложившейся в связи с установлением памятника адмиралу М.П. Лазареву на перроне железнодорожной станции «Лазаревское» осуждается установка памятника непосредственному участнику военных действий против адыгов на их этнической родине. Отмечается необходимость: «...2. Обратиться к руководству органов местного самоуправления г. Сочи, главе администрации Краснодарского края А.Н. Ткачеву, министру культуры РФ М.Е. Швыдкому с просьбой рассмотреть возможность переноса памятника адмиралу М.П. Лазареву в музей истории г. Сочи, в г. Севастополь на могилу флотоводца или на его родину – в г. Владимир...» (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV).

Стоит, пожалуй, прислушаться к мудрым словам академика М.Г. Аутлева: «Памятники завоевателям на земле захваченной, на земле подвергнутого геноциду народа, – далеко не лучший инструмент укрепления и сохранения единства России». С этими словами адыгейца М.Г. Аутлева перекликаются слова русского ученого И. Куценко – известного историка кубанского казачества. Правильно говорит он: «Действительно, эти люди были талантливыми военными, принесшими славу России. Но для благодарной памяти народов о них этого недостаточно. *Не пора ли стереть все эти столь ненавистные горцам имена с географической карты?*». Как говорится в Послании к Евреям, 10, 17: «И грехов их и беззаконий их не вспомню более...». Эту же мысль встречаем и в Псалтыре (68; 29): «... Да изгладятся они из книги живых, и с праведниками да не напишутся». Требование времени – вернуть адыгам их исконные названия – память о прошлом.

Впрочем, есть и иные мнения, менее радикальные. Так, В. Хачатуров (1996) предлагает: «...поставить на берегу Кубани или где-то на берегу Черного моря один общий памятник *всем* жертвам Кавказской войны. И пусть у этого памятника вместе встанут и потомки ермоловских солдат, и потомки мюридов Шамиля, и вспомнят о своих предках, которые, будучи детьми одной земли, в жестоких схватках укорачивали свое земное существование. Думается, что *на Кавказе, современном Кавказе, могут и должны мирно сосуществовать памятники и адмиралу Лазареву и Иمامу Мансуру*».

Все это правильно. Но вообще-то переименование географических объектов, уничтожение и возведение новых памятников, да еще на волне политической конъюнктуры, – дело весьма тонкое и деликатное. Интересно, что еще в прошлом веке группа энтузиастов-казаков стремилась «чохом» стереть с географической карты Кубанской области немногие оставшиеся на ней адыгские названия. В частности, казаками выдвигались требования переименовать названия станиц и городов: Убинская, Абинская, Хадыженская, Афипская, Псекупская, Ильская, Баталпашинская, Шапсугская, Ахметовская, Баканская, Хамкетинская, Ханская, Чамлыкская, Анапа, Геленджик и т. д. Инициаторы этой акции с возмущением писали: «Все чужое, но ничего нашего, все турецкое, татарское, но не русское; даны названия не в честь победителей, а в честь побежденных наших врагов. А где наши Головатые, Бурсаки, Бескровные, Рашпили, Кухаренки, Бабычи? Больно и грустно казачьему сердцу. Надо исправить ошибку канцеляристов. А чужое для нас тарабарское название пусть раз и навсегда исчезнет из истории!».

Заметим, что к чести областного начальства старинные названия изменены не были, памятников кубанским завоевателям-колонизаторам не поставили. Судя по всему, власти не хотели раздражать черкесов и стремились, чтобы все население быстрее забыло о жестокостях царского самодержавия. Но можем ли забыть это мы?..

1.9.2. «Восстановить историческую справедливость...»

Почему бы в плане восстановления исторической справедливости не попытаться воскресить в местных географических названиях хранящиеся в памяти адыгов и в исторических источниках имена видных представителей западнокавказских горцев, боровшихся за свою независимость?

В.И. Ворошилов (2007).

Нельзя не прислушаться и к мудрым словам известного ученого, специалиста в области топонимики Республики Адыгея В.И. Ворошилова (2007), ратующего за восстановление исторической правды. В местной печати, в выступлениях краеведов, в отдельных и коллективных письмах адыгов-шапсугов, – подчеркивает автор, – все чаще высказывается мнение о восстановлении исторической справедливости. Ведь запечатлелись же на картах имена таких недоброй памяти русских генералов периода Кавказской войны как Засс (ст. *Зассовская*) и Головин (пос. *Головинка*). Не осталась без внимания и царская фамилия. Об имени царя Александра II напоминает название аула *Красноалександровского*; *Александрия* – первое название русской крепости в устье р. Сочи – в честь жены царя; с. *Анастасиевка* – в честь дочери Великого князя Михаила Александровича; Константиновский (форт, поселок, мыс) – второе после св. Духа название современного Адлера (до наших дней сохранилось название *мыс Константиновский*) – в честь Великого князя Константина, как ныне выявляется, – бывшего в 60-е гг. XIX в. инициатором прогрессивных реформ, назревших в России в период упадка (застоя) 50-х гг., сказавшегося в поражении в Крымской войне и приведшего к необходимости отмены крепостного права. *Пос. Ольгинка* в долине р. Ту назван был в честь супруги Великого князя Михаила Александровича – Ольги. И даже церковь *св. Михаила Архангела* в Сочи названа в честь самого Великого князя Михаила Александровича – наместника царя на Кавказе и одновременно главнокомандующего русских войск (церковь была заложена на территории Навагинского форта, где 2 апреля 1864 г. Великим князем Михаилом была проведена церемония принятия представителей всех покоренных причерноморских племен, решивших переселиться в Турцию) (Ворошилов В.И., 2007).

Но убрать с географической карты Адыгеи названия, связанные с завоевательной политикой царизма в XVIII-XIX вв., с кровавой Кавказской войной и депортацией предков адыгов с исторической родины, – это полдела. «Но почему бы в плане восстановления исторической справедливости, – предлагает автор, – не попытаться воскресить и сохранить в местных географических названиях (хотя бы в микротопонимах, например, в названиях улиц) хранящиеся в памяти адыгов и в исторических источниках имена видных представителей западнокавказских горцев, боровшихся за свою независимость? Это вождь натухаевцев *Зеноко Карабатыр*; предводитель шапсугов-гоев долины Псишу (Псезуапсе) *Тузурук Заурбек Гоев*. Звучное название знаменитого в середине XIX в. на всем Западном Кавказе рода Берзеков могло бы украсить одну из улиц села Пластунка, где располагалась родовая вотчина Берзеков – а. Мутыхуасуа (или Пех) – центр горной Убыхии. Ведь сохранилось же имя предводителя горных убыхов верховьев р. Шахе *Хаджи Берзек Бабукова* в названии Баbuk-Аула, так же, как название Дагомыс, запечатлело, вероятно, имя предводителя сочинских убыхов *Хаджи Берзек Дагомукова*, (аул Дагомуков находился на левом берегу р. Пседага (ныне Дагомыс Восточный) в 3,5 км от берега моря) (Ворошилов В.И., 2007).

1.9.3. «Назрела необходимость принятия специального закона об охране исторических названий»

Возвращение старых названий важно не только с точки зрения поиска исторической истины... Необходимо прекратить эту практику, когда в угоду власти, в идеологических целях меняют географические имена.

Н.К. Костарнова (2009).

Дальнейшее развитие эта тема получает в эссе известного специалиста в области топонимики Н.К. Костарновой (2009), в котором подчеркивается важность сохранения исторических географических названий. Топонимы, как и памятники материальной культуры, – отмечает автор, – нуждаются в охране. Ведь старые географические названия являются помощниками в восстановлении истории народов, населяющих эти места, а также истории развития природы, ведь климат, ландшафты так же меняются во времени. Возвращение старых названий справедливо с исторической точки зрения. Необоснованно были утрачены многие топонимы, заменены другими. Так, современная река Семиколенная раньше называлась р. Чхафизепс, р. Шушук – Жешуко, р. Руфабго – Куаго, р. Каменка – Къамыл, р. Полковницкая – Уентыхъуа, скала Верблюд – Мэхъушэ, перевал Инструкторский – Узуруб и т. д.

Старые названия могут многое рассказать о жизни проживающих здесь народов, об их верованиях, занятиях, об особенностях природы, в этих названиях выражается любовь народа к своему краю, к горам, лесам, ко всем природным объектам.

Возвращение старых названий важно не только с точки зрения поиска исторической истины, но и для того, чтобы избежать путаницы в названиях, повторения, небрежности. Необходимо прекратить эту практику, когда в угоду власти, в идеологических целях меняют географические имена. Часто один и тот же географический объект называют по-разному. Нет единого написания и произношения топонимов, что также вносит неудобства. Много одинаковых названий, принадлежащих географическим объектам, удаленным друг от друга. Плохо, когда новые названия даются объектам абстрактно, без учета их особенностей. Необходимо бережность, взвешенность в формировании топонимов тех или иных мест (Костарнова Н.К., 2009).

Как справедливо отмечает Р.Ю. Намитокова (1993. С. 121), «...возврат старых названий многим российским городам – только начало «топонимической» реабилитации. На Кавказе ее ждут многие бесцветные, часто повторяющиеся названия. Но более всего эту реабилитацию ждут антиисторические названия».

Сложность данной работы в том, что многие названия уже забыты и безвозвратно утеряны, значительная часть имеет большие искажения в произношении и написании. Часто объектам даются новые названия, которые не связаны с природными или с историческими особенностями объекта.

Назрела необходимость принятия специального закона об охране исторических названий. Правилom должен стать принцип: новое имя только новому объекту. Признать за историческими географическими названиями статус памятника, то есть статус их охраны и неприкосновенности (Костарнова Н.К., 2009).

2. ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАЗВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЧЕРКЕСИИ-АДЫГЕЙ

Сколько увлекательного содержится в географических названиях при их систематическом изучении. Ведь эти названия – народное творчество, которое создавалось в течение столетий и тысячелетий.

Э.М. Мурзаев (1974).

У всех географических названий – свои исторические судьбы. Некоторые из них, возникнув в глубокой древности, дошли до нас без особых изменений. Другие же, просуществовав какое-то время, бесследно исчезли или оставили память о себе лишь на страницах летописей и архивных документов...

Анализ обширного массива архивных, литературных и картографических источников дал возможность выявить происхождение и эволюцию во времени основных географических объектов Земли адыгов а античное время и период средневековья, а также территории, прилегающей к исторической Черкесии.

2.1. Топонимика – «летопись Земли»

2.1.1. Значение топонимики для истории, картографии и языкознания

Гидротопонимы называют «летописью веков», так как с их помощью можно проследить многие периоды жизни народов.

Н.И. Сообцокова (2010).

Топонимика, как было отмечено выше, – наука о географических названиях. Исключительно велико ее значение для географической науки, в первую очередь, для исторической географии. Это и понятно – для изучения современных географических условий и особенностей местности в распоряжении ученых находят-

ся многочисленные и весьма эффективные средства (личное посещение, изучение по литературным источникам, по картам, материалам аэрофотосъемки и т. д.). Иное дело – изучение географии прошлого.

Старинные карты обычно мелкомасштабны и неполны, описания выборочны и неточны. В этих условиях топонимика оказывается мощным средством, дополняющим и уточняющим свидетельства других источников. Кроме того, наиболее древние сохранившиеся карты нашей страны составлены в основном не раньше XV в. Для более же раннего времени подчас единственным источником информации о географических условиях далекого прошлого оказываются названия местностей (рек, морей, гор и т. д.), которые живут века и тысячелетия.

Велико значение топонимики и для таких наук, как история и языкознание. Географические названия иногда называют «летописью Земли». Действительно, в них запечатлено многое, не ставшее достоянием археологии и исторических документов; сравнительное изучение географических названий представляет значительный интерес и оказывает помощь при исторических исследованиях. Широкое применение топонимики находит и в языкознании. Топонимы – слова языка, отражающие его состояние на момент образования названия. Многие названия возникли в глубокой древности и принадлежат уже давно исчезнувшим языкам. Подобные названия зачастую являются единственным источником, сообщаящим какую-то информацию об этих языках. Все это подтверждает важность изучения древних и средневековых географических названий вообще и Земли адыгов в частности.

2.1.2. Смена народов на территории Северо-Западного Кавказа за исторический период

Адыги – коренное население Северо-Западного Кавказа. Как было отмечено выше, на протяжении последних тысячелетий рассматриваемый регион неоднократно подвергался нашествию различных племен и народов, что, разумеется, не могло не отразиться на топонимике тех или иных географических объектов. Сначала это были упоминаемые древними писателями (Геродот и др.) киммерийцы, а затем скифы (примерно с VII-VIII вв. до н.э.) и сарматы (с III в. до н.э. до II-III вв. н.э.). На каком языке (или языках) говорили киммерийцы, неизвестно, хотя есть основания предполагать, что это были племена в языковом отношении достаточно близкие к позднейшим скифам, которые, как теперь хорошо выяснено, говорили на языках и диалектах древнеиранского типа, весьма близких к теперешнему осетинскому. Сарматы, или савроматы (позже их языковых потомков называли аланами), были также ближайшими языковыми родичами скифов. Поэтому не случайно многие реки Южной России носят скифо-сарматские наименования: Дон, Днепр (Данаприс), Днестр (Данастрис), Дунай (Данубий), а также древнее название р. Кубань (Вардан), – все они имеют индоевропейскую основу – *дон* (*дан*), что значит «вода, река».

С конца IV в. н.э. скифо-сарматская группа степных кочевников была вытеснена или частично поглощена гуннами, принадлежащими к совершенно иной языковой группе; гунны были близки по языку к тюркам и монголам, в отличие от индоевропейцев – скифов. С тех пор в степях почти на полторы тысячи лет установилось господство сменяющих друг друга тюркоязычных племен: аваров, булгар, хазар, печенегов, половцев – вплоть до господства тюрко-татарских орд, которое образовалось здесь в результате монголо-татарского нашествия XIII в. Только во второй половине XVIII в. тюркские элементы были окончательно вытеснены из Северо-Западного Кавказа. Поэтому очевидно, что топонимика Земли адыгов должна содержать сильнейшие следы тюркских языков; так оно и оказалось на самом деле.

Однако этими языками дело здесь не исчерпывается. Во-первых, здесь имеется, конечно, очень большое число славянских (украинских и русских) названий, возникших в разное время; затем здесь же, особенно на побережье Черного моря, достаточно много греческих наименований и т. д. Таким образом, мы должны каждый раз принимать во внимание целый ряд исторических обстоятельств, накладывающих свой отпечаток на топонимику Земли адыгов.

2.2. Древние и средневековые названия морей, окружающих историческую Черкессию

2.2.1. Черное море – «Ахын»

В средние века Земля адыгов простиралась от Азовского моря до низовьев Терека и от Нижнего Дона до Черноморского побережья Кавказа. Черное море было «родным» для многочисленных племен предков адыгов, проживавших на его побережье. С этой точки зрения интересно проследить, как в древности называлось это море, и почему.

«Ласковым», «теплым», «гостеприимным» называли его многочисленные народы, проживавшие в те или иные исторические эпохи на его берегах. Впрочем, не всегда оно бывало таким. Вот выдержка из старинной византийской хроники, датируемой VIII в. н.э.: «Зима 763/764 г. люта бысть. С начала октября сделался великий холод не только в нашей земле (т.е. Византии), но и на востоке, севере, западе, так что северная часть Понтийского моря (Черного) на 100 миль от берега превратилась в камень. И то же было от Зикхии (Таманского полуострова) до Дуная, от Куфиса-реки (Кубани) до Днестра и Днепра, от всех прочих бе-

регов – до Мидии (Юго-Восточное Причерноморье). *Когда же снег выпал на столь толстый лед, то толщина его увеличилась еще, и море приняло вид суши. И ходили по нему, как посуху, из Крыма во Фракию (Западное Причерноморье) и из Константинополя в Скутари (азиатская часть Босфора).* В феврале лед разделился на куски подобно горам великим. Хрустальных глыб, несущихся из Понтийского моря, было так много, что в Босфоре они образовали огромный ледяной мост...» (Галкин Г.А., 1979).

Человек, впервые попадающий на берега Черного моря, обязательно задает себе вопрос: почему же оно носит такое название? У Черного моря есть одна особенность: оно никогда не бывает черным. В зависимости от времени года, времени суток, погоды, освещения оно и лазурное, и голубое, и изумрудное, и бирюзовое, и фиолетовое, и оранжевое, а вообще-то, как поется, «самое синее в мире». Вечером на закате солнца оно пылающе-красное, словно покрыто бесконечным пурпурным стягом. А если ночью пройдет дождь, то к середине дня на берег покаты грязно-желтые соленые валы. С берега вниз устремятся дождевые потоки, неся с собой глину, песок. Правда, во время штормов (более 6 баллов) вода темнеет, но таких дней в году не более 17-ти. И конечно, не в этом причина названия моря.

По поводу происхождения его названия существуют древние легенды, более поздние версии, современные гипотезы. Мнения о причинах, послуживших поводом к названию «черное», очень различные.

В древних памятниках письменности, летописях, исторических хрониках) различных народов, так или иначе связанных с этим районом, можно обнаружить многочисленные названия моря, известного нам, как Черное. Иранцы, например, именовали его Ашхаэна, по другим источникам Ахшаена (Темное); греки – Понт Аксинский или Аксэйнос (Негостеприимное), Понт Эвксинский или Эвксейнос (Гостеприимное) и Понто́с Мелас (Черное море); турки – Карадениз (Черное море). В русских летописях его название «черных» оттенков не носило: Великое, Сурожское, Стамбульское, Русское и др. Черное море называлось также просто Понтом (по латыни – «море») или Понтийским морем (так сказать «Морское море»). Упоминается и скифское название этого моря – Тама, связанное со значением «темный». О разнообразии в названиях одного и того же моря было известно еще древним, и они пытались дать этому свое толкование.

Черное море – «Армянское»? Установлено, что наименование любого моря связано с общими топонимическими закономерностями: Море называется по имени народов, живущих на его побережье, стран, княжеств, государств, географических местностей, окружающих его; рек, впадающих в это море; городов на его побережье; и наконец, – отличительных черт самого водоема (цвет, конфигурация и т. д.). Все эти признаки в полной мере относятся и к древним названиям Черного моря:

- *так, по имени народов:* Абхазское, Скифское, Сарматское, Фракийское, Фригийское, Болгарское, Киммерийское, Грузинское, Славянское, Русское, Хазарское, Море Баджгарт (т.е. мадьяр). Интересно отметить сохранившееся с античных времен легендарное название «Амазонский Понт», а также средневековое «Армянское море» (в Арабском халифате провинция Армения включала в себя и большую часть Западной Грузии);

- *по имени стран и местностей:* Азиатское, Колхидское, Кавказское, Крымское, Византийское;

- *по имени впадающих рек:* Дунайское;

- *по имени городов:* Трапезундское, Стамбульское (Константинопольское), Сурожское (Судакское), Каффинское (Каффа – совр. Феодосия);

- *по отличительным чертам:* Синее, Темносинее, Черное, Восточное, Верхнее, Большое, Великое, Главное, Южное (для славянских народов оно было на юге), Северное (для арабов и греков).

Старше египетских пирамид. Греческие мифы приписывают открытие Черного моря аргонавтами. За одно-два поколения до Троянской войны они якобы проникли из Эгейского моря в Черное и достигли в поисках золотого руна Колхиды. Однако исследования последних лет дают основание утверждать, что этот район был известен за много столетий до греков древним цивилизованным народам Передней Азии – шумерам, хеттам, ассирийцам, а также египтянам. Так, в ряде документов на глиняных табличках из Богазкойского архива встречается название этого водоема – Большое море, приписываемое царю Хаттского государства Лабарну (ок. 1680-1650 гг. до н.э.). Древние египтяне проникли в Малую Азию около 1400 г. до н.э. Геродот приводит египетское предание о фараоне Рамзесе Великом, который на севере достиг Черного моря. Из другой надписи на глиняном цилиндре мы узнаем, что ассирийский царь Тиглатпаласар I (1115-1077 гг. до н.э.) покорил страну Наири (впоследствии ее называли Урарту) до Великого моря, под которым многие исследователи также склонны считать Черное море. При этом последнее название сохранилось до эпохи средневековья, что подтверждается записками Марко Поло (XIII в.): «Решил идти в Великое (Черное) море за наживой да за прибылью».

Эфиопы в ...Колхиде? Ряд названий Черного моря, на первый взгляд, труднообъяснимы. К ним относятся Арапское, Египетское, Оманское море, Маври Таласс, Мавританский Понт, Маре Нигрум. Скорее всего, в них отражается все то же первоначальное название моря – Черное, своеобразно переложенное на темный цвет кожи этих «арапских» народов. Но нельзя не отметить и гипотезу двухтысячелетней давности, согласно которой колхи Западной Грузии – выходцы из Египта или Эфиопии.

В свое время Геродот совершил даже специальное путешествие в Восточное Причерноморье для уточнения этого вопроса: «Так как это заинтриговало меня, то я расспрашивал об этом и тех и других, – колхидян и египтян, причем колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов». Однако в дальней-

шем эта гипотеза не подтвердилась. Лишь в древнерусском фольклоре остались едва уловимые «следы» подобных названий:

Из-за моря-то, моря, братцы, Синего,
Из-за Синего моря, – Арапского,
И приходило три черненьких, три-то корабля,
И поплыли в Киев-град...

Аксин или Евксин? В одном из своих писем-элегий поэт Овидий, сосланный в Западное Причерноморье в начале I в. н.э., писал: «Не отпускают меня берега Евксинского Понта. Древние звали его Понтом Аксинским не зря...». Эти два названия (вместе с их многочисленными вариантами, разночтениями, искажениями при переписке и переводе) занимают, пожалуй, наибольший «удельный вес» в перечне древних названий Черного моря. Сохранилась легенда, в которой отражается попытка местных жителей объяснить их происхождение: «Давно это было. Так давно, что даже счет времени шел в обратную сторону. Жило в Тавриде гордое и миролюбивое племя горцев. Жили тихо, ни на кого не нападали, и на них никто не нападал. Возделывали землю и растили детей. Селение горцев богатело с каждым годом...

Прослышали о Тавриде в далекой Эллад, и задумали греки покорить эту богатую землю. У берегов Тавриды появилось множество фелюг. В них сидели вооруженные эллины. Они хотели под покровом ночи подойти к берегу и напасть на сонных горцев. Но море вдруг засветилось голубоватым пламенем, и горцы увидели пришельцев. Черные греческие фелюги шли словно по серебру. Весла разбрызгивали воду, и брызги мерцали, как звезды на небе. Даже пена у берегов осветилась голубым мертвым свечением.

Всполошилось селение горцев. Женщины и дети спрятались в пещеры, а мужчины приготовились отразить натиск. Они поняли, что битва будет не на жизнь, а на смерть: греков было несчетное множество. Но тут словно тучи закрыли звезды. Это гигантские орлы-грифы взлетели со скал и устремились к морю. В страхе закричали эллины и закрыли головы щитами. Но тут раздался грозный клекот грифа-предводителя, и птицы своими железными клювами стали долбить деревянные щиты, обтянутые кожей.

Обрадовались горцы, увидев поддержку с неба, и начали сталкивать в воду со скал огромные валуны. Взбунтовалось море, заштормило, поднялись высокие волны. Такие огромные, что соленые брызги, пробив мрак ночи, добрались до солнца и вызвали дождь. В страхе повернули эллины свои фелюги обратно. Но мало кто возвратился к своим берегам.

С тех пор греки стали называть это море Понтом Аксинским – Негостеприимным морем. И наказывали детям своим, чтобы никогда не поднимали оружие против жителей Тавриды и никогда не пытались пройти по Понту Аксинскому.

Мало ли, много ли прошло времени с тех пор, только снова стало тянуть греков на солнечные берега богатой Тавриды. Но они хорошо помнили наказ своих предков, и не тысячи фелюг вышли в Понт Аксинский, а всего лишь пять. И сидели в них не вооруженные воины, а мирные послы с богатыми дарами для горцев. И договорились горцы с греками, и поклялись, что никогда не поднимут оружия друг против друга. С тех пор и поселились эллины вдали от Эллады и счастливо зажили под солнцем Тавриды. Стали они выращивать виноград и розы. Вели торговлю с горцами и удивлялись: почему такое ласковое море названо Аксинским – Негостеприимным? Нет, это доброе и гостеприимное море. Так и называли греки море – Понтом Эвксинским. Так и повелось с тех пор. Кто идет к Черному морю с открытым сердцем и мирным флагом, – оно всегда Гостеприимное. А для врагов наших – оно Понт Аксинский – Негостеприимное».

Интересно, что «корни» этой легенды, записанной век назад в горном ауле Южного берега Крыма, восходят к аналогичным утверждениям греков двухтысячелетней давности. Вот что писал по этому поводу Страбон: «Это море было недоступно для плавания и называлось Аксинским из-за зимних бурь и дикости окрестных племен, так как последние приносили в жертву чужестранцев, поедали их мясо, а черепа употребляли вместо кубков. Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо Эвксинским».

Существует оригинальное объяснение старокабардинского названия Черного моря – Ахын от слова *хы* – море. По Г. Турчанинову, «Ахын» возник от греческого Понтас Ахинес – «Море Негостеприимное». Интересно, что Ахын – и имя адыгского божества.

Почему же все-таки «Черное»? На сегодняшний день имеется два десятка гипотез, объясняющих причины появления этого названия. В.А. Дыгало приводит турецкую легенду, которая гласит, что в море покоится богатырский меч, брошенный туда по просьбе умирающего волшебника Али – близкого родственника самого Магомета. Море кипит, волнуется, пытается выбросить из своих недр смертоносное оружие, и от гнева оно становится черным.

Л.Ф. Воеводский считал, что это море названо так «от мрака в стране киммерийцев Гомера, от черного цвета неба». Л.М. Максимович в своем «Географическом словаре» критиковал объяснение названия моря «по великим на нем бывающим штормам» и что море так зовется из-за грязного цвета воды. И вместе с тем выдвигал свою версию, согласно которой «Черное море названо так в противоположность Белому морю (т.е. Средиземному), к югу узким проливом с Черным соединенное». К подобным «объяснениям» можно отнести и утверждения, что море так названо из-за того, что «после шторма на берегу остается черный ил», или «металлические предметы, опущенные в глубину, темнеют от сероводорода» и т. д.

Исследования последних лет позволяют несколько приоткрыть «завесу тайны» над этим названием. Современное название Черного моря в значении «темное» восходит к древнеиранским текстам I тысячелетия до н.э. Еще в Авесте упоминалось название этого моря «Ахшайна», что значит «темное, непрозрачное», что соответствует истине: вода в море непрозрачная. А от темного один шаг до черного. В свою очередь, это же название «ахшайна» было затем переосмысленно греками, и по внешне сходному слову (аксинос) море стали называть Аксинское, что есть Негостеприимное.

Интересно, что на языках практически всех народов бывшего СССР это название звучит как «Темное», «Черное»:

казахский – Кара тениз	молдавский – Маря Нягрэ
кара-калпак. – Кара тенгиз	марийский – Шем теныз
башкирский – Кара дингез	осетинский – Шай дендижг
татарский – Кара дингез	лакский – Лухи хьхьир
киргизский – Кара дениз	адыгейский – Мыутхьох
узбекский – Кора денгиз	эрзянский – Раужо моря
кумыкский – Къара денгиз	эвенкийский – Конгному ламу
туркменский – Гара дениз	мокшанский – Чернай моря
калмыцкий – Хар тенгс	чеч.-ингуш. – Черно фюрд
чувашский – Хура тинес	ненецкий – Черной ям
тувинский – Кара далай	белорусский – Чорнае мора
хакасский – Хара-талай	украинский – Чорне море
бур.-монг. – Хара-далай	русский – Черное море

В одной из последних работ по топонимике П.В. Жило утверждал, что: «...за исторический период Черное море имело не более 10-12 названий». Наши исследования, основанные на анализе нескольких тысяч архивных, литературных, эпиграфических и картографических источников, позволили расширить этот «спектр» древних названий Черного моря по крайней мере в несколько десятков раз. Только на русском языке выявлено 333 варианта названий, их различий и искажений, а всего с учетом иноязычных источников (латынь, западноевропейские языки) – свыше 700.

Номенклатура географических названий Черного моря в историческом прошлом

1. Абхазское море. 2. Азакское море. 3. Азиатское море. 4. Аксейнос. 5. Аксен. 6. Аксенос. 7. Аксенское море. 8. Аксин. 9. Аксинос. 10. Аксинское море. 11. Аксэйнс. 12. Акшаена. 13. Ахшайна. 14. Арапское море. 15. Армянское море. 16. Асканское море. 17. Ахшаена. 18. Ахшайна. 19. Ахшаэна. 20. Ашан. 21. Ашкеназ. 22. Бантус. 23. Бахр ал-Армани. 24. Бахр ал-Хазар. 25. Бахр ар-Рум. 26. Бахр ар-Руми. 27. Бахр ель-Кирим. 28. Бахри Сиех. 29. Бахр Сардак. 30. Бахр Судак. 31. Бахр Трабзунд. 32. Болгарское море. 33. Большое море. 34. Бонтас. 35. Бонтос. 36. Бонтош. 37. Бонтус. 38. Бунтус. 39. Великое море. 40. Верхнее море. 41. Верхнее море заката. 42. Византийское море. 43. Вифинское море. 44. Гилейское море. 45. Главное море. 46. Гостеприимное море. 47. Гостеприимный Понт. 48. Гостеприимный Эвксин. 49. Гостинне море. 50. Греческое море. 51. Грузинское море. 52. Гурзиан. 53. Гурзкое море. 54. Дарья-и Хазаран. 55. Дарья-йе Лазик. 56. Дарьяей Гурзийан. 57. Дарьяе Хазар. 58. Дарья-йе Гурзьян. 59. Дарья Стамбульская. 60. Дория Стебольшая. 61. Дория Стембольшая. 62. Дория Стимбольшая. 63. Дунайское море. 64. Евксин. 65. Евксинопонт. 66. Евксинос. 67. Евксинское море. 68. Евксинское море. 69. Египетское море. 70. Ексинопонт. 71. Злое море. 72. Идун. 73. Кавказское море. 74. Кара далай. 75. Кара денгис. 76. Кара денгиз. 77. Кара денгис. 78. Кара дениз. 79. Кара дингез. 80. Кара-тенгиз. 81. Кара тениз. 82. Кара тенис. 83. Карское море. 84. Каффинское море. 85. Киммерийский Понт. 86. Киммерийское море. 87. Колхидское море. 88. Конгномо ламу. 89. Константинопольское море. 90. Константиновское море. 91. Кора денгиз. 92. Кора денгизи. 93. Корсунское море. 94. Константинэйское море. 95. Красное море. 96. Крымское море. 97. Кустандина. 98. Кунстантиния. 99. Къара денгиз. 100. Лунин ацкан.

101. Лухи хьхьир. 102. Маври Таласс. 103. Маври Таласса. 104. Мавританский Понт. 105. Мавританское море. 106. Маври Феласс. 107. Маврэ Таласса. 108. Маим Русия. 109. Майотис. 110. Майотус. 111. Майутис. 112. Маре Нигрум. 113. Маря Нягрэ. 114. Маря Понтулуй. 115. Меотийское море. 116. Море. 117. Море ал-Бургар. 118. Море ал-Хазар. 119. Море ан-Нитас. 120. Море ан-Нитаси. 121. Море ар-Рум. 122. Море ар-Рума. 123. Море ар-Руми. 124. Море ар-Рус. 125. Море Ахшен. 126. Море Баджанак. 127. Море Баджгард. 128. Море Баджна. 129. Море Барки и Лазики. 130. Море болгар. 131. Море болгар и русов. 132. Море Бонтас. 133. Море Бонтос. 134. Море Бонтус. 135. Море Бунтус. 136. Море Бургара и Руса. 137. Море-в-Руме. 138. Море Греции. 139. Море Гурз. 140. Море Джурз. 141. Море дунайских бургар и русов. 142. Море Кафы. 143. Море Крз. 144. Море Кустандина. 145. Море Кустандины. 146. Море Кустантинии. 147. Море Кустантины. 148. Море Лазики. 149. Море Майотис. 150. Море Майотус. 151. Море Майтас. 152. Море Майутис. 153. Море Мрака. 154. Море Мраков. 155. Море Найтас. 156. Море Нейтас. 157. Море Нейтуса. 158. Море Нитас. 159. Море Ниташ. 160. Море Понт. 161. Море Понта. 162. Море Понтос. 163. Море Понто-са. 164. Море Понтус. 165. Море Рум. 166. Море Рума. 167. Море русов. 168. Море руссов. 169. Море севера. 170. Море скифов. 171. Море славян. 172. Море Трапезунда. 173. Море Хазар. 174. Море Эвксинского Пон-

та. 175. Мыутхьох. 176. Найтас. 177. Наше море. 178. Негостеприимное море. 179. Негостеприимный Аксен. 180. Негостеприимный Понт. 181. Негостинне море. 182. Недоступное море. 183. Нейтас. 184. Нейташ. 185. Нейтес. 186. Нейтис. 187. Неприветливое море. 188. Нитас. 189. Ниташ. 190. Нитош. 191. Оманское море. 192. Пинлэнэ. 193. Понетское море. 194. Понетьское море. 195. Понт. 196. Понт Аксейнос. 197. Понт Аксенский. 198. Понт Аксинос. 199. Понт Аксинский. 200. Понт Евкеинский.

201. Понт Евксин. 202. Понт Евксинос. 203. Понт Евксинский. 204. Понт Ексинский. 205. Понт Киммерийский. 206. Понт Приветливый. 207. Понт Эвксин. 208. Понт Эвксинский. 209. Понт Эвскинский. 210. Понт Эвский. 211. Понт Эуксин. 212. Понтьморе. 213. Понть. 214. Понть-море. 215. Понтенское море. 216. Понтийский залив. 217. Понтийский залив Океана. 218. Понтийское море. 219. Понтическое море. 220. Понтическое море. 221. Понтос. 222. Понтос Аксейнос. 223. Понтос Аксенос. 224. Понтос Аксинос. 225. Понтос Евксинос. 226. Понтос Еуксейнос. 227. Понтос Мелас. 228. Понтос Эвксенос. 229. Понтос Эуксейнос. 230. Понтос Эуксинос. 231. Понтское море. 232. Понту. 233. Понтул Еуксин. 234. Понтул Еуксинус. 235. Понтус. 236. Понтус Евксинус. 237. Понтус Еуксинский. 238. Понтус-Эвксинус. 239. Поньтское море. 240. Поньт. 241. Поньтское море. 242. Раужо моря. 243. Римское море. 244. Российское море. 245. Росское море. 246. Рум. 247. Румейское море. 248. Румское море. 249. Руское море. 250. Русское море. 251. Руськое море. 252. Русьское море. 253. Сарматский Понт. 254. Сарматское море. 255. Сау денджыз. 256. Сауфурд. 257. Святое море. 258. Северное море. 259. Синее море. 260. Скифский Понт. 261. Скифское море. 262. Сперское море. 263. Стамбульское море. 264. Стебольская дория. 265. Стебольское море. 266. Стембольское море. 267. Стемьбольскаа дория. 268. Стемьбольское море. 269. Стимбольская дория. 270. С-т-с. 271. Судакское море. 272. Судацкое море. 273. Судацке море. 274. Суражское море. 275. Сурдацкое море. 276. Сурожское море. 277. Сурожское море. 278. Сус. 279. С»хе пситса. 280. Таврическое море. 281. Таласса. 282. Там. 283. Тама. 284. Темарун. 285. Темное море. 286. Темносинее море. 287. Тис. 288. Тракийское море. 289. Трапезандское море. 290. Тратинское море. 291. Тратиньское море. 292. Триньское море. 293. Турецкое море. 294. Турецкое озеро. 295. Ужасное море. 296. Хазарское море. 297. Фракийское море. 298. Франкское море. 299-300. Фригийское (Фригское) море.

301. Хара далай. 302. Хара талай. 303. Хар тенгс. 304. Хар тенгис. 305. Хашен. 306. Хура тинес. 307. Хура тенгиз. 308. Хэйхай. 309. Црно море. 310. Чермное море. 311. Чернай моря. 312. Черно море. 313. Черно форд. 314. Чорно море. 315. Черный понт. 316. Черной ям. 317. Чорнае мора. 318. Чорне море. 319. Чорное море. 320. Чръмное море. 321. Чръное море. 322. Ахын. 323. Черное море.

324-327. Mar Maggiore (Mazor, Mazore, Mauro). 328-340. Mare Maggiore (Magiore, Magore, Maius, Majus, Maggfore, Magnum, Mai, Maior, Major, Majoro, Marot, Maurum). 341-343. Mer Maior (Majeur, Majeure). 344. Mare dille Magiore (=Великое, Большое море).

345. Achsaena. 346. Aegevm mare. 347. Aksaena. 348. Askenaz. 349. Axeinos. 350. Axenos. 351. Axenum. 352. Axenus. 353. Axaena. 354. Axsen. 355. Axsin. 356. Pontos Askenaz. 357. Pontos Axeinos. 358. Pontus Axrnos. Niegoscinne morze. 359. Xasen. 360. Xasin.

361. Euxeinos. 362. Euxenos. 363. Euxini aquis. 364. Euxini maris. 365. Euxino mare. 366. Euxino mari. 367. Euxinos. 368. Euxinskie morze. 369. Euxinum sjor. 370. Euxinus. 371. Euxinum mare. 372. Pont Euxen. 373. Pont Euxin. 374. Pont Evxin. 375. Ponius Euxinus. 376. Pont Ewxinski. 377. Ponte Euxine. 378. Ponto Evsino. 379. Ponto Exinus. 380. Pontos Euxeinos. 381. Pontus Evixinus. 382. Pontus Euxin. 383. Pontus Euxinum. 384. Pontus Euxinus. 385. Pontus Euxinns. 386. Pontus Euxius. 387. Pontus Evsinus. 388. Pontus Evxinus. 389. Pontus Exinus. 390. Pontvs Eusinvs. 391. Pontvs Evsines. 392. Pontvs Evsinvs. 393. Pontvs Evxinvs. 394. Hospitable sea. 395. Goscinne morze.

396. Pont. 397. Ponti. 398. Pontico. 399. Ponticus. 400. Ponto. 401. Pontos. 402. Pontus. 403. Mer du Pont. 404. Mar di Ponto. 405-409. Mare Pontus (Pontum, Ponticvm, Ponticum, Ponti). 410. Mari Pontico. 411. Bahr Buntus. 412. Mare. 413. Mer. 414. Dengiz. 415. Denghiz (=Mope).

416-422. Mare de Rossie (Mare Rusciae, Mare Ruthenis, Mare Rutenum, Mer de Rossie, Mer des Russes, Rumish sea). 423-426. Mare Sarmaticae (Sarmatici, Sarmaticum, Sarmatis). 427. Scythica Pontus. 428. Scythicae Pontus. 429. Mare Constantinopolitani. 430. Greciae mare. 431. Cavcasevm mare. 432. Gurz Sea.

433. Deti i Zi. 434. Mer des Borghas. 435. Bera Res. 436. Djchan. 437. Djah-boun. 438. Gahi-bun. 439. Gehan-bun. 440. Saibun. 441. Sahi-bun. 442. Jabhun. 443. Tam. 444. Tama. 445. Neitis. 446. Nitas. 447. Nitasch. 448. Mer de Nytas. 449. Mare Clausum.

450. Cara-Deniz. 451. Kara denghiz. 452. Kara dengis. 453. Fanar Kara degniz. 454. Kara degnizi. 455. Kara daniz. 456. Kara deniz. 457. Kara tenis. 458-463. More Cernoe (Cerne, Crno, Chernoye, Sorno, Zorno). 464. Czarne morze. 465. Black sea. 466. Bahari ya Black sea. 467. Negro. 468-470. Mar Negro (Nero, Marma). 471-472. Mer Noir (Noire). 473-476. Mare Nero (Nigrum, Nigrvm, Nostro). 477-479. Marea Neagra (Negra, Negre). 480. Mavra thalassi. 481. Mavri thalassa. 482-483. Meri Must (Musta). 484. Melna jura. 485. Juodji jura. 486. Tequr bahr. 487. Hitam laut. 488. Hitang laut. 489. Fokete tenger. 490. Fekete tenger. 491. Hei-hai. 492. Hac-hai. 493. Svarta hav. 494. Svarta hafet. 495. Svarta havet. 496. Svarte havet. 497. Sorte hav. 498. Schwartz Meer. 499. Schwarzes Meer. 500. Schwarzen Mor. 501. Swarte Zee (=Черное море).

2.2.2. Азовское море – «Море меотов»

Азовское море – самое мелкое и одно из самых маленьких морей мира. Иногда его даже называют заливом Черного моря, но тем не менее это вполне самостоятельное море. Самые большие глубины (не более 14 м) находятся в центральной части водоема; в Таганрогском заливе они составляют 2-9 м. Площадь бассейна рек, питающих Азовское море – 570 тыс. кв.км. Основные реки бассейна – Дон и Кубань, суммарный средний многолетний сток которых в естественных условиях (до зарегулирования) был около 40 куб.км. С Черным морем Азовское соединяется через узкий и мелкий Керченский пролив (наименьшая ширина его около 3 км, глубина не более 7 м). Условия обмена в проливе таковы, что из Азовского моря в Черное поступает больше воды, чем наоборот.

Все эти физико-географические условия наложили свой отпечаток на формирование своеобразной номенклатуры древних и средневековых названий Азовского моря и Керченского пролива. В общей сложности выявлено более 420 старых названий Азовского моря и около 200 – Керченского пролива.

В перечне древних географических названий Азовского моря, по аналогии с Черным морем, можно выделить следующие группы:

- *по имени народов*: Киммерийское болото, Скифские пруды, Меотское озеро, Сарматское, Румейское, Славянское, Русское море;
- *по названиям стран или географических местностей*: Море Боспор;
- *по рекам, впадающим в море*: Донской лиман, Танаисское море;
- *по городам на его побережье*: Маре ди Тана, Азакское, Сурожское, Матрегское, Таванское (Матрега, Таван = Тамань);
- *по размеру*: Малое море, Болото;
- *по цвету*: Белое, Синее, Темносинее море;
- *по связи с океаном или другими морями*: Эвксинский залив, Великий залив, Хазарский залив, Залив Искендера (т.е. Александра Македонского).

Рассмотрим некоторые характерные названия Азовского моря античных времен и периода средневековья.

Меотида, Меотийские болота. Варианты этого гидронима имеют наибольший «удельный вес» в перечне географических названий Азовского моря. Обилие их объясняется тем, что в античные времена о величине и конфигурации Меотиды существовали самые смутные представления. Ее называли и морем, и озером, и болотом, и прудом, и заливом Черного моря; некоторые же авторы считали Меотиду краем Земли – частью Великого Северного океана.

Особую тревогу при этом вызывало у современников прогрессирующее обмеление Азовского моря, в результате чего оно у них на глазах превращалось в огромное болото. Так, в своей «Всемирной истории» Полибий (205-123 гг. до н. э.) отмечал: «Занесение Меотиды представляет уже существующий факт: глубина ее в наибольшей части достигает около 5 или 7 оргий (7,5-10,5 м), почему плавание по ней уже невозможно без лодки. Будучи первоначально морем, слившимся с Понтом (Черным морем) в одно целое, как единогласно свидетельствуют древние, оно теперь представляет пресноводное озеро вследствие того, что морская вода вытеснена наносами».

Наиболее правдоподобно объяснение этого названия от имени местных племен, предков адыгов, объединенных под названием «меоты», что на их языке, по некоторым данным, означало «жители болот». Меоты жили в Восточном Приазовье, начиная с I тысячелетия до н.э.; название этих племен неоднократно встречалось в трудах античных авторов, а также в эпиграфических источниках – древнегреческих и римских надписях Северного Причерноморья. С теми или иными искажениями (Меотида, Меотис, Матус, Майтус, Манитус) этот гидроним сохранился в письменных источниках почти до XVIII в.

Палус, Море-болото. Древние римляне называли Азовское море Палус Меотис (или Палус), что значит «Болото, на котором живут меоты» или просто «Болото». Это название было довольно метким. Действительно, этот водоем (площадью около 38 тыс.кв.км.) имеет совершенно своеобразный характер. Мелководье, летнее «цветение» воды, слабость внутренних течений, мутные илистые воды, полупресные у берегов, – все это придает Азовскому морю характер гигантского пересыхающего пруда с низменными болотистыми берегами, изрезанными на западе массой соляных озер и загнивающих болот. Не случайно применительно к названию моря этот термин сохранился до позднего средневековья («Море-Болото» на итальянских картах XV в.).

Сурожское Море. В XIII-XIV вв. на русских картах и в летописных источниках появляется новое название Азовского моря – Сурожское (оно, впрочем, относилось и к Черному морю). Впервые название города Сурожа (ныне г. Судак в Крыму) встречается в хронике VIII в., повествующей о деятельности местной епархии, во главе которой стоял архиепископ Стефан – «веселие и похвала земли сурожской». Постепенно торговое значение Сурожа настолько возросло, что все море стало называться у арабских писателей Сурдакким, а у славянских – Сурожским.

Белое море. Ряд источников позднего средневековья упоминает тюркский вариант названия Азовского моря – Ак-Денгиз (что по-русски – Белое море). К этому же периоду относится выявленное турецкое название Черного моря – Кара-Денгиз. Применительно к Азовскому морю гидроним Белое море сохранился

сравнительно короткое время (2-2,5 столетия), перейдя затем на Ахтанизовский лиман (Ахтаниз – искаженное от Ак-Дениз, «Белое море») – крупнейший пресный водоем Восточного Приазовья.

Танаид, Тейн-море. В перечне географических названий Азовского моря встречаются гидронимы, производные от реки Танаис (древнее название р. Дон). Устойчивое сочетание топонимов типа «река-море» отмечено и для других вариантов Азовского моря: р. Танаис-Танаидское море, р. Русская-Русское море, р. Меоте-Меотийское море и т. д.

О городе Танаис и реке с одноименным названием (Тан, Тана, Танаис) упоминают многие античные авторы (Геродот, Страбон, Плиний). Основанный еще в VI в. до н.э., город Танаис в XI в. был захвачен половцами, назвавшими его Азак, а в XIII в. здесь выросла генуэзская колония Тана. К этому времени относится сообщение путешественника В. Рубрика о реке и море Танаид: «Именно река Танаид, прежде чем впасть в море Понта (Черное море), образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину 700 миль, но нигде не имеющее глубины свыше 6 шагов». Таким образом, не только античные, но и средневековые авторы зачастую не выделяли Азовское море как самостоятельный водоем и представляли его обычно в виде сильно расширяющегося устья р. Дон или же вообще не наносили это море на своих картах.

В западноевропейских хрониках название «Танаид» сохранилось в сильно искаженных вариантах (например, Тейн-море в записках нидерландского путешественника Витсена) до начала XVIII в., просуществовав в общей сложности 2,5 тысячелетия.

Балык-денгиз, Сабаш. Определенный интерес представляет группа гидронимов с явно выраженной «рыбной» тематикой. В.Ю. Марти справедливо объясняет Балык-денгиз и Чабак-денгиз из тюркского «рыбное море» и «море, изобилующее лещами». Не исключено, что последнее название затем трансформировалось в Сабаш (Забахское море), а Керченский пролив – соответственно, в Сабашский пролив.

Проведенное исследование дает основание предполагать, что Балык-денгиз в свою очередь переосмыслено татарами из более ранних названий Азовского моря (у скифов, а впоследствии команов – Карбарук, Карпалук, Карбалук, Карбалык, что объясняется некоторыми авторами как «рыбное пристанище»). Следует отметить, что «рыбная» тема вообще плодотворна в Восточном Приазовье. Так, один из вариантов древнего названия р. Кубани – Антикитес – из греческого «Осетровая река»; на современной карте Краснодарского края можно встретить гидронимы типа Балык-су и Балакшевский лиман. Эта же тема прослеживается и во многих других южных районах нашей страны с тюркоязычным населением: Балык-дере, Балыклей, Балыктыколь, Балыкчей и т. д.

Азовское море. Бесспорно происхождение современного названия Азовского моря от имени города Азова (бывший Танаис, Тана). Название города, близкое современному (Азак, Ассак и т. д.) впервые появилось в XI в., когда входивший в состав русского Тмутараканского княжества г. Танаис был захвачен половцами. Соответственно и море называлось тогда Ассак-денгиз или Азак-динис. Однако, лишь в конце XV в., с укреплением турецкого влияния в Приазовье, первоначальное название Азак (Адзак) было заменено современным Азов. Так, в русских источниках этого периода упоминается азовская орда, о «баловстве» казаков-азовцев писал Иван Грозный в 1538 г., на донцов, которые «с Азова оброк емлют и воды на Дону пить не дают» жаловался в 1551 г. турецкий султан, о городе Азове упоминала и «Книга Большого Чертежу». Соответственно и море называлось теперь Бар-эль-Азов (в арабских источниках), Море у Азова, Озовское и, наконец, Азовское море, а Керченский пролив – Устье Азовского моря или Азовский пролив.

По некоторым гипотезам, название этого города (а, следовательно, и моря) связано с именем половецкого князя Азума (Азуфа), с черкесским словом *узэв* – «горловина», с тюркским *азу* – «впадина», с именем народа ассы – предков осетин. Наиболее соответствует географической реалии объяснение г. Азова (Азак, Адзак) из тюркского *азан* – «низина, болотистое место».

Номенклатура географических названий Азовского моря в историческом прошлом

- 1,2. Киммерийское море (озеро). 3,4. Киммерийские болота (озера).
- 5-7. Море Боспор (Босфор, Босфорское). 8. Озеро Боспор. 9. Воспорское море.
10. Море-Болото. 11. Болото. 12-14. Болота Ленивые (Вялые, Медленные). 15,16. Болото Гнилое (Соленое). 17,18. Море Гнилое (Мертвое). 19. Каспийские топи. 20. Малое море. 21. Озеро. 22. Палус. 23. Палюс. 24. Лиман. 25. Лимен. 26,27. Скифские болота (пруды). 28. Скифское море. 29, 30. Море сарматов (Сарматское). 31. Болото в Сарматии. 32. Сарматское болото. 33. Сарматские пруды.
34. Темерий. 35. Темарунда. 36. Темеринда. 37. Темериндское море. 38. Темерпида. 39. Темерунда. 40. Темеринда. 41. Кормилица. 42-44. Кормилица моря (Понта, Эвксинского Понта). 45-49. Мать моря (Понта, Понта Эвксинского, Черного моря, морей).
50. Меотида. 51. Меетида. 52. Меотиды. 53. Меотика. 54. Меотия. 55. Меотис. 56. Миотис. 57. Мэотис. 58. Мэотида. 59. Мэетис. 60. Мэутхьох. 61. Майотас. 62. Майотис. 63. Майтас. 64. Майтус. 65. Матус. 66. Мауотис. 67. Майутис. 68. Мау.ти. 69. Мау.тн. 70. Маутуш. 71. Маниташ. 72. Манитус. 73. Маничах. 74-81. Море Меотида (Майотис, Майтас, Майутис, Меотис, Мэотис, Палус-Меотис, Парус-Меотис). 82-89. Меотидское (Меотийское, Меотисское, Меотическое, Меотское, Меотьское, Мэотийское, Мэетийское) море. 90-98. Озеро Майотис (Майтус, Майутис, Маутуш, Меонида, Меотида, Меотиды, Меотис, Мэотис). 99-108. Майотидское (Маотийское, Меотидское, Меотийское, Меотисское, Меотическое, Меотское, Меотьское,

Меотидское, Мэотийское) озеро. 109-111. Езеро Меоское (Меотское, Меотийское). 112. Меодета езеро. 113. Меотийские озера. 114,115. Меотийская болота (Тетия). 116-123. Меотидское (Меотийское, Меотическое, Меотское, Мэотидское, Мэотийское, Мэотис, Меотис) болото. 124. Меотийское блато. 125-129. Меотидские (Меотийские, Меотские, Мэотидские, Мэотийские) болота. 130-131. Болота Меотиды (Мэотиды). 132. Бухайрат Майотис. 133, 134. Меотийский (Майотис) лиман. 135,136. Майотис (Майетис) лимне. 137. Палас Меотийский. 138. Палас Меотис. 139-143. Палус Меотидис (Меотидский, Меотийский, Меотис, Меотиский). 144. Палусс Меотийский. 145-148. Палюс Меотис (Меотический, Меотский, Маеотис). 149. Парус Меотис. 150, 151. Меотидские (Меотийские) воды. 152. Меотисские топи. 153. Меотийский залив. 154, 155. Теотийское море (озеро). 156. Скифская Меотида.

157. Кэрбалук. 158. Карбалук. 159. Карбарук. 160. Каргалук. 161. Карголук. 162. Каргулак. 163. Карачулак. 164. Кармпалук. 165. Карпалук. 166. Карпилуг. 167. Карбалык. 168,169. Балук-денгис (-деньгис). 170. Булук-денгиз. 171. Балык-денгиз. 172. Лещевое море. 173. Море изобилующее лещами. 174. Море чебаков. 175, 176. Рыбное море (пристанище). 177,178. Рыбье море (пристанище). 179. Чабанье море. 180-182. Чабак денгеси (денгис, денгиз). 183. Цабахский залив. 184. Цовак. 185. Цабаш. 186. Сабаш. 187-190. Сабашское (Дзабахское, Забакское, Забахское) море. 192. Дзабак-денгис. 193. Забаче. 194. Забаше. 195. Мар де-Забаш. 196. Мар де Забах. 197,198. Мар-делле-Забаче (Дзабаке).

199. Найтас. 200. Натчаг. 201. Нитчах. 202. Нитшлах. 203-205. Море Найтас (Нейтас, Нейтуса). 206. Залив моря Нитас.

207,208. Евксинский (Эвксинский) залив. 209, 210. Залив Понта (моря Бонтус), 211. Понтийский залив. 212. Понт. 213. Бонтас. 214. Море Бонтус.

215. Хазарский залив. 216. Халидж ал-Хазар. 217,218. Хазарское (Цахариское) море. 219. Море Хазар. 220,221. Море русов (болгар и руссов). 222-235. Русское (Славянское, Сурожское, Сурожьское, Суражское, Соуражское, Франкское, Румское, Румейское, Матрегское, Таванское, Саксинское, Кафинское, Каффское) море. 236. Залив Искендера.

237. Море Таны. 238. Мар де Тана. 239. Тейн-море. 240. Танаид. 241. Танаида. 242,243. Танаидское (Танаисское) море. 244. Донской лиман.

245. Батих. 246. Батиха. 247. Море ал-Батиха. 248. Тирма. 249. Т.рма. 250-252. Озеро Тирма (Терми, Тума). 253. Тума. 254. Самакар. 255. Самакуш. 256. Бисем. 257. Сиваш. 258. Большое море. 259. Великий залив.

260. Ак-Денгиз. 261, 262. Белое море (озеро). 263-265. Синее (Синово, Темно-синее) море. 266. Темно-синяя река.

267. Адзак. 268. Азак. 269-273. Азак-денгис (-дениз, -денис, -деньгис, -денис). 274. Ассак. 276-281. Бар-Азак (-Ассак, -аль Азрак, -эль Азрак, -эль Азов, -аль Азов). 282. Барьял-Ассак. 283-286. Бахр-Азак (-Ассак, -эль Азрак, -эль Азов). 287. Река Азова. 288-290 Море Азак (града Азова, у Азова). 291. Азовское болото. 292 Азовский залив Понта. 293. Азовскэх. 294,295. Азов-денгизи (-дингез). 296. Азовы денджыз. 297. Азов. 298. Азо пинлэ. 299. Азовское морце. 300-307. Азовско (Азакское, Озачьское, Озовское, Азовське, Азопское, Асовское, Азовское) море.

308. Palus. 309. Palus Sarmatiae. 310, 311. Paludes Scythiaeque (Scythiae). 312. Scythes Temerinda. 313. Temerinda. 314. Temarunda. 315. Ponti Euxini mater.

316-318. Lacus Meotis (Lacus Maeoti, Lacus Maeotisque). 319. Limen. 320-321. Limen Maeoticus (Limen Palus Meotis). 322. Maeotida. 323. Maeotidis. 324. Maeotis. 325. Maeotis Taurica. 326. Mayotis. 327. Meotidas. 328. Meotidibus. 329. Meotidis. 330. Meotis. 331. Meotisch Maere. 332-333. Palude Meotica (Palude Meotide). 334-338. Paludes Maeoticae (Maeotidas, Maeotides, Meotidas, Meotides). 339. Paludi Meothide. 340-341. Paludis Maeotidis (Paludis Moeotidis). 342. Paludibus Maeotis. 343. Palvdes Maeorides. 344-351. Palus Meotis (Macotis, Maeotides, Maeotis, Maotis, Meotide, Meotides, Moeotis).

352. Limen de Zabache. 353. Limen Mare delle Zabach. 354-355. Mar de Ciabachi (Ciabaci). 356. Mar dele Zabache. 357. Mar della Zabacche. 358-361. Mar della Zabacche (Zabache, Abach, Tabacche). 362-368. Mare de il Calbache (de Zabache, delie Zabache, della Zarache, delle Zabache, delle Zabacche, dille Zabache). 369-371. Mer de Zabach (Zabaque, Zabache). 372. Palude Zabache.

373. Tanays. 374-377. Mare Tane (Fane, Tanais, della Tana). 378. Mar de Tana. 379. Lago di Tana. 380. Sivache. 381-382. Mare Candis (Mare dille Maggiore). 383. Marwrec. 384. Nitas. 385. Ak-Denis.

386. Bahr-el Asrak. 387. Azakdenizi. 388. Asac Dengis. 389. Asofhavet. 390. Asoffhavet. 391-392. Asovske (Azovske) Hav. 393. Asovan meri. 394. Asowsche Meer. 395. Asowschem Meere. 396. Azovi tener. 397. Azovska sjon. 398-400. Azoffsche (Azofsche, Azowsche) Zee. 401. A-dop bien. 402. Azov deti. 403-405. Mar de Azof (de Azov, de Azove). 406-407. Mare Asoviense (Asouium). 408-409. Mare d'Azof (d'Azov). 410-416. Mer d'Asof (d'Asoff, d'Asoph, d'Azof, d'Azov, d'Azow, d'Azuv). 417-418. Sea of Azof (Azov). 419. Azov Sea. 420. Azowskie morze. 421-422. Azovskoe (Azovske) more.

2.2.3. Керченский («Черкесский») пролив

Предкам адыгов – меотам хорошо был известен Керченский пролив, который не случайно издавна назывался «Меотический» или «Черкесский» пролив. Знали его и многочисленные другие народы и племена, населявшие Землю адыгов. В частности, в историческом прошлом этот пролив назывался:

– *по имени народов*: Киммерийский, Меотический, Скифский, Черкесский пролив, Генуэзский путь, Хазарский канал, Русская река;

– *по названию стран, царств или географических местностей*: Боспорский, Таврический, Крымский пролив, Азиатский Босфор;

– *по городам на его побережье*: Таманский, Тмутараканский, Феодосийский, Каффский, Азовский, Еникольский, Керченский пролив;

– *по характерным особенностям*: Рыбный путь, пролив Забакского моря (Забакское = Чабачье = Лещевое море);

– *по связи с морями*: Устье Понта (Черного моря), пролив моря Таны (Азовского моря), Рукав Хазарской реки (Дона) в море Нитас (Черное море);

– *на мифологические сюжеты*: Пролив св. Георгия, Пролив св. Иоанна, Бычий или Бычачий брод.

Киммерийский пролив. Киммерийцы – древнейшие из населявших Северное Причерноморье племен, в VII до н.э. вытесненные скифами в Малую Азию. Наиболее ранние сведения о них содержатся в ассирийских клинописных текстах, а также в «Одиссее» Гомера, где описывается Киммерия, ныне Таманский полуостров. Название этого племени объясняют из финикийского «темный» или греческого «зимние» (т.е. живущие на севере).

Подтверждением существования киммерийцев являются не только немногочисленные археологические памятники, но и «топонимические следы», оставшиеся в названиях местностей Восточного Приазовья. Так, Гекатей Милетский, живший около 500 г. до н.э., перечисляя острова дельты Кубани, особо отмечал выгодное положение (с точки зрения оборонительных возможностей) Киммерийского острова. Страбон (I в. до н.э.) упоминал г. Киммерикон, заметив при этом, что он был разрушен много веков назад. В память об этом древнем народе большинство античных авторов называли Азовское море Киммерийским морем (Киммерийскими болотами). Интересно, что эти названия сохранились до позднего средневековья, что подтверждают записи итальянского путешественника Интериано (1501).

Боспорский пролив. Одно из древнейших названий Керченского пролива – Боспор, Боспорский пролив. Еще Геродот (V в. до н.э.) отмечал: «Замерзает море и весь Киммерийский Боспор, так что живущие по эту сторону рва скифы толпами переходят по льду, переезжают по нему в повозках на другой берег к синдам». Боспорское царство просуществовало до IV в. н.э., однако «топонимические следы» гидронима Боспор сохранились в русских, византийских и западноевропейских источниках до периода средневековья.

Большинство античных авторов и их комментаторов переводят это название из древнегреческого как Бычий брод, подчеркивая этим мелководность пролива, глубина которого даже сейчас не превышает 5-8 м. Не исключено, что в этом названии проявились отголоски еще более древнего мифа, согласно которому древнегреческая богиня Ио переплыла здесь море в самом узком месте, приняв вид коровы. Современные же исследователи объясняют название Боспор из фракийского и фригийского «светлая река».

Таврический пролив. Название Крымского полуострова – Таврида, появившееся на русских картах после присоединения Крыма к России в XVIII, происходит в свою очередь от древнейшего названия этой местности – Таврика, по имени народа тавры. Это название неоднократно встречалось не только в античных источниках (Геродот, Страбон), но и в раннесредневековых текстах под именем Таврия (в русских источниках Тавриани). Соответственно и Черное море называлось тогда Таврическим морем, а Керченский пролив – Таврийским проливом.

Каффская улица, Феодосийский пролив. Впервые гидроним Каффский пролив упоминается в трактате византийского императора Константина Багрянородного (X в.). Название города Каффы (варианты: Кафа, Кафе, Кефе), давшего имя проливу, сохранялось весь период пребывания здесь генуэзцев и венецианцев (XIII-XV вв.), турок и татар (XV-XVIII вв.), и лишь после присоединения Крыма к России город был переименован в Феодосию. Соответственно, и пролив стал называться Феодосийским.

Таманский, Тмутараканский пролив. В архивных и литературных источниках приводится еще одно древнее название Керченского пролива – Таманский пролив. До настоящего времени нет единого мнения о происхождении этого названия. В конце XVIII в. в статье «Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань» академик Паллас, отмечая обильные болотистые испарения в этом районе, объяснял название Тамань от слова «туман». Разумеется, это неверно, как и объяснение данного названия от тюркского собственного имени «Таман» или же от «титла тюркоязычного вельможи» (при этом авторы проводят параллель «тамань-атаман»). По мнению В.А. Никонова, слово Тамань происходит из искаженного названия древнерусского города Тмутаракани (первоначально: Таман-тархан). На мой взгляд, более правдоподобно объяснение происхождения этого слова из адыгского *темэн* – «болото».

Русская река. С городом Таманью связано еще одно название Керченского пролива – Русская река. Впервые это название появляется в арабских источниках в X-XI вв. Именно в этот период в зону влияния Ки-

евской Руси попадают Северное Причерноморье и Восточное Приазовье, где в низовьях р. Кубани было основано Тмутараканское княжество. Матарха (современная Тамань) у арабов носила характерное название Россия (Руссия), а Керченский пролив, соответственно, – Русская река. В связи с этим не случайно в записках Идриси (XII в.) Азовское море названо Русским, хотя этот гидроним с 900 г. прилагается арабами и к Черному морю.

Керченский пролив. Это название, несомненно, восходит к имени города Керчи (точно так же, как по имени Каффа – Каффский пролив, Феодосии – Феодосийский, Тмутаракани – Тмутараканский, Тамани – Таманский, Азова – Азовский пролив). Впервые современное название города Керчи (древнерусский вариант: Кърчев, Корчев) упоминается в летописях с IX в., а затем – в известной надписи на «тмутараканском камне»: «В лето 6576 от сотворения мира, индикта 6 (т.е. 1068 г.) князь Глеб мерил море по лёду от Тьмутараканя до Кърчева...». В XIII в. итальянские колонисты называли его Черкио, а турки, захватившие город в 1475 г., стали звать его Черзети (судя по всему, это связано с энтонимом «черкесы». – **Авт.**).

После присоединения Крыма к России Керчь вместе с крепостью Еникале, построенной турками в начале XVIII в., отошла к России. Именно с этого времени на русских картах появляется название первоначально Керчь-Еникальского пролива, а с XIX – начала XX вв. – Керченского пролива. По В.А. Абаеву, название города, а впоследствии и пролива, – восходит к древнерусской основе *крч*, означающей кузнечное дело. В свою очередь, по Д.Н. Кокову, это название – древнерусская форма прилагательного «черкесский», что представляется более правдоподобным.

Номенклатура географических названий Керченского пролива в историческом прошлом

1. Боспор. 2-8. Боспор Кимврийский (Кимерийский, Киммерийский, Меотический, Скифский, Таврический, Таврийский). 9. Боспорский пролив. 10. Боспорское море. 11. Боспорус. 12. Босфор. 13-22. Босфор Адрианов (Азиатский, Камбрийский, Кеммерийский, Кимврийский, Кимерийский, Кимериский, Киммерийский, Циммерийский, Таврический). 23. Босфорус. 24,25. Босфорус Киммериус (Циммериус). 26. Босфорский пролив. 27. Восперо. 28. Воспирий. 29. Воспор. 30,31. Воспор Киммерийский (Таврийский). 32,33. Воспорийский (Воспорский) пролив. 34. Восфор. 35,36. Восфор Киммерийский (Циммерский). 37. Восфорский пролив. 38. Фосфор. 39-41. Фосфор Кимбриский (Кимрский, Цимбриский). 42,43. Киммерийское устье (море). 44, 45. Киммерийские перевозы (переправы). 46,47. Кимерийский брод (пролив). 48. Пролив Кимврийского Херсониса. 49-51. Циммерийский (Циммерический, Кимрский) пролив.

52-54. Бычий (Бычачий, Воловий) брод. 55. Бычья переправа. 56. Портмеи. 57. Патреус. 58. Патаресский пролив. 59. Пантикап. 60. Пантикапа. 61,62. Пантикапейский (Пантикапский) пролив. 63. Рыбный путь. 64,65. Устье Понта (Амазонского Понта).

66,67. Меотийский (Мэотийский) пролив. 68. Врата озера Меотийского. 69. Пролив у устья озера Меотиды. 70-77. Устье Меотиды (Меотийское, Меотиды в Понт, Меотийского болота, Меотийского озера, Мэотийского озера, езера Меотийского).

78. Рукав. 79-83. Рукав Нейтас (моря Найтас, моря Нитас, Хазарской реки, Хазарской реки в море Нитас). 84. Канал моря Нитос. 85. Хазарская переправа. 86. Хазарский канал. 87. Пролив.

88,89. Пролив моря Таны (у устья Танаиса). 90. Танаис. 91-95. Устье Танаиса (Танаида, Танабиса, моря Танаидского, Дона). 96. Усть реку Дону.

97. Пролив Тамана. 98. Таманский пролив. 99,100. Таман Богази (Богазы).

101. Река Русийа. 102. Русская река. 103-105. Устье Русской реки (реки Русии, реки русов).

106. Балван. 107. Бирлик. 108. Бурлик. 109. Бурлык. 110. Бурлик. 111,112. Устье Бурлик (Вурлик). 113. Морские гирлы. 114. Пролив Чочка. 115. Хадир. 116. Бутра. 117. Бутер. 118. Ваг-з. 119. Юз-г. 120. Буган. 121. Богаз. 122. Бугаз. 123. Шер-бугас. 124. Шер-эль бакас. 125. Шар-эль-бакас.

126-133. Тмутараканский (*Черкесский*, Крымский, Таврийский, Таврический, Феодосийский, Каффский, Кафский) пролив. 134. Пролив Кафы. 135. Кафинский проход. 136. Кафская улица. 137. Кафский рукав. 138. Генуэзский путь. 139,140. Пролив (рукав) св. Георгия. 141-144. Пролив (путь, устье, рот) св. Иоанна.

145. Пролив Забакского моря. 146. Сабашский пролив. 147-150. Устье Забакского (Озачьского, Азовского, Азовского) моря. 151. Азовский пролив. 152. Азовский морской пролив. 153-155. Пролив, соединяющий Азовское море с Черным (между Азовским и Черным морем, из Азовского в Черное море). 156-158. Еникольский (Еникальский, Еникульский) пролив. 159. Еникольский пролив из Азовского в Черное море. 160,161. Проход у Еникале (Еникеле). 162,163. Пролив Еникале (Эникале). 164,165. Керчь-Еникальский (Керчь-Еникольский) пролив. 166. Керчь бугаз. 167. Керчы донкьубал. 168,169. Гиерчь Таман Багасси (Богасси). 170. Керченська протока. 171. Керченский морской пролив. 172,173. Керчинский (Керченский) пролив.

174. Bosphorus. 175-176. Bospore Cimerien (Bospore Taurique). 177. Bosforo Cimmerio. 178. Bosphoro Cimerio. 179. Bosphore. 180. Bosphore Cimmerien. 181. Bosphorus Cimmericus. 182. Bosphoros.

183. Patares. 184. Patares angustias. 185. Pantikapa. 186. Panticapes. 187. Panticapes angustiae. 188. Burlic. 189. Bougaze. 190. Taman Bogassy. 191. Bocha di Paludi Mecthide. 192. Bocha di mar de Tana. 193-194. Bocha di mar de Ciabaci (Ciabachi). 195. Bocha del mar dele Zabache. 196. Bocha de S. Zoane. 197-198. Detroit de S. Jean (Detroit de Cafa). 199. Fretum Caffae. 200. Flumen Russiae.

2.2.4. Каспийское море – «Задний залив Меотийского озера»?

Адам Олеарий, побывавший в Терском городе в 1636 г., сообщал, что территория черкесов с востока замыкается Каспийским морем. Даже в начале XVIII в. границы Кабарды проходили: на западе по рекам Лаба и Кубань; на востоке по побережью Каспийского моря у устья Терека.

«История адыгов...» (2009).

Каспийское море – самый крупный замкнутый водоем мира – отличается большим своеобразием природных условий и богатством рыбных ресурсов. Не только для русских, но и для аборигенов Северного Кавказа – адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) – несомненный интерес представляет история происхождения географических названий не только Черного и Азовского морей, но и Каспийского моря. Сохранившиеся архивные и картографические источники свидетельствуют, что в эпоху средневековья область влияния Великой Черкесии значительно расширилась по сравнению с античными временами.

Практически все авторы XV начала XVIII в., касавшиеся этого вопроса, отмечали, что восточная граница Черкесии достигала среднего течения, а в отдельные периоды – низовьев Терека и даже побережья Каспийского моря. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение русского посла в Турции И. Новосильцева о положении Черкесии в период правления князя Темрюка Идарова, относящееся к 1570 г.: «...землю по Терке по реке и до моря (Каспийского. – Авт.) его, Темрюкова. и зверь бил и рыбу ловил». На карте английского посланника в России Антония Дженкинсона Черкесия занимает основную часть Северного Кавказа, вклиниваясь между Крымским и Астраханским ханствами, простираясь на восток – до земель в устье Терека. По мнению Б.А. Рыбакова, она, хотя и составлена в 1562 г., отражает состояние Московского княжества, а, следовательно, и Черкесии в конце XV в. («История многовекового...», 2007).

Джованни Лукка, посещавший Черкесию в 20-30-х гг. XVII в., отмечал, что эта «...область имеет самое большое протяжение от Тамани до Демир-капу (Дербента) – города, расположенного на берегу Каспийского моря. Страна черкесов тянется на 26 дней пути...». Утверждение, что Черкесия простирается до Дербента, ошибочно. Но сообщение о том, что она доходила до Каспийского моря, отражает реальный факт расселения адыгов в устье Терека. Адам Олеарий, побывавший в Терском городе в 1636 г., сообщал, что территория черкесов с востока замыкается Каспийским морем. Даже в начале XVIII в. границы Кабарды проходили: на западе по рекам Лаба и Кубань; на востоке по побережью Каспийского моря у устья Терека («История адыгов...», 2009. С. 351-353). И таких сообщений – десятки.

С этой точки зрения представляет определенный интерес вопрос о том, как же называлось Каспийское море в те далекие времена. По ряду причин, на которых остановимся ниже, Каспийское море имеет уникальную географическую номенклатуру своих древних и средневековых названий, не имеющих аналогов среди всех остальных морей не только бывшего СССР, но и всего мира. В одной из работ П.В. Жило (1960) утверждается, что «...за исторический период количество отдельных названий Каспийского моря составляет не менее 50-60, а с различными вариантами достигает 70». Эта же цифра повторяется затем в других, более поздних работах.

Наши же исследования дают основание полагать, что только на русском языке общее количество названий Каспийского моря, вместе с их многочисленными вариантами, разночтениями и искажениями при переписке и переводе, превышает приведенные выше цифры по крайней мере в 10 раз (в общей сложности 579 вариантов и разночтений), а с учетом античных и средневековых карт, других письменных источников на латыни и западноевропейских языках, уникальная номенклатура исторических названий Каспийского моря составляет 876 (!) единиц.

Весь этот перечень названий можно в первом приближении сгруппировать по нескольким отличительным признакам. В историческом прошлом море называлось по имени:

– *народов и племен*: Хазарское, Хвалиское, Аварское, Славянское, Русское, Туркменское, Турецкое, Каспийское море (от народа «каспии»); море Булгар. Несомненный интерес представляет и такое название Каспийского моря, как «Задний залив Меотийского озера», которое дали в свое время античные авторы. Кстати, есть достаточно проверенная информация, что в историческом прошлом Азовское море (Меотийское) по Манычской впадине соединялось с Каспийским. Так что приведенное выше, казалось бы, странное название оказывается вполне правомерным с исторической точки зрения;

– *стран, княжеств, ханств*: Гилянское, Иберийское, Табаристанское, Дагестанское, Персидское, Муганское, Ширванское, Мазандеранское, Хорезмское, Армянское, Грузинское, Московское; море Азербейджана; Mare Albanum (Албанское море) [имеется в виду не «Албания» на Балканах, а средневековая «Albanum» в районе Осетии–Дагестана];

– *рек, впадающих в море*: Терское море, озеро Этилии (т.е. Волги);

– *городов на его побережье*: Бакинское, Море Железных Ворот (Дербентское), Сальянское, Абесгунское, Астраханское; море Сарая (Сарай – средневековый город на северном побережье);

Можно выделить группы названий Каспийского моря и по другим признакам:

– *по размеру*: Малое море. Огромное озеро;
– *по конфигурации*: Круглое (на древних картах это море зачастую изображали как окружность);
– *по ориентации относительно частей света*: Северное море (так его называли арабы), Восточное (для древних греков и римлян). Западное море и Море захода Солнца (для китайцев). Кстати, этот же «блок» названий древние авторы прилагали и к Аральскому морю, что неудивительно, учитывая их слабое знакомство со столь отдаленными местностями;

– *по имени древних правителей*: Антиохово, Селевкидово море (и эти два названия прилагали к Аральскому морю);

– *по характерным признакам*: Море Соленое, в котором нет дна; Соляное море;

– *по цвету*: Зеленое озеро; Синее, Красное, Белое, Черное море (например, в русской былинае «О Добрыне и Алеше» повествуется: «...А выпала Волга в море Черное, и да устьев пустила ровно 70»);

– *по связи с Океаном*: Закрытое, Внутреннее море. Впрочем, до раннего средневековья у многих ученых не было четкого представления, что Каспийское море – замкнутый водоем, а не огромный залив Океана, чем и объясняется обилие названий типа: Залив Великого (Восточного, Индийского, Кронийского, Северного, Скифского) океана, Каспийский залив Океана и т. д.

Рассмотрим происхождение некоторых характерных названий Каспийского моря. Наиболее древние из них, к сожалению, не дошли до наших дней. Так, в конце III тысячелетия до н.э. крупным очагом человеческой цивилизации было государство Элам на юго-западе современного Ирана. Не исключено, что именно эламиты были первооткрывателями этого водоема в XXVIII в. до н.э. В священных книгах Авесты, написанных 3500 лет назад, Каспий получает первое из дошедших до нас названий: Воуру-Каша (Обширный водоем).

За 3400 лет до наших дней впервые появляется информация о Каспии как о Пруде Солнца эгейских мореплавателей-аргонавтов, о невольных географических открытиях которых впоследствии поведал нам Гомер. По Гомеру, земная твердь оканчивалась у Пруда Солнца – Восточного залива окружающей мир реки-Океана. Именно с этой стороны океанские воды якобы вливались в Средиземное море через нынешнюю Манычскую впадину, Азовское, Черное и Мраморное моря.

Большинство античных авторов (кроме Геродота и Птолемея) поддерживали мнение о связи Каспия с Мировым Океаном. Так, Плиний в своей «Естественной истории» (VI, 13) писал: «...Каспийское море вливается из Скифского океана в заднюю сторону Азии и носит много названий по обитателям, из которых наиболее известны Каспийское и Гирканское» («Гирканус» – «страна волков»). Это ошибочное представление о Каспии как заливе Океана сохранилось, как было отмечено выше, до раннего средневековья.

Интересно проследить происхождение названий «Селевкидово» («Антиохово») море. Около 2200 лет назад военный флот Селевка I Никатора – преемника Александра Македонского – осуществил «обстоятельное» обследование Каспийского моря с целью выяснения его конфигурации (имеется ли его связь с Океаном или же это замкнутый водоем?), изыскания через него морского пути в Индию, а также возможности искусственного соединения Каспийского моря с Азовским по Манычской впадине. Однако результаты экспедиции вызвали еще большую путаницу среди географов древности, подтвердив ошибочное представление, будто Каспий имеет непосредственный выход в Северный океан. Тем не менее, Каспийское море было названо тогда в честь Селевка I и сына его Антиоха – исследователя речных и морских путей Средней Азии и Ближнего Востока.

Современное название моря – Каспийское – одновременно и одно из самых древних, и самое молодое. По словам академика В. Бартольда, еще в ассирийских клинописных текстах XIV в. до н.э. упоминался народ каспии, название которого перешло затем на все море. Этот народ исчез сравнительно быстро, оставив свой «след» в немногочисленных топонимах (Каспийские горы, Гора Каспий, Каспийская страна). Позже это название надолго забылось, и вновь окончательно утвердилось лишь спустя 3000 лет (по нашим данным, в современном написании – не ранее XVII-XVIII вв.).

Номенклатура географических названий Каспийского моря в историческом прошлом

1. Верхнее море. 2. Верхнее море захода Солнца. 3. Море захода Солнца. 4. Западное море. 5-6. Сихай (Сигай). 7-9. Восточное море (Море, где восходит Солнце; Великое Восточное море). 10-11. Северное море (Большое Северное море). 12-13. Малое (Небольшое) море. 14. Озерцо. 15. Дорца. 16. Озеро. 17-18. Огромное (Обширнейшее) озеро. 19. Море. 20. Обширный бассейн. 21-24. Воуру-Каша (Вору-Каша, Вурукрта, Море Ворукаша). 25. Малоречное море. 26-31. Камруд (Кам, Камрод, Камрут, Кемруд, Кемрудское море). 32. Море Мировой реки-Океана. 33-35. Круглое (Закрытое, Внутреннее) море. 36. Пей-хай. 37. Лихай. 38. Мертвое море. 39. Бурное море. 40-41. Пруд Солнца (Пруд Солнца реки-Океана).

42. Зеленое озеро. 43-50. Синее море [Синее морцо, Сине море, Синее море Хвалыньское (Хвалыньское, Вольтинское, Астраханьское, Каспийское)]. 51-55. Кеккыц (Кеккюз, Куккуз, Кюккюз, Коккюз). 56. Кок тенге. 57-58. Цинхай (Циньхай). 59. Красное море. 60. Чермное море. 61-62. Черное (Темное) море. 63. Белое море. 64-68. Ак-денгиз (-дениз, -дингис, -денгис, -денгис). 69. Акъдингис. 70. Акфуде. 71-72. Акдырья (Акъдырья). 73-75. Тетрис-згва (-сгва, -цгва). 76. Тжахан-денгиз. 77. Чаган-денгиз.

78. Аварское море. 79. Иранское море. 80-81. Море Азербейджана (Азербейджана). 82. Море Аджамов. 83. Алатырское море. 84-85. Албанский залив Океана (Албанское море). 86-87. Армянское море (Море Арме-

нии). 88-93. Грузинское (Георгиево, Георгивское, Георгиевское, Георгианское, Гурдж) море. 94. Варварское море. 95-96. Дагестанское (Дегистанское) море. 97-98. Иберийское (Иверийское) море. 99. Море Иноземцев. 100-102. Кавказское море (Озеро под Кавказом, Озеро у подножья Кавказа). 103. Московское море. 104-105. Персидское (Перское) море. 106. Персидское озеро. 107. Пехлевийское море. 108-109. Русское море (Бахр-ур-Рус). 110. Сальянское море. 111. Море Самандаре. 112. Сарацинское море. 113. Море Сиркан. 114. Славянское море. 115. Сурожское море. 116-117. Тайлесанское (Тейлесанское) море. 118. Туркменское море. 119. Турецкое море. 120. Фагфурское море. 121. Китайское море. 122-123. Море страны Кызлар (Море Кызлар).

124-126. Астраханское (Астраханьское, Хазьтороканьское) море. 127. Айдархан дениз. 128. Море Хаштакхан. 129-131. Болгарское море (Бахр-ул-Булгар, Море Булгар).

132-135. Мазандаранское (Мазандеранское, Мезандеранское, Мизандеранское) море. 136-137. Море Мазандеран (Мазандерана). 138-139. Муганское (Муканское). 140. Море Мукана. 141-143. Харасанское (Хорасанское, Хоросанское) море. 144. Эль-Хорасани. 145. Бахр-ул-Хорасанийа. 146. Бахр-ул-Хорасанийу-л-Хазарийу.

147-151. Бахр Таберистан (Бахру-Табаристан, Бахр-ат-Табаристан, Бар-Табаристан, Бар-Табаристан). 152. Великое море Табаристана. 153-154. Море Табаристан (Море Табаристана). 155-157. Табаристанское (Табарестанское, Тавристанское) море. 158. Табаристанское озеро.

159-164. Хорезмское (Хорезмийское, Хуарезмское, Хуаризмское, Хаварезмское, Кайризмское) море. 165-166. Море Хуварезма (Хорезма). 167. Единое море Хорезма. 168. Бахр-ул-Хорезми. 169. Море Хваризма. Джурджана, Табаристана и ад-Дайлама.

170-172. Море Ширвана (Ширванское море, Бахру-Ширван).

173-174. Море Этилия (Этили). 175-176. Озеро Этилия (Этили). 177. Терское море.

178-184. Абаскунское (Абгунское, Абесгунское, Абисгунское, Абескунское, Абсукунское, Абускунское) море. 185-188. Асгун (Абгун, Абескун, Ашгун). 189-191. Море Абисгун (море Абаскуна, Абескуна). 192. Озеро Абесгун. 193. Бахру-Абескун.

194-196. Бахр-Дейлем (Бахр-уд-Дейлам, Бар-Дилем). 197. Дайлам. 198-201. Дайлемское (Дейлемское, Делемское, Дейлеманское) море. 202-203. Море ад-Дайлам (ад-Дайлама). 204-207. Море Дайлем (море Дейлем, море Дейлема, Дейлима).

208. Хазар. 209. Море Хазар. 210. Хазас. 211. Море Хазас. 212. Хазири. 213-214. Хазар-денгизи (-денизи). 215. Хазар деря. 216. Хозар. 217. Море Хазер. 218-221. Хозарское (Хазарское, Казарское, Козарское) море. 222. Козарское озеро. 223-228. Бар-Хоцар (Бахр-ал-Хазар, Бахр-и-Хазар, Бахрул-Хазар, Бахр-Хазар, Бахр-Хозар). 229-236. Дарья Хазр (Дариа Хап'р, Дариа-и-Хыщыр, Дария-и-Хыщыр, Дария Хап'р, Дарья-и-Хазаран, Дарья-и-Хизир. Дерья-и-Хазир). 237-238. Море ал-Хазар (Море ал-Хазари). 239. Море Хазаров.

240-242. Море Сарая (Море Сарра, Сарра-и-Баку). 243-245. Сарайское (Сараинское, Саринское) море. 246. Бахру-Сарай. 247. Море Сала. 248. Мар ди Сала. 249. Мар де Салф. 250-251. Соленое море (Море Соленое, в котором нет дна).

252. Бахр ал-Кульзум. 253. Бахру-Гульзум. 254-256. Богар-Корсунь (Богар-Корсун, Бохар-Корсун). 257-260. Кользумское (Кулзумское, Кульзумское. Кальзумское) море. 261. Кулсом-денгиз. 262-268. Кулсум (Кульзум, Кульсум. Кульсюм. Курсюм. Кюлзюм. Кользум). 269-272. Море Кользум (море Кулзум, Кулзума, море Гульзум). 273. Кузгун. 274-278. Кузгын-дениз (Куцгую-денизи, Куцгун-денизи, Кузун-дениси, Козьгум-денизи). 279. Море Кузгун. 280. Вахри-Кузгун. 281. Воронье море.

282-287. Дербентское (Дербендское, Дербенское, Дербеньское, Дарубандское, Дарувандское) море. 288-289. Море Дербента (Дербенда). 290. Море врат Дербента. 291. Баб-эль-Абвабское море. 292. Бахр ал-Баб. 293-299. Море Баб (море Баба, ал-Баба, ул-Абваба, Баб-ул-Абваб, Баб-уль-Абваба, море Баб-ал-Абваба). 300-302. Дарубанди Згва (Дарубандис Згва, Дарубандис Цгва). 303-304. Море Ворот (Море Железных Ворот). 305. Море Демир-Капу. 306-311. Хопужское (Хопужьское, Хонужьское, Хупожское. Хупожьское, Хупужское) море.

312-315. Бакинское (Баканское. Бакукское, Абакуйское) море. 316-320. Бакук (Бакан, Абакко, Абакку, Абако). 321. Мар-ди-Абакку. 322-327. Море Баку (море Бакук, Абаку, Абако. Абакку, море Баху). 328. Бахру-Баку. 329-330. Озеро Баку (Абаку).

331-332. Гилянское (Гиланское) море. 333. Гиланское озеро. 334-336. Море Гель (море Гиляна, Гелукелана). 337. Килан. 338. Гебакела. 339. Гел. 340. Гелахелан. 341. Гелукелан. 342. Гелукелана. 343. Гелукерар. 344. Гелуперар. 345. Гелухулан. 346. Глебаш. 347. Глевешалан. 348. Глевешелан. 349-350. Джильское (Джилянское) море. 351-356. Море Джил (море Джилан, Джиль, Джиля, Джайлан, море Глевешелан). 357. Джелукалат. 358. Джелуке. 359. Джелукелаз. 360. Джелукс. 361. Желушалат. 362. Желушелан. 363. Желюш. 364. Жеушелан. 365. Хелугелян. 366. Челукс. 367. Шелушелен. 368. Шельуш. 369. Шеушелан. 370. Чекикелан. 371. Эль-Джили. 372. Бахру-Джилан. 373. Бахр-ул-Джили.

374-382. Залив Амальхийского (Великого, Большого, Восточного, Индийского, Кронийского, Северного, Скифского, Эойского) океана. 383. Залив Океана. 384. Восточный залив Океана. 385. Южный залив Северного океана. 586-588. Залив Кронийского (Великого, Северного) моря. 389. *Задний залив Меотийского озера*. 390. Скифский залив. 391. Скифский залив Океана. 392. Скифское море.

393-394. Гуззское (Гузское) море. 395. Бахр-и-Гуз. 396. Бахр-и-Гузз. 397. Море Гуззов.

717-718. Chwalynskoie (Chwalinsco) moria. 719-720. Chualenske (Chwalinsko) morie. 721. Chwalinsco morye. 722-725. Chwalenskie (Chwalinsco, Gevalienske, Gualenskoï) mare. 726. Mare Chvaijsco Moria. 727. Mare Chwalisco Moria. 728. Mare di Chwalinssco Moria. 729-744. Chvualinsko (Chualenska, Chualenske, Cvalenskoy, Cvalentscha, Cwalinskoi, Cualenskoy, Cualentscha, Gualenskoi, Gualenskoy, Gualentscha, Gualinski, Gvalenskoy, Gvalentscha. Gwalinskoi, Khwalinskoe) more. 745-746. Chwalenskee (Gualentscha) morze. 747. Khvalinsk sea. 748. Gualinsche Zee. 749. Mer de Khwalim. 750. Zghwa Khwalimisa.

751. Vrkana. 752-753. Mare Yrcanum (Yrcanu). 754. Mar Ymani. 755. Mer de Vrcan d'Hurcanie.

756. Hircanu. 757. Hircanum. 758. Hurcanum. 759. Hyrcanum. 760. Hyrcanja. 761. Arqania. 762. Mar Hircano. 763-772. Mare Hircano (mare Hircanu, Hircanum, Hyranum, Hyrcani, Hyrcanium, Hyrcanu, Hyrcanum, Hyrcanvm, mare Yrcanvm). 773. Mari Hircano. 774-775. Mer Dhircanie (d'Hyrcanie). 776. Hyrkaskie more. 777. Hircanum haf. 778. Hircanum salim. 779. Hyrcanische Zee. 780. Hyrcanian sea. 781. Zghwa Tourganisa.

782. Gurgan. 783. G-r-gan. 784. Cunzar. 785. Mer de Gourgane d'Hyrcanie. 786. Mer de Djordjan.

787. Altri moria. 788. Burigasi. 789. Soof. 790. Bay of the Norther Ocean. 791. Bay of the Northern Scythian Ocean. 792. Scythian bay. 793. Sinus Cembanus.

794. Caspi. 795. Caspia. 796. Caspia garsecge. 797. Caspian. 798. Caspiene. 799. Caspienne. 800. Caspies. 801. Calpias. 802. Caspio. 803. Caspius lacus. 804-805. Caspis-Zghwa (Kaspis-Zghwa). 806. Caspium. 807. Caspium pelagus. 808. Caspiy. 809. Catspien bien. 810. Kaspia. 811. Kaspia maro. 815. Kaspicke jezero. 816-817. Kaspijas (Kaspijos) jura. 818. Deti Kaspik. 819. Kaspische Sehe. 820. Kaspija. 821. Kaszpi tenger. 822. Mari Caspio. 823. Mere Caspienne. 824. Morze Kaspijskie. 825. Sinus Caspius. 826-830. Kaspische (Caspishen, Kaspische, Kaspischen, Kaspisches) meer. 831. Caspischen meere. 832-835. Mar Caspia (mar Caspio, Caspivm, mar Chaspium). 836-851. Mare Cash (mare Cafp, Cafpium Caspia, Caspij, Caspiy, Caspio. Caspis, Caspiu, Caspium, Caspiuos, Caspivm, Caspicum, Chaspium, Chaspivm, mare Caspium). 852-854. Mer Caspie (Caspiene, Caspienne). 855-856. Mer des Caspiens (Casbiens). 857. Mer de Caspie. 858-860. Kaspicke (Kaspiiskoe, Kaspiyskoye) more. 861. Caspium hav. 862. Kaspihaf. 863. Kaspiske hav. 864. Kaspihavet. 865. Kaspiska havet. 866. Caspian sea. 867-868. Kaspise (Kaspische) see. 869. Kaspisee. 870-872. Kaspische (Caspise. Kaspische) Zee. 873. Bagri Cases. 874. Ye-kaspiyan bahr. 875. Bera Kaspiye. 876. Bahari ya Caspian.

2.3. Древние и средневековые названия рек, протекающих по территории исторической Черкесии и прилегающих районов

2.3.1. К «родословной» Кубани: «Река Меоте, вытекающая из горы Гипания и впадающая в Меотийское озеро»

На карте, составленной Лапи, по сочинениям Птолемея и Плиния, на Кубани, ниже впадения в нее Лабы, поставлено по обе стороны р. Кубани слово «Антикае». Страбон, писавший в 26 г. до н.э., называет Кубань «Антикитес».

III. Ногмов (1861).

Предлагаю вам, читатель, исследуя «родословную» реки Кубани, совершить своего рода небольшое путешествие во времени: Древний Восток эпохи Ашшурбанипала, греческая колонизация Понта, взлет и падение Византийской империи, Тмутараканского княжества, Приволжской Булгарии, Хазарского каганата, Крымского ханства и Османской Порты...

Что же означает имя главной реки Земли адыгов? Откуда произошло это название? Всегда ли река так называлась, или же в прошлом она носила иные имена? Для того, чтобы квалифицированно и на должном научном уровне ответить на эти далеко не простые вопросы, пришлось провести целое исследование, изучить тысячи архивных, литературных, эпиграфических и эпистолярных источников, работать с ветхими фолиантами в Отделе редких книг Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, путешествовать с лупой по причудливым берегам Черного и Азовского морей, запечатленным на древних картах и манускриптах. Эти усилия принесли свои плоды, причем результат превзошел все наши ожидания. Оказывается, по числу древних названий Кубань по праву занимает первое место в нашей стране. За последнее тысячелетие она изменяла свое имя около 300 раз. Этот своеобразный «рекорд» был в свое время зафиксирован службой ПАРИ – Российским изданием Книги рекордов Гиннесса. Перелистаем же вместе с вами несколько страниц ее богатейшей истории.

Река антов, или Осетр-река? Большинство античных авторов и их комментаторов объясняют одно из древнейших названий р. Кубани – Антикитес из древнегреческого *антикейт* – осетр (Осетровая река, или Осетр-река). Такое объяснение не противоречит географической реалии, поскольку не только во времена Боспорского царства, но и в средние века икра и балыки осетров, выловленных в низовьях Кубани, были известны далеко за пределами Азово-Черноморского бассейна и вывозились в Грецию, Италию и другие западноевропейские страны.

Вместе с тем не исключена возможность, что р. Кубань называлась Антикитес по имени жившего на ее берегах племени антов. Устойчивое сопряжение «сдвоенных» топонимов (этноним + гидроним) харак-

терно и для многих других вариантов названия р. Кубани: анты + р. Антикитес, гиппомолги + р. Гипп, валы + р. Вал, апсары + р. Апсар, апсилы + р. Пси, ахейцы + р. Ахеунта, калкан + р. Калкан, купи-булгар + р. Купи, хазары + Малая река Хазаретии и т. д.

Отзвук древних ристалищ. Многие античные авторы упоминают р. Гипанис, «протекающую между Понтом и Меотийским озером» (т.е. между Черным и Азовским морями. – **Авт.**). Впервые имя этой реки – будущей р. Кубани – встречается в античной хронике, относящейся к 63 г. до н.э. Во время жестокой войны, которую вело Боспорское царство с меотами-аборигенами Кубани, «...царь Фарнак отвел течение Гипаниса в сторону, и его воды, разлились по низменным равнинам, затопили у дандарийцев все возделанные ими поля и распространили миазмы». [Как здесь не вспомнить библейские тексты: «Воды покрыли врагов их, ни одного из них не осталось...» (Псалтырь, 105; 11)].

Это древнее название р. Кубани восходит к древнегреческому *ginn, innos* – «лошадь», и не случайно большинство комментаторов переводят Гипанис как Конская река. Следует отметить, что уже в источниках по культу древних абхазов, в нартском эпосе и материалах античных авторов прослеживается обожествление этого животного (например, абхазское божество Аеышьашьян, покровительствующее коневодству, культ «Фракийского всадника» на Боспоре, «Ахилловы ристалища» в Ольвии, племена агриппеев и каллиппидов, названия которых также восходят к слову «конь»). Исследования Н.Г. Волковой дают основания считать, что аналогичные топонимы сохранились в ряде районов Причерноморья и Приазовья до недавнего времени (Гиппийские горы в «Античной географии VII в.», племя киппики в источниках XV в., область Гиппик на картах XVI-XVII вв., реки Конка и Черный Жеребец на картах Украины XIX в.). С этой точки зрения происхождение данного топонима кажется ясным.

Вместе с тем В.А. Никонов предполагает, что это древнегреческое название «является всего лишь переосмыслением существовавшего на Кавказе названия по внешне сходному греческому слову». В свою очередь, Л.Г. Гулиева (1969) наряду со словом «лошадь» допускает перевод этого гидронима «большая, сильная, буйная река», проводя параллели с карачаево-балкарским *къобхан* – «взбешенная, мчащаяся, как конь». Последнее объяснение кажется искусственным, ибо топонимический «двойник» гидронима Кубани Южный Буг (также Гипанис, по Геродоту) обладает спокойным равнинным характером течения, которое отнюдь нельзя назвать взбешенным или мчащимся, как конь.

Интересно отметить, что в античные времена в низовьях Кубани существовал и одноименный город – Гипанис. Устойчивое сочетание ойконимов (т.е. названий городов) и гидронимов характерно для других вариантов и названий р. Кубани: город Гипанис + р. Гипанис, укрепление Кумания + р. Куман, город Кут + р. Кут, город Старая Ахэя + р. Ахэунта, город Копа + р. Копа и, наконец, город Кубань + р. Кубань.

Река по имени ...Река. Наиболее «продуктивным» в перечне старинных географических названий р. Кубани является аборигенный адыгский пласт, нижняя граница которого восходит к I тысячелетию до н.э., а верхняя – к современности. Впервые адыгские варианты названия р. Кубани (Псыж) зафиксированы в нартском эпосе, который начал складываться около 3000 лет назад, а также в античных источниках, датируемых первыми веками н.э. (Птоломей, Арриан, Диодор Сицилийский). Несмотря на искажения, вызванные неточностью записей иноязычных авторов и ошибками при переводе, во всех выявленных формах прослеживаются одни и те же корни, свойственные языку аборигенов Кубани – меотскому племени псиссов, или апсиров. Всего же в античных и средневековых источниках обнаружено около 70 вариантов одного и того же названия р. Кубани, восходящего к древнеадыгскому *псы* – «вода, река» (например, Псыж, Псыз, Псише, Псицхе, Пси, Пжизь и т. д.). Следует отметить также явно грецизированный характер таких гидронимов Кубани, как Описсас, Псапос, Псарус и Псевхрос, а также типичный пример перехода нарицательного имени *псы* – «вода, река» в собственное название реки – Пси. При этом объяснение древних названий р. Кубани из адыгейского *псэ* – «душа» или *пши* – «князь» представляется неверным.

Топонимические «близнецы». ...Вблизи устья древнего черноморского рукава р. Кубани, недалеко от Анапы, есть ныне совершенно незаметный лиман Цокур. На первый взгляд, предположение о том, что это название также восходит к древнеадыгскому *псы* – «вода», является неправдоподобным. Однако проведенное исследование подтверждает наличие тесных «родственных связей» современного названия лимана с древнеадыгскими корнями р. Кубани. Пси и Цокур – крайние звенья топонимической цепочки, пронизывающей тысячелетия от античности до современности. Реконструкция ее в хронологической последовательности представляется следующим образом:

Пси – Псо – Псат – Псатхис – Псахапсий – Псетерий – Сетерий – Сакерий – Сакир

В XII в., судя по сообщению арабского путешественника Идриси, это название черноморского рукава р. Кубани механически перешло на лиман в устье реки и в трансформированном виде (Сакир – Сукор – Сукур – Цукор – Цокор – Цыкор – Цокур) сохранились до настоящего времени. Таким образом, это название – своеобразный «реликт», память о далеком прошлом. Черноморский рукав давным-давно пересох (в 1819 г. казаки с целью распреснения Ахтанизовского лимана перекопали русло Кубани и направили ее течение в Азовское море), а следы этого названия сохранились на современных картах, правда применительно к одному из устьевых лиманов.

О чем поведал царь Ашшурбанипал. С этим же старым черноморским рукавом р. Кубани связан еще один пример необыкновенной «живучести» географических названий. И ныне вблизи Анапы существует небольшая станица – Джигинка, названная так по имени черноморского рукава р. Кубани Джиги. Впервые это название встречается в письменных источниках лишь с середины XIX в., однако историко-лингвистический анализ позволяет оценить возраст этого гидронима по крайней мере в 2,5 тысячелетия.

Еще на глиняных табличках Ашшурбанипала и в так называемой Бехистунской надписи VII-VI вв. до н.э. упоминается одно из могущественных племен Северо-Западного Кавказа – сахи, и затем этот этноним в тех или иных транскрибированных вариантах (сахи – сихи – зикхи – зихки – дзикхи – дзики – дзиги – джиги) встречается в письменных источниках почти до XX в. Соответственно и местность, в которой проживало это племя, называлось в различных источниках по-разному: Сахия, Сихия, Зихия, Зикхия, Джихетия, Джигетия. Обилие разночтений, несомненно, было связано с фонетическими особенностями данного племенного названия, и в частности с различными вариантами записи одного и того же звука *дж*, *дз*.

До настоящего времени нет единого мнения о происхождении тех или иных вариантов этнического названия племени зихов (джигетов), которые в конечном счете обусловили формирование современного названия черноморского рукава р. Кубани – Джиги. Одни объясняют слово «сихи» (джиги) из нартического эпоса, переводя как мера длины, другие проводят параллели с грузинским *джик*, третьи приписывают этому племенному названию монгольское происхождение (край, берег, сторона), четвертые отождествляют этот этноним с черкесским словом *чыхухе* – «люди» и т. д. Название племени «джиги», давшее название реке «Кубань», так же может восходить к древнеадыгейскому *чыгу* – «земля», что более соответствует географической реалии.

Дон = Днепр = Днестр = Дунай = Кубань. Особый интерес представляет исследование происхождения еще одного варианта названия р. Кубани – Вардан, поскольку некоторые данные заставляют предполагать древнейший характер этого топонима. Названия рек, включающие основу *дан* (*дон*), часто встречаются не только на юге СССР, но и на огромной территории Евразии (Рамадан, Хамадан, Алдан, Раздан, Ардон, Халцы-дон и т. д.). Древность этого слова несомненна и восходит к скифо-сарматскому периоду (вспомним малоазиатские поселения IV в. до н.э. Халкидон и Гамадон, р. Апида в фессалийской Ахее, бухту Шимардан – античное наименование Таманского залива, реки Данаприс, Данастрис и Данубий – древние имена, соответственно, Днепра, Днестра и Дуная). У большинства индоевропейских языков *дан* (*дон*) обозначает «вода, ручей или река». С этой точки зрения р. Кубань (Вардан) находится в самом теснейшем «родстве» с большинством рек Европы и Азии.

Сложнее обстоит дело с объяснением первого компонента данного названия. Поскольку в VI в. до н.э. в районе Кубани кочевали вары (авары, увары), вытеснившие на север древнененгерские племена, напрашивается на первый взгляд правдоподобное объяснение гидронима Вардан как «Река варов (аваров)». Однако ареал *вар* не замкнут только Северным Кавказом, где кочевали авары, а встречается также на обширной территории Малой и Средней Азии. Более реальным представляется объяснение *вар* из индоевропейских языков, где *вар*, *ар*, *арре*, *варр* в сочетании со словом *дан* обозначает «бурная, разливающаяся река».

При хазарском владычестве гидроним Вардан трансформировался в Варсан (Варшан, В-р-шан, Варишан), а в XVIII в. после долгого перерыва он вновь появляется в письменных источниках, на этот раз в русских (Вардань). «Феминизация» конечных согласных, вызванная стремлением сохранить мягкость всего слова, является характерной чертой индоевропейских языков (вспомним превращение «мужского» гидронима Чигир в Чигирь, Эртил – в Эртиль, Потудон – в Потудань, Кубан – в Кубань).

Город кутов – Кут на реке Кут. В географической номенклатуре р. Кубани встречаются и такие названия, смысл которых кажется простым, но не оправданным с точки зрения соответствия географической реалии. Гидроним Кут является единичным названием р. Кубани, отмеченным только у одного автора – Моисея Хоренского. Словарь В.И. Даля объясняет слово *кут* как закоулок, конец глухого залива, тупик, и с этой точки зрения данный топоним вполне применим к большинству внутренних водоемов и заливов Северо-Западного Кавказа (бывший Карасунский или Карагульский Кут у Екатеринодара, Панский Кут, Николаевский Кут, озера Гнилой Кут и Большой Кут, залив Керченский Кут на Черном море, старое черкесское название Цемесской бухты – Кутлешхуо и т. д.). Аналогичные имена встречаются и в других районах: озеро Кутоватое в бассейне Дона, Покутье в Галиции, с.Красный Кут в низовьях Волги, г. Усть-Кут в Сибири.

Однако применение термина *кут* к названию не озера или залива, а именно реки Кубани является сомнительным. Не исключена возможность, что данный гидроним был отнесен Моисеем Хоренским к одному из бесчисленных лиманов в низовьях этой реки, скорее всего к черноморскому устью р. Кубани, которое еще в XIX в. продолжало называться Бугаз или Большой Кут (ныне Кизилташский и Бугазский лиманы). Существование в этом районе в античные времена города с таким же названием и племени куты (кутеты) подтверждает это предположение. Вместе с тем не исключена возможность еще более древнего характера этого гидронима. Слово *кут* (ваханское *кут*, мордовское *куд*, санскритское *кот*, согдийское *кат*, древнерусское и древнеиндийское *кат*, *комец*), имеющее во всех языках одно и то же значение – «крепость, дом, кров», широко распространено во многих районах Евразии.

Битва на реке Фат. По П.К. Услару, географические названия Фасис (Фазис, Фас, Фат) «...принадлежат множеству рек древнего индоевропейского мира» и объясняются из санскритского *визан* – «вода, влага». Ана-

лиз древней гидронимии Кавказа и Малой Азии подтверждает значительную распространенность этого гидронима применительно к самым разнообразным рекам, в том числе к Риону, Араксу. Менее известно то обстоятельство, что некоторые античные авторы прилагали данный гидроним и к р. Кубани (например, Диодор Сицилийский, повествуя о кровопролитных войнах, которые вело Боспорское царство в низовьях Кубани, упоминал битву на р. Фат). Реальность существования этого варианта названия р. Кубани подтверждается также свидетельствами древних о племени фатеев или татеев, «...живущих во времена Боспорского царства на восточном берегу Азовского моря у реки Фат (Фасис), от которой и получили свое название».

Трактат византийского императора. Возраст гидронима р. Кубани Бурлик, впервые зафиксированного в работах императора Константина Багрянородного «О фемах. О народах», некоторые авторы датируют X в., т.е. периодом расцвета славянского Тмутараканского княжества. Однако в связи с кратковременностью пребывания славян в низовьях р. Кубани представляется сомнительным древнерусское происхождение этого названия. Следует отметить при этом, что уже у Птолемея встречаются близкие названия р. Кубани – Бурка, Бурия, Бурлык.

Слово *бур* продуктивно и в современной топонимии Средней Азии и Ближнего Востока (селения Бурлик, Бурла, Бурли, реки Бурлук, Бурчак, Ак-Бура, Кара-Бура и т. д.). Более того, в письме хазарского царя Иосифа упоминается город Бур-к на западе Хазарии, а в XV-XVIII вв. в этом же районе Таманского полуострова кочевали ногайские племена буркут и бурлак.

Первая часть этого гидронима объясняется из монгольского *бур* – бог, святой или древнетюркского *бур* – испаряться, высыхать. В свою очередь, тюркский суффикс *-лик, -лык*, имеющий значение наличия или изобилия предмета или признака, также широко распространен на Северо-Западном Кавказе (реки Егорлык, Авдалык, Карлык, Чамлык, Чилик и т. д.). В таком случае гидроним Бурлик, применительно к одному из рукавов кубанской дельты, означает отнюдь не «бурливая», а «священная» (из монгольского) или «пересыхающая» (из тюркского) река, что соответствует географической реалии.

Река Куман в стране Кумании. Предположение П. Голубовского о происхождении одного из вариантов названия р. Кубани – Куман (Кумана) от этнического наименования племени половцев *куман* является будто бы достаточно убедительным, и карта Идриси, относящаяся ко времени половецких набегов на Северный Кавказ (1154), подтверждает наличие «Белой и Черной Кумании» по обоим берегам р. Кубани. Однако первое упоминание о народе куман (каман), обитающем в Предкавказье, восходит к началу I тысячелетия н.э. (Плиний, Птоломей). При этом объяснение названия р. Куман из половецкого *кум-мен* – «светоподобные или степняки» становится неубедительным. Более достоверным представляется происхождение названия племени куманов (каманов) и, следовательно, самой р. Кубани (Куманы) из персидского, древнетюркского и древнеиндийского *кам* с общим для всех этих языков значением «река» или «поток».

«Бал-бала-бол». Во многих литературных источниках, относящихся к раннему средневековью, встречается еще один вариант названия р. Кубани – Бал. Следует отметить, что топонимы на *бал (бол)* охватывают обширный район и на современной карте Евразии (Балкар, Болгард, Балбак, Балхаб, Балгарт и т. д.). При этом наибольший удельный вес имеют гидронимы с «рыбной» тематикой: Балыксу, Балыклей, Балыкдере, Балыкчи и др.

Однако объяснение гидронима р. Кубани Бал из усеченного общетюркского *балык* – «рыба» представляется совершенно несостоятельным. Нельзя согласиться и с предположением Л.Г. Гулиевой (1969) о том, что это название «есть видоизменившийся вариант более древнего *вар*». С точки зрения соответствия географической реалии наиболее приемлемым является объяснение данного гидронима из общетюркского *бал (бол, балчуг)* – «болото, влажная земля, грязь». Интересно, что совершенно то же значение имеет это слово и во многих других языках (славянский, польский, литовский, латышский, украинский, древнеиндийский), где *бал, бала, бол, балес, балкас* означает «болото, глина, глинистая долина, топь, низина», что вполне отвечает заболоченным плавневым массивам Нижней Кубани.

«Вонючая лужа»? В одном из философских трудов Юлия Гонория (VI в. н.э.) река Кубань упоминается под именем реки Меоте, «вытекающей из горы Гипания и впадающей в Меотийское озеро» (т.е. Азовское море. – Авт.). Интересно, что устойчивое сопряжение «сдвоенных» гидронимов (река + принимающее ее море, озеро, лиман) характерно и для многих других древних вариантов названия р. Кубани (р. Меоте + Меотийское озеро, р. Кут + лиман Большой Кут, р. Бугаз + лиман Бугазский, р. Кызылташ + лиман Кизилташский, р. Корокондама + лиман Корокондамитес и т. д.).

Несомненно, что и река, и море были названы так по имени меотов – предков адыгов. Меоты жили в Восточном Приазовье в I тысячелетии до н.э.; название этого племени неоднократно встречается в трудах античных авторов (VII в. до н.э. – VI в. н.э.), а также в многочисленных эпиграфических источниках – древнегреческих и латинских надписях Северного Причерноморья.

Н.Г. Лопатинский объясняет этот этноним из древнеадыгейского *ме* – «вонь» + *йэмэ* – «болото, тина, лужа», что в совокупности означает «вонючее болото (лужа)». Эта гипотеза кажется тем более правдоподобной, что сами меоты, если верить античным авторам, называли себя «жители болот». Заболоченный характер восточного побережья Азовского моря, обилие лиманов, болот и топей подтверждают это предположение.

Ло-Копарио – река венецианских дождей? В живописных палатках венецианских дождей и поныне хранятся ветхие манускрипты, относящиеся к эпохе средневековой итальянской колонизации Восточного Приазовья. Река Кубань там фигурировала под именем Копа.

В одной из своих работ Л.Г. Гулиева (1969) высказала осторожное предположение о более древнем характере этого гидронима. И действительно, анализ литературных и картографических источников подтверждает эту гипотезу. Уже с VI-VII вв. н.э. в письменных источниках (Никифор, Моисей Хоренский, Феофан, а с X в. – император Константин Багрянородный) появляются близкие по структуре названия северного рукава р. Кубани: Кофин, Кофен, Копхен, Купис, Купи. В конце XII в. в районе нынешнего Славянска-на-Кубани одним из черкесских племен было заложено небольшое укрепление, которое затем, в период генуэзской и венецианской колонизации Восточного Приазовья, выросло в крупный торговый центр. Город был назван по имени реки (Копа, Коппа, Коппо, Ло-Копарио и т. д.), а в дальнейшем в свою очередь и река изменяла свои названия с изменением имени города. Интересно, что топонимические «следы» средневековой венецианской фактории сохранились практически до настоящего времени (XV в. – Копа, XVI в. – Копы, XVII в. – Капулу, XVIII в. – Капылы, XIX в. – Копыльский кордон, XX в. – пос. Новокопыльский).

Некоторые авторы объясняют этот гидроним из древнеболгарского *копа* – «куча, стог» или из казахского *копа* – «болото, мелкое озерко». Первое предположение кажется тем более реальным, что именно булгарам, проживающим в середине I тысячелетия на юге Европейской территории СССР, принадлежит первое в данной топонимической цепи название р. Кубани – Кофин. При этом объяснение гидронима из монгольского *коп* – «множество» и древнерусского *копыл* – «столб» представляется несостоятельным.

«Песчаная река» – Кумли. В топонимической номенклатуре р. Кубани встречается татарский гидроним Кумли, восходящий к общетюркскому *кум* – песок.

Слово *кум* (*ком*) слабо выражено на Северо-Западном Кавказе. Можно лишь отметить р. Ата-кум (ныне р. Адагум), р. Куматырь (современная р. Ахтырь), остров Кумли-ада в низовьях р. Кубани. Но *кум* весьма продуктивен в казахском, таджикском, афганском, персидском и ряде других восточных языков. В свою очередь ареал *-ли* охватывает огромную территорию Евразии: Битли, Рагули, Кучерли, Кайли, Чанли и т. д.

Объяснение значения гидронима Кумли как «песчаная река» или «река, протекающая в песках или по степной равнине», не противоречит характеру дельты Нижней Кубани, протекающей по равнине в мощной толще речных наносов.

Память о древней Колхиде. В работах Помпония Мелы, Арриана и ряда других античных авторов упоминается река Кораканда (варианты: Караканда, Корокондама), впадающая в лиман Корокондамитес, или Ахтанизовский лиман. У Птолемея р. Кубань известна под именем Корак.

Указания Сцилакса о могущественном племени кораксов, живших в античные времена на Северо-Западном Кавказе, подтверждают происхождение данного гидронима из древнегрузинского *кот* – племенного названия колхов, область влияния которых распространялась в те времена на низовья р. Кубани. В свою очередь, суффикс *-анда* (*-унда*) продуктивен не только на Кавказе, но и в Крыму (Карасунда, Каракунда, Каракунга и т. д.), и, по мнению А.В. Суперанской, имеет древнеперсидское происхождение.

Каракул – Черная Протока – Протока. Тюркский пласт в перечне географических названий р. Кубани, наряду с другими названиями, представлен гидронимом Каракул (Карагул, Кара-Гуль, Харакул, Хоракул). Топонимы с *кара* весьма широко распространены на огромной территории, где проживают тюркоязычные народы. И в бассейне р. Кубани сохранились многочисленные «следы» их пребывания (реки Кара-Нагай, Карасун, Каракент, Карабизгон, озера Кара-Кель и Карачель, гора Кара-Кая, город Карачаевск).

Некоторые авторы допускают возможность объяснения прилагательного *кара* из древнетюркского «земля, суша» (например, карасу – «земля-вода» в значении «вода из земли» или «родниковая речка»). Однако с точки зрения соответствия географической реалии эта трактовка неприменима к заболоченным массивам Нижней Кубани. Гораздо более правдоподобным представляется объяснение гидронима Каракул из общетюркского и индоевропейского *кара* (*гара, хара*) – «черный». Переход *к-г-х* в этих языках закономерен, и не случайно в письменных источниках сохранились и такие варианты названия р. Кубани, как Каракул и Хоракул.

В свою очередь, объяснение слова *-гул* (*-кул*) не представляет особых затруднений. Ареал тюрко-монгольского корня *-кол, -коол, -куле, -куль*, означающего «озеро, заболоченное пространство», охватывает огромную территорию Западной Сибири, Средней Азии, Ближнего Востока и Кавказа: Варгол, Еро-Гол, Арпа-Гель, Иткуль, Сасыкколь и т. д. В бассейне р. Кубани также встречаются многочисленные озера типа Туманлы-Гель, Кара-кель, Кичкина-кель, Аириок-кель.

Однако *-кол* (*-кул*) имеет и другое значение – «проток, лог, рукав реки, ложбина», что в большей степени применительно к названию северного рукава р. Кубани. Не случайно русской калькой, т.е. равнозначным переводом этого названия на русский язык, были следующие: Черновода (XVI в.), Черная река (XVII в.), Черная Протока (XVIII в.) и, наконец, всем известная сегодня Протока (XIX-XX вв.).

От Феофана до Жана де Люка. В перечне древних географических названий р. Кубани гидроним Калкан впервые встречается в VII в. у Феофана, а затем спустя тысячелетие повторяется в записках Жана де Люка. Ареал топонимов на *-кан* охватывает значительную территорию Азиатского континента (Абакан, Уркан, Анькан, Таракан, Усть-Кан, Ир-али-хачкан, Алтынкан и т. д.). Гидронимы этого же ряда выявлены и на Северном Кавказе: перевал Закан, озеро Тамбукан, г. Тмутаракан (Тьмутаракань), реки Щелкан, Бакан, Уллу-Кан (ныне Уллукам).

У большинства тюркских и монгольских народов (узбеки, таджики, уйгуры, авесты, корейцы и т. д.) *-кан* (*-канг*, *-ганг*, *-хан*) объединяет в себе родственные понятия: «река, проток, бассейн». Если предположить, что первая часть гидронима Калкан объясняется из общетюркского *кала* (*кала*) – «крепость, укрепление», то в целом этот вариант названия р. Кубани следует понимать как «укрепленная (валами) река» или применительно к одному из рукавов р. Кубани – «обвалованный проток». К этому же топонимическому ряду, несомненно, относится название ныне не существующего ерика в низовьях р. Кубани – Калаус, объясняемого из общетюркского *кала* + монгольского *-ус* – речка, канал, озеро.

«К сему князь Апраксин руку приложил». В донесении князя П.М. Апраксина об известном походе русских войск в 1711 г. встречаются варианты названия одного из рукавов кубанской дельты – Кура-Кубань и Каура. Следует отметить, что топооснова *кур(у)* довольно продуктивна в топонимии Центральной и Средней Азии (Курлея, Курукгол, Курчулы), в Закавказье (Курку, Куркапан), в Восточном Предкавказье (Курдон, Курдул, Куркужин), в бассейне Волги (Курколь), на Дону (Курлак), в Крыму (Куру-Узень). Такое топонимическое окружение предполагает наличие аналогичных гидронимов и на Северо-Западном Кавказе. Действительно, в бассейне р. Кубани выявлены следующие названия: реки Уч-Курка, Курго, Чукурак, Куру-бей-мурза и Курка, а также производные от них топонимы: с.Курки, Куркаское гирло, Куркинская переправа, Курчанский лиман.

Гидроним Кура-Кубань объясняется из общетюркского *куру* (*курак*) и монгольского *курук*, что в обоих языках означает «сухой». В таком случае данное название переводится как «сухая, пересыхающая Кубань», что соответствует географической реалии (вспомним пересохшие в XIX в. рукава дельты Терека: Куру-Чубутлы и Куру-Терек).

Так почему все-таки «Кубань»? До настоящего времени нет единого мнения о происхождении современного названия р. Кубани. Данвилль и Мюлленгофф считали, что имя Кубань «есть искажение слова Гипанис». Фасмер настаивал на ираноязычной основе Кубани: *гупана* – «остающаяся под покровительством богов». О.Т. Молчанова утверждает, что топоним Кубань был механически перенесен на территорию Северо-Западного Кавказа «массивом кумыкско-кыпчакских племен, переселившихся на рубеже I-II тысячелетий н.э. из Южной Сибири». Э.М. Мурзаев (1974) объясняет Кубань из карачаево-балкарского *кобан* (*къобхан*) – «бурный, разливающийся». Некоторые авторы предполагают, что это название «является измененным вариантом гидронима Куман». И наконец, Б.В. Лунин (1969) считает, что современное название р. Кубани произошло от *куба* (у ногайцев – «бледный», у шорцев – «сероватый», у казахов – «бледно-желтый»).

На наш взгляд, слово Кубань представляет собой заключительное звено топонимической цепи, восходящей к древним булгарам середины I тысячелетия н.э.:

Кофен	–	Куфис	–	Купис	–	Купи	–	Купа	–	Куба	–	Кубан	–	Губань	–	Кубань
VI в.		VII в.		VII-X вв.		XIII-XV вв.		XVII в.						XVII-XVIII вв.		

Не исключена возможность, что наиболее ранние формы данного названия (Кофен, Кофене, Куфис) в свою очередь восходят к общезгейскому *кофу* – «вода, река, речка», что подтверждается сравнительным анализом древнего колхского языка с лидийскими и арамейскими клинописными текстами. В таком случае р. Кубань есть не что иное, как «река... Река».

Номенклатура географических названий реки Кубань в историческом прошлом

1. Антикитес, 2. Антикатес, 3. Антиката, 4. Атикитис, 5. Антикит, 6. Антикита, 7. Антикетес, 8. Антикельт, 9. Антикейт, 10. Антикейта, 11. Антисетас, 12. Антиситес, 13. Антицетас, 14. Антицита, 15. Атицита, 16. Атицея, 17. Атикит, 18. Атикитес, 19. Атакитис, 20. Ахтацита, 21. Вардан, 22. Вердан, 23. Варданаус, 24. Варданис, 25. Варданус, 26. Варданиус, 27. Валданис, 28. Вал, 29. Бал, 30. Вардань, 31. Варсан, 32. Варшан, 33. Вари-шан, 34. В-р-шан, 35. В-д-шан, 36. Б-д-шан, 37. Идшан, 38. Удшан, 39. Юз-г, 40. В-зг, 41. Вагз, 42. Бузан, 43. Уардан, 44. Уар, 45. Оар, 46. Оарос, 47. Офис, 48. Офар, 49. Охарий, 50. Ахордей, 51. Ахардей, 52. Алардей, 53. Ахардас, 54. Ахардае, 55. Ахей, 56. Ахейус, 57. Ахеус, 58. Ахеунта, 59. Ахэунта.

60. Гипанис, 61. Гипаниз, 62. Гипанос, 63. Гипп, 64. Гиппанис, 65. Гипаннис, 66. Гинанис, 67. Гупанис, 68. Гипанид, 69. Ипанид, 70. Ипаний, 71. Ипанс, 72. Ипанис, 73. Иланис, 74. Крипанис, 75. Теспанис, 76. Шпанис, 77. Упаниос.

78. Пси, 79. Псо, 80. Псу, 81. Псицхе, 82. Псидше, 83. Псиш, 84. Псише, 85. Пси-ше, 86. Психр, 87. Псыж, 88. Псыжь, 89. Псыжь, 90. Псыз, 91. Псызь, 92. Псевхрос, 93. Псетерий, 94. Сетерий, 95. Сетерия, 96. Сетериес, 97. Сеасериг, 98. Сехерий, 99. Сакир, 100. Псарус, 101. Псанис, 102. Псапос, 103. Псаф, 104. Псафий, 105. Псафис, 106. Псафия, 107. Псафья, 108. Псахапсий, 109. Псатхис, 110. Псатий, 111. Псатис, 112. Псатес, 113. Псалтис, 114. Псат, 115. Фат, 116. Фатен, 117. Фасис, 118. Апсар, 119. Описсас, 120. Тапс, 121. Тхапсис, 122. Татес, 123. Тапсис, 124. Топсида, 125. Пшиз, 126. Пшиза, 127. Пшизе, 128. Пшизь, 129. Пшизь, 130. Пшин, 131. Пшис, 132. Пшиш, 133. Пшыш, 134. Пшыз, 135. Пжизь.

136. Корокондама, 137. Карокондама, 138. Корокондамо, 139. Караканда, 140. Короконда, 141. Кораканда, 142. Корак, 143. Хоракул, 144. Харакул, 145. Харакуль, 146. Кара-Гуль, 147. Карагул, 148. Каракул, 149. Каура, 150. Кара Чюнгел, 151. Каракубан, 152. Кара Кубан, 153. Каракубань, 154. Кура-Кубань, 155.

Карыкубань, 156. Кара-Кубань, 157. Черновода, 158. Черная река, 159. Черный Кубан, 160. Черная Кубань, 161. Черная Протока, 162. Черный Проток, 163. Проток, 164. Притока, 165. Протока.

166. Кума, 167. Кумазек, 168. Куман, 169. Кумана, 170. Кумань, 171. Кумака, 172. Кумура, 173. Кумли, 174. Кумли-Кубан, 175. Кумли-Кубань, 176. Кимли-Кубань.

177. Река Малой Хазаретии, 178. Малая река Хазарии, 179. Хазарская река, 180. Буйная река, 181. Русская река, 182. Великая река, 183. Казачья река, 184. Большая река, 185. Большая Кубань, 186. Большой Кубань, 187. Старая Кубань, 188. Темрюк-Кубань, 189. Малый Ромбитес, 190. Малый Комбитес, 191. Ромбитес, 192. Ромбите, 193. Бугаз, 194. Бугас, 195. Бирлик, 196. Бурлык, 197. Бурлик, 198. Бурия, 199. Вурия, 200. Вурлик, 201. Бурка, 202. Быстряк, 203. Быстрик, 204. Джись, 205. Джаго, 206. Джега, 207. Джига, 208. Италья, 209. Итиль, 210. Кал, 211. Калос, 212. Калкан, 213. Мотка, 214. Меоте, 215. Уг-ру, 216. Угру, 217. Укрух, 218. Ухрух, 219. Укрух, 220. Укруч, 221. Мермадалис, 222. Мермадаль, 223. Мермодас, 224. Мермод, 225. Афипис, 226. Кристалл, 227. Кызылташ, 228. Панда, 229. Пантикап, 230. Пантикапея, 231. Термодонт, 232. Тотордан, 233. Тотардиан, 234. Танаис, 235. Хадер, 236. Хадир, 237. Хадырь, 238. Хадур.

239. Кут, 240. Кутис, 241. Куфис, 242. Кофен, 243. Кофене, 244. Кофина, 245. Кофин, 246. Купи, 247. Локупа, 248. Ло Купа, 249. Ло Копа, 250. Ло Копарио, 251. Локопа, 252. Ло-Коппа, 253. Лоцикопа, 254. Лоцикопо, 255. Коппа, 256. Копа, 257. Коба, 258. Кобан, 259. Куба, 260. Кубба, 261. Кубин, 262. Кубина, 263. Кубинь, 264. Кубу, 265. Кубан, 266. Кабан, 267. Губань, 268. Кубань.

269. Anticae. 270. Anticites. 271. Antikites. 272. Atticitus. 273. Hipanis. 274. Hypanis. 275. Oupanios. 276. Thespanis. 277. Xypanis. 278. W-r-san. 279. Wardanus. 280. Vardanus. 281. Vardans. 282. Vardanes. 283. Vadanis. 284. Varadanus. 285. Uardan. 286. Ucruch. 287. Calcan. 288. Psi. 289. Psathis. 290. Psychrus. 291. Psuchrus. 292. Psidsche.

293. Coracanda. 294. Corocondama. 295. Motka. 296. Bii. 297. Burlic. 298. Burca. 299. Seheries. 300. Setheries. 301. Secherits. 302. Sakir. 303. Oarus. 304. Opharus. 305. Rombites. 306. Rombici. 307. Bhombite.

308. Cophen. 309. Cupis. 310. Cupa. 311. Caba. 312. Chopa. 313. Copa. 314. Copra. 315. Capo. 316. Cici. 317. Sil. 318. Cicopa. 319. Locopa. 320. Locopo. 321. Lacupa. 322. Locupa. 323. Cubani. 324. Cubania. 325. Couban. 326. Coban. 327. Cohan. 328. Koeban. 329. Kouban. 330. Kobbani. 331. Koban. 332. Kubun. 333. Kuban.

2.3.2. Белая: «Богиня оленей»?

Река Белая – одна из главнейших рек Адыгеи, самый крупный приток Кубани. Берет свое начало от слияния двух горных потоков, стекающих с гор Фишт и Оштен. В нее впадает 3459 больших, средних и малых притоков, а сама она, протекая от начала до конца 265 км, вливается теперь в Краснодарское водохранилище. Среди старых названий этой реки есть имя «Белла», встречающееся в адыгском фольклоре. Согласно адыгской легенде, записанной А. Оленич-Гнетенко, один князь привез из набега девушку незнатного рода, по имени Белла. Князь, пораженный красотой пленницы, женился на ней. Но свободолюбивая девушка ненавидела своего похитителя, убила князя и бросилась в кипящие волны реки. Труп ее был найден абадзехами. С тех пор реке дали имя Белла. Возможно, от этого имени и произошло современное название реки – Белая. Однако в большинстве архивных, литературных и картографических источников встречаются названия типа Шъхъагуаше и их многочисленные искажения: Шагуаша, Шагваши, Сагауш и т. д.

По поводу возникновения названия р. Шъхъагуаше в адыгском народе бытует следующая легенда. В далекие времена в верховьях этой реки проживал старый князь Мишеост, у которого была лишь одна дочь Нафисет. Когда она выросла и стала красавицей, отец решил выдать ее замуж за наиболее храброго и проворного джигита. Но ни один из них не пришелся ей по душе. А полюбила она простого пастуха Келемета. Князь вызвал его и запретил встречаться с дочерью. Но Келемет заявил, что лучше умереть, чем жить в разлуке с его любимой. Это же подтвердила и Нафисет, сказав, что без суженого она покончит с собой. Тогда разгневанный князь приказал зашить их в кожаный мешок и бросить в бурную реку. Но влюбленным удалось освободиться и выплыть на берег. Келемет занимался рыбной ловлей, а его молодая жена доила лесных оленей. И среди них она стала Княгиней оленей (Шъхъагуашэ)

Это название р. Белой состоит, по К.Х. Меретукову, из двух компонентов: *шыха* – «олень» и *гуашэ* – «покровитель». Вторая часть этого слова вообще характерна для языческих воззрений адыгов: Хате-гуаше «покровитель садов, огородов»; Мез-гуаш «покровитель лесов»; Псыхо-гуаш «покровитель рек»; Хы-гуашэ «дева вод морских» и т. д. С учетом вышеизложенного, древнее адыгское название р. Белой можно перевести как «Богиня (покровительница) оленей».

Номенклатура географических названий реки Белая в историческом прошлом

1. Белла. 2. Сагауш. 3. Шагуаша. 4. Шагваши. 5. Шау-гнаше. 6. Шхагуашэ. 7. Шъхъагуашэ. 8. Шъхъагуашэ. 9. Шаг-Ваша, 10. Шовгаш. 11. Шовгаше. 12. Шххакоаше. 13. Бешеная река. 14. Богиня оленей. 15. Chkhaguache. 16. Belaya.

2.3.3. «Терек вост, дик и злобен...»

*Терек вост, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.*

М.Ю. Лермонтов (1814-1841).

Даже в начале XVIII в. границы Кабарды проходили: на западе по рекам Лаба и Кубань; на востоке по побережью Каспийского моря у устья Терека.

«История адыгов...» (2009).

«Великое переселение» черкесов в эпоху средневековья с запада на восток привело к оседанию одной из ветвей адыгского народа в Кабарде, в верхнем и среднем течении р. Терека; при этом область их влияния простиралась в отдельные времена до Каспийского моря. С этой точки зрения интересно знать, как же называлась эта река в прошлом. Специально проведенное исследование дало возможность выявить, по крайней мере, 45 древних и средневековых названий р. Терек. В этом перечне встречаются и чисто грузинские названия типа Ломекис-мдинаре, и аланские (осетинские) типа Арагви-Осети и Аландон. Есть и названия, ошибочно присвоенные Тереку древними авторами или их последующими комментаторами: Танаис (общепринятое название р. Дон), Арагви (современная Арагва), Малый Итиль (Итиль – Волга), а также Уг-ру (хазарское название р. Кубани). На средневековых картах можно встретить и своеобразное название Терека р. Быстрая. Сразу вспоминается лермонтовское:

*И Терек, прыгая, как лвыца
С косматой гривой на хребте,
Ревел – и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали...*

У скалы Тамары Дарьял обращается в настоящие ворота, запирающие непроходимую твердыню Кавказского хребта. Здесь Терек сдавлен гранитными стенами подоблачной высоты, буквально как в клетке:

*Он там играет в свирепом веселье,
Играет и вост, как зверь молодой,
Завидевши птицу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! – нет ни пищи ему, ни отрады...
Теснят его грозно немые громады...*

Однако большая часть старинных названий р. Терек восходит к Терк, Терки, Тарку, Тирки и т. д. – названию собственно реки и города в ее низовьях.

Номенклатура географических названий реки Терек в историческом прошлом

1. Аландон. 2. Аланская река. 3. Алонта. 4. Алонтой. 5. Арагва. 6. Арагви. 7. Арагви Осети. 8. Арм. 9. Армна. 10. Большая река Ломека. 11. Быстрая. 12. Герус. 13. Курк Руд. 14. Ломека. 15. Ломеки. 16. Ломекис-мдинаре. 17. Ломекская река. 18. Ломехи. 19. Малый Итиль. 20. Мермадаль. 21. Мермод. 22. Пятиглав. 23. Рес-Дон. 24. Соана. 25. Танаис. 26. Таргу. 27. Тарку. 28. Тарху. 29. Терги. 30. Терек. 31. Терк. 32. Терка. 33. Терки. 34. Терку. 35. Терх. 36. Терч. 37. Терчи. 38. Тесина. 39. Теуссо. 40. Тименски. 41. Тирек-дон. 42. Тирки. 43. Торги. 44. Тэрч. 45. Уг-ру.

2.3.4. Кума: «Песчаная река»

Кума – река на Северо-Восточном Кавказе. В настоящее время она почти полностью разбирается на орошение и теряется в песках. Однако еще в недавнем прошлом она впадала в Каспийское море, а во времена Степана Разина по ней могли плавать ладьи.

Выявлено 13 вариантов (или их разночтений) названия этой реки. Большинство из них восходит к осетинскому *дон* – «вода, река», или же к *кум* (*гум*) – «песок» (кстати, подобное название прилагается и к дельте р. Кубани – Кумли). Итак, Кума – это «Песчаная река».

Номенклатура географических названий реки Кума в историческом прошлом

1. Геррос. 2. Удон. 3. Уд-дон. 4. И-дон. 5. В-д-шан. 6. В-р-шан. 7. Идшан. 8. Удшан. 9. Кумшехо. 10. Гумыз. 11. Гум. 12. Гума. 13. Кума.

2.3.5. Волга: «Большая Нартовская река»

Сохранившиеся у нас предания утверждают (не означая эпохи), что этот народ (адыге) обитал от р. Терека до рек Волги и Дона на север и, продолжая селиться по обе стороны Азовского моря, доходил до Крымских степей на западе.

Ш. Ногмов (1861).

Исторические данные и памятники устного народного творчества указывают, что черкесские племена простирали свои владения на огромную территорию, ограниченную с юга Кавказским хребтом, с запада – Черным морем, с востока – Каспийским, с севера – Азовским морем и реками Дон (Тен) и Волга (Индьль).

Сефербей Спюхов «Воскресение из мертвых» (1991).

Волга – крупнейшая восточноевропейская река, по которой с незапамятных времен и в течение многих столетий совершались связи народов Восточной Европы с народами Востока и Малой Азии. О том, что низовья Волги в историческом прошлом представляли собой область влияния черкесов-кабардинцев, сообщают многие средневековые источники. Особенно показательна в этом отношении известная карта Московии Антония Дженкинсона (ранее 1562 г.), на которой территория пятигорских черкес покрывает собой все пространство Северного Кавказа, отделяя Крымское ханство от Астраханского, простираясь на севере вплоть до Дона, а на востоке – до земель между устьем Терека и Волги (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III). Эти сведения подтверждаются и другими картографическими и письменными источниками.

В связи с этим заслуживает внимания следующий факт. Среди сотен древних названий р. Волги, ее вариантов и разночтений встречаются названия, подтверждающие давнее знакомство предков адыгов с этой рекой. Наряду с общеизвестными «Хазарская река» (Бахр-ал-Хазар; Большая река Хазарии; Великая река Хазаретии) и «Славянская река» (Река Славонии; Нахр-ас-Сакалиба и т. д.), номенклатура географических названий р. Волги включает также такое название, как *Большая Нартовская река (Нарты стьыр дон)*.

Вместе с тем, следует отметить весьма туманное, зачастую фантастическое представление древних авторов о самой Волге и направлении ее течения. Так, по данным В.В. Бартольда, некоторые античные авторы начала н.э. не знали даже о существовании Волги, другие считали Каспийское море заливом Северного океана. На одной из античных карт Волга показана текущей одновременно в два моря (Азовское и Каспийское), причем эти ошибочные представления сохранялись в некоторых источниках до XII в. и позже. Так, М. Меховский даже в 1517 г. утверждал: «Волга своими двадцатью пятью устьями впадает в Эвксинское (т. е. Черное) море...». А автор XV в. Иоанн Галонифонтибус в своей книге «Сведения о народах Кавказа» (1404 г.) писал: «Известная река Волга, которая впадает в Каспийское море, протекает через эту страну (Черкесию), и говорят, что она разветвляется на сорок рукавов, одним из которых является река Дон, которая впадает в Азовское море» (Иоанн Галонифонтибус, 2010; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 13-15).

При этом зачастую одновременно не только разные реки назывались одним именем, но и сосуществовали разные названия одной и той же реки. Так, на средневековой карте 1516 г. одна «Волга» впадает в оз. Ильмень, другая – в Балтийское море; в Каспийское же море впадает р. Ра. В некоторых арабских источниках Волга впадает в Каспийское море, вытекая из ...озера Балхаш.

В свою очередь Б.А. Рыбаков установил, что обозначенная на средневековых картах «Вольга (Итиль)» не соответствует ни одной современной реке, а представляет в своих истоках р. Белую (Белая Волжка русских летописей XVI в.), в среднем течении – Каму, а от камского устья до моря – собственно Волгу. И таких примеров можно привести десятки. Все это, разумеется, значительно осложняет анализ этимологии и семантики древних и средневековых названий р. Волги.

Наибольший «удельный вес» в номенклатуре географических названий р. Волги имеют названия, восходящие к средневековому «Итиль» (варианты: Атиль, Аттила, Атилла, Едиль, Идыль, Отиль, Эрдиль и т. д.) или к современному имени этой реки (Вогла, Олга, Волза, Вулга, Вльга, Вьлга и т. д.).

Гораздо больший интерес представляет малоизученное, одно из древнейших названий р. Волги – Ра (варианты: Раз, Рава, Ранга, Рангха, Рау и т. д.). Впервые оно было зафиксировано у Птолемея (II в. н.э.), но, вероятно, «возраст» его намного старше. Попытка объяснения этого названия была предпринята еще в XVIII в. В.Н. Татищевым: «Имя сие (Волга) прилагалось не далее как до устья Оки, а ниже именовалось от сармат – Рав, еже значит «обилие».

В работах В.В. Бартольда и И.П. Магидовича птолемея «Ра» объясняется из финских языков. И. Кислинг также отмечал, что «римским географам Волга была хорошо известна под именем Ра, происходящим из финского Rau или Raw». Он полагал, что греческое Ra (Oaros) «представляет собой передачу скифского названия р. Волги, о которой понтийские греки знали уже в VI в. до н.э.». По А. Муранову, Ра объясняется из древнегреческого «Щедрая». По данным Н.Я. Марра, «rha – это этрусское племенное название, в яфетических языках еще в клинописи означавшее «лошадь». Д. Никольский, ссылаясь на Аммиана

Марцеллина, предполагает, что Волга названа Ра по корню лекарственного растения (ревень, или *Rhabarbarum*), что, разумеется, весьма сомнительно.

По Р.А. Агеевой (1985), «древнее название Ра происходит из иранских языков и этимологически связано с индоевропейским названием росы». Х. Якобсон, В. Георгиев, А. Матвеев и другие также связывают это название с авестийским *ranha*, скифским *raha*, древнеиндийским *rasa*, означающим «сырость, влажность, жидкость, речка» (ср. славянское «роса»). Некоторые же авторы возводят Ра к авестийскому *vouru* – «широкая (река)», а Крегнер – к древнеиндийскому *var, van* – «вода». Это предположение заслуживает внимания.

По Е.Е. Кузьминой, в середине II тысячелетия до н.э. индоевропейская общность в степях Евразии распалась. Отделились индийцы, перешли через горные перевалы к югу в Индостан. Они сохранили воспоминания о своей прародине, в своих гимнах воспевали оставшуюся далеко на севере священную реку Ра (Рангху).

С.А. Ковалевский (1953) приводит интересные параллели названия Волги – Ра и имен верховных богов индийской и египетской мифологии. Индра (Инд-Ра) в древнеиндийских мифах – глава богов. Он порождает солнце, небо и зарю, освобождает реки, которые бегут от него в страхе, повелевает потоками. Древнеиндийский Индра соотносится с образом индоевропейского бога грома; само его имя находит ближайшее соответствие в названии древнеиранского дэва-волшебника Инд(а)ра, известного многим раньше еще митаннийским ариям. С.А. Ковалевский справедливо напоминает, что в имени древнейшего бога Индии Инд-Ра (бога Воды-Неба) санскритское инд означает «вода». Тогда приставка Ра, считает он, должна означать «небо, небесный». Это, в свою очередь, тесно переплетается с именем верховного божества Древнего Египта III тысячелетия до н.э. – Ра, отца богов, отца фараонов. «Отсюда, по-видимому, и синдо-сарматское название Волги Ра – «Небесная», – заключает С.А. Ковалевский.

Если это действительно так, то «возраст» названия Волги – Ра превышает по крайней мере 4,5-5,0 тыс. лет. «Отголоски» этого древнейшего названия сохранились в современных мордовских языках буквально до нашего времени. Мордва и мокшаны и теперь еще называют Волга Рав (варианты: Раво, Рава, Рау) – развитие прамордовского Раго, восходящего к именам верховных богов древнеиндийской и египетской мифологии.

Дальнейшие исследования в области сравнительного языкознания и исторической топонимики должны подтвердить или опровергнуть достоверность этой гипотезы. Отметим лишь, что «египетские мотивы» прослеживаются у истоков древнейших названий и некоторых других южных рек и морей нашей страны.

Номенклатура географических названий реки Волга в историческом прошлом

1. Ра. 2. Раа. 3. Рав. 4. Рава. 5. Раво. 6. Ранга. 7. Рангха. 8. Оар. 9. Оарос. 10. Оарус. 11. Рас. 12. Аракс. 13. Араксес. 14. Араксис. 15. А-рас. 16. Рау. 17. Рокс. 18. Росс. 19. Рос.

20. Русская река. 21. Дарья-и-Рус. 22. Руфа. 23. Руд-е-Рус. 24. Река Русов. 25. Река Славян. 26. Славянская река. 27. Река Славонии. 28. Славония. 29. Река Сиклаб. 30. Сиклаб. 31. Сингилия. 32. Нахр-ас-Сакалиба. 33. *Большая Нартовская река*. 34. *Нарты стыр дон*. 35. Хазарская река. 36. Бахр-ал-Хазар. 37. Большая река Хазарии. 38. Великая река в Хазаретии. 39. Великая Хазаретская река. 40. Великая река Хазарети. 41. Великая река Хазаретии. 42. Великая река Хазарии. 43. Река Большой Хазарии. 44. Река Великой Хазарии. 45. Река Хазар. 46. Река Хозар. 47. Тигр. 48. Тигери. 49. Тигри. 50. Тигриг. 51. Тигрис. 52. Болга. 53. Булга. 54. Булгар. 55. Река Булгара. 56. Бургас. 57. Река Бургас. 58. Форгэхэ. 59. Воэрсзэхэ. 60. Эцзилихэ. 61. Хамлидж. 62. Черная река. 63. Саранская река. 64. Гурген. 65. Река Г-р-гана. 66. Река Гургена. 67. Дол. 68. Астраханская река. 69. Обильная река. 70. Река царя Севера. 71. Великая река. 72. Великая река Угру. 73. Окс. 74. Сейхун. 75. Танаис. 76. Рукав Танаиса. 77. Таис. 78. Тамат. 79. Тир. 80. Тирус. 81. Туранская река.

82. Адал. 83. Адаль. 84. Адел. 85. Адель. 86. Адил. 87. Адиль. 88. Адиль-чай. 89. Адул. 90. Адыл. 91. Амул. 92. Астиль. 93. Атал. 94. Аталис. 95. Ател. 96. Ателл. 97. Атель. 98. Атил. 99. Атилла. 100. Атиль. 101. Атль. 102. Атоль. 103. Аттел. 104. Аттила. 105. Атиль. 106. Атуль. 107. Атыл. 108. Атыль. 109. Афиль. 110. Гердил. 111. Гердиль. 112. Гитил. 113. Едал. 114. Едел. 115. Едель. 116. Едил. 117. Едиль. 118. Едшиль. 119. Ердиль. 120. Етевл. 121. Етель. 122. Етимия. 123. Идал. 124. Идел. 125. Кара Идел. 126. Идель. 127. Идил. 128. Идиль. 129. Идул. 130. Идшим. 131. Идыл. 132. Идыль. 133. Идль. 134. Ижил-Мурэн. 135. Ижл. 136. Изел. 137. Ийдал. 138. Индил-псы. 139. Индыл. 140. Индыль. 141. Индыль-река. 142. Исиль. 143. Истил-Дон. 144. Истир-дон. 145. Каммодон. 146. Великий Дон. 147. Италъ. 148. Итель. 149. Итил. 150. Итилак. 151. Итиль. 152. Итиль-елга. 153. Итиль-дон. 154. Большой Итиль. 155. Улуг-Итиль. 156. Иттиль. 157. Ит-тиле. 158. Иттле. 159. Ишель. 160. Йтиль. 161. Йадыл. 162. Ледиль. 163. Отиль. 164. Обиль. 165. Тил. 166. Тиль. 167. Убалъ. 168. Эддель. 169. Эдделль. 170. Эделль. 171. Эдель. 172. Эдер. 173. Эдил. 174. Эдили. 175. Эдиль. 176. Эрдил. 177. Эрдиль. 178. Этал. 179. Талта. 180. Этел. 181. Этель. 182. Этельи. 183. Этил. 184. Этилий. 185. Этилия. 186. Этиль.

187. Иуль. 188. Йола. 189. Йул. 190. Йыл. 191. Юл.

192. Влага. 193. Вльга. 194. Вьлга. 195. Волг. 196. Вога. 197. Вогла. 198. Волгада. 199. Волгарска река. 200. Волге. 201. Волгэ. 202. Волза. 203. Волхов. 204. Вольга. 205. Вольга. 206. Молга. 207. Мочак. 208. Олга. 209. Олкога. 210. Вулга. 211. Флусь Волга Идел. 212. Волга Идел. 213. Река Волга Идел. 214. Дарьей-Волга. 215. Волга ям. 216. Ворга-гава. 217. Волга-чай. 218. Волга.

219. Ra. 220. Rha. 221. Rcha. 222. Raha. 223. Rahi. 224. Rahva. 225. Ran. 226. Ranha. 227. Oar. 228. Oarus. 229. Ohar. 230. O-rar. 231. Araxes. 232. Rasa. 233. Rau. 234. Raw. 235. Rhos. 236. Ros Rha.

237. Tirus. 238. Bolga. 239. Bulga. 240. Bwlgh. 241. Woerjia-he. 242. Astrakanse rivier. 243. Astracansche river. 244. Grandissima flumara. 245. Grandissimo flumara. 246. Thamat.

247. Asli Adal. 248. Adel. 249. Adil. 250. Hadil. 251. Atal-a. 252. Atel. 253. Athel. 254. Athil. 255. Atil. 256. Ulug Atil. 257. Atl. 258. Attila. 259. Edel. 260. Edil. 261. Edilius. 262. Erdil. 263. Herdil. 264. Etel. 265. Ethew. 266. Ethil. 267. Ethilia. 268. Ethul. 269. Ethyl. 270. Etil. 271. Etilia. 272. Etyl. 273. Idel. 274. Idil. 275. Itil. 276. Itl. 277. Lag. 278. Ledil. 279. Otil. 280. Til.

281. Olga. 282. Olkoga. 283. Alkoga. 284. Manga. 285. Uolga. 286. Volg. 287. Volga. 288. Volgha. 289. Volgo. 290. Volha. 291. Vulga. 292. Vuolga. 293. Wolha. 294. Wolga.

2.3.6. Дон: «Меотидская река Танаид»

Вероятно, из черкесов возникли как днепровские, так и донские казаки...

К. Кох (1842).

На карте Дженкинсона (1562) Черкесия занимает основную часть Северного Кавказа, вклиниваясь между Крымским и Астраханским ханствами, простираясь на север вплоть до низовьев Дона и Кумо-Манычской впадины, на восток – до земель в устье Терека.

«История многовекового...» (2007).

В период средневековья низовья р. Дон частично входили в область интересов предков черкесов. Так, на карте Дженкинсона (1562) историческая Черкесия занимает основную часть Северного Кавказа, вклиниваясь между Крымским и Астраханским ханствами, простираясь на север вплоть до низовьев Дона и Кумо-Манычской впадины, на восток – до земель в устье Терека («История многовекового...», 2007). Свидетельства очевидцев, относящиеся к данному периоду, а также архивные документы подтверждают этот факт. С этой точки зрения примечательно предположение К. Коха (1842) о том, что «...вероятно, из черкесов возникли как днепровские, так и донские казаки...».

В античной литературе имя р. Дон – Танаис. Так называли эту реку Геродот, Страбон, Аристотель, Овидий, Сенека, – другого имени не знали ни древнегреческие, ни римские авторы. Современная лингвистика утверждает, что оба эти названия – синонимы, слова с одинаковым смыслом.

Имя реки восходит к скифскому слову *дан* (*дану*, *дон*), известному в таком памятнике древнеиранской письменности, как «Авеста» и многих других, и переводимому как «река». В современном осетинском языке, наиболее близком к языку скифо-сарматских племен, это слово с тем же значением «река», «вода» – живет и сейчас. В Осетии-Алании, например, текут реки: Гизельдон – «Красная река», Ардон – «Вода-вода». В Кемеровской области слово дон входит в имена более чем сотни рек: Арадон, Тайдон и др.

Таким образом, *дон* – типичный гидроним, и в таком качестве он может входить (и входит) в имена самых различных мало похожих друг на друга географических объектов – реки, озера, бухты, залива, характеризуя наличие в них воды. При этом ареал распространения *дон* весьма четко очерчивается границами обитания скифо-сарматских племен и их потомков – алан. А древние греки воспользовались местным скифским именем, переозвучив его на греческий – Тана (Танаис). Так же адаптировались греками и местные наименования других скифских рек, связанных с древнейшим *дан* (*дон*): Днепр-Данаприс, Днестр-Данастрис, Дунай-Данубий, Кубань-Вардан и т. д.

Имя Дон сохранялось в устной традиции с глубочайшей древности, возможно, с IX-VIII вв. до н.э., – со времени прихода скифов в Северное Причерноморье, а может быть, и еще раньше, учитывая родственность киммерийцев и скифов. Но несмотря на устойчивую полуторатысячелетнюю традицию наименования реки Танаисом, – традицию, перекочевавшую в средневековье (на самых первых картах Европы под изображением этой реки писали: «Танаис»), – несмотря на это, определяющей стала устная традиция, и реку снова стали называть просто Дон (т.е.: «Река; Вода»). С этим именем река вошла в первую русскую летопись – «Повесть временных лет», в «Слово о полку Игореве», в отечественную историю. И сегодня мы произносим имя реки так, как звучало оно у скифов в VIII в. до н.э., у алан в V в. н.э., у славян времен Киевской Руси (Чеснок В.Ф., 1987).

Арабы эпохи средневековья называли эту реку: Нахр ас-Сакалиба (Река славян), Нахр ар-Русийя (Русская река). Поскольку древние авторы плохо различали Дон и Волгу, сохранилось также название Дона – Рукав Хазарской реки (т. е. Рукав Волги). При этом обращает на себя внимание множество разночтений и искажений одного из древнейших названия р. Танаис (Танаида, Танай, Танакс, Танам, Танис, Тен, Тин и т. д.), а также тот факт, что некоторые названия Дона – Амазонская река, Конская река, Фасис и некоторые другие – относились одновременно также и к Кубани (при этом Фасис в античной традиции был названием реки Рион, но отнюдь не Дона).

Номенклатура географических названий реки Дон в историческом прошлом

Акесин. 2. Река Син. 3. Син. 4. Сина. 5. Сингиля. 6. Сил. 7. Силин. 8. Силис. 9. Амазонская река. 10. Амазоний. 11. Амазониус. 12. Бузан. 13. Буртас. 14. Вака. 15. Вафа. 16. Гилас. 17. Истр. 18. Конская река. 19. Лаксатес. 20. Русская река. 21. Русия. 22. Река Россия. 23. Река русов. 24. Река русов и славян. 25. Нахр ар-рус.

26. Нахр ар-Русийя. 27. Славянская река. 28. Река славян. 29. Рукав Славянской реки. 30. Нахр ас-Сакалиба. 31. Река Хазар. 32. Рукав Хазарской реки. 33. Хазарский рукав. 34. Хазарский залив. 35. Река Азова. 36. Оар. 37. Ас-Сабт. 38. Сабт. 39. Сагину. 40. Сакир. 41. Сиргис. 42. Фасис. 43. Чдар. 44. Этевл. 45. Юз-г. 46. Река Таны. 47. Река Тонавис. 48. Тонавис. 49. Таин. 50. Тан. 51. Тана. 52. Танабис. 53. Танаид. 54. Меотидская река Танаид. 55. Танаид Меотийский. 56. Танаида. 57. Танаис. 58. Великая река Танаис. 59. Танай. 60. Танакс. 61. Танам. 62. Танис. 63. Тен. 64. Тин. 65. Тон. 66. Тэн. 67. Туна. 68. Дуна. 69. Дун. 70. Дан. 71. Дон. 72. Донь. 73. Дон Иванович. 74. Святой Дон. 75. Синий Дон. 76. Большой Дон. 77. Великий Дон. 78. Тихий Дон Иванович. 79. Ethew. 80. Sina. 81. Sinum. 82. Silin. 83. Kovka Voda. 84. Dnist. 85. Nahr. Dnist. 86. Dan. 87. Dana. 88. Danai. 89. Din. 90. Dom. 91. Don. 92. Don Ruthenice. 93. Dona. 94. Donas. 95. Dong. 96. Donn. 97. Dono. 98. Duna. 99. Tan. 100. Tana. 101. Le-Tana. 102. Tanai. 103. Tanaim. 104. Tanais. 105. Tanahidis. 106. Tanakvisl. 107. Vanakvisl. 108. Tanaquisl. 109. Tanaqvisl. 110. Tan-ar. 111. Tanay. 112. Tanays. 113. Ten. 114. Tene. 115. Thanais. 116. T-nais. 117. Tuna

2.3.7. Днепр-Слаутич: «Новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона»

Во времена Владимира Мономаха новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона, где они «казаковали» вместе со сбродом множества других племен.

А. Филиппсон (1851).

На первый взгляд, включение реки Днепр в этот перечень неправомерно, – уж очень далеко, казалось бы, эти территории от исторической Черкесии. Но архивные документы, а также старинные карты свидетельствуют о том, что в период средневековья низовья реки Днепр, как, впрочем, и Дона, частично входили в область интересов (и влияния!) черкесов.

Так, повествуя о событиях X-XI вв., русские летописи сообщают, что в это время касоги (т. е. черкесы) во множестве стали приходить в Киев, спасаясь от печенегов. Уходили от врагов с семьями и имуществом и селились от Киева к югу по западному берегу Днепра. Города Черкасы, Чигиринь были основаны и населены касогами и все сельское хуторское поселение по обоим берегам Днепра к югу от Киева состояло тогда из касогов (Хабаху А.П., 2000).

В московских документах XVI и XVII вв. черкасами назывались как черкесы, так и украинские казаки. Что касается последних, то это название шло, по-видимому, от города Черкасы на р. Днепр к югу от Киева, а тот, в свою очередь, был одним из центров днепровско-казацкого региона. Судя по всему, город Черкасы был первоначально черкесским поселением, основанное в XI в., если не раньше. В то время у князя Мстислава Тмутараканского и Черниговского была личная охрана из черкесов. Вероятно, новые черкесские поселенцы были приведены в этот район монгольским ханом Ногаем в конце XIII в.

О пребывании черкесов в Приднепровье писали и более поздние дореволюционные авторы: «Вероятно, из черкесов возникли как днепровские, так и донские казаки...» (К. Кох, 1842); «Во времена Владимира Мономаха новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона, где они «казаковали» вместе со сбродом множества других племен» (А. Филиппсон, 1851).

Днепр – одна из крупнейших рек Европейской части Российской Федерации, впадает в Черное море. По данным Р.А. Агеевой (1985), славянское Дънепръ отражает более раннее название Данаприс, известное по древнегреческим источникам с V в. до н.э. Это название объясняли как сложное слово иранского происхождения: *дану-апара* – «задняя, отдаленная река»; при этом вторая часть названия иногда толковалась как иранское *апра* – «водная глубь» (т. е. Днепр – «Глубокая река»). Вместе с тем, другие исследователи (О.Н. Трубаев) предполагают, что славяне усвоили название Днепра не от скифов, а от фракийцев или даков, которые контактировали со скифами в районе среднего течения Днепра. По его мнению, иранское (скифское) слово *дану* – «река» было усвоено даками и попало в измененной форме к славянам с добавлением дако-фракийского элемента *ипр*, который отражен в названиях таких рек, как Ибр в Днепровском бассейне, Ибър в Болгарии и др.

Одно из древнейших названий Днепра – Борисфен (у Геродота, V в до н.э.) толкуется из иранских языков со значением «широкое место, широкая область» (первоначально это имя, вероятно, относилось к устью реки). Интересно, что последнее название сохранилось в русских письменных источниках до конца XVIII в.

В номенклатуре географических названий Днепра обращает на себя внимание большой массив средневековых арабских названий (Др.ус; В-г-з; Ваз-г и т. д.), а также имен этой реки, зафиксированных в древнерусских летописях (Нъпр, Дъньпръ) и славянских сказках (Непре-река, Слаутич, Днепр-Слаутич и др.).

Номенклатура географических названий реки Днепр в историческом прошлом

1. Борисфен. 2. Барастанис. 3. Борисенец. 4. Бористен. 5. Бористенес. 6. Борисфенес. 7. Ворисфен. 8. Данабрис. 9. Дпнаприс. 10. Данапер. 11. Данапр. 12. Дан-апр. 13. Данаприй. 14. Данапрос. 15. Др.ус. 16. Днабр-идр. 17. Днабрс. 18. Днабрус.

19. Непер. 20. Непр. 21. Непра. 22. Непрь. 23. Непре-река. 24. Ниепер. 25. Ниепр. 26. Ньпр. 27. Ньпра. 28. Дняпро. 29. Днепръ. 30. Дъньпръ. 31. Днепр. 32. Днепр Славутич. 33. Славута. 34. Дучи. 35. Кочо. 36. Кучи. 37. Кучу. 38. Ваз-г. 39. В-г-з. 40. Юз-г. 41. Ю-за. 42. Иоза. 43. Зузи. 44. Кузу. 45. Озу. 46. Озук. 47. Ози. 48. Озы-су. 49. Узи. 50. Узой. 51. Узу. 52. Узы. 53. Луссом. 54. Варух. 55. Варус. 56. Бельтес. 57. Балтис. 58. Ава. 59. Лерецца. 60. Элис.
61. Boristene. 62. Boristenes. 63. Borishene. 64. Boristhen. 65. Boristhene. 66. Borythenes. 67. Borysenos. 68. Borysenonos. 69. Borystenes. 70. Borysenos. 71. Borysthene. 72. Borysthenes. 73. Borysthenia. 74. Borysthenis. 75. Borushenes. 76. Borusthenes. 77. Borustonez. 78. Barystene. 79. Voristhenis. 80. Vorysthenes.
81. Osu. 82. Osa. 83. Oxuch. 84. Oza. 85. Ozi. 86. Ozu. 87. Ur-g. 88. Uzi. 89. Uzu. 90. Uzu. 91. l'Oso. 92. Lozo. 93. l'Uzen. 94. Luzen. 95. Luzeg. 96. Loza. 97. Luosen. 98. Lussoni. 99. Luzoni. 100. Aper. 101. Couzou. 102. Kouzou. 103. Hunnivar. 104. Lerene. 105. Var. 106. Varom. 107. Wagez. 108. W-r-g. 109. Castrum Illicis. 110. Puslynic Sarmackie. 111. Eksi. 112. Elese. 113. Erese. 114. Eresse. 115. l'Eresse. 116. Leresse. 117. Lericic. 118. Erexhe. 119. Erac. 120. Elice. 121. Elexe. 122. Ellexe. 123. Ellipaltar. 124. Lessen. 125. Lorene.
126. Danambre. 127. Danaper. 128. Danapres. 129. Danapris. 130. Danaprts. 131. Daniper. 132. Danpar. 133. Danpr. 134. Dinepr. 135. Dnepr. 136. Dnepra. 137. Dnepro. 138. Dnieper. 139. Dniepr. 140. Dniepras. 141. Dniepre. 142. Dniper. 143. Dnjepr. 144. Dnyepr. 145. Dnyeper. 146. Do-nhi-ep. 147. Neper. 148. Nepr. 149. Nicper. 150. Nieper. 151. Niepor. 152. Niepr. 153. Nieptre. 154. Nijeper. 155. Niper. 156. Nipro. 157. Nipru. 158. Nuper. 159. Nusacus. 160. Nyeper.

2.4. Черкесские горы: «Приветствую тебя, Кавказ седой...»

Арабское название Кавказа – Джебель уль-аль-Сун, что переводится как «Гора языков».

П.П. Надеждин (1895).

Не зря древние русские и арабские летописцы называют горы между Каспийским и Черным морями «Черкесскими»... Отмечается, в частности, что «...эти два моря (Каспийское и Черное. – Авт.) почти сталкиваются, не будь между них гор Черкесских, составляющих между ними грань непроходимую».

В.Т. Тизенгаузен (1941).

Слова поэта, вынесенные в заголовок этого подраздела, – одно из многочисленных свидетельств огромной популярности горной страны – Кавказского хребта, северо-западную часть которого занимает территория Адыгеи. Как писал Айтек Намиток в своей книге «Происхождение черкесов» (Париж, 1939), «Через топонимический материал можно восстановить историю народов, здесь обитающих. Кавказ в этом отношении представляет собой уникальное место на земле. Для этнографов и лингвистов, археологов и антропологов Кавказ остается полем, с которого можно снять большую жатву. По этому естественному мосту из Европы в Азию прошли многие народы, но тем не менее, малые народы, живущие и поныне в горах и лесах Кавказа, до сих пор сохранили свой язык и свой национальный характер».

По данным В.Б. Ковалевской, Кавказ воспринимался древними авторами прежде всего как «Край мира», «Огромная гора». Арабское название Кавказа – Джебель уль-аль-Сун, что переводится как «Гора языков» (Надеждин П.П., 1895. С. 86). Для Геродота Кавказ – «самая обширная и высокая из всех горных цепей». При этом большинству античных авторов он видится как часть системы, протянувшейся от Индии до Балкан. Огромное влияние на более поздних исследователей оказали сведения о Кавказе, собранные и сообщенные Страбоном (I в. н.э.), который описывал смену ландшафтных зон почти в тех же выражениях, что и современные географы: «Эта гора (Кавказ) возвышается над обоими морями – Понтийским (Черным) и Каспийским, перегораживая как бы стеной разделяющий их перешеек. Гора покрыта лесами из всевозможных пород, и в особенности корабельным лесом». Затем, конкретизируя картину, он описывает вершины недоступных гор, покрытые и летом снегом и льдом.

Развитие географических представлений о Кавказе в эпоху раннего средневековья можно проследить по данным Иордана и Прокопия. Они добавили к сведениям, почерпнутым из древней литературы, свои личные впечатления: «Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин не касаются ни дожди, ни снегопады, – они выше всяких туч. Начиная от середины и до самой вершины, они сплошь покрыты снегом, предгорья же их и у подошвы очень высоки, их пики ничуть не ниже, чем у других гор». Прокопию вторит Иордан: «Где он (Кавказский хребет) обращен на юг, он пламенеет, исходя парами на солнце, там же, где он открыт к северу, он покорствует студеным ветрам и оледенению».

Обобщая эти представления, мы видим, что древние и средневековые географы знали направление Кавказских гор, их высоту и неприступность, наличие проходов между ними. Знали они (но уже менее детально) и о крупнейших реках Кавказа – Кубани, Тереке, Рионе и Куре.

Как же называли в древности Кавказские горы? Как память о мифических амазонках, живших якобы в Причерноморье, сохранилось название Амазонские горы. Об этом свидетельствуют Плиний и Помпоний Мела.

По словам Плиния, скифы называли Кавказ – Гроуказ, Гравакса, что значит «белеющий снегом, белоснежный». С этим названием перекликается средневековое татарское «Семь ледяных грев», а также турецкое «Горы с ледяной гравой». Интересно, что, по данным географа Березовского, в свое время весь Кавказский хребет местные жители называли Альбрус (или Эльбрус). Предки адыгов называли Кавказ – Одыш (Одисс, Юдыш).

В античные времена Кавказский хребет называли Каспийскими горами (например, у Страбона читаем: «Туземцы называют Кавказ – Каспий»). Вплоть до XVIII в. название Кавказ не было общеупотребительно в русских источниках. Не случайно в «Лексиконе Российском, историческом, географическом» (1793 г.) В.Н. Татищева к слову «Кавказ» имеется отсылка: «Зри Каспийские горы». По Татищеву, «...Каспийские горы – великие каменные, от Черного моря между Арменией и Каспийского моря чрез Персию простираются. Их древле называли Кауказ и Таурос или Бычьи горы. В сих Каспийских горах славные горы Арарат, Бештау, или Пятигорские, Эльбрус, от которого Кубань и Кума начинаются».

Обращает на себя внимание многообразие искажений одного и того же названия – «Кавказские горы». В русских летописях за различные годы можно встретить следующие варианты и искажения этого топонима, добросовестно зафиксированные писцами: Горы Вкасиисые, Вкасииские, Вкасийские, Вкасикие, Вькасийские, Кавкаисинския, Кавкаисинские, Кавкаисинския, Кавкасийские, Кавкасиньские, Кавокасьские, Кавокасьския, Кавькасииские, Кауказские, Какасийские, Какасские, Какакасинские, Кавкаские, Кавкаские и, наконец, – Кавказские.

Ряд названий Кавказского хребта был связан с предками современных грузин. Так, Гекатей Милетский (VI-V вв. до н.э.) называл Кавказ Колийские (Колхские) горы – от народов колов, или колхов. Помпоний Мела и Плиний называли Кавказ Кораксийские горы – по племени кораксов. А в эпоху Средневековья мы встречаем название Горы Георгианов, т.е. Грузинские горы. В это же время «...монах Бекон, путешественник XIII столетия, отличает горы Христиан – Ааз (т. е. Асы) от гор Аланов. Но вообще, огромное большинство византийских, арабских и европейских писателей эпохи Средневековья называют Кавказский хребет Аланскими горами» (Марков Е.Л., 1887).

О многообразии старинных названий Кавказского хребта пишет Якоб Рейнеггс (1744–1793), побывавший здесь в 1781–1783 гг.: «Эта цепь известна под древним названием *«Кавказ»*. Его обитатели и соседние народы называют ее по-разному: Кэрн, Тау, Аэнте («Очень высокие горы»), Гальбус, Ич-Альбус, Ялбус-Даглар («Очень высокая гряда гор с плоскими вершинами»), Каар или Буз-Даглар («Снежные или Ледяные горы»). Населяющие горы народы называют их также Каракалкан-Даглар («Горы с черными вершинами»), Осе-Даглар («Горы оссов-осетин»). Греки ли или римляне изменили это название с персо-арабского или это название существовало уже в те времена – неизвестно. Возможно, это название произошло от одного кавказского племени, которое жило на северной стороне гор, если это племя не получило свое название от названия гор; однако в настоящее время на всех тамошних языках эти горы называются Кавказ...».

Как пишут дореволюционные авторы, образованные грузины и те из соседних горцев, которые имеют связи с русскими и другими европейцами, называют эти горы Кавказом. Восточная часть Кавказа обычно известна под названием «Дагестан» («Страна гор»); западная часть называется «Тау» («Очень высокие горы»), а жители этой страны – «таулу». Отсюда произошло, по-видимому, русское название «тавлинцы», но это имя не может быть приложено отдельно ни к одному из народов Кавказа» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 179–200).

Несомненный интерес представляет трансформация этого названия в христианской и мусульманской религии. Как отмечает Е.Л. Марков (1835–1903), «...в убеждении мусульман Кавказ связан с роковой для них легендой, – в Коране Магомета сказано: «За Кавказом живут Гог и Магог. По истечении времен они перейдут через горы, убьют правоверных, и благословенные их царства разрушатся». Мюридизм ухватился за это пророчество, чтобы изображать Гогом и Магогом победоносную русскую силу. А между тем еще ветхозаветный библейский пророк Иезекииль угрожал евреям, что Гог, царь в земле Магог, восстанет и покорит землю Господню. Еще ясновидец Иоанн предсказывал после тысячелетнего странствования Сатаны пришествие Гога и Магога, которые обложат стан праведников, многочисленнее, чем песок морской».

Очевидно, – пишет Е.Л. Марков, – что Магомет только переделал на свой лад древнееврейские и христианские пророчества. Историки считают Магогом древних обитателей Меотийского озера (Азовского моря), – потомков Магога, названного в Библии сыном Иафета» («Кавказ...». Вып. IX. 2011. С. 55).

В общей же сложности выявлено около 150 различных названий Кавказа, их вариантов и разночтений. Впервые перечень некоторых этих названий встречается еще у Гая Юлия Солина: «Кавказ имеет названия: у индийцев – Имай, затем Пропанис, у парфян – Хоатр, потом Нифат, далее – Тавр и, наконец, – Кавказ».

Название «Кавказ» в его современном написании впервые мы встречаем в трагедии Эсхила в 479 г. до н.э. Наивное, мифическое «объяснение» этого слова приводит Плутарх: «...Хронос, удалившись на Ложе Борея (Кавказский хребет), умертвил там пастуха по имени Кавказ, в свою очередь, Зевс, низвергнув Хроноса в ад, дал хребту название «Кавказ» на память об умерщвленном пастухе». Много позже Аполлодор Афинский (140 г. до н.э.) писал: «Зевс... приказал Гефесту приковать Прометея к Кавказу. Это есть гора в Скифии». О Кавказе («Кераунских горах») писал и Страбон (60-20 гг. до н.э.): «Согласно Метродору Скепию и Гипсикрату, амазонки жили в смежности с гаргареями у подошвы по северному скату той части Кавказа, которая известна под именем Кераунских гор...».

Ряд исследователей по-разному объясняют современное название «Кавказ». Одни производят его от санскритского *каз* – «блестеть», другие – от названия племени кас (как и Каспийское море), третьи – от скифского «белоснежный». Маркварт и Слущкевич также считают это слово иранским в значении «льдиствоблистающий», что наиболее правдоподобно.

Номенклатура географических названий горной страны Кавказ в историческом прошлом

1. Великая гора. 2. Великие горы.
3. Гора Кабк. 4. Гора Кабх. 5. ал-Кабк. 6. ал-Кабх. 7. Гкабугк. 8. Гкубгк. 9. Гкабг. 10. Кабак. 11. Кабгак. 12. Хабгох. 13. Кафкох. 14. Каф. 15. Кабх. 16. Кабк. 17. Джабалук-гкабгк.
18. Ку. 19. Куй-коф. 20. Каука. 21-23. Горы Кука (Каука, Кукайа). 24,25. Гора Каука (Кауфа).
26. Альбрус. 27. Эльбрус. 28. Эльбруз. 29. Едди-Ялбус. 30. Ялбус. 31. Ялбус-дагляр.
32. Имай. 33. Имаус. 34. Инмаус. 35. Гора Имаус. 36. Имайские горы.
37. Керавны. 38. Керенеус. 39,40. Керавнские (Кераунские) горы. 41. Кераунский хребет.
42. Парахоафр. 43. Париадрес. 44. Гора Паропанис. 45. Паропамис. 46. Перфанизо. 47. Промифей. 48. Пропанис.
49. Нифант. 50. Нифатес Сера. 51. Нифат.
52. Рипей. 53. Рипейские горы. 54. Рифат. 55. Рафа.
56. Гора Каспий. 57. Гора Каспия. 58. Каспий. 59. Каспиос. 60,61. Каспийские (Каспиские) горы.
62. Амазонские горы. 62а. Аланские горы. 63. Скифские горы. 64. Скаф-даг. 65. Ясские горы. 66-69. Черкасские (Черкесские, Чеканейские, Чеканьские) горы.
70. Тавр. 71. Таурос. 72-74. Таврические (Таурийские, Тоуриские) горы.
- 75-77. Колийские (Кольские, Кольские) горы. 78-80. Кораксийские (Корасийские, Коракские) горы. 81. Горы Москов. 82-84. Мосхийские (Мосхские, Мосохические) горы. 85. Горы Гениохов. 86,87. Гениохские (Гениохийские) горы. 88. Горы Георгианов.
89. Гиппийские горы. 90. Гирканские горы. 91. Угорьски горы. 92. Гора языков (Джебель уль-аль-Сун).
93. Бычьи горы. 94. Ложе Борея. 95. Лыдый хребет. 96. Горы Мрака. 97. Горы Лазика и Барка. 98. Каза-гири. 99. Ильдис-дагляр. 100. Ямус. 101. Хоатр. 102. Педон. 103. Коатрас. 104. Кусха. 105. Одыш. 107. Одисс. 108. Гора Одисса. 109. Эудыш.
110. Кавказ. 111. Гора Кавказа. 112. Гора Капказ. 113. Горы Кап. 114. Великая гора Капи. 115. Великая гора Капы. 116. Гравакса. 117. Гравказис. 118. Гроуказ. 119. Кавкас. 120. Кавкасиа. 121. Кавкасион. 122. Кавкийа. 123. Говкас. 124. Капаз. 125. Капказ. 126. Кап-кох. 127. Капкой. 128. Кауказ. 129. Кауказус. 130. Круказ. 131. Кьюкасим. 132. Кака. 133. Кровказский хребет. 134-153. Вкасиисы (Вкасииские, Вкасиийские, Вкасиские, Вькасиийские, Кавкаисинския, Кавкаисинские, Кавкаисинския, Кавкасиийские, Кавкасиньские, Кавокасьские, Кавокасьския, Кавькасииские, Кауказские, Какасийские, Какасиские, Какакасинские, Кавкаские, Кавкаские, Кавказские) горы.
154. Coracesius. 155. Coraxicus. 156. Corasico. 157. Cereneus. 158. Ceraunios. 159. Cap-ca-do. 160. Croucas. 161. Choatras. 162. Chiuasim. 163. Dschebel-el-Lisan. 164. Dschebel-el-Kabak. 165. Dschebel-el-Kitach. 166. Dschebel-el-Fath. 167. Djabalul-fat'b. 168. Jalbus. 169. Koh-kafsp. 170. Khabgakh. 171. Sithico. 172. Vagina gentium.
173. Caucasus. 174. Caucanus. 175. Caucaso. 176. Caucase. 177. Caucasia. 178. Graukausus. 179. Graucasus. 180. Kaukasus. 181. Kaucanus. 182. Kaukazus. 183. Kaukasos. 184. Karkasia. 185. Kaukasia. 186. Kakasus. 187. Kaukazoj. 188. Kaukazo. 189. Kaukaza montaro. 190. Kaukaz. 191. Kavkaz.

2.5. Подведем итоги...

Возникает правомерный вопрос, чем же обусловлено формирование столь обширной и «пестрой» номенклатуры географических названий у морей, рек, гор и других объектов на территории исторической Черкесии и в прилегающих районах? Причин здесь несколько:

1. Эта территория, богатая природными ресурсами и находящаяся на перекрестке оживленных торговых путей, на протяжении последних тысячелетий испытывала неоднократные нашествия различных племен и народов. Здесь жили оседло, кочевали, воевали или вели торговлю шумеры, хетты, греки, римляне, скифы, сарматы, половцы, хазары, арабы, персы, турки, хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы, славяне, русские. И каждый из этих народов, разумеется, оставил свой «след» в местной топонимике. При этом самые древние из выявленных названий уходят корнями во II тысячелетие до н.э. (ассирийские клинописные тексты), а наиболее «молодые» восходят к позднему средневековью. Все это способствовало созданию уникальной географической номенклатуры южных водных объектов, в закономерной смене названий которых, как в капле воды, отразилась древнейшая, древняя и средневековая история этого региона.

2. Феодалная раздробленность территорий, окружающих Черное, Каспийское и Аральское моря, также способствовала появлению все новых и новых названий этих водоемов. За исторический период здесь сменились многие десятки различных стран, ханств и княжеств; и каждый народ, разумеется, называл южные моря и реки по-своему. Именно эту причину многочисленных названий, например, Каспийского моря особо подчеркивали как античные, так и средневековые авторы (так, турецкий путешественник XVII в.

Эвлия Челеби писал: «Вокруг Каспийского моря имеется 11 падишахств и 70 стран. Это море называется именем каждой страны, которую оно омывает»).

3. Одной из причин «пестроты» географических названий наших южных морей и рек являлось нечеткое (зачастую фантастическое) представление древних и средневековых авторов о величине, конфигурации и расположении этого водоема. На долгие века (вплоть до позднего средневековья) сохранилось заблуждение древних о том, что Каспий – не замкнутый водоем, а представляет собой залив Северного или Восточного (Индийского) океана. Так, даже на карте Реслина, датируемой 1611 г. (!), указано, что Каспийское море «подпитывается» из Северного Ледовитого океана через р. Волгу.

4. Спектр географических названий всех южных морей и рек бывшего СССР значительно расширился за счет «механического» переноса названий с одного моря или реки на другое. Так, Белым морем называлось и Азовское, и Каспийское моря (как, впрочем, и Мраморное, и Средиземное); Черным – современные моря Черное, Аральское и Каспийское; Синим – Каспийское, Азовское и Аральское; Соленым морем называли и Аральское, и Каспийское моря. Такие названия, как Хазарское, Русское, Славянское относились не только к Каспийскому, но и к Черному и Азовскому морям. В свою очередь, Великим (Большим) морем называли в различных источниках все южные моря, даже столь незначительное, как Аральское, а также Средиземное море. Реку Кубань некоторые средневековые названия называли «Танаис», хотя это название издавна прилагалось к реке Дон; ошибочно ее также называли «Ромбитес» вместо реки Ея или «Фасис», хотя это историческое название не Кубани, а Риони. Реку Дон некоторые авторы ошибочно называли Малый Итиль (Итиль=Волга) и т. д.

5. И наконец, многочисленные искажения и разночтения иноязычных названий были вызваны, по Э.М. Мурзаеву (1974), несовершенством записи и передачи древних гидронимов средствами современной графики, адаптацией одного языка другим, явными ошибками авторов и их комментаторов, переписчиков и переводчиков. Так, например, название Каспийского моря – Хвалынское (Хвалиское) искажено в русских летописях: Хваленское, Хвалихшское, Хавлишское, Фалимское, Фалишское и т. д., – всего только на русском языке около 40 вариантов, а с учетом иноязычных источников – 70 (!).

Таким образом, номенклатура географических названий южных морей и рек на территории исторической Черкесии и в прилегающих районах представляет собой многослойное образование, состоящее из разновозрастных и разноязычных компонентов, первоначальное значение которых искажено временем и наложением более поздних языков. Так, если одно из древнейших названий Черного моря – «Воурокаша» – «Большое море» восходит ко II тысячелетию до н. э., то название той же реки Кубани (в ее современном написании) окончательно установилось лишь в конце XIX столетия, а до этого в письменных источниках можно было встретить и Купа, и Куба, и Кубба, и Кабан, и Кубан, и Губань.

Все это подтверждает ранее сформулированный вывод об отсутствии в историческом прошлом единого имени у южных морей и рек и сравнительно позднем формировании их современных названий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Писание - ниспослали мы его тебе, чтобы ты вывел людей из мрака к свету.

Коран. Сура 14; 1.

*Берегите, храните
Историю нашей земли!
Нет без прошлого завтра,
Как без Родины – нас.*

И. Кашежева

Чеченский историк Абдурахман Авторханов писал: *«Трагедия – или величие – горского народа заключалось в том, что он никогда в своей истории не признавал над собой иноземной власти. Отсюда – вечная борьба за самосохранение. Многочисленные войны против во много раз превосходящего завоевателя – иногда безумно наступательные...»*. Несмотря на то, что это было написано о вайнахах (чеченцах и ингушах), но, несомненно, данный тезис справедлив и по отношению к адыгам, как, впрочем, и к остальным народам Кавказа. И действительно, адыгский народ никогда в своей истории не вел завоевательных войн с целью захвата чужих земель – только оборонительные. И при этом всегда (подчеркиваем, – всегда) проявлял храбрость, мужество и беззаветную любовь к родине, своей земле, к родному очагу. В своей книге «Гошевной» И. Машбаш обратил на это особое внимание: «Тысячелетиями адыги защищали свою землю, свою честь и свою независимость. Приходившему к ним с добром они открывали душу, окружали почетом и любовью. А замысливший зло поражался стойкости и мужеству горцев». Иллюстрацией к этой мудрой мысли служат обращенные к адыгам и русским слова их духовных пастырей: «Кто придет с добрым делом, для того – десять подобных ему, а кто придет с дурным, – тому воздается только подобным ему...» (Коран. Сура 6; 161(160). Или: «Уклоняйся от зла и делай добро...» (Библия. 1-е послание Петра. 3; 9).

Работая над этой книгой, старался избежать какой-либо тенденциозности и односторонности при освещении тех или иных исторических событий. Ознакомление с некоторыми страницами истории адыгов (рабство и междоусобная борьба племен, Кавказская война и принудительный «исход» адыгов в Турцию, братоубийственная гражданская война, фашистская оккупация и т. д.) зачастую производит довольно-таки тяжелое впечатление. Поистине, как говорится в одной из сур Корана (53; 59): «Неужели же вы дивитесь этому рассказу и не плачете?». Могут спросить, а нужно ли вообще поднимать все это из забвения, «ворочать прошлое», рассказывать о столь острых событиях истории адыгов?

Считаю, что писать об этом не только желательно, но и необходимо, так как именно такой, и никак не иначе, была история адыгов. И лишь знание ее конкретных фактов и обстоятельств, а не их стыдливое замалчивание и уход от очевидных фактов, способны как предотвратить повторение подобных трагедий, так и способствовать укреплению доверия между уже новыми поколениями граждан нашей многонациональной Родины. В связи с этим уместно привести мудрые слова видного философа, крупного специалиста в области истории России, лауреата премии Норвежской академии литературы и свободы слова, Г. Померанца: «Провести оздоровление России невозможно, если просто закрыть глаза на яды, накопленные историей. Их нельзя вырезать, как опухоль. Но можно их обнажить, осознать и довести до ничтожности их следы» (Российская газета, 2009, 23 ноября. С. 10). «*Обнажить, осознать и довести до ничтожности*» следы былого противостояния Российской империи и Черкесии во время кровопролитной Кавказской войны, правдиво и объективно осветить те или иные «болевы́е точки», до сих пор, возможно, саднящие в душах и сердцах потомков адыгов и казаков, думается, эту трудную задачу автор в какой-то степени выполнил.

Для восстановления исторической правды у меня оставался только один путь – воссоединить бесчисленные крупинки информации, разрозненные в мемуарной литературе, воспоминаниях современников, а также в архивных источниках, зачастую закрытых до недавнего времени, очистить их от мистификаций и фальсификаций и представить подлинную правду истории в ее первозданном виде. Иного не дано.

Понимаю, что эта книга, возможно, вызовет у читателей далеко не однозначное к себе отношение, – иначе и быть не может в наш чрезмерно политизированный век. Кому-то (надеюсь, большинству) она будет интересна и полезна с точки зрения расширения исторического кругозора, а у кого-то, наоборот, она вызовет внутренний протест и негодование по поводу якобы «неправильного» освещения автором тех или иных исторических событий, чрезмерного нагнетания «ужасов» – привлечения тяжелейших и зачастую позорных фактов нашей общей истории (но ведь это было, было...). Не случайно именно на «необратимость» времени, невозможность «возврата» тех или иных исторических событий (как бы нам ни хотелось бы изменить их...), – особо обратил внимание талантливый адыгский поэт А. Кешоков:

Что прошло, того не зачеркнуть,
Что прожито, не начать сначала...

В предлагаемой читателю книге я старался не «зачеркивать», не замалчивать, не обходить те или иные острые моменты истории адыгов. Как говорил М. Керашев, «люди должны знать правду. Правду и только прав-

ду. В память погибших. Во имя ныне живущего поколения. Особенно во имя будущих поколений...». Ведь правда, как бы она ни была горька, – все лучше, чем сладкая ложь, полностью идеологизированная и строго дозируемая для читателя. Примечательно, что на этот момент обращали внимание тысячелетия назад еще библейские пророки: «Тех, кому случится читать эту книгу, прошу не страшиться напастей и уразуметь, что эти страдания служат не к погублению, а к вразумлению рода нашего...» (2-я книга Маккавейская, 6, 12). «Не к погублению, а к вразумлению рода нашего», – как не прислушаться к этим словам библейских мудрецов...

Эта книга, по сути, – мое видение долгого и трудного пути адыгов, от зарождения адыгского этноса, становления и расцвета исторической Черкесии, – до ее гибели в Кавказской войне и, наконец, сегодняшнего ее возрождения. На мой взгляд, обобщенные в монографии материалы имеют не только познавательное значение, расширяя исторический кругозор читателя, но и могут играть также определенную воспитательную роль. Хотелось бы надеяться, что этот двухтомник будет способствовать формированию у жителей адыгских республик подлинной культуры межнационального общения, содействовать не разъединению, а объединению многочисленных наций и народов, проживающих в настоящее время на Земле адыгов (а их, по последним данным, на сегодняшний день насчитывается около 80).

«Тихо и незаметно уходит с исторической арены один из древнейших и достойных народов мира – адыги (черкесы) всего полтора века назад бывший самым многочисленным народом на Кавказе», – с нескрываемой ностальгической грустью говорит современный историк Н.И. Сообцокова (2010. С. 17). Но нет, не «уходят» адыги в историческое безвестие, и, думается, эта книга тому подтверждение. Уверены, что за адыгским народом, как и за всей Российской Федерацией – большое будущее.

Не мне судить, удалась ли эта книга, и будет ли она востребована читателями. Но в любом случае, как говорит древняя мудрость, *Feci quod potui, faciant meliora potentes!* – «Я сделал все, что мог; кто может, – пусть сделает лучше!».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абазины: Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1989.
2. Абазов А.Х. Трансформация института барантования кабардинцев в дореформенный период // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 148-159.
3. Абдоков А.И. Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Вып. 1. – Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 140-145.
4. Абдуллин Н. Адыгя – динамичная, а Краснодарский край – эффективный // Комсомольская правда, 2010, 3 сент. С. 5.
5. Абрамов Я. Кавказские горцы. // Дело, 1884; Матер. для истории черкесского народа. Вып. 3. – Краснодар, 1927. – 37 с.; Из истории русско-кавказской войны (документы и материалы). – Нальчик, 1991.
6. Абхазские письма. Абхазия в советскую эпоху. Сборник документов. Т.1 (1947-1989 гг.). Сухуми, 1994. – 526 с.
7. Авакян А.В. Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.). – Ереван, 2001.
8. Авакян А.В. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.). / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000.
9. Авксентьев В.А. Этнические проблемы Северного Кавказа в контексте общероссийских и мировых этнических процессов // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 1998, № 2.
10. Авраменко А.М., Матвеев В.А., Матюшенко П.Н., Ратушняк В.Н. Кавказская война: уроки истории и современность // Кубанские новости, 1994, 26 мая.
11. Авраменко А.М., Матвеев В.А., Матюшенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Матер. науч. конф. 16-18 мая 1994 г. «Кавказская война. Уроки истории и современность». – Краснодар, 1995.
12. Агапова Т. Космонавт Березовой // Кубани славные сыны. Кн. 4. – Краснодар, 1997. С. 34-36.
13. Агатангехос. История Армении. – Тифлис, 1909 (на арм. яз.).
14. Агрба Б.С., Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытной страны адыгов. – Майкоп, 2004.
15. Адамоков А. Депутат бундестага Джем Оздемир // Черкесское зарубежье, 1998, № 4. С. 16.
16. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2000.
17. Адонц Н. Мировоззрение древних армян // Исторические исследования. – Париж, 1948 (на арм. яз.).
18. Адыгейская автономная область (1922-1947 гг.). / Сборник статей. – Майкоп: Адыгиздат, 1947. – 239 с.
19. Адыгейская областная организация КПСС в цифрах. 1922-1987. – Майкоп, 1987.
20. Адыгейский областной Совет народных депутатов в цифрах. 1922-1987. – Майкоп, 1990.
21. Адыгейский областной статистический отдел. / Матер. Всерос. сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг. на территории Адыгейской автономной области. – Краснодар, 1927.
22. Адыгя: от автономии к суверенитету (1922-1992 гг.). – Майкоп, 1992.
23. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 633 с.
24. Адыги (черкесы) чемпионы Европы, мира, Олимпийских игр. / Сост. Х.Х. Гергов. – Нальчик, 1998. – 272 с.
25. Адыгская и карачаево-балкарская диаспора: история и культура. – Нальчик, 2000. – 271 с.
26. Адыгская (черкесская) международная академия наук (АМАН) // Образование- наука-творчество, 2004, № 4 (5). С. 53-69.
27. Адыгская (черкесская) энциклопедия. Под ред. М.А. Кумахова. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.
28. Адыгские песни времен Кавказской войны / Под ред. В.Х. Кажарова. – Нальчик, 2005. – 342 с.
29. Адыгские сказания и сказки. – Майкоп: Адыгиздат, 1952. – 325 с.
30. Адыгский фольклор. Кн. 1, 2. – Майкоп, 1980.
31. Адыль-Гирей. Сулейман-Эфенди // Избр. произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980.
32. Азаматова М.-К.З. Этнографические этюды. – Майкоп, 1997.
33. Аиссе. Черкесская нимфа. – Нальчик: Эль-Фа, 1997.
34. Акиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской республике (постсоветский период). – М., 2002.
35. Акритас П.Г. Аграрный праздник в Кабарде // Учен. зап. Кавказского НИИ. – Нальчик, 1948. Т. 4.
36. Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1992.
37. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Под ред. А. Берге. Т. 1-12. – Тифлис, 1866-1904.
38. Алексеев А. Кубанское море: и благо, и горе // Краснодарские изв., 1994. 30 авг. С. 4.
39. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. – М., 1974.
40. Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа в X- XV вв. в отечественной исторической науке. – Черкесск, 1992.
41. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. – М., 1971. – 355 с.
42. Алексеева Е.П. Кабардинские и западночеркесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1979.
43. Алексеева Е.П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского НИИ. – Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 199-260.
44. Алексеева Е.П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1980.
45. Алексеева Е.П. Очерки по истории черкесов XIV-XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Черкесск, 1959. Вып. 3.
46. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI- XVII вв. – Черкесск, 1957.
47. Алексеев И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. – Краснодар, 1993. – 114 с.
48. Алибердов Т.Д. Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX вв. // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1965. Т.IV. С. 108-123.

49. Алиев А.К. Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. - Махачкала, 2003.
50. Алиев У., Городецкий Б., Сиухов С. Адыгея (Адыгейско-Черкесская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. - Ростов-на-Дону. 1927.
51. Алиева С.И. Наибы Шамиля на Кубани // Древности Кубани. - Краснодар, 1998. Вып. 8.
52. Алишан Г. Древние верования, или языческая религия армян, - Венеция, 1895 (на арм. яз.).
53. Алоев Т.Х. Автореферат докторской диссертации З.Б. Кипкеевой «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е гг. XVIII в. - 60-е гг. XIX в.)» (Рецензия). // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 339-349.
54. Алоев Т.Х. «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799-1829 гг. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Майкоп, 2006. - 20 с.
55. Алоев Т.Х. Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 258-270.
56. Алоев Т.Х. Исторические предпосылки возникновения миграционного движения в Кабарде во второй половине XVIII в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 248-257.
57. Алоев Т.Х. К вопросу о международно-правовом статусе Кабарды в начале XVIII в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 214-225.
58. Алоев Т.Х. К вопросу о содержании и характере внешнеполитических связей Кабардинского княжества и Московского государства во второй половине XVI в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 3-28.
59. Алоев Т.Х. Образование «партий» в Кабарде и вопрос о непрерывности ее государственного суверенитета (1718 г. - август 1720 г.) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 100-113.
60. Алоев Т.Х. Феномен М. Будая и «исторические» импровизации Б. Кучмезова // Приложение к газете «Хасэ». - Нальчик, 2009, февр.-март. С.1-22.
61. Амелин В.П. Виновато ли море Кубанское? // Вольная Кубань. 1992. 3 окт.
62. Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. - М., 1986.
63. Ан Б. О пережитках родовой религии шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. - М., 1940.
64. Ананенко Г. Где храм стоял // Сов. Адыгея, 1995, 25 янв.
65. Андроников И.З. Культура риса на Кавказе Сб. сведений по культуре ценных растений на Кавказе. Ч. 1. - Тифлис, 1900.
66. Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В. Аталиков. - Нальчик, 1990.
67. Анфимов И.Н. Клад золотых монет VIII в. из г. Славянска-на-Кубани // Кубанский краевед-90. - Краснодар: Кн. изд-во, 1990. С. 218-229.
68. Анфимов Н.В. Вопросы этнической истории синдо-меоты // VIII Крупновские чтения. Тезисы докл. - Нальчик, 1978.
69. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. - Краснодар, 1987.
70. Анфимов Н.В. Древние поселения Прикубанья. - Краснодар, 1953.
71. Анфимов Н.В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // Матер. и исследования по археологии СССР, 1951, № 23. С. 121-187.
72. Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. - М., 1980. С. 92-113.
73. Анфимов Н.В. Курганы рассказывают. - Краснодар: Кн. изд-во, 1982. - 200 с.
74. Анфимов Н.В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. - М., 1967.
75. Анфимов Н.В. Сельское хозяйство у синдов // История и культура античного мира. - М., 1977.
76. Анфимов Н.В., Джимов Б.М., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (С древнейших времен до конца XIX в.). - Майкоп, 1993. - 213 с.
77. Анфимов Н.В., Керашев А.Т., Меретуков М.А., Джимов Б.М., Ачмиз К.Г. Адыгея. Историко-культурный очерк. / Отв. ред. Э.А. Шеуджен. - Майкоп: Кн. изд-во, 1989. -136 с.
78. Анфимов Н.В. Юркин Н.В. и др. Наш край на уроках истории. - Краснодар: Кн. изд-во, 1984. - 160 с.
79. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. - Сухуми, 1959.
80. Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. - Сухуми, 1976.
81. Анчабадзе Ю.Д. Абаза. (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Т. 8. - М., 1984.
82. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX вв. // Народы Кавказа. Кн. 1. Матер. к сер. «Народы и культуры». - М., 1993. Вып. 27.
83. Апекова Ж. Концепт «правда» в русской, кабардинской и английской паремии // Литературная Кабардино-Балкария, 2011, № 5. С. 152-158.
84. Аракелов Р.К. Внутригородские микротопонимы и географические названия, непосредственно связанные с Армавиром // http://armavirskiy.narod.ru/hist_arakelov_content.htm.
85. Аракелян Г.С. Черкесо-гаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. - Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1984. С. 28-128.
86. АРИГИ в лицах. - Майкоп: Меоты, 1999. - 112 с.
87. АРИГИ 70 лет - Майкоп, 1999.
88. Армавир. - Краснодар: Кн. изд-во, 1983. - 142 с.
89. Артамонов М.И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // Вестн. древней истории, 1949, № 1.

90. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. – Л., 1974.
91. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Сост. Т.Х. Кумыков. Ч. 1, 2. – Нальчик, 2003.
92. Асанов Ю.Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. – Нальчик, 1990.
93. Асламова Д. Кому нужна Великая Черкесия от Сочи до Азовского моря? // Комсомольская правда, 2010, 1 сент. С.8-9; 3 сент. С. 10-11.
94. Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – М., 2004 (Ч. 1 «Адыги»: http://www.nartalbum.com/ru_library.phtml?...d0dd3fc70a5cef8).
95. Аталиков В.М. Декларация независимости Черкесии (1835) // Живая старина, 1994, № 2.
96. Аталиков В. М. Наша старина. – Нальчик, 1996.
97. Аталиков В.М. Северный Кавказ в XIII-XV вв. // Живая старина, 1995. № 3. с.22-49.
98. Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик, 1987.
99. Аул Тахтамукай // Согласие, 1996, 4 окт.
100. Аурон Лир, Охтов Александр. Подвиг милосердия. Спасение детей из блокадного Ленинграда в Черкесском ауле Бесленей: «Нартиздат», 2018. – 280 с.
101. Аутлев М. Г. Адыгя в хронике событий.- Майкоп, 1990.
102. Аутлев М.Г. «Аутлизмы» (Короткие фразы-афоризмы профессора Аутлева) // Вестн. Краснодарского науч. центра Адыгской Международной академии наук (КНЦ АМАН). 1998 (1999). Вып. 3. С.59-63.
103. Аутлев М.Г. 40 лет автономии Адыгеи. Исторический очерк. – Майкоп, 1960.
104. Аутлев М.Г. Адыгейская автономная область. Исторический очерк. – Майкоп, 1962.
105. Аутлев М.Г. Адыгя до и после Октября // Октябрем озаренная. Адыгя за 50 лет. – Майкоп, 1972.
106. Аутлев М.Г. Адыги и русские: дорогами второго тысячелетия. – Майкоп, 2000. – 182 с.
107. Аутлев М.Г. Адыги и хетты. – Майкоп, 1998.
108. Аутлев М.Г. Биография моего современника. – Майкоп, 2000. – 695 с.
109. Аутлев М.Г. Кубанско-горский полк // Радетели земли Тахтамукайской – Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгя», 2001. С. 16-18.
110. Аутлев М.Г. Мы – адыги // Шапсугия, 1996, 7 авг., 26 дек.
111. Аутлев М.Г. Невежество – источник всех недоразумений. Но только ли оно? // Краснодарские изв., 1994, 31 авг.
112. Аутлев М.Г. Слово о правде истории (Трагедия адыгов в XIX в.). – Майкоп: Кн. изд-во, 1993. – 56 с.
113. Аутлев М.Г. Сын народа (Ш.-Г. Хакурате). – Майкоп, 1977.
114. Аутлев М.Г. Шахан-Гирей Хакурате. – Майкоп, 1969.
115. Аутлев М.Г., Зевакин Е.С. Адыгейцы // Народы Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
116. Аутлев М.Г., Зевакин Е.С., Хоретлев А.О. Адыги: Историко-этнографический очерк. – Майкоп, 1957. – 136 с.
117. Аутлев П.У. Адыгя в летописи социализма (1917-1958 гг.). – Майкоп, 1990. – 159 с.
118. Аутлев П.У. Адыгя в летописи социализма (1959-1987 гг.). – Майкоп, 1989. – 167 с.
119. Аутлев П.У. Адыгя в хронике событий (с древнейших времен до 1917 г.). – Майкоп, 1990. – 143 с.
120. Аутлев П.У. Из адыгейской этнонимии // Сборник статей по этнографии Адыгеи. – Майкоп, 1975.
121. Аутлев П.У. Наша область на уроках истории. В помощь учителю. 9-10 классы. – Майкоп: Кн. изд-во, 1985. – 227 с.
122. Аутлев П.У. Новые материалы по религии адыгов // Учен. зап. Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории. Сер. «История и этнография». Т. IV.– Краснодар, 1965.
123. Аутлев П.У. Об основной причине махаджирства адыгов в XIX в. // Черкесия в XIX в. – Майкоп, 1991.
124. Аутлев П.У., Дитлер П.А., Трапш М.М. Раскопки в районе г. Майкопа в 1964 г., в связи с находкой Майкопской плиты // Матер. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. / Тезисы докл. – Баку, 1965. С. 101-102.
125. Аутлев М.Г., Трахов Э.М., Шеуджен А.Х., Ветерану партии, Великой Отечественной войны и Труда Нуху Аслан-чериевичу Берзегову // Твой сын Адыгя. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгя», 2001. С. 345.
126. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX вв. – Нальчик, 1973.
127. Аутлева С.Ш. Историко-героическая поэзия // Адыгский фольклор. Кн. 2. – Майкоп, 1980.
128. Афаунова М.И. Документы по проблемам русско-кабардинских отношений в 1778-1779 гг. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 319-338.
129. Афаунова М.И. Институт приставства в Кабарде (1769-1822) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 99-111.
130. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. – Грозный, 1988.
131. Ахохова Е.А. Адыгский религиозный синкретизм. / Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 1996.
132. Ацканов М.Х. Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860-1917 гг.). – Нальчик, 1967.
133. Ашинов С. Вспоминая годы грозные // За Советскую Родину! – Майкоп, 1995. С. 57-61.
134. Ашинов С. Сказка – ложь, да в ней намек. – Нальчик: Нарт, 1996, май.
135. Ашинов Ю.Н., Шеуджен А.Х., Галкин Г.А. Агромелиоративные и социально-экономические проблемы Краснодарского водохранилища и пути их решения // Энтузиасты аграрной науки. Вып. 4. – Краснодар: Куб. ГАУ, 2005. С. 372-375.
136. Ашинов Ю.Н. Габукай–Теучежабль. – Майкоп: Качество», 2021. – 480 с.
137. Ашхамахов К.И. Национальные традиции физического воспитания у адыгов / Культура и быт адыгов. Вып. VIII. – Майкоп, 1991. С. 128-145.
138. Бабаев С.К. К вопросам истории, языка и религии народов. – Нальчик, 2000.
139. Бабич И.Л. Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты // Этнографическое обозрение. № 2. 2001.
140. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990). – М., 1999.

141. Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. – М., 2003.
142. Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Кабардино-Балкария: тенденции развития и проблемы современного исламского движения // Центральная Азия и Кавказ, 2003, № 4 (28).
143. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – М., 2001.
144. Бакиев А.Ш. Адыгская цивилизация. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1997.
145. Бакиев А.Ш. О происхождении некоторых элементов традиционного адыгского мужского костюма (ноговицы и башмаки) // Вестн. КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 1. Кн. 2.
146. Бакиев А.Ш. Парижский конгресс и кавказский вопрос // Вестн. КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 1. Кн. 2.
147. Баратов С.Г. О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ, 1860, № 73; Журн. Мин-ва внутренних дел, - СПб., 1860, ноябрь.
148. Барзиев М.И. Карачай и Балкария в Кавказской войне // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 126-140.
149. Бардадым В. Этюды о Екатеринодаре. - Краснодар: Северный Кавказ, 1992. – 129 с.
150. Батчаев Б.М. Болгар и Балкар (К вопросу о взаимосвязи этнонимов) // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. - Нальчик, 1992.
151. Башенев Н. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. – Тифлис, 1914.
152. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 95 с. (<http://ethics.kbsu.ru/index.html>).
153. Бгажноков Б.Х. Адыгский историко-героический эпос в комплексном освещении // Героико-исторический эпос народов Кавказа. – Грозный, 1988.
154. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. - Нальчик: Эльбрус, 1978 (Ссылка: <http://www.circassianlibrary.org/library.php?lang=ru&mn=6&sbmn=1>).
155. Бгажноков Б.Х. Базовые принципы и основные условия заключения брака у адыгских народов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 239-285.
156. Бгажноков Б.Х. Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII - середине XIX в. Вестн. Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований. – Нальчик, 2004. Вып. XI. С. 45-81.
157. Бгажноков Б.Х. Древние боги адыгов // «ГЮ», 2003, 7 авг., № 32 (493).
158. Бгажноков Б.Х. Древняя религиозная система адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 317-322.
159. Бгажноков Б.Х. Историческая этнография и география Черкесии // Вестн. КБИГИ. - Нальчик, 2005. Вып. XII.
160. Бгажноков Б.Х. К вопросу о возникновении и рубежных территориях Черкесии // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 129-152.
161. Бгажноков Б.Х. Княжеская семья Сунчалеевых в истории Кабарды XVII в. // Генеалогия России: история и современность. – Нальчик, 1974.
162. Бгажноков Б.Х. Культура общения и этнос. / Дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 1984. – 210 с.
163. Бгажноков Б.Х. Логос игрища (к постановке проблемы) // Мир культуры. Вып. I. – Нальчик: Эльбрус, 1990.
164. Бгажноков Б.Х. Музей адыгской садово-парковой культуры // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 323-336.
165. Бгажноков Б.Х. Нравственная экология и культурная политика // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 325-367.
166. Бгажноков Б.Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1981.
167. Бгажноков Б.Х. О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 39-86.
168. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983.
169. Бгажноков Б.Х. Почитание женщины в адыгской картине мира // Литературная Кабардино-Балкария, 2002, № 3. С. 170-172.
170. Бгажноков Б.Х. Почитание старших в социальной организации адыгских народов // Социальная организация и обычное право. Матер. научн. конф. 24-26 авг. 2000 г. - Краснодар. 2001.
171. Бгажноков Б.Х. Семья и традиционный семейный быт адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 31-110.
172. Бгажноков Б.Х. Социальное самочувствие и национальная безопасность в многокультурном обществе (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 404-425.
173. Бгажноков Б.Х. Теория и практика воспитания девушек в лучших традициях горских народов // Женщина, семья, общество. Традиции и современность в воспитании девушек. – Нальчик, 2002.
174. Бгажноков Б.Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Сов. этнография, 1987, № 2.
175. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. - Нальчик, 1991 (Ссылка: <http://www.circassianlibrary.org/library.php?lang=ru&mn=6&sbmn=2>).
176. Бгажноков Б.Х. Этика Ж. Казаного и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетии // Жабаги Казаного (Матер. регион. науч. конф. 30-31 октября 1985 г.). – Нальчик, 1987.
177. Бгажноков Б.Х., Берзегова С.Д. Реликты древнейших форм родства в языке адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 197-201.
178. Бгажноков Б.Х., Берзегова С.Д. Семантика и прагматика адыгских терминов родства // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 329-340.
179. Бгажноков Б.Х., Думанова Ф.Х. О термине адыгэ хабзэ // Народы Северного Кавказа: вопросы истории и историографии. Матер. науч. конф., посвященной 70-летию Т.Х. Кумыкова. – Нальчик, 1998. С. 58-61.

180. Бгажноков Б.Х. Сиюхов С. О встрече Александра II с абадзехами // Мир культуры. Вып. 1. – Нальчик: Эльбрус, 1990.
181. Беджанов М.Б. Генерал Султан-Гирей Клыч. – Краснодар: Сов. Кубань, 1999; – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002.
182. Беджанов М.Б. К консолидации и добрососедству. – Майкоп, 1991. – 160 с.
183. Беджанов М.Б. На пути национального возрождения. – Майкоп, 1992. – 335 с.
184. Беджанов М.Б. Общественный кризис и проблемы национального возрождения. – Майкоп: Кн. изд-во, 1995. – 471 с.
185. Беджанов М.Б. Развитие национальных отношений на современном этапе: опыт, уроки, проблемы. – Краснодар: Кн. изд-во, 1990. – 479 с.
186. Беджанов М.Б. Суверенитет, демократические движения, многопартийность и возрождение казачества. – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1991. – 227 с.
187. Беджанов М.Б. Турция далекая и близкая. Взгляд дипломата. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1997.
188. Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. – Нальчик, 1998.
189. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 301 с.
190. Бейтуганов С.Н. Кабарда: история и фамилии. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 782 с.
191. Бейтуганов С.Н. К вопросу о распространении сельскохозяйственных знаний в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX - начале XX в. // Этнография народов Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1977. Вып. 1.
192. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974.
193. Белокуров С.Л. Сношения России с Кавказом. – М., 1989.
194. Бенешевич В. Черкасский, князь Дмитрий Мамстрюкович // Русский биографический словарь. Т.9. С. 211.
195. Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1883. Т. I.
196. Бербеков З. Подвиг Килара Хаширова // Сов. Адыгея, 2001, 1 нояб.
197. Бербеков Х.М. Образование и развитие кабардинской социалистической нации. – Нальчик, 1958.
198. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. 33. Вып. 13. Кн. 1 (январь). – СПб., 1882; // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю – Махачкала, 2000.
199. Берже А.П. Горные племена Кавказа // Кавказ: история, народы, обычаи. Вып. II. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 177-210.
200. Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. – Тифлис, 1857; Репринтное изд.: – Нальчик, 1992. – 48 с.
201. Берзегов Б.Н. Современное положение северокавказских махаджиров в странах мира // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. – Нальчик, 1994. С. 68-85.
202. Берзегов Б.Н., Хафизов М.М. Кто есть кто в черкесском зарубежье: Биографический словарь // Черкесское зарубежье, 1998, № 4. С. 1-16.
203. Берзегов Н.А. Дороги моей судьбы. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. – 176 с.
204. Берзедж (Бэрзэдж) Н. Изгнания черкесов (Причины и последствия). Пер. с тур. – Майкоп, 1996. – 221 с.
205. Берлизов А. Красный террор // Комсомолец Кубани, 1991, 26 январь.
206. Беров Х.Ж. Изучение антифеодального движения адыгских народов в советской исторической литературе // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1992.
207. Беров Х.Ж. Начало антицарского движения в Кабарде: истоки, характер и движущие силы (вторая половина XVIII в.). – Нальчик, 1994.
208. Берсей У. Букварь черкесского языка. – Тифлис, 1855. С. 36-43 (приложение).
209. Бесланев В.С. Малая Кабарда (XIII-начало XX вв.). Изд.2-е. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 228 с.
210. Бесленей – мост Черкесии // Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII-XIX вв. Сост. С.Х. Хотко. – Майкоп, 2009. С. 93-95.
211. Бесс Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ и в Грузию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974.
212. Бестужев-Марлинский А. К истории покорения Кавказа. Письмо из отряда, действующего за Кубанью. Октября 24-го дня, 1834 г. // Русский архив. – М., 1877. Кн. 3. С. 109.
213. Бетров Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. – М., 1998. С. 80-104.
214. Бетров Р.Ж. Адыги: истоки этноса. – Нальчик, 1990.
215. Бетров Р.Ж. Адыги: некоторые исторические сведения (этногенез, расселение с древнейших времен до XX в.) // Адыги. 1991. № 1.
216. Бетров Р.Ж. Два очерка из истории адыгов. Нальчик, 1993.
217. Бетров Р.Ж. Древние культуры Северного Кавказа и адыгский этнос // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 99-128.
218. Бетров Р.Ж. К вопросу о происхождении народов Северо-Восточного Кавказа и центральных районов Северного Кавказа // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 3-38.
219. Бетров Р.Ж. Об адыгском корсете // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 202-210.
220. Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик: Нарт, 1991. – 168 с.
221. Бетров Р.Ж. Синдика - государство древних адыгов // Адыги. 1991. № 2.
222. Бетров Р.Ж. Хатты и абхазо-адыги // Адыги. 1991. № 3.
223. Бетров Р.Ж. Через века и испытания. (О путях формирования адыгской этнической общности) // Адыги. 1992. № 4.
224. Бетров Р.Ж. Этническая история адыгов с древнейших времен до XVI в. – Нальчик: Эльбрус, 1996.
225. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа: внутриаполитическое и международное отношения в годы Кавказской войны (20-30-е гг. XIX в.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1996.

226. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX в. - Майкоп, 1994. – 325 с.
227. Бижев А.Х. Борьба северозападных адыгов против военно-колониционной политики царизма (1774-1864) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
228. Бижев А.Х. Внешнеполитическое положение адыгов (1774-1791) // Вестн. КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 1. Кн. 2.
229. Бижев А.Х. Заселение Кубанской области русскими и развитие русско-адыгских торговых связей (конец XVIII – первая половина XIX в. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). – Нальчик, 1989.
230. Бижев А.Х. Социально-экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны (по материалам российской разведки). – Майкоп, 2005.
231. Бичиева И.С. Кабардинская интеллигенция в конце XIX - начале XX вв. / Дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2006. – 176 с.
232. Бичиева И.С. Светское и духовное образование как факторы формирования кабардинской интеллигенции (конец XIX – начало XX в.) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 512-526.
233. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: 1953. – 396 с.
234. Бларамберг И.В. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974.
235. Бларамберг И.В. Кавказская рукопись. – Ставрополь. 1992.
236. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР, 1983, № 2.
237. Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории, 1970, № 7.
238. Блиев М.М. К проблеме общественного строя горских (вольных) обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX в. // История СССР, 1989, № 4.
239. Блиев М.М. О времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории, 1970, № 7.
240. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР, 1991, № 6.
241. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004. – 774 с.
242. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – 583 с.
243. Близнюков П. Станица Бесленевская Кубанской области Майкопского уезда. Географическо-этнографический очерк // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. – Тифлис, 1888. С. 133-152.
244. Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости / Адыгейские пословицы и поговорки. - Майкоп, 1992. – 126 с.
245. Блягоз З.У. Адыгский этикет // Единство. 1997, 18 февр.
246. Блягоз З.У. Труженики науки Адыгеи // Сов. Адыгея, 2002, 19 июня.
247. Бобровский П. Император Александр II и его первые шаги к покорению Кавказа (Эпизод из истории великой Кавказской войны) // Военный сборник, 1897, №4. С. 203-215; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2005. С 167-174.
248. Богарсуковы // <http://www.khachkar.ru/encyclopedia/?id=194>
249. Богатырева И.З. Традиционное и новое в обрядности кабардинцев / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2003. – 17 с.
250. Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. – М., 2002.
251. Бойко С.М. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Адыгеи (90-е гг.). – Майкоп, 1999. – 327 с.
252. Болова И.М. Моздокские кабардинцы / Автореф. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1995. – 19 с.
253. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед-90. - Краснодар: Кн. изд-во, 1990. С. 132-174.
254. Борисов В.М. Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря (Черноморский округ Кубанской области) // Земледельческая газета. – СПб., 1873, № 41. С. 641-645, № 42. С. 663-664, № 43. С. 804-808, № 52. С. 817-820; 1874, № 1. С. 10; № 3, С. 42; № 9. С. 135.
255. Боров А.Х. Кабардинцы: национальный исторический опыт в контексте цивилизационного подхода // Докл. АМАН, 1996. Т. 2. Вып. 2.
256. Боров А.Х. К обновленной концепции национальной истории: историографические итоги и перспективы // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 3-29.
257. Боров А.Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 3-28.
258. Боров А.Х. Северный Кавказ: социокультурные механизмы исторического процесса // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 3-55.
259. Боров А.Х., Азикова Ю.М. Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 3-41.
260. Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: этапы взаимоотношений // Изв. КБНЦ РАН, 1998, № 1.
261. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик, 1999. С. 52-60.
262. Борцы за власть Советов в Адыгее. (Под ред. Б.М. Джимова). - Майкоп, 1990. – 224 с.
263. Боцвадзе Т. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. – Тбилиси, 1965.
264. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. – Рига, 1920.
265. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. (Переизд. ротاپринт. - Нальчик, 1999.-167 с.).

266. Брун Ф. Черноморье. Ч.1-2. Одесса, 1879-1880. – 408 с.
267. Бубенок О.Б. Из истории заселения центра Северного Кавказа в XVIII-XIX вв. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 14-30.
268. Бубенок О.Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы. – Керчь, 2004.
269. Бугай Н.Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ. 1917-1941 гг. – Майкоп, 1995.
270. Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР: история и современность // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990-1992. Документы и материалы. – М., 1993.
271. Бугай Н.Ф. Изгой. Незаконные репрессии народов в 40-е гг. Как это было на Кубани // Сов. Кубань, 1990, 20 окт.
272. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е гг.). – М., 1998.
273. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. – Ростов-на-Дону, 1997.
274. Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. От ревкомов к Советам на Кубани. – Майкоп, 1989. – 231 с.
275. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). – Майкоп: Меоты, 1994. – 403 с.
276. Будаев Н.М. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XX вв. – Нальчик, 2007.
277. Будай М.О. Шаг к истине. Эльбрус между адыгами и карачаевцами. – Нальчик, 1998.
278. Бузаров А.К. Из истории Екатеринодарского Черкесского благотворительного общества // Лики адыгского прошлого. Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ», 2012. Вып. 8 (67). С.7-8.
279. Бузаров А.Ш., Варшанина Т.Б., Кабаян Н.В. и др. География Республики Адыгея. – Майкоп, 1995. – 168 с.
280. Булгаков Г.С., Трахов Э.М., Шеуджен А.Х., Козменко Г.Г. Экологические проблемы территорий прилегающих к Краснодарскому водохранилищу // Вестн. КНЦ АМАН, 1999. Вып. 5. С.100-109.
281. Бураев Р.А. География производительных сил Карачаево-Черкесии (Проблемы экономического развития микро-районов). – Черкесск, 1971.
282. Бураев Р.А., Емузова Л.З. География Кабардино-Балкарской республики. – Нальчик, 1998. – 232 с.
283. Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е гг. XVIII и 90-е гг. XIX вв. – Майкоп, 2002.
284. Бутаев К. Политическое и экономическое положение Горской республики. – Владикавказ, 1921.
285. Бутков П.Г. Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе // Северная пчела, 1850, № 99.
286. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1, 2, 3. – СПб., 1869.
287. Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. – Нальчик, 1956.
288. В. Воспоминание о зимней экспедиции Майкопского отряда // Военный сборник, 1868. № 12.
289. Вартас-де-Бедемар А. Записка об осмотре западного Черноморского берега Закавказского края // Зап. Кавказского об-ва сельского хоз-ва. – Тифлис, 1867. С. 1-20.
290. Варивода Н.В. Заселение Северного Кавказа славянским населением в XVIII в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С.176-196.
291. Варивода Н.В. Казачья и крестьянская колонизация Центрального Предкавказья в XIX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 79-99.
292. Васильев Е. Черноморская береговая линия // Военный сборник, 1874, №9.
293. Васильев Е. Экспедиция в землю хакучей // Военный сборник. – СПб., 1972.
294. Васильева И. Особый колорит [адыгейской] национальной культуры // Вольная Кубань, 2011, 21 апр. С. 7.
295. Васильков В.В. Очерк быта темиргоевцев // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. – Тифлис, 1901.
296. Васюков С. Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря. Природа и будущее русской культуры. – СПб., 1902; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 138-155.
297. В дружной семье братских народов. – Майкоп, 1982. – 125 с.
298. Вейденбаум Е. Кавказские амазонки // Кавказ: Культы, легенды, предания. Вып. V. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 246-286.
299. Вейденбаум Е. Кавказские этюды. – Тифлис, 1901.
300. Вейденбаум Е. Священные рощи и деревья у кавказских народов // Изв. Кавказского отдела РГО. – Тифлис, 1901. Т. 5. № 3; Переизд.: Кавказ: Культы, легенды, предания. Вып. V. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 56-79.
301. Венюков М.И. Кавказские воспоминания // Русский архив. – М., 1880. -Кн. 1.-С. 446.
302. Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Зап. (имп.) Русского геогр. об-ва. Кн. 2. – СПб., 1863.
303. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестн. Т. 5. – М., 1842.
304. Верещагин А.В. Значение путей сообщения в деле колонизации и развития Черноморского побережья Кавказа. – СПб., 1878. – 40 с.
305. Верещагин А.В. Обзор Черноморского побережья в сельскохозяйственном отношении. – СПб., 1885.
306. Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. – М., 1874. – 203 с.
307. Верещагин А.В. Черноморское побережье Кавказа и его колонизация // Труды Вольного экономического об-ва. Вып. 3. – СПб., 1878. С. 1-24.
308. Верниковская Ю. Муфтий Кабардино-Балкарии сам открыл дверь своим убийцам // Комсомольская правда, 2010, 17 дек. С. 7.
309. Веселовский А. Несколько географических и этнографических сведений о Древней России из рассказов итальянцев. – М., 1880. – 211 с.
310. Вивчарь Г. Казачество и адыги. – Майкоп, 1996. – 123 с.
311. Викторова Н. Память огненных лет. – Металлист (г. Орел), 1993, 30 авг.
312. Вилинбахов В.Б. Александр Черкасский – сподвижник Петра I. – Нальчик, 1966.

313. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. - Нальчик, 1977; 1982.
314. Вилинбахов В.Б. К истории влияния кабардинцев на военный быт казачества // Учен. зап. Кавказо-Балкарского НИИ. Т. 23. – Нальчик, 1965.
315. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.) // Вопросы политической истории, эволюции, культуры и этногенеза. – Грозный, 1972.
316. Волков В.С. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. – М., 2002.
317. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. – М., 1974.
318. Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // Кавказский этнографический сборник. – М., 1989. Вып. 9. С. 159-215.
319. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.
320. Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Отв. ред. В.Н. Ратушняк. - Майкоп, 1987. – 110 с.
321. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.
322. Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа // VIII Крупновские чтения. Тезисы докл. – Нальчик, 1978.
323. Ворошилов В.И. История убыхов. Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX в. – Майкоп, 2006.
324. Ворошилов В.И. Топонимы Российского Черноморья. 3-е изд., испр. и доп. – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2007. – 264 с.
325. Высшие сословия Кабарды. Извлечения из архивных фондов (1858-1896). / Сост. А. Мамхегов. – Нальчик, 2006.
326. Гадагатль А.А. Особенности социализации детей у адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. IX. - Майкоп, 2001.
327. Гадагатль А.М. Героический эпос Нарты и его генезис. - Краснодар, 1967.
328. Гадагатль А.М. Нарты. Героический эпос адыгских (черкесских) народов. - Майкоп: Кн. изд-во, 1987. – 407 с.
329. Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991.
330. Гадло А.В. Восточный поход Святослава (К вопросу о начале Тмутараканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. – Л., 1971. С. 59-68.
331. Гадло А.В. Князь Инал в адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. / Сборник статей. – Л., 1978.
332. Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 414-425.
333. Гадло А.В. Коренное население Западного Кавказа. Адыги во второй половине I тысячелетия н. э. // Лики адыгского прошлого (Ист. приложение к газете «Адыгэ махъ» («Голос адыга»). 2010. Вып. 7 (29). С. 5-6; Вып. 8 (30). С. 5-6.
334. Гадло А.В. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Майкоп, 1984. С. 70-72.
335. Гадло А.В. Об одном средневековом наименовании адыгов // Краткое содержание докл. Среднеазиатско-Кавказских чтений. – Л., 1986. С. 10-11.ммм
336. Гадло А.В. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестн. Ленинградского ун-та, 1986, Сер. 2. Вып. 1. С. 11-24.
337. Гадло А.В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 437-454.
338. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. – 290с.
339. Гадло А.В.. Северный Кавказ в XII - начале XIII в. Предания о Кабарде Тамбиеве // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 560-576.
340. Гадло А.В. Тмутараканские этюды-I (Страна адыгов во второй половине I-тысячелетия н. э.) // Вестн. ЛГУ, 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2.
341. Гадло А.В. Тмутараканские этюды-II (Держава Инала и его потомков) // Вестн. ЛГУ, 1989. Сер. 2. Вып. 3. № 16; Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 447-464.
342. Гадло А.В. Тмутараканские этюды-III (Мстислав) // Вестн. ЛГУ, 1990. Сер. 2. Вып. 2. № 9.
343. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV-X вв. – Л., 1979.
344. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. X-XIII вв. – СПб., 1994.
345. Гадло А.В. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII-X вв. // Ист. этнография. Вып. 2. – Л., 1985.
346. Гадло А.В. Южное Приазовье в период Хазарского каганата (Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье XVIII-X вв.). / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1969.
347. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949.
348. Галкин В. Празднование столетней годовщины поражения Батал-паши русскими войсками, под командованием генерала Германа // Кубанские областные ведомости, 1889, 7 окт.
349. Галкин Г.А. Древние и средневековые названия южных морей и рек на территории бывшего СССР. // Историко-географический сборник. Вып. 1. – Краснодар, 2007. С. 203-239.
350. Галкин Г.А. Еще раз о древних названиях р. Волги. // Изв. Русского Геогр. о-ва, 1992. Т.124. № 6. С.552-555.
351. Галкин Г.А. Катастрофические наводнения на р. Кубань в историческом прошлом // Актуальные вопросы изучения экосистемы бассейна р. Кубани. Ч.2. - Краснодар, 1988. С. 208-232.
352. Галкин Г.А. Климатические аномалии в Краснодарском крае в XVIII-XX вв. - Краснодар, НИО СССР. 1989. – 94 с.
353. Галкин Г.А. К повторяемости катастрофических засух на Кубани в XVIII-XX вв. // Проблемы рационального природопользования и экологическая экспертиза. - Краснодар, 1990. С.135-137.

354. Галкин Г.А. «Приветствую тебя, Кавказ седой...» // Сов. Кубань, 1989, 18 нояб.
355. Галкин Г.А. «Родословная» названий южных морей СССР // Изв. Всес. Геогр. об-ва, 1991. Т.123. Вып.2. С.199–204.
356. Галкин Г.А. Стихия-2002: подведение итогов. О роли Краснодарского водохранилища в предотвращении наводнений // Вольная Кубань, 2003, 28 февр. С. 3.
357. Галкин Г.А. Черное море - уникальный в топонимическом отношении водоем. // Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистемы Черноморского побережья. Ч.2. - Краснодар, 1991. С.185-187.
358. Галкин Г.А., Галкина Р.В. Самое, самое... (Климатические катаклизмы на Кубани в историческом прошлом) // Вестн. Краснодарского отд. Рус. Геогр. об-ва, 1998. Вып. 1. С.214-217.
359. Галкин Г.А., Козменко Г.Г., Тхакушинов А.К., Шеуджен А.Х. Экология Краснодарского водохранилища: влияние на здоровье населения прилегающих районов // Проблемы экологии в сельском хоз-ве и медицине. - Майкоп, 2000. С. 12-14.
360. Галкин Г.А., Козменко Г.Г., Шеуджен А.Х. Экология Северного Кавказа: водные и климатические ресурсы. Т.1. - Майкоп, 2000. – 415 с.
361. Галкин Г.А., Коровин В.И. Выдающиеся маловодья на р. Кубани в XVIII–XX вв. // Изв. Всес. Геогр. об-ва, 1978, № 5. С.415-424.
362. Галкин Г.А., Коровин В.И. К истории формирования имени реки Кубань // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 6. С. 81-88.
363. Галкин Г.А., Коровин В.И. Опыт исследования адыгских (черкесских) географических названий реки Кубани // Проблемы адыгейской письменности и культуры речи. - Майкоп, 1979. С.154-159.
364. Галкин Г.А., Коровин В.И. Происхождение названия Азовского моря и Керченского пролива // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 3. С. 75-79.
365. Галкин Г.А., Коровин В.И. «Родословная» реки Кубани // Кубанский краевед. Вып.3. - Краснодар, 1992. С.176-189.
366. Галкин Г.А., Коровин В.И. Суровость зим и ледостав на р. Кубани в XVIII–XX вв. // Изв. Всес. Геогр. об-ва, 1984, т.116. Вып. 1. С.20-28.
367. Галкин Г.А., Харитонов Е.М., Шеуджен А.Х., Трахов Э.М. История происхождения современного названия Каспийского моря // Вестн. КНИЦ АМАН, 1998 (на обл.: 1999), вып.3, с.63-69.
368. Галкин Г.А., Шеуджен А.Х. Взять милости у природы! Любой ценой? (Краснодарское водохранилище: 30 лет спустя) // Единство, 1997, 22 июля. С. 3.
369. Галкин Г.А., Шеуджен А.Х. Краснодарское водохранилище: благо или зло? // География Краснодарского края. - Краснодар: 1996. С.54-65.
370. Галкин Г.А., Шеуджен А.Х., Галкина Р.В. Экологические последствия стихийных бедствий на Кубани в 2002 г. О роли Краснодарского водхр. в предотвращении наводнений // Вестн. Краснодарского регион. отд. РГО, 2004. Вып. 3. С. 256-279.
371. Галкин Г.А., Шеуджен А.Х., Галкина Р.В., Ткаченко З.Н. Стихийные бедствия на Северном Кавказе в 2002 г.: эколого-экономические последствия // Энтузиасты аграрной науки. Вып. 2. - Краснодар: Куб. ГАУ. 2003. С. 194-208.
372. Галкин Г.А., Шеуджен А.Х., Козменко Г.Г. - Краснодарское водохранилище: обоснование организации мониторинга // Вестн. Краснодарского регион. отд. Рус. Геогр. об-ва. Вып.2. Ч.2. – 2000. С.23-25.
373. Галонифонтибус Иоанн. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). // Книга познания мира. / Пер. З.М. Бунятова. – Баку, 1980; Кавказ: Европейские дневники XIII-XVIII вв. Вып. III. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 13-15.
374. Гарданов Б.А. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. - Нальчик. 1956.
375. Гарданов В.К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Учен. зап. Кавказо-Балкарского НИИ. Т. 23. – Нальчик, 1965.
376. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII - первая половина XIX в.). - М., 1961; 1967.– 287 с.
377. Гатцук В. Черкесы // Юная Россия, 1906, № 10. . 1313-1314.
378. Гвашев А.Ю. Бог не в силе, а в правде // Шапсутия, 1996, 26 июня.
379. Гвашев А.Ю. Миф о добровольном присоединении Черкесии к России // Шапсутия, 1996, 7 авг.
380. Гейдук Ф.И. О значении сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестн. Т. 92, № 3. – М., 1871.С. 6-41.
381. Генко А.Н. Абазинский язык. – М., 1955.
382. Генко А.Н. О языке убыхов // Докл. АН СССР. Сер. 8. Отд. гуманитарных наук, 1928, № 3.
383. Геноцид – «армянская фантазия» или исторический факт? // Литературная газета, 1995, 2 авг., № 31.
384. География Республики Адыгея. – Майкоп, 2001. – 211 с.
385. Герко И.И. Что нужно знать для развития хозяйства за Кубанью // Кубанские войсковые ведомости, 1869, № 9-10; Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. Т. 1. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 152-159.
386. Гишев Н.Т. Все об адыгах. – Майкоп: ООО «Качество», 2002. – 372 с.
387. Главани Ксаверьо. Описание Черкесии // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. – Тифлис, 1883.
388. Говорящие волны / Сост. С.М. Ашинов, В.Ф. Цапко. Адыгейск: 1999. – 419 с.
389. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. - СПб., 1851.
390. Голубев Л.Э. О походе Тимура на Северо-Западный Кавказ // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Ессентуки, 2002 (Ссылка: <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=847074>)
391. Голубева Л.Г. Дмитрий Кодзоков. – Нальчик, 1985.
392. Голубева Л.Г. Сын Кабарды и России // Дружба народов, 1976, № 8.
393. Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк. – Екатеринодар, 1924; Репринтное изд.: Краснодар: Традиция, 2009. – 144 с.
394. Гончарова Г.И. Нартский эпос адыгов. Пшинатли // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп, 1991. С. 313-335.
395. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2000. – 464 с.
396. Гордин Я.А. Пролог Кавказской войны. Исторические чтения. – СПб., 2000.

397. Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (2-я половина XIII — 1-я половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. - Армавир, 2004.
398. Горелик М.В. Черкесы-черкасы (археологические свидетельства // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки, 2002 (Ссылка: <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=205101>)
399. Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В. Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 г, зима 1934 г. - Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2007. - 172 с.
400. Горленко В.Ф.. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. // Сов. этнография, 1982, № 3. С. 97-105.
401. Горский С. Жены Иоанна Грозного. - М.: Дело, 1912. (Репринт 1990 г.) – 62 с.
402. Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Республики Адыгея в 2001 г.». Под ред. Г.Г. Козменко. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – 196 с.
403. Грабовский Н.Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость (Исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. – Тифлис, 1876; М., 1907; Переизд.: Нальчик, 2008.
404. Грабовский Н.Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Отд. 4. – Тифлис, 1870. С. 1-28; Репринтное изд. – М., 1992.
405. Гритченко А. Бесценный капитал традиций. Вып. 3. Баку, 1978. – 39 с.
406. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терек накануне Великой Октябрьской революции. – Грозный, 1972.
407. Губарев Г. Донские черкасы // Общеказачий журн. – Ростов-на-Дону, 2000. № 1. С. 5-11.
408. Гуагов А.А. Адыгейская Матера // Российская Федерация, 1996, № 24.
409. Губжоков М.Н. Западные адыги в период Кавказской войны (Этнокультурные аспекты). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Нальчик. 2001.
410. Губжоков М.Н. От христианства к исламу // Сокровища культуры Адыгеи. / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2007. С. 177-179.
411. Губжоков М.Н. Эволюция традиционной политической культуры западно-адыгских княжеств в период Кавказской войны // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 1. – Майкоп, 1999. С. 66-71.
412. Гутов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик, 1999. С. 174-186.
413. Гутова М.Х. Политические процессы в Кабардино-Балкарии в 1991-1997 гг. и их социально-исторические предпосылки // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 285-300.
414. Гутова М.Х. Политический плюрализм и формирование политических структур в Кабардино-Балкарии в последней четверти XX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 108-121.
415. Гутова М.Х., Текуева М.А. Изучение женской повседневности в период Великой Отечественной войны: к постановке проблемы // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 144-154.
416. Гунина Л. Абдулах Берсиров – художник особого дарования / Матер. КНЦ АМАН, 1997, 2. С.27-28.
417. Гутов А.М. Кабардинский князь Шолох и фамилия Шолохов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 452-456.
418. Гутов А.М. Рассеяны адыги по белому свету // Черкесское зарубежье, 1998 № 4. С. 3.
419. Гутов А.М. Этюды о кавказском этикете. – Нальчик. 1998.
420. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем его положении. - М., 1846.
421. Данилова Е.Н. Абазинцы. - М., 1984.
422. Даудов А.Х. Горская АССР (1921-1924). Очерки социально-экономической истории. – СПб., 1997.
423. Дебу И.О. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. - СПб., 1829; // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001.
424. Дегоев В.В. Проблемы Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Рус. ист. об-ва, 2000, № 2 (150).
425. Декабристы об Армении и Закавказье (Сборник документов и матер.). / Сост. - М.Г. Нерсисян. - Ереван, 1985. – 393 с.
426. Дельпоццо И.П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2001.
427. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. - М.: Прометей. 1990. – 124 с.
428. Денисова Н.Н. Судьба и перспективы традиционных форм народоправства западных адыгов в контексте колониальной политики России на Северо-Западном Кавказе (30-60-е гг. XIX в.) // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. – Майкоп, 1999. С. 37- 42.
429. Денисова Н.Н. Школа Северо-Западного Кавказа на рубеже XIX-XX вв. в контексте взаимоотношений государства и общества // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 1. – Майкоп, 1999. С. 37- 42.
430. Деопик В.Б. Адыгские племена // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III-IX вв. – М., 1958.
431. Де-Пассан. «Дикая дивизия» // Юго-Западный край (г. Винница), 1915, 27 марта, № 69. С. 4.
432. Джавахишвили Н. Очерки из истории взаимоотношений грузинского и адыгских народов. – Тбилиси, 2005.
433. Джандар М.А. Песня в семейных обрядах адыгов. – Майкоп, 1991.
434. Джанхот И.Ю. Кавказский дольмен в истории адыгов. / Дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2006. – 169 с.
435. Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г. Новые дольменные памятники Западной Черкесии. – Майкоп, 1999.
436. Джаримов А.А. Адыгея: от автономной области к республике // Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917-1941 гг.). – Майкоп, 1995.

437. Джаримов Н.Х. Демократическая система образования в Республике Адыгея: Проблемы и пути их решения. - Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во. 2001. – 199 с.
438. Джемдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Османской империи от 1192 г. по 1202 г. хиджры (1775-1784). Пер. с тур. // Русский архив. – М., 1888. Кн. 1.
439. Джимов Б.М. Адыгея в трех революциях. - Майкоп, 1984. – 91 с.
440. Джимов Б.М. Борьба трудящихся Адыгеи за победу и дальнейшее упрочение советской власти (апрель 1917 - декабрь 1928) // Исследования по истории Адыгеи. – Майкоп, 1976.
441. Джимов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее. 1793-1868 гг. // Учен. зап. Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории. Сер. «История, этнография, археология». Т. XI. – Майкоп, 1970.
442. Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи в 1800-1868 гг. // Учен. зап. Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории. Сер. «История, этнография, археология». Т. XI. – Майкоп, 1970.
443. Джимов Б.М. Развитие капитализма в Кубано-Черноморье и его влияние на экономику местного населения во второй половине XIX – начале XX вв. // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. – Майкоп, 1999. С. 59-70.
444. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. - Майкоп, 1986. – 187 с.
445. Дзагалов А.С. Воины-кавказцы в украинской периодической печати 1914-1918 гг. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 206-234.
446. Дзагов Р.Н. Взаимовлияние культур переселенцев и местного населения Кабарды в области земледелия в XIX – начале XX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 211-225.
447. Дзагов Р.Н. К истории развития образования в Кабарде в XIX начале XX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 527-542.
448. Дзагов Р.Н. Колонизационно-переселенческие процессы в Кабарде во второй половине XIX - начале XX вв. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 182-200.
449. Дзагов Р.Н. Система жизнеобеспечения иноязычного населения Кабарды в XIX - начале XX в.: развитие и взаимодействие // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 107-131.
450. Дзагуров Г.П. Переселение горцев: Материалы по истории горских народов. – Ростов-на-Дону, 1925.
451. Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. – Нальчик, 1994; 2008. – 816 с.
452. Дзамихов К.Ф. Адыги в контексте международных отношений южной периферии Восточной Европы (XVI-XVIII вв.) // Народы Северного Кавказа: вопросы истории и историографии. / Матер. конф. к 70-летию Т.Х. Кумыкова. - Нальчик, 1998.
453. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Нальчик, 2001.
454. Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия (Формы исторического взаимодействия). – М., 2000.
455. Дзамихов К.Ф. Адыги (черкесы): современное состояние и актуальные проблемы // Хасэ, 2009, май-июнь, № 8/11. С. 6.
456. Дзамихов К.Ф. К генеалогии западно-адыгских Черкасских (княжеских родов) в XVI-XVII вв. // Изв. СКНЦВШ, 1990, № 2; Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп, 1991.
457. Дзамихов К.Ф. Материалы к наследию и общественно-политической деятельности Измаила Атажукина (Новые разыскания) // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. - Нальчик, 1992.
458. Дзамихов К.Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII-первой половине XIX в // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
459. Дзамихов К.Ф. От военно-политического союза к колониальной политике // Адыги. 1992. № 4.
460. Дзамихов К.Ф. Проблема социально-экономического строя Кабарды XVIII-первой половины XIX в. в русской историографии 1860-х-1917 гг. // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. - Нальчик, 1992.
461. Дзамихов К.Ф. Традиционный адыгский мир: территориально-демографическое измерение // Мир этноса (аспекты и методы исследования). – Нальчик, 1999.
462. Дзамихов К.Ф. У истоков адыгской словесности // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп, 1991. Ногайской Орды в XVI-XVII вв.: конфликты и сотрудничество // Изв. КБНЦ РАН. – Нальчик, 1999, № 2.
463. Дзамихов К.Ф. Этнос в точке бифуркации: Адыги между Россией, Крымом и Османской Турцией // Мир этноса: Процессы самоорганизации социальных и этнических систем. – Нальчик, 2005. С. 79-100.
464. Дзамихов К.Ф., Кумахов М.Г. О становлении Кабардино-Балкарской автономной области // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 2001. Т.1, 2.
465. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. – 525 с.
466. Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми, 1960.
467. Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917-1918 гг. – Владикавказ, 2000.
468. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. – Владикавказ, 1995.
469. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР. – Владикавказ, 2003.
470. Дзуганов Т.А. Национальное представительство Кабардино-Балкарии в 1921-1938 гг. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 71-93.
471. Дидебулидзе З.И. К вопросу колонизации Черноморского побережья Российской империей (По материалам газеты «Кавказ») // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси, 1988.
472. Дикий и свободный (Черкесские песни). Пер. с нем. Х.И. Шидова. Гамбург: Изд-во Гоффманн и Кампе, 1841 (Переизд.: Нальчик, 1999). – 60 с.
473. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. - СПб. Т. 3. 1896; Т.4. 1898.

474. Дмитренко С. Мусульмане Адыгеи сразятся с православными на футбольном поле // Комсомольская правда-Кубань, 2011, 31 авг. С. 4).
475. Дмитриев В.А. Кавказ как историко-культурный феномен. Вклад горцев Северного Кавказа в мировую культуру // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. – СПб., 2003.
476. Дмитриев В.А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Ист. чтения. – СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2001. – С. 58–63.
477. Дмитриев В.А. Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социуме адыгов // Антропологи насилия. – СПб., 2001.
478. Дневник поручика Н.В. Симановского 2 апреля–3 октября 1837 г. Кавказ // Лики адыгского прошлого (Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). 2012. Вып. 9-10 (68-69). С. 5-12.
479. Доброхотов Ф.П. (сост.). Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. – Пг.: Изд. Суворовых, 1916. Переизд.: Краснодар: Традиция, 2009. – 528 с.
480. Документы и материалы по истории Адыгейской организации ВЛКСМ (1917-1985 гг.). – Майкоп, 1985.
481. Документы по истории борьбы за советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922). – Нальчик, 1983.
482. Долг перед памятью. О жертвах массовых репрессий и произвола, восстановлении правды и справедливости // Адыгейская правда, 1989, 27 апр.
483. Дольмены: Современники древних цивилизаций. Мегалиты Западного Кавказа IV-II тысячелетий до н. э. – Краснодар, 2001.
484. Дон и степное Предкавказье. XVIII-первая половина XIX в. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 240 с.
485. Древнейшие государства на территории СССР, 1982. – М.: Наука, 1984. – 351 с.
486. Древняя Черкесия. Кабарда как ареал протомеотской культуры: Проблема этнокультурной атрибуции Нартанского курганного могильника VII-V вв. до н. э. // Лики адыгского прошлого (Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). 2010. Вып. 7 (29). С. 7-8; Вып. 8 (30). С. 7-8.
487. Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848 по 1856 г. // Кавказский сборник. Т. X. – Тифлис, 1886.
488. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Т. II. – Тифлис, 1877.
489. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Т.2. СПб., 1885. – 924 с.
490. Дубровин Н.Ф. Черкесы (адыге). / Материалы для истории черкесского народа. Вып. 1. – Краснодар, 1927. – 176 с. (Извлечение из кн.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1-6. – СПб., 1871-1888).
491. Дукмазов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. – М., 1887. – 40 с.
492. Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо-Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 271-282.
493. Думанов Х.М. Вдали от родины. – Нальчик: Эль-Фа, 1994.-229 с.
494. Думанов Х.М. Взаимодействие адыгэ хабзэ, норм шариата и русского законодательства в Кабарде в XVIII – первой половине XIX вв. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 93-106.
495. Думанов Х.М. Еще раз о Киларе и Ахии // Кабардино-Балкарская правда, 1985, 3 сент.
496. Думанов Х.М. Землевладение и земельно-иерархическое право в Кабарде XIX в // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1992.
497. Думанов Х.М. Из истории кабардино-русских отношений // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 2001.
498. Думанов Х.М. Кабарда и горские общества, или Прежде чем делать абсурдные заявления, необходимо изучить исторические документы // Хасэ, 2009, май-июнь, № 8/11. С. 11.
499. Думанов Х.М. Кабарда и Кавказская война // Адыги. 1991. № 1.
500. Думанов Х.М. К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкесия в XIX в. – Майкоп, 1991.
501. Думанов Х.М. Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка (Адыгэхэм и даудэпщэхэр). – Нальчик, 2006.
502. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX в. – Нальчик, 1990.
503. Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х. Обычное право адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. – Майкоп, 1997.
504. Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х. Право и судебные органы адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 111-141.
505. Дунаевская И.М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М., 1960.
506. Дьяконов И.М. Майкопские племена // Вестн. древней истории, 1966, № 2.
507. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзеи (Историко-этнографический очерк) // Зап. Кавказского отд. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Кн. XII. Вып. 4. – Тифлис, 1902; Переизд.: Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 593-640.
508. Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Зап. Кавказского отд. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Т. XX. Вып. 1. – Тифлис, 1910.
509. Дьячков-Тарасов А.Н. Мамхеги // Изв. Кавказского отд. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Т. XIV. – Тифлис, 1901.
510. Дьячков-Тарасов А.Н. Горячий Ключ и его минеральные воды // Изв. Об-ва любителей изучения Кубанской области. Вып. III. – Екатеринодар, 1902.
511. Дьячков-Тарасов А.Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточной войной 1853 г // Кубанский сборник. – Екатеринодар. 1904. Т. X.
512. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов, абхазцев, в Колхиде, в Грузии, Армении и в Крыму. / Пер. с фр. Т. 1. – М., 1839; Труды Ин-та абхазской культуры им. Н.Я. Марра. – Сухуми, 1937. Вып. VI.

513. Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. - Краснодар: Сов. Кубань, 1992. – 507 с.
514. Екатеринодар-Краснодар: Два века города. - Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 799 с.
515. Екутич Л. Кубанское море: быть или не быть? // Эколог. бюл. / Сов. Кубань. 1991. 25 февр. – 3 марта.
516. Емиж Р.М. Из истории аграрных преобразований в Адыгее (1921-1925 гг.) // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1972. Т. XVI. С. 303-334.
517. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция. Начало XX в. Становление исторических взглядов. – Майкоп, 1999.
518. Емтыль Р.Х. Социально-демографические изменения адыгейского аула в период НЭПа (1922-1927) // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. – Майкоп, 1999. С. 97-104.
519. Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? – М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2010. – 356 с.
520. Еременко С. Г.М. Концевич – собиратель адыгского музыкального фольклора // Матер. КНЦ АМАН, 1996. № 1. С.32-34.
521. Ермолов А.С. Заметки по поездке на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 г. – СПб., 1908.
522. Ершов М. Пишем родословную книгу // Секретные материалы, 2011, № 25 (333). С. 3.
523. Ечерух М. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции // Мусульманин. – Париж, 1910, № 6. С. 143-147 (на рус. яз.).
524. Жакомихов Т.А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Ч. 1, 2. – Нальчик, 1965-1967.
525. Жакомихов Т.А. Феодальные повинности и освобождение крестьян от крепостного права в Кабарде и Балкарии в 1867 г. // Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Вып. 18. - Нальчик, 1963.
526. Жана А.Ю. Автоном Джегу // Радетели земли Тахтамукайской – Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 67-72; «По ленинскому пути», 1990, 28 июля.
527. Жана А.Ю. Спортивная слава Адыгеи. - Майкоп, 1991. – 112 с.
528. Жанситов О.А. Антибольшевистское движение в Кабарде и Балкарии под руководством З. Даутокова-Серебрякова // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 275-284.
529. Жанситов О.А. Противоправные действия советской власти в Кабарде и Балкарии в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 218-238.
530. Жанз К.Х. Адыгский Мичурин // Сельские зори, 1974, № 11. С. 57.
531. Жемухов С.Н. А.А. Мисостов: у истоков адыгской историографии // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 302-325.
532. Жемухов С.Н. Жизнь Шоры Ногмова. – Нальчик, 2002.
533. Жемухов С.Н. Кабардино-русская война 1810-1812 гг. – Нальчик, 2000.
534. Жемухов С.Н. Философия истории Шоры Ногма. - Нальчик, 2007.
535. Жена черкеса // Кавказ, 1847, № 11.
536. Женетль А.Т. Вооружение и методы ведения Кавказской войны // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства / Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. - Нальчик, 1994.
537. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Том IX. Кавказ. Под общей ред. П.П. Семенова. – СПб., 1898. Переизд. – М.: Изд. Надыршин, 2008. – 408 с.
538. За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917-1922). – Нальчик, 1957.
539. Загадочный мир народов Кавказа. Записки из архивов Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII-XIX вв. – Нальчик: Эль-Фа, 2000.
540. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. - М.: Мысль. 1994. – 767 с.
541. Замечание на статью «Законы и обычаи кабардинцев» Хан-Гирея // Кавказ, 1846, № 10.
542. Записки А.П. Ермолова. – М., 1868.
543. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI-XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1984. Вып. 8.
544. Званба С.Т. Зимние походы убыхов на Абхазию // Этнографические этюды. – Сухуми, 1966. С. 43-53.
545. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII-XV вв. // Ист. зап. – М., 1938. Т. 3. С. 72-129; Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 368-447.
546. Зекох У.С. Создатель адыгейской письменности (А.И. Бекух) // Сов. Адыгея, 1997, 13 окт.
547. Зекох У.С. Умар Берсей – просветитель адыгейского народа // Учен. зап. Адыгейского НИИ. Т. I. – Майкоп, 1957.
548. Земцова Т. Освящен закладной камень (К строительству в Майкопе Армянского национально-культурного и религиозного центра) // Сов. Адыгея, 2001, 17 мая.
549. Золотые звезды Адыгеи. - Майкоп, 1972. – 206 с.
550. Золотые купола Хазрета Совмена // Известия, 2009, 27 нояб. С. 10.
551. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. – Тифлис, 1834.
552. Зухба С.Л. Мифология абхазо-адыгских народов. – Майкоп, 2007.
553. Зырянов Ф., Кунин Ю. Человек мудрый, справедливый // Согласие, 1997, 10 янв.
554. Иванов П. Армавир // Кавказ, 1850, № 45; Кубанские войсковые ведомости, 1867, № 24, 24.
555. Иванов П.М. Общественно-политическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике и актуальные проблемы кабардинского (адыгского) народа // Хасэ, 2009, май-июнь, № 8/11. С. 1-2.
556. Иванов П.М. Северный Кавказ: «партия войны» и интересы России. - Нальчик, 1997. – 289 с.
557. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980.
558. Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь / Сост. К.С. Урусов. - Черкесск: 1997. – 237 с.

559. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII - первая половина XIX в. / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик, 2000.
560. Иззет Айдемир. Мухаммед Амин // Мухаммед-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа. - Махачкала, 1998.
561. Иззет Айдемир. Причины и результаты выселения черкесов в Османскую империю // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства / Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994. С. 130-137.
562. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). – Сухуми, 1965.
563. Инал-ипа Ш.Д. Об абхазо-адыгской общности // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп, 1991. С. 6-28.
564. Инал-ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми, 1971.
565. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII вв. / Сборник матер. – Нальчик, 2006.
566. Историко-экономический обзор Адыгейской автономной области. – Краснодар, 1923.
567. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. / Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. Сост. И. Забудский; Справочник по Ставропольской епархии. Сост. Н. Михайлов. - СПб., 1851. Переизд. – М.: Изд. Надыршин, 2008. – 840 с.
568. Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны. – Константинополь: Изд-во Ф. Лоеффлер, ПЕРА, 1918; Пер. с фр. / Сост. А.Х. Кармов. - Нальчик: КБНЦ РАН, 2006. – 132 с.
569. Историческое обоснование притязаний крымского хана Шагин-Гирея на черкесов и абазинцев // Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления Екатерины II. 1762-1774 гг. Сборник документов. / Сост. Р.У. Туганов. Т. 2. 1998.
570. История Абхазии. Учебное пособие. - Гудаута: Алашара, 1993. – 413 с.
571. История Адыгеи. Учебное пособие. Под ред. Э.А. Шеуджен. - Майкоп: Кн. изд-во, 1992. – 159 с.
572. История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1. – Нальчик: ГП КБР «Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 404 с.
573. История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Под ред. - М.Г. Нерсияна. - Ереван: Изд-во ЕГУ, 1980. – 457 с.
574. История Кабардино-Балкарии / Под общ. ред. Т.Х. Кумыкова и И.М. Мизиева. - Нальчик, 1995.
575. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. – Нальчик, 2005.
576. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ставрополь, 1967. – 401 с.
577. История Кабарды с древнейших времён до наших дней. - М., 1957.
578. История Кубани. Учебное пособие. / Под общей ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. – Краснодар – 2004. – 336 с.
579. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. - 720 с.
580. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т.1. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. - М.: Наука, 1988. – 541 с.
581. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. – 1917 г. Т.2. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. - М.: Наука, 1988.-659 с.
582. История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870–1993 гг.). Под ред. Н.Ф. Бугай. – Майкоп: Меоты, 1994. – 342 с.
583. История Черкесии. - СПб., 2001.
584. Кабарда: время и лица. – Нальчик. 2004.
585. Кабардино-Балкарская республика: на рубеже тысячелетия // Вестн. миротворческой мысли на Северном Кавказе. Вып. 2. – Пятигорск, 1998.
586. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов и матер. – Нальчик, 1975.
587. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. / Документы и материалы в 2-х т. Сост. В.М. Букалова. – М., 1957.
588. Кабардинский фольклор. - М.-Л.: Academia, 1936; Нальчик, 2000.
589. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX вв. Этностатистическое исследование. – СПб., 1996.
590. Кавказ: Географические объекты и названия. Вып. I. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 299 с.
591. Кавказ: История, народы, обычаи. Вып. II. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – 432 с.
592. Кавказ: Европейские дневники XIII-XVIII вв. Вып. III. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – 304 с.
593. Кавказ: Адамы горских народов. Вып. IV. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – 384 с.
594. Кавказ: Культы, легенды, предания. Вып. V. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – 320 с.
595. Кавказ: Музей мировой истории / Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Вып. IX. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. – 496 с.
596. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. Патракова В.Ф., Черноус В.В. – Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия, 1991. – 399 с.
597. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. Сост.: Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицына, Б.П. Миловидов. – СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2005. – 720 с.
598. Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. / Тезисы докл. междунар. науч. конф. – Махачкала, 1998.
599. Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. 16-18 мая 1994 г. «Кавказская война. Уроки истории и современность». – Краснодар, 1995.
600. Кагазежев Б.С. Из традиционной инструментальной культуры адыгов и осетин / Матер. КНЦ АМАН, 1996. № 1. С.56-60.
601. Кагазежев Б.С. Эргология адыгских народных музыкальных инструментов // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп: 1991. С.361-374.
602. Кагазежев Ж.В. О месте захоронения князя Инала // Образец служения науке. / Сборник статей к 80-летию Г.Х. Мамбетова. – Нальчик, 2005.

603. Кажаров А.Г. Административно-территориальное размежевание Кабарды и Карачая // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 48-70.
604. Кажаров А.Г. Проблемы взаимоотношений Кабарды и Горской АССР // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 283-321.
605. Кажаров А.Г. Территория Кабарды и Балкарии в начале XX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 201-217.
606. Кажаров А.Г. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии // Нальчик: Res Publica. 2000. Вып. I. С. 7-36.
607. Кажаров В.Х. Адыгская вотчина. – Нальчик, 1992.
608. Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. – Нальчик, 1992.
609. Кажаров В.Х. Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 500-511.
610. Кажаров В.Х. Исламское просвещение в Кабарде // Адыгская (черкесская) энциклопедия. Под ред. М.А. Кумахова. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.
611. Кажаров В.Х. «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 326-344.
612. Кажаров В.Х. Кабарда в период «духовного правления» (1807-1822) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 255-271.
613. Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестн. Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований. – Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 3-12.
614. Кажаров В.Х. К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании адыгов в первой половине XIX в. // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1981.
615. Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 398-425.
616. Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. – Нальчик, 2005. С. 29-86.
617. Кажаров В.Х. Поземельные отношения в сельской общине у горных адыгов в первой половине XIX в. – М., 1981.
618. Кажаров В.Х. Предпосылки возникновения религиозного фундаментализма в Кабарде в последней трети XVIII в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 181-207.
619. Кажаров В.Х. Проблемы экономического и социокультурного развития кабардинцев в 1822-1917 гг. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 143-158.
620. Кажаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60-90-х гг. XVIII в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 206-254.
621. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII - первой половине XIX в. – Нальчик, 1994.
622. Кажаров В.Х. У истоков общественной мысли кабардинцев // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 301-328.
623. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX вв.). Биографический справочник. – Нальчик, 2005. – 406 с.
624. Казаков А.В. Возникновение северокавказской политической эмиграции после Гражданской войны в России // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 239-250.
625. Казаков А.В. К репрессиям адыгов и абазин в Омской области (30-е гг. XX в.) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 337-343.
626. Казаков А.В. Штрихи к биографиям К.К. и С.Г. Улагаев // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 356-382.
627. Казанов Х.М. (Сост.). Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов). – Нальчик, 1993. – 255 с.
628. Казанов Х.М. Национальный характер. – Нальчик, 1994. С. 2627).
629. Казарина М.А. Из истории развития образования в Кабарде в конце XIX и начале XX вв. // Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. пед. ин-та. Вып. 13. Сер. филологическая. – Нальчик, 1957.
630. Казембек М.А. Мухаммед-Амин // Русское слово. № 6. – СПб., 1860.
631. Какагасанов Г.И. Первые съезды горцев Северного Кавказа и Дагестана // Сборник матер. науч.-практ. конф. на тему: «История горских народов Кавказа (1917-1920) и независимая Горская республика 11 мая 1918 г.». – Махачкала, 1992.
632. Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. – М., 1952.
633. Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик, 2007.
634. Калмыков Ж.А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XVIII - начале XIX в. / Дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1975.
635. Калмыков Ж.А. Установление российской администрации на Северном Кавказе (вторая половина XIX в.) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 272-294.
636. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII - начало XX в. – Нальчик, 1995.
637. Калмыков Ж.А., Дзамихов К.Ф., Думанов Х.М., Кажаров А.Г. Этнотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии // Приложение к газете «Хас». – Нальчик, 2009, фев.-март. С.23-32.
638. Калмыков И.Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1974.

639. Калмыкова М.О. Проблемы адаптации адыгов-репатриантов в Республике Адыгея и Кабардино-Балкарской Республике // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 386-398.
640. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.: Наука. 1981. – 235 с.
641. Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. – М., 1979.
642. Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости, 1867. № 2, 5, 14, 23, 27-29, 49.
643. Каменев Н. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности // Кубанские войсковые ведомости, 1867. № 39.
644. Каменев Н. Развалины церкви св. Георгия на р. Белой // Памятная книжка Кубанской области. – Екатеринодар, 1877.
645. Каменев Н. Урочище Адыхекко в округе Псекупского полка // Кубанские войсковые ведомости, 1866. № 43, 44, 47, 48.
646. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. / Археология СССР. Т. 10. – М., 1989.
647. Кандор Р.С. Адыгские элементы в геральдической традиции // Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2004. С. 132-134.
648. Кандур М.И. Кавказ. Историческая трилогия. Кн. 1. – М.: Кандиналь, 1994. – 336 с.
649. Кандур М. Мюридизм. История Кавказских войн 1819-1859 гг. – Нальчик, 1996.
650. Кантария М.В. О некоторых пережитках аграрного культа в быту кабардинцев // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Т. VIII. – Майкоп, 1968.
651. Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 274 с.
652. Кануков И. Горцы-переселенцы. Этнографические очерки. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. 1876.
653. Канцалиев В.Т. Почвозащитное земледелие на склоновых землях Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 32 с.
654. Каракаев З.Х. Адыги в системе международных отношений позднего средневековья (историографический аспект проблемы) // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. – Майкоп, 1999. С. 10-14.
655. Карасев И. Ключ – ко Дню Победы. В Адыгее полностью решат жилищные проблемы ветеранов // Российская газета, 2010, 11 марта. С. 19.
656. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. – 334 с.
657. Карданов Б.М. (ред.). Кабардино-русский словарь. – М., 1957.
658. Карданов Ч.Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. (1550-1580 гг.). – Нальчик, 1972.
659. Карданов Ч.Э. Из истории территориальных отношений Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1993.
660. Карданов Ч.Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI - начале XIX в. – Нальчик, 2001.
661. Карлгоф Н. Магомет-Амин // Кавказский календарь на 1861 г. – Тифлис, 1860. Отд IV. С. 77-102.
662. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестн. Т. 28. № 8 (16), авг. – М., 1860. С. 517-550.
663. Кармов А.Х. Выделение Кабарды из Горской АССР и образование Кабардинской автономной области // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 42-58.
664. Кармов А.Х. Выход Балкарии из Горской АССР и создание Кабардино-Балкарской автономной области // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 59-76.
665. Кармов А.Х. Союз объединенных горцев: политическая ситуация на Северном Кавказе (февраль-октябрь 1917 г.) // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. – Махачкала, 2005. С. 187-192.
666. Кармов А.Х., Саблиров М.З. Жизнь и общественно-политическая деятельность П.Т. Коцева // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 374-398.
667. Кармов Т.М. Кабардинцы и Ливонская война // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 241-247.
668. Карпеев И.В. Документы РГВИА о Кавказской войне XIX в. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. / Исторические чтения. – СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2001. С. 239-245.
669. Касумов А.Х. К истории агрессивной политики Англии и Турции на Северном Кавказе в 30-60-х гг. XIX в. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955.
670. Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик, 1992.
671. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях в XIX в. – Ростов-на-Дону, 1989.
672. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких отношениях первой трети XIX в. – Майкоп, 1990.
673. Касумов А.Х. Северный Кавказ в системе международных отношений в 30-60-х гг. XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
674. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Антиколониальное движение в Кабарде // Адыги. 1991. № 3.
675. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкесия в XIX в. – Майкоп, 1991.
676. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. – Нальчик, 1992. – 198 с.
677. Касумов Х.А. Северо-Западный Кавказ (черкесский вопрос) в русско-турецких отношениях 1774-1829 гг. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1998. – 21 с.
678. Катанчиев Т.М. Адыгэ хабзэ как кабардинское обычное право. – Нальчик, 2001.
679. Кафоев А.Ж. Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. – Нальчик: Эль-Фа, 1999.
680. Кафоев А.Ж. Адыгские памятники. – Нальчик, 1969.
681. Кашироков З.К. Кабардино-Балкарская республика: от Декларации о государственном суверенитете до Конституции // Нальчик: Res Publica, 2000. Вып. 1. С. 247-268.

682. Кашкин Н.Н. «Столпцы» князей Черкасских. - СПб., 1902.
683. Каюр Ю. Сабля – гордость казака // Аргументы и факты-Юг, 2011, № 36. С. 23.
684. К вопросу о колонизации Черноморской губернии. Из отчета по командировке чиновника особых поручений действительного статского советника Краевского. – СПб., 1897.
685. Керашев А.Т. Политическая деятельность князя Сефер-бея Заноко // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.). – Майкоп, 1995.
686. Керашев А.Т. Правда в плену историков // Адыгейская правда, 1989, 11 мая. С. 3.
687. Керашев А.Т. Русско-адыгейские отношения в XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // Адыгея. Историко-культурный очерк. – Майкоп, 1989.
688. Керашев А.Т. Сефер-бей Заноко: политический портрет // Адыгейская правда, 1990, 16 мая.
689. Керашев А.Т. Социальная сущность адыгского наездничества // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп, 1991. С. 167-186.
690. Керашев А.Т., Чирг А.Ю. История Адыгеи (с древнейших времен до конца XIX в.). Учебное пособие. - Майкоп, 1994. – 222 с.
691. Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкесии. - Краснодар, 1994. – 117 с.
692. Керашев Т.М. Избранные сочинения в 3-х т. Т.1. - Майкоп, 1981. – 414 с.
693. Керешов Б.М., Керешов Т.Б. Кабардинцы: краткий историко-этнологический очерк // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 30-47.
694. Керменчиев С.Р., Галемба М.Л. Черкесы и Кабарда. Миф о Канжальской битве. – Пятигорск, 2008.
695. Кешев А.-Г. (Каламбий). Записки черкеса. – Нальчик, 1988.
696. Кешев А.-Г. Избранные сочинения. – Нальчик, 1976.
697. Кешев А.-Г. О незаметном вымирании горских песен // Терские ведомости. – Владикавказ, 1871, № 20.
698. Кешева Е.Т. Дочери горного края. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 182 с.
699. Кешева Е.Т. Просвещение и наука Кабардино-Балкарии за годы советской власти // 50 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1971. С. 131-146.
700. Кешева З.М. Поход имама Шамиля в Кабарду (документы ЦГА КБР) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 448-468.
701. Кешева З.М. Танцевальная и музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX в. – Нальчик, 2005.
702. Кешева З.М. Экология современной танцевальной культуры кабардинцев // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 337-368.
703. Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в. – М., 2006.
704. Киракос Гандзакеси. История Армении. Пер. с др. арм. Л.А. Ханларян. - М.: Наука, 1976. – 357.
705. Кириченко Н. По поводу «расширения и насаждения» образования // Майкопская газета, 1910, № 11.
706. Киселев А.А. Материальная и духовная культура западных адыгов в XIX - начале XX вв. // По страницам истории Кубани. Отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Советская Кубань, 1993. С.166-178.
707. Кияшко И.И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки... // Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1909. Т. XIV. С 377-474; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 300-350.
708. Кияшко И.И. Именной список генералам, штабс- и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска, убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 г. – Екатеринодар, 1911. (Репринт, 2007. – 343 с.).
709. Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974.
710. Климов Г. Протоколы советских мудрецов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. – 479 с.
711. Клинген И.Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб, 1897. – 129 с.; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 6-98.
712. Клычников Ю.Ю. Военно-политические планы А.П. Ермолова на Северном Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. – Армавир, 1996.
713. Клычников Ю.Ю. У истоков обретения и формирования северокавказской окраины России // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. М. - Армавир, 2007.
714. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. - М.: Прометей, 1991. – 335 с.
715. Книга памяти. Т.1,2. - Майкоп.: Кн. изд-во. 1994. – 847 с.
716. Кобахидзе Е.И. Политико-административное взаимодействие России и горских обществ Центрального Кавказа в конце XVIII—XIX вв.: некоторые историографические итоги и перспективы исследования // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 29-38.
717. Кобеляцкий В. Станица Самурская Кубанской области Майкопского уезда // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. – Тифлис, 1888. С. 99-122.
718. Кобрин В.Б. Иван Грозный. - М., 1989.
719. Ковешников В.Н. Топонимический словарь Краснодарского края и Республики Адыгея. Краснодар, 2008. - 184 с.
720. Коджесау Э.Л. Адыгея в период завершения реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР (1933-1937 гг.) // Сборник статей по истории Адыгеи. – Майкоп, 1967.
721. Коджесау Э.Л. Положение женщины в адыгском обществе в прошлом // Культура и быт адыгов. Вып. IX. - Майкоп, 2001. С.24-41.
722. Коджесау Э.Л. Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства Адыгеи (1926-1933 гг.) // Сборник статей по истории Адыгеи. – Майкоп, 1967.

723. Кожев З.А. Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI-XVIII вв.) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 118-144.
724. Кожев З.А. Кабарда в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе (XVII в.). / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998.
725. Кожев З.А. Отзыв на книгу З.Б. Кипкеевой «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение. 60-е годы XVIII в. - 60-е годы XIX в.» // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 466-474.
726. Кожев З.А. Политическая история Черкесии (с начала XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
727. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. – СПб., 1996.
728. Козменко Г.Г. Краснодарское водохранилище: экологические проблемы и пути их решения // Энтузиасты аграрной науки. Вып. 3. - Краснодар: Куб. ГАУ. 2004. С. 236-240.
729. Козменко Г.Г., Немцев А.С., Трепет С.А. Организация и функционирование особо охраняемых природных территорий. – Майкоп, 2000.
730. Козменко Г.Г., Шеуджен А.Х., Ашинов Ю.Н. Экологическая обстановка в зоне влияния Краснодарского водохранилища // Удобрения и урожай. / Матер. регион. науч.-практ. конф. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2005. С. 407-416. (Науч. труды Куб. ГАУ).
731. Козменко Г.Г., Шеуджен А.Х., Галкин Г.А. Краснодарское водохранилище: 30 лет на службе народнохозяйственного комплекса Кубани // Энтузиасты аграрной науки. Вып. 4. - Краснодар: Куб. ГАУ, 2005. С. 417-422.
732. Козменко Г.Г., Шеуджен А.Х., Трахов Э.М., Булгаков Г.С., Мартыненко В.М., Шереметьев В.М., Тытянок Н.Н. О создании службы экологического мониторинга в зоне влияния Краснодарского водохранилища // Проблемы экологии в сельском хоз-ве и медицине. - Майкоп. – 2000. С. 6-12.
733. Кокиев Г.А. Военно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1929, № 4. С. 30-35.
734. Кокиев Г.А. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // Учен. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока. – М., 1930. Т. 2.
735. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Кабарде в 1867 г. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Сост. Г.Х. Мамбетов. - Нальчик, 2005. С. 838-902.
736. Кокиев Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Изв. Юго-Осетинского НИИ краеведения. – Сталинир, 1933. Вып. I. С. 179-225.
737. Кокиев Г.А. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). – Нальчик, 1946.
738. Кокиев Г.А. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // Учен. зап. Кабардинского НИИ. Т. 4. – Нальчик, 1948.
739. Коков Д.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. – Нальчик, 1974. – 215 с.
740. Коков Д.Н. Адыгские этнонимы. – Нальчик, 1979.
741. Коков Д.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. – Нальчик, 1983.
742. Коков Д.Н. Топонимия и этнонимия // Адыгская (черкесская) энциклопедия. // Под ред. М.А. Кумахова. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 699-731.
743. Коков Д.Н., Кокова Л.Д. Кабардино-черкесские фамилии. – Нальчик, 1993. – 60 с.
744. Колесник В. Уверенные темпы развития (интервью с А. Тхакушиновым) // Вольная Кубань, 2012, № 6, 18 янв. С. 4.
745. Колесов В.И. Из истории черкесо-гаев Богарсуковых: переселение в Россию и актуализация идентичности // Historia Caucasica: Регион. ист. сборник науч. статей. Вып. 2. – Краснодар, 2004; <http://slavakubani.ru/print.php?table=1&type=1&id=381>.
746. Колесов В.И. Этническая история горских греков и формирование общины аула Бжедугхабль // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. / Под ред. Кузнецова И.В. № 6. 2004, март.
747. Колубакин Н. Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских (Извлечение из записок) // Кавказ, 1846, № 11.
748. Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927-1941 гг.). Сборник документов. - Краснодар, 1981. – 203 с.
749. Комиссаров С.А. Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде // Учен. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. Т. 2. - Нальчик, 1947.
750. Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1973.
751. Конституция Республики Адыгея. – Майкоп: Адыгейское респ. кн. изд-во, 1995. – 112 с.
752. Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII в. – 30-е гг. XIX в.). – Нальчик, 1964.
753. Копылов В.М. Дашнаки // Военно-ист. журн., 1990, № 8. С. 8-17.
754. Коран. / Под ред. И. Машбаш; пер. и комментарии И.Ю. Крачковского. - М.: Наука, 1990. – 728 с.
755. Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры. – Майкоп, 2008.
756. Коробова Н. Адыги-шапсуги: тендер, религия, образование. Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. / Под. ред. Кузнецова И.В. 1999. № 1.
757. Короленко П.П. Горские переселенцы в Черномории // Изв. Об-ва любителей изучения Кубанской области. Вып. III. – Екатеринодар, 1902.
758. Короленко П.П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа). Проекты и планы о покорении горцев на Западном Кавказе // Военный сборник, 1893, № 4. С. 328-350; «Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 102-115.
759. Короленко П.П. Записки о черкесах. Род черкесов, владетельных черкесских князей Гаджимуковых // Кубанские областные ведомости, 1902, 6 февр.; Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1908 (1909). Т. XIV; Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 202-236.
760. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе // Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1910 (1911). Т. XVI.
761. Короленко П.П. Черноморцы. - СПб., 1874.
762. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961.

763. Космачева Е. Проблему занятости населения решает малый бизнес (Интервью с А.К. Тхакушиновым) // Аргументы и факты-Юг, 2009, № 41. С. 13.
764. Костарнова Н.К. Тайны географических названий. Словарь географических названий Республики Адыгея и Краснодарского края. – Майкоп: Изд-во «Маргарин О.Г.», 2009. – 152 с.
765. Котляров В. Черный пистолет, или Слово о Мухамеде Хафие. – Нальчик, Изд-во М. и В. Котляровых. 2006. – 20 с.
766. Котомкин А.Е. Горцы // Львовское военное слово, 1915, 7 февр.
767. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик: Эльбрус, 1974.
768. Кохужев К.С., Галкин Г.А., Шеуджен А.Х. Водные ресурсы Адыгеи: предотвратить грядущий экологический кризис / Науч.-техн. прогресс в сельском хоз-ве Северного Кавказа. – Майкоп, 1996. С.21-22.
769. Коцев П. Народное образование в Кабарде // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX в. / Сост. Р.Х. Хашхожева. – Нальчик, 2005.
770. Кочесоков Р.Х., Тхакахов В.Х. Политическая регионалистика: социально-политическая система и международные отношения Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1997.
771. Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX в. – Нальчик, 1991.
772. Кошев М.А. История и проблемы культурно-технического развития рабочих кадров народов Северного Кавказа в 60-е - начале 80-х гг. - Майкоп, 1994.
773. Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – начало XX в.). – Майкоп: Качество, 1999.
774. Кошубаев П.К. Гордость и слава Адыгеи. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 128 с.
775. Крайсветный М.И. О роли народов Кавказа в раннем этногенезе донского казачества // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 286-300.
776. Краснопольский А. В., Джаримов Н. Х., Шеуджен А. Х. Трудники науки Адыгеи. Адыгэ шӀэныгъэм илӀжыакӀуэхэр. - Майкоп: ГУРИПП, «Адыгея», 2001. – 586 с.
777. Креминская В.Ю. Живая старина станицы Бесленевской // Кубанский краевед-90. - Краснодар: Кн. изд-во, 1990. С. 175-197.
778. Кривенко В.С. Очерки Кавказа. Поездка на Кавказ осенью 1888 г. – СПб., 1893. - 248 с.
779. Крикунова Е.О., Павлова И.М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII в. (Документы) // Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. пед. ин-та. – Нальчик, 1957. Вып. 13.
780. Кропачев С.А. Большой террор на Кубани. - Краснодар, 1993. – 116 с.
781. Кропачев С.А., Чирг А.Ю. Внешняя торговля адыгов Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века. – Майкоп: «Полиграф-ЮГ», 2017. – 132 с.
782. Кругликова И.Т. Анапа – 2500 лет. - Краснодар: Кн. изд-во, 1987. – 108 с.
783. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // Сов. археология, 1964, № 1.
784. Крупнов Е.И. Древнейший период в истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Вып. 1. – Нальчик. 1951.
785. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. – М., 1957.
786. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. – 487 с.
787. Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. – Нальчик, 1946.
788. Крушинский М. Пять черкесских князей в Польше // Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002, № 3. С. 149-151.
789. Крылов Д. Братья Джасте (О председателе Адыгейского облисполкома П.Ц. Джасте) // Лики адыгского прошлого. Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ», 2012. Вып. 8 (67). С.5-6.
790. Крылов Д., Маренов А. «Море рукотворное, что ты натворило?!»: Два года спустя // Сов. Адыгея, 1999, 9 сент. С. 5-6.
791. Крымское ханство не помнит такого поражения // Хасэ, 2009, февр.-март, № 1/4. С. 8-9.
792. Кубанское море // Оштен, 1999 № 8, сент. С. 3.
793. Кубань и Черноморское побережье. Справочная книга. - Екатеринодар, 1914.
794. Кубов Ч.Ч. Адыгейская партийная организация в период восстановления и развития сельского хозяйства области (1921-1925 гг.) – Науч. труды Краснодарского пед. ин-та. Вып. 65. – Краснодар, 1967; Майкоп, 1967.
795. Кубов Ч.Ч. Борьба областной партийной организации за осуществление сплошной коллективизации сельского хозяйства в Адыгее (1929-1931) // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Т. IX. 1969.
796. Кудасва С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 304 с.
797. Кудасва С.Г. Огнем и железом. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20-70-е гг. XIX в.). – Майкоп. 1998.
798. Кудасва С.Г. О некоторых стереотипах в оценке роли Османской империи в судьбе адыгов-черкесов в период Кавказской войны // Матер. науч. конф. 16-18 мая 1994 г. – Краснодар, 1995.
799. Кудасва С.Г. Переселение адыгов в Османскую империю (20-70 гг. XIX в.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 1996.
800. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913; Нальчик, 1991. С. 98-107.
801. Куек А. Символ единения (Государственный Флаг адыгов) // Сов. Адыгея, 2010, 6 апр. С. 5.
802. Кузнецов В.А. Адыгское феодальное владение Кремух // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. -Ставрополь, 2001 (Ссылка: <http://annals.xlegio.ru/life/5minaev/5minaev.htm#47>).
803. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. - М.: Искусство, 1977. – 165 с.
804. Кузнецов Е.И. В Сочи нашли 14 неизвестных науке дольменов // Комсомольская правда-Кубань, 2011, 28 окт. С. 4.
805. Кузнецов Н. Состояние садоводства в Черноморском округе // Сельское хоз-во и лесопроизводство. Ч. CLXIII. – СПб., 1890. С. 1-23.
806. Кузьмин В. Нарты. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962.

807. Кузьмин-Караваев А.Н. Черноморский округ. Военно-статистическое описание. – Тифлис, 1894. Ч. 1. Гл. 6. Приложения II-III.
808. Кузьминов П.А. Аграрно-крестьянская реформа на Северном Кавказе в оценках современников // Вопросы истории историографии Северного Кавказа. – Нальчик 1989. С. 153-164.
809. Кузьминов П.А. Греки среди народов Северного Кавказа // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С.153-175.
810. Кузьминов П.А. Он стоял у истоков модернизации Центрального Кавказа (Д.С. Кодзоков) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 543- 559.
811. Кузьминов П.А., Мальбахов Б.К. Н.Ф. Грабовский – кавказовед // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 399-451.
812. Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964.
813. Культурное строительство Адыгеи (1922-1937). – Майкоп, 1958.
814. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941 гг.) Сборник документов и матер. Т. 1, 2. – Нальчик, 1995.
815. Кумахов М.А. О Тмутараканском цикле адыгского фольклора // Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик, 1984. С. 297-306.
816. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. – М.: Наука. 1985. – 220 с.
817. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию // Адыги. 1992. № 3.
818. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. – Нальчик, 1994.
819. Кумыков Т.Х. Добровольное вхождение адыгов в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный, 1982.
820. Кумыков Т.Х. Жизнь и деятельность Д.М. Кодзокова. – Нальчик, 1985.
821. Кумыков Т.Х. Кази Атажукин. Жизнь и деятельность. – Нальчик, 1969; 1978.
822. Кумыков Т.Х. К вопросу об общественном строе Кабарды // Учен. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1954. Т. 9.
823. Кумыков Т.Х. К вопросу о переселении адыгов в Турцию // Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Вып. 43. – Нальчик, 1971.
824. Кумыков Т.Х. К вопросу присоединения Кабарды к России // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 5. – Нальчик, 1956.
825. Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX в. – Нальчик, 1991.
826. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX в. – начале XX в. – Нальчик, 1996.
827. Кумыков Т.Х. Махаджирство в истории горских народов Северного Кавказа // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
828. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX в. – начале XX в. – Нальчик, 2002.
829. Кумыков Т.Х. Общественный строй адыгских народов в XVIII – первой половине XIX в. // Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Сер. историко-филологическая. Вып. 43. – Нальчик, 1971.
830. Кумыков Т.Х. О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 4. – Нальчик, 1957. С. 65-96.
831. Кумыков Т.Х. Переселение адыгов в Турцию как следствие Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1990.
832. Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивное значение. – Нальчик, 1957.
833. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800-1869). – Нальчик, 1959.
834. Кумыков Т.Х. Талиб Кашежев. – Нальчик, 1981.
835. Кумыков Т.Х. Хан-Гирей. Жизнь и деятельность. – Нальчик, 1968.
836. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик, 1965.
837. Кумыков Э.Т. История адыгов в картах. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 20 с.
838. Кунижева Л.З. Из истории формирования абазинского народа // Абаза, 1997, № 3.
839. Купфер А.Я. Рапорт о путешествии на гору Эльбрус // Акты Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. 1830.
840. Кутепов В. Природа мстит уже сегодня // Сов. Адыгея. 1995, 23 февр.
841. Куценко И.Я. Правда и «академизм» // Кубанские новости, 1995, 17 марта.
842. Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Северном Кавказе // Матер. науч. конф. 16-18 мая 1994 г. «Кавказская война. Уроки истории и современность». – Краснодар, 1995. С. 43-63.
843. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Изд. 2-е. – Краснодар, 1993. – 584 с.
844. Куценко И.Я. Уроки этнопублицистики // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 412-456.
845. Кучмезов Б.Х. К вопросу об этнических ареалах и этнических границах на Северном Кавказе // Кавказский сборник. – М., 2007.
846. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е гг. XVII в.) / Отв. ред. Н.В. Устюгов. – М., 1963.
847. Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. // Ист. зап., № 34. – М., 1950.
848. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения. XVI-XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журн. – М. 1943. № 1
849. Кушева Е.Н. Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI-XVII вв. // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 5. – Нальчик, 1956.

850. Кушхабиев А.В. Выпускник Сорбонны Амин Самгут // Черкесское зарубежье, 1998, № 4. С. 16.
851. Кушхабиев А.В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 344-370.
852. Кушхабиев А.В. Международное черкесское движение (проблемы становления) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 390-411.
853. Кушхабиев А.В. Общественные организации северокавказских диаспор в Стамбуле // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 371-380.
854. Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.
855. Кушхабиев А.В. Русско-кавказская война в истории адыгского народа // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 350-371.
856. Кушхабиев А.В. Факторы сохранности этнокультурной специфики и проблема ассимиляции зарубежной черкесской диаспоры // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 100-117.
857. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX-XX вв.). – Нальчик, 1997.
858. Кушхабиев А.В. Черкесские иммигранты в Османской империи: расселение, социально-политические аспекты // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 235-303.
859. Кушхабиев А.В. Черкесы в Сирии. – Нальчик, 1993.
860. Кушхов Х.С. Общественный быт кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – 21 с.
861. Кушхов Х.С. Проблема преемственности Хасы и Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ // Нальчик: Res Publica. 2003. Вып. 4. С. 22-30.
862. Л.А. Садоводство в Сочинском округе Черноморской губернии // Плодоводство, 1899, № 12. С. 954-956; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 99-101.
863. Лавров Л.И. Абазины (Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. – М., 1955. Т. 1 (26). Новая сер.
864. Лавров Л.И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. № 2. Вып. 4. – Нальчик, 1955. С. 19-64.
865. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды Ин-та этнографии, Новая сер. Т. 51. – М., 1959; // Религиозные верования адыгов. – Майкоп, 1998.
866. Лавров Л.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории. – Сухуми, 1960. Т. 31.
867. Лавров Л.И. Еще об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Кавказский этнографический сборник, 1980. Т. 7.
868. Лавров Л.И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г // Сов. этнография, 1936, № 4-5.
869. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978.
870. Лавров Л.И. К истории бжедугов и жансеевцев // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1965. Т. IV, V. С. 247-250
871. Лавров Л.И. К истории русско-кавказских отношений XV в. // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1957. Т. 1. С. 17-26.
872. Лавров Л.И. Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Сов. этнография, 1969, № 2. С. 136-141.
873. Лавров Л.И. О происхождении народов Северного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Т. IV. – Нальчик, 1954.
874. Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Сов. этнография, 1956, № 1. С. 19-28.
875. Лавров Л.И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Матер. по истории земледелия СССР. Т.1. – М., 1952. С. 179-225.
876. Лавров Л.И. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII века // Советская этнография. – М., 1951. № 4.
877. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа в XVIII-XX вв. – М., 1968.
878. Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1968. Вып. VIII.
879. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982. – 224 с.
880. Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. – Черкесск, 1993.
881. Лайпанов О.Х. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып. 5. – Ставрополь, 1956.
882. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских: описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Пер. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эль-Фа, 1995.
883. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Вып. 1. – СПб., 1893. – 411 с.
884. Левандовский В.А. Будущее [Черноморского] побережья // Кубанский край, 1913, 24 нояб.; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 379-381.
885. Лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон. Страницы истории. – Нальчик, 2002.
886. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев // Матер. по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. – Одесса, 1882.
887. Лесков А. Феномен Майкопской культуры // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2007. С. 90-91.
888. Лики войны. Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Нальчик, 1990.

889. Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567-1616 г. (Исторический очерк). – Тверь, 1891.
890. Лилов А. Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Т. X. – Тифлис, 1883.
891. Лихачев Е.К. Черкасский // Русский биографический словарь. – СПб., 1905.
892. Личков Л.С. К истории колонизации Кавказского побережья // Народное хоз-во, 1902, № 6. С. 1-12.
893. Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. – Киев, 1904.
894. Личкус. Исследование бывших горских аулов, а также частновладельческих и поселянских хозяйств Черноморской губернии // К вопросу о колонизации Черноморской губернии. – СПб., 1897.
895. Ловпаче Н.Г. Дольмены Западной Черкесии и киммерийцы // Этюды по истории и культуре адыгов. – Майкоп, 1999.
896. Ловпаче Н.Г. Древний Майкоп. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 228 с.
897. Ловпаче Н.Г. Золотые руки Ибрагима Ужбаноква // Искусство, культура, этнография (Матер. КНЦ АМАН), 1996, № 1. С. 28-31.
898. Ловпаче Н.Г. Из древней и средневековой истории Тахтамукай // Согласие, 1995, 14 окт.; 1996, 4 окт.
899. Ловпаче Н.Г. Киммерийцы в Северо-Восточном Причерноморье // Изв. СКНЦ ВШ, 1987, № 2.
900. Ловпаче Н.Г. Майкопская плита и древнее письмо адыгов // Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»), 2001, 5 окт. С. 3; 7.
901. Ловпаче Н.Г. Первый памятник Прикубанской культуры // XX юбилейные междунар. Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Железноводск-Ставрополь, 1998.
902. Ловпаче Н. Театр – его судьба // Матер. КНЦ АМАН, 1996, № 1. С.24-27.
903. Ловпаче Н. Художник, умеющий заглянуть в душу адыга // Матер. КНЦ АМАН, 1996, № 1. С.18-23.
904. Ловпаче Н. Этническая история Западной Черкесии. – М., 1997.
905. Лонгворт Дж. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974; Нальчик, 2002.
906. Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. – Тифлис, 1897.
907. Лопатинский Л.Г. Мстислав Тмутараканский и Редя по сказаниям черкесов // Изв. Бакинского ун-та. – Баку, 1921.
908. Лохвицкий М.Ю. (Аджук-Гирей). Громовой гул. Поиски богов. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 427 с.
909. Лукомец М.И. Землевладение и землепользование на Кубани (1792-1925 гг.). – Краснодар: 1992. – 316 с.
910. Любимов С.В. Материалы для родословной князей Бековичей-Черкасских. – СПб., 1915).
911. Любин В.П., Аутлев П.У., Несмеянов Г.П. Неандертальцы Гупского ущелья. – Майкоп, 1994.
912. Люлье Л.Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Зап. Кавказского отд. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Кн. V. – Тифлис, 1862.
913. Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними // Зап. Кавказского отд. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Кн. IV. – Тифлис, 1857.
914. Люлье Л.Я. О гостеприимстве черкес // Кавказ, 1858, № 7.
915. Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Зап. Кавказского отд. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Кн. IV. – Тифлис, 1857.
916. Люлье Л.Я. О торговле с горскими племенами на Кавказе на северо-восточном берегу Черного моря // Закавказский вестн., 1842, № 13-16.
917. Люлье Л.Я. Словарь русско-черкесский, или адыгейский, с краткой грамматикой сего последнего языка. – Одесса, 1846.
918. Люлье Л.Я. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Зап. Кавказского отд. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Кн. VII. – Тифлис, 1866.
919. Люлье Л.Я. Черкесия (Историко-этнографические статьи). // Записки КОРГО. 1857. / Переизд.: Матер. для истории черкесского народа. Вып. 4. – Краснодар, 1927. – 47 с.; Северо-Кавказский филиал МЦТК «Возрождение», 1990.
920. Ляушева С.А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность. – Майкоп, 2002.
921. Магомеддадаев А.М. Магомед-Амин – наиб Шамиля в Черкесии // Мухаммед-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа. – Махачкала, 1998. – С. 5-38.
922. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50-х гг. XIX в. – М., 2000.
923. Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х гг. XIX в.: историко-правовые аспекты. – Махачкала, 2004.
924. Мазурик В.К. Неизвестный Майкоп. Исторические очерки // Литературная Адыгея, 1997, № 1. С. 98-127; Майкоп, 2006.
925. Майкоп. / Сост. Б.М. Джимов, Ф.З. Кайтмесова и др. – Краснодар: Кн. изд-во, 1980. – 93 с.
926. Макаренко Ю.Г. «Нам вместе жить на этой земле...» – Казачьи вести, 1997, № 1 (119).
927. Макаров Т. Племя адыге // Кавказ, 1862. № 29-34.
928. Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. – Воронеж, 1908.
929. Максидов А.А. Адыги и народы Причерноморья. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 119 с.
930. Максидов А.А. Государственные и национальные символы Кабардино-Балкарии: История и современность. – Нальчик, 2006.
931. Максидов А.А. Хапцей. Пшичох. Азапцей. Фамильная энциклопедия. – Нальчик: Эль-Фа, 1997.
932. Максидова Д.Ф. Из истории сотрудничества Кабардино-Балкарии с Иорданией и Сирией в сфере экономики, культуры и образования (1992-1995 гг.) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 305-318.
933. Максимов Е.Д. Кабардинцы // Терский сборник. – Владикавказ, 1892. Вып. 2.
934. Малахов С.Н., Пьянков А.В. Моливдовул архиепископа Зихии Антония. // Историко-археологический альманах. – Армавир-М., 2000. С. 46.
935. Малкондуев Х.Х. О нашествии Тимура на Центральное Предкавказье по данным фольклора и топонимики // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 345-361.
936. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825) – Нальчик, 1999.
937. Мальбахов Б.К. Кабарда на этапах политической истории (середина XVI первая четверть XIX в.). – М., 2002.

938. Мальбахов Б.К. Кабардинская феодальная аристократия во взаимоотношениях России с Кабардой и другими народами Северного Кавказа (вторая пол. XVI-70-е годы XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Махачкала, 1995.
939. Мальбахов Б.К. Кабардинское народное декоративное искусство. – Нальчик, 1984.
940. Мальбахов Б.К. Турецкого султана пленила черкешенка Бессиме. Из истории брачных союзов Черкесии с разными народами и державами // Черкесское зарубежье, 1998, № 4. С. 16.
941. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). – Нальчик: Эльбрус, 1996.
942. Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда: внутренние и внешние аспекты истории. – Нальчик, 1994.
943. Мальцев В.Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX в. // Матер. науч. конф. 16-18 мая 1994 г. «Кавказская война. Уроки истории и современность». – Краснодар, 1995.
944. Мамбетов Г.Х. Земельный вопрос в творчестве общественно-политических деятелей адыгов, балкарцев и карачаевцев // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. - Нальчик, 1976.
945. Мамбетов Г.Х. К истории адыгских племен // Вестн. Кабардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1970. Вып. 3.
946. Мамбетов Г.Х. Некоторые вопросы адыгского махаджирства в буржуазной историографии // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
947. Мамбетов Г.Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов // Учен. зап. Адигейского НИИ языка, литературы и истории, 1968. Вып. VIII.
948. Мамбетов Г.Х. Праздники и обряды адыгов, связанные с земледелием // Учен. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1966. Т. 24.
949. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. - Нальчик, 1994; 2002.
950. Мамбетов Г.Х. 1557 г. – присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. – Майкоп, 1993.
951. Мамбетов Г.Х. Хан-Гирей о русско-адыгских отношениях // Вопросы кавказской филологии и истории. Вып. 2. - Нальчик, 1994.
952. Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20-30-е гг. - Нальчик, 1999.
953. Маргиев В.И. Киммерийцы: общественно-политический строй // Вестн. Адигейского гос. ун-та. – Майкоп, 2000. № 8. С. 22-25.
954. Маремкулов А.Н. Из истории правового оформления политики самодержавия на Северном Кавказе // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНИЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 165-181.
955. Марзей А.С. Черкесское наездничество «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). – М., 2000; Нальчик, 2004.
956. Мариньи Т. Поездка в Черкесию. / Пер. с франц. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. -111 с.
957. Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. – Пятигорск: «Снег», 2008. – 308 с.
958. Марков Е.Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб.-М.: Товарищество М.О. Вольфа, 1887; 1902. – 311 с.; Переизд.: Кавказ: Музей мировой истории. Вып. IX. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. – 496 с.
959. Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик, 1974.
960. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
961. Марковин В.И. Испун – дома карликов. - Краснодар: Кн. изд-во, 1985.– 112 с.
962. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы II тысячелетия до н. э. – М., 1960. – 221 с.
963. Марковин В.И. Очерк изучения дольменов Прикубанья и Причерноморья // Сборник матер. по археологии Адигеи. – Майкоп, 1972. Т. III.
964. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. – М., 2003.
965. Маркс К. Предатель в Черкесии. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.12. С. 171-172.
966. Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. – Пг., 1922.
967. Маслов Е.П., Кереев К.Н. Очерки экономической географии Кабардино-Балкарской АССР. – Нальчик, 1964.
968. Матвеев В.А. К вопросу о последствиях Кавказской войны и вхождении северокавказских народов в состав России // Матер. науч. конф. 16-18 мая 1994 г. «Кавказская война. Уроки истории и современность». – Краснодар, 1995.
969. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
970. Матвеев О.В. К вопросу о черкесской государственности на завершающем этапе Кавказской войны // Вопросы отечественной истории. - Краснодар, 1995. С. 41-51.
971. Матвеев О.В. Присоединение Закубанья к России // Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. - Краснодар, 1996.
972. Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья: Время графа Паскевича-Эриванского и барона Розена // Кавказский сборник. Т. XXXII. Ч. 2. - Тифлис, 1912. С. 1-320.
973. Материалы по истории абхазов и адыгов. Т.1. - Майкоп, 1990. – 398 с.
974. Мафедзев С.Х. Адыги: традиции, обычаи, адыгэ хабзэ. - Нальчик, 2000.
975. Мафедзев С.Х. Адыгэ хабзэ. - Нальчик, 1994.
976. Мафедзев С.Х. Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX и XX вв. – Нальчик, 1979.
977. Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. – Нальчик, 1984.
978. Мафедзев С.Х. Статус женщины в системе адыгэ хабзэ // Эльбрус, 1999, № 2.
979. Махвич-Мацкевич А.О. Абадзехи, их быт, нравы и обычаи // Народная беседа, 1864. Кн. 3.
980. Машбаш И.Ш. Гошевной. - М.: Современник, 1990. – 460 с.

981. Машбаш И.Ш. Жернова. - Майкоп: Кн. изд-во, 1993. – 639 с.
982. Медынцев А.А. Тмутараканский камень. – М., 1979.
983. Мекулов Д.Х. Национально-государственное и советское строительство в Адыгее: начальный этап, тенденция // Северный Кавказ, национальные отношения (историография проблемы). – Майкоп, 1992.
984. Мекулов Д.Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве. 1922-1937. – Майкоп, 1989.
985. Мельник А. Откуда пошел род казачий // Сов. Адыгея, 1997, 3 апр.
986. Меоты – предки адыгов. / Под ред. Н.В. Анфимова. - Майкоп, 1989. – 157 с.
987. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. - Майкоп., 1981; 1990; 2003.
988. Меретуков М.А. Из общественного быта адыгов (XVIII — первая половина XIX в.) // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп. 1991.
989. Меретуков М.А. Кустарные промыслы и ремесла у адыгов (XIX – начало XX вв.) // Культура и быт адыгов. Вып. IV. - Майкоп, 1981. С. 3-96.
990. Меретуков М.А. Русско-адыгейские культурные связи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. – Краснодар, 1991.
991. Меретуков М.А. Свадебные обряды абадзехов // Матер. по этнографии Грузии. XII-XIII. - Тбилиси: АН ГССР, 1963. С. 263-270.
992. Меретуков М.А. Семейная община у адыгов // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1970. Вып. XI.
993. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX в. – 70-е гг. XX в. – Майкоп. 1987.
994. Меретуков М.А. Система родства и свойства у адыгов // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1970. Вып. XI.
995. Меретукова М.Х. Казбич – «Лев Кавказа» // Радетели земли Тахтамукайской (Спец. выпуск районной газеты «Согласие»). – Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 7-10.
996. Мерзей А. С. Черкесское наездничество - «Зеклуэ» (из истории военного быта черкесов в XVIII — первой половины XIX в.). - Нальчик, 2-е изд. 2004 (Ссылка: http://www.audio.adyga.org/HTML/library_rus.html)
997. Месяц С.И. Население и землепользование Кабарды. – Воронеж, 1928. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993.
998. Мижаев М.И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. - Черкесск, 1973.
999. Мизиев И.М. История рядом. - Нальчик, 1990.
1000. Мизиев И.М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII-XVIII вв. - Нальчик, 1995.
1001. Миллер А. Черкесские постройки // Матер. по этнографии России. Т. II. – Пг., 1914.
1002. Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестн. Европы, 1884. Кн. 4. Т. 2.
1003. Минаева Т.М. Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского НИИ. – Черкесск, 1954. Вып. 2.
1004. Мирошниченко О.В., Пурас Л.М. «И место сыскал под войсковой град...» // Кубанский краевед-89. - Краснодар: Кн. изд-во, 1989. С. 163-171.
1005. Мифы народов мира. (Энциклопедический справочник). Т.1. - М.: Сов. энциклопедия. 1987. – 690 с. Т. 2. 1992. – 711 с.
1006. Мичурин И.В. Черкесские сады ждут своих селекционеров // Соч. Т. IV. – М.: Сельхозгиз, 1948. С. 617-618.
1007. Моисей Хоренский. История Армении. - М., 1893.
1008. Мокаева М. Духовно-нравственная обусловленность поэтического творчества Хасани // Литературная Кабардино-Балкария, 2011, № 5. С. 143-145.
1009. Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI - XVII вв. - Нальчик, 2001.
1010. Молев Е.А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1986.
1011. Монгайт А.Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М.И. Тихомирова. – М., 1963.
1012. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 г. – М., 1977.
1013. Морозова Л., Морозов Б. Иван Грозный и его жены. – М., 2005.
1014. Мужев И.Ф. Крестьянская реформа в Кабарде (1867). / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1950.
1015. Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900-1914). – Нальчик, 1965.
1016. Мужев И.Ф. Предпосылки крестьянской реформы в Кабарде // Учен. зап. Кабардинского пед. ин-та. - Нальчик, 1951. Вып. 3. С. 89-114.
1017. Мукожев А.Х. Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 г. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 208-229.
1018. Мукожев А.Х. Ислам и адыгэ хабзэ // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 426-436.
1019. Мукожев А.Х. К вопросу о характере исламизации кабардинцев // Вестн. Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований. – Нальчик, 2003. Вып. 10.
1020. Мукожев А.Х. Народный эфендий Умар Шеретлоков (эпизод биографии) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 349-355.
1021. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1976.
1022. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М., 1994.
1023. Муратова Е.Г. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х гг. XIX в. (Рецензия) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 469-474.
1024. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М., 1980.
1025. Мурзаханов Ю.И. Материалы для библиографии Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи (1918-1940). // Эльбрус, 1999, № 2. С. 335-374.
1026. Мусукаев А.И. Века родословий. – Нальчик, 1997.

1027. Мусукаев А.И. Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1990.
1028. Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1991.
1029. Мусукаев А.И., Першиц А.И. Общинные традиции кабардинцев и балкарцев в конце XIX - начале XX вв // Вестн. КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Нальчик, 1994. Вып. 1. Кн. 2.
1030. Муфти Хавжоко Шаукат. Герои и императоры в Черкесской истории. Пер. Б.Н. Берзегова. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 317 с.
1031. Мухаммед-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX в. (Сборник документов и матер.). – Махачкала, 1998.
1032. Мыц В.Л. О пребывании «черкесов» в Крыму // Проблемы истории Крыма. Вып. 1. – Симферополь, 1991.
1033. Нагоев А.Х. К истории военного дела средневековых адыгов (XIV-XVII вв.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе, 1986.
1034. Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV- XVII вв.). – Нальчик, 1981.
1035. Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. – Нальчик, 2000.
1036. Нагучев Д.М. Высшая школа на Северном Кавказе. – Майкоп: Кн. изд-во, 1992. – 309 с.
1037. Нагучева Н.К. Социально-политическая борьба в адыгском обществе XVIII - первой половины XIX вв. – Майкоп, 2005. – 204 с.
1038. Надеждин П.П. Кавказский край: природа и люди. – Тула, 1895. – 311 с.; Переизд.: Краснодар: Традиция, 2010. – 344 с.
1039. Надюков С.А. Шапсуги в культурно-историческом пространстве Северо-Западного Кавказа. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2006.
1040. Налоев З.М. Адыги // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1985.
1041. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978.
1042. Налоев З.М. Культ женщины в адыгской традиции // Эльбрус, 2000, февр.
1043. Налоев З.И. Организационная структура джегуако // Культура и быт адыгов. Вып. VI. – Майкоп.1986.
1044. Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1985; 2009. – 656 .
1045. Налоева Е.Д. Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII в. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1973.
1046. Налоева Е.Д. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды // Вестн. Кабардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1972. Вып. 6.
1047. Налоева Е.Д. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII в. // Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Вып. 40. – Нальчик, 1969.
1048. Налоева Е.Д. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1980.
1049. Нальчикова Е.А. Стереотипы женского поведения в похоронно-поминальных обрядах адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 132-143.
1050. Нальчикова Е.А. Феномен самоубийства в традиционной адыгской культуре: причины и способы // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 301-316.
1051. Намиток А. Происхождение черкесов. – Париж, 1939 (на фр. яз.). Пер. на рус. яз // Архив Кабардино-Балкарского НИИ. Инв. № 1104-р.
1052. Намиток А. Происхождение черкесов. – Тбилиси, 2018. – 572 с.
1053. Намитоков Ю.К. Адыгейская народная педагогика о воспитании детей // Сборник статей кафедры педагогики и психологии Адыгейского пед. ин-та. Вып. 1 – Майкоп, 1957.
1054. Намитокова Р.Ю. В мире имен собственных. – Майкоп: Кн. изд-во, 1993. – 183 с.
1055. Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX в. // Сборник документов. / Сост. М.З. Саблиров. – Нальчик, 2001.
1056. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х тт. – М., 1980-1986.
1057. Народы Центрального Кавказа в 40-х - начале 60-х гг. XIX в. Сборник документальных материалов. / Под ред. В.Д. Дзидзоева и М.П. Мохначевой. В 2-х т. Т. 1. Территория, население и особенности социально-экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х - начале 60-х гг. XIX в. - М.: Поматур, 2005. - 368 с.; Т. 2. Проекты и решения сословных и земельных отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х — начале 60-х гг. XIX в. - М.: Поматур, 2005. - 392 с.
1058. Нартхэр. Адыгэ эпос. (Нарты. Адыгский героический эпос). Под ред. А.М. Гадагатля. Т. 1-7. – Майкоп, 1968-1971.
1059. Нарты. Адыгский героический эпос. – М., 1974.
1060. Нарты. Кабардинский эпос. – М., 1957; Репринтное изд.: Нальчик, 2002.
1061. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации: в 1841, 1860 и 1863 гг. // Зап. (имп.) Рус. Геогр. об-ва. Кн. I. – СПб., 1864. С. 1-6.
1062. Натхо К.И. Черкесская история. – Майкоп: Полиграф-ЮГ», 2015. – 456 с.
1063. Наука – Адыгее. / Матер. науч.-практ. конф. ученых Адыгеи 14-16 апр. 1993 г. – Майкоп: Меоты. 1994. – 269 с.
1064. Наурузов Б.Б. Годы испытаний. – Майкоп, 1991. – 78 с.
1065. Нахушев К.И. Аул Уляп – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1999. – 29 с.
1066. Нахушева М.Х. Адыгэ хабзэ – морально-правовой кодекс адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 294-301.
1067. Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917-1941). – Майкоп, 1995.
1068. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. / Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
1069. Наша маленькая академия. Статьи. Очерки. Воспоминания. / Сост. К.Г. Ачмиз. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. – 272 с.
1070. Невский П. Закубанский край в 1864 г. // Кавказ, 1868, № 97-100.

1071. Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. – Майкоп, 1985. – 96 с.
1072. Некрасов А.М. Женщины ханского дома Гиреев в XV-XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 2000. С. 216-219.
1073. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV в. – первая половина XVI в.). – М.: Наука. 1990. – 125 с.
1074. Нестеренко В. Золотинки щедрой души [Хазрет Меджидович Совмен] // Радетели земли Тахтамукайской. – Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 253-259.
1075. Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Репринт. В 4-х кн. Кн. 1. – Кемерово, 1991. – 333 с.
1076. Нибо А. Мэр Лондона Борис Джонсон: «Моя прабабушка - черкешенка» // Circassian Site | Адыгэ Сайт | eLot.ru-Мэр Лондона Борис Джо...
1077. Николаев А. Майкоп Кубанской области // Отчет Кавказского об-ва сельского хоз-ва. – Тифлис, 1877. Ч. 6.
1078. Н.М. Воспоминание о Кавказе 1837 г. // Библиотека для чтения. Т. 80. Ч. 1. Январь. Отд. III. – СПб., 1847.
1079. Новицкий Г. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе // Тифлисские ведомости, 1829, № 22-25.
1080. Новицкий Г. Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани // Фелицын Е.Д. Черкесы-адыге и западно-кавказские горцы. / Матер. для изучения горцев и принадлежащей им страны. – Екатеринодар, 1884.
1081. Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1986.
1082. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа (о кабардинцах), составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым... – Тифлис, 1861; Пятигорск, 1893; Нальчик: Эльбрус. 1982. – 168 с.
1083. Ногмов (Ногма) Ш.Б. Филологические труды. В 2-х т. Под ред. Г.Ф. Турчинова. Т. 1. – Нальчик, 1956; Т. 2. 1959.
1084. Нравы и обычаи кабардинцев, или черкесов // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII вв. / Сборник матер. – Нальчик, 2006.
1085. Огурцов Н.А., Поляков Ю.Н., Гольднер Р.М. Краснодарское водохранилище. – Краснодар: Кн. изд-во, 1975. – 64 с.
1086. Озова Ф.А. Из истории межнационального конфликта на Кубани (1918 г.) // Северный Кавказ: национальные отношения (История, проблемы). – Майкоп, 2001. С. 44-51.
1087. Озова Ф.А. Правда и кривда // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 372-377.
1088. Озова Ф.А. Северо-Кавказская республика: причины возникновения ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917-1941 гг.). – Майкоп, 1995.
1089. Озова Ф.А. Требуется исключительная история, или Еще раз о первоисточнике на Эльбрус // Хасэ, 2009, февр.-март, № 1/4. С. 10.
1090. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. – СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2003. – 607 с.
1091. Опрышко О.Л. «Бывают странные сближенья...». Документальное повествование. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 224 с.
1092. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. – Нальчик, 1999.
1093. Опрышко О.Л. Князь Александр Бекович-Черкасский // Адыги. 1991. № 1.
1094. Опрышко О.Л. По тропам истории. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 672 с.
1095. Осипов К. Александр Васильевич Суворов. 2-е изд. – М.: Военное изд-во Мин-ва обороны. 1954. – 338 с.
1096. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985). – Краснодар, 1986.
1097. Охрана природы Адыгеи. – Майкоп, 1978.
1098. Очерки истории Абхазской АССР. – Сухуми, 1960. Ч. 1.
1099. Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Под ред. С.К. Бушуева. – Майкоп: Кн. изд-во, 1957. – 477 с.
1100. Очерки истории Адыгеи. Т.2. Советский период. – Майкоп, 1982; 1991. – 367 с.
1101. Очерки истории кабардинской литературы. – Нальчик, 1968.
1102. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1, 2. – Черкесск-Ставрополь, 1967; 1976.
1103. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. – Краснодар, 1976. – 637 с.
1104. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996. – 312 с.
1105. Очерки истории Ставропольского края. Т.2. С древнейших времен до 1917 г. Ставрополь, 1984. – 383 с.
1106. Ошроев Р.Г. Творец истории З.Б. Кипкеева // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 457-465.
1107. Павлов А.М. Казачьи истории // Кубанский краевед-89. – Краснодар, 1989. С.74-118.
1108. Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974.
1109. Памятники истории и культуры Республики Адыгея. – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1998. – 380 с.
1110. Панеш А.Д. Активизация политики России на Северо-Западном Кавказе и нарастание борьбы адыгов за независимость (20-40-е гг. XIX в.) // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. – Майкоп, 1999. С. 30-36.
1111. Панеш А.Д. Военно-политическое взаимодействие адыгов Северо-Западного и Центрального Кавказа и имама Шамиля в период Кавказской войны // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 1. – Майкоп, 1999. С. 83-89.
1112. Панеш А.Д. Деятельность Хаджи-Магомета и Сулеймана-Эфенди на Северо-Западном Кавказе (1842-1846 гг.) // Черкесия в XIX в. – Майкоп, 1991.
1113. Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.) – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2007. – 240 с.
1114. Панеш Э.Х. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти. – С.-Пб., 1995. С.13-35.

1115. Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). - С.-Пб., 1996.
1116. Пантюхов И.И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. - Тифлис, 1899.
1117. Пафова М.Ф. Традиционная система питания адыгов (XIX-XX вв.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Майкоп, 1992. - 20 с.
1118. Певнев А.В. Кубанские казаки. Пособие для станичных школ. - Екатеринодар, 1911 (Переизд.: Краснодар 1995).
1119. Пейсонель К. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг. В изложении Е.Д. Фелицына. / Матер. для истории черкесского народа. Вып. 2. - Краснодар, 1927. - 35 с.
1120. Петрусенко И.А. Балетмейстер Американ Кулов и ансамбль «Нальмэс» // Матер. КНЦ АМАН, 1996, № 1. С.70-81.
1121. Петрусенко И.А. Энвер Трахов: «Жить во имя мира и созидания» // Сов. Адыгея, 2000, 8 февр. С. 5.
1122. Петрусенко И.А. Песенная судьба Сариев Даутовой // Матер. КНЦ АМАН, 1996, № 1. С.66-69.
1123. Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории, 1956, № 3.
1124. Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа в первой половине XIX в. / Ист. зап. - М., 1940. Т. 9.
1125. Писатели Адыгеи. 2-е изд. / Сост. К.Г. Ачмиз. - Майкоп, 1981. - 49 с.
1126. Писатели Адыгеи. Биографический справочник. Сост. Х.Г. Тлепцере. - Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. - 128 с.
1127. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX в. - конец 80-х гг. XX в.). Библиографический словарь. / Сост. Р.Х. Хашхожева. - Нальчик: Эль-Фа, 2003. - 441 с.
1128. Плетнева С.А. Хазары. - М.: Наука, 1976. - 211 с.
1129. П.К. «Дикая дивизия» // Прикарпатская Русь, 1915, февр.
1130. Победители. В 3-х т. Ред. и сост. В.В. Дмитриков. Т. 1. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2005. - 1332 с.; Т. 2. - Майкоп: Качество, 2007. - 1332 с.; Т. 3. - Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2010. - 1476 с.
1131. Погодин М.П. Предания адыгейцев, не бесполезные для истории России // Москвитянин, 1850. Кн. 2.
1132. Погосян Л.А. Армянская колония Армавир. - Ереван, 1981; http://86137.ru/pogosyan_content.htm
1133. Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. - Владикавказ, 1926.
1134. Пожидаев В.П. Хозяйственный быт Кабарды: историко-этнографический очерк. - Воронеж, 1925.
1135. Покоренный Кавказ. Очерки прошлого и современного положения Кавказа. - СПб.: Изд. А.А. Каспари. 1904.
1136. Покровский М.В. Адыгские племена в конце XVIII - первой половине XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. - М., 1958.
1137. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII - первой половине XIX в. - Краснодар: Кн. изд-во, 1989. - 317 с.
1138. Покровский М.В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40-60-е гг. XIX в. // Вопросы истории, 1957, № 2.
1139. Покровский М.В. Очерки социально-экономической истории адыгских племен в конце XVIII в. / Дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1956.
1140. Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. - Майкоп, 1957.
1141. Половинкина Т.В. Сочинское Причерноморье. Справочная книга. - Нальчик: Эль-Фа, 2006. - 308 с.
1142. Половинкина Т.В. Черкесия - боль моя. Исторический очерк (древнейшее время - начало XX в.). - Майкоп: ГУ-РИПП «Адыгея», 1999. - 196 с.; 2001. - 224 с.
1143. Половинкина Т.В. Черкесия - боль моя и надежда. - Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2014. - 560 с.
1144. «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. 10 мая 1862 г.». - Екатеринодар, 1899. - 9 с.
1145. Понятия «Бог», «Дух», «Душа» в адыгском логосе // Мир культуры адыгов. - Майкоп: Изд. АРИГИ, 2002.
1146. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. - СПб., 1858. - 298 с.
1147. Попова Т.В. Дольмены станицы Новосвободной. - М., 1963. - 111 с.
1148. Поркшеян Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // Учен. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. - Нальчик, 1957. Т. 13.
1149. Потоцкий Ян. Путешествие в астраханские и кавказские степи, 1798 г. - СПб., 1884.
1150. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.1-5. - Тифлис, 1885-1889; Переизд.: Ставрополь: Кавказский край. 1994. - 321 с.
1151. Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917-1920 гг.). - Майкоп, 1998.
1152. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. / Сост.: Х.М. Думанов, Ф.Х. Думанова. - Майкоп, 1997. С. 128-162.
1153. Прасолов Д.Н. Поземельные отношения в Кабарде во 2-й половине XIX - начале XX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 191-213.
1154. Прасолов Д.Н. Трансформация крепостного права в процессе интеграции Кабарды в состав Российской империи. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 159-174.
1155. Праток З.Г. Академик Трахов // Радетели земли Тахтамукайской. - Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 322-323.
1156. Праток З.Г. Ахмед Бекух - создатель алфавита // Радетели земли Тахтамукайской. - Тахтамукай-Майкоп: ГУ-РИПП «Адыгея», 2001. С. 41-43.
1157. Праток З.Г. Лю Трахов // Радетели земли Тахтамукайской. - Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 19-23.
1158. Праток З.Г. Нуриет - дарующая свет [Нуриет Шабановна Даурова] // Радетели земли Тахтамукайской. - Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 289-292.
1159. Привилегированные сословия Кабардинского круга // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. - Тифлис, 1870.
1160. Проблемы Бзыжской битвы: история и современность. - Майкоп, 1998.
1161. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. / Сост. Т.Х. Кумыков. - Нальчик, 2001.

1162. Прозрителев Г.Н. О землепашестве / Северо-Кавказский исторический календарь на 1993 г. – Ставрополь, 1993. С. 47-50.
1163. Прокопий, монах (Леонов М.Н.). Христианизация Адыгеи // История Свято-Михайло-Афонской Закубанской общежительной пустыни. – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2007. С. 8-19.
1164. Психоматов М.Ш. Исповедь. – Черкесск, 2011. – 202 с.
1165. Пукиш В. В поисках прародины // Аргументы и факты-Юг, 2012, № 6.
1166. Пушкарев С. Обзор торговли Новороссии // Кавказ, 1849, № 9.
1167. Пчелов Е.В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI - начала XX в. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. – 86 с.
1168. Пшемурзов В.Х. Адыги: история, культура, ментальность. – Нальчик: Изд-во «Полиграфсервис и Т», 2003. – 116 с.
1169. Пшемурзов В.Х. «В Московию и Астрахань адыги ходили» // Кабардино-Балкарская правда, 1997, 18 февр.
1170. Пшемурзов В.Х. Главный урок Кавказской войны // Кабардино-Балкарская правда, 2000, 20 мая.
1171. 50 лет Великой Победы / Матер. науч.-практ. конф., состоявшейся в апреле 1995 г. - Майкоп, 1996. – 176 с.
1172. Радде Г. Древнейшие предания о Кавказе. // Кавказ: история, народы, обычаи. Вып. II. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 241-268.
1173. Радетели земли Тахтамукайской (Спец. выпуск районной газеты «Согласие»). – Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 384 с.
1174. Раенко-Туранский Я.Н. Адыги до и после Октября. – Ростов-на-Дону-Краснодар. 1927.
1175. Разевиг В.А. В дебрях Абхазии // Труды Об-ва земледелия при (имп.) С.-Пб. ун-те. – С.-Пб., 1906. Т. 1. С. 24-61.
1176. Размахнина Е.Е., Коссович П.Ф. Книга для чтения по природе и истории Адыгеи. - Майкоп: Кн. изд-во, 1975. – 112 с.
1177. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо-Западном Кавказе в XIX в.: процессы социального взаимодействия. / Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – 201 с.
1178. Ракинт, полковник. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времени св. апостолов до XIX в. (публ. В.А. Захарова) // Сборник Рус. ист. об-ва. – М., 2000, № 2 (150).
1179. Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. – Краснодар, 1978.
1180. Ратушняк В.Н. Кубань: 2000 лет исторического пути (Хроника, события, факты). – Краснодар, 2000.
1181. Ратушняк В.Н. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Ч.1. - Краснодар, 1994. – 272 с.
1182. Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. – Ростов-на-Дону, 1989.
1183. Рахаев Дж.Я. Центральное Предкавказье в русско-турецких отношениях в 1700-1711 гг. (по материалам российских архивов) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 226-249.
1184. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин, Юденич, Врангель. Сост. С.А. Алексеев. – М., 1991.
1185. Репатриация. Нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Адыгея. – Майкоп, 1997.
1186. Ржавин А.А. Проблемы образования Армянского национально-территориального района // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. – Майкоп, 1999. С. 122-125.
1187. Ржавин А.А. Шапсугский национально-территориальный район: из истории образования // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 1. – Майкоп, 1999. С. 90-100.
1188. Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VII. – Тифлис, 1883.
1189. Ржондовский А. Эпизод из жизни шапсугов // Кавказ, 1867, № 70.
1190. Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, отколь из какого народа оные происхождение свое имеют. – М., 1847. Ч. 1.
1191. Родословная кабардинских князей и мурз XVII в. (Из родословной книги, принадлежащей А.И. Лобанову-Ростовскому) // Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. / Документы и материалы в 2-х т. Сост. В.М. Букалова. Т.1. - М., 1957. С. 384-388.
1192. Родословная кабардинских князей и мурз XVII в. (Из родословной книги, принадлежащей А.М. Пушкину) // Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. / Документы и материалы в 2-х т. Т.1. - М., 1957. С. 383-384.
1193. Романовский П. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1960.
1194. Россия и Кавказ – сквозь два столетия. / Ист. чтения. – СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2001. – 416 с.
1195. Россия и Северный Кавказ. – М., 2000.
1196. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? – М., 1998.
1197. Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.). - Майкоп, 1995. – 300 с.
1198. Ртвеладзе Э.В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докл. и сообщений. – Грозный, 1973.
1199. Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2-х т. / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик, 2001.
1200. Русско-адыгейские торговые связи. 1793-1863 гг. Сборник документов. / Сост. А.С. Хоретлев, Т.Д. Алферова. / Под ред. М.В. Покровского и А.С. Хоретлева. – Майкоп, 1957. – 113 с.
1201. Рушди Р. Это моя нация. Черкес рассказывает о своем народе. - Каир, 1957. Переиздано: Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 92 с.
1202. Сабанчиева Л.Х. Христианские организации в КБР: проблема прозелитизма и религиозной идентичности кабардинцев и балкарцев // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 257-275.
1203. Саблиров М.З. Исторические взгляды В.Н. Кудашева // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1976. С. 304-314.
1204. Саблиров М.З. Кабардинская дворянская школа // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик, 2003. № 4.
1205. Саблиров М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX - начале XX в. – Нальчик, 2001.

1206. Св-в. Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах. 1868. Вып. 1. Отд. 8. С. 15-36.
1207. Саблиров М.З. Очерки истории культуры Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. - Нальчик, 1997.
1208. Саблиров М.З. Передовая общественная мысль адыгов и национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
1209. Савв Р. Кем был Лю Трахов? // Согласие, 1995, 14 нояб.
1210. Савв Р.Х. Мудрость адыгского этикета. - Майкоп, 1996. – 241 с.
1211. Савв Р.Х. Тахтамукайский район в годы Великой Отечественной войны. Ч.1. - Тахтамукай, 1995. – 157 с.; Ч.2. - Тахтамукай, 1995. – 179 с.
1212. Савв Р.Х., Трахов Э.М., Чундышко А.Х. Малич Аутлев. – Краснодар, 2000. – 86 с.
1213. Савва М.В. Армяне Краснодарского края: «лица кубанской национальности» (<http://www.mashtots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty>).
1214. Савельев А. Дольмены построили великаны? // Аргументы и факты-Юг, 2009, № 31. С. 17.
1215. Савельев А. Кубанской области – 150 лет // Аргументы и факты-Юг, 2010, № 10.
1216. Савельев А.Е. Северо-Западный Кавказ в российском общественном сознании. Конец XVIII - XIX вв. / Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 210 с.
1217. Сапен-Линьер Мишель. Черкесы. Пер. с фр. С.А. Гучепшковой. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2008. –96 с.
1218. Сарахов А. Адыг, плывущий на гребне жизни [Михаил Шемякин] // Литературная Кабардино-Балкария, 2011, № 5. С. 181-183.
1219. Сбитнев И.М. Воспоминания о Черномории // Украинский журн. – Харьков, 1825. Ч. 6, № 11-12. С. 311-333.
1220. Сборник статей молодых ученых и аспирантов. - Майкоп: Меоты, 1993. – 207 с.
1221. Сборник статей по истории Адыгеи. Вып. I. - Майкоп, 1977. – 197 с.
1222. Сборник статей по этнографии Адыгеи. - Майкоп, 1975. – 148 с.
1223. Св-в Е. Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1(8). Отд. 8. - Тифлис, 1868. С. 15-36; Репринт. – М., 1992.
1224. Северный Кавказ в древности и средние века. – М., 1980.
1225. Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII веков. – Нальчик: Эль-Фа, 2006.
1226. Северный Кавказ: выбор пути национального развития. - Майкоп: Меоты, 1994. – 269 с.
1227. Северный Кавказ: национальные отношения (Историография, проблемы). - Майкоп, 1992. – 306 с.
1228. Секретная жизнь в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик, 1999.
1229. Семенова Л.А. Салах ал-Дин и мамлюки в Египте. – М., 1966.
1230. Семенцов М.В. Очерки по традиционной медицине этносов и этнических групп Северо-Западного Кавказа. – Краснодар: Крайбиколлектор, 2002. – 115 с.
1231. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917-1918 гг.). – Краснодар, 1984.
1232. Серебряков И. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Зап. Кавказского об-ва сельского хозяйства. – Тифлис, 1867; Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. Т. 1. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 135-151.
1233. Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель. - Майкоп: Кн. изд-во, 1991. – 191 с.
1234. Сивер А.В. Державы князей: опыт сравнения княжеской Кабарды и Древней Руси // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 39-76.
1235. Сивер А.В. Социальное устройство как фактор этнической идентификации адыгов-шапсугов // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 15-26.
1236. Сивер А.В. Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального района // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. №1, 1999, дек.
1237. Сивер А.В. Шапсуги: Этническая история и идентификация. – Нальчик. 2002. С. 62-82.
1238. Сигида И. Родина самого северного чая переехала в Адыгею // Комсомольская правда-Кубань, 2011, 7 сент. С. 5.
1239. Сиджах Х.И. В вихре конных атак. - Майкоп: Кн. изд-во, 1990. – 255 с.
1240. Сиюхов С. Избранное. – Нальчик: Эль-Фа, 1997.
1241. Сиюхов С. Воскресение из мертвых. - Майкоп: Кн. изд-во, 1991. – 132 с.
1242. Сиюхов С. Перед национальной катастрофой (Приезд царя Александра II к абадзехам) // Радетели земли Тахтамукайской. – Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 11-15.
1243. Сиюхов С., Раенко Я.Н. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и Причерноморье. Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 1939. – 123 с.
1244. Сиюхова Л. Адыгский народный транспорт // Сборник статей по этнографии Адыгеи. – Майкоп, 1975. С. 154-161.
1245. Сказания о Жабаги Казанко /Сост. З.М. Налоев, А.М. Готов. – Нальчик, 2001.
1246. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969.
1247. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир: АГПИ, 2005. – 20 с.
1248. Скитский Г.В. Очерки истории горских народов. – Орджоникидзе, 1972.
1249. Скрипникова М.И. Изучение древнего земледелия в горах Кавказа // Древний Кавказ: XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 2004. С. 181-184.
1250. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М., 2005.
1251. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; М., 2005.
1252. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. – Одесса, 1889; М., 2005.
1253. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв. – Нальчик, 1948.
1254. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. - М., 1958.

1255. Смирнова Я.С. Воспитание ребенка в адыгском ауле в прошлом и настоящем // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1968. Вып. VIII.
1256. Смыр Г. Исламский фактор в Абхазии и на Северном Кавказе. - Гагра, 1994. - 41 с.
1257. Смыр Г. Религиозные верования абхазов. - Гагра, 1994. - 29 с.
1258. Соболев М. Письма о войне с закубанцами // Московский телеграф, 1831, № 3. С. 403-405.
1259. Советская Адыгея за 60 лет. Статистический сборник. - Майкоп, 1982.
1260. Совмен Х.М. Адыгея и Краснодарский край должны быть форпостом стабильности на юге России // Кубанские новости, 2005, 18 мая.
1261. Созвездие человека. - Ростов-на-Дону: Книга, 1995. - 463 с.
1262. Соколов Б. Шурин [Ивана] Грозного, удалой борец Мамстрюк Темрюкович // Журн. Мин-ва народного просвещения. - СПб., 1913, № 56.
1263. Соколов Д. Хаджи-Магомет (Сподвижник Шамиля). Историческая справка // Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1905. Т. XI.
1264. Соколова А.Н. Жанровая классификация адыгских народных песен / В кн.: Культура и быт адыгов. Вып. VI. - Майкоп. 1986.
1265. Соколова А.Н. Заметки о народной инструментальной культуре адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп: 1991. С.375-383.
1266. Соколова А.Н. Экология музыкально-инструментальной культуры адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 369-385.
1267. Сокровища культуры Адыгеи. / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. - М.: НИИЦентр, 2007. - 319 с.
1268. Сокровища курганов Адыгеи. / Каталог выставки. - М.: Сов. художник, 1985. - 137 с.
1269. Сокуров В.Н. Жабаги Казаного и его время // Жабаги Казаного. - Нальчик, 1987.
1270. Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Балкарии в конце XVII – начале XVIII вв. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. - Нальчик, 1976. Вып. 10.
1271. Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII вв. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 10. - Нальчик, 1976.
1272. Сокуров В.Н. Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус, 1999, № 1.
1273. Сокуров В.Н. Кабардинские грамоты XVI-XVIII вв. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. - Нальчик, 1980.
1274. Сокуров В.Н. Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. - Нальчик, 1986.
1275. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. 1778-1793 гг. - Краснодар: Кн. изд-во, 1992. - 256 с.
1276. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. - М.: Правда, 1989. - 768 с.
1277. Солодухин Л.А., Купенко Я.И., Чучмай Г.Т. Краснодар: Исторический очерк. - Краснодар, 1968. - 322 с.
1278. Солошенко В.Н. Первые. Наброски к портретам. - Краснодар: Северный Кавказ, 2000. - 735 с.
1279. Солошенко В.Н. Председатели и губернаторы. Взаимосвязь времен. - Краснодар: Северный Кавказ, 2000. - 880 с.
1280. Сообцокова Н.И. Адыги-черкесы: люди, нравы, обычаи и традиции. - Краснодар: «Когорта», 2010. - 352 с.
1281. Сообцокова Н.И. Неустрашимая и легендарная Кавказская мусульманская конная дивизия. Первая мировая война 1914–1917. - Майкоп: «Полиграф-Юг», 2018. - 426 с.
1282. Состояние хозяйства и культуры Адыгейской автономной области, мероприятия по их развитию. - Краснодар, 1931.
1283. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сборник документов. / Сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. - Ростов-на-Дону, 1985.
1284. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918); Горская республика (1918-1920). / Сборник документов. - Махачкала, 1994.
1285. Спенсер Э. Путешествие в Черкессию. - Майкоп: Адыгея, 1993. - 152 с.
1286. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Составил подполковник Генерального Штаба барон Сталь в 1852 г. // Кавказский сборник, Т. XXI, отд. 2. - Тифлис, 1900. С. 53-173.
1287. Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 1. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 416 с.; Т. 2. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 448 с.
1288. Степанов П. Беглые очерки Кабарды // Кавказ, 1861, № 82.
1289. Стрельников В.Ф. Кому нужен реквием по Краснодарскому водохранилищу? // Вольная Кубань. 1994. 1 дек.
1290. Студенецкая Е.Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в. // Сов. этнография, 1950, № 2.
1291. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. - М.: Наука. 1989.
1292. Суздалева Г. Старый двор, знакомые все лица... // Краснодарские изв., 1996, 16 авг.
1293. Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. - Майкоп: Адыгея, 1992. - 304 с.
1294. Султан Довлет-Гирей. Бжедуховские памятники в местечке Горячий Ключ Кубанской области // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода: Избр. произведения. - Нальчик, 1991.
1295. Султан Довлет-Гирей. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции // Изв. Об-ва любителей изучения Кубанской области. Вып. V. - Екатеринодар, 1912.
1296. Султан Крым-Гирей. Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. - Майкоп-Краснодар, 1986.
1297. Султан Крым-Гирей. Путевые заметки // Кубанские войсковые ведомости, 1866, № 20.
1298. Султан Хан-Гирей. Бесльный Абат (из сочинений под заглавием «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий») // Кавказ, 1847, № 42-48.
1299. Султан Хан-Гирей. Записки о Черкессии. - Нальчик, 1978; 1992. - 198 с.
1300. Султан Хан-Гирей. Князь Канбулат. Черкесское предание // Русский вестн. № 1. 1844.

1301. Султан Хан-Гирей. Князь Пшъской Аходягоко // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Т. 17. Вып. 1. – Тифлис, 1893; Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. Избр. произведения. – Краснодар. 1986. – С. 165-199.
1302. Султан Хан-Гирей. Мифология черкесских народов // Кавказ, 1846, № 35. С. 140; – Тифлис, 1847.
1303. Султан Хан-Гирей. Черкесские предания // Русский вестн. Т. 2. Кн. 4, 5. № 11. – М., 1841; Переизд.: Нальчик, 1989.
1304. Схакумидов А.С. Дружба, скрепленная в боях. – Майкоп, 1975. – 107 с.
1305. Схалыхо А.А. По долгу и совести // Сов. Адыгея, 1994, 20 мая.
1306. Схалыхо А.А. Идеино-художественное становление адыгейской литературы. – Майкоп, 1988. – 285 с.
1307. Схалыхо Р.К. Долг перед памятью. О жертвах массовых репрессий и произвола // Адыгейская правда, 1989. 27 апр. С. 3.
1308. Схатум Р.Б. Из истории военного дела предков адыгов. – Краснодар, 2001.
1309. Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.3. – Краснодар, 2003 (Ссылка: <http://tgorod.go.ru/cgi-bin/board/topic.cgi?forum=1&topic=2611>)
1310. Тавернье Ж.-Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // Адыги, балкарцы и кара-чаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974.
1311. Такова А.Н. Политическая ситуация в Кабардино-Балкарии в конце 80-х гг. XX в. – начале XXI в. и попытки формирования конструктивной оппозиции кабардинским национальным движением // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 193-214.
1312. Такова А.Н. Современное состояние и основные тенденции развития конфессиональной (исламской) политики в Кабардино-Балкарии на этапе латентной фазы религиозного конфликта // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. Вып. VII. С. 287-304.
1313. Такова А.Н. Социальные трансформации в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 175-192.
1314. Тамазов М.С. Деятельность посреднических судов по освобождению зависимых сословий в Кабарде и Балкарии в конце 60-х гг. XIX в. // Вестн. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 6. – Нальчик, 2001. С. 14-16.
1315. Тамазов М.С. Кабарда и Горские общества XIX в. в фокусе «тотальной истории» // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 88-98.
1316. Тамазов М.С. Россия и Кабарда в 60-70 гг. XIX в.: экспансия модернизирующей цивилизации // Вестн. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 5. – Нальчик, 2000.
1317. Тамбиев П. Ханцигуаше. Общественное моление об урожае у кабардинцев // Этнографическое обозрение. – М., 1902. № 2.
1318. Таов М.А. Адыгейская автономная область – советское социалистическое национально-государственное образование // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1969. Вып. IX.
1319. Талицкий Н. Несколько слов о кавказских дольменах // Изв. Об-ва любителей изучения Кубанской области. Вып. V. – Екатеринодар, 1912.
1320. Татары и черкесы в Турции // Славянский сборник. Т. 2. – СПб., 1877. С. 46-64.
1321. Твердый А.В. Очерки по истории Кубани и Северо-Западного Кавказа. – Краснодар: Бизнес-книга «Группа Б», 2009. – 108 с.
1322. Твой сын, Адыгея. / Сост. А.М. Гадагатль, П.Е. Придиус, Н.А. Берзегов. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 352 с.
1323. Текуева М.А. Архетипическое сознание и мифологические представления в тендерной картине мира адыгов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 284-293.
1324. Текуева М.А. Историко-правовые и культурные аспекты статуса адыгской женщины // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 142-167.
1325. Текуева М.А. К вопросу о частной жизни адыгской женщины // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. С. 226-240.
1326. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2006.
1327. Текуева М.А. Отражение гендерных отношений власти в семье и обществе // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 168-182.
1328. Тепцов В. По истокам Кубани и Терека // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Т. 14. – Тифлис, 1892.
1329. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976.
1330. Тернавский Н.А. Взаимодействие этнических культур Евразии и Кавказа. Историко-этнографический очерк. – Краснодар, 2006. – 74 с.
1331. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX вв. / Сборник документов. / Предисл. и сост. Х.М. Думанов. – Нальчик, 1992.
1332. Тетусев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 352 с.
1333. Теунов Х. Литература и писатели Кабарды. – М.: Сов. писатель, 1958.
1334. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. – М.-Л., 1941. – 307.
1335. Тлепчок Р. Вхождение Северо-Западного Кавказа в социально-экономическую и политическую структуру Российской империи (пореформенный период). / Дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2001. – 21 с.
1336. Тлехас Б. Адыгейские фамилии: легенды и предания. – Адыгейск, 1998.
1337. Тлехас Б.Г. Традиция взаимопомощи «шыхьаф» в соционормативной культуре адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. – Майкоп, 1991. С. 43-75.

1338. Тлехуч А.М. Истоки и особенности развития адыгейской советской музыкальной культуры // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп: 1991. С.384-399.
1339. Толстой Н. Победители и изменники // Казачьи вести, 1997, № 6 (124). С. 2.
1340. Топонимика // Эхо (Кошехабльский район), 1994, № 25 (71). С. 4.
1341. Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестн., Т. 79. № 2. - М., 1869; Нальчик, 1999.
1342. Торнау Ф.Ф. Записки русского офицера, бывшего в плену у горцев // Кавказ, 1852, № 1, 5 янв.; Русский вестн., № 9, 10, - М., 1864.
1343. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX - начало XX в.). Сборник документов и материалов. / Сост. Р.Х. Гутов, Х.А. Касумов, Д.Д. Шабаев. - Нальчик: Эль-Фа, 2000.
1344. Трахо Р. Черкесы (Северный Кавказ). - Мюнхен, 1956. - 144 с. (На рус. яз.); Нальчик, 1992.
1345. Трахов Э.М., Шеуджен А.Х. Юбилейная сессия Адыгской Международной академии наук. - Краснодар, 1997. - 16 с.
1346. Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. - Нальчик, 1974.
1347. Тресков И.В. Этюды о Шоре Ногмове. - Нальчик, 1974.
1348. Трехсотлетие Дома Романовых (1613-1913). Репринт. - М.: Современник, 1991. - 290 с.
1349. Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Матер. науч. конф. 16-18 мая 1994 г. «Кавказская война. Уроки истории и современность». - Краснодар, 1995.
1350. Тройно Ф.П. Экономическое и культурное развитие горских народов Северного Кавказа в составе России (2-я половина XIX в.). - Ставрополь, 1966.
1351. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вестн. языкознания, 1976, № 4.
1352. Туганов Р.У. Измаил-бей. - Нальчик, 1972.
1353. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX в. - Нальчик, 1998.
1354. Туганов Р.У. Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч.1. (1816-1822) / Живая старина. Вып. 2. - Нальчик, 1992. С. 5-17.
1355. Туганов Р.У. Кабарда в период ермоловщины. Ч.2. (1822-1825): Судебная реформа и восстание 1825 г. // Живая старина. Вып. 3. - Нальчик, 1993.
1356. Туганов Р.У. Мухаджир (По страницам русской и зарубежной печати) // Мир культуры. Вып. 1. - Нальчик: Эльбрус, 1990.
1357. Туганов Р.У. Программа культурного и экономического развития Кабарды Ногмова // Живая старина. 1992. № 2.
1358. Туганов Р.У. Страницы прошлого (Записки краеведа). - Нальчик, 1989.
1359. Туганов Р.У. Шаг за шагом, год за годом / Живая старина. Вып. 2. - Нальчик, 1992. С. 52-62.
1360. Туганов Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799-1807 гг. // Живая старина. 1991. № 1.
1361. Тугуз Х.И. Коммунистическая партия - организатор первых социалистических преобразований в адыгейском ауле в 1920-1925 гг. // Из истории борьбы КПСС за упрочение советской власти и построение социализма. - Ростов-на-Дону, 1972.
1362. Туко К. Из записной книжки композитора // Матер. КНЦ АМАН, 1996, № 1. С.4-13.
1363. Тульчинский Н.П. Кабарда // Казбек, 1899, 18 мая.
1364. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. - Владикавказ, 1903. Вып. 5.
1365. Туркав М. Солдату - от маршала // Единство, 1997, 7 мая.
1366. Туркав Р. Люди земли Теучежской. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2000. - 152 с.
1367. Турчанинов Г.Ф. Древнейший письменный памятник Кавказа // Вестн. древней истории, 1966, № 2.
1368. Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. - М., 1999.
1369. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. - Л., 1971.
1370. Тхагапсо Р.Г. Солдаты Родины // Единство, 1997, 6 мая.
1371. Тхагапсова Г.Г. Народная медицина адыгов. - Майкоп, 1996. - 147 с.
1372. Тхагапсова Г.Г. Экологические проблемы и последствия миграции российских переселенцев на Северо-Западном Кавказе в 1817-1864 (К итогам Кавказской войны) // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. - Майкоп, 1999. С. 53-58.
1373. Тхагушев Н.А. Адыгейские (черкесские) сады. - Майкоп, 1956. - 234 с.
1374. Тхагушев Н.А. Адыгейские (черкесские) сорта яблони и груши. - Майкоп, 1948.
1375. Тхагушев Н.А. Садоводство адыгов: народные традиции, описание сортов, лесосады. - Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2008. - 252 с.
1376. Тхакушинов А.К. В зеркале социологии. - Майкоп: Зихи. 1995. - 273 с.
1377. Тхакушинов А.К. В социальной сфере надо постоянно двигаться вперед и поднимать заданную планку // Известия. 2009, 27 нояб. С. 3.
1378. Тхакушинов А.К. Культура и власть. - Майкоп: 1997. - 84 с.
1379. Тхакушинов А.К., Галкина Р.В., Шеуджен А.Х., Галкин Г.А. Экология Северо-Западного Кавказа: опыт управления природопользованием // Вестн. КНЦ АМАН. 1999. Вып.6. С. 113-126.
1380. Тхакушинов А.К., Сухоруких Ю.И., Жанэ З.К., Алтухов А.В. Сохранение генофонда «старых черкесских садов». - Майкоп, 1997. С. 3-19.
1381. Тхакушинов А.К., Шеуджен А.Х., Козменко Г.Г., Галкин Г.А. Ухудшение состояния почв в районах, прилегающих к Краснодарскому водохранилищу / Проблемы экологии в сельском хозяйстве и медицине. - Майкоп: 2000. С.39-41.
1382. Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй Кабарды в XVIII в. - Нальчик, 1961.
1383. Тхамокова И.Х. Военные мемуары об окончании Кавказской войны и выселении западных адыгов в Турцию // Мир культуры. Вып. 1. - Нальчик: Эльбрус, 1990.
1384. Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. - Нальчик, 2000.

1385. Тхамокова И.Х. Шапсуги как социально-этническая общность (конец XVIII - первая половина XIX в.). / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983.
1386. Тюркель А. Идеал вне времени: эссе о красоте черкешенок // Авиационные линии Кубани, 2009, дек. С. 88-91.
1387. Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. II. – М., 1891. – 315 с.
1388. Улигов У.А. Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1972.
1389. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937). – Нальчик, 1979.
1390. Унарокова М.Ю. Инструментарий и некоторые технологические процессы адыгейского златокузнечества // Культура и быт адыгов. Вып. IV. – Майкоп, 1981.
1391. Унарокова Р.Б. Формы общения адыгов. – Майкоп, 1998.
1392. Унежев К.Х. Живут адыги на земле моей. – Нальчик, 1992.
1393. Унежев К.Х. История Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 2005.
1394. Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. – Нальчик, 1997.
1395. Услар П.К. Введение письменности у кавказско-горских народов // Кавказ. – Тифлис, 1862, № 70.
1396. Услар П.К. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. – Тифлис, 1869. С. 1-24.
1397. Услар П.К. О языке убыхов // Этнография Кавказа. Абхазский язык. Т. 1. «Языкознание». – Тифлис, 1887 (приложение).
1398. Успенский Б.А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Этюды о русской истории. – СПб., 2002.
1399. Установление советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее (1917-1923 гг.). Сборник документов и матер. – Майкоп, 1980. – 268 с.
1400. Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. В.А. Потто. – Тифлис, 1904, Т.3. Ч. 2.
1401. Ушаков А. Продолжение Кубанского моря (Сегодня – 35 лет с начала ударной стройки прошлого века) // Краснодарские изв., 2003. 3 апр. С. 4.
1402. Фадеев А.В. К вопросу об уровне экономического развития кавказских горцев к середине XIX в. // Ист. зап. – М., 1989. Т. 1.
1403. Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. – М., 1951. №9.
1404. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М., 1957.
1405. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1960.
1406. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Ист. сборник. Т. 4. – М., 1935.
1407. Фадеев Р.А. Дело о выселении горцев // Собр. соч. Т.1. Ч. 1. – СПб., 1890. С. 61-76.
1408. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М., 2003.
1409. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа к редактору «Московских новостей». – СПб., 1865.
1410. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. – Тифлис, 1889.
1411. Фарфоровский С.В. Статистическое и географическое описание Майкопа и Майкопского отдела // Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 2. – Тифлис, 1899; Вып. 41. – Тифлис, 1910.
1412. Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. Т.III.
1413. Федорова М.В. Славяно-адыгские этюды // Эльбрус, 2002, № 13.
1414. Федорович В.Н. Как запорожцы Кубань обжидали. – Краснодар: Страда, 1994. – 156 с.
1415. Фелицын Е.Д. Действия русских крейсеров у Кавказских берегов Черного моря в 1830-40 гг. (Материалы для истории Кубанской области) // Кубанские областные ведомости, 1890. №1, 4, 9, 12.
1416. Фелицын Е.Д. Документы к истории завоевания восточного берега Черного моря // Кубанские областные ведомости, 1891. № 6.
1417. Фелицын Е.Д. Запднокавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии, по Пейсонелю // Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891.
1418. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1904. Т. X.
1419. Фелицын Е.Д. Майкоп // Кавказ, 1873, № 61; Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. Т. 1. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 199-204.
1420. Фелицын Е.Д. О переселении горцев в XIX в. в Турцию // Кавказ. 1877, № 147.
1421. Фелицын Е.Д. Статистические данные народонаселения в Кубанской области за 7 лет, с 1871 по 1877 г. // Сборник сведений о Кавказе. Т. VII (2). – Тифлис, 1880. С. 570.
1422. Фелицын Е.Д. Черкесы-адыги и запднокавказские горцы // Матер. для изучения горцев и принадлежащей им страны. – Екатеринодар, 1884.
1423. Фелицын Е.Д. Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула // Сборник сведений о Кавказе. Т. IX. – Тифлис, 1882 (1883).
1424. Феномен Адыгэ Хабзэ (адыгского этикета) и его роль в жизни народа, <http://www.adygi.ru/index.php?link=45&action=show&id=197>.
1425. Феофилактова Т.М. На военных дорогах Кубани (вторая половина XVIII в.). – Краснодар, 1992.

1426. Феофилактова Т.М. Политические отношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период подготовки второй русско-турецкой войны второй половины XVIII в. (1783-1787 гг.) // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.). – Майкоп, 1995.
1427. Фиаппшев Б.Х. Сельскохозяйственные образовательные учреждения КБР. История, современность, развитие. – Майкоп, 2001.
1428. Фидарова Р.З. Противоборство княжеских коалиций в Кабарде и роль внешних факторов в его обострении (1720-1725) // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 29-47.
1429. Фидарова Р.З. Утверждение нового «тройственного союза» и формы консолидации политической элиты Кабарды в 1753-1763 гг. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 77-98.
1430. Фольклор адыгов. – Нальчик, 1979.
1431. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость (1863-1864 гг.). Из записок участника-иностранца // Ежедневные приложения к «Русскому инвалиду», 1865, № 21, 22, 25; Матер. для истории черкесского народа. Вып. 5. – Краснодар, 1927. – 41 с.; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974.
1432. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965.
1433. Фролов Б.Е. О заимствованиях черноморскими казаками элементов адыгского вооружения // Культура и быт адыгов. Вып. IX. – Майкоп, 2001. С. 42-51.
1434. Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. – М.: Политиздат, 1989. – 541 с.
1435. Хабаху А.П. Черкесские казаки и мамлюки. – Адыгейск, 2000. – 50 с.
1436. Хабекирова Х.А, Мусукаев А.И. Мир дерева в культуре адыгов. – Нальчик, 2001.
1437. Хавжоко Жамбек. Магомет-Эмин // Тарих. – Махачкала, 1996, №2-3. С. 82-86.
1438. Хаджимуков Т. Народы Западного Кавказа (по неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова) // Кавказский сборник. Т. XXX. – Тифлис, 1910. С. 24-35. Переизд.: Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода: Избр. произведения. – Нальчик, 1991. С. 45-47; В туманной дали (неизданные записки природного бжедуга о Русско-Кавказской войне). – Майкоп, 1994. – 50 с.
1439. Хазров И. Остатки христианства между закубанскими племенами // Кавказ, 1846, № 40, 42; Живая старина, 1993, № 3. С. 82-87.
1440. Хакуашев А.Х. Адыгские просветители XIX- в. – Нальчик, 1978.
1441. Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Нальчик, 1978.
1442. Хакурате Ш.У. Адыгея за 10 лет. – Краснодар, 1932.
1443. Хамуков В. Адыгская академия как зеркало нации // Кабардино-Балкарская правда, 1999, 24 авг. С. 3.
1444. Ханаху Р.А. Золотое шитье адыгов (черкесов). – Майкоп, 1998.
1445. Ханаху Р.А. Традиционная культура: специфика и проблемы эволюции (на примере Северного Кавказа). – М., 1998.
1446. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (Социально-философский анализ). – Майкоп, 1987; 1997.
1447. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Некоторые типологические характеристики традиционной культуры адыгов (К проблеме ментальности) // Философия и социология в Республике Адыгея. Сборник 4. – Майкоп, 1996.
1448. Хапачева Р.В. Адыгские народные собрания – истоки, развитие, функции. – Майкоп, 2000.
1449. Хапачева Р.В. К вопросу о государственности у адыгов // Неделя науки МГТИ. / Матер. науч.-практ. конф. – Майкоп, 1997. Вып. 2. С.8-16.
1450. Хапачева Р.В. Место народных собраний в процессе политической консолидации адыгов в XIX в. // Неделя науки МГТИ. / Матер. науч.-практ. конф. – Майкоп, 1998. Вып. 3. С.23-27.
1451. Харламов Н.Г. История возникновения и развития города Майкопа в связи с историей Закубанского края // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1912. Т. XVII.
1452. Хасанов А.А. Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах (1382-1517). / Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975.
1453. Хасанов А.А. Формирование черкесской группировки мамлюков в Египте // Арабские страны. Турция. Иран. Афганистан. – М., 1973.
1454. Хатанов А.А. Мамлюк // Социалистическэ Адыгей, 1960, 4 мая.
1455. Хатанов А.А., Керашева З.И. Толковый словарь адыгейского языка. – Майкоп, 1960.
1456. Хатисов И.С., Ротиньянц А.Д. Обзор местности северо-восточного берега Черного моря между Новороссийском и постом Вельяминовским на р. Туапсе // Зап. Кавказского об-ва сельского хоз-ва. – Тифлис, 1867. Вып. 1, 2. С. 1-16.
1457. Хатисов И.С., Ротиньянц А.Д. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью // Зап. Кавказского об-ва сельского хоз-ва. – Тифлис. 1867. Вып. 5-6. С. 3-136.
1458. Хатукаев А.Т. Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 106 с.
1459. Хафице М.М. (ред.). Адыгская иллюстрированная энциклопедия. – Нальчик, 2010.
1460. Хафице М.М. Адыгские мамлюки. – Нальчик, 1994.
1461. Хафице М.М. Звезды бледнеют на чужбине. – Нальчик, 2006.
1462. Хафице М.М. Знаменитые адыги-черкесы. – Нальчик, 2000.
1463. Хафице М.М. Разбросаны адыги по белому свету. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 325 с.
1464. Хафице М.М. (автор-сост. сборника). Юрий Темирканов. – Нальчик, 1992.
1465. Хафице М.М. (автор-сост. сборника). Айссэ – «черкесская нимфа». – Нальчик, 1997.
1466. Хафице М.М. (автор-сост. сборника). Кабардино-Балкария: к России, с Россией, в России. – Нальчик, 2007.

1467. Хафице М.М. (автор-сост. сборника). Черкесы в Израиле. - Нальчик, 2000.
1468. Хафице М.М. (автор-сост. сборника). Инна Кашежева: «Кавказ надо мною». - Нальчик, 2010.
1469. Хафице М.М. Керимов М.А. Адыги: один из древнейших народов мира. – Нальчик: «Принт-Центр», 2021. – 652 с.
1470. Хахо А. Гора стариков // Шапсугия, 1999, № 4-5.
1471. Хачатуров В. Что делать с Темрюком? // Кубанские новости, 1996, 6 дек.
1472. Хашхожева Р.Х. Адыгская публицистика конца XIX в. – начала XX в. Избранное. – Нальчик, 2005.
1473. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители. – Нальчик, 1978.
1474. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX в. – Нальчик: Эльбрус, 1993. - 182 с.
1475. Хашхожева Р.Х. Деятели адыгской культуры дореволюционного периода о Кавказской войне и махаджирстве // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства. Матер. Всес. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 1990 г. – Нальчик, 1994.
1476. Хашхожева Р.Х. Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. - Нальчик, 1991.
1477. Хашхожева Р.Х. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980.
1478. Хашхожева Р.Х. Казим-Бек Ахметуков (Проблема биографии) // Актуальные проблемы литератур Кабардино-Балкарии. / Сборник статей Кабардино-Балкарского НИИ истории, филологии и экономики. - Нальчик, 1991.
1479. Хашхожева Р.Х. Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея // Вопросы кавказской филологии и истории. Вып. 2.
1480. Хашхожева Р.Х. (Сост.). Писатели Кабардино-Балкарии (XIX в. – конец 80-х гг. XX в.). Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 441 с.
1481. Хицунов П. О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе // Кавказ, 1846, № 35.
1482. Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е гг.: проблемы становления и развития автономии. – Краснодар, 1997.
1483. Хлынина Т.П. Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920-1924 гг. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 21 с.
1484. Хлынина Т.П. Национально-государственное строительство: о некоторых теоретических особенностях исследования проблемы // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 1. – Майкоп, 1999. С. 23-29.
1485. Хоретлев А.О. Кавказ – души его частица. - Майкоп, 1993. – 54 с.
1486. Хоретлев А.О. Прогрессивное влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX вв.). – Майкоп, 1957.
1487. Хотко С.Х. (Сост.). Старые черкесские сады. / Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914. – М., 2005. Т. 1, 2.
1488. Хотко С.Х. Генезис черкесских элит в султанате мамлюков и Османской империи (XIII-XIX вв.). – Майкоп, 1999.
1489. Хотко С.Х. Генуэзцы в Черкесии (1266-1475) // Этюды по истории и культуре адыгов. – Майкоп, 1998; Эльбрус, 1999, № 1 (10).
1490. Хотко С.Х. Знаменитые сыновья неизвестных черкешенок // Лики адыгского прошлого. Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ», 2012. Вып. 4 (63). С.3-6.
1491. Хотко С.Х. Имидж черкеса в книге бургундского путешественника первой половины VTT в. Бертрандона де ла Броквиера // Лики адыгского прошлого (Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). 2012. Вып. 12 (71). С. 6.
1492. Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и в новое время. – СПб., 2001.
1493. Хотко С.Х. К 150-летию визита Александра II в Черкесию в сентябре 1861 г. // Лики адыгского прошлого (Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). 2011. Вып. 13 (49); 14 (50).
1494. Хотко С.Х. Майкопская культура как древнейший этап адыгского этногенеза // Лики адыгского прошлого (Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). 2009, вып. 20 (26). С. 3-6.
1495. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. - СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2001. – 432 с.
1496. Хотко С.Х. Союз адыгов с Российским государством // Сокровища культуры Адыгеи. / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2007. С. 10-13.
1497. Хотко С.Х. Судьбы черкесской диаспоры // Сокровища культуры Адыгеи. / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2007. С. 314-319.
1498. Хотко С.Х. Татары и Черкесия в XIII-XVIII вв. // Этюды по истории и культуре адыгов. Вып.2. - Майкоп, 1999.
1499. Хотко С.Х. Цивилизация Кабарды. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2008. – 540 с.
1500. Хотко С.Х. Черкесия и Астраханское ханство // Лики адыгского прошлого. Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ», 2012. Вып. 7 (66). С.5-6; Вып. 8 (67). С. 6.
1501. Хотко С.Х. Черкесская династия в Крымской Готии. 1403-1475 гг. // Лики адыгского прошлого. Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ», 2012. Вып. 5 (64). С.3-6.
1502. Хотко С.Х. Черкесская династия Мамлюков (1382-1517) // Лики адыгского прошлого (Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). 2012. Вып. 12 (71). С. 3-5.
1503. Хотко С.Х. Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII-XVIII вв. - Майкоп, 1995.
1504. Хотко С.Х. Черкесские армяне (адыгэ ермэлхэр). Материалы к историко-этнографическому описанию армянской общины Черкесии // Лики адыгского прошлого. Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ», 2012. Вып. 1 (60). С. 3-6; 2 (61). С.3-6.
1505. Хотко С.Х. Черкесские армяне (адыгэ ермэлхэр). Материалы к историко-этнографическому описанию армянской общины Черкесии // Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ», 2012, № 1 (60). С. 3-6.
1506. Хотко С.Х. Черкесские мамлюки (Краткий исторический очерк). - Майкоп, 1993. – 177 с.
1507. Хотко С.Х. Черкесское пиратство // История Черкесии. - СПб., 2001 (Ссылка: <http://savoy78.narod.ru/xotko/xotko4.html>)
1508. Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). – Майкоп: Адыг. республ. кн. изд-во, 2017. – 544 с.

1509. Хохлач Л.В. Родом из революции [Шахан-Гирей Умарович Хакурате] // Радетели земли Тахтамукайской. – Тахтамукай-Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 56-62.
1510. Хрестоматия по истории Кубани // Документы и материалы. Ч. 1. – Краснодар, 1975. – 405 с.
1511. Христианович В. Из поездки по Черноморскому побережью Кавказа // Черноморское сельское хоз-во. – Сухум, 1917. № 3-4. С. 117-125; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 395-400.
1512. Хубиев Э.Ю. К вопросу о динамике шариатского движения в Кабарде в конце XVIII - первой половине XIX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 112-131.
1513. Хубиев Э.Ю. Шариат и положение кабардинского крестьянства в первой половине XIX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. V. С. 304-315.
1514. Хунагов А.С. Депортация как мера «наказания» народов в СССР // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 2. – Майкоп, 1999. С. 77-82.
1515. Хунагов А.С. «Очистить территорию...» (О выселении групп населения с территории Краснодарского и Ставропольского краев. 40-е гг. // Информационно-аналитический вестн. Адыгейского респ. ин-та гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 1. – Майкоп, 1999. С. 56-65.
1516. Хутуев Х.И. Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1972.
1517. Хутыз К.К. Адыги в многонациональной семье народов Северного Кавказа: опыт, уроки (1917-1940 гг.). – Майкоп, 1991. – 269 с.
1518. Хутыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917-1940 гг. (На материалах адыгских народов Северного Кавказа). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1993. – 259 с.
1519. Хутыз К.К., Шебзухова Э.А. Охота на Западном Кавказе (с палеолита до настоящего времени). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. – 356 с.
1520. Цаго Нури. История адыгов («Адыгэм итхыд»). – Баксан, 1918.
1521. Цаго (Цагов) Н., Дымов А. Азбука. – Казань: Умид, 1917.
1522. Цвижба Л.И. Источники взаимоотношений России и народов Северо-Западного Кавказа в XIX в. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. / Ист. чтения. – СПб.: АОЗТ «Журн. «Звезда», 2001. С. 246-256.
1523. Церен Э. Библейские холмы. – М.: Наука, 1966.
1524. Цикапидзева Л. «Испы-ун» - «дома карликов» // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2007. С. 61-72.
1525. Ципинов А.А. Мифопоэтическая традиция адыгов. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 177.
1526. Ципинов Р. Кавказ - «заря человечества» // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2007. С. 56-58.
1527. Ципинов Р. Дольмены – «города для мертвых» // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 9. Сост. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦентр, 2007. С. 73-83.
1528. Цирульников П. На старом пепелище черкесов-абадзехов (Путевые заметки) // Мусульманин. - Париж. 1910, № 11-12. С. 263-265; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 356-360.
1529. Цораев М.М. О помещицьем землевладении в Кабарде в конце XIX - начале XX в. // Учен. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1965. Т. 23.
1530. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.: Европа, 2006.
1531. Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. – Владикавказ, 1997.
1532. Чекменев С.А. К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII. в. // Учен. зап. Пятигорского педагогического ин-та. – Пятигорск, 1956. Т. 13.
1533. Чекменев С.А. . Очерки Карачаево-Черкесии. – Ставрополь, 1967.
1534. Челеби Эвлия. Книга путешествия в земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. Вып. 1. – М., 1979; Вып. 2-3. – М., 1983.
1535. Чемсо А.К. Гривенно-Черкесская станица. – Краснодар: Известия, 2002. – 178 с.
1536. Чемсо Г. Возвращение. - Майкоп, 2000. — 370 с.
1537. Черкесия в XIX в. (Матер. I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). - Майкоп, 1991. – 263 с.
1538. Черкесия в картах XIV-XIX вв. / Сост. Езбек Б., Дауров Х.М., Джамирзе А.В., Хотко С.Х. – Краснодар: «АлВидизайн», 2011. – 192 с.
1539. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления Екатерины II. 1762-1774 гг. Сборник документов. / Сост. Р.У. Туганов. Т. 1. – Нальчик, 1996; Т. 2. 1998; Т. 3. 2000.
1540. Черноус В.В. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX-XX вв. – Ростов-на-Дону, 1992.
1541. Черноус В.В., Цихоцкий С.Э. Кавказский вопрос в истории российской геополитики // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 1998, № 2.
1542. Черный В. Плетка Султана // Адыгейская жизнь. 1928, № 23, 20 марта.
1543. Черный В. Рукотворный голод (интервью корреспондента А. Головина с профессором В. Черным) // Краснодарские изв., 2011, 2 дек. С. 14.
1544. Четав С.Е. Женщины Адыгеи: трансформация социальной роли в годы радикальных перемен и в экстремальных условиях Великой Отечественной войны: 20-40-е гг. XX в. / Дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2005. – 238 с.
1545. Чеучев Н.Ш. Из истории борьбы Адыгейской партийной организации за социалистическое преобразование народного хозяйства в годы первой пятилетки. – Майкоп, 1967.
1546. Чеучев Н.Ш. Основы современной цивилизации (Учебно-методический материал). - Майкоп: Кн. изд-во, 1994. – 217 с.
1547. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1969. – 197 с.

1548. Чирг А.Ю. Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. - Майкоп, 1987.
1549. Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп, 1991. С. 246-274.
1550. Чирг А.Ю. Назревшие задачи изучения политической истории адыгов XIX в. // Черкесия в XIX в. - Майкоп, 1991.
1551. Чирг А.Ю. Политические реформы на Западном Кавказе в 1847-1850 гг. // Кавказская война: уроки истории и современность. / Матер. науч. конф. - Краснодар, 1994. С.168-176.
1552. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII - 60-е гг. XIX в.). - Майкоп, 2002.
1553. Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. - Майкоп, 2002.
1554. Чирг А.Ю., Женетль Н.Х. Бжедуги в конце XVIII - первой половине XIX в.: социально-экономические отношения и политическое развитие. - Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2006. - 120 с.
1555. Чич Г.К. О некоторых особенностях структуры адыгской песни // Матер. КНЦ АМАН, 1996, № 1. С.35-55.
1556. Чич Г.К. Песенно-музыкальная культура адыгов (Героические песни) / Культура и быт адыгов. Вып. VIII. - Майкоп: 1991. С.336-360.
1557. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1989. - 208 с.
1558. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотвым. - М.: Терра, 1991. - 298 с.
1559. Чунтыжева Т.Я. Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов как этно-педагогическая ценность. - Майкоп, 1998. - 249 с.
1560. Чурсин Г. Очерки по этнологии Кавказа // Кавказ: Культы, легенды, предания. Вып. V. - Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 80-202.
1561. Чуяко Д. На земле предков. - М.: Сов. Россия, 1985. - 220 с.
1562. Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. - Краснодар: Кн. изд-во, 1986. - 397 с.
1563. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. - М., 1977.
1564. Шадже А.Ю. Гармонизация межнациональных отношений. - Майкоп, 1990. - 78 с.
1565. Шадже А.Ю. Национальные ценности и человек. - Майкоп, 1996. - 168 с.
1566. Шадже А.Ю., Шеуджен Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа. - Майкоп, 2004.
1567. Шакрыл Е.С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов // Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Т. 4. 1955.
1568. Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 гг. / Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1902. Т. VIII. - 367 с.
1569. Шаов Ж.А. (ред.). Адыгейско-русский словарь. - Майкоп, 1975.
1570. Шаожева Н.А. Принципы идеологической атрибуции женской социальной активности // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2007. Вып. VI. С. 215-238.
1571. Шапошников Г.П. История города Майкопа в прошлом и настоящем. - Майкоп, 2006.
1572. Шарданов Б.Б. Забытый народ // Кубань, 1906, № 76.
1573. Шарданов Б.Б. Черкесы: забываемый народ // Кубань, 1906, № 117.
1574. Шарданов Б.Б. Черкесы и их прошлое // Кубань, 1915, № 122, 189-191.
1575. Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV-XVI вв.). - Нальчик, 1968.
1576. Шафиев Н.А. К вопросу о происхождении и расселении кабардинцев // Учен. зап. Адыгейского НИИ, 1968. Т. VIII. С.373-381.
1577. Шах-Бек-Мурзин. О быте, нравах и обычаях древних атыхейских, или черкесских племен. // Кавказ., 1849, № 36, 37, 39.
1578. Шахназарян Н. Адыги Краснодарского края. Сборник информационно-методических материалов. - Краснодар: ЮРРЦ, 2008. - 38 с.
1579. Швецов В. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе // Москвитянин, 1855, № 23/24. Кн. 1-2; Переизд.: Кавказ: Культы, легенды, предания. Вып. V. - Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 6-55.
1580. Шебзухов М.Х. Красный террор в Адыгее // Северный Кавказ: национальные отношения (Историография, проблемы). - Майкоп, 1992. - 292 с.
1581. Шебзухов М.Х. Трудовая и политическая активность труженников тыла в годы войны. - Майкоп, 1992. - 142 с.
1582. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны (1941-1945 гг.)). - Майкоп: Меоты, 1993. - 328 с.
1583. Шебзухова Ф.Х. Этноконфессиональная ситуация в Республике Адыгея: ислам и христианство, основные направления сотрудничества, проблемы и перспективы развития // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность. Матер. Всерос. науч. конф. - Карачаевск, 2007.
1584. Шевоцуков П.А. Страницы истории Гражданской войны. - М.: Просвещение. 1992. - 192 с.
1585. Шериева Н. Г. Понятия «*лгы цӀэжын*» и «*лгы уасэ*»: к вопросу об этнолингвистическом анализе терминов // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 341-348.
1586. Шеуджен А.Х. Адыгейский Мичурин // Кубанские новости. 1998. № 166. 4 сент.
1587. Шеуджен А.Х. Академик Блягоз: «Язык – путеводитель души» // Единство. 2001. 29 мая.
1588. Шеуджен А.Х. А. Схалыхо: «Главное дело впереди...» // Адыгейская правда. 1999. 9 окт.
1589. Шеуджен А.Х. В Адыгской Международной академии наук // Сов. Адыгея. 1999. 5 сент.
1590. Шеуджен А.Х. «Великому интернационалисту...» Учитель Зыков // Единство. 1999. 24 авг.
1591. Шеуджен А.Х. В наши планы не входило написание очередной истории адыгов // Бизнес-Курьер. 1996. № 11. 4 дек.
1592. . Шеуджен А.Х. Возвращение: путь длиной в 135 лет // Сов. Адыгея, 2001, 31 июля.
1593. Шеуджен А.Х. Воин, историк, просветитель адыгского народа // Единство. 1998. № 79. 29 сент.
1594. Шеуджен А.Х. Волны над могилами предков // Говорящие волны. - Адыгейск, 1999. С.407–409.
1595. Шеуджен А.Х. Всегда быть самим собой // Единство. 1999. 12 янв.

1596. Шеуджен А.Х. Годичное собрание (АМАН) // Кубанские новости. 1998. 28 окт.
1597. Шеуджен А.Х. Дорогой дружбы в третье тысячелетие // Вестн. КНЦ АМАН. 2000. Вып.7. С.106-107.
1598. Шеуджен А.Х. Достоянейший сын адыгского народа (К.С. Мамиек) // Вестн. КНЦ АМАН. 2000. Вып.7. С.109-110.
1599. Шеуджен А.Х. Зыков – учитель адыгов // Туркав Р. Люди земли Теучежской. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2000. С.141-148.
1600. Шеуджен А.Х. Имена в языкознании // Сов. Адыгея. 1999. 7 апр.
1601. Шеуджен А.Х. История Адыгеи детям // Единство. 1997. № 6. 21 янв.
1602. Шеуджен А.Х. История Кубани и Адыгеи в песнях // Единство. 2000. 25 апр.
1603. Шеуджен А.Х. К истории строительства водохранилища // Единство. 1997. № 57. 22 июля.
1604. Шеуджен А.Х. Книга о высших спортивных достижениях адыгов // Единство. 2000. 4 апр.
1605. Шеуджен А.Х. Крупнейший ученый-историк (Б.И. Джимов) // Вестн. КНЦ АМАН. 2000. Вып.7. С.103.
1606. Шеуджен А.Х. Кто мы? Откуда? Куда мы идем? // Единство. 1996. № 25. 2 апр.
1607. Шеуджен А.Х. Кубань и Адыгея в зеркале истории // Единство 1997. № 15. 22 февр.
1608. Шеуджен А.Х. Кудесник черкесских садов // Сов. Адыгея. 1998. № 149. 31 июля.
1609. Шеуджен А.Х. Маркет Теучеж: жизнь, отданная школе // Единство. 2000. 5 сент.
1610. Шеуджен А.Х. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: свет в конце туннеля // Вестн. КНЦ АМАН. 2001. Вып. 8. С. 138.
1611. Шеуджен А.Х. Мир создается знанием // Единство. 1997. 4 марта.
1612. Шеуджен А.Х. Мужество – национальное достояние адыгов // Единство. 1996. № 100. 24 дек.
1613. Шеуджен А.Х. На службе народа // Единство. 1998. 22 дек.
1614. Шеуджен А.Х. На страже охраны природы родной Адыгеи // Проблемы экологии в сельском хозяйстве и медицине. – Майкоп – 2000. С.141-145.
1615. Шеуджен А.Х. Наука нужна во имя будущего // Единство. 1993. № 35. 3 апр.
1616. Шеуджен А.Х. От гибели Черкесии – к ее возрождению // Единство. 1998. 5 дек.
1617. Шеуджен А.Х., Первый в Адыгее доктор сельскохозяйственных наук. К 90-летию со дня рождения Тхагушева Нуха Ахмедовича // Вестн. КНЦ АМАН. 1998. Вып. 2. С.82–83; Оштен. 2000. №7 (19).
1618. Шеуджен А.Х. Рахмет Схашок: учитель учителей // Единство. 2000. 25 июля.
1619. Шеуджен А.Х. «Родословная» адыгов // Единство. 1998. № 70. 29 авг.
1620. Шеуджен А.Х. «Родословная» адыгов в легендах и преданиях // Вестн. КНЦ АМАН. 1998. Вып.3. С.75.
1621. Шеуджен А.Х. Рожденная весной: учительница Жане // Единство. 1999. 26 окт.
1622. Шеуджен А.Х. Славная дочь Эдепсукая. – Краснодар, 2002. – 12 с.
1623. Шеуджен А.Х. Славный путь селекционера-плодовода // Единство. 1998. 4 авг.
1624. Шеуджен А.Х. С любовью к народу // Сов. Адыгея. 1999. 4 марта.
1625. Шеуджен А.Х. Сокровищница народной мудрости адыгов // Единство. 1997. № 71. 9 сент.
1626. Шеуджен А.Х. Соня Берзегова: первая учительница-адыгейка // Единство. 2000 14 окт.
1627. Шеуджен А.Х. Султан Клыч-Гирей: трагические страницы жизни // Вестн. КНЦ АМАН. 2001. Вып. 8. С. 139.
1628. Шеуджен А.Х. Тайник мудростей. «Nota bene» Международный образовательный центр «Интерконтакт». Апрель 1998. Спецвыпуск.
1629. Шеуджен А.Х. Страницы жизни. – Майкоп: Полиграф-ЮГ», 2022. – 800 с.
1630. Шеуджен А.Х. Талантливый педагог // Единство. 1999. 6 июля.
1631. Шеуджен А.Х. Талантливый ученый из Адыгеи // Сов. Адыгея. 1999. 21 дек.
1632. Шеуджен А.Х. Уходя - остаемся // Сов. Адыгея. 1996. № 221. 16 нояб.
1633. Шеуджен А.Х. Участник пленения фельдмаршала Паулюса. К 90-летию со дня рождения Х.Б. Каде // Вестн. КНЦ АМАН. 1998. Вып.3. С.82.
1634. Шеуджен А.Х. Ученый об ученом // Сов. Адыгея. 2000. 5 апр.
1635. Шеуджен А.Х. Ученый, гражданин, общественный деятель // Единство. 1998. 8 дек.
1636. Шеуджен А.Х. Ученый, педагог, гражданин. Академику М.Г. Аутлеву – 80 лет // Вестн. КНЦ АМАН. 1998. Вып.3. С.80-81.
1637. Шеуджен А.Х. Учитель Озеров // Единство. 1999. 27 июля.
1638. Шеуджен А.Х. Учительница Каде: нести свет знания людям // Единство. 2000. 6 янв.
1639. Шеуджен А.Х. Учительница первая моя ... // Единство. 2002. 2 апр.
1640. Шеуджен А.Х. Человек века (Н.А. Берзегов) // Вестник КНЦ АМАН. 2001. Вып. 8. С. 136-137.
1641. Шеуджен А.Х. Человек в мире национальных ценностей // Единство. 1997. 22 марта.
1642. Шеуджен А.Х. Шестьдесят лет спустя: судьба первых выпускников Эдепсукайской школы // Единство, 2012, № 63-64, 23 июня. С. 2.
1643. Шеуджен А.Х. «Энциклопедия» адыгского языка // Единство. 1999. 20 марта.
1644. Шеуджен А.Х. Это наша история, и мы должны ее знать // Сов. Адыгея. 1998. № 28. 10 февр.
1645. Шеуджен А.Х., Бондарева Т.Н. Почвенно-климатические ресурсы Кубани // Науч.-техн. прогресс в сельском хозяйстве и медицине. Ч.2. - Краснодар, 1997. С.14–21.
1646. Шеуджен А.Х., Бондарева Т.Н. Почвенно-климатическое районирование Северного Кавказа // Науч.-техн. прогресс в сельском хозяйстве и медицине. Ч.2. - Краснодар, 1997. С.12–14.
1647. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А. Взять милости у природы!... Любой ценой? (Экологические проблемы Краснодарского водохранилища) // Единство, 1997, 22 июля.
1648. Шеуджен А.Х., Галкин А.Г. Выдающийся ученый, гражданин: патриот. К 100-летию со дня рождения Петра Сергеевича Ерыгина // Вестник КНЦ АМАН. 1998. Вып.2. С.86–87.
1649. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А. «Поверить алгеброй гармонию...»: математическое моделирование истории адыгов // Вестн. КНЦ АМАН, 2000, вып.7, с.104-105.

1650. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Джаримов Н.Х. Тамань и Астрахань – топонимические «близнецы»? // Вестн. КНЦ АМАН. 1998. Вып. 3. С.69–71.
1651. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Джаримов Н.Х., Харитонов Е.М. Народная энциклопедия земледельца. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея» 2000. - 471 с.
1652. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджен Б.Е. Земля адыгов. - Майкоп, Качество, 1996. - 747 с.; 2-е изд., перераб. и доп. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. – 1004 с.
1653. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Козменко Г.Г. Экология Адыгеи. Актуальные проблемы и пути их решения // Вестн. КНЦ АМАН. 2001. Вып. 8. С. 113-115.
1654. Шеуджен А.Х., Трахов Э.М. Адыги - ученые Кубани. - Краснодар. 1998. – 108 с.
1655. Шеуджен А.Х., Трахов Э.М. Труженик науки. - Краснодар, 2001. – 38 с.
1656. Шеуджен А.Х., Трахов Э.М., Шеуджен Б.Е. Земли адыгов достойный сын. - Краснодар, 1999. – 26 с.
1657. Шеуджен А.Х., Тхакушинов А.К. Во главе Адыгеи. Майкоп: Изд-во МГТИ, 2003. – 108 с.
1658. Шеуджен А.Х., Тхакушинов А.К., Козменко Г.Г., Галкин Г.А., Харитонов Е.М., Елисеєва Н.В., Родимцев П.Г., Иванова О.В., Бушманова Н.В., Немцев А.С. Рекреационные ресурсы Адыгеи. - Майкоп, 1999. – 252 с.
1659. Шеуджен А.Х., Хагуров А.А. Вместо предисловия // Твой сын, Адыгея. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. С. 3-4.
1660. Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. На службе земли Кубанской. - Майкоп: РИПО, 1999. – 552 с.
1661. Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А. Вождь. - Майкоп: Изд-во «Афиша», 2006. – 744 с.; 2-е изд., перераб. и доп. - Майкоп: «Полиграфиздат», 2007. – 824 с.
1662. Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А. Сталин. В 3-х кн. - Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг». 2009. Т. 1. «Дорогу осилит идущий». – 568 с.; Т. 2. «Хозяин». - 544 с.; Т. 3. «Наследники». - 716 с.
1663. Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А. Становление и развитие адыгской государственности: этнокультурные и социально-политические аспекты // Образование - наука - творчество. - Нальчик-Армавир: АМАН, 2005, № 4. С. 13-26.
1664. Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 952 с.
1665. Шеуджен Ф. Кубань хранит немало тайн // Аргументы и факты-Юг, 2012, №25. С. 11.
1666. Шеуджен Ф. От Гермонассы до Тамани // Аргументы и факты-Юг, 2012, №25. С. 9.
1667. Шеуджен Э.А. История Адыгеи. Ч.I. - Майкоп: Кн. изд-во, 1995. – 97 с.
1668. Шилов В.П. О расселении меотских племен // Сов. археология, 1950. Вып. XIV.
1669. Шинкуба Б.В. Последний из ушедших. – М., 1976: Нальчик, 1994.
1670. Шкуро В. Герои России. Георгиевские кавалеры // Кубанские новости, 1995, 9 дек.
1671. Шогенов А.Х. Нужен ли нам президент? или Где мысль слаба, там дело полно дырок. – Майкоп, 2005. – 324 с.
1672. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. – СПб., 1852. – 211 с.
1673. Шоров И.А. Адыгская народная педагогика. - Майкоп, 1989. – 339 с.
1674. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. – Нальчик, 1982.
1675. Шортанов А.Т. Адыгские культы. – Нальчик, 1992.
1676. Шу Ш.С. Народные танцы адыгов. - Нальчик, 1992.
1677. Шу Ш.С. О народных музыкальных инструментах адыгов // Матер. КНЦ АМАН, 1997, № 2. С.19-22.
1678. Шу Ш.С. Слово о Шабане Кубове // Искусство, культура и этнография (Матер. КНЦ АМАН), 1996, № 1. С. 14-17.
1679. Щербина Ф.А. История Армавира и черкеско-гаев. – Екатеринодар-Тифлис, 1916. – 169 с. Переизд.: Краснодар: Традиция, 2010. – 336 с.
1680. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. Екатеринодар, 1910. – 701 с.; Т.2. 1913. – 854 с.
1681. Щербина Ф.А. Майкопский подъездной путь. Экономические изыскания, произведенные по поручению Майкопской городской думы // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1894. Т. III. С. 1-63.
1682. Щербина Ф.А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев. -Екатеринодар, 1911.
1683. Щербина Ф.А. Очерки борьбы русских с черкесами. – Екатеринодар, 1912.
1684. Щербина Ф.А. Прошлое и настоящее хозяйственных нужд и культурных начинаний Черноморского побережья // Труды Съезда деятелей Черноморского побережья Кавказа. Т. 1. – СПб., 1913. С. 1-24; Переизд.: Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864-1914 гг. / Сост. С.Х. Хотко. В 2-х т. Т. 2. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 361-378.
1685. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик, 1965.
1686. Эльберд М. Страшен путь на Ошхамахо. Пер. с кабард. - Нальчик: Эльбрус, 1980.
1687. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Под ред. Б.А. Трехбрата. – Краснодар, 1997. – 559 с.
1688. Эсадзе С.С. К 300-летию дома Романовых. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – Тифлис, 1913.
1689. Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Тифлис, 1914; Майкоп: Меоты, 1993. – 120 с.
1690. Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.). Сост. и пер. Т.А. Ачутба. – Сухуми, 1995.
1691. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Т. 1, 2. – М., 1994.
1692. Южный федеральный округ. Информационно-аналитический бюллетень, 2000, № 1.
1693. Юркин Н.Ф. Край мой любимый. - Краснодар: Кн. изд-во, 1963.
1694. Яговитин В.А. Очерки истории Абхазии. - Майкоп: Кн. изд-во, 1994. – 124 с.
1695. Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов //Зап. Северо-Кавказского краевого НИИ. Т. 1. – Ростов-на-Дону, 1928.

1696. Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. – М.-Л., Изд-во АН СССР. 1941.
1697. Якубова И.И. «Кабардинский» вопрос в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 114-125.
1698. Якубова И.И. Северный Кавказ в международных отношениях в XVIII первой половине XIX в. // Ист. вестн. Ин-та гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. IV. С. 185-205.
1699. Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. - Нальчик, 1993. – 209с.
1700. Яхтанигов Х. Экспонаты повествуют. - Нальчик, 1984.
1701. Ячиков А.К. Культурное развитие малых народов в условиях социализма. – Учен. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, 1972. Т. XVI. С.3-280.

Архив внешней политики Российской империи (Российской Федерации) (АВПРИ-АВПРФ)

1. Ф. «Кабардинские дела», 1731-1732, д. 2, л. 133.
2. Ф. 129, оп. 25а, д. 8, п. 236, л. 3;
3. Ф. 129, оп. 26, д. 2, п. 143, л. 38;
4. Ф. 129, оп. 26, д. 6, п. 143, л. 15;
5. Ф. 129, оп. 29, д. 2, п. 166, л. 2, 3;
6. Ф. 192, оп. 8, д. 14, п. 57, л. 38;
7. Ф. 266, оп. 38, д. 20, п. 276, л.4.

Архив Правительства Российской Федерации (АПРФ)

8. Ф. 3, оп.58, д.212, л. 17;
9. Ф. 22, оп. 1, д. 95, л. 99-101;
10. Ф. 45, оп. 1, д. 25, л. 46;
11. Ф. 45, оп. 1, д. 1486, л. 2-3;
12. Ф. 52, оп. 1, д.30, л. 6.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

13. Ф. р-1235, оп. 1, д. 669, л. 7;
14. Ф. р-1235, оп. 39, д. 56, л. 90;
15. Ф. р-1318, оп. 1, д. 10, л. 1;
16. Ф. р-1318, оп. 1, д. 190, л. 1;
17. Ф. 4459, оп. 12, д. 273, л. 43;
18. Ф. 4459, оп. 12, д. 233, л. 161;
19. Ф. 4459, оп. 38, д. 96, л. 14, 121, 144, 145;
20. Ф. 4459, оп. 38, д. 97, л. 1;
21. Ф. 4459, оп. 38, д. 109, л. 121;
22. Ф. 4459, оп. 38, д. 116, л. 59;
23. Ф. 4459, оп. 38, д. 117, л. 36;
24. Ф. 4459, оп. 38, д. 144, л. 45;
25. Ф. 4459, оп. 38, д. 273, л. 136;
26. Ф. 5283, оп. 2, д. 8, л. 109;
27. Ф. 5283, оп. 2, д. 12, л. 104, 105;
28. Ф. 5283, оп. 2, д. 24, л. 54, 109-112;
29. Ф. 5283, оп. 2, д. 35, л. 34, 40;
30. Ф. 6646, оп. 1, д. 98, л. 18;
31. Ф. 6646, оп. 4, д. 95, л. 155.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, бывш. РЦХИДНИ)

32. Ф. 2, оп. 1, д. 13067;
33. Ф. 2, оп. 1, д. 22947;
34. Ф. 2, оп. 2, д. 171, л.1;
35. Ф. 17, оп. 3, д. 1287, л. 18;
36. Ф. 17, оп. 21, д. 3267, л. 83;
37. Ф. 17, оп. 53, д. 783, л. 8;
38. Ф. 17, оп. 53, д. 784, л. 28;
39. Ф. 17, оп. 54, д. 2425, л. 146;
40. Ф. 17, оп. 57, д. 44, л. 160-161, 166-170;
41. Ф. 17, оп. 57, д. 552, л. 6;
42. Ф. 17, оп. 57, д. 578, л. 18;
43. Ф. 17, оп. 94, д. 8, л. 20;
44. Ф. 17, оп. 94, д. 209, л. 2;
45. Ф. 17, оп. 94, д. 969, л. 18-19;
46. Ф. 17, оп. 125, д. 34, л. 56;
47. Ф. 84, оп. 3, д. 123, л. 80-81;
48. Ф. 89, оп. 25, д. 56, л. 1-3;
49. Ф. 556, оп. 2, д. 644, л. 145;
50. Ф. 558, оп. 1, д. 2218, л. 3;
51. Ф. 558, оп. 1, д. 2510, л. 1;

52. Ф. 558, оп. 1, д. 3808, л. 11-12;
53. Ф. 558, оп. 3, д. 5, л. 305;
54. Ф. 558, оп. 3, д. 50, л. 467-472;
55. Ф. 558, оп. 3, д. 73, л. 151;
56. Ф. 558, оп. 3, д. 121, л. 537;
57. Ф. 558, оп. 3, д. 186, л. 73;
58. Ф. 558, оп. 3, д. 231, л. 226-304;
59. Ф. 558, оп. 3, д. 246, л. 4-8, 75-94;
60. Ф. 558, оп. 3, д. 350, л. 6;
61. Ф. 558, оп. 3, д. 358, л. 76;
62. Ф. 558, оп. 3, д. 370, л. 11, 28, 30, 39, 37, 45;
63. Ф. 558, оп. 4, д. 2, л. 1;
64. Ф. 558, оп. 4, д. 540, л. 40;
65. Ф. 558, оп. 4, д. 665, л. 194;
66. Ф. 558, оп. 4, д. 675, л. 18;
67. Ф. 558, оп. 4, д. 3648, л. 63;
68. Ф. 558, оп. 11, д. 22, л. 57;
69. Ф. 558, оп. 11, д. 27, л. 30, 31;
70. Ф. 558, оп. 11, д. 700, л. 83;
71. Ф. 558, оп. 11, д. 704, л. 15-19;
72. Ф. 558, оп. 11, д. 706, л. 31;
73. Ф. 558, оп. 11, д. 773, л. 79;
74. Ф. 558, оп. 11, д. 827, л. 17-18;
75. Ф. 558, оп. 11, д. 905, л. 99-100;
76. Ф. 558, оп. 11, д. 911, л. 15;
77. Ф. 558, оп. 11, д. 913, л. 1;
78. Ф. 558, оп. 11, д. 917, л. 1;
79. Ф. 558, оп. 11, д. 1278, л. 2;
80. Ф. 558, оп. 11, д. 1289, л. 87, 111;
81. Ф. 558, оп. 11, д. 1290, л. 31-32;
82. Ф. 558, оп. 11, д. 1617, л. 328;
83. Ф. 558, оп. 11, д. 1618, л. 56;
84. Ф. 558, оп. 11, д. 1482, л. 7 об.;
85. Ф. 558, оп. 11, д. 1483, л. 100 об.;
86. Ф. 629, оп. 1, д. 54, л. 2, 5.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

87. Ф. 111 «Донские дела»;
88. Ф. 115 «Кабардинские, черкесские и другие дела»;
89. Ф. 119 «Калмыцкие дела»;
90. Ф. 121 «Кумыцкие и тарковские дела».

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

91. Ф. 38, оп. 7, д. 209, л. 105, 111;
92. Ф. 38, оп. 7, д. 86, л. 416;
93. Ф. 38, оп. 30/286, св. 880, д. 21, л. 1-2;
94. Ф. 52, оп. 194, д. 165, л. 28;
95. Ф. 330, оп. 69, д. 56, л. 9, 13;
96. Ф. 400, оп. 263/916а, д. 1, л. 175, 176;
97. Ф. 482, оп. 1, д. 128;
98. Ф. 846, оп. 16, д. 6288, л. 1-16, 3480361;
99. Ф. 846, оп. 16, д. 6380 (2), л. 65-66 (об.);
100. Ф. 846, оп. 16, д. 6779;
101. Ф. 13454, оп. 6, д. 43, л. 1, 2, 6, 11, 15, 16, 17, 65;
102. Ф. 13454, оп. 6, д. 100, л. 1, 3, 16;
103. Ф. 13454, оп. 6, д. 114, л. 95.
104. Ф. ВУА, 846, оп. 16, д. 6288 (2), л. 96-97;
105. Ф. ВУА, 846, оп. 16, д. 6669 (1), л. 15;
106. Ф. ВУА, 846, оп. 16, д. 6732, л. 2.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

107. Ф. 5, оп. 1, д. 331;
108. Ф. 102, оп. 1, д. 323;
109. Ф. 143, оп. 2, д. 26;
110. Ф. 158, оп. 1, д. 8;
111. Ф. 226, оп. 1, д. 504;
112. Ф. 249, оп. 1, д. 239;
113. Ф. 249, оп. 1, д. 248;

- 114. Ф. 249, оп. 1, д. 283;
- 115. Ф. 249, оп. 1, д. 320;
- 116. Ф. 249, оп. 1, д. 333;
- 117. Ф. 249, оп. 1, д. 352;
- 118. Ф. 249, оп. 1, д. 355;
- 119. Ф. 249, оп. 1, д. 370;
- 120. Ф. 249, оп. 1, д. 383;
- 121. Ф. 249, оп. 1, д. 705;
- 122. Ф. 249, оп. 1, д. 850;
- 123. Ф. 249, оп. 1, д. 868;
- 124. Ф. 249, оп. 1, д. 1003;
- 125. Ф. 249, оп. 1, д. 1384;
- 126. Ф. 249, оп. 1, д. 1599;
- 127. Ф. 249, оп. 1, д. 1631;
- 128. Ф. 249, оп. 1, д. 1761;
- 129. Ф. 249, оп. 1, д. 1774;
- 130. Ф. 249, оп. 1, д. 1794;
- 131. Ф. 249, оп. 1, д. 1833;
- 132. Ф. 249, оп. 1, д. 2294;
- 133. Ф. 250, оп. 1, д. 11;
- 134. Ф. 250, оп. 1, д. 21;
- 135. Ф. 250, оп. 2, д. 96;
- 136. Ф. 250, оп. 2, д. 275;
- 137. Ф. 250, оп. 2, д. 579;
- 138. Ф. 252, оп. 2, д. 597;
- 139. Ф. 252, оп. 1, д. 1161;
- 140. Ф. 254, оп. 1, д. 357;
- 141. Ф. 260, оп. 1, д. 62;
- 142. Ф. 261, оп. 1, д. 20;
- 143. Ф. 261, оп. 1, д. 155;
- 144. Ф. 261, оп. 1, д. 244;
- 145. Ф. 261, оп. 1, д. 722;
- 146. Ф. 261, оп. 1, д. 728;
- 147. Ф. 261, оп. 1, д. 798;
- 148. Ф. 261, оп. 1, д. 828;
- 149. Ф. 261, оп. 1, д. 963;
- 150. Ф. 261, оп. 1, д. 1263;
- 151. Ф. 418, оп. 1, д. 2817;
- 152. Ф. 452, оп. 1, д. 1036;
- 153. Ф. 454, оп. 3, д. 89;
- 154. Ф. 470, оп. 2, д. 210;
- 155. Ф. 574, оп. 1, д. 257;
- 156. Ф. 574, оп. 1, д. 4238;
- 157. Ф. 574, оп. 1, д. 4402;
- 158. Ф. 670, оп. 1, д. 24;
- 159. Ф. 721, оп. 1, д. 122;
- 160. Ф. 774, оп. 1, д. 505;
- 161. Ф. 774, оп. 2, д. 172;
- 162. Ф. 774, оп. 2, д. 384;
- 163. Ф. 1050, оп. 2, д. 3;
- 164. Ф. 1541, оп. 1, д. 70;
- 165. Ф. 1547, оп. 1, д. 17;
- 166. Ф. 1547, оп. 1, д. 22;
- 167. Ф. 1547, оп. 2, д. 31;
- 168. Ф. 1547, оп. 1, д. 39;
- 169. Ф. 1547, оп. 1, д. 55;
- 170. Ф. 1547, оп. 1, д. 69;
- 171. Ф. 1547, оп. 1, д. 70.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

- 172. Ф. 1774-А, оп. 1, д. 98, л. 81-82;
- 173. Ф. 1774-А, оп. 1, д. 3959;
- 174. Ф. 1774-А, оп. 18, д. 125;
- 175. Ф. 1774-В, оп. 1, д. 2254;
- 176. Ф. 1774-В, оп. 1, д. 2306;
- 177. Ф. 1774-В, оп. 1, д. 2384;
- 178. Ф. 1774-В, оп. 1, д. 8486;

- 179. Ф. 1774-В, оп. 16, д. 1081;
- 180. Ф. 1774-В, оп. 17, д. 146;
- 181. Ф. 1774-В, оп. 1, д. 8585;
- 182. Ф. 1774-Р, оп. 2, д. 902, л. 3-4; 6;
- 183. Ф. 4372, оп. 1, д. 96; л. 50;
- 184. Ф. 9896, оп. 1, д. 2, л. 1.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

- 185. Ф. 37, оп. 1, д. 152;
- 186. Ф. 55, оп. 1, д. 147, л. 25;
- 187. Ф. 79, оп. 1, д. 31;
- 188. Ф. 79, оп. 1, д. 48;
- 189. Ф. 125, оп. 1, д. 2, л. 44, 182, 222;
- 190. Ф. 444, оп. 1, д. 2797, л. 4.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

- 191. Ф. 7, оп. 1, д. 17, л. 7, 8, 10;
- 192. Ф. 7, оп. 1, д. 28, л. 4;
- 193. Ф. 7, оп. 1, д. 31, л. 4, 28, 29;
- 194. Ф. 7, оп. 1, д. 118, л. 4;
- 195. Ф. 7, оп. 1, д. 220а, л. 1-15;
- 196. Ф. 7, оп. 1, д. 118, л. 1-8;
- 197. Ф. 7, оп. 1, д. 262, л. 4, 7-10;
- 198. Ф. 7, оп. 1, д. 267, л. 6;
- 199. Ф. 7, оп. 1, д. 281, л. 3;
- 200. Ф. 7, оп. 1, д. 387, л. 1-20;
- 201. Ф. 7, оп. 1, д. 491, л. 6;
- 202. Ф. 7, оп. 1, д. 506, л. 5, 11-13, 34-41;
- 203. Ф. 7, оп. 1, д. 610, л. 1-23;
- 204. Ф. 7, оп. 1, д. 613, л. 1, 137;
- 205. Ф. 7, оп. 1, д. 655, л. 8;
- 206. Ф. 7, оп. 1, д. 699, л. 3;
- 207. Ф. 7, оп. 1, д. 760а, л. 1-20;
- 208. Ф. 7, оп. 1, д. 817, л. 1-83;
- 209. Ф. 7, оп. 1, д. 854, л. 5;
- 210. Ф. 7, оп. 1, д. 860, л. 164;
- 211. Ф. 7, оп. 1, д. 860, л. 164;
- 212. Ф. 7, оп. 1, д. 860, л. 216а;
- 213. Ф. 7, оп. 1, д. 868, л. 3-4;
- 214. Ф. 7, оп. 1, д. 871, л. 2, 28-35;
- 215. Ф. 7, оп. 1, д. 873, л. 3;
- 216. Ф. 7, оп. 1, д. 874, л. 23, 76, 82;
- 217. Ф. 7, оп. 1, д. 879, л. 4, 9, 184;
- 218. Ф. 7, оп. 1, д. 881, л. 2;
- 219. Ф. 7, оп. 1, д. 890, л. 15;
- 220. Ф. 7, оп. 1, д. 900, л. 1, 4, 24-31;
- 221. Ф. 7, оп. 1, д. 929, л. 7;
- 222. Ф. 7, оп. 1, д. 936, л. 8;
- 223. Ф. 7, оп. 1, д. 966, л. 1-69;
- 224. Ф. 7, оп. 1, д. 979, л. 242;
- 225. Ф. 7, оп. 1, д. 1124, л. 9, 40;
- 226. Ф. 7, оп. 1, д. 1149, л. 20;
- 227. Ф. 7, оп. 1, д. 1208, л. 1-62;
- 228. Ф. 7, оп. 1, д. 1219, л. 10, 42;
- 229. Ф. 7, оп. 1, д. 1231, л. 11, 24;
- 230. Ф. 7, оп. 1, д. 1240, л. 131-133;
- 231. Ф. 7, оп. 1, д. 1245, л. 3, 3а;
- 232. Ф. 7, оп. 1, д. 1249, л. 15;
- 233. Ф. 7, оп. 1, д. 1265, л. 22-24;
- 234. Ф. 7, оп. 1, д. 1303, л. 9, 11;
- 235. Ф. 7, оп. 1, д. 1324, л. 8;
- 236. Ф. 338, оп. 1, д. 142, л. 52-53;
- 237. Ф. 338, оп. 1, д. 338;
- 238. Ф. 339, оп. 1, д. 12, л. 2.

Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР)

- 239. Ф. 1, оп. 1, д. 1341, л. 102;
- 240. Ф. 1, оп. 2, д. 1940, л. 73-150;
- 241. Ф. 2, оп. 1, д. 2, т. 2, л. 29, 30, 39 об., 40 об., 46 об.;
- 242. Ф. 2, оп. 1, д. 322;
- 243. Ф. 2, оп. 1, д. 387;

- 244. Ф. 6, оп. 1, д. 109, л. 52;
- 245. Ф. 6, оп. 1, д. 699, л. 30-31;
- 246. Ф. 6, оп. 1, д. 723, т. 1, л. 48;
- 247. Ф. 6, оп. 1, д. 729, л. 106;
- 248. Ф. 6, оп. 1, д. 826, л. 6;
- 249. Ф. 6, оп. 1, д. 883, ч. 2, л. 52;
- 250. Ф. 8, оп. 1, д. 7, с. 14, 29, 74;
- 251. Ф. 9, оп. 2, д. 1, л. 3;
- 252. Ф. 16, оп. 1, д. 36, л. 1;
- 253. Ф. 16, оп. 1, д. 39, л. 17;
- 254. Ф. 16, оп. 1, д. 252, л. 13;
- 255. Ф. 16, оп. 1, д. 437, л. 7;
- 256. Ф. 16, оп. 1, д. 548, л. 29.
- 257. Ф. р-198, т. 1, д. 2, л. 2;
- 258. Ф. р-201, оп. 1, д. 5, л. 3, 13, 153;
- 259. Ф. р-201, оп. 1, д. 15, л. 10;
- 260. Ф. р-291, оп. 1, д. 6а, л. 24;
- 261. Ф. р-376, оп. 1, д. 4, л. 35.

Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (ЦДНИКБР)

- 262. Ф. 1, оп. 1, д. 274, л. 91-93;
- 263. Ф. 1, оп. 1, д. 808, л. 2, 3;
- 264. Ф. 1, оп. 1, д. 820, л. 149-151;
- 265. Ф. 1, оп. 1, д. 821, т. 1, л. 12;
- 266. Ф. 1, оп. 1, л. 1066, л. 4;
- 267. Ф. 1, оп. 1, д. 1070, л. 33;
- 268. Ф. 1, оп. 1, д. 1131, л. 7;
- 269. Ф. 1, оп. 1, д. 1147, л. 2;
- 270. Ф. 1, оп. 1, д. 1341, л. 102;
- 271. Ф. 1, оп. 1, д. 1379, л. 121;
- 272. Ф. 1, оп. 1, д. 1814, л. 3, 5, 6, 23-24;
- 273. Ф. 1, оп. 2, д. 113, л. 34;
- 274. Ф. 1, оп. 2, д. 705, л. 18;
- 275. Ф. 1, оп. 3, д. 8, л. 52;
- 276. Ф. 1, оп. 4, д. 108, л. 68;
- 277. Ф. 1, оп. 4, д. 1098, л. 7;
- 278. Ф. 1, оп. 7, д. 37, л. 10-11;
- 279. Ф. 19, оп. 4, д. 10, л. 12, 23;
- 280. Ф. 26, оп. 1, д. 2, л. 29-32;
- 281. Ф. 26, оп. 1, д. 275, л. 7;
- 282. Ф. 45, оп. 1, д. 5, л. 10, 15-17;
- 283. Ф. 2599, оп. 1, д. 4, л. 12.

Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИА Грузии)

- 284. Ф. 416, оп. 3, д. 159, л. 5;
- 285. В. 416, оп. 3, д. 162, л. 4.

Национальный архив Республики Адыгея – НАРА (бывш. Государственный архив Республики Адыгея - ГАРА)

- 286. Ф. р-1, оп. 1, д. 5, л. 1;
- 287. Ф. р-1, оп. 1, д. 6, л. 13;
- 288. Ф. р-1, оп. 1, д. 10, л. 29;
- 289. Ф. р-1, оп. 1, д. 13, л. 124;
- 290. Ф. р-1, оп. 1, д. 39, л. 19;
- 291. Ф. р-1, оп. 1, д. 242, л. 14;
- 292. Ф. р-1, оп. 1, д. 298, л. 13, 28, 29;
- 293. Ф. р-1, оп. 1, д. 372, л. 19;
- 294. Ф. 8. Хакуриновское аульное правление, оп. 1, д. 7;
- 295. Ф. 21. Бжегокаевское аульное правление, оп. 1, д. 37, 123, 194, 271;
- 296. Ф. 21, оп. 1, д. 56, л. 6;
- 297. Ф. 21, оп. 1, д. 246, л. 157;
- 298. Ф. 21, оп. 1, д. 746, л. 2, 15;
- 299. Ф. 49, оп. 1, д. 86, л. 145;
- 300. Ф. 268, оп. 1, д. 1, л. 90, 130;
- 301. Ф. 328, оп. 1, д. 4, л. 35;
- 302. Ф. 382, оп. 1, д. 14, л. 1.

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований (АРИГИ)

- 303. Ф. 1, оп. 88, д. 49.

МАТЕРИАЛЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА над убийцами Моса и Гошевнай Шовгеновых, проходившего в а. Хакуринохабль с 13 по 19 января 1926 года*

Речь прокурора тов. Белова.

Граждане судьи!

Настоящий процесс воскресил в нашей памяти тяжелые кошмарные времена прошлого: за несколько дней судебного разбирательства перед Вами прошла тяжелая картина борьбы черкесского народа с контрреволюцией на Северном Кавказе, в частности на территории, ныне занимаемой Адыгейской (Черкесской) автономной областью и жестокая расправа контрреволюции с черкесским народом и черкесскими революционерами. Черкесский народ имеет богатое прошлое. Вся жизнь черкесского народа была сплошной борьбой с царизмом и царскими приспешниками. Черкесский народ всю свою жизнь вынужден был вести непрерывную борьбу за свое существование. Мы знаем, как тяжела была эта борьба и что она стоила черкесскому народу. Царское правительство через своих ставленников - князей и дворян - здесь, на Северном Кавказе, умело управлялось с непокорными черкесскими массами. Черкесский народ уничтожался сотнями, сжигались и разорялись целые аулы, женщины-черкешенки насиловались и уводились офицерством царской армии. Но это не останавливало черкесский народ, и он продолжал борьбу за свое существование, и в результате этой многолетней, непрерывной борьбы из среды черкесского народа с отступающими красными частями, скрывался со своей женой в аулах первый горский комиссар Мос Хакарович Шовгенов. Султан Клыч-Гирей обманным путем, используя для этой цели почетного старика Хаджи Шемгохова, арестовывает Моса Шовгенова в ауле Хатажукай и приводит в аул Хакуринохабль под видом переговоров и спасения жизни арестованного.

Граждане судьи, перед Вами прошел ряд свидетелей и потерпевших, которые достаточно ярко нарисовали, как погиб первый горский комиссар-революционер Шовгенов Мос и как контрреволюция расправилась с черкесским революционером.

Из показаний свидетелей видно, что Шовгенов Мос был привезен в Хакуринохабль в здание правления, где находился штаб белогвардейской части, султана Забит Гирея, полковника Шестакова.

Ничего не подозревая, Шовгенов Мос приехав, встает с тачанки и идет в правление. На крыльце правления стоящий полковник Шестаков ударил кулаком Шовгенова. Шовгенов падает со ступеней, встает и хочет говорить: как честный революционер, он просит дать ему возможность сказать, но его начинают бить окружающие здание белогвардейские всадники. Совершенно избитый, Шовгенов вновь поднимается и, желая говорить, идет к полковнику Шестакову. Полковник Шестаков вторично ударяет Шовгенова. Шовгенов падает, ударившись грудью о землю, и больше уже, как видно из показаний свидетелей, не встает, но лежащего Шовгенова белогвардейские всадники продолжают бить. В этот же момент, как видно из показаний свидетелей Даурова и Чамокова, стоявший на крыльце Тыков Едыг крикнул: «Разве так бьют, рубите его, а куски его разбросайте собакам». После этого Бахов Юнус отрубает Шовгенову ногу и уже мертвого бьет плетью. После зверской расправы тело Шовгенова за ногу привязывают к хвосту лошади, тащат за аул и бросают.

Так, граждане судьи, был вырван из рядов черкесских революционеров народный борец за свободу, активный революционер Шовгенов Мос. Кто не знал Шовгенова Моса? Его знал весь черкесский народ, как честного, лучшего человека. Сам Хаджи здесь заявил, что лучшего человека, чем Шовгенов Мос он не встречал.

В этой подлой работе убийства и зверской расправе над Шовгеновым Мосом, активную роль сыграли обвиняемые Тыков Едыг и Бахов Юнус. Показания обвиняемых Тыкова и Бахова разноречивы: показания на предварительном следствии одни, здесь показания другие. Дело суда дать соответствующую оценку этим показаниям; достаточно того, что все их путанные показания опровергают показания свидетелей очевидцев и материал предварительного следствия по обвинению Тыкова и Бахова в этой части здесь, на суде, достаточно подтвердился. Но, граждане судьи, контрреволюция на этом не останавливается, она идет дальше. Я перехожу к зверской расправе над женой Шовгенова. Обращаясь к показанию потерпевшего очевидца Нарбекова, мы видим, как осуществили контрреволюционеры излюбленные способы белогвардейской банды, способ издевательства, насилования женщин.

Слушая показания потерпевшего очевидца Нарбекова, не находишь слов передать этот кошмар: нет красок, чтобы можно было нарисовать картину ужаса. В экономии Демина, в комнате, усиленно освещенной в присутствии султана Забит-Гирея, полковника Шестакова, начальника тыла, как его называют все свидетели, Тыкова Едыга, Шугурова и других белогвардейцев, на полу лежит совершенно раздетая жена Шовгенова; на теле кровь, свежие рубцы от побоев. Это доказывает, что господа офицеры ее уже допрашивали. Мало этого, Тыков заставляет Нарбекова, этого несчастного татарина, арестованного также белогвардейцами за сочувствие к большевикам, насиловать Шовгенову и на отказ Нарбекова Тыков наносит Нарбекову удары, заставляет раздеваться и совершить с Шовгеновой половой акт. То же самое было проделано и с

* Подготовили Д. Цей и М. Хуашев (Чеучев Н.Ш. *Гошевнай Шовгеновна*. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1990. – 88 с.)

находящимися под арестом у белогвардейцев иногородними, татаринот Хабибулиным Османом, Бакиевым и др. Их нет здесь в качестве свидетелей, контрреволюция их убрала в свое время, они были тогда же расстреляны, и только по счастливой случайности мы имеем здесь одного свидетеля-потерпевшего, оставшегося в живых, но с белогвардейской пулей в животе, Нарбекова Хасана.

Измученную таким образом Шовгенову, после этого Тыков, Шугуров и Жемадуков с всадниками вывели в степь вместе с татарами и там один из всадников с возгласом: «Да здравствует комиссарка!», зарубил Шовгенову, остальные же татары были там же расстреляны. Так погибла первая революционерка-черкешенка Шовгенова Гошевной.

Показание Тыкова, что он в это время уезжал с экономии Демина в аул Ульский, опровергается показанием другого обвиняемого - Жемадукова, показавшего суду, что Тыков в то время с экономии никуда не уезжал, и другое показание самого Тыкова противоречит его же первому показанию: он говорит, что в момент насилия над Шовгеновой он в комнате был. Дело суда дать также оценку этим показаниям свидетеля-потерпевшего очевидца Нарбекова, поныне имеющего в животе белогвардейскую пулю - рентгеновский снимок это подтверждает. Обвиняемые Шугуров и Жемадуков также ничем не опровергли своего участия в издевательствах над тов. Шовгеновой Гошевной.

Граждане судьи, и на этом не остановилась контрреволюция: проводится дальнейший массовый террор над русскими, иногородними и татарами; также аресты, расстрелы и массовая порка плетью. Из показаний многочисленных свидетелей и потерпевших, прошедших перед судом, достаточно устанавливается виновность других. обвиняемых - Хоретлева Салеха и Шугурова.

Хоретлев Салех до бессознательного состояния избивает Байбекова Индриса, который несколько раз здесь перед судом этот факт подтверждает и указывает. Сам Хоретлев сообщал полковнику Шестакову, что Байбеков Индрис - первый большевик. Другой обвиняемый, Шугуров - это спец пороть всех, кто сочувствует большевикам. Здесь на суде обвиняемый Шугуров говорит, что он это делал для спасения сочувствующих большевикам от расстрела.

Граждане судьи, здесь прошло 10 потерпевших, испытывавших плеть Шугурова, дело вашей совести дать соответствующую оценку этим показаниям. Я не буду больше на этом останавливаться, считаю это преступление вполне установленным, да и сам Шугуров этого не отрицает, припертый к стене рядом неопровержимых свидетельских показаний. Нельзя пройти мимо еще другого небольшого факта из деятельности Шугурова. Как видно из материала и показаний свидетелей, обвиняемый Шугуров всюду агитирует под лозунгом «Большевики больше не ждите, они не вернутся». Другой факт, подтвержденный здесь на суде свидетелем-потерпевшим Хабибулиным: обвиняемый Шугуров, пользуясь случаем беспомощного состояния подозреваемых в сочувствии к большевикам, берет у Хабибулиной мажару. Как видно, обвиняемый Шугуров оказался отличным служакой для контрреволюции с хорошей практикой урядника, как спеца по порке.

Теперь, граждане судьи, я перехожу к другому кошмарному проявлению контрреволюцией массового террора. Под натиском наступающих красных войск, белогвардейская свора вынуждена была быстро отступать. В этот момент в арестном помещении аула Джеракай находится сорок семь арестованных, сочувствующих большевикам, в числе их - старики, женщины и дети. Контрреволюция не хочет оставлять эти жертвы красным и решает их расстрелять. Это с честью для контрреволюции выполняет обвиняемый Нагороков совместно с другими, на следствии не установленными. Он врывается в арестное помещение и производит расстрел находящихся там арестованных. Не удовлетворившись этим, он шашкой приканчивает тех, кто оставался в живых. Немногим удалось по счастливой случайности остаться в живых. Они, граждане судьи, прошли здесь перед вами и достаточно ясно обрисовали этот кошмарный момент. Обвиняемый Нагороков ничего не мог сказать здесь в свое оправдание.

Еще один факт деятельности контрреволюционной своры: обвиняемый Потоков, пользуясь моментом победного разгула контрреволюции, использует это положение, требуя от гражданки Бакиевой уплаты ему 250 рублей за то, что он ее мужа не будет арестовывать. Получает эти деньги, а муж гражданки Бакиевой все-таки арестовывается, отправляется в экономию Демина, где и расстреливается. После Потоков забирает у гр-ки Бакиевой часть имущества, не брезгуя платьями, ботинками и даже носками. Этот факт виновности Потокова я считаю вполне установленным и подтвержденным показаниями потерпевшей Бакиевой.

Граждане судьи, я хочу коснуться еще той части обвинения, где Тыков фигурирует как начальник тыла. Из материала следствия, подтвержденного здесь на суде, видно, что в экономии Демина было соответствующее учреждение контрреволюции. Обвиняемый Тыков показал, что там была хозяйственная часть, а он был заведующим этой частью. Другими показаниями устанавливается совершенно иное: из показания обвиняемого Жемадукова видно, что направляемые арестованные в экономию Демина не возвращались, арестованные татары, из числа коих остался в живых Нарбеков, были расстреляны в экономии Демина. Жена Шовгенова «допрашивалась» в экономии Демина и там же была замучена. Свидетель Черников показал, что Шугуров знал, что послать в экономию Демина, значит безвозвратно. Обвиняемый Жемадуков в своем показании говорит здесь на суде: «Возможно, что там был террор, слышал, что выводили, издевались и расстреливали». Все это, граждане судьи, подтверждает то обстоятельство, что в экономии Демина была не

хозяйственная часть, как это пытается доказать обвиняемый Тыков, а там был штаб контрреволюции, начальником которого и был обвиняемый Тыков.

В настоящем деле есть вторая часть, относящаяся к разряду преступления, менее важного характера, но тесно связанного с работой контрреволюции. Пользуясь расстрелами, арестами со стороны белогвардейской банды, группа обвиняемых - Хакунов Хасан, Хакунов Сафербий, Тхаганов Юсуф, Хуажев Пиюк и Беречетов Нанух - производит ряд конфискации, арестов и грабежей у всех сочувствующих большевикам. Рядом свидетельских показаний и потерпевшими, прошедшими здесь на суде, эти обвинения в достаточной степени доказаны и установлены.

Переходя к квалификации совершенных преступлений, я разделяю всех обвиняемых на две группы: 1-я группа обвиняемых - Тыков, Бахов, Шугуров, Жумадуков, Нагороков, в отношении их я прошу применить 62-ю статью уголовного кодекса и обвиняемым Хоретлеву Салеху, Потокову Таху - 16,64 ст. уголовного кодекса; ко второй группе обвиняемых я отношу обвиняемого Ашхамафова, Хакунова Сафербия, Хакунова Хасана, Тхаганова, Хуажева Пиюка и Беречетова. В отношении этих обвиняемых я прошу применить суд 68 статью уголовного кодекса.

В отношении обвиняемых Хоретлева Безрука и Лоова Каспота я считаю данные для обвинения недостаточными и от обвинения их в порядке 306 ст. уголовного кодекса отказываюсь.

Прежде чем перейти к определению меры наказания, я обращаю ваше внимание, граждане судьи, что еще борьба с контрреволюцией не окончена: часть контрреволюционеров находится за границей и имеет еще надежду задуть Советскую власть. Допустим только на минуту, что здесь появится власть султана Клыч-Гирея, как эти обвиняемые, сидящие сейчас на скамье подсудимых, начнут снова расстреливать, убивать и рубить. Граждане судьи, когда Вы войдете в совещательную комнату, я прошу Вас учесть это обстоятельство и подойти к определению меры наказания с нашей классовой точки зрения. Со своей стороны в отношении обвиняемых Тыкова, Бахова, Шугурова, Жемадукова, Нагорокова, Потокова и Хоретлева Салеха я прошу применить высшую меру наказания - расстрелять, но считаю, что в отношении Хоретлева суд должен учесть его непродолжительную службу в Красной Армии и сделать соответствующее снисхождение, заменив высшую меру наказания 10 годами лишения свободы.

В отношении обвиняемых Ашхамафова, Хакунова Сафербия, Хакунова Хасана, Хуажева Пиюка, Тхаганова Юсуфа и Беречетова Нануха я прошу применить наказания, лишив их свободы сроком на 3 года каждого, со строгой изоляцией.

Я закончил.

Речь общественного обвинителя т. Цей Д.

Граждане судьи!

История черкесского народа полна попытками трудящихся черкесов освободиться от власти ханов (султанов), орков (дворян) и князей, от их эксплуатации, бесправия и унижения.

Задолго еще до покорения русским империализмом черкесов в 1853 году у черкесского крестьянства переполнилась чаша терпения, и оно вызвало восстание против своих угнетателей - султанов, дворян и князей и их приспешников, подобным личностям, как ныне сидят перед пролетарским судом на скамье подсудимых - Тыкова, Жемадукова, Шугурова и др. Это восстание происходило среди бжедуггов, в ауле Понежукай, с поддержкой абадзехов, которые в это время не имели ни дворян, ни султанов, а жили на демократических началах, как и шапсуги. Бжедугское крестьянство многие годы находилось под нечеловеческой эксплуатацией этих султанов и князей. Они не имели самых обыкновенных человеческих прав. Их женщины и дети менялись на собак, их жены насиловались, их имуществом распоряжались князья и дворяне. Но и тогда среди бжедуггов нашелся человек, который не смог быть к этому равнодушным, мобилизовал крестьян и с ними пошел против дворян и султанов.

Один характерный эпизод из этого восстания. Были посланы к дворянам со стороны крестьянства делегаты, которые потребовали от них выслать в условленное место своих представителей для переговоров, и в назначенный срок прибыли на это место, как представители дворянства, так и крестьянства. Со стороны крестьян вел переговоры некто Ханахок, который требовал равноправия и освобождения от эксплуатации. Он требовал права женитьбы крестьян на дворянках, а также дворян на крестьянках. На это представитель дворянства ответил, что они, дворяне, являются представителями аллаха, что они имеют на управление и эксплуатацию крестьянства мандат аллаха. Естественно, такой ответ на требования крестьян еще больше обозлил их, и они решили идти войной на своих угнетателей. Дворяне и здесь насмеялись над крестьянством. С одной стороны готовилось трудовое крестьянство на наступление на своего общего врага, а с другой стороны все дворяне и князья бжедуггов собрались обсудить свое положение в ауле Понежукай.

Узнав о том, что дворяне собрались в Понежукае, представители трудовых масс поехали туда, подъехали к тому двору, где собрались дворяне, окружили его со всех сторон и в это время один из князей вышел из кунацкой и выстрелил из ружья, убил одного крестьянина. Здесь завязалась вооруженная борьба, борьба между двумя лагерями. Конечно, как и нужно было ожидать, крестьяне победили, многих князей перебили, а остальных заставили под присягой на Коране признать равноправие крестьян. Но наивность бжедугского кре-

стьянства и тогда, как и вообще, заключалась в том, что они поверили присяге палачей, не лишив экономического господства их над крестьянами. Однако устойчивость бжедугских князей была нарушена крестьянством, уже был пробит путь и к дальнейшей революции. И тут дворяне нашли свое спасение в лице русского империализма. Они являлись предателями своего народа: за свое благополучие, за золотые погоны и за землю предали черкесских трудящихся на уничтожение и вековую эксплуатацию русскому империализму.

Во время русско-горской войны, за маленьким исключением, все дворяне перешли к русским, как проводники, как полководцы, они жестоко расправлялись с мирными жителями, убивали беременных женщин, детей бросали в колодцы.

И, наконец, после покорения Кавказа эти князья, по желанию русского империализма, повели среди темной крестьянской массы черкесов агитацию о том, что мусульманам грешно жить под владычеством гяуров, а что должны жить и умереть на мусульманской земле, под мусульманским владычеством и покровительством мусульманского падишаха. Такую провокацию главным образом вели дворяне и духовные лица, заинтересованные в том, чтобы получить от русского империализма золотые погоны, землю и сохранить свое господство над черкесским крестьянством. В результате этого, граждане судьи, теперь вы видите жалкие остатки той великой нации, упорно ведшей войны против русского империализма за свою свободу, за свою независимость. В течение многих лет сотни, тысячи черкесов погибли на пути в Турцию от голода, холода, многие сотни тысяч погибли в самой Турции под влиянием климатических условий и теперь у нас в СССР насчитывается черкесов-адыгейцев только 100-150 тысяч.

Граждане судьи! Вот какое место занимают в истории черкесского народа эти палачи, представителями которого являются и сидящие ныне на скамье подсудимых перед пролетарским судом Тыков, Жемадуков, Шугуров и др.

Все сказанное относится, гр. судьи, только к периоду покорения Кавказа, и это только сотая доля тех жестокостей и страданий, которым подвергалось черкесское крестьянство. История идет вперед и теперь небезынтересно будет познакомить Вас с черкесским трудовым крестьянством, под владычеством русского империализма и как вели себя эти палачи, поощряемые русским правительством в отношении черкесского трудового крестьянства.

После покорения Кавказа и в частности черкесов, эти князья-предатели стали от правительства получать землю, заделались помещиками, получали за предательство своего народа золотые погоны и заняли абсолютное господство над крестьянством. Настали длительные, мучительные дни для остатков черкесского трудового крестьянства в России. Крестьяне окончательно были закабалены властью помещиков и султанов. Дети султанов и дворян получали высшее образование в русских школах, а трудовое крестьянство держалось в темноте и невежестве. Пользуясь темнотой черкесов, эти князья развивали национальный антагонизм между черкесской трудовой массой и русским крестьянством. На этом они строили свое благополучие. В таком состоянии черкесское крестьянство застает Октябрьская революция.

Были люди среди черкесов, преданные своему народу, но их было очень мало перед гражданской войной. И вот, когда в 1917 году вспыхнула революция, князья, дворяне и их приспешники организовали контрреволюцию, чтобы и в дальнейшем держать народ в ежовых рукавицах. Но им этого не удавалось - не потому что были мягкими по душе, а потому что они не в состоянии были это сделать. Когда совершился Октябрьский переворот, эти султаны, помещики и зажиточная часть населения Адыгеи организовали съезд в ауле Хакурнохабль и решили вопрос, что им делать на этом съезде, нашелся один человек из собравшихся, который открыто сказал: «наше дело погибло», но его князья и султаны прогнали с трибуны. Там не давали говорить ни одному человеку против контрреволюции, играя на темноте масс, распространяли через своих приспешников, как ныне сидящие на скамье подсудимых, слухи, что большевики не позволяют богу молиться, что жен у крестьян отнимают, детей забирают и лишают их земли. В это время среди черкесского народа был один честный вождь, который был согласен умереть за свой народ, вышедший из самого крестьянства, из бывших крепостных - это Мос Шовгенов. Я лично слышал и помню его речи в ауле Шинджий, где он говорил трудовому крестьянству: «Ваши палачи князья и богатеи империализма, не идите к ним и с ними, а идите к русским рабочим и крестьянам, они ваши друзья и братья. И вот этого вождя вот эти кровопийцы, сидящие здесь на скамье подсудимых, как волки, как звери растерзали. Нервы мои не выдерживают, мне хочется крикнуть - «долой этих кровопийцев!» А он, т. Шовгенов, не подозревал, что ему лучше было скрываться в лесах, где он скрывался, когда пришли белые. Предатели заманили его в сетку, пользуясь черкесским обычаем через почетных стариков, уговорили его жену, а через нее его, переселиться в Хатажукай, где ему обещали безопасность и жизнь. Но, к сожалению, нет здесь на скамье подсудимых, тех, которые заманили его в сетку. Вот и скрыли, вот и спасли.

Картина убийства т. Шовгенова психически нормального человека равнодушным не оставит. Прапорщик Тыков толкает т. Шовгенова в толпу озверевших всадников. Шовгенова бьют плетями, а Тыков, как начальник, кричит: «На куски рубите его». Крестьянская масса протестует против этого, ее разгоняют, бьют плетями и прикладами винтовок. И вот другой палач Бахов по команде Тыкова вынимает пашку и двумя ударами обрубают правую ногу Шовгенова, ногу того человека, который вел весь черкесский народ к свободе, ногу того человека, который был истинным другом трудового крестьянства. Таким образом, Шовгенова убивают, но Тыков и этим не удовлетворился мертвого т. Шовгенова приказывает привязать к хвосту лошади и вытягивает за аул, как собаку.

Может ли быть после этого, гр. судьи, место в обществе таким палачам, как Тыков и Бахов. Я думаю, что пролетарский суд на это ответит: «Да, нет места этим палачам среди трудящегося черкесского народа».

Теперь перехожу ко второму ужасному преступлению, убийству жены Шовгенова - Гошевной. Я спрашиваю Вас, гр. судьи, чем эта женщина им мешала, что ее арестовали, избили, изнасиловали, а за тем зарубили? Разве только тем, что она была женой комиссара? И где же надругались и зарубили ее? В хозяйственной части белой армии. Как это пытаются доказать подсудимые, там, очевидно, вместо капусты для армии заготавливали человеческое мясо, ну а в таком случае это не хозяйственная часть, а место террора, место плахи.

Шовгенову Гошевной арестовывают, приводят «почему-то» в деминскую экономию, в «хозяйственную часть», сажают в подвал и ночью спящую будят, приводят в большой зал дворянского дома, освещенный тремя лампами, раздевают наголо, бросают на пол, секут плетью до полусмерти и затем приводят арестованных несчастных татар, под ударами плетей заставляют их раздеваться, обнаженных бьют плетью, бросают на истерзанную, измученную женщину, для совершения гнусного полового акта, затем всех таким образом поруганных ведут обратно в подвал. Несколько всадников экономии отрываются от «хозяйства» и гонят арестованных в степь и там расстреливают их. А несчастную Гошевную Шовгенову предварительно отделивают от других и уделяют особое внимание: подъезжает всадник, приказывает раздеться и со словами: «Да здравствует комиссарка», рубит ее на куски, а татар расстреливают из винтовок.

Граждане судьи! Нам не нужно много свидетелей, чтобы убедиться, что это гнусное преступление совершили: Тыков, Жемадуков и Шугуров. Об этом говорит Нарбеков Хасан - очевидец событий, случайно спасшийся от расстрела, носящий до сих пор у себя в животе пулю контрреволюции, ранившую его тогда, но не убившую.

Граждане судьи! Я спрашиваю, разве недостаточно одного того показания, если не принимать даже во внимание показания свидетелей для того, чтобы пролетарский суд с чистой душой мог сказать: «Да, они виновники в издевательствах над Гошевной Шовгеновой». Разве они не заслуживают перед пролетарским судом должной кары за это? Я надеюсь и не сомневаюсь в том, что они понесут за это должное.

И вот еще типичный палач, подсудимый Нагороков. На его совести лежит убийство заключенных белыми в Джерокаевском carcere сорока несчастных татар, иногородних и русских крестьян, среди которых были старики, старухи и даже дети. Ему мало было, что они были расстреляны, он дорубливал их еще шашкой. Видите ли, граждане судьи, ему не хотелось оставлять в живых жертв белого террора, ожидавших с минуты на минуту красных избавителей. В лице убиваемых он не хотел оставлять резерва Красной Армии. Какой ужас, граждане судьи! Сорок человек полуубитых в одной маленькой комнатухе. И этот палач с шашкой в руках дорубливает полумертвых. Этот ужас не только не в состоянии совершить обыкновенный человек, но и трудно представить себе. Но палачу это, вероятно, не впервые, и он с легкой душой совершает его.

И вот свидетельница обвинения - 80-ти летняя старуха, спасаясь из этого ада, когда около нее расстреливаемые крестьяне, как снопы валились друг на друга. Рукой своей указывает на этого палача-кровавщика, говорит: «Этот самый человек рубил и дорубливал». Это говорит старуха, стоящая одной ногой в могиле. Сделав свое подлое дело, Нагороков сел на лошадь и спасается в беженцах. Разве недостаточно доказано, что Нагороков самый настоящий палач? Я думаю, достаточно.

И вот еще тип старого службиста-урядника, а затем прапорщика, подсудимого Шугурова, первого доверенного султана. Он никогда и никого из большевиков «не жалеет» убивать, он только их порет плетью для «их же собственного спасения», чтобы не отправить их в «хозяйственную часть» экономии Демина, где их непременно расстреляют. Однако, «спасительная порка» не спасает большевиков от смертных приговоров военно-полевого суда, где Шугуров свой человек и где он выступает обвинителем и поддерживает приговор большевикам.

Как видно, граждане судьи, это тоже палач, более «мягкий», более умелый. То, что он занимался поркой многих сотен большевиков и мирных крестьян, доказывается множественным количеством свидетелей обвинения. Я думаю, что пролетарский суд отнесет и его к категории Тыкова и Жемадукова.

Затем идет ученик этих палачей - Тах Потоков. Он идет к Бакиевой, жене иногороднего казанского татарина, от нее требует 200 рублей денег со словами: «Если не дадите, я вашего мужа арестую и расстреляю». Эта бедная женщина отдает ему 200 рублей, чтобы он не арестовал ее мужа. Но Потоков деньги взял и мужа все-таки арестовал и его убивает. Спустя некоторое время снова приходит Потоков к вдове Бакиевой и для нужд белой армии он забирает у несчастной вдовы юбки, платки, носки. Женщина плачет, кричит, просит вернуть ей вещи, а он ей: «Иди домой, а то живой не уйдешь». Вторая категория палачей - все остальные: Хакунов, Ашхамафов, Хуажев, грабившие бедных женщин, вдов красноармейцев, имущество беженцев, имеют общую оценку: они - будущие палачи наподобие Тыкова и других и должны понести наказание, как контрреволюционеры и как проводники белого террора. Поэтому я в части наказания и квалификации преступления полностью присоединяюсь к мнению государственного обвинителя и говорю: «Долой настоящих и будущих палачей трудящегося народа».

Пусть трудовое черкесское крестьянство, освобожденное русским пролетариатом от векового рабства и эксплуатации ханов, орков, князей и русского империализма, еще раз убедится в том, как зорко следит и стоит в защиту завоевания Октября пролетарский, рабоче-крестьянский суд.

Очистите же путь трудовому народу Адыгеи от засоряющих и мешающих ему строить свое благополучие, свою Автономную область, свою культуру и свою жизнь!

ПРИГОВОР

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 19 января 1926 года выездная сессия Адыгблсуда по уголовному отделению в открытом судебном заседании в следующем составе: Председательствующего Лутцева С., членов - нарзаседателей Чамокова Г. и Гунатокова Х., в присутствии Прокурора гр. Белова и общественного обвинителя гр. Цей Дауда, при секретарях Заплатине и Бокатой слушала Дело № 45 по обвинению граждан Тыкова Едыга Лафовича 75 лет, офицера белой армии, из крестьян черкесов, одинокого, беспартийного, ранее не судимого, грамотного, происходящего из граждан аула Ульского, Хакуринохабльского района Адыгейской области; Шугурова Аскарбия Урусбиевича, 48 лет, офицера из урядников, семейного, грамотного, беспартийного, ранее не судимого, происходящего из граждан черкесов крестьян из аула Хатажукай, Хакуринохабльского района Адыгейской области; Жемадукова Магомчерия Пшекуевича, 46 лет, семейного, грамотного, беспартийного, ранее не судимого, середняка, служившего до 1917 года в течение нескольких лет старшиной аула Хакуринохабль, на месте своего рождения, Адыгейской области в преступлении, предусмотренном 64 ст. УК; Хоретлева Безрука Зафесовича, 65 лет, семейного, беспартийного, ранее не судимого, крестьянина-хлебороба; Лоова Каспота Нагоевича, 40 лет, малограмотного, семейного, ранее не судимого, беспартийного, крестьянина-хлебороба; Хоретлева Салеха Завкожевича, 29 лет, семейного, беспартийного, ранее не судимого, малограмотного, происходящего из граждан аула Хакуринохабль, Адыгейской области в преступлении, предусмотренном 16 и 64 ст. УК; Бахова Юнуса Мацуовича, 44 лет, семейного, ранее не судимого, беспартийного, из крестьян, малограмотного, происходящего из аула Джамбечи, Преображенского района, Адыгейской области в преступлении, предусмотренном 16, 64 и 68 ст. УК; Потокова Таха Магомчериевича, 46 лет, семейного, малограмотного, беспартийного, ранее не судимого, из крестьян-хлеборобов; Тхаганова Юсуфа Едыговича, 56 лет, семейного, неграмотного, беспартийного, ранее не судимого, из крестьян-хлеборобов Ашхамафова Мерзана Якубовича, 40 лет, кузнеца по профессии, малограмотного, семейного, беспартийного, ранее не судимого, из крестьян; Хакунова Сафербия Алиевича, 46 лет, семейного, беспартийного, малограмотного, ранее не судимого, из крестьян-хлеборобов, Алиева Хасана Хацуковича, 30 лет, холостого, малограмотного, беспартийного, ранее не судимого, из крестьян-хлеборобов, происходящих из граждан аула Мамхег, Хакуринохабльского района, Адыгейской области в преступлениях, предусмотренных 16 и 64 ст. УК; и всех остальных в преступлениях, предусмотренных 68 ст. УК. Хуажева Пиюка Хасановича, 48 лет, семейного, из крестьян-хлеборобов, малограмотного, ранее не судимого, беспартийного; Беречетова Нануха Харуновича, 42 лет, семейного, грамотного, из крестьян-хлеборобов, беспартийного, ранее не судимого, происходящих из граждан аула Хатажукай, Хакуринохабльского района, Адыгейской области в преступлении, предусмотренном 64 ст. УК.

Суд в порядке 319 ст. УПК считает установленным: 1) в августе месяце 1918 года, когда Майкопский отдел, бывшей Кубано-Черноморской области, был занят белогвардейскими войсками, в ауле Хакуринохабле, ныне Адыгейской (Черкесской) Автономной области, со своей женой у родственницы гр. Дагужиевой скрывался от репрессий белых властей, совершенно случайно не успевший эвакуироваться с войсками Красной Армии, комиссар по горским делам при Центральном Исполнительном Комитете, тогда бывшей Северо-Кавказской Республики тов. Шовгенов Мос.

Помещик - житель аула Хатажукай Тембот Шовгенов и князь-дворянин, родственник его, житель аула Хатажукай, Тлегуроков, впоследствии оба, как заклятые враги Рабоче-Крестьянской Советской власти, бежавшие за границу от войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии, зная, что Мос Шовгенов представляет из себя выдающегося революционера-большевика, с вполне оформившимися убеждениями, обладающего бесспорными ораторскими способностями и имеющего огромное влияние на черкесские трудящиеся массы, находится в ауле Хакуринохабле, и опасаясь, что в случае, если Мос Шовгенов останется живым, то он помещичье-султанскому строю может нанести огромный ущерб, почему они и решили его во чтобы-то ни стало уничтожить. Под видом оказания дружеской услуги, они вместе явились к нему и стали его убеждать в необходимости оставления им аула Хакуринохабль и переселиться на жительство в аул Хатажукай, где ему будет лучше жить и он будет в безопасности. Они ему гарантировали жизнь и в том случае, если бы он был даже обнаружен белыми властями, так как за него будут стоять жители всего аула, в чем они ручаются. Потомок крепостных горцев - бедняк Мос Шовгенов сразу не поверил приехавшим к нему с дружескими услугами, несмотря на их убеждения и гарантии вполне основательно, считая их по социальному положению своими врагами, а потому послал с ними только свою жену Гошевной Шовгенову, которая через малое время вернулась в аул Хакуринохабль и упросила его переехать в аул Хатажукай к Темботу Шовгенову.

В ауле Хатажукае Мос Шовгенов прожил немного. Вскоре туда прибыл проходивший в аул Хакуринохабль черкесский полк под командованием полковника Шестакова. Князя Тлегуроков и Болотоков, Султан Забит-Гирей, Тембот Шовгенов и другие, следствием неустановленные контрреволюционеры, вместе с полковником Шестаковым устроили специальное совещание по вопросу об аресте Шовгенова. Из уходившего в аул Хакуринохабль полка был выделен взвод, который затем рано утром, окружив дом, где находился Шовгенов и выполнив решение совещания, арестовал Шовгенова, застигнув его врасплох.

Маскируя свое предательство перед черкесским трудовым народом, Тембот Шовгенов, якобы для спасения жизни арестованного тов. Шовгенова, направляемого в аул Хакуринохабль в штаб полка, попросил

почетного старика Хаджу Шумгохова вместе с ним сопровождать Шовгенова и на тачанке, в сопровождении взвода доставил арестованного тов. Шовгенова в аул Хакуринохабль к зданию правления, где находился штаб только что прибывшего полка. В это время на крыльце здания правления стоял полковник Шестаков и когда тов. Шовгенов, следуя за Темботом Шовгеновым, поднимался по ступенькам крыльца, Шестаков спросил у Тембота: «Кто комиссар Шовгенов?» И, узнав от Тембота, Шестаков сразу ударил тов. Шовгенова кулаком, от такового удара тов. Шовгенов упал по ступенькам вниз. Около здания правления стояла большая толпа жителей и всадников белогвардейцев, приспешников князей и султанов и последние, т. е. всадники, кто чем стали избивать Шовгенова. Все-таки избитому тов. Шовгенову удалось подняться на ноги и он просил предоставить ему возможность сказать несколько слов, но полковник Шестаков второй раз ударил его кулаком и от этого удара тов. Шовгенов упал на мостовую, ударившись грудью, и больше уже не встал. В этот момент корнет, подсудимый Тыков, как начальник, крикнул всадникам: «бейте его», а потом добавил: «рубите его». Тогда Хачемизов Хапакеш, произведенный в офицеры за активную террористическую деятельность против большевиков и бежавший за границу, выстрелил из винтовки в упор в тов. Шовгенова, а подсудимый Бахов несколькими ударами шашки отрубил Шовгенову ногу, и даже тогда, когда тов. Шовгенов лежал мертвым, подсудимый Бахов с остервенением бил его плетью.

В момент зверской расправы над тов. Шовгеновым Хаджи Шумгохов и гражданин Непшекуев пытались спасти жизнь тов. Шовгенова, уговаривая Султана Забита-Гирея приостановить над ним казнь, но Султан не только не обратил на их просьбы никакого внимания, но напротив восстановил против них озверевших белогвардейских всадников, избивших за это Непшекуева, выбив ему глаз, а Шумгохову, как почетному старику-Хаджи, удалось избежать побоев и его лишь заключили под стражу.

Тело зверски замученного тов. Шовгенова, по распоряжению Султана Забит-Гирея, полковника Шестакова и при активном участии подсудимого Тыкова, было за тем привязано к хвосту лошади, вытащено за аул и там брошено. Изложенное преступное деяние суд считает предусмотренной 64 ст. УК, и в совершении такового, подсудимых Тыкова и Бахова виновными.

2) Вскоре после убийства т. Шовгенова, черкесский конный полк, в котором много было также и казачков из станиц Дондуковской и Курганной, а также и аула Кошехабль, занял позицию против наступающих войск Красной Армии. Для снабжения полка фуражом и продуктами и главным образом для обеспечения своего тыла от возможных выступлений со стороны сочувствующего большевизму иногороднего населения, аулов, сел и хуторов полковником Шестаковым и Султаном Забит-Гиреем был создан так называемый «штаб тыла», который остановился квартировать в экономии бывшего помещика Демина в 20 верстах от позиции полка. Начальником этого штаба был назначен корнет - подсудимый Тыков. По характеру деятельности этого штаба суд считает его, по данным судебного процесса и предварительного следствия, штабом проведения террора против крестьян и рабочих, сочувствующих Советской власти, так как там производились истязания и расстрелы направляемых туда партиями арестованных крестьян и рабочих со всех сел, аулов и хуторов бывшего Фарсского округа Адыгейской области.

3) Спустя несколько дней после казни Шовгенова, на квартире его родственника в ауле Хакуринохабле у Аутлева Мурзабеча старшина Ешугаов, бежавший за границу, и его помощник подсудимый Потоков Тах, арестовали скрывающуюся жену тов. Шовгенова - Гошевной Шовгенову и вместе с другими арестованными отправили в штаб тыла, находившегося в экономии Демина, где ее полковник Шестаков и Султан Забит-Гирей, под судимые Тыков и Жемадуков и некий офицер Николенко ночью стали допрашивать. Во время допроса ее избивали, а затем приказали раздеться догола и изнасиловали, оставив Шовгенову избитую, находящуюся в полуживом состоянии, лежащей на полу. Не удовлетворившись этим, подсудимыми Тыковым, Жемадуковым, их начальником Султаном и полковником были вызваны заключенные в подвале экономии иногородние жители - татары Бакиев, Нарбеков, Хабибулин, Асманов и Азизов, которым подсудимый Тыков и Жемадуков приказали совершить с Шовгеновой половой акт, и когда они отказались это сделать, то их, подсудимых, избили плетью. На вторую ночь всех перечисленных арестованных, а также и Шовгенову Тыков и Жемадуков приказали всадникам вывести ночью из экономии и расстрелять. Арестованные, вызванные для изнасилования Шовгеновой, были расстреляны около Хатажукаевской дачи, там же арестованная Шовгенова была выделена из группы татар и один из всадников со словами «Да здравствует комиссарка!» зарубил шашкой, но Нарбеков Хасан - свидетель на суде, был ранен пулей и двумя шашечными ударами и остался живым, а ночью до рассвета ушел с места казни. Это преступление подсудимых Тыкова и Жемадукова суд считает предусмотренным ст. 64 УК и в совершении такового подсудимых Жемадукова и Тыкова считает виновными.

4) В августе же месяце 1918 года, за день до отступления белых войск из аулов Хачемзий, Джерокай и Егерухай, по распоряжению, судя по обстоятельствам дела, военных белых властей конного черкесского полка и штаба тыла (точно этого следствием установить не представилось возможным), были арестованы иногородние жители в аулах Хачемзий и Джерокай, а также и жители окружающих аулов, хуторов и главным образом казанцы татары в числе 40-48 человек, как подозреваемые в большевизме.

В числе этих арестованных были старики, старухи и дети. Все арестованные были заключены в карцер в ауле Джерокай. В это время Красная Армия усиленно и настойчиво наступала на Джерокай, и под ее напором

с часу на час белые должны были очистить этот район. Считаясь с неизбежным положением, джерокаевские контрреволюционеры, руководящие штабом тыла и командованием черкесского полка, решили до прихода Красной Армии расправиться с беззащитными арестованными крестьянами, чтобы эти жертвы белого террора не остались в живых. В это время, когда белогвардейцы в беспорядке стали отступать, подсудимый Нагороков с двумя черкесами, фамилии коих следствием не установлены, открыв дверь помещения, переполненного заключенными, ворвались и открыли стрельбу в упор по толпе арестованных, которые стали падать мертвыми на пол друг на друга, причем раненых подсудимый Нагороков вместе с двумя, следствием не установленными черкесами, начал дорубливать шашкой. Так погибли почти все находившиеся в карцере в числе 40-48 человек за исключением оставшихся в живых - свидетелей на суде гр. Бабичевой, Байбекова, выскочивших из помещения, Медведовых Марии и Евдокии и Муставина Хантимира, так последние трое были завалены трупами убитых, из под которых они были извлечены красноармейцами, вступившими в аул тотчас же почти за учинением этого гнусного зверства над мирными гражданами. Изложенное преступное деяние суд считает предусмотренным 64 ст. УК и в совершении такового подсудимого Нагорокова виновным.

5) В то же время в районе Хатажукаевской волости, равно как и в Хакуринохабльском и Джерокаевском районах производились массовые репрессии со стороны белых властей по отношению к иногороднему крестьянскому населению, сочувствующему Советской власти и выдвинувшему с самого начала Октябрьской революции массу добровольцев в Красную Армию. Руководство этими репрессиями исходило из штаба тыла, возглавляемого подсудимым Тыковым и руководимого Султаном Забит-Гиреем и полковником Шестаковым.

В то время старшиной Хатажукаевской волости состоял подсудимый Шугуров, который и производил массовые аресты лиц не только сочувствующих большевизму и бывших деятелей Советской власти, но и мирных жителей, подозреваемых в сочувствии Советской власти. Им арестовывались старики, женщины, подростки. Арестованных Шугуров систематически чуть ли не ежедневно допрашивал и во время допроса истязал, избивая их плетьюми, причем избияния производились по свежим еще не зажившим ранам от побоев плетьюми. От этих экзекуций многие из арестованных были изуечены и до сих пор не восстановили правильного функционирования поврежденных органов. За время своей контрреволюционной деятельности в районе действий его власти Шугуров произвел аресты и обыски на квартирах бывшего заместителя председателя Революционного Военного Комитета Хатажукаевской волости Байбекова Мухтара, бывшего комиссара продовольствия Забитова Абжамина и бывшего военного комиссара Быкова Егора и лично произвел следствие об их деятельности, во время которого они несколько раз и в его присутствии избивались плетьюми. Следственный материал о Быкове и Забитове вместе со своим заключением о них, как об ярых большевиках и первых защитниках Советской власти подсудимый Шугуров направил в Чрезвычайный военный полевой суд, на заседаниях которого при рассмотрении дела о них он лично поддерживал обвинение их в большевизме, и они были приговорены: Быков к смертной казни через повешение, а Забитов к 4 годам тюремного заключения, при отбытии наказания он умер в Майкопской тюрьме, а повешение Быкова было заменено 4-летними каторжными работами, из коих он отбыл 2 года и был освобожден из тюрьмы Красной Армией в 1920 году. Замена приговора о повешении Быкова произведена вопреки намерению подсудимого Шугурова, и он при запросе мнения общества по жалобе Быкова на приговор, внес этот вопрос на обсуждение аульского Совета и настоял на необходимости просьбы о применении к Быкову смертной казни.

В этот же период времени подсудимый Шугуров арестовал граждан хутора Дорошенко Чайковского Андрея, аула Хатажукай Забитова Абдула, мальчика, сына комиссара продовольствия Забитова, хутора Абазова Кошехабльской волости Берченко Сергея, Саванова Филиппа, Цобульникова Алексея, хутора Задунайского Панаилова Ивана, Колосова Николая, Скорикова Ивана и в ауле Хатажукай, бежавшего от белого террора из аула Джерокай Имманкулова. Всех этих граждан подсудимый Шугуров заключил под стражу, производил допросы, подвергая во время допросов избияниям плетьюми в своем присутствии или сам лично, причем на Берченко 4 раза наставлял револьвер и кинжал, угрожая лишить жизни, а Скорикову было нанесено Шугуровым около 50-ти ударов плетьюми.

Производя следствие о Забитове Абдуле и Чайковском Андрее, подсудимый Шугуров предал их суду Чрезвычайного военного полевого суда, причем Забитов был приговорен к одному году тюремного заключения, а Чайковский не был отправлен в суд лишь вследствие заболевания тифом. На суде, как и на следствии, несмотря на несовершеннолетний возраст Абдулы Забитова, под судимый Шугуров лично поддерживал обвинение против него как сына комиссара продовольствия и как ярого большевика.

Тогда же в станице Пензенской начальником гарнизона был арестован гражданин Андрюков Алексей, как подозреваемый в большевизме и отправлен был в распоряжение старшины аула Хатажукай подсудимого Шугурова. Около правления аула Шугуров, увидев Отрикова со словами «ага, скрывался, а теперь не уйдешь», и угрожая револьвером и шашкой со словами «вот твои последние моменты, больше возиться с тобой не будем», отдал распоряжение избить Отрикова и заключить под стражу.

Освободившегося затем, по ходатайству граждан хутора Задунайского, Шугуров в бытность свою на этом хуторе с отрядом, увидев на сходе гражданина Отрикова, с площадной бранью, прогнал его со схода и вторично потом заключил его под стражу, угрожая лишить его жизни. Однако по просьбе граждан хутора

освободил Отрикова из-под стражи и распорядился обыскать его квартиру, где забрал много одежды и вещей домашнего обихода, которые впоследствии не возвратил. Вообще, Шугуров производил многочисленные конфискации имущества у граждан, сочувствующих большевизму. В это же время подсудимым Шугуровым было арестовано около 100 человек, которым также наносились удары плетью. Свою жестокую порку, носящую характер истязаний, подсудимый Шугуров объясняет, с одной стороны, как метод избежания подозрения его начальством в сочувствии его большевизму и, с другой стороны, своим сочувствием лицам, им избиваемым и тем идеям, за которые они им истязались, дабы избежать отправления их в штаб тыла в экономию Демина, откуда они, по его твердому убеждению, не возвратились бы живыми, так как часто направляемые арестованные через Хатажукаевскую волость из других населенных пунктов там казнились, и к нему, как к старшине, неоднократно поступали распоряжения из этого штаба тыла о немедленном направлении в штаб всех находящихся под стражей в ауле Хатажукай. Тем не менее, подсудимый Шугуров во время своей деятельности разъезжал по хуторам своей волости и там, выступая на сельских, крестьянских сходках, убеждал население в необходимости признания власти буржуазии, так как она является в существе своем единственной, способной восстановить жизнь, и что теперь пора забыть о большевиках, так как они скоро прекратят свое существование. Кроме того Шугуров проявил настойчивую активность при вербовке добровольцев в белую армию. За все это усердие войсковым атаманом Кубанско-Черноморского казачьего войска генералом Филимоновым публично в ауле Хакуринохабль он был произведен в чин офицера-прапорщика милиции. Изложенные преступные контрреволюционные деяния Шугурова суд считает предусмотренными 64 ст. УК и в совершении их подсудимого Шугурова виновным.

6) Тогда же, т. е. когда штаб тыла черкесского полка находился в экономии Демина, подсудимый Тыков с несколькими всадниками явился к гражданину аула Джерокай Суханкулову Абдурахману и, угрожая ему обнаженной шашкой лишить его жизни, потребовал от него деньги, распорядился конфисковать его имущество. Видя тяжелое положение, Суханкулов отдал подсудимому Тыкову последние, имеющиеся в доме деньги в сумме 400 руб. Избить Суханкулова, благодаря вмешательству старшины аула Джерокай Унокова, Тыкову не удалось. Он забрал со двора двух лошадей, посуду, перину и много других вещей домашнего обихода и все увез с собой, в штаб тыла. Это деяние подсудимого Тыкова, в совокупности с его контрреволюционной деятельностью, суд считает предусмотренным 64 ст. УК и в совершении такового его виновным.

7) Во время нахождения в ауле Хакуринохабль черкесского полка, с командованием во главе с Шестаковым в доме подсудимого Жемадукова была учреждена штаб-квартира полка, руководящая искоренением большевизма в ауле и его окрестностях. Местная аульская власть во главе со старшиной Ешугаевым при участии подсудимого Жемадукова, используя авторитет военной обстановки, созданной прибытием полка, с несомненного согласия полковника Шестакова, Султан Забит-Гирея, произвела арест всех числящихся на учете крестьян в сочувствии большевизму. Арестованные во дворе подсудимого Жемадукова допрашивались и после допросов каждому давалось заключение о политической окраске и лояльности к белогвардейскому строю. После этого, в зависимости от этих характеристик, налагалось наказание путем избия плетью, носившего характер истязаний. Таким образом были избиты граждане: Правдунов, Байбеков, Бокеев, Нарбеков Хасан, Коротин и много других граждан, причем Правдунов при попытке к бегству был убит там же, во дворе у Жемадукова. От заключения Жемадукова и Ешугаева зависела судьба каждого арестованного крестьянина. Сам Жемадуков на суде заявил, что был в самых близких отношениях с полковником Шестаковым и от него часто зависело освобождение из-под стражи арестованных и дача гарантий арестованным, подозреваемым в большевизме, в полной их неприкосновенности. Считая Жемадукова соучастником в организации экзекуций и моральным вдохновителем последствий ее, носивший характер истязаний, суд считает его в этом виновным и преступное деяние это считает предусмотренным 64 ст. УК.

8) Подсудимый Хоретлев Салех, всадник черкесского полка, принимал активное участие в истязаниях во дворе подсудимого Жемадукова по собственной инициативе. Он давал характеристики арестованным, избивал арестованных по очереди, а затем свою роль передавал под угрозами лишить жизни уже избитым, кои должны были бить своих же товарищей. Это деяние подсудимого Хоретлева суд считает в порядке 16 ст. УК, преступлением, предусмотренным 64 ст. УК и в совершении такового его виновным.

9) В то время, когда в районе аулов Хакуринохабль, Джерокай, Егерухай и Хачемзий, как в прифронтовой полосе, белые власти производили террор над крестьянами, сочувствующими Советской власти, жители вынуждены были бросать свое хозяйство и бежать куда попало, лишь бы спасти свою жизнь. Подсудимые Хакунов Хасан и Сафербий, Ашхамафов Мерзан, пользуясь этим случаем и имея стремление к легкой наживе, при несомненном сочувствии белых властей, занялись разграблением брошенного имущества. Персонально каждый из них совершил следующие ограбления: Хакуновы Сафербий и Хасан явились во двор к гражданину хутора Дачева Ефремову, взломали замок на сундуке и ограбили, унесли шубы, одеяла, женскую нательную одежду и много других вещей. Кроме того, подсудимый Сафербий Хакунов, таким же образом, на хуторе Дачева, угрожая Рашупко Фоме, забрал одну лошадь и присвоил себе. Подсудимый Ашхамафов Мерзан явился на тот же хутор, во двор граждан Рашупко и Ефремова и забрал около 200 пудов пшеницы, которую и обратил в свою личную пользу. Эти преступные деяния подсудимых Хакуновых Хасана и Сафербия, Ашхамафова Мерзана, суд квалифицирует по 182 ст. УК и в совершении таковых считает их виновными.

10) Тогда же и при такой обстановке, подсудимый Тах Потоков ночью явился на квартиру гражданина аула Хакуринохабль к Бакиеву Марзы и потребовал от его жены деньги, объяснив, что если даст деньги, то ее муж Марзы Бакиев арестован не будет, хотя он, как подозреваемый в большевизме, подлежит этому. Бакиева, зная происходившие тогда расстрелы и истязания, отдала Потокову последние 200 рублей, но через некоторое время подсудимый Потоков снова явился к Бакиевым вместе со старшиной аула Ешугаовым, произвел обыск в квартире и арестовал Марзы Бакиева, который затем был направлен в штаб тыла, в экономию Демина и там расстрелян.

При обыске Потоков забрал много вещей домашнего обихода и одежду, часть из коих вернул потом Бакиевой, а часть присвоил в свое пользование. Кроме того, подсудимый Потоков Тах вместе с другим горцем, следствием не обнаруженным, в ауле Мамхег явился во двор гражданина Наха Дачева, у которого был рогатый скот... ..просмотре убежавших от белого террора граждан Рошупко, Крылова и Кандыкова имелось одиннадцать голов скота и зная, что этот скот принадлежит именно им, Потоков забрал пять штук скота и угнал к себе. Эти преступления подсудимого Потокова в их совокупности. суд считает предусмотренными 64 ст. УК и в совершении таковых его виновным.

Суд также считает вполне установленным, что подсудимый Бахов Юнус, будучи всадником черкесского полка вместе с другим всадником, следствием не обнаруженным, вооруженные, под угрозами забрали со двора гражданина хутора Гавриловского, Майкопского отдела Ивана Максимова, посадили его на тачанку и увезли неизвестно куда. В совершении этого преступления суд считает Бахова виновным. Обвинения, предъявленные подсудимым Тхаганову Юсуфу, Хуажеву Пиюку, Беречетову Нануху и Лоову Каспоту, суд считает недоказанными в достаточной степени, почему не находит для себя возможным в совершении их считать виновными, а потому и определяет: всех их по суду считать оправданными. Обвинение, предъявленное к подсудимым Хоретлеву, Безруку и Жемадукову Магомчери, последнему в части, касающейся пользования имуществом гражданки Хабибулиной, конфискованного им во время белого террора, на суде не доказано и суд считает их по суду оправданными.

Руководствуясь же 64, 9, 26 и 25 ст. УК и своим пролетарским правосознанием, суд приговорил: Аш-хамафова Мерзана Якубовича, Хакунова Сафербия Алиевича и Хакунова Хасана Хацуковича к трем годам лишения свободы каждого, без поражений в правах, предусмотренным 40 ст. УК, но принимая во внимание амнистии ВЦИК в ознаменование годовщины Великой Октябрьской Революции, суд находит необходимым применить к ним таковые и от наказания освободить. Гражданина Хоретлева Салеха Завкожевича к пяти годам лишения свободы, со строгой изоляцией и с конфискацией всего его имущества, поразив его в правах, предусмотренных 40 ст. УК на три года, но принимая во внимание его службу в рядах Красной Армии, хотя и небольшой срок, суд находит возможным наказание ему сократить в части лишения свободы до 3-х лет. Потокова Таха Магомчериевича к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества, поразив его в правах по 40 ст. УК сроком на пять лет. Наказание Потокову в пять лет лишения свободы суд определяет по совокупности совершенных им преступлений.

Шугурова Аскарбия Урусбиевича, Жемадукова Магомчери Пшекуевича. Тыкова Едыга Лафифовича, Бахова Юнуса Мацуовича и Нагорокова Хапата Пшекотлевича по совокупности совершенных ими преступлений к высшей мере наказания - расстрелу, но принимая во внимание, что пролетарское правосудие не может руководствоваться иными принципами, кроме как принципами охраны завоеваний Октябрьской Революции, хотя Шугуров, Жемадуков, Тыков, Бахов и Нагороков заслуживают их физического уничтожения, суд все же не ходит возможным высшую меру наказания для всех них, заменить лишением свободы со строгой изоляцией сроком на десять лет каждого и с конфискацией всего имущества, поразив их всех в правах по 40 ст. УК, сроком на пять лет каждого. Кроме того, суд находит целесообразным и необходимым подсудимых Тыкова, Бахова и Нагорокова по отбытии ими срока наказания выселить из пределов Адыгейской области сроком на три года каждого.

Меру пресечения для всех осужденных впредь до вступления приговора в законную силу оставить прежнюю, т. е. содержание под стражей. Вещественные доказательства по делу: череп человека и другие уничтожить, составив об этом акт. Срок кассационного обжалования 72 часа, который подсудимым, разъяснен.

Председательствующий Лутцев.

Члены: Чамоков и Гунажоков.

Научное издание
Асхад Хазретович Шеуджен

Том II

АДЫГИ

Подписано в печать 11.07.2022 г. Бумага офсетная. Формат бумаги 60х84/8. Способ печати офсетный.
Усл. печ. л. 100,9. Заказ № 0111. Тираж 1000.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Полиграф-Юг».
г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.,
Телефон для справок 8(8772)52-23-92. E-mail: guripp2@yandex.ru

*Плох тот народ, который не ценит
и не любит своей истории.
В.М. Васнецов*

ШЕУДЖЕН Асхад Хазретович – академик Российской академии наук, доктор биологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Республики Адыгея и Кубани, заслуженный работник сельскохозяйственного производства Республики Адыгея, лауреат премии имени Д.Н. Прянишникова Российской Федерации, Государственной премии Республики Адыгея и премии Администрации Краснодарского края, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный гражданин г. Адыгейска, Тахтамукайского и Теучежского районов Республики Адыгея, Герой труда Кубани.

Окончил Эдепсукайскую среднюю школу № 12 (а. Эдепсукай-І Теучежского района Адыгейской автономной области (1958–1969), Кубанский сельскохозяйственный институт (1972–1977), аспирантуру (очно, 1981–1984) и докторантуру (очно, 1990–1992) при Всероссийском научно-исследовательском институте риса. Кандидатскую (1985) и докторскую (1992) диссертации защитил в Всероссийском научно-исследовательском институте агрохимии имени Д.Н. Прянишникова (г. Москва).

Автор 1400 научных работ и 32 патентов на изобретения; научный руководитель 10 докторских, 40 кандидатских и 35 магистерских диссертаций.

Награжден медалями: За вклад в реализацию государственной политики в области научно-технического развития; Герой труда Кубани; За выдающийся вклад в развитие Кубани І, ІІ и ІІІ степени; Слава Адыгеи; Закон. Долг. Честь; За вклад в развитие города Адыгейска.